

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ СХХІV.

«ИСТОР. ВѢСТН.», АПРѢЛЬ, 1911 Г., Т. СХХІV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХІV.

1911

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1911

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
АПРѢЛЬ, 1911 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

АПРѢЛЬ, 1911 г.

	СТРАН.
I. Кольчевская вотчина. Часть первая. XVIII—XXI. М. Г. Веселковой-Кильштетъ	5
II. Давніе эпизоды. (А. Н. Энгельгардтъ и М. Е. Салтыковъ-Щедринъ). И. А. Энгельгардта иллюстраціа: Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ въ 1861 г.	42
III. Псковеркаинное время. (Повѣсть). И. М. Невѣжина	69
IV. Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой	116
V. Изъ жизни. (Изъ записокъ судьи). С. П. Руднева	132
VI. Взятіе народнаго дома въ Самарѣ. (Изъ воспоминаній о 1905 г.). А. А. Дунина	147
VII. Собака Царя-Освободителя. (Изъ воспоминаній стараго чиновника). И. М. П.	167
VIII. Страничка изъ прошлаго. Н. Н. Несмѣлова	174
IX. Драгомировъ и Скобелевъ. А. А. Сигова	181
X. Мое знакомство съ М. М. Стасюлевичемъ. (Изъ воспоминаній). Н. Пружанскаго	200
XI. Наша слабость на Востокѣ. (По поводу русско-персидской школы въ Тавризѣ). С. И. Игнатъева	205
XII. Къ біографіи малороссійскаго этнографа Н. В. Закревскаго. (1805—1871). Д. И. Эварницкаго иллюстраціа: Николай Васильевичъ Закревскій.	211
XIII. Эпоха мира и успокоенія. (Историческіе очерки). (Продолженіе). В. Глинскаго иллюстраціи: 1) Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. — 2) Графъ Н. П. Игнатьевъ.	218
XIV. Паломничество мусульманъ въ Мекку. (Продолженіе). М. Э. Никольскаго иллюстраціи: 1) Богомольцы на пароходѣ. — 2) Высадка богомольцевъ съ парохода въ Джеддѣ. — 3) Домъ санитарной администраціи и мѣсто высадки богомольцевъ въ Джеддѣ. — 4) Пристань для выгрузки багажа богомольцевъ въ Джеддѣ. — 5) Пристань для высадки богомольцевъ въ Ямбо. — 6) Общій видъ Джедды. — 7) Одна изъ площадей Джедды. — 8) Улица въ Джеддѣ. — 9) Арабскія дѣти. — 10) Негритянки у колодца. — 11) Русское консульство въ Джеддѣ. — 12) Ведунскій шейхъ. — 13) Высадка египетскаго махмеля въ Джеддѣ. — 14) Торжественная процессія съ махмелемъ въ Джеддѣ. — 15) Караванъ въ пустынь.	256
XV. Критика и бібліографія	293
1) Ю. Карцовъ и К. Военскій. Причины войны 1812 г. Спб. 1911. Б. Глинскаго. — 2) К. Военскій. Отечественная война 1812 г. въ запискахъ современниковъ. (Матеріалы военно-ученаго архива). Спб. 1911. в. ж. — 3) Отечественная война 1812 г. Матеріалы военно-ученаго архива генеральнаго штаба, Чернииска русскихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій. Боевыя дѣйствія войскъ. Т. XIV. Спб. 1910. л. н. — 4) Великая реформа 19 февраля 1861 г. Сборникъ статей А. И. Яковлева, В. И. Семевского, В. И. Уланова, В. Е. Чешихина-Вѣтринскаго. 8 репродукцій съ кар-	

(См. слѣд. стран.)

тинъ, рисующихъ крестьянскую жизнь. Москва. 1911. А. н — на. — 5) На зарѣ крестьянской свободы. Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій. Киевъ. 1911. Т. С. — 6) Материалы по краеведенію. Саратовъ. 1911. В. Руданова. — 7) В. Адамовичъ. Сборникъ военно-историческихъ материаловъ д. гв. Кесгольмскаго императора австрійскаго полка. 1910. М. С. — 8) Alexandre Por ff. La question des lieux saints de Jerusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIX siècle St. Petersburg. 1910—1911. — 9) Александръ Поповъ. Вопросъ о святыхъ мѣстахъ Иерусалима по русской дипломатической перепискѣ въ XIX в. Ам. Титова. — 9) М. Лахтинъ. Старинныя памятники медонинской письменности. Записки московскаго археологическаго института. Москва. 1910. В. Клейна. — 10) Протоіерей С. Петровскій. — Н. И. Пироговъ въ Севастополѣ. (Къ 100 лѣтію со дня рожденія). С. Аваляни. — 11) Отчетъ императорской археологической комиссіи за 1907 г. Съ 134 рис. въ текстѣ. Сиб. 1910. А. Мисонова. — 12) Проф. А. А. Бронзовъ. Протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ Воспоминанія. С. б. 1911. С. — 13) Материалы къ исторіи и изученію русскаго сектанства и старообрядчества. Выпускъ четвертый. Новыя Израиль. Спб. 1911. в. Трѣцкаго. — 14) Материалы по исторіи русской картографіи. Вып. II. Карты всей Россіи и западныхъ ея областей до конца XVII в. Киевъ. 1910. 145 таблицъ картъ. — А. М — на. — 15) А. П. Мельниковъ. Къ биографіи П. И. Мельникова. Нижній-Новгородъ. 1911. н. Лид. — 16) М. Морозовъ. Очерки новѣйшей литературы. Сиб. 1911. н. А. — 17) К. И. Арабакинъ. Леонидъ Андреевъ. Источники творчества. Литературно-критическія этюды. Сиб. 1910. А. Фомина. — 18) Н. Я. Абрамовичъ Художники и мыслители. Москва. 1911. н. Л. — 19) С. Р. Минцловъ. Литва. Спб. 1911. А. Фаресова. — 20) Zeitschrift für osteuropäische Geschichte herausgegeben von Th. Schieman. Берлинъ. 1910. А. Б — 21) Акчель Лундбергъ. На смертномъ одрѣ. La Mousse. Романъ изъ личной жизни Генриха Рейне. Спб. М — о. — 22) Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга X. Плацмиръ 1909. В. Руданова. — 23) 1) Rüdiger v. Schoeler, 1821. Der Feldzug in Kurland nach den Tagebüchern und Briefen des J. V. Hartwich. Съ портр. Гартвича. Берлинъ. 1910. 2) Къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны. Враги въ Курляндіи. Митава. М. — 24) Теодоръ Гомперцъ. Греческіе мыслители. Томъ I. Спб. 1911. А. М — на. — 25) Arbeiten des ersten Baltischen Historikertages zu Riga. 1908. Riga. 1909. А. Э. М — на. — 26) Arnold Fehrensen. Livländische Geschichtslitteratur. 1907. Riga. 1910. А. Э. М — на.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 33

1) Вавилонскій богъ Тамузъ. — 2) Генеральша Вонапартъ. — 3) Открытіе французскаго института въ Россіи. — 4) Отосюду.

XVII. Смѣсь. 36

1) Двухстолѣтній юбилей сената. — 2) Историческое общество въ память императора Александра III — 3) Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. — 4) Чествованіе Е. Н. Чирикова. — 5) 60-лѣтіе научно-литературной дѣятельности И. П. Деркачева. — 6) Съездъ по библиотечному дѣлу.

XVIII. Некрологи. 38

1) Августинъ, архимандритъ. — 2) Арутюновъ, С. Х. — 3) Богаевскій, Д. Г. — 4) Вержбиловичъ, А. В. — 5) Главачъ, В. И. — 6) Голицынъ, А. И. — 7) Дукмасовъ, П. Г. — 8) Желтецкій, П. И. — 9) Зубковъ, И. А. — 10) Кожевниковъ, А. И. — 11) Копыловъ, А. А. — 12) Лагуленъ, І. И. — 13) Муркосъ, Г. А. — 14) Овсянниковъ, В. П. — 15) Лебедевъ, И. А. — 16) Соколовъ, Н. И. — 17) Ткачевъ, А. И. — 18) Языковъ, М. Д. — 19) Якимовъ, П. М. — 20) Якубовичъ-Мельшинъ, П. Ф.

XIX. Замѣтки и поправки. 39

1) По поводу статьи Н. Н. Фирсова (А. Рускина). «Русскіе ученые въ Персіи». «Истор. Вѣстн.», т. СХХIII, стр. 658. А. Шт — ра. — 2) Къ статьѣ «Силуэты времени реформъ». «Историч. Вѣстн.», апрѣль 1910. Е. Я. Носсаговской. — 3) Къ статьѣ А. И. Соколова. «Встрѣчи и знакомства». «Истор. Вѣстн.» 1911 г., февраль, стр. 568. Александры Шипиловой.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ А. Н. Энгельгардта. — 2) Флорентинка. Историческій романъ Максима Формона. Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ

въ 1871 г.

КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА¹⁾

ХVIII.

Подъездъ широкій... львы... колонны,
И блѣдный лучъ, скользя въ окно,
Ласкаетъ пышныя роброны
На тѣхъ, кто позабытъ давно,
Но въ чьи улыбки и поклоны
Бывало сердце влюблено.

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

О ПОКА бѣда была еще за горами...
Послѣ отъѣзда Сотовыхъ погода круто перемѣнилась. Началось то осеннее ненастье, которое обрываетъ послѣдніе листья съ кустовъ и деревьевъ, размываетъ дороги и, кажется, самую душу пронизываетъ сыростью и холодомъ. Зося заскучала. Все было устроено, все на мѣстѣ. Бѣлье шилось. Изъ Парижа заказы приходили медленно. Нечего было убирать, не о чемъ хлопотать и заботиться. Къ сосѣдямъ ѣхать не хотѣлось, а въ Карауловку, куда оба собрались бы охотно, было не попасть: сорвало и снесло мостъ и переправы не было: приходилось ждать зимняго пути. А дома книга валилась изъ рукъ, играть не было желанія, и безъ Сашеньки все казалось пусто и скучно!

Услыхавъ впервые это «скучно» отъ своей хлопотушки, какъ звали Колычевъ Зося шутилъ, онъ рѣшилъ ее развлечь и какъ-то,

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХIII, стр. 417.

сидя за ужиномъ и слушая завыванія вѣтра въ каминѣ, спросилъ ее:

— А почему бы намъ не съѣздить въ Москву? Ты тамъ еще не бывала, а въ ней, матушкѣ, есть гдѣ покутить и чѣмъ скуку разогнать. Кстати и брильянты себѣ выберешь.

Зоя съ восторгомъ ухватилась за эту мысль и стала собираться въ дорогу. Василія и Марѳушу прихватили съ собой, а Силантія съ экипажами, лошадьми и Ѳедькой отправили впередъ. Иванъ Николаевичъ съѣздилъ въ городъ и, закрѣпивъ довѣренность на управленіе обоими имѣніями пану Роману, повезъ свою красавицу-жинку знакомиться съ Москвой и возобновлять тѣ родственныя отношенія, которыя непремѣнно связываютъ каждаго русскаго съ сердцемъ матушки-родины.

Быль четвергъ, пріемный день княгини Прѣсной, когда карета молодыхъ Колычевыхъ подкатила къ старому розовому дому съ бѣлыми колоннами, занимавшему со своимъ липовымъ садомъ за высокой рѣшеткой чуть не цѣлую половину квартала. У подъѣзда стояли двѣ пролетки и чья-то карета. Княгиня принимала отъ двухъ до пяти, и все, что пріѣзжало интереснаго и родовитаго изъ Петербурга и деревенской глуши, считало долгомъ поcidѣть въ ея старомодной гостиной, послушать, о чемъ говорятъ и чего ожидаютъ въ ближайшемъ будущемъ.

Когда дежурный официантъ въ желтыхъ штиблетахъ взвѣстилъ у дверей гостиной: «Иванъ Николаевичъ Колычевъ съ супругою!»—княгиня переспросила: «Съ кѣмъ?»

— Съ супругою-съ!—повторилъ погромче лакей.

— Ахъ, Богъ мой!—вырвалось у хозяйки.

Зоя вошла. Сердце ея немножко замирало отъ тревоги,—какъ примутъ ее въ домѣ этой ея новой важной родственницы? но княгиня уже встала и шла навстрѣчу. Зоя граціозно поклонилась. Хозяйка протянула ей правую руку, а лѣвую дала поцѣловать Ивану Николаевичу.

— Вотъ, любезная тетюшка, позвольте представить вамъ мою молодуху—Софью Романовну. Прошу любить и жаловать.

— И буду любить и жаловать,—милостиво отвѣтила княгиня.— Слава Богу, наконецъ-то надумался! Давно пора было перестать куковать по прошлому. Ну, а вкусъ у тебя недуренъ? И откуда это ты такую куколку раздобыль?

Она поцѣловала Зою въ щеку, усадила рядомъ съ собой на огромный диванъ, заваленный вышитыми подушками, и стала знакомить съ гостями.

— Вотъ это,—она указала на старичка во фракѣ съ двумя звѣздами, — врагъ и непріятель мой — Сергѣй Кузьмичъ Пологовъ.

— Помилуйте, княгиня!

— Нечего, нечего! я всегда говорю то, что есть! Это родственникъ мужа—Михаиль Порфирычъ Загрѣбинъ—только что изъ С., а это крестникъ мой проѣздомъ изъ несчастнаго Севастополя, Петя Багуринъ, а это товарищъ его Всеславскій. Ну, теперь всё знакомо, и можно продолжать бесѣду. Итакъ, Сергѣй Кузьмичъ...

— Нѣтъ, ужъ увольте, княгиня! Вы меня такъ отрекомендовали, что я не знаю, о чемъ и говорить.

— Напрасно! напрасно... Вотъ кстати вѣдь и Ваня изъ К. Вы не сосѣди?

— Нѣтъ, мы разныхъ уѣздовъ, и я, тетушка, не изъ К—ой губерніи теперь, а изъ С—ой, изъ Колычева, гдѣ и состоялась наша свадьба.

— Ну, и чудны во истину дѣла Твои, Господи! Сергѣй Кузьмичъ, радуйтесь,—я готова вамъ вѣрить теперь, что міръ начинаетъ перестраиваться. Въ Колычевѣ, гдѣ женщина до сихъ поръ считалась исчадіемъ ада, свадьбы устраиваются!.. Что жъ, это самъ чудакъ, кузень Арсеній, васъ сосваталъ?

— Нѣтъ, дядя умеръ еще въ іюнѣ.

— А... Ну, царство ему небесное!

Княгиня перекрестилась и вдругъ повернулась къ Иваѣ Николаевичу всёмъ корпусомъ.

— Что жъ ты мнѣ ничего о смерти его не написалъ? И никто не потрудился извѣстить меня! М-Ше Аннеттъ!—обратилась она черезъ плечо за отдѣлявшую диванъ отъ двери ширму.

Съ углового кресла поднялась сидѣвшая у окна за пальцами компаньонка.

— Вы не помните, извѣщали меня о свадьбѣ, ахъ! что я!.. о смерти Арсенія Михайловича Колычева? Отъ Александрины Сотовой не было письма?.. Ну да, не было!

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не помню.

— Ахъ, вы никогда ничего не помните!.. Конечно, не было... Да, да! Сергѣй Кузьмичъ еще разъ правъ. Міръ перестраивается. Въ наше время родство помнили, и не женились, не родились и не умирали, не извѣстивъ по крайней мѣрѣ хоть ближайшихъ.

И, спохватившись, что наговорила, пожалуй, лишняго и непріятнаго молодымъ, она снова потрепала Зосю по щекамъ.

— Ну, да Богъ ужъ съ вами! Спасибо, что пріѣхали и показали!.. Такъ какъ же, Сергѣй Кузьмичъ, отъ меня такъ-таки и крестьянъ и землю для нихъ отнимутъ?

— Отнять не отнимутъ, а вы сами ихъ отпустите и землю имъ отведете.

— Ну, а если я не захочу?

— Заставятъ.

— Какъ заставятъ? Да я посмотрю, кто это посмѣетъ меня заставить.

— Начальство... губернаторъ...

— Это надо мною-то губернаторъ начальство? Да какое мнѣ можетъ быть начальство Митя Исправинъ? Да я еще его въ пеленкахъ на рукахъ держала, сама на службу опредѣлила и въ люди вывела! Да я прямо къ Ланскому пойду, да и пожалуюсь, онъ его изъ губернаторовъ и погонитъ.

— Напрасно такъ думаете, княгиня! Графъ Ланской теперь одинъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ реформы и имѣетъ громадное вліяніе на благопріятное разрѣшеніе вопроса объ эмансипаціи крестьянъ.

Сановникъ выговорилъ «н» въ носъ, какъ по-французски.

— Да что это за эмансипація такая! Такъ съ мужиками разнѣжничались, что даже русскихъ словъ для нихъ подобрать не могутъ.

— Эмансипація значитъ, такъ сказать, обращеніе въ самостоятельное состояніе, въ независимость!—вернулъ наконецъ и свое слово Загребинъ.

— Спасибо, мой милый! и мы когда-то тоже по-французски разумѣли. Я понимаю, но какъ же крестьяне станутъ независимыми и самостоятельными? А помѣщики?

— Помѣщики будутъ сами по себѣ, а крестьяне сами по себѣ.

— Что жъ я своихъ крестьянъ, на отнятой отъ меня же землѣ и наказывать не посмѣю?

— Нѣтъ, княгиня.

— Ну, а дворовыхъ?

— Тоже. Да дворовыхъ вѣдь уже не будетъ?

— А кто же мнѣ служить будетъ? Или и меня эмансипировать тоже собираются и приучать къ независимости? Самое стряпать заставлять и бѣлье чинить?

— Слуги будутъ, но не даровые, а на жалованьѣ.

— Такъ, значитъ, и казачку, и дѣвчонкѣ на побѣгушкахъ; всѣмъ плати? Ну, а денегъ для уплаты имъ пожалуютъ?

— Не собираются,—серьезно вымолвилъ Сергѣй Кузьмичъ, и всѣ расхохотались.

— Да вы не смѣйтесь! вамъ, молодежи-то, и горя мало, а я вѣдь одной ногою почти въ гробу стою. Такъ мнѣ эмансипироваться и полы самой мести никакой охоты нѣтъ.

— А какъ же за границей-то?—спросилъ Иванъ Николаевичъ.— Тамъ вся прислуга жалованье получаетъ и нигдѣ крѣпостныхъ нѣтъ.

— Такъ и помѣщиковъ настоящихъ, мой любезный, нѣтъ. Гдѣ ты ихъ тамъ найдешь? Поѣзжай въ Швейцарію. Скотъ на горахъ пасутъ, куда и не залѣзешь, и сыръ тамъ же выдѣлываютъ, а полей и нѣтъ. Хлѣбъ изъ Франціи и Германіи привозятъ, а сами ничего не сѣютъ и только съ палкой въ рукахъ путешественниковъ на водо-

пады и вершины провожаютъ. Какіе же это помѣщики?.. Всюду фермеры и во Франціи тоже фермеры...

— Да, но въ Германіи?

— Ахъ, батюшка, не знаю, какіе тамъ могутъ быть помѣщики. И наконецъ, что нѣмцу здорово, то русскому смерть. Ты бы еще этихъ англичанъ злодѣевъ, да австріяковъ фальшивыхъ намъ въ примѣръ ставилъ.

И, обратившись къ Зосѣ, княгиня стала ее разспрашивать, гдѣ она познакомилась съ мужемъ.

Среди этой пышной штофной гостиной, гдѣ рядомъ съ ней сидѣлъ важный сановникъ, а напротивъ вице-губернаторъ Загребинъ, гдѣ со стѣнъ изъ тяжелыхъ лѣпныхъ рамъ смотрѣли родовитые князья Прѣсные въ своихъ шитыхъ мундирахъ и улыбались ихъ супруги въ высокихъ прическахъ и атласныхъ робронахъ, Зосѣ совѣстно и больно было сознаться, что она лишь дочь управителя. Выручилъ ее мужъ.

— Зося дочь большого пріятеля покойнаго дядюшки, Романа Войцѣховича Юшкевича, который давно ужъ управлялъ Колычевымъ.

— А! такъ вы, душенька, полька?

Зося вспыхнула, но твердо отвѣтила:

— Да!

— А гдѣ вы воспитывались?

Зося назвала пансіонъ подъ Варшавой.

— Пойдите!—остановила княгиня.—M-elle Аннеттъ, какъ звали ту польскую графиню, съ которой мы въ прошломъ году въ Карлсбадѣ сосѣдками были, и у нея тоже, она рассказывала, дочь въ такомъ же монастырѣ воспитывается?

— Графиня Свентицкая, ваше сіятельство.

— Да, Свентицкая? Вы такой не знали?

— Какъ же, — улыбнулась Зося: Элиза Свентицкая и Олеся Запольская мои ближайшія подруги.

Иванъ Николаевичъ приподнялся съ кресла, и Зося стала прощаться.

— По воскресеньямъ я всегда обѣдаю дома, пріѣзжайте! Милости прошу. Да гдѣ вы остановились? Я хлѣбъ-соль тебѣ прислать хочу. Вѣдь все же какъ никакъ теткой довожусь! M-Ше Аннеттъ! запишите адресъ. Такъ пріѣзжайте обѣдать. У меня и музыка бываетъ. Вы любите музыку?—спросила она Зосю.

— Зося сама артистка, — отвѣтилъ за нее мужъ.

— Вотъ и отлично, значить, не соскучится у старухи. Ну, милая моя богоданная племянница, будь здорова.

И она уже совсѣмъ по родственному обняла Зосю и отпустила молодыхъ.

Такой же ласковый пріемъ встрѣчали новожены и въ другихъ домахъ. А когда послѣ обѣда въ воскресенье Зося по желанію

тетушки сыграла ей ея любимый веберовскій «Invitation à la valse» и фильдовскій концертъ, то сразу завоевала симпатіи всего общества, а присутствовавшій Н. Г. Рубинштейнъ поцѣловалъ ей ручку и пожалѣлъ, что не имѣетъ права гордиться ею, какъ своей ученицей.

Лучшіе московскіе дома распахнули свои гостепріимныя двери, и молодая Колычева входила уже безъ трепета въ старинныя гостиныя съ величественными хозяйками на широкихъ диванахъ, окруженныхъ расфранченными, хотя иногда и довольно безвкусно, дамами и визитерами въ мундирахъ и фракахъ. Сановные старики цѣловали ей ручку, дамы любезно улыбались и съ завистью осматривали ея туалеты, которые Зося умѣла носить съ настоящимъ французскимъ шикомъ, а молодые люди щелкали каблуками и не сводили съ нея загоравшихся глазъ. Все въ ней нравилось, и ея французское щебетанье, и легкій акцентъ въ русской рѣчи, и нѣжный голосъ, и фарфоровая красота, и грація, а главное— умѣнье вести разговоръ съ каждымъ, словно чутьемъ угадывая интересную для собесѣдника тему.

И во всѣхъ этихъ гостиныхъ велись оживленные разговоры о реформѣ. Казалось, тамъ мало вѣрили въ близость ея, словно всѣ эти родовитые столбовые дворяне не допускали возможности, чтобы ихъ вѣковыя права, едва сто лѣтъ назадъ подтвержденныя великой государыней, могутъ быть измѣнены и сокращены ея правнукомъ, изрекшимъ про освобожденіе крестьянъ: «лучше, чтобы оно произошло свыше, нежели снизу»...

И было двѣ Москвы: одна, готовая на всякіе подвиги и жертвы, ютившаяся въ студенческихъ каморкахъ и въ квартирахъ нѣсколькихъ профессоровъ, жадно прислушивалась ко всякой свѣжей вѣсти съ устья Невы, горячо мечтала о восстановленіи не только правъ крестьянскихъ, но и человѣческихъ вообще, ловила каждое живое слово и до слезъ увлекалась и зачитывалась стихами Некрасова и «Колоколомъ» Герцена; а другая, вернувшаяся изъ своихъ вотчинъ и помѣстій и расположившаяся на зимовку въ наслѣдственныхъ домахъ съ колоннами и нелѣпыми украшеніями на фронтонахъ, когда рѣчь заходила о надѣлахъ, не прочь была всѣми правдами и неправдами урѣзать ихъ въ свою пользу.

И если въ такомъ домѣ за обѣдомъ поднимался вопросъ объ эмансипаціи, сынъ-студентъ съ юнымъ задоромъ высказывалъ свои пылкія убѣжденія о новой зарѣ, занявшейся надъ родиной, о томъ, что пора наконецъ разложить трудъ на всѣхъ людей въ одинаковой мѣрѣ и начать другую, лучшую жизнь, переставъ высасывать изъ крестьянъ соки, а отецъ стучалъ по столу кулакомъ съ зажатыми въ немъ ножомъ и вилкою и оралъ:

— Вонъ изъ-за стола, щенокъ! Это ты тамъ у своихъ санкюловъ ерунды наслушался! Я выбью этотъ вздоръ изъ твоей глупой башки!

И сынъ выходилъ изъ-за стола, но говорилъ демонстративно «вы» лакеямъ и горничнымъ, ходилъ пѣшкомъ и самъ порывался чистить себѣ платье и сапоги, желая хоть чѣмъ-нибудь доказать, что слово и дѣло у него не врозь идутъ. А отецъ ѣхалъ къ «Яру» и цыганамъ заглушать все громче подымавшуюся въ душѣ тревогу передъ близкою бѣдою, не допуская возможности дальнѣйшей привычной жизни, если дѣйствительно отнять крѣпостныхъ.

И мало находилось въ этихъ гостиныхъ людей, сочувствовавшихъ взглядамъ Колычева на справедливость и назрѣвшую настоятельность реформы и на увеличеніе нормъ крестьянской земли.

Зато Зосинъ успѣхъ возрасталъ съ каждымъ днемъ. Словно празднуня послѣдніе дни барства и безпечной привольной жизни, Москва веселилась, и Колычевы были буквально засыпаны приглашеніями на званые обѣды и вечера съ ужинами и цыганами. Едва появлялась Зося въ ложѣ Большого театра или въ Дворянскомъ собраніи, всѣ бинокли и лорнеты направлялись на нее и кругомъ спрашивали, кто она такая? У нея завелись уже пріятельницы, не чаявшія души въ ней, и м-ме Минангуа едва успѣвала сдавать ей заказы, такъ какъ нарядовъ, привезенныхъ съ собою, не хватало.

18 октября былъ назначенъ первый большой балъ сезона у Подлущкихъ на Лубянкѣ.

Иванъ Николаевичъ экстренно и секретно отъ жены выписалъ ей платье отъ Ворта, и Зося, открывъ картонку, чуть не задушила мужа поцѣлуями отъ восторга. Она съ утра уже кружилась по комнатамъ, предвкушая заранѣе свое появленіе на этомъ балу, о которомъ говорила вся Москва и гдѣ она затмитъ и Зизи Меркулову, и Лили Горскую туалетомъ и новымъ брильянтовымъ фермуаромъ отъ Фаберже.

Знаменитый Шарль особенно постарался и причесалъ Зося самъ, не довѣряя помощникамъ, чего удостоились въ этотъ день немногія изъ его клиентокъ.

Когда она подъ руку съ мужемъ всходила по широкой, устланной краснымъ ковромъ лѣстницѣ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ черезъ каждыя три ступеньки стояли, словно манекены, неподвижные лакеи въ княжеской ливреѣ и пудрѣ, сердце ея билось отъ прилива веселья, и она невольно улыбнулась своему отраженію въ высокомъ во всю стѣну зеркалѣ.

Неужели эта куколка со взбитыми локонами и качавшейся надъ ними сверкающей звѣздой, въ этомъ легкомъ парижскомъ платьѣ съ панье, искусно подколотомъ букетами чайныхъ розъ и фіалокъ, съ многотысячнымъ ожерельемъ на открытой шеѣ, была дѣйствительно та Зося Юшкевичъ, которая еще такъ недавно получала отъ графини Запольской надоѣвшія Олесѣ платья?

А, впрочемъ, это было такъ ужъ давно...

У дверей залы привѣтствовала гостей старуха Подлущкая. Хотя со времени женитьбы Колычева она, имѣя на рукахъ трехъ еще не пристроенныхъ дочерей, вздыхала о непостоянствѣ вдовцовъ «памяти обожаемыхъ покойныхъ женъ», но теперь не удержалась, чтобъ не сказать невѣрному вдовцу, когда тотъ цѣловаль ея пухлую руку.

— Elle est tout-à-fait séduisante votre nouvelle épouse.

Отъ толпы мундировъ и фраговъ отдѣлился блестящій камеръ-юнкеръ. Это былъ Гришенька Карауловъ.

— Привѣтствую новую звѣзду на потускнѣвшемъ небосклонѣ нашей первопрестольней!

И онъ чуть не до земли склонился передъ Зосей.

Та ему обрадовалась, какъ старому знакомому, но Иванъ Николаевичъ улыбнулся немного кисло.

Сдѣлавъ первый туръ съ Гришенькой, Зося не могла уже пристѣсть,—отъ кавалеровъ не было отбою, и Колычевъ, полюбовавшись танцующей женою, ушелъ въ гостиную. Гришенька послѣдовалъ за нимъ.

— Какъ это вы въ Москвѣ?—спросилъ Иванъ Николаевичъ, чтобъ что-нибудь спросить.

Но блестящій молодой человѣкъ словно только и ждалъ этого вопроса. Онъ отвелъ собесѣдника къ окну и пустился въ длинныя разглагольствованія, объясняя, какъ та сановная особа, при которой онъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій, «крайне заинтересованная проведеніемъ и другихъ намѣченныхъ реформъ въ жизнь», взяла его нарочно съ собою въ командировку по Россіи, чтобы воочию убѣдиться въ потребностяхъ общества и «не блуждать въ лѣсу, топчась, въ сущности, на мѣстѣ, какъ дѣлаютъ это нынѣ въ главномъ комитетѣ по крестьянскому вопросу». Гришенька держалъ Колычева за пуговицу фрака и говорилъ нарочно довольно громко. Мало-помалу около нихъ образовалась группа слушателей. Съ важностью передавалъ столичный чиновникъ послѣднія новости о предстоящемъ приѣмѣ императоромъ членовъ редакціонныхъ комиссій, о томъ, какъ государь нашель, что многое придется измѣнить и какъ дѣло теперь еще болѣе запутывается.

— Эти царскія слова явились каждому поводомъ обвинить другого въ непослѣдовательности, такъ что, несмотря на назначеніе великаго князя Константина Николаевича предсѣдателемъ главнаго комитета и на вліяніе великой княгини Елены Павловны и ея партіи, врядъ ли можно ожидать въ близкомъ будущемъ благополучнаго для реформы конца этихъ споровъ и пререканій,—заклучилъ онъ свою рѣчь.

Его слова произвели желанный эффектъ. Многіе оживились.

— Значить, улига ѣдетъ—когда-то будетъ?—спросилъ Загребинъ.—А у насъ въ С. говорили, что уже къ Новому году выйдеть высочайшее повелѣніе...

— Нѣтъ, помилуйте!.. Всѣ труды редакціонныхъ комиссій сведены словами государя къ нулю. Панинъ своимъ предсѣдательствомъ испортилъ все дѣло, такъ прекрасно повернутое было Ростовцевымъ. Тотъ хотя и жаловался сперва на цифры, цифры и цифры, которыми были испещрены работы губернскихъ комитетовъ, но впослѣдствіи постигъ самую суть, а Панинъ только напортилъ.

У многихъ слушателей шевельнулось въ душѣ: «И слава Богу!»—но Иванъ Николаевичъ комично вздохнулъ.

— Жаль, однимъ словомъ, что не насъ съ вами назначили на его мѣсто, мы бы живо все оборудовали или «обуродовали!»... Ну, а такъ какъ насъ обошли, то въ утѣшеніе я пойду искать себѣ дѣла на зеленомъ полѣ, а вы потанцуйте.

И, освободивъ свою пуговицу отъ пальцевъ камеръ-юнкерской перчатки, онъ ушелъ составлять себѣ пульку.

Недаромъ Зося такъ радовалась этому балу. Она танцевала до упаду, полная того радостнаго возбужденія, безъ котораго всѣ польки, вальсы и кадрили не имѣютъ никакого смысла. Въ одномъ изъ антрактовъ ее разыскалъ мужъ. Она шла подъ руку съ Гришенькой.

— А я веду Софью Романовну въ буфетъ.

— И прекрасно, пойдѣте вмѣстѣ.

Зося обрадовалась мужу. Болтовня камеръ-юнкера, вертѣвшаяся на придворныхъ сплетняхъ, начинала уже тяготить и ее. Ей нисколько не были интересны споры партій, льнувшихъ къ разнымъ августѣйшимъ особамъ. Она съ удовольствіемъ вынула свою руку изъ-подъ локтя Караулова и прижалась съ улыбкой къ плечу Ивана Николаевича.

Тотъ радостно отвѣтилъ на эту неожиданную ласку, стиснувъ ея пальчики.

Въ дверяхъ они столкнулись съ высокимъ господиномъ во фракѣ съ иностранной звѣздой.

— Вашъ соотчичъ, Сванковскій!—сказалъ не отстававшій Гришенька.

Зося остановилась. Сванковскій поклонился и любезно заявилъ:

— Мы съ панной Юшкевичъ старые знакомые!

Зося вспыхнула. Это была первая встрѣча съ человѣкомъ, котораго она знала когда-то въ Запольѣ. И, гордо откинувъ свою расчесанную Шарлемъ головку, она отвѣтила съ улыбкой:

— Но съ Софьей Романовной Колычевой панъ видится впервые. Позвольте представить вамъ моего мужа.

Мужчины обмѣнялись рукопожатіемъ. На лицѣ Сванковскаго изобразилось недоумѣніе...

Танцевали мазурку. Зосю поминутно выбирали. Въ одной фигурѣ ея новая пріятельница и соперница по туалетамъ Зизи Меркулова подвела къ ней Сванковскаго и Багурина, ставшаго при-

сязнымъ Зосинымъ поклонникомъ послѣ перваго же обѣда у общей ихъ тетушки, княгини Прѣсной.

— La foi ou la trahison?

Зося кокетливо улыбнулась.

— Pour la vie la foi, pour la danse—la trahison!

Сванковскій склонился передъ ней, а Зизи умчалась съ Багуринымъ.

Зося, скользя по паркету со своимъ кавалеромъ, танцевала съ тѣмъ истымъ польскимъ задоромъ, который рѣдко дается русскимъ въ мазуркѣ, всѣ любовались ими, но никто не слышалъ ихъ польскаго разговора.

— Никогда бы не могъ допустить я мысли, что пани Зофья перейдетъ въ лагерь враговъ Рѣчи Посполитой.

— Панъ не имѣетъ права судить меня! я, можетъ быть, не такъ виновна...

— Прошу прощенія! Значить, 17-го ноября пани надѣнетъ по обѣту трауръ по вѣрнымъ сынамъ отчизны, павшимъ тридцать лѣтъ назадъ за ея освобожденіе! Пани напомнитъ Московіи ея кровавое преступленіе?

Зося покраснѣла.

— Если я и не надѣну, быть можетъ, чернаго платья въ этотъ день... и буду носить трауръ только въ душѣ, я тѣмъ принесу большую жертву, чѣмъ мои счастливыя сестры, которымъ легко проповѣдывать открыто свои убѣжденія... Я лучше послужу отчизнѣ здѣсь, въ сердцѣ ея враговъ, чѣмъ если бы я вышла за кого-нибудь изъ вѣрныхъ ея сыновъ. Панъ это вскорѣ увидитъ...

— Въ такомъ случаѣ прошу прощенія и стелюсь «до ступекъ панскихъ».

И Сванковскій, пользуясь правомъ мазурки, опустился на одно колѣно и высоко поднялъ надъ головою руку. Его дама бабочкой запорхала вокругъ него.

Поклонъ,—и Зося уже обмахивалась вѣеромъ на своемъ стулѣ.

Этотъ мимолетный обмѣнъ словъ совершенно нарушилъ ея душевное равновѣсіе. Это былъ голосъ изъ другого міра, гдѣ она провела лучшіе годы...

Она оглянула залъ. Гирлянда гостей въ нарядныхъ уборахъ, эти мужчины въ военныхъ мундирахъ и фракахъ, среди высокой старинной залы съ царскими портретами по стѣнамъ не вязались съ именами палачей и угнетателей, какими она себѣ ихъ представляла тамъ, въ Варшавѣ. Это былъ цвѣтъ русскаго дворянства, къ которому принадлежалъ ея мужъ, гдѣ ее принимали, какъ свою, и гдѣ никому не приходило въ голову упрекнуть его за бракъ съ нею, католичкой.

Ей прощали ея вѣру, ея ошибки въ русской рѣчи. Съ ней не затрагивали никакихъ оскорбительныхъ для ея польскаго гонора

и самолюбія вопросовъ; въ ея присутствіи не стѣсняясь обсуждали распоряженія правительства и критиковали не только министровъ, но и стоящихъ выше... Точно никому изъ этихъ безпечныхъ людей не приходило въ голову, что бокъ-о-бокъ тлѣетъ подъ пепломъ наружнаго спокойствія едва затушенный пожаръ національной ненависти и вражды, готовый разгорѣться яркимъ пламенемъ.

Зося знала о демонстраціяхъ въ Варшавѣ 10-го іюля на похоронахъ вдовы героя 30—31 гг. Совинскаго, но съ тѣхъ поръ всѣ ея свѣдѣнія прекращались. Отъ Олеси она никакого отвѣта на свои письма не получала... Вотъ и разгадка такого страннаго молчанія. Тамъ раздѣляли взгляды пана Романа на бракъ съ русскимъ, и смотрѣли на нее, какъ на измѣнницу. Этотъ разговоръ со Сванковскимъ, котораго она знала за яраго патріота, не перестававшаго поддерживать сношенія съ польскими эмигрантами въ Парижѣ,—еще Олесья всегда ему давала туда порученія, конечно, не политическія,—открылъ ей глаза... Но что же дѣлалъ этотъ польскій графъ тутъ, въ сердцѣ Московіи?.. Или онъ посланъ слѣдить за кѣмъ-нибудь.

Нѣтъ, она не измѣнница! Вотъ онъ поговорилъ съ нею, и она дѣйствительно снова готова на жертву дорогой отчизнѣ. Въ чемъ будетъ заключаться эта жертва—она и сама еще не знаетъ. Понятно, мужа въ эти дѣла посвящать она не станетъ, но на дѣлѣ, когда нужно будетъ доказать свою вѣрность, она сумѣетъ убѣдить п Сванковскаго, и Элизу, и Олесю, и Стася, что она не отщепенница польская, а преданная дочь единой истинной церкви и Рѣчи Посполитой, для возстановленія которой отъ моря и до моря она рада служить всѣми своими, хотя и слабыми, силами...

Эти вовсе не бальныя мысли такъ поглотили Зосю, что она не могла уже заставить себя танцовать дольше и среди мазурки попросила своего кавалера помочь ей отыскать мужа.

Посадивъ за себя одного изъ тѣхъ не танцующихъ молодыхъ людей, которые любятъ тереться на балахъ у карточныхъ столовъ, хотя хозяйева рассчитываютъ на нихъ, именно какъ на танцоровъ, Колычевъ поспѣшилъ къ Зосѣ.

Онъ разбудилъ Василія, задремавшаго на шубахъ, и послалъ его отыскивать карету, а самъ укуталъ жену въ салоуъ.

— Что случилось? Чѣмъ ты, птичка, недовольна? Кажется, на неуспѣхъ пожаловаться не можешь. Мнѣ то и дѣло приходилось выслушивать комплименты на твой счетъ.

— Я просто устала!

— Да, тебя дѣйствительно затормошили. Посмотри, ты совсѣмъ поблѣднѣла.

Когда они вернулись на свою временную квартиру, Колычева ждало письмо отъ тестя. Панъ Романъ настаивалъ на его немедленномъ возвращеніи. Вышли какія-то недоразумѣнія съ

приказчикомъ изъ Горокъ, и хотя довѣренность на управленіе ими была у Юшкевича въ рукахъ, но въ виду общности интересовъ съ Александрой Николаевной требовалась особая бумага, и присутствіе Ивана Николаевича было необходимо.

Зося за ночь успѣла нѣсколько позабыть впечатлѣніе отъ встрѣчи со Сванковскимъ и, получивъ билетъ въ Дворянское собраніе на концертъ впервые пріѣхавшаго въ Москву знаменитаго пѣвца, съ веселымъ видомъ вышла къ завтраку. Нѣжныя хлопоты первыхъ медовыхъ дней, когда она сама для мужа варила кофе, уже отошли въ вѣчность, и Зося пила его въ постели, вставая лишь въ первомъ часу.

Она была поражена, заставъ мужа, отдающаго приказанія просить счетъ у хозяина и обратившагося къ ней:

— Ну, птичка, собирайся въ дорогу! Велика Марѣушѣ укладывать твои баулы.

— Куда это?

— Какъ куда? Домой! Вонъ письмо отъ твоего отца. Старики тебя цѣлуютъ и требуютъ непокорную дочь обратно!

— Ты опять балагуришь! скажи толкомъ, куда мы ѣдемъ?

— Да я и говорю толкомъ: домой, въ Колычево. Покутили, а теперь пора за дѣло.

Зося надула губки. Какъ ни траурно было настроеніе въ Варшавѣ, но въ Москвѣ было очень весело, и она не успѣла еще надѣть то платье отъ Минангуа, взамѣнъ котораго было выписано вчерашнее отъ Ворта.

— Неужели отецъ не можетъ обойтись безъ тебя? Вѣдь ты же можешь вполне на него положиться: не станетъ же онъ нарушать твои интересы?

— Нѣтъ, не станетъ, но передовѣрить ему интересы Сашеньки я права не имѣю, и мое личное присутствіе необходимо. А чтобы тебѣ не такъ было скучно въ Колычевѣ, пригласи къ намъ гостить кого хочешь. Ты знаешь, мѣста хватить!

Зося съ радостью ухватилась за эту мысль и поѣхала съ прощальными визитами. Она взяла слово съ Бариновыхъ, Свищовыхъ и Багуриныхъ пріѣхать къ нимъ въ декабрѣ и провести у нея всѣ праздники. Зизи Меркулова оказалась тоже свободной, и такимъ образомъ набралась цѣлая компанія, съ которой можно будетъ пріятно провести время и пустить въ дѣло всѣ ненадѣванные туалеты.

Вечеромъ по городу разнеслась вѣсть о смерти императрицы Александры Федоровны. Москва облеклась въ трауръ, и веселье само собою должно было поневолѣ прекратиться.

Зося не имѣла больше основанія сѣтовать на мужа и, напѣвая, начала помогать Марѣушѣ собираться въ дорогу.

XIX.

Вихрем проносятся пары,—
 Въ окна киваетъ имъ садъ.
 Полночь. Все глуше удары.
 Крѣпче морозныя чары.
 Дивенъ деревьевъ нарядъ.

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

Привезя жену въ Колычево и переговоривъ съ Романомъ, Иванъ Николаевичъ убѣдился, что задуманное Сотовымъ участіе Сашеньки въ видѣ пайщицы въ управленіи имѣніями будетъ до крайности неудобно, поминутно могутъ возникать спорные вопросы и пункты, и что гораздо лучше раздѣлиться. Но для этого надо было имѣть въ рукахъ такую крупную сумму, которую можно было бы получить, только заложивъ Горки, на что тоже требовалось согласіе сестры. По этому поводу онъ вступилъ съ Семеномъ Михайловичемъ въ дѣятельную переписку.

«Сашенькинъ генераль» пробовалъ защищать свою точку зрѣнія и писалъ пространныя письма дѣловымъ чиновничьимъ слогомъ, который приводилъ въ восхищеніе всѣхъ мѣнявшихся тогда довольно часто министровъ, но котораго, по мнѣнію Ивана Николаевича, на трехъ подводахъ было не свезти отъ тяжести и обилія «посему, ввиду сего» и т. д. Это сильно раздражало его, и послѣднее время онъ бывалъ нерѣдко не въ духѣ, и злился на себя, что поддался совѣту зятя. Свою податливость онъ объяснял растерянностью медоваго мѣсяца, когда на все въ жизни смотришь въ розовомъ свѣтѣ и о послѣдствіяхъ не думаешь.

Его дурное расположеніе духа передавалось и Зосѣ. Послѣ московскаго веселья въ Колычевѣ показалось тоскливо. Гости не прѣзжали. Вечера были такіе длинныя, что рѣшительно некуда было дѣвать ихъ. Напрасно она затѣвала новыя рукодѣлья—примѣнять ихъ было тоже не къ чему, а избалованная за послѣднее время поклоненіемъ слушателей, она теперь неохотно играла даже по просьбѣ мужа. Только сознаніе, что продолжительнымъ отсутствіемъ упражненія можно испортить бѣглость и гибкость пальцевъ, заставляло молодую женщину экзерсироваться по утрамъ. Бѣлыя каріатиды съ удивленіемъ слушали гаммы, арпеджіо и тремолло и напрасно ждали вдохновенныхъ мелодій.

Въ душѣ у Зоси было пусто. Все казалось однообразно бѣлымъ, и эта зала, и бѣлое зимнее небо, и деревья, и кусты, и прудъ, точно все было завѣшано бѣлыми пеленами, какъ въ комнатѣ покойника. Зеленѣлъ одинъ могильный бугорокъ, закрытый ельникомъ, и сѣрый, обвѣтрившійся, безыменный крестъ казался начертаннымъ дѣйствительно рукою смерти на этомъ безцвѣтномъ, безжизненномъ фонѣ.

И Зося спрашивала себя: неужели такъ можно жить? Всю жизнь? долгіе, долгіе годы? И это то счастье, о которомъ она мечтала?..

Нѣтъ, вѣдь о жизни вдвоемъ ей никогда не приходило въ голову. Ея мечты рисовали ей шумныя празднества, балы, а не эту однообразную тишину, прерываемую лишь хозяйственными заботами объ обѣдѣ и ужинѣ. О чемъ разговаривать съ Иваномъ Николаевичемъ, она рѣшительно не знала. О его прошлой жизни она не спрашивала, она помнила, какъ непріятно подѣйствовало на него упоминаніе имени его покойной жены. Изъ деликатности къ Зосѣ онъ не перевезъ изъ Горока ни одного портрета Полины, ни одной вещи, которая могла подчеркнуть ей, что она не первая его привязанность.

И не было между этими двумя людьми той простоты и откровенности, безъ которыхъ немислима настоящая супружеская прочная дружба-любовь.

Такъ прошли цѣлыя четыре недѣли. Наконецъ установился санный путь, и Зося радостно вздохнула. Отправивъ еще разъ письма съ подтвержденіемъ приглашеній въ Москву, она уговорила мужа объѣхать сосѣдей, благо Оболонь замерзла, и такимъ образомъ можно было, наконецъ, попасть къ Карауловымъ, съ которыхъ оба считали необходимымъ начать свои визиты.

Хотя Илья Семеновичъ и убѣждалъ лѣтомъ Ивана Николаевича съѣздить съ нимъ къ сосѣдямъ, имѣющимъ дочерей, но милый старикъ въ данномъ случаѣ слегка кривилъ душою. Онъ самъ не отказался бы назвать Колычева зятемъ и приглашалъ его къ другимъ, чтобы не выдать своего замысла. И когда рушились его надежды видѣть Вѣрочку или Наденьку владѣтельницами виаллы Арсенія Михайловича, онъ поднялъ къ потолку пухлый указательный палецъ и проговорилъ печально:

— Les mariages se font dans les cieux!

Но чувство симпатіи къ Ивану Николаевичу отъ этого не колебалось, и долгое отсутствіе молодыхъ онъ объяснилъ совершенно естественно—бездорожьемъ, какъ оно въ дѣйствительности и было.

Поэтому, заслышавъ колокольчикъ Колычевыхъ и увидѣвъ изъ окна подкатывающую къ крыльцу тройку съ наборной серебряной сбруей и разодѣтымъ въ бархатный треухъ Силантіемъ на облучкѣ, онъ весело крикнулъ дочерямъ:

— Наденька-Вѣрочка,—онъ никогда не называлъ одно имя, а всегда оба подъ рядъ, даже обращаясь къ каждой изъ дочерей въ отдѣльности,—бѣгите, скажите мамочкѣ, что молодые пожаловали!—а самъ вышелъ въ переднюю встрѣтить дорогихъ гостей.

Только тотъ, кто живалъ зимою въ деревнѣ, знаетъ и можетъ себѣ представить, сколько оживленія вносить каждый пріѣзжій.

Старый карауловскій домъ сразу всполошился. Отовсюду высунулись головы, зазвенѣли голоса, захлопали двери. Мамочка поскорѣ надѣла чепчикъ понарядиѣе и выплыла въ гостиную. Барышни присѣли передъ Зосей, хотя она и была гораздо моложе ихъ годами, и повели ее справляться съ дороги въ свои комнаты.

Ивану Николаевичу всѣ эти диванныя, портретныя и залы показались теперь несравненно уютнѣе, и онъ сразу почувствовалъ себя въ своей сферѣ. Зося тоже быстро освоилась и начала весело щебетать. За обѣдомъ оказалось, что карауловская семья гораздо больше, чѣмъ предполагали Колычевы. Появились дальнія родственницы, воспитанница мамочки, крестникъ папочки, древняя гувернантка, жившая на покоѣ, и наконецъ старичокъ-сосѣдь, когда-то погорѣвшій и поселившійся у Ильи Семеновича до новой стройки, да такъ и оставшійся навсегда квартирантомъ въ Карауловкѣ. Все это ѣло, пило, болтало и вносило жизнь и тепло въ просторный домъ.

Зося опять расцвѣла душою и улыбкой, и когда Илья Семеновичъ за шампанскимъ, поданнымъ въ честь молодыхъ, закричалъ: «горько!» охотно поцѣловалась съ мужемъ, и радостно взглянула ему въ глаза.

Въ первый разъ послѣ Москвы сѣла она за рояль съ удовольствіемъ и играла весь вечеръ все, что требовали слушатели.

Гости и хозяйка такъ пришли другъ другу по душѣ, что рѣшено было наутро привести въ исполненіе лѣтнее предложеніе Ильи Семеновича объѣхать вмѣстѣ кое-кого изъ сосѣдей.

Эта поѣздка сильно освѣжила супруговъ, и, вернувшись черезъ нѣсколько дней домой, Зося начала дѣятельно готовиться къ пріѣзду гостей. Въ липовой аллеѣ воздвигли горы и усердно поливали ихъ водой. Въ ожиданіи господъ дворня съ хохотомъ каталась съ нихъ на рогожкахъ и въ корзинкахъ, а Федька ѣздилъ даже на лопатѣ и метлѣ. Прудъ размели, расчистили подъ катокъ, а посрединѣ соорудили кружало,—вбили столбъ, надѣли на него колесо, къ нему прикрѣпили длинный шестъ, а къ шесту салазки, которыя, приведенныя въ движеніе, кружились съ быстротою молніи по гладкому льду.

Иванъ Николаевичъ заготовилъ коньки и санки. Гости начали съѣзжаться, и бѣлая вилла огласилась впервые веселыми молодыми голосами, смѣхомъ и шумомъ.

Всѣ эти барышни и барыньки были положительно влюблены въ хозяйку, а ихъ братья ухаживали за всѣми дамами по очереди, и уже съ утра сочинялась программа увеселеній на весь день.

Пришелъ и сочельникъ. Вечеромъ устроили елку и одарили всю дворню, а на другой день утромъ послѣ обѣдни явились отецъ Никита съ Зосимою славить.

Стоя въ своей пышной бѣлой залѣ и слушая чуждые церковные нагѣвы, Зося крѣпко задумалась. Вспомнилось ей, что за все время своего замужества она еще ни разу не побывала въ костелѣ, ни разу не исповѣдалась въ грѣхахъ. Годъ назадъ Рождество она проводила въ Запольѣ и въ ночь на праздникъ младенца Иисуса ходила передъ виліей вмѣстѣ со всею семьєю въ фамильную каплицу Запольскихъ пѣть Agnus Dei. А когда они возвращались въ замокъ по еловой аллеѣ, уставленной горящими смоляными бочками, Стась шель рядомъ съ нею и, тихонько просунувъ руку въ огромную соболью муфту, нѣжно пожималъ ея озябіе пальчики...

Развѣ хуже было теперь?

Вотъ она сама хозяйка не менѣ роскошныхъ апартаментовъ. Она носить хорошее знатное имя. Въ ея распоряженіи цѣлый штатъ слугъ и дворовыхъ, и сотни крестьянъ считаютъ ее своей госпожой... Наряды отъ Ворта, кровные рысаки, балующій и осыпавшій ея брильянтами мужъ, влюбленные поклонники, — чего же еще тебѣ, капризная фарфоровая куклодка.?

О, она сама не сумѣла бы отвѣтить — чего...

А вечеромъ пришли мальчики со звѣздой, потомъ явились ряженые, и бѣлая зала засверкала огнями, и старые инытые клены съ любопытствомъ заглядывали въ окна на шумный хороводъ. Самъ Евграфъ не ворчалъ больше на музыку и плясы: съ добродушной улыбкой смотрѣлъ онъ на развеселившуюся Зосю, порхавшую въ мазуркѣ со своимъ мужемъ...

Иванъ Николаевичъ совсѣмъ помолодѣлъ въ этой безшабашной компаніи. Сидя по утрамъ съ паномъ Романомъ въ кабинетѣ надъ планами и счетами, онъ вдругъ потягивался и взмалывался:

— Нѣтъ, повременимъ немного! я рѣшительно не въ силахъ работать! Слышите, какъ они тамъ заливаются?

И онъ готовъ былъ вскочить и бѣжать въ залу, гдѣ молодой Свищовъ подъ ужасный аккомпаниментъ Зизи Меркуловой распѣвалъ:

Лайба плыль моя не пусть,
 Какъ поплыль на Тавастгустъ.
 Быль смола восемь пудовъ,
 Быль соснова много дровъ.
 Лайба плыль.
 Вѣтеръ выль,
 И я очень рада быль и т. д.

Панъ Романъ хмурился.

— Какъ хотите, милый зять, но мы такъ никогда не кончимъ!

И Колычевъ, вздохнувъ, опускался въ кресло, и снова начинали щелкать счеты и наноситься отмѣтки на развернутые подробные планы его имѣній.

Имѣя полную довѣренность Ивана Николаевича и получивъ такую же отъ Сотова на имя его жены, панъ Романъ легко могъ бы откладывать по-старому тысячи въ Варшавскій банкъ, но теперь это ужъ не были попрежнему только «москальскія» деньги. У Зоси могли явиться дѣти, да и щедрость Колычева къ женѣ обезоруживала стараго плута. Кромѣ того, «тамъ» въ центральномъ народномъ комитетѣ въ Польшѣ черезъ Валека узнали о Зосиной свадьбѣ съ русскимъ, и довѣріе къ Юшкевичу разомъ рухнуло.

Валекъ со времени отказа Зоси въ Колычево не показывался. Сношенія съ заговорщиками онъ поддерживалъ отнынѣ самостоятельно, и ему было предложено стать десятникомъ въ его губерніи. Всѣхъ проживавшихъ въ городѣ и окрестныхъ помѣстьяхъ поляковъ онъ организовалъ въ тройки, гдѣ каждый зналъ лишь его и двухъ другихъ, и дѣятельность Домбровскаго заслужила полное одобреніе, хотя его матерьяльная помощь великому дѣлу была несравненно скуднѣе, чѣмъ получавшаяся раньше отъ пана Романа.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло для послѣдняго безъ извѣстій отъ главарей возстанія, и самолюбивый полякъ обидѣлся не на шутку.

— Цо-то, дурни! невиннаго челоуѣка клеветой заклеямили! Ну, и чортъ съ ними... Понадоблюсь, небойсь адресъ мой вспомнить, а теперь и то не до нихъ.

И панъ Романъ усердно принялся за дѣла.

Вопросъ о размежеваніи съ крестьянами былъ еще не рѣшенъ, и въ концѣ концовъ первый проектъ надѣловъ оказался единственно удобнымъ. Крестьяне получали максимальный надѣлъ по 8 десятинъ на душу и кожинскія пустоши въ аренду, но въ ихъ землю все-таки врѣзалась клиномъ мельница на узкой береговой полосѣ. Съ другой стороны вкрапленной въ собственность Колычевыхъ оказывалась усадьба Евграфа. Съ осени уже красовался на ней срубъ въ три окна со свѣтелкой, но пока онъ былъ необычаемъ: старикъ жилъ попрежнему въ виллѣ и состоялъ въ личномъ распоряженіи Зоси.

Сегодня какъ разъ панъ Романъ убѣждалъ зятя не дѣлать глупости и отвести, пока не поздно, вѣрному Личардѣ другую землю, поближе къ крестьянской, боясь недоразумѣній въ будущемъ.

— Поймите, дорогой панъ Романъ,—Колычевъ никакъ не могъ назвать его отцомъ, хотя и называлъ пани Юзыню матушкой:—я обѣщала ему именно этотъ участокъ, и взять слово назадъ не могу. Повѣрьте, страхи ваши напрасны и неосновательны. До смерти Евграфа никакихъ осложнений и выйти у насъ не можетъ, а тамъ я сдѣлаюсь съ его наслѣдниками и обмѣняю имъ эти двѣ десятины на восемь надѣльныхъ, если найду ихъ сосѣдство нежелательнымъ.

— Ваше дѣло, ваше дѣло! Но надо все предвидѣть. Будете ли вы потомъ еще въ правѣ мѣнять чужую землю на свою? Вѣдь наследники могутъ поставить вамъ такія условія, такъ отравятъ вамъ жизнь, что вы не разъ проклянете ваше сегодняшнее упорство.

— Чѣмъ же это?

— Да всемъ! Протопчуть вамъ дорогу черезъ садъ, чтобы ближе ходить было въ село и въ церковь, построить на своей землѣ кабакъ или какую-нибудь вонючую фабрику, сдадутъ въ аренду кулаку и сутягѣ,—да мало ли что можетъ случиться? Если вамъ самимъ неудобно, поручите дѣло Зосѣ, она сумѣетъ переубѣдить старика, не обидѣвъ его.

— Я знаю, но, право, мнѣ бы этого ни за что не хотѣлось. Старикъ такъ радовался этому клочку земли, этому близкому сосѣдству съ дядиной могилой, что никогда у меня не хватитъ духу отобрать его обратно.

— Повторяю еще разъ—ваше дѣло.

И панъ Романъ перешелъ къ планамъ о переустройствѣ хозяйства въ Горкахъ, куда онъ собирался послѣ святокъ, имѣя наконецъ все нужные ему для полной свободы дѣйствій документы.

На третій день новаго года былъ назначенъ большой балъ въ Колычевѣ. Квартировавшій въ уѣздномъ городѣ полкъ былъ приглашенъ въ полномъ составѣ. Веселье въ старой вотчинѣ приманило и тѣхъ сосѣдей, которыхъ Зося такъ искусно избѣгала въ дѣвичество. Сперва ее шокировали эти наѣзжавшіе безъ зова дворянчики, ихъ супруги и дочки, но въ концѣ концовъ безъ нихъ нельзя было обойтись, да и московская молодежь относилась къ нимъ весьма снисходительно, слегка лишь подтрунивая и передразнивая всѣхъ послѣ ихъ отбытія въ допотопныхъ и пестро расцвѣченныхъ пошевняхъ. Зося съ мужемъ объѣхали и ихъ, въ свою очередь, и балъ обѣщали быть весьма многлюднымъ.

Но уже къ обѣду Зося почувствовала себя неладно. Въ чемъ дѣло,—она давно сообразила, однакожь, не желая разстраивать компаніи и отказываться отъ веселья и любимыхъ ею танцевъ, рѣшила пока скрывать свое положеніе. Сутолока послѣднихъ дней отозвалась теперь. Было тяжело дышать и тошнило.

Не допивъ кофе, подъ предлогомъ усталости, она ушла къ себѣ. Въ уборной на кушеткѣ лежало приготовленное къ вечеру платье. На туалетѣ въ высокому бокалѣ благоухалъ букетъ. Зося достала флакончикъ съ солью, натерла виски одеколономъ и распустила шнуровку. Въ двери постучались, и вошла пани Юзыня.

Со времени Зосинаго замужества отношенія между матерью и дочерью значительно улучшились. Зосѣ не было больше причины бояться выговоровъ и замѣчаній, а старуха чувствовала даже нѣкоторое подобострастіе къ своей разбогатѣвшей цуркѣ. Она по-

прежнему вѣдала молочное и птичье хозяйство и только одѣвалась еще пестрѣе и чувствовала себя еще важнѣе, отправляясь въ гости къ Чупровымъ и Супруненкамъ.

— Тебѣ неможется?—спросила она дочь.

— Да, я устала и меня слегка мутить.

— Ты бы легла!

— Ахъ, мама, я и сама знаю, что мнѣ дѣлать! Лучше спросите Герасима, заготовилъ ли онъ всѣ букеты для дамъ. Да посмотрите, красиво ли разложены конфеты и фрукты. А сами одѣньтесь и примите тѣхъ, кто пріѣдетъ пораньше. Барышень надо провести въ уборную, имъ нужно будетъ оправить прически и туалеты. А я и вправду полежу съ полчаса.

Черезъ минуту послѣ ухода Юзыни къ Зосѣ постучалась молодая Барина, сестра Багурина.

— Душечка, что съ вами? Какая вы блѣдная!

— Да, мнѣ нехорошо!

— Вы не въ интересѣ?

— Кажется, нѣтъ, а, впрочемъ, не знаю.

— Лучше бы вамъ не танцовать. Надѣньте что-нибудь посвободнѣе, а то вамъ снова будетъ дурно. Я по себѣ знаю,—покой прежде всего.

Зося не успѣла отвѣтить, какъ въ комнату ворвалась Зизи.

— Что же это вы какая кислая? Платье Марѳуша испортила?

— Нѣтъ,—отвѣчала за Зосю Барина.—Зосѣ нездоровится... Вы понимаете?.. и я совѣтую ей не танцовать.

— Вотъ пустяки! напротивъ. Мнѣ и мой акушеръ говорилъ, что все дѣло въ умнѣнѣ. Взять себя въ руки и не распускаться. Это сейчасъ пройдетъ. Надо только распустить одну каплю нашатыря въ стаканѣ воды и выпить два маленькихъ глотка. Дайте, я вамъ приготовлю.

Совѣтъ Зизи пришелся по сердцу Зосѣ, ей отказаться отъ сегоднѣшняго бала показалось бы величайшимъ горемъ. Она задержала дыханіе, чтобы не чувствовать непріятнаго остраго запаха и отпила два глотка питья, которое дѣйствительно точно отрезвило ее.

— Въ самомъ дѣлѣ... совсѣмъ прошло... Ну, надо одѣваться. Кому изъ васъ, *mesdames*, прислать потомъ Марѳушу?

Марѳуша, бывшая Футка въ Горкахъ, была 13-ти лѣтъ отдана въ ученье къ *m-me Луизѣ* въ Москву и оказалась весьма талантливой портнихой. Выписанная Иваномъ Николаевичемъ къ молодой женѣ, она занимала почетное положеніе камеристки, а за послѣдніе дни играла очень видную роль въ домѣ, потому что барышнямъ и барынямъ поминутно требовались ея услуги.

Зося была вымыта, надушена, наудрена и затянута въ корсетъ, но лифъ платья отъ *m-me Минангуа*, заказаннаго къ балу Подлуцкихъ, не желалъ стягиваться.

— Господи! что же теперь дѣлать, Марѳуша?

— Не безпокойтесь, сударыня, я пластрончикъ подмечу.

И, порывшись въ картонкѣ, она достала широкую бѣлую ленту подъ цвѣтъ платья.

— Насъ мадамъ Луиза, какъ лифъ переузимъ, все учила пластрончикъ пошире подметать: и красиво, и дышать можно.

Справившись и съ этой бѣдой, Зося окончательно повеселѣла. Талія была еще достаточно тонка, и дышалось свободно.

Весело шурша своимъ шлейфомъ, прошла молодая хозяйка по ярко освѣщеннымъ комнатамъ. Да, это былъ именно тотъ праздничный блескъ, который ей снился долгіе годы. Пахло куреньемъ. Бѣлая зала со всѣми пятью зажженными жирандалями казалась заманчиво нарядной. Оранжереи были опустошены для убранства боскетной, и цѣлыя клумбы гіацинтовъ, камелій и тюльпановъ красовались въ корзинахъ трюмо и въ жардиньеркахъ гостиныхъ.

На хорахъ устраивались музыканты присланнаго Карауловымъ оркестра...

А дверь изъ сѣней уже поминутно хлопала, впуская вмѣстѣ со струею свѣжаго воздуха вновь прибывавшихъ гостей, и приходящая все болѣе загромаждалась ворохами шубъ, салоповъ, капоровъ и шапокъ.

На приглашеніе Колычевыхъ откликнулись всѣ. Мамаши даже похудѣли отъ хлопотъ надъ нарядами дочекъ, а Матрешки, Катьки и Лизки искололи себѣ всѣ пальцы иголками и перепортили зубы, откусывая нитки. Конечно, шикомъ и роскошью наряды мало отличались, но дѣвичьи лица горѣли отъ мороза и радостнаго возбужденія и казались хорошенькими и интересными.

Въ залѣ у дверей голубой севрской гостиной Зося привѣтливо здоровалась съ каждой входящей гостьей, а Иванъ Николаевичъ вручалъ всѣмъ букеты. Мужчины, поцѣловавъ ручку хозяйки, проходили въ бильярдную и кабинетъ, а дамы величественно, въ сопровожденіи дочекъ проплывали въ гостиныя, и скоро всѣ три ихъ—голубая, гобеленовая и желтая саксонская—были полны щебетанья и того сдержанно-нетерпѣливаго оживленія, которое предшествуетъ началу бала. Лакеи разносили чай и фрукты, и барышни, оставивъ мизинчикъ, держали чашки и осторожно одними кончиками зубовъ откусывали печенье. Каждая про себя ждала перваго вальса.

И вотъ раздались аккорды полонеза. Въ гостиныя толпою двинулись мужчины. Чашки отставлялись. Барышни оправляли платья. Пары строились. Даже чья-то древняя бабушка, притаившаяся изъ любопытства, очутилась подъ руку съ застѣнчивымъ подпоручикомъ, прозѣвавшимъ болѣе молодыхъ дамъ. Гости, присѣдая въ тактъ, два раза обошли всю анфиладу нижнихъ покоевъ. Звуки полонеза замедлились и перешли въ упоительный штраусовскій

мотивъ. Первой вальсирующей парой оказались сами хозяева. Иванъ Николаевичъ не захотѣлъ никому уступить сегодня своего права, и взрывъ рукоплесканій привѣтствовалъ его рѣшимость. Это сразу привело всѣхъ присутствовавшихъ въ то непринужденное настроеніе, которое лучше всего обезпечиваетъ успѣхъ всякаго праздника.

Первый колычевскій балъ превзошелъ даже Зосины ожиданія. Всѣ веселились и плясали до упаду. Маменьки сидѣли вдоль стѣны и потѣшались, какъ молодой Свищовъ и Петя Багуринъ, дирижируя по очереди, старались превзойти другъ друга въ изобрѣтеніи все новыхъ фигуръ и то свивали танцоровъ тѣснымъ клубкомъ, то заплетали красивой гирляндой, не давая своимъ подчиненнымъ ни отдыха, ни срока.

Но когда при первыхъ звукахъ мазурки къ Зосѣ подошелъ панъ Романъ въ парадной синей венгеркѣ съ черными шнурами и въ лакированныхъ сапогахъ съ кисточками, всѣ встали съ мѣсто и окружили ихъ тѣснымъ кольцомъ, готовясь заранѣе полюбоваться настоящей польской мазуркой. Зося закинула на бокъ головку и плутовски заглянула въ глаза кавалеру, а онъ покрутилъ длинный усъ и вдругъ точно мячикъ отдѣлился отъ пола и полетѣлъ почти неслышно вдоль по кругу, потомъ остановился, лихо топнулъ ногой и закружилъ свою даму. Перекинувъ ее на лѣвую руку и держа за талію, онъ выхватилъ изъ кармана нарядный яркій фуляръ и, граціозно склоняясь въ тактъ, началъ обметать паркетъ передъ ея мелко семенившими ножками.

— Bravo! bravo!—раздалось восторженно кругомъ.

Всѣмъ кавалерамъ захотѣлось подражать пану Роману, и мазурка неслась все задорнѣе и лише. Зосѣ буквально не давали присѣсть. Танцую съ какимъ-то поручикомъ, она вдругъ почувствовала; что у нея темнѣетъ въ глазахъ, и всей тяжестью склонилась къ нему на плечо.

Обморокъ хозяйки разстроилъ танцы. Зосю подхватили и перенесли въ гостиную. Явился встревоженный Иванъ Николаевичъ.

Полковой врачъ, игравшій на бильярдѣ и призванный на совѣтъ, потребовалъ немедленно уложить ее въ постель, и Колычевъ самъ отнесъ жену наверхъ. Мареуша раздѣла барыню, и пани Юзыня осталась у кровати дочери.

Иванъ Николаевичъ вернулся въ залу и пригласилъ гостей въ столовую къ ужину.

Несмотря на плотно закрытыя двери, шумъ и голоса сдержаннымъ гуломъ доносились къ Зосѣ. Ея дурнота прошла, но слабость оставалась, и она горько плакала, что столь давно ожидаемый праздникъ разстроенъ, и ей нельзя сидѣть за веселымъ ужиномъ, а надо лежать и хворать.

— И къ чему это? Очень мнѣ нужно этого ребенка! Стану уродомъ, никуда показаться нельзя будетъ... Я не хочу... я не хочу!.. рыдала она.

— Цурка, цурка! Богъ съ тобой! Вѣдь это грѣхъ. Богъ накажетъ тебя за такія рѣчи. Напротивъ, ты молиться должна. Обѣтъ дать Маткѣ Ченстоховской, чтобы роды прошли благополучно. Я за тебя, когда носила тебя, пелену ей вышила,—уговаривала пани Юзыня плачущую дочь.

— Ничего я ей вышивать не стану!.. Научите меня лучше, какъ поскорѣе отдѣлаться...

Пани Юзыня зажала ей ротъ рукою.

— Что ты? что ты? Ты съ ума сошла! Да ты и думать объ этомъ не смѣй! Иль и взаправду уродомъ стать хочешь? Да отъ кого ты это слышать могла?

— Отъ кого? Ахъ, мама! да неужто вы думаете, мы въ пансіонѣ этого не знали? Что вы воображаете, что мы такъ-таки въ капустныя гряды и въ аиста вѣрили? Да Олеся и Элиза прямо рѣшили, что ни за что уродовать себя не дадутъ. Лѣтъ черезъ пять или шесть,—другое дѣло, а когда же веселиться, какъ не смолоду?

И Зося снова уткнулась, рыдая, въ подушку.

Пани Юзыня только перекрестилась.

— Богъ съ тобою, цурка! ради веселья—человѣка убивать!.. Вѣдь ты уже не маленькая, должна понимать...

Она не успѣла докончить фразы, какъ въ комнату вошелъ Колычевъ. Съ радостно умиленнымъ выраженіемъ благоговѣнно коснулся онъ губами выпростанной поверхъ одѣяла нѣжной руки.

— Зачѣмъ же ты не предупредила меня? Я бы никогда не созвалъ эту ораву! Я такъ счастливъ, голубка моя... Одного боюсь, не повредила ли ты себѣ? Ферапонтъ Васильевичъ—(это былъ полковой врачъ)—находитъ, что ты должна быть крайне осторожна. Онъ рекомендовалъ прекраснаго акушера, и я завтра же вызову его изъ Москвы на консультацію.

Зося лежала съ закрытыми глазами. Да, вотъ оно, начинается мученье: доктора... осмотры... рецепты... бандажи и прочіе ужасы. Сиди дома и никуда не показывайся... По пятамъ будетъ ходить мужъ... пани Юзыня... ахъ, не упади!.. ахъ, не поднимай!.. ахъ, не оступись... и это по крайней мѣрѣ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ еще!..

Черезъ два дня выписанный изъ Москвы врачъ, осмотрѣвъ Зося, нашель, что пока все идетъ нормально, но рекомендовалъ избѣгать рѣзкихъ движеній и всякихъ волженій... Гостившая въ Колычевѣ компанія развѣхалась понемногу, и вилла снова погрузилась въ тишину.

Иванъ Николаевичъ окружилъ жену еще большимъ вниманіемъ. Онъ выписалъ изъ Англіи дорогія руководства по гигиенѣ и первому уходу за ребенкомъ. По приложеннымъ каталогамъ и про-

спектамъ Зося заинтересовалась устройствомъ настоящей английской nursery, и изъ бывшей спальни Арсенія Михайловича рѣшили сдѣлать дѣтскую. Пани Юзыня тайкомъ готовила кукольное приданое и прятала его отъ людей, боясь сглазить мать или ребенка.

Зося каждый день разсматривала въ зеркало свое лицо и фигуру. О выкидышѣ она уже не думала. Она прочла въ книгахъ, какія ужасныя послѣдствія влекутъ за собою всѣ эти искусственныя мѣры, и покорилась судьбѣ. Къ своему удивленію, она больше несчастной себя не чувствовала. Сосѣди продолжали навѣщать ее, и шансы Колычева замѣнить на выборахъ Илью Семеновича все увеличивались.

Честолюбію Зоси открывалась широкая, заманчивая перспектива играть въ ихъ большомъ и людномъ уѣздѣ роль предводительши.

А панъ Романъ тѣмъ временемъ наводилъ порядокъ въ Горкахъ. Всю пахотную землю рѣшено было сдать въ аренду и вести одно лѣсное хозяйство, перестроивъ мельницу на лѣсопилку по шведскимъ образцамъ. Усадьбу упраздняли, продавая на сносъ амбары и кладовуши. Домъ заколотили. Маргарита Ивановна и ея сожительницы получили ежегодную пенсію по 15 рублей въ мѣсяць на душу и крехтя и охая разстались съ насиженными теплыми углами на старыхъ антресоляхъ. Говорятъ, стонъ стоялъ, когда выносили ихъ перины и подушки, ихъ любимыхъ канареекъ и Газелекъ съ Жульками. Но панъ Романъ былъ неумолимъ. Живою и мертвымъ инвентарь онъ рѣшилъ перевезти въ Колычево. Ключи отъ дома вручилъ сторожу, и по опустѣвшему, когда-то шумному и суетливому двору бродили теперь мяукая однѣ голодныя кошки, да хрипло лаяла цѣпная собака.

XX.

Тобой свершилося желанное вѣкамъ:
Возрадовалась Русь, довольна и горда,
И празднуетъ народъ молитвой и слезамъ
Великій первый день свободнаго труда...

Русскій дворянинъ (Кн. В. О. Одоевскій).

Еще на поляхъ лежалъ пеленою снѣгъ, еще спали подъ нимъ озими, и только вѣтеръ, прилетая съ далекихъ береговъ окованной льдомъ рѣки, качалъ голыя вѣтки березъ и липъ, вязовъ и кленовъ и напѣвалъ о новой неслыханной грядущей веснѣ, о красной долѣ, золотой волѣ, которая раскуетъ желѣзныя ржавыя оковы и цѣпи.

Но деревья дремали и не вѣрили ни веснѣ, ни лѣснямъ о чудесной свободѣ... Имъ казалось это обманчивыми грезами зимняго сна, и только мохнатые ели и курчавыя сосны все ярче зеленѣли въ отвѣтъ и шептали:

«А мы вѣримъ... мы чуемъ... мы слышимъ!..»

Настало 19-е февраля 1861 года. Подписанный государемъ проектъ положенія вошелъ въ силу и сталъ закономъ, согласно выраженному имъ 28-го января въ государственномъ совѣтѣ желанію: «до начала новыхъ полевыхъ работъ».

Какъ громъ пронесся по помѣщичьимъ усадьбамъ. До послѣдней минуты не вѣрилось, что однимъ росчеркомъ пера можно было сокрушить державшійся почти три вѣка общественный строй. Ни губернскіе комитеты, ни редакціонныя комисси, ни даже личные опросы о предполагаемыхъ надѣлахъ не въ состояніи были убѣдить дворянъ въ медвѣжьихъ углахъ о предстоящей радикальной перемѣнѣ въ ихъ жизни.

Отпечатанные и вышедшіе черезъ двѣ недѣли экземпляры высочайшаго манифеста, составленнаго митрополитомъ Филаретомъ, достигли наконецъ и Колычева. Въ воскресенье 12-го марта отецъ Никита прочелъ его съ амвона громогласно. Крестьяне поняли только: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ!» и, широко размахивая руками, стали креститься. Отслужили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Иванъ Николаевичъ былъ въ церкви, но Зося, конечно, не пошла.

Когда кончилась служба и стали выходить, мужики столпились на паперти и поджидали барина.

— Ну, братцы! поздравляю васъ съ волею!—громко и отчетливо сказалъ, снявъ шапку, Колычевъ.

Мужики молчали и, тоже снявъ шапки, толклись на мѣстѣ. Наконецъ Агаѳонъ выступилъ впередъ:

— А гдѣ жъ эта воля?

— Какъ гдѣ? развѣ ты не слышалъ, что батюшка читалъ съ амвона?

Вынувъ изъ кармана другой экземпляръ манифеста, онъ сталъ толковать каждое слово.

— Ну что же, поняли теперь?

— Какъ не понять! что толкуешь,—то поняли, а только это не воля.

— Какъ не воля? Какой же тебѣ надо?

— А той, что царь въ Иерусалимъ за печатью посылалъ.

Иванъ Николаевичъ улыбнулся.

— Ну, братъ, это сказки! Русскому царю не зачѣмъ въ Иерусалимъ за печатью посылать. У него своя есть!

Мужики почесали затылки.

— Такъ-то оно такъ, а только та все же крѣпче!

— Ну, а какъ же насчетъ земли будетъ?—спросилъ Кузьма.

— Землю получите.

— А какую?

— Да ту, что вашей считается.

— Вот тебѣ и воля! Какъ же такъ я мою землю получу, когда я ее и такъ имѣю?

Иванъ Николаевичъ снова улынулся.

— Нѣтъ, земля не твоя; т. е. теперь — она твоя, а прежде моею была. Ты ее обрабатывалъ, а я за нее подати платилъ, и если бы она мнѣ понадобилась, то я могъ бы отобрать ее у тебя и отдать другому.

Мужики одобрительно закивали головами.

— Вѣрно, вѣрно! Это, значить, на другого тягло навалить. Ну, а теперь съ моего тягла никто меня не погонитъ, и я, кому хочу, самъ отдать его воленъ.

— Ну, братецъ! Это ты впередъ забѣжалъ. Этого еще нельзя. Да и за эту землю тебѣ придется выкупъ платить.

Крестьяне обомлѣли.

— Какой выкупъ? Баяли, даромъ землю дадутъ, да не ту, что нашей зовется, а ту, что мы на помѣщика робили.

Иванъ Николаевичъ покачалъ головой.

— Охота всякому слуху вѣрить! Нѣтъ, ребята, это напрасно. Отъ помѣщиковъ никто землю отнять не можетъ, развѣ прогнѣвить кто чѣмъ царя и въ опалу попадетъ. А моя земля ко мнѣ отъ дѣдовъ перешла. Это вотчина моя, и меня никто съ нея прогнать не смѣетъ.

— Такъ въ чемъ же тутъ воля? объясни, Христа ради!—взмолдился Пахомъ, назвавшій на поминкахъ соколомъ Ивана Николаевича.

— Въ чемъ воля? А въ томъ, что пройдетъ еще два года, и ты можешь, не спрашивая меня, итти, куда глаза глядятъ. Въ томъ воля, что вотъ этотъ,—онъ положилъ руку на голову протиснувшася впередъ мальчугана съ разинутымъ ртомъ:—не будетъ уже знать барщины и забудетъ даже, что значило слово крѣпостной; работать будетъ на кого хочетъ, жить будетъ—какъ хочетъ, и не вѣсту возьметъ, какую хочетъ!

И онъ ласково потрепалъ курчавую головенку.

— Слышь ты, барщины не будетъ... На оброкъ, что ли, переведешь?

— Ни оброковъ, ни барщины не будетъ. А станете, да и стали уже отъ сего часа и сей минуты вольными и только въ теченіе двухъ лѣтъ будете еще работать на меня по три дня въ недѣлю, а которые на оброкъ,—будутъ оброкъ платить.

— Пстой, пстой, кормилецъ! А какъ же ты говорилъ—выкупъ? Что же это мнѣ кому выкупъ платить придется?

— Да! Ты его мнѣ платить будешь.

— За что же выкупъ?.. я въ толкъ не возьму

— А за землю свою.

— Да вѣдь моя она?

— Будетъ твоею, а пока я за нее подати платилъ, она моею была.

— Ну, а теперь кто же за нее платить будетъ подати-то?

— Ты... Ну, братцы, прощайте! если кого чѣмъ обидѣлъ,—простите и не помните лиха ни на мнѣ, ни...—онъ нѣсколько остановился:—ни на дѣтяхъ моихъ.

Крестьяне поклонились ему въ поясъ, и Колычевъ отправился домой. Однако сами они еще не расходились.

— Что жъ это за воля? Я и подушныя плати, я и выкупъ ему дай! Не воля, а неволя...

— Это, братцы, онъ, вѣрно, самъ не понялъ.

— Нѣ, не понялъ, а не настоящую ему прислали, я те говорю.

— Да вѣдь какъ не настоящую? И отецъ Никита ту же читалъ.

— И тоже не настоящую. Той на золотой грамотѣ съ красной печатью быть положено, а эта черная на бѣломъ. Я те говорю, ту въ Иерусалимѣ задержали и къ Пасхѣ пришлютъ, а это пока лишь!

— Да вотъ онъ баялъ, черезъ два года! А я до тѣхъ поръ умереть могу!—говорилъ жалобно Пахомъ.

— Не умрешь! столько годовъ ждалъ, еще два подождать недолго!

— Ну, что жъ, куда итти теперь? Эхъ, кабака нѣтъ!

— А на что же воля, братцы? Коли мы вольные, первое дѣло кабакъ построимъ,—заявилъ Агаѳонъ.

— Вѣрно! что дѣло—то дѣло! Перво-на-перво! Чтобъ, значить, не за каждымъ шкаликомъ въ городъ трястися.

— А полякъ нешто позволить?

— Чего тутъ полякъ? Поляку теперь руки обломали. Попробуй, тронь меня,—такъ я ему докажу волю!..

И крестьяне съ нетерпѣніемъ стали ждать Пасхи.

Но прошла и заутреня, и отецъ Никита обошелъ избы, христосуясь и собирая яйца, и снѣгъ сбѣжалъ съ полей, — а староста опять по примѣру прошлыхъ лѣтъ распредѣлялъ очереди, и панъ Романъ разѣзжалъ снова по мокрымъ межамъ и по старому покрикивалъ:

— Аль рукъ нѣтъ, осель? Чего опять плугъ завязилъ, быдло. Не сохою пашешь, мерзавецъ!

Или, тыкая кнутовищемъ въ разрыхленную землю, заставлялъ перескородить готовую къ посѣву полосу.

— Въ праздникъ скородить у меня будешь, гультай этакій!

И мужики по привычкѣ молчали, работали до десятаго поту и спрашивали себя: а гдѣ же это воля?

Наконецъ, въ одно холодное воскресенье въ началѣ мая и къ нимъ пріѣхалъ какой-то чиновникъ въ сопровожденіи Супруненка.

— Сходь созови!—пробасилъ уѣздный Голіаевъ выскочившему на знакомый звонъ колокольчика Дорооею.

Чиновникъ сѣлъ на крылечкѣ вновь пустующей больницы. Дорооей побѣжалъ по избамъ.

— Волю привезли!—заявилъ онъ Агаѳону.

Агаеонъ побѣжалъ къ Кузьмѣ, Кузьма къ Пахому, и вся улица села всколыхнулась, и старъ, и младъ потянулись къ церкви. Отецъ Никита, опираясь на цовую трость съ массивнымъ серебрянымъ набалдашникомъ, полученную отъ Ивана Николаевича, подошелъ тоже.

Громко и внятно прочелъ чиновникъ уже знакомый крестьянамъ манифестъ, а затѣмъ сталъ разъяснять положеніе. Тѣснымъ кольцомъ, снявъ шапки, окружали крестьяне столъ, за которымъ сидѣли власти, и внимательно прислушивались къ мудренымъ словамъ, все надѣясь уловить въ нихъ желанный смыслъ о даровой землѣ, щедро нарѣзанной на долю каждаго изъ тѣхъ тучныхъ помѣщичьихъ полосъ, которыя въ теченіе безконечнаго ряда лѣтъ поливались ихъ слезами, потомъ, а подчасъ и алою кровью. Но ни о чемъ подобномъ и рѣчи не было.

И снова началась сказка про бѣлаго бычка,—про землю, которую крестьяне и не думали считать помѣщичьей, искони такъ и называли «мужицкой» и не могли никакъ понять, за что же платить за нее теперь выкупъ?.. Одно они наконецъ смекнули, — что черезъ два года ни барщины, ни оброковъ не будетъ, и что теперь уже панъ Романъ не смѣетъ заставлять ихъ работать сверхурочно.

Когда чиновникъ наконецъ всталъ и хотѣлъ удалиться съ Супруненкомъ, Агаеонъ набрался храбрости и подошелъ къ нему:

— А какъ, ваша милость, теперь насчетъ кабаковъ?

— Что такое? какихъ кабаковъ?—удивился тотъ, совершенно измученный и очумѣвшій и отъ запаха овчины, дегтя и человѣческихъ испареній, и отъ безтолковыхъ разспросовъ.

— То есь, вотъ здѣсь, на энтой на нашей таперича землѣ. Моги мы открывать его?

Чиновникъ оторопѣлъ. Онъ вовсе къ такому вопросу подготовленъ не былъ и не зналъ, что сказать, но Супруненко не растерялся. Сильной и властной дланью схватилъ онъ Агаеона за воротъ тулупа и, приподнявъ отъ земли, потрясъ въ воздухъ:

— Я те кабакъ покажу! Ишь, пьяница! Попадешься мнѣ у стойки, такъ я тебя такъ проучу, какалюю, что и костей не соберешь!

И, поставивъ блѣднаго мужика на землю, далъ ему еще вслѣдъ пинка.

Ропотъ неодобренія пронесся по толпѣ, но неодобренія не поступку становаго, а пристыженному и разомъ осѣвшему Агаеону.

— Ишь дуракъ... Вахлакъ этакій!—раздались голоса.—Туда же съ начальствомъ толковать полѣзъ!

И, снявъ снова шапки, толпа проводила это начальство до тантаса.

Ямщикъ хлестнулъ лошадей. Звякнулъ колокольчикъ и залился своей переливною пѣсней, затихая понемногу за косогоромъ села, словно унося съ собою въ невѣдомую даль замолкшія надежды и потухшія мечты о красной долѣ, о золотой мужицкой волѣ...

XXI.

Лебедь бѣлый,
 Лебедь плавный
 На серебряномъ прудѣ,
 Средь усадьбы опустѣлой,
 Какъ остатокъ жизни славной,
 Отражается въ водѣ.

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

Чѣмъ дальше, тѣмъ легче переносила Зося свое положеніе.

Дурнота прошла и хотя двигаться было тяжело, но настроеніе было лучше, и она продолжала свои хлопоты по устройству дѣтской и каждый день подъ руку съ мужемъ ходила въ видѣ прогулки на постройку Евграфовой усадьбы, которую ей хотѣлось убрать какъ игрушку.

Въ головѣ старика, да и въ сердцѣ тоже, образъ Зоси слился окончательно съ тѣмъ другимъ образомъ, которому молился его батюшка-баринъ въ одинокіе долгіе годы. Ему казалось, что мечты Арсенія Михайловича воплотились послѣ его смерти въ награду за вѣрность, и что спящій тамъ на кулигѣ подъ некрашеннымъ крестомъ радуется самъ, видя, какъ горитъ по вечерамъ огонь въ высокихъ окнахъ и мелькаетъ тѣнь женщины въ распашномъ капотѣ, женщины, въ которой совершается теперь великая тайна Божьяго благословенія и благодати. И съ умиленіемъ усаживалъ Евграфъ дорогую гостью на завалинку, подставлялъ ей подъ ноги скамеечку и укутывалъ ихъ, чтобы она не простудилась.

Зося унаслѣдовала отъ отца организаторскія способности; она обдумывала и обсуждала каждую мелочь, и плотникъ Иванъ съ подручнымъ, выпиливая по ея рисункамъ городки, коньки и рѣзные оконныя ставни, не могли надивиться ея вѣрному чутью и глазу. Она велѣла пани Юзынѣ выбрать корову и гнѣздо куръ, Иванъ Николаевичъ отдалъ Евграфу, по желанію ея, одну изъ лучшихъ пахотныхъ кобылокъ, приведенныхъ весною изъ Горокъ, и Зося сама выбрала упряжь, телѣгу и всѣ полевые орудія, по указанію пана Романа. Силантій привезъ съ базара новую посуду и весь нужный скарбъ, а Герасимъ насадилъ вьющихся бобовъ, настурцій и лупиновыхъ около избы и засадилъ огородъ сѣменами и рассадой.

Къ Троицыну дню Евграфъ переселился къ себѣ и справилъ новоселье.

Но всѣ хозяйственныя заботы по усадьбѣ несла и вѣдала его внучатная племянница Агаша, а старикъ съ утра въ своемъ ливрейномъ фракѣ отправлялся въ виллу и обметалъ пыль въ розовомъ будуарѣ и бѣлой дѣтской. Онъ съ нетерпѣніемъ рисовалъ себѣ то маленькое тѣльце, которое будутъ пеленать вотъ на этомъ пеленальномъ столикѣ, обитомъ бѣлою, мягкою, ровно твой бархатъ клеенкою; ку-

пать въ этой отливавшей серебромъ ванночкѣ и катать въ высокой коляскѣ съ зеленымъ опускнымъ зонтикомъ.

И не одинъ Евграфъ ждалъ маленькаго «барина»,—почему-то о «барышнѣ» не было и рѣчи,—вся дворня была особенно ласково-почтительна съ Зосей и высчитывала и гадала о срокѣ радостнаго событія. Уже пріѣхала и цѣлый мѣсяцъ жила въ домѣ Лизавета Ивановна, ходившая неслышно въ мягкихъ особенныхъ туфляхъ и осматривавшая барыню каждое утро. Недѣлю назадъ пріѣзжалъ и тотъ докторъ, котораго рекомендовалъ Феранонтъ Васильевичъ, но котораго почему-то не взлюбилъ Евграфъ. Зося тоже не чувствовала къ нему особой симпатіи и взяла тайкомъ отъ мужа слово съ пани Юзыни, что она выпишетъ непременно больничнаго мрачнаго и молчаливаго доктора, едва начнутся первыя боли. Она совершенно не боялась родовъ и вѣрила, что все сойдетъ благополучно, и потому присутствіе знаменитости считала излишнимъ, а тому знакомому еще съ дѣтскихъ лѣтъ Игнатію Львовичу Яшневу вѣрила безусловно больше.

Черезъ недѣлю послѣ Евграфова новоселья съ Зосей утромъ сдѣлалось совершенно безпричинно дурно, и открылась рвота.

Знаменитость обѣщала быть въ концѣ недѣли, а потому въ Москву была послана эстафета, а пани Юзыня послала Степана за Игнатіемъ Львовичемъ. По расчетамъ всѣхъ, раньше какъ черезъ мѣсяцъ ничего быть не могло, и акушерка увѣряла, что это отъ раковъ, которыхъ очень любила Зося и ѣла цѣлыми десятками.

Но уже къ обѣду сомнѣнія не оставалось. Боли повторились съ ужасающей силой, и лицо Зоси совершенно осунулось. Прежняя увѣренность въ благополучномъ исходѣ смѣнилась тревогой. Она не отпускала отъ себя мужа. Въ эти минуты снова вернулось то душевное размягченіе, которое она уже испытала въ прошлогоднюю болѣзнь, и она хваталась за его руки и прижимала ихъ къ своимъ сухимъ губамъ и молила: «не уходи, помоги!»

А Иванъ Николаевичъ самъ нуждался въ нравственной поддержкѣ.

Всѣ эти муки онъ видѣлъ уже разъ, тѣ же стоны, тѣ же умоляющіе о пощадѣ расширенныя зрачки и бессильныя слезы изъ глазъ обожаемаго, беспомощнаго существа.

И сознаніе своей вины вставало все ярче.

«Да, не смѣлъ жениться, — говорилъ ему давно забытый, когда то дорогой голось:—ты погубилъ меня, ты далъ клятву вѣрности у моего безвременнаго трупа, ты не сдержалъ ее — и вотъ она, расплата...»

Онъ обливался самъ холоднымъ потомъ и трясущимися губами цѣловалъ эти судорожно сжимавшіе его руки пальцы, этотъ залитый каплями испарины разгоряченный лобъ.

Наконецъ, къ вечеру явился Игнатій Львовичъ. Онъ вызвалъ Кольчева изъ спальни и сказалъ:

— Я предупреждаю васъ, что я не акушеръ. Конечно, принимать и мнѣ приходилось, и организмъ вашей супруги я знаю съ дѣтства. Но именно въ виду ея повышенной нервности можно ждать эклампси, и я отвѣчать за исходъ не могу.

Иванъ Николаевичъ пошатнулся. То же названіе онъ слышалъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ.

— Не дай Богъ! Что вы говорите!

— Я счелъ долгомъ предупредить васъ,—и онъ вернулся въ спальню и сталъ у ногъ кровати, стараясь улыбнуться пациенткѣ. И Зося, взглянувъ на него, почувствовала, что ей легче.

— Трубочистъ!—прошептала она.

Игнатій Львовичъ улыбнулся снова.

— Да, да! пани Зося, вашъ трубочистъ...

Въ дѣтствѣ имъ пугали Зосю и, увидавъ доктора первый разъ, она приняла его тогда за трубочиста, благодаря его темному цвѣту лица.

Прошла ночь... новое утро...

Боли повторялись... утихали, а критическій моментъ еще не наступалъ... Знаменитость была въ пути, о чемъ была эстафета, и ее ждали съ часа на часъ.

Наконецъ, въ два часа дня явился этотъ спаситель, и, словно Зося ждала его появленія, раздался вдругъ ея ужасный, нечеловѣческой крикъ. Сквозь запертыя двери пронесся онъ по всему дому, всѣ затаили дыханіе.

Ивана Николаевича не впускали въ спальню, и онъ, облокотившись на письменный столъ и спрятавъ лицо въ свои дрожація ладони, рыдалъ неутѣшно. На его плечо опустилась чья-то рука. Это былъ панъ Романъ.

— Что... что такое?—прошептала Иванъ Николаевичъ.—Кончилось?

— Только начинается... а тебѣ падать духомъ нечего... У насъ съ Юзынею ихъ до Зоси восемьро было... Всѣ благополучно рождались, а не выживали, а съ нею мать трое сутокъ маялась, и она цѣла осталась...

Въ первый разъ говорилъ ему тестъ «ты», рассказывалъ о прошломъ. Вѣдь никогда они ни слова о прошломъ Зосиныхъ родителей и не разспрашивалъ, и его тронуло, что у этого жестокаго къ другимъ челоуѣка нашлись въ тяжелую минуту слова утѣшенія для него.

— Полно, будь мужчиной... Всѣ женщины такъ мучаются... Не она первая, не она и послѣдняя и не въ послѣдній разъ и мучиться такъ будетъ.

— Но моя первая жена умерла... въ такихъ же точно мукахъ умерла...

— А вторая выживет! Ну, пойдемъ наверхъ.

Но когда они поднимались по дубовой лѣстницѣ, внизу открылась дверь, и въ прихожей послышались чьи-то шаги. Это былъ отецъ Никита, за которымъ распорядился послать Евграфъ.

— Что такое?—съ ужасомъ спросилъ опять Иванъ Николаевичъ.

Ему почудилось, что уже все кончено и священникъ пришелъ читать отходную.

— Молитву родильницѣ дать, когда надо будетъ, а пока къ образу принеся ваши свѣчи вѣнчальныя поставить. Матушка моя силой ихъ мнѣ навязала; по женскому убѣжденью, это много родильницѣ муки облегчаетъ...

Тотъ образъ, которымъ благословилъ отецъ Никита Ивана Николаевича подъ вѣнецъ, висѣлъ въ спальнѣ, другихъ, кромѣ, какъ въ столовой, въ виллѣ и не было. Отецъ Никита, покачавъ головой, со вздохомъ зажегъ обѣ свѣчки, капнувъ безъ церемоніи воскомъ на рѣзной кіотъ, водрузилъ ихъ на немъ и положилъ усердный поклонъ «за рабу Божию Софію и чадо ея».

А чадо это уже явилось на свѣтъ. Вслѣдъ за послѣднимъ раздрающимъ крикомъ матери раздался въ отвѣтъ не торжествующе дерзкій крикъ младенца: это даже не былъ пискъ, а какое-то сипѣнье.

Иванъ Николаевичъ былъ въ спальнѣ, онъ не выдержалъ и вломился туда буквально силою. Всѣ трое, оба доктора и акушерка, хлопотали около Зоси, вдругъ смолкшей и закатившей глаза. Предсказаніе мрачнаго врача сбылось, и жизнь ея была на волоскѣ.

О младенцѣ никто не думалъ. Доктора видѣли, что тутъ не было выбора, и акушерка, сунувъ его въ руки пани Юзыни, бросилась обратно къ кровати, откуда шопотомъ раздалось: «Шприцъ!»

Иванъ Николаевичъ сжалъ голову руками и упалъ въ кресло.

Пани Юзыня вынесла младенца въ бѣлую дѣтскую, гдѣ ждали Евграфъ и панъ Романъ.

— Окрестить надо...—шепнула она, и старый Личарда бѣгомъ спустился съ лѣстницы.

Ждавшій въ столовой отецъ Никита поднялся наверхъ, слѣшно погрузилъ вынутый изъ эпитрахили крестъ въ блестящую серебряную ванночку и окунулъ въ нее трижды сморщенный, синѣющій комочекъ.

— Крещается рабъ Божій Арсеній во имя Отца... и Сына... и св. Духа...

Но онъ передалъ воспріемникамъ, Евграфу и Юзынѣ, уже трупикъ... Романъ ушелъ... Онъ не вынесъ вида этого комочка...

На бѣломъ пеленальномъ столикѣ лежало тѣльце младенца, котораго ждали всѣ, для котораго была уготована царская по роскоши дѣтская, но ни мать, ни отецъ не увидѣли его никогда. Пани Юзыня, Евграфъ и отецъ Никита не выдали никому, что это былъ

уродецъ, едва имѣвшій человѣческой обликъ... А акушерка и не разсмотрѣла его даже. Они втроемъ распорядились и похоронами.

Иванъ Николаевичъ не отходилъ отъ Зоси, и когда отецъ Никита шепнулъ ему:

— Мальчикъ умеръ... но окрестить успѣли!— онъ только махнулъ рукою и вернулся на свое кресло у постели жены.

Евграфъ собственноручно вырылъ новую могилу подъ прадѣдовскимъ вязомъ.

— Оба Арсенія, пусть вмѣстѣ и лежать.

Въ наскоро сколоченный, обитый голубымъ атласомъ гробикъ положили завернутое въ батистовое покрывальце то, что должно было бы стать всеобщей радостью и упованьемъ, и къ вечеру уже, когда зажглись юньскія блѣдныя звѣзды, около прежняго холма, усаженнаго цвѣтами, прижался другой крошечный, покрытый вѣтками едва распустившейся бѣлой сирени...

Послѣ нечеловѣческихъ усилій обоихъ докторовъ и дѣйствительно рѣдко внимательнаго ухода акушерки, черезъ три дня положеніе Зоси улучшилось настолько, что явилась увѣренность въ ея спасеніи. Но тутъ возникла новая опасность: какъ приметъ она извѣстіе о смерти младенца? Насколько при первыхъ признакахъ своего положенія она по своему легкомыслію готова была на непростительный шагъ, только бы не прерывать своей веселой жизни, настолько послѣдніе мѣсяцы она все нетерпѣливѣе ждала этого «ненужнаго» ребенка. Она любила говорить съ мужемъ о немъ, о томъ, какъ они будутъ нѣжить и лелѣять и баловать его; и часто, сидя одна въ комнатѣ, улыбалась кому-то совершенно новой, доброй улыбкой и тихо подбирала на эраровскомъ роялѣ колыбельные мотивы.

— Дайте же мнѣ его!—спросила она, придя въ себя, наконецъ.

— Нельзя, Софья Романовна! Докторъ мнѣ настрого запретилъ. Вамъ это вредно... Вы очень слабы еще. Лучше выпейте это.

И Лизавета Ивановна осторожно приподняла ея голову вмѣстѣ съ подушкою лѣвой рукою, а правой влила ей въ ротъ ложку микстуры.

Зося послушно закрыла глаза.

— А когда же будетъ можно?

— А вотъ Богъ дастъ, немножко окрѣпнете. А теперь не разговаривайте. Нельзя...

И она сѣла на свое мѣсто у окна за ширмой. Зося заснула.

Но дни шли. Силы прибывали. Знаменитость, положивъ въ карманъ запечатанный пакетъ съ весьма кругленькою суммой, укатила въ Москву къ другимъ пациенткамъ, и только мрачный докторъ оставался при юной женщинѣ, съ тревогой слѣдя за ея пробужденіемъ къ жизни.

Миноваль уже и девятый день. Все время Зося интересовалась, каковъ изъ себя ея младенчикъ, ея «Арсикъ», какъ она называла его еще до рожденія, на кого похожъ и отчего не слышно сюда его голоса?

И пани Юзыня, и акушерка, и Марѳуша сочиняли ей цѣлыя исторіи, о томъ, что его перевели на ту сторону дома, въ комнату Александры Николаевны, чтобъ не беспокоить ее, что мамка отличная, что его купаютъ ежедневно и т. д. И она вѣрила, и радостно улыбалась, и говорила о крестинахъ. Ее останавливали, заставляли лежать смирно. Но когда входилъ Ивъ, какъ она снова звала мужа, она тихо спрашивала:

— Ты доволенъ нашимъ Арсикомъ?

И онъ, готовый, какъ звѣрь, зарычать отъ боли, тоже улыбался и отвѣчалъ:

— Очѣнь, моя радость.

Но, наконецъ, пришелъ и тотъ день, когда скрывать правды было уже нельзя. Ее подготовляли, говорили, что у него разстроены желудокъ... потому ему будто стало похуже... и, наконецъ, пани Юзыня тихо шепнула:

— Молись, цурка!

Зося догадалась.

— Онъ умеръ?

Мать кивнула головой.

— Но вы покажете мнѣ его хоть мертваго? Я хочу видѣть его... вы не смѣете уносить его, не показавъ мнѣ.

Мать покачала головой.

— Ивъ!—крикнула вдругъ Зося.

Иванъ Николаевичъ подошелъ, какъ виноватый, и, закрывъ лицо, опустился въ свое кресло. Зося отняла его руки... Увидавъ его мокрые глаза и измѣнившіяся, постарѣвшія черты лица, она поняла, что ее давно обманывали.

— Вы сгубили его, чтобы спасти меня, но вы не смѣли этого сдѣлать, не спросивъ, захочу ли я жить безъ него сама... Уйди...— и она отвернулась къ стѣнѣ.

Колычевъ вышелъ и прошелъ въ эту ужасную для него теперь безмысленную дѣтскую...

Нѣтъ! клятва не смѣла быть нарушенной, и онъ несетъ возмездіе, но Зося... за что же ей посланы были сперва эти физическія страданія, а потомъ нравственныя, еще, быть можетъ, горшія?..

А пани Юзыня, скорбно поникнувъ посѣдѣвшей за это время головой, думала:

— Сбылось по слову твоему, цурка!.. Ахъ и зачѣмъ не вышила я за нее покрывало къ образу въ Ченстоховѣ! Не умеръ бы младенецъ.—Но, вспомнивъ его уродство, тихо перекрестилась и, поднявъ глаза къ небу, прошептала:— Видно такъ было нужно...

Зося не упала въ обморокъ, съ ней не сдѣлалось новыхъ судорогъ, какъ опасался докторъ, но она впала въ то подавленное состояніе духа, которое угрожаетъ слабымъ и нервнымъ организмамъ затяжными страданіями на почвѣ анеміи. Это была полнѣйшая апатія ко всему рѣшительно на свѣтѣ, кромѣ нѣкоторыхъ людей, присутствіе которыхъ вызываетъ въ такихъ больныхъ доходящее до физическихъ страданій озлобленіе.

Для Зоси такими людьми сдѣлались мужъ и Лизавета Ивановна. Последнюю щедро наградили и отпустили восвояси, но Иванъ Николаевичъ не сразу понялъ, какъ ему надо держать себя, и доводилъ больную до зубоваго скрежета, освѣдомляясь о ея здоровьѣ или пытаясь поцѣловать.

Наконецъ докторъ взялъ на себя объяснить ему состояніе Зоси и убѣдить уѣхать на нѣкоторое время куда-нибудь по дѣламъ.

Точно молотомъ ударило по сердцу Колычева отъ словъ этого врача, и онъ подозрительно посматривалъ на него. Но тотъ добродушно и съ великимъ сожалѣніемъ глядѣлъ на обиженнаго мужа поверхъ своихъ синихъ очковъ.

— Вотъ что, сударь, скажу я вамъ. Человѣкъ я простой и не салонный, да оно и немудрено—обучался на мѣдныхъ деньги, а только вы вотъ, я вижу, въ дурномъ умыслѣ меня подозрѣвать готовы?.. Я знаю эту барыньку, супругу вашу, чуть не съ семи лѣтъ и скажу прямо: съ ней нельзя такъ обращаться, какъ со всякой смертной. У нея фантазія... ой-ой-ой. И вотъ на эту-то фантазію и смотрѣть какъ на болѣзнь надо. Уѣзжайте теперь и дайте ей время эту фантазію перебороть. Вѣрьте, поправится она, сама первая по васъ соскучится, а теперь вы ее до ненависти къ себѣ доведете. Вы знаете, что это она васъ винитъ, что младенецъ не выжилъ? Вотъ вы ее тутъ англійскими да французскими книгами къ материнству подготавливали, а она изъ нихъ другое вычитала, и вчера меня на эту тему часъ экзаменовала: можетъ ли дѣйствительно прошлая жизнь отца вліять на слабость ребенка? Я ей тоже, когда она выздоровѣетъ окончательно, лекцію прочту, какъ должна мать съ момента несомнѣнныхъ признаковъ своего положенія не о балахъ и пляскахъ, а о младенцѣ думать... Но теперь это будетъ лишь масло въ полымя. А когда она васъ вернетъ, то мой совѣтъ,—выпишите вы хоть самого Захарына, и онъ вамъ тоже скажетъ:—уѣзжайте съ ней за границу, въ новую обстановку, въ новыя мѣста. Все тамъ перемелется. И ручаюсь вамъ,—вы будете еще и счастливымъ мужемъ, и еще болѣе счастливымъ отцомъ.

Иванъ Николаевичъ крѣпко пожалъ протянутую руку.

— Хорошо и согласенъ уѣхать. Да и предлогъ есть. Надо въ Горки, а оттуда махну и къ сестрѣ въ Питеръ. А вы дайте мнѣ слово, что не забросите Зосю и будете, если не ежедневно, то хоть дважды въ недѣлю сообщать мнѣ, какъ обстоитъ дѣло.

Игнатій Львовичъ обѣщалъ.

Черезъ полчаса Иванъ Николаевичъ позвонилъ Василю и Силантію и велѣлъ собираться въ дорогу. Передъ обѣдомъ онъ пришелъ къ женѣ и, сдѣлавъ надъ собой громадное усиліе, произнесъ:

— Опять исторія съ Горками! Какъ никакъ, надо ѣхать немедленно самому. Докторъ меня успокоилъ, что всякая опасность миновала и я могу ѣхать съ чистою совѣстью, поручивъ тебя матушкѣ и Евграфу. Итакъ, до свиданія, дорогая! Послѣ обѣда ты, вѣрно, уснешь до вечера, а я хочу выѣхать по холодку и тронусь въ восемь часовъ.

И онъ довольно холодно поцѣловалъ ее въ лобъ и вышелъ изъ этой комнаты, гдѣ пережилъ столько счастья и столько муки...

Шла уже четвертая недѣля съ отъѣзда Ивана Николаевича.

Опять цвѣли липы и жужжали пчелы, и бѣлая виλλα глядѣлась въ прудъ, и по утрумъ Степанъ скакалъ съ почтовой сумкой по безрешовой просѣлкѣ.

Зося сидѣла въ качалкѣ на террасѣ и глядѣла на старый вязъ, подъ сѣнью котораго спалъ ея Арсикъ. Всѣ ея мечты, вспыхнувшія годъ назадъ, осуществились, но развѣ не отдала бы она цѣликомъ это богатство, чтобы держать на рукахъ живымъ и теплымъ то холодное, не жившее на свѣтѣ, не выдавшее всей этой чарующей декорации тѣльце, которое лежитъ тамъ въ землѣ рядомъ съ семидесятилѣтнимъ старикомъ? И она глубоко вздохнула. Сегодня утрумъ у нея былъ ея трубочистъ-докторъ и прочелъ ей длинное правоученіе, какъ надо быть осторожной впредь, и она съ краской въ лицѣ вспомнила свою выходку послѣ бала. Какъ ни готова она была обвинять мужа за его легкомысленный образъ жизни до женитьбы на ней,—но слабость невыжившаго младенца ложилась еще, быть можетъ, большею виною на ея легкомысліе. По мужу она пока не скучала, но уже думала о немъ безъ раздраженія.

Отъ этихъ мыслей ее оторвало появленіе Оедьки съ корреспонденціей. На серебряномъ подносѣ лежало розовое раздушенное письмо со знакомымъ, давно, давно невиданнымъ почеркомъ. И, какъ годъ тому назадъ, у нея радостно вырвалось:

— Отъ Олеси!..

Молодая графиня Свентицкая писала ей, что Зося не можетъ и не смѣетъ сѣтовать на ея долгое молчаніе.

«Мы были съ тобою дружны съ дѣтства, мы дѣлились всѣми мыслями и мечтами, и я считала тебя одной изъ самыхъ преданныхъ дочерей нашей несчастной ойчизны. Пойми же, какое впечатлѣніе произвело на меня твое письмо, гдѣ ты сообщала о бракѣ съ москалемъ! Поставь себя на мое мѣсто и отвѣть, положи руку на сердце: отнеслась ли бы ты ко мнѣ иначе, чѣмъ съ досадою, разочарованіемъ и... прости... презрѣніемъ. Я поняла тебя,—ты мстила Стасю за то, что у него не хватило мужества жениться на тебѣ, зная, что

отецъ твой не богатъ,—и я не оправдываю его. Но я знаю, что въ его полку жизнь обходится вчетверо дороже, чѣмъ вездѣ въ другихъ, и не могу судить его строго зато, что, любя тебя, онъ не хотѣлъ обречь на лишеныя, потому что вы бы не могли жить такъ, какъ его другіе женатые товарищи... Но вчера у насъ былъ Сванковскій, онъ очень занятъ это время, и мы его съ прошлаго лѣта не видали. Онъ говорилъ, что встрѣтилъ тебя какъ-то съ мужемъ въ Москвѣ, и что, судя по твоимъ брилліантамъ и парижскому платью, ты, должно быть, очень богата. Ему ты высказала готовность служить нашей дорогой родиной. Если это не были пустыя рѣчи, просто фраза, чтобы извинить свою измѣну всему прошлому,—устрой такъ, чтобы еще нынѣшнимъ лѣтомъ или осенью намъ встрѣтиться, лучше всего за границей, и назначь, гдѣ ты будешь ждать меня»...

На другой день, въ этотъ самый часъ далеко на сѣверѣ, въ одномъ изъ роскошныхъ царскихъ парковъ, у плещущаго фонтана, гдѣ тоже вокругъ цвѣли липы и жужжали въ ихъ листьѣ хлопотливыя пчелы, высокій бородатый человѣкъ со сросшимися дугами бровей рассказывалъ полной и немножко старомодно одѣтой дамѣ о пережитой имъ душевной мукѣ.

Словно въ дѣтствѣ внимательно слушала Сашенька брата, но теперь она вполне понимала его. Она переживала съ нимъ всѣ фазисы его счастья и страданій, она сама чувала, что несчастные роды могли гибельно отозваться на отношеніяхъ Зоси къ мужу, но она все-таки утѣшала его и своимъ мягкимъ голосомъ говорила:

— Все перемелется, Ваня! И этотъ черный докторъ умница, что услалъ тебя. Вѣрь мнѣ, Зося такъ же любить тебя, какъ и прежде. Это только болѣзнь говорить въ ней. Вотъ ты увидишь, не сегодня—завтра придетъ отъ нея письмо, и она станетъ умолять тебя скорѣе вернуться въ Колычево. Конечно, поѣзжайте тогда за границу. Ей будутъ слишкомъ тяжелы эти свѣжія воспоминанія. Вотъ и Simon тоже собирается. Докторъ посылаетъ его куда-нибудь въ Швейцарію на Женевское озеро. Сговоримся и съѣдемся вмѣстѣ... А? вѣдь чудесно будетъ!..

И Ивану Николаевичу тоже начинало казаться, что не такъ ужъ все ужасно, какъ онъ рисовалъ себѣ эти послѣднія недѣли... Что дѣйствительно каждый день, каждый часъ можетъ вернуться счастье, и Зося потребуетъ его возвращенія. Она не отвѣчаетъ на его письма, потому что еще не совсемъ здорова, но Игнатій Львовичъ сообщалъ, что часъ его лекціи уже приближается. Значитъ, ей много лучше...

И, поцѣловавъ руку сестрѣ, онъ вымолвилъ:

— Ахъ! Санюшка, Санюшка! Не даромъ Simon называетъ тебя своими валеріановыми каплями.

Встрѣчная гувернантка въ сопровожденіи двухъ подростковъ въ бѣлыхъ расшитыхъ юбочкахъ, торчавшихъ широко на пышныхъ кринолинахъ, шарахнулась въ сторону, замѣтивъ его поцѣлуй.

— Quelle indécence! — подумала старая дѣва... — On s'amou-
rache à tous les âges en Russie?

И она увела своихъ питомицъ на боковую дорожку.

А братъ съ сестрой сѣли въ поджидавшій ихъ у фонтана экипажъ и поѣхали по благоуханнымъ, тѣнистымъ аллеямъ любоваться чудными царскими дворцами.

Вернувшись къ шести часамъ на дачу, Сашенька нашла у себя въ гостиной срочную депешу изъ Колычева.

— Отъ Зоси! — радостно крикнула она брату.

Тотъ открылъ ее трясущимися руками.

«Соскучилась... жду... Приѣзжай поскорѣе. Зося».

— Нѣтъ, ты не валерьяновыя капли... Ты прямо пророчица...

И онъ чуть не задушилъ сестру въ своихъ могучихъ объятіяхъ.

Еще черезъ двѣ недѣли бѣлая вилла стояла пустая.

Словно мертвыя очи, закрылись ставнями ея высокія окна. Люстры, зеркала и мебель были завѣшаны и одѣты чехлами. Вольерка перенесена въ Зосинъ мезонинъ, и обѣ борзья лежатъ у пана Романа въ кабинетѣ на старомъ диванѣ. Лебеди одни плаваютъ по пруду и долго держатся у мраморныхъ ступеней, но никто не выходитъ изъ бѣлой залы кормить ихъ. Пусто на террасѣ. Убраны боченки, кашалки и статуи, а лавры и олеандры перенесены въ оранжерею. Ни звука, ни шага. Шелестятъ одни высокіе клены, и что-то грустное и непонятное слышится въ шопотѣ узорныхъ листьевъ.

Отъ Евграфовой усадьбы уже протоптана узкая дорожка къ валу, обсаженному боярышникомъ, и каждое утро высокій старикъ съ лейкой проходитъ въ сопровожденіи бѣлоголоваго и босоногого правнука Михалки на кулигу подъ вязомъ. Польетъ роскошныя цвѣты на обѣихъ могилахъ, обмететъ цѣпкую паутину съ крестовъ, а потомъ сядетъ на дерновую скамью и думаетъ тихую думу.

И шепчутъ провалившіяся старческія губы:

— Батюшка баринь! Дорогой мой батюшка-баринь!

М. Г. Веселкова-Нильштетъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ДАВНИЕ ЭПИЗОДЫ.

Н. А. Энгельгардтъ и М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.

I.

ПРАВДАННЫЙ по суду и высланный въ административномъ порядкѣ, по высочайшему повелѣнію, подъ явный полицейскій надзоръ безъ права выѣзда за границу и въ университетскіе города, бывшій профессоръ лѣсного института Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ пріѣхалъ въ мѣсто ссылки своей—родовое имѣніе Батищево, Смоленской губерніи, Дорогобужскаго уѣзда 6-го февраля 1871 года.

Въ Петербургѣ провожали опальнаго—Павель Александровичъ Лачиновъ, химикъ и лаборантъ его, и первая русская женщина-химикъ Волкова. Лачиновъ передалъ А. Н. Энгельгардту пятьсотъ рублей—половину Ломоносовской преміи, полученной за изслѣдованіе о фенолахъ—ихъ совмѣстную работу. Эта скромная сумма и составила весь оборотный капиталъ, съ которымъ бывшій гвардеецъ, литейщикъ и профессоръ началъ хозяйство въ запущенномъ, бездоходномъ, одичаломъ Батищевѣ.

Волкова, ученица А. Н., поднесла ему подарокъ—большую готвальню съ циркулями замѣчательной работы... Вещь хранится у пишущаго эти строки.

Зима 1871 года была ужасная, памятная свирѣпѣйшими морозами. Уѣзжая изъ Петербурга, опальный профессоръ одѣлся очень

тепло, но совершенно непрактично: городское платье, высокія валенки, тяжелая теплая шуба, длинный шарфъ. Въ чемоданъ захватилъ съ собою множество агрономическихъ книгъ.

Въ числѣ провожавшихъ была еще одна близкая родственница, немолодая помѣщица, долго жившая и хозяйствовавшая въ деревнѣ и вдругъ пріѣхавшая въ столицу искать новой дѣятельности.

— Не знаю, не знаю,—говорила опытная родственница:—дай тебѣ Богъ справиться съ хозяйствомъ; можетъ быть, оно у тебя и пойдетъ, только не знаю... Одного боюсь: сопьешься ты въ деревнѣ.

— Отчего?

— Такъ. Мало ли бывало такихъ, которые ѣхали въ деревню полные силъ, съ жаждой дѣятельности, а тамъ спились. А умнѣйшіе были люди!

— Да отчего же?

— Ты подумай только, что всегда будешь одинъ; представь себѣ только зиму, длинные вечера... Если бы васъ собралось нѣсколько въ одно мѣстѣ...

— Не сопьюсь.

Съ этими словами сѣлъ бывший профессоръ въ вагонъ.. Зазвонили, поѣхали. Холодъ въ вагонѣ неимовѣрный. Хотя онъ былъ одѣтъ въ теплую шубу, высокія валенки, обвязанъ шарфомъ, но, проѣхавъ нѣсколько станцій въ нетопленномъ и почти пустомъ вагонѣ,—кромѣ него, былъ еще одинъ только пассажиръ,—онъ не могъ далѣе терпѣть. Морозъ въ 30° такъ донялъ, что онъ положительно не могъ дышать холоднымъ воздухомъ: горло захватило, разболѣлось, трясеть лихорадка... Не выдержалъ, приплатилъ и пересѣлъ въ отопливаемый вагонъ перваго класса. Тогда, сорокъ лѣтъ тому назадъ, прочіе вагоны топить не полагалось.

«Вотъ такъ дѣятель!—думалось ему.—Что же я буду дѣлать въ деревнѣ, какъ буду хозяйничать, если не могу вынести даже нѣсколько часовъ на морозѣ?!»

Онъ утѣшился только тѣмъ, что другой пассажиръ, сидѣвшій въ одномъ съ нимъ вагонѣ, еврей, тоже не выдержалъ,—а на что ужъ крѣпкій насчетъ конейки народъ еврей,—и одновременно пересѣлъ въ отопливаемый вагонъ.

Утромъ пріѣхали на станцію, гдѣ слѣдовало пересѣсть на другую линію. Новые вагоны оказались еще хуже прежнихъ. То были маленькіе вагончики, въ родѣ четырехмѣстныхъ каретъ съ дверцами по обѣимъ сторонамъ по какому-то прусскому образцу. Въ 30° мороза сидѣть въ маленькой будочкѣ, съ дверями по обѣимъ сторонамъ! А пассажировъ всего двое. Вагоны не отопливались, но подъ сидѣньемъ на станціяхъ клали какія-то, тоже, видно, рѣмецкія, грѣлки, отъ которыхъ пользы тѣмъ было меньше, что поѣздъ поминутно останавливался. Пріѣдетъ на станцію, положить

грѣлки, отъѣдетъ, и остановится въ полѣ. И стоитъ, стоитъ... А посмотри изъ окна вагона туда, гдѣ предстояло жить и дѣйствовать,—снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ! Все занесло снѣгомъ, все замерзло, и если бы не дымокъ, выходявшій изъ занесенныхъ снѣгомъ избушекъ, мелькавшихъ по сторонамъ дороги, то можно было бы подумать, что ѣдешь по необитаемой тундрѣ.

Опальный профессоръ всматривался въ эти избушки и думалось ему, какъ это живутъ тамъ, какъ онъ будетъ жить, что онъ будетъ дѣлать, какъ будетъ хозяйничать...

И стучало въ головѣ зловѣщее предсказаніе старой родственницы:

— Сопьешься ты въ деревнѣ. Мало ли бывало... Всѣ спивались. А умнѣйшіе были люди!

II.

Пустынно и непріютно было въ запущенномъ Батищевѣ. Въ мрачныхъ, почернѣлыхъ срубахъ стараго дома было не теплѣе, чѣмъ въ вагонѣ. Топи—не натопись. За ночь тепло выносить. Къ утру вода въ умывальникѣ замерзаетъ. Кругомъ лѣса, кусты; дичь и глушь. Сосѣдей-помѣщиковъ нѣтъ, всѣ разбѣжались на службы разные. Крестьяне бѣдны, невѣжественны, ходятъ въ лаптяхъ, ѣдятъ «пушной хлѣбъ», да и того не хватаетъ до нови, побираются «въ кусочки». Въ имѣніи все развалилось, все—гниль и прорѣха... Десять лѣтъ прошло съ положенія 19-го февраля, десять лѣтъ реформъ. И статья подъ такимъ заглавіемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась.

И въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Валентина Корша передовики писали «stile perle», какъ мы сильно двинулись впередъ, что народъ просвѣтился и всюду идетъ кипучая дѣятельность: строятся дороги, учреждаются школы, больницы, вводятся улучшения въ хозяйствѣ. А на самомъ дѣлѣ...

Въ Батищевѣ былъ староста—мужикъ съ бабой. Они сами кормились и что-то сѣяли, что-то собирали, держали какую-то скотинку. Разъ въ годъ отсылали они даже барину въ Питеръ сто рублей «дохода». Однако брошенные на произволъ судьбы постройки разрушились. Началось, быть можетъ, только съ того, что крыша въ хоромахъ гдѣ-нибудь прогнила и дала течь. Положить двѣ-три тесины—и крыша поправлена, но кому объ этомъ подумать? Нѣтъ хозяина, въ домѣ никто не живетъ. Стекла въ слуховыхъ окнахъ на чердакѣ выбили кошки и птицы, рамки въ нихъ выгнили, на потолокъ наматаетъ снѣгу, и никто его не очищаетъ; потолокъ и крыша разрушаются все болѣе и болѣе; трубы и печи отъ сырости размокаютъ; обои отклеились и висятъ лохмотьями; балконы, крыльца подгнили и подкосились—разрушаются. Стекла въ ок-

Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ
въ 1861 г.

нахъ выбиты вѣтромъ, птицами, въ комнаты набиваетъ снѣгу—
поль гниётъ, рамы гниють, петли, задвижки, замки ржавѣють...

Гдѣ стоить былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались клики—
Надгробные тамъ вѣють лики...

Кое-какъ насѣхъ починили рамы и заткнули дыры и нѣсколько протопили промерзлыя стѣны прадѣдовскаго дома; сидя за непокрытымъ скатертью, неуклюжимъ, еще работы крѣпостного мастера-самоучки столомъ, въ валенкахъ, живо ощущая, какъ несетъ морозомъ въ щели шаткаго пола, ужиналъ селедкою съ лукомъ опальный химикъ, и предъ нимъ горѣла и нагорала сальная свѣча въ мѣдномъ «шандалѣ». Въ 1871 г. крестьяне Дорогобужскаго уѣзда освѣщались лучиной, а стеариновыя свѣчи надо было съ собой догадаться привезти изъ столицы, а теперь за ними предстояло посылать «въ городъ» за пятьдесятъ верстъ. Староста же могъ сыскать лишь сальную свѣчу, да и ту поглodанную мышами. Онъ самъ освѣщался лучинкой, а чаще «сумерничалъ» и заваливался спать безъ свѣта. Но въ чемоданѣ профессора были агрономическія книги, подаренная химикомъ Волковой готовальня, галстуки, крахмальные сорочки, а стеариновыхъ свѣчей не было...

Мрачно вокругъ. Въ углахъ мгла, на потолкѣ причудливыя пятна и узоры отъ протекавшей много лѣтъ дождевой воды. Обои отстали полотнищами. Сверчокъ кричитъ. Мыши возятся, пищать, грызуть. Въ темныхъ сосѣднихъ покояхъ порохи, потрескиваніе. Словно въ самомъ дѣлѣ бродятъ тамъ безплотныя «надгробныя лики» безликіе... Въ окна напираетъ ночная мгла. Метель поропить снѣгомъ, гудить и воеетъ въ трубѣ, стучитъ вьюшкой. Отъ сырыхъ печей угаръ идетъ. Звенить въ ушахъ. Кровь приливаетъ. Жутко. Тоскливо. Какъ жить? Чѣмъ жить? съ чѣмъ къ хозяйству приступить? Одинъ, одинъ отшельникъ, забыть, заброшенъ. Кругомъ лѣса, волки, снѣга, дикари, ни близкаго, ни друга. Опальный, поднадзорный, лишенный свободы, общества, научныхъ привычныхъ занятій, во власти пьянаго станового...

Припомнилась ему ночь, проведенная проѣздомъ въ 1866 году въ этомъ самомъ домѣ, когда былъ живъ и проживалъ въ Батищевѣ одинъ изъ его братьевъ. Тяжело контуженный въ печальной памяти Венгерскую кампанію, мучительно онъ страдалъ головными болями «къ погодѣ», и осаждали его тогда видѣнія галлюцинацій. Вотъ и легли они спать въ одной комнатѣ. Но къ полуночи А. Н. проснулся отъ стоновъ брата. Въ сумракѣ видитъ, что тотъ сидитъ на кровати, схватившись руками за голову, стонетъ, трясется и качается отъ боли. Потомъ вдругъ достаетъ изъ-подъ кровати огромную, припасенную какъ домашнее анестезирующее средство бутылъ наливки, сдобренной въ мѣру чистымъ спиртомъ, и

начинаетъ пить прямо изъ горлышка... Потомъ бормочетъ, отмахивается и вдругъ срываетъ со стѣны заряженный пистолеть... Трахъ! въ окно. Со звономъ сыплются стекла. Это ему чудится, что въ окно лѣзутъ венгры. Ни живъ, ни мертвъ лежитъ А. Н. въ своей постели. Опять появляется бутылъ. Опять прикладываніе къ горлышку. И вдругъ срываетъ со стѣны другой пистолеть. Тр-р-ахъ! Влѣпилъ зарядъ въ стѣнку прямо надъ головой брата. Тутъ послѣдній, не говоря ни слова, сползъ съ кровати да изъ комнаты вонъ на четверенькахъ... Припомнилась теперь эта ночная сцена опальному профессору. И опять зазвучали въ ухахъ зловѣщія слова престарѣлой помѣщицы:

— Сопьешься ты въ деревнѣ!

:II.

Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ въ деревнѣ не спился. Помощью знаній изъ средствъ самаго имѣнія не только создалъ онъ образцовое хозяйство, послѣ его смерти пріобрѣтенное министерствомъ земледѣлія, но выработалъ систему хозяйства для всей средней полосы Россіи, здѣсь повсемѣстно воспринятую землевладельцами и даже крестьянствомъ, что было признано и отмѣчено покойнымъ хозяиномъ Ѳ. Ромеромъ, наконецъ, онъ привлекъ цѣлое движеніе молодежи въ Батищево, благодаря своимъ «Письмамъ изъ деревни», которыя помѣщалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Щедрина и Некрасова. Съ 1877 года по 1884 г. въ Батищевѣ работало 79 человекъ молодыхъ интеллигентовъ. Изъ нихъ 14 получили аттестаты объ умѣнии ими исполнять всѣ полевыя работы отлично. Было и нѣсколько попытокъ создать особыя рабочія интеллигентныя колоніи. Но шесть лѣтъ съ 1871 по 1877 годъ А. Н. провелъ одинъ въ неустанномъ трудѣ и борьбѣ съ природой.

Съ 9-го апрѣля 1871 года почти по день смерти своей 21 января 1893 года А. Н. Энгельгардтъ велъ дневникъ, который находится у пишущаго эти строки. Природа и хозяйство, метеорологическія, ботаническія и агрономическія наблюденія преимущественно составляютъ содержаніе дневника, но немало въ немъ и характеристикъ разныхъ лицъ, мѣткихъ замѣчаній и мыслей.

А 31-го марта 1871 года, то-есть черезъ два мѣсяца послѣ пріѣзда въ Батищево, онъ получилъ письмо изъ Петербурга отъ извѣстнаго сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, который съ 1868 года былъ однимъ изъ фактическихъ редакторовъ «Отечественныхъ Записокъ», а въ 1877 году, послѣ смерти поэта Н. А. Некрасова, официально утвержденный редакторомъ журнала, руководилъ имъ до самаго его запрещенія въ апрѣлѣ 1884 г. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ Щедринъ переписывался съ А. Н. Энгельгардтомъ, и въ рукахъ нашихъ находится двадцать одно его письмо.

Весьма содержательныя, письма сатирика дополняются какъ дневникомъ А. Н. Энгельгардта, такъ и обширной перепиской послѣдняго съ разными лицами за всѣ эти годы и, наконецъ, личными воспоминаніями и запасомъ слышаннаго нами.

Значеніе писемъ сатирика Салтыкова-Щедрина къ автору «Писемъ изъ деревни» выступаетъ особо рельефно, если принять во вниманіе, что въ біографіи, или, точнѣе, въ «Матеріалахъ для біографіи М. Е. Салтыкова», составленныхъ К. К. Арсеньевымъ и приложенныхъ къ третьему изданію 1894 г. сочиненій сатирика и послѣдующимъ, періоду его жизни съ 1868 г. по кончину отведено всего восемь неполныхъ страницъ изъ 113. Итакъ, самый кипучій и плодотворный періодъ литературной и издательской дѣятельности Михаила Евграфовича совершенно почти остался не изслѣдованнымъ, и г. Арсеньевъ самъ признается: «неизданныхъ или мало извѣстныхъ матеріаловъ, которые относились бы къ послѣднимъ двадцати пяти годамъ жизни Салтыкова, въ нашихъ рукахъ нѣтъ почти вовсе. Намъ доставлено лишь нѣсколько писемъ Салтыкова къ его дѣтямъ, и одно письмо отъ 2-го января 1881 г. къ писателю, только что передъ тѣмъ напечатавшему разборъ одного изъ произведеній Салтыкова». Итакъ, письма Щедрина къ Энгельгардту значительно пополняютъ матеріалы для біографіи сатирика, собранные г. Арсеньевымъ. Живость и откровенная содержательность писемъ столь замкнутого всегда въ себѣ Салтыкова объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что Салтыковъ очень любилъ А. Н. Энгельгардта и ихъ связывали, черезъ женъ, нѣкоторыя семейныя узы. Но тутъ необходимо отступленіе, при чемъ мы будемъ пользоваться уже мемуарами и архивомъ извѣстнаго лексикографа, Николая Петровича Макарова.

IV.

Въ началѣ 1836 года, послѣ временной отлучки въ деревню, Н. П. Макаровъ вновь поступилъ въ Литовскій полкъ, гдѣ раньше служилъ, и оказался среди прежнихъ полковыхъ товарищей въ Ораніенбаумѣ.

Тотчасъ же по прибытіи въ полкъ, онъ познакомился и сошелся очень близко съ однимъ молодымъ офицеромъ, Болтинымъ, только что выпущеннымъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Это былъ добрый, честный, умный и лихой малый, хорошій товарищъ, но не изъ самыхъ ретивыхъ служакъ и далеко не изъ лучшихъ фронтовиковъ. Времена были строія. Приходилось ему выслушивать распеканія грозныхъ командировъ. Сиживаль и на гауптвахтѣ. Живя въ Ораніенбаумѣ, Болтинъ часто ѣздилъ въ Кронштадтъ, подружился со многими моряками и воспылялъ страстью къ морской службѣ. Но переходъ изъ пѣхоты во флотъ—вещь не легкая. Для этого необходимо получить специальное образованіе,

которое давалъ только одинъ морской корпусъ, но никакъ не школа подрапорщиковъ.

Болтинъ не убоился бездны морской премудрости и принялся съ необыкновеннымъ рвеніемъ и настойчивостью за изученіе теоріи морской науки подъ руководствомъ отличнаго моряка, впоследствии контръ-адмирала Юхарина. Восемь мѣсяцевъ трудился онъ безъ усталы, день и ночь, отказался отъ всѣхъ удовольствій и развлеченій, никуда, безъ крайней надобности, не выходилъ изъ квартиры. Затѣмъ съ полнымъ успѣхомъ сдалъ морской экзаменъ и былъ переименованъ изъ гвардейскихъ подпоручиковъ прямо въ лейтенанты, то есть получилъ одинъ лишній чинъ.

Родители Болтина, люди богатые, жили въ Нижегородской губерніи и имѣли большое семейство: шестерыхъ сыновей и двухъ дочерей. Последнія воспитывались въ Смольномъ монастырѣ, изъ котораго вышли именно въ то самое время, когда Н. П. Макаровъ, возвратясь изъ Костромской деревни, снова вступилъ на службу и познакомился съ ихъ братомъ, будущимъ морякомъ. Старшій ихъ братъ, Аполлонъ Петровичъ Болтинъ, получившій образованіе въ бывшемъ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, служилъ тогда въ Петербургѣ въ одномъ изъ министерствъ. Мать Болтиныхъ приѣхала изъ деревни за дочерями и остановилась именно у старшаго сына Аполлона Петровича на Сергіевской. Она прожила въ Петербургѣ съ полгода. Макаровъ познакомился съ Болтиными и страстно влюбился въ младшую изъ дѣвиць.

Въ глубокой старости онъ такъ характеризовалъ Александру Петровну Болтину:

«Она была однимъ изъ прекраснѣйшихъ и весьма рѣдкихъ женскихъ созданій, которыя время отъ времени являются на землѣ съ высокимъ назначеніемъ—поддержать и укрѣпить слабѣющую по временамъ вѣру въ настоящую женщину, то есть дѣйствительность ея высокаго значенія въ цивилизованномъ обществѣ, и въ отношеніи нравственномъ, гражданскомъ и гуманномъ. Однимъ словомъ, распространить и укрѣпить вѣру, что женщина призвана въ жизни не для того только, чтобы продолжать родъ человѣческой, но чтобы, съ тѣмъ вмѣстѣ, чрезъ обаятельное содѣйствіе, исправлять, улучшать, облагораживать нашу расу».

Въ 1836 году Александрѣ Петровнѣ было восемнадцать лѣтъ. При высокомъ, стройномъ ростѣ и дивной таліи, при широкихъ, аристократически-закругленныхъ плечахъ и лебединой шеѣ, у нея была привлекательная головка, которая очаровывала и поражала не столько физическою красотою, какъ отраженіемъ высокой душевной, нравственной красоты. Черные, но не какъ смоль, а съ каштановымъ отливомъ, густые, длинные и шелковистые волосы вѣнчали эту прекрасную головку. Большіе, сѣрые и чудной формы глаза, то веселые, живые, добрые, то гордые и слегка насмѣшливые,

или порою задумчивые, выражали сознание собственного достоинства, умъ и дѣвственную непорочность мыслей и желаній.

Высокое чело, прямой носъ и всѣ остальные черты лица были до того законченны и пропорціональны между собою, что самый талантливый и строгій художникъ не нашелъ бы возможности прибавить къ нимъ или убавить у нихъ.

Александра Петровна была умна. Но умъ ея не поражалъ бойкостью, часто не женственною, а былъ необыкновенно ясенъ, положительень, остороженъ и нѣсколько—какъ выражается Н. П. Макаровъ—«костичень, но только въ самомъ аттическомъ значеніи послѣдняго эпитета».

Сердце у Александрины Болтиной было до безконечности, до невѣроятности доброе, сострадательное и великодушное. Характеръ очаровательный—безусловно честный, прямой, но болѣе сосредоточенный, нежели изліятельный, кроткій, веселый и чрезвычайно ровный, безъ малѣйшихъ крайностей, которыхъ она не терпѣла и всячески избѣгала. Она была одарена рѣдкимъ постоянствомъ чувствъ. Не легко, не скоро кого полюбить; но, полюбивши разъ, уже никогда не измѣняетъ своихъ чувствъ, своего расположенія, всегда ровнаго, одинаковаго и въ прочность котораго можно было слѣпо вѣрить. А въ довершеніе всего она была превосходная музыкантша. Ученица Герке, она прекрасно играла на фортепьяно и, обладая высокимъ, звучнымъ, серебристымъ сопрано, училась у Каваса и пѣла очаровательно, пѣла и итальянскую, и французскую, и русскую музыку.

И умерла двадцати трехъ лѣтъ.

V.

Николай Петровичъ Макаровъ сдѣлалъ предложеніе, получилъ согласіе самой Александрины Болтиной, ея матушки, сочувствіе братьевъ и былъ на седьмомъ небѣ. Лишь объ одномъ всѣ они забыли,—что въ нижегородской деревнѣ остался нѣкій строгій и нравный старикъ, котораго предварительцо «не дурно было бы спросить», такъ какъ его отцомъ не даромъ называютъ.

Макаровъ и Александра Болтина объявлены были женихомъ и невѣстой. Вдругъ письмо отъ отца такого, между прочимъ, содержанія:

«Я такъ давно не видалъ мою дочь—(изъ николаевскихъ институтовъ воспитанницъ домой не отпускали почти никогда)—и потому не могу согласиться на предложеніе, сдѣланное ей г. Макаровымъ, прежде, чѣмъ не увижусь и не переговорю съ нею».

Повѣсилъ носъ восторженный женихъ. Недѣли двѣ послѣ того Болтина съ дочерью уѣхала изъ Петербурга къ мужу. А спустя еще цѣлыхъ четыре мѣсяца томительнаго ожиданія въ декабрѣ

1836 года къ Макарову явился старшій Болтинъ и объявилъ, что онъ получилъ отъ отца письмо, въ которомъ между прочимъ значилось: «Не могу согласиться на бракъ моей дочери съ г. Макаровымъ, потому что дочь моя слишкомъ молода». Николай Петровичъ заболѣлъ, потомъ впалъ въ мрачную меланхолію, и кончилъ бы самоубійствомъ, если бы не нѣжныя заботы о немъ добрѣйшей его тетки княгини Марьи Павловны Волконской. Да и молодость пересилила. Однако Петербургъ сталъ ему невыносимъ, и онъ рѣшилъ перейти въ армейскую кавалерію и уѣхать въ провинцію.

Въ это время Россія понесла грозную, невознаградимую утрату. 29 января 1837 года, въ день рожденія великаго князя Михаила Павловича находился Н. П. Макаровъ на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ и тамъ услышалъ роковую вѣсть о поединкѣ великаго поэта. А потомъ въ одномъ изъ журналовъ въ черной рамкѣ появилось краткое извѣстіе:

«Солнце русской поэзіи закатилось: Пушкина не стало».

Личное горе слилось съ этимъ ударомъ общественнаго несчастья.

«Горько заплакалъ я,—разсказываетъ Н. П. Макаровъ,—такъ глубоко, такъ высоко и свято чтить я геній величайшаго, остроумнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ русскихъ поэтовъ; такъ болѣзненно была для меня эта утрата. Я поспѣшилъ въ квартиру усопшаго сѣвернаго барда—проститься съ его бранными останками. Это было гдѣ-то близъ Конюшенной, кажется, на Мойкѣ, въ нижнемъ этажѣ. Посѣтители входили и выходили изъ небольшой комнаты, среди которой на столѣ стоялъ открытый гробъ поэта. Въ сторонѣ на возвышеніи сидѣлъ какой-то художникъ и снималъ портретъ съ покойнаго. Сильное впечатлѣніе произвело на меня блѣдное лицо усопшаго, на которомъ, казалось, остались слѣды предсмертныхъ страданій и неотмщеннаго оскорбленія... Дня черезъ два затѣмъ я присутствовалъ на похоронахъ великаго поэта. На другой же день этихъ похоронъ я подалъ прошеніе о переводѣ меня въ рижскій драгунскій полкъ, квартировавшій въ одной изъ отдаленныхъ губерній. Жизнь въ Петербургѣ сдѣлалась для меня еще мрачнѣе, грязнѣе, холоднѣе, нестерпимѣе»

VI.

Великій князь Михаилъ Павловичъ путешествовалъ тогда по Европѣ. Потому прошеніе Н. П. Макарова, отправленное за границу, все гонялось за начальникомъ изъ одного мѣста въ другое. Между тѣмъ сила и постоянство любви, какія выказала Александра Петровна Болтина въ продолженіе разлуки съ женихомъ, подѣйствовали на упрямаго старика, отца ея. Въ апрѣлѣ 1837 года Макаровъ получилъ письмо отъ стараго Болтина, который писалъ:

Убѣдившись въ искренней и глубокой любви къ вамъ моей дочери,

я даю свое согласіе на бракъ ея съ вами». Невообразимо было счастье Н. П. Макарова. Сейчасъ узналъ объ этомъ весь полкъ. Получа дозволеніе жениться и 28-дневный отпускъ, Макаровъ въ половинѣ апрѣля оставилъ Петербургъ, ѣхалъ на перекладныхъ день и ночь, въ самую весеннюю распутицу, и наканунѣ Свѣтлаго праздника, за часъ до заутрени прибылъ въ село Едѣлево, имѣніе отца своей невѣсты, Петра Александровича Болтина. Чувствовалъ и цѣнилъ онъ свое счастье тѣмъ болѣе, что передъ тѣмъ узналъ объ одной весьма странной характеристической чертѣ фамиліи Болтиныхъ: не позволять дочерямъ выходить замужъ и засаживать ихъ въ старья дѣвы. Поэтому всѣ родные и знакомые удивлялись, что меньшей Болтиной дозволено было выйти за любимаго человѣка, тогда какъ ея старшая сестра навсегда потомъ осталась въ дѣвушкахъ, хотя имѣла прекраснаго жениха, которому отказали.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ большое значеніе имѣло вліяніе, съ одной стороны, тетки Н. П. Макарова, княгини Марьи Павловны Волконской, а съ другой—Софіи Петровны Свѣчиной (род. 22 ноября 1782—умерла въ Парижѣ 29 августа 1857 года), съ 1801 года бывшей за генераломъ-отъ-инфантеріи Николаемъ Сергѣевичемъ Свѣчинымъ (1759—1850 года), написавшей семь томовъ «*Pensées chrétiennes*», рожденной Соймоновой, дочери статсъ-секретаря императрицы Екатерины II, Петра Александровича Соймонова (1737—2 января 1800) и Екатерины Ивановны Болтиной (23 ноября 1756—23 мая 1799), дочери генераль-майора Ивана Никитича Болтина, историка.

VII.

Петръ Александровичъ Болтинъ, отецъ Александрины, въ концѣ XVIII столѣтія вступилъ сержантомъ въ Кавалергардскій полкъ и въ началѣ царствованія Александра I былъ произведенъ въ корнеты, въ армейскіе гусары, гдѣ прослужилъ очень не долго, женился и, выйдя въ отставку поручикомъ, поселился въ своемъ родовомъ нижегородскомъ имѣніи, въ которомъ была тысяча душъ. У жены его было тоже около тысячи душъ. Въ уѣздѣ, гдѣ жили Болтины, все были крупные помѣщики, большіе патріоты, современники Екатерины и Павла Петровича, враги новизны. 1837 года 7 сентября совершилось бракосочетаніе Николая Петровича Макарова съ Александрою Петровною Болтиной. Наградила ее мать, давъ въ приданое одну изъ тульскихъ деревень, лежавшую между Тулой и Москвой, въ 20 верстахъ отъ первой и 150 отъ послѣдней, село Рожествено. Здѣсь молодые и поселились и прожили нѣсколько лѣтъ совершенно счастливо. Здѣсь 2 іюня 1838 года родилась у нихъ дочь Анна и потомъ еще четверо дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ остался только сынъ Николай, умершій въ юности. Въ то же время шуринъ Н. П. Макарова Аполлонъ Петровичъ

Болтинъ вышелъ въ отставку и почти въ одно время съ нимъ поселился въ своемъ имѣніи, верстахъ въ семидесяти отъ Тулы. Скоро у него родились двѣ дочери-близнецы, прелестнѣйшія дѣти и такъ похожія другъ на друга, что ихъ трудно было различить, когда они были вмѣстѣ,—Елизавета и Анна. Макаровы и Болтины составляли самыя дружескіе между собою дома и часто посѣщали другъ друга. Дѣти росли и превращались въ дѣвиць. Впослѣдствіи Елизавета Аполлоновна Болтина вышла замужъ за сатирика Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, Анна Николаевна Макарова—за А. Н. Энгельгардта. Анна Аполлоновна Болтина, несмотря на то, что такъ же была хороша собой, какъ и Елизавета Аполлоновна, осталась въ дѣвицахъ. На пространствѣ съ 1838 по 1856 годъ совершилось много событій въ жизни Н. П. Макарова, именно онъ овдовѣлъ, вторично женился въ 1850 г. на Богаевской—отъ второго брака была у него дочь, нынѣ давно постригшаяся въ монахини,—и опять овдовѣлъ.

Лицейскъ выпускъ 1844 г., М. Е. Салтыковъ за либеральныя повѣсти выѣхалъ по высочайшему повелѣнію 28 апрѣля 1848 г. въ Вятку, гдѣ служилъ въ должности чиновника и подъ конецъ совѣтника губернскаго правленія до 12-го февраля 1856 года.

Въ пятидесятихъ годахъ Аполлонъ Петровичъ Болтинъ назначенъ былъ вятскимъ вице-губернаторомъ. Салтыковъ познакомился съ его дочерьми-близнецами, изъ которыхъ особенно прелестна была Елизавета Аполлоновна Болтина. Ей онъ и сдѣлалъ предложеніе и въ 1856 году, когда позволено было ему вернуться въ Петербургъ и вышли его «Губернскіе Очерки», печатавшіеся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова, тогда либерала и поклонника англійскаго парламентаризма, женился. Анна Николаевна Макарова часто гостила у своихъ кузинъ въ Вяткѣ, въ домѣ ихъ отца, а потомъ и въ домѣ Салтыковыхъ, въ бытность Михаила Евграфовича тверскимъ вице-губернаторомъ. Въ 1859 г. вышла она замужъ за артиллериста А. Н. Энгельгардта. И такъ установилась родственная и дружественная связь между послѣднимъ и сатирикомъ. Постоянное общеніе продолжалось до самой ссылки въ 1871 году въ Батищево Александра Николаевича.

VIII.

Трудно найти большую противоположность, какъ редакція народническихъ и къ концу семидесятихъ годовъ прямо «народовольческихъ» «Отечественныхъ Записокъ» и квартира редактора журнала Михаила Евграфовича Салтыкова.

Почти никто изъ членовъ редакціи и вообще изъ пишущей братіи доступа въ роскошныя покои Салтыковской квартиры не имѣлъ. Появлялись здѣсь свѣтскіе и дипломатическіе люди да

конногвардейцы и кавалергарды. Квартира была отдѣлана съ роскошью и высокимъ вкусомъ. Книгъ вообще въ ней, даже въ писательскомъ кабинетѣ, не было, хотя изъ редакціи и отъ писателей съ трогательнѣйшими надписями онѣ поступали постоянно. Но ежемѣсячно съ чернаго хода являлся букинистъ и забиралъ всѣ накопившіеся книги и такимъ образомъ очищалъ квартиру Салтыковыхъ отъ признаковъ ремесла главы семейства. Правда, гдѣ-нибудь цѣлый уголъ былъ заваленъ книгами, но то былъ домашній складъ изданій самого Салтыкова. Его матушка была изъ купечества, и отъ нея сатирикъ наслѣдовалъ большую коммерческую смѣтливость и дѣловитость. Книги свои Салтыковъ издавалъ всегда самъ и потомъ все изданіе держалъ въ своей квартирѣ, самъ отпуская счетомъ экземпляры книгопродавцамъ. Если гостямъ случалось проходить мимо груды сочиненій сатирика, супруга его, Елизавета Аполлоновна, всегда говорила:

— Осторожнѣе. Не запылитесь. Это все Мишелевы глупости!..

Достойнѣйшая женщина, мать, жена, рачительная хозяйка, Елизавета Аполлоновна была воспитана въ старозавѣтныхъ понятіяхъ.

Когда, побывъ въ званіи вице-губернатора, Салтыковъ вдругъ совершенно оставилъ службу, исключительно занялся писательствомъ, редакторствомъ и издательствомъ, Елизавета Аполлоновна этого не могла ни понять, ни переварить. Салтыковъ и... какой-то «писачка»! Салтыковъ и—издаетъ книги, водится съ литераторами, съ этой «богемой». По понятіямъ Елизаветы Аполлоновны, мужъ ея занялся именно «глупостями», потому что послѣ вице-губернаторства должно было ему быть, и на сіе всѣ имѣлись данныя, губернаторомъ, потомъ товарищемъ министра, потомъ министромъ и, наконецъ, членомъ государственнаго совѣта. Вмѣсто того онъ книжки пишетъ, журналъ издаетъ и ѣздитъ въ цензуру хлопотать и кланяться! Онъ! Салтыковъ!.. Прилично ли? Сообразно ли? Чтобы хоть сколько-нибудь примирить съ манкировкой карьеры Елизавету Аполлоновну, сатирикъ время отъ времени подносилъ ей, отъ трудовъ своихъ, «брильянтики», пополняя фамильную болтинскую ея коллекцію драгоценностей. Постепенно у Елизаветы Аполлоновны образовалось замѣчательное собраніе сихъ «брильянтиковъ», «солитеровъ», «парюръ», жемчуговъ и разныхъ цвѣтныхъ камешковъ. Эта шкатулка заключала, такъ сказать, кристаллизованную прибыль, получаемую сатирикомъ отъ рѣчей, «облитыхъ горечью и злостью», и отъ народническаго и даже въ концѣ народо-вольческаго журнала.

Воспитана Елизавета Аполлоновна была очень своеобразно. По ея понятіямъ, вполне прелестная женщина, какою она, несомнѣнно, была, должна производить впечатлѣніе цвѣтка, изящной, беззаботной птички, «куколки», но отнюдь не серьезное. Опять-таки эта

не мѣшало ей про себя имѣть достаточный запасъ болтинскаго здраваго смысла и положительности. Это была лишь внѣшняя манера. Дѣтей своихъ—поздно явившихся послѣ долгаго неплодія брака—Елизавета Аполлоновна отлично воспитала. Прислугу помѣщала, кормила, одѣвала и оплачивала великолѣбно; даже у прислуги была особая, просто, но изящно обставленная «гостиная», чтобы принимать своихъ гостей. Но когда у Салтыкова какъ-то была «ушедшая въ народъ» сельская учительница, что-то написавшая для «Отечественныхъ Записокъ» и, конечно, крайняя демократка и нигилистка, Елизавета Аполлоновна въ своихъ шелкахъ, кружевахъ и «брильянтахъ», наивнымъ голоскомъ ее спросила:

— Сажаетъ ли она вокругъ своей школы вьющіяся розы?

И распространилась, что за границей она видѣла хорошенькіе такіе домики, которые обвиты были цвѣтущими розами.

— Посадите непременно!—убѣждала Елизавета Аполлоновна:— это такъ красиво!..

Народница покинула квартиру Щедрина въ совершенной ярости.

IX.

Отъ 31 марта 1871 года, Щедринъ пишетъ А. Н. Энгельгардту: «Такъ какъ у васъ, вѣроятно, найдется свободное время, то мнѣ кажется, что вы могли бы съ пользою употребить его на работу, которая именно всего удобнѣе можетъ быть исполнена на мѣстѣ. А именно изобразить современное положеніе помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства, сравнительно съ таковымъ же до 1861 года. Само собой разумѣется, тему эту вы можете распространить по усмотрѣнію, то есть включить туда весь сельскій нашъ бытъ: нравственное и всестороннее экономическое положеніе, состояніе училищъ, вліяніе теперешней податной системы, положеніе крестьянскихъ судовъ, промысловъ и торговли, дѣятельность земскихъ управъ и т. п. Это могло бы доставить вамъ матеріалъ для цѣлаго ряда статей, которыя тѣмъ большую имѣли бы занимательность, что вы приступили бы къ ихъ составленію со всѣми необходимыми знаніями. «Отечественныя Записки» платили бы вамъ за то хорошую плату, да сверхъ того изъ нихъ могла бы въ послѣдствіи составиться порядочная книга, которую тоже можно издать. Пожалуйста, отвѣтите мнѣ поскорѣе и сообщите ваши планы по этому предмету. Анна Николаевна... сообщила мнѣ, что вы покамѣстъ еще не ощущаете большой скуки. Весь вашъ М. Салтыковъ».

Сатирикъ не ограничился этими общими указаніями относительно желаемыхъ отъ А. Н. Энгельгардта статей, но, желая облегчить ему первые литературные шаги, на образецъ прислалъ вышедшую отдѣльно въ 1870 году книгу В. Скалдина «Въ захолустѣхъ и сто-

лицъ», которая сначала печаталась въ «Отечественныхъ Запискахъ» отдѣльными статьями (1867—1869 гг.) и имѣла большой успѣхъ.

Но А. Н. Энгельгардтъ уже имѣлъ небольшой публицистическій опытъ. Именно въ 1863 году въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появились его «Письма въ редакцію», подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ деревни», подписанныя псевдонимомъ Бутлина. Первое письмо начиналось такъ: «Вы непременно хотите, чтобы я написалъ вамъ что-нибудь о той провинціи, гдѣ мнѣ случилось провести нынѣшнее лѣто. Извольте. Только оговоримся напередъ: вы знаете, что я пріѣхалъ въ деревню не для того, чтобы изучать современную провинціальную жизнь, а просто для того, чтобы отдохнуть и поправить здоровье. Поэтому не ищите въ моихъ замѣткахъ серьезнаго и глубокаго изученія предмета, а смотрите на нихъ, какъ на личныя впечатлѣнія весьма поверхностнаго наблюдателя, отмѣчавшаго только то, что ему особенно рѣзко бросалось въ глаза, и лично болѣе всего интересовавшагося знать, какъ повліяли на народную жизнь великія событія, совершившіяся въ послѣднее время».

Приблизительно такъ же началъ и первое свое «Письмо изъ деревни» А. Н. въ 1876 году:

«Вы хотите, чтобы я писалъ вамъ о нашемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ. Исполняю, но предупреждаю, что рѣшительно ни о чемъ другомъ ни думать, ни говорить, ни писать не могу, какъ о хозяйствѣ. Всѣ мои интересы, всѣ интересы лицъ, съ которыми я ежедневно встрѣчаюсь, сосредоточены на дровахъ, хлѣбѣ, скотѣ, навозѣ... Намъ ни до чего другого дѣла нѣтъ».

Это вступленіе составляло и начало того письма, которымъ А. Н. отвѣтилъ на предложеніе Щедрина сотрудничать въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Щедринъ отъ 18 октября 1871 года, въ свою очередь, писалъ:

«Благодарю васъ, многоуважаемый Александръ Николаевичъ, за письмо и начинаю отвѣтъ мой покорнѣйшей просьбой о присылкѣ статей. Форма писемъ, повидимому, будетъ дѣйствительно самая удобная, но если бы она оказалась не столь удобною на практикѣ, то это, конечно, не должно стѣснять. Я положительно убѣжденъ, что статьи ваши будутъ прекрасныя и полезныя и что вы сумѣете сдѣлать нужныя обобщенія и выводы изъ тѣхъ специальныхъ данныхъ, которыя находятся у васъ подъ руками. Важно знать, какъ эти данныя отражаются на жизнь народа, а равно и то, какимъ образомъ эта послѣдняя совершенно обходится безъ всякихъ данныхъ, довольствуясь одними преданіями. Привести въ ясность, какимъ образомъ живетъ это пустое мѣсто, имѣетъ свои нравы и обычаи, свою бытовую жизнь и не имѣетъ разумныхъ данныхъ, которыя могли бы питать эту жизнь, давать ей элементы, возможности развитія, чрезвычайно важно, хотя, быть можетъ, дѣятельность такого рода имѣетъ исключительно отрицательный характеръ».

А еще важнѣе указывать на пути и средства, что вы при своемъ образованіи и можете сдѣлать съ полнымъ успѣхомъ. Не думайте, чтобы я обязывалъ васъ исключительнo придавать вашимъ статьямъ бытовой характеръ, пишите такъ, какъ вы сами знаете и можете, это самое лучшее.

«Въ Петербургѣ новаго мало. Жизнь какъ будто замолкла. Общество скучаетъ, а вы сами знаете, на что можетъ быть способно скучающее общество? На увлеченіе кафешантанами, цирками и т. п. Все это и выполняется здѣсь буквально, то есть безъ всякой окраски какими-либо дѣйствительными интересами.

«Рекомендую вамъ мою статью: «Самодовольная современность», помѣщенную въ октябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», которая именно посвящена этой темѣ. Это только вступленіе; затѣмъ будетъ примѣненіе изложеннаго въ первой статьѣ къ нашей современности, и статьи будутъ появляться отъ времени до времени.

«Анну Николаевну мы видимъ довольно часто и радуемся, что она никакъ не можетъ упасть духомъ. Она намѣревается хлопотать о васъ, когда придетъ минута, то есть когда возвратится графъ Шуваловъ. Очень возможно, что графъ, по извѣстной своей добротѣ, уступить ея просьбамъ и дать возможность видѣть васъ намъ, искренно вамъ сочувствующимъ людямъ. А покамѣстъ до свиданія. Искренно жму вашу руку. Преданный вамъ М. Салтыковъ. Жена вамъ кланяется».

Х.

Наконецъ появилось первое «Письмо изъ деревни». Вотъ что говорить покойный Сергѣй Атава (Терпигоревъ) о впечатлѣніи, которое произвело это письмо: «На него тогда же всѣ обратили вниманіе. Съ нимъ одни соглашались, другіе нѣтъ, но его читали всѣ, всѣхъ оно волновало, какъ это бывало всегда съ произведеніемъ изъ ряда вонъ. Ждали слѣдующаго «Письма изъ деревни», но дождались его только въ слѣдующемъ году. Съ тѣхъ поръ—одинадцать лѣтъ,—въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ» каждаго года являлось «Письмо изъ деревни», съ котораго обыкновенно и начиналось чтеніе этой книжки журнала»¹⁾.

Статью свою Терпигоревъ заключаетъ такъ:

«Изъ деревни» должна сдѣлаться настольной книгой каждаго образованнаго человѣка. Ее обязательно должны прочесть въ Россіи всѣ—отъ студента до министра».

Можно положительно сказать, что и прочитали. Это не мѣшало ея автору одинадцать лѣтъ пребывать подъ надзоромъ становаго пристава и впослѣдствіи трехъ урядниковъ; безъ права выѣзда,

¹⁾ Золотая книга. Фельетонъ въ «Нов. Вр.» № 2321. 1882 г.

въ Батищевѣ подвергаясь постоянной «перлюстраціи» писемъ самыхъ обыкновенныхъ и другимъ, связаннымъ съ положеніемъ поднадзорнаго, неприятностямъ.

Щедринъ былъ, такъ сказать, литературнымъ крестнымъ отцомъ А. Н. Энгельгардта, побудивъ его писать. Но онъ былъ и наставникомъ въ искусствѣ перевода его жены, Анны Николаевны Энгельгардтъ, сорокъ лѣтъ работавшей въ литературѣ и изъ нихъ двадцать пять въ «Вѣстникѣ Европы». Но одна изъ первыхъ ея литературныхъ работъ появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ». То былъ переводъ съ англійскаго громаднаго романа Джоржа Эллиотъ— «Мидльмарчъ», который шелъ въ приложеніи журнала. Первые листы рукописи перевода были исчерчены редакціоннымъ карандашомъ Щедрина такъ, что мѣста живого не осталось. Эти поправки показали наглядно и научили переводчицу, какъ нужно переводить или, точнѣе, перевоплощать произведенія искусства съ иныхъ языковъ на русскій. Анна Николаевна сейчасъ же уразумѣла, изъ поправокъ редактора, въ чемъ тутъ сила, и слѣдующіе листы уже почти не имѣли щедринскихъ помарокъ..

Изъ А. Э. (эти именно инициалы всегда ставила она подъ переводами своими въ «Вѣстникѣ Европы») выработалась превосходная переводчица.

ХІ.

Видимъ, что уже въ первый годъ ссылки профессора Энгельгардта его петербургскіе друзья возлагали большія надежды на «доброту» графа Шувалова и на то, что онъ устроитъ возвращеніе ему въ столицу. Въ 1873 г. жена А. Н. ему пишетъ, что, по собраннымъ ею справкамъ оказывается, по единодушному приговору людей компетентныхъ, что хлопоты, непосредственно исходяція отъ самого его, могутъ имѣть гораздо больше шансовъ на успѣхъ. Салтыковъ, съ своей стороны, находилъ, что будетъ благоразумно и нисколько не унижительно для чувства собственнаго достоинства написать письмо къ шефу жандармовъ.

Салтыковъ писалъ: «Люди искренно васъ уважающіе находятъ, что вы непременно должны добиться разрѣшенія хотя временно пріѣзжать въ Петербургъ и для этого обратиться къ графу Шувалову съ письмомъ. Три года прожили въ захолустьи. Это плохая шутка. Конечно, у васъ есть очень существенный интересъ, который можетъ занять ваше время, но вѣдь и тутъ необходимо отъ времени до времени освѣженіе. Я проектировалъ письмо, которое и посылаю вамъ. Мнѣ и всѣмъ, кому я ни показывалъ его, кажется, что письмо это вполне соотвѣтствуетъ дѣли. Пожалуйста, начните дѣло... Я не пишу вамъ о томъ, какъ я радъ буду видѣть васъ въ Петербургѣ... Пожалуйста, просите хоть временно ѣздить въ Петербургъ».

При письмѣ Салтыкова находится и написанный его рукою «проектъ» обращенія къ «извѣстной добротѣ» графа Шувалова. Вотъ онъ, отъ слова до слова:

«Проектъ»

«Милостивый государь, графъ Петръ Андреевичъ. Прошло уже около трехъ лѣтъ, какъ мнѣ воспрещено ѣздить въ столицы, а равно и въ университетскіе города. (Эти три года я безвыѣздно прожилъ въ своей деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ. NB.) Эти слова въ скобкахъ прибавлены рукою А. Н. Энгельгардта). Не намѣреваясь ни возобновлять какую бы то ни было публичную дѣятельность, ни даже покинуть имѣніе, въ которомъ я въ настоящее время нахожусь, я тѣмъ не менѣе имѣю существенныя причины желать, чтобы мнѣ было разрѣшено хотя временно пріѣзжать въ Петербургъ по моимъ семейнымъ дѣламъ. Причины эти заключаются въ томъ, что въ Петербургѣ живетъ мое семейство, которое не имѣетъ никакой возможности ѣздить въ деревню для свиданія со мною. Жена моя постоянно занята срочной работой, доставляющей ей средства существованія; дѣти мои воспитываются въ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ¹⁾.

«Поэтому я позволяю себѣ обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшей просьбой, не сочтете ли вы справедливымъ благосклонно взглянуть на мое положеніе и взять на себя трудъ представительство о всемилостивѣйшемъ разрѣшеніи мнѣ пріѣзжать въ Петербургъ хотя на время. Съ искреннѣйшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга».

Таковъ былъ проектъ. Надежда свидаться съ женою и дѣтьми, которыхъ дѣйствительно матеріальное положеніе семьи заставляло жить въ Петербургѣ, такъ какъ имѣніе еще не приносило дохода и давало его владѣльцу возможность вести лишь спартанскій образъ жизни, и дѣти воспитывались исключительно пока на литературный заработокъ матери, а послѣдній требовалъ ея присутствія въ столицѣ,—такъ естественныя чувства мужа и отца заставляли въ первый и послѣдній разъ переписать, подписать и послать это просительное письмо графу Шувалову.

Форма письма была безупречна. Но это все же было просительное письмо. Ему ли, человѣку, ни въ чемъ не повинному, явно оклеветанному и съ вопіющей несправедливостью преслѣдуемому, еще кого-то о чемъ-то просить?!

Письмо пошло въ Петербургъ и... кануло въ Лету.

Отъ 12 января 1874 года Салтыковъ пишетъ Энгельгардту: «Письмомъ вашимъ къ графу Шувалову завладѣлъ графъ Бобринскій

¹⁾ Сынъ Михайль—въ классической пятой гимназіи, что у Аничкова моста; дочь Вѣра—въ частной гимназіи госпожи Спѣшневой.

и до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ. На всѣ вопросы по этому предмету отвѣчаетъ, что ждетъ благоприятнаго времени. Я начинаю думать, что это была ошибка—прибѣгать къ Бобринскому. Можетъ быть, графъ Шуваловъ скорѣе бы самъ сдѣлалъ, безъ посредниковъ. Какъ что-нибудь узнаю, извѣщу васъ».

Но въ дальнѣйшихъ письмахъ Салтыкова никакихъ на этотъ счетъ извѣщеній не имѣется.

Очевидно, по той простой причинѣ, что и извѣщать было не о чемъ.

Графъ Бобринскій при этомъ оказался козломъ отпущенія. Если бы не онъ, то, конечно, графъ Шуваловъ, по его «извѣстной добротѣ», все бы устроилъ. На дѣлѣ, когда императору Александру Николаевичу было доложено въ благоприятномъ видѣ дѣло опальнаго профессора, онъ сказалъ, что лично ничего не имѣетъ противъ позволенія ему прїѣзжать въ столицу, но... спросить о немъ. Когда черезъ нѣкоторое время опять напомнили государю объ этомъ дѣлѣ, его величество вздрогнулъ и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Не время!

Отвернулся, и его прекрасные, добрые глаза отуманила слезинка.

И уже потомъ шли годы за годами, но сколько разъ друзья Энгельгардта, уже безъ вѣдома послѣдняго, ни ходатайствовали за него передъ императоромъ Александромъ II, Освободитель каждый разъ, съ тѣмъ же вздохомъ и той же слезинкой, изволилъ отвѣчать: «Не время»!

ХII.

Но скоро А. Н. Энгельгардтъ пересталъ и особенно тосковать о Петербургѣ.

Имѣние быстро приведено было имъ въ цвѣтущее состояніе.

Уже въ IV-мъ «Письмѣ изъ деревни» А. Н. говоритъ:

«Да, въ прошедшемъ году преуспѣло-таки мое хозяйство. Во всемъ у меня урожай. Судите сами, вотъ вамъ сравнительная табличка моихъ урожаевъ за 1871 и 1872 года»:

Получено:	въ 1871 г.	въ 1872 г. ¹
Ржи	110 кул.	202 кул.
Овса	145 »	265 »
Ячменя	13 »	38 »
Пшеницы.	не было	19 »
Льняного сѣмени . .	6 кул.	18 »
Льну волоконномъ . .	34 пуда	128 пуд.

«Всего уродилось вдвое, иного и втрое, противъ предыдущаго года. Да и не въ одномъ только хлѣбѣ урожай; въ февралѣ прошлаго года у меня было 90 ведеръ молока, а въ февралѣ нынѣшняго 200 ведеръ; въ прошедшемъ году я продалъ 24 пуда масла, а въ нынѣшнемъ

56 пудовъ. Въ прошедшемъ году у меня только одна ярочка привнесла парочку, а въ нынѣшнемъ всѣ овцы катили по парочкѣ, и все ярочекъ...»

Годъ изъ году батищевское хозяйство процвѣтало и расширялось, вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывалась цѣлая, научно обоснованная и соображенная съ условіями климата и социальными агрономическая система. А. Н. Энгельгардтъ совершенно поглощенъ былъ агрономическими интересами, что видно и въ первыхъ его пяти «Письмахъ» и въ статьяхъ «Изъ исторіи моего хозяйства».

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ семейномъ отношеніи онъ былъ уже не одинокъ, потому что въ Батищеве пріѣхали къ нему младшія дѣти, о чемъ самъ онъ говоритъ въ пятомъ «Письмѣ изъ деревни»: «Выпивъ водочки и поужинавъ, я ложусь спать, уложивъ предварительно дѣтей, изъ коихъ младшій спитъ въ своей комнатѣ рядомъ со мною, и ночью находится специально подъ моимъ надзоромъ, потому что у меня нѣтъ ни няньки, ни гувернантки. Засыпая, я уже не мечтаю теперь о клеверѣ, потому что мечты исполнились и клеверныя поля существуютъ въ Батищевѣ».

Статьи А. Н. въ «Отечественныхъ Запискахъ» имѣли огромный успѣхъ, такъ какъ знакомили съ истиннымъ, не прикрашеннымъ и не тенденціознымъ положеніемъ деревни семидесятыхъ годовъ и съ настоящимъ народомъ. Объ этомъ свидѣтельствуеетъ рядъ писемъ Салтыкова:

«Безконечно виновать передъ вами,—пишетъ онъ 1 іюня 1872 г., виновать безъ извиненій. Въ послѣднее время меня мучитъ безграничная лѣнь и какое-то непреодолимое отвращеніе къ труду. Съ великими усиліями что-нибудь напишешь. Вотъ почему, помня о васъ безпрестанно, не писалъ къ вамъ.

«Статьи ваши всѣ до единой драгоценны. Я даже не ожидалъ, чтобы вы могли до такой степени овладѣть формой, какъ это удалось вамъ въ письмахъ изъ деревни. Поэтому каждая ваша строка будетъ принята «Отечественными Записками» съ величайшей благодарностью. Лѣто, конечно, дастъ вамъ обильный матеріалъ, и вы хорошо бы сдѣлали, если бы нашли досугъ и для литературнаго дѣла... Желательно было бы, чтобы вы не оставляли и писемъ изъ деревни. Давно я не читалъ ничего съ такимъ наслажденіемъ... Я уѣзжаю 3 числа въ подмосковную деревню, а вернусь въ Петербургъ къ 15 августа. Пріятно было бы встрѣтить вашу статью...

«Истинно вамъ говорю, я рѣдко съ кѣмъ такъ бы желалъ видѣться, какъ съ вами. Я нѣсколько разъ порывался къ вамъ, но обстоятельства мѣшали. Обстоятельства эти—деньги. Повѣрите ли, что я долженъ каждую копейку рассчитывать, чтобы сколько-нибудь правильно сводить концы съ концами. А теперь, кстати, у меня родился сынъ. Я уже приближаюсь къ 50-ти, и старческое чувство заставляетъ меня радоваться этому рожденію, но мысль,

что я долженъ прожить до 66-ти лѣтъ, чтобы увидѣть этого молодого человѣка на ногахъ, просто сражаетъ меня. Такъ разстроить свои дѣла, какъ это сдѣлалъ я,—просто ни на что не похоже.

«... До свиданія, дружески жму вашу руку, и вновь повторяю: статьи ваши истинное наслажденіе».

Изъ этого письма оказывается странное обстоятельство, будто бы сатирикъ Щедринъ, получавшій отличный гонораръ и доходъ съ журнала, какъ соиздатель и соредакторъ, и, какъ далѣе убѣдимся изъ его же писемъ, и съ отдѣльныхъ изданій своихъ сочиненій, имѣвшій и наслѣдственное, и службою благопріобрѣтенное, и приданое взявшій за женою не малое, къ пятидесяти годамъ и рожденію сына, въ 1872 году такъ «разстроилъ свои дѣла», что хотя «ужасно желалъ» свидѣться съ А. Н. Энгельгардтомъ и «нѣсколько разъ порывался» пріѣхать къ нему, въ Батицево, да денегъ на дорогу не нашлось! А деньги требовались не малыя, чтобы совершить триста верстъ пути отъ Москвы до Дорогобужа. Пожалуй, съ обратнымъ, рублей двадцать пять! Такъ и не пришлось Михаилу Евграфовичу свидѣться съ поднадзорнымъ профессоромъ въ его смоленскомъ имѣніи ни тогда, ни позднѣе. Деньги, проклятыя деньги помѣшали! Сынъ вѣдь родился. Каждую копейку долженъ былъ учитывать!

XIII.

«Я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю вашего «Письма изъ деревни», которое давно уже возвѣстили мнѣ,—пишетъ Салтыковъ отъ 1 мая 1873 года,—но такового нѣтъ и до сихъ поръ, изъ чего заключаю, что вы увлеклись хозяйствомъ и вамъ не до письма.

«Письмо это было бы, однакожъ, для насъ большою находкою, какъ и все вообще ваши статьи, къ которымъ мы питаемъ глубокое уваженіе.

«Но майская книжка на дняхъ выходитъ, а въ іюнѣ и іюлѣ печатать васъ невыгодно, потому что публика въ эти мѣсяцы мало читаетъ. Всего лучше печатать съ сентябрьской книжки. Быть можетъ, вы и еще что-нибудь приготовите къ тому времени. Но надобно, чтобы вы прислали статью не ранѣе 20 августа, ибо въ этихъ числахъ мѣсяца обыкновенно наборъ слѣдующей книжки уже въ полномъ ходу. Пожалуйста, что-нибудь пришлите.

«Я уѣзжаю изъ Петербурга 3 или 4 іюня, а возвращаюсь 20 августа непременно, и остаюсь на прежней квартирѣ, несмотря на давленіе семьи. Лѣто проведу въ Вишеневѣ подъ Москвой.

«Ежели вы будете продолжать ваши «Письма», то хорошо бы ихъ покончить въ нынѣшнемъ году—по крайней мѣрѣ первую серію. А равно такимъ же образомъ поступить и съ первой серіей «Сельско-хозяйственныхъ вопросовъ». Тогда можно было бы къ Рождеству выпустить отдѣльное изданіе.

«За изданіе я беру съ тѣмъ, что всѣ барыши, какіе будутъ, по очищеніи расходовъ на бумагу и типографію, будутъ принадлежать вамъ.

«Цѣну назначимъ по расчету 10 копеекъ за листъ (или нѣсколько менѣе). Нравится ли вамъ форматъ, бумага и печать моего «Дневника»?

XIV.

Салтыковъ упоминаетъ здѣсь свою книгу «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ».

Интересно освѣтить историческій моментъ, къ которому относятся данные и послѣдующіе практическіе расчеты относительно изданій сатирика, въ которыхъ выразился значительный хозяйинъ-предприниматель.

Въ 1873 году умеръ въ изгнаніи въ Англии Наполеонъ III. Сходя за нимъ въ могилу, поэтъ Тютчевъ поминалъ императора французовъ такими стихами:

Ты много, много лжи посѣялъ
И много бурь ты возрастилъ,
И уцѣлѣвшаго развѣялъ,
И собраннаго расточилъ.

Въ апрѣлѣ 1873 г. императоръ Вильгельмъ, въ сопровожденіи князя Бисмарка, пріѣхалъ въ Петербургъ и пробылъ здѣсь почти двѣ недѣли.

1873 годъ начался дѣломъ Нечаева, за которымъ потянулся длинный рядъ политическихъ процессовъ.

Въ министерствѣ путей сообщенія шла вакханалія желѣзнодорожной горячки. «Дневникъ провинціала» и начинается изображеніемъ «губерніи», ѣдущей въ столицу въ надеждѣ «концессій»...

«Всѣ они были налицо, со своими жирными затылками, со своими клинообразными кадыками, въ фуражкахъ съ красными околышами!»

Конкретный центръ, около котораго вертѣлись всѣ либеральныя мысли того времени, было земство.

«Онъ, этотъ земскій авгуръ,—ядовито замѣчаетъ Щедринъ,—населяетъ теперь всѣ вагоны, всѣ гостиницы! Онъ ораторствуетъ въ клубахъ и въ ресторанахъ. Онъ проникаетъ въ педагогическія, экономическія, сельско-хозяйственныя и иныя собранія!»

Между тѣмъ въ театрѣ «Буффъ», въ бывшемъ циркѣ, вблизи Александринскаго театра и Аничкова дворца, появилась каскадюмъ французская пѣвица Шнейдеръ.

Это тотъ самый «Буффъ», о которомъ сказано у Некрасова:

Жизнь наша—пуфъ!
Пустѣй орѣха.
Заѣдешь въ Буффъ—
Одна утѣха.

И это та Шнейдеръ, о которой столь много говорится въ «Дневникѣ провинціала»:

— Жуируемъ! Галдонъ, Ловато, Шнейдеръ... Да ты Шнейдеръ-то видѣлъ?

— Нѣтъ еще... Я такъ недавно въ Петербургѣ...

— Ты не видалъ Шнейдеръ! Чудакъ! чего же ты ждешь?.. Желалъ бы я знать, зачѣмъ ты пріѣхалъ?

— Смѣльскій! ужасайся! онъ не видѣлъ Шнейдеръ!

— Ты не видѣлъ Шнейдеръ?

— Онъ не слыхалъ: «Dites-lui!»

— Et Bulotte donc! Comme elle se gratte les hanches et les jambes... cette fille! Barbare!.. va!

Шнейдеръ выбрала для своего репертуара знаменитую оперетку Оффенбаха «Герцогиня Герольштейнъ».

Въ Петербургѣ извѣстіе это произвело сенсацію. Стали ходить толки, что не позволять давать оперетку.

Всѣ знали, что въ ней героиней въ весьма двусмысленномъ видѣ представлена Екатерина II.

Скоро въ афишахъ появился анонсъ знаменитой оперетки, голько съ заглавіемъ: «Le sabre de mon père».

Въ одинъ моментъ всѣ мѣста были разобраны въ театрѣ. Въ первое представленіе, кромѣ всего фешенебельнаго общества, было много придворныхъ особъ. Князь Мещерскій написалъ негодующую статью.

Тимашевъ сказалъ кн. Мещерскому: «О такихъ вопросахъ лучше не писать».

Вѣроятно, потому и Щедринъ и Н. К. Михайловскій усиленно тогда писали «о такихъ вопросахъ» въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Въ трактатѣ «Дарвинъ и оперетки Оффенбаха» Н. К. Михайловскій писалъ: «Дарвинъ и Оффенбахъ суть оба въ равной мѣрѣ продолжатели просвѣтителей XVIII вѣка».

Министры были и либеральные, и консервативные, но разницы на практикѣ между ними не замѣчалось. «Извѣстный своей добротой», по опредѣленію Щедрина, графъ Петръ Шуваловъ говорилъ:

— Я далекъ отъ мысли о какой-нибудь конституціи, но я, напримѣръ, думаю, что прогрессъ требуетъ большаго расширенія мѣстнаго самоуправленія.

Тимашевъ болѣе принималъ къ сердцу свое искусство ваятеля и свои успѣхи умнаго человѣка въ свѣтѣ, чѣмъ министерскія заботы.

Отъ Валуева неопытный посѣтитель уносилъ музыкальныя воспоминанія его красивыхъ фразъ.

Графъ Толстой, въ двойной роли министра и синодальнаго прокурора, вводилъ классицизмъ въ Чухломѣ и Царевококшайскѣ,

спѣшно подзубривая греческій алфавитъ (онъ зналъ, что латинскій алфавитъ сходенъ съ французскимъ).

Князь С. Н. Урусовъ говоритъ про себя: «я консерваторъ, но не имѣю храбрости имъ быть».

Были и очень умные и благородные люди въ либеральной части правительства: предсѣдатель государственнаго совѣта великій князь Константинъ Николаевичъ, Милютинъ, Татариновъ, Рейтернъ.

Но, отъ природы умные и благородные, они, подобно кн. Урусову среди консерваторовъ, не имѣли храбрости простираться въ дѣлахъ правленія особенно далеко и умъ и благородство.

Что касается печати и литературы въ 1873 году, то барометромъ общественнаго мнѣнія и авторитетомъ въ бюрократическихъ сферахъ являлся «Голосъ» Краевскаго, по поводу котораго Д. Минаевъ тогда сказалъ стихами:

Стихнулъ порывъ вѣтра невскаго,
Къ вечеру сдѣлалось тише,
Флюгеръ на домѣ Краевскаго
Не шевельнется на крышѣ.
Да, отдохнуть не мѣшало бы!

Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», редакціи Валентина Корша, тогда еще вмѣстѣ работали: К. А. Скальковскій, В. В. Стасовъ, А. С. Суворинъ (Незнакомецъ), В. П. Буренинъ, Ц. Кюи, Вырубовъ, де-Роберти.

Къ этой же эпохѣ относятся послѣдніе широкіе размахи додѣвавшихъ на жизненныхъ пирахъ свои выкупныя свидѣтельства дворянъ-помѣщиковъ и созиданіе на концессіяхъ милліоновъ Мекка, Дервиза, Губонина, Башмакова...

А въ «Нищихъ духомъ» Николая Потѣхина погибшая красавица восклицала на сценѣ: «Прочь раздумье, сомнѣнье, сожалѣнье! Мнѣ остается въ жизни одно—забыться! Пусть дремлетъ умъ и молчитъ сердце!»

XV.

«Я убѣжденъ, — пишетъ Салтыковъ относительно выпуска отдѣльнымъ изданіемъ «Писемъ изъ деревни» А. Н. Энгельгардта: — что изданіе ваше пойдетъ, и что вы получите порядочный барышъ.

«Я такъ дѣлалъ съ моими изданіями: продавалъ сотнями книгопродавцамъ на наличныя деньги и отчасти на векселя, съ уступкой 30 процентовъ (наличныхъ денегъ бралъ столько, чтобъ покрыть расходъ) и такимъ родомъ продалъ до 1000 экземпляровъ». А остальное (около 1500) продалъ разомъ съ уступкой по 40% на векселя отъ 4 до 8 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, я всѣ расходы уже возвратилъ, а къ октябрю окончу и всѣ счета.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1911 г., т. сxxiv.

5

«Получилъ я барыша отъ обѣихъ книгъ (44 листа) до четырехъ тысячъ рублей, изъ которыхъ, однакъ, болѣе 2500 руб. отсрочены до октября. Такимъ же образомъ можно поступить и съ вашими книгами, съ надеждой на успѣхъ.

«Вы хотѣли посылать въ «Голось» коротенькія замѣтки по сельско-хозяйственной части. Не лучше ли присылать ихъ ко мнѣ, а я уже буду отдавать ихъ въ «Отечественныя Записки» или въ «Голось».

«Замѣтка въ 4 страницы, напримѣръ, легко можетъ быть помѣщена въ «Отечественныхъ Запискахъ». А вамъ выгоднѣе, ибо гонорарій въ журналѣ лучше, нежели въ газетѣ. Я разсчитываю, что даже 15 копеекъ за строчку въ газетѣ (я сомнѣваюсь, чтобъ была плата выше 10 коп.) менѣе, нежели 100 руб. за листъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». А, впрочемъ, на досугѣ разсчитайте сами».

Въ другомъ письмѣ за тотъ же 1873 годъ Салтыковъ пишетъ:

«Добрѣйшій Александръ Николаевичъ, ваши «Письма изъ деревни» всѣхъ очаровываютъ. «Вопросы» тоже прелестны. Желательно было бы издать особую книгу, которая, вѣроятно, будетъ имѣть большой успѣхъ. Но, чтобы получить три книги («Письма», «Химическія основы» и «Вопросы»), того, что вами доселѣ написано, еще мало (Кстати: мы печатаемъ три ваши статьи въ теченіе трехъ первыхъ мѣсяцевъ); поэтому желательно было бы, чтобы вы напечатали, т. е. написали предварительно, два письма еще, которыя можно было бы напечатать у насъ—въ апрѣлѣ и маѣ.

«Предположивъ, что въ этихъ двухъ письмахъ будетъ 4 листа «Отечественныхъ Записокъ», во всѣхъ пяти составитъ около 12 листовъ «Отечественныхъ Записокъ», что, при напечатаніи въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ, нежели, напримѣръ, «Дневникъ провинціала», дастъ книгу въ 16 листовъ. Цѣна книги 1 р. 50 к. Ежели печатать двѣ тысячи экземпляровъ—на первый разъ, полагаю, довольно; въ другой разъ можно печатать и больше, ежели книга пойдетъ,— то это будетъ стоить: бумага (двойная) по 6 р. 50 к. стопа (я за свою платилъ 7 р. 20 к.; та, которую я вамъ рекомендую, очень хороша, но поменьше форматъ, немного пожелтѣе, но зато плотнѣе, книга будетъ толще), по 8 листовъ на экземпляръ, получится съ дефектами 33 стопа на 214 руб. 50 к.

Печатаніе и наборъ, полагаю возможнымъ, по 13 руб. за листъ (одинакій) 208 р. Брошюровка 40 р. Объявленія 40 р. Обертка и другія мелочи. Всего изданіе обойдется въ 550 руб., а стоимость книгъ 3,000 руб..

«Я поступалъ со своими книгами слѣдующимъ образомъ.

«Печаталъ «Дневника» и «Ташкентцевъ» по 2500 экземпляровъ, а всего 5000. Обошлось это мнѣ (45 листовъ) около 1900 руб. Продавъ Черкасову 800 экземпляровъ съ уступкою 30%, изъ нихъ за 600 экземпляровъ векселя на 7 мѣсяцевъ; Вольфу 200 экзем-

пляровъ съ уступкой 30% на наличныя деньги; Звонареву 500 экземпляровъ, уступка 30% въ счетъ поставленной имъ бумаги; Печаткину 2900 экземпляровъ съ уступкой 42%, изъ нихъ 600 руб. наличными, остальное векселя на 4, 7 и 8 мѣсяцевъ. Остальные 600 экземпляровъ отправлены мной въ Москву на комиссію.

«Такимъ образомъ, я получилъ чистыми деньгами 1860 руб., то есть все; что нужно для покрытія издержекъ, да векселей на 3600 руб., да въ Москвѣ у меня товару на 840 руб.

«Вашей книги на наличныя деньги можно сбыть съ уступкой 30% до 500 экземпляровъ, т. е. на 525 руб., а этимъ почти окупятся издержки. Остальные 1500 можно продать на векселя (не далѣе 6 мѣсяцевъ) и получится не меньше 1400 руб., которые и будутъ составлять вашъ чистый барышъ.

«Если вы хотите, то напишите мнѣ: я приму устройство всего этого на себя. Отвѣтите пожалуйста: Фурштадтская, № 33. Искренно вамъ преданный М. Салтыковъ. У меня родилась дочь Елизаветъ».

XVI.

Однако А. Н. Энгельгардтъ не рѣшился воспользоваться предложеніемъ Салтыкова, не зная, пойдетъ ли книга, и предпочитая «синицу въ рукахъ».

Первое изданіе «Писемъ изъ деревни» просто было продано какому-то книгопродавцу.

Погруженный въ развивающееся хозяйство, профессоръ не могъ заочно устроить столь выгодно свою книгу, какъ Салтыковъ, у котораго была лавочка въ собственной барской квартирѣ.

Но А. Н. Энгельгардтъ продавалъ ленъ, рожь, овесъ. Съ утра до ночи голова наполнена хозяйственными соображеніями. Интересовъ, кромѣ хозяйственныхъ, никакихъ.

А дворянскія дѣла, земскія дѣла, дѣятельность новыхъ судебныхъ учрежденій, наконецъ политика?!

— Я не желаю служить,—говорилъ онъ:—я исключительно посвятилъ себя хозяйству и посредствомъ хозяйства желаю зарабатывать средства для своего существованія—и потому службы по земству, мировымъ или дворянскимъ учрежденіямъ не ищу.

— Странно. И даже мало вѣроятно.

— А между тѣмъ, сіе такъ. Ни въ предсѣдатели управы, ни въ предводители, ни въ мировые, ни даже въ члены опеки я не мѣчу. А если бы и былъ избранъ на какую-либо должность, то, какъ состоящій подъ надзоромъ полиціи, не былъ бы утвержденъ въ должности. Что касается политики... Я старый воробей, и меня ни на либеральной, ни на консервативной мякинѣ не проведешь. Кромѣ того, городъ вообще далекъ отъ погруженнаго въ хозяйство помѣщика средней земельности.

Взять хотя бы медицинскую помощь. А. Н. Энгельгардтъ, кромѣ телѣги и бѣговыхъ дрожекъ лѣтомъ и простѣйшей конструкціи саней зимою, другого экипажа, такъ называемаго «приличнаго»—коляски, кареты—не имѣлъ. Не имѣя приличнаго экипажа, лошадей и кучера для посылки за докторомъ, не имѣя средствъ платить 15 рублей за визитъ, да, кромѣ того, и фактически не будучи въ состояніи, за разливомъ рѣкъ, добыть доктора, живущаго за тридцать верстъ, вынужденъ, заболѣвъ, лежать и ждать; авось пройдетъ, или обратится къ фельдшеру, живущему въ сосѣдствѣ, который прописывалъ одинъ рецептъ отъ всѣхъ болѣзней, но изъ ингредиентовъ, имѣющихся подъ руками во всякомъ хозяйствѣ, да еще съ ручательствомъ, что будетъ здоровъ, если «все оное составить и приметъ по надобности».

Наконецъ и девяностолѣтняя старуха Василиса, которая еще «хранчюза» и «разоренный годъ» помнила и обыкновенно ухаживала за цыплятами, могла попользоваться, и весьма удачно.

Городъ помѣщику не нуженъ, ибо путное въ немъ, по дальности разстоянія, недоступно, а доступное, напримѣръ, агрономическія книги, ни на что путное не годно.

— У насъ всѣ агрономическія книги пишутся кастратами,—говорилъ А. Н. Энгельгардтъ.

Учености въ каждой статьѣ тьма-тьмушая, а дѣла нѣтъ. Совершенное отсутствіе практическихъ знаній и какая-то воловья вялость.

У насъ статьи по агрономіи и скотоводству пишутся преимущественно людьми, которые клеверъ сушили только для гербаріевъ, относительно полеводства знаютъ только изъ пословицы—«жизнь пережить—не поле перейти», скотъ видѣли только на выставкахъ да въ разобранныхъ тушахъ въ мясныхъ лавкахъ, а сливки—только кипяченныя, съ пѣнками.

Объ этихъ агрономахъ и у Некрасова сказано:

Большая зала. Шума нѣтъ.
Ученое собранье.
Агрономическій обѣдъ,
Вѣрнѣе—засѣданье,
Встаетъ извѣстный агрономъ,
Членъ общества...
Онъ говоритъ: «Я посвятилъ
Досугъ мой скотоводству,
Я восемь лѣтъ въ Тиролѣ жилъ.
Повѣривъ превосходству
Швейцарскихъ, англійскихъ породъ,
Въ отечествѣ любезномъ
Старался я улучшить скотъ
И думалъ быть полезнымъ.
Увы! напрасная мечта!
Убилъ я даромъ годы:
Соломы мало для скота
Улучшенной породы!

Н. А. Энгельгардтъ.

ИСКОВЕРКАННОЕ ВРЕМЯ.

Повѣсть.

I.

ВАННО ВЪ моемъ рабочемъ столѣ лежала кipa пожелтѣвшей исписанной бумаги. Эти черновые наброски достались мнѣ, въ числѣ другихъ вещей, отъ старика родственника, умершаго въ глубокой старости. Нѣсколько десятковъ лѣтъ онъ записывалъ все, что казалось ему выдающимся. Къ сожалѣнiю, видѣнное имъ, какъ слишкомъ частное, не представляетъ большого интереса. Но семейная хроника, въ которой онъ принималъ непосредственное участiе, пережита и перечувствована имъ. Конечно, изложенiе записокъ не отличается стройностью. Поэтому я не рѣшился представить ихъ въ первобытномъ видѣ.

На возвышенномъ берегу ручья Колбика, пересыхавшаго лѣтомъ, виднѣлся сѣроватый домикъ, обшитый тесомъ. Противъ оконъ расположены были амбары, сарай для экипажей и конюшня. За ними высился рядъ березъ, окаймляющихъ переднiй фасадъ усадьбы, а за березами по склону горы возвышалась группа громадныхъ елей. Съ другой стороны къ дому примыкалъ фруктовый садъ и липовая аллея, неподалеку отъ которой красовались могучiе клены и вязы. Словомъ, сельцо Ломово представляло собою образчикъ стариннаго характернаго уголка небогатаго помѣщицкiей семьи.

Въ ту эпоху, когда начинается нашъ разсказъ, владѣлицей Ломова была Варвара Никаноровна Адужина, женщина средняго роста, худощавая, съ некрасивымъ лицомъ и рѣзкими манерами. Она была дочерью отставнаго военнаго и училась, какъ говорилось, на мѣдныхъ деньги. Варя бойко читала, какъ по-русски, такъ и по-славянски, но почеркъ ея напоминалъ писаніе старовѣровъ, копировавшихъ шрифтъ священныхъ книгъ. Зато она славилась хорошей хозяйкой. У нея на рукахъ были молочные скопы, она провѣряла тальки, наблюдала за ткацкими станками, мастерски приготовляла старыя помѣщичьи кушанья и наблюдала за полевымъ хозяйствомъ.

Такъ дожила помѣщичья дочь до тридцати лѣтъ, когда почти одновременно умерли ея отецъ и мать, долго хворавшіе. Тутъ Варя, видя, что молодые люди сторонятся ея, вышла замужъ за пожилаго вдовца Адужина, искавшаго не утѣхъ любви, а женщину-дѣльца, способную держать хозяйство въ крѣпкихъ рукахъ. Варвара Никаноровна именно была такою, что скоро проявила вполнѣ, и Ломово трудно стало узнать. Одряхлѣвшія постройки постепенно приходили въ порядокъ, появились новыя телѣги, приличная упряжь, и даже кучеръ Антонъ облачился въ новенькій сѣренькій кафтанчикъ.

Крестьяне, отличавшіеся грубостью, лѣнностью и пьянствомъ, сразу поняли, что надъ ними поднимается гроза, и съ ненавистью смотрѣли на новую госпожу. Но Варвара Никаноровна не выказывала своей власти, а на виноватыхъ напускала мужа. Василій Ивановичъ, до тѣхъ поръ ни на кого не кричавшій, сталъ неузнаваемъ.

Обуздавъ набаловавшихся крестьянъ, Адужина измѣнилась. Она ходила по избамъ узнавать о нуждахъ своихъ крѣпостныхъ и изъ ненавистной барыни обратилась въ участливую, строгую хозяйку, которую всѣ очень полюбили.

Такъ шло время: Послѣ перваго года замужества Варвара Никаноровна родила мальчика, назвавъ Матвѣемъ. Въ слѣдующемъ году появился Вася, а за нимъ Митя. Послѣ третьяго ребенка Адужина прихворнула и ей пришлось долго пролежать въ постели.

Но едва она поднялась, какъ ее постигло большое несчастіе. Василій Ивановичъ простудился, слегъ, и черезъ недѣлю его не стало.

Тяжелое время пришлось пережить безпомощной вдовѣ; однако материнскія чувства побѣдили все, и Варвара Никаноровна принялась за дѣло. Она попрежнему была требовательной, взыскательной, а иногда и безпощадной. Крестьяне чувствовали надъ собой тяжелую руку, но помѣщица никогда у себя въ усадьбѣ не прибѣгала къ тѣлеснымъ наказаніямъ, а въ случаѣ надобности отсылала виновнаго въ становую квартиру, гдѣ и производилась надлежащая экзекуція.

Но это продолжалось недолго. Религіозная помѣщица прибѣгала къ такимъ мѣрамъ скрѣпя сердце, и когда страхъ въ надлежачей мѣрѣ былъ внушенъ, то Аджина рѣзко измѣнилась.

Такъ шло время и наступила пора, когда старшаго сына Матюшу надо было учить. Для этого приглашенъ былъ дьяконъ, который былъ первымъ насадителемъ знаній мальчика.

Не имѣя своихъ средствъ, Варвара Никаноровна обратилась къ предводителю, прося, чтобы ея сынъ воспитывался на дворянскій счетъ, но въ этомъ ей было отказано. Тогда энергичная женщина, не полагаясь уже ни на кого, рѣшилась отправиться въ Петербургъ. По тогдашнему времени это было подвигомъ, такъ какъ для экономіи приходилось тащиться въ своемъ экипажѣ и на своихъ лошадяхъ.

Добравшись до столицы и разузнавъ, куда надо обратиться, она отправилась къ высокопоставленному лицу и лично изложила ему свою просьбу.

— Я потомственная дворянка, вдова,—говорила она съ достоинствомъ.—У меня на рукахъ трое маленькихъ дѣтей, и я хочу, чтобы они были достойными слугами царя; учить же ихъ не имѣю средствъ. Обращалась къ своему предводителю, мнѣ отказали. Пріѣхала искать царской милости.

— Такихъ, какъ, вы много.

— Нѣтъ, не много! Одинъ изъ предковъ моего покойнаго мужа, какъ воевода, сражался подъ начальствомъ Шенна и былъ убитъ подъ Смоленскомъ, наше родовое имущество было разорено во время нашествія французовъ, и съ тѣхъ поръ мы оскудѣли. Гдѣ жъ мнѣ искать помощи, какъ не у нашего государя? Я хочу, чтобы мои дѣти были достойными слугами его, а не неучами и тунеядцами.

Бравый генераль, видя передъ собою энергичную особу, смѣло говорившую съ тѣмъ, передъ кѣмъ все дрожало, милостиво спросилъ:

— Чего же вы хотите?

— Я привезла съ собой мальчика и прошу принять его на казенный счетъ, въ кадетскій корпусъ, а двухъ другихъ сыновей зачислить кандидатами. Мы молимся за нашего царя, и я надѣюсь, что онъ не оставитъ насъ.

Генераль съ любопытствомъ разсматривалъ диковинную фигуру Адужиной и съ улыбкой спросилъ ее:

— Гдѣ вы живете?

Аджина назвала мѣстность.

— О-го! Это далеко.

— Да, ваше сіятельство, очень далеко, и я тащилась сюда на своихъ лошадяхъ. А сколько для этого нужно было потратить времени—сами разсудите! Такъ не жалѣть себя можетъ только мать!

Послѣдняя фраза тронула жесткое сердце генерала, и онъ пошелъ близко къ просительницѣ.

— А какъ ваши дѣти насчетъ здоровья?

— Не нѣженки—въ деревнѣ растутъ. Царю батюшкѣ будутъ хорошими слугами.

Сановникъ позвалъ адъютанта, приказалъ записать просьбу просительницы и, отпуская ее, сказалъ:

— Оставьте адресъ и обо всемъ будете извѣщены.

Черезъ день къ ней явился посланный отъ графа и объявилъ, что Варвара Никаноровна должна немедленно доставить своего сына въ указанный корпусъ и что другіе ея два мальчика зачислены кандидатами.

Сдавъ Матюшу и горячо простившись съ нимъ, Адужина немедленно пошла домой.

Опять начались терзанія, которыя испытывали въ тѣ времена ѣхавшіе по русскимъ грунтовымъ дорогамъ. Особенно ужасны онѣ были осенью. То лужи, то колеи, то косогоры, то закованныя морозомъ груды обледенѣвшей грязи—доставляли путнику истинное мученіе.

Но не только грязь, смѣнявшаяся гололедицей и окоченѣлой землей, замедляла движеніе. Приходилось ѣхать дремучими лѣсами, гдѣ не стучалъ еще топоръ, и пробираться трясинной, изъ которой лошади едва вытаскивали тарантасъ. На всѣхъ трактахъ были лихіе люди, обиравшіе проѣзжихъ и прохожихъ, а у Варвары Никаноровны было съ собой одно оружіе—надежда на защиту Бога. Сознывая опасность, Адужина никогда не запаздывала и въ сумерки останавливалась на ночлегъ.

Тоскливые дни проходили одинъ за другимъ. Постоялые двory, не отличавшіеся чистотой, давали плохой пріютъ. Тараканы, клопы, сверчки—дѣлали мучительной обстановку, а вѣтеръ, завывавшій въ трубѣ и подъ крышей, еще болѣе ухудшалъ настроеніе духа.

Наконецъ показали издали гигантскія ломовскія ели. Варвара Никаноровна свободно вздохнула и почувствовала на душѣ радость отъ мысли прижать къ сердцу Васю и Митю.

Когда тройка крѣпкихъ лошадей бойко втащила тарантасъ въ гору, изъ хатъ высыпали крестьяне и отвѣщивали низкіе поклоны. Дворовые, увидя издали барскій тарантасъ, собрались у крыльца.

Когда окончилось «здравствование», возвратившаяся хозяйка направилась въ спальню и опустилась въ большое кресло, чтобы дать отдохнуть своему измученному тѣлу.

— Фу, измаялась,—проговорила она, обращаясь къ присутствовавшимъ:—всю исколотило. Да и то сказать, столько времени не знала покоя.

День рано окончился въ Ломовѣ. Засыпая на мягкомъ пуховикѣ, Адужина чувствовала душевное спокойствіе отъ признанія, что Богъ помогъ ей пристроить ребятъ.

II.

Варвара Никаноровна очень скучала о Матюшѣ. Это былъ перенець, и сердце матери невольно лежало къ нему больше, чѣмъ къ остальнымъ дѣтямъ. Но крѣпкая душа Адужиной скоро поборола свою слабость, Варвара Никаноровна вставала очень рано, обходила все, что требовало досмотра, давала нагоняи, дѣлала указанія. Этого объясненія всѣ боялись, какъ огня. Обыкновенно оно начиналось такъ:

— Ты что же это, паршивая овца, хочешь мнѣ все стадо портить? Я тебѣ честью приказывала, чтобы ты велъ себя исправно, а что у тебя дѣлается? Да я тебя, негодную животину, такъ скручу, что ты до новыхъ вѣшниковъ не забудешь. Я о васъ радѣю, чѣмъ только могу, помогаю, а вы о барскомъ добрѣ такъ-то думаете? Гляди у меня въ оба, а то попробуешь вотъ этого.

При этомъ Варвара Никаноровна подходила къ окну и брала свой деревянный аршинъ, которымъ она не разъ угощала старыхъ и малыхъ.

И тяжела же была женская рука хозяйки! Не одинъ виновный уходилъ съ шишкой на головѣ и синяками на тѣлѣ. Но къ такимъ расправамъ всѣ относились безъ раздраженія, такъ какъ «ученія» Адужиной были своего рода отеческой наукой и ничѣмъ въ сравненіи съ побоями и истязаніями, совершавшимися въ окружныхъ имѣніяхъ.

Обыкновенно стоявшій въ почтительной позѣ передъ грозной хозяйкой, увидѣвъ въ рукахъ ея знакомое оружіе, бросался на колѣни и просилъ помилованія. Такая покорность, по большей части, смягчала сердце Адужиной, и она, удовольствовавшись угрозою, отпускала нерадиваго съ миромъ.

Обиходъ Варвары Никаноровны былъ очень простъ. Къ утреннему чаю подавалось молоко, черный хлѣбъ и сливочное масло. Булки пеклись по праздникамъ. Обѣдъ, подаваемый въ двѣнадцать часовъ, состоялъ изъ супа съ соленнымъ мясомъ или бараниной, варенаго картофеля, каши, гороховаго киселя и тому подобныхъ непритотливыхъ яствъ. Въ праздники пеклись пироги, жарилась какая-нибудь птица, варился сладкій кисель или компотъ изъ сухихъ домашнихъ фруктовъ. Когда же рѣзался свой бычокъ или закалывали теленка, тогда свѣжаго мяса было въ изобиліи.

Изъ года въ годъ все шло обычнымъ порядкомъ. Въ праздники Адужина, забравши дѣтей, ѣхала въ приходскую церковь, гдѣ отстоявши обѣдню, заходила на могилу мужа, и спокойная возвращалась домой. Дворня, не бывшая у обѣдни, высаживала хозяйку подъ руки съ телѣжки и поздравляла съ праздникомъ.

— Спасибо, — кивая головой, отвѣчала она на поздравленіе. — Богъ милости прислалъ.

Къ этому времени наѣзжалъ кто-нибудь изъ сосѣдей, и подавался графинъ съ настойкой, наливка, домашнія закуски и кулебяка.

Въ ту пору, какъ и всегда, знакомство поддерживалось между людьми разнаго состоянія. Богатые, при встрѣчѣ, отвѣчали бѣднякамъ на поклоны, и этимъ ограничивалось вниманіе. На Адужину же многіе косо посматривали за то, что она ни передъ кѣмъ не склонялась и раздражала всѣхъ своимъ гуманнѣмъ обращеніемъ съ крѣпостными.

Дѣйствительно, ломовскіе крестьяне чувствовали себя не такъ, какъ сосѣди. Въ нихъ не видно было забитости и рабской униженности.

Превосходно обрабатывая барскую землю и охотно исполняя все, что отъ нихъ требовалось, они имѣли бравый видъ и отличались задорностью.

На мирволеніе и снисходительность Адужиной и не могли смотрѣть одобрительно ея сосѣди, какими были, съ одной стороны, баронъ Флаттеръ, а съ другой графъ Губскій.

Первому, какъ бывшему офицеру того режима, когда солдатъ гоняли сквозь строй, казалось вполне естественнѣмъ считать розги лучшимъ средствомъ внушать страхъ и покорность... Богданъ Ивановичъ злобствовалъ не потому, что въ этомъ была необходимость, а потому, что смотрѣлъ на крестьянина не какъ на человѣка, а какъ на двуногое животное. Онъ не дѣлалъ различія даже между мужчинами и женщинами, и бабу, замѣченную въ томъ, что небрежно жала рожъ, раскладывали на межѣ и сѣкли. Староста Флаттера Иванъ выѣзжалъ верхомъ въ поле всегда съ нагайкой, отъ которой спины несчастныхъ покрывались кровавыми рубцами.

Но еще ужаснѣе было, когда самъ баронъ появлялся на бѣговыхъ дрожкахъ. Проѣзжая поперекъ пахотныхъ бороздъ, Богданъ Ивановичъ внимательно слѣдилъ, не подпрыгнуть ли колеса отъ сдѣланнаго огрѣха, то-есть хорошо ли пропахана рабочимъ земля. За оплошность виноватаго тутъ же сѣкли. Паника доходила до того, что многіе, завидя барона, бѣжали или лишались чувствъ.

Но Флаттеръ былъ извергомъ только для крѣпостныхъ; для знакомыхъ же оставался гостепріимнѣмъ хозяиномъ и большимъ хлѣбосоломъ. Такая двойственность заставляла подозрѣвать, что люди, подобные барону, страдали аномаліей и что только вслѣдствіе отсутствія общественнаго контроля ихъ не отправляли въ сумасшедшій домъ.

Жена Богдана Ивановича была тоже курьезной особой. Съ виду полная, крѣпкая, здоровая женщина, она способна была расплакаться отъ всякой малости. Это объяснялось, конечно, тѣмъ,

что звѣрства и истязанія, производимыя мужемъ на дворѣ, передъ окнами дома, не могли не растрепать женскихъ нервовъ. Но странно казалось то, что эта вѣчно плачущая женщина не затруднялась при случаѣ залѣпить своей прислугѣ пощечину и отправить «на конюшню», гдѣ ей отпускали «горячихъ». Такова была Калерія Федоровна, достойная подруга своего мужа.

Другимъ сосѣдомъ Адужиной былъ графъ Губскій. Какъ человѣкъ высшаго общества, онъ, по окончаніи курса въ лицѣѣ, былъ причисленъ къ министерству, но въ первые же годы столичной жизни надѣлалъ столько долговъ, что долженъ былъ выйти въ отставку.

Но прежде, чѣмъ рѣшиться на такой шагъ, онъ хотѣлъ имѣть при себѣ женщину, которая съ честью поддерживала бы престижъ аристократическаго дома. Молодому, красивому графу немного нужно было труда, чтобы найти подходящую особу. Конечно, послѣ бурной жизни, проведенной въ Петербургѣ, онъ не могъ встрѣтить сочувствія въ солидныхъ семьяхъ, а пришлось направить свои искательства туда, гдѣ о немъ мало знали. Послѣ недолгихъ ухаживаній онъ добился расположенія иностранца, проживавшаго въ Россіи, и, взявъ значительное приданое, женился на его красавицѣ дочери. Такимъ образомъ, съ хорошимъ кушемъ и изящной хозяйкой Арсеній Петровичъ водворился въ своемъ сельцѣ Марьинѣ. Сдѣлавъ визиты зажиточнымъ людямъ, графъ обошелъ Варвару Никаноровну, какъ мелкопомѣстную помѣщицу, не входящую въ кругъ его общества.

Въ такихъ натянутыхъ отношеніяхъ прошли нѣсколько лѣтъ. Варвара Никаноровна ѣздила два раза въ Петербургъ, отвозя по очереди своихъ мальчиковъ, и не замѣчала, какъ пролетѣло время.

Графъ Губскій періодически давалъ пиры и даже выписывалъ гостей изъ столицы. Эти сборища нерѣдко переходили въ оргіи, особенно когда подгулявшая компанія перекочевывала на хуторъ. Тамъ въ «домѣ для пріѣзда» происходили такія сцены, на которыхъ не могли присутствовать порядочныя женщины, а стонались силой красивыя деревенскія дѣвушки, и горе было той, которая рѣшилась бы упереться.

Жена графа долго не знала подвиговъ мужа. Вся прислуга, опасаясь жестокости графа, молчала, чтобъ не вызвать его гнѣвъ. Пользуясь своей властью, Арсеній Петровичъ доходилъ до такого разврата, что стремился возстановить ужасы среднихъ вѣковъ и практиковалъ право первой ночи.

Вотъ какіе были ближайшіе сосѣди у Адужиной. Однимъ утѣшеніемъ для нея являлся домъ Базальцева.

Сергѣй Порфирьевичъ составлялъ среди помѣщиковъ отрадное явленіе. Плотный мужчина, съ красивымъ лицомъ и большой сѣдой бородой, онъ былъ типъ старыхъ бояръ, говорившихъ: «да

будетъ мнѣ стыдно, или ты мнѣ недругъ». Какъ владѣтель четырехсотъ душъ, раскинутыхъ по нѣсколькимъ деревнямъ, Базальцевъ слылъ за богатаго человѣка. Въ его домѣ всякій прїѣзжающій находилъ радушный прїемъ, былъ ли это богачъ, или такая скромная сосѣдка, какъ Варвара Никаноровна. Такъ же относилась къ ней и жена его Анеиса Сергѣевна, уважая въ Адужиной религіозность и благородную гордость. Базальцева и ея дѣти очень любили свою сосѣдку.

Домъ Базальцевыхъ былъ единственнымъ пунктомъ, гдѣ сходились совершенно несходные элементы, какъ по убѣжденіямъ, такъ и по состоянію. Сергѣй Порфирьевичъ рѣдко у кого-нибудь бывалъ. За него визитировала Анеиса Сергѣевна и двѣ вырослыя дочери, Катя и Вѣра. Сынъ Базальцевыхъ служилъ въ гвардіи и ежегодно прїѣзжалъ въ Теплое.

Однообразно проходилъ одинъ годъ за другимъ.

Наконецъ Матвѣй Васильевичъ Адужинъ окончилъ курсъ и, надѣвши эполеты, долженъ былъ прїѣхать въ Ломово.

III.

Въ одинъ изъ августовскихъ дней Варвара Никаноровна, сдѣлавъ обходъ поля, возвращалась домой. Вдругъ послышался звонъ колокольчика, и изъ-за горки показалась тройка ямщицкихъ лошадей, запряженныхъ въ некрашенный тарантасикъ.

Увидя на ѣхавшемъ военную фуражку, Варвара Никаноровна поняла, что это Матюша, и слезы радости показались на ея большихъ выразительныхъ глазахъ.

— Благодарю Бога, что онъ мнѣ послалъ такого сына, какъ ты,—нѣжно говорила она, обнимая дорогого гостя.—Здоровъ?

— Здоровъ, маменька, здоровъ! Вы какъ? Я все думалъ о васъ, день и ночь думалъ!

— Вѣрно. У сына не можетъ быть другихъ мыслей, какъ о матери, которая кладетъ за васъ свою душу.

Усадьба была недалеко, и мать съ сыномъ, радостно бесѣдуя, дошли пѣшкомъ до дома.

Узнавши о прїѣздѣ молодого барина, старъ и малъ стекались въ усадьбу, чтобы взглянуть на молодого помѣщика.

Матюша вышелъ къ нимъ и очень сконфузился, когда старики и старухи бросились цѣловать его руку.

— Что вы, что вы! Я не попъ. Только у священниковъ и у женщинъ цѣлуютъ руки, а я хочу васъ всѣхъ обнять.

Эту сцену наблюдала изъ окна Адужина и хоть улыбалась, но неодобрительно покачала головой. Такой либерализмъ казался старой помѣщицѣ большой вольностью, и когда Матвѣй Васильевичъ вошелъ обратно въ домъ, замѣтила ему:

— Каждый человекъ долженъ быть добрымъ и по-божески относиться къ ближнему, но не надо забывать, что ты помѣщикъ, а они твои крѣпостные.

Матюша, не желая возражать матери, спокойно замѣтилъ:

— Маменька, они ваши крѣпостные, а я здѣсь гость. При томъ я такъ молодъ, а у нихъ сѣдые бороды. Вы сами учили насъ быть почтительными къ старости.

— Вижу, ловокъ, и поймалъ мать на словѣ,—съ мягкой укоризной проговорила Адужина и любовно похлопала сына по щекѣ. Только смотри, не балуй ихъ, а то слабость подчасъ солоно потомъ отзывается. Слуга долженъ быть слугой.

— Будьте увѣрены, маменька, что не огорчу васъ, и знаю, какъ держать себя.

Для пріѣзжаго приготовлена была комната, въ которой помѣщалась кровать съ огромнымъ пуховикомъ. На окнахъ стояли цвѣты, а на стѣнахъ развѣшены незамысловатыя картины.

— У, маменька, какой вы мнѣ устроили пріютъ,—цѣлуя руки, говорилъ Матюша:—отсюда не захочется уѣхать.

Молодой офицеръ, послѣ долгой и замкнутой жизни въ стѣнахъ кадетскаго корпуса, желалъ вознаграждать себя за прошлое. Онъ ходилъ по саду, въ поле и, усѣвшись на возвышенномъ берегу Колбика, съ жадностью вдыхалъ здоровый деревенскій воздухъ.

«Наконецъ-то я снялъ куртку,—съ восторгомъ думалъ онъ.— Наконецъ-то нѣтъ грозы, державшей меня въ страхѣ столько лѣтъ».

Черезъ нѣсколько дней Варвара Никаноровна замѣтила ему:

— Ну, ты, кажется, отгулялся. Пора вспомнить и то, что нужно сдѣлать. Обѣзжай моихъ знакомыхъ, а особенно побывай у Сергѣя Порфирьевича и Анюсы Сергѣевны Базальцевыхъ; этихъ людей я не только люблю, но и чту.

— Да, маменька, я помню ихъ. Они ласкали меня, когда я былъ еще ребенкомъ.

Адужина, склонная поразсуждать и безпощадная къ тому, что дѣлалось не по совѣсти, горячо продолжала:

— Да, они Бога помнятъ, людей равняютъ и рабовъ милуютъ. Какъ услышишь, что дѣлается въ Марьинѣ и въ Верховкѣ, такъ волосы становятся дыбомъ. Вотъ у графа—распутство и стоны отъ мукъ, а ужъ про барона и говорить нечего—извергъ. Намъ всѣмъ указано власть свою знать и карать виновныхъ, но мучить людей—за это намъ на томъ свѣтѣ большой отвѣтъ придется отдать. Еще графъ туда-сюда. У того жена басурманка, не по православному закону живетъ, а у Флаттера исконная дворянка; та чего смотреть? Женщина должна укрощать мужнинъ нравъ, а не смотрѣть, какъ будто ничего не видитъ.

Матюша слышалъ объ ужасахъ крѣпостнаго права и радовался, что въ ихъ имѣннѣи не сыпятся проклятія на голову владѣльца.

— Маменька, какое счастье имѣть такую мать, какъ вы,—повторялъ молодой человекъ, крѣпко цѣлуя руки старушки.

— Такъ вотъ и не медли. Завтра же вели запрячь лошадокъ въ телѣжку и объѣзжай по очереди тѣхъ, кого я тебѣ укажу.

— А къ графу и барону заѣхать? Они ближайшіе сосѣди.

— Зачѣмъ же?—съ неудовольствіемъ остановила его Варвара Никаноровна.—Они со мной не знакомы. Я не вожу съ ними хлѣба-соли.

Слѣдуя указаніямъ матери, Матвѣй Васильевичъ на другой же день покатишь по сосѣдямъ.

Усадьба Базальцевыхъ была раскинута на берегу рѣки, образовавшей отъ разлива большое озеро. Въ глубинѣ двора стоялъ двухъ-этажный деревянный домъ съ рѣзными украшеніями на фронтонѣ. Роскошный паркъ, клумбы цвѣтовъ, оранжерея и содержавшіяся въ большомъ порядкѣ хозяйственныя постройки указывали на то, что хозяинъ любитъ свое родовое имѣніе.

Подѣхавъ къ крыльцу, Аджинъ, ловко соскочивъ съ подножки, взбѣжалъ на лѣстницу. Сбросивъ въ прихожей николаевскую шинель и велѣвъ лакею доложить о себѣ, онъ оправилъ передъ зеркаломъ волосы, щеголевато тряхнулъ эполетами и, стараясь быть развязнымъ, вошелъ въ залъ.

Обстановка была старинная, но во всемъ виднѣлся вкусъ хозяина.

Бѣлые стулья съ наложенными мягкими подушечками и диванчики безъ спинокъ стояли вокругъ стѣнъ. Огромный роуль, въ простѣнкахъ зеркала, дорогія гравюры, люстра, на окнахъ занавѣски, кадки съ деревьями, большія бронзовыя статуэтки, стоявшія на круглыхъ бѣлыхъ пьедесталахъ, дополняли убранство.

Пройдясъ нѣсколько разъ по комнатѣ, Матюша услышалъ, какъ кто-то кашлянулъ въ гостиной, и на порогѣ показалося благодушная фигура Базальцева, одѣтаго въ лѣтній камзолъ.

— Радъ, дружокъ мой, очень радъ тебя видѣть. Увѣренъ былъ, что не замедлишь явиться къ намъ; потому мы очень любимъ, цѣнимъ твою мать, да и тебя помню мальчикомъ.

Когда Сергѣй Порфирьевичъ вошелъ въ залъ, Матюша прищелкнулъ каблуками, отвѣсилъ низкій поклонъ и робко протянулъ руку. Послѣ же сказаннаго хозяиномъ привѣтствія, пріободрился и съ чувствомъ отвѣтилъ:

— Къ кому же, какъ не къ вамъ, могъ я пріѣхать первымъ? Васъ не только любятъ, но всѣ обожаютъ.

— Ну, ну, полно, полно!—остановилъ хозяинъ гостя и, взявъ подъ руку, повелъ въ гостиную.—Мнѣ нравится, что ты умѣешь говорить со старшими. Да иначе и быть не можетъ. Твоя матушка не могла тебя научить худому. Люби же насъ и являйся, какъ свой человекъ. Сейчасъ выйдетъ жена, дочери, и вы хорошенько познакомитесь.

Дѣйствительно, скоро послышалось шуршаніе платьевъ, и въ гостиную вошли Анеиса Сергѣевна, Катя и Вѣра.

— Вамъ, конечно, сказали, кто къ намъ пожаловалъ. Стало быть, мнѣ не нужно называть фамилію. Видите, каковъ молодецъ? Настоящій слуга царю и отечеству.

Матвѣй Васильевичъ поцѣловалъ руку хозяйкѣ и поздоровался съ дѣвушками.

Пошли разспросы о столицѣ и о томъ, какъ онъ проводилъ тамъ время.

Пробывъ съ часъ, Матюша, собиравшійся заѣхать еще въ одинъ домъ, сталъ прощаться, но Сергѣй Порфирьевичъ безъ церемоніи отнялъ у него шапку, и Адужинъ долженъ былъ остаться обѣдать.

Матюша очень обрадовался этому, такъ какъ ему впервые приходилось быть въ обществѣ двухъ пріятныхъ дѣвушекъ. Катя была красивая брюнетка лѣтъ двадцати, хорошо сложенная и съ правильными чертами лица. Ея мягкій голосъ и порой меланхолическая улыбка производили на Матюшу чарующее впечатлѣніе. Онъ старался быть интереснымъ, рассуждалъ, по-своему, о литературѣ и удивлялъ бывшихъ институтокъ своею начитанностью.

— Гдѣ это ты, братецъ, нахватался?—спрашивалъ Базальцевъ.— Я думалъ, что васъ тамъ только муштруютъ по части ружейстики и шагистики.

— Многіе изъ насъ и не пошли дальше этого, но въ комъ живетъ мысль, тотъ не обратится въ машину и не перестанетъ высказываться свободно противъ всякаго насилія и произвола.

— Ого, да ты либераль,—шутливо укорялъ его Базальцевъ.— Въ арміи такихъ не любятъ. Смотри, не наживи бѣды.

Дѣвушкамъ нравился задорный тонъ красиваго офицера, и они любовались своимъ новымъ гостемъ.

Анеиса Сергѣевна, энергичная женщина, сразу полюбила Адужина и не стѣсняясь объявила ему объ этомъ:

— Такъ вы вотъ какой! Люблю смѣлыхъ говоруновъ. Только при дворѣ не очень-то ораторствуйте. Они не должны этого слышать, а при насъ... говорите, говорите!

Такое опасеніе объяснялось тѣмъ, что любимый братъ хозяйки былъ замѣшанъ какъ «декабристъ» и сосланъ въ Сибирь.

День прошелъ оживленно, и гость наконецъ сталъ прощаться.

Застѣнчивость и ненаходчивость гостя очень забавляли хозяевъ, и Базальцевъ отъ души хохоталъ, видя, какъ молодыя дѣвушки невольно заставляли краснѣть неопытнаго кавалера.

Отъѣзжавшаго вышла проводить вся семья, и когда онъ усѣлся въ телѣжку, то хоромъ посылали поклоны Варварѣ Никаноровнѣ и требовали, чтобы гость навѣстилъ ихъ какъ можно скорѣе.

Чувствуя себя на седьмомъ небѣ, Адужинъ нѣсколько разъ привскакивалъ съ сидѣнья и, оборачиваясь назадъ, отвѣшивалъ поклоны и думалъ:

«Какіе славные люди! Ахъ, какіе славные! А Катя! Что за прелесть эта Катя! Какъ посмотреть, словно искрами обожжетъ».

Вспоминая проведенное у Базальцевыхъ время, Адужинъ оставался недоволенъ собой.

«Я, кажется, ужасно глупо велъ себя, — соображалъ онъ. — Аноиса Сергѣевна замѣтила, чтобъ я былъ сдержанъ при дворнѣ... Ну, конечно! Все-таки они помѣщики, а я говорилъ противъ крѣпостниковъ. Ужъ другой разъ не ударю лицомъ въ грязь».

Вернувшись домой, онъ передалъ матери поклонъ отъ Базальцевыхъ и рассказалъ, какъ проводилъ время. Варвара Никаноровна мало интересовалась болтовней молодыхъ людей. Ей нравилось то, что ея сынъ былъ радушно принятъ и обласканъ людьми, которыхъ всѣ почитали.

Адужинъ, заинтересованный тѣмъ, что встрѣтилъ въ Тепломъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ удобнаго момента, чтобъ опять отправиться туда, но считалъ безтактнымъ скоро повторить визитъ. Какъ вдругъ отъ Сергѣя Порфирьевича явился нарочный съ запиской, приглашавшей къ себѣ сосѣдей по случаю дня рожденія младшей дочери Вѣры, миловидной блондинки.

Варвара Никаноровна поморщилась, но, не желая обидѣть Аннису Сергѣевну, собралась и поѣхала въ Теплое.

Тамъ былъ большой съѣздъ. Въ числѣ приглашенныхъ находились графъ Губскій и баронъ Флаттеръ, съ женами.

Хозяинъ представилъ имъ Адужина; они снисходительно протянули молодому офицеру руку. Матюшу задѣло это, и онъ обиженный отошелъ отъ нихъ.

Никогда близко не видѣвшій своихъ сосѣдей, молодой офицеръ съ любопытствомъ наблюдалъ этихъ лицъ, представлявшихъ его воображенію какими-то чудовищами. Желая выказать, что его не смущаетъ разница въ ихъ матеріальномъ отношеніи, Матюша издали вызывающе смотрѣлъ на того и другого. Это не укрылось отъ наблюдательнаго глаза Сергѣя Порфирьевича, и онъ, подойдя къ гостю, покровительственно замѣтилъ:

— Всякій человѣкъ долженъ быть самолюбивъ, но также долженъ помнить благоразуміе. Ты мнѣ рѣшительно нравишься. Потому я съ тобой такъ и говорю.

— Ахъ, какъ дороги мнѣ ваши слова, и какъ вы не похожи на тѣхъ, кого я вижу здѣсь.

— Я знаю, ты умѣешь говорить ласковыя слова, но этимъ не нужно злоупотреблять.

Въ теченіе всего времени Флаттеръ и Губскій забыли думать, что среди общества находится какой-то Адужинъ, но молодому

офицеру поминутно представлялось, что Богданъ Ивановичъ и графъ иронически посматриваютъ на него.

«Погодите, — думаль онъ: — когда-нибудь мы встрѣтимся въ другомъ мѣстѣ, и вы узнаете, кто я».

Варвара Никаноровна любовалась, какъ держаль себя ея сынъ, и на похвалы, которыя со всѣхъ сторонъ слышались о Матюшѣ, отвѣчала кратко:

— Ничего себѣ, худого въ немъ нѣтъ.

Катя болѣе и болѣе увлекала Матвѣя Васильевича. Молодое сердце — хорошо воздѣланная нива для того, чтобы случайно запавшее чувство пустило тамъ хорошіе ростки. Адужинъ какъ бы чувствовалъ, что любимое существо всегда подлѣ него, вспоминаль каждое ея слово, взглядъ, и милый смѣхъ не переставаль звучать въ его ухахъ. Это была сладостная тревога, истома молодой души. Всякія практическія соображенія далеки были отъ юноши. Онъ понималь, что ему смѣшно думать о чемъ-нибудь серьезномъ, и наслаждался, переживая святыя чувства первой любви. Порой онъ предавался тихой грусти и вздыхаль.

Варвара Никаноровна замѣтила это и нѣсколько разъ спрашивала:

— Не хворашь ли?

— Нѣтъ, мамаша, я здоровъ, но не все же быть веселымъ.

Чтобы скрыть свои ощущенія отъ матери, Адужинъ уходиль въ поле и бесѣдовалъ съ крестьянами. Его интересовало, какъ за-кабаленные люди смотрять на свое положеніе, и хотѣль проникнуть въ ихъ внутренній міръ.

«Хорошо, думаль онъ, имѣть такую мать, за которую не стыдишься. Что бы я чувствовалъ, если бы былъ сыномъ графа или Флягтера? Какими глазами смотрѣль бы я на этихъ истерзанныхъ людей, доведенныхъ до состоянія животных?»

Ему вспомнились лица сосѣдей, и въ ихъ взглядахъ онъ читаль звѣрство.

Матюша, будучи въ выпускномъ классѣ, зачитывался всѣмъ, что только попадало ему подъ руку. Учась только удовлетворительно, Адужинъ съ раннихъ лѣтъ имѣль наклонность къ созерцательности и въ фантазіяхъ уносился далеко за стѣны корпуса. Спартанскіе нравы кадетъ, суровость обращенія и особенность воззрѣній кадетъ всегда казались ему страшными. Онъ не восторгался тѣми, кто не кричалъ подъ розгами, и не преклонялся передъ кулачными бойцами, составлявшими грозу роты, и въ то время, когда въ часы прогулокъ старыя закалы шли, для укрѣпленія физической силы, ворочаль камни, отходилъ къ сторонѣ и отдавался своимъ завѣтнымъ мечтамъ. То онъ видѣль себя дирижирующимъ хоромъ пѣвчихъ, то вдохновеннымъ актеромъ, на подмосткахъ сцены, то путешественникомъ, странствующимъ по невѣдомымъ краямъ. Товарищи

не замѣчали его. Однимъ онъ казался скрытнымъ и тихоней, другимъ странной натурой, а многіе негодовали на него, что онъ мало принималъ участія въ общихъ волненіяхъ, хотя никто никогда не видѣлъ, чтобъ онъ отставалъ отъ своихъ товарищей. Друга у него не было, и попытки сойтись тѣснѣй, чѣмъ съ остальными товарищами, рушились, такъ какъ избранные не могли понимать грезъ своего пріятеля, одни считали его недалекимъ, другіе юродивымъ.

Начальство также сначала съ недоумѣніемъ смотрѣло на мальчика, потомъ на юношу. Онъ никогда не попался ни въ одной двусмысленной шалости, отвѣчалъ на вопросы почтительно, но съ достоинствомъ, и даже не курилъ. Но онъ не дѣлалъ этого не потому, что боялся отвѣтственности, а оттого, что не переносилъ табачной горечи и послѣ куренья цѣлый день икалъ и не могъ отплеваться.

Такъ шель онъ незамѣтнымъ для всѣхъ. Только перейдя въ спеціальные классы, онъ проявилъ себя, протестовавъ противъ грубости и дурного обращенія. Этотъ протестъ былъ высказанъ настолько деликатно и съ такимъ достоинствомъ, что не вызвалъ серьезной кары, а только заставилъ смотрѣть на взрослыхъ кадетъ, какъ на будущихъ офицеровъ.

Раннее развитіе Адужина было для него большою тягостью. Еще на корпусной скамьѣ онъ сталъ понимать, что люди не таковы, какими они кажутся, и что величавость многіхъ прикрывала полную ничтожность души. Для такого юноши, конечно, и общественныя недомоганія не могли остаться тайной. Читая о томъ, какъ жили крестьяне, и видя публикаціи, гдѣ говорилось о продажахъ имѣній со столькими-то душами, или о свозѣ ихъ безъ земли, Матюша горько улыбался и думалъ:

«Продаютъ, какъ лошадей, собакъ».

При этомъ ему вспоминалось Ломово, гдѣ онъ вскарабкивался на возы съ сѣномъ, возвращавшіеся въ усадьбу. Ему видѣлись лица Ивана, Захара, Артема, Федосьи, и всѣ они казались ему чѣмъ-то роднымъ. Но особенно пріятны были воспоминанія о ребятахъ, съ которыми онъ, вмѣстѣ съ братьями, возился, ходилъ за орѣхами, грибами и ловилъ рыбу. И вотъ, когда онъ нагрязнулъ въ офицерскихъ эполетахъ на родное пепелище, его товарищи по играмъ обратились въ парней и стали нести всю тяготу крѣпостного быта.

Какъ все измѣнилось, какъ все промчалось!

Усаживаясь вечеромъ на завалинкѣ какой-нибудь ломовской хаты, Матюша бесѣдовалъ съ подходившими къ нему. Самымъ любимымъ собесѣдникомъ его былъ староста Михайла, человекъ большого ума, огромной физической силы и, какъ природный консерваторъ, преданный своей помѣщицѣ.

— Ну, что, Михайло, трудно вамъ?

— Кому трудно? Намъ-то! Очень даже слободно. Вотъ сусѣдскимъ—на тѣхъ, должно быть, Создатель прогнѣвался. А мы, дай Богъ здравствовать вашей маменькѣ, по доброму живемъ.

— Ну, а на волю хотѣлось бы выйти?

Михайла съ удивленіемъ посмотрѣлъ на говорившаго и съ лукавой улыбкой отвѣтилъ:

— Какъ сказать! Какова воля! Мы вонъ знаемъ, что и вольные по міру ходятъ, а мы живемъ за барыней, какъ за каменной стѣной.

Матюшѣ показалось, что староста подозрѣваетъ его въ фискальствѣ, и продолжалъ другимъ тономъ:

— Ты говоришь не то, что думаешь!

— Какъ передъ Богомъ—то. Чего жъ намъ нужно? Хлѣбушка вволю. У Ильи въ третьемъ году хата сгорѣла, барыня лѣску дала. А кабы вольной-то былъ, гдѣ же взять лѣску-то? Опять падежъ былъ,—опять барыня вызволила. Стало быть, нечего и воли желать.

— А вотъ мы останемся наслѣдниками, я и продамъ васъ Флаттеру.

При этихъ словахъ лицо Михайлы исказилось. Инстинктивно онъ отступилъ шагъ назадъ и, желая скрыть смущеніе, улыбнулся.

— Ваша воля, конечно. Но только какъ мы вамъ вѣрные слуги, то за что насъ на муку отдавать.

Адужину досадно стало на свою безтактную шутку, и онъ спохватился.

— Ахъ, Михайла, неужели ты повѣрилъ моимъ словамъ? Я только въ шутку!

Старикъ ласково улыбнулся и, вздохнувъ, проговорилъ:

— Ваши-то слова, Матвѣй Васильевичъ, всегда намъ по сердцу, а насчетъ шутки, такъ подчасъ отъ нея мужичку жутко приходится. Вонъ въ прошломъ году былъ у графа Губскаго большущій съѣздъ гостей. Какіе у нихъ разговоры шли, намъ невѣдомо, а только вдругъ приказъ вышелъ: «доставить съ деревни на барскій дворъ пятерыхъ самыхъ старыхъ стариковъ». И доставили. Но только они ввалились во дворъ, какъ на нихъ накинудись дворовые, связали и всѣмъ сбрили усы и бороду. Смѣху по этому случаю страсть сколько было, но только обритымъ по этому случаю жутко пришлось. Аксень на третій день Богу душу отдалъ, Архипа изъ петли вынули, съ Иваномъ, отъ срама, горячка приключилась, а Парфень сталъ шибко водкой зашибаться. И то сказать—какъ вытерпѣть было? На улицу выйти стало негоже, отовсюду смѣхъ; кто кричитъ: арестантъ, кто зоветъ попомъ польскимъ... Такъ вотъ каковы бывають барскія шутки. А то вотъ еще графъ Губскій съ вашей маменькой задумалъ пошутить, такъ не солоно хлебавши отъѣхалъ.

- Про что ты, Михайла, говоришь?
- Нешто не слышали, какъ графъ пріѣзжалъ Ломово покупать?
- Нѣтъ, не слыхаль.

— Пріѣзжалъ, пріѣзжалъ. Какъ только маменька ваша вышла къ нему, такъ онъ и грянулъ: наслышанъ, молъ, что имѣннице продаете, такъ вотъ я покупщикомъ пріѣхаль. А ваша маменька на это ему: «Скажите, графъ, кто это вамъ сообщилъ? Если кто изъ моихъ, такъ я его, пакостника, отправлю въ станovou квартиру, чтобы ему такъ языкъ укоротили, а если кто изъ вашихъ ввелъ васъ въ безпокойство, такъ вы, навѣрно, его не оставите безъ наказанія». Тутъ графъ сталъ ей резоны представлять, что обиды въ его спросѣ нѣтъ и не за что маменькѣ гнѣваться, а Варвара Никаноровна все свое: «Есть ли, нѣтъ, про то я знаю, а вамъ, графъ, не пристало всякому ярыжнику вѣрить и меня смущать. Какъ прослышать люди добрые, что вы пріѣзжали ко мнѣ покупать мое родовое гнѣздо, такъ подумаютъ, что я въ долгахъ запуталась, или еще что-нибудь хуже того. Не ожидала я, графъ, отъ васъ этого».

Тутъ гость, видя, что его дѣло никуда негодно, сталъ прощаться, а маменька ему влѣдъ: «Не осудите за пріемъ, мы люди простые, думаемъ по душѣ и поступаемъ такъ же». Потомъ Варвара Никаноровна и стала всеѣмъ рассказывать, что графъ пріѣзжалъ съ ней шутки шутить. А вотъ Флаттеръ чище сдѣлалъ. Иду это я разъ по дорогѣ, а онъ ѣдетъ на бѣговыхъ дрожкахъ, я шапку снялъ и поклонился, а по его вышло, что я обошелся съ нимъ непочтительно и говоритъ: «Ты адужинскій?»—Такъ точно, отвѣчаю, изъ Ломова.— «Знаю, говоритъ васъ, знаю, вы грубіяны. Барыня распустила васъ. Надо бѣ тебѣ на спинѣ узоры вывести, чтобы умнѣе былъ». А я ему въ отвѣтъ: «Напрасно будете безпокоиться, хошь своему Ивану поручите это сдѣлать, такъ и тотъ зря будетъ стараться, потому у меня кожа очень толста—ничѣмъ не прошибешь». Послѣ моихъ словъ онъ отѣхаль, и обернувшись, кричить: «А вотъ я какъ-нибудь попробую, правда ли, что толста». Теперь, сказываютъ, господа ему допросъ дѣлаютъ: «ну, какъ насчетъ толстой кожи?»

Этотъ безхитростный рассказъ произвелъ на Адужина самое тягостное впечатлѣніе. Знавшій деревню съ ея лицевой стороны, онъ поминутно наталкивался на ея изнанку, и это портило его настроеніе духа. Вступавшій въ жизнь съ радужными надеждами молодой человѣкъ начиналъ понимать, что иллюзіи его далеки отъ дѣйствительной жизни.

IV.

Въ Тепломъ приготовлялись къ большому событію—къ именинамъ хозяина, которыя праздновались пятого іюля. Передъ этимъ днемъ Сергѣй Порфирьевичъ считалъ долгомъ объѣхать многихъ своихъ знакомыхъ и лично пригласить на пиръ. Въ число такихъ

лицъ попала, конечно, и Адужина. Варвара Никаноровна, высоко цѣнившая Сергѣя Порфирьевича, очень привѣтливо встрѣтила гостя.

— Рѣдко навѣщаете меня, старуху, зато каждый разъ, когда прѣзжаете, словно одарите краснымъ яичкомъ.

— Послѣ этихъ словъ я не могу сомнѣваться, что пожалуете ко мнѣ на именины.

— Дорогой мой, никуда не ѣзжу, а вамъ отказать не имѣю силы. Пріѣду.

Въ это время вошелъ Матюша и съ радостью обнялъ Базальцева.

— Ты не подумай, что я пріѣхалъ тебѣ отдать визитъ, не досрочъ еще, а вотъ изволь съ своей матерью прибыть къ намъ. Барышень будетъ достаточно, и музыку изъ города выпишу, послѣ обѣда напляшетесь вдоволь.

Адужина стала потчевать гостя, предлагая ему и то и другое, но Сергѣй Порфирьевичъ отъ всего отказался, только за здоровье хозяйки выпилъ ея пятилѣтней наливки.

Наконецъ наступилъ ожидаемый день, и гости стали съѣзжаться въ Теплое. Пріѣхалъ уѣздный предводитель дворянства Перемыкинъ, генералъ въ отставкѣ, съ нимъ вмѣстѣ прикатилъ исправникъ, а затѣмъ депутатъ отъ дворянъ, непремѣнный членъ, уѣздный судья и городской голова. Это были все официальные лица, помѣщиковъ же набралось до сорока человѣкъ. Выписанъ былъ изъ города оркестръ, состоявшій изъ двѣнадцати человѣкъ, и привезенъ фейерверкъ. Всѣ съѣхавшіеся чувствовали себя какъ дома. Нѣкоторые пошли пройтись по парку, а другіе, не теряя времени, усѣлись за зеленые столы. Матюша, какъ кавалеръ, въ числѣ другихъ, долженъ былъ находиться при барышняхъ, но онѣ мало занимали его, а съ Катей неудобно было сказать лишнее слово. Сославшись на головную боль, онъ забрался въ кабинетъ и тамъ принялся читать съ жадностью книги, которыя только могъ получить у Базальцева. Онъ такъ углубился въ чтеніе, что не замѣтилъ, какъ въ кабинетъ вошла Вѣра.

— Матвѣй Васильевичъ, я къ вамъ съ просьбой,—проговорила она тихо.

— Что прикажете?

— Катя почему-то конфузится сама обратиться къ вамъ съ просьбой и прислала меня. Видите... Насъ не пускаютъ сюда и не позволяютъ читать книги, которыя мы желали бы прочесть. Папа говоритъ: рано, а мама находитъ, что это вредно. Вамъ же это ничего не стоитъ сдѣлать. Вынесите отсюда книги и незамѣтно передайте кому-нибудь изъ насъ.

Матюшѣ не понравилась эта просьба. Дѣлая то, чего не желалъ Сергѣй Порфирьевичъ, онъ невольно причинялъ ему неприятность, но могъ ли онъ устоять противъ просьбы истинно любимой имъ дѣвушки?

— Хотя вы и подводите меня, но ужъ такъ и быть, возьму грѣхъ на себя. Какія же вамъ нужны книги?

Вѣра сунула ему въ руку бумажку, на которой были написаны названія книгъ и быстро вышла изъ кабинета.

Вскорѣ раздался громкій ударъ колокола—это были сигналъ гостямъ сходитья къ обѣду. И вотъ изъ разныхъ концовъ парка потянулись гулявшіе, спускались и изъ верхняго этажа, гдѣ шла картежная игра. Началось разсаживаніе гостей. Хотя мѣстничество и уничтожено было царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, но въ обществѣ оно останется навсегда. Особенно почетныхъ гостей хозяинъ непременно ~~исадитъ~~ садитъ такъ, чтобы показать особенное вниманіе. Такъ было и тамъ. Одни были усажены съ обѣихъ сторонъ хозяина, другіе—хозяйки. Молодежи предоставлено было право усаживаться самимъ. Матюша, конечно, постарался сѣсть неподалеко отъ Кати.

Музыка при входѣ гостей, игравшая маршъ, умолкла, и началась трапеза. Цѣлая армія лакеевъ, одѣтыхъ во фраки и въ бѣлыхъ перчаткахъ, какъ комары, толпились вокругъ столовъ. Деревья, разставленныя по угламъ и стѣнамъ, и гирлянды цвѣтовъ, лежащія на столахъ, напоминали сказочные пиры.

Въ началѣ обѣда, какъ всегда, было мало оживленія, но вино постепенно развязывало языки, и общій говоръ напоминалъ улей; слышались смѣлые голоса, касавшіеся общихъ и частныхъ интересныхъ вопросовъ. Первенство въ этомъ, конечно, принадлежало Губскому, изъѣздившему цѣлый свѣтъ и имѣвшему о чемъ поведи бесѣду. Но такъ какъ каждый изъ людей помнитъ свои личныя отношенія, то и Арсеній Петровичъ не забылъ сухого приѣма, оказаннаго ему Адужиной, и рѣшилъ отомстить ей, за дѣвши ея сына.

— Странное время мы переживаемъ,—началъ онъ, не обращаясь ни къ кому:—стали возникать какія-то новыя отношенія. Молодые люди находятъ возможнымъ трактовать о какомъ-то сближеніи съ крестьянами. Какое можетъ быть сближеніе? Крестьянинъ—рабъ, холопъ, а дворянинъ—баринъ. Это два полюса, которые нельзя соединить, но новаторы безразсудны и не понимаютъ самыхъ простыхъ вещей. Конечно, послѣдствія для нихъ бываютъ очень тяжелыя, но фанатики считаютъ себя непризнанными героями и не боятся нравственной отвѣтственности. А что всего прискорбнѣе, это то, что подобнымъ образомъ стали себя вести даже офицеры.

Матюша понялъ, что это намекъ на него, но рѣшилъ не возражать. Отъ Базальцева тоже не укрылось, въ кого пущена стрѣла, и онъ нахмурился. Губскій не унимался.

— Да, да, они забываютъ свою дворянскую честь и пріятельски пляются по хатамъ.

Тутъ Матюша не выдержалъ и мягко проговорилъ:

— Графъ, я тоже офицеръ и не стыжусь зайти въ избу крестьянина, я этимъ оказываю ему милостивое вниманіе.

Губскій притворно улыбнулся и, наклонившись впередъ, съ разстановкой замѣтилъ:

— Про присутствующихъ не говорятъ, но если вы сами выставляете себя, то этимъ даете право и другимъ коснуться васъ.

— Можете! Потому что я не дѣлаю ничего предосудительнаго.

— Предосудительнаго, конечно; но, демократизируясь, вы приносите имъ вредъ. Они ужъ перестаютъ считать васъ баринкомъ и видятъ простаго человѣка, а не недосягаемое лицо, какимъ вы должны казаться имъ. Этимъ вы нарушаете идею крѣпостнаго права, установленную закономъ.

Матюшѣ стоило большихъ усилій сдержать себя, но все-таки онъ заговорилъ:

— Я не совсѣмъ ясно понимаю, графъ, что вы хотите этимъ сказать.

— Очень жаль... ха-ха.. что вы не понимаете!

— Мнѣ кажется, что не физическая близость подрываетъ власть, а то, если крестьяне не уважаютъ дѣйствій и поступковъ своего помѣщика. Я ничего худого не дѣлаю. Но если бъ я далъ имъ право не только осуждать, но презирать меня, то ходи я или не ходи въ хаты,—уваженія не приобрѣту.

— А вы большой діалектикъ и либераль, что, къ сожалѣнію, замѣчается въ рядахъ арміи.

— Это уже обвиненіе, а можно ли меня обвинять? Вы сказали, что я либераль. Не знаю, что въ вашихъ устахъ это означаетъ? Я вѣрный слуга царю, люблю беззавѣтно свою родину, собираюсь работать, сколько во мнѣ хватить силъ, и буду молиться Богу, чтобы Онъ помогъ мнѣ все это исполнить. Если вы примете все это во вниманіе и опять назовете меня либераломъ, я не обижусь.

Губскій почувствовалъ неловкость и перешелъ въ шутливый тонъ.

— А вы преинтересный человѣкъ. Въ ваши лѣта и вы такъ убѣдительно говорите. Можно подумать, что вы многое испытали въ жизни.

— Тому, что говорю, меня научили люди, написавшіе безсмертныя книги.

Эта стычка обратила на себя вниманіе всего стола, и Аджинъ сдѣлался героемъ дня. Больше всѣхъ, конечно, восторгалась имъ Варвара Никаноровна, даже на ея глазахъ, крѣпкихъ, какъ сталь, показались слезы. Катя посылала ему нѣжные взгляды. Даже Базальцевъ, опасавшійся неблагополучнаго исхода спора, успокоился, и все могло окончиться благополучно, если бы вдругъ Флаттеръ не вставилъ безтактнаго слова.

— То, что я слышалъ, меня очень удивило. Въ наше время краснобайство не допускалось. Офицеръ долженъ служить, а не разсуждать. Кто разглагольствуетъ, отъ того не жди добра. Надо хорошо командовать и хорошо маршировать. Не люблю фантазеровъ, отъ нихъ мало проку. Въ войскѣ должна быть дисциплина, которую можетъ поддержать только палка, а нѣженки портятъ дѣло. И надо бы запретить такіе разговоры, въ которыхъ слышится непочтительность. Кто вольтерьянничаетъ, тотъ плохой офицеръ.

Молчать было нельзя, и Адужинъ возразилъ:

— Если мнѣ придется ѣхать противъ врага, внѣшняго или внутренняго, то я вспомню данную мною присягу и съ беззавѣтной храбростью брошусь отдать свою жизнь. Если послѣ этого я кажусь дурнымъ офицеромъ, то я невольно спрашиваю: что же такое хорошій? Не тотъ ли, который истязаетъ своихъ солдатъ, чѣмъ дѣлаетъ ихъ службу каторгой. Такихъ, конечно, много. Но такихъ теперь перестаютъ считать воинами, а величаютъ больше палачами.

Эффектъ былъ полный.

Всѣ знали, какъ звѣрски обращается Флаттеръ съ своими крестьянами, и невольно симпатіи обратились къ молодому человѣку. Однако, чтобы не огорчить хозяина, никто не выразилъ вслухъ своего одобренія. Базальцевъ воспользовался минутой, и поднявши бокаль, провозгласилъ тостъ за здоровье государя императора. Инцидентъ окончился благополучно.

Чтобы загладить дурное впечатлѣніе, произведенное wypadомъ Адужина, Базальцевъ обратился къ сидѣвшимъ за столомъ съ маленькою рѣчью:

— Дорогие гости, не будемъ терять драгоценнаго времени. Для молодежи готовы осѣдланныя лошади, а для насъ, стариковъ, открыты зеленые столы. Возьмемъ и то и другое приступомъ. Желаю всѣмъ успѣха.

Полушутливый тонъ хозяина подѣйствовалъ на присутствующихъ, и всѣ съ бокалами въ рукахъ бросились пить за его здоровье.

День вошелъ въ обычную колею, и гости отправились исполнять указанія хозяина. Дѣвушки, чтобы обратиться въ амазонку, а мужчины—въ ловкихъ всадниковъ. Матюша былъ неважнымъ ѣздокомъ, но желаніе быть вблизи отъ Кати настолько возбуждало въ немъ энергію, что онъ забылъ свою обычную робость и держалъ себя молодцомъ. Кавалькада тронулась и выѣхала изъ усадьбы. Пожилые люди усѣлись за карточные столы.

Въ это время уѣздный исправникъ Иванъ Тихоновичъ Кибиткинъ почтительно подошелъ къ Губскому и вкрадчиво заговорилъ:

— Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, выразить вамъ глубочайшее почтеніе и сказать, что я глубоко возмущенъ поведеніемъ го-

сподина Аджина. Вы знаете, какъ безпредѣльна моя преданность къ вамъ, слѣдовательно, могъ ли я равнодушно слушать, какъ какой-то мальчишка, которому надо жесткой мочалкой вытереть молоко съ губъ, осмѣлился высказать то, что онъ говорилъ.

Графъ надменно откинулъ голову и пренебрежительно отвѣтилъ:

— Мальчишка слишкомъ ничтоженъ, чтобы я обидѣлся отъ его словъ.

— Позвольте, ваше сіятельство, я прошу извиненія за мою смѣлость, но я не въ правѣ молчать. Не въ васъ тутъ дѣло, а въ тѣхъ, кто слышалъ дерзость этого молодого человѣка. Вы одинъ изъ видныхъ столповъ нашего дворянства, и вдругъ какой-то Аджинъ считается съ вами, какъ равный. Еще будь онъ богатъ, а то сынъ почти мелкопомѣстной помѣщицы и набрасывается на графа Губскаго. Прискорбно, ваше сіятельство, очень прискорбно.

Исправники выбирались дворянами, поэтому неудивительно, что Кибиткинъ старался заискивать благорасположенія видныхъ представителей своего сословія.

Арсеній Петровичъ хоть и не отличался большимъ умомъ, но хорошо зналъ условія уѣздной жизни и понималъ причину, понуждавшую исправника выказывать, что горячо принимаетъ къ сердцу обиду, причиненную ему. Но, желая со своей стороны нанести хорошій ударъ полицейскому чину, заговорилъ въ ироническомъ тонѣ:

— А вы-то что смотрите? Говорятъ, этотъ офицерикъ втирается въ среду крестьянъ и тамъ проповѣдуетъ такія вещи, за которыя надо было бы его посадить въ острогъ, а вы стоите въ сторонкѣ и безмолствуете. Какой же вы послѣ этого исправникъ?

Кибиткинъ покачалъ головой и съ грустью отвѣтилъ:

— Ахъ, ваше сіятельство! Не прячься онъ за спину нашего досточтимаго Сергѣя Порфирьевича, я бъ его истолокъ въ ступкѣ. А то всѣ знаютъ, въ какомъ почетѣ Базальцевъ у губернатора, да и что ему губернаторъ, у него сильная рука въ министерствѣ. Открой-ка я походъ противъ его любимца, такъ мигомъ вылетншь. И никакое дворянство не защититъ.

Губскій призадумался и нерѣшительно проговорилъ:

— Хоть вы и не совѣмъ правы, но съ Базальцевымъ бороться дѣйствительно трудно, да и мнѣ этотъ офицеръ дурного ничего не сдѣлалъ.

Исправникъ коварно потиралъ руки и, исподлобья смотря на Губскаго, выразительно проговорилъ:

— Кто знаетъ. Явно, конечно, не сдѣлалъ, да и не можетъ сдѣлать. А изъ-за угла... ой, ой, ой!

— Вы на что-то намекаете?

— Вы позволите мнѣ говорить съ вами откровенно.

— Я этого требую.

— Ваше сіятельство, — почти шопотомъ началъ исправникъ. — Вамъ, конечно, не извѣстно, что къ уѣздному судѣ поступила на васъ жалоба.

— На меня? Отъ кого же?

— Вы изволили запомнить, что посылали въ станъ двороваго крестьянина Ивана Филиппова, чтобы его подвергли тамъ тѣлесному наказанію. Вслѣдъ за этимъ отъ его дочери крестьянки Марьи и поступила жалоба на васъ, что будто бы вы совершили надъ ней насиліе. Этому, конечно, никто не повѣрилъ, и я говорю не для того, чтобы навести на васъ тѣнь, а потому, что считаю доносъ величайшей дерзостью. Однако съ нимъ надо считаться, потому что составитель прошенія лицо, способное огласить клевету, придавая ей извѣстную вѣроятность.

— Говорите проще!

— Извольте. По дознанію, произведенному становымъ приставомъ, оказалось, что авторъ прошенія Аджинъ, а набѣло переписывалъ семинаристъ, племянникъ нашего сельскаго священника. Какъ видите, дѣло отошло отъ нашего уѣзднаго семейнаго очага, и если этого дѣла не загасить, то для васъ могутъ быть большія непріятности. Вотъ кто такой Аджинъ. Какъ же не возмущаться его сегодняшнимъ поступкомъ.

Губскій былъ очень афрапированъ тѣмъ, что ему сообщилъ Кибиткинъ, и нѣкоторое время молча стоялъ, опустивши голову. Потомъ присанился и заговорилъ твердымъ тономъ:

— Я сумѣю выпутаться изъ этого сквернаго случая. Если понадобится, отпущу даже Ивана Филиппова на волю, но этотъ офицерикъ... я дорого далъ бы, чтобы достойно отомстить ему.

— Напишите по мѣсту его служенія. Выставьте его, какъ лицо неблагонадежное, якшающееся съ крестьянами и возбуждающее ихъ противъ владѣльцевъ. О, это вѣрный способъ задать молодчику трепку.

Графъ молча сидѣлъ, какъ бы что-то соображая, потомъ отчетливо проговорилъ:

— Мнѣ мѣшаетъ Базальцевъ. Этотъ сибаритъ не на шутку привязанъ къ сынку сосѣдки, а бороться съ Сергѣемъ Порфирьевичемъ трудно; онъ уменъ, гордъ, настойчивъ и пользуется всеобщимъ почтеніемъ; его слово цѣнится на вѣсь брильянта... что бы онъ ни сказалъ, ему повѣрятъ, а я... хе, хе, хе, вы хорошо знаете, не вполне безупреченъ. Благодарю васъ за то, что вы сообщили; постарайтесь сдѣлать, что можете, и я не буду сидѣть сложа руки. Во всякомъ случаѣ мы съ вами сочтемся.

Кибиткинъ подобострастно пожалъ протянутые ему два пальца и отправился къ Флаттеру, сидѣвшему въ гостиной съ сигарой въ рукѣ въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ.

Богданъ Ивановичъ былъ тоже не въ духѣ. Онъ привыкъ къ подобострастію, и развязный тонъ, съ которымъ обратился къ нему Матвѣй Васильевичъ, покоробилъ жестокаго плантатора.

Исправникъ, въ виду приближавшихся выборовъ, изъ кожи лѣзь заручиться расположеніемъ вліятельныхъ помѣщиковъ, поэтому и къ Флаттеру относился подобострастно.

— Каковы! — началъ онъ, присаживаясь подлѣ разгнѣваннаго полковника, — и кому онъ осмѣлился сказать, — вамъ?

— Онъ, кажется, никому спуску не даетъ.

— Вотъ, вотъ! именно никому. Кажется, я не причинилъ ему никакого зла и съ Варварой Никаноровной жилъ въ ладахъ, такъ это ему ничего не значить. На дняхъ прїѣзжаетъ ко мнѣ повѣренный отъ откупщика и подтруниваетъ. Завелся, говоритъ, въ Ломовѣ офицеръ, отъ котораго никому нѣтъ пощады, и васъ не оставилъ въ покоѣ. Исправникъ, говоритъ, беретъ съ васъ ежемѣсячно по шести ведеръ водки. Этой водкой вы ему замываете глаза, отчего онъ и не видитъ, что творится въ вашихъ кабакахъ. Какое ему дѣло? Видите ли, отыскался ревизоръ. Ужъ такъ я на него золъ, — выразить не могу. Но сегодня, когда увидѣлъ, какіе онъ бросалъ перуны не только въ васъ, но и въ графа, то мнѣ легче стало, пускай, думаю, брешеть.

— Но вы въ самомъ дѣлѣ берете шесть ведеръ?

— Не отрекаюсь, беру. Такъ вѣдь это общее положеніе. Кто стоитъ и повыше насъ, то и тѣмъ вручается установленная порція, почему же онъ именно на меня обрушился? Я думаю, что это онъ дѣлаетъ отъ подлости. Богъ далъ ему злобную душонку, онъ и ищетъ случая на кого вылить свою злость.

— Нарвался бы онъ на меня... гдѣ-нибудь въ полѣ, тогда узналъ бы, какъ распускать языкъ. Тоже и староста Михайла... попадись мнѣ гдѣ-нибудь. Небо съ овчинку покажется.

Кромѣ только что описанныхъ сценъ, во многихъ уголкахъ Теплага или суды и пересуды о томъ, что было за столомъ, и общія симпатіи были на сторонѣ молодого офицера.

Анеиса Сергѣевна, подойдя къ сидѣвшей на террасѣ Варварѣ Никаноровнѣ, также выразила большое удовольствіе.

— Вы счастливая мать, — начала она, садясь подлѣ гостыи. — Много онъ будетъ видѣть горя въ жизни, но вы можете быть покойной, что вашу фамилію вездѣ будутъ произносить съ теплымъ чувствомъ. Матюшу нельзя не любить, на его миломъ, красивомъ лицѣ такъ и свѣтится правда и любовь. Его нельзя не баловать, и каюсь, мнѣ хочется баловать его.

Адужина поднялась, горячо поцѣловала хозяйку и сказала одно слово: «спасибо».

Взволнованная мать болѣе ничего не могла проговорить.

Съ улицы стали доноситься громкіе голоса—это кавалькада возвращалась съ поѣздки. Вскорѣ молодые люди гурьбой ввалились въ домъ и напали на прохладительные напитки.

Въ дверяхъ показался Базальцевъ.

— Льготы вамъ полчаса, а затѣмъ извольте танцевать. Я хочу, чтобъ сегодняшний день прошелъ шумно и весело.

— Что вы насъ учите,—шутливо-грубіанскимъ тономъ спросилъ Аджинъ.—Попробуйте-ка запретить намъ, такъ увидите, какъ мы умѣемъ бунтовать.

— Вѣрно, вѣрно,—раздались голоса, смѣшавшіеся съ женскимъ смѣхомъ.

Вскорѣ оркестръ заигралъ полонезъ Огинскаго, и танцующія пары стали чинно выходить въ залъ. Но, Боже мой, что это были за звуки, раздавшіеся изъ прихожей. Музыканты, получившіе должное угощеніе отъ хозяина, рѣшительно ослабѣли. Смычки ковыляли, не всегда вѣрно попадая на струну, кларнетъ воспроизводилъ противоестественные звуки, волторна какъ-то странно гудѣла, но въ общемъ все-таки это былъ оркестръ, который до извѣстной степени удовлетворялъ танцовавшихъ. Между ними только дирижеръ Валентъ, несмотря на то, что былъ нетрезвъ, вѣрно велъ мелодію. Это былъ одинъ изъ тѣхъ гениальныхъ самородковъ, которыхъ загубила водка и крѣпостное право. Валентъ покачивался, но все-таки изъ-подъ его смычка вылетали звуки, хватавшіе за душу.

Послѣ полонеза началась кадрили, а затѣмъ послѣдовательно пошли танцы, которые обыкновенно устанавливаются на вечерахъ и вечеринкахъ.

Матюша много танцевалъ съ Катей и каждый разъ, когда подходилъ къ любимой дѣвушкѣ, то чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. На лихорадочно возбужденнаго Аджина не разъ посматривалъ Сергѣй Порфирьевичъ, и на лицѣ его появлялась насмѣшливая улыбка.

Въ первомъ часу ночи опять раздался звукъ призывного колокола, и гости потянулись въ столовую, гдѣ сервированъ былъ ужинъ.

Рѣдко кто уѣзжалъ отъ этого ужина, такъ какъ всѣ знали, что онъ будетъ шедевромъ поварского искусства.

Большинство было утомлено бурно проведеннымъ днемъ, только Аджинъ былъ бодръ и когда подали шампанское, демонстративно поднялся съ мѣста и обратился къ Бальзацеву.

— Высокоцитимый хозяинъ, между вашими почтенными гостями я самый молодой, а стало быть и самый маленькій, но вѣдь и маленькимъ иногда разрѣшается говорить.

— Bravo, bravo,—послышалось нѣсколько голосовъ.

— Вы были молодымъ полковникомъ, котораго отличалъ императоръ, но все-таки вы сбросили блестящій гвардейскій мундиръ

и поселились въ родномъ углу, чтобы послужить великому дѣлу— дѣлу народа. И какъ этотъ народъ молится за васъ! Вы внесли сюда великія начала любви къ ближнему. Вы показали, что такое искренній и гуманный человѣкъ.

— Довольно,—остановилъ его хозяинъ. Но нѣсколько головъ объявили протестъ.

— Пусть говорить, пусть говорить.

— Если это желаніе гостей, говори.

— Мои слова не лесть, это подтверждаетъ мнѣ выраженіе лицъ, сидящихъ за столомъ.

Опять послышалось: «браво, браво!»

Адужинъ слегка поклонился и продолжалъ:

— Словомъ «человѣкъ» шутятъ. Такъ зовутъ лакеевъ, но это профанація. Если Богъ Отецъ послалъ на землю своего сына, назвавъ его Богомъ-Человѣкомъ, то этимъ поставилъ это слово на неизмѣримую высоту. И тѣ, кто съ честью носятъ его, истинные сыны Божіи. Прислушайтесь къ тому, что крестьяне говорятъ про Сергѣя Порфирьевича, и вы скажете, что я не гнусный льстецъ, а говорю правду. Мы, русскіе, у которыхъ въ душѣ живетъ девизъ: «За вѣру, царя и отечество», мы молимся Богу доброму и милостивому и не похожи на тѣхъ, которые пытали людей на инквизиціонныхъ столахъ. И, видя передъ собой Сергѣя Порфирьевича, какъ источникъ добра и милости, я задыхаюсь отъ восторга и кричу: да здравствуетъ поборникъ идей Христа и да ниспослетъ ему Богъ всего того, чего заслуживаетъ онъ, какъ истинный человѣкъ.

Эта страстная рѣчь произвела на присутствующихъ огромное впечатлѣніе. Многие, даже солидные люди подходили и обвиняли Адужина. Въ числѣ подошедшихъ была и Катя. Она пристально посмотрѣла на Матюшу и слегка кивнула ему головой, но такъ кивнула, какъ можетъ это сдѣлать любимая женщина.

Герой дня съ бокаломъ въ рукѣ подошелъ къ хозяину. Сергѣй Порфирьевичъ взялъ его за обѣ щеки и горячо поцѣловалъ, а потомъ, слегка потрогавъ пальцемъ по лбу, сказалъ:

— Много въ этой головѣ огня. Смотри, какъ бы онъ не спалилъ тебя.

— Не боюсь,—громко отвѣтилъ молодой офицеръ:—лишь бы онъ сжегъ меня въ борьбѣ за такихъ людей, какъ вы.

Даже Анѣиса Сергѣевна, всегда сдержанная и тактичная, горячо отнеслась къ гостю, сдѣлавшему ихъ годовой день такъ интереснымъ.

— Очень рада, что вы гостите въ Ломовѣ. Это мѣсто очень близко сердцамъ нашего семейства.

Шампанское лилось рѣкой, и гости, чокаясь съ Матюшей, заставляли его пить. Непривычный къ излишеству, Матюша окончательно запьянѣлъ, и Варвара Никаноровна при помощи лакеевъ

съ трудомъ усадила его въ телѣжку. Ночь была дивная. На горизонтѣ загорался разсвѣтъ, а на небѣ свѣтилась еще блѣднѣйшая луна. Легкій вѣтерокъ слегка поддувалъ и освѣжалъ возбужденныя лица путниковъ. Матюша не умолкая говорилъ.

— Маменька, простите! Я лишнее выпилъ, но въ такой день, какъ сегодня, можно море выпить. Сергѣй Порфирьевичъ! Вѣдь это эмблема! Какими жалкими и ничтожными казались передъ нимъ всѣ остальные гости. А чѣмъ онъ великъ! Правдой. Для него нѣтъ ни большихъ, ни малыхъ, ни младшихъ, ни старшихъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Онъ всѣмъ доступенъ, всѣмъ понятенъ и всѣмъ близокъ. Маменька, вы похожи на него.

Адужина улыбулась, закрыла ротъ рукою и мягко проговорила:

— Замолчи.

— Не могу. Вы женщина мало образованная, даже пишете каракулями, а какой глубокой смыслъ въ вашихъ дѣйствіяхъ и словахъ? А почему? Живете, какъ завѣщаль Христосъ. Было время, когда изъ этого непостижимо высокаго имени сдѣлали чудовищное, отвратительное. Могъ ли думать Спаситель, прощавшій врагамъ на крестѣ, что люди станутъ во имя его жечь одинъ другого.

— Успокойся, Матюша, успокойся,—останавливала мать.—Ты слишкомъ много говоришь.

— А почему я долженъ молчать? Вы думаете, я пьянъ? ну да, я пьянъ, но всякій бываетъ когда-нибудь пьянъ, а сегодня я радъ, что пьянъ. Посмотрите на небо, эта луна, уступающая мѣсто солнцу, эти тускло мерцающія звѣзды, этотъ свѣтъ горизонта, возвѣщающій появленіе великаго свѣтила, какъ все это величественно, какъ все это великолѣпно. Маменька, вѣдь это предвѣстникъ общаго свѣта, когда мракъ погибнетъ, и съ лица земли исчезнутъ Губскіе и Флаттеры. Маменька, я люблю васъ... Я обожаю васъ. Я счастливъ, я невыразимо счастливъ, что вы произвели меня на свѣтъ Божій. Смогу ли я когда-нибудь дѣломъ показать, какъ глубока любовь къ вамъ и какъ я горжусь, имѣя такую мать, какъ вы. Ваши крестьяне не рабы, а слуги, которые любятъ васъ и молятся за васъ. Вотъ та высшая награда, которой можетъ дожидаться и заслужить помѣщикъ или помѣщица и какую радость должны ощущать тѣ, чья жизнь отдана на произволь такихъ, какъ и мы съ вами.

Варвара Никаноровна, отъ природы женщина очень умная, но воспитанная на барскихъ традиціяхъ и мало образованная, никогда не слыхала, чтобы ей говорили то, что ей говорилъ сынъ, но чутьемъ понимала, что въ Матюшѣ сказывается новый вѣкъ и новыя вѣянія. Она обняла его и придерживала отъ толчковъ, какимъ подвергалась телѣжка отъ ухабцевъ и придорожныхъ камней.

Подвѣзжая къ Ломову, Матюша сталъ уже клевать носомъ, но мать пристыдила его.

— Крѣпись! Дворянѣ не должна видѣть барина пьянымъ.

Адужинъ собралъ послѣднія силы и, сойдя при помощи кучера и матери, твердой поступью взошелъ на крыльцо и отправился въ свою комнату. Тамъ его раздѣли и молодой человѣкъ заснулъ богатырскимъ сномъ.

V.

На другой день Адужинъ всталъ поздно. Смутно вспоминался ему проведенный наканунѣ день, но онъ все-таки помнилъ то, что говорилъ, и то, какъ вель себя. Это заставило его призадуматься.

— Вѣроятно, Сергѣй Порфирьевичъ разсердился на меня, — соображалъ онъ. — А вотъ посмотримъ. Если не подастъ кличь, значить, сердится.

Въ такомъ томительномъ ожиданіи Адужинъ провелъ весь день. Конфузаясь своей ошибки, онъ мало говорилъ съ матерью, а выходилъ въ садъ и поле, гдѣ бесѣдовалъ съ попадавшимися ему крестьянами.

— Долго изволите погостить у насъ? — спрашивалъ Михайла.

— Недолго еще осталось, но я постараюсь какъ-нибудь продлить отпускъ. Больнымъ скажусь.

Сказавъ это, Адужинъ расхохотался, но умный Михайло остановилъ его.

— Это, Матвѣй Васильевичъ, завсегда такъ бываетъ. Ежели по порядку нельзя добиться чего, то надо пуститься на штуки, стало быть, надо заплатить доктору и другимъ прочимъ начальникамъ; тѣ и отпишутъ, что, молъ, боленъ.

— Такъ и придется сдѣлать.

Изъ Теплаго не было вѣстей, и Адужинъ приходилъ въ отчаяніе.

— Неужели онъ окончательно разсердился, и я не увижу Кати, — горевалъ онъ.

Но неожиданно къ ломовскому дому подкатилъ шарабанчикъ. Въ немъ сидѣлъ молодой кучеренокъ Степка.

— За вашимъ баринимъ присланъ, — объявилъ онъ. — Сергѣй Порфирьевичъ наказывалъ, чтобы безпремѣнно пожаловали со мной.

Сборы были недолгіе. Матюша въ восторженномъ настроеніи духа ѣхалъ въ Теплое и ликовалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ боялся, что Сергѣй Порфирьевичъ задастъ ему хорошій нагоняй. Но онъ ошибся. Базальцевъ ласково встрѣтилъ гостя и, потрепавъ по плечу, проговорилъ:

— Ну, Куралеса, какъ живешь? Какъ чувствуешь себя? Мать здорова ли?

— Благодарю васъ! Все обстоитъ благополучно.

— Но относительно тебя, какъ покойнаго человѣка, я не могу того же сказать.

Онъ взялъ Матюшу подъ руку, отвелъ въ кабинетъ и, усадивши подлѣ себя, негромко началъ:

— Что такое ты натворилъ? Какими такими кляузами сталъ заниматься?

Аджинъ смотрѣлъ на него широко раскрытыми глазами и только пожалъ плечами.

— Не понимаешь? будто? Въ такомъ случаѣ я долженъ высказать тебѣ все откровенно. Губскій заявилъ мнѣ, что ты подучилъ какую-то его крестьянскую дѣвушку подать на него въ судъ жалобу. Правда это или сплетня?

Матюша слушалъ Сергѣя Порфирьевича съ нахмуреннымъ лицомъ, но когда онъ кончилъ, то разсмѣялся.

— Вотъ въ чемъ дѣло! Безъ огня нѣтъ дыма, такъ и тутъ есть частица правды, но только я никого не подуськивалъ. Дѣло было вотъ такъ. Пошелъ я прогуляться, но едва вышелъ въ поле, какъ ко мнѣ подходитъ какая-то дѣвушка и говорить со слезами: «Матвѣй Васильевичъ, сказываютъ, что вы очень милостивы къ своимъ крестьянамъ и даете всякіе совѣты; научите же меня, какъ мнѣ быть? Мы—Губскаго. Отецъ мой жилъ въ Москвѣ на оброкѣ, и я была съ нимъ. Весной мы прѣзжали въ побывку къ роднымъ. Графъ увидѣлъ меня и похвалилъ. Затѣмъ объявлено было отцу, что на оброкъ его больше не пустятъ и насъ, какъ дворовыхъ, вытребовали на барскій дворъ. А затѣмъ въ скорости мнѣ приказано было итти на хуторъ къ графу. Такъ какъ я знала, зачѣмъ туда водятъ дѣвокъ, то уперлась. Графъ разсердился и сталъ вымещать на отцѣ, да такъ вымещать, что пришлось ему помучиться подъ розгами. Затѣмъ опять мнѣ сказали: если не приду, такъ батьку снова будутъ стегать. Пришлось итти. А теперь вотъ мѣста не нахожу. Стыдъ заѣлъ меня. Какъ животину какую вытребовали и обезчестили. И что дѣлать теперь съ собой— не знаю. Тянетъ руку наложить на себя. Научите же, баринъ, какъ мнѣ выместить лихому человѣку?» Я былъ поставленъ въ крайне неловкое положеніе, но мнѣ показалось стыдно не сказать того, что всѣмъ извѣстно. Я и сказала: «Съѣзди, говорю, въ городъ и подай прошеніе въ уѣздный судъ, а въ томъ прошеніи объясни, что ты обезчещена, и проси, чтобы тебя освидѣтельствовали доктора, прошеніе же тебѣ напишетъ любой семинаристъ. Ихъ теперь много съѣхалось на вакаціи въ поповскіе дворы. Вотъ все, что я тебѣ могу посовѣтовать». Затѣмъ я ушелъ и больше не видѣлъ этой дѣвушки. Въ чемъ же тутъ моя вина? И можно ли назвать меня кляузникомъ? Я далъ ей таковой совѣтъ, какой она могла услышать отъ всякаго.

— И пускай бы услышала, а тебѣ не слѣдовало ввязываться въ это грязное дѣло. Что бы ни сказалъ баринъ, его слова разносятся по окрестностямъ, это же случилось и съ тобой.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до всякихъ вздорныхъ толковъ.

— А должно быть. Передъ разъѣздомъ съ моихъ именинъ Губскій обратился къ Перемыкину, какъ къ предводителю, и просилъ выставить тебѣ на видъ, что, являясь съ крестьянами, ты марашь дворянское сословіе, и указывалъ, что долженъ по этому случаю снести съ твоимъ начальствомъ.

— Какая низость!

— Называй какъ хочешь, но будь остороженъ. Ты только начинаешь жить, тебѣ нужно подумать о карьерѣ, не давай же на первыхъ порахъ службы поводъ обвинять себя въ неблаговидныхъ поступкахъ. Я постараюсь замять это дѣло, но меня могутъ не послушать.

Матюша смотрѣлъ на Базальцева во всѣ глаза и ничего не понималъ.

«При чемъ тутъ начальство, при чемъ тутъ моя карьера? — думалъ онъ.—Такъ вотъ она какова настоящая жизнь!»

Видя Адужина сконфуженнымъ, Сергѣй Порфирьевичъ сталъ его успокаивать.

— Пустяки пустяками и кончатся, но это послужитъ тебѣ хорошимъ урокомъ. Теперь поговоримъ о другомъ... Предупреждаю, что объ очень щекотливомъ вопросѣ. Можетъ быть, мнѣ и не слѣдовало бы говорить, но повѣрь, я отношусь къ тебѣ, какъ къ самому близкому родственнику.

— Я безконечно цѣню это.

Базальцевъ нѣкоторое время стоялъ въ нерѣшительности, а потомъ началъ негромко:

— По твоимъ взглядамъ и вообще по тому, какъ ты относишься къ Катѣ, я понимаю, въ чемъ дѣло. Это не преступленіе. Она обворожительная дѣвушка, и ея нельзя не полюбить, но не слѣдуетъ забывать осторожности. Припомни, сколько тебѣ лѣтъ—девятнадцать или двадцать! Въ такомъ возрастѣ позволительно влюбляться, но рѣшительно непозволительно думать о чемъ-нибудь серьезномъ. А между тѣмъ увлеченіе ничего не разбираетъ. Увлеченный человѣкъ можетъ надѣлать массу глупостей и его нельзя винить, потому что въ такомъ состояніи духа люди не отвѣчаютъ за себя. Такъ вотъ я и прошу тебя—будь остороженъ. Ты обязанъ быть такимъ уже потому, что и Катя увлечена тобой. Да и какъ тобой не увлечешься? Молодъ, красивъ, говоришь—всѣ заслушиваются, а что опаснѣе всего, такъ это то, что въ твоихъ рѣчахъ бываютъ жгучія идеи, на что падки такія экспансивныя дѣвушки, какъ Катя. Не думай, что я твое семейство считаю ниже своего. Отнюдь нѣтъ! Если бы ты не былъ ребенкомъ, а сколько-нибудь взрослымъ человѣкомъ, и сдѣлалъ бы предложеніе моей дочери, я съ восторгомъ обнялъ бы тебя, какъ зятя, но теперь, когда объ этомъ и думать нельзя, я обращаюсь къ твоей порядочности. Дай мнѣ слово, что между вами не будетъ никакихъ объясненій, что ты постараешься охладить ее. Ты дол-

женъ сдѣлать это, какъ человѣкъ съ благородной душой и какъ сынъ матери, которую я глубоко уважаю. На этомъ мы кончаемъ. Я не жду даже твоего отвѣта, такъ какъ убѣжденъ, что ты останешься всегда безукоризненно честнымъ человѣкомъ. Теперь пойдемъ въ столовую, насъ, вѣрно, тамъ ждутъ.

Взявъ подъ руку молодого человѣка, онъ вывелъ его изъ кабинета.

Отъ словъ Базальцева у Матюши словно помутилось въ головѣ. Онъ долженъ отклоняться отъ Кати, когда вся душа его рвется къ ней. Онъ не смѣетъ объясниться съ любимой дѣвушкой, а между тѣмъ признаніе рвется изъ души.

Съ такими мыслями они вошли въ столовую, гдѣ дѣйствительно вся семья была уже въ сборѣ.

Обѣдъ прошелъ скучно и вяло. Адужинъ былъ уже не тѣмъ милымъ говорунуномъ, какимъ восхищались имъ недавно. Всѣ удивлялись его переменѣмъ и засыпали вопросами: что съ нимъ? Матюшѣ пришлось лгать и головною болью объяснять дурное настроеніе духа.

Послѣ обѣда дѣвочки стали звать гостя пройти по парку, но Матюша, помня просьбу Сергѣя Порфирьевича, рѣшилъ геройски бороться со своей страстью, ссылаясь на болѣзнь, собрался уѣзжать домой. Передъ отъѣздомъ онъ почувствовалъ на себѣ взглядъ молодой дѣвушки. Этотъ взглядъ прожигалъ его, и слезы горя готовы были хлынуть изъ глазъ, но благородство брало верхъ. Молодой человѣкъ, дѣлая надъ собой огромное усиліе, выказывалъ спокойствіе и, не выдавъ себя, уѣхалъ домой. Отъѣхавъ нѣкоторое разстояніе, онъ обернулся и, увидя голубенькое платье Кати, не выдержалъ и, закрывши лицо платкомъ, горько заплакалъ.

VI.

Эти дни были началомъ бѣды, надвигавшихся надъ головой молодого офицера. Къ вечеру того же дня, когда онъ вернулся изъ Теплаго, подъ окнами его комнаты раздались какіе-то странные звуки человѣческаго голоса. Матюша выглянулъ на дворъ и увидѣлъ тамъ Михайлу въ самомъ ужасномъ видѣ. Голова его была растрепана, рубашка разорвана и на искаженномъ лицѣ царянины. Испуганный Матюша выбѣжалъ къ старостѣ.

— Что съ тобой, Михайла?

— Богданъ Ивановичъ... Какъ передъ Богомъ... сейчасъ на межѣ... кнутьями полосовалъ меня...

Матюша остолбенѣлъ.

— Тебя?

— А вотъ извольте видѣть.

Съ этими словами Михайла обернулся спиной. Вся рубашка была покрыта кровавыми рубцами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были сплошныя пятна крови,

— Какъ же онъ смѣлъ? мерзавецъ!

— Ъхаль я это на телѣгѣ, а насупротивъ онъ въ бѣговыхъ дрожкахъ, съ собакой. Мой чалый испугался собаки, шарахнулся въ сторону да прямо въ рожъ и шаговъ двадцать пробѣжалъ по хлѣбу. Тутъ баринъ какъ закричалъ: «Ахъ ты разбойникъ! ты мнѣ убытокъ причиняешь. Бей его!» Тутъ Иванъ, а съ нимъ два работника напали на меня, повалили на землю и давай меня хлестать, я думалъ, до смерти забьютъ.

Страшная злоба зашевелилась въ сердцѣ молодого человѣка. Наказать чужого крѣпостного считалось большимъ оскорбленіемъ, и Адужинъ въ душѣ рѣшилъ жестоко расправиться съ Флаттеромъ.

— Ступай, голубчикъ Михайла, въ кухню, мы обмоемъ кровь, приложимъ, что нужно, и тебя отвезутъ домой. А насчетъ Богдана Ивановича будь покоенъ, онъ долго не забудетъ того, что сдѣлалъ.

Когда сынъ доложилъ матери о побояхъ, причиненныхъ Михайлѣ, Варвара Никаноровна горько улыбнулась и проговорила:

— Дурной онъ человѣкъ, но придется перенести. Не судиться же съ нимъ. Судья станетъ за него, а намъ будетъ только одинъ ущербъ.

— Такъ неужели это такъ оставить?

— Эхъ, милый! Гдѣ найдешь правды! Сказано: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись! Стыда у Флаттера нѣтъ... Что съ такими людьми связываться.

— Маменька! Что вы говорите, — почти закричалъ Матюша. — Лучше умереть, чѣмъ перенести позоръ и оскорбленіе. Я сведу съ нимъ счеты, да еще какіе.

— Значить, ты хочешь мнѣ доставить неудовольствіе?

— Нѣтъ, маменька, я вамъ не доставлю неудовольствія, а докажу, что гордость не умерла у насъ и что наша дворянская кровь не выносить обидъ. Флаттеръ узнаетъ насъ и послѣ этого еще больше будетъ уважать васъ.

Говоря это, молодой человѣкъ дрожалъ, и глаза его горѣли огнемъ. Мать залюбовалась своимъ сыномъ и, подойдя, поцѣловала въ лобъ.

— Угомонись, угомонись! Вижу, материнская кровь играетъ въ твоихъ жилахъ, но не поддавайся ей. Помни, что Богъ указываетъ намъ, прежде всего, беречь ту, кто далъ жизнь. Обезпокоишь меня, или причинишь неудовольствіе, тяжело у тебя будетъ потомъ на сердцѣ.

Сказанное матерью ставило Матюшу въ двойственное положеніе. Съ одной стороны, ему хотѣлось жестоко наказать дерзкаго сосѣда; но тутъ же боялся поставить мать въ цѣловкое положеніе передъ Флаттеромъ,

— Надо обдумать... Надо обдумать... А всего лучше уберусь скорѣй въ батальонъ, тамъ я не увижу тѣхъ мерзостей, которыя адѣсь кишать вокругъ.

Можетъ быть, Матюша и немедленно сдѣлалъ бы такъ, какъ находилъ нужнымъ, если бы этому не являлось два препятствія. Когда молодой офицеръ заговаривалъ объ отъѣздѣ, Варвара Никаноровна глубоко вздыхала. Разстаться съ сыномъ для нея было большой тягостью, но она упорно молчала. Матюша чувствовалъ, что переживаетъ его мать, и рѣшилъ искусственно продлить свой отпускъ.

Разузнавъ, какъ получаютъ докторскія свидѣтельства о болѣзни, Аджинъ направился къ городскому врачу, рассказалъ ему условія своей жизни и просилъ выдать ему нужное свидѣтельство.

Привычный къ такимъ эпизодамъ докторъ хладнокровно отвѣтилъ:

— Извольте, я выдамъ вамъ его. Это будетъ стоить пять рублей.

Матюша вынулъ кошелекъ, досталъ пятирублевую ассигнацію и положилъ ее на столъ.

— Вотъ и прекрасно, — взявъ деньги, замѣтилъ эскулапъ. — Сейчас напишемъ. А болѣзнь... острый ревматизмъ. Затѣмъ я отправлю бумагу къ инвалидному начальнику, чтобы онъ скрѣпилъ ее. Съ своей стороны, и вы заѣзжайте къ нему и попросите.

Прямо отъ доктора Матюша отправился къ поручику и въ трогательныхъ словахъ просилъ помочь ему избавиться отъ отвѣтственности передъ начальствомъ.

— Отчего же... Можно... Это бывальщина.

Говоря это, начальникъ какъ-то внушительно поглядывалъ на просителя. Но неопытный Матюша не понималъ истиннаго значенія этихъ взглядовъ и, деликатно простившись, ушелъ.

Устроивъ «операцию» о болѣзни, Матюша надѣялся спокойно пожить при матери еще хоть мѣсяць.

Но тутъ наступила рельефно вторая причина, какъ въ клещахъ державшая его въ Ломовѣ. Тяжесть оскорбленія, нанесеннаго ему Флаттеромъ, не давала молодому офицеру покоя.

«Боже мой, какой ужасъ! — твердилъ онъ, сжимая кулаки. — Мнѣ теперь стало стыдно пройти въ деревню. Нашего крестьянина избили, а я не могу вступить за него».

Угнетавшая мысль давила сердце молодого человѣка и отравляла жизнь.

«Я встрѣчусь съ нимъ... во что бы то ни стало встрѣчусь, и онъ узнаетъ, какъ задѣвать честь русскаго дворянина».

О своемъ намѣреніи онъ не говорилъ ни матери, ни Базальцеву, но энергично сталъ искать случая увидѣться съ барономъ. Онъ приказывалъ осѣдывать себѣ лошадь и выѣзжалъ къ полямъ Флаттера, надѣясь тамъ встрѣтить ненавистнаго ему врага. Нѣсколько дней

поиски его были бесплодны. Но вотъ, наконецъ, онъ увидѣлъ издали знакомыя ему бѣгвыя дрожки, а подлѣ нихъ ѣхавшаго верхомъ бурмистра. Кровь бросилась въ голову молодому человѣку, и онъ, не торопясь, поѣхалъ къ межѣ, чтобы перерѣзать путь «сосѣду». Флаттеръ, не подозрѣвая опасности, подергивалъ вожжами и бесѣдовалъ съ Иваномъ. Но вдругъ Матюша приударилъ коня и крупной рысью подѣхалъ къ бѣгвымъ дрожкамъ.

— Я съ вами долженъ объясниться,—обратился онъ къ полковнику.

— О чемъ?—негромко своимъ хриповатымъ голосомъ спросилъ Флаттеръ.

— Вы осмѣлились избить нашего старосту.

— Онъ былъ виноватъ, и я его наказалъ.

— Если онъ причинилъ вамъ убытокъ, вы должны были предъявить мнѣ счетъ и получили бы вознагражденіе, но отстегать человѣка и при томъ вамъ не принадлежащаго... Это низость. Подобнымъ поступкамъ вы обидѣли вашу сосѣдку, кровную дворянку, и доказали, что вамъ незнакомы правила, по которымъ живутъ всѣ порядочные люди.

— Что-о?—возвыся голосъ, спросилъ баринъ.

Матюша не унимался и продолжалъ, что называется, съ пѣной у рта.

— Я избилъ бы васъ самого, если бы вы не были въ такихъ лѣтахъ и захотѣлъ бы марать мои руку о вашу фізіономію.

Флаттеръ остервенѣлъ и, приподнявшись съ дрожекъ, рѣзко обратился къ Ивану:

— Что жъ ты смотришь, мерзавецъ? Бей его! Зови сюда рабочихъ.

Бурмистръ закричалъ, созывая рабочихъ, и самъ подвинулся къ Адужину. Въ это время и рабочіе стремглавъ бѣжали къ дрожкамъ.

Видя опасность, Матюша вынулъ изъ бокового кармана кинжалъ, обнажилъ его и съ угрозой обратился къ подходившимъ:

— Всякаго уложу на мѣстѣ, кто осмѣлится тронуть меня. А вы, баронъ, своимъ насиліемъ осрамили честь русскаго офицера и показали, что старый боевой офицеръ, которыми гордилась всегда Россія, быть можетъ въ то же время и подлецомъ.

Прокричавъ это, Адужинъ стегнулъ свою лошадь и крупной рысью выѣхалъ на дорогу. Сзади его доносился крикъ Флаттера и слышались какія-то угрозы, но молодой человѣкъ, потрясенный происшедшей сценой, ничего не слышалъ и мчался домой.

Забравшись въ свою комнату и «отлежавшись» немного, Матюша сообразилъ, что совершилъ рискованный поступокъ, о которомъ стѣснялся передать матери, и немедленно отправился къ Базальцеву.

Сергѣй Порфирьевичъ, выслушавъ своего любимца, нахмурился и потомъ, какъ бы про себя, негромко проговорилъ:

— Благородно, но глупо и даже очень глупо.

Потомъ, взявъ Адужина за подбородокъ, горячо поцѣловалъ въ губы.

— Безпокойный ты человѣкъ! Что ты готовишь изъ себя въ будущемъ! Такимъ, какъ ты, плохо живется! Укрощай свой нравъ, не доведеть онъ тебя до добра!

— Знаю, дорогой Сергѣй Порфирьевичъ, знаю! Будь что будетъ, но одно то, что вы хотя и не одобряете, но и не осуждаете меня, поднимаетъ меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. По вашему лицу я вижу, что вы только боитесь за мое будущее, но не посоветуете, чтобы я впослѣдствіи шутилъ съ своей совѣстью. Лучше погибнуть, чѣмъ дожить до того, что вы перестанете любить и уважать меня.

Базальцевъ съ привѣтливой улыбкой смотрѣлъ на экзальтированное лицо молодого человѣка.

— Все это, дружокъ мой, такъ, но надо выпутываться изъ бѣды. Съ одной стороны, Губскій обратился къ Перемыкину съ жалобой на тебя, съ другой—къ нему явится съ тѣмъ же Флаттеръ. Предводитель поставленъ будетъ въ необходимость сообщить твоему командиру о томъ, какъ ты велъ себя здѣсь.

— Онъ не полицейскій и не чиновникъ администраціи, чтобы вмѣшиваться въ мою частную жизнь.

— Да онъ и не будетъ жаловаться, только сообщитъ для свѣдѣнія, кто ты такой, и сдѣлаетъ это на основаніи своей почетной должности, которая обязываетъ его ограждать сословіе отъ двухсмысленныхъ нареканій. Приѣдешь ты въ батальонъ и вдругъ тебѣ объявятъ, что считаютъ тебя дебоширомъ. Мнѣніе плоховатое.

Сконфуженный Матюша молчалъ. Базальцевъ переминался, соображая, какъ поступить.

— Дурно то, что я рѣшительно не имѣю возможности вступить за тебя. Ну, что я буду говорить? «Баронъ, забудьте, что васъ называли подлецомъ». Ха-ха-ха! Тутъ ужъ я прямо попаду въ дураки. Все, что я могу посоветовать,—молчи. Не хвастайся, и если Флаттеръ самъ проболтается—это его дѣло. Выждидай, время, можетъ быть, и измѣнитъ все, а теперь ступай къ женѣ и барышнямъ. Ты видишь, я самъ посылаю тебя къ нимъ, изъ этого ты понимаешь, какъ я глубоко вѣрю въ чистоту твоей души. Пойдемъ!

Матюша былъ на седьмомъ небѣ. Больше всего онъ опасался вызвать негодованіе Базальцева, требовавшаго къ старшимъ почтенія и возстававшаго противъ всякаго насилія. Но разъ Сергѣй Порфирьевичъ милостиво отнесся къ нему,—остальное ему было не страшно. Меньше всего онъ боялся гнѣва матери, такъ какъ старуха ненавидѣла «нѣмца».

Катя и Вѣра, замѣтивъ непонятное къ себѣ охлажденіе Матюши, также стали сторониться его. Это не укрылось отъ глазъ Адужина,

и онъ сталъ стараться всѣми силами доказать, что онъ не только такъ же преданъ имъ, какъ всегда, но даже еще больше.

— Мнѣ сегодня праздникъ,—говорилъ онъ, горячо пожимая имъ руки,—я у васъ.

На это Вѣра шутливо замѣтила:

— А въ прошлый разъ были будни?

— На душѣ было ненастье, и я былъ пасмурень, а теперь, видите, улыбаюсь, какъ май. Но... я сталъ пайнкой и обращаюсь въ самага благовоспитаннаго кавалера и предлагаю вамъ свои услуги—иду пѣть.

Такими маневрами Матюша старался не оставаться наединѣ съ Катей. Это замѣтилъ Базальцевъ и одобрительно киваль ему головой.

VII.

Столкновеніе Аджина съ Флаттеромъ въ теченіе первыхъ дней не имѣло послѣдствій. Страдали только спины несчастныхъ крестьянъ, на которыхъ взбѣшенный баронъ вымещаль свою злобу. Однако полковникъ не забылъ обиды; но, какъ человекъ ограниченнаго ума, Флаттеръ ничего не могъ придумать умнаго, и то, что онъ затѣяль, могло прійти въ голову лишь необузданной натурѣ.

Позвавъ къ себѣ на совѣщаніе бурмистра, онъ намекнулъ, что хорошо бы нѣсколькимъ изъ его крѣпостныхъ пройти въ праздничный день въ Ломово и, привязавшись къ какой-нибудь пустячной причинѣ, избить адужинскихъ крестьянъ. Иванъ, безпрекословно исполнявшій приказанія барина, и на этотъ разъ пожелаль угодить Флаттеру. Указанія были быстро приведены въ исполненіе. Въ первое же воскресенье гурьба флаттеровскихъ крестьянъ пришла въ Ломово, завязала ссору и стала избивать тѣхъ, кто имъ былъ указанъ. Послышались крики и показалась кровь. Испугавшись свалки, молодуха изъ Михайлиной избы побѣжала на барскій дворъ и съ воплемъ обратилась къ Матюшѣ:

— Баринъ, нашихъ убоемъ бьютъ. Флаттеровскіе напали и многихъ искровянили.

Аджинъ сразу догадался, въ чемъ дѣло, схватилъ опять свой кинжалъ, купленный передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, и отправился къ мѣсту битвы, гдѣ уже нѣсколько человекъ валялись по землѣ. Безразсудный Матюша, забывая, что одинъ изъ буяновъ ударомъ кулака могъ положить его на мѣстѣ, подбѣжалъ къ свалкѣ и, поднявъ кинжалъ, изо всей силы кричалъ.

— Расходитесь или любому распорю брюхо!

Съ этими словами онъ ринулся на дерущихся съ поднятымъ кинжаломъ. Произошла паника, и нападавшіе вразсыпную побѣжали съ горы, а торжествующій Аджинъ, постоявъ немного на мѣстѣ побѣды, вернулся домой.

Это событіе казалось совершенно невѣроятнымъ. Сосѣдніе крестьяне, втихомолку посланные бариномъ, сдѣлали разбойничій набѣгъ и, увидя юношу, угрожавшаго имъ, отступили. Ломовскій баринъ въ глазахъ цѣлой округи дѣлался героемъ. Это еще болѣе раздражило барона, и онъ рѣшилъ выместить сосѣду другимъ путемъ и отправился къ предводителю, прося, чтобы тотъ снесся съ начальникомъ, командовавшимъ частью, къ которой долженъ былъ отправиться молодой офицеръ.

О битвѣ въ Ломовѣ узналъ Базальцевъ и въ тотъ же день пріѣхалъ къ Варварѣ Никаноровнѣ.

— Дорогая сосѣдка, что это у васъ дѣлается? О вашемъ сынѣ сталъ говорить цѣлый уѣздъ, какъ о буйномъ человѣкѣ. Я-то одобряю Матюшу, но вѣдь всякое дѣло можно представить въ превратномъ видѣ; его такъ и представляютъ. Мой совѣтъ поскорѣй убраться ему отсюда.

Адужиной хоть и жаль было разстаться съ сыномъ, но событія послѣднихъ дней были дѣйствительно ужасны, и она вполнѣ согласилась съ Сергѣемъ Порфирьевичемъ, что Матюша сдѣлаетъ самое лучшее, если отправится въ батальонъ.

Однако свидѣтельство было послано, и офицеру неблагоприятно было, не выждавши извѣстнаго срока, ѣхать на службу,

Такъ прошло двѣ недѣли. Вдругъ сотскій изъ стана является въ Ломово и предъявляетъ Матюшѣ казенный пакетъ. Въ этомъ пакетѣ, между прочимъ, значилось слѣдующее:

«Вы хотя и предъявили медицинское свидѣтельство, но оно незаконное, такъ какъ не подписано комендантомъ, т. е. начальникомъ инвалидной команды. Кромѣ того, получено мною извѣщеніе отъ предводителя дворянства. Въ этомъ извѣщеніи вы обвиняетесь въ буйствѣ, чего не допускаетъ ношеніе вами офицерскаго мундира, а посему предписываю вамъ немедленно дать обстоятельное объясненіе или явиться къ мѣсту вашего служенія».

Матюша скрылъ отъ матери смыслъ полученной бумаги и отправился за совѣтомъ къ Базальцеву. Сергѣй Порфирьевичъ съ неудовольствіемъ прочелъ бумагу и отвѣтилъ коротко:

— Уѣзжай, а когда явишься въ батальонъ и на тебя нападетъ командиръ, то сошлись на меня и скажи, что я, какъ лицо уважаемое всей губерніей, не покривлю душой и отпишу все, какъ было; тѣмъ болѣе, что главная схватка, въ которой ты участвовалъ, произошла въ моемъ домѣ. Итакъ, какъ ты намѣренъ поступить?

— Послѣзавтра я уѣду.

— Молодецъ! хвалю. Сегодня ты пробудешь у меня, простишься съ моими, завтра пробудешь у матери, а затѣмъ съ Богомъ.

Участіе, съ которымъ отнесся Базальцевъ, успокоило Матюшу. Зная, что за него постоитъ Базальцевъ, онъ безъ страха собирался уѣхать.

Необходимость разлуки мучительно отзывалась въ сердцахъ какъ Матюши, такъ и Кати, и они стремились хоть нѣсколько словъ сказать наединѣ. Вѣра поняла это и, упробивъ ихъ пройти съ нею въ поле, убѣжала впередъ.

Оставшись съ глазу на глазъ съ любимымъ человѣкомъ, Катя энергично заговорила:

— Матвѣй Васильевичъ,—начала она негромко,—я знаю, вы любите меня, и ваше чувство какъ бы освѣтило мою жизнь.

Матюша замеръ отъ восторга и невольнo закрылъ лицо руками.

Катя продолжала:

— Я рѣшила сказать вамъ это потому, что... сама люблю васъ!

Аджинъ сдѣлалъ движеніе,—дѣвушка знакомъ руки остановила его.

— Я люблю васъ, но это не одна радость, но и горе.

— Да, большое горе, но это горе не такъ велико для васъ, какъ для меня; не знаю, къ чему приведетъ меня разлука съ вами, но боюсь,—не къ добру.

— Не унижайте себя. Я хочу уважать васъ, потому самое ужасное, если дѣвушка не уважаетъ любимаго человѣка. Если вы всѣмъ сердцемъ преданы мнѣ, то должны вѣрить въ будущее и ждать. Наше время придетъ.

— Да... да... оно придетъ. Я буду издали молиться за васъ, и вашъ дивный образъ никогда не покинетъ меня. Обо мнѣ вы будете узнавать отъ маменьки... Я буду писать вашему отцу, но вамъ... на это у меня нѣтъ права. Пишите вы ко мнѣ. Каждая ваша строка будетъ оживлять меня и давать новыя силы для борьбы съ жизнью. Я буду учиться, учиться и учиться, и постараюсь достигнуть такого положенія, когда исчезнуть всѣ препятствія, и вашъ отецъ съ довѣріемъ и гордостью приметъ меня въ свою семью. Вы будете писать? Да, да, вы будете писать! Вашъ божественный взглядъ, который я чувствую на себѣ теперь, уже сливаетъ мою душу съ вашей навсегда.

Въ это время они вошли въ маленькій перелѣсокъ, и молодые люди, скрывшись отъ чихъ-либо взоровъ, замерли въ долгомъ объятіи.

Упоенные послѣднимъ свиданіемъ, молодые люди вернулись домой, и вскорѣ шарабанчикъ Базальцева отвезъ Адужина въ Ломово.

Варвара Никаноровна была отчасти огорчена скорымъ отѣздомъ сына, но отчасти порадовались этому.

— Поѣзжай, голубчикъ, поѣзжай, покуралесилъ и довольно!

Но благодушное настроеніе Адужиной и Базальцевыхъ было нарушено самымъ неожиданнымъ образомъ. Всѣ стали забывать о донъ-кихотскихъ подвигахъ «офицера», а это-то и вызвало тревогу.

Драки между крестьянами сосѣднихъ деревень настолько были дѣломъ обычнымъ, что нападенію флаттеровскихъ крѣпостныхъ на адужинскихъ никто не придавъ особеннаго значенія, но на этотъ разъ бывшее столкновеніе, въ виду того, что въ него вмѣшался Матюша и притомъ съ обнаженнымъ кинжаломъ, придавало дѣлу исключительную окраску. О случаѣ доложено было становому; тотъ счелъ долгомъ донести исправнику, который и не замедлилъ явиться въ Ломово. Варвара Никаноровна, не подозрѣвавшая истинной причины визита, приняла исправника по обыкновенію сухо и корректно. Но съ первыхъ словъ Кибиткина увидѣла, что онъ хочетъ сообщить ей что-то непріятное.

— Я къ вамъ по дѣлу,—официально заявилъ Кибиткинъ.

— Чѣмъ могу служить? Прошу садиться.

Исправникъ опустился въ кресло и отчетливо проговорилъ:

— Вашъ сынъ обнажилъ оружіе и угрожалъ имъ невооруженнымъ людямъ, что строго воспрещается закономъ. Это называется нарушеніемъ общественнаго порядка и покушеніемъ на чужую жизнь.

Варвара Никаноровна, сама осуждавшая сына за неумѣренную выходку, смотрѣла на нее, какъ на необдуманнѣйшій, ребяческій поступокъ. Услышавъ же тяжкое обвиненіе отъ официального лица, опѣшила и стала мягко убѣждать обвинявшаго не придавать вспыскѣ серьезнаго значенія и въ мысляхъ уже соображала, какой суммой она должна будетъ откупиться.

— Полноте, батюшка, ну, стоитъ ли толковать о пустякахъ? Я пожурила его, ну, и будетъ. За вашу же доброту я сумѣю быть благодарной.

— Знаю, потому не разъ пользовался вашимъ вниманіемъ, но въ теперешнемъ случаѣ я безсиленъ оказать снисхожденіе. Посудите сами. Вашъ сынъ ходилъ на деревню и открыто порицалъ дѣйствія вашихъ сосѣдей-помѣщиковъ, чѣмъ подрывалъ ихъ власть, установленную закономъ. Причемъ онъ въ присутствіи крѣпостныхъ ругалъ помѣщиковъ самыми скверными словами. На официальномъ языкѣ это называется подстрекательствомъ къ бунту, за что виновные подвергаются смертной казни или лишаются сословныхъ правъ и посылаются на каторгу. Какъ же я могу молчать? Меня сочтутъ укрывателемъ, предадутъ суду и прогонятъ со службы. Еще если бы вашъ сынъ не возбудилъ противъ себя такихъ лицъ, какъ графъ Губскій и баронъ Флаттеръ, можно было бы замять дѣло, но теперь я немедленно долженъ донести обо всемъ начальнику губерніи.

Варвара Никаноровна не на шутку струсила.

— За что же вы хотите губить молодую жизнь? У васъ у самого есть дѣти. Вы должны понимать, что чувствуетъ мать.

— Понимаю, но законъ прежде всего.

Къ счастью, Адужина не было дома, а то могла бы выйти еще худшая сцена.

— Надо просить Сергѣя Порфирьевича. Онъ уладить это дѣло, — съ волненіемъ проговорила Варвара Никаноровна.

— Просите, но только поскорѣе, не то будетъ поздно. Я промедлю съ донесеніемъ.

Дѣлая уступку, исправникъ разсчитывалъ сорвать съ Адужинной хорошей кушъ.

— Итакъ, я жду три дня, а затѣмъ дѣло пойдетъ по формѣ.

Сказавъ это, онъ вѣжливо простился и уѣхалъ, а Варвара Никаноровна стала собираться къ Базальцеву.

Когда Сергѣй Порфирьевичъ увидѣлъ Адужину входившей въ домъ, то съ безпокойствомъ спросилъ:

— Что съ вами? На васъ лица нѣтъ.

Сосѣдка, желая скрыть волненіе, силилась улыбнуться, но эта улыбка еще болѣе исказила ея лицо.

— Такъ, ничего... маленькая непріятность. Приѣхала искать у васъ защиты.

— Вы меня пугаете. Пойдемте въ кабинетъ.

Когда хозяинъ и гостя остались наединѣ, Варвара Никаноровна прерывающимся голосомъ передала Базальцеву свой разговоръ съ исправникомъ, не скрывъ, чѣмъ онъ угрожалъ ея сыну.

Базальцевъ закусилъ нижнюю губу, что было признакомъ большого волненія.

— Гм...—промычалъ онъ,—дѣло дѣйствительно дрянъ. Надо что-нибудь предпринять. Если этому случаю придадутъ скверную окраску,—малый пропадетъ.

— Защитите, родной, защитите,—твердо, съ достоинствомъ проговорила Варвара Никаноровна, и двѣ крупныя слезы покатались по ея сухому, энергичному, загорѣлому лицу.

— Не волнуйтесь, другъ мой, не волнуйтесь. Вы знаете, какъ я люблю и цѣню Матюшу. Нужно будетъ, я самъ поѣду къ губернатору.

Потрясенная мать протянула свою сухошавую руку и, едва сдерживая рыданія, шопотомъ замѣтила:

— О томъ, что затѣваете, не говорите Матюшѣ. Я боюсь за него. Онъ можетъ покончить съ собой.

— Да, мы должны молчать. Завтра я все разузнаю и увижу, что долженъ предпринять.

Проводивши гостю и не сказавши семейству ни слова о томъ, зачѣмъ приѣзжала Адужина, Сергѣй Порфирьевичъ поѣхалъ къ Флаттеру. Баронъ сухо встрѣтилъ гостя. Базальцевъ замѣтилъ это и безъ всякаго вступленія заговорилъ о цѣли своего посѣщенія.

— Я слышалъ, что вы, баронъ, желаете довести до свѣдѣнія губернатора о дерзости, которую оказалъ Адужинъ.

— Вы не ошибаетесь, — вызывающимъ тономъ замѣтилъ полковникъ. — Да, я проучу его. Но удивляюсь, почему вы вмѣшиваетесь въ то, что васъ совсѣмъ не касается.

— Стараться сдѣлать доброе дѣло никому не возбраняется.

— И дѣлайте, если хотите, но не беспокойте меня. Онъ оскорбилъ меня и будетъ наказанъ.

— Можетъ быть, будетъ, а можетъ быть и нѣтъ, потому что вы первый подали поводъ къ оскорбленію.

— Вы ставите меня на одну доску съ мальчишкой? Не ожидалъ. Но этимъ вы не запугаете меня.

— Я и не имѣю такого намѣренія, а пріѣхалъ прикончить все мирнымъ путемъ. Шумъ же принесетъ и вамъ неудовольствіе, потому что о вашемъ жестокомъ обращеніи съ крестьянами знаетъ чуть не вся губернія и вы, въ концѣ концовъ, можете подвергнуться отвѣтственности — васъ возьмутъ подъ опеку.

— Не боюсь. Исправительныя наказанія не воспрещены.

— На это считаю лишнимъ возражать, а по-сосѣдски спрашиваю: вы все-таки желаете и будете преслѣдовать Адужина?

— Во что бы то ни стало, и ничье ходатайство не измѣнитъ моего намѣренія.

— Но у васъ мало шансовъ обвинить его. Словамъ вашимъ могутъ не повѣрить, а свидѣтелей у васъ нѣтъ.

— А Иванъ? а рабочіе?

— Это не свидѣтели. Показанія крѣпостныхъ въ пользу помѣщика не имѣютъ цѣны. Дальнѣйшее же объясненіе считаю бесплоднымъ. Имѣю честь кланяться.

Холодно простившись, Базальцевъ уѣхалъ, оставивъ хозяина въ самомъ мрачномъ настроеніи духа.

Неудача очень огорчила владѣльца Теплага. Онъ понялъ, что для спасенія Матюши ему придется прибѣгнуть къ исключительнымъ мѣрамъ.

Онъ хотѣлъ побывать у Губскаго, но отклонилъ эту мысль, такъ какъ обвиненія графа были призрачными и ничтожными въ сравненіи съ дѣломъ Флаттера, гдѣ Матюша обнажилъ оружіе и изругалъ отставнаго штабъ-офицера. Оставалось одно средство — ѣхать въ губернский городъ и подѣйствовать на губернатора. Оставившись на этой идеѣ, Базальцевъ немедленно собрался въ путь.

До губернскаго города было восемьдесятъ верстъ. Сергѣй Порфирьевичъ на ночь отправилъ на половину дороги подставныхъ лошадей, а самъ выѣхалъ утромъ.

Жутко было на сердцѣ у Базальцева. Опасеніе, высказанное Варварой Никаноровной, что Матюша можетъ лишиться себя жизни, очень тяготило его.

«Что же будетъ съ Катей, — думалъ онъ. — Развѣ эта экзальтированная дѣвушка перенесетъ катастрофу? О, нѣтъ! Я хорошо

изучилъ ея, оттого и люблю безумно. Чего жъ я могу ждать? Когда принесутъ ея бездушный трупъ? Этимъ она вырастетъ такую пропасть, которая втянетъ и меня».

Этотъ-то страхъ и гналъ Сергѣя Порфирьевича спасать Аджина.

Губернаторъ былъ военный, которому было приказано подтянуть губернію. Въ то время это входило въ систему, и подтягиваніе заключалось въ томъ, что наказывались и правые и виноватые. Своимъ свирѣлымъ видомъ Андрей Тихоновичъ Турбицкій уже внушалъ страхъ. Средняго роста, брюнетъ съ просѣдью, съ зачесанными впередъ висками, бритой бородой и подстриженными усами, губернаторъ былъ типичнымъ карателемъ и укротителемъ. Къ такому-то администратору и отправился Базальцевъ.

Пріемная, куда вошелъ Сергѣй Порфирьевичъ, отличалась изяществомъ, но это осталось отъ предмѣстника Турбицкаго, бывшего большимъ сибаритомъ. Дежурный чиновникъ спросилъ Базальцева о цѣли его посѣщенія. На это Сергѣй Порфирьевичъ уклончиво отвѣтилъ, что желаетъ говорить съ начальникомъ губерніи конфиденціально.

Ждать пришлось недолго. Послышались твердые шаги, и въ дверяхъ показался генераль въ эполетахъ и съ крестомъ на шеѣ. Получивъ докладъ, что проситель, отставной гвардіи полковникъ и крупный помѣщикъ, желаетъ говорить секретно, губернаторъ вышелъ на середину комнаты и ждалъ, что скажетъ ему проситель. Базальцевъ почтительно поклонился и подошелъ.

— Ваше превосходительство, прошу вашей любезности выслушать меня безъ свидѣтелей.

— По частному дѣлу?

— Да, по частному.

— Прошу!

Сказавъ это, Турбицкій направился въ кабинетъ. Базальцевъ слѣдовалъ за нимъ.

— Чѣмъ могу служить?—обратился губернаторъ къ просителю, указывая ему кресло.

Базальцевъ въ краткихъ, но точныхъ словахъ обрисовалъ столкновение Матюши съ Флаттеромъ.

Губернаторъ внимательно выслушалъ, призадумался и потомъ рѣзко проговорилъ:

— Скверный поступокъ. Виновный долженъ быть наказанъ.

— Вполнѣ согласенъ съ вашимъ превосходительствомъ. Если бы его можно было подвергнуть дисциплинарному взысканію и посадить подъ арестъ, то это было бы справедливо, но его неблагоразумный шагъ могутъ истолковать болѣе серьезно, что приведетъ его къ гибельнымъ послѣдствіямъ.

— Всякій получаетъ по заслугамъ.

— Но онъ совершенно ребенокъ.

— Мнѣ нѣтъ до этого дѣла. Носить эполеты, значить офицеръ. И мнѣ, право, удивительно, какъ вы, полковникъ гвардіи, гдѣ дисциплина должна стоять выше, чѣмъ въ пѣхотѣ, такъ, извините меня, легкомысленно относитесь къ его наглой дерзости.

Базальцевъ выпрямился и, нахмуривъ лобъ, съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Въ легкомысліи меня нельзя заподозрѣть. Какъ служака, я былъ любимцемъ государя и вѣрнымъ его подданнымъ. И если государь, бросивъ платокъ Бенкендорфу, сказалъ: утирай слезы несчастнымъ, то этимъ онъ подалъ намъ великій примѣръ быть добрыми.

— Но не слабыми, и я не буду слабымъ.

Базальцевъ поднялся съ кресла.

— Прошу извиненія вашего превосходительства за беспокойство, но я не хотѣлъ обойти хозяина губерніи, а то я всегда найду поддержку доброму дѣлу и въ высшихъ административныхъ сферахъ. Я не сдѣлалъ этого потому, что стѣсняюсь выносить соръ изъ избы, обнаруживая, что въ управляемой вами губерніи живутъ такіе звѣри, какъ Флаттеръ, которому безнаказанно сходитъ все, что онъ творить безчеловѣчнаго.

— Этимъ вы меня обвиняете въ бездѣйствіи власти.

— Имя вашего превосходительства не будетъ упомянуто.

— Но вѣдь губерніей управляю я!

— Но вѣдь и Адужинъ погибнетъ

Губернаторъ улыбнулся и понизилъ тонъ.

— Вы находчивы. Это мнѣ нравится. А все-таки я не могу замѣять дѣло, если оно дойдетъ до меня.

— Если исправникъ узнаетъ о томъ, какъ вы относитесь къ поступку Адужина, ему и въ голову не придетъ вчинять дѣло. Все и кончится благополучно.

— Такъ вы говорите, что васъ государь любилъ?

— Этого счастья нельзя забыть. И эта милость пробудила и укрѣпила во мнѣ доброту.

— Знаете что? Когда я поѣду ревизовать губернію, я заѣду къ вамъ. Вы мнѣ рѣшительно пришли по душѣ. Только смотрите, никому не рассказывайте, что Турбицкій обабился и раскись. Меня послали сюда быть строгимъ, и я долженъ быть такимъ, поэтому и до Флаттера доберусь.

Базальцевъ расчувствовался.

— Позвольте увѣрить ваше превосходительство, что я до конца моихъ дней буду носить въ моемъ сердцѣ самыя отрадныя воспоминанія о вашей мягкости.

Турбицкій крѣпко пожалъ просителю руку, проводилъ до двери кабинета и на прощанье сказалъ:

— Вы хорошій человекъ.

У Базальцева гора свалилась съ плечь, онъ мчался бы въ Теплое въ самомъ радужномъ настроеніи духа, если бъ его все-таки не беспокоила мысль о томъ, какъ встрѣтить защиту его командиръ батальона.

Объясненіе съ Базальцевымъ произвело на Турбицкаго очень сильное впечатлѣніе.

— Какъ я, губернаторъ, присланный «подтянуть» губернію, не знаю того, что можетъ меня скомпрометировать. Нужно принять самыя неотложныя мѣры.

На совѣтъ былъ приглашенъ правитель дѣлъ, старая приказная выжита Рыжиковъ, пережившій четырехъ губернаторовъ.

Турбицкій передалъ ему слова Базальцева. Онъ почтительно улынулся и еще болѣе почтительно замѣтилъ:

— Объ этомъ, въ ваше превосходительство, всѣ знаютъ.

— Кромѣ меня. Почему же вы молчали?

— Я отвѣчаю тогда, когда меня спрашиваютъ. Вотъ вы изволили спросить—я и докладываю, а самому беспокоить васъ... не всякій начальникъ любить это.

— Ну, а совѣтъ вы можете дать?

— Обязанъ, ваше превосходительство.

— Что жъ нужно сдѣлать, чтобы не выметать сора изъ избы.

Рыжиковъ потеръ себѣ лобъ и небрежно проговорилъ:

— Дѣло простое. Запросить исправника, почему онъ не донесъ, что въ имѣніи Флаттера и Губскаго творятся безчинства, отчего онъ не принялъ надлежащихъ мѣръ, а между тѣмъ молва о нихъ достигла до вашего превосходительства. Такая бумага сдѣлаетъ свое дѣло, и вся эта исторія будетъ скрыта.

— Вы правы. Страхъ отвѣтственности повліяетъ на нихъ, и они не посмѣютъ пикнуть. Ахъ, какъ тяжело управлять губерніей!

— Совершенно вѣрно, ваше превосходительство. Очень трудно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень легко.

— Какъ такъ?

— Дозвольте мнѣ высказать, какъ я думаю объ этомъ.

— Пожалуйста!

— Я пережилъ четырехъ губернаторовъ и хорошо изучилъ весь механизмъ управленія. Возьмемъ хоть настоящій случай. Вы беспокоитесь, волнуетесь, что можетъ дурно отозваться на вашемъ здоровьѣ. А на самомъ дѣлѣ, не стоитъ утруждать себя. Поручите мнѣ вызвать исправника для личнаго доклада. Я ему нагоню такого холода, что онъ и въ банѣ не согрѣется, такъ о Флаттерѣ забудетъ и думать, а не то что беспокоить васъ жалобой.

— Да вы знаете, въ чемъ тамъ дѣло?

— Ну, какъ не знать! Базальцевъ прежде, чѣмъ къ вамъ итти, зашелъ ко мнѣ и все рассказалъ. Я и направилъ его къ вашему превосходительству.

Сергѣй Порфирьевичъ ежегодно отправлялъ Рыжикову транспортъ съ провизіей и этимъ приобрѣлъ въ правительствѣ дѣлъ вѣрнаго себѣ слугу.

Турбицкій, какъ большинство губернаторовъ, находился вполнѣ въ рукахъ своего правителя дѣлъ, и его вліяніе оставалось непоколебимымъ.

— Однако вы острякъ! Ха-ха-ха! И въ банѣ не согрѣется! Остроумно! А все-таки я еще подумаю, какъ намъ поступить.

На другой день послѣ «обдумыванія» губернаторъ приказалъ вызвать Кибиткина въ губернской городъ, а Базальцевъ уѣхалъ къ себѣ домой.

VIII.

Вернувшись въ Теплое, Сергѣй Порфирьевичъ объявилъ, что въ скоромъ времени поѣдетъ съ Матюшей по своимъ дѣламъ въ тотъ городъ, гдѣ расположенъ батальонъ. Анеиса Сергѣевна стала протестовать.

— Къ чему это? Ты утомляешь себя. Я догадываюсь, почему ты хочешь проводить его, но это, по-моему, не нужно; ты преувеличиваешь то, что есть.

Базальцевъ очень любилъ свою жену, какъ женщину, давшую ему счастье, и какъ правдиваго, искренняго человѣка, но, зная женскую логику, не всегда былъ съ ней откровененъ,—такъ поступилъ и теперь.

— Я знаю, мой другъ, что ты не любишь оставаться безъ меня, но не могу же я вѣчно быть прикованнымъ къ своей усадьбѣ. Нужно видѣть людей, обмѣниваться съ ними мыслями и, такъ сказать, обновляться. Мнѣ представляется великолѣпный случай проѣхаться, и я радъ освѣжиться. Что касается Матюши, то онъ для меня «между прочимъ...»

Анеиса Сергѣевна не возражала, и поѣздка Базальцева была рѣшена.

Варварѣ Никаноровнѣ была послана записка приѣхать въ назначенный день и часъ въ Теплое, откуда Матюша и долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ Сергѣемъ Порфирьевичемъ. Адужина съ сыномъ въ назначенное время аккуратно прибыла въ Теплое. Тотчасъ же состоялся семейный обѣдъ, во время котораго Катя и молодой офицеръ усердно стрѣляли другъ въ друга глазами, понимая, что имъ уже не придется остаться ни на одну минуту наединѣ. Такіе маневры не укрылись отъ глазъ Базальцева, и онъ въ душѣ посмѣивался надъ комичностью влюбленныхъ.

Наконецъ наступила минута отъѣзда.

— Ну, по русскому обычаю, присядемъ,—замѣтилъ хозяинъ. Всѣ сѣли. Наступило молчаніе.

— А теперь съ Богомъ!

Стали прощаться. Варвара Никаноровна крѣпилась, чтобы не проронить слезы, Матюша кусаль губы, а у Кати вздрагивало все лицо.

— Долгіе проводы— лишняя тягость,—объявилъ Сергѣй Порфирьевичъ и, перецѣловавшись со всѣми, пошелъ въ тарантасъ, ведя подъ руку уныло смотрѣвшаго Матюшу.

Кучерь тронулъ лошадей, и лихая тройка скоро скрылась изъ виду.

Когда Матюша успокоился, Базальцевъ обратился къ нему:

— Ну, голубчикъ, надо привести въ порядокъ себя. Здѣсь ты могъ куралесить, а на службѣ смирись. На службѣ не шутятъ, и твой горячій характеръ доведетъ тебя до бѣды.

— Я буду помнить ваши слова, потому что люблю васъ, какъ отца.

Большую часть дороги спутники молчали. У каждаго изъ нихъ были свои думы.

Добравшись до мѣста, Сергѣй Порфирьевичъ одѣлся и, не сказавъ, куда идетъ, отправился къ командиру батальона, въ который зачисленъ былъ Адужинъ.

Немного спустя времени, къ Базальцеву вышелъ красивый шатенъ съ усами и подусниками.

— Чѣмъ могу служить?—обратился онъ къ посѣтителю.

— Вы получили извѣщеніе, что офицеръ, выпущенный изъ корпуса въ вашъ батальонъ, Адужинъ во время пребыванія въ отпуску безчинствовалъ въ деревнѣ.

— Да, получилъ и очень былъ опечаленъ. Но почему вы говорите о немъ?

— Это сынъ моей сосѣдки, большого моего друга, и я принимаю большое участіе въ этомъ юношѣ, потому что, когда онъ былъ маленькимъ, я держалъ его на рукахъ.

— Что же вамъ угодно отъ меня?

— Я пріѣхалъ объяснить вамъ, что написанное вамъ предводителемъ не совсѣмъ вѣрно и не должно марать репутацію молодого офицера. Вамъ можетъ показаться страннымъ мое вмѣшательство, но я видѣлъ, какъ отъ ничтожныхъ причинъ страдаютъ люди, и пріѣхалъ нарочно, чтобы вы съ перваго раза не составили себѣ дурного понятія объ этомъ офицерѣ. А что я не лгу, —ручается за меня то, что я отставной полковникъ гвардіи.

Командиръ батальона, полковникъ Набатовъ, долго служившій при штабѣ одного высокопоставленнаго лица, не походилъ на начальниковъ того времени. Воспитанный, образованный и отвергавшій палочный режимъ, онъ внимательно выслушалъ Базальцева и затѣмъ спокойно проговорилъ:

— Вы поступили очень деликатно и сердечно, но я и самъ быстро рассмотрѣлъ бы своего новаго подчиненнаго. То, что онъ, будучи

въ отпуску, либеральничаль, говорилъ рѣзкости и даже ругаль кого-то,—это до меня не касается. Въ стрѣлковыхъ батальонахъ составъ офицеровъ, вообще, гораздо выше пѣхотныхъ полковъ, гдѣ до сихъ поръ палка считается лучшимъ орудіемъ воспитанія. При моемъ предмѣстникѣ, на примѣръ, когда выводили людей на стрѣльбу, то вывозили и розги, и каждого, кто далъ два промаха,—сѣкли. Развѣ это не варварство? Можетъ ли человѣкъ хорошо стрѣлять, если онъ знаетъ, что за случайную неудачу ему будетъ порка. Конечно, я все это вывелъ и мягкими мѣрами довелъ свой батальонъ до того, что онъ стоитъ въ первомъ разрядѣ по стрѣльбѣ. Система командованія измѣнилась, и все должно измѣниться, и мои офицеры порядочные либералы, но я на это смотрю сквозь пальцы—служили бы хорошо. Не безпокойтесь же за вашего протезе и сейчасъ же пришлите его ко мнѣ представиться.

— Вы обрадовали меня, полковникъ, и если бы я жилъ поближе отъ этого города, то непременно похитилъ бы васъ къ себѣ въ имѣніе поохотиться.

— А у васъ есть собаки?

— Какія угодно! Борзья, гончія, лягавья.

— Да вы искуситель. А сколько верстъ до васъ?

— Сто пятьдесятъ.

— Это пустяки! Для такого страстнаго охотника, какъ я,—это пустое дѣло. Въ ожиданіи этого, прошу васъ завтра ко мнѣ въ три часа пообѣдать, мы и столкуемся. Только юношу своего не приводите.

Сергѣй Порфирьевичъ очарованъ былъ пріемомъ Набатова и, вернувшись въ номеръ, сейчасъ же отправилъ Матюшу представиться.

Адужинъ со словъ Базальцева составилъ себѣ понятіе о командирѣ, какъ о мягкомъ и доступномъ, но вдругъ увидѣлъ передъ собою грозную фигуру полковника.

— Вамъ извѣстно, что я получилъ невыгодное для васъ сообщеніе.

— Да, извѣстно,—робко проговорилъ молодой офицеръ.

— И вы такъ начинаете службу? Смотрите! Забудьте свои проказы, а то вы узнаете всю тяжесть дисциплины. Я васъ назначу въ роту къ строгому командиру, который обуздаетъ васъ. Что же касается незаконнаго медицинскаго свидѣтельства, которое вы представили, то, чтобъ не лишать васъ жалованья, я постараюсь сдѣлать все, что могу. Помните же! Служите какъ слѣдуетъ и я забуду тотъ доносъ, который на васъ сдѣланъ. Можете идти и завтра же отправиться въ роту.

Тутъ вдругъ Набатовъ смягчился, съ улыбкой протянулъ Адужину руку и мягко проговорилъ:

— Будемъ друзьями.

Кивнувъ головой, Павелъ Михайловичъ вышелъ, а Матюша, сбитый окончательно съ толку, пошелъ въ прихожую.

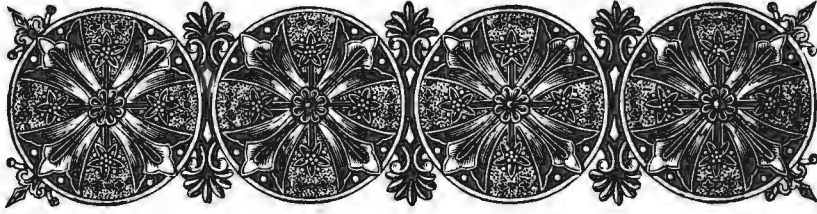
На другой день Базальцевъ обѣдалъ у Набатова, и новые знакомые условились о днѣ пріѣзда Павла Михайловича въ Теплое. Сергѣй Порфирьевичъ чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ поѣздкой и свиданьемъ съ военнымъ начальникомъ нарождавшагося новаго типа. Самъ когда-то сбѣжавшій, не вынеся «зеленой рожи», т. е. наказанія шпицрутенами и крика лежавшихъ подъ розгами солдатъ, радовался, что дожилъ до иного времени и, прощаясь со своимъ любимцемъ, съ волненіемъ говорилъ:

— Матюша, мы живемъ въ исковерканное время. Съ одной стороны, несутся вѣсти о томъ, что крестьяне скоро перестанутъ быть рабами, а рядомъ съ этимъ Флаттеръ и Губскій, Набатовъ съ чистымъ и хорошимъ взглядомъ на службу и пѣхотные полки, гдѣ все еще трещать скулы отъ командирскихъ кулаковъ. Радуюсь за тебя, что ты доживешь до того времени, когда исчезнуть всѣ ужасы безправія, а мы должны сами создавать то, безъ чего находимъ невозможнымъ жить. У меня почти всѣ крестьяне на оброкѣ, и никакая расправа не производится въ моей усадьбѣ, а между тѣмъ я имѣю дохода больше, чѣмъ мои сосѣди. Все спутано, все извращено, и рѣдко кто видитъ правильный исходъ изъ своего положенія. Исковерканное время! Иди же ты вѣрной дорогой и доживешь до того, о чемъ мы только мечтали. А потомъ... пока молчаніе.

Матюша прослезился и горячо поцѣловалъ руку Базальцева. Въ этомъ поцѣлуѣ сказалась не только любовь, но и благоговѣніе къ человѣку, опередившему свой вѣкъ.

П. М. Невѣжинъ.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА ¹⁾

Графъ Соллогубъ.—Новаторство въ театральномъ мѣрѣ.—В. И. Родиславскій. — Петербургскій клубъ художниковъ.—Экспромты Минаева.—Графъ Вѣльгорскій.—Моя первая повѣсть.—Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ.—А. Ѳ. Писемскій.—А. А. Майковъ.—Чрезмѣрная разсѣянность Юрьева.—Поэтъ Мей.

ЛАГОДАРЯ дружескимъ отношеніямъ съ княземъ Юріемъ Голицынымъ, я близко познакомилась съ извѣстнымъ писателемъ графомъ Соллогубомъ, авторомъ нашумѣвшаго въ свое время «Тарантаса». Соллогубъ прослушавъ мою первую по времени повѣсть «Самъ», готовившуюся въ «Русскій Вѣстникъ» и напечатанную въ «Бесѣдѣ» подъ редакторствомъ Юрьева, сказалъ мнѣ слѣдующія, хорошо мнѣ памятыя и пророчески вѣрныя слова:

— Талантъ у васъ есть, и серьезный талантъ, и успѣхъ у васъ беллетристическій впередъ большой, но все это только при условіи серьезной работы, и главнымъ образомъ при томъ условіи, что вы не размѣняетесь на газетные пятаки, при которыхъ никакая беллетристика невозможна! Газетные пятаки всякій талантъ заѣдаютъ... При нихъ никакой серьезный литературный успѣхъ не возможенъ!

И та газетная работа, которую онъ называлъ «газетными пятками», сдѣлалась именно моимъ удѣломъ, и въ беллетристикѣ я заняла скромное мѣсто фельетоннаго романиста, которое хотя и дало мнѣ не мало денегъ, зато славы и извѣстности не дало и не могло дать никакой.

¹⁾ Продолженіе. «Ист. Вѣст.», т. СХХІІІ, стр. 919.

Графъ Соллогубъ, женатый на графинѣ Виельгорской, и какъ по себѣ лично, такъ и по женѣ своей принадлежавшей къ высшей столичной аристократіи, отличался большимъ остроуміемъ и... большою смѣлостью, чтобы не сказать — дерзостью сужденій, которыя онъ и высказывалъ громко, не останавливаясь ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ.

Позднѣе, когда я уже занимала прочное мѣсто въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ качествѣ единственнаго театральнаго фельетониста и музыкальнаго рецензента, — мнѣ часто приходилось встрѣчаться и много бесѣдовать съ графомъ въ домѣ Бѣгичевыхъ, гдѣ онъ былъ принятъ какъ свой человѣкъ. Эта близость не мѣшала графу ни строго критиковать распорядки театральнаго управленія, однимъ изъ главныхъ дѣятелей котораго былъ въ то время В. П. Бѣгичевъ, ни смѣло и зло смѣяться надъ слабыми сторонами московскаго Малаго театра.

Какъ теперъ помню я, напримѣръ, какъ Соллогубъ въ одинъ изъ антрактовъ, стоя спиной къ барьеру оркестра и затыкая себѣ пальцами уши, воскликнулъ своимъ зычнымъ голосомъ, который слышенъ былъ изъ одного конца театральной залы въ другой:

— Обожаю оркестръ Малаго театра!

Онъ, хорошій и настоящій знатокъ театра, сильно возставалъ противъ той реалистической школы, которая въ настоящее время всецѣло завладѣла русской сценой, и за которой Соллогубъ не признавалъ никакой серьезной заслуги дѣлу чистаго искусства. Новаторомъ въ этомъ дѣлѣ отчасти являлся и Бѣгичевъ, что часто дѣлалось предметомъ серьезныхъ и нескончаемыхъ споровъ между ними.

Во времена Львова контрактъ на поставку всѣхъ матерій на костюмы императорскихъ театровъ заключенъ былъ съ богатымъ и необыкновенно дорогимъ магазиномъ «Ревель», помимо котораго дирекція не имѣла уже права нигдѣ пріобрѣсти ни аршина какой бы то ни было матеріи. Въ итогѣ получались и необычайные счета, и необычайныя нелѣпости, въ родѣ того, напримѣръ, что въ пьесѣ «Былъ молодцу не укорь» молодая, въ то время, артистка Медвѣдева чуть не съ голоду умирала по пьесѣ на чердакѣ въ кашемировомъ платѣ по 3 рубля аршинъ.

Надъ этимъ часто смѣялись и шутили, и Бѣгичевъ, проникнувшись справедливостью этихъ замѣчаній, разомъ ударился въ прямую противоположность и съ шелковъ и бархатовъ прямо порѣшилъ перейти къ дешевымъ ситцамъ русскаго фабричнаго производства. Отказавшись возобновить контрактъ съ «Ревелемъ», Бѣгичевъ вмѣстѣ съ управлявшимъ московской конторой Пельтомъ порѣшили строить костюмы хозяйственнымъ способомъ, и для перваго опыта попробовали преобразовать народные костюмы въ оперѣ «Жизнь за царя». До того времени весь хоръ крестьянъ

всегда выходилъ въ яркихъ канаусовыхъ рубашкахъ, и Бѣгичевъ, справедливо возставаъ противъ такой аномаліи, велѣлъ привезти себѣ изъ московскихъ ситцевыхъ фабрикъ образцы самыхъ яркихъ, въ глаза бросающихся ситцевъ. Образчики были доставлены, и привели непрактичнаго инспектора репертуара въ положительный восторгъ. Онъ тотчасъ же отобралъ нѣсколько особенно яркихъ и эффектныхъ ситцевъ и заказалъ изъ нихъ рубашки и сарафаны для хора.

Не останавливаясь на разумномъ пути экономіи, Бѣгичевъ съ Пельтомъ и штатъ портнихъ при театральной мастерской сократили до минимума, и шитье новоизобрѣтенныхъ ситцевыхъ рубашекъ сдали тѣмъ грошевымъ мастерицамъ, которыя шьютъ на такъ называемый «рынокъ» и поставляютъ товаръ на самыхъ простыхъ и невзыскательныхъ покупателей.

Наступилъ спектакль, въ который впервые приходилось обновить на императорской сценѣ ситцевыя рубашки. По этому поводу возгорѣлись самые ожесточенные споры. Одни находили, что странно и дико видѣть простой ситецъ и коленкоръ на сценѣ императорскаго театра, другіе, напротивъ, находили смѣшнымъ и дикимъ до тѣхъ поръ практиковавшійся способъ костюмировки, благодаря которому всѣ крестьяне и крестьянки небогатаго костромскаго села, да еще вдобавокъ въ старыя годы, являлись выфранченными въ атласъ и бархатъ.

Доставленъ былъ своеобразными швеями заказанный транспортъ ситцевыхъ рубашекъ и холщевыхъ паневъ, и когда хоръ появился въ этой дотолѣ невиданной аммуниціи на сценѣ, то какъ Бѣгичевъ, такъ и Пельтъ пришли въ неописанный восторгъ. Цвѣта все были яркіе, не хуже атласа и канауса, глянцовитые ситцы блестяли и отливали какъ шелкъ, а между тѣмъ разница въ цѣнѣ была невообразимая, чуть не на 90 процентовъ дешевле.

Первый спектакль въ новыхъ костюмахъ прошелъ среди всеобщаго ликованія, второй тоже... Къ третьему измятыя рубашки пришлось тщательно переглядить, что и блескъ у нихъ весь отняло и времени взяло неимоверно много, а когда дошло дѣло до стирки, то экономное начальство пришло въ полное и непритворное отчаяніе. Оказалось, что дешевые ситцы всѣ полиняли, и перестиранныя рубашки не только для серьезной сцены не годились, но и любой водовозъ не вышелъ бы въ такомъ нарядѣ на улицу въ праздничный день.

Никто такъ не потѣшался надъ этой начальнической неудачей, какъ графъ Соллогубъ, приглашавшій Бѣгичева и Пельта навсегда отказаться отъ преслѣдованія подобной «дорогой экономіи», нѣсогласной съ достоинствомъ ввѣреннаго имъ учрежденія.

Но голосъ его остался гласомъ вопіющаго въ пустынь, и при постановкѣ Федотовской трагедіи «Годуновы» Музиль, исполнявшій

роль мужика-пропойца, съ согласія и даже по указанію автора, вышелъ на сцену въ изорванномъ полушубкѣ, на плечѣ котораго было большое пятно.

Соллогубъ, сидѣвшій рядомъ съ ложей, въ которой сидѣла я, громко спросилъ:

— Скажите мнѣ пожалуйста, А. И., что вы сейчасъ видѣли на плечѣ Музиля?

— Что? Сальное пятно!..—съ улыбкой отвѣтила я.

— Только? Ну, нѣтъ, я съ вами не согласенъ. Для меня въ этомъ «реальномъ» пятнѣ встала заря паденія русской сцены.

Его слова оказались отчасти пророческими, и постепенно овладѣвающая русской сценой преувеличенная погоня за реальностью далеко не служить къ поднятію уровня нашей сцены.

Къ числу выдающихся особенностей графа Соллогуба принадлежала его изъ ряда вонъ выходившая рѣзкость, часто переходившая въ положительную дерзость. Очень прямой и экспансивный въ своихъ, часто ничѣмъ необъяснимыхъ симпатіяхъ, графъ и въ выраженіи своихъ антипатій не стѣснялся и доходилъ иногда до невозможныхъ выходокъ.

Такъ, напримѣръ, онъ питалъ непреодолимую антипатію къ Родиславскому, извѣстному сначала въ качествѣ переводчика иностранныхъ пьесъ, затѣмъ попавшему въ серьезный фаворъ къ московскому генералъ-губернатору князю Долгорукову и дослужившемуся до серьезнаго и отвѣтственнаго поста правителя дѣлъ его канцеляріи.

Случай, о которомъ я хочу говорить, имѣлъ мѣсто, когда Родиславскій этого почетнаго поста еще не занималъ, но былъ уже въ чинѣ статскаго совѣтника и занималъ должность секретаря и казначея при драматическомъ обществѣ, чуть ли не ему обязанномъ своимъ возникновеніемъ.

Очень милый и обязательный человѣкъ, снискавшій себѣ въ послѣдствіи искреннюю любовь всей Москвы, Родиславскій имѣлъ одинъ, хотя и безобидный, но существенный недостатокъ. Онъ былъ до крайности нечистоплотенъ. Соллогубъ, напротивъ, былъ педантично чистъ и брезгливъ до смѣшнаго. Недостатокъ Родиславскаго былъ одной изъ главныхъ причинъ недружелюбнаго отношенія къ нему прихотливаго графа, и онъ, ничѣмъ не стѣняясь, публично исповѣдывалъ эту антипатію.

Они часто встрѣчались въ домѣ литератора Пановскаго, съ которымъ оба были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и вотъ тутъ-то и произошло слѣдующее неловкое столкновеніе.

Соллогубъ въ разговорѣ нѣсколько разъ придиричиво относился къ Родиславскому, намѣренно стараясь сказать ему что-нибудь неприятное, и, остановленный Пановскимъ, капризно заявилъ, что такъ разговаривать нельзя, и что въ такомъ случаѣ онъ лучше уйдетъ.

— И уходи — въ свою очередь, недовольнымъ голосомъ отвѣтилъ Пановскій.

Соллогубъ всталъ, прошелъ въ залу, и тамъ, остановившись передъ столомъ, на которомъ сложено было нѣсколько шляпъ и фуражекъ собравшихся посѣтителей, взялъ шляпу Родиславскаго и плюнулъ въ нее.

Послѣдній не замѣтилъ изъ гостиной, гдѣ сидѣлъ, этой глупой выходки, но Пановскій ее увидалъ и въ волненіи пришелъ въ залу къ Соллогубу.

— Что жь это ты, въ самомъ дѣлѣ?.. — укоризненно произнесъ онъ.

— Ничего, какъ видишь, плюнулъ!

— Да развѣ такъ можно? И что тебѣ сдѣлалъ этотъ бѣдный Родиславскій?

— Ровно ничего. Это ты одинъ виновать!

— Я? Виновать въ томъ, что ты плюнулъ въ его шляпу?!

— Разумѣется! Зачѣмъ ты не ставишь плевальницъ? За отсутствіемъ этой необходимой принадлежности всякой порядочной комнаты мнѣ оставалось только плюнуть въ то, что всего грязнѣе, ну, а грязнѣе шляпы милѣйшаго Владимира Ивановича я ничего не нашель!

Въ ту минуту Пановскій тщательно скрылъ отъ Родиславскаго эту школьническую выходку, но впослѣдствіи она какъ-то дошла до него, и чуть не разгорѣлась въ серьезную исторію.

Родиславскаго удалось уговорить только тѣмъ, что все это давно прошло и что заднимъ числомъ никакая обида разбирательству не подлежить.

Въ общемъ, благодаря этой исключительной рѣзкости и несдержанности, у Соллогуба было мало друзей, хотя по душѣ онъ былъ вовсе не дурной человѣкъ.

Долговъ у Соллогуба, по русской пословицѣ, было больше, нежели волосъ на головѣ, и онъ такъ сроднился съ ними и признавалъ свою крайнюю задолженность такимъ обычнымъ, чуть не обязательнымъ явленіемъ, что, перечисляя какъ-то количество ежегоднаго прихода своего, онъ пресерьезно включалъ сюда возможность приумножить свои неоплатные долги и пресерьезно говорилъ:

— Ну, сверхъ всего этого я задолжаю еще тысячи три или четыре!..

Я лично знала графа Соллогуба уже на склонѣ лѣтъ его, и при всей его несомнѣнной корректности и его исключительно блестящемъ образованіи, въ немъ, строго говоря, мало оставалось отъ прежняго большого барина. Наружно онъ тоже сильно измѣнился сравнительно съ тѣмъ, что мнѣ приходилось о немъ слышать въ его лучшіе годы.

Когда я его узнала, это былъ тяжеловатый, пожилой человѣкъ съ широкими жемами, необыкновенно громкимъ голосомъ и очень

развязными манерами, и отъ прежняго «барина» у него оставался только сильно импонирующій тонъ да какая-то завзятая, словно неряшливая самоувѣренность.

Артисты его не любили, но боялись его мѣткихъ эпиграммъ и его злого языка, и при чтеніи имъ какой-нибудь вновь написанной имъ пьесы, для чего труппа обыкновенно собиралась въ полномъ составѣ у Бѣгичева, — ему усердно аплодировали, пьесу его расхваливали, но отъ постановки ея въ свой бенефисъ каждый тщательно уклонялся.

Лучшей изъ всѣхъ имъ написанныхъ небольшихъ пьесъ считается «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», до сихъ поръ еще не сошедшая съ репертуара, несмотря на то, что въ первый разъ она была поставлена въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Въ Петербургѣ графъ Соллогубъ въ лучшую свою пору принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ и преуспѣяніи клуба художниковъ, основаннаго группою художниковъ и литераторовъ и помѣщавшагося въ Троицкомъ переулкѣ, въ домѣ Руадзе. Во главѣ основателей кружка были: два брата Маковскихъ, Лагоріо, академикъ Боголюбовъ и другіе. Однимъ изъ первыхъ старшинъ клуба былъ старшій братъ К. А. Варламова, Г. А. Варламовъ. Учрежденіе это было однимъ изъ самыхъ излюбленныхъ уголковъ художественнаго и интеллигентнаго Петербурга, и ни одинъ изъ настоящихъ клубовъ и специальныхъ кружковъ даже и приближительнаго понятія о немъ дать не можетъ. Тамъ за ужиномъ ежедневно сходилась все, что столица считала въ средѣ своей талантливаго и интеллигентнаго, бесѣда шла веселая и оживленная, экспромты лились рѣкой, и веселье царило самое широкое и непринужденное. Однимъ изъ главныхъ презусовъ за этими веселыми артистическими ужинами былъ поэтъ Минаевъ, не знавшій себѣ соперниковъ ни въ веселыхъ бойкихъ экспромтахъ, ни въ ѣдкихъ эпиграммахъ. Одной изъ кассиршъ клуба въ то время была нѣкто Климова, молодая дѣвушка замѣчательной красоты, но отличавшаяся необыкновенно странной и почти дикой привычкой. Она не только очень много курила папирозъ, что въ тѣ времена было рѣдкостью въ особахъ прекраснаго пола, но, разговаривая, она собирала пепель отъ папирозы въ руку, и затѣмъ, поднося горсть ко рту, проглатывала весь табачный пепель. Надъ ней немало подсмѣивались, всячески стараясь отучить ее отъ этой непостижимой привычки, ее громко и безцеремонно останавливали, но ничто не могло ее исправить, и она попрежнему и курила безостановочно, и пепель отъ выкуренныхъ папирозъ проглатывала безъ остатка.

Минаевъ, какъ извѣстно, много и часто пившій, иногда, по его выраженію, «шабашилъ» и времено воздерживался совершенно отъ вина, предоставляя себѣ право вознаграждать себя при первомъ удобномъ случаѣ новымъ широкимъ запоемъ.

Однажды, послѣ одного изъ «антрактовъ», Минаевъ за ужиномъ сталъ наливать себѣ рюмку за рюмкой, и на вопросъ товарищей, зачѣмъ онъ опять «разрѣшилъ», сказалъ съ комическимъ упрекомъ, указывая въ ту сторону, гдѣ за кассой сидѣла молодая курильщица:

Когда я увидалъ,
Что Климова ѣсть пепель,
То снова началъ пить,
Хотя давно ужъ не пилъ.

Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей и дѣятельныхъ членовъ клуба былъ нѣкто Героглифовъ, редакторъ какого-то журнальчика, человекъ очень образованный, очень начитанный, но не въ мѣру щеголявшій и этимъ образованіемъ, и этой начитанностью. Ко всѣмъ и ко всему онъ относился какъ-то свысока, какъ будто снисходя къ простымъ смертнымъ и сверху внизъ глядя на всѣхъ съ высоты своей учености. Однажды за очень многочисленнымъ ужиномъ Героглифовъ, очень цѣнившій талантъ Минаева, но цѣнившій его по-своему свысока, обратился къ поэту съ снисходительнымъ, шутливымъ вопросомъ:

— Скажите пожалуйста, отчего это вы никогда мнѣ ни одного изъ вашихъ экспромтовъ не посвятите?

— Вамъ? — отвѣтилъ Минаевъ. — Сдѣлайте одолженіе!.. Я всегда готовъ, у меня за этимъ задержки нѣтъ!

И, подумавъ съ минуту, громко произнесъ:

Поклонникъ социальныхъ миссовъ,
Ученій смутныхъ педагогъ,
Не потому ль вы Героглифовъ
Что васъ никто понять не могъ?

Бойкій экспромтъ встрѣченъ былъ единодушными аплодисментами, а у Героглифова надолго отнялъ желаніе порисоваться и прихвастнуть своими знаніями,

Живыя картины въ этомъ клубѣ ставились такими художниками, какъ Маковский и Лагорио, и были верхомъ изящества и совершенства, и старожилы петербургскіе еще помнятъ неподражаемую картину, изображавшую летящаго ангела, окруженнаго облаками и сжимавшаго въ объятіяхъ своихъ ребенка. Ловко положенный въ наклонно поставленное кресло-качалку, искусно задрапированное декоративными облаками, летящій ангелъ, съ поднятыми къ небу глазами, казался дѣйствительно чуднымъ видѣніемъ, и картина вызвала шумные и вполне заслуженные аплодисменты. Ангела изображала миниатюрная и поэтически красивая молоденькая м-те Зубарева, жена бывшаго секретаря городской думы, въ настоящую минуту уже умершая, и открывалась картина подъ звуки извѣстнаго романса Варламова:

По небу полуночи ангелъ летѣлъ.

И это все отошло въ вѣчность, и вся эта поэзія искусства была и прошла, и «быльемъ поросла»... замѣненная нынче кэкъ-уоками и «танцами апашей».

Autres temps—autres soins!—какъ говорятъ французы. (Иныя времена, иныя и заботы!..)

Бывши еще ребенкомъ, я помню тестя графа Соллогуба, графа Віельгорскаго, знаменитаго музыканта-любителя, не составившаго себѣ громкаго артистическаго имени единственно только по принадлежности своей къ высшей аристократіи, изъ среды которой въ тѣ времена на артистическій путь никто не выходилъ.

Графъ Віельгорскій былъ музыкантъ въ душѣ, по жанру музыки всего больше подходившій къ Шопену, и его романсы, пережившіе три четверти столѣтія, до сихъ поръ еще исполняются людьми, настоящимъ образомъ понимающими музыку. Особенно извѣстенъ былъ въ свое время его романсъ «Бывало, бывало», изъ котораго почти цѣликомъ списанъ цыганскій дуэтъ «Ночи безумныя», имѣющій такой неувыдаемый успѣхъ въ цыганскомъ репертуарѣ.

Близко стоявшій ко двору въ эпоху царствованія императора Николая Павловича, Віельгорскій очень часто игралъ на интимныхъ вечерахъ императрицы Александры Оедоровны, которая очень любила музыку, знала въ ней толкъ и заслушивалась Віельгорскаго по нѣскольку часовъ сряду.

Исключительно разсѣянный всегда, Віельгорскій въ тѣ минуты, когда онъ отдавался музыкальному вдохновенію, совершенно отрѣшался отъ живого міра, и это было однажды источникомъ такой неосторожности, которая могла только ему пройти безнаказанной.

Главная прелесть и главное достоинство игры графа Віельгорскаго состояли въ томъ, что онъ рѣдко исполнялъ уже знакомыя ему вещи, а чаще всего импровизировалъ, и импровизаціи его, гармоничныя, увлекательныя, вдохновенныя, такъ далеко уносили его въ міръ фантазіи, что онъ на время совершенно отрѣшался отъ всего его окружавшаго, и весь отдавался своему вдохновенному искусству.

Однажды, когда Віельгорскій пилъ чай въ кабинетѣ императрицы и съ чашкой въ рукѣ подошелъ къ роялю, онъ, поставивъ чашку на пюпитръ, прикоснулся къ клавишамъ и, забывшись, весь ушелъ въ міръ звуковъ.

Всѣ внимательно и пристально слушали музыку, императрица подошла и облокотилась на рояль, а Віельгорскій, тѣмъ временемъ, отрываясь минутами, чтобы отхлебнуть глотокъ холоднаго чая изъ поставленной имъ на роялѣ чашки, допилъ послѣдній глотокъ и машинально, видя передъ собой кого-то и не разбирая, кого именно, протянулъ пустую чашку императрицѣ.

Всѣ остолбенѣли, а императрица, съ улыбкой принявъ чашку, передала ее камеръ-лакею.

Віельгорскій и тутъ ничего не замѣтилъ, и спустя нѣсколько времени только, когда онъ всталъ изъ-за рояля, дежурный камергеръ въ глубокомъ смущеніи осторожно передалъ ему о случившемся недоразумѣніи.

Віельгорскій въ глубокомъ смущеніи подошелъ къ императрицѣ и не зналъ, какъ приступить къ объясненію, но она, милостиво улыбнувшись, замѣтила, что очень охотно оказала ему эту «маленькую услугу».

Графъ Солмогубъ, какъ я уже выше сказала, былъ первымъ изъ литераторовъ, поощрившимъ меня на вступленіе въ литературную карьеру.

Его совѣту не размѣниваться на газетные «пятаки» я послѣдовать не могла, потому что нужно было зарабатывать что-нибудь постоянно, а беллетристическая работа постоянного дохода не даетъ, тогда какъ газета ежедневно приноситъ что-нибудь.

Это грустно, но не я одна такъ «размѣнялась» въ русской прессѣ.

Первую повѣсть свою я представила въ «Русскій Вѣстникъ», она была прочитана мною въ кружкѣ литераторовъ въ домѣ Любимова, въ то время редактировавшаго этотъ журналъ, и встрѣчена была очень благосклонно. Когда она, уже набранная для «Русскаго Вѣстника», была просмотрѣна самимъ Катковымъ, то онъ, вполнѣ одобливъ ее по изложенію и по завязкѣ, потребовалъ, чтобы изъ нея выпущена была глава, написанная съ серьезнымъ порицаніемъ нѣкоторой части администраціи. Я на такое исправленіе не согласилась,—въ тѣ далекія времена и начинающіе литераторы имѣли полное право голоса,—и Катковъ, сохраняя прежнее, вполнѣ благосклонное отношеніе ко мнѣ и моей газетной работѣ, отсрочилъ печатаніе повѣсти до тѣхъ поръ, пока мы придемъ къ соглашенію,—но соглашенія этого не послѣдовало, и повѣсть годъ спустя была напечатана въ «Бесѣдѣ», редакторомъ которой былъ въ то время всѣмъ близко и хорошо памятный С. А. Юрьевъ.

Сергѣй Андреевичъ болѣе нежели благосклонно отнесся къ моей повѣсти, и тутъ я имѣла возможность видѣть и вполнѣ оцѣнить то почетное отношеніе, какимъ пользовалась въ то время пресса со стороны самыхъ доблестныхъ ея служителей.

Секретаремъ «Бесѣды» былъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ, вполнѣ управлющій конторою московскихъ императорскихъ театровъ,—и повѣсть, прочитанная и цѣликомъ одобренная Юрьевымъ, передана была Майкову для помѣщенія ея въ журналъ.

Съ мнѣніемъ, выраженнымъ Катковымъ, Юрьевъ согласился, но благосклонно призналъ, что изъ моей повѣсти «жалъ даже одно слово выкинуть».

Видѣлась и познакомилась я съ нимъ лѣтомъ; онъ познакомилъ меня съ своей женой, такой же обаятельно милой и любезной, какъ

и онъ самъ, и я получила лестное приглашеніе посѣщать ихъ гостепріимный домъ.

Я еще не успѣла воспользоваться этимъ дорогимъ и любезнымъ приглашеніемъ, какъ внезапно и совершенно неожиданно для себя получила приглашеніе пріѣхать на дачу къ А. Θ. Писемскому, съ которымъ я вовсе не была знакома и котораго даже ни разу не видала. Приглашеніе это передано мнѣ было Майковымъ, который въ отвѣтъ на выраженное мною удивленіе сказалъ мнѣ, что Писемскій пожелалъ со мной познакомиться потому, что прочиталъ въ рукописи мою повѣсть и хотѣлъ побесѣдовать со мной по этому поводу.

Я очень охотно откликнулась на приглашеніе Писемскаго, тѣмъ болѣе, что Майковъ сказалъ мнѣ, что самъ онъ никогда никуда не выѣзжаетъ, потому что «аккуратно каждый день умираетъ».

Въ отвѣтъ на мое недоумѣніе онъ объяснилъ мнѣ, что Писемскій страшно мнителенъ, до ужаса боится холеры, и во все время, пока въ продажѣ есть ягоды и дешевые фрукты, ежедневно ощущаетъ признаки наступающей холеры.

— Въ такомъ случаѣ не надо ѣсть фруктовъ!...—разсмѣялась я.

— Да онъ ихъ не ѣстъ никогда. Онъ, такъ сказать, платонически боится холеры!... Да вотъ поѣдете, сами увидите.

Въ назначенный день къ вечернему чаю я была на дачѣ Писемскаго, который жилъ въ подмосковномъ селѣ Останкинѣ, впоследствии принесенномъ владѣльцемъ его, графомъ Шереметевымъ, въ даръ покойной императрицѣ Маріи Александровнѣ.

Майковъ тоже пріѣхалъ со мною вмѣстѣ, и насъ очень мило и любезно встрѣтила жена Писемскаго, двоюродная сестра Майкова. Самъ Писемскій ждалъ насъ на балконѣ, сидя въ глубокомъ креслѣ и весь обложенный подушками.

— Что опять болень?—разсмѣялся Майковъ.

Алексѣй Теофилактовичъ безнадежно махнулъ рукой.

— Не говори!...—Такой страшный приступъ былъ вчера, что прямо думалъ, что умру.

Мы размѣстились на балконѣ, куда вскорѣ затѣмъ поданъ былъ самоваръ. Вмѣстѣ съ чаемъ поданы были сливки, масло и крупная сочная земляника.

Писемскій молча вздыхалъ, время отъ времени прижимая руку къ груди и къ желудку.

Мнѣ налили чаю, и не успѣла я протянуть руку къ блюдечку, чтобы наложить себѣ ягодъ, какъ Писемскій громко воскликнулъ:

— Что это вы? Кажется, ягоды ѣсть собираетесь! Сохрани васъ Богъ! Что вамъ развѣ жизнь надоѣла?

Я улыбнулась и поставила блюдечко на мѣсто.

— Что это!—сконфуженно пожала плечами его жена.—Вмѣсто того, чтобы угощать гостей, ты имъ мѣшаешь кушать?

— Не могу же я допускать, чтобы люди при мнѣ отравлялись. Вѣдь это самоубійство ягоды теперь ѣсть!

Майкова пожала плечами и пододвинула ко мнѣ сливки. Писемскій быстро потянулся черезъ столъ и отодвинулъ отъ меня молочникъ.

— Не трогайте!.. Ради Бога не трогайте!—взмолился онъ.— Ничего не можетъ быть вреднѣе сливокъ.

Майковъ чуть не падалъ отъ смѣха.

Жена Писемскаго конфузилась все сильнѣе и сильнѣе.

Я взяла кусокъ бѣлаго хлѣба, и она поторопилась подвинуть ко мнѣ сливочное масло.

Писемскій торопливо рвануль отъ меня масленку.

— Ради Бога, только не масло!—воскликнулъ онъ.— Это ужасно вредно. Хуже масла я ничего не знаю. Да и на что это нужно? Какъ будто бѣлаго хлѣба одного мало?

— Алексѣй Теофилактовичъ, да помилосердуй же ты!—въ свою очередь, взмолилась Майкова.—Вѣдь m-me Соколова въ первый разъ у насъ въ домѣ. Она съ твоими чудесами не знакома! Что она объ насъ подумаетъ? Все ты у нея вырываешь, и все отъ нея отодвигаешь... Развѣ это возможно?

— А отравлять гостей возможно?—съ укоризной возразилъ онъ.

Чай, благодаря этому оригинальному гостепріимству, прошелъ очень весело, и затѣмъ послѣдовала литературная бесѣда.

Писемскій сообщилъ мнѣ, что Майковъ доставилъ ему для прочтенія мою повѣсть, что онъ находитъ слогъ мой очень красивымъ и правильнымъ, но что одно мѣсто изъ повѣсти онъ «вычеркнулъ».

Меня это немножко удивило, но, не зная, о какомъ именно мѣстѣ повѣсти идетъ рѣчь, я не стала возражать, предоставляя себѣ право сдѣлать это, когда узнаю, что именно изъ моей повѣсти выброшено.

Писемскій передалъ мнѣ рукопись, и, къ моему крайнему удивленію, я увидала, что вычеркнуто то именно мѣсто повѣсти, которое при чтеніи у Любимова вызвало всеобщее одобреніе, а именно сужденіе о характерѣ русской пѣсни и о вырожденіи ея, вытѣсняемой современными фабричными «романцами».

Я не могла не выразить Писемскому моего глубокаго удивленія по поводу такого «вычеркиванья», но онъ возразилъ мнѣ, что это его личное мнѣніе и что начинающій литераторъ не можетъ спорить съ литературнымъ авторитетомъ.

Я «спорить» и не стала, но порѣшила обратиться къ Юрьеву, не съ претензіей, но за разъясненіемъ для руководства при дальнѣйшей работѣ въ журналѣ.

Писемскій показался мнѣ нѣсколько удивленнымъ тѣмъ, что я не подчинилась безпрекословно его распоряженію, а пожелала узнать причину, и, отодвинувъ рукопись, повелъ разговоръ о

своей повѣсти «Водоворотъ», печатавшейся въ то время въ «Бесѣдѣ» и тянувшейся уже въ нѣсколькихъ книгахъ.

Мнѣ повѣсть эта не особенно нравилась, я находила ее нѣсколько циничной, какъ, впрочемъ, почти все, выходявшее изъ-подъ пера этого, несомнѣнно, даровитаго писателя, носившаго даже въ товарищескомъ кружкѣ прозваніе «Іона циникъ», и въ разговоръ о повѣсти не вмѣшалась, что, кажется, тоже не особенно расположило Писемскаго въ мою пользу.

Но выразить мнѣ свое одобреніе или неодобреніе онъ не имѣлъ времени. Наступилъ его ежедневный «кризисъ», онъ, извинившись передо мною, легъ тутъ же на террасѣ на большой диванъ и, выславъ насъ всѣхъ на минуту, весь обложился горчичниками.

Я собралась уѣзжать, но Майкова уговорила меня остаться и погулять куда-то по саду. Болѣзни мужа она никакого значенія не придавала, и горчичники подавала и ставила ему только для того, чтобы его не раздражать, такъ какъ припадками желчи онъ дѣйствительно и непритворно страдалъ.

Пробывъ у Писемскихъ еще около часа, я уѣхала вмѣстѣ съ Майковымъ, и на другой же день отправилась къ Юрьеву для объясненія. Онъ принялъ меня съ обычнымъ своимъ радушіемъ, выслушалъ меня внимательно, и когда я кончила, съ удивленіемъ спросилъ меня:

— Какъ Писемскій вычеркнулъ? Зачѣмъ же вы показывали ему свою повѣсть, разъ уже одобренную мною?

Я объяснила, что показывала повѣсть не я, и что передана она была Писемскому изъ его редакціи.

— Изъ моей редакціи?!... — почти привскочилъ онъ. — Какъ изъ моей редакціи? Кто вамъ это могъ сказать?

— И самъ Писемскій, и Майковъ, который отдалъ ему мою повѣсть для прочтенія.

— И вы въ этомъ увѣрены?

— Какъ же не увѣрена, когда они оба мнѣ это сами сказали!

Юрьевъ покраснѣлъ и, видимо, разсердился настолько, насколько чувство гнѣва могло быть доступно его кроткой и миролюбивой натурѣ.

— Позвольте!.. Я такъ этого оставить не могу!..— въ волненіи заговорилъ онъ. — У васъ есть время посидѣть съ нами? Сейчасъ придетъ жена и дастъ намъ позавтракать, а тѣмъ временемъ я пошлю за Майковымъ. Онъ теперь въ нашей немудрой редакціи.

Я перешла въ столовую, а за Майковымъ было послано въ редакцію, дѣйствительно очень немудрую и помѣщавшуюся въ небогатыхъ меблированныхъ комнатахъ на Срѣтенкѣ, гдѣ подъ нее снято было два небольшихъ номера.

Майковъ пріѣхалъ во время завтрака, и Юрьевъ принялъ его почти сурово.

— Разъясните мнѣ, пожалуйста, странное и совершенно непостижимое для меня недоразумѣніе!—обратился онъ къ нему.—Вотъ г-жа Соколова говоритъ, будто бы Писемскій рукопись ея повѣсти читаль, да мало того, что читаль, а еще критиковаль и даже... псправляль! Что за исторія такая?.. Какимъ образомъ повѣсть, переданная авторомъ мнѣ, мною одобренная и затѣмъ переданная вамъ, какъ секретарю редакціи, могла очутиться въ рукахъ лица, ни съ которой стороны къ редакціи не причастнаго?

Майковъ слегка замялся и сказалъ, что далъ прочесть рукопись Писемскому, какъ замѣчательную работу начинающаго литератора.

— Такъ литератора же, а не ученика!..—недовольнымъ голосомъ воскликнулъ Юрьевъ.—И какъ ни была велика ваша неосторожность, она все-таки не давала Писемскому права меня оскорблять, потому что сдѣланныя имъ «поправки» я принимаю за личную обиду себѣ! У насъ въ журналѣ не ученики работаютъ, а литераторы, и балловъ мы имъ не ставимъ, и безъ ихъ вѣдома одной буквы выкинуть не можемъ! Вещь можетъ годиться или не годиться, подходитъ или не подходитъ къ характеру журнала, но разъ она принята, никто не имѣетъ права налагать на нее руку!

Майковъ попробоваль возразить противъ такого строгаго отношенія къ нему и къ Писемскому, но Юрьевъ перебилъ его словами:

— Вотъ я нахожу, что Алексѣй Теофилактовичъ очень злоупотребляеть терпѣніемъ и читателей «Бесѣды» и редакціи, и что «Водовороту» его давно пора бы было кончиться. Я приняль его продолженіе на вѣру, познакомившись только съ проспектомъ его содержанія, а онъ тянетъ его безъ конца, и, печатая этотъ нескончаемый «Водоворотъ», редакція ставитъ себя въ положеніе разсказчика, передающаго нескончаемую сказку про бѣлаго бычка.

Не знаю, передалъ ли Майковъ Писемскому слова Юрьева во всемъ ихъ строгомъ значеніи, но года два или три спустя, когда я въ качествѣ театральнаго рецензента присутствовала на спектаклѣ, въ которомъ Писемскій самъ исполняль роль Ананія Яковлева въ «Горькой Судьбинѣ», и за кулисами встрѣтилась съ загримированнымъ для исполненія Писемскимъ, то онъ сказалъ мнѣ, что надѣется, что я дамъ вполнѣ снисходительный отзывъ объ его игрѣ.

— Во-первыхъ, я не заправскій актеръ,—сказаль онъ:—а, во-вторыхъ, вы сами такъ исключительно самолюбивы, что и чужое самолюбіе, надѣюсь, пощадите!

Къ Юрьеву я на всю жизнь сохранила самое горячее чувство уваженія и признательности и прямо-таки обожала его, какъ его обожали всѣ, кто его зналь и видѣль.

Это была сама доброта и само безкорыстіе, и, отдавъ всю жизнь свою высокоталантливому труду, онъ всю жизнь свою былъ бѣденъ, какъ Іовъ многострадальный, и жилъ болѣе нежелли скромно,

занимая квартиру на углу Садовой, въ сѣромъ деревянномъ домѣ Пятницкаго.

Къ числу характерныхъ особенностей Юрьева принадлежала необычайная расѣянность, благодаря которой ему удавалось подчасъ попадать въ такой просакъ, изъ котораго положительно не было исхода, и о его чудачествахъ на этой почвѣ ходила по Москвѣ масса самыхъ характернымъ и самыхъ забавныхъ анекдотовъ.

Такъ, напримѣръ, однажды онъ, созвавъ къ себѣ гостей и устроивъ нѣчто въ родѣ довольно неудачнаго литературнаго вечера, въ самый разгаръ его, задолго до скромнаго ужина, безъ котораго отъ Юрьевыхъ никогда не расходились, сталъ пробираться къ выходу и озабоченно рылся въ залѣ въ грудѣ сложенныхъ на роялѣ шляпъ и шапокъ гостей.

Жена его, замѣтивъ этотъ маневръ, поспѣшила подойти къ нему.

— Чего это ты тутъ ищешь, Сергѣй Андреичъ?—спросила она.

Онъ слегка подмигнулъ ей.

— Шляпку свою ищу!—шепотомъ отвѣтилъ онъ.—Такая, я тебѣ скажу, скука, что мочи нѣтъ! И охота же это устраивать такіе скучные вечера? Ужъ именно, какъ говорится, ни цвѣту, ни радости! Поѣдемъ и ты со мной. Прощаться съ хозяевами не станемъ. Обидятся еще, пожалуй, что мы рано уѣзжаемъ! А что у нихъ тутъ дѣлать среди такой смертельной скуки?

Женѣ, среди неудержимаго смѣха, едва удалось растолковать ему, что хозяева этого непомѣрно скучнаго вечера были они сами, и что онъ собирался тайно скрыться изъ своего собственнаго дома.

Умеръ Юрьевъ такимъ же бѣднякомъ, какимъ провелъ всю почетную жизнь свою, и мало кто оставилъ по себѣ такую свѣтлую, безукоризненную память, какую оставилъ онъ.

Разъ навсегда извиняюсь передъ читателями за отсутствіе въ моихъ воспоминаніяхъ строго хронологическаго порядка—я передаю факты въ томъ порядкѣ, въ какомъ они приходятъ мнѣ на память, свѣряясь только въ ихъ подробностяхъ съ тѣмъ, что своевременно занесено было мною въ отрывочныя воспоминанія, впоследствии собранныя въ одно цѣлое.

Я смѣло ручаюсь только за фактическую непогрѣшимость всего передаваемаго и за строгую вѣрность приводимыхъ мною датъ, но хронологическаго порядка я соблюсти не могла, такъ какъ воспоминанія мои обнимаютъ слишкомъ долгій періодъ времени и слишкомъ различные районы видѣннаго мною общества.

Много раньше моей встрѣчи съ Юрьевымъ, въ эпоху, когда мнѣ и въ голову не приходило когда-нибудь пристать къ цеху русскихъ литераторовъ, я познакомилась, или, точнѣе, встрѣтилась, съ однимъ изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ поэтовъ нашихъ, Меемъ, и первая встрѣча моя съ нимъ была болѣе нежели оригинальна.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1911 г., т. сxxiv.

Лѣтомъ 1857 года я часто бывала на дачѣ графа Кушелева-Безбородка, или на такъ называемой Кушелевкѣ, гдѣ проживала моя тетка, бывшая инспектрисса Смольнаго монастыря, вмѣстѣ съ кузиной моею, которая была очень дружна съ графиней Кушелевой, въ то время еще м-те Голубцевой.

Дачь у Кушелева было нѣсколько, и всѣ онѣ были заняты безвозмездно его знакомыми.

Въ числѣ послѣднихъ былъ и Мей, неисчерпаемый талантъ котораго не уступалъ его неисчерпаемому пристрастію къ крѣпкимъ напиткамъ.

Онъ очень любилъ кузину Леленьку, часто къ ней приходилъ, читалъ ей въ рукописи все, что онъ въ то время писалъ, и, не стѣняясь часами своихъ визитовъ и руководствуясь въ этомъ, какъ и во всемъ, однимъ только «вдохновеніемъ», онъ являлся иногда позднимъ вечеромъ, чуть не на зарѣ, въ особенности позволяя себѣ подобную вольность «бѣлыми ночами», въ которыя онъ, по его увѣренію, утрачивалъ и чувство времени, и сознание мѣста. Но когда къ этому «бессознательному состоянію» прибавлялись еще и винныя пары, то появленіе Мея не останавливалось уже ни передъ какими преградами, и ему достаточно было видѣть въ комнатѣ Леленьки огонь, чтобы явиться туда какимъ бы то ни было путемъ.

Однажды, когда я особенно долго засидѣлась у кузины, и тетка уже давно спала, мы, увлекшись разговоромъ, были внезапно поражены какимъ-то шумомъ въ сторонѣ отвореннаго окна, и громко вскрикнули, увидавъ въ окнѣ какую-то взъерошенную фигуру, хриплымъ шопотомъ возвѣстившую намъ:

— Не беспокойтесь, это я!

Леленька покатила отъ смѣха и послѣшила успокоить меня словами:

— Не бойся, это нашъ сосѣдъ Мей! Онъ иногда любитъ влѣзать въ окошко...

— Влѣзайте, Мей, влѣзайте!—обратилась она въ сторону окна.

Оригинальный гость не заставилъ себя просить, и однимъ прыжкомъ очутился въ комнатѣ.

Леленька насъ познакомила, онъ почему-то погрозилъ мнѣ и, почему-то заподозрѣвъ меня въ желаніи съ нимъ пококетничать, обратился ко мнѣ съ какою-то импровизаціей, изъ которой у меня въ памяти остались только два первые стиха:

Не гляди на меня такъ лукаво,
Не къ тебѣ я пришелъ черезъ окно...

Но этотъ укоръ въ мнимомъ «лукавствѣ» былъ совершенно напрасенъ. Я ни на минуту не думала «глядѣть лукаво», и на свой счетъ его появленія «черезъ окно» не приняла и не могла принять. Я просто видѣла, что человѣкъ сильно выпилъ, и, смертельно боясь

пьяныхъ, себя не помнила отъ испуга. На этотъ разъ онъ на меня за это сильно разсердился, довольно громко «шпеннулъ» Леленькѣ, что я красива, но глупа, и довольно дикимъ голосомъ запѣлъ «Санту Лючію», аккомпанируя себѣ вмѣсто гитары на зонтикѣ, который онъ тутъ же схватилъ со стола. Затѣмъ онъ предложилъ Леленькѣ протанцовать съ нимъ вмѣстѣ тарантеллу, и на отказъ ея отъ такого импровизованнаго балета, порѣшилъ протанцовать свою тарантеллу соло, но заппулся за коверъ, упалъ, вскочилъ, отряхнулся и, стремительно вскочивъ на окно, исчезъ изъ дачи тѣмъ же путемъ, какимъ онъ въ нее проникъ.

Впослѣдствіи я довольно часто съ нимъ встрѣчалась, сначала лѣтомъ на дачѣ у кузины, а зимой въ домѣ графини Любови Ивановны Куселевой-Безбородко, въ то время уже разведенной съ Голубцевымъ и обвинявшейся съ графомъ Григоріемъ Александровичемъ Куселевымъ-Безбородко, уплатившимъ Голубцеву пятьдесятъ или сто тысячъ за разводъ.

А. И. Соколова.

ИЗЪ ЖИЗНИ ¹⁾.

(Изъ записокъ судьи).

V.

Живая рука.

НЫНѢ все рѣже и рѣже приходится ѣздить «большаками». По всѣмъ почти главнымъ трактамъ, ведущимъ изъ Москвы вглубь Россіи, проложены желѣзныя дороги, и заморскій паровозъ, извергающій тучи дыма и копоти, замѣнили русскую тройку.

А не такъ еще давно, на памяти отцовъ нашихъ, да кое-кого, пожалуй, и изъ насъ самихъ, большія дороги оглашались веселыми переливами колокольчиковъ и ямщицкими пѣснями... И въ безконечную даль тянулись эти дороги, густо обсаженные съ незапамятныхъ временъ, чуть ли еще не при матушкѣ Екатеринѣ, березами—этимъ милымъ русскому сердцу и роднымъ ему деревомъ. И зеленою лентою, лаская взоръ и маня усталого путника въ тѣнь подъ прохладу своихъ вѣтвей, между зрѣющими нивами, взбираясь на горку и круто спускаясь въ ложбину къ текущей въ ней тихой рѣчкѣ, вилась дорога, сливаясь вдали съ синѣющимъ на горизонтѣ лѣсомъ, съ садами и гумнами придорожнаго села...

¹⁾ Первые четыре разсказа помѣщены въ CV и СІХ томахъ «Историческаго Вѣстника».

А какъ хорошо было тамъ на этой дорогѣ въ лѣтній яркій сіяющій полдень! Кругомъ все истомилось отъ зноя, и жаромъ пышетъ пересохшая земля! На небѣ ни облачка, кругомъ въ полѣ, залитомъ спѣющею рожью, ни кустика и ни звука нигдѣ, ни шороха: все притаилось и ищетъ тѣни. И только тамъ, на обочинѣ дороги, подъ старыми, развѣсистыми корявыми березами, гдѣ змѣится тропинка, прохладно, пахнетъ душистымъ парнымъ листомъ, и косматя старыя вершины оглашаются птичьими криками! Когда-то широкая, многоѣзжанная, изборожденная колеями столбовыя дороги запусѣли теперь, поросли травой, и только одна узкая, точно проселочная дорога пролегаетъ по нимъ, ютятся гдѣ-то сбоку и прижимаясь къ старымъ березамъ, точно конфузясь, что ужъ очень много Божьяго простора раньше когда-то брали ея предшественницы.

И никто-то эту дорогу нынче не править, никто за ней не доглядываетъ: исзѣчена она осенними долгими дождиками, возбуерачена вешними водами и изрыта тяжелыми неуклюжими мужицкими телѣгами, а прежде скакали по ней день и ночь почтовые тройки, неслись легкія помѣщичьи коляски, безъ труда везли четверики тяжелые дормезы, и похваливали дорогу проѣзжіе, ея ровность и накатъ, и гордились ею мѣстныя полицейскія власти.

Вотъ возлѣ одной изъ такихъ-то забытыхъ и запущенныхъ дорогъ, ведущихъ отъ большого, на весь міръ знаменитаго своею ярмаркою города къ посаду Новинскому ¹⁾ высится деревянный крестъ.

Придорожные кресты! Кто не видѣлъ и не помнитъ ихъ? Стелется дорога по ровному, скучному полю, и вдругъ неожиданно гдѣ-то сбоку, невдалекѣ отъ дороги, вырастетъ крестъ; простой, некрашенный, часто ветхій, покосившійся и полусгнившій! И жутко сожмется сердце путника, пугливо озирается онъ кругомъ, и мѣсто, гдѣ стоитъ крестъ, ничѣмъ не отличающееся отъ окружающихъ однообразныхъ полей и луговъ, становится вдругъ какимъ-то особеннымъ и полнымъ чего-то невѣдомаго, но страшнаго и таинственнаго. Нечего спрашивать, въ память чего водруженъ этотъ крестъ! Тутъ пролилась кровь человѣческая, и это она вопіетъ о себѣ, наполняя страхомъ и жутью душу проѣзжаго. Тутъ навѣрное когда-то былъ убитъ какой-нибудь незадачникъ, застигнутый покорыстовавшимся на его добро злодѣемъ, или, рѣже, здѣсь громъ небесный поразилъ грѣшника, и чья-то благочестивая рука отмѣтила мѣсто Божьяго гнѣва.

Но крестъ, который высится сбоку большой дороги недалеко отъ посада Новинскаго, поставлень, видимо, недавно, и бѣлая краска, въ которую онъ заботливо выкрашенъ, еще свѣжа и потемнѣть не успѣла, поэтому-то яркимъ пятномъ и сверкаетъ онъ на краю темнаго глубокаго оврага и издали еще виденъ проѣзжающимъ.

¹⁾ См. «Истор. Вѣстн.», т. СІХ, «Христіанская кровь».

Всѣ окрестные жители знаютъ этотъ крестъ и расскажутъ о преступленіи, выслушавъ повѣсть о которомъ невольно становится горько и стыдно, какъ будто бы чѣмъ-то и самъ виноватъ въ немъ, какъ будто бы и самъ явился его «попустителемъ», живя вдали отъ деревни, среди суеты и интересовъ большихъ городовъ.

Станетъ не только стыдно, но и страшно. Страшно за родину, когда узнаешь, что преступленіе это было совершено осенью 1904 года, а виновники его обнаружены, и то благодаря случайности, почти черезъ годъ, когда въ Россіи провозглашались «свободы», когда въ деревняхъ и селахъ происходили митинги и читались газеты, когда, наконецъ, готовились впервые выборы въ государственную думу, гдѣ крестьянство было призвано занять видное мѣсто!..

Только бурною жизнью того времени, когда одно событіе чрезвычайной важности смѣнялось другимъ съ головокружительною быстротою,—можно объяснить, почему преступленіе это прошло совершенно незамѣченнымъ ни печатью, ни обществомъ, преступленіе, передъ которымъ блѣднѣетъ и ступевывается знаменитое, возбуждившее вокругъ себя когда-то столько шума дѣло о мультанскомъ жертвоприношеніи. Ступевывается потому, что если показалась невѣроятною и чудовищною мысль о томъ, что тамъ, гдѣ-то въ глухихъ, прикамскихъ лѣсныхъ дебряхъ, дикіе, христіане только по имени, вотяки могли принести человѣческую жертву на порогѣ двадцатаго вѣка, то что же можно сказать о русскихъ, чисто русскихъ людяхъ, живущихъ въ густо населенной мѣстности съ частыми селами и деревенскими школами, въ близкомъ сосѣдствѣ отъ большого торговаго города, гдѣ издавна существуетъ духовное училище, въ мѣстности, гдѣ пролегаютъ желѣзныя дороги и гдѣ, наконецъ, по близости находится извѣстнѣйшій, богатый монастырь, куда ежегодно стекается несмѣтное множество богомольцевъ, чтобы поклониться недавно торжественно и благолѣпно открытымъ мощамъ святого и преподобнаго старца!

Верстахъ въ четырехъ отъ большой дороги и верстахъ въ 8—10 отъ посада Новинскаго, по склонамъ полевой рѣчки Студенца раскинулось с. Пашенное. Оно не велико, но вблизи него, въ двухъ верстахъ, стоитъ другое село, Быково: большое, съ базарами, казенною винною лавкою и двумя школами—земскою и церковно-приходскою. Обитатели Пашеннаго искони были хлѣбопашцами, да, кромѣ того, занимались еще и мочальнымъ промысломъ: щипали мочало, плели рогожи и свозили все это къ скупщикамъ-барышникамъ въ Новинскій. Жилось пашенцамъ хоть и не богато, но сытно, а кое у кого была припрятана и дѣдовская кубышка про черный день.

Одною изъ такихъ зажиточныхъ семей была семья крестьянина Ивана Лаптева. Лѣтъ десять прожилъ Лаптевъ съ женою бездѣтными, но все супруги надѣялись, ждали и просили у Бога себѣ утѣху-помощника, и Господь, видно, услышавъ ихъ молитву, послалъ имъ сыночка Костю. Костя выросъ здоровымъ, послушнымъ и веселымъ мальчикомъ. Ему только что исполнилось семь лѣтъ, а онъ уже бѣгалъ въ церковно-приходскую школу и научился такъ складно читать по печатному, что доводилось кое-когда и ему помогать степеннымъ домохозяйевамъ на «сборной», когда они сходились туда, чтобы послушать про войну изъ газеты «Свѣтъ», выписываемой тогда во время несчастной японской войны сельчанами на артельные деньги. Отецъ въ душѣ гордился Костей и если мало ласкалъ его, то только внѣшняя суровость, которою онъ отличался, мѣшала ему баловать ласками сына, но зато мать глазъ не сводила со своего моленого и выхоженного сыночка, и не было, кажется, такой просьбы, такого желанія Кости, которыя бы она не исполнила! Деревенскіе товарищи, Костины сверстники, также любили Костю за его рѣзвый нравъ, за его шалости и забавныя игры, въ которыхъ онъ былъ всегда первымъ затѣйникомъ и коноводомъ. Неудивительно поэтому, что и сегодня, несмотря на то, что на обѣдъ по случаю праздника—воскреснаго дня—мать сдѣлала горячій пирогъ и вкусный студень, Костя не утерпѣлъ досидѣть до конца обѣда, а заливавъ себѣ за обѣ щеки по куску студня, а за пазуху кусокъ пирога для пріятеля, выбѣжалъ изъ избы на улицу, гдѣ давно уже раздавались и манили къ себѣ голоса его товарищей. Отецъ хотѣлъ было покорить Костю за то, что тотъ вертляво сидѣлъ за столомъ и все ерзалъ на лавкѣ, поглядывая въ окна, но, замѣтивъ, что мать-баловница сама подвязала Костѣ на шею новый ситцевый платочекъ, который онъ только что привезъ ей въ подарокъ съ базара изъ Новинскаго, и заботливо запахнула на немъ шубенку,—махнулъ рукой и благодушно принялся за студень, довольный и женой, и сыномъ, и самимъ собой... Скоро дѣтскіе крики на улицѣ утихли. Выглянувъ въ окно, мать Кости увидѣла, что ребятишки вмѣстѣ съ ея сыномъ, изображая русскихъ и японцевъ, играютъ въ войну, и, побѣжавъ всѣ къ Студенцу, скрылись въ концѣ улицы, выходящей на дорогу въ Быково. Лаптевы отобѣдали, убрали посуду и успѣли малость соснуть. Начало уже вечерѣть, а Костя домой не возвращался. Мать почала тревожиться, но Иванъ Лаптевъ ее успокаивалъ; однако, когда совсѣмъ стемнѣло (дологъ ли октябрьскій день-то!), когда вздули огонь, а Кости все не было, встревожился и Иванъ и отправился на розыски сына. До поздняго вечера проходилъ онъ и чѣмъ больше искалъ, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе росла въ немъ тревога: къ кому изъ сосѣдей и знакомыхъ ни заходилъ онъ, сына не находилъ и нигдѣ ничего о немъ не узнавалъ. Разспрашивалъ онъ и товарищей Кости, съ которыми тотъ игралъ и убѣжалъ къ Студенцу,

по дѣти въ шумномъ весельѣ игры не замѣтили или не запомнили, когда и гдѣ исчезъ Костя, и только одинъ изъ шалуновъ разсказалъ, что видѣлъ онъ, какъ незадолго до сумерекъ изъ Пашеннаго въ Быково поѣхалъ на телѣгѣ дядя Петръ—родной братъ матери Кости, молодой парень, только что бывшій на призывѣ, извѣстный деревенскій гуляка, и Костя, завидѣвъ дядю, убѣждалъ къ нему и назадъ не возвращался. Иванъ Лаптевъ зналъ, что если его шуринъ поѣхалъ въ Быково, то надо искать его тамъ у Антона Шубина—подозрительнаго мужика, промотавшаго почти все свое добро, картежника и слывшаго за вора. Дружба Петра съ Шубинымъ, начавшаяся съ годъ тому назадъ и усилившаяся за послѣднее время, послѣ того, какъ Петръ, лишившись отца, сталъ самъ домохозяиномъ, была не по душѣ ни Ивану Лаптеву, ни его женѣ.

Вспомнилъ Иванъ, что у Шубина есть маленькій сынъ, сверстникъ Кости, и рѣшилъ, что навѣрное Петръ завезъ своего племянника къ Шубину, надѣясь скоро вернуться домой, да загулялъ тамъ праздничнымъ дѣломъ и запоздалъ. Долго не ложились спать Лаптевы и поджидали сына, а къ полночи пошелъ снѣгъ и разыгралась такая вьюга, что и думать нельзя стало, чтобы Петръ рѣшился въ такую погоду ѣхать изъ Быкова, да еще везти съ собой маленькаго племянника. Помолились Лаптевы Богу, затушили огонь и легли спать. Только какъ-то имъ спалось въ эту ночь? Мать Кости потомъ говорила: «Всю-то ноченьку я глазъ не сомкнула, сердце болѣло такъ, что и высказать нельзя! Мочи моей не было! Все-то онъ, мой роженный, передо мной, какъ есть живой, стоялъ. Какъ-то, думаю, тебѣ спится у чужихъ людей, кто-то накормилъ, кто уложилъ тебя, кто платочекъ, мужнѣй новый подарочекъ мнѣ, развязалъ тебѣ! И не сплю я, и плачу, плачу, и слышу, что и мужъ-то Иванъ не спитъ, да только виду не кажетъ!» Съ первымъ проблескомъ зари, поднялся Иванъ, запрягъ лошадь и, узнавъ отъ домашнихъ Петра, что Петръ домой еще не возвращался, поѣхалъ прямо къ Шубину въ Быково. «Приѣхалъ я туда,—разсказывалъ онъ впоследствии,—и прямо къ воротамъ. Стучусь. Слышу, въ домѣ гуторятъ и голосовъ много, а въ щели ставней огонь виденъ. Припалъ, этто, я къ ставнямъ-то, ну, а разглядѣть ничего не могу; потому изнутри занавѣшано! Со двора къ воротамъ подошла, по голосу слышно, баба и спрашиваетъ: кто тутъ? Я говорю: Иванъ Лаптевъ. А что, молъ, Петра изъ Пашеннаго не у васъ со своимъ племянникомъ, нашимъ мальцомъ, дескать! Ка-а-акъ, слышу, баба отъ воротъ кинется, а я ничего въ толкъ не возьму! Погода немного поднялся, этто, въ избѣ шумъ какой-то, гомонъ, чую, кто-то ругаться зачалъ, а баба заголосила. Что, думаю, за притча! Аль Костенька-то нашъ захворалъ чѣмъ, али часомъ ушибли его тамъ пьяные? Только этто подумалъ я, а ужъ изъ избы идутъ, открываютъ ворота и выходятъ Антонъ, Петра нашъ да ихній пріятель Ванька Поповъ, тоже дрянъ

мужиченка, воръ и буянъ—одна шайка съ Антономъ, и всё пьяные, распьяные. Вышли и спрашиваютъ: почто прѣхаль и зачѣмъ мнѣ Петръ зандобился? Говорю, такъ, моль, и такъ, не привозиль ли Петра нашего Костьку? И только это слово я выговорилъ, какъ Ванька Поповъ на меня чуть не въ драку! И ты такой-сякой, и жена твоя такая же, и почто нуженъ намъ твой щенокъ, да какъ ты смѣешь, да что мы шѣстуны, что ли, у твоего парша-то, и пошелъ, и пошелъ, а Шубинъ-то его удерживаетъ и отъ воротъ все во дворъ тянеть, знамо, пьяный, ну, а Петръ отвѣчаетъ: нѣтъ, гритъ, у насъ здѣсь Костеньки-то, ей-Богу, нѣтъ! И не видаль я его. Какъ, ска- зываю, не видѣлъ? Да вѣдь когда изъ Пашеннаго-то ты вчерась къ Студенцу подѣзжалъ, такъ Костя-то къ тебѣ подбѣгалъ, али нѣтъ? Подбѣгалъ, сказываетъ, да тамъ за мостомъ у Студенца и остался. А самъ вдругъ какъ побѣлѣетъ весь, ка-а-а-къ затрясется, а мнѣ и не вдомекъ тогда-то, что бы это такое... Испугался, думаю, дядя-то за племянника, долго ли у рѣчки-то до грѣха! И слышу, какъ разъ это Шубинъ оттолкнулъ отъ себя во дворъ Ваньку-то, да и говорить: мотри, вашъ мальчонка-то не потонулъ ли? Нынче въ Студенцѣ-то глыбко, воды много, время, извѣстно, осеннее... Какъ это онъ ска- залъ, такъ меня точно кто обухомъ по головѣ оглушилъ! Свѣта не взвидѣлъ я и ничего дальше и спрашивать не сталъ, а вскочилъ въ сани,—за ночь снѣгу бугры намело,—да и айда домой».

Цѣлый день чуть ли не всѣмъ селомъ искали Костю въ холод- ныхъ, свинцовыхъ водахъ Студенца, края котораго успѣли уже подернуться тоненькимъ слоемъ льда; обшарили всѣ ямы, всѣ омуты, но Кости нигдѣ не нашли. Горе Лаптевыхъ было ужасно, хотя у матери и теплилась въ душѣ смутная надежда, что сынокъ ея живъ и отыщется! Заявили объ исчезновеніи Кости полиціи, и два дня потомъ множество крестьянъ, согнанныхъ изъ обоихъ селъ Пашеннаго и Быкова, бродили по окрестнымъ полямъ, отыскивая Костю. Ходили искать и Шубинъ съ Поповымъ, только Костинъ дядя Петръ, какъ вспоминали потомъ, не ходилъ на поиски Кости, а лежалъ дома, жалуясь на боль съ перепоя. На четвертый день, когда всѣ розыски были уже прекращены, одинъ только Иванъ Лаптевъ съ ранняго утра отправился въ поле. Занятый неотступной мыслью о томъ, какъ Костя выбѣжалъ изъ Пашеннаго къ Студенцу по дорогѣ въ Быково, Иванъ невольно пошелъ по этой дорогѣ и, погруженный въ свои тяжелыя думы, не замѣтилъ, какъ прошелъ до села Быкова и очутился почему-то возлѣ дома Шубина. Только тутъ очнулся Иванъ и самъ удивился, какъ и зачѣмъ онъ попалъ сюда. «И такъ-то у меня сердце защемило, что ажно дышать не могу! И скажи ты на милость,—разсказывалъ потомъ Иванъ,—почудилось это мнѣ, что будто изъ окошка Антошкиной избы Костенька нашъ глядитъ и какъ есть живой! Подошелъ я къ окошку, глядь, нѣтъ никого, а Антошка-то, видно, ужъ завидѣлъ меня, выходитъ изъ

двора, да и сказываетъ: Что, другъ? Почто маешься, Костьку-то своего въ Быковѣ ищешь? Зачѣмъ ему быть здѣсь? Не иначе, какъ онъ гдѣ въ Студенцѣ: уташило, мотри, его къ мельницѣ, да и подтянуло. Вотъ по веснѣ будутъ спускать воду, тогда, грить, онъ безпремѣнно объявится. Говорить это такъ Антошка и глядитъ на меня, а мнѣ ужъ нѣту вѣры его словамъ, и чудится мнѣ, что ворогъ онъ мнѣ, лютый ворогъ, и что-то на душѣ таить про меня! И такъ мнѣ стало противно около его дома, такъ нудно, что пошелъ я скорѣе прочь. А домъ-то Шубинскій на другомъ концѣ Быкова, вотъ я и пошелъ отъ него прямо все въ поле. Селомъ-то, думаю, зачѣмъ ворочаться, дай, молъ, еще полями пройду! Гляжу: позадь гумень Антошкиныхъ дорога на поле вышла. Я по ней. Шель, шель, версты три, али четыре прошелъ, и вывела меня эта дорога на большакъ. Вижу, саженьхъ въ полсотни, а то и больше, то тое сторону большака оврагъ. Дай, думаю, обойду оврагъ-то! И только я, братецъ ты мой,—обращался онъ къ слушателю,—пошелъ вдоль оврага, глядь, а внизу у самага, то есть, края—черненькій комочекъ: Костенька! И сейчасъ у меня душа вонь...»

И дѣйствительно: то, что случилось увидѣть несчастному отцу, настолько ужасно, что превосходить всякое описаніе. Вотъ судебный протоколъ осмотра мѣстности и трупа. «На востокъ отъ стараго почтоваго тракта, ведущаго въ посадъ Новинскій, въ пятидесяти саженьяхъ отъ него начинается оврагъ, имѣющій крутые и обрывистые берега. Ширина его почти на всемъ протяженіи равняется семи-деяти саженьямъ, и тянется оврагъ этотъ на разстояніи восьмидесяти сажень, причемъ, удаляясь отъ большой дороги, гдѣ онъ глубже всего и достигаетъ трехъ съ половиною сажень глубины, становится постепенно все мельче и мельче и въ противоположномъ концѣ его глубина не превышаетъ двухъ, двухъ съ половиною аршинъ. Фигурою своею оврагъ напоминаетъ арабскую цифру 3. Въ началѣ оврага, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, слегка закругляясь, образуетъ выступъ, на днѣ его у самой подошвы лежитъ трупъ мальчика Константина Лаптева. На трупѣ вся одежда, въ которой мальчикъ вышелъ при жизни изъ дому, цѣла за исключеніемъ шапки, старой и изорванной, по словамъ родителей покойнаго, и новаго шейнаго платка, подвязаннаго ему крѣпко узломъ матерью. По словамъ матери умершаго, платокъ былъ ситцевый, годный, чтобы обвязать имъ голову, ни разу не надѣванный, красный съ бѣлыми горошинами; купленъ онъ былъ за сорокъ пять копеекъ. По одеждѣ, которая собралась кверху, обнаруживъ ноги, обутыя въ черныя валенки и одѣтыя въ темно-сѣрые грязные порты, и закрыла голову, замѣтно, что трупъ былъ сброшенъ сверху за ноги и катился по крутому откосу оврага нѣкоторое разстояніе. Отогнувъ полы одежды и открывъ голову мальчика, присутствующіе—слѣдователь и понятые—увидѣли совершенно безкровное, поснѣвшее

лицо Кости Лаптева съ широко раскрытыми и застывшими съ выраженіемъ ужаса въ нихъ глазами, съ открытымъ ртомъ съ оскаленными бѣлыми зубами и обильно выпачканнымъ кровью подбородкомъ. На шеѣ у него зіяла громадная рана, шедшая отъ лѣваго его уха внизъ поперекъ всего горла, причемъ хрящи и сосуды горла оказались перерѣзанными настолько, что потребовалась, повидимому, значительная сила и острое орудіе вродѣ бритвы или хорошо отточенного ножа для того, чтобы нанести такую рану. Казалось, что злодѣй, обхвативъ сзади лѣвой рукой головку малютки, запрокинулъ ее и другою рукою «полоснулъ» его со всею силою по шеѣ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ трупа было найдено, что рукава пубы и рубашки на правой рукѣ мальчика Лаптева были стянуты кверху и правая рука до локтя оказалась отрѣзанною, притомъ, по мнѣнію доктора, настолько искусно, что здѣсь выполнѣть умѣстно бы было примѣнить медицинскій терминъ «отсепарирована». По осмотрѣ мѣста какъ надъ трупомъ, такъ и кругомъ его отсепарированной руки нигдѣ не оказалось, нельзя было также усмотрѣть и какихъ-либо слѣдовъ около трупа, въ оврагѣ и возлѣ него, такъ какъ выпавшій передъ тѣмъ и затѣмъ растаявшій снѣгъ настолько взрыхлил и взгрязнилъ почву, что всѣ слѣды, если бы таковые и были, должны бы были исчезнуть. Кровотеченіе изъ ранъ, особенно изъ горла, было, очевидно, огромно и ни снѣгъ, ни дождь не смогли смыть и уничтожить обширныхъ кровавыхъ пятенъ, обильно напитавшихъ землю подъ трупомъ и возлѣ него.

Преступленіе поражало своимъ злодѣйствомъ и казалось необъяснимымъ! Невольно рождалась мысль о томъ, что мальчика зарѣзалъ какой-нибудь сумасшедшій. Однако, куда же дѣвалась рука; куда исчезъ платокъ и кому онъ понадобился? Вѣдь если старая, дырявая шапка могла свалиться съ головы и потеряться, то платокъ-то вѣдь былъ завязанъ крѣпко! Если бы кто-нибудь, какой-нибудь никому невѣдомый бродяга и польстился бы на новенькій ситцевый платочекъ, стоящій 45 копеекъ, то зачѣмъ же было ему убивать мальчика, зачѣмъ понадобилось отрѣзать и уносить съ собою руку? А что рука была унесена—въ этомъ не оставалось сомнѣній. Сколько ни искали руку по полямъ и врагамъ, сколько ни высматривали слѣдовъ какого-нибудь звѣря, который бы могъ унести и съѣсть ее,—нигдѣ ничего не находили. Ни руки, ни костей отъ нея не было и помину, а, кромѣ полевыхъ мышей да кротовъ, присутствія другихъ хищниковъ не было и слѣдовъ!

И вотъ, когда далеко разнеслась молва объ убійствѣ, когда тѣло маленькаго мученика еще лежало въ родной избѣ, дожидаясь погребенія, когда и полиція и судебныя власти теряли голову въ догадкахъ, стараясь разъяснить цѣль преступленія и обнаружить преступника, глухою волною прокатился говоръ о томъ, что Костя Лаптевъ убитъ для того, чтобы у живого у него похитить его руку—

руку невиннаго младенца, которая понадобилась будто бы ворами какъ надежный талисманъ для успѣшнаго и безнаказаннаго совершенія кражъ. Людской говоръ тогда же указалъ и на воровъ этихъ— Антона Шубина и Ивана Попова. У Шубина и Попова, а также и у Петра, Костиного дяди, былъ произведенъ обыскъ и было найдено: у Шубина—старое рядно со свѣже-замытыми слѣдами чего-то краснаго, похожаго на кровь, а у Попова—тулупъ, на правомъ рукавѣ котораго и полѣ внизу виднѣлись темныя, будто бы кровяныя пятна. Разумѣется, никто изъ заподозрѣнныхъ ни въ чемъ себя виновнымъ не призналъ и всѣ они согласно другъ съ другомъ и домашними Шубина объяснили, что всю ночь ту, когда Костя исчезъ и дома не ночевалъ, они провели всѣ вмѣстѣ въ домѣ у Шубина, пили тамъ водку и до утра играли въ карты, а рано утромъ всѣхъ ихъ, не ложившихся спать еще и пьяныхъ, засталъ Иванъ Лаптевъ.

Относительно пятеиъ, найденныхъ на ряднѣ, Шубинъ разсказалъ, что какъ-то лѣтомъ дорогою, когда онъ ѣхалъ съ базара, у него пошла кровь носомъ и испачкала лежавшее тогда въ телѣгѣ рядно, а въ отобранномъ полушубкѣ у Попова онъ, по его словамъ, рѣзалъ незадолго до Покрова барана и, можетъ быть, тогда кровь какъ-нибудь и попала на полушубокъ.

Рядно и полушубокъ слѣдователь отобралъ и отослалъ въ ближайшій университетъ для изслѣдованія бывшихъ на нихъ подозрительныхъ пятеиъ.

Тѣмъ временемъ мѣстному полицейскому уряднику довелось дознать по слухамъ, что будто бы одной изъ быковскихъ обывательницъ ея сынъ, учившійся въ тамошней земской школѣ, разсказывалъ, что ему въ школѣ, какъ великую тайну, сообщилъ задушевный товарищъ его, сынишка Антона Шубина, что убитый «Костыка изъ Пашеннаго» былъ у нихъ въ домѣ съ вечера, игралъ съ нимъ и когда онъ легъ спать, то Костя еще оставался съ дядею въ избѣ. Проснувшись утромъ на слѣдующій день, ни Кости, ни Петра въ избѣ онъ уже не видѣлъ, и мать строго-настрого запретила ему кому-нибудь объ этомъ говорить. Тотчасъ же обывательница эта и сынъ ея были разысканы и допрошены слѣдователемъ, но какъ они оба, такъ и сынъ Шубина отозвались полнымъ невѣдѣнiемъ во всемъ. Однако слухъ о разговорѣ сына Шубина съ мальчикомъ о посѣщенiи Костей Шубинскаго дома не прекращался и становился все упорнѣе и упорнѣе, но никакіе разспросы и допросы обоихъ мальчиковъ ни очныя ставки, которыя давались имъ съ урядникомъ и другими свидѣтелями, не привели ни къ чему. Тѣмъ не менѣе общее убѣжденіе въ виновности Шубина и Попова и причастности къ преступленію Петра было настолько велико, что судебный слѣдователь привлекъ всѣхъ троихъ ихъ въ качествѣ обвиняемыхъ и посадилъ подъ стражу, надѣясь, что съ удаленіемъ ихъ изъ села развяжутся языки у свидѣтелей и они заговорятъ свободнѣе и точнѣе. Надежда эта, однако,

не оправдалась: новыхъ уликъ противъ заподозрѣнныхъ не только не прибавилось, но начали уже поговаривать въ Быковѣ и Пашенномъ о томъ, что это «не воры, а жиды зарѣзали мальчика», и убійство Кости Лаптева стали связывать съ неудачными, случившимися за годъ передъ тѣмъ и тоже осенью поисками проживающими въ Новинскомъ посадѣ евреями Воробейчиками крещенаго ребенка ¹⁾).

Дѣло въ виду его серьезности и загадочности было передано судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ. Предположеніе о томъ, что цѣлью убійства было желаніе у воровъ имѣть руку живого младенца, показалось слѣдователю настолько невѣроятнымъ по своему крайнему суевѣрію, совершенно необъяснимому въ средѣ довольно зажиточнаго, въ массѣ грамотнаго и развитаго населенія, что первую задачею своею онъ поставилъ выяснить: да точно ли существуетъ такое повѣрье и насколько сильно оно? Стараясь разрѣшить это, слѣдователь спросилъ множество народа въ обоихъ селахъ Пашенномъ и Быковѣ, главнымъ образомъ стариковъ и старухъ, но за исключеніемъ одного-двухъ рѣшительно все показали, что никто изъ нихъ ничего не слыхалъ ранѣе—до убійства Лаптевскаго мальчика—о томъ, чтобы человѣческая рука зачѣмъ-нибудь была надобна ворами при кражахъ. Были нѣкоторые, которые рассказывали, что слыхали отъ дѣдовъ, что помогаетъ ворами свѣча, сдѣланная изъ человѣческаго сала, снятаго съ покойника, которую если зажечь на кражѣ, то никто ни ея, ни того, кто держитъ ее, не увидитъ. Хороша бываетъ для воровъ также и «разрывъ-трава» (которую, впрочемъ, никто изъ рассказчиковъ никогда не видывалъ), потому что если травою этою прикоснуться къ какому угодно замку и запору, то всякій, какъ бы онъ ни былъ хитро устроенъ, отворится; полезно наконецъ, для воровъ, а особенно для конюкрадовъ, «заворовывать подь Благовѣщеніе», т. е. совершить удачную хоть какую-нибудь кражу въ ночь наканунѣ праздника Благовѣщенія, такъ какъ тогда-де цѣлый годъ удачно можно будетъ совершать кражи и не попадаться, но того, чтобы воры имѣли при себѣ человѣческую руку, да еще отрѣзанную у живого ребенка,—никто не слыхалъ. И только двое древнихъ стариковъ показали, что давно когда-то отъ мордвы, жившей поблизости тѣхъ мѣстъ, слышали они что-то о рукѣ человѣческой, съ которою «способно воровать».

Показанія этихъ стариковъ были такъ неясны, общи и уклончивы, что ничего путнаго выяснить не удалось. Зато мѣстный священникъ с. Быкова, молодой еще человѣкъ, родившійся въ тѣхъ мѣстахъ и уже лѣтъ около восьми священствующій въ Быковѣ, охотно рассказалъ слѣдователю, что ему положительно и достоверно извѣстно, что среди какъ его паствы, такъ и въ населеніи сосѣднихъ

¹⁾ См. «Христіанскую кровь» «Истор. Вѣстн.», т. СІХ.

приходоу живеть повѣрье о томъ, что если у младенца при жизни отнять руку и ночью затѣмъ передъ кражею обвести ея вокругъ дома, откуда хотять украсть, то всѣ люди и животныя погрузятся тамъ въ такой глубокой сонъ, что воръ неслышно и невозбранно войдетъ и возьметъ все, что ни пожелаетъ. Нужно одно только: чтобы ребенокъ былъ здоровый, живой и непорочный, чтобы потомъ онъ былъ непременно убитъ, и кровь его была бы кровью невиннаго, христіанскаго мученика. Священникъ не могъ указать, гдѣ и отъ кого онъ слышалъ о такомъ повѣрьѣ, но настаивалъ на томъ, что оно общеизвѣстно и лишь нежеланіемъ сообщать о немъ властямъ можно объяснить данныя быковцами и пашенцами показанія по этому поводу слѣдователю.

Вернулись изъ университета посланные туда для экспертизы и рядомъ съ полушубкомъ при сообщеніи, что въ пятнахъ на рядиѣ, сильно загрязненномъ, не удалось установить съ положительностью присутствія крови, на полушубкѣ же Попова имѣются слѣды крови млекопитающаго, но кровь ли это человѣка, или животнаго, рѣшить не представилось возможнымъ. При такихъ данныхъ, въ виду совершенной недостаточности уликъ противъ заподозрѣнныхъ, слѣдователь выпустилъ изъ тюрьмы Костинаго дядю Петра, оставивъ подъ стражей Шубина и Попова, обвинявшихся еще по другимъ дѣламъ въ кражахъ, и собирался было уже отослать самое дѣло объ убійствѣ Кости Лаптева прокурору, а тотъ предполагалъ, въ свою очередь, внести его въ судъ съ заключеніемъ о прекращеніи слѣдствія за необнаруженіемъ виновныхъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно дѣло разъяснилось, и злодѣи не избѣгли заслуженнаго суда и наказанія.

Прошелъ уже почти годъ со времени смерти Кости Лаптева, и мало-по-малу пашенцы и быковцы позабыли о ней, охваченные совершенно новыми, незнаемыми дотолѣ событіями: разными забастовками, а особенно забастовкой желѣзныхъ дорогъ, буйнымъ возвращеніемъ солдатъ, отпущеннымъ съ войны послѣ только что заключеннаго мира, общою растерянностью властей и тревожными вѣстями, идущими изъ недалекой и знакомой многимъ Москвы и чуждаго, невѣдомаго Петербурга.

Какъ-то въ сумерки пять молодыхъ дѣвиць-подружекъ въ с. Быковѣ собрались на улицѣ посидѣть и забавиться деревенскимъ лакомствомъ—подсолнечными сѣмечками. Собрались, какъ и всегда, возлѣ избы Прошки Тятина, у котораго обычно сходилась деревенская молодежь на посидѣлки. Тятиня никто за настоящаго, заправскаго мужика не считалъ, и звали его всѣ презрительно «Прошкой». Крестьянской работой Прошка не занимался, ремесла никакого не зналъ, трудящимся его не видѣли, а между тѣмъ у Прошки откуда-то всегда водились деньжонки, жилъ онъ весело, пьятиствовалъ много и, не уступая никому изъ деревенскихъ парней-щеголей, лихо игралъ

и на гармоніи, и на балалайкѣ. Правда, въ домѣ у Прошки было не хозяйственно и пусто, зато тамъ можно было устроить какое угодно сборище, назначить свиданье съ красоткой, раздобыть и сладенькой водочки... Въ ночь, въ полночь когда угодно приходи къ Прошкѣ— и всегда милости просимъ; только приходи для бездѣля или худыхъ дѣлъ! Замѣчали, что Прошка въ большой дружбѣ со всеми окрестными ворами и конокрадами, случалось во дворѣ его заставать неизвѣстно кому принадлежащихъ коней, угнанныхъ, должно быть, издалека, находили у него при обыскахъ и краденныя вещи, да все какъ-то сходило ему съ рукъ, и онъ выходилъ сухимъ изъ воды. Когда были посажены въ тюрьму пріятели его Шубинъ и Поповъ, то въ Быковѣ ни для кого не показалось удивительнымъ, что Прошка взялъ чуть ли не на все свое пропитаніе жену Шубина съ мальчикомъ да сожительницу Попова.

Подойдя съ шутками и смѣхомъ къ Прошкиному двору, дѣвѣнцы захотѣли сѣсть на лавочку, стоявшую на улицѣ у воротъ. Лавочка сверху была слегка загорошена снѣгомъ, и одна изъ дѣвѣнцъ, желая его смести, подбѣжала къ крытому соломой сараю и выдернула изъ стрѣхи клокъ соломы. Изъ крыши вслѣдъ за соломой вывалился и упалъ на землю какой-то узелокъ.

— Чуръ, мой! Чуръ, мой! — закричали дѣвушки и кинулись, толкая и опережая другъ дружку, къ находкѣ. Первая изъ поднявшихъ узелокъ развернула его, взглянула и, тотчасъ же вырвавъ изъ рукъ, съ крикомъ бросилась прочь. За нею послѣдовали и ея подруги, когда разглядѣли находку. На крики и шумъ, поднятые дѣвушками, послѣшно вышла Прошка и съ ругательствами поднять узелокъ, но было уже поздно: тайна сдѣлалась слишкомъ явной и была открыта.

То, что увидѣли дѣвушки, было грязный, покрытый какими-то темными пятнами, ситцевый, красный съ бѣлыми горошинами платокъ, а въ немъ — маленькая голенькая дѣтская ручка, отрѣзанная по локоть. Ручка была обезкровлена, иссиня-багроваго цвѣта и совершенно высохшая («мумифицировалась» — по выраженію судебного врача); пальчики съ грязными ноготками, беспомощно сжатые въ кулачекъ, такъ и застыли...

Говорить ли о томъ, что найденная рука эта была несчастнаго, замученнаго Кости Лаптева?

Это съ несомнѣнностью установили на слѣдствіи и мать убитаго, опознавшая руку родного ея дитяти и платокъ, мужнишь подарочекъ, которымъ она повязала шею Кости, пропавшій затѣмъ и найденный съ рукою, и судебно-медицинскій осмотръ, и сличеніе найденной руки съ трупомъ убитаго мальчика.

Когда вѣсть о страшной находкѣ разнеслась по селу и рука Кости была у Прошки отобрана, а самъ Прошка арестованъ, то къ

слѣдователю явился Костинъ дядя Петръ, повалился въ ноги и повинился во всемъ.

Онъ разсказаль, что, отправляясь навеселѣ изъ Пашеннаго въ гости къ Шубину и встрѣтивъ при выѣздѣ изъ села своего племянника, попросившаго его покатать, онъ посадилъ мальчика въ телѣгу и какъ-то назамѣтно для себя довезъ его до Быкова, а тамъ привезъ къ Шубину, надѣясь вечеромъ вернуться домой. У Шубина онъ засталъ Ваньку Попова. Они дѣлили между собой какія-то деньги, на которыя затѣмъ накупили множество водки и пива и затѣяли попойку. За угощеніемъ и занятыми разговорами, Петръ не замѣтилъ, какъ наступила ночь, и рѣшилъ остаться съ племянникомъ до утра. Ночью пьянство продолжалось. Шубинъ съ Поповымъ, которые и раньше неоднократно говаривали, что хорошо бы достать «живую руку», такъ какъ съ нею, дескать, сколько хочешь воруи и ни за что не попадешься, начали прежде намеками и несмѣло, а затѣмъ все яснѣе предлагать отрѣзать руку у заснуваго случайно и невѣдомо ни для кого попавшаго къ нимъ Кости, потому что Костя ужъ больно для такого дѣла подходящъ: непорочный младенецъ онъ, легко будетъ сладить съ нимъ и изъ другого села, а въ Быковѣ его никто никогда и не видѣлъ. Говорили такъ Шубинъ съ Поповымъ, соблазняли пьянаго Петра и распаляли его жадность, рисуя передъ нимъ золотыя горы легко и безнаказанно наворованныхъ богатствъ...

Не помнитъ Петръ совсѣмъ какъ ночью очутился онъ въ саняхъ вмѣстѣ съ Шубинимъ, Поповымъ и Костей гдѣ-то въ полѣ, какъ заметало ихъ снѣгомъ и обдувало вѣтромъ, какъ дорогою нѣсколько разъ останавливались и пили водку изъ бутылки прямо изъ горлышка, какъ Костя принимался плакать, а онъ съ Ванькой успокаивали его, говорили, что скоро приѣдутъ домой и что Пашенное вотъ-вотъ близко, чему и самъ онъ, Петръ, вѣрилъ. Долго ли ѣхали такъ—Петръ отдать себѣ отчета не можетъ, только смутно вспоминаетъ теперь, какъ вдругъ почему-то выѣхали они на большую дорогу, проѣхали по ней и, зацѣпившись за одну изъ придорожныхъ березъ, причемъ чуть было сани не опрокинулись и не придавили ихъ всѣхъ, повернули куда-то въ сторону, смутно припоминаетъ онъ также край оврага, возлѣ котораго остановились сани и вылѣзшихъ изъ нихъ Шубина и Поповъ съ плачущимъ Костей на рукахъ. И не то видѣлъ онъ, не то стало мерещиться ему уже потомъ—и цѣлый годъ, каждый день, каждую ночь мерещится,—какъ Костю обхватилъ сзади крѣпко руками Поповъ, и Шубинъ, взявъ его за руку, обнажилъ ее до локтя, вытянулъ изъ рукава и чѣмъ-то блестящимъ коснулся до нея; послышался ему страшный, недѣтскій, нечеловѣчскій крикъ,—неотступно въ ухахъ его раздается крикъ этотъ и гнететь его, гнететь невыразимо,—и уже не мерещится, а въявь видѣлъ онъ и помнитъ, приведенный въ сознаніе этимъ

крикомъ, какъ Поповъ одною рукою запрокинулъ Костину русую обнаженную головенку, а другою однимъ махомъ ударилъ бритвою Костю по шеѣ! Не своимъ голосомъ вскрикнулъ Петръ, разомъ отрезвившись и понявъ весь ужасъ совершившагося передъ нимъ, но Поповъ, столкнувъ Костю въ оврагъ, тотчасъ подбѣжалъ къ нему съ окровавленной бритвою и хотѣлъ ударить ею и его, но онъ извернулся, и бритва, скользя по шубѣ, только разрѣзала ее на плечѣ. Къ Попову на помощь подбѣжалъ Шубинъ, и оба они, схвативъ Петра, повалили его и всѣ втроемъ скатились въ яму, откуда брали когда-то глину. «Чую смерть мнѣ, показывалъ на судъ Петръ, и прошу не губить».

— «А ты, говорятъ, расскажешь кому?»

— «Никому, говорю, да что вы? Вѣдь Костю-то я вамъ представилъ, съ вами же его и сюда привезъ, такъ выходить, что и я такой же убивецъ».

— «Отпустили тутъ они меня и стращать зачали:—мотри, говорятъ, засыпешь ¹⁾ насъ и самъ пропадешь. Понялъ?» Какъ, говорю, не понять, чай, тоже объ одной головѣ. Взяли онъ съ меня клятву страшную и заставили разгрести снѣгъ, достать земли, ѣсть ее и на голову сыпать ²⁾...

Вернувшись подь утро обратно къ Шубину, принялись было, по словамъ Петра, снова за попойку, какъ вдругъ у воротъ поступчался Иванъ Лаптевъ. Этого никто не ожидалъ, и прїѣздъ Ивана чуть было тогда же не обнаружилъ преступленія и преступниковъ. Ни Шубинъ, ни Поповъ никакъ не предполагали, чтобы присутствіе Кости въ домъ Шубина было замѣчено и могло бы дойти до свѣдѣнія родителей Кости. Только тогда, когда Иванъ сказалъ, что Костю видѣли съ Петромъ у Студенца, а Шубинъ нашелся во время и, угадавъ какъ будто тревожащую мысль отца, высказалъ предположеніе, что Костя могъ утонуть въ Студенцѣ, да скорый вслѣдъ затѣмъ отъѣздъ Ивана,—спасли злодѣевъ. По отъѣздѣ Ивана рѣшено было спрятать скорѣе Костину руку, а для этого отдать ее Прощкѣ, къ которому Поповъ тогда же немедленно отвесъ ее, завернутую въ платокъ, который онъ во время убійства успѣлъ сорвать съ шеи ребенка.

Прощка сначала не желалъ говорить слѣдователю, откуда у него очутилась рука мальчика, но скоро сознался и подтвердилъ показаніе Петра. вмѣстѣ съ тѣмъ Прощка сознался и въ многочисленныхъ кражахъ, которыя онъ одинъ и въ сообществѣ съ другими безнаказанно и не пойманный ни разу совершалъ въ теченіе почти

¹⁾ «Засыпать»—на языкѣ воровъ и арестантовъ—выдать, попасться.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи существуетъ въ народѣ убѣжденіе, что клятва становится дѣйствительною и нерушимою тогда, когда тотъ, кто даетъ ее, поклявшись именемъ Господа Бога, глотаетъ щепотку земли и посыпаетъ землею себѣ голову.

цѣлаго года, имѣя всегда при себѣ Костину руку и обводя ею мѣсто кражи. И объясненія Прошки подтвердились: какъ въ Быковѣ, такъ и въ окрестныхъ деревняхъ замѣтно участились за истекшій годъ кражи, и виновники ихъ остались не обнаруженными ни потерпѣвшими, ни полиціей, занятой въ то время борьбою съ охватившимъ всю Россію волненіемъ. Прошка рассказалъ также о томъ, что рука Кости обычно хранилась у него на гумнѣ, въ ометѣ соломы, что о нахожденіи ея тамъ знали и вѣрили въ чудодѣйственную силу ея чуть ли не подседа Быкова; что среди знавшихъ были и многіе изъ тѣхъ, которыхъ слѣдователь спрашивалъ въ качествѣ свидѣтелей о существованіи повѣрья о «живой рукѣ», а они отозвались ему полнымъ невѣдѣніемъ, и что, наконецъ, убѣжденность въ безнаказанности кражъ, совершенныхъ съ Костиной рукой, стала такъ сильна, что ворами сдѣлались нѣкоторые изъ быковскихъ дотолѣ честныхъ и рабочихъ парней. Прошка говаривалъ также, что многіе изъ такихъ воровъ, зная, гдѣ хранится рука, и отправляясь на кражи, брали сами ее, а затѣмъ клали на мѣсто. Дѣйствительно, при осмотрѣ потомъ указаннаго Прошкой омета, частью уже разобранныго, было найдено больше двадцати совершенно одинаковыхъ отверстій-гнѣздъ, гдѣ, повидимому, ранѣ лежала Костина рука.

Шубинъ и Поповъ, несмотря на очевидную доказанность ихъ виновности, ни въ чемъ не сознались. Судъ надъ всѣми героями этой кошмарной драмы состоялся въ концѣ мая 1906 года, когда вся Россія съ жадностью слѣдила за рѣчами, раздававшимися тогда въ первой государственной думѣ. Судилъ преступниковъ окружный судъ съ присяжными засѣдателями, выѣзжавшій въ Новинскій посадъ, и всѣхъ сослалъ въ каторжныя работы.

Если теперь случится вамъ ѣхать по большой, давно ужъ запущенной, обсаженной старыми, корявыми березами дорогѣ къ посаду Новинскому и, увидавъ водруженный неутѣшнымъ отцомъ на мѣстѣ, гдѣ замучили и зарѣзали его сына, крестъ, освѣдомиться у своего возницы, почему онъ поставленъ тутъ, то будьте увѣрены, что тотъ, повторивъ все, рассказанное здѣсь, непременно обернется къ вамъ и съ непоколебимымъ убѣжденіемъ добавитъ:

— И сколько, значить, съ этой самой рукой потомъ народу воровало—не перечеть! Только лѣнивый, почитай, не бралъ руки-то, да не воровалъ: потому ни въ жисть съ нею не попадешься,—воруй гдѣ хошь и сколь хошь! Больно ужъ этакая живая рука способна, значить, для воровства, да только достать-то ее вишь какъ трудно!

С. П. Рудневъ.

ВЗЯТІЕ НАРОДНАГО ДОМА ВЪ САМАРѢ.

(Изъ воспоминаній о 1905 годѣ).

I.

БЛО о Пушкинскомъ народномъ домѣ въ Самарѣ, взятомъ правительственными войсками въ ночь на 11 декабря 1905 года,— дѣло недавнее; оно уже «ликвидировано», стало достояніемъ исторіи и, подобно десяткамъ другихъ «политическихъ дѣлъ», имѣющихъ къ нему прямое или косвенное отношеніе, «сдано въ архивъ».

Началось оно при исключительныхъ обстоятельствахъ.

Народный домъ или—какъ назвали его пролетаріаты—«народку» открыли для профессиональныхъ собраній рабочихъ и митинговъ въ началѣ всеобщей забастовки», 8 октября 1905 года. Первое время, собираясь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, социаль-демократы устраивали въ аудиторіи популярныя чтенія и бесѣды, ставили спектакли или читали рефераты, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, приступили къ организаціи рабочихъ союзовъ. Организація шла вяло, неувѣренно и оживилась лишь въ концѣ ноября, при дѣятельномъ участіи мѣстной печати¹⁾, когда рабочіе, ремес-

¹⁾ Приводимъ два приглашенія «эсдековъ», напечатанныя въ отдѣлѣ мѣстной хроники «Самарскаго Курьера» (2 декабря 1905 г., № 425). «Приглашаются паракмахеры 4 декабря, въ 4 ч. веч. въ народный домъ для обсужденія вопроса объ образованіи профессиональнаго союза». «Просятъ всѣхъ мельничныхъ рабочихъ явиться въ воскресенье, въ 11 час. утра, въ народный домъ для организаціи профессиональнаго союза мельничныхъ рабочихъ». Аналогичныя приглашенія печатались и въ «Самар. Газетѣ», которая, какъ и «Самар. Курьеръ», прекратила свое существованіе въ 1906 году. А. Д.

ленники, мелкіе служащіе, даже мелкіе хозяева («мастерки») валомъ повалили въ аудиторію народнаго дома, которая, такимъ образомъ, превратилась въ очагъ мѣстнаго профессиональнаго движенія, вскорѣ принявшаго стихійныя размѣры.

О характерѣ этого движенія можно судить отчасти изъ слѣдующаго.

Въ воскресенье,—позабывъ, что въ этотъ день «народка» съ утра до вечера отдана въ распоряженіе рабочей партіи,—я зашелъ прочитать лекцію по муниципальнымъ вопросамъ,—которыя, нужно замѣтить, даже и въ то безпокойное время общество интересовалось чрезвычайно,—но, къ изумленію моему, нашелъ аудиторію запертой на ключъ. Комитетскій дружинникъ, охранявшій дверь, сообщилъ мнѣ, что собрались рабочіе по металлу и что идетъ обсужденіе проекта профессиональнаго устава. Публика, пришедшая на лекцію, тѣснилась въ коридорахъ, роптала, волновалась и осаждала меня разспросами. Съ досады, что аудиторія занята, и не сообразивъ, что «недоразумѣніе» произошло единственно по моей непредусмотрительности, пошелъ я объясняться къ предсѣдателю народнаго дома М. ¹⁾.

— Вы, конечно, знаете,—обратился я къ нему:—что сейчасъ должна начаться моя лекція, а между тѣмъ аудиторія занята

— Знаю, знаю... но что вы подѣлаете?—собраніе разрѣшено прежде вашей лекціи.

— По крайней мѣрѣ когда оно окончится?

— Черезъ часъ... не ближе... Но послѣ,—невозмутимо продолжалъ М.,—придутъ рабочіе по дереву, а тамъ официанты, портные, кучера... Что вы подѣлаете? Въ будни у нихъ нѣтъ свободнаго времени...

Въ тотъ же день я наблюдалъ курьезную сцену.

У подѣзда народнаго дома между двумя группами рабочихъ, крющниками и пильщиками, пришедшими «объединяться», изъ-за несоблюденія очереди для входа въ аудиторію завязалась ссора, которая скоро перешла въ драку. «Товарищи», уснащая взаимныя обращенія нецензурной бранью, принялись, что называется, лупить другъ друга «на всѣ корки».

Ссору затѣялъ пилоставъ, тщедушный мужиченка.

— Черносотенцы вы!—кричалъ онъ по адресу крющниковъ, вскакивая съ мостовой, на которую швырнулъ его рыжебородый крющникъ-симбирецъ.

— Га! ты опять...

И пилоставъ, поболтавшись немного въ воздухѣ, кувыркомъ полетѣлъ на землю.

¹⁾ Предсѣдатель народнаго дома (онъ же предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатов) утверждалъ порядокъ очередей для собраній рабочихъ, митинговъ и чтенія лекцій. А. Д.

— Вотъ, товарищи,—апеллировалъ крючникъ, какъ бы извиняясь за свою геркулесовскую силу:—вы слышали?—обозвалъ насъ черносотенцами... А какіе мы черносотенцы? Мы стоимъ за правду... за царя, отечество и за конституцію... И еще хвалится: онъ ли не онъ—демократъ! А мы? нешто мы лыкомъ шиты...

— Бей яво!—галдѣли «товарищи»:—чаво на яво глядѣть! Самъ онъ черносотенецъ!

Драка прекратилась лишь при появленіи «комитетчика», къ которому обѣ стороны и обратились съ жалобами, пояснивъ, что они «по второе воскресеніе обиваютъ пороги, а толку добиться не могутъ».

Такъ велика была жажда «объединенія», охватившая рабочія массы осенью 1905 года, объединенія, отъ котораго, къ слову сказать, рабочіе ожидали золотыя горы.

Не менѣе сильно дѣйствовала и «митинговая лихорадка».

Митинги, на которыхъ можно было говорить о чемъ угодно, не стѣсняясь, привлекли въ народный домъ весь городъ, при чемъ публика категорически потребовала, чтобы полицейскіе агенты не посѣщали народныхъ собраній. Нашлось, конечно, не мало людей, имѣвшихъ кое-что сказать въ поученіе другимъ, а желавшихъ послушать свободное слово оказалось еще больше. Двери народной аудиторіи распахнулись настежь, и въ нее, какъ бурный потокъ въ вешнюю пору, хлынула огромная масса, всѣ слои мѣстнаго населенія—мѣщане, купцы, крестьяне, дворяне, военные, даже духовныя особы, недовольные, обиженные, протестующіе, партійные и беспартійные, идеалисты, скептики, пессимисты, а то-и просто любопытные. Народный домъ неожиданно сдѣлался «властителемъ думъ», центромъ, къ которому устремились большія ожиданія. Свершалось нѣчто изумительное. Общество, казалось, навсегда позабросило для митинговъ все, что до того составляло какъ бы повседневный его обиходъ—клубы, карты, пьянство, флиртъ, сплетни, интриги и послѣобѣденный сонъ; даже театръ пересталъ давать сборы. И если Бѣлинскій, бесѣдуя съ русскимъ обществомъ, когда-то писалъ: «живите, и, если можете, умрите въ театрѣ», то осенью 1905 года самарцы съ не меньшимъ основаніемъ могли бы сказать то же самое о народномъ домѣ и, пожалуй, по-своему были бы правы, ибо тысячи ихъ, атакованныя въ народномъ домѣ войсками, едва не сложили тамъ свои головы...

Магнитомъ, притягивавшимъ публику въ народный домъ, были его ораторы, «эсдеки» и «эсэры», руководившіе движеніемъ и выступавшіе на трибунахъ поочередно, въ опредѣленные дни недѣли, о чемъ заблаговременно сообщалось въ мѣстныхъ газетахъ, выходившихъ безъ цензуры ¹⁾, и беспартійные—лица всевозможныхъ

¹⁾ Между прочимъ, въ отдѣлѣ мѣстной хроники «Самар. Курьера» печаталось: «Митингъ социалистовъ-революціонеровъ. 22 ноября, во вторникъ, долженъ былъ состояться очередной митингъ самарскаго комитета партіи социалистовъ-революціоне-

общественныхъ положеній: крестьяне, купцы, приказчики, чиновники, офицеры, ремесленники, солдаты и прочіе. Особеннымъ вниманіемъ публики пользовались солдаты манчжурской арміи, возвращавшіеся въ то время съ театра русско-японской войны.

Ораторы первой категоріи—большою частью люди пришлые и самарскому обществу неизвѣстные—были представлены молодежью, отъ 17 до 20 лѣтъ, не имѣвшей другихъ «опредѣленныхъ занятій», кромѣ «ораторства», и существовавшей поэтому на средства партійныхъ комитетовъ, которые каждому изъ нихъ выплачивали опредѣленное мѣсячное жалованье (отъ 50 до 100 рублей). Всѣ они обладали скуднымъ запасомъ необходимыхъ знаній и, выступая на трибунѣ, сразу обнаруживали поверхностное знакомство съ исторіей, политической экономіей, литературой и самое примитивное—съ законами страны, съ статистикой и т. п. предметами, основательное знакомство съ которыми для политическихъ ораторовъ почитается обязательнымъ.

Между прочимъ я видѣлъ ихъ партійныя библіотеки, районныя и домашнія, изъ которыхъ они пополняли свои знанія. Скудость содержанія этихъ библіотечекъ поразительная. Почти сплошь брошюра, отъ 2 до 20 коп. за экземпляръ, въ четверть или половину печатнаго листа, много въ листъ или два, крошечные кусочки изъ Плеханова, Каутскаго, Лассаля, Бебеля, Энгельса и др. социалистическихъ писателей и—ни одной солидной книги изъ тѣхъ, какимъ въ былое время отдавали предпочтеніе «народовольцы». При подсчетѣ каталоговъ получался копеечно-лубочный прейскурантъ: на три копейки политической экономіи, на пятакъ юриспруденціи, на двугривенный исторіи и т. д. и т. д. Изящная литература, а также необходимая—по условіямъ мѣстной партійной работы—литература по этнографіи, экономикѣ и статистикѣ края совершенно отсутствовала.

По поводу изящной литературы мнѣ даже пришлось выдерживать съ однимъ изъ ораторовъ «народки» цѣлый диспутъ.

Я спросилъ его: что онъ думаетъ о Л. Н. Толстомъ?—и получилъ презрительный отвѣтъ:

ровъ, но возбужденіе, вызванное телеграммой съ просьбой о защитѣ инженера Соколова съ товарищами отъ дикаго произвола коменданта, привело къ тому, что весь вечеръ былъ посвященъ обсужденію вопроса о всеобщей забастовкѣ, объ отмѣнѣ смертной казни, объ отмѣнѣ военно-полевыхъ и вообще исключительныхъ судовъ, объ отмѣнѣ усиленной охраны. Соціалисты-революціонеры и социаль-демократы произносили горячія, страстныя рѣчи, встрѣчавшія откликъ въ чрезвычайно многочисленной публикѣ, среди которой было много желѣзнодорожниковъ. Среди публики очень многие изъявили желаніе познакомиться съ программами обѣихъ социалистическихъ партій, поэтому самарскій комитетъ партіи социалистовъ-революціонеровъ на пятницу въ 8 ч. вечера назначаетъ митингъ, посвященный программѣ партіи с.-р.». Слѣдующій митингъ социаль-демократовъ состоится въ субботу 26 ноября, въ 8 час. вечера». (Самар. Кур., 25-го ноября 1905 г., № 419).

— Представьте, мы не читаемъ Толстого.

Такъ какъ это было время, когда великихъ людей очень маленькіе люди похлопывали по плечу, то я нисколько не былъ удивленъ этимъ отвѣтомъ и только спросилъ его:

— Даже «Войну и миръ»?

— Даже «Войну и миръ»,—усмѣхнулся онъ.—Да и некогда, знаете, читать. За партійной литературой не успѣваешь слѣдить, такъ когда ужъ тутъ читать классиковъ... Мы дѣлаемъ, что можемъ и прежде всего—наше дѣло, главное... Поэтому, чтобы сохранить наши силы для главнаго, мы вынуждены строго ограничивать кругъ нашихъ дѣйствій, исключая изъ него также и чтеніе такихъ писателей, какъ Толстой...

— Какъ Толстой!—изумился я.—Да что вы говорите?

— Толстой не нашъ.—сухо замѣтилъ мой собесѣдникъ.

Вообще партійные ораторы были люди не глубокіе, не самобитные и опирались не столько на собственные, сколько на чужія непровѣренныя сужденія, заимствованныя изъ брошюръ и газетъ. Были среди нихъ даже и такіе «хлюсты», которые «на зубокъ» заучивали газетныя передовицы и затѣмъ произносили ихъ съ трибуны, какъ собственные оригинальныя импровизаціи. На этой почвѣ происходило не мало курьезовъ. Однажды переполненная аудиторія услышала блестящую рѣчь оратора А. Было въ ней что-то ужъ очень знакомое, какъ будто ее слышали накануне, сегодня, вообще—недавно. Оратора—молодого юркаго челоуѣка семитическаго типа—публика наградила такими аплодисментами, что во всемъ зданіи звенѣли и дрожали стекла. А., принявъ красивую позу «трибуна», кумира толпы, грациозно раскланялся. А на другой день вся Самара узнала, что г. А. одурачилъ аудиторію, произнесъ рѣчь, цѣликомъ заимствованную изъ передовой «Сына Отечества».

Тѣмъ не менѣе, ораторы народнаго дома пользовались популярностью. И не мудрено. Молодежь хотя и не обладала званіями, но зато проявляла въ своихъ рѣчахъ искреннюю вѣру въ необходимость обновленія общественнаго строя, и аудиторія, жаждавшая этого обновленія, не могла, конечно, оставаться равнодушною. Да и ново все это было: и эти ораторы, и ихъ рѣчи, казавшіяся чудомъ, особенно послѣ только что успѣвшаго сойти со сцены суроваго режима Плеве, послѣ полицейской цензуры и всяческихъ стѣсненій и запрещеній.

Не меньшей популярностью пользовались и безпартійные ораторы. Это были люди «всѣхъ племенъ, нарѣчій, состояній». Ихъ общественное положеніе, если оно не было извѣстно аудиторіи заранее, безошибочно опредѣлялось по ихъ внѣшности—по платью, по манерамъ, по характернымъ жестамъ и «крылатымъ» словечкамъ. Помню, разъ говорилъ мясникъ. Аудиторія была полне-

хонька мясниками, нарочно пришедшими послушать своего товарища. Ораторъ громилъ правящую бюрократію, называя ее «стадомъ упрямыхъ быковъ, которое не хочетъ слушаться», а народъ, «терпящій отъ нея (т. е. отъ бюрократіи) всяческія бѣды и поношеніе», уподоблялъ «кроткимъ, глупымъ овечкамъ, которыхъ ведутъ подь ножъ». Другой ораторъ, мануфактурный приказчикъ, разбирая политику Витте-Дурново, сравнивалъ ее, при общемъ смѣхѣ аудиторіи, съ «гнилымъ ситцемъ, который глянцевоитъ и добротень на видъ, а при носкѣ расплзается по швамъ». Кузнецы были кратки и жестикулировали сильно и выразительно.

Какъ партійные, такъ и безпартійные ораторы опирались на манифестъ 17 октября и на поддержку своей аудиторіи, которая прямо боготворила ихъ. Я помню эту аудиторію, это волнующееся море людей, залитое бѣлымъ электрическимъ свѣтомъ, клики восторга, гнѣва, благодарности, громъ аплодисментовъ, вольныя пѣсни, развѣвающіяся знамена, всю обычную картину митинга, казавшуюся волшебной сказкой, сномъ наяву. Никто, даже если бъ и желалъ, не могъ отнестись къ этому удивительному социальному явленію безразлично; оно притягивало къ себѣ всѣхъ, даже самыхъ равнодушныхъ, заставляя ихъ переживать рѣдкія настроенія, подобныя тѣмъ, какія наблюдаются весной, когда ломается ледъ на рѣкѣ, воздухъ наполняется свѣжестью, радостнымъ шумомъ, и во всей природѣ начинается ликование. Однако, какъ это ни странно, находились люди, не раздѣлявшіе общаго увлеченія. Они разсматривали явленіе—какъ нѣчто несерьезное, какъ красивую феерію, построенную на живую нитку, съ плохими бутафорскими средствами, подь которой, въ концѣ концовъ, въ любой моментъ могутъ рухнуть подмостки; они открыто предсказывали полное крушеніе «весеннихъ» настроеній; но ихъ никто не слушалъ...

II.

«Весеннее настроеніе» продолжалось, однако, недолго—до 7-го декабря, когда болѣе или менѣе безобидная организаціонная работа «народки» была прервана партійными лидерами и, вмѣсто «объединенія», ораторы, принявъ рѣзко-мятежное направленіе, стали звать публику къ вооруженному возстанію.

Утромъ 7-го декабря въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, въ партійныхъ комитетахъ и въ различныхъ профессиональныхъ группахъ и союзахъ Самары была получена первая депеша «конференціи 29-ти русскихъ желѣзныхъ дорогъ», приглашавшая присоединиться къ всеобщей политической забастовкѣ. Деша пошла ходить по рукамъ, вызывая общее изумленіе, сомнѣніе и мысль о провокаціи. Рабочіе и служащіе, утомленные продолжительной октябрьской забастовкою, подорвавшей благосостояніе многихъ

рабочихъ семей, вовсе не были расположены бастовать, да еще предъ Рождествомъ, когда дорога каждая лишняя заработанная копейка; даже всякіе толки о забастовкѣ передъ этимъ были объявлены—какъ толки провокаціонные, о чемъ, между прочимъ, было оповѣщено черезъ «Самарскую Газету», органъ социаль-демократовъ.

Союзъ земскихъ служащихъ и другія организаціи, чтобы удостовѣриться въ подлинности депеши, 7 декабря, чрезъ своихъ представителей, запросили совѣтъ рабочихъ депутатовъ о повѣркѣ ея, которая и была получена изъ Москвы въ тотъ же день, одновременно съ другой депешей «центрального всероссійскаго бюро», которая не только подтверждала депешу «конференціи», но, кромѣ того, призывала къ вооруженному возстанію «для сверженія правительства и учрежденія демократической республики».

Послѣ этой депеши всякія сомнѣнія были отброшены, и всеобщая политическая забастовка въ Самарѣ, санкціонированная совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, началась съ утра 8-го декабря.

Въ этотъ день, по мѣткому выраженію предсѣдателя совѣта рабочихъ депутатовъ М., произнесшаго большую рѣчь въ народномъ домѣ, «въ Самарѣ все замерло». Магазины и банки не открывались вовсе; конка не выѣхала изъ парка; фабрики и заводы стали; типографіи не работали, и газеты не вышли; желѣзнодорожные служащіе и рабочіе забастовали, захвативъ желѣзнодорожный телеграфъ и ограничивъ пассажирское и товарное движеніе на дорогѣ пропускомъ лишь однихъ воинскихъ поѣздовъ съ эшелонами изъ Манчжуріи; забастовали всѣ учебныя заведенія, всѣ учрежденія губернскаго земства, за исключеніемъ больничнаго персонала, обострилась забастовка почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, начавшаяся съ половины ноября. Остались открытыми, по постановленію совѣта рабочихъ депутатовъ, лишь аптеки, хлѣбопекарни, мясныя и молочныя лавки и водопроводъ.

Улицы и площади, покрытыя шумными толпами народа, напоминали потревоженный муравейникъ. По всѣмъ направленіямъ сновали вооруженные патрули дружинниковъ отъ партійныхъ комитетовъ («эсэровъ» и «эсдековъ»), конные развѣзды артиллеристовъ и казаковъ-оренбуржцевъ.

Въ этотъ же день совѣтъ рабочихъ депутатовъ открылъ свои засѣданія въ народномъ домѣ и подчинилъ своему контролю желѣзнодорожный телеграфъ.

Одновременно возобновились засѣданія «комитета общественной безопасности», въ составъ котораго вошли представители биржи, городского и земскаго самоуправленія и партійныхъ организацій (каде, эсдеки и эсэры). По преобладающему своему составу комитетъ былъ очень буржуазный, напоминая Мопсановскій комитетъ общественной обороны, дѣйствовавшій въ маленькомъ городкѣ южной Франціи во время революціи 48-го года, когда двѣсти его

членовъ, вооруженные карабинами, пистолетами и саблями, долго не рѣшались итти на штурмъ мэри, въ которой заперлись мэръ и сторожь, не желавшіе признать новое правительство. Комитетъ возникъ въ ноябрѣ подъ впечатлѣніемъ газетныхъ извѣстій о сожженіи «черною сотнею» желѣзнодорожниковъ въ Томскѣ и о разгромѣ тверской губернской управы и тогда же организовалъ «самооборону» изъ дружинъ земскихъ служащихъ, двухъ крайнихъ лѣвыхъ партій и нарядовъ изъ артиллеристовъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, кромѣ общественной, была организована еще частная самооборона, обслуживавшая цѣлые кварталы, преимущественно—кущовъ, которые снарядили свои, домовладѣльческія, дружины, вооруженныя браунингами и винтовками. Въ магазинахъ, лавкахъ, банкахъ, квартирахъ люди сидѣли вооруженными, какъ предъ нашествіемъ непріятели. Въ массовомъ вооруженіи, вызванномъ слухами о погромѣ, кромѣ паники, значительную роль сыграло и общественное треніе. Каждый изъ вооруженныхъ, кто бы онъ ни былъ, косвенно побуждалъ другихъ пріобрѣтать оружіе, такъ какъ безоружные, видя, что всѣ кругомъ вооружаются, изъ инстинкта самосохраненія спѣшили, на всякій случай, запастись оружіемъ, и при томъ какое было у всѣхъ въ ходу,—револьверами, которые раскупались нарасхватъ. Какъ великъ былъ спросъ на револьверы, можно судить изъ того, что въ ноябрѣ и декабрѣ самарскіе купцы распродали весь запасъ ихъ, болѣе 20 тысячъ штукъ, причемъ вессоны продавались по 35—40 р., а браунинги—по 60 р. за штуку.

Съ 8-го декабря митинги, организованные социалистами-революціонерами и социаль-демократами, шли вмѣстѣ подъ усиленной охраною дружинниковъ, патрули которыхъ выставлялись также и на перекресткахъ улицъ, прилегающихъ къ народному дому.

8-го декабря обѣ партіи выпустили въ тысячахъ экземпляровъ прокламацію «къ гражданамъ», въ которой населеніе призывалось къ вооруженному возстанію.

Какъ бы импонируя этому воззванію, толпы народа пришли въ народный домъ вооруженныя револьверами, финскими ножами и кинжалами.

Аудиторія была переполнена, и масса публики осталась на улицѣ. Въ виду этого предсѣдатель народнаго дома объявилъ, что вмѣсто однихъ вечернихъ митинговъ, которые не могутъ всѣхъ удовлетворить, народный домъ будетъ открытъ для публики съ утра до глубокой ночи.

III.

8-го, 9-го и 10-го декабря бастующіе самарцы буквально жили или на улицахъ, или въ народномъ домѣ, въ разныхъ комитетахъ, кружкахъ и комиссіяхъ.

Настроение аудиторіи народнаго дома было крайне возбужденное. Всѣ братались. Чувство братства постепенно, еще съ октябрьской забастовки, развилось чрезвычайно. Слово «товарищъ» было самое популярное обращеніе, и даже между людьми, совершенно незнакомыми, произносилось оно тогда замѣчательно легко, безъ всякой натяжки, какъ будто бы люди были знакомы другъ съ другомъ цѣлый вѣкъ. Разговоры велись смѣло, открыто, и никому, даже эсдекамъ и эсерамъ, и въ голову не приходила мысль о конспираціи. Говорили объ инсurreкціи; что на сторону ея перейдетъ армія, затѣмъ произойдетъ *coup d'état*; хотя никто не могъ себѣ ясно представить, въ чемъ онъ можетъ заключаться, но зато всѣ утверждали, что за этимъ «*coup d'état*» послѣдуетъ экспроприация или превращеніе частной собственности въ собственность муниципальную и государственную. Это было такъ ясно, что одинъ изъ знакомыхъ мнѣ эсдековъ совершенно опредѣленно указывалъ на барскую квартиру, ходившую по 50 руб. въ мѣсяцъ, которую онъ предполагалъ занять именно послѣ этого «*coup d'état*».

— Ужъ такая квартира... такая квартира,—говорилъ онъ:—рѣшительно всѣ удобства. Мы ее тогда вмѣстѣ съ N займемъ.

— Ну, это—улита ѣдетъ, да когда-то будетъ...

— Будетъ, не безпокойтесь...

— Смотрите, какъ бы не попасть въ другую квартиру, въ казенную...

— Что жъ? мы не прочь и отъ казенной, только чтобы республиканская,—отшучивался онъ.

— А въ Кресты ¹⁾ не желаете?

— Кресты мы разрушимъ, какъ французы разрушили Бастилію...

Такихъ утопистовъ въ то время было не мало.

Насколько въ умахъ взволнованныхъ массъ жила фантазія въ возможность экспроприации частной собственности, можно судить изъ того, что совѣтъ рабочихъ депутатовъ, желая помочь оставшейся безъ работы и уже голодавшей 3-тысячной артели крючниковъ, далъ ей ордеръ на мучныя лавки самарскихъ купцовъ, которымъ предписывалось «выдать крючникамъ въ кредитъ, за поручительствомъ совѣта рабочихъ депутатовъ, двѣ съ половиной тысячи мѣшковъ муки; слѣдующая же за эту муку деньги,—значилось въ ордерѣ, будутъ уплачены народнымъ правительствомъ». Курьезно, что крючники, повѣривъ въ силу этого «ордера», явились въ лавки, но были задержаны и отправлены въ полицію.

Ораторы, призывая къ вооруженному возстанію и экспроприации, безраздѣльно властвовали надъ толпой. Впрочемъ, аудиторія готова была аплодировать всякому, кто говорилъ ей о свободѣ,

¹⁾ Самарская тюрьма.

громилъ бюрократію или рисовалъ великое будущее Россіи, съ трудомъ, «освобожденнымъ отъ власти капитала».

— Я зову васъ на баррикады!—говорилъ ораторъ К., молодой человѣкъ, любимецъ публики.—Я зову васъ, граждане, на послѣднюю, рѣшительную борьбу!

Конецъ его рѣчи былъ покрытъ бурными аплодисментами.

— Мы готовы!—кричала толпа своему любимцу.—Веди насъ! Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ вооруженное возстаніе!

Аудиторія «народки» напоминала вулканъ, наполненный кипящею лавою, готовый каждую минуту опрокинуться и затопить городъ.

9-го декабря совѣтъ рабочихъ депутатовъ и его исполнительный комитетъ перенесли свою резиденцію изъ народнаго дома въ помещеніе губернской управы, которое—какъ и земская типографія, служившая для печатанія революціонныхъ прокламацій,—было занято захватнымъ путемъ.

Въ рукахъ совѣта до 10 декабря находился также и желѣзнодорожный телеграфъ.

Вообще совѣтъ р. д. продолжалъ крѣпко держать въ своихъ рукахъ власть надъ массою, которая въ это время, по свидѣтельству очевидцевъ событій, «какъ бы потеряла голову». Въ сравнительно короткое время совѣтъ выпустилъ и распространилъ среди населенія тысячи прокламацій, собралъ въ частныхъ кружкахъ, на митингахъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ («въ шапку» и по подписнымъ листамъ) не менѣе 15 т. рублей, закрылъ винныя лавки и дисциплинировалъ часть населенія, склонную къ насиліямъ и беспорядкамъ. Его постановленія считались обязательными для всѣхъ. Кромѣ того, совѣтъ все время поддерживалъ боевое настроеніе въ рядахъ рабочей партіи, не упуская изъ виду и внѣпартійнаго движенія, которое съ каждымъ днемъ разрасталось все шире и шире, поддерживаемое депешами московскихъ революціонеровъ.

Но въ то время, когда борьба революціонеровъ съ правительствомъ въ Москвѣ находилась еще въ разгарѣ, надъ самарскою «народкою» уже висѣлъ Дамокловъ мечъ, и ночь на 11-е декабря явилась кульминаціоннымъ и послѣднимъ моментомъ самарской революціи.

IV.

День 10-го декабря прошелъ безъ особенныхъ событій, тѣмъ не менѣе этотъ день не былъ похожъ на другіе, предшествовавшіе дни. Дружинники, ходившіе по городу въ патруляхъ, по-двое и по-трое, несли оружіе открыто: револьверы въ кобурахъ, а кинжалы—заткнутыми за поясъ или за кушакъ, тогда какъ ранѣе всякое оружіе, согласно директивѣ с. р. д., «чтобы не раздражать реакціон-

ные элементы», носилось спрятаннымъ подъ платьемъ. У нѣкоторыхъ же за спиной торчали короткоствольныя винтовки (такъ называемыя карабины для крупной дичи).

Надъ зданіемъ губернской управы, а также надъ домами, расположенными около аптекъ, въ разныхъ частяхъ города съ утра развѣвались на высокихъ мачтахъ флаги общины Краснаго Креста, обозначавшіе, что въ этихъ домахъ открыты перевязочные пункты, о чемъ предупредительно сообщалось въ вышедшихъ въ этотъ день прокламаціяхъ «къ гражданамъ». Кучки прохожихъ останавливались предъ флагами, съ минуту смотрѣли на нихъ съ недоумѣніемъ, смѣшаннымъ со страхомъ, и затѣмъ торопливо расходились по домамъ.

Чуялось что-то зловѣщее... Къ тому же ходили слухи, что «произойдетъ рѣзня». Что-то неотвратимое и неизбѣжное—всякій объ этомъ догадывался—должно было случиться, но когда? сегодня, завтра? И какимъ образом?—на эти вопросы едва ли кто могъ бы отвѣтить опредѣленно, такъ какъ каждый это неотвратимое и неизбѣжное представлялъ себѣ, по большей части, въ туманныхъ образахъ. Толпа, слѣпо вѣрившая, что ея вожаки лучше знаютъ, что должно случиться, вѣрила также и въ то, что когда придетъ время, они поведутъ ее на борьбу и все произойдетъ именно такъ, какъ обѣщали ораторы народнаго дома: врагъ будетъ побѣжденъ, а народъ восторжествуетъ. Но все-таки эта неопредѣленность, такъ сказать, туманность положенія томила всѣхъ, даже самыхъ яркихъ оптимистовъ. Съ одной стороны, призывъ къ вооруженному возстанію, какъ неопредѣленная фраза, успѣлъ всѣмъ порядочно набить оскомину; съ другой—онъ раздражалъ, и масса искала практическаго выхода изъ даннаго положенія; но этого-то выхода ей и не указывали. Въ душу закрадывалось сомнѣніе. Толпа, какъ бы она ни была охвачена своей увѣренностью въ побѣдѣ, не могла, конечно, не сознавать, что если она открыто собирается нанести «врагу» рѣшительный ударъ, то, вѣроятно, и «врагъ»—очень сильный, гораздо сильнѣй ея—не настолько наивенъ, чтобы не приготовить къ отпору; возможно, онъ только притаился на время, а затѣмъ, въ рѣшительный моментъ, самъ возьметъ въ свои руки инициативу нападенія—что тогда будетъ? Сила врага, его преимущество стояли внѣ всякихъ сомнѣній. Правда, ходилъ слухъ, имѣвшій нѣкоторыя фактическія основанія, что артиллеристы на военномъ митингѣ побратались съ «эсдеками», обѣщавъ имъ свою поддержку; но все-таки ничего опредѣленнаго, на что толпа могла бы опереться, у нея не было.

При такихъ условіяхъ, 10-го декабря, въ субботу вечеромъ, въ народномъ домѣ собрался грандіозный и послѣдній митингъ. Характерно, что на 11 декабря, въ воскресенье, социаль-демократы назначили къ постановкѣ въ народномъ домѣ пьесу Чирикова «Во

дворѣ во флигелѣ», продажа билетовъ на которую началась съ 5-го декабря. Не менѣе характерно и то, что люди, видѣвшіе въ этотъ день экстренно оборудованные перевязочные пункты, шли на митингъ, правда, вооруженные, но—съ полдюжиной револьверныхъ пуль въ жилетномъ карманѣ, а другіе и вовсе не имѣли при себѣ никакого оружія.

Я тоже попалъ на этотъ роковой митингъ и попалъ случайно.

Весь день 10-го декабря я провелъ на засѣданіи совѣта рабочихъ депутатовъ, въ составъ котораго былъ избранъ союзомъ земскихъ служащихъ. Нашъ совѣтъ полиція преслѣдовала, можно сказать, по пятамъ, и мы собирались съ большой осторожностью, выбирая мѣста, гдѣ могли считать себя въ безопасности, и выставляя развѣдочные патрули дружинниковъ по всѣмъ улицамъ, прилегавшимъ къ тому дому, гдѣ засѣдалъ совѣтъ. На этотъ разъ мы собрались въ начальной школѣ. Предсѣдатель совѣта М. доложилъ намъ, что «пролетаріатъ вышелъ изъ повиновенія» и что «рабочіе самовольно прекратили забастовку и повсюду стали на работы». Мы это знали и безъ него; знали также, почему рабочіе прекратили забастовку: при отсутствіи забастовочнаго фонда и сбереженій рабочимъ буквально нечего было ѣсть и нечѣмъ платить за квартиру и топливо. Но мы не знали, что намъ дѣлать дальше, и ожидали, что комитетъ, заправлявшій дѣлами совѣта, предложитъ намъ сложить наши полномочія; но въ отвѣтъ на наши ожиданія услышали отъ нашего воинственнаго предсѣдателя нѣсколько шаблонныхъ, всѣмъ надоѣвшихъ фразъ о вооруженномъ возстаніи, которыя онъ заключилъ бравурными восклицаніями: «Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ вооруженное возстаніе!» Все это показалось намъ черезчуръ театральнымъ, и многіе изъ насъ хотѣли тутъ же протестовать противъ права совѣта рабочихъ депутатовъ на дальнѣйшее его существованіе и затѣмъ сложить свои полномочія, но воздержались изъ опасенія, что насъ назовутъ «ре-негатами», «реакціонерами», будутъ бойкотировать и строить разныя каверзы, которыя могли въ то время отравить существованіе.

Около семи часовъ вечера мы разошлись въ грустномъ настроеніи и уже ни капли не вѣря въ организаторскія способности комитета и его наперсника М., предсѣдателя совѣта. оказавшагося вполнѣ обывательнымъ донъ-жуаномъ, сорившимъ на самарскихъ красотокъ партійныя деньги, которыя мы ему собирали по руолямъ, гривенникамъ и пятакамъ.

При выходѣ изъ засѣданія совѣта меня остановилъ командиръ земской дружины М-ій (бывшій священникъ, добровольно снявшій санъ). Не знаю, гдѣ онъ теперь и живъ ли, но могу сказать, что это былъ на рѣдкость хорошій человѣкъ-идеалистъ.

— Пойдете въ народку?—спросилъ онъ.

Дѣло въ томъ, что, состоя въ земской дружинѣ рядовымъ дружинникомъ и не имѣя возможности выполнять эту обязанность за массой работы въ земскомъ союзѣ, гдѣ я несъ обязанности секретаря, и въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, я ни разу не былъ ни въ «караулахъ», ни въ «патруляхъ», а выданный мнѣ револьверъ держалъ у себя и очень имъ дорожилъ, такъ какъ, по тогдашнему времени, нельзя было обойтись безъ оружія. По этому поводу нѣкоторые изъ дружинниковъ заявили М—у свое неудовольствіе на меня и просили потребовать отъ меня, чтобы я или исполнялъ обязанности рядового дружинника, или сдалъ бы револьверъ обратно въ арсеналь дружины.

— Да, видно, надо итти, — отвѣтилъ я. — Всѣ ходятъ, схожу и я, хоть разокъ...

— Вы и такъ много работаете, — сочувственно замѣтилъ М—й. — На сегодня я васъ могу освободить, если хотите...

— Нѣтъ, ужъ лучше пойду...

Сердце у меня сжалось отъ тяжелаго предчувствія какого-то несчастія: очень ужъ не хотѣлось въ этотъ вечеръ итти въ «народку».

По дорогѣ мы зашли въ губернскую управу, откуда М—й долженъ былъ вести собравшуюся тамъ дружину въ народный домъ, (для охраны).

Помѣщеніе управы представляло необычную картину: исчезли. Богъ вѣсть куда всѣ «дѣла», вся канцелярская обстановка, и въ комнатахъ расположился настоящій перевязочный пунктъ.

Около столовъ, заваленныхъ перевязочными предметами, хлопотали фельдшера, врачи, сестры милосердія; одни приготавливали хирургическіе инструменты и медикаменты, другіе щипали корпію или мотали бинты. Дружинники земской и студенческой дружины, вооруженные револьверами и винтовками, пили чай, читали газеты и книги или играли въ карты. Словомъ—настоящій военный лагерь.

Я былъ пораженъ, тѣмъ болѣе, что въ управѣ въ этотъ день не былъ съ утра, и хотя видѣлъ «перевязочный» флагъ, но не представлялъ себѣ, что дѣло зашло такъ далеко.

Спрашиваю знакомаго врача:

— Какъ? уже?

— Да, — серьезно отвѣтилъ онъ: — мы наканунѣ рѣшительныхъ дѣйствій.

Изъ управы, вмѣстѣ съ М—мъ, шедшимъ съ отрядомъ дружинокъ въ 60 человекъ, я отправился въ народный домъ.

Вечеръ былъ морозный, ясный.

Митингъ былъ уже въ разгарѣ, и мы съ величайшимъ трудомъ протискались въ коридорахъ черезъ густую толпу, распѣвавшую «Марсельезу», и поднялись на «галерку» — желѣзный балконъ, повиснувшій надъ зрительнымъ заломъ. Съ «галерки» мы увидѣли

предъ собой огромные клубы табачнаго дыма, который застилалъ весь залъ, и сквозь него подъ нашими ногами—неясныя силуэты тысячной массы людей. Эта масса, въ унисонъ рѣчи оратора, говорившаго съ трибуны, ревѣла, аплодировала, свистала, пѣла, стучала и вообще производила ужасный шумъ, который то переходилъ въ настоящее бѣснованіе, то замиралъ, но ненадолго.

М—й началъ разводить патрули дружинниковъ, которые должны были смѣнить часовыхъ эсэровской и эсдековской дружины, стоявшихъ въ коридорахъ, вестибюль, залъ, на подъѣздѣ и на перекресткахъ улицъ, прилегающихъ къ народному дому.

— Вы оставайтесь здѣсь,—любезно предложилъ мнѣ М—й.

Но я отклонилъ его предложеніе.

— Я одѣтъ теплѣе другихъ и пойду на улицу.

На мнѣ было мѣховое пальто и такая же шапка; у большинства же —«пальтишки», подбитыя вѣтромъ, и заставлятъ ихъ нести постовую службу на улицѣ при 20 градусовъ мороза было бы по меньшей мѣрѣ жестоко.

— Тогда идите на подъѣздъ,—сказалъ онъ.

На подъѣздѣ рядомъ со мной стоялъ эсэръ, совѣмъ мальчикъ. Бѣдняга былъ одѣтъ черезчуръ легко, безъ галошъ, и отъ холоду ежился, постукивая нога объ ногу.

Наконецъ онъ не выдержалъ.

— Пожалуйста, товарищъ, побудьте тутъ, а я схожу погрѣться.

Минуть черезъ десять меня поставили въ вестибюль, а на мое мѣсто стали двое дружинниковъ, эсэръ и эсдекъ.

Было около 10 часовъ вечера. Я услышалъ подозрительный шумъ, долетавшій съ улицы. Почти въ то же время въ вестибюль вбѣжали дружинники, стоявшіе на часахъ на подъѣздѣ и около народнаго дома.

— Народный домъ окружаютъ войска!—кричали они.—Товарищи, къ оружію!

Я выбѣжалъ на подъѣздъ. Морозъ нѣсколько смягкъ и стоялъ туманъ. Ничего, кромѣ трехъ извозчичьихъ саней, стоявшихъ у подъѣзда, не было видно. Я быстро пошелъ вдоль фасада народнаго дома по Москательной улицѣ, по направленію къ городу, и только дойдя до прилегающаго къ нему забора макаронной фабрики Кеницеръ, замѣтилъ, что улица заперта густой цѣпью солдатъ Березинскаго полка. Я попробовалъ было пройти черезъ цѣпь, но меня остановили солдаты, и офицеръ крикнулъ:

— Назадъ!

— Куда назадъ?—возразилъ я:—я иду домой.

— Подождите полицеймейстера, васъ потомъ пропустятъ.

Подошли извозчики и тоже стали просить о пропускѣ.

— Мы сѣдоковъ привезли,—чѣмъ мы виноваты. Пропустите, Христа ради!

Ихъ не пустили. На нихъ налетѣли казаки-оренбуржцы и погнали ихъ къ подъѣзду.

Публика, выбѣжавшая на улицу изъ коридоровъ и вестибюля и встрѣченная штыками солдатъ, вынуждена была вернуться обратно.

Возвращаясь къ подъѣзду, я убѣдился, что попытка уйти изъ «осады» ни къ чему не поведетъ, такъ какъ и другая сторона Москательной улицы и прилегающая къ ней Сокольничья были заперты цѣпью солдатъ и казаковъ, часть которыхъ, кромѣ того, выстроилась въ боевомъ порядкѣ противъ подъѣзда.

Среди дружинниковъ, которыхъ въ народномъ домѣ было до двухсотъ человекъ, началась безтолковѣйшая суматоха. Человѣкъ 30 изъ нихъ бѣжали, перепрыгнувъ черезъ заборъ на сосѣдній дворъ фабрики Кеницеръ; остальные же, крича и бряцая оружіемъ, метались по коридорамъ, не зная, что предпринять; разные десятки, входившіе въ составъ дружинъ, перепутались; командовавшіе ими «десятные командиры» куда-то исчезли; всѣ командовали, и никто никого не хотѣлъ слушать. Словомъ, неподготовленность оказалась полная. Только одна студенческая дружина не растерялась. Одна ея часть въ полномъ порядкѣ выстроилась въ вестибюлѣ, противъ обоихъ входовъ, съ винтовками на руку, избравъ прикрытіемъ массивныя колонны, а другая—заняла комнату съ балкономъ, выходящимъ на Москательную улицу, предварительно выломавъ наружную балконную дверь.

На балконѣ, въ переднихъ рядахъ дружины, стали бомбисты.

На долю земской дружины выпала защита коридоровъ и охраненіе порядка въ аудиторіи.

Всѣ, кто въ этотъ моментъ находился въ народномъ домѣ, подвергались страшной опасности, такъ какъ, при сопротивленіи, солдаты, стрѣлая въ окна, могли перебить насъ, какъ галокъ, и я и М—ій, оба мы только и ждали—что скажетъ, какъ поступить публика. Къ нашему изумленію, когда предсѣдатель митинга объявилъ, что зданіе окружено войсками, въ аудиторіи въ отвѣтъ раздались громовые клики: «Да здравствуетъ демократическая республика!» и затѣмъ пѣніе «Марсельезы».

Митингъ пошелъ своимъ чередомъ.

Ни я, ни М—ій этого не думали и ожидали, что публика сейчасъ же изъявитъ желаніе сдаться на капитуляцію.

Между тѣмъ подошли еще двѣ роты Березинскаго полка и четыре сотни казаковъ и, тѣснымъ кольцомъ обложивъ зданіе съ улицы и со двора, двинулись на штурмъ, но остановились въ дверяхъ, ведущихъ въ вестибюль, очень узкихъ, въ которыя сразу могли пройти только двое, да и то съ трудомъ. Здѣсь солдаты встрѣтили направленные на нихъ изъ-за прикрытія дула винтовокъ студенческой дружины и остановились.

Для осажденныхъ это былъ, безъ сомнѣнiя, самый опасный моментъ; но, къ счастью, обстоятельства неожиданно приняли благопрiятное теченiе.

Въ то время, когда полковникъ Березинскаго полка Барановъ, суровый и рѣшительный человекъ, отдавалъ войскамъ приказъ штурмовать народный домъ, изъ города мчался къ нему членъ комитета общественной безопасности К. съ запиской отъ губернатора Засядко, написанной на визитной карточкѣ губернатора, слѣдующаго содержанiя:

«Полковнику Баранову. Прошу васъ пропустить находящуюся въ народномъ домѣ публику, не причиняя насилiя».

К. вручилъ карточку губернатора полковнику какъ разъ въ ту минуту, когда солдаты, съ штыками наперевѣсь, устремились къ дверямъ народнаго дома.

— Остановите солдатъ,—попросилъ К. полковника, когда послѣднiй прочиталъ записку.

— Нѣтъ, не остановлю,—отвѣтилъ полковникъ.

— Но вѣдь не я васъ прошу, а губернаторъ...—возразилъ К.

— Я здѣсь губернаторъ,—рѣзко отвѣтилъ полковникъ, возвращая карточку.—Какой-то К., скажите, пожалуйста,—иронизировалъ онъ надъ посланцемъ губернатора: членъ комитета общественной безопасности!

Однако губернаторская карточка произвела впечатлѣнiе, и штурмъ приостановили.

— Сдавайтесь, проклятыя собаки!—крикнулъ полковникъ по адресу дружинниковъ, стоявшихъ на балконѣ.

Презрительное обращенiе полковника раздражало дружинниковъ, и ихъ начальникъ, принявшiй на себя командованiе объединенными дружинами, съ трудомъ сдерживалъ молодежь, готовую дать залпъ.

Въ то время, когда онъ былъ въ нижнемъ этажѣ, съ балкона бросили въ солдатъ двѣ бомбы. Къ счастью, по неумѣнью обратиться съ снарядами, бомбы не взорвались, такъ какъ передъ метанiемъ бомбисты позабыли открыть у нихъ предохранительные клапаны. А когда начальникъ дружины былъ наверху,—студенты, охранявшiе вестибюль, выстрѣлили въ офицера, но промахнулись.

Солдаты Березинскаго полка, большею частью башкиры и татары, пришли въ бѣшенство и осыпали осажденныхъ угрозами и бранью.

Полковникъ объявилъ, что онъ больше не можетъ сдерживать солдатъ и, если осажденные черезъ десять минутъ не положатъ оружiя, войска пойдутъ на штурмъ. Онъ предложилъ выслать парламентаревъ. Парламентаревъ—начальникъ дружины и офицеръ—сошли въ вестибюль. Дружинники потребовали, чтобы были пущены женщины и дѣти ¹⁾, но офицеръ отказалъ.

¹⁾ Участиея во множествѣ посѣщавшiе народный домъ.

— Сдавайтесь всё,—заявилъ онъ,—и напередъ выдайте оружіе.

Когда аудиторіи сообщили о результатахъ переговоровъ, поднялся невообразимый шумъ. Всѣ наперсѣвъ спѣшили заявить, что предпочитаютъ лучше умереть, чѣмъ сдаться съ позоромъ.

— Скажите имъ,—кричали въ толпѣ:—что мы всё умремъ, но не выйдемъ безъ оружія!—И шеститысячная масса загѣла «марсельезу».

Затѣмъ, захвативъ изъ аудиторіи скамьи и изъ другихъ помѣщенныхъ столы и стулья, публика забаррикадировала двери и окна, за которыми блестяли штыки солдатъ. Одна дверь въ садъ была оставлена безъ прикрытія и, отворяя ее, осажденные могли видѣть тамъ солдатъ, разставленныхъ между деревьями, саженьяхъ въ двухъ-трехъ отъ зданія.

Между тѣмъ солдаты начали дѣлать приготовленія къ штурму. Стекла въ окнахъ библіотеки, выходившихъ на улицу, выбивались ружейными прикладами; ко второму этажу подставлялись лѣстницы.

Хотя смерть уже заглядывала къ осажденнымъ въ очи и многіе торопливо жали руки другъ другу, прося тѣхъ, кто останется въ живыхъ, передать роднымъ и близкимъ послѣднее «прости», тѣмъ не менѣе осажденные надѣялись, что, можетъ быть, путемъ переговоровъ удастся затянуть осаду до тѣхъ поръ, когда на выручку имъ подойдетъ городъ—тѣ тысячи людей, которые такъ или иначе были связаны съ ними узами родства или дружбы, а также артиллеристы и желѣзнодорожный батальонъ. Осажденные не знали, что всѣ улицы, ведущія къ народному дому, заняты войсками, а желѣзнодорожный батальонъ и артиллеристы въ ту же ночь были разоружены и заперты въ казармахъ, которыя караулили казаки.

Полковникъ вторично прислалъ парламентаря съ «послѣднимъ предложеніемъ» сдаться черезъ пять минутъ.

Начальникъ дружины рѣшилъ сдаться, и всѣ дружинники, за небольшими исключеніями, присоединились къ его рѣшенію.

Вѣсть о сдачѣ дружины была встрѣчена въ аудиторіи шиканьемъ и свистками. Но дѣлать было нечего: приходилось сдаваться...

Началось уничтоженіе и прятанье оружія. Оружіе ломали или бросали въ клозеты, прятали подъ поломъ или въ снѣгу, на дворѣ.

Но нѣкоторымъ удалось спасти не только свое, но и чужое оружіе. Какая-то изобрѣтательная дама, предложившая свои услуги погрузила въ платье и въ принадлежности своего туалета десятки револьверовъ и затѣмъ, подъ видомъ внезапно упавшей въ обморокъ, была вынесена изъ народнаго дома на носилкахъ и на извозчикѣ отправлена домой. Браунинги лежали у дамы на животѣ, груди, подъ боками, всюду, куда только можно было сунуть ихъ, и отъ этого она казалась неимоверно толстой. Когда ее несли мимо жандарма, послѣдній сурово замѣтилъ: «такая почтенная госпожа

и шляется по митингамъ». Публика, стоявшая въ переднихъ рядахъ, слышала это замѣчаніе и помирала со смѣху. Другимъ контрабандистомъ былъ маленькій реалистикъ. Забравъ до десятка браунинговъ, онъ мчался къ выходу, гдѣ проскальзывалъ подъ самымъ носомъ жандармовъ. Черезъ нѣкоторое время, сдавъ оружіе въ «надежныя руки», онъ возвращался въ народный домъ.

— Ты куда лѣзешь?—останавливалъ его жандармъ.

— Мама у меня тамъ, пропустите, пожалуйста, — его пропустили.

Смѣлый мальчикъ, говорятъ, сдѣлалъ не менѣе пяти вылазокъ и пронесъ изъ «народки» десятки браунинговъ.

Началась «капитуляція».

И публика, и дружинники капитулировали вмѣстѣ, въ общей массѣ, и выпускались на улицу черезъ однѣ двери, по одному человѣку. Вся масса осажденныхъ, спускаясь по пяти широкимъ ступенямъ вестибюля, двигалась огромной, медленною лавою къ дверямъ, около которыхъ сталъ офицеръ Березинскаго полка съ двумя солдатами, а въ самыхъ дверяхъ жандармы производили обыскъ, проводя руками по спинѣ и бокамъ выходящихъ. За жандармами, на подъѣздѣ, стояли пожарные съ ярко-горящими факелами и цѣпь пѣхотинцевъ и казаковъ.

Картина напоминала сдачу непріятельской крѣпости.

Всѣ ожидали, что «будутъ бить», и поэтому стоявшіе въ заднихъ рядахъ на верхней площадкѣ вестибюля, откуда все было видно, что дѣлается на улицѣ, зорко слѣдили, не бьютъ ли выпущенныхъ казаки и солдаты. И дѣйствительно, такъ и случилось, какъ ожидали. Было выпущено не больше полсотни человѣкъ, какъ вдругъ въ заднихъ рядахъ раздались тревожные крики:

— Бьютъ, бьютъ!

— Господинъ офицеръ! казаки и солдаты бьютъ публику!

Офицеръ имѣлъ такой видъ, какъ будто бы онъ ничего не слышитъ. Публика заволновалась; задніе стали сильно напирать на переднихъ. Тогда офицеръ скомандовалъ солдатамъ взять ружья на руку, а самъ отвернулся лицомъ къ стѣнѣ. Въ это время я приближался къ выходу и, подъ напоромъ толпы, сильно подался впередъ и наткнулся на штыкъ, пропоровшій мнѣ пальто на груди.

— Господинъ офицеръ!—закричалъ я:—что же вы дѣлаете? Прикажите убрать штыки!

Офицеръ самъ отдернулъ штыкъ и скомандовалъ поставить ружье къ ногѣ.

— Мнѣ не поидедемъ!—кричали въ заднихъ рядахъ.—Скажите, чтобы не смѣли бить!

Призвавъ на помощь все мое самообладаніе, я опять обратился къ флегматичному офицеру.

— Вы слышите, господинъ офицеръ, о чемъ васъ просятъ. Солдаты и казаки бьютъ публику и васъ просятъ запретить имъ дѣлать это.

Офицеръ разсердился.

— Никто не бьетъ. Эй вы!—крикнулъ онъ солдатамъ, повернувшись къ двери:—полегче тамъ! не бить!

Не безъ волненія подошелъ я къ жандармамъ. Меня обшарили и выпустили на подьѣздъ.

— Давай сюда палку!—крикнулъ солдатъ, выдергивая ее у меня изъ рукъ.

Я сталъ протестовать.

— А ты еще разговаривашь!

На меня налетѣли казаки, и я, позабывъ о палкѣ, съ которой никогда не разставался, пустился бѣжать по направленію въ стоявшей неподалеку отъ подьѣзда группѣ казачьихъ и пѣхотныхъ офицеровъ.

— Защитите, господа! Что жъ это за безобразіе!

Находившійся тутъ же полицеймейстеръ Критскій приказалъ полицейскому офицеру проводить меня до квартиры моихъ знакомыхъ, почти рядомъ съ народнымъ домомъ. Офицеръ пошелъ провожать меня, но по дорогѣ мы все-таки подверглись ожесточенному преслѣдованію со стороны казаковъ.

— Стой!—кричали казаки.—Куда ведешь? Это оляторъ!

Офицеръ былъ вынужденъ, въ мою защиту, обнажить саблю.

Вообще лица, у которыхъ при обыскѣ было найдено оружіе, подверглись жестокому избиенію. Особенно сильно пострадали участвовавшіе на этомъ митингѣ офицеры и солдаты манчжурской арміи. Одного изъ нихъ, офицера, казаки избили по полусмерти. Казаки грабили и избивали каждого, кто имѣлъ несчастье попасть въ ихъ руки, чему благопріятствовала полная изолированность публики, выходящей изъ народнаго дома по одиночкѣ, и сильный туманъ. Особенно пострадали тѣ, кто натыкался на казачьи пикеты, стоявшіе у Покровскаго сквера и на Сокольничьей улицѣ.

По капитуляціи на честное слово «побѣдителей», что надъ публикой не будетъ учинено никакого насилія, съ одиннадцати часовъ ночи до пяти часовъ утра 11-го декабря изъ народнаго дома было выпущено 5,840 человекъ. При обыскѣ была отобрана только незначительная часть оружія, большая же часть его была найдена въ народномъ домѣ, на его дворѣ и въ саду, въ сѣнгу. Сколько было найдено оружія—трудно опредѣлить, такъ какъ все оно почти цѣликомъ попало въ руки солдатъ и казаковъ и только самая малость была представлена начальству; во всякомъ случаѣ, оружія было найдено не мало, такъ какъ на другой день солдаты и казаки на Троицкомъ базарѣ продавали сотни браунинговъ, вессонговъ и винтовокъ по цѣнѣ отъ трехъ до пяти рублей за штуку. Масса оружія

была скуплена комитетами социаль-демократовъ и социалистовъ-революціонеровъ. Но многіе, не принадлежавшіе къ этимъ партіямъ, дѣйствовавшимъ при покупкѣ оружія съ большой осторожностью, заплатились порядочно, такъ какъ полицейскіе агенты, перекупивъ оружіе у солдатъ и казаковъ, перепродавали его и затѣмъ арестовывали покупателей; если послѣдніе не откупились,—ихъ препровождали въ полицейскіе участки.

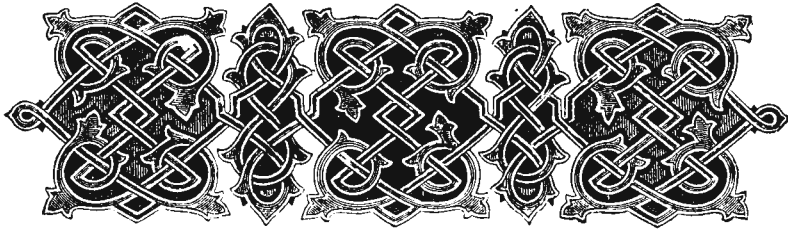
Такъ кончилась самарская «революція».

Останавливаясь на ея плачевномъ финалѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что публика, готовясь къ борьбѣ, не имѣла своей инициативы, шла на нее съ завязанными глазами и въ результатѣ—попала въ западню.

Все дѣло, собственно говоря, кончилось опереткою.

А. Дунинъ.

СОБАКА ЦАРЯ - ОСВОБОДИТЕЛЯ.

(Изъ воспоминаній стараго чиновника).

ОГДА они собирались вмѣстѣ у кого-нибудь изъ своихъ сослуживцевъ, то не могли обойтись безъ того, чтобы не поспорить. Впрочемъ, иначе быть не могло. Вѣдь тамъ, гдѣ запросто сходятся молодые чиновники со стариками въ генеральскомъ чинѣ, всегда, какъ извѣстно, находятся причины для столкновенія разнородныхъ убѣжденій. А въ ихъ кружкѣ было трое «дѣйствительныхъ».

Правда, они спорили почти всегда о пустякахъ, но вѣдь въ сѣрой провинціальной жизни и пустяки кажутся чѣмъ-то крупнымъ. Поэтому ихъ споры постоянно носили такой характеръ, что постороннему наблюдателю можно было подумать, будто они касаются далеко не пустяковъ.

Такъ было и въ тотъ вечеръ.

Разговоръ зашелъ о томъ, можно ли скрыть отъ человѣка чувство любви или ненависти, которое онъ внушаетъ къ себѣ. Одни утверждали, что можно; другіе доказывали, что нельзя. И тѣ, и другіе приводили доказательства своимъ доводамъ.

— А я увѣренъ, что симпатій и антипатій нельзя скрыть не только отъ человѣка, но даже и отъ животныхъ,—сказалъ одинъ старый чиновникъ, когда разговоръ перешелъ въ горячій споръ.— Я увѣренъ, что даже животные и тѣ догадываются или, вѣрнѣе, чувствуютъ, кто любить или ненавидитъ ихъ. По-моему, инстинктъ всякаго живого существа наиболѣе опредѣленно выражается именно въ этомъ случаѣ.

— Да?! Вы даже это допускаете?—насмѣшливо взглянувъ на старика, произнесъ одинъ изъ наиболѣе горячо спорившихъ молодыхъ чиновниковъ.

— Нѣтъ, я не допускаю этого, а я увѣренъ въ этомъ... Вѣдь я такъ, кажется, выразился?—сказалъ старый чиновникъ.

— Тогда то, что вы говорите, должно имѣть подъ собою основаніе. Иначе это ни на чѣмъ не основанный парадоксъ, мнѣ кажется,—замѣтилъ молодой чиновникъ.

— Само собою разумѣется, что я сказалъ не первую подвернувшуюся фразу... И, если господамъ присутствующимъ будетъ угодно, я расскажу одинъ случай изъ своей жизни, который, думаю, является очень убѣдительнымъ доказательствомъ правильности моей мысли,—произнесъ старикъ.

— Рассказывайте, пожалуйста!—послышалось со всѣхъ сторонъ.

Старый чиновникъ закурилъ папиросу и сталъ рассказывать.

— Это было лѣтъ сорокъ тому назадъ,—началъ онъ:—я служилъ тогда секретаремъ к—го окружнаго суда. Эпоха великихъ реформъ была тогда еще въ полномъ разгарѣ. И новая жизнь всѣхъ обновленныхъ учреждений еще не успѣла войти въ предназначенную ей колею. Всюду встрѣчались въ этой жизни пробѣлы, и чиновники новыхъ учреждений на каждомъ шагу останавливались въ недоумѣніи предъ разными мелочами, которыя ставила предъ ними жизнь и которыя за крупными передѣлками русской жизни, повидимому, нельзя было предусмотрѣть великому реформатору. Какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, откуда ждать указаній—вотъ какіе вопросы вставали предъ чиновниками новыхъ учреждений.

То же самое было и въ обновленномъ судебномъ мірѣ. За разрѣшеніемъ же этихъ вопросовъ чиновникамъ всѣхъ вѣдомствъ вообще и судебного въ частности постоянно приходилось обращаться туда, откуда совершалась перестройка русской жизни. Но переписка съ этой цѣлью не всегда, конечно, помогала. Вслѣдствіе этого очень часто чиновникамъ приходилось ѣздить въ Петербургъ лично. И вотъ, однажды, по дѣламъ службы, я тоже поѣхалъ въ столицу.

Дѣло было осенью.

Не буду говорить о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня Петербургъ: можете сами вообразить, что я почувствовалъ, въ первый разъ попавъ въ это царство кипучей жизни. Нѣсколько дней я не могъ разобраться въ столичной сутолокѣ. Помню, что въ той толпѣ, сквозь которую мнѣ постоянно приходилось пробираться изъ квартиры въ министерство, я даже для себя казался кѣмъ-то чужимъ.

Прожилъ я въ Петербургѣ около двухъ недѣль, все время чувствуя себя не въ своей тарелкѣ среди чужой для меня жизни... Дѣло, за которымъ я пріѣзжалъ, было уже окончено, и мнѣ оста-

валось лично получить еще кой-какія инструкціи, чтобы потомъ можно было уѣхать домой. И вотъ, въ тотъ послѣдній день, который мнѣ никогда не забыть, я въ послѣдній разъ пошелъ въ министерство. Здѣсь меня продержали не болѣе часа, и было еще рано, когда я возвращался на собственную квартиру. Торопиться мнѣ было некуда, поэтому я отправился безцѣльно бродить по улицамъ города. Погода была скверная, но это меня не остановило тогда.

Я прогулялъ часа два и, не зная расположенія улицъ, въ концѣ концовъ заблудился. Началъ искать свою квартиру и очутился въ какомъ-то паркѣ. Кого-нибудь спрошу, какъ мнѣ выбраться на путь истинный, подумалъ я, а пока сѣлъ отдохнуть на одну изъ скамеекъ парка. Кругомъ не было ни души. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ во что бы то ни стало дожидаться здѣсь кого-нибудь.

Надежда не обманула меня. Вскорѣ на концѣ одной аллеи я увидѣлъ какого-то господина въ штатскомъ платьѣ. Впереди его бѣжала прекрасная собака изъ породы понтеровъ. Увидя меня, она побѣжала по направленію ко мнѣ и остановилась отъ меня шагахъ въ пяти...

Вы, конечно, знаете, какой любитель собакъ говорить сейчасъ съ вами. Какъ вамъ извѣстно, я никогда не былъ охотникомъ, но едва ли завязтые охотники такъ любятъ собакъ, какъ люблю я ихъ. Эти благородныя животныя—моя слабость. Недаромъ я бывало держалъ ихъ у себя по полдюжинѣ. Бывало, сказать между прочимъ, сколько непріятностей однѣхъ было у меня изъ-за этого съ женой! Она никакъ не хотѣла понять, что можно любить животныхъ такъ, какъ я любилъ собакъ.

Поэтому весьма понятно, что, увидѣвъ предъ собой прекрасную собаку, я даже забылъ о цѣли ожиданія. Я поманилъ собаку къ себѣ. Услыша мой зовъ, она сначала посмотрѣла на меня, а потомъ и подошла ко мнѣ. Я ласково потрепалъ ее за шею; она доврѣчиво лизнула мою руку и слегка потерлась о мое колѣно.

Вдругъ я услыхалъ, что чей-то звучный голосъ позвалъ мою новую знакомку, которая стремглавъ бросилась отъ меня. Я взглянулъ по тому направленію, откуда послышался зовъ, и шагахъ въ десяти отъ себя увидѣлъ красиваго мужчину въ военномъ платьѣ. Лицо его мнѣ показалось знакомымъ.

Гдѣ я видѣлъ это симпатичное лицо?—спросилъ я себя.

Однако память отказывалась помочь мнѣ отвѣтить на этотъ вопросъ. А знакомыя черты симпатичнаго лица почему-то такъ и напрашивались на то, чтобы ихъ вспомнили. Онѣ близко-близко стояли отъ поля яснаго сознанія, но всё мои усилія привести ихъ сюда изъ-подъ дымки забвенія оставались тщетны.

Собака и ея хозяинъ уже скрылись изъ моихъ глазъ, а я все еще спрашивалъ себя, гдѣ же, однако, я видѣлъ интересное лицо? Мнѣ почему-то захотѣлось непременно вспомнить это...

Я почти не замѣтилъ прошедшихъ мимо меня двоихъ военныхъ, пристально посмотрѣвшихъ въ мою сторону, и опять занялся не удававшейся мнѣ работой памяти.

Нѣтъ, все-таки вспомню же! подумалъ я и быстро пошелъ въ томъ направленіи, куда ушелъ заинтересовавшій меня господинъ. Я не замѣтилъ того, что обратилъ на себя вниманіе тѣхъ двоихъ военныхъ, которые за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ прошли мимо меня. Всецѣло поглощенный занявшей меня мыслью, я не замѣтилъ, что за мной слѣдили. На поворотѣ одной изъ дорожекъ парка предо мной еще разъ промелькнулъ военный съ собакой. Однако подойти къ нему ближе мнѣ не удалось. Я, повидимому, попалъ въ другую аллею, которая привела меня къ Невѣ.

Потерявъ надежду увидѣть вблизи интересное лицо, я позаботился о возвращеніи на квартиру, куда съ помощью разспросовъ пришелъ уже къ полудню. Мнѣ нужно было спѣшить къ отходу поѣзда, и я началъ укладываться. Вдругъ слышу въ передней звонокъ, а затѣмъ звонъ шпоръ. Съ удивленіемъ оглядываюсь на дверь и чего-то жду. Наконецъ на порогѣ появился одинъ изъ тѣхъ двоихъ офицеровъ, которыхъ я видѣлъ проходившими вслѣдъ за господиномъ съ собакой. Кромѣ него, черезъ раскрытую дверь я увидѣлъ еще двоихъ жандармовъ. Не понимая, что значить этотъ странный визитъ, я спросилъ офицера, что ему угодно.

— Вы собираетесь куда-то? Можетъ быть, торопитесь?—услышалъ я вмѣсто отвѣта.—Но мнѣ приказано задержать васъ... Именемъ закона, я васъ арестую,—добавилъ офицеръ.

Признаться, я ужасно струсиль. Комната, чемоданы, офицеръ и жандармы такъ и поплыли куда-то мимо меня.

— За что?—едва я могъ, наконецъ, выговорить.

— Извольте одѣться и слѣдовать за мной,—приказалъ офицеръ, не отвѣчая на мой вопросъ.

Я началъ одѣвать пальто. Руки не повиновались мнѣ, когда я застегивалъ пуговицы. Жандармы мнѣ помогали.

За что? Неужели меня приняли за какого-нибудь преступника? думалъ я. И, точно гвозди, сверлили мой мозгъ эти вопросы, которые особенно были тяжелы потому, что на нихъ я не находилъ отвѣта.

Черезъ нѣсколько минутъ я сидѣлъ въ темной каретѣ между жандармами. Карета покатилась.

Куда меня везли—я не зналъ...

Не буду говорить, что я переживалъ въ теченіе тѣхъ нѣсколькихъ минутъ, которыя понадобились для моего страннаго путешествія. Необыкновенный, таинственный и такой страшный случай совершенно парализовалъ мой мозгъ. И я ни о чемъ не думалъ, ничего не могъ сообразить.

Наконецъ карета остановилась. Меня вывели на какомъ-то пустынномъ дворѣ, окружавшемъ огромное, мрачное зданіе казеннаго стіля. Должно быть, тюрьма, — мелькнула въ моей головѣ догадка.

Въ сопровожденіи жандармовъ и офицера, я вышелъ въ огромную дверь, охранявшуюся часовымъ. Меня провели черезъ длинный коридоръ въ большую мрачную залу.

— Можете сѣсть, — сказалъ мнѣ офицеръ, проходя дальше.

Я сѣлъ и сталъ чего-то ждать. Тамъ, за стѣною, мнѣ чудилась одиночная камера каземата, и въ то же время слабая надежда на благополучный исходъ моего приключенія не покидала меня ни на минуту.

Прошло нѣсколько минутъ. Долгими показались онѣ мнѣ! Жандармы продолжали стоять возлѣ меня, точно каменные, и ихъ близость особенно угнетала меня.

Наконецъ одна изъ дверей залы отворилась.

— Пожалуйте сюда, — крикнулъ появившійся на порогѣ офицеръ.

Я всталъ. Жандармы зазвенѣли шпорами, проводили меня до двери и остановились. Я вошелъ въ полутемный кабинетъ, гдѣ за столомъ сидѣлъ генераль.

— Вотъ онъ, ваше превосходительство, — сказалъ офицеръ, указывая на меня.

— Кто вы? Какъ ваша фамилія? — обратился генераль ко мнѣ. Я назвалъ себя.

— Да?! Вотъ что! А зачѣмъ вы пріѣхали въ Петербургъ?

Я объяснилъ.

Начался форменный допросъ.

— Это вы сегодня гуляли въ паркѣ?

— Да, я.

— И къ вамъ подходила собака?

— Собака?! — удивленно воскликнулъ я.

— Да, собака, — сказалъ генераль.

Я сразу понялъ, что моя бѣда имѣетъ какую-то связь съ утреннимъ моимъ приключеніемъ въ паркѣ. Но какое отношеніе имѣетъ собака къ моему аресту? Развѣ мало собакъ подходило ко мнѣ, когда я звалъ ихъ, но вѣдь не арестовывали же меня? думалъ я, забывая отвѣчать.

Генераль повторилъ вопросъ.

— Да, ко мнѣ подходила собака, — отвѣтилъ я.

— А раньше вы бывали въ Петербургѣ? — спросилъ генераль.

Я отвѣтилъ отрицательно.

— Почему въ паркѣ вы быстро пошли за хозяиномъ собаки?

— Мнѣ показалось его лицо знакомымъ, но я не могъ вспомнить, гдѣ это лицо я видѣлъ. И вотъ, чтобы ближе присмотрѣться къ

этому лицу, я и пошелъ вслѣдъ за господиномъ... Мнѣ почему-то казалось нужнымъ вспомнить его,—объяснилъ я.

Генераль улыбнулся.

— Можеть быть, вы его видѣли вотъ гдѣ?—сказаль онъ, указывая на стѣну.

Я взглянулъ въ указанномъ направленіи и... вспомнилъ то, что не могъ вспомнить въ паркѣ. Съ огромнаго портрета, висѣвшаго на стѣнѣ, на меня смотрѣль образъ того, предъ кѣмъ благоговѣла тогда Россія, кто далъ свободу милліонамъ людей, короче—я увидѣль портретъ Царя-Освободителя, портретъ того господина, который гуляль въ паркѣ съ прекрасной собакой.

Изумленный взглядъ свой я перевелъ на генерала.

— Да, это онъ... Я видѣль его сегодня въ паркѣ и каждый день на портретахъ,—произнесъ я.

— А позвольте еще предложить вамъ одинъ вопросъ,—сказаль генераль.—Васъ кто-нибудь знаетъ въ министерствѣ юстиціи?

— Конечно,—отвѣчалъ я.—По дѣламъ службы я ежедневно бываль тамъ въ теченіе недѣли.

Далѣе я назваль одного изъ крупныхъ чиновниковъ, у котораго былъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

— Пригласите Петра Александровича на минутку сюда: онъ, вѣроятно, еще здѣсь,—обратился генераль къ офицеру, почтительно стоявшему у входа.

— Итакъ, собака подошла къ вамъ... Странно... очень странно,—сказаль генераль послѣ того, какъ офицеръ вышелъ.

Я не могъ понять, что страннаго было въ томъ, что собака императора подходила ко мнѣ.

— Садитесь, пожалуйста,—произнесъ генераль, указывая мнѣ стуль.

Я сѣлъ. Вошелъ офицеръ, въ сопровожденіи знакомаго мнѣ чиновника.

— Не знаете ли, ваше превосходительство, этого господина?—указывая на меня вошедшему чиновнику, спросиль допрашивавшій меня генераль.

— Это—секретарь к—го окружнаго суда,—отвѣтилъ спрошенный.

— Благодарю васъ... Извините, что обезпокоилъ... Извините и вы зато, что, благодаря недоразумѣнію, я васъ задержаль здѣсь,—обращаясь сначала къ чиновнику, а потомъ ко мнѣ, сказаль генераль.

Точно камень свалился съ меня.

— Однако, въ чемъ же дѣло, господа?—недоумѣвающимъ топомъ спросиль чиновникъ.

— Да видите ли,—началь генераль:—этотъ господинъ (генераль указаль на меня) только что освободился изъ-подъ ареста...

Сегодня въ паркѣ, гдѣ ежедневно гуляетъ императоръ, къ нему подошла собака Его Величества... Понимаете, подошла собака императора!

— Неужели?—удивился чиновникъ.

— Да, представьте!

Я, признаться, буквально ничего не понималъ изъ того подчеркиванія, съ какимъ произносилась фраза: «подошла собака императора». Повидимому, то, что ко мнѣ подошла собака, было чрезвычайно необыкновеннымъ событіемъ.

— Да, ни къ кому постороннему до сихъ поръ не подходила, а къ господину секретарю подошла,—говорилъ генераль, указывая на меня.—Къ тому же г. секретарь, на свою бѣду, немножко торопливо вздумалъ подойти къ гулявшему государю. Ну, и навлекъ на себя подозрѣніе... А все это, конечно, не могло не окончиться его арестомъ...

— Случай дѣйствительно незаурядный—произнесъ знакомый мнѣ чиновникъ.—Но, можетъ быть, вы объясните, почему къ вамъ подошла собака?—спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

И я рассказалъ о своихъ симпатіяхъ къ собакамъ.

— Собака,—говорилъ я,—инстинктивно почувствовала во мнѣ друга, а потому, мнѣ думается, и подошла ко мнѣ.

— Можетъ быть, можетъ быть!—произнесъ генераль.—А все-таки это странно... Очень странно!..

Я раскланялся и вышелъ. А на другой день съ большимъ удовольствіемъ оставилъ столицу...

Разсказчикъ замолчалъ. Слушатели же не рѣшались больше возобновлять спора. Доказательство, приведенное старымъ чиновникомъ, было настолько убѣдительно, что уже никто не могъ не согласиться съ доказаннымъ.

Впрочемъ, кто-то попробовалъ было объяснить все случайностью, но его никто не слушалъ...

И. М. П.

СТРАНИЧКА ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

АКЪ всегда, такъ и въ 1905 году было все тихо и мирно на Бакальскомъ посту Бакальскаго отряда Крымской бригады пограничной стражи. Закинутый среди полного безлюдья на побережье западнаго Крыма, постъ несъ свою незамѣтную, но тяжелую службу, охраняя берегъ своего района отъ посягательствъ контрабандистовъ. Каждый новый день, новая недѣля, новый годъ были похожи на предыдущій, какъ двѣ капли воды, и жизнь его шла по своему руслу, какъ хорошіе часы, забывающіе, однако, заявлять боемъ о своемъ существованіи. А время на посту измѣрялось не такъ календаремъ, какъ событіями, которыя для обитателей Бакала выражались лишь въ смотрахъ да перемѣнахъ въ командующемъ персоналѣ.

«Это было еще при ротмістрѣ N, или — это было до смотра начальника округа», говорили на Бакалѣ и, исполняя свою незамѣтную службу, съ трепетомъ ждали новаго пріѣзда начальника, пріѣздъ котораго создавалъ новую эру времяисчисленія и, въ то же время, несъ за собой или разность, или начальническую ласку, и то и другое какъ въ лотереѣ.

День начинался рано: еще только показывалось солнце изъ моря, съ той стороны, гдѣ были Севастополь, въ которомъ всѣ обитатели Бакала когда-то прошли обязательный курсъ обученія, какъ дежурный уже будилъ людей и они, поспѣшно вставая, бѣжали въ конюшню чистить лошадей. Чистка занимала много времени, такъ какъ лошадь и винтовка, два первыхъ друга пограничника, должны

быть всегда готовы къ дѣйствию. Послѣ чистки, если стояло лѣто, бѣжали къ морю на желтый песочекъ — лучшее купанье въ Крыму, и здѣсь, заражая воздухъ молодымъ весельемъ, десятокъ здоровыхъ людей плескался въ водѣ. Затѣмъ пили чай, разбирали ружья и занимались строемъ. За занятіями шель обѣдъ, и послѣ обѣда до вечера время тянулось безконечно.. Въ серединѣ дня, а иногда ночью, одинъ изъ обитателей Бакала вооружался, сѣдлалъ лошадь и уѣзжалъ «въ разъѣздъ», или, если онъ былъ пѣшій, шель «въ обходъ» по берегу моря до слѣдующаго поста. Тамъ, пройдя двадцать верстъ, онъ отдыхалъ и возвращался домой, гдѣ на минуту занималъ вниманіе своихъ товарищей разказами про жизнь сосѣдняго поста, а также и про тѣ новости, что медленно доходили по границѣ, часто извращаясь до невозможности.

Здѣсь, на заброшенномъ посту, лишь служба являлась развлеченіемъ, и солдатъ, назначенный въ разъѣздъ или въ тяжелый обходъ, бодро вскидывалъ винтовку и шель по берегу въ надеждѣ развлечься у сосѣдей.

Да и дорога, гдѣ съ одной стороны безконечное море, а съ другой степь, такая же ровная и безбрежная, какъ море, заставляла задумываться, вспомнить домъ и далекую родину, располагала мечтать какъ-то особенно сладко о прошломъ и таинственномъ будущемъ, такъ что всѣ солдаты поста дѣлались вдумчивыми и мечтателями и любили это уединеніе обхода, когда идешь одинъ среди безграничнаго простора моря и степи и мысли вереницей проходятъ въ мозгу, даже почти не фиксируясь въ немъ.

Также на постъ приходили «обходные» и изъ другого сосѣдняго отряда и тѣ уже несли новости изъ далекой Одессы, новости, прошедшія десятки постовъ и пріобрѣвшія, благодаря этому, фантастическій и обыкновенно пріятный для солдатскаго сердца характеръ.

Шла война. Но и война почти ничѣмъ не отразилась на жизни, а тѣмъ болѣе службѣ бакальцевъ. Все шло попрежнему, тѣ же занятія тѣ же обходы, только новости были еще фантастичнѣе и получались онѣ чаще и шли не только черезъ солдатъ, но и прочитывались грамотными изъ газетъ, доходившихъ до поста изъ кабинета командира, или журналовъ, высылаемыхъ на постъ.

И только къ чувству скуки, что всегда царила на посту, прибавилось новое чувство—уныніе отъ тѣхъ неудачъ, что терпѣла родная армія на сопкахъ далекой и чужой Манчжуріи. Стало еще скучнѣе, еще томительнѣе дѣлалась жизнь и хотѣлось событій, гдѣ можно было проявить накопившуюся силу, хотѣлось принести и свою скромную лепту на алтарь отечества, алтарь, который уже дымился отъ крови жертвъ, но дымъ отъ нихъ не поднимался къ небу... Жертвы были неугодны Провидѣнію...

Насталъ іюль. Никогда еще не было такъ жарко, такъ душно въ раскаленномъ воздухѣ, когда даже слабый западный вѣтеръ

несъ горячій степной песокъ и обжигалъ лицо. Море застыло и казалось одной огромной зеленой равниной, и рѣдкіе пароходы или турецкія парусныя фелюги медленно двигались среди дрожащаго воздуха, какъ бы вися въ пространствѣ, такъ какъ нельзя было найти границу между голубымъ небомъ и моремъ. И чайки, какъ бы застывшія въ воздухѣ, и корабли, и лѣзвивые дельфины, выскакивающіе изъ воды, чтобы глотнуть горячаго воздуха, все это напоминало миражъ и не вѣрилось, что гдѣ-то есть жизнь, кипятъ страсти, идетъ война, а внутри родины разгорается братоубійственная распря.

Какъ-то въ особо жаркій день обходной вышелъ съ поста и направился по берегу. Привычнымъ глазомъ окинулъ онъ горизонтъ и, не найдя на немъ ничего подозрительнаго, обычнымъ шагомъ пошелъ дальше, пытливо вглядываясь въ изрѣзанную береговую полосу и вспоминая, что «обходной долженъ тщательно наблюдать за моремъ и если замѣтитъ какой-либо выбой, или выброшенный моремъ трупъ, то обязанъ взять его подъ свою охрану».

И съ каждымъ шагомъ, по привычкѣ, въ головѣ, думающей тяжело и несвязно, зашевелились мысли. Вспомнилось, что говорили на собѣднемъ посту, куда дошли новости изъ Евпаторіи, что въ Севастополѣ беспокоино, что матросы хотять бунтовать, хотять перебить офицеровъ и заставить, чтобы все было по матросскому желанію, а желанія ихъ ограничивались большимъ жалованьемъ, лишней парой сапогъ и разрѣшеніемъ курить на улицѣ. Даже тяжелому солдатскому мышленію казались эти желанія какой-то несообразностью и казался отвратительнымъ и невѣроятнымъ этотъ слухъ.

«Жирныя свиньи,—думалъ обходной:—посади-ка васъ на Бакаль да прогоняй обходомъ, что бы вы заѣли? А вѣдь у насъ никто не собирается бунтовать, да и кровь проливать изъ-за лишней пары сапогъ—больно что-то не по-божески...» И въ душѣ поднималось чувство негодованія противъ тѣхъ красиво и чисто одѣтыхъ матросовъ, которыхъ такъ много видѣлъ онъ въ Севастополѣ, почти всегда пьяныхъ, ходящихъ толпами, отъ которыхъ онъ сторонился, боясь ихъ и гдѣ-то въ тайникахъ души завидуя ихъ свободному, сытному и привольному житію.

Пройдя по берегу версты двѣ, въ маленькомъ изгибѣ берега, гдѣ, почти не шевелясь, тихо дышало море, обходной увидѣлъ плотно закупоренную бутылку, которая плавно покачивалась въ зеленой водѣ.

«Выбой, — подумалъ обходной:—можетъ, и нарочно кто бросилъ о себѣ вѣсть подать», и обходной, подойдя къ берегу, началъ осторожно подгонять бутылку къ берегу, придвигая ее штыкомъ.

Черезъ минуту бутылка лежала на берегу. Это была обыкновенная винная, плотно закупоренная бутылка, но внутри ея лежала

какая-то бумажка, и это заинтересовало обходного. Напрасно онъ, поворачивая ее передъ солнцемъ, пытался прочесть, что написано на бумажкѣ, это не удалось ему. Раскрыть же бутылку онъ не рѣшался.

«Пойду на постъ, пусть командиръ посмотритъ, что тамъ есть», рѣшилъ обходной и, вскинувъ винтовку на плечо, быстрымъ шагомъ направился обратно, придерживая бутылку подъ мышкой.

Едва обходной вернулся на постъ и доложилъ начальнику поста о выбоѣ, какъ собрались всѣ нижніе чины и съ любопытствомъ начали разсматривать бутылку и дѣлать догадки о бумажкѣ, что была вложена внутри. Начальникъ поста, обдернувъ мундиръ и поправивъ фуражку, вышелъ и черезъ минуту вернулся съ командиромъ отряда.

— Это ты нашелъ выбою?—обратился ротмистръ къ обходному.

— Такъ точно, я. Такъ что я шелъ по берегу и осматривалъ мѣстность. Смотрю, около перваго загибчика, почти у берега—бутылка качается въ водѣ. Я ее вытянулъ и принесъ,—доложилъ обходной.

Командиръ отряда посмотрѣлъ бутылку на свѣтъ и велѣлъ ее разбить. Кто-то досталъ топоръ, положилъ бутылку на землю и осторожно ударилъ ее, бутылка треснула и разсыпалась, а на землѣ осталась аккуратно сложенная бумажка, которую солдатъ поднялъ.

— Извольте, ваше высокоблагородіе,—проговорилъ онъ, подавая бумажку командиру, окруженному солдатами, жавшимися другъ къ другу и съ любопытствомъ смотрѣвшими на бутылку.

Ротмистръ развернулъ записку и сталъ читать ее, быстро пробѣгая глазами. По мѣрѣ чтенія лицо ротмистра дѣлалось все серьезнѣе и печальнѣе, и рука, державшая записку, дрогнула. Ротмистръ снялъ фуражку, провелъ рукой по волосамъ и, будто не вѣря глазамъ, прочелъ записку еще разъ.

— Братцы,—началъ ротмистръ,—недавно, вѣроятно, случилось страшное преступленіе. Самъ Богъ, навѣрно, помогъ попасть этой запискѣ къ намъ на постъ, чтобы передать осиротѣвшей семьѣ вѣсточку о погибшемъ отцѣ. Слушайте, что здѣсь написано:

«Православные христіане, прошу, сообщите моему семейству, что я умираю невинно.

«Адресъ жены моей: Городъ Севастополь, 4 Продольная, домъ № 44, Маріи Васильевнѣ Зубченко.

«Прости, моя дорогая, цѣлую тебя и дорогихъ дѣтокъ: Дусю, Сережу и Марусю, прошу, не обижай дѣтокъ и меня не забывай.

«Похорони меня въ Севастополѣ, гдѣ нашъ родной флотъ.

«Шкиперъ броненосца «Князь Потемкинъ-Таврическій» Трофимъ Ст. Зубченко.

«Два раза былъ на смертномъ одрѣ отъ команды...»

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1911 г., т. сxxiv.

Командиръ кончилъ. Настала страшная тишина, и солдаты, одинъ за другимъ, сняли фуражки...

— Упокой Господи душу погибшаго,—сказалъ ротмистръ, и всѣ перекрестились, и лица стали серьезны, а глаза затуманились слезой.

— Сейчасъ сѣдлатъ очередную,—приказалъ командиръ:—надо немедленно отвезти записку въ штабъ,—и ротмистръ отправился домой писать рапортъ, а солдаты, какъ очарованные, остались на мѣстѣ и черезъ минуту заговорили...

«Такъ вотъ оно,—бунтъ!..—промелькнуло у каждаго въ головѣ:—что-то будетъ?..»

И до глубокой ночи горѣлъ огонь на посту—люди говорили: на Бакальскомъ посту была новость.

Безбрежное пространство зеленого, какъ изумрудъ, моря было совершенно спокойно. Море застыло, оно не двигалось, не шевелилось и лишь дышало тихо и ровно—почти незамѣтно. Парило. Люльскій зной глубоко въ море загналъ рыбу и рыбешку, лѣнивыя чайки неохотно взлетали въ воздухъ, дрожащій отъ тепла, и тотчасъ садились въ воду, бѣлыя, какъ алебастръ, точно неживыя.

Все замерло, природа наслаждалась покоемъ, тепломъ и красотой. Природа, но не люди...

Среди этого безбрежнаго покоя, могуче разрѣзая воду острымъ тараномъ и высоко поднимая вспѣнный ватъ, шелъ полнымъ ходомъ броненосецъ, какъ черное пятно, выдѣляясь среди зеленого моря, грозя своими орудіями изъ башенъ и бортовыхъ амбразуръ. Черный дымъ клубами вырывался изъ огромныхъ трубъ и не таялъ, а длинной чертой шелъ позади броненосца и терялся на горизонтѣ.

Но страннымъ казался броненосецъ для всѣхъ, кто хоть отчасти знакомъ съ флотомъ. Корабль шелъ, но нигдѣ не было видно на немъ офицеровъ, даже на капитанскомъ мостикѣ стояли матросы. По палубѣ оживленными кучками бродили матросы и даже «шканцы», святое мѣсто на кораблѣ, и тамъ были тѣ же матросы, среди нихъ какіе-то штатскіе съ характерными еврейскими фізіономіями и даже женщины...

Толпа эта шумѣла, волновалась и даже курила на тѣхъ «шканцахъ», куда никто не могъ зайти, не снявъ фуражку, гдѣ всегда стоялъ часовой и охранялъ гордый андреевскій флагъ...

Но что страшнѣе всего, что заставляло даже матросовъ вздрагивать и осторожно обходить роковыя мѣста,—это кровь на палубѣ, пятна ея, цѣлыя лужи... Казалось, здѣсь только что былъ бой, шелъ абордажъ, и лихой Черноморскій флотъ, когда-то гордо бороздившій грудь моря, снова внесъ въ свою исторію славную страницу...

Нѣтъ, было не то: «Князь Потемкинъ-Таврической», перебивъ офицеровъ, шель покорять Одессу красному флагу...

Въ маленькой бортовой каютѣ сидѣлъ, опираясь на письменный столъ, матросъ—унтеръ-офицеръ. Онъ вперилъ глаза въ открытый иллюминаторъ, и застывшій взглядъ, въ которомъ было лишь отчаяніе, выражалъ глубокую душевную муку...

Вотъ взглядъ его упалъ на карточки, разставленныя на столѣ. На одной какая-то красиво одѣтая дама, на другой морской офицеръ въ полной парадной формѣ, дальше нѣсколько дѣтей.

«Погибъ и онъ,—промелькнуло въ головѣ у матроса:—осиротѣли дѣти...» Матросъ поднялъ голову и осмотрѣлъ свою каюту. Въ каютѣ былъ полный беспорядокъ: всюду разбросано офицерское платье, кровать смята, все носило слѣды борьбы...

— Трофимъ Степановичъ!—раздался за дверью голосъ, дрожащій и робкій.—Сейчасъ за вами придуть, молитесь Богу, простите и прощайте, бѣгу я...

Матросъ вскочилъ.

«Умирать значитъ пора,—мелькнула мысль,—за что умирать,—прошенталъ онъ:—да еще отъ матросской руки...» И онъ снова тяжело опустился на стулъ.

Но вдругъ энергія сверкнула въ его глазахъ. Онъ пошарилъ по столу, взялъ листъ бумаги и началъ что-то писать.

«Брошу въ бутылкѣ, авось дойдетъ до пограничной стражи, а ужъ тѣ доставятъ письмо домой», подумалъ матросъ, и рука забѣгала по бумагѣ.

Онъ написалъ. Затѣмъ всталъ и, найдя бутылку отъ вина, уложилъ записку, плотно закупорилъ и, перекрестившись, просунулъ бутылку въ иллюминаторъ.

— Помогите Господи,—проговорилъ онъ и разжалъ пальцы...

Почти одновременно звякнулъ замокъ, и нѣсколько матросовъ, вооруженныхъ винтовками, стали у двери.

— Выходи, Зубченко,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—товарищи требуютъ.

Зубченко поднялся, тупо посмотрѣлъ на вошедшихъ и вышелъ. Матросы окружили его со всѣхъ сторонъ. Вотъ прошли каютъ-компанію, поднялись по лѣстницѣ, и въ глаза Зубченку ударило солнце.

На палубѣ стояла толпа матросовъ, а среди нея выдѣлялись штатскіе. Изъ толпы отдѣлился одинъ матросъ со звѣрскимъ выраженіемъ лица.

— Трофимъ Зубченко, ты судомъ товарищей, возставшихъ за народъ, приговоренъ къ смертной казни...

— Шкура продажная,—крикнулъ кто-то.—Въ воду его, чего смотрѣть!—загадѣли въ толпѣ.

— Братцы! православные, — крикнулъ Зубченко: — за что грѣхъ на душу берете, за что убиваете...

И въ этотъ моментъ что-то разорвалось впереди Зубченка, и легкій синеватый дымокъ поднялся отъ десятка ружей. Зубченко схватился за грудь, шагнулъ впередъ и, пошатнувшись, упалъ во весь ростъ, заливая кровью бѣлую палубу...

Нѣсколько матросовъ подбѣжали къ нему и поволокли по палубѣ, оставляя за собой широкій кровавый слѣдъ. Вотъ размахнулись у борта, и тѣло Зубченка, мотнувшись несуразно, бухнулось въ море...

А броненосецъ шель полнымъ ходомъ, попрежнему дымя изъ своихъ трубъ, море такъ же ровно дышало, и только нѣсколько круговъ, какъ отъ брошеннаго камня, расходились у могилы Зубченка, да нѣсколько кровавыхъ пятенъ въ этихъ расходящихся кругахъ говорили про страницу человѣческой злобы и варварства...

Н. Несмѣловъ.

ДРАГОМИРОВЪ И СКОБЕЛЕВЪ.

БЫВШІЙ кievскій генераль-губернаторъ, покойный генераль-адъютантъ М. И. Драгомировъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей и полководцевъ нашего времени. Имя его очень часто связывалось съ именемъ нашего другого знаменитаго полководца и народнаго героя М. Д. Скобелева.

Скобелевъ и Драгомировъ! Драгомировъ и Скобелевъ!..

Вотъ два знаменитѣйшихъ полководца Россіи конца XIX вѣка.

Оба они начали почти одинаково и въ одно и то же время свою карьеру и службу. Оба сражались на однихъ поляхъ. Оба участвовали въ однихъ и тѣхъ же походахъ, битвахъ, сраженіяхъ, гдѣ и заслужили всемирную извѣстность и огромную славу.

Оба были большими друзьями и товарищами, хотя разные по натурѣ своей и характеру, но одинъ дополнялъ другого...

Скобелевъ—геніальный полководецъ-энтузіастъ. Поэтъ войны и меча. Народный герой и любимецъ солдатъ. Равный Суворову—по прекрасному выраженію академи генеральнаго штаба.

Драгомировъ—не менѣе знаменитый полководецъ-тактикъ, стратегъ. Военный ученый, писатель. Большой знатокъ быта солдатъ и вообще военной жизни Россіи.

Настоящій командирь-отецъ! И хорошій, администраторъ, заслужившій себѣ и на этомъ поприщѣ всеобщую любовь и извѣстную славу.

Скобелевъ умеръ слишкомъ рано и давно, и мы не знаемъ, чѣмъ бы онъ былъ потомъ, если бы его роковая судьба не прервала внезапно его яркой, какъ взшедшая на небосклонѣ и потухшая звѣзда, кипучей страстной жизни въ самомъ расцвѣтѣ его молодыхъ лѣтъ, таланта, генія и славы. И имя его стало для насъ уже легендарнымъ.

Драгомировъ скончался недавно, всего пять лѣтъ тому назадъ, въ глубокой старости, совершивъ въ своемъ предѣлѣ земномъ все для него возможное, доступное.

Но и тотъ, и другой останутся навсегда памятны въ русской исторіи и въ сердцахъ народа своего.

Теперь—послѣ недавней кончины одного и близящагося торжества постановки памятника въ Москвѣ другому—какъ разъ время вспомнить объ нихъ и рассказать все намъ извѣстное...

Знакомство и дружба Драгомирова со Скобелевымъ начались еще въ Туркестанѣ, когда они оба были въ молодыхъ офицерскихъ чинахъ и только еще начинали свою карьеру.

Во время одного изъ кровавыхъ штурмовъ глиняныхъ средне-азиатскихъ городковъ-крѣпостей они, какъ-то незамѣтно и сразу, сошлись другъ съ другомъ, а послѣ даже выпили, какъ тезки, на «ты», поклявшись при этомъ никогда не измѣнять, всегда помогать и взаимно жертвовать для друга собою.

Такіе нравы были, въ то доброе старое время, не въ рѣдкость, а въ обычай въ нашей арміи на Кавказѣ и въ Туркестанѣ, когда дружба, товарищество, куначество, братство сильно развивались и процвѣтали тамъ, какъ и вообще и въ остальной Россіи.

Оторванность, отрѣзанность, заброшенность далеко отъ Россіи, отъ родины—среди враговъ, среди враждебнаго, чуждаго населенія дикаго края; непрерывные военные походы, битвы, сраженія, постоянныя тревоги, опасности, лишенія какъ-то невольна, сами собой, сродняли, близили всѣхъ и каждого безъ различія чиновъ, положенія и званія въ арміи, и наши русскіе заброшенные на далекія окраины и предоставленные, самимъ себѣ отряды жили тогда тѣсной и дружной братской семьей. И такая дружба, куначество, братство была тогда дѣйствительно, по старо-кавказской и туркестанской пословицѣ, вѣрна, крѣпка и сильна, какъ булатъ, какъ смерть, и выдерживала всякія испытанія, заставляя часто даже друзей-враговъ-непріятелей жертвовать жизнью за друга своего.

Объ этомъ еще и до сихъ поръ ходятъ настоящія легенды на Кавказѣ и въ Туркестанѣ.

Драгомировъ былъ много старше и лѣтами, и чинами Скобелева, а потому вполнѣ естественно было, что дружба ихъ носила нѣсколько покровительственный характеръ по отношенію къ Ско-

белеву, какъ старшаго брата къ младшему брату другу-товарищу.

Судьба вскорѣ, однако, заставила ихъ разойтись въ разныя стороны. Скобелевъ остался въ Туркестанѣ, а Драгомировъ уѣхалъ въ Россію. Но дружба ихъ не потеряла отъ этого для нихъ своего значенія.

Прошло много лѣтъ. Скобелевъ успѣлъ въ Туркестанѣ. И звѣзда его поднялась высоко и засіяла ярко. Онъ, еще совсѣмъ молодой человекъ, былъ уже въ большихъ чинахъ, имѣлъ золотое оружіе за храбрость и Георгіевъ—въ петлицѣ и на шею, и занималъ, къ тому же, довольно важный, высокій и отвѣтственный постъ ферганскаго губернатора въ только что завоеванномъ имъ самимъ Коканскомъ краѣ. Но вмѣстѣ съ этимъ, какъ водится у насъ, онъ приобрѣлъ себѣ много враговъ и завистниковъ, которые и постарались оклеветать его и подорвать довѣріе къ нему въ высшихъ военныхъ сферахъ, уже давно косившихся на необычайные успѣхи его и громкую славу.

Кончилось для Скобелева все это весьма печально. Онъ былъ внезапно отозванъ съ своего высокаго поста ферганскаго губернатора въ Россію и даже впалъ въ немилость самого государя.

Въ Петербургѣ ему прямо заявили тогда, что онъ больше не нуженъ Россіи и въ Туркестанѣ; что всѣ его подвиги были выдуманы или совершены имъ въ пьяномъ видѣ... А если что и было сдѣлано имъ вообще въ Туркестанѣ, то это дѣлалось не для славы и чести Россіи, а для собственнаго его честолюбія... И потому онъ еще долженъ заслужить всѣ свои чины и Георгіи, полученные имъ въ Туркестанѣ...

Это былъ уже второй подобный случай у насъ тогда въ Туркестанѣ. Первый — съ извѣстнымъ генераломъ Черняевымъ; а второй со Скобелевымъ!

И вотъ молодой, даровитый и храбрый боевой генералъ остался вдругъ «не у дѣлъ» — подобно Черняеву. Да еще наканунѣ большой и серьезной войны съ Турціей—за освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига! Ему тамъ совсѣмъ не нашлось мѣста въ арміи! А разная завалищая, старая глупая бездарность, низость, лесть и аристократы-фазаны, никогда даже не нюхавшіе порошу и не видавшіе огня, кромѣ дыма и искоръ отъ своей папироски, были приглашены въ руководители арміи.

Наши войска стояли уже въ Кишиневѣ—на границѣ Болгаріи, готовясь перейти Дунай и начать свои первые шаги освободительной войны въ Турціи. А Скобелевъ—этотъ знаменитый будущій Бѣлый генералъ—томился и скучалъ у себя въ рязанскомъ имѣннѣ отъ бездѣлья, не зная, какъ ему быть и что ему дѣлать? Его неудержимо и страстно тянуло туда, далеко, на югъ—за кра-

сивый, широкій и синій Дунай. И онъ всѣми силами своей молодой и храброй души стремился на войну, въ армию. Къ новымъ битвамъ, къ новымъ походамъ, къ новымъ сраженіямъ, опасностямъ и славѣ!..

Но его не приглашали, не звали туда... Ему даже неофициально было запрещено являться и не показываться вовсе на глаза. И знаменитый Бѣлый генераль переживалъ въ это время самыя тяжелыя и скверныя минуты въ своей жизни.

Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ, скверныхъ минутъ печальнаго, грустнаго раздумья онъ и вспомнилъ тогда, что у него въ дунайской арміи есть еще одинъ старый, вѣрный, закадычный другъ и товарищъ. И онъ, недолго думая, написалъ ему письмо съ изложеніемъ всѣхъ своихъ обстоятельствъ и своего настоящаго, тяжелаго, грустнаго положенія. И въ заключеніе всего просилъ товарища и друга похлопотать тамъ за него передъ вышними, сильными и, если можно будетъ, то вызвать его къ себѣ въ армию.

Скобелевъ не ошибся.

Старый, вѣрный другъ, по пословицѣ, оказался лучше новыхъ двухъ. И, спустя короткое время, отвѣтилъ ему, что «дѣло идетъ понемногу на ладъ и чтобы онъ готовился къ скорому выѣзду». А черезъ нѣсколько дней—онъ уже вызвалъ его депешей въ армию.

Обрадованный Скобелевъ немедленно собрался и уѣхалъ.

Положеніе его, однако, на первыхъ порахъ было настолько неопредѣленное и шаткое, что ему долго еще не давали никакого назначенія. Несмотря на всѣ хлопоты и просьбы Драгомирова и благосклонное отношеніе Милотина, онъ все еще оставался «не у дѣлъ». На него всѣ косо смотрѣли. Ему не довѣряли еще. Его нарочно даже оскорбляли, насмѣшливо называя «побѣдителемъ халатниковъ». И ему, уже достаточно заслуженному и боевому, даровитому, храброму полководцу-генералу приходилось самому себѣ создавать положеніе, съ бою завоевывать мѣсто и успѣхъ въ арміи да еще при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Приходилось самому себѣ искать мѣста, службы; самому себѣ выдумывать назначенія, часто совершенно не соответствующія его чину и славѣ...

И тутъ ему Драгомировъ много помогъ. Онъ оставилъ его у себя при штабѣ своей 14-й пѣхотной армейской дивизіи. И, смѣшно сказать, самъ Скобелевъ назначилъ себя къ нему ординарцемъ-охотникомъ для порученій!..

Въ это время наша армія готовилась, какъ разъ, перейти Дунай и границу Болгаріи, и 14-й пѣхотной Драгомировской дивизіи предстояла честь первой перейти эту знаменитую славянскую рѣку и начать свои первыя военныя дѣйствія противъ турокъ.

15-е іюня авангардъ русской арміи 14-я пѣхотная дивизія перешла въ ночь черезъ Дунай у Зимницы-Систова, и послѣ про-

должительнаго упорнаго боя овладѣла турецкими высотами, берегомъ и городомъ.

Скобелевъ въ этомъ первомъ дѣлѣ много помогъ и совѣтами, и дѣйствіемъ Драгомирову, о чемъ Драгомировъ заявилъ самъ въ своей реляціи. вмѣстѣ съ тѣмъ это было его первымъ подвигомъ въ эту войну на Дунаѣ, расчистившимъ ему немного дорогу.

Дѣло происходило такъ. Въ ночь переправы наши войска отправились въ лодкахъ на другой берегъ. Скобелевъ и Драгомировъ вмѣстѣ со штабомъ своимъ—адъютантами и ординарцами—находились тамъ же. Едва отчалили съ третьимъ рейсомъ наши лодки на турецкій берегъ, какъ турки стали осыпать ихъ съ своихъ высотъ пулями. И на противоположномъ берегу завязался отчаянный бой.

Драгомировъ стоялъ и смотрѣлъ, наблюдая сраженіе.

Въ страшномъ пороховомъ дыму и рѣчнымъ, нагорномъ утреннемъ туманѣ—все казалось ему страшно безтолковымъ, смутнымъ, туманнымъ...

— Ничего не разберешь... лѣзутъ, лѣзутъ... пруть...—говорилъ онъ въ волненіи Скобелеву. И они оба стояли, и въ раздумьи, молча глядѣли.

Какъ вдругъ, совершенно неожиданно, раздался веселый, радостный голосъ Скобелева.

— Ну, Михаилъ Ивановичъ, поздравляю тебя съ побѣдой! Твои молодцы одолѣли.

— Гдѣ, гдѣ... ты это видишь?

— На рожѣ у солдата... Взгляни на эту рожу... Такая у него, когда онъ одолѣлъ... Любо смотрѣть, какъ претъ...

И Драгомировъ, взглянувъ на своихъ солдатъ, понялъ тогда эту психологическую тайну, нигдѣ не разъясненную, ни въ одномъ учебникѣ тактики.

Еще не было и 9 часовъ утра, какъ турки вездѣ отступили. Но на правомъ флангѣ еще горѣла перестрѣлка.

— Не пора ли уже остановить солдатиковъ?—сказалъ Скобелевъ.

— Пора-то, пора, да некого послать у меня. Всѣ ординарцы въ разгонѣ,—отвѣтилъ Драгомировъ.

— Хочешь, пойду?—предложилъ Скобелевъ. И тотчасъ отправился. Это былъ его первый подвигъ за Дунаемъ, о которомъ говорили тогда всѣ съ восторженнымъ удивленіемъ.

Въ своемъ бѣломъ кителѣ онъ пошелъ тихою и смѣлою походкою, точно гулялъ на бульварѣ, какъ настоящій храбрый и совершенно опытный боевой офицеръ—по словамъ Драгомирова—въ самый жаръ сраженія мимо виноградниковъ, гдѣ засѣли стрѣлявшіе наши стрѣлки, а имъ съ своихъ высотъ отвѣчали турки. Идетъ мимо, подходитъ къ стрѣлкамъ, останавливается, разго-

вариваетъ—съ однимъ поговорить, другого одобрить, а третьему съ веселой, милой улыбкой, такой симпатичной, душевной, прекрасной, обаятельной на его красивомъ молодомъ лицѣ, пріятливое ласковое слово скажетъ...

И, такимъ образомъ, онъ одинъ обошелъ всѣ войска, передавая по пути приказаніе Драгомирова. Однако и тутъ нашлись завистники-начальники, которые замѣтили Скобелеву, что онъ не въ свое дѣло суется. Настолько еще велика была злоба и зависть къ нему!..

А когда на другой день радостный государь императоръ Александръ II, торжественно обходя свои войска и поздравляя ихъ съ побѣдой, первой противъ турокъ, подошелъ затѣмъ къ Драгомирову и, милостиво его обнявъ, расцѣловалъ, Драгомировъ счелъ долгомъ своимъ представить своихъ ближайшихъ начальниковъ—бригадныхъ командировъ и Скобелева, то государь императоръ, милостиво обнявъ обоихъ командировъ, расцѣловалъ, а на Скобелева даже не взглянулъ и... отвернулся...

Таково было тогда положеніе Скобелева въ арміи.

Но уже скоро гений, слава и храбрость—побѣдили личную вражду, злобу и зависть, и имя Бѣлаго генерала прогремѣло по цѣлому свѣту.

Драгомировъ, какъ извѣстно, былъ вскорѣ раненъ на Шипкѣ, въ памятные августовскіе шипкинскіе дни, когда шестидесятитысячная турецкая армія Сулеймана обрушилась лавиной на горсть нашихъ героевъ, защищавшихъ знаменитый переваль и вершину св. Николая. Рана его (въ колѣно) оказалась настолько серьезной и опасной, что ему пришлось возвратиться въ Россію.

Этимъ и закончилась его славная дѣятельность въ освободительную войну 77—78 годовъ. Скобелевъ же остался въ арміи и блистательно совершилъ всю кампанію.

Судьба и служба снова разлучили ихъ. Но дружба ихъ оставалась неизмѣнной и вѣрной до самой смерти, несмотря на позднѣйшія убѣжденія и разность взглядовъ на политику, войну и солдата.

Вскорѣ послѣ войны Драгомировъ былъ недолго начальникомъ академіи генеральнаго штаба, а затѣмъ былъ назначенъ на высокий, важный и отвѣтственный постъ кievскаго генераль-губернатора и командующаго войсками въ свой любимый городъ Кіевъ, гдѣ онъ и оставался почти вплоть до самой своей смерти, заслуживъ на рѣдкость за свое долгое управленіе всеобщую любовь и уваженіе всѣхъ кievскихъ гражданъ, которые и по сіе время еще вспоминаютъ о немъ съ хорошими, свѣтлыми чувствами, любовью и уваженіемъ.

Занимая въ теченіе многихъ лѣтъ свой высокій, важный и отвѣтственный постъ кievскаго генераль-губернатора и командующаго войсками въ самую мрачную пору реакціи прошлаго царствованія и въ такомъ еще прославленномъ революціей городѣ, какъ Кіевъ, онъ сумѣлъ, однако, и царю съ вѣрой и правдой послужить, заслуживъ любовь и уваженіе покойнаго императора Александра III, и любовь гражданъ приобрѣсти, сохраняя при этомъ строго порядокъ, право и законъ и не прибѣгая никогда ни къ какимъ репрессіямъ, но вѣчно стоя на высотѣ своей власти, на стражѣ закона, порядка и справедливости.

Это былъ идеальнѣйшій администраторъ, идеальнѣйшій генераль-губернаторъ, какихъ уже нѣтъ теперь, въ настоящее смутное время.

За всю свою жизнь, за всю свою долгую службу на административно-военномъ посту кievскаго генераль-губернатора и командующаго войсками—онъ не подписалъ ни одного смертнаго приговора, никого не заключилъ въ тюрьму, никого не выслалъ своей властью изъ предѣловъ своего генераль-губернаторства, не закрылъ ни одного мѣстнаго періодическаго изданія... И это—въ самую пору мрачной реакціи, когда все и вся кругомъ насильно вводилось въ условныя, желѣзныя, репрессивныя рамки! Наоборотъ — онъ часто даже самъ ходатайствовалъ за невинно пострадавшихъ, заключаемыхъ и высылаемыхъ, случайно попавшихъ подъ колесо реакціи. И намъ извѣстенъ не одинъ случай, когда онъ потомъ спасалъ и вызволялъ несчастныхъ студентовъ, отданныхъ за безпорядки въ солдаты.

Онъ былъ всегда убѣжденнымъ противникомъ репрессій и въ особенности смертныхъ казней въ Россіи. Онъ говорилъ, что никакая политика не искупитъ пролитой крови и загубленныхъ жизней. Онъ гордился всегда, что за всю свою жизнь, за всю свою службу — не подписалъ ни одного смертнаго приговора!

Въ этомъ онъ, дѣйствительно, вполне сходилъ со Скобелевымъ, который тоже однажды говорилъ, по поводу казней Роберта въ Кабулѣ: «Я предпочту бунтъ цѣлой области—казни одного туземца!..»

Когда въ Кіевѣ въ 1900 годахъ была поймана ужасная шайка цыганъ-разбойниковъ, вырѣзавшая 13 человекъ, и, преданная военному суду, приговорена имъ къ каторгѣ и смертной казни вожаку, то Драгомировъ отказался подтвердить этотъ вполне справедливый и законный приговоръ ужаснымъ злодѣямъ, заявивъ: «во всю свою жизнь, за всю свою службу не подписалъ ни одного смертнаго приговора!..» И приговоръ былъ представленъ на милость государя. И смертная казнь была замѣнена каторгой... злодѣямъ... Это было не такъ давно—всего какихъ-нибудь 10 лѣтъ тому назадъ—въ настоящее царствованіе.

Доступность и простота его вошли въ поговорку... И всякій въ Кіевѣ зналъ, что въ случаѣ чего онъ можетъ всегда найти защиту, право и законъ у покойнаго Драгомирова.

Онъ не разыгрывалъ изъ себя надменно-величественнаго, строгаго, сухого и недоступнаго бюрократа, не изображалъ собою раззолоченнаго идола и китайскаго богдыхана, а былъ всегда и вездѣ человѣкомъ—настоящимъ русскимъ человѣкомъ...

Благодушный, простой и правдивый—настоящій русскій славянинъ по природѣ своей, немного насмѣшливый, пронизательный и умный—онъ былъ совершенно чуждъ всякой мишурной торжественности и напыщеннаго величія власти и съ одного взгляда узнавалъ и понималъ человѣка. Онъ не любилъ сухого, мертвящаго, бумажнаго бюрократическаго формализма и ея канцелярщины. Онъ и на бумагѣ своей былъ такъ же точенъ, простъ и скоръ, какъ и на службѣ, какъ и въ жизни своей вообще. Его замѣчательные приказы всегда отличались своей характерной образностью, краткостью, точностью, понятностью, прямою и простотою, блистали насмѣшливымъ остроуміемъ и знаніемъ дѣла и били въ самую суть и цѣль его, а его изреченія—были настоящими афоризмами для военныхъ... Въ своихъ распоряженіяхъ онъ былъ такъ же точенъ, строгъ и суровъ и требователенъ, какъ и вообще со всѣми военными за что многіе его не любили и даже ругали за глаза.

Но въ частной жизни своей и своемъ обращеніи съ гражданами онъ былъ всегда добродушенъ, мягокъ и учтивъ и держался вѣжливаго обращенія. Онъ не хоронился отъ народа, не сторонился публики, а жилъ всегда съ ними одной общей жизнію. И всякій, кому только необходимо было, безъ различія чиновъ, положенія, званія, имѣлъ доступъ къ нему и зналъ, что его примутъ, выслушаютъ, войдутъ въ его положеніе и, если можно, дадутъ ему удовлетвореніе.

Тутъ строго слѣдуетъ различать Драгомирова генерала-солдата и командующаго войсками, отъ Драгомирова человѣка и администратора.

Съ военными онъ былъ до чрезвычайности строгъ, суровъ и требователенъ, и они не любили его и боялись. Въ арміи онъ держался всегда крѣпко-строгой, суровой дисциплины и постоянно слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ закона, устава и долга, за порядкомъ, формой и дисциплиною въ войскахъ. Особенно онъ подтягивалъ офицеровъ и начальниковъ!.. Съ нижними же чинами обходился заботливо, начальнически-отечески. Ему ничего не стоило неожиданно нагрянуть въ полкъ, произвести тамъ тщательный осмотръ и разнести за разныя упущенія начальство. Особенно же безпощадно и рѣзко онъ относился къ неблаговиднымъ поступкамъ, казнокрадству, хищеніямъ и проч. начальства. Онъ ихъ просто клеймилъ и по суду, и безъ суда!..

Его саркастическія, насмѣшливыя, язвительныя замѣчанія и выговоры въ приказахъ, точно бичъ, хлестали словами по лицу, и ихъ боялись страшно, какъ огня, пожалуй, даже болѣе самого Драгомирова!

Еще бы! Этому способствовала его большая популярность въ арміи и извѣстность въ высшихъ военныхъ сферахъ. Его читала вся военная Россія, и онъ былъ авторитетомъ для нея. Его литературно-военныя, тактическія работы, приказы, замѣтки и соображенія печатались во всѣхъ русскихъ, военныхъ журналахъ и изданіяхъ и переводились даже за границей. Они принимались къ свѣдѣнію въ арміи и даже часто становились закономъ для нея. Одно изъ такихъ его замѣчаній въ приказахъ надѣлало, въ свое время, много шума въ арміи и вызвало на него возраженія въ печати и нареканія на самого Драгомирова. Дѣло было въ томъ, что Драгомировъ какъ-то замѣтилъ, что офицеры и даже командиры-начальники въ своемъ обращеніи съ нижними чинами вольноопредѣляющимися и привилегированнаго званія употребляютъ мѣстоименіе «вы», а не «ты», какъ это принято вообще со всѣми нижними чинами въ арміи. И вотъ онъ по этому поводу издаетъ приказъ, въ которомъ и излагаетъ свое личное мнѣніе:

«Такъ какъ всѣ нижніе чины по отношенію къ офицерамъ-начальникамъ—равны... и такъ какъ всякій начальникъ-офицеръ для нихъ всѣхъ одинаковъ—«командиръ-отецъ», то и обращеніе ихъ потому со всѣми нижними чинами должно быть одинаковое и равное—заботливое, сердечное и отеческое. А потому всѣ офицеры должны обращаться съ нижними чинами на—«ты», а не на «вы»—безъ различія чиновъ, положенія, званія, не исключая даже вольноопредѣляющихся...»

Этотъ знаменитый приказъ былъ перепечатанъ во всѣхъ русскихъ военныхъ журналахъ и газетахъ и вызвалъ большія разногласія, возраженія и нападки въ печати и арміи. Но тутъ съ Драгомировымъ, совершенно неожиданно, согласился самъ государь, начертавшій на поляхъ приказа своею рукою: «Вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ г.-а. Драгомирова». И приказъ этотъ сталъ съ тѣхъ поръ настоящимъ закономъ и правиломъ для всей русской арміи, а обращеніе офицерскихъ чиновъ по отношенію къ нижнимъ чинамъ вольноопредѣляющимся и привилегированнаго званія официально измѣнилось на службѣ—съ вѣжливаго и почти обязательнаго мѣстоименія «вы» на грубое, солдатское, бурбонское «ты»...

Правъ ли былъ тутъ Драгомировъ? Это другой вопросъ, который не намъ рѣшать, а военной исторіи...

Можетъ быть, онъ и правъ бы былъ, если бы, согласно его духу, принципамъ и убѣжденіямъ, всѣ наши офицеры и командиры-начальники были настоящими командирами-отцами по отношенію къ своимъ солдатамъ. А то въ дѣйствительности оказалось совершенно дру-

гое, противоположное безсердечное, жестокое, рабское грубое... И этотъ его приказъ, вмѣсто того, чтобы сроднить и укрѣпить по духу начальниковъ съ нижними чинами въ арміи, какъ мечтали съ томъ Драгомировъ, вызвалъ только одну грубость, вражду, ненависть, дикій произволъ, поруганіе человѣческой личности и нарушеніе дисциплины.

Странно было, какъ могъ написать подобный приказъ такой генералъ, какъ Драгомировъ! Но человѣку суждено ошибаться, а другимъ ошибки его принимать за авторитетъ. И Драгомировъ во многомъ ошибался, особенно во вторую половину своей службы, когда и его наконецъ затянула въ свою тину бюрократія. Въ этомъ сказывалось вліяніе среды и времени...

Мнѣ самому пришлось на себѣ испытать этотъ приказъ его...

Было невыносимо тяжело, обидно и грустно смотрѣть, какъ какой-нибудь невѣжественный, пьяный, грубый бурбонъ-офицеръ нарочно, при случаѣ, третировалъ и издѣвался на улицѣ, публично, при всѣхъ, надъ нижнимъ чиномъ вольноопредѣляющимся съ университетскимъ значкомъ на груди, а тотъ, бѣдный, молчалъ и краснѣлъ, держа руку подъ козырекъ, на вытяжку, не смѣя, по духу дисциплины, и возразить бурбону-начальнику...

И такіе случаи бывали не въ рѣдкость!

Однажды я самъ лично своими глазами видалъ подобную сцену: какой-то молодой, задорный подпоручикъ остановилъ на улицѣ молоденькаго вольноопредѣляющагося, шедшаго вдобавокъ съ барышней подъ ручку гулять, и, придравшись за что-то къ нему, сталъ тутъ же третировать несчастнаго, нисколько не стѣсняясь ни дамы его, ни публики.

— Не умѣешь чести отдавать!.. Какъ руку держишь?... Я тебя научу!..— раздавалось громко и грозно на улицѣ.

И пошелъ, и пошелъ, и пошелъ... Молодой, безусый подпрапоръ разошелся во всю. Ему, видимо, доставляло громадное удовольствіе и наслажденіе травить несчастнаго и показать публично свою власть при всѣхъ надъ бѣднымъ нижнимъ чиномъ изъ вольноопредѣляющихся, который не сегодня завтра самъ будетъ такимъ же офицеромъ.

А несчастный вольноопредѣляющійся чуть отъ стыда и сраму не сторѣлъ!..

Совершенно смущенный, растерянный, приниженный, онъ стоялъ на вытяжку передъ офицеромъ, то краснѣя, то блѣднѣя... вотъ-вотъ готовый расплакаться... и самъ не зная, что дѣлать ему: бѣжать ли?.. или дать въ морду ему?

Барышня та совершенно расплакалась. А публика недоумѣвающе и негодующе глядѣла и спрашивала: въ чемъ дѣло?..

Смущенный, пристыженный офицеръ оставилъ ихъ наконецъ и ушелъ.

Не всегда, однако, подобные инциденты проходили такъ мирно, спокойно, безъ скандала.

Наоборотъ! Очень часто случалось, что несчастный, бѣдный нижній чинъ, выведенный изъ себя нелѣпыми, грубыми оскорбленіями и крайнимъ хамствомъ начальника, забывалъ дисциплину и отвѣчалъ на грубость еще большей грубостью и оскорбленіемъ ему.

А затѣмъ военный судъ, тюрьма, дисциплинарныя роты... конечно, нижнему чину... А начальнику—самое большее строгій выговоръ въ приказѣ. Были даже убійства и самоубійства несчастныхъ нижнихъ чиновъ, не могшихъ перенести нанесеннаго имъ оскорбленія, обиды и грубаго, жестокаго издѣвательства начальниковъ. То, смотришь, на грубое, площадное ругательство, брань бурбона-начальника нижній чинъ отвѣтилъ еще худшимъ ругательствомъ, и... попалъ въ тюрьму или арестантскія роты. То на оскорбленіе дѣйствіемъ — отвѣтилъ оскорбленіемъ дѣйствіемъ пощечиной... и попалъ на каторгу. То, доведенный до отчаянія безконечными придирками, надругательствами и издѣвательствомъ начальника—застрѣлилъ его изъ ружья или посадилъ на штыкъ...

Объ одномъ такомъ случаѣ я нарочно расскажу здѣсь для примѣра.

Это было въ 1896 году въ Закаспійской области, въ главномъ городѣ Асхабадѣ, во время моей службы. Однажды на Пасхѣ полковой командиръ позвалъ къ себѣ на допросъ въ кабинетъ молоденькаго аптечнаго фельдшера-вольноопредѣляющагося В. и сталъ его ругать площадными словами. Молодой интеллигентный юноша, только что выпущенный изъ московской военно-фельдшерской школы, гдѣ, конечно, привыкъ къ другому обращенію и къ другой дисциплинѣ, не стерпѣлъ и отвѣтилъ полковнику на грубость его дерзостью. А забывшійся бурбонъ-полковникъ ударилъ его по лицу. Молодой человекъ не снесъ пощечины и далъ ему сдачи. А потомъ, опомнившись, что онъ сдѣлалъ и что угрожаетъ ему за подобное нарушеніе дисциплины, въ страшномъ отчаяніи бросился вонъ. Прибѣжалъ, какъ сумасшедшій, въ аптеку и выпрыснулъ себѣ тутъ же подъ кожу огромную дозу морфія... И вотъ несчастный, бѣдный 17-лѣтній юноша къ вечеру скончался—погибъ безвременной смертью жертвой суровой, жестокой дисциплины и грубаго солдатскаго бурбонства... Теперь интересно знать, какъ же отнеслось къ этому высшее начальство?

А вотъ какъ! Когда къ дивизионному командиру, извѣстному манчжурскому, китайскому герою, теперь уже покойному Леневицу поступило донесеніе объ этомъ печальномъ случаѣ, то старый командиръ, отецъ-папаша, какъ его называли солдаты, только жестко-криво усмѣхнулся и прошамкалъ себѣ подъ усы: «Ишь, ты, г...

собачье! Пощечины снестъ не могъ». Этимъ все дѣло и окончилось, и его затушевали тогда.

Но въ томъ же году въ варшавскомъ округѣ отравились морфіемъ два кандидата на классную должность—фельдшера изъ вольноопредѣляющихся, и точно также при такихъ же условіяхъ.

И замѣчательнѣе всего, что такое грубое бурбонское обращеніе и солдатское хамство проявляли по большей части младшіе офицеры и низшіе чины арміи, а за ними, слѣдуя ихъ примѣру, и нижніе чины-начальники: фельдфебеля и унтеръ-офицеры. Вышіе же офицеры-начальники обращались всегда, за рѣдкими исключеніями, культурно-гуманно и вѣжливо.

Тяжело было, конечно, и невыносимо-стыдно гуманнѣмъ, культурнѣмъ и образованнѣмъ начальникамъ подобное обращеніе—обязательное, законное тыканье. Но еще тяжелѣе было оно для нижнихъ чиновъ-вольноопредѣляющихся и привилегированнаго званія. Очень часто попадало при этомъ и офицерамъ-начальникамъ за ихъ вѣжливое, культурное обращеніе «на вы», и они нерѣдко получали за это дисциплинарныя взыскаія и выговоры въ приказахъ отъ своего суроваго и грубаго начальства. Мотивировалось все это—подрывомъ дисциплины и авторитета власти начальниковъ. И ничего не подѣлаешь! Таковъ порядокъ и законъ! И многіе офицеры-начальники, сами краснѣя и смущаясь, тыкали, а то просто обходили совсѣмъ это проклятое, грубое, чисто русское мѣстоименіе «ты» въ своемъ обращеніи съ нижними чинами вольноопредѣляющимися и привилегированнаго званія...

И тутъ тоже замѣчательнѣе всего: артиллеристы, инженеры, саперы и прочіе офицеры нашихъ образованныхъ частей рѣдко употребляли это «ты», и даже противно духу, дисциплинѣ, закону и приказаніямъ начальства никакъ не могли примириться съ этимъ. А пѣхотные бурбоны и кавалерійскіе господа-пшюты, наоборотъ, были довольны этимъ, гордились и подчеркивали на каждомъ шагѣ и вездѣ.

За границей нѣтъ такого грубаго несообразія. Тамъ только на службѣ, въ казармѣ суровая дисциплина и строгое подчиненіе уставу и начальству. А внѣ службы всѣ свободны и равны. Военные часто одѣваются въ штатское платье, и все ограничивается вѣжливымъ отданіемъ чести.

Конечно, нечего и говорить, что такое обращеніе офицеровъ съ нижними чинами нисколько не сроднило, не сблизило ихъ съ ними въ арміи, а только еще хуже обострило ненависть, злобу, вражду и старое, вѣковое отчужденіе.

Все это такъ ярко проявилось въ нашу послѣднюю, несчастную войну и смутные дни революціи. Теперь уже время не то. И люди не тѣ. И солдаты не гордятся, какъ раньше, розгой, зуботычинами и грубымъ солдатскимъ бурбонствомъ. Наоборотъ, пра-

ственное сознание своего человѣческаго достоинства, вмѣстѣ съ образованіемъ, все глубже и глубже проникаютъ въ нашу армію. И тѣмъ хуже, больнѣе даетъ себя чувствовать эта нравственная солдатская заноза-болячка.

Конечно, тутъ не столько виноватъ былъ Драгомировъ, сколько наша русская военная среда, ея традиціи, обычаи и законы.

Самъ Драгомировъ относился не столь строго, сурово къ нижнимъ чинамъ, сколько къ офицерамъ и начальникамъ. Въ Кіевѣ про это немало рассказываютъ анекдотовъ: то онъ остановилъ офицера на улицѣ, не по формѣ одѣтаго, и приказалъ ему итти домой переодѣться, а затѣмъ отправиться на гауптвахту. То завелъ самъ другого въ магазинъ и приказалъ подрѣзать ему длинную не по формѣ шинель. То, замѣтивъ офицера въ галошахъ, приказалъ на улицѣ ему снять ихъ и нести въ рукахъ самому домой или на гауптвахту. И такихъ случаевъ—безчисленное множество.

Въ частяхъ онъ тоже строго преслѣдовалъ за непорядки и злоупотребленія начальниковъ и подтягивалъ офицеровъ. Онъ часто стыдилъ ихъ и выговаривалъ имъ за грубость, невѣжество и легкомысленное, безалаберное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и службѣ; не терпѣлъ собственноручной кулачной расправы надъ нижними чинами начальниковъ и не любилъ традиціоннаго офицерскаго удалства, ихъ скандальной лихости въ мирное время и этого популярнаго презрительнаго отношенія къ штафиркамъ.

Къ нижнимъ же чинамъ онъ относился всегда строго, аккуратно, справедливо и заботливо. И солдаты любили его, за исключеніемъ вольноопредѣляющихся, которые никогда не могли простить ему вышеописаннаго приказа.

Несмотря на весь свой высокій умъ и признанную всѣми авторитетность его, онъ во многомъ былъ неправъ, пристрастенъ и ошибался. А въ своихъ вопросахъ и взглядахъ-теоріяхъ на войну и солдата часто расходился съ дѣйствительностью времени. Напримѣръ: онъ не признавалъ у солдата совѣтъ своего собственнаго, духовнаго, личнаго «я» и говорилъ, что солдатъ есть пуля, пущенная въ непріятеля. Какъ пуля летитъ изъ ружья машинально, по волѣ солдата, такъ и солдатъ долженъ итти по волѣ начальника.

А Скобелевъ говорилъ совершенно наоборотъ: что нравственный и духовный элементъ у солдата по отношенію къ физическому равняется—какъ 3 къ 1.

Ошибочность перваго взгляда ясно выразилась въ послѣднюю несчастную русско-японскую войну, гдѣ вся наша армія, руководимая безславными и бездарными военачальниками, въ борьбѣ съ хитроумнымъ, культурнымъ врагомъ оказалась безумнымъ, дикимъ стадомъ.

Тутъ надо замѣтить, что Драгомировъ былъ генераль еще стараго покроя и учился въ николаевское время, и потому его нѣкоторые взгляды-теоріи невольно припахивали стариной. Но взгляды мѣняются, какъ время и люди. И вся вина Драгомирова заключалась въ томъ, что онъ откровенно и громко высказывалъ свои эти взгляды-теоріи, а другіе безпрекословно и рабски принимали ихъ за авторитетъ. И армія руководилась этими взглядами. Это была большая ошибка, несчастье.

Зато въ другихъ своихъ взглядахъ и соображеніяхъ онъ былъ прямо гениаленъ. И подчасъ предугадывалъ многое.

Когда началась неожиданно послѣдняя война, онъ сразу предсказалъ ей позоръ и неудачи пораженія, несмотря на хвалебныя патріотическія пѣсни кругомъ и гордые шовинистскіе крики печати. А когда на сценѣ потомъ появился Куропаткинъ со своимъ знаменитымъ девизомъ: «терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе», и всѣ по этому случаю принялись заранѣе расхваливать его кругомъ и предсказывать ему побѣду, какъ ученику-любимцу и товарищу-помощнику Скобелева, сравнивая его съ знаменитымъ Бѣлымъ генераломъ, то Драгомировъ тогда только улыбнулся и насмѣшливо сказалъ: «А кто же при немъ будетъ Скобелевымъ?»

И дѣйствительно, его слова оказались знаменательными! И Скобелева при Куропаткинѣ въ эту войну не было, какъ не было и ни одной побѣды.

Тутъ мы не будемъ разбирать всю военную дѣятельность Драгомирова и взгляды его. Это дѣло военнаго и исторіи. Мы только рассказываемъ о томъ, что видѣли и слышали о немъ, какъ о человѣкѣ и въ частности полководцѣ-администраторѣ.

Любимецъ покойнаго благодушнаго, простаго императора Александра III и самъ искренно любившій его, онъ твердо вѣровалъ въ его политику, принципы и законы и вѣрой-правдой служилъ ему. Самодержавіе, православіе и народность—эти три кита тогдашней русской политики—онъ считалъ незыблемыми основами Россійскаго государства и западныя новшества высмѣивалъ и отвергалъ. Но вмѣстѣ съ этимъ онъ никогда не былъ настоящимъ реакціонеромъ-ретроградомъ-вродѣ тогдашнихъ правителей-бюрократовъ К. П. Побѣдоносцева и гр. Д. А. Толстого. Онъ признавалъ необходимость для Россіи прогресса, культуры и цивилизаціи, чтобы не казаться отсталыми передъ Европой. Признавалъ нужнымъ для народа просвѣщеніе и образованіе. Не отвергалъ и гражданскихъ свободъ: свободы слова, печати и вѣроисповѣданія. Находилъ нужнымъ и мѣстное самоуправленіе, городское и земское, такъ какъ народу самому виднѣе и лучше на мѣстѣ, чѣмъ изъ центра-столицы.

Но все это онъ находилъ нужнымъ совершить по чисто-русской указкѣ и соображеніямъ, безъ всякихъ западныхъ новшествъ и

согласно русскимъ законамъ, духу, принципамъ, обычаямъ, традиціямъ и историческимъ преданіямъ. Такъ, онъ находилъ нужнымъ созвать земскій соборъ и государственную думу, которая, какъ и древле, вершила бы всѣ дѣла Россійскаго государства совмѣстно съ царемъ, безъ всякой бюрократической указки. Находилъ нужнымъ подачу и приемы челобитныхъ царю и полное единеніе царя съ народомъ, безъ всякаго посредства бюрократіи, которую онъ такъ же не любилъ, какъ и нашихъ крайнихъ революціонеровъ слѣва.

Въ этомъ онъ вполне сходилъ со Скобелевымъ, который тоже говорилъ тогда: учиться и брать отъ Запада все, что намъ нужно, но самимъ устраиваться, какъ лучше, дома.

И Скобелевъ, и Драгомировъ тогда, въ концѣ 80 годовъ, считались самыми популярными и прогрессивными генералами-народниками. И наше либеральное, передовое общество много возлагало надеждъ на нихъ.

Были слухи, что они имѣли связи съ нашими народовольцами и военной партіей ихъ. Рассказывали, что Скобелевъ, будучи въ Парижѣ, хотѣлъ завязать отношенія съ извѣстнымъ и популярнымъ эмигрантомъ Лавровымъ. А Драгомировъ, будучи тогда еще начальникомъ академіи генеральнаго штаба, будто бы сказалъ народовольцамъ-военнымъ: «Если будетъ удача, то я вашъ!»

Какъ бы то ни было, но только послѣ царевубійства 1 марта онъ отказался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и связей и сталъ враждебно относиться къ нигилистамъ-революціонерамъ.

Въ своей домашней, личной жизни Драгомировъ былъ также очень скромный и простой, не по чину и званію своему. Любилъ простыя, русскія блюда: щи да кашу, и особенно малороссійскія національныя кушанья: борщъ, галушки, вареники. Пилъ простую водку Смирновскую № 21, а иностранныхъ винъ не любилъ, называя ихъ презрительно квасомъ, хотя квасъ простой, хлѣбный, очень уважалъ и постоянно его пилъ, и утромъ, и вечеромъ, и послѣ обѣда. Одѣвался онъ также просто и скромно: ходилъ постоянно въ старенькомъ сюртукѣ, дома въ тужуркѣ, а лѣтомъ въ бѣломъ кителѣ съ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Мундиръ же одѣвалъ только въ большіе, парадные дни, и то только до обѣда. И лѣто, и зиму носилъ одну и ту же шинель. И никогда почти не надѣвалъ галошъ, за что преслѣдовалъ и другихъ военныхъ.

И это не отъ излишней скупости и показного популярничанья, а просто по натурѣ и привычкѣ своей.

Въ этомъ отношеніи Драгомировъ былъ высокоидеальный, честный и добросовѣстный человекъ. И никогда не имѣлъ никакихъ сдѣлокъ съ своей совѣстью. Онъ страшно презиралъ всѣхъ казно-

крадовъ, мошенниковъ и, гдѣ только можно, преслѣдоваль ихъ, какъ ненавидѣль, презираль и преслѣдоваль двѣ наши, русскія спеціально, традиціонныя язвы: взяточничество и протекцію, за что и нажилъ себѣ много враговъ и недруговъ въ военномъ, чиновномъ, бюрократическомъ мірѣ. Наоборотъ, онъ самъ часто тайно помогаль бѣднякамъ изъ своего кармана. И за всю свою долгую службу на высококомъ военно-административномъ посту не нажилъ себѣ капиталовъ, имѣній, кромѣ маленькаго родового имѣнія подъ Конотопомъ.

Въ своемъ громадномъ, роскошномъ генераль-губернаторскомъ дворцѣ онъ занималь для себя лично двѣ-три комнаты: спальню, пріемную и кабинетъ его, въ которомъ онъ проводилъ большую часть своей жизни, все свое свободное время отъ службы, за чтеніемъ и военно-учеными и литературными работами.

Какъ и многіе изъ нашихъ извѣстныхъ русскихъ людей, онъ былъ подверженъ національному пороку. И по временамъ запиваль за поемъ.

Въ такіе дни онъ запираля у себя въ кабинетѣ, не выходилъ совсѣмъ изъ дворца и по цѣлымъ недѣлямъ никого не принималь и не являля на службу.

Въ Кіевѣ про это не мало рассказывали анекдотовъ.

Однажды, во время одного такого запойнаго періода, враги его постарались сообщить въ Петербургъ и даже довели негласно до свѣдѣнія самого государя. Но Драгомировъ во время узналь и нашелся. Онъ тотчасъ далъ депешу слѣдующаго содержанія: «Вторую недѣлю пью за здоровье вашего императорскаго величества!» Государь императоръ Александръ III, очень любившій всегда Драгомирова, только улыбнулся, прочитавъ это курьезное заявленіе-поздравленіе, и также лаконически немедленно отвѣтилъ ему: «Пора бы перестать!» Этимъ все дѣло и окончилось для него, а враги его такъ и не получили ожидаемаго торжества-удовлетворенія. Драгомировъ только насмѣялся надъ ними.

А то вотъ еще другой такой же анекдотъ, но уже совершенно противоположнаго отношенія и характера.

Однажды поздно вечеромъ Драгомировъ встрѣтилъ на улицѣ совершенно пьянаго офицера въ растрепанномъ костюмѣ и чувстввахъ и остановилъ его. Офицеръ сразу обомлѣль и протрезвился со страху, узнавъ суроваго, строгаго военачальника. Но Драгомировъ только насмѣшливо улыбнулся и сказалъ: «Эхъ, ты! И напиться-то какъ слѣдуетъ не могъ».

Этимъ все дѣло для офицера и окончилось, и онъ поспѣшилъ моментально испариться домой. Много-много передають про него анекдотовъ разныхъ. Изъ нихъ однихъ могла бы составиться цѣлая книга. Но я ихъ не передаю всѣхъ въ этомъ короткомъ очеркѣ.

Когда началась, совершенно неожиданно, какъ громъ, наша послѣдняя несчастная русско-японская война, онъ заранѣе предсказалъ все ея неудачи и полный крахъ на Дальнемъ Востокѣ. Какъ и весь русскій народъ, какъ и вся наша армія, отъ генерала до солдата, онъ тоже не понималъ этой войны. И не видѣлъ идеи. Тамъ, гдѣ-то далеко, на далекомъ, чуждомъ, азиатскомъ Востокѣ что-то дѣлалось? А въ Петербургѣ тайно, какъ всегда, играли въ политику, пока неожиданно - нежданно не грянулъ громъ на Дальнемъ Востокѣ. И совершенно неожиданно вдругъ объявился неизвѣстный, незнакомый, маленькій, но умный, хитрый и храбрый желтолицый врагъ.

А армія даже не знала ничего и не готовилась ни къ чему.

Война была непопулярна въ народѣ. Никто не хотѣлъ войны. И офицеръ, и солдатъ съ тяжелымъ мрачнымъ чувствомъ шли на войну, точно заранѣе обреченные смерти. И не было того горячаго, высокаго, восторженнаго подъема, великаго героизма и идеальнаго самопожертвованія, какія были въ прошлую, освободительную войну 76—78 года. Это пришло потомъ уже, послѣ войны, и какъ результатъ этой несчастной, позорной кампаніи, въ годину революціи.

А теперь вездѣ замѣчался только упадокъ духа и силъ, мрачное недовольство и печальное ожиданіе несчастій и смерти. Армія шла на войну насильно, скандальной, пьяной, буйной. Люди въ послѣдній разъ кутили, пили, бушевали, скандалили, стрѣлялись, вѣшали, съ ума сходили, потому что имъ было «все равно», прощались навсегда съ своими родными, близкими и уѣзжали на Дальній съ похороннымъ гимномъ на смерть. И печать имъ пѣла тоже отходную. Это было оживленіе и ликованіе не жизни, а смерти! Это былъ настоящій пиръ во время чумы!

И старый, знаменитый полководецъ, генераль-герой побѣдоносной войны и непобѣдимой русской арміи, съ грустью видѣлъ все это и съ тяжелымъ, мрачнымъ предчувствіемъ прислушивался къ грому войны на Дальнемъ Востокѣ.

Онъ не узнавалъ своего солдата. Не узнавалъ теперь русской арміи:

— Развѣ это солдаты? Какіе это солдаты? Это старые, больные мужики, давно позабывшіе и дисциплину и службу. Сбродъ, который разбѣжится въ первомъ бою, при первомъ выстрѣлѣ.

— И зачѣмъ посылають, гонятъ этихъ несчастныхъ, когда у насъ остаются молодая войска? Что они дѣлають? О чемъ они думаютъ тамъ?

— А начальники! Развѣ это полководцы-начальники? Да я бы ихъ всехъ разстрѣлялъ!—говорилъ онъ не разъ съ печальной насмѣшливостью и презрительной грустью.

Онъ тогда же еще далъ свою замѣчательную, вѣрную и справедливую характеристику-оцѣнку Куропаткину и многимъ другимъ

манчжурскимъ героямъ. Про одного онъ въ страшномъ возмущеніи и негодованіи потомъ говорилъ:

— Его бы въ другой странѣ, м.....ца, повѣсили, какъ измѣнника отечеству, а у насъ въ герои еще произвели.

А про другого подобнаго героя высказался тоже:

— Я только удивляюсь, почему его Куропаткинъ не разстрѣлялъ, а еще извиняться вздумалъ. Видно, они тамъ, на самомъ дѣлѣ, всѣ съ ума походили. Всѣ потеряли свои головы.

— Хороши начальники! Какой примѣръ солдатамъ! Да и чего хотѣть отъ нихъ, когда всѣ генералы...

Съ тяжелымъ, мрачнымъ чувствомъ и болью въ душѣ онъ прислушивался ко всѣмъ вѣстямъ съ войны, а самъ шагъ за шагомъ переживалъ всю эту кампанію, со всѣми ея неудачами, пораженіями и отступленіями. Онъ живо чувствовалъ этотъ позоръ вѣчнаго пораженія и вѣчнаго отступленія. И старое сердце солдата и великаго патріота, полководца-героя страшно страдало и болѣло за Россію, за армію.

И не выдержало! Онъ заболѣлъ, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ конотопскомъ имѣніи. Но и отсюда, больной, онъ не переставалъ все время слѣдить за войной и политикой на Дальнемъ Востокѣ и въ Россіи.

Какъ громъ ударилъ съ темнаго неба—страшный мукденскій погромъ! А за нимъ еще болѣе ужасная, злобѣщая Цусима. И въ Россіи разразилась революція.

— Бѣдная Россія! Бѣдная Россія! Что-то будетъ теперь съ ней!—повторялъ Драгомировъ.

Говорятъ, что послѣ мукденскаго пораженія и смѣны Куропаткина—предлагали занять его мѣсто Драгомирову, въ надеждѣ, что онъ поправитъ наши дѣла на Дальнемъ Востокѣ и поведетъ войска къ побѣдѣ. Но онъ, говорятъ, отказался.

Старый, больной, что онъ могъ сдѣлать тамъ? Да и вѣры, надежды у него не было!

А революція шла своимъ чередомъ и разгоралась все сильнѣе и больше, больше. Начались забастовки, бунты, погромы, аграрные беспорядки и цѣлыя вооруженныя возстанія. Террористическія убійства и смертныя казни. Карательные отряды и усмиренія. И кровь полилась рѣкою.

Тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, заключали миръ. А здѣсь, у себя внутри, шла безпощадная, страшная братоубійственная война, приводившая Драгомирова въ недоумѣніе и ужасъ. Онъ ужасался безумію народа и правительства. Возмущался и негодовалъ на правящую бюрократію, приведшую Россію и народъ къ такому позорному, печальному концу. А нашихъ революціонеровъ и справа и слѣва называлъ разбойниками, погромщиками, грабителями. Не лучше онъ относился и къ нашему правительственному усмиренію:

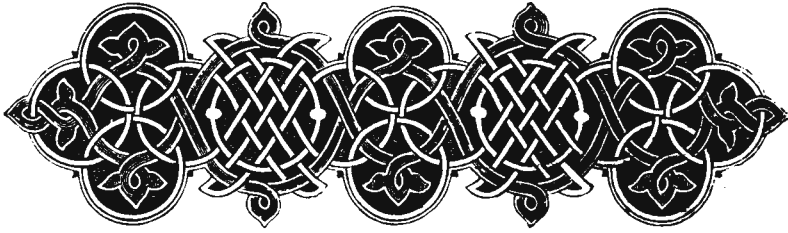
карательнымъ отрядамъ и смертнымъ казнямъ. Можно смѣло сказать, что красный, черный и бѣлый терроръ были одинаково для него смертоубійствомъ и историческимъ преступленіемъ. И онъ неизмѣнно повторялъ: «Я за всю мою жизнь, за всю свою елужбу не подписалъ ни одного смертнаго приговора!»

Вскорѣ послѣ этого Драгомировъ сильно заболѣлъ. Давняя болѣзнь, видимо, подходила къ концу. Но и на порогѣ смерти, въ постели онъ не переставалъ интересоваться событіями и слѣдить за политикой, неизмѣнно повторяя свое: «Бѣдная Россія! Бѣдная! Что-то будетъ теперь съ ней?» Съ этими словами, говорятъ, онъ и умеръ у себя въ имѣніи.

Смерть его прошла незамѣтно въ печати и въ арміи и въ обществѣ. Не до того было тогда. Но теперь уже пора вспомнить о немъ, объ этомъ великомъ патріотѣ, полководцѣ и человѣкѣ, немало послужившемъ на пользу Россіи и арміи.

А. Сиговъ.

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ М. М. СТАСЮЛЕВИЧЕМЪ.

(Изъ воспоминаній).

ТО БЫЛО въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Я только что пріѣхалъ изъ провинціи въ Петербургъ, о которомъ я, разумѣется, понятія не имѣлъ; никакихъ знакомыхъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ студентовъ, у меня даже не было. Пріѣхалъ я въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы заниматься литературой.

Въ провинціи вообще люди имѣютъ очень смутное представленіе о Петербургѣ, его нравахъ, а тѣмъ болѣе литературныхъ.

Нужно принять во вниманіе еще то, что слово «писатель», «литераторъ» тогда не считалось браннымъ словомъ, какъ теперь, а было окружено нѣкоторымъ ореоломъ. Правда, иногда писателя недолюбливали (вѣрнѣе, побаивались) и тогда, но даже враги его всегда относились къ нему съ извѣстнаго рода уваженіемъ. Но это между прочимъ.

Пріѣхалъ я въ Петербургъ безъ всякихъ средствъ, а точнѣе—буквально съ грошами. Да и зачѣмъ нужны были деньги?! Мнѣ бы только добраться до Петербурга, а тамъ найду въ любую редакцію,—благо всевозможныхъ рукописей у меня была пропасть,—и денѣгъ мнѣ дадутъ сколько угодно. Вѣдь тамъ только ждутъ моего прибытія!

Нужно замѣтить еще и то, что писалъ я тогда по-русски отвратительно и когда теперь мнѣ случается просматривать то, что я тогда писалъ, у меня волосы дыбомъ становятся. И съ такими-то средствами, надеждами я очутился въ Петербургѣ съ твердымъ

намѣреніемъ сдѣлаться профессиональнымъ писателемъ, т. е. жить на литературныя заработки.

Первое мое нашествіе было на «Искру» Степанова и Курочкина. Тамъ со мною были очень любезны, внимательны, но ровно ничего не взяли, и по весьма простой причинѣ: потому что даль я имъ то, что по характеру изданія имъ вовсе не подходило.

Потерпѣвши фіаско въ «Искрѣ», я сталъ думать, куда бы мнѣ еще сунуться. Журналовъ тогда было вообще мало, а мнѣ непременно хотѣлось попасть въ перворазрядные. Были «Отечественныя Записки», «Дѣло», «Вѣстникъ Европы»—и этимъ, какъ помнится, дѣло ограничивалось. Были еще коршевскія «Петербургскія Вѣдомости», въ которыхъ главную роль игралъ тогда незнакомый, а нынѣ очень хорошо всѣмъ извѣстный А. С. Суворинъ,—но перспектива сдѣлаться газетнымъ работникомъ меня не прельщала.

Не помню ужъ, по какимъ соображеніямъ, мой выборъ остановился на «Вѣстникѣ Европы»; кажется, потому, что у меня имѣлась какъ разъ подходящая (по объему) для этого журнала рукопись подъ названіемъ: «Очерки еврейской бурсъ»¹⁾.

И вотъ въ одну изъ средъ (тогдашній приемный день Стасюлевича) я, вооруженный своей тяжеловѣсною рукописью, начинаю подниматься по устланной бѣлоснѣжною дорожкой лѣстницѣ, ведущей въ редакцію «Вѣстника Европы», поднимаюсь, а у самого сердце такъ и стучить. Помилуйте, мнѣ приходится имѣть дѣло съ самимъ Стасюлевичемъ! Мое представленіе о Стасюлевичѣ, какъ объ ученомъ, очень популярномъ профессорѣ и редакторѣ журнала, тоже отличалось своеобразностью. Я ожидалъ увидѣть человѣка, изъ каждой черточки котораго сквозили бы наука и литература. Я думалъ увидѣть человѣка мрачнаго, суроваго, съ длиннѣйшими волосами, нависшими бровями и насквозь пронизывающими глазами. И каково же было мое удивленіе, даже разочарованіе, когда я увидѣлъ очень элегантно одѣтаго джентльмена, совсѣмъ на ученаго не похожаго. Помилуйте, профессоръ, редакторъ, ученый, и въ бархатной курткѣ, коротко подстриженный, а главное—обращеніе совсѣмъ не профессорское, а самое простое и привѣтливое.

Несмотря на то, что при приемахъ Михаила Матвѣевича тутъ же всегда присутствовалъ покойный Пыпинъ, который тогда исполнялъ должность секретаря редакціи, принималъ, однакожъ, посѣтителей, объяснялся съ ними, принималъ рукописи самъ Стасюлевичъ. И, право, не мѣшало бы принять это къ свѣдѣнію тѣмъ редакторамъ и издателямъ, которые полагаютъ, что недоступность что-нибудь прибавляетъ къ ихъ ничтожеству.

¹⁾ Эти очерки впоследствии были напечатаны въ «Русскомъ Мирѣ» и тянулись они въ тридцати фельетонахъ.

Когда я подавь ему рукопись, онъ взялъ ее въ руки, взглянулъ на ея заголовокъ, сталь ее перелистывать, а потомъ сказалъ:

— Хорошо. За отвѣтомъ потрудитесь зайти черезъ мѣсяць.

Я поднялся съ мѣста.

— Вы, вѣроятно, недавно изъ провинціи пріѣхали?—спросилъ онъ меня.

А когда я ему отвѣтилъ, что «да», замѣтно было, что на его лицѣ появилась тѣнь. И я ушелъ почти съ увѣренностью, что изъ этого ровно ничего не выйдетъ.

Можно себѣ представить, какъ долго тянулся для меня этотъ мѣсяць и съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ, чтобы онъ кончился. Но всему бываетъ конецъ. Кончился и этотъ мѣсяць, и я опять иду къ Стасюлевичу, иду медленно, съ сильно бьющимся сердцемъ. Шутка ли сказать, вся судьба рѣшается. Захожу въ переднюю, прошу доложить, и не проходитъ секунды, какъ изъ двери выглядываетъ улыбающееся лицо Михаила Матвѣича и онъ привѣтливо говорить:

— Пожалуйста, пожалуйста!

— Ну, вотъ,—начинаетъ онъ отрывочно, когда я сѣлъ:—прочиталъ я ваши очерки. Очень интересны. Вы открываете намъ совершенно новый міръ. Вы даете намъ настоящіе слитки золота, но...—и онъ приостанавливается.—Знаете,—продолжаетъ онъ черезъ секунду:—обработка заставляетъ желать много лучшаго. Это естественно. Обработка сразу никогда не дается. Очерки мы возьмемъ, но... съ условіемъ...—заканчиваетъ онъ.

Я, конечно, стораю отъ нетерпѣнія, чтобы узнать, какое это условіе.

— Видите ли,—продолжаетъ онъ:—такъ напечатать вашу рукопись нельзя: страдаетъ нѣкоторая техническая обработка, словомъ, она требуетъ исправленія. И если вы предоставите намъ право это сдѣлать, мы ее съ удовольствіемъ напечатаемъ и можете получить авансъ. Кстати, я скоро мѣсяца на три ѣду за границу, гдѣ я буду свободенъ, и эту обработку я возьму на себя.

Представьте мою тогдашнюю наивность и совершенное незнакомство съ литературными условіями (а главное самонадѣянность), что я отказался отъ такого въ высшей степени лестнаго и выгоднаго для меня предложенія, которое сразу бы поставило меня въ первые литературные ряды. Мнѣ даже это показалось обиднымъ. Помилуйте, какъ же я позволю другому, хотя бы это былъ самъ Стасюлевичъ, править мою рукопись! Даже Михаилъ Матвѣевичъ былъ пораженъ такимъ курьезнымъ сомнѣніемъ, потому что послѣ этого онъ очень мягко сталь мнѣ доказывать, что этимъ не будетъ затронуты ни моя честь, ни моя литературная заслуга. Но я заупрямился. Тогда онъ началъ спрашивать меня, кто я такой, откуда, что думаю въ Петербургѣ дѣлать, есть ли у меня средства и т. д. Я ему откровенно

все рассказалъ. Выслушалъ онъ меня очень внимательно, а потомъ, покачавъ головой, проговорилъ:

— Вотъ что значить молодость! А я бы вамъ посовѣтовалъ,— продолжалъ онъ,—на литературу не надѣяться, а постараться обезпечить себя какимъ-нибудь другимъ занятіемъ; помимо литературы. Повѣрьте моей опытности, что успѣшно заниматься литературой можно только тогда, когда человѣкъ отъ нея не зависитъ.

Я ему сказалъ, что, къ сожалѣнію, не подготовленъ ни къ какой спеціальности, а для того, чтобы подыскать себѣ какое-нибудь занятіе, службу, нужно имѣть знакомство, которыхъ у меня нѣтъ.

— А хотите,—вызвался онъ,—я поговорю съ Базуновымъ, у него большое книжно-издательское дѣло, можетъ быть, онъ сумѣетъ устроить васъ у себя.

Я его, конечно, поблагодарилъ и далъ свое милостивое согласіе.

— Такъ вы черезъ нѣсколько дней зайдете ко мнѣ, и я вамъ скажу результаты моихъ переговоровъ съ Базуновымъ.

На этомъ мы съ нимъ разстались.

Какъ оказалось впоследствии, онъ въ точности исполнилъ свое слово, говорилъ съ Базуновымъ, далъ мнѣ къ нему письмо, но, не помню ужъ почему, изъ этого ровно ничего не вышло.

Его желанія чѣмъ-нибудь помочь мнѣ доходили до того, что онъ даже пустился на хитрость. Видя, что имѣеть дѣло съ человѣкомъ, съ одной стороны, очень неопытнымъ, наивнымъ, а съ другой стороны—такимъ самоувѣреннымъ, которому самъ чортъ не братъ, вслѣдствіе чего онъ на что-нибудь такое не пойдетъ,—онъ мнѣ и говоритъ:

— Хотите, я васъ познакомлю съ барономъ Гинцбургомъ?

Предложилъ онъ это мнѣ съ той задней мыслью, что покойный баронъ, какъ меценатъ, разумѣется, сумѣлъ бы меня какъ-нибудь устроить. Но увы!—на этотъ разъ я оказался не настолько наивнымъ, чтобы не понять эту заднюю мысль,—и я съ гордостью отвергъ это предложеніе. Развѣ можно, чтобы я чѣмъ-нибудь былъ обязанъ барону, меценату, милліонеру, который будетъ считать себя моимъ благодѣтелемъ,—ни за что!

— Никакихъ дѣлъ у меня съ барономъ Гинцбургомъ нѣтъ и не предвидится, чтобы они были, и я не вижу надобности заводить съ нимъ знакомство,—отвѣтилъ я добродушно улыбающемуся Михаилу Матвѣвичу.

Лѣтъ черезъ десять послѣ этого, когда я ужъ въ Петербургѣ обжился, достаточно помытарствовалъ, понимая, насколько я былъ наивенъ, что не сумѣлъ воспользоваться доброжелательствомъ такого человѣка, какъ Михаилъ Матвѣвичъ, который искренно желалъ мнѣ оказать существенную услугу,—онъ оказалъ мнѣ ее.

Дѣло въ томъ, что я болѣлъ глазами, что-то около года лечился, возился со всѣми тогдашними знаменитостями—и ровно ничего не

выходило, глаза продолжали болѣть. И вотъ разъ иду по улицѣ, и встрѣчаю Михаила Матвѣевича. Онъ меня останавливаетъ и спрашиваетъ, что со мною, отчего я хожу съ повязкой.

— Да вотъ болѣю глазами.

— У кого вы лечитесь?—спрашиваетъ онъ меня.

Я говорю.

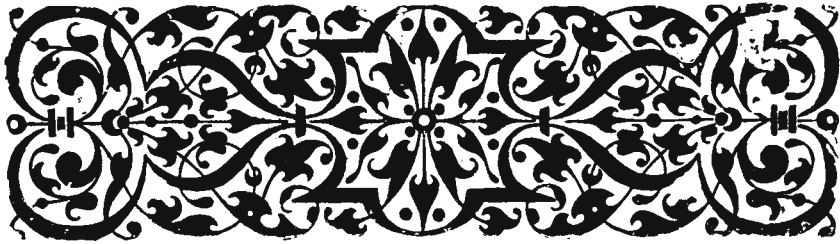
— А вотъ что, вы лучше зайдите ко мнѣ, я вамъ дамъ письмо къ одному своему хорошему знакомому доктору, превосходному окулисту, который васъ вылечитъ. Онъ, хотя не шумитъ, не гремитъ, но увѣряю васъ, что онъ превосходный глазной докторъ.

Я къ нему зашелъ, онъ мнѣ далъ письмо, насколько мнѣ извѣстно, къ нынѣ еще здравствующему доктору Скребицкому, который въ какія-нибудь четыре-пять недѣль окончательно вылечилъ меня, и съ тѣхъ поръ я, благодареніе Богу, глазами не страдалъ.

Вотъ каковъ былъ Михаилъ Матвѣевичъ, какъ человѣкъ и редакторъ. И если сравнить отношеніе къ начинающимъ этого стараго редактора съ тѣмъ, какъ относятся къ писателямъ вообще теперешніе редакторы, то невольно вспомнишь Михаила Матвѣевича и скажешь: да, теперь ужъ такихъ нѣтъ!

Н. Пружанскій.

НАША СЛАБОСТЬ НА ВОСТОКѢ.

(По поводу русско-персидской школы въ Тавризѣ).

ЗАБОТЫ о преобладаніи интересовъ своей родины среди другихъ иностранныхъ государствъ должны представлять собой естественную задачу всякаго правительства и народа.

Съ необычайной энергіей и умѣlostью наши «союзники», нѣмцы и англичане, захватываютъ все болѣе и болѣе сферу вліянія на Дальнемъ и Ближнемъ Востокѣ. Ихъ дипломатическіе чиновники на Востокѣ составляютъ собой какъ бы хорошо сформированную армію, крѣпкую, устойчивую, неколебимую, вѣрную одному девизу, идущую неуклонно къ одной цѣли: это интересы своей родины, защита ея пользы и нужды среди чуждыхъ народностей, приобрѣтеніе вліянія надъ этими послѣдними, укрѣпленіе могущества своего государства повсюду внѣ его предѣловъ.

Посмотрите на англійскую политику на Востокѣ.

Начиная съ Индіи, съ ея вице-королемъ, англійскіе дипломаты твердо знаютъ, куда они идутъ и чего они домогаются. Англійскій дипломатическій чиновникъ всегда освѣдомленъ въ вопросахъ о положеніи страны и колоній; онъ лавируетъ въ нихъ, присоединяется къ тѣмъ или другимъ, но всегда помнитъ, что политика Англійи навѣки останется англійской: мѣняется лишь тактика, но не цѣль.

Бросьте взглядъ на восточную политику Германіи.

Германская система характеризуется широтой плана, рассчитаннаго напередъ на нѣсколько лѣтъ. Политическая система Германіи

старается доказать туземцамъ, что изъ всѣхъ государствъ одна только безкорыстная Германія не имѣетъ здѣсь рѣшительно никакихъ политическихъ цѣлей, преслѣдуя лишь мирныя культурныя задачи, и туземцы подчиняются этому ловкому гипнозу и охотно открываютъ Германіи свои внутренніе рынки. Здѣсь нѣмецкіе дипломаты умѣло дѣйствуютъ при помощи объединенія мѣстныхъ купцовъ, не вмѣшиваясь въ ихъ интересы и направляя лишь общеимперскую политику при помощи секретной переписки и «довѣрительныхъ указаній» чрезъ общественно-политическія и торговыя организаціи.

Возвращаясь къ Англии, слѣдуетъ отмѣтить далѣе устройство ею повсюду на Востокѣ, гдѣ только это возможно и гдѣ того требуютъ англійскіе политическіе интересы, «торговыхъ палатъ» (которыхъ теперь свыше 150), объединенныхъ еще въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ одно грандіозное сообщество, носящее названіе «The Association of the Chambers of Commerce».

Объ этихъ полезныхъ учрежденіяхъ, преслѣдующихъ англо-туземныя коммерческія задачи, русскіе читатели имѣютъ, вѣроятно, теперь хотя бы нѣкоторое понятіе съ открытіемъ недавно и у насъ въ Россіи, наконецъ, русско-англійской торговой палаты.

Подъ сѣнью этихъ палатъ англійскіе политики ведутъ свою линію, зачастую ровно ничего общаго съ торговыми дѣлами не имѣющую.

Большую также пользу въ дѣлѣ освѣдомленности и изученія страны и народовъ и проведенія въ туземныя массы англофильскихъ идей приносятъ общества англійскихъ востоковѣдовъ, живущихъ и работающихъ среди туземцевъ.

Русскіе читатели, навѣрно, не имѣютъ объ этихъ обществахъ никакого представленія,—поэтому мы скажемъ здѣсь о нихъ нѣсколько словъ.

Возьмемъ два такихъ наиболѣе выдающихся общества, а именно «The East India Association» и «The China Association».

Первое изъ нихъ, собравъ вокругъ себя цвѣтъ англійскихъ знатоковъ Индіи, издаетъ нѣсколько печатныхъ органовъ на англійскомъ языкѣ, посвященныхъ всевозможнымъ вопросамъ, касающимся Индіи, и нѣсколько газетъ на туземныхъ нарѣчіяхъ, гдѣ главнымъ образомъ всѣ событія трактуются подъ англійскимъ угломъ зрѣнія и гдѣ ловко проводятся англофильскія мысли.

Общество сдѣлало очень много въ вопросѣ образованія индусовъ, и его вліянію приписываютъ открытіе нѣсколькихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ различныхъ мѣстахъ Индіи, а также широкой сѣти низшихъ школъ для туземцевъ, гдѣ англійскій языкъ признанъ, конечно, господствующимъ.

Общество имѣетъ множество мѣстныхъ отдѣленій въ Индіи съ центральнымъ комитетомъ въ Лондонѣ, съ которымъ англійское

«министерство для Индіи» (Indian office) постоянно находится въ самыхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ чисто дипломатическаго характера.

Между прочимъ вице-предсѣдателями общества состоятъ— бывший вице-король Индіи лордъ Керсонъ и популярный фельдмаршалъ Робертсъ.

Въ заслугу этому обществу можно поставить то обстоятельство, что оно неоднократно совѣтовало центральному правительству и «министерству для Индіи» поднять вопросъ о политическомъ соглашеніи съ Россіей, и послѣдній поворотъ англо-русской политики и сближеніе русско-английскихъ интересовъ на Востокъ до извѣстной степени обязаны его вліянію.

Второе общество «The China Association» усердно собираетъ свѣдѣнія о Китаѣ и Японіи. Среди другихъ подобныхъ же обществъ оно выдѣляется прекраснымъ составомъ своихъ членовъ, извѣстныхъ английскихъ синологовъ и японовѣдovъ, и умѣнъемъ отстаивать свои мнѣнія, основанныя на глубокомъ знаніи страны и натуры туземцевъ Дальняго Востока, такъ что не будетъ ошибкой сказать, что это общество даетъ главное направленіе английской дальневосточной политикѣ.

Общество, конечно, издаетъ цѣлый рядъ газетъ и журналовъ на английскомъ языкѣ и туземныхъ нарѣчіяхъ, ярко освѣщенныхъ англофильской идеей.

Въ минувшую русско-японскую войну эти журналы и газеты особенно способствовали распространенію всевозможныхъ небылицъ о Россіи и оказали свое вредное вліяніе.

Многочисленныя школы въ Китаѣ и университетъ въ Гонконгѣ основаны при содѣйствіи сказаннаго общества.

Такою столь совершенную защиту своихъ политическихъ интересовъ въ Азіи видимъ мы у англичанъ, давно сумѣвшихъ путемъ туземныхъ школъ и широко распространяемыхъ торговыхъ сношеній стать хозяевами на Востокъ и основать тамъ свою твердую базу ¹⁾.

Что же дѣлаетъ, въ свою очередь, Россія на Востокъ для укрѣпленія своего тамъ вліянія и популярности?

Что дѣлаетъ? Ничего или почти ничего...

Историческое стремленіе Россіи къ водамъ Тихаго океана, начавшееся еще при Петрѣ Великомъ, шло медленно и угловато. Стихійно двигаясь въ теченіе минувшихъ столѣтій на востокъ, «къ морю», мы почти безъ боя присоединили къ своей и безъ того громадной территоріи огромныя малонаселенныя пространства, совершенно намъ, въ сущности, ненужныя, но требующія охраны

¹⁾ «Какъ защищаютъ свои интересы въ Азіи Англія и Россія». А. Петрова. Сиб. 1910 г.

съ сопряженными съ ней колоссальными расходами, пока не придвинулись къ густо населеннымъ странамъ Востока съ высокою, хотя и совершенно своеобразною культурой, которой до сихъ поръ мы не поняли, въ виду врожденнаго отсутствія любознательности и какихъ бы то ни было оріентальныхъ организацій, наподобіе только что описанныхъ нами англійскихъ обществъ оріенталистовъ, а также сравнительно довольно слабыхъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ. Прибавьте къ этому сомнительную трудоспособность и прискорбную малоуспѣшность нашихъ дипломатическихъ чиновниковъ на Востокѣ, которыхъ даже нельзя сравнивать съ англійскими дипломатами: до такой степени они ни въ чемъ не схожи!

Къ величайшему огорченію, слѣдуетъ признаться, что престижъ Россіи на Востокѣ замѣтно палъ, и палъ не только въ глазахъ туземцевъ иностранно-подданныхъ, но (что гораздо печальнѣе) въ глазахъ туземцевъ русско-подданныхъ, нерѣдко родственныхъ первымъ.

Это видятъ даже и наши близорукіе дипломатическіе агенты, такъ покорно, по традиціи, привыкшіе пассивать предъ своими англійскими и нѣмецкими коллегами на Востокѣ; твердить о паденіи нашего вліянія въ Азіи и окраинная пресса.

Въ послѣднее время и въ правительствѣ и въ обществѣ стало, однако, назрѣвать какъ будто желаніе выйти изъ этого унижительнаго положенія, которымъ мы, до извѣстной степени, обязаны и недавно съ трудомъ пережитой Россіей внутренней смутѣ, и поднять русское имя на должную высоту, но, къ сожалѣнію, пока это симпатичное проявленіе здороваго патріотическаго чувства и національнаго достоинства остается у насъ только на словахъ, ничѣмъ не сказываясь на дѣлѣ.

Вотъ наглядное доказательство. Дѣло касается вопроса не огромной политической важности, но и на немъ вполне достаточно видно, какъ наше дипломатическое вѣдомство заботится о престижѣ Россіи на Востокѣ...

Обезпеченіе нашихъ политическихъ и торговыхъ интересовъ въ Персіи требуетъ того, чтобы русское вліяніе не ограничивалось тѣмъ или инымъ воздѣйствіемъ на персидское правительство, но возможно шире и глубже проникало въ толщу населенія. Школа, особенно правильно поставленная и хорошо обезпеченная, является для этого однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ, какъ мы только что говорили, характеризуя восточную политику Англій.

Насколько необходима въ Персіи именно русская школа, можно судить изъ того, что не только въ армянскихъ школахъ Тавриза давно введенъ въ программу русскій языкъ, но его ввели у себя и нѣкоторыя персидскія школы. Даже американскіе пресвитеріане, давно обосновавшіеся въ Тавризѣ и отлично организовавшіе свое дѣло, вынуждены были ввести у себя съ прошлаго года спеціальныя курсы русскаго языка.

Русско-персидское училище въ Тавризѣ (85 учениковъ) организовано по типу нашихъ шестиклассныхъ городскихъ училищъ. Въ программу преподаванія входятъ: Законъ Божій, русскій языкъ, ариометика, естественная исторія, русская исторія, географія, арабскій и персидскій языкъ, счетоводство, геометрія и каллиграфія.

Средства училища состояются изъ небольшой субсидіи тавризскаго отдѣленія учетно-суднаго банка Персіи, въ суммѣ 1140 рублей, платы за ученье, 500 рублей въ годъ, и взносовъ русскихъ мусульманъ въ Тавризѣ—около 2000 рублей въ годъ. Эти послѣдніе взносы, однако, не поступаютъ, такъ какъ прогрессивные порядки персидскихъ правителей ведутъ къ прогрессивному разоренію вообще и упадку русской торговли въ частности, и русскіе мусульмане затрудняются дѣлать обѣщанные взносы. Въ конечномъ выводѣ училище расходуетъ въ годъ 2300 рублей, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его послѣдній отчетъ. Все это прекрасно, но вотъ что мы видимъ дальше.

Какъ относится населеніе къ училищу, можно судить по тому, что въ 1909 году желающихъ поступить было 109, а принять оказалось возможнымъ только 51, остальнымъ было отказано.

Отказъ вызванъ тѣмъ, что училище переживаетъ тяжелый кризисъ. Прежде всего оно ограблено во время происходившихъ недавно въ Персіи беспорядковъ. Все, что можно было изъ него унести,—унесено, до волшебнаго фонаря включительно! Разграбленной оказалась и метеорологическая станція со всѣми приборами. вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и взносы со стороны русско-подданныхъ мусульманъ, какъ сказано выше.

Совѣтъ училища нуждается, во-первыхъ, въ пополненіи учительскаго состава, во-вторыхъ, въ приобрѣтеніи книгъ, учебныхъ пособій, хотя бы самаго скромнаго физическаго кабинета (раскраденъ); имѣеть нужду въ соответственномъ помѣщеніи и правильной его обстановкѣ. Средства на это необходимы совсѣмъ небольшія: 3—4 тысячи въ годъ не болѣе, и мы будемъ имѣть отличный очагъ нашего вліянія и распространенія правильныхъ понятій о Россіи въ Персіи.

Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ затронуты прежде всего наши политическіе интересы, то сама собой напрашивается мысль, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ должно бы, кажется, прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы дать училищу нужныя средства, такъ какъ питомцы русской школы могутъ явиться, несомнѣнно, наилучшими впоследствии агентами въ соблюденіи и отстаиваніи нашихъ интересовъ въ сосѣднемъ Иранѣ.

И что же? Помогаетъ еле-еле существующему русско-персидскому училищу въ Тавризѣ, въ конецъ раззоренному и такъ нуждающемуся въ самой хотя бы скромной поддержкѣ, вѣдомство

у Пѣвческаго моста? До сихъ поръ нѣтъ. Такъ пишутъ намъ изъ Тавриза.

Однако, кромѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, на помощь тавризской школѣ обязано было бы прійти и министерство торговли и промышленности. Наши торговые интересы на персидскомъ рынкѣ слишкомъ значительны, чтобы можно было пренебречь такимъ важнымъ обстоятельствомъ, какъ школа, прямо приготавливающая персидское населеніе къ безпрепятственнымъ дѣловымъ сношеніямъ персіянъ съ русскими. Однако и отсюда нѣтъ никакой поддержки.

Насъ тѣснятъ въ Персіи со всѣхъ сторонъ: агитируютъ противъ насъ разные политиканы, даютъ конкуренты-иностранцы, губимъ мы сами свое дѣло то полнымъ отсутствіемъ устойчивости въ своей политикѣ, то явнымъ пренебреженіемъ къ культурнымъ способамъ воздѣйствія на персидское населеніе.

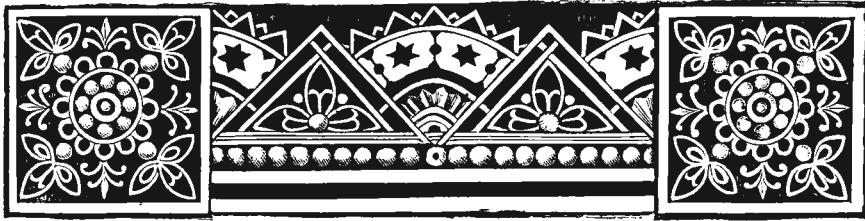
Здравый смыслъ и до грубости простой расчетъ требуютъ, чтобы всѣ силы были направлены туда, гдѣ наши интересы нарушаются и требуютъ охраны и поддержки. Правительство и общество одинаково обязаны итти на помощь русскому дѣлу, если націоналистическіе порывы, о которыхъ мы выше упоминали, не являются банальными фразами и нервными выкриками, до которыхъ такіе охотники русскіе «патріоты».

Кто же поможетъ русскому училищу въ Тавризѣ? Помощь ему нужна, а поддержать его значить усилить и подкрѣпить русское вліяніе въ Персіи.

Вотъ выхваченная изъ жизни картинка русской политики на Востокѣ. Кажется, мы несправимы! Если бы русско-персидское училище въ Тавризѣ было въ англійскихъ рукахъ, — то оно, конечно, теперь процвѣтало бы, а не просило милостыни, не обезпеченное въ завтрашнемъ днѣ!

С. Игнатьевъ.

КЪ БІОГРАФІИ МАЛОРОССІЙСКАГО ЭТНОГРАФА Н. В. ЗАКРЕВСКАГО.

(1805—1871).

ВЪ МОСКВѢ, въ концѣ Рождественки, въ такъ называемомъ «Проломѣ» Китайской стѣны, имѣется извѣстная всѣмъ столичнымъ библіофиламъ книжная лавка Астафьева. Въ 1900 году въ этой лавкѣ одному изъ моихъ московскихъ друзей, И. А. Бѣлоусову, случайно попала въ руки очень рѣдкая книга «Старосвѣтскій Бандуриста» Закревскаго, напечатанная въ Москвѣ, въ 1861 году. Книга «Старосвѣтскій Бандуриста», рѣдкая сама по себѣ, въ данномъ случаѣ безцѣнна, потому что представляетъ собой авторскій экземпляръ, приготовленный самимъ авторомъ для второго изданія, но неизвѣстно, когда и какимъ путемъ попавшій въ антикварную лавку Астафьева. Приближайшемъ разсмотрѣніи этого экземпляра оказалось, что въ немъ послѣ каждого печатнаго листа вставленъ листъ писчей бумаги и на немъ рукой автора сдѣланы различнаго рода поправки и добавленія малороссійскихъ думъ, пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ, загадокъ, приповѣдокъ и отдѣльныхъ словъ малороссійской рѣчи. Все это, видимо, подготовлялось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и должно было пополнить книгу при второмъ ея изданіи, чему, однако, не суждено было исполниться.

На сколько могъ бы пополниться «Старосвѣтскій Бандуриста» при второмъ его изданіи, видно изъ того, что къ напечатаннымъ 190 думамъ и пѣснямъ добавлено новыхъ девять, къ пословицамъ

и поговоркамъ напечатаннымъ въ количествѣ 3,878, добавлено новыхъ 630, къ 194 загадкамъ добавлено одиннадцать, а къ 11,127 малороссійскимъ словамъ добавлено новыхъ около 1205.

Кромѣ всѣхъ этихъ добавленій, къ напечатанной статьѣ «О бывшемъ нѣкогда отношеніи Малой Россіи къ Польшѣ» добавлено цѣлое разсужденіе на трехъ, мелко исписанныхъ листахъ бумаги.

Въ срединѣ книги вклеенъ фотографическій портретъ автора съ надписью: «Кіевлянинъ Николай Васильевичъ Закревскій», а къ концу ея приложенъ написанный рукою автора «Очеркъ жизни сочинителя», представляющій собой цѣнный матеріалъ для біографіи малороссійскаго этнографа.

Вотъ этотъ «Очеркъ жизни» буква въ букву, со всѣми его характерными особенностями правописанія.

«Никогда не прибавилъ бы я этой статьи къ составленному мною Описанію Кіева для того только, чтобы поговорить о себѣ; но всякому извѣстно, что человѣкъ зависитъ отъ обстоятельствъ; слѣдовательно читатель самъ увидитъ, чего можно требовать отъ сочинителя въ его положеніи.

«Я родился въ городѣ Кіевѣ, на Подолѣ, близъ дѣвичьяго Флоровскаго монастыря въ пятницу, въ половинѣ четвертаго часа полудни девятаго іюня 1805 года. Великій пожаръ, истребившій въ 1811 году лучшую часть города, повергъ отца моего въ бѣдность; скорбь сокрушила надежды и жизнь сего человѣка въ его лучшемъ возрастѣ; вдова и сынъ остались безпомощны. Съ этихъ поръ предстояло мнѣ долгое и трудное испытаніе. Посѣщая съ 1-го апрѣля 1820 года Высшую Кіевскую Гимназію, я принужденъ былъ искать помощи въ самомъ себѣ. На шестнадцатомъ году началъ давать въ нѣкоторыхъ предметахъ уроки, заниматься репетиціею съ товарищами и тѣмъ доставлять себѣ и матери пропитаніе. Въ это время восхищали меня философскія лекціи Г. Ростовцова и чтенія изъ Гражданской Архитектуры добраго Николая Осиповича Шульговскаго.

«Оставалось неболѣе полугода до окончанія учебнаго курса въ Гимназіи, какъ я, по неопытности своей, увлеченный пристрастнымъ совѣтомъ Директора Г-на Петрова, прервалъ ученіе и 9-го ноября 1824 года принялъ мѣсто Помощника при Губернскомъ Архитекторѣ Карлѣ Вейцлерѣ въ Житомирѣ. Непріятное положеніе при семь невоспитанномъ человѣкѣ и невозможность быть определеннымъ по сему званію въ статскую службу принудили меня въ маѣ 1825 года удалиться и искать мѣста въ Петербургѣ. Около трехъ лѣтъ провелъ я въ столицѣ, будучи частнымъ учителемъ, или занимаясь переписываніемъ бумагъ въ мѣстахъ присутственныхъ безъ жалованья и не могъ быть принятымъ въ гражданскую службу; потому что въ моемъ свидѣтельствѣ, по невѣжеству Магистратскаго Секретаря Выдборцова, не было прописано указа,

Николай Васильевич Закревскій.

на основани котораго выдаются подобные документы. Все это, потерянное для меня время, провель я безъ покровителей, безъ знакомыхъ, часто принужденный бороться съ крайностями. Возвратившись въ февралѣ 1828 года въ Кіевъ, я вступилъ снова въ число учениковъ гимназіи; кончилъ курсъ наукъ въ 1829 году, и чрезъ годъ получилъ аттестатъ на степень Дѣйствительнаго Студента. Потерявъ охоту вновь опредѣляться въ статскую службу, я отправился въ Дерптъ и 9 декабря того же 1829 года поступилъ въ число студентовъ сего Университета по Факультету Юридическому. Однако и здѣсь не имѣя надежныхъ способовъ къ прожитію, не было мнѣ возможности окончить курсъ въ университетѣ; а потому я рѣшился искать какого-либо мѣста. Въ іюнѣ 1831 года опредѣленъ я учите-

лемь Русскаго языка при Уѣздномъ Училищѣ Эстляндской губерніи въ городѣ Вейсенштейнѣ. Въ поощреніе начальство перевело меня съ 1-го января 1834 года въ Ревель, гдѣ я занялъ должность учителя Русскаго языка, Географіи и Исторіи при губернской Гимназіи. Въ этомъ же году познакомился я со вдовою полковника фонъ Гине, Каролиною Ивановною (Garoline Louise von Hüene). Она происходитъ изъ старинной въ Эстляндіи дворянской фамиліи von Golongue; въ 1835 году октября 16-го дня получилъ я руку сей женщины. Въ 1839 году утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря, спустя нѣкоторое время получилъ благодарность отъ г. министра «за ревность», а потомъ денежное награжденіе; по мѣрѣ выслуги — слѣдующіе чины. Высочайшимъ приказомъ отъ 25 іюня 1847 года произведенъ въ чинъ надворнаго совѣтника. Впрочемъ, по нерасположенію остзейскихъ жителей ко всему Русскому, служба Русскихъ учителей тамъ трудна и тягостна. Утомленный 16-ти лѣтнимъ противоборствомъ и интригами, я рѣшился удалиться, и въ слѣдствіе прошенія получилъ отставку и пенсію, треть жалованья, 94 руб. сер. по высочайшему приказу отъ 21 августа 1847 года; дѣйствительно уволенъ 23-го сентября. Оставилъ съ женою Ревель 9-го октября; провель въ Петербургѣ нѣсколько дней для осмотра Остромирова Евангелія и копирования Кіево-Софійской мозаики изъ путешествія Бороздина и Иванова, хранящагося въ Публичной Библіотекѣ. Въ Москву прибылъ 6-го ноября 1847 года. Здѣсь, по ходатайству нѣкоторыхъ лицъ, бывший тогда Попечителемъ Университета, Г. Голохвастовъ обѣщаль мнѣ мѣсто учителя при Рязанской Гимназіи. По истеченіи полутора года напраснаго ожиданія, велѣно мнѣ 30-го марта 1849 года отправиться въ Рязань. Но попечителево назначеніе не согласовалось съ желаніемъ Директора сей Гимназіи, Шиллинга. Я получилъ, по Высочайшему приказу отъ 27 апрѣля 1849 года мѣсто надзирателя при пансіонѣ; по выходѣ же Г. Голохвастова въ отставку, я совершенно потерялъ надежду на учительское мѣсто, и не желая подвергать себя дальнѣйшимъ неприяностямъ, рѣшился опять выйти въ отставку. Высочайшимъ приказомъ отъ 11 марта 1850 г. по прошенію уволенъ отъ занимаемой должности, которую исправлялъ съ 5-го апрѣля 1849 года по 15 апрѣля 1850 года. Мая 10 дня, того же года оставилъ навсегда Рязань; провель нѣсколько дней въ Москвѣ и пріѣхаль въ Петербургъ.

«Здѣсь единственною цѣлію моею была Академія Художествъ; я хотѣлъ удовлетворить своей страсти въ Архитектурѣ, которую питаль съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и остатокъ своей жизни намѣревался посвятить сему искусству; но и это желаніе мое не имѣло успѣха. Съ весьма ограниченными средствами я не могъ навсегда оставаться въ Петербургѣ; потому что непомѣрная дороговизна въ отношеніи содержанія себя съ женою превышала мои доходы,

да и ремесленнической духъ учащихся въ Академіи не способенъ былъ увеличить моего энтузіазма. Съ 1-го сентября почти до конца 1850 года посѣщаль я классы Рисовальный и Архитектурный; наконецъ вознамѣрился оставить во многихъ отношеніяхъ дорогую сѣверную Пальмиру, и въ концѣ декабря, единственно для жены отправился въ Ревель, гдѣ и рѣшился, при довольно умѣренномъ содержаніи, основать свое постоянное мѣстопробываніе, а въ 1853 г. даже обзавелся собственнымъ домомъ. Въ Ревелѣ проводилъ я время тихо и спокойно, былъ независимъ и счастливъ, занимаясь попеременно то историческими, то математическими науками, рисованіемъ и музыкою, особенно въ нѣкоторыхъ концертахъ для благотворительной цѣли охотно игралъ я первую скрипку. Но и это скромное благополучіе было непродолжительно. 24 октября 1858 г. со внезапною смертію жены моей я понесъ горькую, невознагради- мую потерю, которая сдѣлалась для меня тѣмъ чувствительнѣе, что супружество мое въ продолженіе двадцати трехъ лѣтъ было необыкновенно счастливо. Я рѣшился продать свой домъ, навсегда распроститься съ Ревелемъ и переселиться на свою родину въ Кіевъ. Вотъ существенныя обстоятельства жизни моей. Обращаюсь къ своимъ историческимъ занятіямъ.

«Съ молодыхъ лѣтъ еще плѣняла меня идея Исторіи города Кіева, возбужденная чтеніемъ Описанія Берлинскаго, которое даже и тогда казалось мнѣ слишкомъ сжатымъ. Первые матеріалы сталъ я собирать въ Дерптѣ, гдѣ находится богатая Университетская бібліотека. Пользуясь свободнымъ временемъ въ глуши Вейсенштейнской, 14-го марта 1833 года началъ я составлять Описаніе моей родины, которая сдѣлалась мнѣ тѣмъ любезнѣе, чѣмъ отдаленнѣе я былъ отъ нея. Съ этихъ поръ отказывая себѣ во многомъ, съ немаловажными издержками постоянно выписывалъ я книги, собиралъ возможные для меня матеріалы и рисунки. Переселясь въ Ревель, рѣшился я издать въ 1836 году небольшую книжку, подъ заглавіемъ: «Очеркъ исторіи города Кіева», съ цѣлію указать на нѣкоторые недостатки въ существующихъ сочиненіяхъ по сему предмету. Но я вскорѣ убѣдился, что столь малая брошюра была почти незамѣчена пишущимъ классомъ людей. Впрочемъ это меня не огорчало; напротивъ я сталъ прилежнѣе изучать и обрабатывать любимый предметъ и нѣсколько разъ перемѣнялъ планъ изложенія. Спустя десять лѣтъ послѣ появленія Очерка, изрядное число собранныхъ матеріаловъ приведено въ систему; сто пятьдесятъ мелко писанныхъ мною листовъ и болѣе ста рисунковъ, собственной же работы, составили Описаніе Кіева. Не имѣя средствъ издать все это и опасаясь, что многолѣтніе труды мои въ частныхъ рукахъ могутъ легко погибнуть, я рѣшился 9 февраля 1846 г. эту рукопись отдать въ С.-Петербургскую Публичную Библіотеку. Оставшуюся у меня копію, въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ подвергъ я новой передѣлкѣ

и, переселясь въ Москву, 13-го мая 1848 года вручилъ я Г-ну Профессору Юсифу Максимовичу Бодянскому для напечатанія въ журналѣ «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ». Начали печатать 29 іюня; но едва была отпечатана половина моего сочиненія, какъ въ сентябрѣ Общество подверглось гнѣву Г. Министра и журналъ Чтенія запрещенъ, а съ нимъ вмѣстѣ и моя надежда рушилась! Ровно десять лѣтъ лежало мое бѣдное сочиненіе подъ спудомъ; однако же волею Провидѣнія обстоятельства перемѣнились и постояннымъ доброжелательствомъ Юсифа Максимовича Бодянского Лѣтопись и Описаніе Кіева окончена печатаніемъ въ маѣ 1858 года и 22 іюня получилъ я одинъ экземпляръ въ Ревелѣ.

«Съ 1840 года занялся я собираніемъ Малороссійскихъ пѣсень и пословицъ и составленіемъ подробнаго словаря идіомовъ сего же нарѣчія. Переѣхавъ въ Москву 26-го іюля 1859 г., опредѣлился я корректоромъ при Типографіи Московскаго Университета, о чемъ состоялся 17-го декабря 1859 года за № 27 циркуляръ Г. Исправляющаго должность Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Исакова. Этимъ довольно труднымъ и скудно вознаграждающимъ мѣстомъ воспользовался я для того, чтобы удобнѣе издать въ свѣтъ свой новый Малороссійскій сборникъ подъ названіемъ «Старосвѣтскій Бандуриста». Книга 1-я Пѣсни; кн. 2-я. Пословицы; и Кн. 3. Словарь идіомовъ. Изданіе это удалось мнѣ, съ помощью Божіею, окончить въ концѣ іюля 1861 года.

«Съ 1-го января 1863 года университетская типографія отдана въ аренду въ частныя руки, а я съ 1-го мая того же года перешелъ на службу помощникомъ бібліотекаря въ Московскій публичный Музеумъ».

Этими словами оканчивается «Очеркъ жизни» Н. В. Закревскаго. Въ виду того, что у насъ въ печати имѣются очень скудныя свѣдѣнія о жизни и литературныхъ трудахъ Закревскаго, я счелъ нужнымъ предать печати «Очеркъ жизни», написанный самимъ составителемъ «Старосвѣтскаго Бандуриста» и вложенный имъ въ книгу въ виду предполагавшагося, очевидно, второго ея изданія. Для того, чтобы издать всю книгу «Бандуриста» въ новомъ, исправленномъ и дополненномъ авторомъ видѣ, для того нужно, во-первыхъ, тщательно пересмотрѣть и переоцѣнить вновь собранный авторомъ научный матеріалъ, а кромѣ того и имѣть значительные денежные ресурсы, такъ какъ напечатанная книга «Старосвѣтскаго Бандуриста», безъ новыхъ добавленій, имѣетъ 628 страницъ большого формата.

Не буду распространяться о томъ суровомъ осужденіи, съ какимъ встрѣтилъ выходъ въ свѣтъ «Старосвѣтскаго Бандуриста» Закревскаго другой малороссійскій этнографъ, П. С. Ефименко ¹⁾.

¹⁾ Основа, 1862, октябрь, 27—48.

Сошлюсь на болѣ спокойныя отзывы о немъ извѣстныхъ ученыхъ академика А. Н. Пыпина и профессоровъ Н. Ф. Сумцова и О. М. Огоновскаго ¹⁾).

Въ виду цѣнности случайно найденнаго экземпляра книги «Старосвѣтскаго Бандуриста», онъ переданъ мной въ бібліотеку екатеринославскаго областного музея имени А. Н. Поля и записанъ въ отдѣлѣ этнографіи подъ номеромъ 173.

Д. И. Зварницкій.

¹⁾ Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, III, 346; Сумцовъ, Діячі українського фольклору, Харьків, 1910, 7, Огоновскій, Зоря, 1894, № 6.

ЭПОХА МИРА И УСПОКОЕНИЯ.

(Историческіе очерки).

I. Новое царствованіе.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ на прародительскій престолъ государя императора Александра III было оповѣщено населенію въ слѣдующемъ манифестѣ:

«Божіею милостію мы, Александръ Третій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, царь польскій, великій князь финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

«Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ.

«Господу Богу угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ поразить Россію роковымъ ударомъ и внезапно отозвать къ Себѣ ея благодѣтеля, государя императора Александра II. Онъ палъ отъ святотатственной руки убійць, неоднократно покушавшихся на его драгоценную жизнь. Они посягали на сію столь драгоценную жизнь, потому что въ ней видѣли оплотъ и залогъ величія Россіи и благоденствія русскаго народа. Смирясь передъ таинственными велѣніями Божественнаго Промысла и вознеся къ Всевышнему мольбы объ упокоеніи чистой души усопшаго Родителя нашего, мы вступаемъ на прародительскій нашъ престолъ Россійской имперіи и нераздѣльныхъ съ нею царствъ Польскаго и великаго княжества Финляндскаго.

«Подъемлемъ тяжкое бремя, Богомъ на насъ возложенное, съ твердымъ упованіемъ на его всемогущую помощь. Да благословитъ Онъ труды наши ко благу возлюбленнаго нашего отечества и да направитъ онъ силы наши къ устроенію счастья всѣхъ нашихъ вѣрнопоподанныхъ.

«Повторяя данный родителемъ нашимъ священный предъ Господомъ Вседержителемъ обѣтъ посвятить по завѣту нашихъ предковъ всю жизнь нашу попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи, Мы призываемъ нашихъ вѣрнопоподанныхъ соединить ихъ молитвы съ нашими мольбами передъ алтаремъ Всевышняго и повелѣваемъ имъ учинить присягу въ вѣрности намъ и наслѣднику нашему, его императорскому высочеству цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу».

Рядомъ съ этимъ государственнымъ актомъ изданъ былъ и указъ правительствующему сенату о принесеніи со стороны населенія присяги вновь вступившему монарху и его наслѣднику, причемъ отличительною чертою этого указа противу прочихъ подобныхъ въ аналогичныхъ случаяхъ является изданное въ особомъ приложеніи дополненіе къ нему, гдѣ сказано: «Манифестомъ 19-го февраля 1861 года блаженныя памяти родитель нашъ, государь императоръ Александръ II, освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, предоставилъ имъ права свободныхъ сельскихъ обывателей. Съ распространеніемъ согласно сему манифесту и дополнительнымъ къ оному законоположеніямъ на крестьянъ дѣйствія общихъ законовъ повелѣваемъ привести и крестьянъ, наравнѣ со всѣми вѣрными нашими подданными, къ присягѣ въ вѣрности намъ и наслѣднику нашему, его императорскому высочеству цесаревичу великому князю Николаю Александровичу».

Это дополненіе на фонѣ общей исторической тогдашней перспективы любопытно въ томъ отношеніи, что здѣсь мы впервые въ нашей исторіи встрѣчаемся съ фактомъ присяги всего населенія безъ исключенія: еще недавніе рабы, за которыхъ крестоцѣлованіе давали ихъ владѣльцы, нынѣ, наравнѣ съ прочими сословіями, призывались къ общегражданской присягѣ, какъ правомощные граждане имперіи. Такимъ образомъ, обновленный въ 1861 г. государственный строй Россіи впервые въ началѣ новаго царствованія выступилъ во всей силѣ своего историческаго значенія, и это, несомнѣнно, бросало на это царствованіе особый отсвѣтъ, свидѣтельствующій о томъ, что новому періоду суждено въ программу своего государственнаго дѣйствованія включить такія широкія массы, которыя на зарѣ предшествовавшей эпохи были скрыты съ горизонта этого дѣйствованія. Образъ освобожденнаго крестьянина какъ бы выдвигался на авансцену и требовалъ къ себѣ вниманія и попеченія. Поэтому невольно у всѣхъ рождался вопросъ, какова же будетъ программа новаго царствованія и какъ новый самодержецъ отнесется къ этому ново-

явленному дѣйствующему лицу русской жизни, принесшему ему впервые свою вѣрноподданническую присягу? Изъ этого отношенія долженъ былъ опредѣлиться и характеръ будущей внутренней политики, и тотъ путь, по которому въ своемъ историческомъ поступательномъ движеніи должна была двинуться сильно застоявшаяся въ своемъ политическомъ и социальномъ-экономическомъ развитіи Россія. Мы видѣли въ предыдущихъ частяхъ нашихъ очерковъ, что характеръ этой внутренней политики былъ признанъ въ послѣдніе дни предыдущаго царствованія неудовлетворительнымъ и въ этой области намѣчались нѣкоторыя начинанія по почину гр. Лориса-Меликова. Сенаторскія ревизіи на мѣстахъ производили своего рода экзаменъ обновленному въ 60-хъ годахъ строю и изучали всѣ дефекты и изъяны, которые съ годами въ этомъ строѣ обнаружались. Проектъ «Конституціоннаго» реформированія государственнаго совѣта, выдвинутый министромъ внутреннихъ дѣлъ, долженъ былъ явиться первымъ шагомъ къ обновленію бюрократическаго механизма, куда данныя ревизіи имѣли влить опредѣленный матеріалъ. Изъ результатовъ работы новаго механизма надъ этими матеріалами и намѣчалась будущая русская политическая и бытовая структура. Кровавая драма 1-го марта создала не только перерывъ въ опредѣленномъ движеніи событій, но и поставила вопросъ: суждено ли имъ двигаться въ намѣченномъ направленіи, или воля новаго самодержца круто его измѣнить и создать внутренней политикѣ новый курсъ? Первый манифестъ не далъ на волновавшій русское общество вопросъ ожидаемаго отвѣта, какъ равно мало можно было вывести заключеній изъ циркулярной депеши управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ къ россійско-императорскимъ представителямъ за границую, отъ 4-го марта, гдѣ мы читаемъ: «Его величество государь императоръ, вступая на прародительскій престолъ, приѣмлетъ наслѣдіе и преданія, освященныя временемъ, дѣяніями его предшественниковъ, трудами и жертвами поколѣній, созидавшихъ прошлое Россіи. Его величество, принимая это наслѣдіе, всецѣло ставитъ себѣ въ священную обязанность передать его несокрушимо своимъ преемникамъ. Россія, какъ и всѣ другія государства, должна была для созиданія своего выносить борьбу, въ которой выработались ея силы и народный духъ. Нынѣ она достигла своего полнаго развитія. Чувства зависти и недовольства ей одинаково чужды. Ей остается только упрочить свое положеніе, оградить себя извнѣ, развить свои силы, свои богатства и свое благосостояніе. Такова цѣль, которую поставляетъ себѣ нашъ августѣйшій монархъ, и Его Величество твердо рѣшилъ неуклонно итти къ ней. Государь императоръ посвятитъ себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности и вопросами экономическими и социальными, составляющими нынѣ предметъ особой задачи всѣхъ правительствъ. Внѣшняя политика

Его Величества будетъ вполне миролюбивая. Россія останется вѣрно своимъ друзьямъ и неизмѣнно въ чувствахъ, освященныхъ преданіями, отвѣчая въ то же время взаимностью на дружественный образъ дѣйствій всѣхъ государствъ, сохраняя принадлежащее ей въ средѣ другихъ державъ положеніе, заботясь о поддержаніи политическаго равновѣсія. Согласно съ ея интересами, она не уклонится отъ призванія охранять совмѣстно съ другими правительствами общій миръ, основанный на уваженіи къ праву и трактатамъ. На Россіи лежитъ прежде всего забота о самой себѣ. Только долгъ защитить честь свою или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы. Нашъ августѣйшій монархъ будетъ стремиться къ упроченію могущества и благоденствія Россіи для счастья ея и безъ вреда другимъ. Таковы начала, которыми неизмѣнно будетъ руководиться государь императоръ въ своей политикѣ. Его Величество поручаетъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства, при которомъ вы аккредитованы, и прочитатъ настоящую депешу министру иностранныхъ дѣлъ».

Хотя настоящей депешей никоимъ образомъ не предрѣшалось движеніе внутреннихъ и вѣншихъ вопросовъ въ ихъ детальной разработкѣ, но нынѣ, знакомясь съ ея содержаніемъ и обзрѣвая въ общихъ контурахъ тотъ путь, по которому пошла Россія подъ управленіемъ Александра III, нельзя не отмѣтить, что завѣренія, данныя новымъ государемъ иностраннымъ державамъ, были выполнены въ полной мѣрѣ и депеша какъ бы установила общій колоритъ той эпохи, о которой у насъ идетъ рѣчь.

Въ предисловіи къ вышедшей въ концѣ прошлаго года книгѣ Н. Е. Волкова «Очеркъ законодательной дѣятельности въ царствованіе императора Александра III»¹⁾ мы видимъ слѣдующую законодательную сводку того, что было сдѣлано въ это царствованіе. «Девизомъ этой эпохи исторической жизни Россіи можно назвать «народною политикою», которая съ самаго начала царствованія императора Александра III выразилась въ спокойномъ подъемѣ духовныхъ и матеріальныхъ силъ страны,—сказано здѣсь.—Первые законодательные акты были направлены къ облегченію тяготей, лежащихъ на народѣ. Были значительно понижены выкупные платежи, гдѣ размѣры ихъ не соответствовали отведеннымъ участкамъ земли; отмѣнена подушная подать; крестьянскіе надѣлы признаны неотчуждаемыми; организована продовольственная помощь сельскому населенію; оставшіеся еще временно обязанными крестьяне были обращены въ крестьянъ-собственниковъ; учрежденъ крестьянскій поземельный банкъ; изданы новыя правила о вольныхъ людяхъ; работы малолѣтнихъ на фабрикахъ были регламентированы;

¹⁾ Н. Е. Волковъ. Очеркъ законодательной дѣятельности въ царствованіе императора Александра III. (1881—1894 г.г.). Спб. 1910.

было оказано правительственное содѣйствіе крестьянамъ въ приобрѣтеніи земель, помимо отведенныхъ имъ надѣловъ; утверждена правильная организація переселенія крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую; финансовыя реформы были направлены къ облегченію народной массы и т. п.

«Въ области просвѣщенія народа сдѣланы шаги въ смыслѣ его укрѣпленія въ духѣ религіозно-нравственномъ. Помимо возложенія обязанности по народному обученію на сельское духовенство (церковно-приходскія школы), было упразднено самоуправленіе университетской корпораціи, при соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ во всемъ строѣ университетской жизни. Особенное вниманіе правительства было обращено на профессиональныя и низшія школы, въ нихъ положены новыя начала, болѣе согласныя съ государственными потребностями и съ условіями здороваго физическаго и духовнаго развитія учащагося юношества.

«Финансовая реформа, широко намѣченная, въ первые же годы царствованія императора Александра III была постепенно приведена въ исполненіе. Дефициты въ государственной росписи, благодаря поднятію народной производительности, прекратились. Быстрое и систематическое усиленіе сосѣдей въ военномъ отношеніи и необходимость поддержанія международнаго значенія Россіи ни на минуту не упускались изъ вида императоромъ Александромъ III.

«Боевая готовность арміи стала первою заботою государства. Прежде всего, по его указаніямъ, былъ сокращенъ нестроевой составъ арміи, умалявшій боевую годность ея мирныхъ кадровъ; затѣмъ послѣдовало преобразование всей регулярной кавалеріи въ драгунскую; развитіе и устройство резервовъ, образованіе крѣпостныхъ войскъ; усиленіе войскъ полевыхъ, какъ въ отношеніи численности ихъ частей, такъ и сформированіемъ новыхъ единицъ; значительное увеличеніе офицерскаго состава арміи; переустройство государственнаго ополченія и снабженіе войскъ усовершенствованнымъ оружіемъ.

«Въ видахъ подъема боевой готовности арміи усиленъ запасъ нижнихъ чиновъ; устроено систематическое обученіе запасныхъ и ратниковъ ополченія; обезпечено полное матеріальное снабженіе арміи по военному ея составу; увеличены и улучшены пути сообщенія, имѣющіе столь важное значеніе въ дѣлѣ мобилизаціи и сосредоточенія войска, а самый мобилизаціонный механизмъ тщательно разработанъ и усовершенствованъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе важная западная граница государства обезпечена рядомъ крѣпостей современнаго устройства.

«Въ неустаннымъ попеченіи о нуждахъ арміи покойный государь не оставилъ безъ вниманія матеріальное и служебное положеніе ея членовъ и въ этихъ видахъ усилилъ денежное содержаніе офи-

пероу, увеличилъ число казенныхъ вакансій для дѣтей офицеровъ въ кадетскомъ корпусѣ, облегчилъ службу солдатъ, сократилъ срокъ пребыванія ихъ подъ знаменами и улучшилъ положеніе сверхсрочнослужащихъ.

«Рядомъ съ этимъ, руководясь своими высокими понятіями о доблести и чести офицерскаго званія, императоръ Александръ III указалъ мѣры въ возвышенію нравственнаго уровня офицеровъ.

«По его указанію произведенъ былъ цѣлый рядъ реформъ вооруженныхъ силъ имперіи, и въ этомъ отношеніи его царствованіе является замѣчательнѣйшимъ въ исторіи Россіи.

«Внѣшняя политика отличалась особеннымъ миролюбіемъ, но и большою твердостью. Россія была освобождена не только изъ-подъ тяжелой опеки тройственнаго союза, но умѣла прочно оградить политическое равновѣсіе Европы отъ насильственныхъ посягательствъ на него со стороны средне-европейскихъ державъ и было положено начало дружескому соглашенію съ Франціей.

«Сила внѣшней политики почившаго монарха, помимо его прямодушія и миролюбія, заключалась именно въ той свободѣ, которую возвратилъ себѣ императоръ Александръ III въ 1897 году. Всякій вопросъ обсуждался прежде всего по его отношенію къ интересамъ Россіи, и въ каждомъ подобномъ случаѣ раздавалось вѣское русское слово, выслушивавшееся съ большимъ вниманіемъ именно потому, что всякій сознавалъ его искренность и понималъ, что Россія, отстаивая интересы своего народа, далека отъ мысли затрагивать интересы другихъ народовъ.

«Царствованіе великаго царя-миротворца отразилось на цѣломъ рядѣ реформъ, будившихъ Россію къ новой жизни. Душою и руководителемъ различныхъ мѣропріятій являлся всегда самъ государь, а многіе изъ весьма важныхъ законодательныхъ актовъ получили свое осуществленіе по личному его почину.

«Характерной чертой законодательной дѣятельности минувшаго царствованія было одно главное стремленіе: доставить дѣйствительный, а не бумажный только перевѣсъ русской народности въ предѣлахъ русскаго государства и внутри этой народности. Если въ прежнее время приходилось нерѣдко имѣть дѣло съ крайне разнохарактерными, иной разъ даже не вполне согласными между собою по духу проявленіями законодательства, то съ 1881 года замѣчается гораздо болѣе послѣдовательности, видно присутствіе несомнѣннаго единства мысли, самобытности и самостоятельности, какими отличаются и всѣ вообще дѣянія въ Божѣ почивающаго императора Александра III. Что же касается оцѣнки той или другой руководящей идеи, какою проникнуто законодательство въ минувшее царствованіе, то она едва ли вообще доступна современникамъ».

II.

Сопоставляя приведенную выше депешу представителямъ нашего отечества при иностранныхъ дворахъ съ краткимъ обзоромъ законодательныхъ мѣропріятій въ періодъ 1881—1894 гг., мы видимъ, что завѣренія, данныя въ депешѣ, были дѣйствительно осуществлены новымъ государемъ: усиленіемъ русской арміи былъ осуществленъ обще-европейскій миръ по поговоркѣ «*si vis pacem, para bellum*», рядомъ практическихъ мѣропріятій будничной жизни въ отечественный бытъ былъ внесенъ тотъ нѣкоторый порядокъ, котораго ему не доставало послѣ эпохи великихъ реформъ. Мѣропріятій широкой реформаторской категоріи мы въ немъ не усматриваемъ— это явилось задачею нынѣшняго царствованія, но попытка обновленія жизни на началахъ исконнаго быта усматриваются на каждомъ шагу. Какъ уже было говорено, настоящіе текущіе очерки не имѣютъ своею задачею представить исторію, государственную и политическую, всего царствованія Александра III, въ полномъ объемѣ, но нѣкоторыхъ его сторонъ намъ придется коснуться и главнымъ образомъ въ тѣхъ частяхъ, которыя не вошли въ обзоръ, сдѣланное г. Волковымъ. Въ первой части—«прологъ»—мы дали нѣкоторую характеристику новаго самодержца, пріявшаго послѣ мученической кончины своего отца обогранныя его кровью бразды правленія Россійской имперіей, а изъ послѣднихъ нашихъ очерковъ за прошедшій годъ ¹⁾ читателямъ уже знакомо отношеніе сына царя-Освободителя къ тѣмъ мѣропріятіямъ, на которыя послѣдній рѣшился подъ вліяніемъ гр. Лориса-Меликова. Тогда еще наследникъ престола, онъ, какъ мы знаемъ, относился довольно отрицательно и къ личности тогдашняго диктатора и къ его реформаторскимъ планамъ, и такое это его отношеніе не было секретомъ для освѣдомленныхъ общественныхъ круговъ, но для широкой массы населенія это оставалось неизвѣстнымъ. Поэтому понятно то напряженное ожиданіе, которое повисло надъ первыми днями новаго царствованія, особенно въ связи съ тѣмъ смутными обстоятельствами, при которыхъ это царствованіе начиналось. Мы видѣли изъ приведенныхъ выдержекъ въ «прологѣ» къ настоящимъ очеркамъ, что передовая столичная печать надѣялась оказать давленіе на не выяснившійся еще курсъ въ опредѣленномъ направленіи, желая, чтобы этотъ курсъ склонился къ «правовому порядку» и «увѣнчанію зданія», т. е., попросту говоря, въ пользу конституціоннаго строя. Первый манифестъ, изданный Александромъ III, не позволялъ дѣлать никакихъ по сему предмету опредѣленныхъ выводовъ, не давала къ таковымъ повода и приведенная депеша. Обстоятельства оставались въ неопредѣ-

¹⁾ «Историч. Вѣст.», 1910 г., ст. «Цареубійство 1-го марта 1881 г.».

ленномъ положеніи, что многими относилось на счетъ того, что прежде всего правительству надлежитъ ликвидировать кровавую драму 1 марта, обнаружить всѣхъ его виновниковъ и воздать имъ должное возмездіе, почему всякое газетное извѣстіе, сюда относящееся, встрѣчалось и прочитывалось съ усиленнымъ вниманіемъ. Газеты въ своихъ отдѣлахъ событіямъ этой категоріи отводили широкое мѣсто, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ передовыхъ статьяхъ продолжали вести конституціонную кампанію довольно настойчиво.

Былъ еще одинъ вопросъ, который въ тѣ смутные дни многихъ волновалъ, а именно вопросъ о престолонаслѣдіи на тотъ печальный случай, если новаго самодержца постигнетъ подъ натискомъ террора трагическая участь его отца. Русская исторія уже имѣла въ своихъ лѣтописяхъ сомнительныя страницы, гдѣ именно вопросъ о престолонаслѣдіи сыгралъ въ жизни народа печальную роль. Законъ о престолонаслѣдіи, установленный Павломъ I, оставался неизмѣннымъ, и вотъ, исходя изъ его положеній, манифестъ отъ 14 марта, изданный наканунѣ погребенія Александра II, оповѣстилъ населеніе, что по сему предмету государемъ императоромъ предначертанъ опредѣленный порядокъ. Въ манифестѣ было сказано послѣ соответствующаго вступленія: «1) На случай кончины нашей прежде достиженія любезнѣйшимъ сыномъ и наслѣдникомъ нашимъ опредѣленнаго закономъ возраста для совершеннолѣтія императоровъ, правителемъ государства и нераздѣльныхъ съ нимъ царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго, до совершеннолѣтія его, назначается нами любезнѣйшій братъ нашъ, великій князь Владимиръ Александровичъ; 2) Если Всевышнему угодно будетъ по кончинѣ нашей воззвать къ себѣ и первороднаго сына нашего прежде достиженія имъ совершеннолѣтія, то и по вступленіи за нимъ, по закону о наслѣдіи, на престолъ російскій другого сына нашего, любезнѣйшій братъ нашъ великій князь Владимиръ Александровичъ долженъ оставаться правителемъ государства также до совершеннолѣтія сего другого нашего сына; 3) Во всѣхъ случаяхъ, означенныхъ въ предшедшихъ 1 и 2 отдѣлахъ сего манифеста, опека и надъ первороднымъ сыномъ, и надъ прочими дѣтьми нашими до совершеннолѣтія каждаго изъ нихъ, во всей той силѣ и пространствѣ, кои опредѣлены закономъ, должна принадлежать любезнѣйшей супругѣ нашей, государынѣ императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

«Постановленіемъ и обнародованіемъ таковой воли и намѣреній нашихъ относительно управленія государствомъ во время малолѣтства нашего наслѣдника мы, съ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ законамъ нашего отечества, устраняя заранѣе всякое по сему предмету сомнѣніе, молимъ Всевышняго, да благословитъ насъ въ непрестанномъ попеченіи нашемъ о вящшемъ благоустройствѣ, могуществѣ и счастья державы, отъ Бога намъ врученной».

ИСТОРИЯ. ВЪСТАН. А, АПРѢЛЬ, 1911 Г., Т. СХХІV.

15

Этимъ манифестомъ народу давалась гарантія, что въ связи съ вопросомъ о престолонаслѣдіи странѣ не грозятъ никакія осложненія, что по сему предмету установленъ опредѣленный закономъ порядокъ и русскій престолъ обезпеченъ законнымъ наслѣдникомъ, и, въ виду его несовершеннолѣтія, законною опекою. Съ этою стороною русской жизни такимъ образомъ все было выяснено; оставались вопросы внутренняго курса, и вплоть до конца апрѣля по сему предмету съ высоты престола не раздавалось ни одного слова, и только манифестъ отъ 29 апрѣля того же года положилъ конецъ многимъ ожиданіямъ и домогательствамъ, смыслъ которыхъ сводился къ положеніямъ конституціоннаго порядка. О манифестѣ мы скажемъ далѣе, а пока отмѣтимъ лишь главнѣйшія событія, протекшія съ перваго дня новаго воцаренія до обнародованія этого рѣшающаго государственнаго акта. Однимъ изъ яко бы признаковъ новаго курса въ первое время было, по мнѣнію нѣсколькихъ послѣднихъ на обобщенія людей, учрежденіе временнаго совѣта при петербургскомъ градоначальникѣ, долженствовавшаго какъ бы явить собою голось свѣдущихъ людей, принявшихъ на себя обязанность борьбы съ крамолою. Этотъ временный совѣтъ, какъ и оказалось потомъ, не сыгралъ въ жизни русскаго общества и жителей столицы никакой роли, получилъ даже нѣкоторый комическій отпечатокъ и вскорѣ былъ ликвидированъ послѣ того, какъ правительство сознало всю его бесполезность въ административно-полицейской практикѣ, и послѣ того, какъ историческій курсъ новаго царствованія окончательно опредѣлился.

18 марта по высочайшему повелѣнію при новомъ петербургскомъ градоначальникѣ, генераль-майорѣ Барановѣ, было учреждено особое присутствіе отъ городского населенія. Функціи этого новаго учрежденія, въ цѣлесообразности коего уже тогда многіе выражали свое сомнѣніе, согласно формулировкѣ министра внутреннихъ дѣлъ, были опредѣлены такъ:

Въ виду цѣлаго ряда злодѣйскихъ замысловъ, имѣвшихъ цѣлію поколебать государственный порядокъ и окончившихся событіемъ 1-го марта, потрясшимъ всю Россію, государь императоръ, принявъ твердую рѣшимость положить предѣлъ дальнѣйшему развитію преступной дѣятельности злоумышленниковъ и оградить столицу отъ позора быть мѣстомъ и свидѣтельницею совершаемыхъ въ ней преступленій и даровать жителямъ оной полное спокойствіе, высочайше повелѣтъ соизволилъ на принятіе слѣдующихъ чрезвычайныхъ мѣръ:

1) Призвать къ содѣйствію выборныхъ отъ всего столичнаго населенія, изъ которыхъ образовать при с.-петербургскомъ градоначальникѣ временный совѣтъ, въ коемъ, независимо отъ выборныхъ, принимаетъ участіе с.-петербургскій городской голова.

2) Предоставить с.-петербургскому градоначальнику предлагать на обсужденіе совѣта тѣ мѣры, принятіе которыхъ онъ считаетъ необходимымъ въ видахъ огражденія общественной безопасности.

3) Каждая мѣра, одобренная большинствомъ совѣта, немедленно воспринимаетъ обязательную силу и приводится въ исполненіе—градоначальникомъ, по испрошеніи на то, въ случаѣ надобности, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, высочайшаго одобренія.

4) Если мѣра, предложенная градоначальникомъ, большинствомъ Совѣта не будетъ одобрена, градоначальнику воспрещается давать ей дальнѣйшій ходъ.

5) Порядокъ избранія выборныхъ отъ населенія столицы въ совѣтъ устанавливается слѣдующій:

а) отъ каждаго изъ 288 околотковъ, на которые раздѣленъ городъ, избирается одинъ выборный;

б) правомъ голоса пользуются всѣ домовладѣльцы, всѣ хозяева квартиръ, т. е. лица, занимающія на свое имя квартиры въ частныхъ или казенныхъ зданіяхъ, всѣ хозяева промышленныхъ и торговыхъ заведеній, всѣ собственники лавокъ и заводовладѣльцы;

в) каждое изъ лицъ, принадлежащихъ къ одному изъ выше поименованныхъ разрядовъ, указываетъ одно лицо, которое, по его личному убѣжденію достойно чести быть выборнымъ;

г) для отобранія такихъ отзывовъ, по распоряженію градоначальника, образуются особыя комиссіи, по числу околотковъ, которыя обходятъ всѣ дома въ околоткѣ, также квартиры и другія мѣста, указанныя выше, въ парагр. б), и отбираютъ отзывы отъ лицъ, имѣющихъ право выбора. Отзывы должны быть письменные и заключать въ себѣ званіе и фамилію избираемаго, а также подпись избирателя съ обозначеніемъ его адреса;

д) указанныя въ предыдущемъ параграфѣ комиссіи образуются изъ полицейскаго чиновника, назначаемаго градоначальникомъ, гласнаго городской думы, живущаго въ предѣлахъ околотка или въ сосѣднемъ околоткѣ, и двухъ военныхъ офицеровъ или гражданскихъ чиновниковъ, приглашенныхъ градоначальникомъ;

е) с.-петербургскому градоначальнику предоставляется для образованія означенныхъ комиссій потребовать въ свое распоряженіе служащихъ какъ въ войскахъ, такъ и въ гражданскихъ вѣдомствахъ лицъ, не занимающихъ такихъ должностей, отвлечение отъ которыхъ, хотя бы временно, могло повлечь остановку въ ходѣ дѣла;

ж) выбраннымъ отъ околотка считается тотъ, кто, по счету числа голосовъ, получить простое большинство голосовъ избравшихъ;

з) выборные отъ околотковъ собираются градоначальникомъ и производятъ изъ своей среды выборъ 25 челоѣкъ и кандидатовъ къ нимъ, списокъ которыхъ представляется градоначальникомъ государю императору чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ.

6) Выборы должны быть начаты и окончены во всей столицѣ въ одинъ день, назначенный для того градоначальникомъ.

7) По объявленіи о днѣ и часѣ производства выборовъ всѣ лица, которымъ принадлежитъ право избранія, должны находиться дома и ожидать прибытія комиссіи, назначенной для отбора голоса. Кто не будетъ найденъ комиссіею дома, тотъ тѣмъ самымъ лишается голоса.

8) По высочайшемъ утвержденіи списка выборныхъ и ихъ кандидатовъ совѣтъ немедленно открываетъ свои дѣйствія при градоначальникѣ.

9) Мѣры, принятія совѣтомъ, объявляются во всеобщее свѣдѣніе градоначальникомъ и сохраняютъ обязательную силу по отмигнѣ ихъ въ томъ же порядкѣ.

10) Если для проведенія мѣръ, принятыхъ совѣтомъ, въ исполненіе потребуются денежные средства,—таковыя отпускаются въ распоряженіе градоначальника изъ государственнаго казначайства.

Согласно газетнымъ описаніямъ ¹⁾, «избраніе депутатовъ въ совѣтъ при петербургскомъ градоначальникѣ, несмотря на необычайную поспѣшность, почти внезапность, съ которою 19-го повсемѣстно во всей столицѣ приступлено было къ исполненію высочайшаго повелѣнія 18 марта, дали слѣдующее результаты. Начиная съ 12 час. ночи до 5 утра поступили къ градоначальнику изъ всѣхъ околотковъ книги, въ которыхъ противъ графы избирателей значились имена предложенныхъ кандидатовъ... Въ составъ собранія, долженствовавшего выдѣлить изъ своей среды учреждаемый совѣтъ при градоначальникѣ, не вошло ни одного человѣка, имѣвшаго менѣе 13—14 голосовъ, было не мало имѣвшихъ значительно болѣе, 100 или 50 голосовъ. Вотъ фамиліи избранныхъ сравнительно большимъ числомъ голосовъ: генераль-адъютантъ Треповъ, графъ Менгденъ, графъ Бобринскій, генераль-майоръ Евгений Богдановичъ, Елисеѣвъ, тайный совѣтникъ Кобеко, тайный совѣтникъ Ламанскій, мировые судьи Трофимовъ и Меньшуткинъ, почетный гражданинъ Дурдинъ, Кенигъ, графъ Левашевъ, баронъ Фредериксъ, Санъ-Галли; въ числѣ представителей избраны и крестьяне. Избиратели приблизительно распредѣляются такъ: лицъ, занимающихъ видное положеніе въ высшей административной сферѣ, около 50; гласныхъ думы 20; купцовъ болѣе 60; крестьянъ 10, мѣщанъ 10, представителей ученаго міра пять, техниковъ пять, юристовъ—пять. Въ ночь по телеграфу сдѣлано распоряженіе о вызовѣ всѣхъ избранныхъ депутатовъ въ общее собраніе 20 марта, въ часъ пополудни. Въ означенный часъ въ большой залѣ дома градоначальника собрались депутаты, уполномоченные населеніемъ столицы избрать изъ среды себя членовъ совѣта градоначальника. Всѣ избранные депутаты были налицо. Рядомъ съ высокопоставленными лицами и представителями интеллигенціи засѣдали представители практической жизни и сельскаго люда. При появленіи генерала Трепова собравшіеся почтительно привѣтствовали бывшего градоначальника. Ровно въ 2 часа генераль-майоръ Барановъ открылъ засѣданіе вступительнымъ обращеніемъ».

Нѣтъ надобности распространяться здѣсь о ходѣ занятій этого оригинальнаго административно-полицейскаго парламента, явившагося своего рода подобіемъ французскихъ комитетовъ спасенія конца XVIII столѣтія. Занятія эти, какъ и слѣдовало ожидать, дали самые незначительные результаты и были выработаны лишь. 1) проектъ правилъ о взысканіи по нарушеніямъ правилъ о порядкѣ объявленія полиціи о прибывающихъ и выбывающихъ въ Петербургъ; 2) проектъ временныхъ правилъ общаго надзора за домами въ Петербургѣ; 3) проектъ правилъ для отвѣтственныхъ дворниковъ по полицейскимъ ихъ обязанностямъ; 4) проектъ пра-

¹⁾ «Русь» 1881 г., № 20.

вить околоточнымъ надзирателямъ, специально для внутренняго надзора за домами.

Скоро правительство, когда жизнь вошла въ обычную колею, признало всю бесполезность совѣщанія гражданъ въ такомъ направленіи, и уже 30 іюня того же года успѣшило ликвидировать этотъ оригинальный «парламентъ». По сему предмету градоначальникъ доносилъ новому министру внутреннихъ дѣлъ:

«Во исполненіе предложенія вашего сіятельства 17-го текущаго іюня, за № 2568, имѣю честь представить результаты трудовъ временнаго совѣта и избранной имъ комиссіи объ устройствѣ внутренняго надзора въ домахъ, присовокупляя, что записка по вопросу о причинахъ беспорядковъ и волненій въ средѣ учащейся молодежи представлена мною вашему сіятельству 13-го іюня, за № 4973.

«Что касается ходатайства моего объ испрошеніи высочайшаго соизволенія на закрытіе временнаго совѣта,—то, усматривая изъ предложенія вашего сіятельства, что вы изволите признавать основательность представленнаго мною соображенія, что дѣятельность совѣта по многимъ вопросамъ представляется теперь неудобною, такъ какъ въ трудахъ своихъ совѣтъ можетъ войти въ противорѣчіе съ результатами занятій особыхъ, нынѣ учрежденныхъ, комиссій,—я имѣю честь доложить, что нахожусь вынужденнымъ болѣе не назначать собраній совѣта.

«Засимъ отъ вашего сіятельства будетъ зависѣть повергнуть на высочайшее усмотрѣніе вопросъ объ окончательномъ закрытіи совѣта, въ то время, когда вы изволите признать подобную мѣру своевременной».

Если при градоначальствѣ состоялось, какъ-никакъ, подобіе какого-то «бараньяго» парламента, какъ его тогда называли, то иначе пошло дѣло съ конституціоннымъ проектомъ¹⁾ графа Лориса-Меликова, уже утвержденного покойнымъ императоромъ, но не приведеннаго въ исполненіе и потому долженствовавашаго поступить къ докладу, обсужденію и утвержденію новаго монарха. Первый докладъ по сему предмету графа состоялся 6-го марта, при чемъ въ заключеніе своего доклада онъ писалъ²⁾:

«Вступивъ на прародительскій престоль, преемникъ державнаго мученика, императоръ Александръ III, обрѣлъ въ завѣщанной ему предками любви къ народному благу великую рѣшимость твердо слѣдовать по пути, предуказанному въ Божѣ почившимъ незабвеннымъ родителемъ.

«Усматривая въ нелицемерныхъ проявленіяхъ всенародной скорби вящее доказательство неразрывной сердечной связи, всегда, по волѣ Предвѣчнаго, соединявшей въ Россіи государя съ его под-

¹⁾ Объ этомъ проектѣ см. «Историческій Вѣстникъ», 1910 г., № 11, ст. «Царевубійство 1-го Марта 1881 года».

²⁾ «Былое». 1906 г., № 12.

данными и всегда проявлявшейся съ особою силою въ тяжкія години испытаній, государь императоръ Александръ III, при указаніи на необходимость неуклоннаго преслѣдованія дерзкихъ покусителей на государственный порядокъ и общественное спокойствіе всемилостивѣйше соизволилъ выразить, что гнусныя злодѣянія преступной горсти безумныхъ отверженцевъ русской земли не въ силахъ побороть въ его сердцѣ рѣшимости исполнить въ точности родительскій завѣтъ любви на благо ввѣренной ему Богомъ имперіи. Руководясь такимъ рѣшеніемъ, Его Императорское Величество высочайше соизволилъ повелѣть принять къ точному исполненію изложенную выше священную волю своего державнаго родителя, какъ достойное всей его жизни прощаніе его со своимъ народомъ. При этомъ Его Величеству благоугодно было указать министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы самый порядокъ опубликованія во всеобщее свѣдѣніе высочайшаго по сему предмету повелѣнія былъ тотъ же, какой предугазанъ въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ II».

На проектъ Лорисъ-Меликова новый государь подписалъ: «Онъ составленъ весьма хорошо».

7-го марта предсѣдатель совѣта министровъ Валуевъ получилъ приказаніе созвать совѣтъ на 8-го марта, и вотъ что онъ написалъ въ своемъ дневникѣ о засѣданіи этого совѣта:

«О засѣданіи совѣта можно было бы написать цѣлую книгу. Но досуга нѣтъ. Дѣло шло, конечно, о тѣхъ комиссіяхъ, которыя были изобрѣтены министромъ внутреннихъ дѣлъ для вѣнчанія своего зданія. Событіе 1-го марта стало поперекъ журналу «особаго совѣщанія» и тексту проектированной публикаціи. Этотъ текстъ былъ измѣненъ для приуроченія къ событію. Но министръ внутреннихъ дѣлъ, повидимому, настаивалъ на движеніи дѣла, потому что безъ этого не было бы назначено на воскресенье,—и до погребенія почившаго государя,—засѣданіе совѣта.

«Засѣданіе началось съ чтенія журнала «особаго совѣщанія» и проекта публикаціи. Непостижимо для меня и для оцѣнки государственныхъ способностей графа Лориса-Меликова достаточно, что онъ допустилъ чтеніе журнала и даже самъ читалъ его. Тѣ первыя страницы самовосхваленія, о которыхъ, кажется, я уже упоминалъ, звучали убійственно въ нашемъ между-панихидномъ засѣданіи. Къ нему были приглашены, по особому приказанію государя, графъ С. Г. Строгановъ и Побѣдоносцевъ. Изъ великихъ князей были генераль-адмиралъ, Владимиръ и Михаилъ.

«Государь просилъ всѣхъ присутствовавшихъ высказаться вполнѣ «правдиво», ничѣмъ не стѣсняясь и даже не считая дѣла по существу предрѣшеннымъ.

«Графъ Строгановъ первый высказался противъ предложенной мѣры, говоря, что она не соответствуетъ самодержавному принципу, не будетъ понята народомъ, и превратно истолкована тѣми,

кто ее поймутъ. При этомъ гр. Строгановъ упоминаетъ о призывѣ редакторовъ русскихъ газетъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и о данномъ имъ указаніи на нѣкоторое время помолчать объ органическихъ преобразованіяхъ. Неловко стало гр. Лорису-Меликову. Онъ замѣтилъ, что никого не призывалъ,—это было правдой,—но что призывалъ начальникъ управленія печати, чтобы объяснить, что въ случаѣ неумѣстныхъ сужденій газеты будутъ прекращены,—что было неправдой. Затѣмъ государь обратился ко мнѣ. Я изложилъ мое отношеніе къ дѣлу довольно подробно, въ неразрывной связи 1881 года съ 1880, 1879 и 1863-ми и, по существу оставаясь при моемъ взглядѣ, сказали, что относительно своевременности публикаціи,—если она должна будетъ состояться,—рѣшеніе вопроса могло зависѣть исключительно отъ усмотрѣнія государя. Мнѣ было весьма неприятно высказываться въ данный моментъ подробно и категорично; но мнѣ казалось, что я былъ и обязанъ прямо говорить мою личную правду, и даже болѣе обезпеченъ ею, чѣмъ всякою попыткою уклониться на этотъ разъ отъ категоричнаго *profession de foi*. Въ смыслѣ предположеній министра внутреннихъ дѣлъ по существу (потому что вопросъ о своевременности, ввиду явнаго колебанія государя по этому существу, немедленно улетучился) высказались министръ финансовъ, министръ юстиціи, военный министръ и генераль-адмиралъ. Министръ почтъ, напротивъ того, прямо назвалъ проектированную мѣру ограниченіемъ самодержавія и рѣзко замѣтилъ, что первоначальный мотивъ—продолженіе системы умиротворенія,—рухнулъ и рухнулъ безвозвратно. Оберъ-прокуроръ синода сказалъ невозможную рѣчь, въ которой назвалъ все предложеніе и все европейское (*sic*)—величайшею фальшью, нанизалъ обычныя фразы о народѣ, о связи съ народомъ, о единеніи царя съ народомъ (подразумѣвая всегда такъ называемый черный) и весьма категорично кончилъ заявленіемъ, что 1-го марта для насъ всѣхъ—позоръ и упрекъ. Государь при этомъ замѣтилъ, весьма естественно будучи тронутъ, что мы всѣ въ извѣстной долѣ виноваты (?).—Абаза, какъ ножомъ въ сердце пораженный рѣчами Макова и Побѣдоносцева, не безъ горячности старался оправдать взглядъ министра внутреннихъ дѣлъ; но самъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—*incredibile dictu*,—не нашелъ у себя въ запасѣ ни одного довода въ пользу своихъ предположеній, ни одного аргумента противъ своихъ оппонентовъ, но ограничился нѣсколькими общими мѣстами о своихъ убѣжденіяхъ и оговоркой что «черезъ три мѣсяца будетъ, можетъ быть, поздно сдѣлать» и то, что имъ теперь предполагалось!!! Какую уничтожающую реплику ему можно было дать! Но я смолчалъ: ея нельзя было дать безъ прямого нападенія,—и, кромѣ того, безъ нападенія на весь послѣдній годъ царствованія того, кто во время нашего засѣданія еще покаялся на катафалкѣ противъ оконъ дворца, гдѣ мы засѣдали.

«Князь Урусовъ предложилъ возвратить дѣло для новаго обсужденія въ комитетъ министровъ. Самъ государь замѣтилъ, что можно его вновь обсудить и въ какомъ-нибудь специальномъ совѣщаніи. Эту мысль поддерживалъ Сольскій. Государь спросилъ графа Строганова, приметъ ли онъ на себя предсѣдательство въ такомъ совѣщаніи. Графъ Строгановъ уклонился отъ предсѣдательства, но предложилъ быть членомъ. Окончательнаго повелѣнія о совѣщаніи и его составѣ не состоялось,—и засѣданіе кончилось, слѣдовательно, *pas même en queue de poisson*.

«Такой полный *fiasco* министра внутреннихъ дѣлъ, въ такомъ дѣлѣ и при всѣхъ усиливающихъ значеніе *fiasco* обстоятельствахъ, рѣшаетъ совершенно, на мой взглядъ, вопросъ о его дальнѣйшемъ значеніи и вліяніи. Но другія обстоятельства, о которыхъ пока умалчиваю, приводятъ меня въ большое и тяжкое недоумѣніе насчетъ нашей ближайшей будущности. Относительно прочихъ участниковъ совѣщанія ограничиваюсь краткими отмѣтками. Великій князь генераль-адмиралъ былъ себѣ вѣренъ,—т. е. и думалъ, и говорилъ полуправду или неправду. Посѣтъ былъ противъ предложенія министра внутреннихъ дѣлъ; Сабуровъ произнесъ полуидіотическую рѣчь за это предложеніе и даже глядѣлъ полуидіотомъ во все время засѣданія, онъ какъ-то совершенно невозможно отозвался о событіи 1-го марта, *aura désinvolture*. В. довольно складно и съ пріятнымъ выраженіемъ лица сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что онъ не имѣетъ установившагося мнѣнія о разныхъ частностяхъ совершенно новаго для него вопроса; но что во всякомъ случаѣ мы не можемъ далѣе управлять, какъ доселѣ управляли. Великій князь Михаилъ къ нему присоединился. Принцъ Ольденбургскій произнесъ нѣсколько привычныхъ словъ о мирѣ, сокращеніи расходовъ и т. п. Наконецъ князь Ливенъ попытался развить мнѣніе *suī generis* о лучшемъ устройствѣ «мѣстныхъ управленій». Графъ Барановъ и графъ Адлербергъ молчали».

Къ этому мѣсту дневника Валуевъ впослѣдствіи приписалъ: «Хотя государь и предоставилъ всѣмъ высказаться, самъ не высказываясь, но явно было, что его личное мнѣніе уже установилось на точкѣ зрѣнія Побѣдоносцева, заранѣе объяснивагося и согласившагося съ графомъ Строгановымъ. Если и въ отношеніи къ хромымъ предположеніямъ аничковскаго совѣщанія государь былъ такъ настроенъ, то онъ еще менѣе могъ сочувствовать моимъ, гораздо болѣе опредѣленнымъ и полнымъ предположеніямъ 1863 г. недавно вновь бывшимъ предметомъ обсужденія подъ предсѣдательствомъ генераль-адмирала. Но я не могъ не упомянуть о нихъ и на нихъ не сослаться, потому что долженъ былъ остаться самому себѣ вѣрнымъ и стоять отдѣльно отъ клики Лорисъ-Меликова».

Къ этому засѣданію мы еще вернемся, а пока прослѣдимъ записи, сдѣланныя Валуевымъ, въ связи съ вопросомъ о преобразованіи Государственнаго Совѣта.

III.

Дальнѣйшій ходъ событій описанъ въ дневникѣ Валуева подъ 1882 г. Эти записи настолько важны и настолько освѣщаютъ значеніе въ переломѣ курса и всей внутренней политики, что мы приводимъ ихъ полностью, какъ онѣ напечатаны въ «Быломъ» ¹⁾.

«Въ теченіе всего періода царствованія съ 8-го марта по 29-е апрѣля противоположныя теченія скрещивались около государя, и на первый взглядъ могло казаться, что то одно, то другое брало верхъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ продолжалъ, такъ сказать, наружно играть прежнюю роль; но въ сущности онъ утратилъ свое руководящее или рѣшающее значеніе. Безпрерывно обнаруживались отрывочныя вліянія Побѣдоносцева и графа Воронцова, преимущественно по части личныхъ назначеній и аномальной независимости дѣйствій, предоставлявшейся разнымъ лицамъ. Градоначальникъ Барановъ былъ самымъ рѣзкимъ выраженіемъ того и другого. Ни графъ Лорисъ-Меликовъ, ни его вдохновитель Абаза не рѣшались бороться съ этими вспышками прямого самодержавія. Они думали, какъ выразился Абаза, что пора такихъ вспышекъ пройдетъ и они успѣютъ окончательно утвердиться на своей почвѣ и утвердить за собою прочное вліяніе. Послѣдствія показали, что они ошиблись. Между тѣмъ рядомъ съ ними и съ Побѣдоносцевымъ, съ графомъ Воронцовымъ начинало упрочиваться еще другое вліяніе въ лицѣ графа Игнатьева».

Приведемъ изъ дневника нѣкоторые наиболѣе характерныя отрывки о положеніи лицъ и событій.

«11-го марта. Вчера въ комитетѣ министровъ—нѣчто вроде спены между Абазою и Маковымъ. Послѣдній безъ надобности и безъ предусмотрительности и такта, послѣ происшедшаго 8-го числа совѣта, пустился въ длинныя разсужденія по винокурению, не соглашаясь съ однимъ пунктомъ заключенія министра финансовъ по дѣлу о ходатайствѣ екатеринославскаго дворянства. Когда я спросилъ министра финансовъ, не сочтетъ ли онъ нужнымъ со своей стороны что-либо объяснить, онъ сухо отвѣтилъ: «нѣтъ», и дѣйствительно оставилъ элукубраціи Макова безъ всякаго вниманія и отвѣта. Всѣмъ стало неловко. Я далъ этому эпизоду оборотъ выражаемаго такимъ образомъ несогласія министра финансовъ съ министромъ почтъ и настоянія на своемъ мнѣніи,—чѣмъ дѣло и окончилось».

«Маковъ написалъ мнѣ въ теченіе дня нервную записку, которая могла во мнѣ возбудить предположеніе о намѣреніи лич-

¹⁾ «Былое», 1907 г., № 3.

наго вызова, для требованія такъ называемой сатисфакціи. Позже онъ былъ у меня и оказалось, что онъ разумѣлъ дѣло иначе. Въ городѣ распространились слухи о выходѣ въ отставку графа Лорисъ-Меликова и Абазы, и Маковъ, предполагая, что это случилось изъ-за него (?!), хотѣлъ заявить государю, что лучше пожертвовать имъ, Маковымъ, чѣмъ Абазою.—Satis.

«Градоначальникомъ назначенъ генераль-майоръ Барановъ,—извѣстный по столкновению съ генераломъ-адмираломъ.—Характеристично и знаменательно въ отношеніи къ сему послѣднему.—Предсѣдать въ будущемъ совѣщаніи по квадратурѣ круга реформъ будетъ, говорятъ, великій князь Владимиръ. Судя по нѣкоторымъ признакамъ въ лагерѣ Michel I-er¹⁾—большой переполохъ. Что будетъ,—теперь предусмотрѣть невозможно. Слишкомъ много игры въ жмурки въ нашей правительственной сферѣ.

«15-го марта. Вчера опять дежурилъ при панихидѣ въ 12 дня. Видѣлъ на этотъ разъ всѣхъ иностранныхъ принцевъ и принцессъ въ соборѣ. Принцесса Валійская—замѣчательно хороша и что называется *élégante*. Время у нея до сихъ поръ еще ничего не отняло.

«Третьяго дня былъ у кронпринца прусскаго, вчера—у великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго, по ихъ желанію. Съ тѣмъ и другимъ—довольно продолжительные разговоры о нашихъ дѣлахъ. Замѣчательно, что подобныя бесѣды до сихъ поръ были невозможны съ какимъ бы то ни было русскимъ августѣйшимъ лицомъ. Даже покойная великая княгиня Елена Павловна имѣла извѣстный *plі*, который для меня, по крайней мѣрѣ, былъ постоянною пыткой.

«У входа въ соборъ видѣлъ вчера въ первый разъ новаго градоначальника. И это назначеніе—*signum temporis*. Оно состоялось помимо Michel I-er, хотя Michel I-er утверждаетъ противное. *Curriculum*: Московская выставка, «Vesta», Добровольный флотъ, судебное дѣло, утрата вензелевыхъ аксельбантовъ и удаленіе изъ службы, вступленіе въ нее вновь, въ артиллерійскомъ мундирѣ, командировка за границу по полицейской части,—губернаторство въ Ковнѣ,—и теперь петербургское градоначальство.

«Послѣ уставной пальбы, когда новый государь и императрица вышли изъ церкви,—заиграла попрежнему молчавшая двѣ недѣли военная музыка, войска и случайные представители устроеннаго полицейскими предосторожностями «народа» кричали «ура». Новое царствованіе вполнѣ заняло мѣсто предшедшаго.—Да благословитъ оное Богъ.

«19-го марта. Указомъ, состоявшимся 16-го вечеромъ, но опубликованнымъ вчера, 18-го, министерство почтъ и телеграфовъ упразд-

¹⁾ Т. е. Лориса-Меликова.

Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.

нено и эти части воссоединены съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Маковъ ничего о томъ не вѣдалъ и узналъ случайно 17-го, въ 3 часа пополудни отъ забѣжавшаго къ нему генерала Богдановича, а затѣмъ отъ меня, заѣхавшаго изъ комитета министровъ, гдѣ я самъ получилъ первую о томъ вѣсть отъ министра юстиціи. Комментаріи излишни.

«Маковъ назначается, конечно, членомъ государственнаго совѣта».

Въ сентябрѣ 1882 года Валуевъ приписалъ къ этому мѣсту дневника слѣдующее:

«Внезапное и безъ соблюденія всякихъ обычныхъ предвареній состоявшееся упраздненіе Макова можетъ быть объяснено только прежнимъ на него наговоромъ по части перлюстраціи. Графъ Лорисъ-Меликовъ воспользовался накопившеюся въ государѣ «гап-сиге», нисколько, впрочемъ, не заслуженною. Въ отношеніи къ Макову просédé былъ тѣмъ болѣе жестокъ, что онъ письменно испрашивалъ аудіенцію по званію министра почтъ, но отвѣта на просьбу не получилъ и безъ всякаго предувѣдомленія былъ списанъ со списка министровъ, хотя и съ оставленіемъ въ государственномъ совѣтѣ. Ему не помогла и рѣзкая оппозиція графу Лорисъ-Меликову въ засѣданіи 8-го марта, соединенная съ подобающимъ восхваленіемъ самодержавія.

«Съ тѣхъ поръ Маковъ не видалъ государя, не имѣвъ безусловно обязательнаго повода ему представиться».

«19-го марта 1881 года.

«Вчера графъ Лорисъ-Меликовъ будто бы сказалъ представлявшемуся (по почтамъ) Перфильеву, что у него будетъ другой начальникъ. Князь Урусовъ говорилъ мнѣ также, что изъ лагеря Скальковскихъ будто бы идетъ новый слухъ объ уходѣ графа Лорисъ-Меликова. Ничего не разберешь, и я никому и ничему не вѣрю, но все невозможное признаю возможнымъ.

«Сегодня газеты извѣщаютъ объ особомъ совѣтѣ выборныхъ при градоначальникѣ. Нѣчто вродѣ выборовъ a deux degrés... Erratica множатся.

«Выборы во временный совѣтъ градоначальника состоялись вчера. Замѣчательно, что первымъ, по числу голосовъ (176), оказался генераль Треповъ. Избирателей (2-ой ст. wahlmänner) было около 228.

«Въ общемъ положеніе дѣлъ—пока нѣтъ просвѣта.

«23-го марта. Эрратическій ходъ дѣлъ продолжается и изъ драмы порою переходить въ комедію. Окапываются дворцы; запрещаютъ ходить по ихъ панелямъ; временный совѣтъ при градоначальникѣ воображаетъ, что онъ призванъ управлять полиціей и самимъ градоначальникомъ; министръ внутреннихъ дѣлъ ступежался и даже не обнаруживаетъ никакого участія въ дѣлахъ охраненія или возстановленія общественнаго порядка въ столицѣ; патріотическое балагурство Москвы продолжается подъ ладъ призыванія туда центральной власти и аксаковского лозунга: «пора домой», т. е. въ Китай-городъ; однимъ словомъ, нигдѣ настоящаго правительства не видно и ни въ чемъ направляющая и объединяющая правительственная идея не обнаруживается. Быстро катится шаръ по наклонной плоскости и надтрескивается.

«24-го марта. Горизонтъ болѣе и болѣе хмурится. Кавалерійскій кордонъ кругомъ города и заставы.—Безуміе!

«Вчера былъ въ государственномъ совѣтѣ. Тамъ какъ будто ничего не сбылось. Не видать Michel I-er. Онъ обозначаетъ свою должность только своимъ присутвіемъ въ Аничковскомъ дворцѣ. Градоначальникъ хозяйничаетъ, докладываетъ и опять хозяйничаетъ, какъ будто диктатора «новыхъ вѣяній» никогда не бывало. Безсознательный, но не самоотверженный Валленродъ изъ армянъ.

«25-го марта. Валленродъ окончательно подпалъ подъ руководство министра финансовъ. Онъ, т. е. министръ внутреннихъ дѣлъ, ежедневно видитъ государя и по соглашенію съ Эгеріей-Абазой проводить перемѣны въ личномъ составѣ нашего pseudo-кабинета... Вчера, наконецъ, спущенъ Сабуровъ. Онъ замѣщенъ барономъ Николаи. Далѣе спускается князь Ливенъ и замѣняется графомъ Игнатьевымъ.

«Возмездіе расточается свыше. Маковъ заплатился за уніатовъ; князь Ливенъ—за порядочно гнусное себялюбіе и, могу сказать, порядочно гнусную неблагодарность; Сабуровъ за то, что при недальнемъ умѣ думалъ выѣхать на новыхъ вѣяніяхъ. Великій князь генераль-адмираль также будетъ спущенъ на дняхъ сперва въ отпускъ, а тамъ и радикально. Ему по дѣломъ, за разнovidное, по всѣмъ частямъ причиненное зло и за низость преклоненія передъ безсодержательнымъ временщикомъ...

«На дняхъ государь переѣзжаетъ въ Гатчину. Мѣра о двухъ цвѣтахъ.

«Между тѣмъ наложенъ тормозъ на нѣкоторыя проявленія самодурства новаго градоначальника. Отмѣненъ кавалерійскій кордонъ вокругъ столицы. Но генераль Барановъ еще силенъ въ Аничковскомъ, и Абаза мнѣ еще вчера говорилъ: «il faut laisser passer le tourbillon».

«Вчера же Ихъ Императорскія Величества переѣхали въ Гатчину. Переѣздъ, изъ предосторожности, приготовленъ и совершенъ безъ огласки.

«Какой эпилогъ для системы и періода «умиротворенія» pseudo диктаторомъ!

«Бывшій самодержавецъ—въ могилѣ; нынѣшній—en charte privée въ Гатчинѣ. Продолжаютъ говорить о единеніи царя и «народа», о разныхъ видахъ вѣрноподданническаго усердія и самоотверженія, и пр., и пр.; а между тѣмъ Гатчина и процессъ, въ которомъ Желябовъ рисуется героемъ своихъ доктринъ,—власти играютъ весьма блѣдную роль, а министры ѣздятъ въ суды, какъ въ спектакль.

«29-го марта. Замѣчательна близорукость нашихъ властей. Процессъ о цареубійствѣ ведется такъ, что наиболѣе видную роль играютъ подсудимые, и отчеты о засѣданіяхъ такъ печатаются, что они могутъ выставить себя героями-жертвами, воевавшими

за народъ... «Иностранцы изумляются». Но министр юстиціи, вѣроятно, доволенъ.

«— Никогда,—говорилъ онъ мнѣ съ торжествующей фізіономіей еще до начала процесса,—такое дѣло не было такъ хорошо обставлено!!!

«30-го марта. Гатчинскіе порядки еще не установились. Городъ полонъ толковъ и слуховъ. Иностранцы изумляются и глумятся.

«Ein Land,—сказалъ сегодня графинѣ Клейнмихель ген. Швейницъ,—wo gen. Ignatieff, Baranoff und Benkendorff eine rolle spielen können!»

«Утромъ былъ гр. Коцебу. Онъ рассказывалъ, что третьяго дня, на лекціи проф. Соловьева въ Солянномъ Городкѣ онъ будто бы сказалъ, что если государь будетъ дѣйствовать въ духѣ русскаго народа, не сочувствующаго смертной казни,—онъ помилуеъ цареубійцъ. Ему хлопали и только отставной военный, подойдя къ оратору, ему пригрозилъ кулакомъ. Проф. Груберъ, медицинской хирургической академіи, сказалъ австрійскому послу, что всѣ студенты пропитаны однимъ духомъ и онъ затруднялся бы указать, кого изъ нихъ слѣдовало бы повѣсить.

«1-го апрѣля. Вчера въ комитетахъ министровъ и кавказскомъ были въ первый разъ гр. Игнатъевъ и баронъ Николаи... Michel I-er какъ будто развѣнчанъ, но любезенъ, смиренъ и по кавказскимъ дѣламъ замѣчательно толковъ. Какъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—ни единого признака сознанія своей роли и памятованія своихъ дѣйствій.

«4-го апрѣля. Вчера на Семеновскомъ плацу казнены пять участниковъ 1-го марта. Шестая, еврейка Гельфманъ,—беременна.

«Въ мірѣ дѣлѣ—одни слухи. Только гр. Воронцовъ выступилъ въ новой роли охраннаго «maître du palais» въ Гатчинѣ. Ему подчинены, по части охраны высочайшихъ особъ, всѣ власти.

«8-го апрѣля. Вчера въ комитетѣ министровъ слышалъ отъ Абазы, что великій князь Михаилъ будетъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и кавказское намѣстничество преобразится въ генераль-губернаторство. Князю Горчакову избрѣтенъ юбилейный подарокъ—двойной портретъ. Видѣлъ князя Паскевича. Вслушиваясь въ рѣчи людей его круга, болѣе и болѣе укореняется смутное ощущеніе безнадежности нашего общественнаго положенія.

«Узналъ разныя дополнительныя низости,—притомъ злыя низости, князя Ливена.

«Князь Павелъ Вяземскій замѣняетъ временно ушедшаго наконецъ въ сенатъ Абазу—печати.

«10-го апрѣля. Третьяго дня было совѣщаніе у великаго князя Михаила Николаевича по вопросу о новыхъ формахъ кавказскаго управления. Въ тотъ же вечеръ послалъ великій князь, въ видѣ

«Punctuation», сущность заявленных мною въ совѣщаніи предложеній.

«18-го апрѣля. Вчера я оказался юбиляромъ за 50 лѣтъ службы...

«Государемъ присланъ рескриптъ, заурядный, безъ всякой приписи и даже передѣланный,—кажется, при содѣйствіи Побѣдоносцева,—чтобы его сдѣлать позауряднѣе противъ проектированнаго государственнымъ секретаремъ Перетцемъ.

«Баронъ Веліо замѣщенъ (по департаменту полиціи) прокуроромъ Плевелъ.

«21-го апрѣля. Третьяго дня былъ въ Гатчинѣ для благодаренія. Обѣдня, потомъ завтракъ у Ихъ Императорскихъ Величествъ. Императрица была любезна. Государь любезенъ, но «lauwaght».

«18-го ѣздилъ благодарить великихъ князей, бывшихъ у меня 17-го. Великій князь Константинъ Николаевичъ мнѣ прямо высказалъ, что ему «приказано уѣхать, но что для избѣжанія скандала позволено, пока, дожидаться закрытія сессіи государственнаго совѣта».

«Вечеромъ получилъ отъ графа Лориса-Меликова приказаніе государя отложить сегодняшнее засѣданіе комитета министровъ, потому что нѣкоторые «министры» вызваны въ Гатчину, для особаго совѣщанія.—Это второе мнѣ предостереженіе. Первое заключалось въ рескриптѣ... Между тѣмъ великій князь Владимиръ мнѣ говорилъ, что я буду вызванъ. I will keep my temper to the last.

«Государь сказалъ о графѣ Игнатъевѣ, что хорошо, что онъ у «дѣлъ», потому что «настоящій коренной русскій» (sic).

IV.

«24-го апрѣля. По словамъ Абазы, въ Гатчинѣ происходило слѣдующее. Рѣчь шла о томъ, что сильное правительство должно быть единодушнымъ, и, слѣдовательно, нужно нѣчто въ родѣ «кабинета»; нужно, чтобы министры прямо докладывали государю только по предметамъ своего спеціальнаго вѣдѣнія, а по всѣмъ общимъ вопросамъ предварительно между собою совѣщались и соглашались, а въ случаѣ несоглашенія испрашивали высочайшаго указанія. Далѣе нужно, чтобы министры, по своимъ убѣжденіямъ несогласные съ внесенными мѣропріятіями, уходили,—а въ случаѣ неухода,—были увольняемы.—Однимъ словомъ, говорилъ мнѣ Абаза, «tout a été fortement sousigné et le resultat a dépassé l'attente».

«Между прочимъ Абаза прямо говорилъ о невозможности писать и ссылаться на какія-нибудь газеты, какимъ-нибудь министрамъ за спиною своихъ товарищей,—прямое указаніе на Побѣдоносцева и «Московскія Вѣдомости». Вообще Абаза понимаетъ

результатъ въ смыслѣ побѣды надъ Побѣдоносцевымъ. Государь, по словамъ Абазы, *d'un air grave, mais calme*, поддался на все это, но сказалъ, что «не нужно особаго предсѣдателя, что «они» должны собираться у «кого-нибудь», и что ихъ «совѣщанія» должны происходить помимо обычныхъ дѣлъ комитета министровъ».

«Затѣмъ въ концѣ совѣщанія оказалось, что къ гг. министрамъ наличнымъ присоединялся *casité* В. . . К. . . В. Сіе оказалось во фразѣ съ его стороны съ мѣстоименіемъ: «мы». Налицо были: графъ Лорисъ-Меликовъ, Абаза, графъ Игнатьевъ, Набоковъ, баронъ Николаи, Побѣдоносецъ и графъ Милютинъ. Имъ предоставлено приглашать и министра путей сообщенія, когда сочтутъ нужнымъ, и государственнаго контролера. Князь Урусовъ и принцъ Ольденбургскій (главноначальствующіе) признаны не изъ нужныхъ. Въ концѣ концовъ графъ Лорисъ-Меликовъ и Абаза чрезвычайно довольны.

«Изъ всего этого оказывается, по моему мнѣнію, что мы только вступили въ новый кругъ недоразумѣній.

«1. Государь не имѣетъ яснаго понятія о томъ, что желалось и что рѣшено. Онъ, между прочимъ, сказалъ: «вы соберетесь раза два на недѣлѣ, а потомъ я васъ вновь соберу». Ergo,—предполагалось, съ его стороны, что какой-нибудь агсапш будетъ найденъ *in continenti*. Между тѣмъ члены совѣщанія имѣли преимущественно въ виду нѣчто вроде новаго постоянного устройства въ механизмѣ дѣлъ.

«2. Государь отдѣлялъ комитетъ министровъ отъ «комитета», между тѣмъ они весьма мало помышляли объ отдѣльности комитета.

«3. Государь счелъ предсѣдателя «кабинета» ненужнымъ и придалъ ему великаго князя Владимира,—а члены совѣщанія били на предсѣдателя и не помышляли о великомъ князѣ.

«4. Кромѣ того, въ совѣщаніи была рѣчь о будущемъ участіи «земскихъ людей», въ надобности или ненадобности какого-нибудь манифеста и т. п., но всѣ эти вопросы стали пока неразрѣшенными. Однимъ словомъ, кромѣ мысли объ особомъ, такъ сказать, руководящемъ или привилегированно-довѣренномъ отдѣлѣ министерства, составленномъ изъ излюбленныхъ людей, никакая другая мысль не установилась. Далѣе видно, что графъ Лорисъ-Меликовъ нѣсколько отдѣльно отъ Абазы билъ на роль *premier'a*,—но пока цѣли не достигъ.

«Мое личное положеніе среди всего этого весьма неопредѣленно и щекотливо.

«... Не хочу быть стѣсненъ и не хочу натолкнуться на несоблюденіе приличій...

«27-го апрѣля. Есть какое-то расхожденіе взглядовъ между государемъ и великимъ княземъ Владимиромъ...

«Вообще на здѣшней сценѣ все спутано... Туманныя картины. Точнѣ *dissolving vews*.

«За графомъ Воронцовымъ прячутся разные, болѣе, чѣмъ онъ самъ, грамотные сочинители разныхъ проектовъ.

28-го апрѣля. *Alia jacet*. Вчера—государственный совѣтъ. Не совѣщаніе,—а представленіе по дѣлу о выкупѣ и пр.

«30-го апрѣля. Вчера два событія: 1. Наконецъ парадъ войскамъ,—торопливый, но все-таки парадъ, гдѣ войска видѣли государя. 2. Манифестъ, подписанный яко бы вчера,—чтобы не быть гатчинскимъ,—а то бы нельзя угадать почему. Манифестъ, самъ по себѣ, въ комментаріяхъ не нуждается. Этотъ первый актъ *du «cabinet homogène»* сохранить навсегда историческое значеніе.

«1-го мая. *Imbroglio* до того обостряется, что я ничего не могу понять въ происходящемъ. Говорятъ, что манифестъ изданъ безъ вѣдома графа Лориса-Меликова, Абазы и графа Игнатьева. Последнему рѣшительно не везло.

«2-го мая. Ходъ дѣла былъ слѣдующій. Во вторникъ вечеромъ наканунѣ парада «гомогенный» кабинетъ собрался при великомъ князѣ Владимірѣ у графа Лориса-Меликова. Министръ юстиціи пріѣхалъ поздно и молчалъ. Около полуночи великій князь уѣхалъ. Тогда Набоковъ заявилъ о манифестѣ.—Какой манифестъ?—Общее изумленіе. Набоковъ предъявляетъ бумагу.—Откуда?—Отъ Побѣдоносцева. Печатается. Завтра будетъ разосланъ. Затѣмъ перекрестные вопросы и бурная сцена, въ которой, какъ говорятъ, министръ финансовъ совершенно выходилъ изъ себя, предлагалъ всѣмъ коллективно подать въ отставку, съ экстреннымъ поѣздомъ ѣхать въ Гатчину и пр., и пр... Графъ Игнатьевъ оказался болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Онъ стоялъ разными ногами въ разныхъ лагеряхъ. Графъ Милютинъ относился къ дѣлу хладнокровно, а Побѣдоносцеву пришлось выслушать непріятныя рѣчи. Въ среду, въ день парада министръ внутреннихъ дѣлъ написалъ къ государю письмо, прося увольненія по болѣзни. Согласіе послѣдовало, по версіи однихъ—съ выраженіемъ сожалѣнія и признательности,—по версіи другихъ—съ отмѣткою: «Съ Богомъ—въ трудное время больному неудобно быть министромъ».

«Въ тотъ же день рѣзкое объясненіе Абазы съ В. . . . К. . . В. . . . , въ которомъ Абаза сказалъ (по его словамъ): «*qu'un homme qui se respecte ne peut pas être le laquais de M. Pobédonostzeff*».

«Въ четвергъ министръ финансовъ отправилъ просьбу объ увольненіи, написанную съ достоинствомъ и мотивированную несогласіемъ между министрами, обнаруженнымъ манифестомъ. Просьба возвратилась съ отмѣткою: «Сожалѣю»,—далѣе съ указаніемъ на то, что поводомъ было заявленіе государя о неприкосновенности самодержавія (т. е. поводомъ къ манифесту) и съ заключительными словами: «Сожалѣю, что вы не нашли болѣе приличнаго повода». Я видѣлъ письмо и отмѣтку.

«Вчера вмѣсто Абазы поѣхалъ съ докладомъ Бунге (какъ товарищъ). Государь поручилъ сказать Абазѣ, что онъ его просить остаться до ваканцій государственнаго совѣта (недѣли двѣ). Вчера же былъ въ Гатчинѣ графъ Игнатьевъ. Онъ, повидимому, будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Вчера же тамъ были для представленія Грейгъ, Мансуровъ и другіе. Государь былъ особенно въ духѣ и любезенъ. Говорятъ, что и графъ Милютинъ будетъ просить увольненія.

«... Dessous de cartes слѣдующій: Побѣдоносцевъ выписалъ себѣ на помощь изъ Москвы Каткова. Манифестъ написанъ ими. Заодно съ ними были градоначальникъ Барановъ и Островскій, который очень доволенъ манифестомъ. Графъ Игнатьевъ, повидимому, участвовалъ за кулисами.

«4-го мая. Третьяго дня вечеромъ скончался принцъ П. Г. Ольденбургскій... Онъ былъ добродѣтельный, добрый, до юродства благонамѣренный человекъ, истинно набожный и вѣровавшій. На дѣло, при всемъ томъ, конечно, мало пригодный.

«Былъ вчера утромъ на панихидѣ по немъ. Видѣлъ тамъ, между прочимъ, градоначальника Баранова въ новой имъ сочиненной формѣ, новаго министра внутреннихъ дѣлъ и министра юстиціи.

«Первый сказалъ, что аресты продолжаются, второй успѣлъ солгать, сказавъ, что его назначеніе еще не рѣшено окончательно, третій дополнилъ и исправилъ мои свѣдѣнія о засѣданіи 28-го и манифестѣ 29-го. Черновой манускриптъ былъ присланъ министру юстиціи отъ государя. Набоковъ увѣдомилъ о томъ графа Лориса-Меликова еще въ теченіе дня (хотя, повидимому, графъ Лорисъ-Меликовъ не читалъ увѣдомленія); затѣмъ текстъ манифеста читалъ графъ Лорисъ-Меликовъ и Абаза (про себя) еще во время засѣданія, при великомъ князѣ Владимирѣ; но сдѣлался предметомъ толковъ и спенъ только послѣ его ухода.—Государь говорилъ Набокову 30-го при докладѣ, что онъ нѣсколько разъ требовалъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ проекта манифеста или объявленія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», но графъ Лорисъ-Меликовъ уклонялся.

Министромъ государственныхъ имуществъ назначается Островскій. Оказывается, что онъ былъ mit Ignatieff, Katkoff und Pobedonostzeff.

«Въ Гатчинѣ, говорятъ, очень довольны тѣмъ «qu'on a retrouvé le самодержавіе». Замѣчательна наивная (или ненаивная) смѣлость элукубраціи Каткова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о «Царѣ и народѣ», живой связи между ними, 100 милліонахъ и одномъ государѣ,—и пр. и пр.,—какъ будто возможны безъ посредствующаго механизма прямыя сношенія между 100 милліонами и однимъ властелиномъ, какъ будто наше нынѣшнее положеніе не есть результатъ самодержавнаго правительствованія, и какъ будто d'avoir un seul maître за все вознаграждаетъ».

Высочайшій манифестъ отъ 29-го апрѣля 1881 г., гласилъ:

БОЖЮ МИЛОСТЮ

Мы, Александръ Третій,

императоръ и самодержецъ всероссійскій,

царь польскій, великій князь финляндскій и пр., и пр., и пр.,

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ Богу въ не-исповѣдимыхъ судьбахъ Его благоугодно было завершить славное царствованіе возлюбленнаго родителя нашего мученическою кончиною, а на насъ возложить священный долгъ самодержавнаго правленія. Повинуясь волѣ Провидѣнія и закону наслѣдія государственнаго, мы приняли бремя сіе въ страшный часъ всенародной скорби и ужаса, передъ лицомъ Всевышняго Бога, вѣруя, что, предопредѣливъ намъ дѣло власти въ столь тяжкое и многотрудное время, Онъ не оставитъ насъ своею всесильною помощію. Вѣруемъ также, что горячія молитвы благочестиваго народа, во всемъ свѣтѣ извѣстнаго любовью и преданностью своимъ государямъ, привлекутъ благословеніе Божіе на насъ и въ подлежащій намъ трудъ правленія. Въ Бозѣ почившій родитель нашъ, принявъ отъ Бога самодержавную власть на благо вѣреннаго ему народа, пребылъ вѣренъ до смерти принятому имъ обѣту и кровію запечатлѣлъ великое свое служеніе. Не столько строгими велѣніями власти, сколько благостію и кротостію совершилъ онъ величайшее дѣло своего царствованія, освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, уснѣвъ привлечь къ содѣйствію въ томъ и дворянъ владѣльцевъ, всегда послушныхъ гласу добра и чести; утвердилъ въ царствѣ судъ и подданныхъ своихъ, коихъ всѣхъ безъ различія содѣлалъ навсегда свободными, призвалъ къ распоряженію дѣлами мѣстнаго управленія и общественнаго хозяйства. Да будетъ память его благословенна вѣки! Низкое и злодѣйское убійство русскаго государя, посреди вѣрнаго народа, готоваго положить за него жизнь свою, недостойными извергами изъ народа,—есть дѣло страшное, позорное, неслыханное въ Россіи и омрачило всю землю нашу скорбію и ужасомъ. Но посреди великой нашей скорби гласъ Божій повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный промыселъ, съ вѣрою въ силу истины самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее посползновеній. Да ободрятся же пораженные смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, всѣхъ любящихъ отечество и преданныхъ изъ рода въ родъ наслѣдственной царской власти. Подъ снѣгію ея и въ неразрывномъ съ нею союзѣ земля наша переживала не разъ великія смуты и приходила въ силу и славу посреди тяжкихъ испытаній и бѣдствій, съ вѣрою въ Бога, устрояющаго судьбы ея. Посвящая себя вели-

кому нашему служенію, мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ служить намъ и государству вѣрой и правдой къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю русскую,—къ утвержденію вѣры и нравственности,—къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія,—къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учреждений, дарованныхъ Россіи благодѣтелемъ ея, возлюбленнымъ нашимъ родителемъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 29 день апрѣля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, царствованія же нашего въ первое.

«Александръ».

V.

Историческое засѣданіе 8 марта, гдѣ впервые выяснилось разногласіе между гр. Лорисомъ-Меликовымъ и большинствомъ членовъ совѣта, призванныхъ къ обсужденію его проекта преобразованія государственнаго совѣта, съ еще большими подробностями, чѣмъ которыя нами приведены выше въ дневникѣ, находятся въ дневникѣ другого неизвѣстнаго дѣятеля, напечатанномъ на страницѣ «Былого»¹⁾. Здѣсь объ этомъ засѣданіи мы читаемъ:

«Помѣщаемъ доставленные намъ въ высшей степени интересныя страницы изъ дневника виднаго государственнаго дѣятеля, относящіяся до знаменитаго засѣданія государственнаго совѣта, обсуждавшаго проектъ представительства—весьма скромнаго,—предложенный гр. Лорисомъ-Меликовымъ. Авторъ дневника по наброскамъ, сдѣланнымъ имъ въ засѣданіи, воспроизвелъ затѣмъ многочисленныя рѣчи, тамъ произнесенныя.

«Когда всѣ заняли мѣста, его величество императоръ Александръ III не безъ нѣкотораго смущенія сказалъ:

«Господа! Я собралъ васъ сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тяжелое время, для обсужденія одного вопроса, въ высшей степени важнаго. Графъ Лорисъ-Меликовъ, озабочиваясь возможно всестороннимъ разсмотрѣніемъ предположеній, а также для удовлетворенія общественнаго мнѣнія, докладывалъ покойному государю о необходимости созвать представителей отъ земствъ и городовъ. Мысль эта въ общихъ чертахъ была одобрена покойнымъ моимъ отцомъ, который приказалъ обсудить ее подробно въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, при участіи моемъ, великаго князя Константина Николаевича и нѣкоторыхъ лицъ. Журналъ совѣщанія, которое въ сущности согласилось съ проектомъ, былъ представленъ Его Величеству и имъ одобренъ. Покойный государь сдѣлалъ, однако, нѣкоторыя замѣтки относительно частныхъ. Намъ предстоитъ обсудить эти замѣтки.

¹⁾ «Былое». 1906 г. № 1.

Но прошу васъ быть вполне откровенными и говорить мнѣ ваше мнѣніе относительно всего дѣла, нисколько не стѣняясь. Предваряю васъ, что вопросъ не слѣдуетъ считать предрѣшеннымъ, такъ какъ покойный батюшка хотѣлъ, прежде окончательно утвержденія проекта, созвать для окончательнаго его разсмотрѣнія совѣтъ министровъ».

«Слово было предоставлено членамъ засѣданія. За проектъ Лориса-Меликова высказывались Сольскій, Абаза, гр. Валуевъ, гр. Милютинъ, вел. кн. Константинъ Николаевичъ и нѣкоторые другіе. Гр. Валуевъ не преминулъ сообщить, что онъ еще въ 1866 году входилъ съ подобнымъ же представленіемъ къ императору Александру II, но тогда оно было отложено. Рѣчи говорившихъ за проектъ Лориса-Меликова были вялы и слабы: въ нихъ не чувствовалось увѣренности лицъ, твердо убѣжденныхъ. Исключеніемъ была лишь рѣчь графа Милютина.

«Графъ Милютинъ сказалъ: «Предлагаемая мѣра вашему императорскому величеству, по моему мнѣнію, совершенно необходима, и необходима именно теперь. Въ началѣ cadaго царствованія новый монархъ, для пользы дѣла, долженъ заявить народу свои намѣренія и виды относительно будущаго. По части внѣшней политики взгляды Вашего Величества нашли себѣ прекрасное выраженіе въ циркулярной депешѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Какъ видно изъ извѣстій, приходящихъ съ разныхъ концовъ Европы, депеша эта произвела повсюду наилучшее впечатлѣніе. Но она касается собственно международныхъ нашихъ отношеній, изъ нея не видно, какой внутренней политики будетъ держаться императоръ Александръ III. Между тѣмъ вопросъ этотъ естественно озабочиваетъ всю Россію. Безотлагательное разрѣшеніе его представляется мнѣ въ высшей степени необходимымъ. Покойный государь, по вступленіи на престолъ, предпринялъ цѣлый рядъ великихъ дѣлъ. Начатыя имъ преобразованія должны были обновить весь строй нашего отечества. Къ несчастью, выстрѣлъ Каракозова остановилъ исполненіе многихъ благихъ предначертаній великодушнаго монарха. Кромѣ святого дѣла освобожденія крестьянъ, которому покойный государь былъ преданъ всею душою, всѣ остальные преобразованія исполнялись вяло, съ недовѣріемъ къ пользѣ ихъ, причѣмъ нерѣдко принимались даже мѣры, несогласныя съ основною мыслью изданныхъ новыхъ законовъ. Понятно, что, при такомъ образѣ дѣйствій, нельзя было ожидать добрыхъ плодовъ отъ наилучшихъ даже предначертаній. И дѣйствительно, въ Россіи все затормозилось, почти замерло, повсюду стало развиваться глухое недовольство... Въ самое послѣднее только время общество ожило, всѣмъ стало легче дышать, дѣйствія правительства стали напоминать первые, лучшіе годы минувшаго царствованія. Передъ самой кончиной императора Александра Николаевича возникли

предположенія, разсматриваемыя нами теперь. Слухъ о нихъ проникъ къ общество, и всѣ благомыслящіе люди имъ отъ души сочувствовали. Вѣсть о предполагаемыхъ новыхъ мѣрахъ проникла и за границу»...

«Здѣсь графа Милютина прервалъ Александръ III:

«Да, но императоръ Вильгельмъ, до котораго дошли слухи о томъ, будто бы батюшка хочетъ дать Россіи конституцію, умолялъ его въ собственноручномъ письмѣ—не дѣлать этого; на случай же, если бы дѣло зашло такъ далеко, что нельзя отступить и обойтись вовсе безъ народнаго представительства, императоръ германскій совѣтовалъ устроить его какъ можно скромнѣе, давъ представительству поменьше вліянія и сохранивъ власть за правительствомъ».

«Графъ Милютинъ продолжаетъ:

«Ваше Величество, не о конституціи идетъ рѣчь. Нѣтъ ея и тѣни. Предлагается устроить на правильномъ основаніи то, что въ сущности было и прежде. Когда разсматривались проекты крестьянскихъ положеній и другихъ важнѣйшихъ законовъ, всякій разъ, съ соизволенія покойнаго государя, приглашаемы были для предварительнаго обсужденія этихъ проектовъ, люди практичскіе, которые знаютъ дѣйствительную жизнь, потому что живутъ не въ столицѣ, а въ уѣздахъ и деревняхъ, гдѣ многіе вопросы представляются совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели въ нашей средѣ.

«Теперь предстоятъ важные законодательные труды по окончаніи сенаторскихъ ревизій. Естественно, что, для успѣха дѣла необходимо сообразить ихъ всесторонне, т. е. не съ канцелярской только или бюрократической точки зрѣнія. Въ виду этого, Ваше Величество, я позволяю себѣ горячо поддерживать предложеніе графа Лориса-Меликова».

«Гораздо ярче и опредѣленнѣе были рѣчи противъ проекта Лориса-Меликова.

«Графъ Строгановъ сказалъ: «Ваше Величество, предлагаемая мѣра, по моему мнѣнію, не только несвоевременная при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, требующихъ особой энергіи со стороны правительства, но и вредная.

«Мѣра эта вредна потому, что съ принятіемъ ея власть перейдетъ изъ рукъ самодержавнаго монарха, который теперь безусловно необходимъ, въ руки разныхъ шалопаевъ, думающихъ не о пользѣ общей, а только о своей личной выгодѣ. Въ послѣднее время и безъ предлагаемой новой мѣры власть значительно ослабла, въ журналахъ пишутъ Богъ знаетъ что и проповѣдуютъ невозможныя доктрины. Дошло до того, что, какъ я слышалъ, самъ министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ призвать къ себѣ журналистовъ, чтобы потребовать отъ нихъ нѣкоторой умѣренности. Но, государь, подобная мѣра не будетъ уже возможна тогда,

когда вы вступите на путь, вамъ предлагаемый; путь этотъ ведетъ прямо къ конституціи, которой я не желаю ни для васъ, ни для Россіи».

«Александръ III. Я тоже опасуюсь, что это первый шагъ къ конституціи.

«Маковъ. Ваше Императорское Величество, предложенія графа Лориса-Меликова мнѣ были вовсе не извѣстны; я ознакомился съ ними въ 1-й разъ въ настоящемъ засѣданіи и потому не могъ еще сообразить ихъ, какъ бы слѣдовало. Насколько я могъ постичь изъ записки, прочитанной министромъ внутреннихъ дѣлъ, основная ея мысль—ограниченіе самодержавія. Доложу откровенно, что я, съ моей стороны, всѣми силами моей души и моего разумѣнія, рѣшительно отвергаю эту мысль. Осуществленіе ея привело бы Россію къ гибели. Таковъ мой взглядъ на этотъ вопросъ вообще. Но, кромѣ того, по долгу совѣсти я считаю себя обязаннымъ высказать, что не въ такія минуты, какъ тѣ, которыя, къ несчастію, переживаемъ мы,—возможно заниматься проектами объ ослабленіи власти и объ измѣненіи формы правленія, благодѣтельной для отечества. Въ смутное нынѣшнее время, по глубокому убѣжденію моему, нужно думать только о томъ, чтобы укрѣпить власть и искоренить крамолу. Воля Вашего Императорскаго Величества, безъ сомнѣнія, священна. Если вамъ, государь, благоугодно будетъ утвердить одобренныя въ Бозѣ почившимъ императоромъ предложенія графа Лориса-Меликова, то всѣ мы должны преклониться, и всѣ возраженія должны смолкнуть. Тѣмъ не менѣе, я считаю священною обязанностью обратить всемилостивѣйшее вниманіе Вашего Величества на то, что при обнародованіи постановленія по этому предмету нужно принять совершенно иную форму, нежели та, которая предлагается графомъ Лорисъ-Меликовымъ. Нельзя говорить о важной этой мѣрѣ такъ, какъ будто бы она исходитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Подобный правительственный актъ можетъ исходить исключительно отъ васъ, по завѣту покойнаго государя и силою собственной державной воли Вашего Императорскаго Величества, а не по мысли и представленію министра внутреннихъ дѣлъ. О немъ въ публикаціи не должно быть и рѣчи!»

«Оберъ-прокуроръ св. синода К. П. Побѣдоносцевъ (блѣдный, какъ полотно, нервно волнуется).

«Ваше величество, по долгу присяги и совѣсти, я обязанъ высказать вамъ все, что у меня на душѣ. Я нахожусь не только въ смущеніи, но и въ отчаяніи. Какъ въ прежнія времена передъ гибелью Польши говорили: «Finis Poloniae!» такъ теперь едва ли не приходится сказать и намъ: «Finis Russiae!» При соображеніи проекта, предлагаемаго на уваженіе ваше, сжимается сердце! Въ этомъ проектѣ слышится фальшь, скажу болѣе: онъ дышитъ фальшью. Намъ говорятъ, что для лучшей разработки законодательныхъ

проектовъ нужно приглашать людей, знающихъ народную жизнь, нужно выслушивать экспертовъ. Противъ этого я ничего не сказалъ бы, если бы хотѣли сдѣлать это только. Эксперты вызывались и въ прежнія времена, но не такъ, какъ предлагается теперь. Нѣтъ! въ Россіи хотятъ ввести конституцію, и если не сразу, то по крайней мѣрѣ сдѣлать къ ней первый шагъ... А что такое конституція? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ Западная Европа. Конституція, тамъ существующія, есть орудія всякой неправды, источникъ всякихъ интригъ. Примѣровъ этому множество, и даже въ настоящее именно время мы видимъ во Франціи охватившую все государство борьбу, имѣющую цѣлью не дѣйствительное благо народа или усовершенствованіе законовъ, а измѣненіе порядка выборовъ для доставленія торжества честолюбцу Гамбеттѣ, помышляющему сдѣлаться диктаторомъ государства. Вотъ къ чему можетъ вести конституція! Намъ говорятъ, что нужно справляться съ мнѣніемъ страны черезъ посредство ея представителей. Но развѣ тѣ люди, которые явятся сюда для соображенія законодательныхъ проектовъ, будутъ дѣйствительными выразителями мнѣнія народнаго? Я увѣряю, что нѣтъ. Они будутъ выражать только личные свои взгляды»...

«Здѣсь прервалъ его Александръ III: «Я думаю то же. Въ Даніи мнѣ не разъ говорили министры, что депутаты, засѣдающіе въ палатѣ, не могутъ считаться выразителями дѣйствительныхъ народныхъ потребностей»...

«И эту фальшь,—продолжалъ Побѣдоносцевъ,—по иноземному образцу, для насъ не пригодному, хотятъ, къ нашему несчастью, къ нашей гибели, ввести и у насъ... Россія была сильна благодаря самодержавію, благодаря неограниченному взаимному довѣрію и тѣсной связи между народомъ и его царемъ. Такая связь русскаго царя съ его народомъ есть неоцѣнимое благо. Народъ нашъ есть хранитель всѣхъ нашихъ доблестей и добрыхъ нашихъ качествъ, многому можно у него поучиться! Такъ называемые представители земства только разобщаютъ царя съ народомъ. Между тѣмъ правительство должно радѣть о народѣ, оно должно познать дѣйствительныя его нужды, должно помогать ему справляться съ безысходною часто нуждою. Вотъ цѣль, къ достиженію которой нужно стремиться, вотъ истинныя задачи новаго царствованія. А вмѣсто того предлагаютъ устроить у насъ говорильню, въ родѣ французскихъ «états généraux». Мы и безъ того страдаемъ отъ говорилень, которыя, подъ вліяніемъ негодныхъ, ничего не стоящихъ журналовъ, разжигаютъ только народные страсти. Благодаря пустымъ болтунамъ, что случилось съ высокими предначертаніями покойнаго незабвеннаго государя, пріявшаго подъ конецъ своего царствованія мученической вѣнецъ? Къ чему привела великая святая мысль освобожденія крестьянъ?.. Къ тому, что

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

дана имъ свобода, но не устроено надъ ними надлежащей власти, безъ которой не можетъ обойтись масса темныхъ людей. Мало того, открыты повсюду кабаки, бѣдный народъ, предоставленный самому себѣ и оставшійся безъ всякаго о немъ попеченія, сталъ пить и лѣниться къ работѣ, а потому сталъ несчастной жертвой цѣловальниковъ, кулаковъ, жидовъ и всякихъ ростовщиковъ. Затѣмъ открыты были земскія и городскія учрежденія,—говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривь и вкосъ о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнью говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ? Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безирравственные, между которыми видное положеніе занимаютъ лица, не живущія съ своими семействами, предающіяся

разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту. Потомъ открылись новыя судебныя учрежденія, — новыя говорильни, говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными. Дали, наконецъ, свободу печати, этой самой ужасной говорильнѣ, которая во всѣ концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысячъ верстъ, разноситъ хулу и порицаніе на власть, посѣваетъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ вопіющимъ беззаконіямъ. И когда, государь, предлагаютъ учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню? Теперь, когда прошло лишь нѣсколько дней послѣ совершенія самаго ужасающаго злодѣянія, никогда не бывавшаго на Руси, когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежитъ въ Петропавловскомъ соборѣ непогребенный прахъ благодушнаго русскаго царя, который среди бѣлаго дня растерзанъ русскими же людьми. Я не буду говорить о винѣ злодѣевъ, совершившихъ это ужасающее, безпримѣрное въ исторіи преступленіе. Но и всѣ мы, отъ перваго до послѣдняго, должны каяться въ томъ, что такъ легко смотрѣли на совершившееся вокругъ насъ; всѣ мы виноваты въ томъ, что, несмотря на постоянно повторявшіяся покушенія на жизнь общаго нашего благодѣтеля, мы въ бездѣятельности и апатіи нашей не сумѣли охранить праведника! На насъ всѣхъ лежитъ клеймо несмываемаго позора, павшаго на русскую землю. Всѣ мы должны каяться!..»

«Александръ III. Сущая правда, всѣ мы виноваты, я первый обвиняю себя.

«Государь, — закончилъ Побѣдоносцевъ, — въ такое ужасное время надобно думать не объ учрежденіи новой говорильни, въ которой произносились бы новыя растлѣвающія рѣчи, а о дѣлѣ... Нужно дѣйствовать!..»

«Въ заключеніе графъ Лорисъ-Меликовъ сказалъ: «Необходимо, чтобы на сторонѣ правительства были всѣ благомыслящіе люди. Предлагаемая теперь мѣра можетъ много этому способствовать. Въ настоящую минуту она вполне удовлетворитъ и успокоитъ общество; но если мы будемъ медлить, то упустимъ время — черезъ три мѣсяца нынѣшнія, въ сущности, весьма скромныя, предложенія наши окажутся, по всей вѣроятности, уже запоздалыми».

VI.

Всѣ приведенныя выдержки изъ обоихъ дневниковъ государственныхъ дѣятелей наглядно рисуютъ намъ, какъ на протяженіи двухмѣсячнаго срока совершалась эволюція въ государствен-

номъ механизмѣ, приведшая въ результатѣ къ отставкѣ гр. Лориса-Меликова и къ крушенію его конституціонныхъ плановъ. Мы видимъ отсюда, что во взглядахъ самого Александра III, по вступленіи его на престолъ, не было вполне установившихся точекъ зрѣнія на предстоящій государственный курсъ; онъ даже относится къ своему вліятельному въ обществѣ министру внутреннихъ дѣлъ въ первые дни царствованія нѣсколько мягче, чѣмъ онъ относился къ нему на засѣданіяхъ при жизни своего отца. Опъ какъ будто надѣется, что этотъ министръ сумѣетъ примирить его основныя монархическія убѣжденія съ выдвинутыми реформаторскими планами, надѣется, что тотъ выкажетъ необходимую въ данное время передъ лицомъ всей земли твердость, и только послѣ нѣсколькихъ засѣданій, найдя себѣ опору въ нѣкоторыхъ членахъ совѣта и главнымъ образомъ въ лицѣ своего бывшего наставника, а нынѣ оберъ-прокурора синода, К. П. Побѣдоносцева, рѣшаетъ покончить съ этими реформаторскими государственными планами въ ихъ намѣченномъ масштабѣ, и переходитъ рѣшительно и безповоротно къ той политикѣ, которая въ манифестѣ 29-го апрѣля была опредѣлена, какъ послушная гласу Божію, повелѣвающему «стать бодро на дѣло правленія въ упованіи на Божественный промыслъ, съ вѣрою въ силу истины самодержавной власти», которую онъ, самодержецъ, «призванъ утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній». Подъ этими поползновеніями въ данномъ случаѣ подразумѣвались, какъ активная политика социалистическихъ построеній революціонной партіи, такъ и либеральные реформаторскіе замыслы нѣкоторой части сановниковъ съ гр. Лорисомъ-Меликовымъ во главѣ.

Свое отношеніе къ этимъ замысламъ новый правитель Россіи опредѣлили въ манифестѣ отъ 29-го апрѣля; отношеніе же къ социалистическимъ построеніямъ и къ политикѣ революціонеровъ вполне ясно сказалось въ конфирмаціи приговора надъ преступниками по дѣлу 1-го марта и къ тѣмъ теченіямъ общественнаго порядка, которыя около этого приговора проявились и о коихъ мы будемъ говорить далѣе. Но если общій принципъ государственной политики въ дѣлѣ внутренняго управленія, какъ принципъ неограниченнаго и ничѣмъ не стѣсненнаго самодержавія, былъ ясно проведенъ въ манифестѣ 29-го апрѣля, то далеко еще оставалось невыясненнымъ, ляжетъ ли этотъ принципъ въ основаніе политики полицейско-бюрократическаго и централистическаго управленія, или политики земской и соборно-совѣщательной съ правомъ свободнаго совѣщательнаго голоса земли, какъ то въ видѣ историческаго исконно-русскаго идеала рисовали въ своихъ научно-публицистическихъ статьяхъ славянофилы. Былая близость новаго государя императора къ московскимъ славянофиламъ вообще и И. С. Аксакову въ частности, назначеніе на смѣну гр. Лорису-Меликову представителя славянофильскаго

лагеря, въ лицѣ гр. Н. П. Игнатѣва, давали основаніе думать, что славянофильскія тенденціи имѣютъ нѣкоторые шансы къ государственной реализаціи и что идеаль полипейско-бюрократической формы правленія далеко еще не есть нѣчто непреложно вошедшее въ составъ новаго курса. Да и личность К. П. Побѣдоносцева съ его византійско-реакціонными тенденціями, хотя она и выступила уже на первый планъ, какъ личность вліятельная своимъ голосомъ и стародавнею близостью къ новому монарху, въ тѣ дни далеко еще отчетливо не опредѣлилась, а бывшее званіе талантливаго профессора гражданскаго права обѣщало, что данныя европейскаго опыта и научнаго просвѣщенія не будутъ изгнаны изъ предстоящей системы государственнаго строительства русской земли. Ясно было на первыхъ порахъ лишь одно, а именно, что съ отставкою гр. Лориса-Меликова наступилъ конецъ западническому либерализму, но что касается націонализма и народничества, то окраска таковыхъ оставалась под сомнѣніемъ.

Катковъ по первому разу по сему предмету не далъ никакихъ указаній, а лишь заявилъ послѣ обнародованія манифеста 29-го апрѣля: «Теперь мы можемъ вздохнуть свободно. Конецъ малодушію, конецъ всякой смутѣ мнѣній! Передъ этими непререкаемыми, передъ этими столь твердыми, столь рѣшительными словами монарха, должна, наконецъ, поникнуть многоглавая гидра обмана. Какъ манна небесной, народное чувство ждало этого царственнаго слова. Въ немъ наше спасеніе: оно возвращаетъ Россіи русскаго царя самодержавнаго, отъ Бога пріявшаго власть свою и лишь передъ Богомъ отвѣтственнаго...» Въ другомъ мѣстѣ, обозрѣвая новый курсъ, онъ провозгласилъ его, какъ возвращеніе правительства къ власти и, обращаясь къ читателю, писалъ: «Встаньте—правительство идетъ!» Нѣсколько иначе подошелъ къ вопросу глава московскаго славянофильства И. С. Аксаковъ. Привѣтствуя историческій манифестъ, онъ писалъ въ «Руси»¹⁾: «Графъ Лорисъ-Меликовъ оставляетъ по себѣ блестящій слѣдъ. Россія не можетъ не припомнить съ благодарностью, какъ успокоились ея нервы, какъ поднялось и оживилось состояніе общественнаго духа съ его назначеніемъ. Ни одинъ, кажется, министръ въ Россіи, а изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ положительно никто, не пользовался до него такою популярностью и общимъ довѣріемъ. Чувствовалось, что прибыло ума, жизни, широкаго и дѣятельнаго почина (чего всегда было очень нужно), и умалилась бюрократическая рутиня; дышалось свободнѣй и легче. Много истинно полезнаго успѣлъ онъ совершить въ короткій періодъ своего нахождения «у дѣлъ».

«Событіе 1-го марта вновь всколебало русское общество и потребовало болѣе рѣшительной постановки вопросовъ, болѣе твердаго

¹⁾ «Русь». 1881 г. № 26.

опредѣленія основныхъ началъ государственнаго бытія. Эти начала, этотъ путь, который лишь одинъ можетъ вести Россію къ оздоровленію и къ преуспѣянію, указываются нашимъ національнымъ самосознаніемъ,—что въ русскихъ высшихъ правящихъ сферахъ было еще скуднѣе, чѣмъ другихъ, также, впрочемъ, необходимыхъ для администраціи качествъ...

«Отъ всей души желаемъ новому министру, который по вѣбшней политикѣ всегда былъ извѣстенъ Россіи, какъ крѣпкій стоятель за русскіе народныя интересы, и показалъ себя (правда, въ сферѣ сравнительно скромной) искуснымъ администраторомъ, также чуждымъ приѣмовъ бюрократизма, успѣха на предстоящемъ ему трудномъ поприщѣ, въ духѣ и смыслѣ его циркуляра... Намъ нужна правда: намъ нужно теперь не провозглашеніе теорій, не формуль, не пустопорожнихъ формъ, въ родѣ какихъ-то *fiches de consolation*, брошенныхъ въ угоду поклонникамъ «консерватизма» или «либерализма», но дѣла, русскаго дѣла, пробужденнаго творчества самой русской жизни!»

Въ чемъ видѣлъ заслуженный вождь славянофиловъ проявленіе русскаго дѣла, объ этомъ будетъ рѣчь еще впереди, когда мы будемъ говорить о внутренней политикѣ новаго министра внутреннихъ дѣлъ съ его попыткою къ созыву земскаго собора, а пока приведемъ его циркуляръ, на который ссылается Аксаковъ, какъ своего рода обстоятельное *profession de foi* обновленнаго правительства, какъ извѣстную программу дѣйствій. Вотъ циркуляръ графа Н. П. Игнатьева на имя начальниковъ губерній, изданный 6-го мая 1881 года:

Призванный въ настоящее трудное время довѣриемъ Его Императорскаго Величества къ управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, я долгомъ считаю поставить васъ въ извѣстность о взглядѣ правительства на современное внутреннее управленіе. Въ высочайшемъ манифестѣ 29 апрѣля предначертанъ путь, которымъ правительство, при содѣйствіи всей земли, намѣрено слѣдовать къ единой высокой цѣли—величію и благу Россіи. Шайка злоумышленниковъ, запятнавшая наше отечество рядомъ неслыханныхъ преступленій и завершившая ихъ величайшимъ въ исторіи злодѣяніемъ, посягая на драгоцѣнную жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора, посягала вмѣстѣ съ тѣмъ на основное начало государственнаго нашего строя—на самодержавіе, въ которомъ весь русскій народъ съ незапамятныхъ временъ привыкъ при дѣть оплотъ своей независимости, залогъ своего благоденствія и мирнаго развитія. Но если у насъ, среди миллионовъ людей, готовыхъ жизнь свою положить за возлюбленнаго царя, стали возможны гнусныя дѣянія, изумившія весь свѣтъ безумною своею жестокостію, то причину ихъ слѣдуетъ искать не въ одномъ безуміи, не въ одной злой волѣ ближайшихъ непосредственныхъ виновниковъ сихъ дѣяній.

Причины эти лежатъ глубже. Онѣ лежатъ въ томъ чуждомъ религиозныхъ основъ и твердыхъ нравственныхъ началъ воспитаніи, которое дается дѣтямъ, въ бездѣйствіи властей, въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей и равнодушіи къ общему благу со стороны многихъ административныхъ и общественныхъ дѣятелей, въ томъ корыстномъ

отношеніи къ государственному и общественному достоянію, которое составляетъ столь обычное у насъ явленіе. Въ этомъ темныхъ сторонахъ современнаго нашего общества слѣдуетъ искать объясненія того грустнаго и всѣми теперь сознаваемаго явленія, что великія и широко задуманныя преобразованія минувшаго царствованія не принесли всей той пользы, которую Царь-Освободитель имѣлъ право ожидать отъ нихъ. Манифестъ 29 апрѣля указываетъ намъ, что верховная власть измѣрила громадность зла, отъ котораго страдаетъ наше отечество, и рѣшила приступить къ искорененію его. Столь обширная и многотрудная государственная задача можетъ быть успѣшно разрѣшена лишь дружными усиліями всѣхъ вѣрноподданныхъ на разныхъ ступеняхъ служенія государственнаго и общественнаго, призванныхъ къ сему дѣлу волею державнаго вождя и руководителя земли русской. Только самодержецъ, сильный преданностью и безпредѣльною любовью многомилліоннаго народа, въ тѣсномъ и неразрывномъ съ нимъ союзѣ, при беззавѣтномъ служеніи и просвѣщенномъ содѣйствіи всѣхъ лучшихъ сыновъ родной земли, можетъ поднять это тяжелое бремя и успѣшно совершить этотъ громадный трудъ. Своимъ царскимъ словомъ онъ всѣхъ насъ призываетъ къ такому служенію и содѣйствію, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ пути, по которымъ слѣдуетъ стремиться къ предначертанной цѣли. Первою задачею предстоящей дѣятельности правительства, при постоянномъ живомъ содѣйствіи общественныхъ силъ страны, поставлено искорененіе крамолы. Въ дѣлѣ этомъ не слѣдуетъ полагаться исключительно на усилія полиціи, но собственнымъ начинаніемъ и энергичнымъ сопротивленіемъ всякому проявленію мятежнаго духа общество должно оказать противодѣйствіе этому гибельному направленію и тѣмъ лишить злоумышленниковъ всякой опоры. Въ недавнемъ еще прошломъ, только благодаря безучастному отношенію къ нимъ общества, эти люди могли приготовить совершеніе своихъ злодѣйствъ. Движеніе противъ евреевъ, привившееся въ послѣдніе дни на югѣ, представило печальный примѣръ того, какъ люди, преданные престолу и отечеству, поддаваясь внушеніямъ злонамѣренныхъ, разжигающихъ дурныя страсти въ народной массѣ, впадаютъ въ своеволие и самоуправство и дѣйствуютъ, сами того не понимая, согласно замысламъ крамольниковъ. Подобныя нарушенія порядка не только должны быть строго преслѣдуемы, ибо первый долгъ правительства—охранять безопасность населенія отъ всякаго насилія и дикаго самоуправства. Утвержденіе вѣры и нравственности, рядомъ съ истребленіемъ неправды и хищенія—вторая задача, поставленная высочайшимъ манифестомъ.

«Послѣднее время, измѣнивъ нѣкоторыя установившіяся понятія и искоренивъ предрасудки; поколебало, къ сожалѣнію, и нравственныя основы и вѣрованія. Неразборчивость въ выборѣ средствъ и снисходительное отношеніе общества къ названнымъ способамъ наживы вотъ обычныя явленія нашего времени. Царское слово указываетъ на неотложную необходимость устраненія этихъ явленій. Нравственная чистота, вѣра въ свое дѣло и преданное служеніе должны быть святымъ долгомъ для всѣхъ и cadaго и въ особенности для ближайшихъ слугъ государевыхъ. Хищеніе должно быть пресѣкаемо и преслѣдуемо вездѣ, гдѣ бы оно ни обнаруживалось, а виновники его должны нести заслуженную кару.

«Наконецъ дводвореніе порядка и правды въ дѣйствіяхъ учреждений, царованныхъ Россіи милостію почившаго въ Бозѣ государя императора, оулетъ въ особенности предметомъ заботъ и попеченій правительства. Въ теченіе тысячелѣтней жизни Россіи бывали времена смуть и испытаній болѣе грозныхъ и тяжкихъ, чѣмъ переживаемое нами нынѣ. Настоя-

щія затрудненія исчезнуть вскорѣ при дружныхъ усиліяхъ правительства и общества. Дворянство, какъ выражено въ высочайшемъ манифестѣ, всегда послушно голосу правды и чести. Занимая первенствующее положеніе въ средѣ земства, оно всегда пользовалось принадлежащимъ ему вліяніемъ не въ интересахъ своего сословія, а въ видахъ общаго блага. Въ нынѣшнюю тяжелую годовщину готовность вѣрнаго русскаго дворянства отозваться на призывъ верховной власти и сослужить службу престолу и отечеству не можетъ подлежать сомнѣнію. Да будетъ оно увѣрено, какъ и все русское земство и городское сословіе, что дарованныя имъ права останутся, согласно высочайшей волѣ, въ полной неприкосновенности, и что цѣль правительства стремиться, при вѣрномъ всѣхъ служеніи и содѣйствіи, къ осуществленію на самомъ дѣлѣ всего того, что было положено въ основу дарованныхъ монархомъ учреждений. Наконецъ и крестьянство, оставаясь всегда вѣрнымъ престолу, должно не внимать вреднымъ слухамъ и пребывать въ полной увѣренности, что ему не только сохраняются дарованныя свободы и права, но что правительство озабочено возможнымъ облегченіемъ лежащихъ на немъ тягостей и улучшеніемъ его общественнаго устройства и хозяйственнаго быта. Правительство приметъ при этомъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участию мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предназначеній. Подписалъ генераль-адъютантъ графъ Игнатьевъ.

Такова была декларация обновленнаго правительства, гдѣ ясно дано всѣмъ понять, что о государственномъ переустройствѣ болѣе не поднимается рѣчи, что весь центръ тяжести перенесенъ въ область социальна-экономической жизни населенія, въ область духовно-нравственнаго очищенія его отвѣтственныхъ организацій и ихъ представителей, въ область упорядоченія мѣстной бытовой жизни на началахъ порядка и законности. Эпохѣ великихъ реформъ поставлена точка и объявленъ періодъ малыхъ будничныхъ дѣлъ, въ соотвѣтствіи съ реальными потребностями страны. Какъ именно намѣчалось удовлетвореніе этихъ потребностей, увидимъ далѣе, а пока остановимся на той сторонѣ отечественной жизни, которая въ циркулярѣ графа Игнатьева поставлена въ первую голову, а именно на борьбѣ съ крамолою, искорененіе коей не удалось дѣятелямъ предшествовавшаго царствованія. Въ виду послѣдовательности изложенія мы должны вернуться прежде всего къ первоартовцамъ и къ ликвидаціи въ судебномъ порядкѣ всей катастрофы на Екатерининскомъ каналѣ съ ея главными дѣйствовавшими лицами — Желябовымъ, Перовской, Рысаковымъ и другими.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАЛОМНИЧЕСТВО МУСУЛЬМАНЪ ВЪ МЕККУ.

Обязательство мусульманъ по Корану совершить хаджъ и его учрежденіе.—Число богомольцевъ, ежегодно прѣзжающихъ въ Геджасъ.—Пути слѣдованія русскихъ мусульманъ.—Путь черезъ Константинополь и черезъ Индію.—Время религиозныхъ празднествъ хаджа.—Климатическія условія Геджаса—Карантинны.

I.

ОСЪЩАЙТЕ святѣя мѣста. Совершить паломничество къ нимъ—долгъ передъ Богомъ всякаго, кто въ состояніи выполнить его».

Такъ говоритъ Коранъ Магомета о богомольѣ въ Мекку, и ежегодно десятки, а порой и сотни тысячъ мусульманъ стекаются въ Геджасъ, въ Аравію, на поклоненіе святѣнямъ ислама.

Мекка—это вождѣлѣнный городъ всего исламитакаго міра; въ сторону Мекки мусульмане обращаются лицомъ во время молитвы, къ ней устремляютъ всѣ свои помыслы и думы. Съ сѣвера на Мекку смотрятъ мусульмане Средней Азіи, Турціи и Россіи; съ юга мусульмане знойной Африки; съ востока пышная Индія, Зондскіе острова и Китай; съ запада — цвѣтущій Египетъ, Алжирь, Тунисъ и Марокко. И со всѣхъ сторонъ текутъ къ ней во время хаджа живыя человѣческія волны, одушевленные однимъ религиознымъ чувствомъ.

Поклоненіе Меккѣ и ея черному камню было и у арабовъ-язычниковъ. Перенявъ у нихъ этотъ обрядъ, Магометъ облагородилъ его, запретивъ мужчинамъ и женщинамъ совершать обхожденіе

Богомольцы на пароходъ.

чернаго камня совершенно безъ костюмовъ, какъ это было принято раньше.

Въ исторіи ислама обязательное введеніе для мусульманъ хаджа сыграло громадную роль, объединивъ разрозненные племена Аравіи и соединивъ ихъ въ одинъ грозный и могучій въ то время народъ.

Ежегодно въ Геджасъ стекается какъ моремъ, такъ и дорогами черезъ пустыни отъ пятидесяти до трехсотъ тысячъ человѣкъ.

«истор. вѣстн.». апрѣль, 1911 г., т. сxxiv.

17

Особенно великъ наплывъ паломниковъ бываетъ въ тѣ годы, когда религиозныя празднества начинаются въ пятницу; хаджъ тогда называется «акбаръ» (великій). Число паломниковъ изъ Россіи за послѣдніе годы колеблется отъ шести до десяти тысячъ человѣкъ, не поднимаясь выше шестнадцати тысячъ богомольцевъ. Изъ паломниковъ другихъ національностей болѣе всего бываетъ ближайшихъ сосѣдей Геджаса—индусовъ и египтянъ, достигая порой болѣе двадцати пяти тысячъ человѣкъ каждой національности; затѣмъ по численности идутъ яванцы, тунисцы и алжирцы, персы. Пріѣзжаютъ въ хаджъ и абиссинцы, суданцы, маскатцы, гадрамутцы, белуджи, афганцы, босняки, сирійцы, триполитанцы, албанцы и китайцы и еще десятки другихъ національностей.

По преданію, Магометъ сказалъ, что въ хаджъ ежегодно будетъ являться шестьсотъ тысячъ паломниковъ, а недостающее количество до этого числа будетъ пополняться ангелами. Съ точки зрѣнія этого преданія—чѣмъ меньше богомольцевъ, тѣмъ больше ангеловъ. А такъ какъ ихъ общество, конечно, почтениѣ общества людей, то всякій благочестивый богомольецъ долженъ быть болѣе доволенъ немногочисленнымъ, чѣмъ многолюднымъ хаджемъ.

«Нѣтъ, ужъ лучше поменьше ангеловъ, а побольше людей. Это куда какъ выгоднѣе», говорилъ мнѣ одинъ изъ полусвятыхъ жителей Мекки, сдѣлавшій себѣ, подобно своимъ соотечественникамъ, изъ религіи солидный источникъ доходовъ.

Хотя и теперь корыстолюбивые жители Геджаса могутъ жаловаться на сравнительное отсутствіе богомольцевъ лишь въ годы эпидемій, но во всякомъ случаѣ въ первые годы расцвѣта исламизма число паломниковъ, посѣщавшихъ Геджасъ, было несравненно болѣе, чѣмъ въ настоящее время, несмотря на то, что за послѣдніе вѣка исламъ сдѣлалъ огромныя завоеванія въ Индіи и въ Китаѣ, а особенно въ Африкѣ. Калифы первыхъ вѣковъ гиджры являлись въ хаджъ съ огромными свитами и тратили на свои поѣздки милліоны динаровъ. Въ 350 году гиджры калифъ Мокмедаръ принесъ въ жертву на Арафатѣ сорокъ тысячъ коровъ и пятьдесятъ тысячъ овецъ. Съ калифами шли караваны въ сотни тысячъ верблюдовъ, а поѣздки на богомолье знаменитаго Гаруна-Аль-Рашида носили прямо сказочный характеръ. Одно изъ своихъ богомолій онъ совершилъ пѣшкомъ, и весь путь передъ нимъ устилали дорогими коврами.

Никто изъ турецкихъ султановъ, уже нѣсколько столѣтій носящихъ титулъ главы мусульманства, не былъ ни разу въ хаджѣ. Въ 1814 году Мекку посѣтилъ Магометъ-Али египетскій, и хаджъ его былъ очень торжествененъ. Палатка его, сіявшая и снаружи и внутри золотомъ и серебромъ, походила на описаніе 1001 ночи.

Въ 1909 году египетскій хедивъ побывалъ на богомольи, но сравнительно скромнымъ образомъ.

Высадка богомольцев съ парохода въ Джеддѣ.

Русскіе мусульмане прїѣзжаютъ въ Геджасъ обыкновенно мѣсяца за два до начала хаджа и направляются на богомолье преимущественно черезъ Одессу и Севастополь и сравнительно мало черезъ Батумъ. Тамъ къ ихъ услугамъ готовы спеціальныя паломническіе пароходы Русскаго общества пароходства и торговли и Добровольнаго флота. Но многихъ паломниковъ перехватываютъ на скверныя турецкіе и греческіе пароходы прїѣзжающіе въ Россію изъ Турціи десятки зазывателей изъ мусульманъ.

«Зачѣмъ вамъ брать билеты до Джедды на русскихъ пароходахъ,—говоритъ нерѣдко одинъ изъ такихъ типовъ толпѣ полудикихъ сартовъ:—поѣзжайте вы въ Константинополь—тамъ султанъ даетъ билеты даромъ».

«Султанъ даетъ билеты даромъ», бѣжитъ слухъ среди богомольцевъ.

Толпа вѣрить и стремится за своими вожатыми на иностранныя пароходы, которые везутъ до Константинополя пятьдесятъ—шестьдесятъ часовъ (вмѣсто тридцати—тридцати шести) и берутъ съ человѣка по пяти—шести рублей (вмѣсто трехъ рублей семидесяти пяти копеекъ платы за билетъ на русскомъ пароходѣ).

Въ Константинополѣ оказывается, что никакихъ билетовъ султанъ не даетъ, но зато къ услугамъ богомольцевъ готова цѣлая флотилія правовѣрныхъ пароходовъ съ цѣлой арміей новыхъ зазывателей. Обманутые уже одинъ разъ хаджи по странной психологіи вновь поддаются на обманъ и ѣдутъ въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ на русскихъ пароходахъ, почти не получая прѣсной воды, тогда какъ Русское общество пароходства и торговли выдаетъ ее въ неограниченномъ количествѣ. Эти мелкіе иностранныя пароходики въ четыреста—восемьсотъ тоннъ грузовой вмѣстимости идутъ самымъ параднымъ ходомъ семь—шесть узловъ въ часъ, а обыкновенно тащатся по четыре съ половиной узла. Богомольцы перегружаются на нихъ сверхъ всякой нормы.

Нѣкоторые богомольцы доѣзжаютъ на русскихъ или иностранныхъ пароходахъ до Портъ-Саида, чтобы оттуда по желѣзной дорогѣ добраться до Суэца и снова сѣсть на пароходъ до Джедды. Иные при этомъ проѣзжаютъ въ Каиръ, такъ какъ при развѣздѣ послѣ хаджа въ Египетъ пускаютъ лишь возвращающихся туземныхъ богомольцевъ.

Переѣзжающимъ по желѣзной дорогѣ изъ Портъ-Саида въ Суэцъ приходится порой очень плохо. Вмѣсто десяти—двѣнадцати часовъ ихъ везутъ нѣсколько сутокъ, оставляя на маленькихъ станціяхъ на открытыхъ платформахъ подъ жгучими лучами солнца при скудости пищи и воды.

Въ это время какъ въ Россіи, такъ и въ Турціи богомольцамъ особенно слѣдуетъ опасаться спеціалистовъ-карманниковъ, всюду подстерегающихъ свои жертвы. Вообще богомольцы крайне не-

Домъ санитарной администраціи и мѣсто высадки богомольцевъ въ Дежедѣ.

осторожно хранятъ свои деньги или въ поясѣ, или въ особой сумочкѣ на шеѣ, что, конечно, не является секретомъ для воровъ. Многіе изъ послѣднихъ нарочно ѣдутъ въ хаджъ съ цѣлью кражъ у богомольцевъ.

Всякія темныя личности подъ видомъ бывалыхъ религіозныхъ хаджей втираются въ довѣріе богомольцевъ и безжалостно ихъ обманываютъ.

«Что вамъ самимъ толкаться за билетами. Давайте, я вамъ возьму».

И, набравъ денегъ на пять-шесть билетовъ, услужливый переводчикъ-проводникъ исчезаетъ.

Нельзя раздобыться деньгами, не брезгаютъ утащить и вещи.

«Ты ступай за билетомъ (или за какой-либо покупкой)—а я твой багажъ поберегу».

И такъ «уберегаетъ», что отъ охранителя не остается и слѣда.

Маршрутъ русскихъ пароходовъ съ паломниками-мусульманами обыкновенно таковъ: Одесса (или Севастополь)—Константинополь (нѣсколько дней остановки)—Смирна—Бейрутъ—Яффа (три-четыре дня остановки, такъ какъ богомольцы желаютъ поклониться въ Иерусалимѣ мечети Омара и нѣкоторымъ почитаемымъ ими христіанскимъ святынямъ)—Портъ-Саидъ—Суэцъ—Ямбо—Джедда.

Богомольцы изъ Туркестана часто направляются въ Джедду черезъ Индію. Поводовъ къ этому очень много. Главная причина та, что на бухарско-афганской границѣ, въ виду ея значительнаго протяженія и дикихъ лѣсистыхъ горныхъ кражей, легко проскользнуть безъ паспорта; послѣднее обстоятельство имѣло особенное значеніе въ годы эпидемій въ Геджасѣ, когда наше правительство по соображеніямъ санитарнаго характера запрещало хаджъ въ Мекку. Затѣмъ, въ Афганистанѣ, въ городѣ Мазарѣ-Шерифѣ находится гробница очень чтимаго не только шиитами, но и суннитами зятя пророка, Алія, и многіе желаютъ ей поклониться. Путь черезъ Афганистанъ въ пять разъ дешевле пути черезъ Константинополь, и условія путешествія верхомъ подходятъ болѣе къ обыденнымъ условіямъ жизни богомольцевъ. Здѣсь нѣтъ большихъ не восточныхъ городовъ, такъ смущающихъ богомольцевъ и гдѣ они чувствуютъ себя безпомощными. Останавливаются богомольцы въ караванъ-сараяхъ, на дворѣ которыхъ имъ не возбраняется приготовить пловъ или сварить чай. Бѣднымъ богомольцамъ среди мусульманскаго населенія Афганистана легче найти себѣ подаеніе, чѣмъ въ Россіи, гдѣ они постоянно рискуютъ попасть въ полицію за нищенство.

Дорога черезъ Афганистанъ опасна, но не въ такой степени, какъ это обыкновенно думаютъ. Горное населеніе смежныхъ съ Индіей провинцій Афганистана «газара» не упуститъ ни малѣйшей возможности пограбить богомольцевъ, и разбои эти, часто со-

Пристань для выгрузки багажа богомольцев вЪ Джеддѣ.

проводящіеся дикими безцѣльными звѣрствами, создали Афганистану въ этомъ отношеніи дурную славу. Но афганскій эмиръ, желая привлечь богомольцевъ изъ Россіи проходитъ черезъ его предѣлы въ Индію, издавъ строгій приказъ:

«Ограбленнымъ богомольцамъ, не задерживая ихъ, немедленно уплачивать стоимость похищеннаго изъ правительственныхъ казначействъ, каковую сумму въ десятикратномъ размѣрѣ взыскивать потомъ съ мѣстнаго населенія».

Мѣра выгодная для богомольцевъ и мѣстной администраціи, но далеко не поощряющая «газару» къ грабежамъ.

Путь этотъ неудобенъ главнымъ образомъ въ санитарномъ отношеніи, такъ какъ при возвращеніи богомольцы не подвергаются карантину, но недостатокъ этотъ легко можетъ быть устраненъ.

Отъ Самарканда до Пешевара приблизительно тысяча пятьсотъ верстъ пути верхомъ, а отъ Пешевара до Бомбея уже идетъ желѣзная дорога.

Русскіе мусульмане прибываютъ въ Геджасъ только моремъ, но, кромѣ морского пути, въ Мекку идетъ нѣсколько караванныхъ дорогъ—изъ Ассира, Неджеда, Йемена и Дамаска; съ караваномъ изъ послѣдняго ежегодно прибываетъ турецкій паша, замѣститель султана на религиозныхъ празднествахъ хаджа. Такъ какъ при этомъ отъ султана везутся богатые подарки въ Мекку, то караванъ этотъ обыкновенно эскортируется значительнымъ отрядомъ войскъ.

Время начала религиозныхъ празднествъ по нашему календарю въ разные годы бываетъ различно. Хаджъ приходится всегда на 10-ое число арабскаго мѣсяца зюль-хаджа. Но у арабовъ годъ лунный, отстающій отъ солнечнаго года ежегодно на одиннадцать сутокъ. Вслѣдствіе этого одинъ и тотъ же мусульманскій мѣсяцъ (а слѣдовательно и хаджъ) въ тридцать три года проходитъ по всѣмъ мѣсяцамъ нашего календаря.

Условія совершенія хаджа лѣтомъ гораздо тягостнѣе, чѣмъ зимой. Температура въ Геджасѣ вообще очень высока. Въ Джеддѣ лѣтомъ въ среднемъ тридцать три—тридцать четыре градуса по Цельзію, зимой двадцать пять—двадцать шесть градусовъ. Въ комнатѣ лѣтомъ часто бываетъ сорокъ—сорокъ два градуса по Цельзію. Ниже двѣнадцати—пятнадцати градусовъ по Цельзію температура въ Джеддѣ и Меккѣ не спускается даже ночью. Благодаря чрезмѣрной влажности воздуха, жары въ Джеддѣ становятся нестерпимыми даже для нашихъ туркестанцевъ, привыкшихъ къ жгучему солнцу. Кровь приливаетъ къ головѣ и бьетъ въ вискахъ. Въ глазахъ являются огненные круги, на грудь точно положенъ стопудовый камень. Купаться нельзя—вода моря слишкомъ солоная, да и при массѣ акулъ купанье очень опасно. Акулы не трогаютъ лишь черныхъ. Единственное спасеніе сѣверные вѣтры. Южный и западный вѣтеръ несутъ лишь еще большій зной. Западный

вѣтеръ лѣтомъ порой превращается въ самумъ и несетъ изъ Африки тучи песка. Въ Меккѣ жара сухая, а потому легче.

«Въ Мекку ежедневно приходитъ семьдесятъ вѣтровъ на поклоненіе Каабѣ», сказалъ мнѣ одинъ мулла.

Но, увы, таково лишь преданіе, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ Меккѣ постоянно нестерпимая духота. Болѣе благоприятныя

Пристиань для высадкѣ богомольцевъ въ Ямбо.

климатическія условія въ Мединѣ. Лѣтомъ тамъ нѣтъ ужасныхъ жаровъ, а зимой даже довольно прохладно.

Лучше всего климатъ въ оазисѣ Тайфѣ, находящемся въ двухъ дняхъ пути отъ Мекки. Лѣтомъ тамъ живутъ шерифъ Мекки, вали Геджаса и вся туземная аристократія, но богомольцы тамъ бывають рѣдко.

Пароходы, идущіе съ юга, должны обязательно заходить въ карантинъ на островѣ Камаранѣ, гдѣ остаются подъ наблюдениемъ пять дней.

Паломники, идущіе съ сѣвера, въ случаѣ эпидеміи въ Египтѣ или вообще въ Сѣверной Африкѣ, подвергаются наблюдению въ карантинѣ въ Торѣ или Абу-Саадѣ, островѣ въ семи верстахъ отъ Джедды.

При благополучномъ состояніи Египта высадка богомольцевъ и въ Ямбо и въ Джеддѣ производится безпрепятственно безъ всякаго карантина.

Къ карантинамъ мусульмане относятся вообще съ большой враждой и крайне отрицательно. Устройство карантиновъ противорѣчитъ ученію о предопредѣленіи, столь сильно воспринятому сѣрой мусульманской массой. Разъ гдѣ суждено быть болѣзни и кому суждено умереть—развѣ можетъ человѣческая воля измѣнить то, что записано на небесахъ въ предвѣчной книгѣ Аллаха. Отсюда выводъ тотъ, что устройство карантиновъ есть борьба противъ воли Бога. Устраиваются карантинны, по мнѣнію сѣрой мусульманской толпы, какъ богопротивная затѣя невѣрующихъ гяуровъ и для вымогательства денегъ. При льготахъ, обыкновенно допускаемыхъ для классныхъ пассажировъ, у массы богомольцевъ еще болѣе утверждается мнѣніе, что карантинъ лишь фискальная мѣра, отъ которой можно откупиться.

Островъ Абу-Саадъ, какъ и Джедда, лишень какой бы то ни было растительности, и пребываніе на немъ крайне тягостно для паломниковъ. Цѣны въ буфетѣ на все крайне дороги. Впрочемъ, богомольцы уже должны привыкать къ этой дороговизнѣ, такъ какъ имъ придется встрѣчаться съ ней за все время пребыванія своего въ Геджасѣ.

II.

Оживленіе въ Джеддѣ по прибытіи парохода.—Гонка лодочниковъ.—Ихъ своеобразная манера вербовать пассажировъ.—Вымогательство денегъ съ богомольцевъ.—Опека надъ богомольцами далилей.—Джедда, ея базары и мечети.—Наведеніе чистоты въ городѣ и роль собакъ въ качествѣ санитаровъ.—Неудозлетворительность помѣщеній, скудость и дороговизна воды и пищи.—Русское консульство въ Джеддѣ.

— Пароходъ! Пароходъ! Пароходъ идетъ!—поднимаются крики въ Джеддѣ, лишь только вдали покажутся мачты парохода.

— Какой пароходъ? Съ какими богомольцами?—стараятся узнать заинтересованныя въ прибытіи паломниковъ той или иной національности лица.

Сотни людей устремляются на пристань санитарной администраціи, гдѣ производится высадка богомольцевъ.

Лодочники выстраиваютъ самбуки въ одну линію, но никто изъ нихъ не смѣетъ выѣхать навстрѣчу пароходу ранѣе другихъ,

Общій видъ Джелды.

если только не нанять кѣмъ-либо изъ консуловъ или извѣстныхъ въ городѣ лицъ. Но вотъ подается общій сигналъ, и быстро мелькаютъ шесты, на которыхъ приходится итти при отсутствіи вѣтра.

Джеддскій рейдъ перерѣзанъ двумя грядами коралловыхъ острововъ, дающихъ при обходѣ ихъ незамѣтные проходы. Стремясь обогнать другихъ, чтобы скорѣе попасть къ пароходу, лодчичики пускаются по сомнительнымъ для прохожденія, но сокращающимъ путь мѣстамъ и садятся на скалы. Напрягаются все усилія, пускаются въ ходъ все уловки, чтобы обогнать болѣе счастливыхъ соперниковъ. Шумъ, ревъ, брапъ сопровождаютъ эту отчаянную гонку. На каждомъ самбукѣ шесть—восемь арабовъ и рослыхъ негровъ, обливаясь потомъ, выбиваются изъ силъ.

И вотъ эта ревушая, гогочущая толпа добирается до парохода, и едва только спущенъ желтый флагъ, что показываетъ окончаніе санитарнаго осмотра, атакуетъ оглушенныхъ шумомъ богомольцевъ и на правахъ побѣдителей разводитъ ихъ по своимъ лодкамъ.

— Эй, почтенная сѣдая борода,—тащить грязный арабъ пожилого богомольца,—иди въ мою лодку.

Какъ же не итти богомольцу на такое приглашеніе, когда его самымъ рѣшительнымъ образомъ тащатъ за его «почтенную сѣдую бороду».

— Гдѣ мои вещи?—кричитъ другой богомольецъ, котораго бросили силкомъ въ одинъ самбукъ, тогда какъ вещи его утащены на другой.

Богомольцевъ разлучаютъ съ ихъ родными, знакомыми, не обращая никакого вниманія на ихъ крики и протесты.

Но вотъ отчалили набитые биткомъ самбуки, давая мѣсто другимъ, владѣльцы которыхъ, потерявъ не мало времени въ бесплодномъ ожиданіи, бросаются еще съ большимъ рвеніемъ отыскивать добровольныхъ и недобровольныхъ пассажировъ.

А на отчалившихъ самбукахъ идетъ въ это время вымогательство денегъ. Собравъ по пяти піастровъ съ человѣка, арабы черезъ нѣкоторое время требуютъ вторичную плату, не стѣсняясь повторять этотъ приемъ въ третій и въ четвертый разъ. Вымогательство это особенно сильно при отъѣздѣ богомольцевъ, когда они уже не могутъ пожаловаться своему консулу. При неисполненіи ихъ требованій, лодчичики прибѣгаютъ къ угрозамъ и насилію или, приставъ къ первому коралловому рифу, простаиваютъ такъ по цѣлымъ часамъ подъ лучами жгучаго солнца. Не стоятъ же такъ цѣлый день—и снова раскошеляются богомольцы.

Для высадки богомольцевъ въ Джеддѣ двѣ пристани—черезъ турникеты главной проходятъ сами паломники, на другой выгружаются ихъ вещи уже безъ участія богомольцевъ. Вещи выбрасываются лодчичиками наспѣхъ, въ одну кучу, и надо удивляться,

Одна изъ площадей Джедды.

что кражъ багажа богомольцевъ бываетъ при этомъ сравнительно мало.

На платформѣ, гдѣ высаживаются паломники, стоитъ невообразимая давка. Толпа, не слушая криковъ, несмотря даже на палочные удары, лѣзетъ въ беспорядкѣ на турникеты, гдѣ уплачивается по десяти пиастровъ съ человѣка. Пристань въ общемъ слишкомъ мала, въ особенности когда разомъ придетъ два-три парохода.

По выходѣ изъ парохода богомольцы разбираются далилями. Далили—это особыя лица, назначаемыя меккскимъ шерифомъ для завѣдыванія богомольцами каждой національности. Ихъ мѣста отдаются по откупу.

— Ты откуда?—спрашиваетъ далиль богомольца.

— Изъ Андижана.

— А! изъ Андижана—значить ты мой.

И далиль загоняетъ въ свое стадо оглушеннаго всѣхъ этимъ шумомъ и суматохой богомольца, не знающаго, куда ему итти.

Въ самое горячее время, въ періодъ наибольшаго наплыва паломниковъ, приблизительно за мѣсяць или за два до хаджа, въ домахъ часто не хватаетъ мѣста, и всѣ площади Джедды превращаются въ городки палатокъ и тентовъ изъ брезента, цыновокъ, кошмъ или просто разнаго тряпья.

Вся Джедда наполняется шумомъ и оживленіемъ. Центръ всей дѣятельности главнымъ образомъ на базарѣ. Длинная, идущая зигзагами главная улица самаго большого базара начинается отъ пристани и тянется въ длину почти всего города. На ней есть магазины на европейскій манеръ, но большинство лавокъ арабскаго типа съ вынимающимися передними стѣнками, гдѣ полъ комнаты является вмѣстѣ съ тѣмъ и прилавкомъ.

Базарная улица защищена деревяннымъ навѣсомъ. Въ жаркіе дни это является единственнымъ спасеніемъ отъ раскаленнаго солнца. Зато почти полное отсутствіе вѣтра, ужасная духота, миллионы мухъ, удушливый, свойственный вообще всѣмъ восточнымъ базарамъ запахъ мускуса и различныхъ пряностей—внушаютъ не привыкшимъ во всему этому европейцамъ отвращеніе, хотя многимъ и нравятся эти своеобразныя картины восточной жизни.

По всѣмъ джеддскимъ базарамъ устроены кофейни, гдѣ въ рубицахъ, но съ горделивой осанкой важно разваливаются по скамейкамъ бедуины, готовые пролежать такъ цѣлый день, если въ карманѣ есть нѣсколько копеекъ; здѣсь же, съ азартомъ стуча по столу костяшками домино, горячіе игроки не встаютъ изъ-за столовъ съ утра до закрытія кофейнь.

На площадяхъ цѣлыя стада кораблей пустыни лежатъ на землѣ, величаво протягивая свои длинныя шеи къ разложенному передъ ними овсу.

Улица въ Джеддѣ.

Дома въ Джеддѣ (какъ и въ Меккѣ) чисто арабской постройки— большинство въ три-четыре этажа, прочны и массивны, но неуклюжи. Издали съ моря въ яркихъ лучахъ солнца эти бѣлые дома кажутся ослѣпительнымъ бѣлымъ комкомъ. Вблизи впечатлѣніе сильно тѣрится. Неуклюжесть и негармоничность построекъ, почти поголовно требующихъ ремонта, слишкомъ рѣзко бьетъ въ глаза.. Но при закатѣ солнца, когда тѣни и краски блекнутъ и дѣлаются нѣжныѣ и таинственныѣ, нѣкоторыя улицы положительно красивы. Передніе фасады домовъ состоятъ изъ деревянныхъ большихъ балконовъ, похожихъ на огромныя рѣшетчатыя клѣтки. Всѣ окна закрыты, все обыкновенно пусто и безлюдно. Во время хаджа улицы оживляются, но дома почти не мѣняютъ своей физиономіи. Если гдѣ и раскрыто окно, то, кромѣ богомольцевъ, рѣдко кого увидишь. Мужчины на работѣ или на службѣ, а женщины должны скрываться. Тринадцатилѣтняя кокетка Айша, отставшая отъ каравана для поисковъ затеряннаго запястья и вернувшаяся послѣ на верблюдѣ молодого араба Совфана, такъ сильно ужалила ревностью сердце Магомета, что пророкъ велѣлъ женщинамъ носить покрывала.

Минареты джеддскихъ мечетей невысоки и неуклюжи, хотя, благодаря тому, что они не загорожены домами, они рѣзко бросаются въ глаза съ моря.

Это не величественные изящные минареты Константинополя, какъ бы гордо зывающіе къ небу:

«Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ Его».

Это небольшія башенки тяжелой конструкціи, почти не поднимающіяся надъ домами.

Зато муэдзины поютъ на нихъ всѣ пять намазовъ, тогда какъ нигдѣ, кромѣ Геджаса, въ мусульманскихъ городахъ нѣтъ ночныхъ призывовъ.

Ночью эти молитвенные призывы, продолжающіеся въ Джеддѣ отъ двухъ до четырехъ часовъ ночи, звучатъ какъ-то особенно красиво. Мнѣ не разъ приходилось заслушиваться ночью муэдзиновъ двухъ сосѣднихъ мечетей. Одинъ, обладавшій сочнымъ бархатнымъ баритономъ, пѣлъ властно и спокойно, въ сознаньи силы великаго Бога, на молитву Которому онъ созывалъ вѣрующихъ. У другого мягкій, хотя уже сильно надорванный, теноръ звучалъ просительно и страстно. Они то выжидали одинъ другого, то сливали голоса въ одинъ могучій аккордъ.

И если при этомъ взглядъ упалъ на темное глубокое небо, сверкающее тѣми чудными блестящими звѣздами, какія можно видѣть лишь въ пустынѣ, то душу невольно охватывало какое-то таинственное религиозное чувство.

Назвать Джедду чистымъ городомъ, въ особенности во время пребыванія въ ней паломниковъ, съ европейской точки зрѣнія трудно, хотя мѣстная санитарная администрація принимаетъ къ

Арабські дѣти.

очисткѣ ея свои мѣры. Часть санитарныхъ функцій въ Джеддѣ ¹⁾, впрочемъ, исполняютъ собаки, но за ихъ малочисленностью на помощь имъ прибавлены специальные уборщики. По утрамъ съ единственной, кажется, въ городѣ телѣгой они объѣзжаютъ улицы для уборки сора. При видѣ ихъ собаки поднимаютъ злобный и отчаянный лай. И четвероногіе наши друзья имѣютъ къ этому справедливое и законное основаніе. Во-первыхъ, мусорщики увозятъ ихъ вообще, видимо, скудное пропитаніе. А главное, если люди, верблюды и ослы или любезно, или инстинктивно наступаютъ между собачьими лапами и головами, то бездушная телѣга безпощадно давитъ разнѣжившихся арабскихъ барбосокъ и жучекъ, особенно щенятъ. Другой же подобной опасности для собачьяго міра въ Джеддѣ нѣтъ. Есть тамъ, правда, двѣ-три коляски, но въ Джеддѣ ѣздить совершенно негдѣ, да и появленіе этихъ колясокъ сопровождается большимъ шумомъ. Не только за ними, но и впереди нихъ бѣгутъ съ торжествомъ мальчишки, и предупрежденные собаки имѣютъ возможность скрыться и отъ колесъ, и отъ своихъ двуногихъ непріятелей. Дѣйствительно, арабскія дѣти являются почему-то непримиримыми врагами собакъ и виною этому являются отнюдь не нравы кроткихъ животныхъ. Для любого сорванца въ Джеддѣ отъ шести-до пятнадцатилѣтняго возраста является наслажденіемъ хватить камнемъ задремавшую собаку, а потомъ насладиться ея жалобнымъ воемъ. Въ Константинополѣ за такую жестокою продѣлку виновнику ея тотчасъ досталось бы отъ взрослыхъ, а въ Джеддѣ на это не обращаютъ вниманія.

Условія жизни для паломниковъ, остающихся нѣкоторое время въ Джеддѣ до отъѣзда въ Мекку, крайне тягостны. Жилища, въ которыхъ имъ приходится жить въ Джеддѣ, совершенно антигигіеничны. По узкимъ темнымъ лѣстницамъ со ступенями чуть не въ поларшина паломники взбираются въ грязныя, биткомъ набитыя клѣтшки. Отсутствіе воздуха, чрезмѣрная скученность, ретирады на общихъ коридорахъ безъ всякихъ загорожекъ, грязь и зловоніе— вотъ условія, въ которыхъ приходится жить богомольцамъ. Не лучше въ этомъ отношеніи и въ Меккѣ, но тамъ есть хоть изобиліе прѣсной воды; а Джедда и этимъ не можетъ похвалиться. Въ Джеддѣ вода добывается или изъ особыхъ дождевыхъ цистернъ, или въ ямахъ за городомъ. Вода эта съ большимъ привкусомъ соли, и пріѣзжіе пьютъ ее съ отвращеніемъ. На базарѣ небольшой кувшинчикъ такой воды продается за двѣ копейки (одинъ металикъ). Въ Джеддѣ былъ раньше водопроводъ, но его уничтожили бедуины, такъ какъ имъ выгоднѣе привозить воду. Да и жителямъ, эксплуатирующимъ богомольцевъ всѣми способами, выгоднѣе продавать воду за дорогую цѣну, чѣмъ видѣть, что богомольцы пользуются ей бесплатно изъ водопровода.

¹⁾ Какъ и въ Константинополѣ.

Негрилки у колодца.

Воду для умыванья изъ колодцевъ, находящихся внутри городскихъ стѣнъ, и уже совершенно негодную для питья, разносятъ негрятянки въ жестянкахъ изъ-подъ керосина по металику (двѣ копейки) за штуку.

Консула и европейцы, проживающіе въ Джеддѣ, стараются брать воду на пароходахъ или изъ опрѣснителя, поставленнаго съ 1906 г. на островѣ Абу-Саадѣ.

Если хаджъ приходится на лѣто, то богомольцы, конечно, болѣе, чѣмъ зимой, чувствуютъ жажду и, пренебрегая неприятной на вкусъ водой, набрасываются на дыни и арбузы. Большіе наиболѣе спѣлые арбузы стоятъ въ Джеддѣ сорокъ—шестьдесятъ копеекъ за штуку ¹⁾. Покупка этихъ арбузовъ, вслѣдствіе ихъ дороговизны, для большинства недоступна, а потому многіе довольствуются небольшими неспѣлыми арбузиками, которые величиной не болѣе крупнаго апельсина и продаются по три—пяти копеекъ за штуку. Все это сырье при отсутствіи хорошаго хлѣба и вообще хорошей пищи не можетъ въ результатѣ не отразиться на здоровьи многіхъ богомольцевъ. Хлѣбъ въ Геджасѣ готовится изъ индійской или бассорской муки, которой не мало привозятъ на продажу сами богомольцы, и чрезвычайно невкусенъ. Можно достать булки и изъ русской муки, но по своей цѣнѣ—восемь копеекъ за штуку—онѣ недоступны для массы хаджей. Да и эти булки, благодаря неумѣнью пекарей, далеко неудовлетворительны. Мясо въ Джеддѣ очень дорого, и во время хаджа баранина продается двадцать—тридцать пять копеекъ за фунтъ.

Для охраненія правъ русско-подданныхъ въ Джеддѣ находится консульство, куда богомольцы обращаются съ жалобами и по всѣмъ своимъ дѣламъ.

III.

Наемъ верблюдовъ до Мекки.—Корыстолюбіе и коварство верблюдовожатыхъ.—Бедуины какъ артисты-грабители.—Спеціальныя ножи для разрѣзанія поясовъ богомольцевъ.—Незначительность охраны.—Египетскій махмель и его высадка въ Джеддѣ.—Караванъ въ пустынѣ.—Красота египтянокъ и миловидность яванокъ.—Станція между Джеддой и Меккой.—Ночлегъ въ Хаддѣ.—Дѣти и нищіе.—Бедуины въ пустынѣ.

Большинство паломниковъ по пріѣздѣ въ Джедду спѣшатъ скорѣе достать верблюдовъ и уѣхать въ Мекку, куда ихъ влечетъ религиозное чувство, да и жизнь гдѣ какъ въ климатическомъ, такъ и въ матерьяльномъ отношеніи гораздо лучше, чѣмъ въ Джеддѣ. До Мекки всего восемьдесятъ—девяносто верстъ или два дневныхъ перехода на обыкновенныхъ верблюдахъ, или одинъ переходъ на

¹⁾ Въ Меккѣ 20—30 коп. Вся зелень идетъ изъ лежащаго отъ Мекки въ двухъ дняхъ пути оазиса Таифа.

Русское консульство въ Джеддѣ.

быстроходныхъ верблюдахъ, называемыхъ гиджинами. Наемъ послѣднихъ стоитъ гораздо дороже, чѣмъ обыкновенныхъ верблюдовъ, и ихъ берутъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда до начала религиозныхъ празднествъ остается лишь нѣсколько дней.

До хаджа цѣна за наемъ верблюда отъ Джебды до Мекки бываетъ обыкновенно три-четыре меджида (меджидъ 1 рубль 60 копеекъ), но мѣсяца за два до него цѣна повышается вдвое-втрое, причемъ для хаджей различныхъ національностей бываютъ и разныя цѣны. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ играетъ громадное значеніе политическое могущество того государства, къ которому принадлежатъ паломники, и личность консула. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что каковы бы ни были цѣны на верблюдовъ, но за все время функціонированія въ Джебдѣ нашего консульства мусульманскіе богомольцы изъ Россіи платили за верблюдовъ дешевле, чѣмъ хаджи всѣхъ другихъ національностей. Но увеличеніе цѣны за наемъ верблюдовъ не даетъ никакой лишней прибыли бедуинамъ, попадая не въ ихъ карманы.

При наймѣ верблюдовъ стараются нажиться и далили, произвольно увеличивая въ свою пользу назначенную плату.

На верблюдахъ паломники ѣдутъ или по двое верхомъ (юкъ), или въ шудуфахъ—огромныхъ плетеныхъ корзинахъ.

Во время дороги богомольцу приходится быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ верблюдовожатымъ и приобретать его расположеніе угощеніями и подарками. За свою скупость богомолецъ можетъ сильно проплатиться.

— Хаджи, хаджи, поди сюда!—зываетъ желающій слѣзть съ верблюда богомолецъ, но арабъ-верблюдовожатый какъ будто не слышитъ его криковъ и уходитъ еще дальше.

А бываетъ и хуже.

Увидавъ, что богомолецъ задремалъ, арабъ съ силой ударяетъ верблюда въ какое-либо нѣжное мѣсто. Животное отъ боли дѣлаетъ скачокъ, и ничего не ожидавшій пассажиръ летитъ изъ корзины на землю.

— Ишь ты какой случай! И чего это онъ только испугался,—говоритъ ухмыляясь арабъ.

Кто же при этомъ можетъ жаловаться на свою небрежность и несчастный случай!..

Больныхъ верблюдовожатые, подъ предлогомъ оказанія услугъ, грабятъ безъ зазрѣнія совѣсти, а при случаѣ и убиваютъ, запугивая товарищей убитаго.

Въ отношеніи обиранія богомольцевъ—бедуины артисты своего дѣла, усовершенствовавшіе технику грабительства. Такъ, напримеръ, чтобы разрѣзать пояса богомольцевъ, гдѣ послѣдніе хранятъ деньги, бедуины имѣютъ особые изогнутые ножи, заостренные внутри и тупые снаружи. Но въ виду хотя бы инстинктивнаго

сопротивленія богомольцевъ ножи эти, несмотря на ихъ специально предохраняющее отъ пораненій устройство, порой распарываютъ животы несчастныхъ жертвъ. И такіе ножи продаются въ Меккѣ далеко не тайно, точно серпы трудолюбивыхъ жнецовъ. Не даромъ нѣкоторые мусульманскіе писатели возмущаются, что на вопросъ:

«Гдѣ твоя жатва?» бедуинъ съ циничной улыбкой отвѣчаетъ: «Моя жатва—паломники».

Впрочемъ, египтянъ, горячихъ до безумія и по большей части вооруженныхъ ружьями, а также нашихъ кавказцевъ, часто имѣющихъ кивжалы, бедуины побаиваются и никогда не позволяютъ съ ними такой наглости, какъ съ другими богомольцами.

Г. Ашурсбековъ, молодой интеллигентный пароходовладѣлецъ съ Каспія, рассказывалъ мнѣ въ Джеддѣ про дерзкое поведеніе бедуиновъ.

— Сядемъ пить чай, утомленные дневнымъ переходомъ. Вдругъ являются бедуины: «Ступайте прочь, дайте намъ напиться». Видь дикій, въ глазахъ угроза, вооружены съ ногъ до головы. Ну, и уступаешь и ждешь, пока уйдутъ эти совершенно незнакомые намъ люди.

Для защиты отъ нападений бедуиновъ караваны между Джеддой и Меккой идутъ отъ одного сторожевого поста до другого подъ эскортомъ солдатъ. Злые языки увѣряютъ, что было бы гораздо лучше посылать солдатъ безъ ружей, такъ какъ ружья эти, бросаемые солдатами при бѣгствѣ отъ многочисленныхъ враговъ, служатъ лишь лишней приманкой для бедуиновъ.

Дѣйствительно, на охрану незначительнаго эскорта солдатъ полагаться нельзя. Конечно, они не безполезны при защитѣ отъ мелкихъ шаекъ или отдѣльныхъ грабителей, но совершенно безсильны по своей малочисленности при нападении большихъ скопищъ бедуиновъ, несмотря на проявляемую порой ими личную храбрость. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить трудности защиты каравана въ пустынѣ, когда онъ растягивается на нѣсколько верстъ. Въ результатѣ отъ хищническихъ нападений бедуиновъ порой гибнутъ цѣлые караваны. Достаточно хотя бы указать на телеграмму агентства Рейтера отъ 31 марта 1904 г., сообщившую объ избіеніи бедуинами 4000 богомольцевъ.

Мало считаются бедуины даже съ правительствомъ. Въ 1905 г. они пропустили лишь за выкупъ въ 1500 турецкихъ лиръ (лира 8 р. 53 к.) египетскій священный караванъ, возвращавшійся послѣ хаджа изъ Медины въ Ямбо. При караванѣ былъ эскортъ въ нѣсколько сотъ человекъ съ нѣсколькими орудіями, но бедуиновъ собралось болѣе 5000 человекъ. Дорога же изъ Медины въ Ямбо идетъ по долинѣ среди двухъ горныхъ кряжей, сходящихся иногда на 50—100 сажень, и крайне удобна для нападений.

Въ 1908 г. бедуины разрушили всѣ станціи отъ Мекки до Медины строящейся желѣзной дороги.

Центральное турецкое правительство сильно считается ¹⁾ съ ними и ежегодно посылаетъ имъ большія суммы на покупку хлѣба. Къ сожалѣнію, большая часть этихъ денегъ застревала по карманамъ администраціи стараго турецкаго режима. Надо надѣяться, что при новомъ правительствѣ все это измѣнится.

Египетское правительство тоже посылаетъ бедуинамъ ежегодно два судна съ хлѣбомъ, но и хлѣбъ этотъ раньше застревалъ по карманамъ турецкой администраціи, далекой отъ контроля изъ столицы.

Хлѣбъ изъ Египта приходитъ вмѣстѣ съ прибытіемъ въ Геджасъ египетскаго священнаго каравана (махмеля). Караваны эти посылаются съ 648 года гиджры (XIII в.) съ драгоценной кесвой (покрываломъ) для Каабы. Цена высадки въ Джеддѣ египетскаго махмеля очень эффектна. Съ махмелемъ прѣзжаетъ 200—300 конныхъ солдатъ съ нѣсколькими орудіями. При выстрѣлахъ изъ пушекъ джеддскаго форта махмель перевозятъ съ парохода на берегъ въ самбукѣ, убранномъ коврами.

Здѣсь священный паланкинъ и кесву (покрывало) для Каабы поѣщаютъ на горбахъ двухъ дромадеровъ, и процессія въ нѣсколько тысячъ челоѣкъ двигается по городу по направленію къ Меккскимъ воротамъ. Въ процессіи этой участвуютъ войска мѣстнаго гарнизона и конные египетскіе солдаты, сопровождающіе махмель. Обыкновенно это на подборъ красивые мужественные молодцы, горделиво сидящіе на сытыхъ выхоленныхъ лошадяхъ. По бокамъ ихъ щегольскихъ сѣделъ въ кобурахъ вложены сабли и ружья, сами же они одѣты въ бѣлыя одежды богомольцевъ ²⁾ ихрамы, что составляетъ эффектный контрастъ съ ихъ блестящимъ оружіемъ.

Какъ махмель, такъ и вообще караваны выступаютъ изъ Джедды съ ранняго утра, медленно вытягиваясь по меккской дорогѣ. Вышедшіе позднѣе догоняютъ остальныхъ, но послѣ 8—9 часовъ полиція уже не выпускаетъ изъ города новыхъ богомольцевъ изъ боязни, чтобы отставшихъ не ограбили бедуины.

Растянувшійся въ пустынѣ караванъ представляетъ интересное и живописное зрѣлище.

¹⁾ Бедуины заявляютъ, что пустыни принадлежатъ имъ, и за проѣздъ черезъ нихъ требуютъ выкупъ.

²⁾ Ихрамъ состоитъ изъ двухъ бѣлыхъ кусковъ матеріи безъ швовъ; однимъ кускомъ ихрама обертывается нижняя часть тѣла, другимъ верхняя. Коснувшись одежды паломниковъ, упомяну, что они не должны покрывать головъ во все время хаджа. За носеніе зонтиковъ должна быть принесена особая жертва.

Такъ какъ паломникамъ во время хаджа запрещено охотиться, то отсюда богословы выводятъ, что имъ запрещено убивать насѣкомыхъ. Благодаря этому, одежда богомольцевъ еще болѣе загрязняется. Впрочемъ, хитрая мусульманская казуистика избрѣла обходъ этого правила: нельзя убивать насѣкомыхъ рукой (и даже чesатьcя),—такъ употребляютъ для этого особая лопатки.

Бедуинскій шейхъ.

Напыщенно важные, несмотря на свой тощій и ободранный видъ, верблюды плавно раскачиваютъ огромные шудуфы, защищенные отъ солнца тентомъ.

Шудуфы съ женщинами плотно закрываются со всѣхъ сторонъ.

Изъ мусульманокъ во время богомолья не закрываются лишь яванки и египтянки, и очень слабо, лишь для проформы, закрываются индуски. Яванки, впрочемъ, не носятъ покрывалъ вообще и у себя дома, но въ Египтѣ лишь въ деревняхъ можно встрѣтить незакутанную женщину, кромѣ негрятенокъ.

Въ то время, какъ бухарки, персіянки и даже турчанки боязливо сторонятся мужчинъ, особенно европейцевъ (тѣмъ болѣе, что всѣ встрѣчи эти на глазахъ мусульманъ), египтянки отвѣчаютъ кокетливыми улыбками на любопытные взгляды иностранцевъ. Между паломницами-египтянками встрѣчаются иногда чудныя красавицы съ блѣдно-матовой кожей, орлиными римскими носами и громадными черными глазами.

Жгучія брюнетки, сильно склонныя къ полнотѣ и быстро увядающія, но въ расцвѣтѣ своей молодости и красоты производящія чарующее впечатлѣніе.

И если понимающій толкъ въ женской красотѣ интеллигентный европеецъ порой не можетъ удержаться отъ невольнаго восхищенія при видѣ ослѣпительныхъ дочерей Нила, то каково же впечатлѣніе отъ этихъ красавицъ должно получаться у геджасскихъ арабовъ, женщины которыхъ въ общей массѣ не только не могутъ похвалиться красотой, но и миловидностью. Лишь одни глаза арабскихъ женщинъ, большіе овальные черные глаза, составляютъ ихъ прелесть.

Строго слѣдя, чтобы ихъ женщины закрывались, арабы далеко не враждебно смотрятъ на не закрывающихся мусульманокъ, и порой красавицу-богомолку сопровождаютъ не только ихъ восторженные взгляды, но и не сдерживаемыя восклицанія восхищенія, хотя это и идетъ въ разрѣзъ съ восточными приличіями.

Арабы Геджаса, хотя и ханжествующіе передъ богомольцами, далеко не фанатики и, какъ показала ихъ исторія, и были и остаются народомъ индифферентнымъ къ религіи, если при этомъ не задѣты ихъ личные интересы.

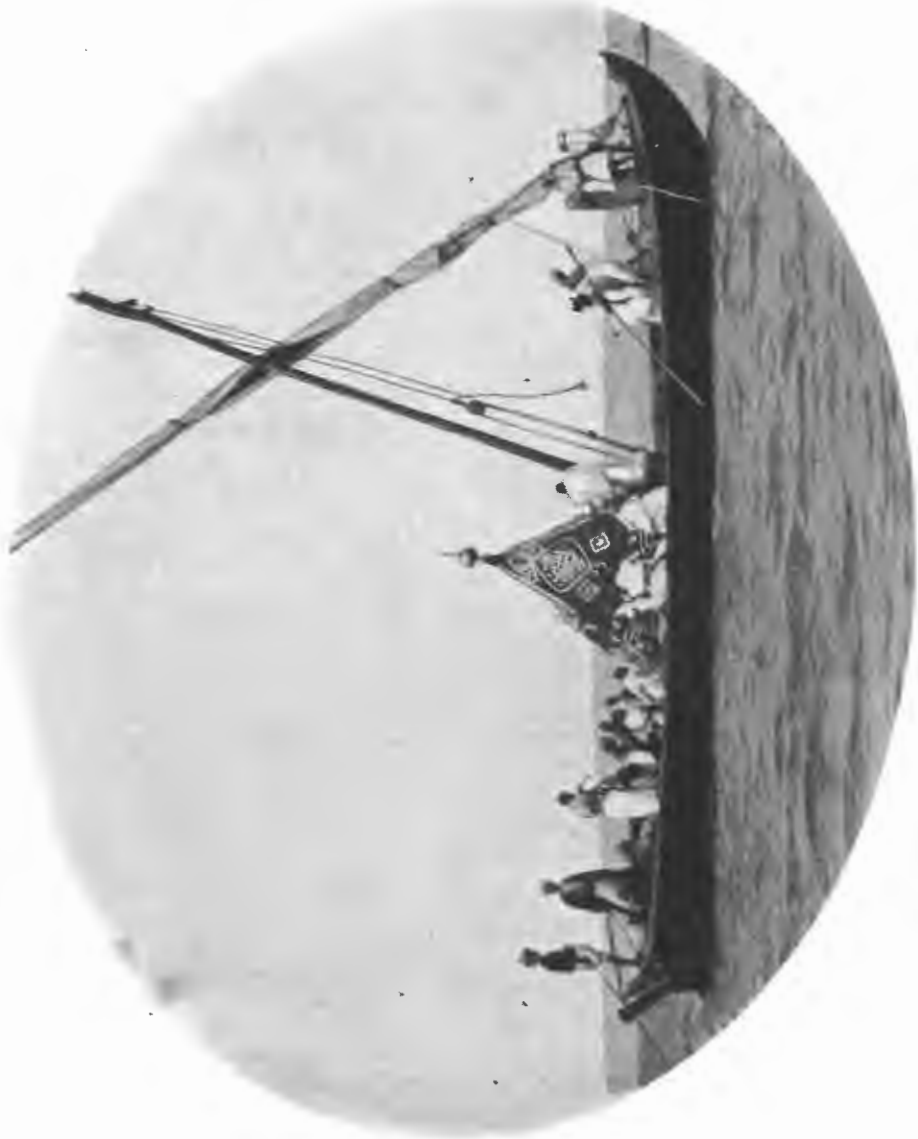
Такъ, напримѣръ, въ 1894 г. они разнесли въ Меккѣ дезинфекціонную камеру и убили въ Джеддѣ ¹⁾ англійскаго вице-консула, котораго они считали виновникомъ учрежденія камеры. Дѣйствующими лицами явились, конечно, наиболѣе фанатичные, взвинченные нелѣпыми слухами, что въ камерѣ будутъ сжигать голыхъ (!) женщинъ, но движеніе имѣло чисто экономическую подкладку, такъ какъ мекканцы боялись, что отъ учрежденія камеры уменьшится количество богомольцевъ, а слѣдовательно и ихъ доходы.

Въ общемъ у арабовъ женщины болѣе свободны, чѣмъ у персовъ или турокъ. На чужихъ же женщинъ они посматриваютъ довольно развязно и безцеремонно, въ особенности когда онѣ безъ покрываль, какъ египтянки.

И онѣ понимаютъ силу своихъ чаръ, эти черноокія дочери Нила!

Среди яванокъ попадаются порой восхитительныя миниатюрныя куколки малайско-японскаго типа. Маленькаго роста, изящныя,

¹⁾ Такъ какъ убійство это произошло за городомъ во время прогулки, то при этомъ былъ раненъ и управлявшій русскимъ консульствомъ г. Брандтъ (нынѣ консулъ въ Трапезондѣ).

Высадка египетского махмеля вь Джеддѣ.

граціозныя, онѣ производятъ даже въ общей массѣ весьма пріятное впечатлѣніе, въ нихъ сразу видно первобытныхъ дѣтей природы, никуда не выѣзжавшихъ изъ своихъ роскошныхъ лѣсовъ. Если онѣ и обращаютъ вниманіе на производимое ими впечатлѣніе, то это скорѣе лишь инстинктъ мелкихъ куртизанокъ, какими онѣ, видимо, являются по своей натурѣ.

Египтянки же держатся съ большей увѣренностью. Въ общей массѣ онѣ мало красивы. Большинство паломницъ—обрюзгія, толстыя матроны, что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ быть крайне подвижными.

Въ караванѣ паломники различныхъ національностей располагаются группами, но потомъ мало-по-малу, отъ безпрестанныхъ остановокъ отдѣльныхъ лицъ, перемѣшиваются. Въ общемъ караванъ представляетъ собою беспорядочную линію, тянущуюся гигантскимъ змѣемъ. Наравнѣ съ шудуфами паломники ѣдутъ на верблюдахъ и верхомъ, попарно, одинъ позади другого, если немного багажа, и по одному, если вещей нѣсколько вьюковъ. Нѣкоторые паломники ѣдутъ на ослахъ и мулахъ, многіе идутъ пѣшкомъ, такъ какъ имъ не по средствамъ нанять животное. Передвиженіе на верблюдахъ крайне скучно и утомительно; верблюдъ идетъ неровно и съ каждымъ шагомъ отбрасываетъ шудуфъ то взадъ, то впередъ. Со многими при этомъ случается морская болѣзнь.

Между Джеддой и Меккой всего 11 станцій, и на шестой изъ нихъ, Бахрѣ, караваны верблюдовъ останавливаются на ночлегъ; ѣдущіе на мулахъ и ослахъ доѣзжаютъ до слѣдующей станціи Хадды, гдѣ помѣщенія болѣе удобныя.

Бахра—довольно большой поселокъ бедуиновъ. Для богомольцевъ есть нѣсколько каменныхъ казенныхъ домовъ и пѣлая улица шалашей изъ хвороста и травы, принадлежащихъ бедуинамъ и нанимаемыхъ богомольцами для ночлега.

Такъ какъ паломники изъ боязни въ темнотѣ грабежей бедуиновъ не удаляются далеко отъ построекъ, то всѣ станціи во время хаджа, когда караваны проходятъ ежедневно, страшно загрязнены.

Вообще и въ пустынѣ санитарныя условія передвиженія богомольцевъ неудовлетворительны. Безпрерывно проходящіе караваны оставляютъ послѣ себя не только никѣмъ не убираемая нечистоты (а караваны идутъ одними и тѣми же путями), но и трупы павшихъ животныхъ. Хищныя звѣри—волки, шакалы, лисицы, дикія собаки и кошки, а также птицы хотя и уничтожаютъ эту лакомую для нихъ падаль, но зловоніе царитъ по всей дорогѣ. Даже трупы умершихъ богомольцевъ при спѣшности движенія каравана зарываются самое глубокое на аршинъ, а то лишь едва прикрываются землей.

Хадда—тоже большой поселокъ бедуиновъ. Въ заброшенной мечети находится усиленный караулъ солдатъ. Здѣсь впервые взо-

Торжественная процессія съ махмелемъ въ Джеддѣ.

рамъ паломниковъ являются рощи пышныхъ финиковыхъ пальмъ, возбуждая восторгъ хаджей, изъ которыхъ многіе видали пальмы лишь издали съ парохода въ Портъ-Саидъ и Суэцъ. Въ Хаддѣ есть огороды и сады.

Поселокъ бедуиновъ гостепріимно предлагаетъ богомольцамъ какъ шалаши для ночлега, такъ и кофейни для кейфа (отдыха), особенно пріятнаго послѣ цѣлаго дня тряски на верблюдѣ.

По дорогѣ на каждой станціи караваны встрѣчаютъ десятки, а порой и сотни нищихъ, многіе изъ которыхъ своимъ видомъ производятъ тягостное и непріятное впечатлѣніе, отличаясь при этомъ доходящей до наглости назойливостью.

Голые бедуинскіе ребятишки, среди которыхъ можно встрѣтить совершенно раздѣтыхъ дѣвочекъ 8—9 лѣтъ, по городскимъ понятіямъ уже считающихся невѣстами и закрывающихся покрывалами, несутъ паломникамъ для продажи овощи, фрукты, щепки для варки пищи и воду, которая покупается нарасхватъ. До колодезь въ это время трудно добраться. Усердно вычерпываемая вода становится мутной и грязной.

Въ Хаддѣ совершается обязательное переодѣваніе въ ихрамы всѣхъ богомольцевъ и тѣхъ изъ мекканцевъ, которые не были дома болѣе полугода. Но большая часть богомольцевъ одѣвается въ ихрамы уже на Красномъ морѣ.

Дорога изъ Джедды въ Мекку въ общемъ совершенно ровная, мѣстами каменистая, но по большей части песчаная, что не даетъ возможности развить на ней колесное движеніе. Да едва ли бедуины безъ борьбы допустить на ней экипажи, которые могутъ лишить ихъ большей части ихъ заработка.

Поэтому трудно предполагать, чтобы бедуины допустили добровольно постройку Меккской желѣзной дороги. Усмирить же ихъ будетъ очень трудно, такъ какъ они легко могутъ укрыться въ отдаленныхъ мѣстахъ пустыни.

Живутъ бедуины въ пустынѣ и оазисахъ отдѣльными семействами, занимаясь, гдѣ возможно, обработкой земли, гдѣ перевозкой на верблюдахъ, а при случаѣ и грабежами. Ходятъ всѣ—и мужчины и женщины—въ длинныхъ рубахахъ безъ панталонъ; рубахи эти почти у всѣхъ синяго цвѣта, который наиболѣе любимъ, хотя священнымъ цвѣтомъ считается зеленый. Голова обматывается тюрбаномъ, длина и качество котораго зависятъ отъ достатка его владѣльца. У иного кусокъ кисеи до 30 аршинъ длины, у иного грязныя тряпки. Но у всѣхъ граціозная, горделиво смѣлая походка. При нуждѣ бедуины работаютъ энергично и бодро, но при малѣйшей возможности склонны, еще болѣе, чѣмъ другіе восточные народы, ничего не дѣлать и по цѣлымъ часамъ лежать въ кофейняхъ. Все хозяйство ведется женщинами, пользующимися у нихъ большой свободой, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличающимися, въ противоположность жительницамъ городовъ Геджаса, строгостью нравовъ.

Караванъ въ пустынь.

IV.

Запрещеніе немусульманамъ доступа въ Мекку.—Священная территория и преданія объ ея установленіи.—Восторгъ богомольцевъ при видѣ Мекки.—Мекка и ея мѣстоположеніе.—Помѣщенія въ Меккѣ.—Далили и ихъ роль въ Меккѣ.—Колоніи иностранцевъ въ Геджасѣ.—Бедель-хаджъ и эксплуатація искренняго чувства вѣрующихъ.

Не довѣряя твердости вѣры своихъ первыхъ послѣдователей, Магометъ вскорѣ по упроченіи своей власти запретилъ всѣмъ немусульманамъ оставаться въ предѣлахъ не только Мекки, но и священной территоріи Геджаса вообще. Онъ самъ опредѣлилъ границы этой священной территоріи, да и первые калифы удѣляли большое вниманіе этому вопросу.

Въ настоящее время исламъ настолько окрѣпъ, что, казалось бы, ему нечего бояться пропаганды другихъ религій, между тѣмъ доступъ немусульманамъ въ Мекку запрещенъ и до настоящаго времени.

Границы этой священной территоріи, по преданію мусульманъ, опредѣлены въ самыя древнія времена. Адамъ, находясь въ первой Каабѣ и боясь козней дьявола, просилъ помощи у Аллаха, который и послалъ ангеловъ окружить большое пространство вокругъ Мекки—эта-то территорія и стала священной землей, такъ какъ дьяволъ не имѣетъ силы проникнуть въ ея предѣлы.

Но избираемые арабами паломники, однакоже, пустили въ ходъ пословицу, что «въ святыхъ городахъ чортъ живетъ».

Однако, хотя мусульманскіе фанатики и гордятся тѣмъ, что священную территорію Геджаса не попирала нога невѣрнаго, но, начиная съ XVI столѣтія до 15 европейцевъ въ одеждѣ богомольцевъ посѣтили Мекку; трое изъ нихъ были узнаны и убиты, нѣсколькимъ съ трудомъ удалось спастись отъ смерти.

Мекка находится въ узкой долинѣ и окружена каменистыми, лишенными всякой растительности горами до 150 метровъ высоты. Въ длину городъ тянется версты на двѣ, въ ширину максимумъ на 300—400 сажень. Раньше Мекка подвергалась отъ дождей частымъ разрушеніямъ, но султанъ Магометъ IV окружилъ ее плотинами и отводными стоками для дождевой воды. Черезъ весь городъ тянется одна улица шириной отъ 7 до 10 аршинъ. Всѣ остальные улицы расходятся вѣтвями отъ главной, но кривы и узки, не превышая 2—4 аршинъ въ ширину. Въ нижнихъ этажахъ главной улицы расположены магазины, съѣстные лавки, кофейни, отчего вся улица имѣетъ характеръ базара, хотя базаръ расположенъ лишь въ срединной ея части. Всѣхъ торговыхъ помѣщеній въ Меккѣ насчитывается болѣе 2000.

Главная улица до поздней ночи полна шумомъ и оживленіемъ. Разносчики спуютъ здѣсь со своими товарами, громко выкрикивая

ихъ достоинства. Повсюду жарятъ, варятъ, кипятъ огромные, выписанные изъ Россіи самовары. Повсюду идетъ бойкая торговля. Толпы народа, вереницы верблюдовъ, позвякивающихъ бубенчиками, движутся безъ конца. Шумъ, суета, несмолкаемый гулъ...

Но надо видѣть, съ какимъ восторгомъ богомольцы подъѣзжаютъ къ Меккѣ.

— Мекка! Мекка! Святая, святая! Очагъ вѣры, мать городовъ, Мекка благородная, — раздаются восклицанія.

Многіе рыдаютъ и, падая, цѣлуютъ землю. Сколько воспоминаній даютъ эти мѣста для вѣрующаго мусульманина. Здѣсь не только жилъ и дѣйствовалъ пророкъ, но и Адамъ и Ева, Авраамъ и Измаиль...

Какъ городъ, Мекка, кромѣ Каабы, не представляетъ для богомольцевъ уже чего-либо новаго, такъ какъ дома въ ней такіе же, какъ въ Джеддѣ. Большинство ихъ, почти пустуя отъ конца хаджа до новаго съѣзда паломниковъ, предназначено исключительно для послѣднихъ, но при большомъ стеченіи народа и здѣсь, какъ и въ Джеддѣ, не хватаетъ на всѣхъ мѣста.

Помѣщенія для богомольцевъ въ Меккѣ, по свидѣтельству самой мѣстной санитарной администраціи, обыкновенно грязны и страшно переполнены.

Санитарная администрація работаетъ не покладая рукъ, чтобы санитарное состояніе города было болѣе или менѣе удовлетворительно, что при громадномъ наплывѣ богомольцевъ, обыкновенно имѣющихъ очень отрицательныя понятія о чистоплотности, очень затруднительно.

Отсутствіе воздуха въ помѣщеніяхъ, занимаемыхъ паломниками, отражается въ Меккѣ на богомольцахъ еще тягостнѣе, чѣмъ въ Джеддѣ.

Зелени въ Меккѣ почти нѣтъ: есть садикъ при аптекѣ, нѣсколько пальмъ въ самомъ городѣ и довольно чахлый садъ меккского шерифа въ окрестностяхъ города.

Вода въ Мекку проведена съ горы Джебель-Кара, находящейся отъ нея на разстояніи 50 верстъ. Водопроводъ этотъ устроенъ Зобеидой, супругой калифа Гарунъ-Аль-Рашида. До долины Арафата вода идетъ по искусственному каналу, а оттуда уже по подземнымъ трубамъ попадаетъ въ 15 резервуаровъ города. Кромѣ того, въ городѣ имѣются громадныя водоемы для стока дождевой воды и источникъ Земъ-Земъ.

Въ Меккѣ паломники снова размѣщаются по домамъ далилями, старающимися извлечь изъ нихъ какъ можно больше пользы. Съ наиболѣе богатыми они ходятъ даже по лавкамъ, помогая имъ покупать вещи и получая послѣ съ продавцовъ извѣстный процентъ. Далили берутъ у хаджей на храненіе деньги, не выдавая расписокъ и лишь записывая принятое на храненіе въ свои книги. Деньги

эти, если богомолецъ умираетъ, остаются, по большей части, въ пользу далили. Но бываетъ, что и оставшемуся въ живыхъ паломнику далиль отказываетъ въ выдачѣ денегъ, заявляя, что онъ ничего отъ него не получалъ.

Въ шаріатѣ ничего не говорится про далилей, но при массѣ религиозныхъ обрядностей, которыя необходимо совершить во время хаджа, безъ руководителя богомольцу обойтись довольно трудно и, конечно, необходимы извѣстные лица для поддержанія порядка. Правда, первый встрѣчный геджасецъ охотно объяснить, куда надо пойти и что надо сдѣлать, но онъ пойдетъ при этомъ самъ и будетъ требовать платы за свой трудъ. Такимъ образомъ, вмѣсто одного руководителя-далили, требующаго денегъ, у богомольца окажутся ихъ цѣлыя десятки.

Но необходимо строже слѣдить за далилями и удалять ихъ при обманахъ богомольцевъ и грубыхъ вымогательствахъ. Система откуповъ должна быть, конечно, уничтожена, и далили должны быть назначаемы не изъ турецко-подданныхъ, какъ теперь, а изъ подданныхъ той же національности, къ которой принадлежатъ поручаемые ихъ наблюденію богомольцы, чтобы подлежащее консульство непосредственно могло принять противъ такихъ лицъ при ихъ вымогательствахъ денегъ отъ паломниковъ надлежащія мѣры.

Лѣтъ 20 тому назадъ до открытія въ Джеддѣ нашего консульства далили вымогали деньги отъ нашихъ паломниковъ-мусульманъ самымъ наглымъ образомъ. Нѣкто Мухаммеджанъ, еще и сейчасъ проживающій въ Геджасѣ, выдѣлывалъ удивительныя вещи. Получивъ съ богомольца деньги за верблюда, онъ не давалъ животнаго, а жаловаться было некуда.

Только тронется караванъ изъ Джедды и отойдетъ версты двѣ, какъ вдругъ раздаются крики: «Стой!» Плати каждый по 5 піастровъ (40 копеекъ). И приходится платить, хотя операція эта продѣлывалась порой по нѣсколько разъ. Теперь же консульство по мѣрѣ возможности охраняетъ паломниковъ отъ вымогательства.

Для арабовъ и бедуиновъ—паломникъ это нива, тѣмъ болѣе неистощимая, что каждый новый хаджъ приносить съ собой все новыя и новыя волны богомольцевъ. Въ Геджасѣ единственный источникъ доходовъ—это паломники; всѣ живутъ и кормятся ими.

Такъ какъ при извѣстной наглости и ловкости можно извлекать изъ богомольцевъ хорошіе доходы, то нечего удивляться, что многіе иностранцы-мусульмане по совершеніи хаджа поселяются въ Геджасѣ.

Въ Меккѣ живетъ не мало индусовъ, алжирцевъ, персовъ, яванцевъ, египтянъ, готовыхъ къ услугамъ своихъ пріѣзжающихъ въ хаджъ сородичей.

Индусы считаются не особенно правовѣрными мусульманами и, дѣйствительно, они примѣшиваютъ къ обрядамъ религіи Магомета

не мало наслоеній изъ браминскаго культа. Но индусы—богаты, и въ Меккѣ, гдѣ все оцѣнивается на деньги, этого достаточно, чтобы пользоваться общимъ уваженіемъ.

Значительна также въ Меккѣ и въ Мединѣ колонія русскихъ и бывшихъ русскихъ подданныхъ. Остаются случайные торговцы, нашедшіе сбытъ своимъ товарамъ.

Не мало живетъ въ Геджасѣ мусульманъ, опороченныхъ въ Россіи или бѣжавшихъ отъ судебного слѣдствія, тюрьмы, долговъ и военной службы. Въ Меккѣ живутъ преимущественно туркестанцы и бухарцы. Татары облюбовали Медину, гдѣ и климатъ не такъ жарокъ, да и бываютъ состоятельные ученики изъ Россіи, обучающіеся въ славящихся у мусульманъ мединскихъ высшихъ учебныхъ богословскихъ заведеніяхъ.

Многія изъ этихъ лицъ женятся въ Меккѣ на арабкахъ. Арабы тоже охотно берутъ замужъ бухарокъ и татарокъ, болѣе милостивыхъ, чѣмъ туземки. Нѣкоторые татары «получаютъ» женъ изъ Казани. Многія вдовы (чаще всего стремятся подыскать богатыхъ) съ удовольствіемъ ѣдутъ женами къ лицамъ, живущимъ въ святыхъ городахъ, воображая Мекку земнымъ раемъ. И лишь по пріѣздѣ, познакомившись съ условіями мѣстной жизни, онѣ съ горемъ вспоминаютъ родину.

Мусульмане изъ Россіи, поселившіеся въ Геджасѣ, обыкновенно не теряютъ связи съ своими земляками, постоянно приглашая ихъ въ хаджъ. Порой они сами отправляются въ Россію для полученія бедель-хаджа. Бедель-хаджъ есть совершеніе хаджа не за себя, а отъ имени другого, уже умершаго лица, формально или нравственно обязавшаго своихъ наслѣдниковъ нанять послѣ своей смерти мусульманина для поѣздки въ Мекку для спасенія его души. Самъ бедельхаджикъ, если онъ не совершилъ хаджъ до этого, званія хаджи не получаетъ, но на томъ свѣтѣ пользуется, какъ побывавшій въ Меккѣ, большими преимуществами.

Бедельхаджикъ изъ Россіи беретъ за совершеніе хаджа не менѣе тысячи рублей. Мусульманинъ, совершившій хаджъ за другого, если онъ не имѣлъ до этого званія хаджи, долженъ въ слѣдующій же годъ совершить хаджъ отъ себя лично. Поэтому многіе бедельхаджикъ, по совершеніи хаджа по поѣму, не возвращаются на родину, а остаются въ Геджасѣ до слѣдующаго хаджа.

Въ Россіи порученіе бедель-хаджа наиболѣе развито въ губерніяхъ Казанской, Оренбургской и Уфимской. Туркестанцы даютъ его рѣдко, можетъ быть, и потому, что среди нихъ и безъ того развиты болѣе, чѣмъ у мусульманъ другихъ мѣстностей Россіи, поѣздки на поклоненіе въ Мекку.

Отправляясь въ Россію за бедель-хаджемъ, поселившіеся въ Геджасѣ русскіе мусульмане захватываютъ съ собой сотни маленькихъ жестянокъ воды чудотворнаго въ глазахъ мусульманъ источ-

пика Земь-Земь, мѣшечки съ геджасской землей и прочіе сувениры святыхъ мѣсть и продають ихъ въ Россіи благочестивымъ людямъ за дорогую цѣну. Воды и земли, кромѣ того, не мало и въ Россіи. Вышелъ запасъ священной—нѣтъ большого труда надѣлать амулеты и изъ земли, попранной ногами гяуровъ.

Изъ привезенныхъ изъ Геджаса волосъ Магомета можно сдѣлать сотни тысячъ париковъ, а изъ кусочковъ его плаща шить платья для цѣлой арміи. То есть повторяется та же исторія, что и съ эксплуатацией искренняго чувства вѣрующихъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ, откуда привезено столько мнимыхъ кусочковъ св. живонснаго креста, что изъ нихъ можно построить цѣлый домъ.

Конечно, лица эти не упускають случая эксплуатировать и въ Геджасѣ своихъ пріѣзжающихъ въ хаджъ земляковъ и особенно успѣшно практикують это въ Каабѣ, этомъ священномъ храмѣ Мекки, гдѣ хранится неоцѣнимое въ глазахъ мусульманъ сокровище—черный камень, принесенный, по преданію, съ неба архангеломъ Гавріиломъ.

Приподнимемъ же таинственную завѣсу чудеснаго мекккаго святилища.

М. Э. Никольскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ю. Карцовъ и К. Военскій. Причины войны 1812 г. Спб. 1911. Стр. 115.
Цѣна не обозначена.

ВѢДКАЯ брошюра-книга, небольшая по своему объему, содержитъ въ себѣ кратко изложенный историческій матеріалъ громаднаго значенія, съ широкими построениями, гипотезами, доказательствами и выводами, какъ вышеназванная, принадлежащая совокупному труду двухъ извѣстныхъ писателей, уже давно заявившихъ себя русскому обществу своимъ знакомствомъ съ историческими судьбами горячо любимой ими родины. Въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» дается далѣе отзывъ объ единичномъ трудѣ г. Военскаго, посвященномъ все той же великой эпохѣ 1812 г., которой онъ является обстоятельнымъ знаткомъ и компетентнымъ судьей; въ разбираемой брошюрѣ онъ совместно съ г. Карцовымъ (бывшимъ дипломатомъ) даетъ, такъ сказать, нѣкоторый сводъ ихъ совместнымъ взглядамъ на изслѣдуемый періодъ русской жизни, и они оба дѣлаютъ подъ опредѣленнымъ угломъ историческаго зрѣнія анализъ главнѣйшимъ фактамъ, создавшимъ борьбу Россіи съ Наполеономъ, и на основаніи накопленнаго громаднаго фактическаго матеріала пытаются перейти отъ прошедшаго къ настоящему и будущему, дабы предохранить русскій народъ отъ тѣхъ ошибокъ, которыя могутъ вовлечь его въ пучину бѣдствій. Историки-лѣтописцы, такимъ образомъ, берутъ на себя задачу поученія и проповѣдничества и выставляютъ любопытные тезисы, нѣсколько расходящіеся съ доминирующими нынѣ взглядами на задачи современной внѣшней политики Россіи.

Вся книжка изложена прекраснымъ языкомъ, сжатымъ и выразительнымъ, благодаря чему, независимо отъ разработанной въ ней темы, она прочитывается прямо-таки съ захватывающимъ интересомъ и оставляетъ въ читателѣ глубокое впечатлѣніе. Содержимое раздѣлено на двѣнадцать главъ слѣдующаго наименованія: 1) Предисловіе; 2) Универсальная доктрина; 3) Характеристика Александра I; 4) Борьба съ дворянствомъ; 5) Сперанскій; 6) Континентальная система; 7) Медовый мѣсяцъ (1807—1808); 8) Великая княгиня Екатерина Павловна; 9) Реформа денежнаго обращенія; 10) Александръ и Лористонъ (1811—1812); 11) Каносса; 12) Заключеніе. Въ перечисленіи настоящихъ главъ мы усматриваемъ, что центральной фигурой, къ которой примѣняется весь текстъ изслѣдованія, является личность императора Александра I. Взглядъ авторовъ на этого монарха заключается въ слѣдующихъ словахъ предисловія: «Въ теченіе истекшаго столѣтія многочисленная плеяда талантливыхъ историковъ и публицистовъ старалась постичь и очертить загадочную личность императора Александра I,—говорятъ они. Образъ его въ окончательную форму, тѣмъ не менѣе, еще не вылился и продолжаетъ оставаться спорнымъ и неопредѣленнымъ. При господствѣ чисто индуктивнаго метода, оно иначе и быть не могло. По мѣрѣ того, какъ обнаруживались новые факты, измѣнялся и горизонтъ, и, въ результатъ, вчерашній гуманистъ и либераль превращается въ мелочнаго тирана и *grec du Bas-Empire* и наоборотъ. Сопоставляя темныя его стороны съ достоинствами, при отношеніи къ нему самомъ строгомъ, императоръ Александръ все-таки является однимъ изъ величайшихъ государей, какихъ имѣла Россія. Его несчастіе—трагическія семейныя обстоятельства, въ которыхъ онъ выросъ, и чуждое духу русскаго народа воспитаніе, которые онъ получилъ отъ Лагарпа. Если, вскормленный на принципахъ универсальной доктрины, онъ подчасъ презрительно относился къ Россіи, какъ странѣ рабовъ и господъ, то идеѣ русской государственности онъ служилъ съ безусловнымъ самоотверженіемъ. Дѣятель онъ былъ огромной трудоспособности, высоко просвѣщенный, отзывчивый и доступный. Но что всего важнѣе, наподобіе Гетевскому Фаусту, ни матеріальное положеніе, ни почести, ни побѣдная слава, хотя бы на одно мгновеніе, не были въ состояніи заглушить въ немъ немолчнаго голоса совѣсти». Этого «немолчный голосъ совѣсти» напоминалъ ему о трагической кончинѣ отца, въ кося авторы, хотя и безъ фактическихъ прямыхъ доказательствъ въ рукахъ, но на основаніи доказательствъ косвенныхъ, обвиняютъ его, Благословеннаго, и отсюда выводятъ любопытныя отношенія, создавшіяся между царемъ и дворянствомъ, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, повинныхъ въ пролитіи крови въ знаменательную ночь въ Михайловскомъ замкѣ. Поклонникъ универсальной доктрины—европейскаго либерализма, которая являлась отправною точкою его государственной дѣятельности, онъ какъ бы запнулся о порогъ своего царствованія и очень скоро очутился въ противорѣчій со всѣмъ укладомъ русскаго быта и въ конфликтъ съ дворянствомъ, ставшимъ на сторону этого уклада. Приведа изъ исторіи этого длительнаго конфликта немало любопытныхъ моментовъ, въ связи съ развертывавшимися событіями внѣшней политики, авторы говорятъ: «Агитація противъ союза съ Франціей служила почвою, на которой сближались и протягивали другъ другу руку оттънки русскаго общественнаго

миѣнія самыя противоположныя. Къ соображеніямъ отвѣченнымъ, соображеніямъ патріотизма, народной гордости и проч. присоединились мотивы реальные, экономическіе. Прекращеніе торговли съ Англіею на культурномъ слѣдѣ населенія, преимущественно на жителяхъ столицъ, отразилось весьма чувствительно. Бумажныя деньги упали въ цѣнѣ, вывозъ сырья пріостановился, предметы роскоши и колониальныя товары вздорожали. Хотя все это собственно народному хозяйству вреда не причинило, и въ столицѣ выраженіе недовольства пока ограничивалось частными разговорами и салонною фрондою, однако для Александра было очевидно, что темная сила, возведшая его на престолъ, на этой экономической почвѣ можетъ объединить недовольныхъ и на этотъ разъ обратится противъ него. Толковъ и угрозъ словно не слыша и не замѣчая, императоръ Александръ по намѣченному пути продолжалъ слѣдовать неуклонно. Въ этихъ обстоятельствахъ, до послѣдней степени сложныхъ и трудныхъ, въ полномъ блескѣ проявились дарованія его чисто политической натуры: находчивость, быстрота въ рѣшеніяхъ, гибкость и самообладаніе». Собравъ обширный запасъ данныхъ по вопросамъ внутренней (преимущественно экономической) и внѣшней политики, прослѣдивъ отношенія императора Александра I къ обширному кругу лицъ, долженствующихъ выяснитъ всю фальшивость его тогдашней политической ситуации, авторы подводятъ читателей къ интереснѣйшей главѣ «Каносса», гдѣ описываютъ, какъ совершилось примиреніе Александра I съ дворянствомъ, его капитуляція передъ нимъ и тѣмъ самымъ сокрушеніе всѣхъ его былыхъ либеральныхъ мечтаній. «Собираясь воевать съ Наполеономъ, императора Александра озабочивала мысль: въ случаѣ военной неудачи, весьма вѣроятной, не повторятся ли событія смутнаго времени?—говорятъ они.— Отступая, согласно плану, въ глубь страны, русскія войска должны были очистить огромныя пространства государственной территоріи и передать ихъ въ полную власть непріятеля. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ правительства, дворяне-олигархи не захотятъ ли поставить свои условія? Не возстанутъ ли крѣпостные на кличъ свободы? Не произойдетъ ли бунта арміи, какъ въ 1801 году, дворцоваго переворота?» Таково было душевное состояніе Александра, и вотъ тутъ-то выступаетъ на сцену Ростопчинъ, который, такъ сказать, и является тѣмъ историческимъ звеномъ, соединившимъ царя съ руководящимъ сословіемъ и со всею Россіею. 15-го іюля 1811 г. состоялось въ Москвѣ представленіе государю сословій дворянскаго и купческаго, послѣ чего Александръ I уже ясно созналъ, что за нимъ въ его борьбѣ съ Наполеономъ стоитъ весь народъ и свою благодарность этому народу онъ символизировалъ лобзаніемъ, даннымъ Ростопчину. «Но это историческое лобзаніе, по словамъ авторовъ изслѣдованія, завершившее и запечатлѣвшее цѣлую эпоху, заключало въ себѣ не одни чувства признательности и восторга. Тутъ было униженіе передъ тѣми, кто, выставляя себя хранителемъ памяти загубленнаго отца, служилъ живымъ укоромъ его совѣсти. Тутъ было сокрушеніе и благородныхъ помысловъ обновленія и свободы, которые Лагарпъ внушалъ ему еще въ дѣтствѣ и которые такъ безжалостно разбила суровая дѣйствительность». Рѣшившись на кровопролитную войну и окончательно разорвавъ съ Наполеономъ и всѣми его экономическими и политическими доктринами, Александръ поставилъ точку

всѣмъ своимъ реформаторскимъ замысламъ и очутился въ Каносѣ у крѣпостническаго дворянства, а также помогъ во внѣшней политикѣ укрѣпиться эгоистической и экономической политикѣ Англїи. Континентальной системѣ былъ нанесенъ окончательный ударъ, и народы Европы, съ Александромъ I во главѣ, «цѣною собственной крови упрочивали морскую гегемонїю Англїи и, въ результатѣ, создавали себѣ другую зависимость, не менѣе тягостную и болѣе продолжительную: экономическое рабство». Сведя къ одному всѣ выводы отдѣльныхъ частей своей работы, авторы въ заключительной главѣ говорятъ: «Война 1812 года—результатъ взаимодействїя двухъ историческихъ принциповъ: мирового—борьбы Наполеона Исъ Англїею на почвѣ торговли—и мѣстнаго—столкнове- нїя отвлеченной универсальной доктрины съ бытовымъ укладомъ русскаго народа, сословнымъ и религіознымъ. Возникнувъ другъ отъ друга самостоятельно, эти процессы подъ конецъ слились и образовали противъ Наполеона могущественное общеевропейское теченіе. Событія развивались органически и съ послѣдовательностью математическою. Подобно искуснымъ шахматнымъ игрокамъ, Александръ I и Наполеонъ обдумывали положеніе на всѣ лады, и затѣмъ дѣлали соотвѣтствующіе ходы. Никакихъ произвольныхъ отклоненїй или тѣхъ «ошибокъ», которыми позднѣйшіе критики склонны объяснять неудачи великихъ людей, внимательному глазу въ ихъ игрѣ услѣдить невозможно. Передъ императорами Франціи и Россїи Англїя обладала огромнымъ преимуществомъ: она располагала свободно денежною наличностью. Между тѣмъ Александръ и Наполеонъ постоянно испытывали острую нужду въ деньгахъ. Съ цѣлью какъ-нибудь раздобыть денегъ они прибѣгали къ мѣрамъ, которыя шли въ разрѣзъ взаимно принятымъ обязательствамъ и нарушали установленную политическую систему. Эта погоня за наличными деньгами перессорила монарховъ и въ концѣ концовъ привела къ войнѣ.

«Съ тѣхъ поръ прошло столѣтїе. Нынѣ у Англїи появился новый антагонистъ—Германія. Въ экономическихъ условїяхъ Европы измѣнилось весьма многое. Въ различныхъ мѣстностяхъ—въ сѣверной Франціи, въ Бельгїи, Эльзасѣ, Вестфалїи, Силезїи, русской Польшѣ, Московской губ. и т. д. — возникли обширные фабричныя районы. Такимъ образомъ, зависимость континента отъ англїйскаго покупательнаго рынка въ значительной степени ослабѣла. Но, вслѣдствїе распространенїя денежнаго хозяйства и введенїя золотой валюты, въ той же мѣрѣ возросла и сила международнаго капитала, сосредоточїе коего попрежнему находится въ Англїи. Теперь, какъ и тогда, экономической факторъ раскололся на двѣ части. На сторонѣ Англїи — капиталисты, интересы казначейства, чиновники и военные, живущіе казеннымъ жалованьемъ, и вообще потребители. На другой сторонѣ — всѣ, кто задолжалъ: само государство, лица, недвижимости свои обременившія ипотеками, фабриканты, купцы-товаровладѣльцы и производители сырья: помѣщики и крестьяне.

«На что же рѣшится Россїя? Гдѣ равнодѣйствующая интересовъ непримимо противоположныхъ? Русскіе люди, хватить ли у нихъ ума и характера, чтобы, отвергнувъ искушенїе денегъ, проложить себѣ дорогу самобытную, отвѣчающую жизненнымъ интересамъ отечества? Или, *propter vitam vitae perdere fontes*, какъ ветхозавѣтный Исавъ, ради минутнаго насыщенья, завтрашній день съ легкимъ сердцемъ принесутъ они въ жертву сегодняшнему?...»

Итакъ, гг. Карцовъ и Военскій, воспользовавшись историческимъ опытомъ борьбы Александра и Наполеона, черезъ сто лѣтъ послѣ той приснопамятной эпохи, ставятъ нынѣ Россіи вопросъ: по пути какого политическаго сближенія итти ей: въ союзъ ли съ Англіей, или Германіей? И отвѣчаютъ, если не прямо, то достаточно понятно: въ союзъ съ своей ближайшей континентальной сосѣдкой. Этотъ выводъ, нельзя того не отмѣтить, ими слабо аргументированъ, брошенъ только какъ опредѣленная мысль, причемъ авторы не нашли нужнымъ попытаться изъ обзорѣнія событій столѣтней эпохи дать свое резюме относительно отношеній двухъ сосѣднихъ народовъ, вѣчный союзъ которыхъ имъ такъ желателенъ во имя блага родины, т. е. они поставили опредѣленный вопросъ, опредѣленное *prim desiderium*, но не дали ему обоснованія, покоящагося на соображеніяхъ современности, и для рѣшенія его воспользовались лишь тою суммою данныхъ, которая ими подчеркнута изъ давно минувшей эпохи, Отсюда слабость ихъ публицистической позиціи, спорность ихъ выводовъ, приводящая къ заключенію, что, пожалуй, ихъ послѣсловіе въ книгѣ излишне, или, по крайней мѣрѣ, требующая изданіе новой брошюры, гдѣ бы поднятый вопросъ былъ болѣе исторично разсмотрѣнъ, въ связи съ ходомъ всѣхъ событій XIX в., включая сюда и франко-русское сближеніе. Только изъ такой постановки дѣла можно будетъ судить, стала ли Россія на ошибочный путь, получивъ, наконецъ, возможность осуществить англо-русскій союзъ, или она поступила правильно, именно такъ, какъ о томъ, между прочимъ, мечталъ и Скобелевъ, категорически заявлявшій, что наша внѣшняя политика лишь тогда станетъ правильною, когда мы сблизимся съ тою страной, которая именно на протяженіи всего XIX ст. являлась нашею антагонисткою, о происки коей разбивались всѣ наши стремленія, какъ на Ближнемъ, такъ и Дальнемъ Востокѣ. Съ этою точкою зрѣнія авторы рецензируемой книжки, по видимому, не согласны, желаютъ ее опрокинуть, но дѣлаютъ это недостаточно обстоятельно, почему и читателю становится трудно рѣшить, гдѣ истина, кто правъ въ этомъ сложномъ, но важномъ вопросѣ. **В. Глинскій.**

К. Военскій. Отечественная война 1812 года въ запискахъ современниковъ. (Матеріалы военно-ученаго архива). Петербургъ. 1911 г.

Извѣстный изслѣдователь и знатокъ эпохи двѣнадцатаго года К. А. Военскій помѣстилъ въ концѣ прошлаго года въ «Военномъ Сборникѣ» рядъ статей подъ приведеннымъ выше названіемъ. Статьи эти только что выпущены отдѣльною книжкою, что даетъ возможность ознакомиться съ ихъ содержаніемъ не только сравнительно ограниченному кругу читателей военнаго журнала, но и вообще всѣмъ лицамъ, интересующимся приснопамятною годиною Отечественной войны.

Какъ справедливо замѣчаетъ издатель, среди вопросовъ, вызывающихъ наибольшее разногласіе въ исторіи этой войны, самое спорное мѣсто занимаетъ толкованіе Березинской операціи и тѣхъ ошибокъ, которыя допустили при этомъ командующіе отдѣльными арміями. Въ виду этого слѣдуетъ считать весьма удачнымъ подборъ матеріаловъ, сдѣланный г. Военскимъ: большинство

изъ нихъ касается именно Березинской операціи и связанныхъ съ нею событій. Авторами записокъ о ней являются генераль-лейтенантъ С. С. Малиновскій, генераль-отъ-артиллеріи И. К. Арнольди, генераль-майоръ Я. С. Храповицкій, генераль-отъ-кавалеріи графъ І. К. О'Руркъ, генераль-лейтенантъ Н. Г. Изюмовъ и полковникъ князь А. Б. Голицынъ. Записки генераль-лейтенанта И. Э. Эмме и «неизвѣстнаго» касаются блокады Риги и сдачи Москвы.

Книжка представляетъ собой очень большой интересъ, читается легко, матеріалъ живой, въ значительной мѣрѣ доступный обыкновенному читателю, а не только специалисту—военному историку.

Нашу неудачу въ Березинской переправѣ Малиновскій всецѣло приписываетъ адмиралу Чичагову, котораго упрекаетъ въ томъ, что тотъ, перейдя на лѣвую сторону р. Березины, не подкрѣпилъ авангарда, предоставивъ его самому себѣ, влѣдствие чего произошло беспорядочное отступленіе нашихъ войскъ. «А болѣе всего,—по выраженію этого автора записокъ,—сіе несчастное событіе навлекло на войска какое-то уныніе, котораго прежде никогда не ощущали, приобъихши только побѣждать». Малиновскій винитъ Чичагова и за то, что онъ оставилъ безъ защиты дорогу на Зембинъ и мосты черезъ рѣку Гайну; чѣмъ умѣло воспользовался неприятель; затѣмъ онъ недовѣрчиво отнесся къ донесеніямъ генерала Чаплица и не подалъ ему своевременной помощи и, наконецъ, не занялъ выгодныхъ позицій—Зембинской и при д. Стаховѣ, которыя могли сильно помѣшать отступленію Наполеона и дали бы возможность корпусу Витгенштейна сблизиться съ большой арміей.

Арнольди, напротивъ, въ своихъ запискахъ является безусловнымъ защитникомъ Чичагова, который, по его мнѣнію, при наличныхъ силахъ не могъ удержать переправу французовъ и дѣйствовалъ по указанію фельдмаршала и на основаніи свѣдѣній отъ Витгенштейна. Храповицкій хотя и признаетъ за Чичаговымъ недостатокъ инициативы, однако не считаетъ возможнымъ поставить въ вину исключительно ему наши неудачи. Онъ же приводитъ краткое, но весьма любопытное описаніе первой и послѣдней встрѣчи Кутузова съ Чичаговымъ въ Вильнѣ. Изюмовъ рассказываетъ о тяжеломъ походѣ Чугуевского уланскаго полка въ 1812 году.

Рижскій комендантъ, генералъ Эмме, рассказываетъ о сожженіи Петербургскаго и Московскаго предмѣстій Риги по приказанію военнаго генераль-губернатора Эссена, котораго авторъ изображаетъ въ довольно неприглядномъ видѣ. Наконецъ, записки князя А. Б. Голицына и «неизвѣстнаго» проливаютъ новый свѣтъ на событія, происходившія, главнымъ образомъ, послѣ Бородинской битвы.

Много живыхъ бытовыхъ чертъ встрѣчаемъ въ простыхъ, искреннихъ разсказахъ свидѣтелей знаменательныхъ событій двѣнадцатаго года. Нѣкоторые изъ нихъ поражаютъ своею реальностью и вырисовываютъ отдѣльные эпизоды во всемъ ужасѣ тяжелой войны. Вотъ, на примѣръ, нѣсколько словъ изъ записокъ Малиновскаго (стр. 26):

«Въ то время, когда я разилъ картечью по дорогѣ колонны французскія, въ 20 шагахъ отъ меня сбоку сидѣла кучка ихъ у огня и вырѣзала у умирающаго товарища своего мягкія части тѣла для пищи себѣ, за которыя тутъ же

двое, поссорившись, закололи одинъ другого, не обративъ на это ни малѣйшаго вниманія остальныхъ товарищей»... Въ теченіе 15 дней преслѣдованія французъ отъ Березины до Нѣмана подобныя этой сценѣ и даже ужаснѣйшія не оставляли являться намъ на каждой верстѣ почти»...

К. А. Военскій далъ дѣйствительно интересные и цѣнные матеріалы для исторіи Отечественной войны. Какъ серьезный и аккуратный изслѣдователь, онъ приложилъ къ своей книжкѣ два алфавитныхъ указателя: личныхъ именъ и войсковыхъ частей, упоминаемыхъ въ напечатанныхъ имъ запискахъ современниковъ. Не сомнѣваемся, что при возрастающемъ вниманіи русскаго общества къ эпохѣ 1812 года новая книжка о ней будетъ встрѣчена успѣхомъ.

В. Ж.

Отечественная война 1812 года. Матеріалы военно-ученаго архива генеральнаго штаба. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій. Боевыя дѣйствія войскъ. Т. XIV. Изданіе главнаго управленія генеральнаго штаба. Петербургъ. 1910 г.

Недавно вышелъ въ свѣтъ XIV томъ издаваемыхъ главнымъ управленіемъ генеральнаго штаба матеріаловъ по исторіи Отечественной войны 1812 года. Въ этомъ томѣ заключается переписка участниковъ войны, касающаяся боевыхъ дѣйствій въ іюль мѣсяцъ, когда волна Наполеонова нашествія, вторгшись въ наши предѣлы, докатилась до Смоленска. Всѣ документы, какъ и въ предыдущихъ томахъ, подраздѣляются на 11 отдѣловъ, касающихся разныхъ сторонъ войсковой жизни, боевыхъ дѣйствій и письменныхъ сношеній начальниковъ между собою, а также переписки государя съ Барклаемъ-де-Толли и съ другими генералами. Наиболѣе интересными представляются отдѣлы: 3-й—участіе въ боевыхъ столкновеніяхъ; 9-й—тайная агентура и 10-й—планы, проекты и мнѣнія, касающіеся военныхъ дѣйствій и политическихъ вопросовъ. При этомъ надо замѣтить, что не всѣ документы вошли въ настоящее изданіе; имѣющіеся въ военно-ученомъ архивѣ «журналы военныхъ дѣйствій», представляющіе громаднѣйшій интересъ для историка, не печатаются по мѣсяцамъ, въ виду того, что раздѣленіе на части могло бы нарушить цѣльность этихъ документовъ; ихъ предполагается напечатать цѣликомъ, въ хронологическомъ порядкѣ, по окончаніи всего изданія «Матеріаловъ».

Особенно интересна помѣщенная въ отдѣлѣ 10-мъ переписка императора Александра съ главнокомандующимъ Барклаемъ-де-Толли и съ другими генералами (Паулуччи, Сень-При, Винцингероде), веденная на французскомъ языкѣ. Какъ картинку, иллюстрирующую «изнанку» войны, приводимъ изъ письма Барклая къ государю слѣдующую жалобу его на атамана Платова: «Le général Platow, en qualité de commandant de troupes irrégulières, est revêtu d'un rang trop élevé, n'ayant pas assez de noblesse dans son caractère pour y répondre. Il est égoïste, devenu sybarite jusqu'à l'extreme. Ses cosaques, qui en effet sont très braves, ne répondent pas, sous sa conduite, à ce qu'ils devaient être. La nature de sa marche pour se réunir à la première armée en est une preuve. Il y a en des journées, où il n'a fait que 10 à 15 verstes, sans avoir vis-à-vis l'ennemi.

Dans ces circonstances il serait un bonheur pour l'armée, si V. M. J. jugeait à propos un pretexte plausible de l'en éloigner. Tel serait peut être celui de former de nouvelles troupes sur le Don ou de rassembler des regiments dans le Caucase, en lui accordant le titre de comte, et c'est qu'il ambitionne pour toute chose au monde. Son inactivité est telle, qu'il me faut avoir toujours un de mes aide-de-camp auprès de lui ou à ses avant-postes pour avoir soin de l'exécution de ce qui a été prescrit. Sire, j'ose vous demander l'accomplissement de cette mesure, puisqu'elle est devenue d'une nécessité absolue pour le bien du service» ¹⁾. На это письмо государь отвѣчалъ черезъ нѣсколько дней Барклаю, что онъ отзываетъ Платова въ Москву по поводу формировація новыхъ донскихъ полковъ.

Вообще настоящее издание нашего генеральнаго штаба представляетъ собою богатый матеріалъ для историческихъ изысканій, особенно цѣнный при наступающемъ столѣтіи Отечественной войны, а пользованіе имъ значительно облегчается приложеніемъ трехъ алфавитныхъ указателей: именного, географическаго и войсковыхъ частей и учреждений.

Л. Н.

«Великая реформа 19 февраля 1861 г. Сборникъ статей А. И. Яковлева, В. И. Семевского, В. Я. Уланова, В. Е. Чешихина-Вѣтринскаго. Изд. т-ва «Образованіе». 191 стр. 8 репродукцій съ картинъ, рисующихъ крестьянскую жизнь. Москва. 1911 г. Цѣна не обозначена.

Содержаніе названной книги далеко шире, чѣмъ можно было предположить, судя по заглавію ея, и состоитъ изъ 4-хъ статей, въ совокупности изображающихъ цѣликомъ весь процессъ зарожденія, развитія, вліянія и паденія крѣпостнаго права въ Россіи, этого «самаго насильственнаго процесса внутренней русской исторіи».

Въ первой статьѣ «Очеркъ исторіи крѣпостнаго права до половины XVIII вѣка» (именно съ зарожденія его до Петра III включительно) прив.-доц. А. И. Яковлевъ даетъ сжатую картину того, какъ крѣпостное право «при выжидательной и наблюдательной политикѣ московскаго законодательства» «осаживалось

¹⁾ Генералъ Платовъ занимающій высокой постъ начальника иррегулярныхъ войскъ, по недостатку благородства характера, не отвѣчаетъ своему назначенію: онъ эгоистъ и сибаритъ въ высшей степени. Его казаки, дѣйствительно, весьма храбрый народъ, не даютъ, подъ его командой, всего того, чего можно было бы отъ нихъ ожидать. Доказательствомъ тому можетъ служить его движеніе на соединеніе съ 1-ю арміею: были дни, когда онъ, не имѣя передъ собою непріятели, дѣлалъ по 10—15 верстъ. При такихъ условіяхъ, было бы счастьемъ для арміи, если бы В. И. В. нашли подходящий предлогъ для его удаленія изъ арміи, предложивъ ему формироваііе новыхъ полковъ на Дону или на Кавказѣ и даже пожаловавъ ему титулъ графа, чего, по своему самолюбію, онъ желаетъ больше всего на свѣтѣ. Его бездѣятельность такова, что мнѣ приходится держать при немъ или на его аванпостахъ своего адъютанта, чтобы имѣть увѣренность въ исполненіи данныхъ ему приказаній. Осмѣливаюсь просить васъ, государь, для пользы службы, объ исполненіи моей просьбы».

около крестьянина, как осаживается накипь, незаметно, медленно, но неизбежно» и как оно потом закрѣплялось «судорожными и отрывистыми усилиями» Петровскаго и послѣдующаго законодательства.

Вторая статья «Правительство, общество и народъ въ исторіи крестьянскаго вопроса во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», охватывающая періодъ времени съ царствованія Екатерины II до Николая I включительно, принадлежитъ извѣстному ученому изслѣдователю крестьянскаго вопроса В. И. Семевскому и составлена не только на основаніи его 2-томнаго труда «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», но и «многихъ новыхъ, не изданныхъ и печатныхъ матеріаловъ и позднѣе его появившихся сочиненій», что само по себѣ уже достаточно гарантируетъ солидность статьи.

Въ третьей статьѣ «Ходъ и исходъ крестьянской реформы» В. Я. Уланова живымъ языкомъ очень колоритно излагается самое содержаніе книги, опредѣляемое ея заглавіемъ. Къ сожалѣнію, конецъ статьи, рисующій положеніе крестьянскаго вопроса за послѣднія 50 лѣтъ послѣ реформы, «не могъ быть напечатанъ вслѣдствіе недостатка мѣста» (!), какъ странно объясняетъ редакція...

Въ послѣдней статьѣ В. Е. Чехихина-Вѣтринскаго «Отраженія крѣпостного права въ общественной мысли и литературѣ» изображается рядомъ характерныхъ черточекъ отношеніе къ факту рабовладѣнія какъ средняго уровня современнаго общества, такъ и передовыхъ его представителей. Хотя г. Яковлевъ, авторъ первой статьи, утверждалъ, что нравственный протестъ противъ крѣпостного права «развился у насъ только со времени Екатерины II и только съ ея эпохи народился у насъ крѣпостной вопросъ, т. е. признаніе крѣпостныхъ отношеній нравственно и юридически ненормальными и предприняты были вытекавшіе изъ этого признанія поиски выхода» (см. 26 стр.), но въ этой послѣдней статьѣ Вѣтринскаго можно найти факты, удостовѣряющіе, что проблески такого нравственнаго протеста замѣчались еще въ концѣ XVII вѣка.

Не говоря уже о томъ, что еще Юрій Крижаничъ, принимаемый В. Ключевскимъ какъ одинъ изъ «показателей» настроенія русскаго общества въ XVII в., называлъ отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ «людодержствомъ», мы видимъ, что кн. В. В. Голицынъ (1643—1714) высказывалъ мечту объ освобожденіи крестьянъ; а первый русскій экономистъ Иванъ Посошковъ (1670—1726) писалъ, что помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ «бремена неудобноносимыя» и въ поискахъ выхода находилъ за лучшее точно опредѣлить права помѣщиковъ и повинности крестьянъ.

Въ общемъ этотъ сборникъ, по замыслу и выполненію, представляя довольно полную исторію крѣпостного права съ его колыбели до могилы и также картину его вліянія на общественное сознаніе, является подходящимъ руководствомъ для средняго читателя, чтобы разобраться и осмыслить въ общихъ чертахъ тотъ великій фактъ, 50-лѣтній юбилей котораго только что пережить.

А. Н—въ.

На зарѣ крестьянской свободы. Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій. Кіевъ. 1911. 238 страницъ текста и два приложенія: I) карта надѣловъ на душу, II) карта распредѣленія общиннаго и подворнаго крестьянскаго землевладѣнія. Цѣна 1 р.

Книга профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго составлена изъ ряда публичныхъ лекцій, читанныхъ имъ въ различное время по вопросу о крѣпостномъ правѣ въ Россіи. Причина появленія въ печати этихъ лекцій не требуетъ объясненій, настолько она понятна въ дни, когда Россія отпраздновала радостный юбилей освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Цѣль книги, по словамъ самого автора: «изложить сдѣланные наукой выводы и ознакомить слушателей съ находящимся въ научномъ обращеніи матеріаломъ».

Въ противоположность усвоенному многими сочинителями и учеными обычаю придавать трудамъ своимъ рѣзкій характеръ, характеръ личной злобы, черезъ призму которой и разсматривается ими то или иное явленіе, Довнаръ-Запольскій въ достаточной мѣрѣ объективно излагаетъ исторію крѣпостного права, исторію, полную ужаса. Объективность, однако, не умаляетъ, а скорѣе даже увеличиваетъ впечатлѣніе: множество приводимыхъ фактовъ говорятъ сами за себя и краснорѣчивѣе громкихъ общихъ фразъ.

Въ первой главѣ читатель вкратцѣ знакомится съ происхожденіемъ и установленіемъ крѣпостного права въ Россіи, съ его историческимъ развитіемъ. Особенно же пространно разобрано положеніе крѣпостныхъ крестьянъ по закону, т. е. законодательнымъ актамъ, юридически, и въ дѣйствительности, въ повседневной жизни, по волѣ собственниковъ-помѣщиковъ; разобрана законодательная дѣятельность этихъ крѣпостниковъ-вотчинниковъ и экономическое положеніе крѣпостного крестьянства; цѣлымъ рядомъ примѣровъ выясняется взаимное отношеніе владѣльцевъ и подневольныхъ, помѣщиковъ и крѣпостныхъ, крестьянъ и дворовыхъ; изъ примѣровъ составлена живая картина, изображающая русское былое, болѣе или менѣе извѣстное каждому, знакомому съ прошлымъ своей родины.

Глава о противникахъ и защитникахъ крѣпостного права въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ останавливаетъ вниманіе: какъ и всегда бывало, каждый думалъ, что правъ, со своей точки зрѣнія, думалъ съ горячностью, съ убѣжденіемъ!

Удѣлено вниманіе и общему настроенію наканунѣ реформы, настроенію крестьянской массы и владѣльцевъ.

Ходъ реформы описанъ сжато и законченъ знаменательными начальными словами манифеста 19-го февраля 1861 года. **Т. О.**

Матеріалы по крѣпостному праву. Саратовская губернія. Изданіе саратовской губернской ученой архивной комиссіи. Саратовъ. 1911. Стр. 2 нн. + IX + 23 + 196 + 29 + 52 + 16. Цѣна 1 р. 25 к.

Книжка, заглавіе которой мы только что привели, представляетъ собою рѣдкое и цѣнное явленіе, свидѣтельствующее о большой работоспособности представителей нашихъ провинціальныхъ историко-археологическихъ об-

щество—ученых архивных комиссий. Изданные «въ память 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ» саратовской архивной комиссіей и, видимо давно уже въ ней собиравшіяся, «Матеріалы по крѣпостному праву» сообщаютъ многочисленные данныя о заселеніи Саратовскаго края землевладѣльцами, о количествахъ ихъ владѣній, о положеніи оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ, объ «исканіи» свободы и побѣгахъ послѣднихъ, взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ и вообще о крестьянско-помѣщичьемъ бытѣ за первую половину XIX столѣтія. «Матеріалы» эти новы и интересны не только для Саратовскаго края, но и вообще для выясненія цѣлаго ряда подробностей помѣщичьяго быта того времени, такъ какъ доселѣ опубликованныя данныя по этому вопросу почти исключительно уголовного характера, съ своею однообразною окраскою.

Центральное мѣсто среди «Матеріаловъ» должна занимать обширная работа Н. Ф. Хованскаго—«Помѣщики и крестьяне Саратовской губерніи», составленная на основаніи многочисленныхъ историческихъ сочиненій, преимущественно по Саратовской губерніи, и рукописныхъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ мѣстныхъ архивовъ, въ томъ числѣ и воспоминаній крѣпостныхъ и дворовыхъ, и архива правительствующаго сената. О содержаніи этой работы наглядно свидѣтельствуютъ уже самыя заголовки ея отдѣловъ: 1) Заселенія края, 2) Сельскіе жители, 3) Исканіе свободы отъ помѣщиковъ, 4) Исканіе свободы отъ купцовъ, мѣщанъ и прочихъ лицъ, 5) Бѣгство крестьянъ отъ помѣщиковъ, 6) Передъ волею, 7) Послѣ воли, и 8) Кой-что о саратовскихъ помѣщикахъ. Не вдаваясь поэтому въ подробности содержанія, мы ограничимся лишь маленькою выпиской изъ послѣдняго отдѣла. Изъ 2,600 саратовскихъ помѣщиковъ, владѣвшихъ (въ половинѣ XIX ст.) 350.000 ревизскихъ душъ и большей половиной всей пахотной земли Саратовской губерніи, свыше 3½ миллионвъ кв. десятинъ, было, повидимому, не очень много «свѣтлыхъ личностей», такъ или иначе способствовавшихъ облегченію тяжелаго положенія своихъ крестьянъ. По крайней мѣрѣ, Н. Ф. Хованскій говоритъ о «немногихъ». Поставивъ среди нихъ на первомъ мѣстѣ кузнецкаго дворянина, извѣстнаго автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», А. Н. Радищева, онъ называетъ лишь слѣдующихъ лицъ: извѣстнаго юриста и археолога, сердобскаго помѣщика Н. В. Калачова, какъ много потрудившагося въ главномъ комитетѣ по составленію положенія о крестьянахъ; князя Васильчикова, бывшаго мировымъ посредникомъ; П. П. Слѣпцова, также мирового посредника; князя В. А. Щербатова, губернскаго предводителя дворянства; Булыгина, помогшаго крестьянамъ въ голодный 1848 годъ, и С. П. Поливанова, «на свои средства поддерживавшаго сельскую школу».

Далѣе, интересныя данныя находимъ въ «Запискахъ мирового посредника» за 1861—1864 г. г., А. Н. Мина, одного изъ старѣйшихъ и наиболѣе видныхъ историковъ Саратовскаго края, и «Матеріалахъ изъ архива мировыхъ посредниковъ Аткарскаго уѣзда», которые тѣмъ болѣе цѣнны, что архивы мировыхъ посредниковъ очень мало гдѣ уцѣлѣли или же тлѣютъ никѣмъ не разсматриваемые.

Въ статьѣ «Хозяйство и распорядки крупныхъ саратовскихъ помѣстій въ старину» заключается весьма рѣдкій матеріалъ для сужденія о подробно-

стяхъ внутренняго крестьянско-помѣщичьяго быта и о той заботливости, которую проявляли къ своимъ крестьянамъ единичные помѣщики. Матеріаль этотъ состоитъ изъ выдержекъ изъ «Отчета управляющаго имѣніями княгини М. В. Кочубей за 1838 г.» (по рукописи А. М. Фадѣева) и «Общаго обзора моихъ имѣній». Последнее произведеніе принадлежитъ перу балашовскаго помѣщика, Александра Николаевича Львова, дѣда депутата государственной думы, Н. Н. Львова. Поселившись въ 1830-хъ годахъ въ Бобылевкѣ, А. Н. Львовъ, камергеръ и зять извѣстнаго адмирала и члена государственнаго совѣта Н. С. Мордвинова, «съ увлеченіемъ занялся сельскимъ хозяйствомъ и устройствомъ быта своихъ крестьянъ: соорудилъ «весьма оригинальной, необычайной для русской деревни, архитектуры» большую церковь, положилъ начало организации медицинской помощи крестьянамъ, ввелъ въ обиходъ посѣвъ картофеля, распространялъ постройку каменныхъ избъ, «учредивъ для этого особый капиталъ, установилъ для своихъ крестьянъ «общественныя запашки» и даже организовалъ для нихъ «общественный заемный банкъ, функционировавшій болѣе 20 лѣтъ».

Въ заключеніе укажемъ на статью г. А. Лебедева, которою открывается, послѣ вступительной, такъ сказать, редакціонной замѣтки г. А. П. «Императоръ Александръ II и освобожденіе крестьянъ», содержаніе «Матеріаловъ по крѣпостному праву». Въ ней авторъ пытается рѣшить вопросъ: «Съ какого года въ Россіи началось крѣпостное право», и приходитъ къ раздѣляемому въ послѣднее время учеными заключенію, что крѣпостничество «зародилось у насъ задолго до Бориса Годунова». На нашъ взглядъ, г. А. Лебедевъ напрасно трудился надъ изслѣдованіемъ уже извѣстныхъ источниковъ и пособій. Поднятый имъ вопросъ довольно широко разработанъ въ послѣдней работѣ профессора Д. Я. Самоквасова—«Архивный матеріаль. Новооткрытые документы помѣстно-вотчинныхъ учрежденій Московскаго царства. Т. II. (М. 1909). Въ видѣ предисловія къ этимъ документамъ находимъ обширную статью счастливаго изыскателя: «Крѣпостное право древней Россіи по новооткрытымъ документамъ», гдѣ предлагается разборъ всѣхъ прежнихъ теорій происхожденія крѣпостнаго права и на основаніи новыхъ актовъ исполнительнаго помѣстно-вотчиннаго дѣлопроизводства, открытыхъ въ сборникахъ бывшаго архива помѣстнаго стола новгородской сѣвзжей избы, устанавливается, по нашему мнѣнію, наиболѣе правильная теорія происхожденія крѣпостнаго права на Руси. Резюме работы Д. Я. Самоквасова было сообщено нами и на страницахъ «Историческаго Вѣстника», въ особой замѣткѣ: «Къ вопросу о происхожденіи крѣпостнаго права въ Россіи» (1910 г., № 5).

В. Рудаковъ.

Б. Адамовичъ. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ л.-гв. Кексгольмскаго императора австрійскаго полка. 1910. Т. I. XII+406 стр. Т. II. V+507 стр. Т. III. VI+528 стр.

Б. В. Адамовичъ, давно извѣстный въ военной литературѣ, какъ ревнивый собиратель въ теченіе болѣе десяти лѣтъ матеріаловъ для исторіи л.-гв. Кексгольмскаго полка, нынѣ выпустилъ въ свѣтъ эти матеріалы, занимающіе 1500 печатныхъ страницъ и обнимающіе время съ Петра Великаго до 1825 г.

Просвѣщенная любовь къ исторіи и достойное подражанія усердіе къ розысканію старины родного полка дали возможность полковнику Адамовичу съ честью выполнить свою безвозмездную работу. Безусловно, изданіе подобныхъ документовъ должно быть отмѣчено историческою наукою. Собиратель не пошелъ по избитому, трафаретному пути нашихъ полковыхъ историковъ, весьма перѣдко домашняго приготвленія. Онъ не набралъ выписокъ изъ сухого Богдановича или сказочника Михайловскаго-Данилевскаго, болѣе «дипломата», чѣмъ историка. Онъ не издалъ текстуальной исторіи полка, гдѣ могли бы, согласно принятому обычаю, слѣдовать пересказы о такихъ-то и такихъ-то войнахъ. Какъ челоѣка разумнаго, просвѣщеннаго, ненавистника шаблона и рутины, Адамовича не удовлетворила бы подобная исторія. И теперь передъ нами только матеріалы. Достойно особой отмѣтки, что три объемистыхъ книги изданы офицерами полка на ихъ средства. Это—отрадное явленіе.

Адамовичъ раздѣлилъ свой трудъ на части по царствованіямъ, причемъ придавъ своеобразное заглавіе каждой части, называя ихъ службою такому-то государю. Опущено только царствованіе Павла I.

Передавать оглавленіе помѣщенныхъ Адамовичемъ матеріаловъ, даже главнѣйшихъ, немислимо. Конечно, наибольшую исторіографическую цѣнность имѣютъ многочисленныя «сказки» о чинахъ полка Петровскаго времени. Къ Петровскому же времени относятся матеріалы о возбужденіи дѣла противъ полковника Лутковскаго по сооруженію канала вокругъ адмиралтейства и по постройкѣ военной коллегіи. Интересны результаты существовавшей прежде баллотировки въ чины, когда офицеры-однополчане клали баллы—«достойные, недостойные, сомнительные». Крайне любопытно письмо М. Б. Барклая-де-Толли, писанное имъ графу Остерманъ-Толстому 25 сентября 1812 г. по поводу оставленія имъ арміи. Барклай просилъ здѣсь сохранить ему дружбу, ибо «благорасположеніе со стороны истиннаго патріота» было для него всего дороже; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ объявить войскамъ, что ему грустно было съ ними разстаться и онъ былъ готовъ умереть съ ними.

Большія выписки приведены изъ эпохи военныхъ поселеній. Онѣ уносятъ читателя въ то казарменное время, когда все полагалось дѣлать по расписанію, даже думать и зѣвать. Хозяйственный глазъ Аракчеева виденъ въ каждой мелочи, но эта мелочь заставляетъ признать за безъ лести преданнымъ графомъ раба регламентаціи, формальности. Поразительно, какъ могли несчастные кантонисты буквально все продѣлывать по командѣ и по приѣмамъ—вытирать тряпкою грифельныя доски, вставать со скамеекъ и пр.

Повторяя еще разъ о крайнемъ интересѣ сборника Б. В. Адамовича не только для однихъ военныхъ читателей, выскажу только одно сожалѣніе—объ отсутствіи указателя, приданіе котораго могло бы еще увеличить цѣнность его матеріаловъ. Полкъ же, для котораго такъ много и такъ просвѣщенно потрудились собиратель, долженъ быть ему весьма и весьма обязаннымъ. Къ сожалѣнію, такіе работники и архивисты, какъ Б. В. Адамовичъ, рѣдки и не встрѣчаются въ каждой воинской части.

М. С.

Alexandre Popoff, père. La question des lieux saints de Jerusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIX siècle. I—(1800—1850) et 2—partie (1851—1853). In 8°. 360 + 762. St.-Petersbourg. 1910—1911.—
О. Александръ Поповъ. Вопросы о святыхъ мѣстахъ Иерусалима по русской дипломатической перепискѣ въ XIX в.

Подъ означеннымъ заглавиемъ о. протоіереемъ Александромъ Поповымъ напечатана дипломатическая корреспонденція, касающаяся св. мѣстъ Иерусалима за 1800—1853 г.г. Эта переписка представляетъ собою два довольно объемистыхъ тома, заключающихъ въ себѣ свыше 800 документовъ. Большинство изъ нихъ написано на французскомъ языкѣ и лишь очень немногіе на русскомъ.

Обнимая своимъ содержаніемъ первую половину XIX в., эта переписка касается одного изъ наиболее большихъ вопросовъ христіанской политики. Самое значеніе этого вопроса вполне точно выяснено авторомъ въ предисловіи къ его труду. «Вопросъ о св. мѣстахъ—самый важный, самый жизненный, единственный, который приковываетъ вниманіе всѣхъ обитателей св. града Иерусалима. Не только христіане, но также и мусульмане заинтересованы его исторіей. Этотъ вопросъ не новъ для св. града: со времени крестовыхъ походовъ исторія Иерусалима вращается вокругъ этого главнаго вопроса, и всѣ другіе интересы отодвинуты на задній планъ. Всѣ усилія различныхъ христіанскихъ общинъ направлены къ пріобрѣтенію того или иного св. мѣста. Отсюда возникаетъ ожесточенная борьба за обладаніе св. мѣстами между представителями различныхъ христіанскихъ исповѣданій, но главнымъ образомъ между православными, католиками и армянами.

Всѣ средства хороши для спорящихъ сторонъ: ложь, клевета, подкупъ, драки, ссоры съ оружіемъ въ рукахъ, убійства—все терпимо, и это длится вѣками...

Но въ XIX в. эта борьба особенно обострилась, и взаимныя отношенія народностей были отравлены неумолимой ненавистью и обоюдными нападеніями. Тяжба между христіанскими исповѣданіями по поводу св. мѣстъ Иерусалима не ограничилась предѣлами св. земли: она была перенесена на берега Босфора. Въ Константинополь каждая партія старается найти помощь и протекцію: католики—у посланника Франціи, греки—у русскаго, армяне—у своихъ единовѣрцевъ, многочисленныхъ придворныхъ, окружающихъ султана. Такимъ образомъ, этотъ вопросъ, перенесенный въ канцеляріи посольствъ въ Константинополь, становится предметомъ дипломатической переписки. Въ самомъ дѣлѣ посланники Россіи при Портѣ, которые прежде поднимали свои голоса по этому вопросу лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, въ XIX в. посвящаютъ особое вниманіе дѣламъ Иерусалима, не щадя ни времени, ни силъ для разъясненія этого мучительнаго вопроса. Они его знаютъ уже не черезъ грековъ, но непосредственно черезъ своихъ агентовъ—русскихъ консуловъ въ Сири: въ Бейрутѣ, Яфѣ и Иерусалимѣ. Такимъ образомъ, развитіе вопроса о св. мѣстахъ, сдѣлавшись предметомъ интернаціональной дипломатической переписки, переносится изъ Иерусалима въ Константинополь. Россійское посольство въ Турціи, внимательно слѣдя за означеннымъ вопросомъ въ послѣдовательныхъ фазахъ и принимая

весьма дѣятельное участіе въ его разрѣшеніи, дѣлало сообщенія о всякой частности своему правительству чтобы поставить его въ извѣстность о всѣхъ деталяхъ.

Эти донесенія русскихъ посланниковъ въ Константинополь и инструкции, посылаемыя въ отвѣтъ русскимъ правительствомъ, представляютъ собою матеріалъ огромной научной цѣнности и заключаютъ съ собою документы, имѣющіе особое значеніе съ точки зрѣнія изслѣдованій, касающихся вопроса о св. мѣстахъ въ XIX в.

До сего времени означенная русская дипломатическая переписка еще не появлялась въ печати, оставаясь въ различныхъ правительственныхъ архивахъ и въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ—какъ въ петербургскомъ, такъ и въ московскомъ (до 1852 г. включительно).

Подобныя же изслѣдованія производились авторомъ и въ архивѣ св. синода. Въ общемъ переписка издана вполне удовлетворительно. Рисунки, помѣщенные въ 1-мъ томѣ, сдѣланы отчетливо. Алфавитный указатель и оглавленіе, которыхъ не помѣщено въ первыхъ двухъ томахъ, по заявленію автора, будутъ приложены къ 3-й части.

Ан. Титовъ.

М. Лахтинъ. Старинные памятники медицинской письменности. Стр. XXVIII+1+170. Записки московскаго археологическаго института. Москва. 1910 г.

М. Лахтинъ, приватъ-доцентъ исторіи медицины при московскомъ университетѣ и одинъ изъ основателей и редакторовъ «Трудовъ каѳедры исторіи и энциклопедіи медицины», выпустилъ цѣнный трудъ подъ заглавіемъ: «Старинные памятники медицинской письменности».

Въ общемъ обзорѣ разсматриваются содержаніе и происхожденіе рукописныхъ народныхъ лечебниковъ-травниковъ, служившихъ въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка главнымъ кладземъ медицинскихъ знаній. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе лечебника, хранящагося въ московской патріаршей библіотекѣ подъ № 481, и, наконецъ, дословный текстъ этого лечебника. Въ заключеніе М. Лахтинъ подробно останавливается на 3-хъ имѣющихся у него спискахъ Вертограда и сравниваетъ съ ихъ Вертоградомъ 1672 г. (Hortus Amoenus), напечатаннымъ профессоромъ Флоринскимъ.

Лечебники составляютъ одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ дошедшихъ до насъ рукописныхъ памятниковъ. Необходимо, однако, отмѣтить, что пестрое содержаніе лечебниковъ очень мало соотвѣтствуетъ ихъ специальному названію. Описаніе способовъ приготовленія лекарствъ и примѣненія ихъ при различныхъ страданіяхъ составляетъ только преобладающее, а не единственное содержаніе лечебниковъ. Обширные отдѣлы посвящены вопросамъ домоводства, скотоводства и проч. Напр., 731 глава лечебника № 481 указываетъ средство «Коли капусту червь ясть и поргить», 748 гл.: «Аще хошь клопы вывести изъ избы»; 747 гл.: «Хто животину купить приводную мерина или корову».

20*

Въ медицинскомъ отношеніи лечебники едва ли могутъ представлять большой интересъ. Они представляютъ собою своеобразную амальгаму наивныхъ народныхъ воззрѣній съ обрывками господствовавшихъ въ то время медицинскихъ ученій. Большинство способовъ леченія мало дѣйствительны, нѣкоторые же прямо поражаютъ насъ своею наивною фантастичностью. Напримѣръ, въ 223 гл. указывается, какъ надо поступать «аще у кого на головѣ волосы нѣтъ: возьми коневье чрево, да козловое чрево, да столки съ деревяннымъ масломъ, мажи голову гораздо, да обяжи платомъ, ино въ три дни волосы вырастутъ». 210 гл.: «Отъ знобу глаголи: «Божія лиса боровалася», глаголи 3, по ознобу чертя рукою или надъ масломъ молвити, также рукою чертите», гл. 284: «Аще кого песь укуситъ бѣшенный, и тотъ человекъ возреть въ зеркало, аще ли узритъ стѣнь песью, тотъ умретъ, аще ли увидитъ свою стѣнь, то живъ будетъ». Однако лечебники рисуютъ намъ яркую картину народныхъ воззрѣній на строеніе человѣческаго организма и его функціи въ нормальномъ состояніи и при патологическомъ отклоненіи отъ нормы. Въ этомъ отношеніи печатаемый лечебникъ представляетъ неизсякаемый источникъ народной мудрости, онъ достаточно ясно указываетъ, что орудіемъ въ борьбѣ съ болѣзнями является не народная наблюдательность, давшая лишь единичныя открытія, а тотъ методъ положительнаго знанія, который въ теченіе сравнительно короткаго времени на много подвинулъ человѣчество впередъ. Но повторяю—для пониманія народной души, народныхъ вѣрованій и воззрѣній въ XVII вѣкѣ трудъ г. Лахтина представляетъ совершенно исключительный интересъ.

В. Клейнъ.

Протоіерей С. Петровскій. Н. И. Пироговъ въ Севастополѣ. (Къ 100-лѣтію со дня рожденія). Отд. отт. изъ XXIX т. Записокъ императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. Стр. 32.

Очеркъ прот. Петровскаго умѣло и интересно составленъ на основаніи севастопольскихъ писемъ Н. И. Пирогова, записокъ и воспоминаній современниковъ. Все, о чемъ говоритъ очеркъ, было извѣстно и раньше, но есть вещи и явленія, о которыхъ нужно неустанно, постоянно твердить, чтобы они, наконецъ, вошли въ сознаніе, утвердились, научили кого слѣдуетъ, какъ надо дѣлать серьезное дѣло. Въ то время, какъ въ Севастополѣ тысячами гибли русскіе воины, Пироговъ, міровая извѣстность, какъ милостыни просилъ разрѣшенія послать его на театръ военныхъ дѣйствій, и если бы не участіе великой княгини Елены Павловны, то, быть можетъ, Пироговъ и не добился бы своего. Сколько энергіи и труда пришлось затратить Пирогову, чтобы отстоять трудъ сестеръ милосердія на театрѣ военныхъ дѣйствій. Сколько грязныхъ намековъ, сколько подозрѣній и недовѣрія пришлось испытывать Пирогову, какъ организатору женской медицинской помощи. Меншиковъ даже не воздержался, чтобы не сказать по адресу сестеръ Крестовоздвиженской общины: «Будетъ ли-съ толкъ отъ нихъ? Чтобы не сдѣлать-съ послѣ еще 3-го, сифилитическаго отдѣленія въ госпиталь-съ». Между тѣмъ, кто учтетъ, какую великую пользу принесли онѣ страждущему и за чужіе грѣхи расплачивающемуся

воину. Раненый воинъ умираетъ съ радостнымъ сознаниемъ, съ улыбкой на устахъ, ибо послѣдній часъ его земного существованія скрашивала проникнутая христіанскимъ смиреніемъ и великой любовью женщина-сестра, склонившись у изголовья воина!.. Много печальнаго видѣлъ Пироговъ въ Севастополѣ: недостатокъ во врачебной помощи, медикаментахъ, бѣльѣ для больныхъ и раненыхъ, «горькая нужда, славянская беззаботность, медицинское невѣжество, татарская нечисть соединились вмѣстѣ въ баснословныхъ размѣрахъ», «безъ подстилокъ, безъ покрывшекъ, въ шинеляхъ, надѣтыхъ на рубашки... въ путь на дѣлую недѣлю... ночуй подъ открытымъ небомъ», на снѣгу, на морозѣ; въ городѣ были «большія конюшни, въ которыхъ больные, какъ свиньи въ грязи, валялись вмѣстѣ съ умершими», а губернаторъ въ это время занималъ слишкомъ большое помѣщеніе, въ половинѣ котораго можно было помѣстить хорошій госпиталь. «Холодный и немилосердный къ страждущимъ» главнокомандующій только насмѣшливо улыбался, когда ему жаловались на нужды и лишенія, ни разу не пришелъ въ госпитали къ страждущимъ и больнымъ. Возмутительное отношеніе госпитальной администраціи къ дѣлу транспортированія больныхъ и раненыхъ вызываетъ гнѣвъ и раздраженіе Пирогова, онъ пишетъ записки, проситъ, умоляетъ, его любезно слушаютъ, соглашаются и только. Официальное отношеніе къ дѣлу, «низкая ложь безъ стыда», вотъ что встрѣчалъ на каждомъ шагѣ Пироговъ въ историческіе севастопольскіе дни. Когда больные умирали отъ холода, отъ сырости, валялись въ лужахъ, въ это время добродѣтельное комиссаріатство, опасаясь излишней отчетности, не распаковывало тюковъ, въ которыхъ хранились 4000 одѣялъ!?. «Въ военномъ дѣлѣ,—говоритъ Пироговъ,—я не судья, и самъ лукавый ихъ разберетъ, что они дѣлаютъ и что думаютъ дѣлать, да еще и думаютъ ли—вопросъ. Одинъ другому завидуетъ и другъ другу ногу подставляетъ... Но что всего хуже, это раздоры и интриги между нашими военначальниками». При такихъ нравахъ и пониманіи отвѣтственности едва ли можно было рассчитывать на побѣду; вполне понятной становится севастопольская катастрофа и послѣдовавшее за ней униженіе Россіи. Вдумайтесь въ то, о чемъ говоритъ Пироговъ, скажите, много ли измѣнилось съ тѣхъ поръ? А въ злополучную японскую войну не повторилось въ большихъ размѣрахъ то печальное, свидѣтелемъ чему былъ въ Севастополѣ Пироговъ?!

Какъ великій умъ, Пироговъ узрѣлъ основную причину севастопольскаго несчастія; онъ понялъ, что сначала нужно воспитать человѣка и гражданина, что безъ этого государство не можетъ выносить безболѣзненно историческихъ испытаній. Пироговъ опредѣлилъ новый путь историческаго служенія своего; оставивъ врачеваніе тѣлесныхъ недуговъ, онъ сталъ думать и размышлять о лучшихъ формахъ и путяхъ врачеванія душъ.

Очеркъ прот. Петровскаго съ пользой будетъ прочитанъ многими; можетъ, кто-нибудь серьезно задумается надъ тѣми печальными язвами, которыя разъѣдали государственный организмъ полвѣка назадъ, и, къ прискорбію, продолжаютъ и по настоящую минуту свою разрушительную работу.

С. Аваліани.

Отчетъ императорской археологической комиссіи за 1907 г. Съ 134 рис. въ текстѣ. Спб. 1910. Стр. 157.

Отчетъ комиссіи въ I своемъ отдѣлѣ обнимаетъ дѣятельность ея, какъ исключительно ученаго учрежденія, подарившаго въ 1907 г. русской археологіи рядъ крупныхъ научныхъ изслѣдованій, путемъ производства раскопокъ въ разныхъ районахъ нашего обширнаго государства. Не вдаваясь въ подробности работъ комиссіи, о чемъ скажу въ очеркахъ о дѣятельности археологическихъ учреждений, здѣсь отмѣчу только богато иллюстрированный отчетъ Б. В. Фармаковского о раскопкахъ древней Ольвіи — нашей русской Помпеи, ярко свидѣтельствующій о тѣхъ быстрыхъ шагахъ, которыми двинулась впередъ отечественная археологія. II отдѣлъ заключаетъ иллюстрированное научное описание приобрѣтенныхъ случайныхъ находокъ, среди которыхъ богатствомъ композицій обращаютъ на себя вниманіе сассанидскія блюда изъ Климовскаго кладя Соликамскаго уѣзда Пермской губ. Въ отдѣлѣ III содержится списокъ учреждений и лицъ, которымъ комиссія въ отчетномъ году выдала открытые листы на производство раскопокъ на казенныхъ и общественныхъ земляхъ, и перечень вопросовъ, рассмотрѣнныхъ въ теченіе года, о реставраціи, ремонтахъ, сохраненіи и упраздненіи старинныхъ памятниковъ зодчества. Отчетъ снабженъ подробными таблицами распредѣленія открытыхъ въ 1907 г. древностей по губерніямъ и именнымъ, географическимъ и предметнымъ указателями, а также указателемъ рисунковъ, помѣщенныхъ на страницахъ отчета.

А. Мировъ.

Проф. А. А. Бронзовъ. Протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ. Воспоминанія. Спб. 1911.

Протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, скончавшійся 13 іюня 1910 г. на 85 году жизни, былъ, безспорно, крупнымъ историческимъ дѣятелемъ, заявившимъ себя разнообразными и весьма важными заслугами на пользу церкви и родины. И только исторія по достоинству вполнѣтвѣдствіи оцѣнитъ этого выдающагося русскаго ученаго и общественнаго дѣятеля и воздастъ ему должное за его разносторонніе и полезные труды. Для этой будущей исторической оцѣнки важное значеніе имѣютъ характеристики, воспоминанія и наблюденія современниковъ покойнаго о. протопресвитера; особенно изъ среды вышеозначенныхъ его учениковъ и сотрудниковъ. Съ этой точки зрѣнія очень полезной нужно признать отмѣченную книгу А. А. Бронзова, профессора петербургской духовной академіи. Извѣстно, что почти вся жизнь протопресвитера І. Л. Янышева прошла или въ непосредственной, или соприкосновенной его близости къ петербургской духовной академіи, гдѣ высоко цѣнили этого крупнаго дѣятеля, какъ это видно и изъ его характеристики, начертанной въ книгѣ профессора академіи А. А. Бронзова. Первый магистръ петербургской духовной академіи выпуска 1849 года, талантливый ея бакалавръ по кафедрѣ физико-математическихъ наукъ, блестящій профессоръ богословія и философіи въ петербург-

скомъ университетѣ, выдающійся по просвѣщенности и энергіи представитель русской церкви за границей, въ должности настоятеля русскихъ храмовъ въ Висбаденѣ и Берлинѣ, почившій протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ въ ноябрѣ 1866 года былъ назначенъ ректоромъ и профессоромъ петербургской духовной академіи. Въ теченіе семнадцати лѣтъ І. Л. былъ представителемъ и вождемъ родной академіи и золотыми буквами неизгладимо начерталъ свое имя въ ея исторіи. Это былъ авторитетный руководитель въ строго-научной постановкѣ академическаго преподаванія, компетентный судья и цѣнитель молодыхъ профессорскихъ силъ въ ихъ ученой дѣятельности, одушевленный вдохновитель на продуктивный научно-богословскій подвигъ, энергичный поборникъ преобразованія и дѣятельности академіи въ интересахъ сообщенія учащимся строго-научнаго богословскаго знанія во всѣхъ его главныхъ и соприкосновенныхъ отрасляхъ, цѣльный и твердый организаторъ всего внутренняго строя академіи въ соответствіи съ высокими основными ея задачами. Какъ профессоръ, о. І. Л. приобрѣлъ всеобщую извѣстность созданной имъ системою нравственнаго богословія, которая по своимъ научнымъ методамъ, изысканіямъ и выводамъ составила эпоху въ исторіи нравственнаго богословія въ Россіи, положила начало новой у насъ разработкѣ этой науки, имѣла громадное вліяніе на академическихъ его слушателей, залегла въ основу преподаванія этой дѣятельности въ нашихъ школахъ и проникла въ среду мыслящаго русскаго общества. Какъ лекторъ и проповѣдникъ, І. Л. Янышевъ отличался живымъ, краснорѣчивымъ и увлекательнымъ словомъ, производилъ на слушателей глубокое и сильное впечатлѣніе чисто ораторскими приѣмами рѣчи, изяществомъ стиля, тонкимъ и блестящимъ анализомъ психическихъ явленій и художественнымъ разоблаченіемъ моральныхъ состояній, глубиной мысли, творческимъ построеніемъ ученаго или гомилетическаго произведенія. Священный огонь, коимъ всегда пламенѣлъ этотъ талантливый ораторъ, сообщалъ необыкновенную силу его обстоятельному ученому или проповѣдническому слову, которое и имѣло для слушателей какъ умственно-образовательное, такъ особенно нравственно-воспитательное значеніе. Отношенія І. Л. къ студентамъ академіи были проникнуты христіанской гуманностью и истинно-отеческой любовью, покоились на стремленіи развивать въ учащихся преимущественно нравственное самосознаніе, настроеніе въ духѣ евангельскомъ, идеи моральнаго самоусовершенствованія и самоотверженія въ дѣлахъ общественнаго служенія. И многочисленные ученики почившаго о. протопресвитера, воспитавшіеся подъ его авторитетнымъ руководствомъ, питали къ своему маститому наставнику чувства глубочайшей любви и уваженія. И вообще вся дѣятельность І. Л. Янышева, какъ знаменитаго ректора и несравненнаго педагога-устроителя и руководителя петербургской духовной академіи въ одинъ изъ самыхъ трудныхъ періодовъ историческаго ея прошлаго, какъ талантливаго, многосторонне образованнаго и ученаго профессора-богослова, покрыта неувядаемой славой и составляетъ блестящую страницу въ исторіи академіи въ первомъ вѣкѣ ея существованія. И по выходѣ изъ академіи почившій о. протопресвитеръ до самой своей кончины на всѣхъ поприщахъ высокаго и отвѣтственнаго своего служенія остался той же «мудрой, любящей и живой силой», какой былъ въ блестящій періодъ ака-

демической своей дѣятельности, попрежнему находился въ самомъ живомъ и близкомъ общеніи съ академіей и попрежнему путеводилъ другихъ къ добру и свѣту, распространяя въ окружающей средѣ свои богатые дары учености, мысли и чувства, оказывая благотворное на всѣхъ вліяніе обаяніемъ своей моральной личности. Изъ ученыхъ его заслугъ этого времени особенно важное значеніе имѣеть весьма живое и активное отношеніе къ старокатолическому движенію, которымъ почившій о. протопресвитеръ интересовался во имя идеи единенія церкви. Онъ являлся неизмѣннымъ участникомъ заграничныхъ конференцій и конгрессовъ и отечественныхъ комиссій и совѣщаній по этому дѣлу, много содѣйствовалъ идейному его освѣщенію и оставилъ глубокий слѣдъ въ научной разработкѣ старокатолической проблемы. Извѣстны также прямота и независимость свѣтлыхъ убѣжденій почившаго о. протопресвитера, какъ общественнаго дѣятеля, неподкупная честность его взглядовъ, живой интересъ къ свободнымъ проявленіямъ научнаго творчества, а также удивительная сердечность его, какъ начальника и человѣка, отзывчивость къ нуждамъ подчиненныхъ и заботливость, простота и задушевность. За свои рѣдкія личныя качества и за выдающіяся заслуги для богословской науки и православной церкви почившій о. протопресвитеръ былъ удостоенъ степени доктора богословія и избранъ почетнымъ членомъ всѣхъ нашихъ духовныхъ академій.

Въ такихъ приблизительно чертахъ рисуется въ книгѣ проф. А. А. Бронзова свѣтлый образъ протопресвитера І. Л. Янышева. Въ книгѣ предложено богатое собраніе фактическихъ иллюстрацій и примѣровъ, которые убѣдительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ о высокихъ моральныхъ достоинствахъ почившаго о. протопресвитера. Вообще вся книга профессора А. А. Бронзова проникнута горячею любовью благодарнаго ученика къ выдающемуся учителю и пламенной ревностью о благѣ и процвѣтаніи дорогой almae matris—петербургской духовной академіи. Въ виду недавняго столѣтняго юбилея академіи, по поводу котораго былъ тенденціозно или по недомыслию поднять въ русской печати нелѣпный шумъ, разматриваемая книга получаетъ особое значеніе.

О.

Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества. Подъ редакціей В. Бончъ-Бруевича. Выпускъ четвертый. Новый Израиль. Стр. СХХХІІ + 485. Спб. 1911. Цѣна 5 рублей.

«Новый Израиль» одна изъ интереснѣйшихъ, но, къ сожалѣнію, мало изслѣдованныхъ сектъ Россіи. Настоящій выпускъ труда г. Бончъ-Бруевича даетъ богатѣйшіе матеріалы для ея изученія: въ немъ помѣщены ярко написанный очеркъ происхожденія, ученія, быта и современнаго состоянія «Новаго Израиля», принадлежащій перу составителя сборника, затѣмъ такъ называемый «Духовный алфавитъ», т. е. рядъ статей, излагающихъ религиозное мировоззрѣніе новыхъ израильтянъ; большая часть этихъ статей написана теперешнимъ вождемъ секты В. С. Лубковымъ, письма новоизраильтянъ къ разнымъ лицамъ, ихъ пѣснопѣнія, называемыя «пѣснями сіонскими». Книга богато

иллюстрирована портретами выдающихся сектантов и снимками, представляющими различные сцены сектантской жизни.

Авторъ выводитъ происхождение «Новаго Израиля» отъ ересей, распространенныхъ въ Россіи въ XIV—XVI вѣкахъ, а именно иконоборцевъ, стригильниковъ и жидовствующихъ. Послѣ уничтоженія послѣднихъ, уже въ XVI вѣкѣ снова начинаютъ появляться секты, носящія названія «людей Божіихъ» «духовныхъ братій», «духовныхъ христіанъ» и т. п. Вначалѣ «духовные христіане» представляли какъ бы одно цѣлое. Затѣмъ изъ среды ихъ постепенно выдѣлились скопцы, духоборцы и молокане. Сектанты, не примкнувшіе ни къ одной изъ названныхъ группъ, и составили секту Израиля, имѣющую двѣ вѣтви: «Старый Израиль» и «Новый Израиль». Первая изъ этихъ сектъ раздѣлилась на множество толковъ, вторая почти не дробилась. Новоизраильскія общины разсыяны по всей Россіи; на общемъ съѣздѣ въ Таганрогѣ въ 1906 г. собралось 450 представителей ихъ отъ двухсотъ организаций.

Сущность ученія новоизраильтянъ, по словамъ Бончъ-Бруевича, заключается въ слѣдующемъ: «Богъ это начало всѣхъ началъ. Тотъ Богъ, который творилъ первые видимые и невидимые міры,—для человѣка непостижимъ. Съ появленіемъ человѣка Богъ по своей волѣ вселился въ разумную душу его. И съ этого момента Бога не стало нигдѣ, какъ въ душѣ человѣка. Душа—это мысль человѣческая. Но такъ какъ мысль сама по себѣ безплотна, то Богъ проявляется въ человѣкѣ черезъ «разсудительное знаніе», въ которомъ для него открываются тайны природы и бытія; въ концѣ концовъ «придетъ время—человѣкъ постигнетъ все». Загробную жизнь новоизраильтяне понимаютъ какъ существованіе въ памяти потомства человѣческой мысли послѣ смерти ея носителя. Въ І. Христѣ они видятъ наивысшаго, наиболѣе всѣхъ одареннаго божествомъ человѣка, въ которомъ проявлялось все «духовное и разумное» съ наибольшей силой. Ни чудеса, ни таинства новоизраильтяне не признаютъ; у нихъ отсутствуетъ всякая обрядность,—религіозныя собранія и бесѣды ихъ проходятъ въ произнесеніи словъ и пѣніи «сіонскихъ пѣсней». Своихъ вождей они называютъ «Христами», такъ какъ думаютъ, что и въ нихъ проявляется божество. Время жизни одного руководителя называется «вѣкомъ». Новоизраильтяне считаютъ, что они живутъ въ 21 вѣкѣ «старой эры», т. е. отъ Рождества Христова; «новая эра» ихъ начинается отъ манифеста о вѣротерпимости въ 1905 году.

Теперешній вождь Израиля Василій Семеновичъ Лубковъ происходитъ изъ крестьянъ Воронежской губ. Юношей онъ посѣщалъ израильскія собранія и 17-ти лѣтъ пережилъ сильный религіозный экстазъ, который на языкѣ израильтянъ называется «вторымъ рожденіемъ». Самъ онъ такъ пишетъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Мнѣ было семнадцать лѣтъ отъ роду, когда я почувствовалъ приближеніе Господа моего. Я упалъ безъ чувствъ... Мнѣ было хорошо. Долго ли я лежалъ —не объясню». Послѣ этого онъ началъ проповѣдь своего ученія въ Бобровѣ Воронежской губ. и скоро приобрѣлъ тамъ много послѣдователей. Въ 1886 г. за религіозную пропаганду Лубковъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ онъ распространялъ свое ученіе среди арестантовъ. Будучи высланъ въ Закавказье, онъ черезъ нѣкоторое время бѣжалъ оттуда и,

перейдя на нелегальное положеніе, скитался по разнымъ мѣстностямъ Россіи. Въ 1905 г. онъ легализировался и въ настоящее время занятъ устройствомъ своихъ собраній въ Елизаветпольской губ., гдѣ кавказскимъ переселенческимъ управленіемъ были отведены для сектантовъ 3 земельныхъ участка. Лубковъ (ему теперь 41 годъ) не получилъ систематическаго образованія, но очень много читалъ и съ ранняго возраста старался письменно излагать свои взгляды въ проповѣдяхъ, поученіяхъ и воззваніяхъ къ собратіямъ. Ближайшей его помощницей является его жена, Наталья Григорьевна, которая, несмотря на свою молодость (ей 24 года), пользуется любовью и уваженіемъ всей общины. Свои распоряженія Лубковъ старается согласовать съ «духомъ времени и потребностями народа».

Въ домашнемъ быту сектантовъ всѣхъ поражаетъ замѣчательная чистота; комнаты ихъ всегда украшены цвѣтами, фотографіями и рисунками. Женщины у нихъ пользуются громаднымъ уваженіемъ, къ дѣтямъ они относятся ласково. Съ сосѣдями, грузинами и армянами, у новоизраильтянъ установились наилучшія отношенія. Лубковъ думаетъ и о томъ, чтобы улучшить жизнь окрестныхъ татаръ, убѣдивъ ихъ построить поселокъ на новоизраильскій ладъ. «Надо прежде всего вывести ихъ изъ-подъ земли, изъ ужасныхъ норъ, гдѣ они живутъ вмѣстѣ со своимъ скотомъ, болѣютъ постоянно и мрутъ. Человѣку прежде всего нужно хоть немного красивѣй, уютнѣй жить, надо выбраться изъ грязи и нищеты, а тамъ все остальное пойдетъ цѣпляться одно за другое, какъ колесо за колесо въ машинѣ».

Вотъ въ этомъ-то стремленіи устроить здѣсь, на землѣ жизнь культурнѣе и красивѣе, въ этой вѣрѣ въ силу прогресса и заключается, главнымъ образомъ, привлекательность новоизраильской секты.

В. Троцкий.

Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. II. Карты всей Россіи и западныхъ ея областей до конца XVII в. Собралъ В. Кордтъ. Изданіе комиссіи для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кievскомъ, подольскомъ и волынскомъ генераль-губернаторѣ. Кіевъ. 1910. 31 стр. 145 таблицъ картъ. Въ большой листъ. Цѣна не обозначена.

Г. Кордтъ съ неутомимымъ усердіемъ и самоотверженіемъ продолжаетъ свой цѣнный трудъ, пользующійся заслуженной извѣстностью среди нашихъ историковъ. Въ настоящій выпускъ, обнимающій 45 таблицъ, вошли карты преимущественно западныхъ областей нашего отечества до конца XVII вѣка. Изъ картъ всей Россіи изданы теперь только двѣ, а именно: Гесселя Герритса (въ поздней копіи Якова Сандрарта) и Исаака Массы (по «Дополненію къ Атласу Меркатора» 1633 г.). Эта послѣдняя карта, по мнѣнію г. Кордта, раздѣляемому далеко не всеми изслѣдователями, относится только къ 1633 г., а не къ 1612 г., какъ принимаютъ обыкновенно. Что касается карты Герритса, то оригиналь ея (1613 и 1614 г.г.) интересевъ потому, что источникомъ его послужила, между прочимъ, не дошедшая до насъ карта несчастнаго Феодора Борисовича

Годунова .Объ этой послѣдней картѣ появилось въ 1903 г. любопытное изслѣдованіе Н. Д. Чечулина, которое заставило г. Кордта вновь пересмотрѣть спорный вопросъ объ источникахъ карты Герритса, гдѣ и теперь еще остается много спорнаго и неяснаго. Остальныя 43 карты посвящены главнымъ образомъ Польшѣ и Литвѣ. Наиболѣе замѣчательной среди нихъ представляется карта Восточной Европы отъ Данцига и Пернавы до источниковъ Западной Двины и Волги и отъ Кракова до Черкассъ на Днѣпрѣ, составленная княземъ Николаемъ Радзивилломъ, по прозвищу Сиротка (1549—1611) и опубликованная впервые по смерти автора въ 1613 г. Карта эта, переиздававшаяся впоследствии безчисленное количество разъ какъ полностью, такъ и частями, интересна, помимо своей замѣчательной вѣрности и точности, тѣмъ, что князь Радзивиллъ снабдилъ ее также цѣлымъ рядомъ историческихъ, этнографическихъ, топографическихъ и тому подобныхъ примѣчаній на латинскомъ языкѣ. Любопытны затѣмъ дополненія г. Кордта къ его замѣчаніямъ (въ I выпускѣ) о картѣ Средней Европы извѣстнаго кардинала Николая Кузана. Одну изъ копій этой карты, приложенную къ изданію Птолемея 1507 и 1508 г.г., г. Кордтъ называетъ «до извѣстной степени древнѣйшей картой Польши». Интересна также карта Польши Вацлава Гродецкого (1558 г.), такъ какъ она снабжена любопытнымъ латинскимъ письмомъ къ читателю, составленнымъ не кѣмъ инымъ, какъ знаменитымъ дѣятелемъ реформациі, профессоромъ Филиппомъ Меланхтономъ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманіе на карты Украины, исполненныя извѣстнымъ описателемъ этой страны Левассеръ де-Бопланомъ. Г. Кордтъ пользуется даннымъ случаемъ, чтобы напомнить біографію этого лица и дать библиографію изданій его замѣчательнаго труда «Описаніе Украины».

Авторъ настоящаго труда скромно замѣчаетъ, что въ своемъ объяснительномъ текстѣ даетъ только «библиографическія справки и необходимыя историко-біографическія указанія», и что «критическій разборъ содержанія картъ не входитъ въ задачу» его книги. Однако и для приведенія своей работы въ ея теперешній видъ г. Кордту пришлось сдѣлать весьма много кропотливыхъ и сложныхъ изысканій въ разныхъ общественныхъ бібліотекахъ и частныхъ собраніяхъ, какъ въ Россіи, такъ и за границей; не говорю уже объ огромной начитанности автора и той тщательной наблюдательности, съ которой относится онъ къ тексту издаваемыхъ имъ картъ. Здѣсь, кажется, ни одна мелочь не ускользаетъ отъ его провицательнаго взгляда. Такимъ образомъ, настоящій выпускъ «Матеріаловъ» стоитъ на той же высотѣ, какъ и два предшествующіе, вышедшіе въ свѣтъ въ 1899 и 1906 г.г., и является вполне достойнымъ юбилейнымъ даромъ отъ комиссіи для разбора древнихъ актовъ графинѣ Прасковіи Сергѣевнѣ Уваровой. Нынѣ почтенный авторъ готовитъ изданіе памятникъ картографіи южной Россіи до конца XVII вѣка и дополненій къ первымъ двумъ выпускамъ. Отъ души желаемъ ему полнаго успѣха въ его изысканіяхъ и удачнаго завершенія его цѣннаго труда.

А. М—тъ.

**А. П. Мельниковъ. «Къ біографіи П. И. Мельникова». Нижній-Новгородъ. 1911.
Стр. 78. Цѣна не обозначена.**

Четверть вѣка прошло со дня смерти знаменитаго бытописателя русскаго раскола Павла Ивановича Мельникова, автора романовъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ» и истекло почти столѣтіе со дня его рожденія. Но личность этого писателя и его дѣятельность, какъ изслѣдователя раскола, до сихъ поръ не имѣютъ еще полнаго и всесторонняго освѣщенія. Жизнеописаніе П. И. Мельникова, весьма обстоятельно составленное въ свое время П. С. Усовымъ, бывшимъ редакторомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», страдаетъ однимъ крупнымъ недостаткомъ: въ немъ не видно человѣка, о дѣятельности же П. И. литературной и служебной сообщаются самыя подробныя данныя. Между тѣмъ П. И. Мельниковъ, какъ человѣкъ, представлялъ собой много въ высшей степени самобытнаго и своеобразнаго. Этотъ пробѣлъ въ біографіи П. И. Мельникова задался цѣлью пополнить сынъ его А. П. Мельниковъ, тоже знатокъ раскольниковьяго быта Поволжья, гдѣ протекала дѣятельность его отца. «Задавшись цѣлью безпристрастной, вполне правдивой, безутайной характеристики этого человѣка, я,—говоритъ авторъ изслѣдованія,—стремлюсь возстановить его истинный образъ и устранить нѣкоторые существующіе о немъ кривотолки, созданныя частью подъ вліяніемъ людей, враждебно къ нему настроенныхъ». Въ трудѣ А. П. Мельникова заключаются любопытныя страницы объ отношеніяхъ его отца къ современникамъ: тогдашнему наслѣднику престола великому князю Николаю Александровичу, къ В. И. Далю, къ Тарасу Шевченку и, наконецъ, къ юному А. П. Чехову. Любопытныя страницы, касающіяся покойнаго цесаревича Николая Александровича. Въ августѣ 1861 года П. И. Мельниковъ приглашенъ былъ попечителемъ наслѣдника генераль-адъютантомъ графомъ Строгановымъ сопровождать великаго князя въ путешествіи. 6 августа императоръ Александръ II вмѣстѣ съ наслѣдникомъ выѣхалъ изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ въ Москву, откуда, простившись съ сыномъ, отправился въ южныя губерніи, наслѣдникъ же со свитой выѣхалъ по недостроенной еще тогда и доведенной только до Владимира Нижегородской дорогѣ въ Нижній. П. И., встрѣтившій цесаревича, вошелъ въ составъ его свиты. Въ Нижнемъ-Новгородѣ наслѣдникъ пробылъ пять дней и почти все время проводилъ на Нижегородской ярмаркѣ, знакомясь подъ руководствомъ П. И. Мельникова со всевозможными отраслями русской промышленности. Наслѣдникъ во время объѣзда Поволжья посѣщалъ крестьянскія семьи въ попутныхъ деревняхъ и даже помогалъ имъ въ работахъ. Изслѣдованіе Поволжья и старообрядческаго быта было поручено П. И. Мельникову виднымъ административнымъ дѣятелемъ Поволжья Толстымъ подъ руководствомъ В. И. Даля. Далемъ былъ придуманъ и псевдонимъ Мельникова «Андрей Печерскій», такъ какъ Мельниковъ въ то время жилъ на Печеркѣ (въ Нижнемъ-Новгородѣ), въ домѣ Андреева. Любопытныя подробности о встрѣчѣ П. И. Мельникова съ А. П. Чеховымъ, въ ту пору незначимымъ юношей-студентомъ московскаго университета, которому П. И. Мельниковъ предсказалъ широкую литературную будущность. П. И. Мельникову оказывалъ свое особое вниманіе въ память августѣйшаго брата

и императоръ Александръ III, живо интересовавшійся его литературными работами и слѣдившій за появившимися въ то время въ «Русскомъ Вѣстникѣ» его романами «Въ лѣсахъ» и «На горахъ», изъ которыхъ первый былъ посвященъ наслѣднику-цесаревичу. Очеркъ А. П. Мельникова, касаясь семейной хроники, живыми чертами рисуеъ П. И. въ его домашней жизни, изображаетъ горячіе періоды его литературной работы и его отношенія къ близкимъ и товарищамъ на журнальномъ поприщѣ. Въ тщательномъ изображеніи А. П. Мельникова знаменитый авторъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ» выходитъ дѣйствительно типичнымъ и яркимъ лицомъ, точно живущимъ среди насъ, и только рѣзкой гранью прошлаго служитъ попутно изображаемая эпоха шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, столь непохожая на переживаемое время. Къ книжкѣ приложены иллюстраціи: портретъ П. И. Мельникова, снимки нижегородскаго дома, гдѣ онъ родился, и деревни Ляхово, Нижегородской губерніи, гдѣ П. И. Мельниковъ проводилъ послѣдніе годы своей жизни.

Н. Лнд.

М. Морозовъ. Очерки новѣйшей литературы. Спб. 1911. Стр. 254. Цѣна 1 р. 25 к.

Чистенько изданная, вполне литературная книга о новыхъ писателяхъ и нѣкоторыхъ старыхъ. Тутъ характеристики Л. Андреева и Сергѣева-Ценскаго, Толстого и Горькаго, Бориса Зайцева, В. Ропшина, современныхъ издательствъ и пр.

Очерки М. Морозова производятъ пріятное впечатлѣніе искренностью тона и извѣстною убѣжденною выдержанностью настроенія. Авторъ ищетъ общихъ идей, и въ свѣтъ опредѣленнаго міровоззрѣнія, чуть чуть откликающагося на новыя философскія теченія, вырисовываются литературные облики, устанавливается отношеніе автора книги къ произведеніямъ писателей. Красивый, напѣвный стиль, корректная форма рѣчи, склонность къ оригинальнымъ «словечкамъ», почти не переходящая граней серьезности и дозволеннаго хорошимъ литературнымъ тономъ, придаютъ своеобразный характеръ книгѣ.

Нѣкоторыя характеристики автору удались. Цѣльное впечатлѣніе остается послѣ статьи о «старосвѣтской мистикѣ» Бориса Зайцева, пессимизмъ котораго авторъ не считаетъ глубокимъ и выводитъ его изъ христіанскаго романтизма; Отъ христіанства Зайцевъ унаслѣдовалъ и двойственность міросозерцанія; отсюда чередованіе въ его произведеніяхъ жизнерадостности и безотраднaго унынія «въ соотвѣтствіи съ ликомъ природы». Интересна статья о «Блѣдномъ конѣ» Ропшина, рассказъ котораго разсматривается критикомъ, какъ картина омертвѣнія души, выступившей на путь убійства

«Вырастаетъ цѣлое поколѣніе подъ знакомъ умертвія. Страшно заглянуть въ лицо ихъ будущему».

Характеризуя Сергѣева-Ценскаго, какъ поэта безволія, г. Морозовъ отвергаетъ, однако, господствующее мнѣніе о Ценскомъ, какъ о пессимистѣ.

Андреевъ интересуетъ критика, какъ авторъ «Моихъ записокъ», въ которыхъ обнаруживается, по мнѣнію г. Морозова, безцѣльность творчества Андреева съ его вѣчными парадоксами и насилуваніемъ смысла и его неглубокимъ пони-

манієм культуры, противъ которой онъ возстаетъ, съ его неомистическими уклонами, за которыми, однако, нѣтъ искренней мистической вѣры. «Весь Андреевъ—это свободная игра мысли, ко всему равнодушной». Его «Черныя Маски»—попытка изъ безумія сдѣлать орудіе своей проповѣди, сквозь призму помѣшательства освѣтить міръ. Но отрицаніе жизни сквозь призму безумія неубѣдительно. Въ драмѣ «Къ звѣздамъ» авторъ видитъ разительный примѣръ безпомощнаго метанія отъ мистической вѣры въ личнаго Бога къ рационалистической условной идеѣ—господина міра,—«этой жалкой маскѣ случайности». У Андреева не сходитъ съ лица характерная усмѣшка вѣчнаго скепсиса, на всемъ отблескъ безумія хаоса. Совершенно правильно видитъ г. Морозовъ въ героѣ «Жизни человѣка» только жизнь нашего современника, судьбу абстрактной личности капиталистической эпохи; холодность и отчужденность отъ общественныхъ интересовъ чувствуется ему въ драмѣ «Царь-Голодъ» да и въ другихъ произведеніяхъ Андреева. Отсюда одиночество, незнаніе жизни, отсутствіе энтузіазма. Въ общей концепціи «Анатемы» г. Морозовъ видитъ пасквиль на умъ человѣческой, а въ самомъ Анатемѣ выдуманнаго чорта нашего времени.

Болѣе спорны статьи, посвященныя послѣднимъ произведеніямъ М. Горькаго. Авторъ—поклонникъ Горькаго, и въ послѣднемъ періодѣ его творчества не замѣчаетъ упадка его дарованія. Осуждая «Наше преступленіе» Родіонова, мрачныя, кошмарныя образы крестьянина-гориллы въ «Царь-Голодъ» Андреева, г. Морозовъ привѣтствуетъ «Лѣто» Горькаго, въ которомъ изображена деревня, какъ очагъ, гдѣ зарождается молодое демократическое движеніе; надуманность и сочиненность этого движенія авторъ отрицаетъ, увѣряя, что такихъ новыхъ мечтателей и работниковъ, какихъ изображаетъ Горькій, приходится встрѣчать тѣмъ, кто жилъ и работалъ въ деревнѣ. Если авторъ жилъ и работалъ въ деревнѣ, то занесемъ его свидѣтельство, какъ болѣе или менѣе цѣнное показаніе современника,—но вотъ бѣда—самъ Горькій не жилъ и не работалъ въ деревнѣ, а повѣсть писалъ въ Италіи... Соглашается авторъ съ Горькимъ и въ безотрадномъ отношеніи къ уѣздной Россіи съ ея непроходимымъ и безнадежнымъ мѣщанствомъ.

Обращаютъ на себя вниманіе статьи, посвященныя Л. Н. Толстому. Въ творчествѣ Толстого авторъ подчеркиваетъ ту его особенность, что онъ «первый въ художественной литературѣ влилъ въ сердцевину слова, какъ внутреннюю силу его, ту связь явленій, ту неразрывную цѣльность человѣческаго сознанія, которую можно выразить словами—міроощущеніе и міропониманіе. Это не просто реальность: «невидимыя нити притягиваютъ душу къ чему-то міровому, необъятному и цѣльному, чье отраженіе дается намъ въ творчествѣ художника, какъ по скользящимъ по нивамъ тѣнямъ узнають о бѣгущихъ въ небѣ облакахъ».

Нѣсколько смѣло и требовало бы большей доказательности утверженіе, что «Толстой, любящій всѣхъ,—уже никого не любилъ живой неотвлеченной любовью». Хороши и справедливы стравницы, посвященныя полемикѣ съ Базаровымъ о непротивленіи злу и «канкавирующимъ» надъ могилой мистикамъ и «религіозно-философскимъ» оригиналамъ изъ кружка Струве, Философова и Мережковскаго.

Общая идея, соединяющая всѣ статьи въ одну цѣлую книгу, та, что «художественная литература не только отраженіе жизни, но и сама жизнь». Главенствующій признакъ минувшаго пятилѣтія г. Морозовъ видитъ въ безволіи—Божьей карѣ, «посѣтившей насъ»; безволіе усматриваетъ критикъ даже въ фигурѣ Хаггарта изъ «Океана». Но мы подошли къ рубежу. Автору очерковъ свѣтять уже инья дали; «любовь къ жизни и дерзающая воля открываютъ уже путь для независимыхъ умовъ и гордыхъ свободныхъ душъ». И въ скорбныхъ страницахъ унынія и пессимизма современныхъ писателей критику чутется полузадушенный кличъ: «да здравствуетъ жизнь».

Среди современнаго критическаго безвременья съ гимназически претенціозными упражненіями Гипсіусъ, Крайняго, Бѣлаго et tutti quanti, «Очерки» М. Морозова производятъ пріятное впечатлѣніе.

Авторъ знаетъ, что сказать, и умѣетъ сказать то, что ему нужно.

Б. А.

К. И. Арабажинъ. Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества. Литературно-критическій этюдъ. Стр. 279. Спб. 1910. Цѣна 1 р.

Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что изъ всѣхъ современныхъ писателей наибольшую популярность пользуется Л. Н. Андреевъ. И если онъ занялъ видное мѣсто въ современной литературѣ, то уже одно это даетъ ему право на серьезное вниманіе критики, заставляетъ ее вскрыть причину этой популярности, опредѣлить, обусловлена ли она силою художественнаго дарованія писателя, или какими-либо другими причинами. К. И. Арабажинъ поставилъ себѣ весьма интересную задачу—прослѣдить шагъ за шагомъ развитіе творчества Л. Н. Андреева, подвести итогъ, дать ясный отчетъ, въ чемъ причина его громадной популярности. Критикъ прежде всего даетъ обширный и подробный обзоръ творчества Л. Н. Андреева; останавливаясь послѣдовательно на обрисовкѣ содержанія, образовъ, основныхъ идей отдѣльных произведеній, авторъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказываетъ свои взгляды, мысли, замѣчанія, оцѣнки, устанавливая эпохи развитія міропониманія и творчества Л. Н. Андреева. Такое прекрасное построеніе является достоинствомъ работы, расширяетъ ее значеніе, дѣлая не только личнымъ взглядомъ критика, но и подробнымъ обзоромъ творчества Л. Н. Андреева въ связи съ обрисовкой сюжетовъ и основныхъ идей произведеній. Это пока единственная у насъ работа такого характера, и въ этомъ ея значеніе, независимое отъ того, признаемъ ли мы цѣнными, или нѣтъ, высказанные критикомъ личные взгляды.

Но и съ этой стороны нужно признать многія замѣчанія и мысли критика объективно цѣнными, вполне вѣрными, такими, съ которыми нельзя не согласиться. Такъ, напримѣръ, совершенно вѣрно указана основная черта творчества Л. Н. Андреева—пессимизмъ, мучительное исканіе смысла жизни, страстное стремленіе къ ея осмысленію въ цѣломъ, отмѣчена «рѣдкая способность возбуждать тревогу души и останавливать наше вниманіе на «проклятыхъ вопросахъ» и неправдахъ жизни». Въ этомъ, вполне справедливо, критикъ видитъ причину живого интереса къ Л. Н. Андрееву современнаго общества.

Вѣрно также подчеркнута характерная черта творчества этого писателя—отрѣшенность отъ реальности, своеобразное сочетание причудливой искусственности, дѣланности, ухода отъ земли, отъ времени и пространства съ тяготѣніемъ къ жизни, къ реальнымъ краскамъ.

Но, на ряду съ объективно цѣнными взглядами, въ книгѣ не мало мыслей, которыя, при всемъ интересѣ, нельзя не признать субъективными. Сюда мы отнесемъ, напримѣръ, оцѣнку «Саввы» и «Гуды», взглядъ, что «даже черты всеобщія получаютъ у Андреева черты, присущія именно нашему времени. Всѣ герои Андреева—именно герои нашего времени, люди определенной среды, создавшейся и возможной только въ современныхъ условияхъ жизни европейскаго общества и русскаго въ особенности». Намъ кажется, что въ построении психологическихъ положеній Л. Н. Андреевъ затронулъ не мало общихъ чертъ человеческой психики.

Что касается общаго угла зрѣнія, подъ которымъ смотритъ критикъ на Л. Н. Андреева, то нужно замѣтить, что хотя К. И. Арабажинъ разсматриваетъ творчество писателя съ различныхъ сторонъ—художественной, психологической и общественной, но доминируетъ послѣдняя. Затѣмъ критикъ обращаетъ много вниманія на несоотвѣтствіе образовъ и положеній Л. Н. Андреева съ дѣйствительностью, съ реальной социальной почвой. И критикъ правъ во многихъ случаяхъ, когда даетъ оцѣнку съ общественной стороны произведеній Л. Н. Андреева, когда отмѣчаетъ несоотвѣтствіе образовъ и положеній съ дѣйствительностью, жизнью. Но, вѣдь, эта сторона какъ разъ игнорируется писателемъ, онъ главнымъ образомъ—психологъ и психологическія проблемы стоятъ у него на первомъ планѣ. И оцѣнка именно съ этой стороны, по нашему мнѣнію, должна доминировать. А критикъ хотя не проходитъ мимо этой стороны, но она какъ-то отодвигается оцѣнкой съ точки зрѣнія социальной и соотвѣтствія съ жизнью. Затѣмъ К. И. Арабажинъ неоднократно подчеркиваетъ, что писатель не разрѣшилъ поставленныхъ проблемъ. Это нужно указать, но не подчеркивать, выдѣлять особенно. Едва ли эту задачу имѣлъ въ виду Л. Н. Андреевъ. И намъ кажется, не въ томъ дѣло, что онъ не разрѣшилъ затрагиваемыхъ проблемъ, его творчество цѣнно не разрѣшеніемъ ихъ, а чрезвычайно острой постановкой.

Но если нельзя признать, что критикъ далъ окончательную оцѣнку творчества писателя, если со многими взглядами можно спорить, не соглашаться, то это не лишаетъ книгу К. И. Арабажина большого интереса. Это—очень живо написанныя страницы, въ которыхъ чувствуется бѣніе жизни, обнаруживается живая душа автора. Видно, что его волнуютъ тѣ вопросы, которые поставлены въ творествѣ писателя. Критикъ прекрасно понялъ органическую связь его произведеній съ философскими проблемами, и въ книгѣ можно найти цѣлый рядъ интересныхъ мыслей автора о тѣхъ вопросахъ жизни, которые волнуютъ теперь всякаго мыслящаго и чувствующаго человѣка, и это сообщаетъ интересъ книгѣ не только для тѣхъ, кто интересуется Л. Н. Андреевымъ, но и кто думаетъ надъ жизнью, кто ищетъ ея осмысленія. Давая обзоръ творчества писателя, слѣдя шагъ за шагомъ за развитіемъ міросмысленія Л. Н. Андреева, высказывая интересныя замѣчанія, затрагивая важные вопросы жизни, напи-

санная живо, книга К. И. Арабакина заслуживаетъ полного вниманія. Она помогаетъ читателю разобратъся въ сложномъ творчествѣ Л. Н. Андреева, даетъ руководящія нити къ его пониманію, и мимо ея не долженъ пройти тотъ, кто думаетъ надъ творчествомъ Л. Н. Андреева, кого волнуютъ затронутые имъ вопросы морали и религіи.

А. Фоминовъ.

Н. Я. Абрамовичъ. Художники и мыслители. Изд. «Заря». М. 1911. Стр. 233. Ц. 1 р. 25 к.

Вотъ какъ опредѣляетъ г. Абрамовичъ назначеніе критика. «Художникъ не можетъ ни въ одномъ изъ своихъ вдохновенныхъ произведеній дать высшую цѣнность и совершенную полноту своего «я», не можетъ въ силу того закона, по которому каждый художникъ является для себя только субъектомъ, но никакъ не объектомъ. Выявленіемъ этого «я», собираніемъ отдѣльныхъ индивидуальныхъ чертъ, изъ которыхъ слагается стройное и живое «я» художника, занять критикъ; это его дѣло—явить міру во всей глубинѣ и сложности духовное «я» поэта». Если принять это туманное опредѣленіе, съ тою, конечно, оговоркой, что выявить сокровенное «я» художника критикъ можетъ лишь постольку, поскольку выявилъ его самъ художникъ, въ которомъ незримо и безвозвратно погибаютъ тѣ «думы и чувства завѣтныя», что, составляя «разницу» между субъектомъ и объектомъ, «не имутъ словъ, глагола не найдутъ и на душу обратно западутъ», то придется причислить новаго критика къ модной школѣ критиковъ-импрессионистовъ, лишенныхъ критеріа и передающихъ лишь личные впечатлѣнія. Тутъ одинъ пишетъ то, что его лѣвая нога хочетъ, а другой—то, что ему диктуютъ вкусъ и чувство, и благо ему, если онъ ими одаренъ отъ природы, если есть у него, при слабости общей теоріи, отдѣльныя вѣрныя мысли, если тонкое чувство прекраснаго и значительнаго преобладаетъ надъ сознательными, но слабыми его стремленіями. Тогда можно помириться и съ импрессионизмомъ въ критикѣ, и такъ именно и принимаешь книгу г. Абрамовича. Она говоритъ о Карлейлѣ и Эмерсонѣ, Гамсунѣ, Чеховѣ, Уайльдѣ и Достоевскомъ, Розенбахѣ, Пушкинѣ и Кольцовѣ. Дѣйствительно, г. Абрамовичъ хорошо чувствуетъ мысль и поэзію и говоритъ о нихъ умно и красиво. Лучшая статья посвящена Гамсуну; это отличное введеніе въ творчество норвежскаго писателя. Менѣе всего удался ему Кольцовъ. Къ Пушкину критикъ подошелъ съ той стороны, съ какой его сравнительно мало изучали, и сдѣлалъ слабую, но по намѣреніямъ симпатичную попытку прослѣдить въ его творчествѣ мотивы реализма и мистики. Пожелаемъ молодому писателю пріобрѣсти болѣе устойчивыя теоретическія взгляды, бросить дешевые афоризмы, не гоняться за «красотою слога», разстаться съ вульгарнымъ напыщеннымъ эстетизмомъ и развивать въ себѣ хорошіе задатки, въ которыхъ нельзя сомнѣваться,—и тогда его ждетъ въ литературѣ мѣсто не изъ послѣднихъ.

Н. Л.

С. Р. Минцловъ. Литва. Спб. 1911. Стр. 346. Ц. 1 р.

Историческія повѣсти г. Минцлова всецѣло посвящены сюжету завоеванія Литвы германцами и обращенія меченосцами прибалтійскихъ язычниковъ въ христіанство. Повѣствованія автора о военно-монашескомъ орденомъ написаны легкимъ языкомъ и исторически достаточно обоснованы. Орденъ меченосцевъ, въ началѣ цѣломудренный и аскетическій, освободившись изъ-подъ опеки епископской власти, безнаказанно безчинствовалъ въ своихъ каменныхъ замкахъ вокругъ незащищенной Ливоніи.

Покоренные народы обирались, но о просвѣщеніи ихъ никто не заботился. Разъясненія вѣры заключались лишь въ томъ, что ихъ окунали въ воду и вѣшали имъ на шею кресты. Затѣмъ ихъ грабили и превращали въ полныхъ рабовъ. Озлобленные ливонцы, несмотря на безпощадныя избиенія, возставали, гдѣ только могли. Но 12 мая 1273 г. меченосцы соединились съ могущественнымъ Тевтонскимъ орденомъ, и чуть не половина побережья Балтійскаго моря была ими задавлена.

Однако это могущество надъ покореннымъ краемъ поддерживалось чисто военными мѣрами, а «сами рыцари, — говоритъ авторъ, — продолжали получать шпоры и отличія за турниры, вранье о подвигахъ въ неизвѣстныхъ никому странахъ и вообще за сомнительныя во всѣхъ смыслахъ дѣла. Тотъ, кто заслуживалъ ихъ въ бою, да еще въ Литвѣ, съ язычниками, про свирѣпость которыхъ рассказывались невѣроятныя басни, пользовался особеннымъ почетомъ. Между тѣмъ о язычникахъ сами завоеватели отзывались съ уваженіемъ: «Иуду здѣсь съ огнемъ искать надо: это вѣдь—что грѣха таить—не Баварія наша, гдѣ на грошъ ихъ десять штукъ купишь. Имъ даже воровство неизвѣстно. Ни замковъ, ни запоровъ, ничего нѣтъ у нихъ. Да чего замковъ, — въ лѣсу если наткнулся на что-либо, сложенное другимъ, и того не тронуть».

Этому народу завоеватели навязывали христіанскую вѣру, и неудивительно, что одна изъ язычницъ гордо говорила рыцарю:

— У насъ есть своя вѣра! Мы любимъ своихъ боговъ, съ ними дѣды жили мирно и счастливо; мы не насилуемъ никого вѣрить по-нашему, зачѣмъ же насъ насилуютъ, чтобы поклонялись вашимъ богамъ? Боги сами за себя умѣютъ стоять и мечи не нужны имъ. У нихъ есть громъ и молнія и другія силы. Твои несутъ крестъ на мечѣ и велютъ любить его, а гдѣ пройдетъ онъ—тамъ смерть и несчастье. Мы не душимъ другъ друга. Вашъ законъ указываетъ не какъ жить надо, а какъ наказывать людей.

Разумѣется, при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ покоренныхъ къ побѣдителямъ невозможно было прочное гражданское существованіе, и меченосцы были въ концѣ концовъ уничтожены, а Литва присоединилась къ Польшѣ.

Въ этой атмосферѣ авторъ создаетъ фабулу романа, гдѣ плѣнный литовцами рыцарь влюбляется въ язычницу. Они оба подлежатъ смертной казни: онъ, по законамъ ордена, за женитьбу на иноземкѣ, а она, какъ жрица, посвященная богу, подлежала живою быть закопанной въ землю. Любовь ихъ связываетъ, и они спасаются въ литовскихъ лѣсахъ, со всевозможными при-

ключеніями, кончающимися нерѣдко, по волшебству автора, но взаимному ихъ благополучію.

Легкому чтенію по исторіи Прибалтійскаго края изъ временъ XIV вѣка книга г. Минцлова вполне удовлетворяетъ, хотя большого впечатлѣнія она не оставляетъ. Въ то же время, рисуя довольно живо типы воинственныхъ и безнравственныхъ рыцарей, авторъ даетъ мало свѣдѣній о послѣднихъ дняхъ въ Литвѣ Тевтонскаго ордена и меченосцевъ.

А. Фаресовъ.

Zeitschrift für osteuropäische Geschichte herausgegeben von Th. Schiemanн. Берлинъ. 1910. Вып. I.

Съ осени прошлаго года въ Берлинѣ началъ выходить книжками въ 10 печатныхъ листовъ особый журналъ, специально посвященный исторіи восточной половины Европы. Во главѣ журнала стоитъ извѣстный специалистъ по исторіи Россіи Теодоръ Шиманъ, бывшій, если не ошибаемся, преподавателемъ исторіи въ одной изъ гимназій Прибалтійскаго края и составившій себѣ научное имя трудами по русской исторіи, главнымъ образомъ своей «Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I» (2 тома), а также монографіями «Zur Geschichte der Regierung Pauls I», «Die polnischen Provinzen Russlands unter Katarina II». Кроме него и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ славистовъ, въ журналъ принимаютъ участіе и кое-кто изъ русскихъ профессоровъ.

Въ первой книжкѣ журнала—всего ихъ выходитъ въ годъ четыре—находимъ не лишнюю интереса статью самого Шимана о посольствѣ фельдмаршала Дибича въ Берлинъ въ сентябрь 1830 г. Боннскій профессоръ Гётцъ, усердно занимающійся древней исторіей Россіи, далъ компилятивную статью объ употребленіи титула «великій князь» въ лѣтописяхъ. Довольно обстоятельна статья проф. Готша, входящаго въ составъ редакціи журнала, о состояннй польской исторіографіи. Отмѣтимъ еще статью берлинскаго архиваріуса Байлье о политическомъ положеніи Европы въ 1806 году. Вторая половина журнала занята критикой и библиографіей, а также обзорѣнемъ русскихъ и иностранныхъ историческихъ журналовъ.

Судя по началу, журналъ будетъ имѣть значеніе главнымъ образомъ для нѣмецкаго читателя, такъ какъ матеріалы свои онъ на двѣ трети черпаетъ изъ нашихъ русскихъ источниковъ. Наша исторія еще такъ мало извѣстна въ широкихъ кругахъ на Западѣ, что мысль Шимана—явиться научнымъ посредникомъ между славянскимъ Востокомъ и нѣмецкимъ Западомъ—можно только привѣтствовать.

А. Б.

Аксель Лундегордъ. На смертномъ одрѣ. La Mousse. Романъ изъ личной жизни Генриха Гейне. Переводъ М. П. Благовѣщенской. Издательство «Посѣвъ». Спб. Стр. 230. Цѣна 1 рубль.

Бурная и разнообразная жизнь Генриха Гейне окончилась очень трагично. Страстный, талантливый, великій художникъ, не имѣющій соперниковъ по силѣ, ѣдкости, мѣткости и картинности своихъ сарказмовъ, Гейне всю жизнь

страдалъ, не удовлетворяясь дѣйствительностью и не находя настоящаго содержания и цѣли своей жизни. Гейне жилъ въ тяжелый историческій моментъ: переломъ, переоцѣнка цѣнностей, романтизмъ, июльская революція, нѣмецкая реакція и т. д. и т. д. «Самый мѣръ разорванъ изъ конца въ конецъ»,—такую характеристику этого времени даетъ Гейне въ своихъ «Путев. Запискахъ». Отсюда такая разорванность, отсутствіе общаго плана и основной руководящей идеи во всей дѣятельности Гейне, его беспорядочная храбрость въ нападеніяхъ, безумная и страстная храбрость «солдата въ великой войнѣ человѣчества за свободу», какимъ считалъ себя самъ Гейне. Побѣдителю—тріумфъ, побѣжденному—смерть или, въ лучшемъ случаѣ, жалкое существованіе, изгнаніе изъ родины, болѣзни старыхъ ранъ, насмѣшки и клевета, полная презрѣнія, ненависти и злорадства.

Таковъ былъ конецъ Гейне, художественному описанію котораго посвящена разсматриваемая нами книга А. Лундегорда.

Генрихъ Гейне умеръ въ изгнаніи, больной и одинокій; «всѣ тѣ мошки, которыя плясали въ ореолѣ его имени, понемногу исчезли. Онъ ужъ не былъ больше популярнымъ поэтомъ, какимъ нѣкогда былъ. Обширная родина изгнала его, и вокругъ его имени и справа, и слѣва шипѣла ненависть. Тотъ кружокъ поэтовъ, который гордился его именемъ, какъ величайшимъ среди нихъ, былъ разсѣянъ, уничтоженъ, задушенъ въ самомъ зародышѣ забравшей въ свои руки власть реакціей. Всѣ члены этого кружка отправились въ Каноссу цѣловать руку, которая ихъ била. Только одинъ изъ нихъ не согнулся подъ ударомъ,—а на немъ-то ударъ и отразился тяжелѣе всѣхъ» (стр. 15). Это былъ Гейне. Смертельно больной, побѣжденный и одинокій, насильно оторванный отъ родины, родныхъ и близкихъ, въ шумномъ, многолюдномъ и чуждомъ Парижѣ, разбитый Гейне навсегда былъ прикованъ къ постели, къ своему смертному одру. Единственное близкое лицо, его жена, «растолстѣвшее существо съ глухимъ выраженіемъ лица и румяными щеками» (стр. 29), не могла хоть сколько-нибудь скрасить тяжелый, печальный конецъ умирающаго поэта, не могла быть посвящена имъ въ его планы, мысли, разговоры, не могла удовлетворить этого изнеможеннаго страдальца съ блѣднымъ, худымъ лицомъ, напоминавшимъ ликъ Христа, и тонкой саркастической улыбкой Мефистофеля. Нужна была чуткая, отзывчивая, глубокая натура, горячо любящее и страстно преданное лицо, понимающее весь трагизмъ состоянія этого человѣка, прикованнаго къ своему смертному одру и медленно умирающаго, но въ разлагающемся тѣлѣ котораго былъ живъ еще неукротимый, сильный духъ и ясенъ большой, свѣтлый умъ.

Такимъ лицомъ явилась г-жа Сельденъ, *La Mouche*, какъ звалъ ее Гейне, сравнивавшій себя съ пожизненно заключеннымъ въ тюрьму узникомъ, а ее—съ мушкой, случайно залетѣвшей къ нему и оставшейся раздѣлять съ нимъ его тяжелое, тоскливое существованіе. Эта мушка была единственное живое существо среди нѣмыхъ, холодныхъ стѣнъ тюрьмы и мрачнаго суроваго тюремщика.

И въ чувства состраданія и преклоненія передъ великимъ талантомъ и великой силой духа Гейне, подчинившей весь ея внутренній мѣръ, всѣ ея думы и мысли,

г-жа Сельденъ страстно полюбила его и посвятила остаткамъ его дней всю свою жизнь, все свое существо, требовавшее другой любви, другой жизни, радостей и наслаждений. Въ ея душѣ происходитъ громадная, ужасная борьба, какой-то странный, таинственный, психологическій процессъ. Молодость, любовь, страстная и недостижимая, Гейне, великій и жалкій, «мертвецъ, жаждущій самыхъ жгучихъ наслаждений жизни» (90 стр.), какая-то половинчатость и страстность ихъ отношеній, заставляющая страдать и Гейне, и La Mouche,—все это сплетается въ такой причудливый, такой запутанный и любопытный психологическій клубокъ, все это полно такого жгучаго интереса, что книга, авторъ которой взялся за эту тему, безусловно заслуживаетъ вниманія, если тема по силамъ автору и онъ сумѣлъ справиться съ ней. А. Лундегорду, кажется, вполнѣ удалось это. Его книга читается легко, съ не ослабѣвающимъ интересомъ и оставляетъ большое впечатлѣніе.

По внѣшности изданіе было бы совершенно удовлетворительно, если бы не опечатки почти на каждой страницѣ.

М—о.

Труды владимирской ученой архивной комиссіи. Книга X. Съ 30 рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ 10 таблицъ рисунковъ и портретовъ. Владимиръ. 1909. Стр. 199+XVI+147+52+38.

Первый отдѣлъ («сообщенія») разсматриваемой книжки «Трудовъ» владимирской архивной комиссіи открывается чисто археологическою работою Н. Е. Макаренко—«Новленскій и Заколпскій могильники Владимирской губерніи и археологическая поѣздка по Владимирскому, Муромскому, Меленковскому и Судогодскому уѣздамъ»,—за которою слѣдуетъ рядъ статей историческаго, біографическаго и бытоваго характера. Едва ли не самую любопытною изъ нихъ является статья К. Θ. Надеждина—«Семинаристъ въ своихъ стихотвореніяхъ. (Сборникъ семинарскихъ пѣсень)». К. Θ. Надеждинъ, умершій еще въ 1890 г., однимъ изъ первыхъ сдѣлалъ попытку собрать излюбленныя семинарскія пѣсни, ярко и правдиво характеризующія и юношу, забитаго бѣдностью и схоластикой, и молодца, попавшаго въ солдаты, и вдовца-священника, оплакивающего свою горькую долю, и семинарское «горе-горючее» первыхъ годовъ существованія семинарій, и т. д. и т. д. Обиліе семинарскихъ стихотвореній и пѣсень авторъ объясняетъ такъ: «Семинаристъ и по натурѣ своей, и по воспитанію, и вообще по складу своей жизни—поэтъ по преимуществу...»

Далѣе заслуживающею наибольшаго вниманія, какъ первая и болѣе полная біографическая замѣтка, является статья А. В. Смирнова—«Д. П. Моренковъ и М. И. Алякринскій». Два названныхъ лица были замѣчательными врачами: одинъ въ Суздаль, а другой во Владимирѣ и въ то же время крупными благотворителями не только на поприщѣ оказанія помощи страждущему человечеству, но и въ дѣлѣ развитія просвѣщенія. Д. П. Моренковъ, умершій въ 1830 году, началъ свою дѣятельность съ 1783 года, а М. И. Алякринскій, воспитанникъ перваго, работалъ во Владимирѣ, въ качествѣ врачебнаго инспектора, безпрерывно въ теченіе 45 лѣтъ, до 1872 года.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить статьи: 1) В. Т. Георгіевскаго о явленіи мощей второго строителя Флорищевой пустыни Иринарха (непризнанныхъ синодомъ въ 1757 году), по рукописи переводчика XVIII вѣка Ст. Ив. Писарева («Собраніе достопамятныхъ курьезностей»); 2) «О реставраціи Золотыхъ воротъ въ гор. Владимірѣ», П. В. Ильинскаго, представляющаго довольно правдоподобный проектъ возстановленія «Золотыхъ воротъ» въ первоначальномъ ихъ видѣ, и 3) «Гробницы въ Переславскомъ Преображенскомъ соборѣ», того же автора.

Въ отдѣлѣ «матеріаловъ» находимъ: 1) «Житіе преосвященнаго Иларіона, митрополита суздальскаго, по рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Великоустоужскаго собора Вологодской губерніи», съ обширнымъ предисловіемъ В. Т. Георгіевскаго; 2) «1725 г. Вѣдомость у обрѣтающихся образцовъ всякаго званія привѣсокъ отобранныхъ въ 722 году въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ», найденная и сообщенная тѣмъ же В. Т. Георгіевскимъ, и 3) «Эпизодъ изъ слѣдственнаго дѣла о царицѣ Евдокии Ѳедоровнѣ» (рядъ выписокъ изъ подлинныхъ документовъ «тайной канцеляріи», сдѣланныхъ еще въ 1875 году Ѳ. А. Вигбергемъ).

Наконецъ, нельзя не указать и на нѣкоторыя замѣтки въ отдѣлѣ «хроника», каковы, напримѣръ: «Переславскій Троицкій Даниловъ монастырь. (Къ 400-лѣтію со дня его основанія)», В. Г. Добронравова; «Реставрація Крестовоздвиженскаго храма въ селѣ Палехѣ, Вязниковскаго уѣзда», Н. Н. Ушакова; «Къ біографіи художника Тончи», В. Л. Модзалевскаго и «А. Н. Супоневъ» (перепечатка небольшого очерка г. Голомбѣвскаго). О послѣднемъ сообщались біографическія данныя еще въ IX книгѣ «Трудовъ» владимірской архивной комиссіи; по эти данныя заключали большія неточности о происхожденіи Супоневыхъ, которыя и были нами исправлены съ ббльшей полнотой въ рецензіи на указанную книжку въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1909 г., № 4, стр. 336—337).

В. Рудаковъ.

1) Rüdiger v. Schoeler. 1812. Der Feldzug in Kurland nach den Tagebüchern und Briefen des Leutnants J. v. Hartwich. Съ портр. Гартвиха. Берлинъ. 1910. 2) Къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны. Враги въ Курляндіи. Митава. 1910.

Обѣ вышедшія почти одновременно книжки касаются одного и того же періода Наполеоновскаго похода на Россію, именно описываютъ пребываніе въ Курляндской губерніи фланговой части великой арміи.

Первая книжка представляетъ собою безхитростный разсказъ молодого прусскаго офицера о первыхъ годахъ своей военной карьеры. Людвигъ-Юліусъ-Вильгельмъ ф. Гартвихъ родился 5-го октября 1791 г. въ Бендсдорфѣ, вблизи Плауэ на р. Гавслѣ, въ семьѣ пастора. Окончивъ гимназію въ Бранденбургѣ, онъ поступилъ въ университетъ въ Галле, чтобъ сдѣлаться, по примѣру отца и дѣда, пасторомъ, но, безъ вѣдома отца, онъ избираетъ военную карьеру (1809 г.). Наступаетъ 1812 г., и молодой офицеръ принимаетъ участіе въ походѣ Наполеона на Россію, а въ слѣдующемъ году—уже въ походѣ союзныхъ войскъ противъ Наполеона. За знаменитое сраженіе при Бауценѣ (май 1813 г.) Гарт-

вихъ получаетъ орденъ св. Владимира 4-ой степени. Его служебная карьера идетъ успѣшно, пока, наконецъ, въ 1839 г., т. е. 48 лѣтъ, онъ не выходитъ, по прошенію, въ отставку и начинаетъ много путешествовать за границу, въ томъ числѣ и по Россіи, усердно зарисовывая и записывая видѣнное и слышанное. Умеръ онъ 64 лѣтъ въ Фридерсдорфѣ, въ Силезіи, 14-го августа 1856 г. отъ разрыва сердца.

Гартвихъ оставилъ послѣ себя богатое рукописное наслѣдство въ видѣ писемъ, записокъ, рисунковъ, но только небольшая часть этихъ матеріаловъ обработана фонъ-Шолеромъ для его книжки. Издатель говоритъ, что, хотя въ запискахъ Гартвиха и нѣтъ описаній большихъ, рѣшающихъ сраженій, но эта книга должна имѣть для военныхъ особенный поучительный интересъ: въ ней встрѣчается много доказательствъ того, какъ старые офицера, пережившие битву при Иенѣ и позднѣйшія тяжелыя времена, передали молодымъ офицерамъ чувства долга и чести, которыми отличались войска Фридриха Великаго, что создало превосходный матеріалъ для освободительной войны 1813 и слѣдующихъ годовъ.

Съ восторгомъ услышали молодые прусскіе офицеры въ началѣ 1812 года, что ихъ войска должны въ составѣ французской арміи итти походомъ противъ Россіи. Весною прусскія войска двинулись въ путь. Они входили въ составъ армій маршала Макдональда, герцога Тарентскаго, которому было поручено завоевать Курляндію и Лифляндію. Корпуснымъ командиромъ былъ генералъ-лейтенантъ графъ Йоркъ фонъ-Вартенбургъ. 22-го іюня корпусъ былъ въ Тильзитѣ, а 28-го іюня войска перешли черезъ границу и заняли Ковенскую губернію. Въ серединѣ слѣдующаго мѣсяца опять повернули къ Пруссіи, а затѣмъ у Полангена вступили въ предѣлы Курляндіи. 21 іюля Гартвихъ былъ уже въ Лябавѣ, гдѣ войска встрѣтили самый радушный пріемъ, особенно со стороны дамъ, старавшихся выразить имъ благодарность за пощадъ города: у жителей еще сохранилась недобрая память о временахъ шведскаго короля Карла XII. 22-го іюля произошла первая стычка съ русскими моряками, крейсировавшими въ виду гавани. Но уже 8-го августа Гартвихъ покидаетъ гостеприимный городъ. Путь шель на сѣверо-востокъ. 13-го августа войска были уже въ Митавѣ. Городъ, несмотря на красивые дома, произвелъ на Гартвиха менѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ Либава. Величественный Бироновскій замокъ, окруженный въ то время валомъ, былъ обращенъ въ лазаретъ съ 200 ранеными. Понравилась Гартвиху и гимназія—бывшій дворецъ Анны Іоанновны. Черезъ два дня (15 августа) курляндскій генералъ-интендантъ Шамбодуэнъ отпраздновалъ великолѣпнымъ баломъ день рожденія Наполеона. Залы замка были «волшебнымъ образомъ» освѣщены, угощенье было роскошное. Выпито было одного только шампанскаго 300 бутылокъ, кромѣ того, множество бутылокъ мадеры, венгерскаго, медака и другихъ французскихъ винъ. Издержки были «королевскія». Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ, особенно красиво—замокъ и гимназія.

Дѣйствія корпуса ограничивались стратегическими движеніями на Курляндію, стычками съ казаками и другими войсками, чередуясь съ охотою и другими удовольствіями. Войска жили обособленной жизнью, отрѣзанными

отъ «Великой арміи», откуда получались только запоздалыя извѣстія, и долго не знали объ отчаянномъ состояніи главнаго корпуса, отступавшаго отъ Москвы. Лишь 18-го декабря (нов. ст.) спокойное пребываніе пруссаковъ было нарушено. Были получены газетныя извѣстія и русскіе бюллетени изъ Риги, изъ которыхъ узнали о неудачѣ Наполеона и о томъ, что императоръ возвращается въ Смоленскъ. Пришелъ и приказъ Мюрата итти къ Тильзиту. Получались дурныя извѣстія и раньше, но къ нимъ относились недовѣрчиво и ихъ скрывали отъ войска.

Къ этому времени относится интересный разсказъ Гартвиха, ясно показывающій, въ какихъ отношеніяхъ къ маршалу Макдональду стоялъ генераль Йоркъ, въ скоромъ времени послѣ этого уже совершенно раскрывшій свои карты.

Однажды ночью къ Йорку прибылъ съ важнымъ, неприятнымъ для Йорка письмомъ отъ герцога начальникъ генеральнаго штаба полк. Террье. Йорка разбудили, генераль прочелъ письмо, полное упрековъ, но, несмотря на всѣ просьбы полк. Террье, не отвѣчалъ на посланіе и только сосредоточенно поглядывалъ на полковника.

— Что генераль намѣренъ дѣлать?—спрашиваетъ Террье.

— Лечь спать, какъ только вы уѣдете,—отвѣчаетъ генераль, и полковникъ ретируется.

Эта сцена сдѣлалась, конечно, извѣстной въ прусской и французской арміяхъ и отразилась на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Думали, что герцогъ желаетъ отстранить Йорка отъ командованія войсками.

Гартвихъ разсказываетъ еще слѣдующій случай изъ области тѣхъ же отношеній. Капитанъ Салентинъ, первый адъютантъ генерала Башелю, у котораго служилъ адъютантомъ и Гартвихъ, однажды показалъ полковнику Горну гравюру, изображающую льва, терзающаго попавшуюся въ его когти гиену. Салентинъ назвалъ маршала Макдональда львомъ, а генерала Йорка гиеною.

Полк. Горнъ страшно вспылилъ и закричалъ, указывая на льва и на гиену: «это—я, а это—ты!» и выбросилъ капитана за дверь. Подобныя отношенія прусскихъ и французскихъ офицеровъ ни для кого не были тайною.

26-го октября (новаго стиля) Гартвихъ былъ уже на родной почвѣ, а 30-го декабря сдѣлался извѣстнымъ знаменитый договоръ Йорка съ генераломъ Дибичемъ у Пошеровской мельницы.

Разсказъ Гартвиха это—повѣствованіе побѣдителя, интересующагося не участіемъ побѣжденныхъ, а прежде всего жизнью своего полка.

Какъ жили побѣжденные—жители Митавы—въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ пребыванія тамъ французской арміи, объ этомъ говоритъ одинъ изъ побѣжденныхъ, очевидецъ баронъ Г. ф. Шлиппенбахъ, разсказъ котораго въ переводѣ на русскій языкъ впервые появился въ журналѣ «Сынъ Отечества» за 1813 г. и перепечатанъ въ вышедшей въ текущемъ году въ Митавѣ брошюрѣ «Враги въ Курляндіи» (1-й вып. серіи «Изъ митавской старины»). Авторъ живо описываетъ злключенія курляндцевъ. На ихъ обязанности лежало доставлять провіантъ для 40-тысячнаго корпуса, работать надъ устройствомъ укрѣпленій, выставлять многочисленныя повозки для перевозки начальства, оружія, при-

пасовъ, дровъ и т. п. Курляндія осталась безъ работниковъ, что гибельно отразилось на сельскомъ хозяйствѣ. Еще сносно сравнительно жилось первое время, пока города занимались прусскими войсками, въ большинствѣ не сочувствовавшими завоевательнымъ планамъ Наполеона. «Образованные офицеры ихъ, которыхъ одушевляла истинная честь и любовь къ ихъ собственному отечеству, съ прискорбіемъ чувствовали, что они выступали въ поле противу такой державы, которой поработченіе довершило бы цѣль, уготованную на окованіе всей твердой земли Европы, цѣль, которая могла сдѣлать Европу всегдашнею рабою Франціи», но были и такіе прусскіе офицеры, которые «почитали высокимъ и славнымъ назначеніе свое—сражаться подъ начальствомъ завоевателя свѣта» (стр. 10). Съ прибытіемъ французскихъ интендантовъ положеніе Митавы ухудшилось: гербы російскіе были сняты со всѣхъ казенныхъ и присутственныхъ мѣстъ и замѣнены французскимъ, который стали употреблять и на печатяхъ; Курляндія была раздѣлена на два интендантства, реквизиціи производились съ жестокостью, было взято все, что только имѣло какую-либо цѣнность, взяты и городовые соляные магазины, соль вздорожала, и открылись заразные болѣзни; потребовали 2-миліонную контрибуцію, взымались и другіе поборы, пошлины, на примѣръ, за право охотиться, носить шпагу, лошади отбирались подъ артиллерію. Французы не пощадили и великолѣпныхъ замковъ. Такъ, замокъ Ружталь былъ обращенъ въ казармы. Его библіотека, заключавшая до десяти тысячъ томовъ, частью истреблена, частью приведена въ негодность. Въ то же время обращеніе съ жителями было самое безцеремонное. Такъ, одинъ баварець шута проткнулъ штыкомъ ногу одного крестьянина, и этотъ поступокъ остался безъ наказанія».

Особенно тяжело стало жителямъ съ наступленіемъ осени: отъ нихъ требовали около 50 тысячъ шубъ и овчинъ, стоняемый къ лагерямъ скотъ падалъ въ дорогѣ отъ холода, трудностей пути и недостатка въ пищѣ, въ то же время съ жителей взыскивали контрибуцію по 10 р. 86 к. ассигнаціями съ души. Къ чести мѣстныхъ помѣщиковъ, многіе изъ нихъ внесли эти деньги за своихъ крестьянъ; хуже было положеніе крестьянъ казенныхъ.

Въ это тяжелое время среди курляндскаго дворянства нашлись отважные защитники населенія. Таковъ былъ баронъ Фирксъ, совѣтникъ губернскаго правленія, не перестававшій требовать отъ французскаго правительства улучшенія участи жителей. Побѣдители не стѣснялись распространять ложныя извѣстія о мнимыхъ побѣдахъ, желая отнять у курлянцевъ послѣднюю надежду. «Не протекало ни одного почтоваго дня, въ который бы не приходило извѣстіе о какой-либо побѣдѣ надъ русскими. Графъ Витгенштейнъ неоднократно былъ взятъ въ плѣнъ или получалъ отставку; неоднократно лишался руки, такъ что можно было уже по этому одному судить, сколь тягостна была рука сія для враговъ, которые терзали ее одними лживыми своими извѣстіями. Никакой отрядъ не возвращался въ окрестности митавскія, не изрубя множества русскихъ; въ Шлокѣ взято было газетами 14 пушекъ, которыхъ ни въ Митавѣ, ни въ Шлокѣ не видали, и о которыхъ многіе честные прусскіе офицеры немало смѣялись» (стр. 13). Но, несмотря на всѣ мѣры, извѣстія о побѣдахъ русскихъ войскъ доходили до митавцевъ. Велика была радость населенія, когда въ на-

чалъ декабря началось выступленіе непріятеля изъ Митавы. 8-го декабря прошли послѣдніе остатки ихъ, и наконецъ появились казаки. Около 8 час. вечера прискакалъ военный отрядъ.

...«Казаки!» закричали жители, растворивъ окна и ворота, и подобно тому, какъ внезапно покрывающій веселыя лица румянецъ возвѣщаетъ восторгъ и чувства неизреченной радости, такъ вспыхнуло пламя тысячи радостныхъ свѣтильниковъ даже до самыхъ верховъ каждаго дома. Всѣ отъ мала до велика выбѣгали изъ дверей своего жилища, всѣ желали увидѣть, облобызать своихъ избавителей. Сотнями жителей окруженные казаки, съ лошадей своихъ простирали руки, отвѣчая на привѣтствія избавленныхъ друзей своихъ. Къ покрытой инеемъ и льдомъ груди пріѣзжихъ стремились груди и всѣхъ состояній, и братья праздновали минуту вождѣльнаго свиданія. Всѣ наперерывъ подавали закуски или укрѣпляющее питіе храбрымъ воинамъ. «Послѣ! послѣ, братцы! — говорили они: — мы должны преслѣдовать непріятеля!» и, подобно стрѣламъ въ быстротѣ ихъ теченія, пролетѣли они чрезъ весь городъ, забирая опоздавшихъ солдатъ и офицеровъ. Громкое «ура!» летало за ними по всѣмъ улицамъ. Непріятели обнимали другъ друга. Сперва плакали мы отъ печали, теперь начали проливать слезы умиленія и радости» (стр. 28).

9-го декабря было отслужено въ нѣмецкой лютеранской церкви торжественное благодарственное молебствіе, на которомъ присутствовали и христіане всѣхъ исповѣданій, и евреи, всѣ слились въ общей молитвѣ.

М.

Теодоръ Гомперцъ. Греческіе мыслители. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія Е. Герцыкъ и Д. Жуковскаго. Томъ первый 1911. Спб. Стр. 486. Цѣна 2 р. 75 к.

Авторъ настоящей книги, профессоръ вѣнскаго университета Теодоръ Гомперцъ, съ одинаковымъ усердіемъ занимается классической филологіей (преимущественнаго греческой) и философій. Настоящая книга его особенно интересна и цѣнна потому, что, по собственному признанію автора, является «итогомъ жизненнаго труда» этого почтеннаго старца (родился въ 1832 году). Цѣль сочиненія—изложеніе въ художественной, изящной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и строго научной формѣ исторіи греческой философіи. Имѣя въ виду прежде всего широкій кругъ интеллигентныхъ читателей, авторъ стремится всюду, гдѣ это только возможно, какъ тщательно объяснить необходимость и естественность возникновенія того или другого ученія, такъ и показать, — что особенно важно, — цѣнность его въ исторіи развитія современной науки. На ряду съ этимъ профессоръ Гомперцъ прилагаетъ много старанія къ тому, чтобы пояснить далекое отъ насъ античное міросозерцаніе блестящими параллелями изъ послѣдующей умственной жизни Европы, свидѣтельствующими объ огромной начитанности автора. Что касается общаго характера труда, то критика давно уже справедливо отмѣтила, что Гомперцъ симпатизируетъ болѣе эмпирической, чѣмъ спекулятивной философіи и положительныя науки предпочитаетъ метафизикѣ. Въ вышедшемъ пока первомъ (изъ трехъ) томѣ перевода изложеніе обрывается

на софистахъ и историкахъ. Привлеченіе этихъ послѣднихъ къ «греческимъ мыслителямъ» показываетъ, какъ широко понимаетъ авторъ свою тему. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что читатель найдетъ въ книгѣ много свѣдѣній и о философахъ-врачахъ. Не вдаваясь въ подробное изложеніе содержанія книги, скажу только, что лучшими отдѣлами ея можно считать главы объ Анаксимандрѣ, Гераклитѣ и Пифагорѣ—въ I части. Много интереснаго читатель, даже и специалистъ, найдетъ также въ изложеніи философіи Протагора и софистовъ вообще, гдѣ авторъ широко пользуется своей гипотезой о томъ, что одно сочиненіе, помѣщаемое обычно среди трудовъ врача Гиппократа, принадлежитъ Протагору. Впрочемъ, въ главѣ о софистахъ можно найти и нѣкоторыя преувеличенія: Гомперцъ никакъ не хочетъ мириться съ общепризнаннымъ представленіемъ о религіозномъ и нравственномъ скептицизмѣ этихъ философовъ. Конечно, отдѣлъ о софистахъ является отнюдь не единичнымъ слабо укрѣпленнымъ пунктомъ въ стройно сплоченномъ зданіи, воздвигнутомъ почтеннымъ ученымъ. Особенно трудно согласиться съ нимъ по вопросу объ отсутствіи философскихъ элементовъ въ первоначальной греческой религіи.

Остается сказать нѣсколько словъ о характерѣ русскаго перевода книги Гомперца. Имя г. Жуковскаго, участвовавшаго раньше въ переводѣ извѣстнаго труда Куно-Фишера «Исторія новой философіи» и, если не ошибаюсь, также издававшего его, можетъ служить достаточной порукой въ вѣрности и тщательности передачи нѣмецкаго текста книги. Въ своемъ стремленіи къ возможной добросовѣстности перевода почтенный издатель обратился съ просьбой пересмотрѣть корректуру передачи на русскій языкъ помѣщенныхъ сзади текста ученыхъ примѣчаній автора къ такому специалисту, какъ профессоръ С. А. Жебелевъ. Весьма желательно было бы, чтобы и послѣдующіе томы подверглись такому же авторитетному надзору. Выше было указано, что изложеніе Гомперца отличается особой художественной привлекательностью. Нельзя сказать, чтобы эта манера изложенія нашла себѣ соотвѣтствующее выраженіе въ переводѣ. Но во всякомъ случаѣ русская образованная публика получила прекрасную книгу, могущую искренно заинтересовать всѣхъ, кто пожелалъ бы ознакомиться съ нею.

А. М.—нз.

Arbeiten des ersten Baltischen historikertages zu Riga 1908. Riga. 1909.

Прибалтійскій историческій съѣздъ открылся 15-го апрѣля 1908 года въ домѣ Большой гильдіи въ Ригѣ и продолжался 3 дня. Присутствовало болѣе 160 членовъ изъ Петербурга, Риги, Митавы, Юрьева, Ревеля и другихъ, преимущественно прибалтійскихъ городовъ. Протоколы и рефераты участниковъ съѣзда и составляютъ содержаніе вышедшаго тома трудовъ. Въ немъ помѣщены (всѣ статьи—исключительно на нѣмецкомъ языкѣ): 1) Р. Гаусманъ, Обзоръ археологическихъ изысканій въ Прибалтійскомъ краѣ въ послѣднее 10-лѣтіе, 2) В. Шлютеръ, О собраніи и изданіи прибалтійскаго географическаго словаря, 3) Г. ф.-Бруинингъ, (Объ архивныхъ матеріалахъ для изученія ливонскихъ географическихъ именъ. 4) К. ф.-Левисъ-офъ-Менаръ, Карты лифляндскихъ имѣній шведскаго времени, 5) Г. Биленштейнъ, Нѣкоторыя мысли

о собранныхъ пасторомъ д-ромъ А. Биленштейномъ ономастическихъ материалахъ, 6) В. Биленштейпъ, Указанія для составленія списка названій городовъ и мѣстностей Прибалтійскаго края, 7) Г. Вормсъ, Объ исторіи нѣмецкаго народа въ Прибалтійскомъ краѣ, 8) Н. Минуть, Ремесленные обряды рижскихъ мѣдниковъ, 9) Л. Доссъ, О собираніи историческихъ свѣдѣній объ явленіяхъ природы и физико-географическихъ условіяхъ восточной части прибалтійскихъ губерній, 10) О. Тилло, Заботы о сохраненіи естественныхъ памятниковъ, 11) К. Купферъ, О происхожденіи, распространеніи и развитіи флоры въ восточной части прибалтійскихъ губерній, 12) В. ф. Стрикъ, Объ охранѣ памятниковъ, 13) Г. Пирангъ, Заботы о сохраненіи памятниковъ, 14) А. Фейерейзенъ, Начала защиты памятниковъ въ Швеціи и Ливоніи, 15) А. Фейерейзенъ, Объ архивномъ дѣлѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, 16) Г. ф. Бруинингъ, Архивъ лифляндскаго дворянства въ Ригѣ, 17) О. Ставенхагенъ, Архивъ курляндскаго дворянства въ Митавѣ, 18) Р. Винклеръ, О шведскомъ губернскомъ архивѣ въ Ревелѣ, 19) П. Верентъ, Остатки прежнихъ городскихъ архивовъ въ Венденѣ и Лемзалѣ, 20) К. Меттигъ, Архивъ Черноголовыхъ въ Ригѣ, 21) А. Ф. Фелькерзамъ, О семейномъ архивѣ князей Радзивилловъ въ Несвижскомъ замкѣ, 22) Т. Христіани, Объ Яковѣ Гадеманнѣ, вице-синдикѣ рижскаго совѣта.

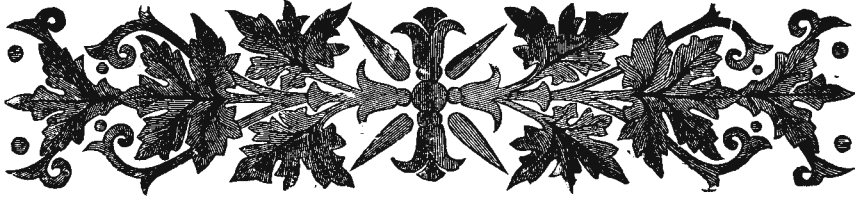
А. Э. М.—нъ.

Arnold Feuereisen. Livländische Geschichtslitteratur. 1907. Рига. 1910.

Вышедшій въ текущемъ году библиографическій указатель литературы о Прибалтійскомъ краѣ, составленный уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ А. Фейерейзенемъ, даетъ свѣдѣнія о вышедшихъ за границу и въ Россіи книгахъ и статьяхъ. Всего указано 561 названіе и при многихъ изъ нихъ указаны соотвѣтствующія рецензіи и замѣтки. Но врядъ ли правильно вносить въ списокъ такія сочиненія общаго содержанія, которыя прямого отношенія къ Прибалтійскому краю не имѣютъ, какъ, напр., Зерцаловъ и Бѣлокуровъ, «О нѣмецкихъ школахъ въ Москвѣ въ первой четверти XVIII в. (1701—1715)»; А. Фелькерзамъ, «Нѣкоторыя свѣдѣнія о с.-петербургскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерахъ за 100 лѣтъ», бар. Корфъ; «Дворянство и его словное управленіе за столѣтіе 1762—1855» и т. п.

А. Э. М.—нъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВАВИЛОНСКІЙ богъ Тамузъ ¹⁾.—До послѣдняго времени фигура вавилонскаго бога Тамуза оставалась не выясненной. Этотъ вавилонскій прототипъ финикійскаго Адониса вслѣдствіе немногочисленныхъ и часто неясныхъ текстовъ скрывался за дымкой легенды. Только теперь впервые удалось нѣсколько выяснить его личность, благодаря трудамъ нѣмецкаго археолога Циммерна, собравшаго въ одно цѣлое эти тексты, въ большинствѣ еще никѣмъ не переведенные. Нѣкоторые археологи смѣшивали Тамуза съ другими божествами; однако, изучивъ имена и двадцать девять прозвищъ Тамуза, Циммернъ замѣчаетъ, что нельзя видѣть въ Думуци-абцу и Думуци-двухъ божествъ, какъ это недавно сдѣлалъ Ястровъ; что прозвища Тамуза происходятъ частью чрезъ отождествленіе съ божествами различнаго происхожденія, напримѣръ Ама-узум-галь-анъ-на, которое происходитъ отъ женскаго божества. Тамузъ первый изъ шести сыновей Эа. Но Циммернъ перевелъ новый полный текстъ, гдѣ говорится, что Тамузъ принадлежитъ къ числу божествъ Сама; согласно одному магическому тексту онъ живетъ съ ними въ священномъ жилищѣ Эриду и Синъ-идиннамъ ставить его наряду съ «Сама». Его мать—Сирду, а сестра Гестипъ-Анна или Белить-сери. Истаръ—его жена или возлюбленная. Тамузъ, какъ богъ растительности, находится въ тѣсномъ отношеніи съ Нинъ-гизъ-зида и съ отцомъ послѣдняго, Нинъ-а-цусъ, Нинъ-цу, Нинъ-гирсу и Нинъ-ибъ. Пока извѣстны только два храма Тамуза: Кинуниръ и Дюръ-гургури (Телль Сифръ). Собственные имена мужчинъ, составленные съ именемъ Тамуза, часто попадаютъ въ древнихъ вавилонскихъ документахъ, но начиная съ эпохи Гаммураби они

¹⁾ Der babylonische Gott Tamuz. H. Zimmern. Abhand d. saechsischen Gesellschaft der Wissenschaften, t. XXVII, p. 40 in—8°. Leipzig.

исчезаютъ. Культъ Тамуза, относящійся къ самому началу сумерійской эпохи, удержался въ семитическую эпоху только въ народной религіи. Миѳологія Тамуза еще мало изслѣдована. Въ одномъ изъ текстовъ говорится, что въ молодости Тамузъ находился на кораблѣ, который тонулъ. На какое событіе намекаетъ текстъ—неизвѣстно. «Сдѣлавшись великимъ, — говорится тамъ, — онъ утопалъ среди хлѣбныхъ колосевъ»—это служить намекомъ на его характеръ бога растительности. Тамуза звали также пастухомъ, и его исчезновеніе въ аду было отмѣчено гибелью скота и растительности. Въ то же время его считали богомъ-цѣлителемъ, но до сихъ поръ ни въ одномъ вавилонскомъ текстѣ не оказалось данныхъ о томъ миѳѣ, гдѣ говорится, какъ Тамузъ былъ убитъ кабаномъ. Шестой мѣсяць стараго вавилонскаго года назывался праздникомъ Тамуза и справлялся въ эпоху зимняго солнцестоянія. Но праздновался ли онъ официально въ ассирійскую эпоху, или нео-вавилонскую, — неизвѣстно, за неимѣніемъ письменныхъ документовъ. Существуетъ множество намековъ на оплакиваніе Тамуза, что подтверждается свидѣтельствомъ Іезекіиля. Постъ Тамуза у евреевъ относится, быть можетъ, къ похоронному празднику въ честь Тамуза и только въ послѣдствіи этотъ праздникъ могъ быть отнесенъ къ разрушенію храма.

— Генеральша Бонапартъ.—Биографы императрицы Жозефины довольно щедро обогатили историческую литературу ея характеристиками и, казалось, источниками, питавшіе ее, уже изсякли. Но вотъ передъ нами недавно вышедшая въ Парижѣ новая книга: «La générale Bonaparte»¹⁾, въ которой на 346 страницахъ собраны свѣдѣнія изъ различныхъ мемуаровъ, писемъ, воспоминаній о Наполеоновской эпохѣ. Авторъ этого труда, Жозефъ Турканъ, выступая изъ рамокъ біографа, является суровымъ прокуроромъ этой, по свидѣтельству современниковъ, «любезной и очаровательной женщины». Указавъ на то, что прежніе біографы «придавали ей только качества, хорошо зная, что она ими не обладаетъ, и ничего не говорили объ ея недостаткахъ, которыхъ у нея не одинъ сортъ», Турканъ собралъ послѣдніе, приправилъ ихъ пикантными подробностями и назвалъ свой трудъ—исторіей, а не легендой». Ёдко и не безъ остроумія онъ рисуетъ картину нравовъ, царившихъ въ Парижѣ съ 9 термидора, эпоху общественнаго безумія, баловъ, празднествъ, которую актеръ Дазенкуръ назвалъ «Régence de la Terreur».

Официально танцовали у вліятельнаго члена директоріи Барра въ Люксембургѣ. Здѣсь собиралось самое пестрое общество Новой Франціи, начиная съ женщинъ съ грубыми руками, родственницъ г-жи Анго, еще вчера носившихъ передники, а сегодня разыгрывающихъ дамъ,—до старинныхъ аристократокъ, опьянявшихъ себя танцами и интригами. Среди послѣднихъ царила метресса Барра, «термидорская богородица» г-жа Тальень, одна изъ тѣхъ женщинъ, прелести которыхъ дѣлали ихъ самыми могущественными. Между этими неизвѣстно откуда набравшимися женщинами, въ туалетахъ Діаны, весталокъ, туникахъ Минервы, бросающими на мужчинъ многообѣщающіе взгляды, привлекала вниманіе привезенная сюда г-жею Тальень Жозефина Богарне, уже забывшая трагически погибшаго подъ гильотиной мужа. Но вотъ г-жа Тальень заводитъ

¹⁾ La générale Bonaparte. Par Joseph Turquan. Paris. 1910.

бесѣду съ маленькимъ въ поношенномъ мундирѣ военнымъ, какъ будто только что вернувшимся съ поля сраженія и еще пахнущимъ порохомъ. Его желтое лицо едва обтянуто кожей, волосы плотно прилегаютъ на вискахъ, ввалившіеся глаза время отъ времени сверкаютъ пламенемъ. Это Наполеонъ, только что представленный г-жѣ Тальенъ, которая приглашаетъ его къ себѣ на вечеръ. Онъ еще робокъ и застѣнчивъ.

Затѣмъ авторъ переноситъ читателя въ «роскошную хижину» гражданки Тальенъ въ Елисейскихъ Поляхъ. У нея балъ, и также среди дамъ съ грубыми руками красуются аристократическія бѣлоручки. Здѣсь же находится Жозефина Богарне и Бонапартъ.

Скромный, застѣнчивый генераль еще на порогѣ къ славы и такъ небогатъ, что принужденъ у хозяйки дома ходатайствовать себѣ о нѣсколькихъ аршинахъ сукна на мундиръ. Согласно декрету фруктидора года III, генераль Бонапартъ, только что назначенный начальникомъ артиллерійской бригады, въ данный моментъ не имѣлъ на это права, не находясь въ дѣйствующей арміи, но всемогущая г-жа Тальенъ обѣщаетъ ему исполнить просьбу. Генераль оживляется и даже принимаетъ участіе въ предсказаніяхъ—развлеченіи, вошедшемъ въ то время въ моду. Жозефина Богарне, суевѣрная, какъ всѣ креолки, заинтересовалась имъ; она хотѣла бы протянуть ему свою руку для гаданья, но Бонапартъ уже предсказываетъ генералу Ошъ: «Генераль, вы умрете въ своей постели». Раздается всеобщій смѣхъ, и предсказатель исчезаетъ въ толпѣ.

Такъ произошли первыя встрѣчи Наполеона съ Жозефиной Богарне. Въ это время ей было тридцать шесть лѣтъ, а Бонапарту двадцать пять.

Но прежде всего вотъ какъ Тюрканъ описываетъ физическій портретъ побѣдительницы всемірнаго побѣдителя. Средняго роста, скорѣе смуглая, Жозефина не была красавица, но очаровательна. Главная прелесть заключалась въ ея осанкѣ, отличавшейся гибкими и волнистыми линиями, какъ у креолокъ, въ длинныхъ прекрасныхъ рѣсницахъ, слегка загнутыхъ на концѣ, что придавало ея взгляду особенное очарованіе и томность, присущія равнодушнымъ женщинамъ. На ея лицѣ обыкновенно было выраженіе удивленія, а маленькій, слегка вздернутый носъ какъ бы оживлялъ всю ея фізіономію, недостаточно освѣщенную темно-синими глазами; каштановые волосы съ натуральнымъ или искусственнымъ золотистымъ оттѣнкомъ падали на ея лобъ безпорядочными буклями, придавая глазамъ нѣсколько вызывающее выраженіе, несмотря на небрежную грацію, разливающуюся на всей фізіономіи. Но зато маленькій ротикъ Жозефины былъ въ ужасномъ состояніи, и обоняніе лицъ, приближающихся къ ней, по свидѣтельству графини Абрантесъ, сильно страдало. Это недостатокъ всѣхъ корсиканокъ; послѣ двадцати лѣтъ онѣ обыкновенно лишаются зубовъ. Но Жозефина, какъ настоящая кокетка, знала это и постоянно улыбалась съ сжатыми губами. Широкія оконечности пальцевъ съ плоскими ногтями нѣсколько портили ея руки, красивыя отъ плеча до кисти. Въ общемъ вся ея личность была гармонична, и, хотя уже отпѣвшая, Жозефина все еще нравилась мужчинамъ.

Рисуя ея нравственный обликъ, Тюрканъ будто произноситъ ей обвинительный приговоръ. Воспитанная на принципахъ или, вѣрнѣе, безъ всякихъ прин-

циповъ, какъ это бывало при королевскихъ дворахъ всѣхъ эпохъ и особенно въ послѣднее время монархіи, подававшей пагубный примѣръ, попавшая ко двору во время директоріи, еще болѣе порочной, не имѣвшая понятія о долгѣ, не очень шепетильная, любившая удовольствія и разсыянную жизнь, Жозефина не была разборчива въ средствахъ, и всѣ они казались ей хороши, если вели къ осуществленію ея плановъ. Ей ничего не стоило солгать: она лгала смѣло и эту отвратительную привычку сохранила на всю жизнь. Ей легко было лгать, когда ложь могла служить на пользу ея плановъ и скрывать ея грѣхи. Для этого она была слишкомъ женщина, но женщина вульгарная, и нравственное достоинство ее менѣе всего беспокоило.

Наполеонъ не былъ созданъ плѣнять такую изящную фривольную женщину, какъ Жозефина. Сосредоточенный, замкнутый въ себѣ, скорѣе съ рѣзкими, чѣмъ съ непринужденными манерами, онъ далеко не былъ тѣмъ, что называется въ свѣтѣ «любезнымъ молодымъ человѣкомъ». Но онъ былъ сердечный человѣкъ, да еще гениальный, но которыхъ не заискиваютъ въ свѣтскихъ салонахъ, пока они не добьются славы.

Знакомство Жозефины съ нимъ, какъ уже упоминалось, произошло у г-жи Тальень. Трогательную же легенду о томъ, что ея сынъ Евгений отправился къ нему 13 вандемьера просить о возвращеніи ему шпаги отца, отобранной согласно изданному декрету о запрещеніи гражданамъ хранить у себя оружіе, Тюрканъ отрицаетъ. Согласно этой легендѣ на другой день Жозефина сама отправилась къ Бонапарту благодарить за оказанную услугу, и съ тѣхъ поръ завязалось ихъ знакомство. На дѣлѣ ничего этого не было, а Жозефина видѣлась съ нимъ, кромѣ г-жи Тальень, еще у Барра и вмѣстѣ съ нею ѣздила къ нему завтракать въ его великолѣпный отель въ улицѣ Капуциновъ. Немного времени прошло съ 13 вандемьера, а ужъ черезъ два-три дня она писала ему 6 брюмера: «Вы не приходите болѣе къ вашей подругѣ, которая васъ любитъ; вы совсѣмъ забросили ее, вы не правы: она нѣжно къ вамъ привязана. Приходите ко мнѣ завтра, сиптиди, мнѣ надо васъ видѣть и поговорить о вашихъ интересахъ. До свиданья, мой другъ, обнимаю васъ». Изъ письма видно, что между ними уже была близость. Но не любовь продиктовала Жозефинѣ приведенныя строки: это было заигрываніе съ ея стороны. Она не любила Наполеона, въ чемъ призналась своему бывшему любовнику Барра и въ письмѣ къ одной подругѣ. Въ любовники она взяла его, какъ лучшее средство добыть себѣ мужа. Его бѣдность ее не пугала: она рассчитывала, что онъ сдѣлаетъ карьеру съ помощью Барра и г-жи Тальень. Барра уже ей обѣщала назначить Бонапарта командующимъ итальянской арміей.

Но любилъ ли ее Наполеонъ? Нѣкоторые современники свидѣтельствовали, что имъ руководили практическія соображенія, и его личный секретарь Буррьенъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ: «Я понялъ изъ его разговора, что этотъ бракъ принесетъ пользу его честолюбію. Посредствомъ Жозефины онъ сблизился съ самыми вліятельными лицами». Но сама Жозефина отрицаетъ этотъ расчетъ. Вотъ ея слова: «Вчера Бонапартъ, говоря объ этой милости, уже заставившей роптать его товарищей по оружію, хотя она еще не была ему предложена, замѣтилъ: «Неужели они думаютъ, что для достиженія успѣха мнѣ нужно покровительство. Всѣ они сочли бы за счастье, если бы я предложилъ имъ

свое. При мнѣ моя шпага, а съ нею я далеко уйду». Карно отвергаетъ это покровительство Барра. «Совсѣмъ невѣрно, что Барра предложилъ Бонапарту командованіе итальянской арміей,—говорилъ онъ:—это я самъ предложилъ». Но главный покровитель Наполеона былъ онъ самъ, выказавъ себя 13 вандермера съ выгодной стороны. Въ матеріальномъ отношеніи Жозефина не представляла блестящей партіи, хотя, по словамъ Меневаля, личного секретаря Наполеона, замѣнившаго Буррьена, ея годовой доходъ равнялся двадцати пяти тысячамъ ливровъ. Тюрканъ называетъ это тоже легендой. Послѣ побѣдъ Наполеона въ Италіи друзья старались увеличить цифру состоянія Жозефины, «будто женитьба на безприданницѣ, говоритъ Тюрканъ, могла умалить генерала Бонапарта». У Жозефины были лишь долги, и она сѣвшила поскорѣе найти себѣ мужа, чтобы выбраться изъ затруднительнаго положенія. Молодой Бонапартъ, ослѣпленный любовью, не замѣтилъ по ея обстановкѣ нужды, прикрытой уцѣлѣвшими остатками прежней роскоши. «Привыкшіи къ скромному обиходу родительскаго дома и корсиканскихъ семействъ, онъ могъ не замѣтить, что даже ея хозяйство пришло въ упадокъ и очень походило на хозяйство нѣкоторыхъ женщинъ легкаго поведенія, которыя надѣваются на себя все, что имѣютъ».

Слѣдовательно, не расчетъ, а первая безумная, беззавѣтная любовь заставила Наполеона жениться на Жозефинѣ. Страстные письма пылкаго корсиканца, несмотря на давность времени, такъ и дышатъ молодой, горячей, страстной любовью. Пламень ея сжигалъ самого гениальнаго человѣка, не прикасаясь виновницы, воспламенившей его, и заставлялъ забывать все на свѣтѣ и относиться равнодушно ко всему, даже къ побѣдамъ, кромѣ одной недоступной побѣды надъ непобѣдимой Жозефиной.

Съ момента ихъ сближенія онъ все свободное время отдавалъ ей, сгорая страстной любовью. «Въ ожиданіи *dolce amor*,—писалъ онъ въ концѣ одного письма,—тысячу поцѣлуевъ, но не возвращай ихъ мнѣ: они сжигаютъ мнѣ кровь».

Этотъ бракъ возбуждалъ въ обѣихъ семьяхъ и среди друзей протесты. Жозефину отговаривалъ ея нотаріусъ Рагидо отъ брака съ бѣднымъ офицеромъ, моложе ея на нѣсколько лѣтъ, и говорилъ, что всѣ друзья огорчены ея рѣшеніемъ.—«А вы сами какого мнѣнія о немъ?» спросила его Жозефина. «Этотъ офицеръ, безъ сомнѣнія, очень представительный,—отвѣтилъ нотаріусъ, не подозрѣвая о присутствіи Наполеона:—но у него только кени и шпага». Все это слышалъ Наполеонъ и нашель, что Рагидо честный человѣкъ и будеть ихъ нотаріусомъ.

Жозефина все оттягивала свадьбу, но, наконецъ, 9-го марта 1796 года, въ 10 часовъ вечера, она состоялась у мэра второго округа. При этомъ произошла комичная задержка. Мэръ привыкъ ложиться спать очень рано, и когда Наполеонъ съ Жозефиной пріѣхали заключать контрактъ, онъ уже покоился въ постели и жениху пришлось самому его будить. Жозефина воспользовалась тѣмъ, что въ то время въ метрическихъ свидѣтельствахъ не строго соблюдалась точность и убавила себѣ четыре года, а Наполеонъ, изъ любезности, прибавилъ себѣ одинъ годъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы для Наполеона началась трагедія. Безумно любя Жозефину и счастливый, что, наконецъ, обладаетъ ею, онъ смутно чувствовалъ, однако, съ ея стороны холодность. Съ наивностью молодого влюбленнаго, онъ искалъ въ своихъ чувствахъ причину ея равнодушія и, рѣшивъ, что недостаточно ее любить, удвоилъ свою страсть. По натурѣ кокетка, Жозефина любила болѣе внѣшніе матеріальные знаки любви: подарки, ухаживанія, балы, празднества; экзальтированное чувство молодого мужа для нея было непонятно и, какъ все остающееся непонятнымъ, скоро ей надоѣло, и она не могла выносить Бонапарта и холодно принимала его ласки. Для нея задуманная игра была сыграна: она получила черезъ бракъ почетное мѣсто и теперь хотѣла наслаждаться всѣми выгодами этого союза. На ея счастье, черезъ два дня Бонапартъ уѣхалъ въ Италію. Она осталась въ Парижѣ одна, свободная, и могла вести жизнь среди удовольствій, какъ она любила болѣе всего на свѣтѣ. Влюбленный Наполеонъ, не зная ея отношеній къ Барра, поручилъ ему заботиться о ней. Посылая ей деньги изъ Шатильона, онъ писалъ ей: «Каждый моментъ меня отдаляетъ отъ тебя, обожаемый другъ, и каждый моментъ я чувствую менѣе силъ переносить эту разлуку. Ты предметъ моихъ постоянныхъ думъ, я истощаю свое воображеніе, угадывая, что ты дѣлаешь. Когда я вижу тебя грустной, мое сердце разрывается, и горе мое усиливается, если ты весела, дурачишься съ твоими друзьями, я упрекаю тебя, что ты забыла трехдневную разлуку—тогда ты легкомысленна и не испытываешь никакого глубокаго чувства. Какъ ты видишь, нелегко мнѣ себя удовлетворить». Въ заключеніе, онъ говоритъ: «Ахъ, не будь весела, но немного меланхолична». По забывчивости, или подъ вліяніемъ разлуки, Наполеонъ подписалъ на конвертѣ прежнюю фамилію Жозефины.

Разлука различно подѣйствовала на супруговъ. Наполеонъ, находясь во главѣ арміи, писалъ ей: «Моя единственная Жозефина, вдали отъ тебя нѣтъ веселья, свѣтъ—пустыня, гдѣ я одинокъ. Ты отняла отъ меня болѣе, чѣмъ душу. Ты единственная мысль моей жизни. Какимъ искусствомъ плѣнила ты всѣ мои умственные способности, сосредоточила въ себѣ мое нравственное существованіе. Жизнь для Жозефины—вотъ исторія моей жизни». Жозефина, со своей стороны, оставалась холодна и отвѣчала короткими письмами. Въ сердце Наполеона стало закрадываться сомнѣніе, и даже длинныя, страстныя письма Жозефины уже не внесли бы въ его сердце счастья; а, между тѣмъ, онъ жилъ среди блестящихъ военныхъ успѣховъ: однако ничто его не развлекало. Великій челоувѣкъ, побѣдитель—самъ палъ жертвою слабой и ничтожной Жозефины: женщина побѣдила героя; она была его неотступной мечтой. «Генеральъ Бонапартъ,—говорилъ Мармонъ,—какъ ни былъ занятъ своей высокой задачей, интересами, ввѣренными ему, своей будущностью, но еще имѣлъ время предаваться другому рода чувствамъ: онъ непрестанно думалъ о своей женѣ. Продолжавшіяся опаздыванія съ ея отъѣздомъ горько его тревожатъ, и онъ предается чувству ревности и суевѣрію, которое сильно развито въ его натурѣ. Однажды разбилося стекло на ея портретѣ, и онъ, поблѣднѣвъ, съ ужасомъ произнесъ: «Мармонъ, моя жена или очень больна, или мнѣ измѣняетъ».

Въ то время, какъ Наполеонъ томился въ мукахъ ревности, сжигаемый своей страстной любовью къ Жозефинѣ и ожидая съ нетерпѣніемъ ея прїѣзда, она утопала въ наслажденїяхъ. Предъ нею курили оиміамъ: при видѣ ея толпа парижанъ почтительно разступалась, ее привѣтствовали при встрѣчѣ, и ея слухъ ласкало данное ей толпою прозвище: «Notre Dame des victoires». Наконецъ, Наполеонъ написалъ брату отчаянное письмо, въ которомъ заклиналъ его позаботиться о ней и если она здорова, то уговорить скорѣе выѣзжать къ нему. «Если она меня больше не любитъ, мнѣ ничего не остается дѣлать на землѣ», заканчиваетъ онъ письмо.

Какъ ни оттягивала Жозефина отъѣздъ, но въ концѣ концовъ ей неизбежно предстояло разстаться съ милымъ ей сердцу Парижемъ и друзьями. Письма Наполеона становились все отчаяннѣе. Не было лжи, на какую не готова была итти Жозефина, лишь бы остаться. И вотъ она придумала предлогъ—беременность. «Она беременна, больна, и этотъ путь для нея опасенъ». Этотъ предлогъ произвелъ желаемое воздѣйствіе на Бонапарта, и 15-го іюня 1796 года онъ написалъ ей письмо, въ которомъ, между прочимъ, рельефно выступаетъ его всегдашняя вѣра въ предчувствія. «Моя жизнь—сплошной кошмаръ! Рокковыя предчувствія мѣшаютъ мнѣ дышать. Я болѣе не живу. Я потерялъ болѣе, чѣмъ жизнь, болѣе, чѣмъ счастье, болѣе, чѣмъ спокойствіе, я почти безъ надежды. Ты больна, ты меня любишь, я тебя обидѣлъ, ты беременна, а я тебя не вижу. Я такъ виноватъ предъ тобою, что не знаю, чѣмъ искупить. Я обвинялъ тебя, что ты оставалась въ Парижѣ, а ты была тамъ больна. Прости, добрый другъ: любовь, которую ты мнѣ внушила, отнимаетъ у меня разсудокъ; я его болѣе никогда не найду».

Въ этомъ длинномъ письмѣ цѣлая эпопея страданій, ревности, любовнаго томленія, суевѣрія, униженія и т. д. Страсть къ женщинѣ убила въ героѣ всѣ возвышенныя чувства. «Я всегда былъ счастливъ; никогда моя судьба не сопротивлялась моей волѣ, и теперь я пораженъ въ самое больное мѣсто. Ни аппетита, ни сна, ни интереса къ дружбѣ, къ славѣ, къ родинѣ; ты, ты и ничего другого на свѣтѣ для меня не существуетъ: будто онъ исчезъ. Я хочу почестей, потому что ты ихъ хочешь; побѣды, потому что она доставляетъ тебѣ удовольствіе; безъ этого я все бросилъ бы и былъ бы у твоихъ ногъ». Здѣсь проявилась склонность Наполеона къ мистицизму. «Между любящими существами,—пишетъ онъ,—есть магнетическій токъ. Ты знаешь, что никогда я не могъ бы видѣть, что у тебя любовникъ, еще менѣе, что ты отъ него страдаешь; вырвать у него сердце и видѣть его для меня одно и то же, и затѣмъ если бы я могъ поднять руку на твою священную особу... Но нѣтъ, я никогда не осмѣлился бы это сдѣлать; но я уйду отъ этой жизни, въ которой самое чистое, что для меня существуетъ, обмануло меня. Я увѣренъ и горжусь твоей любовью. Въ твоихъ объятіяхъ увидитъ свѣтъ ребенокъ, котораго я буду обожать, какъ его мать».

Бѣдный, наивный Бонапартъ, если бы онъ могъ предвидѣть, что вскорѣ же посланный имъ въ Парижъ съ трактатомъ, заключеннымъ съ королемъ Сардиніи, Мюратъ вернется побѣдителемъ Жозефины, то исключилъ бы эту фразу изъ письма. Мюратъ такъ часто посѣщалъ жену своего генерала, что въ Па-

рижѣ распространились сплетни, и Иосифъ Бонапартъ принужденъ былъ уведомить брата, прося его вызвать Жозефину въ Италію. Онъ поручилъ Жюно привезти Жозефину и лаконически написалъ ей: «Жюно везетъ въ Парижъ двадцать знаменъ. Ты должна вернуться съ нимъ, слышишь?!» Повязка, затянутая услужливой рукой амура на глазахъ Наполеона, была развязана чужой рукой, но онъ все еще не окончательно прозрѣлъ. Жозефина послѣ блестящихъ празднествъ, устроенныхъ при сдачѣ знаменъ въ Люксембургѣ, гдѣ ее чествовали, какъ красивую женщину и жену героя, увидѣла неизбѣжность признанія предъ Наполеономъ, что она не беременна. Наконецъ наступилъ ужасный для нея день отъѣзда 24-го іюня 1796 года. Она готова была отдать всѣ дворцы въ мірѣ за свой парижскій домикъ, только что купленный у Тальмы, лишь бы остаться въ немъ. Отчаяніе ея дошло до того, что она рыдала, будто ее посылали на казнь. Страсть мужа, до сихъ поръ ее «забавлявшая», уже не веселила болѣе. Но грусть быстро смѣнилась смѣхомъ, когда она очутилась въ каретѣ съ молодыми веселыми спутниками: Жюно, красавцемъ Мюратомъ, братомъ Бонапарта Иосифомъ. Жозефинѣ во что бы то ни стало хотѣлось, чтобы Жюно за нею ухаживалъ во время пути. Но осторожный Жюно, желая оградить себя отъ непріятностей предъ своимъ генераломъ, сталъ ухаживать за горничной Жозефины, Луизой, которая въ то время играла роль подружки Жозефины. Когда Жозефина увидала, что Жюно ухаживаетъ за этой молодой дѣвушкой, она не скрыла досады, но когда та благосклонно отвѣчала на его ухаживанья, Жозефина разсердилась. Жюно для отвлеченія подозрѣній генерала оставилъ ее у себя въ Миланѣ. Онъ покупалъ ей роскошные туалеты, завелъ для нея великолѣпные выѣзды, и она стала соперничать съ Жозефиной въ роскоши. Впослѣдствіи Наполеонъ приказалъ ее выслать, и она впала въ нищету. Жозефина, ставъ императрицей, помогла ей выйти замужъ за англійскаго жокея, но она несчастно кончила свое существованіе.

Въ Туринѣ Жозефину ожидалъ Мармонъ, высланный для ея встрѣчи Наполеономъ, а въ Миланѣ самъ Бонапартъ устроилъ для нея королевскій приемъ. Онъ восторженно встрѣтилъ жену, приготовилъ для нея лучшій дворецъ герцога Сербеллони, но оставался съ нею недолго: движеніе австрійцевъ заставило его оставить ее въ Миланѣ и стремиться къ новымъ сраженіямъ, къ новымъ побѣдамъ. Жозефину это не огорчало: она уже освоилась съ новой ролью и забыла, какъ проливала слезы, покидая Парижъ, какъ въ дорогѣ Жюно нанесъ ея самолюбію уколы, и устроила свой маленькій дворъ изъ оставшихся въ Миланѣ офицеровъ. Капризъ къ Жюно былъ также забытъ. Уже въ день пріѣзда ея вниманіе привлекъ маленькій смуглый офицеръ, Ипполитъ Шарль, находившійся при адъютантѣ Леклеркѣ. Не блиставшій умомъ, всегда говорившій каламбуры, онъ походилъ на шута; но что въ томъ Жозефинѣ? Онъ такъ ловко носилъ гусарскій мундиръ, а она его цѣнила болѣе всего. Едва она устроилась во дворцѣ Сербеллони, какъ уже пригласила его вмѣстѣ съ другими офицерами, и вскорѣ съ нимъ сблизилась. Каждый разъ, какъ Бонапартъ уѣзжалъ, Шарль завтракалъ у нея, и объ этомъ зналъ не только весь Миланъ, но и главная квартира. Напрасно молилъ ее Бонапартъ въ письмахъ пріѣхать къ нему въ Верону, гдѣ онъ лежалъ больной послѣ одержанной побѣды,—Жозефина никакъ

не могла разстаться съ новой игрушкой и подъ обычнымъ предлогомъ нездоровья отклонила свой прїѣздъ. Ея письма къ Бонапарту были такія короткія и холодныя, что онъ писалъ ей: «Тысяча поцѣлуевъ, настолько жгучихъ, насколько ты холодна». Въ его сердце запало подозрѣніе, и онъ уже началъ вскрывать ея письма, хотя увѣрялъ, что дѣлаетъ это не изъ ревности, и униженно писалъ ей: «Я хотѣлъ бы имѣть отъ тебя разрѣшеніе распечатывать твои письма, тогда не было бы болѣе ни сомнѣній, ни боязни... Я велѣлъ позвать курьера, но онъ сказалъ, что былъ у тебя и ты не отдала никакихъ приказаній. Вы злая, дурнышка, жестокая, тиранка, хорошенькій уродецъ! Ты смѣешься надъ моими угрозами и глупостями. Ахъ, если бы, знаешь, я могъ запереть тебя въ моему сердцу, я бы тебя тамъ заключилъ въ тюрьму». На запрещеніе жены распечатывать ея письма онъ отвѣтилъ: «Что касается твоихъ писемъ, то если тебя сердить, что я ихъ распечатываю, тогда это письмо будетъ послѣднее».

Отговорившись болѣзью, Жозефина только оттянула отъѣздъ, и Бонапартъ снова засыпалъ ее просьбами прїѣхать къ нему уже въ Бресцію, въ главную квартиру, для совмѣстнаго житья. Наконецъ 22 іюля онъ категорически потребовалъ ея прїѣзда и даже назначилъ маршрутъ и расписаніе времени. Однако судьба и непріятель были за Жозефину, и едва она туда прїѣхала, какъ пришлось возвратиться въ Миланъ, два раза по дорогѣ попробовавъ непріятельскаго огня. Прїѣхавъ домой, она опять забыла о мужѣ и по нѣскольку дней не писала ему. Измѣна жены приносила ему счастье въ сраженіяхъ, и онъ писалъ: «Никогда у насъ не было такого постояннаго успѣха и такого крупнаго: Італія, Фріулъ, Тироль обезпечены для республики». Впрочемъ, эти побѣды не могли ступать или хотя бы ослабить непріятное чувство ревности и любви къ Жозефинѣ, становившейся все холоднѣе. «Твои письма холодны, какъ пятьдесятъ лѣтъ: они похожи на пятнадцатилѣтній бракъ. Въ нихъ видна дружба и чувствуется зима жизни. Фи! Жозефина! Это очень зло, очень гадко, очень вѣроломно съ вашей стороны. Чѣмъ вы можете меня еще обидѣть? Не будете меня больше любить? Но это уже совершилось. Меня ненавидѣть? Ну, хорошо. Я этого хочу, только не равнодушіе при неподвижномъ пульсѣ, съ устремленными въ одну точку глазами и монотонной походкой!» Упреки не дѣйствовали на Жозефину, но разжигали ревность самого Бонапарта. «Я тебя больше не люблю, совсѣмъ не люблю, напротивъ, ненавижу. Вы скверная, неловкая, глупая, замарашка. Ты мнѣ больше не пишешь, ты не любишь своего мужа»,—жаловался онъ въ одномъ письмѣ, а въ слѣдующемъ уже явно выражалъ подозрѣніе, спрашивая: «Кто этотъ новый любовникъ, поглощающій все твое время? Жозефина, берегись,—угрожалъ онъ:— въ одну прекрасную ночь я взломаю дверь».

Эту угрозу онъ не привелъ въ исполненіе, а явился въ Миланъ, предупредивъ Жозефину о своемъ прїѣздѣ. Полный любви и страсти, онъ спѣшилъ къ ней, и опять его ждалъ ударъ: Жозефина упорхнула съ Шарлемъ на празднества въ Геную. «Не безпокойся прїѣзжать,—писалъ онъ женѣ:—веселись, общество создано для тебя». Романъ съ Шарлемъ все болѣе раскрывалъ Бонапарту глаза, и въ главной квартирѣ прошелъ слухъ, что онъ приказалъ арестовать и разстрѣлять Ипполита Шарля. Послѣдняя угроза, однако, не осу-

щевилась, и все ограничилось удалением его изъ Италиі. «Моя невѣстка едва не умерла съ горя,—говорила г-жѣ Жюно сестра Наполеона, Полина Бонапартъ:—а, конечно, съ горя не умирають отъ разлуки съ друзьями. Здѣсь больше, чѣмъ дружба! Я утѣшала брата, онъ былъ очень несчастенъ».

Но Жозефина не даромъ была женщина: возвратившись изъ Генуи, она вымолила слезами у Бонапарта примиреніе; вообще слезы нерѣдко выводили ее изъ затруднительныхъ положеній.

Эта измѣна жены послужила кризисомъ любовной горячкѣ Бонапарта, съ этихъ поръ его отношенія къ ней сдѣлались уравновѣшеннѣе. Ея связь съ Мюратомъ въ Парижѣ отозвалась, какъ эхо, въ Италиі и достигла ушей Бонапарта. На одной пирушкѣ съ друзьями подвыпившій Мюратъ, заказывая своему слугѣ подать ромъ для пунша, сказалъ: «Особенно принеси ромъ съ Мартиники, я хочу сказать съ Ямайки, знаешь, который я привезъ изъ Парижа». Когда все было подано, онъ досталъ изъ футляра эмалированный прессъ для фруктовъ. «Что это такое?» спросилъ одинъ изъ пріятелей.—«А это для выжиманія сока изъ апельсиновъ и лимоновъ, чтобы дѣлать пуншъ à la géole; это память о моей пуншевой любовницѣ», отвѣтилъ онъ. Когда всѣ опьянѣли, то Мюратъ сталъ хвастаться разными интимными подробностями изъ отношеній креолки, о которыхъ говорится только среди подгулявшей молодежи. Всѣ узнали въ креолкѣ Жозефину, когда увидѣли на прессѣ инициалы J. В., и одинъ изъ офицеровъ воскликнулъ: «O! o! J. В. Я увѣренъ, что угадалъ!»—и онъ началъ читать по складамъ: «Ба, бе, би, бо... такъ, такъ... вѣдь бо? — не правда ли? Бо... Бона...»—«Замолчите!» воскликнулъ Мюратъ, желавшій, чтобы имя было угадано, но не произнесено вслухъ. Въ тотъ же вечеръ обо всемъ этомъ узналъ Бонапартъ и потребовалъ принести ему знаменитый прессъ. Но онъ какъ-то вдругъ затерялся у Мюрата, и тотъ сталъ увѣрять пріятелей, что инициалы были не J. В., а J. М.—Иоакимъ Мюратъ.

Изъ предосторожности Бонапартъ не сталъ добираться до подробностей этого скандала, но сердился на Мюрата и когда, отправляясь въ Египеть, отмѣчалъ имена офицеровъ, которымъ предстояло его сопровождать, то вычеркнулъ имя Мюрата, намѣреваясь взять съ собой Жозефину. Онъ былъ неприятно удивленъ, когда узналъ, что военный министръ назначилъ Мюрата командиромъ бригады драгунъ въ экспедиціонномъ отрядѣ. Жозефина, сохранившая къ нему расположеніе, повліяла на Барра, который устроилъ его назначеніе. По словамъ одного ея современника Сенадини, послѣ Шарля изгнанію изъ главной квартиры подверглось еще нѣсколько офицеровъ, его замѣстителей.

Послѣ блестящихъ побѣдъ между взятіемъ Мантуи и Леобенскимъ перемиремъ здоровье Бонапарта пришло въ плачевное состояніе. Его истощили столько же утомленіе отъ военныхъ дѣйствій, какъ и острая ревность къ Жозефинѣ. Желтый и блѣдный, онъ вызывалъ замѣчанія эмигрантовъ о своей наружности. Его мать была поражена, когда увидѣла его по возвращеніи изъ Италиі, и воскликнула: «Ты себя убиваешь!» Но въ отвѣтъ она услышала отъ улыбающагося Бонапарта: «Мнѣ кажется, напротивъ, я живу!»

Письма къ Жозефинѣ становились сдержаннѣе, но видно было, что стоило ей захотѣть, и въ Наполеонѣ вспыхнуло бы прежнее пламя. «Я не получаю отъ

тебя извѣстій и не сомнѣваюсь, что ты меня болѣе не любишь». Но въ концѣ, когда онъ говорить, чтобы она пріѣхала, то прибавляетъ попрежнему: «Это самое дорогое желаніе моего сердца». Жозефина продолжала писать мало, ссылаясь на болѣзнь, Бонапартъ съ прежней наивностью вѣрилъ и горячо ей сочувствовалъ. «Вѣрь,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ:—ничто не сравняется съ моей любовью, развѣ мое безпокойство».

Жозефину опять потянуло въ Парижъ, но вскорѣ жизнь въ Миланѣ ожилилась. Миръ съ Римомъ былъ подписанъ 19-го февраля 1797 года. Болонья, Феррара и Романья были уступлены республикѣ. Папа уплатилъ три милліона, и австрійцы были побиты, ихъ армія уничтожена; Бонапартъ чувствовалъ, что пробилъ часъ мира, и 18-го апрѣля 1797 года онъ подписалъ знаменитый Леобенскій прелиминарный договоръ, а въ началѣ мая уже былъ въ Миланѣ. Жизнь для Жозефины настолько измѣнилась съ того момента, что она болѣе не думала о Парижѣ. Обѣды, адреса, депутаціи, торжества, подарки не прерывались. Дворъ ея увеличился: прибавились армейскіе и штабные генералы, итальянскіе администраторы со своими женами и эмигрантами. Школьный товарищ Бонапарта, Буррьенъ, сдѣлавшійся его главнымъ секретаремъ, совершенно овладѣлъ умомъ Жозефины, подпавшей подъ его вліяніе. Въ срединѣ мая главная квартира переехала въ Монтебелло. Бонапартъ устроилъ помѣщеніе для Жозефины въ обширномъ замкѣ и ожидалъ пріѣзда матери и сестеръ. Чувства его къ ней измѣнились, и на развалинахъ прежней чистой, искренней любви появилось новое чувство, среднее между расположеніемъ и дружбой, и Жозефина уже не захватывала всѣхъ его думъ, какъ прежде. Поэтому онъ бросился въ политику. Возвращеніе ихъ въ Парижъ было торжественное. Пріемы, празднества, обѣды, балы слѣдовали одинъ за другимъ. Но Наполеонъ не переставалъ мечтать объ экспедиціи въ Египетъ. Назначеніе его командующимъ восточной арміей послѣдовало 12-го апрѣля 1798 года, а 19-го апрѣля былъ назначенъ его отъѣздъ. Любовь къ Жозефинѣ все-таки еще была настолько сильна, что онъ хотѣлъ какъ можно долѣе остаться съ нею, и взялъ ее съ собой въ Тулонъ. Она будто бы желала сопровождать его въ Египетъ, но онъ не согласился. «Бонапартъ не хочетъ, чтобы я отплыла съ нимъ,—писала она дочери:—онъ желаетъ, чтобы предъ путешествіемъ въ Египетъ я отправилась на воды. Онъ пришлетъ за мною черезъ два мѣсяца». Но Юнгъ въ своемъ сочиненіи «Бонапартъ и его время» говоритъ, что Жозефина прямо отказалась сопровождать его. Наполеонъ распорядился, чтобы его братъ Юсіфъ выдавалъ ей сорокъ тысячъ франковъ въ годъ на прожитіе. Проводивъ мужа, она не возвратилась прямо въ Парижъ, а отправилась въ Пломбьеръ на воды и вернулась въ столицу только въ сентябрѣ. Къ этому времени относится пріобрѣтеніе Мальмезона, за который легкомысленная Жозефина внесла лишь небольшой задатокъ и поселилась тамъ.

Оставшись на свободѣ, она опять начала посѣщать балы, концерты, празднества, даваемые Барра. Вскорѣ въ Парижѣ она встрѣтилась съ Шарлемъ, который сказалъ, что Бонапартъ разбилъ его карьеру. Жозефина была добра и достала ему мѣсто компаньона въ предпріятіи Водэна, поставщика провіанта, гдѣ Шарль сколотилъ себѣ недурный капиталъ. Онъ нашелъ необходимымъ

поблагодарить Жозефину и отправился въ Мальмезонъ... да тамъ и остался. Съ этого момента Жозефина почти не выѣзжала изъ Мальмезона. Сосѣди видѣли, какъ она вся въ бѣломъ, съ бѣлымъ газовымъ вуалемъ на головѣ прогуливалась въ лунные вечера по аллеямъ парка. Видѣли они также, что ее сопровождалъ молодой человѣкъ, ея сынъ—предполагали они. Такой же слухъ ходилъ въ Парижѣ. Но всѣ знали, что ея сынъ, адъютантъ Бонапарта, отправился съ нимъ въ Египеть, а этотъ молодой человѣкъ, царствовавшій полнымъ хозяиномъ въ Мальмезонѣ, былъ не кто иной, какъ Шарль. Семья Бонапартовъ, не строго относившаяся къ своимъ слабостямъ, но ненавидѣвшая Жозефину, возмущилась ея легкомысліемъ, и братья извѣстили Наполеона. Мужъ пріятельницы Жозефины, Гойе, возмущенный ея поведеніемъ, хотѣлъ дать отеческій совѣтъ и образумить ее, но напрасны были его старанія, она не хотѣла измѣнить своего образа жизни. «Тогда разведитесь!—сказалъ онъ:—вы говорите, что между вами и Шарлемъ ничего нѣтъ, кромѣ дружбы; но если эта дружба настолько исключительная, что заставляетъ васъ насиловать приличія, то повѣрьте, вамъ все это причинитъ горе».—«Нѣтъ,—отвѣтила она:—все, исключая развода». Моментъ возвращенія Бонапарта приближался, и Жозефина участила свои посѣщенія Гойе, надѣясь, что эта дружба отвлечетъ вниманіе Бонапарта отъ подозрѣній и помѣшаетъ ему вѣрить сплетнямъ. Каждый разъ, когда она бывала въ Парижѣ, то обѣдала почти всегда въ Люксембургѣ или у Гойе, или у Барра.

Маленькое приключеніе на обѣдѣ у Барра едва не измѣнило намѣреніе легкомысленной Жозефины. За столомъ Талейранъ сидѣлъ между нею и г-жей Тальенъ и такъ ухаживалъ за послѣдней, не обращая никакого вниманія на Жозефину, что она вышла изъ-за стола и расплакалась. Въ ея головѣ пронеслась мысль, что произошло какое-нибудь событіе, угрожающее ея положенію. Быть можетъ, умеръ Бонапартъ, тогда гдѣ она найдетъ покровителя,—и она еще сильнѣе расплакалась. Придется выйти за Шарля, пронеслось въ ея головѣ. Барра занять Тальенъ и не скоро отъ нея освободится. Единственно остается выйти за Шарля. Жозефина вытерла слезы и, какъ ни въ чемъ не бывало, вышла. Она рѣшилась быть со всѣми любезна, чтобы имѣть болѣе сторонниковъ. Поступокъ Талейрана объяснялся увѣренностью, что скандальныя отношенія съ Шарлемъ повлекутъ за собой разводъ. Когда же этого не случилось, то, опасаясь съ ея стороны мести, Талейранъ всячески хотѣлъ загладить свой поступокъ: онъ старался до имперіи выдать замужъ свою племянницу за сына Жозефины, затѣмъ онъ опять дѣйствовалъ противъ Жозефины, хлопоча, чтобы Наполеонъ развелся и женился на Вильгельминѣ Баденской. Наполеонъ сказалъ объ этомъ Жозефинѣ, и та отомстила ему по-женски, заставивъ его жениться на прежней его любовницѣ, г-жѣ Грандъ.

18-го вандемьера Жозефина спокойно обѣдала у Гойе, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Бонапартъ наканунѣ отплылъ во Францію. Жозефина была непріятно поражена, но рассчитывала, что ея частыя посѣщенія Гойе отвлекутъ бурю. «Я выйду къ нему навстрѣчу, для меня важно, чтобы меня не предупредили его братья, которые всегда питали ко мнѣ ненависть. Впрочемъ, мнѣ нечего бояться клеветы: когда Бонапартъ узнаетъ, что мое обычное общество

было вы, онъ будетъ польщенъ и признателенъ за оказанный мнѣ пріемъ во время его отсутствія».

Бонапарта предупредилъ объ измѣнѣ Жозефины Жюно. Буррьенъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что видѣлъ, какъ, прогуливаясь, Жюно рассказывалъ обо всемъ Бонапарту. Всегда блѣдное лицо Наполеона сдѣлалось еще блѣднѣе. Оно подернулось какой-то судорогой. Въ глазахъ появилось выраженіе безумія, и онъ ударилъ себя по головѣ. Черезъ четверть часа онъ подходилъ къ Буррьену съ недовольнымъ выраженіемъ. «Я никогда не видалъ его такимъ недовольнымъ и озабоченнымъ», говоритъ онъ. «Вы ко мнѣ не привязаны,—сказалъ онъ суровымъ, рѣзкимъ тономъ. — Если бы вы были ко мнѣ привязаны, вы сказали бы мнѣ обо всемъ, что я узналъ отъ Жюно. Вотъ настоящій другъ. Жозефина!.. Такъ меня обманула!.. Она!.. Несчастье имъ!.. Я уничтожу эту расу вѣтрогоновъ... Что до нея—разводъ... Да, разводъ!.. Публичный, со скандаломъ!.. Надо написать... Я знаю все... Это вы виноваты, вы должны были мнѣ сказать». Буррьенъ сталъ его успокаивать, говоря, что это клевета, распускаемая изъ зависти и злобы. Онъ совѣтовалъ избѣгать скандала, говорилъ ему о славѣ и о будущности... «Моя слава! Я не знаю, что далъ бы я, чтобы сказанное Жюно не было правдой,—такъ я люблю эту женщину!» И Наполеонъ написалъ брату письмо, прося его устроить ему дачу на зимній сезонъ, гдѣ онъ запрется отъ свѣта и, между прочимъ, говорить: «Печальное положеніе имѣтъ разомъ въ сердцѣ всѣ чувства къ одной и той же личности». Какъ всѣ бури, и эта, вызванная измѣной Жозефины,—улеглась; но она вырвала изъ сердца Наполеона послѣднюю иллюзію. Онъ былъ такъ добръ къ Жозефинѣ, что сохранилъ къ ней расположеніе; услуга же Жюно ему самому повредила. Бонапартъ на него сердился, и за это онъ не получилъ маршальскаго жезла во время Имперіи.

На этотъ разъ страсть къ Жозефинѣ угасла, и первый разъ онъ искалъ забвенія въ обществѣ женщины. Это была Полина Фурэ, урожденная Бельвилль, Бельилоть, какъ ее называлъ главный штабъ, и «наша восточная государыня», какъ ее прозвали солдаты. Впослѣдствіи она была пріятельница Розы Бонёръ. Онъ отбилъ ее у мужа, капитана стрѣлковъ, и открыто съ нею повсюду показывался въ коляскѣ.

Во все время своей первой кампаніи въ Италіи онъ ни на минуту не измѣнялъ Жозефинѣ, даже мысленно. Его роль освободителя открывала передъ нимъ широкое поле для любовныхъ интригъ; итальянскія красавицы готовы были все отдать молодому освободителю родины. Но Бонапартъ любилъ только одну женщину, «свою», и даже не смотрѣлъ на другихъ. А не мало красавицъ дѣлало на него осаду: красавица Висконти, Грассини и т. д. «Попавъ въ Миланъ, генераль былъ очень счастливъ, потому, что жилъ только для Жозефины,—пишетъ Мармонъ:—уже давно не было такъ; никогда болѣе чистая, болѣе истинная, болѣе исключительная любовь не овладѣвала сердцемъ мужчины, и этотъ мужчина былъ высшаго разряда». По словамъ г-жи Ремюза, видѣвшей ихъ переписку во время первой кампаніи, «чего бы не дала женщина, чтобы получать такія письма». И такую любовь Жозефина сломала собственными руками. Съ этой поры Наполеонъ начинаетъ относиться къ женщинамъ легко.

Как ни привязанъ былъ Евгеній къ Наполеону, который въ сердечной бесѣдѣ передалъ ему объ измѣнѣ матери и испытываемомъ имъ горѣ, но переносить такого униженія не могъ и отправился къ Бертье, прося его о переводѣ въ полкъ. Между Наполеономъ и его пасынкомъ произошло бурное объясненіе, и только этимъ ему удалось отстранить скандальное появленіе Бонапарта публично въ экипажѣ съ «нашей восточной государыней».

При всемъ своемъ легкомысліи Жозефина понимала, что на этотъ разъ ей трудно будетъ оправдаться передъ Наполеономъ, даже при ея вѣрныхъ ресурсахъ—слезахъ. Семья Бонапарта, ненавидѣвшая ее, заранѣе торжествовала побѣду надъ нею и послѣдила послать ему навстрѣчу одного изъ его братьевъ, Луи, чтобы видѣться съ нимъ ранѣ Жозефины и не дать его гнѣву остынуть извѣстіе объ его пріѣздѣ пришло въ Парижъ 18-го вандемьера вечеромъ, а 19-го Жозефина отправилась навстрѣчу. на этотъ разъ все шло неудачно: зная, что Бонапартъ любитъ Бургундію, она рассчитывала, что онъ пройдетъ чрезъ нее, между тѣмъ онъ взялъ другой маршрутъ, и въ Парижъ пріѣхалъ на 48 часовъ ранѣ ея. «Съ какого фронта осмѣлятся она наступать на меня», спрашивалъ онъ себя, подъѣзжая къ Парижу 16-го октября. Но когда въ 6 часовъ утра подъѣзжалъ къ подъѣзду своего дома, то готовъ былъ броситься въ ея объятія. Увидя въ сборѣ всю семью Бонапартовъ, исключая Жозефины, онъ съ тревогой спросилъ: «Она больна?» Но его разувѣрили, что она здорова. Ея отсутствіе произвело на него «ужасное, глубокое» впечатлѣніе. Онъ не вѣрилъ, что она ошиблась выборомъ маршрута, и считалъ это бѣгствомъ съ Шарлемъ.—«Между нами ничего нѣтъ общаго», говорилъ онъ вечеромъ Колло. «Какъ? вы хотите ее оставить?»—«Развѣ она этого не заслуживаетъ?»—«Не знаю, теперь не время этимъ заниматься. Подумайте о Франціи. Она устремила на васъ глаза. Она ожидаетъ, что вы посвящаете каждый моментъ ея спасенію: если она увидитъ, что вы волнуетесь съ домашними ссорами, все ваше величіе исчезнетъ, и въ ихъ глазахъ вы будете только мольеровскимъ мужемъ. Оставьте, оставьте ошибки вашей жены. Если вы недовольны ею, вы ее отошлете, когда у васъ не будетъ другого дѣла; но начните съ возстановленія государства». Бонапартъ вышелъ изъ себя. «Нѣтъ, это дѣло рѣшенное,—горячился онъ:—ея нога не будетъ въ моемъ домѣ; пусть что хотятъ говорить. Поговорятъ день, другой, а на третій перестанутъ. Среди скончившихся событій это покажется только разрывомъ. Жена уѣдетъ въ Мальмезонъ. Я останусь здѣсь. Публика достаточно знаетъ все, чтобы не ошибиться въ причинѣ ея удаленія». Напрасно Колло старался его успокоить и, наконецъ, сказалъ: «Такой гнѣвъ доказываетъ мнѣ, что вы попрежнему въ нее влюблены! Она явится извиниться, вы ее простите и будете спокойнѣе».—«Я! простить ея!.. Никогда!.. Вы меня хорошо знаете. Не будь я увѣренъ въ себѣ, я вырвалъ бы это сердце и бросилъ въ огонь!» Говоря эти слова, онъ задыхался отъ гнѣва и схватился руками за грудь, какъ бы желая ее разорвать. Колло удалился, получивъ приглашеніе завтракать на другой день.

Тѣмъ временемъ Жозефина возвращалась въ Парижъ и ночью была дома. Гнѣдъ Наполеона послѣ бесѣды съ Колло не стихъ, но усилился. Бонапартъ заперся въ кибанетѣ и расхаживалъ крупными шагами: Жозефина вся въ сле-

захъ постучалась въ дверь кабинета, но, какъ она ни просила, какъ ни молила отворить дверь, Бонапартъ былъ неумолимъ. Здѣсь произошла слѣдующая сцена: Жозефина полураздѣтая, истерзанная, настоящее изображеніе отчаянія, плакала, стонала, рыдала, билась головою въ дверь, каталась по полу. Но Бонапартъ выдержалъ осаду. Тогда ея горничной пришла счастливая мысль вмѣшаться въ дѣло Гортензію и Евгенія. Жозефина просіяла: «Да, у Бонапарта есть сердце! онъ мой, онъ мой!» И она побѣжала за ними, научила ихъ, что ему говорить, и послала къ Бонапарту. Онъ не выдержалъ и впустилъ ихъ. Онѣ упали предъ нимъ на колѣни со слезами и принялись упрашивать его, хватая за руки: «Не бросайте мамы! Она умретъ отъ этого, а мы будемъ бѣдные сироты, эшафотъ уже поглотилъ у насъ нашего законнаго покровителя, неужели несправедливость отнять у насъ ту, которую намъ послало Провидѣніе!»

Побѣдитель австрійцевъ и турокъ самъ былъ побѣжденъ почти дѣтьми. И на этотъ разъ Жозефина выиграла партію. Наполеонъ потребовалъ ее. Она вбѣжала, бросилась въ его объятія и лишилась чувствъ. Онъ самъ отнесъ ее и уложилъ въ постель. Когда на другой день Люсьенъ пришелъ къ брату, то Бонапартъ спокойно спалъ возлѣ Жозефины. Одно только поставилъ онъ ей условіе: выгнать Шарля и никогда съ нимъ не видѣться. Вмѣсто него Бонапартъ представилъ ей злого безобразнаго мамелюка, вывезеннаго изъ Египта.

Съ этихъ поръ Жозефина стала серьезнѣе, и у нихъ потекла мирная жизнь, какую болѣе всего любилъ Наполеонъ. Она отдалась осуществленію задуманнаго Бонапартомъ плана, содѣйствуя ему своимъ двуличнымъ поведеніемъ и хитростью, хотя предъ отъѣздомъ въ Египетъ онъ просилъ ее не заниматься политикой. Разводъ, котораго она на этотъ разъ избѣжала, все-таки стоялъ передъ нею грознымъ призракомъ. Сообразивъ, что ей необходима опора въ семьѣ Бонапартовъ, она задумала ее создать черезъ бракъ дочери съ братомъ Наполеона, а если можно, то и женитьбой Евгенія. Мало того, она рѣшила использовать любовную связь съ Мюратомъ и настойчиво умоляла Наполеона согласиться на бракъ Мюрата съ Каролиной. Чтобы окончательно примирить его съ Наполеономъ, она увѣрила мужа, что Мюратъ женится по любви. Она надѣялась, что онъ усыновитъ ребенка Гортензіи и брата и о разводѣ уже не будетъ рѣчи. Успѣхъ переворота 18-го и 19-го брюмера окончательно сгладилъ недовольство ею Наполеона, забывшаго про ея измѣну съ Шарлемъ.

Если первое время брака празднества въ честь побѣды мужа были для Жозефины торжествомъ, то съ 20-го брюмера для нея начинается блестящая жизнь. Изъ скромнаго отеля она попадаетъ сначала въ Люксембургъ, затѣмъ въ Тюльери. «Ну, Вертѣе, наконецъ сегодня мы будемъ спать въ Тюльери», сказалъ Наполеонъ 30-го плювіоза и, ущипнувъ, обнялъ жену. Это былъ первый день полнаго торжества Жозефины, и она принимала на пріемъ настоящей государыней. Съ этого дня у нея образовался настоящій дворъ, но Бонапартъ самъ его составилъ. Первый консулъ занялся очисткой всего сомнительнаго элемента, которымъ любила себя окружать Жозефина. Наступилъ вечеръ, и онъ съ веселымъ смѣхомъ произнесъ: «Ну, креолочка, ложитесь въ постель вашихъ господъ».

Бонапартъ попрежнему любилъ Жозефину, но спокойной любовью. Когда послѣ Маренго онъ возвращался въ Парижъ при восторженныхъ крикахъ парижанъ, то, обращаясь къ секретарю, сказалъ: «Слышите, шумные крики все еще продолжаются, они пріятны мнѣ, какъ голосъ Жозефины». Семейное спокойствіе отравлялось враждой Жозефины и семьи Бонапартъ, но Наполеонъ былъ чаще всего на сторонѣ Жозефины. Когда однажды на обѣдѣ у брата Жерома на первое мѣсто возлѣ Наполеона хотѣли посадить мать, то Наполеонъ вскочилъ, вырвалъ руку Жозефины отъ Люсьена и усадилъ жену справа возлѣ себя. Это вызвало бурю въ семьѣ Бонапартовъ, всѣмъ сердцемъ желавшихъ развода Наполеона. Жизнь въ Тюльери не измѣнила прежней привычки Наполеона спать въ общей спальнѣ съ Жозефиной. При всей любезности Бонапарта жизни среди блестящихъ празднествъ, пріемовъ, триумфовъ, мысль о разводѣ висѣла надъ ея головою и, какъ кошмаръ, преслѣдовала ее до 1809 года. Теперь пришла ея очередь ревновать. Съ уловкой хитрой женщины, предвидѣвшей, что въ концѣ концовъ, окруженный искушеніями, первый консулъ захочетъ свободы и вздумаетъ измѣнить старой привычкѣ, она увѣряла его, что общая спальня лучше обережетъ его отъ покушеній. «Если кто-нибудь проникнетъ въ комнату, чтобы тебя убить во время сна, я тотчасъ же проснусь, у меня такой чуткій сонъ, я буду звонить, кричать, и къ намъ придутъ на помощь». Онъ посмѣялся надъ ея страхами и продолжалъ спать въ общей спальнѣ, не угадавъ хитрости жены. Впрочемъ, Бурррень былъ увѣренъ, что, не измѣняй ему Жозефина, онъ никогда бы ей не измѣнилъ. Теперь же до нея стали доходить слухи изъ лакейской объ его любовныхъ скоропроходящихъ капризахъ, длившихся самое большее нѣсколько дней, и она стала за нимъ шпионить. Однажды она устроила ему сцену ревности и въ отвѣтъ услышала: «Послѣдуйте примѣру Ливіи и вы найдете во мнѣ Августа». — «Что онъ хотѣлъ этимъ сказать?» со слезами спрашивала она Юсіфа и Люсьена. «Послѣдуйте примѣру Ливіи», отвѣтили лаконически братья. — «Говорятъ, что она послѣдовала нашему совѣту, — говорили они. — Это самое лучшее, что она могла сдѣлать». Обыкновенно такія сцены оканчивались слезами. Но однажды ревность едва не вызвала скандала во дворцѣ. Это было въ 1802 году. Во время блестящаго зимняго сезона она узнала, что по вечерамъ Бонапартъ принимаетъ въ укромномъ помѣщеніи Тюльери актрису Жоржъ. Она до крайности взволновалась и, позвавъ молоденькую г-жу Ремюза, вся въ слезахъ, рассказала ей свое горе. Напрасно та ее успокаивала, Жозефина твердила: «Да, да, я вамъ говорю навѣрно. Жоржъ тамъ съ нимъ. Я хочу ихъ поймать». Г-жа Ремюза представляла ей, что изъ этого ничего не выйдетъ хорошаго, Жозефина настойчиво твердила: «Я хочу итти, и вы пойдете со мною». Никакіе доводы, что придворная дама не можетъ себя позволять заниматься провѣркой поведенія своего господина, не могли ее убѣдить, и она отправилась по потайной лѣстницѣ, которая вела въ кабинетъ консула, сопровождаемая г-жей Ремюза, у которой въ рукахъ была свѣчка. Въ это время раздался какой-то шумъ. «Боже! — со страхомъ воскликнула Жозефина: — если это Рустанъ, его мамелюкъ, онъ способенъ отрубить намъ головы». Г-жа Ремюза въ ужасѣ бросилась обратно, оставивъ въ потемкахъ Жозефину. Когда она вернулась и принялась упрекать, что та бросила ее въ минуту опасности, то у г-жи Ремюза былъ

такой испуганный видъ, что Жозефина расхохоталась. Прислуги замѣтили ревность Жозефины, и вѣсть разнеслась повсюду, достигнувъ ушей Наполеона. Съ тѣхъ поръ онъ рѣшился измѣнить старой привычкѣ имѣть общую спальную, но никакъ не могъ собраться съ силами, чтобы объявить женѣ о своемъ рѣшеніи. Тогда онъ придумалъ для храбрости вмѣшать г-жу Ремюза и пригласилъ ее обѣдать втроемъ. За обѣдомъ, обращаясь къ ней, онъ сказалъ: «А что, г-жа Ремюза, обязанъ ли мужъ уступать фантазіи жены, которая никакъ не хочетъ спать иначе, какъ въ его постели». Положеніе г-жи Ремюза было щекотливое. Она попробовала отдѣлываться уклончивыми отвѣтами, что хорошо ли ей, двадцатилѣтней женщинѣ, судить объ этомъ, но Наполеонъ не отставалъ. Тогда отличавшаяся умомъ Ремюза отвѣтила: «По правдѣ сказать, я не знаю, гдѣ должны остановиться требованія жены и любезности мужа; но, мнѣ кажется, все, что заставить думать, что первый консулъ мѣняетъ свой образъ жизни, вызоветъ непріятные разговоры, и малѣйшее происшествіе во дворцѣ заставить насъ всѣхъ много говорить». Консулъ расхохотался, взявъ ее за ухо и произнесъ: «Ну, вы женщина, и вы стоворились!» Жозефинѣ было не до смѣха. Она знала, что это означало. Съ этого времени Наполеонъ ночевалъ въ отдѣльной спальнѣ и принималъ мѣры, чтобы за нимъ не шпионили. Невѣдѣніе того, что онъ дѣлаетъ, еще болѣе ее раздражало. Наконецъ, она успокоилась, когда онъ отправился въ булонскій лагерь. По его мнѣнію, Жозефина напрасно тревожилась. «Она волнуется болѣе, чѣмъ надо,—говорилъ онъ г-жѣ Ремюза въ лагерь, куда ее вызвалъ заболѣвшій мужъ.—Жозефина всегда боится, чтобы я серьезно не влюбился; развѣ она не знаетъ, что любовь создана не для меня. Что такое любовь? Страсть, которая заставляетъ отложить въ сторону всю вселенную и видѣть съ другой только любимый предметъ. И увѣренно говорю, не въ моей натурѣ предаваться подобному исключенію. Что ей за дѣло до развлеченій, въ которыхъ мои чувства ни при чемъ. Вотъ что,—продолжалъ онъ, смотря серьезно на свою собесѣдницу,—должны внушить ей ея друзья и въ особенности, чтобы они не думали ради усиленія своего вліянія на нее увеличивать ея трѣвоги». Слухъ объ ежедневныхъ бесѣдахъ г-жи Ремюза по вечерамъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца достигъ ушей Жозефины и едва ихъ не поссолил. Окончилось все слезами г-жи Ремюза, примиреніемъ и объятіями.

День, когда Наполеона провозгласили пожизненнымъ консуломъ, былъ для Жозефины горькимъ предупрежденіемъ. Ея безплодіе становилось вопросомъ государственной важности, и о немъ теперь часто намекалъ Наполеонъ. Онъ не умѣлъ шутить, какъ парижанинъ, тонко, остроумно. Его шутки были грубы, неуклюжи и не разъ вызвали у Жозефины слезы, особенно когда касались ея лѣтъ или безплодія. Отличаясь склонностью корсиканцевъ къ истребленію, ему пришла однажды дикая мысль охотиться въ паркѣ. «Охота теперь!—воскликнула Жозефина.—Но вы не подумали, что вся наша скотина тельная!»—«Ну!—воскликнулъ онъ,—приходится отказаться отъ охоты,—здѣсь во всемъ политика, кромѣ хозяйки!» Другой разъ его шутка вызвала у Жозефины слезы. Она напудрила лицо пудрой, которую онъ не любилъ, хотя она къ ней шла. «Что это!—воскликнулъ онъ:—ты боишься, что у тебя не будетъ кавалера. Вотъ маркизъ Карабасъ тебѣ предложить руку», сказалъ онъ, ука-

зывая на Жюно. Затѣмъ, взявъ стаканъ и раскланиваясь предъ Жозефиной, онъ произнесъ: «За здоровье графини Эскарбаньясъ». На глазахъ Жозефины показались слезы. Наполеонъ замѣтилъ ихъ и, чтобы поправить дѣло, повернулся къ г-жѣ Жюно и, поднявъ стаканъ, произнесъ: «За здоровье маркизы Карабасъ». Всѣ засмѣялись, и Жозефина тоже, но, по свидѣтельству г-жи Абрантесъ, у нея на сердцѣ было тяжело. Каждый шагъ, приближавшій къ трону Наполеона, отдалялъ его отъ нея. Наполеонъ еще не былъ увѣренъ, кто виноватъ въ отсутствіи наслѣдника. Онъ подозрѣвалъ себя. Со времени послѣдней измѣны Жозефины у него было много любовницъ, кромѣ Полины Фурэ, и ни одна изъ нихъ не подарила ему ребенка. Онъ былъ склоненъ обвинять себя. То же думали и братья, но сестры изъ ненависти, особенно язвительная г-жа Бачокки, обвиняли Жозефину. На ея замѣчаніе о существованіи Гортензи и Евгени онъ ядовито отвѣчалъ: «Но, сестра, вы тогда были молоды». Ея безплодіе съ каждымъ днемъ приближало ее къ роковой развязкѣ и становилось вопросомъ государственной важности.

Однажды Жозефина позвала Буррьена и со слезами сказала ему: «Какой человѣкъ, какой человѣкъ Люсьенъ. Если бы вы знали, мой другъ, какое осмѣлился онъ сдѣлать мнѣ постыдное предложеніе... «Вы поѣдете на воды,—сказалъ онъ:—надо имѣть ребенка отъ другого, разъ онъ не можетъ вамъ его сдѣлать». Посудите, съ какимъ негодованіемъ я выслушала этотъ совѣтъ.—«Ну, такъ если вы не хотите или не можете, надо, чтобы Бонапартъ имѣлъ отъ другой женщины ребенка, а вы его усыновили, потому что надо обезпечить наслѣдіе: это въ вашемъ интересѣ, вы должны знать почему». Какъ,—возразила я ему: вы думаете, что нація потерпитъ, чтобы ею управлялъ незаконный сынъ. Люсьенъ, Люсьенъ, вы губите брата. Это ужасно!—«Ну, такъ мнѣ нечего вамъ больше сказать на это,—отвѣтилъ онъ,—какъ только, что мнѣ васъ очень жаль». Эту же сцену передаетъ Люсьенъ, но нѣсколько иначе. Онъ никогда себя не предлагалъ въ любовники Жозефинѣ, только сказалъ: «Такъ докажете, сестра, консулу, что онъ ошибается, и дайте намъ скорѣе наслѣдника». Турканъ довѣряетъ болѣе его словамъ, считая, что Жозефина лгала, когда хотѣла, и изъ ненависти сочиняла клеветы на братьевъ и сестеръ Бонапарта, иногда даже такія гнусныя, какъ объ интимныхъ отношеніяхъ Наполеона съ сестрами, особенно съ Полиной.

Въ то время, какъ Бонапартъ, его родные и государственные люди искали исхода изъ этого положенія, Жозефина дѣлала все, чтобы избѣжать роковой для нея развязки. Какъ послѣднее средство, она прибѣгла къ помощи науки, и докторъ Корвизаръ, съ которымъ она совѣтовалась, сказалъ ей, что можетъ отвѣчать за возвращеніе признаковъ плодородія, но этимъ все и ограничится. Она исполняла всѣ его предписанія, и въ одно прекрасное утро Наполеонъ вошелъ въ рабочій кабинетъ съ сіяющимъ торжественнымъ выраженіемъ: «Наконецъ, Буррьенъ, у жены...». Чтобы испытать всевозможныя средства, Корвизаръ послалъ ее на воды въ Пломбьеръ, гдѣ она уже была во время пребыванія Бонапарта въ Египтѣ и въ результатъ вышелъ скандалъ, вызванный связью съ Шарлемъ, которая не дала ей никакого результата. Но все-таки она опять поѣхала туда въ сопровожденіи матери Бонапарта и своего маленькаго двора.

Быль моментъ, когда Жозефина обрадовалась, что избѣжить развода. Это случилось послѣ рожденія у Гортензіи сына. Наполеонъ все еще не рѣшался развестись и намѣревался усыновить сына своего брата Луи и Гортензіи. На время это успокоило Жозефину. Слухъ, распространенный враждебной партией, о связи Наполеона съ Гортензіей, встревожилъ Жозефину, и она съ нетерпѣніемъ ожидала рожденія ребенка. Когда онъ родился въ нормальный срокъ послѣ свадьбы, она успокоилась, но все-таки передала слухи мужу, хотя знала, что они ложные. Въ отвѣтъ Наполеонъ сказалъ: «Эти слухи зародились изъ желанія Франціи видѣть у меня дѣтей». Неблагодарный Фуше, котораго она такъ отстаивала, убѣдительно говорилъ, что она сама бросила въ объятія Наполеона свою дочь. Тотъ же Фуше желалъ смерти Жозефины, чтобы развязать вопросъ о наслѣдникѣ. Впрочемъ, «нѣжно любимаго» Фуше она отстаивала съ чисто практической цѣлью. Всегда по горло въ долгахъ Жозефина получала отъ него 1000 франковъ въ день, чтобы сообщать ему обо всемъ, что дѣлается до дворца перваго консула, а Буррьенъ 25000 франковъ въ мѣсяць. «Такимъ образомъ,—говоритъ Фуше,—я могъ постоянно контролировать свѣдѣнія секретаря черезъ Жозефину, а ея черезъ доклады секретаря; такимъ образомъ я имѣлъ точныя свѣдѣнія».

Тюрканъ подробно описываетъ всѣ празднества, роль Жозефины относительно роялистовъ, подготовленія къ государственному перевороту и обрываетъ рассказъ на вторичной женитьбѣ Люсьена по любви на г-жѣ Жубертонъ, женитьбѣ, вызвавшей страшный гнѣвъ Наполеона, мечтавшаго о бракахъ Бонапартовъ съ лицами королевской крови.

— Открытіе французскаго института въ Россіи.— Недавно въ Петербургъ пріѣзжалъ французъ Поль Думеръ, съ цѣлью ходатайствовать о высочайшемъ разрѣшеніи открыть въ Петербургѣ французскій институтъ. Какъ только у него зародилась эта мысль, онъ ее тотчасъ сообщилъ завѣдующему школой восточныхъ языковъ Полю Буайе, изучавшему русскій языкъ и полезному сотруднику по составленію программы. Затѣмъ было назначено собраніе, въ которомъ участвовали Пишонъ и Извольскій, первый секретарь баронъ Шиллингъ, находящійся при посольствѣ Сергій Юрьевичъ, Морисъ Форъ, Габріель Форъ, Арсонваль, Анатолий Леруа Болье, Аданъ, ректоръ университета въ Нанси, Адольфъ Ландри, депутатъ и директоръ практической школы вышаго преподаванія, и наконецъ Поль Буайе и Думеръ. Вотъ составъ настоящихъ патроновъ будущаго французскаго института, уже разрѣшеннаго для открытія въ Петербургѣ. Рѣшено просить покровительства будущему учрежденію у самыхъ высшихъ органовъ французской науки: парижскаго университета, Collège de France, Museum, Ecole des langues orientales, Ecole des chartes, Ecoles pratique des hautes etudes и наконецъ трехъ большихъ университетовъ: нансійскаго, дижонскаго и лильскаго. Покровительство провинціальныхъ университетовъ, какъ нансійскаго и дижонскаго, необходимо, потому что первый привлекаетъ массу студентовъ-славянъ, а второй и третій имѣютъ официальную кафедру русскаго языка. Всѣ они единогласно одобрили идею открытія французскаго института въ Россіи и сообща выработали программу.

Французскій институтъ, по словамъ Жоржа Бурдона въ «Figaro» ¹⁾, будетъ научнымъ учрежденіемъ, очагомъ для научныхъ изысканій, нѣчто въ родъ французской Ecole supérieure d'application, открытой для французскихъ славистовъ, которые ищутъ первые элементы культуры у французовъ. Въ этомъ учрежденіи будутъ приниматься пансіонеры, назначенные на годъ комитетомъ дирекціи и получившіе миссію подготовиться къ научнымъ изысканіямъ. Такимъ образомъ, въ новомъ институтѣ они будутъ совершенствоваться въ своихъ научныхъ познаніяхъ. Институтъ будетъ подраздѣляться на три отдѣла: отдѣлъ русскаго языка и литературы, отдѣлъ исторіи и отдѣлъ археологіи и исторіи искусствъ. Изученіе языковъ и цивилизациі найдеть свое мѣсто въ этой обширной рамкѣ, которая собственно явится рамкой всего славянства и обниметь народности—польскую, чешскую, южно-славянскую и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ явится центромъ для французскихъ свѣдѣній, такъ сказать, бюро для университетскихъ справокъ, очагомъ французской науки для русскихъ, однако не приносящимъ вреда французскимъ университетамъ, открытымъ для русскаго преподаванія. Ежегодно въ немъ будутъ устраиваться французскими учеными и писателями серіи конференцій. Съ этой цѣлью предполагается пригласить Пьера Лоти, Жана Шарко, Арсонваля, Марши и т. д. Эти конференціи будутъ повторяться и въ Москвѣ.

Завѣдываніе институтомъ хотятъ поручить прежнему ученику Ecole normale Луи Рео, извѣстному своими работами по германскому и русскому искусству. Въ помощники ему предполагаютъ избрать Эрнеста Дени, профессора исторіи, тоже извѣстнаго своими прекрасными работами о славянской цивилизациі, и Ларонда, прежняго ученика политехнической школы, преподающаго въ петербургскомъ университетѣ. Матеріальный вопросъ почти улаженъ. Содержаніе института обойдется около ста тысячъ франковъ въ годъ, и уже половина суммы собрана Думеромъ по подпискѣ. Вторую половину рассчитываютъ покрыть различными денежными пособиями. Министръ народнаго просвѣщенія обратился къ крупнымъ университетамъ за совѣтомъ, и ихъ одобреніе внѣ всякаго сомнѣнія. Въ будущемъ мѣсяцѣ составитъ французскій комитетъ правленія и русскій комитетъ, подъ покровительствомъ котораго будетъ находится институтъ. Такимъ образомъ, остается нерѣшеннымъ только вопросъ о помѣщеніи. Но пока будутъ устраиваться съ помѣщеніемъ, состоится конференціи. Бурдонъ находитъ, что достаточно трехъ мѣсяцевъ для составленія программы и подыскиванія бюджета. Такимъ образомъ, уже можно считать, что въ Петербургѣ существуетъ французскій институтъ.

Намѣреніе французовъ открыть въ Петербургѣ институтъ вызвано не только простымъ желаніемъ распространить французскій языкъ въ Россіи, а правильно разработаннымъ планомъ завоевать для Франціи международное вліяніе, а для французскаго языка право международного языка, на которомъ бы говорили не только высшіе классы, но и низшіе. Вотъ что говоритъ объ этомъ планѣ французскій депутатъ Стегъ въ своей лекціи, прочитанной въ собраніи лиги преподаванія,

¹⁾ Ce que sera l'Institut français de Saint-Pétersbourg. Par G. Bourdon, «Figaro». 9 Fevrier 1911.

а затѣмъ напечатанной въ «Revue Bleue»¹⁾). Начавъ съ того, что горячее отношеніе къ вопросу образованія важно для судьбы страны съ точки зрѣнія внутренней и внѣшней политики, а также экономической задачи, отъ которой зависитъ даже сама жизнь страны, онъ указываетъ на все нарастающій процентъ учащихся иностранцевъ во французскихъ университетахъ. Въ 1900 году записавшихся на лекціи иностранцевъ было 1790, а 13 июля 1910 года уже 5800, не считая многочисленныхъ учащихся, посѣщавшихъ вакаціонные курсы, больницы, Collège de France, музеи, школу искусствъ и ремеслъ и спеціальныя школы въ общемъ 10000 иностранцевъ. Въ итогѣ за десять протекшихъ лѣтъ количество иностранныхъ студентовъ болѣе чѣмъ утроилось.

По наблюденіямъ Стега, притягательной силой для иностранной молодежи служить не только Парижъ съ его развлеченіями, но сама французская наука. Поэтому и провинціальные университеты, какъ, напримѣръ, въ Нанси, Греноблѣ и Монпелье переполнены иностранцами. Точно также иностранцевъ притягиваетъ не одна какая-нибудь отрасль науки, а всѣ лекціи посѣщаются ими одинаково. Изъ національностей особенно увеличился процентъ русскихъ, румынъ, бельгійцевъ, сербовъ, грековъ, уроженцевъ Египта и турокъ. Даже австріяцы, если не враждебно, то равнодушно относившіеся къ французской культурѣ, съ каждымъ годомъ доставляютъ все болѣе большій процентъ учащихся; то же можно сказать и объ американцахъ, прежде тяготѣвшихъ къ нѣмецкой культурѣ. Представители латинскихъ странъ: итальянцы, испанцы, португальцы, южно-американцы, а также бельгійцы, люксембургцы и швейцарцы, также увеличили процентъ учащейся молодежи. Послѣ русскихъ по численности слѣдуютъ нѣмцы. Къ иностранцамъ, уже давно пользовавшимся французскимъ научнымъ образованіемъ, прибавились съ недавнихъ поръ датчане, австралійцы, черногорцы, а главное китайцы, которыхъ родители стали посылать во французскіе университеты.

Изъ жажды научныхъ познаній иностранцевъ французы хотятъ извлечь пользу, обезпечивъ себѣ вліяніе и дружескія отношенія во всѣхъ странахъ. Французскіе университеты принесутъ Франціи существенную пользу въ распространеніи ея культуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ сблизятъ молодежь всѣхъ странъ. По словамъ Стега, «сформировать мысль молодежи, которая въ одинъ прекрасный день явится частью избранныхъ интеллектуальныхъ представителей другихъ націй, пропитать ихъ французской культурой, сдѣлать такъ, чтобы они сохранили трогательное воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ съ французами, значить подготовить то сближеніе и тотъ миръ между народами, на который теперешняя невозможность не мѣшаетъ намъ надѣяться».

Разсмотрѣвъ причины, привлекающія иностранную молодежь во французскіе университеты, Стегъ замѣчаетъ, что никогда нѣмецкіе университеты, привлекающіе иноземную молодежь, даже въ самую лучшую свою пору не достигали такого процента иностранцевъ. За послѣднія восемь лѣтъ этотъ процентъ оставался въ Германіи безъ измѣненія въ то время, какъ во Франціи онъ все нара-

¹⁾ L'Expansion de l'université française l'étranger Par T. Steeg. «Revue Bleue», 19 Février 1911.

сталъ. Въ 1908 году въ Берлинѣ находилось 820 иностранцевъ-студентовъ, а въ 1901 году 829 чел., тогда какъ въ Парижѣ въ 1901 г. ихъ насчитывали 3037, въ 1909 году 3326, и 31 июля 1910 г. 3526 человекъ.

Отдавъ должное нѣмецкимъ университетамъ, которыми восторгался весь свѣтъ и сами французы, авторъ говоритъ, что теперь французскіе университеты сравнялись съ ними въ глазахъ всего цивилизованнаго міра. Американцы, по словамъ профессора бостонскаго университета Джемса Джемса, съ точки зрѣнія науки, литературы, искусства, хотя и признавали Францію въ одинаковой степени уважаемой, какъ Англія и Германія, но въ ея университеты вступали рѣже, чѣмъ въ германскіе. Причиной тому служила матеріальная организація послѣднихъ, болѣе подходящая къ американской, и переходъ изъ одного въ другой поѣтому совершался легче. Кромѣ того, французы занимались болѣе своими студентами, чѣмъ иностранными. Теперь французскіе университеты организовались на одинаковой съ Германіей основѣ.

Проводя параллель между французской и нѣмецкой наукой, Стегъ высказываетъ мнѣніе американцевъ, что хотя они и признательны нѣмцамъ за сформированіе своего ума, основанное на уваженіи фактовъ и культѣ метода, но подъ продолжительнымъ вліяніемъ исключительно нѣмецкихъ профессоровъ возникаетъ равнодушіе во всему остальному, презрѣніе къ формѣ и безразличное отношеніе къ идеямъ. Въ то же время у американцевъ развивались ложныя представленія, что объектомъ и концомъ всей науки было методическое собраніе фактовъ. Съ другой точки зрѣнія, исключительное значеніе, придающееся фактамъ, имѣетъ слѣдствіемъ злоупотребленіе эрудиціей и преувеличенное значеніе техники, которыя обѣ вмѣстѣ рисковали задушить оригинальность ума. Такимъ образомъ, нѣмецкіе способы порождаютъ сухость, и за это нѣмцевъ сильно упрекаетъ философъ Вильямъ Джемсъ.

Напротивъ, французскіе профессора, по мнѣнію американскаго профессора Вааррега Уэнделя, читавшаго лекціи въ Сорбоннѣ и хорошо ознакомившагося съ французскими провинціальными университетами и учеными, отличаются научнымъ темпераментомъ. Французская наука удивительно возбуждаетъ то, что нѣмецкая дисциплина рискуетъ заглушить. Это придаетъ первой воспитательную цѣнность. Все французское преподаваніе старается развить главнымъ образомъ интеллектуальную энергію, создательницу науки. Какъ бы студенты ни занимались наукой, они знаютъ, что французское воспитаніе оживитъ ихъ занятія и предохранитъ отъ крайностей спеціализаціи, что французскіе профессора будутъ уважать ихъ оригинальность, къ какой бы они ни принадлежали расѣ и не будутъ ее заглушать, а, напротивъ, постараются культивировать ее. Иностранцы стремятся къ французской культурѣ еще потому, что она наиболѣе либеральная и гуманная.

Не питая иллюзіи, что когда-нибудь французскій языкъ, распространяясь, сдѣлается роднымъ языкомъ большинства людей, Стегъ все-таки указываетъ на его жизненность. Жизненность французскаго языка подтверждается въ самой Франціи быстрымъ исчезновеніемъ народныхъ діалектовъ, какъ, напримѣръ, самыхъ живыхъ изъ нихъ: фламандскаго, басковъ, провансальскаго и каталонскаго, оплакиваемыхъ лингвистами и любителями живописнаго. То же

подтверждается и въ завоеванныхъ странахъ, одинаково, какъ и въ колоніяхъ, гдѣ французы разсчитываютъ утвердить французскій языкъ. По словамъ Стега, вездѣ, гдѣ французскій языкъ находится въ соприкосновеніи съ другимъ языкомъ, національнымъ или областнымъ, онъ борется, защищая или улучшая свои позиціи, и чаще всего съ успѣхомъ. Это видно въ Бельгін, въ Италіи, гдѣ комитетъ для защиты французскаго языка еще недавно основался въ долинѣ Аосты, и одинъ изъ его членовъ публично заявилъ, что пока хотя одинъ житель долины будетъ обитать въ нашихъ горахъ—французскій языкъ останется традиціоннымъ въ долинѣ Аосты. Въ Швейцаріи, гдѣ германцевъ болѣе, чѣмъ французовъ, это именно замѣтно, но въ Эльзасѣ французскій языкъ господствуетъ болѣе, чѣмъ это было прежде; вообще за жизнь французскаго языка можно ручаться, благодаря трудамъ ученыхъ литераторовъ и поэтовъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія авторъ приводитъ слова Новикова: «Зная одинаково французскій и нѣмецкій языки, не колеблясь возьмешь трактатъ по химіи или физикѣ на французскомъ языкѣ, а не на нѣмецкомъ, такъ какъ первый обыкновенно написанъ опредѣленнѣе и короче». Языкъ дипломатовъ, онъ въ то же время и языкъ высшаго общества, а это обезпечиваетъ ему мѣсто въ среднемъ и низшемъ классѣ. Каждый, по словамъ Новикова, желаетъ знать языкъ, на которомъ говорятъ высшіе классы, находя въ этомъ удовлетвореніе личной гордости. Затѣмъ авторъ касается вопроса нравственной стороны французскаго характера и воспитанія. «Предоставляемъ тѣмъ, кто о насъ судить, не зная насъ, вѣрить, какъ въ догматъ, во французскую фривольность, безнравственность и упадокъ». Американскій профессоръ Баарретъ-Уэнделъ также вѣрилъ въ этотъ догматъ, пока не познакомился поближе съ французскими студентами и профессорами. Но, узнавъ ихъ ближе, онъ внутренне покраснѣлъ за себя, настолько французскіе коллеги и студенты оказались на высотѣ своего долга. «Когда вы живете среди ихъ ученыхъ,—говоритъ онъ:—то начинаете себя спрашивать, какимъ образомъ могла сложиться на ихъ счетъ такая странная легенда: никто не можетъ вообразить себѣ болѣе усидчивыхъ работниковъ». По его мнѣнію, изъ всего современнаго міра французскій народъ, быть можетъ, не только обладаетъ самымъ живымъ умомъ, но также несравненной дѣятельностью, которой нельзя не восторгаться. Поэтому можетъ ли народъ, такъ добросовѣстно работающій, быть безнравственнымъ и порочнымъ. Чѣмъ болѣе вы видите французовъ у себя дома, въ какихъ бы они ни были условіяхъ, васъ болѣе и болѣе поражаетъ не только ихъ правильное существованіе, но еще болѣе удивительный фактъ, что его точка опоры находится въ любви къ семьѣ. Нельзя приблизиться къ сердцу этого народа, не восторгаясь съ симпатіей при видѣ постоянства ихъ любви къ семьѣ. Такіе отзывы, конечно, даютъ право Франціи надѣяться, что она можетъ служить воспитательницей ученой молодежи. И заслуга добиться такого права должна быть всецѣло отнесена къ французскимъ университетамъ. Поэтому для привлеченія наибольшаго количества иноземныхъ учениковъ французы выработали цѣлый планъ дѣйствій, который стараются осуществить. Внѣшняя политика этихъ университетовъ имѣетъ двойную цѣль: 1) Привлечь во Францію какъ можно болѣе студентовъ всѣхъ странъ. 2) Обезпечить за границею всякими средствами наиболѣе широкое распространеніе французскихъ языка, науки и

идей. Для увеличенія количества иностранныхъ студентовъ прежде всего осно вываются покровительственные комитеты, на обязанности которыхъ лежитъ распространять мнѣніе, что иностранный студентъ всегда найдетъ во Франціи не только средства для работы, но и друзей, готовыхъ ему помочь. Каковы эти комитеты, можно видѣть по гренобльскому комитету, который дѣлаетъ чудеса. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Гренобль совсѣмъ не пріѣзжали студенты, но прошедшій годъ туда собралось на ваканціонные курсы болѣе 1000 человекъ изъ разныхъ странъ. Съ прошедшаго года имъ предоставили специальный домъ для собраній, съ библіотекой, съ читальнымъ заломъ, гдѣ собраны газеты всѣхъ странъ, и съ рабочимъ заломъ. То же произошло и въ Нанси. Теперь дошла очередь до Монпелье, Дижона и Безансона.

Другія усилія, сдѣланныя для привлеченія иностранцевъ, состоятъ въ заботѣ объ ихъ специальныхъ потребностяхъ. Прежде, не зная хорошо французскаго языка и получивъ образованіе, отличное отъ того, какое дается во французскихъ лицеяхъ, они не могли подчиняться требованіямъ всей программы и такимъ образомъ добиться диплома и степени. Теперь этотъ пробѣлъ пополненъ, и большинство французскихъ университетовъ располагаетъ степенями и раздаетъ дипломы. Они значительно отличаются отъ государственныхъ и не даютъ, какъ тѣ, правъ на профессию во Франціи, но за ихъ присужденіе ответственнымъ является университетъ, который свидѣтельствуетъ только, что научное образованіе пройдено правильно и успѣшно.

Меньшую инициативу проявили университеты относительно открытія специальныхъ курсовъ французскаго языка и литературы. Однако въ Дижонѣ, Тулузѣ, Безансонѣ, Кайенѣ, Лионѣ и Лилѣ на нѣкоторыхъ факультетахъ литературы читаютъ специально для иностранцевъ лекціи французскаго языка и литературы. Теперь въ Нанси, Греноблѣ и Монпелье весь учебный годъ читаются для иностранцевъ отдѣльныя такія же лекціи. Кромѣ того, въ Греноблѣ нѣкоторыя лекціи читаются на нѣмецкомъ языкѣ для привлеченія большого количества нѣмецкихъ студентовъ. По словамъ автора, на всѣхъ факультетахъ остается еще многое усовершенствовать. Главное, надо облегчить иностранцамъ усваиваніе лекцій, а для этого слѣдуетъ организовать вспомогательные курсы французскаго языка или специальные конференціи: Все это работа внутренняя, во Франціи, но авторъ находитъ, что слѣдуетъ работать и за границей для пропаганды французскаго языка, науки и идей. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ начали приводить въ исполненіе этотъ планъ и первыя попытки были произведены въ Америкѣ, въ Гарвардскомъ университетѣ. Затѣмъ послѣдовала та же попытка съ итальянскими университетами, особенно съ флорентійскимъ, такъ какъ уже давно итальянскіе студенты поступали въ гренобльскій университетъ. Въ то же время послѣдній послалъ одного изъ своихъ профессоровъ въ германскіе университеты съ цѣлью ознакомить ихъ съ задуманнымъ планомъ. Съ Испаніей вступили въ общеніе университеты Тулузы, Бордо и Монпелье, каждый со своей стороны создавая дружескія отношенія съ испанскими университетами. Частыя посѣщенія одного французскаго археолога дали возможность намекнуть профессорамъ Мадрида, Саламанки, Овiedo, Вальядолида, что французскіе университеты цѣнятъ ихъ симпатію. Тулуза, въ свою очередь, пользовалась всевозмож-

ными обстоятельствами для болѣе тѣснаго сближенія съ испанскими университетами, а Монпелье съ университетами аррагонскимъ и валенцскимъ, пославъ въ прошедшемъ году двухъ своихъ профессоровъ въ Барселону и Валенцію для переговоровъ съ испанскими коллегами и для изученія возможности сближенія. Съ Америкой сблизились французскіе университеты американскій профессоръ Джемсъ Хайдъ, часто пріѣзжающій въ Парижъ и въ провинціальныя университеты читать лекціи объ американской литературѣ. Съ 1910 года гарвардскій и парижскій университеты обмѣнивались студентами, которые исполняли обязанности лекторовъ. Въ этомъ году гарвардскій университетъ организовалъ спеціальное преподаваніе исторіи французскаго языка. Такія же лекціи читали французскіе профессора въ испанскихъ университетахъ. Въ отвѣтъ испанскіе профессора отдали визитъ французскимъ и читали въ университетахъ лекціи объ испанской литературѣ. Между тѣмъ профессора совместно разсмотрѣли вопросъ о возможности основать постоянный органъ для интеллектуальнаго обмѣна между обѣими странами. Результатомъ этихъ переговоровъ въ Испаніи зародился французскій институтъ, въ которомъ сотрудничаютъ профессора институтовъ Бордо, Тулузы и Монпелье. То же произошло въ Италіи: рядомъ съ флорентійскимъ университетомъ появился французскій институтъ, служащій дополненіемъ французской школы въ Римѣ, которая занимается спеціально археологіей и исторіей, тогда какъ второй—итальянской литературой и исторіей искусства. Кромѣ того, онъ послужитъ мѣстомъ литературныхъ и ученыхъ сношеній.

Въ Испаніи пока еще готовится основаніе подобнаго института, и для пробы нынѣшней зимой, съ согласія барселонскаго университета, профессора Монпелье устроили рядъ конференцій. Въ Греціи устроенная французами аѣинская школа перебиваетъ у нѣмцевъ греческихъ студентовъ, поэтому пришлось открыть еще два научныхъ учрежденія—иностранный отдѣлъ и первоначальную школу. Хотя она предназначалась для дѣтей, но въ нее тотчасъ же записались священники, офицеры и студенты. Такой успѣхъ вызвалъ открытіе второго курса, высшаго, и хотя тамъ принимаются ученики платные, но желающихъ попасть туда такъ много, что пришлось многимъ отказывать. Это вызвало созданіе новой школы, настоящей, подготовительной, гдѣ бы готовилось цѣлое поколѣніе греческихъ дѣтей. Авторъ выражаетъ желаніе, чтобы римская школа, каирскій археологическій институтъ и французская школа на крайнемъ Востокѣ также усердно распространяли французское вліяніе посредствомъ конференцій, курсовъ, устройства школъ, союза французскихъ и иностранныхъ студентовъ, органа для обоюднаго изученія французскаго и мѣстнаго языковъ и т. д. Такимъ образомъ, кромѣ французскаго института и школъ въ Аѣинахъ, Римѣ, Каирѣ, Ганои, Флоренціи, Мадридѣ, медицинскаго факультета въ Бейрутѣ, французы открыли еще лицей въ Антверпенѣ, Брюсселѣ, французскую школу въ Мадридѣ, гимназію въ Танжерѣ. Кромѣ того, у нихъ есть различныя учебныя учрежденія, которыми руководитъ свѣтская миссія, какъ, напримѣръ, лицей въ Саламанкѣ, Александріи, Каирѣ, гимназія въ Бейрутѣ. Всѣ они недавно открыты, но уже переполнены учащимися.

Внѣ Франціи задача французозъ состоитъ еще въ томъ, чтобы всякимъ способомъ распространять французскую науку: способствовать открытію школъ, доставлять какъ можно болѣе французскихъ профессорозъ. Однимъ словомъ, по мнѣнію автора, не слѣдуетъ останавливаться ни передъ какими жертвами для обезпеченія новаго средства для возможно большаго распространенія вліянія. Многие французскіе преподаватели направляются за границу по частной инициативѣ и въ концѣ концовъ занимаютъ завидное положеніе даже въ общественныхъ учрежденіяхъ. Такъ, въ настоящее время многіе изъ нихъ проникли въ американскіе университеты, гдѣ преподаютъ французскій языкъ и литературу вмѣсто швейцарцевъ, бельгійцевъ и нѣмцевъ, долго имѣвшихъ эту монополию. Кроме того, по мнѣнію Стега, для французскихъ націоналистовъ слѣдуетъ найти за границей разныя должности. Два года тому назадъ департаменту министерства иностранныхъ дѣлъ было поручено заняться этимъ вопросомъ и подыскать подходящія мѣста, но результатовъ положительныхъ не получилось. Тѣмъ не менѣе Стегъ настаиваетъ поручить своимъ агентамъ за границей зорко слѣдить, не окажется ли такихъ мѣстъ, и немедленно извѣщать объ этомъ французскихъ администраторозъ. Франція, со своей стороны, должна всячески ободрять лицъ, отправляющихся съ этой цѣлью за границу. Если матеріальныя условія ихъ не удовлетворяютъ, то французское правительство должно ихъ улучшить изъ собственныхъ средствъ. Услуги, оказанныя ими Франціи за границей, должны считаться заслугой передъ страной и обезпечивать будущность профессорозъ. За границу слѣдуетъ посылать только что произведенныхъ профессорозъ и считать ихъ съ этого момента въ составѣ преподавателей. Французскимъ студентамъ, посѣщающимъ какую-либо чужеземную страну, предлагается соединить цѣль самообразованія съ мыслью объ общественномъ и національномъ интересѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проникая въ мѣстное общество, они должны быть въ сношеніяхъ съ французскимъ обществомъ съ цѣлью сотрудничать въ распространеніи вліянія; инициативу сближенія должны взять на себя французскіе агенты, которые обязаны сообщать имъ всевозможныя свѣдѣнія. Въ облегченіи для доставленія свѣдѣній такая же связь должна существовать между группами, различными обществами, пропагандирующими французскій языкъ, какъ Alliance française, Alliance israélite, Mission laïque и между различными комитетами. Въ этомъ дѣлѣ дѣятельное участіе примутъ Office Nationale des Universités et Grandes Ecoles. Хотя прямого вліянія на торговое морское и военное положеніе развитіе интеллектуальнаго вліянія и не имѣетъ, но все-таки оно способствуетъ въ достиженіи выгодныхъ послѣдствій. Указывая на безкорыстіе въ распространеніи французскаго образованія за границей, авторъ все-таки говоритъ въ заключеніе: «Кто знаетъ, впрочемъ, что безкорыстная политика не будетъ самой выгодной и что, съ точки зрѣнія исключительно практичности, наша пропаганда не повлечетъ за собою развитія нашей торговли и нашего политическаго вліянія».

Такимъ образомъ, человѣчество XX вѣка можетъ себя поздравить съ новой эрой—безкровной войны при вооруженіи интеллектуальнымъ оружіемъ. Франція первая такимъ путемъ объявляетъ войну Германіи, отвоевывая себѣ міровое вліяніе не морскими, не сухопутными силами, а интеллектуальными. Абель Бо-

наръ, опираясь на признаніе Новиковымъ французскаго языка универсальнымъ, предлагаетъ въ «Figaro» замѣнить имъ эсперанто. А Поль Шапелье подалъ мысль лондонскому и вашингтонскому правительствамъ ввести взаимное обученіе обоимъ языкомъ, чтобы «въ такомъ прекрасномъ союзѣ» оба языка отвоевали себѣ универсальное значеніе.

— Легендарная «кость воскрешенія», которая, по преданію, должна послужить зародышемъ человѣческаго тѣла въ день воскресенія мертвыхъ, отъ времени до времени заставляетъ о себѣ говорить. Въ октябрьскомъ номерѣ «Lancet» упоминается о томъ, что въ древне-еврейскихъ книгахъ говорится, будто въ человѣческомъ скелетѣ находится кость, которая послужитъ основаніемъ къ восстановленію человѣческаго тѣла въ день воскресенія мертвыхъ. Любопытно, что одинаковая легенда существуетъ и въ Коранѣ, гдѣ Магометъ приписываетъ ей тождественную роль. Эту кость, по словамъ легенды, не можетъ истребить ни вода, ни огонь, ни какой иной элементъ; никакая сила, никакой инструментъ не можетъ ее сломать и она остается неприкосновенной подъ молотомъ кузнеца. Арабы называютъ ее al'ajab. Знаменитый анатомъ XVI вѣка, Андрэ Весаля далъ ей названіе al badagar и сравнивалъ ее съ маленькой горошинкой. Ученые анатомы не сходились во мнѣніяхъ, когда вопросъ касался ея; одни указывали, что она находится въ черепѣ, другіе—въ концѣ позвоночника. Эта легенда держалась цѣлые вѣка, и даже теперь иногда ею занимается серьезная наука.

— Въ «Revue Scientifique» за октябрь мѣсяцъ находится замѣтка относительно сношеній Швеція и Востока во времена викинговъ. За этой замѣткой слѣдуетъ резюме интереснаго сообщенія, сдѣланнаго Т. Ж. Арномъ на конгрессѣ доисторической Франціи. При раскопкахъ, произведенныхъ въ Швеціи, найдено было множество предметовъ восточнаго происхожденія, свидѣтельствующихъ о вліяніи на Швецію Востока. Эти находки, между которыми есть совсѣмъ недавно извлеченныя, не оставляютъ сомнѣнія, что Швеція въ IX и XI вѣкѣ христіанской эры поддерживала продолжительныя сношенія съ мусульманскимъ міромъ и, быть можетъ, даже съ Китаемъ. Особенно богаты такого рода находками острова Готландъ, долина озера Меларъ и нѣкоторыя сѣверныя провинціи. Тамъ собрано болѣе 30000 арабскихъ монетъ VIII и X вѣковъ, происходившихъ изъ Персіи, Месопотаміи и другихъ странъ, расположенныхъ на востокъ отъ Каспійскаго моря: Балкъ, Эль-Шахъ, Самаркандъ. Въ Биркѣ на югъ отъ Стокгольма извлекли изъ одной могилы серебряную подвѣску, украшенную «древомъ жизни»—мотивомъ, игравшимъ въ персидскомъ искусствѣ видную роль. Въ Варби (Сюдерманландѣ) нашли множество серебряныхъ бездѣлушекъ сердцевидной формы съ инкрустаціей, покрытой чернью, какъ на нѣкоторыхъ китайскихъ украшенияхъ. Изъ одной могилы на Готландѣ извлекли эмалированную чашку изъ обожженной глины, похожую на маленькую бронзовую чашечку съ арабской надписью, найденную въ Сургутѣ. Въ Дюнѣ (Готландѣ) хранится серебряная ваза, повидимому, китайскаго издѣлія.

Всѣ эти находки чудесно иллюстрируютъ тексты арабскихъ, византійскихъ, исландскихъ историковъ, которые уже говорили о важномъ значеніи скандинавской торговли въ Россіи, въ Византійской имперіи и странахъ, подчиненныхъ мусульманскому вліянію. Благодаря археологическимъ находкамъ въ Россіи

и Сибири, говоритъ Арнъ, возможно даже начертать главный торговый путь, по которому совершался обмѣнъ товаровъ между Швеціей и Востокомъ. Волга и Днѣпръ были главными путями, служившими соединеніемъ между Скандинавіей и Финляндіей съ одной стороны и восточными странами съ другой. По Волгѣ шведскіе купцы могли доходить до Каспійскаго моря, что вполне согласно съ свидѣтельствомъ другихъ арабскихъ писателей, упоминавшихъ о южной части Каспійскаго моря. По дорогѣ шведы встрѣчали въ Болгаріи, въ Итилѣ купцовъ изъ Персіи и Туркестана, съ которыми они обмѣнивались товарами. По Днѣпру скандинавы легко ходили до Византіи, гдѣ, какъ извѣстно, нѣкоторое время они составляли стражу императора, и рунченскій камень, найденный недавно на островѣ Березани при устьѣ Днѣпра, служить вещественнымъ доказательствомъ ихъ прохода, Наконецъ о вліяніи магометанъ на Швецію уже говорилъ генералъ Вейлье въ своей «Architecture hindoue en extreme orient», упоминая о телескопическихъ крышахъ, оканчивавшихся крючками на китайскій манеръ, которыя украшаютъ многія скандинавскія церкви. Если это и не вполне доказываетъ вліяніе Востока, то служить признакомъ дѣятельнаго сношенія между Швеціей и Востокомъ въ эпоху викинговъ.

— О т о в с ю д у — Въ «Rivista di Roma» помѣщена коротенькая замѣтка относительно тайной дипломатической роли извѣстнаго нѣмецкаго историка Момзена, которую ему поручилъ Бисмаркъ. Въ недавно вышедшихъ мемуарахъ актрисы Лауры Бонъ есть слѣдующія строки: «Римскій вопросъ съ каждымъ днемъ становился жгучѣе... Король принялъ во дворцѣ Питти чрезвычайно секретнаго посла отъ князя Бисмарка. Это одинъ нѣмецкій писатель, ученый историкъ, который часто путешествуетъ по Италіи и долго жилъ во Флоренціи; поэтому его присутствіе не можетъ вызвать подозрѣнія. Съ помощью такого авторитетнаго посредника, столько же ненавидѣвшаго папское правительство, сколько онъ восторгался и любилъ изучать правительства древняго Рима, Бисмаркъ сообщалъ королю Виктору-Эммануилу всѣ свои взгляды на рѣшеніе римскаго вопроса и поведение Италіи относительно Франціи. И все это совершалось помимо правильнаго дипломатическаго пути, какъ бываетъ при очень деликатныхъ случаяхъ. Король никогда не давалъ Бисмарку письменныхъ отвѣтовъ, одинаково какъ и Бисмаркъ никогда ему не писалъ, а все поручалось памяти умнаго и скромнаго посредника».

— Въ берлинскомъ журналѣ «Musik» г-жа Бюлова помѣстила нѣсколько воспоминаній о знаменитомъ музыкантѣ Бюловѣ, обладавшемъ вмѣстѣ съ музыкальнымъ талантомъ и оригинальнымъ умомъ, въ то же время рѣзкимъ. Однажды онъ давалъ концертъ въ Висбаденѣ и среди почетныхъ лицъ въ Fugstenloge узналъ очень изящную русскую даму, которая была морганатической женой одного изъ высокопоставленныхъ лицъ. Когда окончился концертъ, иностранка шумно вошла въ фойе и послѣ бурно выраженного восторга спросила: «Но зачѣмъ, дорогой маэстро, вы намъ играете этого ужаснаго Брамса?»
! «Ваше высочество ошибаетесь, я. игралъ этуодъ Дрейшока для лѣвой руки. Вашему высочеству это должно лучше понравиться». Гуляя въ Висбаденѣ съ женою Раффа, къ нему подошла одна графиня и спросила, какъ ему понравилось путешествіе въ Англію. «Васъ тамъ хорошо приняли?» спросила

она. «Очень хорошо,—отвѣтилъ Бюловъ,—народъ способный, средній классъ совершенство, только вотъ аристократія глупа, какъ вездѣ». Г-жа Раффъ возмущилась, удивляясь, какъ это можно говорить такъ съ графиней. «Отчего же?—отвѣтилъ онъ: развѣ я не могу повторить то, что слышу отъ всѣхъ». Въ Лондонѣ Бюловъ жилъ въ нѣмецкой гостиницѣ. Однажды вечеромъ на полутемной лѣстницѣ онъ столкнулся со своимъ соотечественникомъ, который съ гнѣвомъ воскликнулъ: «Esel!» Бюловъ не потерялъ хладнокровія и, очень вѣжливо приподнимая шляпу и раскланиваясь, какъ бы представляясь новому знакомому, отвѣтилъ: «Фонъ-Бюловъ!»

— Франсуа Тиссаръ, слуга Гюи де-Мопассана, рассказываетъ на страницахъ «Revue des deux Mondes» о послѣднихъ минутахъ жизни романиста слѣдующее. «Когда я подаль ему въ комнату чашку ромашки, онъ тотчасъ же послѣдовалъ за мною и сталъ жаловаться на боль въ спинѣ въ области поясницы. Я приставилъ ему цѣлую серію банокъ, и черезъ часъ боль стихла. Въ половинѣ двѣнадцатаго онъ легъ спать. Сидя на своемъ низенькомъ стулѣ въ сосѣдней комнаткѣ, я ждалъ, когда онъ заснетъ. Выпивъ свою чашку ромашки, онъ съѣлъ винограду и закрылъ глаза. Было половина перваго ночи. Я ушелъ въ свою комнату, оставивъ дверь открытой. Черезъ минуту раздался звонъ колокольчика у двери сада; это былъ разсылный. Я вернулся и заглянулъ въ комнату моего господина, чтобы посмотреть, спитъ ли онъ и можно ли ему передать конвертъ, который пришелъ изъ восточной страны,—какъ сказалъ мнѣ разсылный. Но мой господинъ спалъ глубокимъ сномъ, слегка приоткрывъ ротъ; я вернулся и легъ. Было около трехъ четвертей второго, когда я услышалъ шумъ; я побѣжалъ въ комнату, прилежавшую къ лѣстницѣ, и нашелъ г. Мопассана стоящимъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Онъ мнѣ тотчасъ же сказалъ: «Смотрите, Франсуа, что я сдѣлалъ: я перерѣзалъ себѣ горло; это безусловно припадокъ сумасшествія».

Я тотчасъ же позвалъ Рэмона. Мы положили моего господина въ сосѣднюю комнату на постель, я наскоро перевязалъ рану. Докторъ Валькуръ, котораго мы настоятельно потребовали, пришелъ къ намъ на помощь при этихъ печальныхъ обстоятельствахъ. Онъ былъ уже немного старъ и даже съ нѣсколькими лампами не довольно ясно видѣлъ, чтобы наложить необходимые швы. Тогда Рэмонъ взялся самъ это сдѣлать и, право, онъ съ честью изъ этого вышелъ.

Бѣдный мой господинъ былъ безусловно спокоенъ, онъ не произнесъ ни одного слова при докторѣ; когда врачъ ушелъ, онъ высказалъ намъ свое сожалѣніе, что сдѣлалъ «подобную вещь» и причинилъ намъ столько непріятностей. Онъ подаль мнѣ и Рэмону руку; онъ хотѣлъ просить прощенія за то, что сдѣлалъ; онъ понималъ все свое несчастіе, его глаза широко раскрылись и устремились на насъ, будто прося у насъ слова утѣшенія, надежды, если это возможно.

Весь этотъ день и слѣдующій нашъ господинъ оставался унылымъ. Въ восемь часовъ вечера онъ приподнялся и внезапно сказалъ мнѣ съ лихорадочнымъ воодушевленіемъ: «Франсуа, вы готовы? Мы отправляемся. Война объявлена». Я отвѣтилъ ему, что мы должны уѣхать только завтра утромъ. «Какъ,—воскликнулъ онъ, изумленный моимъ упорствомъ.—Это вы хотите задержать нашъ отъѣздъ, когда крайне важно какъ можно скорѣе дѣйствовать. Наконецъ

между нами было рѣшено, что на отмщеніе мы пойдемъ вмѣстѣ. Вы хорошо знаете, что оно намъ необходимо во что бы ни стало, и мы отомстимъ».

Дѣйствительно, онъ заставилъ меня поклясться, что въ случаѣ войны съ Германіей я послѣдую за нимъ, мы должны были защищать западныя границы.

Приближался вечеръ, мой бѣдный господинъ упорствовалъ въ своемъ намѣреніи и раздражался отъ моего замедленія. Положеніе становилось критическимъ, такъ какъ онъ не могъ понять, что я ставлю препятствія для отъѣзда. По счастью, показалась наша поденщица Роза. Она имѣла на него по истинѣ поразительное вліяніе. Это была высокаго роста женщина съ рѣзкими чертами лица, какъ у неаполитанки, и съ вьющимися волосами съ просѣдью. Все, что она говорила, производило на него впечатлѣніе. Онъ слушался ея совѣтовъ и не спорилъ съ ней.

Такъ до 20 апрѣля я ухаживалъ за г. Мопассаномъ при помощи фельдшеровъ съ твердой мыслью достигъ хорошихъ результатовъ. Его физическое здоровье было хорошо, его моральное, повидимому, также значительно улучшилось. Галлюцинаціи немного нарушали его умственное спокойствіе. Онъ любилъ иногда рассказывать намъ очень смѣшныя исторіи съ присущимъ ему неподражаемымъ вдохновеніемъ и былъ счастливъ, что мы съ садовникомъ смѣялись.

Въ одинъ апрѣльскій вечеръ я былъ занятъ письмомъ къ г-жѣ Мопассанъ. Вдругъ онъ сталъ меня упрекать, что я его подмѣнилъ въ «Figaro» и злословилъ на небѣ. Онъ прибавилъ: «Прошу васъ удалиться, я не могу васъ больше видѣть». Я остолбенѣлъ мое сердце сжималось, но, по совѣту нашего сторожа Барона, знавшаго лучше меня, что такого рода больныхъ нельзя раздражать, я удалился.

(Въ октябрѣ). Выходили въ садъ каждый разъ, какъ позволяла погода. Дни становились короче и сумрачнѣе, уже показался туманъ на берегахъ Сены. Сегодня дурная погода, и г. Мопассанъ проводитъ время въ салонѣ или въ бильярдной.

Вернувшись домой вечеромъ одинъ, я беру первый попавшійся томъ сочиненій моего господина. Мнѣ приходилось прерывать чтеніе, мнѣ казалось, что я чувствую его возлѣ себя... настолько его сочиненія—онъ самъ, что мнѣ кажется, я его слышу, я представляю себѣ, что онъ здѣсь, что онъ сейчасъ же произнесетъ мое имя, я вижу его жесты, поясняющіе его рассказы, я его снова нахожу, всего цѣликомъ, съ тѣмъ откровеннымъ смѣхомъ, какой у него былъ, когда онъ говорилъ со мной о своихъ читателяхъ».

— Нигдѣ социализмъ такъ быстро не привился, какъ въ Германіи, и причины этого явленія приводитъ въ «Preussische Jahrbucher» М. Вальтематъ. По его словамъ, первой причиной является то, что Германія объединена не такъ давно; маленькія государства, пользовавшіяся независимостью столько вѣковъ, были задавлены Пруссіей въ 1866 г. и вообще объединеніе произошло огнемъ и мечомъ, согласно Бисмарковской формулѣ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ чувство обособленности и ненависти противъ берлинскаго правительства осталось слишкомъ живо во многихъ областяхъ и патриотизмъ не очень укоренился въ ихъ сердцахъ. Поэтому революціонное и

интернаціональное движеніе сталкиваются при малѣйшемъ инстинктивномъ сопротивленіи. Во-вторыхъ: коллективный социализмъ во всё времена имѣлъ характеръ матеріалистическій и антихристіанскій, и это служило препятствіемъ для его распространенія у вѣрующихъ народовъ, напримѣръ, англичанъ. Въ Германіи религіозная вѣра сохранилась только въ католическихъ провинціяхъ, и тамъ социализмъ не очень развитъ, тоже и въ протестантской Вестфалии, но другіе протестанты вообще не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ чорта, и это служитъ причиной его успѣха. Въ-третьихъ, у нѣмецкаго народа нѣтъ такой политической свободы, какъ у сосѣдей. Его представители въ рейхстагѣ держатся на поводу у императорскаго правительства; въ Пруссіи ландтагъ избранъ по системѣ, благопріятствующей самымъ богатымъ классамъ. Потому партія насильственной оппозиціи извлекаетъ пользу изъ недовольства и ревности, возникающихъ изъ такого порядка вещей. Наконецъ во времена, когда «Sozialdemokratie» организовалась и сгруппировала свои батальоны, условія нѣмецкихъ рабочихъ были довольно несчастны сравнительно съ рабочими Англій и Франціи. Авторъ доказываетъ это съ помощью статистики. Рабочіе, недовольные своею судьбою, охотно усвоили принципъ борьбы классовъ и социальнаго потрясенія. Теперь этого больше нѣтъ, но движеніе уже пустило корни.

С М Ъ С Ъ.

ДВУХСОТЛѢТНІЙ юбилей сената. 2-го марта, въ день празднованія двухсотлѣтняго юбилея правительствующаго сената, сенаторы, присутствующіе въ департаментахъ и общихъ собраніяхъ, къ 10 часамъ утра собрались въ залъ общаго собранія. Въ этотъ день сенату была дарована слѣдующая высочайшая грамота:

«Въ трудную годину шведской войны, предпринимая послѣ великой Полтавской побѣды походъ противъ Турціи, Петръ Алексѣевичъ въ неутомимомъ попеченіи о благѣ народномъ учредилъ 22 февраля 1711 года для своихъ отлучекъ правительствующій сенатъ, возложивъ на него 2 марта того же года судъ нелицемѣрный, наблюденіе за управленіемъ и сбираніе казны и людей, потребныхъ къ веденію войны. Державною волею Великаго Петра поставленный во главѣ управленія государствомъ, правительствующій сенатъ былъ вѣрнымъ помощникомъ монарха въ дѣлѣ созиданія изъ Московскаго царства Россійской имперіи, впервые возглашенной сенатомъ.

«При ближайшихъ преемникахъ императора Петра Великаго сенатъ, испытывая нѣкоторыя перемѣны въ кругѣ своихъ полномочій, неизмѣнно оставался твердымъ оплотомъ въ государствѣ Россійскомъ всей правительственной дѣятельности XVIII столѣтія. Сопутствуя монархамъ на всѣхъ стезяхъ ихъ государственнаго строительства, сенатъ руководилъ всѣмъ подчиненнымъ управленіемъ, объединяя и согласуя его дѣятельность. Въ то же время, какъ верховный судъ имперіи, сенатъ былъ строгимъ блюстителемъ закона и правосудія, укрѣпляя въ «обидимыхъ и страждущихъ» упованіе, что предъ лицомъ сената всегда восторжествуетъ правый и обрѣтетъ защиту слабый. И съ высоты престола многократно удостовѣрялось ревностное усердіе сената ко благу отечества и славу русскихъ царей.

«Съ началомъ XIX столѣтія высшее управленіе Россійской имперіей, сообразно внутреннему развитію ея потребностей, подверглось коренному пе-

реустройству. Въ ряду высшихъ учрежденій государственныхъ, призванныхъ къ жизни императоромъ Александромъ I Благословеннымъ, правительствующій сенатъ сталъ верховнымъ мѣстомъ, которому въ гражданскомъ порядкѣ суда, управленія и исполненія подчинены всѣ вообще мѣста и учрежденія въ имперіи, кромѣ высшихъ государственныхъ установленій. По призыву монарха, яко царя и судьи царству Всероссійскому, исполняя великій долгъ—быть хранителемъ законовъ—правительствующій сенатъ всемѣрно тщился оправдать довѣріе императоровъ въ великомъ служеніи ихъ закону и правдѣ. На ряду съ повседневнымъ трудомъ сената въ области правосудія и надзора, отдѣльнымъ сенаторамъ были поручаемы временныя обзорнія губерній по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, служившія для верховной власти непрестаннымъ и дѣйствительнымъ средствомъ искорененія незаконій и нерадивости въ мѣстномъ управленіи.

«Всеобъемлюція преобразованія блаженной памяти дѣда нашего императора Александра II и послѣдующее ближайшее ихъ согласованіе съ потребностями жизни незабвеннымъ родителемъ нашимъ императоромъ Александромъ III открыли правительствующему сенату новые пути руководящей дѣятельности по истолкованію и огражденію истиннаго смысла законовъ. Судебные уставы 1864 г. поставили сенатъ во главѣ суда гласнаго, скораго и милостиваго, въ качествѣ отвѣтственнаго высшаго блюстителя правосудія въ имперіи. Надзирающей власти сената было подчинено для охраны правомѣрности мѣстнаго управленія и дарованное населенію участіе въ земскомъ и городскомъ хозяйствѣ. Кромѣ того, по завершеніи ближайшихъ мѣропріятій, связанныхъ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, сенатъ въ 1882 г. былъ призванъ къ руководительному наблюденію за дѣятельностью крестьянскихъ учрежденій. Наконецъ, преобразованія второй половины XIX вѣка, направленные къ уравнию податнаго бремени между всѣми слоями населенія имперіи, возложили на сенатъ разрѣшеніе важныхъ административно-судебныхъ вопросовъ въ области финансоваго управленія.

«Въ день празднованія двухсотлѣтія правительствующаго сената, объемля благодарнымъ воспоминаніемъ вѣковыя заслуги сената предъ нашимъ престоломъ и русскою землею, мы съ душевною отрадою изъявляемъ сенату признательность нашу и наше особое благоволеніе. Дѣятельность сената принадлежитъ исторіи: нелицепріятный судъ ся не возложить и малаго упрека на прошлое сего славнаго учрежденія. Стражъ закона—сенатъ во всѣ дни свои для всего государства былъ примѣромъ служенія долгу. Пріемиемъ увѣренность, что и въ грядущихъ вѣкахъ та же вѣрность и честь, та же мудрость и справедливость, то же усердіе къ труду и ревность къ закону будутъ неизмѣннымъ отличіемъ правительствующаго сената.

На подлинной собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Царскомъ Селѣ.
2 марта 1911 г.

Скрѣпилъ министръ юстиціи *Щегловитовъ*.

Въ 10 час. 20 минутъ сенаторъ д. т. с. И. Л. Желеховскій объявилъ чрезвычайное засѣданіе сената открытымъ.

Доложенъ и утвержденъ проектъ опредѣленія правительствующаго сената съ выраженіемъ вѣроподданническихъ чувствъ.

Въ концѣ 11 часа прибыли члены св. правительствующаго синода: высокопреосвященные митрополиты: Владимиръ, московскій и коломенскій; Флавіанъ, кievскій и галицкій, архіепископы: Тихонъ, ярославскій и ростовскій, Агаѳодоръ, ставропольскій и екатеринодарскій и преосвященные епископы: Михайлъ, минскій и туровскій, Пареній, тульскій и бѣлевскій, Константинъ, самарскій и ставропольскій.

Къ этому же времени въ сенатъ собрались члены совѣта министровъ во главѣ съ предсѣдателемъ совѣта министровъ Столыпинымъ, предсѣдатель и члены государственнаго совѣта и др.

Въ 11 час. 30 мин. прибыли ихъ императорскія высочества великіе князья Константинъ Константиновичъ и Андрей Владимировичъ и его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Въ 11 час. 35 мин. изволили осчастливить правительствующій сенатъ своимъ прибытіемъ Государь Императоръ. Его Величество былъ въ преобразженскомъ мундирѣ и андреевской лентѣ.

Встрѣченный у входа генераль-прокуроромъ, первоприсутствующими и оберъ-прокурорами сената, Его Величество изволили прослѣдовать въ сенатскую церковь. У входа въ церковь Его Величество ожидалъ съ крестомъ и святою водою высокопреосвященный митрополитъ московскій и коломенскій Владимиръ съ членами св. синода. Началось молебствіе, закончившееся провозглашеніемъ многолѣтія Россійскому Императорскому дому, вѣчною памятью державному основателю сената императору Петру I и многолѣтіемъ «правительствующимъ: синклиту, военачальникамъ, градоначальникамъ, христіанскому воинству и всѣмъ, потрудившимся въ верховномъ семъ учрежденіи».

По окончаніи молебствія присутствующіе направились въ залъ общаго собранія, гдѣ стали размѣщаться по заранѣ опредѣленнымъ мѣстамъ. Въ это время Его Императорское Величество изволили осматривать разложенные на столахъ зала I департамента сената особенно знаменательные документы, хранящіеся въ сенатскомъ архивѣ. Таковы: Высочайшіе указы и повелѣнія. Книга 1-я 1704—1716 г. (Указъ отъ 22 февраля 1711 г. объ учрежденіи сената; указъ 2 марта 1711 г. съ объявленіемъ объ учрежденіи сената и должности сената 1722 г.); высочайшіе указы и повелѣнія, книга 6-я 1712—1715 г. (Письма царевича Алексѣя и царицы Екатерины, указъ, написанный секретной азбукой, и указъ о порядкѣ наслѣдованія); журналъ кабинета Ея Величества за 1732 г.; журналъ общаго собранія сената 11 ноября 1799 г. о назначеніи наслѣдника цесаревича Александра Павловича присутствовать въ сенатѣ; высочайше утвержденные 31 іюня и 3 августа 1809 г. образцы губернскихъ мундировъ; высочайшіе указы и повелѣнія, кн. 355, 1812 г.; высочайшіе указы и повелѣнія кн. 359, 1814 г., высочайше утвержденные 27 февраля 1834 г. образцы мундировъ; высочайшіе указы и повелѣнія, кн. 730. Манифестъ 19 февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ; формулярный списокъ о

службѣ сенатора, наслѣдника цесаревича Александра Николаевича; грамота царей Иоанна и Петра Алексѣвичей, данная Николаю Путятину на пожалованныя вотчины, 1694 г.; грамота Григорію Скорнякову-Писареву на пожалованныя вотчины, 1711 г.; паспортъ гр. Михаилу Головкину, отправленному въ чужеземные края «для наукъ», 1712 г.; грамота на баронское достоинство Евдокіи Климентовой (воспитательницы вел. кн. Анны Петровны); дипломъ на дворянское достоинство, лейбъ-компанца Анохина, 1751 г.; патентъ Аблай-Султана на утвержденіе его въ ханскомъ достоинствѣ Средне-Киргизь-Кайсацкой орды, 1778 г.; грамота майору Булацелю на землю въ Минской губ. и 200 душъ крестьянъ; фасадъ Гостиного двора въ Петербургѣ гр. де-Растрелли 1757 г.; проектъ зданія сената; атласъ, составленный проф. Жако; образцы мѣръ и вѣсовъ: а) аршинъ, б) торговый фунтъ съ разновѣсомъ, в) аптекарскій фунтъ, г) четверикъ, д) ведро; портреты и краткое жизнеописаніе римскихъ папъ и королей шведскихъ, датскихъ и польскихъ, изданіе Д. Функена въ Нюрнбергѣ, въ началѣ XVIII столѣтія; транспарантъ съ привѣтствіемъ императора Петра Великаго.

Его Величество изволилъ также обратить вниманіе на портретъ императора Петра I, собственноручной мозаичной работы Ломоносова, принесенный послѣднимъ въ даръ сенату.

Его Императорскому Величеству угодно было обратить особое вниманіе на слѣдующіе документы и достопримѣчательности: указъ Петра Великаго объ учрежденіи сената; указъ, писанный секретной (циферной) азбукой, журналъ кабинета Ея Величества за 1732 г.; указъ сенату о пожалованіи генераль-фельдмаршалу князю Голицыну-Кутузову титула Смоленскаго; манифестъ 25 декабря объ изгнаніи непріятели изъ Россіи; манифестъ о построеніи храма Христа Спасителя; указъ о производствѣ И. Крылова въ коллежскіе ассесоры; манифестъ 19 февраля 1861 г. объ освобожденіи крестьянъ; грамота царей Иоанна и Петра Алексѣвичей, данная Николаю Путятину на пожалованныя вотчины; самая древняя въ сенатскомъ архивѣ обернутая въ матерію печать безъ подписи; паспортъ гр. Михаила Головкина, отправленнаго въ чужеземные края для наукъ; утвержденный императрицей Елизаветой Петровной проектъ фасада Гостиного двора въ Петербургѣ; шелковый транспарантъ съ привѣтствіемъ императору Петру Великому въ день празднованія Ништадтскаго мира.

Изъ зала I департамента Его Величество прослѣдоваль въ залъ общаго собранія. Здѣсь Государь занялъ предсѣдательское мѣсто; рядомъ съ Его Величествомъ заняли мѣста направо его императорское высочество великій князь Андрей Владимировичъ и его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій и налѣво его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ.

Его Императорское Величество, постучавъ по столу петровскимъ молоткомъ, изволилъ произнести слѣдующія слова:

«Повелѣваемъ сенаторамъ и всѣмъ присутствующимъ занять свои мѣста. Объявляемъ торжественное засѣданіе всѣхъ департаментовъ и общаго собранія правительствующаго сената открытымъ. Поручаю генераль-прокурору

огласить Мою грамоту правительствующему сенату и Мой указъ о назначеніи новыхъ сенаторовъ».

Во исполненіе высочайшаго повелѣнія генералъ-прокуроръ огласилъ высочайшіе грамоту и указы сенату, данныя 2 марта 1911 г., о назначеніи сенаторами ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Андрея Владимировича и Константина Константиновича и его высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго.

Послѣ этого старѣйшій изъ первоприсутствующихъ сенаторовъ Желеховскій обратился къ Его Императорскому Величеству съ ходатайствомъ огласить опредѣленіе правительствующаго сената, составленное до прибытія Его Величества въ засѣданіе, — о выраженіи чувствъ, одушевляющихъ сенатъ.

По воспослѣдовавшемъ высочайшемъ разрѣшеніи первоприсутствующій огласилъ нижеслѣдующее опредѣленіе:

«1911 года марта 2 дня. По указу Его Императорскаго Величества. Правительствующій сенатъ, въ чрезвычайномъ собраніи всѣхъ департаментовъ и общихъ собраній, выслушавъ Всемиловѣйше пожалованную правительствующему сенату грамоту, опредѣляетъ: повергнуть предъ Его Императорскимъ Величествомъ нижеслѣдующее выраженіе вѣрнополданническихъ чувствъ:

«Съ глубокимъ благоговѣніемъ выслушалъ правительствующій сенатъ милостивыя слова грамоты Вашего Императорскаго Величества. Въ нихъ видитъ онъ не только награду за свою многолѣтнюю дѣятельность, но и святой призывъ съ Высоты Престола къ посвященію всѣхъ силъ своихъ на отвѣтственное предъ Богомъ и Вами, Государь, дальнѣйшее служеніе свое безпристрастному и нелицемѣрному огражденію закона въ управленіи и судѣ.

«Ограниченный, въ предѣлахъ лежащихъ на немъ задачъ, единою властію Монарха, правительствующій сенатъ потщится поддерживать во всѣхъ подчиненныхъ ему учрежденіяхъ неуклонное уваженіе къ закону и чуждое самопроизвольныхъ толкованій разумѣніе его точнаго смысла, счастливый и крѣпкій сознаніемъ, что, слѣдуя по проложенной двухвѣковой работой стезѣ, онъ служить вѣрнымъ исполнителемъ воли Вашего Императорскаго Величества, направленной на пользу, честь и славу Россіи.

«Независимо отъ сего; правительствующій сенатъ опредѣляетъ: всемиловѣйше данную сенату грамоту, вмѣстѣ съ юбилейною медалью и настоящимъ опредѣленіемъ, хранить въ ковчегѣ въ залѣ общаго собранія сената, а одинъ экземпляръ исторіи сената — въ архивѣ онаго, вмѣстѣ съ копіей сего опредѣленія».

По прочтеніи опредѣленія сената клики «ура» и пѣніе гимна, исполненнаго дважды, огласили залъ засѣданія.

Выслушавъ выраженіе вѣрнополданническихъ чувствъ, Его Императорское Величество соизволилъ обратиться къ правительствующему сенату съ нижеслѣдующими высокомиловѣйшими словами:

«Искренно благодарю васъ, господа сенаторы, за выраженныя вами чувства. Я очень цѣню вашу самоотверженную службу, вполне отвѣчающую значенію сената. Правительствующій сенатъ двухвѣковой преданностью пользамъ государственнымъ доказалъ необходимость своего существованія въ строѣ госу-

дарства Россійскаго. За протекшія 200 лѣтъ сенатъ пережилъ не мало измѣненій, но они нисколько не пошатнули его основаній, крѣпко заложенныхъ мощною рукою Великаго Петра. Основанія эти должны оставаться неизблѣмыми и впредь.

«Изъ славнаго прошлаго сената въ сегодняшній знаменательный для него день Мнѣ отраднo вспомнить, что въ дни тяжелой смуты сенатъ былъ несокрушимымъ оплотомъ порядка и закона.

«Въ грядущемъ, по примѣру прошлаго, сенаторы должны свято хранить завѣтъ своего великаго учредителя: «честно, не лѣбно, но паки ревностно исполнять званіе свое».

«Да поможетъ вамъ Господь Богъ въ дальнѣйшей вашей работѣ на благо дорогому намъ отечеству и во славу Россійской Имперіи.

«Объявляю торжественное засѣданіе правительствующаго сената закрытымъ».

Затѣмъ Его Величество изволилъ прослѣдовать въ залъ уголовнаго кассационнаго департамента, гдѣ первоприсутствующій сенаторъ Желеховскій провозгласилъ здравицу за Государя Императора и за всю царскую семью; Его Величеству благоугодно было отвѣтить здравицей за процвѣтаніе правительствующаго сената.

Принявъ поднесенный Его Величеству, какъ царственному предсѣдателю правительствующаго сената, юбилейный знакъ, Его Величество вновь прослѣдовалъ въ залъ общаго собранія, гдѣ присутствующіе расположились въ томъ же порядкѣ, какъ и въ чрезвычайномъ собраніи, причѣмъ придворный фотографъ Ганъ произвелъ двукратный снимокъ. Въ исходѣ перваго часа дня Его Императорское Величество изволилъ отбыть изъ правительствующаго сената.

Въ Зимнемъ дворцѣ, въ Николаевскомъ залѣ, состоялся 3-го марта въ высочайшемъ присутствіи парадный обѣдъ по случаю 200-лѣтняго юбилея правительствующаго сената. Къ обѣду были приглашены сенаторы, оберъ-прокуроры сената и товарищи оберъ-прокуроровъ; а также лица, участвовавшія въ юбилейной комиссіи по составленію исторіи сената, министры, главноуправляющіе и первые чины высочайшаго двора и лица государевой свиты.

Великолѣпный залъ дворца былъ уставленъ шестью рядами столовъ, украшенныхъ цвѣтами, а въ глубинѣ зала, гдѣ входъ въ концертный залъ, стоялъ Высочайшій столъ, въ формѣ покоя. Его убранство составлялъ художественный сервизъ, канделябры и вазы. На скатерти передъ мѣстомъ Государя лежали плато изъ розъ.

Къ 7 часамъ залъ наполнился сенаторами въ красныхъ парадныхъ мундирахъ и приглашенными, всѣ также въ парадной формѣ.

Въ 7¹/₄ часовъ въ залъ вошелъ Государь Императоръ. Его Величеству предшествовали: гофмаршалъ ген.-ад. графъ Бенкендорфъ, оберъ-церемоній-мейстеръ графъ Гендриковъ и оберъ-гофмаршалъ князь Долгорукій. Государь былъ въ парадной формѣ л.-гв. Семеновскаго полка и андреевской лентѣ. За Его Величествомъ слѣдовало дежурство: ген.-адъют. Шиповъ, свиты ген.-м.

Петрово-Соловово и флиг.-адъют. Орловъ. На хорахъ помѣщался придворный симфоническій оркестръ.

При входѣ Государя въ залъ обѣдъ начался торжественнымъ маршемъ Направника (на мотивъ Петровскаго марша).

Государь Императоръ занялъ мѣсто въ центрѣ стола, противъ Его Величества сидѣлъ оберъ-гофмаршалъ князь Долгорукій.

Министръ юстиціи т. с. Щегловитовъ, оберъ-егермейстеры Н. П. Балашовъ и графъ Шереметевъ.

Справа отъ Его Величества заняли мѣста: великій князь Андрей Владимировичъ, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, сенаторы: Горемыкинъ, Шрейберъ, Голубевъ (вице-предсѣдатель г. совѣта), Таганцевъ, Шольцъ, Саблеръ, Тройницкій, Дурново, Унтербергеръ, Платоновъ, фонъ-Кауфманъ (оберъ-гофмейстеръ), Веселовскій, Кони, Красовскій, Шмеманъ, Евреиновъ, Кузьминскій, Тимофѣевскій.

Слѣва отъ Государя: великій князь Константинъ Константиновичъ, сенаторы Герардъ, Сабуровъ, Дейеръ, Мамантовъ, Вишняковъ, Свербеевъ, Коковцовъ (министръ финансовъ), Боголюбовъ, Зиновьевъ, Платоновъ, Акимовъ (предсѣдатель гос. совѣта), фонъ-Гойннигенъ-Гюне, Желеховскій, Дараганъ, Тобизенъ, бар. Корфъ, Лузановъ, Шамшинъ, Варваринъ.

Справа отъ оберъ-гофмаршала предсѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Столыпинъ, ген.-адъютанты: Струковъ, Шиповъ, статсъ-секретарь Татѣевъ, военный министръ ген. Сухомлиновъ, государственный контролеръ т. с. Харитоновъ, оберъ-прокуроръ св. синода т. с. Лукьяновъ, спб. комендантъ ген.-ад. Троцкій, временно управляющій дѣлами министерства императорскаго двора ген.-адъют. князь Кочубей, камергеръ Нератовъ (товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ), сенаторы графъ А. А. Бобринскій, Тамара.

Слѣва отъ оберъ-гофмаршала: генераль-прокуроръ министръ юстиціи т. с. Щегловитовъ, оберъ-егермейстеры Н. П. Балашовъ, графъ Шереметевъ, князь Репнинъ, князь Шервашидзе, морской министръ в.-а. Воеводскій, министры: путей сообщенія—т. с. Рухловъ, народнаго просвѣщенія—д. с. с. Кассо, дворцовый комендантъ ген.-адъют. Дедулинъ, сенаторы: фонъ-Вендрихъ, Рыздзевскій, Дедулинъ.

За другими столами сидѣли прочіе сенаторы и приглашенные, всего 246 особъ.

Во время обѣда придворный оркестръ исполнилъ 11 музыкальныхъ пьесъ, всѣ русскихъ композиторовъ: Глинки, Сѣрова, Даргомыжскаго, Верстовскаго, Чайковскаго, Бородина, Римскаго-Корсакова и антрактъ къ 5 дѣйствію и менуэтъ изъ историческаго представленія «Начальное управленіе Олега» музыка Коннобу, текстъ императрицы Екатерины II; третьимъ номеромъ шла увертюра къ трагедіи «Эсфирь», Расина, переводъ Капниста 1816 г., музыка Козловскаго.

За обѣдомъ Его Величеству благоугодно было обратиться къ сенаторамъ со слѣдующими словами:

«Я радъ сегодня принять васъ у Себя. Мнѣ отраднo было вчера отпраздновать вмѣстѣ съ вами знаменательный день 200-лѣтія существованія правитель-

ствующаго сената; еще разъ пью за его процвѣтаніе и за ваше здоровье, господи сенаторы».

Сенаторъ великій князь Константинъ Константиновичъ возгласилъ здравицу за Государя Императора. Оркестръ игралъ народный гимнь. Залъ оглашался кликами ура. Оркестромъ въ концѣ обѣда исполнена «Балетная сюита» Глазунова (польскій).

Послѣ обѣда въ концертномъ залѣ былъ поданъ кофе. Государь Императоръ и августѣйшія особы бесѣдовали съ сенаторами.

Историческое общество въ память императора Александра III. Въ день 26 февраля общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III чтить день рожденія почившаго Царя-Миротворца ежегоднымъ торжественнымъ собраніемъ въ залѣ дома графа С. Д. Шереметева. Залъ наполнился къ 3¹/₂ часамъ членами и публикой по билетамъ и рекомендаціямъ. Среди присутствовавшихъ были высокопреосвященные митрополиты московскій—Владимиръ, кіевскій—Флавіанъ, д. т. с. Галкинъ-Враской, графъ Толь и мн. др. изъ членовъ гос. совѣта и видныхъ дѣятелей; предсѣдатель Славянскаго общества А. А. Нарышкинъ, предсѣдатель русскаго собранія кн. Лобановъ-Ростовскій, много дамъ и военныхъ. Сперва была совершена панихида. Затѣмъ предсѣдатель общества графъ С. Д. Шереметевъ объявилъ торжественное засѣданіе открытымъ. Всѣ сообщенія были посвящены памяти императора Александра III. Предсѣдатель прочиталъ письма цесаревича Александра Александровича къ принцу Александру Петровичу Ольденбургскому отъ 30 января 1878 г. изъ села Берестовець въ Болгаріи. Въ письмѣ этомъ цесаревичъ, командовавшій руцукскимъ отрядомъ и получившій назначеніе какъ разъ передъ приходомъ гвардіи, командиромъ корпуса которой онъ состоялъ, беспокоится и печалится, что ему не суждено нести всѣ труды и тягости похода съ его гвардейцами, и проситъ принца разъяснить гвардіи, что не отъ воли его, цесаревича, зависѣло это. Генер. Скугаревскій читалъ отрывки изъ своихъ неизданныхъ воспоминаній «Нашъ цесаревичъ». Фактами изъ обыденной жизни, подборомъ мелкихъ штриховъ повседневныхъ явленій рисовалъ лекторъ могучую фигуру цесаревича, потомъ императора. Цесаревичъ всегда былъ строгимъ исполнителемъ закона, но не былъ сухимъ формалистомъ. Яркій примѣръ его исполнительности привелъ лекторъ въ томъ фактѣ, какъ цесаревичъ, старшій въ чинѣ, вопреки порядку попалъ въ подчиненіе младшему его ген. Гурко и не уклонился отъ смотра, который былъ необязателенъ для цесаревича, но казался ему интереснымъ, и, явившись, сталъ на правомъ флангѣ и отдалъ честь генералу при приближеніи того. Цесаревичъ любилъ курить, но какъ только подѣзжалъ къ войскамъ, бросалъ папиросу. Онъ былъ во всемъ образецъ исполнительности. Онъ обладалъ изумительной памятью на лица, кого разъ видѣлъ—уже помнилъ. Въ бытность командиромъ гвардейскаго корпуса цесаревичъ ввелъ тамъ военныя образовательныя занятія офицеровъ, до того (кромѣ стрѣльбы) неизвѣстныя. Лекторъ, имѣвшій случай по должности часто являться къ нему съ докладами, видѣлъ, какъ онъ осторожно относился къ своей подписи и провѣрялъ бумаги. Прочитаны были воспоминанія ген.-отъ инф. Щербакова о пребываніи великаго князя Александра Але-

ксандровича въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Въ нихъ рисуется мощный и великодушный характеръ Александра III, вспомнившаго въ послѣдствіи своего ротнаго командира, казалось, надождавшаго ему, великому князю, какъ кадету. Потомъ при встрѣчѣ съ ротнымъ цесаревичъ удивился, что тотъ остается все еще въ томъ же чинѣ капитана, и оказалъ ему протекцію передъ своимъ императоромъ-отцомъ, произведшимъ требовательнаго и исполнительнаго капитана прямо въ полковники. Предсѣдатель прочиталъ воспоминанія Е. Н. Головинской: «Въ тревожные дни», въ которыхъ обрисована тяжелая атмосфера, угнетавшая всѣхъ во время послѣднихъ безнадежныхъ извѣстій о болѣзни императора Александра III. Исполненіемъ гимна «Боже, Царя храни» закончилось торжественное собраніе.

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. Чествованія памяти Т. Г. Шевченка по случаю 50-лѣтія со дня его кончины протекли въ обѣихъ столицахъ при очень торжественной обстановкѣ, и дань памяти украинскому поэту была воздана русскимъ обществомъ соотвѣтственно его заслугамъ передъ Россіей вообще и Україною въ частности. Особенною пышностью выдѣлялись московскія торжества. Въ Москвѣ: 24-го февраля, въ 11½ часовъ утра, въ церкви Большого Вознесенія, что у Никитскихъ воротъ, была отслужена мѣстнымъ протоіереемъ І. Д. Арбековымъ панихида по Т. Г. Шевченкѣ. Пѣла капелла Ѳ. А. Иванова. Храмъ былъ полонъ. Въ храмѣ, между прочимъ, были члены организационнаго комитета по устройству чествованія во главѣ съ секретаремъ С. М. Хвостовымъ, бывший предсѣдатель 2-й государственной думы Ѳ. А. Головинъ, нѣкоторые гласные московской городской думы, директора и члены литературно-художественнаго кружка, члены общества дѣятелей періодической печати и литературы, представители московскихъ періодическихъ изданій и др. Богослуженіе закончилось концертнымъ исполненіемъ капеллой девяти заповѣдей блаженства. Въ тотъ же день въ большомъ залѣ литературно-художественнаго кружка состоялось торжественное собраніе, посвященное чествованію памяти Т. Г. Шевченка. Собраніе созвано было комитетомъ по устройству юбилейныхъ торжествъ въ Москвѣ въ память 50-лѣтія со дня смерти великаго малороссійскаго поэта. На сценѣ, съ правой стороны, возвышался бюстъ поэта, утопавшій въ тропическихъ растеніяхъ. Мѣста за столомъ на сценѣ занялъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ академика Ѳ. К. Корша. Далѣе на сценѣ помѣщались депутаціи отъ различныхъ обществъ и учреждений, представители общества любителей россійской словесности и другихъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ. Въ числѣ литераторовъ находился Н. Н. Златовратскій. Залъ былъ полонъ публики. При входѣ продавали портреты Т. Г. Шевченка и жетоны въ память 50-лѣтія со дня его смерти. Тутъ же производилась подписка на памятникъ поэту въ Кіевѣ, предпринятая полтавскимъ губернскимъ земствомъ. Торжественное засѣданіе открылось въ два часа дня вступительнымъ словомъ приватъ-доцента московскаго университета графа Ф. Г. де-ла-Барта. «Справляя сегодня поминки,—говорилъ ораторъ,—по великомъ украинскомъ поэтѣ, намъ трудно отрѣшиться отъ скорбной мысли, что и послѣ смерти Т. Г. Шевченка судьба не перестаетъ его преслѣдовать. На чужую сторону привела его изъ Украины муза, многіе годы жизни провелъ онъ въ ссылкѣ, и теперь

вдалекѣ отъ Украины происходить чествованіе его памяти. Въ старинныхъ малороссійскихъ думахъ бурная жизнь борцовъ за казацкую свободу и славу обыкновенно заканчивается одинокой смертью казака среди безбрежной степи. Вокругъ него только «орлы-черноперы» и «волки-сиромахи», да жалобно стонеть надъ нимъ «зозуля». Еще печальнѣе была кончина поэта Украины, и на скалистомъ берегу Днѣпра стоитъ его высокая могила. Быть можетъ, это не игра случая, быть можетъ, между судьбой великаго національнаго поэта и судьбой его родины существуетъ таинственная связь, и доля Украины походить на долю ея пѣвца. Между тѣмъ народъ, боровшійся за право счастья и свободы, въ правѣ надѣяться на лучшее будущее. Но одного воспоминанія о прошломъ и его уразумѣнія недостаточно, чтобы пробудить въ народѣ сознание своей племенной самобытности. Чтобы воспоминанія о прошломъ стали основой новой жизни, необходимъ человекъ, который подвелъ бы итоги прошлому, разъяснилъ его значеніе, внушилъ бы народу сознание своего достоинства, своей самобытности и вѣру въ свои силы. Такую задачу можетъ исполнить только великій національный поэтъ, который былъ бы одновременно и выразителемъ народныхъ думъ, и носителемъ высокихъ культурныхъ стремленій и идеаловъ. То и другое совмѣстилъ въ себѣ Т. Г. Шевченко. Продолжая дѣло кобзарей, безвѣстныхъ пѣвцовъ Украины, онъ написалъ яркую лѣтопись дерзновеній народа, его страданій, его вѣковой кровавой, геройской борьбы за свою свободу, онъ возвелъ малороссійскій языкъ на степень литературнаго языка, понятнаго простолюдину и вмѣстѣ пригоднаго для передачи разнообразныхъ отгѣнковъ мысли и чувства. Онъ былъ провозвѣстникомъ гуманныхъ идеаловъ и, описывая прошлое Украины, кровавую борьбу своего народа, высказывалъ радость, что прошло тяжелое время и украинскій народъ можетъ направить теперь всю свою мощь и героизмъ, проявленныя въ былой кровавой борьбѣ, на служеніе культурнымъ цѣлямъ, а вмѣстѣ указалъ для своего народа и высокій идеалъ. Послѣ этой рѣчи началось чтеніе адресовъ и привѣтствій депутаціями отъ различныхъ учреждений и организацій. Депутація отъ Москвы въ составѣ члена управы Г. А. Пузыревскаго и гласныхъ думы Д. Е. Горохова и Н. А. Шамина возложила къ подножію бюста поэта огромный лавровый вѣнокъ съ надписью на бѣлыхъ лентахъ: «Отъ московскаго городского общественаго управленія». Предсѣдатель общества любителей россійской словесности А. Е. Грузинскій сказалъ отъ общества привѣтствіе, въ которомъ выразилъ мысль, что хотя «Шевченко неразрывными узами связанъ со своей родной маткой-Украиной, тѣмъ не менѣе среди «поэтовъ для народа» онъ занимаетъ совершенно особое, своеобразное мѣсто. Онъ былъ не только пѣвцомъ украинской природы, семейнаго быта и тяжелой доли роднаго народа, онъ явился также вѣщимъ баяномъ его историческаго прошлаго; мало того,—ему грезилося подчасъ братское сліяніе всѣхъ славянскихъ рѣкъ въ одно море; наконецъ, въ его поэзіи нерѣдко вспыхиваютъ соціальныя мотивы широкаго, общечеловѣческаго значенія. Шевченко былъ глубокимъ демократомъ и притомъ на чисто русскій ладъ, не по какой-либо принятой и усвоенной политической программѣ, а всей душой, въ силу неодолимой потребности всей своей личности. Вотъ почему нынѣшній день дорогъ не только для малорусской ли-

тературы, и освобожденіе текста Шевченка заставляетъ желать возможно болѣе широкаго знакомства всего русскаго народа въ цѣломъ съ музой украинскаго поэта. Желая посылно содѣйствовать этому, общество любителей россійской словесности къ нынѣшнему дню издало въ дополненіе къ существующимъ переводамъ новой сборникъ переводовъ изъ «Кобзаря». Да будетъ же хвала памяти Тараса Шевченка, славнаго поэта, доблестнаго сына Украины и всей русской земли!» Депутация отъ общества дѣятелей періодической печати и литературы въ составѣ Ю. А. Бунина, И. И. Попова и И. А. Бѣлоусова поднесла адресъ, прочитанный И. И. Поповымъ. Н. А. Никулина и М. Ф. Ленинъ возложили къ бюсту поэта лавровый вѣнокъ отъ московскаго императорскаго Малаго театра. И. А. Бѣлоусовъ прочиталъ адресъ отъ московскаго литературно-художественнаго кружка. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ привѣтствій: отъ общества имени Шевченка въ Львовѣ, отъ общества славянской культуры и отъ состоящихъ при немъ секцій украинской, польской и чешской. Привѣтствія эти, сказанныя на соответствующихъ языкахъ, призывали къ единенію и братству славянскихъ народностей на почвѣ національной самобытности и свободы, во имя идеаловъ и завѣтовъ гениальнаго малороссійскаго поэта. Отъ драматическаго общества имени А. Н. Островскаго сказалъ привѣтствіе предсѣдатель князь В. М. Голицынъ. Шумные аплодисменты вызвало привѣтствіе украинскаго общества въ Кіевѣ, въ которомъ говорилось, что и черезъ 50 лѣтъ малороссійскій народъ такъ же вынужденъ молчать, какъ и при Шевченкѣ, но зажженная апостоломъ украинскаго народа вѣра въ слово правды все болѣе и болѣе растетъ въ немъ, и Украина горячо вѣритъ, что, наконецъ, восторжествуетъ правда. При громкихъ аплодисментахъ собраніе приняло предложеніе просить депутата передать искренній привѣтъ киевлянамъ. Слѣдовали привѣтствія: отъ драматическаго кружка «Кобзарь», отъ общества «Домъ польскій», отъ московскаго общества грамотности, отъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, отъ московскаго общества народныхъ университетовъ. Послѣднее привѣтствіе сказано было П. Н. Сакулинымъ, отмѣтившимъ, что завѣтныя думы Шевченка—думы самого народа, который въ его пѣсняхъ страдаетъ и плачетъ о волѣ и счастіи. Далѣе сказаны были привѣтствія: отъ приднѣпровской прессы, московскаго общества любителей художествъ; общества для содѣйствія внѣшкольному образованію; общества единенія народностей; отъ музыкально этнографической комиссіи; редакцій «Вѣстника Воспитанія» (Ю. А. Бунинъ) и «Юной Россіи» (Д. И. Тихомировъ); общества вспомошествованія нуждающимся украинцамъ въ Петербургѣ имени Шевченка. И. И. Горбуновъ-Посадовъ, сказавъ привѣтствіе отъ редакціи народнаго книгоиздательства «Посредникъ», напомнилъ, что въ настоящемъ году исполнилось 25 лѣтъ, какъ Н. А. Бѣлоусовъ началъ переводить Шевченка и въ послѣднее время, привлекая къ этой работѣ другихъ русскихъ писателей, издалъ два тома произведеній малороссійскаго поэта. Собраніе привѣтствовало г. Бѣлоусова громкими аплодисментами. Д. И. Тихомировъ сказалъ привѣтствіе отъ общества попеченія о дѣтяхъ народныхъ учителей и учительницъ. Далѣе слѣдовалъ рядъ привѣтствій на малороссійскомъ языкѣ отъ украинскихъ землячествъ при московскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и было прочитано много привѣтствен-

ныхъ телеграммъ. Чествованіе отличалось большой задушевностью и искренностью. Вечеромъ въ литературно-художественномъ кружкѣ состоялось второе торжественное засѣданіе. Залъ опять былъ переполненъ. Засѣданіе открылось большой рѣчью академика Ѳ. Е. Корша, посвященной опредѣленію мѣста Шевченка среди славянскихъ поэтовъ. Остановившись на личности поэта, характеръ его дарованія и сущности его поэзіи, ораторъ указалъ, что Шевченко явился совершеннымъ воплощеніемъ малорусскаго народа—его думъ, чувствъ и чаяній, его національныхъ чертъ. Какъ истый малороссъ, Шевченко—романтикъ, немного сантименталенъ и глубокой индивидуалистъ. Выйдя изъ крестьянской среды, онъ вынесъ съ собою народную стихію; онъ—крестьянинъ всей душой, проникнуть до мозга костей народной пѣсней, пишетъ о крестьянской долѣ, о радостяхъ и горѣ приниженныхъ и слабыхъ, о былыхъ подвигахъ,—такъ же, какъ и о своихъ личныхъ переживаніяхъ,—стихомъ народнымъ, языкомъ, доступнымъ пониманію массы. Несомнѣнно, Шевченко носилъ въ себѣ геній, блескъ котораго позволяетъ намъ забыть о скудномъ образованіи поэта. Мѣсто его—среди великихъ національныхъ поэтовъ. Чѣмъ былъ для великороссовъ Пушкинъ, для поляковъ—Мицкевичъ, тѣмъ является для малороссійскаго генія Шевченко, воплотившій въ себѣ національныя черты и какъ бы представляющій въ своемъ лицѣ малорусскій народъ. А. І. Калишевскій въ своей рѣчи остановился на народныхъ мотивахъ въ творествѣ Шевченка. А. П. Новицкій далъ характеристику Шевченка какъ живописца, причемъ на экранѣ были продемонстрированы снимки съ картинъ Шевченка, а также виды его родины и мѣста ссылки. Ф. Г. де-ла-Бартъ въ краткомъ словѣ охарактеризовалъ Шевченка, какъ народного поэта. Въ отличіе отъ безличнаго, спокойнаго народного эпоса, Шевченко вносилъ критическую оцѣнку событій и явленій и, такимъ образомъ, явился связующимъ звеномъ между интеллигенціей и народомъ. Артистомъ театра Корша г. Борисовымъ были продекламированы мѣста изъ шевченковскихъ «Думъ». Въ засѣданіи были оглашены телеграммы, полученныя отъ совѣта черниговскаго общества сельскаго хозяйства, отъ одесскаго украинскаго клуба, отъ украинскаго студенчества Екатеринослава и другихъ обществъ и частныхъ лицъ.

Въ Петербургѣ 26 февраля, въ день 50-лѣтія со дня кончины Т. Г. Шевченка, академія художествъ чествовала память своего питомца. Въ 2 часа дня въ академической церкви была отслужена панихида по покойномъ. Присутствовали почетные и дѣйствительные члены академіи художествъ, профессора и учащіеся высшаго художественнаго училища, предсѣдатель общества имени Шевченка М. М. Ковалевскій, устроители выставки художественныхъ произведеній покойнаго академикъ В. В. Матѣ и архитекторъ-художникъ Крамаренко, предсѣдатель русскаго технического общества В. И. Ковалевскій, Г. А. Фальборкъ, учащіеся высшихъ учебныхъ заведеній и др. По окончаніи панихиды всѣ присутствовавшіе отправились въ расположенную рядомъ съ церковью комнату, гдѣ скончался Т. Г. Шевченко. Здѣсь состоялось освященіе мраморной доски, прибитой къ стѣнѣ въ память незабвеннаго поэта и художника. Около стѣны на особомъ возвышеніи, украшенномъ живыми цвѣтами, былъ поставленъ бюстъ Т. Г., работы ректора высшаго художественнаго училища В. А. Векле-

мишева. В. А. Беклемишевъ прочиталъ здѣсь утвержденное августѣйшимъ президентомъ постановленіе собранія академіи художествъ объ увѣковѣченіи памяти Т. Г. Шевченка по случаю 50-лѣтія со дня его кончины. Собраніе постановило поставить памятную доску въ комнатѣ, гдѣ скончался поэтъ, отлить изъ бронзы бюстъ Т. Г. и поставить его въ музей академіи и устроить затѣмъ выставку произведеній покойнаго. Затѣмъ В. А. Беклемишевъ прочиталъ телеграмму предсѣдателя товарищества харьковскихъ художниковъ М. Пестрикова, которое «присоединяется къ поминкамъ, устраиваемымъ академіей ея славному питомцу, художнику-поэту Т. Г. Шевченку». Предсѣдатель русскаго технического общества В. И. Ковалевскій огласилъ телеграмму Подільской просвѣты, привѣтствующей академію за чествованіе памяти «геніальнаго вихованця академіи апостола видродженія України Тараса Шевченка». Устроитель выставки В. В. Матѣ произнесъ слѣдующую рѣчь: «По распоряженію августѣйшаго президента и академіи художествъ открываю выставку, устроенную въ память славнаго сына великой Россіи, гордости Украины и питомца академіи Т. Г. Шевченка. Выставленные произведенія Т. Г. далеко не охватываютъ всей его дѣятельности, тѣмъ болѣе, что лучшіе годы его творческой и кипучей жизни протекли въ Оренбургской степи, въ ссылкѣ. Какъ живописецъ, Шевченко ближе всѣхъ подошелъ къ генію великаго своего учителя Брюллова, который оцѣнилъ его талантъ. Мнѣ удалось видѣть въ Кіевѣ портретъ, писанный Шевченкомъ, который очень близокъ и который даже трудно отличить отъ произведеній, принадлежащихъ кисти его знаменитаго учителя. Какъ граверь-офортистъ, Шевченко первый развернулся такъ широко въ этой области. Въ своихъ гравюрахъ и офортахъ онъ изобразилъ быть своей любимой Украины. Почти всѣ его гравюры, принадлежащія Е. Е. Рейтерну, можно видѣть на выставкѣ». Въ концѣ своей рѣчи В. В. Матѣ выразилъ благодарность всѣмъ лицамъ, приславшимъ экспонаты для данной выставки. Особенно онъ благодаренъ обществу имени Шевченка, которое выпустило альбомъ рисунковъ великаго поэта. Выставка помѣщается въ двухъ залахъ библіотеки академіи художествъ. Здѣсь выставлены ученическія работы Шевченка, его произведенія на званіе академика, этюды, гравюры, офорты и т. д. Въ особой витринѣ В. Г. Котельниковъ выставилъ рукописи Шевченка, найденныя среди перешедшихъ къ нему бумагъ Н. И. Костомарова. На выставкѣ находится бюстъ Шевченка, работы Каменскаго. Г-жа Бѣлззерская, мужъ которой одновременно былъ сосланъ съ Т. Г., выставила бюстъ Шевченка работы неизвѣстнаго автора. На выставкѣ было произнесено нѣсколько рѣчей. М. М. Ковалевскій отмѣтилъ, что въ Петербургѣ и во всей Россіи нѣтъ такого учрежденія, которому Шевченко былъ такъ обязанъ, какъ академіи художествъ. Здѣсь онъ нашелъ геніальнаго человѣка въ лицѣ Брюллова, который сдѣлалъ для него все то, что могла сдѣлать эта возвышенная душа. Брюлловъ написалъ портретъ Жуковскаго, устроилъ розыгрышъ и на вырученныя деньги выкупилъ Шевченка изъ крѣпостной неволи. Сильное вліяніе на судьбу поэта оказалъ другой представитель академіи, художникъ Грибенко. Неудивительно поэтому, что Шевченко всю свою жизнь поддерживалъ сношенія съ академіей. Въ комнатѣ, гдѣ только что состоялось посвященіе доски, Шевченко творилъ свои послѣднія произведенія искусства.

которое онъ не меньше любилъ, чѣмъ поэзію. Отъ общества имени Шевченка М. М. выражаетъ глубокую благодарность академіи за все то, что она сдѣлала для Т. Г. прежде и теперь, увѣковѣчивая память народнаго украинскаго поэта. Рѣчь эта была покрыта шумными рукоплесканіями. М. П. Воткинъ, какъ одинъ изъ старѣйшихъ членовъ академіи, указалъ, съ какой радостью Шевченко поселился въ академіи. Онъ былъ счастливъ, что академія ему дала маленькую комнату. С. Н. Старжевскій отъ имени общества Шевченка благодарилъ В. В. Матэ за его труды по устройству выставки. 26 февраля, въ часъ дня, по инициативѣ общества имени Шевченка, была отслужена панихида въ Казанскомъ соборѣ. Собралось свыше 300 чел. Среди присутствовавшихъ было много учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Торжественное засѣданіе академіи наукъ, посвященное памяти Т. Г. Шевченка, привлекло 27 февраля такую массу публики, что большой конференцъ-залъ академіи и сосѣднія комнаты не могли вмѣстить всѣхъ явившихся, и входъ въ академію пришлось закрыть до начала засѣданія. Среди присутствовавшихъ было много ученыхъ, общественныхъ дѣятелей и учащихся. Засѣданіе академіи было открыто акад. А. А. Шахматовымъ. Почетный академикъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій остановился на двухъ моментахъ творчества Шевченка—на историческомъ романтизмѣ и чистой лирикѣ. Малорусскій народъ, какъ и другіе народы, пережилъ неизбѣжную эпоху романтизма. Наиболѣе яркимъ выразителемъ этого теченія и явился Тарасъ Шевченко. Въ его пѣсняхъ звучалъ благовѣсть національнаго возрожденія, возрожденія народнаго самознанія. Шевченко былъ поэтъ Божьей милостью, поэтъ великой творческой силы, лирикъ большого діапазона. Закончилъ свою характеристику поэта-гражданина Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, перефразируя слова Тургенева, выраженіемъ твердой надежды, что если государство будетъ относиться ко всѣмъ націямъ, его населяющимъ, совершенно одинаково, то оно будетъ несокрушимо. Послѣднія слова оратора были покрыты долго не смолкавшими криками «браво» и аплодисментами. М. А. Славинскій изложилъ біографію Т. Г. Шевченка, указалъ на тѣсную связь развитія его творчества съ горячей любовью къ родинѣ и отмѣтилъ, что поэтъ и художникъ Шевченко, будя національное самосознаніе, въ то же время стремился слить его съ общечеловѣческимъ идеаломъ. Въ Шевченкѣ мы потеряли великаго поэта, великаго гражданина, великаго борца за свободу своего народа, за общечеловѣческую свободу. Литературный фондъ почтилъ память Т. Г. Шевченка по случаю 50-лѣтія со дня его кончины грандіознымъ вечеромъ въ стѣнахъ Дворянскаго собранія. Программа была настолько обширна, что 2-е отдѣленіе концерта закончилось около полуночи, а затѣмъ слѣдовало еще 3-е. Присутствовало много писателей, журналистовъ, но еще больше молодежи, среди которой не мало одѣтыхъ въ народные малорусскіе костюмы. Залъ переполненъ, колоритные костюмы, букеты полевыхъ цвѣтовъ, эстрада, украшенная цвѣтущими вишневыми деревьями и декорацией, изображающей украинскую «слобідку». Впереди, на видномъ мѣстѣ бюстъ народнаго поэта, окруженный лаврами и олеандрами. Читаетъ М. М. Ковалевскій—харьковецъ, читаетъ по-русски. Затѣмъ М. А. Славинскій на малорусскомъ нарѣчій славитъ поэта: «Шевченко все взялъ отъ родины и во сто кратъ отдалъ ей взятое»—смыслъ его рѣчи. Утѣшаетъ публику

вокальная часть концерта: прелестно поеть кievлянка Гвоздецкая народныя пѣсни, кончая ихъ популярной аріей изъ «Наталки-Полтавки» Котляревскаго. Ее долго не хотять отпускать съ эстрады. М. А. Ведринская чувствительно декламируетъ подъ арфу, скрытую за деревьями: музыку «изображаетъ» съдой кобзарь. Обѣ артистки въ хохлацкихъ костюмахъ, что увеличиваетъ рукоплесканія горячей молодежи. Читаетъ артистъ малорусской труппы Витошевскій, снова поютъ г-жа Коваленко, гг. Морской; Филипповъ, г-жа Збруева и др. Наконецъ появляется хоръ нашей оперы подъ управленіемъ почтеннаго «хохла» г. Козаченка—хормейстера Маринскаго театра. Поютъ изъ «Гайдамаковъ», поютъ красиво, выразительно. Публика не хотеть отпускать чудесный хоръ, рукоплещутъ всѣ, дружно, продолжительно... Полный залъ Дворянскаго собранія полонъ необычной публикой—это все «украинцы» на далекомъ Сѣверѣ. Оттого-то такъ горячи и искренни ихъ привѣты всѣмъ тѣмъ, кто почтили память ихъ украинскаго батьки, не дожившаго мѣсяца до объявленія воли сынамъ родной его Украйны.

Чествованіе Е. Н. Чирикова. Юбилейное чествованіе 17 февраля Е. Н. Чирикова по случаю исполнившагося 25-ти-лѣтія его литературной дѣятельности разрослось до значительныхъ размѣровъ. Собралось свыше 300 человекъ. Всѣ залы ресторана Немчинскаго, гдѣ происходило чествованіе, были переполнены литераторами, артистами, художниками, представителями профессуры и т. д. Въ главномъ залѣ красовался огромный гипсовый бюстъ юбиляра работы г-жи Семеновы. Е. Н. Чириковъ былъ введенъ въ залъ членами юбилейнаго комитета Е. П. Карповымъ, Ѳ. Д. Батюшковымъ, С. А. Венгеровымъ, Ф. Ф. Фидлеромъ, Н. Н. Ходотовымъ и встрѣченъ громомъ аплодисментовъ. Музыка заиграла тушь. Начался приемъ депутацій и чтеніе безконечнаго ряда привѣтственныхъ адресовъ. Первымъ былъ прочитанъ адресъ отъ друзей-писателей и почитателей, ярко характеризующій литературную фізіономію Е. Н. Адресъ покрытъ многочисленными подписями, между прочимъ К. К. Арсеньева, Ѳ. Сологуба, В. И. Немировича-Данченка, Мамина-Сибиряка, Щепкиной-Куперникъ и др. «Въ вашемъ лицѣ,—говорится въ адресѣ,—мы видимъ воплощеніе того стараго типа писателя, для котораго литература была не только сладкимъ искусствомъ, но и служеніемъ правдѣ и свободѣ. Вы видѣли мрачныя времена, но имѣли счастье переживать великій подъемъ народной жизни, когда ослѣпительныя молніи прорѣзали вѣковую тьму, а впереди намѣчались уже желанные берега... Вашъ мягкій юморъ и горькій смѣхъ колыхали стоячія воды соннаго царства, разили на смерть Ивановъ Мионовичей, насильниковъ и лицемеровъ. Глубокимъ чувствомъ гуманности и истиннаго демократизма созданы ваши образы страдающихъ и угнетенныхъ, которыхъ вы защищали во имя общечеловѣческой правды. Русскою душою, напоенной живымъ ароматомъ народной поэзіи, пахучихъ травъ полей и лѣсовъ нашей родины, вы умѣли подслушать и тайны лѣсной глуши и нѣжныя признанія молодого сердца. Впереди у васъ еще цѣлая жизнь». Депутація отъ литературнаго фонда въ лицѣ предсѣдателя комитета Л. Ф. Пантелѣева и С. А. Венгерова поднесла юбиляру адресъ, въ которомъ указывается, что рѣдкій юбилей возбуждаетъ такое радостное чувство, какъ тепершній праздникъ, ибо «въ большинствѣ случаевъ юбилей

есть *memento mori*, для васъ же, дорогой Е. Н., онъ по преимуществу *memento vivere*. Цѣня ваши прошлыя заслуги, мы ждемъ отъ васъ еще многого въ будущемъ. Ваше симпатичное дарованіе еще только развертывается. Ваши качества какъ писателя опредѣлились: вѣрное чутье правды жизни и умѣлое воспроизведеніе ея, тонкая наблюдательность, теплое задушевное отношеніе къ людямъ, юморъ, ясное міровоззрѣніе и стойкость въ убѣжденіяхъ! Намъ,—говорится далѣе въ адресѣ,—пришлось не разъ оцѣнить и ваши личныя качества, вашу отзывчивость къ нуждамъ вашихъ собратій по перу». Въ адресѣ отъ петербургскаго литературнаго общества, поднесеннаго депутаціей въ составѣ Ѳ. Д. Батюшкова и С. П. Елисеѣва отмѣчается, между прочимъ, что юбиляръ, не ограничиваясь изученіемъ быта интеллигентовъ, ему близкихъ и родственныхъ по настроенію, описывалъ также бытъ мужиковъ и евреевъ и обывателей пригородной «ямы», главныя же свои стрѣлы изобличенія направлялъ на Ивановъ Мironычей. Далѣе слѣдовали адреса отъ студентовъ, отъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ учащихся въ консерваторіи, отъ рабочихъ, отъ Александринскаго театра, отъ Малаго театра, отъ союза драматическихъ писателей, отъ школы сценическаго искусства, отъ редакцій журналовъ «Современный Міръ» и «Міръ» и мн. др. На имя Е. Н. Чирикова получено было 17 февраля свыше 200 привѣтственныхъ телеграммъ, между прочимъ, отъ редакцій журналовъ «Вѣстникъ Европы» и «Русское Богатство», отъ редакціи газеты «Рѣчь», «Современное Слово», «Волжское Слово», «Волжско-Камская Рѣчь», «Самарскій Вѣстникъ» и мн. др. провинціальныхъ изданій, отъ московскаго Малаго театра, московскаго Художественнаго театра и многихъ провинціальныхъ театровъ, отъ разныхъ просвѣтительныхъ обществъ, отъ самарскаго отдѣленія общества распространенія просвѣщенія между евреями, отъ почитателей изъ разныхъ мѣстъ Россіи и т. д. За обѣдомъ, на которомъ предсѣдательствовалъ С. А. Венгеровъ, былъ произнесенъ въ честь юбиляра рядъ тостовъ. Первую рѣчь сказалъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій, отмѣтившій отличительную черту дарованія Е. Н. Чирикова—способность къ психологическому анализу души русскаго юноши, что представляется весьма важнымъ, особенно въ настоящій моментъ. Затѣмъ говорили: К. И. Арабакинъ, Е. П. Карповъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, А. Р. Кугель и мн. др. Остроумный тостъ, составленный изъ названій произведеній юбиляра, произнесъ Ф. Ф. Фидлеръ. Во время обѣда явилась депутація отъ рабочихъ Нарвской заставы и прочла адресъ, въ которомъ отмѣчается, что Е. Н. Чириковъ пользуется популярностью и въ рабочей средѣ. Отъ Л. Н. Андреева, отсутствовавшаго на обѣдѣ вслѣдствіе болѣзни, было получено слѣдующее привѣтствіе: «Въ твоёмъ лицѣ, Е. Н., справляетъ сегодня свой праздникъ коренная русская литература, та, что размываетъ берега, рветъ плотины и неутомимо стремится къ широкому, свободному морю. Пусть сверкаютъ на солнцѣ стоячія болотца, поросшія цвѣтами, а теченіе темно и угрюмо,—высыхаютъ на солнцѣ болотца, а рѣка все бѣжитъ, все ищетъ и зоветъ съ собою». На многочисленныя привѣтствія Е. Н. Чириковъ отвѣтилъ краткимъ словомъ, въ которомъ указалъ, что его заслуги преувеличены, что всѣ похвалы относятся къ тѣмъ передовымъ идеямъ, которыя его вдохновляютъ, и что эти идеи, дѣйствительно, должны объединить русскую интеллигенцію, которая снова стоитъ

передъ разрѣшеніемъ важнѣйшихъ задачъ русской дѣйствительности. Юбилару долго аплодировали. За обѣдомъ были, между прочимъ, произнесены тосты за Елпатьевскаго, Тана и др., содержащихся нынѣ въ тюрьмѣ писателей. По предложенію Е. Н. Чирикова, отъ имени присутствовавшихъ послана телеграмма Максиму Горькому, въ которой высказывается пожеланіе, чтобы скорѣе наступило время, когда Горькій могъ бы свободно вернуться въ Россію. Банкетъ затянулся до поздней ночи и закончился дивертисментомъ, въ которомъ участвовали многіе артистки и трісты.

50 - лѣтіе научно-литературной дѣятельности И. П. Деркачева. 16-го марта исполнилось 50 лѣтъ заслуженной научно-литературной дѣятельности извѣстнаго педагога и писателя Ильи Петровича Деркачева. Уроженецъ юга, бывшій московскій студентъ, И. П. отдается дѣлу воскресныхъ школъ и составляетъ въ мартѣ 1861 года «Книжку для школъ», которая представляетъ первый его литературный трудъ и первый опытъ пособія этого рода, и была встрѣчена сочувственными отзывами тогдашней критики (См. «Литературная Лѣтопись», «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 137, 1861 г.). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ составляетъ другую книжку такого же рода для малороссійскихъ школъ, подъ названіемъ «Українска грамотка». Интересно отмѣтить, что эти книги были изданы на средства студентовъ-бѣдняковъ, а послѣдняя книжка, изданная въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ малороссійскимъ кружкомъ при московскомъ университетѣ, была разслана по школамъ даромъ. Годъ спустя И. П. съ небольшими сбереженіями ѣдетъ въ Гейдельбергъ, гдѣ слушаетъ Миттермайера и др. корифеевъ науки, которыми тогда гремѣлъ этотъ университетъ. Тутъ онъ заболѣлъ и долженъ былъ, по совѣту извѣстнаго клинициста, профессора Фридерайха, уѣхать на родину, въ Крымъ. Поправившись отъ болѣзни, онъ возвращается къ общественно-педагогической дѣятельности въ качествѣ преподавателя русскаго языка сначала въ Севастополь, затѣмъ въ Херсонъ и, наконецъ, въ симферопольской гимназіи. Здѣсь онъ устраиваетъ приготовительный классъ по способу нагляднаго обученія, представлявшаго тогда въ Россіи совершенную новостъ, и обращаетъ на себя вниманіе мѣстнаго земства, по приглашенію котораго онъ и руководитъ нѣсколькими сѣздами учителей. На первомъ изъ этихъ сѣздовъ была выработана «Азбука» по звуковому методу, тогда тоже малоизвѣстному, изданная земствомъ въ количествѣ 10 тысячъ экземпляровъ. Спустя нѣкоторое время, Деркачевъ долженъ былъ оставить гимназію и переѣзжаетъ на службу въ елисаветградское земское реальное училище. Затѣмъ два года работаетъ въ качествѣ уполномоченнаго по завѣдыванію земскими школами въ уѣздѣ. Заставъ по спискамъ 77 школъ, но въ дѣйствительности только 12, въ самомъ жалкомъ видѣ, И. П. приводитъ училища въ благоустроенное состояніе и сверхъ того устраиваетъ еще 17 новыхъ народныхъ школъ. Кромѣ того, при одесской земской управѣ онъ устраиваетъ «образцовый классъ», въ которомъ ведетъ бесѣды съ народными учителями по методикѣ и дидактикѣ начальнаго образованія. Разстроивъ на службѣ одесскому земству здоровье (особенно тяжелы были разъѣзды), И. П. охотно принимаетъ предложеніе графа Бобринскаго и съ его семьей ѣдетъ за границу, во Францію и въ Англію, гдѣ изучаетъ постановку дѣла начальнаго образованія въ разнообразныхъ

школахъ и писать по этому предмету рядъ статей подъ общимъ названіемъ «Писемъ изъ Англїи». Здѣсь же онъ составляетъ свою извѣстную книгу «Какъ школу построить и устроить», которая была для своего времени выдающимся явленіемъ и не утратила своего значенія еще и теперь. Вернувшись въ 1877 году въ Петербургъ, И. П. оставляетъ, по разстроенному здоровью, практическую педагогическую дѣятельность и начинаетъ составлять и издавать книги для дѣтей и по вопросамъ школьнаго обученія; эту работу онъ продолжаетъ и теперь, несмотря на 76 лѣтъ, и на дняхъ имъ закончена новая книга «Чтеніе и письмо», подъ которой будетъ поставлено «16 марта», дата выпуска въ свѣтъ въ 1861 году «Книжки для школъ». Въ теченіе пятидесяти лѣтъ своей дѣятельности И. П. выпустилъ болѣе ста книгъ разнаго названія, которыя въ общей сложности разошлись не менѣе, какъ въ трехъ милліонахъ экземпляровъ. Въ настоящее время И. П., больной, 76-лѣтній старикъ, живетъ въ Клину на средства литературнаго фонда и комиссіи императора Николая II. Въ послѣдніе годы И. П. написалъ обширныя «Воспоминанія» о своей долгой жизни и разносторонней дѣятельности.

Съѣздъ по библиотечному дѣлу. Понечитель петербургскаго учебнаго округа разрѣшилъ устроить засѣданія созываемаго въ Петербургѣ въ юнѣ мѣсяцѣ текущаго года всероссійскаго съѣзда по библиотечному дѣлу въ помѣщеніи петербургскаго университета. Организационный комитетъ обратился къ московской и петербургской городскимъ думамъ съ ходатайствомъ о выдачѣ субсидій. Въ съѣздѣ примутъ участіе и земства. До сихъ поръ выразили согласіе на участіе въ съѣздѣ костромское, ярославское, нижегородское земства. При съѣздѣ будетъ устроена выставка по библиотечному дѣлу, на которой будутъ экспонироваться книги, таблицы, планы, фотографическіе снимки, картограммы, бланки и т. п. предметы, дающіе наглядное представленіе о современномъ состояніи русскихъ библиотекъ. Заявленія объ участіи въ выставкѣ принимаетъ до 15-го мая секретарь общества библиотекоевѣдѣнія, А. Е. Плотноковъ (Спб., Сосновка, 1—3). Выставка будетъ раздѣлена на три отдѣла. Первый отдѣлъ будетъ посвященъ современному состоянію библиотечнаго дѣла въ Россіи. Здѣсь будутъ выставлены книги по библиотекоевѣдѣнію и библиографіи, примѣрные каталоги, программы систематическаго чтенія и самообразованія, матеріалы по исторіи библиотечнаго дѣла въ Россіи, отчеты библиотекъ, данныя по статистикѣ читаемости авторовъ и характеристики читателей, дневники библиотечарей и читателей, данныя о бюджетахъ школьныхъ, деревенскихъ, городскихъ и др. библиотекъ и т. д. Во второмъ отдѣлѣ будетъ иллюстрироваться техника библиотечнаго дѣла: уставы библиотекъ, способы разстановки книгъ, нумераціи, сигнатуры и т. д. Въ третій отдѣлъ войдутъ предметы библиотечнаго хозяйства. Экспонаты выставятъ академическія, общественныя, народныя и др. библиотеки. Въ подготовительную комиссію по академическимъ библиотекамъ входятъ слѣдующія лица: Ф. Г. Бернштамъ, П. М. Богдановъ, А. И. Браудо, А. Р. Войничъ-Сяноженскій, Е. А. Гейнцъ, Е. Н. Добржинскій, Я. А. Лукашевичъ, С. Д. Масловскій, И. П. Мурзинъ, А. Э. Нольде и А. А. Шахматовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что успѣхъ этого съѣзда, имѣющаго задачей своей разработку давно назрѣвшихъ и неотложныхъ вопросовъ

библіотечнаго дѣла, прежде всего будетъ зависѣть отъ того, насколько полно представлены будутъ на сѣздѣ библіотеки разныхъ типовъ—академическія, общественныя, народныя и частныя-коммерческія. Поэтому общество библіотековѣднія обращается ко всѣмъ русскимъ библіотекамъ и учрежденіямъ, въ вѣдѣніи которыхъ библіотеки находятся, съ приглашеніемъ принять участіе въ сѣздѣ, при чемъ весьма важно, чтобы участіе это выразилось въ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ программы и представленіи соответствующихъ докладовъ сѣзду. Для планомѣрной же организациі подготовительныхъ по сѣзду работъ настоятельно необходимо, чтобы лица и учрежденія, желающія выступить на сѣздѣ съ докладами, сообщали совѣту общества заблаговременно объ избранныхъ ими темахъ и по возможности тезисы докладовъ. Необходимо широкое участіе библіотекъ всѣхъ типовъ и въ дѣлѣ организациі выставки при сѣздѣ, которая должна наглядно демонстрировать современное состояніе библіотечнаго дѣла. Подробныя правила и программа сѣзда разсылаются обществомъ во всѣ извѣстныя ему академическія, земскія народныя, городскія и общественныя библіотеки. Библіотеки, которыя не получаютъ указанныхъ матеріаловъ, благоволятъ сообщить свой адресъ и точное наименованіе секретарю общества: Петербургъ, Сосновка, 1—3, Александру Евлампіевичу Плотникову. Денежную же корреспонденцію просятъ направлять на имя казначея общества: Роберта Рудольфовича Бекера, Петербургъ, Мойка, 81.

НЕКРОЛОГИ.

АВГУСТИНЪ, архимандритъ. 10-го марта въ братской больницѣ Александро-Невской лавры тихо почилъ архимандритъ Августинъ де-Мовильонъ, занимавшій съ 1892 года должность пресвитера домовоѣ церкви при святѣйшемъ синодѣ. Почившій архимандритъ Августинъ родился въ Бургундіи. Окончивъ дижонскую римско-католическую академію, онъ началъ свою дѣятельность въ качествѣ аббата ордена августинскихъ монаховъ. Скоро, однако, онъ рѣшилъ присоединиться къ православію, находя, что лишь церковь православная дастъ ему путь къ спасенію. Вблизи сойдясь со священникомъ Гетте, который имѣлъ на него большое вліяніе, покойный архимандритъ нѣкоторое время состоялъ въ клирѣ парижской церкви, а затѣмъ отправился въ Россію, причѣмъ часть пути совершилъ пѣшкомъ. Въ 1871 году онъ прибылъ къ Кіеву, гдѣ митрополитъ Арсеній въ Андреевскомъ соборѣ присоединилъ его къ православію и причислилъ къ синайскому греческому Екатерининскому монастырю въ Кіевѣ. Митрополитъ Платонъ также очень любилъ его и въ 1884 году посвятилъ его въ іеродіаконы: 19 лѣтъ тому назадъ онъ прибылъ въ Петербургъ, а 5 лѣтъ тому назадъ былъ посвященъ въ санъ архимандрита. Почившій іеромонахъ былъ очень образованнымъ человѣкомъ. Скоро ознакомившись съ церковно-славянскимъ языкомъ, онъ много писалъ о преимуществахъ православной церкви предъ латинскою въ догматическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Всѣ касавшіеся церкви вопросы онъ очень близко принималъ къ сердцу и особенно боролся съ іезуитизмомъ, считая, что въ немъ—несчастье католичества. Имъ же собраны богатые матеріалы для исторіи патріарха Фотія, который, по его мнѣнію, недостаточно оцѣненъ въ Россіи. Наконецъ, онъ много занимался вопросами о проповѣднической дѣятельности и миссіонерскихъ трудахъ первосвятителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія. Чрезвычайно просвѣщенный чело-вѣкъ, покойный Августинъ очень любилъ Россію, глубоко ее уважалъ, былъ

чрезвычайно преданъ церкви православной и любилъ церковную службу. Онъ прекрасно говорилъ по-русски, хотя и съ нѣкоторымъ французскимъ акцентомъ. До конца дней своихъ онъ велъ аскетическій образъ жизни и жилъ отшельникомъ, погруженный въ книги, пользуясь глубокимъ уваженіемъ всѣхъ, знавшихъ его. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1911 г., № 56).

† **Арутюновъ, С. Х.** 11-го марта скончался редакторъ «Приазовскаго Края» Серафимъ Христофоровичъ Арутюновъ. Покойный родился въ 1848 году въ семьѣ бѣднаго владѣльца аптекарскаго магазина, обратилъ на себя вниманіе архіепископа Айвазовскаго, давшаго ему возможность получить среднее, а затѣмъ и высшее образованіе. Въ 70-хъ годахъ онъ служилъ по выборамъ въ нахичеванскомъ городскомъ самоуправленіи, а въ 1890 году основалъ газету «Приазовскій Край», безсмѣннымъ редакторомъ которой состоялъ до могилы. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 72).

† **Богаевскій, Л. Г.** 13-го марта скончался внезапно профессоръ технологическаго института Леонидъ Григорьевичъ Богаевскій. Покойный пользовался обширной извѣстностью, какъ выдающійся химикъ и строитель свѣчныхъ заводовъ, а также какъ педагогъ, любившій молодежь и съ увлеченіемъ отдававшій ей свои силы и знанія. Л. Г. родился въ 1858 году. Съ молодыхъ лѣтъ онъ готовился къ военной карьерѣ. По окончаніи курса въ Петровской полтавской военной гимназійи и въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ онъ началъ службу подпоручикомъ въ л.-гв. конно-артиллерійской бригадѣ и принялъ участіе въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 г. въ составѣ конной артиллеріи 12-го корпуса. Участвовать въ крупныхъ дѣлахъ ему не пришлось, его войсковая часть находилась въ тылу арміи и затѣмъ вошла въ составъ оккупационныхъ войскъ. Досуги службы молодой офицеръ посвятилъ чтенію и изученію математики и экономическихъ наукъ. По возвращеніи въ Россію онъ вышелъ въ отставку и поступилъ студентомъ въ Технологическій институтъ. По окончаніи курса въ институтѣ въ 1885 году онъ занялся специально изученіемъ химіи, разработалъ способъ приготовления ализариноваго масла путемъ непосредственнаго дѣйствія сѣрной кислоты на клецевинное сѣмя и ввелъ совершенно новую систему аппаратовъ для приготовления ализариноваго масла. Въ 1887 году былъ приглашенъ технологическимъ институтомъ читать химическую технологию въ качествѣ адъюнкты-профессора и съ 1899 г. читалъ лекціи въ качествѣ профессора. Съ этого времени его педагогическая дѣятельность была тѣсно связана съ технологическимъ институтомъ. Одно время онъ преподавалъ химию въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ и на курсахъ Лесгафта (въ 1902 г. былъ директоромъ этихъ курсовъ). Параллельно съ педагогическою дѣятельностью шла его практическая дѣятельность, какъ технолога-химика. Онъ устроилъ въ Петербургѣ маслобойный заводъ, по его проекту построены свѣчные заводы въ Петербургѣ, Самарѣ и Тамбовѣ. Затѣмъ онъ ввелъ впервые въ Россіи химическое бѣленіе воска, употребленіе плетеной свѣтильни и гидравлическій прессъ своей системы для обвощенныхъ продуктовъ. Во время русско-японской войны Л. Г. напечаталъ статью въ «Новомъ Времени» о своемъ дешевомъ химическомъ способѣ окраски тканей въ цвѣтъ хаки, что доставило возможность многимъ войсковымъ частямъ быстро и де-

шево измѣнить окраску солдатскихъ рубахъ. Ему принадлежить множество печатныхъ специальныхъ трудовъ: «Записка о гумми, камеди, краскахъ и красильныхъ веществахъ», «О непрерывности газообразнаго и жидкаго состояній», «О дѣйствии на триглицеринъ рициоловой кислоты», «О законѣ измѣненія разности теплоемкостей», «Объ отступленіи отъ закона Войль-Мариотта—законъ параболы» («Мемуары Академіи Наукъ»). «Объ особомъ состояніи вещества», «О законѣ соответствующихъ состояній» и мн. др. Кромѣ того, имъ напечатаны въ «Воспомъ Сборникъ» въ 1903 году интересныя воспоминанія о русско-турецкой войнѣ 1877—78 гг., вышедшія отдѣльной брошюрой: «Изъ давно прошедшаго». Какъ человекъ, Л. Г. отличался замѣчательною сердечностью и жизнелюбностью. Онъ былъ незамѣнимымъ и интереснымъ собесѣдникомъ, любилъ общество и никому не отказывалъ въ своей помощи словомъ и дѣломъ. Въ послѣдніе годы онъ тяжело захворалъ (болѣзнь почекъ), ѣздилъ въ Египетъ, но вернулся оттуда не совсѣмъ оправившись. Утромъ 13-го марта покойный чувствовалъ недомоганіе, въ часъ дня его не стало отъ паралича сердца. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12574).

† **Вержиловичъ, А. В.** 2 марта послѣ тяжкихъ и продолжительныхъ страданій скончался солистъ Его Величества, одинъ изъ крупнѣйшихъ европейскихъ виолончелистовъ, заслуженный профессоръ спб. консерваторіи, Александръ Валеріановичъ Вержиловичъ. А. В. родился въ Петербургѣ 27 декабря 1849 года. Научное образованіе получилъ въ школахъ св. Анны. По окончаніи курса, 20 лѣтъ отъ роду, Вержиловичъ поступилъ въ консерваторію по классу извѣстнаго виолончелиста К. Ю. Давыдова, подъ руководствомъ котораго развился и окрѣпъ музыкальный талантъ уже тогда много общавашаго ученика. Въ 1871 г. А. В. окончилъ консерваторію однимъ изъ первыхъ и былъ награжденъ большою серебряною медалью за отличные успѣхи. Въ 1877 году, блистательно выдержавъ конкурсное испытаніе, Вержиловичъ поступилъ въ оркестръ итальянской оперы въ Большой театръ на мѣсто своего проф. Давыдова. Съ 1885 г. состоялъ профессоромъ спб. консерваторіи. Блестящій виртуозъ, образованный музыкантъ, А. В. очень мало посѣщалъ Европу и только лѣтъ 10 тому назадъ совершилъ поѣздку по Германіи и Франціи, превратившуюся въ сплошное триумфальное шествіе. Скончался А. В. на 62 году жизни. Онъ тяжело заболѣлъ въ началѣ прошлаго года. У него образовалась на ногѣ злокачественная опухоль раковаго происхожденія. Болѣзнь быстро прогрессировала. Врачи признали операцію безплодною, и А. В. отправился лечиться на Кавказъ. Здѣсь онъ провелъ все лѣто и, не получивъ значительнаго облегченія, вернулся въ Петербургъ и лечился въ Александровской больницѣ, въ клиникѣ проф. Бехтерева и др. Недавно онъ былъ перевезенъ къ себѣ на квартиру. По временамъ больной чувствовалъ облегченіе и въ эти минуты проявлялъ живой интересъ ко всему окружающему. 1 марта въ состояніи здоровья А. В. произошло рѣзкое ухудшеніе, къ вечеру наступила агонія, а 2-го марта, въ 1 ч. 30 м. дня, А. В. не стало. (Некрологъ: «Спб. Вѣдом.», 1911, № 50).

† **Главачъ, В. И.** Послѣ Д. А. Агренева-Славянскаго сошелъ въ могилу второй баянъ славянской пѣсни. Тѣмъ, чѣмъ Славянскій былъ для родныхъ напѣвовъ, В. И. Главачъ былъ въ области камерной и симфоническостор. вѣстн.». апрѣль 1911 г., т. сxxiv.

ческой, вообще инструментальной музыки. Въ шумныхъ концертахъ своихъ, стяжавшихъ ему громкое имя не только у насъ и у зарубежныхъ славянъ, но и въ Западной Европѣ, В. И. Главачъ отдавалъ предпочтеніе славянскимъ композиторамъ. Для популяризаціи въ Европѣ русскихъ композиторовъ, чешскихъ, какъ Сметаны и Дворжака, польскихъ Монюшко и Носковскаго, южно-славянскихъ, какъ Зайца и Ёнко, онъ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ кто-либо. Когда въ 1909 году образовалось общество славянской взаимности и при немъ былъ учрежденъ особый музыкальный отдѣлъ для распространенія славянской музыки, естественно, что выборъ въ председатели этого отдѣла палъ единогласно на В. И. Главача. Своей дѣятельностью онъ успѣлъ завоевать вскорѣ такія симпатіи, что былъ избранъ однимъ изъ товарищей председателя этого общества. Къ сожалѣнію; болѣзнь помѣшала ему послужить долго дѣлу славянской взаимности. Послѣднимъ его произведеніемъ былъ «Сокольскій маршъ» на слова Д. Н. Вергуна, выдержавшій уже нѣсколько изданій и широко распространенный по всѣмъ «соколинымъ гнѣздамъ» Россіи. В. И. Главачъ умеръ всего на 61 году своей жизни. Родился онъ въ Чехіи въ гор. Ледечѣ. Мальчикомъ четырехъ лѣтъ онъ уже пѣлъ въ церковномъ хорѣ и выдѣлялся благодаря своему необычному музыкальному дарованію. Слухъ у него былъ удивительный. Издали онъ могъ въ точности опредѣлить, изъ какихъ отдѣльныхъ нотъ состоитъ аккордъ, взятый на любомъ инструментѣ. Семилѣтнимъ мальчикомъ онъ давалъ концерты и съ тѣхъ поръ самостоятельно жилъ на заработанныя уроками средства. Въ юномъ возрастѣ онъ выступилъ, какъ церковный органистъ. Этимъ онъ приобрѣлъ на родинѣ большую извѣстность, но, не удовлетворяясь узкимъ кругомъ Чехіи, онъ уѣхалъ въ Россію, чтобы выбиться на широкую славянскую арену. Здѣсь онъ служилъ сначала въ Маріинскомъ театрѣ органистомъ, а потомъ дирижировалъ хорами и оркестрами въ Павловскѣ, Озеркахъ, Сестрорѣцкѣ. Въ качествѣ признаннаго дирижера онъ выступалъ затѣмъ на разныхъ выставкахъ Старога и Новаго Свѣта; не разъ командировался правительствомъ въ качествѣ музыкальнаго судьи, устраивалъ хоръ студентовъ петербургскаго университета. Благодаря своей виртуозной игрѣ, онъ былъ назначенъ солистомъ на органѣ въ придворный оркестръ и получилъ почетное званіе солиста Его Величества. Вскорѣ послѣ этого его пригласили капельмейстеромъ оркестра гвардейскаго экипажа. Скончался В. И. скоростижно отъ паралича сердца. Послѣдніе мѣсяцы приступы астмы были настолько мучительны, что онъ часто говорилъ о смерти и выражалъ желаніе быть похороненнымъ безъ почестей. Хотя семья покойнаго и строго выполнила его завѣтъ, но все же на могилу принесено было множество роскошныхъ вѣнковъ. Происхожденіе болѣзни В. И. Главача связано съ плаваніемъ въ шхерахъ съ гвардейскимъ экипажемъ въ 1909 г. Жена его находилась въ это время въ Ревелѣ. В. И. долженъ былъ пріѣхать къ женѣ въ Ревель; все было готово для его встрѣчи. Вдругъ женѣ его, тогда еще совершенно здоровой и жизнерадостной, подали телеграмму безъ адреса и безъ подписи о несчастьи въ шхерахъ. Дешпу доставили изъ полиціи послѣ долгихъ справокъ и розысковъ по всему городу. Въ перепутанномъ текстѣ телеграммы трудно было разобраться; ясно было одно, что случилось несчастье. Съ женой сдѣлался нервный ударъ. Благодаря небреж

ности телеграфиста, жена заболѣла отъ испуга тяжело и неизлечимо, и когда Главачу дали знать о томъ, что случилось съ женою, у него начались сердечные припадки. Дочь В. И. стремилась отправить его за границу, но доктора сказали, что уже ничто не поможетъ и что путешествие только изнуритъ больного. Покойный покорно ждалъ своей участи, хотя часто плакалъ о судьбѣ неизлечимо больной своей жены. Смерть его отъ жены скрыли, этого удара она не перенесла бы. Трагическое положеніе въ семьѣ и было причиной, что покойный выразилъ желаніе похоронить его безъ всякаго шума. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12570).

† **Голицынъ, А. Н., князь.** Въ Парижѣ 18-го февраля скончался въ маститой старости князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, прямой потомокъ того князя Голицына, который былъ пѣстуномъ Петра Великаго. Судьба не жаловала князя Александра Николаевича: двадцати лѣтъ отъ роду онъ, будучи единственнымъ сыномъ, лишился своихъ родителей. Его отецъ, князь Николай Яковлевичъ, пріятель А. П. Ермолова и участникъ великихъ войнъ съ Наполеономъ, начиная съ Аустерлица, былъ начальникомъ гвардейской кавалерійской дивизіи; мать, княгиня Вѣра Дмитриевна (рожденная тоже Голицына), принадлежала по своему родству съ графинею С. В. Строгановой къ высшему петербургскому обществу. Овдовѣвъ, она переѣхала въ Москву, и 7 апрѣля 1850 года была заколота послушникомъ Донскаго монастыря Зыковымъ. Князь Голицынъ остался сиротою, только что вступивъ въ юношескій возрастъ, но уже находясь на службѣ въ Царскомъ Селѣ въ лейбъ-гусарскомъ полку. Тамъ онъ оставался въ продолженіе десяти лѣтъ. Прекрасное образованіе, данное ему родителями, спасло его отъ увлеченій гвардейской молодежи, а сближеніе съ московскимъ предводителемъ дворянства А. Д. Чертковымъ (на старшей дочери котораго, Елизаветѣ Александровнѣ, онъ женился) дало ему умственную пищу. Чертковъ собралъ отличную библіотеку для историческаго изученія Россіи; эта библіотека сыномъ его Григоріемъ Александровичемъ пожертвована городу Москвѣ и нынѣ помѣщается въ Историческомъ музеѣ. По примѣру тестя своего, князь Голицынъ началъ тоже собирать книги, но исключительно на языкахъ иностранныхъ, такъ называемыя *Rossica*, руководясь мыслью, что, какъ ни пристрастны европейцы въ сужденіяхъ о нашемъ отечествѣ, но, глядя со стороны, они нерѣдко знаютъ ее съ такихъ сторонъ, изученіе которыхъ для насъ затруднительно. Князь Голицынъ до конца жизни собиралъ такія книги, и главная часть его библіотеки была имъ пожертвована городу Москвѣ; она (какъ и его портретъ масляными красками) находится также въ Историческомъ музеѣ. Послѣ князя Голицына остались памятные записки; очень любопытная часть ихъ помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» (1887 г., выпускъ 10-й). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1911 г., № 46).

† **Добіашъ, А. В.** 3-го марта, въ 7¹/₂ ч. вечера, послѣ долгой мучительной болѣзни скончался Антонъ Вячеславовичъ Добіашъ, бывший профессоръ и инспекторъ вѣжинскаго историко-филологическаго института. Покойный былъ чехъ по происхожденію и образованію и въ Россію попалъ уже зрѣлымъ чело-
вѣкомъ. Однако подданство и религію перемѣнилъ не по карьернымъ соображеніямъ, какъ это часто бываетъ, а по искреннему и глубокому убѣжденію, со-

храненному имъ до самой смерти: онъ былъ энтузіастомъ Россіи, русскаго языка, литературы, религіи. Этотъ энтузіазмъ зародился въ покойномъ еще на школьной скамьѣ, въ то время, когда онъ готовился стать католическимъ патеромъ, и зародился, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ одного преподавателя, горячаго приверженца «Кирилло-Меѳодіевской мечты». Все дальнѣйшее—разрывъ съ намѣченной духовной карьерой, переходъ въ православіе и отъѣздъ въ Россію—было лишь логическимъ развитіемъ этого первоначальнаго толчка. Пробывъ въ Россіи свыше 30 лѣтъ и выслуживъ профессорскую пенсію, А. В. вышелъ въ отставку и переселился въ Прагу, съ цѣлью быть тамъ проводникомъ и проповѣдникомъ всего русскаго, и ревностно принялся за преподаваніе русскаго языка, который зналъ въ совершенствѣ. Однако его мечтанія потерпѣли крушеніе на первыхъ же порахъ, такъ какъ русская культура оказалась чехамъ въ сущности ненужной, и это разочарованіе, вырвавъ почву изъ-подъ ногъ, едва ли не было одной изъ причинъ, сократившихъ его жизнь—покойному было 64 года. По специальности А. В. былъ филологъ: классикъ; однако онъ выгодно отличался отъ многихъ своихъ соотечественниковъ, тоже филологовъ-классиковъ, наводнившихъ Россію въ 70-хъ годахъ: буква не заѣла его, и до конца жизни онъ сохранилъ интересъ къ общимъ вопросамъ. Пишущему эти строки пришлось быть едва ли не послѣднимъ ученикомъ А. В., когда онъ изучалъ съ нимъ въ Прагѣ чешскій языкъ, и онъ долженъ засвидѣтельствовать, что покойный обладалъ совершенно исключительнымъ лингвистическимъ талантомъ, талантомъ улавливать структуру даннаго языка, подмѣчать его тончайшіе изгибы, и можно только пожалѣть, что отсутствіе хорошей школы, жизнь въ захолустьи и долговременная административная дѣятельность въ качествѣ инспектора института помѣшали вполне проявиться этому таланту. Изъ ученыхъ трудовъ покойнаго слѣдуетъ отмѣтить: «Синтаксисъ Аполлонія Дискола», 1882; «Исслѣдованіе въ области греческаго мѣстоименія», 1887; Переводы діалоговъ Платона: «Протагоръ», 1890, и «Феэтитъ», 1891; «Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка», 1897. А. В. былъ, впрочемъ, не только ученый,—онъ былъ также выдающимся педагогомъ-практикомъ и страстно любилъ это дѣло, причемъ одинаково хорошо преподавалъ и классическіе языки, и математику, и русскій языкъ, и географію. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 63).

† **Дукмасовъ, П. Г.** Членъ военнаго совѣта генераль-отъ-инфантеріи Павелъ Григорьевичъ Дукмасовъ, скончавшійся послѣ тяжкой болѣзни 15 февраля, принадлежалъ къ числу славныхъ участниковъ завоеванія Кавказа и русско-турецкой войны 1877—78 гг. Покойный родился 6 ноября 1838 г. По окончаніи курса въ Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ онъ старшимъ хорунжимъ отправился на Кавказъ и въ составѣ Майкопскаго-отряда участвовалъ противъ горцевъ въ дѣлѣ у Ханскаго брода рѣки Бѣлой. Въ 1861 г. онъ окончилъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, состоялъ при штабѣ кавказской арміи, съ 1863 г. былъ дѣлопроизводителемъ канцеляріи по управленію кавказскими горцами, старшимъ адъютантомъ и попечителемъ горскихъ народовъ Кубанской области. Одновременно участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, приведшихъ въ покоренію Чечни и Дагестана, и за боевыя за-

слуги получилъ орденъ св. Станислава 2 степ. съ мечами и произведенъ въ подполковники. Затѣмъ несъ обязанности помощника начальника Кубанской области, былъ прикомандированъ къ главному штабу, причемъ неоднократно исправлялъ должность помощника начальника главного штаба, состоялъ для особыхъ порученій при командующемъ войсками одесскаго военнаго округа, былъ помощникомъ начальника штаба кievскаго военнаго округа. Въ 1878 г. П. Г. былъ назначенъ начальникомъ штаба 12-го армейскаго корпуса, съ открытіемъ же военныхъ дѣйствій противъ турокъ былъ начальникомъ 13-го армейскаго корпуса, участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ въ составѣ, послѣдовательно, рущукскаго, восточнаго, сѣвернаго и южнаго отрядовъ и за отличія пожалованъ орденами: св. Владимира 3 ст. и св. Станислава 1 ст.—оба съ мечами. Съ 1884 г. покойный былъ начальникомъ окружнаго штаба московскаго округа, начальникомъ гренадерской дивизіи, съ 1894 г. командиромъ 11-го и 7-го армейскихъ корпусовъ и съ 1900 г. членомъ военнаго совѣта. Въ 1906 г. П. Г. былъ избранъ членомъ верховнаго военно-уголовнаго суда и былъ командированъ съ особымъ порученіемъ въ Сѣверный Кавказъ. Покойный былъ не чуждъ также военной литературы. Имъ напечатанъ въ «Военномъ Сборникѣ» и въ «Русскомъ Инвалидѣ» рядъ статей, посвященныхъ преимущественно военному образованию казаковъ и реформамъ въ казачьихъ войскахъ. (Некрологъ его «Новое Время», 1911 г., № 12549).

† **Житецкій, П. И.** Въ ночь на 5 марта въ Кіевѣ скончался членъ-корреспондентъ академіи наукъ, сотрудникъ многихъ научныхъ изданій и бывшей «Кіевской Старины», магистръ филологіи, выдающійся изслѣдователь украинской литературы и словесности—Павель Игнатьевичъ Житецкій. Родился П. И. 23 декабря 1836 г. въ горядѣ Кременчугъ, въ семьѣ священника. Первоначальное образованіе получилъ покойный въ полтавской духовной семинаріи, которая въ то время находилась въ Переяславѣ. Въ числѣ первыхъ учениковъ П. И. изъ семинаріи отправленъ былъ въ кievскую духовную академію, гдѣ былъ въ обществѣ такихъ выдающихся впоследствии ученыхъ, какъ Владимірскій-Будановъ и др. Въ академіи онъ увлекся филологіей и, оставивъ черезъ 3 года академію, поступилъ въ кievскій университетъ, гдѣ работалъ въ научномъ кружкѣ В. Б. Антоновича. Еще студентомъ П. И. напечаталъ свою первую статью въ «Основѣ». Окончивъ университетъ въ 1863 г., поступаетъ П. И. на должность учителя въ Каменецъ, гдѣ оставался по 1867 г. Затѣмъ переходитъ на такую же должность въ Кіевъ и здѣсь въ 1876 г. на 3-мъ археологическомъ сѣздѣ прочелъ свою извѣстную работу о пересойницкомъ евангеліи. Въ 1876 г. Житецкій получаетъ степень магистра російскаго языка и литературы. Въ 1880 г. «независящія обстоятельства» принудили П. И. переселиться въ Петербургъ. Здѣсь въ качествѣ привать-доцента П. И. читаетъ лекціи по исторіи русскаго языка. Любовь къ родинѣ заставляетъ П. И. возвратиться въ Кіевъ, гдѣ онъ выставилъ свою кандидатуру на кафедрѣ русскаго языка и литературы, но большинствомъ одного голоса избранъ не былъ, какъ «украинецъ». Съ тѣхъ поръ до 1893 г. П. И. учительствуетъ въ Кіевѣ, пока не пораженъ былъ параличомъ. Въ 1898 г. избранъ былъ членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ. Всѣхъ ученыхъ трудовъ оставилъ покойный 21. Замѣ-

чательны изъ нихъ слѣдующіе: «Описаніе перисойническаго евангелія», «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія», «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII вѣкѣ», «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ», «Очерки по исторіи поэзіи», «Теорія сочиненія», «Теорія поэзіи», «Энеида» Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII вѣка», «О переводахъ Евангелія на малорусскій языкъ» и мн. др. Кромѣ того, покойному принадлежитъ нѣсколько работъ на нѣмецкомъ языкѣ. (Некрологъ см. «Рѣчь», 1911 г., № 65).

† **Зубковъ, И. А.** Въ ночь съ 27-го на 28 февраля внезапно скончался въ своемъ имѣніи Иванъ Алексѣевичъ Зубковъ, членъ 1-й государственной думы и бывшій предсѣдатель балахнинской земской управы. И. А. былъ крупный общественный земскій дѣятель въ Нижегородской губерніи. Около 20 лѣтъ онъ работалъ въ качествѣ выдающагося земскаго работника въ балахнинскомъ уѣздѣ, сначала въ должности заступающаго мѣсто предсѣдателя управы, а затѣмъ, послѣдніи два трехлѣтія,—какъ предсѣдатель управы. Подъ его руководствомъ Балахнинскій уѣздъ по своимъ культурнымъ мѣропріятіямъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ губерніи. Постановка отдѣльныхъ отраслей земскаго хозяйства была проведена имъ блестяще. И. А. былъ инициаторомъ введенія въ уѣздѣ всеобщаго образованія тогда, какъ объ этомъ не ставила еще вопроса государственная власть, имъ была разработана и осуществлена нормальная сѣть медицинскихъ участковъ, прекрасно и широко организована для населенія агрономическая помощь, упорядочено дорожное дѣло, реформировано оцѣночное дѣло, устроена телеграфная сѣть въ уѣздѣ и т. д. Отдавая беззавѣтно всѣ свои силы любимому земскому дѣлу, онъ пользовался широкой популярностью далеко за предѣлами своего уѣзда. Въ качествѣ губернскаго гласнаго И. А. принималъ самое горячее участіе въ работахъ губернскаго собранія и много лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ редакціонно-бюджетной комиссіи губернскаго земскаго собранія, какъ наиболѣе уважаемый и дѣятельный членъ собранія (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 58).

† **Кожевниковъ, А. И.** Въ своемъ имѣніи Могилевской губерніи скончался 11-го февраля видный общественный дѣятель Андрей Ивановичъ Кожевниковъ, бывшій старѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ гласнымъ могилевскихъ губернскаго и уѣзднаго комитетовъ по дѣламъ земскаго хозяйства и почетнымъ мировымъ судьей. Покойный родился 1-го октября 1849 года. По окончаніи курса въ петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету, онъ началъ службу въ государственномъ банкѣ, быстро выдвинулся своими способностями и познаніями, съ 1884 года былъ инспекторомъ конторъ и отдѣлений государственнаго банка и съ 1889 года по 1905 годъ былъ управляющимъ екатеринбургской конторой государственнаго банка. Въ качествѣ знатока онъ неоднократно привлекался къ судебной экспертизѣ: былъ экспертомъ при производствѣ слѣдствія о злоупотребленіяхъ въ кронштадтскомъ коммерческомъ банкѣ и руководителемъ экспертными работами по дѣлу скопинскаго банка. Проживъ въ Екатеринбургѣ болѣе 15 лѣтъ, онъ принялъ видное участіе въ мѣстной общественной жизни. Его стараніями открыты въ Екатеринбургѣ публичная библіотека имени В. Г. Бѣлинскаго и филиальное отдѣленіе имени Рѣшет-

никова, торговая и художественная школы и домъ трудолюбія. Онъ энергично заботился объ организаціи учрежденій мелкаго кредита и явился инициаторомъ сѣзда дѣятелей мелкаго кредита Пермской губерніи. Одновременно былъ гласнымъ и предсѣдателемъ екатеринбургской городской думы, которая отмѣтила его дѣятельность избраніемъ его въ свои почетные граждане. Мѣстное купечество, городъ и земство учредили въ торговой и художественно-промышленной школахъ стипендіи его имени. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12556).

† **Копыловъ, А. А.**¹⁾ Александръ Александровичъ Копыловъ, скончавшійся въ концѣ февраля, принадлежалъ къ той группѣ нашихъ композиторовъ, которые драпируются флагомъ «новой русской школы» (точно у насъ возможна «старая» школа, разъ наша музыкальная лѣтопись ведетъ свое начало отъ Глинки, умершаго въ 1857 г.). Дѣло, конечно, не въ названіи, а въ созданномъ и въ талантѣ, которымъ созданное создано; но такъ это только кажется, т. е. такъ должно было бы быть; на самомъ же дѣлѣ выходитъ не совсѣмъ такъ. Группа музыкальныхъ писателей, прикрывающихся названнымъ флагомъ, находится въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ обыкновенные смертные композиторы: ихъ сочиненія издаются, исполняются въ «своихъ» («Русскихъ») симфоническихъ концертахъ, поддерживаются дружелюбными критиками въ печати, пользуются кружковыхъ успѣхомъ. Для всѣхъ этихъ благъ имѣются средства матеріальныя (покойнымъ меценатомъ Бѣляевымъ оставленъ громадный капиталъ на изданіе и исполненіе произведеній кружка) и духовныя (взаимныя о добреніи одобреніе и снисходительныя на худой конецъ отзывы извѣстной части критики). Но для того, чтобы пользоваться этими земными благами, надо непременно попасть въ число «своихъ», а это не такъ легко, какъ кажется; нужно понравиться кому-либо изъ заправиль, а для этого необходимо обнаружить свою солидарность съ этимъ кружкомъ по своимъ идеямъ, или же быть рекомендованнымъ кѣмъ-либо, пользующимся вѣсомъ въ кружкѣ; таковыми прежде были Балакиревъ и Римскій-Корсаковъ, а въ настоящее время гг. Глазуновъ, Лядовъ и др. Наибольшій доступъ имѣютъ, конечно, ученики Римскаго-Корсакова и названныхъ сейчасъ двухъ лицъ, Можно только сожалѣть, что это благотѣльное учрежденіе, выдающее еще сверхъ сказаннаго авторскій гонораръ за произведенія и преміи по конкурсу за лучшія сочиненія по мнѣнію жюри, составленнаго изъ тѣхъ же лицъ или ихъ назначенію, — имѣетъ слишкомъ кружковый характеръ и отнюдь не распространяетъ своихъ щедротъ на всякіе русскіе таланты, напротивъ, здѣсь все «по милу хорошъ», а не «по хорошу милъ». Къ такимъ счастливцамъ принадлежалъ и Копыловъ, и вотъ какими судьбами онъ попалъ въ «безсмертные». Александръ Александровичъ Копыловъ былъ зачисленъ десятилѣтнимъ мальчикомъ (родился въ Петербургѣ въ 1854 г.) на службу въ придворную пѣвческую капеллу, какъ пѣвецъ, и занимался игрою на скрипкѣ и фортепіано. На восемнадцатомъ году (время перелома голоса) онъ сталъ спадать съ голоса и былъ уволенъ изъ капеллы. Старанія его попасть въ консерваторію не увѣнчались успѣхомъ, но профессоръ консерваторіи Рыбаковъ, у котораго

¹⁾ Сообщилъ В. Баскинъ.

Копыловъ учился играть на фортепіано, ставши дирижеромъ оркестра Александринскаго театра, устроилъ своего питомца въ качествѣ скрипача въ оркестръ. Свои досуги Копыловъ сталъ удѣлять изученію гармоніи у Гунке, который отреккомендовалъ его директору капеллы Бахметеву, какъ преподавателя пѣнія. Знакомство съ Балакиревымъ имѣло огромное значеніе для дальнѣйшей его дѣятельности: благодаря ему Копыловъ сталъ заниматься съ А. К. Лядовымъ; при посредствѣ послѣдняго онъ познакомился съ Римскимъ-Корсаковымъ, который, въ свою очередь, представилъ его Бѣляеву. Такимъ образомъ, онъ попалъ въ кружокъ, его сочиненія стали издаваться и исполняться, т. е. добился того, что другимъ не дается при самыхъ усиленныхъ стараніяхъ и при значительно большемъ талантѣ. Имъ написано очень немного; конечно, дѣло въ не количествѣ, но нельзя сказать, чтобы сдѣланное имъ особенно отличалось и качественно. Но такъ какъ семья нашихъ композиторовъ весьма немногочисленна, то всякая потеря, конечно, чувствительно. Имъ написаны: симфонія, скерцо для оркестра, два струнныхъ квартета, *andante* для струннаго квартета *B-la-f* («Бѣляевъ»), пьесы для скрипки и фортепіано, нѣсколько хоровъ для женскихъ и смѣшанныхъ голосовъ, романсы и церковныя произведенія. Копыловъ прослужилъ въ капеллѣ до 1897 г., когда вышелъ въ отставку. Онъ умеръ послѣ непродолжительной болѣзни, сравнительно не старымъ еще человѣкомъ.

† **Лагузень, І. И.** 23-го февраля на 66 году жизни скончался отъ кровоизліянія въ мозгъ бывший директоръ и заслуженный профессоръ горнаго института, горный инженеръ Юсифъ Ивановичъ Лагузень. Сынъ преподавателя Петропавловскаго нѣмецкаго училища и питомецъ горнаго института, онъ по кончаніи курса былъ оставленъ при институтѣ, гдѣ занималъ послѣдовательно должности помощника хранителя музеума, хранителя музеума, профессора по кафедрѣ палеонтологіи, инспектора и директора института. І. И. оставилъ много трудовъ по геологіи и палеонтологіи Россіи. По палеонтологіи работы его были разнообразны, но, главнымъ образомъ, были посвящены изученію и описанію ископаемыхъ фаунъ юрской и мѣловой системъ. Таковы были: «Описаніе окаменѣлостей бѣлаго мѣла Симбирской угберніи» (1873 г.), «Объ окаменѣлостяхъ симбирской глины» (1874 г.; диссертация), «Фауна юрскихъ образованій Рязанской губерніи» (1883 г.), «Die Inoceramenschichten an dem Olenek und der Lena» (1886 г.), «Ауцеллы, встрѣчающіяся въ Россіи» (1888 г.). Кромѣ того, покойнымъ былъ напечатанъ «Краткій курсъ палеонтологіи» (1895—1897 гг.), являющійся первымъ учебникомъ по палеонтологіи; написаннымъ русскимъ профессоромъ. Покойный много работалъ для сбора палеонтологическаго матеріала и для составленія геологическихъ картъ въ губерніяхъ Псковской, Новгородской, Тверской, Московской, Рязанской, Калужской, Тульской и Симбирской. Всѣ его работы отличаются тщательностью и добросовѣстностью и дали покойному почтенное имя какъ въ русской, такъ и въ европейской наукѣ. Покойный былъ большимъ любителемъ и тонкимъ цѣнителемъ окаменѣлостей, человѣкомъ искренно преданнымъ наукѣ и свято чтившимъ ее. Директорство І. И. пришлось на смутное время 1901—1903 гг. Человѣкъ мягкій, весьма благожелательный, онъ былъ органически неспособенъ къ крутымъ мѣрамъ, вслѣдствіе чего оставилъ директорскій постъ и вы-

шелъ въ отставку, провожаемый всеобщими сожалѣніями. Уравновѣшенный, корректный, I. И. былъ человѣкомъ весьма пріятнымъ въ личныхъ сношеніяхъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12555).

† **Муркосъ, Г. А.** 20 февраля скончался отъ паралича въ Дамаскъ (Сирія) бывший профессоръ Лазаревскаго института д. с. с. Георгій Абрамовичъ Муркосъ. Покойный ориенталистъ и арабо-сирійскій церковный дѣятель родился въ 1846 году въ Дамаскъ въ исконной православной арабской священнической семьѣ, образование получилъ сначала въ Константинополѣ, въ эллинской школѣ Фанарѣ, потомъ въ Россіи въ петербургской духовной семинари и на восточномъ факультетѣ петербургскаго университета; затѣмъ занималъ каѳедру арабской словесности въ теченіе 30 лѣтъ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ въ Москвѣ. Главные труды Муркоса «Муаллака Имрулькайса», «Новѣйшая литература арабовъ», «Извлечение изъ Корана и другихъ авторитетныхъ мусульманскихъ книгъ объ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ». Когда болгары рѣшили избавиться отъ греческаго духовнаго владычества, Г. А. напечаталъ цѣлый рядъ статей о греко-болгарской распрѣ и сталъ помѣщать на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и другихъ русскихъ газетъ историческія изслѣдованія объ отнятіи имѣнія св. Гроба фанаріотами у православныхъ арабовъ. Изъ его многочисленныхъ трудовъ пользуется до сихъ поръ большою популярностью переводъ арабской рукописи «Путешествіе патріарха Антиохійскаго Макарія въ Россію въ половинѣ XVІІ вѣка», напечатанный впервые въ «Русскомъ Обзорѣніи». Покойный Муркосъ былъ членомъ многихъ ученыхъ учреждений, между прочимъ академіи наукъ въ Румыніи и почетнымъ членомъ петербургской и московской духовныхъ академій. Г. А. принималъ участіе въ русско-турецкой кампаніи (Некрологъ: «Московскія Вѣдомости», 1911 г. № 44).

† **Овсянниковъ, В. П.** Скончался извѣстный художникъ-живописецъ и рисовальщикъ В. П. Овсянниковъ. Смерть мгновенная: отъ удара. Вообще послѣдніе годы Овсянниковъ чувствовалъ себя скверно. Онъ былъ разбитъ параличомъ, у него отнялась правая рука, и на послѣднихъ выставкахъ экспонировались его картины, написанныя лѣвой рукой. Лѣтъ 20 тому назадъ Овсянниковъ, окончивъ университетъ и архологическій институтъ, поступилъ въ академію художествъ. Тогда существовалъ еще такъ называемый декоративный классъ. Овсянниковъ прошелъ курсъ его и, окончивъ академію, много работалъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, какъ рисовальщикъ-иллюстраторъ. Въ это время онъ подпалъ подъ вліяніе Каразина и работалъ въ свободной и смѣлой каразинской манерѣ. Но Овсянниковъ параллельно не забывалъ и живописи. На выставкахъ общества петербургскихъ художниковъ ежегодно появлялись его картины, главнымъ образомъ навѣяныя старой Москвой. Это не была вдохновенная старая Москва Аполлинарія Васнецова,—Овсянниковъ былъ значительно менѣе талантливъ. Но все же въ каждой колонкѣ крыльца, въ каждой подробности архитектурной чувствовалось тщательное знаніе и отличное знакомство съ исторіей. Послѣдніе годы Овсянниковъ въ Петербургѣ являлся гостемъ, проживая мѣсяцевъ восемь въ году въ своемъ новгородскомъ имѣніи. Тамъ года два назадъ случилась съ нимъ

катастрофа. Ночью сгорѣла вся усадьба съ инвентаремъ, мебелью, мастерской и картинами. Овсянниковъ больной, полуразбитый параличомъ, едва спасся изъ пламени. (Некрологи см.: «Биржев. Вѣд.», 1911 г., № 12229).

† **Лебедевъ, И. А.** 26 февраля скончался Иванъ Александровичъ Лебедевъ, старшій инспекторъ главной палаты мѣръ и вѣсовъ. И. А. родился въ Петербургѣ въ 1858 году. По окончаніи университета въ 1881 году И. А. былъ оставленъ при физической лабораторіи, гдѣ руководилъ практическими занятіями студентовъ, кромѣ того, онъ преподавалъ физику въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1890 г. покойный назначенъ ассистентомъ при кафедрѣ физики императорской военно-медицинской академіи. Съ этого времени начинается особо усиленная и плодотворная дѣятельность И. А., энергіи котораго физическій кабинетъ академіи обязанъ своимъ развитіемъ. Благодаря его энергіи и опытности, профессоръ академіи Н. Г. Егоровъ имѣлъ возможность впервые познакомить русское физико-химическое общество и VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ 1889 г. со свойствами лучей и электрическихъ волнъ Герца. Физической лабораторіи медицинской академіи также памятенъ трудъ И. А. по устройству лабораторіи для опытовъ и изслѣдованій съ рентгеновскими лучами въ примѣненіяхъ къ медицинскимъ цѣлямъ. При работахъ въ рентгеновской радиографической лабораторіи клиническаго госпиталя И. А. констатированы нѣкоторыя явленія, дополнявшія тогда еще скудные свѣдѣнія о природѣ этихъ загадочныхъ лучей. По приглашенію профессора Н. Г. Егорова, И. А. Лебедевъ принималъ съ 1894 г. дѣятельное участіе въ работахъ создавшейся Д. И. Менделѣевымъ главной палаты мѣръ и вѣсовъ. Съ 1900 года съ назначеніемъ на должность старшаго инспектора главной палаты, И. А. всецѣло посвятилъ свой опытъ и знанія дѣлу развитія электрическаго отдѣленія главной палаты и пропагандѣ введенія обязательной періодической повѣрки электрическихъ счетчиковъ и устройства мѣстныхъ электрическихъ повѣрочныхъ учреждений; одно изъ нихъ осуществлено при жизни И. А. на Кавказѣ, въ Баку. Дѣло беспроволочной радиотелеграфіи нашло въ лицѣ И. А. компетентнаго дѣятеля, и при его ближайшемъ участіи и руководствѣ въ главной палатѣ организованы радиотелеграфныя измѣренія и изслѣдованія. Относился И. А. весьма сочувственно и къ общественнымъ начинаніямъ: онъ былъ организаторомъ ссудо-сберегательной кассы служащихъ въ главной палатѣ. Статьи И. А. по специальнымъ вопросамъ электротехники помѣщены во «Временникѣ» главной палаты мѣръ и вѣсовъ, въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона и въ сборникѣ «Основные вопросы физики 1909 г.». При многочисленныхъ своихъ трудахъ въ академіи и главной палатѣ И. А. находилъ время и для педагогической дѣятельности. Онъ читалъ нѣсколько лѣтъ (съ 1896 г.) лекціи по физикѣ въ училищѣ лекарскихъ помощницъ и фельдшерницъ, а также преподавалъ физику въ царскосельскомъ реальномъ училищѣ (1905—1909 гг.), прекрасный физическій кабинетъ котораго устроенъ имъ и имѣетъ много приборовъ, изготовленныхъ его руками (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12559).

† **Соколовъ, Н. И.** Скончавшійся на дняхъ въ Петербургѣ отъ воспаления сердца статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Соколовъ принадлежалъ къ

числу выдающихся дѣятелей почтово-телеграфнаго вѣдомства. Покойный родился 30 сентября 1864 года въ Тулѣ, гдѣ служилъ его отецъ, и въ 1881 году кончилъ курсъ въ Ларинской гимназіи съ золотой медалью. Поступивъ на юридическій факультетъ петербургскаго университета, Н. И. кончилъ его въ 1885 г. Представленную имъ диссертацию по международному праву извѣстный И. Е. Андреевскій нашелъ настолько цѣнной, что предложилъ покойному остаться при университетѣ для подготовленію къ профессорскому званію. Однакожъ Н. И. принужденъ былъ отклонить это лестное для него предложеніе, такъ какъ не надѣялся на свое слабое здоровье. Тотчасъ по окончаніи университетскаго курса покойный поступилъ на службу въ главное управленіе почтъ и телеграфовъ помощникомъ столоначальника. Здѣсь онъ и прослужилъ болѣе двадцати пяти лѣтъ, до самой смерти, получивъ три года назадъ мѣсто начальника перваго отдѣленія. Тяжелая служба въ конецъ разстроила его здоровье. Н. И. принадлежалъ къ числу немногихъ у насъ лицъ, изучавшихъ международное право, притомъ за границей, и является въ полномъ смыслѣ слова новаторомъ въ дѣлѣ проведенія системы нормъ русскаго почтоваго права. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ статей ученаго характера, разсѣянныхъ по спеціальнымъ юридическимъ изданіямъ и частью напечатанныхъ въ «Почтово-Телеграфномъ Журналѣ», и нѣсколько трудовъ, вышедшихъ отдѣльно, по вопросамъ почтоваго права и исторіи почты въ Россіи. Къ числу ихъ принадлежитъ работа «Теорія почтоваго договора», въ нашей литературѣ единственная. Скончался Н. И. на 47 году жизни, послѣ непродолжительной болѣзни. Доброжелательный и участливый, онъ пользовался общими симпатіями сослуживцевъ и всѣхъ, знавшихъ его; это и сказалось такъ ярко на его похоранахъ. Похоронили его на Смоленскомъ кладбищѣ (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12561).

† **Ткачевъ, А. Н.** Скончавшійся 24-го февраля членъ государственной думы Андрей Никитичъ Ткачевъ принадлежалъ къ фракціи умѣренно-правыхъ, принималъ участіе въ комиссіяхъ: по судебнымъ реформамъ, о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ, по вѣроисповѣднымъ дѣламъ и библиотечной и неоднократно выступалъ ораторомъ въ общихъ собраніяхъ. Землевладѣлецъ, присяжный повѣренный и бывший педагогъ, онъ горячо ратовалъ противъ пьянства, подписалъ законопроекты объ отмінь статей устава акцизныхъ сборовъ о выдачѣ премій частной спиртовой промышленности и о сосредоточеніи продажи крѣпкихъ напитковъ въ городахъ, затѣмъ выступалъ убѣжденнымъ сторонникомъ суда присяжныхъ, условнаго досрочнаго освобожденія и вспомошествованія пострадавшимъ отъ революціи. Покойный—потомственный дворянинъ, родился въ 1848 году. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ кандидатомъ правъ онъ избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще и преподавалъ исторію и географію въ различныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ сперва Москвы (Никольскій сиротскій институтъ), потомъ Петербурга. Въ 70-хъ годахъ А. Н. издалъ «Исторію Греціи и Рима» въ двухъ частяхъ. Это учебное пособіе въ свое время было рекомендовано во всѣ основныя библиотеки средне-учебныхъ заведеній. Въ 1880 году онъ вошелъ въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ округа петербургской судебной палаты и занимался адвокатской практикой въ Петербургѣ до 1896 года, когда переѣхалъ въ свое имѣніе

въ Псковской губерніи и занялся лично сельскимъ хозяйствомъ. Черезъ два года былъ избранъ отъ дворянства уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ и съ того времени принималъ дѣятельное участіе въ разрѣшеніи и веденіи дворянскихъ и земскихъ дѣлъ. Одновременно онъ участвовалъ въ разныхъ мѣстныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, былъ членомъ уѣзднаго и губернскаго училищныхъ совѣтовъ и попечителемъ мѣстнаго комитета трезвости. Въ 1900 году онъ учредилъ въ Великолуцкомъ уѣздѣ общество сельскаго хозяйства и до конца своей жизни былъ его предсѣдателемъ. Въ своемъ имѣніи А. Н. выстроилъ двухклассную школу, устроилъ народную читальню и библиотеку. Среди всѣхъ, знавшихъ покойнаго, онъ пользовался симпатіями за свою доброжелательность, сердечность и правдивость. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12558).

† **Языковъ, М. Д.** 1-го марта въ Ялтѣ угасъ отъ изнурительной чахотки инспекторъ оренбургскаго учебнаго округа, Митрофанъ Дмитріевичъ Языковъ, близкій Москвѣ по своему воспитанію и первоначальной педагогической дѣятельности. Почившій—сынъ московскаго протоіерея—родился въ Москвѣ въ 1867 году и учился въ московской 3-й гимназіи, изъ которой въ 1886 году поступилъ на физико-математическій факультетъ московскаго университета. По окончаніи университетскаго курса съ дипломомъ 1-й степени (1890 г.), онъ состоялъ преподавателемъ математики и физики въ частной женской гимназіи Бессѣ, въ смоленскомъ реальномъ училищѣ (съ 1892 г.), московской 3-й гимназіи, Елизаветинской женской и въ Елизаветинскомъ институтѣ (1894—1903 гг.). Прекрасное веденіе учебнаго и воспитательнаго дѣла выдвинуло покойнаго на административное поприще: съ 1903 года онъ занялъ мѣсто инспектора въ родной ему 3-й гимназіи Москвы, съ 1906 года получилъ должность директора вновь открывшагося вышневолоцкаго реальнаго училища, а съ 1908 года былъ назначенъ окружнымъ инспекторомъ оренбургскаго учебнаго округа и состоялъ на этомъ посту до своей кончины. Наряду со своими научными занятіями въ области математическихъ знаній, М. Д. въ теченіе многихъ лѣтъ велъ оживленную литературно-поэтическую дѣятельность. Еще во время студенчества (1889 г.), онъ выступилъ съ вереницей своихъ стихотвореній въ «Русскомъ Сатирическомъ Листкѣ» и съ большою поэмой «Княжна» въ «Колосьяхъ» (1889 г., книга 4). Затѣмъ, въ теченіе болѣе десяти лѣтъ (1890—1901 гг.) его поэтическія произведенія, отличающіяся милою задушевностью и изяществомъ стихотворной формы, печатались въ «Московской Иллюстрированной Газетѣ», «Звѣздѣ», въ журналѣ «Царь-Колоколь», «Наблюдателѣ», «Вѣстникѣ Европы» и преимущественно—въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Особенно выдѣлялись его звучныя «Пѣсни о Крымѣ», картинно изображавшія ту чарующую южную природу, среди которой почившій поэтъ-педагогъ провелъ свою послѣдніе страдальческіе годы... (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1911 г., № 51).

† **Якимовъ, П. М.** 30-го января 1911 года скончался въ Прилукахъ (Полтавской губерніи) отъ склероза П. М. Якимовъ, 50 лѣтъ отъ роду. Покойный до послѣднихъ дней отдавался любимому дѣлу—литературѣ. Первые труды П. М. относятся къ 1883 году (сотрудничество въ «Новомъ Обзорѣніи», Тифлисъ), затѣмъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ въ 1883 году

былъ напечатанъ имъ бытовой разсказъ изъ жизни рабочихъ «Вожакъ». Дальнѣйшая работа П. М. была преимущественно въ повременной печати Закавказскаго края: «Новое Обозрѣнiе», «Кавказъ», «Каспiй» и пр.—по вопросамъ преимущественно экономическимъ. Въ качествѣ гласнаго тифлисской думы и позже секретаря тифлисской управы, П. М. вездѣ, гдѣ могъ, выступалъ защитникомъ благоустройства меньшей братiи. Въ 1883—4 гг. П. М. подвергался заключенiю въ Метехскомъ замкѣ, Петропавловской крѣпости и въ домѣ предварительнаго заключенiя въ Петербургѣ—по подозрѣнiю въ участiи въ политическомъ движенiи и больше 3-хъ лѣтъ состоялъ подъ надзоромъ полицiи... Покойнымъ была написана трехактная драма «Изъ-за денегъ», но цензура 1890-хъ годовъ положила свое veto... Трудami П. М. по организации городскихъ мясныхъ лавокъ интересовались городскiя управленiя Москвы, Петербурга, Вильны и др. Покойный П. М. съ 1882 г. по 1902 и 1903—10 гг. служилъ на желѣзныхъ дорогахъ. По смерти П. М. осталась безъ средствъ большая семья изъ 8 дѣтей и жены. Одно изъ стихотворенiй П. М. переложено на музыку; это «24 августа 1612 г.» (памяти князя Пожарскаго и Минина).

† **Якубовичъ-Мельшинъ, П. Ф.** 17-го марта въ 6 час. утра, послѣ 11 дней тяжкихъ страданiй скончался Петръ Филипповичъ Якубовичъ, извѣстный какъ поэтъ подъ своими инициалами П. Я., какъ прозаикъ—подъ псевдонимомъ Л. Мельшинъ. Якубовичъ родился въ 1860 году въ старинной дворянской семьѣ Новгородской губ. Житейскiя обстоятельства складывались благопрiятно. Новгородскую гимназiю П. Ф. кончилъ съ серебряною медалью, историко-филологическiй факультетъ петербургскаго университета первымъ кандидатомъ; говорилъ онъ очень недурно, русскую литературу зналъ превосходно, а русскихъ поэтовъ чуть ли не наизусть. Уже въ 18 лѣтъ онъ попалъ въ сотрудники «толстыхъ» журналовъ: его стихи печатались въ «Дѣлѣ», «Словѣ», а затѣмъ въ «Вѣстникѣ Европы» и «Отечественныхъ Запискахъ». Но столь же рано пошелъ Якубовичъ и по другому пути. Уже въ самомъ началѣ 80-хъ гг. онъ тѣсно примыкаеть къ революционному движенiю. Послѣ разгрома исполнительнаго комитета П. Ф. занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ революционнiй организации. Въ 1884 г. П. Ф. Якубовича арестовали, и послѣ 3 лѣтъ заключенiя въ Петропавловской крѣпости онъ, вмѣстѣ съ Г. А. Лопатинымъ, П. П. Стародворскимъ и др. былъ приговоренъ къ смертной казни. Цѣлыхъ 3 недѣли висѣлъ надъ нимъ Дамоловъ мечъ не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова. Конфирмацiя замѣнила казнь 18 годами каторги. До 1890 г. Якубовичъ отбывалъ наказанiе на Карѣ. Въ 1890 г. все это кончается. Пошли большiя строгости, Якубовичъ попадаетъ въ Акатуйскую тюрьму, и здѣсь цѣлыхъ 3 года онъ исполняетъ настоящiя каторжныя работы, во всемъ страшномъ объемѣ этого понятiя. Невзгода, однако, не только не сломила его духа, а вызвала со дна души какiя-то новыя силы, невѣдомыя до того, можетъ быть, ему самому. По крайней мѣрѣ, друзья П. Ф. были поражены его выдержкой. Когда П. Ф. взяли, знавшiе его нервную возбужденность думали, что не вынести ему тяжести свалившейся на него бѣды. А вышло наоборотъ. Такова, впрочемъ, всегда роль страданiй въ жизни настоящихъ рыцарей духа. Неблагопрiятныя условiя без-

сильны что-нибудь подѣлать тамъ, гдѣ духовныя силы заложены глубоко. Не сломила каторга декабристовъ и Достоевскаго, не сломилъ Шлиссельбургъ «шлиссельбуржцевъ». Кто имѣеть возможность дать что-нибудь обществу, дать его при всѣхъ условіяхъ, и только бездарности и ничтожества оправдываютъ свое безсиліе «средой», «обстоятельствами» и т. д. Нѣсколько манифестовъ облегчили участь Якубовича, и онъ въ 1895 г. поселяется въ Курганъ. Но если испытанія не сломили высокую душу П. Ф., то они крайне неблагоприятно подѣйствовали на его некрѣпкое тѣло. Появляется тяжелое нервное расстройство въ очень острой формѣ, дѣйствовавшее на его рѣчь. Въ 1899 г. разрѣшено ему было поѣхать для леченія въ Казань, а затѣмъ въ Петербургъ. Подъ «Петербургомъ», впрочемъ, подразумѣвалась только клиника военно-медицинской академіи. Когда П. Ф. выздоровѣлъ, онъ долженъ былъ поселиться на Удѣльной и только въ дни свободы сталъ снова полноправнымъ гражданиномъ. Съ внѣшней стороны, жизнь П. Ф. слагалась теперь въ высшей степени благоприятно. Уже со второй половины 1890-хъ годовъ Якубовичъ, до того извѣстный только записнымъ любителямъ стиховъ по своей небольшой книжкѣ, изданной родными въ 1887 г. подъ псевдонимомъ Рамшева, становится настоящимъ «любимцемъ публики». Печатавшіеся въ «Русскомъ Богатствѣ» подъ псевдонимомъ Л. Мельшинъ тюремные очерки «Миръ отверженныхъ» имѣли выдающійся успѣхъ. А собраніе его стиховъ, сначала въ одномъ, а потомъ въ двухъ томахъ, выдержало съ 1898 г. семь изданій. Большой успѣхъ имѣла и хрестоматія Якубовича «Русская Муза» (1904 г. и позднѣе). Все это выдвинуло Якубовича-Мельшина въ первые ряды современной литературы. Но все портило быстро прогрессирующая болѣзнь сердца, превращавшая жизнь П. Ф. въ непрерывный рядъ страданій. Послѣдніе годы были прямо какамъ-то медленнымъ умираніемъ. П. Ф. не могъ никуда выходить, задыхался, мучился страшно, и только лѣтомъ, на дачѣ въ Лугѣ, чувствовалъ нѣкоторое облегченіе. (Некрологъ «Рѣчь», 1911 г., № 75).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи Н. Н. Фирсова (А. Рускина). «Русскіе ученые въ Персіи». «Истор. Вѣстн». Т. СХХІІІ, стр. 653.

Представителемъ императорской миссіи въ Тегеранѣ въ описываемое авторомъ время состоялъ тайный совѣтникъ Евгений Карловичъ Бюцовъ (нынѣ умершій), не «баронъ» и не «фонъ».

Это былъ человекъ рѣдкихъ душевныхъ качествъ, опытный и осторожный дипломатъ.

Пишущему эти строки пришлось пережить въ Персіи время, слѣдовавшее за убійствомъ Насръ-ед-динъ шаха, и онъ можетъ засвидѣтельствовать, что

покойный Е. К. Вюцовъ не могъ поступить иначе, какъ положивъ свое veto на путешествіе графа Бобринскаго и Н. В. Богоявленскаго къ югу Персіи.

Во всѣ времена бахтіары, луры и другія южныя племена Персіи считались прямо разбойниками, не подчиненными, въ сущности, никакой власти и терявшими при малѣйшемъ нестроеніи въ государствѣ и послѣднюю связь съ правительствомъ. (Примѣрами служатъ случившіяся не такъ давно нападенія на нашего генеральнаго консула въ Буширѣ Н. П. Пассека и на драгомана нашего генеральнаго консульства въ Тегеранѣ Ѳ. Н. Петрова).

Е. К. Вюцовъ не могъ рисковать жизнью русскихъ ученыхъ и путешественниковъ, довѣряясь заявленіямъ какого-то бахтіарскаго хава, вліяніе котораго на луровъ было болѣе чѣмъ проблематично.

Не могъ онъ этого позволить и потому, что въ хаосѣ, наступившемъ тогда въ Персіи, даже почта императорской миссіи была ограблена въ самомъ незначительномъ разстояніи отъ Тегерана (между Тегераномъ и Казвиномъ), на югѣ же Персіи царила полная неразбериха.

Можно, въ данномъ случаѣ, лишь пожалѣть, что экспедиція нашихъ ученыхъ выпала на столь неспокойное въ Персіи время.

А. Шт—ръ.

II.

Къ статьѣ «Силуэты времени реформъ». «Историч. Вѣстн.», апрѣль 1910 г.

Катастрофа, какъ называется въ статьѣ, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1910 г. Н. Н. Фирсовъ, авторъ этой статьи, страшное злодѣяніе 1 марта 1881 года, павшее кровавымъ несмываемымъ пятномъ на Русь, не застала Павла Павловича Коссаговскаго на посту директора департамента полиціи исполнительной, такъ какъ согласно высочайшему указу, данному въ 15 день ноября 1880 года, департаментъ этотъ воссоединенъ съ департаментомъ государственной полиціи, директоромъ котораго былъ назначенъ баронъ Иванъ Осиповичъ Веліо, а П. П. Коссаговскій до 16 января 1881 года состоялъ за штатомъ, и только въ этотъ день, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, назначенъ состоящимъ при немъ.

Можно быть вполне увѣреннымъ, что ежели бы Коссаговскій въ это ужасное время былъ директоромъ департамента полиціи исполнительной, имъ были бы приняты всѣ мѣры къ предотвращенію этого страшнаго злодѣянія, а не замалчивались бы донесенія, давно извѣстныя графу Лорисъ-Меликову, какъ бывшему харьковскому генераль-губернатору, и барону Ивану Осиповичу Веліо, какъ принявшему дѣла третьяго отдѣленія. Ежели бы этого ужаснаго преступленія не удалось предотвратить и хотя косвенно, безвольно быть его пособникомъ, я какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь увѣрена, что у Коссаговскаго хватило бы гражданскаго мужества покончить съ собой.

Во время диктатуры сердца, когда люди, близко стоявшіе къ кормилу правленія, дѣлали все, чтобы разорвать на части Россію, и мечтали кто о возрожденіи Арменіи, кто о Украинѣ, кто о возстановленіи королевства Польскаго

отъ моря и до моря. Косоговскій не могъ быть у дѣлъ, и только, когда воздухъ очистился отъ измѣны и Николай Павловичъ Игнатьевъ сталъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, Косоговскій былъ назначенъ 12 февраля 1882 года одесскимъ градоначальникомъ, должность, какъ и директорская, 3 класса.

Е. Я. Косоговская.

III.

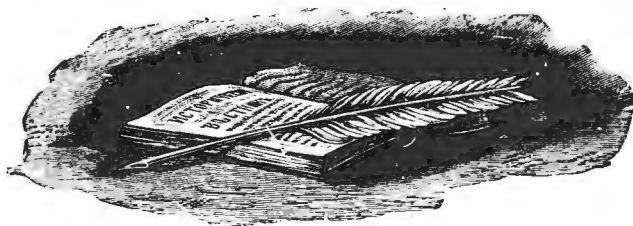
Къ статьѣ А. И. Соколовой «Встрѣчи и знакомства». («Историч. Вѣстн.» 1911 г. февраль, стр. 568).

Воспитательницей великой княгини Ольги Николаевны была не фонъ-Баранова, а Анна Алексѣевна Окулова. 6-го декабря 1836 г. она получила фрейлинскій шифръ и назначена воспитательницей вел. кн. Ольги Николаевны, при которой пробыла до ея замужества въ 1846 г. съ наследнымъ принцемъ вюртембергскимъ Карломъ. Въ 1851 г. Анна Алексѣевна пожалована въ камеръ-фрейлины, а въ 1861 г. 13 февраля скончалась во дворцѣ при великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ, очень ее любившей.

Знаю я все это подробно, такъ какъ Анна Алексѣевна приходилась родной теткой моей бабушкѣ, рожденной Окуловой, имѣющей много писемъ и вещей своей тетки.

Александра Шипилова.

Опечатка. Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ «Пѣшкомъ по Кавказу» на стр. 1027 сдѣлана подъ рисункомъ ошибочная подпись «Анануръ», тогда какъ на немъ изображенъ «Мицхетскій соборъ».

Максимъ Формонъ

ФЛОРЕНТИНКА

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1911

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ, 13

П Р О Л О Г Ъ.

I.

Старый мостъ.

БЕЛИКОЛѢПНА была Флоренція при первомъ Медичи, Косъмъ, прозванномъ Отцомъ отечества. Трепетъ новыхъ временъ пролеталъ по ней, жизнь озарялась новымъ свѣтомъ. Возрожденіе было уже на горизонтѣ. Брунелески, осуществляя свою мечту, создавалъ уже куполь церкви Santa Maria del Fiore, Донателло въ своей скульптурѣ воплощалъ нѣжную и суровую красоту народа, Гиберти, этотъ божественный мастеръ, чеканилъ двери Балтистерія. На Старомъ мосту золотыхъ дѣлъ мастера плели гирлянды и діадемы для прелестныхъ флорентинокъ. Начинающіе художники съ благоговѣніемъ останавливались передъ произведеніемъ Мазаччо въ капеллѣ Бранкачи и поучались на его фрескахъ: этотъ урокъ долженъ былъ дать въ будущемъ чудеса. Въ то же время воскресала и античная мудрость: она отдѣлялась отъ палимпсестовъ и стряхивала пыль монастырей, которая посѣла на ея золотыя крылья. вмѣстѣ съ греческими учеными, бѣжавшими изъ Византіи, на берегахъ Италіи явился самъ Платонъ, и каноникъ изъ Фьезоле Марсиліо Фицино уже комментировалъ Евангеліе при свѣтѣ Платоновскаго Федона.

Все было полно радости. Въ майскія календы молодыя дѣвушки, увѣнчанныя розами, танцовали на площадяхъ и, справляя праздни-

молодости и весны, ходили по городу, нарядившись въ драгоценныя одежды.

Одинъ изъ такихъ чудныхъ вечеровъ только что спустился надъ рѣкою Арно. Вдоль набережной тихо двигались группы усталыхъ танцовщицъ. Онѣ шли тихо, по двѣ въ рядъ и держа другъ друга за руки. Вѣтеръ срывалъ лепестки розъ, и они падали за ними, словно языки пламени.

Въ одной изъ мастерскихъ на Старомъ мосту смотрѣлъ на это шествіе подмастерье золотыхъ дѣлъ Сандро. Это былъ еще почти совсѣмъ мальчикъ съ блѣднымъ лицомъ, вьющимися кудрями и чувственными, какъ у женщины, губами. Его свѣтлые, слегка выпуклые глаза принимали то мечтательное, то лукавое выраженіе и отражали флорентійскую подвижность. То были глаза влюбленнаго и смѣлаго пажа.

Сандро видѣлъ, какъ удалялись дѣвушки, исчезая въ дымкѣ лиловой дали. На рѣкѣ показалась небольшая лодка. Напѣвая тосканскую балладу, лодочникъ лѣниво опускалъ весло въ блѣдную воду. Звонили колокола.

Подмастерье вздохнулъ и съ видомъ нетерпѣнія и досады пожалъ плечами. Дѣвушки уже скрылись, пѣсня лодочника замолкла, и лишь переливы колоколовъ, звонившихъ къ вечерней молитвѣ и какъ бы оплакивавшихъ смерть дня, навѣвали на него печаль. Ему казалось, что сами вещи жалѣютъ его. Маэстро Симонъ поступилъ жестоко, оставивъ его сторожить мастерскую во время праздника, когда вся Венеція высыпала на улицу, а дѣвушки образовали танцы на Новомъ рынкѣ и на площади св. Троицы.

Съ досады Сандро отбросилъ на другой конецъ стола вещь, надъ которой работалъ съ самаго утра, — золотую пластинку съ изображеніемъ Діаны, застигнутой Актеономъ. Симонъ художественно и тонко изобразилъ обѣ фигуры. Богиня отличалась хрупкимъ, нѣжнымъ сложеніемъ, какъ настоящая флорентинка, она сложила губы въ стыдливую гримасу и цѣломудренно опустила глаза. Дерзкій охотникъ походилъ на полуголыхъ рыбаковъ, толпившихся на берегу Арно. Сандро, съ своей стороны, долженъ былъ изобразить ручей, въ которомъ купалась богиня, и листья около него, раздвинутые нескромнымъ охотникомъ.

Эта маленькая вещица, въ которую было вложено столько искусства, должна была войти въ жемчужное ожерелье для бѣлоснѣжной мадонны Жинервы, супруги постоянного заказчика Симона, мессера Пандольфо Содерини. Сегодня вечеромъ она должна была прійти за этимъ ожерельемъ. Но мечтательность Сандро пошла во вредъ для дѣла, и онъ успѣлъ окончить только половину своей работы. Медальонъ, очевидно, не будетъ готовъ къ сроку, и маэстро Симонъ въ первый разъ въ жизни не сдержитъ слова, даннаго покупателю. Великъ, конечно, будетъ его гнѣвъ. Но что за дѣло до него

Сандро? Хозяинъ можетъ бушевать, сколько ему угодно, ему рѣшительно все равно. Ему не страшно даже, если онъ его прогнать. Напротивъ, ему даже этого хочется. Его не влечетъ къ этому мастерству.

Не такъ еще давно, чтобы избѣжать ненавистной школы съ ея указкой, онъ далъ отцу клятву сдѣлаться лучшимъ изъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Это ремесло ему нравилось, ибо онъ чувствовалъ въ себѣ способность прославиться въ немъ сразу. Но мало-по-малу его одушевленіе остыло, и теперь ужъ онъ мечталъ о другомъ.

Не разъ въ лѣтній вечеръ, по окончаніи работы, въ тотъ часъ, когда небо начинаетъ бросать мягкія синія тѣни на чудныя извилистыя очертанія Фьезоле и Монте-Морелли, приходилось ему гулять по долинѣ Арно съ своими товарищами, учениками маэстро Липпо Липпи. Рѣка медленно катила блѣдныя отъ дневного свѣта волны, зелень оливковыхъ деревьевъ заполняла равнину, стройныя кипарисы устремлялись въ небесную лазурь, принимавшую въ наступающихъ сумеркахъ зеленоватый отливъ. Словно привидѣнія, блѣлы по всей равнинѣ бѣлыя виллы. Въ послѣдній разъ передъ тѣмъ, какъ смолкнуть на ночь, въ глубинѣ колоколни, звучала молитва колоколовъ. Невѣжественный Сандро, умѣвшій только читать и писать, оставался равнодушенъ къ этой таинственной гармоніи. Онъ только жалѣлъ, что ему приходится заниматься такимъ узкимъ дѣломъ, какъ это дѣло ювелира: вмѣсто того, чтобы быть ювелиромъ, хорошо было бы стать художникомъ.

Рѣчи его друзей еще болѣе усиливали въ немъ это сожалѣніе и мечты. При всякомъ случаѣ въ нихъ проглядывала гордость, что они художники. Она переходила въ энтузіазмъ, когда дѣло шло о ихъ учителѣ. Фра-Филиппо Липпи, этотъ монахъ-авантюристъ, о которомъ сплетничали всѣ кумушки Флоренціи, въ ихъ рѣчахъ представлялся богомъ живописи, и подмастерье Симона мучился только однимъ желаніемъ—стать ученикомъ Филиппо Липпи. Но онъ скрывалъ это отъ другихъ, боясь, что его будутъ обвинять въ зависти, но, чѣмъ больше онъ держалъ свои мысли втайнѣ, тѣмъ сильнѣе разгоралось его честолюбіе.

Въ тотъ вечеръ, съ котораго начинается нашъ рассказъ, его мечта стала его тираномъ, онъ не чувствовалъ себя въ силахъ бороться съ своимъ болѣзненнымъ желаніемъ. Ему хотѣлось быть художникомъ, и онъ будетъ имъ. Вмѣсто того, чтобы изготовлять украшенія для дѣвушекъ, которыя только что прошли мимо него, онъ будетъ создавать ихъ образы, воплощать ихъ прелести, въ которыя влюбленъ даже окружающій ихъ воздухъ. Облокотясь на столъ и подперевъ голову рукой, онъ всматривался въ свое будущее, и его глаза блестѣли.

Вдругъ раздался могучій ударъ кулака, отъ котораго запрыгали мелкія вещицы, лежавшія на столѣ. Сандро вскочилъ и едва не упалъ со своей табуретки: передъ нимъ стоялъ маэстро Симонъ.

— Не безпокойся, милѣйшій Сандро, не безпокойся, пожалуйста,—произнесъ онъ насмѣшливо. Онъ, очевидно, замѣтилъ, что работа не была окончена.

— *Virbante!*—вскричалъ онъ.—Это тотъ самый медальонъ, который я обѣщаль приготовить сегодня утромъ? Тебѣ оставалось поработать надъ нимъ четыре-пять часовъ. Но держу пари, что ты до него и не дотрагивался.

Сандро молчалъ.

— Что же ты молчишь? Тебѣ, повидимому, и въ голову не приходитъ просить прощенія, хотя ты, быть можетъ, лишишь меня моей лучшей заказчицы. Мадонна Джинерва такъ много говорила о своемъ медальонѣ!.. Ей такъ хотѣлось получить его до завтра, до отъѣзда въ Римъ. Ну, отвѣчай! Что же ты дѣлалъ въ мое отсутствіе?

Онъ сталъ трясти его. Сандро поднялъ на него свои ясные глаза. Рѣшеніе его созрѣло.

— Мессеръ Симонъ,—вѣжливо сказалъ онъ,—я хотѣлъ предупредить васъ потомъ, но я боялся огорчить васъ.

— Не шути со мной и называй меня маэстро. Я не мессеръ, не нотаріусъ и не купецъ какой-нибудь. Я простой ремесленникъ, понимаешь?

— Хорошо, маэстро,—послушно промолвилъ Сандро.—Я уже давно хотѣлъ сказать вамъ, что довольно съ меня этого ювелирнаго искусства.

— Что такое? Да ты съ ума сошелъ!

Симонъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія. Какъ! Какой-то мальчишка смѣетъ заявлять, что ему надоѣло ювелирное искусство, самое благородное и самое трудное! Неужели это тотъ маленькій Сандро, котораго къ нему за уши притащилъ кумъ Маріано Филиппи, кожевникъ изъ предмѣстья Онъиссанти, приговаривая: «Вотъ мальчишка, некуда негодный. Вы меня очень обяжете, если возьметесь за него. Я ужъ съ нимъ выбился изъ силъ».

Гнѣвъ мѣшалъ ему говорить: онъ даже сталъ заикаться.

— Выслушайте меня, маэстро, — продолжалъ Сандро. — Вы меня хорошо учили, и я за это очень вамъ благодаренъ. До сего времени вы не имѣли поводовъ жаловаться на меня. Я честно исполнялъ всѣ обязанности ученика. Я не только дѣлалъ за условную цѣну всякія работы, но и чистилъ вашу мастерскую, мель комнаты вашу и свою и зимой рано утромъ топилъ каминъ. Вамъ не въ чемъ меня упрекнуть. Теперь я прошу васъ отпустить меня. Я покидаю васъ не для того, чтобы перейти къ какому-нибудь другому хозяину: я знаю, что лучшаго мнѣ и не найти среди ювелировъ Флоренціи.

— Нечего мнѣ лстить,—ворчалъ старый маэстро.

— Я не хочу больше заниматься ювелирнымъ искусствомъ— вотъ въ чемъ дѣло. У меня другіе планы.

— Какіе же это?—насмѣшливо спросилъ Симонъ.—Ты, вѣроятно, хочешь стать епископомъ. Очень жаль, однако, что, кромѣ азбуки, ты ничего не знаешь.

— Я хочу быть художникомъ, — съ тѣмъ же спокойствіемъ отвѣчалъ Сандро.

— Чортъ возьми!—вскричалъ его хозяинъ.—Я такъ этого и ждалъ. У нихъ у всѣхъ является это желаніе, лишь только они сумѣютъ сдѣлать браслетъ или гирлянду. Они все ссылаются на Джотто, который былъ ювелиромъ, а потомъ создалъ Кампанилу, и на Мазаччо, который уже потомъ изобразилъ жизнь св. Петра. А Донателло, Гиберти, Брунелески и другіе! Но ты-то не Джотто, несчастный! ты и не Мазаччо! Ты—плохой ремесленникъ, у котораго на грошь знаній, а на пятакъ гордости. Художникъ! Синьоръ Сандро хочетъ быть художникомъ! Какая прелесть!

И онъ притворно разсмѣялся, хотя ему было вовсе не до смѣха, такъ какъ уходъ Сандро означалъ для него потерю лучшаго ученика, который когда-либо былъ въ его мастерской.

— Можно узнать,—сказалъ онъ насмѣшливо:—кому же теперь будетъ ввѣрено обученіе такого ученика?

— Фра Филиппо Липпи, если только онъ пожелаетъ заняться со мной,—попрежнему спокойно отвѣтилъ Сандро.

Маэстро Симонъ снялъ шапку и отвѣсилъ насмѣшливый поклонъ.

— О, о!—произнесъ онъ.—Фра Филиппо Липпи! Преклоняюсь. Желаю вамъ успѣха, мой милый.

Сандро былъ уже на порогѣ, но Симонъ положилъ ему руку на плечо.

— Смотри мнѣ прямо въ лицо,—сказалъ онъ.—Хорошо ли ты обдумалъ все?

— Да, маэстро.

— Отлично. Тогда ступай себѣ съ Богомъ,—проворчалъ онъ. Это означало: можешь убираться къ чорту.

Онъ повернулся спиной къ Сандро и, ворча себѣ подъ носъ, направился въ мастерскую.

Юноша вышелъ на улицу и направился налѣво къ Онъиссанти.

Онъ былъ свободенъ, какъ этого хотѣлъ самъ, но не чувствовалъ отъ этого особой гордости.

Какъ-то приметъ его отецъ?

Онъ уже былъ недоволенъ имъ за то, что онъ измѣнилъ отцовской профессіи, и привелъ его къ Симону только потому, что не надѣялся сдѣлать изъ него хорошаго кожевника. А теперь приходится объясняться съ этимъ раздражительнымъ человѣкомъ по поводу новой сумасбродной выходки! Что-то будетъ! Дойдетъ ли дѣло

только до пощечинъ? Ради любви къ живописи онъ готовъ претерпѣть ихъ. Мать, вѣроятно, будетъ плакать, и это будетъ для него очень больно. Впрочемъ, всегда приходится переносить невзгоды прежде чѣмъ добиться великихъ результатовъ. Неужели его насильно отведутъ опять къ Симону? Нѣтъ, онъ знаетъ, что это невозможно.

Путь отъ Стараго моста до Онъиссанти не далекъ. Пока Сандро задавалъ себѣ вопросы и самъ отвѣчалъ на нихъ, онъ незамѣтно очутился уже передъ домомъ кожевника. Онъ вошелъ туда. Его родители и братья сидѣли за столомъ. Увидя его, мать радостно поднялась ему навстрѣчу. Онъ рѣдко навѣщалъ ихъ, такъ какъ хозяинъ не давалъ ему большой свободы. Но отецъ, словно предчувствуя нѣчто, сдѣлалъ гримасу и подъ вліяніемъ зародившихся подозрѣній довольно сухо поздоровался съ сыномъ.

— Здравствуй,—промолвилъ онъ.—Я не рассчитывалъ видѣть тебя здѣсь. Что тебя привело сюда? Надѣюсь, ты не сдѣлалъ какой-нибудь глупости?

— Маріано!—съ упрекомъ прервала его жена.

— Ну, это зависитъ отъ взгляда,—возразилъ Сандро.—Я не думаю, чтобы это было.... Вотъ вы сами увидите.

— А, есть новости! Я такъ и зналъ. Отъ тебя только этого и жди. Ну, что еще такое?

— Я больше не состою ученикомъ маэстро Симона,—отвѣчалъ Сандро, стараясь придать твердость своему голосу.

— Тебя попросту прогнали.

— Нѣтъ, я ушелъ самъ.

Отецъ смотрѣлъ на него съ такимъ же изумленіемъ, какъ и Симонъ, и не находилъ словъ. Наконецъ онъ едва внятно спросилъ:

— Отчего ты ушелъ?

— Мнѣ было слишкомъ скучно.

При такомъ признаніи Марино вскочилъ съ мѣста. Онъ оттолкнулъ жену и бросился къ сыну. Онъ уже занесъ надъ нимъ руку, но презрѣніе заглушило въ немъ гнѣвъ, и онъ снова опустилъ ее.

Затѣмъ онъ обратился къ матери Сандро, какъ будто ему было противно разговаривать съ нимъ самимъ:

— Я тебѣ всегда говорилъ, Берта, что этотъ малый—наше несчастье. Въ его мозгу столько же злой хитрости, какъ у обезьяны. Ни одной минуты онъ не можетъ оставаться въ покоѣ. Онъ могъ быть кожевникомъ, но ему пришло желаніе стать ювелиромъ. Я уступилъ, ибо видѣлъ, что для нашего ремесла онъ не годится. Наконецъ у маэстро Симона онъ сталъ кое-что выработывать, и нужно было тамъ оставаться. Такъ нѣтъ, онъ сталъ скучать. Какъ это хорошо. Когда работаешь, то ужъ веселиться некогда. Тутъ вѣдь всѣ работаютъ, да еще какъ! Слышишь ты, разбойникъ? Только ты шатаешься. Ты все тотъ же... Вспомни...

Марино попалъ теперь на свою любимую тему. Онъ сталъ перечислять всѣ проявленія мятежнаго духа, которыя съ самаго дѣтства были замѣчены у Сандро. Это-то и привело его къ положенію еще болѣе печальному, чѣмъ невѣжество. Неужели въ самомъ дѣлѣ этотъ безграмотный малый хотѣлъ сравниться съ самыми удачливыми мастерами. Развѣ не вздумалъ онъ такъ еще недавно найти краску, которая не боялась бы дождя, и такимъ образомъ обезпечить сохранность знаменъ республики?

— Впрочемъ, если ты хочешь быть мазилкой, то на здоровье,— промолвилъ онъ въ заключеніе.—Но не думай, что я примирюсь съ послѣдствіями. Ты бросилъ мѣсто и дѣлай, какъ знаешь! Надѣюсь, что ты не разчитываешь жить на мой счетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ Сандро.—Я знаю, что я буду дѣлать. Я стану художникомъ.

— Будь чѣмъ хочешь, лишь бы только мнѣ и не слышать о тебѣ!

— Я пришелъ просить тебя, чтобы ты отвелъ меня завтра къ Фра-Филиппо. Онъ скоро уйдетъ на Прато, гдѣ будетъ отдѣлывать большую капеллу.

— Другого я ничего и не хочу, лишь бы отдѣлаться отъ тебя.

Сандро поблѣднѣлъ отъ радости. Теперь дѣло сдѣлано, и онъ будетъ художникомъ.

Передъ нимъ предстали уже будущія его творенія: дѣвушки, почти дѣти, похожія на тѣхъ, которыя произвели на него такое впечатлѣніе сегодня вечеромъ, сладострастныя мифологическія сцены, разыгрывающіяся на полянахъ возлѣ ручейковъ, сотканныя изъ воздуха божества, рѣющія между лимонными деревьями и розовыми кустами. Призываемый заказчиками, онъ будетъ путешествовать. Онъ будетъ гостить по монастырямъ, затеряннымъ въ невѣдомыхъ долинахъ среди темныхъ сосенъ, будетъ гостемъ принцевъ, будетъ жить во дворцахъ, украшенныхъ порфиромъ и драгоценными камнями, какъ это онъ видѣлъ на фрескахъ. Онъ будетъ въ состояніи заработать столько денегъ, сколько захочетъ самъ, и посѣтитъ всѣ города, названія которыхъ его привлекаютъ. Весь свѣтъ превратился въ его владѣніе: онъ будетъ художникомъ!

II.

Фреска.

Прервавъ на минуту свою работу на лѣсахъ, всѣ трое принялись болтать. Соборъ на Прато былъ пустъ, только въ одной изъ наиболѣе отдаленныхъ капеллъ молилась какая-то женщина, которую трудно было разглядѣть благодаря ея темному одѣянію. Врываясь черезъ широкія входныя двери, лучъ солнца свѣтлой стрѣлой разсѣкалъ темную внутренность собора и освѣщалъ на стѣнѣ

возлѣ главнаго алтаря фигуры еще не оконченной фрески. По срединѣ ея особенно выдѣлялась одна фигура, въ которой можно было видѣть высшее напряженіе артистическаго творчества. То была фигура танцующей дѣвушки-подростка.

Она летѣла въ граціозномъ порывѣ, опираясь на землю лишь одной маленькой ножкой, другая нога была согнута, руки распростерлись, какъ крылья, платье ея развѣвалось; казалось, вотъ-вотъ ея легкая и вьющаяся фигура покинетъ землю. Но, несмотря на всю ея прелесть, взглядъ зрителя невольно останавливался на ея полномъ и красивомъ лицѣ, которое художникъ не позаботился прикрасить и ограничивался только тѣмъ, что съ изумительной жизненностью изобразилъ на немъ кипѣніе жизни. Выпуклый лобъ, съ зачесанными назадъ волосами, тонкій, но неправильный носъ напоминали лица флорентинокъ. Подъ дугообразными бровями глаза были полузакрты, и странная лукавая усмѣшка придавала особую остроту ея улыбкѣ. Дѣтское выраженіе, сохранявшееся на этомъ лицѣ пятнадцатилѣтней дѣвушки, не было, однако, невиннымъ. То была Иродіада, танцующая передъ старѣвшимъ царемъ Іудей.

Фрески изображали жизнь Іоанна Предтечи.

Довольный своей работой, Липпи былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи.

— Я доволенъ тобой,—сказалъ онъ своему ученику Сандро, слегка касаясь его плеча.

— Неужели, маэстро!—воскликнулъ тотъ, расцвѣтая отъ удовольствія.

— Да, милѣйшій Сандро. — Ты уже умѣлъ рисовать, когда пришелъ ко мнѣ, а теперь начинаешь недурно управляться и съ красками. Изъ него кое-что выйдетъ—не правда ли, братъ Діаманте?

Тотъ, къ кому онъ обратился, въ отвѣтъ кивнулъ головой. Кармелить-художникъ, какъ и Фра-Липпи, Діаманте помогаль ему въ работѣ и сопровождалъ его въ путешествіяхъ. Онъ держался съ такою скромностью, что никто не обращалъ на него вниманія, когда они были вмѣстѣ.

Фра-Филиппо былъ личностью незаурядной. Рано вступивъ въ свѣтъ, онъ пустился въ жизнь, какъ не чувствующій узды конь, и не перемѣнялъ своего образа жизни, хотя и приближался уже къ шестому десятку. Онъ не разставался съ своей рясой, несмотря на то, что расположенные къ нему покровители разъ двадцать уже предлагали ему вернуться въ міръ. Она не стѣсняла его и, напротивъ, служила ему удобнымъ предлогомъ избѣгать непоправимой глупости и не связывать себя бракомъ. Согласно уставу, голова его была на темени обрита, а виски обрамлены пушистымъ ореоломъ сѣдѣющихъ волосъ. Онъ былъ некрасивъ. Впрочемъ, Италія видѣла въ немъ, послѣ смерти Мазаччо, своего лучшаго художника.

— Знаешь ли ты, Сандро, — спросилъ онъ: — почему ты съ перваго же дня понравился мнѣ? Потому, что ты не хотѣлъ учиться грамматикѣ. Я тоже не хотѣлъ учиться. Моя тетка, пріютившая меня сироту и сама нуждавшаяся въ кускѣ хлѣба, отдала меня на попеченіе кармелитовъ. Тѣ всѣми способами старались заставить меня учиться, но напрасно. Долженъ сознаться, что они оказались очень милостивы ко мнѣ. Когда я сказалъ, что хочу быть живописцемъ, они передали меня на попеченіе Фра-Джованни изъ Фьезоле.

При этихъ словахъ имъ овладѣло умиленіе.

— Боже мой! Что это былъ за человекъ! Святой! Мы недостойны поцѣловать даже сандалии съ его ногъ.

— Совершенно вѣрно, — замѣтилъ Фра-Діаманте, но такъ тихо, что никто его не слыхаль.

Липпо весьма наивно перешелъ къ самовосхваленію.

— Я принялся изучать Мазаччо. Я такъ удачно схватилъ его манеру, что всѣ стали говорить: Невѣроятно! Духъ Мазаччо, очевидно, вновь поселился въ тѣлѣ этого Фра-Филиппо. Если ты въ этомъ сомнѣваешься, отправляйся въ монастырь кармелитовъ. Попробуй отличить мою манеру отъ его. Такимъ образомъ, только и было разговоровъ, что обо мнѣ. Я сталъ извѣстенъ и за предѣлами Флоренціи и Тосканы. Ахъ, Сандрино, если бы ты зналъ, какъ хорошо быть знаменитымъ художникомъ. Нѣтъ ничего лучше въ жизни. За исключеніемъ, впрочемъ... женщинъ!

Онъ разгорячился. Голосъ его сталъ громче. Молившаяся женщина, смущенная въ своей молитвѣ, поднялась съ колѣнъ и направилась къ выходу изъ капеллы, проходя посрединѣ храма, залитаго теперь солнцемъ. Своими сводами, отдѣланными бѣлымъ мраморомъ, онъ походилъ на арабскій дворецъ, въ которомъ крестоносцы-побѣдители водворили поклоненіе Христу.

Изліянія художника, столь неожиданныя въ устахъ монаха и столь неподходящія къ торжественной обстановкѣ святилища, не могли, однако, шокировать обоихъ его собесѣдниковъ. Фра-Діаманте они давно уже надоѣли, къ тому же онъ и интересовался только живописью. Что касается Сандро, онъ зналъ уже о тѣхъ успѣхахъ, на которые намекалъ его учитель, говоря о женщинахъ и любовныхъ похожденияхъ.

О всемъ этомъ ученики Фра-Филиппо сотни разъ слышали отъ него самого, когда онъ прогуливался съ ними по берегу Арно. Они особенно гордились тѣмъ, что ихъ учитель не только лучший художникъ, но и общепризнанный и самый рѣшительный въ Италіи волокита. Рассказывали, что Косьма Великолѣпный однажды пригласилъ его къ себѣ во дворецъ и поручилъ ему какую-то спѣшную работу. Вскорѣ ему надоѣло смотрѣть, какъ Филиппо только и дѣлалъ, что бѣгалъ за женщинами, которыя ему нра-

вились, и онъ заперъ его въ одной изъ комнатъ, которая была расположена въ самомъ верху дворца. Тогда Фра-Филиппо взялъ ножницы, разрѣзалъ простыню на множество полосъ, свилъ изъ нихъ веревку и, рискуя сломать себѣ шею, спустился по ней на улицу.

Узнавъ о рискѣ, которому подвергался такого таланта человѣкъ, Косьма послалъ за нимъ и обѣщалъ впередъ никогда не принуждать его силою работать.

Подойдя къ Сандро и показывая ему на танцовщицу, изображенную на фрескѣ, онъ спросилъ, понижая голосъ:

— Видишь ли эту дѣвицу, Сандро? Я долженъ тебѣ сообщить одинъ секретъ. Это моя возлюбленная.

И онъ сладострастно мигнулъ глазами.

— Это настоящее сокровище, Сандрино, настоящее сокровище. Ее зовутъ Лукреція Бути, она изъ Флоренціи. Она послушница въ монастырѣ св. Маргариты. Монахини этого монастыря заказали мнѣ запрестольный образъ Мадонны. Мнѣ, конечно, нужно было подыскать модель, и передо мной прошли самыя красивыя монахини. Настоятельница охотно пошла на это. Чего не сдѣлають, чтобы имѣть у себя картину Липпи. Между ними оказались прехорошенькія, но эта положительно перлъ. Я знаю, что я уже сѣдѣю, а ей нѣтъ еще и шестнадцати лѣтъ. Но что дѣлать! Я ей нравлюсь и такимъ, каковъ я теперь. Въ монастырѣ ей страшно не нравится... Но что съ тобой? Ты весь красный! Тебѣ непріятно отъ моихъ разсказовъ?

Въ самомъ дѣлѣ, лицо ученика залито было краской. Онъ что-то бормоталъ и извинялся.

— Нѣтъ, нѣтъ, это ничего. Это отъ жары...

Солнце успѣло перемѣститься: подмостки, три собесѣдника, фреска—все утонуло въ золотистыхъ его лучахъ.

— Знай, что мы условились, чтобы я ее похитилъ. Въ день празднованія Препоясанія, когда, какъ тебѣ извѣстно, показывается народу поясъ Св. Дѣвы, принесенный изъ Святой земли рыцаремъ Прато. Всѣ монахини будутъ въ церкви. И внутри и снаружи будетъ толпа народу. Въ этой толчѣ мы скроемся незамѣтно.

Вдругъ произошло нѣчто изумительное: Фра-Діаманте обрѣлъ даръ слова.

— Вѣдь это грѣхъ, что вы хотите тамъ устроить. Не говоря уже о святотатствѣ... А что если отецъ дѣвушки захочетъ вамъ отомстить?

— У насъ есть время подумать объ этомъ. Онъ во Флоренціи. Впрочемъ, знай, что Косьма Великолѣпный не позволитъ ему дотронуться до моихъ сѣдыхъ волосъ. Нѣтъ, его нечего бояться.

Вдругъ Сандро озарила внезапная мысль. Онъ взялъ Липпи подъ руку и отвелъ его на край подмостковъ.

— Ахъ, если бы я смѣлъ...—промолвилъ онъ.

Фра-Филиппо взглянулъ на него.

— У тебя очень странный видъ, Сандро. Что тебя могло такъ разстроить. Подожди, подожди... клянусь св. Антоніемъ, я догадываюсь: ты влюбленъ.

— Да, маэстро.

— Тѣмъ лучше, милѣйшій, тѣмъ лучше. Молодой человѣкъ, который не умѣетъ влюбляться, никуда не годится въ живописи. Ну, рассказывай, открывай твои секреты.

— Маэстро, я также люблю одну дѣвушку, которая также находится въ монастырѣ св. Маргариты.

— Вриссопе? Надѣюсь, это не Лукреція?

— О, нѣтъ. Это не послушница, а сирота, которую туда помѣстили ея дядя, уѣхавшій въ путешествіе.

— Отлично. Въ такомъ случаѣ мы захватимъ и ее.

— Однажды я проходилъ мимо монастыря. Она сидѣла одна за рѣшеткой и думала, что ее никто не видитъ. Она украшала свою голову розами взамѣнъ лентъ, которыя не полагается носить отшельницамъ. Я остановился. Она случайно взглянула въ мою сторону, я улыбнулся. Она сдѣлала движеніе, чтобы бѣжать, но затѣмъ осталась. Я подошелъ, она стала со мной разговаривать и сказала мнѣ свое имя. Ее зовутъ Лиза. Теперь она любитъ меня. Когда вы говорили мнѣ о монастырѣ и о монахиняхъ, о Лукреціи, я подумалъ, что вамъ извѣстно обо мнѣ все. Вотъ почему я и покраснѣлъ.

Фра-Липпо на минуту опустилъ голову. Онъ сравнивалъ себя съ Сандро и мало-по-малу погружался въ уныніе. Онъ представился самому себѣ такимъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ: распущеннымъ, состарившимся въ распутствѣ, сѣдовласымъ волокитой, продолжавшимъ еще преслѣдовать молодыхъ дѣвушекъ.

А Сандро и Лиза любили другъ друга со всею свѣжестью молодой души. Ихъ нѣжность обладала такимъ же ароматомъ, какъ дуновение весенняго вѣтерка.

Но веселый Липпи не любилъ останавливаться на мысляхъ, которыя его омрачали. Начатая фреска быстро утѣшила его: въ самомъ дѣлѣ, можно ли говорить о старости, когда можешь создавать такія вещи?

— Ну, дѣти мои, за работу! —сказалъ онъ.—Не надо давать штукатуркѣ высохнуть на стѣнѣ. Все это нужно кончить, пока еще свѣтло. Живопись фресками не ждетъ.

Всѣ трое быстро принялись за работу. Сандро даже забылъ о своихъ похожденияхъ и о Лизѣ.

Фреска была скоро окончена, и начинать другую было уже поздно. Къ тому же и стѣна не была еще подготовлена.

— Довольно мы поработали на сегодня,—сказаль Фра-Липпо своимъ ученикамъ.—Будьте здѣсь завтра, какъ только разсвѣтетъ. А пока мы можемъ и позабавиться,—и онъ лукаво мигнулъ въ сторону Сандро.

Тотъ заторопился и быстро вышелъ изъ церкви. Очувившись на свободѣ, онъ пустился въ путь быстрыми шагами. Онъ мечталъ о смѣломъ предиріятіи, которое волновало его заранѣе. Отправившись въ уединенную улицу, онъ залѣлъ какую-то любовную пѣсенку. То былъ сигналъ.

Лиза, видимо, его поджидавшая, не замедлила появиться у рѣшетки.

Осторожно приближаясь къ рѣшеткѣ, Сандро увидѣлъ на лугу между кипарисами и розовыми кустами цѣлое облако бѣлыхъ платьевъ: прогулка монахинъ послѣ ужина еще не кончилась. Дѣвушки, воспитывавшіяся въ монастырѣ, рѣзвились подъ надзоромъ нѣсколькихъ монахинъ. Рой, вылетѣвшій изъ улья, жужжалъ отъ радости, купаясь въ лучахъ оранжеваго солнца. Иногда показывалась какая-нибудь вновь поступившая въ монастырь дѣвица и съ завистью смотрѣла на веселыхъ подругъ, которыя скоро одна за другой улетяютъ изъ стараго сада въ свои родныя гнѣзда.

Сандро подвигался впередъ и, выжидая удобный моментъ, напѣваль пѣсенку. Но его голосъ какъ-то потерялъ свою гибкость.

Неудача сокрушала его. Опустивъ голову, онъ бродилъ по соседнимъ улицамъ. Затѣмъ, когда ему показалось, что прошло уже довольно много времени, онъ опять приблизился къ рѣшеткѣ.

Когда онъ подошелъ къ калиткѣ, сердце его подпрыгнуло отъ радости. Лиза была уже у рѣшетки. Она могла незамѣтно ускользнуть отъ взоровъ своихъ надзирательницъ. Спрятавшись за вѣковымъ кипарисомъ, она была похожа на газель, которая готова убѣжать каждую секунду.

— Лиза,—тихо сказалъ Сандро, подойдя къ ней.

Она протянула ему черезъ рѣшетку узкую блѣдную ручку. Онъ жадно поцѣловаль ея трепещущіе пальцы. Глаза ея были опущены. Этихъ большихъ и печальныхъ глазъ нельзя было забыть. Ея уста заставляли вспомнить объ ангелѣ, которому стало скучно на небѣ.

— О, другъ мой!—прошептала она въ отвѣтъ.

Слова вырывались у нея, словно воркованіе голубки.

— Лиза,—пылко произнесъ Сандро, все еще держа ея руку.— Лиза, такъ нельзя продолжать больше. Наше существованіе становится пыткой.

— Чего же вы хотите?—спросила она, смущенная его тономъ.— Мы видимся почти каждый день. Это такъ пріятно! Когда я жила здѣсь въ уединеніи, мнѣ и въ голову не приходило надѣяться на то, что мой другъ будетъ приходить сюда каждый вечеръ... Другъ,

который меня любить. Это настоящий рай, Сандро. Не требуйте большего. Это значитъ искушать Бога.

— Лиза, я даже не могъ тебя поцѣловать до сихъ поръ.

Оба на минуту замолчали. Это слово выбило ихъ изъ коленъ.

Сандро бросилъ быстрый взглядъ на садъ и на улицу.

— Сегодня, однако, никто мнѣ въ этомъ не помѣшаетъ.

Однимъ прыжкомъ онъ взлетѣлъ на верхъ рѣшетки, за которую держался, другимъ онъ былъ уже въ саду, около Лизы, которая не имѣла даже времени предупредить его дерзкую выходку.

Словно обвороженная, она неподвижно стояла на мѣстѣ. Для этихъ полудѣтей настала минута единственного человеческого счастья.

Небо стало какого-то блѣднаго цвѣта, словно и оно раздѣляло ихъ радость. Монастырскій садъ шелестѣлъ подъ спускавшейся темнотой, оливковыя деревья тихо дрожали. Солнце только что скрылось. По небу быстро пронесся обычный въ Тосканѣ въ это время метеоръ и погасъ, оставивъ за собой огненный слѣдъ.

Вдругъ пронесся нѣжный звонъ, какъ будто какой-то геній коснулся воздушныхъ колокольчиковъ и вывелъ ихъ изъ заколдованнаго сна.

При первыхъ же звукахъ Лиза вырвалась изъ объятій Сандро.

— Пустите меня. Звонятъ къ вечерней службѣ.

— Неужели ты такъ торопишься на молитву?

— Если меня хватятся, то придутъ искать сюда. Уходите.

— Хорошо, если ты дашь мнѣ обѣщаніе.

— Какое? Боже мой, куда могутъ прійти... Сандро!

— Ты должна покинуть этотъ монастырь и итти за мной.

— Хорошо... Я васъ люблю... Но уходите, уходите скорѣе.

— До завтра. Завтра я все тебѣ объясню.

Молодой человѣкъ быстро очутился по другую сторону рѣшетки, а бѣлое платьѣ замелькало между зеленью по дорогѣ къ часовнѣ. Садъ готовился уже отойти на покой.

Sancta Cintola, поясъ святой Дѣвы, составляетъ истинное сокровище Прато. Во времена перваго крестоваго похода въ числѣ крестоносцевъ былъ и кавалеръ Микеле Дагомари, гибеллинъ, происходившій изъ этого города. Вѣра завела его на востокъ, любовь задержала его тамъ: онъ влюбился въ прелестную сирійскую дѣвушку и женился на ней. Скоро его тесть умеръ, завѣщавъ ему большія богатства, а главное, этотъ священный предметъ! Черезъ нѣкоторое время Микеле Дагомари охватило жгучее желаніе видѣть свою родину. Провидѣніе хранило его на пути въ Италію, и онъ благополучно прибылъ въ Прато. Послѣ его смерти поясъ Святой Дѣвы былъ торжественно перенесенъ въ соборъ и сдѣлался главнымъ предметомъ любопытства туристовъ, посѣщавшихъ городъ. Когда одинъ изъ нихъ сдѣлалъ не удавшуюся попытку украсть

поясъ, то было рѣшено держать его въ капеллѣ, откуда выносить его на всенародное чествованіе одинъ разъ въ годъ.

Послѣднему изъ учениковъ Джотто, Анвело Гадди, было поручено украсить эту капеллу, и онъ исполнилъ это порученіе съ наивной вѣрой и пышной роскошью. На одной изъ картинъ былъ изображенъ бракъ Дагомари съ сирійской дѣвушкой. Всѣ фигуры были одѣты въ золото и пурпуръ, не хуже, чѣмъ волхвы. Другая картина изображала возвращеніе Дагомари на родину. Держа въ рукахъ раму съ священнымъ поясомъ, онъ стоялъ на носу корабля, за которымъ гнались дельфины. Волны склоняли свои верхушки, какъ бы поклоняясь святынь. Затѣмъ изображено было, какъ Дагомари, очевидно, боясь за драгоценное сокровище, спитъ на самой ракъ въ пышно украшенной на восточный ладъ комнатѣ. Словомъ, была въ простыхъ и живыхъ, какъ вѣра, образахъ, изложена вся легенда.

Наступилъ наконецъ и день, когда нужно было выносить святыню на площадь на поклоненіе собравшемуся народу. Въ правомъ углу капеллы, снаружи, была сдѣлана каеэдра, отъ которой прямо въ капеллу шелъ коридоръ. На этой каеэдрѣ долженъ былъ появиться священникъ и высоко поднять надъ народомъ священный предметъ.

Каеэдра была достойна своего назначенія. Донателло вырѣзалъ на ней хороводъ веселыхъ дѣтей, рѣзвившихся въ райскихъ садахъ. Его ученикъ Микелоццо съ ловкостью ювелира украсилъ рѣзными изображеніями консоли и навѣсь. Каеэдра, предназначавшаяся быть апофеозомъ чудесной реликвіи, сама по себѣ являлась чудомъ.

Толпа богомольцевъ занимала всю площадь передъ Санъ-Стефано. Тутъ были не только жители Прато. Сюда явились и благочестивые ихъ собратья изъ Флоренціи, изъ Лукки и Пистойи и даже обитатели Казентинскихъ горъ. Ихъ легко можно было узнать по грубому платью, дикому и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткому виду, по ихъ лицамъ, горѣвшимъ простодушнымъ энтузіазмомъ. Таковы, вѣроятно, были пастухи, первые преклонившіеся передъ яслями.

Немало зрителей стояло вдали, которые не могли рассчитывать увидѣть святой поясъ. Для нихъ было достаточно и того, что они тамъ и дышать атмосферой благословенія.

На одномъ изъ угловъ между площадью и боковымъ переулкомъ стояли Лукреція и Лиза. Фра-Липпо и Сандро внимательно слѣдили за ними.

Церковное гнѣніе на площади усилилось: дымъ кадильный волнами поднимался къ солнцу; тусклое, при дневномъ свѣтѣ, пламя свѣчей казалось ярче. Вдругъ какая-то волна прошла по стоявшему народу, словно по полю съ рожью, и всѣ головы разомъ об-

нажились: на каедрѣ появился священникъ, высоко поднимавшій святую реликвию. Народъ едва переводилъ духъ.

— Теперь самый удобный моментъ,—сказаль Липпо дѣвуш-камъ:—идемъ скорѣе.

Онѣ тронулись за нимъ вмѣстѣ съ Сандро; никто не обращаль на нихъ вниманія.

III.

Холмы Флоренціи.

Липпи сказаль правду: заступничество Космы стало между нимъ и оскорбленнымъ отцомъ. Медичи только смѣялся надъ тѣмъ, что онъ называль «заблужденіями брата Липпо», и приказаль Бути держать себя смирно. Его дочь, заключенная въ монастырѣ противъ своего желанія, бѣжала оттуда съ тѣмъ, кто ей понравился. Чего же естественнѣе? Сандро и его подругѣ также было хорошо отъ благоволенія, которое оказывалось этому «брату». Дядя дѣвушки, уѣхавшій по своимъ торговымъ дѣламъ во Францію, также не беспокоилъ ихъ.

Влюбленнымъ незачѣмъ было скрываться. Липпи и его ученикъ все еще работали надъ фресками собора. Закончивъ изображенія жизни Іоанна Крестителя, они принялись за житіе св. Стефана, покровителя собора и города. Вечеромъ, закончивъ работу, они спокойно отправлялись въ свое жилище въ самомъ центрѣ Прато.

Пока Сандро работаль въ соборѣ, Лиза сидѣла взаперти. Когда же они были вмѣстѣ, имъ все казалось, что они видятъ другъ друга въ первый разъ: они были въ восторгѣ, какъ въ началѣ своей любви. Принявшись за свое прежнее ремесло, Сандро сдѣлаль для нея тонкую золотую цѣпочку, которая спускалась ей на лобъ и блестяла на ея бѣлоснѣжной кожѣ.

Вмѣсто застежки былъ укрѣпленъ аметистъ. Оваль лица былъ у Лизы гораздо правильнѣе, чѣмъ обыкновенно бываетъ у флорентинокъ, и это украшеніе придавало ей видъ какой-то сказочной принцессы, какой-то маленькой волшебницы.

По воскресеньямъ, когда въ соборѣ нельзя было работать по случаю богослуженія, Сандро уводилъ Лизу гулять по полямъ.

Кругомъ Прато разстилается обширная равнина, охваченная на горизонтѣ опаловыми горами. Ее прорѣзываетъ рѣка Омбоне, катя лѣнвивыя волны, которыя становятся грозными во время осеннихъ дождей. Отсюда недалеко до Флоренціи, но ея шумъ не достигаеть до этой пустынной мѣстности, гдѣ царствуетъ тишина.

Сандро и Лиза шли, обыкновенно, держа другъ друга за руки. Иногда Лиза вдругъ вырывалась, если на дорогѣ попадались цвѣты, къ которымъ у нея была настоящая страсть. Весною она на-

бирала ихъ цѣлыми охапками и затыкала ихъ себѣ въ волосы, за поясъ и даже плела изъ нихъ цѣлыя ожерелья.

Сколько времени длилась ихъ любовь? Этого они не знали сами. Сандро первымъ очнулся отъ этой волшебной летаргіи. Это произошло благодаря одному случаю, которые иногда вдругъ перевертываютъ всю жизнь.

Однажды вздумалось приѣхать въ Прато маэстро Андрею дель Вероккіо, извѣстному скульптору и живописцу. Интересуясь всѣмъ, что касается его искусства, онъ зашелъ въ соборъ посмотреть фрески, а затѣмъ посѣтилъ мастерскую Липпи и Сандро.

Какъ водится, онъ выразилъ хозяину обычныя среди артистической братіи похвалы, но, уходя, бросилъ случайно взглядъ на наброски его ученика.

— Послушай,— сказалъ онъ Сандро, отведя его въ сторону: — я старше тебя. За мной десять лѣтъ опыта, котораго нѣтъ у тебя. Сандро, то, что ты теперь дѣлаешь, еще не вполне хорошо, но твои наброски вызываютъ во мнѣ удивленіе. Ты почти ничего не взялъ отъ Липпи. Липпи радостенъ, какъ лѣтній день, какъ день, когда собираютъ виноградъ. Твои же фигуры навѣваютъ скорбь, нѣжность, какое-то странное чувство, въ которомъ, быть можетъ, ты самъ не отдаешь себѣ отчета. Ты рисуешь не такъ твердо, какъ братъ Липпи, но зато болѣе изящно. Мнѣ кажется, что ты можешь сдѣлаться большимъ художникомъ. Но ты губишь себя, оставаясь здѣсь, въ этомъ маленькомъ городишкѣ. Постарайся перебраться во Флоренцію.

Онъ ушелъ, но Сандро не забылъ его словъ. Работая или сидя около Лизы, онъ только и думалъ о нихъ. Они заставили его сбросить съ себя его обычную безпечность. Теперь уже въ немъ говорило не одно сердце, но и голосъ честолюбія и фантазія, всегда жадная до всего новаго.

Липпо заявилъ какъ-то, что скоро онъ ѣдетъ въ Сполетто, гдѣ ему предстоитъ исполнить такую же работу, какъ и въ Прато. Придется, стало быть, опять вести жизнь безвѣстнаго ученика, которая хороша для какого-нибудь Фра-Діаманте, но которой онъ не могъ же довольствоваться вѣчно. А во Флоренціи!... Тамъ онъ будетъ независимъ. Вероккіо будетъ заниматься съ нимъ, онъ будетъ получать заказы, приобрететъ славу.

Однажды вечеромъ онъ повѣдалъ о своихъ намѣреніяхъ Лизѣ. Подперевъ голову рукой, она молча выслушала его.

— А я?—спросила она.—Что же будетъ со мною?

Сандро покраснѣлъ: онъ не подумалъ о ней. Смуглившись, онъ сталъ строить неопредѣленные планы.

— Нѣкоторое время ты останешься въ Прато... Я буду часто навѣщать тебя. Я постараюсь поскорѣе заработать столько денегъ, чтобы намъ можно было жить во Флоренціи вдвоемъ. Тогда я призову тебя къ себѣ, и мы поженимся.

Онъ высказалъ это предположеніе съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Голосъ его дрожалъ, и это не укрылось отъ Лизы.

— Стало быть, все кончено,—сказала она.—Сандро, ты меня уже не любишь.

Не замѣчая своей непослѣдовательности, она бросилась ему на шею и съ рыданіями прижималась къ нему. Смущенный и растроганный, Сандро также плакалъ и говорилъ ей:

— Молчи, Лиза, молчи. Это неправда, я тебя люблю.

Ему казалось, однако, что счастье его юности покидаетъ его, ускользаетъ изъ его рукъ. А онъ гналъ его самъ!

На другой день было воскресенье. Какъ всегда, они шли по равнинѣ вдоль Омброне. Разыгравшаяся наканунѣ сцена наложила на нихъ отпечатокъ нѣжности и какой-то слабости, которая бываетъ у раненыхъ. На каждомъ шагу Лиза заставляла своего спутника останавливаться и подолгу смотрѣла на возвышавшіяся на горизонтѣ горы, похожія на огромные опалы. Она какъ будто хотѣла запечатлѣть въ своихъ глазахъ красоту природы.

Сандро засыпалъ ее цвѣтами, срывая ихъ въ садахъ, попадавшихъ по дорогѣ. Они образовали настоящую туннику. Лиза только улыбалась подъ гирляндами незабудокъ и красныхъ розъ.

Усталые они вернулись домой и незамѣтно перешли отъ сновидѣній наяву къ легкому сну.

Сандро открылъ глаза и увидѣлъ Лизу стоящей въ той самой одеждѣ, которую она носила въ монастырѣ.

Не совсѣмъ еще придя въ себя, Сандро смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Что ты хочешь дѣлать?—спросилъ онъ.—Ты собираешься уходить?

— Ты видишь, я возвращаюсь въ монастырь,—отвѣчала она.

Отъ изумленія онъ не могъ произнести ни слова.

— Ты воображаешь, что ты еще любишь меня,—продолжала она:—но на самомъ дѣлѣ ты меня не любишь. Мое время прошло. Мнѣ не за что негодовать на тебя. Ты былъ свободенъ, и мы не давали другъ другу никакихъ обѣщаній. Я буду вспоминать о тебѣ тамъ, въ монастырѣ, и молиться, если только я могу молиться.

Онъ быстро вскочилъ и въ отчаяніи схватилъ ее. Она была какъ мертвая.

— Ты не уйдешь,—вскричалъ онъ.—Я отказываюсь отъ всего, я не пойду во Флоренцію, мы останемся здѣсь. Я не дотронусь больше до кисти, если ты боишься, что я могу возгордиться и отдалиться отъ тебя. Останься.

— Ахъ, Сандро, Сандро. Я ошиблась. Въ этотъ моментъ ты дѣйствительно любишь меня.

— Стало быть, ты остаешься?

— Нѣтъ. Я не хочу, чтобы завтра ты сталъ меня ненавидѣть.

Она освободилась изъ его рукъ и открыла дверь. Онъ понялъ, что рѣшеніе ея безповоротнo.

— Прощай, Сандро.

Онъ хотѣлъ броситься къ ней, но легкимъ жестомъ она устранила его и, медленно оглядѣвъ всю комнату, перестушила черезъ порогъ.

Сандро упалъ на колѣни передъ захлопнувшейся дверью и зарыдалъ.

Лиза быстро спустилась съ лѣстницы, и не успѣлъ Сандро поднять голову, какъ бѣглянка повернула уже въ другую улицу и направилась къ церкви св. Маргариты. Вдали колокола меланхолично привѣтствовали возвращеніе этой заблудшей овцы.

Солнце заходило на холмахъ Флоренціи и одѣвало ихъ прозрачнымъ свѣтомъ. Воздухъ Тосканы принималъ цвѣтъ восточныхъ сапфировъ, который воспѣлъ еще Данте. Пепельно-зеленая окраска оливковыхъ деревьевъ, темнозеленый цвѣтъ кипарисовъ и длинныя полосы ихъ тѣней покрывали Санъ Минтато аль Монте и сосѣдніе холмы. Подъ ними разстилалась вся долина Арно. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ солнце касалось долины, виднѣлись серебряныя волны рѣки, извивавшіяся словно блестяція кольца ужа. Рѣка прорѣзывала всю равнину, воздѣланную, какъ сплошной садъ, и уходила на западъ въ область, уже не такъ ярко освѣщенную.

Напротивъ рдѣли холмы Фьезоле и темная Монте Морелло господствовала надъ другими горами—крайними контрфорсами Аппенинъ. Посрединѣ этой долины раскинулась Флоренція, казавшаяся такой близкой, что можно было сосчитать всѣ ея дома, раздѣленные рѣкой Арно. Древность этого знаменитаго и чтимаго города сообщала особый отпечатокъ ея памятникамъ, которые въ перспективѣ казались нагроможденными другъ на друга. Вотъ Баптистерій Санъ-Джованни, такой же древній, какъ само христіанство, служившій сначала, вѣроятно, для языческихъ богослуженій; вотъ кампанилла Джотто—первый порывъ католическаго искусства, вотъ массивный старый дворецъ съ рѣдкими окнами, башня котораго взвивалась къ небу, какъ стрѣла; вотъ колоссальная усыпальница Строццы, вотъ всѣ базилики и крѣпости, защищавшія Флоренцію,—словомъ, вся ея красота, сила, душа.

Дорога къ церкви святой Маргариты шла въ гору и была изрыта низкими ступеньками, облегчавшими подъемъ богомольцевъ. Этой дорогой медленно поднимались къ богатой милостями обители священники, женщины, старики. На послѣдней площадкѣ сидѣла на травѣ группа людей, челоуѣкъ въ десять. Возлѣ нихъ лежали разбросанные съѣстные припасы, бутылки и музыкальные инструменты. Это собрались на дружескій пикникъ артисты—скульпторы или художники..

Каждый долженъ былъ принести свое особенное угощеніе: если оно оказывалось такимъ же, что и у другого, принесшій платилъ

штрафъ. То былъ давнишній обычай, который исполняли даже самые знаменитые живописцы того времени.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, среди пировавшихъ находились Вероккіо, оба Паллаюоли, Антонио и Пьетро, блестящая живопись котораго напоминала ювелирное искусство, Мино да Фьезоле, въ талантѣ котораго было что-то неземное. Онъ обыкновенно дѣлалъ намогильные памятники съ ангелами, которые могли бы понравиться самому блаженному Джованни.

Разговоръ пирующихъ принималъ разное направленіе: слышались то шутки, то серьезные споры объ искусствѣ. Но красота вечера мало-по-малу охватила всѣхъ. Разговоры смолкли. Мино взялъ лютню и запѣлъ.

Когда онъ кончилъ, долго еще царило молчаніе. Наконецъ Вероккіо повернулся къ своему сосѣду и, положивъ ему руку на плечо, спросилъ:

— Ну, что же, Сандро, доволенъ ты тѣмъ, что пришелъ къ намъ?

— Да, маэстро.

— Кстати, нельзя же тебя вѣчно называть Сандро. Такихъ именъ слишкомъ много во Флоренціи. Выбери себѣ еще какое-нибудь имя, которое отличало бы тебя отъ другихъ. Красивыя имена больше пристали сеньорамъ и ученымъ, которые ихъ заимствовали съ греческаго. Но они не годятся для бѣдныхъ артистовъ, которые пачкаютъ полотно или мнутъ глину..

Сандро улыбнулся, какъ школьникъ, намѣревающийся продѣлать штуку.

— Я нашелъ имя для себя. У дяди Симона, учившаго меня ювелирному мастерству, была одна слабость. Онъ любилъ вино монтепульчяно и не брезговалъ и фалернскимъ. По этой причинѣ его прозвали Боченкомъ. Въ память этого я принимаю такое же имя и буду называться просто Боттичелли¹⁾.

¹⁾ По-итальянски *botticelli* значитъ маленькій боченокъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Фьямма.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Послѣ Косьмы Великолѣпнаго Флоренціей не твердо, но властно управлялъ нѣкоторое время его сынъ Пьеро, вѣчно болѣвшій подагрой. Въ моментъ нашего разсказа власть отца и дѣда наслѣдовали Лоренцо и Джуліано. Они правили также безъ особыхъ почестей и титуловъ, какъ бы боясь спугнуть слишкомъ скоро призракъ свободы, который еще леталъ надъ дворцомъ сеньории. Несмотря, однако, на желаніе придать себѣ внѣшность частныхъ лицъ, оба брата были настоящими принцами. Династія Медичи была основана. Флоренція, впрочемъ, не на что было жаловаться. Она торгуетъ, веселится, процвѣтаетъ и украшается. Она обезпечила себѣ миръ съ тѣхъ поръ, какъ вступила въ союзъ съ Миланомъ, Венеціей и Римомъ. Для ознаменованія этого событія на площади Санта Кроче готовился турниръ.

Кончавшаяся зима переходила уже въ весну. Въ воздухѣ повѣяло нѣжностью, небо еще оставалось блѣднымъ, облака проходили, какъ клубы пара, похожія на души блаженныхъ, какъ онѣ изображались на картинахъ прежнихъ мастеровъ. Кипарисы и обнаженные горы составляли какъ бы фонъ для фресокъ.

Наступили хорошіе дни. Даже если бы не было праздника, кто сталъ бы оставаться теперь дома? Вся Флоренція была на улицѣ.

Солнце ласкаетъ благородныя очертанія церкви Санта Кроче. Площадь расчищена на широкомъ пространствѣ и вся залита солнцемъ. Нужно, чтобы giostranni, которые готовятся принять участіе въ турнирѣ, могли чувствовать себя на свободѣ, чтобы наносить копьемъ хорошіе удары противнику во славу своихъ дамъ.

Онѣ уже усѣлись по сторонамъ площади въ наскоро построенныхъ лужахъ. Флорентинки получили полное разрѣшеніе отъ властей—рядиться, какъ имъ угодно. Можно было бы сказать, что все это были королевы. Время года позволяло надѣть одновременно и бархатъ, и мѣха, и легкій шелкъ съ кружевами. Блестѣли всѣ цвѣта, легкіе шарфы развѣвались, длинныя перья колыхались, и отъ этого вся картина получала оживленіе. Толпа женщинъ колебалась какъ цвѣтникъ на разсвѣтѣ, по ихъ рядамъ то и дѣло пробѣгала дрожь нетерпѣнія.

Сзади эстрады прохаживался одинокій мужчина. Время отъ времени онъ останавливался въ проходахъ между ложами, чтобы окинуть взоромъ пустую еще площадь. То былъ Сандро Боттичелли.

Ему только что исполнилось тридцать лѣтъ, но онъ уже пользовался славою *maestro bonissimo*. Онъ создалъ уже не мало изображеній Мадонны для монастырей и Венеры для богатыхъ купцовъ. Тѣ и другія были похожи большею частью на Лизу, исчезнувшую подругу его юности. Точно также, рисуя Юдиѳъ для мессера Бригатти, онъ придалъ ей ростъ, ея глаза и ростъ юной героини, которая только что убила Олоферна и идетъ теперь легкими шагами съ мечомъ въ рукѣ.

Пророчество Вероккио оправдалось: Сандро сдѣлался художникомъ мягкой, печальной и немного странной прелести. Съ юности въ немъ сохранилась еще живость и несдержанность пажы. Удивляясь его славѣ, граждане Флоренціи не придавали ей особеннаго значенія. Не къ нему, а къ болѣе привычному для нихъ Гирландайо обратятся они, когда захотятъ покрыть фресками стѣны церкви *Santa Maria Novella*. Но оба Медичи, въ качествѣ утонченныхъ цѣнителей, наслаждаются его простодушнымъ язычествомъ, его меланхолической и чувственной нѣжностью, которою запечатлѣны всѣ его фигуры. Сандро сталъ ихъ фаворитомъ и жилъ при дворѣ этихъ нетитулованныхъ принцевъ въ качествѣ своего человѣка.

Джуліано, принимавшій участіе, далъ ему порученіе украсить его знамя. На восточной матеріи Сандро изобразилъ Палладу Побѣдительницу, потрясающую головой Медузы. Вокругъ нея былъ изображенъ кустарникъ, испускающій пламя. Горгона и кусты внушали страхъ, но на Палладу было пріятно смотрѣть. Ибо Сандро смягчался всякій разъ, какъ ему приходилось изображать женщину..

Рыцари еще не пріѣзжали, и художникъ продолжалъ ходить. Вдругъ онъ съ изумленіемъ остановился, узнавъ какого-то подошедшаго къ нему молодого сеньора.

— Какъ, это вы, мессеръ Альдобранди? Вы прогуливаетесь пѣшкомъ, какъ простой гражданинъ?

— Я самъ, Сандро.

— Вы не участвуете въ турнирѣ?

— Какъ видите.

— И вы пропустите этотъ день и не сдѣлаете хорошаго удара копьемъ?

— Это не важно.

При такомъ отвѣтѣ Сандро съ изумленіемъ взглянулъ на собеседника. Это былъ красивый молодой человѣкъ, съ рѣзкими чертами лица, похожій на портретъ Данте въ изгнаніи, рисованный Джотто. Въмѣсто античнаго кашпона на головѣ у него была высокая шляпа, украшенная кружевами, которые падали ему на плечи. Волосы его были завиты.

— Позвольте спросить васъ, почему вы лишили нашу когорту одного изъ лучшихъ бойцовъ?—съ любопытствомъ спросилъ артистъ.

— Почему?—повторилъ за нимъ Марко Альдобранди, лицо котораго потемнѣло.—Почему? А вотъ смотри...

И онъ показалъ рукою на флорентинокъ, сгруппировавшихся на эстрадѣ.

— Видѣлъ ли ты вотъ эту, самую молодую, которая сидитъ ближе къ намъ?

— Да, мессеръ.

— Такъ вотъ изъ-за нея я и не принимаю сегодня участія въ турнирѣ.

Та, на которую онъ указалъ, сидѣла въ первомъ ряду. Ея профиль отчетливо выдѣлялся на ясномъ небѣ. Сандро замѣтилъ ея высокій лобъ и почти прямыя брови.

Легкая горбинка на носу и слегка выступавшій впередъ подбородокъ сообщали ея лицу живую и чистую красоту, которая встрѣчается на французскихъ медаляхъ. Шея была чудно нѣжна и изящна. Вдоль щекъ и по плечамъ ниспадали волнами свѣтло-рыжеватые волосы. Одѣта она была съ фантастическимъ вкусомъ, волосы были подхвачены лентой, которая извивалась, словно языкъ пламени. На самомъ верху прически было прикрѣплено золотое кольцо съ огромными рубинами и бѣлой эгреткой изъ аистовыхъ перьевъ, которыя волновались, словно брызги воды, летящія при вѣтрѣ отъ водопада.

Ея лицо обращало на себя вниманіе, съ одной стороны, чувственнымъ очертаніемъ рта, а съ другой—томностью взгляда. Становилось уже холодно, и незнакомка надѣла на себя плащъ, причемъ видна была ея бѣлая шея, окутанная шелкомъ и кольцомъ геммъ. То была настоящая флорентинка, какою ее представляли себѣ въ своихъ мечтахъ художники того времени. Существо одновременно реальное и химерическое, на половину женщина, на половину нимфа, пурпуровыя уста которой кричали о славѣ жизни, а глаза говорили о мечтахъ сновидѣній.

— Ее зовутъ Фьямма Джинори,—сказалъ молодой человѣкъ Сандро.

Сандро не удивился, что эта дѣвица съ видомъ воительницы и богини принадлежала къ патриціанскому роду.

— Я познакомился съ нею въ послѣднія майскія календы,—продолжалъ молодой человѣкъ.—Она танцевала, увѣнчанная розами. Я все время былъ ея кавалеромъ.

Его лицо прояснилось при этомъ воспоминаніи. Онъ продолжалъ:

— Не въ первый разъ уже я видѣлъ ее. Я встрѣчался съ нею въ церкви, она какъ будто озаряла мракъ капеллы, гдѣ пѣлись

хвалы Царицѣ Небесной. Я встрѣчалъ ее въ траурѣ и на празднествахъ, но мы ни разу не вступали въ разговоръ. Я уже любилъ ея соколиные глаза, ея роскошные волосы и ротъ, выразившій презрѣніе. Ея улыбка была высшей наградой, на которую могъ рассчитывать смертный. Подумай, Сандро, я танцевалъ съ нею, и она позволила мнѣ поцѣловать кончики ея пальцевъ. Когда она разсталась со мной и пошла къ матери, къ шелковымъ палаткамъ, которыя разбиты на берегу Арно, мнѣ казалось, что я достигъ верха блаженства.

— А потомъ?

— Потомъ! Я не видалъ ее цѣлые мѣсяцы. Когда же я ее встрѣтилъ, я погибъ. Ея лицо настолько измѣнилось для меня, что я едва ее узналъ. Она отвѣтила на мой поклонъ какъ-то принужденно. На этотъ разъ ее сопровождала ея мать, и я видѣлъ, какъ онѣ обмѣнялись нѣсколькими словами, которыхъ я не слышалъ. Черезъ нѣсколько времени я опять съ нею встрѣтился. Она шла съ подругами вдоль Арно и направлялась прямо на меня. Я робко поклонился ей. Соколиные глаза отвернулись отъ меня, губы сложились въ нетерпѣливую и презрительную гримасу. Мнѣ показалось, что солнце померкло. Я вернулся къ себѣ, шатаюсь, какъ пьяный, заперся въ своей комнатѣ и плакалъ до вечера. Ободрившись немного, я сообразилъ, что она не стала бы меня слушать, если бы я вздумалъ съ нею заговорить, и потому я написалъ ей. То было письмо, которое могло бы взволновать каменное изображеніе Св. Дѣвы на алтарѣ, Сандро. Одинъ изъ моихъ друзей былъ вхожъ въ домъ Джинори. Я убѣдилъ его всякими мольбами отнести мое письмо Фьяммѣ. На другой день онъ принесъ мнѣ его обратно: оно не было даже распечатано. Отвѣта я такъ и не получилъ. Понимаешь ли ты теперь, почему я не хотѣлъ принимать участіе въ этомъ турнирѣ? У меня не было дамы, рыцаремъ которой я могъ бы быть.

— Но она ужъ слишкомъ горда...

— Нѣтъ, нѣтъ! Послушай, Сандро. Я люблю Фьямму. Она оправдываетъ свое имя. Это пламя, которое сжигаетъ мою жизнь. Понимаешь ли ты, я люблю ее...

Раздавшійся шумъ прервалъ ихъ разговоръ. Показался отрядъ участниковъ турнира. При входѣ на ристалище стояли дѣвушки, одѣтыя въ бѣлыя платья, и герольды въ красныхъ камзолахъ. Двадцать трубъ поднялись высоко къ небу, словно длинные тонкіе цвѣты съ золотыми чашечками. Изъ нихъ понеслась цѣлая буря звуковъ. Всадники выѣхали на арену. Они ѣхали на бѣлыхъ и вороныхъ лошадяхъ, на головахъ которыхъ развѣвались перья. Оружіе ихъ было украшено чернью и блестяло, словно чешуя великолѣпнаго дракона. Передъ каждымъ изъ нихъ шель оруженосецъ, несшій знамя. Сандро узналъ то, которое онъ дѣлалъ: на немъ

была Паллада, державшая Горгону. Его несли впереди самаго знаменитаго борца, владыки флорентійской молодежи Джуліано Медичи.

Всадники сошли съ коней. Рѣзкія трубы смолкли. Хоръ дѣвушекъ запѣлъ гимнь любви. Каждый изъ участниковъ турнира шель по ристалищу, чтобы привѣтствовать избранную имъ даму. Джуліано шель первымъ. Онъ былъ высокаго роста и отличался величавой и мужественной внѣшностью. Въ его латахъ съ блестящими полосками отражалась голова Горгоны, вычеканенная на нагрудникѣ. Его шлемъ изображалъ львиную голову.

Привѣтствуемый аплодисментами и криками, юный герой преклонилъ колѣно передъ женщиной, которая, очевидно, была царицей праздника. Она сидѣла подъ балдахиномъ, который былъ задрапированъ матеріями и напоминалъ собою тронъ. То была Симонетта Каттанео, супруга мессера Марка Веспуччи.

Симонетта происходила не изъ Флоренціи. Она родилась на берегахъ Лигуріи, въ Генуѣ. Не такъ еще давно покинула она этотъ пышный городъ, расцвѣтшій въ глубинѣ своего залива, подобно мечтѣ, воплощенной въ мраморѣ. Она выросла среди бѣлыхъ и красныхъ дворцовъ Доріа, Фьески, Спинола, среди церквей, населенныхъ героями и чудотворными дѣвами, среди узенькихъ улицъ, которыя поднимались поверхъ холмовъ, словно тропинки для дикихъ козъ. Цвѣтъ ея лица сохранялъ еще отблескъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лилій ея родины, а глаза волнующуюся синеву моря. Она обладала неизъяснимой граціей дѣвушекъ приморскихъ городовъ, съ ихъ волнующеюся, какъ волны моря, походкой.

Мессеръ Веспуччіо, богатый купецъ изъ квартала Онъиссанти, прибылъ въ Женеву по торговымъ дѣламъ и привезъ оттуда это сокровище. Однажды на охотѣ Джуліано случайно встрѣтился съ нею и страшно влюбился въ нее, и подражатель Виргилія, поэтъ Полиціано, воспѣвалъ ихъ любовь въ нѣжныхъ октавахъ. Эту любовь называли чистой и непорочной, ибо Джуліано слишкомъ боялись, а Симонетту слишкомъ любили за ея кроткій нравъ. Мессеръ Веспуччи отъ этого только прославился.

Мадонна Симонетта улыбнулась своему рыцарю и наклонила къ нему свою красивую головку съ пышной прической, въ которой вился змѣй изъ черной эмали. Черезъ плечо у нея былъ накинутъ пестрый шарфъ, и это давало ей видъ восточной царицы, принимавшей какого-нибудь героя, вернувшагося изъ далекихъ странъ.

Флорентинки пѣли:

«О любовь! Будь съ нами во время нашего праздника и нашихъ танцевъ. Пусть удалится отсюда тотъ, кто не влюбленъ».

И эта пѣснь сопровождалась легкими покачиваніями ихъ гибкихъ тѣлъ, покрытыхъ бѣлоснѣжными тюниками.

Вдругъ звонкіе голоса смолкли, и на всѣ четыре стороны зазвучали трубы. Участники турнира садились на лошадей. Смолкли и трубы, и настала жуткая тишина, словно передъ битвою. Затѣмъ золотые стволы трубъ еще разъ поднялись всѣ кверху. Троекратный сигналъ вызова огласилъ воздухъ. Всадники попарно стали другъ противъ друга.

На ихъ головахъ красовались странныя каски: однѣ изображали медвѣжью или кабанью голову, на гребнѣ другихъ развѣвались саламандры, покачивая раздвоеннымъ языкомъ. Латы представляли какъ бы крылья дракона, на другихъ красовалось вооруженіе миланской работы изъ вороненой стали съ арабесками.

Джованни Кавальканти и Гиригоръ Марсуппини уже неслись другъ на друга. Они сшиблись съ великимъ шумомъ, ихъ копыта были сломаны и разлетѣлись блестящими обломками. Отъ удара обѣ лошади упали на колѣни, но всадники, удержавшись на сѣдлѣ, быстро подняли ихъ съ помощью шпоръ. Развѣхавшись, они снова сшиблись съ прежней яростью. Копыта снова разлетѣлись въ куски, и на этотъ разъ щиты были пробиты. Затѣмъ выступили Бенчи и Ринуччини и столкнулись съ такою силою, что оба упали съ лошадей. Въ одно мгновеніе они были уже опять на лошадяхъ и снова неслись по ристалищу. Мужчины кричали, аплодировали, женщины вставали съ сидѣній, чтобы ободрить бойцовъ. Одна изъ нихъ лишилась чувствъ, увидя, какъ упалъ ея рыцарь. Другая въ этомъ случаѣ гнѣвно вскрикнула и разорвала свой шитый золотомъ плащъ.

Марко Альдобранди, повидимому, мало интересовался тѣмъ, что происходило на аренѣ. Наоборотъ, Воттичелли смотрѣлъ съ страстнымъ вниманіемъ: его глаза блестѣли, какое-то благородное опянѣніе одушевляло его лицо; потерявшее свои обычное мечтательное или ироническое выраженіе. Это дикое проявленіе энергіи соответствовало его темпераменту, полному отваги, несмотря на видимую разсѣянность. Обреченный ограниченностью своихъ средствъ и своимъ искусствомъ на спокойное существованіе, онъ старался смягчать свои воинственные инстинкты, мучившіе иной разъ даже наиболѣе созерцательныхъ художниковъ.

Турниръ продолжался и послѣ полудня. Многіе бойцы оказывали чудеса храбрости, но не могли вырвать побѣду у славнаго Джуліано. Онъ вывелъ изъ строя пять противниковъ, и мадонна Симонетта собственноручно вручила ему пальму первенства. Въ предшествіи своего знамени, онъ вернулся во дворецъ Медичи, везя съ собою добычу, взятую отъ противниковъ. Альдобранди и Сандро уже покинули мѣсто турнира.

Они шли, не имѣя определенной цѣли. Художникъ, съ фамильярностью артиста, который умѣетъ падить самолюбіе молодого сеньора, продолжалъ поучать своего друга.

— Вести такую жизнь, мессеръ, большая нелѣпность. Вы знатны, богаты и созданы для того, чтобы влюбляться въ женщинъ. Вы оскорбляете Провидѣніе, пренебрегая дарами, которыми оно такъ щедро васъ осыпало. Какъ! Портить свою жизнь изъ-за того, что одна женщина сопротивляется вамъ? Стоитъ ли вѣшать носъ изъ-за того, что не удастся жениться на особѣ, которая послѣ свадьбы можетъ оказаться самой неприятной женой?

— Сандро!

— Вотъ я, напримѣръ, видѣлъ однажды во снѣ, будто я женатъ, и проснулся въ такомъ ужасѣ, что вскочилъ съ кровати, хотя было еще темно. Быстро одѣвшись, я выскочилъ, какъ сумасшедшій, и бродилъ по Флоренціи до самой зари. Мысль о томъ, что я, Сандро Боттичелли, на всю жизнь связанъ съ женщиной, жгла мой мозгъ. Женатъ! Какая глупость! А вы еще жалуетесь, что судьба васъ бережетъ! Надо, наоборотъ, только поздравлять себя.

Марко Альдобранди молчалъ. Жизнерадостная воркотня Сандро не могла его ни рассердить, ни развлечь. Онъ шелъ, опустивъ голову, медленными шагами, и его спутнику приходилось подлаживаться къ его походкѣ. На каждомъ шагу большія группы быстро перегоняли ихъ. Безъ сомнѣнія, эти люди спѣшили на какой-нибудь другой праздникъ, привлекавшій всѣхъ зѣвакъ Флоренціи.

Когда оба друга подошли къ Барджелло, разукрашенному, какъ въ большой праздникъ, огромными орифламмами, Альдобранди остановился.

— Прощай, Сандро,—сказалъ онъ Боттичелли, протягивая ему руку.—Сегодня я для тебя слишкомъ унылый собесѣдникъ.

— Какъ, мессеръ!.. Вы можете говорить...

— Я усталъ. Нужно имѣть большое горе, чтобы не развеселиться отъ тебя. Благодарю тебя за твою дружбу.

Они разстались.

Оставшись одинъ, Боттичелли пожалъ плечами.

— И я былъ почти въ томъ же положеніи, когда Лиза покинула меня. Правда, я утѣшился. Но этотъ бѣдный Альдобранди не знаетъ живописи.

Машинально онъ направился вслѣдъ за толпою на площадь Сеньоріи и черезъ нѣсколько минутъ былъ тамъ. Площадь была превращена въ обширную арену съ перегородками и помостами. Не безъ труда удалось Сандро найти себѣ мѣстечко. На площади должны были появиться всякаго рода звѣри на свободѣ и въ клеткахъ—быки, дикія лошади, волки, кабаны и собаки, имѣвшія такой страшный видъ, что всѣ спрашивали, какіе это звѣри.

Предполагалось, что всѣ эти звѣри растерзаютъ другъ друга. У флорентійскаго народа временами проявлялась жестокость, и танцевъ и рыцарей ему было мало.

Но всеобщее ожиданіе было обмануто. Дикія лошади, привышія къ зеленому раздолью Мареммы, ржали отъ безпокойства и удивленія при видѣ загоронокъ, въ которыхъ онѣ очутились. Онѣ пронеслись по площади раза два дикимъ галопомъ и вдругъ остановились, нюхая эту странную почву, пахнувшую пылью вмѣсто травы. Быки, поднявъ черныя свои морды къ величавому старому дворцу, древнему свидѣтелю столькихъ революцій, сильно, но не гнѣвно ревѣли, какъ они должны были ревѣть въ храмахъ древняго Египта. Собаки и волки, которыхъ легко было смѣшать между собою, стояли неподвижно, какъ ихъ изображенія на бронзовыхъ римскихъ цоколяхъ, и продолжали тупо смотрѣть въ пространство, ничего не видя.

Черезъ нѣсколько минутъ почти всѣ животныя легли на землю: нѣкоторыя, видимо, даже дремали.

— Львовъ!—закричалъ кто-то.—Пусть приведутъ львовъ!

Флоренція любила львовъ и гордилась ими. Они содержались на общественный счетъ, ибо нельзя было этого не сдѣлать для царей звѣринаго царства, которые вмѣстѣ съ лиліей входили въ эмблему города и выражали его двойственный характеръ—то величавый и кроткій, то неумолимый и непреклонный. Развѣ Донателло не создалъ собственными руками изображеніе льва, которое пользовалось такою любовью народной, этого Марцокко, голова котораго напоминала человѣческое лицо? Городъ любилъ львовъ и живо интересовался появленіемъ у нихъ дѣтенышей. Годъ, когда не было новаго львенка, считался печальнымъ годомъ.

Устроители праздника предвидѣли всѣ желанія толпы, даже это. Едва народъ потребовалъ львовъ, какъ они явились.

Они вышли на арену обычнымъ образомъ, т. е. торжественно и величаво. На срединѣ они остановились, моргая глазами, отвыкшими отъ сильнаго дневного свѣта. Безъ сомнѣнія, и яркіе цвѣта толпы подѣйствовали на нихъ болѣзненно. Затѣмъ они широко открыли пасть, но ограничились легкимъ ревомъ.

Толпа роптала. Всѣ были недовольны тѣмъ, что львы отказываются отъ своего львинаго ремесла и не желаютъ никого терзать. Ихъ бранили, бросали въ нихъ камнями, что было уже нѣкоторымъ свѣдѣтельствомъ противъ этихъ древнихъ хранителей города.

Вдругъ раздался голосъ:

— Остановитесь! Почтите указаніе судьбы! Небо хочетъ, чтобы отнынѣ Флоренція жила въ мирѣ, ибо животныя, служащія ей символомъ, вдругъ измѣнились и отказались навсегда отъ своей свирѣпости.

Народъ въ восторгѣ захопалъ оратору и привѣтствовалъ криками львовъ, которые попрежнему находились въ апатіи.

Въ этотъ моментъ выпустили на арену безобразное существо съ длинными и тонкими ногами, худымъ тѣломъ и гигантской шеей.

Многіе видѣли жираффу въ первый разъ и встрѣтили ее криками изумленія. Животное смѣло выскочило на арену, сдѣлало нѣсколько прыжковъ и вдругъ бросилось бѣжать со всѣхъ ногъ. Быки, волки, лошади, быки, не боявшіеся даже львовъ, въ ужасѣ бросились въ разныя стороны. Бѣшеная скачка поднялась на аренѣ. Черныя, бѣлыя, желтыя массы, смѣшиваясь, прыгали другъ черезъ друга. Можно было подумать, что это шабашъ демоновъ, принявшихъ видъ звѣрей. Одни только львы оставались неподвижны. Въ этомъ увидѣли предзнаменованіе, что Флоренція, непоколебимая и могучая, какъ они, одолѣетъ всѣ попытки ея враговъ.

Между тѣмъ Альдобранди медленно шелъ къ своему дворцу. Вдругъ ему преградила путь толпа: навстрѣчу двигалось триумфальное шествіе. Во главѣ его ѣхалъ молодой человѣкъ, одѣтый по-королевски, на бѣломъ конѣ. За нимъ двигалась раззолоченная колесница на массивныхъ колесахъ. Она изображала собою волшебный замокъ, на верху котораго находился земной шаръ. На немъ стоялъ амуръ, распростиравшій свою власть на весь земной шаръ. Амура изображалъ молодой человѣкъ, старавшійся выразить на своемъ красивомъ лицѣ дикій деспотизмъ. Онъ былъ вооруженъ лукомъ, сзади у него были придѣланы крылья, одежда блестѣла, какъ гряда разноцвѣтныхъ камней. За нимъ шли пѣвцы и музыканты; подъ звуки голосовъ и инструментовъ вокругъ носились группы дѣтей, которыя время отъ времени разлетались въ стороны, какъ цвѣты разорванной гирлянды.

«Амуръ, амуръ!» повторялось въ пѣсняхъ, и это слово жестоко мучило молодого Альдобранди. Слезы показались у него на глазахъ. Среди толпы, прославлявшей любовь, онъ одинъ былъ въ отчаяніи.

Наконецъ онъ выбрался изъ толпы, оглушенный ея шумнымъ весельемъ, и очутился передъ своимъ дворцомъ. Какъ всѣ дворцы Флоренціи той эпохи, онъ походилъ скорѣе на крѣпость или тюрьму, съ его рѣдкими, неправильно размѣщенными окнами, съ узкими бойницами, достаточными лишь для того, чтобы пропустить стрѣлу или взглядъ часового, обостренный подозрительностью и страхомъ. Въ главныхъ воротахъ была продѣлана форточка, черезъ которую прежніе Альдобранди, принужденные вслѣдствіе вспышки народной ярости жить исключительно тѣмъ, что давали имъ ихъ мызы, получали отъ своихъ кліентовъ бутылку вина или корзину съ оливками. Достигнувъ цвѣтущаго состоянія, они сохранили эту скромную форточку въ знакъ воспоминанія о былыхъ невзгодахъ. Пронесенія надъ Флоренціей революціи разрушили башню дворца, которую запрещено было строить вновь.

Марко Альдобранди прошелъ черезъ маленькій дворикъ, гдѣ билъ фонтанъ, и поднялся по лѣстницѣ, по стѣнамъ которой висѣли гербы и древнія знамена. Направляясь къ себѣ въ комнату, онъ

долженъ былъ пройти потемнѣвшую уже галерею, которая шла вокругъ всего дома, и не замѣтилъ своихъ родителей, которые бесѣдовали между собою, тихо подвигаясь впередъ.

Въ своемъ зрѣломъ возрастѣ Аверардо Альдобранди былъ красивъ не менѣ сына. Черное платье придавало ему видъ члена магистратуры или священника. Однако его бритое, по флорентійскому обычаю, лицо озарялось огненными глазами, бросавшими загадочные взгляды. На головѣ у него была шапочка, придававшая ему сходство съ средневѣковымъ ученымъ. Говорилъ онъ тихо и важно, и отъ этого его сдержанный голосъ становился еще властнѣе.

Мадонна Джованна Лофранки, его жена, сохраняла благородную прелесть, едва начинавшую увядать. Въ ней чувствовалось присутствіе сильныхъ страстей и мечтаній, подавленныхъ дисциплиной семейной жизни. Можетъ быть, она и не была счастлива, но располагала тѣмъ прочнымъ и меланхоличнымъ благополучіемъ, которое дается честнымъ образомъ жизни.

— Ванна,—сказалъ мессеръ Аверардо:—меня беспокоитъ нашъ сынъ.

Мадонна Альдобранди сдѣлала движеніе: ея взглядъ съ безпокойствомъ устремился на мужа. Его слова встревожили ея нѣжную любовь къ сыну, тѣмъ болѣе, что она знала, какъ несклоненъ ея мужъ къ напраснымъ тревогамъ. Нужны были серьезныя основанія, чтобы этотъ человѣкъ почувствовалъ безпокойство.

— Въ чемъ дѣло?—спросила она слегка дрожащимъ голосомъ.

— Не замѣчаешь ли ты, какъ онъ сталъ мраченъ послѣднее время?

— Да, пожалуй. Но это меня не удивило, Марко часто бываетъ въ такомъ сосредоточенномъ, мечтательномъ настроеніи. Мы живемъ очень тихо и удаленно; можетъ быть, онъ иногда скучаетъ.

Она не рѣшалась болѣе прозрачно упрекнуть мужа за то, что, ради прежнихъ непріятностей, онъ удалился отъ политической дѣятельности и, благодаря своему характеру, наложилъ на всю семью какое-то принужденіе, отъ котораго прежде всего страдала она сама. Мессеръ Альдобранди принималъ у себя очень ограниченное число знакомыхъ его возраста, раздѣлявшихъ его взгляды. Не питая вражды къ Медичи, онъ тѣмъ не менѣ раздѣлялъ предубѣжденія противъ нихъ аристократической партіи.

Онъ понялъ намекъ жены и ему стало обидно.

— Мы живемъ такъ, какъ должны жить порядочные патриціи въ такое время, когда кушцы становятся королями. Но я никогда не препятствовалъ Марку искать развлеченій на сторонѣ, если онъ не можетъ найти ихъ здѣсь въ домѣ. Я даже поощрялъ его къ этому. Еще сегодня утромъ я предлагалъ ему отправиться на этотъ турниръ на площади Санга Кроче. Флорентинецъ благороднаго рода не долженъ терять случая сразиться оружіемъ и прославить

свое имя. Можетъ быть, ему удалось бы вырвать побѣду у Джулиано, и это, признаюсь, доставило бы мнѣ нѣкоторое удовлетвореніе. Но онъ самъ не хотѣлъ. Онъ чувствовалъ себя, по его словамъ, не совсѣмъ хорошо. Конечно, дѣло не въ этомъ. Тутъ есть нѣчто другое. Онъ печаленъ и потерялъ ко всему вкусъ... Марко влюбленъ.

— Ты думаешь?—вскричала она, наивно испугавшись.

То было обычное чувство матерей, которыя боятся превратностей любви для своихъ сыновей. Вторымъ чувствомъ была, наоборотъ, бессознательная радость. Ея сынъ влюбленъ. Ея сынъ спасенъ отъ той однообразной и скучной жизни, которая давила всѣхъ въ этомъ домѣ.

— Я не говорю, что это простое любовное увлеченіе молодого человѣка,—продолжалъ мессеръ Аверардо медленно.—Я и самъ не безпокоился бы объ этомъ. Но тутъ дѣло другое. Марко влюбленъ искренно и безнадежно.

— Что ты говоришь, Аверардо? Нашъ Марко очень красивъ, и ни одна женщина не отвергла бы его любовь. Онъ богатъ и знатенъ, и любые родители станутъ искать родства съ нимъ.

— Любовь капризна, Ванна. Женщины слѣпы, а мужчины несправедливы. Нашъ сынъ, должно быть, любить чистую дѣвушку, ибо въ его скорби я вижу большое уваженіе къ той, которая его причиняетъ. Несомнѣнно, что онъ получилъ отказъ. Я боюсь, что его любовь такого рода, что она болѣе разрушаетъ энергію и отравляетъ существованіе, чѣмъ бурная страсть, которая потухаетъ, бросивъ нѣсколько искръ. Никто изъ Альдобранди не долженъ быть жертвой такого жалкаго безумія.

— Что же дѣлать?

— Пойди за нимъ, Ванна. Онъ съ тобою будетъ говорить откровеннѣе, чѣмъ со мной. Ты сумѣешь лучше втолковать ему, что ему дѣлать. Узнай также имя той, которая повергаетъ его въ такое отчаяніе.

Мадонна Альдобранди быстро пошла по галереѣ, которая дѣлалась все темнѣе и темнѣе. Сдѣлавъ затѣмъ поворотъ, она толкнула одну изъ дверей и очутилась въ комнатѣ сына.

Марко лежалъ въ большомъ креслѣ, оперевшись на локотникъ. Его лицо было закрыто рукой. Судя по его неподвижности, можно было бы подумать, что онъ спалъ.

— Марко,—тихо сказала Монна Ванна.

Онъ вздрогнулъ.

— Это вы, матушка?

Онъ посмотрѣлъ на нее, какъ человѣкъ, только что проснувшійся, дѣлающій усилія, чтобы узнать внезапно представшее передъ нимъ знакомое лицо.

Монна Ванна прежде, чѣмъ говорить и спрашивать его, инстинктивно подошла къ нему и стала тихонько его ласкать, глядя рукой

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижеупомянутыя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАРТѢ 1911 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

Богословіе.

- ГЛАДКОВЪ, Б. И. Первопричина нашего атеизма. 2-е значит. дополн. изданіе. Спб. 1911. Ц. 10 к.
- МАКАРОВЪ, В. Очеркъ исторіи старообрядчества отъ Никона до нашихъ дней. М. 1911. Ц. 40 к.
- NOVIKOFF, O. Le général Alexandre Kiséeff et l'ancien-catholicisme. Бернъ. 1911. Ц. 2 р.
- ПЕРЕФЕРКОВИЧЪ, Н. Религіозные вопросы у современныхъ евреевъ въ Россіи. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- С-НЪ, Д. Забытая сторона христіанства. Тайна Христа. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- ФУНКЪ, ФР. КС., проф. Исторія христіанской церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней. Въ русскомъ переводѣ со значит. измѣн., дополн. и предислов. проф. П. В. Гидулянова. М. 1911. Ц. 2 р. 50 коп.

Философія, психологія, логика.

- ГЕЙМАНСЪ, Г. Психологія женщины. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ГЛАДКОВЪ, Б. И. Бесѣды о переселеніи душъ и сношеніяхъ съ загробнымъ міромъ (буддизмъ и спиритизмъ). Спб. 1911. Ц. 40 к.
- ДИРОФЪ, АДЛЬФЪ, д-ръ. Психологія въ общедоступномъ изложеніи. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ предисл. прив.-доц. Н. Самсонова. М. 1911. Ц. 1 р. 10 к.
- КАББАЛА, д-ръ. Магія и гипнозъ. Собраніе провѣренныхъ и доказанныхъ фактовъ и опытовъ. Разясненіе оккультизма. Подъ ред. Пашуса. Перев. съ франц. С. В. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- ЛЮДЫЖЕНСКІЙ, М. В. Сверхсознаніе и пути къ его достиженію. Индусская Раджа-Йога и христіанское подвижничество. Опытъ изслѣдованія. Спб. 1911. Ц. 2 р.
- МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА, ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое въ современ. культурн. жизни. Перев. съ нѣм. съ дополн. подъ редакц. проф. А. С. Догеля, Д. А. Клеменца и А. Н. Шабановой. Вып. 2—3. Спб. Ц. 1 р.
- НЕЧАЕВЪ, А., проф. Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. Съ рис. и съ прилож. указателя избран. психологич. сочиненій. Изд. 4-е. Спб. 1911. Ц. 1 р. 60 к.
- ПАСКАЛЬ, Т. Древняя мудрость на протяженіи вѣковъ. Спб. 1911. Ц. 80 к.
- ПОПОВЪ, П. С. Изреченія Конфуція, учениковъ его и другихъ лицъ. Перев. съ китайск., съ примѣч. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1911 г., т. сxxiv.

1/26

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- БРАНДЕСЪ, ГЕОРГЪ.** Собр. сочин. Съ портр. автора и вступит. стат. Перев. съ датск. М. В. Лучицкой. 2-е исправл. и дополн. изд. Т. XVIII. Литературныя характеристики. (Англійскіе писатели). Вильямъ Шекспиръ. Ч. III. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- ВЪТРИНСКІЙ, И. Т. Г.** Шевченко. Очеркъ жизни и дѣятельности. Съ прилож. портр. и избран. произведен. въ перев. русскихъ поэтовъ. М. 1911. Ц. 15 к.
- ДАВЫДОВЪ, С.** Жизнь одинокой души. (О Станиславѣ Пшибышевскомъ). М. 1911. Ц. 40 к.
- ДЕВЕЛЬ, Н.** Душевный разладъ Кольцова. Ц. 75 к.
- ЗАБОЛОТСКІЙ, П. А.** Богатырь народнаго духа (памяти Л. Н. Толстого). Нѣжинъ. 1910. Ц. 15 к.
- Гоголевскія юбилейныя празднества (1809—1909) въ Нѣжинѣ. Нѣжинъ. 1909. Ц. 15 к.
- Музей имени Гоголя при ист.-филологич. институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Нѣжинъ. 1910. Ц. 15 к.
- ЗАЙДМАНЪ, М. Ф. М.** Достоевскій въ западной литературѣ. Одесса. 1911. Ц. 1 р.
- ПЪТУХОВЪ, Е. В.,** проф. Русская литература. Историч. обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. Юрьевъ. 1911. Ц. 4 р.
- РЪЧИ у памятника Гоголя.** 2-е изд. Нѣжинъ. 1909. Ц. 10 к.
- САВОДНИКЪ, Б.** Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ,** Тайна доктора Альберта. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р.
- ГЕЙЕРСТАМЪ, Г.** Мать и сынъ. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р.
- ДЕ-ЛАМЕТРИ,** Человѣкъ-машина. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ДОСТОВЕВСКІЙ, Ф. М.** Униженные и оскорбленные. Романъ въ 4-хъ частяхъ съ эпилогомъ. Изд. 8-е т-ва «Просвѣщеніе». Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- ДЫМОВЪ, ОСИПЪ.** Веселая печаль. (Юмористическіе рассказы). Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- ЗАЙЦЕВЪ, Б.** Рассказы. Кн. 3-я. Изд. «Шиповникъ». Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- ЗЕЛИНСКІЙ, Г.** Киргизъ. Поэма. Томскъ 1910. Ц. 60 к.
- ЗЕМЛЯ,** Сборникъ 6-й. М. 1911. Ц. 1 р. 50 коп.
- ИВАНЬЕСЪ, БЛАСКО-ВИСЕНТЕ.** Полн. собр. сочин. Томъ II. Гетера Сонника. Перев. съ испанск. подъ редакц. В. М. Шулятикова. М. 1911. Ц. 1 р.
- Тоже. Т. IX. Тростникъ и грязь. Перев. съ испанск. А. Вольтера. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- Тоже. Т. VI. Отбросы жизни. Романъ. Перев. съ испанск. А. Вольтера. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- КАЦЛАНЪ, М. Я.** Рассказы. Спб. 1911. Ц. 40 к.
- ЛАВРА, М.** «За мгновеніе страсти». Книга, написанная женщиной для мужчинъ. М. 1911. Ц. 1 р.
- ЛЕРУ,** Заклятое кресло. Романъ. Перев. О. Свиягинской. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- ЛЪДОВЪ, К. Н.** Безъ размѣра и сразвучій. Поэмы въ прозѣ. Спб. Ц. 1 р.
- МАРГЕРИТЪ, В.** Барышни. Романъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- МИЛЬТОНЪ, ДЖОНЪ.** Самсонъ (Samson Agonistes). Драматическая поэма. Перев. въ стихахъ. Н. А. Брянскаго. Спб. 1911. Ц. 60 к.
- МИХАЭЛИСЪ, К.** Опасный возрастъ. Дневникъ и письма. Перев. съ датск. Спб. 1911. Ц. 60 к.
- Собраніе сочиненій. Т. I. Опасный возрастъ. М. 1911. Ц. 75 к.
- ДЕ-МОПАСАНЪ, ГЮИ.** Полн. собр. сочин. Т. XVI. Монгъ-Ориоль. Романъ. Изд. «Шиповникъ». Спб. Ц. 1 р. 50 к.
- МУИЖЕЛЬ, В. В.** Собр. соч. Т. I. Спб. Ц. 1 р.
- НАШИ ДНИ.** Литературный альманахъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- ОЛЪНЕМЪ, О. Н.** Безъ иллюзій. Рассказы. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ОССЕНДОВСКІЙ, А. М.** Въ людской пыли. Повѣсть. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ПЕРГО, ЛУИ.** Отъ Гупиля до Марго. Рассказы изъ жизни животнохъ. Москва. 1911. Ц. 60 к.
- ПЕТРУСЕВИЧЪ, В.** Плоды раздумья. Литературно-художественный сборникъ въ память 50-лѣтня освобожденія крестьянъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ПРУЖАНСКІЙ, Н.** Жизнь какъ она есть. Рассказы изъ еврейской жизни. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- ПШИБЫШЕВСКІЙ, СТ.** Пиръ жизни. Драма. Драма въ 4-хъ актахъ. Перев. съ польск. Я. Данилина. Москва. 1911. Ц. 80 к.
- РЕЙМОНТЪ, В.** Собраніе сочиненій. Т. 4. Мечтатель. Ц. 1 р.
- САША ЧЕРНЫЙ.** Сатиры. Кн. I. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- С. Г.** Искупленіе. Романъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ТВЭНЪ, МАРКЪ.** Собр. сочин. Томъ I. Мелкіе рассказы. Изд. М. Г. Корняфельда. Спб. 1910. Ц. 1 р. 10 к.
- УЭЛЛІСЪ, Г. Д.** Собр. сочин. Томъ XII. Изд. «Шиповникъ». Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- ШКУРКИНЪ, П. В.** Вѣлая змѣя. Китайская легенда. Хабаровскъ. 1910. Ц. 1 р.
- ШЕГЛОВЪ, И.** Жизнь вверх ногами. Юмористическіе очерки и пародіи. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ЭВЕРСЪ, Г.** Ужасы. Необычайныя исторіи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ЭСТРАДА.** Сборникъ стихотвореній, монологовъ, рассказовъ, романсовъ и т. п. пригодныхъ для чтенія съ эстрады. Т. I. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія, біографія и археологія.

А. М. 19 февраля 1861 г. Краткій историческій очеркъ развитія крѣпостного права на Руси и освобожденія крестьянъ. Спб. 1911. Ц. 20 к.

ВАСИНЪ, Н. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Съ рис. Москва. 1911. Ц. 75 к.

ДЕВЕЛЬ, Н. Царицыно. Спб. 1910. Ц. 45 к.

ЕВРЕИНОВЪ, Н. Крѣпостные акты. Историческій очеркъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОРЪ дѣятельности харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. 1869—1909. Москва. 1911. Ц. 25 к.

КОЛЮБАКИНЪ, Б. М. 1812-й годъ. Воспоминанія офицера франц. кирасирскаго 2-го полка о кампаніи 1812 года. Спб. Ц. 1 р. 30 к.

КУДРИНСКИЙ, Ф. Исторія развитія и паденія крѣпостничества въ Россіи. Вильна 1911. Ц. 25 к.

ЛЮБИЧЪ-КОШУРОВЪ, І. Партизаны 1812 г. М. 1911. Ц. 85 к.

ЛЯЩЕНКО, П. И. Поклѣдній секретный комитетъ по крестьянскому дѣлу. 3 января 1857 г.—16 февраля 1858 г. Спб. 1911. Ц. 45 к.

МАТЕРИАЛЫ по крѣпостному праву. Саратовская губ. Изд. саратовской губ. учен. архивн. комиссіи. Саратовъ. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

МЕЛЬНИКОВЪ, А. П. Къ 300-лѣтію смутнаго времени. Нижній-Новгородъ и Нижегородскій край. Москва. 1911. Ц. 80 к.

МУРАВЬЕВЪ, М. Материалы по исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной

зависимости въ Новгородской губерніи. 1911. Ц. 25 к.

НАЗАРОВЪ, А. Потѣшныя, роль ихъ въ прошломъ и задачи въ будущемъ. Историческій очеркъ. Одесса. 1911. Ц. 90 к.

НЕЧАЕВЪ, Н. Историческій очеркъ закрѣпощенія и освобожденія крестьянъ. Спб. 1911. Ц. 15 к.

ХОВАНСКИЙ, Н. Ф. Помѣщики и крестьяне Саратовской губерніи. 1911. Ц. 80 к.

НЕЧАЕВЪ, Н. П. Истор. очеркъ закрѣпощенія и освобожденія крестьянъ. Рѣчь Имп. Александра II дворянамъ. Манифестъ 19 февр. 1861 г. Спб. Ц. 15 к.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ. Сборникъ статей. Ц. 85 к.

ПОЩЕЛЬНИЦКИЙ, А. Письмо депутата перваго призыва. (Къ исторіи участія дворянскихъ депутатовъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ). Съ отгѣтами Имп. Александра II. Спб. 1911. Ц. 25 к.

СЕМИНЪ, О. Великая годовщина. Аграрный вопросъ и крестьянская реформа на Кавказѣ. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1911. Ц. 70 к.

ТИТОВЪ, Д. Очерки по исторіи русскаго книгописанія и книгопечатанія. В. 1. Русское книгописаніе въ XI—XVIII вв. Съ рис. Кіевъ. 1911. Ц. 4 р.

ТРУДЫ Саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. XXX. Саратовъ. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

— Тоже. Вып. XXI. Саратовъ. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

ТУРЦЕВИЧЪ, А. Русскіе крестьяне подъ владѣтельствомъ Литвы и Польши. 1911. Ц. 25 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АСОСКОВЪ, К. Разрѣшитель въ вопросѣ по нотаріальному и матеріальному праву. Изд. 3-е, дополн. Спб. 1911. Ц. 3 р.

ГВОЗДЕВЪ, С. Записки фабричнаго инспектора. Москва. 1911. Ц. 1 р.

ГЕРБЕ, Д. Второе раскрѣпощеніе. Общія пренія по указу 9 ноября 1906 г. въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ГУЛИШАМБАРОВЪ, С. Распредѣленіе женскаго населенія за земномъ шарѣ. Асхабадъ. 1910. Ц. 50 к.

— Россія въ міровомъ хозяйствѣ и въ ряду великихъ державъ при вступленія на престолъ императоровъ Александра III и Николая II. 1881 и 1894 гг. Асхабадъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ДЫМША, Л. Холмскій вопросъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 20 к.

ИВАНОВЪ, И. Е. Корни японскихъ побѣдъ или чѣмъ побѣдили насъ японцы. Москва. 1911. Ц. 25 к.

КОЗЛОВЪ, Н. И. Крестьянское землеустройство. 2-е изд. Спб. 1911. Ц. 1 р.

— Межевое законодательство. Спб. 1911. Ц. 90 к.

ЛИНДЕМАНЪ, Г. Городское хозяйство и рабочій вопросъ въ германскихъ городахъ. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

МАТЕРИАЛЫ по вопросу о введеніи суда съ присяжными засѣдателями въ Терской обл. и объ учрежд. окружнаго суда въ г. Пятигорскѣ. Пятигорскъ. 1911. Ц. 50 к.

МИЧУРИНЪ, Ф. и ПЕРОВЪ, С. Налогъ съ недвижимыхъ имуществъ. М. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

ОРЛОВСКАЯ, М. С женскомъ движеніемъ въ Россіи. Спб. 1911. Ц. 10 к.

ПАСХАЛОВЪ, К. Погрѣшности обновленнаго 17 октября 1905 г. государственнаго строя и попытка ихъ устраненія. М. 1911. Ц. 30 к.

ПЛЕТНЕВЪ, В. и СОДОВСКИЙ, Г. Законъ о государственномъ залогѣ съ недвижимыхъ имуществъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ПОКРОВСКИЙ, И. П. Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія десять лѣтъ (1901—1910). Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

РАДАШЕВИЧЪ, М. Н. Оцѣнка земель Саратовской губ. по даннымъ крест. позем. банка за 1889—1908 гг. Саратовъ. 1910. Ц. 2 р.

РАЗУМОВСКИЙ, П. Законъ 6 іюня 1910 г. и полож. о госуд. налогѣ съ недвиж. имущ. Вильна. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

СИНАЙСКИЙ, В. И., проф. Необходимо ли намъ спѣшить съ изданіемъ гражданскаго уложенія и можемъ ли мы создать его въ настоящее время? Варшава. 1911. Ц. 30 к.

ТОРНАУ, Н. Главнѣйшія данныя изъ статистики мірового хозяйства. Спб. 1911. Ц. 25 к.

ТРУДЫ юридическаго общества при Импер. Спб. Университ. Томъ 2. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ШАФИРЪ, М. П. Положеніе о взыска. нійхъ по бесспорнымъ дѣламъ казны (т. X I, ч. 2, изд. 1910 г.), съ разъясн. Спб. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

Искусство.

ДЕВЕЛЬ, Н. Село Обераммергау и его мистерія. Ц. 75 к.
 ОЗАРОВСКИЙ, Ю. Пьесы художественнаго репертуара и постановка ихъ на сценѣ. Вып. 1-й. НЕДОРОСЛЬ. Комедія въ 5 д. Д. И. Фонвизина. Спб. 1911. Ц. 5 р.

— Вып. 2-й. ГОРЕ ОТЪ УМА. Ком. въ 4 д. А. С. Грибоедова. Спб. 1911. Ц. 6 р.
 СБОРНИКЪ памяти В. Ф. Коммиссаржевской. Подъ ред. Е. Н. Карпова. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Естествознаніе и математика.

VORTMANN, F. Общій ходъ качественнаго химическаго анализа безъ примѣненія сѣродорода. Кіевъ. 1910. Ц. 30 к.

ГЕРЦЪ, В. Физическая химія какъ основаніе аналитической химіи. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ДЕЛОНЕ, Н. Введеніе въ современную теорію электричества и магнетизма. Ч. 1. Спб. 1911. Ц. 2 р.

МАЙЗЕЛЬ, С. Стробоскопическія явленія. Сборникъ основныхъ работъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

МОГИЛАТЪ, В. Новый взглядъ на

образованіе дождя. Пятигорскъ. 1911. Ц. 80 к.

ОТЧЕТЪ по геологическому изслѣдованію фосфорныхъ залежей. Подъ ред. проф. Як. Самойлова. Вып. 2. М. 1910. Ц. 1 р.

ПЛАНКЪ, М. Отношеніе новѣйшей физики къ механическому міровоззрѣнію. Спб. 1911. Ц. 25 к.

ФЛАМАРИОНЪ, К. Земля. Спб. 1911. Ц. 35 к.

ШТРАЙХМАНЪ, А. Сборникъ задачъ по механикѣ, съ подробн. рѣшен. Ч. II. Кинематика. Спб. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

БИБЛИОТЕКА ВѢСТНИКА ВИНОДѢЛІЯ. Вып. 1-й. Посадка винограда. В. 2-й. Прививка винограда. Вып. 3-й. Мильдю и оидіумъ. Вып. 4-й. Переливка и доливка вина. Вып. 5-й. Анализъ вина. Вып. 6-й. Обрѣзка винограда. Вып. 7-й. Филлоксеры. Ц. кажд. вып. 25 к.

ГИНЦЕНБЕРГЪ, А. Удобреніе плодого

вого сада и огорода. Естественныя удобрения. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ДЕМЧИНСКІЕ, Н. А. и Б. Н. Обеспеченность урожая. Грядковая культура хлѣбовъ. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

КИРЪЕВЪ, П. Борьба съ сельскими пожарами. Ялта. 1911. Ц. 30 к.

ЭСКОФФЪЕ. Поварь-практикъ. Перев. съ франц. Москва. 1911. Ц. 2 р.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ВОЛКОВИЧЪ, Г. Пособіе для осмотра торговыхъ книгъ и опредѣленія оборотовъ и податной прибыли раскладочными присутствіями. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

КРЕДИТНЫЯ учрежденія Россіи. Справочная книга для каждаго банка и коммерсанта. Спб. 1911. Ц. 2 р.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

БАТУМСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ. «Русскіе тропики». Сборникъ статей. Бутумъ. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

КАРАВАЕВА, Е. Бельгія. Географическій очеркъ. Ц. 40 к.

СМИРНОВЪ, А. Швейцарія. Географическій очеркъ. Спб. 1911. Ц. 20 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АЙЗЕНМАНЪ. Паровая машина (локомобиль), газогенераторный двигатель, нефтяной и двигатель Дизеля. Москва. 1910. Ц. 60 к.

ВЕРЕЩАГИНЪ, Н. Опредѣленіе работъ при продольной прокаткѣ. Спб. 1911. Ц. 2 р. 25 к.

КРУПСКИЙ, А. Примѣненія приема ускореннаго испаренія въ потокъ воздуха и термическія изслѣдованія провазведенія съ модельнымъ вагономъ-ледникомъ на станціяхъ и въ пути. Спб. 1911. Ц. 80 к.

КИЗЕВАЛЬТЕРЪ, Г. Дешевое устройство постояннаго электрическаго освѣщенія въ домахъ. Спб. 1911. Ц. 25 к.

МАРКОВИЧЪ, Л. Воздухоплаваніе, его прошлое и настоящее. Вып. I. Спб. 1911. Ц. 60 к.

ПОЛЬГАУЗЕНЪ, А. Паровыя машины. Спб. 1911. Ц. 1 р.

РАБОТЫ по укрѣпленію песковъ въ Астраханской губерніи и желательная организація ихъ въ ближайшемъ будущемъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

РАШКОВИЧЪ, С. Стерилизація питьевой воды. Спб. 1911. Ц. 75 к.

ФИНИСОВЪ, П. и РАВИНОВИЧЪ, С. Расчетъ упругой арки. Спб. 1910. Ц. 75 к.

ЦЕГЛИНСКИЙ, К. Метрополитены Берлина и Парижа. Москва. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

ЦИКЛИНСКИЙ, К. Графо-аналитическій методъ усиленія балокъ и колоннъ. Екатеринбургъ, 1910. Ц. 50 к.

ШУВАЛОВЪ, Х. Руководство по переплетному мастерству. Съ 39 рис. Изд. 2-е, дополн. М. 1911. Ц. 15 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

БЕХТЕРЕВЪ, В. Общая діагностика болѣзней нервной системы. Ч. 1-я. Спб. 1911. Ц. 2 р. 80 к.

ГАЙКОВИЧЪ, Р., д-ръ. Лечение бугорчатки легких и другихъ органовъ туберкулинами. Грант. руковод. для врачей. Съ 8 рис. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ЖУКЪ, В. Н. Мать и дитя. Гигиена въ общедоступномъ изложеніи. 9-е изд., дополн., съ 494 рис., В. И. Губинскаго. Спб. 1911. Ц. 3 р.

КЕТЧЕРЪ, Л. М., д-ръ мед. Пробужденіе полового сознанія. (Половое созрѣніе и его аномаліи). Перев. съ нѣм. Москва. 1911. Ц. 60 к.

LAUDOIS, L.—ROSEMANN, P. Учебникъ физиологии человека. Томъ I. Физиология растительныхъ процессовъ. Съ 133 рис. и 1 табл. Перев. съ нѣм. вр. Н. Н. Акимовой, подъ ред. М. Н. Шатерникова. Москва. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

— Томъ II. Физиологія движенія и чувствованія. Съ 193 рис. Москва. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

ЛУНИНЪ. Общедоступный лѣчебникъ для всѣхъ. Съ рис. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва. Ц. 75 к.

POROSZ, M., д-ръ. Половая жизнь, ея физиологія и патологія. Очеркъ анатоміи, физиологіи, патологіи и терапіи мужскихъ органовъ размноженія, для врачей, юристовъ, родителей и воспитателей. Перев. подъ ред. и съ дополн. доц. Н. А. Михайлова. Спб. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

ХОЛЬЦОВЪ, В. Н., д-ръ мед. Діагностика болѣзней мочеполовыхъ органовъ. Изд. т-ва «Новое въ медицинѣ». Спб. 1911. Ц. въ перепл. 1 р. 65 к.

ENRLICH, P., проф. Биологическіе этюды. Перев. д-ра Е. С. Таль. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

ГЕРМАНСКОЕ наставленіе для стрѣльбы нѣхоты. Перев. подъ ред. С. Михеева. Изд. В. Березовскій. Спб. 1911. Ц. 75 к.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АРМІИ И ФЛОТА.

Иллюстрированное изданіе. Цѣна по подпискѣ за все изданіе 32 р.

КОЗЛОВСКІЙ, Д. Вооруженіе приморскихъ крѣпостей. Разборъ условій борьбы берега съ флотомъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 60 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

БР-ИИ, Г. Рѣшенія алгебраическихъ задачъ сборника Н. А. Шапошникова и Н. К. Вальцова съ необходимыми объясненіями. Курсъ 5 кл. Часть 2-я, отд. 7, 8, 9, 10. Кіевъ. 1911. Ц. 90 к.

БРОУНОВЪ, П. Учебникъ физической географіи для гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1911. Ц. 60 к.

БОРШЕВСКІЙ, С. Русская литература XIX вѣка въ разрабаченныхъ темахъ. Пособіе для ученик. старш. клас. средн. учебн. завед. Вып. I. Владикавказъ. 1911. Ц. 1 р.

ВАЛЬДЕНБЕРГЪ, В. Законовѣдніе. Руководство для средн. учебн. завед., педагог. классовъ и професіон. курсовъ. Изд. 2. Спб. 1911. Ц. 1 р.

—Краткій учебникъ торговаго права и судопроизводства. Изд. 5. Спб. 1911. Ц. 75 к.

ВЛАДИСЛАВЛЕВЪ, И. Что читать? Указатель систематич. домашняго чтенія для учащихся. Вып. I. Москва. 1911. Ц. 25 к.

ГРИНЪ, Р., д-ръ. Начатки ботаники. Перев. съ англ. С. Г. Займовскаго. Москва. Ц. 60 к.

ЖАРИНЦОВА, Н. Объясненіе полового вопроса дѣтямъ. (Какъ все на свѣтѣ рождается). Спб. Ц. 90 к.

ЗАГРЕБИНЪ, Д. Общедоступный курсъ ариометики. Спб. 1911. Ц. 40 к.

ЗАЧИНЯЕВЪ, А. и КОНОРОВЪ, М. Художественно-воспитательное чтеніе. Ч. I. Кн. 2-я. Спб. 1911. Ц. 30 к.

ЛЯМИНЪ, А. А. Математическіе парадоксы и интересные задачи для любителей математики. Въ объемѣ курса средне-учебныхъ заведеній. М. 1911. Ц. 1 р.

МИХАИЛЪ, ЕПИСКОПЪ. Методика Закона Божія. М. 1911. Ц. 50 к.

МОНРО, П. Исторія педагогики. Ч. I. Древность и средніе вѣка. М. 1911. Ц. 1 р. 30 к.

ПАВЛОВЪ, В. Н. В. Гоголь. Вып. I. Разборъ произведеній, характеристика лицъ содержаніе и подробный планъ. Одесса. 1911. Ц. 25 к.

— То же, вып. II. Ц. 25 к.

— А. С. Грибоевъ. Разборъ произведеній. Ц. 25 к.

— М. Ю. Лермонтовъ. Ц. 30 к.

— Писатели эпохи Елизаветы I и Екатерины II. Ц. 25 к.

— А. К. Толстой. Ц. 25 к.

ПНЕВСКІЙ, Н. и АНДРИАНОВЪ, П. «Молодая дружина». Руководство для преподаванія военноаго строя и гимнастики въ учебн. завед. Одесса. 1910. Ц. 1 р.

ПРИЛУКО-ПРИЛУЦКІЙ, Н. Корифей русскаго слова. Сборникъ критическихъ и біографическихъ статей для средней школы. В. I. Ломоносовъ. Ц. 10 к. Вып. 3. Карамзинъ. Ц. 35 к.

СИПАЧЕВЪ, П. и БЪЛОЦВѢТОВА, Е. Легчайшій способъ научиться правильно писать. Новѣйшій зрительный систематическій диктантъ. Изд. 3. Кіевъ. 1911. Ц. 20 к.

СТЕБЛѢВЪ, А. Очерки всемірной культуры. Вып. I. Москва. 1911. Ц. 55к.

ТОРНАУ, Н. Къ вопросу о постановкѣ преподаванія географіи. Спб. 1911. Ц. 30 к.

ФИЛИППЪ, Ж. и ПОЛЬ-БОНКУРЪ. Воспитаніе ненормальныхъ дѣтей. Основы воспитанія физическаго, умственнаго и нравственнаго. Перев. съ франц. д-ра И. А. Багажова, подъ редак. прив.-доц. В. Е. Игнатьева. Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ФУРМАНСКІЙ, О. Рѣшенія съ объясн. и чертж. къ сборнику геометрическихъ задачъ на построеніе И. Александрова. Кіевъ. Ц. 1 р. 25 к.

ЧЕРНЫШЕВЪ, В. Педагогическая дѣятельность Н. И. Пирогова. Спб., 1911. Ц. 40 к.

Книги для дѣтей и юношества.

АЛЕКСѢЕВЪ, В. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ въ память 19 февраля 1861 г. Спб. 1911. Ц. 20 к.

А. М. 19 февраля 1861 года. Краткій историч. очеркъ развитія крѣпостного права на Руси и освобожденія крестьянъ. Для школъ, войска и народа. Спб. 1911. Ц. 20 к.

ДМИТРИЕВЪ, Н. 50-лѣтне освобожденія

крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Одесса. 1911. Ц. 20 к.

МАЕЛЬ, П. Въ странѣ чудесъ. Путешествія по Инди. Спб. 1911. Ц. 50 к.

СЕТОНЪ-ТОМПСОНЪ. Уличный пѣвецъ, приключенія воробья. Ц. 13 к.

— Тито. Исторія Койото, который научилъ своихъ уму-разуму. Ц. 23 к.

ЭБЕРСЪ, Г. Дочь египетскаго царя. 1901. Ц. 50 к.

Справочныя книги.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по Старорусскимъ минеральнымъ водамъ. Спб. 1911. Ц. 30 к.

СИБИРСКИЙ торгово-промышленный календарь на 1911 годъ. Ц. въ пер. 3 руб.

СОКОЛОВЪ, С. Источники и пособия для изученія Саратовскаго края. 1910. Ц. 30 к.

— Систематическій каталогъ библиотеки Саратовской Ученой Архивной комисси. В. I. Общій отдѣлъ. Ц. 30 к.

СПУТНИКЪ домовладѣльца. Расчетно-справочная книга для домовладѣльцевъ и управляющихъ домами. Цѣна въ пер. 1 р. 50 к.

Періодическія изданія.

«ALMA MATER». Научно-обществ. вопросы, беллетристика, вопросы жизни иллюстр. и смѣсь. Одесса. 1911. № 1. Ц. 25 к.

«ВСЕМІРНОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ». 1910. № 3. Спб. 1 р. 20 к.

«ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ». Ежемѣсячный журналъ. 1911. № 2. Ц. 60 к.

«ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФИИ». Журналъ. 1911 г. 2. Ц. 75 к.

«ДЛЯ МАЛЮТОКЪ». Журналъ. 1910 г. Ц. 1 р. 25 к.

«ИЗВѢСТІЯ Архангельскаго Общества изученія русскаго Сѣвера» 1911 г. №№ 2 и 3. Ц. канд. № 25 к.

«КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ». Журн. коммерч. зн. и практич. коммерч. дѣят. 1911. № 5. Ц. на годъ 5 р.

«КРАСНЫЯ ЗОРИ». Журналъ за 1910 г. Ц. 2 р.

МЕНЬШИКОВЪ, М. О. Письма къ близкимъ за 1910 г. Ц. 2 р.

«НАША ОХОТА». Журналъ. 1911 г. №№ 2, 3. Спб. Ц. канд. № 35 к.

«ОКРАИНЫ РОССІИ». 1911 г. №№ 6, 7. Спб. Ц. 10 к.

«ОСА». Журналъ. 1911 г. № 6. Москва. Ц. 10 к.

«ПОДСПОРЬЕ». Ежемѣсячн. иллюстриров. журналъ доходнаго труда, здороваго спорта и веселой забавы. 1911 г. № 1. Ц. въ годъ 4 р.

«СВѢТЛЫЙ МІРЪ». Литер.-истор. журн. для семьи. 1911 г. № 4. Спб. Ц. 50 к.

«ЭКОНОМИСТЪ РОССІИ». 1911. № 6. Спб. Ц. 20 к.

«ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛОГРАФІЯ». 1911 г. № 2. Ц. 40 к.

*) Изданія А. С. Суворя

ГОДЪ ИЗДАНИЯ IV.

Открыта подписка на художественно-литературный журналъ
по образцу **большихъ заграничныхъ иллюстрацій,**

„ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы,
путешествій, искусства, театра и модъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ:

Жизнь Европы. — Придворный и парламентскій бытъ. — Дипломатическій
мѣръ. — Европейскіе университеты. — Женское движеніе. — Литература, искус-
ство, ученые, артисты. — Уголки русской жизни за границей. — Путешествіе,
романы, повѣсти. — Красота на сценѣ и въ жизни. — Портреты артистовъ,
рисунки, сцены. — Юмористика. — Театръ и моды. — Особый отдѣлъ: пѣзъ міра
таинственнаго, необычайныя явленія загадки бытія. — Мѣръ духовъ.

Картинь ескихъ и иностранныхъ художниковъ.

ГАЛЛЕРЕЯ КАРТИНЪ «ПАРИЖСКАГО САЛОНА».

12 ежемѣсячныхъ богато-иллюстрированныхъ выпусковъ журнала въ
видѣ большихъ тетрадей парижскаго образца — составляютъ цѣнное худо-
жественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраній, читателей.

ПРЕМІЯ годовымъ подписчикамъ въ 1911 году,

„РАЗСКАЗЫ и ПРИЗНАНІЯ ЖЕНЩИНЫ“.

В. В. ЧАРСКОЙ.

Подписная цѣна: на годъ съ преміей 4 руб., на полгода 2 руб.

ФОРМАТЪ ЖУРНАЛА ВЪ 1911 ГОДУ БУДЕТЪ УВЕЛИЧЕНЪ.

Подписка принимается въ редакціи «Европейской Жизни»:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 94, кв. 9, и въ книжныхъ
магазинахъ «Новаго Времени».

Изданія книгоиздательства А. Ф. Девриенъ

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
Вас. Остр., Румянцевская пло-
щадь, 1—3.

ВЪ МОСКВѢ,
Калашный пер., домъ Чистяковой.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ПОЛНОСТЮ

ФЛОРА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ.

Иллюстрированный опредѣлитель дикорастущихъ
растеній Европейской Россіи и Крыма.

СОСТАВИЛИ

Б. А. ФЕДЧЕНКО и А. Ф. ФЛЕРОВЪ,

Главный ботаникъ

Консерваторъ

Императорскаго Спб. Ботаническаго сада

Въ 3-хъ частяхъ, 1204 страницы съ 1084 рисунками и подробнымъ
алфавитнымъ указателемъ.

Въ коленкоромъ переплетъ. Цѣна 4 р. 50 к.

ЧУВСТВУЮТЪ ЛИ РАСТЕНІЯ.

Соч. Р. Г. Франсэ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. акаде-
мика Н. П. Бородина. Съ 18 рис. Ц. 60 коп.

КАКЪ СОСТАВЛЯТЬ КОЛЛЕКЦІИ ГРИБОВЪ.

Сост. А. Подшиваловъ. Съ 4 таблицами рисунковъ. Цѣна 25 коп.

ТЕРМИТЫ, ИЛИ БѢЛЫЕ МУРАВЬИ.

Біологическій этюдъ К. Эшериха, проф. зоологіи Лѣсной ака-
дѣміи въ Тарантѣ. Съ приложеніемъ „Системы терминовъ“,
составл. М. Гольмгреномъ и другими дополненіями автора
къ русскому изданію. Переводъ съ нѣмецкаго Ю. А. Фи-
липенко. Съ 57 рис. въ текстѣ и 1 табл. въ краскахъ.
Цѣна 3 руб.

КОМАРЬ, КАКЪ НОСИТЕЛЬ НАШИХЪ ЛИХОРАДОКЪ.

Популярный очеркъ (по І. А. Порчинскому) А. А. Умнова. Съ
24 рис. Цѣна 40 коп.

*Книги эти продаются во вслѣхъ извѣстныхъ книжныхъ мага-
зинахъ, какъ и въ складахъ книгоиздательства А. Ф. Девриенъ въ С.-
Петербурѣ (Вас. Остр., Румянцевская площ., № 1—3 и въ Москвѣ
(Калашный переул., домъ Чистяковой).*

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
МАЙ 1911 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1911 г.

	СТРАН.
I. Кольчевская вотчина. Часть вторая. I—IV. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштетъ	401
II. Листки изъ записной тетради. С. С. Окрейца	429
III. Вокругъ Петербурга. (Изъ галлерей современныхъ типовъ). В. В. Уманова-Балдуновскаго	447
IV. Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой	481
V. Изъ воспоминаній о П. С. Ванновскомъ. И. В. Мѣщанинова	491
VI. Гавріилъ Никитичъ Потанинъ. И. П. Ювачева	515
VII. Давніе эпизоды. V. Потемкинскіе милліоны. А. Н. Энгельгардта	527
<small>Иллюстраціи: 1) Сенаторъ д. т. с. Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, племянникъ князя Р. А. Потемкина. — 2) Софія Григорьевна Энгельгардтъ (1805 — 1875), жена Павла Васильевича Энгельгардта, рожд. баронесса Энгельгардтъ. — 3) Павелъ Васильевичъ Энгельгардтъ. — 4) Василій Павловичъ Энгельгардтъ, докторъ астрономіи.</small>	
VIII. Жалоба. (Картинка изъ дѣйствительной жизни). А. В. Торичевича	560
IX. Воспоминаніе объ А. Н. Майковѣ. В. Кульчинскаго	570
X. Изъ прошлаго. В. П. М—на	578
XI. Неудачный портретъ. В. П. Мерцалова	585
XII. Архивные розыски о рожденіи Бѣлинскаго и о происхожденіи его матери. В. Рудакова	594
XIII. Паломничество мусульманъ въ Мекку. (Окончаніе). М. Э. Никольскаго	603

1) Кааба и окружающіе ее дома. — 2) Кааба и ея черный камень. — 3) Источникъ Земь-Земь. — 4) Могила Хадиджи. — 5) Богомольцы на Арафатѣ. — 6) Богомольцы на Минѣ. — 7) Богомольцы на Минѣ. — 8) Одни изъ воротъ Медины. — 9) Могила Фатъмы въ окрестностяхъ Медины. — 10) Паломники египтянки. — 11) Богомольцы въ ожиданіи парохода въ Ямбо.

(См. слѣд. стран.)

XIV. Критика и библиографія. 639

- 1) К. А. Военский. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. Т. II. Спб. 1911. Б. Глинского.—2) История правительствующаго сената за двѣсти лѣтъ. 1711—1911 гг. Т. I—V. Спб. 1911. В. Р—ва.—3) Война русскаго народа съ Наполеономъ въ 1812 г., рисунки Л. Е. Дмитриева-Кавказскаго, текстъ И. Н. Вожерянова. Спб. 1910. Л. Н.—4) Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ XX. Выпускъ I (съ приложеніемъ одного портрета и пятнадцати рисунковъ). Спб. 1911. А. Миронова.—5) Министерство внутреннихъ дѣлъ. Земскій отдѣлъ. Управление сельской продовольственной части Отчеты по продовольственной кампаніи 1908—1909 и 1909—1910 гг. Спб. 1910 и 1911. В. Кузнецова.—6) Дворянское сословіе Тульской губерніи. Томъ IV (XIII). Алфавитный списокъ гг. дворянъ съ указаніемъ мѣстонахожденія ихъ помѣстій въ Тульской губ. 1903—1910 гг. Москва. 1910. Составилъ В. Н. Чернопатовъ.—Тоже. Томъ V (XIV). Ополченіе 1812 г. Материалы. Составилъ В. Н. Чернопатовъ. Москва. 1910. Московское дворянство. Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ съ краткимъ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ родословныхъ дѣлахъ архива московскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Москва 1910. Московское дворянство. Списки слѣжившихъ по выборамъ. 1782—1910. Москва. 1910. В. Руданова.—7) Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи реформъ Александра II. С. А. Князькова и Н. И. Сербова, подъ редакціей профес. С. В. Рождественскаго. Москва. Вит. Тичуна.—8) Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Составилъ Ѳ. А. Тарапугинъ. Спб. 1910. В. Р—ва.—9) Архивныя свѣдѣнія, касающіяся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губерніи. (Калужское дворянское ополченіе). Н. И. Булычевъ. Калуга. 1911. В. Руданова.—10) Лѣтопись историко-филологическаго общества при императорскомъ новороссійскомъ университетѣ. XVI. Византійско-славянское отдѣленіе. IX. Одесса. 1910. I. I.—11) Н. И. Замотинъ. Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Варшава. 1911. А. М—на.—12) Сторожени. Фамильный архивъ. Pro domo sua. Т. IV и VIII. Кіевъ. 1910. В. Р—ва.—13) Отто Бауэръ. Национальный вопросъ и социаль-демократія. Спб. 1910. в. г.—14) П. Юшкевичъ. Новая вѣянія. С.-Петербургъ. 1911. лант.—15) В. Герье. Французская революція въ освѣщеніи И. Тана. Спб. 1911. п. Б.—16) Л. Дашкевичъ. Государственные избирательные законы. Аграрный переворотъ. Сельскій судъ. Вит. Тичуна.—17) Jahrbuch für bildende Kunst in den Ostseeprovinzen. 1909. А. Э. М—на.—18) В. В. Бертенцовъ, старшій окулищикъ врачъ 2-го балтійскаго флотскаго экипажа. «Чума». Спб. 1911. М—о.—19) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Тифлисъ. 1909. А. Хаханова.—20) Линиченко, Н. А. Альфредъ де-Мюссе. 1810—1910. Одесса. 1910. С. А. Аваліани.—21) Воронежская Старина. Воронежъ. 1910. В. Руданова.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи. 678

- 1) Шекспиръ или Веконъ.—2) Неизданные документы Наполеона I.—2) Отовскому.—3) Юбилей.—4) Смерть Самоша, Гросейма, Шпильгагена, фонъ-Удъ, Ванъ-Гюффа, Врѣна, Фогациаро.

XVI. Смѣсь. 703

- 1) Годичное собраніе императорскаго историческаго общества.—2) Общество русскихъ ориенталистовъ.—3) Къ царскосельской юбилейной выставкѣ.—4) Музей памяти 1812 года.—5) Богатства археологіи.—6) Общество ознакомленія съ историческими событіями Россіи.—7) Къ 50-лѣтію общества русскихъ врачей.—8) Общество Толстовскаго музея въ Москвѣ.—9) Открытіе Толстовскаго музея въ Петербургѣ.—10) Въ юридическомъ обществѣ.—11) Чествованіе А. Я. Гаркави.—12) Юбилей Николая Александровича Рубакина.—13) Юбилей Д. С. Эдобнова.—14) Юбилей Э. А. Вольтера.—15) Книжное дѣло въ 1910 г.

XVII. Некрологи. 723

- 1) Авкилоновъ, Е. П.—2) Антиповъ, И. А.—3) Блумбергъ, К. М.—4) Кочетовъ, В. Е.—5) Крыжницкій, К. Я.—6) Недзялковскій, Карлъ, еп.—7) Овсянниковъ, В. П.—8) Патенко, Ѳ. А.—9) Савицкая, М. Г.—10) Фонъ-Меккъ, А. К.—11) Хвольсонъ, Д. А.—12) Яловицкая, М. Е.—13) Яковлевъ-Восточковъ, Г. А.—14) Якубовичъ, П. Ф.

XVIII. Замѣтки и поправки. 732

- 1) По поводу статьи г. А. А. Сигова «Драгомировъ и Скобелевъ». Н. лачинова.—2) Къ статьѣ «Архивныя мытарства».

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Г. Н. Потанина.—2) Флорентинка. Историческій романъ Максима Формона. Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе).

КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА ¹⁾.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Щедро полдень золотистый
Мечетъ въ воду бирюзу.
Онъ разсыпалъ аметисты
У подножья скаль внизу,
Разубралъ въ алмазы грани
Вѣковѣчныхъ ледниковъ
И въ н бесномъ океанѣ
Нижетъ жемчугъ облаковъ.

(«На чужбинѣ». М. К.).

ВОЛУБОЕ озеро дремлетъ въ кольцо высокихъ фиолетовыхъ горъ. Зеленныя полосы лужаекъ кажутся издали гигантскими ящерицами, выползшими погрѣться на солнцѣ изъ расщелинъ скаль. Отъ подножья Dent du Midi узенькой лентой вьется Рона и несетъ къ волшебной красивой водной пеленѣ свои сверкающія волны. Все залито горячими лучами августовскаго полдня, и въ виноградникахъ только что начали срѣзать первыя спѣлыя кисти для обѣденнаго десерта.

Развалившись въ качалкѣ на выступѣ затѣненной каштанами террасы, у самой воды полулежитъ Зося. Она только что вернулась съ прогулки.

О, какія это были чудныя, незабвенныя минуты, когда, опираясь на руку Стася Запольскаго, она шла въ ущельѣ по скользкой тропинкѣ надъ черною пропастью, гдѣ незримый по-

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣст.», т. СХХІV, стр. 5.

токъ словно напѣвалъ имъ свою пѣсню въ ладъ ихъ тихимъ, едва внятнымъ рѣчамъ.

«Моя кохана!»

Да! судьба знала, что творила.

«Жаль, что вы не можете жениться», писала когда-то Олеся. И тогда Зося негодовала на свою злосчастную долю... Она не разъ рисовала себѣ раньше визитныя карточки съ надписью: «Comtesse Stanislas Zapolska», но, увы, онѣ ею такъ и остались не заказаны, и все-таки теперь она объ этомъ не жалѣеть: вышло еще лучше. Никакая проза супружества не вмѣшивается въ ихъ отношенія. Они остались «возлюбленными», не любовниками, фи!—Зося даже вспыхнула, нѣтъ: онъ ея коханный Стась, она—его кохана. Счета портнихъ, модистокъ, отелей, магазиновъ едѣлались по волѣ судьбы достояніемъ Ивана Николаевича. Съ нимъ можно дуться, жалить, его по-осиному въ минуты раздраженія и милостиво подставлять щеку для поцѣлуя въ благодарность за новый кружевной зонтикъ или вышитое платье, но надѣвать это платье и распускать этотъ зонтикъ надъ золотистой головкой въ роскошной шляпкѣ стоитъ только для другого, для кого про запасъ имѣются очаровательныя улыбки, томные, полуприкрытые длинными рѣсницами взоры, невидимыя никому крѣпкія пожатія маленькой руки и нѣжнымъ шопотомъ твердмое:

«Мой коханный!..»

Да, она понимала теперь,—они не могли и не должны были жениться, и это онъ, онъ самъ сумѣлъ оградить ее отъ необдуманнаго шага и устранить отъ нея ту тину лишеній и вынужденной экономіи, гдѣ тонуть медовыя недѣли и претворяются въ горькіе годы мелочныхъ дразгъ и будничныхъ заботъ. А теперь... Эта дивная панорама, это солнце, это черное ущелье, гдѣ даже въ знойный полдень вѣетъ влажная прохлада, снѣжныя, мѣняющіяся ежечасно своей красочной нарядъ громады, этотъ плескъ голубыхъ волнь озера о выступъ террасы—ихъ достояніе, имъ понятный языкъ о красотѣ природы и жизни, не тронутой никакою пошлостью. Все—гармонія, все—уноеніе... И сердце ея бьется въ ладъ его сердцу, и взоры блуждаютъ тамъ, куда устремлены его карія очи, и на устахъ таютъ сорванные украдкой поцѣлуи... О, какъ полна и хороша жизнь!... Мой коханный!...

И если теперь ей случается вечеромъ сѣсть за рояль въ большомъ красномъ салонѣ отеля и уйти въ звуки, слушатели замираютъ отъ невольно заражающей ихъ сердце смутной, тревожной надежды на какое-то новое, невѣдомое счастье, и воды несутъ къ подножію скалъ тихія рѣчи и съ нѣжнымъ рокотомъ разбиваются о сѣрые посеребренные мѣсяцемъ камни, и по чернымъ расщелинамъ струятся, какъ слезы, алмазныя капли...

Развѣ она виновата? Развѣ она грѣшить?... Не москалю, нѣтъ! сыну Рѣчи Посполитой отдастъ она свои лучшія чувства и панъ Бугъ читаетъ въ ея сердцѣ и видитъ, что оно бьется чистой, неземной любовью...

Съ той минуты, какъ въ отвѣтъ на письмо Олеси она вызвала телеграмму мужа, она уяснила себѣ всѣ ихъ грядущія взаимоотношенія. Мужъ для нея останется мужемъ. Она не отстранитъ его отъ себя, потому что за роскошь надо, конечно, платить. Но—если первые мѣсяцы она считала себя почти влюбленной въ него, теперь, прочитавъ дорогое ей имя, написанное Одесей, она ясно поняла, что оно одно и было ей всегда дороже всѣхъ другихъ на бѣломъ свѣтѣ....

По возвращеніи Ивана Николаевича изъ Петергофа она настояла, чтобы дорогой за границу они на нѣсколько дней остановились въ Варшавѣ.

— Я дала обѣтъ, если выздоровлю, исповѣдаться въ костелѣ Святого Креста.

Колычевъ, конечно, не прекословилъ. Онъ находилъ ея желаніе вполне естественнымъ и законнымъ.

Зоя вступила въ этотъ знакомый съ дѣтства, дорогой каждому католику храмъ съ неволью забившимся сердцемъ? Оставивъ мужа на одной изъ заднихъ скамеекъ, она прошла къ алтарю и распростерлась крестомъ на холодныхъ плитахъ. Она молилась о томъ, чтобы Господь простилъ ей ея грѣхи, изъ которыхъ тягчайшій былъ ея бракъ съ еретикомъ. Когда у нея затекли руки, она встала и, не поднимая глазъ, направилась къ исповѣдальнѣ, гдѣ стояла на колѣняхъ и что-то шептала въ рѣшетчатое окошечко другая, одѣтая въ черное жепщина. О, сколько разъ стояла и она на этой же скамеечкѣ, изливая въ черное отверстіе мучившія ея юную душу сомнѣнія, каясь въ грѣхахъ и бичуя свое сердце укорами въ гордости и тщеславіи, и, словно поглощаемыя тьмою, уходили въ бездну эти сомнѣнія, какъ ночныя тѣни, и становилось свѣтло на душѣ и легко на сердцѣ.

Слезы душили ее, когда она произнесла первыя слова и умоляла духовнаго отца и наставника указать ей путь къ исправленію и искупленію ея отягощенной измѣною жизни.

— Я знаю, что мнѣ грозитъ небесный огонь, что наша церковь считаетъ меня блудницею, но, святой отецъ, неужели нѣтъ жертвы, которая могла бы помочь омыть мои скверны?...

Въ отвѣтъ черезъ темное окошечко заговорилъ невидимый голосъ о томъ, что милость Божія велика и что изъ cadaго положенія есть выходъ, что если человѣкъ поддастся соблазну богатства и грѣху стяжанія, то щедростью на святое патріотическое дѣло онъ можетъ облегчить свой проступокъ, что каждый золотый, каждый

червонецъ, отданные Богу, откалываютъ крупицу за крупницею отъ горы злодѣянiя.

— Пути Господа неисповѣдны, дочь моя! Мы всѣ слабы и по рожденiю нашему отданы во власть діавола; но для раскаянiя есть награда: орудіе грѣха можетъ стать лѣстницею Іакова, по которой въ небо пойдутъ одни ангелы и понесутъ наши добрыя дѣла, а оттуда другіе спустятъ каждый по куску мучившей нашу душу тяжести проступка. Гдѣ горитъ въ сердцѣ огонь рвенiя и усердiя, тамъ его святое пламя не только можетъ испепелить слѣды былого преступленiя, но и озаритъ душу свѣтомъ подвига и самоотверженiя. И властью отъ Бога данною святѣйшему отцу и намѣстнику апостола Петра и имъ мнѣ черезъ святое рукоположенiе переданною отпускаю тебѣ, чадо единой истинной церкви, грѣхи твои... Тарелка для кесты у двери направо, — прибавилъ со вздохомъ ксендзъ.

Словно возрожденная къ новой жизни, съ просвѣтленной душою, омытой отъ тайной грязи грѣховной, встала Зося съ колѣнъ.

Навстрѣчу ей шелъ Иванъ Николаевичъ. Онъ соскучился ожидать ее въ непривѣтливомъ сумракѣ храма. Чуждыя его глазу статуи святыхъ въ пестро раскрашенныхъ одеждахъ съ золочеными иглами сіяній вокругъ блѣдныхъ, выцвѣтшихъ лицъ глядѣли на него съ высокихъ консолей почти враждебно. Онъ хотѣлъ себя заставить умилиться передъ ними, передъ наивностью мастеровъ, стремившихся придать выраженiе ихъ лицамъ, хотѣлъ помолиться въ ея, въ Зосиной церкви о ея счастьѣ и здоровьѣ, — и не могъ. Черныя фигуры сидѣли на скамьяхъ, склонивъ головы въ глубокихъ шляпкахъ на скрещенныя на молитвенникахъ руки, стояли на колѣняхъ, перебиралъ четки, и скользили неслышной поступью между двумя колоннами скамей. У низкаго, тоже чуждаго православнымъ обычаемъ, алтаря по самой середкѣ стоялъ высокій крестъ съ висѣвшимъ на немъ страшнымъ израненнымъ тѣломъ, и между выдавшимися отъ худобы и напряженiя ребрами торчало изъ кровавой рапы копье. Но и это распятiе не вызвало умиленiя. Было скучно, томительно. Хотѣлось скорѣе на воздухъ. Жену онъ давно потерялъ изъ виду и не могъ уяснить себѣ, которая изъ этихъ черныхъ женщинъ она, и теперь, вдругъ распознавъ Зосю, онъ обрадовался ей и пошелъ навстрѣчу.

«Мой грѣхъ!» мысленно назвала его Зося и прошла впередъ. У дверей она остановилась. Направо на колѣняхъ на скамеечкѣ стояла завѣшанная траурнымъ флеромъ женщина съ серебрянымъ блюдомъ. Зося высыпала на это блюдо все содержимое своего кошелька, подошла къ кропильницѣ и, обмакнувъ пальцы въ святую воду, начертала ими крестъ на лбу.

Иванъ Николаевичъ былъ наконецъ умиленъ.

«Вдова какая-нибудь!» подумалъ онъ и, положивъ ей десятирублевую ассигнацію, тоже обмакнулъ пальцы въ кропильницу,

но сдѣлать это такъ неловко, что пролилъ нѣсколько капель на полъ. Траурная особа подняла опущенныя рѣсницы и укоризненно посмотрѣла ему вслѣдъ.

— Помолилась, голубка?—спросилъ онъ ласково жену и съ наслажденіемъ поднесъ спичку къ папиросѣ.

Зося кивнула молча. Она была еще вся подъ впечатлѣніемъ исповѣди, и мысль, что грѣхъ ея отпущенъ и можетъ послужить даже ступеню къ подвигу, трогала и умиротворяла ее. Она еще разъ перекрестилась на статую несущаго крестъ Христа на паперти костела и, перейдя улицу, вошла въ любимую варшавянками модную цукерню за тѣми конфетами, которыя не умѣлъ раздобыть ей когда-то Валець.

Колычевъ, еще безумнѣе влюбленный въ жену послѣ мѣсячнаго остракизма, не сводилъ съ нея глазъ и съ улыбкой прислушивался къ ея польскому щебетанью съ хорошенькой приказчицей. Онъ совершенно не понималъ языка и не могъ ему выучиться. Да и къ чему? въ Варшавѣ они останутся недолго.

Дверь хлопнула, и въ кондитерскую вошелъ офицеръ. Онъ былъ очень строенъ и высокъ. Вся фигура его дышала аристократизмомъ, той расовой породистостью, которая вырабатывается вѣками и, достигнувъ въ какомъ-нибудь поколѣніи апогея, уже въ слѣдующемъ идетъ на убыль и грозитъ вырожденіемъ, благодаря слишкомъ изысканной и сконцентрированной утонченности, неспособной выдерживать никакой, ни внѣшней, ни внутренней борьбы.

Едва раздался его голосъ: «Два фунта шоколаду и тѣстечекъ». — Зося обернулась.

— Панна Зося!—вырвалось у офицера.

— Графъ Стась!—отвѣтила Колычева и протянула ему руку.

Онъ поцѣловалъ ея пальчики и что-то быстро спросилъ по-польски. Зося отвѣтила и, обернувшись къ мужу, сказала:

— Какая счастливая случайность! Графъ Станиславъ Юсифовичъ Запольскій.

«Вотъ кто!»—мысленно отвѣтилъ Иванъ Николаевичъ. Нельзя было не подойти, не снять шляпы, не позжать протянутой руки.

Мужчины встрѣтились глазами, и оба улыбнулись. Колычевъ, чтобы скрыть смущеніе, а Запольскій—по свойственной ему любви.

— Выпьете шоколаду, графъ!—предложила Зося:—вспомнимъ старину, какъ мы тутъ угощались тайкомъ отъ графини, вашей матушки и къ ужасу сопровождавшей насъ съ Олесею тети Алины.

Офицеръ щелкнулъ шпорами, и они усѣлись втроемъ за мраморный столикъ.

Никто изъ нихъ никогда потомъ не могъ забыть этой встрѣчи и всего, что зашевелилось въ то время въ душѣ. Зося словно почувяла

очевидное доказательство прощенья и милости Божіей. Запольскій былъ радъ видѣть хорошенькую подругу молодости и съ удовольствіемъ слушалъ ея мелодичный голосокъ, подъ скрытымъ трепетомъ котораго угадывалъ глубокое радостное волненіе, вызванное свиданіемъ съ нимъ. А Колычевъ впервые почувствовалъ себя пожилымъ мужемъ молоденькой женщины, жившей до знакомства съ нимъ другой, невѣдомой ему жизнью. Онъ снисходительно улыбался ихъ бесѣдѣ, снова перешедшей невольно на непонятный ему польскій языкъ, и грустно мѣшалъ ложечкой густой, не желавшей стынуть шоколадъ.

— Вотъ и отлично! значить, встрѣтимся!—весело сказала Зося по-русски. — Представь себѣ, Ивъ! всѣ—графъ съ матерью, Элиза и Олеся съ графомъ Казимиромъ ѣдутъ тоже на августъ и сентябрь въ Веве.

Что Олеся будетъ тамъ—Зося не сомнѣвалась, она сама назначила ей свиданіе въ этомъ райскомъ, излюбленномъ поляками уголкѣ, но о поѣздкѣ туда совмѣстно со Стасемъ даже мечтать не смѣла. Рѣшительно, ксензъ костела Святого Креста былъ пророкомъ, и милость Божія сразу сошла на нее и осѣняетъ ей неожиданными радостями новый жизненный путь...

И вотъ уже вторую недѣлю они въ Веве. Запольскіе съ Колычевыми живутъ въ лучшемъ отелѣ и вмѣстѣ имѣютъ свой столикъ на верандѣ, смежной со столовой, гдѣ табльдотъ становится съ каждымъ днемъ люднѣе и шумнѣе. Старуха Запольская, весьма еще моложавая и кокетливая, даетъ тонъ, и разговоръ, ради Колычева, ведется по-французски. Ни одна щекотливая политическая тема не затрагивается въ его присутствіи. Графиня большая любительница преферанса, и пока Иванъ Николаевичъ и ея зять, плѣшивый, какъ бѣлый арбузъ, Казимиръ Свентицкій, сидятъ съ нею за ломбернымъ столомъ, молодежь—Олеся, Элиза, Зося и Стась катаются на ослахъ и ходятъ по горамъ съ проводникомъ-мальчишкой. Олеся всегда умѣетъ отвлечь болтушку и хохотушку Элизу и дать возможность брату остаться наединѣ съ Зосей. Сама она отлично знаетъ по себѣ, что мужъ не имѣетъ права претендовать на каждый уголокъ въ сердцѣ жены, и хотя не измѣняетъ пока графу Казимиру, но кто знаетъ?.. Встрѣтись ей пріятель дѣтства, и она не отказалась бы отъ прогулокъ по тѣмъ головоломнымъ тропинкамъ, гдѣ нужна надежная рука, гдѣ такъ естественна мужская помощь и поддержка.

А на привалахъ Зося посвящается во всѣ мечты и планы восторженно встрепенувшейся за послѣдній годъ молодежи о восстановленіи дорогой ойчизны въ ея поправленныхъ правахъ.

Въ былое, еще не такъ давно, время старые графы Запольскіе и Свентицкіе не любили подобныхъ разговоровъ. «Не къ чему», твердилъ графъ Франекъ Свентицкій, пріятель Андрея Замойскаго. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ бѣлымъ панкамъ, которые имѣли не-

однократный случай убѣдиться на опытѣ, что всѣ мечты о воскрешеніи древней Рѣчи Посполитой оставались мечтами и, несмотря на постоянныя попытки, борьба неизмѣнно оканчивалась побѣдою правительства во всѣхъ трехъ «захватахъ». А потому они съ Замойскимъ, предѣвателемъ земледѣльческаго общества, дружили съ «паномъ Эриваномъ», какъ звали въ Варшавѣ грознаго Паскевича, который былъ въ сущности добрымъ малымъ, строилъ дороги въ царствѣ Польскомъ, украшалъ Варшаву, мостилъ улицы, созидалъ цѣлыя благоустроенныя предмѣстья и пилъ шампанское въ польскихъ клубахъ, но чуть зарубежныя навѣты начинали разжигать пылкія шляхетныя мечты, безъ церемоніи тушилъ ихъ медвѣжьей русской лапой.

По мнѣнію бѣлыхъ, жилось даже недурно, но молодежь съ ними не соглашалась. Ей казалось, что старики лишь старчески слабы и недовѣрчивы къ силамъ народнымъ, но что она сумѣетъ лучше организовать дѣло, и стояла за единеніе со «смаркатами» или членами демократическаго общества, привѣтствуя всѣ выходки школьничковъ—«лобузовъ», какъ подвиги.

Длу этой молодежи соблазнительной казалась и романтическая сторона заговора—облеченныя тайною шифрованныя записки, символическіе знаки, секретныя собранія и т. п., а мысль, что ей будетъ принадлежать честь возстановленія родины въ давнишнихъ и забытыхъ владѣніяхъ отъ моря и до моря, наполняла сердце пламеннымъ восторгомъ и ненавистью къ притѣснительницѣ Россіи.

Особенно увлекалась Элиза. Этому увлеченію много способствовало дальняя родственница, которую въ домѣ звали тетей Анелей. Хотя и Клинская по фамиліи, но тетя Анеля ничего общаго съ героемъ и сподвижникомъ Косцюшки не имѣла, однакожь она очень гордилась своимъ славнымъ именемъ и увѣряла, что всѣ Клинскіе состоятъ между собой въ родствѣ, а потому съ фанатизмомъ посвящала юношество во всякія древнія и новыя преданія и рассказывала, сама того не замѣчая, съ большими прикрасами о подвигахъ повстанцевъ.

Благодаря ей, Элиза знала во всѣхъ подробностяхъ и вылазки послѣ 1831 года организованныхъ Заливскимъ бандъ, пытавшихся проникнуть въ Россію, и заговоръ 1846 года въ Куфлевѣ, во главѣ котораго стоялъ Домбровский, и казнь попавшихъ въ руки Паскевича заграничныхъ выходцевъ, продолжавшихъ съ дѣтскою необузданностью мечтать о возстановленіи утраченнаго права выкрикивать свое «не позволяемъ!» на нежелательныя распоряженія правительства.

Молодая дѣвушка, слушая рассказы, горѣла жаждой патриотическихъ подвиговъ и во имя идеи готова была на какія угодно жертвы, омытыя и русской и польской кровью. У нея, подобно тетѣ Анелѣ,

быль цѣлый музей реликвій,—обрывки позументовъ съ гробовъ политическихъ мучениковъ; лоскутъ «огона», параднаго шлейфа пани Совинской, который на похоронахъ ея 10 іюля минувшаго 1860 года раздавали на память присутствовавшимъ, какъ о вдовѣ павшаго тридцать лѣтъ назадъ защитника Варшавы «генерала» Совинскаго; разныя медали, фотографіи и украшенные флеромъ портреты Завиши и Конарскаго. Слабость князя Герчакова, замѣнившаго Паскевича на посту намѣстника, особенно разожгла мечты молодежи, и ихъ пылкія вождельнія все сильнѣе заражали и старшихъ, болѣе спокойныхъ и разумныхъ.

II.

Вы боролись съ дѣдомъ,—
Мы не вѣримъ бѣдамъ,
Нась влечетъ къ побѣдамъ,
Мы осплимъ зло!
Ропотъ вашъ намъ скученъ,
Старъ и однозвученъ,
На винты уключинъ
Налегай весло!

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

Однажды на одной изъ этихъ горныхъ экскурсій они сидѣли вчетверомъ на выступѣ скалы надъ мирно катившимъ далеко внизу свои воды Женевицкимъ озеромъ.

Съ загоравшимися глазами повѣствовала Элиза, молодая и нарядная, о 25-мъ февраля, когда пали первыя жертвы новыхъ манифестацій. Она знала подробности, благодаря своей камеристкѣ Данусѣ, бывшей какъ разъ на похоронахъ того чиновника Лемпицкаго, изъ-за гроба котораго и разыгралось кровавое дѣло.

Въ этотъ день у костела Св. Креста толпа собралась на панихиду по героямъ Гроховскаго сраженія, первой одержанной русскими побѣды въ 1831 году. Похоронная процессія попала какъ разъ въ самую толчею. Несмотря на убѣжденія полиціи и просьбы пропустить скромныя дроги никому неизвѣстнаго труженика, торопившіяся на кладбище, скопище лобузовъ и уличныхъ зѣвакъ не желало посторониться, и солдатамъ пришлось силою очищать путь. Но въ рассказѣ Элизы виноваты были именно эти солдаты, эти русскіе, которыхъ обзывали капустняками и осыпали оскорбленіями и камнями, пока не былъ данъ приказъ стрѣлять сперва холостыми зарядами, а когда на нихъ отвѣтили новымъ градомъ насмѣшекъ, то и боевыми. Сразу шарахнулась толпа, и на Краковскомъ предмѣстьѣ, опустѣвшемъ во мгновеніе ока, остались 5trupовъ...

— И знаешь, Зося, какъ ни протестовали отецъ съ матерью, я тоже рѣшила итти на похороны этихъ пяти. Всю ночь мы нашивали

бѣлые кресты на черныя полотнища и развѣшивали ихъ изъ оконъ и съ балконовъ, такъ что вся наша улица была окутана трауромъ. Я не ложилась, и тетя Анеля намъ помогала и учила насъ гимнамъ Конарскаго. Счастливица! она была лично знакома съ нимъ и носила ему въ Базилянскій монастырь въ Вильнѣ сласти и книги. Она взяла меня подъ свое покровительство, и мы рано-рано пробрались въ костелъ и видѣли все. Гробы стояли крестомъ, и всѣ съ епископомъ во главѣ рыдали надъ ними. Я и теперь не могу говорить безъ слезъ! А процессія была прямо безконечная, и графъ Андрей Замойскій шелъ съ депутатами изъ купеческой Ресурсы, и пародъ пѣлъ хоромъ супликацію. Несли наши бѣлые кресты и орлы, а въ толпѣ раздавали портреты убитыхъ и медали. Видишь, я прицѣпила свою на цѣпочку и ношу на шеѣ, вмѣсто образка. На ней сломанный крестъ нашъ, который поломали русскіе солдаты. Онъ сталъ символомъ для насъ. Мы всѣ поклялись, что не успокоимся, пока не отомстимъ!

И Элиза, къ великому удовольствію черномазаго проводника, вскочила на камень и высокимъ, чистымъ, какъ весенній звонъ, сопрано запѣла:

«Еще Польша не сгинела!..»

Олеся, Стась и Зося подхватили, и перекатное эхо понесло по уступамъ и ущельямъ слова зажигательной пѣсни.

— Камни проснулись!.. Камни проснулись!—захлопала въ ладоши румяная дѣвушка.—Наши голоса пробудили ихъ!.. Пусть такъ же разбудятъ они и всѣ черствыя сердца, которыя боятся за успѣхъ и согласны во имя «не тронь меня» спокойно влечить ярмо захвата... Вивать, Польша! Ура Рѣчи Посполитой! Нехъ жіе наша ойчизна!

И Элиза махала платкомъ, и скалы повторяли: вивать! ура!.. А внизу бирюзовая пелена переливала золотомъ, и бѣлыя тучи ласково льнули къ аметистовымъ склонамъ на савойскомъ берегу.

Олеся улыбнулась.

— Да, я понимаю мою свекровь, что она тебя увезла сразу въ Филиншики послѣ твоей февральской эскапады, а то ты бы непременно попала подъ выстрѣлы въ апрѣлѣ ¹⁾, и мы были бы лишены твоего милаго общества нынче.

— Конечно, я бы не усидѣла и отправилась бы на Саксонскую площадь... Господи! какъ я плакала по этимъ 200 павшимъ отъ злобы «капустняковъ»! Я не снимаю съ тѣхъ поръ траура и читаю за нихъ каждый день литанію. Мать сказала, что не пуститъ меня больше въ Варшаву, пока я не успокоюсь, она запретила тетѣ Анелѣ писать ко мнѣ, но та въ іюлѣ пріѣхала сама, и вотъ меня

¹⁾ 8-го апрѣля новые улчичные беспорядки вынудили командующаго войсками ген. Хрулева послѣ двухдневныхъ уговоровъ разойтись стрѣлять въ толпу. Варшава была на нѣсколько дней объявлена на военномъ положеніи.

услали за границу. Тѣмъ лучше! Я увижу навѣрно многихъ изъ нашихъ эмигрантовъ и познакомлюсь съ Мѣрославскимъ!.. Вотъ вамъ святой кшижь!..

Зося затуманилась.

— Ахъ, какая ты счастливая! Да, тебѣ хорошо... А я? Неужели ты могла думать, Олеся, что я чувствую по другому, чѣмъ Элиза, что я сама не исколола бы пальцевъ иглою, только бы нашить бѣлый крестъ на трауръ?.. Вотъ люди смотрятъ на меня, видятъ, я разодѣта, какъ кукла, думаютъ—счастливица!.. А я развѣ счастлива? Развѣ не лью я часто горькихъ слезъ?.. Развѣ легко мнѣ, такой же настоящей полькѣ, какъ вы обѣ, знать себя женою москаля?

Стась опустила свои карія очи и задумчиво стала крутить мягкій усъ. Олеся притянула подругу и поцѣловала ее.

— Полно, дорогая! Своимъ прїѣздомъ ты доказала, что этотъ бракъ только наружный. Твою польскую душу, твое вѣрное сердце—оно не измѣнилъ... Я хочу теперь поговорить на свободѣ о нашемъ планѣ. Элиза, не перебивай меня. Слушай, Зося. Ничуть не болѣе Элизы,—хотя въ сущности я ея горячности ради пользы дѣла одобрить не могу,—извини меня, душа моя,—не сочувствуемъ и мы со Стасемъ нашимъ старикамъ. Графъ Андрей забралъ ихъ такъ въ руки, что они на все смотрятъ его глазами, а что у нихъ творится подъ носомъ, не замѣчаютъ. Они помнятъ Остроленку, и чуть откроешь ротъ, готовы зажать уши и твердить: дай намъ святой пѣкой! Удивительное удовольствіе въ этомъ святомъ покоѣ! Сами тогда не сумѣли вести дѣла, а мы—сиди изъ-за этого сложа руки! Они тогда не хотѣли разстаться со своимъ панствомъ, потому и народъ не пошелъ за ними. Теперь не то. Въ Россіи дали свободу хлопамъ. Даль царь, а у насъ они сами должны дать ее мужикамъ, и хлопы изъ благодарности пойдутъ за ними хоть на край свѣта. И тогда не будетъ ни магнатовъ, ни шляхты, ни того быдла, какъ зовутъ у насъ, къ великому стыду нашему, низкій народъ, а будетъ одна во едино слитая польская нація, которая станетъ подъ защиту родного бѣлаго орла и свергнетъ ненавистнаго чернаго двуязычнаго. И каждый полякъ, каждая полька, гдѣ бы они ни жили, кому бы ни служили, обязаны, я подчеркиваю это слово, обязаны откликнуться на призывъ ойчизны!..

Стась поцѣловала руку сестрѣ.

— Ты настоящій Цицеронъ, я много бы далъ, чтобы говорить такъ.

— Зато ты будешь дѣло дѣлать! Да?..

Она улыбнулась. Олеся продолжала:

— Мы знаемъ—торопиться и соваться въ воду, не разузнавши броду,—глупо, но зѣвать и мѣшкать тоже неумно. Надо пользоваться случаемъ, но надо приготовить дѣло, а для этого нужны прежде всего...

— Деньги...—докончила Зося.

— И люди, сочувствующие намъ и въ томъ вражескомъ лагерѣ,— докончила Олеся.

— Скажи ей, Стась, вѣдь ты и среди офицеровъ слыхалъ, что нашему дѣлу нѣкоторые готовы помочь?

Стась кивнула головой.

— Да, есть двое или трое... Но я боюсь, что это только на словахъ!

— А мы ихъ заставимъ и на дѣлѣ. Ты познакомь ихъ со мною и съ Зосей, и мы сумѣемъ ихъ заставить думать и дѣйствовать по нашему! Такъ вѣдь, Зося?

Зося вспыхнула.

— О, да, ради ойчизны, я не знаю, на что бы я ни пошла... Но только, гдѣ же я познакомлюсь съ ними?

Стась нахмурился.

— Нѣтъ, этого не надо...

— А мнѣ надо!—отвѣтила Олеся и, притянувъ Зосю, прошептала ей на ухо:

— Онъ уже ревнуетъ. Не упускай его, а то онъ слишкомъ пасивень и лѣнивъ. Какъ ты полагаешь,—прибавила она вслухъ:— твой мужъ сочувствуетъ нашему дѣлу?

— Не думаю! Онъ обожаетъ своего царя и ни за что не пойдетъ противъ него.

— Тогда и не надо. Оставь его «въ свентомъ покоѣ». Напротивъ, будь съ нимъ скрытна и ради пана Бога, именно для полного успѣха, не заикайся передъ нимъ о нашемъ дѣлѣ ни словомъ. Но, если встрѣтится тебѣ кто другой, готовый служить намъ— не упускай его. А, кромѣ того, ты и иначе можешь помочь ойчизнѣ. Ну, Элиза, теперь твой чередъ.

Элиза важно кивнула.

— Видишь ли, ты сама нашла, что намъ нужны деньги. Скажи, ты много получаешь отъ мужа?

Зося улыбнулась.

— Сколько хочу! Если мнѣ нужно тысячу—онъ даетъ тысячу, нужно двѣ—даетъ двѣ...

Элиза засмѣялась.

— А согласишься ты отъ каждаго франка удѣлять намъ половину? Мы съ Олесей рѣшили всѣ наши карманныя деньги дѣлить пополамъ и отдавать одну часть въ комитетъ къ тетѣ Анелѣ. Кромѣ того, ты должна обѣщать сообщать намъ все, что услышишь для насъ полезнаго. Чѣмъ больше мы будемъ знать, о чемъ говорятъ въ Москвѣ, тѣмъ лучше для насъ. Такъ вѣдь, Олеся?

— Еще бы!

— Такъ поклянись же и ты служить святому дѣлу!—торжественно воскликнула Элиза.—Стань на колѣни и повторяй за мною мои слова!

Зося послушно откинула синюю вуаль, оправила платье и стала на колѣни.

— Клянусь,—говорила Элиза и подняла правую руку къ лазурному небу, по которому въ ту минуту плыли кудрявые барашки.

— Клянусь!—повторила Зося, повторяя и жестъ подруги,—именемъ Господа Бога и Сына Его Исуса Христа и непорочностью Матери Его Дѣвы Маріи, что я готова отдать для спасенія дорогой ойчизны свое тѣло и кровь, свою душу и сердце, свой разумъ и всякій помысль... Клянусь дѣлиться братски каждымъ золотымъ съ тѣми, кто подобно мнѣ согласенъ положить жизнь на возстановленіе нашей дорогой родины въ ея древнихъ предѣлахъ отъ моря до моря и на возвращеніе ей ея поруганной свободы и величія... Клянусь не знать пощады и не поддаваться состраданію къ врагамъ священной Рѣчи Посполитой, кѣмъ бы они мнѣ ни приходились, и жертвовать ими ради блага и счастья моихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ польскихъ братьевъ... Аминь!..

Она поднялась на ноги. Элиза и Олеся горячо обняли ее и трижды облобызались съ нею, а Стась, взволнованный и еще болѣе прекрасный, съ влажными, загорѣвшими глазами, крѣпко по очереди поцѣловалъ обѣ ея руки.

Проводникъ хлопалъ глазами. Ничего не понявъ въ этой разыгравшейся передъ нимъ сценѣ, онъ отошелъ къ осламъ и сталъ сконфуженно опрaвлять ихъ бѣлые вязаные наушники съ красными кисточками.

А горы холодно и величаво стояли кругомъ. Глубоко, глубоко подъ ними ушли по поясъ въ воду сѣрыя башни замка, гдѣ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ томилась люди, мечтавшіе тоже о какой-то не дававшейся въ ихъ руки свободѣ. Также составлялись заговоры и произносились клятвы губить враговъ, лить чужую кровь и не щадить своей во имя братства... Замокъ стоялъ теперь пустой, но ничему не научились люди. Милліоны милліоновъ восхищенныхъ взоровъ скользнули по окружнымъ вершинамъ... Милліоны милліоновъ сладкихъ вздоховъ вырвались изъ человѣческихъ грудей... Милліоны милліоновъ устъ произнесли на берегахъ волшебнопредкраснаго озера: «Боже, какая красота!..» Авражда, и ненависть, и злоба, и измѣна все еще живутъ и будутъ жить у вашего подножія, величавыя, спокойныя горы, потому что эти муравьи, называемые людьми, не въ силахъ понять велѣній Того, въ чью славу курятся, какъ недоступные алтари, ваши снѣжныя, ушедшія въ бездонное небо вершины...

Съ этихъ поръ Зося начала добросовѣстно увеличивать всѣ цѣны на каждую купленную ею лично вещь.

— Боже мой,—говоритъ она, вздыхая, мужу:—какъ тутъ все дорого! За перчатки въ Варшавѣ я платила 60 копеекъ, а здѣсь за худшія чуть не 8 франковъ. А вѣдь ихъ не оберешься! У меня деньги такъ и плывутъ!

— Пусть ихъ плывутъ, голубка! только бы тебѣ весело было.

— Ахъ, мнѣ тутъ очень весело! — подтверждаетъ Зося. — Я ужасно рада, что мы такъ случайно съѣхались съ Запольскими и Свентицкими. Правда, они очень милые?

— Очень, — отвѣчаетъ съ нѣжнымъ поцѣлуемъ супругъ своей ненаглядной жинкѣ и отпускаетъ ее со вздохомъ въ горы, куда самъ собирается каждый день, но не имѣетъ характера отказать полувластному приглашенію старой Запольской:

— А не составить ли намъ нашу пулюку? Я вчера проиграла четыре франка, и мнѣ охота вернуть ихъ сегодня.

И открывается снова зеленый столъ, и мужъ вистуетъ и записываетъ взятки и ремизы, а Зося блаженствуетъ со Стасемъ и подругами и строить ребячливо фантастическіе планы о возстановленіи отъ моря и до моря Рѣчи Посполитой и о сверженіи ига всѣхъ трехъ захватовъ.

Между тѣмъ сезонъ привлекалъ все больше и больше публики, и у стола Запольскихъ собиралось все больше и больше пановъ съ громкими фамиліями. Пшепшканье все учащалось, потому что, во-первыхъ, среди нихъ были многіе не бойко владѣвшіе французскимъ языкомъ, а, во-вторыхъ, къ Колычеву уже попривыкли и перестали его стѣснять. Часто во время весьма оживленныхъ разговоровъ, гдѣ рѣчь лилась все быстрѣе и голоса звучали все повышеннѣе, перебрасывая, какъ мячики, имена маркиза Вѣлепольскаго и Ламберта, Кавура и Гарибальди, Фіалковскаго и Герштенцвейга, Иванъ Николаевичъ только молча каталъ шарики изъ хлѣба и скучающимъ взоромъ оглядывалъ свою застольную компанію. Хотѣлось встать, уйти... Ему надоѣло Веве, надоѣлъ до приторности этотъ яркій цвѣтъ озера, эта фіолетовая вершина со снѣжными зубцами, словно драгоценный камень замыкавшая кольцо горъ, эта сѣрая масса Шильона съ его острокопечными красными крышами башенъ, которая была почему-то особенно мила всѣмъ полякамъ. Хотѣлось вонъ отсюда, отъ этихъ людей, говорившихъ на рѣжущемъ ухо языкѣ, странно похожемъ на родной и все-таки непонятномъ, не когда онъ переводилъ глаза на жену, видѣлъ ея оживленіе, слышалъ ея мелодичный смѣхъ, — онъ начиналъ укорять себя въ эгоизмъ и, вставая изъ-за стола, любезно пожималъ руки этихъ чужихъ людей.

Пикникомъ всей компаніей отправлялись въ Женеву, заходили въ рестораны. Игралъ оркестръ. Пили пиво и тянули черезъ соломинку вино. Составлялись тутъ же за столиками партіи въ баккара и экарте. Зося мелькала въ толпѣ разодѣтыхъ какъ на балъ женщинъ, которыя жужжали кругомъ, критикуя вновь пріѣзжихъ и ихъ туалеты... и было снова скучно...

Лучшими вечерами были тѣ, когда стояла погода, про которую говорятъ въ Россіи, что добрый хозяинъ и собаку на улицу

не выгонитъ, когда лившій съ утра холодный дождь заволакивалъ горы и рябилъ зеркальное озеро. Бирюза мутнѣла и становилась малахитомъ. Всѣ оставались дома и переходили послѣ десерта въ курительныя комнаты и салоны. Открывался рояль, и Зося, сіяя улыбкой и брильянтами на точеной шейкѣ, вытирала кружевнымъ платкомъ свои пальцы въ кольцахъ и спрашивала:

— Что же сыграть мнѣ?..

И снова Шопенъ и Мендельсонъ, Моцартъ и Бетховенъ уносили мечты за тридцать земель, въ тридцатое царство, гдѣ въ бѣлой залѣ съ каріатидами сидѣла за роялемъ дѣвушка въ бѣломъ, и звуки пѣли про любовь и счастье, и надежду на свѣтозарную и плодотворную жизнь. А кругомъ шумѣлъ прадѣдовскій садъ, а за нимъ тянулись по равнинамъ и косогорамъ сжатія поля и красовались скирды, и вѣтеръ шевелилъ въ нихъ желто-золотистую солому и пѣлъ:

— А гдѣ же хозяинъ? гдѣ же хозяинъ? Какое великое, важное дѣло держитъ его на чужой сторонѣ?

И вдругъ бѣлѣла другая комната съ пустою кроваткой подъ кружевомъ полога, блестѣла и переливала серебромъ свѣтлая ванночка, и грустно стоялъ у стѣны мягкій пеленальный столикъ... а рядомъ стонала женщина подъ шелковымъ розовымъ одѣяломъ и твердила съ ненавистью:

— Уйди!..

Нѣтъ! всѣ ея капризы, всѣ тысячныя прихоти милѣ этого «уйди»! Лучше скучать здѣсь въ двухъ шагахъ отъ нея и видѣть радостный блескъ этихъ сапфировыхъ глазъ, чѣмъ томиться вдали отъ источника величайшаго блаженства и... муки.

III.

Сверкаль огонь подъ грохотъ бури,
Какъ жутко было на душѣ!
Къ тебѣ я на пушистой шкурѣ
Прижалась робко въ шалашѣ.
О, какъ другъ друга мы любили...
Но съ той поры прошли вѣка.
Затерявъ слѣдъ счастливой были
Средь волкъ зыбучаго песка...

(«Первая любовь». М. К.).

Уже мѣсяцъ продолжалось пребываніе Колычевыхъ въ Веве, какъ наконецъ пришла телеграмма отъ Сотова съ просьбою удержать имъ помѣщеніе въ той же гостиницѣ. Его отпускъ опять затянулся, и въ свой Карлсбадъ онъ попалъ только въ августѣ, а теперь ѣхалъ на окончательный отдыхъ и успокоеніе нервовъ и желчи на берегъ Женеваго озера.

Зося какъ разъ встала очень рано, чтобы подняться на Нейскія скалы, откуда въ безоблачный день открывается видъ чуть не на всю Швейцарію. Это было давно условленная прогулка и ожидали только прочно установившейся погоды.

— Вотъ и отлично!—отозвался Иванъ Николаевичъ:—я закажу номеръ, а кстати заявлю Запольской, чтобы она подыскала на сегодня другого партнера, я рѣшаю присоединиться къ вамъ.

— Какъ къ намъ? Мы поднимаемся на Нейскія скалы.

— Такъ что же, и я съ вами!

— На Нейскія скалы? Да развѣ ты умѣешь лазить по горамъ?

— А ты думала, я вѣкъ свой игралъ въ преферансъ въ Швейцаріи? Я всю ее исходилъ когда-то пѣшкомъ и съ удовольствіемъ тряхну стариною, тѣмъ болѣе, что этого подъема мнѣ такъ и не удалось совершить изъ-за упорно дважды помѣшавшаго тумана.

Кольчевъ вышелъ, а Зося призадумалась. Этого еще не хватало! Онъ замѣшается въ ихъ тѣсную компанію. Она такъ многого ждала отъ сегодняшней прогулки... И, накинувъ пеньюаръ, она постучалась къ Элизѣ.

— Душка, какое горе! Подумай, мужъ непременно хочетъ идти съ нами!

Румяная Элиза подняла вопросительно брови.

— Въ чемъ же горе?

— Да намъ нельзя будетъ ни о чемъ говорить.

Элиза пожала плечами.

— Будемъ молчать или говорить о погодѣ. А хочешь, я скажу, что у меня разболѣлась нога, и мы отложимъ прогулку до другого раза.

Зося покачала головой.

— Откладывать нѣтъ смысла. Послѣзавтра приѣдетъ золовка, и мнѣ поневолѣ придется держаться ея общества.

— Въ такомъ случаѣ, если ты боишься, что мужъ помѣшаетъ Стасю ухаживать за тобой, предоставь его мнѣ. Я отвлеку его.

И хотя всего годъ назадъ Зося плакала и хотѣла быть во всемъ ровней Свентицкой и Запольской, она не смекнула теперь, сколько было унижительнаго для ея достоинства въ этомъ разговорѣ и циничнаго въ послѣднихъ словахъ Элизы. Она весело разсмѣялась, чмокнула готовую выручить ее подругу и упорхнула въ свой номеръ доканчивать туалетъ.

Прогулка вышла, какъ говорится, во всѣхъ смыслахъ неудачная. Какъ ни старалась Элиза полонить вниманіе москаля-медвѣдя, онъ не упускалъ изъ виду жены и терпѣливо поджидать ее на поворотахъ или спѣшилъ впередъ и, какъ *deus ex machina*, появлялся изъ-за выступовъ скалъ передъ только что располагавшейся приняться за воркованіе парочкой. Ходокъ по горамъ онъ оказался

превосходный и ловко карабкался тамъ, гдѣ отставали другіе. Смѣтливая Элиза искренно потѣшалась надъ влюбленными.

Такъ продолжалось часа три. Вдругъ проводникъ остановился и властно произнесъ:

— Надо повернуть назадъ. Все равно мы ничего не увидимъ. Надвигается гроза.

Еще сіяло солнце, но со дна ущелій и пропастей поднимались легкіе, какъ дымъ, клочья облаковъ и стремились неудержимо вверхъ, цѣпляясь за сучья елей и кусты рододендроновъ.

— Скорѣе, скорѣе,—торопили проводникъ

Стась и Зося замѣшкались. Спускъ былъ очень крутой.

— Идите же, господа!—кричала Олеся.

Видя, какъ неувѣренно дѣйствовалъ Стась, Колычевъ самъ подаль ему руку, помогъ спуститься съ крутизны и заступилъ его мѣсто около жены. Дѣло пошло ладнѣе.

А кругомъ неслись уже не дымки, а цѣлыя пелены тумана заволакивали окрестныя скалы и пронизывали путниковъ чуть не до костей холодомъ и сыростью. Тропинка дѣлалась все скользче. Камни все чаще вырывались изъ-подъ ногъ и летѣли въ невидимую бездну, а голосъ проводника звучалъ все тревожнѣе и нетерпѣливѣе. Наконецъ они добрались до какой-то хижины, служившей, вѣроятно, убѣжищемъ для пастуховъ.

Едва закрылась дверь, грянулъ первый ударъ грома и перекатился по окружающимъ горамъ. Шутки смолкли. Черезъ минуту сверкнула молнія, и ударъ повторился. Кто не бывалъ въ горахъ и не испыталъ въ нихъ грозы, не можетъ вообразить себѣ, какъ ослѣпительны тамъ вспышки молніи и жутки удары грома. Кажется, скалы разсѣкаются и рушатся утесы и огонь вылетаетъ изъ каждой расщелины. Подъ ногами разверзаются пропасти,—это голубой фосфорическій блескъ освѣщаетъ ихъ до невидимой обыкновенно во тьмѣ глубины, и потоки ревутъ, и водопады пѣнятся тамъ, гдѣ всего за нѣсколько минутъ лѣниво съ камня на камень сочилась вода пересохшихъ ручьевъ.

При одной изъ такихъ вспышекъ, когда казалось, что пылаетъ сама хижина, Иванъ Николаевичъ съ удивленіемъ увидѣлъ жену, прижавшую къ груди Стася. Продолжалось это всего двѣ-три секунды.

— Зося!—кликнулъ онъ ее.

— Господи!—отвѣтила она:—я въ темнотѣ думала—это ты!

Колычевъ притянулъ ее къ себѣ и, пользуясь вновь наступившимъ мракомъ, поцѣловалъ въ лобъ. Ни малѣйшаго подозрѣнія! Нѣтъ, онъ ревновалъ ее раньше, но теперь, видя ее постоянно въ обществѣ Запольскихъ и Свентицкихъ, привыкъ къ Стасю, всегда молчаливому и сдержанному, и смотрѣлъ на него только, какъ на пріятеля дѣтства.

Возвращеніе въ отель вышло очень веселое. Всѣ шутили и увѣряли, что виною неудачи Колычевъ, которому Нейскія скалы уже

въ третій разъ отказываютъ въ знакомствѣ. Путники промокли до костей, но вечеромъ Зося играла Шопена, а потомъ за рояль сѣлъ графъ Казимиръ, и устроились танцы, въ которыхъ приняла участіе вся разноплеменная молодежь громаднаго отеля.

Черезъ день пріѣхали Сотовы. Хотя Зося и встрѣтила Сашеньку очень любезно, но мысль, что ея общеніе съ Запольскими поневолѣ нарушится, втайнѣ грызла ее.

Съ появленіемъ сухощавой фигуры Семена Михайловича настроеніе общества сразу измѣнилось. Прежде всего Колычевы перешли со стола Запольскихъ за отдѣльный столикъ въ углу веранды. Растрепавшіеся отъ вѣчныхъ засѣданій и комиссій нервы сановника не успѣли еще отдохнуть за границей, и онъ внесъ съ собою въ беззаботно щебетавшее общество струю недовольства и критики. Его раздражали и взрывы смѣха, и польскіе возгласы, и любопытны устремленные на него взоры, а хлопанье двери въ общую столовую заставляло вздрагивать и чуть не корчиться отъ неожиданности.

— Fermez donc doucement la porte!—сказаль онъ кельнеру.

— Je vous ai dit donc de fermer la porte doucement!—повторилъ онъ кельнеру.

— Il faut donc penser à ce qu'on vous dit,—заявилъ онъ въ третій разъ, и Элиза чуть не подавилась отъ смѣха.

— Панъ Донкъ!—прошентала она.

— Его фамилія Сотовъ,—поправила Олеся.

— Вѣрно, отъ французскаго корня *Sot*,—отвѣтила Элиза.

Графиня Запольская сдѣлала ей строгое лицо, а Казимиръ и Олеся такъ и покатались. Одинъ Стась, какъ всегда молчаливый, поднялъ свои прекрасные глаза и лѣниво посмотрѣлъ на Сотова.

Отъ тонкаго уха Зоси не ускользнулъ этотъ польскій разговоръ, и она улыбнулась. Александра Николаевна замѣтила ея улыбку и повернула голову въ сторону Запольскихъ. Красивое лицо Стася привлекло ея вниманіе.

— Знаешь,—тихо обратилась она къ золовкѣ:—я въ жизни не встрѣчала такого красавца. Какъ это ты умудрилась остаться равнодушной къ подобному товарищу дѣтства?

Зося пожала плечами.

— Я такъ привыкла въ его лицу, что даже и не замѣчаю, дѣйствительно ли онъ настолько привлекателенъ. Меня онъ никогда не волноваль,—и она наложила себѣ полную тарелку салату и спокойно принялась за ѣду.

— Однакожъ,—пошутить Иванъ Николаевичъ,—во время грозы очутилась у него вчера въ объятіяхъ.

— Хорошо, что у него, а не у проводника, это было бы еще нелѣпѣе, а во время такого ужаса и не то еще случиться можетъ.

Все это было сказано такъ просто и естественно, что даже самый подозрительный челоуѣкъ не нашель бы повода придратъся ни къ

словамъ, ни къ тону, но Александра Николаевна все-таки вздохнула. Отъ Зосиной встрѣчи сегодня она напрасно ждала прошлогодней теплоты. Что-то ушло, чего-то не хватало, словно Зося была другая.

«Конечно, это—ея горе, потеря первенца тому причиной», рѣшила Сашенька. Она сама не имѣла, хотя страстно желала имѣть, дѣтей, а потому думала, что горше потери ребенка для женской души горя быть не можетъ.

Послѣ обѣда Зося подошла къ Запольскимъ и шепнула:

— Идемъ по магазинамъ, будемъ, какъ дикари, глазѣть на витрины. Удивительное удовольствіе, ну, да вѣдь я долго нянчиться не буду, надоѣсть, такъ и сбѣжать сумѣю.

И опять ея чутье не подсказало ей, что она роняетъ себя въ глазахъ подругъ и остается той же приживалкой, которая когда-то носила ихъ обноски, а теперь въ угоду имъ готова продать за грошъ близкихъ и родныхъ людей.

Антагонизмъ, который почувствовалъ Семень Михайловичъ къ столу Запольскихъ, невольно передался и Сашенькѣ. Ей все непріятнѣ становилось ихъ общество и было обидно за брата и за себя, что Зося явно тяготѣла туда. Она со свойственною ей снисходительностью объясняла это дружбою юныхъ лѣтъ и, не желая стѣснять золовку, упорно отказывалась отъ приглашеній на всякія прогулки въ ихъ обществѣ. Но осенніе вечера невольно соединяли всѣхъ обитателей отеля въ салонъ и приходилось вступать въ бесѣду то со старухой Запольской, то съ Олесей, потому что англичанки и американки держались своей компаніей и съ прочей публикой не сходились.

Съ недавнихъ поръ за столомъ Запольскихъ стали появляться панъ Нивисскій, потомокъ одного изъ товарищей Заливскаго. Отецъ его, выведшій вмѣстѣ съ прочими главарями въ 1831 году польскія войска за границу, поцалъ со своимъ отрядомъ на службу къ французамъ и дрался въ Алжирѣ. Тамъ и скатилась его буйная усатая голова на знойный песокъ въ битвѣ за покореніе воинственныхъ туземцевъ подъ ноги чужеземцевъ. Это вторженіе бѣлыхъ во владѣніе чернокожихъ почему-то не казалось насиліемъ его свободолюбивой душѣ и окружило вѣнцомъ славы его имя въ памяти сына.

Задорный по природѣ, панъ Ясекъ Нивисскій не выносилъ самаго слова «Россія» и считалъ пріятной обязанностью придиратся къ каждому москалю, попадавшемуся ему на глаза. Наши русскіе эмигранты, бѣжавшіе за границу въ пятидесятыхъ годахъ, дружили съ нимъ и, заискивая передъ его ненавистничествомъ, ругали Россію на чьемъ свѣтѣ стоитъ, но ихъ онъ только вдвойнѣ за это презиралъ. Съ Колычевымъ онъ не сдѣшился ради Зоси, но Семена Михайловича возненавидѣлъ сразу, какъ взглянулъ на его бакенбарды. Нервность сановника еще больше его подзадоривала, и онъ искалъ

случая хорошенько отчехвостить «пана Донка», какъ съ легкой руки Элизы звать Сотова весь отель.

Разыгралось дѣло на пятый день прїѣзда Сотовыхъ. Уже за обѣдомъ сановникъ морщился, потому что со стола Запольскихъ доносился очень оживленный разговоръ. Поминались имена Куржины, Мѣрославскаго и Маевского, и Нивисскій негодовалъ на только что закрывшійся съѣздъ польскихъ эмигрантовъ въ Гомбургѣ, куда оба послѣдніе вожака партій красной и умѣренной не явились, а председательствовалъ Куржина. Поэтому планъ, которому сочувствовалъ Нивисскій, о распространеніи сѣти заговора не только на Польшу, но и на всѣ прилежащія, бывшія когда-то польскими области, и о противодѣйствіи предложеннымъ правительствомъ выборамъ въ польскій государственный совѣтъ, только что утвержденный по мысли Вѣлепольскаго, потерпѣлъ фiasco.

Нивисскій, скрипя зубами, ударялъ себя кулакомъ въ грудь и хрипѣлъ:

— Не позволямъ! Не позволямъ... Это позорище польскаго имени, этотъ вашъ мѣщанскій маркизь Вѣлепольскій вообразилъ, что онъ именемъ царя сумѣетъ насъ реформировать!.. Мы введемъ то, что считаемъ благомъ ойчизны сами, а панки съ Андреемъ Замойскимъ только напортятъ со своимъ вальнымъ сеймомъ... Не вальный, швальный то сеймъ... И кто согласился на него, тотъ въ польскаго пана Бога не вѣруеть... а мы, настоящіе сыны ойчизны польской, съ ними не пойдёмъ, и народъ не пойдетъ и имъ помѣшаеть.

— Да чѣмъ же народъ помѣшать можетъ?—спрашивалъ, пожима плечами, графъ Казимиръ.

— Чѣмъ? чѣмъ? А вотъ тѣмъ, что они тамъ реверансы правительству откалывать будутъ, а мы народу про старые славные дни напоминать станемъ, про то, какъ не мы у захватниковъ въ кабалѣ были, а они къ намъ на поклонъ ѣздили... Вотъ скоро мы имъ устроимъ такое напоминаніе въ Городельскую годовщину, когда со всѣхъ земель и воеводствъ стекались въ землю Холмскую праздновать единеніе народовъ подъ скипетромъ Владислава Ягелла. Посмотримъ, куда народъ пойдетъ толпами, къ Вѣлепольскому, или къ нашимъ епископамъ, какъ они молебны нѣтъ начнутъ... Небойсь, не съ одной Варшавы люди стекутся, а со всей Рѣчи Посполитой, со всѣхъ воеводствъ, которыя москали своими считаютъ, изъ ихъ Кіева, изъ Смоленска, изъ Витебска, Минска...—и онъ залпомъ выпилъ стаканъ хереса.

— Что жъ, панъ, и вы въ Городлю поѣдете?—спросила графиня Запольская.

Нивисскій гордо закинулъ голову.

— Пока въ ойчизнѣ хоть одна капустацкая подошва землю топчетъ, мнѣ тамъ мѣста нѣтъ. Но недалекъ тотъ день, когда я явлюсь продолжателемъ дѣла отца моего и Заливскаго.

— Какая пѣтушиная фізіономія!—сказаль довольно громко Сотовъ.—Кто это?

— Это Нивисскій, онъ очень умный!—отвѣтила Зося шопотомъ.

— Незамѣтно. Умные люди такъ въ обществѣ не орутъ...

Но на польскомъ столѣ замѣчанія не слышали, тамъ графъ Казимиръ рассказываль, какъ въ Алекостѣ 12 августа сошлись двѣ процессіи изъ Литвы и Польши, чтобы побрататься въ память Люблинской уніи, какъ начальство спохватилось и развело мостъ, а смѣльчаки-поляки все-таки на лодкахъ прибуксировали отведенный плашкоутъ, и епископы сошлись и облобызались и пѣли молебны и «Боже, цось Польске», а москали только хлопали на берегу ушами.

Нивисскій хохоталь до упаду и, поднявъ стаканъ, потребоваль шампанскаго. Графиня Запольская налила ему воды и сказала:

— Это пока полезнѣе, а то панъ совсѣмъ голову потеряеть, а мы здѣсь не одни.

Нивисскій покосился на Сотовыхъ, но сановникъ уже вышелъ изъ-за стола и промаршировалъ въ салонъ. Зося присѣла къ Запольскимъ, а Сашенька, поклонившись на ходу, прошла съ братомъ велѣдь за мужемъ.

— А что пани за москалемъ не скучно?

— Нѣтъ,—отвѣтила Зося:—случается и скучно!

— А пани бы его по-польску научила!

Зося расхохоталась.

— Онъ не можетъ, говорить,—трудно...

Нивисскій усмѣхнулся.

— А сама пани поеть?

— Да, а что?

— Пойдемте, пани! Я сегодня патріотически настроенъ и напи пѣсни пѣть хочу...

Всѣ перешли въ салонъ. Нивисскій подвелъ торжественно Зою къ роялю. Увидавъ это, все населеніе отеля, любившее артистическую игру молодой Колычевой, разсѣлось по стульямъ и диванамъ, и Сотовы заняли мѣста у огонь. Иванъ Николаевичъ остался съ сигарой рядомъ въ курительной. Но вмѣсто Шопена раздалось «Еще Польша не сгинела».

Англичанки, выслушавъ, зааплодировали. Нивисскій раскланялся, какъ присяжный теноръ, и Зося заиграла «Боже, цось Польске», но теноръ запѣлъ переложенную на эти слова шутовскую молитву москаля, съ припѣвомъ: о просвѣти насъ, Господи!..

Какъ ни мало понималь по-польски Сотовъ, но онъ всталъ и хотѣль выйти. Нивисскій остановился.

— Почему, милостивый государь, вы позволяете себѣ мѣшать намъ?—обратился онъ къ сановнику по-французски.

Семень Михайловичъ не удержался и отвѣтилъ:

— Потому что я не люблю музыки этого сорта,—и направился къ двери.

— Напрасно, лучше привыкнуть заблаговременно, скоро эти пѣсни не только въ Польшѣ, но и въ Петербургѣ модными стануть.

Сановникъ иронически улыбнулся.

— Ну, на это ни слушателей, ни исполнителей у насъ не найдется.

— Вотъ какъ! А въ Варшавѣ, говорятъ, самъ князь Горчаковъ шапку снималъ, когда этотъ мотивъ, непріятный пану москалю, раздавался.

Какъ большинство дѣловыхъ людей, Сотовъ такъ былъ занятъ своимъ департаментомъ, разными комиссіями и экстренными за-сѣданіями, что очень мало интересовался Польшей, считая ее навсегда замиренной провинціей Россіи, и отвѣтилъ:

— Мало ли что болтають о Россіи за границей и какихъ ни сочиняють о насъ небылицъ,—и онъ снова сдѣлалъ шагъ къ выходу.

— А я сама это видѣла,—подскочила Элиза.—Помнишь, Казя,—обратилась она къ брату:—я вамъ тогда за обѣдомъ рассказывала,—во время похоронъ нашихъ пяти февральскихъ мучениковъ рускіе шли за гробами безъ шапокъ, а народъ пѣлъ все польскіе гимны... А того полковника Заболоцкаго который велѣлъ солдатамъ стрѣлять въ толпу, судили, и не нашлось ни одного казака, взявшаго его сторону на слѣдствіи... И князь Горчаковъ извинялся передъ Замойскимъ и депутатами земледѣльческаго общества, когда они пошли за объясненіями къ нему въ замокъ...

— Очень можетъ быть, что все это рассказывали,—любезно осклабился Сотовъ хорошенькой дѣвушкѣ:—но врядъ ли это такъ было. Вы, вѣрно, не такъ поняли!

— Всегда такъ,—возразилъ Нивисскій:—извѣстная русская уловка: чуть что правительству невыгодно,—поляки не такъ поняли. Ну-съ, а только если и теперь насъ снова, какъ при Николаѣ, съ органическимъ статутомъ обмануть, такъ мы тоже покажемъ, кто кого не понималъ, и такой его сыну концертъ надъ концертами зададимъ, что вся Европа намъ заплодируетъ.!

— Какой органическій статутъ? Какой концертъ? Что такое?—удивился Сотовъ.

— Далибугъ! Да вы, вѣрно, Россіей съ луны управляете, если не знаете, что у васъ подъ бокомъ дѣлается! Честь имѣю поздравить его величество російскаго императора съ весьма освѣдомленными сановниками и желаю ему благополучнаго царствованія съ подобными сподвижниками...

И онъ отвѣсилъ придворный поклонъ и сдѣлалъ такую рожу, что Элиза, Олеся и Зося покатались со смѣху и не понявшія ни слова англичанки тоже...

Сотовъ растерялся.

Но Иванъ Николаевичъ уже вышелъ изъ курительной комнаты. Сдвинувъ свои сросшіяся брови, онъ подошелъ къ Нивисскому и сказалъ ему въ упоръ:

— Я тоже русскій и я запрещаю вамъ, милостивый государь, говорить такъ про того, чье имя для насъ одинаково священо съ Божьимъ...

Всѣ притихли. Минуту длилось молчаніе. Оба противника мѣрили другъ друга глазами. Нивисскій пыхтѣлъ, какъ быкъ, готовый броситься на врага; но Запольская сдѣлала знакъ зятю, и тотъ подъ руку отвелъ къ ней соотчича. Старуха сдѣлала ему шопотомъ выговоръ. Иванъ Николаевичъ, въ свою очередь, увелъ зятя и сестру. Семень Михайловичъ сразу пожелтѣлъ.

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ, что за наглость... Пусти меня... я ему рожу сверну на сторону...

Но припадокъ кашля прервалъ его визгливую рѣчь. Александра Николаевна налила успокоительныхъ капель...

Эта сцена побудила ее сразу потребовать счетъ. На утро чѣмъ свѣтъ вещи ихъ были уложены, и омнибусъ отвезъ разсерженнаго и еще болѣе пожелтѣвшаго за ночь сановника въ Лозанну, чтобы съ первымъ же поѣздомъ доставить на отдыхъ въ гостепріимный Баденъ-Баденъ, гдѣ было больше гарантій избѣжать встрѣчъ съ зазнавшимися сынами Рѣчи Посполитой.

Сашенька оставила записку на имя брата, прощаясь съ нимъ и убѣждая не давать дурного объясненія ихъ отъѣзду. «Ты самъ долженъ понять, да и Зося тоже, что здоровье мужа для меня стоитъ на первомъ мѣстѣ, и я уѣзжаю нарочно такъ спѣшно, чтобъ не волновать его лишними объясненіями съ обоими вами».

IV.

Мы вчера съ тобою весело шутили,
Мы не ждали слезъ,
А сегодня утромъ въ сѣромъ вихрѣ пыли
Замеръ стужъ колесъ.
Смолкъ бубенчикъ звонкій, смолкъ, вдали рыдая..
Пусто... тишина...
И, вползая въ окна, шепчетъ мгла сѣдая:
Ты одна... одна...

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

Дезертирство пана Донка послужило забавной темой для утреннихъ разговоровъ среди молодежи, но уже къ завтраку выяснилось, что и графиня Запольская тоже не желаетъ оставаться въ Веве.

— Нѣтъ, довольно! Я отдыхать пріѣхала, а не кровь себѣ портить такими сценами. Вы, — обратилась она къ Свентицкому и Элизѣ, — дѣлайте, какъ знаете, а я со Стасемъ поѣду въ Ниццу.

И она потребовала счетъ.

Зося не знала, что дѣлать. Столь быстрой разлуки со своимъ коханнымъ она не предвидѣла и не могла примириться съ такимъ жестокимъ рѣшеніемъ его матери. Бхать за нею,—но вѣдь старуха ея не приглашала, да и во время вчерашней исторіи она слишкомъ явно показала себя сторонницей Элизы, и внезапный отъѣздъ въ Ниццу могъ возбудить подозрѣнія Колычева.

Заломивъ свои нѣжныя ручки, она опять по привычкѣ повалилась въ подушки и горько заплакала.

Легкій стукъ въ двери заставилъ ее очнуться.

— Entrez,—отозвалась она и встала передъ зеркаломъ, оправляя прическу.

Вошла Олеся.

— Ты одна? Пойдемъ къ намъ. Стась умоляетъ тебя проститься съ нимъ. Казимира я услала за покупками, и вы можете поговорить по душѣ. Я посторожу.

Панъ Стась никогда краснорѣчіемъ не отличался. Какъ большинство особенно красивыхъ мужчинъ, онъ бралъ лишь наружностью и поцѣлуями. И теперь, увидавъ Зосю, онъ притянулъ ее къ себѣ и прильнулъ къ ея губкамъ. Да и къ чему было ему утруждать себя разговорами? Онъ зналъ по многократнымъ опытамъ, что какъ только его душистые усы оторвутся отъ женскаго ротика, изъ него польется неудержимый потокъ пламенныхъ клятвъ и увѣреній, а ему для поддержанія разговора довольно время отъ времени подносить къ своимъ румянымъ губамъ бѣлую, нервно комкающую кружевной платокъ ручку и повторять вздохоподобно: «моя кохана».

Такъ было и тутъ. Зося клялась, что онъ ея единственная, первая и послѣдняя любовь, а онъ отвѣчалъ: «моя кохана!»

Она говорила, что ничто не можетъ заставить ее забыть его, что и днемъ и ночью всѣ ея мысли будутъ о немъ, что ея первый утренній крестъ и послѣдній вечерній будутъ за его имя,—и онъ благодарилъ: «моя кохана!»

Она умоляла его писать къ ней, и онъ, вздохнувъ, хотѣлъ снова прошептать: «моя кохана!» но спохватился. Если говорить ему было нелегко, то писать недавно, и онъ покачалъ головою и отвѣтилъ: «Нѣтъ, этого не надо... опасно».

Зося согласилась. Тутъ наконецъ, пользуясь паузой, онъ только что хотѣлъ обнять свою кохану въ послѣдній, самый жаркій разъ, но постучалась Олеся, и пришлось разстаться.

Зося вытерла глаза, кивнула и вышла... Въ золотистой головкѣ она уносила полное убѣжденіе, что всѣ эти клятвы о единственности и вѣчности любви, объ утренней и вечерней молитвѣ говорилъ самъ Стась, и она вѣрила ему и любила, любила до самозабвенія.

Когда Колычевъ увидѣлъ ея заплаканные глаза, онъ снова захмурился.

— Въ чемъ дѣло?.. Охота принимать теперь эту глупую исторію къ сердцу. Конечно, и Simon былъ неправъ. Къ чему было пускаться въ разговоры съ нахаломъ и индѣйскимъ пѣтухомъ. Шутъ гороховый! У меня руки чесались взять этого Нивисскаго за шиворотъ и вышвырнуть въ озеро, и если бы не дамы, онъ и посейчасъ нырялъ бы въ немъ. Я не понимаю, какъ можно было смѣяться такой идиотски-неприличной выходкѣ?

Зося надула губки.

— Ты разсуждаешь такъ потому, что ты москаль. Ничего глупаго и идиотскаго не было. Вы не въ состояніи понять поляковъ. Вы отняли у насъ все—землю, власть, вѣру! Вы не даете намъ вздохнуть свободно и удивляетесь, что мы ненавидимъ васъ!

— Во-первыхъ, душа моя, хоть я и москаль, какъ ты выражаешься, но на меня тебѣ жаловаться не приходится; во-вторыхъ,—тоже самое можно сказать и про отношеніе Россіи къ Польшѣ: вѣры польской мы не уничтожали, земли отъ васъ не отбирали, до 1830 года у васъ оставались всѣ ваши учрежденія, и наши цари даровали вамъ куда больше правъ, чѣмъ намъ, своимъ исконнымъ подданнымъ. Такъ въ чемъ же вы вините насъ? Повѣрь мнѣ, когда мы подпадали подъ вашу власть, вы куда безцеремоннѣе обращались и съ нами, и съ нашей вѣрой, и съ нашими церквами... Вообще, я пораженъ, открывъ въ тебѣ такое враждебное чувство ко всему русскому. Помнится, въ Москвѣ ты его не высказывала. Или возобновленное знакомство съ друзьями дѣтства такъ озлобило и возстановило тебя противъ Россіи.?

— Запольскіе тутъ ни при чемъ. Я всегда была такая. Я 19 лѣтъ думала и чувствовала по-польски. Неужели ты полагаешь, что въ какой-нибудь годъ можно переродиться?

— Не переродиться, по, познакомившись ближе съ этими ненавистными москалями, убѣдиться, какъ относятся они въ дѣйствительности къ притѣсняемымъ, по-вашему, полякамъ и любить женъ-полекъ. И мнѣ кажется, что не такъ давно и я слышала отъ тебя нѣчто подобное. Или теперь это иначе?

Зося нетерпѣливо пожала плечами:

— Дѣло вовсе не въ насъ съ тобою. Ну да, ты меня любишь, ты меня балуешь... Но я говорю вообще о всѣхъ... У насъ нѣтъ свободы, и я это чувствую вмѣстѣ съ другими... Ахъ, я такъ несчастна! такъ несчастна!

И она, рыдая, опять уткнулась въ подушки.

Иванъ Николаевичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру и остановился у Зосиной постели.

— Если ты чувствуешь себя дѣйствительно несчастной и въ неволѣ,—я согласенъ вернуть тебѣ твою свободу. Разъ мое русское имя и происхожденіе настолько невыносимы для тебя, что ты цѣлый день рыдаешь надъ своею несчастной судьбой, сковавшей тебя

съ ненавистнымъ москалемъ,—вернись къ своимъ, ты вольна распоряжаться собою, какъ хочешь. Для меня будетъ легче знать, что ты счастлива въ разлукѣ со мною, чѣмъ видѣть слезы, недовольство и то пренебрежительное отношеніе, которое я терплю послѣднее время. Ты разъ уже прогнала меня,—тогда это былъ болѣзненный припадокъ. Теперь ты, слава Богу, здорова и можешь хладнокровно обсудить, что тебѣ дороже,—мое ли имя и общество близкихъ мнѣ людей, или тѣ польскія мечты и разжиганіе въ себѣ ненависти къ Россіи, которыя ты привыкла, говоришь, питать съ момента твоего появленія на свѣтъ. Я предупреждаю тебя объ одномъ: если ты рѣшилась остаться Софьей Романовной Колычевой, я не желаю больше, чтобы моя жена вела себя такъ, какъ ты позволила себѣ вчера, и говорила, какъ сейчасъ... Я пойду и распоряжусь, чтобы мнѣ приготовили счетъ, а ты обдумай на просторѣ свое положеніе и если рѣшить ѣхать со мною, а не оставаться съ графиней Свентицкой, то прикажи, въ свою очередь, Марѳушѣ укладывать твои баулы.

Онъ вышелъ. Самъ онъ потомъ удивлялся, откуда взялась у него эта твердость. Но когда онъ вспоминалъ вчерашнюю сцену, всю необузданность Нивисскаго, травившаго его зятя, и злорадный смѣхъ жены и ея пріятельницъ, у него закипала на душѣ такая горечь, что онъ готовъ былъ снова повторить свое вчерашнее: «я русскій!» и итти сейчасъ на дуэль съ человѣкомъ, оскорбившимъ его святая святыхъ.

Строгій, непривычный тонъ мужа ошеломилъ Зою. Она никакъ не могла себѣ представить, что онъ когда-нибудь дерзнетъ говорить съ нею такъ. И она моментально вытерла слезы и встала съ постели. Что же надо теперь сдѣлать?..

Въ эту минуту въ ея маленькій салонъ постучались, и вошла графиня Запольская въ мантильѣ и шляпѣ.

— Милая Зоя,—сказала она цѣлующей ея руку молодой женщины:—я зашла проститься съ тобою и съ мужемъ твоимъ. Передай ему, что я очень огорчена вчерашней выходкой нашего соотечественника. Да, да! я вполнѣ понимаю отъѣздъ твоего зятя. Нивисскій и моя молодежь вели себя непристойно, да и ты, извини, не лучше. У васъ опять начали бродить старья дрожжи, но мой опытъ говорить мнѣ, что вы снова ошибаетесь и усугубите наше тяжелое положеніе и испортите условія жизни. А мужъ твой очень и очень пришелся мнѣ по душѣ, хотя онъ и далъ урокъ поляку. Ты должна благодарить Бога, пославшаго тебѣ такого спутника въ жизни, и стараться всѣми силами угождать ему. Я надѣюсь, ты уже извинилась передъ нимъ за вчерашній смѣхъ? Прости мнѣ, если я по старой памяти читаю тебѣ нотацию, но я желаю тебѣ только, какъ всегда, добра.

Зоя окончательно пресмирѣла.

— Развѣ графиня уже ѣдетъ?

— Да, черезъ полчаса. А вотъ и Стась. Я ему сказала, чтобы онъ зашелъ за мной сюда.

Зося опустила глаза. Стась, элегантнѣе, какъ всегда, вошелъ и поцѣловать хозяйкѣ руку, и никто бы не повѣрилъ, что всего какой-нибудь часъ назадъ эти такъ холодно любезные, сдержанные люди обмѣнивались страстными поцѣлуями.

— Вы еще долго тутъ останетесь? — спросилъ молодой человекъ.

— Не... не знаю. Кажется, мужъ собирается уже завтра.

— Куда? — спросила графиня.

— Онъ не говорилъ мнѣ...

— А!..

Графиня поняла, что между супругами произошла размолвка, — недаромъ у Зоси заплаканы глаза, — и встала.

Зося ждала, что графиня скажетъ: «Такъ поѣдьте же вмѣстѣ на Ривьеру!» но она поцѣловала ее въ лобъ, спустила свою вуальку и, милостиво улыбувшись, вышла въ коридоръ.

Стась церемонно поцѣловалъ руку хозяйкѣ, прошепталъ: «Моя кохана!...» и тоже скрылся вслѣдъ за матерью...

Что же было ей дѣлать? Кинуться за ними, упасть къ ихъ ногамъ и молить взять съ собою?.. Зачѣмъ не прервала она нотации графини и не сказала: я ухожу отъ мужа? Но развѣ Стась заикнулся хоть словомъ, хоть намекомъ, что готовъ принять на себя супружескія обязательства... Или все-таки остаться здѣсь съ Олесей и Элизой? Но въ качествѣ чего? ихъ компаньонки, и изъ этого роскошнаго, лучшаго въ отелѣ апартаменты переселиться наверхъ, въ мансардные дешевые номера. Передъ ней теперь вытягивалась въ струнку вся многочисленная прислуга гостиницы съ метрдотелемъ во главѣ, ее величали madame la baronne и excellence, ее знали всѣ приказчики лучшихъ магазиновъ и содержатели экипажей, дамы завидовали ея туалетамъ, и, уйди она отъ Колычева, скандалъ получился бы полный, вышелъ бы настоящій концертъ надъ концертами, какъ выразился Нивисскій. Нѣтъ, на это она не согласна... Какъ ни тяжело, ни унижительно, — надо примириться съ мужемъ. Она свалить всю вину на подругу...

Внизу на улицѣ послышалось движеніе. Зазвенѣли бубенчики. Слышно было, какъ выносили чьи-то вещи.

Зося, накинувъ кружевной шарфъ, вышла на свой балконъ, какъ разъ надъ перрономъ отеля. Въ дорожную карету садилась графиня. За ней вскочилъ на подножку Стась въ широкомъ плащѣ. Онъ улыбался сестрѣ и Элизѣ и говорилъ: «До увидѣнья, кохана!» Дверца захлопнулась. На наружномъ сидѣніи сзади размѣстились камеристка Запольской Тереза и старый лакей Стася Левчукъ, которыхъ помнила Зося съ Заполя.

Почтальонъ шелкнулъ бичомъ. Карета съ нагруженными на верху кузова баулами тронулась. На поворотѣ улицы въ окошкѣ еще разъ мелькнула голова молодого графа и его рука, махавшая шляпой, и все было кончено...

Не успѣла Зося прійти въ себя, въ ея номеръ постучались. Это были Олеся съ Элизой.

— Какъ это все глупо!—и Олеся бросилась въ кресло.—Никогда ни въ чемъ согласія! Положимъ, Нивисскій дѣйствительно переселилъ вчера. Но чего же тамап приняла это къ сердцу? Вотъ и называется разница въ нашихъ взглядахъ. Нѣтъ, старики отжили свой вѣкъ. Имъ только бы сидѣть за печкой и знать, что никто не дерзнетъ потревожить ихъ покоя. Тѣмъ энергичнѣе надо дѣйствовать теперь намъ, молодымъ.

— Надо прежде всего помнить: кто далъ слово помогать, тотъ не смѣетъ идти на попятный,—наставительно подтвердила Элиза.

Зося вспыхнула.

— Я и не думаю отказываться отъ своего слова. Вотъ!—она выдвинула ящикъ бюро и достала черепаховую шкатулку;—за эти двѣ недѣли мнѣ удалось скопить 2856 франковъ. Мужъ мой тоже собирается ѣхать завтра. Поэтому берите эти деньги. Но я, право, не знаю, какъ устрою потомъ, чтобы пересылать свою долю. Онъ сдѣлалъ мнѣ страшную сцену за вчерашнее и, навѣрно, станетъ шпионить за каждымъ моимъ шагомъ... Ахъ, я такъ, такъ несчастна!—и она снова разрыдалась.

Элиза дѣловито взяла шкатулку и сѣла пересчитывать деньги.

Олеся обняла Зосю.

— Полно, дурочка! Не гнѣви Бога. Нисколько ты не несчастна. Напротивъ, все у тебя есть. Ты думаешь, мы были бы въ состояннн съ Элизой скопить такія деньги по мелочамъ въ столь короткнн срокъ? А что мужъ устроилъ сцену—удивительная бѣда! Знаешь, я хоть и полъка, но сознаюсь—онъ поступилъ вчера молодцомъ и очень мнѣ понравился. Онъ даже былъ красивъ!

— Но онъ все-таки не Стась,—прошептала Зося, прижимаясь къ плечу Олеся.

— Конечно, Стась красивѣе, но ты великая умница, что не упустила такой партн.

— Вѣрно... 2856 франковъ!—провозгласила Элиза.—Я выдамъ тебѣ расписку, а квитанцію тебѣ пришлютъ изъ народнаго комитета. Теперь условимся о дальнѣйшемъ. Вотъ что. У меня, т. е. не у меня собственно, а у тети Анели есть такой еврей-разносчикъ. Онъ бродитъ повсюду и даже черезъ границу не разъ проносилъ секретные окольники подъ подошвою... онъ хвастается, что его всѣ, даже самъ Мѣрославскнн знаютъ. Если будетъ что очень нужно, что ты побоишься довѣрить почтѣ, ты мнѣ только напиши: когда, молъ, ты собираешься

къ тетѣ Анелѣ? Я тебѣ отвѣчу: тогда-то, и ты его въ этотъ срскъ и жди.

— Что же, развѣ можно и деньги ему будетъ довѣрить?

— Хоть цѣлый миллионъ. Онъ честный и вѣрный человекъ. Его зовутъ Шлемъ Брендель... Шлемъ Брендель... Не забудешь?

Когда вернулся Иванъ Николаевичъ, Мароуша уже укладывала второй сундукъ. Съ видомъ кающейся Магдалины подошла Зося къ мужу и увела его въ свой салонъ. Тамъ она бросилась къ нему на шею и, всхлипывая, какъ ребенокъ, призналась, что виновата во всемъ Элиза, и она очень рада освободиться отъ ея вліянія, хотя и любить ее... Она не могла предположить, чтобы ея глупыя слова могли такъ обидѣть Ивана Николаевича и что онъ ихъ такъ приметъ къ сердцу. Но это было въ послѣдній разъ, и онъ никогда, никогда въ жизни не услышитъ отъ нея подобныхъ рѣчей. Она готова хоть сейчасъ написать Сашенькѣ и извиниться передъ Семеномъ Михайловичемъ, и очень, очень жалѣетъ, что они уѣхали не простившись, иначе дѣло бы, конечно, сразу выяснилось.

Колычевъ былъ тронутъ, и между супругами произошло полное примиреніе.

На другой день онъ увезъ жену въ Женеву, а оттуда въ Парижъ, гдѣ Зося совершенно примирилась съ горькой судьбой и, познакомившись лично съ Вортомъ, забыла и про народный комитетъ, и про освобожденіе отчизны, и мужъ едва успѣвалъ платить по счетамъ. Она снова порхала по театрамъ и концертамъ и кокетничала съ сосѣдями за табльдотомъ. Но въ глубинѣ души образъ Стася сіялъ, какъ лучезарный призракъ. Иванъ Николаевичъ могъ быть спокоенъ за свою честь.

«Если, — говорила себѣ Зося, — я устояла тогда передъ Стасемъ, то никто не можетъ совратить меня и заставить забыть свой долгъ!» и она гордилась своею добродѣтелью.

А когда въ ноябрѣ снова обнаружились первые признаки грядущаго материнства, она покорно возвратилась въ Колычево.

М. Г. Веселкова-Кильштеть.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ГАВРИЛЪ НИКИТИЧЪ ПОТАНИНЪ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ ТЕТРАДИ.

I.

ПРѢЛЬ мѣсяць 1896 года былъ непривѣтливъ и холоденъ. Хмурое небо и продолжавшіеся морозы нимаго не напоминали о приближавшей веснѣ. На горизонтѣ общественной жизни тоже не усматривалось ничего утѣшительнаго... Повсюду, а въ цензурномъ вѣдомствѣ въ особенности, чиновникъ давалъ себѣ чувствовать. Русскій чиновникъ, особенно столичный, далеко не тиранъ. Боже упаси! Онъ по-своему даже либераленъ, но въ то же время нарочито безтолковъ. Любить гоняться за мухой съ обухомъ, а слоновъ не примѣчаетъ. Трудновато съ нимъ ладить.

Издаваемый мною журналъ «Лучъ» нѣсколько лѣтъ уже шель плохо. Число подписчиковъ уменьшалось, книжки приложеній стали тощи, а передовыя статьи или вовсе отсутствовали, или «по обстоятельствамъ, независящимъ отъ редакціи», дѣлались короче воробьиного поса.

Дѣло въ томъ, что мой «Лучъ», имѣвшій привилегію выходить безъ предварительной цензуры, подчинили партикулярно, по добровольному соглашенію, отеческому просмотру цензора. Случилось это въ дни, когда правилъ цензурою г. Феоктистовъ.

Напрасно я спорилъ, ссылаясь на незаконность мѣры, на то, что это погубить изданіе.

— Да это же для вашей пользы дѣлается,—убѣждали меня «тамъ».—Вы не принадлежите къ лѣвымъ?

— Нѣтъ, не принадлежу. Я умѣренный, прогрессистъ.

— Вотъ видите ли! А между тѣмъ вы постоянно проговариваетесь. Жаль было бы запретить ваше изданіе, а придется, если вы откажетесь подчиниться дружескимъ совѣтамъ цензора.

Дружескіе совѣты цензора! Это въ нѣкоторомъ родѣ нѣчто напоминающее совѣты сострадательнаго палача, озабоченнаго, чтобы осужденный поскорѣе и безболѣзненно перешелъ въ лучшій міръ.

Мнѣ пришлось, скрѣпя сердце, покориться.

Цензоръ попался съ перваго же раза очень мнительный и доктринеръ.

Все онъ находилъ неподходящимъ: неодобрительные отзывы о Вильгельмѣ, статьи противъ нормировки сахарозаводчика Бродскаго, указаніе на то, что городской не исполнилъ своей обязанности. Даже сообщенія изъ провинціи, что озимыя поля вышли изъ-подъ снѣга черныя и не обѣщаютъ урожая, возбуждали въ немъ желаніе пускать въ дѣло красный карандашъ.

Опъ допекалъ меня постоянно фразою:

— Вы же не лѣвый? И зачѣмъ вамъ, въ такомъ случаѣ, эта соль и этотъ перецъ въ статьяхъ?

— Да, я точно не лѣвыхъ убѣжденій. Но вѣдь и читатели мои тоже не изъ породы травоядныхъ и прѣсное сѣно жевать не желаютъ.

Такое возраженіе цензоръ считалъ прямо дерзкимъ (пожаловался на меня въ комитетѣ), а мнѣ возразилъ:

— Можете все зачеркнутое мною печатать. Ваше изданіе официально выходитъ безъ предварительной цензуры. Вы въ правѣ меня не слушать.

— Но журналъ мой, въ такомъ случаѣ, запретятъ?

— Очень можетъ быть. Но это ужъ ваше дѣло.

Шли годы; мѣнялись цензора, но всѣ они были скроены на одинъ покрой, а изданіе тѣмъ временемъ погибало.

Къ довершенію огорченія, поставлявшій мнѣ бумагу, нынѣ покойный уже, Вячеславъ Петровичъ Печаткинъ, добрѣйшій человѣкъ, потерялъ, наконецъ, терпѣніе и закрылъ мнѣ кредитъ. Числилось за мною что-то очень ужъ много не оплаченныхъ счетовъ.

Пришлось погасить мой «Лучъ».

На меня напала гнетущая тоска. Нелегко отцу похоронить ребенка; нелегко и журналистѣ хоронить свое изданіе, бросить многолѣтнюю любимую работу, съ которою сроднился, и прерывать общеніе съ аудиторіей читателей.

II.

Огорченный и озлобленный бродилъ я по Петербургу. Сидѣть въ моемъ кабинетѣ безъ дѣла было невыносимо. На письменномъ столѣ, на диванахъ, по стульямъ — повсюду лежали мертвецы:

статьи и корректуры статей, которымъ не суждено было когда-либо увидѣть свѣтъ.

На Невскомъ мнѣ какъ-то попался одинъ литераторъ, радостный и сіяющій.

— Я ѣду завтра на коронацію, — объявилъ онъ мнѣ. — Редакція газеты командируетъ меня. А вы ѣдете?

— Нѣтъ. Даже не подавалъ прошенія. Расположеніе моего духа не подходитъ къ торжествамъ.

— Какъ вамъ не стыдно? Да это же очень любопытно. Поѣзжайте непременно. Какъ редактору-издателю, вамъ дадутъ билетъ. Просите только скорѣе.

А и въ самомъ дѣлѣ: не поѣхать ли? Разгоню тоску — и то выигрышь. Просьба была подана. Ходатайство оказалось успѣшнымъ... Въ первыхъ числахъ мая было еще такъ холодно, что я выѣхалъ въ тепломъ пальто. Но въ Москвѣ все вдругъ измѣнилось, точно по волшебству: надъ Бѣлокаменной сіялъ ясный, майскій день. Было не только тепло, но даже жарко. Торжественнаго вѣзда я не видѣлъ — опоздалъ.

Москва меня заинтересовала. Эта азіатская столица, какъ называлъ ее Наполеонъ, прифрантилась и подчистилась. Многотысячная масса обывателей, веселая и галдящая, на время забывшая свои обыденные интересы, заливала улицы. Все было по настоящему торжественно настроено, не такъ, какъ обыкновенно, когда полиція только разрѣшаетъ обывателямъ вывѣсить флаги. Ахъ, сколько въ тѣ поры въ ходу было розовыхъ надеждъ, упованій и т. п. Говоръ, шумъ, рассказы, лживые и правдивые, — оглушали свѣжаго человѣка. Москвичи, какъ извѣстно, народъ чрезвычайно легковѣрный. На первыхъ порахъ чего только мнѣ не пришлось наслушаться, включительно до немедленной отставки Побѣдоносцева. Но, разумѣется, Побѣдоносцевъ и не думалъ объ отставкѣ, а напротивъ — расправлялъ свои крылья... Который-то изъ московскихъ публицистовъ сразу ошеломилъ меня извѣстіемъ, полученнымъ имъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что будетъ безотложно созванъ земскій соборъ, дано представительное правленіе, отвѣтственное министерство и т. д.

На выраженное мною робкое сомнѣніе публицистъ даже обидѣлся:

— Итакъ, вы не вѣрите?

— Не вѣрю. Не та атмосфера въ правящихъ кругахъ.

— Какая тамъ атмосфера! Все зависитъ отъ воли... А время для этого, сознайтесь, самое подходящее.

Противъ послѣдняго я не спорилъ. Время тогда, дѣйствительно, было гораздо болѣе подходящимъ, чѣмъ десять лѣтъ спустя. Но всѣ наши реформы именно тѣмъ и страдаютъ, что постоянно оказываются запоздалыми.

III.

Въ первый же день по прїѣздѣ я успѣшилъ познакомиться съ помѣщеніемъ, заготовленнымъ для приглашенныхъ корреспондентовъ. Домъ деревянный, обширный, стоитъ въ глубинѣ двора. Къ улицѣ жилыхъ строеній нѣтъ... Таковъ старый обычный характеръ московскихъ построекъ. На дворѣ, въ углу, я увидѣлъ нѣсколько казаковъ, дремлющихъ около не разсѣданныхъ лошадей, готовыхъ моментально вскочить на сѣдла и летѣть.

— Казаки-то зачѣмъ тутъ?—спрашиваю у сопровождавшаго меня московскаго публициста.

— Это для экстренныхъ посылокъ. Вдругъ вздумается кому изъ корреспондентовъ куда-либо срѣшное что передать,—и казакъ поскачетъ.

— И исполнить порученіе?

— Непремѣнно.

Никто изъ корреспондентовъ, даже изъ иностранныхъ, впрочемъ, не пробовалъ давать казакамъ какихъ-либо порученій, а посему ничего не могу сказать относительно того, зачѣмъ дежурили казаки на дворѣ корреспондентскаго бюро. Думаю, однако, что они имѣли нѣсколько иное назначеніе.

Посреди зданія былъ парадный подъѣздъ, и изъ довольно неряшливаго вестибюля широкая деревянная лѣстница вела во второй этажъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались кухни. Въ раскрытыя окна видны были въ бѣлыхъ колпакахъ и передникахъ многочисленные повара, усердно работавшіе.

— Здѣсь и кормятъ литературную братію?—спрашиваю.

— Ну, какъ сказать!—замаялся мой москвичъ.—Никто не пробовалъ спрашивать объѣдъ Пожелавшему, вѣроятно бы, подали. Завтракаютъ всѣ; чай тоже для всѣхъ.

— А объѣды?

— Это для чиновниковъ.

— И много ихъ тутъ прикомандировано?

— Много. Однихъ превосходительствъ, кажется, трое, а прочихъ десятка два, а то и поболѣе будетъ.

— Зачѣмъ ихъ столько въ корреспондентскомъ бюро?—пришло мнѣ въ голову.

Но дѣло въ первые же дни выяснилось: чиновники, какъ оказывается, были вполне необходимы.

День въ корреспондентскомъ бюро начинался слѣдующимъ порядкомъ. Въ отведенныя намъ двѣ комнаты, нарочито невеликія, въ которыхъ бывало и душно и тѣсно, къ десяти часамъ набиралось сотни двѣ корреспондентовъ—французовъ, нѣмцевъ, евреевъ, финновъ

и насъ, русскихъ. Галдѣніе было на всѣхъ діалектахъ; иные ухитрялись писать въ этомъ ярмарочномъ шумѣ, отправлять депеши и т. п. Почтовое отдѣленіе и телеграфъ находились тутъ же. Между одиннадцатью и двѣнадцатью часами совершался выходъ. Изъ обширнаго отдѣленія помѣщенія для господъ чиновниковъ и закрытаго для насъ являлись одно или два превосходительства, чрезвычайно корректныхъ, до того корректныхъ, что просто оторопь брала робкія сердца, когда приходилось обращаться къ нимъ.

Превосходительства по очереди отбирали у корреспондентовъ, конечно, только у русскихъ, ихъ писанія для просмотра и одобренія. Тѣ корреспонденціи, которыя были поданы наканунѣ, возвращались подавшимъ большею частью съ крупными помарками. При мнѣ одному какому-то несчастному наиболѣе корректный генераль самымъ корректнымъ образомъ его корреспонденціи не возвратилъ.

— Вы пишете вещи недопустимыя, — ласково улыбулся онъ ему.

— Но то, что я написалъ, — правда, — волновался корреспондентъ.

— Можетъ быть, и правда, но не все подлежитъ оглашенію.

Дѣло касалось критики порядковъ предстоящей раздачи подарковъ на Ходынскомъ полѣ и заготовки ихъ аптекаремъ Клячко. Почему поручили заготовку подарковъ еврею-аптекарю, — дѣйствительно, вызывало на размышленія! Напрасны были мольбы корреспондента съ ссылкой на горестное положеніе его редакціи, которая останется безъ корреспонденціи. Его превосходительство только пожалъ плечами и пошелъ дальше.

Корреспонденціи одобренныя всѣ имѣли клеймо: «печатать дозволяется». Такимъ образомъ, неоспоримо явствовало, что наше корреспондентское бюро, обошедшееся казнѣ въ полмилліона, по существу было простымъ отдѣленіемъ цензуры, а чиновники, къ нему прикомандированные, являлись въ роли цензоровъ и, разумѣется, были необходимы. Иностранныя корреспонденціи не цензуровали. Иностранцы писали, что имъ было угодно. Только русскихъ, поляковъ (изъ Варшавы былъ всего одинъ корреспондентъ) и чухонъ ждалъ красный карандашъ; однимъ намъ, злосчастнымъ, невѣдомые чиновники безапелляціонно указывали: объ этомъ не пиши! вотъ этого не касайся.

Какъ знать! не будь цензуры, столь всеобъемлющей и строгой, ходынской кровавой инцидентъ былъ бы въ значительной степени предупрежденъ и не свалился бы внезапно и неожиданно для всѣхъ, какъ снѣгъ на голову. И это не мое личное мнѣніе. Говорили въ такомъ духѣ многіе.

Корректному превосходительству пробовали доказывать, что при полной свободѣ иностранцевъ писать обо всемъ запретъ для русскихъ и строгая цензуровка ихъ писаній не имѣютъ смысла:

«истор. вѣстн.», май, 1911 г., т. сxxiv.

3

нежелательная сторона нашихъ порядковъ все же будетъ извѣстна за границую.

Но превосходительство, по своему обыкновению, въ отвѣтъ только пожимало плечами. Не отъ него, впрочемъ, и зависѣло поступать иначе.

IV.

Заглядывать въ корреспондентское бюро было до извѣстной степени очень стѣснительно. Явившись, необходимо было выждать пріема, по порядку получать аудіенцію, докладывать возможно кратче вѣчно торопившемуся его превосходительству. Всѣ мы имѣли видъ просителей, явившихся предъ лицо строгаго начальника.

Никакой интимности, ничего похожего на равноправность не допускалось. Встрѣчало опѣшившаго литературщика холодное «что вамъ угодно?» или «не могу! никакъ этого нельзя допустить». Но бывать въ бюро все же было необходимо не изъ-за одной только цензуровки статей. Только тутъ и можно было получить свѣдѣнія о предстоящихъ торжествахъ, застаться входнымъ билетомъ во дворецъ, въ театры, на куртагъ, придворные и иные балы и на ходынкскій парадъ. Театральные билеты публикѣ въ кассахъ не продавались; для постороннихъ попасть на самый актъ коронаціи было немислимо безъ сильной протекціи. На Ходынкѣ, правда, устроены были платныя мѣста, и даже очень дорогія, но изъ большей части ихъ ничего не было видно. Даже просто въ Кремль публика не могла попасть. У всѣхъ воротъ дежурила полиція и безъ билетовъ не пропускала. Но нашъ корреспондентскій значокъ открывалъ намъ дорогу повсюду.

Превосходительства, вѣдавшія корреспондентское бюро, надо имъ отдать справедливость, щедро снабжали насъ пропусками, билетами и, по возможности, старались соблюдать безпристрастіе. Отказа не было никому. Претензій заявлялось немало, но всѣ онѣ скоро, миролюбиво и гладко улаживались. Иностранцамъ, конечно, давались преимущества: ихъ имѣлось въ виду задобрить, и они были гости. Но и такая маленькая спица въ литературной колесницѣ, какъ, на примѣръ, я, редакторъ маленькаго «Луча», все же попалъ и на актъ коронаціи, и на куртагъ, и на балы и прочее. Попадали на эти торжества, подъ корреспондентскимъ флагомъ, даже люди болѣе чѣмъ сомнительные, невѣдомо какъ очутившіеся въ числѣ литераторовъ.

Припоминаю слѣдующій курьезный случай. Чуть ли не наканунѣ куртага въ Большомъ кремлевскомъ дворцѣ явился въ корреспондентское бюро представитель одного крошггадтскаго изданія, по наружности и по платью совершенно невозможный господинъ. Фракъ на немъ былъ съ чужого плеча, не по фигурѣ длинный и широкий и до того затасканный, что вчужѣ было совѣстно. Брюки,

съ побѣлѣвшими и выпятившимися колѣнями, короткія и узкія, обмахрились. Манишки, манжеты и воротнички были грязныя и помятыя. Господинъ не нашель нужнымъ даже чистое бѣлье надѣть, собираясь на торжество. Но хуже всего выглядѣли рыжіе сапоги, со сбитыми на бокъ каблуками. Странному корреспонденту было не болѣе восемнадцати лѣтъ, и казался онъ не то мальчикомъ-подросткомъ, не то—чистокровнымъ хулиганомъ. Никто его не зналъ и онъ никого...

Откуда кронштадтское изданіе его выудило? Въ корреспондентской средѣ говорили, да я и теперь того же мнѣнія, что посланъ онъ былъ для шикана... Были и тогда люди, которые видѣли въ этомъ остроуміе! Корректный генераль нѣсколько секундъ осматриваль оборванца презрительнымъ взглядомъ, но такъ какъ полномочія его были въ порядкѣ, утвердилъ его въ корреспондентскихъ правахъ.

— А гдѣ тутъ обѣдаютъ, товарищъ?—обратился онъ безъ церемоніи къ одному провинціалу.

— Гдѣ кому удобнѣе и гдѣ случится, — отвѣтилъ тотъ.

— А я слышалъ, насъ кормить тутъ будутъ даромъ.

— Едва ли.

— Въ кухнѣ, самъ видѣлъ, повара готовятъ.

— Это для чиновниковъ.

— Экое свинство... Надо протестовать!

На куртагъ во дворецъ онъ явился въ томъ же хулиганскомъ туалетѣ. Обидно было слышать, какъ многіе во дворцѣ, указывая на него пальцами и глумясь, говорили:

— Каковъ литераторъ! у него, того и гляди, отлетятъ подошвы.

Со всѣми онъ заигрываль, нимало не стѣсняясь, но изъ этихъ разговоровъ можно было вывести одно заключеніе: литературы онъ былъ настолько же чуждъ, насколько и паркетъ, на которомъ онъ стоялъ.

Исчезновеніе этого господина было тоже таинственно: по слухамъ, его за счетъ бюро пріодѣли, наградили и убѣдили уѣхать.

Корифей большой прессы являлись въ корреспондентское бюро очень рѣдко. Такъ, А. С. Суворина я видѣлъ всего три раза: въ первый разъ окруженнаго своими сотрудниками, массивнымъ Амфиттеатровымъ, жизнерадостнымъ Сигмою, маленькимъ, тощимъ Як—мъ и другими. Всѣ они старательно не смѣшивались съ плебсомъ, переполнявшимъ корреспондентскія комнаты. За это, впрочемъ, и обвинять ихъ было трудно: много всякаго народа щеголяло съ корреспондентскимъ значкомъ. Второй разъ Суворинъ былъ на ли-

тературномъ корреспондентскомъ обѣдѣ и очень недолго, а третій разъ—снялся на фотографіи со всѣми нами.

Отъ ежемѣсячныхъ изданій представителей вовсе не было. Эти господа фрондировали. Пропперъ и В. В. Комаровъ почему-то причисляли себя къ большой прессѣ. Но эти господа охотно со всѣми бесѣдовали. В. В. Комаровъ, по обыкновенію, суетился и ораторствовалъ, а Пропперъ, впоследствии невозмутимо ходившій «ку Плева и ку Витте», такъ же точно невозмутимо ходилъ между корреспондентами и, наклоня голову, прислушивался, о чемъ говорятъ.

Иностранцы корреспонденты были на три четверти общаго количества—евреи. Но слѣдуетъ имъ отдать справедливость: они безспорно оказывались и приличіе, и терпиме въ сравненіи съ чистокровными иѣмцами, особенно прусской породы—народомъ грубымъ, необщительнымъ и высококомѣрнымъ.

Провинціальныхъ корреспондентовъ было очень много. Выдѣлялись: Ю—чъ изъ Харькова, упорно старавшійся примкнуть къ гогамамъ и магогамъ прессы, но, кажется, неудачно, и Навроцкій изъ Одессы, посившійся тогда съ своимъ проектомъ общежитія для инвалидовъ литературы. Идея сама по себѣ хорошая, но при осуществленіи ея много было допущено ошибокъ; включены были заодно съ литераторами наборщики и даже продавцы номеровъ газетъ—и въ результатѣ получился крахъ.

Еще приходится отмѣтить англичанина мистера Пича, представителя «Таймса»,—небольшого, худенькаго старичка съ сѣрыми бакенбардами и сухимъ холоднымъ лицомъ. Мистеръ Пичъ зналъ, или увѣрялъ только, что знаетъ по-русски только одно слово, но настаивалъ, что этого слова ему вполне довольно для отвѣта на всѣ вопросы.

— Какъ вы находите Москву, мистеръ Пичъ?—спрашиваютъ у него.

— Безобразіе!—отвѣчаетъ англичанинъ.

— А русскіе общественные порядки?

— Безобразіе.

— Наши желѣзныя дороги?

— Безобразіе.

— Администрація, чиновничество?

— Безобразіе.

И такъ далѣе. На всѣ вопросы одинъ отвѣтъ. Британецъ, конечно, пересаливалъ, но язвительный отвѣтъ его въ ту пору, пожалуй, и не очень далеко былъ отъ правды. Между корреспондентами были два японца съ ужасными зубами, бѣлыми и острыми, какъ у волковъ, и сильно развитыми челюстями. Лукавые желтолицые притворялись, что они по-русски ни слова не понимаютъ, но это была неправда. Японцы ко всему внимательно присматривались, все что записывали, и, когда однажды покойный Комаровъ заявилъ

со свойственной ему безапелляціонностью, что Дальній Востокъ будетъ весь подчиненъ Россіи, японцы это сейчасъ поняли, усмѣхнулись многозначительно, и въ глазахъ ихъ загорѣлись недобрые огоньки.

На коронаціи, въ Кремлѣ, они сидѣли рядомъ со мною и Гиляровскимъ и отлично понимали нашъ разговоръ.

V.

Разсказывать въ хронологическомъ порядкѣ обо всемъ, что происходило въ теченіе трехъ недѣль коронаціонныхъ торжествъ, теперь, когда этому минуло уже двѣнадцать лѣтъ, считаю излишнимъ. Но кое-что вспомнить не мѣшаетъ. Начну съ акта коронаціи. Для корреспондентовъ устроены были мѣста амфитеатромъ вдоль стѣны Архангельскаго собора, противъ Краснаго крыльца. Помѣщеніе было выбрано какъ нельзя удачнѣе.

Очень рано, къ шести часамъ утра, мы, корреспонденты, собрались къ кремлевскимъ воротамъ; тамъ насъ тщательно провѣрили, вѣроятно, чтобы не попалъ въ нашу среду кто-либо посторонній, и провели къ мѣстамъ у стѣны Архангельскаго собора. Площадь между дворцами и соборами была еще пуста. Приходилось ждать долго. Но настроеніе у всѣхъ было веселое. Предстояло увидѣть то, что рѣдко кому приходится видѣть въ жизни два раза. Художники добыли рисовальныя принадлежности и принялись за эскизы.

Многіе закусывали тѣмъ, что успѣли захватить. Торопясь, какъ бы не опоздать, большинство даже чаю не успѣли напиться. Толстый Пропнеръ жевалъ шоколадъ и мнѣ предложилъ погрызть пластинку. Зубастые японцы, умѣстившіеся рядомъ, надоѣдали вопросами, и получаемые отвѣты сейчасъ же заносили въ свои тетради. Юркіе представители разныхъ листовъ куда-то исчезали и, малое время спустя, появлялись съ довольными фізіономіями. Это они ходили завтракать. Во дворцѣ у кавалергардовъ былъ устроенъ буфетъ и всякому желающему, кто бы онъ ни былъ, предлагались, конечно, бесплатно, кофе, чай, шампанское и всевозможные деликатесы. Не всѣ находили удобнымъ пользоваться этою даровщиною, но нашлись и такіе, которые не стѣснялись. Къ концу торжества оказалось нѣсколько лицъ, возбужденныхъ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало.

Площадь понемногу наполнялась. Она была раздѣлена на отдѣлы. Въ каждый отдѣлъ, предводимые вожакомъ и окруженные полицейскими, вводились колонны рабочихъ, ремесленниковъ и просто крестьянъ. Когда всѣ отдѣлы оказались заполненными, слышалась команда: довольно!

Безъ входнаго билета никто не могъ попасть въ Кремль, даже изъ интеллигенціи и чиновниковъ. Платныхъ мѣстъ было немного, или, вѣрнѣе, ихъ и вовсе не было. Чтобы получить мѣсто, съ котораго къ тому же трудно было что-либо увидѣть, мало оказывалось уплатить деньги, требовалось еще свидѣтельство о благонадежности.

Простой народъ, толпившійся вокругъ кремлевскихъ стѣнъ, искренно радостный и патріотически настроенный, могъ кричать «ура» сколько ему угодно, но видѣлъ только ряды экипажей избранныхъ, подъѣзжавшихъ къ воротамъ,—не болѣе.

Въ мѣстахъ для дипломатовъ я увидѣлъ въ раззолоченномъ халатѣ эмира бухарскаго и въ темномъ шелковомъ архалукѣ, съ громаднымъ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ, хана хивинскаго.

Оба властелина далекой Азіи имѣли невеселыя лица. Ихъ, какъ не христіанъ, не допустили въ Успенскій соборъ, что, очевидно, имъ не нравилось. Потомки грознаго желѣзнаго хромца Тимура играли на коронаціонныхъ торжествахъ довольно жалкую роль.

Солнце высоко поднялось изъ-за кремлевскихъ стѣнъ и ярко свѣтило на безоблачномъ небѣ. Становилось душно и жарко. Особенно достойными сожалѣнія выглядѣли многочисленные военные чины, затянутые въ свои мундиры, жарившіеся на припекѣ и въ теченіе пяти-шести часовъ не имѣвшіе возможности ни присѣсть, ни освѣжить ротъ хотя бы кашлею воды. Одинъ мой знакомый генераль-лейтенантъ Г—нъ, увидя меня комфортабельно возсѣдающимъ и даже закусывающимъ на моемъ возвышенномъ мѣстѣ, прикрытомъ отъ солнца высокою стѣною собора, воскликнулъ:

— Вотъ первый разъ въ жизни я позавидовалъ положенію русскаго литератора!

VI.

Величественно и красиво было царское шествіе въ Успенскій соборъ. Первою вышла на Красное крыльцо вдовствующая государыня. Крики «ура» раздались оглушительнымъ хоромъ. Государь и государыня при искренно восторженныхъ кликахъ шли подъ особыми балдахинами, палки отъ которыхъ несли первые сановники государства. Съ Краснаго крыльца послѣдовалъ историческій, традиціонный поклонъ русскаго царя русскому народу.

Въ Успенскомъ соборѣ я не былъ. По тѣсногѣ помѣщенія туда попали только нѣсколько иностранныхъ корреспондентовъ и двое-трое представителей большой прессы. По рассказамъ, тамъ было до того тѣсно и мучительно жарко, что нѣкоторымъ дѣлалось дурно.

По окончаніи коронаціоннаго обряда шествіе въ томъ же порядкѣ прослѣдовало черезъ Красное крыльцо обратно во дворецъ.

Было почти три часа, когда мы вышли изъ Кремля, очень измученные.

Народъ заполнялъ площадь и улицы, волновался, галдѣлъ и все еще чего-то ожидалъ.

VII.

Я полагаю, мало кому удавалось быть на дворцовомъ куртагѣ, поэтому описаніе его для многихъ можетъ быть интересно. Насъ собрали на подъѣздѣ Большого кремлевскаго дворца къ семи часамъ вечера и затѣмъ провели во второй этажъ въ открытыя четыре громадныя залы. Прочія дворцовыя помѣщенія были наглухо закрыты. Удалиться до окончанія куртага никому изъ приглашенныхъ не дозволялось. Въ крайней залѣ, смежной со внутренними государевыми покоями, лежали короны, скипетръ, держава и еще разныя драгоценности. Эта зала предназначалась для высочайшихъ особъ и дипломатовъ. Прочія три залы—для военныхъ, гражданскихъ чиновъ и представителей городовъ и народа. Всѣ онѣ скоро наполнились толпою. Насъ просили не сучиваться въ одномъ мѣстѣ, а размѣститься во всѣхъ трехъ залахъ, гдѣ кому придется.

Самое большое неудобство заключалось въ томъ, что негдѣ было присѣсть. Вся мебель, до послѣдняго стула, была вынесена. Подъ конецъ куртага я видѣлъ одну купчиху, осыпанную брильянтами, очевидно, замоскворѣцкую милліонщицу, буквально падавшую отъ изнеможенія. Покрытое крупными каплями пота лицо толстухи было синебагровое. Отъ изнеможенія и духоты она готова была упасть въ обморокъ.

— Ахъ, родители! гдѣ бы присѣсть?—шентали ея поблѣвшія губы.

Я усадилъ ее на подножье колонны. Другого мѣста сѣсть не нашлось. Что съ нею было дальше —не знаю!

Въ числѣ корреспондентовъ были, кажется, три женщины и въ ихъ числѣ одна американка. Корректнѣйшій генераль заявилъ, что дамы могутъ быть на куртагѣ, но не иначе, какъ въ бальныхъ костюмахъ, декольте и въ свѣтлыхъ платьяхъ. Двѣ корреспондентки, не имѣя бальныхъ туалетовъ, не поѣхали на куртагъ, но американка не покорилась и явилась въ черномъ шелковомъ платьѣ и съ закрытымъ лифомъ. Но ее, повидимому, не замѣтили.

Въ десять часовъ въ толпахъ, наполнявшихъ залы, замелькали господа въ придворныхъ мундирахъ, съ черными жезлами, украшенными голубыми лентами. Они очистили широкую дорогу для предстоящаго шествія. Жезламъ ихъ повиновались самыя важныя фигуры, и, надо имъ отдать справедливость, церемоніймейстеры мало стѣснялись и отстѣсняли назадъ безцеремонно выпятившихся впередъ генераловъ и крупныхъ чиновниковъ. Смиренные корреспон-

денты, само собою разумѣется, при этомъ поспѣшно отходили за толпу. Но не тутъ-то было: господа съ черными жезлами внимательно отыскивали фраки съ корреспондентскимъ знакомъ и настойчиво приглашали ихъ передвинуться въ первый рядъ. Генеральство очень этимъ обижалось и роптало. Но *volens-nolens* пришлось ему смириться и смотрѣть на шествіе изъ-за нашихъ спиныхъ.

Шествіе, т. е. самая сущность куртага, заключалось въ слѣдующемъ: шли парами герольды, пестро одѣтые, съ перьями въ головныхъ уборахъ. За герольдами шествовали оберъ-церемоніймейстеръ (или оберъ-гофмейстеръ), чрезвычайно высокій, худой, съ нѣмецкою фізіономіей господинъ и оберъ-гофмейстерина—очень полная, приземистая дама.

Государь шелъ съ Государынею. У Ея Величества шлейфъ несли шесть камеръ-пажей. Подхвативъ шлейфъ тяжелого платья, они его ловко расправляли и черезъ двѣ-три минуты опять подхватывали. Имъ приходилось такимъ образомъ подхватывать шлейфъ и вновь расправлять его много разъ.

За Ихъ Величествами слѣдовали другія высокія пары.

Между прочимъ шелъ претолстѣй турокъ, турецкій посланникъ, и о чемъ-то весело бесѣдовалъ со своей дамой.

Ни эмира бухарскаго, ни тяжелого толстяка хивинскаго хана на куртагъ не было.

Шествіе медленно двигалось по заламъ; пары мѣнялись, и, когда окончились всѣ безконечныя прохожденія и смѣны паръ, на часахъ было часъ по полудночи. Государь и государыня удалились во внутреннія комнаты, и куртагъ окончился.

— А ужинъ? Неужели же ужина не будетъ?—слышались наивные голоса, въ особенности между представителями малой прессы.

Служитель, старичокъ, одѣтый въ мундирный фракъ, просвѣщаль жаждавшихъ ужина:

— Не то что ужина, стакана воды на куртагъ нельзя подать. Не полагается. Присѣсть и то возбранено. Мебель всю изъ залъ вынесли. Потому тутъ шествіе, а другой какъ разъ и разсядется. Невозможно такъ-то. Вотъ пойдутъ балы, во дворцѣ, али у пословъ и министровъ, тамъ буфеты будутъ. И кушайте тогда, господа, на здоровье.

— И выпить можно будетъ?

— И выпить можно. Однако не очепъ чтобы! Высокое общество тамъ, на балахъ, и, значить, напиваться не положено.

Наивнымъ объясненіямъ старичка лакея всѣ смѣялись и съ шутками и громкимъ веселымъ говоромъ торопливо выбрались на Кремлевскую площадь.

Чудная была ночь. Москва еще не спала, и улицы кишѣли веселыми толпами народа. Жаждавшіе ужина отирались добы-

вать его. Я долго стоялъ и любовался несравненнымъ видомъ на Замоскворѣчье, усѣянное огнями, на кремлевскія стѣны съ прихотливыми башенками, чернѣвшими во мракѣ. Ни спать, ни ѣсть мнѣ не хотѣлось.

За куртагомъ шла серія баловъ. Наболѣе блестящій и роскошный далъ французскій посоль, на который, впрочемъ, попали очень немногіе изъ корреспондентовъ. Помѣщеніе французскаго посольства было не велико, а жаждущихъ выпить—немало ихъ было между корреспондентами—тоже нельзя было пустить на балъ съ буфетомъ безъ большого риска. Балы я описывать не намѣренъ.

На моей палитрѣ нѣтъ достаточно яркихъ красокъ, чтобы нарисовать высокое общество, наполнявшее балныя залы. Сдѣлаю только одно общее замѣчаніе: нигдѣ на всѣхъ великосвѣтскихъ увеселеніяхъ, обошедшихся въ десятки тысячъ, я не подмѣтилъ ни малѣйшаго признака настоящаго веселья. Впослѣдствіи я видалъ великосвѣтскія похороны. Настроеніе публики, и балной, и похоронной, къ удивленію моему, ничѣмъ не отличалось.

Печально веселятся люди, принадлежащіе къ высокимъ сферамъ.

VIII.

Перехожу къ кровавому инциденту на Ходынкѣ. Кто тутъ причиненъ? До сихъ поръ это не разъяснено. Пострадалъ одинъ полицеймейстеръ Власовскій. Но, конечно, не онъ былъ главный виновникъ. Коронаціонная комиссія распорядилась...

Версій ходынскаго кровопролитія было много. Иностранцы писали; мы—русская пресса—могли только говорить и судить о предполагаемыхъ виновникахъ катастрофы, да и то не иначе, какъ въ интимномъ кружкѣ. Цензура сразу поставила барьеръ: ходынской катастрофы не касаться.

— Но почему же не касаться!

То, что было писано въ иностранныхъ газетахъ, далеко отъ правды. Гдѣ же, однако, разъясненіе печальной тайны?

Русскій чиновникъ, по моему искреннему убѣжденію, своею безтолковостью пріуготовилъ многотысячную ходынскую бойню. Это онъ не озаботился сравнять плацъ, на которомъ помѣщалось прежде отдѣленіе французской электрической выставки. Ямы и рвы, оставшіеся отъ выставки, были наскоро только заложены досками, и, когда толпа въ сотню тысячъ людей хлынула за подарками, доски поломались, и несчастливцы попадали въ ямы и рвы, гдѣ и задохались. Сзади напирали десятки тысячъ, а впереди устроители раздачи подарковъ мудро придумали открыть, въ барьерѣ, узенькіе проходы. Грубые рабочіе, по мнѣнію гг. чиновниковъ,

должны бы по одиночкѣ подходить, получить подарокъ и проскользнуть въ щель прохода. Разумѣется, все было сломано, разнесено и затоптано.

Кто-то распорядился привести изъ окрестныхъ фабрикъ рабочихъ. Они подъ предводительствомъ полицейскихъ явились накануне торжества и заночевали на Ходынкѣ. Скопилась громадная толпа. Съ цѣлью разрядить ее, подарки начали раздавать раньше (вечеромъ накануне ходынского праздника) и вдругъ остановились съ раздачей. По слухамъ—подарковъ не хватило!

Подрядъ заготовки подарковъ сланъ былъ еврею аптекарю Клячко, какъ предложившему наиболѣе дешевую цѣну. Но и до сего дня осталось неразъясненнымъ: все ли количество подарковъ, по слухамъ 400,000, изготовилъ г. Клячко? Или же онъ совершилъ обычный гешефтъ: цѣну заготовки поставилъ низкую, внѣ конкуренціи, а число подарковъ уменьшилъ и ихъ не хватило. Кто его могъ провѣрить, особливо послѣ разгрома на Ходынкѣ.

Чиновники наши всегда любятъ имѣть дѣло съ евреями. На подрядахъ, поставкахъ и прочемъ всегда кишать разные Клячки. Дѣло Лидваля, конечно, вопіющее дѣло. Но если бы Лидваль былъ еврей, повѣрьте, такого скандала и шума въ прессѣ (еврейской) не было бы. Аптекарь Клячко былъ еврей, и всѣ его гешефты остались подъ спудомъ.

Общественное мнѣніе въ Москвѣ единогласно обвиняло коронаціонную комиссію и ея предсѣдателя, но этотъ вопль народный не могъ достигъ высокихъ сферъ.

Цусимскія старыя калоши, на которыхъ отпразднели воевать съ японцами доблестныхъ русскихъ моряковъ, по существу весьма напоминаютъ сданный г. Клячко подрядъ коронаціонныхъ подарковъ.

Если отъ преступныхъ промаховъ чиновника туго приходится народу, на помощь ему сейчасъ же является цензоръ и говорить:

— Помолчите! то, что вы пишете, пусть и правда, но вотъ то-то и то-то не подлежитъ оглашенію.

Нашъ корректный генераль, усердно вычеркивая все, что касалось закулисной стороны ходынской бойни, очень наивно резонировалъ:

— Эхъ, господа! ну, охота вамъ размазывать эту непріятность? Мертвыхъ вы не оживите, а на народъ наведете сомнѣнія.

Впрочемъ, въ виду тогдашней цензуры никто и не пытался усердно заглядывать за кулисы и освѣщать дѣйствія коронаціонной комиссіи.

Мы знали, что все равно пзъ обличеній ничего не выйдетъ и плетью обуха не перешибить.

IX.

На ходынской парадъ я по ошибкѣ попалъ въ посольскій павильонъ. Толковъ о катастрофѣ было и тутъ много, но особенной освѣдомленности не было. Французы утверждали, будто погибло двадцать тысячъ; нѣмцы злорадствовали; англичане зловѣще молчали. Молодой турецкій бей настаивалъ на оригинальной, чисто турецкой точкѣ зрѣнія: пять или двадцать тысячъ погибли—это не суть важно.

Я, конечно, молчалъ, чтобы не выдать своего безправнаго положенія среди этихъ аккредитованныхъ господъ.

Послѣ парада всѣ прошли въ Петровскій дворецъ, гдѣ обѣдали старшины, и Государь подъ руку съ Государыней ходилъ между столами.

Перехожу къ самому тяжелому въ моихъ воспоминаніяхъ.

Изъ Петровскаго дворца я прошелъ на Ходынское поле, къ высокому забору, свѣже сколоченному изъ досокъ и охраняемому полиціей.

За этимъ заборомъ лежали жертвы катастрофы.

— Нельзя сюда!—сурово остановилъ меня полицейскій чинъ.

Ничего не говоря, чтобы не выдать, что я русскій, а не иностранный корреспондентъ, я отстегнулъ лацканъ пальто и показалъ корреспондентскій значокъ.

Алгвазилъ сейчасъ же стушевался.

За заборомъ земля была пропитана кровью и лежали трупы. Они были сложены кострами одинъ на другой, какъ складываютъ дрова. Я насчиталъ семь пирамидъ-костровъ, очень высокихъ. Всего ихъ было до шестнадцати. Это были только тѣ, которыхъ никто не опозналъ. Къ четыремъ часамъ пополудни, когда я осматривалъ складъ труповъ за заборомъ, остальные кучи мертвецовъ уже увезли.

Дѣло происходило такъ. Ходынское поле необходимо было очистить: на немъ должны были строиться и парадировать войска; государь неизбѣжно долженъ былъ проѣхать, а тутъ разбросаны тысячи труповъ и лужи крови... Полиція нашлась: соорудили заборъ и стащили за его стѣну всѣ остатки кровавой боины. Раненыхъ увозили прочь. Но между трупами не всѣ были настоящіе трупы. Раздавленные еще дышали. Дѣло дѣлалось наспѣхъ; солдаты не церемонились и, по рассказамъ, не разбирая, валили всѣхъ въ одну кучу.

Страшно даже подумать, что это могло имѣть мѣсто.

— Но что намъ было дѣлать!—говорилъ мнѣ впоследствии маленький полицейскій чинъ. Это было уже въ 1900 г., когда я постоянно жилъ въ Москвѣ.

— И вы валили съ мертвыми и дышавшихъ еще?

— Завѣдомо—нѣтъ-съ. Дышавшихъ отбирали. Ну, а если который совсѣмъ былъ какъ мертвый, такого, конечно... Времени, сударь, не было; докторовъ тоже для разбора не командировали. Къ восьми часамъ утра площадь приказано было очистить—и очистили-съ.

Убитые и сложенные въ костры были большею частью фабричные и крестьяне. Но въ числѣ ихъ попадались и состоятельные москвичи. Любопытна психологія людская. Подарокъ стоилъ, по официальной оцѣнкѣ, 1 р. 80 к.; собственно онъ не стоилъ и половины этихъ денегъ. И вотъ за этимъ-то ничтожнымъ подаркомъ, ночью, побѣжали мелкіе купцы, ремесленники, домовладѣльцы и тому подобный обеспеченный людъ—и жалко погибли въ свалкѣ.

Увозили тѣла на простыхъ ломовыхъ телѣгахъ. Когда возъ былъ доверху полонъ, накрывали несчастливцевъ окровавленными брезентами и ломовому командовали: «ну, трогай!»

Я съ полчаса стоялъ и глядѣлъ на страшную уборку. Пожарные и еще какіе-то солдаты хватили трупъ за ноги и за руки и взбрасывали на телѣгу, буквально взбрасывали, а не клали. Но при этомъ неизмѣнно обшаривали карманы.

При мнѣ солдатъ стащилъ съ убитого сапоги.

— Это что же?—обратился я къ полицѣймейстеру.—Вѣдь здѣсь идетъ ограбленіе мертвыхъ, а вы смотрите и молчите.

На меня злобно посмотрѣли грабители. Окрысился и полицѣйскій чинъ. Ему теперь было уже ясно, что я не иностранецъ, а русскій.

— Извольте уходить. Тутъ вамъ нечего глядѣть. Не послушаетесь—позову казака!

Пришлось уйти, а ограбленіе мертвыхъ, конечно, продолжалось.

Но довольно воспоминаній на эту грустную тему. Хотя и теперь еще, черезъ двѣнадцать лѣтъ, когда мнѣ приснится ужасный заборъ на Ходынскомъ поле, костры-кучи мертвыхъ тѣлъ и ломовыя телѣги, ихъ увозившія, сердце мое болѣзненно сжимается.

Х.

Закончу мои воспоминанія описаніемъ корреспондентскаго обѣда. Мы, русскіе корреспонденты, давали его иностранцамъ.

Обѣдъ вышелъ не изъ особенно удачныхъ. Прежде всего онъ былъ безъ распорядителей. Некого было выбрать. Наиболѣе солидные люди изъ большой прессы, навѣрное, не были бы выбраны. Большинство голосовъ, конечно, получилось бы на сторонѣ провинціаловъ и представителей листковъ. Но распорядитель изъ ихъ числа ужъ потому не могъ фигурировать, что таковой навѣрное бы оказался иностраннымъ языкамъ не обучавшимся.

Безраспорядительность обѣда повела къ тому, что собственно никакого чествованія не было, а просто иностранные корреспонденты обѣдали за счетъ русскихъ.

В. В. Комаровъ самъ себя пожаловалъ въ распорядители—и спасибо ему за это. Входящихъ нашихъ гостей все же кто-нибудь да привѣтствовалъ и избавлялъ отъ неловкаго положенія.

Такимъ путемъ, одинъ подводный камень былъ обойденъ.

Но, оказывалось, много еще было другихъ подводныхъ камней. Нѣмцы не пользовались симпатіями. Надутые, грубые, высоко-мѣрные пруссаки до того всѣмъ опротивѣли, что за столомъ съ ними никто не пожелалъ сѣсть въ качествѣ хозяевъ. Послѣ нѣкотораго колебанія упросили заняться угощеніемъ пруссаковъ нашихъ корреспондентовъ евреевъ. Спасибо имъ, согласились.

Со мною тоже приключилась непріятность, благодаря тому же отсутствію распорядителей. Ба—нъ, я и еще нѣсколько человѣкъ уговорились сѣсть рядомъ и положили свои карточки на приборъ въ знакъ, что мѣста заняты. Вдругъ откуда-то вынырнулъ г. Як—евъ (настоящая его фамилія, кажется, Цибульзонъ) и принялся выбрасывать наши карточки, объясняя, что тутъ онъ посадить своихъ парижскихъ знакомыхъ. Между нами произошелъ очень крупный разговоръ. Обидѣвшемуся Я—ву я предложилъ получить удовлетвореніе. Но онъ прикрылся принципиальнымъ неодобреніемъ всяческихъ поединковъ и трусливо стушевался.

Самый обѣдъ прошелъ спокойно, безъ всякихъ непріятныхъ и нежелательныхъ инцидентовъ. Но едва встали изъ-за стола, какъ пруссаки и часть австрійцевъ-нѣмцевъ демонстративно удалились, не пожелавъ слушать ни пѣнья, ни музыки артистовъ императорской труппы и другихъ, любезно согласившихся украсить нашъ обѣдъ.

Объ отсутствіи пруссаковъ, конечно, никто не пожалѣлъ.

Но другая невѣжливость, совершенная уже англичанами, была болѣе чувствительна. Бритты и трое американцевъ удалились въ особую гостиную, притворили двери и, приказавъ подать вино, бесѣдовали очень долго, ни разу не выходя въ общій залъ, гдѣ шелъ концертъ и провозглашались тосты.

Недовольство противъ англичанъ была общее. Ограничились, впрочемъ, заявленіемъ, переданнымъ черезъ кельнера, что мы, русскіе корреспонденты, безусловно примемъ на свой счетъ плату за все, что выпьютъ обособившіеся господа британцы. Британцевъ, впрочемъ, это не особенно тронуло.

Большинство представителей большой прессы торопливо уѣхали съ неудавшагося обѣда. Любезные французы оставались до конца.

При тостахъ, конечно, не обошлось безъ провозглашенія: «Vive la république! да здравствуетъ республика!!!»

Изъ передней сейчасъ же выдвинулась полицейская фигура, смущенная и озадаченная цензурными кликами, съ вопросомъ:

— Необходимо переговорить съ распорядителемъ обѣда.

— У насъ нѣтъ распорядителей, — объяснили ему.

— А тутъ былъ полковникъ...

— Это вы про Комарова... Давно уѣхалъ.

Пришлось мнѣ объяснять встревоженному приставу, что возгласа: «vive la republique!» ему нечего пугаться: французы пили за Государя и за Россію, и мы должны же были пить за ихъ республику.

Посовѣтовавъ намъ поскорѣе прекратить собраніе, приставъ удалился, далеко не успокоенный.

Отвѣтныи обѣды иностранной прессы намъ, хозяевамъ, не стоялся: нѣмцы запротестовали.

Въ Пештѣ готовилась выставка. Господа венгерскіе корреспонденты снеслись съ выставочнымъ комитетомъ и официально пригласили русскихъ пожаловать въ венгерскую столицу.

Предложеніе интересное, но воспользовались имъ почему-то очень немногіе.

Въ концѣ мая я уѣхалъ изъ Москвы и все лѣто — погодное и жаркое — провелъ въ глуши Бѣлоруссин, среди лѣсовъ, окаймляющихъ (правильнѣе: окаймлявшихъ) берега родной Двины. Прекрасный край! Населенъ онъ добродушнымъ и по сегодня исключительно земледѣльческимъ народомъ.

До августа время мое пролетѣло незамѣтно и быстро. Въ августѣ пришлось вернуться въ Петербургъ и возобновить «Лучъ» уже подъ издательствомъ Вольфа. Но это особая исторія, и о ней когда-нибудь расскажу особо.

С. С. Окрейць.

ВОКРУГЪ ПЕТЕРБУРГА.

(Изъ галереи современныхъ типовъ).

I.

Въ Павловскѣ.

Беллетристическая мозаика.

ОХЛОВЪ—старый петербуржецъ.

Правда, родился онъ на югѣ, жилъ и воспитывался на югѣ и только потомъ, ко времени поступленія въ университетъ, перебрался на берега Невы; но пребываніе въ «Питерѣ» въ теченіе четверти вѣка, конечно, постепенно (отъ студенческой скамьи до кресла чиновника одного изъ министерствъ) превратило его въ истого петербуржца.

Вторая родина, какъ опытный столяръ, умѣющій выкрасить и отполировать простое дерево подъ орѣхъ, сгладила всѣ шероховатости «милой провинціи» и придала ему тѣ черты, безъ которыхъ трудно себѣ представить типичнаго петербургскаго обывателя.

Холодный расчетъ, жажда паживы и замкнутая неискренность подъ маской лицемѣрія замѣнили прежніе горячіе порывы молодого сердца; показное самолюбіе и пристрастіе къ установившимся традиціямъ, какъ бы ни были онѣ скучны и бесполезны (если не вредны), заглушили стремленіе къ совершенствованію, къ исканію «своего», непохожаго на «чужое».

Вѣчный посѣтитель первыхъ представленій, неизмѣнный «открыватель» и «закрываетель», строчитель исходящихъ и вершитель входящихъ бумагъ,—онъ вездѣ являлся живымъ свидѣтелемъ вчерашнихъ и сегодняшнихъ событій, но непроницательнымъ угадчикомъ того, что ожидалось на завтра. Въ отчетахъ газетныхъ репортеровъ фамилія Хохлова часто мелькаетъ наравнѣ съ именами, принадлежащими къ такъ называемому «всему Петербургу», и его многіе знаютъ, говорятъ о немъ и даже ищутъ его знакомства.

Обыкновенно онъ уѣзжаетъ куда-нибудь лѣтомъ, но нынче остался въ городѣ по разнымъ служебнымъ, семейнымъ и какимъ-то еще инымъ невѣдомымъ причинамъ.

Это его угнетаетъ, но онъ не можетъ ничего подѣлать: иногда приходится, вѣдь, уступать обстоятельствамъ!

И онъ задумываетъ разныя кратковременныя поѣздки въ окрестности, чтобы заглушить тоску о Парижѣ, о Венеціи, о Крымѣ...

Есть свободные два-три дня, и Хохлова прежде всего тянетъ въ Павловскъ къ Ильяшевымъ, гдѣ онъ еще недавно считался другомъ дома.

Брюзжить и садится въ дачный вагонъ перваго класса для некурящихъ.

Скоро успокаивается: съ Павловскомъ связано столько воспоминаній! Нѣсколько лѣтъ не пріѣзжалъ онъ сюда...

... «Красная долина» и рѣка Славянка, гдѣ онъ любилъ купаться, когда былъ студентомъ, и откуда украдкой засматривался на плавающихъ женщинъ...

... Старое шале въ швейцарскомъ вкусѣ, куда во время дождя и грозы, застигнутый врасплохъ, не разъ поспѣшалъ изъ парка съ какой-нибудь барышней или дамой, чтобы наединѣ съ ними коротать весеннія бѣлыя сумерки...

... Не менѣе удобный для мимолетныхъ сердечныхъ встрѣчъ заглушенный деревьями «Крикъ» или уединенная на островкѣ бѣсѣдка—грибъ съ витой лѣстницей...

... «Храмъ дружбы»... «двѣнадцать дорожекъ» съ бронзовыми статуями девяти музъ, Аполлона и Меркурія... молочный домикъ...

... Обвѣянный тихими легендами «розовый павильонъ», гдѣ корельская береза, англійскій фарфоръ, старинныя шелковыя вышивки, безмолвная теперь Эолова арфа и самый воздухъ уносятъ ваши мечты къ концу XVIII вѣка... Стѣпы залы, обвитыя полотномъ... гирлянды фарфоровыхъ цвѣтовъ на потолкѣ, откуда спускаются темныя люстры изъ крашеннаго дерева съ восковыми свѣчами и металлическими украшениями... рядъ столиковъ, выдвигающихся другъ изъ друга съ картинами, вышитыми заботливой рукой императрицы... фронтоны главнаго крыльца и фризы, которые расписала изящными фресками мастерская кисть Гонзаго...

Это все такъ живо воскресло и проплыло передъ глазами Хохлова.

... Прогулки къ «Никсѣ», откуда въ прозрачныя ночи такъ чудно види́ются блестящая полоса вьющейся рѣки и аллеи нижняго парка съ высокими стройными елями... Летать мгновенья... Какъ чуть слышное вѣянье, проносится свѣтлая ночь, а тамъ, за «Пиль-башней», уже алая краска разсвѣта сквозить въ вѣтвяхъ задремавшихъ деревьевъ...

Въ сухихъ чертахъ блѣднаго лица что-то вдругъ засверкало. Въ складкахъ рта легло отраженье улыбки.

«Какъ это было давно!» подумалъ Хохловъ и мысленно тутъ же продекламировалъ оставшійся въ памяти стихъ: «Это было давно... Я не помню, когда это было»; затѣмъ машинально посмотрѣлъ въ окно на убѣгающіе контуры городскихъ зданій съ фабричными трубами, сливающиміся въ дымъ и копоты теплаго июнскаго дня.

Въ вагонѣ, между тѣмъ, разгорался споръ, принимавшій все болѣе острую форму, и образы былого, легкіе и тонкіе, какъ издѣлія Севра, таяли и уступали мѣсто тусклой дѣйствительности.

Хохлову не хотѣлось слушать.

Процессъ знаменитой Тарновской достаточно надоѣлъ, а тутъ какъ разъ велась бесѣда опять на эту же тему.

Дама въ громадной соломенной чалмѣ съ бѣлымъ султаномъ доказывала, что красавица-авантюристка пользовалась для своихъ цѣлей гипнотическимъ внушеніемъ.

— Порядочнаго человѣка, сударыня, не загипнотизируешь, да-съ,—недовольно обрѣзалъ ее подполковникъ и съ вызовомъ посмотрѣлъ на собесѣдницу и ея спутниковъ.

Тѣ переглянулись; кто-то вздернулъ плечами. Дама поджала тонкія губы, потомъ сдержанно засмѣялась.

Хохловъ заинтересовался и поднялъ голову, чтобъ уловить выраженье глазъ подполковника.

Поѣздъ мчался...

За спиной у Хохлова кто-то бурчалъ, что рядомъ открыто окошко, хотя въ вагонѣ было душно и изъ сосѣдняго купе пахло сигарами.

Ему стало не по себѣ. Одолѣвала скука.

«Нудная дорога, а прежде я любилъ по ней ѣздить...»

Военный продолжалъ спорить съ дамой.

Кружились смутныя обрывки воспоминаній: «елизаветинская бесѣдка» съ вышкой и видомъ на Глазово... дорога къ «бѣлымъ березамъ»... «дипломатическая аллея» съ мелькающей вереницей экипажей, велосипедовъ и гуляющихъ... ферма... «островъ любви»,—пріютъ задумчивыхъ дрядь...

Въ просторной «барской» дачѣ-особнякѣ, гдѣ живутъ Ильишевы, съ утра до вечера гостей видимо-невидимо.

Жизнь идетъ на широкую ногу.

Тутъ всё бывають, кому не лѣнь, кто любить посудачить, поѣсть и попить на чужой счетъ и, вдобавокъ, завести пріятное, а иногда и полезное знакомство.

У вице-директора департамента проектовъ хорошія связи и прекрасныя средства.

Хохлова какъ будто разучились ожидать, но встрѣтили съ обычною любезностью гостепримныхъ хозяевъ, хотя его чуткое самолюбіе и подмѣтило на этотъ разъ нѣкоторую холодность и недовольство самой Ильишевой, у которой постоянно одна слабая струна—видѣть въ каждомъ солидномъ холостякѣ жениха для своей Лиды.

Хохловъ только посмѣивался и слегка пощипывалъ коротко, по модѣ обстриженные русые усы съ едва замѣтной сѣдиной.

— Какимъ же вы стали американцемъ! Восхитительно, право! Что вамъ, однако, вздумалось? Чудныхъ гусарскихъ усовъ какъ и не бывало... гм... а мы изрядно завидовали, въ особенности г. Андреенку,—не то съ любопытствомъ, не то съ пріятельской ироніей обратился къ гостю хозяинъ, высокій мужчина, великолѣпно сохранившійся, съ пышной бородой, подозрительно-черной, раздвоенной въ видѣ бакенбардовъ.

— Это ему идетъ,—громко рѣшила Лида и пріветливо улыбнулась, стараясь показать красивые зубы.

— Человѣкъ на порогъ, а вы—по косточкамъ разбирать... Дайте ему отдышаться, не юноша, вѣдь,—вмѣшалась Ильишева, и въ голосѣ ея, надоѣдливо-тягучемъ, звучалъ явный смѣшокъ.

Хохловъ, какъ улитка, сейчасъ же спрятался въ скорлупу, стараясь переменить разговоръ, но въ глазахъ его свѣтилась досада.

— Каюсь, что давно не заглядывалъ... Вѣрьте—не вѣрьте, а дѣла по горло, такъ и засасываетъ,—отозвался онъ, пропуская мимо ушей неприятную фразу насчетъ «юноши»:—вотъ даже за границу не уѣхалъ. А у васъ, какъ водится, цѣлое общество... повидимому, я помѣшалъ? Вы собирались куда-нибудь? Представьте же меня... Я не встрѣчался съ нѣкоторыми... У васъ новыя знакомства.

Рукопожатія, поклоны, обычныя шаблонныя фразы свѣтскаго ритуала.

Всѣ находились на верандѣ, окруженной сѣткой вьющагося плюща, дикаго винограда съ нарядными пахучими цвѣтами, съ видомъ на англійскій паркъ.

Красивое разнообразіе затѣйливой обстановки располагало къ интимному уюту.

Лида, видя, что гость чувствуетъ себя одинокимъ, подскочила къ нему.

— Какъ я рада, Владимиръ Петровичъ, что наша компанія еще увеличилась однимъ! Вы не откажетесь? Мы собираемся къ Поповкѣ... Отсюда пустяки, меньше пяти верстъ,—о, значительно меньше! Только не смѣйтесь, пожалуйста!.. Мы не просто идемъ, а съ ге-о-ло-гической цѣлью... съ ге-о-ло-гической! А то все на вокзалѣ да въ паркѣ—надоѣло! У насъ и свой паркъ недурень.

Оживленная, съ свѣжимъ румянцемъ и стройной фигурой, она производила впечатлѣніе здоровой, привѣтливой дѣвушки, привыкшей къ спорту, къ веселому образу жизни, къ самостоятельности.

Хохловъ отвѣсилъ низкій поклонъ и прибавилъ съ комической важною:

— Я всюду за вами, если позволите, по меня немножко пугаетъ эта ваша геологическая цѣль.

Лида такъ и залилась звонкимъ, заразительнымъ смѣхомъ.

— Господинъ геологъ, полюбуйтесь, какъ вы напугали петербуржца!

Тотъ, кого Лида назвала «геологомъ», конфузливо поднялся и съ выраженіемъ провинившагося подошелъ къ Хохлову.

— Гордѣевъ,—вторично отрекомендовался онъ и чуть слышно прибавилъ:—мнѣ было бы крайне досадно, если бы вы подумали... Да, конечно, я интересуюсь геологіей, какъ диллетантъ, но какой же я геологъ, смѣшно сказать! Это самый обыкновенный дачный променады, не больше...

Онъ нервно подмигивалъ глазами, кашлялъ и говорилъ съ такой осторожностью, точно боялся, что въ каждомъ словѣ долженъ отдать кому-то отчетъ.

— Характерно для русской предприимчивости,—вставилъ замѣчаніе Ильяшевъ, проходившій мимо съ мягкой бѣлой шляпой въ рукѣ, украшенной золотымъ браслетомъ:—живемъ сколько лѣтъ въ Павловскѣ и до сихъ поръ не подозрѣвали, что есть подъ бокомъ доисторическій уголокъ... Восхитительно, право! Если бы не m-sie Гордѣевъ (при этомъ польщенный Гордѣевъ поклонился),—мы такъ бы и пребывали въ цѣломудренномъ незнаніи... Кстати, Владимиръ Петровичъ, вы у насъ, разумѣется, ночуете, по-старому? Ваша комната, если помните, наверху, съ балкономъ...

— О, вы черезчуръ любезны, Асинкрить Асинкритовичъ!

— Итти—такъ итти!—между тѣмъ торопила Лида, и общество зашевелилось, точно встревоженный муравейникъ.

Не участвовала въ экскурсіи лишь одна Ильяшева-мать, замавшая руками при попыткѣ мужа увлечь ее съ собою.

Тотъ даже разсердился и недовольнымъ жестомъ расправилъ пышную бороду.

— У тебя развивается рѣшительно ко всему какой то непонятный... я сказалъ бы «je m'en fichisme»,—урошилъ онъ вскользь, думая, что его никто не слышитъ:—въ Павловскѣ ты какъ-то отсырѣла.

Но въ отвѣтъ вице-директоръ получилъ такую двусмысленную гримасу, что поспѣшилъ ступешаться.

Двинулись бодрой походкой вразсыпную, кто съ кѣмъ, и въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ.

Генеральскій басокъ Асинкрита Асинкритовича, серебристый смѣхъ Лиды, брюзжащія нотки Хохлова, скрипучій фальцетъ «геолога» и десятокъ прочихъ интонацій и говоривъ создавали вмѣстѣ съ уличнымъ шумомъ довольно пеструю гамму звуковъ.

Встрѣчные оглядывались и провожали ихъ пристальными взорами и откровенными замѣчаніями.

Въ Павловскѣ любопытство—страсть, довольно распространенная.

«Экскурсанты» по дорогѣ, особенно въ полѣ, вели самыя непринужденныя бесѣды.

Завсегдатая ильиншевскаго дома, Андреевко, рассказывала Хохлову забавную служебную исторію Асинкрита Асинкритовича.

Они нарочно поотстали.

Хохлову было неловко; онъ постоянно поворачивалъ голову, чтобъ убѣдиться, пѣтъ ли кого рядомъ, но все-таки жадно ловилъ слова собесѣдника.

Андреевко умѣлъ передавать серьезно самыя смѣшныя анекдоты.

— Такъ вотъ-съ, какъ вы изволили слышать, столь министра стоялъ у венеціанскаго окна, а противъ этого окна черезъ дворъ было окно департаментской канцеляріи. Каждый вечеръ среди занятій министръ иногда поднималъ голову, обремененную заботами, и всегда неизмѣнно видѣлъ фигуру какого-то молодого мужчины, который сидѣлъ у зажженной лампы и казался погруженнымъ въ глубочайшія размышленія и занятія государственной важности. Текъ-съ... Ну, такъ вотъ-съ, въ концѣ концовъ у министра вошло въ привычку порой векидывать глазами въ эту сторону и разглядывать усидчиваго чиновника. Это подбадривало сановника, и онъ чувствовалъ свѣжій приливъ энергіи. Даже по воскресеньямъ и праздникамъ занимался несчастный труженникъ. Министру наконецъ явилась благая идея—узнать, кто тотъ добродѣтельный мужъ, и отличить его по заслугамъ, приблизивъ къ себѣ. Зоветь это онъ дежурнаго чиновника и посылаетъ навести справки, кто же сей сверхъестественный работникъ, какого роду-племени и чѣмъ вообще занимается, какого вѣроисповѣданія и прочее. Такъ вотъ-съ и вышелъ презанимательный казусъ. Въ канцелярію, видите ли, приходилъ по вечерамъ не кто иной, какъ нашъ почтенный другъ, Ильиншевъ, тогда еще надворный совѣтникъ, а занимался онъ не

больше, не меньше, какъ чтеніемъ французскихъ романовъ, разчитывая, представьте, обратить вниманіе высшаго начальства своимъ необыкновеннымъ, дьявольскимъ прилежаніемъ. Ну, на этотъ разъ вышло непріятнѣйшее *qui pro quo*. Приходитъ посоль его высокопревосходительства, а Ильяшевъ облокотился этакъ на ладонь и похрапываетъ себѣ надъ Ксавье-де-Монтепеномъ. Дежурный при особѣ, понятно, въ ужасѣ, моментально растолкалъ, объяснилъ, въ чемъ суть... Плохая шутка вышла... Такъ вотъ-съ!.. Впрочемъ, министръ скоро умеръ, а то, пожалуй, не дослужился бы Асинкритъ Асинкритовичъ... Бываетъ! «Сорвалось!» еще Кречинскій сказалъ, а ужъ какой былъ гусь... не чета Ильяшеву.

— Да такъ ли?—усомнился Хохловъ:— какъ-то не вѣрится...

— Ну, вотъ, не вѣрится! Это вовсе не секретъ. Всѣ знаютъ, слава тебѣ, Господи. Спросите! только не говорите, что отъ меня исходить,—обидѣлся Андреевко и сдвинулъ густыя рыжія брови.

Боясь, чтобъ Ильяшевъ не замѣтилъ ихъ взаимнаго перешептыванья, предусмотрительный Хохловъ, любящій наружную корректность и показное чиновочитаніе, подъ какимъ-то предлогомъ оставилъ опаснаго собесѣдника и приблизился къ Лидѣ, возлѣ которой неотступно вертѣлся «геологъ».

Глазки ея насмѣшливо сузились.

— Вы не устали, петербуржецъ?

— Развѣ петербуржцы устаютъ? Ой ли!.. Мы выносливы, въ особенности съ такой пріятной проводницей.

— Правда!?—недовѣрчиво спросила Лида:—я рада, если такъ. Мы когда-то были съ вами друзьями...

Видя, что въ зрачкахъ его что-то вдругъ загорѣлось, она прибавила тихо, какъ бы спохватившись:

— Миѣ Оома Васильичъ передаетъ удивительныя прямо свѣдѣнія... Мы идемъ туда, гдѣ, можетъ быть, два-три милліона лѣтъ назадъ жили одни тарантулы...

Груздева, чрезмѣрно полная, вѣчная невѣста, къ тому же съ грубымъ голосомъ и рѣзкими манерами, крикнула, какъ ужаленная, такъ что всѣхъ оглушила:

— Тарантулы?! Я ни за что туда не пойду. Какія мерзости!

Лида и Хохловъ прицались хохотать. Общество пришло въ волненье.

Гордѣевъ счелъ своей обязанностью успокоить.

— Мои слова не такъ были, очевидно, поняты... Я позволилъ себя указать Лидѣ Асинкритовиѣ, что мы сейчасъ увидимъ остатки органическаго міра, относящіяся еще къ силурійскому періоду и къ девонскому...

— А при чемъ же тарантулы?—продолжала кричать Груздева:—я не пойду дальше, хоть раздѣлите меня на части. Миѣ еще жизнь дорога.

— Зина!—укоризненно шептала ей Лида.

Гордѣевъ пыхтѣлъ и краснѣлъ.

Вице-директоръ разглаживалъ бѣроду. Хохловъ стучалъ нетерпѣливо тросточкой по булыжнику.

— Если позволите...—заикался «геологъ»:—въ тѣ эпохи еще были безпозвоночные,—трилобиты и проч... Человѣкъ еще тогда не жилъ... Изъ позвоночныхъ уже водились амфибіи, потомъ появились рыбы...

Вице-директоръ началъ проявлять знаки неудовольствія.

— Нѣтъ, m-eug Гордѣевъ... Это уже лекція. Скучная матерія! Это когда-нибудь лучше на досугѣ... Да и провѣрить ваши заключенія теперь нельзя... Всѣмъ ужасамъ нужно волей-неволей вѣрить на честное слово... Ха-ха-ха... Восхитительно, право! Мы у васъ въ плѣну, m-eug Гордѣевъ. Зинаида Евграфовна, бояться не стоитъ: поповскіе тарантулы умерли милліонъ лѣтъ тому назадъ... Давненько, ха-ха-ха... Ахъ, какое небо, какое солнце! Намъ посчастливилось,—и онъ вдругъ затушевалъ подъ сурдинку, но такъ, однако, чтобы всѣ слышали, видимо, желая перемѣнить тему разговора и хвастнуть умѣньемъ поцыганить:

Однозвучно гремитъ колокольчикъ
И дорога холмится слегка,
И далеко по темному полю
Разливается пѣснь ямщика...

Хохловъ сталъ аплодировать, преувеличивая восторгъ.

— Я безумно обожаю этотъ макаровскій романсъ... Гитаристъ 40-хъ годовъ до сихъ поръ еще просится ко мнѣ въ душу,—отозвался вице-директоръ.

— Вы—поэтъ, ваше превосходительство,—вкрадчиво прибавилъ Андреевко:—въ нашъ прозаическій вѣкъ это положительно трогательно.

— Скоро ли финишъ?.. Мы рѣшительно устали,—не унималась Груздева, которую теперь вела подъ руку Лида.

— Пустое!.. вонъ желѣзнодорожный мостъ... оттуда совсѣмъ близко...

Дорога извивалась, то опускаясь, то карабкаясь въ гору. Налѣво протекала мутная Славянка.

На отлогомъ ея берегу примостился густой лѣсокъ съ курчавыми деревьями и кустарниками, а ихъ вѣтки купались въ водѣ, словно между ними и рѣчнымъ дномъ таилась какая-то неувидимая связь.

У каменной запруды, гдѣ переходъ, слышался робкій плескъ. Въ овсѣ стрекотали кузнечики. Надъ цвѣтами одуванчика, медовой кашки и мяты плясали рои бабочекъ и пѣвучей мошкары. Съ карканьемъ безпокойно кружились надъ гумномъ стан воронья. Чиркали воробы.

— «Домового ли хоронять? вѣдѣму ль замужъ выдають»?—поэтизировалъ неутомимый Ильяшевъ.

Прошли подъ аркой.

Впереди уже зеленѣли крыши каменной финской кирки съ тремя башенками и виднѣлось кладбище на живописной горѣ, заросшей мхомъ, бурьяномъ и садами.

Въ сторонѣ уныло рѣдѣли деревенскія избы.

— Гдѣ же тутъ Поповка, красавица?—остановилъ проходившую старуху-торговку Андреенко, раскраснѣвшійся и потный отъ жары и усиленной ходьбы.

— Красавица?! Есть ли у тебя крестъ на вороту?.. Ну да и баринъ!.. Да вотъ и она самая, Поповка. Тоже, спрашиваетъ!—старуха ткнула въ сторону морщинистымъ, скрюченнымъ пальцемъ и поплелась дальше, продолжая ворчать:

— Красавица!.. ай да баринъ!.. бродяжить и попустому лаесть...

Посмѣялись надъ Андреенкомъ.

Даже вице-директоръ вступился за бабу.

— Иванъ Ивановичъ, сколько разъ говорилъ вамъ: язычокъ,—держите язычокъ на привязи!.. Дождались? Восхитительно, право!

Наконецъ подошли къ обрыву.

Яркая зелень травы подъ теплыми солнечными лучами рѣзко отбѣняла цвѣтистыя напластованія.

Въ глубокихъ разрѣзахъ высокихъ холмовъ, спускающихся, наподобіе скалъ, въ пересохшую лощину, гдѣ въ весеннее половодье бурлить рѣчка Поповка, поражала глазъ многокрасочная мозаика первобытной природы: казалось, всѣ краски щедрой палитры оставили здѣсь свои отвѣты.

Древняя старуха-земля какъ бы нехотя раскрывала незримыя тайны.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ общество стояло въ оцѣпенѣніи.

— У меня голова кружится и ноги дрожать... Такъ и тянетъ вглубь...—прошепталъ Хохловъ и отступилъ назадъ.

«Геологъ» пытался спуститься и отбить кусокъ пласта, но поскользнулся и едва не упалъ кубаремъ.

Это вернуло всѣхъ къ прежнему оживленію.

— Ахъ,—комически вздохнулъ Андреенко:—я былъ сейчасъ по ту сторону вѣковъ, среди тарантуловъ, а вы опять перенесли меня въ Павловскъ, несчастный ученый!

— Надо будетъ внести записку въ департаментъ проектовъ о реставраціи забытой Поповки,—задумчиво произнесъ Ильяшевъ и вынулъ книжку съ золотыми инициалами для бѣглыхъ замѣтокъ.

— Деревня «Попово» не забыта, ваше превосходительство, справьтесь въ академіи наукъ, въ музеѣ,—съ достоинствомъ возразилъ Гордѣевъ, который чувствовалъ себя господиномъ положенія,

затѣмъ, протягивая Лидѣ кусочекъ зеленовато-сѣрой массы съ красной прорѣзью (ему все-таки удалось раздобыть хоть маленькую частицу), пояснилъ:—тутъ и кристаллическія породы, и пестрые мергеля... Остатки органическаго міра всѣ тутъ, въ этихъ красивыхъ наслоеніяхъ... Сомнительно, есть ли вулканическія породы, какъ-то...

— Опять урокъ геологін! Къ чорту тарантуловъ!—по обыкновенію рѣзко вскричала Зинаида Евграфовна и, выхвативъ твердый комокъ изъ рукъ Лиды и Гордѣева, швырнула его съ размаху внизъ.

— Одобряю... правильно!.. по-военному... На обломкахъ стараго міра воздвигнемъ новый храмъ,—воскликнулъ казачій офицеръ, все время не спускавшій глазъ съ полногрудой Груздевой.

— Все же достойно удивленія,—процѣдилъ сквозь зубы Хохловъ:—Павловскъ XX-го вѣка и какой-то силлурійскій періодъ! Нѣтъ, какъ желаете, а это—поразительный контрастъ! Страшно за человѣка...

— Даже петербуржецъ изумился,—сказала Лида, и Хохлову почудилось, будто взглядъ ея сталъ мягче и ласковѣй и возлѣ губъ легла какая-то нѣжная линія.

Онъ тутъ же, не теряя времени, вкрадчиво промолвилъ:

— Я преклоняюсь передъ вашимъ тактомъ, передъ вашей наблюдательностью. Вы—необыкновенная дѣвушка, и я горжусь знакомствомъ съ вами... Не понимаю, какъ я могъ потерять вашу дружбу!..

Необычайность обстановки располагала къ мечтательности. Лида молча протянула ему руку, но быстро отдернула, когда онъ поцѣловалъ.

— Пойдемте... Нынче вы какой-то другой, слишкомъ разговорчивый... Идемте же, господа! Хотя это и прозаично, но мама ждетъ къ обѣду.

Роль «геолога», повидимому, окончилась, и онъ съ грустью подмѣтилъ, что его мѣсто уже занято.

«Свѣтская кокетка!» сложилось у него убѣжденіе.

Возвращеніе было гораздо болѣе веселое, чѣмъ отправленіе въ Поповку.

Груздева шла подъ руку съ казачьимъ офицеромъ.

— Отчего я васъ раньше не видѣла? Откуда вы взялись? Положительно, и мертвые тарантулы приносятъ живую утѣху. Я не флиртую, Холявинъ, не вообразите, пожалуйста... А то вы сейчасъ... знаю васъ! Всѣ на одинъ ладъ...

И Груздева, и офицеръ шли, плотно прижимаясь другъ къ другу, точно позабывъ все окружающее, и оживленно бесѣдовали, болтая безъ умолку о чемъ-то близкомъ имъ обонмъ, хотя только что, полчаса назадъ, они едва ли могли назвать другъ друга по фамиліи.

Вице-директоръ, оскорбленный предпочтеніемъ, оказаннымъ такъ явно офицеру, не умѣлъ владѣть собою, поджималъ губы и ядовито шушукался съ адвокатомъ Спѣховымъ. Знатокъ французскихъ романовъ, онъ часто выражался оборотами, которые вычитывалъ у того или иного писателя.

— Развѣ она умѣетъ одѣваться?—говорилъ Ильяшевъ про Груздеву:—гм... elle ne s'habille pas, elle se souvre. Развѣ это прическа? elle ne se coiffe pas, elle se reigne...

— Да, да, но все же, Асинкрить Асинкритовичъ, она изъ хорошаго дома,—старался защитить ее Спѣховъ.

Ильяшевъ любовно разгладилъ бороду и прищурился.

— Какъ же, какъ же... восхитительно, право! Между нами,—и онъ наклонился къ самому уху адвоката:—elle sort d'une très grande maison... d'une maison de confectons. Жена моя пусть остается въ невѣдѣнны, кто у нея бываетъ... Я умываю руки.

«Вотъ они гдѣ, тарантулы!..» подумалъ адвокатъ и невольно отодвинулся отъ вице-директора.

Шествіе замыкалъ хмурый и уставшій, безконечно разочарованный «геологъ».

Далеко, на краю кругозора, горѣлъ золотомъ освѣщенный на солнцѣ куполь царскосельскаго собора, отрывая мечту отъ окаменѣлыхъ вѣковъ перевозданья.

— Охъ, грѣхи тяжкіе! Опять возвращаемся къ жизни,—вздыхнулъ Андреешко и лукаво подмигнулъ въ сторону Груздевой.

Адвокатъ, любившій иногда сгущать краски и драматизировать положенія, на минуту зажмурился и тотчасъ же передалъ свои впечатлѣнія Гордѣеву.

— А, вѣдь, пожалуй, въ каждомъ изъ насъ есть что-то отъ историческаго безпозвоночнаго... На мигъ мнѣ представилось, будто всѣ идущіе тутъ по землѣ—чудовищныя тарантулы, пожирающіе другъ друга. Адскій кошмаръ!

— Если позволите спросить, вы это—всерьезъ?

— Да, совершенно серьезно!—мрачно отвѣчалъ Спѣховъ.

«Геологъ» сочувственно посмотрѣлъ на него, моргая глазами и кашляя.

— Сознаюсь вамъ: или вы—угадчикъ, или мы оба объ одномъ думаемъ.

Стали приближаться къ зданію дѣтскаго пріюта.

Начинался Павловскъ.

Былъ удушливо-жаркій вечеръ, рѣдкій для Павловска; совсѣмъ не чувствовалось сырости.

Два оркестра, струнный и военный, играли на открытомъ воздухѣ.

Нервный капельмейстеръ дѣлалъ движенія, напоминающія пассы гипнотизера.

Публика кружилась взадь и впередь.

Воздухъ насыщался пылью, дымомъ отъ паровоза и чадомъ электрической станціи.

Скамьи и стулья брались нарасхватъ.

Окрестные дачники и заѣзжіе петербуржцы не столько для музыки, сколько по общепринятой инерціи, стягивались сюда, каждый «съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ или умысломъ»: поймать жениха, завести легкую интрижку, а если посчастливится, то и выгодную связь, убить время и посплетничать, покутить, встрѣтить нужнаго человѣчка, перехватить у кого-нибудь денегъ, показать или посмотрѣть новыя моды и, въ видѣ исключенія, понаслаждаться Листомъ, Бетховеномъ, Рубинштейномъ.

— «Золотой дождь» это еще куда ни шло, ну, а эти гаммы... — презрительно, намѣренно-громко восклицаетъ нарядная брюнетка съ перьями шантеклера, когда оркестръ исполняетъ «Шотландскую симфонію» Мендельсона:—нѣтъ, я не въ состояніи! идемъ въ скетингъ.

Эта фраза кѣмъ-то случайно ловится на лету, и въ отвѣтъ довольно громко летитъ отповѣдь:

— Были люди сороковыхъ годовъ, шестидесятыхъ... Тешерь появилась еще разновидность: люди кинематографа и скетингъ-ринка. Чортъ знаетъ, что такое!

— Скользимъ, скользимъ,—весело подхватываетъ третій голосъ:—шире дорогу! А вы помалкивайте насчетъ сороковыхъ и прочаго... Философъ!

Странно смѣшиваются самыя разнородныя впечатлѣнія: музыкальныя картины эдинбургскаго дворца, гдѣ жила и любила несчастная Марія Стюартъ, и разсужденія о томъ, какой трэкъ лучше для скетингъ-ринка.

Послѣ гастрономическаго обѣда и замѣчательныхъ винъ, чѣмъ издавна славится домъ Ильашевыхъ, почти вся компанія, ходившая въ Поповку, отправилась на музыку. Наиболѣе ярые спортсмены, вродѣ Лиды, пошли прямо кататься на колесныхъ конькахъ.

— Приходите,—неожиданно шепнула она Хохлову и опустила густыя рѣсницы:—*вы*—и вдругъ не катаеесь!.. невозможно для такого премьера!—и сейчасъ же прибавила болѣе громко, замѣчая отпа:—въ Англии и Америкѣ этотъ спортъ процвѣталъ уже лѣтъ двадцать назадъ... потомъ забылся, а нынче опять взялись за умъ... И мы за англичанами... Такъ приходите же! Я хочу... я буду вашимъ инструкторомъ.

Последнюю фразу Лиды снова произнесла полупшопотомъ. Видимо, она рѣшила вернуть дружбу «неисправимому петербуржцу», какъ его называла.

Вице-директоръ поддерживалъ мысль дочери, но съ своей точки зрѣнія:

— О, Владимиръ Петровичъ, если бы вы знали! Нашъ трэкъ это—восхитительно, право! зеркало... Къ тому же выставка туалетовъ и лицъ. Какъ на лоншанскомъ ипподромѣ (le grand prix de Paris!), такъ и тутъ прямо модели... Иногда даже можно заподозрѣть, что нарочно приѣзжаютъ отъ какой-нибудь фирмы эти, какъ ихъ?.. les dames-mannequins... Стоитъ поглазѣть!.. А я, знаете, катаюсь!.. Полезно...

Хохловъ не успѣлъ осмотрѣться, какъ подвернулась Груздева, нѣсколько возбужденная отъ выпитаго вина и отъ разговоровъ съ казачьимъ офицеромъ.

— Миѣ нужно сдѣлать два-три тура съ корректнымъ, извѣстнымъ въ бомондѣ кавалеромъ. Это подымаетъ шансы,—вскричала она, смѣясь, и взяла его подъ руку.

Хохлова покорило.

— Значитъ, я какъ бы для обстановки? Нелестно...—думалъ онъ обидѣться.

— Ай, чепуха! что за вздоръ, голубчикъ!.. Я отплачу... я тоже буду вамъ полезной. Услуга за услугу. Я всѣхъ рѣшительно знаю. Но, не правда ли, какая въ этомъ году хамская публика?

— Тсс... Зинаида Евграфовна, могутъ услышать. Я сказалъ бы: улица проникла... Кого только тутъ нѣтъ!

— Весь Невскій... ха-ха... Однако я васъ рѣшительно покирую своей болтовней. Буду панькой... Давайте въ ногу... Разъ-два...

На нее трудно было сердиться: ея слова какъ-то произвольно слетали съ языка. Грубость безъ злобы и откровенная паньность шли рядомъ, оправдывая другъ друга.

Свѣдѣнія Груздевой о присутствующихъ были неизякаемы, и она охотно дѣлилась съ Хохловымъ запасомъ наблюденій.

Хохлову оставалось повиноваться, и онъ, въ концѣ концовъ, покорился.

— Вотъ этотъ изящный блондинъ живетъ съ моею подругой. Онъ женатъ, но это—чистѣйшіе пустяки! Утромъ—супругъ, днемъ—чиновникъ, вечеромъ—любовникъ, а по ночамъ въ карты играетъ. А вотъ этотъ, молодой старецъ, гномикъ такой, собирается жениться на богатой. Посмотрите—сторбился, съежился... выжатый лимонъ. Неужели мы должны быть вѣрны такому отвратительному консервамъ? Гдѣ же справедливость, я васъ спрашиваю? И брюки подвернуты... англичанинъ! Это по-нашему: въ Лондонѣ идетъ дождь, а въ Павловскѣ брюки подворачиваютъ... Нѣтъ, Бога ради, повернитесь сюда!—и Груздева потянула Хохлова за рукавъ.

Несмотря на толщину, она вертѣлась, какъ юла, стрѣляла глазами въ сторону проходившихъ гвардейцевъ и безъ умолку болтала своимъ на половину мужскимъ теноркомъ.

Привыкшій къ сдержанности и къ размѣреннымъ движеньямъ, Владимиръ Петровичъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ, не зная, какъ отдѣлаться отъ назойливой дѣвицы, тѣмъ болѣе, что попадалось много знакомыхъ.

— Да смотрите же!—кричала Груздева:—а то весь эффектъ пропадетъ. Какой вы вальшій!..

Навстрѣчу имъ подвигалась любопытная группа, словно сошедшая со старинной гравюры: три поколѣнія—бабушка, мать и юноша съ сестрой.

Въ чертахъ старухи еще видѣлась былая красота, уже преломленная въ линіяхъ дочери и значительно ступеванная въ профиляхъ внука и внучки, сохранившей, впрочемъ, миловидность севрской статуэткы. Всѣ они покачивали головами: бабушка, не лишенная жеманной чопорности,—съ видомъ 70-лѣтней немощи, мать—съ кокетливой независимостью побѣдительницы, 20-лѣтній внукъ—съ самовлюбленностью, внучка—съ шаловливой кошачьей граціей. У всѣхъ у нихъ сверкали брильянты, гдѣ только можно, и на губахъ застыли фамилныя улыбки одного и того же стереотипа.

Такую группу дѣйствительно нельзя было не замѣтить, особенно юношу съ необыкновенно высокими бѣлоснѣжными воротничками и съ бутоньеркой въ петлицѣ, позирующаго при каждомъ поворотѣ головы, и старушку въ кружевной шляпѣ съ яркими цвѣтами, въ шелковой пелеринѣ и въ черномъ платьѣ съ длиннымъ придворнымъ шлейфомъ. Была у нихъ еще одна примѣта: всѣ, не исключая молодого человѣка, носили на лицахъ гримъ.

Груздева наклонилась къ Хохлову, такъ что широкія поля ея громоздкаго головного убора слегка сдвинули его панаму, и онъ сейчасъ же отстранился.

— Это фонъ-Ирмеры. Вы думаете: настоящіе брильянты! Куда тамъ! Все былое величіе заключается въ банкѣ изъ саксонскаго фарфора, откуда они мажутся. А мальчишка! Надѣлъ бѣлыя перчатки и уже прикидывается аристократомъ. Правда, ѣздилъ по заграницамъ, на всѣхъ языкахъ говорить... бутончикъ этакій... а, между тѣмъ, едва по второму разряду на вольноопредѣляющагося выдержалъ... Корчитъ Доріана Грея... На женщинъ не смотритъ. Новые вкусы!.. А у матери была такая исторія...

Хохловъ наконецъ не выдержалъ и рѣшительно заявилъ, стараясь все же быть любезнымъ:

— Увольте, Зинаида Евграфовна, на часокъ,—пора въ скетингъ-рингъ. Я обѣщала Лидіи Асинкритовнѣ. Я—гость...

— А, это другое дѣло,—протянула Груздева и лукаво посмѣялась:—налаживается?.. Лидія Асинкритовна—дочь могучаго, ха-ха-ха...

Хохловъ приостановился, улавливая какой-то отдаленный намекъ на что-то.

— Я не понимаю васъ.

Въ голосѣ прозвучали металлическія ноты.

— Все очень просто, голубчикъ: господинъ вице-директоръ любить объяснять, что Асинкрить значить «могучій»...

Владимиръ Петровичъ уже не слушалъ ея.

До него донесся обрывокъ разговора младшей фонъ-Ирмеръ:

— Если позволить маман... Я спрошу... сегодня вечеромъ братъ играетъ въ бриджъ съ grand-maman...

— Играете въ допотопный бриджъ, а не читали Бернара Шоу, — обрѣзала чей-то рѣзкій, насмѣшливый голосъ: — женщина, признающая авторитетъ матери, — неспособна рождать гражданъ свободнаго народа. Не краснѣйте, вы — не дитя. Это — требованіе независимости...

Хохловъ обернулся, но публика кружилась у эстрады и заслоняла фигуру говорившаго.

Военный оркестръ заканчивалъ понурри изъ «Веселой вдовы». Вдали въ уютныхъ уголкахъ сада разыгрывались начальныя стадіи флирта.

Мелькали подростки съ распущенными косами и «лѣтніе старички», поклонники и цѣнители зеленой свѣжести.

Залъ скетингъ-ринка, этого послѣдняго завоевателя современныхъ вкусовъ, былъ иллюминированъ. Висѣли гирлянды изъ вѣтокъ елки и флаги.

Здѣсь тоже, какъ и на музыкѣ, не замѣчалось недостатка въ публикѣ.

По бокамъ, у барьеровъ, смотрѣли; въ срединѣ катались; за столиками пили.

Господствовала простота отношеній: спортивная свобода слова и жеста.

— Угадайте, откуда у него этотъ браслетъ! — обращается одна изъ дамъ «желтаго» кирасира къ другой дамѣ и, не дождавшись отвѣта, сама рѣшаетъ загадку: — съ моей ноги.

Обѣ смѣются, а офицеръ чокается съ ними, чтобы никому не было обидно.

Мужья ихъ также здѣсь, но съ другими дамами.

Хохловъ подошелъ къ Лидѣ, которая, увидѣвъ его издали, ловко подметѣла къ барьеру.

— Не ушиблись?

— Ахъ, какой петербуржецъ! Развѣ я могу ушибиться? Я «дѣлаю ласточку», пишу коньками тройку, восьмерку, девятку... бѣгаю на скорость, катаюсь черезъ препятствія, черезъ мостъ, останавливаюсь на ходу... Такъ-то, мой милый, — не шутите со мной!

Она довольна его приходомъ и показываетъ ему всё достопримѣчательности трэка и удивительное искусство инструкторовъ и любителей.

Привлекаетъ вниманіе крупная фигура сѣдѣющаго брюнета съ бритымъ лицомъ католическаго священника и съ проборомъ на затылкѣ.

Скрестивъ руки на груди, онъ плавно носится вокругъ поля, обведеннаго барьеромъ.

— Вотъ это—классическое па. Онъ, навѣрно, пробѣгаетъ въ день всё 180 верстъ дорожекъ павловскаго парка. Форкатій—безподобенъ. Катается постоянно solo. Мы смѣемся: говоримъ, что онъ изъ «хижины пустытника»... Знаете это мѣсто вблизи дворца?

На смѣну Форкатію летѣла новая замѣчательная спортсменка, Марку.

Съ ястребинымъ носомъ и зелеными прозрачными глазами змѣи она вся была спираль, зигзагъ и еще что-то неуловимо-скользящее по трэку.

— По десяти часовъ въ сутки тренируется,—точно съ завистью промолвила Лида и вздохнула:—миѣ далеко до нея.

— И слава Богу!—воскликнулъ Хохловъ, охватывая ее жаднымъ взглядомъ:—не теряйте женственности. «Скетингринкистки» не въ моемъ вкусѣ.

— А вы еще не видѣли, какъ я катаюсь. У меня коньки настоящіе, съ вывѣренными роликами, стальные, тяжелые... 18 рублей стоятъ!—съ гордостью сказала Лида.

Хохловъ расхохотался, окончательно приходя въ прекрасное настроеніе. Ему понравился ея дѣтскій восторгъ передъ собственными коньками.

Они весело обмѣнивались замѣчаніями, которыя постепенно ихъ сближали, и живая бесѣда мало-по-малу принимала все болѣе интимный характеръ прошлаго.

Вдругъ странный звукъ удара, истерическій крикъ и суетня привлекли всѣхъ къ одному мѣсту. Недоразумѣніе скоро разъяснилось. Комиссіонеръ Гросманъ въ парѣ съ портнихой Элень совершалъ обычные рейсы по трэку и не замѣтилъ, какъ вошла въ залъ жена, французженка. Выбравъ удачную минуту, она набросилась на него и ладонью хлестнула по щекѣ, такъ что онъ поскользнулся и едва не упалъ, потомъ стала требовать, чтобъ онъ ѣхалъ домой.

Элень, разумѣется, во-время скрылась.

Комиссіонеръ, раздосадованный и гнѣвный, съ пылающимъ лицомъ, умчался велѣдъ за портнихой, избѣгая словесныхъ объясненій, а французженка кричала направо и налево.

— Muffe! Я думалъ—un boyard russe, когда женился, а онъ—un allemand! Quel дюракъ!.. Idiot!

Ее пытались успокоить и возстановить порядокъ.

Ильяшевъ пылалъ негодованіемъ, что запачкали честь скетингъ-ринка, и порывисто растягивалъ бороду то въ одну, то въ другую сторону.

Кто-то громко порицалъ французскіе нравы и говорилъ, что у парижанокъ въ глазахъ—таблица умноженія.

Какимъ-то чутьемъ, будто предвидя скандалъ, примчалась Груздева въ сопровожденіи казацкаго офицера и Андреенка.

— Французенка!—выкрикивала она:—да какъ она смѣла! Да она хоть и замужня, а куда не годится! Она «кокотнстѣй» портнихи, ужъ повѣрьте мнѣ. Что за гадость—замужняя кокотка! Брр... Имъ всюду можно, а этимъ несчастнымъ куда... Гдѣ же справедливость?

Еще долго раздавался ея возмущенный голосъ.

Адвокатъ Спѣховъ, не разстававшійся съ «геологомъ», собрался уходить, не прощаясь.

— Уйдемте, батенька, поскорѣй. Ну ихъ къ шуту! Ай-ай, какое буржуазное общество! Пошлости цѣлый коробъ... Нѣтъ, Павловскъ упалъ въ моихъ глазахъ на 50 процентовъ. Я сюда ни ногой. Ну, прежде бывалъ разный народъ... но все же и люди-то попадались, а теперь!.. Не на комъ душу отвести. Ни одной живой мысли, ни одного разумнаго слова, ни одного сколько-нибудь оригинальнаго поступка, которые вырвали бы насъ хоть на время изъ этой тины... Мельчаемъ, мельчаемъ! Я прямо начинаю бояться за русскіе города... Вся надежда, что деревня поддержитъ. Такъ что же, Ома Васильчъ, идемъ, что ли?

— Если позволите, я только съ Лидіей Асинкритовной попрощаюсь,—нерѣшительно возразилъ Гордѣевъ.

— Пойдемте, я вамъ говорю. На васъ она все равно—пулъ вниманья. Я виномъ угощу и шашлыку съѣдимъ. Ступайте, ступайте.

Онъ взялъ за рукавъ пальто маленькаго «геолога» и почти силой подтолкнулъ его къ выходу.

— Хотя и грубо, и, можетъ быть, нестроумно, плоско, но, ей-ей, не скетингъ-ринкъ, а скотный рынокъ... Ну, ругайте меня!.. Это, впрочемъ, не мое выраженіе... Это съ улицы... эническое творчество,—посмѣивался адвокатъ.

На прощанье «геологъ» все-таки обернулся.

Подъ звуки вальса скользили пары, тройки и одиночки.

Царило оживленье. Скандала точно не было.

Всѣ успокоились.

Лидя каталась вмѣстѣ съ отцомъ и кому-то кивала.

Вице-директоръ имѣлъ видъ человѣка, совершающаго священнодѣйствіе.

— Пойдемте,—грустно вздохнулъ Гордѣевъ и захлопнулъ за собой дверь.

Рядомъ брянчалъ рояль въ кинематографѣ.
Свистѣль отходящій поѣздъ.
Спѣховъ напѣвалъ какую-то арію и хмуро оглядывалъ публику.

II.

Черезъ границу.

Ресторанъ «Эспланада» въ Выборгѣ въ обѣденные часы—самое бойкое мѣсто.

Въ ротондѣ у цвѣточныхъ клумбъ—оркестръ музыки.

По аллеямъ сада гуляютъ, читаютъ газеты.

На верандѣ, частью открытой, частью застекленной, разставлены столики среди декоративныхъ растений и цвѣтовъ, и на каждомъ по маленькой вазѣ съ тюльпанами, резедой, гвоздикой, гіацинтами.

Много зелени и крѣпкаго, здороваго воздуха.

Хохловъ послѣ двухдневной побывки въ Павловскѣ не встрѣчался съ Лидой до середины іюня и вдругъ сталкивается съ ней въ гостинномъ дворѣ.

Обрадовались (какъ умѣютъ радоваться петербуржцы), поговорили. Она объяснила ему, не придавая этому особаго значенія, что ѣдетъ на нѣсколько дней къ подругѣ въ Сяинію и что возвращается въ субботу одна съ вечернимъ поѣздомъ, идущимъ изъ Выборга въ 7 ч. 35 м. Онъ молча закусилъ верхнюю губу, чтобы не улыбнуться, а въ пятницу уже почевалъ въ выборгской гостиницѣ «Континенталь», возлѣ вокзала.

Утромъ осматривалъ городъ и паркъ «Монрепо», дѣлалъ покупки и хвалилъ чистоту и порядокъ финляндцевъ.

Послѣ обильныхъ закусокъ и обѣда еще толкался то туда, то сюда, стараясь убить время, постоялъ на откосѣ, что около таможни, любуясь спокойной гладью залива и зелеными, извилистыми берегами, гулялъ по набережной, слѣдя за лихорадочной жизнью пристани, а когда надоѣло ежеминутно поглядывать на часы, рѣшилъ, что Выборгъ—прескучный городъ и что ѣхать сюда одному было величайшей глупостью, въ чемъ даже совѣстно признаваться.

«Дурака сваялялъ», — подумалъ о себѣ: — «гдѣ ее найду?.. За цѣлый день не встрѣтилъ. Только и пользы, что купилъ жилетъ да ликеръ-мессимарью. Еще доведу ли? Не конфискуютъ ли?.. Попалъ въ непріятную передѣлку...»

Обмѣнялъ оставшіяся финскія деньги на русскія и вышелъ на конецъ на платформу отправления.

Лиды не было.

Зная, что она ѣздитъ во второмъ классѣ, усѣлся въ ближайшемъ купе, не спуская глазъ съ мелькавшихъ пассажировъ. Послѣ перваго звонка пришелъ въ волненіе и сталъ обходить вагоны, чѣмъ

сначала немного смутилъ сестру милосердія, вообразившую, что ему дурно.

Уже когда совсѣмъ потерялъ надежду, случайно нашелъ Лиду въ вагонѣ третьяго класса.

Она не ожидала и отъ смущенія залилась краской.

— Вы?! какими судьбами?—сказала тихо, поднимая голубые мягкіе глаза.

— Васъ разыскиваль... Кто желаетъ, для того не существуетъ препятствій.

— А служба?

— Вотъ придумали, шутница! Въ моемъ положеніи, въ моемъ чинѣ не спрашиваютъ разрѣшеній по такимъ мелочамъ. Самъ себя отпустилъ. Пускай тамъ подождутъ... Но какимъ образомъ вы попали въ третій классъ? Мѣсть—сколько угодно. Это—вашъ сакъ?—и онъ уже протянулъ руку къ полкѣ.

— Если вы пріѣхали для меня, какъ увѣряете, то и оставайтесь со мной, гдѣ я. Не все ли равно, какой классъ! Тутъ, на «финляндкѣ», я рѣшила «опроститься». Ну, фантазія явилась, вотъ и все!

Хохловъ почувствовалъ себя какъ бы не въ своей тарелкѣ, немного помялся.

— Я буду откровененъ, Лидія Асинкритовна,—прошенталь онъ, боясь, чтобъ его не услышали:—дѣло вовсе не въ опрощеніи. У меня, какъ и у всякаго, есть кредиторы,—портной, магазинъ бѣлья и т. п. Согласитесь, если меня увидятъ, вмѣсто перваго, въ третьемъ классѣ, завтра же я получу напоминанье объ уплатѣ, и мой кредитъ погибъ...

Въ лицѣ Ильишевой отразилась едва уловимая насмѣшка.

— Не уступлю. Я настойчива. Или я, или ваши кредиторы.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство. Сейчасъ видно, что вы—дочь вице-директора,—сухо отвѣтилъ Хохловъ, желая, однако, казаться веселымъ, но, видимо, раздосадованный:—позвольте только пойти за моими вещами. Съ вашей стороны, вѣроятно, къ этому не встрѣчается препятствій, какъ выражаются въ канцеляріяхъ?

Когда вернулся, процѣдилъ сквозь зубы:

— Впервые поѣду въ третьемъ классѣ... Полезно все испытать на себѣ.

Онъ не умѣлъ долго дуться, такъ какъ считалъ это, прежде всего, признакомъ дурного тона и, затѣмъ, причиной, способствующей раннему одряхлѣнію, наконецъ просто не хотѣлъ дать лишняго повода къ насмѣшкамъ.

Передъ отходомъ поѣзда въ вагонъ, гдѣ рядомъ сидѣли Хохловъ и Лида, вбѣжала миловидная дѣвушка съ круглой серебряной брошкой вродѣ щита, съ замысловатымъ изображеніемъ какого-то символа.

Сзади нея несли большой парусиновый чемоданъ, потертый, грязный, перевязанный веревкой, и положили его вверху, надъ ея головой.

Барышня бросила бѣглый взоръ на окружающихъ и равнодушно принялась за чтеніе.

Пассажиры были все изъ интеллигентныхъ, если не считать одного не то русскаго торговца, не то подрядчика, имѣвшаго крайне подозрительную внѣшность.

Сначала онъ порывался вступать въ бесѣду съ сосѣдями, потомъ затаилъ подъ носъ:

Послѣдній нонѣшній денечекъ
Гуляю съ вами я, друзья,
А завтра рано, чуть свѣточекъ,
Заплачетъ вся моя семья...

Проходившій кондукторъ остановилъ его, и тотъ, пренебрежительно махнувъ рукой и пробормотавъ какое-то неясное ругательство, замолчалъ, подперся ладонью и сталъ дремать, хотя по временамъ изъ-подъ косматыхъ черныхъ бровей сверкали острые, пристальные глаза, пронизывающіе насквозь, съ неприятнымъ, назойливымъ блескомъ ищейки.

Полная дама съ дочерью старательно прятали по карманамъ и разнымъ потайнымъ приспособленіямъ купленную «контрабанду».

— Какъ онѣ—откровенно...—замѣтилъ съ удивленіемъ худой старикъ:—вѣдь, неровень часъ, увидить кто-нибудь... ну, вотъ этотъ, положимъ, полупочтенный съ головой Пугачева...

Черезъ минуту онъ продолжалъ прерванный разговоръ съ знакомымъ техникомъ:

— На чемъ, бишь, я... да! У насъ изъ-за насѣкомаго возникъ въ уѣздѣ прелюбопытный юридическій процессъ, который, чего добраго, доберется и до сената. Представьте, обогатилась судебная практика! Грядки съ крестьянской малиной сталъ объѣдать жучокъ. Мужики обратились за совѣтомъ къ земству, а земская управа препроводила къ нимъ вновь испеченнаго энтомолога. Онѣ—возьми и расправься съ жучкомъ мѣдной зеленью. Малину, какъ огнемъ, спалило. Неопытный! Теперь крестьяне вчинили искъ къ земству и, по-моему, рationally—не присылай молкососа...

Мелькали хвойные лѣса, дачи, желѣзнодорожныя станціи. Спорили два лѣсовода по поводу какого-то осмотровнаго участка,—пожирлой въ синихъ круглыхъ очкахъ, съ красной горбатой шей и бородавкой на щекѣ, и помоложе, весь изъѣденный оспой.

— Утверждаю, что тамъ 60 таксаціонныхъ сажень, а не 70, какъ вы писали,—съ необычайнымъ апломбомъ утверждалъ пожирлой, брыгая слюной.

— А по моимъ выкладкамъ—70.

— А я вамъ смѣло говорю и повторяю—60...Какое угодно пари,—кипятился и багровѣлъ первый, поправляя трясущими пальцами сползающія очки.

— Нѣтъ, 70!—тоже сердился второй, и лицо его становилось желтымъ отъ досады.

— Тьфу, Николай Александровичъ! Я вамъ въ послѣдній разъ говорю: 60!.. 60!.. Я двадцать пять лѣтъ служилъ на Уралѣ, двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ, двадцать — въ Польшѣ... Повѣрьте моей опытности, чортъ возьми!

Онъ все возвышалъ голосъ, и вагонъ началъ прислушиваться, чѣмъ окончится споръ.

— Если вы семьдесятъ лѣтъ служили, вамъ сколько же лѣтъ?—уже совершенно хладнокровно спросилъ тотъ, что былъ помоложе, и посвисталъ:—неужели девяносто? Ого! За эти годы наука далеко ушла впередъ...

— Шутками отдѣлываетесь,—пониживъ тонъ, прохрипѣлъ пожилой, закашлялся и какъ-то вдругъ примолкъ, неожиданно сбитый съ позиціи.

Почувствовался тормозъ. Запестрѣли домики, сады. Гуляли дачники. Поездъ, покачиваясь, подходилъ къ первой остановкѣ послѣ Выборга, къ станціи «Усикирко».

Пожилый заторопился, схватилъ пальто, портъ-пледъ, какой-то ящикъ и на ходу небрежно попрощался со своимъ противникомъ, еле протягивая концы пальцевъ.

— Чуть не заранпортовался съ вами...

Въ эту минуту въ вагонъ вскочилъ невзрачный юноша въ штатскомъ костюмѣ и въ форменной студенческой фуражкѣ, съ длинными бѣлокурыми волосами, съ лицомъ, обросшимъ рыжеватой бородой, съ небольшими усами, непослушно ползущими въ ротъ. Рѣдкіе зубы виднѣлись изъ-за нихъ. Прищуренные глаза съ подухшими вѣками пытливо смотрѣли изъ-подъ пенсне въ стальной оправѣ.

Въ рукахъ онъ держалъ большой букетъ страннаго расцвѣта: среди кровавыхъ розъ и красныхъ гвоздикъ торчали вѣтки зеленого и желтаго папоротника съ листьями, сложенными крестообразно.

Цвѣты не пахли и производили впечатлѣніе искусственныхъ.

Студентъ несъ букетъ какъ-то торжественно, обѣими руками, и вглядывался куда-то вдаль.

Барышня, читавшая книгу, внезапно поднялась и словно нечаянно притронулась къ серебряной брошкѣ, какъ-то особенно зорко всматриваясь въ вошедшаго, будто всѣ свои затаенные помыслы вложила она въ этотъ взоръ.

Студентъ остановился, но безъ всякаго удивленья, точно ничего не произошло, потомъ тихо прошелъ и сѣлъ въ одной линіи съ барышней, только по другую сторону вагона, такъ что они могли непрерывно видѣть другъ друга.

Поѣздъ летѣлъ дальше.

Хохловъ, отличавшійся вообще наблюдательностью, обмѣнялся съ Лидой вопросительнымъ взглядомъ.

Они оба помѣщались такъ, что барышня и студентъ были у нихъ на виду.

— А тамъ положительно безпроводочный телеграфъ, — шепнулъ Владимиръ Петровичъ: — прошу васъ, не показывайте, что замѣчаете. Прелюбопытно!

— Благодарите, что въ 3-мъ классѣ поѣхали. По крайней мѣрѣ не проскучаете.

Онъ нѣжно погладилъ ее по перчаткѣ.

— Нехорошая. Вы точно не понимаете, что я скучаю тогда лишь, когда васъ нѣтъ около меня. Поймите же, что я...

Лида закрыла уши.

— Погодите, не договаривайте... Будете, можетъ, раскаиваться... Не торопитесь... Я ничего, ничего не слышу!..

«Умница Лида!.. Во-время попридержала меня... Сдуру едва не ляпнулъ... — тутъ же утѣшилъ себя Хохловъ: — радъ, что такъ вышло... Еще нужно разузнать, есть ли у нея дѣйствительно деньги... Вице-директоръ — ненадеженъ».

Она какъ будто читала его думы, загадочно усмѣхалась, и между ними словно выростала невидимая стѣна.

Токъ былъ прерванъ.

Оба насторожились. Даже разговоръ не клеился.

Хохловъ искоса слѣдилъ за студентомъ и барышней; Лида, со своей стороны, производила такія же наблюденія; но такъ какъ они все же обмѣнивались незначительными фразами, которыми такъ бесконечно богатъ языкъ свѣтскихъ людей, нерѣдко говорящихъ часами и не скажущихъ буквально ни одной живой мысли, то, естественно, не вызывали никакихъ подозрѣній на свой счетъ.

Студентъ отвѣчалъ равнодушнымъ морганіемъ изъ-подъ пененъ, и только у барышни иногда загорались зрачки какъ бы любопытствомъ, смѣшаннымъ съ смутнымъ безпокойствомъ, быстро переходящимъ въ другія настроенія.

Благородный овалъ лица дѣвушки, вдумчивый, глубокій взглядъ, изящно очерченный ротъ неволью притягивали къ себѣ, и Хохловъ, нерѣдко чувствующій томленье по женскому тѣлу, больше любовался на нее, чѣмъ слѣдилъ за ней, и, сравнивая съ Лидой, отдавалъ ей предпочтеніе передъ Ильешевой.

«Сколько милыхъ мордашекъ! Стоитъ ли жениться, связывать себя, когда можно быть счастливымъ и на свободѣ?..»

Покачивается вагонъ.

Температура значительно понизилась. Окна вспотѣли.

Пришлось освѣщать поѣздъ раньше установленнаго срока.

Бѣлая июньская ночь по случайному капризу надѣла осенній темный плащъ.

Незадолго до второй остановки на станціи Куоккала барышня, сдѣлавъ какіе-то знаки, начала выводить пальцемъ по вспотѣвшему окну съ медленной настойчивостью буквы и цифры.

Студентъ впивался подслѣповатыми глазами, не измѣняя позы.

Когда она убѣдилась, что все понято,—писала новое и опять оборачивалась, ловя самыя незначительныя оттѣнки мимики.

Между двухъ противоположныхъ оконъ вагона тонко разыгрывалась недоступная непосвященнымъ зрителямъ симфонія подъ аккомпаниментъ мчащагося поѣзда.

— Я увѣрена, что не любовь ихъ связываетъ,—вырвалось у Лиды:—можетъ, и любовь, но не та банальная, о которой всегда думаютъ.

— Я съ вами согласенъ. Однако Куоккала позади. Вотъ-вотъ и Бѣлоостровъ... граница!—проворчалъ Хохловъ, приходя вдругъ въ нервное состояніе:—надо приготовиться... Мнѣ жаль будетъ потерять мамурровый ликеръ... да и глупо очутиться въ положеніи контрабандиста. Вы не будете въ претензіи, если я выйду на платформу? Вамъ безопаснѣй. Никто меня не заподозритъ. Бутылка въ карманѣ пальто. Не видно...

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе—уходите... Мнѣ все равно,—небрежно отвѣчала она.

— А вы въ буфетъ развѣ не пойдете со мной?..

— Не знаю. Вообще не заботьтесь обо мнѣ. Въ буфетѣ вы рискуете столкнуться съ какимъ-нибудь кредиторомъ.

Хохловъ пожалъ плечами и насупился.

— Кажется, я ничѣмъ не оскорбилъ васъ, Лидія Асинкритовна, а вы...

Онъ не докончилъ фразы, повернулся къ дверямъ и вышелъ.

«Ага!.. едва намекнулъ о кредиторахъ, какъ сейчасъ же—палѣво кругомъ маршъ!.. Такъ и запомнимъ... хоть откровенно».

Поднялась суматоха. Поѣздъ тормозили.

Платформа кипѣла.

Жандармы, таможенныя, публика,—все смѣшалось, завертѣлось въ головокружительномъ вихрѣ самыхъ разнородныхъ ощущеній: подозрѣнія и желанія уловить—съ одной стороны, тревоги, протеста и желанія скрыть—съ другой.

Сразу опредѣлились двѣ враждующія половины.

Кого-то вели въ жандармскую.

Суетились. Продавали выборгскіе крендели и грибы.

Въ первыхъ двухъ классахъ досмотръ производился поверхностнѣй, въ третьемъ—съ большимъ рвеніемъ.

Хохловъ, успѣвшій закусить, приблизился къ открытому окну вагона, гдѣ продолжала сидѣть Лида, и заглянулъ.

Всѣ охраняли свои вещи.

Барышня съ брошкой была углублена въ чтеніе книжки.

Студентъ застылъ съ неподвижностью муміи, бережно держа букетъ, какъ какую-то драгоценную реликвию.

Были распакованы и открыты всѣ чемоданы, саки, узлы, лишь тотъ парусиновый чемоданъ, что стоялъ подъ головой барышни, продолжалъ оставаться завязаннымъ.

Но вотъ вошли, окинули мнительнымъ окомъ слѣдователя и сразу приблизились къ таинственному чемодану.

— Чей это?

Молчаніе.

— Я спрашиваю, чей это багажъ?—возвышаетъ голосъ одинъ изъ досмотрищковъ.

Нѣтъ отвѣта.

У жандарма вытягивается лицо и звенятъ шпоры.

— Это не вашъ чемоданъ, сударыня?—задаетъ вопросъ таможенный чиновникъ, уже прямо обращаясь къ читающей барышнѣ.

Она отрицательно качаетъ головой и хладнокровно опускаетъ глаза въ книгу.

Хохловъ видитъ, какъ у нея дрожить рука.

«Однако выдержка!.. Вѣдь это—ея чемоданъ!.. актриса...» пробѣгаютъ у него мысли.

— Возьмите!—отдается приказъ.

— Эй, носильщикъ!—кричатъ въ окно.

Чемоданъ уносится, и досмотръ остальныхъ отнимаетъ всего нѣсколько минутъ.

Хотя бы итти дальше, но жандармскій унтеръ-офицеръ подходитъ къ студенту.

— Пачпортъ при себѣ?

— Имѣю,—отрывисто отвѣчаетъ тотъ:—показать?

— Ступайте расписаться!—рѣзко перебиваетъ жандармъ.

Студентъ, молча, встаетъ и направляется къ выходу, продолжая держать букетъ.

У дверей смотритъ на барышню, и та бросаетъ ему взоръ, быстрый, какъ молнія, и поправляетъ брошку.

— Можетъ, у него и не цвѣты вовсе, а бомба,—съ улыбкой шамкаетъ какая-то незамѣтная старушка.

Барышня слышитъ и сердито переворачиваетъ страницу, но не поднимаетъ головы.

Стали свободно дышать, мѣняться мѣстами, уходить и приходить.

Загравленные звѣрки опять превратились въ людей.

Когда Хохловъ возвратился въ вагонъ, онъ нашелъ большую перемѣну въ барышнѣ: хотя она и притворялась заинтересован-

ной чтеніемъ, но не могла скрыть безпокойства, вызваннаго конфискаціей чемодана, приглашеніемъ студента въ жандармскую, а можетъ и обѣими этими причинами.

Ей не сидѣлось. На мигъ она оставила книгу и нервно вытянулась, закрывая глаза. Лицо ея какъ-то вдругъ осунулось, потускнѣло.

Въ составѣ ѣдущихъ уже не было нѣкоторыхъ пассажировъ, въ томъ числѣ и того торговца, который многихъ смущалъ своимъ любовитствомъ.

Сидѣли все дамы.

Раздался послѣдній звонокъ и свистокъ оберъ-кондуктора.

Барышня невольно поднялась, бросая тревожные взгляды на платформу.

Но студентъ уже входилъ въ вагонъ съ тѣмъ же неизмѣннымъ букетомъ, съ тѣмъ же неопредѣленнымъ выраженіемъ прищуренныхъ глазъ.

Поѣздъ тронулся.

Отъ перенесеннаго волненія или отъ чего-либо другого барышня прислонилась къ стѣнкѣ вагона, точно теряя сознание, блѣдная, неподвижная.

Въ эту минуту ввалилось еще двое пассажировъ: одинъ совершенно подвыпившій, бессарабскаго типа, обросшій волосами, по видимому, служащій, такъ какъ имѣлъ кокарду надъ бархатнымъ околышемъ фуражки, второй какъ будто трезвый, съ лукавой усмѣшкой на изможденномъ лицѣ актера.

Пьяный наполнилъ вагонъ страшною руганью и грузно полусѣлъ-полулегъ тутъ же у входа и потащилъ за рукавъ своего знакомаго.

— Извольте... прелести 3-го класса!—не удержался Хохловъ, съ укоризной вглядываясь въ Лиду и посматривая на сосѣдей.

— Въмѣсто укоровъ, вы запретите-ка ему браниться, на то вы—мужчина,—нисколько не смущаясь, отвѣтила она и отвернулась, продолжая слѣдить за студентомъ и барышней, между которыми снова велись какія-то беззвучныя бесѣды путемъ условныхъ знаковъ.

— Легко сказать—запретите! Вотъ появится кондукторъ, тогда...

Онъ не окончилъ,—взрывъ самой отборной брани заставилъ Владимира Петровича вскочить, какъ ужаленнаго осой.

Хохловъ весь трясся, посинѣлъ отъ гнѣва и судорожно сжималъ палку.

— Если вы, неприличный человѣкъ, позорящій кокарду, позволите себѣ еще хоть одно нецензурное слово,—обратился онъ къ пьяному, отрывисто произнося почти каждый слогъ и при томъ голосомъ, въ которомъ трудно было узнать невозмутимаго петербуржца:—я немедленно заторможу поѣздъ. Съ такими, какъ

вы, нѣтъ иного способа борьбы...—и онъ рѣшительно подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ находилась запечатанная ручка тормоза, и хотѣлъ уже взяться за нее, не помня себя отъ прилива негодованья.

Измощенный спутникъ пьянаго что-то шепнулъ ему, и тотъ повернулся къ Хохлову, блуждая кругомъ мрачнымъ, ничего не выражающимъ взглядомъ.

— Ну, и довольно... адью... Я... я... не ругаюсь... Чортъ!

Хохловъ медленно сѣлъ. Дамы успокоились.

Лида пожала ему руку.

— Спасибо. Вы—храбрый.

Пьяный не унимался и что-то бурчалъ. Товарищъ все подзадоривалъ его съ мефистофельской улыбкой:

— Проклятая граница!.. Раздѣваютъ, карманы выворачиваютъ, какъ у воровъ, а тутъ и свободы слова лишили...

— Молчи!—крикнулъ пьяный и замахнулся кулакомъ, но не разсчиталъ удара и чуть-чуть не упалъ, если бы не поддержалъ его пріятель.

Это разсердило его, и онъ опять думалъ выругаться, но остановился на полсловѣ.

— Коли генераль и ѣхалъ бы тамъ... чортъ!.. въ первомъ классѣ... Не смѣй ругаться!.. какъ же!.. Къ господамъ и ступай! Да ты откуда, шпионъ паршивый!.. Конституція у насъ, а ты... Иродъ! Такъ и звѣздану...

Хохловъ растерялся. Ему не приходилось бывать въ такихъ исторіяхъ. Онъ зналъ, кого слѣдуетъ вызвать на дуэль, когда позвать городского, но здѣсь получалось нѣчто совсѣмъ непредусмотрѣнное.

Онъ видѣлъ единственное спасеніе въ тормозѣ; къ счастью, явился, наконецъ, кондукторъ отбирать билеты.

— Если вы не заставите этого господина вести себя прилично (всѣ—свидѣтели!), я остановлю поѣздъ и велю составить протоколъ. Не смотрите, что я въ 3-мъ классѣ,—на это есть свои причины. Я—статскій совѣтникъ.

Кондукторъ сдѣлалъ внушеніе.

— Да что вы, милостивый государь,—вмѣшался товарищъ пьянаго съ мефистофельской усмѣшкой:—все исчерпано. И овцы цѣлы, и волки сыты. Будемъ себя солидно вести, ей-ей. Готово и—никакихъ!...—а вполголоса прибавилъ:—тоже пугаетъ!.. затормозилъ бы и первый же —дралка... Не иначе, какъ изъ сыщиковъ...

Они тихо шептались, пока пьяный не захрапѣлъ.

— Великолѣпный вояжъ!..—пронически замѣтилъ Хохловъ:—провокаторы, должно быть...

— А я все-таки довольна. Я убѣдилась, что петербуржецъ можетъ подчасъ и защитить, если женщина въ опасности,—про-

модвила Лида, опуская рѣсницы, такъ что трудно было рѣшить, шутить она, смѣется или говорить серьезно.

Хохловъ потерялъ прежнее хорошее расположеніе духа, съ какимъ ѣхалъ въ Выборгъ, и во всемъ винилъ свою оплошность и страсть къ донжуанству.

— Если когда-нибудь провинюсь передъ вами, пожалуйста, зачтите это мое великомученическое сидѣнье въ 3-мъ классѣ!— проворчалъ онъ уже совсѣмъ нелюбезно и погрузился въ унылое молчанье, которое, какъ свѣтскій человѣкъ, непременно осудилъ бы въ комъ-либо другомъ.

Безпроводочный телеграфъ между барышней и студентомъ продолжалъ работать.

Они, вѣроятно, совсѣмъ освоились и поняли другъ друга.

Уже когда замелькали огни Петербурга, скульптурная лавка, домикъ, гдѣ жилъ когда-то Чернышевскій, мертвыя окна «крестовъ»,—Хохловъ сказалъ Лидѣ спокойнымъ, дружескимъ голосомъ:

— Простите, что я вообще вель себя ненормально... Я былъ выбитъ изъ своей сферы... Васъ какъ же... проводить на царско-сельскій вокзалъ?

— О, пѣтъ! Я продолжу свою самостоятельность и впредь. Вы поѣзжайте сами по себѣ, а я сама по себѣ. Но вы напрасно, Владимиръ Петровичъ, извинялись. Вы мнѣ такимъ гораздо больше правитесь, чѣмъ закупореннымъ въ департаментскую папку.

— Сегодня наслушался отъ васъ. Прощайте, Лидія Асинкритовна.

— До свиданья.

Они холодно распрощались.

Хохловъ замедлилъ шаги, чтобы взглянуть еще разъ на барышню и студента.

Послѣдній быстро удалялся и скоро пропалъ въ толпѣ, а барышни такъ и не увидѣлъ.

Ему показалось, будто она осталась чего-то ожидать въ концѣ платформы или кого-то...

«Не поѣдетъ ли обратно?.. Странная встрѣча... Или это—ловкій фортель съ чемоданомъ, чтобы отвлечь вниманіе, или осѣчка?.. На меня повѣяло изъ какого-то новаго міра, котораго не понимаю... Такія женщины идутъ изъ-за идеи на мученичество... Шарлотта Кордэ... Можетъ, когда-нибудь эта изящная головка... Что за мысли лѣзутъ!.. Двѣ брошки—серебряная вотъ этой и золотая съ брильянтами—вотъ той, Ильашевой... и обѣ, чего добраго, дѣлалъ одинъ ювелиръ... Я не, удивлюсь, если и Лида надѣнетъ вдругъ такую же серебряную...»

Онъ оборвалъ мысли, сѣлъ на лихача и помчался домой.

Но думы все еще вертѣлись въ томъ же направленіи. Онъ чувствовалъ, что прошелъ мимо какой-то тайны, мимо какихъ-то иныхъ людей, служащихъ инымъ началамъ, инымъ цѣлямъ, и задумался такъ глубоко, какъ давно не задумывался.

III

Около озеръ.

Озерки—Шувалово, когда-то давно—самая модная дачная мѣстность подъ Петербургомъ, потомъ упавшая и до сихъ поръ не подымавшаяся, нѣтъ-нѣтъ да и напомнить о себѣ...

Петербургскій театраль не забылъ, что тамъ начала свою карьеру Коммиссаржевская...

Надъ озерковскомъ театромъ, сгоравшимъ и вновь возникавшимъ изъ пепла, какъ фениксъ, летаютъ славныя тѣни минувшаго...

Помимо воспоминаній привлекаетъ и красота пейзажа.

Разборчивый петербуржець, привыкшій и къ заграничнымъ курортамъ, и къ отечественнымъ дачамъ, деревенскимъ и пригороднымъ, возьметъ иногда и, наперекоръ всему, пріѣдетъ, чтобы пройти еще разъ по «этимъ грустнымъ берегамъ».

Три озера—лучшее украшенье живописнаго уголка, ставшаго достояніемъ улицы.

Одно—печальное, окруженное гирляндой садовъ и затѣйливыхъ домиковъ съ подъемомъ на Поклонную гору.

Другое—сонное, берущее жизнь отъ театра и только тогда бодрое и веселое, когда оттуда несутся звуки музыки и въ зыбкихъ волнахъ отражается блескъ разноцвѣтныхъ лампѣоновъ. Но едва отзвучитъ прощальный аккордъ, погаснетъ трескучій фейерверкъ, оставляя въ небѣ облачко дыма, которое потомъ застилаетъ весь театральнй садъ, пока не расплзется,—озеро уже дышитъ туманомъ, тускло отражая въ своихъ водахъ окрестныя деревья и дачи; озеро засыпаетъ...

И мрачно чернѣетъ вдали деревянный домикъ, гдѣ такъ загадочно погибъ таинственный священникъ Гапонъ.

Третье озеро, по прозванію Суздальское, своего рода шуваловское «мертвое море», такъ какъ ежегодно поглощаетъ жертвы за жертвами, словно беретъ дань за чьи-то грѣхи.

Тутъ и кладбище, полное своеобразной красоты, расположенное на скатѣ горы, заросшей мелкимъ лѣсомъ.

Бросается въ глаза одинокій гранитный камень съ вырѣзанной трогательной надписью: «Une prière, s'il vous plait,—Jeanne». Мѣстная легенда рисуетъ скорбную тѣнь женщины-самоубійцы...

А тамъ, на другомъ берегу, все говорить о жизни: зданіе закрытаго теперь яхтъ-клуба, гребной кружокъ «Фортуна», зеленый силуэтъ парка графа Шувалова, гдѣ каждый съ дѣтства помнитъ «Парнасъ» и прудъ съ лебедями...

Въ канунъ Ивана Купалы Хохловъ, сохранившій въ глубинѣ души, несмотря на внѣшнее обличье петербуржца, нѣкоторые слѣды своего южнаго происхожденія, пріѣхалъ въ Шувалово къ пріятелю и земляку Лосю, чтобы на лонѣ природы помечтать о прошломъ.

Этотъ день съ дѣтства проводилъ онъ постоянно въ кругу семьи, и воспоминаніе о купальныхъ огняхъ до послѣднихъ лѣтъ не покидало его.

Хотя и преданный свѣтской жизни, но по характеру замкнутый и неоткровенный, онъ именно вечеръ 23 іюня не любилъ оставаться одинъ и стремился къ обществу близкихъ людей, не обычныхъ завсегдатаевъ большого или малаго свѣта, а такихъ, съ кѣмъ онъ могъ бы живѣе чувствовать родную старину. Тутъ онъ словно перерождался, старался быть инымъ, «прежнимъ»...

Мечтательность—свойственна даже «истымъ петербуржцамъ».

Владимиръ Петровичъ бодро подходилъ къ дачѣ Лося.

На деревянной рѣзной рѣшеткѣ сада еще блестяли капли недавняго дождя, точно слезы изъ горнаго хрустала.

Возлѣ голубятни кружились птицы.

По двору похаживали куры и цыплята, а среди нихъ высокій длиннохвостый пѣтухъ. Зерна онъ уступалъ, самъ бралъ изрѣдка, словно по необходимости, больше показывалъ, гдѣ что лежитъ.

«Джентльмень, — подумалъ Хохловъ: — насъ, пожалуй, заткнетъ за поясъ»...

— А-а-а! — раздался изъ окна моложавый голосъ хозяина: — якимъ шляхомъ, хлопчикъ?.. Съ позапрошлагодняго Купалы и не видались... Хорошо, что завернули! А моя дочка въ Крыму у дяди. Позавчера письмо пришло, — плачется: «пріѣзжать къ родственникамъ да еще съ дѣтьми—чистѣйшая глупость!» Вотъ тебѣ на! Видно, дядя приструнилъ маленько... Ну, сидайте, сидайте. Побалакаемъ.

Онъ мѣшалъ украинскую и русскую рѣчь, ежеминутно откидывая падающія на лобъ пряди сѣдѣющихъ волосъ и расправляя шевченковскіе усы.

Послѣ обоюдныхъ поцѣлуевъ, привѣтствій и разговоровъ, онъ внезапно нахмурился и почесалъ затылокъ.

— На заводѣ у насъ неладно. Директоръ—крутенекъ, а рабочіе тоже не дураки, спуску не даютъ. Можетъ, и перемелется... Хотятъ завтра шабашить, праздновать Купалу...

— Пускай ихъ!—протянул Хохловъ, вовсе не интересующійся рабочими, къ тому же раздосадованный, что нѣтъ Оксаны Ивановны, за которой любилъ изрѣдка поухаживать, въ свободную минуту.

«Не везетъ — размышлялъ онъ между тѣмъ, пока говорилъ Иванъ Дмитріевичъ: — ѣздилъ въ Выборгъ — чуть не поссорился съ Лидой, теперь этой не засталъ...»

А Лось развѣтывалъ передъ нимъ картину за картиной и о томъ, что у рабочихъ есть свой союзъ, члены котораго почти то же, что въ Англии «юнионисты», только попроще, и что они крѣпко держатся другъ за друга, и что есть такіе, которые ни въ какомъ товарищескомъ союзѣ не состоятъ и занимаютъ мѣста забастовщиковъ и что въ Англии подобныхъ рабочихъ зовутъ «скэбами», что согласиться на празднованіе Иванова дпя значить потакать лѣзтяямъ и многое другое.

Фабричная жизнь и ея порядки увлекали Лося. Онъ даже забывалъ вставлять излюбленные малорусскія словца.

Едва заходила рѣчь о какихъ-либо требованіяхъ рабочихъ, обычное добродушіе куда-то исчезало, и вся фигура его преображалась: носъ какъ-то вытягивался, брови мрачно сдвигались, морщинка, незамѣтно прорѣзывающая лобъ, становилась болѣе отчетливой.

— Это все отлично, Иванъ Дмитричъ,—не выдержалъ наконецъ Хохловъ: —а какъ же насчетъ того, чтобы побродить, помотрѣть, какъ холостежь гуляетъ, собираетъ травы, черезъ кусты прыгаетъ? Помните, какъ мы съ Оксаною дурачили въ Парголовѣ?..

По лицу Лося скользнуло что-то свѣтлое, будто лучъ какой-то упалъ.

— Було колысь!.. Эхъ-эхъ... Теперь не тотъ людъ... Въ прошедшемъ году больше по части картежной игры... Позакрывали притоны,—проблемой пола занялись...

Долго бесѣдовали послѣ обѣда.

Хохлову стало скучно.

Лось, видимо, размышлялъ о заводѣ.

— Я выйду пофланировать, какъ хотите... а вы можете сидѣть, по-стариковски, если желаете,—отозвался Владиміръ Петровичъ, берясь за шляпу:—приду ночевать, не беспокойтесь.

— Ну, ну... добре. Я тутъ счета поразбираю да изъ погреба спотыкачъ достану... Изъ Полтавы получилъ... Вамъ на сонъ грядущій. Что, не пьете? Такое! Ну да и козаче, чтобъ васъ!..

Хохловъ пошелъ по Варваринской и по Софійской, спустился къ третьему озеру.

Было поразительно свѣтло, и вода блестѣла, какъ стальная, безъ малѣйшей зыби.

Онъ сперва подумалъ, что занималась заря, но еще было всего одиннадцать часовъ.

Шелъ дальше и дальше по берегу, встрѣчалъ вереницы гуляющихъ и смѣшался съ праздною толпою совершенно чуждыхъ ему людей.

Искалъ близкихъ, а попалъ въ обстановку чужого счастья и чужого горя, и сердце сжималось отъ обиды.

Вотъ у воротъ чьей-то дачи тоскливо жалуется женскій сладкій голосъ:

— Скажешь ему: «муженекъ, хочешь чаю?» а онъ: «пу, пожалуйста!» или: «хочешь поужинать?» опять: «пу, пожалуйста!» и такъ все «ну, пожалуйста» да «ну, пожалуйста...» Слова живого не выговорить. Такъ бы рученьки на себя и наложила, голубчикъ мой. О сахарѣ отзывается: «къ чему онъ? трава, вѣдь...» Моченьки съ нимъ нѣтъ... и не умираеть, постылый.

Кто-то разглагольствуетъ о ресторанахъ въ Юккахъ и о томъ, что если спуститься къ Токулинскому озеру по витой лѣстницѣ въ семьдесятъ пять ступеней, то можно занять хорошій номерокъ въ купальнѣ и все видѣть, при этомъ что-то шепчетъ на ухо гимназисту и оба хихикають, заливаются смѣхомъ, захлебываются отъ удовольствія.

Имъ попадается дѣвочка лѣтъ шестнадцати, съ полураспущенными косами по плечамъ.

Въ ея лицѣ—все, кромѣ настоящей юности,—все, кромѣ молодой искренности; въ зеленоватыхъ, ясныхъ глазахъ—всѣ оттѣнки, кромѣ свѣжести и чистоты; отъ ея улыбки вѣетъ холодомъ отчужденія.

— Варина... Люба, куда вы? Пойдемъ съ нами. Давайте, костеръ разведемъ... пикничокъ устроимъ... Полно дуться!—обращается къ ней гимназистъ и задѣваетъ ее рукой: «хочу быть смѣлымъ!.. хочу быть дерзкимъ!..»—подтруниваетъ онъ.

— Ахъ, убирайтесь!.. Не до васъ мнѣ! Послѣ когда-нибудь,—отговаривается она и скользитъ къ пристани, гдѣ уже, можетъ быть, давно маячить плотная фигура пожилого мужчины.

— Насилу! Жду—не дождусь... Цыпленочекъ мой!.. цыпъ-цыпъ... А тетка не узнаеть?.. Изъ окна выпрыгнула, какъ я сказывалъ, или опять двери открывала?..

Цѣлуеть.

Знойный шопотъ и пугливое бормотанье скрещиваются и свиваются, какъ два змѣя. Голосъ—липкій, какъ патока. Глаза буравчикомъ сверлятъ.

— Полно вамъ!—обиженно произносить Варина, и отстраняется, а въ ея словахъ слышится не то отвращенье, не то разочарованье:—у насъ всѣ спятъ. Вы все труса празднуете, а мнѣ-то какво!.. Набѣдокурили и боитесь.

— Что ты такое болтаешь, пустышка? Ничего не набѣдокурилъ. Тебя жалѣю, цыпленочекъ. Развѣ не помнишь условія: полная тайна! Такъ и тебѣ будетъ лучше, и мнѣ...

Плыветъ лодка, и звучный теноръ далеко разносится по озеру, призываетъ кого-то, томится по комъ-то и вдругъ круто обрывается, не докончивъ пѣсни.

Эхо повторяетъ блѣдные, умирающіе звуки.

Двѣ тѣни спѣшаютъ изъ-за угла.

— Свобода совѣсти... вѣдь, такъ?.. А папаша передъ каждымъ праздникомъ у окна садится и глядитъ, пойдемъ ли мы съ братомъ въ церковь, или нѣтъ, палкой стучить, сквернословить... Передъ людьми стыдно.

— И вы ходите, дурачье?.. бараны...

— А то какъ же! Обязательно ходимъ... Конечно, войдемъ въ ограду, а тамъ черезъ рѣшетку махнемъ. Сторожу платимъ.

— Стрекача?.. Гм... Чтобы послушаться это—ни-ни, а наутекъ можно?.. Эхъ вы, бараны!.. будешь отца надувать, потому другихъ-третьихъ... такъ и до владимирки доберешься... И все потому, что ты—размазня съ саломъ... Тоже въ кушцы готовится!.. Эхма, поиди прочь, поклонись! Рехнулся, что ли? Сказаль тебѣ: выслѣди, гдѣ деньги-то лежатъ, мнѣ передай... Мы оборудуемъ... Самъ станешь хозяиномъ. Я подручнымъ у тебя. Мозговъ у тебя не хватаетъ, Сашка.

— Боюсь я что-то, Ванюша... Развѣ я изъ корысти какой противъ отца?..

— Чучело огородное и весь сказъ... Не смѣй и на глаза мнѣ лѣзть! Плевать на тебя хочу. Пропадомъ пропади!.. Тоже купецъ!.. Клякаетъ тамъ что-то о корысти... Многие ты понимаешь! Какъ свишня въ апельсинахъ.

Насмѣшливый голосъ стихаетъ гдѣ-то за заборомъ. Стучить калитка.

Нѣсколько прислугъ бранятъ своихъ господъ.

Лаетъ цѣпная собака, рычитъ, кидаясь то вправо, то влѣво. Двѣ барыни впухъ и впрахъ разносятъ современныхъ кухарокъ.

Хохловъ уже на второмъ озерѣ.

Театръ горитъ огнями. Музыка.

По набережной плетется злобѣщая старуха; высокая, худая, съ громаднымъ крючковатымъ носомъ, спускающимся надъ широкимъ беззубымъ ртомъ.

Несмотря на теплоту вечера, кажется, будто около нея пронизывающая струя холоднаго воздуха.

Единственный клыкъ, торчащій изъ-подъ верхней губы, когда старуха начинаетъ бурчать, придаетъ ей еще болѣе отталкивающей видъ. Одинъ глазъ виситъ на выкатѣ, подозрительно осматриваясь по сторонамъ; другой, —тусклый, будто оловянный, кажется, ничего не замѣчаетъ.

Одѣта она въ какія-то удивительно-разноцвѣтныя лохмотья, наподобіе шали, въ три-четыре яруса, и поминутно сжимаетъ цѣпкой рукой съ птичьими когтями, вмѣсто ногтей, мѣшокъ, сши-

тый изъ дешевыхъ лоскутиковъ, висящій на простой веревкѣ у локтя. Поверхъ шляпы-капора обвязаны платки, сколотые у шеи подь остроконечнымъ подбородкомъ, который почти сливается съ носомъ.

За ней по слѣдамъ бѣгутъ мальчишки, швыряютъ бумажками, вѣтками, комками засохшей земли, пескомъ.

— Вѣдьма! Вѣдьма!.. У—у!..

Она что-то подбираетъ и торопится дальше, —дальше, беззвучно бормоча какія то непонятныя жуткія слова.

«Что это—гибель? смерть? чума?.. или наша нищета? наша голодуха? Не она ли ищетъ цвѣтокъ папоротника? или только запугиваетъ, чтобы никто не сорвалъ его?»..

Подъ наплывомъ неожиданныхъ мыслей, Хохловъ не знаетъ, куда дѣваться. Каждый шагъ приноситъ ему не утѣшеніе, а досаду...

«Гдѣ же люди? настоящіе люди? — въ душѣ просыпается тревожный, безотвѣтный вопросъ: — въ окнахъ огни... мелькаютъ головы... туловища... вѣроятно, кому-нибудь весело... вѣроятно, кто-нибудь доволенъ... на роялѣ брячатъ... скрипка...»

Онъ вернулся усталый, неудовлетворенный, одинокій. Лось уже спалъ. Изъ его комнаты долетало похрапываніе.

На столикѣ у кровати Владимиръ Петровичъ увидѣлъ графинчикъ, рюмку и какую-то закуску.

Онъ ни къ чему не притронулся, поспѣшилъ раздѣться, легъ и скоро погрузился въ свинцовый, безсмысленный сонъ.

Заводъ, гдѣ Лось былъ младшимъ директоромъ и акціонеромъ, 24-го іюня представлялъ не совсѣмъ обычное зрѣлище: рабочіе явились, но въ праздничныхъ костюмахъ и за работы не принимались.

Правда, человекѣкъ пять-шесть пытались взяться за свои станки, но ихъ сейчасъ же отгѣснили и грозили побить.

— И такъ бездоходье, а вы себѣ же вредите. Почему дѣломъ нельзя заниматься, коли на то наша воля?—урезонивалъ толпу некрасивый, приземистый, смуглолицый парень съ быстро перебѣгающими зрачками, будто высматривающими добычу.

— Ну, ну, ваша косорылость, не очень-то распускайте языкъ! Товарищеское дѣло. Подло такъ поступать, вотъ что!

— А снимать съ работы не подло?—огрызался парень, готовый кинуться на каждаго, кто подступитъ близко.

— Да ты съ двумя головами, что ли?.. Поговори-ка еще... Ссора принимала нежелательный оборотъ.

— Оставь ихъ, чертей полосатыхъ. Пушай подавятся грошами!—вмѣшался старикъ-рабочій, сторонникъ мира.

— Всѣхъ оставлять—себя закрѣплять. Мы не бабы. Нюни распускать не годится...—отвѣчали ему голоса защитниковъ рѣшительныхъ дѣйствій.

— Товарищи, измѣна!—истерически завопилъ вдругъ общій любимецъ, извѣстный подъ кличкой Синяго:—нашихъ переловили, какъ собакъ,—и Андрюхи нѣтъ, и Пушистаго, и Шутова. Арестованы этой ночью. Измѣна!

Поднялся переполохъ, такъ что приходъ главнаго директора, Рубакина, въ сопровожденіи Лося и нѣсколькихъ лицъ изъ заводской администраціи прошелъ незамѣченнымъ.

— Чего бунтуете?—изо всѣхъ силъ закричалъ вдругъ инженеръ Плевницкій, правая рука директора:—какого еще вамъ рожна?

Директоръ поднялъ палецъ.

— Господа! Ваши товарищи временно задержаны полиціей за подстрекательство къ забастовкѣ. Ой-ой, нехорошо! Копейка рубль бережетъ, а вы гулять хотите. Праздниковъ много,—черезчуръ много. Что общаго между вами и языческимъ Купалой? Вотъ въ Западной Европѣ этотъ день...

Но его не желали больше слушать.

Рабочіе гудѣли.

— Товарищи!—выкрикивалъ Синій:—чего даромъ время терять? Айда въ арестантскую! Спасемъ товарищей, выручимъ Андрюху!..

Свалка, крики, смѣхъ, топотъ ногъ...

Осталось около половины. Другіе умчались.

Конфузливо переминаясь съ ноги на ногу, не зная, за что взяться, нѣкоторые потихоньку стали на работу.

Лось звонилъ въ телефонъ, предупреждая пристава. А по дорогѣ уже неслась разгоряченная ватага челоувѣкъ въ 70—80 подъ предводительствомъ Синяго, который съ развѣвающимися волосами, безъ шапки, всѣхъ опережалъ и сдерживалъ, какъ могъ, своихъ добровольцевъ, не позволяя имъ ни пѣть, ни бунить и задѣвать прохожихъ. Улица оживала.

Хохловъ стоялъ въ саду у Лося и видѣлъ, какъ они бѣжали, спотыкаясь и возбужденно переговариваясь, кому-то грозя кулакомъ.

Въ его головѣ сложились представленія о начинающихся безпорядкахъ.

Онъ поспѣшно вошелъ въ комнаты, сѣлъ за письменный столъ и набросалъ карандашомъ:

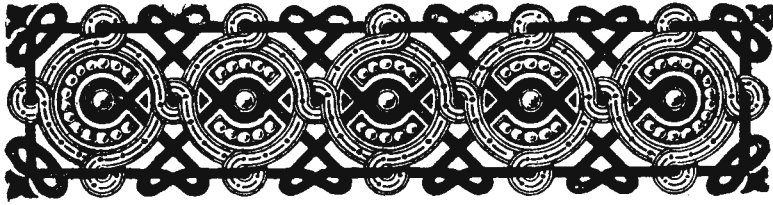
«Милый Иванъ Дмитріевичъ. Легкая зубная боль заставляетъ меня уѣхать домой, не дожидаясь вашего возвращенія. Да и вамъ теперь не до меня: я видѣлъ, какъ рабочіе разстроены. Еще, чего добраго, будетъ усмирненіе? Я не охотникъ до такихъ сценъ. Это не по моимъ нервамъ. По симпатіямъ и по характеру я—штатскій челоувѣкъ. До скорого свиданія. Вашъ В. Хохловъ».

Когда онъ подходилъ къ вокзалу, галопомъ мчались конные стражники, преграждая путь растерявшейся толпѣ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ);

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА ¹⁾.

Графиня Л. И. Кушелева-Безбородко. — Ея первое замужество. — Ея вторичный брак. — Сближеніе ея съ графомъ Григоріемъ Александровичемъ Кушелевымъ-Безбородко. — Протестъ семьи графа противъ его брака. — Аудиенція у государя. — Бракъ графа Кушелева. — «Первая графиня» и «первая камелія». — Роскошная жизнь во «дворцѣ» на Гагаринской. — Балы и коцеры. — Спирить Юмъ. — Александръ Дюма. — Пיאнистъ Герць. — Оригинальный концертантъ.

УДѢБА графини Любви Ивановны, хорошо памятной всѣмъ петербургскимъ старожиламъ, слишкомъ выдается изъ обычнаго порядка, чтобы не остановиться на ней. И за и противъ графини раздавалось столько различныхъ мнѣній и различныхъ голосовъ, что мое совершенно правдивое сказаніе поможетъ хоть частью возстановить истину.

Любовь Ивановна, урожденная Кроль, была выдающеюся красавицей и обратила на себя вниманіе императора Николая Павловича, «почтившаго» ее своимъ избраніемъ и довольно щедро, какъ говорила соустая молва, заплатившаго ей за свое довольно кратковременное увлеченіе. Временное увлеченіе это не повліяло на нравственную сторону молодой дѣвушки, и, вышедши впослѣдствіи замужъ за гвардейскаго офицера Пенхержевскаго, она была ему вѣрной женой и любящей, преданной подругой.

Смерть мужа, послѣ котораго у нея остался маленькій сынъ Александръ, совершенно измѣнила весь жизненный укладъ моло-

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХІV, стр. 116.
«Истор. вѣстн.», май, 1911 г., т. сxxiv.

дой красавицы. Болѣзнь мужа, на лечение котораго она ничего не жалѣла, истощила все средства преданной жены, погребеніе и первое время вдовства довершили разореніе, и, оправившись отъ перваго пароксизма горя, Любовь Ивановна очутилась безъ гроша въ карманѣ, не имѣя ровно ничего впереди.

Въ это время она познакомилась съ Голубцовымъ, человѣкомъ уже пожилымъ, и полюбить котораго она не могла. Но онъ предложилъ ей свое имя и съ нимъ вмѣстѣ и безбѣдное существованіе для нея и обожаемаго сына.

Бракъ этотъ ей счастья не далъ, и, проживъ нѣкоторое время съ Голубцовымъ, среди постоянно повторявшихся споровъ и непріятностей, она оставила его и уѣхала изъ Кіева, гдѣ она съ нимъ жила, обратно въ Петербургъ, безъ всякой опредѣленной цѣли, желая только избавиться отъ домашняго ада.

На Петербургъ она понадѣялась напрасно. Серьезной поддержки она не нашла ни въ комъ, ни на какой трудъ не была способна, и послѣ долгой и упорной борьбы она пала, какъ падаютъ многія женщины въ столицѣ, брошенная на произволъ судьбы и... людскаго эгоизма.

Переходя отъ одной горькой страницы жизни къ другой, она случайно столкнулась съ старшимъ изъ молодыхъ графовъ Кушелевыхъ, незадолго передъ тѣмъ похоронившимъ отца и оставшимся единственнымъ обладателемъ громаднаго майората, сверхъ несмѣтнаго состоянія, оставленнаго ему отцомъ.

Графъ Григорій въ то время, несмотря на сравнительно очень еще молодые годы, былъ уже въ конецъ отжившій человѣкъ, страдавшій припадками падучей болѣзни и одержимый всеми недугами, какіе влечетъ за собой слишкомъ широкая и разнузданная жизнь.

Отецъ его, довольно строго относившійся къ сыновьямъ и увѣренный, что путемъ этой строгости и требовательности ему удастся удержать уже взрослога сына отъ кутежей, только способствовалъ въ сущности полному разстройству молодаго организма. Кутилъ молодой графъ неудержимо, но, обязанный являться къ отцу ежедневно въ 9 часовъ утра, онъ послѣ совершенно безсонной ночи принималъ такія громадныя дозы возбуждающихъ силы средствъ, что къ 30-лѣтнему возрасту былъ уже ходячей руиной, и для возстановленія его организма въ медицинѣ уже средствъ не оставалось.

Въ это время онъ случайно встрѣтился съ молодой красавицей Голубцовой, которой удалось вернуть его къ жизни и возбудить въ немъ тѣ порывы страсти, которыхъ уже въ конецъ лишила его ранняя старость, и отсюда та безумная любовь, какую онъ почувствовалъ къ молодой красавицѣ. Онъ привязался къ ней страстно, ея присутствіе сдѣлалось ему необходимымъ, и, окруживъ ее сначала царской роскошью въ нанятой и обставленной для нея

квартирѣ, онъ въ скоромъ времени перевезъ ее въ свой домъ, или, точнѣе, въ свой дворецъ на Гагаринской набережной, гдѣ жизнь ея сдѣлалась дѣйствительно похожей на волшебную сказку.

Въ это время двѣ сестры графа Григорія Александровича, все время не вмѣшивавшіяся въ поступки брата, рѣшились обратиться къ государю съ просьбой положить предѣлъ смѣлости г-жи Голубцовой, рѣшившейся открыто переѣхать въ ихъ родовой домъ. Узнавъ о намѣреніи графа жениться на г-жѣ Голубцовой и о начатыхъ по этому поводу переговорахъ, онѣ просили государя воспротивиться этому браку, предоставляя его монаршему указанію выборъ невѣсты для графа Григорія, какъ доказательство того, что не алчность и не корыстолюбіе диктуютъ имъ ихъ всеподданнѣйшую просьбу, а единственно боязнь, что ихъ почтенное дворянское имя перейдетъ къ такой особѣ, какъ г-жа Голубцова, и ихъ графская корона перейдетъ на ея... слишкомъ громко извѣстную голову.

Онѣ убѣдительно просили государя выбрать для графа невѣсту среди самыхъ бѣдныхъ, но вполне честныхъ дѣвушекъ, обѣщая не только вполне дружески принять ее въ свою семью, но быть ей родными сестрами и употребить всѣ силы и средства къ тому, чтобы ея бракъ съ ихъ братомъ былъ для нея не только выгоднымъ, но и вполне счастливымъ. Отъ всѣхъ правъ на наслѣдство онѣ отказывались охотно и не соглашались только на родство съ женщиной, близость которой позоритъ ихъ имя и ихъ дворянскій почетный гербъ.

Государь, внимательно выслушавъ ихъ просьбу, обѣщаль принять возможные мѣры къ ея удовлетворенію, но тогда Любовь Ивановна, узнавшая обо всемъ этомъ, въ свою очередь, рѣшилась просить аудіенціи у государя. Какъ право на свою смѣлую просьбу, она выставила извѣстную государю близость свою къ его покойному отцу императору Николаю Павловичу, и государь, всегда благоговѣйно относившійся къ памяти отца и дѣйствительно знавшій о его отношеніяхъ къ дѣвицѣ Кроль, согласился принять г-жу Голубцову и назначилъ ей аудіенцію.

Явившись въ назначенный день во дворецъ и принятая государемъ въ его кабинетѣ, Любовь Ивановна смѣло и откровенно отвѣчала на всѣ предложенные ей вопросы, и когда государь спросилъ ее, правда ли, что она переѣхала къ графу Куселеву и живетъ въ данную минуту въ одномъ домѣ съ нимъ, она отвѣтила: «Правда, ваше величество. Я не только въ одномъ домѣ съ графомъ живу, но въ одной съ нимъ комнатѣ и въ одной съ нимъ спальнѣ. Этимъ я жизнь его спасаю, и лично для меня это подвигъ, а не наслажденіе!».

Разговоръ этотъ происходилъ по-французски, и я сообщаю его подстрочный переводъ, записанный съ подлинно ею самой переданныхъ и тогда же записанныхъ словъ.

На такой смѣлый отвѣтъ государь спросилъ, опа ли настаиваетъ на женитьбѣ графа на ней, или это его личное желаніе, и получилъ въ отвѣтъ, что ей это и въ голову не пришло бы никогда и что ей жаль денегъ, которыя достанутся Голубцову, по что она согласилась на переговоры съ нимъ единственно по настоятельной и неотступной просьбѣ графа, который рѣшился на самоубійство, ежели она его оставитъ.

— Да я ли одна, ваше величество, подамъ примѣръ такого супружества?..— смѣло закончила рѣчь своя молодая красавица.— Вамъ извѣстно, сколько неравныхъ браковъ заключено представителями самыхъ громкихъ именъ въ Россіи, и мнѣ кажется, что я лично менѣе скомпрометирую гербъ графовъ Кушелевыхъ, нежели кто бы то ни было. Я ни образованьемъ, ни свѣтскимъ лоскомъ сестрамъ графа не уступаю, и ежели всѣ представители аристокраціи захотятъ посѣтить мой салонъ, то въ умѣнны встрѣтить и принять гостей я ни передъ кѣмъ изъ нихъ не спассую!

Она говорила такъ смѣло, рѣчь ея звучала такой искренней неподкупной правдой, что государь созналъ себя побѣжденнымъ и сказалъ ей:

— Я согласенъ на вашъ бракъ съ графомъ Кушелевымъ. Сумѣйте стать на высоту того положенія, какое вамъ этотъ бракъ представить, не отклоняйтесь отъ самыхъ строгихъ законовъ приличія, заставьте строгій свѣтъ забыть о вашихъ увлеченіяхъ, и я первый подамъ вамъ руку и встрѣчу васъ съ полнымъ уваженіемъ!

Прощаясь съ ней, государь съ свойственнымъ ему рыцарствомъ поцѣловалъ ея руку, и она вернулась къ графу, полная благоговѣйной благодарности къ своему державному покровителю.

Вскорѣ состоялось бракосочетаніе графа съ Любовью Ивановной, отпразднованное тихо, безъ всякаго торжества, и послѣ кратковременной поѣздки за границу молодая графиня сдѣлала визиты всѣмъ, съ кѣмъ мужъ ея желалъ поддержать знакомство.

Она прямо и открыто шла навстрѣчу обществу, и смѣло можно поручиться за то, что, ежели бы ее тогда не оттолкнули, она сумѣла бы и сама стать и домъ свой поставить на должную высоту, но... никто изъ тѣхъ, кого она, ища поддержки и привѣта, почитла своимъ посѣщеніемъ, не отдалъ ей визита, и, такимъ образомъ, первая попытка ея пойти навстрѣчу обществу, — оказалась горькой ошибкой.

Это было то время, когда романъ Дюма «Дама съ камеліями» былъ въ страшной модѣ, и, еще не передѣланный ни въ пьесу, ни въ оперу, сводилъ съ ума чуть не всю Европу.

Послѣ нанесеннаго ей оскорбленія Любовь Ивановна явилась въ литерной ложѣ блестящаго опернаго спектакля съ большимъ букетомъ живыхъ камелій въ рукахъ и громко сказала окружающимъ:

— Я смѣло и съ честью могла бы занять первое мѣсто среди петербургской аристократіи... Меня не признали, мной пренебрегали... и ежели мнѣ не удалось быть первой изъ графинь, то я буду первой изъ камелій.

Это свое обѣщаніе она, къ несчастію, сдержала и дѣйствительно такъ сильно скандализировала въ послѣдствіи всѣхъ, кто ее видѣлъ и зналъ, что, спустя нѣсколько лѣтъ, графъ далъ ей нѣсколько сотъ тысячъ рублей отступного съ тѣмъ, чтобы она его оставила и никогда не пріѣзжала въ Россію.

Соглашеніе это состоялось, и графиня Любовь Ивановна навсегда исчезла съ петербургскаго горизонта. Впрочемъ, мѣсто ея при мужѣ вакантнымъ не осталось, и влюбчивый и не особенно постоянный графъ тратилъ безумныя деньги на жену какого-то армейскаго офицера, сумѣвшую забрать его въ руки.

Несмотря на отсутствіе на ея балахъ строго избраннаго аристократическаго общества, въ домъ графини въ первые два года ея замужества многіе ѣздили, и нельзя было не сознаться, что концерты и рауты въ домъ графа Григорія Александровича были верхомъ всего, что можно было себѣ вообразить богатаго, роскошнаго и изящнаго.

Въ домъ графа играли и пѣли лучшіе артисты, читали и декламировали лучшіе чтецы, и въ заключеніе каждаго вечера танцовали до утра подъ звуки самаго моднаго и дорогаго оркестра.

Это было время всеобщаго увлеченія только что начавшимъ входить въ моду спиритизмомъ, и слава извѣстнаго спирита Юма гремяла не только въ Старомъ, но и въ Новомъ Свѣтѣ. Его сила признавалась чудодѣйственной и сводила съ ума весь Парижъ.

Я была въ то время еще очень молода и въ серьезные вопросы не углублялась, такъ что для меня имя Юма представлялось только чѣмъ-то сверхъестественнымъ и слегка страшнымъ, и вотъ однажды на одномъ изъ вечеровъ графини ко мнѣ подвели высокаго и стройнаго блондина и представили мнѣ его, назвавъ какое-то имя, котораго я даже хорошенько не разслыхала. Такихъ балльныхъ знакомствъ встрѣчалось такъ много, что запоминать именъ никто не трудился, танцовали съ разъ представленнымъ кавалеромъ, просто запомнивъ его только въ лицо. Такъ случилось и со мной.

Представленный мнѣ блондинъ сначала сдѣлалъ со мной нѣсколько туровъ вальса, затѣмъ протанцовалъ туръ или двѣ польки и, пригласивъ меня на первую кадрили, оказался такимъ интереснымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ, что мнѣ прямо жаль стало, что кадрили такъ скоро окончилась.

Послѣ кадрили мой любезный кавалеръ простоялъ еще нѣ сколько времени за моимъ стуломъ и выразилъ сожалѣніе, что ему приходится рано уѣзжать съ вечера, что лишаетъ его возможности долѣе побесѣдовать со мной.. Затѣмъ, простившись и вы-

разивъ надежду еще разъ встрѣтиться со мной, интересный блондинъ исчезъ съ вечера, а графиня, подойдя ко мнѣ, шутливо спросила:

— Ну, какое впечатлѣніе произвелъ на васъ вашъ кавалеръ?

Я отвѣтила, что прекрасное.

— И вамъ не было вовсе страшно?

— Страшно?.. Почему страшно?

— Да развѣ вы не знаете, съ кѣмъ вы танцовали?

Я созналась откровенно, что не разслышала хорошенько фамиліи представленнаго мнѣ кавалера.

— Неужели?.. Да вѣдь это Юмъ!

Я такъ и опѣшила.

— Какъ Юмъ?.. Какой Юмъ?

— Ахъ, Боже мой, знаменитый медиумъ Юмъ, о которомъ говорить и пишетъ вся Европа.

Я до того удивилась и такъ перепугалась, что меня даже дрожь взяла.

— Вы его очень заинтересовали, и онъ взялъ съ меня слово, что до его отъѣзда я доставлю ему случай побесѣдовать съ вами. Онъ говоритъ, что вы своей непринужденной свѣтскостью примирили его съ русскими институтами, о которыхъ ему говорили какъ о разсадникахъ какихъ-то невозможныхъ, до идиотизма навивныхъ весталокъ.

Я отвѣчала молчаливымъ наклоненіемъ головы на такой оригинальный комплиментъ, и тутъ только узнала, что Юмъ былъ женатъ на родной сестрѣ графини, Кроль, которая была значительно моложе сестры и далеко не такъ хороша, какъ графиня.

Съ Юмомъ я встрѣтилась затѣмъ одинъ только разъ наканунѣ его отъѣзда изъ Россіи, и онъ далъ мнѣ на память небольшую золотую булавку съ крошечнымъ чернымъ бриллиантомъ, которую я хранила долгіе годы и которая внезапно исчезла у меня, вѣроятно, похищенная кѣмъ-то знавшимъ о ея происхожденіи.

Образъ жизни графини Кушелевой въ описываемую мной эпоху по роскоши и комфорту приближался къ царскому. Домъ, занимаемый ею вдвоемъ съ мужемъ, состоялъ изъ сорока комнатъ, расположенныхъ такъ, что въ то время, какъ въ большой залѣ гремѣлъ оркестръ музыки, на другой половинѣ, въ кабинетѣ графа, можно было свободно читать и заниматься, и ни одинъ звукъ не доходилъ туда изъ концертной залы. Графъ и графиня занимали два различныхъ этажа, при чемъ у входа на половину графини стояли лакеи въ штиблетахъ и рейтъ-фракахъ съ гербовыми пуговицами, а на площадкѣ лѣстницы, ведущей къ графу, — егеря въ охотничьихъ кафтанахъ.

Экипажей и лошадей на конюшнѣ было такъ много, что въ дни приглашенныхъ баловъ и вечеровъ у подъѣзда стояло нѣсколько

каретъ и колясокъ, готовыхъ къ услугамъ тѣхъ изъ гостей, которые не могли или не пожелали бы держать на морозѣ своихъ лошадей до окончанія бала.

Въ бытность свою въ Парижѣ графиня познакомилась съ знаменитымъ французскимъ романистомъ Александромъ Дюма (отцомъ), и прїѣздъ его въ Россію былъ, главнымъ образомъ, вызванъ приглашеніемъ графской четы. Навстрѣчу Дюма высланъ былъ на самую границу курьеръ, который и долженъ былъ сопровождать интереснаго путешественника вплоть до самаго Петербурга, всюду расплачиваясь за него и предоставляя ему всевозможныя удобства въ пути, такъ какъ на русской территоріи Кушелевы уже считали знаменитаго романиста своимъ личнымъ гостемъ.

Дюма отблагодарилъ ихъ за это, написавъ въ своихъ путевыхъ запискахъ «Изъ Парижа на Кавказъ» столько всевозможнаго вздора о Россіи, что вызвалъ со стороны тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые знали Россію, шутовое замѣчаніе, что для описанія чудесной страны онъ намололъ массу самыхъ несбыточныхъ чудесъ.

Дюма былъ не единственнымъ замѣчательнымъ гостемъ Кушелевыхъ, они съ одинаковымъ гостепрїимствомъ относились ко всѣмъ прїѣзжавшимъ въ Россію знаменитостямъ и всегда старались, чтобы всѣ прїѣзжіе артисты выходили у нихъ въ домѣ раньше всѣхъ публичныхъ вечеровъ и концертовъ.

Одинъ изъ такихъ дебютовъ памятенъ мнѣ по шаловливой выходкѣ молодого моряка Плетнева, дальняго родственника графини.

На артистическомъ горизонтѣ Европы въ то время очень замѣтнымъ свѣтиломъ выступалъ піанистъ Герцъ, хорошо извѣстный въ Россіи по многочисленнымъ сочиненіямъ своимъ, но ни разу лично въ Россію не прїѣзжавшій.

Въ одинъ изъ зимнихъ сезоновъ газеты извѣстили о его прибытіи въ Петербургъ и о томъ, что онъ намѣренъ дать въ большой залѣ Дворянскаго собранія нѣсколько послѣдовательныхъ концертовъ. Этого достаточно было для того, чтобы заставить Кушелевыхъ добиться, чтобы у нихъ въ домѣ онъ игралъ раньше, нежели въ собраніи.

Узнавъ, что Герцъ, обладавшій большою инструментальной фабрикой за границей, привезъ съ собою нѣсколько роялей для продажи, Кушелевы тотчасъ же изъявили желаніе пріобрѣсти два рояля, и одновременно съ этой покупкой довели до свѣдѣнія Герца, что, прїѣхавъ къ нимъ, онъ въ убыткѣ не останется. Онъ понялъ выгоду приглашенія, сдѣлалъ имъ визитъ, и велѣлъ затѣмъ въ первый же концертъ, устроенный на Гагаринской, появиться на эстрадѣ.

Гостей на этихъ вечерахъ всегда было множество, артистовъ, желавшихъ принять участіе въ музыкальномъ отдѣленіи вечера, тоже было много, а въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, коли-

чество собравшейся публики увеличилось еще значительной приманкой даромъ послушать знаменитаго артиста раньше, нежели его услышать другіе, за большія деньги.

Громадная зала была полна нарядной, по бальному одѣтой публикой, боковые пролеты залы, съ откинутыми дорогими портъерами, открывали блиставшіе дорогимъ серебромъ и хрусталемъ буфеты, по-царски убранные зеленью и цвѣтами; въ общемъ получилась картина пріятно феерическая, которая привела Герца въ удивленіе, чуть-чуть не въ недоумѣніе. Ни о чемъ подобномъ въ жизни частныхъ лицъ онъ не имѣлъ понятія. Такъ могли жить только цари.

Прошло первое концертное отдѣленіе, пропѣлъ въ то время модный оперный пѣвецъ Сѣтовъ свой неизмѣнный «Хуторокъ», исполнили какіе-то итальянцы дважды пробисированный дуэтъ, и подъ громъ рукоплесканій вышелъ на эстраду Герць.

Игралъ онъ изумительно, и горячія оваціи, которыми наградили его слушатели, были имъ вполне заслужены. Графъ и графиня искренно благодарили его, всѣ присутствовавшіе наперерывъ его привѣтствовали, и, окруженный восторженно аплодировавшей ему толпой, Герць прошелъ вмѣстѣ съ гостепримными хозяевами въ одинъ изъ буфетовъ.

Въ это время въ опустѣвшую залу вернулась группа молодежи, пожелавшая вздохнуть на просторѣ, и въ числѣ оживленной группы молодой Плетневъ.

Онъ поднялся на эстраду и сталъ перелистывать лежавшія на роялѣ ноты. Въ это время въ залу вошелъ Герць. Увидавъ молодого моряка за роялемъ, Герць подошелъ и привѣтливо спросилъ его, играетъ ли онъ тоже на роялѣ.

Тотъ скромно отвѣчалъ, что играетъ, но очень мало. Герць, сказавъ нѣсколько словъ о достоинствѣ русской музыки вообще и русской народной пѣсни въ особенности, сталъ упрашивать Плетнева сыграть что-нибудь. Тотъ наотрѣзъ отказался, сказавъ, что послѣ Герца онъ играть не рѣшится. Знаменитый музыкантъ началъ настаивать, увѣряя, что къ артисту любителю никто не въ правѣ относиться строго, но Плетневъ былъ неумолимъ, и вскользь замѣтилъ даже, что можетъ навлечь на себя этимъ неудовольствіе хозяевъ дома, такъ какъ участіе его въ концертной программѣ не было вовсе предвидѣно и можетъ возбудить негодованіе остальныхъ концертантовъ...

Завязался любезный споръ, въ теченіе котораго публика возвращалась въ залу, въ почтительномъ отдаленіи смотрѣла на Герца, бесѣдовавшаго съ Плетневымъ, не зная настоящаго сюжета горячей бесѣды. На бѣду ни графа, ни графини въ залѣ не было, и ихъ-то именно и поджидали, чтобы возобновить концертъ. А Плетневъ тѣмъ временемъ начиналъ уже сдаваться на просьбы иностран-

паче артиста и высказывалъ только опасеніе, что музыка его не всѣмъ одинаково понравится..

— Мотивъ очень ужъ простъ... Нашъ народный, и вамъ навѣрное неизвѣстный, хотя въ Россіи онъ и очень распространенъ, — рассыпался въ разсказахъ бѣдовый морякъ. Наконецъ, къ моменту возвращенія въ залу четы Купелевыхъ Плетневъ окончательно далъ себя уговорить и занялъ мѣсто за роялемъ.

Герцъ сталъ съ нимъ рядомъ и, нагнувшись къ импровизированному концертанту, освѣдомился, по нотахъ ли онъ будетъ играть, или наизусть?

Тотъ съ улыбкой отвѣчалъ, что въ виду ограниченности своего репертуара онъ всегда играетъ наизусть.

Графиня, пройдя въ первый рядъ и окинувъ глазами залу, чтобы отыскать въ ней своего гостя, пришла въ ужасъ, увидавъ Плетнева за роялемъ. Она знала привычку своего бѣдоваго кузена дурачиться всегда и всюду, и только что собралась направиться къ эстрадѣ, какъ Герцъ, обратясь къ усаживавшейся по мѣстамъ публикѣ, поднялъ руки вверхъ, приглашая всѣхъ къ молчанію.

По залѣ пробѣжалъ гулъ сдержаннаго смѣха. Съ Плетневымъ были знакомы чуть ли не всѣ присутствовавшіе, и всѣ отлично знали, что онъ двухъ нотъ сряду взять не можетъ.

Графиня такъ и замерла на мѣстѣ.

А Плетневъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подвинулъ стулъ, устроился половчѣе и, облокотившись лѣвой рукой на юпитръ рояля, правой сталъ наигрывать «Чижика», пуская въ ходъ одинъ только указательный палець.

Проигравъ несложный мотивъ одинъ разъ, онъ повторилъ его во второй и въ третій разъ и затѣмъ пресерьезно поднялся съ мѣста, дурашливо объявивъ Герцу, что этимъ ограничивается весь его репертуаръ.

Герцъ первый съ громкимъ смѣхомъ зааплодировалъ, требуя повторенія... За нимъ то же повторила вся зала, моментально огласившаяся раскатами громкаго и веселаго смѣха, и Плетневъ, любезно раскланиваясь и прижимая руки къ сердцу, опять три раза проигралъ однимъ пальцемъ своего «Чижика».

Всѣ смѣялись до слезъ, одна графиня только, вся красная отъ конфуза, бросала гнѣвные взоры на импровизированнаго музыканта, удостоившаго ее съ высоты эстрады особаго привѣтливаго поклона.

На Плетнева гнѣвъ ея, видимо, не производилъ никакого впечатлѣнія. Онъ спокойно прошелъ мимо нея и на ея гнѣвный взглядъ отвѣчалъ вызывающей улыбкой. По окончаніи концертнаго отдѣленія, когда онъ готовился вмѣстѣ съ другими къ танцамъ, графиня гнѣвно подошла къ нему и сердито сказала, чтобы онъ тотчасъ же уѣзжалъ и никогда больше не переступалъ порога ея дома.

— Вотъ еще вздоръ какой!..—разсмѣялся морякъ, нимало не смущаясь (онъ хорошо зналъ ея характеръ, такъ какъ выросъ съ ней вмѣстѣ и былъ съ нею на «ты»):—вотъ еще что выдумала! Я танцовать хочу!

— Да я-то не хочу тебя видѣть въ своемъ домѣ послѣ твоей дурацкой выходки!—сердито сказала она.

— Я-то чѣмъ виновать? Ты съ своего Герца взыскивай, а не съ меня. Это онъ меня подбилъ и упросилъ. Я ему толкомъ говорилъ, что очень мало играю и что мнѣ послѣ него играть вовсе не приходится. Я и про то даже ему говорилъ, что ты на меня за мою музыку разсердиться можешь. Онъ не хотѣлъ отстать. Играй ему да и только! Ну, я и согласился. Я нашель неделикатнымъ въ упоръ отказать такому дорогому гостю!

Герцъ, увидавъ ихъ оживленный разговоръ и догадавшись о причинѣ замѣтнаго гнѣва графини, очень любезно принялъ сторону Плетнева, вмѣшался въ споръ и, возобновивъ уже оконченный концертъ, въ блестящей импровизаціи воспроизвелъ, съ варіаціями, только что услышанный мотивъ пресловутаго «Чижика».

Впослѣдствіи варіаціи эти, напечатанныя и изданныя за границей, посвящены были Герцемъ графинѣ Куселевой-Безбородко.

А. И. Соколова.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О П. С. ВАННОВСКОМЪ.

Е ПОДЛЕЖИТЬ сомнѣнію, что отдѣльные эпизоды изъ жизни исторической личности, сколь бы они незначительны ни были, имѣютъ огромное значеніе. Они служатъ новыми, быть можетъ, и очень мелкими, штрихами, но во всякомъ случаѣ штрихами, обрисовывающими историческую личность. Какъ точка или ничтожная, сама по себѣ мало замѣтная черточка, положенная умѣлою рукою художника на лицо портрета, рѣзко мѣняетъ выраженіе этого лица, такъ и два-три мелкихъ эпизода изъ жизни человѣка, эпизода, конечно, достовѣрныхъ, нерѣдко представляютъ намъ извѣстную дотолѣ личность или совершенно въ иномъ видѣ, или, будучи согласными съ знакомыми уже намъ чертами характера этой личности, окончательно укрѣпляютъ сложившееся у насъ о ней представленіе.

Въ виду этихъ соображеній я считаю небезполезнымъ сообщить здѣсь нѣсколько эпизодовъ изъ жизни недавно скончавшагося¹⁾ бывшаго военнаго министра, а затѣмъ министра народнаго просвѣщенія, Петра Семеновича Ванновскаго.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ П. С. былъ директоромъ Павловскаго кадетскаго корпуса²⁾. Онъ имѣлъ обыкновеніе ске-

¹⁾ 16-го февраля 1904 г.

²⁾ Павловскій кадетскій корпусъ, преобразованный изъ основаннаго въ 1795 г. императоромъ Павломъ I гатчинскаго военнаго училища, существовалъ до 1863 г., когда съ реформою военно-учебныхъ заведеній былъ упраздненъ, а наименованіе Пав-

дневно обходить ввѣренное ему учебное заведеніе и посидѣть на томъ или другомъ урокъ. Когда онъ сидѣлъ на одномъ изъ такихъ уроковъ, ему показалось, что два кадета шопотомъ разговариваютъ между собою, совершенно не слушая объясняющаго слѣдующій урокъ учителя. Лицо одного изъ болтавшихъ онъ замѣтилъ и, по окончаніи урока, остановилъ его и сдѣлалъ ему въ очень внушительной формѣ замѣчаніе. На это его замѣчаніе кадетъ возразилъ, что г. директоръ ошибается, что онъ во время урока не разговаривалъ, а сидѣлъ молча. Объясненія школьника были рѣзки, категоричны и показались директору нахальнымъ отрицаніемъ очевидной виновности. Раздраженный П. С. отправилъ кадета въ карцеръ, но, придя домой, онъ нѣсколько времени думалъ объ этомъ инцидентѣ, колебался и, наконецъ, приказалъ привести арестованнаго къ себѣ на квартиру. Здѣсь онъ снова спросилъ его, утверждаетъ ли онъ, что подвергнутъ аресту невинно и даетъ ли честное слово, что во время урока не разговаривалъ съ сосѣдомъ-товарищемъ. Тотъ честнымъ словомъ удостовѣрилъ, что въ данномъ случаѣ была ошибка, тогда П. С. немедленно освободилъ его изъ-подъ ареста, накормилъ у себя и отпустилъ.

Говорятъ, что и послѣ этого, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ особенно сердечно относился къ этому юношѣ, покровительствовалъ ему и, узнавъ о тяжеломъ положеніи его семьи, помогалъ ей матеріальными средствами. Такъ онъ старался загладить свою ошибку и успокоить взволнованную совѣсть.

Злые языки говорятъ, что хитрый кадетъ обманулъ своего начальника: онъ дѣйствительно болталъ съ сосѣдомъ во время урока.

Узналъ ли про это впослѣдствіи П. С., или нѣтъ, мнѣ неизвѣстно.

Около того же времени въ корпусѣ случился скандалъ. Слишкомъ экономившій въ свюю пользу по обычаю экономовъ того времени (да и того ли только?) экономъ этого учебнаго заведенія кормилъ учениковъ плоховато и въ одинъ прекрасный день подаль имъ къ обѣду пирожки, твердые, какъ камень, и, видимо, разогрѣвавшіеся нѣсколько разъ. Обозленные кадеты одного изъ старшихъ классовъ рѣшили наказать виновнаго и, когда тотъ явился въ столовую, стали бросать въ него этими пирожками, стараясь попасть въ лицо. Экономъ позорно бѣжалъ съ поля сраженія съ окровавленнымъ лицомъ и, нарочно размазавъ свою физиономію, заявилъ, о случившемся явившемуся на шумъ дежурному офицеру. Директора въ это время въ заведеніи не было: онъ, обыкновенно присутство-

ловскаго присвоено открытому тогда же Павловскому военному училищу. П. С. Ваповскій въ 1861 г. былъ назначенъ директоромъ Павловскаго кадетскаго корпуса, а съ 1863 г.—Павловскаго военнаго училища.

вавшій при обѣдѣ кадетъ, на этотъ разъ отлучился, будучи вызванъ начальствомъ по дѣламъ службы. Вернулся опъ домой довольно поздно и, когда ему было доложено о случившемся, заявилъ, что разбереть все это завтра, что утро вечера мудренѣе. На слѣдующій день всѣ въ волненіи ожидали результатовъ происшествія, всѣ волновались, волновалось и начальство, волновались и кадеты—одинъ директоръ былъ спокоенъ. Какъ всегда, онъ посидѣлъ на нѣсколькихъ урокахъ, поговорилъ съ преподавателями, а во время обѣда кадетъ тоже, какъ всегда, прохаживался между столами обѣдавшихъ; все было въ обычномъ порядкѣ, только эконома въ столовой не появлялся. Всѣ ждали бури, но ея-то и не было. Когда окончился обѣдъ, П. С. отпустилъ всѣхъ кадетъ, приказавъ остаться въ столовой тому классу, который производилъ разстрѣлъ эконома, и велѣлъ пригласить эконома. Тотъ явился съ окровавленнымъ лицомъ: бѣдняга нарочно не умывался и утромъ постарался возстановить нѣсколько сгладившіеся во время сна слѣды понесеннаго имъ пораженія. Вотъ теперь-то и будетъ разборка—подумали всѣ,—и всѣ жестоко ошиблись.. Вмѣсто какихъ-либо разслѣдованій, П. С. обратился къ эконому съ такою рѣчью: «Вы, Н. Н., простите меня. Вчера у насъ случилось прискорбное происшествіе. Въ этомъ происшествіи виноватъ я одинъ. Наши кадеты оказались грубыми, невоспитанными молодыми людьми, а воспитатель ихъ я,—стало быть, я, и только я, и долженъ нести отвѣтственность за ихъ грубость и невоспитанность. Очевидно, я мало пригоденъ къ занимаемой мною должности, не могу или не умѣю какъ слѣдуетъ вести дѣло. Какъ поступлю я затѣмъ—подумаю, а васъ усердно прошу принять мое извиненіе. Подите умойтесь и постарайтесь забыть случившееся».

Кадетамъ опъ не сказалъ ни единого слова и отпустилъ ихъ изъ столовой, но не прошло двухъ-трехъ часовъ, какъ къ нему явилась депутація отъ виновнаго класса въ составѣ нѣсколькихъ выборныхъ кадетъ и со слезами просила простить классъ, обѣщая вести себя на будущее время прилично. Они предложили директору объявить именѣ товарищей, подбившихъ остальныхъ на учиненіе скандала, а равно указать тѣхъ, которые особенно рьяно занимались бросаніемъ широжковъ въ эконома, но П. С. отвѣчалъ имъ, что онъ просить не объявлять именъ, что онъ рѣшилъ забыть эту исторію и бонится, что, запомнивъ невольно нѣкоторыя фамиліи, онъ, по слабости человѣческой, пожалуй, станетъ относиться къ нимъ не такъ, какъ къ остальнымъ, а именно этого-то опъ и не желаетъ.

Въ 1884 или 1885 году Петръ Семеновичъ, бывшій въ то время военнымъ министромъ, посѣтилъ Кавказскія минеральныя воды и въ одинъ прекрасный день прогуливался по кисловодскому

парку съ комиссаромъ минеральныхъ водъ Н. П. Щепкинымъ. Когда они проходили по аллеѣ, сидѣвшій на скамейкѣ маленькій кадетикъ всталъ и надлежащимъ образомъ отдалъ честь подхлотившему министру. П. С. подошелъ къ нему и вступилъ съ нимъ въ бесѣду.

— Ты въ которомъ классѣ?—спросилъ онъ кадета.

— Во второмъ— отвѣчалъ тотъ.

— Хорошо учишься?

— Учился хорошо, ваше превосходительство, да вотъ теперь случилась бѣда: во второмъ классѣ оставленъ на второй годъ.

— На чемъ же ты срѣзался?

— На ариѳметикѣ.

— Что же способностей, что ли, нѣтъ, или залѣнился?

— Въ первомъ классѣ я учился хорошо и по ариѳметикѣ получалъ все 11 да 12, а во второмъ все 4 да 6, и на экзаменѣ получилъ непереvodный баллъ.

— Почему же это? Учитель, что ли, перемѣнился?

— Нѣтъ, учитель остался тотъ же, но онъ былъ сердить на меня и меня весь годъ преслѣдовалъ.

— За что же онъ тебя преслѣдовалъ? Что ты такое надѣлалъ?

— Я-то ничего не надѣлалъ, но когда я былъ въ первомъ классѣ, папа далъ учителю въ долгъ денегъ, а когда я перешелъ во второй, папа сталъ требовать эти деньги съ учителя, а тотъ не отдавалъ, папа жаловался кому-то. Вотъ на это учитель и разсердился.

— Глупости ты говоришь. Учи хорошенько твои уроки, и никакой учитель ни сердиться на тебя, ни преслѣдовать не будетъ. А какъ твоя фамилія?

Получивъ отвѣтъ на этотъ вопросъ и спросивъ кстати и фамилію учителя, министръ отправился дальше, повторивъ на прощанье совѣтъ хорошенько учиться,

Прошло два-три мѣсяца: и кадетъ, и его родители, которымъ онъ разсказалъ о своей неожиданной встрѣчѣ съ министромъ, успѣли забыть происшедшее, но не забылъ его П. С. Черезъ нѣкоторое время послѣдовало его распоряженіе перевести кадета безъ экзамена въ слѣдующій классъ, а учителя уволить отъ службы.

Оказалось, что, вернувшись въ Петербургъ, П. С. приказалъ провѣрить разсказъ кадета надлежащимъ разслѣдованіемъ, результатомъ котораго и было только что приведенное его распоряженіе.

Однажды, отправляясь на докладъ къ Государю, П. С. повстрѣчался на улицѣ съ видимо возвращавшимся изъ дворца однимъ сановникомъ. Послѣдній, любезно высунувшись изъ коляски, съ пріятной улыбкою послалъ Петру Семеновичу цѣлый рядъ воздушныхъ поцѣлueвъ. Когда П. С. вошелъ въ кабинетъ, Государь

сказаль ему, что у него только что былъ NN—и назвалъ фамилію сановника.

— И сильно браниль меня, Ваше Величество?—спросиль П. С.

— Не безъ того,—отвѣчалъ Государь:—но вы-то почему это знаете?

— Очень ужъ онъ горячо привѣтствовалъ меня, когда мы съ нимъ только что повстрѣчались,—отвѣчалъ Ванновскій.

11-го января 1898 г. П. С. оставиль постъ военнаго министра съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта, а 28 марта 1901 г. былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія при особо знаменательномъ рескриптѣ ¹⁾. Вотъ нѣсколько эпизодовъ, относящихся къ этой эпохѣ дѣятельности Ванновскаго.

Нужно сказать, что, помимо обыкновеннаго, разъ въ недѣлю, приѣма въ самомъ министерствѣ, П. С. охотно и безотказно принималъ всѣхъ и каждаго у себя на квартирѣ ежедневно утромъ; двери его были открыты для всѣхъ. Какъ-то къ нему на квартиру является проситель и заявляетъ, что онъ студентъ казанскаго университета и безуспѣшно хлопочеть о разрѣшеніи перейти въ петербургскій. Министръ спросиль его, не участвовалъ ли онъ въ какихъ-либо беспорядкахъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сказалъ студенту, что охотно разрѣшитъ зачисленіе его въ студенты петербургскаго университета, но что для этого необходимо соблюсти нѣкоторыя формальности, что на слово вѣрить ему онъ права не имѣеть, что собереть отъ попечителя казанскаго учебнаго округа о немъ свѣдѣнія по телеграфу, но все-таки думаетъ, что эта переписка и собираніе свѣдѣній на мѣстѣ займетъ недѣли двѣ-три.

На это студентъ ему возразиль, что ждать такъ долго не можетъ, что ему ѣсть нечего и что его положеніе безвыходное, на что въ отвѣтъ П. С. вручилъ ему, кажется, 25 рублей (хорошо не знаю), но тотъ, отстранивъ его руку, съ горечью замѣтилъ, что онъ не нищій и милостыни не возьметъ. Тогда П. С. сказалъ ему: «Послушайте, молодой человѣкъ, по годамъ я гожусь вамъ въ дѣдушки: скажите откровенно, взяли ли бы вы эти деньги отъ любящаго васъ дѣда? Вѣдь взяли бы? Ну, и возьмите, да знайте при томъ, что я вамъ ихъ не дарю, а даю въ долгъ—будутъ у васъ свободныя деньги, вы и отдадите».

Студентъ деньги взялъ и ихъ было ему достаточно для временнаго проживанія въ столицѣ, къ тому же и отвѣтъ изъ Казани, и отвѣтъ вполне благопріятный, былъ полученъ раньше, чѣмъ ожидался, и желаніе студента было исполнено: онъ перешель въ петербургскій университетъ.

¹⁾ См. мою статью «П. С. Ванновскій, министр народнаго просвѣщенія». «Историческій Вѣстникъ» 1908 г., мартъ.

Другой разъ на такой же пріемъ къ нему явилась какая-то экзальтированная барышня, добивавшаяся зачисленія въ женскій медицинскій институтъ. Исполнить ея желаніе было невозможно прежде всего потому, что она не сдавала дополнительнаго экзамена по латинскому языку. Она домогалась немедленнаго зачисленія въ институтъ условно, съ обязательствомъ сдать этотъ экзаменъ въ теченіе года, какъ то иногда допускалось въ первые годы существованія института. Ванновскій въ просьбѣ ея категорически отказалъ, сказавъ, что она не удовлетворяетъ формальнымъ условіямъ и что, принявъ ее, онъ поступилъ бы несправедливо, такъ какъ, въ виду переполненія института, отказано въ пріемъ и такимъ, которыя имѣли всѣ требуемые уставомъ института документы. Возволнованная отказомъ барышня воскликнула: «Послѣ этого неудивительно, что министра Боголѣпова убили...» На это П. С. совершенно спокойно и хладнокровно отвѣтилъ ей: «Ну, что же? стрѣляйте. Мнѣ жить не долго, а смерти я не боюсь».

Нужно было посмотреть на эту барышню: чуть не въ истерикѣ, она отшатнулась отъ министра и со слезами просила простить ее за невольно вырвавшіяся глупыя и неосмотрительныя слова.

Въ одинъ изъ такихъ же пріемовъ къ Петру Семеновичу явилось два молодыхъ человѣка и заявили, что они исключены изъ числа студентовъ петербургскаго университета за участіе въ послѣднихъ беспорядкахъ и высланы административнымъ порядкомъ изъ столицы; прибывъ самовольно въ Петербургъ и проживая въ немъ «нелегально», они рѣшились итти прямо къ министру, рассказать ему все на чистоту и просить его дать имъ возможность окончить курсъ. Записавъ на бумажкѣ ихъ фамиліи и справившись въ лежавшемъ у него на столѣ спискѣ, П. С. убѣдился, что просители не были въ числѣ вожаковъ или крупныхъ дѣятелей беспорядковъ. Разспросивъ подробно о ихъ житиѣ-бытѣ и узнавъ, какъ они бѣдствуютъ въ Петербургѣ, скрываясь уже нѣсколько дней на квартирахъ товарищей, онъ объявилъ имъ, что разрѣшаетъ обратное принятіе ихъ въ университетъ и немедленно будетъ просить градоначальника о выдачѣ имъ временныхъ письменныхъ видовъ, если оба дадутъ честное слово, что не будутъ принимать участія въ могущихъ возникнуть въ университетѣ беспорядкахъ.

Одинъ изъ юношей слово это охотно далъ, а другой, подумавъ съ минуту, сказалъ, что такого обязательства принять не можетъ. Тогда и первый заявилъ, что въ виду отказа товарища и онъ свое слово беретъ назадъ. П. С. рѣзко сказалъ имъ: «Въ такомъ случаѣ, уходите отъ меня и уходите сейчасъ же, да кстати возьмите и изорвите эту бумажку, на которой мною записаны ваши фамиліи: я ихъ знать не хочу и не желаю помнить».

Однажды ко мнѣ на квартиру явился студентъ одного изъ провинціальныхъ университетовъ. Я въ то время былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, какой постъ занялъ одновременно съ Ванновскимъ и одновременно съ нимъ его оставилъ. Я также свободно принималъ всѣхъ, а въ томъ числѣ и учащуюся молодежь у себя на квартирѣ. Явившійся, повидимому, изъ семинаристовъ, былъ въ подпоясанной шнуркомъ синей косовороткѣ, сверхъ которой на немъ была надѣта разстегнутая студенческая тужурка. Лицо и вся фигура молодого человѣка были полны силы и энергіи; мнѣ казалось, что если это не главарь движенія, то, во всякомъ случаѣ, человѣкъ, могущій повелѣвать толпою. Онъ сказалъ мнѣ, что самъ ни въ чемъ не замѣшанъ, а пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать за исключенныхъ изъ университета и высланныхъ изъ университетскаго города товарищей; что онъ рѣшилъ хлопотать объ обратномъ пріемѣ ихъ въ университетъ и просить моего совѣта и указаній, какимъ путемъ можно добиться возвращенія если не всѣхъ, то хотя бы тѣхъ, которые исключены только за участіе въ неразрѣшенныхъ сходкахъ и «за нѣкоторое ослушаніе полиціи». Я сказалъ ему, что это дѣло не мое, а самого министра и что ему слѣдуетъ обратиться непосредственно къ министру.

— Не пойду я къ этому грубому солдату,—рѣзко обрѣзалъ студентъ.

— А вы его видѣли когда-нибудь?—спросилъ я.

— Никогда не видалъ.

— Какъ же вы, не зная вовсе и никогда не видя человѣка, рѣшаетесь такъ отзываться о немъ?—возразилъ я, и продолжалъ:— вѣдь вы и меня не знаете,—скажите, почему же вы рѣшились обратиться ко мнѣ?

— Мнѣ приходилось выбирать между студентомъ и солдатомъ, и я рѣшилъ, что студентъ скорѣе пойметъ меня.

— Ну, хорошо,—отвѣтилъ я:—вотъ вы пришли ко мнѣ, хотя меня видите впервые въ жизни, пришли за совѣтомъ, значитъ, почему-то вы мнѣ довѣряете. Послушайтесь же моего совѣта, завтра въ 10 часовъ утра идите на квартиру министра. Идите смѣло и будьте увѣрены, что никакихъ грубостей вы отъ него не услышите. Но вы правы въ одномъ—это дѣйствительно солдатъ, т. е. человѣкъ военный, къ тому же человѣкъ, которому 80 лѣтъ отъ роду и который въ теченіе своей жизни привыкъ къ дисциплинѣ и военнымъ порядкамъ. Поэтому послушайтесь и второго моего совѣта: пригладьте хоть немножко ваши волосы да надѣньте форменный сюртукъ; вашъ растрепанный видъ меня, человѣка невоеннаго, нисколько не коробитъ, хотя не могу не замѣтить, что студенту къ товарищу министра въ такомъ видѣ являться не слѣдовало бы, ну, а на него одинъ вашъ костюмъ произведетъ непріятное впечатлѣніе и вызоветъ невольную гримасу. А затѣмъ исполните и мою просьбу: завтра,

тотчасъ по уходѣ отъ министра зайдите ко мнѣ и расскажите подробно объ обстоятельствахъ приѣма.

На другой день, около одиннадцати часовъ утра, явился ко мнѣ этотъ самый студентъ, но, Боже мой, въ какомъ видѣ онъ явился. Я рѣдко видѣлъ человѣка въ такомъ возбужденномъ состояніи. Войдя въ мой довольно большой кабинетъ, онъ сталъ бѣгать по комнатѣ и повторять: «Ну, человѣкъ, ну, человѣкъ»; а затѣмъ, круто повернувшись ко мнѣ, почти задыхаясь, проговорилъ: «Знаете, вѣдь я у него руку поцѣловаль». Съ этими словами онъ ушелъ, сказавъ, что подробностей объясненія своего съ министромъ передать теперь безусловно не въ состояніи, а расскажетъ завтра, но ни завтра, ни въ слѣдующіе за нимъ дни студентъ этотъ у меня не былъ, и я его больше никогда не видалъ.

Я разспрашивалъ П. С. объ этомъ инцидентѣ, но онъ уклонился отъ отвѣта, такъ я и не знаю до сихъ поръ, что произошло между нимъ и студентомъ во время ихъ объясненій.

А вѣдь нужно замѣтить, что П. С. никогда не позволялъ себѣ заигрывать съ молодежью, потакать ея слабостямъ и увлеченіямъ; на популярность онъ не игралъ,—напротивъ, всегда и неуклонно онъ рѣзко осуждалъ несоотвѣтствующіе поступки учащихся, осуждалъ на словахъ, осуждалъ въ издаваемыхъ имъ циркулярахъ и приказахъ. Вотъ нѣсколько такихъ случаевъ:

1) 15 ноября 1901 г. въ одной изъ аудиторій харьковскаго ветеринарнаго института собравшіеся на лекцію студенты I курса подали извѣстному заслуженному профессору письменное заявленіе, которымъ предлагали ему «оставить немедленно катедру съ тѣмъ, чтобы дать возможность занять ее профессору, стоящему на уровнѣ современныхъ знаній». Въ данномъ по этому случаю приказѣ П. С. изложилъ: «Принимая во вниманіе, что студентамъ, какъ учащимся, никоимъ образомъ и ни въ какомъ порядкѣ не можетъ быть предоставлено право вмѣшиваться въ управленіе учебнымъ заведеніемъ, что приведенная выше выходка студентовъ I курса останавливаетъ на себѣ вниманіе въ томъ отношеніи, что студенты эти, только что поступившіе въ институтъ, едва ли даже могли въ теченіе трехмѣсячнаго въ немъ пребыванія усвоить себѣ правильное представленіе о характерѣ преподаванія тѣхъ наукъ, которыя они только что начали слушать; что безспорно дерзкое отношеніе молодыхъ людей къ заслуженному и пользующемуся общимъ уваженіемъ профессору, свидѣтельствуя о крайней ихъ распущенности, требуетъ немедленнаго принятія мѣръ къ восстановленію нарушеннаго порядка, я призналъ необходимымъ нынѣ же уволить всѣхъ студентовъ I курса харьковскаго ветеринарнаго института, за

исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые несомнѣнно докажутъ, что они 15 ноября на указанной лекціи не присутствовали».

2) Въ концѣ ноября 1901 г. возникли беспорядки въ харьковскомъ университетѣ, закончившіеся активной забастовкою, во время которой кучка студентовъ человекъ въ триста мѣшала чтенію лекцій свистомъ, криками и угрозами насиліемъ, причемъ было пущено въ дѣло нѣсколько склянокъ съ удушливымъ газомъ. Оглашая это событіе, П. С. говоритъ: «Я не могу не высказать глубокаго сожалѣнія, что молодые люди, оканчивающіе высшее образованіе, могли позволить себѣ даже въ стѣнахъ учебнаго заведенія неприличные, буйные, безобразные поступки, столь мало свойственные людямъ воспитаннымъ».

3) Вотъ заключительная часть приказа, отданнаго по случаю беспорядковъ въ московскомъ университетѣ, имѣвшихъ мѣсто въ февралѣ 1902 г.: «Вышеизложенное свидѣтельствуетъ, что принимавшіе участіе въ безчинствахъ студенты считаютъ помѣщеніе университета предназначеннымъ не для мирныхъ учебныхъ занятій, а для противозаконныхъ сборищъ, и позволяютъ себѣ поступки, свойственные не приличнымъ воспитаннымъ молодымъ людямъ, а буйной, разнузданной толпѣ, забывающей всякое уваженіе къ порядку и чужой собственности, а потому я нахожу, что такимъ молодымъ людямъ нѣтъ мѣста въ учебномъ заведеніи».

Всѣ эти и другіе имъ подобные приказы и распоряженія отдавались и писались не pro domo sua, а помѣщались немедленно въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», печатались въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и, такимъ образомъ, отдавались на судъ и общественнаго мнѣнія, и печати.

14 іюля 1901 г. на одной изъ періодическихъ вѣдомостей бывшаго комитета министровъ о движеніи дѣлъ была положена высочайшая резолюція, рѣзко осуждавшая медленность доставленія министерствами свѣдѣній и объясненій по этимъ дѣламъ. Эта высочайшая резолюція была, въ числѣ прочихъ министровъ, сообщена и мнѣ, какъ управлявшему въ то время министерствомъ народнаго просвѣщенія за нахожденіемъ П. С. въ отпуску. Изготовивъ надлежащія объясненія, кетати сказать, насъ совершенно оправдывавшія, я сообщилъ о случившемся Ванновскому, проводившему отпускъ въ своемъ рязанскомъ имѣніи, и вотъ написанный имъ собственноручно и присланный для опубликованія приказъ: «Работу я и по закону, и по очевидной невозможности исполнить все одному человекъ раздѣляю съ учреждениями и лицами, мнѣ подвѣдомственными, но отвѣтственность за промахи падаетъ всецѣло на меня, какъ главнаго руководителя и какъ лица, долженствующаго по закону слѣдить и наблюдать за точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей всѣми лицами, мнѣ подчиненными; я и принимаю высочайшее порицаніе моей дѣятельности съ великою скорбью, но без-

ропотно. Надѣюсь, однако, и увѣренъ, что настоящій прискорбный случай послужить урокомъ на будущее время всѣмъ учрежденіямъ, заведеніямъ и лицамъ вѣреннаго мнѣ министерства, особенно же тѣмъ, которыя допускаютъ непростительную медленность въ разсмотрѣніи поручаемыхъ имъ дѣлъ или же замедляютъ отвѣтами на поставленные имъ вопросы и требованія свѣдѣній, соображеній и заключеній».

Приказъ этотъ не былъ опубликованъ только потому, что мнѣ удалось выяснитъ, что приведенное высочайшее порицаніе вовсе не касалось министерства народнаго просвѣщенія и было сообщено намъ по ошибкѣ.

Я искренно и глубоко сожалѣлъ, что успѣшилъ сообщить Петру Семеновичу о случившемся, не собравъ тѣхъ свѣдѣній, которыя доказали, что указанное замѣчаніе относилось не къ намъ, но нужно сказать, что я обнаружилъ это совершенно неожиданно и случайно, да и никакъ не могъ себѣ представить возможности существованія здѣсь ошибки, недоразумѣнія или посылки бумаги не по тому адресу, а между тѣмъ вотъ что пережилъ за это время нашъ министръ.

Въ письмѣ ко мнѣ изъ деревни отъ 20 іюля 1901 г. онъ, между прочимъ, пишетъ: «Я пораженъ всѣмъ происшедшимъ; не знаю пока на что рѣшиться; твердо знаю лишь одно, что по милости моей вы пережили и переживаете скверное время и это меня весьма огорчаетъ. Бога ради, простите меня и постарайтесь отнестись спокойно къ постигнутому насъ несчастью, да и мое здоровье и отдыхъ не улучшатся отъ такихъ случаевъ, но на все воля Божія».

А вотъ его письмо ко мнѣ отъ 17 августа въ отвѣтъ на посланное мною съ курьеромъ сообщеніе, что вся эта исторія до насъ не касалась, что Государь принялъ меня крайне милостиво и вручилъ мнѣ для отсылки Петру Семеновичу собственноручное письмо: «Сегодня вечеромъ прибылъ вашъ посланецъ и привезъ мнѣ письмо Государя и ваше. Душевно радуюсь, что Государь васъ принялъ ласково и успокоилъ; скоро увидимся; письмо Государя меня совершенно успокоило; а все-таки около мѣсяца изъ моего отдыха придется исключить, да и слѣды мѣсяцъ этотъ оставить, пожалуй, на моемъ здоровьи. Ну, да Богъ съ нимъ, со здоровьемъ-то, а болѣе всего я доволенъ, что на васъ это не распространяется и отъ васъ устранено».

Къ характеристикѣ П. С. Ванновскаго относится и слѣдующій эпизодъ, сообщенный мнѣ сенаторомъ Г. А. Тройницкимъ. Вскорѣ послѣ окончанія турецкой войны наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ было передано министру государственныхъ имуществъ адресованное на имя его высочества письмо Ванновскаго, въ которомъ тотъ говорилъ, что много уже

лѣтъ ждетъ обѣщаннаго ему имѣнія въ Западномъ краѣ и проситъ покровительства его высочества въ цѣляхъ ускоренія этого дѣла. На этомъ письмѣ его высочествомъ было приписано, что онъ желалъ бы, чтобы просьба Петра Семеновича была исполнена.

Въ то время дѣла о продажѣ въ Западномъ краѣ имѣній на льготныхъ условіяхъ были сосредоточены во временномъ отдѣлѣ по земельному устройству. Управляющимъ этимъ отдѣломъ былъ Ф. Д. Климовъ, а начальникомъ отдѣленія—Г. А. Тройницкій.

Отъ министра письмо поступило къ Ф. Д. Климову, а имъ было передано Г. А. Тройницкому съ указаніемъ, что хотя свободныхъ имѣній уже не осталось, но нужно считаться съ тѣмъ, что Ванновскій—несомнѣнно военный министръ будущаго царствованія и посему необходимо изыскать способы къ удовлетворенію его ходатайства.

Единственнымъ подходящимъ имѣніемъ было Реканцишки Виленской губерніи, находившееся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ въ пожизненномъ пользованіи лица, смерти котораго можно было ожидать со дня на день. Это имѣніе и было намѣчено для продажи Ванновскому и на предназначеніе его ему испрошено высочайшее соизволеніе.

Въ 1881 году, по вступленіи на престолъ императора Александра III, послѣдовало назначеніе Ванновскаго военнымъ министромъ, а вскорѣ послѣ этого онъ обратился къ тогдашнему министру государственныхъ имуществъ М. Н. Островскому съ письмомъ, въ которомъ сообщалъ, что ходатайствовалъ о предоставленіи ему имѣнія единственно въ интересахъ обезпеченія семьи своей, а въ настоящее время, когда его служебное положеніе измѣнилось, онъ считаетъ себя и свою семью въ достаточной мѣрѣ обезпеченными, а потому и не признаетъ уже возможнымъ воспользоваться милостью, которую испрашивалъ при совершенно иныхъ условіяхъ.

По всеподданнѣйшему докладу М. Н. Островскаго послѣдовала высочайшая резолюція, содержанія которой Г. А. Тройницкій не помнитъ, но, во всякомъ случаѣ, имѣнія въ Западномъ краѣ Ванновскій не получилъ.

А вотъ небольшой, но тоже весьма характерный эпизодъ, сообщенный мнѣ тѣмъ же Г. А. Тройницкимъ. Зимой 1881—1882 г. императору Александру III благоудно было повелѣть рассмотреть въ особомъ совѣщаніи министровъ: внутреннихъ дѣлъ (графа Игнатѣва), военнаго (Ванновскаго), юстиціи (Набокова) и государственныхъ имуществъ (Островскаго) всеподданнѣйшее прошеніе бывшаго офицера лейбъ-гвардіи Коннаго полка К. М., осужденнаго военнымъ судомъ за участіе въ мятежѣ 1863 года съ кон-

фискаціей принадлежавшаго ему имѣнія Варковичи. Въ это совѣщаніе, происходившее вечеромъ въ квартирѣ графа Игнатъева, былъ приглашенъ въ качествѣ докладчика Г. А. Тройницкій, пріѣхавшій туда вмѣстѣ съ Островскимъ. Графъ Игнатъевъ пригласилъ ихъ въ кабинетъ, но черезъ нѣсколько минутъ сказалъ, что сейчасъ наступитъ назначенный часъ засѣданія и онъ долженъ пойти встрѣтить Ванновскаго, который никогда не опаздываетъ. И дѣйствительно, не успѣли пробить часы, какъ въ кабинетъ вошли Ванновскій и Игнатъевъ, причѣмъ послѣдній, усадивъ своихъ гостей, сказалъ: «Теперь мы можемъ и отдохнуть: вѣдь Дмитрій Николаевичъ непременно опоздаетъ». Прошло около получаса, какъ явился Д. Н. Набоковъ со словами: «Прошу извиненія: я, кажется, немного опоздалъ», на что Игнатъевъ съ улыбкою отвѣтилъ: «Мы, Дмитрій Николаевичъ, къ этому были готовы».

Въ послѣднее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ стали появляться статьи, посвященныя памяти П. С. Ванновскаго. Я прочелъ двѣ такихъ статьи: одну генерала-отъ-артиллеріи Крыжановскаго, помѣщенную въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1910 годъ, подъ заглавіемъ «Воспоминанія о П. С. Ванновскомъ», а другую въ «Гражданинѣ» отъ 23 мая того же года № 18 — «Мои воспоминанія». Обѣ эти статьи кончаются крайне лестною характеристикой покойнаго. Такъ, генераль Крыжановскій заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Теперь... мнѣ хочется отъ души сказать: да, это былъ большой человекъ съ желѣзнымъ характеромъ и съ яснымъ умомъ, и если бы у насъ было побольше людей его закала, это было бы большимъ счастьемъ для нашего отечества, страдающаго безлюдіемъ».

Подобно сему и князь Мещерскій кончаетъ свои воспоминанія такую фразу: «Послѣ графа Толстого, Ванновскій былъ самою крупною личностью царствованія Александра III и, не взирая на всѣ свои недостатки, онъ много сдѣлалъ для боевого и духовнаго укрѣпленія нашего войска, вернулъ военной массѣ воинскій духъ и военную дисциплину, ослабилъ различіе между гвардіей и арміей, улучшилъ положеніе солдата и офицера и, какъ военный министръ, ни разу на службѣ Царю небесному и царю земному не измѣнилъ, служба мамонѣ».

Съ особеннымъ вниманіемъ я прочелъ статью князя Мещерскаго, воспоминанія котораго не разъ читалъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ интересный и правдивый историческій матеріалъ.

На этотъ разъ меня поразило то, что Петру Семеновичу приписываются такія качества, такія особенности его натуры, которыя я никакъ не могъ примирить съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ все время на меня производилъ, и съ тѣмъ взглядомъ, который

установился на эту личность у меня, человека не особенно склоннаго къ быстрымъ и необдуманнмъ симпатіямъ. «Ванновскій не любилъ быть благодарнымъ», «месть до такой степени входила въ духовный организмъ его, что онъ въ дѣйствіяхъ каждаго видѣлъ противъ себя мечь и ничѣмъ инымъ, какъ этою мечью, не объяснялъ какое-нибудь осужденіе его по должности». По словамъ какого-то штабнаго генерала, «Ванновскій любилъ безыменные доносы и, прочтя такой доносъ, принималъ, не провѣривъ его, обвиняемаго генерала и публично оскорблялъ его ругательствами», а, уже по удостовѣренію самого автора статьи, П. С., «всегда честный и прямой передъ Богомъ и совѣстью, подъ конецъ долгой службы царю и отечеству оказался съ ней въ диссонансѣ, ища популярности между студентами и обвиняя беззащитную полицію».

Я зналъ Ванновскаго подъ самый конецъ его жизни, зналъ недолгое время. Болѣе или менѣе близко я узналъ его лишь въ 1899 г., когда имъ производилось разслѣдованіе студенческихъ беспорядковъ и когда я, вмѣстѣ съ тремя другими лицами, былъ командированъ въ его распоряженіе. Изъ этихъ лицъ двухъ чиновъ военно-судебнаго вѣдомства онъ зналъ давно и, повидимому, имъ довѣрялъ, а къ намъ, двумъ гражданскимъ чиновникамъ, онъ первое время относился не съ особеннымъ довѣріемъ и почти все дѣло разслѣдованія провелъ лично, при весьма ограниченномъ нашемъ содѣйствіи. Затѣмъ уже гораздо ближе я узналъ его и имѣлъ возможность изучить за время съ марта 1901 г. по день кончины (16 февраля 1904). Такимъ образомъ, мое знакомство съ нимъ обнимало промежутокъ времени всего около трехъ лѣтъ, не считая участія въ производствѣ разслѣдованія, когда отношенія наши оставались чисто официальными, но зато въ этотъ трехлѣтній промежутокъ времени я въ теченіе цѣлаго года видалъ его ежедневно и по нѣскольку разъ въ теченіе сутокъ съ нимъ бесѣдовалъ и объяснялся, а потомъ въ продолженіе двухъ почти лѣтъ бывалъ у него еженедѣльно по субботамъ, обѣдалъ и проводилъ вечера въ кругу его семейства. Мнѣ казалось, что я достаточно изучилъ его, и два послѣднія положенія статьи князя Мещерскаго представлялись мнѣ совершенно неприемлемыми.

Господи, Боже мой, думалось мнѣ, вѣдь нигдѣ, кажется, не получается столько анонимныхъ писемъ и доносовъ, какъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и П. С. читалъ ихъ; онъ читалъ ихъ всѣ, благодаря своей привычкѣ прочитывать каждую полученную имъ бумагу, но всякій разъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ, рвалъ доносъ и, бросая въ корзину, говорилъ съ гримасою свою любимую фразу: «fi, schandel!»

Точно также долго думалъ я и надъ вопросомъ, когда же это П. С. билъ на популярность, заигрывая съ студентами. Именно этого-то въ немъ и не было; не было этого ни въ обращеніи съ учащеюся

молодежью во все время производства разслѣдованія безпорядковъ, ни во время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія. Помимо разказовъ лицъ, участвовавшихъ въ разслѣдованіи, и сослуживцевъ П. С. по министерству народнаго просвѣщенія, можно указать и на документальныя доказательства. Ими служатъ: многотомное дознаніе, основанный на добытыхъ имъ данныхъ всеподданнѣйшій докладъ, содержащій въ себѣ рѣзкое осужденіе поведенія студентовъ и, какъ результатъ его, правительственное сообщеніе, опубликованное въ прибавленіи къ № 110 «Правительственнаго Вѣстника» 1899 г., гдѣ изложено состоявшееся по поводу сего высочайшее повелѣніе, а затѣмъ собраніе циркуляровъ покойнаго министра, въ которыхъ онъ тоже рѣзко осуждалъ заблужденія учащейся молодежи и не стѣснялся въ принятіи крутыхъ мѣръ и при томъ всегда открыто, не прибѣгая къ секретнымъ распоряженіямъ.

Мнѣ до сихъ поръ нерѣдко вспоминается не разъ повторяемая имъ въ тяжелыя минуты министерской службы фраза: «Я буду бороться; я готовъ къ открытой борьбѣ, но съ подпольными интригами бороться не могу: здѣсь я безсиленъ».

Случаевъ, которые бы свидѣтельствовали о мстительности Ванновскаго, за все время моего совмѣстнаго съ нимъ служенія ни разу мнѣ наблюдать не доводилось.

Итакъ, предо мною стояла дилемма: или я вовсе лишенъ способности наблюдать, или П. С. въ послѣдніе годы своей жизни совершенно передѣлался. Но, вѣдь, послѣдняго быть не могло: въ его возрастѣ такихъ метаморфозъ не бываетъ, тѣмъ болѣе, что всю жизнь онъ провелъ на военной службѣ и прошелъ николаевскую школу. Оставалось первое, и мнѣ больно было сознаться въ этомъ, но, сколько я ни думалъ, сколько ни провѣрялъ себя, мнѣ все казалось, что я правъ, что заключеніе мое безошибочно и что П. С. не могъ обладать тѣми качествами, которыя ему приписываются.

Такъ или иначе, но я колебался: я не рѣшался отдать въ печать настоящую статью, написанную мною еще въ декабрѣ 1909 г., пока на этихъ дняхъ не получилъ письменныя замѣтки бывшаго сослуживца Петра Семеновича, нынѣ сенатора Ф. Н. Платонова, которыя и убѣдили меня, что я правъ, что П. С. выше тѣхъ обвиненій, которыя ему предъявляются, что это была, несомнѣнно, крупная личность, чуждая низкихъ побужденій мелкой мести и что характеристика его, данная мною въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1898 г., нимало не поколеблена и осталась такою же правдивою, какою мнѣ всегда казалась.

Съ любезнаго разрѣшенія многоуважаемаго Флорентія Николаевича я привожу здѣсь его записку цѣликомъ.

Вотъ эта записка:

«Мнѣ лично пришлось быть въ служебныхъ сношеніяхъ съ Петромъ Семеновичемъ и имѣть съ нимъ не совсѣмъ пріятныя столкновенія, но я вынесъ о немъ совсѣмъ другое мнѣніе, чѣмъ то, которое составилось у князя Мещерскаго. Хотя иногда служебныя объясненія принимали острый оттѣнокъ, никогда ни грубостей, ни тѣмъ болѣе ругательствъ я отъ него не слыхалъ; всегда видѣлъ я въ немъ человѣка, преданнаго долгу службы, искренно и правдиво высказывавшаго свое мнѣніе, умѣвшаго сознать свою ошибку и признаться въ ней, а затѣмъ не хранившаго въ себѣ осадка горечи, а тѣмъ болѣе мести по отношенію къ тому, передъ кѣмъ ему приходилось сознаться въ своей неправотѣ.

«Фактическое изложеніе моихъ столкновеній съ нимъ можетъ лучше всего обрисовать личность Петра Семеновича.

«По службѣ мнѣ пришлось встрѣтиться съ Ванновскимъ въ первый разъ въ 1878 г., когда я попалъ въ составъ военно-полевого суда. Назначенный первоначально въ Адріанополь я, по соглашенію съ генераломъ А. С. Адамовичемъ, бывшимъ предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи полевого суда при Сѣверномъ отрядѣ дѣйствующей арміи въ Руцукѣ, занялъ его мѣсто, а онъ выѣхалъ въ Адріанополь. Между судными дѣлами, принятыми мною отъ генерала Адамовича, находилось дѣло о двухъ казакахъ л.-г. Атаманскаго полка, обвинявшихся вмѣстѣ съ однимъ болгаринномъ въ убійствѣ турецкой семьи съ цѣлью грабежа. Дѣло это возбудило большія волненія въ отрядѣ, и генераль Ванновскій, бывший въ то время начальникомъ отряда, за отѣздомъ наследника цесаревича, настаивалъ на скорѣйшемъ разсмотрѣніи дѣла. Быстрота въ производствѣ слѣдствія была въ ущербъ установленію точныхъ доказательствъ обвиненія. Нужно сказать, что у болгарина найдена часть денегъ и имущества убитой семьи и онъ въ совершеніи этого убійства оговаривалъ двухъ казаковъ, увѣряя, что убили они, но, не успѣвъ захватить всѣхъ денегъ и имущества, бѣжали, а онъ лишь воспользовался оставленными вещами и деньгами; казаковъ этихъ онъ призналъ и указалъ въ лицо. Уликами противъ нихъ, сверхъ оговора, были: у одного—подозрительныя похожія на кровавыя пятна на шашкѣ, а у другого кровавое пятно на попонкѣ. Относительно этихъ пятенъ казаки объяснили, что пятно на шашкѣ не кровавое, а отъ ржавчины, а пятно на попонкѣ оттого, что лошадь засѣкла ногу и къ ранѣ прикладывалась попонка, чтобы остановить кровь. Экспертизы по изслѣдованію пятенъ произведено не было, да въ Руцукѣ въ то время и не было возможности произвести ее,—то же обстоятельство, что лошадь засѣклась, по дѣлу подтвердилось. Виновность свою въ убійствѣ казаки упорно отрицали, тѣмъ не менѣе, несмотря на крайнюю недостаточность уликъ, они были преданы суду по законамъ военнаго времени, и имъ угрожала смертная казнь.

«Я принялъ это дѣло отъ генерала Адамовича, когда оно уже было назначено къ слушанію. На судѣ казаки не признали себя виновными, а болгаринъ говорилъ, что онъ воспользовался оставшимися послѣ ухода казаковъ вещами и деньгами убитыхъ, но удостовѣрить, что убійство совершено именно этими атаманцами, онъ не можетъ: онъ случайно былъ въ домѣ убитыхъ, когда туда ворвались казаки, съ испугу спрятался подъ кровать, видѣлъ только казакіе сапоги, шаровары и шашки, а лицъ казаковъ не видалъ. Такимъ образомъ, единственная почти серьезная улика—оговоръ—на судѣ пала, и казаки единогласно были оправданы, хотя прокуроръ горячо поддерживалъ обвиненіе. Болгаринъ же былъ осужденъ за укрывательство убійства. Поданный прокуроромъ протестъ былъ оставленъ кассационнымъ отдѣленіемъ при главнокомандующемъ безъ уваженія, и приговоръ суда вступилъ въ законную силу.

«Объ этомъ дѣлѣ я рассказываю подробно потому, что генералъ Ванновскій, видимо, недостаточно ознакомленный со всѣми обстоятельствами дѣла, былъ сильно возбужденъ противъ оправдательнаго приговора и настроился по отношенію ко мнѣ недовѣрчиво и нѣсколько враждебно. Такъ какъ по прибытіи въ отрядъ я еще не представлялся начальству его, имѣвшему пребываніе въ Силистріи, а не въ Русчукѣ, гдѣ былъ судъ, то чрезъ нѣсколько времени я отправился въ Силистрію, чтобы представиться Ванновскому. Принялъ онъ меня сухо и скоро перешелъ къ дѣлу объ атаманцахъ. Мнѣ было извѣстно, что онъ крайне недоволенъ исходомъ дѣла, но я все-таки старался вполнѣ спокойно доложить, чѣмъ обусловленъ оправдательный приговоръ, указавъ на недостаточность улики и на данное болгариномъ на судѣ показаніе.

«— Но, однакоже, я слышалъ, что атаманцы за это время выслали на родину большія деньги, свыше двухъ тысячъ рублей, — сказалъ Петръ Семеновичъ.

«— Объ этомъ обстоятельстве ни на предварительномъ слѣдствіи, ни на судѣ не упоминалось вовсе. Да и установлено ли точно это обстоятельство, или о немъ ходятъ только неопредѣленные слухи?—отвѣтилъ я.

«— Не могу ли я приказать разслѣдовать это обстоятельство и, если будетъ установлено, что деньги были дѣйствительно высланы казаками, которые обвинялись, возобновить дѣло?—спросилъ онъ.

«— Приговоръ вошелъ въ законную силу, такъ какъ протестъ оставленъ безъ послѣдствій и казаки вновь судимы быть не могутъ, хотя бы открылись новыя доказательства ихъ виновности,—былъ мой отвѣтъ.

«Послѣ этого Ванновскій сухо подаль мнѣ руку, и я откланялся.

«Какъ я уже сказалъ, судъ при Сѣверномъ отрядѣ имѣлъ свое пребываніе въ Русчукѣ, а штабъ начальника отряда сначала былъ

въ Силистріи, а затѣмъ переѣхалъ въ Варну. Генераль Ванновскій просилъ главнокомандующаго перевести судъ въ тотъ городъ, гдѣ находится штабъ, и въ концѣ 1878 г. я получилъ предписание переѣхать съ судомъ въ Варну, тѣмъ болѣе, что отдѣленіе полевого суда для мѣстнаго населенія перешло изъ Систова въ Руссукъ.

«Судъ нашъ прибылъ въ Варну въ первыхъ числахъ декабря; въ это время въ Варнѣ генерала Ванновскаго не было; онъ объѣзжалъ войска отряда; въ его отсутствіе судомъ было рассмотрѣно дѣло о подпоручикѣ Бессарабскаго полка А. Дѣло само по себѣ незначительное, но въ виду постоянно повторявшихся выходокъ этого офицера оно было крайне раздуто и въ такомъ видѣ доложено Ванновскому, а онъ, въ примѣръ прочимъ, настоялъ на преданіи подпоручика суду. Такъ какъ по поводу именно этого дѣла мнѣ довелось имѣть съ Ванновскимъ чрезвычайно рѣзкія объясненія, то я расскажу это подробно и прежде всего скажу нѣсколько словъ о самомъ подпоручикѣ А. Вслѣдствіе болѣзненнаго разстройства, а отчасти и не совсѣмъ нормальнаго положенія въ полку, онъ былъ необычайно раздражителенъ, неуравновѣшенъ въ обращеніи, склоненъ къ разнаго рода выходкамъ при объясненіяхъ съ начальствомъ, вслѣдствіе чего и послѣднее было имъ постоянно недовольно и за пустую, въ сущности, выходку, ничтожную по сравненію съ другими его выходками, предало его суду по весьма серьезному обвиненію, а именно за оскорбленіе своего начальника на словахъ при исполненіи послѣднимъ служебныхъ обязанностей. Надобно сказать, что А., какъ я слышалъ это отъ чиновъ полка, служилъ до войны въ томъ же Бессарабскомъ полку и за какой-то проступокъ былъ по суду общества офицеровъ исключенъ изъ полка. Находясь въ запасѣ, онъ около восьми мѣсяцевъ пробылъ въ лечебницѣ душевно-больныхъ, а по выходѣ оттуда, съ наступленіемъ войны, былъ назначенъ въ тотъ же Бессарабскій полкъ. Понятно само собою, что офицеры этого полка встрѣтили подпоручика А. съ неудовольствіемъ, относились къ нему недружелюбно и съ недовѣріемъ, несмотря на безукоризненное его поведеніе, какъ съ товарищами, такъ и въ бою; за все время войны онъ не получилъ ни единой награды. Хотя, въ концѣ концовъ, товарищи съ нимъ примирились и стали цѣнить его по заслугамъ, онъ, перетерпѣвъ за это время слишкомъ много, сдѣлался раздражительнымъ и рѣзкимъ.

«Обстоятельства, повлекшія за собою преданіе А. суду, были таковы: онъ былъ дежурнымъ по полку, а на обязанность дежурнаго, между прочимъ, возлагалось наблюденіе за своевременнымъ окончаніемъ строевыхъ ученій, которыя должны были продолжаться не долѣе двухъ часовъ. Подпоручикъ А., не замѣтивъ, что на ученіи присутствовалъ одинъ изъ командировъ батальона,

приказаль дать отбой, не доложивъ ему о томъ, какъ то слѣдовало по установленному порядку. Обиженный этимъ, командиръ батальона, придя раздраженный въ дежурную комнату, рѣзко замѣтилъ подпоручику, что тотъ прежде, чѣмъ приказывать дать отбой, обязанъ былъ доложить ему, подполковнику, о наступленіи срока окончанія ученія. Сначала А. извинился, сказавъ, что не зналъ, что подполковникъ присутствуетъ на ученіи, а затѣмъ, когда тотъ, все болѣе и болѣе волнуясь, сталъ объяснять ему, что это не отговорка, что онъ, какъ дежурный, долженъ былъ знать, кто изъ начальствующихъ лицъ присутствуетъ на ученіи, А. повышеннымъ тономъ сказалъ: «Ну, жалуйте командирѣ полка, больше я ничего знать не хочу».

«И вотъ за этотъ поступокъ подпоручикъ былъ преданъ суду безъ производства предварительнаго слѣдствія. Судъ, отвергнувъ намѣреніе оскорбить подполковника, призналъ подпоручика А. виновнымъ лишь въ неприличномъ поведеніи по отношеніи къ штабъ-офицеру и въ неоказаніи ему должнаго уваженія и, принявъ во вниманіе чистосердечное сознаніе подпоручика, выраженное имъ глубокое сожалѣніе о происшедшемъ, а также и болѣзненную его раздражительность, назначилъ ему дисциплинарное взысканіе, именно выговоръ. Протеста на этотъ приговоръ не было, да прокуроръ и не настаивалъ на примѣненіи болѣе строгаго наказанія.

«Когда генераль Ванновскій возвратился въ Варну и узналъ, что подпоручикъ А. присужденъ лишь къ выговору, то былъ крайне недоволенъ такимъ исходомъ дѣла. На другой день я вмѣстѣ съ прокуроромъ представлялся ему, какъ прибывшій въ Варну во время его отсутствія. По окончаніи представленія онъ пригласилъ меня въ кабинетъ и, попросивъ сѣсть, началъ чрезвычайно раздраженно объясняться со мною.

«Воспроизвожу почти съ буквальною точностью этотъ разговоръ.

«— Я, полковникъ, буду просить главнокомандующаго о назначеніи мнѣ другого предсѣдателя: вы разрушаете дисциплину,—началь онъ, а на мой вопросъ, по какому случаю онъ это говорить и не по поводу ли дѣла подпоручика А., продолжалъ, все болѣе и болѣе раздражаясь:—я читалъ вашъ приговоръ и никакъ не могу понять, что онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить подполковника. Можетъ быть, тонкости военно-юридической академіи позволяютъ что-либо подобное, но для моего здраваго ума это непонятно».

«Само собою разумѣется, такой рѣзкій, насмѣшливый тонъ и такой совершенно незаслуженный мною упрекъ должны были меня взволновать, и я сдержанно, но съ замѣтнымъ волненіемъ и раздраженіемъ въ голосѣ сказалъ: «Не тонкости военно-юридической академіи, ваше превосходительство, а самый законъ меня къ тому обязываетъ. Я, какъ судья, долженъ опредѣлить наказаніе виновному не только по внѣшней сторонѣ преступле-

нія, но и по внутренней, по намѣренію и цѣли. Какъ, напримѣръ, я разрѣшу вопросъ, было ли убійство случайно, неосторожно или умышленно, если я, исходя изъ фактической обстановки дѣянія, не вникну въ умыселъ и намѣреніе виновнаго, т. е. не влѣзу, какъ вы изволили сказать, въ его душу?»

«Я видѣлъ затѣмъ, что П. С. почувствовалъ, что подъ вліяніемъ раздраженія сказалъ больше, чѣмъ хотѣлъ, потому что на мои слова онъ только проговорилъ: «Вы, кажется, меня за дурака принимаете, что учить меня хотите».

А я продолжалъ такъ: «Долженъ доложить вамъ, какія бы ни были послѣдствія для меня отъ доклада вашего главнокомандующему, что я служу по совѣсти, крайнему моему разумѣнію и ничего лишняго на свою душу не возьму».

«— Ну, хорошо, я соглашаюсь,—сказалъ П. С.:—что, можетъ быть, подпоручикъ А. и не имѣлъ намѣренія оскорбить подполковника и что съ его стороны была лишь неумѣстная, неприличная выходка, но почему вы назначили ему такое слабое наказаніе, хотя въ статьѣ закона, вами примѣненной, есть и болѣе строгія?»

«— Ваше превосходительство изволили читать приговоръ, тамъ подробно изложены обстоятельства, послужившія основаніемъ къ избранію одного изъ слабыхъ наказаній, и въ числѣ этихъ обстоятельствъ принята во вниманіе и болѣзненная раздражительность подпоручика».

«— Ну, посадите его въ сумасшедшій домъ,—прервалъ онъ меня».

«— Однакоже начальство, съ своей стороны, до сихъ поръ не нашло нужнымъ принять такую мѣру по отношенію къ подпоручику. Я живу близко съ войсками, знаю ихъ времяпрепровожденіе, знаю, что подпоручикъ А. извѣстенъ своими эксцентричными выходками, выходки эти извѣстны и командиру полка, и начальнику дивизіи, и даже вашему превосходительству, какъ командиру корпуса, а между тѣмъ офицеръ этотъ въ торжественныхъ случаяхъ всегда выдвигается. Въ пріѣздѣ главнокомандующаго въ Варну почетнымъ карауломъ командуетъ подпоручикъ А., при церемониальномъ маршѣ полка на смотръ во главѣ полка, командуя первымъ взводомъ, идетъ подпоручикъ А. Изъ этого можно заключить, что его цѣнятъ въ полку. При такихъ условіяхъ не было ли бы со стороны суда жестокостью отправить такого офицера на испытаніе въ отдѣленіе душевнобольныхъ, когда судъ могъ примѣнить къ нему всего лишь дисциплинарное взысканіе».

«Послѣ этого отвѣта П. С., видимо, желая смягчить непріятное впечатлѣніе, перешелъ къ постороннему разговору, говорилъ о проектѣ обороны побережья Чернаго моря, о поѣздкѣ его въ Петербургъ, объ обѣдѣ у государя en petite comité, на которомъ шелъ разговоръ о дѣлѣ осужденнаго филиппопольскимъ отдѣленіемъ военнаго суда генерала М., и затѣмъ всталъ, а я откланялся».

«Недѣли черезъ двѣ или три послѣ этого я былъ вызванъ имъ для объясненій по дѣламъ службы, по дѣлу незначительному, не вызывавшему, собственно говоря, и надобности въ объясненіяхъ; въ этой бесѣдѣ П. С. коснулся предшествовавшаго разговора нашего по дѣлу подпоручика А. «Повидимому, вы стали уклоняться отъ меня,—сказалъ онъ:—но вамъ, право, сердиться на меня и пенять нечего. Вѣдь, въ сущности, вы меня оставили въ дуракахъ, убѣдивъ, что я сѣлъ не въ свои сани; сознаюсь, что вмѣшательство мое въ судное дѣло неудачно и я былъ неправъ».

«Мнѣ кажется, отсюда ясно, что П. С. умѣлъ сознавать свои ошибки и неправоту и имѣлъ мужество признаваться въ этомъ, что гордому и властному человѣку далеко нелегко. По отношенію ко мнѣ онъ не сохранилъ ни малѣйшаго чувства недовольства, не говоря уже о враждѣ или мести, а, какъ извѣстно, люди неохотно прощаютъ тѣмъ, кто имѣлъ случай поставить ихъ въ неловкое положеніе. Нѣтъ, я съ глубокимъ уваженіемъ отношусь къ памяти этого прямого и искренняго человѣка и никакъ не могу согласиться съ кн. Мещерскимъ, будто месть входила въ духовный организмъ П. С. и составляла основную черту его характера.

«Послѣ описанныхъ столкновеній отношенія между мною и П. С. были всегда наилучшія. Какъ будто вполне узнавъ меня и желая сгладить слѣды своей рѣзкости, онъ вскорѣ сдѣлалъ визитъ моей женѣ, бывшей вмѣстѣ съ дѣтьми и со мной въ Варнѣ на время оккупаци, а затѣмъ уже нерѣдко бывалъ у меня, шутилъ съ нашими дѣтьми, игралъ въ карты. Когда, въ маѣ 1879 г., семья моя собралась уѣзжать въ Россію, онъ безъ всякихъ просьбъ озаботился наиболѣе удобнымъ помѣщеніемъ ея на военномъ пароходѣ, а когда, вслѣдствіе внезапной болѣзни нашей маленькой дочери, пришлось отложить отъѣздъ, П. С., узнавъ объ этомъ отъ доктора, самъ навѣстилъ насъ и искренно, тепло и сердечно выразилъ свое сожалѣніе.

«Въ половинѣ того же мая онъ долженъ былъ оставить Варну, будучи вызванъ государемъ въ Ливадію. Весь составъ варненскаго гарнизона давалъ ему прощальный обѣдъ, въ которомъ принялъ участіе и я вмѣстѣ съ состоявшимъ при нашемъ отдѣленіи суда военнымъ прокуроромъ, полковникомъ Ан. Во время обѣда сидѣвшій рядомъ съ П. С. губернаторъ Варны Баумгартенъ былъ зачѣмъ-то вызванъ изъ обѣденнаго зала, и П. С. попросилъ меня сѣсть рядомъ съ нимъ. Послѣ горячихъ тостовъ и пожеланій отъѣзжающему, неожиданно поднялся подпоручикъ А., тотъ самый, по дѣлу котораго я объяснялся съ Петромъ Семеновичемъ, и просилъ позволенія поднять бокалъ за мое здоровье. П. С. горячо отозвался на этотъ тостъ и, чокнувшись со мною, прошелъ на конецъ стола чокнуться съ подпоручикомъ, а, вернувшись на свое мѣсто, сказалъ мнѣ: «Я думаю, что этотъ тостъ былъ самый искренній, произне-

сенный отъ чистаго сердца и по заслугѣ. Я чувствую себя неправымъ передъ вами. Что дѣлать—ошибся. Мнѣ почему-то представлялось, что вы красный, и вотъ причины всѣхъ этихъ недоразумѣній, а теперь я убѣдился, что вы не красный, а прекрасный». Рассказываю это не для того, чтобы расхваливать себя, а чтобы показать доброе чувство Петра Семеновича и его чудную душу.

«Въ 1882 г., когда я былъ военнымъ судьей въ московскомъ военно-окружномъ судѣ, генераль-адъютантъ Ванновскій, бывшій въ то время уже военнымъ министромъ, испросилъ высочайшее соизволеніе на командированіе меня для производства слѣдствія о большихъ злоупотребленіяхъ на Шостенскихъ пороховыхъ заводахъ. Избирая меня для этого порученія, П. С., какъ передавалъ мнѣ свѣтлѣйшій князь Имеретинскій, бывшій въ то время начальникомъ главнаго военно-суднаго управленія, сказалъ: «Ну, этотъ не покривитъ душою и по отношенію къ начальству будетъ независимъ». Затѣмъ, когда я былъ военнымъ прокуроромъ московскаго военно-окружнаго суда, а затѣмъ и предсѣдателемъ этого суда, П. С. всегда относился ко мнѣ болѣе чѣмъ благосклонно: всѣ мои представленія по дѣламъ службы постоянно уважались, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда я испрашивалъ для служащихъ подъ моимъ начальствомъ награды въ изытіе изъ законовъ.

«Лично мнѣ, помимо испрошенныхъ наградъ, Петръ Семеновичъ оказалъ большое вниманіе, испросивъ у покойнаго государя зачисленія моей дочери пансіонеркою Ею Величества въ московское училище ордена св. Екатерины (Екатерининскій институтъ).

«Такъ держалъ себя П. С. по отношенію ко мнѣ, вовсе не состоявшему въ числѣ его любимцевъ, находившемуся съ нимъ чисто въ формальныхъ служебныхъ отношеніяхъ и при томъ имѣвшему съ нимъ, именно по поводу служебныхъ отношеній, непріятныя столкновенія. Спрашиваю: мстительный это былъ человекъ или нѣтъ?

«Мнѣ остается сказать немного.

«Въ 1896 г. по приказанію военнаго министра было передано въ московскій военно-окружной судъ, въ которомъ я тогда былъ предсѣдателемъ, дѣло о войсковомъ старшинѣ одного изъ донскихъ казачьихъ полковъ С. Дѣло, въ бытовомъ отношеніи, совершенно незначительное, сплошь и рядомъ случающееся. Войсковой старшина С., отправляясь изъ Москвы въ область войска Донскаго, имѣлъ право перевезти по воинскому тарифу, между прочимъ, пять своихъ лошадей; въ числѣ ихъ онъ перевезъ одну, принадлежавшую не ему, а его товарищу по полку, войсковому старшинѣ П. Въ простотѣ души онъ считаетъ это товарищескою услугою, не усматривая тутъ ничего предосудительнаго или преступнаго. На конечной станціи желѣзной дороги онъ своихъ лошадей взялъ, а лошадь П. оставилъ, откровенно заявивъ, что лошадь эта не его, а подлежитъ дальнѣйшей отправкѣ въ имѣніе П. и на счетъ послѣд-

няго. На станціи былъ составленъ протоколъ о томъ, что по казенному воинскому тарифу была перевезена лошадь лица, права на то не имѣющаго. Главный штабъ, получивъ этотъ протоколъ, доложилъ военному министру съ заключеніемъ, что съ войскового старшины П. надлежитъ взыскать стоимость перевозки не принадлежащей ему лошади по полному тарифу и тѣмъ закончить дѣло, но Петръ Семёновичъ взглянулъ на это дѣло иначе: онъ усмотрѣлъ здѣсь причиненіе казнѣ ущерба, отсутствіе со стороны штабъ-офицера заботы о сохраненіи казеннаго интереса и даже возможность корыстныхъ цѣлей, и, несмотря на всѣ доводы начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта Обручева, настоялъ на возбужденіи предварительнаго слѣдствія и преданіи С. и П. военному суду за присвоеніе и пользованіе ввѣренными имъ по службѣ казеннымъ имуществомъ. Дѣло поступило къ наказному атаману, который въ виду того, что оба эти войсковые старшины считались лучшими офицерами въ войскѣ, ходатайствовалъ о разрѣшеніи дѣла не въ судебномъ, а въ административномъ порядкѣ со взысканіемъ съ виновныхъ полной стоимости перевозки лошади; П. С. настоялъ на своемъ, и дѣло пошло порядкомъ судебнымъ. Тогда, испугавшись такого оборота дѣла, С. сталъ пенять своему товарищу П., что изъ простаго желанія услужить ему онъ попалъ въ положеніе подсудимаго. Въ свою очередь, П., желая помочь товарищу, а съ тѣмъ вмѣстѣ выгородить и себя, придумалъ слѣдующее: такъ какъ лошадь эта слѣдовала въ содержимую имъ вмѣстѣ съ нѣкимъ дворяниномъ М. скаковую конюшню, куда въ концѣ концовъ и поступила, то М. и П. выдали заднимъ числомъ удостовѣреніе въ томъ, что лошадь ими была продана С. еще задолго до ея перевозки по желѣзной дорогѣ. С. представилъ это удостовѣреніе къ дѣлу, и возникло новое обвиненіе въ подлогѣ, грозившее лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ Сибирь на поселеніе.

«По окончаніи предварительнаго слѣдствія дѣло это поступило въ судъ при обвинительномъ актѣ о преданіи суду всѣхъ трехъ С., П. и М. Судъ, подъ моимъ предсѣдательствомъ, рассмотрѣвъ дѣло, не нашелъ въ поступкѣ С. ни наличности корыстной цѣли, ни признаковъ предлога, а призналъ его виновнымъ лишь въ неправильномъ пользованіи имѣвшимся у него распоряженіемъ о перевозкѣ лошадей, взыскавъ съ него стоимость перевозки чужой лошади по полному тарифу, а за обманъ, не соотвѣтствующій достоинству военно-служащаго, подвергъ обоимъ войсковымъ старшинамъ дисциплинарному взысканію, сложенному съ нихъ за силою высочайшаго манифеста по случаю священнаго коронованія Ихъ Величествъ.

«По протесту прокурора, дѣло это перешло въ главный военный судъ, гдѣ и пролежало около семи мѣсяцевъ, а какъ разъ въ это время возникъ вопросъ о замѣщеніи только что освободившейся

должности начальника военно-юридической академіи. Въ числѣ кандидатовъ на эту должность значился и я. Какъ мнѣ передавало лицо, представлявшее списокъ кандидатовъ, П. С. избралъ меня, сказавъ при этомъ: «хотя онъ много испортилъ мнѣ крови С—мъ дѣломъ».

«Нужно сказать, что протестъ прокурора по этому дѣлу былъ затѣмъ оставленъ главнымъ военнымъ судомъ безъ послѣдствій, и приговоръ, нами постановленный и такъ не правившійся Ванновскому, вступилъ въ законную силу.

«И въ этомъ случаѣ, подобно предыдущимъ, правдивость П. С. взяла верхъ надъ его временнымъ неудовольствіемъ, естественно явившимся у него вслѣдствіе того, что упорно поддерживаемый и настойчиво проводимый имъ взглядъ на дѣло не былъ раздѣленъ ни судомъ, разбиравшимъ дѣло, ни высшею кассационною инстанціею.

«Оставляя военное министерство, П. С. прощался съ чинами главнаго управленія, въ числѣ которыхъ былъ и я. И здѣсь онъ оказалъ мнѣ, въ присутствіи многихъ, особенное вниманіе и высказалъ очень много для меня крайне лестнаго.

«Кончая свою записку, я отъ чистаго сердца говорю, что сохраняю глубокое уваженіе къ почившему Петру Семеновичу за его твердость, искренность и правдивость; чту высоко его память за то, что онъ умѣлъ сознаваться въ своихъ ошибкахъ; мелочное самолюбіе имъ не руководило, и онъ никогда не хранилъ въ отношеніи того, передъ кѣмъ ему доводилось сознаться въ этихъ ошибкахъ, не только злобнаго, но и просто непріятнаго чувства, а тѣмъ болѣе желанія отомстить.

«Могъ бы привести и иные случаи столкновеній П. С. по служебнымъ дѣламъ съ другими лицами, гдѣ онъ неуклонно оставался на сторонѣ правды, но объ этомъ скажу при случаѣ.»

Этимъ кончается записка Ф. Н. Платонова. Въ существѣ своемъ она представляетъ искренній отзывъ лица, которому, помимо чистыхъ нравственныхъ побужденій, не было да и не могло быть никакой надобности обѣлять память покойнаго; отзывъ лица, которое, по собственнымъ словамъ Петра Семеновича, много испортило ему крови, а, судя по содержанію записки, и самому автору ея покойный тоже не мало крови испортилъ. Вотъ почему душевный откликъ такого лица заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Записка и рассказанные въ ней отдѣльные эпизоды рисуютъ покойнаго именно такимъ, какимъ я его представляю себѣ; такимъ онъ оставался во все время моего съ нимъ знакомства и такимъ, оказывается, онъ былъ и во время служенія въ отрядѣ наслѣдника цесаревича, и въ бытность военнымъ министромъ.

Записку свою Флорентій Николаевичъ кончаетъ торжественнымъ заявленіемъ, что онъ питаетъ глубокое уваженіе къ Петру Семеновичу, высоко чтить его память и заявляетъ это отъ чистаго сердца, а я, тоже отъ чистаго сердца, беру на себя смѣлость утверждать, что душевно любилъ этого человѣка, представлявшагося мнѣ маститымъ старцемъ кристальной чистоты въ нравственномъ отношеніи, преданнымъ отъ души своему Государю и родинѣ и не щадившимъ своихъ подъ конецъ жизни уже слабыхъ силъ на служеніе имъ обоимъ.

Миръ праху твоему милый, дорогой моей памяти Петръ Семеновичъ.

Ив. Мѣщаниновъ.

ГАВРИІЛЪ НИКИТИЧЪ ПОТАНИНЪ.

I.

Литераторъ Г. Н. Потанинъ.—Его біографія.—Уроки въ домѣ Гончаровыхъ.—Смотритель уѣзднаго училища.—Уволенъ отъ службы.—Поиски мѣста въ Петербургѣ.—Сотрудникъ «Современника».—Счастливые дни Потанина.—Романъ «Старое старится, молодое растеть».—Участіе Потанина въ «Русскомъ Словѣ».—Инспекторъ народныхъ училищъ.—Гавріилъ Никитичъ на покоѣ.—Отзывъ о немъ въ симбирскихъ газетахъ.

ВЪ НАЧАЛѢ января текущаго года я получилъ изъ Симбирска скорбное извѣстіе о кончинѣ стараго литератора и педагога, Гавріила Никитича Потанина.

Для молодого поколѣнія имя симбирскаго Г. Н. Потанина ничего не говоритъ. Иные смѣшиваютъ его съ сибирскимъ Потаниномъ, у котораго имя-отчество начинается съ тѣхъ же буквъ—Г. Н. Въ пору же существованія «Современника» читающая публика очень интересовалась романомъ Гавріила Никитича «Старое старится, молодое растеть», какъ яркимъ описаніемъ послѣднихъ временъ крѣпостного права. Это было въ самый годъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Цензура нѣсколько мѣсяцевъ воевала съ романомъ Потанина, пока не закрыла совѣмъ «Современника». Такъ «Старое старится» остался въ печати до сихъ поръ недоконченнымъ романомъ.

Г. Н. Потанинъ работалъ еще въ «Русскомъ Словѣ», «Дѣлѣ» и въ московской «Бесѣдѣ», а въ самое послѣднее время—въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Почтенный старецъ дожилъ до полувѣкового юбилея своей литературной дѣятельности, совпавшаго съ юбилеемъ уничтоженія крѣпостного права, но внезапная смерть не дала ему его отпраздновать. А какъ бы теперь кстати было воспроизвести недоконченный романъ Потанина, который самимъ авторомъ первоначально названъ былъ «Крѣпостное право»!

Изъ нѣкоторыхъ эпизодовъ жизни Г. Н. Потанина, когда-то мнѣ рассказанныхъ имъ самимъ, трудно составить обстоятельную его біографію, но вотъ что, однако, у меня осталось въ памяти о его прошломъ.

Первый разъ Симбирскъ огласился младенческимъ крикомъ Гавріила Никитича 9 іюля 1823 г. Родился онъ въ небогатой семьѣ и съ малыхъ лѣтъ пришлось ему познакомиться съ матеріальною нуждою. Еще гимназистомъ Потанинъ долженъ былъ содержать себя исключительно уроками. А платили тогда крайне мало. Напримѣръ, богатые купцы давали за урокъ по десяти копеекъ ассигнаціями, то-есть три копейки серебромъ.

Гавріиль Никитичъ имѣлъ уроки и въ домѣ Гончаровыхъ. Родная сестра знаменитаго автора «Обломова», Александра Александровна Кирмалова, пригласила гимназиста Потанина давать уроки ея двумъ сыновьямъ. Тогда занятія въ гимназіи кончались въ 6 часовъ, а потому Потанинъ приходилъ къ нимъ поздно вечеромъ. Но случалось, что и послѣ уроковъ онъ долго засиживался въ домѣ Гончаровыхъ, ведя интересную бесѣду съ отставнымъ морякомъ Н. Н. Трегубовымъ, «передовымъ человѣкомъ своего времени, масономъ, другомъ Лабзина и Порошина». Особенно нравились впечатлительному юношѣ рассказы много издавашаго моряка о путешествіяхъ за границу. Гавріиль Никитичъ, какъ и писатель Гончаровъ, не мало обязанъ своимъ развитіемъ умному и образованному Трегубову.

Говоря о Гончаровѣ, Потанинъ далъ отчасти характеристику и самому себѣ, какъ восторженному мечтателю.

— Всѣ мы,—рассказываетъ онъ,—юноши тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, упивались Марлинскимъ. Мы выписывали нѣкоторыя мѣста и заучивали ихъ наизусть:

«... Багряныя облака, точно огненные думы, толпятся вокругъ чела твоего, неприступный утесъ св. Елены... Экваторъ опирается на твои рамена, сизыя волны океана, какъ столѣтія, расшибаются о твои стопы, и сердце твое—гробъ Наполеона, заклеянный таинственнымъ іероглифомъ рока»...

Вотъ чѣмъ восторгались мы въ то время, въ эпоху крайняго романтизма!

Когда Потанинъ былъ въ седьмомъ классѣ гимназіи, произошла его первая встрѣча съ Иваномъ Александровичемъ Гончаровымъ, тогда уже прославленнымъ авторомъ романа «Обыкновенная исторія». На глазахъ наблюдательнаго гимназиста пронесся весь шумный успѣхъ новаго писателя въ симбирскомъ обществѣ. Въ это короткое время пребыванія на родинѣ Гончаровъ числился чиновникомъ особыхъ порученій при симбирскомъ губернаторѣ¹⁾.

По окончаніи классической гимназіи Потанинъ не могъ пойти въ университетъ. Для добыванія средствъ къ жизни онъ принужденъ былъ взять первое попавшееся мѣсто учителя въ самарскомъ уѣздномъ училищѣ. Впослѣдствіи его сдѣлали смотрителемъ того же училища. Въ чемъ-то онъ не угодилъ губернатору, — и былъ уволенъ изъ казанскаго учебнаго округа въ 1859 году.

Потанинъ ѣдетъ искать себѣ мѣсто въ Петербургѣ.

«Безъ связей, безъ протекціи, — пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — не имѣя даже ни одного знакомаго человѣка, я очутился въ Петербургѣ, какъ Робинзонъ на островѣ. Полгода я бродилъ по улицамъ столицы, дѣлая пѣшкомъ по двадцати верстъ въ день. Но куда ни приходилъ, — мнѣ лично былъ одинъ отвѣтъ: «мѣста нѣтъ»! А на всѣхъ прошеніяхъ, куда ни подавалъ, была одна отмѣтка: «оставить безъ послѣдствій».

Потаниномъ въ этотъ періодъ овладѣла душевная слабость. Въ минуты отчаянія онъ уже засматривался на холодныя волны Невы, надѣясь тамъ найти исходъ всѣхъ своихъ мытарствъ.

Одинъ студентъ-сосѣдъ, узнавъ, что у него есть рукопись большого романа, посоветовалъ ему отнести ее въ редакцію «Современника». Но Потанинъ не смѣлъ тогда и подумать печататься въ одномъ журналѣ съ Некрасовымъ, Тургеневымъ, Чернышевскимъ, Добролюбовымъ, Григоровичемъ и другими корифеями русской литературы.

Но, какъ говорится, попытка — не пытка, а спросъ — не бѣда! Да и что ему оставалось больше дѣлать? Скрѣпя сердце, онъ несетъ свой романъ «Крѣпостное право» въ редакцію «Современника» къ Н. А. Некрасову. Тотъ его едва принялъ, однако взялъ рукопись и сказалъ, что можно зайти въ редакцію за отвѣтомъ чрезъ недѣлю.

Кое-какъ провелъ Гавріиль Никитичъ эту трудную для него недѣлю въ Петербургѣ, потерявъ всякую надежду на какой-либо благопріятный отвѣтъ.

По прошествіи назначеннаго времени Потанинъ опять робко вошелъ въ пріемную Некрасова. На этотъ разъ ждать пришлось недолго. Николай Алексѣевичъ вышелъ къ нему веселый, ра-

¹⁾ См. «Воспоминанія объ И. А. Гончаровѣ» Потанина въ «Историческомъ Вѣстникѣ», апрѣль 1903 года.

достный и съ восторгомъ объявляетъ, что рукопись его—прелестъ! А на другой день Некрасовъ самъ заѣзжаетъ къ Потанину и даетъ ему на дорогу домой пятьсотъ рублей.

Восторженный, радостный, окрыленный разными заманчивыми надеждами, Гавріиль Никитичъ перевезъ свою семью въ Петербургъ.

Осенью того же года, понимая, что Потанину съ большой семьей надо имѣть еще какой-либо заработокъ, кромѣ литературнаго, Некрасовъ самъ предложилъ выхлопотать ему казенное мѣсто въ педагогическомъ мірѣ.

Для новаго сотрудника «Современника» наступилъ періодъ сладкихъ сновъ. По просьбѣ Некрасова, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія Ковалевскій даетъ Потанину волшебную записочку, которая раскрываетъ передъ нимъ всѣ двери. Попечитель округа Деляновъ, такъ рѣшительно отказывавшій ему раньше на всѣ его самыя скромныя просьбы, теперь предлагаетъ на выборъ нѣсколько мѣстъ. Вскорѣ Потанинъ былъ опредѣленъ учителемъ въ Введенскую гимназію, а къ новому году уже получаетъ въ награду 100 рублей за усердное преподаваніе. Приглашаютъ его читать лекціи также въ военномъ училищѣ, для котораго онъ составилъ новый учебникъ русской словесности.

Но самый сладостный сонъ его жизни—появленіе первыхъ главъ романа въ «Современникѣ». По цензурнымъ условіямъ Некрасовъ перемѣнилъ его названіе «Крѣпостное право» на—«Старое старится, молодое растетъ». Газеты дали блестящій отзывъ о новомъ романѣ. Въ «Сынѣ Отечества» между прочимъ было сказано (№ 10, 1861 г.): «Романъ новаго писателя, г. Потанина, далеко незаурядное явленіе; въ немъ такой тонкій психологическій анализъ, что автора не обинуясь можно сравнить съ Диккенсомъ»... Некрасовъ самъ привозитъ Потанину первую книгу «Современника» и поздравляетъ его съ выдающимся успѣхомъ. Приѣзжаютъ въ его скромную квартиру на Петербургской сторонѣ Достоевскій, Помяловскій и другіе именитые литераторы того времени. Всѣ они обнимаютъ его, поздравляютъ.

— Какая у васъ изумительная наблюдательность надъ ребенкомъ!—привѣтствуетъ его И. И. Панаевъ.

Въ редакціи «Современника» Потанинъ знакомится съ Добролюбовымъ, Чернышевскимъ, Григоровичемъ, Михайловымъ, Антоновичемъ, Якушкинымъ и др.

Гавріиль Никитичъ носится въ столицѣ, какъ въ чадѣ. Его наперерывъ приглашаютъ читать на литературныхъ вечерахъ, всюду оказываютъ особенное вниманіе. Его выбираютъ членомъ комитета грамотности, императорскаго географическаго и вольнаго экономическаго обществъ.

— Мое «Старое старится»,—говоритъ самъ Потанинъ,—это семейныя записки, въ которыхъ почти все—эпизоды моей собственной жизни.

Поэтому неудивительно, что романъ подкупалъ читателя своею правдивостью. Изумительная наблюдательность и искренность были подмѣчены его товарищами по литературѣ. Но нѣкоторымъ нравилось больше ярко выраженное обличеніе тогдашнихъ дворянъ-помѣщиковъ и ихъ произвола при крѣпостномъ правѣ.

Съ прекращеніемъ «Современника» прекратилось и печатаніе романа «Старое старится». Потанинъ перешелъ въ «Русское Слово». Здѣсь онъ встрѣчается съ Благосвѣтловымъ, Благовѣщенскимъ, Писаревымъ, Зайцевымъ, Шелгуновымъ и другими яркими представителями радикальнаго направленія русской литературы. Свое новое сотрудничество Гавріиль Никитичъ началъ съ повѣсти «Годъ жизни». На первыхъ же порахъ ему дали понять, вычеркивая цѣлую главу о музыкѣ, что надо придерживаться тѣхъ взглядовъ, которые такъ вызывающе проповѣдывалъ тогда новый журналъ. Послѣ того, какъ были напечатаны «Уѣздное училище» («Русское Слово», № 3 1864 г.) и нѣкоторые эпизоды изъ романа «Старое старится» («Русское Слово», № 8 1864 г. и № 4 1865 г.), Потанинъ понялъ, что онъ въ «Русскомъ Словѣ», какъ говорится, пришелся не ко двору. Онъ не могъ отрѣшиться отъ своихъ взглядовъ на поэзію, живопись, музыку, не могъ ополчиться на изящныя искусства, какъ Д. И. Писаревъ и его товарищи. Впрочемъ, «Русское Слово» скоро закрыли и Потанину все равно пришлось искать мѣста въ новомъ журналѣ. Ему указали на московскую «Бесѣду» Юрѣева. Въ ней онъ напечаталъ повѣсть «Штатный смотритель».

Около этого времени Потанину предложили должность инспектора народныхъ училищъ въ Витебской губерніи. Онъ согласился принять ее и уѣхалъ въ маленькій уѣздный городъ. На этой должности окончилась его служебная карьера. Ему было тогда 47 лѣтъ. Въ 1871 году Гавріиль Никитичъ вернулся на свою родину, въ Симбирскъ, гдѣ и прожилъ все остальное время до конца жизни.

Кромѣ упомянутыхъ выше, другихъ напечатанныхъ статей Г. Н. Потанина сейчасъ я не могу указать. Извѣстно, на примѣръ, что была напечатана его статья «Городъ и деревня». Но въ какомъ журналѣ?—Не знаю.

Воспитанный въ романтизмѣ, Потанинъ никакъ не могъ спѣться ни съ одной редакціей болѣе или менѣе значительнаго журнала шестидесятыхъ годовъ. А приспособляться къ новымъ теченіямъ жизни въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ Гавріиль Никитичъ не хотѣлъ. Да и вообще приспособляться, поддѣлываться ни къ чему онъ не могъ. Отсюда постоянныя препирательства его по службѣ,

препирательства въ редакціяхъ и съ цензорами, препирательства съ обществомъ, среди котораго онъ жилъ, наконецъ, препирательства въ своей родной семьѣ, которыя и заставили его уединиться и зарыться въ книгахъ и въ своихъ рукописяхъ. Всю вторую половину своей долгой жизни онъ только читалъ и писалъ. Другого дѣла или развлеченій у него не было. Всю жизнь училъ другихъ и неустанно самъ учился. Зато и называли его въ Симбирскѣ живой энциклопедіей.

Петербургскіе литературные круги скоро забыли Г. Н. Потанина. Для нихъ онъ давно былъ умершимъ...

Въ разладѣ съ обществомъ и съ нѣкоторыми членами родной семьи Гавріиль Никитичъ несъ тяжелый крестъ. Въ самые же послѣдніе годы своей жизни Потанинъ получилъ ужасный нравственный ударъ, отъ котораго онъ чуть съ ума не сошелъ. На Воткинскомъ заводѣ Вятской губерніи служилъ одинъ изъ его сыновей. Рѣдко его видя около себя, старикъ къ нему особенно привязался заочно. Вдругъ онъ получаетъ извѣстіе, что сынъ его сторѣлъ во время тушенія пожара. Обезумѣвшій старикъ немедленно ѣдетъ въ Вятскую губернію, но тамъ онъ находитъ отъ сына одну лишь «обуглившуюся головешку», какъ онъ выразился въ письмѣ ко мнѣ. Послѣ сына осталась старику маленькая внучка, симпатичная, способная дѣвочка. Потанинъ отдалъ ей все свое наболѣвшее сердце. Ежедневно онъ ходилъ съ любимой внучкой на кладбище, на могилу ея погибшаго отца. Дѣвочка его спасла отъ помѣшательства, какъ сообщалъ мнѣ старикъ въ своихъ восторженныхъ описаніяхъ разныхъ талантовъ маленькой внучки. Вдругъ и она заболѣла... Убитый горемъ старикъ замолкъ и не писалъ мнѣ года два.

Въ минувшемъ году онъ жаловался на удушье. Временами онъ совершенно задыхался и невыразимо страдалъ. Подозрѣвали у него порокъ сердца. 17 декабря Гавріиль Никитичъ отправился, какъ всегда, пѣшкомъ въ баню, а черезъ часъ его привезли домой мертвымъ...

Въ симбирскихъ газетахъ посвящены были памяти Г. Н. Потанина нѣсколько статей, написанныхъ съ теплымъ чувствомъ. Въ одной изъ нихъ напечатаны слѣдующія строки, характеризующія покойнаго старца:

«Въ Симбирскѣ Гаврила Никитичъ доживалъ свою жизнь въ совершенномъ уединеніи, въ своемъ домикѣ на Московской улицѣ, пониже Богоявленія. Въ этомъ уединеніи онъ, престарѣлый и дряхлый, жилъ воспоминаніями о быломъ, и здѣсь его находили тѣ рѣдкіе посѣтители, которые нуждались въ этомъ живомъ памятникѣ для освященія забытой мѣстной старины или для обрисовки дѣятельности и характера того или другого литературнаго представителя 60-хъ годовъ. Одиннадцать лѣтъ назадъ, при открытіи

въ Симбирскѣхъ памятника на могилѣ поэта Минаева, домашнимъ учителемъ котораго Гаврила Никитичъ былъ въ молодости, имъ сказана была пространныя рѣчь, напечатанная тогда же въ «Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ».

Мѣстный поэтъ В. К. посвятилъ памяти Г. Н. Потанина слѣдующее стихотвореніе, напечатанное въ «Волжскихъ Вѣстяхъ» (21 декабря 1910 г.):

И онъ ушелъ отъ насъ въ могилу
И намъ оставилъ жалкій свѣтъ,
Храня въ себѣ и умъ, и силу,
Доживши до преклонныхъ лѣтъ...

Средь славныхъ намъ родныхъ именъ
Когда-то здѣсь блисталь и онъ,
И до послѣднихъ жизни дней
Онъ былъ силенъ душой своей...

Еще свѣжо воспоминанье,
Какъ онъ въ кругу друзей пера,
Средь ихъ талантовъ процвѣтанья
На пользу общую добра

И самъ писателя перомъ
Вопросовъ жизненныхъ касался,
И взоръ его горѣлъ огнемъ,
И вдохновеннымъ онъ казался...

И нѣтъ его, но онъ прославилъ
Борцовъ идеи древній станъ,
Гдѣ память о себѣ оставилъ
Онъ, какъ послѣдній могиканъ.

Рукописей послѣ смерти Г. Н. Потанина осталось въ распоряженіи престарѣлой жены его, Елизаветы Андреевны, очень много. Еще бы! Съ 17-лѣтняго возраста до конца жизни, въ продолженіе 70 лѣтъ, онъ прилежно все писалъ и писалъ. Начало его автобіографіи, озаглавленной «Жизнь Г. Н. Потанина», по моей просьбѣ была прислана мнѣ для печати, но ни одна редакція не могла осилить, хотя и крупнаго, но крайне неразборчиваго его старческаго почерка, вслѣдствіе сжатости буквъ и связанности отдѣльных словъ. Осталось еще нѣсколько тетрадей подъ общимъ заглавіемъ «Ночникъ». Такъ онъ передѣлалъ общеупотребительное слово «Дневникъ».

Трудолюбіе Потанина поразительно! Каждая рукопись, каждая заставка на его стихотвореніяхъ показываютъ, съ какимъ вниманіемъ, съ какою тщательностью онъ писалъ или зарисовывалъ каждый штрихъ своей работы!

Я полагаю, если кто разберетъ его рукописи, то самымъ цѣннымъ вкладомъ въ русскую литературу окажутся его обширные

труды по воспитанію дѣтей. Интересно было бы въ настоящее время напечатать многосодержательную рѣчь, сказанную Потанинымъ въ комитетѣ грамотности, 19 февраля 1863 г. Кстати бы вспомнить теперь и его «Проектъ реформы школь».

До конца жизни почтенный старецъ не переставалъ заниматься вопросами о школь. Даже наканунѣ смерти, какъ бы дѣлая завѣщаніе потомству, онъ диктовалъ послѣднее произведеніе— «Какимъ долженъ быть учитель?»

II.

Сонный городъ.—Гончаровскій обрывъ.—Первая встрѣча съ Потанинымъ.—Домикъ отшельника.—Весь въ прошломъ.—Труды Гавріила Никитича.—«Огненный старикъ».—Его удаленіе отъ современнаго міра.—Почему онъ оставилъ литературу?—Переписка съ Г. Н. Потанинымъ.

Изъ всѣхъ приволжскихъ губернскихъ городовъ Симбирскъ выдѣляется своею тихою, сонною жизнью. Въ немъ нѣтъ бойкой торговли хлѣбомъ или рыбою, какъ въ Самарѣ или Саратовѣ, нѣтъ и скопленія рабочаго люда, потому что онъ стоитъ въ сторонѣ отъ главнаго фарватера рѣки. Въ нѣкоторыхъ домахъ до сихъ поръ поддерживается еще патріархальная жизнь минувшаго вѣка. Пожалуй, можно и теперь сказать о Симбирскѣ то же, что когда-то писалъ о немъ Ив. Ал. Гончаровъ: «Самая наружность города не представляла ничего другого, кромѣ картины сна и застоя... Такъ и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонныя окна съ опущенными шторами и жалюзи, на сонныя фізіономіи сидящихъ по домамъ или попадающихся на улицѣ людей. «Намъ нечего дѣлать,—зѣвая, думаетъ, кажется, всякое изъ этихъ лицъ, глядя лѣнливо на васъ:—мы не торопимся, живемъ—хлѣбъ жуемъ да небо коптимъ».

Центръ города въ настоящее время нѣсколько перестроился, но еще сохранились уголки, въ которыхъ, какъ при Гончаровѣ, тѣ же большею частью деревянные, посѣрѣвшіе отъ времени дома и домишки, съ мезонинами, съ садиками, иногда съ колонками; тѣ же окруженные канавками, густо заросшими полынью и крапивой, безконечныя заборы; тѣ же деревянные тротуары съ недостающими досками; та же пустота и безмолвіе на улицахъ, покрытыхъ густыми узорами пыли. Вся улица слышитъ, когда за версту ѣдетъ телѣга или стучитъ сапогами по мосткамъ прохожій...

Но Симбирскъ славится своими фруктовыми садами. Весь склонъ нагорнаго берега покрытъ вишнями, сливами, яблоками, грушами. На одномъ изъ уступовъ высокаго берега, противъ самой средины города, среди густой зелени садовъ, пріютился красивый двухъ-этажный домъ архитектора С. Н. Огонь-Догановскаго. Въ ниж-

немъ этажѣ его жилъ изслѣдователь русскаго сектантства и раскола Александръ Степановичъ Пругавинъ. Къ нимъ я и пріѣхалъ погостить въ концѣ мая 1902 года. Мы тогда особенно интересовались симбирскими сектантами, въ частности—«бѣлоризцами». Въ то же время Симбирскъ воскресилъ во мнѣ юношескія впечатлѣнія отъ романовъ Гончарова.

— Покажите, пожалуйста,—прошу я своихъ гостепріимныхъ хозяевъ,—гдѣ обрывъ Вѣры? Гдѣ жила бабушка со своими симпатичными внучками?

Меня повезли на Гончаровскій обрывъ, въ Киндяковку, принадлежащую теперь полурусской-полуангличанкѣ г. Перси-Френчъ. Въ сущности, весь высокій симбирскій берегъ представляетъ рядъ обрывовъ. Да и тотъ домъ, въ которомъ я гостилъ въ то лѣто, находится тоже надъ обрывомъ. Отовсюду открывается чудный видъ на Волгу, разлившуюся противъ города далеко, далеко! Но слава обрыва, связаннаго съ романомъ Гончарова, осталась за Киндяковскимъ.

— А нѣтъ ли здѣсь, кто еще помнитъ Гончарова, когда прославленный писатель явился погостить на свою родину?

— До сихъ поръ еще въ Симбирскѣ живъ и здоровъ литераторъ Потанинъ, который, будучи гимназистомъ, давалъ уроки племянникамъ Ивана Александровича. Онъ вамъ можетъ поразсказать много интереснаго о нашемъ знаменитомъ романистѣ.

— О, да вашъ Симбирскъ богатъ литераторами! Онъ не исчерпывается Карамзинымъ, Гончаровымъ да двумя Минаевыми. Познакомьте меня съ Потанинымъ.

На краю города, въ глубинѣ двора дома № 29, по набережной рѣчки Симбирки, находится небольшой флигель—недвижимая собственность Потанина. Мы постучались къ нему въ четвертомъ часу дня. Навстрѣчу намъ вышелъ самъ хозяинъ, высокій, бодрый старикъ съ сѣдою бородою. Прежде всего моимъ вниманіемъ овладѣли его темно-каріе глаза, оживленные молодымъ огнемъ. Громкій голосъ, быстрая рѣчь, нѣсколько суетливая подвижность,—все свидѣтельствовало о крѣпости и здоровьѣ восьмидесятилѣтняго старца.

Мы вступили съ большимъ любопытствомъ въ маленькія, темныя комнатки. По всему было видно, что Потанинъ жилъ здѣсь одинокимъ отшельникомъ. По угламъ разбросанныя вещи. Всюду толстые слои пыли. Много книгъ, много рукописей; связки газетъ и журналовъ. Но сразу было замѣтно, что хозяинъ дома весь живетъ въ далекомъ прошломъ: ни одной новой свѣжей брошюры, ни одной современной гравюры или фотографіи! Все у него старое, заплѣсневѣлое, пыльное. Фотографическія карточки на стѣнахъ выцвѣли, пожелтѣли отъ времени.

По нашей просьбѣ Гавріиль Никитичъ охотно сталъ показывать свои произведенія. У него бережно хранился каждый исписанный

имъ листочекъ бумаги. Нѣкоторыя его стихотворенія украшены были заставками и виньетками собственной работы. Потанинъ недурно копировалъ небольшіе рисунки.

Старикъ, видимо, обрадовался нашему посѣщенію и, казалось, готовъ былъ сразу все показать и попутно рассказать свою долгую жизнь. Потанинъ быстро переходилъ отъ одного предмета къ другому, но болѣе всего онъ останавливался на воспоминаніяхъ о Гончаровѣ и Некрасовѣ.

Когда мы коснулись его біографіи, онъ извлекъ изъ кучи запыленныхъ рукописей нѣсколько убористо исписанныхъ тетрадей подъ общимъ заглавіемъ «Жизнь Г. Н. Потанина».

— Здѣсь описаны мною только первыя восемь лѣтъ моей жизни, замѣтилъ старикъ, подавая намъ солидныя по величинѣ рукописи.

— Какъ?!—удивились мы:—только ребяческіе годы! Когда же вы напишете о времени своей литературной дѣятельности, о сношеніяхъ съ Гончаровымъ, Некрасовымъ и другими знаменитыми писателями?

— Я, какъ истый педагогъ, нахожу самымъ важнымъ описать первые годы—фундаментъ жизни. Дальнѣйшее развитіе человѣка зависитъ отъ того, что заложено въ его дѣтствѣ. Въ сущности, съ первыхъ шаговъ можно намѣтить направленіе всей послѣдующей жизни. Вотъ почему я и отдалъ столько вниманія своему ребяческому возрасту.

— Но когда же вы дойдете до времени появленія вашего романа? Когда подѣлитесь съ нами своими воспоминаніями о сотрудникахъ «Современника» и «Русскаго Слова»?

— О Гончаровѣ у меня кое-что написано. Я читалъ о немъ въ здѣшнемъ собраніи.

Потанинъ вытащилъ намъ изъ ящика пожелтѣвшіе корректурные листы своего романа «Старое старится, молодое растетъ», которые онъ берегъ, какъ святыню. Нѣкоторые листы густо испещрены красными помарками цензора. Одна глава почти цѣликомъ вычеркнута. Мнѣ кажется, было бы интересно напечатать теперь эти листы полностью, съ показаніемъ цензурныхъ помѣтокъ. Но цензоромъ для «Современника», по свидѣтельству того же Потанина, былъ одинъ изъ лучшихъ по тому времени—вольнолюбивый Владимиръ Николаевичъ Бекетовъ. Тѣмъ не менѣе и онъ немало огорчалъ его своими поправками.

Гавріилъ Никитичъ, показывая намъ многочисленныя записки по разнымъ вопросамъ, годами собранныя матеріалы для намѣченныхъ статей и цѣлыя томы солидныхъ рукописей, поражалъ насъ подавляющимъ видомъ громаднаго количества его трудовъ. Чего-чего тутъ не было! Вотъ увѣсистая рукописная книга. Развертываешь, чтобы взглянуть на заглавіе. «Новый судъ»! А вотъ его первыя лирическія стихотворенія и даже цѣлыя поэмы—подражаніе

Пушкину и Лермонтову. Вообще видно было, что старикъ за всю свою долгую жизнь много поработалъ въ разныхъ отрасляхъ русской литературы. Живи онъ не въ сонномъ Симбирскѣ, а въ одной изъ столицъ, — мы не мало бы имѣли его статей въ толстыхъ журналахъ. А теперь? Кто станетъ разбираться въ трудно читаемыхъ рукописяхъ стараго литератора отжившей эпохи?!

Послѣ перваго свиданія съ Потанинымъ у насъ сразу установились дружескія отношенія. Мы видѣлись, несмотря на раздѣляющее насъ большое разстояніе, каждый день, пока онъ не уѣхалъ къ своимъ дѣтямъ въ одну изъ казачьихъ станицъ. Старикъ приносилъ къ намъ свои рукописи и съ большимъ одушевленіемъ читалъ вслухъ, попутно комментируя своими воспоминаніями. Увлекался онъ при этомъ, какъ юноша. Иногда бывало вскочить со стула съ горящими глазами и начнеть громить кого-нибудь сильно повышеннымъ голосомъ. Иногда же, если встрѣчалось описаніе трогательной картины, Гавріиль Никитичъ непрерывно утиралъ набѣгающія слезы...

Я прозвалъ Потанина «огненнымъ старикомъ». Онъ вспыхивалъ, какъ порохъ, и въ запальчивости былъ очень рѣзокъ на словахъ. Не эта ли черта характера заставила его удалиться отъ общества и даже отъ родной семьи?

Будучи одинокимъ, онъ весь ушелъ въ себя и въ свое прошлое. Въ новой литературѣ ему ничего не нравилось. Послѣднимъ настоящимъ поэтомъ на Руси онъ считалъ своего излюбленнаго Николая Алексѣевича Некрасова.

Отъ временъ увлеченія нигилизмомъ Потанинъ усвоилъ себѣ отрицательное отношеніе только къ нѣкоторымъ правиламъ и внѣшнимъ приѣмамъ, принятымъ въ обществѣ; но дальше этого не пошелъ. Онъ всегда былъ искренно вѣрующимъ христіаниномъ и по праздникамъ любилъ ходить въ церковь. Горячо увлекался поэзіей, музыкой и живописью. Страстный поклонникъ всего русскаго, онъ умѣлъ, однако, отличать зло среди добра. Лжи и несправедливости не переносилъ. Вся жизнь его прошла въ столкновеніяхъ съ неправдою и въ борьбѣ съ матеріальною нуждою. Потанинъ, очевидно, не былъ рожденъ героемъ: онъ цѣлую половину своей жизни провелъ въ родномъ «сонномъ» Симбирскѣ и постарался тамъ скрыться отъ міра въ своей раковинѣ.

Я пробовалъ пробудить его къ литературной дѣятельности, заставилъ его дать для печати воспоминанія о Гончаровѣ и Некрасовѣ и съ большимъ трудомъ упробилъ его писать автобіографію, но было уже поздно: старику пошелъ девятый десятокъ лѣтъ.

Всѣ, кто хорошо зналъ Гавріила Никитича, цѣнили его талантъ и любили вспыльчиваго, но милаго старца, со всѣми тяжелыми неровностями его характера. Отъ литератора Потанина, отъ «цѣннаго самородка въ грубоватой оправѣ», какъ онъ назывался нѣкоторыми поклонниками его таланта, ожидали очень многого. Иные

полагають, что онъ отъ чрезмѣрной гордыни не развернулся во всю ширь и погасилъ въ себѣ огонь вдохновенія, ушедши отъ міра и людей.

Сколько мнѣ извѣстно, Потанинъ подходилъ къ храму русской литературы не съ гордымъ сознаниемъ своего превосходства. Напротивъ, онъ едва осмѣлился переступить порогъ его. Но дѣло въ томъ, что, когда гостепріимно открыли ему двери, самъ храмъ стоялъ недолго. Потанинъ пробовалъ стучаться въ другіе храмы. Правда, его всюду принимали, но боги были уже не тѣ, чуждые для его сердца,—и онъ удалился въ свою пустыню на безмолвіе.

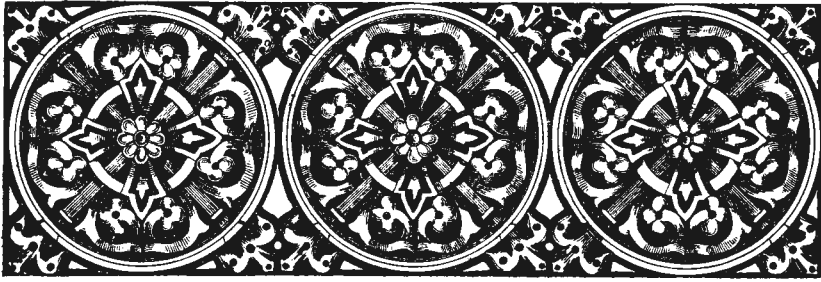
Съ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ у насъ установилась частая переписка. Его письма нерѣдко были очень велики по объему, иногда на десятокъ страницъ убористаго почерка. Читая ихъ, я частенько думалъ о Г. Н. Потанинѣ: сколько пропало въ немъ неиспользованныхъ силъ и способностей! Сколько потушено пламенныхъ желаній! Сколько выпало на его долю нравственныхъ страданій!

И какой контрастъ двухъ періодовъ его жизни! Появившись на петербургскомъ горизонтѣ, Потанинъ сразу вспыхиваетъ яркою звѣздою, какъ новый талантливый литераторъ. Онъ видитъ себя окруженнымъ другими блестящими звѣздами—именитыми писателями. О чемъ онъ и мечтать не смѣлъ, вдругъ явилось къ нему, какъ бы съ неба. Его поздравляютъ съ успѣхомъ, предрекаютъ ему славу выдающагося романиста. Онъ выступаетъ на подмостки литературныхъ вечеровъ, говоритъ рѣчи съ кафедръ въ ученыхъ собраніяхъ, печатаетъ статьи въ разныхъ журналахъ... И послѣ того—сонный Симбирскъ, маленькій домикъ на краю города, разлука съ семьей и полное забвеніе!..

Кто тебѣ дастъ настоящую оцѣнку, милый романтикъ?!

Ив. Ювачевъ.

ДАВНИЕ ЭПИЗОДЫ,

V. Потемкинскіе милліоны.

I.

В ОПИСАНИИ герба Духовщины, маленькаго уѣзднаго городка Смоленской губерніи, сказано, что символомъ сего геральдическаго изображенія является—«въ бѣломъ полѣ кустъ розовъ, производящій пріятный духъ». Ни самъ городокъ съ его обыкновеннѣйшею наружностью, сѣрыми домиками, запущенными садиками, мирной рѣчкой, скромными храмами, кладбищами, заборами и зеленѣющими проулками и площадями, ни уѣздъ съ холмиками, перелѣсками, долинками, рошицами нимало не напоминаютъ «долину розъ» или нѣчто пышно и ярко цвѣтущее, какъ «кустъ розовъ». Но такой поэтической символъ для герба города Духовщины избранъ самой императрицей Екатериной Второй, когда въ 1776 году городъ Каспля былъ разжалованъ въ село, а на степень уѣзднаго города возведено дворцовое село Духовщина, конечно, получившее такое названіе отъ храма Св. Духа. Но императрица предпочла иную игру словъ, съ улыбкой замѣтивъ: «Духовито сіе мѣсто, конечно, потому, что находится

близко отъ Чижева, родины Григорія Александровича Потемкина, весьма гдѣ, по словамъ его, въ садахъ множество розъ произрастаетъ и между ними цвѣтутъ розами прелестныя его племянницы»...

Надо замѣтить, что въ томъ же 1776 году Григорій Александровичъ получилъ титулъ свѣтлѣйшаго князя Священной Римской имперіи, а двумя годами раньше начался его «фаворъ», и назначенъ онъ былъ на должность генераль-адъютанта при особѣ государыни.

Если городъ Духовщина—совершенно заурядный, ничѣмъ равно не замѣчательный уѣздный городокъ, то и Чижево нынѣ—захудалое село, а на мѣстѣ усадьбы Потемкина, благоустроенной потомъ его племянникомъ, Василиемъ Васильевичемъ Энгельгардтомъ, садовъ, парка, красивыхъ роцъ, многочисленныхъ службъ, пяти прудовъ съ мельницами и рыбными ловлями, монументовъ, бесѣдокъ и прочаго, какъ водится, не осталось равно ничего, кромѣ ямъ, заросшихъ крапивой, лопушникомъ и мордвинникомъ фундаментомъ и кучь мусора. Однако покойный смоленскій исторіографъ И. И. Орловскій, посѣтивъ въ 1905 году родину свѣтлѣйшаго и бродя по тому мѣсту, гдѣ когда-то все дышало обиліемъ, а теперь вѣялъ лишь духъ печальнаго забвенія, нашелъ тамъ одичалые цвѣты—нарцисы и розы... Въ своей статьѣ о падомничествѣ въ историческое село онъ спрашиваетъ: «Не потомуки ли это того «куста розова», который такъ наивно выглядываетъ на бѣломъ фонѣ въ гербѣ Духовщины?»

II.

Есть преданіе, весьма вѣроятное, что при проѣздѣ своемъ черезъ Смоленскую губернію въ 1781 году императрица Екатерина посѣтила Чижево, тогда уже достаточно отстроенное и благоустроенное, чтобы принять столь высокую гостью.

Она желала видѣть усадьбу, гдѣ родился въ 1739 (или 1736?) году Григорій Александровичъ, гдѣ обиталъ до смерти своей въ 1746 году его отецъ, небогатый смоленскій шляхтичъ, отставной майоръ, потомъ вдовствовала его матушка Дарья Васильевна, а потомъ проживала и вдовая сестра его Марѳа Александровна Энгельгардтъ (мужъ ея еще до возвышенія шурина своего умеръ майоромъ) съ сыномъ Василиемъ и пятью дочерьми: Александрой, Варварой, Надеждой, Екатериной и Татьяной—знаменитыми «племянницами», игравшими столь видную роль при дворѣ и въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ.

До сихъ поръ въ Чижевѣ указываютъ ключевой колодезь, къ которому будто бы сама поутру хаживала государыня Екатерина за водой съ кувшинчикомъ. Не относится ли, однако, это преданіе

Сенаторъ д. т. с. Василій Васильевичъ Энгельгардтъ,
племянникъ князя Г. А. Потемкина.

къ прекраснѣйшей изъ чижевскихъ пяти розъ—Екатеринѣ Васильевнѣ? Село Чижево отъ Смоленска въ 44 верстахъ, а отъ Духовщины въ 15-ти, и дорога на Чижево отъ Порѣчскаго большака до сихъ поръ называется «царской дорогой» и, по объясненію мѣстныхъ старожиловъ, потому, что по этой дорогѣ матушка-императрица изволила въ золотой каретѣ въ гости къ свѣтлѣйшему ѣхать. Впрочемъ, изъ записокъ Ѡ. Н. Глинки извѣстно, что въ 1781 году Екатерина посѣтила имѣніе его родителей, Сутоки, оно же находится всего въ шести верстахъ отъ Чижева.

«Истор. вѣстн.», май, 1911 г., т. сxxiv.

9

Отецъ князя Григорія Александровича въ 1703 году, какъ это видно изъ приходскихъ книгъ, документовъ и «чижевской лѣтописи», совмѣстно съ нѣкимъ ротмистромъ смоленской шляхты Иваномъ Шевичемъ построилъ въ Чижевѣ скромный деревянный храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, съ деревянной же оградой и безъ колокольни. Колокола висѣли подъ особымъ навѣсомъ на столбахъ. Въ этой церкви Григорій Александровичъ былъ крещенъ, а дьячокъ Семень Карцевъ, начавшій службу въ немъ съ 1742 г. и воспѣвавшій Богу до самой смерти своей въ 1806 году, училъ будущаго фаворита и всемогущаго вельможу букварю, псалтырю и часослову. Извѣстенъ рассказъ о посѣщеніи дьячкомъ Карцевымъ своего ученика въ Петербургѣ уже во дни могущества послѣдняго. Рассказъ этотъ находится въ «чижевской лѣтописи».

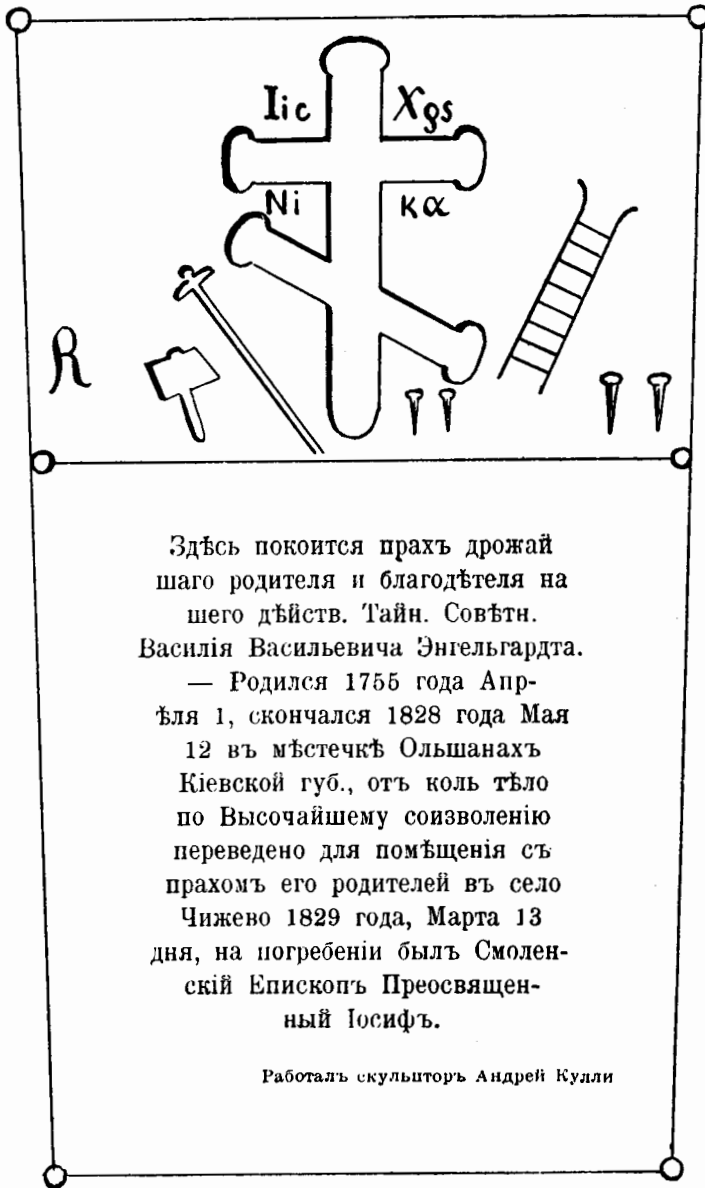
По кончинѣ князя Григорія Александровича Чижево перешло въ числѣ другихъ смоленскихъ, бѣлорусскихъ и «польскихъ» имѣній къ его племяннику Василию Васильевичу Энгельгардту и составило небольшую долю тѣхъ «потемкинскихъ милліоновъ», на истребленіе которыхъ потребовалось цѣлое столѣтіе и нѣсколько поколѣній. Какъ увидимъ, владѣніе это, маленькое въ сравненіи съ необозримыми «магнотостями» Потемкина, само по себѣ составляло изрядный кусъ даже и для очень состоятельнаго человѣка.

Василій Васильевичъ Энгельгардтъ былъ образцовый хозяинъ и весьма благоустроилъ Чижево. вмѣсто старой деревянной церкви въ 1791 году выстроилъ онъ каменную съ оградой, по угламъ которой стояли четыре каменные башни, нынѣ уже давно разобранныя.

Когда онъ умеръ, то епископъ Іосифъ съ многочисленнымъ духовенствомъ торжественно погребаль племянника свѣтлѣйшаго въ чижевскомъ храмѣ, въ особо устроенной въ склепѣхъ подѣ алтаремъ усыпальницѣ. Приводимъ точное воспроизведеніе могильной плиты съ надписью.

«Скульптура», какъ видимъ, довольно примитивная. Провозъ тѣла Василя Васильевича черезъ Смоленскъ отмѣченъ въ дневникѣ свящ. Н. Журзакевича подѣ 9-мъ марта 1829 года. Изъ надписи видно, что тѣло племянника свѣтлѣйшаго было помѣщено «съ прахомъ его родителей».

Однако въ покоѣ его не оставили, какъ и прахъ его родителей. По какому-то поводу съ теченіемъ времени нашли нужнымъ склепъ вскрыть и вычистить. Рабочіе вырыли оттуда много человѣческихъ костей,—то-есть именно «праха» вельможной фамиліи,—а также золотой и серебряной мишуры. Одной ли мишуры? Въ старыя времена погребали съ драгоценными орденами и кольцами, перстнями...

III.

Чижево перешло во владѣніе одной изъ племянницъ свѣтлѣйшаго, на рукахъ которой онъ и скончался на голой землѣ, среди степей Новороссіи...

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
 Лежить въ туманѣ лѣтней ночи?
 Простое рубище—чресла,
 Двѣ ленты покрываютъ очи,
 Прижаты къ холодной груди персты,
 Уста безмолвствуютъ, отверсты?..
 Чей одръ—земля, кровь—воздухъ синь,
 Палаты вокругъ—окрестны виды?
 Не ты ли, славы, счастья сынъ,
 Великолѣпный князь Тавриды!..

Александра Васильевна была любимой племянницей князя. Въ 1781 году вышла она за польскаго короннаго гетмана Ксаверія Петровича Браницкаго, одного изъ «торговичанъ», несмѣтно богатаго магната.

Графиня Александра Васильевна Браницкая вмѣстѣ съ Протасовой принадлежала къ числу лицъ, всѣхъ чаще бывшихъ въ обществѣ императрицы Екатерины (см. записки Грибовскаго). Въ 1780 году Державинъ перевелъ съ французскаго надпись къ портрету этой племянницы Потемкина, тогда бывшей еще въ дѣвцахъ, и напечаталъ въ «Московскомъ Журналѣ» (1792 г.):

Героя древняго ты именемъ сіяешь,
 Который свѣтъ себѣ войною покорилъ;
 Но болѣ ты сердцеъ красой своей плѣняешь,
 Чѣмъ онъ оружіемъ народовъ побѣдилъ.

Подразумѣвается здѣсь довольно нескладно приплетенное имя Александра Македонскаго. Другой мадригалъ, «На медалионъ гр. А. В. Браницкой, подаренный Екатериною II, съ антиками ея работы».

Подвластныхъ
 Мудростью, добротой,
 Противныхъ
 Твердостью, умомъ,
 Какъ царь, плѣнила;
 Меня безчисленной щедротой,
 Какъ мать, обогатила
 И рукъ своихъ трудомъ
 Украсила, почтила
 Екатерина симъ.
 Вотъ намятникъ дѣтямъ моимъ!

Софія Григорьевна Энгельгардт (1805 — 1875),
жена Павла Васильевича Энгельгардта, рожд. баронесса Энгельгардт.

По объясненію Державина: «Императрица въ послѣдній годъ жизни часто занималась въ ранніе часы дня «отпечатываніемъ антиковъ на картузной бумагѣ, кои дарила своимъ приближеннымъ, а особливо многіе изъ нихъ находятся у графини Браницкой».

Итакъ, Чижево перешло къ Александрѣ Васильевнѣ. Она построила тамъ монументъ въ память могущественнаго дяди, въ видѣ квадратнаго зданія съ колоннами. Внутри его висѣло бронзовое барельефное изображеніе Потемкина. Конечно, съ теченіемъ времени памятникъ сталъ ветшать и разрушаться. Въ 1868 г. онъ былъ совершенно разобранъ, а бронзовый барельефъ князя кто-то похитилъ.

Какъ только графиня Александра Васильевна Браницкая была введена во владѣніе Чижевѣмъ, то крестьянъ отпустила на волю, завѣщавъ имъ всю вотчину въ количествѣ 2700 десятинъ съ лѣсомъ, лугами, озерами, господскимъ домомъ, постройками и всѣми угодьями, въ вѣчное ихъ владѣніе. Крестьянамъ было графинею поставлено только одно условіе: ежегодно на вѣчныя времена вносить на поддержку и благолѣпіе храма въ Чижевѣ по пятисотъ рублей ассигнаціями, то-есть 142 р. 85³/₄ коп. серебромъ. По словамъ И. И. Орловскаго: «Получивъ землю и волю, крестьяне и не подумали исполнить поставленное въ завѣщаніи условіе, а предались пьянству»...

Однако пріятно отмѣтить, что нѣкоторая доля потемкинскихъ милліоновъ была употреблена на благородное дѣло. Далѣе увидимъ, что оно было и не одно.

IV.

Въ одѣ Г. Р. Державина «Осень во время осады Очакова» (1788) между прочимъ сказано:

И ты спѣши скорѣй, Голицынъ,
Принести въ твой домъ съ оливой лавръ.
Твоя супруга златовласа,
Плѣнника сердцемъ и лицомъ,
Давно желаннаго ждетъ гласа,
Когда ты къ ней пріѣдешь въ домъ...
Когда обильными рѣчами
Потомъ восторгъ свой изъявишь...
...Геройскія дѣла расскажешь
Ея ты дяди и отца...

Голицынъ, здѣсь упоминаемый, князь Сергѣй Ѳеодоровичъ (1748—1810).

Стихотвореніе назначено было для супруги его, княгини Варвары Васильевны, урожденной Энгельгардтъ, племянницы Потемкина—«Улыбочки», какъ прозвалъ ее дядя. Она тогда находилась въ Зубриловкѣ, богатомъ имѣніи на высокомъ берегу Хопра въ Балашевскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

Есть еще четверостишіе Державина къ портрету Варвары Васильевны:

Благопріятный нравъ; черты твои прекрасны
Обворожаютъ всѣхъ въ единый мигъ тобой;
Безъ разсужденія сердца тебѣ подвластны,
И съ разсужденіемъ всѣмъ плѣнъ пріятель твой.

«Плѣнъ» сердце съ «разсужденіемъ» и безъ «разсужденія»— оригинальность стиля XVIII столѣтія. Стихи относятся къ 1779 году.

Племянницы Потемкина отличались красотою, за исключеніем Надежды Васильевны, бывшей за генераломъ Петромъ Амплиевичемъ Шепелевымъ. Но особенно прелестна была Екатерина Васильевна, по первому браку бывшая за графомъ Павломъ Мартыновичемъ Скавронскимъ, а по второму за графомъ Юліемъ Помпеевичемъ Литтой. Ей стихи у Державина: «Къ добродѣтельной красавицѣ», «Къ портрету прекрасной и добродѣтельной женщины».

Въ 1798 г. Державинъ написалъ слѣдующій мадригалъ «На бракъ графини Литты».

Діана съ голубого трона
 Въ полукрасѣ своихъ лучей
 Въ объятія Эндиміона
 Какъ сходить скромною стезей,
 Въ хитонъ воздушный облечена,—
 Чело вокругъ въ звѣздахъ горить,—
 Въ безмолвной тишинѣ вселенна
 На лунный блескъ ея глядитъ;
 Иль винограда вѣтвь младая,
 Когда, подпоры лишена,
 Поблекнетъ, долу упадая,
 Но, вѣтеркомъ оживлена,
 Вкругъ стебля новаго средь лѣта
 Обвившись листьями, встаетъ,
 Цвѣтетъ и, солнцемъ обогрѣта,
 Румянцемъ взоры всѣхъ влечетъ.
 Такъ ты, въ женахъ, о, милый ангель,
 Магнитъ очей, заря безъ тучъ,
 Какъ бракъ твой вновь позволилъ Павелъ,
 И кинулъ на тебя свой лучъ,—
 Подобно розѣ развернувшись,
 Любви душою расцвѣла.
 Ты—красота, что, улыбнувшись,
 Свой поясъ Марсу отдала.

Въ 1798 г. Екатерина Васильевна подлинно уже была въ «полу-красѣ». Такъ какъ первый мужъ ея Скавронскій приходился внучатнымъ братомъ Петру III, то Павелъ Петровичъ особенно благоволилъ къ Екатеринѣ Васильевнѣ, и даже на выходахъ она шла непосредственно за царской фамиліей съ развѣнчаннымъ королемъ польскимъ Станиславомъ Понятовскимъ.

Второй мужъ Екатерины Васильевны, графъ Литта, главный дѣятель въ доставленіи Мальтійскому ордену покровительства императора Павла, принадлежалъ къ миланскому дому, первому по знатности съ Висконти. Служилъ въ орденѣ на одной изъ галеръ, главною задачею которой была борьба съ мусульманами. Когда усилились сношенія ордена съ петербургскимъ дворомъ, онъ продолжалъ морскую службу съ 1789 года въ Россіи; отличился въ войнѣ съ Швеціею, подъ начальствомъ принца Нассау. Въ русской службѣ Литта оставался до конца жизни и умеръ членомъ государ-

твеннаго совѣта, въ Петербургѣ, 24-го января 1839 года. Литта оставилъ огромное состояніе. Въ салонахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ колоссальная фигура Литта съ величественной осанкой составляла необходимую принадлежность. Всѣ привыкли любоваться его вѣжливымъ и вмѣстѣ барскимъ обхожденіемъ, слышать его громовый голосъ, смотрѣть на его шахматную игру, за которою онъ проводилъ цѣлыя вечера.

Отъ перваго мужа, графа Скавронскаго, бывшаго русскимъ посланникомъ въ Неаполѣ, у Екатерины Васильевны было двѣ дочери: Екатерина, вышла за славнаго князя П. И. Багратиона, Марія—за графа Павла Петровича Палена. Вдовѣ Скавронской принадлежалъ домъ въ Большой Милліонной, потомъ купленный министерствомъ финансовъ. Внучка ея—графиня Самойлова.

Не позабылъ Державинъ воспѣть и послѣднюю племянницу Потемкина, Татьяну Васильевну, первый мужъ которой былъ генералъ-поручикъ Михаилъ Сергѣевичъ Потемкинъ, а второй—сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ. Для альбома Татьяны Васильевны въ 1807 году Державинъ написалъ стихотвореніе, подъ заглавіемъ: «Къ матери, которая сама воспитываетъ дѣтей своихъ»:

Иныхъ веселье убѣгаетъ,
Съ тобой оно живетъ всегда:
Гдѣ разумъ съ красотой блистаютъ,
Тамъ не скучаютъ никогда.
Являя благородны чувства,
Не судишь ты страстей людскихъ:
Обнявъ науки и искусства,
Воспитываешь чадъ своихъ.
Въ такомъ уединеніи скромномъ
Ты такъ добротами блестяшь,
Какъ ангель въ храмѣ благовонномъ,
Всѣхъ обожать себя велишь.

V.

«Потемкинскіе милліоны» перешли къ Василю Васильевичу Энгельгардту и къ племянницамъ святлѣйшаго.

Василій Васильевичъ родился въ Чижевѣ 1-го апрѣля 1755 г., скончался въ мѣстечкѣ Ольшанахъ, Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, 12-го мая 1828 года, 73 лѣтъ.

Въ Смоленскѣ, въ залѣ дворянскаго дома имѣется большой портретъ его. Онъ написанъ во весь ростъ, въ одѣяніи мальтійскаго рыцаря. На рамѣ портрета имѣются слѣдующія надписи:

На лѣвой сторонѣ:

«Его Императорскаго Величества Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, командующій Смоленской губерніи земскаго войска,

Павель Васильевич Энгельгардтъ.

орденовъ Россійскихъ: Святаго Александра Невскаго, Святаго Равноапостольнаго князя Владимира большаго креста 1-й степени, военнаго: Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-го класса; польскихъ: Бѣлаго Орла и Святаго Станислава Кавалеръ, и державнаго ордена Святаго Юанна Иерусалимскаго командоръ—Василій Васильевичъ Энгельгардтъ».

На правой сторонѣ:

«Смоленское Благородное Сословіе, воздавъ добродѣтелямъ сего знаменитаго мужа доблестную хаалу, всеподданнѣйше испросило отъ Его Императорскаго Величества позволеніе: списать черты его

и поставитъ оныя въ залѣ Дворянскаго Собранія, въ знакъ искреннѣйшей своей благодарности и уваженія,—памятникомъ для позднѣйшаго потомства».

Внизу рамы:

«1808 года января 1-го дня».

В. В. Энгельгардтъ былъ переименованъ въ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника изъ генераль-аншефа при назначеніи его сенаторомъ.

Трудно въ настоящее время учесть сказочныя богатства, оставленныя Потемкинымъ. Несомнѣнно, однако, что столь же колоссальны были и долги свѣтлѣйшаго, подсчитанные его дѣлопроизводителемъ Поповымъ и равнявшіеся дефициту Франціи, показанному министромъ Неккеромъ національному собранію.

Потемкинъ не стѣснялся съ казной и могъ бы пародировать снова Людовика XIV, сказавъ: «Казна—это я».

Для феерическихъ своихъ предпріятій и праздниковъ Потемкинъ бралъ деньги полной пригоршней изъ вѣхъ вѣдомствъ. По видимому, репортичка истраченныхъ имъ суммъ, поданная Поповымъ, и повела къ внезапному охлажденію къ нему императрицы. Въ отчаяніи, почти въ немилости, Потемкинъ уѣхалъ въ Новоросію и тамъ умеръ.

Слѣдующіе два документа, подлинники которыхъ находились у покойнаго Вл. А. Энгельгардта, даютъ возможность все же составить нѣкоторое представленіе о размѣрахъ наслѣдства, полученнаго отъ дяди племянникомъ и племянницами.

«Генераль-поручика

«Василія Энгельгардта.

«Всемиловѣйшая Государыня!

«Когда генераль-аншефъ Петръ Богдановичъ Пассекъ объявилъ мнѣ Высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю, чтобъ я удержался требовать судебнымъ порядкомъ съ сестеръ моихъ той части денегъ, какая за нихъ изъ принадлежащаго по законамъ на мою долю имѣнія заплатою очищена, то я отвѣчалъ ему, что я все то въ точности выполняю, что Ваше Императорское Величество повелевать соизволяете, вслѣдствіи сего прекратилъ всякаго рода мои исканія, а съ стороны своей никакого сестрамъ моимъ не подаю вида о началіи сего дѣла, а отозвался означенному генераль-аншефу, что какъ имѣніе покойному дядѣ моему досталось отъ щедротъ Вашего Императорскаго Величества, продолженныхъ и на насъ, законныхъ по немъ наслѣдниковъ, то я буду имѣть счастье повер-

гнуть прошеніе мое къ освященнымъ Вашего Величества стопамъ, чтобы и моя справедливость могла удостоиться Высочайшаго Вашего воззрѣнія, но какъ сестры мои упредили своимъ прошеніемъ, не имѣя къ тому новой побудительной причины, а потому и я осмѣливаюсь изъяснить правду дѣла моего въ слѣдующемъ:

«Имяннымъ Вашего Величества указомъ повелено оставшее послѣ дяди моего имѣніе раздѣлить между наслѣдниками его: Россійское по Россійскимъ законамъ, а состоящее въ возвращенныхъ отъ Польши областяхъ по польскимъ законамъ, и такъ Россійское принадлежало однимъ мужскимъ лицамъ, мнѣ и двоюроднымъ моимъ братьямъ, графу Самойлову и Высоцкому, въ числѣ сего имѣнія были: домъ Таврической и другой домъ на Выборгской сторонѣ, стеклянной заводъ, картины, алмазы и другія драгоценныя вещи, все то Россійскія законы опредѣляютъ къ раздѣлу братьямъ. А сестры при нихъ въ томъ имѣніи не вотчинницы и ни мало не участвуютъ. Ваше Императорское Величество изъ милосердія своего указатъ соизволили положить все сіе въ цѣну, по какой, конечно, не могли бы мы продать, да и желающіе къ тому по великой суммѣ едва ли бы выискались. За сію цѣну оставлены тѣ дома и вещи въ казнѣ Вашего Величества, а деньги обращены на заплату долговъ на покойномъ дядѣ нашемъ оставшихся, достальная-жъ за тою уплатою сумма изъ кабинета выдана намъ тремъ братьямъ...»

«Всемилоостивѣйшая Государыня!—заключаетъ свое изъясненіе Василій Васильевичъ Энгельгардтъ,—находя на моей сторонѣ законы, намѣревался я съ сестеръ моихъ требовать принадлежащаго по онимъ, не для того, чтобы корыстолюбіе тутъ вмѣшивалось, но потому что желаніе мое было, дабы сестры мои получили отъ меня въ видѣ дара то самое, что по закону слѣдуетъ мнѣ».

VI.

Этотъ интересный документъ показываетъ, что по кончинѣ свѣтлѣйшаго около его наслѣдства повторились обычные сцены.

.. наслѣдниковъ соборъ
Заводитъ неприличный споръ.

Въ данномъ случаѣ споръ между племянникомъ и племянницами почившаго фаворита едва не дошелъ до суда, и только личное вмѣшательство императрицы прекратило соблазнъ.

Впрочемъ, въ изъясненіи своемъ Василій Васильевичъ говоритъ, что главное ему было настоять на своей правотѣ, а полученнымъ по суду онъ собирался наградить добровольно тѣхъ же сестеръ своихъ, съ которыми готовился тягаться. Этому надо вѣрить и по

характеру Василя Васильевича и по духу того вѣка. Своихъ правъ уступать не хотѣли, а готовы были добровольно «наградить».

Изъ того же документа видно, что вообще оставшееся послѣ Потемкина наслѣдство состояло изъ четырехъ частей: 1) колоссальныя многомилліонныя долги; 2) дома въ Петербургѣ и между ними «таврическій домъ» съ богатствами, мебелью, статуями, картинами и проч.; брилліанты и другія драгоценности; 3) «россійскія» имѣнія, то есть находящіяся въ коренной Россіи и, между прочимъ, дача подъ Петербургомъ и земли, отъ границы города шедшія едва не до Шлиссельбурга; 4) «польскія» имѣнія, жалованныя въ Бѣлоруссіи, напримѣръ, знаменитая Дубровна. Ко всему этому надо прибавить неизмѣримыя земли, лѣса, плавни въ Новороссіи и что во всѣхъ имѣніяхъ усадьбы были наполнены вещами, предметами роскоши, картинами, статуями и т. п. Если все это сосчитать и прибавить главное—«души», десятки тысячъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ, то мы поймемъ, что «потемкинскіе милліоны» подлинно представляли что-то головокружительно-грандіозное. Изъ приведеннаго документа видимъ, что долги Потемкина были покрыты «великой суммой», которую составила «цѣна», правда, чрезвычайно высокая, въ которой приняты были въ казну Таврическій дворецъ (нынѣ помѣщеніе государственной думы), другой какой-то домъ на Выборгской сторонѣ, стеклянный заводъ, картины, алмазы и другія драгоценныя вещи. И за уплатою долговъ еще оказалась «достойная сумма», надо думать, весьма не маленькая, выданная изъ кабинета В. В. Энгельгардту и его двоюроднымъ братьямъ.

Таврическій домъ, само по себѣ огромное зданіе, внутри являлъ роскошь неизмѣримую, переполненъ былъ великолѣпными мебелью, коврами, гобеленами, предметами искусствъ; безчисленна была посуда, северскій фарфоръ, не только серебро, но и золотыя тарелки. Роскошь обстановки Таврическаго дома усматривается изъ описаній современниковъ знаменитаго, сказочнаго «таврическаго праздника». Но хотя бы дачныя угоды Потемкина въ окрестностяхъ Петербурга сами по себѣ составляли цѣлое богатство, со многими населенными деревнями.

Примите во вниманіе, что десятки тысячъ крѣпостныхъ въ своей средѣ имѣли цѣлыя полки искусниковъ всякаго рода, начиная со всевозможныхъ ремесленниковъ и кончая пѣвцами, танцорами и танцовками, музыкантами, художниками. «Подданные» свѣтлѣйшаго составляли населеніе добраго нѣмецкаго княжества. Все это переходило къ племяннику князя Григорія Александровича и къ пяти его племянницамъ, мужья которыхъ сами были, какъ Скавронскій, Браницкій, Юсуповъ, несмѣтно богаты. Очевидно, что обыкновенный масштабъ богатства тутъ былъ непримѣнимъ. Не даромъ цѣлое столѣтіе и рядъ поколѣній потребовался на то, чтобы истощить эту пактолу..

VII.

Относительно «польских» маестностей Потемкина имѣется тоже любопытный документъ, а именно раздѣльный актъ Василія Васильевича Энгельгардта съ его сестрами. Приведемъ его существенную часть.

№ 10.
№ 653. Подана апрѣля 21-го дня 1797 года.

«Всепресвѣтлѣйшій державпѣйшій великій государь императоръ Павелъ Петровичъ самодержецъ всероссійскій государь всемилостивѣйшій.

«Просяъ по довѣренности отъ кавалеріи генерала-лейтенанта Вашего Императорскаго Величества лейбъ-кирасирскаго полку шефа и разныхъ орденовъ кавалера Василія Васильевича Энгельгардта, генераль-майоръ и кавалеръ Николай Петровъ сынъ Высоцкій, двора Вашего Императорскаго Величества штатсъ-дама, и святяя великомученицы Екатерины кавалеръ графиня Александра Васильева дочь Браницкая, штатсъ-дама графиня Екатерина Васильева дочь Скавронская, и по довѣренности жены моей дѣйствительной тайной совѣтницы княгини Татьяны Васильевой дочери Юсуповой, дѣйствительной тайной совѣтницъ, сенаторъ дѣйствительный камеръ-геръ, мануфактуръ-коллегии президентъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, князь Николай Борисовъ сынъ Юсуповъ, генераль-аншефша княгиня Варвара Васильева дочь Голицына, и по довѣренности сестры моей дѣйствительной тайной совѣтницы Надежды Васильевой дочери Шепелевой, а о чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

«Недвижимому Смѣлянскому имѣнію, доставшемуся намъ послѣ покойнаго дяди нашего, генераль-фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера князь Григорья Александровича Потемкина Таврическаго, которое имѣніе досталось ему, князю Потемкину Таврическому по купчей отъ генераль-майора князя Ксаверія Любомирскаго и состоитъ благопріобрѣтенное въ Россійской Имперіи отъ Польши, и кое съ начала было въ Брацлавской губерніи, а потомъ причислено къ бывшему Вознесенскому намѣстничеству, понежь къ какой губерніи приписано будетъ; постановили мы между собою полюбовный раздѣлъ. Онаго имѣнія находится всего двадцать восемь тысячъ четыреста семьдесятъ одна душа, съ нихъ доходу годового чиншовъ, съ винныхъ арендъ, съ мельницъ, съ шляхты, и съ живущихъ евреевъ, съ пасекъ, и за всякіе продукты и работы, всего пятьсотъ шестьдесятъ четыре тысячи сто шесть злотыхъ двадцать семь грошей, раздѣляя оное число, надлежало на всякую часть крестьянъ по четыре тысячи, по семи сотъ по сороку по пяти душъ, а денежныхъ доходовъ на всякую-жь часть по девяносту по

четыре тысячи, по семнадцати золотыхъ и по двадцати по четыре гроша съ половиною».

Вотъ нѣкоторый кусокъ наслѣдства Потемкина! 28,471 душа... Очевидно, на такое количество душъ приходились сотни тысячъ десятинъ земли.

VIII.

Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, между прочимъ, купилъ знаменитыя Ляличи, имѣніе въ Черниговской губерніи, Сурожскаго уѣзда, принадлежавшее фавориту Екатерины II графу Петру Васильевичу Завадовскому, которое было продано еще при жизни графа за долги.

Замѣчательнѣйшій дворець въ Ляличахъ строилъ архитекторъ Гваренги. Украшенъ онъ былъ вещами, принадлежавшими версальскому дворцу и во время революціи вывезенными изъ Франціи эмигрантами. Паркъ на двухстахъ десятинахъ былъ обнесенъ каменной стѣной. Дворецъ въ Ляличахъ описывали не разъ. Въ настоящее время это уже руина. Мы видѣли опись этого дворца у Вл. А. Энгельгардта, правнука Василія Васильевича. Въ этой описи, между прочимъ, показанъ особый сундукъ съ купчими на имѣніа...

Василій Васильевичъ Энгельгардтъ женатъ не былъ, но имѣлъ трехъ «воспитанниковъ» и двѣ «воспитанницы», которымъ, по повелѣнію императора Павла Петровича, дано отчество и фамилія ихъ отца и всѣ права законныхъ дѣтей. Кто была ихъ мать? Преданіе говоритъ, что то была польская княжна, католичка, похищенная Василіемъ Васильевичемъ изъ монастыря, гдѣ она уже приняла обѣтъ монахини... Католическое духовенство не пошло ни на какія уступки, и мрачная трагедія покрыла романтическую любовь мальтійскаго рыцаря.

Итакъ, состояніе Василія Васильевича Энгельгардта перешло къ тремъ сыновьямъ его: Андрею Васильевичу, герою Отечественной компаніи, Василію Васильевичу, извѣстному петербургскому увеселителю 30-хъ годовъ, имѣвшему на Невскомъ домъ съ залой, гдѣ устраивались маскарады, и Павлу Васильевичу. Всѣ трое—гвардіи полковники.

Вотъ духовное завѣщаніе Василія Васильевича Энгельгардта, по которому можно составить понятіе объ огромности его богатства:

«Лѣта 1804, февраля въ 22-й день, дѣйствительный тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Василій Василіевъ сынъ Энгельгардтъ, по силѣ даннаго мнѣ права Высочайшимъ Е. И. В. указомъ состоявшимся въ 9-й день маія 1801 года за собственноручнымъ Е. В. подписаніемъ, въ которомъ изображено: «Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе мое Всемилостивѣйше дозволено воспи-

танникамъ моимъ Андрею, Василию и Павлу и воспитанницамъ— Александрѣ и Екатеринѣ принять фамилію Энгельгардтовъ и вступить во всѣ права роду и фамиліи принадлежащія, предоставилъ мнѣ распорядить въ пользу ихъ благопріобрѣтенное мое имѣніе движимое и недвижимое, согласно съ правами и преимуществами, благородному дворянству пожалованными, каковой Всемилостивѣйшій указъ объявленъ мнѣ присланнымъ указомъ изъ Правительствующаго Сената отъ 18 числа того же мая подъ № 12280 и соображаясь съ силою Всемилостивѣйше дарованной російскому

Василій Павловичъ Энгельгардтъ.
докторъ астрономіи.

дворянству грамоты, состоявшей 1785 года, апрѣля 21-го дня, 22 статьи, постановляю я сею записью моею о благопріобрѣтенномъ моемъ имѣніи движимомъ и недвижимомъ въ пользу оныхъ моихъ воспитанниковъ и воспитанницъ распоряженіе слѣдующее: 1) какъ въ означенномъ всеподданнѣйшемъ прошеніи моемъ изъяснялося мое положеніе, чтобъ въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи, которое по тогдашнее время мнѣ благопріобрѣтено, и какое впредь къ тому присовокуплено будетъ, независимо отъ родового, оныя воспитанники и воспитанницы мои, а равномѣрно если бы могли

быть у меня законные дѣти, то и сіи вообще съ ними во всемъ благоспріобрѣтенномъ имѣніи, какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ, равныя между собой части... 2) поелику недвижимаго имѣнія благоспріобрѣтеннаго доньгѣ мною покупкою въ разныя времена отъ родныхъ моихъ сестеръ статсъ-дамы графини Александры Васильевны Браницкой, княгини Варвары Васильевны Голицыной, дѣйствительной тайной совѣтницы Надежды Васильевны Шепелевой, статсъ-дамы Екатерины Васильевны Литтовой и княгини Татьяны Васильевны Юсуповой, отъ двоюроднаго брата генераль-майора и кавалера Николая Петровича Высоцкаго; роднаго зятя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Петра Амплеевича Шепелева, двоюродныхъ сестеръ-дѣвицъ Наталіи и Екатерины Ивановыхъ дочерей Энгельгардтовыхъ; внучатныхъ племянницъ—Александры, Варвары и Пелагеи Алексѣевыхъ дочерей Энгельгардтовыхъ; да отъ брата моего двоюроднаго полковника Василия Михайлова сына Энгельгардта и жены его Александры Демьяновой дочери, и отъ постороннихъ разныхъ помѣщиковъ съ платежемъ мною, имъ не мало тысячныхъ суммъ денегъ благоспріобрѣтенныя мною, значущіяся въ данныхъ отъ нихъ мнѣ указныхъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ купчихъ; отъ сестры моей Надежды Васильевны Шепелевой, на достальную ея часть Смѣлянскаго имѣнія, состоящаго Кіевской губерніи, въ Черкасскомъ уѣздѣ, состоитъ нынѣ въ собственномъ моемъ владѣніи въ Смоленской, Калужской, Тульской, Ярославской, Костромской, Кіевской, Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ въ разныхъ уѣздахъ и повѣтахъ по послѣдней пятой ревизіи мужеска пола семь тысячъ двѣсти восемьдесятъ шесть душъ (7,286) съ женами ихъ и дѣтьми, и со всѣми семействами ихъ, новорожденными обоего пола, съ пашенной и не пашенной землею, съ лѣсы, сѣнными покосы и со всѣми угодья; и сверхъ того, Смоленской губерніи, Духовского и Смоленскаго уѣздовъ, въ селѣ Чижевѣ съ деревнями всѣ указанныя означенныхъ родныхъ сестеръ моихъ части... да подаренныя мнѣ отъ родной моей тетки полковницы Елены Андреевны Огонь-Догановской Смоленской губерніи Духовской округи села Липки, и деревня Халковичи, въ коихъ мужеска пола по пятой ревизіи сто пятнадцать душъ съ женами ихъ и дѣтьми и со всѣми семействами, съ пашенной и не пашенной землею, съ лѣсы, сѣнными покосы и со всѣми угодья, что значится въ данной мнѣ отъ нея дарственной записи; и сверхъ того дошедшія мнѣ изъ казны въ вѣчное и потомственное мое владѣніе пустопорожнія земли Херсонской губерніи, въ Херсонскомъ уѣздѣ, называемое «Золотая Балка», и поселенныхъ мною на тѣхъ земляхъ по пятой ревизіи мужеска пола восемьдесятъ душъ съ женами ихъ и дѣтьми, да на плавняхъ Днѣпровскихъ лѣсныхъ угодья въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, при рѣчкѣ Каменкѣ, пустопорожнія земли, сѣнные покосы и рыбныя ловли... а равно

и движимое мое имѣніе, состоящее въ наличныхъ деньгахъ, векселяхъ, заемныхъ письмахъ, роспискахъ и закладныхъ и разныхъ вещахъ, словомъ, въ чемъ бы оно ни заключалось и сколько оного послѣ кончины моей все безъ изъятія имѣютъ послѣ меня право единыя оныя воспитанники и воспитанницы мои, а равноѣрно, ежели будутъ у меня законныя дѣти и сверхъ слѣдующаго имъ однимъ по закону родового моего движимаго и недвижимаго имѣнія вообще съ ними воспитанниками и воспитанницами получить и раздѣлить, какъ мужескъ поль, такъ и женскъ поль, по равнымъ между собою частямъ».

Изъ завѣщанія Василя Васильевича Энгельгардта видно, что онъ скупилъ у сестеръ своихъ и двоюродныхъ братьевъ ихъ части въ имѣніяхъ и, видимо, въ своихъ рукахъ соединилъ большую часть «польскихъ» земель свѣтлѣйшаго своего дяди. Мы это завѣщаніе дополнимъ свѣдѣніями, находящимися въ раздѣльномъ актѣ между воспитанниками-сыновьями Василя Васильевича—Андреемъ, Василиемъ и Павломъ Васильевичами 29-го октября 1828 года.

Сестра ихъ Александра 31-го октября 1806 года отреклась отъ принятія наслѣдства Василя Васильевича за себя самое и за свое потомство. Другая сестра, Екатерина (бывшая замужемъ за генералъ-майоромъ Свѣчинымъ), умерла бездѣтной.

Итакъ, единственными наслѣдниками остались Андрей, Василий и Павелъ Васильевичи.

Павлу Васильевичу Энгельгардту перешло: село Кирилловка съ 3880 душами (Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда), села Петруки и Кумейки до 1900 десятинъ.

Василию Васильевичу Энгельгардту досталось: въ Смоленской губерніи 708 душъ, въ Ярославской, Костромской, Херсонской, Екатеринославской 2348 душъ. Въ Ярославской губерніи до 3,000 десятинъ, въ Костромской до 2,000, въ Херсонской до 50,000, въ Екатеринославской до 5,000. А всего до 60,000 десятинъ.

Андрей Васильевичъ Энгельгардтъ получилъ: Черниговской губерніи, Сурожскаго повѣта село Ляличи съ деревнями и разными угодьями, знаменитымъ дворцомъ и паркомъ, гдѣ числилось 1090 душъ и 19,000 десятинъ земли. Кромѣ того, имѣнія въ Калужской и Тульской губерніяхъ 765 душъ; земли въ Калужской—1,500 десятинъ, въ Тульской—2,000 десятинъ. Еще въ Могилевской губерніи, Бѣлицкаго повѣта село Старые-Юрковичи 596 душъ.

Въ общей сложности наслѣдство Василя Васильевича Энгельгардта-старшаго, раздѣленное между тремя его сыновьями—Павломъ, Андреемъ и Василиемъ, простиралось до 10,000 душъ крестьянъ мужского пола и до 160,000 десятинъ земли. Понятно теперь, почему въ описи ляличскаго дворца значится особый сундукъ съ купчими.

Оцѣнено было все имѣніе, подлежащее этому раздѣлу, въ три милліона двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями. Оцѣнка, конечно, очень низкая, а по стоимости денегъ тогда еще должна быть увеличена.

IX.

Раздѣлъ наслѣдства между тремя братьями—Андреемъ, Васи-ліемъ и Павломъ Васильевичами—состоялся въ 1828 году.

Къ тому же году относится весьма любопытный актъ, писанный на гербовомъ листѣ, цѣною въ 50 коп., нижеслѣдующаго содержанія:

«Согласно данному нами тремя братьями увѣренію Ивану Андреевичу Глинкѣ, мы сею бумагою полагаемъ:

«1. За тридцатилѣтнюю его службу и усердіе къ батюшкѣ, а также и доброе его обращеніе съ нами, хотя Иванъ Андреевичъ и не успѣлъ о подтѣверженіи батюшкиной записи, но за всемъ тѣмъ мы не отмѣняемъ даннаго нами обѣщанія, обращая оное на истинное его усердіе къ родителю нашему и къ намъ его дѣтямъ, полагаемъ ему четыреста тысячъ рублей вознагражденія со слѣдующимъ условіемъ:

«2. Въ число сей суммы получаетъ Иванъ Андреевичъ имѣніе Шмаково, которое по день кончины батюшки на основаніи 6-ти процентовъ безъ рекомбій обходится намъ въ 129,290 рублей... за остальную сумму платимъ мы обще со дня нашего раздѣльнаго акта по шести процентовъ съ обязанностью удовлетворить и самый капиталъ въ 1830 годъ, въ мартѣ мѣсяцѣ.

«6. Оное условіе хранить нашему брату Андрею у себя. Ноября 5-го дня. 1828 года. Городъ Смоленскъ.

Андрей Энгельгардтъ.

Василій Энгельгардтъ.

Павель Энгельгардтъ».

Поступокъ, доказывающій щедрость и благородство братьевъ.

Коллежскій совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Глинка, столь щедро награжденный, родился 25-го іюня 1777 г., а умеръ въ 1849 году.

Приведемъ еще любопытное письмо Василія Васильевича Энгельгардта-младшаго къ брату его Андрею Васильевичу, относящееся къ царствованію императора Николая I.

«Любезный другъ и братъ.

«Государю Императору угодно имѣть портреты князяПотемкина—а именно—большой портретъ въ генераль-адмиральскомъ мундирѣ—и поясной, въ латахъ изъ Чижева взятый—и вотъ для чего. Теперь пишутъ портреты всѣхъ фельдмаршаловъ для вновь устроенной

залы фельдмаршальской—портретъ князя Потемкина вовсе не удался,—и Государь, слышавъ, что въ нашей фамиліи находятся и портреты—и многія вещи относительно К. Потемкина, изволилъ объявить мнѣ свое желаніе чрезъ К. Волконскаго о доставленіи ему вышеписанныхъ портретовъ,—и вещей,—какіе у меня находятся—о портретахъ я сказалъ, что напишу къ тебѣ,—съ нихъ будутъ писать новый портретъ,—и обратно отошлютъ,—а изъ вещей у меня находящихся я даль

«1. Кейзеръ флагъ.

«2. Фельдмаршальскій кавалерійскій мундиръ.

«3. Генераль-аншефскій пѣхотный съ желтомъ.

«4. Трость генераль-адъютантскую. Если у тебя есть что подобное—пришли. Я доставлю Государю отъ твоего имени. А портреты вели немедленно прислать. Большой безъ рамы въ большомъ ящикѣ поставь на ребро,—какой можно прислать по почтѣ, а равно если имѣешь мундиры, или что другое немедленно. Поспѣшнымъ исполненіемъ воли нашего милосерднаго Монарха ты сдѣлаешь для насъ всѣхъ полезное.

«Я все нездоровъ,—братъ и другъ

Василій Энгельгардтъ».

X.

Въ первомъ дѣйствіи «Маскарада (1834—1835 гг.) Лермонтова есть такой діалогъ:

АРВЕНИНЪ.

Разсѣяться бѣ и вамъ, и мнѣ не худо.

Вѣдь нынче праздники и, вѣрно, маскарадъ

У Энгельгардта.

князь.

Да.

АРВЕНИНЪ.

Поѣдемте.

князь.

Я радъ

... Тамъ женщины есть—чудо!..

И даже тамъ бываютъ, говорятъ...

АРВЕНИНЪ.

Пусть говорятъ—а намъ какое дѣло?

Подъ маской всѣ чины равны;

У маски ни души, ни званья нѣтъ—есть тѣло;
И если маскою черты утаены,
То маску съ чувствъ снимають смѣло.

Во второй сценѣ, происходящей уже на «маскарадѣ у Энгельгардта», Арбенинъ говоритъ на замѣчаніе князя: «Все маски глупыя»—

Да маски глупой нѣтъ:
Молчить—таинственна, заговорить—такъ мило.
Вы можете придать ея словамъ
Улыбку, взоръ, какіе вамъ угодно...
Вотъ, напримѣръ, взгляните тамъ—
Какъ выступаетъ благородно
Высокая турчанка... какъ полна!
Какъ дышитъ грудь ея и страстно, и свободно.
Вы знаете ли, кто она?
Быть можетъ, гордая графиня, иль княжна:
Діана въ обществѣ, Венера въ маскарадѣ;
И такъ же можетъ быть, что эта же краса
Къ вамъ завтра вечеромъ придетъ на полчаса.
Въ обоихъ случаяхъ вы, право, не въ накладѣ.

Какъ видимъ, «маскарады у Энгельгардта», то есть въ огромномъ домѣ на Невскомъ, принадлежавшемъ Василию Васильевичу Энгельгардту, сыну племянника Потемкина, демократически соединяли верхи и низы Петербурга. Тутъ появлялись гордые графини и княжны—«Діаны въ обществѣ, Венеры въ маскарадѣ», и легкомысленныя жрицы мимолетныхъ наслажденій...

Кромѣ стиховъ Лермонтова, къ тому же Василию Васильевичу Энгельгардту относится лицейское стихотвореніе Пушкина—«Я ускользнулъ отъ Эскулапа»—такъ называемое «посланіе» (1819 г.). Объясняетъ поводъ сочиненія этого посланія слѣдующій отрывокъ изъ автобіографіи великаго поэта:

«Болѣзнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Эта болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто: ихъ разговоры сокращали скучное время. Чувство выздоровленія—одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Нодушный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время моей болѣзни, что весна являлась моему воображенію со всюю поэтическою своею прелестью».

Вотъ что говоритъ юноша-поэтъ въ своемъ посланіи Василию Васильевичу Энгельгардту:

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
 Худой, обрѣтый, но живой:
 Его мучительная лапа
 Не тяготѣеть надо мной.
 Здоровье, легкій другъ Пріапа,
 И сонъ, и сладостный покой,
 Съ Кипридой посѣтили снова
 Мой уголь тѣсный и простой.
 Утѣшь и ты полубольного!
 Онъ жаждетъ свидѣться съ тобой,
 Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
 Лѣнивый Пинда гражданинъ,
 Свободы, Вакха вѣрный сынъ.
 Венеры набожный поклонникъ
 И наслажденій властелинъ!
 Отъ суеты столицы празднои,
 Отъ вредной сплетницы молвы,
 Отъ скуки, столь разнообразной,
 Я ѣду въ даль! Простите, дамы,
 Актрисы, франты, доктора,
 Шумящи игры, вечера,
 Гдѣ льются пуншь и эпиграммы!
 Меня зовутъ поля, луга,
 Тѣнисты липы огорода,
 Озеръ пустынныхъ берега
 И деревенская свобода.
 Дай руку мнѣ. Прїѣду я
 Въ началѣ мрачномъ октября.
 Съ тобою пить мы будемъ снова,
 Открытымъ сердцемъ говоря
 На счетъ глупца, вельможи злого,
 На счетъ холопа записного,
 На счетъ небеснаго царя,
 А иногда насчетъ земного.

Василій Васильевичъ Энгельгардтъ родился 14-го іюля 1785 г., итакъ въ 1819 году ему уже было за тридцать; тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ стиховъ лицейста Пушкина, онъ весьма шумно праздновалъ отходящую молодость... Умеръ Василій Васильевичъ 20-го октября 1837 года. Итакъ, онъ вполне принадлежитъ петербургскому обществу 20-хъ и 30-хъ годовъ истекшаго столѣтія. Объ немъ въ «Астафьевскомъ архивѣ» читаемъ: «Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, внукъ одной изъ сестеръ князя Потемкина, полковникъ въ отставкѣ, съ 1814 по 1816 г. служившій въ Финляндскомъ полку, товарищъ князя Вяземскаго по пансіону Чижа, хорошо и всенародно былъ знакомъ Петербургу. Расточительный богачъ, не пренебрегающій веселіями жизни, крупный игрокъ, впрочемъ, кажется, на вѣку своемъ болѣе проигравшій, нежели выигравшій, строитель

въ Петербургѣ дома, сбивающаго немножко на парижскій Пале-Рояль, со своими публичными увеселеніями, кофейнями, ресторанами.

Пушкинъ, написавшій въ 1819 году посланіе этому «вѣрному сыну Вакха и набожному поклоннику Венеры», по словамъ князя Вяземскаго, «очень любилъ Энгельгардта за то, что онъ охотно игралъ въ карты, и за то, что очень удачно игралъ словами. Острыя выходки и забавные куплеты его ходили по городу». (Полное собраніе сочиненій, томъ I. Стр. XVII—XVIII). Таковъ былъ одинъ изъ трехъ братьевъ Энгельгардтовъ, наслѣдовавшихъ «потемкинскіе милліоны».

XI.

Братъ его, Андрей Васильевичъ Энгельгардтъ,—забытый герой Отечественной войны, не попавшій въ «баснословіе» Михайловскаго-Данилевскаго, можетъ быть, именно потому, что былъ истинный герой и просвѣщеннѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ.

Этому нечего удивляться. Единственная у насъ пока исторія Отечественной войны Михайловскаго-Данилевскаго (исторія Богдановича еще плоше) представляетъ въ сущности эпопею въ прозѣ, нѣчто подобное «Россіадѣ» въ александринахъ Хераскова, сего Гомера, раздутаго водянойкой.

Можно смѣло сказать, что исторія собственно въ великолѣпныхъ разказахъ Михайловскаго «и не ночевала».

Михайловскій-Данилевскій самъ писалъ въ предисловіи: «Критическая военная исторія не была моею цѣлью; оставимъ ее военнымъ схоластикамъ».

Документы въ исторіи Михайловскаго-Данилевскаго почти отсутствуютъ, а самъ онъ отъ своихъ же современниковъ получилъ колкое наименованіе «баснописца».

Но и какъ эпопея, нынѣ исторія Михайловскаго не удовлетворяетъ. Стилль этой эпопеи—сталь «ампирь», но не наполеоновской эпохи, а уже прошедшій черезъ кордегардію николаевскаго царствованія.

Поэтому въ картинахъ Михайловскаго, въ самомъ «паѳосѣ» подлинно обладавшаго большимъ литературнымъ талантомъ историческаго баснотворца—явная и глубокая фальшь.

Между тѣмъ при сличеніи военно-историческихъ картинъ «Войны и мира» графа Л. Н. Толстого съ соотвѣствующими картинами исторіи Михайловскаго-Данилевскаго нельзя не замѣтить, что великій писатель земли русской все время, не только въ отношеніи фактическомъ, но и въ самыхъ мотивахъ замысла фантазіи держится Михайловскаго, какъ путеводной нити, лишь слегка дополняя изъ другихъ, тогда, при созданіи романа, особенно скудныхъ статейкъ о двѣнадцатомъ годѣ.

Фальшь паеоса Михайловскаго графъ Л. Н. Толстой, конечно, чувствовалъ, старался исправить эту фальшь введеніемъ элемента «массъ» и «духа» войска.

Но и «духъ», и «психологія массъ», больше толпящихся въ романѣ у мостовъ и переправъ и «напирающихъ» другъ на друга въ смѣшеніи фуръ, повозокъ, лафетовъ, людей и лошадей, не могли замѣнить подлинной, научно разработанной по документамъ исторіи.

При этомъ надо принять во вниманіе цензурныя условія времени.

О какой «критикѣ» могла быть рѣчь тогда?

Если плоха исторія 1812 года Михайловскаго, то «исторія» кампаніи 1814 года прямо смѣхотворна.

Скажемъ прямо: исторія Отечественной войны и марша въ Парижъ 1812, 1813 и 1814 гг. еще не написана, еще научной обработкѣ эта эпоха не подвергнута. Впрочемъ, на всей старой исторіографіи нашей легла тяжелая рука цензурнаго гнета и собственно всю ее придется переработать при свѣтѣ свободы духа, совѣсти, научнаго изслѣдованія и критики.

XII.

При Фридландѣ Андрей Васильевичъ Энгельгардтъ потерялъ ногу, которую ему разбилъ осколокъ ядра.

Онъ тутъ же самъ на полѣ битвы ампутировалъ себѣ ногу перочиннымъ ножомъ.

Турецкую кампанію 1811 года и кампаніи 1812, 1813 и 1814 гг. отъ Бородина до Парижа онъ, уже безъ ноги, вмѣсто которой придѣлалъ себѣ кожаный мѣшокъ, сшитый на солдатской шорнѣ изъ шкуры павшей непріятельской лошади и набитый паклей, верхомъ командовалъ атаками казаковъ подъ начальствомъ атамана Платова.

За кампанію 1807 г. лейбъ-гвардіи поручикъ Энгельгардтъ получилъ слѣдующія награды:

Въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной въ сраженіи 24-го мая противъ французовъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 3-й степени 1-го декабря 1807 г. Кромѣ сего: въ воздаяніе отличной храбрости въ кампаніи 1807 года противъ французскихъ войскъ Владимира 4-й степени 20-го мая 1808 г. Награды не слишкомъ крупныя и которыя можно было получить и не теряя ноги, а сидя спокойно въ канцеляріи.

Мы видѣли три предписанія Кутузова въ кампанію 1811 года Андрею Васильевичу Энгельгардту: 1) истребить непріятельскія суда, въ Ломѣ находящіяся (помѣчено: крѣпость Журжа, августа 17—1811); 2) взять въ команду свою батальонъ Олонецкаго пѣхотнаго полка, состоящій при устьѣ рѣки Жію № 4 съ орудіями и употребить его на истребленіе непріятельскихъ судовъ, противъ Ломъ-Палакки находящихяся (отъ 17-го августа 1811); 3) занять островъ противъ Ломъ-Палакки и поставить тамъ батарею (отъ 23-го августа 1811 г.).

Отличное мужество и храбрость подполковника Энгельгардта, оказанныя въ 27 день августа 1811 г. при взятіи штурмомъ укрѣпленнаго турками острова, лежащаго на Дунаѣ противъ Ломъ-Палакки, гдѣ онъ, командуя флотиліею и 4-мя батальонами пѣхоты, съ благоразуміемъ расположилъ артиллерію и флотилію въ самыхъ удобныхъ мѣстахъ, въ полномъ порядкѣ и устройствѣ переправилъ на островъ войска, 1500 чел. непріятели истребилъ, судамъ и городу нанесъ сильное пораженіе, — вознаграждены 31-го января 1812 г. орденомъ Георгія 4-й степени. За отличіе же 1811 года, октября 2-го, при овладѣніи визирскимъ лагеремъ, на правомъ берегу Дуная, близъ Рущука дана золотая шшага съ надписью «за храбрость».

Привожу слѣдующіе документы, касающіеся подвиговъ забытаго героя въ Отечественную войну:

«Грамота господину подполковнику и старшему адъютанту арміи Энгельгардту. Именемъ Его Императорскаго Величества и властію, высочайше мнѣ ввѣренною, въ справедливомъ уваженіи къ отличной храбрости, оказанной въ глазахъ моихъ въ 24 и 26 дни августа въ сраженіяхъ при селеніяхъ Бородинѣ и Семеновкѣ, гдѣ вы были посылаемы въ самыя опаснѣйшія мѣста съ моими приказаніями и развозили оныя съ отличными мужествомъ и быстротою, по личному мною въ томъ удостовѣренію препровождаю знаки св. Анны 2-й степени.

«Командующій 2-ю Западною арміею генераль-отъ-инфантеріи за кончиною господина главнокомандующаго начальникъ главнаго штаба генераль-адъютантъ графъ Сентъ-При. 29-го августа 1812 г.».

Еще документъ:

«Свидѣтельство № 349.

«Господинъ полковникъ и кавалеръ Энгельгардтъ, по опредѣленію главнаго начальства прибылъ къ корпусу войскъ подъ начальствомъ моимъ состоящему, съ 11-го числа сентября прошлаго 1813 года находился въ дѣйствительныхъ съ непріятеlemъ сраженіяхъ, сентября 16-го у города Альтенбурга при разбитіи непріятели и прогнаніи его сраженіемъ до города Цейца, 22-го у города Хемница, 2-го октября у селенія Лесклеберга, 4-го и 6-го въ генеральной баталіи у города Лейпцига, потомъ въ преслѣдованіи непріятели отъ Лейпцига, 8-го октября при городѣ Экарцбергѣ, 10-го при выбитіи непріятели изъ города Веймара и занятіи сего города, 15-го у селенія Рамздорфа, 17-го при селеніи Пильгерваль, 19-го при мѣстечкѣ Сальмунсестеръ, у истребленія непріятельской аріергарда, гдѣ онъ, господинъ Энгельгардтъ, командуя тремя стами казаковъ, впереди сражался храбро и взялъ въ плѣнъ до 900 человекъ; 20-го при городѣ Гайнау, 21 при изгнаніи непріятели изъ города Франкфурта, что на Майнѣ, и въ преслѣдованіи онаго чрезъ мѣстечко Генты, гдѣ съ частію полка, находясь впереди, тѣснилъ непрія-

теля и нанесъ ему жестокое пораженіе; 22-го между селеніемъ Викертомъ и мѣстечкомъ Гогнеймомъ, по переходѣ войскъ за рѣку Рейнь, въ предѣлы Франціи, находился онъ въ сраженіяхъ; 30-го декабря при городѣ Эпикалѣ и въ преслѣдованіи непріятеля до города Шарма, генваря 23-го 1814 г. при городѣ Сансе, 24-го при Вильневъ-Леруа, въ сихъ вышепрописанныхъ дѣлахъ поступалъ онъ съ отличными мужествомъ и храбростью, въ чемъ отдавая ему, господину полковнику Энгельгардту, справедливость мою, какъ храброму штабъ-офицеру, утверждаю сіе подписаніемъ моимъ въ городѣ Парижѣ апрѣля 30-го дня 1814 года.

«Графъ Платовъ.»

Кромѣ перечисленныхъ сраженій, Андрей Васильевичъ былъ 3-го февраля 1814 года при взятіи штурмомъ города Немура, 25-го при выбитіи непріятеля изъ города Сезана и занятіи онаго, 6-го при мѣстечкѣ Фершампенуазѣ; 7-го и 8-го въ двухдневномъ сраженіи при городѣ Арсисѣ, 13-го при совершенномъ разбитіи непріятельскаго корпуса маршала Мармона у Фершампенуаза, а 18-го въ сильномъ сраженіи при Парижѣ, и рекомендованъ Платовымъ въ генераль-майоры.

Имѣется свидѣтельство отъ 30-го мая 1814 г., за собственноручною подписью прусскаго короля Фридриха-Вильгельма о награжденіи полковника Энгельгардта прусскимъ орденомъ за военныя заслуги (Pour le Mérite).

Кромѣ того, Платовъ написалъ слѣдующее письмо къ отцу Андрея Васильевича:

«Милостивый государь мой

«Василій Васильевичъ.

«Сколько ни желалъ я самъ лично доставить вашему высокопревосходительству на прошедшихъ дняхъ истиннаго свидѣтельства моего объ отличныхъ подвигахъ противъ непріятеля заслуженному любезнѣйшему вашему сыну Андрею Васильевичу, но случившаяся со мною назадъ тому недѣлю слабость здоровья моего, которая и теперь еще продолжается, не допустила до сего, а потому, доставляя при семъ помянутое свидѣтельство мое и прося покорнѣйше извинить меня въ медленности, желаю, чтобы сынъ вашъ, какъ отлично заслуженный, вознагражденъ былъ соотвѣтственно заслугамъ его.

«Имѣю честь пребыть всегда съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ

милостивый государь мой

вашего высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга графъ Платовъ.

С.-Петербургъ. 1816 г.

Феврала 17-го.

XIII.

Такъ развивается эта хроника поколѣній. Начало ея скромно, незамѣтно. Въ смоленской глуши, въ сторонѣ отъ Порѣцкаго «большака», недалеко отъ дворцоваго села Духовщины, въ скромной усадьбѣ небогатаго шляхтича растеть мальчикъ, по прозванію «Гриша-нечеса». Учится онъ книжной премудрости у сельскаго дьячка, играетъ съ дѣтми на «поповкѣ», пасеть лошадей, гребеть сѣно, лихо скачетъ на несѣдланной лошади, идетъ поводыремъ у телѣженки съ навозомъ... Этотъ Гриша—будущій свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ.

Если скромна обстановка жизни родителей Гриши Потемкина, то не менѣе скромень и быть его сестры Марѳы Александровны Энгельгардтъ.

Однако Гриша уже тогда проявляетъ честолюбіе и увѣренъ, что будетъ богатъ и знатенъ. Вотъ онъ уже юноша, и въ Петербургѣ революція 1762 г. и возведеніе на тронъ Екатерины Алексѣевны, тоже довольно скромной ангальтъ-цербстской принцессы, застаеть его сержантомъ Преображенскаго полка. Проходитъ, однако, двѣнадцать лѣтъ, пока наконецъ онъ вступаетъ въ «случай» и «фаворъ».

Въ теченіе этихъ лѣтъ въ Чижевѣ вырастають дѣти Марѳы Александровны, сынъ и пять прелестныхъ дѣвочекъ-дочерей, развивающихся на волѣ подъ родными яблонями, живущихъ общей жизнью съ сѣнными дѣвушками, съ сельскими пѣвуньями, съ поповнами скромнаго погоста деревянной церковки. На святки онѣ гадаютъ, зимой катаются съ горки на санкахъ, лѣтомъ бродятъ въ лѣсу и полѣ, собирають грибы, ягоды. Какая-нибудь «мадама» обучаетъ ихъ «всѣмъ наукамъ».

«Фаворъ» дяди сразу мѣняетъ ихъ судьбу. Племянницы въ Петербургѣ, обласканы императрицей, и начинается феерія обогащенія, великолѣпныхъ партій, придворной жизни, почета, наградъ.

Племянницы свѣтлѣйшаго являються при Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ центрѣ интригъ польскихъ магнатовъ, устроителей Торговицкой конфедераціи. При Павлѣ Петровичѣ онѣ оказываютъ поддержку Мальтійскому ордену.

Василій Васильевичъ Энгельгардтъ проходитъ блестящее военное поприще. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ турецкой кампаніи, закончившійся славнымъ штурмомъ Измаила. Когда объявлена была война Турціи, то составлены двѣ арміи: украинская, подъ командою Румянцова; правый флангъ подъ командой Салтыкова, лѣвый—Каменскаго; вторая армія екатеринославская, подъ командою Потемкина, шла на Очаковъ; Суворовъ командовалъ въ Кинбурнѣ.

Кавалерією въ украинской арміи командоваль генераль-майоръ Василій Васильевичъ Энгельгардтъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ войны еще не было въ войскахъ единовластія, то-есть еще неизвѣстно было, кто явится главнокомандующимъ всѣхъ русскихъ силъ—Румянцовъ или Потемкинъ, и какая роль предоставляется непобѣдимому Суворову.

Послѣ первыхъ дѣйствій стали въ Яссахъ на зимнія квартиры, и потомъ князь Потемкинъ прибылъ съ такими полномочіями, что скоро стало все ясно. Звѣзда маститаго героя Румянцова закатывалась. Румянцовъ жилъ въ Жижѣ. По прибытіи свѣтлѣйшаго князя Потемкина въ Яссы одинъ разъ только онъ былъ у фельдмаршала Румянцова въ Жижѣ лично, а потомъ изрѣдка посылалъ дежурнаго генерала, племянника своего Вас. Вас. Энгельгардта съ привѣтствіемъ.

Эта первая часть семейной хроники до кончины Потемкина связана съ фееріей Екатерининскихъ дней. Цѣвѣць этой эпохи, отразившій ее со всѣми подробностями въ одахъ своихъ, Г. Р. Державинъ, какъ мы видѣли, не мало стиховъ посвятилъ прославленію пяти племянницъ Потемкина.

Какъ странно думать, что нынче, въ той самой залѣ «Таврическаго дома», гдѣ на знаменитомъ праздникѣ танцевала Екатерина Васильевна, собираются представители народа, говорятъ рѣчи Милуковъ и Родичевъ, Марковъ и Пуришкевичъ...

XIV.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о дѣятельности Василія Васильевича Энгельгардта въ Отечественную войну, но, какъ командующій «земскимъ войскомъ» Смоленской губерніи, онъ, несомнѣнно, долженъ былъ принимать большое участіе въ ополченіи.

Это «земское войско», содержавшееся дворянствомъ, было пережиткомъ тѣхъ временъ, когда на обязанности шляхты смоленской и дорогобужской лежало отправленіе форпостной службы на польской границѣ, куда дворянинъ по старинѣ долженъ былъ являться коненъ, люденъ и оруженъ. Многія дворянскія смоленскія фамиліи хранили тѣ знамена, подъ которыми выступали на границу со своими крѣпостными. Это накладывало особый «рейтарскій» отпечатокъ на смоленское дворянство. Съ раздѣломъ Польши и присоединеніемъ Бѣлоруссіи смыслъ земскаго войска истребился, однако оно оставалось долгое время, отправляя полицейскую службу земскихъ стражниковъ и окончательно было уничтожено лишь въ 1863 году.

Во всякомъ случаѣ, сынъ потемкинскаго племянника, Андрей Васильевичъ, какъ мы видѣли, былъ героемъ кампаній 1812 и 1814 гг., отъ Бородина до Парижа покрывая себя славой.

Увы, забвеніе было участію этого благороднаго героя!

Въ Александровскую и Николаевскую эпоху, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ блестящее положеніе занималъ «петербургскій увеселитель» Василій Васильевичъ Энгельгардтъ-младшій.

Что касается третьяго брата—Павла Васильевича, то, дослужившись до чина гвардіи полковника, онъ былъ женатъ на прелестнѣйшей женщинѣ, баронессѣ Софіи Григорьевнѣ Энгельгардтъ, дочери генераль-лейтенанта барона Готгарда-Гергарда фонъ-Энгельгардта или по-русски Григорія Богдановича (род. въ 1759 г., умеръ 18..?) и Акулины Степановны Гладковой. Видимъ здѣсь соединеніе нѣмецкой линіи балтійскихъ бароновъ Энгельгардтовъ съ русской, смоленской, православной съ половины XVII столѣтія.

Интересно отмѣтить, что дѣдъ красавицы Софіи Григорьевны баронъ Георгъ-Гергардъ (1734—1814) былъ польскаго двора камергеръ и полковникъ польской службы и женатъ послѣдовательно на трехъ сестрахъ фонъ-деръ-Роппъ; прадѣдъ баронъ Георгъ-Михаилъ (1698—1752) польской службы капитанъ, а прапрадѣдъ баронъ Михайль-Дитрихъ (1670—1712) польской службы прапорщикъ. Такимъ образомъ, эти бароны въ польской службѣ получали чины медленно, поколѣніями: Въ первомъ поколѣніи не пошли дальше прапорщика, во второмъ—капитана, въ третьемъ—полковника, и только представитель четвертаго поколѣнія—русской службы генераль. На все это медлительное восхожденіе баронамъ потребовалось почти двѣсти лѣтъ. Подлинно—кунштаторы!

Для полноты приведемъ справку о службѣ Павла Васильевича Энгельгардта, счастливаго мужа прелестной баронессы.

Въ формулярномъ его спискѣ, отъ 18-го ноября 1832 г., подши санномъ генераль-фельдцейхмейстеромъ Михаиломъ, значится, что за нимъ состоитъ родового имѣнія въ Смоленской губерніи 397 душъ, Кіевской губерніи въ Звенигородскомъ уѣздѣ 3870 душъ, что въ службу онъ вступилъ изъ нажей въ Казанскій драгунскій полкъ прапорщикомъ 1818 г. марта 23-го, переведенъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ корнетомъ 1819 г. марта 6-го, назначенъ адъютантомъ къ генералу-отъ-инфантеріи Римскому-Корсакову 1821 г. ноябра 23-го; произведенъ въ поручики 1822 г.; въ ротмистры 1830 г., а съ 1831 г. адъютантомъ къ его королевскому высочеству главноуправляющему путями сообщенія, генералу отъ кавалеріи герцогу Александру Виртембергскому, въ походахъ, штрафахъ и подъ судомъ не былъ; по-россійски, по-нѣмецки, по-французски, ариѳметикъ, алгебръ, геометріи, фортификаціи и долговременной атакѣ, артиллеріи, физикѣ, статистикѣ, механикѣ, черченію плапловъ, рисовать, исторіи и географіи знаетъ...

XV.

Мы видѣли, что Потемкинъ оставилъ столь же колоссальныя долги, сколь и колоссальное наслѣдство. За погашеніемъ долговъ частью этого наслѣдства оставшееся все еще представляло сказочное богатство и было подѣлено между наслѣдниками и наслѣдницами въ числѣ восьми лицъ. И все же въ рукахъ у Василія Васильевича Энгельгардта-старшаго сосредоточилось грандіозное состояніе, къ концу его жизни достигшее десяти тысячъ душъ крестьянъ мужескаго только пола, что съ женами и дѣтьми составляло по меньшей мѣрѣ 50.000 человекъ, и земли до 160.000 десятинъ, при этомъ дворецъ въ Ляличахъ, дома въ Петербургѣ и Москвѣ, лѣса на плавняхъ, вся «Золотая балка», капиталы, векселя, закладныя, множество драгоценныхъ вещей и алмазовъ... Раздѣленное между тремя братьями, это состояніе все еще дало каждому огромное богатство, которое и не склонно было еще уменьшаться, но увеличивалось въ рукахъ каждаго изъ братьевъ; особенно состояніе Василія Васильевича-младшаго росло непрестанно. Но такъ какъ каждый изъ трехъ братьевъ имѣлъ многочисленное потомство, то въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи дробленіе «потемкинскихъ милліоновъ» пошло быстрѣе.

Андрей Васильевичъ Энгельгардтъ, герой Отечественной войны, былъ женатъ на Потемкиной и имѣлъ трехъ сыновей—Василія, Александра и Діодора Андреевичей. Одна изъ дочерей Александра Андреевича—Екатерина Александровна Побѣдоносцева. Знаменитые Ляличи съ дворомъ перешли къ ея отцу, но давно уже проданы.

У Павла Васильевича и Софіи Григорьевны Энгельгардтъ были дѣти: Василій Павловичъ, род. въ 1828 г., и нынѣ здравствующій и проживающій постоянно въ Дрезденѣ докторъ астрономіи; потомъ—Григорій, Николай и Петръ Павловичи.

У Василія Васильевича Энгельгардта тоже было три сына и двѣ дочери. Въ четвертомъ поколѣніи потомство явилось еще болѣе многочисленное.

XVI.

Дробленіе имѣній въ четвертомъ поколѣніи при многократности семей привело къ уничтоженію «потемкинскіе милліоны»—общая участь всѣхъ крупныхъ состояній у насъ, гдѣ нѣтъ майората. Конечно, и теперь нѣкоторые изъ потомковъ племянника свѣтлѣйшаго обладаютъ еще весьма изрядными средствами. Но отъ прежняго сказочнаго богатства остались лишь преданія. Это состоянія умѣренныя.

Маститымъ старцемъ, представителемъ отрасли «потемкинскихъ» Энгельгардтовъ является нынѣ восьмидесятичетырехлѣтній ста-

рець, докторъ астрономіи Василій Павловичъ Энгельгардтъ, проживающій постоянно въ Дрезденѣ.

Привожу изъ его письма ко мнѣ отъ 8-го января 1910 г.:

«Согласно вашему желанію сообщаю вамъ мою біографію.

«Я родился въ 1828 году, окончилъ курсъ наукъ въ училищѣ правовѣдѣнія въ 1847 году и служилъ нѣсколько лѣтъ въ канцеляріи сената.

«Въ молодости чувствовалъ я сильное влеченіе къ астрономіи и припаялся за изученіе этой прекрасной науки.

«Учрежденіе частной обсерваторіи въ Россіи было въ то время сопряжено съ большими затрудненіями.

«Случайно представились мнѣ благопріятныя обстоятельства въ Дрезденѣ, и въ 1877 году я построилъ тамъ обсерваторію, снабдивъ оную инструментами лучшихъ мастеровъ. Въ ней я работалъ до 1894 года, и затѣмъ, прекративъ по старости астрономическую дѣятельность, я принесъ въ даръ казанскому университету инструменты и бібліотеку.

«Казанскій университетъ построилъ для нихъ въ лѣсу близъ Казани прекрасную обсерваторію и назвалъ оную «Энгельгардтовской».

«Мои астрономическіе труды изданы въ Дрезденѣ на французскомъ языкѣ въ трехъ большихъ томахъ in 4°. За нихъ я удостоился получить званіе доктора астрономіи и почетнаго члена казанскаго университета, члена-корреспондента императорской академіи наукъ (въ Петербургѣ), доктора философіи honoris causa университета въ Римѣ и др.

«Прекративъ астрономическія занятія, я сталъ изучать швейцарскій походъ Суворова 1799 года и собралъ въ Швейцаріи коллекцію реликвій этого безпримѣрнаго въ исторіи похода. Я пожертвовалъ эту коллекцію въ Суворовскій музей, гдѣ она помѣщена въ залѣ В. П. Энгельгардта.

«Я былъ въ дружбѣ съ нашимъ знаменитымъ композиторомъ М. И. Глинкой и собралъ большую часть его собственноручныхъ музыкальныхъ рукописей, въ числѣ которыхъ находится полная оркестровая партитура его безсмертной оперы «Жизнь за царя». Это многотомное собраніе, вмѣстѣ съ другими Глинкинскими реликвіями пожертвовано мною въ императорскую публичную бібліотеку въ Петербургѣ».

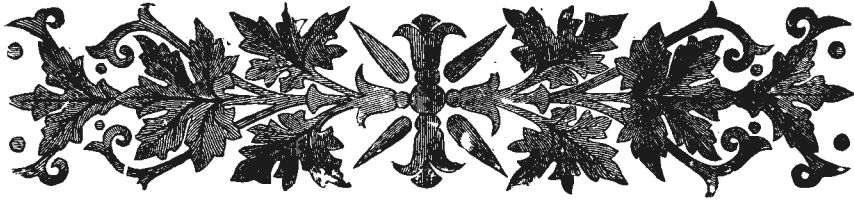
Въ настоящее время Василій Павловичъ заинтересовался фамильнымъ прошлымъ и уже собралъ значительную коллекцію портретовъ, которые украшаютъ «семейную комнату» въ его домѣ въ Дрезденѣ.

Такимъ образомъ, въ лицѣ В. П. Энгельгардта часть «потемкинскихъ милліоновъ» пошла на благородное научное состязаніе, на астрономическіе инструменты, на коллекціи реликвій Суво-

рова и Глинки. Астрономія, музыка и слава сплели вѣнокъ, который можетъ достойно увѣнчать столѣтнюю хронику необыкновенныхъ состояній и ослѣпительныхъ почестей. Думается, что Василій Павловичъ сдѣлалъ самое лучшее и достойное употребленіе осколка «потемкинскихъ милліоновъ», донесеннаго до него валомъ четвертаго поколѣнія великолѣннаго племянника великолѣннаго князя Тавриды.

Ник. Энгельгардтъ.

ЖАЛОБА.

(Картинка изъ дѣйствительной жизни).

I.

НИСИМЪ НЕТУДЫХАТА, испытый немолодой мужикъ въ широчайшихъ полосатыхъ, или, какъ онъ самъ называлъ, «выбйчанихъ», штанахъ, замазанныхъ дегтемъ и грязью, въ оборванной свиткѣ и порожѣлой смушковой шапкѣ, поднялся по каменнымъ ступенямъ подъѣзда окружнаго суда въ прихожую и нерѣшительно остановился.

Въ судѣ онъ былъ впервые и поэтому испытывалъ нѣкоторую робость. Рѣшился же заявиться сюда изъ своего «хутіра» въ силу крайней необходимости: онъ пріѣхалъ искать управы на «жінку», женщину энергичную и не останавливающуюся передъ мѣрами физическаго воздѣйствія на законнаго супруга, питающаго чувства самой теплой привязанности ко всѣмъ казеннымъ виннымъ лавкамъ волости и тѣмъ укромнымъ уголкамъ, гдѣ можно и не въ урочное время достать «кухлычекъ»¹⁾ «марнопольки».

Онисимъ неоднократно приносилъ жалобы на жену въ волость, ходилъ даже къ земскому начальнику. Но тамъ знали его за горькаго пьяницу, почему всѣ симпатіи были на сторонѣ бойкой его супруги, и его, какъ онъ жаловался собутыльникамъ, «оставляли безъ послѣдствія».

¹⁾ Кружечку.

Кто-то на базарѣ надоумилъ Нетудыхату отправиться прямо въ окружный судъ, и Онисимъ подь свѣжимъ впечатлѣніемъ недавней потасовки собрался и «поихавъ на губэрнію».

Дорогой онъ обдумываль, какъ онъ сдѣлаеть заявленіе «усимъ панамъ» ¹⁾ и какъ они помогутъ ему прибрать къ рукамъ «самашедшу бабу» ²⁾. Онъ съ негодованіемъ вспоминаль, какъ жена на прошломъ «тыждні» ³⁾ угостила его «ухватомъ» ⁴⁾, и сердце его переполнилось жаждой мщенія.

«Дѣ-обре бѣться разсобачій ухватъ!—думаль онъ.—Ну, годі ⁵⁾, бабо. Більшъ не будешъ пануваты...».

Швейцаръ суда, высокій упитанный мужчина въ фуражкѣ съ золотымъ галуномъ, свысока оглядѣль не внушающую къ себѣ особаго уваженія фігуру Онисима и важно спросилъ его, что ему нужно.

Онисимъ, растерявшійся еще болѣе отъ этого тона, съ низкимъ поклономъ объяснилъ швейцару, что пріѣхаль съ хуторовъ Нефощанской волости жаловаться на жену.

Швейцаръ, снисходительно улыбнувшись, величественно указаль ему рукой на дверь, ведущую въ кабинетъ присяжныхъ повѣренныхъ, и пріѣзжій робко направилъ туда.

Дежурный по кабинету, молодой юркій еврейчикъ съ характерной семитической фізіономіей, очень любезно встрѣтилъ просителя. По опыту онъ зналь, что эти оборванные свитки очень часто доставляютъ весьма солидные гонорары, особенно когда дѣло идетъ о «земелькѣ», почему предложилъ Онисиму садиться, изобразивъ на подвижномъ лицѣ своемъ выраженіе полной предупредительности и вниманія.

Нетудыхата, питавшій врожденную и свойственную всѣмъ кореннымъ малороссамъ антипатію къ гонимому племени, нѣсколько недовѣрчиво взглянулъ на присяжнаго повѣреннаго, но, вспомнивъ, что его сюда направилъ швейцаръ, котораго онъ по простотѣ сердечной приняль за «пана», раздумчиво почесаль рукой затылокъ и поднялся со стула, на который было усѣлся.

— Явить божеску мылость, паночку, оборонить менѣ отъ жінкі! Не даѣ спокію разсобача баба!—произнесъ онъ.

Лицо повѣреннаго вытянулось.

— Въ чемъ же дѣло?—сухо спросилъ онъ.—У васъ тяжба съ женой?

— Тягае, бисъ ей въ печінку!—обрадованно отвѣтилъ Онисимъ.—И за вуса, и за бороду. Бѣться чимъ попада. Ухватъ,—такъ ухватъ,

¹⁾ Всѣмъ господамъ.

²⁾ Сумашедшую.

³⁾ Недѣля.

⁴⁾ Рогачемъ.

⁵⁾ «Годі»—довольно.

а бѣльшѣ магокономъ та кулаками. Пошты бѣе почѣмъ здря, можно сказать¹⁾—поясниль онъ.

Физиономія присяжнаго повѣреннаго приняла совсѣмъ ледяное выраженіе.

— Жалобы супруговъ на побои и личныя оскорбленія по закону не пріемлются—холодно замѣтилъ онъ.—Въ этомъ дѣлѣ я вамъ помочь ничѣмъ не могу. Эти ссоры не дѣло суда,—внушительно прибавилъ онъ и всталъ.

Онисимъ удивленно наблюдалъ перемѣну въ обращеніи съ нимъ адвоката. Понявъ, что аудіенція окончена, онъ еще разъ почесалъ затылокъ и, поклонившись, вышелъ, получивъ въ отвѣтъ едва замѣтный пренебрежительный кивокъ головы повѣреннаго.

Постоявъ немного въ раздумьи возлѣ дверей кабинета, онъ хотѣлъ было подойти вновь къ «пану», который послалъ его сюда, и рассказать ему свое дѣло во всѣхъ подробностяхъ, а также просить, чтобы тотъ указалъ ему, какъ пройти къ «самымъ великимъ панамъ, що усіхъ судять»²⁾. Онъ уже двинулся съ мѣста, какъ къ нему подошелъ какой-то субъектъ въ штатскомъ пальто съ самоувѣренной физиономіей, красноватымъ носомъ и бѣгающими глазками.

— Что, землякъ, дѣло завелось?—покровительственно обратился онъ къ Онисиму.

— А вы тожъ повѣринный?—угрюмо спросилъ тотъ.

Незнакомецъ наклонился ближе и таинственно прошепталъ:

— Да, повѣренный, только не такой, какъ тѣ шарлатаны, куда ты ходилъ!—Онъ презрительно указалъ рукой на двери кабинета.—Тѣ только деньги даромъ берутъ съ вашего брата, мужика, а дѣла не знаютъ, да и судъ не очень-то ихъ слушаетъ. А вотъ со мной всѣ судьи знакомы, и что я захочу, то они и дѣлаютъ... Здравствовать желаю, ваше превосходительство!—внезапно обратился онъ къ проходившему мимо важному господину въ форменной одеждѣ съ блестящими пуговицами.

Тотъ удивленно посмотрѣлъ на него и, недоумѣвающе кивнувъ головой, прошелъ по направленію къ выходу.

Онисимъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и, къ изумленію своему, увидѣлъ, какъ величественный швейцаръ, суетясь и кланяясь, подалъ этому господину пальто и почтительно распахнулъ передъ нимъ двери.

— Кто оцѣ? ³⁾—спросилъ онъ незнакомца.

— Мой пріятель, предсѣдатель окружнаго суда,—небрежно отвѣтилъ тотъ.

Нетудыхата преисполнился уваженія къ своему собесѣднику и возликовалъ.

¹⁾ Бьетъ, куда попало...

²⁾ Самымъ большимъ господамъ, которые всѣхъ судять.

³⁾ Кто это?

— Будьте ласковы, нехай вамъ Богъ помогаетъ,—заговорилъ онъ, кланяясь.—Поможить міні, я васъ подъякую! ¹⁾

— Что жъ, можно!—важно сказалъ незнакомецъ.—Я очень радъ, что ты на меня натолкнулся. Пойдемъ ко мнѣ, и ты тамъ мнѣ расскажешь, въ чемъ дѣло. А то здѣсь мѣшчаютъ.

Когда они проходили мимо швейцара, послѣдній неодобрительно покачалъ головой и хотѣлъ что-то сказать, но спутникъ Онисима быстро подошелъ къ нему и прошепталъ на ухо нѣсколько словъ. Швейцаръ посмотрѣлъ на него съ недовольнымъ видомъ, но промолчалъ, и новые знакомые вышли на улицу.

Дорогой повѣренный, назвавшій себя Иваномъ Николаевичемъ, съ апломбомъ рассказывалъ Онисиму про разныя дѣла и безъ конца сыпалъ мудреными фразами, кстати и некстати упоминая тѣ или иные тексты закона.

Въ душѣ Нетудыхаты боролись противоположныя чувства: съ одной стороны, личность Ивана Николаевича казалась ему подозрительной, но въ то же время самъ предсѣдатель съ нимъ знакомъ и тотъ «папъ», что у дверей стоитъ, также, видимо, его знаетъ. А говорить какъ! Точно по книжкѣ. И слова все такія непонятныя произносить. Видно, что человекъ знающій...

Онисимъ сперва скребъ себѣ затылокъ, но вскорѣ сомнѣнія его совершенно оставили, и онъ съ почтеніемъ слушалъ своего словоохотливаго собесѣдника. Къ тому же Иванъ Николаевичъ совсѣмъ иначе отнесся къ его разсказу о «жінкѣ», чѣмъ тотъ жидъ, что принималъ его въ кабинетѣ при судѣ: выразилъ ему полное свое сочувствіе и заявилъ, что его жену судъ засудить «по крайней мѣрѣ въ арестантскія роты»...

Это даже испугало хуторянина. Такой суровой кары онъ и самъ не хотѣлъ бы, почему, когда Иванъ Николаевичъ сталъ читать ему законъ изъ книжки, которую имѣлъ при себѣ, объ «истязаніяхъ» и томъ, какое за это полагается наказаніе,—Онисимъ въ раздумьи началъ снова ожесточенно скрести затылокъ.

Иванъ Николаевичъ замѣтилъ это смущеніе и поспѣшилъ успокоить своего кліента, увѣряя его, что судъ безъ его согласія не наложить такого большого наказанія, а накажетъ бабу такъ, какъ захочетъ самъ Онисимъ.

Такая перспектива была крайне заманчива, и Нетудыхата представлялъ себѣ, какъ онъ попроситъ судъ «закынуть жінку у срамныцю»:²⁾ на цѣлый мѣсяцъ и воспретить ей разъ навсегда драться.

«Знатьмешь, проклята баба!»³⁾—злорадно думалъ онъ.

¹⁾ Будьте добры, пусть Богъ вамъ поможетъ, помогите мнѣ, я васъ поблагодарю (деньгами).

²⁾ Посадить въ арестантскую.

³⁾ Будешь знать.

Когда они пришли на квартиру Ивана Николаевича, то послѣдній во всѣхъ деталяхъ зналъ уже семейную жизнь Онисима, который разсказалъ ему даже о томъ, какъ однажды онъ засталъ свою Горпину въ нѣжной бесѣдѣ съ понамаремъ возлѣ плетня. Правда, это было лѣтъ около двадцати тому назадъ, но Нетудыхата не считалъ себя въ правѣ утаить такой скверный поступокъ жены отъ повѣреннаго.

Иванъ Николаевичъ предложилъ Онисиму послать за выпивкой и закуской. Тотъ съ удовольствіемъ согласился и развязалъ свою «кышеню» ¹⁾. Скоро на столѣ появилась бутылка съ красной печатью и «оселѣдецъ» ²⁾.

Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ Онисимъ совершенно размякъ, цѣловался съ Иваномъ Николаевичемъ и даже прослезился при мысли, что Богъ послалъ ему на помощь такого хорошаго человѣка.

Выпивъ и закусивъ, Иванъ Николаевичъ осѣдлалъ свой еще болѣе покраснѣвшій носъ круглыми очками въ никкелевой оправѣ, разложилъ на столѣ нѣсколько книгъ законовъ и съ сосредоточеннымъ видомъ углубился въ писаніе, изрѣдка задавая вопросы Онисиму, почтительно слѣдившему за тѣмъ, какъ перо, скрипя, быстро бѣгало по бумагѣ, выводя нижеслѣдующее:

«Въ П-скій окружный судъ по уголовному отдѣленію казака Онисима Миронова Нетудыхаты, живущаго въ хуторахъ Голопупенковыхъ Нефороцанской волости.

По уголовному дѣлу съ законной женой Горпиной Сидоровной, живущей тамъ же, за истязанія своего мужа въ періодъ двадцатилѣтняго супружества, предусматрѣннаго ст. 1583 и 1489 Уложенія о наказаніяхъ

ПРОШЕНІЕ.

«Послѣднее безчеловѣческое истязательство, по силѣ котораго она лишила меня послѣднихъ недовыбитыхъ ею четырехъ зубовъ, совершившееся въ названныхъ хуторахъ по мѣсту моего жительства, въ присутствіи пяти ниже названныхъ свидѣтелей, загло во мнѣ весь горючій матеріалъ, накопившійся въ теченіе всей моей истерзанной двадцатилѣтней супружеской жизни; а заставило предъявить жалобу въ судъ то обстоятельство, что она, кромѣ покушеній, неудачно сдѣланныхъ неоднократно при народѣ, изъ числа которыхъ будутъ названы свидѣтелями, утвердительно высказалась,

¹⁾ Кошелекъ.

²⁾ Селедка.

что я, говорить, въ скоромъ времени зарѣжу «чоловика»¹⁾, потомъ дѣтей, а въ заключеніе собственную свою личность.

«Изъ этого, мнѣ кажется, слѣдуетъ, что она совершенно больна, то я бы покорнѣйше просилъ окружный судъ распоряженія объ освидѣтельствѣваніи и излеченіи ея болѣзни; но и вмѣстѣ съ тѣмъ препроводить настоящую жалобу прокурорскому надзору, произвести слѣдствіе по мѣсту моихъ жительство въ хуторахъ Чортобіевкѣ и нынѣ въ Голопупенковыхъ.

«По первому мѣстожительству она, кромѣ того, что заслужила самое очень плохое мнѣніе въ народѣ, въ нравственномъ отношеніи вела себя въ слишкомъ сближенномъ состояніи съ сосѣдомъ черезъ одинъ только «плѣтѣнь» пошамаремъ Никаноромъ Круторепенко по второму же моему жительству позволяла себѣ издѣваться надо мной разнохарактерно: била сняшаго, безъ различія днемъ или ночью, обухомъ, топоромъ (только не остриемъ, а молотомъ) въ спину, макогономъ (коимъ трутъ пшено), рублемъ и качалкой (которыми катаютъ бѣлье), кувшиномъ полнымъ съ молокомъ, кочергой, рогачемъ, полѣномъ дровъ,—или, можно сказать, всѣмъ тѣмъ, что попадается въ руки и совершенно съ моей стороны безневинно.

«И, кромѣ того, своими нѣжными ручонками выбила восемь зубовъ. Въ подтвержденіе названныхъ звѣрствъ были и теперь еще есть въ живыхъ нижеуказанные свидѣтели...»

Перечисливъ далѣе цѣлый сонмъ свидѣтелей, Иванъ Николаевичъ, съ важностью развалившись на стулѣ, внушительнымъ и самодовольнымъ голосомъ, смакуя каждое слово, прочелъ вслухъ свое произведеніе и торжествующе поглядѣлъ на Онисима.

— Что, такъ?—спросилъ онъ, прищурившись.

— Вѣрно, такъ вонъ и було!—одобрительно закивалъ головой Нетудыхата.—И Господи, насколько жъ урѣдна баба! Що не попадѣ у руки, то и въ мене... Немà видъ неи спокою!²⁾

— Ну, такъ, значить, подпиши, и дѣлу конецъ. Пошлешь по почтѣ.

— Та я неграмотный, роспышиться за мене,—попросилъ Онисимъ.

«Адвокатъ» снова взялся за перо.

— Слушайте, пропышить же ще, щобъ вонà менѣ не была зроду. Щобъ зовсімъ воспредыли бытсья!³⁾—попросилъ Нетудыхата.

Иванъ Николаевичъ кивнулъ въ знакъ согласія головой и дополнилъ жалобу такимъ текстомъ:

«На основаніи изложенныхъ доводовъ и по подтвержденію свидѣтелей честь имѣю покорнѣйше просить окружный судъ назначить

¹⁾ Мужа.

²⁾ Вѣрно, такъ оно и было... Какая вредная баба... Нѣтъ отъ нея покою!

³⁾ Припишете еще, чтобъ она меня никогда не била. Чтобы совсѣмъ запретили драться.

слушаніе этого уголовного дѣла, примѣнивъ статьи 1489 и 1583 уложенія о наказаніяхъ съ возвышеніемъ ихъ на двѣ степени, приговорить истязательницу козачку Горпину Нетудыхату къ высшей мѣрѣ наказания, предоставлявъ мнѣ свободу отъ крѣпостной зависимости и татарскаго ига.

«Августа 26 дня, 19... года. Козакъ Онисимъ Нетудыхата, а за него неграмотнаго по личной просьбѣ его расписался мѣщанинъ Иванъ Николаевъ Проходимцевъ».

Иванъ Николаевичъ расчеркнулся замысловатымъ крючкомъ и прочелъ написанное имъ Онисиму.

Тотъ, преисполненный уваженія къ знаніямъ и талантливости «адвоката», какъ могъ выразилъ свое восхищеніе, хотя изъ всей жалобы понялъ только то, что ему выйдетъ по суду «свобода» отъ «жінки», а этой послѣдней — строгое наказаніе за склонность пускаться въ дѣйствіе «магогоны» и тому подобныя орудія.

«Адвокатъ» взялъ за свой трудъ «всего» пять рублей, и они разстались друзьями.

Онисимъ разыскалъ почтовую контору и своеручно сдалъ на почту прошеніе, послѣ чего, счастливый и довольный, отправился на вокзалъ.

Бдучи въ переполненномъ вагонѣ домой, онъ находился въ наилучшемъ настроеніи духа и улыбался въ усы.

— Теперь знатимешь, собача баба! — ликовалъ онъ въ душѣ: — Стривай, скаженна душа! Годі тобі пануваты! ¹⁾.

II.

Въ свой хуторъ Онисимъ явился съ видомъ побѣдителя, и черезъ какой-нибудь часъ всѣ сосѣди уже знали о блестящихъ результатахъ его поѣздки въ судъ. Со словъ Онисима выходило, что самъ председатель суда былъ съ нимъ въ квартирѣ Ивана Николаевича, и что вопросъ о наложеніи стрѣжайшаго наказанія на «урѣдну бабу» рѣшенъ окончательно и безповоротно.

Горпина струсила и присмирѣла, а когда торжествующій супругъ ея въ тотъ же вечеръ явился «до дому» мертвецки пьяный, то она даже завyla отъ безсиьной злобы и огорченія, но прибѣгнуть къ обычнымъ мѣрамъ воздѣйствія не рѣшилась.

Для Нетудыхаты потянулись счастливые деньки. Какъ онъ самъ со вздохомъ вспоминалъ потомъ, онъ бывалъ «пошты що дня пьянѣсенъкій», ²⁾ или, попросту говоря, пьянствовалъ безпробудно. Мало того, дерзость его доходила до такой степени, что, увѣренный въ полной безнаказанности, онъ еще и «куражился» передъ «жінкой», грозя ей, что онъ ее «ажъ ніякъ не помилуе» ³⁾.

¹⁾ Подожди, бѣшеная... Довольно тебѣ панствовать!

²⁾ Почти каждый день пьянехонъкій.

³⁾ А никакъ не помилуетъ (простить).

Много разъ Горпина по старой привычкѣ хватала то «макогонъ», то «ухвать», чтобы дать достойный отпоръ супругу, но руки ея безсильно опускались, словно связанные страшной угрозой ожидаемой уголовной кары, и она отводила свою душу невѣроятной, ожесточенной руготней по адресу «проклятущей горілки» и всѣхъ пьяницъ Россійской имперіи, которымъ она страстно посылала такія пожеланія, что, слушая ее, даже человѣку далеко не робкому становилось жутко.

Но счастье человѣческое, какъ извѣстно, рѣдко бываетъ продолжительнымъ. Не долго наслаждался имъ и Нетудыхата: недѣли черезъ двѣ къ нему явился изъ волости разсылный и объявилъ, что его требуютъ въ волостное правленіе, такъ какъ тамъ получена бумага изъ суда «за жінку».

Онисимъ, еще не вполне протрезвившійся отъ вчерашней попойки, выслушалъ эту новость, хитро ухмыльнулся и торжествующе посмотрѣлъ на супруга.

Та, видимо, растерявшаяся и испуганная, чтобы скрыть свое смущеніе, начала свирѣпо стучать горшками и «ухватами». Онисимъ поднялся съ «лавы»¹⁾, подтянулъ вѣчно спадавшій «очкуръ»²⁾ на широчайшихъ штанахъ своихъ, надѣлъ на голову смушковую шапку, доставшуюся ему отъ покойнаго отца и какимъ-то чудомъ до сихъ поръ еще не пропитую, взялъ «батігъ»³⁾ и, снова вызывающе посмотрѣвъ на жену, важно двинулся въ дверямъ.

Горпина проводила его взглядомъ, полнымъ ненависти и безсильнаго негодованія. Онъ, точно почувствовавъ на себѣ этотъ взглядъ, остановился на порогѣ, оборотился и, сложивъ пальцы правой руки общезвѣстнымъ образомъ, показалъ ей это крайне оскорбительное для каждаго малороссіянина изображеніе, сопровождадая его презрительнымъ и уничтожающимъ взоромъ.

Ударъ былъ слишкомъ силенъ, и Горпина заголосила отъ гнѣва и нестерпимой обиды. Онисимъ довольно улыбнулся и вышелъ, напутствуемый всевозможными пылкими пожеланіями, которыя какъ изъ пулемета сыпала ему вслѣдъ разгнѣванная и оскорбленная въ лучшихъ чувствахъ своихъ супруга.

До волости было недалеко, всего четыре-пять верстъ, и это разстояніе Нетудыхата, упоенный сознаніемъ побѣды и своего могущества, прошелъ незамѣтно для самого себя.

Въ волостное правленіе онъ вошелъ съ значительнымъ видомъ знающаго себѣ цѣну человѣка, но здѣсь его ожидало горькое разочарованіе: ухмыляющійся писарь прочелъ бумагу окружнаго суда, въ которой ему объявлялось, что прошеніе его оставлено безъ

¹⁾ Скамья.

²⁾ Ремень, которымъ поддерживаются штаны.

³⁾ Кнутъ.

послѣдствій «за отсутствіемъ въ немъ указаній на признаки преступленія, подсуднаго общимъ судебнымъ мѣстамъ». При этомъ судъ поручалъ волостному правленію разъяснить Нетудыхатѣ, что «жалобы супруговъ на побои и личныя оскорбленія по закону не пріемлются и что съ жалобой своей на жену за прелюбодѣяніе съ Круторепенко, онъ можетъ обратиться къ судебному слѣдователю.

Онисимъ стоялъ, какъ пораженный громомъ, и не вѣрилъ своимъ ушамъ. Онъ растерянно глядѣлъ въ лицо писарю, а рука его машинально скребла «потылицу»¹⁾.

— Такъ оцѣ я и тутъ безъ послѣдствія?—упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Безъ послѣдствія!—подтвердилъ тотъ:—если хочешь жаловаться за прелюбодѣяніе, то можешь.

— Що воно такѣ ще? ²⁾—не понялъ Онисимъ.

— Де-еревня!—презрительно бросилъ писарь:—не понимаешь вещей, оченно простыя которыя... За то, что твоя «жінка», съ пона-маремъ «гуляла»,—объяснилъ онъ.

— Та нехай вона галяе хоть зъ нечистымъ!—вознегодовалъ Онисимъ:—оцѣ міні зовсімъ безъ діла, тряця ін матері! ³⁾ А за побой якъ?

— Сказано тебѣ, за побой ты оставленъ безъ послѣдствія—внушительно повторилъ писарь.—Немá такого закона, чтобъ «жінка» не смѣла бить «чоловіка». Понялъ?

— Немá на прокляту бабу управы!—горестно воскликнулъ Нетудыхата, въ отчаяніи хлопнувъ себя руками по бедрамъ—Пропала теперь навѣки моя головонька, нѣнько жъ ты моя рідна ⁴⁾!

Онъ едва не заплакалъ отъ огорченія.

— Немá, немá—подтвердилъ писарь и ехидно добавилъ:—иди д дому, жінка мабуть ⁵⁾ тебя дожидается...

— Нехай вона вамъ скáзаться! ⁶⁾—въ сердцахъ проговорилъ Онисимъ и, уже не отнимая руки отъ затылка, грустно побрелъ изъ волостного правленія, провожаемый насмѣшливыми улыбками писцовъ.

— За-адасть ему баба «кандѣру»! ⁷⁾—насмѣшливо произнесъ писарь, покрутивъ головой. Всѣ бывшіе въ правленіи расхохотались: они знали, что теперь Горпина «не помылуе» своего супруга.

Когда Нетудыхата, уже не съ видомъ побѣдителя, а являя собой печальное подобіе только что промокшаго подъ проливнымъ дождемъ

¹⁾ Затылокъ.

²⁾ Что это такое еще?

³⁾ Пусть она гуляетъ хоть съ чортомъ... Это меня не касается, лихорадка ея матерп,

⁴⁾ Нѣтъ на... управы... Пропала теперь моя головушка, мать ты моя родная!

⁵⁾ Вѣроятно.

⁶⁾ Пусть она вамъ сбѣсится (излюбленное выраженіе малороссовъ).

⁷⁾ Жидкая каша.

пѣтуха, вошелъ въ избу, то Горпина, окинувъ его съ ногъ до головы зоркими глазами своими, сразу поняла, въ чемъ дѣло, и, набросивъ на плечи «кохту», какъ вихрь понеслась въ волостное правленіе.

Тяжелыя минуты пережилъ Онисимъ по ея возвращеніи... Окрыленная радостью и сознаниемъ своего неотъемлемаго законнаго права, энергичная супруга его отвела на немъ свою наболѣвшую душу и изстрадавшееся сердце такъ, что Онисимъ, вспоминая объ этомъ скверномъ днѣ, всегда невольно начинаетъ почесываться.

Жизнь сразу вошла въ свою обычную нормальную колею, и бразды правленія снова оказались въ твердыхъ рукахъ Горпины.

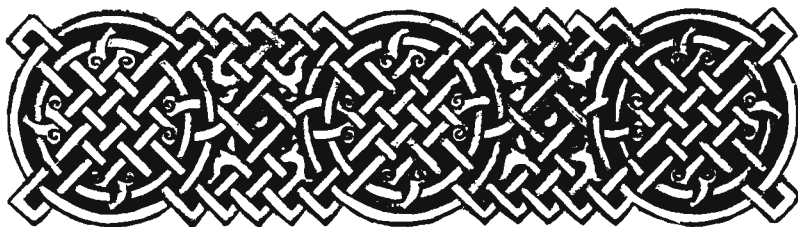
Много смѣялись на хуторахъ Голопупенковыхъ по поводу всей этой исторіи и до сихъ поръ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ напоминаютъ Онисиму о томъ, какъ онъ ѣздилъ «на губернію позываться съ жінкой» ¹⁾.

Страшно не любить вспоминать объ этомъ Нетудыхата. А шутники, какъ на грѣхъ, все не хотятъ забыть этого, да еще и дразнятъ его, повторяя слова старинной малороссійской пѣсни: «присудылы мужика—жінку почитаты!»

Ал. Вик. Ториновичъ.

¹⁾ «Позываться»—судиться.

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ А. Н. МАЙКОВЪ.

ЕЛАЯ подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» своими воспоминаніями о покойномъ поэтѣ Аполлонѣ Николаевичѣ Майковѣ, я, къ сожалѣнію, буду вынужденъ говорить и о себѣ—не изъ тщеславія, конечно, или желанія пристегнуть свое никому невѣдомое имя къ имени извѣстнаго писателя, а только въ силу того, что все изложенное ниже вызвано моимъ посѣщеніемъ поэта и чтеніемъ моихъ стихотвореній.

Къ этому считаю нужнымъ добавить, что воспоминанія эти воспроизведены мной по имѣющемуся у меня дневнику, который я велъ въ то время.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ «умерла моя муза», и я, не желая пополнять собой и безъ того довольно густые ряды непризнанныхъ поэтовъ, оставилъ свои занятія поэзіей безъ всякаго ущерба для нея и всецѣло посвятилъ себя службѣ.

Но въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, т. е. въ 1894 году, я увлекался поэзіей и отдавался ей все́мъ моимъ существомъ со страстью, съ наслажденіемъ. Это будетъ ясно, если я добавлю, что мнѣ тогда было 18 лѣтъ.

Кромѣ двухъ-трехъ товарищей, которые знали о моемъ увлеченіи и были единственными читателями и судьями моихъ произведеній, я тщательно скрывалъ отъ все́хъ окружающихъ о своихъ литературныхъ занятіяхъ. Однако этотъ образъ дѣйствій долго продолжаться не могъ: къ тому времени у меня созрѣло непреодо-

лимое желаніе отдать свои стихи на судъ взрослого понимающаго человѣка, и я послѣ долгихъ колебаній показалъ ихъ М. А. Балакиреву, бывшему въ то время управляющимъ придворной капеллой, воспитанникомъ которой я тогда состоялъ.

Стихи мои Балакиреву понравились, и онъ мнѣ сказалъ:

— Погоди, я тебя познакомлю съ Аполлономъ.

Я, конечно, понялъ, что Балакиревъ говорилъ о Майковѣ (о знакомствѣ ихъ между собою мнѣ было хорошо извѣстно), и сталъ съ нетерпѣніемъ ждать счастливаго случая.

Однажды мнѣ Балакиревъ предложилъ прійти въ Александро-Невскую лавру на похороны жены бывшего государственнаго контролера Т. И. Филиппова, гдѣ предполагалъ быть и Майковъ. Въ назначенный день и часъ я явился въ условленное мѣсто, но Аполлонъ Николаевичъ, кажется, по болѣзни, на похоронахъ не былъ, и мое знакомство съ нимъ было отложено до болѣе благопріятнаго случая.

Прошло много времени, а познакомиться съ Майковымъ мнѣ все не удавалось. Я уже сталъ было терять надежду.

Однажды, это было 30-го декабря 1894 г., меня встрѣтилъ нашъ инспекторъ инструментальнаго класса Л. и, передавая мнѣ визитную карточку Балакирева съ надписью и письмо, сказалъ:

— Вотъ тебѣ отъ Милія Алексѣевича письмо Майкова и визитная карточка, съ которой ты завтра, къ 11 ч. утра, тутъ написано въ письмѣ, пойдешь къ нему. Да не забудь, что онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, и ему надо говорить «ваше превосходительство».

Я забрался въ отведенную мнѣ для занятій комнату и съ жадностью принялся за чтеніе дорогихъ для меня строкъ поэта.

Вотъ это письмо:

«Многоуважаемый Милій Алексѣевичъ!

«Если угодно вашему поэту пожаловать ко мнѣ 31-го декабря сего года, около 11 ч. утра, то я буду его ждать. Ваше впечатлѣніе и отзывъ о немъ очень меня заинтересовалъ. Пока скажу одно: если вы можете на него вліять, то будьте къ нему строги. Если изъ меня что-нибудь вышло, то это благодаря, во-1-хъ, одному пріятелю моего отца, который, очень любя меня, былъ неумолимъ къ моимъ стихамъ, а, во-2-хъ, моимъ такъ называемымъ литературнымъ (правильнѣе: политическимъ) врагамъ, пріучившимъ меня быть строгоу къ самому себѣ. Муза—строгая богиня. Не можетъ быть ни игрушкой, ни кухаркой?

«Вы, впрочемъ, это знаете—внушайте и другимъ!

«Весь вашъ

«А. Майковъ».

Понятно, что через нѣсколько минутъ я зналъ это письмо наизусть. Теперь мнѣ оставалось еще разъ пересмотрѣть стихотворенія, приготовленныя мной для показа Майкову, и обдумать предстоящій визитъ. Не тутъ-то было! Голова работала энергично, но совершенно въ другомъ направленіи. Возбужденная фантазія широко набрасывала заманчивыя перспективы счастливаго будущаго, конечно, на литературномъ поприщѣ, и обуздать ее не было никакой возможности.

На другой день, захвативъ съ собой тетрадку со стихами и визитную карточку Балакирева, я отправился на Большую Садовую, въ домъ, гдѣ жилъ поэтъ. Поднявшись въ верхній этажъ, я остановился передъ дверью съ карточкой, на которой значилось: «Аполлонъ Николаевичъ Майковъ». Я сильно волновался и не рѣшался позвонить. Наконецъ-то насталъ моментъ, такъ долго и терпѣливо мною ожидавшійся. Я только тамъ, стоя передъ запертой дверью, почувствовалъ всю важность предстоящаго мнѣ визита и свою полную къ нему неподготовленность, тѣмъ болѣе, что я шелъ не къ нашему апатичному преподавателю русской словесности, которому я года за четыре передъ тѣмъ тоже однажды давалъ свои стихи, но онъ, продержавъ ихъ мѣсяца два вернулъ мнѣ безо всякихъ помѣтокъ и комментаріевъ, а къ маститому поэту, сочиненіями котораго я тогда такъ восхищался!

Сдѣлавъ надъ собой усиліе, я позвонилъ. Мнѣ открыла дверь женщина среднихъ лѣтъ. Я передалъ ей карточку Балакирева, съ которой она ушла, а я остался ждать въ передней. Вдругъ мой взоръ упалъ на портретъ поэта, написанный масляными красками, видѣвшійся сквозь полуоткрытую дверь изъ сосѣдней комнаты. Сходство съ оригиналомъ было поразительное. Особенно удачно былъ схваченъ взглядъ поэта, совершенно какъ живой. Вернувшаяся прислуга пригласила меня въ кабинетъ. Я вошелъ. У письменнаго стола, спиной ко мнѣ, сидѣлъ Майковъ и что-то быстро писалъ; на плечахъ его былъ накинута теплый пледъ. Минуты черезъ двѣ онъ всталъ. Я поклонился. Онъ пожалъ мнѣ руку и усадилъ меня въ кресло, прибавивъ:

— Посидите немножко, я только кончу письмо.

Я занялся разглядываніемъ его кабинета. Прямо противъ двери, у стѣны, стоялъ небольшой письменный столъ съ разложенными на немъ въ порядкѣ книгами, бумагами, пресъ-папье валикомъ и другими письменными принадлежностями; дальше, у той же стѣны стоялъ диванъ съ двумя креслами, обитые зеленымъ штофомъ, и столъ, покрытый черной клеенкой; слѣдующая небольшая стѣна была заставлена шкапомъ съ книгами, какими, я не могъ разглядѣть, потому что сидѣлъ къ шкапу спиной; у третьей стѣны, въ углу стоялъ еще маленькій книжный шкафъ, къ которому примыкала оттоманка; рядомъ съ ней у самой двери помѣщалась высокая кон-

торка; въ послѣдней стѣнѣ было окно, заставленное разными растеніями. Осмотрѣвъ кабинетъ, я робко взглянулъ на поэта: что онъ дѣлаетъ? Майковъ попрежнему сидѣлъ и писалъ. Несмотря на свой почтенный возрастъ (ему въ то время было 73 года), онъ былъ еще достаточно бодръ. Его доброе морщинистое лицо, небольшіе умные глаза, носъ съ горбинкой, на которомъ удобно лежали золотыя очки и мягкая сѣдая борода съ такими же усами,—все это такъ располагало въ его пользу, что я совсѣмъ позабылъ, что сижу въ кабинетѣ его превосходительства. Одѣтъ онъ былъ въ черный сюртукъ, темныя полосатыя брюки и простыя темно-сѣрыя туфли, какія выдавались и намъ въ интернатѣ; это послѣднее обстоятельство совершенно меня успокоило и водворило въ норму.

Окончивъ письмо, Майковъ досталъ изъ ящика письменнаго стола марку, лизнулъ ее языкомъ, и наклеивъ на конвертъ, приложилъ прессъ-папье; порывшись еще въ столѣ, онъ досталъ другое письмо и вышелъ изъ кабинета. Воспользовавшись этимъ временемъ, я вынулъ принесенную съ собой тетрадку со стихами и успѣлъ разсмотрѣть большую картину, висѣвшую надъ оттоманкой и изображавшую обрѣзаніе Господне.

Минуту спустя въ комнату, кашляя, вошелъ Майковъ.

— Совсѣмъ простудился, кашель получилъ.

— Въ такую погоду и немудрено простудиться.

Дѣйствительно, несмотря на конецъ декабря, было что-то вродѣ оттепели съ сильнымъ, пронизывающимъ насквозь вѣтромъ.

Поэтъ подошелъ къ столу, около котораго сидѣлъ я, и полуразвалился въ креслѣ, положивъ ноги на диванъ.

— Ну, покажите мнѣ, что вы съ собой принесли.

Я не безъ трепета подаль ему свою тетрадь. Приблизивъ ее къ самому лицу, онъ сталъ читать, не торопясь, вслухъ, нѣсколько охрипшимъ басомъ, должно быть, отъ простуды, на которую поэтъ жаловался.

Тетрадь начиналась стихотвореніемъ, въ которомъ фигурировалъ «угрюмый утесъ», склонившійся надъ водою; вокругъ него шумѣла морская бездна, но онъ былъ нерушимъ; волны съ яростью и ревомъ катились къ нему, дробились, ударяясь о его грудь, и съ ропотомъ убѣгали обратно.

— Знаете что,—сказалъ мнѣ по поводу этого стихотворенія Майковъ:—много я на своемъ вѣку ѣздилъ по морямъ, даже на одномъ кораблѣ цѣлый годъ былъ въ плаваньи, много, поэтому, я видѣлъ и морей, и у всѣхъ у нихъ я запримѣтилъ разныя краски: у одного моря берега скалистые, у другого песчаные. Возьмите, напримѣръ, моря Адриатическое и Сѣверный Ледовитый океанъ, какая между ними разница! Не у всякаго моря есть утесы, о которые могутъ дробиться волны... И вообще не слѣдуетъ описывать того, чего вы сами не видѣли.

Я съ нимъ не могъ не согласиться: въ моемъ стихотвореніи ничего, кромѣ избитыхъ, какъ старый каблукъ, эпитетовъ не было, но мнѣ больше всего понравилось заключеніе его рѣчи, настойчиво рекомендовавшее мнѣ землю, а не небо, къ которому, какъ я думалъ въ то время, должны стремиться поэты.

Слѣдующее стихотвореніе называлось «Зима». Въ виду того, что оно понравилось Майкову и по размѣрамъ своимъ невелико, я, для правильнаго сужденія объ оцѣнкѣ поэта, позволю себѣ воспроизвести его здѣсь цѣликомъ.

Пушистымъ снѣгомъ разубрала
Зима жилища и сады,
Ковры пушистые постлала,
Сковала чистые пруды.

Подъ бѣлоснѣжной пеленою
Березы группами стоятъ
И, какъ дѣвицы подъ фатою,
Стыдливо клонятъ долу взглядъ...

— Вотъ видите ли, — говорилъ Майковъ: — въ предыдущемъ стихотвореніи все старо, извѣстно и все исписано, а здѣсь какъ мило сказано: «И, какъ дѣвицы подъ фатою, стыдливо клонятъ долу взглядъ». Видите, здѣсь ужъ есть у васъ образъ.

И онъ снова перечиталъ все стихотвореніе вслухъ, одобрительно покачивая головой.

Его указаніе на поэтическій образъ въ моемъ стихотвореніи было для меня цѣлымъ откровеніемъ. До того времени я никогда никакихъ образовъ не подыскивалъ и если они иногда встрѣчались въ моихъ стихахъ, то были, несомнѣнно, продуктомъ бессознательнаго творчества или подражанія. Съ этого же дня образы стали моей цѣлью, моимъ стремленіемъ.

Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ вещей, о которыхъ Майковъ много не распространялся, а только подчеркивалъ карандашомъ неудачныя выраженія или слова, которыя, по его выраженію, приходилось «проглотить», потому что они стояли на мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ударенія («Сѣдой Днѣпръ въ пространство уходитъ далеко»...). Прочитавъ стихотвореніе «Надъ Днѣпромъ», Майковъ остановился и снова его перечиталъ. Это была картинка, представлявшаяся взору, брошенному на Днѣпръ съ высокаго обрыва и заканчивавшаяся слѣдующими стихами:

И вкралось тогда въ мою душу сомнѣнье:
Ужели всему часъ паденья придетъ?

— Ну, хорошо, — говорилъ Майковъ: — допустимъ, что я стою надъ тѣмъ самымъ обрывомъ, надъ которымъ стояли и вы, при этомъ вижу, какъ «кругомъ въ безконечность луга побѣжали», слышу

крики ребятъ шжкъ въ ближайшемъ селеніи (лучше подъ горой), но мнѣ и въ голову не приходитъ мысль, выраженная у васъ въ заключительныхъ стихахъ.

Я, конечно, не протестовалъ, такъ какъ послѣ его словъ ясно увидѣлъ всю рѣжущую ухо неожиданность и фальшь двухъ послѣднихъ стиховъ и выразилъ надежду, что стихотвореніе можно оставить просто картиной.

— Да, если вы ее заключите чѣмъ-нибудь вродѣ «березокъ подъ фатою»,—сказалъ Майковъ, намекая на понравившіеся ему стихи.

— Что же вы стоите?—обратился онъ ко мнѣ, замѣтивъ, что я стою возлѣ него:—садитесь!

Не помню, какъ у меня это сорвалось, но только я ему отвѣтилъ:

— Я хочу быть поближе къ вамъ.

— Такъ придвиньте кресло сюда поближе. Вотъ такъ, хорошо,—добавилъ онъ, когда я придвинулъ къ нему тяжелое кресло и сѣлъ.

По поводу неудачнаго слова «сыростію», встрѣтившагося въ одномъ изъ моихъ стихотвореній, Майковъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— Въ мои дѣтскіе годы у насъ въ Москвѣ былъ лакей, любившій кропать стихи. Бывало мететь, мететь онъ полъ, вдругъ остановится, обопрется на щетку и начнетъ сочинять стихи. Стиховъ у него накопилось порядочно, и кто-то ихъ потомъ напечаталъ народнымъ изданіемъ. Между прочими стихотвореніями было у него одно, начинавшееся такъ:

Возрасть съ возрастомъ согласенъ

Вотъ въ этомъ-то самомъ стихотвореніи, я помню, у него было выраженіе «страстію пылаеть», совсѣмъ вродѣ вашего «сыростію».

При этомъ морщинистое лицо поэта озарилось доброй, лучезарной улыбкой.

Наконецъ всѣ мелкія стихотворенія были прочитаны; оставалась одна легенда въ стихахъ подъ названіемъ «Смерть Григорія Чудотворца».

Майковъ на минуту остановился, закурилъ папиросу и прежде, чѣмъ начать читать, высказалъ свой взглядъ на мотивы изъ духовной поэзіи.

— Знаете что? въ сферѣ духовнаго очень часто встрѣчаются настоящіе перлы поэзіи, такъ, напримѣръ, духовныя пѣснопѣнія Страстной седмицы—выше всякой свѣтской поэзіи. Если бъ я зналъ это раньше и имѣлъ къ нимъ свободный доступъ, я бы выгребалъ оттуда цѣлыя пригоршни... Я вамъ говорю, что тамъ столько драгоценностей, столько поэзіи!..

Поэтъ говорилъ это съ такимъ воодушевленіемъ, съ такимъ юношескимъ восторгомъ, что я совсѣмъ забылъ, что слушаю семидесятилѣтняго старика.

— Нѣкоторые изъ поэтовъ,—продолжалъ Майковъ,—черпали изъ этого источника, въ томъ числѣ Мей и Алексѣй Толстой. Вотъ, напримѣръ, «Іоаннъ Дамаскинъ» послѣдняго, какая милая вещичка, только не совсѣмъ выдержанная; мнѣ не нравится, зачѣмъ Толстой свелъ ее въ концѣ концовъ на памфлетъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ попало въ руки посланіе Майкова къ августѣйшему поэту великому князю Константину Константиновичу, въ которомъ эта же мысль высказана Майковымъ гораздо полнѣе и рельефнѣе въ слѣдующихъ стихахъ:

Вотъ «Дамаскинъ» Алексѣя Толстого: за автора больно!
Сколько погублено красокъ и чертъ вдохновенныхъ задаромъ!
Свелъ житіе онъ на что? На протестъ за «свободное слово»!..
Противъ цензуры и вышелъ памфлетъ вмѣсто чудной легенды!
Все оттого, что лица говорящаго онъ не видалъ предъ собою!...

Слушая все это, мнѣ, признаться, было крайне неловко за свое стихотвореніе на духовную тему, въ которомъ не было ни капли поэзіи, это былъ просто стихотворный пересказъ. Я, собственно говоря, никогда не тяготѣлъ къ духовной поэзіи и написалъ свою легенду совершенно случайно да и къ Майкову принесъ ее только потому, что я именно ее показывалъ Балакиреву, а онъ, въ свою очередь, говорилъ о ней поэту, и не принести ее было неудобно.

Въ заключеніе Майковъ сказалъ мнѣ:

— У васъ есть вкусъ, форма и эта сжатость... Читайте больше. А у васъ есть въ библіотекѣ мои сочиненія?

Этотъ вопросъ поставилъ меня въ крайне затруднительное положеніе: въ нашей убогой библіотекѣ, кромѣ сказокъ и четьи-миней, были только сочиненія Пушкина, Островскаго и Аксакова (славянофила) да приложенія къ газетѣ «Гражданинъ» и больше ничего, а сочиненій Майкова и въ поминѣ не было; я же съ ними познакомился въ библіотекѣ Черкесова, абонентомъ которой состоялъ нѣсколько лѣтъ. Утаить это непріятное для поэта обстоятельство я не могъ и на его вопросъ отвѣтилъ отрицательно.

— Скажите Милію Алексѣвичу (Балакиреву), что я этимъ очень недоволенъ.

Затѣмъ онъ вышелъ и возвратился съ тремя томиками своихъ сочиненій. Сдѣлавъ на одномъ изъ нихъ соответствующую надпись, онъ тщательно упаковалъ ихъ, увязалъ и подарилъ мнѣ на память.

— Не забывайте меня и въ другой разъ,—сказалъ онъ, прощаясь и пожимая мнѣ въ передней руку.

Счастливый, полный радужныхъ надеждъ, ѣхалъ я домой, поглядывая на свой драгоценный подарокъ и крѣпко прижимая его къ себѣ.

Въ тотъ же день я былъ у Балакирева, благодарилъ его за устроенное свиданіе и рассказалъ ему про свой визитъ къ поэту.

Балакиревъ, казалось, былъ счастливъ не менѣе меня, что могъ, наконецъ, осуществить мое давнишнее желаніе.

Я достала изъ кармана письмо поэта и передала его Балакиреву, но онъ вернулъ его мнѣ со словами:

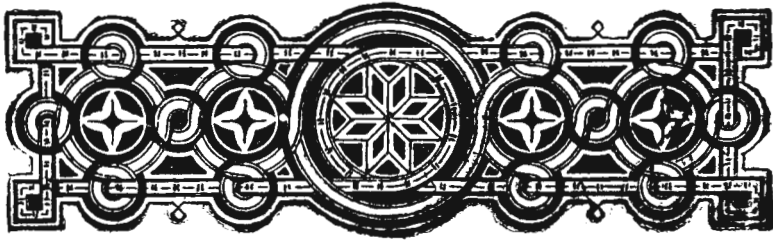
— Письмо это ты сохрани, во-первыхъ, какъ автографъ великаго человѣка, а, во-вторыхъ, потому, что письмо это собственно о тебѣ.

Черезъ годъ Майковъ встрѣтился гдѣ-то съ Балакиревымъ и, отозвавшись обо мнѣ хорошо, приглашалъ меня прійти къ нему съ новыми работами. Переписавъ въ ту же тетрадь десятка полтора новыхъ стихотвореній, я, было, совсѣмъ собрался къ Майкову, но, узнавъ, что онъ лежитъ больной, вынужденъ былъ отложить свой новый визитъ до другого времени.

Въ томъ же году я уѣхала изъ Петербурга на службу въ провинцію и больше поэта не видала, а черезъ годъ съ грустью узнала изъ газетъ о его смерти.

В. Кульчинскій.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

ОМЪЩЕННЫЙ въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» эпизодъ «День въ домѣ у Цѣпного моста» перенесъ меня въ отдаленныя времена и воскресилъ въ моей памяти два эпизода, которые окончились благополучно, но въ то время не столько мнѣ, сколько моей покойной матери причинили немало горя и тревоги. Рассказъ мой относится къ 1881 и 1882 годамъ.

I.

15 іюня 1881 года, въ день моего рожденія, мой двоюродный братъ, воспитанникъ частной гимназіи Бычкова, М. В., товарищъ дѣтства реалистъ А. В. и я, послѣ бывшаго у меня въ домѣ традиціоннаго пирога отправились на одну изъ ближайшихъ къ моему родному городу станціи Николаевской желѣзной дороги провожать знакомыхъ барышень, кстати и реалиста, который съ этой станціи долженъ былъ слѣдовать дальше на лошадахъ въ деревню. Распростившись съ нашими дамами, мы сѣли ужинать и, будучи уже въ нѣсколько повышенномъ настроеніи, за дружеской бесѣдой незамѣтно осушили одну-другую бутылку вина, послѣ чего одинъ изъ нашихъ коллегъ, а именно М. В., не отдавалъ уже себѣ полнаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, и его поведеніе сдѣлало этотъ вечеръ фатальнымъ, причинившимъ намъ немало непріятностей и хлопотъ,

М. В. вступилъ въ пререканіе съ дежурнымъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ и, получивъ отъ него какое-то замѣчаніе въ рѣзкой формѣ, выругалъ его нецензурными словами, послѣ чего всѣхъ насъ задержали на станціи и лишили возможности вернуться домой.

На другой день, выспавшись въ залѣ перваго класса, служившемъ въ данномъ случаѣ арестнымъ помѣщеніемъ, я обратилъ вниманіе, что пальто реалиста служить мнѣ одѣяломъ, а мое пальто на немъ. Обмѣнъ пальто объяснялся какъ темнотою, царившею въ залѣ, такъ и тѣмъ, что оба были форменныя. Явились мѣстные власти: начальникъ станціи, его помощникъ, какіе-то два желѣзнодорожные агента и жандармскій унтеръ-офицеръ. Послѣдній, опросивъ насъ, какъ полагается, объ имени, отчествѣ, фамилии, лѣтахъ, мѣстѣ рожденія, припискѣ и пр. пр., приступилъ къ описанію самаго «происшествія», при чемъ упомянулъ въ протоколѣ, что при обыскѣ (вѣроятно, бывшемъ въ то время, когда мы спали) въ карманѣ пальто, которымъ я былъ прикрытъ, найденъ револьверъ такой-то системы. Несмотря на мой протестъ, что пальто не мое и завленіе А. В., что револьверъ принадлежитъ его отцу и данъ ему послѣднимъ въ дорогу, намъ не вняли и протоколъ не былъ исправленъ.

Начальникъ станціи добродушно обратился ко мнѣ: «молодой человѣкъ, о чемъ вы волнуетесь, не все ли равно, у кого найденъ револьверъ, дѣло не въ этомъ, а въ нанесеніи оскорбленія господину жандарму, за что и будетъ отвѣчать вашъ братецъ».

Насъ всѣхъ отпустили, и мы разъѣхались по домамъ. Вскорѣ я фигурировалъ въ качествѣ свидѣтеля у мѣстнаго мирового судьи. Дѣло окончилось штрафомъ въ размѣрѣ 50 рублей, къ которому былъ приговоренъ М. В.

Я считалъ этотъ инцидентъ исчерпаннымъ, да иначе нельзя было и думать,—на самомъ же дѣлѣ вышло совсѣмъ другое.

20-го іюля я поѣхалъ въ окрестности Петербурга на дачу къ одному воспитателю, гдѣ долженъ былъ подготовиться къ экзамену, котораго я не держалъ въ маѣ по болѣзни. Я усиленно занимался и съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца августа—дня экзамена. Объ исторіи на станціи я и не думалъ. Но вотъ въ серединѣ августа мѣсяца появляется на дачу нашъ милый директоръ и, поговоривъ о чемъ-то съ озабоченнымъ видомъ съ нашимъ воспитателемъ, обратился ко мнѣ со словами: «Пойдемъ, мнѣ нужно тебя кое о чемъ разспросить». Какъ только мы остались вдвоемъ, онъ мнѣ предъявилъ бумагу Третьяго Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, гдѣ сообщалось, что 15 іюня на станціи N. у воспитанника такого-то института въ пальто былъ найденъ револьверъ, а потому просятъ сообщить подробныя свѣдѣнія о его благонадежности.

Директоръ совершенно растерялся въ этомъ дѣлѣ и смотрѣлъ на него съ другого конца. Вмѣсто того, чтобы отвѣтить прямо на

вопросъ, онъ счелъ нужнымъ подробно расспрашивать меня объ этомъ злополучномъ револьверѣ, о калибрѣ, системѣ и прочее (онъ былъ когда-то артиллеристомъ) и послѣ того, какъ я ему изложилъ все обстоятельства, при которыхъ это оружіе попало ко мнѣ, то есть, вѣрнѣе, въ карманъ моего пальто, онъ совершенно неожиданно изрекъ резолюцію, поставившую меня въ полное недоумѣніе, скажу больше—отчаяніе.

— Поѣзжай домой и доставь мнѣ неопровержимыя доказательства, что найденный при тебѣ револьверъ принадлежалъ другому лицу и что мѣстные власти считаютъ тебя вполне благонадежнымъ въ противномъ же случаѣ ты не будешь допущенъ къ экзамену и намъ придется распрощаться.

Трудно себѣ представить, сколько мнѣ стоило труда, хлопотъ и расходовъ, чтобы добыть требуемыя отъ меня свѣдѣнія. Первымъ дѣломъ я направился къ мировому судѣ. Онъ совершенно правильно заявилъ мнѣ, что въ его дѣлѣ обо мнѣ упоминается лишь какъ о свидѣтелѣ и потому онъ не можетъ помочь мнѣ по поводу возбужденнаго въ отношеніи меня дѣлѣ о револьверѣ; затѣмъ поѣхалъ я на злополучную станцію, гдѣ тщетно упрашивалъ желѣзнодорожное начальство и оскорбленнаго унтеръ-офицера снабдить меня какимъ-нибудь удостовѣреніемъ о принадлежности пальто, въ которомъ хранился револьверъ, другому лицу, но все въ одинъ голосъ говорили, что вся переписка уже давно со станціи отправлена и въ нарядахъ рѣшительно ничего не осталось, выдавать же какія-либо удостовѣренія они не уполномочены.

Видя, что этимъ путемъ ни до чего не доберусь, рѣшилъ я обратиться къ губернатору А. Н. С. и начальнику т—го губернскаго жандармскаго управленія полковнику Д. Послѣдній оказалъ мнѣ серьезную услугу въ дѣлѣ моей реабилитаціи передъ моимъ начальствомъ, хотя онъ могъ свободно отвести себя, такъ какъ чины жандармскихъ полицейскихъ управленій желѣзныхъ дорогъ ему не подчинены, тѣмъ не менѣе онъ принялъ во мнѣ горячее участіе. Вообще полковникъ Д. пользовался общимъ уваженіемъ и любовью всехъ лицъ, его знавшихъ.

Когда я къ нему явился и подробно доложилъ о висящемъ надо мною Дамокловомъ мечѣ, онъ спокойно сказалъ мнѣ:

— Сейчасъ опредѣленнаго передать вамъ не могу, а завтра въ это же время, вечеромъ, загляните ко мнѣ, и мы рѣшимъ, какъ дѣйствовать; вы остановились у А. П. М—ва? Подождите минутъ десять, я приведу себя въ порядокъ и подвезу васъ къ его подъѣзду; а пока, чтобы не скучать, займитесь литературой.

При этомъ онъ мнѣ передалъ 5—6 тетрадокъ. Въ этихъ книжечкахъ подчасъ можно найти многое достойное описанія.

На корешкахъ тетрадокъ значилось: «Дневникъ жандармскаго унтеръ-офицера Н. за 1881 годъ». Я сталъ читать. Противъ каждого

числа мѣсяца были сдѣланы замѣтки, мало интереса представляющія, какъ-то: «обходилъ районъ, ничего особеннаго не обнаружено», «въ церквѣ-соборѣ на велико-торжественномъ молебствіе было немного должностныхъ лицъ, должно быть по случаю отпусковъ». Но вотъ я попалъ на крайне любопытную записъ: «8-го іюля, въ день Казанской Божіей Матери на углу Трехсвятской и Дворянской ул. въ домѣ доктора Станислава Косинскаго въ 9 час. вечера ставни были на-глухо заперты, собралось много гостей, были пріѣзжіе изъ уѣзда, громко говорили и спорили, разговоръ, повидимому, шель очень политической».

— Ну, что соскучились?—обратился ко мнѣ полковникъ, войдя въ кабинетъ.

— Нѣтъ,—говорю я:—одну только книжку просмотрѣлъ и въ ней нашель замѣтку достойную вниманія.

— Это еще цвѣточки, а ягодки впереди,—добродушно улыбаясь, сказалъ Д.:—а посмотрите больше, куда интереснѣе найдете.

— Что же вы дѣлаете, полковникъ, съ этими замѣтками?—спросилъ я.

— Читаю послѣ клуба и чудно засыпаю—это вполне безвредный наркозъ.

На другой день въ то же время я вновь объявился къ симпатичному полковнику, который въ передней же, взявъ меня за обѣ руки, съ радостью объявилъ:

— Поѣзжайте сейчасъ же въ Петербургъ, держите экзамень, а объ остальномъ не думайте; все будетъ устроено; къ А. Н. (губернатору) можете не ѣхать, я съ нимъ переговорилъ.

Считая неудобнымъ утруждать полковника излишними вопросами, я въ полномъ невѣдѣніи исхода моего дѣла поѣхалъ домой къ матери, а на другой же день направился въ Петербургъ, куда и прибылъ 26-го августа. Экзамень былъ назначенъ на 31-ое.

Положеніе мое было крайне неопредѣленное, но 29-го меня приглашаютъ къ директору; я не помню, какъ я шель по узкой внутренней лѣстницѣ въ его квартиру, не помню, какъ прошелъ всю амфиладу комнатъ, помню только, что, когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ, онъ меня расцѣловаль и торжественно заявилъ:

— Очень радъ, что ты вполне реабилитированъ, мнѣ только грустно, что тебѣ пришлось перенести столько волненій и непріятностей. Ну, а теперь иди и зубри, помни, что послѣзавтра экзамень.

II.

Другой достойный описанія случай имѣлъ мѣсто въ маѣ мѣсяцѣ 1882 года.

По окончаніи экзаменовъ въ послѣдній классъ я до отъѣзда въ деревню остался еще недѣли на двѣ у моихъ хорошихъ знакомыхъ,

жившихъ на собственной дачѣ, вѣрнѣе, въ пригородномъ имѣніи, расположенномъ въ 13 верстахъ отъ Петербурга, по Петергофскому тракту. Не помню, какого числа мои товарищи, у которыхъ я жилъ, предложили мнѣ поѣхать въ Петергофъ. Долженъ здѣсь же оговориться, что въ этомъ пригородномъ мѣстѣ я еще ни разу не былъ, а пріатели мои тоже съ дѣтства туда глазъ не казали. Выѣхали мы по желѣзной дорогѣ со станціи Литово около 4-хъ часовъ дня.

Въ теченіе 5—6 часовъ мы основательно осматривали городъ и паркъ; я, какъ крайне любознательный юноша, изводилъ моихъ спутниковъ всевозможными вопросами, но они, будучи тоже мало освѣдомлены достопримѣчательностями Петергофа, не могли удовлетворить меня. Тогда я рѣшилъ съ дальнѣйшими разспросами обращаться къ постовымъ городовымъ, которыхъ въ то время былъ легіонъ. Я помню болѣе или менѣе то, о чемъ спрашивалъ: «какъ пройти къ Монплезиру, далеко ли до Бабигона?» и т. д. Проходя мимо какого-то большого зданія, я поинтересовался узнать, что въ немъ помѣщается; мнѣ отвѣтили: гранильная фабрика.

Кто-то изъ насъ замѣтилъ, что хорошо было бы пойти въ Александрію, но дороги туда мы не знали. Мы снова обратились къ какому-то городовому или другому лицу съ просьбою указать намъ дорогу, при этомъ я добавилъ: «а, подойдя къ Александріи, дворецъ виденъ?» Оказалось, что дворца мы не увидимъ, и потому рѣшили въ Александрію не идти, а отправиться куда-нибудь отдохнуть и поужинать.

Было уже около 10 часовъ вечера, и продолжительная прогулка при весеннемъ воздухѣ возбудила въ насъ большой аппетитъ. Рѣшили пойти на взморье въ гостиницу «Бельвю», въ то время лучшую.

Заняли отдѣльный кабинетъ съ террасою, выходящею на море. Шла оживленная бесѣда, вызванная сильными впечатлѣніями Петергофа, о фонтанахъ, затмившихъ версальскіе, о чудномъ солнечномъ закатѣ, и, кажется, о другомъ чемъ-нибудь, не касающемся нашей поѣздки, мы словомъ не обмолвились. Не знаю, почему-то намъ прислуживали два лакея—одинъ, собственно, подавалъ, а другой все время стоялъ около дверей и каждое наше требованіе немедленно передавалъ другому, котораго или звонилъ, или вызывалъ изъ коридора.

Во время ужина прислуга нѣсколько разъ напоминала намъ, что послѣдній поѣздъ по направленію Петербурга отходитъ въ 12 часовъ. Когда уже было безъ четверти двѣнадцать, человѣкъ явился со счетомъ и снова напомнилъ намъ о времени отхода поѣзда, но мы попросили его избавить насъ отъ своей опеки, такъ какъ намъ поѣзда не надо—мы поѣдемъ на лошадахъ; при этомъ освѣдомились у него, далеко ли до почтовой станціи. Послѣ этихъ словъ другой человѣкъ исчезъ. Я это потому запомнилъ, что при уплатѣ счета не

видѣлъ его, и приготовленныя для него деньги «на чай» остались у меня.

Изъ ресторана мы вышли въ половинѣ перваго и, сѣвъ на извозчика, поѣхали на почтовую станцію. Такъ какъ мы жили на Петергофскомъ шоссе, то для насъ было даже удобнѣе ѣхать на лошадахъ (пятнадцать верстъ), чѣмъ по желѣзной дорогѣ.

Не успѣли мы доѣхать да Сампсоніевскаго дворца, какъ извозчикъ нашъ былъ задержанъ подскакавшимъ къ лошади черкесомъ и вслѣдъ засимъ подошелъ къ намъ помощникъ пристава и предложилъ слѣдовать за нимъ въ комендантское управленіе.

Привели насъ въ очень комфортабельную комнату, по вѣшнему виду напоминавшую скорѣе будуаръ, чѣмъ канцелярію. Какъ сейчасъ помню обстановку—окна и двери одрапированы свѣтлорозовымъ крепономъ, мягкая, обитая тѣмъ же крепономъ мебель *capitonné*, туалетный столъ, но безъ всякихъ аксессуаровъ, и въ глубинѣ комнаты альковъ, задернутый розовой же занавѣскою. Провели мы въ этой комнатѣ, хотя и изящно обставленной, но нежилой и холодной, не менѣе часа, обмѣниваясь предположеніями насчетъ нашего непонятнаго задержанія. Наконецъ дверь открылась, и въ комнату вошелъ въ тужуркѣ полковникъ Ш. Видимо, его только что разбудили. Онъ сѣлъ на пуфъ и, позѣвывая, недовольнымъ тономъ обратился къ намъ со словами:

— Зачѣмъ вы сюда явились?

— Мы задержаны, а почему—не знаемъ.

— Такъ вотъ, господа, покорнѣйше прошу одного изъ васъ подробно, шагъ за шагомъ разсказать мнѣ вашу Одиссею.

Я сталъ перебирать всѣ подробности проведенныхъ въ Петергофѣ часовъ, но полковникъ выражалъ свое неудовольствіе, перебивая мой докладъ словами: «а еще что-нибудь спрашивали»? Тогда я вспомнилъ мой вопросъ о дворцѣ въ Александріи. Когда я это сказалъ, полковникъ разсмѣялся и громко произнесъ:

— Что же вы полчаса говорите мнѣ пустяки, а теперь только коснулись главнаго,—довольно, все понимаю. Такъ вы хотѣли подойти къ дворцу и поближе посмотрѣть его?! Скажите, кто вы такіе?

Мы назвали себя, но видовъ на жительство у насъ при себѣ не было.

На вопросъ, гдѣ мы живемъ, указали дачу высокопоставленнаго лица.

Тогда полковникъ крикнулъ: «Павловъ», и моментально изъ алькова появился какой-то субъектъ, которому было поручено проводить насъ до дачи N. и, никого не разбудивъ изъ господъ, опросить прислугу объ именахъ и фамиліяхъ каждаго изъ насъ.

Затѣмъ полковникъ Ш., простившись съ нами за руку и пожелавъ благополучно добраться домой, на прощанье добавилъ:

— А все-таки на будущее время не спрашивайте про Александрию.

Съ легкимъ сердцемъ мы покинули будуаръ, гдѣ такъ тревожно провели около двухъ часовъ.

На ожидавшемъ насъ извозчикѣ мы въ сопровожденіи г. Павлова доѣхали до почтовой стаціи и, взявъ тройку, покатали домой. Гдѣ-то на башенныхъ часахъ пробило половина третьяго.

Павлова посадили на козлы. Онъ оказался очень словоохотливымъ и между прочимъ сказалъ намъ:

— Неужели, господа, вы меня не узнаете?—я служилъ вамъ въ ресторанѣ.

Тогда намъ припомнился второй лакей.

Подѣхавъ къ дачѣ, мы были поражены полнымъ освѣщеніемъ. Весь домъ бодрствовалъ.

Оказалось, что послѣ прихода послѣдняго поѣзда, съ которымъ насъ ожидали, поднялась тревога; явились всякія предположенія, одно другого трагичнѣе и мрачнѣе. Когда же мы появились, нервы матери моихъ товарищей не выдержали, и съ нею сдѣлалась истерика.

Мы рассказали подробно о нашемъ времяпрепровожденіи, умолчавъ о главномъ—пребываніи въ комендантскомъ управленіи.

На другой день, опасаясь какихъ-либо запросовъ, мы сообщили о всемъ случившемся отцу моихъ товарищей, который, не придавъ никакого значенія этому инциденту, подѣлился имъ съ женою и дочерьми, совершенно не ожидая того сильнаго впечатлѣнія, какое произведетъ на нихъ этотъ эпизодъ,—по крайней мѣрѣ мѣсяць мать цѣлыми ночами не смыкала глазъ, ожидая ежеминутно какихъ-либо неприятныхъ послѣдствій этой злосчастной ночи.

Приѣхавъ къ себѣ домой, я передалъ матери о случаѣ, приключившемся со мною въ Петергофѣ, и былъ не радъ этому, такъ какъ причинилъ ей не мало тревоги—появленіе почтальона, а главное городского или урядника съ пакетами, касающимися дѣлъ имѣнія и дома, бросало ее въ жаръ и каждый разъ ея мысли невольно возвращались къ петергофскому аресту, который, какъ ей казалось, долженъ былъ имѣть серьезныя послѣдствія.

Заканчивая мои воспоминанія, возвращаюсь къ вступленію моего разсказа. Эти, въ общемъ, ничего не представляющіе серьезнаго случаи, благодаря наэлектризованности настроенія, царившаго въ наши времена, такъ сильно отражались на близкихъ намъ людяхъ, что долгое время ярко и болѣзненно жили въ ихъ памяти.

В. П. М—нъ.

НЕУДАЧНЫЙ ПОРТРЕТЪ.

ВЪ ПОЛЬСКОЙ книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1907 г. была напечатана статья извѣстнаго писателя Д. И. Стахѣва подъ заглавіемъ «Группы и портреты», въ которой авторъ представилъ, между прочимъ, характеристику бывшаго кяхтинскаго градоначальника Деспота-Зеновича. Насколько правильна и справедлива оцѣнка г. Стахѣвымъ общественной дѣятельности этого лица, будетъ подробно изложено ниже; здѣсь же необходимо сказать, что Деспотъ-Зеновичъ управлялъ градоначальствомъ съ 1859 по 1862 г. включительно, т. е. полстолѣтія назадъ, и что послѣ упраздненія кяхтинскаго градоначальства онъ служилъ въ другихъ мѣстахъ еще 32 года ¹⁾ (умеръ въ 1895 г.).

Въ теченіе столь продолжительнаго времени, казалось бы, г. Стахѣвъ имѣлъ полную возможность еще при жизни Деспота-Зеновича нарисовать его непривлекательный портретъ и предъявить живому человѣку изложенныя въ упомянутой статьѣ обвиненія и нареканія на его кяхтинскую служебную дѣятельность. Но г. Стахѣвъ предпочелъ сдѣлать это спустя 12 лѣтъ послѣ смерти Зеновича, пренебрегши мудрымъ правиломъ *de mortuis aut bene, aut nihil*. Конечно, «мертвіи сраму не имуть», но остающіеся

¹⁾ 4 года губернаторомъ въ Тобольскѣ и 28 лѣтъ въ Петербургѣ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ.

въ живыхъ современники не могутъ не возмущаться произведеніемъ г. Стахѣва, а я лично, въ теченіе 40 лѣтъ близко знавшій Деспота-Зеновича, считаю нравственнымъ догомъ протестовать противъ неблаговидныхъ нареканій, коими г. Стахѣвъ омрачилъ свѣтлую память этого превосходнаго человѣка и лучшаго въ Сибири администратора.

Какія же прегрѣшенія были совершены Деспотомъ-Зеновичемъ, изъ-за которыхъ г. Стахѣвъ подъялъ мечъ на мертвеца и уже три года празднуетъ легкую побѣду надъ нимъ?

Вотъ что говорить авторъ.

Сначала въ своей статьѣ онъ изобразилъ кяхтинскихъ купцовъ, какъ какихъ-то безпомощныхъ младенцевъ, всѣ надежды возлагавшихъ на правительство и поразительно безпечныхъ въ собственномъ торговомъ дѣлѣ, и затѣмъ онъ переходитъ къ мѣстнымъ представителямъ власти и увѣряетъ, что они о кяхтинскомъ торговомъ дѣлѣ вовсе не заботились, а всѣ старанія полагали, какъ бы поскорѣе перейти въ Россію, гдѣ и чины, и ордена, и награды, и пособія, и разныя угодыя.

«А если иной шустрый самонадѣянный администраторъ вмѣшивался въ кяхтинскія торговыя дѣла, то вмѣшательство его въ большинство случаевъ обнаруживало только умственную скудость и неумѣнье исполнять тѣ высокія обязанности, которыя Божиимъ поущеніемъ на него возложены.

«Напримѣръ, помню, бывшій въ мое время градоначальникомъ Деспотъ-Зеновичъ, весьма бойкій и смѣлый администраторъ, проявлялъ свою дѣятельность тѣмъ, что началъ заботиться о красотѣ построекъ въ Кяхтѣ; затѣмъ сталъ указывать купечеству на необходимость улучшеній общественной жизни, какъ-то: одѣтъ швейцара кяхтинскаго общественаго собранія въ форменный, позументомъ обшитый кафтанъ съ какою-то присущей этой формѣ эпитрахилью черезъ плечо и дать ему въ руки булаву... За этой реформой послѣдовали: хоръ музыкантовъ въ увеличенномъ размѣрѣ, отдѣлка собранія «по-европейски», библіотека при собраніи, вечера съ танцами, улучшенная (?) аптека, акушерка и проч. и проч.

И все это заводилось не на личный счетъ купцовъ, а на торговую сумму ¹⁾. Наконецъ заведены были типографія и газета «Кяхтинскій Листокъ», которая выходила, по увѣренію г. Стахѣва, въ сотнѣ-другой экземпляровъ, а содержаніе ея стоило въ годъ 3—4 тысячи. Не обошелъ г. Стахѣвъ молчаніемъ и «роскошныхъ» усовъ Деспота-Зеновича, которые онъ—*horribile dictu*—«холилъ».

¹⁾ Торговая сумма, пначе акциденція — особый сборъ, по 30 коп. съ cadaго ввезеннаго въ Кяхту ящика чая. Сборъ этотъ былъ издавна установленъ по соглашенію всего торговавашаго на Кяхтѣ купечества для мѣстныхъ торговыхъ нуждъ, какъ-то: содержаніе собора, церковнаго причта, врача, акушерки, школы и проч.

Наконецъ, г. Стахѣевъ приписываетъ покойному Деспоту-Зеновичу «сознаніе собственнаго величія», выразившееся въ томъ, что онъ приглашалъ въ свою квартиру (Троицкосавскъ) «всѣхъ» купцовъ за четыре версты изъ Кяхты, въ числѣ 40—50 человекъ, предъ которыми произносилъ ораторскія рѣчи, сопровождая ихъ величественнымъ воздыманіемъ и потрясаніемъ въ воздухъ рукъ съ закатываніемъ глазъ, какъ дѣлаютъ это польскіе ксендзы въ костелахъ. Но, увы, рѣчей этихъ, какъ говорилъ ему будто бы покойный купецъ Лушниковъ, никто не понималъ.

Если повѣрить этому, нарисованному г. Стахѣевымъ, портрету, то выходитъ, что Деспотъ-Зеновичъ былъ и скудоумень, и шустерь, и самонадѣянъ, и невнимателенъ къ чужимъ правамъ, и пристрастенъ къ напыщеннымъ рѣчамъ, и кривляка, какъ польскіе ксендзы, и вообще самый ничтожный администраторъ.

Увы, портретъ этотъ совсѣмъ далекъ отъ правды.

Прежде всего нужно сказать, что Деспотъ-Зеновичъ получилъ прекрасное домашнее воспитаніе, давшее ему возможность изучить три иностранныхъ языка, затѣмъ онъ окончилъ московскій университетъ по юридическому факультету, однимъ изъ первыхъ кандидатовъ правъ, выдержалъ экзамень на магистра и былъ оставленъ при университетѣ для занятія профессорской каеедры. Но судьба распорядилась имъ иначе: «по независѣвшимъ обстоятельствамъ» вмѣсто каеедры онъ очутился въ Перми подъ надзоромъ полиціи, изъ-подъ котораго освободился только черезъ годъ, когда выяснилось, что принятая относительно его мѣра не вызывалась его учеными занятіями и оказалась прискорбною ошибкой. Къ счастью, на Деспота-Зеновича совершенно случайно обратилъ вниманіе графъ Муравьевъ-Амурскій и, проѣздомъ чрезъ Пермь, пригласилъ его на службу въ Восточную Сибирь. Здѣсь, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, твердому рѣшительному характеру и необычайному трудолюбію, онъ быстро выдвинулся по службѣ и уже чрезъ 9 лѣтъ былъ назначенъ кяхтинскимъ градоначальникомъ. Вся дальнѣйшая дѣятельность Деспота-Зеновича вполне оправдала выборъ графа Муравьева-Амурскаго.

Въ мою задачу не входитъ составленіе подробнаго отчета о четырехлѣтнемъ управленіи Деспотомъ-Зеновичемъ кяхтинскимъ градоначальствомъ; но для разъясненія неправильности введены на него г. Стахѣевымъ обвиненій и нареканій, какъ на администратора, я приведу здѣсь два случая изъ служебной дѣятельности его по чайной торговлѣ.

1) Осенью 1860 года изъ Петербурга было получено сообщеніе, что чрезъ Кяхту проѣдетъ въ Китай (находившійся тогда въ войнѣ съ англо-французами) нашъ посланникъ графъ Н. П. Игнатьевъ. Этимъ обстоятельствомъ Деспотъ-Зеновичъ задумалъ воспользоваться, съ цѣлью добиться измѣненія неблагопріятно сложившихся

для насъ условій торговли съ Китаемъ и заключить новый торговый трактатъ, вмѣсто заключеннаго въ 1727 году графомъ Саввой Владиславовичемъ Рагузинскимъ, крайне для насъ тяжелаго. Въ этихъ видахъ онъ, при содѣйствіи извѣстнаго синолога Кондр. Гр. Крымскаго и правителя канцеляріи Н. С. Петрова (нынѣ членъ гос. совѣта) и при участіи избранныхъ отъ купечества представителей В. Н. Сабашникова и Я. А. Нѣмчинова, разработалъ обширный проектъ торговаго трактата, который графу Игнатьеву удалось почти цѣликомъ осуществить при переговорахъ съ китайскимъ цзунъ-ли-ямыномъ. Трактатъ этотъ имѣлъ огромное значеніе: съ одной стороны, онъ открылъ свободныя (безбилетныя) сношенія жителей Забайкалья и Монголіи на 100 ли (50 верстъ) отъ государственной границы въ глубь каждой страны, а съ другой—мы получили право торговать въ городахъ Калганѣ, Тяньцзинѣ, Шанхаѣ, Фучанѣ и Ханькоу и во всей Фучанской провинціи.

2) Какъ только было получено свѣдѣніе о заключеніи трактата, Деспоть-Зеновичъ немедленно пригласилъ всѣхъ представителей торговыхъ домовъ ¹⁾ и разъяснилъ имъ, что съ заключеніемъ трактата устраняются стѣсненія и затрудненія, какія испытывала русская торговля отъ недоброжелательныхъ дѣйствій китайцевъ, что теперь отъ самодѣятельности и единодушія кяхтинскаго купечества зависитъ поставить торговое дѣло на правильную точку, такъ какъ трактатъ даетъ возможность отрѣшиться отъ тѣхъ пріемовъ, которые, къ прискорбію, невольнo практиковались болѣе ста лѣтъ, и начать прокладывать новые пути. Конечно, одиночная предпримчивость едва ли бы принесла существенную пользу дѣлу; здѣсь нужна единодушная инициатива всего торгующаго на Кяхтѣ купечества. При этомъ Деспоть-Зеновичъ сослался на примѣры англичанъ, которые чуть не полміра покорили, но не все мечомъ и огнемъ, а главнымъ образомъ торговлей. Но для этого они не сидѣли неподвижно на своемъ туманномъ островѣ и не ждали, пока Индія, Китай, островитяне и другіе привезутъ къ нимъ свои богатства. Они поступали иначе: снаряжали корабли, нагружали ихъ своими товарами и пускались въ дальнія страны. Ихъ предпримчивость и смѣлость принесла имъ, какъ извѣстно, громадную пользу. Такъ же точно, говорилъ Деспоть-Зеновичъ, слѣдуетъ поступить и вамъ: снарядите внушительныхъ размѣровъ караванъ и отправьте его въ

¹⁾ Г. Стахѣевъ исчисляетъ ихъ отъ 40 до 50; но ихъ было всего 27, именно: 1) В. Н. Сабашниковъ, 2) М. Н. Сабашниковъ, 3) Д. В. Синицынъ, 4) Н. С. Ширяевъ, 5) П. К. Шешуковъ, 6) А. А. Бѣлозеровъ, 7) И. Ѳ. Токмаковъ, 8) Дмитріевъ, 9) Я. А. Нѣмчиновъ, 10) В. М. Нѣмчиновъ, 11) М. О. Осокинъ, 12) А. М. Лушниковъ, 13) Киселевъ, 14) Н. Н. Сидневъ, 15) Д. И. Стахѣевъ, 16) И. А. Слѣшиловъ, 17) М. А. Переваловъ, 18) М. Н. Стрижовъ, 19) Е. Е. Окуловъ, 20) Е. И. Кандинскій, 21) Н. Л. Молчановъ, 22) С. И. Скорняковъ, 23) Ф. Ф. Чемякинъ, 24) И. А. Носковъ, 25) М. Н. Игумновъ, 26) А. П. Парамоновъ, и 27) Ѳ. Б. Брзе.

самый центр чайной производительности, т. е. въ Фучанскую провинцію Китая, нагрузите верблюдовъ товарами самаго лучшаго качества, чѣмъ сразу пріобрѣтете довѣріе покупателей, вкусъ же китайцевъ вамъ хорошо извѣстенъ, и изберите караваннымъ старшиной лицо, всѣмъ вамъ хорошо извѣстное и о которомъ не существуетъ двухъ разныхъ мнѣній. Я разумѣю, пояснилъ Деспоть-Зеновичъ, Ивана Алексѣевича Нерпина. Этого безупречный, разумный и твердый человѣкъ сумѣетъ побороть разныя препятствія, которыя неизбѣжно встрѣтятся на такомъ длинномъ и тяжеломъ пути, и сумѣетъ поставить русское чайное дѣло на прочномъ основаніи въ самомъ сердцѣ Китая. Въ заключеніе онъ просилъ присутствовавшихъ всесторонне обсудить его предложеніе въ общемъ собраніи купечества, причемъ выразилъ увѣренность, что въ случаѣ положительнаго рѣшенія предпріятіе будетъ осуществлено въ возможно широкихъ размѣрахъ, соотвѣтственныхъ значенію и важности кяхтинской торговли.

Вотъ что сказалъ въ своей рѣчи Деспоть-Зеновичъ и что, конечно, всѣми было хорошо понято. Г. Стахѣевъ не присутствовалъ на этомъ собраніи, такъ какъ находился тогда на Амурѣ по дѣламъ своей сельско-хозяйственной фермы, и если покойный Лушниковъ, на котораго ссылается г. Стахѣевъ, дѣйствительно говорилъ, что рѣчь Деспота-Зеновича никто не понялъ, то объяснить это можно или злой шуткой, или привычкой Лушникова относиться ко всему скептически. Но чтобы въ этой простой рѣчи и въ фактѣ приглашенія «единственный разъ» всѣхъ наличныхъ купцовъ въ домъ градоначальника видѣть «сознаніе своего величія» и неуваженіе къ чужимъ правамъ, нужно поистинѣ имѣть какое-то особенное міровоззрѣніе. Въдѣ градоначальникъ по закону всегда имѣлъ право приглашать къ себѣ всѣхъ и каждого для служебныхъ объясненій, а потомъ— чѣмъ же, какъ не искреннимъ доброжелательствомъ, вызвано было это приглашеніе? Такъ и было это понято всѣми и было оцѣнено по достоинству. Во всякомъ случаѣ, если кто-нибудь и сказалъ г. Стахѣеву, что при произнесеніи рѣчи Деспоть-Зеновичъ воздымалъ руки и потрясалъ ими съ закатываніемъ глазъ, подобно католическимъ ксендзамъ, то могу увѣрить г. Стахѣева, что ничего подобнаго не было и что не въ обычаѣ Деспота-Зеновича были какія бы то ни было аффектаціи.

Идея Деспота-Зеновича встрѣтила общее сочувствіе, и дѣло быстро пошло въ ходъ. Чуть не ежедневно представители торговыхъ домовъ собирались въ залу купеческихъ старшинъ, тщательно обсуждали подробности отправки каравана, причемъ каждый домъ представлялъ болѣе или менѣе обширный списокъ предназначенныхъ къ отправкѣ товаровъ; затѣмъ они единогласно избрали караваннымъ старшиной И. А. Нерпина, а въ помощь ему назначили Н. А. Иванова. Къ нимъ же добровольно присоединилось нѣсколько молодыхъ лю-

дей, какъ-то: И. Н. Сабашниковъ, Е. Е. Окуловъ, Е. И. Носковъ, А. Д. Старцевъ, И. О. Токмаковъ, А. Оборинъ, М. Г. Шевелевъ и др. Черезъ 4—5 мѣсяцевъ все было готово, и въ февралѣ 1862 года первый караванъ двинулся двумя эшалонами въ путь въ составѣ нѣсколькихъ сотенъ верблюдовъ, несшихъ на себѣ болѣе чѣмъ на два милліона товаровъ.

Не буду распространяться о благопріятныхъ результатахъ этого смѣлаго предпріятія, подробно описанныхъ въ газетѣ «Кяхтинскій Листокъ» и перепечатанныхъ въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ, упомяну только, что, благодаря Нерпину и его сотрудникамъ, наше торговое дѣло основалось въ Китаѣ прочно, а именно: въ Калганѣ учреждена факторія для склада товаровъ, въ Тяньцзинѣ открыта такая же факторія, въ Фучанской провинціи, преимущественно въ городѣ Ханькоу и его окрестностяхъ, заарендованы на продолжительные сроки чайныя плантаціи и фабрики. Вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ пионеровъ, Егоръ Иван. Носковъ, отлично изучившій мѣстныя условія, сталъ издавать торговые циркуляры, которые въ чайныхъ сферахъ цѣнились очень высоко; вмѣстѣ съ тѣмъ они много содѣйствовали расширенію русской торговли въ Китаѣ и приливу свѣжихъ силъ на смѣну тѣхъ, кто не могъ переносить жаркаго и влажнаго климата Китая.

Этими двумя примѣрами административныхъ дѣйствій Деспота-Зеновича я бы могъ и ограничиться: они во всякомъ случаѣ доказываютъ, что онъ вѣрно понималъ тогдашнее положеніе кяхтинской торговли и не только зналъ, чѣмъ ей помочь, но и сумѣлъ широко и прочно организовать эту помощь. Съ полнымъ безпристрастіемъ и искренностью можно сказать, что Деспотъ-Зеновичъ дѣйствительно находился на высотѣ служебнаго долга, который онъ исполнялъ не только за страхъ, но и за совѣсть, и что онъ, несомнѣнно, пользовался нравственнымъ авторитетомъ въ томъ обществѣ, среди котораго ему пришлось жить. Но для того, чтобы обликъ этого далеко недюжиннаго, какъ я убѣжденъ, администратора представился возможно яснѣе, я позволю себѣ вкратцѣ коснуться еще нѣкоторыхъ сторонъ служебной дѣятельности Деспота-Зеновича, о которыхъ г. Стахѣевъ умолчалъ, не знаю, по невѣдѣнію или умышленно.

Прежде всего, по назначеніи на новую должность Деспотъ-Зеновичъ озаботился обновить въ значительной степени личный составъ подвѣдомственныхъ ему учреждений, вызвавъ на службу въ градоначальство нѣсколько лицъ съ университетскимъ образованіемъ и выдвинувъ мѣстныхъ молодыхъ дѣятелей, которымъ не было хода изъ-за старыхъ рутинеровъ. Хорошія послѣдствія этой мѣры не замедлили обнаружиться въ быстромъ разрѣшеніи массы дѣлъ, годами валявшихся по разнымъ канцеляріямъ (напр., дѣлъ конкурсныхъ), и въ установленіи нормальныхъ отношеній чиновниковъ къ

публикѣ, благодаря настойчивымъ внушеніямъ Деспота-Зеновича, что чиновники существуютъ для общества, а не общество для чиновниковъ. Затѣмъ онъ рѣшительно уничтожилъ непривлекательный обычай разсылки чиновникамъ отъ купечества и отъ откупа предѣ большими праздниками подарковъ, состоявшихъ изъ чая, сахара, напитковъ, разной живности и большихъ или меньшихъ пакетиковъ, конечно, со вложеніями, смотря по рангу. Но особенно строго преслѣдовалъ онъ взяточничество при приѣмкѣ рекрутовъ и при намѣренныхъ задержкахъ въ кяхтинской таможенѣ чайныхъ транспортовъ подѣ благовиднымъ предлогомъ встрѣченного будто бы чиновниками затрудненія въ исчисленіи вѣса партіи чая и оттого невозможности точнаго опредѣленія размѣра пошлины. Огромною также заслугою Деспота-Зеновича должно быть признано учрежденіе въ Троицкосавскѣ шестиклассной женской гимназіи имени графа Муравьева-Амурскаго. Образовательныя средства въ градоначальствѣ въ то время (полвѣка назадъ) были крайне недостаточны: для мальчиковъ существовало одно трехклассное училище въ Троицкосавскѣ и одно училище китайскаго и монгольскаго языковъ въ Кяхтѣ; для дѣвочекъ же не было ни одного женскаго учебнаго заведенія. Богатые люди отправляли своихъ малолѣтнихъ дочерей въ институты московскіе и иркутскій; а дѣвочки недостаточныхъ родителей или оставались на всю жизнь неграмотными, или кой-какъ научались читать отъ заштатныхъ церковныхъ причетниковъ, старыхъ, немощныхъ... Много потрудился Деспотъ-Зеновичъ надъ созданіемъ этой гимназіи и, благодаря широкому матеріальному содѣйствію всѣхъ почти гражданъ и крупному пособію казны, уже черезъ два года имѣлъ утѣшеніе видѣть осуществленіе своей идеи. Вѣроятно, гимназія и нынѣ благополучно существуетъ въ Троицкосавскѣ.

Зорко слѣдилъ Деспотъ-Зеновичъ и за пограничными дѣлами, и когда узналъ, что китайцы захватили часть нашей пограничной территоріи по рѣкѣ Катанцѣ, то немедленно потребовалъ отъ ургинскаго амбана удаленія захватчиковъ, грозя въ противномъ случаѣ принять относительно ихъ суровыя мѣры. Требованіе было исполнено безъ всякаго замедленія.

Переходя къ остальнымъ обвиненіямъ г. Стахѣва, заявляю, что ни къ прямому, ни къ косвенному принужденію купеческихъ старшинъ давать деньги изъ акциденціи на разныя улучшенія по клубу Деспотъ-Зеновичъ не прибѣгалъ, потому что, съ одной стороны, къ акциденціальной суммѣ не имѣлъ никакого отношенія, ею самостоятельно распоряжались купеческіе старшины и въ оборотахъ этой суммы отчитывались только предѣ своими довѣрителями, а съ другой же—кахтинскій клубъ находился всегда въ цвѣтущемъ матеріальномъ положеніи, имѣя хорошій собственный домъ и получая солидные доходы отъ членскихъ взносовъ, картъ, штрафовъ, аренды

буфета и проч. Притомъ же нѣкоторые клубные старшины, какъ Е. Носковъ и Ин. Сабашниковъ, были настолько развиты и заботливы, что не нуждались ни въ какихъ постороннихъ указаніяхъ, а производили разныя улучшенія по собственной инициативѣ. Да и не такія это были дѣла, чтобы могли озабочивать Деспотъ-Зеновича: лишній музыкантъ въ оркестрѣ или какой-то фантастическій швейцаръ съ позументомъ и эпитрахилью... Охота же была г. Стахѣву повѣрить такимъ пустякамъ? Я 3½ года прожилъ въ Кяхтѣ одновременно съ г. Стахѣвымъ, очень часто бывалъ въ клубѣ, а во время танцевальныхъ вечеровъ—постоянно, но никогда не видѣлъ швейцара иначе, какъ въ черной чуйкѣ.

Столь же достовѣрны свѣдѣнія г. Стахѣва относительно библіотеки и газеты «Кяхтинскій Листокъ».

Библіотека была приобрѣтена однимъ лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, въ Иркутскѣ отъ М. В. Шестунова въ количествѣ 6000 томовъ и затѣмъ пожертвована городу Троицкосавску для безвозмезднаго пользованія горожанами, а вовсе не на торговую сумму, какъ заявилъ г. Стахѣвъ.

Что же касается еженедѣльной газеты «Кяхтинскій Листокъ», то предпріятіе это задумано было небольшимъ кружкомъ молодыхъ людей, во главѣ съ П. С. Андруцкимъ, воспитанникомъ историко-филологическаго института. Когда кружокъ обратился съ прошеніемъ къ Деспоту-Зеновичу, то встрѣтилъ съ его стороны полное сочувствіе и обѣщаніе содѣйствовать предпріятію предоставленіемъ будущей редакціи всѣхъ собранныхъ имъ матеріаловъ по чайной торговлѣ съ Китаемъ. Съ другой стороны, всѣ представители кяхтинскихъ торговыхъ домовъ за себя и своихъ довѣрителей обѣщали поддержать газету подпиской. Но на пособіе изъ акциденціи никакихъ расчетовъ у кружка не было и никакихъ сношеній съ купеческими старшинами по этому предмету у кружка не происходило.

Въ апрѣлѣ 1862 года было получено предложеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, коимъ Андруцкій былъ утвержденъ издателемъ и отвѣтственнымъ редакторомъ, а 1-го мая былъ выпущенъ № 1-й «Кяхтинскаго Листка». Газета выходила въ количествѣ 450 экземпляровъ и, судя по тому, что каждый ея номеръ почти цѣликомъ перепечатывался въ «Голосѣ» (Краевскаго), «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (Корша) и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (Каткова), вѣроятно, представляла извѣстный интересъ, главнымъ образомъ, корреспонденціями изъ Китая и Кореи. Недолго, однакоже, Андруцкій фактически велъ газету, такъ какъ въ концѣ мая врачи нашли у него болѣзнь сердца, а въ августѣ онъ умеръ отъ разрыва сердца въ полѣ, во время грозы, при возвращеніи съ дачи. За все время болѣзни Андруцкаго завѣдывалъ редактированіемъ газеты я и смѣю увѣрить г. Стахѣва, что не только какихъ-то фантастическихъ 3—4 тысячъ изъ купеческой акциденціи газетою не было

получено, по и самой мысли опособіи изъ акциденціи ни въ комъ не возникало. Не излишнимъ нахожу добавить, что накопившіеся въ редакціи при жизни Андруцкаго матеріалы были выпущены мною послѣ его смерти въ двухъ послѣднихъ номерахъ «Кяхтинскаго Листка».

Была ли «улучшенная» (?) аптека субсидирована изъ акциденціи, съ точностью не знаю, но допускаю это возможнымъ—въ видѣ возмѣщенія аптекъ расходовъ ея по бесплатному отпуску лекарствъ разнымъ рабочимъ, которые были нанимаемы для той или иной торговой надобности (охрана товаровъ, закупорка чайныхъ ящиковъ въ скотскія кожи, ремонтъ шоссеиныхъ дорогъ и пр.).

Штатнаго врача въ Кяхтѣ не было, равно и штатной акушерки, и потому задолго до назначенія Деспота-Зеновича градоначальникомъ совѣтъ старшинъ пригласилъ на службу въ Кяхту доктора Бялковскаго и его жену-акушерку по долгосрочнымъ контрактамъ съ уплатою жалованья изъ акциденціи.

Наконецъ, относительно типографіи слѣдуетъ сказать, что она была нужна самому купечеству, ввиду значительнаго количества переписочной работы, которою была обременена старшинская контора по составленію отчетовъ, періодическихъ вѣдомостей, циркуляровъ, совѣтскихъ постановленій и проч., и купечество въ лицѣ своихъ старшинъ обратилось къ градоначальнику съ просьбой о разрѣшеніи имѣть собственную типографію, каковое и было имъ дано. А когда скоропечатный станокъ и всѣ принадлежности, вышисанныя изъ Москвы отъ Ревильона, были получены въ Кяхтѣ, я, по просьбѣ старшинъ, какъ нѣсколько знакомый съ типографскимъ дѣломъ, принялъ на себя установку машинъ и прочее оборудованіе типографіи, и затѣмъ она поступила въ полное распоряженіе Андруцкаго. Всѣ эти подробности, конечно, не были извѣстны г. Стахѣву, находившемуся, какъ уже сказано, на Амурѣ и въ Кяхту не возвратившемуся, такъ какъ чайное дѣло его отца было въ Кяхтѣ прекращено и перенесено въ Ханькоу.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ указаній г. Стахѣва подтверждается только одно, что у Деспота-Зеновича были большіе усы, которые онъ изрѣдка гребенкой приводилъ въ порядокъ. Но какое значеніе можетъ имѣть это указаніе и кому оно интересно? Всѣ же остальные указанія совсѣмъ не соотвѣтствуютъ тому, что было въ дѣйствительности.

Чѣмъ же вызваны всѣ эти нареканія, гдѣ причины столь неправильныхъ и несправедливыхъ обвиненій чловѣка безукоризненно честнаго, умнаго и доброжелательнаго?

Гдѣ бы ни были эти причины, но нарисованный г. Стахѣвымъ портретъ вышелъ... неудачнымъ.

В. Мерцаловъ.

АРХИВНЫЕ РОЗЫСКИ О РОЖДЕНИИ БЪЛИНСКАГО И О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЕГО МАТЕРИ.

РИСТУПИВЪ минувшимъ лѣтомъ къ составленію своего небольшого біографическаго очерка о В. Г. Бѣлинскомъ, который, кстати сказать, ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія «признавъ заслуживающимъ вниманія при пополненіи библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія» (см. «Журналъ Минист. Народнаго Просвѣщенія» 1911 г., № 4),—я, руководясь, главнымъ образомъ, извѣстной книгой А. Н. Пыпина—«Бѣлинскій, его жизнь и переписка» и той довольно обширной литературой, которая возникла по поводу чествованія 50-лѣтія со дня смерти нашего великаго критика въ 1898 году,—позволилъ себѣ изслѣдовать самостоятельно лишь время рожденія Бѣлинскаго и вопросъ о происхожденіи его матери, урожденная фамилія которой до моихъ розысковъ оставалась совершенно неизвѣстной. Въ свое время о результатахъ этихъ изысканій я уже печаталъ въ «Новомъ Времени» (№ 12364, 14-го августа 1910 г. и № 12603, 2-го января 1911 г.), и здѣсь только хочу представить ихъ въ объединенной и болѣе полной замѣткѣ, съ указаніемъ того, какъ были приняты мои сообщенія нѣкоторыми изслѣдователями.

Прежде всего я обратился къ «дѣлу о дворянствѣ Бѣлинскихъ», хранящемуся въ архивѣ департамента герольдіи правительствующаго сената, и нашель въ немъ слѣдующія данныя.

22-го ноября 1843 года довѣренный В. Г. Бѣлинскаго отставной штабсъ-капитанъ Н. П. Ивановъ подалъ въ пензенское дворянское депутатское собраніе прошеніе «по титулѣ», въ которомъ, между прочимъ, изъяснялъ отъ имени своего довѣрителя слѣдующее: «Родитель мой Григорій Никифоровичъ Бѣлинскій, продолжая служеніе уѣзднымъ лекаремъ Пензенской губерніи въ гор. Чембарѣ, за выслугу указанныхъ лѣтъ произведенъ въ чинъ коллежскаго ассессора со старшинствомъ 1826 года сентября 30-го числа и, не прерывая служенія, скончался 1835 года іюля 3-го числа, оставя послѣ себя дѣтей: меня, братьевъ Константина и Никифора и сестру Александру, изъ которыхъ первый, по представленнымъ отъ него въ пензенское дворянское депутатское собраніе доказательствамъ, получилъ изъ онаго на право дворянства 1837 года января 30-го грамоту; я же въ дворянскую родословную книгу еще не внесенъ и на потомственное дворянство грамоты не имѣю, почему и на службѣ нигдѣ не состою, то, прилагая при семъ въ подлинникѣ отношеніе на имя отца моего отъ 9-го іюня 1811 года за № 315 о изъясненіи согласія на воспріятіе меня отъ купели его императорскаго высочества цесаревича и великаго князя Константина Павловича, засвидѣтельствованную копію съ формулярнаго списка о службѣ покойнаго родителя моего, въ коей въ числѣ имѣвшихся у него дѣтей показанъ и я, и свидѣтельство дворянъ и брата моего родного Константина Бѣлинскаго, что я дѣйствительно сынъ коллежскаго ассессора Григорія Никифоровича Бѣлинскаго,—прошу, и т. д. Въ концѣ прошенія было добавлено: «метрическаго свидѣтельства о рожденіи моемъ я не могу представить потому, что я рожденъ отъ отца моего во время нахождения его въ походахъ на службѣ во флотѣ, а потому мнѣ и неизвѣстно, откуда получить оное».

На основаніи представленныхъ данныхъ пензенское дворянское собраніе, опредѣленіемъ 23-го декабря 1843 года, постановило утвердить В. Г. Бѣлинскаго въ потомственномъ дворянствѣ, со внесеніемъ въ третью часть родословной книги, и выдать просимую грамоту. Но герольдія правительствующаго сената, куда это дѣло должно было пойти на ревизію, не утвердила опредѣленія собранія единственно потому, что не было представлено «установленнаго метрическаго свидѣтельства» о рожденіи В. Г. Бѣлинскаго. Послѣ этого начались поиски названнаго документа, увѣнчавшіеся успѣхомъ лишь въ началѣ 1847 года. Лѣтомъ 1845 года В. Г. Бѣлинскій узналъ, наконецъ, что онъ родился въ крѣпости Свеаборгѣ, и тогда же обратился съ прошеніемъ къ оберъ-священнику арміи и флота, какимъ былъ тогда протоіерей Василій Кутневичъ. Возникло новое дѣло, тянувшееся около 2 лѣтъ. За разсмотрѣніемъ послѣдняго я обратился въ петербургское управленіе военнымъ и морскимъ духовенствомъ и, благодаря любезности дѣлопроизводителя М. П.

Журавскаго, ознакомился съ нимъ и даже сфотографировалъ самую метрику и расписку Бѣлинскаго въ полученіи послѣдней. Въ своемъ прошеніи, отъ 5-го іюня 1845 года, В. Г. Бѣлинскій, проживавшій въ то время на углу Невскаго и Фонтанки, въ домѣ Лопатина, № 41, между прочимъ, писалъ: «Я рожденъ въ маѣ 1811 г. въ Свеаборгѣ».

И дѣйствительно, въ метрической книгѣ за этотъ 1811 г. свеаборгской крѣпостной Александро-Невской церкви, подъ № 7, оказалась слѣдующая запись: «Тысяча восемьсотъ одиннадцатаго года іюня перваго числа 7 гребного экипажа у лекаря Григорія Бѣльскаго отъ первой его жены Маріи Ивановой родился сынъ Виссаріонъ»...

Въ виду разнорѣчія въ фамиліи, допущеннаго вслѣдствіе описки переписчика, потребовалось произвести «изслѣдованіе». Прежде всего затребована была изъ Свеаборга черновая метрическая книга за 1811 г., но таковой тамъ не оказалось; затѣмъ наводились разнаго рода справки и допросы, и, наконецъ, была истребована изъ главнаго медицинскаго управленія морского министерства особая бумага, отъ 20-го января 1847 г., за № 118, въ которой читаемъ: «Вслѣдствіе отношенія вашего высокопреподобія отъ 10-го декабря 1846 г., за № 3102, главное медицинское управленіе увѣдомляетъ, что въ 1811 г. состоялъ на службѣ лекарь Григорій Никифоровичъ Бѣлинскій, у котораго въ формулярномъ спискѣ, представленномъ при прошеніи объ увольненіи его отъ службы въ 1816 г., значится, что онъ женатъ, дѣтей имѣетъ двухъ сыновей, Виссаріона 5 лѣтъ и Константина 4 лѣтъ и дочь Александру 1 года 5 мѣсяцевъ. Въ службѣ морского вѣдомства лекарь Григорій Бѣльскій не состоялъ, а былъ Павелъ Бѣльскій, который поступилъ въ службу въ 1822 г., находился въ черноморскомъ флотѣ и умеръ въ 1830 году». Этою бумагою устанавливалась описка въ метрику, которая была исправлена, и въ февралѣ 1847 года В. Г. Бѣлинскій получаетъ, наконецъ, давно искомое метрическое свидѣтельство, въ чемъ и даетъ свою расписку. Свидѣтельство это, подписанное протоіереемъ Василюемъ Кутневичемъ, 31-го января 1847 г., таково: «въ метрической книгѣ Свеаборгской крѣпости Александро-Невской церкви за 1811 годъ подъ № 7 значится: «Тысяча восемьсотъ одиннадцатаго года іюня перваго числа, 7 гребного экипажа у лекаря Григорія Бѣльскаго отъ 1-й его жены Маріи Ивановой родился сынъ Виссаріонъ, молитвованъ и крещенъ девятаго числа священникомъ Іоанномъ Кипріяновымъ; восприемниками были: оной же команды штабъ-лекарь Гаврила Эллерсъ и 6-го гребного экипажа лекаря Василя Кухтерева жена его Марья Федорова».

Ниже мы помѣщаемъ сфотографированную выписъ изъ бѣловой метрической книги, хранящейся въ управленіи военнымъ и морскимъ духовенствомъ, и самую расписку.

часть первая о рожденныхъ ч			
№	Число	Имя	Кто были восприемники
		улого и родился	кто были восприемники
		Иванъ	Михаилъ
7	1	члѣ средняго Экипажа у локаря Григорія бѣлинскаго отъ жены отъ Марии Ивановой родившій сына Висаріонъ Моисеевичъ и крещенъ священникомъ Яковомъ Капустинскимъ	Восприемники были алой оро командва штаб локаря Гавриила Эмлерова и 6го средняго Экипажа члѣ локаря Василья Кузьмича сына отъ локаря Федора Яковлева

Метрическое свидѣтельство о рожденіи
и крещеніи сына зои № 238 получившаго
наименованіи Висаріонъ Григоріевичъ
сынъ сына Бѣлинскаго. 1847 году февраля
25 дня.

Получивъ метрическое свидѣтельство, Бѣлинскій въ маѣ 1847 г. уже прямо обратился съ прошеніемъ на высочайшее имя въ герольдію правительствующаго сената, минуя пензенское дворянское собраніе (въ это время онъ проживалъ въ 3-й Адмиралтейской части, въ первомъ кварталѣ, въ домѣ Николаева, № 3). Очевидно, самъ Бѣлинскій вполнѣ согласился съ датами этого документа, да и герольдія признала его достовѣрнымъ. Опредѣленіемъ послѣдней; отъ 3 іюля 1847 г., В. Г. Бѣлинскій былъ утвержденъ, наконецъ, въ потомственномъ дворянствѣ, о чемъ и сообщено было въ пензенское дворянское собраніе для внесенія его въ соответствующую родословную книгу, особымъ указомъ. Велѣдствіе этого въ дѣлѣ

пензенскаго дворянскаго собранія не имѣется и слѣдовъ метрики Бѣлинскаго.

Такъ какъ В. Г. Бѣлинскій просилъ только о себѣ, то въ 1850 г. его жена обратилась въ пензенское дворянское собраніе о сопричисленіи къ потомственному дворянству себя и своей дочери, представивъ при этомъ два подлинныхъ метрическихъ свидѣтельства: о своемъ бракѣ и о рожденіи дочери Ольги—13 іюня 1845 г. Определеніемъ герольдіи 27 ноября 1851 г. было уважено и это послѣднее ходатайство. Марья Васильевна Бѣлинская проживала тогда въ Москвѣ «въ Александровскомъ институтѣ при должности кастелянши».

Въ архивѣ департамента герольдіи имѣется еще одно дѣло о дворянствѣ Бѣлинскихъ (другихъ Бѣлинскихъ нѣтъ, а Бѣлинскихъ нѣсколько, и всѣ почти польскаго происхожденія), именно брата Виссаріона Григорьевича, «служащаго въ чембарскомъ земскомъ судѣ коллежскаго регистратора» (въ 1857 г. уже титулярнаго совѣтника) Константина Григорьева Бѣлинскаго. Послѣдній цѣлыхъ 20 лѣтъ хлопоталъ о признаніи себя и своихъ дѣтей въ потомственномъ дворянствѣ и только въ 1857 г. былъ утверждёнъ правительствующимъ сенатомъ, послѣ того, какъ представилъ удостовѣреніе изъ петербургской духовной консисторіи, въ которомъ было прописано: «въ метрической 1812 года книгѣ кронштадтской госпитальной церкви подъ № 17 показано: гребного экипажа у лѣкаря Григорія Бѣлинскаго сынъ Константинъ родился 19, а крещень 22 сентября тысяча восемьсотъ двѣнадцатаго года».

Въ этомъ же дѣлѣ имѣется наиболѣе полная сохранившаяся доселѣ «копія формулярнаго списка о службѣ чембарскаго штабъ-лѣкаря коллежскаго ассессора Григорія Бѣлинскаго». Въ ней даже сообщается дата смерти его—3 іюля 1835 г. Изъ исповѣдныхъ дѣдомостей и метрикъ, имѣющихся въ дѣлѣ, можно возстановить болѣе или менѣе подробно родословную всей семьи Бѣлинскихъ.

Григорій Никифоровичъ имѣлъ сыновей: Виссаріона (род. 1 іюня 1811 г.), Константина (род. 19 сентября 1812 г.), и Никанора (род. въ 1821 г.) и дочерей: Марью (род. въ 1816 г., никѣмъ изъ біографовъ Бѣлинскаго не упоминаемую) и Александру (род. въ 1815 г.). У Константина Григорьевича, женатаго на дочери секретаря чембарскаго земскаго суда Капитона Андреевича Исаева—Александрѣ, были сыновья: Михайль (род. 9 ноября 1837 г.) и Викторъ (род. 3 февраля 1841 г.).

Вотъ тѣ данныя о рожденіи и дворянствѣ Бѣлинскаго, которыя я нашелъ въ архивныхъ дѣлахъ департамента герольдіи правительствующаго сената и петербургскаго управленія военнымъ и морскимъ духовенствомъ. Дѣло послѣдняго до настоящаго времени оставалось совершенно неизвѣстнымъ для изслѣдователей. Что касается дворянскаго дѣла Бѣлинскихъ, то съ нимъ впервые озна-

комился и кой-что опубликовалъ изъ него въ 1898 г. Б. А. Марковичъ (въ «Саратовскомъ Дневникѣ», № 113), пользуясь «дѣломъ», хранящимся въ пензенскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи и не заключающимъ въ себѣ, какъ я уже замѣтилъ, даже намека на метрику о рожденіи Бѣлинскаго. До 1898 г. А. Н. Пыпинъ и многіе другіе изслѣдователи полагали, основываясь на запискѣ Д. П. Иванова, что Бѣлинскій родился въ 1810 г., въ февралѣ мѣсяцѣ; при этомъ долгое время не знали точно и мѣста рожденія критика, указывая то Чембарскій уѣздъ, то Кронштадтъ. Покойный академикъ А. Н. Пыпинъ придавалъ второстепенное значеніе и собственнымъ словамъ Бѣлинскаго, который въ мартѣ 1846 г. писалъ за границу, къ В. П. Боткину: «Мая 30, а по вашему, по басурманскому, іюня 11, стукнетъ мнѣ 36 лѣтъ,

Для провѣрки сообщеній Д. П. Иванова и самого Бѣлинскаго я обратился въ поиски брачнаго свидѣтельства Григорія Никифоровича Бѣлинскаго и нашелъ его въ архивѣ петербургской духовной консисторіи. Здѣсь въ метрической книгѣ по городу Кронштадту за 1809 годъ, № 425, я нашелъ слѣдующую запись: «въ метрической вѣдомости за 1809 годъ церкви Воскресенія Христова», кстати сказать, не существующей въ Кронштадтѣ уже съ начала 1840 годовъ, «во второй части о брачущихся, подъ 3 ноября 1809 года (№ 5), значится: «Кронштадтской морской госпитали кандидатъ хирургіи Григорій Бѣлинскій, флота шхипера 9 класса Ивана Иванова съ дочерью дѣвицей Маріей Ивановой, оба первымъ бракомъ». Поручители: «по женихѣ—кронштадтской морской госпитали медицинской конторы секретарь титулярный совѣтникъ Алексѣй Каводеровъ, по невѣстѣ—означенной госпитали аптекарской гезель Николай Черкасовъ».

На основаніи вышеуказанной метрики можно смѣло отвергнуть обѣ даты и Д. П. Иванова и самого Бѣлинскаго: ни въ февралѣ, ни въ маѣ 1810 года В. Г. Бѣлинскій родиться не могъ.

Приходится, стало быть, остановиться на 1811 году. Любопытно, что дату этого года В. Г. Бѣлинскій зналъ еще въ 1829 году, какъ увидимъ нѣсколько ниже; затѣмъ въ 1843 году въ своемъ прошеніи онъ писалъ, что «такъ какъ я рожденъ отъ отца моего во время нахождения его въ походахъ на службѣ во флотѣ, а потому мнѣ неизвѣстно, откуда получить оное» (т. е. метрическое свидѣтельство); изъ этихъ словъ ясно, что онъ тогда тоже не зналъ ни мѣста своего рожденія, ни даже времени.

Въ 1845 году, узнавъ мѣсто своего рожденія—Свеаборгъ, онъ въ прошеніи къ оберъ-священнику арміи и флота осторожно пишетъ: «какъ я рожденъ въ маѣ 1811 года въ Свеаборгѣ» (не указывая числа); а черезъ годъ категорически заявляетъ В. П. Боткину, что 30-го мая 1846 года ему «стукнетъ тридцать шесть лѣтъ», и, наконецъ, въ февралѣ 1847 года спокойно принимаетъ метрическое свидѣтельство съ датой рожденія—1-го іюня 1811 года.

Всѣ эти колеблющіяся заявленія самого Бѣлипкаго, мнѣ кажется, не могутъ подрвать довѣрія къ подлинному метрическому свидѣтельству, принятому самимъ виновникомъ безапелляціонно, даже со стороны ярыхъ противниковъ всякихъ казенныхъ метрикъ. Кто только знакомъ съ канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ, согласится, что въ метрикахъ точнѣе всего соблюдались хронологическія даты и имена, какъ составляющія ихъ главнѣйшее содержаніе. Если случалось разногласіе между записью духовенства и сообщеніемъ родителей и близкихъ окружающихъ, то развѣ только на одинъ день, по случаю рожденія «въ ночь», въ часы переходные изъ однѣхъ сутокъ въ другія. Здѣсь же въ датѣ Бѣлинскаго 30-го мая и датѣ метрики—1-го іюня—разница на двое сутокъ, что, по нашему мнѣнію, могло быть допустимо въ очень рѣдкихъ случаяхъ: не могли же родители и близкіе, сообщающіе духовенству дату рожденія младенца, забыть ее черезъ недѣлю, или духовенство, записывающее ее тотчасъ, такъ перепутать, Конечно, бывали и подобныя явленія, но въ данномъ случаѣ это болѣе чѣмъ сомнительно.

Выше я сказалъ, что до 1898 года никто изъ изслѣдователей не пользовался дворянскимъ дѣломъ Бѣлинскихъ, хранящимся въ пензенскомъ дворянскомъ собраніи, и только въ этомъ году Б. А. Марковичъ опубликовалъ изъ него нѣсколько данныхъ, сдѣлавъ такое заключеніе: «Бѣлинскій родился не въ 1810 году, какъ принято было считать, а въ 1811 году (30-го мая). Дата устанавливается какъ формулярнымъ спискомъ отца Бѣлинскаго, такъ и ходатайствомъ послѣдняго на имя его императорскаго высочества великаго князя Константина Павловича о воспріятіи отъ купели Виссаріона. Въ дѣлѣ затѣмъ находится представленное самимъ «Бѣлинскимъ» подлинное отношеніе на имя его, отъ 11-го іюня (вмѣсто 9-го іюня) 1811 года, объ изъявленіи согласія его императорскаго высочества на воспріятіе отъ купели Виссаріона».

Въ «Памятной книжкѣ константиновскаго межевого института за 1901—1902 годъ» (М. 1902 г.) опубликовано было свидѣтельство двѣнадцати дворянъ Чембарскаго уѣзда, подтверждающихъ, что «Виссаріонъ Бѣлинскій родился 30-мая 1811 года».

Какъ извѣстно, формулярные списки и свидѣтельства двѣнадцати дворянъ могутъ сообщать лишь приблизительно даты рожденія, которыя и вносятся въ нихъ не на основаніи документовъ, а со словъ просителей, не рѣдко забывающихъ во время полученія нужнаго документа точную дату; особенно грѣшатъ въ этомъ отношеніи формулярные списки.

Остается наиболѣе серьезнымъ документомъ одно «Отношеніе отъ 9-го іюня 1811 года за № 315, о согласіи великаго князя Константина Павловича на воспріятіе отъ купели Виссаріона, на имя лекаря Бѣлинскаго, по письму его отъ 31 мая 1811 года». Этотъ документъ вводитъ нѣкоторое «разногласіе» съ найденною мною

метрикою, на что въ свое время обратилъ вниманіе и г. С. Никольскій («Новое Время», 1910 г., № 12395).

Но лично я признаю это разногласіе далеко не подтвержденнымъ. Во-первыхъ, въ «отношеніи», подписанномъ И. Гр. Лагодой, адъютантомъ великаго князя, легко могла вкратъся ошибка писца при обозначеніи даты: «по письму 31-го мая»; во-вторыхъ, что возможнѣе всего, каллиграфически написанное «царскимъ писцомъ» письмо великому князю было заготовлено заранѣе, съ маемъ безъ числа; такъ какъ ожидаемое рожденіе совершилось, быть можетъ, въ ночь на 1-го іюня, то отецъ новорожденнаго не счелъ большимъ грѣхомъ, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ и проволочки времени, поставить цифру послѣдняго дня мая; въ-третьихъ, наконецъ, точность даты письма могла быть подтверждена лишь почтовымъ штемпелемъ отправленія, но въ данномъ случаѣ провѣрка этимъ путемъ невозможна.

Не могу здѣсь не указать еще на то, что Г. Н. Бѣлинскій, получивъ «отношеніе» о согласіи великаго князя быть воспріемникомъ, въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ не представлялъ его свеаборгскому духовенству для внесенія великаго князя въ метрику вторымъ воспріемникомъ. Не было ли тутъ причиною допущенное имъ разногласіе въ показаніи даты рожденія?..

Такимъ образомъ, признавая за изслѣдователями 1898 года право на установленіе года (1811) рожденія Бѣлинскаго, я остаюсь при своемъ убѣжденіи, что днемъ его рожденія слѣдуетъ считать 1 іюня, хотя бы въ силу законнаго основанія за метриками, считающимися по русскому законодательству главнѣйшимъ и почти единственнымъ доказательствомъ рожденія (см. трудъ Л. П. Новикова: «Метрики». Спб. 1907 г.).

Усмотрѣвъ изъ брачной метрики Григорія Никифоровича Бѣлинскаго, что его невѣстой была дочь «флота шхипера 9-го класса» Ивана Иванова, я для болѣе полнаго установленія происхожденія ея обратился за формуляромъ Ивана Иванова въ архивъ морского министерства. Здѣсь въ «Книгѣ формуляровъ чиновниковъ морского вѣдомства», № 81, за 1809 годъ, нашель слѣдующія данныя:

«Иванъ Ивановичъ Ивановъ, флота шхиперъ 9-го класса (съ 1809 г., въ 1808 г. былъ шхиперомъ 12 класса), російской націи и закона, изъ церковниковъ; женатъ на дочери отставнаго морской артиллеріи сержанта Дорофеева—Дарьѣ Евсеевой, имѣетъ одну дочь Марью, 18 лѣтъ». Отъ роду ему въ 1809 году было 40 лѣтъ (родился около 1770 года), службу началъ «матрозомъ» въ 1788 году. Изъ послѣдующихъ формуляровъ, вплоть до 1816 года, оказывается, что Иванъ Ивановичъ Ивановъ все время оставался въ 9 классѣ. На это обстоятельство я обращаю вниманіе потому, что 9 классъ въ то время сообщалъ лишь личное дворянство, и поэтому дочь его, Марья Иванова, жена штабъ-лекаря Григорія Никифоровича Бѣ-

лынскаго безъ всякаго основанія «кичилась своимъ дворянствомъ» передъ мужемъ, о чемъ сообщаютъ почти всѣ современники Бѣлинскаго.

Въ заключеніе позволю себѣ указать на слѣдующее. Вслѣдъ за появленіемъ моей первой статьи въ «Новомъ Времени» г. М. Б. помѣщаетъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (27-го августа 1910 г.) свою замѣтку: «Когда и гдѣ родился Бѣлинскій»? которую заключаетъ слѣдующими словами: «Несомнѣнно, такой документъ, какъ «метрическое свидѣтельство», имѣетъ непререкаемое значеніе: онъ твердо укрѣпляетъ вѣрную хронологическую дату и, конечно, заставитъ отпраздновать столѣтній юбилей Бѣлинскаго 1-го іюня 1911 года.

Въ «Кіевской Мысли» (№ 11, 1911 г.) приватъ-доцентъ Всеволодъ Чаговецъ въ замѣткѣ: «Къ юбилею Бѣлинскаго», между прочимъ, пишетъ: «Недавнія изысканія г. Рудакова въ метрическихъ книгахъ русскихъ церквей въ Свеаборгѣ уничтожили всѣ сомнѣнія какъ о днѣ рожденія Бѣлинскаго, такъ и о вытекающемъ отсюда же днѣ предстоящаго юбилея». Сдѣлавъ затѣмъ выписъ изъ метрической книги о рожденіи Бѣлинскаго, авторъ говоритъ: «Такимъ образомъ, здѣсь передъ нами документъ, не вызывающій ни сомнѣній, ни возраженій. Онъ точно устанавливаетъ мѣсто и день рожденія Бѣлинскаго, и, кромѣ того, отсюда же мы впервые узнаемъ фамилію его матери. До сихъ поръ фамилія эта была неизвѣстна. На основаніи этой метрической выписки явствуетъ, что юбилей Бѣлинскаго должно праздновать 1-го іюня 1911 года».

Въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ трехтомномъ изданіи «Собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго», подъ редакціей г. Иванова-Разумника, помѣщенъ въ первомъ томѣ біографическій очеркъ Бѣлинскаго; въ примѣчаніи, по поводу приведенной въ текстѣ даты рожденія нашего критика, сказано: «день рожденія Бѣлинскаго установленъ окончательно изысканіями г. Рудакова».

В. Рудаковъ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО МУСУЛЬМАНЪ ВЪ МЕККУ¹⁾.

V.

Кааба.—Легенды о ней и объ ея черномъ камнѣ.—Видъ Каабы и ея двора.—Могилы Авраама и имамовъ.—Бейтулла и проникновеніе въ нее съ рискомъ для жизни.

ТО НЕ СЛЫХАЛЪ о находящемся въ Меккѣ въ Каабѣ священномъ для мусульманъ черномъ камнѣ. Благодаря ему, Кааба является святилищемъ въ глазахъ всего мусульманскаго міра и окружена массой легендъ.

Основаніе перваго меккскаго храма (Каабы) относится къ незапамятнымъ временамъ.

Изгнанные изъ рая Адамъ и Ева разошлись и долго блуждали отдѣльно, пока, наконецъ, не встрѣтились въ долину Арафата²⁾, вблизи которой впослѣдствіи была основана Мекка. Они-то и основали первый храмъ. Но эта Кааба была взята на небо архангеломъ Гавріиломъ, и Измаилу при помощи посланнаго ему на помощь чудеснымъ образомъ отца его Авраама пришлось потрудиться надъ устройствомъ втораго храма.

Конечно, дьяволу не могла нравиться эта душеспасительная затѣя, и онъ всячески мѣшалъ работѣ, почему разгнѣванный Авраамъ побилъ его камнями. Какъ дьяволъ могъ попасть на окруженную ангелами священную территорію, о чемъ было упомянуто уже въ приведенной раньше легендѣ, сказать трудно, но, конечно, козни нечистаго неистощимы.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХІV, стр. 256.

²⁾ На мѣстѣ ихъ встрѣчи теперь поставленъ мраморный столбъ.

Теперешняя Кааба была построена въ 1074 году гиджры (теперь 1327 г.).

Чудотворный черный камень, получающій ежегодно миллиарды лобзаній, по преданію, принесенъ съ неба архангеломъ Гавріиломъ. Раньше онъ сіялъ бѣлизною лиліи, но совершенно почернѣлъ отъ лживыхъ устъ прекраснаго пола. Коварные ученые говорятъ, впрочемъ, что камень этотъ простой азролитъ, сдѣлавшійся чернымъ отъ частыхъ пожаровъ Каабы. Въ день Страшнаго суда у камня образуются два глаза и онъ увидитъ тѣхъ, кто цѣловалъ его, и будетъ предстательствовать за нихъ передъ Аллахомъ.

Но эти чудесныя свойства камня не избавили его отъ бѣдъ въ минувшія времена.

Пока вѣра мусульманъ была слаба, Каабѣ и ея черному камню пришлось не мало вытерпѣть отъ междоусобныхъ раздоровъ отдѣльныхъ мусульманскихъ сектъ или отъ смѣны той или иной правящей династіи.

Въ 692 г. при калифѣ Абдемаликѣ Кааба сильно пострадала при взятіи города. Въ 930 г. сынъ Абу-Саида Абу-Тагиръ хотѣлъ окончательно прекратить хаджъ и, разграбивъ Мекку, похитилъ ея черный камень, который былъ возвращенъ на прежнее мѣсто лишь 9 лѣтъ спустя за огромный выкупъ.

Мусульманскія преданія говорятъ, что при увозѣ нечестивцами священнаго камня его съ трудомъ везли 40 крѣпкихъ верблюдовъ, тогда какъ обратно его привезъ одинъ тощій верблюдъ.

Случалось черному камню подвергаться еще большимъ неприятностямъ.

Такъ, въ XI вѣкѣ египетскій юродивый мулла Хакемъ приблизился къ камню и сказалъ:

«Сколько еще времени должно воздаваться поклоненіе этому камню. Никто не разрушилъ тебя, такъ я хочу это сдѣлать».

При этомъ онъ ударилъ камень желѣзной дубиной.

Мулла тутъ же былъ растерзанъ толпой богомольцевъ, а камень, разбившійся на 15 кусковъ, соединили серебряными обручами.

Кааба расположена въ самой центральной части Мекки.

Кааба занимаетъ своимъ дворомъ около четырехъ десятинъ земли. Дворъ имѣетъ правильную четырехугольную форму и окруженъ со всѣхъ сторонъ довольно высокой крытой галереей, поддерживаемой двумястами сорока колоннами изъ бронзы и мрамора; девяносто два небольшихъ купола возвышаются надъ этой галереей.

Часть галереи вымощена простыми гладкими камнями, а часть мраморомъ. По угламъ ея возвышаются четыре небольшихъ павильона въ видѣ индійскихъ пагодъ, открытыхъ со всѣхъ сторонъ; павильоны эти называются «такамъ»—почетное мѣсто—и каждый

изъ нихъ принадлежитъ одной изъ четырехъ правовѣрныхъ мусульманскихъ сектъ—ханифитамъ, малихитамъ, хембалитамъ и шафитамъ.

Дворъ Каабы находится сажени на полторы ниже спускающихся къ нему улицъ. Во внутренность двора ведутъ двадцать девять большихъ воротъ и много другихъ меньшихъ входовъ.

По срединѣ двора Каабы находится зданіе, занимающее около 9 квадратныхъ сажень при 5 саженьяхъ вышины. Зданіе это называется Бейтулла, и здѣсь-то и находится знаменитый черный камень.

Бейтулла сложена изъ большихъ, плохо отесанныхъ четырехугольныхъ плитъ бурога горнаго камня. Снаружи Бейтулла покрыта покрываломъ (кесвой) изъ черной толстой шелковой матеріи съ вытканными на ней словами:

«Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ пророкъ Его».

Слова эти вышиты золотыми буквами величиной въ одинъ аршинъ.

Старое покрывало ежегодно, послѣ замѣны его пожертвованнымъ новымъ, отдается служителямъ Каабы, которые разрѣзаютъ его на куски и продаютъ желающимъ за большія деньги. Золото съ покрывала идетъ въ пользу шерифа. Кольца, выкованныя изъ золотыхъ буквъ кесвы, имѣютъ, по мнѣнію мусульманъ, цѣлебную силу отъ многихъ недуговъ.

Кесва, не твердо прикрѣпленная къ зданію, колеблется отъ вѣтра.

«Это колебанія отъ взмаховъ крыльевъ десяти тысячъ ангеловъ, охраняющихъ Каабу», говорятъ вѣрующіе.

Со стороны двора на высотѣ человѣческой груди въ Бейтуллу вдѣланъ подъ прямымъ угломъ камень черно-бураго цвѣта. Это и есть знаменитый черный камень. Онъ обдѣланъ серебромъ, но по срединѣ его оставлено широкое отверстіе, къ которому богомольцы и прикладываютъ губами, опираясь руками о серебряные бока.

Входомъ въ Бейтуллу служитъ деревянная дверь, покрытая листовымъ узорчатымъ серебромъ и завѣшенная вышитой золотомъ матеріей. Дверь отстоитъ отъ земли почти на высоту человѣческаго роста. Въ торжественныхъ случаяхъ къ двери подкатывается чугунная лѣстница изящной работы съ рѣзными перильцами. Въ обыкновенныхъ же случаяхъ приставляется простая деревянная лѣстница. Стѣны Бейтуллы внутри на высоту человѣческаго роста выложены мраморными плитками, испещренными священными письменами. Остальная часть стѣнъ до потолка и самый потолокъ покрыты золотой парчей. Здѣсь же стоятъ три высокіхъ доходящихъ до потолка столба, называемыхъ ангелами «Хананъ», «Мананъ» и «Дьянъ». На протянутыхъ между столбами веревкахъ виситъ масса

пожертвованныхъ золотыхъ и серебряныхъ кувшиновъ и кружекъ разной величины. Мусульманамъ не полагается смотрѣть на потолокъ, что считается неприличнымъ.

Внутри Бейтуллы на маленькомъ столикѣ лежитъ серебряный ключъ, прикладываемый вѣрующимъ на языкъ и на грудь.

Конечно, тѣмъ вѣрующимъ, которые въ состояніи хорошо заплатить за это.

На крышѣ зданія имѣется золотой желобъ для стока дождевой воды—аршина въ два длины, въ четверть аршина ширины и толщины въ полдюйма. На наружномъ концѣ желоба висятъ побрякушки величиной съ кисть руки.

Кругомъ Бейтуллы на пятисаженномъ разстояніи поставлены чугунные столбы, соединенные въ верхнемъ концѣ желѣзнымъ пругомъ въ палецъ толщины. Площадь этого круга выстлана маленькими неправильными кусочками сѣраго мрамора.

Передъ дверьми Бейтуллы находится мраморная каѳедрa, съ которой говорятъ проповѣди. За каѳедрой находятся bab-el-salam!—«ворота спасенія», большая триумфальная арка въ три сличкомъ сажени высоты.

На дворѣ Каабы находятся гробницы Авраама ¹⁾, имамовъ Ханифи и Хембали и пустыя мавзолеи имамовъ Шахи и Мальхи.

Въ самое зданіе Бейтуллы входъ допускается лишь въ теченіе трехъ дней въ году, отчего паломники, стремящіеся во что бы то ни стало побывать тамъ, порой рискуютъ своей жизнью.

Въ эти дни, едва только начнетъ разсвѣтать, какъ огромная толпа собирается на дворѣ Каабы. При открытіи дверей многотысячная нетерпѣливая масса богомольцевъ, желая поскорѣе попасть въ зданіе, напираетъ со всѣхъ сторонъ, несмотря на крики служителей и даже раздаваемые ими удары палокъ.

Нерѣдко у двери зданія происходитъ ожесточенная борьба между богомольцами, желающими поскорѣе попасть въ святилище. Нѣкоторые наиболѣе ловкіе вскакиваютъ на волнующееся море головъ и, ступая босыми ногами по нимъ и по плечамъ ихъ владѣльцевъ, добираются такимъ образомъ до дверей Бейтуллы, если не терпятъ по дорогѣ жестокое крушеніе отъ возмущенныхъ единовѣрцевъ.

По ритуалу въ Бейтуллѣ необходимо сдѣлать колѣнопреклоненіе, не это рѣшительно невозможно вслѣдствіе массы народа.

Свѣтъ во внутренность Бейтуллы проходитъ лишь черезъ дверь.

Посѣщеніе внутренности зданія обязываетъ правовѣрнаго никогда въ своей жизни больше не лгать, почему многіе мусульмане преднамѣренно воздерживаются отъ исполненія этого обряда.

¹⁾ Несомнѣнно, что это лишь преданіе мусульманъ, очень чтущихъ Авраама.

Во дворѣ Каабы постоянное движеніе. Толпы богомольцевъ совершаютъ безчисленные, обхожденіе и цѣлованіе чернаго камня. Группы паломниковъ, расположившись у стѣнъ, молятся, читаютъ коранъ или слушаютъ его чтеніе, созерцаютъ въ нѣмомъ благоговѣннѣи дорогія имъ святыни, разговариваютъ, даже занимаются покупкой у спующихъ и здѣсь торговцевъ.

Иные богомольцы просто расхаживаютъ по огромному двору, гдѣ бѣгаютъ и рѣзвятся дѣтишки меккскихъ жителей. Лишь во время намаза (молитвы) все затихаетъ и весь дворъ покрывается стройными рядами колѣнопреклоненныхъ фигуръ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежатъ слабые, почти умирающіе богомольцы. Чувствуя приближеніе кончины, они велятъ отнести себя въ Каабу и, созерцая святыню, умираютъ съ блаженной улыбкой на устахъ.

Мусульмане говорятъ, что болѣзни въ Меккѣ надо радоваться. Однодневная болѣзнь по силѣ равняется 70 годамъ молитвы, а смерть въ Меккѣ,—прямой ключъ отъ рая.

Ночью зажигаются сотни лампъ, при яркомъ свѣтѣ которыхъ продолжаютъ обхожденія Бейтуллы. Впрочемъ, въ началѣ съѣзда богомольцевъ, когда число ихъ еще не велико, поклоненіе прекращается часамъ къ 9—10 вечера, и въ мечети въ религіозномъ экстазѣ остаются лишь немногіе богомольцы.

И день и ночь, начиная мѣсяца за полтора до хаджа, въ Каабѣ безпрестанно жгутся амбра и алоэ, наполняя своими благовоніями и дворъ зданія и прилегающія къ нему улицы.

Служители Каабы и разные предприимчивые люди на каждомъ шагу продаютъ богомольцамъ амулеты и всевозможныя священныя реликвіи, безъ зазрѣнія совѣсти обманывая ихъ и эксплуатируя ихъ религіозное чувство, доходящее до энтузіазма и экстаза отъ поклоненія святынямъ и совершенія различныхъ обрядностей.

А обрядностей этихъ не мало...

VI.

Религіозные обряды въ Меккѣ—товафъ и шам.—Молитвы, читаемыя въ Каабѣ.—Источникъ Земь-Земь и легенды о немъ.—Посѣщеніе священныхъ мѣстъ въ окрестностяхъ Мекки.—Могилы первой жены Магомета Хадиджы.—Праздникъ Курбанъ-Байрама и причина его установленія.

По пріѣздѣ въ Мекку богомольцы, оставивъ вещи въ указанныхъ имъ далиями помѣщеніяхъ, спѣшатъ со своими руководителями въ Каабу на поклоненіе черному комню. Обрядъ поклоненія называется товафъ и состоитъ въ томъ, что паломники семь разъ обходятъ вокругъ Бейтуллы, имѣя зданіе съ лѣвой стороны и стараясь во время этого обхожденія хоть разъ поцѣловать черный камень или дотронуться до него рукой.

Товафъ предписанъ одинъ разъ, но многіе паломники изъ-за религіознаго усердія, поддерживаемаго и раздуваемаго ханжествующими арабами, извлекающими изъ всѣхъ этихъ церемоній большіе доходы, совершаютъ товафъ каждый день по нѣсколько разъ. Впрочемъ, это неудивительно еще и потому, что все равно большинство дня не знающій чѣмъ заняться паломникъ проводитъ на дворѣ Каабы или на прилегающихъ къ ней базарахъ.

При обхожденіи кругомъ Бейтуллы и въ особо священныхъ мѣстахъ Каабы произносятся различныя молитвы, нѣкоторыя изъ которыхъ очень трогательны.

Проходя уголь Бейтуллы, называемый Іеменскимъ, читаютъ:

«О Господи! Я прибѣгаю къ Тебѣ. Охрани меня отъ невѣрія, отъ всего недостойнаго, отъ наказанія въ этой и въ будущей жизни, отъ печали временной и вѣчной».

Проходя уголь Сиріи:

«О Господи! Сдѣлай мое богомолье достойнымъ Тебя и Тебѣ пріятнымъ. Прости мнѣ мои грѣхи, окажи мнѣ Твою помощь въ дѣлахъ, благослови всѣ мои начинанія. О Богъ святой, Богъ милостивый».

Касаясь занавѣси храма:

«О Владыка этого стариннаго святилища, спаси меня отъ огня и отъ проклятаго дьявола. Сдѣлай, чтобы я доволенъ былъ милостями, которыя Ты мнѣ посылаешь. Сдѣлай меня достойнымъ чести поклоняться Тебѣ, какъ Ты этого заслуживаешь».

Передъ чернымъ камнемъ:

«Во имя Бога, Бога великаго! О Господи! Я вѣрю въ Тебя, вѣрю въ Твою книгу, въ Твое слово и въ Твои обѣщанія. Я соблюдаю всѣ предписанія и завѣты пророка. О Боже! Этотъ храмъ—Твое жилище, Твое святилище. Это мѣсто спасенія. Я прибѣгаю къ Тебѣ, спаси меня отъ огня и вѣчныхъ мученій».

Такихъ специальныхъ молитвъ въ общемъ болѣе десяти, и рядовые богомольцы могутъ повторять ихъ лишь за имамами.

Обойдя Бейтуллу, богомольецъ, согласно ритуалу, долженъ итти пить воду изъ источника Земъ-Земъ.

Земъ-Земъ находится въ закрытомъ помѣщеніи саженяхъ въ пяти отъ Каабы. Это подземный тихо выбивающійся ключъ. Въ отверстіе его вставлена рѣшетка во избѣжаніе несчастій съ вѣрующими, которые изъ самопожертвованія бросались въ воду.

Конечно, Земъ-Земъ, какъ почти всѣ святыни въ Меккѣ, имѣетъ свою легенду. Появился онъ еще во времена Авраама.

Изгнанная со своимъ сыномъ Измаиломъ Агарь блуждала на мѣстѣ теперешней Мекки, изнемогая отъ жажды.

Все было пустынно и дико. Нигдѣ не было капли воды.

«Великій Боже!—взмолилась она:—не дай погибнуть мнѣ и моему малюткѣ».

Кааба и окружающие ее дома.

И едва окончила она свою молитву, какъ у ногъ ея заструился чистый прозрачный ручей.

«Земь, земь (поди, поди)», закричала она Измаила, откуда ручей и получилъ свое настоящее названіе.

Въ настоящее время Земь-Земь представляетъ собою питающійся подземнымъ ручьемъ колодезь. Вода его прозрачна на видъ, но имѣеть легкій отвкусъ, порой слегка солоноватый; въ водѣ никогда нѣтъ недостатка, хотя массы богомольцевъ толпятся здѣсь цѣлый день. Стѣны колодца изъ мрамора съ красиво высѣченными арабскими надписями.

Вода этого источника считается мусульманами лучшимъ средствомъ противъ всѣхъ болѣзней. Каждый благочестивый мусульманинъ старается обмакнуть въ воду Земь-Земь свой саванъ; погребенный въ этомъ саванѣ, онъ, несмотря на всѣ свои грѣхи, будетъ послѣ смерти избавленъ отъ наказанія до воскресенія.

Воду должны давать даромъ, но служителя, получающіе свои мѣста за хорошую плату хранителю колодца, продаютъ воду за деньги.

Хранителями колодца являются потомки Аль-Аббаса, дяди Магомета. Когда пророкъ мусульманъ вступилъ въ Мекку по ея покореніи со своими побѣдоносными войсками, то, совершивъ въ одеждѣ богомольца товафъ, онъ направился къ священному источнику. Здѣсь Аль-Аббасъ подалъ своему племяннику первый ковшъ воды и получилъ за это званіе хранителя чаши при колодцѣ, перешедшее къ его потомкамъ.

Послѣ посѣщенія колодца Земь-Земь необходимо выполнить обрядъ, называемый шаи.

Шаи состоитъ въ хожденіи и бѣганіи между холмами Сафа и Мерва, расположенными внутри города недалеко отъ Каабы. Въ этихъ мѣстахъ блуждала Агарь съ Измаиломъ въ поискахъ воды; а такъ какъ обрядъ шаи выполняется въ воспоминаніе ихъ скитаній, то богомольцы стараются подражать Агари: они то идутъ медленно, точно что-то отыскивая, то побѣгутъ, то остановятся и тоскливо посмотрятъ назадъ.

Улица Аль-Месса, по которой должны пробѣгать паломники, начинается отъ воротъ Каабы, называемыхъ Бабъ-Эль-Сафа, имѣеть до 600 шаговъ длины и обставлена лавками, что придаетъ ей сходство съ базаромъ.

Совершая шаи, паломникъ произноситъ слѣдующую молитву:

«Нѣтъ Бога кромѣ Бога! Онъ Единъ! Въ Немъ нѣтъ никакихъ ¹⁾ совмѣщеній. Весь міръ принадлежитъ Ему. Его одного надлежитъ восхвалять. Это Онъ дастъ жизнь и смерть. Онъ Богъ сущій и без-

¹⁾ Эти слова направлены противъ непонятной мусульманамъ христіанской догмы объ единомъ Богѣ троичномъ въ лицахъ.

смертный. Отъ Него зависитъ вся судьба и всемогущество Его на всемъ. Нѣтъ Бога кромѣ Бога! Не воздавайте по чтанія никому, кромѣ Него. Будьте хранителями Его законовъ и Его ученія и не поддавайтесь никогда нечестивымъ уговорамъ невѣрныхъ».

Затѣмъ посѣщеніемъ часовни Омара, находящейся верстахъ въ 6 отъ Мекки, и заканчивается курсъ обязательныхъ религіозныхъ обрядовъ по прибытіи въ Мекку. Совершивъ все это, паломникъ можетъ обрить голову, которой ему запрещено было касаться съ самаго отъѣзда изъ дому, снять ихрамъ и одѣться въ свое обыкновенное платье, вновь облакаясь въ священныя одежды лишь при самомъ началѣ религіозныхъ праздниковъ хаджа. Болѣе фанатичныя остаются въ ихрамахъ до самаго конца религіозныхъ церемоній, хотя бы такъ приходилось проходить два-три мѣсяца.

Но, кромѣ этихъ религіозныхъ обрядностей, которыя обязанъ исполнить не только всякій паломникъ, но и всякій житель Мекки, если только онъ былъ въ отсутствіи болѣе полугода, богомольцы совершаютъ поклоненія различнымъ мѣстамъ, священнымъ для нихъ по тѣмъ или инымъ воспоминаніямъ. Къ числу такихъ мѣстъ слѣдуетъ отнести: Moulded-el-Nebi—мѣсто рожденія Магомета, Moulded Settna Fatma—мѣсто рожденія Фатьмы, Moulded Ali—мѣсто рожденія Али. Мечеть на горѣ Абуль-Кубань, гдѣ кричалъ первый муэдзинъ пророка; могилу¹⁾ Хадиджи,—большую мечеть, сильно разрушающуюся; Djeble Tsour—мѣсто, гдѣ Магометъ спасался въ пещерѣ при бѣгствѣ въ Медину; Djeble Nour—гора свѣта, гдѣ Магометъ получилъ откровеніе отъ ангела Гавріила (Коранъ).

Во всѣхъ этихъ посѣщаемыхъ религіозными богомольцами мѣстахъ находятся свои шейхи и служители, которымъ всѣмъ необходимо давать подарки. Съ паломниками, которые даютъ мало, обходятся, какъ и вездѣ въ Меккѣ, грубо и пренебрежительно.

Описанные религіозные обряды повторяются въ день начала религіозныхъ празднествъ хаджа. Празднества эти начинаются въ первый день праздника Курбанъ-Байрама.

Праздникъ Курбанъ-Байрама есть праздникъ жертвованія и установленъ въ память послушанія Богу Авраама, готовога заколотъ, повинувся волѣ Всевышняго, своего единственнаго сына.

Но по ученію Магомета не Исаакъ, а Измаиль долженъ былъ быть принесенъ въ жертву на горѣ Джебель-Тзебиръ въ окрестностяхъ Мекки.

Когда Авраамъ рѣзалъ покомъ шею Измаила, желѣзо притупилось.

¹⁾ Хадиджа, какъ известно, имѣла большое вліяніе на жизнь Магомета. Бѣдный приказникъ въ ея каравалахъ, благодаря женитьбѣ на ней, хотя она была вдвое старше его, получилъ возможность отдаться неканію истиннаго Бога, т. е. язычество его не удовлетворяло. Хадиджа же первая увѣровала въ его божественное призваніе, хотя и не дождала до триумфа его вѣры.

«Господи, почему же я не могу выполнить Твоей воли?» взмолился онъ.

«Потому, что это лишь испытаніе твоей вѣры, — раздался голосъ съ неба: — проведи теперь ножомъ по скалѣ».

Авраамъ исполнилъ это, и на скалѣ образовалась глубокая борозда.

— Я видѣлъ эту борозду самъ, — говоритъ докторъ Субхи, интеллигентный мусульманинъ, занимающій въ Египтѣ важное положеніе.

Въ праздникъ Курбанъ-Байрама трепетно бьются сердца всѣхъ мусульманъ, а въ особенности тѣхъ, которые принимаютъ участіе въ торжественныхъ обрядахъ и церемоніяхъ хаджа.

VII.

Начало религиозныхъ празднествъ хаджа. — Выступленіе каравана изъ Мекки. — Богомольцы на Арафатъ. — Молитва кадія. — Муздаляфа и Мина. — Побиваніе дьявола камнями. — Жертвоприношенія и санитарныя условія Мины. — Возвращеніе въ Мекку. —

Повѣдки въ Медину на поклоненіе гробу Магомета и первыхъ калифовъ.

Торжество по случаю праздника Курбанъ-Байрама начинается наканунѣ этого дня 9 зюль-хаджа.

Въ 3 часа дня выстрѣлы изъ пушекъ возвѣщаютъ о началѣ религиозныхъ церемоній, но задолго еще до этого времени безчисленныя толпы народа заполняютъ дворъ Каабы, конечно, не могущій вмѣстить большинства богомольцевъ.

Толпа окружаетъ Бейтуллу со всѣхъ сторонъ. Единственно здѣсь мусульмане, обращающіеся при молитвѣ лицомъ къ Меккѣ, молясь стоятъ лицомъ другъ къ другу.

Послѣ молитвы и совершенія грандіозной толпой товафа и шанъ всѣ стремятся къ верблюдамъ, и торжественный караванъ богомольцевъ выступаетъ изъ Мекки на Арафатъ.

Арафатъ находится верстахъ въ 20 отъ Мекки. Границы его обозначены кругомъ каменными столбами. Въ общемъ Арафатъ голая песчаная степь величиной около 10 квадратныхъ верстъ. Растительности никакой, кромѣ колючекъ. На Арафатѣ имѣется мечеть Ибрагима — громадное, но неуклюжее зданіе. Мечеть находится у горы Арафатъ, отъ имени которой получила названіе и вся равнина.

На Арафатѣ надо провести ночь, которую наиболѣе благочестивые проводятъ въ молитвѣ.

На разсвѣтѣ два выстрѣла изъ пушки и крики муэдзиновъ собираютъ богомольцевъ на молитву. Послѣ полудня совершается полное омовеніе, причемъ паломники купаются въ бассейнахъ, изъ которыхъ потомъ вода идетъ по всѣмъ водопроводамъ Мекки. Санитарная администрація всѣми силами старается воспротивиться этому, но порой не можетъ ничего подѣлать.

Кааба и ея черный камень.

Можно представить, насколько чистую и здоровую воду пьют послѣ этого не ушедшіе въ хаджъ жители ¹⁾ Мекки!..

Около трехъ часовъ дня снова грохочутъ пушки, призывая всѣхъ на торжественное моленіе. Кадій Мекки по примѣру Магомета говоритъ проповѣдь, и всѣ присутствующіе на ней богомольцы съ этой минуты имѣютъ право на почетное званіе «хаджи».

Кадій Мекки для произнесенія проповѣди выѣзжаетъ на бѣломъ, украшенномъ блестящей сбруей верблюдѣ; самъ кадій въ бѣломъ одѣяніи богомольца съ жезломъ въ правой рукѣ. Позади его помѣщается шерифъ Мекки со своей свитой.

Молитва, произносимая кадіемъ, очень трогательна:

«Великій Боже! Владыка неба и земли! Покорные Твоей святой волѣ, мы прибыли въ эти священныя мѣста, повинуюсь закону и про року. Мы собрались, чтобы прославить память Адама и Евы, нашихъ прародителей».

«О Боже благій и великій, вспомни о томъ днѣ, когда они осушили свои слезы и въ упованіи любви почерпнули свое мужество».

«Боже милосердный, въ память о нашихъ первыхъ прародителяхъ, сдѣлай, чтобы, уходя изъ этой священной долины, мы были передъ Тобой столь же чистыми и невинными, какъ и въ день нашего рожденія».

«Великій Боже, отпусти всѣ грѣхи и всѣ преступленія Твоему народу, возврати намъ нашу первобытную чистоту».

«Мы вѣримъ въ Твое слово и въ Твои обѣщанія. Благослови также всѣ наши начинанія, простри на насъ свое благословеніе, не лиши насъ Твоихъ милостей на этомъ и на томъ свѣтѣ».

И когда наступитъ послѣдній день суда, предохрани Твой народъ отъ пожирающаго огня ада».

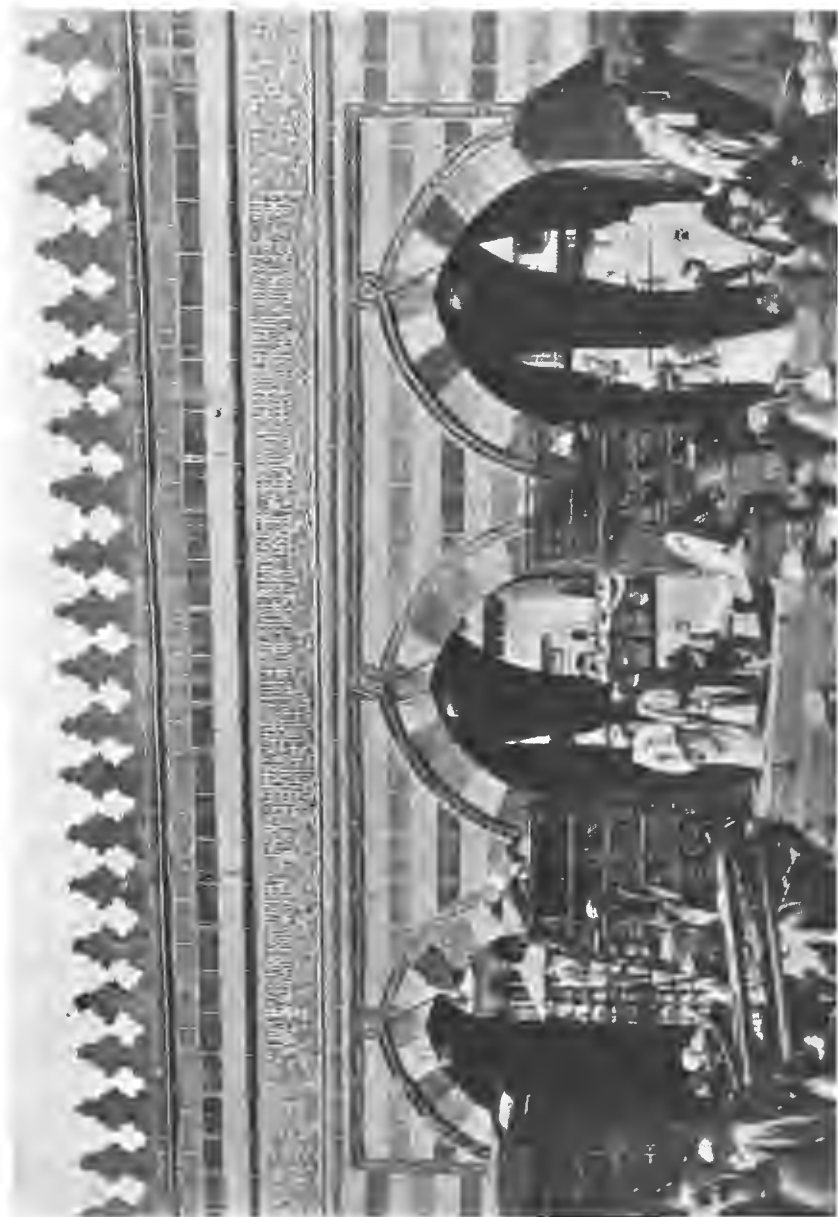
Растроганная, взволнованная толпа отвѣчаетъ на проповѣдь кадія рыданіями и восклицаніями: «Лабейка! Ала-и-оимъ! Лабейка». «Мы принадлежимъ Тебѣ, Боже, мы принадлежимъ Тебѣ».

Лишь бедуины лѣниво сидятъ въ отдаленныхъ кофейняхъ, покуривая кальянъ и попивая кофе. Они такъ привыкли къ этому, что подобныя сцены уже не трогаютъ ихъ сердцецъ.

— Эта сцена была поистинѣ грандіозна,—говоритъ докторъ Субхи, бывшій въ хаджѣ въ 1894 г.:—500.000 ²⁾ вѣрующіхъ, соединенныхъ одной и той же вѣрой, обращая свои взгляды къ небу, вознесли къ Богу одну и ту же молитву. Солнце склонялось за горизонтъ, земля, готовая уснуть, одѣвалась призрачнымъ туманомъ, а наши души и сердца слились тогда въ одно, полное глубокаго волненія».

¹⁾ Три четверти меккского населенія обыкновенно тоже отправляется на Арафатъ.

²⁾ По даннымъ меккской санитарной администраціи, въ тотъ годъ число паломниковъ было вдвое меньше.

Источникъ Земь-Земь.

По окончаніи проповѣди, когда начнетъ закатываться солнце, паломники при залпахъ изъ пушекъ и ружей трогаются съ Арафата съ зажженными факелами. При возвращеніи всѣ должны пройти между двумя колоннами, находящимися въ 6 метрахъ одна отъ другой. Всѣ устремляются въ этотъ узкій проходъ—дѣти, женщины, мужчины, съ ихъ багажомъ, верблюдами, ослами. Во мракѣ ночи и при всеобщей послѣшности, когда каждый спѣшитъ поскорѣе прибыть на Мину, происходитъ не мало столкновеній, причемъ всегда бываетъ много смятыхъ, контуженныхъ, а нерѣдко и раненыхъ.

При выходѣ изъ Мекки на Арафатъ всѣ махмели—дамасскій сирійскій, египетскій и іеменскій—идутъ впереди каравана, занимая лучшія мѣста; за ними слѣдуютъ мѣстные власти и меккская и пріѣзжая аристократія. При уходѣ же съ Арафата не соблюдается никакого различія ни между знатными и незнатными, ни между богатыми и бѣдными.

Кочевые бедуины, живущіе въ окрестностяхъ Арафата и встрѣчающіе караванъ при его приближеніи, теперь дѣятельно помогаютъ ему сняться и сопровождаютъ паломниковъ на Мину, гдѣ всегда для нихъ бываетъ немало дѣла и заработка.

Паломники растягиваются на нѣсколько верстъ въ длинную, огненную ленту факеловъ и часа черезъ два прибываютъ въ горную мѣстность Муздаляфа, гдѣ находится мечеть и нѣсколько разрушенныхъ зданій.

Провести здѣсь ночь считается душеспасительнымъ и богоугоднымъ дѣломъ, но это необязательно, и большинство, по совершеніи двухъ намазовъ молитвъ, спѣшитъ поскорѣе въ долину Мины, набирая по дорогѣ камешки для побитія тамъ дьявола. Тѣ же, которые остаются здѣсь на ночь, утромъ совершаютъ общій намазъ, причемъ кадій Мекки говоритъ краткое слово. Съ первыми лучами солнца трогается весь караванъ. Отъ Мины до Муздаляфа всего одинъ часъ ѣзды.

Мина представляетъ собою тянущееся въ одну улицу небольшое мѣстечко, расположенное между двумя цѣпями продольныхъ горъ.

На Минѣ полагается провести двѣ ночи. Здѣсь приносятся въ жертву барановъ, въ воспоминаніе закланія Авраамомъ агнца вмѣсто сына, и ходятъ побивать дьявола.

Роль шайтановъ изображаютъ три болвана, поставленные на огражденномъ мѣстѣ главной улицы Мины.

Въ болвана полагается бросить 7 камешковъ, но въ азартѣ разгоряченные богомольцы бросаютъ гораздо больше.

Какая гора камней образуется вокругъ представителей ада, если порой число хаджей бываетъ въ 300—400 тысячъ человѣкъ. Благочестивые богомольцы твердо вѣрятъ, что ограду вокругъ чур-

Могила Хадиджи.

бановъ никогда не очищаютъ, а что ангелы уносятъ вновь на Муздаляфу брошенные камни.

Счастливы вѣрующіе!..

Жертву изъ животныхъ долженъ принести всякій, кто только въ состояніи это сдѣлать. Рѣдкій паломникъ не заколетъ барана, а иные приносятъ ихъ въ жертву по нѣсколько десятковъ. Совершая свой послѣдній хаджъ, Магометъ собственноручно закололъ 63 верблюда по числу лѣтъ своей жизни; подражая ему, нѣкоторые богатые паломники приносятъ въ жертву соответствующее ихъ годамъ количество барановъ. Верблюдовъ теперь закалываютъ рѣдко.

Бойни находятся верстахъ въ шести отъ Мины, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Авраамъ, по мусульманскому преданію, закололъ агнца. За порядкомъ и чистотой на бойняхъ слѣдитъ меккская санитарная администрація. За недѣлю до прихода паломниковъ на Мину здѣсь уже работаютъ чистильщики, а во время пребыванія богомольцевъ въ равнинѣ все вниманіе санитарныхъ властей устремлено на бойни. Подметать и чистить огромную равнину нѣтъ возможности, вслѣдствіе непрерывнаго движенія по ней богомольцевъ. 35—40 рововъ вырывается для убитыхъ животныхъ. Эти рвы окружаются караулами солдатъ. Болѣе 500 человекъ съ 12—15 телѣгами работаютъ за уборкой труповъ животныхъ.

Но, несмотря на всѣ мѣры, на второй же день Мина представляетъ собою довольно грязное зрѣлище. Не говоря о грудяхъ нечистотъ, порой отъ недосмотра гниютъ брошенные туши и отдѣльныя части животныхъ. Да и закапываются трупы животныхъ, вслѣдствіе массы работы, довольно небрежно, такъ что порой зловоніе на Минѣ, при отсутствіи вѣтра, не проникающаго, благодаря окружающимъ равнину горамъ, невыносимо.

Кромѣ побиванія шайтана камнями и жертвоприношенія, на Минѣ не опредѣлено совершать какіе-либо положенные религиозные обряды. Всякій дѣлаетъ что хочетъ: спитъ, молится, гуляетъ. Мѣстные жители ходятъ по палаткамъ богомольцевъ, поздравляютъ ихъ съ окончаніемъ хаджа и собираютъ обильные подарки. Бродятъ музыканты, фокусники, рассказчики. И всѣ находятъ многочисленныхъ зрителей и хорошій заработокъ.

Мина въ это время представляетъ собою весьма живописное зрѣлище. Тысячи палатокъ, тентовъ разныхъ цвѣтовъ и всевозможныхъ импровизированныхъ прикрытій отъ жгучаго аравійскаго солнца раскинуты на огромной равнинѣ. Драгоцѣнныя и вышитыя золотомъ и шелками палатки богатыхъ и знатныхъ лицъ тонуть среди полотнянаго моря шатровъ. Среди этихъ походныхъ домиковъ кажутся гигантами разбросанныя по долинамъ зданія.

Громадныя толпы богомольцевъ двигаются повсюду по равнинѣ, пробираются между узкими проходами палатокъ и тысячами привязанныхъ повсюду верблюдовъ и ословъ.

Послѣ всѣхъ религіозныхъ церемоній на Минѣ паломникъ возвращается въ Мекку, заканчивая хаджъ посѣщеніемъ Каабы. Приблизившись къ стѣнамъ Бейтуллы съ расprostертыми руками и прижимаясь грудью къ зданію, паломникъ проситъ у Бога прощенія всѣхъ своихъ грѣховъ и произноситъ слѣдующую молитву:

«О всемогущій Господи! Сдѣлай мнѣ милость, что я не послѣдній разъ посѣщаю Твой святой домъ. О, Господи, Ты былъ милостивъ допустить меня въ свою страну и Ты покровительствовалъ мнѣ. Благодаря Твоей милости, я совершилъ всѣ необходимыя церемоніи хаджа. Если Ты доволенъ мной, сдѣлай довольнымъ и меня. Если Ты недоволенъ, я завѣряю Тебя, что всему на свѣтѣ я предпочитаю Твой святой храмъ и что Ты единственный объектъ моихъ стремленій. Господи, пошли мнѣ святость и благочестіе, чтобы я не блуждалъ въ дѣлахъ вѣры. Обрати въ добро зло, которому я подверженъ. Пошли мнѣ блага въ этой жизни и въ жизни будущей, ибо Ты всемогущъ».

По возвращеніи въ Мекку паломникъ, утомленный и намучившійся въ Геджасѣ, спѣшитъ скорѣе домой. Многіе паломники, не успѣвшіе побывать въ Мединѣ до хаджа, ѣдутъ туда по окончаніи всѣхъ религіозныхъ церемоній. Кромѣ дороги моремъ, черезъ Джедду и Ямбо изъ Мекки въ Медину идутъ четыре караванныхъ дороги черезъ пустыню. Самымъ удобнымъ, вслѣдствіе отсутствія тяжелыхъ подъемовъ и обилія колодцевъ, считается тарикъ-эль-султани, имѣющей 460 верстъ. Однако выборъ дороги, когда караванъ отправляется изъ Мекки, предоставляется шерифу, которому лучше всего извѣстно то или иное настроеніе живущихъ въ данной мѣстности племень.

За послѣднее время, съ постройкой желѣзной дороги до Медины, паломники предпочитаютъ ѣздить туда по возвращеніи моремъ изъ хаджа черезъ Бейрутъ, избѣгая, благодаря этому, тяжелаго 10—12-дневнаго путешествія черезъ пустыню съ караваномъ.

Въ Мединѣ находится гробъ Магомета, и поклоненіе ему, если не считается обязательнымъ по религіозному ритуалу хаджа, то въ большинствѣ случаевъ свято соблюдается по обычаю и тому священному значенію, которое имѣетъ въ глазахъ мусульманъ мѣсто погребенія ихъ пророка.

Медина, какъ и Мекка, окружена стѣнами, постройку которыхъ относятъ къ XII вѣку христіанской эры; въ стѣнахъ этихъ 14 башенъ и 5 воротъ. Храмъ Медины представляетъ собою копію Каабы въ уменьшенномъ размѣрѣ. Гробъ Магомета, окруженный возвышающейся до потолка бронзовой артистически выдѣланной рѣшеткой, закрытъ великолѣпнымъ зеленымъ шелковымъ ковромъ. Здѣсь же находятся могилы первыхъ калифовъ Абу-Бекра, Омара и Османа. Могила Фатьмы, дочери Магомета, бывшей замужемъ за калифомъ Али, находится отдѣльно въ окрест-

постяхъ Медины. Шіиты особенно почитаютъ эту гробницу, плюя потихоньку на гробницы Омара, Османа и Абу-Бекра, которыхъ они не признаютъ за калифовъ, считая ихъ узурпаторами законныхъ правъ Али. Положеніе шіитовъ въ Меккѣ теперь сносно, чему не мало помогло учрежденіе въ Джеддѣ персидскаго консульства, уѣзжающаго во всемъ составѣ на хаджъ въ Мекку. При Мурадѣ IV въѣздъ шіитовъ въ священныя земли былъ запрещенъ, а лѣтъ 15 тому назадъ съ ними въ Геджасѣ обращались не только пренебрежительно, но ихъ избивали. Мальчишки гонялись за ними толпами, ихъ оскорбляли, и всѣ смотрѣли на нихъ какъ на паріевъ. Теперь ничего подобнаго нѣтъ, хотя едва ли истинно правовѣрный суннитъ не предпочтетъ невѣрнаго христіанина еретика шіиту. Въѣшняя враждебность къ персамъ уменьшилась и оттого, что персы перестали носить во время паломничества свои островерхія мерлушковые шапки, привлекаяшія на нихъ общее вниманіе, вызывая уже однимъ этимъ враждебное настроеніе; внутреннихъ же противорѣчій между двумя враждебными сектами, въ былыя времена заливавшими другъ друга потоками крови, не примирить самымъ искуснымъ, мирно настроеннымъ богословамъ.

VIII.

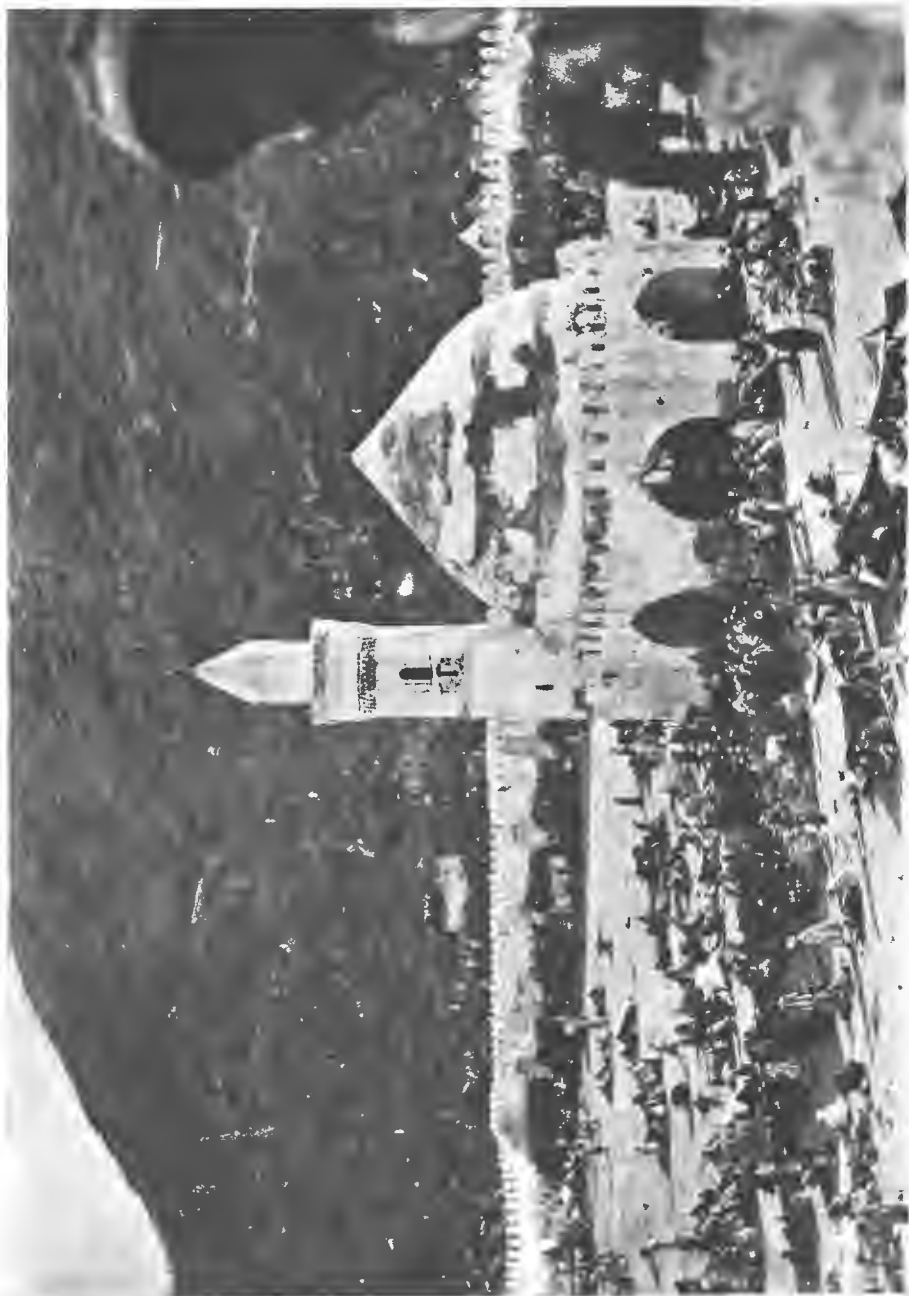
Сравненіе поѣздки богомольцевъ по Россіи и Турціи.—Подвергаются ли богомольцы въ Меккѣ панисламистической пропагандѣ.—Нравственность въ Меккѣ.—Проституція.—Мифы о туземныхъ женщинахъ и ихъ мнимой недоступности.—Невольничество въ Меккѣ и продажа рабынь «для удовольствія».

Много ли хорошаго богомольцы выносятъ изъ хаджа?

Несомнѣнно, что кругозоръ, напр., полудикихъ сартовъ изъ Туркестана расширяется, но едва ли путешествіе это не оставляетъ на ихъ сердцахъ впечатлѣнія враждебности ко всему европейскому, такъ какъ имъ приходится сталкиваться лишь съ отрицательными сторонами цивилизаціи. Озлобленные неудачами, многократно обманутые, подстрекаемые ханжами-лицемѣрами и фанатиками, богомольцы возвращаются въ свой глухой уголь съ затаенной враждой противъ христіанъ, отъ которыхъ, какъ имъ втолковываютъ, и идутъ всѣ бѣды.

Обманутый въ Россіи своимъ же единовѣрцемъ, богомольецъ по неразвитости связываетъ происшедшее событіе съ тѣмъ изъ русскихъ городовъ, гдѣ случилась съ нимъ бѣда.

Чѣмъ далѣе, глубже въ Россію, тѣмъ труднѣе становится богомольцу безъ знанья русскаго языка. Въ большомъ городѣ онъ наталкивается на массу препятствій, мѣшающихъ его самымъ существеннымъ привычкамъ, и это тяготитъ и раздражаетъ его. Онъ видитъ такія сцены, которыя, по его понятіямъ, дики и невѣроятны,

Богомольцы на Арафатъ.

и, сравнивая съ ними свое скромное намѣреніе сѣсть и закусить на улицѣ, печально окончившееся появленіемъ полицейскаго, за незнаемъ языка попросившаго его удалиться «честью», приходитъ къ заключенію о несправедливости русскихъ властей, позволяющихъ христіанамъ дѣлать что угодно и притѣсняющихъ мусульманъ. Случаевъ, такъ или иначе вызывающихъ справедливое или несправедливое негодованіе богомольца, не мало и отъ его дикости, и отъ излишней порой «строгости» нашего начальства, каковымъ для невѣжественныхъ хаджей является каждый кондукторъ, каждый истопникъ вагона. И хотя теперь введены спеціальныя поѣзда для богомольцевъ-мусульманъ изъ Туркестана въ Одессу, что можно только привѣтствовать, тѣмъ не менѣе по дорогѣ въ Россіи богомольцу приходится испытать не мало мытарствъ, вызывающихъ его озлобленіе. Большихъ красивыхъ русскихъ городовъ богомольцы не видятъ, самое большее «перегоняютъ» ихъ съ вокзала на пристань. О величій Россіи у нихъ совсѣмъ не получается никакого представленія.

Не то совсѣмъ видятъ они, попадая въ Константинополь. Прежде всего самый городъ предстаетъ передъ ними во всемъ своемъ чарующемъ блескѣ. Дѣйствительно, нѣтъ въ мірѣ вида восхитительнѣе Константинополя, когда къ нему подъѣзжаешь въ ясный солнечный день. Верста за верстой бѣжитъ чудная панорама ажурныхъ домовъ, блестящихъ дворцовъ и грандіозныхъ мечетей, утопая въ изумрудной зелени кипарисовъ и платановъ. Стройныя минареты величественно и красиво поднимаются къ небу—уже одно это не можетъ не повліять особенно сильнымъ образомъ на сердце благочестиваго мусульманина, каковыми являются большинство паломниковъ. Въ Константинополь паломнику къ тому же гораздо вольготнѣе, чѣмъ въ русскихъ городахъ: здѣсь его понимаютъ повсюду, вездѣ земляки, а то и знакомые. Эксплоатируютъ и обманываютъ его здѣсь еще больше, но умиленный сердцемъ отъ посѣщенія всѣхъ мусульманскихъ константинопольскихъ святынь богомольецъ мирится съ этимъ легче, чѣмъ съ обманами иновѣрцевъ. Подъ руководствомъ какого-либо краснбая изъ константинопольскихъ муллъ начинается хожденіе по всѣмъ мечетямъ.

Европеецъ, восхищенный дивнымъ видомъ Константинополя съ моря, разочаровывается отъ его узкихъ спутанныхъ улицъ, отъ его грязи внутри. Для азіата же все это, по большей части, кажется вполне естественно и во всякомъ случаѣ ничуть не умаляетъ для него впечатлѣнія отъ великолѣпнаго города. А тутъ еще видъ святынь, о которыхъ ему столько разъ приходилось слышать отъ старыхъ хаджей, трогательные рассказы краснорѣчивыхъ муллъ, мало считающихся съ дѣйствительностью, но хорошо умѣющихъ вліять на религіозное чувство своей паствы. А Айя-Софія, это безсмертное созданіе великаго Юстиніана! Каждый богомольецъ

Богомолцы на Мингъ.

чувствуетъ, какъ сильно бьется его сердце при входѣ въ Айя-Софію, надъ которой вмѣсто креста уже пять столѣтій возвышается полумѣсяцъ. Грандіозный куполь кажется точно висящимъ на воздухѣ. Эта необъятная вышина, величественность легкой, но вмѣстѣ съ тѣмъ грандіозной постройки и обиліе свѣта приковываютъ входящаго какъ очарованнаго къ мѣсту. Взоръ скользитъ по мраморнымъ колоннамъ и утопаетъ въ необъятной величинѣ свода.

Затѣмъ паломникъ видитъ торжественный селямликъ султана, когда онъ въ пятницу отправляется на мечеть. Вереницы войскъ, несмѣтныя толпы народа, блескъ свиты султана и иностранныхъ представителей, самый парадъ селямлика—все это оставляетъ у не видавшихъ никогда ничего подобнаго паломниковъ неизгладимое впечатлѣніе. А вѣдь не надо забывать, что султанъ считается калифомъ правовѣрныхъ. Едва ли все это можетъ оставить въ душѣ паломника хорошій слѣдъ при сравненіи имъ того, что онъ проѣздомъ случайно видѣлъ въ Россіи, со всѣмъ видѣннымъ имъ въ Турціи, съ той показной стороной, за которой онъ не увидитъ, конечно, и не пойметъ ея отрицательныхъ сторонъ. Нѣсколько позднѣе Мекка отгѣснитъ на задній планъ Константинополь, вызвавъ сильный подъемъ религіознаго чувства, но когда паломникъ вернется домой и разберется на досугѣ въ хаосъ видѣннаго и пережитаго, то въ памяти его снова ярче всего и въ преувеличенномъ даже видѣ встанетъ великолѣпіе Константинополя и селямлика султана. Лютятся безконечные рассказы, и невольно создается весьма опасная почва для развитія панисламизма.

Затѣмъ еще одинъ штрихъ.

Въ Галатѣ (прибрежномъ, портовомъ кварталѣ Константинополя), гдѣ и останавливаются многіе хаджи, находится цѣлая улица кафе-шантановъ самаго низкаго сорта и различныхъ увеселительныхъ заведеній. Проходивъ цѣлый день по величественнымъ мечетямъ, осмотрѣвъ турецкую часть города «Стамбуль», которая поражаетъ, кромѣ кипучаго базара, своей тишиной, религіозно настроенный богомолецъ вдругъ попадаетъ, возвращаясь вечеромъ домой, въ вертепъ разгула. Пьяные матросы ходятъ обнявшись съ размалеванными, одѣтыми болѣе чѣмъ легко женщинами, на каждомъ шагѣ сцены самаго откровеннаго, грубо-циничнаго характера. А кругомъ то молчаливыми зрителями, то дѣятельными участниками на ряду съ европейцами красныя фески.

Какой же выводъ приходится на умъ богомольцу? Мусульманскій кварталъ Стамбуль тихъ и правствененъ. Здѣсь—дикій, грубый разгулъ и развратъ. А кто принесъ его, какъ не европейцы, кто соблазняетъ въ него правовѣрныхъ, какъ не они. И тотчасъ у какого-либо туркестанца, почти не видавшаго въ своемъ глухомъ селеніи европейцевъ, является жгучее чувство злобы противъ «гяуровъ», принесшихъ сюда, въ городъ святынъ, всѣ эти гадости. Хаджи

Богомольцы на Минь.

эти не понимают, конечно, что въ каждомъ большомъ портовомъ городѣ есть свои подонки. Если же и турки втягиваются въ этотъ содомъ и хаосъ, то не потому ли прежде всего, что ихъ жены, выросшія подъ гнетомъ гаремной неволи, не представляютъ для нихъ интереса.

Конечно, выясняя вліяніе на паломниковъ впечатлѣнія отъ поѣздки по Турціи, я не хотѣлъ этимъ сказать, что слѣдуетъ стремиться къ ограниченію мусульманскаго паломничества. Нельзя, конечно, не пожалѣть, что поѣздки мусульманъ на богомолье имѣютъ болѣе отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ сторонъ для русской государственности, но не слѣдуетъ вслѣдствіе этого приходить къ крайнимъ выводамъ. Впрочемъ, правительство наше, если и запрещало хаджъ въ нѣкоторые годы, вслѣдствіе эпидемій въ Геджасѣ, то никогда не стремилось ограничить его по соображеніямъ политическаго характера.

Нельзя не отмѣтить и отрицательныхъ сторонъ пребыванія паломниковъ въ Меккѣ. Нѣкоторые говорятъ, что путешествіе въ Мекку имѣетъ и свои хорошія стороны—здѣсь-де только хаджи познаютъ при сравненіи благоустройство Россіи. Беспорядки и притѣсненія, которымъ подвергаются богомольцы въ Геджасѣ, вызываютъ у большинства изъ нихъ вполнѣ естественное чувство разочарованія. Чувство разочарованія, конечно, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ культурнѣе и развитѣе богомольецъ. Татары, какъ самые образованные и интеллигентные изъ русскихъ мусульманъ, хорошо знаютъ порядки въ Меккѣ, потому-то, вѣроятно, несмотря на ихъ зажиточность, ихъ ѣдетъ въ хаджъ въ процентномъ отношеніи куда меньше, чѣмъ сартовъ. Хотя способъ выколачиванія денегъ въ Геджасѣ многихъ богомольцевъ приводитъ въ негодованіе, но большинство ихъ подъ опасеніемъ Божьяго гнѣва, которымъ имъ грозятъ въ Меккѣ, воздерживается отъ разсказовъ о дурныхъ сторонахъ геджасской жизни. Развѣ уже окончательно обобранные и обворованные не вытерпятъ и изольются въ откровенныхъ разсказахъ. Обыкновенно же послѣ хаджа, когда всѣ понесенныя бѣды и лишенія уже прошли, остается въ памяти и въ душѣ лишь сила вынесеннаго религіознаго впечатлѣнія, которое, какъ мы уже видѣли, чрезвычайно сильно и искренно. Кромѣ того, порой при чтеніи молитвъ муллами и имамами въ Меккѣ въ нихъ включаются и повторяемыя богомольцами клятвенныя обѣщанія не только о щедрыхъ пожертвованіяхъ, но и объ умолчаніи всего того дурного, что богомольцамъ пришлось претерпѣть въ Геджасѣ.

Что касается развитія въ Меккѣ политической и религіозной пропаганды, то слухи объ этомъ сильно преувеличены.

Въ Меккѣ печатаются десятки книгъ тысячъ противъ христіанства, но эта религіозная пропаганда носитъ скорѣе оборонительный, чѣмъ наступательный характеръ. До настоящаго времени въ Меккѣ нѣтъ ни одной газеты.

Мало слышно и о пропагандѣ панисламизма.

Центръ панисламизма въ Индіи, гдѣ есть серьезная періодическая пресса, а въ Меккѣ заняты не тѣмъ. Паломники составляютъ единственный источникъ существованія меккскихъ жителей. Доходами отъ трехъ-четырехъ мѣсяцевъ живутъ цѣлый годъ. Понятно, что, обладая къ тому же жадными корыстолюбивыми наклонностями, арабы устремляютъ все свое вниманіе лишь на то, чтобы не потерять драгоцѣннаго времени и побольше нажить. Цѣлый день въ качествѣ проводниковъ они ходятъ съ богомольцами по разнымъ святымъ мѣстамъ, десятки разъ въ день совершая обхо-

Одни изъ воротъ Медины.

жденіе Каабы и прогулки между Сафой и Мервой. Чтобы больше получить за свои труды, они выказываютъ передъ богомольцами достаточно святости, но ихъ алчность и корыстолюбіе отодвигаютъ на задній планъ всякіе религіозные интересы. Не забываютъ себя и улемы. Конечно, никто не откажется сказать горячую проповѣдь, если за это предвидится соотвѣтствующее вознагражденіе, но подвергаться риску изъ-за чистой идеи—далеко не по вкусу жителямъ священныхъ городовъ.

Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы порой не находилось и безкорыстно настроенныхъ проповѣдниковъ, но ихъ быстро убираютъ,

такъ какъ послѣ возстанія Махди въ Африкѣ турецкая администрація, боясь секты сенусситовъ¹⁾, подвергаетъ преслѣдованію всѣ религіозныя братства.

Да и самимъ хаджамъ не до этого. Въ Геджасъ ихъ привлекло, по большей части, сильное религіозное чувство, и они удовлетворяютъ его въ безконечномъ, доходящемъ до изнеможенія исполненіи святыхъ обрядовъ. Не буду судить, усиливается или ослабѣваетъ вѣра, если богомолецъ начинаетъ придавать слишкомъ большое значеніе количеству совершаемыхъ религіозныхъ обрядовъ, но фактъ тотъ, что большее или меньшее право на вѣчное спасеніе большинство хаджей считаютъ количествомъ исполненныхъ товафовъ и шай.

Идея панисламизма едва ли можетъ крѣпко привиться у арабовъ. Ихъ практической умъ инстинктивно понимаетъ, что это не возвыситъ ихъ націи и не дастъ пользы имъ самимъ. Вырождающіеся типы гордыхъ предковъ, они еще сохранили въ глубинѣ сердца воспоминаніе о быломъ величіи сородичей, но величія этого они будутъ желать неразрывно со своей личностью. Можетъ быть, панисламизмъ и вознесетъ широкой волной исламъ на вершину могущества, но волна эта растворитъ арабовъ, какъ крупинки въ морѣ, среди другихъ народовъ. Арабъ мечтаетъ о другомъ. Сердцу каждаго араба льститъ лишь мечта о восстановленіи чистаго арабскаго калифата со смутной надеждой, что это прольетъ и на него золотой дождь изъ рога изобилія. Для меккской жѣ аристократіи и всѣхъ безчисленныхъ потомковъ Магомета тѣмъ болѣе близка идея восстановленія былого могущества калифата, а не уменьшающія ихъ власть панисламистическія тенденціи.

Говоря о вліяніи хаджа на богомольцевъ, не могу не коснуться вопроса о нравственности въ Меккѣ.

Мнѣніе о развратѣ, царящемъ въ Меккѣ среди паломниковъ, совершенно невѣрно. Многіе до сихъ поръ повторяютъ это, основываясь на словахъ извѣстной книжки Бурхарда, побывавшаго въ Меккѣ въ 1827 году въ одеждѣ паломника, что «эти женщины» въ самомъ храмѣ безстыдно предлагаютъ себя паломникамъ, не возбуждая ничьего негодованія. Безпристрастный вообще тонъ Бурхарда въ его изображеніи мусульманскаго паломничества не даетъ основанія предполагать, что онъ искажилъ дѣйствительность той эпохи, но нельзя не констатировать, на основаніи самыхъ тщательныхъ разслѣдованій по этому предмету, что въ настоящее время ничего подобнаго не существуетъ.

Проституція въ Меккѣ, впрочемъ, довольно развита. Существовала тамъ проституція и въ прежнія времена. Великій ше-

¹⁾ Сенусситы проповѣдуютъ возрожденіе ислама истребленіемъ христіанъ и... турокъ, которыхъ они считаютъ еретиками.

Могилы Фатимы в окрестностях Медины.

рифъ Галедъ обложилъ проститутокъ податью безъ различія національностей, взимая ее въ двойномъ количествѣ съ тѣхъ женщинъ, которыя отпралялись вмѣстѣ съ паломниками на Арафатъ. Только проституція въ Меккѣ носитъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ въ нашихъ городахъ. Въ Меккѣ женщины почти не выходятъ изъ своихъ домовъ, но адреса ихъ извѣстны арабскимъ бонвиванамъ, а, кромѣ того, онѣ имѣютъ своихъ сутенеровъ и зазывателей. Ночью улицы темны. Итти со своимъ фонаремъ, какъ это дѣлаютъ всѣ обитатели города, имѣющіе нужду выйти изъ дому по закатѣ солнца, для публичной женщины неудобно, такъ какъ открыто ей появляться строго запрещено, а въ темнотѣ безъ фонаря никто не замѣтитъ; да и народу въ это время на улицахъ нѣтъ совершенно, развѣ лишь пробѣжитъ запоздалый торопящійся домой прохожій. Выходятъ женщины лишь украдкой днемъ, когда имъ гораздо удобнѣе дѣлать знакомства. Незамѣтный знакъ, и сразу видно, слѣдуетъ ли по приглашенію позванный.

Но главное мѣсто жительства публичныхъ женщинъ за городомъ, за садомъ шерифа, гдѣ онѣ живутъ въ шалашахъ. Здѣсь преимущественно негритянки и арабскія цыганки; мекканокъ попадаетъ немного: большинство ихъ вмѣстѣ съ египтянками промышляютъ тайно въ самомъ городѣ.

О женщинахъ Геджаса вообще, а о мекканкахъ въ частности, извѣстный турецкій поэтъ Фазиль-Бей говоритъ слѣдующее:

«Женщины Геджаса безобразны; онѣ не составляютъ гордости своихъ возлюбленныхъ. Ихъ тѣло некрасиво, ихъ лицо черновато, ихъ походка неграціозна, ихъ рѣчь нескладна. Только женщины Мекки имѣютъ немного прелести. Онѣ имѣютъ серебристое тѣло, но оно оцѣнивается слишкомъ дорого. Онѣ стыдливы, честь ихъ не запятнана, въ этой странѣ нѣтъ куртизанокъ. Когда кака-либо куртизанка становится невыносимой въ Египтѣ, ее изгоняютъ въ Мекку. Какое непріятное обстоятельство для священнаго города, ибо египтянки грязнятъ своимъ поведеніемъ Мекку». (*Anthologie de l'amour turc*).

Совершенно согласенъ съ почтеннымъ авторомъ относительно мнѣнія о непривлекательности геджасскихъ женщинъ; насколько можно встрѣтить въ Джебдѣ, напримѣръ, красивыхъ маленькихъ дѣвочекъ, настолько между взрослыми рѣдки красивыя женщины и дѣвушки. Мнѣніе поэта о поведеніи египтянокъ тоже въ достаточной степени справедливо: насколько онѣ недоступны до хаджа, настолько же легкомысленны послѣ совершенія всѣхъ религіозныхъ обрядностей, можетъ быть, разсуждая, что чего же имъ стѣсняться, когда ключъ отъ дверей рая, заслуженный самымъ честнымъ образомъ, въ карманѣ и когда миллионъ грѣховъ не затмить пріобрѣтенной святости. Что же касается восхваленія Фазиль-Беемъ нравственности мекканокъ, то ошибка автора зависить

отъ того, что самъ онъ никогда не былъ въ Геджасѣ. Для европейцевъ (въ Джеддѣ и Ямбо) съ большими предосторожностями едва доступны и мѣстныя феи, но для мусульманскихъ донъ-жуановъ не такъ-то трудны знакомства и съ дѣйствительно замужними дамами, и едва ли въ Геджасѣ найдется столько муллъ, сколько десятковъ лицъ, занимающихся сводничествомъ.

Но нравственность прїѣзжихъ богомольцевъ стоитъ, видимо, высоко. Нельзя, конечно, утверждать, что среди нихъ нѣтъ въ этомъ отношеніи исключеній, но число таковыхъ паломниковъ, посѣщающихъ загородные шалаши или тайные притоны, очень незначительно по сравненію съ общей массой богомольцевъ. Зато сами арабы, на которыхъ въ это время какъ изъ рога изобилія

Паломницы египтянки.

сыплется золотой дождь монетъ, расходятся во-всю и до самаго утра можно слышать въ отдаленномъ кварталѣ шумъ и крики опьяненныхъ бузой и опиумомъ меккскихъ святыхъ гидовъ. Впрочемъ, что же: немногіе изъ паломниковъ увидятъ ихъ при иномъ освѣщеніи; а кто и увидитъ, тотъ самъ молчать объ этомъ станетъ. Чего же больше надо! Хранятъ въ чистотѣ не правы, а репутацію добрыхъ мусульманъ, репутацію важную не по нравственнымъ мотивамъ, а какъ доходную статью при эксплуатаціи хаджей, обольщенныхъ ореоломъ ихъ святости.

Толкаясь по городу, хаджи не минуютъ и рынка въ кварталѣ Зуика, гдѣ въ 7—8 лавкахъ ведется открытый торгъ невольниками и невольницами. Рынокъ этотъ находится къ сѣверу отъ Каабы, въ разстояніи нѣсколькихъ саженъ отъ воротъ.

Невольничество, несмотря на все европейскія конференціи, еще процвѣтаетъ въ Геджасѣ. Лѣтъ 10—15 тому назадъ самбуки съ живымъ товаромъ открыто приставали въ самой Джеддѣ, но теперь доставка невольниковъ изъ Африки стала затруднительнѣе. Съ одной стороны, на африканскомъ берегу (въ колоніяхъ французскихъ, итальянскихъ и англійскихъ) приняты противъ неготорговли мѣры строгаго надзора, а съ другой—и въ Джеддѣ консулы протестовали противъ этого открытаго позорнаго торга. Привозъ «живого товара» теперь производится тайно, отчего цѣны на рабовъ поднялись. Въ Джеддѣ открытаго рабства нѣтъ, но рабы существуютъ во многихъ домахъ. Впрочемъ, въ день Малаго Байрама (1 число шевала, праздникъ опять-таки переходящій) рабы устраиваютъ въ Джеддѣ открытую процессію въ нѣсколько сотъ чело-вѣкъ, ходя по городу съ барабаннымъ боемъ, музыкой и танцами и лишь не показываясь въ той части города, гдѣ сосредоточены консульства.

Въ Меккѣ, гдѣ нѣтъ европейскихъ консуловъ, продажа рабовъ, и въ особенности рабынь, идетъ ходко. Цѣны на меккскомъ рынкѣ на рабынь въ среднемъ таковы: суданки и вообще черныя (9—12 лиръ; лира 8 р. 50 к.) абиссинки 15—18 лиръ; особенно красивыя цѣнятся отъ 30—60 лиръ.

Странно звучитъ въ XX вѣкѣ это слово «цѣнятся» по отношенію къ людямъ.

Послѣ карательныхъ экспедицій въ Іеменъ на невольничьемъ меккскомъ рынкѣ появляются арабки изъ Сааны, обыкновенно по цѣнѣ не дороже 5—6 лиръ. Однако покушниковъ на нихъ находится мало. Съ одной стороны, боятся мести ихъ родныхъ, съ другой—такая покупка противорѣчитъ шаріату.

Женитьба на черныхъ, а особенно конкубинатъ съ рабынями сильно распространенъ среди арабовъ, тогда какъ бедуины пустыни воздерживаются отъ этого. Въ результатѣ послѣдніе сохранили свой характерный типъ и свойственное этой націи изящное благородство манеръ (но, увы, какъ мы видѣли, не поступковъ), тогда какъ населеніе геджасскихъ городовъ далеко уже не чистой арабской крови.

Положеніе рабовъ у турокъ далеко не плохое; часто рабъ считается почти членомъ семьи и черезъ 12—15 лѣтъ обыкновенно получаетъ свободу. Арабы обращаются съ рабами гораздо хуже и никогда ихъ не освобождаютъ по собственной волѣ. Положеніе же рабовъ у бедуиновъ чрезвычайно тяжело. Неся непосильные труды, они терпятъ грубое, жестокое обращеніе, а подъ старость, потерявъ свою работоспособность, выгоняются своими жестокими хозяевами.

Нельзя сказать, чтобы паломники находили много поучительнаго на невольничьемъ рынкѣ въ Меккѣ. Впрочемъ, работор-

Богомольцы въ ожиданіи парохода въ Ямбо.

говцы не обращают на нихъ большого вниманія, зная, что, хотя бы при затруднительности вывоза изъ Геджаса рабовъ, прїѣзжіе богомольцы не могутъ быть серьезными покупателями. Опытный глазъ меккскаго работоторговца сразу отличить настоящаго покупателя отъ толпы любопытныхъ зѣвакъ. Встрѣтивъ прибывшаго съ приличествующими восточному этикету поклонами, хозяинъ спрашиваетъ, для какой надобности ему требуется рабъ или рабыня: для наружной работы или для дома. Относительно рабынь задаются еще болѣе детальныя вопросы, часто весьма недвусмысленнаго характера. Людей осматриваютъ, какъ животныхъ, а пользующійся уваженіемъ покупатель, ищущій рабыню «для удовольствія», а не для работы, можетъ произвести болѣе подробныя изслѣдованія понравившагося ему объекта.

IX.

Возвращеніе богомольцевъ въ Джедду.—Мытарства ихъ при отъѣздѣ.—Синдикатъ пароходовладѣльцевъ и эксплуатація имъ богомольцевъ.—Странная дѣятельность Русскаго общества пароходства и торговли.—Посадка на пароходѣ.—Остающіеся въ Джеддѣ болыне и бѣдныя паломники.—Возвращеніе черезъ Афганистанъ.

Но вотъ, удовлетворивъ такъ или иначе корыстолюбіе всѣхъ своихъ меккскихъ гидовъ, паломники спѣшатъ въ Джедду, и море снова блещетъ передъ ихъ глазами. Измученные утомительнымъ и долгимъ путешествіемъ богомольцы всѣми силами души жаждутъ поскорѣе отправиться на родину. И это, кажется, такъ легко и просто. Отъ 20 до 40 пароходовъ обыкновенно готово къ ихъ услугамъ. Флаги на ихъ мачтахъ извиваются по всему извилистому джеддскому рейду. Большіе пароходы свыше 2000 тоннъ обыкновенно остаются на вѣшнемъ рейдѣ, не рискуя входить въ лабиринтъ коралловыхъ острововъ и скалъ. Въ какую сторону ни посмотришь—вездѣ силуэты пароходовъ, то изящныхъ и легкихъ, то неуклюжихъ и тяжелыхъ. Большинство ихъ во время стоянки успѣло почиститься и покраситься, но многіе стоятъ, еще сильно потрепанные снаружи. Это преимущественно «англичане». Народъ дѣловой, коммерческой—стоитъ ли наводить красоту; кому нужно, тотъ и безъ того поѣдетъ. Кое-гдѣ мелькаютъ изящныя бѣлыя «французики», прїятно выдѣляются своимъ свѣтлымъ цвѣтомъ среди темныхъ однообразныхъ корпусовъ другихъ народовъ.

Но не такъ-то легко богомольцамъ попасть на пароходѣ.

Уже издавна на берегахъ Краснаго моря процвѣтаетъ небольшая группа хищниковъ, монополизировавшихъ въ своихъ рукахъ дѣло перевозки паломниковъ.

За отсутствіемъ серьезныхъ конкурентовъ пароходы на югъ налаживаются скоро, но при продажѣ билетовъ богомольцамъ

на сѣверь бѣльмою на глазу синдиката является Русское общество пароходства и торговли. Пароходы этого общества первый разъ явились соперниками синдиката въ 1903—4 г. Поговаривали уже было о свободной конкуренціи съ синдикатомъ, о самостоятельной продажѣ билетовъ, но дѣло только одними разговорами и кончилось. Видимо, условія, предложенныя синдикатомъ, были очень выгодны Русскому обществу пароходства и торговли. Дѣйствительно, чего было лучше: получая съ богомольца по 8 лиръ (лира 8 р. 50 к.) до Феодосіи, синдикатъ далъ обществу всего по 2½ лиры съ пассажира. Слѣдующіе года стали давать и больше, доходя порой до 6 лиръ (изъ 8—9). При этомъ интересно отмѣтить, что агентомъ Русскаго общества пароходства и торговли въ Джеддѣ состоитъ предсѣдатель синдиката пароходовладѣльцевъ, усиленнымъ образомъ старающагося выжить съ Краснаго моря опасныхъ конкурентовъ въ лицѣ русскаго пароходнаго общества.

Въ послѣднее время за перевозку богомольцевъ взялся также Добровольный флотъ, но, видимо, операціи его еще не наладились. Можетъ быть, причиной этому является слишкомъ большое участіе въ его дѣятельности «благодѣтеля» паломниковъ знаменитаго Сеидъ-Гани, котораго лишь въ недавнее время убрали изъ Одессы. Богомольцы жалуются, что цѣна за билеты отъ Одессы до Джедды была назначена въ 100 рублей, тогда какъ прежде была 50 р. Конечно, при такихъ условіяхъ дѣло не разовьется, но надо надѣяться, что прекрасные пароходы Добровольнаго флота найдутъ въ Джеддѣ всегда достаточное количество пассажировъ.

Пока идутъ разные переговоры и соглашенія между агентствами пароходствъ, паломники нетерпѣливо ждутъ отъѣзда.

Только тотъ, кто проводилъ по нѣскольку мѣсяцевъ за границей, можетъ понять, какъ велико бываетъ порой желаніе вернуться въ Россію послѣ продолжительныхъ скитаній, да еще при столь неблагоприятныхъ условіяхъ жизни, какъ въ Геджасѣ. Тщеславные сарты и бухарцы, не говоря о желаніи увидать родину и родныхъ, стремятся домой, чтобы скорѣе явиться среди охающихъ отъ уваженія, удивленія и зависти своихъ земляковъ въ нѣкоторомъ ореолѣ святости хаджи, раздавая всѣмъ важно свое благочестивое дыханіе богомольца, способное принести счастье и уже во всякомъ случаѣ лучше любого талисмана охраняющее отъ козней злого духа.

Когда объявляется цѣна на билеты, большая масса богомольцевъ приходитъ въ ужасъ. Не всѣ могутъ платить за билеты такъ дорого, да и скупость является одной изъ отличительныхъ чертъ жителя средне-азиатскихъ владѣній, побуждаетъ выкидать, не понизятся ли цѣны на билеты. И вотъ толпа живетъ въ Джеддѣ, выжидая, не подвернется ли какой болѣе дешевый пароходъ. Всякій слухъ ловится съ жадностью. Создаются самыя нелѣпыя розказни, но такъ какъ сила соломѣ ломить, то въ результатѣ

богомольцамъ все же приходится идти кланяться синдикату и сдаваться на его цѣны. Когда не хватаетъ денегъ, то начинается продажа въ Джеддѣ по дешевымъ цѣнамъ вещей и подарковъ, часто закупленныхъ еще ранѣе въ Константинополѣ, хотя безъ подарка домой вернуться стыдно и надо что-либо привезти не только роднѣ, но доброй полусотнѣ знакомыхъ. Въ Геджасѣ на подарки ежегодно расходуется 3—4 милліона четоковъ мѣстнаго чернаго коралла, джеддскіе цвѣтные камни и жестянки съ водой источника Земь-Земь.

Посадка богомольцевъ на пароходы производится такъ же безпорядочно, какъ и ихъ высадка. Передъ карантиномъ снова начинается невообразимая давка. Всѣ стараются скорѣе попасть на пароходъ, чтобы занять лучшія мѣста. Летятъ вещи, раздаются то гнѣвные, то отчаянные крики. Усилія сторожей часто совершенно безплодны. Богомольцы лѣзутъ не туда, куда надо, не слушая ни криковъ, ни увѣщаній, ни раздаваемыхъ щедро ударовъ палокъ. Или думая, что ее обманываютъ, или, видимо, ничего не думая, толпа устремляется за своимъ вожакомъ, и лишь грубая сила можетъ ее остановить. Это, конечно, прискорбно, но, видимо, неизбежно почему нельзя особенно винить грубость сторожей санитарной администраціи.

Но мало добраться до парохода. Иногда санитарная администрація разрѣшить по ошибкѣ посадку на пароходъ, на которомъ не всѣ билеты еще проданы. Тогда посаженнымъ на судно богомольцамъ, такъ какъ послѣ посадки нельзя уже съѣзжать на берегъ, приходится сидѣть тамъ порой до недѣли. На пароходъ привозятъ лишь хлѣбъ, за который негры, спующіе между пароходами на каюкахъ, берутъ еще дороже, чѣмъ въ Джеддѣ.

Но и уйдя изъ Джедды, богомольцамъ предстоитъ еще одна непріятная остановка—въ карантинѣ въ Торѣ. Пребываніе тамъ— послѣднее мытарство паломниковъ.

Но не всѣ богомольцы, даже имѣющіе средства, могутъ попасть на пароходы, такъ какъ пароходы не принимаютъ не только больныхъ, но и слабыхъ.

Конечно, при скученности на пароходѣ заразная болѣзнь можетъ угрожать другимъ богомольцамъ. Но не принимаются на пароходы даже ослабѣвшіе богомольцы, такъ какъ при смерти ихъ судно можетъ быть задержано въ карантинѣ. И если относительно больныхъ агенты пароходовъ имѣютъ формальное право отказа въ пріемѣ, то ужъ относительно слабыхъ исчезаетъ и это послѣднее оправданіе. Низменные матерьяльные расчеты хорошо зарабатывающихъ пароходныхъ компаній обрекаютъ десятки людей на вѣрную смерть. Конечно, пароходныя общества должны соблюдать свои интересы, но не до такой степени.

Но, кромѣ больныхъ, въ Джеддѣ остается нѣсколько сотъ (а чаще всего и тысячъ) бѣдныхъ богомольцевъ, которые не попадаютъ на пароходы, благодаря полному отсутствію денегъ.

Главнымъ контингентомъ этихъ бѣдняковъ являются индусы, жалкіе люди лишь съ однимъ подобіемъ человѣческаго существа. Вся Джедда наполняется ихъ жалобными воплями о милостынѣ.

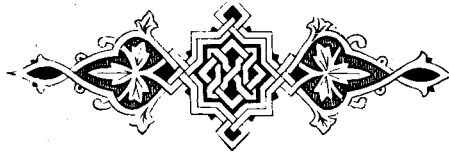
Многіе изъ бѣдныхъ, не попавъ бесплатно на пароходы, уходятъ въ Мекку, чтобы дождаться тамъ будущаго хаджа. Въ Меккѣ и заработокъ порой есть, и за воду не надо платить, да и подають больше. У хаджей всѣхъ національностей въ Меккѣ найдется немало соотечественниковъ, оказывающихъ бѣднымъ помощь или безкорыстно, или въ расчетѣ, что по прибытіи новыхъ партій богомольцевъ ихъ бесплатные нахлѣбники приведутъ къ нимъ своихъ земляковъ. Однако почти всѣ нищіе индусы остаются въ Джеддѣ, такъ какъ пароходы на Бомбей бываютъ часто, почему всегда есть шансъ уѣхать при содѣйствіи англійскаго консула или городского управленія, которое всегда радо освободить городъ отъ столь ненадежнаго и невыгоднаго элемента. Очень часто городъ выдаетъ неимущимъ по нѣсколько сотенъ хлѣбовъ въ день на пропитаніе; подають и въ городѣ, но въ общемъ надо удивляться, чѣмъ только живутъ бѣдные при дороговизнѣ въ Джеддѣ хлѣба и воды.

Остаются и бѣдные русско-подданные. Синдикатъ предоставляетъ въ ихъ пользу 5⁰/₀ билетовъ. Хотя со стороны синдиката это лишь показная доброта въ предположеніи пріобрѣсти этой мѣрой расположеніе консуловъ, обыкновенно ему не сочувствующихъ, но мѣра эта имѣетъ большое значеніе. Не къ чести Русскаго общества пароходства и торговли слѣдуетъ отмѣтить, что бесплатной перевозки хотя бы 5⁰/₀ бѣдныхъ изъ Геджаса оно не признаетъ. Но порой наплывъ бѣдныхъ русско-подданныхъ такъ великъ, что не хватаетъ никакихъ билетовъ, и консульство, энергично принимающее въ этомъ отношеніи всевозможныя мѣры, бессильно часто что-либо сдѣлать. Конечно, эти остающіеся бѣдные русско-подданные подрываютъ нашъ престижъ въ Геджасѣ. Если они уходятъ въ Мекку дождаться хаджа слѣдующаго года, они подвергаются тамъ дурному вліянію; если они ѣдутъ черезъ Бомбей, то могутъ занести въ Россію эпидемію, такъ какъ въ этомъ случаѣ имъ приходится переходить границу тайно. Черезъ Бомбей возвращеніе въ Россію гораздо дешевле, чѣмъ черезъ Константинополь. Отъ Джедды до Бомбея недѣли черезъ три послѣ окончанія хаджа можно найти пароходы, берущіе съ богомольца по 2 англійскихъ рупіи (1 р. 28 к.) Дешевизна эта объясняется частымъ отсутствіемъ грузовъ изъ Джедды, почему пароходовладѣльцы предпочитаютъ взять 300—400 пассажировъ по 2 рупіи, чѣмъ итти пустыми. Многіе пароходовладѣльцы къ тому же мусульмане и дешевую перевозку хаджей считаютъ дѣломъ богоугоднымъ. Изъ Бомбея паломники часто отправляются городскими

властями бесплатно до Пешавера, откуда уже идутъ пѣшкомъ. Такъ какъ цѣна на билетъ отъ Джедды до Феодосіи никогда не бываетъ ниже 20—25 рублей, то понятно, что путь черезъ Бомбей привлекаетъ много бѣдняковъ.

Дорого вообще и съ матеріальной точки зрѣнія и вслѣдствіе претерпѣваемыхъ бѣдствій обходится нашимъ мусульманамъ посѣщеніе святынь Геджаса, почему побывавшіе въ Меккѣ «хаджи» пользуются среди нихъ тѣмъ большимъ уваженіемъ.

М. Э. Никольскій.

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

К. А. Военскій. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 г. Томъ второй. Балтійская окраина въ 1812 году. Спб. 1911. X+LIII+573+IX стр. in 4°. Съ 10 фототип. снимками.

ИЗВѢСТНЫЙ исторіографъ 1812 года К. А. Военскій только что выпустилъ второй томъ своей капитальной работы¹⁾. Первая часть заключала акты и документы касательно Польши и Литвы, вторая — обнимаетъ другую окраину — Курляндію и Лифляндію. Сборнику предпослано предисловіе, весьма обстоятельное, въ которомъ авторъ на основаніи собраннаго матеріала дѣлаетъ нѣкоторые любопытные выводы.

Къ факту вторженія Наполеона населеніе Курляндіи отнеслось совершенно пассивно. Не оправдывая курляндцевъ, К. А. Военскій объясняетъ образъ ихъ дѣйствій. Еще недавно Курляндія была самостоятельною, а потому проявленія особенной любви къ Россіи отъ ея жителей ожидать и требовать было невозможно. Кромѣ того, въ буквальномъ смыслѣ, курляндскіе дворяне-землевладѣльцы находились между молотомъ и наковальнею. Сверху они испытывали гнетъ непріятеля, обложившаго ихъ контрибуціею, снизу имъ угрожало возстаніе подвластныхъ имъ латышей. Въ такомъ безвыходномъ положеніи поневолѣ они ищутъ защиты у власти, не различая, русская она, или французская. «Митава, — повѣствуетъ г. Воен-

¹⁾ Трудъ этотъ вошелъ въ томъ СXXXIII сборника имп. русск. историч. общества, напечатанный подъ наблюденіемъ предсѣдателя общества великаго князя Николая Михайловича.

скій,—осталась безъ властей и военной силы. Этимъ воспользовались крестьяне-латыши и двинулись въ городъ, гдѣ овладѣли провіантскими магазинами и начали грабить жителей. Нижній слой городского населенія прикнулъ къ мятежу, и сами нѣмцы едва ли справились бы съ возраставшими каждый часъ безпорядками. Но въ это время передовой отрядъ пруссаковъ подъ начальствомъ полковника Раумера вступилъ въ Митаву и обратилъ оружіе на мятежниковъ, которые вскорѣ были разсѣяны». Послѣ этого неудивительно, если «появленіе непріятели было для жителей Митавы событіемъ радостнымъ, возстановившимъ законъ и порядокъ». Вступивъ въ Митаву, генераль Гровертъ издалъ указъ, въ которомъ утверждаются права помѣщиковъ и крестьянамъ ставится въ обязанность полное повиновеніе господамъ. Такимъ образомъ,—справедливо замѣчаетъ г. Военскій,—на Балтикѣ французы отнюдь не явились освободителями.

Въ Курляндіи Наполеонъ I изъ мѣстныхъ жителей учредилъ областное правленіе. Предсѣдателемъ этого правленія былъ предводитель дворянства графъ Медемъ, членами Шеппингъ, Ридигеръ и Гольтей, а секретаремъ Шульцъ. Чисто административную часть французы оставили за собою. Генераль-губернаторомъ Митавы былъ назначенъ генераль Кампредонъ, а комендантомъ фонъ-Ботъ (пруссакъ). Сверхъ того вся Курляндія была раздѣлена на двѣ части, сѣверную и южную, подъ властью интенданта Шамбодуена и Монтиньи. Самъ Макдональдъ занимался дѣлами военными и въ гражданское управленіе не вмѣшивался.

Кромѣ реквизицій, на курляндское населеніе была наложена контрибуція въ 2 мил. рублей. Главнымъ предметомъ переписки между областнымъ правленіемъ и французскими властями является взысканіе этой контрибуціи. Какъ видно изъ документовъ, уже въ то время земледѣльческая культура въ Курляндіи находилась на высокой степени развитія. Земли были размежеваны, окопаны канавами и т. д. Чтобы непріятелю не дать повода приступить къ экзекуціямъ и разорить ихъ хозяйства, курляндцы-землевладѣльцы предпочитали французскимъ требованіямъ пойти навстрѣчу и платить добровольно. Тѣмъ не менѣе контрибуція была собрана въ размѣрѣ лишь 1.200.000. Остальныя 800.000 числились въ недоимкахъ и вызвали рядъ строжайшихъ распоряженій интендантовъ.

8-го декабря 1812 года началось отступленіе корпуса Макдональда. На смѣну французамъ и пруссакамъ явились русскія войска и безъ труда возстановили прежнее управленіе Курляндской губерніи.

Къ Лифляндіи, уже давно вошедшей въ составъ Россійской имперіи, авторъ предъявляетъ болѣе высокія требованія, а потому къ поведенію ея интеллигенціи относится гораздо строже. Горячій призывъ гражданскаго губернатора Сиверса на лифляндское дворянство не произвелъ желаннаго дѣйствія. На требованіе рижскаго военнаго губернатора о замѣнѣ негодныхъ къ службѣ людей и лошадей здоровыми выборное дворянское учрежденіе отвѣчало, что оно должно было только скомплектовать ополченіе, а затѣмъ оно поступаетъ на иждивеніе Высокой Короны. Каковы были эти люди и лошади, свидѣтельствуеъ отзывъ Сиверса рижскому военному губернатору, являющійся замѣ-

чательнымъ историческимъ документомъ. Сиверсъ утверждалъ, что люди находятся въ возрастъ 50—60 лѣтъ, малы ростомъ и страдаютъ хроническими болѣзнями, лошади 15—20 лѣтъ и даже болѣе и, разумѣется, не годятся даже для драгунской службы, тѣмъ менѣе для легкой кавалеріи.

Печатаемые документы раскрываютъ цѣлую картину плачевнаго положенія лифляндскаго ополченія и рѣзко подчеркнутаго равнодушія лифляндскаго дворянства, непрерывно ходатайствовавшаго объ освобожденіи его отъ военныхъ повинностей.

Весьма характернымъ представляется столкновение на балу въ дерптскомъ общественномъ собраніи, гдѣ студенты перессорились и подрались съ офицерами волонтернаго казачьяго барона Боде полка. Случай этотъ, хотя особеннаго значенія не имѣетъ, служить, однако, показателемъ настроенія остзейскаго общества и молодежи въ годину тяжелаго испытанія для отечества.

Послѣ того авторъ переходитъ къ заключенію Таурогенской конвенціи, послужившей поворотнымъ пунктомъ и предрѣшившей дальнѣйшій ходъ русской, а съ нею вмѣстѣ и европейской исторіи.

Военный губернаторъ Риги генералъ Эссенъ совершилъ поступокъ необдуманнѣйшій и поспѣшный. Въ увѣренности, что Макдональдъ приступитъ къ осадѣ Риги, онъ распорядился сжечь городскіе форштадты. Но крѣпость французы не осадили. Такимъ образомъ, придуманная Эссеномъ чрезвычайная мѣра, въ матеріальномъ отношеніи разорившая жителей, съ точки зрѣнія соображеній военныхъ оказалась жертвою безплодною. За эту ошибку Александръ отставилъ Эссена и на его мѣсто военнымъ губернаторомъ назначилъ маркиза Паулуччи.

Маркизь Филиппъ Осиповичъ Паулуччи былъ убѣжденнымъ врагомъ Наполеона. По происхожденію итальянецъ, чтобы спастись отъ гоненій корсиканца, вынужденный покинуть родину, сначала онъ опредѣлился на службу въ Австрію. Въ 1805 году мы застаемъ его комендантомъ австрійской крѣпости Каттаро. Согласно Пресбургскому мирному договору, Далмація переходила въ руки французовъ, но Паулуччи, войдя въ сношеніе съ русскими, сдалъ имъ крѣпость самовольно. Перейдя на русскую службу, въ 1807 году онъ удачно выполнилъ дипломатическое порученіе: склонилъ Сербію къ признанію подъ собою русскаго протектората. Въ 1810 году онъ былъ назначенъ квартирмейстеромъ кавказской арміи, а потомъ главнокомандующимъ войсками Грузіи.

Изъ краткаго этого *curriculum vitae* видно, что Паулуччи былъ человѣкомъ чрезвычайно талантливымъ, предприимчивымъ и подвижнымъ. Прибывъ въ Ригу, онъ тотчасъ обратилъ вниманіе на особенное положеніе, въ которомъ находился корпусъ Макдональда, стоявшій одиноко, безъ прямой и постоянной связи съ главными силами арміи. Съ цѣлью воздѣйствовать на патріотизмъ пруссаковъ, Паулуччи рѣшилъ обратиться къ печати и нашелъ себѣ помощника въ лицѣ извѣстнаго германскаго публициста и патріота Гарлиба Гельвига Меркеля.

Въ 1804 г. Меркель сталъ издавать въ Берлинѣ журналъ «Серьезность и шутки или Откровенный». Въ то время, какъ вся Германія находилась во власти Наполеона и вся германская печать не дерзала выступать противъ Франціи, Меркель не опустилъ боевого знамени. Въ «Откровенномъ» помѣщались противъ

французовъ рѣзкіе, полные ѣдкаго сарказма памфлеты. Наполеону онъ далъ кличку Какодемонъ—чудовище, вышедшее изъ жерла революціи.

Имя Меркеля приобрѣло въ Германіи огромную популярность. Королева Луиза называла его «послѣднимъ голосомъ Германіи». Очень понятно, Меркелю со стороны французовъ стала грозить серьезная опасность. По совѣту прусскаго министра Шуленбурга, Меркель удалился сначала въ Кенигсбергъ, а затѣмъ переѣхалъ въ Дерптъ, откуда его вызвалъ вновь назначенный военный губернаторъ маркизь Паулуччи.

Вотъ какъ разсказываетъ Меркель свое первое свиданіе съ военнымъ губернаторомъ:

— Я желалъ бы,—сказалъ маркизь:—чтобы вы писали не только то, что можетъ ободрять здѣшнихъ жителей, но и то, что можетъ повліять извнѣ.

Меркель сослался на цензурныя стѣсненія, но Паулуччи перебилъ его:

— Это все глупости. Пишите, что хотите и какъ хотите.

— Но пруссакамъ не придется читать того, что я пишу.

— Объ этомъ,—возразилъ маркизь,—я уже позаботился.

Послѣ этой бесѣды журналу своему «Зритель» Меркель придалъ воинствующій характеръ. Онъ наполнилъ его сарказмами противъ Наполеона и французовъ, разсказами объ ихъ надменности, объ угнетеніяхъ, учиняемыхъ ими въ Германіи, особенно въ Пруссіи, размышленіями о послѣдней роли, которую прусскія войска, въ душѣ глубоко оскорбленные, играли въ качествѣ соратниковъ Наполеона.

Достойно вниманія, что въ войнахъ 1812 и 1813 гг. русскіе широко пользовались печатью, какъ орудіемъ духовнаго воздѣйствія. Напр., при осадѣ крѣпости Глогау русскія войска дѣлали ложныя наступленія съ исключительною цѣлью вызвать вылазку французовъ, при появленіи же ихъ отступали, оставляя на мѣстѣ газеты съ извѣстіями о пораженіяхъ французовъ.

Помимо мѣръ косвеннаго воздѣйствія, Паулуччи предстояла нелегкая задача—убѣдить командовавшаго прусскимъ корпусомъ стойкаго генерала Йорка, что, нарушивъ долгъ и дисциплину по отношенію къ маршалу Макдональду и перейдя на сторону русскихъ, онъ совершитъ не измѣну, а патриотическій подвигъ. Для вступленія въ переписку съ Йоркомъ Паулуччи не ожидалъ полномочій. Чуждый бюрократическихъ усмотрѣній и оглядокъ, Паулуччи дѣйствовалъ за свой личный страхъ и рискъ. Письмомъ отъ ноября 1812 г. онъ склоняетъ Йорка послѣдовать примѣру испанскаго генерала Ла-Ромона, который, вмѣстѣ со своими войсками, примкнулъ къ Англіи и объявилъ себя противъ Наполеона. Въ отвѣтномъ письмѣ Йоркъ указалъ Паулуччи, что Ла-Ромона зная, чего ему ожидать отъ союзника, между тѣмъ, какъ онъ, Йоркъ, на этотъ счетъ находится въ полномъ невѣдѣніи. Рескриптомъ отъ 6-го дек. 1812 года Александръ уполномочилъ Паулуччи заявить Йорку, что если прусскій король согласится вступить съ нимъ въ союзъ, онъ, съ своей стороны, приметъ обязательство не класть оружія, доколѣ Пруссія не будетъ восстановлена въ томъ видѣ, какъ она была до войны 1806 года. Съ этой минуты въ переговорахъ съ Йоркомъ Паулуччи уже стоялъ на твердой почвѣ. За переходъ на нашу сторону небольшого прусскаго корпуса императоръ Александръ возлагалъ на Россію тяжелое бремя: онъ обязывался освободить Германію отъ Наполеона.

Параллельно воздѣйствию Паулуччи, давленіе на Йорка производилъ штабъ арміи Витгенштейна. 10-го ноября 1812 г. явился къ Паулуччи князь Репнинъ съ письмомъ Витгенштейна, въ которомъ Паулуччи извѣщался, что по волѣ государя императора подателю письма предоставляется вести переговоры съ Йоркомъ. Паулуччи почувствовалъ себя отстраненнымъ. Въ письмѣ къ государю отъ 14-го ноября 1812 г., въ тонѣ коего сквозитъ обида, онъ проситъ императора остановиться на выборѣ лица для переговоровъ и, если дѣло будетъ поручено графу Витгенштейну, отказывается отъ всякаго въ немъ участія.

Къ штабу графа Витгенштейна было причислено нѣсколько пруссаковъ-офицеровъ, сподвижниковъ и единомышленниковъ бывшаго военного министра Шарнгорста. Въ числѣ ихъ находился Клаузевицъ, впоследствии пріобрѣтшій громадную славу, какъ стратегъ и военный писатель. Начальникомъ штаба былъ генераль Дибичъ, чистокровный нѣмецъ. Принявъ во вниманіе, что и между офицерами Йорка были члены съ 1809 г. запрещеннаго патріотическаго общества Тугендбунда, какъ, напр., графъ Редеръ, очень понятно, между двумя арміями возникли оживленныя сношенія. Такъ, Клаузевицъ направился въ лагерь къ Йорку, гдѣ имѣлъ возможность лично убѣждать все еще колеблющагося генерала. Другой нѣмецкій выходецъ графъ Дона сообщилъ Паулуччи, что Йоркъ готовъ принять русскія предложенія, но для прикрытія отвѣтственности онъ желалъ бы имѣть видъ вынужденности. Согласно сему, онъ ожидаетъ, чтобы Витгенштейнъ, занявъ Тильзитъ, затруднилъ бы ему переправу черезъ Нѣманъ. Но Витгенштейнъ впередъ не двигался, и по этой причинѣ переговоры затягивались и не приходили къ результату.

«Медленность дѣйствія русскихъ корпусовъ,—пишетъ Йоркъ Паулуччи отъ 17-го дек. 1812 года,—ставитъ меня въ затруднительное положеніе. Я долженъ былъ принять добровольное рѣшеніе, сдѣлать шагъ къ которому я предпочелъ бы быть вынужденъ».

О томъ, какъ Йоркъ въ концѣ концовъ согласился заключить конвенцію, К. А. Военскій передаетъ со словъ графа Дона.

17-го дек. 1812 г. Дона, возвращаясь отъ генерала Левиза, прибылъ въ Таурогень, гдѣ засталъ Йорка, еще вчера бодрого и веселаго, въ настроеніи чрезвычайно подавленномъ. Онъ объявилъ Дона, что переговоры должны быть прерваны, что парламентаровъ онъ больше не приметъ и начнетъ военныя дѣйствія, о чемъ онъ проситъ сообщить генералу Дибичу. Около 4 час. пополудни доложено было о пріѣздѣ отъ генерала Дибича Клаузевица. Йоркъ сначала разсердился и сдѣлалъ строгое замѣчаніе офицеру съ аманатовъ, не исполнившему приказанія о недопущеніи парламентаровъ. Но въ эту минуту въ комнату вошли Клаузевицъ и майоръ русской службы финъ-Ренне. Йоркъ велѣлъ позвать своего начальника штаба фонъ-Редера. Такимъ образомъ въ комнатѣ оказались пять человѣкъ: Йоркъ, Редеръ, Клаузевицъ, Ренне и Дона.

По прочтеніи писемъ, привезенныхъ Клаузевицемъ отъ Дибича, на вопросъ Йорка, какъ ему поступить, Редеръ высказалъ слѣдующее:

— Я не могу въ этомъ случаѣ дать вашему превосходительству прямого отвѣта. Несомнѣнно, для короля, для государства и для арміи предлагаемыя условія чрезвычайно выгодны. Но для васъ лично такой шагъ очень опасенъ.

Тогда Юркъ воскликнулъ: «При чемъ тутъ моя личность. За моего короля я пойду на плаху.—Затѣмъ, обращаясь къ Клаузевицу, Юркъ сказалъ:—Я вашъ человѣкъ. Сообщите генералу Дибичу, что завтра я буду на русскихъ аванпостахъ. Пусть онъ назначитъ мѣсто и время».

Король прусскій остался попрежнему колеблющимся и отказался взять отвѣтственность за переговоры и соглашеніе съ русскими. Поэтому слова Юрка объ эшафотѣ не являются въ устахъ его громко сказанными, а ярко рисуютъ ту душевную драму, которую онъ пережилъ въ борьбѣ съ собою. И надо отдать справедливость этому замѣчательному человѣку, что онъ вышелъ изъ этой борьбы съ честью и выше всего поставилъ благо родины.

18-го дек. 1812 г. въ мѣстечкѣ Таурогенѣ между Юрккомъ и Дибичемъ состоялось подписаніе военной конвенціи. Съ военной точки зрѣнія конвенція эта не представляетъ особенной важности, но зато политическое ея значеніе и послѣдствія были огромны. Актомъ этимъ Юркъ закрѣпилъ обѣщаніе Александра не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока отъ Наполеоновскаго ига не будетъ освобождена Германія. Въ отношеніи Пруссіи онъ создалъ *fait accompli*, послѣ котораго король Фридрихъ-Вильгельмъ, при всей его нерѣшительности, оказался вынужденнымъ порвать союзъ съ Франціею и присоединиться къ Россіи.

Передъ описываемыми событіями всего за нѣсколько дней, 11-го дек. 1812 г., происходилъ торжественный въѣздъ императора Александра въ Вѣну и встрѣча его фельдмаршаломъ Кутузовымъ. Престарѣлый фельдмаршалъ пробовалъ убѣдить государя, что кампанія окончена и что дальнѣйшее ея продолженіе Россіи пользы не принесетъ, а только послужитъ къ усиленію смуты.

Но рѣшеніе Александра было уже принято. Обращаясь къ сонму русскихъ генераловъ, императоръ сказалъ: «Господа, вы спасли не только Россію, но и Европу», возвѣщая такимъ образомъ, что война будетъ перенесена за предѣлы имперіи.

Вполнѣ признавая вѣрность Кутузовскаго мнѣнія, К. А. Военскій, съ другой стороны, объясняетъ причины, заставившія Александра, не внявъ мудрому совѣту Кутузова, продолжать военныя дѣйствія.

Возможно ли,—говорить г. Военскій,—допустить, чтобъ такой тонкій политикъ, какъ Александръ, не сознавалъ глубокой правды доводовъ Кутузова? Если же, тѣмъ не менѣе, онъ его не послушалъ, стало быть, у него были основанія, посвящая въ которыхъ фельдмаршала онъ считалъ излишнимъ.

Дѣло въ томъ, что въ политикѣ принимаемое рѣшеніе не всегда совпадаетъ съ отвлеченными доводами логики. Въ политикѣ, замѣтилъ князь Бисмаркъ, сѣвъ въ извѣстный поѣздъ нельзя возвратиться съ любой станціи. Въ виду предстоявшей борьбы съ Наполеономъ, Александръ принялъ на себя разнородныя обязательства. На первомъ планѣ были отношенія съ Англіею, которая, стремясь покончить съ Наполеономъ, Россію снабдила субсидіями. Затѣмъ завязалась дружба со Швеціею. Наконецъ Александръ окружилъ себя нѣмецкими патріотами и, черезъ голову германскихъ государей, выступилъ въ роли вождя германскаго освободительнаго движенія. Круто измѣнить курсъ политики и ко всѣмъ этимъ, имъ самимъ созданнымъ интересамъ и чаяніямъ повернуться спиною — такую задачу легче поставить, нежели выполнить.

Сверхъ того при тогдашней обстановкѣ миръ между Россією и Францією былъ бы только временнымъ. Наполеонъ никогда бы не согласился, чтобъ оставаясь нейтральною, Россія сохранила за собою свободу дѣйствія. Подвигаемый движеніемъ народовъ и внутреннимъ броженіемъ во Франціи, онъ снова пошелъ бы ва-банкъ. Такъ или иначе Ватерло было неизбѣжно.

К. А. Военскій останавливается на исторіи германскаго патріотическаго общества «Тугендбундъ». Инициаторъ общества, бывшій прусскій министръ баронъ Штейнъ, императору Александру былъ лично извѣстенъ еще съ 1808 г. Въ Кенигсбергѣ, на возвратномъ пути изъ Эрфурта, императоръ имѣлъ съ нимъ продолжительное совѣщаніе. Въ 1812 году Александръ пригласилъ его прѣхать въ Россію. Штейнъ предложилъ обширный планъ возстанія въ тылу великой арміи. Одобривъ этотъ планъ, Александръ тѣмъ самымъ принялъ на себя нравственное обязательство освобожденія Германіи. Въ Петербургѣ былъ образованъ германскій комитетъ, который состоялъ изъ Штейна, Кочубея и вполсѣдствіи графа Ливена. Къ участію въ комитетѣ былъ привлеченъ принцъ Георгій Петровичъ Ольденбургскій, не столько по личнымъ своимъ качествамъ, сколько потому, что отецъ его былъ жертвою насилія Наполеона. Принцъ Георгій Петровичъ въ комитетѣ высказался, однако, противъ революціоннаго воззванія къ германскому народу. Послѣ этого Штейну разрѣшено было продолжать занятія комитета и помимо прицна, который уѣхалъ въ Тверь, гдѣ и скончался въ декабрѣ 1812 года.

Дѣятельность комитета къ осязательнымъ результатамъ не привела. Также неудачны были попытки организовать особое войско изъ плѣнниковъ пруссаковъ. Народное движеніе въ Германіи возгорѣлось лишь послѣ пораженія Наполеона, перехода Юрка на сторону Россіи и вступленія въ Пруссію русскихъ войскъ.

Въ концѣ своей книги авторъ обнародовываетъ рядъ интересныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ архивовъ морского министерства, касательно дѣятельности въ 1812 году нашего флота. Въ предисловіи онъ дѣлаетъ общую характеристику боевыхъ подвиговъ и боевого состоянія флота въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Подробно останавливается онъ на любопытномъ вопросѣ: почему наша эскадра, предводимая энергичнымъ и даровитымъ адмираломъ Сенявинымъ, прославившая русское имя въ водахъ Леванта, вдругъ послѣ Тильзита отъ дѣйствія противъ Англіи уклонилась и сдалась англичанамъ? Объясненіе этого факта заключается, во-первыхъ, въ отвращеніи всего русскаго общества, а, слѣдовательно, и моряковъ къ политикѣ сближенія съ Наполеономъ, во-вторыхъ, личный составъ эскадры, обученный морскому искусству англичанами, никакъ не могъ примириться съ мыслью, что вдругъ изъ союзниковъ они сдѣлались врагами, и въ этомъ обстоятельствѣ видѣлъ плодъ національнаго униженія. Наконецъ, въ то время во флотѣ было сильно распространено масонство. Такимъ образомъ, русскіе офицеры, независимо личныхъ симпатій, оказывались связанными съ англичанами узами масонскаго братства. Насколько, однако, масонскія вліянія играли роль въ дѣйствіяхъ адмирала Сенявина, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ,

объ этомъ можно лишь дѣлать предположенія. Равнымъ образомъ, дѣтъ указаній, принадлежалъ ли самъ Сенявинъ къ масонству.

Въ 1812 году на Балтикѣ главнымъ образомъ дѣйствовали канонерки. Эти канонерки строились англичанами въ самой Ригѣ. Онѣ принесли большую пользу въ дѣлахъ подъ Шлокомъ и Митавой и были причиною того, что французы и пруссаки не отважились приступить къ осадѣ Риги.

Б. Глянскій

**Исторія правительствующаго сената за двѣсти лѣтъ. 1711—1911 гг.
Томъ 1—V. Спб. 1911.**

Ко дню двухсотлѣтняго юбилея сената особой комиссией, состоящей подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора перваго департамента сената Н. А. Добровольскаго, были выпущены въ свѣтъ пять громаднхъ томовъ, въ 520 и даже 806 стр. каждый, за исключеніемъ пятаго тома, «Исторіи правительствующаго сената за двѣсти лѣтъ». Съ внѣшней стороны названное изданіе можно назвать даже роскошнымъ; въ него вошло до 100 однихъ портретовъ, изъ коихъ нѣкоторые исполнены гелиографіею и фототипіею съ лучшихъ и рѣдкихъ оригиналовъ, таковы, напр., портреты всѣхъ государей, начиная съ Петра Великаго. Затѣмъ въ текстѣ множество видовъ зданій сената, грамотъ, гербовъ, медалей, чертежей и разныхъ другихъ рисунковъ, изображающихъ старыя и новыя предметы, находящіеся въ сенатѣ.

Задачею своею вышеупомянутая комиссія поставила: «изобразить съ возможною полнотою устройство и дѣятельность» сената за все время его существованія и сочетать серьезность ученаго изслѣдованія съ доступностью литературнаго изложенія. Члены этой комиссіи—сенаторъ Н. А. Звѣревъ, проф. Э. Н. Берендсъ, проф. С. О. Платоновъ, проф. А. Н. Филипповъ, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Блиновъ и Н. В. Граве,—приступили къ занятіямъ съ осени 1908 г. и для болѣе успѣшнаго и скорѣйшаго выполненія своей миссіи пригласили еще новыхъ одиннадцать лицъ.

«Обсужденіе общаго плана изданія,—читаемъ на III стран. предисловія къ I тому,—показало комиссіи, что существо дѣла требуетъ различной системы изложенія для исторіи сената въ первомъ и во второмъ вѣкахъ его существованія. Въ XVIII вѣкѣ, будучи органомъ верховнаго управленія, сенатъ пережилъ рядъ колебаній въ своемъ составѣ и организаци, въ широтѣ своихъ полномочій и въ силѣ своего вліянія, благодаря тѣмъ перемѣнамъ, которыя обусловливались личнымъ характеромъ и политическими взглядами монарховъ, правившихъ имперіею, и ихъ довѣренныхъ лицъ, стоявшихъ у власти. Съ началомъ же XIX столѣтія сенатъ превратился въ высшій органъ управленія подчиненнаго и фактически сталъ болѣе далекимъ отъ верховной власти учрежденіемъ; посему мѣрѣмъ царствованій весьма мало стали вліять на положеніе сената въ общей системѣ управленія. Въ зависимости отъ указаннаго различія въ положеніи сената, исторію его въ XVIII ст. представлялось болѣе удобнымъ изложить по царствованіямъ; въ отношеніи же сената XIX ст. принять дѣленіе лишь на двѣ эпохи—до реформъ императора Александра II и послѣ этихъ реформъ».

Исторія сената за XVIII вѣкъ излагается въ первыхъ двухъ наиболѣе объемистыхъ томахъ. Первый томъ весь, за исключеніемъ «введенія», принадлежащаго перу С. Ѳ. Платонова и заключающаго въ себѣ «очеркъ устройства верховнаго управленія въ донетровской Руси», другими словами, краткій обзоръ устройства и дѣятельности боярской думы, — составленъ профессоромъ московскаго университета, А. Н. Филипповымъ, имѣвшимъ возможность широко использовать матеріалы московскаго главнаго архива министерства юстиціи. Содержаніе его распадается на три неравнобѣрныхъ между собою части, носящія слѣдующія заглавія: «Правительствующій сенатъ въ царствованіе Петра Великаго», «Высокій сенатъ въ царствованія Екатерины I и Петра II» и «Правительствующій сенатъ въ царствованіе Анны Іоанновны и Іоанна Антоновича». Въ свою очередь, всѣ эти части дѣлятся на главы и подглавы, съ такими заглавіями: «происхожденіе» сената, «первоначальное значеніе» его и связь съ губернской реформой 1708—1710 г.г.; «Петръ Великій и сенатъ во взаимныхъ отношеніяхъ при отлучкахъ государя» — и «въ присутствіи государя» въ столицахъ; «отношеніе сената къ синоду»; «устройство сената»; «учрежденія и лица, состоявшія при сенатѣ: губернскіе комиссары, фискалы, первоначальная организація надзора за сенатомъ и генераль-прокуроръ, генераль-рекетмейстеръ и его контора, герольдмейстеръ, происхожденіе должности и ея функціи»; «кругъ вѣдомства сената, въ связи съ его дѣятельностью»; «дѣлопроизводство сената и т. д. Проф. А. Н. Филипповъ при своемъ изложеніи широко, сравнительно, пользуется цитатами изъ документовъ; но пострадавшая нѣсколько отъ этого «литературность» съ избыткомъ вознаграждается точностью и научностью содержанія.

Во второй томъ вошли очерки нѣсколькихъ лицъ: 1) «Правительствующій сенатъ въ царствованіе Елизаветы Петровны», А. Е. Прѣснякова, весьма добросовѣстно выполнившаго свою задачу; 2) «Сенатъ въ царствованіе императора Петра Ѳеодоровича (всего 10 стран.)», Н. Д. Чечулина; 3) «Правительствующій сенатъ въ царствованіе Екатерины Второй», Н. Д. Чечулина, М. А. Поліевктова и бар. А. Э. Нольде и 4) «Правительствующій сенатъ въ царствованіе Павла I», бар. А. Э. Нольде. Въ третьемъ очеркѣ всѣ пять главъ принадлежатъ Н. Д. Чечулину, предоставившему лишь бар. А. Э. написать «судебную дѣятельность сената» и въ то же время пожертвовавшему, по какимъ-то особымъ соображеніямъ, 16 страницъ новому историку М. А. Поліевктову; послѣдній на стр. 402—411 заканчиваетъ первый раздѣлъ II главы: «Устройство сената», говоря о «Межевой сената экспедиціи», и на стр. 674—680 начинаетъ седьмой раздѣлъ V главы: «Очеркъ дѣятельности сената», гдѣ опять говоритъ о «межевой сената экспедиціи» и о межеваніи.

Въ предисловіи къ третьему тому читаемъ: «Третій томъ содержитъ въ себѣ исторію правительствующаго сената въ XIX столѣтіи до реформъ 60-хъ годовъ. Однако не всѣ отдѣлы, помѣщенные въ означенномъ томѣ, выдержаны въ рамкахъ указаннаго времени. Въ отдѣлахъ, озаглавленныхъ: «Верховная власть и правительствующій сенатъ» и «Отношеніе прав. сената къ высшимъ государственнымъ установленіямъ, его надзору не подчиненнымъ», — изложеніе обнимаетъ собою весь XIX вѣкъ. Объясняется это тѣмъ, что всѣ эти «отношенія» держались въ руслѣ, проложенномъ въ царствованіе Александра I, и лишь

реформа 1905—1906 г.г. дала себя почувствовать и в данной области. То же приходится сказать про отдѣлы: «Личный составъ» и «Организація сената». И состав и устройство его остались не измѣненными, поскольку рѣчь идетъ объ административныхъ департаментахъ. Вотъ заглавія очерковъ, вошедшихъ въ составъ третьяго тома: 1) «Проекты реформы сената въ царствованіе императоровъ Александра I и Николая I», Э. Н. Берендтса; 2) «Отношеніе сената къ верховной власти», В. А. Гагена; 3) «Отношеніе сената къ высшимъ государственнымъ установленіямъ, не подчиненнымъ его надзору», его же; 4) «Личный составъ и организація правительствующаго сената», его же; 5) «Кругъ вѣдомства и очеркъ дѣятельности прав. сената», С. К. Гогеля; 6) «Отношенія сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ до реформъ 60-хъ годовъ», И. А. Блинова, и 7) «Сенатское дѣлопроизводство въ XIX столѣтіи до реформъ 60-хъ годовъ», С. К. Гогеля.

Судебная реформа 1864 г. ввела въ составъ сената кассационные департаменты, и о нихъ имѣются въ четвертомъ томѣ слѣдующіе очерки: «Кассационные департаменты» (ихъ организація), В. А. Гагена, «Правотворческая дѣятельность сената въ области уголовного права», С. К. Гогеля, и «Правотворческая дѣятельность сената въ области гражданскаго права» бар. А. Э. Нольде. Та же реформа, какъ извѣстно, привела къ закрытію ряда департаментовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ и къ замѣнѣ ихъ въ концѣ концовъ судебнымъ департаментомъ. О немъ статья В. А. Гагена. Въ 1884 г. возникъ второй департаментъ (или въ общегити «крестьянскій»; о немъ большая статья И. М. Тютрюмова. Остальное содержаніе IV тома составляютъ очерки: «Кругъ вѣдомства и очеркъ дѣятельности прав. сената», С. К. Гогеля; «Отношенія сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ послѣ реформъ 60-хъ годовъ», И. А. Блинова; «Кругъ вѣдомства сената по дѣламъ казеннаго управленія и казеннаго обложенія», І. М. Пекарскаго; «Охраненіе правъ личности», С. К. Гогеля; «Кругъ вѣдомства департамента герольдіи», В. К. Лукомскаго и А. О. Гернета; «Сенатское дѣлопроизводство въ XIX столѣтіи послѣ реформъ 60-хъ годовъ», С. К. Гогеля, и «Проектъ реформы прав. сената во второй половинѣ XIX столѣтія», Э. Н. Берендтса. Послѣдній очеркъ, представленный въ видѣ заключенія, обилень новыми фактами и читается съ новымъ интересомъ. Какъ видно уже изъ приведенныхъ заголовковъ, здѣсь нѣсколько измѣнена система, принятая въ III томѣ, и появляются новые отдѣлы, посвященные «особо важнымъ предметамъ вѣдомства сената», къ сожалѣнію, весьма неравномѣрные и по размѣрамъ и по содержанію. Въ пространной статьѣ разсказывается исторія учрежденія, организація, кругъ вѣдомства и дѣятельность насчитывающаго всего 25 лѣтъ своего бытія второго департамента; а почти двухсотлѣтнему учрежденію—департаменту герольдіи—отведено всего 50 страницъ, на которыхъ трактуется кругъ его вѣдомства лишь «по храненію государственнаго герба и гербовъ императорскаго дома и по охраненію сословныхъ правъ»; равно столько же отведено мѣста и «общему очерку круга вѣдомства сената по дѣламъ казеннаго управленія и казеннаго обложенія». Неравномѣрность въ распредѣленіи матеріала и въ самой обработкѣ различныхъ періодовъ исторіи сената сознавали и редакторы изданія (см. предисловіе къ I т.); особенно сжато и почти конспективно

изложены ближайшія къ нашему времени событія въ жизни сената. Въ виду обилія авторовъ и дробнаго дѣленія на отдѣлы возникла и другая несообразность, а именно неизбѣжное повтореніе у разныхъ авторовъ одного и того же.

Пятый, дополнительный томъ «Исторіи сената» заключаетъ въ себѣ статьи: «Мѣстонахожденіе, помѣщеніе и убранство сената со дня его учрежденія по настоящее время», Н. В. Граве; «Изданія при сенатѣ», І. М. Пекарскаго; «Форменная одежда сенаторовъ, чиновъ оберъ-прокурорскаго надзора и канцеляріи прав. сената», Д. А. Всеволожскаго, и въ «Приложеніи»—«Списокъ сенаторовъ» съ 22 февраля 1711 года по 15 января 1911 г., съ алфавитнымъ указателемъ именъ личныхъ и географическихъ. «Списокъ сенаторовъ», составленный Н. А. Мурзановымъ, вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ; какъ заключающій въ себѣ точныя даты годовъ рожденія и смерти сенаторовъ, а равно и назначенія ихъ въ это званіе, онъ послужитъ хорошимъ справочникомъ для многихъ біографовъ.

Вотъ вкратцѣ и все содержаніе юбилейной «Исторіи правительствующаго сената за двѣсти лѣтъ»; сохраняя характеръ подобныхъ изданій ad hoc, выполняемыхъ, какъ и въ данномъ случаѣ, сравнительно въ короткое время, съ «попѣшностью», «Исторія» эта тѣмъ не менѣе сообщаетъ много новаго архивнаго матеріала и послужитъ хорошимъ пособіемъ для будущихъ изслѣдованій многосторонней исторіи сената. На составленіе и изданіе ея затрачены громадныя деньги, и тѣмъ не менѣе пущенныя въ продажу 500 экземпляровъ «Исторіи» оцѣнены всего въ 25 рублей за всѣ пять томовъ.

В. Р.—въ.

Война русскаго народа съ Наполеономъ въ 1812 г. Подъ редакцію: рисунки Л. Е. Дмитріева-Кавказскаго, текстъ И. Н. Божерянова. Спб. 1910. Стр. 132. Цѣна не обозначена.

Къ числу изданій, въ немаломъ числѣ появившихся въ послѣднее время по случаю приближенія столѣтняго юбилея Отечественной войны, должно отнести недавно вышедшій въ свѣтъ объемистый томъ инфоліо, подъ заглавіемъ: «Война русскаго народа съ Наполеономъ въ 1812 г.» Изданіе это, богато иллюстрированное портретами, картинами и рисунками, подобранными и исполненными подъ руководствомъ г. Дмитріева-Кавказскаго, сопровождается текстомъ, написаннымъ г. Божеряновымъ. Техническая часть изданія безукоризненна: напечатанное художественнымъ шрифтомъ, на прекрасной бумагѣ, заключающее въ себѣ рѣдкія гравюры, мало извѣстныя большой публикѣ, оно дѣлаетъ честь вкусу г. Дмитріева-Кавказскаго и исполненію типографіи г. Бенке. Литературная часть изданія представляетъ собою компилятивное изложеніе событій войны и даетъ понятіе о патріотическомъ настроеніи тогдашняго общества, откликнувшася на твердое рѣшеніе Александра I продолжать войну, «доколѣ ни одного вооруженнаго непріятели не останется на русской землѣ». Что же касается до участія собственно народа, то оно обрисовано довольно слабо, а между тѣмъ это вопросъ интересный, требующій серьезнаго и безпристрастнаго изученія. Основныя свойства русскаго народа, безконечная выносливость, твердость въ исполненіи долга въ самыя критическія минуты и

беззавѣтная любовь къ родинѣ, перешедшія въ армію, безъ сомнѣнія, оказали рѣшающее значеніе на исходъ войны, въ которой вопросъ былъ поставленъ на жизнь и смерть; но самостоятельнаго выступленія народа на защиту родины народъ проявить не успѣлъ: вслѣдствіе быстроты, съ какою слѣдовали военныя событія (всего шесть мѣсяцевъ), вслѣдствіе обширности нашего отечества, а также слабости путей сообщенія и затруднительности всякихъ сношеній, опасность нашествія Наполеоновыхъ полчищъ не проникла въ толщу народа, не всколыхнула его массы; въ губерніяхъ, по которымъ слѣдовалъ Наполеонъ къ Москвѣ, народъ бросалъ и жегъ свои жилища, удалялся въ лѣсъ, а по отступленіи доколачивалъ отсталыхъ и нападалъ на обломки великой арміи, разлагавшейся съ каждымъ шагомъ своего бѣдственнаго отступленія. Къ тому же надо припомнить, что то было время «крѣпостной» Россіи, что къ самостоятельному выступленію народъ не былъ ни приученъ, ни подготовленъ; формированіе ополченій было дѣломъ рукъ дворянства, почти поголовно пошедшаго на службу, и пожертвованій купечества и горожанъ; правда, народъ охотно шелъ въ ополченіе, быстро сформированное въ числѣ 200.000 человекъ, и дрался, и умиралъ, какъ умѣютъ умирать русскіе люди. Но нельзя было ожидать отъ него самостоятельнаго выступленія, которое непременно бы настало, если бы война продолжалась долѣе. Но Наполеонъ роковымъ образомъ подготовилъ свою гибель, забравшись слишкомъ опрометчиво въ глубь Россіи, и приведенъ былъ, несмотря на ошибки нашихъ полководцевъ, неимѣніе точнаго плана дѣйствій и малочисленность нашихъ силъ, къ послѣдному отступленію и къ потерѣ всей своей арміи.

Обращаясь опять къ технической части изданія, должно указать на нѣкоторую небрежность въ надписяхъ къ портретамъ; такъ, мы замѣтили на стр. 43-й «Графъ Алексѣй Петровичъ Тарасовъ» вмѣсто «Тормасовъ», на стр. 68, подъ однимъ изъ портретовъ подписано «князь Валеріанъ»; самый же портретъ принадлежитъ извѣстному князю Валеріану Григорьевичу Мада гову; на стр. 75-й напечатано Миллеръ-Закомельскій вмѣсто Меллеръ, Гумбинскъ вмѣсто Гумбиненъ и др. Очень жаль, что этихъ ошибокъ исправить нельзя, ибо онѣ рѣжутъ глазъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что изданіе это принадлежитъ обществу попеченія о безпріютныхъ дѣтяхъ на покрытіе расходовъ по постройкѣ санаторіи при пріютѣ имени великой княжны Маріи Николаевны для слабосильныхъ дѣтей пріюта, въ числѣ которыхъ призрѣваются и сироты павшихъ воиновъ. Въ виду благотворительной цѣли изданія, пожелаемъ ему широкаго распространенія.

Л. Н.

Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Основаны барономъ В. Р. Розеномъ. Томъ XX. Выпускъ I (съ приложеніемъ одного портрета и пятнадцати рисунковъ). Спб. 1911. Стр 109.

Содержаніе «Записокъ» открывается статьею академика С. Θ. Ольденбурга, посвященною памяти покойнаго консула въ Кашгарѣ, дѣятельнаго и убѣжденнаго изслѣдователя китайскаго Туркестана Н. Θ. Петровскаго. Авторъ, хорошо

и близко знавшій покойнаго, передаетъ нѣкоторыя новыя и интересныя подробности изъ его жизни. Покойный заслужилъ искреннюю любовь туземцевъ. «А вы знаете генерала Петровскаго, это былъ большой баринъ и такой справедливый»—вотъ отзывъ о немъ мѣстныхъ обывателей, съ которыми ему пришлось такъ близко сталкиваться въ теченіе долголѣтней службы своей въ далекой и своеобразной странѣ. Много сдѣлалъ Н. Ѳ. въ дѣлѣ изученія Средней Азии. Онъ зорко слѣдилъ за попытками другихъ державъ ослабить наше вліяніе въ Западномъ Китаѣ. Одной изъ его серьезныхъ и постоянныхъ заботъ была русская торговля въ Западномъ Китаѣ, которую тамъ ведутъ съ давнихъ поръ андижанцы-сарты изъ русскаго Туркестана. Поддержкой кашгарскаго консульства, въ лицѣ Н. Ѳ., говоритъ авторъ, только что побывавшій въ китайскомъ Туркестанѣ, «въ значительной мѣрѣ обусловленъ тотъ быстрый ростъ распространенія русскихъ товаровъ въ Алтышарѣ, который бросается въ глаза всякому, посѣтившему страну». Дѣло Н. Ѳ. нашло послѣдователей, оно энергично продолжается Н. Н. Кротковымъ въ далекомъ Урумчійскомъ округѣ. Авторъ высказываетъ справедливое сожалѣніе, что у насъ въ центрѣ печать слабо ознакомлена съ дѣятельностью русскихъ представителей на Дальнемъ Востока: «неудачныхъ представителей критикуютъ мѣтко и успѣшно, но совершенно не цѣнятъ тѣхъ людей, которые съ такимъ трудомъ и самоотверженностью, заваленные скучной, мелкой, но необходимой каждодневной работой «полицейскаго участка», «почтовой конторы», «камеры судьбы», находятъ время и для политическихъ вопросовъ и для научныхъ изслѣдованій. Мы не припомнимъ статей въ общей печати,—говоритъ С. Ѳ. Ольденбургъ,—посвященныхъ дѣятельности Николая Ѳедоровича, не находимъ также упоминаній о дѣятельности продолжателей его дѣла». Перу Н. Ѳ. принадлежатъ крупныя труды, посвященные современному положенію населенія Восточнаго Туркестана, его административному устройству, торговлѣ и промышленности. Однако интересы современности не ослабили въ Н. Ѳ. любви къ археологій. Онъ оказался пионеромъ въ области систематическаго собиранія древностей края, сохранившаго слѣды пережитыхъ имъ прежнихъ культуръ. Онъ работалъ не только самъ, но, внушая любовь къ старинѣ въ своихъ агентахъ, значительно увеличивалъ собираемые имъ матеріалы. «Пройдетъ нѣсколько лѣтъ,—заключаетъ С. Ѳ. Ольденбургъ,—запертые документы архивовъ станутъ доступными и тогда ярко и опредѣленно можно будетъ возсоздать образъ Николая Ѳедоровича Петровскаго, перваго русскаго консула въ Кашгаріи, того, кто первый заставилъ ученыхъ обратить дѣятельное вниманіе на научныя сокровища китайскаго Туркестана, показавъ имъ, какая ждетъ ихъ тамъ богатая жатва, того, къ кому Россія въ правѣ гордиться, какъ человѣкомъ, который дѣлалъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, истинно русское дѣло, человѣческое дѣло на далекой китайской окраинѣ».

Въ статьѣ барона фонъ-Сталь-Гольштейна, представляющей изложеніе подробной лекціи, прочитанной на восточномъ факультетѣ, авторъ указываетъ на одно изъ важнѣйшихъ сочиненій путешественниковъ по Индіи VII вѣка по Р. Х., произведеніе китайскаго паломника-буддиста Сюань-Дзана, цѣлью путешествія котораго было изученіе буддійской литературы и мѣстъ на западъ

отъ Китая, связанныхъ съ воспоминаніями о Буддѣ. У индійскихъ лѣтописцевъ правда и фантазія такъ сливаются въ одно цѣлое, что добиться истины въ ихъ показаніяхъ можно только съ помощью свидѣтельствъ иноземныхъ путешественниковъ. Благодаря указаніямъ Сюань-Дзана, точно установлена въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бенареса и «Роша дикихъ козь», гдѣ Будда впервые началъ проповѣдь своего ученія. Указанія Сюань-Дзана дали уже возможность изслѣдователямъ произвести рядъ археологическихъ изысканій, сопровождавшихся значительными результатами. Сочиненія Сюань-Дзана представляютъ настолько серьезный трудъ, что, по мнѣнію автора, являются необходимымъ и основнымъ источникомъ при изученіи географіи древней Индіи. Кромѣ Индіи, путешественникъ описалъ и нѣкоторые города Средней Азіи, особенно подробно—югъ Восточнаго Туркестана. Изъ сопоставленія данныхъ генерала Пославскаго о развалинахъ Тармыза (1896 г.) и свидѣтельства Сюань-Дзана—авторъ высказываетъ надежду, что показанія великаго китайскаго паломника опять-таки приведутъ къ открытію памятниковъ буддійской древности, на этотъ разъ уже въ предѣлахъ подвластныхъ Россійской имперіи. І. Орбели сообщилъ на страницахъ «Записокъ» результаты тщательнаго научнаго изслѣдованія колокола, полученнаго изъ Поти и украшеннаго своеобразнымъ орнаментомъ; авторъ нашелъ, что мѣстомъ происхожденія колокола былъ гор. Ани въ Арменіи или область, находившаяся подъ анійскимъ культурнымъ влияніемъ. Отлить колоколъ въ XII—XIII столѣтіяхъ, эпохѣ расцвѣта искусства въ Ани. К. Иностранцевъ, на основаніи новыхъ источниковъ, сдѣлалъ нѣсколько дополненій къ матеріаламъ о легендарной личности Коркуда, въ которой видѣлъ отраженіе Коркуда, извѣстнаго исторіи въ лицѣ одного изъ вождей гузовъ (XII столѣтіи по Р. Х.) во время борьбы ихъ съ сельджукидскимъ султаномъ. Въ замѣткѣ «Султанъ Синджаръ и Гузы» профессоръ В. В. Бартольдъ, дополняя, въ свою очередь, предшествующую статью, указываетъ на подробности битвы гузовъ съ султаномъ подъ Мервомъ. Кромѣ вышеуказанныхъ статей, выпускъ «Записокъ» заключаетъ слѣдующія замѣтки: В. Алексѣева—«О разговорномъ значеніи китайскихъ такъ называемыхъ ключевыхъ знаковъ»; А. Самойловича—«Хивинская сатира на казакъ-киргизовъ»; Ф. Розенберга—«Бурдж-намэ», академика Н. Я. Марра—«О сирійскомъ происхожденіи армянскихъ словъ, означающихъ «могила, склепъ». Выпускъ заканчивается весьма обширнымъ отдѣломъ «Критики и библиографіи» по востоковѣднію. Русскіе ученые, какъ это замѣтно при чтеніи «Записокъ» и неспециалисту, въ дѣлѣ изученія Востока идутъ, повидимому, впередъ быстрыми, увѣренными шагами.

А. Мироновъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ. Земскій отдѣлъ. Управленіе сельской продовольственной части. Отчеты по продовольственной кампаніи 1908—1909 и 1909—1910 гг. Спб. 1910 и 1911. Стр. LXV + 163 и LXXVII + 261.

Исторія продовольственнаго дѣла въ имперіи заключаетъ въ себѣ немало любопытныхъ чертъ. Самою интересною изъ нихъ является приспособляемость организациі этой важной отрасли государственнаго хозяйства къ измѣня-

ющимся жизненнымъ условіямъ. Въ этомъ отношеніи достаточно указать, не вдаваясь въ болѣе отдаленныя эпохи, на факты хотя бы послѣдняго десятилѣтія. По дѣйствующимъ продовольственнымъ правиламъ 12 іюня 1900 года единственною формою помощи населенію на случай неурожая и другихъ неблагоприятныхъ для сельскаго хозяйства условій признается выдача хлѣбныхъ ссудъ на продовольствіе и для обѣмненія полей. При этомъ самая выдача ссудъ производилась по установившемуся изстари порядку съ многочисленными отсрочками и разсрочками ихъ возврата, благодаря чему задолженность населенія продовольственнымъ капиталамъ достигла къ 1910 году колоссальной цифры выше двухсотъ двадцати одного милліона рублей. Жизнь, однако, не замедлила показать, что дѣйствующія правила и порядки не находятъ въ достаточномъ соотвѣтствіи съ потребностями и истинными интересами населенія. Обнаружилось, что, кромѣ продовольственной и сѣменной помощи, необходимо поддерживать крестьянское хозяйство и въ приобрѣтеніи для него кормовыхъ средствъ. И организація дѣла оказалась достаточно гибкой и жизнеспособной, чтобы немедленно откликнуться на эту потребность практическими мѣрами, въ результатѣ чего въ первую же послѣ изданія означенныхъ правилъ продовольственную кампанію 1901—2 гг. на ряду съ хлѣбной ссудой въ 162 т. р. выдано 575 т. р. на кормовую помощь. Въ слѣдующіе годы дѣло шло такимъ же образомъ и изъ двадцати милліоновъ рублей, выданныхъ въ ссуду до 1908 года, только пять милліоновъ пошли на потребности въ продовольствіи и сѣменахъ, а остальные пятнадцать милліоновъ вызваны необходимостью въ кормовой помощи. Такъ жизнь побѣдила правила и настолько организація дѣла оказалась способной удовлетворить дѣйствительныя нужды населенія.

Еще болѣе заслуживаютъ вниманія мѣропріятія центральнаго управленія въ отношеніи постановки ссуднопродовольственнаго дѣла, развитія формъ и видовъ помощи населенію и расширенія сферы приложенія послѣдней.

Съ цѣлью урегулированія мѣстныхъ хлѣбныхъ цѣнъ и удержанія ихъ отъ искусственнаго повышенія частными торговцами и монополистами въ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ, во вредъ нуждающемуся населенію, министерство внутреннихъ дѣлъ, начиная съ кампаніи 1901—2 гг., стало выдавать земствамъ въ видѣ безпроцентныхъ ссудъ оборотныя суммы на организацію продажи хлѣба и кормовыхъ средствъ по заготовительной цѣнѣ. Операція эта также не предусмтрѣна дѣйствующими правилами, но, какъ и введеніе кормовой помощи, оказалась очень практичною и приобрѣтаетъ большое значеніе. Сначала земства, по старой привычкѣ, и этотъ видъ помощи обращали въ разсрочиваемыя и отсрочиваемыя ссуды и благодаря этому сильно задолжали продовольственному капиталу (свыше семнадцати милліоновъ рублей). Тогда сдѣлано было распоряженіе продавать хлѣбъ исключительно за наличный расчетъ, и долги стали уменьшаться.

Продажа хлѣба нуждающемуся населенію по заготовительной цѣнѣ сопровождается новыми льготами въ видѣ пониженія провознаго тарифа до одной сотой копейки съ пудовѣрсты и продажей хлѣба по уменьшеннымъ цѣнамъ, причѣмъ уменьшеніе достигаетъ одной трети заготовительной цѣны.

Не предусмотрѣнной временными продовольственными правилами 12 июня 1900 г. мѣрой центрального управленія является и введеніе имъ въ кругъ продовольственныхъ операций общественныхъ работъ, которыя также успѣшно практикуются, замѣняя собою ссудную помощь. Въ прежнее время общественныя работы разсматривались какъ подсобная мѣра, организуемая параллельно съ оказаніемъ ссудной помощи, но опытъ 1908—9 гг. въ Саратовской губерніи доказалъ возможность полной замѣны ссудной формы помощи формой помощи трудовой. Общественныя работы требуютъ меньшихъ затратъ, оказываютъ помощь дѣйствительно нуждающимся, достигая, такимъ образомъ, намѣченной цѣли, избавляютъ население отъ задолженности, даютъ ему крупныя экономическія выгоды, въ видѣ улучшенныхъ и устроенныхъ дорогъ, гидротехническихъ сооружений, расчистки лѣсовъ для сельскохозяйственной культуры, и т. д. и приучаютъ население къ самодѣятельности. Въ кампанію 1908—9 гг. общественныя работы были поставлены довольно широко. Въ Саратовской губерніи онѣ вполне замѣнили собою ссудную помощь, потребовавъ свыше полутора милліона рублей. Въ Воронежской, Пензенской и Уфимской губерніяхъ размѣръ работъ былъ не великъ и онѣ примѣнялись въ видѣ подсобнаго продовольственнаго мѣропріятія. Работы 1909—1910 гг. охватили шесть губерній и одну область, но распространены лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ ихъ. Въ наибольшихъ размѣрахъ онѣ произведены въ Псковской губерніи, затѣмъ въ Тургайской области, въ Саратовской, Томской, Уфимской, Самарской и Рязанской губерніяхъ. Осматривавшій работы въ Псковской губерніи завѣдывающій продовольственнымъ дѣломъ въ имперіи въ должности штабмейстера В. Э. Фришъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, «о громадномъ значеніи этихъ работъ—моральномъ и матеріальномъ—для населенія. Всѣ отзывы крестьянства», данные лично г. Фришу, «сводились къ признанію общественныхъ работъ истиннымъ благодѣяніемъ для народа».

Не имѣя возможности въ рамкахъ рецензіи исчерпать богатый матеріалъ разсматриваемыхъ двухъ «Отчетовъ» хотя бы въ видѣ общихъ указаній на различныя части ихъ содержанія, мы должны, однако, отмѣтить, что, кромѣ объясненныхъ видовъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая, по распоряженію и подъ контролемъ центрального органа оказывалась еще благотворительная помощь въ видѣ безвозвратнаго пособія хлѣбомъ и принималась мѣра по обезпеченію быта рабочихъ закрытыхъ и закрываемыхъ уральскихъ заводовъ (продленіе дѣйствія обслѣдованныхъ заводовъ, облегченіе заводскому населенію скорѣйшаго перехода къ земледѣлію и инымъ промысламъ, развитіе кустарныхъ промысловъ). Въ отношеніи очень важнаго вопроса относительно огромной продовольственной задолженности населенія надо сказать, что, благодаря принимаемымъ въ послѣднее время мѣрамъ, поступленіе долговъ идетъ болѣе успѣшно и сумма задолженности понижается: въ 1909 г. поступило 68,1% назначенной къ поступленію суммы, а въ 1910 г.—82,2% и общая задолженность въ одинъ годъ уменьшилась съ 221 милл. до 216 милл. руб. Управленіе сел. прод. части въ настоящее время провѣряетъ на мѣстахъ счета относительно послѣдней цифры и возможно, часть долговъ придется сложить за смертью плательщиковъ и безнадежностью къ поступленію. При означенномъ упра-

вленіи съ 1908 г. существуетъ особое ликвидационное отдѣленіе, состоящее подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго продовольственнымъ дѣломъ имперіи въ должности шталмейстера В. Э. Фриша. На обязанности отдѣленія лежитъ ликвидація расчетовъ съ желѣзными дорогами по переборамъ за перевозку продовольственныхъ грузовъ. Дѣятельность отдѣленія заслуживаетъ вниманія. Отдѣленіе предъявило къ желѣзнымъ дорогамъ претензій на 3.165.000 рублей, въ погашеніе ихъ поступило 1.380.000 рублей, осталось предъявленныхъ исковъ на 1.785.000 рублей.

Справедливость требуетъ сказать, что вся эта широкая и разносторонняя дѣятельность центрального органа особенно развилась и окрѣпла въ самой послѣдній періодъ, когда во главѣ дѣла былъ поставленъ съ весны 1908 г. завѣдывающимъ продовольственной частью въ имперіи въ должности шталмейстера В. Э. Фришъ, умѣлому руководству котораго успѣхи всего дѣла, несомнѣнно, обязаны очень многимъ и благодаря личному трудолюбію и энергіи котораго читающая публика и всѣ вообще интересующіеся продовольственнымъ дѣломъ, составляющимъ одну изъ наиболѣе важныхъ отраслей вѣдомства внутреннихъ дѣлъ, получили такіе обширные и богатые содержаніемъ «отчеты».

В. Кузнецовъ.

Дворянское сословіе Тульской губерніи. Томъ IV (XIII). Алфавитный списокъ гг. дворянъ съ указаніемъ мѣстонахожденій ихъ помѣстій въ Тульской губерніи. 1903—1910 гг. М. 1910. Стр. II нен. + 141 + XII. Составилъ В. Н. Чернопятовъ.—Тоже. Томъ V (XIV). Ополченіе 1812 г. Матеріалы. Составилъ В. Н. Чернопятовъ. М. 1910. Стр. X + 204 + X.—Московское дворянство. Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ съ краткимъ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ родословныхъ дѣлахъ архива московскаго дворянскаго депутатскаго собранія. М. 1910. Стр. 614.—Московское дворянство. Списки служившихъ по выборамъ. 1782—1910. М. 1910. Стр. 2 нен. + 149 + 20.

Въ прошломъ году мы имѣли уже случай говорить о первыхъ трехъ томахъ «Дворянскаго сословія Тульской губерніи», составленныхъ В. И. Чернопятовымъ. Къ началу нынѣшняго года этотъ неутомимый изслѣдователь успѣлъ издать два новыхъ тома той же работы и еще два тома по исторіи московскаго дворянства, въ сотрудничествѣ съ нѣсколькими членами особой комиссіи. При видѣ этихъ томовъ, кстати сказать, довольно хорошо изданныхъ, остается только привѣтствовать какъ тульское дворянство, такъ и московское, рѣшившихся серьезно поддержать своего историка, и пожелать, чтобы ихъ примѣру послѣдовали и другія великорусскія дворянскія губерніи, въ большинствѣ случаевъ не имѣющія даже простыхъ алфавитныхъ печатныхъ списковъ родовъ своей губерніи.

Въ IV томѣ, или по общему счету съ трудами М. Т. Яблочкова XIII томѣ, вошли списки гг. дворянъ съ указаніемъ мѣстонахожденія ихъ вотчинъ, количества земли, сохранившейся за ними за время отъ 1903 до 1910 года. Списки составлены по уѣздамъ и затѣмъ въ алфавитномъ порядкѣ владѣльцевъ, съ показаніемъ количества земли въ 1903, 1906 и 1909 годахъ.

Въ концѣ приложенія: сравнительная таблица движенія дворянскаго землевладѣнія по уѣздамъ, за время съ 1855 по 1910 годъ—и географическая карта Тульской губерніи. Изъ таблицы видно, что за первое же трехлѣтіе, съ 1871 по 1874 г., было по 10 уѣздамъ 24770 дес. дворянской земли и только по двумъ: Ефремовскому и Тульскому прибыло 1887 дес. Убыль продолжала расти въ превышающихъ «прибыль» размѣрахъ и въ послѣдующіе годы и за весь 39-лѣтній періодъ, съ 1871 по 1910 г., выразилась въ процентномъ отношеніи такъ: самое меньшее—23⁰/₀ въ Крапивенскомъ уѣздѣ и самое большое—около 49—50 въ Ешифанскомъ, Бѣлевскомъ и Тульскомъ; во всѣхъ остальныхъ она колебалась отъ 33 до 42⁰/₀.

Пятый (XIV) томъ «Дворянскаго сословія Тульской губерніи» содержитъ въ себѣ матеріалы, почерпнутые, главнымъ образомъ, въ московскомъ отдѣлѣ архива главнаго штаба, по тульскому ополченію 1812 года, и расположенные составителемъ въ такомъ порядкѣ: сначала идутъ «документы, относящіяся до распоряженій высшихъ должностныхъ лицъ, какъ-то: приказы, рескрипты, отношенія, рапорты и т. п. (между ними есть и весьма цѣнные, напримѣръ, подъ №№ 1—29); затѣмъ большую часть тома занимаютъ «именные списки» членовъ тульскаго ополченія (съ свѣдѣніями о чинахъ должностныхъ лицъ и движеніи ихъ по службѣ) и, наконецъ, наградные списки лицъ, представленныхъ къ орденамъ и повышенію въ нихъ за отличія въ сраженіяхъ (съ № 61 по 129).

Тульское дворянство, какъ оказывается, сформировало семь полковъ и одну роту изъ собранныхъ 12.809 ратниковъ и въ общемъ пожертвовало до 1.896.844 рублей. Начальникомъ тульскаго ополченія былъ избранъ гражданскій губернаторъ Богдановъ, а въ числѣ полковыхъ командировъ—генераль-майоры: князь А. П. Щербатовъ и Миллеръ, бывший потомъ «главнокомандующимъ» и подвергшійся увольненію за «медленность въ дѣйствіяхъ».

Для удобства пользованія матеріаломъ въ обоихъ вышеназванныхъ томахъ приложены именныя указатели.

По исторіи московскаго дворянства пока составлены—«Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ, съ краткимъ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ родословныхъ дѣлахъ архива московскаго дворянскаго депутатскаго собранія» (большой томъ въ 614 стр.) и «Списки служащихъ по выборамъ, съ 1782 по 1910 годы». Первый списокъ сообщаетъ точную дату какъ числа дворянскихъ фамилій по Московской губерніи, съ указаніемъ и той части родословной книги, въ которую внесенъ родъ, такъ и количества дѣлъ, хранящихся въ архивѣ собранія. Съ 519 по 614 стр. идетъ перечень родовъ, не утвержденныхъ герольдіей. Несмотря на нѣкоторую неполноту, впрочемъ, весьма незначительную, серьезнымъ пособіемъ при изученіи дѣятельности представителей московскаго дворянства является и второй списокъ, снабженный для удобства пользованія подробнымъ именнымъ указателемъ.

Въ непродолжительномъ времени В. И. Чернопатовъ обѣщаетъ представить обзоръ дѣятельности московскаго дворянства въ 1812 и 1855 гг. и общую родословную книгу, съ болѣе полной разработкой пятой и шестой частей. Остается только пожелать ему и московскому дворянству полнаго успѣха.

В. Рудаковъ.

**Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи реформъ Александра II.
С. А. Князькова и Н. И. Сербова, подъ редакціею проф. С. В. Рождественскаго.
Москва. Стр. IV+200.**

Названная книга является четвертой въ серіи предпринятыхъ издательствомъ «Польза» книгъ подъ названіемъ «Педагогическая академія». Вышедшіе ранѣе три тома были посвящены дѣтской литературѣ, методамъ первоначальнаго обученія и вопросамъ педагогической психологіи (душевная жизнь дѣтей).

Авторы разбираемой книги поставили себѣ задачей дать историческій обзоръ народной школы въ Россіи до шестидесятихъ годовъ, поскольку это осуществимо, имѣя въ виду, что не всѣ матеріалы по этому вопросу—доступны, а доступные не всегда даютъ точное изображеніе дѣйствительности, обрисовывая вопросъ въ томъ видѣ, какъ этого желали лица, въ рукахъ которыхъ находилась судьба народной школы.

Тѣмъ не менѣе вопросъ о народномъ образованіи разработанъ въ названной книгѣ съ достаточной полнотой, глубоко и содержательно, причемъ выводы авторовъ попутно иллюстрируются статистическими данными, почерпнутыми изъофициальныхъ источниковъ. Сотрудничество въ этой книгѣ г. Князькова выразилось въ составленіи имъ двухъ главъ о характерѣ народной школы со времени Владимира до конца XVII вѣка и въ первой половинѣ XVIII в. Вся остальная часть книги (почти три четверти) принадлежитъ перу г. Сербова. Въ написанныхъ имъ главахъ онъ касается особенностей екатерининской школы, подготовительнаго и практическаго періода, осуществленія народной школы, распространенія школъ на окраины, недостатковъ школъ екатерининской эпохи, устава 1804 г. и проч. Г. Сербовъ умѣло воспользовался данными добытыхъ имъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ живо и интересно написана исторія народной школы почти за сто лѣтъ.

Знакомясь съ этой исторіей, нельзя не обратить вниманія на отсутствіе у вѣдомства, стоявшаго во главѣ народнаго образованія, разъ навсегда выработанныхъ принциповъ во взглядѣ на народную школу, вслѣдствіе чего дѣло народнаго образованія находилось въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ того или иного изъ вершителей судебъ народной школы и испытывало на себѣ многочисленныя переменныя системъ, отъ неустойчивости которыхъ оно мало подвигалось впередъ. Да, впрочемъ, въ нѣкоторые періоды времени мудрено было ему развиваться еще и по другимъ причинамъ... Напримѣръ, министръ народнаго просвѣщенія Шишковскій придерживался того взгляда, что «науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и подаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣеть. А обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, чѣмъ пользы...» Это высказанное имъ самимъ мнѣніе (1826 г.) онъ проводилъ въ жизнь. Само собой разумѣется, что народное образованіе, находясь въ рукахъ министра народнаго просвѣщенія, придерживающагося подобныхъ взглядовъ, нисколько не подвигалось впередъ. Шишковскій ставилъ всевозможныя препятствія частнымъ школамъ, притѣснялъ ихъ, и многія изъ нихъ закрывались. Прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ

«истор. вѣстн.», май, 1911 г., т. сxxiv.

такого управленія народнымъ образованіемъ было то, что число учащихся въ эпоху наиболѣе тяжелаго для школь режима съ 1825—1858 гг. увеличивалось не въ той пропорціи, въ какой увеличеніе это должно было выразиться на основаніи прироста населенія за этотъ періодъ времени, а именно: населеніе возросло на 30 проц., а число учащихся только на 25, тогда какъ, обыкновенно, ростъ количества учащихся не долженъ быть меньше прироста населенія. Это одно изъ главныхъ условий прогресса и культурнаго развитія страны. Но въ тотъ періодъ, составляющій, по словамъ г. Сербова, «наиболѣе грустную и мрачную страницу въ исторіи русской школы», съ этимъ условіемъ не считались.

Вит. Ткачукъ.

Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ. Редакція Ѳ. А. Витберга. Спб. 1910. Выпуски 1—12. Цѣна за всѣ выпуски 2 р. 10 к.

Составитель настоящаго изданія въ прошломъ году напечаталъ предназначенную для первыхъ классовъ средне-учебныхъ заведеній хрестоматію «Матушка Русь», которая была встрѣчена довольно сочувственно періодической печатью. Говорилось о ней и на страницахъ «Историческаго Вѣстника», гдѣ, между прочимъ, указывалось на не совсѣмъ умѣстную краткость біографій нѣкоторыхъ выдающихся русскихъ дѣятелей. Въ настоящее время Ѳ. А. Тарапыгинъ предлагаетъ эти біографіи въ болѣе подробномъ изложеніи и съ болѣе увеличенными портретами дѣятелей. Хотя составитель и редакторъ и здѣсь старались быть краткими, опуская иногда указанія на дни рожденія и смерти наиболѣе крупныхъ дѣятелей, тѣмъ не менѣе всѣ біографіи, отличающіяся точностью и сравнительною живостью изложенія, должны сослужить большую службу юнымъ читателямъ-школьникамъ, для которыхъ онѣ будутъ и постояннымъ справочникомъ.

Біографіи издаются отдѣльными выпусками, цѣною отъ 20 до 30 коп.; что, несомнѣнно, еще болѣе увеличиваетъ ихъ доступность для всѣхъ. Въ I выпускъ вошли біографіи: Сумарокова, Державина, Фонвизина, Хемницера, Жуковскаго и Крылова; во второй—Грибоѣдова, Пушкина, Кольцова, Гоголя, Бѣлинскаго, Лермонтова и Гончарова; въ третій—графа А. Толстого, Тургенева, Аксакова, Некрасова, Достоевскаго, Островскаго, Майкова и графа Л. Толстого; въ четвертый—Хомякова, Никитина, Григоровича, Тютчева, Полонскаго, Писемскаго, Лѣскова и Чехова; въ пятый—Татищева, Карамзина, Ломоносова, Костомарова, Остроградскаго, Крузенштерна и Литке; въ шестой—Чебышева, Пирогова, Боткина, Ушинскаго, Вл. Соловьева и Менделѣева; въ седьмой—Сперанскаго, графа К. Г. Разумовскаго, Бецкаго, князя А. А. Безбородко, Н. А. Милютина и барона Н. А. Корфа; въ восьмой—Брюллова, Иванова, Айвазовскаго, Глинки, Даргомыжскаго, Сѣрова, Чайковскаго и Рубинштейна; въ девятый—Б. П. Шереметева, Меншикова, графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина-Таврическаго, князя Суворова Италійскаго, князя Кутузова-Смоленскаго, князя Барклай-де-Толли, князя Багратіона и Ермолова; десятый—графа Орлова-Чесменскаго, графа Платова, Лазарева, Нахи-

мова, Корнилова, Истомина и Кондратенка; въ одиннадцатый—князя Паскевича-Эриванскаго, графа Дибича-Забалканскаго, графа Муравьева-Виленскаго, графа Тотлебена, Кауфмана, графа Милютина, Радецкаго и Скобелева; и въ двѣнадцатый—Петра Могилы, Феофана Прокоповича, московскихъ митрополитовъ: Филарета, Платона и Иннокентія и архіепископа херсонскаго и таврическаго Иннокентія.

Въ однихъ выпускахъ на заглавномъ рисункѣ изображена копія извѣстной картины Васнецова «Богатыри», а въ другихъ «Кремль»—сердце Москвы. Рисунки и особенно текстъ съ вѣшной стороны напечатаны вполне удовлетворительно.

В. Р—въ.

Архивныя свѣдѣнія, касающіяся Отечественной войны 1812 года по Калужской губерніи. (Калужское дворянское ополченіе). Н. И. Булычовъ. Калуга. 1911. Стр. 34+161+XI таблицъ+1 географическая карта Калужской губерніи. Цѣна 5 рублей.

Предстоящая юбилейная годовщина Отечественной войны 1812 года вызвала, какъ извѣстно, къ оживленной дѣятельности по собиранію матеріаловъ какъ русское военно-историческое общество, такъ и другія ученія общества и учрежденія и въ то же время дворянскія депутатскія собранія. Хотя послѣднія болѣе имѣютъ цѣлью обезсмертить славныхъ предковъ своихъ губерній, проливавшихъ кровь и жертвовавшихъ до «собственнаго оскудѣнія» ради спасенія отечества, тѣмъ не менѣ издаваемые ими «матеріалы» и «свѣдѣнія» должны быть признаны весьма цѣнными для общей исторіи Отечественной войны. Въ концѣ прошлаго года В. И. Чернопятовъ издалъ цѣлый томъ «матеріаловъ по ополченію 1812 года Тульской губерніи», а въ мартѣ сего года поступила въ продажу выше названная книга по ополченію Калужской губерніи. Въ виду того, что о книгѣ В. И. Чернопятова мы уже говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника», остановимся здѣсь на послѣднемъ трудѣ. Авторъ его Н. И. Булычовъ, руководясь, главнымъ образомъ, архивомъ калужскаго дворянскаго депутатскаго собранія, гдѣ оказалось цѣлое дѣло о «дворянскомъ ополченіи 1812 года, а также мѣстными архивами губернскаго правленія и городской управы и сочиненіемъ современника: «Описаніе происшествій 1812 года, случившихся въ предѣлахъ Калужской губерніи», Григорія Зельницкаго (М. 1815 г.), представилъ полную и живую картину созыва ополченія, его формированія (состава, обмундированія, вооруженія, и т. д.), продовольствія его и дѣйствующей арміи въ предѣлахъ Калужской губерніи, состоянія санитарной части всѣхъ войскъ въ краѣ, участія ополченія въ военныхъ дѣйствіяхъ и пр. Свое изложеніе Н. И. Булычовъ подкрѣпляетъ не только выписками изъ документовъ, но даже приводитъ фототипическіе снимки наиболѣе важнѣйшихъ изъ нихъ и рисунки хоругвей, костюмовъ ополченцевъ и трехъ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ память сраженій въ Малоярославцѣ, Медынѣ и Тарутинѣ.

Далѣе слѣдуютъ приложенія, занимающія большую часть книги и состоящія, кромѣ 23 документовъ, изъ весьма цѣнныхъ списковъ наряженныхъ съ помѣщичьихъ и «владѣльческихъ» душъ конныхъ и пѣшихъ воиновъ во вну-

треннее ополчение 1812 года». Списки эти дают перечень всѣх помѣстныхъ дворянъ Калужской губерніи, принявшихъ участіе въ формированіи ополченія.

Калужская губернія, какъ ближайшая къ Смоленской, наиболѣе пострадала отъ врага и наиболѣе должна была принести жертвъ. Калужское купечество уже къ 15 іюля пожертвовало 200.000 рублей. Число калужскихъ ополченцевъ въ томъ же мѣсяцѣ простиралось до 15.000 человекъ, въ составъ которыхъ вошли даже 22 воспитанника калужскаго благороднаго пансіона. Въ августѣ мѣсяцѣ вся почти Калужская губернія представляла собою «военный станъ»; особенно много труда было затрачено на доставку и провозъ провіанта и фуража для дѣйствующей арміи; въ концѣ сентября и началѣ октября непріятель немилосердно жегъ и грабилъ калужскіе города и имѣнія; вмѣстѣ съ этимъ въ Калужской губерніи сосредоточилась масса раненыхъ и больныхъ, изъ которыхъ умирало едва ли не 0,9, такъ что даже послѣдовалъ Высочайшій указъ—предавать трупы сожженію. Какую убыль потерпѣли калужскіе помѣщики въ своихъ людяхъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго сообщенія: «по Тарусскому уѣзду было наряжено въ ополченіе 1105 человекъ, возвратилось же домой 85». Безвозмездно было передано въ армію: 2 мая 1812 года—лошадей по оцѣнкѣ на 158.791 р., провіанта—на 1.125.000 р. и сверхъ того—10.000 четвертей разнаго хлѣба, 500.000 пудовъ сѣна и мн. др. Велика была сумма и частныхъ отдѣльныхъ жертвователей, которую, къ сожалѣнію, трудно подсчитать.

Съ внѣшней стороны книга составлена Н. И. Булычовымъ и издана, можно сказать, даже роскошно и вообще можетъ послужить образцомъ подобныхъ изданій для другихъ дворянскихъ собраній. Одно только здѣсь не лишне прибавить, чтобы среди рапортовъ, реляцій и другихъ официальныхъ документовъ попадались также выдержки и изъ частныхъ писемъ участниковъ войны, сообщающихъ весьма нерѣдко болѣе правдивыя свѣдѣнія, чѣмъ казенныя реляціи.

В. Рудаковъ.

Лѣтопись историко-филологическаго общества при императорскомъ новороссійскомъ университетѣ. XVI. Византійско-славянское отдѣленіе. IX. Одесса. 1910.

Настоящій выпускъ «Лѣтописи» состоитъ изъ двухъ частей—официальной и научной. Въ первой части помѣщенъ отчетъ о дѣятельности историко-филологическаго общества при новороссійскомъ университетѣ за 1905—1909 академическіе года, списокъ членовъ этого общества, протоколы его засѣданій (№№ 204—221) (стр. 16+28+26).

Во второй части—учебной—помѣщены семь изслѣдованій и очерковъ, посвященныхъ вопросамъ изъ области византологіи и славяновѣдѣнія.

1. В. М. Истринъ, «Исторія сербской Александріи въ русской литературѣ» (стр. 1—167). Въ предисловіи къ изслѣдованію «Александрія русскихъ хронографовъ» (1893 г.) академикъ В. М. Истринъ заявилъ, что нашей древней литературѣ остается неизвѣстной исторія сербской Александріи и что за изслѣдованіемъ объ Александріи русскихъ хронографовъ должна послѣдовать «Исторія сербской Александріи въ русской литературѣ, какъ продолженіе

труда академика А. Н. Веселовскаго». До нашего времени сохранилось громадное количество русских списков сербской Александрии и притом—въ самыхъ разнообразныхъ передѣлкахъ. Но для того, чтобы судить объ ихъ исторіи, сначала необходимо имѣть подъ руками греческій текстъ, который былъ бы близокъ къ оригиналу, такъ какъ такой текстъ могъ бы служить до известной степени исходнымъ пунктомъ при сужденіи о славянскомъ переводѣ. Вѣнскій текстъ, изданный академикомъ А. Н. Веселовскимъ въ его изслѣдованіи о сербской Александрии, оказался слишкомъ краткимъ въ сравненіи съ прежде известными сербскими текстами. Академику В. М. Истрину удалось найти новый, болѣе полный греческій текстъ исторіи Александра Македонскаго, оказавшійся въ рукописи № 162 Иверскаго монастыря на Аѳонѣ и относящійся къ XVII вѣку. Этотъ Иверскій списокъ и изданъ г. Истринымъ въ отмѣченной статьѣ. Онъ озаглавляется такъ: «Жизнь Александра, царя Македонскаго, отъ начала рожденія его и до смерти (въ текстѣ ошибочно написано—*ἕς τῆς ζωῆς*; надо: *ἕως τοῦ θανάτου*) его и подвиги его и войны,—гдѣ онъ вель съ царями и какъ побѣдилъ ихъ». Статья состоитъ изъ 79 главъ.

2. В. М. Истринъ, «Пятая книга хроники Іоанна Малалы» (стр. 1—51). Здѣсь помѣщенъ славянскій текстъ пятой книги хроники Іоанна Малалы, сохранившійся въ архивномъ хронографѣ (московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ № 902—1468). Къ нему присоединены разночтенія изъ хронографа виленскаго публичнаго музея № 147 и различныя особенности славянскаго перевода сравнительно съ греческимъ текстомъ.

3. А. В. Рыстенко, «Парижскіе списки «Стефанита и Ихнилата» (стр. 1—42). Въ статьѣ предложенъ филологическій и историко-литературный анализъ нѣкоторыхъ греческихъ списковъ византійской повѣсти о Стефанитѣ и Ихнилатѣ, находящихся въ парижской національной библиотекѣ (Bibl. Nat. Suppl. gr. 118 и 692 и grec. anc. fond. 2231 и gr. 2092 A) и оказавшихся недоступными издателью аналогичныхъ греческихъ текстовъ U. Puntoni (Firenze 1889).

4. А. В. Рыстенко, «Стефанитъ и Ихнилатъ» по греческимъ спискамъ мюнхенской королевской библиотеки (стр. 1—12). Аналогичное описаніе двухъ мюнхенскихъ списковъ указанной византійской повѣсти.

5. Б. М. Ляпуновъ, «Научная дѣятельность М. С. Дринова» (стр. 1—4). Въ небольшой статьѣ сообщаются біографическія свѣдѣнія объ известномъ профессорѣ-славистѣ М. С. Дриновѣ (†28 февраля 1906 г.) и оцѣниваются его научныя и главнымъ образомъ филологическія работы.

6. Евг. Кагаровъ, «Современныя теоріи происхожденія религіи и мифовъ» (стр. 1—22). Авторъ отмѣчаетъ пять направленій въ области сравнительнаго изученія религій: 1) лингвистическая школа Макса Мюллера, опирающаяся на огромный аппаратъ индо-европейскаго языкознанія и сводящая все религіозное мышленіе человѣчества къ солнечнымъ мифамъ; 2) школа Бенфея, объясняющая сходство религіозныхъ представленій исключительно заимствованіемъ одного народа у другого; 3) демонологическое направленіе Шварца и Маннгардта, выводящее религію изъ первобытной вѣры въ низшія мифическія существа; 4) критико-филологическая школа К. О. Мюллера и другихъ, остающаяся почти исключительно на почвѣ данной религіи и характеризующаяся стремле-

ніемъ лишь къ описательному моменту; наконецъ, 5) новѣйшее антропологическое направленіе англійскихъ изслѣдователей Тэйлора, Ланга и другихъ, впервые высказавшихъ мысль, что извѣстные миѳы, обряды, сказанія возникаютъ у различныхъ народовъ совершенно самостоятельно на опредѣленной стадіи ихъ культурнаго развитія (стр. 2—3). Въ статьѣ и анализируются эти направленія, разъясняется ихъ происхожденіе, указываются представители, характеризуются ихъ воззрѣнія и т. п. Авторъ обнаруживаетъ достаточную начитанность и судитъ большею частью правильно. Но статья имѣетъ весьма отдаленное отношеніе къ задачамъ «Византійско-славянскаго отдѣленія», отъ имени котораго изданъ разсматриваемый томъ «Лѣтописи».

7. К. П. Мисирковъ, «Южно-славянскія эпическія сказанія о женитбѣ короля Волкашина въ связи съ вопросомъ о причинахъ популярности короля Марка среди южныхъ славянъ» (стр. 1—99). Статья представляетъ много новыхъ сужденій и выводовъ по вопросу сравнительно съ изслѣдованіемъ харьковскаго профессора М. Хованскаго «Южно-славянскія сказанія о королевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса». Свои выводы авторъ формулировалъ въ семнадцати тезисахъ (стр. 97—99), представляющихъ интересъ для специалистовъ.

Таково содержаніе девятого тома «Лѣтописи» византійско-славянскаго отдѣленія историко-филологическаго общества при одесскомъ университетѣ. Какъ видитъ читатель, почти всѣ помѣщенные въ томѣ ученныя статьи имѣютъ узко-спеціальныи характеръ. Мы помнимъ лучшія времена одесской «Лѣтописи», когда здѣсь публиковались изслѣдованія съ болѣе широкимъ значеніемъ и интересомъ, особенно въ области византологіи. Почтенные дѣятели одесскаго университета, конечно, хорошо знаютъ, какъ мало еще разработана у насъ византологія и какое обширное здѣсь поприще принадлежитъ церковному историку, канонисту, историку литературы, археологу... И мы склонны думать, что византологическая традиція попрежнему дѣятельно поддерживается въ Одессѣ, не замираетъ здѣсь и не исчезаетъ, какъ она уже замерла въ нѣкоторыхъ русскихъ университетахъ,—и въ слѣдующихъ томахъ одесской «Лѣтописи» мы встрѣтимъ не такой случайный матеріалъ, какой вошелъ въ составъ разсматриваемаго тома. Нужны не только сырые матеріалы, но изслѣдованія, очерки и этюды съ самостоятельной оцѣнкой фактовъ византійской и славянской культуры (какъ въ статьѣ г. Мисиркова), съ широкимъ научнымъ кругозоромъ, съ сопоставленіемъ аналогичныхъ культурныхъ явленій въ нашемъ отечествѣ, поскольку рѣчь будетъ касаться заимствованій и подражаній, и т. п.

Вѣдь кому, какъ не русскимъ ученымъ, по преимуществу слѣдуетъ заниматься византологіей и славяновѣдѣніемъ?...
I. I.

И. И. Замотинъ. Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Варшава. 1911. Стр. IV+474. Ц. 2 рубля.

Въ основѣ «Очерковъ» профессора Замотина лежатъ лекціи, читанныя авторомъ на курсахъ по гуманитарнымъ наукамъ при варшавскомъ учебномъ округѣ. Сообразно съ этимъ, г. Замотинъ ставитъ себѣ въ настоящемъ сочиненіи

скромную задачу—«дать учителямъ и учительницамъ городскихъ и начальныхъ училищъ (прослушавшимъ его лекціи въ маѣ и юнѣ 1910 г.) удобочитаемую книгу по исторіи русской литературы XIX столѣтія». Но его трудъ выходитъ за предѣлы этой скромной задачи и потому заслуживаетъ вниманія болѣе широкаго круга читателей.

Прежде всего авторъ даетъ въ своей книгѣ такую вступительную главу (I), которая обыкновенно отсутствуетъ въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи русской литературы XIX столѣтія, именно онъ дѣлаетъ разборъ наиболее популярныхъ сочиненій по исторіи этого періода нашей литературы со стороны ихъ метода и плана и, такимъ образомъ, сразу вводитъ читателя въ историческое и философское пониманіе главныхъ общественныхъ и литературныхъ эпохъ XIX столѣтія, давая при этомъ читателю полную возможность разобраться въ наиболее устойчивыхъ точкахъ зрѣнія на умственное наслѣдство прошлаго вѣка.

Становясь, по отношенію къ русскому художественному творчеству, преимущественно на историческую точку зрѣнія, профессоръ Замотинъ считаетъ въ то же время нужнымъ придать этому историческому методу въ изученіи нашей новѣйшей литературы «центральное» значеніе (стр. 9) въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ привлечь къ себѣ, въ качествѣ служебныхъ средствъ, всѣ другіе родственные приемы изслѣдованія литературнаго творчества, т. е. и біографическій методъ для выясненія связи автора съ его произведеніемъ, и этико-психологическій для пониманія духовной природы художника, и социологическій для установленія связи литературныхъ явленій съ даннымъ историческимъ моментомъ и его культурой».

Примѣняя такую точку зрѣнія къ своимъ «Очеркамъ», авторъ даетъ сначала (гл. II) общее разъясненіе періода 40—60 годовъ, а потомъ (гл. III и VIII) характеризуетъ въ отдѣльности тогдашнія общественныя и литературныя направленія, какъ историческую почву, на которой выросли величественныя произведенія русскаго художественнаго творчества данной эпохи.

Остальныя главы (IV—VII, IX—XII) посвящены разбору главныхъ литературныхъ произведеній 40—60-хъ годовъ. Подходя къ этому разбору съ своей «центральной»—исторической точки зрѣнія, профессоръ Замотинъ, какъ сказано выше, различаетъ въ каждомъ сочиненіи нѣсколько элементовъ, именно литературный, общественный и личный, и, такимъ образомъ, не ограничиваетъ область историко-литературнаго анализа только литературнымъ направленіемъ, но старается всюду ввести въ нее какъ социологическое, такъ и психологическое истолкованіе того или другого образца нашего художественнаго творчества. Свои выводы въ этомъ отношеніи авторъ основываетъ обыкновенно на наиболее цѣнныхъ и характерныхъ отзывахъ критики въ ихъ хронологической послѣдовательности.

Если, кромѣ сказаннаго, принять во вниманіе, что г. Замотинъ выбираетъ для историко-литературнаго разбора наиболее выдающіяся произведенія Тургенева, Гончарова, Л. Толстого, Достоевскаго и Островскаго, что даетъ для пониманія ихъ соответствующія справки какъ изъ біографіи авторовъ, такъ и изъ исторіи русской общественности, и что, наконецъ, вводитъ въ свои «Очерки

два этюда (гл. III и гл. VII) о критикѣ даннаго періода, то надо признать, что настоящая книга является не только популярнымъ изложениемъ главныхъ фактовъ нашей литературы разбираемой эпохи, но и существеннымъ дополнениемъ къ общепринятымъ руководствамъ школьнаго характера.

Мѣстами изложеніе «Очерковъ» носитъ компилятивный характеръ, на что указываетъ и самъ авторъ въ помѣщенныхъ сзади книги примѣчаніяхъ (числомъ 223); но для подобныхъ несамостоятельныхъ частей своего труда г. Замотинъ пользуется справками и цитатами изъ такихъ авторитетныхъ изслѣдователей нашей литературы и общественности, ссылки на которыхъ необходимы во всякомъ болѣе или менѣе обстоятельномъ общемъ сочиненіи по исторіи нашей литературы XIX столѣтія.

Послѣднія двѣ главы «Очерковъ» (гл. XI—публицистическая беллетристика 60—70-хъ годовъ—и гл. XII—народническая литература въ 60—70-хъ годахъ) изложены слишкомъ кратко и нуждаются въ нѣкоторой обработкѣ и дополненіяхъ. Пользованіе книгой облегчается приложеннымъ къ ней указателемъ именъ писателей.

А. М—въ

Стороженки. Фамильный архивъ: Pro domo sua: Томъ четвертый: Стран. II + 608.—Томъ восьмой. Стран. IX + IV + 720 + 20 + 228. Кіевъ: 1910.

Начатый изданіемъ въ 1902 г. братьями А. В. и Н. В. Стороженками «Фамильный архивъ», «на правахъ рукописи», въ количествѣ 200 нумерованныхъ экземпляровъ, въ настоящее время заключаетъ уже семь обширныхъ томовъ. Первые три тома наполнены семейными бумагами Стороженковъ XVII и XVIII вѣковъ и обширной перепиской сенатора Андрея Яковлевича Стороженка съ разными лицами. Въ шестой томъ вошли многочисленные документы, относящіеся до общей исторіи Малороссіи, и въ седьмой—первая часть «Малороссійскаго родословника» В. Л. Модзалевскаго. Упомянутые томы вышли въ свѣтъ до 1908 г., въ концѣ 1910 г. появились въ печати и четвертый и восьмой томы (пятого пока еще нѣтъ).

Четвертый томъ, по словамъ автора «Предисловія», А. В. Стороженка, «является непосредственнымъ продолженіемъ трехъ первыхъ томовъ. Содержаніе его можно раздѣлить на три части: 1-я часть дополняетъ свѣдѣнія 1-го тома о представителяхъ разныхъ линій рода Стороженковъ; 2-ая заключаетъ въ себѣ имущественныя бумаги Андрея Яковлевича и Владимира Андреевича Стороженковъ; и, наконецъ, 3-я занята собраніемъ писемъ къ Владимиру Андреевичу его родственниковъ, пріятелей и знакомыхъ». Въ первой части, среди метрическихъ свидѣтельствъ, патентовъ на чины, аттестатовъ, выписокъ о прохожденіи военной службы и т. п., находимъ два документа конца XVII в., въ которыхъ упоминается Иванъ Стороженко, сначала сотникъ иченскій, а потомъ полковникъ прилуцкій; любопытное въ біографическомъ отношеніи прошеніе Павла Григорьевича Стороженка въ департаментъ герольдіи правительствующаго сената о выдачѣ ему съ сыномъ Николаемъ грамоты на дворянство, и подробный послужной списокъ, по 10 октября 1902 г., извѣстнаго историка всеобщей ли-

тратуры, заслуженнаго профессора московскаго университета и библіотекаря московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, Николая Ильича Стороженка, умершаго въ 1906 году.

Наиболѣе интересны, затѣмъ, письма разныхъ лицъ къ Владимиру Андреевичу, сыну сенатора Андрея Яковлевича, окончившему курсъ наукъ на юридическомъ факультетѣ дерптскаго (и юрьевскаго) университета и извѣстному дѣятелю въ земскихъ и мировыхъ учрежденіяхъ. Корреспондентами его были прежде всего родственники изъ семейства Дарагановъ (около 60 писемъ), а затѣмъ: В. А. Арцимовичъ, Ѳ. В. Булгаринъ, вице-адмиралъ А. В. Воеводскій, А. Л. Данзасъ, А. И. Лагода, П. Н. Очкинъ, Н. Перетцъ, П. Н. Скворцовъ, А. В. Терещенко, И. Г. Фроловъ и др.

Любопытны въ этомъ томѣ еще двѣ записки того же В. А. Стороженка, сопровождавшаго сенатора Е. Ф. фонъ-Брадке въ его ревизіи по Херсонской губерніи; обѣ онѣ составлены по порученію сенатора-ревизора и озаглавливаются такъ: 1) «Соображенія по сельско-хозяйственной промышленности Херсонской губерніи», и 2) «Соображенія по торговлѣ-гор. Херсона».

Что касается восьмого тома «Фамильнаго архива», то онъ въ первой «наибольшей своей части, уже извѣстенъ читателямъ «Историческаго Вѣстника». Часть эта составляетъ вышедшій ранѣе отдѣльнымъ оттискомъ второй томъ «Малороссійскаго родословника» Вад. Льв. Модзалевскаго (см. июльскую книжку «Историческаго Вѣстника», стр. 277—279). Во второй части сначала помѣщены «отрывки изъ фамильныхъ преданій и архивныя мелочи», написанныя, по словамъ автора предисловія, «частью по бумагамъ, сохранившимся отъ отчима Варвары Ананьевны Стороженко Александра Михайловича Корсуна, частью со словъ Варвары Ананьевны». Затѣмъ идутъ дѣловые бумаги, относящіяся къ Велико-Кручанскому имѣнію Александровичей и являющіяся непосредственнымъ продолженіемъ актовъ, напечатанныхъ въ VI томѣ Архива» (стр. 575—625). Пользуясь всѣми этими актами и бумагами, авторъ предисловія сообщаетъ вкратцѣ исторію Великаго-Кручанскаго имѣнія и попутно даетъ рисунки: 1) видъ господскаго дома въ с. Великой Кручѣ, 2) видъ площадки въ велико-кручанскомъ господскомъ саду со статуей Цереры, 3) видъ Иоано-Богоявленской церкви въ с. Великой Кручѣ и 5) видъ части иконостаса велико-кручанской церкви.

Среди отрывковъ изъ фамильныхъ преданій и архивныхъ мелочей находимъ свѣдѣнія о премьеръ-майорѣ А. А. Новицкомъ (род. 1748 г., † 1823 г.), о семействѣ Корсуновъ, о поѣздкѣ харьковскаго попечителя Филатьева по округу въ 1831 году и о внучкѣ Ивана Ильича и Евфросиньи Григорьевны Александровичей, кавалеристъ-дѣвицѣ Надеждѣ Андреевнѣ Дуровой и безынтересныя отрывки изъ воспоминаній Варвары Ананьевны Стороженко, урожденной Александровичъ.

Какъ предыдущіе, такъ и настоящіе томы «Фамильнаго архива» Стороженковъ обильно снабжены портретами и рисунками. Въ четвертомъ томѣ помѣщено десять портретовъ лицъ рода Дарагановъ: 1) Михаила Петровича, 2) Петра Михайловича, 3) Александра Михайловича, 4) Михаила Михайловича, 5) Александра Михайловича, 6) Евы Яковлевны Дараганъ, урожденной фонъ-Фокъ,

7) княгини Елизаветы Михайловны Кантакузинъ, урожденной Дараганъ, 8) Анны Михайловны Дараганъ, урожденной Балучьянской, 9) Елизаветы Михайловны, по мужу Томара, и 10) Софьи Адамовны Дараганъ, урожденной Подбереской.

Во второй части VIII тома находимъ 12 рисунковъ и портретовъ: 1) видъ дома А. А. Новицкаго въ с. Свѣтинъ Лубенскаго уѣзда, святой А. М. Корсунювъ въ 1824 г.; 2) Михаилъ Григорьевичъ Корсунъ; 3) Екатерина Александровна Корсунъ; 4) видъ гор. Кременца въ 1831 г., снятый художникомъ И. Собкевичемъ; 5) Александръ Михайловичъ Корсунъ; 6) Марія Давидовна Корсунъ; 7) Давидъ Семеновичъ Горленко; 8) Богдана Васильевна Горленко; 9) О. Левъ Ѳомичъ Пискорскій; 10) планъ велико-кручанскаго имѣнія; 11) Владимиръ Андреевичъ Стороженко и 12) Варвара Ананьевна Стороженко. Всѣ портреты выполнены по рѣдкимъ и лучшимъ оригиналамъ.

Вотъ краткій обзоръ содержанія вышедшихъ въ свѣтъ томовъ «Фамильнаго Архива» Стороженковъ, научная цѣнность котораго неоспорима не только для исторіи малороссійскаго дворянства, но и для общей исторіи Россіи. Остается только пожалѣть, что столь важнѣйшіе документы издаются въ весьма ограниченномъ количествѣ и врядъ ли окажутся доступными многимъ изслѣдователямъ и любителямъ старины. Нѣкоторымъ пополненіемъ этого большого пробѣла было бы, на нашъ взглядъ, изданіе отдѣльнаго указателя ко всѣмъ томамъ «Архива», который далъ бы возможность изслѣдователямъ ознакомиться съ его цѣннымъ содержаніемъ.

В. Рудаковъ.

Отто Бауэръ. Національный вопросъ и социаль-демократія. Спб. 1910. Стр. 600. Ц. 3 р.

Книга Бауэра въ русскомъ переводѣ представляла бы собой весьма серьезный вкладъ въ переводную литературу, если бы ее не портило недѣльное предисловіе какого-то Житловскаго, желающаго представить читателю противовѣсъ взглядамъ автора на еврейскій вопросъ. Этому вопросу Бауэръ удѣляетъ сравнительно немного вниманія, но г. Житловскій видитъ здѣсь чуть ли не центръ всего сочиненія. Дѣло въ томъ, что по слѣдамъ Маркса Бауэръ, его послѣдователь, разсматриваетъ евреевъ не какъ національную, а исповѣдную группу, подлежащую слиться съ дѣйствительными историческими и державными народностями, среди которыхъ живутъ представители еврейства. Житловскій доказываетъ, что этого никогда не будетъ. «Въ Голландіи,—говоритъ онъ,—евреи въ продолженіе двухъсотъ лѣтъ пользовались почти полнымъ равноправіемъ и по внѣшней культурѣ почти совсѣмъ ассимилировались, но не только не исчезли, а образовали крѣпкія, непроницаемыя гетто».

Что же касается самой книги Бауэра, то она сама по себѣ очень интересна, такъ какъ въ ней раскрываются взгляды убѣжденнаго ученаго социаль-демократа на національный вопросъ, причѣмъ ученый социаль-демократъ оказывается убѣжденнымъ націоналистомъ, конечно, въ нѣмецкомъ смыслѣ этого слова. Національность онъ признаетъ не чѣмъ инымъ, какъ исторической общностью и наличностью опредѣленной суммы общихъ своеобразныхъ культурныхъ цѣнностей. Большое вниманіе авторъ удѣляетъ разсмотрѣнію націо-

нальнаго характера. Бауэръ полагаетъ, что сѣвременный рабочій обездоленъ владѣльческими классами и въ области культурно-національныхъ благъ. Въ будущемъ онъ долженъ завоевать ихъ и въ поли имъ смыслъ приобщиться каждый къ родной національности. Мало того, Бауэръ полагаетъ, что буржуазный консервативный строй не даетъ возможности полному развитію національныхъ началъ, стараясь сохранить мѣстныя нарѣчія и другія бытовыя особенности отдѣльныхъ областей. Авторъ говоритъ, что такое поведеніе препятствуетъ развитію единства націи. «Консервативно-національная политика просто анти-національна,—восклицаетъ Бауэръ:—когда она стремится къ развитію и сохраненію племенныхъ особенностей внутри націи; романтическое наслажденіе, испытываемое при наблюденіи этихъ особенностей, ведетъ къ разрушенію культурнаго единства данной народности. Истинную національную политику мы ведемъ лишь тогда, когда мы, критически относясь ко всякаго рода традиціоннымъ національнымъ особенностямъ, боремся за то, чтобы каждый въ отдѣльности воспринялъ всю культуру своей націи, ставши такимъ образомъ произведеніемъ, дѣтищемъ своей націи». Слова знаменательныя! Въ книгу свою Бауэръ вложилъ немало труда. Если не всегда можно соглашаться съ его выводами, то во всякомъ случаѣ ему нельзя отказать въ оригинальности мышленія и обширныхъ познаніяхъ, въ особенности что касается нѣмецкой культуры. Хотя поворотъ социаль-демократіи въ сторону націонализма, вопреки ученію Маркса, фактъ уже не новый, тѣмъ не менѣе теоретическія построенія въ этой области Бауэра представляются весьма любопытными.

В. Г.

П. Юшкевичъ. Новая вѣянія. Издательство «Прометей». С.-Петербургъ. 1911. Стр. II+209.

Какъ на хлѣбномъ полѣ вмѣстѣ съ неказистой по внѣшности рожью растутъ очаровательныя васильки, такъ въ религіозной жизни Россіи на ряду съ грубоватой, но крѣпкой народной вѣрой, успокаивающей, очищающей, двигающей горами, появились занимательныя цвѣточки интеллигентнаго религіознаго искаательства. И если для сельскаго хозяина васильки простая сорная трава, могущая радовать только гуляющихъ по полямъ дачниковъ, то каждому безпристрастному наблюдателю все нынѣшнее всероссійское богоискательство и богостроительство не можетъ показаться ни здоровой, ни питательной пищею. У Нитше есть великолѣпный афоризмъ на тему, какъ фабрикуются на землѣ идеалы. При помощи книжки г. Юшкевича читатели попадаютъ на не менѣе своеобразную и столь же интересную фабрику. Не угодно ли желающимъ полюбоваться, какъ, почему и изъ чего фабрикуется современное религіозное броженіе интеллигенціи! Г. Юшкевичъ въ высшей степени добросовѣстный руководитель. Онъ показываетъ и психологическое и соціологическое отдѣленія этой религіозной фабрики, освѣщаетъ каждый ея уголокъ. Картина получается занятая и поучительная. Прежде всего необходимо отмѣтить, что наша выработка новыхъ религіозныхъ идей носить всѣ специфическо-русскія черты. Г. Юшкевичъ

совершенно вѣрно отмѣчаетъ, какъ много въ нашемъ богоискательствѣ «азиатской примитивности и грубости», указываетъ, какъ «безъ длинныхъ разговоровъ» несчастная логика была прямо выброшена за дверь. «Россия,—читаемъ на стр. 83,—и нашей эпохѣ въ частности суждено было явить міру особую разновидность религіознаго опыта, разновидность, неизвѣстную западно-европейскимъ изслѣдователямъ,—именно словесный мистицизмъ, мистицизмъ бумаги, типографской краски». «Точно проказа, религіозная фраза раскинулась по тѣлу нашей литературы»... Входя въ кругъ новыхъ религіозныхъ идей, мы прежде всего должны остановить вниманіе на любопытныхъ фигурахъ общепризнанныхъ коноводовъ и застрѣльщиковъ этого движенія. Вотъ, на примѣръ, г. Мережковский—этотъ «императоръ цитатъ» (Минскій), «риторъ до мозга костей», «ходячій тропь», «запойный игрокъ въ символы» (Розановъ). Посмотрите, какъ мило онъ играетъ съ г. Бердяевымъ самыми страшными словами, «оглядываясь при этомъ другъ на друга, а главное на читателя». Вотъ г. Луначарскій, одинъ изъ основателей хитроумнаго религіознаго атеизма, успѣвшій уже обзавестись собственнымъ катехизисомъ, заканчивающимся «неожиданнымъ и комическимъ восклицаніемъ: «да здравствуетъ Карлъ Марксъ» Таковы нѣкоторые изъ героевъ и апостоловъ нашего религіознаго движенія. Какъ говорятъ о мясѣ для пушекъ, такъ можно говорить и о мозгахъ для проповѣдей, на которые изливаются словесныя рѣки нашихъ богоискателей. Вотъ мѣткая характеристика этихъ мозговъ, той интеллигентной толпы, которая составляетъ главную аудиторію гг. Мережковскихъ, Булгаковыхъ, Бердяевыхъ, Луначарскихъ и другихъ.

«Современный интеллигентъ все знаетъ и всего хочетъ, и оттого, что онъ все знаетъ и что онъ хочетъ всего—даже самаго противоположнаго,—онъ страшно усталъ и ничего по настоящему не хочетъ. Онъ хотѣлъ бы хотѣть, но и этого не можетъ». «Весь онъ сотканъ изъ противорѣчій...» (стр. 43). Надо сказать, что книга г. Юшкевича не только музей религіозныхъ уродствъ нашей интеллигенціи. Изслѣдуя интеллигентное религіозное море, вѣрнѣе болото, авторъ, прекрасно освѣдомленный въ русской и иностранной литературѣ предмета, даетъ попутно интересный обзоръ выводовъ старой и новой философіи, психологіи и социологіи о происхожденіи и развитіи религіознаго чувства. Хотя г. Юшкевичъ и любитъ иностранныя слова и философскую терминологию, но въ общемъ пишетъ вполне популярно. Не имѣя ничего общаго съ ортодоксальной религіей, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно чуждъ какой бы то ни было оскорбительной для вѣрующихъ публицистики. Читатели изъ среды этихъ послѣднихъ съ большимъ интересомъ прочтутъ книгу г. Юшкевича. У кого нѣтъ ни времени, ни охоты обращаться къ русскимъ и иностраннымъ первоисточникамъ религіознаго движенія, для тѣхъ книга г. Юшкевича безусловно полезна. Для авторскаго самолюбія, можетъ быть, и больно, что свое міросозерцаніе онъ мало кому внушитъ и мало кого доведетъ до своего идеала, но пусть г. Юшкевичъ довольствуется тѣмъ, что обиліемъ разсыпанныхъ въ книгѣ своихъ и чужихъ мыслей многому научитъ средняго читателя.

Пант.

В. Герье. Французская революція въ освѣщеніи И. Тэна. Спб. 1911. Ц. 3 рубля.

Обширное изслѣдованіе Тэна составило эпоху въ изученіи французской революціи; до него въ сочиненіяхъ Мишле, Тьера, Ламартина преобладала идеализація революціоннаго движенія, основанная на поверхностномъ знакомствѣ съ документами. Тэнь первый погрузился въ архивы и примѣнилъ психологическій методъ къ объясненію историческихъ явленій. Профессоръ В. И. Герье мастерской рукой знакомитъ русскаго читателя съ этими выводами, къ которымъ пришелъ французскій историкъ, давно ставшій классическимъ, благодаря безпристрастному взгляду и художественному слогу. Указывая на выдающіяся достоинства труда Тэна, авторъ не скрываетъ и его недостатковъ. Общій его недостатокъ заключается въ томъ, что первоначально онъ былъ историкомъ литературы и притомъ представителемъ той школы, которая видитъ въ литературныхъ произведеніяхъ преимущественно выраженіе бытовой жизни народа и пользуется имъ главнымъ образомъ какъ матеріаломъ для исторіи общества и его культуры. Перейдя отъ литературы къ исторіи, Тэнь не сдѣлался историкомъ государства, историкомъ-юристомъ; его интересъ попрежнему сосредоточивался на культурѣ общества, на типахъ и людяхъ. Поэтому положеніе монархіи въ дореволюціонной Франціи охарактеризовано у него не полно, и этимъ затруднено правильное разрѣшеніе одной изъ существенныхъ задачъ историка революціи, вѣрное опредѣленіе отношенія революціи къ принципу государственной власти. Зато хорошо вскрыта психологическая подкладка революціи и великолѣпно очерчены якобинскій типъ вообще и фигуры отдѣльных дѣятелей.

Тэнь пришелъ къ выводу, что революція была ошибкой, т. е. ошибкой былъ не самый переворотъ, положившій конецъ старому порядку, но ошибкой былъ способъ, посредствомъ котораго переворотъ былъ произведенъ. Не всегда, однако, Тэнь принималъ во вниманіе реальныя условія прошлаго. Насильственный переворотъ, осуждаемый Тэномъ, справедливо замѣчаетъ В. И. Герье, былъ въ значительной степеніи подготовленъ всей предшествующей исторіей Франціи, и его успѣху содѣйствовали цѣлый рядъ благоприятныхъ условій. Тэну представлялось, будто королевская власть при старомъ порядкѣ была въ состояніи осуществить необходимыя реформы. Въ такой возможности сомнѣваются даже приверженцы королевской власти и строгіе критики революціи, какъ, напр., одинъ ея современникъ, графъ Ривароль, написавшій въ своихъ мемуарахъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что король даже при помощи дѣльныхъ министровъ былъ недостаточно могущественъ, чтобы произвести хотя одну изъ великихъ реформъ, которыхъ мы сдѣлались свидѣтелями». Неправильно очерчено Тэномъ отношеніе революціоннаго правительства къ церкви, потому что не принято во вниманіе положеніе, которое занимала церковь при старомъ порядкѣ.

Нѣкоторые недостатки не умаляютъ, конечно, значенія капитальнаго труда Тэна, и проф. Герье присоединилъ къ своему изложенію главу о якобинскомъ судѣ надъ Тэномъ. Тутъ говорится о попыткахъ подрвать авторитетъ знаменитаго писателя и доказать его преднамѣренную тенденціозность. Специалистъ по исторіи французской революціи Оларъ увѣренъ, что книга Тэна въ общемъ итогѣ

и въ ея общихъ выводахъ почти бесполезна для истеріи. В. И. Герье очень удачно доказываетъ неосновательность подобнаго взгляда. Тэна обвиняли въ томъ, что онъ возмущался якобинствомъ по личнымъ эгоистическимъ мотивамъ. На это проф. Герье возражаетъ: это было не личное негодованіе, это было негодованіе идеалиста, который видѣлъ, какъ якобинцы оскверняли самые чистые идеалы справедливости и свободы; негодованіе мыслителя, который съ горемъ убѣдился, что во время революціи Франція была разрушена и перестроена вновь на основаніи ложныхъ принциповъ. Это было негодованіе патріота, котораго изученіе бѣдствій, перенесенныхъ Франціей, привело къ сознанию, насколько горячо онъ любитъ свое отечество. Анализъ ума открылъ Тэну ложность якобинскихъ принциповъ, социологія—ихъ общественную зловредность, документальная исторія снабдила его обильнымъ матеріаломъ для удручающаго обвиненія, а художественное творчество сплотило этотъ матеріалъ въ подавляющій обвинительный актъ. И отъ него требовали, чтобы онъ равнодушнымъ дѣловымъ голосомъ прочелъ передъ Франціей и Европой этотъ обвинительный актъ, какъ секретарь въ окружномъ судѣ обвинительный актъ какихъ-нибудь жалкихъ воришекъ. Это было для него, конечно, невозможно. Исторія якобинцевъ Тэна представляетъ собою одну изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и страстныхъ обвинительныхъ рѣчей во французской литературѣ. У Тэна ораторское искусство достигаетъ высшаго своего назначенія, оно служитъ исторической истигѣ.

Книга В. И. Герье читается съ большимъ интересомъ, въ особенности потому, что имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ русской дѣйствительностью.

П. В.

Л. Дашкевичъ. Государственные избирательные законы. Аграрный переворотъ. Сельскій судъ. Стр. 144. Цѣна 1 рубль.

Кто думаетъ встрѣтить въ этой книгѣ научное изслѣдованіе, какъ это можно ожидать по заглавію книги, тотъ этого не найдетъ въ ней. Но авторъ и не претендуетъ на ученость. Однако достоинство и интересъ книги отъ этого нисколько не уменьшаются. Простымъ, безыскусственнымъ, но вмѣстѣ литературнымъ языкомъ авторъ касается животрепещущихъ вопросовъ послѣдняго времени, тѣхъ самыхъ, о которыхъ такъ много писали и теперь еще даже продолжаютъ писать. Разбирая вполнѣ объективно законъ 12 декабря 1905 г. и затѣмъ изданный въ качествѣ корректива къ нему актъ 3 іюня 1907 г. объ избирательномъ правѣ, г. Дашкевичъ подвергаетъ критикѣ этотъ послѣдній актъ, отнимающій то, что было дано предыдущимъ актомъ. Авторъ, придерживающійся, между прочимъ, умѣренно-либеральнаго направленія въ политикѣ, видитъ въ актѣ отъ 3 іюня отсутствіе логической послѣдовательности и называетъ его ложнымъ шагомъ. Критика г. Дашкевича чужда какой бы то ни было тенденціозности, свойственной большинству авторовъ, касавшихся вопроса о нашихъ избирательныхъ законахъ..

Не меньшій интересъ представляетъ вторая часть книги, гдѣ г. Дашкевичъ касается аграрныхъ мѣропріятій послѣдняго времени, а именно замѣны общиннаго землевладѣнія—хуторскимъ (отруба), которымъ, кстати, заинтересовано

правительство въ лицѣ П. А. Столыпина и министра земледѣлія, въ недавней поѣздкѣ лично знакомившихся съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго аграрнаго закона. Этотъ законъ, разрушающій общину, вызываетъ довольно пессимистическія заключенія г. Дашкевича, заявляющаго, между прочимъ, что «если первыя двѣ думы пытались вызвать революцію», то «правительство съ третьей (Думой) осуществили ее» именно своимъ аграрнымъ закономъ. Основательно и съ знаніемъ обсуждаемаго вопроса авторъ детально разбираетъ всѣ стороны этого аграрнаго закона, указывая на послѣдствія, вызываемыя новыми аграрными мѣропріятіями, которыя, по его мнѣнію, неудачны и даже вредны для крестьянскаго быта. Замѣтимъ, что выводы г. Дашкевича представляютъ извѣстную цѣнность хотя бы уже по одному тому, что онъ, какъ предсѣдатель земской управы и самъ землевладѣлецъ, могъ ознакомиться съ новыми землеустроительными операціями, имѣя предъ собой конкретныя данныя.

Отъ бытовой стороны г. Дашкевичъ переходитъ къ правовой сторонѣ крестьянской жизни въ очеркахъ «Сельскій судъ», которому посвящена послѣдняя часть книги. Эта часть также доказываетъ знакомство автора и въ этой области и ярко рисуетъ современное правовое положеніе крестьянства. Въ ней немало поучительныхъ страницъ.

Нѣкоторыя изъ статей, вошедшихъ въ книгу г. Дашкевича, печатались раньше въ періодическихъ изданіяхъ.

Рит. Ткачукъ.

Jahrbuch für bildende Kunst in den Ostseeprovinzen. III годъ. Изданіе рижскаго общества архитекторовъ. 1909.

Художественные ежегодники пластическихъ искусствъ въ Прибалтійскомъ краѣ зарекомендовали себя интереснымъ содержаніемъ и прекрасно исполненными рисунками и сдѣлались настольною книгой для любителей искусства и археологіи края.

Вышедшій III томъ вполне оправдываетъ эту установившуюся лестную репутацію.

Самыя богатые отдѣлы книги—архитектурный (снимки съ зданій, а также рядъ конкурсныхъ проектовъ для Риги, Юрьева, Ревеля) и живописный (картины, портреты, рисунки, книжныя обложки, ex-libris и т. д.), затѣмъ идутъ отдѣлы прикладнаго искусства и скульптура. Въ послѣднемъ отдѣлѣ интересны проекты памятника Петра Великаго въ память присоединенія Лифляндіи къ Россіи (1910 г.), которымъ посвящена отдѣльная статья. Изъ послѣдней видно, что на сооруженіе памятника въ Ригѣ городъ, дворянство и другія сословія ассигновали 50.000 р., за проекты памятника были назначены 3 преміи: въ 1500 р., 1000 р. и 500 р. Къ назначенному времени были представлены проекты приблизительно 50 авторовъ, но немногія изъ этихъ работъ оказались достойными вниманія жюри, состоявшаго изъ академиковъ проф. Веклемишева и Чижова (въ С.-Петербургѣ), проф. Дица (Дрезденъ), архитектора Бокслара и барона Г. Брунинга (Рига).

Отмѣтимъ еще богато иллюстрированныя статьи: «О крестьянской архитектурѣ на островѣ Руно» архит. Вернера, имѣющую археолого-этнографическій и художественный интересъ, и архит. В. Бокслара о старинномъ (XIII в.) замкѣ Гросъ-Роопъ въ Лифляндіи, сильно пострадавшемъ во время революціи 1905 года.

А. Э. М—въ.

В. Б. Бертенсонъ, старшій экипажный врачъ 2-го балтійскаго флотскаго экипажа. «Чума». Спб. 1911. Стр. 41. Цѣна не указана.

Въ настоящее время, когда съ Дальняго Востока ежедневно приходятъ все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти объ усиливающейся чумной эпидеміи, докторъ В. Б. Бертенсонъ, какъ и прежде, въ 1905 г., во время свирѣпствовавшей у насъ холеры, удовлетворяя интересъ широкой публики, 9 февраля 1911 г. въ морскомъ собраніи при 2-мъ балтійскомъ флотскомъ экипажѣ прочиталъ популярную лекцію о чумѣ, отпечатанную нынѣ брошюрой.

Давъ общія понятія о чумѣ и краткія, но очень интересныя, историческія свѣдѣнія о прежнихъ, болѣе выдающихся чумныхъ эпидеміяхъ, начиная съ Юстиніановой чумы въ 542 году, извѣстной чумы въ XIV вѣкѣ и кончая московской чумой въ 1770 году, авторъ затѣмъ говоритъ о родинѣ чумы—о различныхъ странахъ Востока, о Месопотаміи, Арменіи, Монголіи, гдѣ она существуетъ спокойнѣе вѣку, культивируемая общими условіями азіатской жизни: нечистоплотностью, частыми голодами и засухами, вредными испареніями отъ множества болотъ и стоячихъ водъ, ужасными жилищами, одеждой и т. д. У насъ, въ Россіи, гнѣздо чумы—Киргизскія степи. Въ Астраханской губерніи вспышки чумы продолжаются уже болѣе 32 лѣтъ, «но у насъ,—замѣчаетъ авторъ,—какъ у и народа: громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится!» На всю громадную Киргизскую орду, занимающую площадь въ 67.000 кв. верстъ съ 250.000 кочующаго населенія, поставлено... 8 врачей! Понятно, что при всемъ желаніи эти восемь врачей могутъ сдѣлать въ самомъ лучшемъ случаѣ очень и очень мало, а Киргизскія степи такъ и останутся гнѣздомъ заразы.

Затѣмъ авторъ говоритъ объ открытіи Иерсиномъ и Китизато чумныхъ бактерій, составляющихъ причину чумы, подробно останавливается на роли крысъ и насѣкомыхъ, главнѣйшихъ передатчиковъ эпидеміи, просто и общепонятно описываетъ проявленіе и симптомы болѣзни, ея формы (легочная и бубонная), даетъ понятіе о серотерапіи, противочумныхъ прививкахъ, указываетъ практическія мѣры, которыя должны быть предпринимаемы въ чумное время, и заканчиваетъ свой докладъ сердечной, искренней хвалой скромнымъ героямъ-врачамъ, самоотверженно и безстрашно исполняющимъ свой тяжелый ужасный долгъ.

Брошюра г. Бертенсона читается легко, съ большимъ интересомъ и заслуживаетъ вниманія, какъ простое, правдивое слово о надвигающейся грозѣ.

М—о.

**Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа. 40 выпускъ.
Тифлисъ. 1909.**

Вышелъ 40-й выпускъ издаваемого управленіемъ кавказскаго учебнаго округа Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа подъ редакціей Л. Г. Лопатинскаго. Обращаютъ на себя вниманіе работы по кавказскимъ языкамъ. Изученіе кавказскихъ языковъ, начатое барономъ Исларомъ, продолжается усердно специалистами-сотрудниками сборника, и скоро, можно надѣяться, будетъ завершёнъ весь циклъ этихъ языковъ. Теперь остается только пожелать, чтобъ изученіе языковъ перешло на практическую почву и была доведена до конца полезная дѣятельность округа по изданію букварей для горскихъ народовъ. Насколько намъ извѣстно, управленіе округа уже выпустило буквари абхазскій и черкесскій (кабардинскій) и приготовило для печати чеченскій кумыкскій и удинскій. Теперь наступила очередь для аварскаго, кюринскаго и лакскаго языковъ. Кромѣ работы А. М. Дирра «Матеріалы для изученія языковъ и нарѣчій андодидойской группы», захватывающей въ краткомъ очеркѣ десять языковъ этой группы, слѣдуетъ остановиться на продолженіи статьи Е. С. Такайшвили. «Описаніе рукописей бібліотеки общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія». Въ ней описаны списки сборника законовъ и уложенія царя Вахтанга VI, списки фантастической повѣсти «Караміанъ», очень важный пергаментный шантбердскій сборникъ X вѣка и сборникъ чубиновской бібліотеки съ весьма разнообразнымъ содержаніемъ. Не менѣ заслуживаетъ вниманія солидная работа Н. А. Караулова—«Основы мусульманскаго права», вносящая цѣнный вкладъ въ юридическую литературу, въ которой замѣчалось почти полное отсутствіе сочиненій, трактующихъ о нормахъ мусульманскаго права согласно шаріату. Эта статья составляетъ переработку статьи того же автора, вышедшей въ одномъ изъ періодическихъ изданій Владикавказскаго подъ другимъ заглавіемъ. Весьма любопытна статья С. Н. Шульгина «Преданіе о шамилевскомъ наибѣ Хаджи-Муратѣ»; она сообщаетъ нѣкоторыя данныя о Хаджи-Муратѣ, этомъ популярномъ героѣ дагестанскихъ горъ, до сихъ поръ неизвѣстныя читающей публики. Такъ какъ въ нынѣшнемъ году праздновалось пятидесятилѣтіе взятія Гуніба и покоренія вмѣстѣ съ тѣмъ Дагестана, то эта статья появилась въ свѣтъ весьма кстати, она дополняетъ сообщенныя тѣмъ же авторомъ свѣдѣнія о Шамилѣ, которыя помѣщены въ XXXII выпускѣ сборника подъ заглавіемъ «Разсказъ очевидца о Шамилѣ и его современникахъ». Не можемъ также не упомянуть о весьма полезномъ трудѣ К. Θ. Гана «Опытъ объясненія кавказскихъ географическихъ названій». Авторъ называетъ свой почтенный трудъ «первымъ опытомъ» и высказываетъ желаніе, чтобы онъ послужилъ толчкомъ болѣе основательному, подробному и обширному изслѣдованію затронутаго имъ вопроса. Къ этой же категоріи работъ относится и статья А. М. Дирра «Современныя названія кавказскихъ племень»; въ ней дается объясненіе этимологическаго состава географическихъ названій на основаніи подробнаго изученія кавказскихъ языковъ, слѣдуя при этомъ строгой системѣ дѣленія ихъ по именнымъ группамъ. Въ 40-ой выпускъ сборника вошли также двѣ описательныя статьи —С. В. Фарфоровскаго «Полукочевые народы Сѣвернаго Кавказа. Ка-

минки Ставропольской губернии» и Н. Е. Талицкого «Очерки Карачья». Въ немъ представленъ этнографическій матеріалъ, которымъ сборникъ былъ всегда весьма богатъ, только двумя статьями: Ф. С. Гребенца «Изъ быта гребенскихъ казаковъ» и Н. М. Егорова «Особые пироги и хлѣбъ».

А. Хахановъ.

Линниченко, И. А., проф. Альфредъ де-Мюссе. 1810—1910. Одесса. 1910. Стр. 128.

Очеркъ проф. И. А. Линниченка, посвященный поэзи: Мюссе, прочтется каждымъ съ большимъ удовольствіемъ. Замѣчательно образный, стильный языкъ, тонкое и нѣжное пониманіе сокровенныхъ нюансовъ поэзи Мюссе; проникновенное и восторженное упоеніе поэтическими перлами творений Мюссе, вотъ достоинство этой маленькой, но удивительно содержательной и остроумной по построению книжечки. Проф. И. А. Линниченко прекрасно знакомъ съ трудами, посвященными жизни и творчеству А. де-Мюссе. Въ обширной литературѣ о Мюссе эта маленькая книжечка положительно цѣнная жемчужина. Въ маломъ сказать много—это талантъ. Издана книжечка великолепно, съ большимъ вкусомъ и знаніемъ дѣла; въ книжечкѣ два великолѣпныхъ портрета Мюссе, одинъ довольно извѣстный; другой—болѣе рѣдкій, изъ собранія проф. И. А. Линниченка. Портреты выполнены превосходно. Красивая по содержанію, изящная по внѣшнему виду книжечка о Мюссе создаетъ чудное настроеніе у читателя.

С. Аваліани.

Воронежская Старина. Выпускъ девятый. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1910. Стр. II+348. Цѣна 2 рубля.

Обычно богатая содержаніемъ въ своей области «Воронежская Старина» и въ настоящемъ, девятомъ выпускѣ является заслуживающею вниманія не только узкихъ специалистовъ по церковнымъ древностямъ, но и другихъ любителей старины.

Съ особымъ интересомъ читаются очерки-ислѣдованія, основанныя по преимуществу на архивныхъ матеріалахъ, П. В. Никольскаго, который печатаетъ ихъ уже нѣсколько лѣтъ подъ общимъ заглавіемъ: «Монашество на Дону въ XIX вѣкѣ». Въ разсматриваемомъ выпускѣ находимъ слѣдующіе два очерка: «Пещерокопательство въ XIX вѣкѣ» (здѣсь больше всего говорится о бѣлогорской пещерокопательницѣ М. К. Шерстюковой, которой приложено и портретъ) и «Задонскіе старцы XIX вѣка». Авторъ здѣсь подробнѣе останавливается на симпатичномъ образѣ затворника, дворянина по происхожденію, бывшаго гвардейскаго офицера и весьма начитаннаго человѣка, Георгія Алексѣевича Машурина (род. 1789 г.; ум. въ 1836 г.). Отъ него осталось множество писемъ, которыя издавались въ трехъ частяхъ 6 разъ; послѣднее изданіе—въ 1894 году.

Затѣмъ онъ говоритъ о іеросхимонахахъ: Агапитѣ и Наѳанаилѣ, вышедшемъ въ отставку изъ военной службы въ 1823 г., съ чиномъ штабсъ-капитана,

и о двухъ женщинахъ, посвятившихъ всю свою жизнь уходу за сирыми и неимущими—Матронѣ Наумовнѣ Поповой и Евфиміи Григорьевнѣ Поповой.

Другой изслѣдователь церковной старины Воронежскаго края, С. Н. Введенскій сообщилъ, на основаніи рукописныхъ матеріаловъ, слѣдующіе три небольшихъ очерка: 1) «Св. Митрофанъ Воронежскій, какъ ходатай за невинно пострадавшихъ (1685 г.)», 2) «Карачунскій игумень Варсонофій. (1621—1625)» и 3) «Г. Коротояка—архангельскій попь Іоакимъ. (1684—1686 гг.)».

Нельзя затѣмъ не привѣтствовать и симпатичнаго намѣренія В. В. Литвинова—собрать біографическія и библиографическія данныя о всѣхъ питомцахъ воронежской семинаріи, которые, по окончаніи послѣдней или до окончанія полного курса, вышли изъ духовнаго званія и посвятили свои силы служенію въ гражданскихъ вѣдомствахъ. Воспользовавшись только отчасти работою своего предшественника въ этой области П. В. Цезаревскаго, г. Литвиновъ сообщилъ въ настоящемъ выпускѣ только половину своихъ изысканій; онъ привелъ біографическія свѣдѣнія о 277 воронежскихъ семинаристахъ, въ алфавитномъ порядкѣ, отъ А до Л (включительно). Изъ этихъ біографій открывается, что большинство семинаристовъ избрало врачебную карьеру и затѣмъ педагогическую; сравнительно меньшинство служило по судебному вѣдомству и министерству финансовъ. Есть среди нихъ и выдающіяся имена: Викторъ Ипатьевичъ Аскоченскій (1813—1879), извѣстный редакторъ-издатель «Домашней Бесѣды»; Иванъ Ильичъ Захаровъ (1816—1885), ординарный профессоръ по каедрѣ манчжурскаго языка въ петербургскомъ университетѣ; Иванъ Яковлевичъ Зацѣпинъ (1795—1865), ординарный профессоръ московской медико-хирургической академіи и издатель «Терапевтическаго Журнала», одного изъ первыхъ русскихъ медицинскихъ журналовъ; Александръ Алексѣевичъ Іовскій (1796—1860), профессоръ московскаго университета, юристъ; Яковъ Миничъ Кораблиновъ (р. 1789 г.), профессоръ казанскаго университета; Иванъ Михайловичъ Левашовъ (род. 1864 г.), профессоръ томскаго университета, и др.

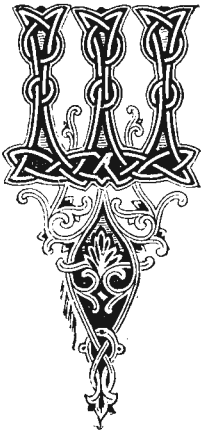
Небезынтересно еще отмѣтить изъ отдѣла матеріаловъ разсматриваемаго выпуска прежде всего «Приходо-расходныя книги воронежскаго архіерейскаго дома 1705 года», въ предисловіи къ которымъ Т. М. Олейниковъ сообщаетъ сравнительныя данныя расходовъ двухъ архіерейскихъ домовъ: св. Митрофана и его преемника Арсенія II. Послѣдній всюду вводилъ, можно сказать, роскошь и комфортъ; затѣмъ—«Записки В. Г. Чубинскаго» (о времени его обученія), «Воспоминанія» о воронежскомъ архіепископѣ Іосифѣ (1892 г.) Н. Т. Павловскаго и «Автобіографическія замѣтки. Дѣтскіе годы и ученіе въ бирюченскихъ духовныхъ училищахъ Дмитрія (Самбикина), архіепископа казанскаго и свіяжскаго» (1908 г.).

Въ «приложеніяхъ» въ концѣ книги находимъ «Наставленія св. Тихона Задонскаго пастырямъ. Къ 50-лѣтію со дня прославленія св. Тихона Задонскаго (13 августа 1861—1911 гг.)»; а въ соответствующихъ мѣстахъ текста выпуска хорошо исполненные портреты слѣдующихъ лицъ: 1) архіепископа Іосифа, 2) В. Г. Чубинскаго; 3) іеросхимонаха Агапита, 4) затворника Георгія Машурина и 5) іеросхимонаха Наѳанаила.

В. Рудаковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

Е К С П И Р Ъ или Бэконъ?— Въ началѣ марта во всѣхъ иностранныхъ газетахъ появилось сенсационное извѣстіе, сообщавшее, что наконецъ почти рѣшенъ вопросъ, Шекспиръ или Бэконъ написали знаменитыя драмы. Рѣшеніе этого вопроса уже три вѣка лежало на днѣ рѣки Уи въ то время, какъ сторонники Бэкона и Шекспира вели горячіе споры. Все, и обстановка—рѣчное дно, какъ сокровищница таинственнаго документа,— да и самъ документъ, написанный шифрами, которому надлежитъ разрѣшить: быть или не быть... Шекспиру авторомъ его произведеній, — все это точно продолженіе шекспировскихъ драмъ. Но вотъ при какихъ обстоятельствахъ снова поднялся шумъ въ лагерѣ шекспировцевъ и бэконовцевъ. Одинъ изъ сторонниковъ Бэкона, нѣкій докторъ Орвиль Оуэнъ, живущій въ Мичиганѣ (Америка), какъ-то случайно нашелъ древнюю книжку, изданную въ Лондонѣ и озаглавленную: «Аркадія графини Пемброкъ». Разсматривая свою находку, Оуэнъ увидѣлъ, что она написана шифромъ и на взглядъ самыя обыкновенныя фразы, однако, скрывали иной смыслъ, понять который можно было, только переставивъ извѣстнымъ образомъ слова. Оуэнъ сталъ искать ключъ шифра. Нашелъ докторъ его, или нѣтъ, навѣрно неизвѣстно, но только онъ немедленно отправился къ герцогу Бофордскому въ Чепстоунъ просить разрѣшенія произвести странныя работы на принадлежащемъ ему участкѣ, а именно, раскопать одно мѣсто—рѣчное русло около замка и древней римской дороги,—гдѣ хранится таинственный

сундукъ, зарытый Бэкономъ съ рукописью, въ которой находится признаніе, что авторъ шекспировскихъ пьесъ оный, Бэконъ. Работы по раскопкамъ не прерываются ни днемъ, ни ночью и прекращаются только во время прилива; десятки рабочихъ откачиваютъ насосами воду, и на берегу собираются толпы любопытныхъ. Бэконовцы уже трубятъ побѣду, но сторонниковъ Шекспира это несколько не смущаетъ; они упорно настаиваютъ на томъ, что никогда никто не докажетъ, будто Шекспиръ не былъ единственнымъ, неоспоримымъ авторомъ тридцати четырехъ трагедій, феерій, пасторалей и комедій, традиціонно появляющихся подъ его именемъ съ XVII вѣка до нашихъ дней. Парижскій кружокъ шекспировцевъ во главѣ съ герцогиней де-Роганъ, президентомъ, и многими членами изъ американской и англійской колоній, съ любопытствомъ слѣдятъ за ходомъ изслѣдованій Оуэна, хотя они заранѣе увѣрены, что новаго ничего не узнаютъ. Еще за недѣлю до появленія сенсационнаго извѣстія одинъ изъ членовъ шекспировскаго кружка, Камилль де-Сентъ-Круа, на бесѣдѣ въ *Luceum Club* высказалъ, что никогда не докажутъ, будто не Шекспиръ былъ авторъ знаменитыхъ произведеній. Слова Сентъ-Круа были внесены въ журналъ. Основательница парижскаго *Luceum Club* и корреспондентка лондонскаго *Luceum Club* миссъ Голларъ явилась посредницей въ этомъ спорѣ между Сентъ-Круа и бэконовцами. Члены клуба съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшенія спора, которому предстояло, по словамъ Оуэна, выясниться въ назначенный имъ довольно короткій срокъ. Но наступилъ срокъ, и они получили телеграмму, что въ означенномъ мѣстѣ пока докопались до глыбы цемента и до свай. Далѣе никакихъ новыхъ извѣстій не пришло. Срокъ, назначенный Оуэномъ, прошелъ, а оный ничего новаго не сообщилъ. Всѣ шекспировцы говорятъ, что имъ предстоитъ готовиться къ новой побѣдѣ надъ бэконовцами, какъ два года назадъ они одержали побѣду надъ рутландизмомъ Демблона.

Въ доказательство непогрѣшимости своего предположенія бэконовцы представляютъ семь доводовъ. 1) «Греческія и латинскія трагедіи Шекспира заимствованы у Гомера, Плутарха и Тацита—авторовъ, близко знакомыхъ Бэкону и которыхъ Шекспиръ не могъ читать, не зная ни латинскаго, ни греческаго языковъ». На это шекспировцы отвѣчаютъ: «Шекспиръ выкраивалъ свои трагедіи изъ англійскихъ переводовъ этихъ древнихъ текстовъ. Поэтому ему necessarily было знать греческій или латинскій языкъ. Кромѣ того, въ его сценическихъ діалогахъ находятся архаизмы и археологическія ошибки, свидѣтельствующіе о наивности геніальнаго неуча, тогда какъ эти ошибки недопустимы для такого ученаго педагога, какъ Бэконъ». 2) Бэконовцы говорятъ: «Комедіи Шекспира заключаютъ въ себѣ критику на нравы итальянцевъ, французовъ, фламандцевъ, даже датчанъ. Шекспиру же, никогда не путешествовавшему, не извѣстны эти расы, ихъ характеръ и языкъ, въ которыхъ Бэконъ очень освѣдомленъ». На это шекспировцы отвѣчаютъ: При созданіи этихъ комедій авторъ пользовался англійскими переводами Боккачю, Банделло, Белафорэ и т. д.; Шекспиру не было необходимости посѣщать Фландрію, Францію или Италию, какъ не было необходимости Андре де-Лорду знать англійскій языкъ, чтобы примѣнить одну американскую сказку Эдгара По, переведенную Бодлэромъ, какъ и Анри Батайлю ѣхать въ Россію, чтобы поставить на сценѣ «Воскресеніе»

Толстого въ переводѣ Гальперина или Прозора». 3) «Пасторали и фееріи Шекспира,—говорять бэконовцы,—изобилуютъ картиннымъ описаніемъ полей и лѣсовъ. А Бэконъ охотно живалъ среди лѣсовъ, тогда какъ распутникъ Шекспиръ, просиживавшій въ тавернахъ, переживалъ свои идилліи не дальше предмѣстій Лондона, трактировъ Оксфорда или Страффорда». На это шекспировцы отвѣчаютъ: «У Шекспира, родившагося великимъ поэтомъ по инстинкту, навсегда сохранились очень живо впечатлѣнія дѣтства, когда онъ по ночамъ скитался и охотился среди родныхъ деревень и рощицъ на берегу Авоны». 4) «Весь шекспировскій репертуаръ,—упорствуютъ бэконовцы,—кишитъ техническими и специальными терминами: военного искусства, спорта, псовой охоты, придворной политики, дипломатіи, высшаго законовѣдѣнія,—языка, на которомъ Бэконъ говорилъ бѣгло и которому эта кулисная крыса, эта голытьба Шекспиръ, не могъ научиться». А шекспировцы повторяютъ: «Шекспиръ только заимствовалъ этотъ специальный текстъ. Всѣ эти техническія выраженія находятся въ текстахъ, изъ которыхъ онъ заимствовалъ; лично ему совсѣмъ не требовалось образованія, чтобы повторять ихъ и владѣть ими, къ тому же болѣе или менѣе ловко». 5) Бэконовцы еще говорятъ: «У Бэкона, философа, дипломата, царедворца, дэнди, была тысяча причинъ не проявлять себя на театральныхъ подмосткахъ, тогда какъ Шекспиръ, паяцъ, способный на все, представлялъ собою чловѣка, готоваго на всякія постыдныя соглашенія, чтобы позволить дѣйствительному автору тайно извлекать выгоды изъ своихъ пьесъ, платя ему жалованье, какъ подставному лицу». На это шекспировцы отвѣчаютъ: «Ничто не даетъ вамъ право такъ оскорблять память поэта-актера, который былъ уважаемъ обществомъ, пока вы не представите хотя одного документа, который бы могъ вамъ это разрѣшить, хотя бы простую расписку, свидѣтельствующую, что Бэконъ купилъ у Шекспира или продалъ ему, что бы тамъ ни было, свой геній или свою честь». 6) Еще доводъ бэконовцевъ слѣдующій: «Такъ называемые нортумберландскіе документы и выводъ профессора Уоллеса доказали ошибки въ числахъ въ біографіи Шекспира и его неумѣнье хорошо подписать свое имя, въ то время, какъ Бэконъ олицетворялъ всю науку своего времени». На это шекспировцы возражаютъ: «Перечитайте положительно свидѣтельства дворянъ и писателей, современныхъ Шекспиру. Они говорятъ о немъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ». 7) Представивъ причину, по которой Бэконъ сохранялъ свое инкогнито, бэконовцы въ заключеніе говорятъ: «Почему, если Шекспиръ былъ авторомъ своихъ образцовыхъ произведеній, онъ не добивался ихъ успѣха до послѣдняго своего дыханія, вмѣсто того, чтобы, наживъ себѣ состояніе, удалиться пятидесяти лѣтъ въ свой страффордскій коттеджъ провинціаломъ и собирателемъ сокровищъ, равнодушно относившимся къ послѣдствіямъ своей литературной репутации». На это шекспировцы даютъ отвѣтъ: «Шекспиръ покинулъ Лондонъ очень благородно, вслѣдствіе немилости, которой подверглись его друзья, принадлежавшіе къ партіи Эссекса, но онъ продолжалъ работать въ Страффордѣ и даже именно тамъ въ уединеніи онъ сочинилъ самыя лучшія свои послѣднія произведенія. Онъ не интересовался театальной жизнью, нуждаясь въ отдыхѣ послѣ тридцатилѣтней чрезвычайно производительной работы. Но онъ не отречатся отъ своихъ

произведений, потому что говорилъ о нихъ очень практически въ своей духовной. Поэтому, зачѣмъ его незаслуженно упрекать, тогда какъ бѣконовцы не думаютъ отягчать этимъ Бѣкона, который этого заслуживаетъ именно за свое упорное инкогнито».

Такимъ образомъ, вопросъ, быть можетъ, скоро окончательно рѣшится, и придетъ, наконецъ, время, когда бѣконовскія теоріи также кончатъ свое существованіе, какъ и теорія о другихъ претендентахъ на шекспировскіе шедевры. Шекспировцы говорятъ: «подождемъ изъ учтивости даже долѣе назначеннаго Оуэномъ срока, чтобы его новыя изслѣдованія заставили исчезнуть само собою бѣконовскую теорію или чтобы, вопреки вѣроятію уничтожили, наши спокойные и простые доводы. Но этого мы совсѣмъ не боимся».

— Н е и з д а н н ы е д о к у м е н т ы Н а п о л е о н а I.—Въ Парижѣ только что вышла новая книга: «En marge de la correspondance de Napoléon I», въ которой собраны различные документы Наполеона I, касающіеся поляковъ. Эти документы обнимаютъ 1801—1815 гг. и состоятъ изъ приказовъ министрамъ, польскимъ генераламъ, указовъ, касающихся пенсій полякамъ, преобразованій польскихъ войскъ, которыя пришли изъ Италіи, назначеній и т. д., и носятъ чисто официальный характеръ. Главный интересъ сосредоточивается на нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ и особенно на рѣчи Наполеона I.

Эту рѣчь записалъ собственноручно Янъ Скржиницкій, находившійся въ войскахъ Варшавскаго герцогства въ чинѣ полковника и бывший въ 1831 г. главнокомандующимъ польской арміи. Она была произнесена 28-го октября 1813 г. и такъ какъ Скржиницкій не слышалъ ея начала, то записана съ той фразы, которую онъ засталъ. При этомъ онъ записалъ ее на лету, по слуху и потому въ ней есть нѣкоторые недочеты, орфографическіе и грамматическіе. Подлинникъ ея хранится въ библиотекѣ Осмолинскаго въ Леопольдѣ.

«Если я принужденъ буду покинуть герцогство,—говорилъ Наполеонъ,—въ мирный трактатъ включится статья, касающаяся васъ, гдѣ будутъ признаны ваши чины, ваше состояніе будетъ неприкосновенно противъ всякихъ конфискацій, однимъ словомъ, вы вернетесь къ себѣ въ отечество съ почетомъ. Если же вы захотите уйти теперь, съ вами будутъ обращаться какъ съ военноплѣнными; но иначе и быть не можетъ. Если же, наоборотъ, герцогство будетъ существовать (какъ я всегда и думалъ), вы вступите въ него побѣдоносно. Только легкомысліе довело васъ до этого шага, это—польское легкомысліе. Потому что, какъ я вамъ уже сказалъ, по возвращеніи въ вашу сторону, съ вами нельзя обращаться иначе, какъ съ военноплѣнными. Только польское легкомысліе причинило эту перемѣну въ вашемъ умѣ, или большія потери, которыя вы понесли въ сраженіи, или, быть можетъ, потеря графа Понятовскаго, хотя положительнаго ничего неизвѣстно о немъ; у меня есть извѣстіе, что онъ переплылъ рѣку и спасся въ лѣсу. Быть можетъ, вы чувствуете себя обязанными вернуться потому, что король Саксоніи остался. Но что же вамъ король Саксоніи? Онъ никогда не былъ вашимъ королемъ, это временный король. Когда былъ заключенъ Тильзитскій миръ, я не могъ дать герцогство ни французу, ни поляку изъ-за ревности другихъ государствъ, и пришлось дать его королю Саксоніи, но онъ былъ только временно королемъ. Собственно, я былъ вашимъ герцогомъ; и затѣмъ

король Саксоніи далъ мнѣ честное слово, что онъ никогда не уступитъ герцогство, онъ обѣщалъ мнѣ это въ тотъ день, когда я съ нимъ разстался, и все-таки онъ уступилъ бы герцогство. Быть можетъ, онъ принуженъ къ этому обстоятельствами. Король Саксоніи—ничтожество; онъ честный человѣкъ, мой личный другъ, но слабый и относительно средствъ и относительно власти. Что онъ можетъ подѣлать противъ своей націи? Его армія взбунтовалась, генералы ему измѣнили, онъ ничего не можетъ сдѣлать противъ своей націи. Къ тому же нѣмцы—враги Франціи. Нѣмцы не могутъ терпѣть француза и поляка. Король Саксоніи не могъ иначе дѣйствовать. Я ему предоставилъ свободу дѣйствій. Если бы я захватилъ его съ собой, на саксонскій престолъ посадили бы герцога Веймарскаго. Наконецъ, увѣряю васъ, что король Саксоніи далъ мнѣ честное слово, что онъ никогда не уступитъ герцогства. Только польскія непостоянство и легкомысліе заставили васъ измѣнить ваше мнѣніе.

На это генералъ Круковицкій отвѣтилъ:

— Однако, государь, мы дали довольно доказательствъ нашего постоянства въ дѣлѣ, которое защищаемъ.

— Я ни въ чемъ васъ не упрекаю, вы отважныя люди, люди чести, я ни въ чемъ васъ не упрекаю; но это національное непостоянство, польское легкомысліе.

— Если бы, ваше величество, сказали намъ это недѣлю назадъ,—замѣтилъ Артуръ Потоцкій.

— Я не думалъ, что мнѣ это понадобится,—перебилъ его Наполеонъ.—И затѣмъ вы думаете, что двѣ-три тысячи поляковъ составляютъ большую разницу въ моихъ дѣлахъ. Не думайте этого. У меня есть много другого, о чемъ приходится подумать. Поняли ли вы меня?

Въ отвѣтъ раздалось:

— Да, государь!

— Итакъ, господа поляки, если вы вернетесь къ себѣ на родину теперь, ваши соотечественники упрекнутъ васъ, что вы бросили защищаемое вами дѣло. Не думайте, что все потеряно,—ваше отечество можетъ вѣрнѣе возстановиться теперь, когда я нахожусь во главѣ націи въ шестьдесятъ милліоновъ человѣкъ, чѣмъ въ 1809 г., когда я былъ во главѣ ста тысячъ человѣкъ. Васъ можно было упрекнуть въ легкомысліи, что вы взялись тогда за оружіе. Ну, теперь забудемъ все, не будемъ говорить о прошедшемъ. Я вамъ назначу во Франціи городъ, гдѣ вы устроитесь, вамъ будутъ хорошо платить и васъ будутъ хорошо экипировать. Развѣ ужъ такъ худо зимою во Франціи. Ваши полки пополняются плѣнниками, ихъ еще много въ госпиталяхъ, въ запасѣ, мы еще найдемъ и затѣмъ весною пополнимъ. Можетъ также случиться, что я буду принужденъ покинуть герцогство, я не говорю вамъ, что этого не можетъ быть. Я императоръ французовъ и мой первый долгъ заботиться о Франціи. Но если я покину герцогство, то въ мирномъ трактатѣ есть статьи, касающіяся васъ, по которымъ ваши состояніе и личность обезпечены. Вы возвратитесь туда съ почетомъ, а не какъ плѣнные. Кому желательно лишиться свободы.

Не теряйте надежды, г-да поляки. Одна выигранная побѣда можетъ привести меня на Эльбу, другая на Одеръ. Вы знаете, мнѣ легко выиграть побѣду. А побѣда при Лейпцигѣ? Вѣдь я ее выигралъ. Были ли вы побѣждены? Уступили ли вы мѣсто непріятелю? 16-го было 80000 пушечныхъ выстрѣловъ, 18-го—90000, у меня не было болѣе военныхъ припасовъ, а потомъ этотъ... баварецъ объявилъ мнѣ войну. Пришлось мнѣ отступить. Король Вюртемберга со мною поступалъ честно, онъ прислалъ мнѣ сказать, что принужденъ обстоятельствами объявить мнѣ войну. Но что за человекъ шалунъ Вреде и всѣ эти принцы Германіи! Точно сказка объ ослѣ и львѣ. А 19-го я приказываю одному полковнику взорвать мостъ, когда пройдетъ вся армія, а онъ взорвалъ, когда большая часть арміи была еще на другомъ берегу. Все это такія вещи, въ которыхъ я ни при чемъ. Мнѣ надо отступать. Французы слишкомъ устали отъ войны. Смотрите, какіе они стали. Но если непріятель перейдетъ Рейнъ, быть можетъ, какъ я думаю, французская нація подымется массою; двумя-тремя побѣдами вы еще можете вернуть все потерянное. Не думайте, что я боюсь, чтобъ непріятель не перешелъ Рейна; напротивъ, пусть онъ перейдетъ, пусть онъ войдетъ во Францію. Я даже хочу, чтобы онъ сжегъ мнѣ два города и у меня будетъ пятьюстами тысячами болѣе людей. Я не хочу ему мѣшать перейти.

Не думайте, г-да поляки, что я васъ оставляю. Если бы я васъ оставилъ, у васъ были бы причины удалиться. Зачѣмъ было заключать миръ въ Дрезденѣ? Потому, что я не хотѣлъ покидать герцогства. Вы можете рассчитывать на меня, что я васъ покину лишь въ крайнемъ случаѣ, но, какъ я уже вамъ сказалъ, я императоръ французовъ и мой первый долгъ думать о Франціи. А ваше отступленіе чрезъ Австрію... Они хотѣли сдѣлать васъ военноплѣнными, но сраженіе при Люценѣ ихъ обмануло и они оставили вамъ право свободно пройти.

Еще надо вамъ сказать, г-да поляки, что ваши сановники не очень хорошіе патріоты. Министръ внутреннихъ дѣлъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ русскими. А вашъ министръ финансовъ? Еще много ихъ есть. А г-нъ Станиславъ гдѣ?

Послѣдняя война съ русскими была за Польшу; я былъ увѣренъ, что возстановлю ваше королевство. Даже Австрія на это согласилась трактатомъ, она также согласилась уступить Галицію. Прочитайте «Moniteur», вы тамъ найдете трактатъ, гдѣ она обѣщала мнѣ уступить Галицію. Но этотъ несчастный походъ. Я въ немъ сдѣлалъ ошибки. Кто ихъ не дѣлалъ... Измѣна князя Шварценберга. Быть можетъ, также непостоянство счастья. Оно измѣнило. Знаете, вѣдь оно — женщина. Быть можетъ, также, господа, ваша несчастная звѣзда увлекла мою. А что сдѣлала ваша конфедерация? Она ничего не сдѣлала. Я подразумѣваю подъ словомъ конфедерация общее возстаніе. У меня былъ такой глупый посланникъ, который ничего не сдѣлалъ, онъ былъ дуракъ, но и ваша конфедерация ничего не сдѣлала.

На это Скржиницкій отвѣтилъ:

— Государь, намъ никогда не позволяли развернуть народную энергію.

— Какъ? Ваша конфедерація ничего не сдѣлала. День и ночь я шелъ на Москву, я не могъ быть въ Варшавѣ, а этотъ глупый посланникъ ничего не дѣлалъ. Но нужно было массовое возстаніе. А казаки, которыхъ вы недавно подняли, очень хорошій отрядъ. Мнѣ нуженъ былъ легкій отрядъ. Хотя вашъ король, г-да поляки, и остался, это не должно васъ огорчать, и къ тому же онъ не могъ сдѣлать иначе. Онъ былъ только временнымъ королемъ. Я былъ вашимъ герцогомъ. И даже если бы польское королевство существовало, король Саксоніи никогда не былъ вашимъ королемъ. Имъ былъ бы другой. Ну, это устроилось бы согласно обстоятельствамъ. Однимъ словомъ, г-да поляки, надо итти со мною, надо итти во Францію. Не думайте, что все потеряно. Не думаете ли вы, что мои дѣла такъ дурны? Не думайте, все-таки я еще могущественнѣе всѣхъ. Быть можетъ, миръ будетъ заключенъ зимою. Это весьма возможно. Я не думаю, что меня заставятъ покинуть герцогство. А если даже я его покину, будутъ включены статьи, по которымъ ваша личность и состояніе будутъ обезпечены и чины признаны. Вы вернетесь въ ваше отечество съ почетомъ. Однимъ словомъ, надо отправиться во Францію, г-да поляки. Я единственный, на кого вы можете рассчитывать.

Раздались крики «Vive, l'Empereur!» Императоръ снялъ шляпу, раскланялся и снова раздались крики: «Да здравствуетъ императоръ, наша единственная надежда, наше единственное провидѣніе!»

— О т о с л о у .— Въ «Esperanza Moderna» приведенъ одинъ случай изъ жизни Ламартина, когда какая-то старая цыганка предсказала ему будущее, дѣйствительно вѣрно и къ тому же поэтично. Поэту исполнилось двадцать лѣтъ, когда однажды въ Муленъ онъ встрѣтилъ эту цыганку. «Ты три раза будешь несчастенъ въ жизни,—сказала она ему.— Но горькіе часы забываются. О тебѣ заботятся три блаженныя души и предохраняютъ тебя отъ несчастій. Ты будешь обладать или тремя королевствами, или тремя коронами, или тремя божественными способностями, которыми ты будешь надѣленъ— я не могу точно этого сказать».—«Тѣмъ менѣе я,—возразилъ ей поэтъ.— Сколько ты хочешь съ меня за предсказаніе будущаго?»—«Ничего,—отвѣтила цыганка:— я торгую только ложью, а правду говорю даромъ».

Ламартинъ не разъ вспоминалъ объ этомъ предсказаніи: ему не могло быть не-пріятно, что три женщины, которыхъ онъ любилъ и которыя скончались въ расцвѣтъ молодости, заботятся объ его судьбѣ. Эти женщины были Анжелина, Граціэла и Эльвира. О Граціэлѣ и Эльвирѣ онъ много говорилъ, но объ Анжелинѣ извѣстно очень немного, и тотъ, кто зналъ ея имя, не имѣлъ понятія, при какихъ обстоятельствахъ она встрѣтилась съ Ламартиномъ. Первая ихъ встрѣча произошла, когда восемнадцатилѣтній поэтъ странствовалъ по итальянскимъ дорогамъ, переполненнымъ бандитами. Въ одно изъ такихъ путешествій онъ встрѣтился со скромнымъ теноромъ, отправлявшимся въ Неаполь въ сопровожденіи племянника, по имени Анжело, однихъ съ нимъ лѣтъ. Ламартинъ побрелъ вмѣстѣ съ ними и дорогою подружился. По ночамъ они находили себѣ убѣжище въ телѣжкахъ и дремали сидя, подставляя другъ другу плечи вмѣсто подушки. Анжело спалъ прекрасно въ такой неудобной обстановкѣ, Ламартинъ же не могъ спать, а только дремалъ. Такимъ образомъ они добрались до Рима, съ каждымъ днемъ все болѣе сближаясь, какъ члены одной семьи.

Придя въ гостиницу, Ламартинъ сказалъ имъ:

— Мы не богаты, возьмемъ комнату сообща.

— О!—возразилъ теноръ: не скажите ли вы, что будете спать вмѣстѣ въ итальянской постели: ихъ постели прескверныя.

Утромъ раздался стукъ въ дверь. Это былъ Анжело, звавшій поэта завтракать. Когда Ламартинъ отворилъ дверь, то былъ сильно изумленъ: племянникъ тенора превратился въ восхитительную молодую дѣвушку, изящно одѣтую въ костюмъ тирольскихъ крестьянокъ. «Ты ли это или твой братъ?»—«И то и другое,—улыбаясь отвѣтила Анжела:—но одежда не измѣняетъ сердца. Только я больше не буду спать на твоёмъ плечѣ, ни ты на моемъ, какъ обыкновенно мы дѣлали».

Отъ Рима до Неаполя путь не близкій, и это позволило дружбѣ перейти въ любовь. Но Анжелина была чахоточная: она не могла устоять противъ пламенной страсти Ламартина и преждевременно скончалась на рукахъ своего любовника. Это была первая предсказанная цыганкою путеводная звѣзда, наблюдавшая съ неба за благополучіемъ поэта. Тройная корона или тройной даръ выразились въ его талантахъ какъ поэта, оратора и государственнаго человѣка.

Въ Парижѣ вышелъ недавно трудъ Ашиля Біовэ «Французы и англичане въ Египтѣ» (1881—1882), гдѣ онъ разсматриваетъ вопросъ, какимъ образомъ англичане овладѣли Египтомъ. Существовало нѣсколько гипотезъ, изъ нихъ двѣ особенно распространены: одна—будто англичане просто воспользовались событіями и ошибками своихъ соперниковъ: другая—что англичане подготовили египетскую революцію, руководимую Араби, который оборудовалъ все дѣло до того момента, когда отреченіе Франціи дало ему случай наложить руку на страну, заинтересовавшую его съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась ключомъ къ пути въ Индію. Во Франціи обыкновенно придерживались этой гипотезы. Въ сущности же, боязнь быть одураченными явилась конечной причинойъ французской бездѣятельности. Отвѣтственными, что Египетъ былъ заброшенъ французами, являются, по мнѣнію автора, послѣ палаты и министровъ, тѣ французы, которые повторяли, что Англія хочетъ заставить ихъ играть, какъ въ баснѣ, роль кошки, которая вытаскиваетъ изъ огня каштаны. Не только восторженность и необдуманность толкали націю на ошибки, но предрасудки, ложныя обобщенія, грубый здравый смыслъ.

По мнѣнію автора, общественное мнѣніе обманулось. Въ событіяхъ, сдѣлавшихъ Великобританію хозяйкой долины Нила, она дѣйствовала со всѣмъ своимъ практичнымъ здравымъ смысломъ, съ презрѣніемъ къ теоріи и полнымъ отсутствіемъ установленнаго плана, который служитъ отличительной чертой характера англо-саксовъ. Вмѣсто того, чтобы приписывать англійскимъ государственнымъ людямъ могущественную способность притворяться, глубокой расчесть,—авторъ обнаруживаетъ главную пружину ихъ политики, которая въ сущности простой оппортунизмъ, называемый самими англичанами *expendiency*. Это видно изъ приложенныхъ авторомъ документовъ (протокола процесса мятежниковъ, сообщенныхъ министромъ народныхъ дѣлъ Борелли-бейемъ; замѣтки объ его путешествіи и свѣдѣнія, доставленные оставшимися въ живыхъ, а также самимъ Араби, поселившимся въ Каирѣ въ 1900 году). Виноваты

во всем также большинство депутатов и министров, которые забыли последний советъ Тьера, бросили Гамбетту, не понимали Клемансо и растерялись предъ призракомъ войны. Ихъ можно извинить только тѣмъ, что, отправляясь въ Египетъ, они не знали, что произойдетъ. Несмотря на свои побѣды, Бонапартъ не могъ тамъ удержаться. Воспоминаніе о мексиканской экспедиціи также вліяло на ихъ рѣшеніе; они не забыли тѣни, которую Германія, руководимая Бисмаркомъ, бросала на Европу. Франція отказалась рискнуть на новую авантюру: со времени войны 1870 года она начала сама въ себѣ сомнѣваться; съ нею приключилось нѣчто въ родѣ паралича, поразившаго ея соображеніе и чуткость, что дѣлало всѣ ея поступки нерѣшительными, колеблющимися, и экспедицію въ Тонкинъ она предприняла скрѣпя сердце. Былъ моментъ, когда разнервничавшись, она едва не вызвала мятежъ. Наконецъ, во всемъ этомъ дѣлѣ подозрѣвали интриги финансистовъ и говорили: не повторяйте попытки Святого Людовика и Бонапарта проливать кровь нашихъ солдатъ, роняя наши финансы, дѣлая непопулярнымъ республиканскій режимъ—единственно для того, чтобы услужить небольшой группѣ продажныхъ капиталистовъ. Но, быть можетъ, французы и поздравятъ себя, что оставались бездѣтельными въ моментъ мятежа Араби, когда послѣдуетъ полное пробужденіе египетской націи,— успокаиваетъ себя авторъ.

Въ 1909 году во всѣхъ европейскихъ газетахъ появилось извѣстіе о смерти абиссинскаго негуса Менелика, и въ отдѣлѣ «Заграничныхъ новостей и молочей» былъ напечатанъ его некрологъ.

Извѣстіе оказалось вымышленнымъ, и дипломаты не знали навѣрно: живъ ли негусъ или умеръ. Но недавно въ «Journal» отъ 18-го апрѣля появились свѣдѣнія, добытыя отъ близкаго къ негусу лица, пробывшаго у него двѣнадцать лѣтъ, именно француза Витальена, его доктора и совѣтника. Сообщившія эти свѣдѣнія Фернанъ Озъ посѣтилъ Витальена передъ его отъѣздомъ въ Аддисъ-Абебу, гдѣ онъ пробылъ полтора года, а теперь опять, по его возвращеніи во Францію, отправился къ нему за справками, и вотъ что онъ передаетъ. На вопросъ Озъ, живъ ли Менеликъ, Витальень отвѣтилъ:

«5-го января настоящаго года я покинулъ Аддисъ-Абебу, и въ этотъ день императоръ былъ живъ; я его видѣлъ, говорилъ съ нимъ. Я знаю, что въ Парижѣ всѣ газеты объявили извѣстіе объ его смерти и напечатали длинные некрологи. Это насъ не удивило; слухъ о смерти Менелика распространился и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ народъ увѣрялъ, что Менеликъ болѣе не существуетъ, а посланникамъ иностранныхъ державъ, когда они бывають во дворцѣ, показываютъ набальзамированный трупъ.

«Вотъ истинное положеніе дѣла. Когда въ іюнѣ 1909 года я возвратился въ Аддисъ-Абебу, то узналъ, что негусъ опять сдѣлался жертвой апоплектического удара, вслѣдствіе чего одна половина его тѣла осталась парализована. Чувствуя, что дни его сочтены, или, во всякомъ случаѣ, ему теперь тяжело взять на себя отвѣтственность за правленіе, императоръ обнародовалъ указъ, по которому онъ назначаетъ наследникомъ престола Лиди Яссу, сына Раса Микаэла и своей дочери. Въ октябрѣ съ негусомъ произошелъ новый ударъ, снова сильно его обезсилившій, и онъ назначилъ Расъ-Тессаму уполномоченнымъ

въ общемъ какъ бы регентомъ. Вотъ въ этотъ моментъ среди народа и пронесся слухъ о смерти Менелика; и въ это же время расы образовали движеніе противъ императрицы Таиту, которую обвиняли въ честолюбіи.

«Борьба противъ нея велась ярая и въ концѣ концовъ такъ опротивѣла императрицѣ, что она просила у Менелика разрѣшенія уѣхать на родину. Но Менеликъ, во время борьбы покинутый всѣми во дворцѣ, кромѣ жены, не имѣвшій возможности ни двгаться, ни говорить, когда узналъ, что Таиту должна уѣхать, лихорадочно набросалъ нѣсколько словъ на клочкѣ бумаги, требуя, чтобы императрица осталась при немъ. Впрочемъ, онъ отказался ѣсть и пить до того момента, когда его увѣрятъ, что императрица остается. Мнѣ трудно рассказать вамъ подробно всѣ событія развернувшейся по случаю этой придворной борьбы въ Аддисъ-Абебѣ; увѣряю васъ, что часто мы сильно страдали; сколько разъ намъ едва удавалось избѣжать гражданской войны; а затѣмъ, какъ больно видѣть этого несчастнаго императора, мыслящаго, но нѣмого, понимающаго все—всю ужасную трагедію, разыгрывающуюся въ его дворцѣ. Не думаю, что можетъ существовать драма, болѣе раздирающая сердце, чѣмъ драма души этого государя, сознающаго, какая борьба поднялась противъ императрицы, друга всей его жизни и сорудника, понимая, что эта борьба косвенно коснется него, а онъ можетъ только написать дрожащей рукой: «Я не хочу, чтобы она уѣзжала».

«Императрица не уѣхала. Въ настоящее время она находится у постели больного стараго императора внимательной сидѣлкой, предупреждающей его малѣйшія желанія. Что же касается ея политической роли—то она ничтожна.

Расы правятъ отъ имени Лиди Яссу, и императоръ смотритъ на нихъ и спрашиваетъ себя: что станетъ съ его работой? Ему было лучше, когда Витальенъ покинулъ Абиссинію «Я отправился къ нему съ прощальнымъ визитомъ,—рассказываетъ дикторъ:—онъ выслушалъ меня и, когда я кончилъ, открылъ ротъ, и не произносившій болѣе года ни слова негусъ спросилъ меня: «Гдѣ ты будешь жить?» Я отвѣтилъ, что въ Парижѣ. Тогда, поднявъ свою здоровую руку, онъ пожалъ мнѣ руку выше локтя. «По первому моему слову ты вернешься? не правда ли?» Я отвѣтилъ утвердительно, и негусъ поблагодарилъ меня взглядомъ».

«Вотъ видите, Менеликъ живъ, и 5-го января къ нему вернулась способность говорить. Но развѣ это жизнь для такого человѣка, какъ Менеликъ? Быть прикованнымъ къ креслу на колесахъ или къ постели, лишеннымъ власти и спрашивать себя, продержится ли его работа, созданная трудомъ, смѣлостью и патриотизмомъ».

— Въ воскресенье 12-го марта новаго стиля въ «Figaro» помѣщено извѣстіе, что въ концѣ недѣли въ Лондонѣ получены первыя письма изъ Индіи по воздушному пути. Въ исторіи почты этимъ положена новая эра. На письмахъ наложены новыя марки, специально предназначенныя для воздушныхъ почтовыхъ корреспонденцій и признанныя властями. Эти письма получены въ Калькуттѣ 16-го февраля, были захвачены аэропланомъ до Аллагабада, а оттуда переданы правительственной почтѣ, которая переправила ихъ въ Бомбей, откуда они достигли Лондона. Такимъ образомъ съ того числа уже существуетъ первая официальная воздушная почта.

— Русское искусство за границей продолжает завоевывать себя лавры. На сценѣ театра Сарры Бернаръ въ блестящей обстановкѣ прошли оперы Римскаго-Корсакова «Царская Невѣста» и «Майская ночь», — «захватывающая феерія и прелестная картина нравовъ, гдѣ разомъ оживаетъ неудержимый юморъ и брызжетъ воображеніе великаго Гоголя, создавшаго изъ этого интригу». Такъ отзывается о произведеніи русскаго композитора и Ж. Давнэ въ «Figaro» (16-го апрѣля). «Съ постановкой «Русалки» Даргомыжскаго, наконецъ, мы узнаемъ единственнаго изъ великихъ русскихъ музыкантовъ, который по трудно объяснимой забывчивости еще не былъ представленъ французской публикѣ. Даргомыжскій—предтеча и учитель Мусоргскаго, композитора, о которомъ можно съ полнымъ правомъ сказать, что его произведенія—краеугольный камень новой русской школы и преобразовательную дѣятельность котораго Римскій-Корсаковъ въ посмертныхъ трудахъ не колеблясь сравнилъ съ дѣятельностью Рихарда Вагнера. Давно пора, по мнѣнію Давнэ, дѣйствовать противъ небрежности, съ какой къ нему относились за границей, илучшаго ничего нельзя было сдѣлать, какъ поставить «Русалку». «Это чудное драматическое произведеніе, восхитительное по своему разнообразію, развертывается въ рамкѣ разомъ и сверхъестественности и повседневности гдѣ вокругъ бѣдной крестьянской избы раскрывается фантазмагорія изъ славянской мифологіи».

По словамъ Давнэ, если Даргомыжскій совсѣмъ неизвѣстенъ, то и Чайковскаго, одного изъ наиболѣе вызывающихъ общій восторгъ, какъ у себя на родинѣ, такъ и за границей,—очень мало знаютъ. «Изъ всѣхъ представителей школы, сказалъ когда-то нашъ превосходный критикъ Брюссель,—говорить Давнэ,—по признанію самихъ подобныхъ ему артистовъ, которыхъ иногда охотно съ нимъ сравниваютъ, также какъ и самыхъ суровыхъ критиковъ,—Чайковскаго считать самымъ характеристическимъ и наиболѣе вдохновеннымъ. Это скоро докажутъ, и самымъ убѣдительнымъ образомъ, его оперы «Пиковая Дама» и «Евгеній Онѣгинъ», которыя возстановятъ предъ нами во всемъ блескѣ Россію блестящихъ и страстныхъ временъ романтизма. «Демонъ» Рубинштейна не представитъ ни малѣйшей предести новизны и плѣнитъ своей великолѣпной реальностью столько же, какъ и двойнымъ впечатлѣніемъ трагическаго сюжета и заразительнаго мистицизма. Рядомъ съ этими операми мы еще познакомимся съ произведеніями хореографіи, избранными среди лучшихъ обширнаго русскаго репертуара: «Конькомъ Горбункомъ», «Спящей красавицей», «Лебединымъ озеромъ». Нѣтъ другого хореографическаго произведенія, гдѣ, какъ нельзя лучше, могла бы выказаться великая классическая традиція танцевъ, которую, какъ извѣстно, Россія свято хранить, какъ отечественное наслѣдіе. Давнэ «безъ преувеличенія» считаетъ русскихъ артистовъ «среди лучшихъ въ цѣломъ мірѣ».

Но если русскіе сумѣли не ударить въ грязь лицомъ съ постановкою балетовъ и оперъ, то два француза, Жакъ Копо и Жанъ Круэ, напрасно поусердствовали, изуродовавъ «Братьевъ Карамазовыхъ», превратя произведеніе Достоевскаго въ какую-то бульварную мелодраму, которую поставили на сценѣ второстепеннаго театра des Arts. Эта профанация Достоевскаго вызвала на

страницах «Figaro» 4-го апрѣля статью, которая исправитъ дурное впечатлѣніе, произведенное новой пьесой. Авторъ статьи, Андрэ Жидъ, для вступленія привелъ слова Ницше, сказавшаго, что единственный, кто его научилъ сколько-нибудь психологіи, такъ это—Достоевскій. Его судьба оказалась среди французовъ довольно странной. Когда лѣтъ двадцать тому назадъ Мельхиоръ Вогюэ первый представилъ русскую литературу во Франціи, то, «повидимому, испугался громадности этого чудовища». «Онъ извинялся,—говоритъ Жидъ,—и учтиво предупреждалъ непонятливостьпрежней публики; благодаря ему, нѣжно полюбили Тургенева, искренно восторгались Пушкинымъ и Гоголемъ, съ большимъ довѣріемъ встрѣтили Толстого, но Достоевскаго... положительно это было слишкомъ русское... Вогюэ предупреждалъ, какъ трудно понять Достоевскаго. Онъ согласился перевести два-три тома, которые считалъ наиболѣе доступными для пониманія и гдѣ умъ, говоритъ Жидъ, могъ ставиться въ наиболѣе безопасномъ бездѣйствіи. Но этимъ онъ отстранилъ — увы!—самыя значительныя и, безъ сомнѣнія, наиболѣе трудныя, но въ настоящее время мы можемъ смѣло сказать — самыя прекрасныя произведенія. Нѣкоторые подумаютъ, что эта осторожность была необходима, какъ, быть можетъ, необходимо сначала пріучить публику къ пасторальнымъ симфоніямъ, медленно ее акклиматизировать прежде, чѣмъ дать ей симфонію съ хоромъ. Если было хорошо поопоздать и поставить предѣлы первому любопытству относительно «Бѣдныхъ людей», «Мертваго дома» и «Преступленія и наказанія», то теперь время, чтобы читатель отважился приступить къ крупнымъ сочиненіямъ: «Идіотъ», «Бѣсы» и «Братья Карамазовы». Давнѣ приводитъ слова Достоевскаго, гдѣ онъ съ горечью убѣждается, что не выразилъ буквально и двадцатой части того, что хотѣлъ, и, быть можетъ, смогъ бы сказать. Его спасала обычная надежда, что придетъ день и Богъ пошлетъ столько силъ и вдохновенья, что онъ выскажется полнѣе, словомъ, что онъ сможетъ выразить все, что заключается въ его сердцѣ.

Достоевскій былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ геніевъ, которые съ каждымъ произведеніемъ совершенствуются, идутъ впередъ посредствомъ чего-то вродѣ постоянного прогресса, пока смерть внезапно ихъ не прерветъ. Никакого сдаванія въ этой пылкой старости, какъ у Рембрандта или Бетховена, съ которыми я люблю его сравнивать; вѣрное и стремительное увеличеніе мысли,—говоритъ Жидъ. — «Безъ всякой снисходительности къ себѣ, постоянно неудовлетворенный, до невозможности требовательный, однако вполне сознававшій себѣ цѣну прежде, чѣмъ приступить къ «Карамазову», онъ чувствовалъ какой-то радостный трепетъ; наконецъ-то сюжетъ ему по плечу, по плечу его генію. Онъ самъ сознавался, что рѣдко ему случалось когда-нибудь сказать что-нибудь новѣе, оригинальнѣе, полнѣе. И эта именно книга находилась у изголовья Толстого на его смертномъ одрѣ»,—замѣчаетъ Жидъ.

Испуганные ея размѣромъ, первые переводчики дали искаженный пересказъ этой несравненной книги; подъ предлогомъ вишняго единства то тутъ, то тамъ были отрѣзаны цѣлыя главы, которыхъ хватило для составленія цѣлаго тома, появившагося подъ заглавіемъ «Les Prêcooses». Изъ предосторожности имя Карамазова было измѣнено въ Шестомазова для того, чтобы окончательно сбить съ толку читателя. Впрочемъ, по мнѣнію Давнѣ, переводъ былъ

очень хорошъ во всемъ, что рѣшили перевести, и онъ предпочитаетъ его другимъ переводамъ, позднѣйшимъ. Быть можетъ, обращаясь къ эпохѣ, когда оно появился, нѣкоторые найдутъ, что публика еще не созрѣла, чтобы для нея перевести полностью образцовое произведеніе, настолько плодovitое.

Четыре года тому назадъ появился новый переводъ Біенстока и Ноо. Онъ предоставляетъ ту выгоду, что состоитъ изъ одного тома, болѣе сжатого—въ общемъ выгадали объемъ книги. «Я хочу сказать,—говоритъ Жидъ:—что возстановили на своихъ мѣстахъ части, которыя первый переводчикъ сначала вычеркнулъ; но чрезъ систематическія сокращенія, и я бы сказалъ сгущеніе каждой главы, они отняли у разговоровъ ихъ безпорядочные перерывы, ихъ патетическую дрожь. Они выбросили третью фразъ а часто и цѣлые параграфы, наиболѣе имѣющіе значеніе. Результатъ этого ясенъ: переводъ вышелъ отрывистый, безъ оттѣнковъ, какъ бы гравюра на цинкѣ, или лучше сказать срисованныя черты лица съ проникновеннаго портрета Рембрандта. Каково должна быть написана эта книга, чтобы, несмотря на всѣ искаженія, она оставалась такая дивная. Эта книга терпѣливо могла ожидать своего часа, какъ терпѣливо ждали своего часа книги Стендаля,—книга, часть которой, кажется, наконецъ настала.

Въ Германіи переводы Достоевскаго слѣдуютъ одинъ за другимъ, и каждый превосходитъ предыдущій тщательной точностью и мощью. Англія, болѣе неговорчивая и менѣе подвижная, позаботилась, чтобы не отстать отъ остальныхъ, и въ «New Age» за 23 марта Арнольдъ Беннетъ объявилъ о переводѣ мистриссъ Констансъ Гарнетъ сочиненій Достоевскаго. Беннетъ желаетъ, чтобы всѣ англійскіе романисты и новеллисты могли приняться за изученіе самаго сильнаго изъ произведеній воображенія, какія никогда никто не писалъ, и, говоря собственно о «Братьяхъ Карамазовыхъ», замѣчаетъ: «Тамъ страсть достигаетъ самаго высшаго могущества. Эта книга представляетъ намъ дюжину фигуръ положительно колоссальныхъ...»

«Кто скажетъ,—замѣчаетъ Жидъ:—что эти колоссальныя фигуры когда-нибудь ни къ кому такъ не будутъ близки, даже въ самой Россіи, какъ прямо къ намъ, и что раньше, чѣмъ думать, ихъ голосъ не покажется намъ столь настоятельнымъ. Интеллектуальный Иванъ, страстный Дмитрій, мистичный Алеша, кажется, образуютъ нравственный міръ, изъ котораго со стыдомъ бѣжали ихъ старый отецъ, и я знаю, что уже надъ многими изъ нашихъ юношей онъ открыто господствуетъ. Ихъ голоса уже не кажутся намъ чуждыми; они говорятъ въ насъ самихъ. Во всякомъ случаѣ, въ построении этого произведенія нѣтъ никакого неумѣстнаго символа, нѣтъ ничего постояннаго и реальнаго эти знаменательныя фигуры, ни на минуту не ускользающія отъ ихъ настоятельной дѣйствительности».

Въ заключеніе Жидъ, еще не издавшій поставленной на сценѣ театра des Arts пьесы, передѣланной изъ «Братьевъ Карамазовыхъ», повидимому, предвидѣлъ, что трудно передать Достоевскаго въ хорошей передѣлкѣ.

— Ю б и л е й.—Мартъ мѣсяцъ отличался крупными юбилеями: 12 марта Баварія отпраздновала рѣдкій юбилей: ея правителю принцу-регенту Луитпольду въ этотъ день пошелъ девяносто первый годъ и его существованіе обни-

масть почти всю исторію послѣдняго вѣка. Въ настоящее время это самый старѣйшій изъ европейскихъ правителей, — на одинъ годъ старше вдовствующей великой герцогини Мекленбургъ-Стрелицкой. Да и вступленіе его въ правители Баваріи совершилось въ почтенномъ возрастѣ шестидесяти пяти лѣтъ. На его глазахъ произошли въ Баваріи два отреченія отъ престола: его расточительнаго отца, покровителя Лолы Монтецъ, въ пользу сына его Максимилиана II, и романтическаго мечтателя Людвигъ II, покровителя Вагнера, любителя и тонкаго знатока искусства, вступившаго на престолъ въ 1864 году послѣ смерти Максимилиана и трагически погибшаго въ Штарнбергскомъ озерѣ. По мнѣнію однихъ, это былъ романтическій мечтатель, но не больной, по мнѣнію другихъ — сумасшедшій. Этотъ спорный вопросъ время отъ времени еще поднимается. Сторонники Людвигъ II говорятъ, что, будь онъ обыкновеннымъ смертнымъ, его идеализмъ, любовь къ тишинѣ, уединенію, страсть фантазировать и расточительность не обратили бы на него вниманія и не вызвали бы такой роковой катастрофы; но когда эти слабости проявляются у короля, то дѣло становится страшнымъ, и роковая развязка неизбежна.

Также противорѣчивы свѣдѣнія о причинѣ трагической смерти этого короля. Согласно однимъ, онъ бросился въ озеро въ припадкѣ безумія, и докторъ Гуденъ, приставленный къ нему съ цѣлью слѣдить за нимъ, бросился въ воду, чтобы его спасти, и между ними произошла борьба, въ которой они оба погибли. Но теперь появились новыя свѣдѣнія въ недавно вышедшей книгѣ Бакста, гдѣ прямо говорится, что Людвигъ бросился въ воду, чтобы спастись изъ своей тюрьмы.

Сознавая весь ужасъ своего положенія, онъ обратился къ народу и ко всей нѣмецкой націи съ воззваніемъ, напечатаннымъ въ одной изъ газетъ, тотчасъ же по выходѣ изъ печати арестованной. Въ немъ онъ говоритъ:

«Принцъ Луитпольдъ безъ моего согласія и противъ моей воли намѣренъ объявить себя регентомъ моей страны. Правительство, дѣйствующее въ настоящее время, обмануло мой народъ, распространяя ложныя свѣдѣнія относительно состоянія моего здоровья, и подготавливаетъ актъ государственной измѣны. Я себя чувствую здоровымъ и тѣломъ и умомъ, какъ всякій другой монархъ, но актъ государственной измѣны до такой степени засталъ меня врасплохъ, что у меня нѣтъ времени противопоставить ему сильныя мѣры для уничтоженія такого преступнаго плана. Мои честные и преданные подданные меня не покинутъ. я въ этомъ увѣренъ. И если понадобится силой отстаивать мои священныя права, полученныя мною по верховному закону и по волѣ моего народа, пусть этотъ послѣдній призывъ будетъ для каждаго приказомъ собраться вокругъ меня моимъ вѣрнымъ сторонникамъ и помочь мнѣ помѣшать покушенію, которое замышляется противъ вашего короля и вашей родины. Данъ въ Гогеншвангау 9-го іюня 1886 года.

Л ю д в и г ъ II,

король Баваріи, принцъ Рейнскаго палатината и проч. и проч.

Въ тотъ вечеръ, когда король погибъ въ Штарнбергскомъ озерѣ, всѣ видѣли у рѣшетки парка императрицу Елизавету. Многія извѣстныя лица находились тутъ же и поочередно подходили къ каретѣ то за приказаніями, то съ разными извѣстіями. Достоверно извѣстно, что въ тотъ вечеръ, когда умеръ король, у ограды парка нѣсколько часовъ дождалось закрытое ландо. Но чтобы достичь его, приходилось перелѣзть черезъ высокую рѣшетку, погруженную въ воду, или обогнуть ее вилавъ. Король находился на берегу озера, и Гуддентъ, какъ извѣстно, сопровождалъ его. Достигнувъ конца парка, король долженъ былъ внезапно броситься въ воду, чтобы достичь ожидавшей его кареты. Людвигъ былъ прекрасный пловецъ, но за нимъ погнался Гуддентъ, и между обоими мужчинами произошла страшная борьба. При королѣ находился привѣшенный на ремешкѣ его лорнетъ, съ которымъ онъ никогда не расставался. Должно быть, онъ вынулъ его и пользовался имъ какъ молоткомъ, отбиваясь отъ Гуддена подъ водою, и пробилъ имъ доктору черепъ. Мозгъ плавалъ среди камышей, разсѣянный въ водѣ, покрытой кровью. Объ этомъ никто не зналъ.

Вотъ при какихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ вступилъ въ правленіе Баварію принцъ Луитпольдъ 11-го іюня 1886 года, такъ какъ народъ, несмотря на всѣ странности короля обожавшій его, непріязненно отнесся къ новому правителю. Настоящій король, братъ Людвигъ, уже десять лѣтъ передъ тѣмъ былъ заключенъ, также какъ сумасшедшій, въ замкѣ Фюрстенридъ и находится до сихъ поръ подъ строгимъ надзоромъ. Первые признаки безумія у него обнаружались во время войны 1870—1871 годовъ, когда, по рассказамъ, команду эскадронъ кавалеріи, онъ приказалъ открыть огонь противъ каменной стѣны, которую принялъ за непріятельскій отрядъ. Сначала онъ оставался подъ надзоромъ, потомъ его послали путешествовать, но въ 1876 году нашли необходимымъ запереть его, сначала въ Нимфенбергскомъ замкѣ, а затѣмъ въ Шлейенхемскомъ замкѣ, въ самомъ уединенномъ мѣстѣ Бертесгаденскаго лѣса и, наконецъ, въ Фюрстенридѣ, гдѣ онъ находится и въ настоящее время. Такимъ образомъ, уже тридцать пять лѣтъ онъ подвергнутъ заключенію, какъ сумасшедшій. По словамъ «Garhig», при немъ находятся нѣкоторые изъ представителей старой баварской аристократіи, не желавшіе покинуть короля въ несчастіи, и нѣсколько психіатровъ и фельдшеровъ. Ежегодно въ Мюнхенъ посылаются официальные бюллетени объ его здоровьи, и ежегодно туда является одинъ изъ членовъ правительства, который затѣмъ дѣлаетъ докладъ о здоровьи августѣйшаго больного. По рассказамъ, одно время больной цѣлые дни проводилъ въ громадномъ паркѣ. Онъ разучивалъ любимыя свои оперы Верди и выкуривалъ громадное количество сигаръ. Страдая бессонницей, король цѣлыя ночи оставался неподвижнымъ, устремивъ глаза на полъ комнаты. Теперь онъ болѣе никогда не говоритъ и ведетъ чисто растительное существованіе. Ему въ настоящее время шестьдесятъ восемь лѣтъ и всѣхъ удивляетъ, отчего не послѣдовало его отреченіе и вмѣсто него не короновался Луитпольдъ, тѣмъ болѣе, что извѣстный профессоръ права Дировъ находить это согласнымъ духу конституціи. Среди разныхъ причинъ, Луитпольда удерживало отъ этого между прочимъ уваженіе къ монархическимъ правамъ. Впрочемъ, это мало измѣнило бы его положеніе, а только дало бы ему титулъ, ибо онъ имѣетъ всѣ полномочія.

Луитпольдъ не скоро добился популярности у народа и ранѣе мало былъ извѣстенъ какъ глава Виттельсбахскаго дома и политическій дѣятель, а слылъ скорѣе за любителя спорта, охоты и военнаго дѣла, особенно артиллерійскаго. Въ 1870 году сражался вмѣстѣ съ пруссаками противъ французовъ. Хотя онъ строго держится принципа національной независимости въ рамкахъ имперской конституціи, но все-таки зорко слѣдитъ, чтобы отношенія между Мюнхеномъ и Берлиномъ всегда были дружественны. И дѣйствительно, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ со времени его вступленія въ правленіе Баваріей отношенія съ Пруссіей сдѣлались тѣснѣе и дружественнѣе. Людвигъ II не любилъ Пруссіи, хотя официальные историки прусскаго двора увѣряли, будто на другой день нѣмецкихъ побѣдъ онъ отъ своего имени и отъ имени другихъ принцевъ предложилъ съ восторгомъ Вильгельму I императорскую корону.

Это безусловная ошибка. Людвигъ II сдѣлать это только по полученіи ультиматума, объявлявшаго ему, что королю Саксоніи поручено будетъ предложить Вильгельму императорскую корону, если король Баваріи не рѣшится самъ это сдѣлать. Людвигъ II до послѣдней минуты надѣялся, что германскій императоръ будетъ избираться поочередно изъ дома Гогенцоллерновъ и дома Виттельсбаховъ.

Принцъ Луитпольдъ, питая симпатію къ германскому императору, энергичный сторонникъ тройственнаго союза. Лично онъ старается улучшить отношенія между Берлиномъ и Вѣной, и его старанія, какъ всѣмъ извѣстно, успѣшны. Луитпольдъ далеко не клерикалъ и это дѣлаетъ его *persona grata* въ Берлинѣ. Члены дома Виттельсбаха отличались любовью къ литературѣ и искусствамъ, и въ этомъ отношеніи Луитпольдъ имъ уступаетъ, но все-таки Мюнхень подъ его управленіемъ самый художественный городъ въ Германіи, и въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ производство художественныхъ предметовъ сильно развилось; въ этомъ движеніи принималъ энергичное участіе Луитпольдъ. Вообще онъ отличается здоровыми и уравновѣшенными взглядами.

Въ 1864 году Луитпольдъ овдовѣлъ и вторично женился на эрцгерцогинѣ Августинѣ Тосканской, отъ которой у него трое дѣтей: дочь и два сына. Второй сынъ, принцъ Орну, по слухамъ, былъ убитъ на дуэли. Наслѣдникъ принца Луитпольда принцъ Людвигъ женился на принцессѣ Маріи д'Эсте, происходящей по прямой линіи отъ короля Карла I англійскаго. И этотъ титулъ дѣлаетъ ее въ глазахъ великобританскихъ законовѣдовъ настоящей государыней соединеннаго королевства.

Второй крупный юбилей является праздникомъ государства, націи и короля: Италія отпраздновала пятидесятилѣтій юбилей своей свободы. Что сказали бы Меттернихъ? Улыбался ли бы онъ, какъ прежде, когда говорилъ, что теперь Италія только—«географическій терминъ», если бы присутствовалъ 26-го, 27-го, 28-го марта на итальянскихъ юбилейныхъ торжествахъ въ Римѣ. Собственно начались празднества съ 1-го числа и продолжатся весь 1811 годъ, но эти три дня были наиболѣе торжественны.

«Италія, обиженная во всемъ человѣческомъ, занятая чужими солдатами, связанная по рукамъ и ногамъ, казнимая за мысль, отдалась своей судьбѣ такъ, какъ преслѣдуемая, несчастная женщина отдается старческимъ объятіямъ— не изъ любви, а отъ усталости, отчаянія, и, однажды отдавшись, падаетъ глубже

и глубже. Прошли двѣсти полныхъ лѣтъ, и въ двѣсти лѣтъ всѣ эти вампиры въ коронѣ и въ тиарѣ не могли высосать ея кровь—удивительный народъ». Такъ говорилъ въ 1848 году о несчастной въ то время Италіи, терзаемой, измученной, другъ Гарибальди и Маццини—Герценъ, лихорадочно слѣдившій за событіями и болѣе всѣхъ русскихъ знавшій и перечувствовавшій всѣ переживаемыя ею тревоженія. Гете, понимавшій глубоко природу Италіи и ея искусства, бросилъ ея народу нѣсколько стиховъ «злого укора», въ которыхъ нѣтъ ни упованія, ни утѣшенія, и, между прочимъ слѣдующій: «Leben und Weben ist hier, aber nicht Ordnung und Zucht». Но Герценъ былъ правъ, что Гете, по выраженію Баратынскаго, «умѣя подслушивать, какъ трава растетъ; и понимать шумъ волнъ, былъ тугъ на ухо, когда дѣло шло о подслушиваніи народной жизни, скрытой, неясной самому народу, не обличавшейся официальнымъ языкомъ». Если бы, по словамъ Герцена, итальянцевъ можно было привести въ порядокъ и покорить нѣмецкой дисциплиной, то они превратились бы въ лаццарони монаховъ, т. е. въ лакеевъ, воровъ, тунеядцевъ и при помощи іезуитовъ и тедесковъ впали бы въ варварство, уничтожились бы, какъ народъ. «Неуловимая беспорядочность спасла итальянцевъ», заключилъ онъ.

Кто бы могъ сказать, смотря теперь на торжествующій народъ, что ему пришлось переходить изъ рабства въ рабство. И нѣмцы ихъ порядку учили, и французы пытались завести у нихъ свой порядокъ, «какъ они всегда поступаютъ, насильственно освобождая и придумывая для итальянцевъ республики по образцу своего директоріальнаго права, которыя, народъ сознавалъ, были новыми фазами рабства. Въ объятяхъ Наполеона они попадали въ видъ подарковъ брату Іосифу, зятю Іоакиму, пасынку Евгенію, сестрѣ Полиѣ, собственному сыну и прочимъ сродникамъ. А затѣмъ деспотизмъ папъ? Одинъ Григорій XVI чего стоилъ? Только Пій IX попробовалъ быть къ нимъ человѣчнѣе. И все это прошло, хотя память, какъ душили ихъ австрійцы, «бѣлые кретины», еще жива. Но теперь не до того. Все оживлено, весело, по словамъ очевидцевъ, «лица у всѣхъ сияютъ». Но это характерная черта итальянцевъ не поддаваться унынію. «Нигдѣ не видалъ я,—говорилъ тотъ же Герценъ, кромѣ Италіи и Россіи, чтобы бѣдность и тяжелая работа такъ безнаказанно проходили по лицу человѣка, не исказивъ ничего въ благородныхъ и мужественныхъ чертахъ. У такихъ народовъ есть затаенная мысль или, лучше сказать, не мысль, а непочатая сила, непонятная имъ самимъ до поры, до времени, которая даетъ возможность переносить самыя подавляющія несчастія, даже крѣпостное право».

Но вернемся къ юбилею, который относительно даты празднуется не совсѣмъ точно, такъ какъ объединеніе всѣхъ частей будущей молодой Италіи произошло не сразу. Послѣдній фазисъ борьбы начался въ 1859 г. и закончился чрезъ 11 лѣтъ. Центромъ объединенія сдѣлался Пьемонтъ. Первой присоединилась Ломбардія, въ 1859 г., въ январѣ 1860 г. Тоскана, Модена, Парма и Романья, а въ концѣ года Неаполитанское королевство, Венеція же чрезъ шесть лѣтъ, а Римъ въ 1870 г. Викторъ-Эмануилъ «Милостью Божьей и народной волей» былъ провозглашенъ королемъ Италіи собравшимся національнымъ парламентомъ въ февралѣ 1861 г., а въ мартѣ Кавуръ объявилъ палатѣ: «Нашъ долгъ требовать присоединенія Рима къ Италіи: безъ Рима, столицы Италіи,

Италія не можетъ организоватьсѣ. Римъ — звѣзда Италіи, наша полярная звѣзда. Необходимо, чтобы собравшій въ себѣ двадцать пять вѣковъ славы Вѣчный Римъ былъ столицею Италіи. Намъ необходимо прійти въ Римъ такъ, чтобы свѣтская власть не насилвала духовной. Къ такому результату насъ приведутъ нравственныя силы, и мы убѣждены, что религіи нечего бояться свободы... Италія объявить великій принципъ свободной церкви въ свободномъ государствѣ». Это предложеніе при единодушныхъ крикахъ: «Viva Italia! Viva Roma!» единогласно было вотировано. Туринскій парламентъ принялъ знаменитую резолюцію, въ которой требовалъ возврата Рима свѣтской власти. Но осуществить это желаніе удалась только въ 1870 г., послѣ вступленія итальянскихъ войскъ чрезъ брешь Портна. Какъ бы благодарственной жертвой за достигнутое счастье родины въ этотъ юбилейный день умиралъ бившійся на баррикадахъ, но оставшійся изъ немногихъ въ живыхъ 82-лѣтній старикъ Мисори.

Уже съ 26-го весь городъ былъ разукрашенъ и иллюминированъ — у богатыхъ электричествомъ, а у бѣдныхъ традиционными fiascole. Толпы дѣтей бѣгали по улицамъ, распѣвая національный гимнь. Когда въ полночь грянула пушка съ Яникульскаго холма, объявляя о началѣ празднества пятидесятилѣтія свободы, повсюду раздавались восторженные крики «Viva Italia! Viva Roma!» Изъ переполненныхъ кабачковъ неслись радостные крики, а пьяницы прямо на улицѣ чокались стаканами. Всѣ кафе были переполнены семьями, ожидающими момента начала празднества. Въ эту ночь Римъ не спалъ: пѣніе, крики, звуки гитаръ и мандолинъ — все перемѣшалось въ общій гулъ и такъ длилось до зари.

29 марта торжественная церемонія состоялась на Капитоліи, гдѣ три историческіе дворца, Senatorio, дворецъ Conservatori и музей — были богато разукрашены старинными коврами, спускающимися изъ оконъ. Улицы, ведущія къ Капитолію, представляли нѣчто чрезвычайно живописное. Онѣ очень узки и вообще вся площадь Микель-Анджело и самого дворца ограничены, что еще болѣе сгущало пестроту и сливало въ общую гамму все разнообразіе красокъ, придавая болѣе блеска и жизни кортежу. Особенно красиво была убрана смѣшанными національными цвѣтами итальянскаго королевства и Рима площадь. Fedeli въ желтыхъ и красныхъ одеждахъ несли ганфалоны кварталовъ и къ этимъ цвѣтамъ примѣшивались еще цвѣта главныхъ городовъ Италіи. Ганфалонъ Рима съ датами 1861 — 1911 покрывалъ пано противъ трона, а вокругъ него красовались бюсты главныхъ вдохновителей свободы и дѣятелей: Маццини, Гарибальди, Кавура, Виктора Эмануила II и Гумберта, а по обѣимъ сторонамъ знамена 17 кварталовъ Рима. Въ 10 часовъ звонъ историческаго колокола Rattina извѣстилъ, что королевскій кортежъ двинулся изъ Квиринала на Капитолій. Вскорѣ онъ показался на площади, предшествуемый battistrada, въ красной одеждѣ; въ такого же цвѣта кафтанахъ были кучера и лакеи въ напудренныхъ парикахъ. За королевской четой послѣдовали подъ портки главные придворные чины, делегации, крупные государственные дѣятели, иностранные дипломаты, представители парламента и синдикаты главныхъ городовъ Италіи. Сенаторіальный залъ едва могъ вмѣстить приглашенныхъ. Король съ королевой

помѣстились на тронъ, и тогда началась церемонія. Въ залѣ царилъ такой подъемъ настроенія и воодушевленія, что рѣчь короля прерывалась на каждой фразѣ рукоплесканіями и восторженными криками. Свою рѣчь король началъ словами: «Въ Капитоліи, о которомъ самый великій латинскій поэтъ сказалъ, что онъ будетъ вѣчнымъ, какъ Римъ, сегодня собрались возлѣ короля свободные представители парламента, городовъ и общинъ—живые символы политическаго нерасторжимаго единства и мѣстныхъ свободъ. Я васъ привѣтствую, вызывая воспоминанія о мыслителяхъ, герояхъ и мученикахъ, которымъ мы обязаны свободой отечества. Въ этомъ національномъ собраніи непреодолимо и пламенно рвется изъ нашихъ сердець обѣтъ дѣлать Италію все болѣе свободной, все болѣе счастливой, болѣе уважаемой въ свѣтѣ. Въ нашемъ законномъ нетерпѣннѣ стремиться къ лучшему счастью важно признать, что нельзя въ короткій срокъ поправить послѣдствія, произведенныя въ теченіе долгихъ вѣковъ, прожитыхъ въ раздѣлѣ и рабствѣ.

Касаясь Рима, король сказалъ, что древній Римъ по духу времени былъ всемірный, новый же національный; съ первымъ Римомъ имѣли Италію римскую, второй Римъ итальянскій; тотъ былъ выраженіемъ силы—этотъ выраженіемъ права, и, какъ всякое право, итальянскій Римъ—неприкосновененъ. Италія, преданная независимости всѣхъ народовъ, сумѣетъ сохранить свою, наслѣдіе всей ея исторіи, древней и современной, она будетъ способствовать мирными трудами всесвѣтному прогрессу, постоянно возносясь къ все болѣе возвышенному идеалу. Италія съ своей столицей Римомъ обозначаетъ спокойное существованіе церкви при государствѣ, обезпечивающее какъ религіи, такъ и наукѣ полную плодотворную свободу.

Въ адресѣ, поданномъ королю сенатомъ, говорилось, что на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1808 г. праздновалось пятидесятилѣтіе статута, теперь празднуется пятидесятилѣтіе объединенія; «мы пришли въ Римъ, который насъ ждалъ, въ Римъ, гдѣ все вдохновляетъ къ величію, въ Римъ, до котораго никто не посмѣетъ дотронуться, какъ энергично и увѣренно объявилъ король Гумбертъ предъ всѣмъ свѣтомъ. Италія есть и будетъ между всѣми націями элементомъ порядка и мира. Она должна оставить блестящій, очевидный слѣдъ своей работы для будущихъ лѣтъ». Оканчивается адресъ словами, что преданность династіи была чувствомъ, принципомъ,—теперь это традиція. Президентъ палаты Мартинесъ вызвалъ рукоплесканія словами: «Величіе окружающихъ насъ воспоминаній насъ волнуетъ, но не удивляетъ. Освобожденіе народа стоитъ гораздо дороже завоеванія цѣлаго свѣта». Когда приблизился мэръ города Натанъ, чтобы начать свою рѣчь, то многіе присутствующіе, еще не забывшіе его рѣчь въ Порто Пиа, выражали свое неудовольствіе, хотя его рѣчь была вполне спокойная и онъ восторгался качествами короля. Цѣлыхъ три дня итальянцы справляли этотъ памятный для нихъ день. 27-го днемъ въ присутствіи короля состоялось открытіе международной выставки изящныхъ искусствъ въ Vigna Cartoni, чрезвычайно интересной, гдѣ собрано все, что за пятьдесятъ лѣтъ создали націи. На другой день король открылъ въ замкѣ Св. Ангела выставку эпохи среднихъ вѣковъ и возрожденія. Вообще выставки, подобной той, что Италія устроила у себя въ честь юбилея, еще никогда не бывало.

Вот официальная сторона праздника. В своей рѣчи король обѣщалъ народу—свободу, интеллигенціи—научный прогрессъ, клерикаламъ—церковь. Народъ ликуетъ. Къ тому же король приближаетъ къ себѣ трудовиковъ, призываетъ ихъ въ министерство, поэтому восторженные возгласы: «Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ Елена!» раздаются по пути слѣдованія. Но при этомъ невольно вспоминаются слова того же Герцена, такъ жадно пытавшаго будущее Италіи: «Что ждетъ Италію впереди?—говоритъ онъ.—Какую будущность имѣетъ она, обновленная, независимая. Ту ли, которую проповѣдывалъ Маццини? Ту ли, къ которой ведетъ Гарибальди?.. Ну, хоть ту, которую осуществлялъ Кавуръ? Я сомнѣваюсь въ будущности латинскихъ народовъ, сомнѣваюсь въ ихъ плодотворности, имъ нравится процессъ переворотовъ, но тягостенъ добытый прогрессъ. Они любятъ рваться къ нему, не достигая. Идеаль итальянскаго освобожденія—бѣденъ; въ немъ опущенъ съ одной стороны существенный животворный элементъ и, какъ на зло, съ другой—оставленъ элементъ старый, тлетворный, умирающій, мертвящій. Итальянская революція была до сихъ поръ боемъ за независимость. Она изъ клерикально-деспотической сдѣлается буржуазно-парламентской, изъ дешевой—дорогой, изъ неудобной—удобной и проч. Но этого мало и съ этимъ еще далеко не уйдешь. Будетъ ли что Италіи сказать на другой день занятія Рима. Иной разъ, не придумавъ отвѣта, я начинаю желать, чтобы остался еще надолго оживляющимъ desideratum». Герценъ не могъ придвидѣть, что наступитъ день, когда король самъ пригласитъ къ власти социалистовъ.

Правъ ли Герценъ покажетъ будущее, но пока въ Италіи рядомъ съ притаившимся «тлетворнымъ» элементомъ» начали работать свѣжіе, сильные трудовые элементы.

— Смерть Самоша, Гросгейма, Шпильгагена, фонъ-Удэ, Ванъ-тъ Гоффа, Брэна, Фогатцаро — Первая четверть 1911 г. унесла у европейскихъ государствъ не мало представителей науки, литературы и искусства. По количеству такихъ потерь наиболѣе страдающей является Германія.

Въ концѣ января въ Берлинѣ скончался одинъ изъ старыхъ нѣмецкихъ литературныхъ критиковъ—Зигфридъ Самошъ. Уроженецъ Бреславля, гдѣ онъ родился въ 1846 г., Самошъ получилъ первоначальное образованіе на родинѣ, а высшее сначала въ берлинскомъ, а затѣмъ въ парижскомъ университетахъ. Получивъ степень кандидата правъ, Самошъ принялся за литературный трудъ и сотрудничалъ въ крупныхъ нѣмецкихъ газетахъ сначала въ «*National Zeitung*», а затѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ перешелъ въ «*Vossische*», гдѣ помѣщалъ литературныя и политическія статьи. Кромѣ того, онъ напечаталъ нѣсколько томовъ исторіи литературы и критики, между прочимъ: «Итальянскіе и французскіе сатирическіе авторы», «Макиавелли комедиографъ и итальянскіе профили», «Провансальскіе дни и испанскія ночи». «Въ Лондонѣ и Монте-Карло» и т. д. Самошъ считался однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ берлинскаго «*Litterarische Gesellschaft*». Страстный любитель путешествій, онъ часто объѣзжалъ Италію, Испанію и Францію и подъ впечатлѣніемъ видѣннаго писалъ свои труды.

4 февраля въ Берлинѣ скончался на семьдесятъ первомъ году отъ рожденія крупнѣйшій изъ представителей нѣмецкой архитектуры, президентъ академіи художествъ Карль Гросгеймъ. Въ восьмидесятихъ годахъ онъ вмѣстѣ съ товарищами открылъ въ Берлинѣ архитектурно-художественное ателье, которому поручили выполнять подъ руководствомъ самого Гросгейма всѣ замѣчательныя постройки въ Германіи, какъ зданіе военнаго суда въ Берлинѣ, книжную биржу въ Лейпцигѣ, музыкальную академію въ Шарлоттенбургѣ, дворець высшаго училища изящныхъ искусствъ и т. д.

25 февраля въ Шарлоттенбургѣ (близъ Берлина) умеръ популярный среди русской интеллигенціи 70—80 г. нѣмецкій романистъ Фридрихъ Шпильгагенъ. Онъ родился въ Магдебургѣ въ 1829 г., но юность провелъ въ Стральзундѣ, куда переселился его отецъ, по профессіи архитекторъ. Будущій романистъ, окончившій образованіе въ университетахъ Берлина, Бонна и Грейфсвальда, не сразу попалъ на свой настоящій путь, а блуждалъ въ выборѣ будущей карьеры. Сначала онъ хотѣлъ быть врачомъ, но медицина его не занимала, тогда онъ принялся за изученіе права, но и это не увлекло его, и онъ перешелъ къ филологіи, вскорѣ замѣненной педагогикой, и преподавалъ въ лейпцигской гимназіи; наконецъ, онъ былъ даже офицеромъ и въ концѣ концовъ сдѣлался писателемъ. Наступившіе сороковые годы—эпоха либеральныхъ идей, распространившихся по всей Европѣ и особенно Германіи, гдѣ разразилась политическая гроза, послужили формованіемъ умственнаго и духовнаго склада ума двадцатилѣтняго Шпильгагена. Онъ съ головой окунулся въ потокъ новыхъ идей и извлекъ изъ него свой идеалъ сорокъ восьмого года, которому не измѣнялъ всю свою жизнь. Съ этого момента Шпильгагенъ рѣшилъ свою участь и остановился на тернистомъ пути литератора, но онъ не сразу принялся за творческій трудъ, а сначала переводилъ на нѣмецкій языкъ французскихъ авторовъ, напримѣръ, Мишлэ: «Любовь», «Женщина», «Море», а затѣмъ уже сдѣлалъ шагъ къ самостоятельной литературной дѣятельности, являясь послѣдователемъ тенденцій Гутцова и Молодой Германіи. Первые его два произведенія, новелла «Клара Вэрэ» (1858 г.) и идиллія «На дюнахъ» прошли незамѣченными публикой, но зато слѣдующій наиболѣе характеристичный его романъ: «Загадочныя натуры» (*Problematische Nature*) и продолженіе его «Изъ мрака къ свѣту» (*Durch Nacht zum Licht*) имѣли крупный успѣхъ и создали ему литературное имя. Одинаково произвели сильное впечатлѣніе и слѣдующіе романы: «Die von Hohenstein» (въ 1863 г.), изображающій революцію 1848 г., и вызвавшій многочисленныя споры романъ «Въ рядахъ», гдѣ фигурируетъ создатель нѣмецкаго социализма Лассаль. Всѣ свои крупныя произведенія Шпильгагенъ написалъ между 1880—1890 гг. Почти всѣ сочиненія Шпильгагена переведены на русскій языкъ.

Какъ и Бисмаркъ, Шпильгагенъ мечталъ объединить Германію, но какая разнища въ его способъ достиженія этого объединенія и въ способъ Бисмарка. Какъ ни мало симпатиченъ былъ для него Бисмаркъ, онъ все-таки не вывелъ его ни въ одномъ изъ своихъ романовъ, вообще избѣгая выводить типы современныхъ ему дѣятелей. По его словамъ, напрасно «стараются изъ отношеній писателя къ Бисмарку опредѣлить на-

правление первого. Въмѣсто вопроса: «Какъ относишься ты къ Бисмарку», слѣдовало бы спрашивать: «какъ относишься ты къ Христу», т. е. къ евангелію братства людей. Въ это евангеліе я вѣрю отъ всего сердца и также въ то, что кто не обратится къ нему, въ концѣ концовъ будетъ причисленъ къ мертвымъ».

Шпильгагенъ не былъ ни замѣчательный художникъ, ни психологъ, но въ его произведеніяхъ живо отражался духъ его эпохи. Онъ являлся хранителемъ лучшихъ литературныхъ традицій и благородныхъ идей, благотворно отражавшихся на подрастающемъ поколѣніи. Въ своихъ послѣднихъ трудахъ Шпильгагенъ строго осуждалъ молодое поколѣніе и съ горечью отмѣчалъ, что интеллектуальное воодушевленіе исчезло, уступивъ мѣсто «скверному позитивизму». Время шло, измѣнялись взгляды, а Шпильгагенъ застылъ съ своимъ идеаломъ; новыя поколѣнія опередили его: появилась новая школа натуралистовъ во главѣ съ Марксомъ Кретцеромъ, и Шпильгагенъ замолкъ. Поэтому въ современную нѣмецкую литературу его смерть не внесла большого пробѣла. Но... кумиръ поверженный все же богъ, притомъ Шпильгагенъ былъ не изъ такихъ мелкихъ божествъ, чтобъ въ интеллектуальномъ обществѣ его смерть прошла незамѣченной. Хотя ему пришлось пережить много горькихъ разочарованій, подвергаясь нападкамъ молодыхъ писателей, но самъ глава новой школы Кретцеръ относился къ нему съ большимъ уваженіемъ и въ день его семидесятилѣтія даже поздравилъ его.

Иностранная печать въ своихъ сужденіяхъ о Шпильгагенѣ, какъ писателѣ, отзывалась о немъ различно: часть критиковъ находить, что Шпильгагенъ художественно завязывалъ интригу, но въ положеніяхъ проглядывало что-то фальшивое, и этимъ, по ихъ мнѣнію, онъ былъ обязанъ ультра-романтическому вкусу. Въ недочеты ему ставилось отсутствіе фантазіи, склонность къ дидактикѣ и злоупотребленіе поученіями и моральными размышленіями. Но въ то же время они находили у Шпильгагена умѣнье рассказывать и, что рѣдко встрѣчается среди нѣмцевъ, умѣнье искусно составить канву. Особенно ему удавались силуэты и наброски жителей Помераніи, которые онъ тонко и законченно очерчивалъ. По мнѣніямъ другихъ иностранныхъ критиковъ, его романы были прекрасны, краснорѣчивы, достаточно реальны для того, чтобы вѣрно изобразить Германію между сорокъ восьмымъ годомъ и войною. Въ немъ находились въ достаточной степени двѣ характерныя черты: ненависть къ классамъ и чувство солидарности,—однимъ словомъ, онъ былъ демократъ на манеръ сорокъ восьмого года и этотъ писатель, философъ и поэтъ съ самостоятельнымъ идеаломъ когда-то волновалъ умы. Въ литературномъ отношеніи, по ихъ мнѣнію, ему удавались болѣе его новеллы, чѣмъ большіе романы. Подробной его біографіи до сихъ поръ не существовало, но теперь въ Лейпцигѣ только что вышла обширная его біографія, которая пополнитъ большой пробѣлъ въ существовавшихъ объ его жизни свѣдѣніяхъ.

Того же числа нѣмецкій художественный міръ лишился одного изъ своихъ представителей, живописца Фрица фонъ-Уде, имѣвшаго успѣхъ не только на родинѣ, но и во Франціи, гдѣ онъ добился своихъ первыхъ успѣховъ. Фонъ-Уде родился въ 1848 г. въ Волькенбургѣ (въ Саксоніи) и не сразу попалъ на путь художественной дѣятельности, а сначала попробовалъ военную карьеру, служа въ саксонской кавалеріи, гдѣ дослужился до чина командующаго эска-

дромъ, а живописью занимался ради развлечения. Наконецъ въ 1876 г. онъ рѣшилъ заняться живописью серьезно. Съ этой цѣлью онъ отправился въ Мюнхенъ и Парижъ, гдѣ занимался подъ руководствомъ профессора Пилотти и Мункачи и усердно изучалъ кисть Коро, затѣмъ въ Голландію, гдѣ работалъ съ Либерманомъ и изучалъ Рембрандта. Несмотря на зрѣлый возрастъ, Удѣ добился успѣха въ религиозной живописи. Въ Парижѣ онъ послѣдовательно выставялъ въ Салонѣ свои работы: «Пѣвицу», «Ученыхъ собакъ», «Портнихъ», «Органиста», и т. д. Въ 1888 г. Удѣ переехалъ въ Мюнхенъ, гдѣ профессорствовалъ въ академіи художествъ, здѣсь сталъ брать сюжеты изъ Ветхаго Заветъа, проявивъ себя если не настоящимъ изобрѣтателемъ, то протагонистомъ сельско-библейскаго жанра, гдѣ Христосъ являлся въ рамкѣ настоящей жизни, по всѣдневной жизни крестьянина. Первой изъ такихъ картинъ была «Христосъ у бѣдняковъ», которая привела въ восторгъ парижанъ, а самой лучшей «Рожденіе Христа», находящаяся теперь въ одномъ изъ большихъ музеевъ Германіи и «Lasst die Kindlein zu mir kommen». Онъ сильно вліялъ на нѣмецкое искусство, и былъ моментъ, что это вліяніе распространялось на всѣ школы, когда жанръ сельско-библейскій въ нѣкоторомъ родѣ былъ эпидемическимъ. Какъ художникъ, онъ, впрочемъ, обладалъ прекрасной техникой, простой и незатѣйливой, но его вдохновляло благородное гуманное чувство, и со смертью фонъ-Удѣ съ европейскаго художественнаго горизонта исчезла одна изъ современныхъ оригинальныхъ, даже въ своемъ родѣ гениальныхъ фигуръ.

Большой потерей для ученаго общества явилась смерть въ Штеглицѣ близъ Берлина знаменитѣйшаго изъ современныхъ химиковъ, профессора Ванъ-ть-Гоффа.

По происхожденію голландецъ, Якобусъ Гендрикусъ Ванъ-ть-Гоффъ родился въ Роттердамѣ въ 1852 году. По окончаніи образованія онъ отправился въ Парижъ въ лабораторію Вурца. Затѣмъ въ 1878 году онъ доцентомъ физики работалъ въ утрехтской ветеринарной школѣ, а съ 1878 года въ Амстердамѣ— въ качествѣ профессора химіи, минералогіи и геологіи, гдѣ по его инициативѣ былъ открытъ институтъ физической химіи.

Въ 1896 году Ванъ-ть-Гоффъ покинулъ родину и сдѣлался профессоромъ берлинскаго университета, такимъ образомъ ставъ также нѣмецкимъ ученымъ. Его многочисленные труды по всѣмъ отраслямъ химіи являлись для сокровищницы науки очень крупнымъ вкладомъ. Болѣе того, изслѣдованія Ванъ-ть-Гоффа распространялись и на физиологію, біологію, геологію и физику, но самая главная его слава, которую онъ, впрочемъ, раздѣлялъ съ Лебелемъ— основаніе стереохиміи и теоріи осмотическаго давленія. Его главные напечатанные труды «Химія въ пространствѣ» (1874 г.), продолженіемъ котораго служилъ «Десять лѣтъ въ исторіи одной теоріи» (1887 г.), «Изслѣдованія по химической динамикѣ» (1884 г.), «Воззрѣніе на органическую химію», «Законъ химическаго равновѣсія» и т. д. Послѣднимъ его трудомъ было: «Къ образованію залежей морской соли» (1905—1909 гг.).

Ванъ-ть-Гоффъ былъ членомъ многихъ академій, ученыхъ обществъ и почетнымъ членомъ многихъ университетовъ и съ 1884 года до самой смерти былъ однимъ изъ редакторовъ основаннаго въ Лейпцигѣ «Обозрѣнія физической химіи».

Вант'ь-Гоффъ скончался 2-го марта на 59-мъ году жизни.

— 23-го февраля Франція лишилась своего военного министра: въ часъ дня генераль Брэнъ внезапно скончался въ своей квартирѣ въ улицѣ Сень-Доминикъ, гдѣ помѣщается военное министерство. Министръ уже нѣсколько дней страдалъ простудой, но въ это утро, чувствуя себя лучше, сошелъ въ свое бюро и подписывалъ бумаги. Когда генераль Эбнеръ, подававшій ему бумаги, удался, съ министромъ произошелъ обморокъ. Одинъ изъ его ординарцевъ прибѣжалъ на зовъ и далъ генералу понюхать ээиру: Онъ пришелъ въ себя и для успокоенія окружающихъ, улыбаясь, сказалъ: «Вы можете итти завтракать». Генераль Эбнеръ удался, но, все еще встревоженный, предупредилъ доктора, а самъ остался ожидать въ прихожей. Когда пріѣхалъ врачъ, съ министромъ произошелъ второй обморокъ, и никакія усилія не привели его въ себя. Когда черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ профессоръ Ландузи, министръ уже скончался.

Генераль Брэнъ родился 24-го апрѣля 1849 года въ Мармандѣ (департаментъ Гаронны). По окончаніи первоначальнаго образованія въ приготовительной школѣ Сень-Барбъ, восемнадцатилѣтній Брэнъ поступилъ въ парижскую политехническую школу, которую окончилъ первымъ ученикомъ и былъ причисленъ къ артиллеріи. Затѣмъ онъ поступилъ въ Ecole d'application въ Мецъ, гдѣ онъ находился въ чинѣ подпоручика, когда вспыхнула франко-прусская война, въ которой онъ участвовалъ при защитѣ форта Сень-Жульенъ. На его глазахъ произошли крупныя сраженія 14-го, 16-го и 18-го августа, и самъ онъ сражался въ битвѣ при Сень-Барбъ и Ладонтанъ, а 29-го октября попалъ въ плѣнъ со всей арміей Базена. По возвращеніи во Францію, его послали въ Фонтенбло, гдѣ только что перестроили Ecole d'application. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ былъ назначенъ профессоромъ артиллерійской тактики въ той же школѣ, а чрезъ нѣкоторое время военный министръ Ферронъ выбралъ его себѣ въ ординарцы. Потомъ онъ занималъ постъ военного комиссара и возвратился въ военную школу въ качествѣ профессора. Въ 1897 году его произвели въ чинъ полковника, а затѣмъ ему поручили командованіе 4-го артиллерійскимъ полкомъ въ Безансонѣ.

Черезъ два года президентъ Фальберъ, другъ и землякъ покойнаго министра, призвалъ его въ сенатъ. Въ 1901 году онъ командовалъ сначала нансійской бригадой инфантеріи, а затѣмъ его назначили помощникомъ командующаго главнымъ штабомъ арміи, наконецъ начальникомъ высшей военной школы и въ 1905 году начальникомъ главнаго штаба. На этомъ посту онъ оставался три съ половиной года, когда въ 1909 году Брианъ предложилъ ему портфель военного министра. Смерть его застала въ самомъ разгарѣ работы, когда онъ готовился представить свой трудъ въ палату по случаю обсужденія вопроса о военномъ бюджетѣ. Но его работа, далеко еще не оконченная, не оставитъ у большинства представленія о личности покойнаго генерала Брэна. Ему приписывали замѣчательно ясный умъ, живую преобразовательную дѣятельность и отмѣчали въ его характерѣ черты искренности, деликатности и доброты.

По вступленіи на постъ министра, онъ первымъ долгомъ озаботился объ улучшеніи матеріальнаго положенія офицеровъ и занялся реформой въ выс-

нихъ инстанціяхъ командованія и положеніемъ генералитета, чего его предшественники, вслѣдствіе пріятельскихъ отношеній съ послѣдними, не осмѣливались предпринять. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отважился поднять руку на техническіе комитеты, куда часто избирались генералы, выказавшіе себя неспособными командовать отрядами или съ самыми отсталыми убѣжденіями, которые удерживали чудовищныя прерогативы, мѣшали всякимъ новшествами, изобрѣтеніямъ, уничтожилъ многіе излишніе комитеты, существующіе внѣ закона, и т. д. Въ общемъ генераль Брэнъ не успѣлъ еще привести начертанной имъ программы въ исполненіе, но тѣмъ не менѣе армія его сожалеетъ.

Покойному министру исполнилось 62 года и онъ прослужилъ въ арміи 40 лѣтъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ полезной для государства дѣятельности генерала Брэна служатъ надгробныя слова отъ имени арміи вице-президента верховнаго военнаго совѣта генерала Мишеля, что «такіе люди никогда не исчезаютъ цѣлкомъ, они оставляютъ воспоминаніе о своихъ стараніяхъ итти по пути долга, справедливости, прогресса», какъ и слова Бріана отъ имени правительства, что главная заслуга Брэна въ томъ, что онъ пользовался для защиты территоріи самыми новыми открытіями человѣческаго ума. Похороны покойнаго министра были устроены республикой пышныя и торжественныя.

— Италия лишилась рѣдкой для XX вѣка личности: поэта, романиста-идеалиста и мыслителя. Въ концѣ февраля скончался въ своемъ родномъ Виченцѣ не понятый соотечественниками и любимый чужеземцами—Антоніо Фогаццаро, «послѣдній изъ гвельфовъ», какъ его прозвала часть итальянцевъ. Сынъ извѣстнаго патріота, человѣка религіознаго, большую часть жизни спасавшагося то отъ австрійцевъ, то отъ папской администраціи, Фогаццаро родился въ Виченцѣ въ 1842 году. Онъ былъ ученикомъ Джакомо Панеллы и уже съ юныхъ лѣтъ выказалъ себя человѣкомъ серьезнымъ, меланхоличнымъ и мечтательнымъ. Первые свои стихотворенія онъ посвящалъ природѣ, но это были лишь пробы пера: настоящее поэтическое творчество проявилось у него въ тридцать лѣтъ, когда онъ написалъ «Miranda», и съ этихъ поръ Фогаццаро всегда вводилъ въ свои поэтическія произведенія влюбленную идеализацію женщины.

Во всѣхъ индивидуальныхъ душахъ онъ различалъ два элемента—божественный и животный, которые были въ вѣчной борьбѣ между собою. Однако въ его произведеніяхъ божественный элементъ мало-по-малу одерживалъ верхъ надъ плотью, и этому торжеству, по его словамъ, художникъ долженъ способствовать всѣми силами. А чтобы поднять человѣка надъ землею, надъ земными страстями, самымъ могущественнымъ рычагомъ, по его мнѣнію, служить любовь. Фогаццаро приписывалъ любви къ идеализированной женщинѣ роль очистителя душъ, хотя прекрасно сознавалъ, что въ настоящій вѣкъ едва ли его поймутъ. «Эту идеализацію женщины,—писалъ онъ, которую даетъ намъ образцовое произведеніе,—теперь почти никто не пойметъ». И въ этомъ христіанинъ-поэтъ былъ правъ; онъ единственный изъ всѣхъ «латинянъ» презиралъ тѣло и ненавидѣлъ формы—настолько выше ставилъ онъ свой идеалъ; кругомъ его были язычники и онъ для нихъ являлся чужимъ, затерявшимся среди нихъ.

Въ этомъ отношеніи ошибочно его сравнивали съ Александро Манцони; тотъ самъ признавался, что «если бы я чувствовалъ себя способнымъ написать самую краснорѣчивую страницу любви, какія когда-либо печатались, я поостерегся бы ее писать, такъ какъ я увѣренъ, что не замедлил бы въ этомъ раскаяться».

Въ «Miranda» нѣжно-поэтическій образъ женщины еще рельефнѣе вырисовывался своей душевной красотой рядомъ съ сильно очерченнымъ имъ грубо-животнымъ, честолюбивымъ поэтомъ Энрико, бросившимъ ее, чтобъ насладиться легкою любовью городскихъ красавицъ и добиться славы. «Предоставь меня моей судьбѣ,—писалъ онъ ей цинично, объявляя о разрывѣ:—позволь мнѣ любить сегодня Дездемону, завтра Офелію». Миранда скрываетъ отъ всѣхъ свою сердечную рану, но не выноситъ боли и медленно угасаетъ. Тѣмъ временемъ поэтъ, утомленный погоней за славой и пресыщенный Офеліями и Дездемонами, возвращается къ ней, но поздно: Миранда слишкомъ слаба; она не выноситъ этого счастья—и умираетъ. Такими идеализированными являются всѣ его женскіе типы: у него главная мысль—жизнь души, чѣмъ онъ отличается отъ другихъ современныхъ итальянскихъ поэтовъ.

За «Мирандой» послѣдовали другія лирическія произведенія, недавно изданныя въ одномъ томѣ, а затѣмъ «Valsolda», появившаяся черезъ четыре года. Итальянцы мало цѣнили Фогаццаро, какъ поэта, упрекая его особенно за небрежную форму, неувѣренность въ стихосложеніи, простоту стиля, лишеннаго всякихъ украшеній, и бѣдность, наготу стиха, или, какъ выразился одинъ изъ цензоровъ, «за излишекъ поэзіи и недостатокъ стиха». Но «Miranda» и «Valsolda» считались законченными произведеніями.

Какъ романистъ, Фогаццаро выступилъ съ «Malombra», по отзывамъ итальянскихъ критиковъ, романомъ «полнымъ грубыхъ, кричащихъ и тяжелыхъ ошибокъ въ литературной композиціи». Затѣмъ появляются въ 1882 году «Unpensiero di Ermes Torranza», въ 1885 году—«Il Fiasco del maestro Chiesco» и «Daniel Cortis», гдѣ авторъ прямо воспѣваетъ платоническую любовь, влюбленную идеализацію женщины, отъ которой человѣческая душа должна вознестись. Къ этому онъ присоединилъ политическую идею произвести социальныя реформы мирнымъ путемъ. Это произведеніе критики единогласно признали за образцовое.

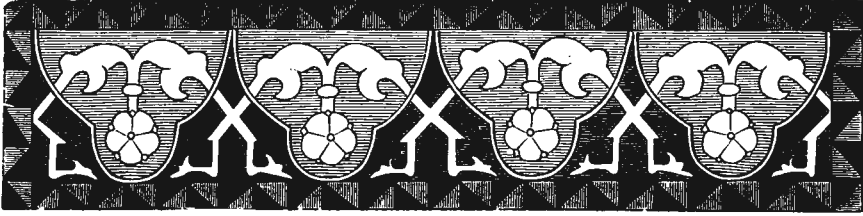
Послѣ него появляется въ 1887 г. «Fedele», а черезъ годъ «Misterie del poeta», гдѣ попадаются такіе же недостатки, какъ и въ первыхъ произведеніяхъ. Въ 1892 году онъ написалъ «Eva», 1896—«Il piccolo mondo antico», а черезъ четыре года появляется «Piccolo mondo moderno» и въ томъ же году собраніе коротенькихъ новеллъ «Idillie spezzate», въ 1902 г. одноактная драма «Il garofalo rosso», въ 1903 году—«Scene», въ 1906 году—«Il Santo», надѣлавшій переполохъ въ Ватиканѣ, какъ замыкающій циклъ «Il piccolo mondo antico». Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ Фогаццаро касается религиозныхъ вопросовъ.

Едва ли не сильнѣе производилъ на итальянцевъ впечатлѣніе Фогаццаро-мыслитель, искатель религиозной истины, но религиозный мыслитель прогрессивный, шевелящій больныя мѣста ватиканскихъ отцовъ, хотя возбуждая въ то же время противъ себя позитивистовъ.

Духовно стоя выше тѣхъ и другихъ, Фогаццаро не поддавался ихъ понятію и принимался одними за еретика, а другими за юридикаго. А между тѣмъ это былъ истинный христіанинъ, искатель Бога живого, видѣвшій во всѣхъ проявленіяхъ божественную мысль. Въ немъ совмѣщались патріотическая любовь и религіозныя исканія свободной вѣры. Эти чувства съ дѣтства запали въ его душу отъ отца и матери, горячей патріотки, принимавшей участіе въ возстаніи Виченцы въ 1848 г. Впослѣдствіи заброшенная сѣмена пустили ростки и развились сначала подъ вліяніемъ его учителя поэта Джакомо Цанеллы, а затѣмъ продолжали развиваться подъ руководствомъ самого Фогаццаро, много читавшаго и познакомившагося съ античной философіей и католическимъ богословіемъ.

Какъ ни странно, но этотъ истинный христіанинъ отвергался за религіозность либералами и за вѣру въ прогрессъ—ватиканцами. Эта вѣра основывалась на дорогомъ для него принципѣ—идеи эволюціи. Въ цѣлой серіи конференцій и изслѣдованій Фогаццаро стремился оправдать предъ католическими богословами дарвинизмъ. Онъ доказывалъ, что законъ эволюціи не что иное, какъ методъ, согласно которому Богъ создалъ свѣтъ. Онъ говорилъ, что система Дарвина не исключаетъ существованія Бога, напротивъ, предполагаетъ Бога и подтверждаетъ его существованіе. Прогрессъ, слѣдовательно, входилъ въ планъ Бога при созданіи человѣчества. Отрицать прогрессъ значитъ отрицать божественное, откуда онъ истекаетъ. И эти взгляды вызвали на него гоненіе ватиканскихъ отцовъ, еще усилившееся, когда онъ сталъ проповѣдывать отреченіе духовенства отъ свѣтской власти, интригъ, политики и прочее. Они исполнились и запретили вѣрнымъ католикамъ посѣщать его конференціи, а его книга «Il piccolo mondo antico», гдѣ онъ проповѣдывалъ радикальныя реформы церкви, была внесена въ index. Травля со стороны Ватикана дошла до каноническаго осужденія «Il Santo» и отлученія Фогаццаро отъ церкви. Шестидесятипятилѣтній писатель обратился къ самому святому отцу, но, несмотря на хлопоты нѣкоторыхъ кардиналовъ, Мерри дель Валль одержалъ верхъ и Фогаццаро не былъ принятъ папой.

Тогда онъ написалъ «Leila», по выраженію клерикаловъ, «свою послѣднюю интеллектуальную духовную», за которую они ухватились, увѣряя, что здѣсь Фогаццаро окончательно выяснилъ себя, объявивъ, что онъ энергично отвергаетъ свою близость съ модернизму. Но либеральные круги это отрицаютъ, говоря, что здѣсь Фогаццаро болѣе, чѣмъ когда, остался прежнимъ свободовѣрующимъ христіаниномъ, мечтавшимъ объ эволюціи человѣческаго общества чрезъ очищеніе человѣческой души. Часть итальянскихъ критиковъ находитъ Фогаццаро слишкомъ «венеціанскимъ», чтобы быть совершенно итальянскимъ авторомъ; иностранцы же находятъ, что покойный романистъ выказалъ въ своихъ романахъ первоклассныя достоинства романиста и начерталъ восхитительныя наброски Сѣверной Италиі, съ рѣдкой силой и тонко анализировалъ характеры и былъ однимъ изъ первыхъ современныхъ романистовъ.

С М Ъ С Ъ.

ОДИЧНОЕ собраніе императорскаго историческаго общества. Въ пятницу 18 марта, въ 9 час. вечера, въ Царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, состоялось годичное общее собраніе императорскаго русскаго историческаго общества. Присутствовали: предсѣдатель общества его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ, почетный членъ общества его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ, дѣйствительные члены общества: Куломзинъ, Анатолій Николаевичъ, гр. Шереметевъ, Сергѣй Дмитріевичъ, Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ, Платоновъ, Сергѣй Ѳеодоровичъ, Чечулинъ, Николай Дмитріевичъ, Иконниковъ, Владимиръ Степановичъ, Щегловъ, Василій Васильевичъ, Голомбѣвскій, Александръ Александровичъ, Рождественскій, Сергѣй Васильевичъ, бар. Иксуль-фонъ-Гильденбандтъ, Юлій Александровичъ, Скалонъ, Дмитрій Антоновичъ, Лихачевъ, Николай Петровичъ, Середонинъ, Сергѣй Михайловичъ, и Смольяниновъ, Владимиръ Николаевичъ. По открытіи Его Императорскимъ Величествомъ засѣданія, августѣйшій предсѣдатель общества великій князь Николай Михайловичъ прочелъ слѣдующій отчетъ. Въ отчетномъ году императорское историческое общество понесло рядъ горестныхъ утратъ въ лицѣ скончавшихся членовъ общества: 1) 21 іюля, послѣ продолжительной болѣзни, скончался въ Финляндіи дѣйствительный членъ общества (съ 9 марта 1906 года), ординарный профессоръ с.-петербургскаго университета и историко-филологическаго института, Георгій Васильевичъ Форстенъ, 2) 17 августа скончался въ Парижѣ почетный членъ общества (со 2 апрѣля 1910 г.), французскій академикъ графъ Альбертъ Вандаль. Въ его лицѣ понесла крупную потерю не только французская историческая наука, но и русская

такъ какъ покойный много потрудился надъ изслѣдованіемъ исторіи внѣшнихъ сношеній Россіи и Франціи въ XVIII вѣкѣ и началѣ XIX вѣка. 3) 26 ноября скончался на 79-мъ году жизни заслуженный профессоръ императорскаго университета, членъ государственнаго совѣта, тайный совѣтникъ Василій Ивановичъ Сергѣевичъ. Ученая дѣятельность общества въ 1910 году выразилась въ изданіи томовъ «Сборника». Томъ 131-й заключаетъ въ себѣ переписку императора Николая Павловича съ его братомъ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, именно письма, которыми обмѣнивались они съ 26-го ноября 1825 г. по 31-е декабря 1829 года. Эта корреспонденція, въ которой государь и его братъ съ полной откровенностью дѣлятся своими мыслями и взглядами по важнѣйшимъ вопросамъ военнаго дѣла, внутренняго управленія и внѣшней политики и говорятъ о событіяхъ, имѣвшихъ для нихъ интересъ семейный и личный, является, безъ сомнѣнія, матеріаломъ первостепеннаго значенія для характеристики и императора Николая Павловича и цесаревича Константина Павловича. Настоящій томъ напечатанъ подъ наблюденіемъ члена общества Д. Ѳ. Кобеко. Томъ 132-й заключаетъ въ себѣ продолженіе той же переписки. Эта переписка обнимаетъ всего полтора года (съ января 1830 по 14 июня 1831 г.), самаго тяжелаго періода жизни цесаревича, когда онъ, застигнутый врасплохъ событіями 17—29 ноября 1830 года въ Варшавѣ, увидѣлъ крушеніе своей 16-лѣтней дѣятельности въ царствѣ Польскомъ. Печатаемые письма представляютъ, несомнѣнно, матеріалъ первостепенной важности для исторіи событій 1830—1831 годовъ. Когда возстаніе вспыхнуло, Константинъ Павловичъ долгое время не отдавалъ себѣ отчета въ одиодушномъ революціонномъ настроеніи польскихъ войскъ и польскаго народа. Насколько глубока была привязанность Константина Павловича къ полякамъ, показываютъ письма его къ державному брату, къ которымъ, забывая свое личное горе, онъ настоятельно взывалъ къ милосердію и кротости монарха. Последнее письмо помѣчено 13 июня, а 15 июня, въ 8 часовъ вечера, цесаревичъ скончался отъ холеры въ Витебскѣ. Томъ этотъ изданъ подъ наблюденіемъ члена общества К. А. Губастова. Томъ 133-й заключаетъ въ себѣ: «Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года», собранные и изданные по порученію великаго князя Михаила Александровича, подъ редакціей К. Военскаго, томъ II, «Балтійская окраина въ 1812 году». Матеріалы для этого тома извлечены изъ архивовъ: 1) военно-ученаго, 2) курляндскаго губернскаго правленія въ Митавѣ, 3) морского министерства, 4) министерства народнаго просвѣщенія, 5) департамента полиціи и 6) архива графа К. А. Хрептовича-Бутенева. Среди документовъ большой, вообще, исторической цѣнности особенный интересъ представляютъ матеріалы для исторіи Таурогенской конвенціи, въ которой лежитъ ключъ къ уразумѣнію истинныхъ причинъ заграничной войны 1813 года. Томъ этотъ изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя общества. Томъ 134-й, заключающій въ себѣ указы депутатамъ Екатерининской комиссіи, является 12-мъ въ серіи бумагъ этой комиссіи; онъ содержитъ указы отъ городскихъ жителей губерній: Нижегородской, Астраханской, Смоленской и двухъ сибирскихъ. До сихъ поръ еще свѣдѣнія наши о положеніи русскихъ городовъ въ XVIII столѣтіи далеко недостаточны, и напечатанные нынѣ указы вносятъ много новаго и цѣннаго

материала. Мы находимъ въ нихъ данныя о количествѣ жителей въ разныхъ городахъ, о сословномъ составѣ городского населенія, объ его экономическомъ положеніи, о торговыхъ связяхъ и сношеніяхъ городовъ и, вообще, о состояніи торговли и промышленности. Характерны мнѣнія составителей наказовъ о томъ, при какихъ условіяхъ возможны развитіе и процвѣтаніе городовъ: обыкновенно купечество каждаго города проситъ, чтобы ему предоставлена была привилегія торговать и у себя, и въ другихъ городахъ и чтобы права на торговлю и промышленность для лицъ другихъ сословій и для купцовъ другихъ городовъ были ограничены; часты также просьбы, чтобы содержаніе должностныхъ лицъ по городскому управленію отнесено было не на средства горожанъ, а на общегосударственныя. Вскрываются также весьма характерныя затрудненія для развитія торговли, объясняемыя недостатками торгово-промышленнаго законодательства эпохи; оказывается, напр., что при покупкѣ въ Кяхтѣ какихъ-либо товаровъ приходилось уплачивать пошлины въ размѣрѣ двухъ третей и даже полной стоимости купленнаго товара; легко видѣть, какія затрудненія возникали при этомъ, когда и проѣздъ до Кяхты и обратно требовалъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и передвиженіе сколько-нибудь значительныхъ суммъ было крайне нелегко, благодаря существованію въ оборотѣ только серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ. Вообще, городскіе наказы вкладываютъ живое и яркое содержаніе въ знаменитыя слова Петра Великаго, что россійское купеческое сословіе представляло собою «разсыпанную храмину». Этотъ томъ изданъ подъ наблюденіемъ члена общества Н. Д. Чечулина. Дальнѣйшая дѣятельность общества находится въ слѣдующемъ положеніи: печатаются томы: 1) томъ XI бумагъ «кабинета министровъ императрицы Анны Иоанновны», подъ наблюденіемъ члена общества А. Н. Филиппова; 2) томъ документовъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рѣчью Посполитою въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ—подъ наблюденіемъ члена общества С. О. Платонова; 3) Томъ I бумагъ «Конференціи» при дворѣ императрицы Елизаветы Петровны—подъ наблюденіемъ члена общества Н. Д. Чечулина; 4) томъ III «Актвъ и документовъ для исторіи 1812 года»—печатаются подъ наблюденіемъ предсѣдателя общества, и 5) томъ VIII «Дипломатической переписки императрицы Екатерины II», обнимающей 1774 и 1775 г. Печатаются подъ наблюденіемъ предсѣдателя общества. По изданію «Русскаго Біографическаго Словаря» работы подвигаются впередъ: въ настоящее время заканчивается печатаніемъ томъ словаря на букву Ш; печатаются томы на буквы Ж, З, Н, Р, С, Т; начаты составленіемъ томы на буквы В, Г и Ц. По прочтеніи отчета, Его Императорскому Величеству были представлены вновь вышедшіе 4 тома «Сборника». Произведенною баллотировкою избраны въ члены совѣта: бар. Ю. А. Искуль-финъ-Гильденбандтъ, С. О. Платоновъ и С. В. Рождественскій; въ секретари общества—А. А. Голомбѣвскій и въ члены ревизіонной комиссіи—гр. С. Д. Шереметевъ, В. В. Щегловъ и Н. П. Лихачевъ. Въ дѣйствительные члены общества избранъ членъ государственнаго совѣта, профессоръ В. И. Герье. Въ заключеніе были прочитаны доклады: В. С. Иконниковымъ—«Историческія воззрѣнія Пушкина», С. В. Рождественскимъ—«Проектъ графа П. И. Шувалова относительно учрежденія вышей

военной школы», и Н. П. Лихачевымъ—«Изъ области дипломатическихъ сношеній и дипломатики».

Общество русскихъ ориенталистовъ. 31 марта состоялось торжественное собраніе годъ назадъ основавшагося и теперь принятаго подъ августѣйшее покровительство великой княгини Милицы Николаевны общества русскихъ ориенталистовъ. Ея императорское высочество приняла также и званіе почетной предсѣдательницы и присутствовала на собраніи.

Объявивъ засѣданіе открытымъ, великая княгиня высказала, что, безъ сомнѣнія, будетъ выразительницей общаго желанія, если обратится къ Государю Императору со всеподданнѣйшей телеграммою. Слова ея высочества и прочитанный текстъ телеграммы были покрыты общимъ громкимъ «ура» всего зала. Затѣмъ великая княгиня обратилась къ собранію со слѣдующей рѣчью:

«За послѣднее время въ широкихъ слояхъ общества все болѣе и болѣе разрастается интересъ къ востоковѣднію и замѣчается стремленіе къ изученію Востока; неумѣнье разбираться въ столь разнообразномъ и сложномъ матеріалѣ, поверхностныя и часто невѣрныя свѣдѣнія нерѣдко прекращаютъ эти поштыки, строго же научныя работы читаются съ трудомъ безъ серьезной подготовки. Вотъ тутъ, я думаю, вы именно, господа, можете прийти на помощь желающимъ глубже вникнуть въ эти вопросы, поддерживая ихъ стремленія необходимыми указаніями и справками. Болѣе близкое ознакомленіе съ Востокомъ, несомнѣнно, воздѣйствуетъ на область искусства, нашъ образъ мыслей и міръ этики. Я говорю, конечно, не о рабскомъ подражаніи и мимолетномъ увлеченіи экзотическимъ элементомъ: обѣ черты одинаково выражаютъ духовное и художественное убожество. Созерцаніе прекраснаго само по себѣ облагораживающе воздѣйствуетъ на вкусъ и напомнитъ художнику, что трудъ его—священнодѣйствіе. Наука наша, со своей стороны, почерпнетъ въ изученіи міровоззрѣній Востока новые методы мышленія, обогатитъ себя неоцѣнимыми сокровищами знанія и глубокими наблюденіями. Существуетъ мнѣніе, что болѣе близкое ознакомленіе общества съ религіями Востока могло бы ввести свѣжую струю и тѣмъ оживить охладѣвшее религиозное чувство. Считаю своимъ долгомъ ясно и опредѣленно высказываться по этому вопросу. Тѣ, для которыхъ вѣра сводится къ однимъ внѣшнимъ проявленіямъ ея, къ обрядамъ, которые не постигли скрытаго и глубокаго смысла ихъ, которые никогда не подходили къ памятникамъ нашей вѣры, къ дивнымъ твореніямъ богоносныхъ старцевъ и учителей Церкви Христовой и къ высшимъ проявленіямъ души народной,—тѣхъ рано или поздно ждетъ темная ночь унынія и бесплодны будутъ ихъ исканія. Но есть область духовнаго міра—царственная область правственнаго самосовершенствованія, къ созерцанію которой вы можете приобщить подрастающее поколѣніе, жаждущее правды и свѣта. Великіе образы индійскихъ духовныхъ вождей и персидскихъ мыслителей являютъ намъ самое высокое на землѣ—прекрасную жизнь человѣка. Я намѣренно упомянула объ арійскихъ свѣточахъ человѣческаго духа, потому что не чужое, а свое, почти забытое, вспомнимъ мы, проникаясь великими воплощеніями добра и красоты арійскаго духа; онъ возвратитъ намъ силу и бодрость, какъ мать сыра земля нашему народному богатырю Микулѣ Селяни-

новичу. Положите начало созиданію великаго арійскаго, т.-е. благороднаго пути къ душамъ народовъ Востока и повѣрьте, что путь этотъ не будетъ нуждаться въ вооруженной охранѣ или финансовыхъ гарантіяхъ. Но, для достиженія этой цѣли, многому и многому придется научиться. Будемъ надѣяться на просвѣщенное содѣйствіе нашихъ ученыхъ востоковѣдовъ, стяжавшихъ себѣ всемірную славу своими научными трудами и отважными изслѣдованіями. Проникнемся мыслью, что на всякомъ поприщѣ, какъ бы оно мало ни было, можно и должно съ пользою служить отечеству, если только сердце человѣка горитъ любовью къ нему. Священная память о родинѣ въ наиболѣе трудныхъ обстоятельствахъ внушитъ вамъ всегда самое достойное рѣшеніе, подскажетъ вамъ вездѣ самое мудрое слово.

Рѣчь августѣйшей почетной предсѣдательницы была восторженно привѣтствована. Въ заключеніе г. Шапшалъ сдѣлалъ сообщеніе о рисункахъ и священныхъ изображеніяхъ въ Персіи. Отъ Его Величества Государя Императора 1 апрѣля получена почетной предсѣдательницею общества русскихъ ориенталистовъ въ Петербургѣ, ея императорскимъ высочествомъ великою княгиней Милицею Николаевной слѣдующая телеграмма:

«Прошу ваше императорское высочество передать обществу русскихъ ориенталистовъ Мою благодарность и пожеланіе успѣха въ его дальнѣйшихъ трудахъ.
НИКОЛАЙ».

Телеграмма Его Величества послѣдовала въ отвѣтъ на всеподданнѣйшую телеграмму 31 марта отъ августѣйшей почетной предсѣдательницы общества ориенталистовъ:

«Общество русскихъ ориенталистовъ, собравшееся сегодня подъ моимъ предсѣдательствомъ, проситъ Ваше Императорское Величество вѣрить ихъ готовности принести посильную пользу нашей великой родинѣ изученіемъ Востока и повергаетъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества свои вѣроподданническія чувства.
МИЛИЦА».

Къ царскосельской юбилейной выставкѣ. Распорядительный комитетъ состоящей подъ высочайшимъ покровительствомъ Его Величества Государя Императора царскосельской юбилейной выставки 1911 года разослалъ извѣщенія всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, имѣющимъ отношеніе къ Царскому Селу, о предстоящей выставкѣ и ея задачахъ. Выставка должна быть готова къ открытію не позднѣе 20 августа и продолжится до 26 сентября. По мысли Его Величества, выставка должна носить характеръ выставки-школы, поэтому въ ней особенно желательны экспонаты, имѣющіе поучительное значеніе, и соотвѣтственно этому предположены два параллельные конкурса въ каждомъ отдѣлѣ: одинъ для поощренія экспонентовъ мѣстныхъ, другой—внѣшнихъ. На выставкѣ организуются отдѣлы: сельско-хозяйственный, промышленный, народнаго образованія, художественно-историческій, санитарно-медицинскій, научно-литературный, общій (статистика, благотворительность, потребительныя общества и попеченіе о трезвости), техническо-строительный (съ новостями техники);

охоты и спорта и торговый. Выставка займетъ довольно большое помѣщеніе: большую оранжерею, часть пальной оранжереи, придворный манежъ, часть нижнихъ конюшенъ и прилегающую къ нимъ Садовую улицу и часть Екатерининскаго парка до озера, вмѣстѣ съ расположенными въ ней зданіями Эрмитажа, Грота, верхней и нижней ваннъ и т. д., — то-есть вся замѣчательная красотой и постройками часть парка отходить подъ выставку. Кроме того, подъ выставку будутъ отведены два этажа въ корпусѣ бывшаго пансіона реального училища и заль городской ратуши. Во главѣ каждаго отдѣла стоитъ завѣдующій; въ совѣщаніяхъ по отдѣлу участвуютъ сотрудники-спеціалисты по отраслямъ и представители вѣдомствъ и учреждений, привлеченныхъ къ участию. Выставочный комитетъ, въ составъ котораго входятъ предѣдатель, завѣдывающіе отдѣлами и секціями и представители вѣдомствъ, утверждаютъ постановленія отдѣловъ. Въ отдѣлѣ сельскаго хозяйства предполагается показать наглядно выгоды цѣлесообразно устроеннаго крестьянскаго отрубного и хуторскаго хозяйства. Въ промышленномъ отдѣлѣ предполагено демонстрировать на ряду съ продуктами и ходъ самаго производства ихъ и особо выдѣлить подотдѣлъ кустарнаго производства. Въ отдѣлахъ народнаго образованія, санитарно-медицинскомъ, научно-литературномъ примутъ участіе какъ мѣстные учебныя заведенія, такъ и Николаевская пулковская и Константиновская магнитная обсерваторія, императорскій ботаническій садъ, придворная медицинская часть, комиссія по канализаціи Царскаго Села, бюро и лабораторіи вѣдомства землеустройства и земледѣлія. Въ художественно-историческомъ отдѣлѣ будутъ собраны портреты выдающихся лицъ, работавшихъ или жившихъ въ Царскомъ Селѣ, старинныя вещи и снимки съ памятниковъ старины, а также сформированъ подотдѣлъ художественной мебели и комнатнаго убранства. Въ отдѣлѣ охоты и спорта будутъ устраиваться лекціи. Въ торговомъ отдѣлѣ займутъ мѣста издѣлія, не подходящія подъ классификацію остальныхъ отдѣловъ и предназначенныя для розничной продажи.

Музей памяти 1812 года. Музей Отечественной войны обогатился недавно интересными подлинными историческими документами, въ числѣ которыхъ видное мѣсто по праву занимаетъ подлинное боевое расписаніе первой западной арміи, представленное распоряженіемъ главнокомандующаго арміей генерала Барклая-де-Толли главному интенданту графу Канкрину, впоследствии, какъ извѣстно, ставшему министромъ финансовъ. Благодаря этому расписанію, съ точностью устанавливается количественный составъ означенной арміи, который собственной помѣткой графа Канкринна опредѣленъ цифрою 102 тысячи человекъ. Цѣнный документъ принесенъ въ даръ музею генераломъ Кіяновскимъ изъ Одессы. Имъ же представлена въ музей подлинная записка Барклая-де-Толли, излагающая предположенія о боевыхъ дѣйствіяхъ; эта записка относится къ маю 1812 года. Изъ московскаго архива министерства юстиціи музею получены свѣдѣнія о хранящемся тамъ дневникѣ, въ которомъ означаются событія войны съ іюня по 22 сентября 1812 года; характеръ изложенія и большая освѣдомленность автора приводятъ къ предположенію, что авторомъ этого дневника является также генералъ Барклай-де-Толли. Такое предположеніе подтверждается еще и тѣмъ, что дневникъ доведенъ до 22 сентября, то-есть какъ разъ

по день оставленія арміи Барклаемъ-де-Толли, вслѣдствіе болѣзни. Отъ калужскаго губернскаго предводителя дворянства въ музей поступили матеріалы по ополченію Калужской губерніи, полные глубокаго интереса, такъ какъ въ предѣлахъ именно этой губерніи, въ селѣ Тарутинѣ, русская армія пробывала цѣлый мѣсяць. Въ комитетъ музея поступило также предложеніе отъ одного изъ жителей Малаго Ярославца о желаніи принести въ даръ музею картину, написанную масляными красками и изображающую бой подъ Малымъ Ярославцемъ 12 октября 1812 г. Картина эта, вѣроятно, принадлежитъ кисти художника Гессе и можетъ представить интересъ, если судить по примѣру другой картины «Плѣненіе маршала Вандома». По крайней мѣрѣ, при реставраціи послѣдней выяснились интересныя подробности сраженія подъ Кульмомъ: мѣста расположенія войскъ, стоянки артиллеріи, атака поляковъ и т. п. Отъ барона де-Бай изъ-за границы поступила серія послѣднихъ французскихъ изданій объ эпохѣ такъ называемой «сто дней» Наполеона. И, наконецъ, въ настоящее время уже извѣстно, что изъ петербургскаго интендантскаго музея поступитъ около 600 отдѣльныхъ предметовъ, по преимуществу трофеевъ, захваченныхъ у великой Наполеоновской арміи. Такимъ образомъ, музей въ память достопамятной войны обогащается съ каждымъ днемъ и, повидимому, не нуждается въ денежныхъ средствахъ, которыя къ 1 марта вмѣстѣ съ ассигнованными московскимъ губернскимъ земствомъ 2.000 рублей составили 161.536 рублей.

Богатства археологіи. Въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ дворцѣ 1 марта на воззрѣніе Государя Императора были представлены императорскою археологическою комиссіею древности, какъ извлеченныя изъ нѣдръ земли путемъ систематическихъ археологическихъ раскопокъ, такъ и обнаруженныя случайно при хозяйственныхъ земляныхъ работахъ въ теченіе минувшаго года. Выставка необыкновенно богата и разнообразна предметами бытовой и погребальной обстановки; обиліе золотыхъ ювелирныхъ украшеній, помимо высокаго художественнаго значенія, представляетъ значительную матеріальную цѣнность и свидѣтельствуетъ, какъ широко велась торговля древними обитателями нашего отечества. Объясненія давали предсѣдатель археологической комиссіи графъ А. А. Бобринской и члены ея профессора Н. И. Веселовскій и Б. В. Фармаковскій. Въ Кубанской области Н. И. Веселовскимъ dokonчено разслѣдованіе группы скиевскихъ кургановъ въ юртѣ Ульскаго аула и на этотъ разъ получены предметы лошадиной сбруи: мѣдныя и желѣзныя удила, псаліи, украшенія, въ видѣ головокъ грифоновъ, лошадиныхъ копытъ и пр. Раскопки его же кургановъ Ставропольской губерніи дали предметы мѣднаго вѣка: плоскіе наконечники копій, костяныя булавки съ выгравированнымъ орнаментомъ и т. п. обычныя на Сѣверномъ Кавказѣ издѣлія. Только одно погребеніе оказалось болѣе позднимъ, тамъ встрѣтилось зеркало изъ бѣлой бронзы съ изображеніемъ летящихъ птицъ. Весьма богатые находки дали раскопки А. А. Миллера въ области древняго Танаиса на Азовскомъ морѣ. Великолѣпный мечъ въ золотыхъ ножнахъ, украшенныхъ рельефными фигурами дракона, грызущаго змѣя. На особомъ придаткѣ ноженъ изображена голова оленя, рога котораго представляютъ фантастическій узоръ. Далѣе найдены золотыя

накладки, украшенныя выступающей головой животнаго и штампованными рельефами оленей. Интересны остатки желѣзныхъ мечей, копій, чешуйки панцырей, аттической краснофигурной лекиѳъ съ изображеніемъ птицы и проч. Раскопками завѣдывающаго музеемъ древностей въ Керчи В. В. Шкорпила былъ открытъ рядъ высокой важности предметовъ. Нѣсколько цѣнныхъ предметовъ изъ Керчи приобрѣтены покупкою. Всѣ находки происходятъ изъ древнихъ могилъ. На первомъ мѣстѣ надо назвать зеленую стеклянную вазу, высотой 0,20 м., украшенную росписью красками чрезвычайно эффектныхъ сочетаній; роспись изображаетъ маслячныя и виноградныя вѣтки, среди которыхъ помѣщены птицы. Ваза эта представляетъ вещь единственную среди издѣлій античной художественной промышленности. Въ одной могилѣ съ вазой оказался, между прочимъ, «финикійскій» стеклянный флаконъ. Могила близка по времени къ эпохѣ Митридата Евпатора и относится къ I вѣку до Р. Х. Далѣе, изъ керченскихъ находокъ обращаетъ вниманіе роскошный золотой вѣнокъ въ видѣ широкой пластины. Пластина украшена рѣзными орнаментами. По срединѣ на ней укрѣплена гвоздиками съ головками изъ сирійскихъ гранатовъ пластинка съ штампованнымъ изображеніемъ всадника, котораго увѣнчиваетъ Ника (побѣда). Другой золотой вѣнокъ украшенъ бюстами Плутона, изображеніями генія Смерти, Эрота съ опущеннымъ факеломъ и львовъ. Вѣнокъ найденъ съ монетою царя Веспорскаго Рескупориды V, царствовавшего въ 262—275 гг. по Р. Х. Найденъ еще третій золотой вѣнокъ съ 8 парами листиковъ апія. Были представлены предметы, найденные В. В. Фармаковскимъ на мѣстѣ древней Ольвіи (близъ м. Парутина, Херсонской губерніи). Зданіе со дворомъ, окруженнымъ колоннами, открытое въ 1909 г., оказалось большихъ размѣровъ; оно расположено на перекресткѣ двухъ улицъ. Открыты сѣни этого зданія съ монументальными стѣнами, оканчивавшимися отдѣланными антами. Со двора каналъ отводилъ воду черезъ сѣни подъ поломъ въ водосточные каналы, проходившіе по улицамъ. Вся канализація была закрыта каменными плитами. Полъ сѣней былъ вымощенъ булыжникомъ. Открыта роскошно отдѣланная комната съ мозаичнымъ поломъ, которая выходила дверьми въ портикъ центральнаго двора. Узоръ мозаики ковровый (ромбы, меандры, волны), весьма гармоничныхъ цвѣтовъ и рисунка. Были представлены чертежи и акварели раскопокъ, исполненные г. Калачевымъ. Комната съ мозаическимъ поломъ служила, вѣроятно, надобностямъ культа; въ ней найдены были каменный алтарь и двѣ терракотовыя статуэтки, изъ которыхъ одна представляетъ богиню Кибелу на тронѣ; на колѣняхъ у нея лежитъ левъ. Статуэтка ярко раскрашена. Стилъ ея греческій, но съ сильнымъ отпечаткомъ мѣстнаго вкуса. Время зданія, мозаики и статуэтки—II—I вѣка до Р. Х. Всего обнаружено пять слоевъ съ остатками города пяти различныхъ періодовъ. Раскопки некрополя Ольвіи дали рядъ весьма интересныхъ предметовъ, относящихся къ архаической эпохѣ (VI вѣка до Р. Х.). Было приобрѣтено комиссією нѣсколько интересныхъ предметовъ архаической эпохи, происходящихъ съ о. Березани (древней Борисѳениды, при впаденіи рѣки Днѣпра, близъ Очакова): блюдо, украшенное внутри бюстомъ животнаго, а снаружи великолѣпнымъ узоромъ изъ цвѣтовъ лотоса, эпохой съ изображеніемъ животныхъ,

арибаль и алабастръ коринтскаго стиля. Раскопанные г. Вессловскимъ въ Мелитопольскимъ уѣздѣ скифо-сарматскіе курганы всѣ оказались ограбленными въ древнее время и не дали такихъ цѣнныхъ предметовъ, какіе были обнаружены въ предшествовавшемъ году. Раскопки А. А. Спицына на городищѣ близъ м. Немирова, въ имѣніи княгини Щербатовой, Подольской губерніи, сопровождались интересными въ научномъ отношеніи результатами. Изслѣдованіе древней осѣдлости стольнаго города Кіева продолжалось съ прежнимъ успѣхомъ архитекторомъ Д. В. Милѣевымъ въ трехъ пунктахъ. 1) Въ усадьбѣ княгини Трубецкой были обнаружены двѣ большія деревянныя постройки конца XVII вѣка, при возведеніи которыхъ уничтоженъ древній культурный строй, уцѣлѣвшій лишь по бокамъ построекъ. 2) Въ усадьбѣ митрополитскаго дома Кіево-Софійскаго собора былъ раскрытъ весь планъ церкви XI вѣка, обнаруженный въ предыдущемъ году, и выяснена техника постройки. Отъ фундаментовъ церкви мѣстами остались только одни рвы, а камни были расхищены на позднѣйшія постройки. Здѣсь найдено много принадлежностей разрушеннаго зданія. Изъ цѣнныхъ находокъ слѣдуетъ отмѣтить золотой, украшенный перегородчатой эмалью, необыкновенно тонкой работы, образокъ. 3) Раскопки въ усадьбѣ Крестьянскаго поземельнаго банка обнаружили городской ровъ, которымъ былъ окруженъ «городъ Владимира», засыпанный въ позднее время. Особенно цѣнныхъ вещей здѣсь найдено не было. Нѣсколько интересныхъ предметовъ старины добыто графомъ Бобринскимъ въ южныхъ уѣздахъ Кіевской губерніи: бронзовыя удила со псаліями, фибулы, костяныя украшенія лука, серебряный браслетъ и кресты великокняжеской эпохи, собраніе серебряныхъ привѣсокъ—медальоновъ XVIII вѣка и т. п. Среди случайныхъ находокъ особенное значеніе имѣетъ кладъ золотыхъ украшеній, обнаруженныхъ крестьяниномъ Алейниковымъ на своемъ огородѣ въ селѣ Казинскомъ Александровскаго уѣзда Ставропольской губерніи. Всѣ найденныя вещи простирается до 39 фунтовъ и 7 золотниковъ. Подборъ предметовъ довольно однородный, а именно: 9 массивныхъ шейныхъ обручей разнаго вѣса,—самый большой вѣситъ 6 ф. 24 зол. 72 доли; три обруча оканчиваются фантастическими животными, одинъ лошадиными головами. Кромѣ того, два дутыхъ обруча, состоящіе изъ отдѣльныхъ звеньевъ, запирающихся шпинками, изъ которыхъ одинъ, разломанный, заканчивается изображеніемъ львовъ. Далѣе: пять браслетовъ изъ толстой спиральной проволоки; самый тяжелый вѣситъ 2 фунт. 70 зол. 12 дол. Наконецъ, три загадочные по назначенію предмета, имѣющіе видъ колокола. За кладъ по Высочайшему повелѣнію уплачено находчику 37,000 рублей. Въ станицѣ Таманской казаки, забирая землю съ кургана, находившагося на улицѣ, напали на богатое женское погребеніе въ каменной гробницѣ. Благодаря содѣйствію станичнаго атамана Г. В. Сиромеха, удалось получить найденные золотые предметы, а именно: перстень съ камнемъ, на которомъ вырѣзана женщина, играющая на лирѣ; цѣпь, тесьма и ожерелье съ розетками и подвѣсками; брошки съ эмалью; монета Александра Македонскаго; серьга съ амуромъ, баранчикъ, вѣнецъ, бусы, булавка и нѣкоторые другіе предметы, въ томъ числѣ серебряная чашечка. Въ императорскую археологическую комисію поступили слѣдующіе пред-

меты: изъ Геленджика, Черноморской губерніи, отъ г. Фриша мѣдный топоръ, удила съ псаліями и стеклянный стаканъ. Изъ Туапсе бронзовый штампъ римскаго времени. Изъ Гродненской губерніи рѣдкій кладъ вещей бронзоваго вѣка, а именно: 11 кельтовъ (ихъ было всего 47), 1 молотокъ новаго типа и 2 полые широкіе браслета. Изъ Могилевской губерніи превосходный каменный молотокъ. Изъ Кіевской губерніи предметы латенской культуры: большая и глубокая чашка и бронзовый горшокъ. Изъ Полтавской губерніи коллекція вещей изъ русскаго городища XI—XIII вѣковъ близъ села Липлява желѣзныхъ, мѣдныхъ, костяныхъ, оловянныхъ; наиболѣе любопытны крестики, между которыми имѣется одинъ глиняный. Болѣе древній слой этого городища далъ: мѣдныя фибулу, булавки, часть браслета, костяныя подѣлки, глиняные черепки. Въ той же коллекціи находится серебряная статуетка человѣка, кормящаго змѣю. Изъ Подольской губерніи чашка времени поздняго латена. Изъ Харьковской губерніи 8 половинокъ гривенъ. Изъ Тульской губерніи 71 монетная серебряная гривна. Изъ города Юрьева Лифляндскаго большая оловянная стопа 1542 г., извлеченная изъ рѣки землечерпательною машиною. Изъ Тверской губерніи—вещи изъ русскихъ кургановъ XI—XII вѣковъ, добытыя г. Крыловымъ близъ с. Микулина: височныя кольца, серьги, бусы, желѣзные предметы и проч. Изъ самарскихъ кургановъ—сарматскій мѣдный котель. Изъ Казанской губерніи—два татарскіе серебряные проволочныя браслета. Изъ Тобольской губерніи вещи VIII—X вѣковъ съ жертвеннаго мѣста, главнымъ образомъ чудскіе образки, между которыми встрѣчаются и новые типы.

Общество ознакомленія съ историческими событіями Россіи. Въ Москвѣ возникло желаніе образовать «постоянное» общество ознакомленія съ историческими событіями Россіи. Цѣль общества возможно широкое ознакомленіе населенія со славнымъ прошлымъ изъ исторіи Россіи. Ближайшею своею задачей общество ставитъ ознакомленіе съ эпохой Отечественной войны, а затѣмъ послѣдовательно и съ другими событіями. Для выполненія своей задачи общество содѣйствуетъ устройству систематическихъ спектаклей, живыхъ картинъ, лекцій, народныхъ гуляній, чтеній съ волшебнымъ фонаремъ, синемаграфомъ и т. д. въ учебныхъ заведеніяхъ военныхъ и гражданскихъ, въ войскахъ, на фабрикахъ, заводахъ и для интеллигенціи въ соответствующихъ мѣстахъ. Каждая постановка историческаго спектакля должна возможно полнѣе и правдивѣе отмѣтить взятое событіе или эпоху, для чего общество будетъ приглашать свѣдущихъ лицъ по всѣмъ спеціальнымъ вопросамъ, объявляя конкурсы на желаемыя пьесы и пр. Учредителями общества являются слѣдующія лица: А. А. Андриановъ, Н. К. фонъ-Бооль, В. М. Васнецовъ, Н. И. Геништа, Н. И. Гучковъ, В. Ф. Джунковский, Д. П. Зуевъ, Д. И. Иловайскій, М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, А. М. Казачковъ, И. А. Колесниковъ, В. А. Плеве, П. А. Плеве, А. Д. Самаринъ, А. А. Сидоровъ, Т. Д. Смердова, В. Н. Смердовъ, А. А. Тихомировъ, Л. А. Тихомировъ, П. Г. Шелапутинъ, А. В. Эккъ, Э. В. Эккъ, В. Н. Яковлевъ, П. П. Яковлевъ, П. Н. Трескинъ, А. М. Ждановъ. На первомъ же собраніи рѣшено было избрать комиссію въ составѣ А. В. Эккъ, Н. К. Бооль, Н. И. Геништа, В. Н. Смердова, А. М. Казачкова и П. Н. Трескина, которой и было предложено разработать проектъ устава пред-

полагаемаго общества. 16 марта проектъ былъ заслушанъ и его рѣшено было отпечатать къ слѣдующему засѣданію, состоявшемуся 30 марта. На этомъ засѣданіи рѣшено представить уставъ на утвержденіе, и присутствующія лица просили взять на себя обязанности председателя В. А. Плеве, П. А. Яковлева—товарищемъ председателя, а членами предложеннаго уставомъ «исполнительнаго комитета» совѣта общества просили Н. К. фонъ-Бооль, Д. П. Зуева, А. А. Сидорова, В. Н. Смердова, А. М. Казачкова и по намѣченной должности секретаря П. Н. Трескина. На этомъ же засѣданіи, дабы не терять время и въ началѣ будущаго сезона приступить къ дѣятельности, было рѣшено просить исполнительный комитетъ приступить къ подготовкѣ по неотложнымъ вопросамъ теперь же. Намѣчено было поставить историческій спектакль въ Охотничьемъ клубѣ и концертъ въ Дворянскомъ собраніи. Устройство концерта предложено Н. А. Маныкину-Неструеву, который и доложилъ собранію подробно свои соображенія по этому вопросу. Кромѣ московскаго общества, уставъ намѣчаетъ вызвать къ жизни подобныя же общества и во всѣхъ другихъ городахъ.

Къ 50-лѣтію общества русскихъ врачей. Въ пятницу 15 апрѣля, въ 2 часа дня, въ помѣщеніи общества русскихъ врачей на Арбатѣ состоялось торжественное празднованіе полулѣтняго юбилея общества, являющагося вторымъ по старшинству научно-медицинскимъ обществомъ въ Москвѣ (пріоритетъ старшинства принадлежитъ физико-медицинскому обществу, учрежденному въ 1804 г.). Инициатива учрежденія общества принадлежала извѣстному доктору профессору Ѳ. И. Иноземцеву, издателю-редактору «Московской Медицинской Газеты», но по недостатку времени Ѳ. И. не рѣшился стать во главѣ своего дѣтища, и первый президіумъ общества былъ избранъ въ такомъ составѣ: председатель—профессоръ И. М. Соколовъ; товарищъ председателя—докторъ С. А. Смирновъ (единственный нынѣ здравствующій учредитель общества); секретарь—докторъ А. И. Клементовскій. Съ самаго начала дѣятельность общества направилась по пути широкой научной работы. Уже въ первые годы его существованія на его засѣданія нерѣдко являлись главные врачи московскихъ больницъ (тогда бывшихъ еще въ приказѣ общественнаго призрѣнія) съ подробными докладами о положеніи больничнаго дѣла, о методахъ леченія и т. п., ища у общества научной критики и указаній. Сознвая всю важность объединенія научной мысли, общество въ первые же годы своего существованія выдвинуло вопросъ о созывѣ періодическихъ съѣздовъ естествоиспытателей и врачей, и только «независящія обстоятельства» не дали возможности провести тогда эту мысль, осуществившуюся уже позже. Еще до зарожденія земской медицины общество обсуждало вопросы, связанные съ наилучшей организаціей медицинской помощи въ деревнѣ. Въ 1876 г., во время сербско-турецкой войны, общество устроило у себя складъ пожертвованій и организовало военнополоходный лазаретъ, въ составѣ котораго отправились въ Бѣлградъ три врача, члены общества. Въ томъ же 1876 г. общество участвовало на всемірной выставкѣ въ Брюсселѣ (гдѣ получило серебряную медаль за экспонаты), а четырьмя годами ранѣе—на политехнической выставкѣ въ Москвѣ. Черезъ четыре года послѣ своего открытія, въ 1865 г., общество учредило существующую и понынѣ лечебницу для амбулаторныхъ больныхъ, причемъ установленная съ больныхъ

двадцатикопеечная плата шла всегда исключительно на расширеніе и улучшеніе лечебницы, врачи же въ ней принимали и принимаютъ бесплатно. Одновременно съ лечебницей открыта была аптека общества, также существующая и понынѣ, изъ которой часть посѣщающихъ лечебницу больныхъ получаетъ лекарства безвозмездно (на проценты съ капитала, пожертвованнаго госпожей Урюпиной, и инья средства). Почти тотчасъ же по своемъ открытіи общество приняло на себя (отъ Ѳ. И. Иноземцева) изданіе «Московской Медицинской Газеты» и вело изданіе 18 лѣтъ, до 1879 г., когда его пришлось прекратить за недостаткомъ средствъ. Черезъ годъ, въ 1880 г., общество стало издавать свои «Труды» (ежегодно по 2 полутома), а черезъ 24 г., въ 1904 г., общество перешло къ изданію журнала «Медицинское Обозрѣніе», который оно издаетъ и по сіе время и въ которомъ помѣщаются между прочимъ протоколы засѣданій общества. Всего за пятьдесятъ лѣтъ существованія общество имѣло 673 засѣданія, на которыхъ было заслушано 2,400 докладовъ, что составляетъ въ среднемъ по 13,4 засѣданія въ годъ и по 3,5 доклада въ засѣданіе. Общество содержитъ солидную библіотеку, которою пользуются и врачи не члены общества. При обществѣ существуетъ конкурсъ научныхъ работъ на премію имени В. А. Голицына, капиталъ которой собранъ въ 1904 году. Въ русско-японскую войну общество организовало краткосрочные курсы по уходу за больными и ранеными. Успѣхъ этихъ курсовъ побудилъ общество открыть постоянные популярныя курсы по медицинѣ, просуществовавшіе два года. Не чужда обществу и филантропическая дѣятельность. По смерти инициатора общества, доктора Ѳ. И. Иноземцева, учреждена была въ 1869 г. стипендія его имени для студентовъ-медиковъ московскаго университета. Такія же стипендіи, всего числомъ шесть, учреждались на медицинскомъ факультетѣ и въ память другихъ близкихъ обществу общественно-научныхъ дѣятелей,—перваго предсѣдателя общества, профессора И. М. Соколова, профессора С. С. Воткина, Н. И. Пирогова и другихъ. Съ 1909 г. общество располагаетъ капиталомъ, пожертвованнымъ В. П. Зеренинымъ; % съ этого капитала идутъ на пособія лицамъ медицинскаго званія, не принадлежащимъ къ составу общества. Съ 1906 г. общество отчисляетъ ежегодно 25% съ членскихъ взносов на постройку и содержаніе дома имени Н. И. Пирогова, сооружаемаго Пироговскимъ обществомъ врачей. Предсѣдателемъ общества русскихъ врачей состоитъ въ настоящее время докторъ І. Д. Сарычевъ; секретаремъ—докторъ В. И. Шамшинъ.

Общество Толстовскаго музея въ Москвѣ. 19 марта, въ 10 часу вечера, въ помѣщеніи литературно-художественнаго кружка состоялось организационное собраніе московскаго отдѣленія общества Толстовскаго музея. Открывая собраніе, князь А. И. Сумбатовъ сообщилъ, что общимъ собраніемъ общества Толстовскаго музея утверждены московское его отдѣленіе и выработанная его учредителями инструкція, что инструкція эта по порученію петербургскаго общества внесена на регистрацію городского присутствія по дѣламъ объ обществахъ. По ходатайству его московскій градоначальникъ разрѣшилъ организационное собраніе на основаніи закона о собраніяхъ и союзахъ для производства выборовъ должностныхъ лицъ и новыхъ членовъ московскаго отдѣленія. Затѣмъ предсѣдателемъ собранія избранъ былъ князь В. М. Голицынъ, а секретаремъ Н. Н. Богдановъ. Предсѣдатель предложилъ приступить къ выборамъ 12 членовъ

правления и пяти кандидатовъ къ нимъ. Долгіе дебаты возбудилъ вопросъ о срокѣ, на который должны быть произведены эти выборы. Собраніе огромнымъ большинствомъ голосовъ постановило произвести выборы 12 членовъ правленія и 5 кандидатовъ въ настоящемъ засѣданіи на три года. Выборы произведены были подачей записокъ. Избранными въ члены правленія оказались слѣдующія лица: князь А. И. Сумбатовъ, Н. В. Давыдовъ, В. Я. Брюсовъ, Н. М. Кишкинъ, В. В. Вересаевъ-Смидовичъ, А. Е. Грузинскій, графъ С. Л. Толстой, П. И. Бюрюковъ, С. А. Иванцовъ, князь В. М. Голицынъ, И. И. Горбуновъ-Посадовъ и Н. Д. Телешевъ. Кандидатами къ нимъ избраны: А. В. Цингеръ, Н. Н. Богдановъ, Ю. А. Бунинъ и И. И. Поповъ. 31 марта въ помѣщеніи литературно-художественнаго кружка состоялось первое очередное засѣданіе правленія московскаго отдѣленія общества музея имени Л. Н. Толстого, на этомъ засѣданіи былъ между прочимъ выработанъ проектъ инструкціи правленію, подлежащій утвержденію общаго собранія, регулирующій внутренній распорядокъ дѣятельности правленія; днемъ ближайшаго засѣданія общаго собранія назначено 24 апрѣля и рѣшено на первое время (до осени 1911 года) дѣятельность правленія посвятить главнымъ образомъ увеличенію личнаго состава членовъ отдѣленія общества. Затѣмъ было постановлено: 1) теперь же приступить къ подготовительной работѣ по устройству въ теченіе зимы 1911—1912 года въ Москвѣ Толстовской выставки и предложить общему собранію избрать для этого изъ своей среды особый выставочный комитетъ; 2) озаботиться основаніемъ библіотеки и 3) собраніемъ журнальныхъ и газетныхъ статей, посвященныхъ Л. Н. Толстому, какъ уже вышедшихъ, такъ и имѣющихъ появиться въ повременной печати. Далѣе были заслушаны и приняты предложенія председателя и секретаря правленія гг. Н. В. Давыдова и графа С. Л. Толстого о принесеніи въ даръ отдѣленію въ качествѣ матеріала для будущаго Толстовскаго музея собранія собственноручныхъ писемъ Льва Николаевича на имя названныхъ лицъ. Было также принято подобное же предложеніе П. А. Буланже, сдѣланное имъ въ письменной формѣ. Одной изъ ближайшихъ задачъ своихъ правленіе признало организацію экскурсій изъ Москвы въ Ясную Поляну для лицъ, желающихъ посѣтить могилу Льва Николаевича и осмотрѣть толстовскую усадьбу, къ осуществленію чего и было приступлено. Наконецъ, было постановлено озаботиться подготовленіемъ докладовъ и рефератовъ, посвященныхъ личности и твореніямъ Л. Н. Толстого, къ осеннему общему собранію отдѣленія (предположительно въ дату кончины Льва Николаевича).

Открытіе Толстовскаго музея. 27 марта, передъ открытіемъ музея имени Л. Н. Толстого, состоялось чрезвычайное собраніе общества Толстовскаго музея. На собраніи присутствовали многочисленные члены общества, среди которыхъ были, между прочимъ, бывший городской голова Н. А. Рѣзцовъ, членъ государственнаго совѣта А. В. Васильевъ, Н. А. Котляревскій, С. А. Венгеровъ, Г. К. Градовскій и др. По предложенію М. А. Стаховича, собраніе единогласно избрало въ почетные члены общества графиню С. А. Толстую и А. Л. Толстую. Затѣмъ М. А. Стаховичъ сдѣлалъ докладъ, въ связи съ открытіемъ музея. Онъ указалъ на тѣ мытарства, которыя обществу пришлось испытать, пока оно завершило свое дѣло. Когда все уже было налажено, неожиданно встрѣтились препятствія со стороны администраціи къ открытію музея въ томъ

помѣщеніи, гдѣ онъ теперь находится. Послѣ долгихъ ходатайствъ обществу было разрѣшено временно пользоваться для музея избраннымъ имъ помѣщеніемъ. Какъ видно далѣе изъ доклада, годовая расходная смѣта по музею исчислена въ 2¹/₂ тысячи рублей. Расходы по устройству музея составляютъ 500 рублей. Въ заключеніе М. А. Стаховичъ остановился на задачахъ музея. Музей этотъ явится началомъ того дома-музея, которымъ общество Толстовскаго музея предполагаетъ увѣковѣчить имя великаго писателя. Когда казанскіе студенты ѣздили на могилу Толстого,—говоритъ М. А. Стаховичъ,—университетскій сторожъ посоветовалъ имъ посадить на могилу Л. Н. березку, сказавъ при этомъ: «Вырастетъ тамъ березка, пошумитъ, охватитъ могилу корнями и будетъ намъ напоминать о томъ, кого мы любили». «Я думаю,—сказалъ М. А. Стаховичъ,—и музей—такая же березка. Когда онъ разовьется, вырастетъ, тогда—объединитъ вокругъ себя почитателей Л. Н. и будетъ вѣчно напоминать о томъ, кого мы такъ любили». Затѣмъ Г. К. Градовскій произнесъ привѣтственную рѣчь по поводу открытія музея—отъ имени постоянного комитета създа писателей. Отъ имени литературнаго фонда привѣтствовалъ общество Л. Ф. Пантелѣевъ. По случаю открытія музея получено также привѣтствіе отъ председателя московскаго отдѣленія общества Толстовскаго музея. Собраніе постановило отправить привѣтственную телеграмму В. Я. Богучарскому, который является однимъ изъ инициаторовъ музея и положилъ столько труда на его созданіе. Завѣдующимъ музеемъ избранъ П. Бирюковъ. Въ члены общества избраны: А. А. Стаховичъ, М. С. Ермолаевъ, А. С. Чемпковскій, Н. А. Огарева, Л. Я. Гуревичъ, О. Ѳ. Туганъ-Барановская, А. И. Срезневская, В. И. Ясевичъ, П. Г. Ганзенъ и докторъ Нюренбергъ. 27 марта состоялось открытіе Толстовскаго музея. Музей этотъ долженъ послужить преддверіемъ къ тому дому-музею, которымъ Толстовское общество желаетъ увѣковѣчить имя великаго писателя. Открывшійся музей, по собранному въ немъ разнообразному матеріалу, представляетъ значительный интересъ. Въ немъ сосредоточено все, что такъ или иначе связано съ именемъ великаго писателя. Здѣсь имѣются безчисленныя изображенія Л. Н., сочиненія его, вся литература о немъ, переписка великаго писателя, рукописи, автографы и др. Главный отдѣлъ музея—художественный. Въ немъ Л. Н. Толстой представленъ въ работахъ художниковъ и скульпторовъ. Выставлены, между прочимъ, работы Рѣпина, Гинцбурга, Пастернака, Ге, Владимірова и др. Среди многочисленныхъ портретовъ Л. Н. имѣется одинъ, нарисованный бывшимъ секретаремъ Л. Н. Толстого госпожей Игумновой. На одномъ столѣ помѣщена маска великаго писателя, снятая съ него въ Астаповѣ. Въ ящикѣ подъ стекломъ помѣщены блузы и ботинки Л. Н. Въ числѣ скульпторныхъ фигуръ есть, между прочимъ, маленькій бюстъ скульптора И. Я. Гинцбурга, вылѣпленный самимъ Л. Н. Толстымъ. На стѣнахъ вывѣшены многочисленныя виды Ясной Поляны. Въ углу комнаты помѣщенъ бюстъ Толстого изъ дерева, сдѣланный крестьяниномъ, почитателемъ Л. Н. Въ отдѣльной комнатѣ коллекція, собранная г. Войновымъ. Въ нее входятъ всѣ изображенія Толстого, начиная съ 50 годовъ до послѣднихъ его дней. Тутъ же помѣщены многочисленныя карикатуры на великаго писателя, появившіяся въ разное время въ журналахъ. Въ одной витринѣ собраны изображенія Толстого на плакатахъ, афишахъ, рекламныхъ объявленіяхъ и т. д. Въ литератур-

номъ отдѣлѣ, пока еще не совсѣмъ законченномъ, помѣщены сочиненія Л. Н. на всѣхъ языкахъ, литература о Толстомъ, газетныя и журнальныя статьи по поводу юбилеевъ и смерти великаго писателя, критическія статьи и т. д. Откликнулись на смерть великаго писателя самыя захолустныя уголки. Прислали свои письма, стихотворенія крестьяне, рабочіе и др. Есть среди этихъ откликовъ, между прочимъ, и книжка епископа Никона, изданная Свято-Троицкой лаврой, Въ этой книжкѣ епископъ Никонъ доказываетъ, что Л. Н. Толстой непременно попадетъ въ адъ за свои «грѣхи». Переписка Толстого представлена на выставкѣ письмами Л. Н. къ А. А. Толстой, Н. Н. Стахову, Н. Н. Ге, сектанту Н. Соколову, Вильяму Фрею и т. д. Далѣе выставлены автографы нѣкоторыхъ главъ изъ «Войны и Мира», изъ «Такъ что же намъ дѣлать» и др. Имѣется много расписокъ, удостовѣреній и т. д., написанныхъ Л. Н. Въ одной изъ витринъ въ числѣ прочихъ «документовъ» находится выданный въ 1896 г. Л. Н. Толстому изъ московской управы билетъ на право ѣзды на велосипедѣ. На открытіи музея присутствовала многочисленная публика, среди которой преобладали представители литературнаго міра, учащаяся молодежь и др. Музей будетъ открытъ ежедневно отъ часу дня до 6 часовъ вечера. Плата за входъ 20 коп., для учащихся—10 коп.

Въ юридическомъ обществѣ. 20 марта, подъ предѣлательствомъ М. М. Ковалевскаго, состоялось годовое собраніе членовъ юридическаго общества. Заслушанъ отчетъ о дѣятельности общества въ 1910 г. Въ этомъ году общество понесло крупныя утраты въ лицѣ скончавшихся почетныхъ членовъ его—С. А. Муромцева и С. В. Пахмана и дѣйствительныхъ членовъ—К. К. Ватсона, Д. А. Дриля, В. Р. Завадскаго, Н. Н. Эндена и другихъ. Память скончавшихся была почтена вставаніемъ. Всего къ 1 января 1911 г. въ обществѣ состояло 358 дѣйствительныхъ, 11 почетныхъ и 29 членовъ-сотрудниковъ. Гражданское отдѣленіе общества имѣло 8, а уголовное отдѣленіе 5 засѣданій. Сравнительно небольшое число засѣданій въ уголовномъ отдѣленіи объясняется, по словамъ отчета, тѣмъ, что силы редакціоннаго комитета были направлены на приготовленіе матеріаловъ для международнаго тюремнаго конгресса въ Вашингтонѣ. Приготовлено было 11 докладовъ. Авторами ихъ являлись В. Д. Набоковъ, О. О. Грузенбергъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, князь С. А. Друцкій, Е. М. Кулишеръ, и П. П. Люблинскій. Изъ казначейскаго отчета видно, что къ 1 января 1911 г. въ кассѣ общества состояло 20,461 рубль 20¹/₂ коп. Наиболѣе крупную статью дохода въ минувшемъ году составляли членскіе взносы—1,540 руб. Наиболѣе крупная статья расходовъ по изданію трудовъ юридическаго общества 1,229 руб. 10 коп. Отчетъ единогласно утвержденъ. Затѣмъ профессоръ А. М. Дьяконовъ произнесъ рѣчь, посвященную памяти В. И. Сергѣевича. Покойный не былъ членомъ юридическаго общества, но онъ въ теченіе 38 лѣтъ состоялъ профессоромъ на юридическомъ факультетѣ, и это дѣлаетъ его особенно близкимъ къ юридическому обществу. Ораторъ охарактеризовалъ значеніе В. И. Сергѣевича въ исторіи юридическихъ наукъ и указалъ на то вліяніе, которое имѣли его труды на русскую науку. Во всѣ эти труды могутъ быть внесены нѣкоторыя поправки, но миновать ихъ не можетъ ни одинъ русскій ученый. Имя В. И. въ исторической наукѣ бессмертно. М. М. Ковалевскій произнесъ рѣчь на тему: «Значеніе вѣча и князя для сравнительной исторіи государства». Рѣчь профессора В. Н. Бенешевича была посвящена памяти

М. И. Горчакова. Всѣ рѣчи были покрыты дружными аплодисментами собранія. Въ товарищи предсѣдателя общества избраны В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, а въ члены совѣта В. О. Люстихъ и А. А. Леонтьевъ.

Чествованіе А. Я. Гаркави. Тепло и задушевно чествовали 19 марта петербургская еврейская община и представители петербургскихъ еврейскихъ культурныхъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ извѣстнаго ученаго А. Я. Гаркави по случаю 50-лѣтія его ученой дѣятельности. Въ 8 ч. вечера юбиляръ явился въ Александровскій залъ большой хоральной синагоги. Залъ былъ переполненъ. При появленіи А. Я. Гаркави запѣлъ синагогальный хоръ, подъ аккомпаниментъ органа. Пѣніе хора всѣ выслушали стоя. Привѣтственную рѣчь отъ имени комитета по устройству юбилея произнесъ М. А. Варшавскій. Онъ привѣтствовалъ А. Я., какъ человѣка, посвятившаго всю свою жизнь изученію еврейской науки. Затѣмъ передъ юбиляромъ продефилировали представители еврейскихъ общинъ и обществъ, прочитавшіе около 30 привѣтственныхъ адресовъ на русскомъ и древне-еврейскомъ языкахъ. Специальныя депутаціи пріѣхали изъ Москвы (Л. С. Поляковъ, В. О. Гаркави и А. Л. Фуксъ), Двинска, Лиды (духовный раввинъ Райнесъ) и другихъ городовъ. Адресъ отъ имени петербургской общины прочиталъ присяжный повѣренный Г. Б. Сліозбергъ. «Еврейство,—говорится въ адресѣ,—празднуетъ сегодня 50-лѣтіе службы наукъ и народу одного изъ лучшихъ сыновъ его. Петербургская еврейская община, вмѣстѣ съ еврействомъ, съ гордостью взираетъ на своего старѣйшаго сочлена, неутомимаго просвѣтителя евреевъ, не перестающаго болѣе 50 лѣтъ вѣщать еврейству о его славномъ быломъ». М. М. Винаверъ прочиталъ адресъ отъ имени еврейскаго историко-этнографическаго общества. «Вы явились,—говорится въ адресѣ,—піонеромъ знанія о еврействѣ на зарѣ эпохи просвѣщенія. Вы устремились въ самыя темныя глубины еврейскаго прошлаго на территоріи нынѣшней Россіи. Вы пролили свѣтъ и на затерянные въ дали вѣковъ первыя еврейскія колоніи въ Черноморскомъ побережѣ, и на судьбы караимовъ Тавриды, и на первые признаки еврейской культуры въ Европейской Россіи». Адреса далѣе читали представители петербургскихъ синагогъ, общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи (адресъ читалъ докторъ Л. И. Каценельсонъ), общества любителей древне-еврейскаго языка (И. Ю. Марконъ), еврейскаго литературнаго общества (С. М. Гинзбургъ), еврейской энциклопедіи (М. И. Шефтель), еврейской академіи (И. А. Ефронъ), общества еврейской народной музыки, московской, двинской, виленской, ярославской, тагонрогской и другихъ еврейскихъ общинъ, рижскаго отдѣленія общества распространенія просвѣщенія между евреями, варшавскаго общества «Ахисафъ» и другіе. Шумные аплодисменты вызвали привѣтственный адресъ, присланный духовнымъ раввиномъ изъ Иерусалима. Затѣмъ были оглашены телеграммы, полученныя изъ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы. Получено свыше 300 телеграммъ, въ томъ числѣ отъ одесскаго комитета Палестинскаго общества, отъ виленскаго учительскаго института, отъ кіевской, варшавской, херсонской, бѣлостокской, казанской, крымской, гельсингфорсской, полтавской, томской и новгородской еврейскихъ общинъ, отъ комитета общества распространенія ремесленнаго и земледѣльческаго гряда среди евреевъ, отъ харьковскаго отдѣленія общества распространенія

просвѣщенія среди евреевъ, отъ томскаго, полтавскаго, бѣлостокскаго и либавскаго отдѣлений еврейскаго литературнаго общества, отъ учениковъ еврейскаго виленскаго коммерческаго училища, отъ С. Г. Фруга, отъ многихъ духовныхъ раввиновъ, отъ заграничныхъ просвѣтительныхъ обществъ и др. Шумными аплодисментами была покрыта телеграмма отъ общины гор. Новогрудка, родины юбиляра. А. Я. Гаркави въ краткой рѣчи горячо благодарилъ за всѣ привѣтствія и указалъ, что своєю 50-лѣтней дѣятельностью онъ, по мѣрѣ силъ, старался проложить дорогу къ изслѣдованію и изученію быта русскаго еврейства. О заслугахъ юбиляра передъ еврейскою наукою говорили затѣмъ Г. В. Слюзбергъ, докторъ Айзанштадтъ, докторъ Раппопортъ (Лембергъ) и Н. Соколовъ (Варшава). Чествованіе затянулось до полуночи.

Юбилей Николая Александровича Рубакина. 30 марта исполнилось четверть вѣка литературной дѣятельности Н. А. Рубакина. Онъ родился въ Ораніенбаумѣ въ 1862 г. въ зажиточной купеческой семьѣ. Его отецъ въ теченіе 18 лѣтъ состоялъ въ названномъ городѣ городскимъ головою, а мать, старообрядка, принимала дѣятельное участіе въ кружкахъ 60 годовъ, которые между прочимъ посѣщала Д. И. Писаревъ. Любопытно, что по желанію отца Н. А. до 14 лѣтъ продавалъ въ торговыхъ баняхъ вѣники—«по копейкѣ за штуку». Отданный затѣмъ въ петербургское реальное училище, онъ уже съ четвертаго класса началъ проявлять любовь къ литературному труду, и въ 1876 г. въ «Дѣтскомъ Читеніи» В. П. Острогорскаго была напечатана его первая проба пера—статейка, озаглавленная «Обоготвореніе животныхъ». Затѣмъ онъ началъ «сотрудничать» въ «Семейныхъ Вечерахъ» и другихъ дѣтскихъ журналахъ. Въ то же время «реалистъ» запоемъ читалъ книги. Такой любви къ чтенію много способствовала мать Н. А., которая въ 1875 г. открыла въ Петербургѣ библіотеку и, самоучкой изучивъ французскій языкъ, занялась переводами, причемъ перевела популярную въ то время книгу Бюхнера «Сила и матерія». Въ пятомъ классѣ реального училища, увлекшись идеями Огюста Конта, Н. А. поставилъ себѣ задачею приобрести «энциклопидическое образованіе» и итти съ этой цѣлью въ университетъ. Въ 1881 году Н. А. выдержалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и поступилъ на естественный факультетъ петербургскаго университета. Онъ слушалъ въ то же время лекціи также по юридическому и историческому факультетамъ. Особенное вліяніе на Н. А. оказали лекціи Менделѣева, Сѣченова, Семевского. Арестованный въ 1884 году по дѣлу о студенческой корпораціи, Рубакинъ отданъ былъ подъ гласный надзоръ полиціи. Въ томъ же году онъ написалъ сочиненіе на медаль «О развитіи крови и кровеносныхъ сосудовъ у зародыша цыпленка», за которое и былъ удостоенъ медали. Въ мартѣ 1886 года въ «Семейныхъ Вечерахъ» была помѣщена первая народная сказка Н. А. «Дѣдушка-время», появившаяся въ томъ же году отдѣльнымъ изданіемъ. И съ этого времени начинается непрерывная плодovitая литературная дѣятельность Н. А. Всего за 25 лѣтъ имъ написано 116 книжекъ, изъ которыхъ 43 безъ фамиліи или подъ псевдонимомъ. Кромѣ того, Н. А. много написано статей въ газетахъ и журналахъ «Русское Богатство», «Русская Мысль», «Вѣстникъ Европы», «Восходъ», «Образованіе», «Русская Школа», «Право», «Современный Міръ», «Жизнь», «Новый журналъ для всѣхъ», «Начало», «Новое Слово», «Сынъ Отечества» и въ разныхъ дѣтскихъ журналахъ. Затѣмъ Н. А. издано, составлено или отредак-

тировано около 20 разныхъ работъ, какъ, наприимѣръ, «Русская словесность» А. Мезьера, «Кругъ знаній» и др. Особенно усиленно работалъ Н. А. по народной литературѣ съ 1904 г. За короткое время имъ написано было около 40 книжекъ, выдержавшихъ по нѣскольку изданій (одна книжка не менѣе 50). Наканунѣ манифеста 17 октября имъ былъ выпущенъ въ свѣтъ большой трудъ «Среди книгъ», который разошелся въ теченіе двухъ лѣтъ. Занимаясь литературою, Н. А. чутко относился и къ общественнымъ дѣламъ, принимая въ нихъ живое участіе. Такъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ петербургскаго комитета грамотности, организовалъ большую бібліотеку, работалъ въ учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній и т. д. Въ 1894 г. въ квартирѣ Н. А. возникли литературныя собранія, положившія начало извѣстнымъ «литературнымъ ужинамъ», сыгравшимъ впоследствии большую роль въ общественномъ движеніи. Въ 1904 г. онъ высланъ былъ изъ Петербурга, причемъ Н. А. предложено было или отправиться на 5 лѣтъ въ Восточную Сибирь, или ѣхать за границу. Онъ выбралъ послѣднее и поселился въ Швейцаріи, въ Кларанѣ, гдѣ живетъ и въ настоящее время.

Юбилей Д. С. Здобнова. Въ мартѣ исполнилось сорокалѣтіе дѣятельности одного изъ старѣйшихъ петербургскихъ фотографовъ Д. С. Здобнова. Юбиларъ родился 3-го февраля 1850 г. въ деревнѣ Сукуватовѣ Покровскаго уѣзда Владимирской губерніи, гдѣ и получилъ первоначальное воспитаніе. Въ юношескомъ возрастѣ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь началъ изучать фотографическое искусство подъ руководствомъ своего дяди г. Плетникова въ его фотографіи. Затѣмъ онъ работалъ въ первоклассныхъ для своего времени фотографіяхъ К. Рень и К. Бергамаско, гдѣ окончательно усовершенствовался въ своемъ дѣлѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ Д. С. сошелся со студенческой средой и съ молодыми художниками, вліянію которыхъ онъ обязанъ своимъ дальнѣйшимъ общимъ и художественнымъ развитіемъ. Въ 1880 г. Д. С. открылъ собственную фотографію сперва въ Стрѣльнѣ, затѣмъ въ 1884 г. въ Петербургѣ. Съ 1890 г. здѣсь Д. С. приступилъ къ осуществленію своей завѣтной мысли создать фотографическую галерею русскихъ писателей и притомъ не исключительно современныхъ, но и прошлыхъ временъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ дѣлалъ снимки съ болѣе извѣстныхъ портретовъ масляными красками и съ гравюръ; эта галерея по справедливости заслуживаетъ большаго вниманія, и для коллекціонеровъ является хорошимъ украшеніемъ въ ихъ собраніи портретовъ писателей. Столь почтенная дѣятельность Д. С. Здобнова, искренно преданнаго своему дѣлу, собрала около него кружокъ столь же искреннихъ его цѣнителей, по преимуществу изъ петербургскихъ литераторовъ; они привѣтствовали юбиляра на товарищескомъ ужинѣ въ ресторанѣ «Вѣна» 24-го марта и поднесли ему листъ со своими автографами, въ числѣ которыхъ много стихотвореній, экспромтовъ и проч., относящихся къ юбилею. На имя юбиляра получено было большое число привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ.

Юбилей Э. А. Вольтера¹⁾. Въ концѣ 1910 г. исполнилось 25 лѣтъ преподавательской и 30 лѣтъ учено-литературной дѣятельности приватъ-доцента и бібліотекаря императорской академіи наукъ, Эдуарда Александровича Воль-

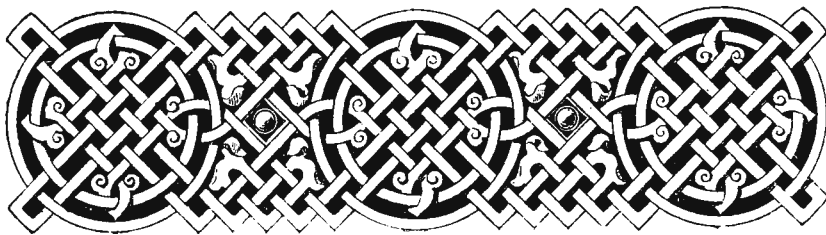
¹⁾ Сообщилъ В. Е. Рудаковъ.

тера. Юбилей этотъ былъ отмѣченъ, къ сожалѣнію, только представителями разныхъ литовскихъ учреждений и литовскихъ ученыхъ корпорацій. Между тѣмъ Э. А. Вольтеръ, справедливо пользующійся славою выдающагося знатока литовскихъ древностей и этнографіи, много поработалъ по изученію славянскихъ народностей и вообще по организаціи и усовершенствованію нашего библиотечнаго дѣла, которое, несмотря на его весьма серьезное значеніе, не привлекало до сихъ поръ почти ничего вниманія. Родился Э. А. Вольтеръ 6 марта 1856 г. въ Ригѣ, воспитывался въ юрьевскомъ (дерптскомъ) университетѣ и по окончаніи послѣдняго въ 1880 г. былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для подготовки къ профессорскому званію по кафедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и литовскаго языка въ университеты: харьковскій, московскій и петербургскій. За этою командировкою послѣдовала новая и болѣе продолжительная въ славянскія земли. Возвратившись оттуда въ 1886 г., онъ сталъ читать лекціи въ петербургскомъ университетѣ по литовской грамматикѣ и этнографіи лѣто-балтійскихъ языковъ. Одновременно съ приватъ-доцентурой Э. А. Вольтеръ состоитъ еще съ 1892 г. завѣдующимъ славянско-русскимъ отдѣленіемъ библиотеки академіи наукъ. Проявляя здѣсь широкую дѣятельность по упорядоченію библиотечнаго дѣла вообще, онъ, въ видахъ улучшенія и пополненія библиотеки, установилъ постоянныя сношенія съ славянскими культурно-просвѣтительными организаціями, академіями, общественными и государственными библиотеками и редакціями газетъ и журналовъ въ цѣломъ рядѣ славянскихъ городовъ. А съ 1901 г. уже нѣсколько разъ побывалъ въ Австріи, Германіи, Венгріи, Чехіи, Сербіи, Босніи и Герцоговинѣ, все съ той же цѣлю изученія и упорядоченія библиотечнаго дѣла, а также и ради собиранія коллекцій мѣстныхъ славянскихъ изданій, не находящихся въ академической библиотекѣ. Мало того, года три тому назадъ онъ, можно сказать, создалъ «Общество библиотекосвѣденія» и учредилъ особый «Библиографическій кружокъ» при университетѣ, состоя его единственнымъ руководителемъ. Состоя съ 1884 г. членомъ императорскаго русскаго географическаго общества, Э. А. Вольтеръ помѣстилъ въ его изданіяхъ рядъ своихъ изслѣдованій по этнографіи латышскаго племени. Вотъ, вкратчѣ, перечень его научныхъ трудовъ: «Обзоръ трудовъ по латышской этнографіи за 1879—1880 г.»; «Объ изученіи латышскаго языка и племени» (Вильна. 1887 г.); «Литовскій катехизисъ Даукши, 1595 года» (1886); «Отчетъ о поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди» (1887); «Божественная литургія св. Іоанна Златоуста» (на латышскомъ яз. Спб. 1887); «Жмудскія городища и древнія урочища Тельскаго уѣзда» (1888); «Археологическія коллекціи частныхъ лицъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ» (1889); «Литовскія легенды» (1890); «Матеріалы по этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи» (1890); «А. А. Потебня. Библиографическіе матеріалы» (1892); «Списки населенныхъ мѣстъ Сувалкской губерніи, какъ матеріалъ для историко-этнографической географіи края» (Изд. академіи наукъ. 1902 г.), и мн. др.

Кромѣ того, Э. А. Вольтеру принадлежитъ рядъ статей въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и

словесности академіи наукъ», «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Эфрона и въ разныхъ иностранныхъ журналахъ.

Книжное дѣло въ 1910 г. Главное управленіе по дѣламъ печати готовится къ выставкѣ печатныхъ произведеній, вышедшихъ въ 1910 г. Въ настоящее время заканчиваются составленіемъ статистическія данныя о книгахъ, появившихся въ истекшемъ году. Въ 1910 г. издано 29,057 книгъ въ 109.990,000 экземплярахъ, противъ 26,638 книгъ въ 101.466,908 экз. 1909 г. и 23,852 книгъ въ 75.868,320 экз. въ 1908 г. По мнѣнію главнаго управленія по дѣламъ печати, ростъ числа книгъ объясняется не увеличеніемъ производства, а лучшей постановкой регистраціи. Приняты всѣ мѣры, чтобы въ главное управленіе попадали всѣ книги, выходящія въ Россіи. До сихъ поръ, однако, не всѣ общества и учрежденія присылаютъ свои изданія. Примѣромъ могутъ служить московскій университетъ и московское археологическое общество, многія изданія которыхъ не имѣются въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. Если въ регистрацію попадутъ всѣ книги, то общее число печатныхъ произведеній, выходящихъ каждый годъ, установится приблизительно въ 29—30 тысячъ. На русскомъ языкѣ въ 1910 г. появилась 22,321 книга, противъ 20,698 въ 1909 г. На всѣхъ остальныхъ языкахъ издано 6,736 книгъ, противъ 5,940 въ 1909 г. На польскомъ языкѣ напечатано 2,062 книги (въ 1909 г.—1,906 книгъ), на еврейскомъ—903 (въ 1909 г.—601), на нѣмецкомъ—884 (756), на латышскомъ—649 (626), на эстонскомъ—454 (355), на татарскомъ—313 (383), на армянскомъ—203 (190), на грузинскомъ—117 (108) и т. д. Въ этомъ году главное управленіе по дѣламъ печати подчинилось общему требованію публики и ввело отдѣльныя рубрики для книгъ на малороссійскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ. На малороссійскомъ языкѣ издано 180 книгъ и на бѣлорусскомъ языкѣ—14. Кромѣ того, книги, изданныя по-еврейски, раздѣлены на двѣ группы: на древне-еврейскія—453 и еврейскія (жаргонныя)—450. Въ общемъ въ 1910 г. книги издавались на 44 языкахъ и нарѣчіяхъ. Интересно распредѣленіе книгъ по содержанию. По религіи въ истекшемъ году напечатано 2,232 книги въ 8,692,389 экз., противъ 2141 книги въ 7,749,470 экз. въ 1909 г. По беллетристикѣ издано 2,013 книгъ въ 6.692,149 экз., собраній сочиненій—329 въ 1.032,575 экз., народныхъ—1,595 въ 15.541,645 экз., дѣтскихъ—1,287 въ 5.727,083 экз., учебниковъ—2,075 въ 20.730,510 экз., календарей—734 въ 13.902,357 экз. и т. д. Религіозныя книги печатались почти на всѣхъ языкахъ, въ томъ числѣ на калмыцкомъ, киргизскомъ, арабскомъ, персидскомъ и т. д. Исключеніе составляютъ лишь такіе языки, какъ англійскій, итальянскій, французскій и др. Характерно то, что инородцы сравнительно издаютъ больше религіозныхъ книгъ, чѣмъ русскіе. На русскомъ языкѣ по религіи появилось 1,103 книги въ 5.043,775 экз., а на всѣхъ другихъ языкахъ—1,129 книгъ въ 3.648,624 экз. На выставкѣ текущаго года всѣ эти данныя появятся не въ видѣ таблицъ, а будутъ напечатаны въ специальномъ сборникѣ. Особый интересъ представляютъ статистическія данныя объ издателяхъ и о городахъ. Данныя эти появятся впервые.

НЕКРОЛОГИ.

АКВИЛОНОВЪ, Е. П. 30-го марта скончался протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства, докторъ богословія Евгений Петровичъ Аквилоновъ. Онъ пробылъ во главѣ военнаго и морскаго духовенства годъ съ небольшимъ и за это короткое время старательно заботился объ улучшеніяхъ административнаго механизма вѣдомства и о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи вѣрнной его высшему попеченію войсковой паствы. Далекъ не старый человѣкъ (онъ умеръ сорока девяти лѣтъ), полный энергіи, силъ и знаній, онъ могъ бы принести военно-морскому духовенству много пользы. Покойный, сынъ тамбовскаго кафедральнаго протоіерея, родился въ 1862 году, учился въ тамбовской духовной семинаріи и, какъ лучший воспитанникъ, былъ отправленъ на казенный счетъ въ петербургскую академію. Академическій курсъ отецъ Евгений окончилъ въ 1886 году магистрантомъ и тогда же опредѣленъ помощникомъ инспектора академіи и въ 1890 году назначенъ ея доцентомъ. Не оставляя академіи, покойный въ 1896 году принялъ священство и былъ рукоположенъ въ священники Знаменской Входеоерусалимской церкви. Въ это время онъ издалъ уже рядъ своихъ трудовъ, изъ которыхъ наиболѣе цѣнны: «Церковь: научныя опредѣленія церкви и апостольское ученіе о ней, какъ о тѣлѣ Христовомъ» и опытъ догматико-экзегетическаго изслѣдованія. «Новозавѣтное ученіе о церкви». Въ 1899 году отецъ Евгений за свои ученые труды былъ удостоенъ степени магистра богословія и въ 1905 году за теологическое изслѣдованіе о «бытіи Божіемъ» получилъ рѣдкую степень доктора богословія, макарьевскую премію и почетный отзывъ. Въ 1903 году покойный былъ приглашенъ законоучителемъ

императорскаго историко-филологическаго института, въ томъ же году назначенъ настоятелемъ церкви Кавалергардскаго Ея Величества полка и вскорѣ помощникомъ протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, явившись сперва ближайшимъ сотрудникомъ и съ мая прошлаго года преемникомъ отца А. А. Желобовскаго. Покойный имѣлъ всѣ высшія награды до палицы и митры включительно. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г. № 12590).

† **Антиповъ, И. А.** 4 апрѣля, послѣ непродолжительной болѣзни, скончался горный инженеръ И. А. Антиповъ. Покойный, окончивъ полоцкій военный корпусъ, поступилъ въ горный институтъ и въ 1880 году молодымъ, двадцатидвухлѣтнимъ инженеромъ уже завѣдывалъ лабораторіей при Барнаульскихъ заводахъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ. Затѣмъ долгое время былъ управляющимъ рудниками и цинковымъ заводомъ фонъ-Дервиза. Часто получалъ отъ вѣдомствъ спеціальныя командировки, между прочимъ по изслѣдованію кавказскихъ минеральныхъ водъ. Въ 1898 году И. А. былъ приглашенъ въ петербургскій технологическій институтъ преподавателемъ металлургіи, на каковой должности пробылъ до конца своей жизни. Съ первыхъ дней своей инженерской работы И. А. посвятилъ себя металлургіи свинца, серебра, мѣди и цинка и въ этой области приобрѣлъ имя одного изъ лучшихъ знакоковъ. Его небольшая по объему книга «Металлургія мѣди и серебра» считается весьма цѣннымъ вкладомъ въ науку. Кромѣ того, онъ интересовался химіей и минералогіей, открылъ новыя разновидности минераловъ, названныя имъ свинцовымъ малахитомъ и ферганомъ, нашелъ новыя кристаллическія образованія въ металлургическихъ печахъ и т. д. Въ послѣдніе годы И. А. занимался исключительно радіемъ, отыскивая способы выработки радія, недавно совершилъ въ этихъ цѣляхъ поѣзку въ Фергану для изслѣдованія найденной тамъ уранической руды, содержащей большія доли радія. О результатахъ этой поѣздки, а также о весьма оригинальной и своеобразной разности свинцоваго блеска и кристаллахъ карборунда изъ доменной печи въ связи съ природой этихъ кристалловъ И. А. долженъ былъ сдѣлать докладъ въ петербургскомъ обществѣ естествоиспытателей. Неожиданная болѣзнь легкихъ, начавшаяся съ простой инфлюэнцы, унесла самостоятельнаго изслѣдователя въ моментъ расцвѣта его научныхъ работъ. И. А. принадлежитъ инициатива по созданію лабораторіи при геологическомъ комитетѣ. Въ институтѣ И. А. своимъ серьезнымъ и живымъ преподаваніемъ, любовью къ предмету, добрымъ отношеніямъ къ студентамъ и товарищамъ приобрѣлъ общее расположеніе. Любя молодежь и искренно желая ея добра, И. А. не стѣснялся высказывать ей свое мнѣніе, какъ гражданинъ и какъ преподаватель. Остроумный собесѣдникъ, добрый человекъ, И. А. пользовался любовью всѣхъ, кто былъ съ нимъ близокъ. (Некрологъ: «Новое Время», 1911 г., № 12597).

† **Блумбергъ, К. М.** Скончавшійся 2-го апрѣля директоръ петербургской пятой гимназіи Константинъ Матвѣевичъ Блумбергъ пользовался среди педагоговъ репутацией вдумчиваго и опытнаго руководителя учащейся молодежи. Онъ посвятилъ всецѣло свои силы и знанія дѣлу воспитанія и обученія, относился любовно къ дѣтямъ и за время своей службы въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ заслужилъ симпатіи учащихся и ихъ родителей. Покойный ро-

дился въ 1853 году. По окончаніи курса въ юрьевскомъ университетѣ по филологическому факультету, онъ началъ свою дѣятельность въ Юрьевѣ въ 1876 г., черезъ два года перевелся въ Петербургъ и сосредоточилъ свое преподаваніе въ Ларинской гимназіи, въ которой съ 1882 года былъ инспекторомъ. Въ 1898 году К. М. былъ назначенъ директоромъ сперва Введенской, затѣмъ восьмой гимназіи. Съ 1906 года въ теченіе двухъ лѣтъ покойный былъ окружнымъ инспекторомъ петербургскаго учебнаго округа, но эта дѣятельность, оторвавъ его отъ близкаго соприкосновенія съ учащимися, не удовлетворила его, и онъ вновь вернулся на должность директора, но уже пятой гимназіи. Кромѣ того, К. М. былъ съ 1884 года предсѣдателемъ педагогическаго совѣта женской гимназіи Э. П. Шаффе. Еще при жизни покойнаго его дѣятельность была достойно оценена родителями учениковъ восьмой гимназіи, которые учредили при этой гимназіи стипендію его имени и получили разрѣшеніе повѣсить его портретъ въ актовомъ залѣ гимназіи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12597).

† **Кочетовъ, Б. Е.** Тяжкая и мучительная болѣзнь свела въ могилу сотрудника «Новаго Времени» Бориса Евгеньевича Кочетова, скончавшагося 12-го апрѣля. Туберкулезъ легкихъ медленно подтачивалъ его силы. Поѣздка за границу и на югъ и тщательное леченіе помогли, но мало; недавно пришлось ему выдержать серьезную операцію. Умеръ онъ въ цвѣтущемъ возрастѣ—тридцати семи лѣтъ. Сынъ извѣстнаго сотрудника «Новаго Времени» Е. Л. Кочетова (Русскій Странникъ), покойный окончилъ курсъ въ императорскомъ лицей въ память цесаревича Николая въ Москвѣ, затѣмъ въ московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету. По окончаніи курса онъ переселился въ Петербургъ, избралъ для своей дѣятельности журналистику и сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Новаго Времени». Его интересовали текущія событія и особенно въ области торговли, промышленности и этнографіи, и онъ явился однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и точныхъ сотрудниковъ газеты. Одновременно онъ служилъ сперва въ министерствѣ финансовъ по департаменту торговли и мануфактуръ, затѣмъ во вновь образованномъ министерствѣ торговли и промышленности, сосредоточивъ свою работу въ послѣдніе годы въ главномъ по фабричнымъ и торговымъ дѣламъ присутствіи. Какъ человекъ, покойный отличался рѣдкимъ доброжелательствомъ, корректностью и хрустальной честностью убѣжденій. Не было случая, чтобы Б. Е. отказалъ кому-нибудь въ своей посильной помощи. Особенно безукоризненны были его товарищескія отношенія. Среди всѣхъ знавшихъ его онъ пользовался симпатіями и оставилъ по себѣ прекрасную память. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12602).

† **Крыжицкій, К. Я.** Художественный міръ понесъ большую утрату: окончилъ самоубійствомъ художникъ Константинъ Яковлевичъ Крыжицкій. Ничто не предвѣщало этой трагедіи. Никто, кромѣ самыхъ близкихъ друзей, не могъ себѣ представить, что предьявленное къ покойному нѣкоторыми художниками обвиненіе въ плагиатѣ могло такъ отразиться на его нервной системѣ. Напротивъ, казалось, что К. Я. спокойно отнесся къ этому обвиненію. Онъ всѣмъ говорилъ, что третейскій судъ выяснитъ его правоту. Внѣшнее спокой-

ствіе, однако, было обманчиво. 4-го апрѣля К. Я. Крыжицкаго нашли повѣсившимся въ его мастерской. Первой обнаружила трупъ прислуга, пришедшая въ восемь часовъ утра убирать мастерскую. Она нашла К. Я. висящимъ на шнуркѣ, привязанномъ къ оконной рамѣ. На крикъ прислуги въ мастерскую прибѣжалъ старшій сынъ покойнаго, студентъ петербургскаго университета. Онъ снялъ своего отца съ петли. По телефону были вызваны врачи, которые могли только констатировать, что смерть художника послѣдовала, по ихъ мнѣнію, за 2—3 часа до ихъ прихода. К. Я. Крыжицкій родился въ Кіевѣ 17-го мая 1858 года. Среднее образованіе онъ получилъ въ мѣстномъ реальномъ училищѣ. Съ перваго класса покойный сталъ усердно заниматься рисованіемъ и, спустя нѣкоторое время, сталъ посѣщать одновременно съ училищемъ кіевскую рисовальную школу. Въ 1877 года онъ былъ принятъ въ академію художествъ въ число учениковъ профессора, барона М. К. Клодта, по пейзажному классу. Въ рисовальныхъ классахъ ему были присуждены четыре серебряныя медали. Въ 1883 году за картину «Дубы» академія выдала ему малую золотую медаль. Въ 1884 году за картину «Видъ въ Кіевской губерніи», писанную на большую золотую медаль, онъ получилъ званіе класснаго художника первой степени. За картину «Лѣсныя дали», выставленную въ академіи въ 1889 году, К. Я. было присуждено званіе академика живописи. Въ 1900 году его избрали въ дѣйствительные члены академіи художествъ. Произведенія трагически скончавшагося художника появлялись на академическихъ выставкахъ и на выставкахъ общества акварелистовъ, членомъ котораго онъ состоялъ. Неоднократно его картины выставялись въ провинціи и за границей. На всемірной выставкѣ въ Мюнхенѣ въ 1909 году онъ былъ удостоенъ малой золотой медали за картину «Морозное утро», являющуюся собственностью академіи художествъ. Въ музеѣ Александра III находятся слѣдующія картины покойнаго: «Осень», «Прояняется», «Снѣгъ выпалъ въ сентябрѣ», «Сѣрый день», «Передъ полуднемъ» и рисунокъ углемъ. Академія художествъ владѣетъ слѣдующими произведеніями покойнаго: «Хуторъ въ Малороссіи», «Штиль», «Осенній вечеръ», «Еловый лѣсъ», «Балтійское море», «Жаръ свалилъ, повѣяло прохладой» и «Морозное утро». На только что закрывшейся весенней выставкѣ академія приобрѣла картину «Повѣяло весной», вызвавшую обвиненіе въ плагиатѣ. Въ Третьяковской галереѣ въ Москвѣ имѣется картина К. Я. «Гроза собирается». Нѣкоторыя произведенія покойнаго академія передала въ провинціальныя музеи Саратова, Екатеринбурга, Харькова и др. Нѣсколько сотъ картинъ К. Я. находятся въ рукахъ частныхъ коллекціонеровъ. Два года назадъ покойнымъ, совмѣстно съ другими художниками, было организовано общество имени А. И. Куинджи, гдѣ онъ состоялъ предсѣдателемъ. К. Я., кромѣ того, за послѣдніе годы предсѣдательствовалъ на всѣхъ собраніяхъ экспонентовъ весенней выставки, въ послѣдній разъ онъ былъ предсѣдателемъ на собраніи 2-го апрѣля. К. Я. состоялъ также членомъ общества «L'union des beaux arts et des lettres». Въ прошломъ году художественный міръ чествовалъ К. Я. по случаю двадцатипятилѣтія его дѣятельности. Послѣ смерти профессора А. А. Киселева К. Я. былъ предложенъ въ профессору руководители пейзажной мастерской высшаго художественнаго училища, но онъ снялъ свою кандидатуру. К. Я. Крыжицкій

былъ также извѣстенъ, какъ общественный дѣятель. Покойный живо интересовался освободительнымъ движеніемъ. Неоднократно онъ предсѣдательствовалъ на собраніяхъ художниковъ, состоявшихся въ 1905 году. К. Я. принималъ въ то время дѣятельное участіе и въ адмиралтейскомъ комитетѣ партіи народной свободы, которая выставила его въ выборщики во вторую государственную думу. Когда возникло общество обывателей и избирателей Адмиралтейской части, К. Я. былъ избранъ въ члены правленія. Покойный также состоялъ членомъ нѣкоторыхъ благотворительныхъ обществъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 93.)

† **Недзялковскій, К.** 25-го марта въ Житомирѣ послѣ продолжительной болѣзни скончался луцко-житомирскій епископъ Карлъ Недзялковскій. Епископъ Недзялковскій родился въ Кременцѣ, Волынской губерніи, въ 1846 году. Первоначальное образованіе получилъ въ луцкой дворянской школѣ, затѣмъ поступилъ въ каменецъ-подольскую гимназію, которую окончилъ въ 1862 году. По пробытіи одного года въ духовной семинаріи въ Каменецъ-Подольскѣ былъ отправленъ въ петербургскую римско-католическую духовную академію, курсъ которой и окончилъ со званіемъ магистра богословія и переѣхалъ въ Житомиръ. Въ 1869 году К. Недзялковскій былъ рукоположенъ въ священническій санъ. Въ 1872 году Недзялковскій былъ назначенъ секретаремъ епископской куріи и занималъ должность до 1881 года. Въ 1890 году былъ назначенъ ректоромъ житомирской духовной семинаріи. Въ 1897 году получилъ званіе титулярнаго самоскаго епископа и одновременно суфрагана моголевской епархіи. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Петербургѣ въ должности ректора академіи и нѣкоторое время администратора епархіи Недзялковскій возвратился въ Житомиръ въ санѣ луцко-житомирскаго епископа. Покойный извѣстенъ, какъ авторъ ряда публицистическихъ статей. Извѣстна была въ свое время его книга «Nie tedy droga szapowne ranie!» Изъ болѣе крупныхъ трудовъ его извѣстны «За основы христіанства», «Миражи мудрости», «Впечатлѣнія изъ паломничества», и др. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12588).

† **Овсяниковъ, В. П.** Родился въ 1862 году въ Петербургѣ и здѣсь же получилъ свое образованіе во второмъ реальномъ училищѣ, по окончаніи котораго поступилъ въ академію художествъ, куда его влекла страсть къ живописи. Работая довольно усердно и увлекаясь, какъ и многіе, путешествіями, онъ въ 1882 году уѣхалъ въ Персію, а въ 1884 году, по возвращеніи, опять поступилъ въ академію, но уже вольнослушающимъ, и довольно энергично принялся за работу, но уже по декоративному классу. Вскорѣ онъ получилъ почетную медаль за этюдъ, исполненный клеевыми красками. В. П. много занимался иллюстраціями въ духѣ Н. Каразина, которому сильно подражалъ, участвовалъ во всѣхъ нашихъ иллюстрированныхъ журналахъ, побывалъ съ экспедиціей въ Монголіи, откуда привезъ много хорошихъ акварелей, долгіе годы былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ членовъ общества петербургскихъ художниковъ и вообще отличался неутомимостью и рѣдкой отзывчивостью. Послѣ раскола, происшедшаго въ обществѣ петербургскихъ художниковъ, онъ вмѣстѣ съ группой наиболѣе талантливыхъ членовъ его вышелъ и образовалъ самостоятельное товарищество художниковъ, гдѣ до своей тяжкой бо-

лѣзни былъ въ числѣ администраторовъ. Съ давнихъ поръ В. П. Овсяниковъ состоялъ членомъ общества русскихъ акварелистовъ, написалъ множество всевозможныхъ пано, сдѣлалъ много декоративныхъ рисунковъ и съ удивительнымъ умѣньемъ умудрялся всякую работу, всякій заказъ исполнять немедленно и почти всегда такъ, что они вполне удовлетворяли заказчика. Нѣкоторыя его декоративныя пано поражали талантомъ. Къ сожалѣнію, по многимъ причинамъ онъ не отдался всецѣло любимому дѣлу, а подходилъ къ нему лишь изрѣдка. Года полтора назадъ его изнервничавшагося и усталого поразилъ параличъ и результатомъ этого было то, что В. П. потерялъ возможность свободно владѣть правой рукой. Тогда, хотя въ немъ и была вѣра, что со временемъ это пройдетъ, онъ сталъ учиться писать лѣвой рукой и скоро свободно владѣлъ ею. «Когда знаешь, какъ надо работать и что нужно сдѣлать, и лѣвой можно написать», говорилъ этотъ милый, хорошій человекъ, всегда такъ ласково и доброжелательно относившійся ко всемъ. Параличъ сердца свелъ его въ могилу 18-го марта утромъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12579).

† **Патенко, Ѳ. А.** Въ Харьковѣ послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни скончался бывший профессоръ харьковскаго университета Ѳеодосій Алексѣевичъ Патенко. Покойный занималъ въ харьковскомъ университетѣ аэдрю судебной медицины, которую оставилъ только два года назадъ. Родился Ѳ. А. въ 1851 году. Послѣ окончанія въ 1871 году николаевской гимназии онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ петербургскаго университета, но въ 1873 году перешелъ въ медико-хирургическую академію, которую и окончилъ въ 1878 году. Во время командировки академіей за границу, въ 1880 году, Ѳ. А. занимался у профессора Вирхова. Возвратившись въ Россію, онъ въ томъ же году защитилъ диссертацию на степень доктора медицины: «О развитіи фиброзныхъ тѣлъ въ яичникахъ». Въ 1883 году былъ вновь командированъ за границу на два года, гдѣ занимался судебной медициной у профессоровъ Гофмана, Бруардема, Лимана, Вюльпіана, Вирхова и Цунтца. Въ 1887 году Ѳ. А. Патенко былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ судебной медицины въ харьковскій университетъ. Труды покойнаго печатались въ различныхъ специальныхъ журналахъ русскихъ и иностранныхъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г. № 12588).

† **Савицкая, М. Г.** 27-го марта скончалась артистка Художественнаго театра Маргарита Георгіевна Савицкая, одна изъ немногихъ артистокъ этого театра, служившая въ немъ съ самаго его основанія. Окончаніе ею курса въ филармоническомъ училищѣ совпало по времени съ началомъ дѣятельности Художественнаго театра, открывшагося въ томъ же году. По рекомендаціи своего учителя г. Немировича-Данченка, покойная была зачислена въ труппу Художественнаго театра и быстро завосвала въ ней видное положеніе. Въ первый же годъ своего пребыванія въ ней артистка сумѣла выдвинуться исполненіемъ заглавной роли Антигоны Софокла. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ другихъ отвѣтственныхъ ролей: царицы Ирины—въ «Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ», Весны—въ «Сибѣгурочкѣ», Анны—въ «На днѣ», Ольги—въ «Трехъ сестрахъ», фру Альвингъ—въ «Привидѣніяхъ», Вари—въ «Вишневомъ саду» и др. Послѣднею изъ исполненныхъ ею ролей была роль Тарусиной въ комедіи Островскаго «На

всякаго мудреца довольно простоты». Вся ея артистическая дѣятельность протекла на сценѣ Художественнаго театра. Кромѣ того, она состояла преподавательницей на существующихъ при театрѣ сценическихъ курсахъ. Скончалась она отъ рака кишекъ. (Некрологъ ея: «Московскія Вѣдомости» 1911 г., № 71.)

† **Фонъ-Меккъ, А. К.** Незамѣнимую утрату понесло императорское общество для содѣйствія русскому торговому мореходству въ лицѣ скончавшагося А. К., лишь недавно избраннаго предсѣдателемъ его. А. К. былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и энергичныхъ сотрудниковъ общества и однимъ изъ лучшихъ знатоковъ торговаго судоходства. Съ особенной любовью онъ отдавался этому дѣлу и въ теченіе многихъ лѣтъ плодотворно работалъ на этомъ поприщѣ. А. К. состоялъ членомъ правленія общества съ 1889 года и съ 1895 года, былъ безсмѣннымъ членомъ-дѣлопроизводителемъ до конца 1910 года; послѣ краткаго перерыва онъ снова принялся за обычную работу на пользу общества уже въ качествѣ его предсѣдателя. И лишь злой недугъ положилъ конецъ этой плодотворной работѣ. Въ засѣданіяхъ общества имъ были сдѣланы многочисленные доклады. Въ качествѣ члена правленія и предсѣдателя онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и расположеніемъ какъ членовъ общества, такъ и всѣхъ лицъ, съ которыми ему приходилось соприкасаться. Очень часто въ качествѣ делегата общества онъ принималъ участіе, какъ въ Россіи, такъ и за границей, въ сѣздахъ по вопросамъ судоходства, въ частности по устройству портовъ и образованію моряковъ и въ особенности въ бывшемъ въ Москвѣ при обществѣ первомъ сѣздѣ русскихъ дѣятелей по воднымъ путямъ, созванномъ по инициативѣ и при ближайшемъ содѣйствіи А. К. Въмѣстѣ съ тѣмъ А. К. состоялъ постояннымъ представителемъ общества въ совѣтъ по дѣламъ торговаго мореплаванія. Никогда не искавший въ своей жизни ничего лично для себя, покойный всегда отдавалъ свои силы и свое время на то, что могло принести пользу или наукѣ, или страждущему человѣчеству. Въ каждое дѣло, котораго онъ касался, онъ вносилъ духъ личной инициативы и проявлялъ рѣдкую способность воплощать свои мечты въ конкретныя жизнеспособныя формы. Пожелаемъ отъ всей души, чтобы Россія не оскудѣвала такими людьми, какимъ былъ покойный А. К., скромный и нетребовательный для себя лично, но сильный любовью къ человѣчеству и къ свѣту знанія; ему на алтарь принесъ онъ въ жертву и свою собственную жизнь. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1911 г., № 63).

† **Хвольсонъ, Д. А.** 23 марта, въ 6¹/₂ час. вечера на 93 году скончался извѣстный ориенталистъ и выдающийся семитологъ, профессоръ Даниэль Абрамовичъ Хвольсонъ. Д. А. родился въ Вильнѣ въ 1819 г. въ бѣдной еврейской семьѣ. Еврейское религіозное образованіе онъ получилъ въ хедерѣ и ешиботѣ, гдѣ изучалъ библію, талмудъ и произведенія средневѣковыхъ еврейскихъ ученыхъ. На 18 году Д. А. еще не зналъ ни одного языка, кромѣ еврейскаго. Въ 3 года онъ самъ, безъ всякой посторонней помощи и съ неимовѣрнымъ трудомъ научился нѣмецкому, а затѣмъ русскому и французскому языкамъ. Въ 1841 году Д. А. отправился пѣшкомъ въ Бреславль, надѣясь поступить въ гимназію, но это оказалось невозможнымъ, вѣдствие незнанія имъ классическихъ языковъ. Учителя мѣстной гимназіи обратили вниманіе на молодого способнаго человѣка

и подготовили его къ поступленію въ бреславльскій университетъ. Въ 1850 г. покойный получилъ въ лейпцигскомъ университетѣ степень доктора философіи, по защитѣ имъ диссертациі «Die Ssabier und der Ssabismus». Это сочиненіе сразу упрочило за молодымъ ученымъ почетное положеніе въ ученое мѣрѣ. Съ 1855 г. Д. А. занималъ кафедру еврейской, сирійской и халдейской словесности на восточномъ факультетѣ петербургскаго университета. Съ 1858 г. по 1883 г. онъ преподавалъ еврейскій языкъ и библейскую археологію въ петербургской православной духовной академіи, а съ 1858 г. по 1884 г. — еврейскій языкъ въ петербургской римско-католической академіи. Въ 1908 г. Д. А. за его научныя заслуги былъ избранъ въ почетные члены академіи наукъ. Многочисленные и разнообразныя труды покойнаго, свидѣтельствующіе о глубокомъ и всестороннемъ изученіи авторомъ всей области семитическихъ литературъ, открыли для исторической науки многіе неизвѣстные до того времени рукописи и памятники. Таковы: «Ueber die Ueberreste der altbabylonischen Literatur in arabischen Uebersetzungen», «18 еврейскихъ надгробныхъ надписей изъ Крыма», «Извѣстія о хозарахъ, бургасахъ, мадырахъ, славянахъ и руссахъ—Абу-Али-Амхеда, бенъ Омара-Ибнъ-Даста, неизвѣстнаго доселѣ арабскаго писателя начала X вѣка по рукописи британскаго музея» (Петербургъ, 1869 г.), «Новооткрытый памятникъ моавитскаго царя Меша», «Сборникъ еврейскихъ надписей» и много другихъ. Къ области библейской экзегетики принадлежитъ сочиненіе покойнаго «Послѣдняя пасхальная вечеря Иисуса Христа и день Его смерти». Въ переработанномъ и значительно дополненномъ видѣ трудъ этотъ появился подъ заглавіемъ: «Das letzte Passamahl Christi und der Tag seines Todes» (1892) г. Этотъ трудъ представляетъ собою основанное на глубокомъ изученіи и тонкомъ анализѣ источниковъ изслѣдованіе объ отношеніяхъ саддукеевъ и фарисеевъ къ Иисусу Христу и первымъ христіанскимъ общинамъ. Вопреки традиціонному представленію, Д. А. доказываетъ, что лишь стоявшая въ послѣднемъ до разрушенія храма вѣкѣ у власти партія аристократовъ-саддукеевъ могла быть заинтересована въ казни Христа, а не народъ и не его учителя-фарисеи. Покойный состоялъ членомъ комитета при петербургской духовной академіи для перевода Ветхаго Завѣта. Онъ перевелъ на русскій языкъ около $\frac{2}{3}$ ветхозавѣтныхъ книгъ. Общее вниманіе обратило на себя его изслѣдованіе «О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ», благодаря которому, между прочимъ, невинно обвиненные въ похищеніи ребенка еврей въ Кутаисѣ въ 1880 г. были оправданы судомъ и освобождены отъ тюремнаго заключенія, въ которомъ они томилась 12 лѣтъ. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1911 г., № 81).

† **Яковицкая, М. Е.** 16-го марта скончалась Марія Еюимовна Яковицкая. Покойная многіе годы всю себя отдавала на служеніе ближнимъ. Она работала исключительно въ такихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, гдѣ объ оплатѣ труда не можетъ быть и рѣчи. Нѣсколько лѣтъ чуть не ежедневно ѣздила съ Васильевскаго острова въ смоленскіе классы для рабочихъ, находящіяся на двѣнадцатой верстѣ по шлиссельбургской дорогѣ. Затѣмъ работала въ безплатной гаванской библіотекѣ. Занималась ежедневно въ школѣ для рабочихъ при трубочномъ заводѣ. Будучи всю жизнь одинокой, М. Е. горячо любила дѣтей: въ періодъ сокращенія дѣятельности истербургскихъ заводовъ она энер-

гично работала въ открывшихся тогда дѣтскихъ столовыхъ; даже послѣ ихъ закрытія она кормила очень много дѣтей на свой счетъ молокомъ. Трудно перечислить все услуги, оказанныя ею учащейся молодежи высшихъ женскихъ курсовъ. Пріѣзжія курсистки жили у нея до пріисканія квартиры; заботливѣйшихъ она устраивала по больницамъ и своей поддержкой она дала многимъ возможность окончить образованіе и сдѣлаться полезными членами общества. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1911 г., № 12581).

† **Яковлевъ-Востоковъ, Г. А.** 25-го марта скончался артистъ Г. А. Яковлевъ-Востоковъ, извѣстный въ Москвѣ по театру Корша, гдѣ онъ выступалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ Москву покойный пріѣхалъ, какъ и многіе другіе изъ его собратьевъ по искусству, на «всероссійское артистическое торжище», чтобы устроить свою судьбу на будущій сезонъ. Судьба, однако, готовила ему другое: дней десять тому назадъ покойный хоронилъ своего отца; на похоронахъ простудился и въ результатъ—преждевременная кончина (ему было всего сорокъ четыре года). Свою артистическую карьеру покойный началъ въ Москвѣ въ любительскихъ спектакляхъ. Затѣмъ, сдѣлавшись профессиональнымъ артистомъ, игралъ преимущественно въ провинціи, за исключеніемъ одного сезона службы въ театрѣ Корша и затѣмъ столь же недолгаго пребыванія на петербургской Александринской сценѣ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1911 г., № 70).

† **Якубовичъ, П. Ф.** Петръ Филипповичъ Якубовичъ родился въ 1860 году и воспитывался въ петербургскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ по историко-филологическому факультету. Еще на студенческой скамьѣ онъ началъ сотрудничество въ журналахъ—въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Дѣлѣ», въ «Словѣ», въ «Устояхъ». Въ этихъ журналахъ онъ помѣстилъ много стихотвореній, частью переводныхъ изъ Водлера, Приюдома и т. д., частью же оригинальныхъ. Въ «Устояхъ» же печатался его большой романъ. Эта только что начатая литературная дѣятельность была прервана на долгое время. П. Я. принадлежалъ къ партіи «Народной Воли» и игралъ въ ней довольно видную роль, особенно въ періодъ 1883—1884 г., когда дѣлались попытки возродить партію послѣ разгрома, испытаннаго ею вслѣдствіе предательства Дегаева. П. Я. стоялъ въ то время во главѣ группы «Молодой Народной Воли», откалывавшейся отъ большинства по нѣкоторымъ организаціоннымъ и тактическимъ вопросамъ. Постепенно, однако, разногласія сгладились, «Молодая Народная Воля» утратила свою обособленность и слилась съ болѣе широкой организаціей, во главѣ которой стоялъ Г. А. Лопатинъ. Присоединившись къ этой организаціи, П. Я. сталъ во главѣ тайной типографіи въ Дерптѣ, въ которой печатался № 10-й «Вѣстника Народной Воли» и которая попала въ руки полиціи вслѣдствіе случайности—внезапной смерти одного изъ работавшихъ въ ней лицъ. Въ 1884 году Якубовичъ былъ арестованъ и послѣ двухъ съ половиною лѣтъ предварительнаго заключенія въ тюрьмѣ предсталъ лѣтомъ 1887 года передъ петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго по такъ называемому «лопатинскому» процессу (всего подсудимыхъ по этому дѣлу было двадцать одинъ человекъ). Приговоръ по этому дѣлу, ликвидировавшему послѣднія крупныя попытки возрожденія «Народной Воли», отличался суровостью: пятнадцать подсудимыхъ и въ томъ

числѣ П. Я. были приговорены къ смертной казни, но всѣмъ имъ смертная казнь была замѣнена ссылкой на каторжныя работы на разные сроки. Якубовичъ былъ присужденъ въ концѣ концовъ къ восемнадцати годамъ каторжныхъ работъ. Каторгу онъ отбывалъ сперва на Карѣ, гдѣ ему пришлось быть свидѣтелемъ трагической исторіи 1889 года, смерти Надежды Сигиды отъ тѣлеснаго наказанія, примѣненнаго къ ней, и самоубійства трехъ женщинъ и двухъ мужчинъ, вызваннаго этой смертью. Карійская каторга переживала тогда тяжелыя времена, съ одной стороны, вслѣдствіе усиленія административныхъ репрессій, съ другой же— вслѣдствіе раздора среди самихъ заключенныхъ; П. Я. являлся тамъ примиряющимъ элементомъ и, благодаря своему мягкому характеру и задушевности, умѣлъ до извѣстной степени объединять людей, различныхъ по характерамъ, по взглядамъ, по привычкамъ, насильственно связанныхъ вмѣстѣ. Съ Кары П. Я. былъ переведенъ въ 1900 году въ Акатуй, гдѣ ему пришлось ближе познакомиться съ бытомъ уголовныхъ каторжанъ; въ 1891 году по манифесту ему была сбавлена треть срока. По окончаніи срока каторги онъ вышелъ на поселеніе и поселился въ Курганѣ. Только здѣсь онъ могъ возобновить свою литературную дѣятельность, и, начиная съ пятой книги «Русскаго Богатства» за 1895 годъ, въ журналахъ стали печататься снова его стихотворенія, подписанныя буквами П. Я. Въ томъ же году и въ томъ же «Русскомъ Богатствѣ» начиная съ сентябрьской книжки, стало печататься за подписью «Л. Мельшинъ» лучшее его произведеніе «Въ мірѣ отверженныхъ», больше всего способствовавшее упроченію симпатій къ автору со стороны читающей публики. Кромѣ стихотвореній, вышедшихъ отдѣльно и выдержавшихъ много изданій, воспоминаній изъ тюремной и каторжной жизни, нѣсколькихъ небольшихъ повѣстей и рассказовъ, П. Я. помѣстилъ въ «Русскомъ Богатствѣ» подъ псевдонимомъ «П. Ф. Гриневицъ» рядъ критическихъ статей, посвященныхъ преимущественно старымъ и новымъ поэтамъ. Получивъ возможность вновь поселиться въ Петербургѣ, П. Ф. сталъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ, а затѣмъ и членомъ редакціи «Русскаго Богатства», но тутъ стали давать себя чувствовать тяжелыя невзгоды и испытанія, выпавшія ему на долю. Одиочная тюрьма и каторга сдѣлали свое дѣло. Здоровье П. Я. было уже сильно разстроено, и въ послѣднее время онъ не могъ работать съ прежней энергіей, а за болѣзнями подкралась и смерть, унесшая П. Я. 17-го марта всего въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ. (Некрологъ его «Русскія Вѣдомости», 1911 г., № 63).

ЗАБѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи г. А. А. Сигова «Драгомировъ и Скобелевъ».

Воспоминанія о сошедшихъ со сцены дѣятеляхъ могутъ имѣть нѣкоторую цѣнность только въ томъ случаѣ, когда авторъ мемуаровъ коротко знакомъ съ личностью и дѣятельностью описываемаго лица, если онъ

подтверждаетъ свое описаніе документальными данными и умѣетъ дать вѣрный и живой обликъ изображаемаго лица.

Помѣщенная въ № 4 «Историческаго Вѣстника» статья г. А. А. Сивова, подъ заглавіемъ «Драгомировъ и Скобелевъ», не удовлетворяетъ ни одному изъ сказанныхъ условій. Авторъ, повидимому, лично совершенно не былъ знакомъ ни съ Драгомировымъ, ни со Скобелевымъ, по крайней мѣрѣ, этого знакомства изъ его описанія не видно, а въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ: «мы только рассказываемъ о томъ, что видѣли и слышали о немъ (Драгомировѣ) какъ о человѣкѣ и въ частности о полководцѣ-администраторѣ». И такъ какъ авторъ пишетъ «по наслышкѣ», то и сообщаетъ совершенно невѣрные свѣдѣнія объ отношеніяхъ этихъ двухъ замѣчательныхъ людей. «Знакомство и дружба Драгомирова со Скобелевымъ,—говоритъ авторъ,—начались еще въ Туркестанѣ, когда они оба были въ молодыхъ офицерскихъ чинахъ и только еще начинали свою карьеру. Во время одного изъ кровавыхъ штурмовъ глиняныхъ средне-азіатскихъ городковъ-крѣпостей они, какъ-то незамѣтно и сразу, сошлись другъ съ другомъ, и послѣ даже вышли, какъ тезки, на «ты», поклявшись при этомъ никогда не измѣнять, всегда помогать и взаимно жертвовать для друга собою». Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было: кровавые штурмы, выпивки и клятвы составляютъ плодъ дусужей фантазіи автора.

Драгомировъ въ Туркестанѣ никогда не былъ, а знакомство его со Скобелевымъ началось въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, когда Драгомировъ былъ профессоромъ, а Скобелевъ его слушателемъ и ученикомъ; знакомство это впоследствии перешло въ сближеніе, а къ войнѣ 1877—1878 годовъ они были уже связаны тѣсною дружбой. Для характеристики ихъ отношеній мы можемъ привести здѣсь отрывокъ изъ не бывшаго еще въ печати подлиннаго письма Скобелева къ Драгомирову:

«Бивакъ на Сельви-Ловченскомъ шоссе.

18/вн. 1877 г. 9 часовъ вечера.

«Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ. Болѣзненно на душѣ у всѣхъ дорожащихъ успѣхомъ дѣла огорчалось извѣстіе о полученной тобою ранѣ. Какое невознагражденное несчастіе въ эту, быть можетъ, рѣшающую минуту кампаніи! Но слухамъ, твоя рана хотя и требуетъ двухъ-трехъ недѣль тщательнаго ухода, но не опасна, и ты опять явишься передъ любящими тебя твоими полками и въ кругъ вѣрующей въ тебя арміи. У меня въ отрядѣ казачьи и шуйцы съ тобой не служили, но какъ только прослышали, что ты раненъ, какъ повалили ко мнѣ съ разпросами: «Да неужели это такъ? Вѣдь вотъ не везеть!» и т. д. Да послужить тебѣ эта правда заслуженнымъ утѣшеніемъ. Подобныя отношенія къ войскамъ не всегда пріобрѣтаются даже побѣдою, но въ большинствѣ случаевъ служатъ ея обезпеченіемъ. Сердцемъ вдумываю въ твое настоящее; право не горюй... Теперь ты мнѣ какаешься, а не до сихъ поръ отмѣченнымъ выше; не настало время имѣющимъ очи видѣть, уши—слышать. Незамѣченнымъ въ русской арміи въ минуту испытанія ты быть не можешь... Воспоминаніе о тебѣ соединено въ нашихъ рядахъ съ памятью объ единственномъ, безсмертномъ по результатамъ, честно подвигѣ нашей арміи въ эту кампанію. Да будетъ съ тебя довольно! Прощай, лечись, выздоравливай и возвращайся въ среду уважающихъ тебя боевыхъ товарищей предвѣстникомъ лучшихъ дней... Усталъ, надо писать приказъ, диспозицію на случай. Прощай. Тебя любящій Михаилъ Скобелевъ».

Изъ этого письма видно, какъ любилъ и цѣнилъ Скобелевъ своего бывшаго учителя. А вотъ какъ отозвался Драгомировъ о Скобелевѣ въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей:

...«Скобелевъ военный человѣкъ до мозга костей. Я такъ тебѣ скажу: будь Скобелевъ главнокомандующимъ, охотно и не задумываясь, пойду къ нему подъ команду, не взирая на то, что онъ у меня въ академіи сидѣлъ на скамьѣ. Скобелевъ именно все то имѣетъ, что и ты признаешь за нимъ: предпріятіе, самое дерзкое въ глазахъ толпы, у него является даже не рискованнымъ: онъ себя не пожалѣетъ, чтобы осмотрѣть мѣсто, и если нужно и нѣсколько разъ; разумѣется, послѣ этого идетъ навѣрняка. На мой глазъ Скобелевъ—человѣкъ съ большой и вполне заслуженной военной будущностью... Нужно тебѣ сказать, что попросился онъ самъ на переправу, и я его принялъ съ полной готовностью, какъ человѣка, выдавшаго уже такіе виды, какихъ я не видѣлъ; принялъ, не взирая на опасенія нѣкоторыхъ изъ подручныхъ, что Скобелевъ все припишетъ себѣ, и, какъ видишь, не ошибся. А между тѣмъ, его помощь дѣйствительно была велика; онъ первый меня поздравилъ съ блестящимъ, какъ онъ выразился, дѣломъ, и притомъ въ такую минуту, когда я былъ глубоко возмущенъ безобразіемъ творившагося; онъ же пѣшкомъ (лошадей у насъ тогда ни у кого не было) передавалъ приказанія какъ простой ординарецъ, набиваясь самъ быть посланнымъ, а не ожидал предложенія идти туда или сюда...»

Вообще, авторъ, отдавая должное талантамъ Драгомирова, какъ военнаго человѣка и въ особенности какъ администратора, перѣдко впадаетъ въ противорѣчіе и въ одномъ мѣстѣ говорить, между прочимъ: «Несмотря на весь свой высокій умъ и признаваемую всѣми авторитетность его, во многомъ былъ неправъ, пристрастенъ и ошибался. А въ своихъ вопросахъ и взглядахъ-теоріяхъ на войну и солдата часто расходился съ дѣйствительностью времени (?). Напримѣръ, онъ не признавалъ у солдата совѣтъ своего собственнаго духовнаго лицаго «я», и говорилъ, что солдатъ есть пуля, пущенная въ непріятеля. Какъ пуля летитъ изъ ружья машинально, по волѣ солдата, такъ и солдатъ долженъ итти по волѣ начальника. А Скобелевъ говорилъ совершенно наоборотъ: что нравственный и духовный элементъ у солдата по отношенію къ физическому равняется какъ 3 : 1». Конечно, Драгомировъ никогда не говорилъ ничего подобнаго, напротивъ, вся его многолѣтняя и много томная проповѣдь сводилась къ возвышенію моральнаго элемента; въ своихъ статьяхъ, приказахъ и наставленіяхъ онъ не уставалъ уяснять важность этого принципа и скорбѣлъ душою, что онъ часто забывается и не проводится какъ слѣдуетъ въ жизнь войскъ. Вмѣстѣ со Скобелевымъ (а не напротивъ) онъ сознавалъ извѣстную всякому военному истину о превосходствѣ духа надъ матеріей, возвышенную сто лѣтъ тому назадъ Наполеономъ. Мы не будемъ останавливаться на выведенныхъ изъ этихъ и имъ подобныхъ соображеній взглядахъ автора относительно нашей арміи, дѣйствию ея въ японскую войну и проч., такъ какъ на каждомъ шагѣ намъ пришлось бы отмѣчать полное отсутствіе самыхъ элементарныхъ военныхъ знаній и неправильное освѣщеніе фактовъ. Замѣтимъ кстади, что авторъ придаетъ чрезвычайно важное и пагубное значеніе обращенію на «ты» ко всѣмъ нижнимъ чинамъ, не исключая вольноопредѣляющихся, полагая, что Драгомировъ ввелъ этотъ обычай, отъ котораго произошли грубыя оскорбительныя отношенія начальниковъ къ нижнимъ чинамъ, приводившія даже къ преступленіямъ и самоубійствамъ. Между тѣмъ обычай этотъ существовалъ въ нашей арміи съ незапамятныхъ временъ и введенъ въ нее не Драгомировымъ, на что онъ не имѣлъ никакихъ правъ, а уставомъ внутренней службы, § 28-мъ,

объявленнымъ лѣтъ 15 тому назадъ. Драгомировъ же принималъ участіе въ возникшей по этому предмету живой полемикѣ въ нашей военной печати и сказалъ въ защиту своихъ положеній, между прочимъ, слѣдующее:

«Основная характеристическая черта всяческаго обихода въ военной регулярной службѣ—полное однообразіе во всемъ для лицъ данной военно-іерархической ступени: одинъ костюмъ, одна пища и одни обычаи въ обращеніи старшихъ къ младшимъ и младшихъ къ старшимъ. Съ этой точки зрѣнія, настоящей служебной, всякая рознь въ чемъ бы то ни было претитъ; и не можетъ не претитъ, ибо она противна справедливости. Это тоже отступленіе отъ равенства всѣхъ передъ закономъ. Въ нашей сферѣ это особенно важно, ибо наше дѣло смертельное: а пуля не разбираетъ даже между генераломъ и рядовымъ, а между рядовыми, льготный ли онъ, или обязательнаго срока, и подавно. Это-то равенство передъ пулей и ведетъ къ тому, что люди заправскаго, подлиннаго, а не середина на половину служебнаго обихода всегда стремятся къ тому однообразію отношеній, которое есть вышшее выраженіе единодушія, товарищества, столь необходимыхъ въ роковыя минуты нашего предназначенія... Такое однообразіе есть именно тотъ цементъ, который сплачиваетъ людей, различныхъ по общественному положенію, по умственному, нравственному и физическому складу, въ одно тѣло, даетъ имъ одну душу. И въ этомъ случаѣ нижніе чины привилегированные могутъ сослужить общему дѣлу услугу тѣмъ большую, чѣмъ меньше будутъ разниться отъ своихъ товарищей общаго срока. И, наоборотъ, всякое поползновеніе отдѣлиться, отщепениться, исходить ли оно отъ нихъ самихъ, или отъ начальства, вносить въ воинскую семью разладъ, дѣлаетъ ихъ не цементомъ, а разлагающимъ началомъ въ этой семьѣ, ибо не можетъ не возбудить въ простомъ солдатѣ скорбнаго чувства. Высказать оъ этого не сумѣетъ, да если бы и сумѣлъ, не посмѣетъ, но на днѣ сердца горькій осадокъ будетъ...»

Изъ этой цитаты слѣдуетъ, что Драгомировъ стоялъ за однообразіе отношеній въ войскахъ и даже соглашался, чтобы всѣмъ говорить «вы», но не дѣлить армію на разряды. И никакихъ несчастій отъ этого не произошло, ибо обращеніе со всѣми на «ты» стало закономъ, устранившимъ произволъ, и офицеръ нынѣ обязанъ такъ относиться къ вольноопредѣляющемуся.

Но хуже всего то, что авторъ, въ своемъ очеркѣ, приводитъ, по слухамъ, разныя сплетни про Драгомирова, приписывая ему тѣ недостатки, которыхъ онъ не имѣлъ, и тѣ слова, которыхъ онъ не произносилъ. Извѣстно, что у Драгомирова былъ острый языкъ и въ его рѣчи было много юмора и прощія; извѣстно также, что ему поэтомъ приписывали всевозможныя острооты, изобрѣтаемыя досужими людьми; слушая эти измышленія, Драгомировъ, если они были остроумны, говаривалъ: «недурно падувано», но большею частью отвергалъ ихъ, говоря, что онъ не такъ глупъ, чтобы говорить такія пошлости. Совершенно невѣрно описываетъ авторъ домашнюю обстановку и жизнь Драгомирова, говоритъ, что «онъ любитъ щи и кашу, галушки и вареники, пилъ простую смірновскую водку № 21 (даже такія подробности), иностранныхъ винъ не любилъ, пазывая ихъ квасомъ, а квасъ пилъ постоянно утромъ и вечеромъ и послѣ обѣда». Положимъ, это не важно, но все-таки сообщаемыя авторомъ подробности даютъ фальшивое освѣщеніе фигурѣ Драгомирова. Всякій, кто хоть разъ пользовался гостепріимствомъ въ домѣ Драгомирова, долженъ знать, что онъ имѣлъ цысканный столъ и любилъ хорошее вино. Но хуже всего то, что авторъ не постыдился приписать Драгомирову страшный порокъ, увѣряя, что онъ, «какъ и многіе (?) изъ на-

нихъ извѣстныхъ русскихъ людей, пилъ «запоемъ», и что въ такіе дни онъ запирался у себя въ кабинетъ и по цѣлымъ недѣлямъ никого не принималъ и не являлся (?) на службу. Само собою разумѣется, что этого никогда не было, какъ не было и тѣхъ нелѣпыхъ телеграммъ, которыя онъ будто бы посылалъ на высочайшее имя, которыя стыдно повторять въ серьезной печати. Неужели автору неизвѣстно, что «запой»—это мрачное пьянство въ одиночку, жестокая неизлечимая болѣзнь, которая дѣлаетъ человѣка негоднымъ ни къ какой работѣ, ибо каждую минуту онъ можетъ оказаться во власти «демона вина» и стать совершенно невмѣняемымъ. Точно также недобросовѣстно повторять басни о томъ, что и Драгомировъ, и Скобелевъ входили въ сношенія съ революціонерами: Скобелевъ въ Парижъ, а Драгомировъ, будучи начальникомъ академіи, будто бы говорилъ: «если будетъ удача, то я вашъ!» Драгомировъ, какъ извѣстно, былъ въ этомъ отношеніи крѣпокъ отъ молодыхъ ногтей и не зналъ уступокъ.

Вообще, въ этомъ очеркѣ фигуры Драгомирова и Скобелева искажены, факты невѣрны, освѣщеніе ложно, характеристики несостоятельны. Все это заставляетъ припомнить рассказъ о томъ, какъ въ одномъ дѣтскомъ сочиненіи ребенокъ-ученикъ далъ слѣдующую наивную характеристику: «ракъ—это рыба краснаго цвѣта, ходитъ задомъ», на что снисходительный наставникъ, замѣтивъ, что сочиненіе вообще недурно, предложилъ въ характеристику рака внести нѣкоторыя поправки: «это не рыба не краснаго цвѣта и не ходитъ задомъ».

Если творенія, подобныя измышленіямъ г. Сигова, будутъ со временемъ считаться судомъ исторіи, то съ грустью можно повторить со старикомъ Крыловымъ: «Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей».

Н. Лачиновъ.

II.

Къ статьѣ «Архивныя мытарства».

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за декабрь мѣсяцъ 1910 г. въ статьѣ В. А. Алексѣева «Архивныя мытарства» на стр. 1048-й, между прочимъ, напечатано: «Историческій писатель гр. Ш. взялъ нѣсколько старыхъ дѣлъ изъ волынскаго губернскаго архива. Прошелъ не одинъ годъ, но на официальные требованія губернаторовъ Дунина-Борковскаго и его преемника, барона Штакельберга, о возвращеніи взятыхъ дѣлъ графскій особнякъ на Фонтанкѣ отвѣчаетъ гробовымъ молчаніемъ. Письма губернаторовъ петербургскому графу я читалъ своими глазами».

Въ разъясненіе недоразумѣнія по содержанію цитированнаго выше отрывка статьи г. Алексѣева губернское правленіе считаетъ нравственнымъ долгомъ сообщить, что дѣла, о которыхъ упомянуто въ этомъ отрывкѣ, возвращены председателемъ императорской археографической комисіи графомъ Шереметевымъ при письмѣ отъ 29 мая 1901 г. за № 191, по канцеляріей волынскаго губернатора, вмѣсто архива губернскаго правленія, ошибочно были переданы въ статистическій комитетъ, гдѣ хранились по настоящее время и только лишь 12 февраля сего года препровождены названнымъ комитетомъ для храненія въ архивъ сего правленія.

Объ изложенномъ губернское правленіе, по распоряженію начальника губерніи, увѣдомляетъ.

его вьющуюся шевелюру. Это прикосновеніе разбудило въ немъ воспоминаніе о томъ, какъ онъ, бывало, прижимался къ матери, и это одно должно было вызвать въ немъ прежнюю откровенность и заставить его прибѣгнуть къ родительской помощи, которую она ему несла.

— Марко,—сказала она,—ты страдаешь, ты несчастень!

И она пристально вперила въ него взоръ, по безъ той повелительной настойчивости, которая рискуеть раздражить, а не утѣшить скорбь.

Марко, въ свою очередь, взглянулъ на нее. Чувствуя, можетъ быть, что она разгадала его, онъ хотѣлъ было замкнуться въ своей тайнѣ, не принимать изъ гордости утѣшеніе, съ которымъ она къ нему обращалась. Но его сопротивленіе не устояло передъ той кротостью, которая свѣтилась въ ея глазахъ. Указывая на его страданіе, мать заставляла его жалѣть себя самого. Остатокъ гордости вдругъ растаялъ въ немъ, онъ схватилъ мать за руку, и Монна Ванна почувствовала на ней горячую слезу.

— Я должна была замѣтить это раньше,—сказала она.—Я очень упрекаю себя за это. Мать не всегда отдаетъ себѣ отчетъ о томъ моментѣ, когда ея сынъ дѣлается способнымъ страдать, какъ настоящій мужчина. Ей все кажется, что еще вчера она утѣшала его въ его дѣтскихъ горестяхъ. Но твой отецъ замѣтилъ твою печаль и обратилъ на нее мое вниманіе. Ты любишь кого-нибудь?

— Да, матушка.

— Особу, на которой не можешь жениться?

— Да.

— Ты увѣренъ въ этомъ?

— Она презираетъ меня. Никогда она не согласится быть моей женою.

— Кто знаетъ? Иногда думаешь...

— Нѣтъ, матушка. Я все расскажу вамъ.

И онъ началъ рассказывать опять все то, о чемъ онъ уже бесѣдовалъ съ Сандро.

Она слушала его съ трепетомъ. Эта любовь сына живо напомнила ей то время, когда она сама любила молодого гибеллина, ставшаго потомъ ея супругомъ. Она негодовала на гордую дѣвушку, которая могла смотрѣть на Марко и не преклониться передъ нимъ. Она не могла допустить, чтобы ея непонятный отказъ нельзя было взять назадъ.

— Она смягчится,—сказала она.—Вотъ ты увидишь. Я познакомлюсь съ ней, если это будетъ необходимо. Твой отецъ самъ пойдетъ просить ея руки у ея родителей. Судя по всему тому, что ты мнѣ рассказываешь, она навѣрно патриціанскаго происхожденія. Не падай духомъ, сынъ мой. Но ты мнѣ не сказалъ, какъ ее зовутъ.

— Фьямма Джинори.

— Какъ?

Онъ повторилъ громче это дорогое ему имя. На лицѣ мадонны Ванны выразилось безпокойство, ея руки опустились.

— Ахъ, бѣдный мой Марко! Ты былъ правъ. Объ этомъ нечего и говорить. Мы ничего не можемъ сдѣлать для тебя.

Онъ всталъ, задыхаясь.

— Вамъ что-нибудь извѣстно, матушка?

— Дочь Джинори уже обручена... нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

— Кто вамъ объ этомъ сказалъ?

— Мадонна Торриджіани, одна изъ тѣхъ немногихъ знакомыхъ, которая еще заходитъ ко мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, все погибло.

Онъ обнялъ мать и тихо рыдалъ у нея на плечѣ. Вдругъ ревнивая мысль ужалила сердце молодого человѣка. Онъ вспомнилъ о томъ, кто у него похитилъ Фьямму. Онъ сразу выпустилъ мать изъ объятій и хрипло спросилъ:

— За кого же она выходитъ замужъ?

— Постой... Мадонна Торриджіани мнѣ называла. Она выходитъ замужъ за... да, за дворянина, изъ Пистойи... Бартоломео Канцельери. Онъ, кажется, живетъ во Флоренціи.

— Канцельери? Вотъ какъ! Отлично, это будетъ прекрасно! И онъ смѣялся, а лицо его темнѣло.

— Канцельери, дѣйствительно, знаменитый родъ. Вы это вѣрно сказали, матушка. Они всѣ запятнаны знаменитыми преступленіями. Сколько они убили за два вѣка однихъ родичей Панчіатики—своихъ враговъ. Среди Черныхъ нѣтъ разбойниковъ, болѣе знаменитыхъ. Да Фьямма нашла себѣ супруга, изъ-за котораго многіе будутъ ей завидовать.

Черты его лица исказились, глаза расширились. Онъ съ силою прикусилъ себѣ губу.

— Но этого не будетъ. Говорю вамъ, матушка, что этого не будетъ. Я его убью, этого разбойника. Какъ! этотъ рыжій звѣрь выльсаетъ изъ своей берлоги въ Пистойѣ и является даже во Флоренцію, чтобы похищать нашихъ женщинъ! Я этого не потерплю. Я поражу его кинжаломъ въ день свадьбы, вырву у него сердце и брошу его своимъ собакамъ!

Онъ сталъ неузнаваемъ. Дикій духъ предковъ ожилъ въ немъ. Его лицо стало похоже на мраморную маску съ покрытыми пѣной губами. Потемнѣвшая уже комната приняла какой-то зловѣщій видъ. Сквозь окно пробивался лунный свѣтъ, свинцомъ ложившійся на старинное оружіе и угловатую мебель, которая отбрасывала длинную тѣнь. Этотъ свѣтъ дѣлалъ и самого Марко похожимъ на привидѣніе. Страсть, унаслѣдованная отъ двадцати поколѣній, заставляла дрожать все его тѣло.

— Марко, умоляю тебя, успокойся. Миѣ страшно.

Рядомъ съ ней она видѣла уже не своего сына. То былъ самецъ этой страшной расы, рыкавшій отъ гнѣва въ ночной тиши.

Наступилъ наконецъ день, когда мессеръ Бартоломео Канцельери долженъ былъ жениться на дочери Фалько Джинори, прекрасной, какъ мнѣологическія воительницы. Члены рода Канцельери были знамениты тѣмъ, что, враждуя вѣками съ родомъ Панчіатики, залили кровью всю Пистойю. Враждебныя столкновенія этихъ двухъ родовъ разорили весь городъ и его окрестности. Но Канцельери сумѣли пріобрѣсти себѣ болѣе свирѣпую репутацію, чѣмъ ихъ противники. Они числились въ рядахъ недовольныхъ Медичисами, которыхъ они обвиняли въ покровительствѣ Панчіатикамъ. Ихъ подозревали въ интригахъ и проискахъ, но Лоренцо и Джуліано щадили ихъ изъ политическихъ расчетовъ, желая дѣйствовать только противъ своихъ явныхъ враговъ. Поэтому-то они и не противились браку Бартоломео съ Фьяммой:

Въ это утро Марко, уступая слезнымъ мольбамъ своей матери, не выходилъ изъ дому. Онъ заперся въ своей комнатѣ. По мѣрѣ того, какъ приближался роковой часъ, его гнѣвъ и лихорадка усиливались. Фьямма, потерянная для него, сейчасъ должна стать женою другого!

Стояло чудное апрѣльское утро. Марко, стоя у окна, смотрѣлъ на небо. Оно было такого синяго цвѣта, что казалось моремъ, висѣвшимъ надъ сѣрыми желѣзными дворцами. Онъ вспоминалъ, какъ иногда въ этомъ чудномъ небѣ вдругъ вспыхивала молнія. Ему хотѣлось, чтобы оно сейчасъ превратило Флоренцію въ костеръ. Такъ какъ этого не случилось, то онъ поднялъ кулаки къ небу и сталъ яростно произносить богохульства.

Вмѣсто грома послышалась нѣжная музыка, волны которой переливались черезъ стѣны древняго дворца и проникали сюда, въ его комнату, словно дуновение весенняго теплаго вѣтерка. То былъ свадебный колокольный звонъ.

Въ эту минуту Марко Альдобранди, забывъ свое обѣщаніе, которое онъ далъ матери, бросился, какъ бѣшенный звѣрь, къ стѣнѣ, на которой висѣли кинжалы. Онъ схватилъ одинъ изъ нихъ и съ видомъ сумасшедшаго человѣка принялся его разсматривать, воображая, какъ онъ сейчасъ убьетъ имъ Бартоломео Канцельери.

Вдругъ онъ уронилъ его на полъ.

Звонъ колоколовъ внезапно перемѣнился. Заглушая свадебные переливы колоколовъ, вдругъ могуче пронесся густой торжественный ударъ, словно жалоба, вырванная изъ нѣдръ мѣди какой-нибудь сверхчеловѣческой пыткой.

Дрожь пробѣжала по тѣлу молодого человѣка: неужели небо, которое онъ вызывалъ сейчасъ, рѣшило вмѣшаться, и произошла катастрофа, о которой жалобно звонили теперь колокола?

Инстинктивно онъ бросился къ окну и прислонилъ къ стеклу свой блѣдный лобъ.

Онъ вздрогнулъ еще разъ. Вся улица была полна черныхъ призраковъ, державшихъ свѣчи. Марко узналъ въ нихъ монаховъ ордена Милосердія, которые обыкновенно сопровождали мертвыхъ. Колокола продолжали неумолчно и жалобно звучать. Очевидно, умеръ кто-то важный и знатный.

Марко, пришедшій въ себя отъ страха, задавалъ себѣ вопросъ:
— Кого же это хоронять?

На усѣянныхъ цвѣтами носилкахъ, съ открытымъ по итальянскому обыкновению лицомъ, лежала прекраснѣйшая изъ покойницъ, супруга мессера Веспуччи и возлюбленная Джуліано, мадонна Симонетта. Она умерла двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, и за ея гробомъ шла вся Флоренція—принцы, обыватели, художники, юноши, женщины.

При видѣ этого потрясающаго зрѣлища Марко Альдобранди вдругъ постигъ ничтожество всего земного. Такая мысль заставляла иныхъ запираеться въ монастырь, но на молодого человѣка она подѣйствовала совершенно иначе.

Отъ пышной похоронной процессіи онъ перевелъ свой взоръ на синее блестящее небо.

— Красота, любовь, слава—все это суета. Итакъ, будемъ жить!—промолвилъ онъ про себя.

КНИГА ВТОРАЯ.

Любовь.

— Сюда, Тамбуро, Кастаньо, Россина! Сюда! Берегитесь, голубчики, лошадиныхъ копытъ!

Егеръ шумѣлъ гораздо больше, чѣмъ цѣлая стая, рычащая отъ нетерпѣнія. Колпачки на соколахъ позвякивали словно нестройный хоръ колокольчиковъ. Дворъ виллы Медичи въ Фьезоле былъ полонъ радостнаго оживленія, которое предшествуетъ отправленію на охоту.

Приглашенные на охоту дамы и кавалеры выходили на дворъ парами. Первыми были готовы къ отъѣзду сами хозяева—Лоренцо и Джуліано.

— Гдѣ же Лунджи Пульчи?—спросилъ Лоренцо, нища глазами своего любимца.—Онъ, должно быть, спрятался, чтобы не ѣхать съ нами.

— Ба!—воскликнулъ Джуліано:—вѣдь онъ такъ лѣнивъ. Онъ или спитъ, или грезитъ о какомъ-нибудь сонетѣ.

— Очень можетъ быть. Эй, Пульчи! Отвѣта нѣтъ. На коней! Позвольте вамъ помочь, мадонна.

Съ этими словами онъ обратился къ изящной молодой женщинѣ, которая собиралась сѣсть на лошадь и уже положила руку на сѣдло малиновой кожи. Онъ посадилъ ее своей нервной рукой. То была Лукреція Донати, возлюбленная властителя Флоренціи.

Лоренцо былъ женатъ, какъ требовала его политика, на патриціанкѣ изъ Рима, приходившейся сродни папѣ. «Сегодня,—небрежно писалъ онъ въ концѣ письма,—меня женили на Кларисѣ Орсини». Эта Орсини не существовала, впрочемъ, ни для него, ни для его придворныхъ. Донати была его единственной владычицею. Эта страсть возникла довольно страннымъ образомъ.

Она началась съ того дня, какъ онъ вмѣстѣ съ братомъ шелъ за гробомъ Симонетты Веспуччи, прекраснѣйшей изъ покойницъ. Видя, что ее оплакиваетъ весь городъ, онъ сказалъ себѣ, что красота есть дивная вещь, если объ ней такъ скорбятъ. Ему захотѣлось любить самому. Тутъ-то и встрѣтилась ему мадонна Лукреція.

Она отличалась необыкновенной красотой, особенно когда улыбалась, сидя въ отдѣланномъ серебромъ платьѣ на бѣлой, какъ снѣгъ, лошади, носившей кличку «Горностаичикъ». То былъ подарокъ Лоренцо, который онъ передалъ ей съ сонетомъ. Легкой рукой она держала пурпуровые поводя.

Лоренцо былъ гигантъ, съ некрасивымъ лицомъ, съ черными волосами и смуглой кожей. Его профиль выдавалъ мыслителя и бойца. Губы его были толсты, а глаза изумительны.

Рѣшетчатые ворота отворились настежь, и кавалькада пустилась въ путь. Всѣ эти разодѣтые въ яркія платья синьоры и дамы, державшіе на рукахъ соколовъ, сидѣли на коняхъ съ лебедиными шеями и мѣрно подвигались впередъ, напоминая собою шествіе волхвовъ, изображеніемъ котораго Гоццолои разукрасилъ стѣны дворца Медичи. Ихъ силуэты рѣзко выдѣлялись на синевѣ лѣтняго неба.

Въ этой кавалькадѣ было, впрочемъ, одно существо, которое двигалось какъ-то не совсѣмъ увѣренно. Не привыкнувъ вставать рано, оно еще чувствовало себя не выспавшимся. Этотъ человѣкъ едва держалъ поводя и покачивался на сѣдлѣ, какъ пьяный.

— Взгляните на мессера Діониджи,—сказалъ одинъ кавалеръ своему сосѣду.—Онъ похожъ на мужика, который выпилъ слишкомъ много соку при сборѣ винограда. Честное слово, онъ упадетъ.

Едва онъ успѣлъ промолвить эти слова, какъ Діониджи тяжело грохнулся на землю.

Къ несчастью, онъ упалъ на лѣвую сторону, такъ что соколъ, котораго онъ держалъ на рукѣ, очутился подъ нимъ.

Всѣ бросились къ нему на помощь.

— Вы не ушиблись, Діониджи?—спросилъ Лоренцо.

— Я-то нѣтъ,—отвѣтилъ онъ:—но вотъ онъ...

У сокола было сломано крыло, и весь онъ былъ помятъ.

— Это жаль!—вскричалъ Лоренцо слегка гнусавымъ голосомъ.— Хорошая была птица. Теперь ужъ онъ не годится для охоты. Что же вы хотите теперь дѣлать?

— Я лягу,—отвѣчалъ Діониджи, зѣвая.—Чортъ бы побралъ всѣхъ этихъ соколовъ и всякія охоты! Миѣ страшно хочется спать.

Онъ опять взобрался на лошадь, конечно, не такъ скоро, какъ онъ съ нея спустился и затрусилъ по направленію къ Фьезоле, преслѣдуемый смѣхомъ и шутками всей компаніи.

Кавалькада тронулась дальше. Мадонна Лукреція ѣхала во главѣ ея между Лоренцо и Джуліано, который со времени кончины Симонетты не могъ стряхнуть съ себя уныніе и напрасно старался попасть въ веселый тонъ общества.

Чѣмъ дальше подвигалась кавалькада, тѣмъ шире открывалась зеленая флорентійская равнина, испещренная кое-гдѣ сѣрыми и черными пятнами кипарисовъ и оливковыхъ деревьевъ. По срединѣ ея мягко разстилался городъ, къ востоку равнина терялась въ безконечной дали, лишь кое-гдѣ бѣлѣли виллы съ плоскими крышами. Весь ландшафтъ носилъ дѣвственный характеръ, производившій, однако, впечатлѣніе могущества и красоты. Блескъ Арно, зажатой среди холмовъ на горизонтѣ, привлекалъ къ себѣ взоръ своей сверкающей бѣлизной.

Мадонна Нера Франджипани, ѣхавшая въ послѣднемъ ряду кавалькады, остановила свою лошадь и обернулась на сѣдлѣ, чтобы полюбоваться красотой долины. Ея тонкія ноздри раздувались, губы открывали влажные зубы, какъ будто она хотѣла разомъ втянуть въ себя всю свѣжесть этой атмосферы. Освѣщенная солнцемъ съ своими черными глазами и волосами, она была похожа на ночь, отступающую передъ восходящимъ днемъ.

Все въ ней было полно блеска и таинственности. Со времени ея вдовства жизнь ея была мало извѣстна. Она жила въ замкѣ Винчильята одна, располагая цѣлой арміей слугъ. Ее обвиняли, но совершенно бездоказательно, въ многочисленныхъ тайныхъ любовныхъ похищеніяхъ. Такъ какъ она была очень красива, то Медичи не разъ приглашали ее на празднества, ужины и охоту, гдѣ она блистала высокоомѣрной и равнодушной красотой.

— Мадонна, вы сіяете, какъ это утро.

Эти слова произнесъ чей-то молодой голосъ, заставившій ее вздрогнуть и выйти изъ своего мечтательнаго настроенія. Сообразивъ, кому принадлежалъ этотъ голосъ, она удостоила улыбнуться въ отвѣтъ.

То былъ Марко Альобранди.

Какъ не похожъ былъ онъ теперь на того мрачнаго юношу, который годъ тому назадъ блуждалъ въ тоскѣ на площади Санто-Кроче! Онъ былъ одѣтъ съ такимъ великолѣпіемъ, какъ будто онъ участвовалъ въ какой-нибудь процессіи, а не въ простой охотничьей прогулкѣ. Теперь онъ ничѣмъ не отличался отъ молодыхъ смѣлыхъ красавцевъ, съ которыми дѣти Медичи охотно раздѣляли свои удовольствія. Его отецъ все еще продолжалъ относиться къ Лоренцо недоброжелательно, но не мѣшалъ ему примкнуть къ малому двору. Тамъ его приняли въ высшей степени радушно. Среди всей этой компаніи онъ былъ самымъ веселымъ, самымъ блестящимъ, но и самымъ сумасброднымъ. Никто другой, какъ онъ, выдумывалъ всякія увеселенія. Онъ прожигалъ свою жизнь и постоянно разжигалъ въ себѣ огонь жизнерадостности. Этимъ-то онъ и понравился Нерѣ.

Онъ пустилъ свою лошадь ближе къ ея, такъ что обѣ лошади почти сомкнулись.

— Нера, — тихимъ и ласковымъ голосомъ сказалъ Альдобранди: — вы знаете, что я люблю васъ?

Она снова удостоила его улыбки.

— Вы мнѣ уже объ этомъ говорили.

— Отлично. Въ такомъ случаѣ я скажу вамъ это еще разъ. Я буду кричать объ этомъ до тѣхъ поръ, пока вы этому не повѣрите.

Голосъ его сталъ громче.

— Тише! — сказала она. — Васъ можетъ услышать Паголантонио. Взгляните, какъ онъ смотритъ въ нашу сторону.

Въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ всадниковъ, ѣхавшій далеко впереди, остановился и оглядывался на нихъ съ недовольнымъ выраженіемъ лица.

— Мнѣ нѣтъ дѣла до Паголантонио, — съ раздраженіемъ отвѣчала Марко.

— Ну, а мнѣ до него есть дѣло. Онъ очень влюбленъ въ меня, и очень меня ревнуетъ. Онъ постоянно рыщетъ вокругъ моего замка.

— Прогоните его, если онъ вамъ надоѣлъ. Позвольте мнѣ заняться этимъ.

— Ни въ какомъ случаѣ. Прежде всего онъ любитъ меня искренно. И, во-вторыхъ, я вовсе не хочу, чтобы между вами была ссора.

Но по ея глазамъ было видно, что она говорила неправду: они вспыхнули при мысли о неожиданной дуэли. Нера принадлежала къ воинственной расѣ. Марко понималъ, что она можетъ полюбить его лишь въ томъ случаѣ, если онъ поразитъ ея воображеніе какимъ-нибудь отважнымъ подвигомъ.

— Все-таки мы кончимъ дуэлью, — рѣзко сказалъ онъ.

— Я не хочу этого. Я, наоборотъ, приказываю вамъ быть добрыми друзьями. Однако мы отстаемъ. Впередъ! Догонимъ остальную компанію.

Съ этими словами она хлестнула свою лошадь, и та пустилась галопомъ. Черезъ нѣсколько секундъ Нера уже была рядомъ съ другими. Марко въ бѣшенствѣ понесся за нею.

Кавалькада достигла плоскогорья, откуда открывался видъ на необъятную тосканскую равнину вплоть до Каррарскихъ горъ. Всадники повернули направо и поѣхали вдоль монастырскихъ стѣнъ. Кавалеры и дамы съ любопытствомъ смотрѣли на францисканцевъ, которые, углубившись въ молитвенники, ходили взадъ и впередъ на лугу, осыпанному лиліями и осѣненнымъ темными кипарисами. Проѣхавъ монастырь, лошади пошли по довольно пустынной дорогѣ, по краямъ которой росли фіалки и дикія розы. Мало-по-малу они спустились въ долину, которая, казалось, существовала нарочно для благородной охоты съ собаками и соколами. Склонъ горъ равномерно спускался въ средину долины, которая пересѣкалась углубленіемъ, поросшимъ зеленью. Охотники размѣстились, словно часовые, на опредѣленныхъ мѣстахъ, на половинѣ склона, чтобы удобнѣе было спускать соколовъ на куропатоку, которыхъ загонщики должны были выпугивать изъ кустовъ. Другіе сопровождали егеря со сворою, который спустил своихъ собакъ. Начался обычный на охотѣ шумъ: свистки, крики, лай собакъ.

— Ищи, Скаччо, ищи! Вотъ наконецъ поднимаются куропатки: одна, двѣ, три... Тутъ ихъ цѣлыя тысячи! Здѣсь! Сюда!—слышались голоса.

Соколы и ястреба парили въ воздухѣ, готовясь одинаково яростно наброситься на свою добычу. Ихъ колокольчики звенѣли на разные голоса. Одинъ соколъ подрался съ своимъ сотоварищемъ. Птицы вѣпились другъ въ друга. Хозяева осыпали ихъ бранью. Другой, слишкомъ слабый и трусливый, видимо, не справился съ своей добычей, которая вырвалась у него и улетѣла.

Соколъ Неры дѣлалъ чудеса. Не было равнаго ему, который умѣлъ бы такъ нападать на куропатоку. Единственнымъ его недостаткомъ была излишняя горячность; его боевой темпераментъ напоминалъ его хозяйку. Онъ такъ увлекся охотой, что нельзя было заставить его вернуться къ ней на руку. Мадонна Франджипани безумно мчалась за своей птицей, безпрестанно подстегивая свою лошадь. Наконецъ, чтобы дать соколу отдохнуть, она остановилась, стала его звать и протягивала ему руку. Но все было напрасно.

Въ нѣсколько скачковъ своего кѣня Альдобранди былъ уже около нея. Рискавъ быть исцарапаннымъ, онъ схватилъ сокола, надѣлъ ему колпачокъ на голову и посадилъ его на руку мадонны. Но прежде, чѣмъ отъѣхать отъ нея, онъ напечатлѣлъ долгіи поцѣлуй на ея ручкѣ, затянутой въ перчатку, поверхъ которой блестѣли драгоценныя кольца.

Одинъ изъ охотниковъ съ бѣшенствомъ смотрѣлъ на эту сцену. То былъ Паголантонио. Воспользовавшись моментомъ, когда Ло-

реню подозвалъ къ себѣ Альдобранди, онъ подъѣхалъ къ молодой женщинѣ.

— Разрѣшите привѣтствовать васъ, мадонна?—спросилъ онъ иронически.—Я не смѣлъ подъѣхать къ вамъ раньше: вы, видимо, наслаждались обществомъ мессера Альдобранди.

— Альдобранди въ самомъ дѣлѣ мнѣ нравится,—отвѣчала она сухо.

— Онъ очень счастливъ. Онъ очень усердно ухаживаетъ за вами съ нѣкотораго времени... Вы увѣрены, что онъ дѣйствуетъ искренно?

— Вотъ нелѣпый вопросъ, другъ мой. Я отвѣчу вамъ на него другимъ вопросомъ: неужели вы считаете меня способной внушать кому-нибудь истинную страсть? А между тѣмъ такъ преслѣдуете меня своимъ вниманіемъ, что должны были бы понимать, что и другой можетъ находить удовольствіе въ моемъ обществѣ.

Паголантонио прикусилъ себѣ губы, чтобы не отвѣтить ей дерзостью. Лицо его стало еще сердитѣе.

— Вы безжалостны ко мнѣ, мадонна, и совершенно напрасно. Я только хотѣлъ поставить васъ въ извѣстность относительно одного обстоятельства, о которомъ вы, быть можетъ, ничего не знаете. Марко Альдобранди нѣсколько лѣтъ тому назадъ уже испыталъ отчаяніе любви и повѣдалъ объ этомъ Боттичелли, а тотъ разболталъ объ этомъ всѣмъ. Онъ былъ влюбленъ въ Фьямму Джинори, но она пренебрегла имъ и вышла за мужъ за Канцельери изъ Пистойи. Чтобы найти себѣ утѣшеніе, онъ теперь ведетъ веселую жизнь въ обществѣ Медичи. Но онъ и не думаетъ полюбить кого-нибудь. Вы только мимолетная забава для этого молодого повѣсы. О любви тутъ и говорить нечего. Его возлюбленная, выйдя замужъ, унесла съ собою его сердце.

— Какъ вы недогадливы, милѣйшій! Все, что вы мнѣ сейчасъ сказали, какъ разъ можетъ вселить въ меня сильнѣйшее желаніе покорить этого Альдобранди. Заставить его забыть эту Джинори какой триумфъ для меня, если только въ моихъ глазахъ онъ имѣетъ такую же цѣну, какую вы придаете ему! Но дѣло не въ этомъ: я забавляюсь ухаживаніемъ за мной молодого человѣка—вотъ и все. Вы, конечно, не станете мнѣ мѣшать въ этомъ? До свиданія, Паголантонио. Я немного раздражена сегодня, а вы раздражаете меня еще болѣе.

Становилось жарко. Охотники, соколы и собаки чувствовали усталость. Всѣ уѣли въ тѣнь цвѣтущихъ кустарниковъ. Появились кушанья, опоражнивались корзины со свѣжими финиками, бутылки съ виномъ были погружены въ воды ручья. Жаворонки перекликались по всей долины. Нера и Марко сидѣли рядомъ, и слышно было, какъ они болтали и смѣялись. Паголантонио куда-то исчезъ.

Сидя на травѣ, охотники дожидались, пока стихнетъ жаръ. Съ первымъ ударомъ къ молитвѣ «Ave Maria» всѣ двинулись въ обратный путь, съ сожалѣніемъ разставаясь съ этой дивной долиной, напоминавшей ту, въ которой среди золотыхъ цвѣтовъ отдыхалъ Данте передъ входомъ въ чистилище. Нѣкоторое время охотники ѣхали по гребню холмовъ, а потомъ стали спускаться по направленію къ Фьезоле. Лошади шли рысью, богатые костюмы ярко блестѣли при свѣтѣ заходившаго солнца. Кавалькада снова обогнула монастырь капуциновъ и проѣхала мимо церкви, которая была старше самого христіанства. Современница построения этрусской стѣны, она сначала служила храмомъ Эскулапа. Всадники очутились наконецъ передъ широкимъ видомъ, открывавшимся на всю Тосканскую равнину. Марко и Нера, ѣхавшіе рядомъ, разомъ повернулись на сѣдлѣ, чтобы насладиться величавымъ зрѣлищемъ. Они до такой степени понимали другъ друга, что могли не говорить въ присутствіи другихъ.

Мало-по-малу кавалькада приближалась къ виллѣ Медичи. Изъ-за кипарисовъ виденъ былъ уже ея фасадъ, которому Микелло нарочно придалъ скромный видъ, по требованію стараго Козимо, которому не хотѣлось жить какъ бы во дворцѣ.

При звукѣ трубъ охотники въѣхали во дворъ. Какъ только слѣзли они съ лошадей, хозяинъ обратился къ нимъ съ милостивымъ приглашеніемъ.

— Я и мой братъ надѣемся, что вы всѣ будете сегодня ужинать у насъ. Мы не примемъ никакихъ отговорокъ. Комнаты, гдѣ бы вы могли немного отдохнуть, уже приготовлены

Раздались было кое-какія нерѣшительныя возраженія, но онъ какъ будто смелъ ихъ однимъ жестомъ руки. Его некрасивое лицо озарилось привѣтливой улыбкой. Для его политики было необходимо, чтобы вокругъ него всегда толпились друзья и прихлебатели. Онъ говаривалъ, что только тираны любятъ видѣть вокругъ себя пустоту.

На террасѣ, съ которой открывается видъ на Флоренцію и ея долину, разставили столы. Именно здѣсь во времена Козимо собиралась академія платониковъ, которой онъ положилъ начало. Здѣсь подъ заманчивой тѣнью кипарисовъ, ученые углублялись въ мудрость учителя учителей. Дальше, тамъ, гдѣ начинались холмы Фьезоле, видѣлась счастливая вилла, гдѣ нашли себѣ убѣжище разсказчики Декамерона, пока чума гнѣздилась во Флоренціи, бившейся въ агоніи подъ ея черными крыльями. Безчисленныя воспоминанія дѣлали это мѣсто священнымъ.

Спустилась уже ночь, когда компанія заняла мѣста за столомъ. Горѣли длинные восковые факелы, разливая свѣтъ и благоуханіе. Ихъ красный отблескъ лизалъ кипарисы и мраморъ, и на этомъ фантастическомъ фонѣ трепетали и вытягивались длинныя тѣни

дубовъ. Звѣзды блестяли ярче обыкновеннаго. Въ долинѣ вились мириады свѣтящихся бабочекъ, словно блуждающіе огни, въ которыхъ горѣли души, видѣнныя раньше Данте въ одномъ изъ круговъ ада.

Вино лилось въ изобиліи, а блюда были превосходны. Марко и Нера едва къ нимъ притрогивались. Они оба были погружены въ свои мечты. Они не слышали даже Луиджи Пульчи, который къ великой радости пирующихъ явился въ концѣ ужина и сталъ декламировать весьма фривольное описаніе походовъ Маргутта.

Когда вышли изъ-за стола, Нера сказала Марко, умолявшему ее глазами:

— Приходите завтра.

Они разстались. Альдобранди поѣхалъ внизъ по направленію къ Флоренціи. Луна освѣщала его дорогу, и все было видно, какъ днемъ. Въ ночной тишинѣ до него доносился каждый звукъ—лай собакъ въ далекой деревушкѣ, стукъ колесъ по дорогѣ, хриплый крикъ запоздавашаго возницы. Онъ слышалъ, какъ билось его сердце, и нарочно остановился, чтобы въ себѣ самомъ послушать эту музыку жизни. Онъ былъ недалеко отъ виллы, которая носила названіе *Riposo dei Vescovi* (отдыхъ для епископовъ), такъ какъ каждый вновь назначенный папскій папъ, отправляясь изъ Фьезоле во Флоренцію занять свою епископскую кафедру, останавливался здѣсь дожидаться носилокъ, на которыхъ его несли дальше по крутой дорогѣ въ гору.

Марко прислонился къ стволу стараго дуба, тѣнь отъ котораго падала на ворота виллы, и долго оставался въ такомъ положеніи, чувствуя, что теперь онъ живетъ такъ, какъ никогда еще до сихъ поръ не жилъ.

Любилъ ли онъ эту женщину? Нѣтъ, если то чувство, которое онъ испытывалъ къ Фьяммѣ, было настоящею любовью, если любить значило изнывать, погружать свою душу въ муку бесполезной нѣжности. Да, если любовь означала радость, силу, юность и гордость. Ему казалось въ этотъ моментъ, что онъ позналъ наконецъ любовь зрѣлаго мужа, ту любовь, которая возбуждаетъ энергію, а не угнетаетъ человѣка.

Онъ смотрѣлъ на Флоренцію, на ея бѣлые домики, на ея колокольни, похожія на башни изъ серебра. Ему казалось, что этотъ городъ принадлежитъ ему, также какъ и его равнина, полная тихой нѣжности.

На другой день онъ рано утромъ, не будя слугъ, вышелъ изъ отцовскаго двора и отправился въ поле и виноградники. Чтобы убить время, онъ блуждалъ въ окрестностяхъ Монте Чечіоли. Потомъ, потерявъ терпѣніе, онъ вскарабкался по самой трудной тропинкѣ на почти отвѣсныя склоны горы, смиряя этимъ восхожденіемъ бушевавшее въ немъ сердце.

Солнце было уже довольно высоко, когда онъ очутился передъ замкомъ мадонны Франджипани. Онъ стоялъ на вершинѣ холма, откуда открывался видъ на рѣку Арно и ея долину, исчезавшую въ дали. Передъ замкомъ былъ обширный садъ съ аллеями, фонтанами и безконечными цвѣтниками. Это былъ лабиринтъ цвѣтовъ, указывавшій, что тутъ живетъ волшебница.

Какъ будто очарованный прелестью этого мѣста, Марко не рѣшался постучать въ ворота молоткомъ, сдѣланнымъ въ видѣ головы Медузы...

— Мессеръ, на два слова.

Марко быстро обернулся: передъ нимъ стоялъ Паголантонио. Кровь бросилась ему въ лицо.

— Что вамъ угодно сказать мнѣ, мессеръ Кальфуччи? Вы видите, что я иду въ этотъ домъ по дѣлу: меня ждутъ.

— Пусть подождутъ. Ждать придется, можетъ быть, дольше, чѣмъ думаютъ. Мессеръ Альдобранди, вы ухаживаете за мадонной Нерой...

— Стало быть, вы это замѣтили?—насмѣшливо спросилъ тотъ.

— Я не знаю, любите ли вы ее, вамъ приписываютъ столько любовныхъ похожденій и интригъ! Это ваше дѣло. Но я—я люблю ее и мою честь.

— Къ чему эти рѣчи, мессеръ. Она ждетъ меня, говорю я вамъ.

— Вчера вы съ нею посмѣялись надо мной! Другой разъ этого вамъ не придется сдѣлать, не будь я флорентинцемъ и кавалеромъ.

— Опять пустяя слова! Въ этомъ, знаете, одинъ Богъ воленъ! Итакъ, обнажайте шпагу!

Шпаги блеснули и скрестились. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ слышался непрерывный лязгъ стали.

Потомъ Кальфуччи упалъ.

Вдругъ изъ-подъ тѣнистаго дуба явилось на лужайкѣ видѣніе. То была Нера, закутанная легкими бѣлыми тканями.

— Войди!—сказала она.

Въ эту минуту она была необычайно красива: глаза ея свѣтились.

— Я все видѣла,—продолжала она.—Я стояла за этими деревьями. Мнѣ не хотѣлось звать кого-нибудь, чтобы разнять васъ. Ты достоинъ меня, Марко! Я люблю тебя. Входи!

Онъ указалъ на раненаго въ бокъ Кальфуччи, который лежалъ на дорогѣ.

— Не безпокойся о немъ. Я пришлю за нимъ служителей. Они внесутъ его въ домъ.

И она повлекла его по аллеямъ, страстная и молчаливая, какъ призракъ.

А на дорогѣ капля за каплей текла кровь Паголантонио.

Рѣшетка виллы закрылась за Альдобранди, какъ ворота волшебнаго замка. Много дней онъ оставался добровольнымъ плѣн-

никомъ этой волшебницы. Въ сладострастномъ снѣ онъ забылъ обо всемъ мірѣ, забылъ о теченіи времени. Онъ наслаждался счастьемъ любви. Властная Нера, украшенная новымъ чувствомъ, находила новое удовольствіе унижать себя передъ нимъ. Въ этомъ замкѣ, гдѣ шныряли молчаливые и внимательные служители, гдѣ за каждой дверью стояли пажы въ ожиданіи приказаній,—она стала первой рабыней своего возлюбленнаго.

Паголантонио выздоровѣлъ отъ своей раны, но, стыдясь своего пораженія, держался вдали, снѣдаемый ненавистью къ влюбленнымъ. Его родные заговорили было о мщеніи, но Лоренцо Великолѣпный далъ имъ понять, что послѣ законнаго поединка объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Кальфуччи были старинными союзниками Медичи, а Альдобранди былъ еще новый другъ, и тѣмъ сильнѣе они дорожили имъ.

Въ одинъ прекрасный день Нера и Марко вышли изъ своего уединенія, въ которомъ они такъ долго держались, и явились при дворѣ Медичи. Это вызвало общее веселье. Пульчи сочинили по этому случаю сонетъ, а Полиціано греческую эпиграмму. Имена влюбленныхъ переплетались съ римами и ихъ ставили въ примѣръ, какъ прежде Джуліано и Симонетту, а теперь Лоренцо и Лукрецію. А между тѣмъ годъ тому назадъ Марко клялся, что онъ жить не можетъ безъ Фьяммы Джинори.

Въ это время во Флоренціи только и говорили, что о близкой свадьбѣ нѣкогого Торриджіани и одной изъ семьи Ручеллан, богатѣйшей во всемъ городѣ. Ручеллан были обязаны своимъ состояніемъ изобрѣтательности одного изъ своихъ предковъ, воспользовавшагося подсолнечниками при крашеніи матерій. Ихъ сады—Orbi Oricellari—славились по всей Италіи красотой самыхъ разнообразныхъ деревьевъ и великолѣпнымъ гротовъ, фонтановъ и триумфальныхъ арокъ.

Сто дѣвушекъ самыхъ лучшихъ семей сопровождали невѣсту въ церковь. Имъ сопутствовали пятнадцать юношей, одѣтыхъ въ красные плащи и исполнявшихъ обязанности пажей. На церемоніи обмѣна обручальными кольцами присутствовали всѣ кавалеры Флоренціи и ея окрестностей, имѣвшіе право по своему рожденію носить шпагу съ золотой рукояткой. Послѣ этого кортежъ направился по усыпанной цвѣтами и листьями дорогѣ къ знаменитымъ садамъ, гдѣ былъ приготовленъ обѣденный столъ.

Въ числѣ приглашенныхъ былъ и Марко Альдобранди, семья котораго была дружна съ семей Торриджіани. Онъ шелъ за пышной толпой, тѣснившейся въ аллеяхъ садовъ и вмѣстѣ съ другими сѣлъ за столъ подъ атласнымъ навѣсомъ, украшеннымъ орнаментами съ эмблемами любви.

Только что онъ сѣлъ, какъ въ палатку вошла женщина и заняла единственное свободное мѣсто, какъ разъ противъ него. Машинально онъ поднялъ глаза и вдругъ вздрогнулъ.

Передъ нимъ была Фьямма Джинори, или, правильнѣе, Фьямма Канцельери.

Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что давно уже забылъ эту странную женщину, которая однимъ ласковымъ взоромъ похитила его сердце, а затѣмъ смела его съ своего пути, безъ всякихъ объясненій, безъ тѣни сожалѣнія или раскаянія.

Любовь къ другой женщинѣ удовлетворила его страсть и мужскую гордость. Ему казалось, что теперь ихъ раздѣляетъ цѣлая жизнь. Однако, когда взоры ихъ встрѣтились, прежняя дрожь прошла у него по тѣлу. Затаенное страданіе снова проснулось въ немъ. Ему казалось, что передъ нимъ его собственный призракъ, призракъ того отчаяннаго человѣка, какимъ онъ недавно былъ.

Въ ясныхъ глазахъ Фьяммы скользнула какая-то скорбная тѣнь. Она сдѣлала движеніе какъ будто для того, чтобы встать и уйти, но затѣмъ перемѣнила свое намѣреніе, видимо, опасаясь, что ея уходъ обратитъ на себя всеобщее вниманіе. Она не могла даже скрыть свое волненіе, вступивъ въ разговоръ съ своими сосѣдями. Въ этомъ обществѣ она знала лишь нѣсколько дамъ, которыя прибыли раньше ея и сидѣли далеко отъ нея. Но если въ ея глазахъ было смущеніе, зато въ нихъ не было того гнѣва, которымъ она годъ тому назадъ проводила его, когда онъ раскланялся съ нею на берегу рѣки Арно.

Марко Альдобранди наблюдалъ за нею со страстнымъ вниманіемъ, стараясь угадать, какое вліяніе оказала на нее брачная жизнь за то время, когда онъ ее не видѣлъ. Прежде всего она показалась ему болѣе спокойной, у нея уже не было ни этого вызывающаго вида, ни этой захватывающей прелести, которая заставляетъ предполагать, что плодъ еще не совсѣмъ созрѣлъ.

Глядя на нее, Марко переживалъ тѣ прошлые дни, когда онъ въ своей комнатѣ плакалъ и грызъ себѣ ногти, тѣ ночи, когда онъ украдкою выходилъ изъ отцовскаго дома и блуждалъ передъ дворцомъ Джинори.

Онъ наконецъ разузналъ, гдѣ находилась комната молодой дѣвушки, и съ безумной тоской смотрѣлъ на нее цѣлыми часами, пока не появлялись рыночные торговцы.

Теперь онъ могъ признать ее: это была та самая Фьямма, которую онъ такъ любилъ и которую такъ оплакивалъ.

Но въ ея лицѣ было нѣчто болѣе печальное, чѣмъ прежде. Очевидно, она, въ свою очередь, страдала. Безъ сомнѣнія, отъ своего мужа. Можетъ быть, она не любила его? Эта мысль искушала его.

Съ своей стороны, мадонна Канцельери, несмотря на свое смущеніе, не могла удержаться отъ того, чтобы время отъ времени не бросить взглядъ на молодого человѣка. Какая-то неодолимая сила влекла ее къ молодому человѣку. Онъ старался не глядѣть на нее, но въ его взглядѣ она прочла тоску и сожалѣніе.

Неожиданно цѣлый міръ мыслей поднялся въ немъ.

«Нужно заговорить съ нею», рѣшилъ онъ про себя.

Обѣдъ уже кончался, уже нѣкоторые изъ гостей встали изъ-за стола. Мадонна Канцельери послѣдовала ихъ примѣру. Марко тоже всталъ и нагналъ ее уже при входѣ въ павильонъ.

— Мадонна,—произнесъ онъ трепещущимъ голосомъ, — выслушайте меня, умоляю васъ.

Какъ только они встрѣтились, Фьямма уже знала, что онъ подойдетъ и заговоритъ съ ней. Она ждала его словъ, боялась ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жаждала ихъ. Ей было ясно, что рѣшительное объясненіе неизбежно. Однако она инстинктивно сдѣлала попытку избѣжать его.

— Что вамъ угодно сказать мнѣ, мессеръ?—спросила она.— Здѣсь едва ли удобное мѣсто... къ тому же начинается балъ.

— Пусть начинается, мадонна. Я не буду злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ и попрошу у васъ только одну минуту.

Они спустились въ аллею, обсаженную громадными кипарисами и украшенную статуями. Эта аллея оканчивалась большимъ прудомъ, по которому медленно плавалъ лебедь, сверкая на солнцѣ своей бѣлизной.

— Мы первый разъ встрѣчаемся со времени вашей свадьбы, съ усиленіемъ продолжалъ Марко.—Кто знаетъ, когда намъ еще доведется увидѣться? Я долженъ говорить съ вами сегодня же.

Она уже не пробовала сопротивляться, чувствуя, что нѣчто должно быть сказано между ними.

Съ правой стороны аллеи возвышался холмъ, весь покрытый розами и присами. Онъ былъ похожъ на огромный букетъ. Зеленые дубы и кедры осѣняли его своими вѣтвями, а на самой вершинѣ высилась стройная пальма, листья которой сверкали, какъ ятаганы.

Этотъ искусственно созданный холмъ внутри былъ пустъ. Между двумя колоннами открывалась дверь, подъ которой красовалась высѣченная изъ краснаго гранита фигура нимфы, лежащей на цвѣтахъ.

— Войдемъ,—сказалъ Альдобранди.

Они вошли въ гротъ, раздѣлявшійся на двѣ комнаты. Первая, болѣе обширная, была украшена сценами изъ пастушеской жизни, высѣченными на стѣнахъ, съ потолка свѣшивались сталактиты. По срединѣ съ легкимъ шумомъ билъ маленькій фонтанъ, освѣжая жару лѣтняго дня. Вторая комната представляла чудный уголокъ съ мягкимъ диваномъ въ глубинѣ. Черезъ круглыя окна грота виднѣлась почти черная зелень, извилистая поверхность которой какъ будто соприкасалась съ голубымъ небомъ.

Оба сѣли на диванъ, отодвинувшись другъ отъ друга: они чувствовали, что ихъ раздѣляютъ тысячи всякихъ соображеній.

— Не думайте, мадонна,—началъ Альдобранди:—что я буду назойливъ, хотя я и добивался этого разговора. Когда-то вы слишкомъ

ясно дали мнѣ понять, что я недостойнъ васъ, и теперь я не рѣшусь уже васъ умолять....

— Ахъ!—воскликнула она съ горестью:—если бы вы знали!...

Что означало это невольное восклицаніе, вырвавшееся въ отвѣтъ на упрекъ Марко? Молодому человѣку некогда было надъ этимъ раздумывать, и онъ продолжалъ:

— Сегодня менѣе, чѣмъ когда-либо. Тогда вы были свободны, теперь этого нѣтъ. Да и я...

Онъ остановился для того, чтобы его дальнѣйшія слова, которыми онъ хотѣлъ отомстить ей, могли произвести болѣе сильное дѣйствіе.

— Да и я самъ уже просилъ у другой то, въ чемъ вы мнѣ безжалостно отказали, и ей было угодно подарить мнѣ свою любовь.

Онъ внимательно наблюдалъ за нею. Углы ея прекраснаго рта вдругъ дрогнули какъ будто отъ внезапной боли, и это доставило ему удовольствіе.

«Значить, она еще считается со мной,—подумалъ Марко.—Или это только отъ гордости?»

У нея хватило мужества отвѣтить просто, безъ малѣйшей надменности.

— Тѣмъ лучше! Я меньше буду упрекать себя за прошлое, если я дѣйствительно заставила васъ страдать!

— Если вы дѣйствительно заставили меня страдать!

Его голова упала на грудь. Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Я не хочу жаловаться, ибо жизнь меня утишила. Но теперь, когда я васъ снова вижу, когда я могу съ вами бесѣдовать, и вы сами этого хотите, не правда ли?..

— Ахъ—говорите, говорите,—промолвила она.—Развѣ я здѣсь не для того, чтобы слушать васъ и отвѣчать вамъ?

— Я хотѣлъ бы, мадонна, попросить у васъ объясненія загадочнаго слова, отъ котораго я чуть не умеръ. Когда мы говорили съ вами въ первый разъ на праздникъ розъ, вы не проявляли ко мнѣ ни неприязни, ни презрѣнія. Послѣ этой встрѣчи я могъ полюбить васъ безумно. Но потомъ вы прогнали меня отъ себя, какъ прогоняютъ назойливаго нищаго. Чѣмъ я заслужилъ это? Почему я сталъ предметомъ отвращенія и гнѣва. Вы осудили меня, но я и до сихъ поръ не знаю, по какой же причинѣ. Теперь я хотѣлъ бы ее знать. Вспомните, мадонна, чѣмъ вы были тогда для меня. Сколько я перестрадалъ изъ-за васъ! Тоска отравляла мое сердце, отчаяніе сушило его. А отъ бѣшенства подъ черепомъ носились адскія мысли! Хотѣлось бы знать, за что я долженъ былъ вынести все это.

— Не все ли вамъ равно теперь, когда вы меня уже не любите—сказала она грустно.

Альдобранди показалось, что онъ слышитъ не только журчанье фонтана, но и сдерживаемыя рыданія. Вся его гордость исчезла.

— А почему я знаю,—воскликнуть онъ:—что я уже не люблю васъ?

Ея глаза, похожіе на глаза сокола, сверкнули и пристально остановились на немъ.

— Мнѣ удалось забыть васъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось. Но вотъ вы явились, и черезъ минуту я уже почувствовалъ, что меня снова влечетъ къ вамъ. Это нелѣпо, ибо вы попрежнему враждебны ко мнѣ. Но я снова вашъ. Это моя судьба. Почему же вы были такъ жестоки ко мнѣ? Вотъ что я желалъ бы знать!

Его упреки не оскорбляли ее. Казалось, она только жалѣла его. Когда онъ кончилъ, слышно было лишь журчаніе фонтана, напрасно старавшагося достать до потолка.

— Вы ошибаетесь, Марко,—отвѣтила она.—Я не враждебна вамъ, да и никогда не была вашимъ врагомъ.

— Даже тогда, когда вы дѣлали видъ, что не узнаете меня. Даже тогда, когда вы отправили обратно мое письмо, не читавъ его. А между тѣмъ я въ немъ умолялъ васъ сжалиться надо мною ради Бога, ради вашей матери?

— Даже тогда.

— Вы не чувствовали ко мнѣ ненависти? Въ чемъ же было дѣло? Скажите...

— Я не была свободна. Тутъ дѣйствовала не я, а другіе, т. е. мои родители. Какъ вы могли догадаться объ этомъ? Почему вы, не разузнавъ дѣла, стали обвинять меня. Если бы вы навели справки, то вамъ сказали бы, что Фалько Джинори вдругъ рѣшилъ выдать свою дочь замужъ за Бартоломео Канцельери, чтобы такимъ образомъ скрѣпить ихъ политическій союзъ и сдѣлать ихъ интересы общими. То было черезъ нѣсколько недѣль послѣ нашей встрѣчи. Та дѣвушка, которая не отвѣтила вамъ на вашъ поклонъ на берегу Арно, была рабыней, исполнявшей приказаніе своего отца, который запретилъ ей узнавать васъ... Тогда, когда я танцевала съ вами пѣлый день, тогда я была еще свободна. Когда же я опять увидѣла васъ, прежняя Фьямма умерла для васъ и для самой себя. Теперь понимаете?

— Мадонна, — перебилъ ее Марко, въ голосѣ котораго слышалась слеза:—эта прежняя Фьямма... любила ли она меня?

Она вздохнула.

— Зачѣмъ вы спрашиваете объ этомъ теперь, когда уже слишкомъ поздно?

Но онъ настаивалъ неумолимо.

— Любила ли она меня?

Мадонна Канцельери молчала. Чистая слеза скатилась по ее щекѣ, словно серебряная звѣздочка упала съ неба.

Марко схватилъ ее за руки.

«истор. вѣсти», май, 1911 г., т. сxxiv.

Веселая, легкая музыка проникала снаружи сквозь листву, вдали слышались какъ будто звуки арфы. То начинался балъ.

— Фьямма,—серьезно сказала Марко:—вы несчастны?

— Не все ли равно!

— Нѣтъ, для меня не все равно. Если бы вы этого захотѣли, я забылъ бы васъ. Счастливымъ не нужна наша вѣрность. Но нельзя забыть тѣхъ, кто страдаетъ. Отвѣчайте мнѣ: любить ли васъ Канцельери?

Она покачала головой.

— Онъ васъ покидаетъ... Сегодня вы пришли сюда одна. Но это еще не все. Объ немъ говорили какъ-то въ моемъ присутствіи. Это жестокий и мрачный человѣкъ: у него страшное сомнѣніе. Во всѣхъ интригахъ противъ Медичи видна его рука. Я боюсь, какъ бы онъ не вовлекъ васъ въ свои происки, и хотѣлъ бы спасти васъ отъ этой участи.

— Не беритесь за невозможную задачу. Оставьте меня. Вы уже пользуетесь любовью.

— Да, но я-то люблю только васъ, Фьямма.

— Что за безуміе!

Онъ бросился на колѣни.

— Фьямма, въ такомъ положеніи я хотѣлъ бы провести всю жизнь. Взгляните! Я у вашихъ ногъ и на всю жизнь!..

Она взглянула на него съ безконечной нѣжностью.

— На всю жизнь,—повторялъ онъ.

Онъ поднялся. Фьямма не отвѣтила ни слова. Онъ обнялъ ее съ нѣжностью и поцѣловалъ ее въ щеку. Мадонна Канцельери не сопротивлялась.

Музыка становилась все громче, слышалась все ближе. Фьямма, вырвавшись изъ его объятій, выпрыгнула изъ грота, какъ лѣсная нимфа. Быстро пройдя лужайку, она присоединилась къ толпѣ прелестныхъ флорентинокъ.

Танцы остановились, но черезъ минуту начались съ удвоеннымъ весельемъ. Ставъ въ рядъ на изумрудной зелени, раскраснѣвшіяся отъ оживленія дамы едва успѣвали переводить духъ, подавшіе грудью впередъ, какъ будто въ ожиданіи какой-то новости.

Фьямма послѣдно заняла мѣсто среди этого цвѣтника. Долгое отсутствіе могло показаться невѣжливымъ по отношенію къ ново-брачной.

Въ перерывѣ между танцами Альдобранди подошелъ къ ней какъ будто бы за тѣмъ, чтобы предложить ей прохладительнаго питья.

— Когда я могу увидѣть васъ?—тихо спросилъ онъ.

Она колебалась.

— Я напишу вамъ, когда я буду свободна.

— Вы мнѣ обѣщаете это?

— Да.

— Благодарю. Я люблю васъ.

Съ этими словами онъ ушелъ съ бала.

Какое-то шумное счастье волновало его.

На другой день, не имѣя силъ оставаться дома, онъ поскакалъ къ Сесто, оттуда, держась цѣпи дубовъ, поѣхалъ по величавому склону холмовъ, тянувшихся до самыхъ отроговъ Аппенинъ, усаженныхъ виноградниками и каштановыми деревьями.

Въ Морелло онъ оставилъ лошадей въ какой-то бѣдной гостиницѣ около церкви, которая господствуетъ надъ огромной долиной, и пѣшкомъ отправился на высокую гору, которую видно за нѣсколько верстъ. Монте Морелло настоящее искушеніе и мученіе для всѣхъ туристовъ. По тропинкамъ, усыпаннымъ острыми камнями, подъ палящимъ солнцемъ, онъ шелъ черезъ молчаливыя ущелья, гдѣ тишина нарушается лишь позвякиваніемъ колокольчиковъ у коровъ. Марко шелъ дальше, черезъ волнообразныя и желтыя пустыни, черезъ выцвѣвшія пастбища, гдѣ почти не было травы для скота. Оглянувшись кругомъ, онъ могъ вообразить себя на вымершей планетѣ, проклятой небомъ. Но, сдѣлавъ поворотъ, онъ вдругъ увидѣлъ себя какъ бы надъ бездоннымъ колодеземъ, отъ котораго у него закружилась голова и въ который глянулъ на него зеленый Божій міръ.

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и достигъ края перпендикулярнаго дикаго обрыва: словно чудомъ, держались на немъ черными лентами овцы. Пастуха не было видно. Дѣйствуя руками и ногами, онъ наконецъ взобрался на самую высокую вершину. Горная цѣпь отъ него тянулась извилистой линіей вправо, а налево внезапно прерывалась проваломъ. На этой вершинѣ онъ подвергся такимъ яростнымъ нападеніямъ вѣтра, что принужденъ былъ скорѣе карабкаться къ покинутой хижинѣ какого-то горнаго пастуха, которая на три четверти была разрушена этими вихрями.

Борясь съ вѣтромъ, который, казалось, хотѣлъ унести и высушить его, замораживая его вспотѣвшее лицо, онъ выпрямился во весь ростъ и, повернувшись къ Аппенинамъ, подножіе которыхъ было закрыто туманами, крикнулъ въ безконечное пространство:

— Я люблю ее и она любитъ меня!

Въ это время Фьямма жила одна въ своемъ мрачномъ дворцѣ возлѣ церкви San-Spirito. Ея мужъ еще не возвратился изъ путешествія. Бартоломео Канцельери нерѣдко отлучался изъ дому съ какими-то таинственными цѣлями, о которыхъ она боялась догадываться. Она знала о его сношеніяхъ съ аристократами, непримиримо враждебными къ Флоренціи. Развѣ его отецъ не примыкалъ къ той же партіи, втайнѣ мечтавшей сломить могущество Медичисовъ и буржуазіи? Оба они остерегались посвящать ее въ свои интриги, но она догадывалась, что они затѣвали что-то страшное.

Несомнѣнно, Канцельери, пропадавшій изъ дому по цѣлымъ недѣлямъ, отыскивалъ соучастниковъ для какого-нибудь темнаго предпріятія и обходилъ всѣхъ, кто былъ недоволенъ Медичисами.

Если эти происки увѣнчаются успѣхомъ, сколько крови будетъ пролито, сколько падеть жертвъ! Одной изъ первыхъ будетъ Марко Альдобранди, который славился во Флоренціи своей близостью къ обоимъ принципамъ. Но если эти интриги не удадутся, — смерть постигнетъ заговорщиковъ, смерть постигнетъ ея отца, котораго она не переставала нѣжно любить, хотя онъ и принесъ ее въ жертву своему честолюбію. Хуже всего было то, что въ виду опасности, грозившей съ обѣихъ сторонъ, она была осуждена на бездѣйствіе: если бы только она захотѣла знать все то, что отъ нея скрываютъ, свирѣпый мужъ неминуемо заподозрѣлъ бы ее и отправилъ ее куда-нибудь на отдаленную виллу, гдѣ она могла бы умереть отъ неизлечимой лихорадки. Маремскія болота были недалеко.

Пока она думала эти думы, облокотившись на рѣшетку выходившей на дворъ галерен, Бартоломео Канцельери неожиданно появился на лѣстницѣ. Увидѣвъ, что онъ направляется къ ней, она содрогнулась всѣмъ тѣломъ.

Бартоломео одновременно походилъ и на разбойника и на сенъора. Въ немъ чувствовалась порода, но чувствовалась такъ, какъ это бываетъ у хищныхъ птицъ. Длинный и тонкій носъ, обличавшій наслѣдство этрусковъ, напоминалъ своей кривизной клювъ ястреба. Его руки, нѣжныя и аристократическія, были желѣзными тисками. Въ глубоко всаженныхъ глазахъ загорались то и дѣло золотыя искры, какъ это бываетъ у плотоядныхъ звѣрей. Они указывали на жестокость и гордость. Чувствовалось, что для обладателя подобныхъ глазъ остальные люди не существовали. Все лицо его носило отпечатокъ какого-то аскетизма, словно адскій пламень высушило его щеки. Отъ густой, раздваивавшейся на концѣ бороды лицо это казалось еще длиннѣе.

На головѣ Бартоломео красовался бархатный беретъ съ длиннымъ, спускавшимся назадъ перомъ, которое прикрѣплялось рубиномъ. Одѣтъ онъ былъ въ темнокрасный камзолъ съ широкими рукавами. Черезъ плечо онъ носилъ миланскую шпагу, которая была прикрѣплена къ поясу золотой пластинкой съ брилліантомъ.

Отъ него не укрылось движеніе, которое сдѣлала Фьямма при его появленіи и въ которомъ вмѣстѣ съ изумленіемъ отразился и ужасъ. Это ему, впрочемъ, очень понравилось: онъ любилъ, чтобы его боялись всѣ и въ особенности его жена.

— Вы не ожидали меня такъ рано, мадонна, — сказалъ онъ насмѣшливо.

— Дѣйствительно, не ожидала. Я думала, что вы уѣхали въ Пистойю на нѣсколько дней. Вѣдь вы мнѣ, кажется, такъ говорили?

— Я перемѣнилъ свои намѣренія. Впрочемъ, я туда отправлюсь, вѣроятно, послѣзавтра. Можетъ быть, придется ѣхать дальше въ Римъ, или въ Имолу, хорошенько еще не знаю.

Мадонна Канцельери послѣшила скрыть свою радость, которую она почувствовала при этомъ извѣстїи.

— Вамъ, вѣроятно, непріятно будетъ оставаться одной?—продолжалъ онъ съ пронїей, которую онъ уже не скрывалъ болѣе.—Я, несомнѣнно, похожъ на супруга, который пренебрегаетъ своей семьей. Но что прикажете дѣлать? Мнѣ приходится заниматься важными дѣлами, которыя къ тому же не одного меня касаются. Вы на меня не сердитесь, Фьямма.

Она не знала, какъ отвѣчать ему: ее смущала эта пронія.

— Ну,—вдругъ сказалъ онъ съ грубостью, отъ которой его жена содрогнулась,—будемъ откровенны. Сознайтесь, что вы только и ждете того времени, когда меня не будетъ здѣсь.

— Мессеръ,—прошептала она:—изъ чего вы это заключаете?

Ея губы задрожали. Она имѣла виноватый видъ. Канцельери жестоко игралъ ея смущеніемъ. Онъ любилъ мучать ее этими переходами отъ насмѣшливой нѣжности къ внезапной рѣзкости. Онъ съ трудомъ выносилъ эту покорную и вмѣстѣ съ тѣмъ гордую женщину, которая никогда не жаловалась на его пренебреженіе и которую онъ не имѣлъ права въ чемъ-либо обвинять. Казалось, своей манерой держаться она только подчеркивала свое превосходство надъ нимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была дочерью Джинори, его соумышленника, который держался наставникомъ, иго котораго онъ носилъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Свою злобу онъ вымещалъ на его дочери.

— Я знаю, что вы меня не любите,—продолжалъ онъ, на этотъ разъ съ спокойнымъ высокомеріемъ.—Вы вышли за меня замужъ не изъ любви ко мнѣ, а по приказанію вашего отца. Вы, конечно, свободны въ своей любви. Я ни у кого милостыни не просить. Итакъ, мадонна, пусть ваше сердце будетъ свободно, располагайте имъ, какъ хотите, но будьте осторожны.

— Мессеръ,—отвѣчала она:—я не боюсь вашихъ угрозъ и презираю ваши оскорбленія. Моя совѣсть не можетъ упрекнуть меня ни въ чемъ относительно васъ.

Бартоломео молча глядѣлъ на нее: въ его глазахъ бѣгали искры, а лицо было блѣднѣе обыкновеннаго. Но и Фьямма не опустила глазъ: вооружившись гордостью, она готова была обнаружить свой боевой темпераментъ. Обѣ эти души, столь различныя и столь закаленные, стали другъ противъ друга.

— Тѣмъ лучше, если это такъ!—холодно промолвилъ Бартоломео. Впрочемъ, не думайте, чтобы у меня было время разбираться во всемъ томъ, что можетъ забрать себѣ въ голову женщина. У меня есть заботы и поважиѣе. Я только прошу васъ объ одномъ.

Считайте, что я уже почти умеръ. Медици—враги мои и враги вашего отца. Берегитесь молодыхъ людей, которые ихъ окружаютъ: они способны на все, чтобы поправиться этимъ выскочкамъ-купцамъ. Если хоть одинъ изъ нихъ пріобрѣтетъ на васъ какое-нибудь вліяніе—хотя бы самое ничтожное,—онъ воспользуется имъ противъ меня, противъ вашего отца, противъ нашихъ друзей. Любите меня, или не любите—это дѣло ваше. Но не вздумайте сдѣлаться въ рукахъ какого-нибудь франта орудіемъ шпионства и измѣны. Вотъ все, о чемъ я васъ прошу.

— У васъ есть какія-нибудь особыя причины, почему вы мнѣ говорите объ этомъ сегодня?—спросила она, стараясь угадать, какъ далеко шли подозрѣнія Канцельери.

— Вы были на свадьбѣ Віолы Ручеглаи, а тамъ присутствовали всѣ придворные Лоренцо. Не совѣтую вамъ впредь такъ неосторожно вращаться въ обществѣ моихъ враговъ.

Свирѣпый взглядъ, который онъ бросилъ на жену, не произвелъ никакого дѣйствія: имя Марко Альдобранди не было упомянуто.

Когда онъ обогнулъ галерею и скрылся изъ виду, Фьямма, подперевъ голову обѣими руками, тихо шептала:

— Марко, онъ самъ этого хотѣлъ! Я буду любить тебя, пока жива.

Бартоломео Канцельери рыскалъ по Тосканѣ и Романѣ, плетя свои интриги. Фьямма, обезпечивъ себѣ свободу на нѣсколько дней, отправилась къ фермерамъ своего отца, своимъ старымъ слугамъ, которые ее воспитали и ради нея готовы были измѣнить Богу, республикѣ и всему христіанству. Тамъ на другой день засталъ ее Марко Альдобранди.

Они полюбили другъ друга со всею пѣжностью, со всею боязнью. Сколько времени будетъ продолжаться ихъ безопасность? Не всегда же Канцельери будетъ въ отсутствіи. А когда онъ вернется, Фьяммѣ нельзя уже будетъ являться сюда. Придется видѣться лишь украдкой, среди тысячи опасностей.

Медленно и какъ будто нерѣшительно шли они обыкновенно черезъ виноградники и луга. Перейдя высохшее русло рѣчки Эмы, они большею частью направлялись къ возвышенности, на которой возвышался монастырь, сооруженный усердіемъ Ачьяюоли и похожій скорѣе на укрѣпленный замокъ.

Однажды Фьяммѣ пришло желаніе осмотрѣть его, хотя женщинамъ и запрещено было туда входить: онъ считался нечистымъ и опаснымъ. Ея имя заставило нѣсколько смягчить это суровое правило, и отецъ привратникъ повелъ молодыхъ людей по извилистымъ коридорамъ этой цитадели. Онъ привелъ ихъ въ блестящую золотомъ церковь и въ погребальный склепъ, гдѣ покоился прахъ строителя монастыря. Затѣмъ они пошли подъ сводами мона-

стыря между двумя рядами монаховъ, которые въ своихъ бѣлоснѣжныхъ одѣяніяхъ стояли молча, прислонившись къ колоннамъ. Другіе качали воду изъ колодца. Сидя на желѣзной перекладинѣ, ласточки щебетали, очевидно, не чувствуя передъ ними никакого страха. Усыпанный розами монастырскій дворъ былъ одновременно и лугомъ и садомъ. Вдали виднѣлась Флоренція съ своими блѣдными очертаніями, свѣтлая долина Арно и мрачная Монте-Морелло.

Альдобранди вдругъ пришла въ голову мысль, что монахи, жившіе среди всѣхъ этихъ прелестей, должны были испытывать особеннаго рода счастье, особенно сладкое для тѣхъ, кто еще не испытывалъ страстей или уже пережилъ свою любовь. Молиться, размышлять подъ этими сводами, полными свѣта, поливать цвѣты на фонѣ этого чудеснаго ландшафта, развернувагося на всѣ четыре стороны; вставать ночью, когда дежурный монахъ будитъ васъ черезъ отверстіе въ двери, пѣть въ церкви, сіяющей неугасимыми лампадами,—вотъ лучезарный способъ незамѣтно для себя перейти въ вѣчность.

На одну минуту Марко показалось, что онъ самъ принадлежитъ къ числу этихъ молчаливыхъ людей въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, но онъ быстро оправился отъ этой галлюцинаціи. Фьямма стояла передъ нимъ и улыбалась. Онъ какъ будто вновь родился для любви и вдругъ всѣми своими нервами почувствовалъ безконечную страсть...

Въ тѣ дни, когда не приходилось бывать въ долині Эмы, Марко почти не выходилъ изъ дворца Альдобранди. Онъ почти оставилъ дворъ Медичсовъ и потерялъ вкусъ къ удовольствіямъ, которыя могли вывести его изъ его мечтательности влюбленнаго. Кромѣ того, онъ боялся встрѣчи съ мадонной Франджиани.

Нера писала ему дважды. Сначала она прислала ему письмо, полное упрековъ и жестокихъ нападокъ, къ которымъ примѣшивалась не меньшая нѣжность. Она считала это легкимъ увлеченіемъ и приказывала ему явиться немедленно и просить у нея прощенія. Марко не отвѣтилъ на это письмо. Послѣ этого она прислала ему нѣсколько строкъ, холодныхъ и острыхъ, какъ кинжалъ, вонзающійся въ тѣло. Онъ не могъ не испугаться за Фьямму, ибо въ концѣ письма было сказано: «Тебя я презираю, и потому месть моя обрушится не на тебя». Онъ боялся, какъ бы Нера не догадалась о Фьяммѣ, и каждый день ждалъ грозы. Цѣлая недѣля прошла благополучно, и онъ впалъ опять въ свойственное влюбленнымъ равнодушіе ко всему, что не касается предмета ихъ любви.

Вдругъ воздушные замки, въ которыхъ онъ жилъ до сего времени, распались до основанія. Канцельери вернулся во Флоренцію и черезъ нѣсколько дней увезъ съ собой жену на небольшую виллу около Сіенны, гдѣ онъ предполагалъ провести остатокъ осени.

Альдобранди остался одинъ. Какъ и въ тѣ времена, когда онъ любилъ Фьямму еще дѣвушкой, такъ и теперь онъ блуждалъ по

Флоренціи, которая сдѣлалась для него пустыней. Цѣлыми часами ходилъ онъ вдоль желтѣющихъ береговъ Арно, то бродилъ около церкви св. Троицы, гдѣ онъ впервые увидѣлъ ее, то стремился на лѣвый берегъ, къ Санъ-Спирито, гдѣ воздухъ для него былъ какъ будто напоенъ ароматомъ ея присутствія.

Его дни проходили въ мрачной тоскѣ, и друзья не могли его видѣть. Болѣе чѣмъ когда-либо пропадалъ онъ изъ отцовскаго дома и бродилъ по улицамъ и площадямъ, словно человѣкъ, приговоренный къ изгнанію.

Въ одно прекрасное утро, когда онъ только что хотѣлъ выйти изъ дому, передъ его подъѣздомъ появился верховой крестьянинъ и просилъ вызвать къ нему Марко. Марко быстро выбѣжалъ изъ комнаты, какъ бы убѣгая отъ свѣдавшей его тупой тоски.

Крестьянинъ, тщательно удостовѣрившись, что передъ нимъ дѣйствительно Марко Альдобранди, передалъ ему письмо, которое заставило его поблѣднѣть отъ радости: онъ узналъ почеркъ мадонны Канцельери.

«Милый другъ,—писала она.—Извѣстный вамъ человѣкъ только что опять уѣхалъ и, по всей вѣроятности, на нѣсколько недѣль. Пріѣзжайте. Я одна и люблю васъ. Мнѣ хочется вѣрить, что эти дни были печальны для васъ. Что же я могу сказать про себя за это время? Вы по крайней мѣрѣ имѣли возможность страдать свободно, за вами не слѣдили, у васъ не требовали отчета о причинахъ вашей блѣдности, вздоха, смутнаго взгляда. Вамъ не приходилось выносить присутствія непріятнаго и ненавистнаго вамъ человѣка. Поэтому вы имѣете меньше права жаловаться, чѣмъ я. И это еще не все: въ теченіе этихъ двухъ недѣль я испытала ужасные приступы страха. Человѣкъ, котораго я предпочитаю не называть, готовитъ ужасныя вещи. Онъ уже близокъ къ осуществленію своего плана. Я прихожу въ ужасъ отъ того, чего я еще не знаю и о чемъ только догадываюсь. Сколько безпокойствъ заставилъ онъ меня пережить. Пріѣзжайте, чтобы я могла рассказать все, что я перенесла. Я люблю васъ. Пріѣзжайте».

Золотистый осенній вечеръ спускался надъ сіенской равниной, когда Марко приближался къ холмамъ долины Эльзы.

Круглыя верхушки горъ были залиты матовымъ свѣтомъ солнца, словно на картинахъ Диччо, этого дивнаго предшественника Рафаэля. Босоногіи крестьянинъ велъ съ поля пару большихъ быковъ; согнувъ подъ ярмомъ голову, украшенную огромными, почти горизонтальными рогами, они медленно шагали по направленію къ западу. Солнце, еще не потерявшее своего великолѣпія, свѣтило какъ разъ между рогами одного изъ нихъ и казалось какимъ-то огромнымъ плодомъ между двумя вѣтвями фантастическаго дерева. Насыщенный свѣтомъ пейзажъ дышалъ нѣжностью и въ то же время величавостью.

Вдругъ Марко увидѣлъ фигуру, которая быстро приближалась къ нему навстрѣчу, какъ будто утопая въ нѣжномъ великолѣпнѣи вечера. Онъ тотчасъ узналъ ее и ускорилъ шагъ. Она сдѣлала то же. И вдругъ оба, не имѣя больше силъ сдерживать себя, бросились бѣгомъ другъ къ другу. Безъ крика, безъ словъ, почти въ обморокъ упала Фьямма на грудь Марко. Онъ тоже молча и крѣпко прижалъ ее къ себѣ, какъ будто спасалъ ее отъ смерти. Въ этотъ моментъ они любили другъ друга слишкомъ сильно и имъ не нужно было словъ. Долина Эльзы казалась вся въ пламени, въ небѣ блестяло золото всѣхъ отблѣсковъ—зеленоватое, какъ море, яркое, какъ у нимбовъ святыхъ дѣвственницъ, красное, словно огни въ день битвы. Со стороны Вольтерры бѣжали зыбью облачка, подернутыя розовымъ цвѣтомъ.

— Наконецъ-то,—тихо прошептала Фьямма:—наконецъ!

Она не могла подыскать другихъ словъ.

Два вихiria сѣли рядомъ на сосѣднѣй кипарисъ, и одинъ изъ нихъ мелкими шажками, воркуя, сталъ кружиться около своей подруги. Изъ самой глубины его груди выходилъ мягкій и нѣжный стонъ, которымъ онъ привѣтствовалъ обоихъ влюбленныхъ, которые отъ захватившаго ихъ счастья не могли сказать ни слова.

Первой пришла въ себя отъ этого забвенія Фьямма. Ея душа изъ безднъ радости вернулась къ жизни. Она опустила голову на плечо Альдобранди, покрывъ его, какъ золотомъ, своими волосами, и, повернувшись къ нему лицомъ, устремила на него свои глаза, похожіе на изумруды, ежесекундно мѣняющіе цвѣта.

— Марко, ты не знаешь, что пришлось мнѣ вытерпѣть. За одно это ты долженъ любить меня безконечно.

— Я люблю тебя.

Она посмотрѣла на него пристальнымъ, долгимъ взглядомъ, какъ будто желая испытать глубину его любви.

— Идемъ,—сказала она.—Становится уже поздно, а до виллы еще далеко. Мы будемъ говорить на ходу.

И они снова направились по дорогѣ къ Сиеннѣ. Ихъ жидкія, колеблющіяся тѣни становились длиннѣе благодаря косымъ лучамъ солнца, задержавшагося при заходѣ на нѣкоторыхъ виноградникахъ.

Мощное дыханіе вечера заставляло дрожать оливковыя деревья и трепетать сверху донизу кипарисы.

— Все, что я тебѣ писала,—начала Фьямма,—не въ состояніи дать даже приблизительнаго понятія о томъ, что мнѣ пришлось пережить безъ тебя въ теченіе этихъ двухъ недѣль. Въ его присутствіи мнѣ не хватало воздуха. Я испытала страданія человѣка, который тонетъ и задыхается. Я чувствовала себя осужденной, которую заперли въ свинцовую тюрьму. Я чувствовала, что день и ночь меня сторожитъ ненависть, которая не знаетъ ни жалости,

ни усталости. Я была подавлена, пригнута къ землѣ бурей, которая еще не разразилась; мнѣ хотѣлось даже, чтобы меня поразила молнія. Нѣсколько разъ, чувствуя, что силы мои приходятъ къ концу, я едва не бросила ему въ лицо нашу тайну.

Вдругъ она остановилась, какъ бы чувствуя на себѣ всю тяжесть пережитыхъ дней, о которой она только что говорила.

Марко пожималъ ей руку, и это легкое прикосновеніе, напоминавшее о его присутствіи, давало ей силу итти дальше.

— Чтобы спасти себя отъ начинающагося безумія, я часто уходила въ соборъ,—продолжала она.—Ты не знаешь сіенскаго собора, Марко? Это дворець молитвы. Онъ гораздо роскошнѣе, чѣмъ дворцы людей. Тамъ никогда не бываетъ вполнѣ свѣтло: свѣтъ падаетъ сверху, таинственно, какъ небесная благодать. Когда входишь въ него, то можно заблудиться среди цѣлаго лѣса бѣлыхъ и черныхъ колоннъ. Если поднять глаза кверху, то увидишь залитый свѣтомъ сводъ; если опустишь книзу, то подъ ногами окажется масса фигуръ. Вся церковь выстлана каменными плитами съ рѣзными изображеніями, такъ что ходишь по легкимъ, какъ дымъ, образамъ фантази. Я всегда искала убѣжища передъ большой каедрой, колонны которой поддерживаются львами, а бока украшены изображеніями всякихъ добродѣтелей. Мнѣ нравились эти женскіе лики, спокойные и твердые. Одна изъ этихъ фигуръ держитъ въ рукахъ ребенка, а одна изъ львицъ кормитъ своихъ дѣтенышей. Когда въ соборѣ начинало темнѣть, я воображала себя перенесенной въ какую-нибудь печальную райскую обитель, полную молитвъ и безмолвія. Именно въ эти часы я любила мечтать о тебѣ. Мнѣ казалось, что я уже мертва, а мертвые свободны... свободны въ своей любви.

— Не говори о смерти, Фьямма. Забудь о ней. Лучше думай о жизни. Ты прекрасна, я люблю тебя, мѣстность—самая милая. Итакъ, будемъ жить.

— Ты правъ. Мы будемъ счастливы другъ подлѣ друга. Да, вѣдь ты не знаешь! Моя подруга Эмеральда уступаетъ тебѣ свою виллу, которая находится рядомъ съ моей. Я ей сказала, что ты мой родственникъ, которому приходится на нѣкоторое время удалиться изъ Флоренціи, чтобы спастись отъ угрожающаго мщенія. Это моя подруга дѣтства, и мы знали другъ друга, когда еще жили у Санъ-Спирито. Она вышла замужъ за нѣкоего Толомей, но теперь овдовѣла. Она живетъ одна съ дочкой въ старинномъ мрачномъ замкѣ. Мы сходимъ къ ней, конечно?

— Конечно.

— Но скажи, пожалуйста, почему ты пришелъ пѣшкомъ, какъ простой путникъ? Гдѣ твоя лошадь?

Отъ радости она засыпала его вопросами. Теперь въ ней не было и слѣда той скорби, которая такъ удручала ее часъ тому назадъ.

Марко только улыбался, видя ея радость.

— Моя лошадь расковалась, и мнѣ пришлось ее оставить на дорогѣ въ гостиницѣ. Кромѣ того, она сильно нуждалась въ отдыхѣ. Такимъ образомъ, я пришелъ сюда, какъ пилигримъ. Да я и въ самомъ дѣлѣ пилигримъ. Развѣ я не совершаю паломничество къ вашей красотѣ, мадонна?

И съ благоговѣніемъ, какъ будто передъ нимъ было изображеніе какой-нибудь святой, онъ поцѣловалъ край вуали, который висѣя вокругъ ея головы, словно утренній туманъ.

Между тѣмъ вечерній сумракъ, такъ быстро смѣняющій осенью блестящіе дни, окуталъ всю мѣстность. Золотое небо потемнѣло, волны свѣта отъ заходящаго солнца перестали переливаться, лазурь стала неподвижной: мало-по-малу она блѣднѣла и переходила въ замиравшіе опаловые тона.

Обѣ виллы отдѣлялись другъ отъ друга только низкимъ и плоскимъ холмомъ, на верху котораго росли оливковыя деревья.

Передъ виллой Фьяммы разстилался цвѣтущій садъ розъ: она любила гулять въ немъ.

Одѣтая въ длинное красное платье, съ капюшономъ на головѣ, который предохранялъ ея лицо отъ все еще жгучаго октябрьскаго солнца, она сама походила на пышную розу.

Прежде всего они сдѣлали визитъ Эмеральдѣ. Первый разъ въ жизни Марко шелъ по извилистымъ улицамъ Сіенны. Онъ удивлялся ихъ кривизнѣ, аданіямъ, построеннымъ изъ кирпича и приспособившимся къ неровностямъ почвы, массивнымъ воротамъ, похожимъ на мостъ съ одной аркой, видами на укрѣпленія, которые открывались на каждомъ поворотѣ дороги. Построенный на трехъ холмахъ такъ, что дворцы и церкви лѣпились другъ на другѣ, городъ казался огромной цитаделью, которая пирамидой поднималась къ свѣтлому небу.

Воспитанный въ городѣ гармоніи и правильности, Марко переходилъ отъ удивленія къ удивленію въ этомъ лабиринтѣ переулковъ, среди которыхъ вдругъ въ какомъ-нибудь прорывѣ появлялись блестящія горы и далекая равнина. Онъ долженъ былъ сознаться, что площадь Сеньоріи гораздо меньше Сампро, которое служило ареной для боя быковъ и игръ молодежи. Онъ удивлялся Torre del Mangia, столь высокой, что съ ея верхушки можно было замѣтить движеніе войска на самомъ отдаленномъ мѣстѣ горизонта.

Наконецъ они пришли къ мрачному замку гдѣ жили мадонна Толомей и ея дочь, Сельваджія. Передъ зданіемъ на высокой колоннѣ стояла тощая волчица съ оскаленными зубами, символизуя происхождение Сіенны, дочери Сениуса и внучки Рема. Замокъ былъ очень некрасивъ. Съ огромнымъ цоколемъ и тремя неравными воротами, продѣланными въ разныхъ мѣстахъ, онъ казался тюрмой.

Въ этомъ именно замкѣ жилъ когда-то Пиа Толомеи, который изъ ревности погубилъ свою жену, заточивъ ее въ Мареммахъ, гдѣ она и умерла отъ лихорадки.

Поднявшись по лѣстницѣ, Марко и Фьямма очутились въ залѣ, гдѣ ихъ ждала мадонна Толомеи съ дочерью.

Эсмеральда отличалась той особенной красотой уроженокъ Сиенны, которая не встрѣчается во Флоренціи. Величавость, кротость, особенная нѣжность лица придавали ея лицу тихую прелесть, столь непохожую на нервную и, такъ сказать, боевую красоту Фьяммы. Ея большіе глаза сіяли мистическимъ свѣтомъ, какъ тѣ расширенные отъ экстаза зрачки, которыми Дуччи и Симоне Мартини даютъ ихъ ангеламъ.

При появленіи гостей мадонна Толомеи поднялась и нѣжно поцѣловала свою подругу.

— Добро пожаловать въ Сиенпу, синьоръ,—сказала она Марко, съ благородствомъ отвѣчая на его поклонъ.

Марко сталъ благодарить ее за то, что она предоставила въ его распоряженіе свой домъ въ долинѣ Эльзы. Пока онъ говорилъ, мадонна Толомеи украдкой осматривала его и переводила взглядъ на Фьямму. И на ея пышныхъ губахъ играла улыбка снисхожденія.

Несомнѣнно, она не вѣрила разсказу своей подруги о какомъ-то ея родственникѣ. Къ тому же достаточно было взглянуть на Фьямму, страсть которой бросалась въ глаза. Но мадонна Толомеи не шокировалась этимъ. Она знала грубость Канцельери и не удивлялась тому, что супруги жили не въ ладахъ. Она не порицала Фьямму и говорила самой себѣ, что возлѣ ея подруги нѣтъ Сельваджии, чтобы служить ей охраной.

Послѣ разговора, возвращавшагося на безразличныхъ вещахъ, Марко и Фьямма поднялись. Хозяйка пошла провожать ихъ и, нѣжно обнявъ Фьямму, тихо шепнула ей:

— Ты очень неосторожна. Съ такимъ мужемъ, какъ у тебя...

Она чувствовала, какъ задрожала молодая женщина при мысли, что ея тайна открыта.

— Будь покойна, я тебя не выдамъ. Я вѣдь знаю, что ты не была счастлива...

— Благодарю тебя,—тихо промолвила Фьямма.

— Въ случаѣ какой-либо опасности... или неожиданности... моя сестра—настоятельница монастыря Санъ-Джиминьяно... У нея ты найдешь убѣжище, въ которомъ никто не посмѣетъ тебя потревожить. Извините, мессеръ,—прибавила она, обращаясь къ Марко:— но вѣдь у женщинъ, какъ извѣстно, всегда есть сказать другъ другу кое-что, о чемъ мужчинамъ нѣтъ надобности знать.

Марко молча поцѣловалъ руку мадоннѣ. Пока гости спускались по лѣстницѣ, гражданка Сиенны стояла наверху, прислонившись къ стѣнѣ, словно изваяніе, и провожала ихъ взглядомъ.

Прошло нѣсколько дней. Однажды утромъ Фьямма и Марко гуляли въ саду среди осеннихъ розъ. Они тихо шли вмѣстѣ и говорили вполголоса, чтобы не спугнуть счастья, которое бываетъ у насъ мимолетно, словно птичка, готовая вспорхнуть.

Они не замѣтили, какъ съ другого конца сада къ нимъ подошла какая-то женщина, закутанная въ длинную вуаль.

— Мессеръ Альдобранди!—сказала она рѣзко и съ этими словами сбросила покрывало. Марко вздрогнулъ при звукѣ ея голоса: онъ узналъ Неру Франджиани.

— Вы совсѣмъ забыли меня,—продолжала она съ ироніей.— Зато я много думала о васъ.

— Кто эта женщина, Марко?—робко спросила Фьямма.

Нера не дала ему отвѣтить.

— Женщина, которую этотъ кавалеръ когда-то любилъ, мадонна Канцельери.

— Въ такомъ случаѣ вамъ нѣтъ надобности называть себя, мадонна Франджиани,—отвѣчала высокомерно Фьямма.—Марко рассказалъ мнѣ все. Что же вамъ здѣсь угодно? Вы знаете, что онъ васъ уже не любитъ, если только вообще онъ васъ когда-либо любилъ.

Нера пожала плечами и, повернувшись къ Альдобранди, сказала:

— Я отвѣчу тебѣ, Марко. Намъ время дорого. Готовится катастрофа, которая можетъ поразить тебя не дальше, какъ сегодня.

— Катастрофа?

— Слушай. Мнѣ ваша тайна извѣстна уже недѣли три. Я догадывалась о той, ради которой ты разстался со мной. Я отправилась во дворецъ Канцельери и попросила доложить о себѣ синьорѣ. Мнѣ отвѣчали, что на осень она уѣхала на виллу въ Сиенну. Я догадалась, что и ты долженъ быть недалеко. И вотъ я явилась сюда. Я уже видѣла васъ разъ десять.

Ея лицо искажилось судорогой.

— Ахъ, Марко! Какая это пытка! Спрятавшись за эту изгородь, я видѣла, какъ вы цѣловались. Я слышала вашъ шопотъ, и десять разъ готова была умереть. И тѣмъ не менѣе я жива...

— Мадонна,—холодно перебилъ ее Альдобранди:—вѣдь вы говорили, что время намъ дорого.

— Но я отомстила за себя.

— Какимъ же это образомъ?—вырвалось у Фьяммы, которая начинала бояться за Марко.

Мадонна Франджиани нарочно медлила отвѣтомъ.

— Я написала вашему мужу,—сказала она, пристально глядя на ея поблѣднѣвшее лицо.

— Несчастливая!—вскрикнулъ Марко, сжимая кулаки.

Фьямма закрыла лицо руками.

— Часъ тому назадъ,—продолжала Нера спокойнымъ голосомъ,—мой гонецъ помчался уже во Флоренцію, куда только что прибылъ мессеръ Канцельери. Онъ дважды долженъ перемѣнить лошадь, чтобы доскакать туда какъ можно скорѣе. Это человѣкъ, которому я хорошо плачу и который мнѣ преданъ. Ничто не можетъ его остановить, и никто не можетъ его догнать. Онъ летитъ за Канцельери и смертью.

При словѣ «смерть» она вдругъ вздрогнула.

— Нѣтъ, Марко, я не хочу, чтобы ты умеръ. Я явилась сюда, чтобы предупредить тебя о томъ, что я сдѣлала. Ибо я люблю тебя, я теряю разумъ. Ты можешь еще спастись. Уѣзжай немедленно, умоляю тебя. Когда явится Бартоломео Канцельери, я скажу ему, что я его обманула, что я взвела на тебя обвиненіе изъ ревности, что я ничего не видѣла, что даже и нѣтъ ничего. Эта сумѣеть солгать не хуже меня, иначе она тебя не любитъ. И онъ будетъ принужденъ намъ повѣрить. И она будетъ спасена... Идемъ же, идемъ!

Марко не слушалъ ее. Онъ увлекъ за собой Фьямму и, когда они были на такомъ разстояніи, что Нера не смогла ихъ слышать, сталъ говорить ей:

— Фьямма, вы должны немедленно уѣзжать. Какъ можно скорѣе спѣшите въ Санъ-Джиминьяно съ письмомъ, которое вамъ дала мадонна Толомеи къ аббатиссѣ. Вы должны оставаться тамъ, пока не пройдетъ опасность. Не берите съ собой никого изъ вашихъ слугъ: они могутъ васъ выдать изъ страха передъ вашимъ мужемъ. Съ вами поѣдетъ слуга, котораго Эмеральда оставила на виллѣ. У него есть лошадь, а вы сядете на мою.

— А ты?—вскричала она.—Неужели ты думаешь, что я могу ѣхать, предоставивъ тебя ярости Канцельери? Если ты останешься вдѣсь, я тоже останусь.

— Я запрещаю тебѣ это. Чѣмъ ты можешь помочь мнѣ противъ него, Фьямма? Я умоляю тебя ѣхать. Во имя нашей любви!

Она взглянула на него. Его лицо выражало непреклонную рѣшимость. И на половину покоренная, она опустила голову.

— Развѣ ты не рѣшаешься положиться на меня? Развѣ ты думаешь, что я буду сильнѣе въ твоемъ присутствіи, если дѣло дойдетъ до схватки? Послушайся меня и уѣзжай.

— Я поступлю такъ, какъ ты желаешь, Марко. Ты правъ. Я горжусь тобой въ этотъ моментъ и не боюсь за тебя.

Черезъ нѣсколько минутъ Фьямма въ сопровожденіи слуги скакала по дорогѣ къ монастырю Санъ-Джиминьяно.

Экзальтация, которую въ ней поднялъ Марко, еще продолжалась, и она ни минуты не сомнѣвалась, что онъ выйдетъ побѣдителемъ. Въ необузданной радости она твердила себѣ, что теперь она навсегда разрываетъ съ прошлымъ и освобождается отъ Кан-

цельери. Вдругъ холодный страхъ сжалъ ей сердце. Какъ будто въ волшебномъ зеркалѣ, въ которомъ колдуны показываютъ будущее, она увидѣла схватку Марко и Канцельери. Марко выхватилъ свою шпагу. Вотъ онъ лежитъ на спинѣ. Онъ приподнимаетъ голову и шепчетъ съ тоскою: «Фьямма! Фьямма!» И ея нѣтъ около него!

Невольнымъ движеніемъ она остановила свою лошадь. Проводникъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее и тоже остановился.

— Синьорѣ нехорошо?—спросилъ онъ.

Просьба Марко снова прозвучала въ глубинѣ ея души...

— Ъдемъ,—коротко отвѣчала она.

Путь ихъ былъ довольно дологъ. Они миновали долину Эльзы, сжатую между двумя горными склонами, покрытыми виноградниками, и вѣхали на возвышенность, съ которой видна была вся равнина съ Флоренціей на горизонтѣ.

Повернувшись влѣво, проводникъ указалъ рукой на кучку оранжевыхъ и розовыхъ башенъ, напоминавшихъ мечеть и возвышавшихся на самомъ горизонтѣ горъ.

— Вотъ Санъ-Джиминьяно,—сказалъ онъ.

Пилигримъ, идущій сюда изъ Сіенны, съ Мареммъ или изъ Умбріи, чтобы помолиться св. Финѣ, покровительницѣ этой мѣстности, приходитъ въ трепеть, завидя этотъ монастырь, Castel Fleuri, какъ онъ назывался во времена легендъ. Ему приходитъ на умъ мистическій райскій городъ. Всякій набожный человѣкъ привѣтствуетъ этотъ монастырь съ тѣмъ же энтузіазмомъ, съ какимъ крестоносцы привѣтствовали наконецъ-то появившійся на горизонтѣ Іерусалимъ.

Castel Fleuri не просто городокъ, возвышающійся надъ тихой, спокойной равниной, нѣтъ, это букетъ фантастическихъ башенъ, созданныхъ сновидѣніемъ. Онъ обманчивъ, какъ и самое чудо, его создавшее. Когда къ нему приближаешься—онъ отходитъ, когда въ него поднимаешься,—онъ оказывается все выше и выше.

Фьямма и ея спутникъ поѣхали въ гору. Усталыя лошади шли шагомъ, а извилистая горная дорога становилась все круче. Корона изъ розовыхъ башенъ на вершинѣ попрежнему казалась въ поднебесѣхъ.

Наконецъ и эта часть пути была пройдена. По отвѣсной улицѣ, мостовая которой такъ и посыпалась подъ копытами ихъ коней, Фьямма и проводникъ вѣхали въ Санъ-Джиминьяно.

Они вѣхали черезъ массивныя ворота, погрузившись сразу въ полную темноту, и вдругъ очутились среди беспорядочной кучи дворцевъ, горѣвшихъ на солнцѣ и представлявшихъ собою каждый крѣпость, способную выдержать цѣлую осаду. На переднемъ фасадѣ cadaго высилась огромная четырехугольная башня, съ которой можно было видѣть даль. Однѣ изъ этихъ башенъ были изъ

пестраго, какъ тигровая шкура, камня, другія желтыя, третьи—красноватыя, словно у нихъ внутри свѣтилась жаровня съ углями. Съ лѣвой стороны они проѣхали площадь, всю застроенную зданіями, громоздившимися одно на другое, и наконецъ достигли городскихъ валовъ.

На вершинѣ одного холма, выдававшася на равнину, Фьямма увидѣла длинное, угрюмое зданіе, которое высокою стѣной съ узкими бойницами связывалось съ церковью

Она хотѣла было спросить о немъ проводника, но послѣдній предупредилъ ее:

— Синьора, — сказалъ онъ. — Мы пріѣхали. Вотъ монастырь.

Фьямма вздрогнула при мысли, что ей придется войти въ эту могилу заживо погребенныхъ. Но она вспомнила объ опасности, которой ради нея подвергается теперь Марко, и ей стало стыдно своего малодушія.

Она подѣхала къ страшной двери и постучала. Появилась привратница, шептывая молитвенное привѣтствіе, и оглядѣла—безъ всякаго, впрочемъ, удивленія, прекрасную незнакомую даму. Не разъ бывало, что эти свѣтскія дамы, несчастныя или обманутыя, искали здѣсь временнаго или постоянного убѣжища.

— Сестра, — сказала ей Фьямма:—будьте добры передать это письмо настоятелици.

Пока монахиня отправилась съ письмомъ, Фьямма сошла съ лошади и бросила поводья слугѣ, который долженъ былъ отвести лошадей обратно въ Сиенну.

— Благодарю тебя, Куррадо, — обратилась она къ проводнику:— Вотъ, возьми это себѣ.

Но онъ отказался принять кошелекъ, который она ему протянула.

— Мессеръ Альдобранди и безъ того платитъ мнѣ щедро. Позвольте проститься съ вами.

Послѣднія слова онъ произнесъ съ видимымъ волненіемъ. Грубая военная среда не заглушила въ немъ инстинктивнаго рыцарскаго уваженія къ женщинѣ въ несчастѣ.

— Прощай, Куррадо.

Слуга тронулся въ путь.

Нѣсколько минутъ мадонна Канцельери оставалась одна, пока не возвратилась привратница.

— Благородите слѣдовать за мною, — произнесла она.

И она повела Фьямму по какой-то длинной галереѣ. Затѣмъ онѣ оказались въ пустой комнатѣ съ изображеніемъ Христа изъ темной бронзы, который какъ бы простиралъ руки ко всѣмъ входящимъ. По стѣнамъ видны были многочисленныя изображенія на тему о христіанской жизни.

По знаку привратницы, Фьямма приблизилась къ маленькому оконцу съ рѣшеткой, за которой ее ожидала настоятельница.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АПРѢЛѢ 1911 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 4-й.

Богословіе.

КАЛЬНЕВЪ, М. Нѣмцы и штундобатизмъ. Одесса. 1911. Ц. 40 к.

— Русскіе сектанты, ихъ ученіе, культъ и способы пропаганды. Одесса. 1911. Ц. 2 р.

— Что дѣлать? Современныя задачи православной внутренней миссии. Одесса 1911. Цѣна 5 коп.

ОБЯЗАННОСТИ священника, духовника духовенства при совершеніи таинства покаянія. Спб. 1911. Ц. 35 к.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ, А. Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова. Спб. 1911. Ц. 6 р.

ШАДРОВЪ, С. О. Изъ моихъ воспоминаній. Тамбовъ. 1910. Ц. 50 к.

ШЛЯКОВЪ, Н. Служба преподающему отцу нашему Кириллу, учителю словенскому. Спб. 1911. Ц. 75 к.

Философія, психологія, логика.

ВВЕДЕНСКІЙ, А., проф. Переломъ въ современномъ общественномъ сознаніи. Сергіевъ Посадъ. 1911. Ц. 30 к.

ЛЕ-ДАНТЕКЪ, Ф. Познаніе и сознаніе. Философія XX вѣка. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

БЕРДЯЕВЪ, Н. Философія свободы. Москва. 1911. Ц. 2 р.

БЕРМАНЪ, Я. А. Сущность прагматизма. Новыя теченія въ наукѣ о мышленіи. Москва. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

ЛОПАТИНЪ, Л. М. Философскія характеристики и рѣчи. Книгоизд. «Путь». Москва. 1911. Ц. 3 р.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА, ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое въ современной культурной жизни. Подъ ред. проф. А. С. Догеля и друг. Вып. № 4—5. Спб. Ц. 1 руб.

РАДЛОВЪ, Э. Ученіе Вл. Соловьева о свободѣ воли. Спб. 1911. Ц. 20 к.

ХРИСТИАНСЕНЪ, В. Философія искусства. Перев. Г. П. Федотова, подъ ред. Е. В. Аничкова. Изд. «Шиповникъ». Спб. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

АШЕВСКІЙ, С. Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

БЪЛЫЙ, АНДРЕЙ. Арабески. Книга статей. Книгоизд. «Мусагетъ». Москва. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ЗАМОТИНЪ, П. Сороковыя и шестидесятыя годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Варшава. 1911. Ц. 2 р.

«Истор. вѣстн.», май, 1911 г. т. СХХІV.

1 22

КОГАНЪ, П. Бѣлинскій и его время. Москва. 1911. Ц. 70 к.

МОРОЗОВЪ, М. Очерки новѣйшей литературы. Статьи о Леонидѣ Андреевѣ, С. Сергѣевѣ-Ценскомъ, Б. Зайцевѣ, В. Рошнинѣ, М. Горькомъ и Левѣ Толстомъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ, Д. Н. Собр. сочин. Т. IX. История русской интеллигенціи. Ч. III. 80-е годы и начало 90-хъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ, Д. Н.

Л. Н. Толстой. Очеркъ его художественной дѣятельности и оцѣнка его религиозныхъ и моральныхъ идей. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ЧЕРНЫШЕВСКІЙ, М. О Чернышевскомъ. Библиографія. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ШАМБИНАГО, С. Трилогія романтизма. (Н. В. Гоголь). М. 1911 г. 1 р. 25 к.

ШЕСТОВЪ, ЛЕВЪ. Собрание сочиненій. Т. I. Шекспиръ и его критикъ Брандесъ. Изд. 2-е, «Шиповникъ». Спб. Ц. 1 р. 75 к.

— То же. Т. VI. Великіе кануны. Спб. Ц. 2 р.

Беллетристика, поэзія, драматическія произведенія.

АН-СКІЙ, С. Смѣхъ и слезы. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній. Спб. 1911. Ц. 15 к.

БАКШЕЕВЪ, И. (ЧАРОВЪ). «Набалники». Эскизъ въ одномъ дѣйствіи (съ пѣніемъ и пляской). Спб. 1910 г. Ц. 1 р.

БРАНГЕЛЬ, Н. А. бар. Стихотворенія. Спб. Ц. 1 р.

ГАРДИ, ТОМАСЪ. Полн. собр. сочин. Т. II. Настоящая женщина (Тессъ д'Урбервилъ). Романъ. Ч. 2-я. Переводъ съ англ. Книгоизд. «Современныя проблемы». Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ГОИА, Г. Любовныя звенья. Шесть диалоговъ. Спб. 1911 г. Ц. 1 руб.

ДВѢ ЦѢГНАНІА. Сборникъ рассказовъ Аша III., Перца, Л., Номбергъ, Г. и другихъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ЗАГУЛЯЕВЪ, П. М. Противъ теченія. (Повѣсти и рассказы). Изд. 2-е. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ЗАПОЛЬСКАЯ, Г. Собр. сочин. Т. III. Смерть Дульскаго. Повѣсть. Перев. съ польск. А. Е. Арскаго. Москва. 1911. Ц. 70 к.

ИБАНЬЕСЪ, В. Полн. собр. сочин. Т. X. Брачная ночь (Валенсіанскіе рассказы). Перев. съ испанск. А. Вольтера. Книгоизд. «Сфинксъ». Москва. 1911. Ц. 1 р.

ИГОРЬ-СВѢРЯНИНЪ. Электрические стихи. Четвертая тетрадь третьяго тома стиховъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ИРАСЕКЪ, А. Псалмодія. Памяти Божьны Нѣмцовой. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

КОНЧИНСКІЙ, ТАДЕУШЪ. Серебристая вершина. Драма въ 5 актахъ. Перев. съ польск. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ЛУГОВОЙ, А. Дневникъ свободнаго человека. Въ ночи бесконныя... Въ ясные тихіе дни. № 1. Спб. 1911. Ц. 15 к.

ЛЪВОВЪ, Я. Гримасы города. 4 трагическія карикатуры. Москва. 1911. Ц. 50 к.

МЕДОЛЬ. Дневникъ манекена. Романъ изъ французскихъ нравовъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

МЕЗЕРУА, Р. Прелюбодѣя большого свѣта. Романъ изъ французскихъ нравовъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. С. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Христосъ и антихристъ. Трилогія. I. Смерть боговъ. Юліанъ Отступникъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911. Ц. по подл. за 15 т. 18 р.

МИЛИЧЪ, Е. Легенды, сказанія и вымыслы. Спб. 1911. Ц. 1 р.

НѢЧУЙ-ЛЕВИЦКІЙ, І. Нові повісьте и оповідання. Томъ 7. Кіевъ, 1911. Ц. 1 р. 25 к.

СВЯТОПОЛКЪ-МИРСКІЙ, Д., кн. Стихотворенія. 1906—1910. Спб. 1911. Ц. 80 к.

СЕНКЕВИЧЪ, Г. Омуть. М. 1911. 1 руб. 50 коп.

СИВАЧЕВЪ, М. Собр. сочин. Т. II. «Прокрустово ложе». (Записки литературнаго Макара). Книга 2. Москва. 1911. Ц. 1 р.

ФРАПЬЕ, Л. Статисты жизни. Романъ. М. 1911. Ц. 50 к.

ЧУЛКОВЪ, Г. Сочиненія. Томъ IV. Стихи и драмы. Изд. «Шиповникъ». Спб. Ц. 1 р. 25 к.

ШАМОНИНЪ, В. Пѣсни сердца. Вып. I. Стихи. Спб. Ц. 20 к.

ШПИЦЕРЪ, С. Повѣсти и рассказы. Т. II. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ШЮРЕ, Э. Жрица Изиды. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ЮШКЕВИЧЪ, С. Походженія Леона Дрея. Хаимка и Юська. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

АРСЕНЬЕВЪ, Ю. Описаніе Москвы и Московскаго государства. По неизданному списку космографіи конца XVII вѣка. М. 1911. Ц. 1 р.

ВАЛИШЕВСКІЙ, К. Царство женщинъ. Наслѣдіе Петра Великаго. М. 1911. Ц. 3 р.

ВОЕНСКІЙ, К. Отечественная война 1812 г. въ запискахъ современниковъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ДОВНАРЪ-ЗАПОЛЬСКІЙ, М. На зарѣ крестьянской свободы. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р.

ДОКУМЕНТЫ, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни и кончинѣ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Павловича, оставшіеся послѣ

смерти генералъ-вагенмейстера главнаго штаба А. Д. СОЛЮМКО, состояющаго при особѣ Государя безотлучно 11 лѣтъ—съ 1814 по 1825 г., и нѣсколько писемъ, относящихся къ похоронамъ въ Бозѣ почивающей Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Съ 15 рис. и 4 факсимиле писемъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 80 к. Для любителей отпечатано на мѣловой бумагѣ. Цѣна 2 р. 50 к.

КАРЦОВЪ, Ю., и ВОЕНСКІЙ, К. Причинны войны 1812 г. Спб. 1911. Ц. 1 р.

КОВАЛЕВСКІЙ, П. Завоеваніе Кавказа Россіей. Историческіе очерки, съ картами и рисунками. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ПАХОМОВЪ, Е. Монеты Грузии. Ч. I. Домонгольской періодъ. Спб. 1910. Ц. 3 р.
 ПОГОДИНЪ, А. Лекціи по славянскимъ древностямъ, X. 1910. Ц. 3 р. 25 к.
 СЕРГЬЮ БЕДОРОВИЧУ ПЛАТОНОВУ ВУ ученики, друзья и почитатели. Спб. 1911. Ц. 2 р.
 СОЛОВЬЕВЪ, В. С. Письма. Т. III. Подъ ред. Э. Л. Радлова. Спб. 1911. Ц. 2 р. (Чистый доходъ предназначается на стипендію имени Вл. С. Соловьева).
 СТАРИНА И НОВИЗНА. Историческіи сборникъ Кн. 15-я. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ТАРЛЕ, Е. В. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Часть II. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
 ТИГОВЪ, О. Кіевская Академія въ эпоху реформъ. В. I. 1796—1819. Кіевъ. 1911. Ц. 30 к.
 ФРАНЦЕВЪ, В. А. Изъ переписки гр. Н. П. Румянцева. Варшава. 1909. Ц. 30 к.
 — Къ биографіи В. А. Мацѣевского, Варшава. 1909. Ц. 40 к.
 ШУБИНСКИЙ, С. Историческіе очерки и рассказы. Изд. 6. Съ 89 илл. Спб. 1911. Ц. 4 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

АНТОКОЛЬСКИЙ, Р. М. Къ вопросу о правѣ свободной торговли лекарственными веществами. Москва. 1911. Ц. 50 к.
 ВАЛЬДЕНБЕРГЪ, Д. Справочная книга о печати всей Россіи. Часть I.—Дѣйствующія законоположенія о печати повременной и неповременной. Дополненія къ уставу о цензурѣ и печати. Часть II.—Справочныя свѣдѣнія и практическія указанія по вопросамъ, касающимся печати. Спб. 1911. Ц. 3 р.
 ЗАВАДСКИЙ, В. Понудительное исполненіе и упрощенное судопроизводство. Законы и примѣчанія къ нимъ. Изданіе 4-е, дополненное. Спб. 1911. Ц. 1 р.
 КОВАЛЕВСКИЙ, П. И., проф. Национализмъ и национальное воспитаніе. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1911. Ц. 50 к.
 КОРОБКОВЪ, В. Основные законы прибыли. Саратовъ. 1911. Ц. 40 к.
 КУЗЬМЕНКО, Д. Систематическій сборникъ правительственныхъ постановленій и разъясненій о всѣхъ вѣчетахъ, производящихся изъ содержанія лицъ, состоящихъ на государственной службѣ по вѣдомству Министер. Народн. Просвѣщенія. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
 ЛИНГРАНДИ, А. П. (А. Вольнецъ). Равноправіе и еврейскій вопросъ. Харьковъ. 1911. Ц. 75 к.
 ЛОЗИНСКИЙ, Е. Левъ Толстой объ

интеллигенціи и рабочемъ вопросѣ. Спб. 1911. Ц. 10 к.
 МАМАДЫШСКИЙ, Н. Земство въ Архангельской губерніи 1911. Ц. 20 к.
 — Куда? Набросокъ. Ц. 10 к.
 НЮРЕНБЕРГЪ, А. М. Положеніе о госуд. пром. налогѣ (Св. зак. т. V, уст. о прям. Нал., ст. 366—550, изд. 1903 г. и по прод. 1906, 1908 и 1909 гг.). Изд. 4-е, исправл. и дополн., книжн. магаз. «Правовѣдніе». Москва. 1911. Ц. въ перепл. 3 р. 50 к.
 ПЛЕХАНЪ, И. С. Бюджетные законы. Съ разъясн. и алфавитн. предметн. указат. Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.
 РЖАНИЦЫНЪ, А. А. Руководство по землеустройству и межеванію. Съ 2 планами и 3 чертежами. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
 ТУНОШЕНСКИЙ, Г. Нашъ Дальній Востокъ и его оборона. Спб. 1911. Ц. 80 к.
 ЦЫТОВИЧЪ, Н. Сельское общество, какъ органъ мѣстнаго управленія. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р. 60 к.
 ЧЕРЕПЪ-СПИРИДОВИЧЪ, А. И. Какъ избавить Россію отъ экономическаго и политическаго рабства. Рѣчь, произнесен. въ Московскомъ славянскомъ обществѣ. Спб. 1911. Ц. 10 к.
 ШЕРЪ, В. История профессиональнаго движенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ. Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Искусство.

ГРАБАРЬ, И. Исторія русскаго искусства. Выпускъ № 8. М. Ц. по подпискѣ 64 р.
 ГРУЗИНСКИЙ, А. СЕРГ. Пересопническое Евангеліе, какъ памятникъ искусства эпохи возрожденія въ Южной Россіи въ XVI в. Съ 5 рис. и XI табл. Кіевъ. 1911. Ц. 2 р.
 ЕЖЕГОДНИКЪ императорскихъ театровъ. Вып. I. Спб. 1911. Ц. 1 р.
 КАЛАНДЪ, Е. Ученіе Деппе, какъ основа современной игры на фортепиано, и

техническіе совѣты пианистамъ. Перев. съ нѣм. Л. Суриковой. Рига. 1911. Ц. 1 р.
 ПАВЛУЦКИЙ, Г. Исторія искусствъ. (Античный періодъ). Кіевъ. 1911. Ц. 1 р. 40 коп.
 — Исторія искусствъ возрожденія. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р.
 ТАЛЪМИНЪ, Я. Задачи, исторія и техника театра. Руководство для любителей сценическаго искусства. Подъ ред. и съ предислов. Н. Н. Ходотова. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Естествознаніе и математика.

ГЕНКЕЛЬ, А. Тридцать простѣйшихъ опытовъ по физиологии растений. Спб. 1911. Ц. 30 к.
 ДЖЕМСЪ, У. Вселенная съ плюралистической точки зрѣнія. М. 1911. Ц. 2 р.
 ИЗЪ ВОПРОСОВЪ ФИЗИКИ. Вып. I-й. О свѣтѣ. Подъ ред. В. К. Лебединскаго. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

КОНДРАЦКИЙ, П. Примѣненія спектроскопа въ количественномъ анализѣ и въ колористикѣ. Кіевъ. 1910. Ц. 60 к.
 НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЗИКѢ. Периодическое изданіе, выходящее подъ редакціей заслуженнаго проф. И. И. Борнмана. Сборникъ № I. Стрoеніе вещества. Спб. 1911. Ц. 60 к.

ОСИПОВЪ, П. Введение къ изученію органической химіи. Х. 1910. Ц. 2 р. 25 к.
ПЛАНКЪ, М. Теоретическая физика. Спб. 1911. Ц. 70 к.
РУДОЛЬФЪ, И. Наступающая ледниковая эпоха. (Обледѣніе земли). Кювна. 1911. Ц. 30 к.
РУССКАЯ математическая библиографія. В. І. Одесса. 1910. Ц. 60 к.
СМИТЪ, А. Введение въ неорганическую химію. Вып. II. Одесса. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
ТАННАРЪ, С. и КУРОВСКІЙ, Э.

Практическое руководство по количественному анализу. Спб. 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.
ТОМСОНЪ, Дж. Матерія, энергія и эфиръ. Перев. С. А. Алексѣева. Спб. 1911. Ц. 40 к.
ШТОКЪ, А., и ШТЭЛЕРЪ, А. Практическое руководство по количественному неорганическому анализу. Одесса. 1911. Ц. 1 р. 20 к.
ЯКОВЛЕВЪ, П. Вселенная и жизнь. Естественно-научное освѣщеніе вопроса жизни. Харьковъ. 1911. Ц. 30 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

БАТУМСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ. «Русскіе тропики». Сборникъ статей. Батумъ. 1911. Ц. 1 р. 20 к.
МАМАДЫШСКІЙ, Н. Н. Усесинскій

край. Подворно-экономическое изслѣдованіе поселеній р. Уссы, Печорскаго уѣзда въ 1909 г. Архангельскъ. 1910. Ц. 50 к.

Языковѣдніе.

ЕЗЕРСКІЙ, О. Транскрипція названій географическихъ мѣстностей и инородныхъ

языковъ. Докладъ Имп. акад. наукъ. Спб. 1911. Ц. 30 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

КУЛЕШОВЪ, М. Н., проф. Свиноводство. Съ 89 рис. 5-е пересмотрѣн. и дополн. изд. А. Ф. Девриѣна. Спб. 1911. Ц. 1 р.
ОДЕРМАНЪ, К. Птицеводство. Куры, утки, гуся, индюки. Практическое популярное руководство по уходу за домашними птицами. Кормленіе, болѣзни и ихъ леченіе. Спб. 1911. Ц. 20 к.

ОДЕРМАНЪ, К., ФУНКВИСТЪ, Г., ГАЛЛЕНБОРКЪ, І. Коневодство. Практ. популярн. руков. по уходу за лошадьми. Перев. со шведск. Н. В. Владиміровой. Съ 65 рис. Изд. В. И. Губинскаго. Спб. Ц. 25 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ВЕЙЦМАНЪ, Р. Курсъ счетоводства. Одесса. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ, его прошлое и настоящее. Составлено по новѣйшимъ даннымъ инж. Л. З. Марковичемъ, подъ редакціей проф. В. Ф. Найденова. Выпуски 2—3. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ВИКСЕЛЬ, А. Испытаніе естественныхъ строительныхъ камней на ихъ сопротивленіе вывѣтриванію, по методамъ проф. І. Гиршвальда. Спб. 1910. Ц. 3 р.

ГЕЙСЛЕРЪ, М. Строительный адресъ-календарь и справочная цѣны на 1911. годъ. Ц. 1 р. 50 к.

ДАМЭ, А. Поршневые насосы. Учебникъ и руководство для студентовъ и начинающихъ конструкторовъ. Съ 237 рис. и 2 табл. Разрѣшен. авторомъ перев. съ нѣм. И. Л. Мчедлова, подъ ред. І. Г. Есьмана. Спб. 1910. Ц. въ перепл. 3 р. 20 к.

ДЬЯКОНОВЪ, Д. Руководство къ обработкѣ стекла на паяльномъ столѣ, для студентовъ, изучающихъ искусство производить научные опыты. Спб. 1911. Ц. 1 руб.

ЕВАНГУЛОВЪ, М. Г., ад.-проф. Технология металловъ. I. Сплавъ. Курсъ, читаемый въ Спб. технол. инст. и Николаевской морской академіи. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1911. Ц. въ перепл. 3 р.

КЕРСТЕНЪ, К., инж. Желѣзо-бетонныя сооруженія. Производство работъ и расчетъ основныхъ фермъ. Примѣненіе желѣзо-бетона въ различныхъ сооруженіяхъ. Руковод. для учащихся и для практикантовъ. Перев. съ нѣм. инж. С. И. Камеицкій. Ч. I. Съ чертеж. Изд. 2-е, исправл. и дополн., Г. В. Гольстена. Спб. 1911. Ц. 2 р.

КИРПИЧЕВЪ, В. Значеніе фантазіи для инженеровъ. Спб. 1911. Ц. 20 к.

КРАСОВСКІЙ, А. В. Самые дешевыя огнестойкія постройки моей системы. Кіевъ. 1911. Ц. 40 к.

КРУПСКІЙ, А. Къ 50-лѣтію портландцементнаго дѣла въ Россіи. Сжатый очеркъ развитія техническихъ и научныхъ средствъ въ области цементнаго дѣла. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ЛИПИНЪ, Вяч., проф. Металлургія чугуна, желѣза, и стали. Томъ II. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911. Ц. 9 р.

НОВГОРОДСКІЙ, М. Эмалировщикъ. Приготовленіе эмали и эмалированіе желѣзныхъ, чугуновыхъ, мѣдныхъ и деревянныхъ приборо́въ и всякаго рода посуды. Пособіе, какъ для мелкихъ ремесленниковъ, такъ и для крупныхъ мастерскихъ. Спб. 1911. Ц. 30 к.

НОВГОРОДСКІЙ, Д. Испытаніе бетона. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

— Испытаніе каменныхъ строительныхъ матеріаловъ на вывѣтриваніе. Спб. 1910. Ц. 1 р.

ПОЦОВЪ, Л. Руководство по металлопластикѣ или ручное тисненіе по металлу: серебру, олову, бѣлой жести, мѣди и латуни. Спб. 1911. Ц. 75 к.

ПРИХОДЬКО, А. Практическія данныя къ веденію контроля прѣмки углей и нормы для ихъ оцѣнки. Смѣла. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

РАШКОВИЧЪ, С. Водоснабженіе С.-Петербургга. Спб. 1911. Ц. 1 р.

РОГИНСКІЙ, Н. Пожарная сигнализация. Спб. Ц. 30 к.

САХАРОВЪ, П. Способы испытанія чугуна, какъ строительнаго матеріала. Спб. 1911. Ц. 3 р.

СЕЛИВЕРСТОВЪ, А. Основныя принципы отопленія и вентиляціи прядильныхъ и ткацкихъ корпусовъ. Ч. I. Москва. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

ФАРМАКОВСКІЙ, В. Общій расчетъ паровоза и тендера. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р.

Медицина, гигиѣна, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

БОГОЛЪПОВЪ, М. Электрическій индукціонный лечебный аппаратъ, его изготовленіе и примѣненіе. М. 1911. Ц. 40 к.

WESSELMANN, W., д-ръ Лечение сифилиса диоксидамидоарсенобензоломъ «Ehrlich-Nata 606». Съ предисловіемъ проф. Р. Ehrlich'a. Одесса. Спб. 1911. Ц. 4 р.

ГИРШОВИЧЪ, М. Что важно знать при сахарной болѣзни (диабетѣ). Гигиеническіе очерки. Спб. 1911. Ц. 60 к.

ГОГИНА, Е. Необходимыя совѣты женщинѣ, готовящейся стать матерью. 2-е изданіе. Кіевъ. 1911. Ц. 40 к.

ГОСЪ, В. Инфекція и иммунитетъ, какъ ферментивныя процессы. (Ферментная теорія иммунитета). Спб. 1911. Ц. 2 руб.

ГУРИНЪ, Г. Лечебникъ домашнихъ животныхъ (общедоступный). 2-е исправл. и доп. изданіе. М. 1911. Ц. 1 р. 50 коп.

ДУНЖЕЛЬ, В. Гомеопатія. М. 1910. Ц. 20 коп.

ЖЕНСКІЯ БОЛѢЗНИ. Вопросы гигиѣны и діетны. Подъ ред. д-ра В. А. Строкина. Изд. М. Видулова и К. Москва. Ц. 1 р. 80 к.

SEIFERT, O., MULLER, E., d-r. Основы клинич. діагностики. Перев. съ нѣм. подѣ

ред. проф. О. Г. Яновскаго. Кіевъ. 1911. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.

ИГНАТЬЕВЪ, В. Е., прив.-доц. Невидимые враги и борьба съ ними. Москва. Ц. 2 р.

КАНЕЛЬ, В. Я., д-ръ мед. Половая жизнь дѣтей. 2-е изданіе. Москва. Ц. 35 к.
de-QUERYAIN, проф. Частная хирургическая діагностика для студентовъ и врачей. Съ 408 рис. и 3 табл. Перев. съ нѣм. д-ра мед. В. И. Лисенскаго. Саратовъ. 1911. Ц. 5 р. 50 к.

КОГАНЪ, Г. А., д-ръ. Научныя основы медицинской механики органовъ движенія и стоянія. (Теорія физическаго развитія человека). (Биомеханика твердыхъ тѣлъ). Т. I. Тамбовъ. 1910. Ц. 10 р.

МЕЗЕРНИЦКІЙ, П., д-ръ мед. Отъ теоріи къ жизни. Этюды по поводу 606 препаратовъ Эрлиха. Спб. 1911. г. Ц. 65 к.

ЦАНГЕМЕЙСТЕРЪ. Бактеріологическое изслѣдованіе въ примѣненія къ діагностикѣ и прогнозикѣ родильной горячки. М. 1911. г. Ц. 75 к.

ШЕНКЪ, Ф. и ГЮРБЕРЪ, А. Краткое руководство физиологіи человека для студентовъ-медиковъ. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

де-ГРАНПРЕ, К. Примѣненіе Наполеономъ войскъ при оборонѣ. (По опыту обороны Неаполитанскаго королевства въ 1806 г.). Перев. съ франц. Спб. 1911. Ц. 1 р.

НОЗЛЬ, В. Современное положеніе вопроса о пулеметахъ, ружьяхъ-пулеметахъ и автоматическихъ ружьяхъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ФЕДОРОВЪ, ген.-м. Опытъ указаній для практическаго употребленія пулеметовъ. Спб. Ц. 45 к.

— Пулеметное дѣло. Историко-тактическо-техническое изслѣдованіе. Ч. I. вып. I. Люблинъ. 1910. Ц. 4 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АНДЕРСОНЪ, Ф. Учебныя пособія по нѣмецкому языку, съ иностранн. и алфав. словарь, и примѣч. Рейне, Г. Проза и стихотворенія для юношества. Спб. 1911. Ц. 85 к.

— Тоже. Шиллеръ. Орлеанская дѣва. Спб. 1911. Ц. 65 к.

ВЕСИНЪ, С. Образцы сочиненій. Вып. I. Руководство къ содержательному, послѣдовательному и живому изложенію мыслей въ разсказахъ и описаніяхъ. Для средн. учебн. завед., город. учил. и домаш. обученія. Спб. 1911. Ц. 70 к.

ГРАЦІЯ, Ч. ЮНГЪ. Первая книжка по геометріи. Переводъ съ англійскаго А. I. Богинскаго. М. 1911. Ц. 50 к.

ГУРЕВИЧЪ, Я. Историческая хрестоматія по русской исторіи. Томъ 3. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ЕЛПАТЬЕВСКІЙ, К. Подробный конспектъ учебнаго курса русской исторіи. Пособіе для учащихся. Спб. 1910. Ц. 50 к.

ЗАВАРЗИНЪ, А. Элементарная зоологія въ микроскопическихъ препаратахъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ИСАЧКИНЪ, Б. Курсъ теоріи ариметики. Спб. 1910. Ц. 1 р. 10 к.

— Методы рѣшенія задачъ на тѣла вращенія. Спб. 1911. Ц. 85 к.

— Сборникъ задачъ по алгебрѣ. Ц. 50 к.
КАПУСТИНЪ, А. А., д-ръ. Дѣти и тайный порокъ. Проблема полового воспитанія дѣтей и юношества. Москва. Ц. 25 к.

КОНОНОВЪ, В. Краткій очеркъ анатоміи растений въ микроскопическихъ препаратахъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.

МЕЙМАНЪ, Э. Какъ учить дѣтей рисовать, Экспериментально-психологическія

основы преподаванія рисованія. Спб. 1911. Ц. 25 к.

ОСТРОГОРСКИИ, В. Краткій учебникъ теории поэзи. Спб. 1911. Ц. 40 к.

ПОРТУГАЛОВЫ, А. В. и О. А. Руководство къ составленію ученическихъ сочиненій для учащихся и экстерновъ. Изд. 2-е. дополн. Киевъ. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

СИНЕГУБЪ, С. В. Учебникъ ботаники

для средн. учебн. завед. Съ 156 рис. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

СОЛОВЬЕВЪ, Ал. А. Толстой. Биографія и подробный разборъ важнѣйшихъ произведеній для учащихся. Спб. 1911. Ц. 80 к.

ФАЛЪЕВЪ, Н. Атласъ для нагляднаго изученія законовѣднія и государственнаго строя Россіи. М. 1911. Ц. 1 р.

Книги для дѣтей и юношества.

ГОФМАНЪ, Ф. Бѣдность не порокъ. Разсказъ для дѣтей и юношества, изъ жизни одного народнаго учителя Переводъ съ нѣмецкаго. В. Энгельгардтъ. Спб. 1911. Ц. 45 к.

РЕМОРОВЪ, Н. Добрыя души. Разсказы

и картинки изъ школьной жизни. Спб. 1911. Ц. 50 к.

НОСКОВЪ, Н. Д. Кто такой Тургеневъ? Юные годы писателя, его жизнь, творчество, заслуги. Биографич. разсказъ для юношества. Съ рис. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. Ц. 25 к.

Справочныя книги.

БАРЫШНИКОВЪ, П. Календарь для учителей и учительницъ на 1911 годъ. Москва. Ц. 25 к.

ГЛАЗУНОВЪ, Н. Алфавитный указатель рисунковъ, помѣщенныхъ въ «Ежегодникъ Императорскихъ театровъ» въ первыхъ 18-ти выпускахъ (отъ сезона 1890—91 гг. по сезонъ 1907—08 гг.). Спб. 1911. Ц. 75 к.

ГОЛЪБЕРГЪ, И. Справочникъ для фармацевтовъ. Собраніе законоположеній,

правиль и программъ для экзаменующихся на фармацевтическія званія и степени. Спб. 1911. Ц. 1 р.

РОСКОШНЫЙ, Г. Русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій словарь съ русскимъ произношеніемъ. Спб. 1911. Ц. въ пер. 1 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО въ биржевыхъ операціяхъ съ перечнемъ наиболѣе ходкихъ бумагъ и котировкой ихъ на Спб. биржѣ за 1910 г. Ч. I. Спб. 1911 г. Ц. 20 к.

Періодическія изданія.

«БАЯНЪ». Ежемѣсячный худож.-литер. журналъ. 1911. №№ 1, 2. Ц. кажд. № 25 к.

ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦІИ. Періодическій сборникъ подъ редакціей Г. Ф. Чиркина и Н. А. Гаврилова. № 8 Спб. 1911 г. Ц. 2 р. 50 к.

«ВСЕМІРНОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ». Иллюстрирован. журналъ 1911. № 4. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

«ВСЕОБЩИЙ ЖУРНАЛЪ», ежемѣсячный иллюстрированный, литературы, искусства, науки и общественной жизни. 1911 г. № 4. Спб. Ц. 65 к.

«ВѢСТНИКЪ АЗІИ». Журналъ. 1911 г. № 3. Спб. Ц. 60 к.

«ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» 1911 г. № 3. Спб. Ц. 60 к.

ДЕРЕВНЯ. Ежемѣсячный сельско-хозяйственный журналъ №№ 2, 3. 1911. Подписная цѣна за годъ 3 р., отдѣльные нумера по 25 к.

«ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ». Худож.-лит журн. 1911. № 28. Ц. 20 к.

«ЖУРНАЛЪ рѣдкостей». Иллюстрированный, историко-литературный и художественный журналъ, посвященный

воспроизведенію различныхъ предметовъ старины. 1911 г. № 4. Спб. Ц. 20 к.

«ИЗВѢСТІЯ Архангельскаго Общества Иаученія Русскаго Сѣвера» 1911 г. № 4. Архангельскъ. Ц. 25 к.

«ИСКУССТВО. Живопись, графика, художествен. печать». 1911. № 2. Ц. 1 р.

«КОММЕРЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ». Органъ Русскаго Счетоводнаго общества взаимной помощи. Журналъ коммерч. образованія, коммерч. знаній и практической коммерческой дѣятельности. 1911 г. № 6. Спб. Ц. 50 к.

«КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО». Ежемѣсячный иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ. 1911 г. №№ 2, 3. Спб. Ц. кажд. 10 к.

«НАША ОХОТА». Двухнедѣльный журналъ, посвященный охотѣ ружейной, псовой и рыболовству. 1911 г. № 4. Спб. Ц. 35 коп.

«ОКРАИНЫ РОССІИ». 1911. №№ 8—10. Спб. Ц. кажд. № 15 к.

«ОСА», журналъ 1911. №№ 8, 9. Ц. 10 к.

«ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО». 1911 годъ. №№ 9—12 Ц. кажд. № 20 к.

«ХУТОРЪ». Сельско-хозяйственный журналъ. 1911 г. № 3. Спб. Ц. 30 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

СЪ 89 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

КНИГА ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ 45 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ УБОРИСТАГО ШРИФТА;
КРОМЪ ТОГО, КЪ НЕЙ ПРИЛОЖЕНЪ «УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ И РИСУНКОВЪ»

Цѣна 4 рубля. За пересылку по вѣсу.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дефтпортѣ. — Петръ Великій въ Гаагѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. — Вѣдическій хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генералъ-полциѣмейстеръ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убіеніе Сниклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два статъ-секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Петемкинскіе проценты. — Столѣтіе кончины Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генералъ-прокуроръ. — Жена Суворова. — Пѣвица Габриелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый Филантропъ. — Постѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ грибоѣдовскихъ типовъ. — Общество танцоровъ поневолѣ. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Княгиня Ловичъ. — Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Минное завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ. — Указатель портретовъ и рисунковъ.

Типографія А. С. Суворина. Спб., Эргелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
ЮНЬ, 1911 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮНЬ, 1911 г.

	СТРАН.
I. Кольчевская вотчина. Часть вторая. V—XI. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштетъ.	737
II. Встрѣчи съ великаномъ. (Мое знакомство съ Л. Н. Толстымъ, его болѣзнь и смерть въ Астаповѣ). Н. М. Ежова.	778
III. Вокругъ Петербурга. (Изъ галереи современныхъ типовъ). (Окончаніе). В. В. Уманова-Каплуновскаго.	801
IV. Встрѣчи и знакомства. (Продолженіе). А. И. Соколовой.	831
V. Давніе эпизоды. VI. Въ интеллигентномъ скиту. Н. А. Энгель- гардта.	844
VI. Трагедія ученаго поэта. (Воспоминаніе о В. П. Михайловѣ- Мартовѣ). Б. Б. Глинскаго.	872
VII. Изъ исторіи кульджинскаго вопроса. В. С. Кадишкова.	893
VIII. Освобожденіе русскаго театра. (Къ двадцатипятилѣтію со дня смерти А. Н. Островскаго). Н. А. Державина.	910
IX. Памяти М. Г. Савицкой. Князя Б. А. Щетинина. Иллюстрація: М. Г. Савицкая. (Въ роли царицы Ирины въ пьесѣ «Царь Ѳеодоръ»).	933
X. Армянскій католикосъ Мкртичъ I Хримянь и князь Г. С. Голлицынъ. А. Кипишишева.	940
XI. Къ вопросу о музыкѣ «русскаго народнаго гимна». Н. Н. Оглоблина.	950
XII. Столѣтіе общества любителей русскаго словесности при мо- сковскомъ университетѣ. В. Е. Рудакова.	953
XIII. Семейная хроника Хованскихъ. П. Г.	969
XIV. Памяти В. О. Ключевскаго. В. Е. Рудакова. Иллюстрація: Василій Осиповичъ Ключевскій.	975
XV. В. О. Ключевскій какъ лекторъ. (Изъ воспоминаній его слу- шателя). А. М. Бѣлова.	986
XVI. Поэтъ Божіей милостію. (Памяти К. М. Фофанова). Г. Л. И. Иллюстрація: Константинъ Михайловичъ Фофановъ.	991
XVII. Эпоха мира и успокоенія. (Историческіе очерки). II. Перво- мартовцы. Судь и казнь надъ ними. Б. Б. Глинскаго.	1002
XVIII. Городъ Липецкъ и его курортъ. А. И. Фирсова. Иллюстраціи: 1) Часть Липецка на Соборной горѣ.—2) Часть Липецка на Соборной горѣ.—3) Монастырскій храмъ.—4) Галерея надъ монастыр- скими ключами.—5) Прудъ Петра Великаго и Верхній паркъ.—6) Камен- ный догъ.—7) Казенная гостиница.—8) Входъ въ Нижній паркъ.— 9) Курзалъ въ Нижнемъ паркѣ.—10) Кожиновъ мостъ въ Нижнемъ паркѣ.— 11) Дубъ-бесѣдка Петра Великаго въ Верхнемъ паркѣ.	1047

(См. слѣд. стран.)

XIX. Критика и бібліографія. 1076

1) Ан. А. Титовъ. Ростовъ Великій въ его церковно-археологическихъ памятникахъ. Съ 17 рисунками. Москва. 1911. А. М.—ово.—2) К. Валишевскій. Царство женщинъ. Екатерина I, Анна, Елизавета. Переводъ съ французскаго А. Гретманъ. Москва. 1910. А. Б.—3) Иеромонахъ Серафимъ. Путевыя впечатлѣнія. Поѣздка въ Иерусалимъ и на Афонъ въ 1908 году. Нижний-Новгородъ. 1910. 1. I.—4) Извѣстія калужской ученой архивной комиссіи. Вып. XXI. Калуга. 1911. Д. Богданова.—5) Труды курской губернской ученой архивной комиссіи. Выпускъ первый. Посвящается памяти перваго председателя комиссіи Н. Н. Гортъвеи. Курскъ. 1911. А. Таннова.—6) С. Д. Авалиани. Крестьянская реформа въ Закавказьѣ. Спб. 1911. А. Хаханова.—7) Архивъ Раевскихъ. Томъ III. Изданіе П. М. Раевского. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевского. Спб. 1910. В. Руданова.—8) Н. Ф. Хованскій. «Помѣщики и крестьяне Саратовской губерніи». Саратовъ. 1911. А. Миронова.—9) О. Ростовцевъ. 4-я Донская дивизія въ русско японскую войну. 1910. Мих. Соколовскаго.—10) Юліанъ Кулаковскій, профессоръ университета св. Владимира, членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ и императорской археологической комиссіи. Исторія Византии. Томъ I. Съ двумя картами, планомъ Константинополя и разрывомъ его стѣны. Кіевъ. 1910. А. М.—на.—11) Античная бібліотека. Томъ I. Жанъ Ломбаръ. Агонія. Предисловіе Октава Мирбо. Полный переводъ съ французскаго. Москва. 1911. Пант.—12) Академическая бібліотека русскихъ писателей. Вып. V. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Спб. 1911. В. Р.—ва.—13) Рабство и воля. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Сборникъ. Составили И. Розановъ и Н. Сидоровъ. Москва 1911. Т. А. М.—14) Д. Мережковский. Вольная Россія. Спб. 1911. А. Фаресова.—15) Р. Н. Сементковскій. Современная Россія въ дни революціи. Спб. 1911. Б. Г.—16) А. Ксюнинъ. Уходъ Толстого. Спб. 1911. М.—о.—17) К. С. Аясаковъ. Воспоминаніе студентства. 1832—1835 гг. Москва. 1911. Г.—18) Военная энциклопедія. 2-й полутомъ. Спб. 1911. Л. Н.—19) С. и Ш. Азартъ, романъ людскаго безумія. Спб. 1911.—скаго.

XX. Заграничныя историческія новости и мелочи. 1106

1) Археологическія новости.—2) Воспоминанія Рустама, мамелюка Наполеона.—3) Венедекъ и Бисмаркъ.—4) Предѣльный возрастъ человѣческой дѣятельности.

XXI. Смісь. 1130

1) Въ литературномъ фондѣ.—2) Въ Толстовскомъ обществѣ.—3) 200-лѣтіе первой типографіи въ Петербургѣ.—4) Пятидесятилѣтіе общества русскихъ врачей въ Москвѣ.—5) Открытіе выставки печати.—6) Юбилейное чествованіе инж.-ген. Н. П. Петрова.

XXII. Некрологи. 1138

1) Антоій, епископъ.—2) Вазитовъ, Атаулла, мулла, петербургскій ахундъ и мударрисъ.—3) Георгіевскій, А. П.—4) Добровольскія, М. С.—5) Козляниновъ, Л. Л.—6) Красовскій, М. В.—7) Крупскій, А. Б., проф.—8) Марко вь, Н. О.—9) Матвѣевичъ-Мацѣвѣичъ, Б. В.—10) Навроцкій, В. В. 11) Обручева, Е. Н.—12) Плюшкинъ, Ф. М.—13) Полякъ, А. П.—Половъ, К. Д.—14) Челезовъ, В. И.—15) Янчакъ, В. И.

XXIII. Замѣтки и поправки 1150

1) Къ статьѣ «Памятные дни». г. Дзасохова.—2) О Сياتной горѣ. п. жасминовз.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ В. П. Михайлова.—2) Флорентинка. Историческій романъ Максима Формона. Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова. (Продолженіе).

СОДЕРЖАНІЕ СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1911 года).

	СТРАН.
Колычевская вотчина. Романъ. Части I—II. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштетъ	5, 401, 737
Давніе эпизоды. V.—А. Н. Энгельгардтъ и М. Е. Салтыковъ-Щедринъ— V. Потемкинскіе милліоны.—VI. Въ интеллигентномъ скиту. Н. А. Энгельгардта	42, 527, 844
<small>Иллюстрація: 1) Александръ Николаевичъ Энгельгардтъ въ 1861 г.— 2) Сенаторъ д. т. с. Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, племянникъ князя Г. А. Потемкина.—3) Софія Григорьевна Энгельгардтъ (1805—1876), жена Павла Васильевича Энгельгардта, рожд. баронесса Энгельгардтъ.— 4) Павелъ Васильевичъ Энгельгардтъ.—5) Василій Павловичъ Энгель- гардтъ, докторъ астрономіи.</small>	
Исковерканное время. (Повѣсть). П. М. Невѣжина	69
Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой	116, 481, 831
Изъ жизни. (Изъ записокъ судьи). С. П. Руднева	132
Взятіе народнаго дома въ Самарѣ. (Изъ воспоминаній о 1905 г.). А. А. Дунина	147
Собака Царя-Освободителя. (Изъ воспоминаній стараго чиновника). И. М. П.	167
Страничка изъ прошлаго. Н. Н. Несмѣлова	174
Драгомировъ и Скобелевъ. А. А. Сигова	181
Мое знакомство съ М. М. Стасюлевичемъ. (Изъ воспоминаній). Н. Пружанскаго	200

- Наша слабость на Востокаѣ. (По поводу русско-персидской школы въ Тавризѣ). **С. И. Игнатьева**. 205
- Къ біографіи малороссійскаго этнографа Н. В. Закревскаго. (1805 — 1871). **Д. Н. Зварницкаго**. 211
 Иллюстрація: Николай Васильевичъ Закревскій.
- Эпоха мира и успокоенія. (Историческіе очерки). (Продолженіе). **Б. Б. Глинскаго**. 218, 1002
 Иллюстраціи: 1) Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. — 2) Графъ Н. П. Игнатьевъ.
- Паломничество мусульманъ въ Мекку (Окончаніе). **М. Э. Никольскаго**. 256, 603
 Иллюстраціи: 1) Богомольцы на пароходѣ. — 2) Высадка богомольцевъ съ парохода въ Джеддѣ. — 3) Домъ санитарной администраціи и мѣсто высадки богомольцевъ въ Джеддѣ. — 4) Пристань для выгрузки багажа богомольцевъ въ Джеддѣ. — 5) Пристань для высадки богомольцевъ въ Ямбо. — 6) Общій видъ Джедды. — 7) Одна изъ площадей Джедды. — 8) Улица въ Джеддѣ. — 9) Арабскія дѣти. — 10) Негритянки у колодца. — 11) Русское консульство въ Джеддѣ. — 12) Ведунскій шейхъ. — 13) Высадка египетскаго махмеля въ Джеддѣ. — 14) Торжественная процессія съ махмелемъ въ Джеддѣ. — 15) Караванъ въ пустынь. — 16) Кааба и оружія ея дома. — 17) Кааба и ея черныи камень. — 18) Источникъ Земъ-Земъ. — 19) Могила Хадиджи. — 20) Богомольцы на Арафатѣ. — 21) Богомольцы на Минѣ. — 22) Богомольцы на Минѣ. — 23) Одна изъ воротъ Медины. — 24) Могила Фатмы въ окрестностяхъ Медины. — 25) Паломницы-египтянки. — 26) Богомольцы въ ожиданіи парохода въ Ямбо.
- Листки изъ записной тетради. **С. С. Окрейца**. 429
- Вокругъ Петербурга. (Изъ галереи современныхъ типовъ). **В. В. Уманова-Каплуновскаго**. 447, 801
- Изъ воспоминаній о П. С. Ванновскомъ. **И. В. Мѣщанинова**. 491
- Гавриилъ Никитичъ Потанинъ. **И. П. Ювачева**. 515
- Жалоба. (Картинка изъ дѣйствительной жизни). **А. В. Ториновича**. 560
- Воспоминаніе объ А. Н. Майковѣ. **В. Кульчинскаго**. 570
- Изъ прошлаго. **В. П. М—на**. 578
- Неудачный портретъ. **В. И. Мерцалова**. 585
- Архивные розыски о рожденіи Бѣлинскаго и о происхожденіи его матери. **В. Е. Руданова**. 594
- Встрѣчи съ великаномъ. (Мое знакомство съ Л. Н. Толстымъ, его болѣзнь и смерть въ Астаповѣ). 778
- Трагедія ученаго поэта. (Воспоминаніе о В. П. Михайловѣ-Мартовѣ). **Б. Глинскаго**. 872

Изъ исторіи кульджинскаго вопроса. В. С. Кадникова	893
Освобожденіе русскаго театра. (Къ двадцатипятилѣтію со дня смерти А. Н. Островскаго). Н. А. Державина	910
Памяти М. Г. Савицкой. Князя Б. А. Щетинина	933
иллюстрація: М. Г. Савицкая. (Въ роли царицы Ирины въ пьесѣ «Царь Ѳеодоръ»).	
Армянскій католикосъ Мкртичъ I Хримянъ и князь Г. С. Голицынъ. А. Кишмишева	940
Къ вопросу о музыкѣ «русскаго народнаго гимна». Н. Н. Оглоблина	950
Столѣтіе общества любителей руссійской словесности при московскомъ университетѣ. В. Е. Рудакова	953
Фамильная хроника Хованскихъ. П. Г.	969
Памяти В. О. Ключевскаго. В. Е. Рудакова	975
иллюстрація: Василій Осиповичъ Ключевскій.	
В. О. Ключевскій, какъ лекторъ. (Изъ воспоминаній его слушателя). А. Бѣлова	986
Поэтъ Божіей милостію. (Памяти К. М. Фофанова). Г. Л. И.	991
иллюстрація: Константинъ Михайловичъ Фофановъ.	
Городъ Липецкъ и его курортъ. А. И. Фирсова	1047
иллюстраціи: 1) Часть Липецка на Соборной горѣ.—2) Часть Липецка на Соборной горѣ.—3) Монастырскій храмъ.—4) Галерея надъ Монастырскими ключами.—5) Прудъ Петра Великаго и Верхній паркъ.—6) Каменный логъ.—7) Казенная гостиница.—8) Входъ въ Нижній паркъ.—9) Курзалъ въ Нижнемъ паркѣ.—10) Кожиновъ мостъ въ Нижнемъ паркѣ.—11) Дубъ-бесѣдка Петра Великаго въ Верхнемъ паркѣ.	
Критика и библиографія..	293, 639, 1076

1) Ю. Карцовъ и К. Военскій. Причины войны 1812 г. Спб. 1911. Б. Глинскаго.—2) К. Военскій. Отечественная война 1812 г. въ запискахъ современниковъ. (Матеріалы военно-ученаго архива). Спб. 1911. в. ж.—3) Отечественная война 1812 г. Матеріалы военно-ученаго архива генеральнаго штаба. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій. Военныя дѣйствія войскъ. Т. XIV. Спб. 1910. л. н.—4) Великая реформа 19 февраля 1861 г. Сборникъ статей А. Н. Яковлева, В. И. Семевского, В. Я. Уланова, В. Е. Чешихина-Вѣтринскаго. 8 репродукцій съ картинъ, рисующихъ крестьянскую жизнь. Москва. 1911. А. н.—на.—5) На зарѣ крестьянской свободы. Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій. Киевъ. 1911. т. с.—6) Матеріалы по крѣпостному праву. Саратовъ. 1911. в. Рудакова.—7) Б. Адамовичъ. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ л.-гв. Кексгольмскаго императора австрійскаго полка. 1910. м. с.—8) Alexandre Popoff. La question des lieux saints de Jerusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIX siècle. St.-Petersbourg. 1910—1911.—9) Александръ Поповъ. Вопросъ о святыхъ мѣстахъ Иерусалима по русской дипломатической перепискѣ въ XIX в. Ан. Гитова.—9) М. Лахтинъ. Старинныя памятники медицинскій письменности. Записки московскаго археологическаго института. Москва. 1910. в. Клейна.—10) Протоиерей С. Петровъ

скій.—Н. И. Пироговъ въ Севастополь. (Къ 100-лѣтію со дня рожденія). С. Аваліани.—11) Отчетъ императорской археологической комиссіи за 1907 г. Съ 134 рис. въ текстѣ. Спб. 1910. А. Миронова.—12) Проф. А. А. Бронзовъ. Протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ. Воспоминанія. Спб. 1911. С.—13) Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектанства и старообрядчества. Выпускъ четвертый. Новый Израиль. Спб. 1911. В. Троцнаго.—14) Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. II. Карты всей Россіи и западныхъ ея областей до конца XVII в. Кіевъ. 1910. 145 таблицъ картъ. А. М.—на.—15) А. П. Мельниковъ. Къ біографіи П. И. Мельникова. Нижній-Новгородъ. 1911. Н. Лнд.—16) М. Морозовъ. Очерки новѣйшей литературы. Спб. 1911. к. а.—17) К. И. Арабажинъ. Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества. Литературно-критическій этюдъ. Спб. 1910. А. Фомина.—18) Н. Я. Абрамовичъ. Художники и мыслители. Москва. 1911. н. л.—19) С. Р. Минцловъ. Литва. Спб. 1911. А. Фаресова.—20) Zeitschrift für osteuropäische Geschichte herausgegeben von Th. Schieman u. Berlinъ. 1910. А. Б.—21) Аксель Лундегордъ. На смертномъ одрѣ. La Mousse. Романъ изъ личной жизни Генриха Гейне. Спб. М—о.—22) Труды владимирской ученой архивной комиссіи. Книга X. Владимиръ 1909. В. Руданова.—23) 1) Rüdiger v. Schoeler, 1821. Der Feldzug in Kurland nach den Tagebüchern und Briefen des J. V. Hartwich. Съ портр. Гарвича. Берлинъ. 1910. 2) Къ 100-лѣтнему юбилею Отечественной войны. Враги въ Курляндіи. Митава. М.—24) Теодоръ Гомперцъ. Греческіе мыслители. Томъ I. Спб. 1911. А. М.—на.—25) Arbeiten des ersten Baltischen historikertages zu Riga. 1908. Riga. 1909. А. Э. М—на.—26) Arnold Feuerreisen. Livländische Geschichtslitteratur. 1907. Riga. 1910. А. Э. М—на.—27) К. А. Воевскій. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 г. Т. II. Спб. 1911. Б. Глинскаго.—28) Исторія правительствующаго сената за двѣсти лѣтъ. 1711—1911 гг. Т. I—V. Спб. 1911. В. Р—ва.—29) Война русскаго народа съ Наполеономъ въ 1812 г., рисунки Л. Е. Дмитриева-Кавказскаго, текстъ И. Н. Божерянова. Спб. 1910. л. н.—30) Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ XX. Выпускъ I (съ приложеніемъ одного портрета и пятнадцать рисунковъ). Спб. 1911. А. Миронова.—31) Министерство внутреннихъ дѣлъ. Земскій отдѣлъ. Управление сельской продовольственной части. Отчеты по продовольственной кампаніи 1908—1909 и 1909—1910 гг. Спб. 1910 и 1911. В. Нузнецова.—32) Дворянское сословіе Тульской губерніи. Томъ IV (XIII). Алфавитный списокъ гг. дворянъ съ указаніемъ мѣстоахожденій ихъ помѣстій въ Тульской губ. 1903—1910 гг. Москва. 1910. Составилъ В. Н. Чернопятавъ.—Тоже. Томъ V (XIV). Ополченіе 1812 г. Матеріалы. Составилъ В. Н. Чернопятавъ. Москва. 1910. Московское дворянство. Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ съ краткимъ указаніемъ важнѣйшихъ документовъ, находящихся въ родословныхъ дѣлахъ архива московскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Москва 1910. Московское дворянство. Списки служившихъ по выборамъ. 1782—1910. Москва. 1910. В. Руданова.—33) Очеркъ исторіи народнаго образованія въ Россіи до эпохи реформъ Александра II. С. А. Князькова и Н. И. Сербова, подъ редакціей профес. С. В. Рождественскаго. Москва. Вит. Тичуна.—34) Извѣстныя русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Составилъ Ѳ. А. Таралыгинъ. Спб. 1910. В. Р—ва.—35) Архивныя свѣдѣнія, касающіяся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губерніи. (Калужское дворянское ополченіе). Н. И. Булычовъ. Калуга. 1911. В. Руданова.—36) Лѣтопись историко-филологическаго общества при императорскомъ новороссійскомъ университетѣ. XVI. Византійско-славянское отдѣленіе. IX. Одесса. 1910. г. г.—37) И. И. Замотинъ. Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Варшава. 1911. А. М.—на.—38) Стороженки. Фамиліный архивъ. Pro domo sua. Т. IV и VIII. Кіевъ. 1910. В. Р—ва.—39) Отто Вауэръ. Национальный вопросъ и социаль-демократія. Спб. 1910. В. г.—40) П. Юшкевичъ. Новая вѣянія. С.-Петербургъ. 1911. Памт.—41) В. Герье. Французская революція въ освѣщеніи И. Тэна. Спб. 1911. П. Б.—42) Л. Дашкевичъ. Государственные избирательные законы. Аграрный переворотъ. Сельскій судъ. Вит. Тичуна.—43) Jahrbuch für bildende Kunst in den Ostseeprovinzen. 1909. А. Э. М—на.—44) В. Б. Бертенсовъ, старшій эпизодическій врачъ 2-го балтійскаго флотскаго экипажа. «Чума». Спб. 1911. М—о.—45) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстности и племени Кавказа. Тифлисъ. 1909. А. Хаханова.—46) Линиченко, И. А. Альфредъ де-Мюссе. 1810—1910. Одесса. 1910. С. А. Аваліани.—47) Воронежская Старина. Воронежъ. 1910. В. Руданова.—48) Ан. А. Титовъ. Ростовъ Великій въ егѣ! церковно-археологическихъ памятникахъ. Съ 17 рисунками. Москва. 1911. А. н—ово.—49) К. Валишевскій. Царство

женщинъ. Екатерина I, Анна, Елизавета. Переводъ съ французскаго А. Гретманъ. Москва. 1911. А. Б.—50) Геромонахъ Серафимъ. Путевыя впечатлѣнія. Поездка въ Иерусалимъ и на Афонъ въ 1908 году. Нижний Новгородъ. 1910. I. I.—51) Извѣстія валужской ученой архивной комиссіи. Вып. XXI. Калуга. 1911. Д. Богданова.—52) Труды курской губернской ученой архивной комиссіи. Выпускъ первый. Посвящается памяти перваго председателя комиссіи Н. Н. Гордѣева. Курскъ. 1911. А. Таннова.—53) С. Л. Аваліани. Крестьянская реформа въ Закавказьѣ. Спб. 1911. А. Хаханова.—54) Архивъ Раевскихъ. Томъ III. Изданіе П. М. Раевского. Редакція и приѣчванія В. Л. Модзалевскаго. Спб. 1910. В. Руданова.—55) Н. Ф. Хованскій. «Помѣщики и крестьяне Саратовской губерніи». Саратовъ. 1911. А. Миронова.—56) Ростовцевъ. 4-я Донская дивизія въ русско-японскую войну. 1910. Мих. Соколовскаго.—57) Юліанъ Кулаковскій, профессоръ университета св. Владимира, членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ и императорской археологической комиссіи. Історія Византіи. Томъ I. Съ двумя картами, планомъ Константинополя и разрывомъ его стѣнъ. Кіевъ. 1910. А. М.—на.—58) Античная бібліотека. Томъ I. Жанъ Ломбаръ. Агонія. Предисловіе Октава Мирбо. Полный переводъ съ французскаго. Москва. 1911. Пант.—59) Академическая бібліотека русскихъ писателей. Вып. 5-й. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Спб. 1911. В. Р.—ва.—60) Рабство и воля. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Сборникъ. Составили И. Розановъ и Н. Сидоровъ. Москва. 1911 г. А. М.—61) Д. Мережковскій. Большая Россія. Спб. 1911. А. Фаресова.—62) Р. Н. Сементковскій. Современная Россія въ дни революціи. Спб. 1911. Б. Г.—63) А. Ксюнинъ. Уходъ Толстого. Спб. 1911. М.—о.—64) К. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства. 1832—1835 гг. Москва. 1911. Г.—65) Военная энциклопедія. 2-ой полутомъ. Спб. 1911. л. н.—66) С. и Ш. Азартъ, романъ людскаго безумія. Спб. 1911.

Заграничныя историческія новости и мелочи. 333, 678, 1107

1) Вавилонскій богъ Тамузъ. — 2) Генеральша Вонапартъ. — 3) Открытіе французскаго института въ Россіи. — 4) Отовсюду. Шекспиръ или Веконтъ. — 5) Непознанные документы Наполеона I. — 6) Отовсюду. — 7) Юбилей. — 8) Смерть Самоша, Гроссгейма, Шпильгагена, Фонъ-Уда, Ванъ-Годфа, Врэна, Фогаццаро. — 9) Археологическія новости. — 10) Воспоминанія Рустама, мамелюка Наполеона. — 11) Бенедекъ и Висмаркъ. — 12) Предѣльный возрастъ человѣческой дѣятельности.

Смѣсь. 364, 703, 1130

1) Двухстолѣтній юбилей сената. — 2) Историческое общество въ память императора Александра III. — 3) Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка. — 4) Чествованіе Е. Н. Чирикова. — 5) 50-лѣтіе научно-литературной дѣятельности И. П. Деркачева. — 6) Съѣздъ по бібліотечному дѣлу. 7) Годичное собраніе императорскаго историческаго общества.—8) Общество русскихъ ориенталистовъ. — 9) Къ царскосельской юбилейной выставкѣ.—10) Музей памяти 1812 года.—11) Богатства археологіи.—12) Общество ознакомленія съ историческими событіями Россіи.—13) Къ 50-лѣтію общества русскихъ врачей.—14) Общество Толстовскаго музея въ Москвѣ.—15) Открытіе Толстовскаго музея въ Петербургѣ.—16) Въ юридическомъ обществѣ.—17) Чествованіе А. Я. Гаркави.—18) Юбилей Николая Александровича Рубакина.—19) Юбилей Д. С. Здобнова.—20) Юбилей Э. А. Вольтера.—21) Книжное дѣло въ 1910 г.—22) Въ литературномъ фондѣ.—23) Въ Толстовскомъ обществѣ.—24) 200-лѣтіе первой типографіи въ С. Петербургѣ.—25) Пятидесятилѣтіе общества русскихъ врачей въ Москвѣ.—26) Открытіе выставки печати.—27) Юбилейное чествованіе ниж.-ген. Н. Н. Петрова.

Некрологи. 333, 723, 1138

1) Августинъ, архимандритъ.—2) Арутюновъ, С. Х.—3) Богаевскій, Д. Г.—4) Вержбиловчъ, А. В.—5) Главачъ, В. И.—6) Голицынъ, А. Н.—7) Дукмасовъ, П. Г.—7) Жатецкій, П. И.—8) Зубковъ, И. А.—9) Кожевниковъ, А. И.—10) Коныловъ, А. А.—11) Лагузенъ, І. И.—12) Муркосъ, Г. А.—13) Овсянниковъ, В. П.—14) Лебедевъ, И. А.—15) Соколовъ, Н. И.—16) Ткачевъ, А. Н.—16) Языковъ, М. Д.—17) Якимовъ, П. М.—18) Якубовичъ-Мельшинъ, П. Ф.—19) Аввилоновъ, Е. П.—20) Антиповъ, И. А.—21) Блаумъ

бергъ, К. М.—22) Кочетовъ, В. Е.—23) Крыжицкій, К. Я.—24) Недзьялковскій, Карлъ, еп.—25) Овсяниковъ, В. П.—26) Патенко, Ѳ. А.—27) Савицкая, М. Г.—28) Фонъ-Меккъ, А. К.—29) Хвольсонъ, Д. А.—30) Яковичкая, М. Е.—31) Яковлевъ-Восточковъ, Г. А.—32) Якубовичъ, П. Ф.—33) Антоній, епископ.—34) Ваязитовъ, Атаулла, мулла, петербургскій ахундъ и мударисъ.—35) Георгіевскій, А. И.—36) Добротворскій, М. С.—37) Козляниновъ, Л. Л.—38) Красовскій, М. В.—39) Крупскій, А. К., проф.—40) Марковъ, Н. Ѳ.—41) Матвеевичъ-Мацѣвичъ, Б. В.—42) Навроцкій, В. В.—43) Обручева, Е. Н.—44) Плюшкинъ, Ѳ. М.—45) Полякъ, А. П.—46) Поповъ, К. А.—47) Челезовъ, В. П.—48) Янчакъ, В. П.

Замѣтки и поправки. 398, 732, 1150

1) По поводу статьи Н. Н. Фирсова (А. Русвина). «Русскіе ученые въ Перей». «Истор. Вѣстн.», т. СХХІІІ, стр. 658. а шт—ра.—2) Къ статьѣ «Сибузты времени реформъ». «Историч. Вѣстн.», апрѣль 1910. Е. Я. Носсаговской.—3) Къ статьѣ А. И. Соколовой. «Встрѣчи и знакомства». «Истор. Вѣстн.» 1911 г., февраль, стр. 568. Александры Шипиловой.—4) По поводу статьи г. А. А. Сигова «Драгомировъ и Скобелевъ». Н. Лачинова.—5) Къ статьѣ «Архивныя мыгарства».—6) Къ статьѣ «Памятные дни». г. Дза-soхова.—7) 0 Снятой горѣ. п. Жасминова.

Приложенія: Портреты: 1) А. Н. Энгельгардта.—2) Г. Н. Потанина.—3) В. П. Михайлова. - 4) Флорентинка. Историческій романъ Максима Формона. Переводъ съ французскаго А. Б. Михайлова.

ИЗВѢСТНЫЕ РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ.

КРАТКОЕ ИХЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ
ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Состав. **Ө. А. Тарапыгинъ.**

Все изданіе будетъ состоять, приблизительно, изъ 12-ти выпусковъ. Въ каждомъ выпускѣ будутъ помѣщаться портреты русскихъ дѣятелей, а въ нѣкоторыхъ выпускахъ, кромѣ того, и рисунки, изображающіе сцены изъ жизни помянутыхъ дѣятелей, памятники и т. д.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Биографіи (29) извѣстныхъ русскихъ писателей. Редакція *Ө. А. Витберга* (препод. женскаго Педагогич. Института), выпуски: I-й—20 к., II-й, III-й и IV по 30 к.

Ученые и общественные дѣтели и государственные дѣтели, редакція *Б. Б. Глинкаго*, V-й и VII-й вып., ц. по 25 к.

Ученые и общественные дѣтели, редакція проф. *И. И. Ковалеваго*, VI-й вып., ц. 30 к.

Извѣстные дѣтели изъ духовенства, редакція *И. И. Аликіева* (преподавателя женскаго Педагогическаго Института и законоучителя Константиновской Гимназій), XII-й вып., ц. 25 к.

Остальные выпуски съ биографіями художниковъ, композиторовъ и военныхъ дѣтелей печатаются.

Въ уплату за выпуски можно высылать почтовыми марками: за выпускъ въ 20 и 25 коп. по 1 семикопеечныхъ марки, а въ 30 к. по пяти 7-ми-копеечныхъ марокъ.

Хрестоматія Ө. А. Тарапыгина „МАТУШКА РУСЬ“. Ч. I-я. Ц. 1 р. 10 к. Редакція *Ө. А. Витберга* (Предѣлителя Союза ревнителей русскаго слова.— Преподавателя Женск. Педагог. Института, Николаевскаго Инженернаго училища, Интендантскаго Курса и Екатерининскаго Института). Въ I-й части хрестоматіи „Матушка Русь“ помѣщены портреты писателей, ученыхъ, общественныхъ дѣятелей, художниковъ, композиторовъ. Кромѣ того — изображенія храмовъ, дворцовъ и памятниковъ въ Москвѣ, а равно иллюстраціи къ нѣкоторымъ баснямъ Крылова.

То-же. Ч. II-я. Ц. 1 р. Во 2-й части Хрестоматіи „Матушка Русь“ помѣшены портреты дѣтелей изъ духовенства и военныхъ; храмы, дворцы и памятники въ С.-Петербургѣ и иллюстраціи къ нѣкоторымъ русскимъ былинамъ.

Опредѣленіемъ Учен. Комит. Мин. Нар. Пров. обѣ части допущ. въ качествѣ учебн. пособія въ приготовительный и младш. клас. средн. учебн. завед. Определеніемъ Учен. Комит. Главн. Упр. Восн. Учебн. завед. рекоменд. въ качествѣ учебн. пособ. въ первыхъ четырехъ классахъ. Кадетск. Корпуса.

Съ требованіями обращаться: С.-Петербургъ, Итальянская, 31. Торговый Домъ Я. Башмакова и К^я.

Означенные выпуски имѣются также въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ изъ печати составленное **Ө. А. Тарапыгинымъ** подъ редакціей *Б. Б. Глинкаго* изданіе: **„Замѣчательныя историческія сооруженія: храмы, дворцы и памятники въ Москвѣ и С.-Петербургѣ“**, со многими рисунками. Цѣна 75 к.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛЕЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СПБ., Вас. Ост. 24 лин. д. № 11.

Телефонъ 528—83.

Вышелъ изъ печати первый томъ серіи
ВОСПИТАТЕЛЬНЫХЪ КНИГЪ

ИСТИНА И ЦѢЛОМУДРІЕ:

**„ЧТО НЕОБХОДИМО ЗНАТЬ
КАЖДОМУ МАЛЬЧИКУ“**

Д-ра Сильвана Столлъ.

Переводъ съ англійскаго Елены Накашидзе.

Съ отзывами выдающихся русскихъ общественныхъ, литературныхъ и научныхъ дѣятелей, какъ-то: академика В. М. Бехтерева, А. И. Философовой, проф. Н. А. Гредескула, М. Н. Стоюниной, Я. Я. Гуревича, свящ. К. М. Агеева, Члена Госуд. Думы свящ. І. В. Титова, проф. Новомбергскаго, А. А. Каменской, врача М. И. Покровской, и многихъ иностранныхъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, какъ-то: В. Стэда, Б. Линдсея, К. Баррета, Епископа Лондонскаго, Елены Келлеръ и др.

Книга эта пользуется, всемірною извѣстностью переведена на всѣ европейскіе и многіе азіатскіе языки.

Назначеніе этой книги: открыть мальчику на цѣломудренномъ языкѣ тайну происхожденія жизни и внушить ему необходимую заботу о своемъ тѣлѣ.

Цѣна 1 р. въ изящ. переп.—1 р. 50 коп.

Съ пересылкою на 20 коп. дороже.

ВЛАДИМІРЪ ПЕТРОВИЧЪ МИХАЙЛОВЪ.

КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА¹⁾.

V.

Тропарь торжественный отпѣли.
Всѣ вышли. Въ залѣ тишина.
Лишь няня старая одна
Стоить, гадая у купели:
Что уготовить жизни путь
Малюткѣ милой, чьи волосы
Плывутъ на яромъ, желтомъ воскѣ,
Плывутъ и не хотять тонуть?

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

ВРЕМЯ ШЛО. Дни становились длиннѣе. Прилетѣли грачи и черными вереницами бродили по бѣлымъ полямъ. Уже второй годъ пошелъ съ того дня, какъ Иванъ Николаевичъ объяснялъ крестьянамъ слова манифеста, но колычевцы себя вольными не чувствовали. Папъ Романъ не дрался. Барщина доживала послѣднѣе дни, но подходила новая кабала — выкупа. Крестьяне познакомились давно съ уставной грамотой и, узнавъ оцѣнку своихъ надѣловъ, чесали затылки. Напрасно мировой посредникъ убѣждалъ ихъ, что они Бога должны благодарить за такой размѣръ нарѣзокъ, они считали Колычева скупнымъ. Ихъ смущала и подушная подать.

— Горше всякаго оброка, — упрямо твердили они и готовы были идти на сиротскіе надѣлы, только бы не платить выкупныхъ денегъ. Иванъ Николаевичъ до хрипоты убѣждалъ ихъ, что эти двѣ десятины, которыя они теперь требуютъ даромъ, черезъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣст.», т. СХХІV, стр. 401.
«Истор. вѣстн.», июнь, 1911 г., т. СХХІV.

пять лѣтъ окажутся зарѣзомъ для нихъ, что они скоро сами запросятъ вернуть имъ нынѣшнія нарѣзки, но тогда неизвѣстно, во что это имъ обойдется.

— Потому что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, сегодня я живъ и отдаю вамъ землю по законной цѣнѣ, а завтра умру и кто будетъ моимъ наслѣдникомъ? У меня могутъ быть дѣти, и ихъ опекуны врядь ли согласятся уступить дѣтскую землю по нынѣшней разверсткѣ.

Крестьянамъ эта перспектива имѣть дѣло съ опекуномъ будущихъ наслѣдниковъ Колычева, которымъ могъ быть не кто иной, какъ Юшкевичъ, показалась весьма непріятной, и они согласились наконецъ подписать уставную грамоту. Но всѣ готовы были, кажется, вѣкъ работать три дня въ педѣлю на барщинѣ, лишь бы не платить выкуповъ, и мировой посредникъ охрипъ, въ свою очередь.

— Вотъ те и воля—твердили они.

Одинъ Агаѣонъ молчалъ. Послѣ своего неудачнаго дебюта въ качествѣ депутата по кабацкому вопросу онъ держался особнякомъ и прятался, заслышавъ колокольчикъ начальства, въ клуню. Онъ все усиленнѣе мечталъ уйти совсѣмъ изъ села на заработки въ столицу, о привольномъ житиѣ въ которой вдоволь наслушался на базарахъ.

Но пока жизнь въ Колычевѣ шла по старому. Дворовые, узнавъ, что ихъ воля выйдетъ черезъ годъ, умоляли Ивана Николаевича оставить ихъ на прежнихъ должностяхъ, и онъ по своему мягкосердію охотно согласился на ихъ условія. Все по наружности обстояло крайне благополучно, и часто потомъ многимъ эта послѣдняя зима и наступившая за ней дружная весна и знойное лѣто вспоминались, какъ особенно пріятныя.

За время своего отсутствія изъ вотчины Иванъ Николаевичъ какъ будто усталъ. Ему шель 45-ый годъ, и въ бородѣ и на вискахъ пробились уже первыя серебряныя нити. Хозяйство занимало его попрежнему, но за это время у пана Романа зародились такіе новые грандіозные планы, что онъ нѣсколько побавался, не слишкомъ ли они смѣлы. Юшкевичъ всегда выписывалъ всевозможныя орудія изъ Англій и Америки, а теперь мечталъ о примѣненіи пара взамѣнъ рабочихъ рукъ и на молотьбѣ, и на мельницѣ.

— Поймите,—говорилъ онъ:—вѣдь сколько намъ придется нанимать людей! Каждый снопъ намъ чуть не въ пятиалтынный обойдется. А тутъ сразу мнѣ въ три дня обмолютъ и размелютъ то, съ чѣмъ мы и въ полтора мѣсяца не управимся. И рукъ потребуется чуть не въ тридцать разъ меньше. Сосчитайте, какая это выгода! Да къ тому же и мельницу водяную упразднить можно будетъ, а то ея положеніе на этомъ клину, врѣзающемся въ мужицкія земли, очень опасно и грозитъ, по-моему, въ будущемъ большими осложнениями.

— Я отлично все это взвѣшиваю и понимаю,—отвѣчалъ ему зять:—но вѣдь какой за машинами уходъ потребуется! Нельзя же будетъ такую мельницу и молотилку Ивану или его хромому Карпычу поручать? Мало ли что, ремень замѣнить, или поломка какая, наконецъ одно наблюденіе за монометромъ... уже помню обращенія съ механизмомъ...

— Изъ-за границы нѣмца выпишемъ, а хотите, и поляка. Я знаю, русскій механикъ въ имѣнье охотно не пойдетъ, ему выгоды на заводѣ работать, да ихъ и немного въ Россіи, но въ Польшѣ техникувъ немало, и достать свѣдущаго будетъ не трудно.

И хотя Ивану Николаевичу послѣ инцидента въ Веве общеніе съ поляками не особенно улыбалось, по отказать тестю онъ не хотѣлъ и отвѣтилъ:

— Что же, посмотримъ!

Въ Колычево попрежнему охотно пріѣзжали сосѣди, и вилла окончательно утратила свою славу запретнаго жилища и стала походить на обыкновенный барскій помѣщичій домъ. Вещи, сорокъ лѣтъ стоявшія только для украшенія, за эти два года начинали понемногу снашиваться. Видимо, и лакъ и обивка послѣ такого срока не выдерживали употребленія, и Евграфъ, заходя по привычкѣ въ старые покои, со вздохомъ замѣчалъ все болѣе и болѣе видныя измяты на «небеляхъ батюшки-барина». Но, благодаря этому, съ ними меньше церемонились, и комнаты, утрачивая парадность, становились болѣе жилыми и уютными. Можно было, завернувшись въ пуховый платокъ, забраться съ ногами въ какое-нибудь тобеленовое кресло и дремать у камина, или перенести въ боскетную ломберный столъ изъ залы и засѣсть въ преферансъ, которому съ недавнихъ поръ стала обучаться Зося.

Однимъ изъ ея присяжныхъ партнеровъ сдѣлался въ эту зиму Игнатій Львовичъ. Мрачный докторъ пріѣзжалъ по желанію Ивана Николаевича еженедѣльно наблюдать за молодой женщиной и оставался почевать. Зося его охотно слушалась. Онъ рѣшительно запретилъ ей всякія уселенныя движенія и вызвался развлекать ее въ періоды скуки.

Все, что было разбужено встрѣчей съ Запольскими,—мечты объ освобожденіи отчизны, ненависть ко всему русскому,—снова улеглось. Только образъ Стаса одинъ не утратилъ своего обаянія. Это была святая святыхъ Зосяной души. Она твердо вѣрила,—они еще встрѣтятся. Какъ и гдѣ,—она не знала. Но, не нарушивъ супружескаго долга, смѣло смотрѣла въ глаза мужа. То было совѣмъ другое, и никому до ея чувства къ ея коханому дѣла быть не могло. Мужа она дѣйствительно уважала.

Переписка съ Элизой, которая велась на имя Олеси во избѣжаніе лишннихъ разговоровъ съ Иваномъ Николаевичемъ, шла все вялѣе и, пославъ дважды по сту рублей въ простомъ письмѣ, тоже во

избѣжаніе разговорѣ, Зося на послѣднее посланіе подруги совѣтъ не отвѣтила. Ей все больше и больше казалось, что вся ихъ затѣя не великое дѣло, а великое ребячество, изъ котораго ничего выйти не можетъ, и она съ улыбкой вспоминала свою торжественную клятву.

Какъ это было глупо!.. Какія мы были дѣти!..

О предводительствѣ оба они тоже позабыли. Но въ одинъ прекрасный день явился Илья Семеновичъ съ мамочкой, Вѣрочкой и Надичкой, и пока дамы усѣлись за свои дамскіе разговоры, старикъ повелъ бесѣду о кандидатурѣ Колычева.

— Одного боюсь,—сообщилъ онъ почти шопотомъ:—перебьютъ намъ дорогу.

Колычевъ вздохнулъ.

— Что дѣлать! Можетъ быть, и къ лучшему. Я какъ-то удивительно устало чувствую себя. Помню, какъ Гришенька вашъ увѣрялъ, будто за граница бодритъ, а меня она нынче изрядно утомила.

— Это потому, что вы съ женою ѣздили. Я какъ съ моей Ольгой Павловной въ Карлсбадъ попаду, точно три недѣли молотилъ или по сѣноосу шагаль. Одна бѣготня по лавкамъ чего стоитъ. Нѣтъ, слуга покорный! Мы съ нею по очереди: одинъ годъ она съ дочками, а другой годъ я въ отпускъ. И дешевле гораздо. Поди, во что вамъ нынѣшняя поѣздка вскочила?

Колычевъ засмѣялся.

— Авѣдь, пожалуй, вы и правы. Зося въ первый разъ за границей была. Понятно, ее все интересовало, а о магазинахъ, особенно въ Парижѣ, и говорить нечего. Да вѣдь и я грѣшнымъ дѣло ее подзадоривалъ. Мошенники-то французы сейчасъ замѣтили, что я женѣ не отказчикъ, и порядочно меня пообчистили. Теперь годика два придется поблагодарозумничать. Въ Россіи, или, вѣрнѣе, въ деревнѣ, какъ-то легче экономію соблюдать, а за границей я понимаю жить только въ полное удовольствіе.

— Хорошо еще, что нынче вы рулетки избѣжали. А то еще, пожалуй, дороже бы вышло.

Иванъ Николаевичъ только махнулъ рукой.

— И не поминайте... Ну ее... Я себѣ зарокъ далъ никогда не играть больше.

— Да, да! каждый изъ насъ ей дань заплатилъ. Однако вернемтесь къ дѣлу. Видите ли, за свое отсутствіе вы много шансовъ потеряли пройти на выборахъ. Надо вамъ сказать, что у меня самого въ послѣдній разъ былъ сильный конкурентъ Софроновъ. Онъ шелъ почти навѣрняка и былъ такъ сконфузень своимъ проваломъ, что сразу уѣхалъ за границу. Теперь, прослышавъ откуда-то, что я намѣренъ отказаться, вновь объявился и даетъ у себя въ Новомъ такія лукулловскія пиршества, что его «отцомъ уѣзда» величать помѣщики начинаютъ.

— И прекрасно, я вовсе не честолюбивъ, да, откровенно говоря, боюсь и завратъся. Послѣдніе два года поглотили всѣ свободныя средства, а тутъ панъ Романъ хочетъ американскую систему хозяйства ввести, и потребуетъся уйма денегъ.

— Охота вамъ! Было бы на что. Вѣдь безъ крестьянъ и то уборка въ копейку встанетъ, а съ такими новшествами недолго и съ молотка пойти.

— Нѣтъ, отчего же? Его послушать, все это такъ выгодно и просто, что соблазнительно даже. Одно не нравится мнѣ,—онъ себѣ въ помощь хочетъ нѣмца или поляка взять.

— Лучше нѣмца, послушайтесь моего совѣта. Боюсь я поляковъ. Вы только почитайте, какъ они тамъ въ Польшѣ забываются снова стали.

— Да, въ Польшѣ! Но здѣсь чего же опасаться? Ихъ вліяніе ни на чемъ сказаться не можетъ. Что имъ тутъ среди насъ бунтовать? Наша губернія и думать о нихъ забыла, даромъ, что когда-то чуть не цѣлкомъ въ ихъ власти была. Но теперь какое намъ дѣло до Рѣчи Посполитой и ея вождельній? А что они дурить готовы, въ этомъ я убѣдился еще за границей.

И онъ разсказалъ о случаѣ въ Все.

Быль послѣдній день мая, когда снова въ столовой дежурилъ отецъ Никита и горѣли передъ кіотомъ вѣнчальныя свѣчи Зоси и Колычева. Снова сидѣлъ Иванъ Николаевичъ въ креслѣ у письменнаго стола, и панъ Романъ утѣшалъ его, какъ умѣлъ. Но послѣ послѣдняго неистоваго крика родильницы, когда оба они черезъ три ступени бѣжали навѣрхъ по дубовой лѣстницѣ, раздался здоровый и дерзкій плачь младенца.

— Мальчикъ?—спросилъ, задыхаясь и не вѣря еще счастливому исходу, отецъ.

— Дѣвочка!—отвѣтилъ весело Игнатій Львовичъ, вытирая смутлыя, обросшія черными волосами руки и сіяя улыбающимися поверхъ очковъ темными глазами.—Молодецъ Софья Романовна!

Иванъ Николаевичъ на колѣняхъ у постели припалъ къ знакомой, нѣжной и влажной отъ испарины ручкѣ.

— Дорогая моя!—прошепталъ онъ, едва сдерживая слезы.

Пани Юзыня поднесла что-то красненькое, запеленатое въ бѣлое, и устроила на груди у Зоси.

— Дочка и вся въ тебя!—сказала она зятю.

Иванъ Николаевичъ поднялъ голову. Красныя, притухшія вѣки раскрылись, и два мутныхъ глаза уставились въ потолокъ. Онъ осторожно коснулся губами мягкаго теплаго лобика

Вошелъ отецъ Никита дать молитву.

— Какое думаете наречь имя новорожденной?

Зося отвѣтила:

— Не знаю.

Она никогда не думала, что это будетъ дѣвочка.

— Если можно, я бы хотѣлъ назвать ее Елизаветой въ память покойной матери моей,—сказалъ Колычевъ.

Зося улыбнулась.

— Эльжбета... Люся... Жуня... Зузя... Да, это хорошо!

И дѣвочку назвали Елизаветой.

Рожденіе барышни вмѣсто ожидавшагося барчука сперва какъ будто разочаровало дворню. Особенно растерялся Евграфъ. Словно вопреки женоненавистничеству Арсенія Михайловича, въ его бывшей спальнѣ воцарялось женское существо. Но радость Зоси и Ивана Николаевича, проводившаго цѣлые часы у колыбели съ кружевнымъ пологомъ, примирила старика. Да и имя страннымъ образомъ совпадало съ тѣмъ, которое онъ помнилъ одинъ на цѣломъ свѣтѣ... И старикъ являлся ежедневно и, чѣмъ могъ, помогая наверху.

Какъ ни пыталась Зося кормить сама свою дочку, изъ этого ничего не вышло, и пришлось взять мамку. Изъ колычевскихъ молодыхъ пригласили желающихъ. Игнатій Львовичъ послѣ тщательнаго осмотра выбралъ Прасковью, сноху Кузьмы Рыжаго. Молочная, какъ лучшая холмогорка, черноволосая, румяная и курносая Пашутка не знала, куда дѣвать избытокъ молока, и, по совѣту доктора, ей разрѣшили три раза въ день кормить и молочнаго брата барышни, такого же курносаго, какъ мать, Митьку.

Въ дѣтской на пеленальномъ столикѣ иногда лежали оба рядомъ, и матери гулили ихъ.

Крестины справили очень торжественно, хотя народу было и немного. Крестный отецъ Карауловъ, наморщивъ лобъ, держалъ воспріимную дочь и усердно дулъ и плевалъ, чтобы отогнать отъ нея всякое зло, а пани Юзыня, замѣнявшая у купели Александру Николаевну, конфузилась и боялась за внучку, чтобы отецъ Никита не утопилъ ея.

Когда окрещенную дѣвочку принесли въ боскетную къ ожидавшимъ тамъ родителямъ, они оба пришли въ восторгъ отъ надѣтаго на нее на узорной цѣпочкѣ креста старинной эмалевой работы.

— Это крестъ бабушки моей Елизаветы Ивановны Недолевой,—объяснилъ Илья Семеновичъ,—крестницы государыни Елизаветы Петровны. Вотъ видите, и надпись «Елизавета» есть. Она его никогда не снимала и счастливо чуть не до девяноста лѣтъ дожила. Вотъ я его новой Елизаветѣ Ивановнѣ и привезъ. Расти ей здоровой и умной, родителямъ на радость, крестному на утѣшеніе!

Александра Николаевна прислала Зосѣ на ризки, кромѣ традиціоннаго розоваго шелка на платье, браслетъ покойной тетушки, и Зося прослезилась. Вспомнилось ей Вева и ея поведеніе въ компаніи Запольскихъ, и все показалось такъ нелѣпо и дико.

Общество Олеси и Элизы подавляло ее; она не могла забыть въ ихъ присутствіи своего происхожденія и, невольно ухаживая по привычкѣ за ними, утрачивала свою личность. Да и по отношенію къ ея коханому Стасю вышло совсѣмъ не то, о чемъ она мечтала на самодѣльной скамьѣ, вонъ въ той заросли сиреневыхъ пышныхъ кустовъ, разливавшихъ въ этотъ радостный іюньскій день свой упоительный ароматъ. Не онъ цѣловалъ край ея платья, не онъ умолялъ ее о любви,—она готова была сама лобызать его выхоленныя, почти женскія руки, и кто знаетъ, не поступчись Олеся, чѣмъ бы кончилось ихъ нѣжное прощаніе...

Наклонившись къ шарфанныму личику своей Лилюси, молодая мать покраснѣла до ушей. Нѣтъ, довольно! пора одуматься. Это все ея пылкая, необузданная фантазія туманить голову. Передъ ней открывается новая жизнь. Маленькое существо требуетъ много, много заботы. Оно такъ беспомощно, что грѣшно отъ него отрываться хоть на мгновеніе для сладкихъ мечтаній, которыя опутываютъ сердце женщины своими розовыми тенетами.

VI.

Стоять недвижно дерева,
Одѣтыя листвою тонкой,
И вдругъ откуда-то слова
И громкій смѣхъ, и топотъ звонкій.
Летятъ безумно смѣлой гонкой
По сторонамъ крутого рва,
Земли касаяся едва,
Лихой наѣздникъ съ амазонкой.

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.)

Снова прошло шесть недѣль. Въ вершинахъ душистыхъ листь опять летаютъ суетливыя пчелы, и каждая поетъ свою трудовую пѣсню, а внизу подъ ними мамка въ розовомъ сарафанѣ и розовомъ кокошникѣ ходитъ съ розовой куколкой на рукахъ и поетъ:

Я коту-воркоту
За работу заплачу,
При и, котикъ, почевать,
Приди Лизаньку качать...

Зоя, перебравшаяся отъ зноя въ тѣнь вѣковой аллеи, сидитъ тутъ же въ креслѣ у переноснаго рабочаго столика, и ея ловкіе пальцы пришиваютъ кружево къ крохотному чепчику.

— Нѣтъ, надо Пашу выучить и другимъ пѣснямъ. И она мурлычетъ:

«Ой люли, люли...» и вдругъ переходитъ съ улыбкой на «Зузину» пѣсенку:

Мама клепчиць каже Зузи.
 А чи можно дать ей бузи?
 Хоть пшезь шпарке, моя мамо,
 Бо ей смутно быть такъ само...

Изъ цвѣтника раздались мужскіе шаги, и подъ зеленымъ сводомъ показался высокій господинъ въ ботфортахъ и въ безукоризненномъ англійскомъ верховомъ сюртукѣ въ сопровожденіи Ивана Николаевича.

— Вотъ честь имѣю представить тебѣ, милая Зося, нашего сосѣда Данила Даниловича Софронова.

Зося протянула руку. Ботфорты щелкнули шпорами, и къ ея пальцамъ прикоснулись мясистыя пухлыя губы подъ жесткими усами.

— Давно льстилъ себя надеждою познакомиться съ ясновельможною пани Колычевой,—произнесъ хрипловатый баритонъ.

Зося удивленно раскрыла глаза. Ни у кого изъ русскихъ не было обычая величать ее такъ, и она невольно улыбнулась:

— Чи-пань разумѣ по-польску?—спросила она.

Собесѣдникъ ея покрутилъ усъ.

— Трошки!—съ важностью отвѣтилъ онъ и сразу прибавилъ по-русски:

— Я отъ своего управляющаго Домбровскаго научился. Вы его, кажется, знаете?

— Да,—отвѣтила Зося:—онъ мнѣ даже родственникъ, по давно не бывалъ у насъ.

— Сейчасъ мы съ нимъ у воротъ разстались, онъ прошелъ къ вашему отцу.

Зося удивилась, но особаго значенія этому появленію Валека послѣ двухлѣтняго отсутствія не придавала. Не вѣкъ же было ему дуться!

Софроновъ остался обѣдать. Иванъ Николаевичъ послалъ за Романомъ, и тотъ явился вмѣстѣ съ Домбровскимъ. Зося съ улыбкой протянула руку своему отставному обожателю, и, нагнувшись надъ колясочкой со-сѣда Зузей, пригласила познакомиться съ ея дочкой.

Какъ ни готовился Валекъ къ встрѣчѣ, но видъ возмужавшей и еще болѣе похорошѣвшей кузины заставилъ усленно забитъ сердце шляхтича, и Зося приобрѣла въ этотъ день двухъ поклонниковъ.

Вечеромъ Софроновъ, считавшій себя знатокомъ лошадей, собакъ и женщинъ, свернувъ съ Валекомъ на березовую просѣку, поцѣловалъ кончики пальцевъ и провозгласилъ:

— Медь!

А Валекъ такъ натянулъ мунштукъ, что Зефиръ взвился на дыбы. Онъ вспомнилъ, какъ уѣзжалъ отсюда въ послѣдній разъ съ израненнымъ сердцемъ. Тогда онъ далъ клятву, что Колычево его больше не увидитъ, но теперь была надъ нимъ власть, передъ

которой пасовали всё личные чувства, и онъ приѣхалъ вручить Роману новый секретный «окольникъ» по распоряженію народнаго комитета.

До глубокой ночи горѣлъ въ конторѣ огонь. Долго раздумывалъ старый полякъ надъ литографированнымъ листкомъ, разбирая шифрованныя слова. Его снова призывали принять участіе въ святомъ дѣлѣ и вносить посильную лепту на вооруженіе народныхъ бандъ.

Посѣщеніе Софронова вызвало Зосю на разговоръ о предводительствѣ. Она была крайне честолюбива, и мысль играть роль первой дамы въ уѣздѣ сильно занимала ее.

— Подумай, Ивъ! отчего же нѣтъ? Домъ у насъ большой, гдѣ же веселиться и танцовать, для чего же имѣть эту чудную залу и столько гостинныхъ?

Иванъ Николаевичъ пожалъ плечами.

— Не знаю, кто мѣшаетъ намъ и безъ этой роли задавать праздника! Лойми, мой другъ, пока мы люди независимые, намъ предоставлено право выбирать свои знакомства и вести самостоятельный образъ жизни. Поговори съ Ольгой Павловной, легко ли ей бываетъ, когда хочешь, не хочешь, а принимай у себя ораву гостей и ѣзди на всякія весьма неинтересныя собранія. Одна благотворительность чего стоитъ, и наконецъ во что это обходится? Недаромъ Илья Семеновичъ ждетъ, не дожидется возможности сбросить съ себя эту тяготу «ноблесоближа»...

— Отчего же самъ ты мечталъ объ этомъ въ прошломъ году?

— Оттого, что мелодь и неопытенъ былъ, а теперь старъ сталъ и опытомъ умудренъ. Ты думаешь, сѣдина въ бороду, такъ и бѣсъ въ ребро? Это къ дѣдамъ относилось, когда имъ вторую или двадцать вторую молодость справлять хотѣлось. А у меня вотъ гдѣ моя вторая молодость лежитъ, вторая и послѣдняя.

И онъ нагнулся къ лежавшей на колѣняхъ у Зоси Лизочкѣ.

— Мнѣ о придавомъ для сей дѣвицы думать надо, а не о собственной потѣхѣ...

— Удивительно, какъ дѣвочка напоминаетъ тебя! Мама это сразу замѣтила.—По мужской логикѣ никакой связи между этими словами Зоси и предыдущимъ разговоромъ не было, но мать отвѣчала на собственныя мысли.

— Какая пылкая у тебя съ матушкой фантазія! Благодарю покорно, неужели и у меня такой же беззубый ротъ и пуговка вмѣсто носа?

Но онъ улыбулся и крѣпко поцѣловалъ и жену, и дочь...

Софроновъ, убѣдившись, что Иванъ Николаевичъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ не питаетъ, зачастилъ въ Кольчево. Очень ужъ ему поправилась хозяйка. Самъ онъ жилъ холостякомъ

и былъ страстнымъ борзятникомъ. Дамы къ нему раньше не ѣздили потому что онъ славился гомерическими кутежами и держалъ въ молодости дѣлѣй гаремъ изъ крѣпостныхъ дѣвъ. Но, желая пройти въ предводители, еще передъ прошлыми выборами онъ круто измѣнилъ образъ жизни и устраивалъ только грандіозныя охоты, на которыя собирались сосѣди съ женами и дочерьми, потому что, вернувшись съ поля, онъ задавалъ балы въ своемъ огромномъ каменномъ домѣ съ колоннами, построенномъ еще при Екатеринѣ II въ Новомъ, гдѣ, по преданіямъ, бывалъ у его прадѣда самъ Мамоновъ.

Узнавъ, что Зося не ѣздитъ верхомъ, онъ привезъ дамское сѣдло и сталъ ее умолять взять его въ берейторы, чтобы и она могла принимать участіе въ его полевыхъ потѣхахъ.

Иванъ Николаевичъ даже руками развелъ.

— Позвольте, Даниль Даниловичъ, а я-то на что? Вѣдь я же отставной кавалеристъ!

— А вѣдь и правда, Ивъ! Отчего же до сихъ поръ ты мнѣ ни разу не предложилъ поучить меня?

— Да, отчего?—удивился Колычевъ.—Впрочемъ, когда же было? Первое время мы такъ заняты собою были, что объ этомъ я и не думалъ, а потомъ ты хворала.

Уроки верховой ѣзды увлекали молодую женщину, но, подумавъ, что на эти часы придется разставаться съ Лизочкой, она уже хотѣла отказать. Игнатій Львовичъ, напротивъ, былъ за моціонъ.

— Все дѣло не пересаливать, а верховая ѣзда вамъ очень и весьма полезна. Вы вонъ второй подбородочекъ нагуливать стали, не мѣшаетъ потрястись, а то къ 35-ти годамъ мнѣ васъ отъ лишняго жира въ Карлсбадъ посылать придется...

И Зося выписала себѣ изъ Парижа амазонку, а пока въ юбкѣ, удлиненной Мароушею, скакала съ мужемъ и Софроновымъ по дорогамъ, къ великому удовольствію обѣихъ борзыхъ, и, вся растрепавшаяся и разгоряченная, вернувшись съ наѣздничества, пришла къ Лизочкѣ, озабоченно щупала губами ея лобикъ и спрашивала Прасковью: хорошо ли кушала и спала ея дѣточка?

— Что намъ дѣлается, въ добрый часъ!—отвѣчала неукоснительно кормилица.

Старикъ Евграфъ приходилъ въ отсутствіе барыни посидѣть у колыбели и отгонялъ вѣткою мухъ...

И было кругомъ такъ мирно и хорошо, и не вѣрилось, что есть на свѣтѣ злоба, ненависть и месть, что люди льютъ гдѣ-то пули и точатъ ножи, отъ которыхъ брызнетъ братская алая кровь.

Зося уже крѣпко сидѣла въ сѣдлѣ и умѣла справляться съ мунштуккомъ и трензелемъ. Ея спокойная, купленная у Софронова Леди покорно переходила съ англійской рыси въ галопъ и отлично слушалась хлыста. Молодая женщина съ огромнымъ увлеченіемъ ежедневно предавалась новому удовольствію.

Быль чудный сентябрьскій день. Наканунѣ пришла амазонка, и Зося рѣшилась обновить ее. Кстати и панъ Романъ звалъ Колычева выбрать наконецъ мѣсто для новой мельницы и проектируемой имъ по собственнымъ чертежамъ молотилки.

Когда осмотрѣли назначенное мѣсто, которое тутъ же на планѣ отмѣтили краснымъ крестикомъ, и Зося положила со смѣхомъ въ центръ его найденный на дорогѣ камень, а Софроновъ протрубилъ въ кулакъ веселый тупъ, всадники побѣхали домой въ объѣздъ черезъ спорное когда-то Кожино, отходившее нынѣ въ аренду крестьянамъ.

Это былъ большой поемный лугъ, поросшій олешиникомъ, но настолько низкій, что въ дождливое лѣто даже въ іюлѣ хлюпала подъ ногами вода. По преданіямъ, здѣсь увязла часть французскаго обоза во время бѣгства Наполеона. Когда-то пытались проложить черезъ него дорогу въ уѣздный городъ, потому что это сокращало путь на добрые полтора часа, но весенніе разливы добросовѣстно смывали щебенку и глину и уносили бревна и песокъ, и панъ Романъ отказался отъ своего намѣренія.

Софроновъ выѣхалъ изъ лѣска и ткнулъ ручкой хлыста въ землю.

— Эхъ, Иванъ Николаевичъ,—сказалъ онъ.—Зналъ бы я, что вы у меня отнимите этотъ лугъ, я бы плугомъ вспахалъ его, авось попалъ бы на какую-нибудь французскую штучку.

— Да вѣрно ли, что тутъ Наполеонъ шелъ? Вѣдь это должно быть не менѣе двадцати пяти верстъ въ сторону отъ большака?

— Эхъ, батюшка, заблудились... Чай, безъ картъ шли. А заблудиться у насъ въ матушкѣ Россіи развѣ трудно?

И вдругъ, словно въ отвѣтъ, изъ-за ближняго куста на кочкѣ раздалось:

— А чи, ясновельможные панове, далеко тутъ до фольварка Колычевскаго?

Изъ-подъ куста поднялась сухощавая, щуплая фигурка чело-вѣка съ острыми чертами обильно усѣянной веснушками еврейской фizioноміи.

Панъ Романъ подѣхалъ

— Чи тебѣ кого треба?

Еврей быстро оглянулъ компанію и, замѣтивъ Зося, отвѣтилъ:

— У меня всякій товаръ въ коробѣ есть,—чулки, иголки, пуговики, булавки, духи, мыло, матеріи, вѣера, зонтики, все, что прекраснымъ паненкамъ треба. Бачили, въ Колычевѣ добрая барыня, ай какая добрая барыня! она у меня, бѣднаго разносчика, весь коробъ скупить. Ай вай!

Зося размѣялась и вдругъ поблѣднѣла... Это былъ тети Аелинъ жидъ. Какъ его звали?... Трензель?. Брензель?... Да, Брендель... Шлемъ Брендель... Онъ, очевидно, посланъ къ ней Элизю,

но съ чѣмъ? Она готова была отвѣтить, что ей ничего не надо, что у нея все есть, но панъ Романъ сказалъ:

— Вотъ и отлично, Юзыня только что сегодня о какихъ-то тесемкахъ вздыхала. Пойдемъ съ нами, но предупреждаю, —дорого запросишь, въ шею выгоню.

Жидъ взвалилъ на плечо свой коробъ и, какъ журавль, запатгалъ за кавалькадой, широко переставляя свои упругія «гачи».

— Ступайте впередь!—предложилъ Романъ:—а я укажу этому рыжему Іудѣ дорогу, чтобъ онъ своихъ туфлей въ болотѣ не завязилъ.

У Зоси снова упало сердце. «Пантофлева почта...» вспомнила она.

Софроновъ раскланялся и повернулъ къ себѣ въ Новое.

VII.

Вокругъ захожаго венгерца
Тѣснится дворня вся за разъ
И смотреть, не спуская глазъ,
На коробъ съ замираньемъ сердца.
(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

Супруги остались наединѣ. Было такъ просто покаяться, рассказать все мужу и покончить разъ навсегда съ прошлымъ. Вѣдь съ рожденіемъ Лизочки утрачивался всякій смыслъ ея участія въ польскихъ мечтахъ... Богъ знаетъ, чего требовала съ нея подруга. Можетъ быть, опять денегъ. Сколько же она могла послать ей? Зося въ умѣ подсчитала свою наличность: пятнадцать-двадцать рублей?... Развѣ этого довольно? Какъ и на что попросить денегъ у мужа? Въ деревнѣ у нея никакихъ расходовъ не было, и Колычевъ не заботился, есть ли у нея деньги, или нѣтъ, зная, что въ случаѣ надобности она безъ церемоніи за ними обратится.

— Что ты такая молчаливая?—спросилъ Иванъ Николаевичъ.

— Я такъ, просто задумалась...

Сказать или не сказать? Нѣтъ, это будетъ предательствомъ. Лучше подождать, что скажетъ этотъ Шлемка, и вслухъ она прибавила:

— Удивительно удобно сидить амазонка. Какъ ловко французы шьютъ за глаза.

— Да, великолѣпно. Хотъ въ ихъ Bois de Boulogne впору.

— Ахъ, кстати: je suis à sec. Этотъ Шлемка предлагалъ купить у него коробъ. Можетъ быть, дѣйствительно что-нибудь для Зүзи понадобится.

— Я дамъ тебѣ, сколько надо. Откуда ты знаешь, что его зовутъ Шлемкой?

Зоя смутилась и нарочно громко расхохоталась.

— Я не поклянусь, что это такъ, но ихъ всегда зовутъ или Шлемка, или Ицка. Ихъ масса въ Польшѣ шатается. Мы ихъ пантофлевой почтой называли.

— У насъ ихъ офенями или венгерцами зовутъ. У нихъ даже свой офенскій языкъ существуетъ. По большей части все это великіе плуты. Смотри, не купи какой-нибудь завали!

Они подъѣхали къ крыльцу. Зоя первымъ долгомъ пробѣжала въ дѣтскую. Дѣвочка спала, разметавшись въ своей колыбелькѣ.

— Чего мнѣ еще надо?—сказала себѣ молодая мать и нѣжно поцѣловала ея откинутую ручку.

Пока расфранченная Мароуша разстегивала ея амазонку, она спросила:

— Намъ ничего не нужно? пуговиць, ленточекъ? Сейчасъ жидь-разносчикъ придетъ,—и сама отправилась за деньгами въ кабинетъ мужа.

Иванъ Николаевичъ протянулъ ей пятьдесятъ рублей.

— Хватить?

— Надѣюсь,—отвѣтила Зоя и пошла въ старыи домъ посоветоваться съ матерью, что купить.

У воротъ толпилась дворня. Мароуша уже успѣла сообщить о прибытіи венгерца, и каждый сгоралъ любопытствомъ посмотреть въ коробъ рѣдкаго въ деревнѣ, но всегда пріятнаго гостя.

Вмѣсто него черезъ полчаса подъѣхалъ панъ Романъ.

— Вы чего тутъ?—обратился онъ къ дворовымъ.

— Венгерца поджидаемъ!—отвѣтила бойко Мароуша.

— А тебѣ, французинка, что отъ него надо?—спросилъ панъ. Онъ зналъ данную дворовыми кличку камеристкѣ, побывавшей за границей.

— Не мнѣ, барынѣ нужно.

— Такъ пойди и скажи твоей барынѣ, что я сегодня замѣсто венгерца и прошу ихъ къ себѣ. Цо-то!..

— Да онѣ у маменьки... А венгерца, знать, прогнали?

— Знать, прогнали... Ну, что вы, цо-то! стали? Аль дѣла у васъ нѣтъ? Маршъ по мѣстамъ!

Когда Зоя встала навстрѣчу отцу, онъ взялъ ее подъ руку и увелъ въ коптору. Закрывъ дверь на ключъ, онъ досталъ изъ кармана смятый конвертъ и вручилъ его дочери. У той подкосились ноги.

— Что это? откуда?—прошептала она, едва шевеля языкомъ.

— Изъ пантофли Шлема Бренделя.

Зосѣ дѣлалось дурно.

— Ничего, ничего! ты сперва прочитай, а потомъ мы съ тобою поговоримъ!

Письмо было отъ Элизы. Свентицкая пересылала ей квитанцію народнаго комитета и воззваніе, а также напоминала объ обѣщаніи вносить свою лепту и просила назвать точную цифру, на которую ихъ пятокъ можетъ разчитывать.

«Посылаю это письмо черезъ Шлема Бренделя, потому что на предыдущее отъ тебя отвѣта не получила. Вѣрно, твой мужъ перехватилъ его. Прилагаю и фотографію трехъ новыхъ мучениковъ, очень рѣдкую: видишь, какъ солнце освѣняетъ ихъ трупы своимъ вѣнцомъ?»

Это были висѣвшіе на висѣлицахъ трое, покушавшіеся на жизнь намѣтника Лидерса, великаго князя Константина Николаевича и маркиза Вѣлепольскаго.

Въ концѣ письма стояло: «Олеся просить передать поклонъ Стася его коханѣ. Онъ здоровъ и надѣется, что вы скоро опять свидитесь...»

Когда Зося дочитала, панъ Романъ протянулъ за письмомъ руку:

— Дай его мнѣ!

Надѣвъ очки, онъ отошелъ къ окну. Зося сидѣла ни жива, ни мертва.

— Хорошія дѣла, дочка? А?—сказалъ онъ и положилъ конвертъ въ карманъ.—Что жъ ты думаешь дѣлать?

— Не... не знаю!..

— Что жъ это у тебя давно дѣло затѣяно?

— Нѣтъ, нынче за границей.

— А!.. значить, замужъ ты еще чистая шла?

— Да, тогда еще никакого настоящаго заговора не было. Это потомъ въ Веве меня Олеся и Элиза соблазнили.

— Стасю отдаться?

— Какъ отдаться?

— Какъ отдаться? Какъ невѣрныя жены любовникамъ отдаются. Ты тайкомъ отъ меня съ мужемъ обвѣнчаться сумѣла, такъ и кралей Запольскаго тоже не съ вѣдома же моего зятя стала.

— Отецъ! я могу поклясться всѣмъ, что у меня есть святого, головой моей дѣвочки, что ты ошибаешься и клеветашь на меня: я не была любовницей Запольскаго.

— И Зузя не его дочь?

— Нѣтъ!

— Гляди въ глаза мнѣ!

Зося гордо закинула голову и взглянула отцу въ глаза.

— При чемъ же тутъ поклонъ его коханкѣ?

— Не коханкѣ, а коханѣ, отецъ... Стась и я полюбили другъ друга, но наши отношенія не запятнаны позоромъ, и я смѣло могу смотрѣть мужу въ лицо.

— И это правда?

— Правда!

Панъ Романъ впился долгимъ взглядомъ въ Зося, но она глазъ не опустила.

— Ну, благодарн Бога, что въ этотъ разъ на дурака напала,— тихо сказалъ онъ и отеръ лобъ платкомъ.— Уфъ! гора съ плечъ... Потому окажись неправда, я бы тебя, какъ собаку паршивую, тутъ же задушилъ. Знай, я твоего позора не вынесу. Можетъ быть, тотъ, мужъ, простилъ бы тебя, онъ, русская тряпка, всякаго мерзавца пощадить готовъ, а я не простилъ бы... Ну, а теперь о другомъ. Это еще что за «пятокъ» такой?

Зося уже собралась съ духомъ и рассказала довольно толково о политиканствѣ Свентицкихъ.

— Кто же у васъ пятый? ты, Олеся, Элиза, твой дуракъ коханный,—а еще кто?

— Не знаю!

— Эхъ вы, туда же лѣзете!.. Сколько же ты ей послать думаешь?

— Совсѣмъ не знаю... да и нужно ли посылать-то?

— Что жъ, раздумала? — и онъ хитро сощурилъ глаза.— Цо-то!..

— Не то что раздумала, а ужъ очень эта затѣя мнѣ теперь дѣтски-нелѣпой представляется. Я бы хотѣла оставить письмо безъ отвѣта.

Романъ прошелся взадъ и впередъ.

— Не отвѣчать на поклонъ Стася не только можешь, но и должна. Брось это! у тебя дочь. Какъ ты ей потомъ въ глаза взглянешь? А что если она тебѣ тѣмъ же оплатитъ? Подумай!..

Зося заплакала, ея нервы не выдержали, и, прижавшись губами къ рукѣ отца, она всхлинула:

— Брошу, тату милый!

— Хорошо, это кончено. Теперь то, другое...—Онъ вытащилъ воззваніе комитета.—На это отвѣчать надо. Это дѣло иное. Какъ относится твой мужъ къ польскимъ начинаніямъ?

Зося рассказала о сценѣ съ Нивисскимъ.

— Цо-то! дурень!.. Развѣ такъ дѣло варганять? На сановника геморройнаго видюкомъ наскочилъ! Герой какой! Цо-то!.. Теперь тотъ въ Петербургѣ всѣмъ уши объ этомъ скандалѣ прожужжать успѣлъ... мало ли чье вниманье на насъ обратилъ. Ему бы ладкомъ да тишкомъ, да падамъ до ногъ его ясновельможности.

Зося все шире раскрывала синіе глаза. Мысль, что отецъ можетъ сочувствовать дѣлу Свентицкихъ, ей и въ голову не приходила. Колычево такъ мирно дремало въ глубинѣ своихъ чисто русскихъ лѣсовъ и полей, казалось такъ вдалекѣ отъ зарождавшейся польской смуты, что никто бы не могъ предполагать возможности въ

немъ какого-нибудь отклика на пробуждающіяся волненія шумной Рѣчи Посполитой.

— Отецъ, развѣ и ты повстанецъ?—спросила дочь.

— Я?—онъ ухмыльнулся черезъ сѣдые усы и, засучивъ рукавъ своей довольно неопрятной сорочки, показалъ синеватый шрамъ отъ локтя до плеча на правой рукѣ.—Это подѣ Вильной 7 іюня 1830 г. памятка отъ сабли казацкой, когда мы подѣ командою Гелгуда русскіе полки атаковали. А это,—онъ разстегнулъ воротъ и ткнулъ на круглое, сжавшееся въ воронку углубленіе на лѣвой сторонѣ груди,—19 августа въ отрядѣ пана Ромарино русская пуля мое польское сердце пробить пыталась, да въ ребрѣ застряла и, спасибо врачамъ и монахинямъ бернардинкамъ, у меня вонъ тамъ въ углу у статуи Иисуса на полкѣ вынутая лежитъ. Я клятву тогда далъ въ долгу не остаться... Голь, какъ соколъ, изъ госпиталя вышелъ. Десять лѣтъ мы съ Юзыней чуть не чеснокомъ питались, и каждый годъ намъ Богъ дѣтей давалъ. Да съ хорошихъ харчей они, видно, жить не умѣли... Никакъ нигдѣ я устроиться прочно не могъ. Наконецъ черезъ старую пани одну въ Гомелѣ о Колычевѣ прослышалъ,—естъ, молъ, среди москалей такой чудакъ, что нашего брата жалѣетъ, и поможетъ, мѣсто какое-нибудь у себя дастъ, лишь имя одно знать надо. А имя то... матери твоей дѣвическое было... родственницей она Эльжбеты Мазовецкой, той прежней коханы пана Арсенія, была, только дальней, конечно. Оттуда и сходство твое съ портретомъ. Я и поѣхалъ, а нѣмецъ-то какъ разъ Богу душу отдавалъ... Вотъ тебѣ и весь мой романъ... Ты мнѣ правду про себя открыла, и я тебѣ свою скажу: не выскочи ты за твоего москаля, они бы тамъ въ Польшѣ не 3000 франковъ за эти годы съ Колычева имѣли... Ну, а теперь ты Элизѣ отпиши, что меня, молъ, въ свентемъ покоѣ оставьте, а если что треба, къ старому Юшкевичу отписывайте. Это ужъ мое дѣло. Если я на ойчизну даю, то отъ своихъ трудовъ, дочка, знай! потому у москалей въ рукахъ всему твоему нынѣшнему имѣнію полтора злотыхъ цѣна была бы... На! вотъ тебѣ бумага, конвертъ и чернильница съ перьями... а я, пока ты пишешь, трубку выкурю... Да! прибавь-ка, чтобы она мнѣ сюда никакихъ пантофлей не присылала больше. Не дай Богъ жиду довѣряться, — за грошъ продать. Я этому Шлемкѣ такъ шею накостьяляль, что у него и теперъ, вѣрно, голова на Иерусалимъ къ Голгоѣ повернута.

Прочитавъ написанное къ Элизѣ письмо, въ которомъ Зося просила обращаться отнынѣ только черезъ Юшкевича, потому что онъ все знаетъ и лучше дѣлу послужить можетъ,—старикъ крѣпко обнялъ дочь и сказалъ:

— Ну, а теперь спи спокойно, цурка, все ладно.. А о Запольскомъ забудь. Одна у тебя думка быть смѣть—это дочка твоя. Остальное ничто тебя на свѣтѣ не касается...

VIII.

Я умру, но цвѣтовъ ты мнѣ въ гробъ не клади.
 Не хо у я, чтобъ тамъ, увядая
 Въ молчаливой землѣ, на бездушнѣй груди,
 Загубилась ихъ жизнь молодая.
 Не цѣлуй, не рыдай,—не раскроется глубь...
 Не сули мнѣ загробную встрѣчу...
 Ты при жизни цвѣты мнѣ тдай. . Приголубь,
 Приласкай,—я оувѣчу.

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы» М. К.).

Начались псовыя охоты.

Пожелтѣлыя пустыя поля окаймнились черными чащами лѣсовъ. Словно сѣдина, серебрились стволы березъ въ заросляхъ осины и ольхи. Островки разбросанныхъ на широкомъ просторѣ рощъ казались издали шалками волосъ на головахъ ушедшихъ по самое чело въ землю великановъ. На холодномъ небѣ ползали длинныя вытянутыя облака и двигались безконечными полчищами низкія тучи, и съ нихъ сѣялъ осенній дождь и окутывалъ потерявшую обликъ природу сѣрой пеленою. Но охотники не смущаясь выѣзжали со своими сворами, и лошади бѣшено неслись по сжатымъ полосамъ и зеленымъ озимой ржи, потому что ни звѣрь, ни человекъ не разбирали дороги. Ату! ату! и улю-лю-лю-лю!—такъ и стояло стономъ среди изморози, и красныя озябшія руки спускали гончихъ и борзыхъ, летѣвшихъ черезъ рвы и каналы, по шею въ грязи.

Зося принимала участіе въ этихъ забавахъ и поражала мужчинъ своею выносливостью и смѣлой ѣздой. Послѣ разговора съ отцомъ у нея было такъ радостно и свѣтло на душѣ, такъ легко на сердцѣ, что самыя скучныя ненастные дни казались ей залитыми солнечнымъ свѣтомъ. Испытанную ею однажды деревенскую зимнюю скуку она позабыла. Не хватало дня на все, что нужно было сдѣлать и что казалось интереснымъ. Колычевъ радовался на нее, и Игнатій Львовичъ весело сверкалъ своими угольками поверхъ вросшихъ, казалось, въ переносье очковъ.

На восьмое ноября была назначена большая охота въ Новомъ.

Зося съ помощью Марѳуши смастерила себѣ польскій обшитый соболемъ кунтушь поверхъ амазонки и конфедератку съ малиновымъ верхомъ. Она была такъ очаровательно оживлена, что Софроновъ, ждавшій ихъ у окна, только крикнуть, когда они подѣзжали къ его древнему перрону.

За ночь выпалъ снѣжокъ и принарядилъ угрюмыя поля и болотистыя низины. Солнце весело играло на поверхности синей рѣки. Красивыми пятнами выдѣлялись яркіе камзолы выжлятниковъ, окруженныхъ цѣлымъ островкомъ чернопѣгихъ гошчихъ, весело махавшихъ бѣлыми и пестрыми, торчащими кверху, хвостами. Доѣзжацій Ермила, сидя на своей низкорослой башкиркѣ, которую онъ

«истор. вѣстн.», июнь, 1911 г., т. сxxiv.

чаще кормилъ ногойкой, чѣмъ овсомъ, держалъ на длинной сворѣ красавицъ борзыхъ. Замѣтивъ Зосиныхъ Чайку и Стрѣлку, онѣ поднялись было навстрѣчу.

— Кушь!—раздалось грозно, и собаки улеглись, положивъ снова узкія морды на вытянутыя лапы.

Распахнулась дверь, и на крыльцѣ показался хозяинъ. Собаки вскочили, выжлятники сняли шапки. Софроновъ поздоровался съ гостями и лихо вспрыгнулъ на своего вороного Каракуля.

— Ни пера, ни шерсти!—громко крикнулъ онъ.

Затрубили рога, и охотники выѣхали за ворота.

Зося, наученная опытомъ прежнихъ охотъ, стояла смирно на указанномъ Ермилою мѣстѣ на опушкѣ березовой рощи. Чайка и Стрѣлка легли у ногъ ея Леди. Было слегка морозно, и яркими хрусталиками блестѣли мелкіе кусочки инея на вѣткахъ сквозныхъ деревьевъ. Глубокое безмолвіе царило кругомъ. Только вдаль слышенъ былъ замирающій за холмами гонъ. Вдругъ въ кустахъ что-то зашуршало. Борзые повернули головы съ насторожившимися ушами. Изъ чащи показалась сѣдая морда старой волчихи. Собаки вскочили и рванулись.. Зося не успѣла удержать ихъ и выпустила изъ рукъ... Леди дала кабріоль въ сторону и помчалась стрѣлою за собаками черезъ поле. На топотъ выскочилъ Ермила, готовый послать къ чорту cadaго нарушившаго его предписанія, будь то самъ Софроновъ. Замѣтивъ волчицу, онъ спустилъ свою свору и бросился съ улюлюканьемъ наперерѣзъ Зосѣ.

— Направо!.. держите, чортъ возьми, направо!—заоралъ онъ.

Но Леди вошла въ колеръ и неслась, прижавъ къ головѣ уши, не слушая ни хлыста, ни мундштука.

Уже за ней скакали Софроновъ и Колычевъ. Въ двухъ верстахъ впереди лежалъ крутой и глубокой оврагъ бывшей каменоломни и грозилъ неминуемымъ паденьемъ лошади и гибелью всадницѣ. Оба немилосердно хлестали своихъ коней. Это была бѣшеная, неистовая скачка. Земля звенѣла подъ копытами, и щетинистые мерзлые комья летѣли изъ-подъ острыхъ подковъ. Колычевъ наконецъ догналъ жену. Перегнувшись съ сѣдла, онъ только что хотѣлъ ухватить Леди за поводъ, но она метнулась въ сторону, и онъ, потерявъ равновѣсіе, на всемъ скаку грохнулся о землю. Его лошадь остановилась. Софроновъ только обернулся на мигъ и помчался дальше. Они были въ двадцати шагахъ отъ обрыва, когда ему удалось сильной рукою осадить, рванувъ подъ уздцы, взмыленную кобылу. Она стала, какъ вкопанная, и вся дрожала мелкой дрожью, испуганно прядя ушами и раздувая усиленнымъ, частымъ дыханьемъ поджарые бока.

— Вы очень испугались?—спросилъ Софроновъ.

Зося не могла говорить и только кивнула головой. Онъ откупорилъ висѣвшую черезъ плечо фляжку и поднесъ къ ея губамъ.

— Пейте!—приказала онъ, и Зося сдѣлала глотокъ. Коньякъ ударилъ въ голову, но вернулъ сразу сознание.

— Гдѣ Ивъ?—спросила она.

Софроновъ обернулся. Среди изрытого жнивья лежало черное тѣло. Рядомъ сърыій породистый англйзйрваннй Дукатъ Колычева щипаль пробывавшуюся сквозъ тонкйй снѣгъ еще зеленую траву межи. Софроновъ приложилъ ко рту серебряную ручку хлыста и далъ рѣзкйй свистокъ. Отовсюду показались охотники. Колычева окружили. Онъ былъ безъ сознания. Зося, снятая съ сѣдла Софроновымъ, рыдала на его плечѣ. Ермила хмѳрился и ругалъ въ душѣ на чемъ свѣтъ стоитъ бабѣ, сующихся на охоту, но распорядился послать за экипажемъ.

Софроновъ влилъ въ ротъ Колычеву того же коньяку. Онъ на секунду открылъ глаза, обвелъ мутнымъ взоромъ окружающихъ и снова впалъ въ безсмысленство. Зося сѣла на землю и положила голову мужа къ себѣ на колѣни.

— Будетъ онъ жить?—тихо спросила она Данила Даниловича. Тотъ улыбнулся.

— Какое же сомнѣние? Я послалъ къ вамъ за докторомъ.

Черезъ полчаса подкатила коляска. Ивана Николаевича подпяли и уложили. Зося и Софроновъ сѣли рядомъ, чтобы придерживать его, и шагомъ добрались до Новаго.

Вмѣсто веселаго обѣда съ трюфелями и шампанскимъ, люди ходили на цыпочкахъ. Въ кабинетѣ хозяина на тахтѣ лежалъ разбитый. По коридору сновали женщины со льдомъ на тарелкахъ и со свертками бинтовъ и домашней корпѳи.

Игнатйй Львовичъ явился къ вечеру. Его въ Колычевѣ не оказалось, и нарочный поскакалъ за нимъ въ городъ.

Осмотрѣвъ больнаго, онъ успокоилъ Зосю и велѣлъ прѣхавшей съ платьями Марѳушѣ раздѣть и уложить барыню.

Софроновъ уступилъ молодой женщинѣ свою весьма нарядную и комфортабельную спальню, но Зосю пришлось уложить силою.

Хозяйствомъ въ Новомъ пятый годъ завѣдывала Анисья Ивановна, вдова бывшаго управляющаго, предшественника Валека. Мяжкой поступью скользила она изъ одной комнаты въ другую, отъ мужа къ женѣ, мягкимъ голосомъ успокаивала потрясенную, дрожащую въ лихорадкѣ женщину и мягкими, пухлыми, бѣлыми руками выжимала компрессы и клала ихъ на разгоряченный лобъ Ивана Николаевича.

Зося встрѣчала ее широко раскрытыми глазами.

— Ну, что, какъ онъ?—спрашивала она шопотомъ.

— Ничего, Богъ дастъ!—отвѣчала Анисья Ивановна и подавала ей успокоительное питье. —Докторъ говорятъ, имъ лучше...

И Зося невольно ей вѣрнула и закрывала глаза и засыпала короткимъ прерывистымъ сномъ.

И снилось ей, что она опять несется вперед на своей Леди къ страшному обрыву, а за ней падаютъ одинъ за другимъ люди, и все бѣлое поле покрыто черными кочками, и каждая—трупъ когда-то любимаго человѣка... И она хочетъ крикнуть, и не можетъ, потому что въ ротъ ей льютъ горячій, огненный напитокъ.. Ей больно, но надо пить, и она пьетъ.. Духъ захватило.. Она проснулась и не можетъ понять, гдѣ она...

Солнце пробивается въ щелку между тяжелыми занавѣсами и играетъ весело на мелкомъ узорѣ темно-краснаго текинскаго ковра. Она лежитъ, точно на катафалкѣ, на монументальной кровати, а на спинкѣ въ ея ногахъ два дракона сплелись хвостами и, оглядываясь, разинули другъ на друга широкія пасти. Голова ея низко ушла въ пуховыя подушки. На стѣнѣ висятъ на вышитомъ коврѣ двѣ кривыя сабли, и лучъ сверкаетъ на золотой чеканкѣ вычурнаго эфеса. Свернувшись калачикомъ, въ глубокомъ кожаномъ креслѣ спитъ Марюша. Зося ее окликнула. Та не проснулась.

«Можетъ быть, и я сплю?» подумала молодая женщина и ущипнула себя за руку.

Нѣтъ, это былъ не сонъ. Сознаніе блеснуло въ мозгу. Двойной страхъ охватилъ душу и сжалъ на мигъ остановившееся и оборвавшееся сердце. «Ивъ.. Лилюся...»

Она разбудила Марюшу и поспѣшно одѣлась.

Анисья Ивановна въ своей кружевной фаншонкѣ и черномъ шелковомъ фартукѣ уже входила мягкой поступью.

— Что? какъ?—спросила Зося.

— Ничего, Богъ дастъ!—отвѣтила она:—я принесу сейчасъ вамъ чаю...

— Нѣтъ, проведите меня къ нему.. я не знаю дороги.

Анисья Ивановна замялась.

— Не знаю, позволить ли докторъ. Онъ не велѣлъ беспокоить ихъ...

Зося похолодѣла.

— Ему худо... онъ, можетъ быть, разбился на смерть... пустите меня къ нему!

И, оттолкнувъ Анисью Ивановну, она побѣжала по коридору.

Одна изъ дверей открылась, и показался Игнатій Львовичъ.

— Куда вы?

— Къ мужу... пустите!

Докторъ взялъ ее за обѣ руки и сильно оттянулъ ихъ книзу.

— Успокойтесь! Онъ спитъ. Его нельзя будить.

— Онъ умеръ?—она шаталась.

— Глуности! Я повторяю,—онъ живъ и спитъ нормальнымъ спомъ. Но ваше волненіе можетъ передаться ему, а это подѣйствуетъ убійственно...

— Вы не обманываете меня?

— Я даю вамъ честное слово. А теперь идите къ себѣ.

— Я не могу... Что съ Лилюсей?

— Тамъ ваши отецъ, мать, Евграфъ, мамка и Тася. Чего же и кого же еще? Ну, будьте умница и лягьте. Я позову васъ, когда будетъ возможно.

Но Зося не легла. Она сѣла въ кресло у окна и глядѣла безсмысленно на широкую снѣжную площадку цвѣтника передъ нею, гдѣ, закутанные въ солому, торчали кусты зимовавшихъ въ грунту розъ. Часы тянулись за часами. Приходилъ и уходилъ Софроновъ. Анисья Ивановна приносила ей чай и завтракъ. Она касалась до всего губами, только бы ее оставили въ покоѣ. Приѣхалъ панъ Романъ. Старикъ ласково обнялъ дочь, утѣшалъ ее, — ей было все равно. Одно ее мучило: живъ онъ, или ее обманываютъ? Почему не пускаютъ къ мужу? Она снова задремала въ креслѣ тѣмъ же прерывистымъ сномъ и вдругъ проснулась отъ толчка въ сердце. Вошелъ докторъ.

— Ну-съ, одѣвайтесь! онъ хочетъ васъ видѣть. Только уговоръ — не плакать. У него расшиблена голова, и мы его забинтовали. Тоже и рука подвязана къ стѣнѣ. Но это все пустяки. Дѣло не въ травматическихъ поврежденіяхъ... А, слава Богу, сотрясеніе мозга легче, чѣмъ можно было ожидать. Во всякомъ случаѣ недѣльки три придется полежать. Ну-съ, пожалуйте.

Иванъ Николаевичъ повернулъ забинтованную, сильно болѣвшую голову, и глаза его впились въ жену. Она шла къ нему съ протянутыми руками и, ставъ на колѣни, обхватила его и зарылась лицомъ на его груди. Онъ обнялъ ее здоровой рукою.

— Испугалась, голубка? Ахъ, какъ я испугался за тебя! Я думалъ, ты разобьешься на смерть въ оврагъ. Ты не ушиблась?

— Нѣтъ.. нѣтъ. Гдѣ у тебя боль?

— Вездѣ... я сильно ударился головой, и руку придавилъ. Видишь, къ стѣнѣ привязали, чтобы отекъ прошелъ. Ну, да это пустяки.

— Довольно, — раздался суровый голосъ эскулапа: — или, сударыня, сидите, и молчите, или идите къ себѣ. Говорить больному я рѣшительно запрещаю.

Иванъ Николаевичъ улыбнулся.

— Я не больной: я расшибленный.

— Расшибленный, ушибленный, пришибленный, — все равно, извольте молчать.

Зося опустила въ кресло. Ей впервые приходилось ухаживать за больнымъ, но даже мрачный докторъ не находилъ больше случая придратъ къ ней. Она педантично исполняла все его указанія и требованія и предупреждала малѣйшія желанія больного, облегчая ему каждое движеніе. Ея маленькія проворныя руки

умѣли лучше всѣхъ взбивать подушки, оправить простыни и укрывать одѣяломъ. Она во время опускала и поднимала шторы, чтобы ни одинъ лучъ не беспокоилъ болѣвшихъ вѣкъ, каждый стаканъ чая или питья она знала, какъ подать и держать, не проливая ни капельки и Игнатій Львовичъ даже похвалилъ ее.

— Не бабець, а молодець!

Сидя неподвижно часами въ этой полутемной, пахнувшей лекарствами комнатѣ, она переживала опять всю свою замужнюю жизнь, начиная съ первой встрѣчи съ Ивомъ.

Были за эти два съ половиною года періоды, гдѣ онъ казался ей дорогимъ человѣкомъ, были другіе, когда она едва выносила его присутствіе, но теперь, послѣ испытаннаго за него чувства тревоги и страха, казалось, что онъ всегда былъ единственно дорогъ ей. Образъ Стася опять померкъ, и, рисуя себѣ паденіе мужа съ лошади, выраженіе его блѣднаго лица тамъ, на этомъ ужасномъ жнивѣ, она снова до боли въ сердцѣ переживала свою тревогу. Что было бы, если бы онъ не всталъ? Лилюся осталась бы сиротою, но что она стала бы богатой вдовой и свободной—это ни разу не пришло ей въ голову.. Она каждое утро, каждый вечеръ творила свой крестъ за спасеніе еретика-мужа... А тамъ за окнами, въ ладъ ея мыслямъ, падалъ мягкими хлопьями снѣгъ, и пелена его становилась все пушистѣе и толще, одѣвая и дороги, и луга, и щетиныстыя жнивья бѣлой однообразной пеленою, подъ которой исчезали всѣ неровности и выбоины и сглаживались шероховатости.

Лизочку съ Прасковьей тоже переселили въ Новое. Софроновъ самъ въ тепломъ, нарочно наново обитомъ возкѣ ѣздилъ за ними.

Въ тѣхъ древнихъ покояхъ, гдѣ еще такъ недавно царилъ разгулъ, гдѣ пьяные собутыльники орали непристойныя пѣсни и плясали съ полураздѣтыми Малашками и Глашками, раздавалось колыбельное мурлыканье, и старыя стѣны жадно вбирали въ себя звуки давно не слышаннаго, баюкающаго напѣва.

Зоя не отходила отъ мужа, и Софроновъ чаще ея заглядывалъ въ дѣтскую и зоркимъ окомъ наблюдалъ, чтобы Прасковья была всѣмъ улагодворена во-время.

Онъ категорически заявилъ своимъ постояльцамъ, что не выпуститъ ихъ, пока Иванъ Николаевичъ не окрѣпнетъ.

Была половина декабря, когда Колычевы вернулись къ себѣ, и вновь ожила бѣлая вилла, но Зоя не подозрѣвала, какъ пусто и одиноко почувствовалъ себя жуирь, когда обошелъ послѣ ихъ отъѣзда свое оспротѣвшее гнѣздо.

— Чортъ бы побралъ!—По Данила Данилычъ и самъ не зналъ кого. «А если бь онъ умеръ?» вырвалась и закружилась огнен-

нымъ кольцомъ острая жгучая мысль. «Свинья!» выругалъ онъ себя тутъ же и велѣлъ осѣдлать того жеребца Каракуля, на которомъ догналъ Зою.

Валекъ попался ему по дорогѣ и поѣхалъ рядомъ.

— Отчего вы не женитесь?—спросилъ его ни съ того, ни съ сего патронъ.

Полякъ усмѣхнулся.

— Не на комъ.

— И мнѣ не на комъ.

— Одна была женщина,—продолжалъ управляющій: — да и та не мнѣ досталась!

— И мнѣ тоже!—и Софроновъ хлестнулъ Каракуля и помчался къ обрыву.

«И зачѣмъ не я разбился,—можетъ быть, она хоть день, хоть часъ ухаживала бы за мною...»

Если бы Зоя не отреклась отъ дѣятельнаго служенія отчизнѣ, она могла бы смѣло потребовать теперь у этого русскаго барина помочь освобожденію Польши, и онъ изъ любви къ ней за одинъ ласковый взглядъ, за одно пожатіе маленькой ручки пошелъ бы въ косинеры и сложилъ бы голову на плахѣ. Но этого никто не подозрѣвалъ,—ни она, ни Валекъ, ни Романъ...

Ея мысли были заняты мужемъ и дочерью. Она не думала ни о кокетствѣ, ни о своей побѣдѣ, ни объ угнетеніи Польши. Душа ея была покойна, какъ эта мирная деревенская природа, спавшая безмятежно подъ бѣлымъ покровомъ, на которомъ мягко играли розовые отблески вечерней ранней зари и искрились въ алмазныхъ блесткахъ на вѣткахъ древнихъ кленовъ далекія, яркія звѣзды.. Безъ всякаго предательства она осталась въ сторонѣ отъ увлеченій Олеси и Элизы, и все-таки отъ ея имени посылались щедрія субвенціи Народному Ржонду.

IX.

О вы, забытые на чердакѣ
Прабабокъ старые портреты!
Въ роброны, въ фижмы разодрѣты—
Вы розы держите въ рукѣ...

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

Приближалось Рождество. По настоянію Зоси Игнатій Львовичъ привезъ погостить въ Колычево своихъ «кутьковъ», какъ онъ выражался, двухъ сыновей-близнецовъ, здоровыхъ, худенькихъ и смуглыхъ, какъ онъ, Лешу и Васю. Шестилѣтніе осиротѣвшіе по третьему году мальчуганы росли на попеченіи его дальней родственницы и были до смѣшного похожи, такъ что для отличія имъ

шили разные рубашки. Вася носил всегда синие и голубые цвѣта, Леша красные и розовые.

— Этотъ у меня гарибальдиецъ, даромъ что Алексѣй Божій человекъ,—рекомендовалъ Лешу отецъ.

— Ну, а этотъ?—спросилъ Колычевъ, глядя черную стриженую и все-таки курчавую головенку.

— Я поваромъ буду!—не задумываясь отвѣчалъ Вася.

— Отчего?

— Онъ можетъ мороженого кушать, сколько хочетъ, и у него ножъ за поясомъ виситъ.

— А для чего тебѣ такой ножъ?

Мальчикъ вздохнулъ.

— А гусямъ шею рѣзать... они вкусные.

Зосѣ пришла фантазія переодѣть обоихъ въ одинаковыя рубашки и, не говоря ни слова, она сшила имъ желтыя шелковыя и привела въ кабинетъ. Мальчиковъ не было возможности отличить.

— Ну-съ, Игнатій Львовичъ, вы отецъ: который изъ нихъ теперь Леша, который Вася?

Отецъ хитро усмѣхнулся.

— Вася, хочешь конфету?—спросилъ онъ.

Оба протянули руку.

— Лешка, хочешь, я тебя выпорю?

— Не хочу!—заревѣлъ тотъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Вотъ самый простой способъ заставить заговорить личность человекъ—пообщать ему незаслуженное наказаніе или причинить незаслуженную обиду.

Съ прїѣздомъ кутьковъ бѣлая вилла наполнилась шумомъ и смѣхомъ. Дѣти бѣгали по всему саду, и ихъ голоса звенѣли то внизу въ бѣлой залѣ, то наверху, въ отведенной имъ комнатѣ, то въ дѣтской у Лизочки, которую особенно полюбилъ Леша. Шуточное имя Зузи особенно пришлось ему по душѣ, и онъ выучился отъ Зоси ея пѣсенкѣ, а Вася звонко распѣвалъ:

Патагай, патагай!
 Поѣдѣмы въ чудный край,
 Тамъ, гдѣ Висла мондра плывѣ,
 Збоже шумѣ на рувниѣ,
 Поѣдѣмы, патагай!
 А якъ зовнсе тень край?

— По-моему,—говорила Зося,—гарибальдиецъ-то Вася. Леша куда ручиѣ, ему эти пѣсни не по душѣ.

Въ компанію къ мальчикамъ приводили свѣтловолосаго правнука Евграфа. Онъ былъ на годъ старше кутьковъ, смотрѣлъ не-

подлобья и рѣдко улыбался, но его близко сидящіе другъ отъ друга глазки все примѣчали. Онъ хорошо зналъ не только комнаты въ виллѣ, но и разныя вещи въ нихъ. Въ отсутствіе господъ Евграфъ бралъ его съ собою убирать покои, и мальчуганъ аккуратно вытиралъ пыль и сметалъ крылышкомъ на лопатку. Но дѣдъ строго, избави Богъ, запрещалъ ему садиться на стулья и кресла.

— Нельзя, это не про насъ съ тобою!

— А про кого?—спрашивалъ правнукъ.

— Про кого! вѣстимо про баръ!

И, обметая перовкою стѣны, онъ рассказывалъ чуть не о каждой картинѣ и вазѣ, гдѣ онѣ были куплены и сколько за нихъ было плачено.

Поэтому, когда кутьки играли какъ-то въ мячикъ въ боскетной и Вася прицѣлился прямо въ носъ Венерѣ Милосской, Михалка схватилъ его за руку.

— Не трожь.. Она дорогая.. Ее нельзя, разобьешь.. за нее пять тысячъ заплачено было.

Мальчики разинули рты. Имъ показалось это дѣльмъ состояніемъ. Но если рука Михалки спасла Венеру, одну изъ севрскихъ вазъ въ угольной, стоявшихъ, вѣроятно, немногимъ меньше, она не спасла. Мячикъ прыгнулъ. Раздался трескъ и звонъ... ваза разбилась.

Евграфъ, подбирая осколки, чуть не плакалъ...

— Не къ добру...—твердилъ онъ:—не къ добру... Столько лѣтъ стояла... Батюшка баринъ... батюшка баринъ!

Онъ готовъ былъ собственноручно расправиться съ кутенкомъ и, бережно подобравъ осколки, чуть не дѣлую недѣлю возился надъ ихъ склейкою. Ваза осталась у него въ его избушкѣ и водворилась на полку почти у самыхъ образовъ.

Присутствіе дѣтей въ Колычевѣ дало поводъ Зосѣ устроить особенно блестящую елку. Она выписала изъ Варшавы игрушки и собственноручно клеила и мастерила бонбоньерки и украшенія. Иванъ Николаевичъ тоже увлекся, и они мирно работали вмѣстѣ. За этими занятіями поневолѣ возникали разныя дѣтскія воспоминанія. Впервые дѣлились ими супруги и сходились все ближе, потому что узнавали многое, что до сихъ поръ было отъ каждаго скрыто, узнавали себя въ тѣ юные годы, когда складывается человѣкъ и вырабатывается характеръ.

Когда вечеромъ въ первый день праздника распахнулись двери бѣлой залы и дѣти ворвались туда, куда ихъ почему-то два дня не впускали, они сперва остолбенѣли. Всѣ трое видѣли елку въ первый разъ въ жизни. Кутьки стали радостно визжать и дѣловать и тормозить тетю Зосю и дялю Ива,—Михалка исподлобья разсматривалъ украшенія и вдругъ спросилъ:

— Это тоже про баръ?

Зося разсмѣялась.

— Нѣтъ, и про тебя! Что ты хочешь, выбери, и я сниму тебѣ. Михалка внимательно обошелъ елку. На верхушкѣ дерева огромная звѣзда изъ золотой бумаги, осыпанная блестками, привлекла его вниманіе.

— Во... ея!—сказалъ онъ.

Зося покачала головой.

— Ее нельзя! придется повалить елку!

— А ему можно?—онъ указалъ на Лешу.

— И ему нельзя! Выбери что-нибудь другое.

Мальчикъ еще разъ обстоятельно осмотрѣлся и выбралъ лучшую лошадку. Напрасно Евграфъ хотѣлъ отнять игрушку, онъ ея не отдалъ, да и Зося заступилась.

— Онъ правъ, я ему позволила сама выбрать, что ему по вкусу.

Дѣти разыгрались. Иванъ Николаевичъ послалъ на село привести еще подходящихъ ребятъ. Зала наполнилась ребятишками въ пестрыхъ рубашенкахъ. Дѣтскія рожицы разурмянились. Сверкали дѣтскіе быстрые глазенки, развязались языки и зазвенѣли веселые голоса.

Елку повалили.

— И мнѣ! и мнѣ!—раздавалось кругомъ, и мигомъ дерево было опустошено.

Лизочка подпрыгивала на рукахъ у отца и тянулась къ блестящей звѣздѣ. Иванъ Николаевичъ отцѣпилъ ее и отдалъ дочкѣ.

— Отчего ей, а не мнѣ, —заревѣлъ Михалка.

— Ишь, баловень, ишь озорной!—дернулъ его Евграфъ.

Но Зося погладила его по бѣлобрысой шершавой головѣ и сказала:

— Она маленькая, ей все можно!

Лизочка тутъ же разорвала блестящую игрушку, и Михалка запомнилъ на всю жизнь, что барышнѣ все можно, даже звѣзды рвать.

Пришелъ январь. Въ Колычевѣ на святкахъ перебивали всѣ сосѣди, но теперь вновь текла мирная размѣренная жизнь. Зося была поглощена двумя интересами,—Зузей, крѣпкой, весело болтавшей ноженками, здоровой дѣвочкой и сильно измѣнчившимся и похудѣвшимъ послѣ болѣзни мужемъ.

Отъ ушибовъ Иванъ Николаевичъ вполне вылечился, но Игнатій Львовичъ былъ имъ далеко недоволенъ и постоянно твердилъ: «Безъ теплыхъ водъ вамъ не обойтись. Припасайте деньжонокъ. Какъ ни отговаривайтесь, а за рубежъ ѣхать придется. Потому ни Старая Русса, ни Липецкъ, ни Кавказъ—не то, и толку отъ нихъ при ихъ неустойствѣ мало».

Колычеву почему-то этотъ разъ особенно не улыбалась мысль ѣхать за границу. Такъ хорошо было въ Россіи, жилое прошлое лѣто въ Колычевѣ отлично, и онъ мечталъ, отбывъ гдѣ-нибудь леченіе въ родныхъ предѣлахъ, вернуться на отдыхъ въ вотчину.

— Поживемъ—увидимъ!—отвѣчалъ онъ.

А тѣмъ временемъ въ Польшѣ уже разыгралась первая ставка въ войну.

Еще вечеромъ 10 января паны помѣщики распивали венгерское съ квартировавшими по сосѣдству офицерами и, подливая имъ въ стаканы стараго венгрина, беззаботно распѣвали:

Полякъ, венгеръ—два братанки
 Такъ до сабли, якъ до склянки,
 Обай тендзи, обай жвави,
 Нэхъ имъ панъ Бугъ благусливи.

А на утро 11-го банды косиньеровъ подъ предводительствомъ ихъ пріятелей предательски напали на собутыльниковъ, и солдатики, наши сѣрые солдатки бросались въ рукопашную, растаскивали сложенные дрова и солому для готовыхъ костровъ вокругъ дома, гдѣ были заперты ихъ начальники, и выручали ихъ.

Въ пятнадцати мѣстахъ поляки бросились разомъ на русскихъ и вездѣ нѣсколько выстрѣловъ разсѣивали ихъ шайки, вооруженныя косами и привязанными къ древкамъ отточенными ножами. Но за этими первыми возникали новыя банды. Онѣ росли, какъ грибы, въ лѣсу, и мятежъ разгорался, охватывая своимъ заражающимъ угаромъ все болѣе широкія области.

Въ Колычевѣ объ этомъ слегка поговорили и замолчали.

Жизнь шла ровню, и мятежъ казался за тридевять земель.

Крестьяне готовили къ веснѣ сохи и скороды, бабы пряли свою пряжу и ткали холсты, ребята занимались, какъ умѣли, то катаясь на салазкахъ, то ѣздя въ лѣсъ за дровами, то слушая рассказы стариковъ о старыхъ временахъ,—объ Арсеніи Михайловичѣ и постройкѣ виллы, объ Ерусалимѣ градѣ и святой Пятницѣ и объ «Успенѣ Богородицѣ», т. е. объ образѣ Успенья Пресвятой Богородицы.

Въ усадьбѣ тоже чередовались завтраки, обѣды и ужины, и Иванъ Николаевичъ сидѣлъ въ кабинетѣ и обсуждалъ съ тестемъ новые каталоги машинъ, присланные изъ Бельгіи и Америки, а Зося тутъ же прилежно вышивала бѣлое платице Лизочки и вырѣзывала маленькими ножницами все новые листики и цвѣточки.

Зимнее солнце играло на снѣжныхъ полянкахъ между осыпанными иеемъ, подрѣзанными кустами боярышника во французскомъ саду и блестяло на этихъ почти игрушечныхъ ножницахъ и на рамахъ старыхъ портретовъ, перенесенныхъ, наконецъ, съ чердака на зеленыя бархатистыя стѣны кабинета. Предки въ мундирахъ и жабо и прабабушки въ фижамахъ и пудрѣ благосклонно улыбались дружной парѣ новыхъ Колычевыхъ и ихъ семейному прочному счастью.

X.

А въ гостиной др вней древнею иконою
 Мать благословляетъ сын на войну:
 «Ты, чей Сынъ въ мученьяхъ умеръ пригво-
 Вся моя надежда на Тебя одну! [жденный,
 Своего ввѣрю я Твоей защитѣ.
 Будь ему заступой Ты въ лихіе дни!
 Пули, пули вражья, сына пощадите...
 Дѣва Пресвятая сына мнѣ верни»...

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

Далеко, далеко тотъ же лучъ солнца игралъ тоже на древнихъ портретахъ въ такой же древней вотчинѣ и золотилъ тяжелыя латы и шлемы разставленныхъ по угламъ залы рыцарей въ доспѣхахъ давно умершихъ графовъ Запольскихъ.

Огнемъ горѣли львиныя головы на оплечьяхъ кольчуги первого графа Казимира, дѣлившаго всѣ трудности походовъ по литовскимъ и поморскимъ лѣсамъ и болотамъ съ княземъ Конрадомъ Мазовецкимъ. Изъ выцвѣтшей бронзовой рамы смотрѣлъ славный родоначальникъ на свое старое трехпудовое вооруженіе, на узорные набедренники съ тѣми же львиными головами и на желѣзныя рукавицы, сжимавшія острый бердышь. Онъ словно вновь пересчитывалъ всѣ царапины и выбоины, оставшіяся на чешуйкахъ отъ ударовъ лютыхъ меченосцевъ...

Дальше, въ опушенномъ бобрами плащѣ, съ алмазной пряжкой и бѣлымъ султаномъ на высокой медвѣжьей шапкѣ улыбался жизнерадостный Войцѣхъ, кормившій всякаго, кто стучался въ ворота гостепріимнаго замка съ двумя башнями. Будь то магнатъ ли, шляхтичъ, ксендзъ или простой хлопьъ въ сермяжной свитѣ—ворота были отперты для каждаго, кто вѣровалъ въ пана Бога и говорилъ на родномъ польскомъ нарѣчій...

Гордо сверкали темныя очи изъ-подъ нахмуренныхъ бровей графа Пшебыслава, сподвижника короля Сигизмунда... Такъ же сверкали они и подъ Смоленскомъ и подъ Москвою, отдавая приказанія не щадить ненавистныхъ враговъ...

А рядомъ не менѣ славный графъ Богданъ опирался на ятаганъ, отнятый у янычара, когда, по слову Яна Собѣскаго, оборвавшееся въ походѣ храброе польское войско саблями раздобывало себѣ новые кунтуши и шаровары и дамасскіе клинки и ружья съ насѣчками, снимая ихъ съ уложенныхъ въ битвахъ подъ Вѣной турецкихъ солдатъ.

Это была цѣлая галерея благородныхъ лицъ, то суровыхъ отъ рубцовъ и шрамовъ, то задорно улыбающихся подъ сѣдыми и черными пушистыми усами, вплоть до послѣдняго красавца, графа Іосифа, отца Олеси и Стася, въ высокомъ галстукѣ и коричневомъ сюртукѣ съ буфами на плечахъ. Онъ не держалъ ни бер-

дыша, ни ятагана. Его длинные, точеные пальцы, выходявшіе изъ оборокъ маншеты, словно вертѣли золотую табакерку. Этотъ Иосифъ Запольскій былъ другомъ графа Андрея Замойскаго, и его подвиги были мирнаго характера,—дѣтямъ и вдовѣ онъ оставилъ старое Заполье въ блестящемъ состояніи. Недаромъ Олеся считалась выгодной партіей.

По каменнымъ плитамъ забрядали шпоры. Въ залу вошелъ Стась. Предки любовными взорами встрѣтили и проводили потомка. Каждый въ этомъ красивомъ лицѣ находилъ свои черты. Отъ одного онъ взялъ орлиный профиль, отъ другого темныя очи, отъ третьяго сводившія съ ума женщины румяныя уста... И только Войцѣхъ презрительно и гордо глядѣлъ на пуговицы его уланскаго мундира съ ненавистнымъ и столь знакомымъ ему двуглавымъ орломъ, а въ углу доспѣхи родоначальника тихо зазвенѣли, словно напоминая о своей готовности замѣнить этотъ синій мундиръ и послужить для новыхъ боевыхъ подвиговъ.

Солнечный лучъ сбѣжалъ съ послѣдняго портрета и, выскользнувъ въ окно, перекинулся на сѣрыя стѣны, на башни, гдѣ когда-то гордо развѣвался польскій флагъ, а теперь торчали прошлогоднія запорошенныя снѣгомъ гнѣзда вѣрныхъ аистовъ, гостившихъ зимою въ Египтѣ, и, позолотивъ старую солому и хворостъ, затеплился на верхушкахъ подымавшейся въ гору еловой аллеи. Точно гигантскіе капюшны, безконечной процессіей выстроились попарно остроконечныя, темныя деревья по дорогѣ къ каплицѣ и, дойдя до надгробныхъ окружавшихъ ее камней, вдругъ остановились полукругомъ. На зеленыхъ иглахъ, словно на чьихъ-то длинныхъ рѣсницахъ, блестѣли застывшія алмазныя искры нинистыхъ слезъ. О чемъ вы плачете, старыя ели?...

Миновавъ весь рядъ парадныхъ покоевъ, Стась постучался въ двери крайней угловой комнаты и тихонько перекрестился...

Въ уютной натопленной комнатѣ у окна сидѣла въ креслѣ старая графиня. Она вязала цвѣтной шарфъ изъ грубой шерсти для бѣднаго, пока неизвѣстнаго ей человѣка, котораго наградить произведеніемъ ея аристократическихъ рукъ ксендзъ по своему выбору.

Увидѣвъ сына, она отложила вязанье и указала ему на кресло противъ себя.

— Ты не можешь представить себѣ, дорогой мой, какъ я рада была твоему внезапному приѣзду!

Сынъ взялъ ея руку и прижался къ ней губами.

— И я тоже, милая мама! Тѣмъ болѣе грустно мнѣ, что только что пришло письмо, по которому мнѣ немедленно приходится ѣхать.

— Куда же?

— Въ городъ, меня требуютъ къ воинскому начальнику.

Онъ снова поцѣловалъ ей эту милую ласковую руку и вдругъ неустержимымъ порывомъ сталъ на колѣни и прижался къ ней.

— Мамо! моя мамо!

— Что съ тобой? что съ тобой?—встревоженная графиня опустила руку на его завитую мелкими кудрями голову и откинула ее назадъ. Она залюбовалась на его взволнованное, обыкновенно спокойное и невыразительное лицо, на дивніе, каріе, такъ грустно глядѣвшіе въ эту минуту глаза.

— Что съ тобой? куда идешь ты?

— Мнѣ надо ѣхать, а здѣсь такъ хорошо съ тобою!

— Но ты же вернешься? чего ты такъ разстроены?

— Да, я вернусь... Ты будешь ждать меня?

— Конечно... Отчего ты такой странный? Что съ тобой, Стась? Развѣ этотъ вызовъ къ воинскому начальнику грозитъ непріятностью тебѣ? Ты не могъ же просрочить отпускъ изъ полка,—еще нѣтъ и трехъ недѣль, какъ ты въ Запольѣ.

— Нѣтъ, но меня все-таки требуютъ въ полкъ.

И онъ подаль ей казенный пакетъ.

Графиня поблѣднѣла.

— Ахъ, не надо! не давай мнѣ этой гадкой бумаги, которая пришла отнять тебя отъ меня... Я знаю, въ чемъ дѣло...

О вспышкахъ возстанія знали въ Запольѣ, дремавшемъ, какъ и русское Кольчево, подъ снѣжнымъ покровомъ среди черныхъ лѣсовъ. Кругомъ бродили какіе-то подозрительные люди, и двое забрели на панскій дворъ вчера подъ вечеръ. Стась выходилъ и бесѣдовалъ съ ними. Утромъ сегодня привезли съ почты пакетъ съ печатью, и Стась заперся у себя и самъ уложилъ свой походный чемоданъ.

— Ты берешь Левчука съ собою? Или прислать его слѣдомъ съ твоими вещами?

— Мнѣ надо ѣхать сейчасъ же. Пусть онъ проводитъ меня въ бричкѣ, я ѣду верхомъ. Нужна запасная лошадь, и я, мамо, беру Слетну.

Графиня пытливо взглянула на сына.

— Стась, это война?.. Отвѣть мнѣ!

— Какая война!

— Будутъ стрѣлять въ этихъ людей... въ повстанцевъ?

Стась опустилъ голову и вдругъ откинуть ее съ преобразившимъ его чудное лицо гордымъ взглядомъ.

— Я полякъ и въ своихъ стрѣлять не стану. Прощай, мамо! не волнуйся, я пришлю тебѣ вѣсточку!

Она еще разъ прижала его къ себѣ, его—своего первенца, бывшего еще такъ недавно крошкой Стасикомъ, кого любила она наравнѣ съ самимъ паномъ Богомъ... Снявъ съ себя образокъ Чеп-стоховской Божьей Матери на золотой цѣпочкѣ, она хотѣла надѣть его черезъ кудрявую голову сыну, но цѣпочка зацупталась въ этихъ густыхъ волосахъ. Стась нетерпѣливо дернулъ ее и вырвалъ нѣсколько волосковъ.

— Дай ихъ мнѣ!—мать намотала ихъ колечкомъ на палецъ и спрятала въ свой медальонъ...

Левчукъ былъ пораженъ, когда графъ велѣлъ ему свернуть съ почтоваго тракта въ городъ налѣво, на проселочную дорогу.

— Ты проводишь меня, но дома ты ни слова не скажешь, куда. Понялъ!

— Чи панъ графъ не возьметъ меня съ собою?

— Нѣтъ, ты вернешься въ Заполье. Я напишу, если ты мнѣ понадобишься.

Левчукъ искоса посмотрѣлъ на пана.

Погода измѣнилась. Солнце скрылось въ темныхъ тучахъ. Повѣяло оттепелью, и съ неба сѣяла изморось. Слетна легко ступала по скользкой намокавшей колеѣ, и комья рыхлаго снѣга ударялись въ дорожную чамарку и налипали на ея свисавшихъ полахъ. Но Стась не замѣчалъ этого.

— А кто же будетъ служить пану графу?

— Пришлють денщика.

— А!..

Оба замолчали.

Левчукъ хитро усмѣхнулся подъ сивыми усами...

— Чи пану графу слово молвить можно?

— Говори!

— Я тоже служить буду, потому я, пане ясновельможный, вѣдаю, куда панъ графъ путь держать!

Стась остановилъ лошадь.

— Что ты вѣдаешь?

Панъ ѣдетъ до довудцовъ въ сосѣдній уѣздъ. Доброе дѣло! Храни его панъ Бугъ!

— Съ чего ты взялъ!

— Мы съ тѣми двумя, что къ намъ вчера на дворъ приходили, у Янкеля въ корчмѣ по три куфеля пива распили; они и меня съ собою звали. Да я не зналъ тогда, что панъ графъ сегодня поѣдетъ въ ихъ станъ, и сказалъ: безъ ясновельможнаго пана никуда не пойду... А дѣло хорошее, доброе, святое дѣло!..

— И все-таки я не возьму тебя съ собою. Ты вернешься въ Заполье и будешь до поры до времени держать языкъ за зубами...

Когда они приѣхали въ сосѣдній уѣздный городъ, вѣрнѣе, въ носившее это званіе захолустное, мѣстечко, сплошь, заселенное свреями, и остановились въ гостиницѣ «Парижъ», содержимой Борухомъ Шмацекомъ, было уже десять часовъ вечера. Выскочившій на стукъ хозяинъ, въ грязномъ лапсердакѣ, низко кланяясь и присѣдая хлопнуть себя руками по колѣнямъ и возопилъ:

— И куда же я номѣщу такого ясновельможнаго пана! У меня все полно, какъ тараканами за печкой... И сколько пановъ наѣхало и куда я лошадь дѣну!

— Не вои, жидовская морда!—рыкнулъ Левчук.—Для такого знатнаго пана графа не может не найтись у тебя мѣста. Ну, живо! поворачивайся...

Борухъ еще разъ хлопнулъ себя по колѣнямъ и впринпрыжку зашлепалъ туфлями по лѣстницѣ. Черезъ полчаса его супруга Ривка уже храпѣла въ какомъ-то хлѣвѣ, а Стась располагался на ночлегъ въ ихъ супружеской спальнѣ. Было душно, тѣсно и грязно, но на душѣ у молодого графа было свѣтло и радостно.

Въ окна свѣтили золотыя звѣзды и сплетались на бархатномъ небѣ въ волшебное лучезарное слово: «ойчизна!» А тамъ вдали изъ-за вершины зубчатаго лѣса вставало бѣлое, озаренное скрытымъ за нимъ мѣсяцемъ облако и какъ орель расправляло могучія крылья...

Бѣлый польскій орель, который скоро взовьется надъ родными полями, и мудрая Висла отразить его въ своихъ освобожденныхъ отъ захватнаго ярма волнахъ.

И сладко сомкнулись карія очи, и заснулъ Стась, убаюканный славными мечтами, напѣвавшими ему чудныя пѣсни...

А въ Колычевѣ Зося пѣла у колыбели:

«Пататай, пататай! Поѣдзѣмы въ чудный край...»

Почему-то и ей пришлась сегодня пѣсня про мудрую, бесѣдную съ Богомъ на равнинѣ Вислу больше по душѣ, чѣмъ все другія.

На утро, когда Стась шель по коридору въ грязную общую столовую, открылась одна изъ боковыхъ дверей, и изъ номера вышелъ очень юный и очень стройный повстанецъ въ сѣрой чамаркѣ, обшитой черными смушками, и съ саблей за наборнымъ поясомъ. Стась остановился. Юноша взялъ подъ козырекъ, приложивъ пальцы къ опушкѣ бѣлой конфедератки.

— Панна Элиза!—вырвалось у Стася.

Юноша весело улыбнулся и отвѣтилъ дѣланнымъ баскомъ:

— Панъ обознался. Я шляхтичъ Францишекъ Давидовичъ изъ Россіенъ... и прошелъ мимо.

XI.

Черезъ кружево гардины
Лучъ волшебный засверкалъ.
Протянулись отъ зеркаль
Нити странной паутины.
Жутко шелкаетъ паркетъ.
Тихо двигаются кресла.
Жизнь минувшихъ дней воскресла:
Шелестъ... шорохъ... тѣни... свѣтъ...

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

Пришло и 19 февраля 1863 года, когда спали послѣднія звенья крѣпостныхъ цѣпей, связывавшія помѣщика съ мужикомъ обусловленнымъ въ положеніи барщиннымъ двухлѣтнимъ договоромъ.

Въ колычевской церкви Іоанна Вонна отслужили молебенъ, а послѣ службы у больницы собрали сходъ. Иванъ Николаевичъ

проходя случайно мимо, услышала слово «жидоморы». Не относя его къ себѣ, онъ не обратилъ на него вниманіе, но оно именно отнеслось къ нему.

Крестьяне были сильно разочарованы и находили надѣлы хотя и удобными, но все-таки скупыми.

— Вотъ,—ворчалъ Пахомъ, первый провозгласившій когда-то Колычева соколомъ,—говорили щедрый баринъ, добрый... а себѣ-то отхватилъ три четверти земли, а намъ удѣлили что ни на есть тощину одну. Ковырай, не ковырай, когда что съ нея соберешь.

— Извѣстно, мужицкая земля!—возражалъ Кузьма Рыжій, считая долгомъ заступиться за барина, у котораго какъ сыръ въ маслѣ каталась его сноха Пашутка въ нарядныхъ кокошникахъ и шугаяхъ, нянча барышню.

— А все панъ твой!—припомнилъ ему свою лошадиную обиду Агаонъ.

— Вѣстимо, вѣстимо!—подхватили другіе.—Пока панъ къ ему въ тестя не попадалъ,—баринъ нашъ былъ, а теперь, не бойсь, тоже польскую руку тянеть, потому тотъ для своихъ внучать теперь старается, чтобы имъ, значить, побольше досталось...

— Чего больше, за нашу же землю выкупъ требуетъ! Не женись онъ на панской дочкѣ, сталъ бы онъ этими деньгами мужицкими марагаться! Съ жидоморомъ породнился и самъ поневолѣ жидоморомъ сталъ.

До послѣдней минуты крестьяне надѣялись, что Колычевъ откажется отъ выкупныхъ денегъ. Въ душѣ Ивана Николаевича шевелилась та же мысль, онъ готовъ былъ принести эту жертву, но, къ несчастью для мужиковъ, посоветовался съ тестемъ.

Панъ Романъ только спросилъ его, имѣетъ ли онъ, во-первыхъ, нравственное право бросать на вѣтеръ такую сумму, а во-вторыхъ,—заручился ли согласіемъ Сотова, который въ сущности является довѣрителемъ Александры Николаевны?

На свой запросъ въ Петербургъ Колычевъ получилъ отъ зятя письмо на четырехъ страницахъ, гдѣ сановникъ писалъ между прочимъ:

«Не имѣя впередъ увѣренности, что при новомъ направленіи сельскаго хозяйства и могущихъ и даже долженствующихъ произойти вслѣдствіе сего значительныхъ, или, вѣрнѣе, коренныхъ въ ономъ измѣненіяхъ, такъ какъ 1) уничтожается даровой трудъ, конемъ помѣщики привыкли пользоваться въ теченіе вѣковъ; 2) сократится и безъ дарственныхъ записей количество земли наследственныхъ угодій; 3) вздорожаетъ, судя по заграничнымъ прецедентамъ, жизнь двое, или, при неблагопріятномъ, имѣющемъ на то всѣ основанія оборотѣ дѣль, втрое,—я, являясь довѣрителемъ, естественнымъ передъ закономъ отвѣтчикомъ и совѣтчикомъ жены моею, не вижу себя въ правѣ направлять ея рѣшеніе по сему грозя-

щему умаленіемъ ея нынѣшняго благосостоянія пути, который приведетъ неминуемо къ непредвидѣннымъ въ настоящую минуту осложненіямъ и сократитъ свободный капиталъ, необходимый въ сіе важное и критическое для всякаго разумнаго и осторожнаго хозяина время, когда каждая наличная копейка можетъ сберечь не одинъ десятокъ рублей, и потому, находя, что подобное предложеніе является по меньшей мѣрѣ легковѣснымъ, а самое подчиненіе дворянства объявленной въ манифестѣ высочайшей волѣ достаточноымъ и вѣскимъ доказательствомъ вѣрнопоподанническихъ чувствъ и готовности служить на пользу родины и блага человѣчества, считаю всѣ превышающія щедростью указанія и инструкціи положенія и обременительныя для связанныхъ общими интересами совладѣтелей уступки не только сантиментальными, но, съ точки зрѣнія грядущихъ между обоими слоями русскаго народа взаимоотношеній даже вредными».

Дочитавъ, наконецъ, до точки, Иванъ Николаевичъ плюнулъ.

— Тыфу! Гдѣ это эти чернильныя души такому слогу учатся?— спросилъ онъ Игнатія Львовича, сидѣвшаго съ душистой сигарой послѣ завтрака въ обюссоновой столовой.

Мрачный докторъ поглядѣлъ поверхъ очковъ, выпустилъ кольцо дыма и отвѣтилъ:

— Что жъ! это тоже своего рода искусство и требуетъ виртуозности, а потому поневолѣ втягиваетъ и увлекаетъ. Кромѣ того, какъ и не сгибавшіяся отъ тяжести, усѣянныя драгоценностями, парчевыя парадныя одѣянія византійскихъ ничтожествъ, величавшихъ себя императорами,—не только придаетъ важность и подобіе величія въ глазахъ простыхъ смертныхъ самымъ мелкимъ и незначительнымъ фигурамъ, но по своей уродливости обладаетъ и несомнѣнной заразительностью, о чемъ вы можете судить по сему моему возраженію. Уфъ!.. едва не задохся...

Кольчевъ и Зося весело расхохотались.

— Да, но мнѣ все-таки ужасно досадно, что Сашенька не имѣетъ голоса. Она по добротѣ своей, навѣрно, съ удовольствіемъ согласилась бы на мое предложеніе.

— Ну, знаете! Не раздѣляя вкуса вашего сановнаго beau-frère къ византійскому впитіеству, я нахожу, что не къ чему сантиментальничать. Теперь вы богаты, но, дѣйствительно, какъ пойдетъ при новыхъ условіяхъ хозяйство, впередъ сказать невозможно. Поэтому нѣсколько неосторожно отказываться отъ выкупныхъ денегъ. Повѣрьте, сумма, приходящаяся на cadaго отдѣльнаго мужика, вовсе ужъ не такъ велика, а разсрочка платежа на сорокъ девять съ половиной лѣтъ для всякаго благоразумнаго хозяина ничуть не разорительна. Лѣвтяи и лежебоки всегда будутъ недовольны. Вамъ же эти деньги никогда лишними оказаться не могутъ и совѣсть вашу тяготить не смѣютъ.

Такъ эта мысль о даровыхъ надѣлахъ колычевскихъ крестьянъ и не осуществилась...

...Хотя Иванъ Николаевичъ и поправился, но силы его возстановлялись очень медленно, да и въ правомъ боку чувствовалась съ недавняго времени какая-то тупая боль. Игнатій Львовичъ, осматривая его въ послѣдній разъ, нащупалъ опухоль.

Сдвинувъ свое многотупное чело въ глубокія складки, онъ промычалъ:

— Гм... неладно! Вамъ, батенька, до заграницы съ нашими свѣтилами въ Москвѣ или въ Петербургѣ посоветоваться слѣдуетъ... Лучше всего обратитесь-ка къ Николаю Ивановичу Пирогову, онъ тутъ нужнѣе всего!

— Операція?

— Операція не операція, а захватить не мѣшаетъ. Это гидронефрозъ. Этимъ не шутите.

Но пока ни о какой-дальней поѣздкѣ и думать нечего было. Дороги стояли размытыя. Даже почта запаздывала, и Степанъ дежурилъ на станціи, дожидаясь по цѣлымъ суткамъ очередныхъ газетъ. А онѣ приносили съ каждымъ днемъ все больше извѣстій изъ взбунтовавшейся Рѣчи Посполитой.

Мятежъ разрастался. Изъ Варшавы приходили тревожные слухи о броженіи во всѣхъ слояхъ общества, облеченнаго въ глубокій трауръ. Дамы поголовно носили платья, обшитыя плерезами. Даже дѣти являлись на прогулку въ Саксонскій садъ съ обвитыми черной полоской по бѣлому обручами, и въ окнахъ модныхъ магазиновъ, вмѣсто яркихъ весеннихъ цвѣтовъ, красовались черныя лиліи съ бѣлыми тычинками, сѣрыя розы и астры и бѣлыя съ чернымъ Иванъ да Марья.

Зоя газетъ не читала, но панъ Романъ все чаще запирался въ конторѣ и вручалъ Степану толстые пакеты. Онъ ждалъ тоже дороги, чтобы ѣхать въ Горки, куда вызывалъ его уже второй годъ работавшій на лѣсопилкѣ техникъ Карновичъ, полудитвинъ-полупѣмецъ, человекъ надежный и обстоятельный, но толку отъ этой обстоятельности было мало. Дѣло не налаживалось. Дубовыя и липовыя доски лежали въ штабеляхъ подъ номерами, не находя сбыта. Нужно было заручиться заказами, а ихъ неоткуда было брать. Въ губерніи это былъ первый опытъ. Помѣщики и крестьяне обходились по старинкѣ пилою и рубанкомъ, находя такъ проще, чѣмъ посылать за много верстъ за готовымъ уже матерьяломъ. Но панъ Романъ не унывалъ и отъ своей идеи не отказывался. Онъ напечаталъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ объявленіе и ждалъ отъ него успѣха. И все-таки съ прекращеніемъ дарового труда сердце его билось все тревожнѣе. Въ ржондѣ народный онъ послалъ уже не одну тысячу, а оттуда приходили все новыя требованія, да и на хозяйство шло столько денегъ, какъ некогда до этихъ поръ.

Кромѣ того, и Валекъ затѣялъ одно весьма рискованное предприятие, которое требовало большихъ затратъ. Идею подалъ ему панъ Романъ еще до свадьбы дочери. Теперь онъ видѣлъ, что выполнение ея принесетъ существенную пользу повстанію. Это была закупка здѣсь же въ центрѣ притѣснительницы-Россіи пороха, патроновъ и оружія до кося включительно, которые обходными путями слѣдовало доставить въ Польшу. Никому не могло прійти въ голову, что наши заводы будутъ работать на бунтующихъ поляковъ, но панъ Валекъ подъ вымышленными именами собирался выписывать ихъ на разныя станціи, чтобы, сложивъ гдѣ-нибудь, переправить потомъ на лошадяхъ цѣлой партіей въ надежныя руки, которыя, въ свою очередь, передадутъ ихъ въ другія, и такимъ образомъ черезъ цѣлую цѣнь отправителей и получателей вещи дойдутъ до цѣли.

Панъ Романъ, какъ ни трудно было, далъ денегъ, и Валекъ началъ писать требованія. Онъ ждалъ отъѣзда Софронова, думая устроить складъ въ Новомъ, но Данила Данилычъ ни малѣйшихъ намѣреній ѣхать куда-нибудь не высказывалъ, а время шло.

Когда выяснилось, что къ Пасхѣ Кольчевы собираются въ Москву и дальше, Домбровскийъ сталъ убѣждать Романа устроить этотъ складъ польскаго оружія въ Кольчевѣ.

— Пусть панъ подумаетъ, какъ все выходитъ складно. Панъ собирается строить мельницу, выписываетъ части изъ-за границы. Мы складываемъ ящики въ нарочно приспособленный сарай, а потомъ, убѣдившись, что перепутали на тамождѣ и доставили намъ не наши заказы, отправляемъ ихъ какъ будто обратно. У кого какія могутъ возникнуть подозрѣнія?

— Да, все это отлично, даже, можетъ быть, и весьма остроумно, но я все же предпочелъ бы не имѣть пороха въ Кольчевѣ. Мало ли какая случайность, и мы все взлетимъ. Я буду все время чувствовать себя какъ на Везувіи.

— Полно, панъ! Волка бояться—въ лѣсъ не ходить. А я ужъ и ржондъ предупредилъ. Когда ѣдутъ ваши?

— Да скоро.

Кольчевы тронулись въ концѣ Вербной. Когда Иванъ Николаевичъ написалъ сестрѣ о своемъ самочувствіи, Сашенька тотчасъ отвѣтила, что останавливаться въ Москвѣ надолго нечего,—передохнуть день послѣ почтовыхъ, а потомъ сразу ѣхать въ Петербургъ, гдѣ она отведетъ имъ цѣлыя пять комнатъ въ своей обширной казенной квартирѣ, и они могутъ расположиться со всеміи удобствами, а Иванъ Николаевичъ будетъ лечиться у лучшихъ докторовъ. Александра Николаевна впередъ радовалась ихъ приѣзду и знакомству съ крестницей, питая уже теперь до свиданія съ ней самыя нѣжныя чувства къ младшей представительницѣ славнаго рода.

Наканунѣ отъѣзда Колычевъ обнялъ Зою, усадилъ ее съ собою на кушетку, на которой, по совѣту доктора, проводилъ большую часть дня, и сказалъ:

— Ты помнишь, мой другъ, нашъ самый непріятный разговоръ въ Веве?

Зоя кивнула.

— Да, помню!

— Не сердись же на меня, если теперь я опять попрошу тебя о томъ же.

— То есть?

— Никогда не поднимать ни въ моемъ, ни въ Семена Михайловича присутствіи политическихъ разговоровъ. Его я попрошу тоже и знаю, что хотя онъ человѣкъ крайностей, но добрый и джентльменъ по воспитанію, и ты можешь быть спокойна, — твои національныя чувства не будутъ ничѣмъ задѣты...

Прибывъ въ столицу, Колычевы нашли на дебаркадерѣ одну Сашеньку. Несмотря на Страстной вторникъ, Семень Михайловичъ былъ на неотложномъ засѣданіи весьма важной комиссіи, и Александра Николаевна завезла его въ присутствіе, а сама съ курьеромъ на козлахъ отправилась встрѣчать брата.

Невѣстки обнялись сердечно по-старому. Сашенька не могла налюбоваться на толстушку Лизочку, которая въ свои десять мѣсяцевъ сама дорогой отстала отъ мамки, и Прасковья ѣхала уже въ качествѣ няни и, не рѣшаясь довѣрить свою питомицу никому другому, соглашалась впередъ сопровождать Колычевыхъ за границу.

Видъ постарѣвшаго и осунувшагося брата кольнулъ въ сердце сестру, но она не подала и вида и весело сказала:

— И не грѣхъ тебѣ было пугать меня? Пишешь, что едва двигаешься, а самъ смотришь такимъ молодцомъ!

Иванъ Николаевичъ усмѣхнулся и сразу подбодрился.

— Молодцомъ смотрю, а онухоль не проходитъ.

— Ничего, наши эскулапы тебя вылечатъ. Какой опять-таки умница вашъ Игнатій Львовичъ, что прислалъ тебя сюда!

Зоя вздохнула. Она съ любопытствомъ смотрѣла въ окна кареты и читала вывѣски на Невскомъ.

— Какъ странно! — сказала она: — все почти иностранныя имена, и если бы не русскія буквы, можно было бы подумать, что мы за границей. Что это за церковь?

— Армянская!

— А это?

— Костель Св. Екатерины!

Зоя перекрестилась.

— На Невскомъ! на главной улицѣ!.. А это?

— Казанскій соборъ, а дальше Петронавловская лютеранская и голландская...

— Сколько у васъ иностранныхъ церквей!

Карета дважды повернула направо и остановилась у высокаго дома. Изъ внушительнаго подъѣзда вышелъ внушительный швейцарь. По широкой, устланной коврами лѣстницѣ генеральша съ гостями поднялась въ бельэтажъ.

Огромные покои были уставлены бархатной и штофной мебелью. На Зосю они пахнули тѣмъ совершенно особеннымъ чувствомъ, которое невольно заставляетъ смягчать голосъ и умѣрять движенья. Точно тамъ даже въ отсутствіе людей пребываетъ молчаливое величіе, и всѣ эти тяжелые диваны и кресла обдумываютъ съ важностью каждое сказанное при нихъ слово, а высокія зеркала гдѣ-то внутри себя въ стеклѣ хранятъ отраженныя ими фигуры. И когда ночью сквозь узорныя гардины блещетъ въ такихъ покояхъ блѣдными лучами мѣсяцъ,—паркетъ трещитъ и щелкаетъ, словно подъ чьими-то невидимыми шагами, и все громче тикаетъ маятникъ въ фигурныхъ бронзовыхъ часахъ подъ стекляннымъ колпакомъ. Это ходитъ Время и спрашиваетъ: вы слышали? вы запомнили?—И въ отвѣтъ тихо-тихо шелестятъ портьеры и гардины, незамѣтно двигаются кресла, и зеркала бросаютъ на лощеный полъ странные отблески, въ которыхъ опытный глазъ ясновидца можетъ различить игру физиономій каждаго даже случайнаго посѣтителя...

Эти старыя, массивныя вещи часто слышатъ, какъ люди передаютъ другъ другу исторіи о лицахъ, память которыхъ онѣ хранятъ, но не дано имъ судьбою возможности крикнуть:—Вы заблуждаетесь! Это вовсе не такъ происходило, а вотъ какъ...—Поэтому многое, многое истолковывается совершенно обратно-противоположно истинѣ, и люди повторяютъ чужую ложь, вѣруя въ нее, какъ въ пророчества святыхъ...

Въ отведенныхъ Колычевымъ комнатахъ ихъ встрѣтила Кирилловна, бывшая крѣпостная изъ Горокъ, со времени замужества Сашеньки не разлучавшаяся съ барыней. Къ ручкѣ Зоси и къ плечу Ивана Николаевича она не подошла, но Лизочку приняла съ рукъ Прасковьи, и дѣвочка сразу довѣрчиво ей улыбнулась.

Кирилловна, еще не старая, пятидесятилѣтняя женщина, черненькая, маленькая, худенькая, но сморщенная, какъ печеное яблоко, ходила, или, вѣрнѣе, носилась неслышно по генеральскимъ покоемъ и держала всю челядь огромнаго барскаго дома въ своихъ неподкупныхъ и честныхъ рукахъ. Это была та скрытая шестерня, которая неутомимой работой и безпредѣльной преданностью господамъ двигала сложный механизмъ и въ отсутствіе вдругъ зашнуровавшаго какъ на зло передъ зваными, официальнымъ обѣдомъ повара засучивала рукава и рубила, и жарила, и пекла на кухнѣ, и никто изъ важныхъ гостей не подозревалъ, что котлеты марешаль или пломбиръ подъ золотистой сѣткой жженого сахара произведеніе не поварскихъ рукъ. Она же разливала чай и, вдругъ слышавъ голосъ Семена

Михайловича, сердившагося на камердинера за смятый галстукъ или жилетку, необходимую для торжественнаго засѣданія, уже стучалась въ уборную и просовывала руку: «Пожалуйте, я сію минуточку подглажу». Цѣлый день до глубокой ночи раздавалось: «Спроси у Кирилловны! Скажи Кирилловнѣ! Позови Кирилловну...»

Съ прїѣздомъ Колычевыхъ искать и звать Кирилловну приходилось изъ дѣтской. Она нянчила Лизочку и подбоченясь танцевала передъ нею, когда ребенокъ капризничалъ и оглашалъ неистовымъ ревомъ казенныя, холодныя стѣны.

Когда Зося увидѣла ее, ей стало тоже теплѣе на душѣ. Она охотно приняла ея услуги и въ первый разъ по замужествѣ обошлась безъ Марѳуши, которая вдругъ въ Москвѣ объявила, что выходитъ замужъ, и осталась въ Первопрестольной у жениха, приказчика того магазина модъ и новостей, на который работала ея бывшая хозяйка мадамъ Луиза.

Зося была этимъ обстоятельствомъ страшно раздосадована, но Кирилловна обѣщала ей найти камеристку еще лучше.

— Погодите, матушка,—у генеральши Мокряной французенку отпускають; онѣ въ деревню собираются, а та за границу ѣхать хотѣла, съ тѣмъ и занималась. Я ужю вечеркомъ слетаю.

И Зося пришла опять въ благодушное настроеніе и, переодѣваясь и причесываясь, болтала весело съ мужемъ и Сашенькой...

...Если бы тѣ массивныя, обитыя малиновымъ трипомъ кресла краснаго дерева, на которыхъ засѣдала въ Страстной вторникъ 1863 года экстренная комиссія съ Семеномъ Михайловичемъ во главѣ, могли заговорить передъ тѣмъ, какъ ихъ продали впоследствии на аукціонѣ при новомъ министрѣ, они бы рассказали, вѣроятно, почему онъ вернулся домой не въ духѣ, недовольный всѣмъ свѣтомъ, почему встрѣтилъ зятя съ невѣсткой и даже улыгнувшуюся ему Лизочку съ притворной радостью.

Ходили слухи, что онъ ожидалъ къ Пасхѣ пятой звѣзды, еще болѣе блестящей, чѣмъ остальные четыре, но какъ Михалка не получилъ своей на елкѣ, такъ и саповникъ, говорятъ, окончательно узналъ во время засѣданія, что вмѣсто него получить эту желанную звѣзду другой, который на то и тѣни права не имѣетъ. Получившій не разорветъ ее, какъ Лизочка, а надѣнетъ при красной гладкой лентѣ на заутреню, а онъ пойдетъ въ прошлогодней синей и будетъ поздравлять соперника, а въ образной Сашенькины Четы-Миней еще годъ по крайней мѣрѣ должны обходиться старыми закладками изъ ашинскихъ и владимирскихъ обрѣзковъ...

Если два года назадъ Семень Михайловичъ оказался полнымъ профаномъ въ польскихъ дѣлахъ передъ задирою Нивисскимъ, то нынче онъ сдалъ бы экзамень на 5+. Во всѣхъ тонкостяхъ изучилъ онъ сложный польскій вопросъ и зналъ исторію Польши лучше любого ксендза, смѣло цитируя всѣ постановленія сеймовъ и походы

королей и князей, начиная съ Попела и Болеслава. Нынѣшнюю смуту онъ предвидѣлъ съ минуты бѣгства своего въ Баденъ-Баденъ и обвинялъ правительство, а намѣстниковъ царства Польскаго въ особенности въ излишней мягкости и недальновидности.

— Я ихъ предупреждалъ!—говорилъ онъ, читая все новыя и новыя свѣдѣнія о разрастающемся мятежѣ. Онъ даже слалъ въ одну газету статейку съ собственными взглядами и мнѣніями, но такъ какъ статья была анонимная, то трехпудовый слогъ ея не былъ оцѣненъ, вѣроятно, изъ зависти, и она очутилась вмѣстѣ съ прочими мертворожденными въ корзину подь письменнымъ столомъ въ сосѣдствѣ старыхъ сапогъ редактора.

Какъ только гости появились въ столовой съ монументальными дубовыми стульями и буфетомъ и Лизочка на рукахъ Кирилловны стала мазать пальчиками стекла высокаго окна, Семень Михайловичъ тотчасъ же, заткнувъ за воротникъ уголь салфетки, обратился къ зятю:

— Слышалъ, какіе пункты намъ три державы прислали?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Колычевъ, не подозрѣвая, въ чемъ дѣло.

— 1) Полная автономія; 2) народное представительство и контроль; 3) назначеніе на публичныя должности; 4) свобода совѣсти; 5) національный языкъ въ школахъ и 6) правильное взиманіе рекрутской повинности... Что, братецъ! слышалъ ты что-нибудь подобное?

— Позволь! прежде всего имъ какое дѣло, а, во-вторыхъ, многое у насъ уже есть.

— Ну да, само собою! Но ты понимаешь ли всю соль? Одна изъ этихъ державъ—Австрія.

— Да ей-то что за дѣло, какіе у насъ въ школахъ языки преподають? Или ей досадно, что мы лучше ея французскимъ и ея же нѣмецкимъ владѣемъ? Такъ это ужъ отъ Бога!

Семень Михайловичъ опѣшилъ.

— Позволь, позволь! ты о чемъ, о какомъ французскомъ?

— А-а! ты, вѣроятно, о латинскомъ и греческомъ? Ну, тогда я съ ними вполне согласенъ, они ни къ чему.

— Нѣтъ, я вижу, мы съ тобою не на одномъ языкѣ говоримъ. Ты что разумѣешь?

— Да то, что австрійцы и, шутъ ихъ знаетъ, кто еще, злятся, что у насъ, кромѣ русскаго, школяры и по иностранному калякать учатся.

Сотовъ уже раздражился.

— Совсѣмъ, совсѣмъ не то! Эти шесть пунктовъ касаются не насъ, а Польши, т.-е., впрочемъ, и насъ, потому что мы, понимаешь ли, мы обязаны подчиняться и учить такъ, какъ намъ то укажутъ три перста изъ-за границы. А? Каково?

Сашенька сдѣлала испуганное лицо... Колычевъ нахмурился...

— Если говорить по совѣсти,—все повышая топь и голосъ, продолжалъ сановникъ:—то ужъ кому-кому въ этомъ дѣлѣ сидѣть тише воды, ниже травы, какъ не австріякамъ. Они первые поляковъ на насъ натравили, а эти сумасброды и полѣзли на рожонъ. Мы ихъ въ бараній рогъ согнуть можемъ, а мы имъ амнистію къ Пасхѣ даемъ. Но я впередъ поклянусь, что эта пошлая, эгоистическая и неблагодарная нація...—Семень Михайловичъ взглянулъ случайно на Зою и поперхнулся...

Слово упало. Гдѣ, въ какихъ молекулахъ мозга, въ какихъ атомахъ бывшагося подъ моднымъ лифомъ сердца осѣло оно? О, если бы можно было вырвать его оттуда!.. стереть навѣки!.. Но оно не стерлось, оно упало на добрую для себя почву, и, подобно евангельскому горчичному зерну, разрослось и развѣтвилось и мало-помалу заглушило все, что было добраго и хорошаго въ женской душѣ. И стала эта открывшаяся подъ тепломъ семейнаго счастья душа затягиваться тиною горечи и оскорбленія. Это была та бѣда, которая ходила пока за горами, но которую почти три года назадъ почувялъ Иванъ Николаевичъ у стараго пруда въ прекрасное осеннее золотое утро...

Напрасно Семень Михайловичъ перемѣнилъ тонъ, перевелъ разговоръ на театръ, позвонилъ курьера и велѣлъ непременно достать ложу на бенефисъ Лагранжъ, въ который шла его любимая пьеска «Les invalides du mariage», напрасно старался онъ быть не только остроумнымъ и любезнымъ, но и въ доступной ему мѣрѣ родственнымъ,—Зоя снова почувствовала холодъ и отчужденіе.

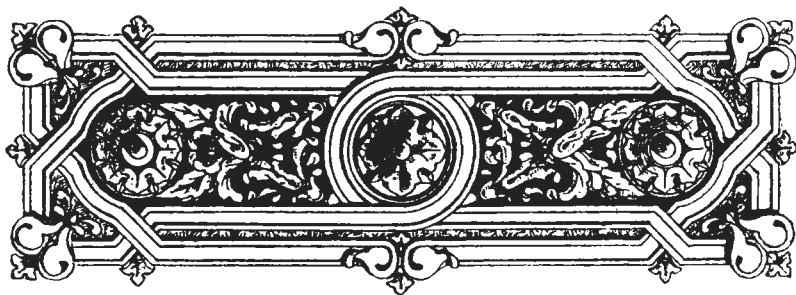
Она слушала его съ дѣланной улыбкой, отвѣчала на вопросы Сашеньки и поцѣловала послѣ завтрака въ лобъ мужа, по привычкѣ приложившагося къ ея рукѣ, но это было ужъ не то. Это была не колычевская Зоя,—это была проснувшаяся польская обида, тотъ гоноръ, который нельзя будить...

Вечеромъ она стояла на колѣняхъ въ костелѣ на Невскомъ и, опустивъ вуаль, о чемъ-то горько-горько плакала...

М. Г. Веселкова-Кильштетъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВСТРѢЧИ СЪ ВЕЛИКАНОМЪ.

(Мое знакомство съ Л. Н. Толстымъ, его болѣзнь и смерть въ Астаповѣ).

ВРИСТУПАЯ къ воспоминаніямъ о Левѣ Николаевичѣ Толстомъ, я чувствую точно такое же волненіе, которое уже не разъ овладѣвало мной, когда я въ своихъ статьяхъ и корреспонденціяхъ изображалъ перомъ на бумагѣ два слова:

«Левъ Толстой».

Это имя, занимающее небольшое пространство на листкѣ рукописи, вдругъ выростало передо мною, какъ высокая гора передъ путникомъ тѣхъ низменныхъ долинъ, какія называются нашей повседневной жзнью. Вотъ и сейчасъ, едва я приступилъ къ статьѣ, назначенной для настоящаго журнала, всталъ передъ моими глазами во весь свой трудно-обозримый ростъ необыкновенный старецъ, авторъ безцѣнныхъ русскихъ литературныхъ произведеній, и я чувствую трепеть... Что написать, что сказать о немъ?! Цѣлая литература создавалась вокругъ имени Толстого. Послѣ Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Грибоѣдова появились прямые ихъ наслѣдники — Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Писемскій и, наконецъ, Левъ Толстой. Онъ по времени самый младшій изъ этого литературнаго созвѣздія, самый долготѣлнй и наиболѣе прославленный. О Толстомъ говорили и писали выдающіеся люди всего свѣта. Великіе умы задумывались надъ твореніями яснополянскаго

писателя-философа и творца-художника. Лучшие европейскіе и русскіе критики создали о немъ свои очерки и монографіи. Моя задача была бы совершенно невыполнима, и я бы не имѣлъ удовольствія писать этой статьи, если бы судьба не дала мнѣ великаго счастья: я былъ знакомъ съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, знакомъ лично и нѣсколько разъ посѣщалъ его въ Москвѣ, въ Долго-Хамовническомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ Толстыхъ, этой реликвіи русскаго образованнаго общества, нынѣ находящейся во владѣніи сына писателя, графа Сергѣя Львовича Толстого.

Это обстоятельство буквально спасаетъ меня и даетъ мнѣ случай сказать о Толстомъ нѣчто свое, новое, ни разу нигдѣ не опубликованное. И я думаю, что читателямъ будетъ небезынтересно пробѣжать этотъ небольшой очеркъ, въ которомъ я стараюсь какъ можно проще передать о моихъ встрѣчахъ съ Толстымъ, а въ особенности—прочитать всѣ тѣ рѣчи Льва Николаевича, всѣ сужденія его, замѣчанія и мѣткія характеристики, которыя сдѣланы были имъ въ бесѣдахъ со мной. Я назвалъ настоящій очеркъ «Встрѣчами съ великаномъ». Я думаю, у многихъ тысячъ людей создавалось именно такое впечатлѣніе при встрѣчахъ съ Л. Н. Толстымъ: дѣйствительно, великанъ стоялъ передъ ними, старый русскій великанъ, хотя и безъ шапки золота литого; но надъ этой почтенной сѣдой головой сиялъ такой блестящій вѣнецъ литературной славы, что жмурились глаза и захватывало духъ. До своего личнаго знакомства съ Толстымъ я любилъ его, какъ всякій читатель и любитель русской литературы; послѣ первыхъ съ нимъ разговоровъ—я сталъ обожать его. Эта любовь оковала въ золотыя рамы всѣ фразы Толстого, слышанныя мной, моя память держитъ ихъ могучими объятіями, и то, что я теперь пишу отъ имени Толстого, почти со стенографической точностью приведено здѣсь. Иначе и быть не можетъ. Святыня должна предстать передъ всѣми нами во всей своей чистотѣ и неприкосновенности.

Моя первая, случайная встрѣча съ Л. Н. Толстымъ произошла лѣтъ 20 назадъ. Я ѣхалъ по Арбату, отъ Смоленской Божіей Матери, въ такъ называемой «конкѣ». На дорогѣ въ нашъ вагонъ вскочилъ, легко и быстро, новый пассажиръ; въ вагонѣ онъ сѣлъ какъ разъ противъ меня; на немъ было надѣто простое и довольно поношенное ватное пальто чернаго цвѣта, на головѣ свѣтло-коричневая круглая шапка. Пассажиръ глядѣлъ на меня, а я—на него. Я думалъ: гдѣ я видѣлъ этого старика съ сѣдой бородой и свѣтлосѣрыми глазами?

Въ это время въ вагонѣ всѣ зашептались, зашевелились.

— Толстой! Это Толстой!—услыхалъ я слова пассажировъ.

Такъ вотъ это кто сидитъ противъ меня: Л. Н. Толстой! Я такъ и внизалъ въ него взглядомъ, да и прочіе спутники подражали мнѣ очень усердно. Толстой, видимо, обезпokoился, вынулъ пла-

токъ, обтеръ себѣ лицо, губы, поглядѣлъ въ разныя стороны и, конечно, смущенный такимъ къ себѣ исключительнымъ вниманіемъ, вдругъ всталъ и вышелъ на площадку вагона. Оттуда онъ легко спрыгнулъ на улицу и пошелъ по тротуару, не отставая отъ нашего вагона, который, впрочемъ, двигался не особенно быстро.

Всѣ мы заговорили сразу:

— Видѣли Льва Толстого!?

— Да, да, это Толстой, писатель Толстой! Это онъ!

— Отчего же онъ ушелъ?

— Отчего?—переспросилъ насмѣшливо какой-то старикъ.—Да потому, что всѣ на него глядѣли, какъ на диковинку, а онъ этого охъ какъ не любитъ! Особенно, молодой человекъ, вы!—кинулъ въ мою сторону говорившій.—Такъ и сверлили его своими глазами!

Я приглядѣлся къ старику,—новая неожиданность: въ говорившемъ я узналъ академика живописи Федора Ивановича Яновскаго, также московскую достопримѣчательность. Я когда-то учился у него рисованію. Яновскій, скончавшійся раньше Толстого лѣтъ на десять, былъ талантливый пейзажистъ, чудакъ, оригиналь и, къ несчастью, большой любитель возліаній; онъ заслуживаетъ особой статьи, и я буду говорить о немъ въ особомъ очеркѣ. Теперь, понятно, я не могу долго останавливаться на другихъ темахъ.

Когда Л. Н. Толстой вышелъ изъ вагона (мы стали снова «сверлить» его глазами сквозь окна), ему попался маленькій мальчикъ въ поддевкѣ. Толстой крикнулъ ему:

— Мальчикъ, къ Арбатскимъ воротамъ идешь?

— Къ Арбатскимъ.

— Вотъ, на тебѣ билетъ, садись и поѣзжай!

Мальчикъ ждать себя не заставилъ, схватилъ билетъ и—прыгъ въ вагонъ «кошки». Но тутъ его ожидала своего рода административная—если не высылка, то, во всякомъ случаѣ, «высадка»:—кондукторъ схватилъ его за воротъ, вывихнулъ на мостовую и вразумительно произнесъ:

— Я тебя прыгну! Передача билетовъ другимъ лицамъ по правилу воспрещается!

— Что такое?—спросилъ Толстой (вагонъ въ это время остановился на разѣздѣ).—За что онъ тебя?

— Не дасть ѣхать! Говорить, не по правилу...

— Не по правилу? (Толстой усмѣхнулся).

Мальчикъ подалъ билетъ Толстому, онъ взялъ и... неожиданно для насъ—снова взшелъ на площадку вагона. Тамъ онъ и остался, а мы, пассажиры, продолжали пристально глядѣть на него, «какъ на диковинку», по выраженію Яновскаго...

У Арбатскихъ воротъ писатель вышелъ и направился къ Пречистенскому бульвару. Его большая, плечистая фигура долго вид-

пѣлась мнѣ среди толпы пѣшиходовъ и, наконецъ, скрылась въ началѣ бульвара, тамъ, гдѣ теперь стоитъ безобразный памятникъ Гоголю, отлитый по модели скульптора Андреева.

Съ тѣхъ поръ минуло нѣсколько лѣтъ. Я ужъ сталъ корреспондентомъ «Новаго Времени», и вотъ какъ-то получаю отъ редакціи просьбу—отправиться къ Л. Н. Толстому и узнать его мнѣніе о дѣлѣ Дрейфуса, въ тѣ дни волновавшаго весь свѣтъ. Редакція имѣла основанія желать этого «интервью»: въ двухъ московскихъ газетахъ, самыхъ тогда бойкихъ и распространенныхъ, были напечатаны двѣ бесѣды съ графомъ Л. Н. Толстымъ; сотрудникъ одной газеты сообщалъ, будто бы великій писатель заявилъ ему, что считаетъ Дрейфуса совершенно неповиннымъ человѣкомъ, жертвой политическихъ интригъ, и вполне сочувствуетъ выступленію Эмиля Золя, который обрушился въ горячей статьѣ противъ французскаго правительства; сотрудникъ другой газеты, наоборотъ, увѣрялъ, что Левъ Николаевичъ говорилъ ему, будто бы онъ считаетъ Дрейфуса измѣнникомъ и шпиономъ, продавшимъ за деньги секретныя бумаги военнаго министерства, а выступленіе Золя осудилъ, какъ писательскую безтактность и явную ошибку. Оба корреспондента утверждали, что они лично бесѣдовали съ Л. Н. Толстымъ и правильно излагаютъ его мысли. Такія «странности» въ московской прессѣ бывали часто, особенно въ прежнія времена. Однакожъ приведенное разнорѣчіе удивило Петербургъ, и меня просили навѣстить Толстого и узнать отъ него, какое же мнѣніе вѣрно и какое... фальсифицировано? Слова графа Толстого были перепечатаны вездѣ, и въ русскихъ, и въ заграничныхъ изданіяхъ, и, разумѣется, комментировались на всѣ лады.

Какъ ни важно было узнать отъ Л. Н. Толстого его взглядъ на сенсационный процессъ, я рѣшилъ отказаться отъ визита въ Долго-Хамовнической переулочекъ. Чувство неодолимаго смущенія овладѣло мною. Итти къ Толстому?! Да развѣ это такъ легко? Любого администратора и звѣздоносца я былъ готовъ интервьюировать, но спрашивать Льва Толстого... нѣтъ, это казалось мнѣ невозможнымъ! И я написалъ въ Петербургъ письмо, говоря, что къ Толстому итти затрудняюсь, робѣю, уничтожаюсь отъ одной мысли лицезрѣть такого большого человѣка, увѣрялъ, что Толстой меня даже и не приметъ... и т. п.

Въ отвѣтъ я получилъ (не помню, письмо или телеграмму) отъ А. А. Суворина слѣдующій приказъ: «Не малодушничайте, идите немедленно и обо всемъ напишите подробно».

Прочитавъ эти слова, я сталъ несчастнымъ человѣкомъ. Пусть это было малодушіемъ, но—не могу этого скрыть—я даже хотѣлъ сослаться на болѣзнь и все-таки къ Толстому не ѣхать. Но въ то время я чувствовалъ себя обидно здоровымъ и, помучившись еще часа полтора, я наконецъ поѣхалъ на Дѣвичье поле, въ Долго-

Хамовнический переулокъ, ставшій вдругъ для меня страшнымъ заповѣданнымъ мѣстомъ. Вѣрите, я раза три проходилъ мимо воротъ дома графовъ Толстыхъ; сердце у меня буквально замирало; я думалъ: не вернуться ли обратно? Все равно, Толстой меня не приметъ... или его не окажется дома.

Но надо было идти. Я вошелъ... Большой дворъ, вдали виднѣется садъ, налѣво—невысокое парадное крыльцо стараго дома, довольно обширнаго. Звоню... мнѣ отпираетъ лакей въ пиджакѣ.

— Графъ Левъ Николаевичъ Толстой дома?

Въ передней было довольно темно. Вдругъ я слышу голосъ:

— Дома! Я графъ Толстой!

Изъ темнаго угла выдвинулась человѣческая фигура съ знакомымъ лицомъ: самъ Левъ Николаевичъ въ темномъ пальто и въ круглой шапочкѣ стоялъ передо мной и спрашивалъ, «что мнѣ угодно».

Я не могъ сказать ни слова и молча протянулъ ему визитную карточку, которую у меня не успѣлъ взять лакей.

Толстой нагнулся, прочиталъ и сказалъ:

— А, отъ «Новаго Времени»? Я знаю вашего издателя... Что же вы хотите отъ меня?

Я опять не нашелся, что сказать. Я чувствовалъ, что краска заливала мои щеки, понималъ, что молчать и стоять истуканомъ глупо, но... надо говорить о себѣ правду: я сконфузился, какъ гимназистъ на экзаменѣ. Левъ Николаевичъ поглядѣлъ на меня, неожиданно улыбнулся, и я сразу ожилъ. Кто видѣлъ улыбку Толстого, тотъ подтвердитъ мое впечатлѣнiе, что эта улыбка всегда производила на всѣхъ дѣйствiе полного успокоенiя и ободренiя.

Толстой спросилъ:

— Вы, навѣрное, пришли ко мнѣ по порученiю вашей газеты? По какому-нибудь «вопросу»?

Я объяснилъ, что его догадка правильна, и извинился, если пришелъ не во время, или, можетъ быть, опъ не расположенъ сейчасъ говорить о дѣлахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣчалъ Толстой и, опять улыбнувшись, произнесъ:—Только вотъ въ чемъ дѣло... Я, вѣдь, васъ боюсь! Очень боюсь! Именно о дѣлахъ говорить боюсь.

Этого я не ожидалъ. Что означали эти слова?

Толстой сейчасъ же пояснилъ свою загадочную фразу:

— Вы, господа сотрудники газетъ и журналовъ, часто передаете свои разговоры и впечатлѣнiя, украшая ихъ кое-чѣмъ собственнымъ... фантазiю допускаете... Не всѣ, конечно, такъ дѣлаютъ, но многiе... это я на себѣ не разъ испыталъ!

У меня сейчасъ же развязался языкъ, и я объявилъ, что пришелъ именно разрѣшить вопросъ, какая беседа Л. Н. Толстого, напечатанная въ двухъ газетахъ, болѣе соответствуетъ истинѣ и какая добавлена фантазiей.

— Это о чемъ же бесѣда?—спросилъ Толстой.

— О дѣлѣ Дрейфуса,—отвѣчала я.—Вотъ у меня есть двѣ газеты, и въ каждой ваши слова приведены по разному, первая бесѣда совершенно противорѣчитъ второй.

Л. Н. подумалъ немного.

— Вотъ что,—проговорилъ онъ.—Скажите, вамъ все равно, гдѣ со мной толковать, у меня въ комнатѣ, или по дорогѣ? Я иду пройти; если хотите, проводите меня, мы погуляемъ и... побесѣдуемъ. Хорошо?

Понятно, я поблагодарилъ и согласился. Волнуясь, я пошелъ рядомъ съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, иногда касаясь локтемъ его локтя. Я шелъ и... разговаривалъ съ нимъ! Моего главнаго ощущенія—томительнаго и пугливаго чувства—какъ не бывало! Его разсѣялъ голосъ Толстого, его простое со мной обращеніе и выразительный, сіяющій красотой великаго ума взглядъ...

Мы вышли въ переулокъ и направились къ Дѣвичьему полю.

— Разскажите же мнѣ, что написано про меня въ московскихъ газетахъ?—началъ Толстой, быстро и бодро шагая по тротуару.—Я, дѣйствительно, бесѣдовалъ съ двумя сотрудниками... помню ихъ...

Я досталъ номера изданій и прочиталъ обѣ «бесѣды съ Толстымъ».

— Кто же правъ?—спросилъ я, взглянувъ на Льва Николаевича.

— Никто!—отвѣчала Толстой и разсмѣялся.—Вотъ отчего я и боюсь бесѣдовать съ газетными корреспондентами. Оба эти лица, дѣйствительно, были у меня, спрашивали о дѣлѣ Дрейфуса, и обоимъ имъ я сказалъ одно и то же. Повторю мои слова еще разъ и вамъ. Я сказалъ: Боже мой, зачѣмъ русскія газеты такъ много говорятъ о чуждомъ намъ дѣлѣ Дрейфуса? Развѣ у насъ мало своихъ, очень важныхъ и неотложныхъ вопросовъ? Русская жизнь настолько неблагоустроена, что даетъ пищу и для долгихъ бесѣдъ, и для большихъ газетныхъ статей. А дѣло Дрейфуса... какой для насъ въ немъ интересъ? И еще я сказалъ обоимъ московскимъ корреспондентамъ: что, господа, я-то могу сообщить вамъ о дрейфусовскомъ процессѣ? Невиненъ Дрейфусъ, или виновенъ, измѣнялъ родинѣ, или нѣтъ,—откуда мнѣ, жителю Москвы, знать все это? Право, я даже меньше освѣдомленъ, чѣмъ вы, газетные сотрудники. Что же касается выступленія Золя во французской прессѣ, то я опять не берусь судить, полезно оно или вредно, правдѣ служить или злу. Впрочемъ, мнѣ кажется, что Золя все-таки напрасно напечаталъ свою защитительную статью; не дѣло писателя—поднимать шумъ изъ-за процесса, который даже на родинѣ считается темнымъ и запутаннымъ. Вотъ все, что я говорилъ г.г. литераторамъ, и какъ это у нихъ вышло по иному—это ужъ ихъ секретъ. Вообще я часто прочитывалъ свои слова въ удивительномъ искаженіи, въ совершенно другомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, который я имъ при-

давалъ. Вотъ я и постановилъ себѣ за правило: никогда не протестовать и не опровергать, что бы про меня ни сочинили, какъ бы въ газетахъ ни напутали. Да вотъ я вамъ расскажу изъ прошлаго.. (Толстой, разговаривая, широко шагаль и, видимо, увлекшись, говорилъ громко и дѣлалъ жесты руками). Давно... еще въ шестидесятыхъ годахъ... Тургеневъ, я и другіе наши литературные сотоварищи по журналу «Русскій Вѣстникъ», не поладивъ съ Катковымъ, заявили ему, чтобы онъ впредь на наше сотрудничество не рассчитывалъ. Катковъ сталъ насъ всѣхъ просить не прерывать работу. Я остался твердъ, но Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, человекъ очень мягкій, добрый, нерѣшительный, въ отвѣтъ на письма Каткова имѣлъ неосторожность не то чтобы обѣщать что-нибудь навѣрное, но сказалъ, что, можетъ быть, если соберется съ силами, что-нибудь напишетъ и для «Русскаго Вѣстника», но слова въ томъ Каткову не далъ. Послѣ смерти Тургенева Катковъ писалъ, что тотъ его явно обманулъ. Я не вытерпѣлъ и напечаталъ письмо, возражая Каткову, но письмо явилось въ измѣненномъ видѣ и дало поводъ къ новымъ ложнымъ толкованіямъ обо мнѣ. Съ тѣхъ поръ я и надумалъ не возражать на вздорныя рѣчи... Такъ для меня гораздо спокойнѣе!

— Да, но какъ же быть публикѣ?—возразилъ я.—Какъ ей-то разобраться, если газеты приводятъ ваши слова, которыхъ вы никогда не говорили?

Толстой опять засмѣялся и сказалъ весело:

— Это правда, публика въ такихъ случаяхъ всегда остается въ накладѣ! Напишите, чтобы она не вѣрила газетнымъ рассказамъ обо мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ публика не повѣритъ первому мнѣ!

Снова лицо Толстого озарилось улыбкой. Онъ помолчалъ, потомъ спросилъ:

— Вы что же пишете въ «Новомъ Времени»?

Я объяснилъ.

— Такъ это вы - «Не фельетонистъ»? Я читалъ васъ... помню... Ахъ, да! Вѣдь, у васъ въ газетѣ мой сынъ Левъ тоже пишетъ! Читали вы его рассказы?

— Нѣтъ, все собирался прочесть, да не успѣлъ.

Надо замѣтить, что рассказы Л. Л. Толстого появились въ «Новомъ Времени», обратили на себя всеобщее вниманіе—не талантомъ автора, а его попытками какъ бы полемизировать съ идеями отца. Критика, особенно въ лицѣ В. П. Буренина, эти рассказы не одобрила, а теперь они совершенно забыты.

— Да, пишетъ!—продолжалъ Толстой.—Очень плохо пишетъ! Очень плохо!

Онъ внезапно остановился, поглядѣлъ на меня и проговорилъ добродушно:

— Вотъ вы возьмете да и напечатаете завтра въ вашей газетѣ, какъ отецъ критикуетъ родного сына! Въ самомъ дѣлѣ вы будете про это писать?

Я отвѣтилъ, что напечатая лишь то, о чемъ разрѣшить мнѣ самъ Левъ Николаевичъ.

Тогда онъ сказалъ серьезно:

— Вы мнѣ внушаете довѣріе. Поэтому обращаюсь къ вамъ съ просьбой и очень желаю, чтобы вы ее исполнили. Общаете?

Я только поклонился въ отвѣтъ.

— Ну, такъ вотъ: не печатайте нигдѣ ни одного слова изъ нашей сегодняшней бесѣды. Это для меня будетъ всего пріятнѣе. Можно вамъ такъ?

Я сейчасъ же далъ слово исполнить его волю—и сдержалъ это обѣщаніе. При этомъ я сказалъ, что сообщу газетѣ лишь о томъ, что у Л. Н. Толстого нѣтъ свѣдѣній, позволяющихъ ему имѣть опредѣленный взглядъ о дѣлѣ Дрейфуса. Толстой поблагодарилъ меня, и мы разстались.

Послѣ я, помнится, рассказывалъ объ этой встрѣчѣ А. С. Суворину и Ав. П. Чехову. Послѣдній не понималъ моего чрезмѣрнаго смущенія передъ визитомъ къ Толстому, но А. С. Суворинъ возразилъ:

— Нѣтъ, я это понимаю. Когда я говорю съ Толстымъ, я чувствую волненіе и думаю: вотъ моя совѣсть!

Ровно черезъ годъ произошло мое второе свиданіе съ Л. Н. Толстымъ. Оно сложилось какъ бы продолженіемъ перваго. Близилась великіе праздничные дни торжества въ память Пушкина; 26 мая 1899 года исполнялось столѣтіе со дня рожденія великаго поэта. Опять загудѣла газетная шумиха, и опять на славу отличились московскія изданія. Напримѣръ, одна газета возвѣстила, что ровно сто лѣтъ назадъ умеръ русскій геній. Газетѣ это даромъ не прошло, ее высмѣяли, указавъ, что Пушкинъ умеръ въ 1837 году 29 января. Но это еще туда-сюда. Невѣжественно, но безобидно. А вотъ другая газета произвела новую сумятицу въ умахъ публики, и мнѣ опять пришлось идти къ Толстому и спрашивать его разъясненій.

Дѣло въ томъ, что какой-то репортеръ напечаталъ «интервью съ гр. Л. Н. Толстымъ», которое гласило, что Толстой отрицалъ всякія пушкинскія торжества и совѣтовалъ отслужить по поэту панихиду въ день 26 мая, помолиться и разойтись по домамъ. Судите, каково это было читать послѣ возвѣщенія о возложеніи вѣнковъ у памятника и о трехдневныхъ спектакляхъ, чтеніяхъ, засѣданіяхъ и банкетахъ, посвященныхъ памяти Пушкина? Въ то время была открыта современница Пушкина, старушка Нащокина, проживавшая въ Петровскомъ паркѣ. Редакція «Новаго Времени» прислала мнѣ довольно порядочную сумму денегъ для передачи Нащо-

киной, жившей въ бѣдности, а тогдашній ректоръ московскаго университета профессоръ Д. Н. Зерновъ поручилъ мнѣ на счетъ университетской кассы не отказаться отъ небольшихъ хлопотъ: купить хорошее черное платье и отвезти его той же Нащокиной, приглашенной въ засѣданіе университета. Я дважды навѣщаль Вѣру Александровну, жену друга Пушкина, и я же привезъ ее въ университетъ, на торжественное засѣданіе въ актовомъ залѣ (на этомъ засѣданіи произнесъ свою знаменитую рѣчь о Пушкинѣ профессоръ В. О. Ключевскій).

Само собою разумѣется, что слова Толстого: не нужно никакихъ торжествъ!—всполюшили всѣхъ. Но я, памятуя прежнія фантазіи нашихъ газетныхъ писателей, рѣшилъ,—теперь ужъ самолично,—спросить Л. Н. Толстого, противъ чего, собственно, направлены его слова? Да и говорилъ ли онъ ихъ?

Я засталъ Льва Николаевича дома, былъ принятъ и вошелъ, рекомендуясь вновь.

— Да я васъ знаю!—отвѣчала Толстой.—Вѣдь это мы съ вами долго гуляли по Москвѣ. Я вамъ о Тургеневѣ рассказываль... Я даже васъ вспоминалъ, прочитавъ вашъ фельетонъ о духоборахъ, и очень жалѣлъ, что вы до поѣздки на Кавказъ ко мнѣ не зашли. Я бы вамъ далъ письма къ знакомымъ духоборамъ и указалъ, гдѣ съ ними удобнѣе встрѣтиться... Я говорилъ объ этомъ Ан. П. Чехову, а онъ мнѣ отвѣчалъ: васъ Ежовъ боится!

И Толстой, увлекшись интересующей его темой, сталъ разспрашивать о духоборахъ и говорилъ о нихъ самъ.

— Ахъ, какіе это удивительные люди!—восхищался онъ.—Я ихъ называю людьми XXV столѣтія. Какая глубина вѣры, какая воистину христіанская любовь живетъ среди нихъ! Вы хорошо отмѣтили бытовую сторону этого народа, но, вѣроятно, цензурныя условія помѣшали вамъ передать ту страшную трагедію, которая разразилась надъ этими бѣдняками. Они вамъ рассказывали о своихъ несчастіяхъ? Вы можете мнѣ сообщить подробности всего этого ужаса?

Я передалъ Льву Николаевичу все, что узналъ на станціи Гоми, Тифлисской ж. д., гдѣ тогда находились главныя становища духоборовъ. Я рассказаль, какъ совершилось избіеніе этихъ людей, которые не сопротивлялись ударамъ нагаекъ; во время этой отвратительной сцены насилія духоборы молились на свой ладъ и говорили, чтобы Господь простилъ тѣмъ, кто дѣлаетъ это злое дѣло...

Толстой слушалъ нервно, вставалъ, опять садился, потомъ, снова вставъ, проговорилъ:

— Ужасъ что такое! И что они сдѣлали? Желали жить во Христѣ, по Евангелію, не хотѣли проливать чужой крови... Еще, еще расскажите, что вы знаете о духоборахъ. Вы слышали, какъ они молятся? Какъ поютъ на молитвѣ?

Выслушавъ еще кое-какія мои сообщенія, онъ опять самъ заговорилъ, называя духоборовъ образцами для всѣхъ насъ; онъ восхищался ихъ простотой, образомъ жизни, нравственными правилами, умомъ, кротостью, работоспособностью и—непротивленіемъ злу.

— У нихъ силой отбираютъ лошадь, а они уговариваютъ: не бери грѣха на душу! Насильникъ грозитъ ихъ убить, они отвѣчаютъ: прости тебя Христось! Удивительные, необыкновенные люди! И ихъ-то теперь лишается Россія...

Послѣ этого разговора я объяснилъ цѣль моего визита. Услыхавъ опять о газетной статьѣ, Левъ Николаевичъ присѣлъ на кресло (я былъ у него въ небольшомъ кабинетѣ) и, придавая своему голосу непередаваемый юмористическій оттѣнокъ, произнесъ:

— Послушаю, послушаю! Интересно узнать, что такое я сказалъ о Пушкинѣ!?

Я прочиталъ замѣтку. И что же!?

Увѣряю, я не ожидалъ, чтобы она произвела такой эффектъ. Едва я кончилъ, Л. Н. Толстой вскочилъ и быстро заходилъ, почти забѣгалъ по кабинету.

Кстати сказать: въ это время Левъ Николаевичъ былъ хотя уже глубокой старикъ, но въ высшей степени живой, энергичный и подвижный. Онъ казался гораздо моложе своихъ лѣтъ. Въ немъ сохранилась и сила духа, и мощь тѣла. Помню, одѣтъ онъ былъ въ темную блузу и сѣрые брюки.

— Да что же это такое!?!—взволнованно спросилъ онъ, разведя руками.—Можно ли печатать обо мнѣ подобныя вещи? Ну, скажите, могъ ли я такъ смѣшно совѣтовать: служите по Пушкинѣ панихиду и ступайте домой! Я этого никогда не говорилъ! Я еще не умеръ, чтобы вводить на меня разныя небылицы...

Онъ остановился и вдругъ обернулся прямо ко мнѣ:

— А скажите, вы что-нибудь написали о нашей первой бесѣдѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—вѣдь, вы просили тогда ничего не писать...

— Помню, какъ же! Ну, а теперь я васъ прошу непременно опровергнуть слова московскаго сотрудника. Непремѣнно напишите! Тотъ господинъ перепуталъ... не понялъ меня... Я сказалъ о Пушкинѣ такъ: это, конечно, хорошо, что готовятся почтить память Пушкина блестящими праздниками, но... что эти торжества могутъ придать еще болѣе блестящему ореолу Пушкина? Лично я противъ всякаго шума, онъ не влечетъ ни новыхъ лавровъ, не прибавитъ красоты свѣтлому образу поэта. Пушкинъ—солнце, а солнце ли украшать иллюминаціонными огнями? Я, повторяю, не противъ празднествъ, но самъ лично на нихъ быть не могу... Вотъ все, что я сказалъ! Запомните и напечатайте эти мои слова...

Пушкинскія торжества шли чуть ли не одновременно со студенческими беспорядками. Ужь и ранѣе университеты волновались, въ Петербургѣ произошли столкновения съ полиціей; было неблагополучно и въ Москвѣ. Русское общество очень волновалось этими печальными событіями. Особенно въ Петербургѣ это было жгучей злобой дня и темой для разныхъ газетныхъ статей, для разговора въ гостиныхъ. Но по цензурнымъ условіямъ того времени подробно печатать объ этомъ не приходилось. Это имѣло свою дурную сторону: немедленно стали рассказываться такія вещи, какихъ и вовсе не случалось.

И вдругъ прошелъ слухъ, что Левъ Николаевичъ Толстой въ кругу своихъ близкихъ и знакомыхъ высказался положительно противъ студентовъ и замѣтилъ, что молодые люди должны не бунтовать, а учиться. Это извѣстіе, кажется, попало опять въ заграничную прессу.

Тогдашній редакторъ «Новаго Времени» А. А. Суворинъ телеграфировалъ мнѣ, прося съѣздить къ Толстому и узнать, что, собственно, онъ говорилъ и говорить объ университетскихъ беспорядкахъ.

На этотъ разъ я охотно поѣхалъ къ Льву Николаевичу: и причина визита была уважительная, и обаятельная личность Толстого влекла меня къ себѣ неудержимо.

Результатомъ бесѣды съ Толстымъ былъ слѣдующій его отвѣтъ:

— Никогда, ни роднымъ, ни знакомымъ,—сказалъ мнѣ Левъ Николаевичъ,—не говорилъ я словъ осужденія по адресу студентовъ. Причины университетскихъ беспорядковъ могутъ быть разные, но я думаю, что современный университет (рѣчь идетъ о 1899—1900 годахъ) ничего особенно полезнаго не можетъ дать учащейся молодежи. Я, напротивъ, всегда твердилъ, чтобы студенты бросали университеты и учились дома. Университетъ нуждается сначала въ реформахъ, только тогда и можно будетъ рекомендовать его, какъ учебное заведеніе. А теперь учиться у себя на дому даже много полезнѣе: нѣтъ ни зубрячки лекцій, ни шума, ни субординаціи...

Толстой и еще говорилъ на эту же тему. Голосъ его былъ грустенъ, лицо нахмурено. Видимо, его волновали эти событія. Онъ сожалѣлъ, что университеты не могутъ ни защитить своихъ учащихся отъ насилій, ни дать имъ надлежащей духовной пищи...

Эта бесѣда съ Толстымъ, какъ и многія другія, не была до сихъ поръ нигдѣ мною напечатана. Цѣлкомъ ее воспроизвести не могу, но весьма понятнымъ причиняю.

Однажды я надумалъ пойти къ Л. Н. Толстому, чтобы поговорить съ нимъ о постановкѣ его «Власти тьмы». Онъ живо интересовался тогда театромъ. Помню, мы встрѣтились вскорѣ послѣ откры-

тія новаго театра, названнаго было «художественно-общедоступнымъ» (скоро цѣны на мѣста этого театра превратились въ такія, что онъ сталъ положительно «общедоступнымъ»), гдѣ была поставлена трагедія Алексѣя Толстого «Царь Θεодоръ Іоанновичъ», съ г. Москвинимъ въ заглавной роли. Эта же пьеса одновременно разыгрывалась въ Петербургѣ, въ театрѣ А. С. Суворина. Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ особенно восхищались зрители и рукоплескали актерамъ.

Левъ Николаевичъ Толстой всегда чувствовалъ бѣіеніе пульса русской жизни, въ чемъ бы оно ни выражалось. Первымъ его вопросомъ было:

— Скажите, вы видѣли пьесу Алексѣя Толстого «Царь Θεодоръ Іоанновичъ»?

— Да, видѣлъ и въ театрѣ Станиславскаго, и въ театрѣ Суворина,—отвѣчалъ я.

— Объясните, почему это произведеніе имѣетъ такой шумный успѣхъ? Всѣ о ней говорятъ, спрашиваютъ...

Помнится, я отвѣчалъ, что пьеса хорошо поставлена, дружно разыграна, а петербургскій артистъ Орленевъ и московскій Москвинъ замѣчательно передаютъ типъ слабовольнаго молодого царя Θεодора.

— Вотъ развѣ это!—сказалъ Толстой!—Игра и постановка увлекаютъ... А сама пьеса, когда она была впервые напечатана, была всѣми нами отнесена къ разряду весьма посредственныхъ драматическихъ произведеній. Я, вѣдь, хорошо ее помню, я всю трилогію читалъ: нѣчто мутное, не выходящее изъ ряда... заурядностей!

Онъ помолчалъ и произнесъ значительно:

— Одной игры и постановки, все-таки, мало для объясненія причинъ успѣха. Тутъ другое. Мнѣ кажется, этотъ успѣхъ есть весьма печальное знаменіе; оно говоритъ о несомнѣнномъ пониженіи вкуса у нашей читающей и театральной публики. Современная словесность также въ упадкѣ, драма еще слабѣе, вотъ и начинаютъ прибавляться старыми и второстепенными произведеніями...

Не помню, что намъ помѣшало дальше говорить на эту интересную тему. Кажется, въ этотъ разъ пріѣхалъ П. П. Гнѣдичъ, явившійся къ Л. Н. Толстому съ фотографическими изображеніями Льва Николаевича, чтобы послѣдній выбралъ, какой портретъ болѣе желателенъ ему для напечатанія въ какомъ-то художественномъ изданіи.

— Вы знакомы?—спросилъ Толстой.—Ничего не будете имѣть противъ, если я сейчасъ его приглашу.

Я, разумѣется, выразилъ согласіе. Съ г. Гнѣдичемъ я былъ немножко знакомъ: мы оба принимали участіе на первомъ обѣдѣ беллетристовъ, устроенномъ въ Петербургѣ Ан. П. Чеховымъ.

Гнѣдичъ вошелъ, онъ мало перемѣнился съ тѣхъ поръ. Толстой ласково его привѣтствовалъ и сейчасъ же насъ познакомилъ. Изъ портретовъ Левъ Николаевичъ остановился на томъ, гдѣ онъ снятъ въ черной круглой шапочкѣ. П. П. Гнѣдичъ взялъ другой портретъ и сказалъ:

— А на этомъ, Левъ Николаевичъ, не можете ли вы написать мнѣ вашъ автографъ...

— Съ удовольствіемъ, очень радъ!—охотно отвѣчалъ Толстой и немедленно исполнилъ просьбу писателя.

Гнѣдичъ скоро уѣхалъ, распрощался съ Львомъ Николаевичемъ и я.

Насколько Толстой принималъ близко къ сердцу всѣ событія въ литературѣ, доказалъ мнѣ разговоръ при другой нашей встрѣчѣ.

Левъ Николаевичъ спрашивалъ меня о новыхъ изданіяхъ, новыхъ писателяхъ, говорилъ о Чеховѣ, какъ о беллетристѣ и какъ драматургѣ, и рѣшительно отдавалъ предпочтеніе первому. Драмы Чехова онъ называлъ «придуманными безъ необходимаго повода» и удивлялся, зачѣмъ авторъ явно насилуетъ свой талантъ беллетриста-рассказчика.

— Что его «Дядя Ваня»?—Да это трагедія на пустомъ мѣстѣ, тогда какъ въ сказазахъ онъ милъ, искрененъ и чрезвычайно талантливъ! Я это многимъ говорилъ...

Изъ журналистовъ Толстой хвалилъ Амфитеатрова, писавшаго тогда фельетоны петербургской жизни въ «Новомъ Времени», подъ псевдонимомъ «Old Gentleman», и со смѣхомъ говорилъ:

— Очень мнѣ понравилось его слегка карикатурное, но талантливое изображеніе московскаго купца-милліонера, задумавшаго построить такой домъ-особнякъ, какого нѣтъ ни у кого. Модный архитекторъ и спрашиваетъ купца:

— А въ какомъ же стилѣ прикажете, Вавила Тимоѣевичъ, строить вамъ особнякъ?

— Въ какомъ стилѣ?—отвѣчаетъ милліонеръ.—Да валяй во всѣхъ стиляхъ! Денегъ у насъ, что ли, не хватитъ!?

— Я ужасно хохоталъ, читая этотъ фельетонъ—говорилъ, смѣясь, Толстой.—Это такъ уморительно, такъ мѣтко вышучено...

Бесѣдуя о современныхъ событіяхъ, Левъ Николаевичъ скоро перешелъ къ своей любимой въ то время темѣ разговора—о кавказскихъ духоборахъ и о сектантахъ вообще. Затѣмъ онъ заговорилъ объ испорченности нравовъ, объ отсутствіи чистоты въ нашихъ идеалахъ и, между прочимъ, рассказалъ мнѣ, что лишь изрѣдка среди русской молодежи есть славные юноши, у которыхъ воображеніе не загрязнено.

— Недавно, папримѣръ, я велъ переписку съ однимъ прекраснымъ молодымъ человекомъ, который всегда чуждался грязи

жизни; родная мать все время сбивала его съ прямой дороги и находила, что ея сыну нужно и полезно жениться. Наконецъ она добилась своего, молодой человѣкъ обвѣнчался съ одной дѣвушкой. Къ счастью, и она оказалась чистымъ и неопороченнымъ созданиемъ. Молодой человѣкъ писалъ мнѣ, что онъ любитъ свою жену, какъ сестру, и она относится къ нему, какъ къ брату. Я порадовался этому. И вотъ опять является участіе матери, страдающей духовной слѣпотой. По ея мнѣнію, то, что дѣлали эти милыя дѣти, было безнравственно, и она настаивала на другомъ, что казалось ей необходимымъ и нравственнымъ. Этотъ юноша пишетъ теперь мнѣ трогательное письмо, спрашивая, почему его и жену такъ преслѣдуютъ, и что имъ дѣлать: уступить внушеніямъ матери или нѣтъ? Я очень былъ взволнованъ этимъ письмомъ... сегодня же надо будетъ отвѣчать и поддержать бѣдныхъ молодыхъ людей!

На этомъ я и останавливаю свои воспоминанія о встрѣчахъ съ литературнымъ великаномъ. Это все, что я нашелъ возможнымъ привести изъ моихъ бесѣдъ съ Л. Н. Толстымъ. Разумѣется, осталось много недописаннаго. Великій писатель не разъ затрагивалъ наиболѣе острые вопросы нашей жизни и всегда судилъ о нихъ съ свойственной ему простотой, силой и образностью своего неподражаемаго слова. Онъ иногда рисовалъ двумя-тремя фразами цѣлыя художественныя картины современнаго порядка вещей. Я не могу сейчасъ напечатать всѣ эти рѣчи, бесѣды, выраженія, но у меня хранится тетрадь, гдѣ записаны всѣ бесѣды Льва Николаевича Толстого, какія мнѣ удалось съ нимъ вести.

Приступаю къ послѣдней части своихъ воспоминаній о Левѣ Николаевичѣ Толстомъ, къ послѣднему акту грандіозной Толстовской эпопеи, которая имѣла свой конецъ въ провинціи, на одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій... Пелена грусти застилаетъ мои глаза, дрожать руки при записываніи всего, что пришлось мнѣ пережить въ Астаповѣ въ первыхъ числахъ ноября прошлаго года...

28-го октября 1910 года, въ пять часовъ утра, какъ это всѣмъ извѣстно, графъ Левъ Николаевичъ Толстой, въ сопровожденіи доктора Д. П. Маковицкаго, уѣхалъ изъ Ясной Поляны, а 7-го ноября того же года онъ скончался отъ воспаленія легкихъ на станціи Астапово, Рязанско-Уральской желѣзной дороги.

Это Астапово отнынѣ — историческое мѣсто. Оно приняло въ маленькомъ домикѣ начальника станціи великаго больного съ 31-го октября. До 2-го ноября Россія не знала, гдѣ находится Толстой, но въ этотъ день, поздно ночью редакціи газетъ получили телеграфныя извѣстія о мѣстопробываніи знаменитаго путника.

Я только что вернулся изъ Ясной Поляны, куда ѣздилъ для бесѣды съ родными Льва Николаевича. Сынъ писателя Андрей Львовичъ принялъ меня очень любезно; онъ былъ чрезвычайно смущенъ и взволнованъ событіемъ. Отъ Андрея Львовича я узналъ, что графиня С. А. Толстая хотѣла лишиться себя жизни и теперь лежала больная; къ ней только что прибыли врачи изъ Москвы. Андрей Львовичъ высказался въ томъ смыслѣ, что уходъ отца—это никакъ не неожиданность для его семьи. Толстой давно тяготился интеллигентной обстановкой, барствомъ, хорошими комнатами и многимъ такимъ, что не согласовалось въ его взглядахъ на жизнь. Писатель хотѣлъ простоты, тишины, покоя, отсутствія развращающихъ сценъ и разговоровъ. Семья писателя поражена и удручена внезапнымъ отъѣздомъ Льва Николаевича, но подчиняется его волѣ: какъ онъ захочетъ повести свою жизнь, пусть такъ и будетъ. Только Софья Андреевна не выдержала и, не обращая вниманія ни на какіе уговоры, твердила одно: «Я ѣду къ нему! Скажите, гдѣ онъ!? Я немедленно поѣду и буду жить съ нимъ, въ той обстановкѣ, какая ему правится! Захочетъ—я паневу надѣну...»

Изъ Ясной Поляны я возвращался подъ проливнымъ дождемъ. Только безпріютные звѣри да... корреспонденты могутъ испытывать странствія въ то время, когда хляби небесныя разверзлись и какъ бы готовы повторить времена всемірнаго потопа. Я съ ужасомъ думалъ, гдѣ-то теперь Толстой, вольный странникъ, не знающій, гдѣ ему теперь приклонить свою многодумную и гениальную голову?

Я пріѣхалъ въ Москву вечеромъ и поскорѣе легъ спать. Но въ два часа ночи меня ужъ требовали къ телефону: К. С. Тычинкинъ звонилъ изъ «Новаго Времени» и говорилъ:

— Толстой заболѣлъ въ дорогѣ, остановился въ Астаповѣ! Завтра поѣзжайте какъ можно скорѣе...

Я поднялся очень рано и сейчасъ же сталъ наводить справки, съ какимъ поѣздомъ и по какой дорогѣ всего удобнѣе ѣхать. И что же? Наши желѣзнодорожные порядки оказались таковы, что изъ Москвы можно было отправиться въ Астапово, по Павелецкой дорогѣ, только въ восемь часовъ вечера! Единственный пассажирскій поѣздъ одинъ разъ въ сутки могъ отвезти пассажировъ въ это внезапно пріобрѣтшее всемірное значеніе Астапово.

Что такое Астапово? Въ справочникѣ стояло указаніе, что это станція Рязанско-Уральской желѣзной дороги, съ буфетомъ. Я объѣздилъ все агентство, стараясь узнать, нельзя ли поѣхать кружнымъ путемъ. Ничего не выходило! Будь у насъ, какъ за границей, сплоченность газетныхъ сотрудниковъ, можно бы вмѣстѣ заказать экстренный поѣздъ и отправиться въ Астапово, но... у насъ нѣтъ такой журнальной сплоченности.

Я прибылъ въ Астапово въ десять часовъ утра 3-го ноября и попалъ въ такую сумятицу, что, признаюсь, у меня руки опустились.

Изъ поѣздовъ, прибывавшихъ и стоявшихъ у станціи, вышла вся публика и заполнила станціонныя помѣщенія. Всѣ говорили о Толстомъ, но были только спрашивающіе, а не отвѣчающіе.

- Толстой здѣсь? Да, говорятъ, здѣсь. На станціи?
- Въ дамской комнатѣ. Нѣтъ! У начальника дистанціи!
- У начальника станціи Озолина...
- А гдѣ вашъ начальникъ станціи?
- Не могу знать.

Я наконецъ изловилъ этого г. Озолина: это былъ высокій, чернобородый и худощавый человѣкъ лѣтъ подь 50. Онъ казался задержаннымъ, измученнымъ, ошеломленнымъ. Я назвалъ себя и просилъ дать какія-нибудь свѣдѣнія о Толстомъ. Оказывается, г. Озолинъ кое-что сообщить могъ. Левъ Николаевичъ лежалъ у него на квартирѣ, и начальникъ станціи изрѣдка заходилъ къ себѣ и слышалъ бесѣду докторовъ. Болѣзнь Толстого была тяжелая, но какая—этого начальникъ станціи не зналъ. Онъ говорилъ:

— Толстой пріѣхалъ 31-го октября... Самъ вышелъ изъ вагона, хотя его поддерживали подь руки... Самъ прошелъ на станцію, а потомъ и ко мнѣ... теперь лежитъ, жаръ сильный, ходить не можетъ...

- Гдѣ врачи, Маковицкій и Никитинъ?
- Они съ нимъ, почти не отлучаются отъ больного.
- А гдѣ семья Льва Николаевича, графиня Софья Андреевна, сыновья, дочери?

— Софья Андреевна въ своемъ вагонѣ... Тамъ и Татьяна Львовна, и сыновья. А возлѣ Толстого—Александра Львовна.

Я бросился со станціи къ тому домику, гдѣ лежалъ Левъ Николаевичъ. Это небольшое одноэтажное строеніе, выкрашенное темно-красной краской. Возлѣ дома, на линіи желѣзнодорожнаго пути и на дебаркадерѣ много народу, среди посторонней публики мелькають желѣзнодорожные мундиры мѣстныхъ чиновниковъ и другихъ служащихъ—сторожей, телеграфистовъ и т. п.

- Здѣсь графъ Толстой?
- Да... вонъ, видите—большое окно: онъ въ этой комнатѣ!

Вотъ гдѣ находилась слава и гордость Россіи! На какой-то безвѣстной станціи, въ желѣзнодорожномъ домикѣ, въ чужой квартирѣ лежалъ страдающій гениальный человѣкъ. Что съ нимъ, съ этимъ чудеснымъ и не такъ давно крѣпкимъ старикомъ? Какая у него болѣзнь? Хуже ему или лучше?

Помощникъ начальника дистанціи г. Шиллингъ, узнавъ, кто я такой, немедленно пришелъ мнѣ на помощь. Во-первыхъ, онъ предложилъ мнѣ помѣщеніе въ своемъ вагонѣ, гдѣ я съ благодарностью немедленно «остановился». О станціи, какъ о пріютѣ, нечего было и мечтать. Тамъ всѣ уголки были переполнены. Наѣхало разное начальство, явилась полиція, прибыли знакомые Толстого—изъ

нихъ гг. Гольденвейзеръ и Горбуновъ-Посадовъ ѣхали со мной въ одномъ поѣздѣ. Я благодарю г. Шиллинга за любезность, иду въ вагонъ, бросаю въ купе свой свертокъ съ подушкой и пледомъ и опять тороплюсь на станцію. Встрѣчаю Толстыхъ—Андрея Львовича, Илью Львовича и Михаила Львовича. Въ Астаповѣ ужъ собралась вся семья Льва Николаевича, за исключеніемъ одного Льва Львовича, задержавшагося въ Парижѣ. Я пробую разспросить Андрея Львовича, онъ говоритъ, что у отца—воспаленіе легкихъ, но въ какомъ положеніи болѣзнь, самъ не знаетъ. Всѣ Толстые какъ-то странны, растерянны. Графиня Софья Андреевна, появляясь въ залѣ I класса, производитъ также впечатлѣніе крайней напряженности нервовъ, съ прибавленіемъ истерической ажитаціи. И скоро все становится яснымъ: графиню... не допускаютъ къ Льву Николаевичу.

Я смотрю на Софью Андреевну: да, эта старая женщина глубоко потрясена. Она вошла въ залу, опираясь на руку своей компаньонки. На лицѣ графини слѣды слезъ. Она громко, взволнованно говоритъ, не стѣняясь присутствіемъ посторонней публики:

— Что они дѣлаютъ со мной!?!—спрашиваетъ она, глядя то на дѣтей, то на насъ, близко стоящихъ слушателей.—Я хочу его видѣть, они не пускаютъ! Нельзя, говорятъ! Онъ очень сильно боленъ... Боже мой, да что же это за пытка!? Отчего можно быть при немъ Маковицкому и Никитину, а мнѣ нельзя? Они выписали даже Черткова... Онъ не докторъ, а его позвали! Неужели онъ ближе къ Льву Николаевичу, чѣмъ я, жена!

— Не волнуйтесь, графиня, это вамъ вредно,—говоритъ стереотипную фразу сопровождающей ее врачъ.

— Ахъ, докторъ, перестаньте!—съ досадой возражаетъ Софья Андреевна.—Я не могу этого выносить! Мнѣ вредно, что я его не вижу... Пусть всѣ слышатъ и видятъ, какъ я страдаю... пусть рассказываютъ, пишутъ въ газетахъ! Я знаю, что отъѣздъ Льва Николаевича есть послѣдствіе вреднаго вліянія разныхъ постороннихъ людей. Онъ тяготился остановкой, это правда, хотѣлъ простоты жизни... Но теперь онъ будетъ радъ видѣть меня! Я съ нимъ прожила 48 лѣтъ... и меня не пускаютъ, точно я ему врагъ или посторонняя!

Я былъ удивленъ и потрясенъ этой рѣчью супруги Л. Н. Толстого. Я ничего не могъ понять. Въ русскихъ нравахъ какъ-то не укладывается насильственное отдаленіе близкихъ людей въ моментъ тяжкаго, можетъ быть, смертельнаго недуга. Я подошелъ къ врачу графини и спрашиваю у него, что значить вся эта тяжелая сцена?

Докторъ отвѣчаетъ вяло, нехотя. Оказывается, врачи Маковицкій и Никитинъ боятся, что внезапная встрѣча графини С. А. Толстой съ Львомъ Николаевичемъ можетъ взволновать послѣдняго, а волненія тяжко отразятся на ходѣ болѣзни. Спрашиваю, въ ка-

комъ положеніи болѣзни? Отвѣчаютъ какимъ-то замороженнымъ голосомъ:

— Обратитесь къ родственникамъ графа. Я безъ ихъ разрѣшенія ничего не могу сообщить...

Удивительное дѣло! Эти гг. эскулапы иногда бываютъ неумѣстно скромны. Что могло имѣть общаго съ нарушеніемъ врачебной этики простое сообщеніе о томъ, опасна или не опасна болѣзнь знаменитаго человѣка? Впрочемъ, можетъ быть, докторъ графини самъ былъ плохо освѣдомленъ?

Иду къ графамъ Толстымъ. У нихъ, наоборотъ, полное желаніе рассказать все, что они знаютъ объ отцѣ. Но знаютъ-то они немного, — вотъ бѣда!

— Придется спросить у доктора Никитина, — говорить мнѣ Михаилъ Львовичъ, самый младшій изъ Толстыхъ, очень симпатичный молодой человѣкъ.

— А гдѣ найти доктора Никитина?

— Онъ скоро выйдетъ...

Жду — не приходитъ ни Никитинъ, ни Маковицкій. Опять иду къ дому начальника станціи. Мимо этого страдальческаго этапа Л. Н. Толстого ужъ ходить, глядя на завѣтное окно, графиня Софья Андреевна; ее водить подъ руку компаньонка; повидимому, нервы старой графини не утихаютъ; она плачетъ, простираетъ къ дому начальника станціи свои трепещущія руки, что-то говоритъ голосомъ, потрясеннымъ рыданіями; въ эту минуту она напомнила мнѣ птицу, которая бьется о стекла той клѣтки, куда спрятали отъ нея птенцовъ, она старается влетѣть, трепеща крыльями и издавая крикъ, полный тоски и отчаянья...

Это было, еще разъ скажу, тяжелое зрѣлище; я до сихъ поръ съ волненіемъ вспоминаю о немъ... Я спрашивалъ у многихъ, отчего графиня можетъ дурно повліять на исходъ болѣзни, если войдетъ въ комнату Льва Николаевича? Родные отвѣтили мнѣ слѣдующее:

— Доктора Никитинъ и Маковицкій заявили намъ, что, если наша мать будетъ настаивать на свиданіи, они, конечно, силой ее не допустить не могутъ, но они умываютъ руки и не ручаются за послѣдствія. Когда это было передано нашей матери, она, разумѣется, не захотѣла взять на себя такой ужасной отвѣтственности и не пошла къ отцу. Но это ее мучитъ до чрезвычайности...

Наконецъ графъ Михаилъ Львовичъ вызвалъ доктора Никитина. Вышелъ безцвѣтный, бѣлокурый господинъ въ пиджачной парѣ. Я подошелъ, отрекомендовался и сталъ просить доктора о регулярныхъ сообщеніяхъ о ходѣ болѣзни Льва Николаевича. Г. Никитинъ отвѣчалъ:

— Я не имѣю права этого сообщать.

— Почему же? Вся Россія интересуется болѣзнию Толстого, и намъ, газетнымъ корреспондентамъ, всего важнѣе получать отъ васъ,

врачей, находящихся при больномъ, вѣрныя свѣдѣнія о болѣзни, чтобы въ печать проникли точныя извѣстія.

Г. Никитинъ подумалъ и сказалъ:

— Если родные ничего не имѣютъ противъ, то я готовъ давать просимыя вами извѣстія.

Я тутъ же обратился къ графамъ Сергѣю, Ильѣ, Андрею и Михаилу Львовичамъ, прося сейчасъ же заявить доктору, имѣютъ ли они что-нибудь противъ сообщеній о болѣзни ихъ отца. При этомъ я еще разъ сказалъ, что газетные сотрудники не могутъ собирать свѣдѣнія о болѣзни графа Толстого черезъ третьи руки, такъ сказать, отъ разныхъ профановъ, могущихъ просто напутать и ввести всѣхъ въ заблужденіе.

— Намъ необходимы ежедневные бюллетени,—заявилъ я, рѣшившись непремѣнно добиться толку въ этой сумятицѣ.

Въ концѣ концовъ, дѣло уладилось. Толстые ровно ничего не имѣли противъ удовлетворенія моей просьбы, и докторъ Никитинъ обѣщаль высылать бюллетени и разъ въ день самолично выходить—для общей бесѣды со всѣми корреспондентами. Бюллетени—при любезномъ посредствѣ графовъ Толстыхъ (въ особенности Михаила Львовича и Татьяны Львовны Сухотиной), г. Гольденвейзера и другихъ лицъ—появились въ нашихъ рукахъ, но «ежедневной бесѣды съ корреспондентами», увы, не произошло ни единой!

Второй вопросъ послѣ того, какъ мнѣ объяснили причины недопущенія Софьи Андреевны къ мужу—былъ вопросъ о томъ, почему къ больному не выписываютъ лучшихъ медиковъ изъ Москвы? Я спрашивалъ всѣхъ, какъ могутъ какіе-то обыкновенные доктора, какъ г. Никитинъ и Маковицкій, брать на себя смѣлость лечить Льва Николаевича и не приглашать на консилиумъ профессоровъ? Я полагалъ, что у страдальческаго одра Толстого долженъ собраться весь синклитъ медицинскихъ знаменитостей. Я находилъ, что преступно медлить съ этимъ приглашеніемъ. Болѣзнь Л. Н. Толстого—крупозное воспаленіе легкихъ—требовала энергичнаго леченія. Пусть г. Никитинъ лечитъ правильно, но онъ самъ обязанъ требовать выписки лучшихъ врачей изъ Москвы. У насъ всѣ медики, въ чемъ я убѣжденъ заранѣе, по первому зову помчались бы въ Астапово. Помните, я называлъ графамъ Толстымъ имена профессора Н. Ф. Голубова и доктора Щуровскаго. Родные только разводили руками и говорили:

— Не мы этимъ распоряжаемся...

Между тѣмъ, время шло. Ходомъ болѣзни Толстого «распоряжались» г. Никитинъ и Маковицкій, а также графиня Александра Львовна и г. Чертковъ. Я узналъ слѣдующее «заключеніе», исходящее изъ домика начальника станціи: врачи Никитинъ и Маковицкій знаютъ натуру Льва Николаевича, леченіе ведутъ вполне правильно, ухаживаютъ за больнымъ съ самоотверженной любовью и

вниманіемъ. Приглашать другихъ врачей опасно въ томъ отношеніи, что ихъ прїѣздъ взволнуетъ Льва Николаевича, а всякое волненіе будетъ имѣть вредныя послѣдствія на ходъ его болѣзни...

Какъ видите, мотивъ отказа тотъ же, что и при вопросѣ о свиданіи Софьи Андреевны: появится волненіе, а волненіе вредно.

Признаюсь, эти рѣчи мало убѣждали. Хвала гг. Никитину и Маковицкому за то, что они, какъ любящія дѣти, ухаживали за великимъ пациентомъ, но они—я это говорилъ въ Астаповѣ открыто—не имѣли права рисковать драгоценной жизнью Толстого, полагаясь на одно знаніе натуры Льва Николаевича и на вполне вѣрную методу своего леченія. Между тѣмъ, какъ это вскорѣ выяснилось, оба врача ошиблись въ главномъ: Левъ Николаевичъ все время думалъ о женѣ и говорилъ, что мысли и рѣчи о ней—это самое для него главное. Затѣмъ, когда болѣзнь приняла грозные симптомы, были выписаны доктора Щуровскій и Усовъ, они явились, осмотрѣли Толстого, и это не произвело на него никакого плохого впечатлѣнія; напротивъ, послѣ осмотра онъ совершенно спокойно спросилъ:

— Кто эти доктора?

Ему назвали.

— Какіе милые люди!—сказалъ Толстой.

Изъ этой фразы видно, что не волненіе, а хорошее успокоеніе принесъ визитъ докторовъ. А такъ какъ Левъ Николаевичъ все время страстно хотѣлъ узнать о женѣ, то свиданіе съ ней было бы ему пріятно.

Въ самомъ началѣ нашего пребыванія на всѣхъ, случайно съѣхавшихся и по необходимости оставшихся на станціи Астапово, неожиданно обрушилась гроза... отчасти трагикомическаго свойства. Скопленіе на станціи «посторонней публики», т. е. семьи графа Льва Николаевича Толстого, его знакомыхъ и корреспондентовъ газетъ, было признано мѣстной властью (жандармской) «недопустимымъ». Явился жандармскій унтеръ-офицеръ и объявилъ, чтобы мы все «очистили станцію», затѣмъ онъ приказалъ буфетчику закрыть буфетъ и отворять его только въ указанные часы, во время прихода поѣздовъ. Мы, корреспонденты, телеграфировали въ Москву генералу Петрову, и тотъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе, которымъ все «недоразумѣніе» было уничтожено.

Что касается желѣзнодорожнаго начальства, начиная съ управляющаго Рязанско-Уральской желѣзной дороги генерала Матренинскаго, прибывшаго въ Астапово, и кончая начальникомъ станціи Озолинымъ, всѣ эти лица оказали огромную любезность и услуги и роднѣ великаго писателя, и намъ, представителямъ прессы. Для корреспондентовъ былъ отведенъ цѣлый домъ, обмѣблированный кроватями, постелями и бѣльемъ. Раньше жандармы даже въ этотъ домъ никому не позволили поселиться, вопреки разрѣшенію г. Матренинскаго. Я, впрочемъ, этимъ домомъ не пользовался,

у меня имѣлся вагонъ второго класса, а графиня С. А. Толстая и ея дѣти помѣстились въ своемъ вагонѣ перваго класса.

Точно также почта и телеграфъ были «мобилизованы» къ услугамъ «шестой державы»: желѣзнодорожный телеграфъ работалъ прямо на большіе пункты, ведущіе въ Петербургъ и Москву, мѣстная почтово-телеграфная контора также была переполнена телеграфистами, которыми распоряжался тамбовскій почтъ-директоръ г. Ивановъ. Вообще, гражданскіе чины оказались истинными помощниками газетъ, такъ какъ при иномъ отношеніи та масса депешъ, какая отправлена изъ Астапова, едва ли могла быть передана своевременно. Телеграфъ работалъ цѣлыя сутки за сутками, безъ отдыха. Я могу иллюстрировать дѣло нѣкоторыми цифрами: я, напримѣръ, истратилъ на телеграммы, отправленныя въ редакцію «Новаго Времени», свыше 1300 р. (включая въ эту сумму и тарифъ за телеграммы изъ Ясной Поляны). Думаю, что нѣкоторые корреспонденты, напримѣръ, отъ «Русскаго Слова», приславшаго шесть сотрудниковъ, истратили не меньше. Всѣхъ корреспондентовъ было, кажется, отъ двадцати пяти до тридцати человекъ.

Какъ проводили время корреспонденты? Мои, напримѣръ, сутки не дѣлились на установленныя части: день и ночь. Спать было некогда. Въ свой вагонъ я приходилъ часа въ два-три ночи, немного отдыхалъ—и вновь шелъ на станцію. Все время приходилось спрашивать, бесѣдовать, добиваться новостей—и писать, писать безъ конца. Я отправлялъ телеграммы и днемъ, и вечеромъ, и утромъ, и ночью, кромѣ того, писалъ корреспонденціи и отсылалъ ихъ почтой. При этомъ я нанялъ нѣсколько человекъ изъ желѣзнодорожной прислуги, которые относили телеграммы и караулили ночью, въ то время, когда я ложился, не раздѣваясь, на полчаса или на часъ—немного подремать. Но, по правдѣ говоря, сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Не до отдыха было! Ужъ если судебное дѣло (напримѣръ, одиннадцатидневный процессъ братьевъ Скитскихъ въ Полтавѣ) волновало меня, то здѣсь, въ Астаповѣ, я переживалъ дни и ночи такого напряженія нервовъ, какого никогда не испытывалъ. Какъ сотни тысячъ русскихъ людей беззавѣтно любятъ Толстого заочно, я любилъ его и припоминалъ всё и ши встрѣчи и бесѣды. Жутко было ходить по дебаркадеру станціи въ тишинѣ ненастной ночи и съ тревогой глядѣть на красный домикъ, гдѣ гигантъ-писатель боролся съ тяжкимъ недугомъ... Мы всё и боялись, и надѣялись. Но надежда была слаба: страхъ отъ ожиданія дурныхъ извѣстій преобладалъ, и сердце замирало отъ ужаса. Мы ждали, что вотъ выйдетъ изъ домика кто-нибудь изъ близкихъ Толстого, допущенныхъ къ нему, и скажетъ, что...

Это произошло скорѣе, чѣмъ думали сами доктора!

Въ ночь съ 6-го на 7-е ноября мы ходили по платформѣ, не обращая вниманія на холодъ и мелкій дождь. Ожидали утренняго бюл-

летеня врачей. Днемъ 6-го ноября у Толстого былъ сильный припадокъ: слабое сердце восьмидесятидвухлѣтняго старика отказывалось биться нормально...

И вотъ, въ пять часовъ утра 7-го ноября намъ вынесли этотъ убійственный бюллетень:

«Наступило рѣзкое ухудшеніе сердечной дѣятельности, положеніе крайне опасно».

У постели Льва Николаевича находились врачи—Щуровскій, Усовъ, Беркенгеймъ, Никитинъ и Маковицкій. Съ этого момента (только съ этого!) была допущена и Софья Андреевна, и всѣ остальные члены семьи Толстого.

Увы, это было начало конца, это рѣзкое ухудшеніе сердечной дѣятельности. Левъ Николаевичъ лежалъ безъ памяти и ужъ не могъ узнать ни жены, ни дѣтей...

Мы столпились у домика... и ждали недолго: въ шесть часовъ пять минутъ утра 7-го ноября 1910 года русскій писатель графъ Левъ Николаевичъ Толстой тихо скончался...

И въ этой самой комнатѣ, гдѣ за минуту боялись неосторожно кашлянуть, вздохнуть, воцарилось истинное отчаяніе. Рыдала и билась о кровать, гдѣ лежалъ усопшій, графиня Софья Андреевна. Плакала ея дочь Татьяна Львовна, сыновья, остальные родственники...

Узнавъ о страшномъ событіи, я побѣжалъ на станцію, сѣлъ за столъ и досталъ карандашъ и бумагу, чтобы составить депешу. Такова участь корреспондента. Что бы ни произошло, какъ бы тебя ни ударило по душѣ и нервамъ,—торопись описать происшествіе! Составляй скорѣе корреспонденцію, телеграфируй!

Окостенѣвшіе пальцы руки, однако, могутъ держать карандашъ, но я что-то плохо видѣлъ свой раскрытый блокъ-ночь. Что-то внезапно заволокло и столъ, и бумагу, и первыя слова телеграммы. Что это? Ты ли, отжитая молодость, посылающая своихъ рѣдкихъ, полузабытыхъ гостей? Что течетъ по моимъ щекамъ? Слезы, это слезы!! Ну, не стыдно ли? Газетный чернорабочій, передаточная станція отъ мѣста событія до кабинета редакціи, описатель множества человѣческихъ несчастій—позволяетъ себѣ такую роскошь.... плакать!?

Я бросаюсь наружу, подъ дождь, который освѣжаетъ мою голову. И то, что бѣжало по моимъ щекамъ, я ужъ называлъ: это дождь! Спѣшу на телеграфъ, тамъ суматоха, стукъ аппаратовъ, крикъ моихъ сотоварищей:

— Срочная! Срочная! Принимайте скорѣе!

Сажусь и я, и пишу много, торопливо, депеша слагается въ истерическій вопль, а въ сознаніи одна всепоглощающая мысль: что значать эти депеши передъ событіемъ?!

Отославъ телеграмму, я иду къ дому начальника станціи. Дождь пересталъ, небо, все время покрытое въ эти дни свинцовыми тучами, вдругъ освѣтилось, появились голубыя окна, а въ нихъ брызнули лучи солнца. И мнѣ пришло въ голову, что улетающая муть и туманъ — страшная болѣзнь, похитившая свою добычу, летить прочь...

Я вошелъ въ завѣтную комнату и остановился на порогѣ. Меня остановилъ громкій женскій плачь: это вопила графиня Софья Андреевна. Я видѣлъ ее лежавшей у кровати, она ломала руки, опять билась, стонала и рыдала... Не вынося этого зрѣлища, я ушелъ обратно, на крыльцо. Черезъ нѣсколько минутъ выходитъ графъ Илья Львовичъ и говоритъ мнѣ:

— Идите, проститесь съ отцомъ, пока нѣтъ толпы...

И ведетъ меня.

Графиню въ это время унесли въ другую комнату. Я останавливаюсь и вижу, наконецъ, Льва Николаевича...

Я земно ему кланяюсь, потомъ опять смотрю на него: да, это онъ, это все тотъ же Левъ Толстой, но... въ его характерномъ и знакомомъ обликѣ есть какая-то перемѣна. Какая же именно? Увы, закрыты его дивные, проникновенные глаза! Вотъ отчего все измѣнилось... погасъ навѣкъ этотъ незабываемый взглядъ!

Я прикасаюсь губами къ блѣдно-желтому челу Толстого, цѣлую его руку, ту могучую руку генія, написавшую столько безсмертныхъ твореній и...

Что еще прибавить, что написать въ этой небольшой статьѣ? Я ничего прибавить не могу. Можно остановиться на этихъ двухъ, мрачныхъ, какъ реквиемъ, словахъ:

Толстой умеръ!»

Умеръ великій Левъ Толстой, и все, что сохранило въ себѣ чуткость и человѣческія движенія души, — пало въ тоскѣ, перенесъ мысленно къ его гробу, къ его яенополянскій могилѣ...

Н. Ежовъ.

ВОКРУГЪ ПЕТЕРБУРГА.

Изъ галлерей современныхъ типовъ¹⁾.

Беллетристическая мозаика.

IV.

У моря.

АНГЛІЙСКАЯ пунктуальность — одно изъ достоинствъ Хохлова; «намѣтилъ—совершилъ»—девизъ его жизни.

И въ пустякахъ, и въ серьезномъ, всегда точный, онъ любилъ заранѣе выработать планъ и затѣмъ уже слѣдовать ему съ неизмѣнной аккуратностью.

Въ первыхъ числахъ іюля выяснилась возможность оторваться отъ службы.

Назначивъ опредѣленные часы въ теченіе двухъ свободныхъ дней для посѣщенія знакомыхъ и разославъ имъ предварительно открытки съ шутишвой надписью: «Иду на васъ», онъ сталъ выполнять маршрутъ, но впалъ сейчасъ же въ мрачное уныніе, такъ какъ теорія и практика зачастую не имѣютъ между собою ничего общаго: тотъ уѣхалъ въ отпускъ; другой не получилъ письма и отлучился неизвестно куда, третій экстренно вызванъ въ Петербургъ, словомъ, неудача за неудачей...

Хохловъ рѣшилъ двинуться къ ближайшей станціи, лежащей на берегу моря, и перепочевать въ гостиницѣ. Однако дешъ, начав-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историч. Вѣстникъ», т. СХХIV, стр. 447.

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1911 г., т. с. хiv.

шійся такъ неблагопріятно, продолжалъ подносить разные сюрпризы.

Поѣздъ, котораго ожидалъ Владимиръ Петровичъ, запоздалъ почти на полтора часа.

Наконецъ вдали показался дымокъ. Напряженіе дачниковъ и дачницъ росло.

Не успѣли остановиться вагоны, какъ на ходу вскакивали, толкались, ссорились нетерпѣливые пассажиры.

Слѣпой музыкантъ бодро перебиралъ пѣвучія струны гитары съ какими-то замысловатыми придатками.

Хохловъ съ трудомъ отыскалъ себѣ мѣсто.

Сосѣдъ по дивану въ разговорѣ съ дамой отчетливо нанизывалъ слова, стараясь притвориться спокойнымъ, хотя негодованіе такъ и рвалось наружу, такъ и сверкало изъ-подъ взъерошенныхъ сѣдыхъ бровей.

— Москва и Петербургъ... О, это два разительныхъ контраста! Москва-матюшка, какъ купчиха, вширь ползеть, неразборчива она, съ широкими размахами, съ богатырскими аппетитами, не дорожитъ деньгами, устраивать волшебные фонтаны изъ шампанскаго—мастерица, на нѣсколько верстъ соли накидаетъ и лѣтомъ санный путь вамъ изготовить, какъ въ сказкѣ, по щучьему велѣнью. Недавно, когда французскихъ депутатовъ принимала, чудила на славу. Скульптору бѣлаго медвѣдя изо льда заказала для ресторана, видите ли, чтобы встрѣчалъ гостей. Потомъ, само собой, растаялъ, въ медвѣжонка превратился, а все пропорціонально, ни на волосъ отъ природы не отступилъ,—вѣдь, вотъ какіе искусники москвичи! Да, что тамъ! Москва Москвой останется. Петербургъ—совсѣмъ иная статья: скупой, прижимистый, дрожащій надъ своимъ кускомъ, съ чиновничьей душой, онъ не имѣетъ ни смѣлыхъ взмаховъ, ни настоящихъ денегъ, а все же ему не хочется отстать отъ Москвы, ну, и тянется ввысь, къ пятымъ да шестымъ этажамъ, точно дерево безъ вѣтвей... боится разбрасываться, жадный... Не вообразите, сударыня, что онъ взлетаетъ къ солнцу... Куда тамъ!.. Ползкомъ пробирается по лѣстницѣ, прямо къ чердаку... или въ подвалы забирается... «Это мое, это мое!..» только и услышишь отъ него... Плюшкинъ въ вицмундирѣ. Извините, сударыня, за выраженіе, вынче у себя на квартирѣ глотаетъ изъ экономіи (и не давится!) калачики-вшивики, а завтра требуетъ, чтобы задали ему обѣдъ со стерлядями да лангустами благодарные соотечественники за великіе труды. Какъ же, дождись!..

Поѣздъ приближался къ платформѣ; пищали скрѣпы вагоновъ.

Вышло человѣка четыре, въ томъ числѣ Хохловъ съ небольшимъ сакомъ.

Часть неба освѣщалась луной-невидимкой. Стояла тепличная духота. Слегка качающіяся верхушки сосенъ и елей, растущихъ

въ ближайшихъ садахъ при дачахъ, казались темнымъ кружевомъ на серебристомъ фонѣ. Облака, точно перья—бѣлыя и черныя, разбросаны были по всѣмъ направлениямъ. Мерцали рѣдкіе огоньки свѣтящихся оконъ. Мѣстные обитатели, видимо, уже приготовлялись спать. Правда, вдоль полотна желѣзной дороги блуждали кое-какія пары, занятая дачной любовью.

Группа финновъ о чемъ-то переговаривалась на своемъ непонятномъ языкѣ и смѣялась. Шмыгала прислуга. Грызлись собаки.

«Ого! Двѣнадцать часовъ...» подумалъ Хохловъ, спѣша съ багажомъ въ рукѣ къ гостиницѣ.

Подъ ложкой сосало. Отъ жажды пересохло горло.

Минуть десять быстрого шага, и онъ передъ деревяннымъ двухъ-этажнымъ домомъ. Это—гостиница какого-то русскаго, пріютившагося въ Финляндіи.

Горитъ фонарь и внутри столовой свѣтится.

Дверь не заперта. Хохловъ въ восторгѣ.

Радостный входитъ и прямо наталкивается на хозяина и хозяйку, суетящихся возлѣ буфета.

— Мое почтенье. Усталъ. Дайте, пожалуйста, номерокъ и чего-нибудь перекусить да выпить. Положительно изнемогаю... отъ пыли и отъ ходьбы.

Въ голосѣ—полное довольство, что путешествіе закончено по крайней мѣрѣ хоть до утра.

Хозяева странно переглядываются.

— Все разобрано,—съ безстрастной улыбкой заявляетъ хозяинъ и отворачивается, продолжая перетирать и уставлять посуду.

Хохловъ сначала будто не понимаетъ.

— То есть какъ разобрано? Я, вѣдь, не кто-нибудь, не съ улицы... Я вамъ паспортъ предъявлю... Я—статскій совѣтникъ, служу въ департаментѣ...

— Это намъ ни къ чему-съ. Тутъ паспортовъ не требуется... заграница! А коли нѣту мѣстовъ, то и нѣту, господинъ. Такъ-то-съ.

— Что же мнѣ на открытомъ воздухѣ ночевать, въ купальной будкѣ?—уже горячится Владимиръ Петровичъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Еще ночной поѣздъ въ Петербургъ не отходилъ-съ... обратно поспѣете, ежели скоро,—раздается прежній отвѣтъ, удручающій своимъ стойкимъ равнодушіемъ.

«Нѣту мѣстовъ... ежели... заграница»...—точно молотомъ отбивали въ мозгу назойливыя слова содержателя гостиницы, Матренина.

«Издѣвается надо мной?..» думалъ Хохловъ и кололъ острымъ взоромъ хладнокровно стоявшихъ хозяевъ.

Послѣ короткаго молчанія онъ заявилъ слегка вздрагивающимъ голосомъ:

— Послушайте, однако, любезнѣйшій, я совсѣмъ не собираюсь шутить. Если нѣтъ комнаты, ну, что же дѣлать, отыщу гдѣ-нибудь и безъ васъ, но насчетъ возвращенія въ Петербургъ это уже чортъ знаетъ, какая чушь!.. Насмѣшка!..—и послѣ колебанія прибавилъ гораздо мягче:—дайте же вынйти чего-нибудь и поѣсть...

Въ тускломъ лицѣ Матренина—сознаніе собственного достоинства.

— По здѣшнимъ правиламъ послѣ одиннадцати нельзя ничего продавать, ни Боже мой!..

Бѣлые усы вздрагиваютъ отъ скрытой усмѣшки.

— Да это вовсе не продажа. Это—подача помощи въ несчастномъ случаѣ,—пробуетъ убѣдить Хохловъ:—понимаете?

— Господиъ, ей-Богу-съ, опоздаете на поѣздъ,—уже нетерпѣливо перебиваетъ Матренинъ.

— А, вотъ какъ! Ладно! Въ Россіи ползаль бы на четверенькахъ передъ каждымъ городовымъ, унижался бы, а тутъ сразу почувствовалъ себя финскимъ гражданномъ и носъ задираешь!.. Русскій, а говорить по-русски не научился! Слова коверкаешь... «Мѣстовъ»!.. Стакана чаю не продашь послѣ одиннадцати, а за пятерку, небось, чайникъ съ водкой подсунешь?.. «По здѣшнимъ правиламъ»!.. Эхъ ты, башка продажная! Ну, плевать я на тебя хотѣлъ послѣ этого...

Вскипѣлъ Хохловъ, забылъ свой департаментскій лоскъ, скинулъ прочь накрахмаленную маску петербуржца, плюнулъ на полъ (сказался въ немъ уроженецъ юга), стукнулъ стеклянной дверью и попчался назадъ по пустынной улицѣ, уже залитой яркимъ луннымъ свѣтомъ. Небо очищалось отъ облачнаго кружева.

Не было вѣтра, но море начинало шумѣть, и говорливая волна повѣряла тебдой июльской ночи какія-то свои догадки.

Выбѣжалъ на крыльцо умышленно замѣшкавшійся Матренинъ.

— Не хорошо-съ, а еще воспитанный господинъ! По финскимъ законамъ...—какъ-то смѣшно горячился онъ, весь трясся и выкрикивалъ вдогонку Владимиру Петровичу безпорядочныя, непунктыя угрозы.

А тотъ съ сакомъ въ рукѣ уже далеко отошелъ, спѣшилъ, смутно помня, что гдѣ-то около вокзала находятся меблированныя комнаты.

Пока онъ стучалъ и не могъ достучаться и, полный отчаянья, обдумывалъ: «какъ же быть дальше, неужели возвращаться въ проклятый, душный Петербургъ?»—стали расти и приближаться странныя, тревожныя крики нѣсколькихъ человѣкъ и скорѣй женскіе, чѣмъ мужскіе.

Нельзя было разобрать словъ, но чувствовалось какое-то горе, висѣлъ какой-то нѣмой ужасъ передъ чѣмъ-то.

Убѣдившись, что меблированныя комнаты не стѣпруть, Хохловъ быстро зашагалъ по направленію этихъ непонятныхъ криковъ, нарушавшихъ цѣльность красивой ночи.

«Зарѣзали кого, ограбили?.. Можетъ, какой-нибудь слабѣй самъ покопчилъ съ жизнью?..»—зарождались въ его головѣ невольные вопросы.

Почему-то безъ всякой связи вспомнилъ, какъ въ маѣ говорилъ дворникъ: «Почка завернулась и комаръ поднялся къ хорошему лѣту», и рѣшилъ въ умѣ: «Вранье!.. дождей сколько лило...—вотъ теперь дѣйствительно недурно... если бъ перепочевать въ комнатѣ съ окнами въ садъ да червячка заморить...»

Уже явственно слышались причитанья:

— Голубчикъ мой, гдѣ же ты?.. Соколикъ мой, отзовись!

— Полноте, Пелагея Сидоровна! Они безпремѣнно въ кустахъ сидятъ. Посидятъ, посидятъ и вернутся.

— Ой, головушка! Либо на рельсы шейку положить, либо утопится... Сердце—вѣщунъ, не обманеть...

Свистѣль приближавшійся поѣздъ.

— Бѣги, Петровичъ, неровень часъ, увидишь моего Сережу, удержи его... Озолочу тебя... Заклинаю всеѣмъ святымъ... Къ Нилу преподобному пѣшкомъ схожу...

— Что вы, матушка, Пелагея Сидоровна, благодѣтельница...

Опять кто-то бѣжалъ, кричали, шумъ вагоновъ, звонки, пыхтѣнье локомотива,—все сливалось въ какомъ-то бредовомъ, кошмарномъ, дикомъ хаосѣ звуковъ.

— Владимиръ Петровичъ! какими судьбами въ нашъ поселокъ заглянули?

Хохловъ повернулся, озадаченный: за его спиной стояла коренастая фигура Соснецкаго, писателя.

Луна освѣщала его загорѣлое, бронзовое лицо. Добродушная улыбка открывала рядъ крѣпкихъ, здоровыхъ зубовъ. Глаза съ хитрецей, слегка прищуренные, съ любопытствомъ остановились на Хохловѣ, словно ясная пронизать его рентгеновыми лучами.

Снова причитала женщина, и раздавались другіе голоса, уже болѣе спокойные.

— Это—наша дачевладѣлица. Мужъ ссорится съ нею, а старшій сынъ, чуть что, сейчасъ же бѣжитъ къ рельсамъ, его ловятъ... Малый съ придурью, но славный. Пока благополучно сходило... Выговая картина: отецъ—алкоголикъ, дѣти—рахитики, мать изъ кухарокъ, но съ энергіей Мессалины... Однако, что же мы стоимъ?.. Не зайдете ли? У меня всегда комната для друзей.

Соснецкій много смѣялся, когда Владимиръ Петровичъ за столомъ, уставленнымъ закусками и виномъ, рассказывалъ о своихъ злоключеніяхъ.

— О, Матренинь—тишь!—подхватилъ беллетристъ, безпрестанно опрокидывая въ ротъ рюмку за рюмкой, что оказывало на него замѣтное дѣйствіе:—съ русскими—финиъ, съ финнами—русскій... Не стоитъ и вспоминать этакой дряни. Подобной накипи въ каж-

домъ городѣ сколько угодно. Ростовщикъ, спаиваетъ населеніе и по части живого товара—мастеръ первой руки. О, я наблюдаю! Ему будетъ отведено соотвѣтствующее мѣсто въ моемъ романѣ: «Распятая мечта». Я самъ пью, но никого не спаиваю, никого... а пью потому, что скука иногда одолеваетъ, людей жалко, да и противно на нихъ глазѣть... гадины!

Дача Соснецкаго—уголокъ труда.

Хохловъ сразу замѣтилъ, что тутъ совершенно иная атмосфера, и онъ отчасти завидовалъ писателю, который сумѣлъ уйти изъ города и создать вокругъ себя именно ту обстановку, которую любилъ и которую желалъ.

Дружеская бесѣда Соснецкаго съ Хохловымъ «затянулась далеко за полночь», какъ выражаются газетные репортеры о товарищескихъ обѣдахъ и ужинахъ; поэтому встали на другой день поздно.

— Ъхаль къ однимъ, а попалъ къ вамъ... Хочу восвояси. Нужно и честь знать,—началъ было Владимиръ Петровичъ въ видѣ оправданья и нерѣшительно поглядывалъ на стѣнные часы съ треснутымъ циферблатомъ:—пріѣхаль непрощенный, выспался, наѣлся...

— Это вамъ не удастся, міо саго. Ни-ни! Отсюда такъ стремительно еще ни единая душа не уѣзжала. Вишь придумалъ! Какъ бы не такъ! Вы арестованы и все тутъ. Погода—благодать. Дышите кислородомъ. Ужели по питерской вони скучаете?..

Соснецкій распахнулъ окно, и изъ сада ворвалась въ комнату душистая хвойная струя.

Виднѣлась изъ-за деревьевъ мелькающая цѣпь движущихся вагоновъ.

Кричала иволга, словно подражая кошкѣ. Ручные голуби взлетали на крышу дома, и каждый взмахъ ихъ нѣжныхъ крыльевъ отдавалъ короткій, пѣвучій звукъ.

Въ травѣ и на цвѣтникахъ что-то жужжало, стрекотало, звенѣло. Жизнь была ключомъ.

Толпа рабочихъ суетилась на полотнѣ желѣзной дороги. Писатель смотрѣлъ вдаль влюбленными глазами.

— Природа... чудная, милая природа!—тихо произнесъ онъ и на минуту точно позабылъ обо всемъ окружающемъ, потомъ быстро сталъ ходить взадъ и впередъ, ерошилъ волосы и мечтательно напѣвалъ изъ «Руслана и Людмилы»:

Она мнѣ—жизнь, она мнѣ—радость!

Она мнѣ возвратила вновь

Мою утраченную младость

И миръ, и чистую любовь...

Хохловъ нехотя перелистываль новый журналъ.

Взглядъ Соснецкаго упалъ на обложку книги, и онъ вдругъ блеснулъ сердитымъ огонькомъ; лобъ наморщился; затѣмъ по лицу расплылась неприятная, дѣланная усмѣшка.

— Я уважаю самонадѣянныхъ, люблю и тѣхъ, кто съ гордостью говорить о себѣ, вѣрить въ себя. Я самъ въ себя вѣрю. Въ этомъ признакъ силы. Конечно, создавать знаменитости изъ мыльныхъ пузырей это тоже—искусство и немалое... Но я—не поклонникъ такого жанра. Христось съ нимъ! А пишеть о Б, а Б пишеть объ А. Тутъ уже пахнетъ куплей-продажей, сдѣлкой съ совѣстью, и эта литературная реклама ничѣмъ не лучше объявленій насчетъ «полового голода» и проч. Какое-то художественно-литературное сводничество. Брр... Я не довѣряю критикѣ; надѣюсь только на читателя. Простой, неиспорченный, неглупый человѣкъ все потомъ разбереть и переоцѣнитъ по-своему, что такое А и что такое Б. Это ужъ какъ дважды-два. Да вамъ не скучно со мной? Махните на меня рукой, плюньте и разотрите! Напалъ на любимую тему и зазвонилъ въ колокола. Меня пугаетъ психопатологическое настроеніе нашей современной литературы и нашей городской жизни. Впереди какія-то бездны... Э, да ну его! Пойдемте-ка, батенька, къ морю на часокъ, пока до ѣды. Что здѣсь сидѣть! Общеніе съ природой куда выгоднѣе, чѣмъ съ двуногими хищниками. Я тоже—хищникъ, не думайте, что буду зашираться. Пальца въ ротъ не кладите, — откушу... алчень, плотоядень, съ дикими инстинктами ягуара...

Онъ долго и громко хохоталь.

Хохлову сдѣлалось неловко.

«Чего онъ заливается? Какъ будто славный, а тоже съ гвоздикомъ... Обижень, что его въ печати замалчиваютъ, и нервничаетъ. Другіе въ гору идутъ, а онъ—ни съ мѣста...»

— Звѣри мы, звѣри!—повторилъ Соснецкій послѣ нѣкотораго раздумья, когда поравнялся съ мостомъ, носящимъ красивое названіе:—вотъ поглядите, голубчикъ! «Мостъ свободы»... Гордо, не правда ли? а какая свобода? тьфу! Каждую осень, каждое лѣто у насъ—сезонъ поджоговъ. Любительскіе пожары, чтобы получить страховую премію. Это развѣ свобода? Звѣри мы, звѣри!..

На песчаномъ берегу, застроенномъ кабинками, толпилось много народу.

Купальщики и купальщицы, полураздѣтые или въ костюмахъ, валялись по песку, расхаживали, бесѣдовали. Играла дѣтвора, роя для куколъ пещеры и подземные ходы.

«Купальное ухаживанье», одинъ изъ многочисленныхъ видовъ «дачной любви», пріютилось здѣсь и, повидимому, нашло благоприятную почву для развитія. Мелькали рѣшительно всѣ масти, формы и типы женской красоты.

Юноша съ горбатымъ носомъ и яркокрасными губами, въ широкой панамѣ со спущенными полями и въ длинной парусиновой блузѣ ниже колѣнъ) безъ пояса, съ голыми ногами, шель вдоль берега подъ руку съ высокимъ, худымъ, изнѣженнымъ господиномъ въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ, бѣлой шляпѣ, бѣлыхъ башмакахъ.

На голубомъ фонѣ моря съ жгучими переливами солнца обѣ фигуры выдѣлялись довольно рѣзкимъ контрастомъ и обращали на себя вниманіе.

Соснецкій подтолкнулъ Хохлова.

— Художественный денди со своимъ другомъ. Серьезно убѣжденъ, что непогрѣшимъ, какъ богъ, а по-моему—хлыщъ, не больше.

Они раскланялись, и тотъ, котораго писатель назвалъ «денди», пріестановился и умышленно громко заговорилъ, очевидно, желая, чтобъ его слышали.

— Ахъ, красота, красота!—воскликнулъ онъ, закатывая глаза и покручивая выхоленные усы:—красота старины... Мы, обозрѣватели прошлаго, ретроспективные мечтатели, любимъ ее всѣми силами души. Развѣ не трогательны и эти чопорно-изысканныя молдепки времянь Елизаветы, Екатерины, Павла, Александра, и это стильноеизящество золоченыхъ гостиныхъ съ позабытой эротикой отжившей эпохи!.. Намъ нужны неуравновѣшенные фантасты, умѣющіе колдовать въ краскахъ, извлекать тайны изъ сумраковъ непостижимаго.

— Да, да... Темные взоры, переливы бархата и шелка... подстриженные рощицы съ затѣйливыми клумбами... Я читалъ объ этомъ въ книгѣ «о художникахъ»,—цѣдилъ юноша съ горбатымъ носомъ, будто высасывать слова изъ рта, и вдругъ, точно вспоминая затверженный урокъ, радостно подхватилъ:—а восхитительные, взволнованные рисунки Мориса Робэна!..

Потомъ стали шептаться, и ихъ не было слышно.

Соснецкій скорчилъ уморительную гримасу и вдругъ пробасилъ, по такъ, что его октава проплыла по всему берегу:

— Читали, Владимиръ Петровичъ, про монмартрекаго осла? Вѣдь, вотъ бестія! Нарисовалъ хвостомъ картину для «салона независимыхъ». Что ни толкуйте, а этотъ осель вышелъ настоящимъ художникомъ. Его имя сохранить исторія: Джакомо-Рафаэль Боронали.

Юноша казался удивленнымъ дерзостью бытовика-писателя.

Денди бѣгло лорнировалъ, осматривая Соснецкаго и Хохлова, затѣмъ также быстро перевелъ стеклышко моногля куда-то въ сторону.

Не прибавивъ ни одного слова, они молча двинулись дальше, взаимно поддерживая другъ друга.

Писатель хохоталъ преувеличенно громко, вполне удовлетворенный этой сценой.

Хохлову было какъ-то не по себѣ, и онъ безпокойно осматривался. Онъ не любилъ никакихъ столкновений, ничего такого, что могло повести къ осложненіямъ.

«Нѣтъ, съ нимъ опасно! Душа параспашку. Надо отъ него по-дальше. Еще попадешь въ какую-нибудь канитель... Бѣдовый! Съ меня довольно и объясненія съ Матренинымъ».

Не успѣли отдохнуть отъ разговора «фланелеваго франта», какъ окрестилъ его писатель, вотъ опять послышались сзади голоса.

Скрипучій фальцетъ выводилъ нараспѣвъ:

— Какъ? ты не имѣешь понятія? не знаешь знаменитаго «сепета о гласныхъ»,—сонета Артюра Римбо, написаннаго подъ вліяніемъ ученія о цвѣтномъ слухѣ? Ну, ты ровно ничего, значить, не читалъ! Ты — неучъ, а не поэтъ... «A—noir, E—blanc, I—rouge, U—vert, O—bleu...». Вспоминаешь?..

— Не пора ли, Владиміръ Петровичъ, въ хату?.. Марка съ сонетомъ для меня слишкомъ сильна. Я терплю, терплю, да могу же и по физіи заѣхать...

— Собственно говоря, я не спеціалистъ въ вопросахъ литературы,—осторожно перебилъ его Хохловъ:—но зачѣмъ же такая нетерпимость?.. Вонъ Пшибышевскій, помнится, написалъ гдѣ-то относительно неврастенія, что эта болѣзнь когда-нибудь потомъ, даже завтра, пожалуй, будетъ считаться величайшимъ здоровьемъ. Такъ во всемъ. Вы извините, что я заспорилъ. Я—дилетантъ.

— Ничего, что же... Я радъ... очень радъ. У меня идіосинкразія. У иныхъ подъ ложкой болитъ отъ земляники и отъ раковъ, а я болѣю отъ литературно-художественной свистопляски.

Возвращались въ подавленномъ настроеніи.

Каждый—вспоминалъ свое.

Бесѣда не вязалась.

Писатель подъ носъ напѣвалъ: «Генераль-майоръ Баклановъ... Генераль-майоръ Баклановъ...»

А когда вернулись домой, онъ сразу подефль къ графинчику съ водкой.

Вошла горничная подавать обѣдъ.

Соснецкій протягиваетъ вдругъ кулакъ и кричить:

— Наткнись лбомъ, Зинка!

Не понравилась яичница съ укропомъ,—вывернулъ тарелку на полъ.

Рюмка за рюмкой такъ и подносилъ къ губамъ, выпьетъ, крикнетъ и разсердится, что Хохловъ не подражаетъ ему.

— Вы—баба, а не мужчина. Зинка, отвѣчай сейчасъ:—баба онъ или мужчина? Наткнись лбомъ!.. Знаете, я васъ обязательно опишу въ романѣ «Распятая мечта». Вышейте лучше! Ни-ни? Чудакъ!.. Можетъ, вамъ «606» нужно?.. Поблѣднѣли?.. Пустое!.. Я

это сдуру... Дурацкій стихъ попалъ. Р-руку, товарищъ! Зипка, цѣлуй р-руку у барина!.. Живо! Не мнѣ же цѣловать!..

Писатель совершенно охмелѣлъ, и Хохловъ сидѣлъ за столомъ какъ на горячихъ угольяхъ.

Ему было стыдно и за себя, и за него, и за хорошенькую синеглазую прислужницу, которая краснѣла, но ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не показывала, что обижена на Соснецкаго.

Когда тотъ захрапѣлъ, облокотившись на спинку кресла, Владимиръ Петровичъ незамѣтно одѣлся и вышелъ, не прощаясь.

— У васъ часто такъ бываетъ?—спросилъ онъ на крыльцѣ у Зины, протягивая ей рубль.

— Какъ придется. Баринъ—добрый. Это такъ, невзначай. Теперь-то навѣрняка ужъ запьютъ...

Говорить, а на глазахъ слезы. Рубль приняла неохотно, сконфузилась.

Хохловъ поспѣшилъ уѣхать, чтобы скорѣй забыть все непріятности этого неудачнаго путешествія.

«Трудится, пишетъ, талантливый, а душа съ изломами... Если не пошлякъ, непременно съ какимъ-нибудь бзикомъ».

V.

Въ курортѣ.

Въ субботу 24 іюля въ Сестрорѣцкомъ курортѣ собралось немалое количество самой разнообразной публики.

Всякій день имѣетъ свою судьбу.

Хотя не предвидѣлось никакихъ особенныхъ развлеченій, излюбленныхъ петербуржцами, но, вѣроятно, случайно выпавшая рѣдкая погода вызвала наплывъ пріѣзжихъ, захотѣвшихъ вдругъ насладиться кейфомъ на лонѣ природы.

Пріѣзжали переполненные поѣзда, двигались экипажи, подплывали яхты, наконецъ гѣшкомъ изъ ближайшихъ окрестныхъ мѣстъ длинной неровной лентой тянулись дачники и дачницы, и вся эта колеблющаяся волна головъ наполняла стеклянную галерею курзала и затѣмъ разливалась во все стороны, наполняя концертный залъ, гдѣ игралъ струнный оркестръ, паркъ при лечебницѣ, гдѣ гремѣла военная музыка, пляжъ, скетингъ-ринкъ и другіе уголки курорта вплоть до американскаго бара съ негромъ.

Здѣсь и многолѣтній упорный житель Лахты, которому изрядно надоѣло вѣчно любоваться дубомъ, сожженнымъ грозой, гдѣ Петръ Великій спасалъ утопающихъ, и чиновные царскоселы, и вѣтранный дачникъ Павловска, любящій перемѣну, и въ подавляющемъ большинствѣ закоренѣлые петербургскіе обыватели, есть иностранцы и кліенты самаго курорта, больные скукой, неврастеніей, но не без-

денежемъ. Музыка сегодня не увлекала и была лишь пріятнымъ прибавленіемъ къ гармоніи дивнаго вечера.

Всѣхъ влекло на морской воздухъ.

Одни сидѣли въ буфетѣ за столиками, разставленными по верандѣ, другіе гуляли по берегу, доходили до мола или усаживались тутъ же по эспланадѣ на скамьяхъ лицомъ ко взморью.

Ярко-золотой закатъ пріобрѣталъ все большую и большую красочность, расцвѣчивался и напоминалъ вспышки сѣвернаго сіянія.

— Космическая пыль отъ кометы Галлея,—объяснялъ кто-то съ видомъ ученаго знатока, но ему не вѣрили и смѣялись.

Хохловъ глядѣлъ, какъ зачарованный, опираясь на фарфоровый набалдашникъ палки.

А когда солнце скрылось за зыбкой линіей кругозора и точно алая кровь залила широкій полукругъ неба, онъ все еще не могъ оторваться и слѣдилъ за этой переливной игрой красокъ, тающихъ съ каждымъ мгновеньемъ.

Кругомъ сверкали брильянты расфранченныхъ, толстыхъ женщинъ съ мясистыми подбородками, а тамъ вдали, на маленькомъ песчаномъ намывѣ, отдѣленномъ отъ берега узкой полосой воды, застыли двѣ стройныя женскія фигуры въ свѣтлыхъ платьяхъ.

Не отдавая себѣ отчета—зачѣмъ, онъ направился къ нимъ по мокрому песку и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ.

«Двѣ сестры, должно быть... Какъ похожи! Ночь и утро»...

Онѣ замѣтили его назойливый, притягивающій взглядъ.

Хохловъ поклонился и подошелъ.

— Навѣрно, моя «chère au-cosaque» мѣшала вашимъ наблюденіямъ?—спросила блондинка зъ золотистыми волосами и привѣтливо улыбнулась, какъ бы ободряя.

— О, напротивъ! Я успѣлъ подмѣтить, что у женщинъ вмѣстѣ съ красивыми шляпами вырастаютъ и крылья... Для насъ, мужчинъ, это занимательно.

— Вы—злой,—произнесла брюнетка:—лучше любуйтесь моремъ... Ясно, вы не поэтъ, а я обожаю поэзію. Смотрите, осталась одна красная полоска. Это—все воспоминанье объ ушедшемъ днѣ! Мнѣ жаль его... Помните у Анри де-Ренъе:

Пусть новый день придетъ,—все жъ красотой восхода
Онъ не затмитъ былой зари...
Отъ лѣса, отъ рѣки, отъ каждаго растенья,
Что создали красу сегодняшняго дня,
Возьметъ ли новый день себѣ для украшенья
Хоть проблескъ прежняго огня? ¹⁾

— Вы удивительно декламируете. Навѣрно—артистка? Я врядъ ли ошибаюсь...

¹⁾ «Autre soir».

Кромѣ томнаго взгляда, не получивъ другого отвѣта, Владимиръ Петровичъ продолжалъ:

— Эти стихи, ваше искусство и обаянье придаютъ особенную очаровательность прелести вечера. Я радъ, что встрѣтился съ вами.

Онѣ стояли, обнявшись, и, казалось, не слушали комплиментовъ, которые щедро расточалъ Хохловъ.

Подъ тихіе звуки музыки, доносившіеся къ берегу, раздавался медленный элегическій шопоть брюнетки:

Мимо острова въ полночь фрегатъ проходилъ;
 Поздній мѣсяцъ надъ моремъ свѣтилъ.
 Золотая текла по волнамъ полоса
 И, какъ въ сказкѣ, неслись паруса.
 Лебединою грудью бѣлѣли они
 И мерцали на мачтахъ огни...
 Но въ свѣтлицѣ своей не зажгла я огня:
 Ты забудешь, забудешь меня! ¹⁾

— Вы говорили, что я—не поэтъ. Вѣрно. Но ваша декламация и меня сдѣлала поэтизирующимъ. Чудно, чудно, прекрасно!—воскликнулъ Хохловъ:—я чувствую, будто попалъ въ тотъ міръ, о которомъ сказалъ Бодлѣръ... сейчасъ... сейчасъ вспомню... Да! «Это—міръ таинственной мечты, нѣги, ласкъ, любви и красоты» ²⁾.

— Bravo! Мнѣ положительно нравится ваща воспримчивость. Теперь вы достойны быть нашимъ кавалеромъ,—тянула брюнетка, точно скандировала стихи:—согласны? Но одно условіе безъ возраженій: ни вы, ни мы не скажемъ другъ другу фамилій. Молчите, молчите...

Онѣ повиновался, шель рядомъ съ ними къ верендѣ и думалъ: «Я понимаю допѣ-Жуана... Пролетѣтъ черезъ все міровыя пространства, гдѣ только есть увлекательная женщина, и побѣдитъ каждую хоть на мигъ, а потомъ... потомъ умереть съ послѣднимъ поцѣлуемъ любви...»

Усѣлись за столомъ.

По сосѣдству налѣво расположилась мужская компанія изъ военныхъ и штатскихъ.

Высокій, бритый старикъ съ туго накрахмаленнымъ стоячимъ воротникомъ самъ приготавливалъ крющонъ.

Маленькій генералъ отчего-то кипятился.

— Я не пью этой гадости, Савелій Сергѣичъ,—говорилъ онъ, дымя сигарой, и дѣлалъ сердитые глаза.

— Слушаю, ваше превосходительство,—отвѣчалъ тотъ, продолжая рѣзать ананасъ и персики.

¹⁾ И. Бунищъ.

²⁾ «L'invitation au voyage» въ переводѣ Д. Мережковского.

— Въ холеру кто же пьетъ крушонъ!.. Самоубійство!—не унимался генераль, очевидно, привыкшій ко всеобщему послушанью, и отшвырнулъ сигару.

— Я слышу, ваше превосходительство,—спокойно возразилъ бритый старикъ и взялся за ликеръ, чтобы подбавить къ шампанскому.

Но маленькій человѣкъ въ генеральской формѣ не хотѣлъ ронять своего достоинства, тѣмъ болѣе, что кругомъ начали прислушиваться и перемигиваться.

— Въ послѣдній разъ заявляю вамъ, милостивый государь, что я не стану пить вашего крушонна.

Лакен засуетились.

— Я слышалъ уже, ваше превосходительство, и закажу для васъ чаю съ лимономъ. Не постигаю, почему вы портите кровь! Вы не пьете, но мы всѣ пьемъ,—съ той же невозмутимостью отрѣзаль Савелій Сергѣичъ.

Генераль пытался уйти. Его удержали. Онъ, наконецъ, смирился и заговорилъ о масонахъ и евреяхъ, двусмысленно поглядывая на бритаго старика.

Столикъ направо былъ занятъ нѣсколькими лицами, причастными къ биржѣ. Съ ними находилась и дама.

Они довольно основательно ужинали и выпивали.

Кто-то промелькнулъ тѣнью, но его замѣтили и почтительно раскланялись.

— Передъ кѣмъ это?—удивилась шатенка съ неопредѣленною, заманчивою улыбкой на чувственныхъ губахъ.

— И вы не знаете?... А еще играете на Марьѣ Петровнѣ.

— На Марьѣ Петровнѣ?.. Однако какую вы катавасію несете, Господи!—продолжала изумляться хорошенькая шатенка.

Мужчины засмѣялись.

— Она не понимаетъ ни папа, ни мама. Объясни, Курць. Ты мастеръ. Не знать Марью Петровну это ужасно смѣшно..

— Такая необразованная женщина, ой-ой!

— Маринскія акціи стали поднимать Петръ Захарычъ. Вотъ вамъ и Марья Петровна! Петръ Захарычъ—великій человѣкъ. Онъ создалъ «крѣпость», и теперь за каждую акцію я плачу сколько тысячъ! Тамъ такая золотая жила, что только держись! Петръ Захарычъ—великій человѣкъ. И самъ наживаетъ, и другимъ даетъ нажить, да. Пришелъ съ пятакомъ, а теперь—пять миліоновъ...

Еще кто-то пробирался мимо и низко снялъ котелокъ, но его почти не удостоили поклономъ.

— Тоже великій?—пронически допрашивала шатенка.

— Такая необразованная женщина, ой-ой!—всплеснула руками и взвизгнулъ сѣдоватый старикъ съ длинной бородой и восковымъ библейскимъ лицомъ.

— Это тоже—великій человекъ, только съ обратной стороны,—отозвался Курць, вытирая клѣтчатымъ платкомъ лоснящіяся щеки и лобъ:—букмекеръ... пфе!... Игралъ на «слабость», а попался на «крѣпости»... У него своя американская биржа у Пассажа. Влопался. Забралъ пятьсотъ и въ Финляндію укатилъ, а барышни въ кафѣ ждутъ получить разницу... Что, Викторъ, будемъ и мы съ тобой также покрывать бланковыя запродажи?

— А откуда взялся вашъ Петръ Захарычъ?—не унималась любопытная шатенка, не упуская случая стрѣлять черными глазами то въ сторону Хлопова и его дамъ, то на проходившихъ гвардейцевъ, то на мощную фигуру литератора съ живописной головой Саваоа.

Курць поднялъ взглядъ въ высоту, словно усматривая въ ней призракъ великаго человека.

— И зачѣмъ же вамъ, откуда онъ взялся? Развѣ это не все равно, Дарья Семеновна? Откуда мы всѣ, оттуда и онъ. Мы спимъ, а онъ на ногахъ; мы ужинаемъ, а онъ вонъ тамъ у фонаря продаетъ Марью Петровну, чтобы завтра купить ее на сотню дороже. Кто пойметъ Петра Захарыча. На двадцати предпріятіяхъ сидитъ. Изъ каморки перебрался въ пятый этажъ, переѣхалъ въ четвертый, потомъ въ третій, теперь въ бельэтажѣ работаетъ... Министръ! Бисмаркъ!.. Пришелъ Петръ Захарычъ, и золотой дождь полилъ... А — «вы откуда Петръ Захарычъ?!»...

Немного поодаль сидѣло двое за какимъ-то прохладительнымъ питьемъ.

Они сначала прислушивались, изрѣдка подавая другъ другу реплики, пока одинъ окончательно не разсердился.

— Ахъ ужъ эти мнѣ биржевыя легенды!—вскричалъ онъ такъ громко, что, въ свою очередь, насторожился Курць:—обираловка и больше ничего. Жадная спекуляція—изобрѣтательна до чортиковъ, а въ результатѣ: «торговали—веселились, подсчитали—прослезелись». Въ моей памяти биржевой ажіотажъ—какъ на ладони. Я помню и конецъ шестидесятыхъ годовъ—періодъ желѣзнодорожнаго строительства и учрежденія главнѣйшихъ акціонерныхъ банковъ, и вторую половину девяностыхъ—эпоху конверсій и возстановленія металлическаго обращенія, и, наконецъ, слѣжу за послѣднимъ двухлѣтіемъ... Повѣрьте старику,—такой вакханаліи еще не видывали.

— Однако попадаютъ же гениі, энергичные предприниматели, настоящіе дѣльцы...

— Оставьте, пожалуйста! Не гениі, а бѣглые воры, которые спрятали до поры до времени бубновые тузы... Я насквозь вижу эту братію... Они меня ненавидятъ. Былъ миллионеромъ, слава Богу, теперь едва концы съ концами свожу... Учить кого вздумали! Дѣло извѣстное: дурачье въ автомобиляхъ, умные по пѣшему хожденію, съ пустыми кошельками. Нынче кому угодно онкольный

счетъ откроютъ, хоть четвертной билетъ внесите. Переливанье денегъ изъ кармана въ карманъ, отъ довѣрчиваго къ ловкому... Вы смотрите, всегда выдвигаются какіе-либо герои дня... Вотъ эти годы кого выдвинули? Шофферовъ, катальщиковъ на колесныхъ конькахъ, кинематографщиковъ и летуновъ, но рядомъ съ ними непремѣнно, какъ и въ прежнія эпохи, неизмѣнные биржевики и... веселыя дамы.

Курць сталъ шептаться съ сѣдолосымъ старикомъ подъ насмѣшливымъ взоромъ шатенки.

— Я съ этого нахала собью палкой шапку.

— И тебя оптрафуетъ мировой судья. Ой-ой, какой ты храбрый!.. Чуточку терпѣнья, и онъ самъ потеряетъ свою шапку.

Публика понемногу рѣдѣла, хотя еще очень большая толпа ходила по пляжу, наполняла концертный залъ, веранду и американскій баръ.

Кабинеты вверху пустовали.

Хохловъ успѣлъ освоиться со своими дамами и оригинальное полужнакомство съ ними причислялъ къ интереснымъ приключеніямъ лѣтняго сезона.

Блондинка и брюнетка—обѣ въ стилѣ дѣвушекъ художника дю-Морье: высокія, стройныя, имѣющія странное сочетаніе классическихъ чертъ гречанокъ съ современными линіями англійскихъ женщинъ.

«Разумѣется, артистическая богема, но съ культурнымъ прошлымъ», десятый разъ рѣшалъ онъ въ мозгу свои загадки.

Обѣ взаимно дополняли одна другую; блондинка брала отъ жизни, брюнетка отъ грезы, и въ общемъ получался контрастъ, непохожій на знакомые типы улицы.

Постоянное чтеніе стиховъ не казалось назойливымъ, и самый выборъ стихотворныхъ отрывковъ говорилъ о тонкомъ, своеобразномъ вкусѣ.

Особенный голосъ, особенная манера читать и держаться, тайна какая-то въ глазахъ,—все это окутывало Хохлова неуловимой нитью соблазна.

Его житейскій опытъ истаго петербуржца какъ-то незамѣтно растаялъ передъ лицомъ Сиры и Киры, какъ онѣ называли одна другую, и вышло такъ, что, ничего отъ нихъ не вывѣдавъ для себя, онъ самъ былъ слишкомъ откровененъ въ вопросахъ, которые обыкновенно умѣлъ охранять отъ посторонняго вмѣшательства.

— Что вы дѣлаете дома, Кира? Меня притягиваетъ каждый вашъ шагъ,—спросилъ онъ брюнетку, не сводя съ нея напряженнаго взгляда.

Она кокетливо подняла изогнутыя брови и придала матовымъ глазамъ мечтательное выраженье.

Я на молитву становлюсь
 Въ часы вечерніе, обычные,
 И говорю, когда молюсь,
 Слова чужія и привычныя ¹⁾.

Онъ не понималъ,—смѣется она надъ нимъ, шутить, или эта привычка отвѣчать стихами—вполнѣ естественна для нея.

— Ваши духи кружатъ мнѣ голову и лишаютъ разсудка. Какъ они называются?—все еще пытается допрашивать Хохловъ, разгоряченный тайной, виномъ и близостью къ незнакомкамъ:—спшите съ бутылки этикетъ, и она потеряетъ въ цѣнѣ...

Въ этомъ замѣчаніи чувствуется нерѣшительный, блѣдный намекъ.

Сира смѣется, показывая красивые зубы.

— Любимые духи вѣдь это же секретъ женщины, а вы...

— У васъ вездѣ секретъ! Имя—секретъ, гдѣ живете—секретъ... А у меня никакихъ секретовъ. Вотъ моя визитная карточка. Я скидываю маску.

Кира надулась, точно даже оскорбилась.

— Нарушили условіе. Зачѣмъ?—и сейчасъ же продекламировала, будто желая возвратитъ прежнее расположеніе духа:

Ты усталъ—я отдохну,
 Отойду и подожду,
 Я вѣрна, любовь верну
 И опять къ тебѣ приду,
 Я играть съ тобою хочу... ²⁾

Какъ разъ въ это время раздался легкій баритонъ за столикомъ, стоявшимъ сзади:

— Совѣтую воспользоваться. Рукой подать, и мы черезъ какой-нибудь часъ, а то и меньше снимемъ крупный банкъ. Дѣло поставлено солидно. Ни араповъ, ни шулеровъ не допускаютъ, говорю—какъ честный человѣкъ.

Хохловъ обернулся и встрѣтился съ раскосыми, свѣтлыми глазами женственнаго лица, какъ-то не гармонирующаго съ мужскимъ голосомъ.

Тотъ, съ кѣмъ бесѣдоваль неизвѣстный,—мало походилъ на игрока, нуждающагося въ проводникахъ, по крайней мѣрѣ по внѣшности, но слушалъ съ видимымъ интересомъ, поддакивалъ или сомнительно качалъ головой.

— Въ зданіи коммерческаго училища была славная игра. Прикрыли. Теперь комаръ носа не подточитъ. Позавчера въ компаніи выпивали. Пили, шли, потомъ, знаете, устроили перегородочку

¹⁾ З. Гиппиусъ,

²⁾ З. Гиппиусъ,

изъ пива и затѣмъ опять принялись... pousse-café... понимаете? Ликеры и всякую дрянъ... Ну, и махнули...

— Въ курортъ?

— Зачѣмъ въ курортъ! Въ курортѣ шли и отсюда прямо туда помчались. Рукой подать... Входимъ. Мечетъ «отвѣты», тройки открываетъ, «жиръ»—баронъ одинъ... Смѣхъ разбираетъ. Проигралъ около пяти тысячъ, «карточнику» задолжалъ... Сказалъ: «буду ѣздить отыгрываться»... Поѣдемъ, что тамъ!..

— Ну, ладно. Куда ни шло... Закончимъ сперва флакончикъ. Сира и Кира переглянулись.

— Въ Сестрорѣцкѣ, кажется, всѣ человѣческія страсти сливаются, какъ рѣчки, текуція къ морю,—медленно произнесъ Хохловъ, начинавшій утомляться неопредѣленностью положенія:—а вы не замѣчаете, что посвѣжѣло какъ будто?—сейчасъ же прибавилъ онъ, стараясь установить дальнѣйшую тактику.

«Быть на точкѣ замерзанія», какъ выражался Владимиръ Петровичъ, онъ считалъ дѣломъ несообразнымъ.

— Что посвѣжѣло—несогласна. Наоборотъ! «По вечерамъ надъ ресторанами горячій воздухъ дикъ и глухъ». Забыли «Незнакомку» Блока?..—роняла слова Кира и не сводила загадочнаго, упорнаго взгляда съ сидѣвшихъ за спиной Хохлова—раскосаго и его собутельника.

Сира, отвлекая вниманіе Владимира Петровича, повѣряла ему семейную тайну о своемъ дядѣ.

— Сегодня въ Одессѣ, завтра летитъ за границу, потомъ уже гдѣ-нибудь въ Кишиневѣ, и никто не знаетъ, чѣмъ онъ занимается. То богатъ, то почти нищій. Тетя никогда не имѣетъ понятія о томъ, гдѣ онъ и что дѣлаетъ. То она съ голоду пропадаетъ, то вдругъ получить отъ него подарки: роскошные костюмы, мебель дорогую... Иногда дядя пріѣдетъ ночью послѣ полугодовой разлуки, а къ утру принесутъ ему какую-то телеграмму, прочтеть и мчится въ Варшаву... Онъ и въ дѣтствѣ былъ не такимъ, какъ всѣ, подавалъ надежды... Бывало, прокутится и напишетъ письмо матери, конечно, отъ чужого имени, чтобы положила деньги въ опредѣленное мѣсто, съ угрозой смерти, если не исполнить... Та, конечно, въ трепетѣ... Вотъ, на дняхъ въ Петербургѣ очутился... Мы съ Кирой его боимся.

— Да-а,—неопредѣленно протянулъ Хохловъ:—вы не обижайтесь... По-моему, съ вашимъ дядюшкой рисковано сталкиваться... Я не хотѣлъ бы и вамъ не совѣтую.

Въ эту минуту раскосый расплатился по счету и всталъ, собираясь уходить.

— Итакъ, ѣдете со мной или нѣтъ?—спросилъ онъ знакомаго, съ нетерпѣніемъ вынимая часы:—иначе пропустимъ драгоценное время.

— Да ужъ махнуть развѣ? А гдѣ это?

«истор. вѣстн.», июль, 1911 г., т. сxxiv.

Раскосый сообщилъ адресъ и такъ отчетливо, что Хохловъ не могъ не разслышать.

— Вотъ и адресъ узнали игорнаго притона,—сказаль онъ съ презрительной усмѣшкой.

— Никогда не бывала въ подобныхъ учрежденіяхъ,—подхватила Сира, волнуясь:—а очень желала бы испытать счастье...

— Какое же это счастье!.. Играть съ благотворительной цѣлью... Лучше впередъ пожертвовать. Впрочемъ, я—плохъ по части благотворительныхъ комбинацій. Эгоистъ, каюсь!.. Люблю жить для себя... Смотрите, какъ бы къ утру не было дождя... Заволакиваетъ небо... Кто могъ ожидать послѣ такого заката!

Но Кира не имѣла намѣренія оставлять разговоръ, начатый ея сестрою.

Ея ноздри стали раздуваться, и пальцы нервно отбивали какой-то ритмъ по бокалу.

Стараясь быть совершенно спокойной и даже безучастной ко всему окружающему, она едва слышно, нараспѣвъ, какъ бы вспоминала забытые стихи:

Я знаю,—все, отъ грусти до веселья,
Все въ нихъ обманъ,—насмѣшка, умъ, любовь;
Ихъ руки такъ красивы отъ бездѣлья;
На ихъ одеждѣ—кровь... ¹⁾

Остановилась, провела тонкими пальцами по щекѣ, точно смахивала невидимую, липкую паутину, и этой же рукой коснулась руки Владимира Петровича.

Отъ неожиданности онъ вздрогнулъ.

Матовые глаза Киры стали какими-то лучистыми; по губамъ блуждала влажная улыбка...

Минуту-двѣ смотрѣли въ упоръ, будто испытывая другъ друга въ силѣ.

— Я была бы безмѣрно огорчена, если бы вы подумали что-нибудь дурное... Ахъ, бываютъ минуты, когда... когда «сердце сказки просить и не хочетъ были»... ²⁾. Вотъ мы чинно сидимъ, перекидываемся умными и глупыми словами, разглядываемъ толпу, любимся моремъ, просторомъ, и въ душѣ у каждого—неутолимая жажда чего-то иного, неизвѣданнаго, что вихремъ унесло бы за облака или въ преисподнюю, закружило, дало бы бурю наслажденій, или погрузило въ нирвану... Я—сумасшедшая. На меня это находитъ, и тогда мнѣ нѣтъ удержу. Во мнѣ что-то есть отъ древняго Хаоса. Въ такія мгновенія готова рѣшительно на все—отъ упоенія любви до преступленія.

¹⁾ Изъ стихотворенія «Чочары» Владимира Ж.

²⁾ Федоръ Сологубъ.

«Голубница и пантера... — подумалъ Хохловъ, взглядываясь въ Киру, и сознавалъ, что слабѣть передъ ея властью:—Навсегда?.., нѣтъ, ни за что! но мигъ обладанья такой грѣшницей—величайшее счастье».

— Вы имѣете понятіе о французскомъ искусствѣ?—продолжала Кира, какъ бы въ приливѣ вдохновенья:—вспомните гравюру Фелисьена Ропса «Ея величество женщина»... Могучая царица міра, она попираетъ ногами землю, преобразуетъ мужчину въ послушнаго паяца... Путь, которымъ она идетъ,—побѣдный путь Сатаны... Всѣ ваши благородныя стремленья—прахъ и больше ничего.

— Однако! Я начинаю васъ бояться,—вырвалось у Хохлова, и онъ инстинктивно отодвинулся, присаживаясь къ Сирѣ.

— На нее часто нападаетъ такое настроеніе. Въ эти часы ей нужна какая-нибудь встряска. Кстати — блестящая идея! Ыдемте въ тотъ клубъ, о которомъ здѣсь только что болтали. Взглянемъ и домой. Чужой азартъ волнуетъ, какъ игра шампанскаго.

— Я, право, не хожу по такимъ мѣстамъ,—понижая голосъ, пробормоталъ Владимиръ Петровичъ, которому и не хотѣлось разставаться съ знакомыми незнакомками, и не желалось подчиняться прихоти случайнаго каприза.

— Да и мы не ходимъ,—возразила Кира:—а сегодня пойдемъ. Почему? Не знаю. «Порой повѣтъ запахъ странный,—его причины не понять»... ¹⁾ Идемте. Никто не вѣдаетъ, гдѣ что найдеть. Развѣ мы знали, что встрѣтимся? Никогда не теряйте надежды на лучшее. Или вы всегда довольствуетесь настоящимъ, какъ бы оно ни было сѣро и неопредѣленно? Можетъ, вы не раскаетесь, если будете насъ сопровождать?

Загадочны были ея слова, загадоченъ тонъ, которымъ она ихъ произносила, загадоченъ взглядъ, которымъ освѣщала эти слова.

Сира и Кира встали, не дожидаясь его отвѣта, заранѣе увѣренныя въ его согласіи.

«Раздѣтъ обѣихъ, обвить вокругъ шеи толстую змѣю, и получить восплощеніе картины Стука», пронеслось сравненіе въ головѣ Хохлова.

Красивый «Грѣхъ» стоялъ передъ нимъ, какъ живой, только раздвоившійся, о двухъ туловищахъ, съ двумя парами горящихъ зрачковъ...

Съ горделивымъ спокойствіемъ, вполоборота, небрежно бросила Кира:

— Тамъ у выхода... Мы сейчасъ. Въ уборной наши вещи.

Сира привѣтливо улыбулась и промолвила вскользь:

— У насъ моторъ. Вамъ нечего суетиться. Вы угощали; мы катаемъ.

¹⁾ Оедоръ Сологубъ.

— О, вы слишкомъ любезны!—вскричалъ Хохловъ, сбитый съ толку всей этой сценой:—итакъ, я не прощаюсь.

Онъ быстро зашагалъ къ выходу.

Мысль работала ускореннымъ темпомъ. Въ вискахъ стучало.

Онъ едва ли бывалъ въ такомъ смущеннѣ, какъ теперь. До послѣдней минуты находился во власти непреодолимаго желанья— не останавливаться ни предъ чѣмъ.

«Жизнь — не ариѳметика, не алгебра. Нельзя же все подсчитывать да рѣшать уровненья съ нѣсколькими неизвѣстными! Этакъ и счастье проморгаешь...»

Второй звонокъ поѣзда, близкаго къ отходу, подѣйствовалъ на него, какъ холодный душъ.

«А, вѣдь, домой было бы спокойнѣе... безъ риска... Какая-то неизвѣстность...»

Нерѣшительность, колебанье, чувство стыда передъ обманутыми женщинами, горечь утраты,—все это уступило вдругъ мѣсто страстному порыву самообороны, защиты отъ какой-то смутно грозящей опасности, можетъ быть, мнимой, неосновательной, но встающей темнымъ призракомъ, слѣпящей разумъ, не дающей возможности взвѣсить доводы «за» и «противъ».

Какъ гимназистъ, убѣгающій отъ зоркаго глаза класснаго наставника, какъ неоплатный должникъ, увидѣвшій кредитора, юркнулъ Хохловъ, забывая свой возрастъ и общественное положеніе, въ ближайшій вагонъ ненавистнаго ему III класса и замеръ, наблюдая за растущей толпой.

Третій звонокъ. Свистки. Публика волнуется. Душно. Поѣздъ не можетъ тронуться, перегруженный пассажирами. Машинистъ даетъ задній ходъ. Локомотивъ пыхтитъ, злится и колеса вагоновъ медленно начинаютъ двигаться.

Сира и Кира идутъ со смуглымъ красавцемъ-брюнетомъ, котораго не было видно на верандѣ.

Онѣ нисколько не смущены отсутствіемъ Хохлова, и обѣ, словно послѣ долгаго запрета, заливаются смѣхомъ беззаботнаго веселья. Сверкаютъ зубы черномазаго кавалера.

Этотъ смѣхъ бьетъ по нервамъ оскорбленнаго «петербуржца».

Онъ ежится, будто боясь пощечины, садится на твердую скамейку и старается заснуть, чтобы не просыпаться до самаго Петербурга.

«Только бы не встрѣтиться съ ними... Никогда не встрѣтиться!.. Срамъ-то какой,—стыдъ передъ собой!.. Главное, передъ самимъ собой. Накажу себя, сиднемъ буду сидѣть, никуда ни ногой... Осель, настоящій осель!..»

Открылъ окошко. Качались вагоны. Было накурено.

VI.

Конецъ сезона.

Тянулись дни за днями.

Хохловъ былъ положительно не въ духѣ, въ дачныя окрестности почти не ѣздилъ, несмотря на приглашенья, и ограничивался кратковременными прогулками по островамъ, заглядывая кое-куда изъ увеселительныхъ мѣстъ, завтракалъ иногда въ «Европейской гостиницѣ» («на крышѣ»), но отовсюду возвращался съ неизмѣнной печатью скуки и разочарованья.

Подчасъ дѣло доходило до того, что даже собирался окончательно подать въ отставку и надолго покинуть предѣлы Россіи, подведя итогъ увлеченьямъ, ошибкамъ и вообще всему сдѣланному.

Въ его недавнихъ воспоминаніяхъ было что-то остро-непріятное, заставлявшее всякій разъ братья за голову, сдвигать брови и погружаться на нѣсколько минутъ въ какое-то ощущеніе боли, досады и желанья поскорѣе забыть все это.

Онъ никакъ не могъ простить себѣ бѣгства отъ двухъ незнакомокъ; самолюбіе его было уязвлено настолько глубоко, что одно произнесеніе именъ Сиры и Киры уже было способно надолго разрушить душевное спокойствіе.

Явилась полоса какого-то временнаго охлажденія къ женщинамъ.

Такъ скучно прошелъ августъ.

«Еще сентябрьская недѣля и—конецъ лѣтнему сезону. Слава Богу! Пора! Однимъ лѣтомъ меньше...»

Онъ какъ-то сразу вдругъ почувствовалъ, что жизнь петербуржца слишкомъ поверхностна, мелка, окружена пошлостью, слишкомъ эгоистична и, чтобы достигнуть собственнаго благополучія, давить безъ сожалѣнія сотни другихъ жизней, въ свою очередь, становясь жертвой чьей-либо болѣе сильной жизни, также основанной на звѣриномъ процессѣ поглощенья слабыхъ крѣпкими.

Ему вспомнилась прогулка въ началѣ лѣта въ Поповку, разговоры о тарантулахъ, о томъ, что они пожираютъ другъ друга, и мысль, работая въ этомъ направленіи, неволью приравнивала къ нимъ людей.

«Земля пахнетъ гніеньемъ, трупами пахнетъ», мучительно думалъ онъ, не зная, что съ собой дѣлать, становясь съ каждымъ днемъ мрачнѣй и тревожнѣй и теряя прежнюю увѣренность въ свою непогрѣшимость.

8-е сентября опять немного всколыхнуло его.

Этотъ день былъ исключительнымъ днемъ, такъ какъ вмѣщалъ два событія: закрытіе Павловскаго вокзала и открытіе «всероссійскаго праздника воздухоплаванія»,—театральный разъѣздъ и пер-

вые лучи зарождающагося утра. Привычка бывать на всѣхъ «премьерахъ» и теперь пересилила апатию.

Хохловъ поѣхалъ на коломяжскій аэродромъ, заранѣе преду-бѣжденный, полный сомнѣній.

«Да гдѣ намъ! да куда намъ! Тоже за иностранцами поплелись... За границей состязанья на полеты изъ города въ городъ, собираются летать черезъ океаны, черезъ Альпы, а у насъ дальше воздушнаго змѣя не идутъ...»

Онъ сидѣлъ въ дорогихъ трибунахъ съ кривой усмѣшкой на поблѣднѣвшихъ отъ холода губахъ, ничего не ожидая хорошаго.

Порывистый вѣтеръ. Накрапываетъ дождь.

Вереницы пѣшиходовъ, поѣзда, моторы, экипажи, велосипеды, верховыя лошади...

Народъ мчится, ободряемый развѣвающимися оранжевыми фла-гами, вѣстниками полетовъ. Но полетовъ нѣтъ.

Время тянется безконечно долго.

Безпрестанно устремляются въ буфетъ, чтобы согрѣться.

Ведутъ разные разговоры.

Бранять русскихъ пилотовъ и помышляютъ о томъ, чтобы взять обратно деньги.

Вспоминаютъ неудачи Леганье и Гюйо и снисходительно хвалятъ весенніе опыты Христіанса и Морана.

Приѣхавшій провинціалъ волнуется.

— Никогда не видѣлъ, какъ люди летаютъ. Чудно! Оно, конечно, «отъ хорошей жизни не полетишь», если вѣрить Горбунову, но все же... М-да... Специально приѣхалъ въ Питеръ, забросилъ всѣ дѣла. А ужъ и дѣла у насъ! Земство создало на свои кровныя денежки реальное училище, а ему навязываютъ въ директора формалиста, рутинера, инспектора гимназій... И открытіе училища—на волоскѣ... У инспектора есть заручка въ семьѣ попечителя... Чудно!.. Одно утѣшеніе—лицезрѣть вашихъ летчиковъ. Да и то, кажись, провалилось. Нѣтъ удачи провинціаламъ!

Преподаватель, вѣроятно, классической гимназій объяснялъ, должно быть, ученику что-то туманно-филологическое:

— У Вергилія корабль (*navis*), летящій на парусахъ, названъ—*velivolus*, а итальянскій писатель Габріэле д'Аннунціо присвоилъ этотъ эпитетъ современному воздушному кораблю...

Ученикъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ, самъ же косо поглядывалъ на рыжеволосую француженку съ сильно накрашенными губами, стараясь привлечь ея вниманіе и, когда было удобно, улыбался ей, а на учителя кидалъ взгляды съ плохо скрываемою скукой.

— Слыхали послѣдній каламбуръ? Начало японской пѣсни: «*What a taп a siam*»... Что сей сонъ значить—чортъ его знаетъ,—сюсюкалъ и заливался смѣшкой какой-то франтъ:—но вся штука въ томъ, что по-аглички это читается—«*what an as Iam*», т. е. какой я осель.

Ха-ха... Не правда ли смѣшно?—и, не ожидая отвѣта, повернулся и сталъ опять повторять то же самое какой-то дамѣ и снова хихикалъ.

На кругу грѣлись солдаты, играли въ чехарду, перепрыгивали черезъ перила.

Когда терпѣнье зрителей, повидимому, истощилось, вѣтеръ измѣнилъ свою порывистость и замѣтно стихъ.

Начались полеты.

Съ лица Хохлова исчезла насмѣшливость; явилась сосредоточенность, потомъ удивленье, смѣнившееся румянцемъ довольства, почти счастьемъ.

Взвивается одинъ бипланъ Фармана, другой, третій, четвертый, плаваютъ въ воздухѣ, огибають трибуны, падаютъ стрѣлой внизъ и, колесами слегка касаясь земли, опять летять ввысь, ныряють, какъ бѣлыя птицы въ голубомъ небѣ, уже освободившемся отъ обрывковъ тучъ, дѣлають рѣзкіе повороты...

На страшную высоту взлетаетъ монопланъ Блеріо, какъ гигантская стрекоза, и жужжитъ крыльями.

Растетъ восторгъ; таютъ холодныя сердца...

Маленькій испугъ изъ-за небольшого крушенія, и снова шумные крики ликующей толпы. Это уже побѣда.

— Самъ бы, кажется, принялъ воздушное крещенье. Молодцы ребята, поддержали!—во все горло кричить купчикъ, обнимая сосѣда:—выпьемъ за здравіе и долгоденствіе!..

— А русскіе-то летуны, выходятъ, почище ихнихъ-то,—горланить сосѣдъ, тыча пальцемъ по направленію, гдѣ стоитъ какой-то иностранецъ, а можетъ вовсе и не иностранецъ, а одѣтый только по-заграничному.

Сгущаются сумерки.

Состязанія заканчиваются, и удовлетворенный зритель хлынулъ бурнымъ потокомъ обратно въ Петербургъ.

Удавшійся день авіаціи окрылилъ Владимира Петровича, и онъ, отогнавъ недавнія дурныя мысли, прямо съ аэродрома поѣхалъ закрывать Павловскій вокзалъ.

Позднее окончаніе полетовъ и давка на улицахъ задержали его такъ, что онъ могъ попасть лишь къ самому концу перваго отдѣленія.

Трудно было двигаться. Публика шла сплошной стѣной, и онъ кое-какъ пробрался къ саду черезъ боковой входъ, гдѣ тоже нестрѣло много народу, но легче дышалось.

Конечно, тутъ все оставалось по-старому.

Бывшій правовѣдъ, баронъ фонъ-Кракъ такъ же, какъ и раньше, страшно ломалъ языкъ, притворяясь плохо говорящимъ по-русски,

и, поднявъ вздернутый носъ, самоувѣренно вышучивалъ проходивших дамъ и мужчинъ, пока это не наскучило его собесѣдницѣ.

Тогда онъ перешелъ на другія излюбленныя темы.

— У насъ въ Парижѣ,—немилосердно картавилъ онъ:—президентъ хореографической академіи, m-eur Лефоръ, послѣ «Chantclair» (la dernière danse) подарилъ французской націи la nouvelle danse—«la Marseillaise» въ шесть «па» съ фигурами подь гимнъ «Allons enfants»... Vous comprenez?

— Ахъ, она все со своими распотѣшными!—проходилъ мимо и кричалъ желчный господинъ, сгорбленный, съ длинными волосами:—только и разговоровъ у нея, что про Луцкевича... Серьезно боюсь, что дѣти перестанутъ учиться. У нихъ теперь все шагистика на умѣ.

И вдругъ за спиной—знакомый голосъ, заставившій вздрогнуть Хохлова, мелодично звучащій, точно со сцены:

Иштаръ великая, на зовъ иного счастья
Я не могу пойти въ твой сребролунный храмъ!
Я отдала тебѣ блаженство сладострастья,
Но мукъ любви моей тебѣ я не отдамъ... ¹⁾

Отчетливый полушопотъ явственно доносится, и нѣкоторые оборачиваются, заинтересованные необычайностью декламации, хотя и тихой,—предназначенной для кого-то.

«Видитъ или не видитъ?» думаетъ Владимиръ Петровичъ, нерѣшаясь оглянуться, и сердце замираетъ, холодѣютъ руки.

Сжавъ набалдашникъ палки, онъ дѣлаетъ надъ собой усиліе и пробирается въ сторону.

А его уже замѣтили Ильяшевы, киваютъ, машутъ, что-то говорятъ.

«Это отвлечетъ меня!..» И онъ радъ встрѣчѣ.

Лида какъ будто немного дуется.

— Къ намъ или не къ намъ?—лаконически спрашиваетъ она и прячетъ руки назадъ.

— Не могъ же я, Лидія Асинкритовна, такъ поздно, послѣ авіаціи...

— Къ намъ или не къ намъ?—тотъ же вопросъ и шагъ назадъ.

Онъ сраженъ этой неожиданной любезностью, скрытой подь напускной холодностью.

— Къ вамъ, если позволите.

— Ну, тогда здравствуйте. Вотъ моя рука...

Асинкритъ Асинкритовичъ разглаживаетъ бороду и посмѣивается.

— А моя Лида умѣетъ читать нотаци! Меня радуешь... Но я положительно удивленъ, что вы до сихъ поръ не отрасли усы... Американецъ... Восхитительно, право! Ну, гдѣ же вы пропадали?..

¹⁾ Тэффи.

Разсказывайте. Моя жена, по обыкновенію, на васъ сердита. *C'est son faible*.

Завязывается бесѣда о воздухоплаваніи подъ аккомпаниментъ военнаго оркестра.

— Пилоты прошли самостоятельно, какъ-то безъ вѣдома нашего департамента проектовъ... Это неправильно,—горячится вице-директоръ и затягивается сигарой:—поэтому мы пока не можемъ считаться съ ихъ заслугами. Престижъ власти!..

Разговоръ могъ бы обостриться, но Лида вмѣшалась, дѣлая знаки и отцу, и Хохлову, такъ что оба поняли ихъ по-своему, растолковали—каждый въ свою пользу.

Владимиръ Петровичъ, однако, не хотѣлъ смолчать.

— Нынѣшніе полеты сдѣлали меня опять патріотомъ, примирили съ неудачами. Русскіе люди дали намъ какія-то свѣтлыя предчувствія успѣховъ...

Ильяшевъ упорно молчалъ, оскорбленный, что «не всѣ формальности были соблюдены».

Оставаться до конца Лида не желала и рѣшила направиться домой.

— Только я пѣшкомъ,—заявила онъ голосомъ, не допускаящимъ возраженій:—такъ и знайте.

Вице-директоръ казался удивленнымъ.

— Въ такую тьму?... Восхитительно, право!.. Нѣтъ, я рѣшительно ѣду... Да и Владимиръ Петровичъ, я думаю, усталъ послѣ спортивныхъ волненій... *Ses nerfs sont ébranlés*.

Въ его словахъ сквозила насмѣшка; но Хохловъ отвѣчалъ серьезно, не имѣя намѣренія вступать въ споръ:

— Я позволю себѣ сопровождать Лидію Асинкритовну. Отъ своихъ волненій я ни капли не усталъ. Смотрѣть на побѣдителей—подъемъ, а не упадокъ. И нервы у меня въ порядкѣ.

— Воля выбора... О вкусахъ не спорять. Ваша компата у насъ, какъ всегда, наверху... помните?—и онъ отошелъ, видя приближающійся силуэтъ Груздевой.

Это не ускользнуло отъ взгляда Хохлова.

«А у нихъ, кажется, все налажено», мелькнула у него бѣглая мысль.

Владимиръ Петровичъ и Лида шли паркомъ.

Небо вызвѣздило, а по краямъ уже заволакивалось облаками. Луна не была видна, и вѣтки деревьевъ, большею частью голыя, напоминали костлявыя руки, протянутыя словно за подаяніемъ или съ угрозой.

По аллеямъ, верхнимъ и нижнимъ, огибающимъ «Храмъ дружбы», сверкали движущіеся огни фонарей, точно въ Страстной четвергъ, когда несутъ изъ церквей зажженные свѣчи.

Это было прощальное шествіе павловскихъ дачниковъ, оставшихся до закрытія сезона и теперь спѣшившихъ съ музыки по домамъ.

Хохловъ старался быть разговорчивымъ.

— Я доволенъ, что пошелъ паркомъ. Оригинально и красиво. Будто въ сказочномъ краю... Деревья, какъ фантастическія чудовища... А эти мелькающіе огоньки—прелесть!.. Есть въ Петербургѣ люди, которые исключительно живутъ дачной жизнью, а осенью и зимой прячутся въ скорлупу, собирая послѣднія крохи для найма дачи въ слѣдующемъ году и, случайно увидѣвъ ихъ гдѣ-нибудь на улицѣ, вы будете удивлены... Не тѣ люди! Ни лоска, ни увѣренности, ни широты размаха... Но зато лѣтомъ они берутъ отъ жизни рѣшительно все...

— Владимиръ Петровичъ,—вдругъ перебила его Лида:—вы помните наше возвращеніе изъ Выборга?

Онъ ничего не отвѣтилъ, только добродушно засмѣялся.

— Вы находите мой вопросъ смѣшнымъ?

— Нѣтъ, это я такъ, собственнымъ мыслямъ. Почему вы вспомнили о Выборгѣ? Вѣдь вы гнѣвались за что-то на меня, не давали мнѣ проходу, на каждомъ шагу почти глумились... Я былъ, однако, терпѣливъ... Эта дорога была для меня пыткой; если бы не та таинственная парочка, студентъ съ букетомъ и барышня, я, пожалуй, не былъ бы такъ податливъ, а между тѣмъ...

— Между тѣмъ?..—тихо повторила Лида, заглядывая ему въ глаза и беря подъ руку.

— Между тѣмъ былъ такой мигъ, когда...

— Когда?—съ оживленіемъ продолжала допрашивать она и какъ будто крѣпче оперлась на его руку.

— Когда вы сказали мнѣ: «Погодите, не договаривайте... будете раскаиваться... Не торопитесь...» Я дословно помню. Ваши слова горятъ у меня въ мозгу и теперь.

Поднимаются молча на горку. Вотъ бесѣдка-трельяжъ. Скоро конецъ парка.

Лида замедляетъ шаги, опускаетъ голову, осторожно отдергиваетъ руку.

— Что съ вами, Лидія Асинкритовна?.. Я ничего не сказалъ обиднаго...—оправдывается онъ.

— Перестаньте быть хоть на минуту «петербуржцемъ», скажите прямо: вы довольны были, что я тогда остановила васъ, или жалѣли объ этомъ?

— Хорошо. Я буду откровененъ. Въ ту минуту я былъ доволенъ и назвалъ васъ въ душѣ «умницей».

— А теперь?..—въ голосѣ ея еще звучитъ какая-то надежда.

— А теперь тоже доволенъ, что вы вспомнили объ этомъ, и, слѣдовательно, я могу продолжать прерванный разговоръ. Я тогда хотѣлъ сказать... Вы не останавливаете?

Лида совсѣмъ близко подошла къ нему и глядѣла въ упоръ. Въ темной аллеѣ сверкали только звѣзды да ея глаза. Подъ ногами шелестѣли сухіе, опавшіе листья.

Голосъ Хохлова отдавалъ осеннимъ холодкомъ и начиналъ пугать Ильяшеву. Она какъ будто насторожилась.

— Если что-нибудь дурное или тяжелое, лучше не говорите,— прошептала она:—въ эту ночь я такъ дивно настроена, какъ никогда.

— Вотъ вы опять мнѣ замыкаете ротъ, но я уже не послушаюсь васъ. Я тогда хотѣлъ сказать, что вы стали для меня дорогой, что я полюбилъ васъ.

— А отчего же вы назвали меня «умницей»?

Владимиръ Петровичъ едва разслышалъ ея вопросъ, такъ онъ былъ произнесенъ тихо и робко.

— Мнѣ показалось, вы поняли, что я не подхожу для васъ и не буду тѣмъ хорошимъ мужемъ, котораго вы заслуживаете. И я это оцѣнилъ,—я пожертвовалъ своимъ увлеченіемъ, оберегая васъ. Я молчалъ бы, если бы вы не вызвали меня нынче на это объясненіе. Все къ лучшему. Такого друга, какъ я, вамъ не найти. Но какой же я мужъ? Любя одну женщину, я сейчасъ же мечтаю о другой и сегодняшній весенній рай—завтра станеть для меня хуже темницы. Я каждую люблю по-иному и всегда искренень.

Подъ эти слова, отдающія сентябрьскимъ шелестомъ, они вышли изъ парка, прошли по улицѣ, спустились къ озеру, дошли доobeliska, воздвигнутаго въ память основанія Павловска.

Изъ-за боковыхъ тучъ выглянула луна, и Хохловъ громко прочель:

«Павловское начато строить въ 1777 году».

— У этого памятника вы разбили мою грезу,— сказала Лида, и въ голосѣ ея была слышна надорванная нотка.

Хохловъ притянулъ ее къ себѣ.

— Значить, ты дѣйствительно любишь меня, Лида?—въ первый разъ обратился онъ къ ней на «ты» и назвалъ уменьшительнымъ именемъ, и какое-то рѣшеніе уже созрѣвало у него въ мозгу.

— Ахъ, родной, зачѣмъ мучить другъ друга! Лучше такъ, по-пріятельски. Благодарю за откровенность. Будемъ друзьями.

Она схватила его за руку и крѣпко, по-мужски сжала своей маленькой ручкой, насколько хватило силы.

Вѣтеръ доносилъ до нихъ звуки военного оркестра.

Озеро, какъ мертвая сталь, сверкало холоднымъ, ничемъ не горящимъ блескомъ.

Въ сосѣднемъ саду жалобно выла собака.

— Грустно... грустно, что я разбилъ твои мечты. Можетъ, я разбиваю и свое счастье...

Они наконецъ у дачи, залитой огнями. У Ильяшевыхъ гости.

— Смѣю ли я теперь перешагнуть этотъ порогъ? По-настоящему слѣдовало бы уйти...

Лида не отвѣчаетъ, только легонько тянетъ его къ двери.

— Вы не должны и виду показать... Какъ будто то же, что и всегда... Мое сердце—нѣмое, никому не расскажетъ...

За чайнымъ столомъ ее давно не видѣли такой веселой, и мать лукаво посматривала на Хохлова, думая, что ея завѣтная мечта исполнилась.

Въ концѣ вечера Лида неожиданно поднялась съ зеленой рюмкой рейнвейна и, обведя всѣхъ лихорадочными глазами, сказала:

— Пожалуй, это не принято, но я никогда не придерживаюсь милыхъ традицій. Я предлагаю и прошу выпить за полное равноправіе женщины. Теперь каждая изъ насъ норовитъ непременно выйти замужъ, обзавестись семьей и стать наслѣдкой. Я торжественно отрекаюсь отъ этихъ благъ. Мужчина и женщина должны быть равными во всемъ, и за это равенство пью мое вино.

Похлопали; кое-кто чокнулся; другіе промолчали. Лидина мать бросила на нее одинъ изъ своихъ уничтожающихъ взглядовъ, но не возражала.

Асинкритъ Асинкритовичъ покраснѣлъ и сейчасъ же постарался все обратить въ шутку:

— Я понимаю Лиду. Я—вице-директоръ департамента проектовъ. Вотъ она и вноситъ черезъ меня новое предложеніе. Мы разсмотримъ. Это вполне законная форма обращенія, не то, что воздухоплаватели взяли и полетѣли по собственной инициативѣ. То—непорядокъ.

Хохловъ, между тѣмъ, думалъ:

«Правда, умница... Она была бы славной женой...»

Скоро начали прощаться.

Владимиръ Петровичъ поднялся наверхъ и долго не могъ уснуть. Ему казалось, что внизу, гдѣ была комната Лиды, все кто-то ходитъ.

А потомъ не помнилъ, какъ уснулъ.

Проснулся рано. Выглянулъ въ окно.

Вѣроятно, недавно прошелъ дождь. Стояли лужи и ручьи, покрытые опавшими листьями, какъ желтымъ одѣяломъ. Съ большинства деревьевъ, особенно съ нѣжныхъ липъ, такъ и сыпалась желтая листва, а нѣкоторыя еще сохраняли зелень.

Солнце, проглядывая сквозь обрывки тучъ, золотило осеннее убранство сада яркими бликами.

Было совсѣмъ тихо, и Хохлову чудилось, что онъ слышитъ, какъ медленно приближается осень, прячась за широкими стволами сосенъ и елей.

«Прекрасное умиранье...—подумалъ Владимиръ Петровичъ:—люди не такъ умираютъ. Вонъ дубъ—точно вылитый изъ бронзы, позеленѣвшей въ тѣняхъ... А клены! Внизу бѣлолиловые, вверху—залитые румянцемъ... Чудная смерть... И не смерть, а сонъ до новаго возрожденія».

VII.

У о к н а.

28-го сентября Хохловъ сидѣлъ у окна въ своемъ служебномъ кабинетѣ и ждалъ.

Быль яркій, солнечный день.

По Невскому гуляли и останавливались парами, по одиночкѣ и цѣлыми группами. Появлялись на балконахъ, въ окнахъ, даже на крышахъ.

Все ожидали похоронной процессіи съ останками погибшаго авіатора.

Солнечные лучи не веселили, и Хохловъ уже не думалъ, какъ въ Павловскѣ, при видѣ пожелтѣвшихъ листьевъ: «прекрасное умираше»,—напротивъ, былъ блѣденъ и печаленъ.

Вошедшему сослуживцу онъ заявилъ обиженнымъ тономъ:

— Несправедливая судьба.

— Это вы насчетъ чего же именно?—равнодушно промолвилъ тотъ, раскладывая бумаги, и сейчасъ же прибавилъ:—насчетъ покойничка?..

— Ну, да... О комъ же другомъ?.. Я не пропускалъ почти ни одного изъ его полетовъ, видѣлъ, какъ онъ овладѣвалъ нашими симпатіями, и вотъ... А какъ онъ падалъ! Боже!.. Летѣлъ внизъ, держась руками за голову... Сознавалъ, что въ объятья смерти. Въ такія минуты вспоминается обыкновенно вся жизнь. Какъ-то мой знакомый тонуть. Подъ водой былъ минуты двѣ, и передъ нимъ промелькнуло рѣшительно все, съ начала дѣтства...

— Этого мы ничего не знаемъ... А насчетъ летуновъ не стоитъ и беспокоиться—и безъ того все рано или поздно полетятъ вверхъ тормашки. Напрасно и убиваетесь, Владимиръ Петровичъ, не стоитъ...

— Да какъ же вы не поймете, что блеснула звѣздочка и вдругъ погасла! Жалко!... Мы осиротѣли. Лѣтъ тридцать пять назадъ я видѣлъ какъ-то въ провинціи воздушный шаръ, на которомъ поднимался одинъ харьковскій профессоръ... И то какой былъ эффектъ, а нынче—не слѣпой полетъ, куда Богъ дастъ, а по точному плану, куда человекъ хочетъ. Русскій талантъ побѣдилъ стихію, а стихія взяла и отомстила... выхватила лучшую жертву. Въ общей пошлости, въ общей апатіи, въ общемъ уныніи какъ-никакъ, а мы воскресли духомъ въ эти двѣ недѣли полетовъ. Я, по крайней мѣрѣ, почувствовалъ удовлетвореніе.

— Молоды вы еще, Владимиръ Петровичъ, поживите-ка съ мос... скептически возражалъ старый чиновникъ.

Хохловъ отвернулся и не сталъ съ нимъ больше говорить.

На Невскомъ заволновались.

Какъ всегда бываетъ передъ разными процессіями, веселыми и грустными, перебѣгали съ тротуара на тротуаръ или въ безпорядкѣ спѣшили по срединѣ улицы отдѣльные пѣшеходы, желающіе во что бы то ни стало опередить шествіе, оглядывались, что-то оживленно кричали, размахивали руками.

Хохловъ чувствуетъ, какъ усиленно бьется сердце и кровь приливаетъ къ вискамъ.

И вотъ сразу разворачивается небывалая картина. Онъ даже всталъ на кресло, чтобы лучше разглядѣть, и невольно сравнивалъ съ тѣмъ, что ему уже приходилось видѣть раньше.

Вспомнилъ онъ, какъ давно хоронили Щедрина, какъ въ сравнительно недалекомъ прошломъ князя Трубецкого, какъ совсѣмъ недавно Коммиссаржевскую, и во всѣхъ случаяхъ не замѣчалось рѣзкаго контраста между сопровождавшей толпой и тѣмъ, кого эта толпа хоронила.

Невидимыя нити симпатій и поклоненія соединяли ихъ.

Но о такомъ зрѣлищѣ, какъ похороны погибшаго на страшной высотѣ, подъ взглядами многотысячныхъ глазъ, въ праздничный часъ торжества и побѣды офицера-пилота, онъ и не мечталъ.

— Подъ бѣлымъ балдахиномъ... все бѣлое...

— Вѣнковъ-то, вѣнковъ сколько!.. уйма!..

— Отворите форточку, чтобы музыку послушать.

— Надо красиво умереть,—тогда оцѣнять.

Это восклицали и переговаривались между собою сбѣгавшіеся къ окну, у котораго былъ Хохловъ, департаментскіе чиновники и писцы.

Форточку открыли, и величественные звуки похороннаго марша ворвались въ комнату.

Движущуюся процессію окружала живая цѣпь учащейся молодежи.

За гробомъ, почти касаясь его головой, шла въ черномъ скорбная тѣнь измученной женщины, а сзади переплетались звенья несмѣтной толпы.

Въ яркихъ лучахъ осенняго солнца играли военные мундиры и дамскіе наряды, но все это покрывала волна учащихся всѣхъ возрастовъ, классовъ, самыхъ разнообразныхъ учебныхъ заведеній.

— Посмотрите,—обратился Хохловъ къ сосѣду по окну:—вѣдь это же красота!.. настоящій громадный букетъ невиданныхъ цвѣтовъ. Форменныя фуражки путейцевъ, технологовъ, гимназистовъ заполонили Невскій... И какіе изумительные переливы чудныхъ красокъ!.. Сколько оттѣнковъ!.. Помимо ужаса трагической смерти, тутъ еще и богатый матеріалъ для живописца... Какъ цвѣточная клумба... Что эти вѣнки!.. Тутъ передъ нами развернулись живые, прекрасные цвѣты.

— А въ самомъ дѣлѣ—любопытно... Пожалуй, русская молодежь впервые объединилась у гроба военнаго человѣка... Забыли—

кто лѣвый, кто правый; у всѣхъ общая печаль,—отозвался вдругъ кто-то изъ глубины:—эти похороны немного примиряють съ дѣйствительностью. Мы что-то можемъ...

Дымили папиросами; перекидывались словами; смотрѣли, какъ уплывала толпа, какъ щелкали на балконахъ и у открытыхъ оконъ фотографическіе аппараты.

У нѣкоторыхъ явилась мысль сопровождать процессію.

— Отчего же мы не участвуемъ? Чортъ знаетъ, какая халатность!—даже разсердился сосѣдь Владимира Петровича.

«На всѣхъ открытіяхъ и закрытіяхъ бываю... всякую мерзость смотрю, а тутъ полѣнился... Типичный петербуржець! Лида права, когда меня такъ называетъ», думалъ Хохловъ и сейчасъ же прибавилъ громко:

— Я выйду на минутку... Авось безъ меня дѣло въ лѣсъ не убѣжить.

Скоро догналъ.

Знакомый студентъ пропустилъ его въ кругъ.

Безъ малѣйшей усталости незамѣтно дошелъ до ограды Александрo-Невской лавры, хотѣлъ вернуться, но передумалъ, остался ожидать на кладбищѣ и не раскаялся.

Стоялъ и размышлялъ: «Въ Павловскѣ на музыкѣ—толкался народъ, въ Сестрорѣцкѣ — народъ, въ Шуваловѣ, когда рабочіе волновались,—народъ, на аэродромѣ—народъ... и въ то же время вездѣ—одинъ, одинъ, а тутъ съ этой толпой точно звенья связываютъ и уйти не хочется... Жаль, что около могилъ... Неужели смерть сближаетъ съ жизнью, а не жизнь съ жизнью?.. Все же есть, значить, и въ Петербургѣ что-то связующее, бодрящее... Есть и здѣсь люди... Нужно только умѣть къ нимъ подойти...»

Въ это время вдругъ всѣ подняли головы и замерли: высоко, въ голубыхъ сферахъ, плыль дирижабль «Кречеть», какъ сказочный воздушный корабль, и медленно сталъ кружить надъ мѣстомъ послѣдняго успокоенія, какъ бы посылая «прости» погибшему товарищу и вселяя въ сердца другихъ бодрюю, не умирающую надежду на успѣхи.

«Вотъ и отвѣтъ!—опять подумалъ Хохловъ: —надо жить и вѣрить...»

В. Умановъ-Каплуновскій.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА¹⁾.

Михаиль Никифоровичъ Катковъ.—Его доброта и отзывчивость.—Мое сотрудничество въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».—Разсылный Некрасовъ.—Управляющій типографіей Лавровъ.—Курьезное происшествіе съ типографскими деньгами.—Отношеніе Каткова къ старому слугѣ.— Великодушный поступокъ Каткова съ секретаремъ редакціи.—Характеристика Каткова.—Комическій случай за обѣдомъ въ честь Каткова.—Мой переходъ въ «Русскія Вѣдомости».—Составъ редакціи.—Порядокъ занятій въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

ОТВЛЕКЛАСЬ нѣсколько въ сторону, отдавшись старымъ воспоминаніямъ моей первой молодости, и теперь вновь возвращаюсь къ началу моей литературной карьеры. Говорить я хочу, конечно, не о себѣ, а о тѣхъ вѣсьмъ хорошо извѣстныхъ и памятныхъ лицахъ, съ которыми меня сталкивала судьба на первыхъ порахъ моей литературной дѣятельности.

Я уже сказала, что первымъ моимъ знакомствомъ въ литературной средѣ былъ старикъ Пановскій, хорошо знакомый еще съ отцомъ въ эпоху моего дѣтства и вслѣдствіе этого очень радушно отнесшійся ко мнѣ, при моей случайной встрѣчѣ съ нимъ въ Москвѣ.

Позднѣе, поставленная лицомъ къ лицу съ необходимостью работать, я обратилась къ нему съ просьбой найти мнѣ переводную работу. Обращаясь къ нему съ этой просьбой, я имѣла въ виду его близость къ «Московскимъ Вѣдомостямъ», гдѣ онъ состоялъ первымъ по времени фельетонистомъ.

Переводовъ онъ мнѣ найти не могъ, но уговорилъ меня попытать свои силы въ беллетристику, одновременно отрекомендовавъ меня Каткову, какъ лицо, близко знакомое съ театромъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстникъ», т. СХХІV, стр. 481.

Мнѣ переданы были всѣ театральныя рецензіи и еженедѣльные театральныя фельетоны, и здѣсь-то я имѣла полную возможность близко ознакомиться съ характеромъ Каткова, какъ редактора и издателя, и смѣло скажу, что почти не испытывала въ жизни ни къ кому такой полной и горячей симпатіи, какую мнѣ внушилъ Михайль Никифоровичъ Катковъ.

Безконечно добрый, щедрый и деликатный, какъ никто, Катковъ даже неумышленно никогда не причинилъ никому изъ сотрудниковъ своихъ никакого горя.

Самъ болѣе нежели обезпеченный, онъ тѣмъ не менѣе понималъ и чужую нужду и чужое горе, и чутко стоялъ на стражѣ чужого самолюбія. Какъ теперь помню я, какъ однажды, узнавъ, что кассиръ редакціи Пёдеръ отказалъ выдать одному изъ сотрудниковъ заработанный имъ гонораръ подѣ тѣмъ предложомъ, что цифра этого гонорара была слишкомъ ничтожна и что такими пустяками не принято въ редакціи «запутывать счета», Катковъ сконфузился, немедленно предложилъ нуждавшемуся сотруднику крупный авансъ, а Пёдера предупредилъ, что ежели что-нибудь подобное повторится, то онъ будетъ немедленно уволенъ, хотя этотъ педантичный нѣмецъ служилъ въ редакціи уже нѣсколько лѣтъ сряду.

Что подобное столкновеніе только случайно дошло до Каткова, объясняется тѣмъ, что всѣми денежными дѣлами редакціи завѣдывалъ безконтрольно Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ, человѣкъ очень большого ума, широкой эрудиціи, но въ смыслѣ доброты и сердечности далеко уступавшій Каткову.

Леонтьева мы всѣ и меньше знали и меньше любили, нежели Каткова, и когда дѣло доходило до какой-нибудь просьбы, то адресовались не къ нему, а старались выждать случая переговорить съ Катковымъ.

Въ мое время при редакціи служили разсылными два унтеръ-офицера, знавшіе Каткова еще студентомъ и питавшіе къ нему горячую, чуть не благоговѣйную любовь.

Звали ихъ: Некрасовъ и Павловъ. Послѣдній былъ очень услужливый и исполнительный человѣкъ, но ничего особеннаго собою не представлялъ, зато Некрасовъ былъ такъ типиченъ и представлялъ собой такое оригинальное явленіе, что невозможно было не обратить на него исключительнаго вниманія. Грубъ онъ былъ неизмовѣрно, хотя въ душѣ былъ большой добрякъ, и, весь какъ-то уйдя въ прошлое, онъ съ настоящимъ считается не хотѣлъ и не могъ.

Михайль Никифоровичъ былъ для него все тотъ же студентъ, баринъ хоть и добрый, но «въ достаточности нескладный», а мы всѣ «при немъ состояли» и чуть ли не для того были созданы на свѣтъ, чтобы отгнѣять собой всѣ его совершенства. Когда кто-нибудь изъ насъ являлся въ редакцію въ его дежурство и заявлялъ желаніе переговорить съ самимъ Катковымъ, Некрасовъ недружелюбно

оглядывалъ посѣтителя съ ногъ до головы и покачивалъ своей сѣдою головой, какъ бы желая сказать: «И чего вы это лѣзете?!» Онъ бы, вѣроятно, и сказалъ это, ежели бы не боялся выговора отъ Леонтьева, потому что самъ Михаилъ Никифоровичъ ему никогда выговоры не дѣлалъ, да онъ и слушать бы ихъ не сталъ.

Разсѣянность Каткова, вошедшая въ пословицу среди всѣхъ, кто его зналъ, была источникомъ безконечныхъ выговоровъ со стороны Некрасова, который прямо и въ упоръ говорилъ ему:

— А вы опять напутали?! И когда это вы только на настоящую полосу найдете?..

Эта таинственная «полоса» составляла предметъ восторга для Каткова и его жены, на которую Некрасовъ тоже смотрѣлъ немного свысока и къ которой относился чуть не покровительственно. Изъ всей семьи Каткова, кромѣ него самого, буквально являвшагося предметомъ поклоненія для неугомоннаго ворчуна, Некрасовъ любилъ только дѣтей, по мѣрѣ увеличенія Катковской семьи, переносилъ исключительно нѣжную привязанность на меньшихъ.

Дѣтей у Каткова было очень много, и весной, когда семья не уѣзжала еще на дачу, Некрасовъ проводилъ всѣ свободные отъ дежурства часы въ палисадникѣ, расположенномъ на дворѣ, раздѣляя игры дѣтей, входя во всѣ ихъ интересы, и подчасъ даже ссорясь, принимая участіе въ ихъ затѣяхъ и нерѣдко даже и въ ихъ ссорахъ. Строгаго отношенія къ дѣтямъ онъ не признавалъ и смѣло выражалъ негодованіе свое гувернанткѣ дѣтей m-me Ларошъ, матери впоследствии известнаго музыкальнаго критика.

Все веденіе литературнаго и публицистическаго дѣла газеты почти безраздѣльно сосредоточивалось въ рукахъ Каткова и Леонтьева, и Михаилъ Никифоровичъ не напрасно говорилъ, что они такъ слились въ своей дѣятельности, что сами не сознаютъ, гдѣ кончается одинъ и гдѣ начинается другой? Что же касалось до матеріальной стороны изданія и устройства и урегулированія денежныхъ дѣлъ, то въ нихъ Катковъ не принималъ почти никакого участія и только опредѣлялъ цифры вознагражденій, иногда лично подписывалъ чеки, но до денегъ никогда не касался, потому что, какъ говорилъ Леонтьевъ, «ежели Михаила Никифоровича на три дня подпустить къ кассѣ, то потомъ три года ничего не распу-таешь!»

Живо помню я, какъ на глазахъ у всѣхъ насъ отчетливо оправдалось такое оригинальное убѣжденіе Леонтьева.

Типографіей «Московскихъ Вѣдомостяхъ», имѣвшей, благодаря привилегіи печатанія казенныхъ объявленій, громадныя денежные обороты, управлялъ Михаилъ Николаевичъ Лавровъ, чловѣкъ испытанной честности и самой строгой аккуратности, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ хозяевъ изданія. Отчеты по приходу и расходу типографіи Лавровъ представлялъ ежемѣсяч-

ные, деньги расходовалъ по своему усмотрѣнію, только въ отчетъ выводилъ всѣ сдѣланные расходы, и вообще дѣйствовалъ вполне самостоятельно, причемъ ни разу за время его долготѣней службы между нимъ и его патронами не встрѣтилось само малѣйшаго недоразумѣнія.

Лѣтомъ 1868 года (это былъ первый годъ моей литературной работы, и я, благодаря заботливому отношенію Каткова, имѣла квартиру при редакціи) Леонтьевъ поѣхалъ на двѣ недѣли къ роднымъ своимъ въ Тульскую губернію и, уѣзжая, по возможности постарался устроить дѣла такъ, чтобы до Каткова не доходило ничто, кромѣ литературной стороны изданія. Въмѣсто двухъ недѣль онъ прожилъ въ деревнѣ около мѣсяца и по наступленіи срока мѣсячнаго отчета по типографіи Лавровъ обратился къ Каткову съ вопросомъ, желаетъ ли онъ лично принять отъ него денежный отчетъ? Катковъ, занятый въ ту минуту обдумываньемъ какой-то передовой статьи и едва ли даже слышавшій обращенный къ нему вопросъ, машинально отвѣтилъ: «Конечно, конечно!..» и прибавилъ, что по вечерамъ онъ всегда свободно можетъ заняться этимъ дѣломъ въ редакціи.

Лавровъ принялъ такое указаніе къ руководству, и, придя въ тотъ же вечеръ въ редакцію, представилъ приходо-расходныя книги за истекшій мѣсяць.

Катковъ выслушалъ все, что ему говорилъ Лавровъ, мелькомъ взглянулъ на итоги и подписалъ поданный ему отчетъ.

— Вамъ и деньги угодно будетъ получить, Михаилъ Никифоровичъ?—спросилъ Лавровъ, подавая Каткову нѣсколько перевязанныхъ бечевками денежныхъ пачекъ.

— Конечно.. конечно!..—попрежнему отвѣтилъ Катковъ и протянулъ руку за поданными ему деньгами.

— Тутъ восемь тысячъ!—сказалъ Лавровъ, передавая ему деньги.

— Хорошо, хорошо!—задумчиво произнесъ Катковъ и, принявъ изъ рукъ управляющаго типографіей деньги, привѣтливо простился съ нимъ.

Это происходило въ помѣщеніи редакціи, въ той комнатѣ, въ которой находилась личная библіотека Каткова и въ которой онъ обыкновенно диктовалъ секретарю своему свои передовыя статьи.

Прошло около недѣли послѣ этого отчета; въ промежутокъ этого времени вернулся Леонтьевъ и, отдохнувъ съ дороги, принялся за дѣла и зашелъ по обыкновенію въ типографію. Переговоривъ съ Лавровымъ, онъ заглянулъ въ приходо-расходныя книги и, свѣривъ остатокъ отъ истекшаго мѣсяца, спросилъ у Лаврова, какъ онъ распорядился съ оставшимися у него деньгами?

— Вы ихъ въ банкъ внесли, или до меня у себя оставили?...—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я ихъ отдалъ Михаилу Никифоровичу,—отвѣтилъ Лавровъ.

— Какъ Михаилу Никифоровичу? Зачѣмъ?

— Онъ самъ отчетъ отъ меня принималъ, самъ принялъ и деньги.

— Господи помилуй!.. Да на что ему столько денегъ?! И куда онъ ихъ дѣвалъ? Вы знаете, что я всегда стараюсь, по возможности, отдавать его отъ всѣхъ денежныхъ тратъ, потому что онъ вѣдь деньгамъ счета не знаетъ! У него лѣнивый только не возьметъ и не выпроситъ! Что это ему вздумалось, Михаилъ Николаевичъ?

— Какъ же я могъ иначе поступить? Я спросилъ у Михаила Никифоровича, желаетъ ли онъ получить отъ меня деньги, онъ сказалъ, что желаетъ, я ихъ ему и отдалъ.

— Когда это, давно было?

— Недѣли полторы тому назадъ. Онъ велѣлъ мнѣ къ нему въ редакцію прійти вечеромъ съ отчетомъ. Я туда ему и деньги принесъ.

Леонтьевъ, не особенно довольный такимъ распоряженіемъ; въ тотъ же день спросилъ у Каткова, какъ онъ распорядился полученными отъ Лаврова деньгами?

Катковъ несказанно удивился.

— Какими деньгами? Откуда?

— Да тѣми, что вамъ Михаилъ Николаевичъ принесъ вмѣстѣ съ мѣсячнымъ отчетомъ.

Катковъ въ недоумѣніи пожалъ плечами.

— Никакихъ я денегъ у Лаврова не бралъ! И на что мнѣ деньги?

— Какъ не брали, когда вы въ книгѣ расписались, что вамъ полный отчетъ за мѣсяцъ представленъ?

— Такъ вѣдь отчетъ же, а не деньги! На что мнѣ деньги?!

— Такъ гдѣ же деньги, оставшіяся отъ мѣсячнаго оборота по типографіи?

— А я почему знаю?.. У Михаила Николаевича, вѣрно!

— Да нѣтъ же!.. Онъ говоритъ, что вамъ ихъ отдалъ.

— Въ глаза не видалъ!.. Помилуйте!..

— Да припомните вы хорошенько!.. Вѣдь вы всегда все забываете?..

— Быть можетъ!.. Легко быть можетъ!.. — обиженнымъ тономъ замѣтилъ Катковъ.—Только на этотъ разъ я денегъ никакихъ не бралъ и въ глаза ихъ не видалъ!

— Какъ же это такъ?.. Вѣдь не Михаилъ же Николаевичъ ихъ себѣ присвоилъ?

— Ахъ, что вы это! Какъ вамъ въ голову можетъ прійти такая идея?

— Да вѣдь гдѣ же нибудь эти деньги несчастныя да застряли! Лавровъ говоритъ, что вамъ ихъ отдалъ!.. Вы говорите, что въ глаза ихъ не видали!.. Очевидно, одинъ изъ васъ ошибается!

— Не знаю, у меня денегъ нѣтъ! Ищите, гдѣ хотите!.. съ увѣренностью произнесъ Катковъ.

Тѣмъ временемъ Лавровъ, не на шутку встревоженный, узнавъ, что Катковъ положительно не можетъ вспомнить, чтобы бралъ деньги, серьезно обидѣлся и предложилъ внести вторыя деньги, прося при этомъ уволить его отъ занимаемой имъ должности.

Разстаться съ такимъ полезнымъ и опытнымъ служащимъ, какъ Лавровъ, было равно неприятно какъ Каткову, такъ и Леонтьеву, но Лавровъ стоялъ на своемъ, и все, на что можно было его уговорить, это было дать двѣ недѣли на розыски денегъ, а затѣмъ уже не стѣснять и не удерживать его.

Скука и неловкость воцарились въ редакціи.

Леонтьевъ ходилъ недовольный, Катковъ конфузливо предлагалъ сказать, что деньги найдены, чтобы успокоить Лаврова и прикончить всѣ разговоры по этому поводу, а разсылные ходили, какъ въ воду опущенные. Вѣдь такъ или иначе, а деньги были принесены Лавровымъ въ помѣщеніе редакціи и отсюда уже исчезли безслѣдно, а между тѣмъ въ указанномъ Лавровымъ часу въ помѣщеніи редакціи не было никого, кромѣ самого Каткова и двухъ разсылныхъ, и Лавровъ хорошо помнилъ, что когда онъ уходилъ, то Некрасовъ подавалъ ему пальто.

Оба разсылныхъ предложили произвести у нихъ обыскъ, при чемъ Некрасовъ непочтительно замѣтилъ, что навѣрное «напуталъ» все Михайлъ Никифоровичъ. Но въ чемъ могла выразиться его «путаница»? Ежели бы даже онъ и забылъ, что дѣйствительно взялъ у Лаврова деньги, то куда же онъ могъ ихъ дѣвать? Вѣдь 8000 не 8 рублей!... Ихъ надо на что-нибудь истратить, а Катковъ со времени своего студенчества самъ не купилъ себѣ ни одного галстука, да и не умѣлъ ровно ничего купить.

Все помѣщеніе редакціи обыскали самымъ тщательнымъ образомъ, даже во всѣ печи заглянули и всѣ корзины обривизовали, но денегъ не было и слѣда.

Лавровъ настоятельно просилъ, чтобы отъ него приняли спорныя деньги и чтобы затѣмъ онъ былъ освобожденъ отъ занимаемой имъ должности. Леонтьевъ ходилъ пасмурный и недовольный, и одинъ только Катковъ, забывъ по своему обыкновенію все, кромѣ политическаго интереса дня, пребывалъ въ полнѣйшемъ спокойствіи, когда однажды вечеромъ, отыскивая въ библиотекѣ какую-то старую книгу, онъ замѣтилъ, что на одной изъ полокъ книги какъ-то выдвинулись впередъ. Желая ихъ поправить, онъ машинально запустилъ руку между рядомъ книгъ и стѣною, вдоль которой устроены были открытыя полки, на которыхъ и были разставлены книги, и къ удивленію своему вытащилъ изъ-за книгъ нѣсколько перевязанныхъ бечевками небольшихъ пачекъ.

Онъ позвалъ Некрасова, который оказался дежурнымъ въ этотъ вечеръ, и указалъ ему на свою находку.

— Посмотрите, Некрасовъ, что это такое?—сказаль онъ, какъ всегда разговаривая съ своимъ старымъ дядькою на «вы».

И онъ протянулъ ему одну изъ пачекъ.

Некрасовъ посмотрѣлъ на пачку, покачалъ головой и укоризненно произнесъ:

— Это-то что? Грѣхъ это вашъ вотъ что!.. Честныхъ людей вы чуть-чуть не обидѣли... Старыхъ служака въ уныніе ввели, съ Михаиломъ Николаевичемъ чуть навсегда не разстались, а все потому, что не за свое дѣло беретесь!

— Что вы, Некрасовъ? Я ничего не понимаю!

— Гдѣ вамъ понять — продолжалъ расходившійся старикъ. — Вы и никогда ничего не понимаете! Вотъ напугать это ваше дѣло!

— Да что случилось? И что это за пачки такія?

— А то и случилось, что вы сами тогда, вѣрно, деньги-то эти за книги засунули, а потомъ и стали горячку пороть! И когда васъ только Господь на умъ наведеть?—сокрушенно покачалъ онъ головой.—Даль вамъ Богъ особый разумъ, умудрилъ онъ васъ на счетъ писанія газетнаго, ну, вы и пишете, а въ остальное не путайтесь, потому что, окромя неурядицы, отъ васъ ничего не дождешься! Вотъ ступайте-ка теперь къ Михаилу Николаевичу, да и казнитесь!.. За что и про что вы человѣка обидѣли? Да и передъ нами тоже правоты вашей нѣтъ! Чуть не ворами насъ съ Павловымъ сдѣлали, а все потому, что памяти у насъ нѣтъ никакой! Эхма, не глядѣлъ бы я на васъ!—сердито закончилъ старикъ свою рѣчь, съ той оригинальной смѣлостью, съ какой онъ часто говорилъ съ Катковымъ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ.

И человѣкъ, слово котораго было законодательнымъ словомъ чуть не для всей Россіи, молча и покорно выслушиваль всѣ строгія рѣчи своего стараго ворчуна, котораго искренно и горячо любилъ.

Привязанность эту какъ онъ, такъ и П. М. Леонтьевъ ясно и отчетливо доказали во время предсмертной болѣзни старика Некрасова, котораго они помѣстили въ новую Екатерининскую больницу, находящуюся почти рядомъ съ редакціей «Московскихъ Вѣдомостей», и котораго поочередно тамъ навѣщали ежедневно.

Старика эти посѣщенія радовали выше всякаго выраженія, и пользовавшіе его доктора громко сознавали, что присутствіе почетныхъ и дорогихъ больному посѣтителей въ значительной степени поддерживаютъ его нервную систему и помогаютъ ему переносить мучительные приступы болѣзни. Не довольствуясь посѣщеніями и присылкой въ больницу всего, что могло быть нужно и полезно больному, оба талантливые публициста сами заботились о прихотяхъ больного и, выспросивъ его наканунѣ, что бы ему хотѣлось скушать или выпить, они на слѣдующій день являлись сами, неся въ рукахъ то бутылку дорогого вина, то баночку варенья. Увѣдомленный, по личной его просьбѣ, о моментѣ наступленія агоніи

старого и вѣрнаго слуги, Катковъ стоялъ у кровати умирающаго Некрасова въ моментъ его кончины и самъ вынесъ гробъ его изъ церкви въ день погребенія.

Одной такой черты достаточно, чтобы опредѣлить характеръ и нравственный обликъ человѣка и заставить молчать ту посмертную зависть и вражду, которыя и за предѣлами гроба не хотѣли оставить въ покоѣ этого крупнаго по уму и рѣдкаго по сердцу человѣка. Всѣ близко знавшіе Каткова помнятъ также и тотъ характерный случай, когда секретарь редакціи, на обязанности котораго въ горячее время пріема подписки лежало полученіе и регистрація всѣхъ высылаемыхъ денегъ и адресовъ подписчиковъ, злоупотребилъ довѣренностью своего патрона и, присвоивъ себѣ довольно крупную сумму подписныхъ денегъ, уничтожилъ всѣ письма и адреса, при которыхъ онѣ были высланы. Долго укрыться это не могло, отъ подписавшихся и не получившихъ газеты лицъ стали поступать жалобы на мнимую неаккуратность редакціи... Наведены были въ конторѣ справки, и горькая истина всплыла во всей своей неприглядной наготѣ...

Леонтьевъ пришелъ въ бѣшенство, Катковъ—сильно разстроился и не преминулъ отъ души пожалѣть секретаря, котораго неблагопріятно сложившіяся обстоятельства довели до такого нравственнаго паденія. Онъ наотрѣзъ отказался отъ мысли о судебномъ преслѣдованіи проворовавшагося секретаря и настаивалъ только на необходимости такъ или иначе возстановить утраченные адреса, чтобы удовлетворить справедливыя требованія подписчиковъ. Сдѣланы были публикаціи, приглашавшія всѣхъ лицъ, подписавшихся на газету, подтвердить свои требованія вмѣстѣ съ высылкой адреса, сославшись на беспорядокъ типографіи, въ которую переданы были адреса для почтовой разсылки, и дѣло вполнѣ уладилось для всѣхъ, но не для Каткова, которому до смерти жаль было изгнаннаго секретаря. Онъ стороной разузналъ объ его финансовомъ положеніи и, совершенно лишенный возможности помочь ему безъ вѣдома Леонтьева, который энергично воспротивился бы всякому экстренному расходу на этотъ предметъ, Михаилъ Никифоровичъ прибѣгнулъ къ «внутреннему займу» и взялъ у Некрасова нѣсколько сотъ рублей изъ скопленнаго имъ за много лѣтъ капитала, чтобы тихонько переслать эти деньги удаленному секретарю.

Леонтьевъ, конечно, стороной узналъ обо всемъ, тихонько уплатилъ деньги, въ предвѣдѣніи того, что самъ Катковъ обязательно «забудетъ» это сдѣлать, и разъ навсегда запретилъ произносить въ редакціи даже имя опальнаго секретаря.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, когда внезапно Катковъ получилъ анонимное письмо съ сообщеніемъ о безвыходномъ положеніи бывшаго секретаря, котораго слѣдовало немедленно спасти отъ угрожавшей ему насильственной смерти. Къ письму приложенъ

былъ адресъ, и сообщеніе это погрузило Каткова въ искреннее горе. Денегъ не было, достать ихъ послѣ уже совершеннаго займа (объ уплатѣ котораго онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія) было негдѣ... а между тѣмъ человѣкъ погибалъ, и для спасенія его нужно всего только 800 или 900 рублей, какъ точно и обстоятельно указывалось въ письмѣ. Подумалъ Катковъ, раскинулъ умомъ и порѣшилъ обратиться къ Павлову. У того нашлась скопленная тысяча рублей, и деньги были отправлены по адресу, при чемъ отсылка денегъ доставила доброму и щедрому Каткову такое нескрываемое удовольствіе, что хорошо его знавшій Леонтьевъ по его «именинному виду» понялъ, что ему удалось кому-то тихонько помочь.

И такое гуманное отношеніе проявлено было по адресу человѣка, недостойно злоупотребившаго оказаннымъ ему довѣріемъ!

Можно судить по этому, какъ онъ относился къ тѣмъ, кто былъ настоящимъ образомъ достоинъ его дружбы и участія?

Нравственности Катковъ былъ безупречной, почти небывалой, и всѣмъ близко его знавшимъ хорошо извѣстно, какъ въ эпоху его ранней молодости, когда онъ еще былъ совершенно неимущимъ студентомъ, онъ долгое время прожилъ душа въ душу съ молодой дѣвушкой, близкой родственницей одного изъ нашихъ міровыхъ артистовъ,—прожилъ въ одной съ нею комнатѣ и, обожая ее, сумѣлъ сохранить съ нею чистыя, братскія отношенія. Жениться на ней онъ не могъ, потому что былъ совершенно бѣдный человѣкъ, безъ всякой опредѣленной будущности впереди, а злоупотребить ею любовью и довѣріемъ и сдѣлать изъ нея свою любовницу онъ не хотѣлъ.

Чистый, какъ хрусталь, съ доброй, незлобивой душой и сердцемъ, открытымъ для всякаго добра, Катковъ могъ подлежать суду общества единственно только въ силу своихъ крайнихъ мнѣній и увлеченій, какъ публицистъ, но и тутъ онъ имѣлъ краснорѣчивое оправданіе въ томъ, что всегда думалъ то, что писалъ и говорилъ, и что все высказываемое имъ было искренно и главное совершенно безкорыстно.

Единственнымъ недостаткомъ Каткова, да и то недостаткомъ совершенно случайнымъ и скорѣе забавнымъ, нежели досаднымъ, была его чрезмѣрная разсѣянность, доводившая его подчасъ до крайнихъ недоразумѣній. Въ разсѣянности своей онъ смѣло могъ посоперничать съ С. А. Юрьевымъ, имя котораго въ этомъ отношеніи вошло въ пословицу и злословія котораго долгіе годы составляли благополучіе всѣхъ близко его знавшихъ.

Выѣзжалъ Катковъ очень мало, но у себя принять любилъ, и особенно охотно приглашалъ къ себѣ гостей по воскресеньямъ, къ обѣденному столу, которымъ могъ справедливо похвастать. Поваръ у него былъ прекрасный, и на столъ онъ тратилъ ежемѣсячно 1000 рублей, что по тогдашнимъ цѣнамъ являлось чуть не цѣлымъ

капиталомъ, но зато и требователенъ онъ былъ къ столу чрезвычайно, и всегда и во всемъ кроткій и уступчивый, долго и ожесточенно ворчалъ на жену за неудачную кулебяку или не въ мѣру прожаренный ростбифъ.

Случилось какъ-то, что кто-то изъ коммерческихъ тузовъ Замокворѣчья добился чести принять у себя Михаила Никифоровича къ обѣду. Это принятое приглашеніе было цѣлымъ событіемъ среди коммерческой Москвы. Счастливицу всѣ завидовали, всѣ добивались чести попасть въ число приглашенныхъ и отобѣдать за однимъ столомъ съ знаменитымъ публицистомъ, и хозяева осчастливленнаго дома прямо потерялись отъ радости, а также и отъ заботы о томъ, чтобы достойно принять почетнаго гостя.

Въ назначенный день Софья Петровна—такъ звали жену Каткова—строго наблюдала за тѣмъ, чтобы Михаилъ Никифоровичъ не опоздалъ и не пропустилъ назначеннаго часа, и чуть не силой оторвала его отъ обдумыванья передовой статьи для того, чтобы своевременно ѣхать за Москву-рѣку.

Тамъ дорогихъ гостей ждала почетная и отчасти нѣсколько комичная встрѣча. При появленіи четы Катковыхъ на первыхъ ступеняхъ лѣстницы раздались оглушительные звуки военного оркестра, отъ которыхъ Михаилъ Никифоровичъ вздрогнулъ и какъ-то беспомощно оглянулся въ сторону жены. Та улыбнулась и продолжала подъ руку съ нимъ подниматься по лѣстницѣ въ громадную залу, превращенную на этотъ разъ въ столовую.

Сконфуженно отвѣтивъ на привѣтствія хозяевъ и собравшихся гостей, Катковъ занялъ почетное мѣсто за столомъ и по обыкновенію ушелъ въ себя, забывъ, гдѣ онъ и какъ сюда попалъ.

Подали, по купеческому обыкновенію, сначала чудесную, во рту таявшую кулебяку, которую Михаилъ Никифоровичъ громко и какъ-то особенно безцеремонно одобрилъ. Софью Петровну удивилъ его развязный тонъ, но она промолчала. За кулебякой послѣдоваль бульонъ, и вотъ тутъ-то Катковъ, что называется, показалъ себя. Съѣвъ нѣсколько ложекъ супа и слегка поморщившись при этомъ, онъ положилъ ложку на столъ, и внезапно, среди воцарившагося почтительнаго молчанія воскликнулъ:

— Эка гадость какая!..

Софья Петровна вздрогнула, покраснѣла и подняла на него умоляющій взглядъ.

— Нечего, матушка, нечего! — строго продолжалъ онъ. — Ужь коли гадость, такъ гадость, ни отъ кого этого не скроешь!

Жена мучительнымъ жестомъ одернула его подъ столомъ, но, глубоко раздосадованный, онъ не хотѣлъ уняться.

— Оставь, сдѣлай одолженіе! — воскликнулъ онъ, — Извинись лучше передъ гостями за то, что угостила ихъ такимъ бульономъ, а повара пришли ко мнѣ послѣ обѣда, я самъ съ нимъ поговорю!

И, соединяя слово съ дѣломъ, онъ окинулъ присутствующихъ ласковымъ взглядомъ и съ легкимъ поклономъ сказалъ:

— Ужь не взыщите, господа! Хозяйку вините за недосмотръ! На этой недѣлѣ мы лишній разъ соберемся, чтобы искупить сегоднешній кулинарный недочетъ!

Оригинальный монологъ лился среди гробовой тишины словно вымершей залы. Хозяева сидѣли съ опущенными внизъ головами. Софья Петровна задыхалась и отъ желанія заплакать отъ конфуза, и отъ приступа мучительнаго, чуть не истерическаго хохота. Она понимала, что Михаилъ Никифоровичъ вообразилъ себя дома, и разсыпался въ извиненіяхъ, желая почтить вниманіемъ своихъ гостей.

Еле-еле удалось возстановить разговоръ и заставить забыть этотъ оригинальный эпизодъ, но Софья Петровна долго еще вспоминала объ немъ и дала себѣ слово съ мужемъ ни на какой званый обѣдъ не ѣздить.

— Съ тобой сторишь отъ стыда, Михаилъ Никифоровичъ!— смѣясь говорила она:—прямо-таки сторишь и погибнешь!

— Да... Неловко!..—съ улыбкой соглашался онъ, готовый, однако, при первомъ удобномъ случаѣ попасть въ такой же точно просакъ.

По прошествіи долгихъ лѣтъ вѣсть о кончинѣ М. Н. Каткова вызвала во мнѣ чувство искренняго горя, а тотъ почетъ, съ какимъ встрѣченъ былъ въ Москвѣ его прахъ, на рукахъ принесенный чуть не за 20 верстъ, лишній разъ доказалъ всѣмъ, какъ близокъ и дорогъ былъ Катковъ взрастившей и глубоко оцѣнившей его первопрестольной столицѣ.

Временно разставшись по болѣзни съ «Московскими Вѣдомостями», я сюда уже больше не вернулась и перешла въ «Русскія Вѣдомости», сотрудниками которыхъ въ то время были молодая сила, впоследствии завоевавшая себѣ громкія и почетныя имена въ средѣ русской интеллигенціи.

Мнѣ при моемъ поступленіи въ «Русскія Вѣдомости» ввѣрены были всѣ театры, такъ какъ я уже имѣла за собой успѣшное веденіе этого отдѣла на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей», фельетонъ писалъ А. П. Лукинъ, быстро завоевавшій себѣ симпатіи читателей подъ псевдонимомъ «Скрѣпнаго Наблюдателя», уваслѣдованнымъ имъ отъ Воронова, открывшаго этотъ отдѣлъ и тотчасъ же отъ него отказавшагося. Статьи по политической экономіи лежали на отвѣтственности А. И. Чупрова и А. С. Посникова, въ то время еще совсѣмъ молодого человѣка, а финансовыя статьи писалъ И. И. Янжуломъ, незадолго передъ тѣмъ окончившимъ московскій университетъ. Кромѣ того, г.г. Лютецкій и Городецкій завѣдывали судебнымъ отдѣломъ, Бочаровъ вель отдѣлъ внутренней корреспонденціи, а теперешній редакторъ-издатель «Московскаго Листка» А. И. Пастуховъ былъ репортеромъ и вель отдѣлъ этотъ такъ, какъ въ настоящее время никто его вести не умѣетъ.

Редакторомъ газеты былъ Николай Семеновичъ Скворцовъ, получившій ее отъ Павлова и выплачивавшій за нее ежегодно извѣстную сумму сыну и наслѣднику Павлова, Ишполиту Николаевичу Павлову. Это было хорошее, блестящее для газеты время. Работали мы усердно и дружно, знамя принятаго на себя дѣла держали высоко, и успѣхъ изданія былъ каждому изъ насъ близокъ и дорогъ, какъ наше личное дѣло. Въ редакцію мы всѣ собирались къ 11 часамъ утра и располагались для совмѣстной работы за однимъ общимъ столомъ, какъ въ присутственномъ мѣстѣ. Въ антрактахъ между работой мы весело и дружно болтали, и для каждаго изъ насъ эти часы совмѣстной редакціонной работы были веселыми, дорогими часами.

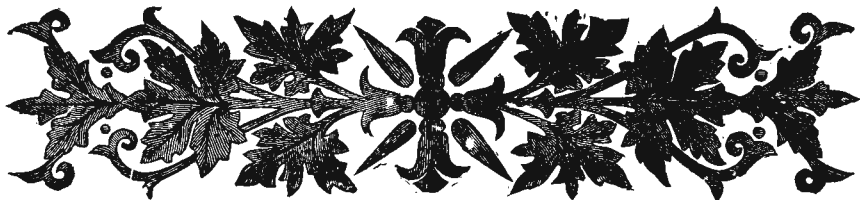
Чупровъ, которому въ то время было около 30 лѣтъ, успѣлъ уже завоевать себѣ не только горячую любовь, но и глубокое уваженіе всѣхъ окружающихъ. Посниковъ, въ то время только что женившійся, былъ чуть не мальчикъ и очаровывалъ всѣхъ своей скромностью и любезностью, а Иванъ Ивановичъ Янжуль, и въ то время уже очень плохо слышавшій, крупный, увѣсистый и тяжелый, поочередно сокрушалъ у насъ всю легкую и неустойчивую мебель. Придетъ, облокотится на маленькій столикъ, и столику конецъ! Ухватится рукой за повѣшенную на стѣнѣ этажерку— и этажерки какъ не бывало!.. Все это добавлялось громкимъ голосомъ, который слышенъ былъ чуть не на другомъ концѣ узкаго переулка, въ которомъ въ то время помѣщались «Русскія Вѣдомости», и мы въ шутку прозвали его Атиллой. Заглядывали къ намъ въ редакцію и всѣ наличныя силы современной русской или точнѣе московской прессы, потому что Скворцова равно любили люди всѣхъ партій и всѣхъ общественныхъ фракцій, не говоря уже о членахъ его редакціи, на которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ добрый семьянинъ на свою близкую и дорогую семью.

Приходилъ онъ въ редакцію часа въ два или въ три, такъ какъ всегда самъ ночью перечитывалъ въ сводкѣ весь номеръ, самъ выпускалъ его и, лежа въ очень поздно, поздно и вставалъ. Къ приходу его у насъ уже весь номеръ былъ готовъ и составленъ, за исключеніемъ только передовой статьи, которую онъ намѣчалъ или изъ числа имѣвшихся наготовѣ, или самъ писалъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда налицо не было ничего подходящаго.

А. И. Соколова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДАВНИЕ ЭПИЗОДЫ.

VI. Въ интеллигентномъ скиту.

I.

ОЧЕНЬ живо помню, какъ послѣ рокового 1881 года «народническое» движеніе смѣнилось новыми вѣяніями и появились въ Батищевѣ, небольшомъ помѣстьи моего покойнаго отца, автора «Писемъ изъ деревни», первые проповѣдники и послѣдователи «толстовства».

Мнѣ кажется, что мои воспоминанія могутъ пролить нѣкоторый свѣтъ на самое начало и истоки многолѣтняго «богоисканія» великаго писателя земли русской, одинокій пустынный холмъ котораго нынѣ осѣняютъ только высокіе старые дубы, но пронесшаго до конца крестъ неутолимыхъ сомнѣній.

Что за идеи явились изъ Ясной Поляны тогда, тридцать лѣтъ тому назадъ? И что это за дни были на Руси? И въ какую среду новая вѣсть вступила?

Теперь хорошо выяснена вся «народническая», «черно-передѣльщеская» и «народовольщеская» дѣятельность «передовой части» русской интеллигенціи семидесятыхъ годовъ, съ социалистическими идеологіями наслѣдовавшей матеріализмъ и утилитаризмъ первыхъ нашихъ «нигилистовъ».

Дѣятельность эта разрѣшилась чернымъ днемъ русской исторіи—днемъ перваго марта.

Если въ Петербургѣ угаръ и чадъ кроваваго безумія стоялъ въ головахъ послѣ рокового дня еще и годъ, и два, если, какъ теперь выяснилось, разные радикалы все собирались и въ ослѣпленіи своемъ

ждали каких-то благих послѣдствій для своихъ политическихъ упованій, то въ деревнѣ, въ глубинѣ Россіи, хотя бы среди дорогобужскихъ пустошей сейчасъ же стало ясно совсѣмъ иное...

Стало ясно, что народъ понялъ страшное событіе, какъ мечь пановъ за освобожденіе двадцати милліоновъ крѣпостныхъ...

Потомъ и въ Петербургѣ все уяснилось. Мертвящій курсъ застоя и замораживанія былъ взятъ на долгое время.

Марево разсѣялось. Идеологіи рассыпались прахомъ. Подъ ногами интеллигенціи разверзлась бездна...

... И вотъ въ такую-то минуту, помню, именно С. И. Васюковъ привезъ въ Батищево рукописную «Исповѣдь» графа Л. Н. Толстого. Потомъ явился одинъ изъ первыхъ его послѣдователей и въ долгихъ бесѣдахъ разъяснялъ моему отцу и батищевской молодежи евангелическія идеи Ясной Поляны. Появились у насъ маленькія евангелія, съ подчеркнутыми разноцвѣтными карандашами текста ми. Поднялись небывалые споры нравственно-мистическаго характера. Выписаны были изъ Петербурга «Бесѣды» Іоанна Златоустаго и «Сокровище духовное отъ міра собираемое» святителя Митрофана Воронежскаго.

Молодежь, пріѣзжавшая въ Батищево, уже вся оказывалась въ большей или меньшей степени затронутой идеями «Исповѣди» и «Свода» евангельскихъ текстовъ, въ рукописныхъ тетрадяхъ котораго мнѣ такъ ясно представляется истолкованіе первыхъ словъ молитвы Господней: «Отче нашъ»—«человѣкъ есть сынъ Бога»..

Молодежь, однако, вовсе не пошла слѣпо за Ясной Поляной.

Каждый называлъ себя различно и отъ себя начиналъ новое пониманіе древней книги. Одинъ называлъ себя евангелистомъ, другой христіаниномъ «вообще», третій даже «всемирнымъ» христіаниномъ. Всѣ спорили безъ конца, какъ водится, и не могли ни на чемъ сойтись и объединиться. Конечно, отрицали всѣ церкви, всѣ ортодоксіи, какъ не понимающія истиннаго «смысла жизни», смысла евангелія...

Но вотъ что должно помнить: въ среду той части русской интеллигенціи, которая имѣла совершенно матеріалистическія убѣжденія, тогда впервые внесъ евангеліе нынѣ почившій не примиреннымъ съ родною церковью великій писатель.

Если въ мрачной, изстрадавшейся въ политическомъ фанатизмѣ средѣ революціонной русской интеллигенціи взяли въ руки евангеліе и стали читать его, а слѣдовательно, все же проникаться святой кротостью нравственныхъ максимъ галилейскихъ рыбаей, то вѣдь благодаря только графу Л. Н. Толстому!

Достоевскимъ уже стали увлекаться вслѣдъ за вѣяніемъ изъ Ясной Поляны. Тогда же издавалъ свою «Русь» одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ славянофиловъ—И. С. Аксаковъ. Но никакого успѣха и вліянія въ лѣвой части русской интеллигенціи онъ не имѣлъ.

Мнѣ кажется, что этой несомнѣнной религіозной заслуги графа Л. Н. Толстого никакъ забыть нельзя, какъ бы ни относиться къ его богословско-философскимъ сочиненіямъ въ цѣломъ.

Толстой первый внесъ евангеліе въ среду совершенно нигилистическую, съ вытравленной религіозностью. Въ души скорбящія и озлобленныя онъ внесъ свѣтъ примиренія...

Предо мною возникаетъ рядъ образовъ послѣдователей и послѣдовательницъ идей Ясной Поляны тридцать лѣтъ назадъ.

Это образы первыхъ интеллигентныхъ «богоискателей» и «скитниковъ», образы русскихъ «евангелистовъ» и «евангелистокъ».

Не рассказать ли объ этихъ людяхъ? Не попробовать ли вызвать ихъ силуэты въ волшебномъ фонарѣ воображенія и закрѣпить ихъ на этихъ страницахъ?

Попробую. Но придется говорить и о самомъ себѣ, о своихъ юныхъ исканіяхъ и переживаніяхъ, такъ какъ за давностью прошлаго все въ немъ переплелось и срослось, какъ корни цвѣтовъ и травъ въ дернищѣ забвеннаго поля.

II.

Семья шестидесятыхъ годовъ, конечно, была семьей не конфессіональной, безрелигіозной. Впрочемъ, атеизмъ, холодный, отточенный, какъ лезвіе стали, и голый, бестіальный матеріализмъ— плодъ, вырѣвшій въ нашихъ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ и поднесенный русскому обществу развигателями-семинаристами.

Наше помѣстное дворянство имѣло много пороковъ, отличалось легкомысліемъ, проявляло много сластолюбія, заражено было въ XVIII столѣтіи кошунственнымъ «вольтерьянствомъ», но все же старинный помѣщичій домъ не порывалъ съ бытовой традиціей праздниковъ, всенощныхъ, обѣденъ, постовъ, таилъ молельни съ образами и въ дѣтской, въ дѣвичьей еще всецѣло чтилъ преданія. Въ дворянской военной средѣ религіозность была наслѣдственной. Русскій солдатъ и офицеръ молились предъ одной иконой и шли на смерть, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ. Декабристы, кромѣ атенста Пестеля, были людьми не только религіозными, но и глубоко православными. Вообще, до шестидесятыхъ годовъ и появленія въ русскомъ обществѣ семинаристовъ-развигателей, никому и въ голову не приходило, что христіанство и религія могутъ мѣшать человѣку быть просвѣщеннымъ, передовымъ, гуманнымъ, прогрессивнымъ, либеральнымъ, наконецъ.

Прямолинейный, неумолимый, желчный нигилизмъ— плодъ духовной среды съ вытравленной схоластической контроверзой поэзіей спиритуалистическихъ представлений. Жреческая среда

всегда была лишена наивности и непосредственности. Она привыкла къ профессіи культа, стояла за кулисами его церемоній.

— У меня въ церкви одна только доходная статья,—сказалъ какъ-то одинъ почтенный іерей:—Казанская Божія Матерь.

Если и обмолвка, то характерная.

Въ началѣ 60-хъ годовъ московскій профессоръ П. Д. Юркевичъ выступилъ съ глубокимъ своеобразнымъ міросозерцаніемъ, которое шло въ разрѣзъ съ господствовавшимъ тогда матеріализмомъ. Именно въ 1861 году онъ прочелъ рядъ публичныхъ лекцій о матеріализмѣ. Ученіе Юркевича встрѣтило холодно-безжалостнаго и неумолимаго врага въ лицѣ всемогущаго по вліянію на общественное мнѣніе и популярности передового публициста Н. Г. Чернышевскаго. Онъ, впрочемъ, не считалъ даже нужнымъ серьезно опровергать взгляды Юркевича. Властно вырѣзавъ изъ статьи послѣдняго, помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (еще перваго, либеральнаго періода Каткова—англомана и парламентариста), кусокъ въ половину печатнаго листа (восемь страницъ), обрывавшійся на полфразѣ и полусловѣ, онъ перепечаталъ его въ «Современникѣ», какъ бы презрительно предлагая читателямъ полюбоваться этими измышленіями московскаго профессора, какъ совершенною пошлостью, отжившимъ, дряхлымъ бредомъ.

Юркевичъ, хотя и спиритуалистъ, былъ изъ духовнаго сословія, сынъ священника, окончилъ семинарскій курсъ въ Полтавѣ и кievскую духовную академію.

«Я самъ—семинаристъ,—заявилъ Чернышевскій:—я знаю по опыту положеніе людей, воспитывающихся, какъ воспитывался г. Юркевичъ. Я видѣлъ людей, занимающихъ такое положеніе, какъ онъ. Потому смѣяться надъ нимъ мнѣ тяжело (!?): это значило бы смѣяться надъ невозможностью имѣть въ рукахъ порядочныя книги (?), надъ совершенною безпомощностью (?) въ дѣлѣ своего развитія (?), надъ положеніемъ, невообразимо стѣсненнымъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ».

«Я не знаю, какихъ лѣтъ г. Юркевичъ,—продолжаетъ корифей «Современника», не желающій будто бы смѣяться надъ московскимъ спиритуалистомъ:—если онъ уже не молодой человекъ, заботиться о немъ уже поздно. Но если онъ еще молодъ, я съ удовольствіемъ предлагаю ему тотъ небольшой запасъ книгъ, коимъ располагаю».

«Если угодно,—продолжаетъ Чернышевскій:—я могу доставить въ редакцію «Русскаго Вѣстника» такъ называемыя на семинарскомъ языкѣ «задачи», то есть сочиненія, маленькія диссертациі, писанныя мною, когда я учился въ философскомъ классѣ саратовской семинаріи. Редакція можетъ удостовѣриться, что въ этихъ «задачахъ» написано то же самое, что должно быть написано въ статьѣ г. Юркевича, хотя я еще не читалъ ея и не прочту ея, не прочту и всего извлеченія, напечатаннаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а прочту

въ корректурѣ тотъ отрывокъ изъ извлеченія, который отмѣнилъ я для вставки въ эту статью. Я впередъ знаю все, что я прочту въ немъ, все до послѣдняго слова, и очень многое помню наизусть. Извѣстно, какъ пишутся эти вещи,—то есть извѣстно это намъ, семинаристамъ. Другіе могутъ считать это новымъ,—могутъ, пожалуй, считать хорошимъ, какъ имъ угодно. А мы знаемъ, что это такое». (Замѣтки о литературѣ. Изд. 1894 г. Полемическія красоты. Стр. 375).

Въ слѣдующей замѣткѣ Чернышевскій такъ объясняетъ свое нежеланіе возражать Юркевичу и тотъ своеобразный жестъ редакціонными ножницами, которымъ онъ замѣнилъ членораздѣльный отвѣтъ:

«Если бы какой-нибудь ученый сталъ доказывать, что ошибаетесь вы, отвергая алхимию или кабалистику,—вы почли ли бы его сочиненіе достойнымъ подробнаго опроверженія? Какъ вы смотрите на ученыхъ, держащихся алхимическаго или кабалистическаго ученія, такъ я смотрю на школу, къ которой принадлежит г. Юркевичъ».

Вотъ какъ, однако, говорить о Юркевичѣ въ статьѣ «О философскихъ трудахъ П. Д. Юркевича» Влад. С. Соловьевъ:

«Если высотой и свободой мысли, внутреннимъ тономъ возрѣній, а не числомъ и объемомъ написанныхъ книгъ опредѣляется значеніе настоящихъ мыслителей, то безспорно почетное мѣсто между ними должно принадлежать покойному московскому профессору Памфилу Даниловичу Юркевичу. Въ умственномъ характерѣ его замѣчательнымъ образомъ соединялись самостоятельность и широта взглядовъ съ искреннимъ признаніемъ историческаго преданія, глубокое сердечное сочувствіе всѣмъ существеннымъ интересамъ жизни—съ тонкою пронизательностью критической мысли». (Писано въ 1874 году).

III.

— Я самъ семинаристъ. Мы знаемъ. Насъ не проведешь!

Вотъ та характерная точка зрѣнія на религію, которую внесли въ русское общество семинаристы-развиватели.

А насколько велико было увлеченіе Чернышевскимъ, можно судить по тому, что, получая книжку «Современника», мой отецъ и матушка, еще совѣмъ молодые тогда, разрывали книжку пополамъ и бросали жребій, кому достанется первая ея половина, гдѣ обычно печаталась беллетристика, а кому «Внутреннее обозрѣніе» съ Добролюбовымъ, Чернышевскимъ и «Свисткомъ». Въстѣ съ тѣмъ періодъ 50-хъ и 60-хъ годовъ и на Западѣ въ наукѣ былъ торжествомъ матеріалистической философіи, позитивизма, утилитаризма, реализма.

Огюсть Контъ, Бюхнеръ, Фогтъ, Молешоттъ, «Физиологія быденной жизни» Льюиса,—вотъ популярныя имена той эпохи. То

была реакція увлеченія въ 30-хъ и 40-хъ годахъ нѣмецкимъ идеализмомъ Шеллинга, Гегеля и Фихте.

Однимъ словомъ, въ русской интеллигентной семьѣ начала семидесятыхъ годовъ напрасно было бы искать признаковъ народнаго культа, хотя въ ней и была своя религія—религія человѣчества, общаго блага, свободы духа, прогресса, гуманности.

. . Утро. Матушка моя, въ изящномъ, но совершенно простомъ черномъ платьѣ съ бѣлыми отложными рукавчиками, стояла у высокой конторки, сама такая высокая, строгая, серьезная.

Прелестная ручка ея быстро скользила перомъ по листкамъ, тонкимъ, бисернымъ почеркомъ выводя строки. Внизу фигурной конторки съ точеными рѣшеточками, на полкѣ громоздились толстые, неуклюжіе словари, изъ которыхъ особенно памятны мнѣ Татищевскіе въ рыжей, замшѣвой по корешку кожѣ.

Рабочая комната трудящейся женщины семидесятыхъ годовъ была очень невелика, съ низкимъ потолкомъ, всего въ два окна, узкихъ, небольшихъ, смотрѣвшихъ на Пантелеймоновскую улицу съ четвертаго этажа стариннаго дома.

Подниматься въ нашу квартиру нужно было по «черной» лѣстницѣ, населенной множествомъ кошекъ, крутой, съ черными желѣзными тонкими перилами безъ дерева.

Рабочая комната съ конторкой—трудовымъ станкомъ духа и мысли, неустанно ткавшей здѣсь свой урокъ изъ всемірной цивилизаціи и просвѣщенія,—служила вмѣстѣ и столовой. Итакъ, наискось одного окна стоялъ еще небольшой изящный письменный столикъ на выгнутыхъ ножкахъ и кресло передъ нимъ.

По стѣнѣ съ боку отъ полу до потолка лѣпились полки, уставленные книгами матушкиной библіотеки.

Коверъ устилалъ эту часть комнаты, какъ бы отдѣляя кабинетъ отъ части, служившей столовой.

Въ глубинѣ комнаты, въ сумрачномъ ея концѣ, стоялъ буфетъ и обѣденный столъ съ дюжиной стульевъ съ высокими спинками вокругъ.

Нѣсколько гравюръ въ простыхъ черныхъ рамкахъ украшали стѣны.

Тутъ были большіе портреты Беранже и Жоржъ-Зандъ, литографій съ великолѣпныхъ карандашныхъ рисунковъ знаменитаго французскаго рисовальщика.

Мясистыя черты поэта имѣли странное двойственное выраженіе. Невозможно было сказать, заплачетъ ли онъ сейчасъ, или, наоборотъ, прыснетъ со смѣху. Объемистый черепъ Беранже съ сѣдыми прядями тонкихъ волосъ и благородное овальное лицо великой романистки съ оливообразными очами, съ начесанными на уши волосами съ дѣтскихъ лѣтъ врѣзались мнѣ въ память...

Но между Беранже и Жоржъ-Зиндъ висѣла гравюра, изображавшая Христа и грѣшницу у Его ногъ.

Божественный учитель указываетъ на только что написанныя Имъ слова: «Кто безъ грѣха, пусть первый броситъ въ нее камнемъ».

Лицо Спасителя дышитъ небеснымъ милосердіемъ.

Грѣшница, юная и прекрасная, скрываетъ лицо свое локонами длинныхъ распущенныхъ волосъ...

То было единственное воспоминаніе о религіи въ тѣхъ комнатахъ, которыя занимала моя матушка. Однако то было воспоминаніе о самомъ возвышенномъ мгновеніи проповѣди таинственнаго мудреца, защитившаго отъ лицемѣровъ и фарисеевъ «ятую въ прелюбодѣяніи».

Разсказанное относится къ краткому промежутку нѣкотораго трудового затишья въ жизни русскаго общества, когда бурное стремленіе реформъ съ отчужденною крѣпостныхъ отношеній приняло опредѣленное русло всеобщей перестройки и съ паденіемъ волны новыхъ идей, волны, захлестнувшей всѣ воспримчивые умы, всѣ молодыя, чистыя, огненные сердца, начало просвѣтляться выбродившее самосознаніе тѣхъ, что были выброшены изъ старыхъ словныхъ рамокъ и предѣловъ быта въ новую формацію, принявшую имя, таинственное и глубокомысленное,—интеллигенція...

Это трудовое затишье длилось недолго—годъ, два, три, и началось то «хожденіе въ народъ», которое переродилось быстро въ терроризмъ, разбивъ свои мирныя, проповѣдническія усилія о невниманіе и непониманіе народныхъ массъ, о беспощадной сыскъ перепуганной власти.

Впрочемъ, эта новая стадія интеллигентнаго протеста уже не захватила мою матушку, до конца дней своихъ не покидавшую рабочаго своего станка, трудовой своей колени.

Итакъ, то была минута запавшей волны. Въ жизни нашей семьи это были организаціонные годы, послѣ страшнаго возбужденія, мрачнаго разгрома, рушенія всей жизни, когда обвалъ палъ наконецъ и разсыпался и вновь изъ обломковъ началось строительство...

Отецъ мой былъ уже тогда въ ссылкѣ. Я, мой братъ и сестра ютились въ квартиркѣ на Пантелеймоновской. Трудъ моей матушки былъ необходимъ для нашего существованія. Имѣніе, запущенное и бездоходное, въ первые годы позволяло моему отцу вести лишь спартанскій образъ жизни, работая въ одиночествѣ.

IV.

Наша дѣтская была длинная и узкая комната съ однимъ окномъ, выходившимъ на крыши какихъ-то построекъ. Возлѣ нея находилась еще комнатка, совсѣмъ темная, родъ чуланчика, гдѣ спалъ мой братъ. Огромная нянина кровать, съ горой подушекъ,

одѣяломъ изъ мозаики разноцвѣтныхъ лоскутковъ, съ большимъ, обитымъ узорной жестью, сундукомъ, занимала значительную часть этой комнаты. У окна стоялъ столъ, а въ углу—нянины образа. Но это были образа особенные,—черные, какъ уголь, и только мѣстами изъ глубокой мглы проступали тощіе лики, сверкали бѣлки глазъ, и кто-то, грозный, неумолимый, безплотный, являлся внимательному взору. Цѣлые часы простаивала няня передъ этими образами, съ лестовицей въ рукахъ.

Няня моя, Февронія Логинова, была расколъница, безпоповщинскаго толка. Мы, дѣти, которыхъ она любила горячо, въ особенности меня, были для нея всеже погаными щепотниками, никоньянами, или кто бы мы ни были, ибо не молились, не постились, не ходили въ церковь—цыганята, жиденята, безпутные барчата,—мы были для нея погаными, какъ и наша кухарка Василиса, носившая очки и имѣвшая свои яркіе образа господствующей церкви. Няня не могла ѣсть съ нами изъ одной посуды и, чтобы не опоганиться, сама въ особыхъ горшечкахъ варила себѣ обѣдъ, сама мыла свою посуду и тщательно потомъ запирала ее.

Наша безрелигіозность няню не тревожила, ибо все равно, въ ея глазахъ, было совсѣмъ не вѣрить или креститься щепотью и повиноваться никоньянскимъ попамъ и монахамъ. Доброты душевной, честности, прямоты няня Февронья Логинова была безпредѣльной. Она была уже вдовица и имѣла взрослую дѣвушку-дочь, Сашеньку, служившую... корифейкой въ балетѣ и имѣвшую покровителя—старенькаго чиновника съ крупнымъ орденомъ на шеѣ. Вѣдь надо же было случиться такому необыкновенному соединенію!

Что такое расколъники-безпоповцы—легко понять изъ слѣдующаго: въ 1909 году въ Москвѣ состоялся соборъ безпоповцевъ. На семь соборѣ безпоповскіе отцы между прочимъ постановили: «за умѣренное употребленіе чая и водки не отлучать».

Кромѣ сего «полегченія», соборъ разрѣшилъ употреблять въ пищу сахарный песокъ, пресованныя дрожжи, картофель, кофе.

Слышите? Въ XX вѣкѣ, въ 1909 году, безпоповщинскіе отцы наконецъ рѣшились допустить... картофель!..

Что же вышло? Дѣянія сего собора были отпечатаны отдѣльной книгой и произвели велие смущеніе среди ревнителѣй древняго благочестія.

— Коли дружбу завелъ нашъ соборъ съ шинучимъ змѣемъ-самоваромъ и съ зеленымъ виномъ, добра ждать нечего!—заговорили ревнителѣи.—Не зря же наши старцы о семь самоварѣ изглаголали: «Изыдетъ на брань со христіаны мѣдный змій, рекомый адская утроба, имущая внутри угліе горящее, а кругомъ воду кипящую, яко же въ жупелѣ геенскомъ»!

И теперь собирается новый соборъ, чтобы пересмотрѣть постановленіе собора 1909 года и отмѣнить «послабленія». Такъ вотъ кто такіе безпоповцы.

Няня моя, Февронія Логинова, чай - кофеи никогда не распивала, а пила липовый цвѣтъ, пила съ медомъ, а не съ сахаромъ, который «поганъ» и «скоромень», такъ какъ очищается чрезъ «мертвыя кости безсловесныхъ скотовъ», а сіе есть «скотоподобно»!

Безпоповцы, какъ показываетъ самое это названіе, не имѣютъ священства, ни алтаря, ни таинствъ. Читаютъ у нихъ по старымъ книгамъ начетчицы.

Я потомъ, когда няня за дряхлостью уже поступила въ безпоповщинскую богадѣльню, близъ Волкова, видѣть ихъ обиходъ и церковь. Все подѣланы узкія келейки и сидятъ въ нихъ старухи столѣтнія, пахнетъ кипарисовымъ масломъ, мятой, липовымъ цвѣтомъ. Въ углахъ черныя иконы; на стѣнахъ старинныя лубочныя картины, все самага страшнаго содержанія.

Огромная Смерть—безносый скелеть съ косою, какъ траву, косить копошащееся у ногъ ея человѣчество; нѣкто, съ мечомъ, исходящимъ изъ усть, стоитъ посреди седми свѣтильниковъ, ангелы трубятъ, и огненная саранча скачетъ; грѣшники вопятъ въ езерѣ огненномъ, и все въ этомъ родѣ. Церковь у нихъ состоитъ изъ стѣны съ полками, сплошь уставленными, въ нѣсколько ярусовъ, древними иконами. Предъ стѣной аналой съ древними книгами. Алтаря нѣтъ.

Видимо, такая бѣдность культа все же оставляла въ душѣ няни какую-то неудовлетворенность.

Вотъ почему объ этомъ можно догадываться. Во время нашихъ прогулокъ,—а няня, при своей толстотѣ, была весьма подвижна,—мы заходили въ храмы разныхъ вѣроисповѣданій. Зайдемъ къ Пантелеймону, няня на свои три копейки купить свѣчку и велитъ мнѣ поставить угоднику, сама меня подниметъ къ подсвѣчнику. Сама она не могла въ нikonьянскомъ храмѣ нikonьянской иконѣ свѣчи ставить... А то придемъ въ католическій костель и слушаемъ органъ вмѣстѣ съ поляками.

Бывали и въ нѣмецкой киркѣ. Живо помню, какъ пасторъ кричитъ и жестикулируетъ на своемъ балкончикѣ, начинаетъ бить себя въ грудь, нѣмки плачутъ, и няня плачетъ, хотя ничего не понимаетъ, чувствуетъ, однако, что нѣмецъ говоритъ что-то отъ божественнаго весьма умиленно.

Что это были за хожденія по разнымъ вѣрамъ? Исканіе чего или смутное сознаніе, что всѣ вѣры одинаковы, если ихъ исповѣдуютъ чистыя и искреннія сердца, стремящіяся къ Небесному Отцу человѣчества?!..

Но вотъ мой братъ начинаетъ богословскій диспутъ съ няней.
— Няня, вѣдь Богъ у всѣхъ одинъ?

- Одинъ, Мишенька, одинъ.
- Значить, и вѣры всѣ равны?
- Какъ можно! Наша православныя вѣры весь міръ вмѣстѣ не можетъ, ихнія же вѣры всѣ прелести.

Вотъ и совмѣщайте это съ посѣщеніемъ костела и со слезами отъ нѣмецкихъ разглагольствій пастора въ бѣломъ галстукѣ!

V.

Петербургскій климатъ вредно отражался на хиломъ и мало-кровномъ моемъ организмѣ. Матушка, по предписанію врача, отвезла меня въ Батищево. Помню, я какъ бы въ первый разъ увидѣлъ моего отца, когда тройка въѣхала на огромный зеленый дворъ усадьбы, пустынный и оглашавшійся звонкимъ лаемъ се-тера Пегаса и двухъ лягавыхъ—Полкана и Лыски, съ которыми быстро сведена была у меня пріязнь.

Черное и сѣрое дерево старыхъ построекъ смотрѣло со всѣхъ сторонъ. По тесовой крышѣ усадьбы зеленѣлъ мохъ. Колонки и фронтоны съ полукруглымъ радужнымъ окномъ украшали окно, на которомъ сидѣлъ человекъ въ широкополой шляпѣ, съ локонами длинныхъ волосъ, раскинутыми по плечамъ, и курчавой бородой и съ тихой радостью смотрѣлъ на меня...

Быль полдень прекраснаго іюньскаго дня. Все кругомъ цвѣло и благоухало. Во всей природѣ разлита была та жуткая дрема и истома, которую древніе объясняли сномъ бога Пана.

Мнѣ, привыкшему къ тѣсному горизонту сосѣднихъ крышъ, къ петербургскимъ улицамъ, деревенское приволье показалось волшебнымъ сномъ.

Въ то же время стройныя колонны серебростволыхъ березъ, волнующаяся трава, въ синевато-зеленой глубинѣ которой, словно разноцвѣтные огоньки, трепетали чашечки цвѣтовъ, лазурь небесная, холмы окрестностей и бѣгущая въ сизоватой дымкѣ черта горизонта, все родило въ нервномъ, хиломъ моемъ существѣ до боли восторженное, почти религіозное чувство. И я, припавъ на грудь моей матери, разрыдался.

«Природа не храмъ, а мастерская, и человекъ въ ней не жрецъ, но работникъ», говоритъ нигилистъ Базаровъ въ романѣ Тургенева «Отцы и дѣти». Но Тургеневъ вложилъ въ уста русскаго нигилиста слова... французскаго писателя XVII вѣка, остроумнаго Мармонтеля.

Это представленіе о природѣ характерно для картезіанской бездушнѣй философіи той эпохи, но если природа не храмъ, то гдѣ же еще искать храма?

Для моего ребяческаго воображенія природа стала сейчасъ же храмомъ, а самъ себя я возвелъ въ жрецы этого храма. Я уже читалъ Гомерову Одиссею въ переводѣ Жуковскаго и «Олимпъ»

Петяскуса съ изображеніями боговъ. Природа—воды, луга, рощи,— все наполнилось для меня присутствіемъ древнихъ волшебныхъ существъ. За озеромъ была роща изъ древнихъ столѣтнихъ липъ. Въ ней была круглая лужайка. Могучія деревья обступили ее и переплели густолиственные вѣтви надъ ней куполомъ. Я возвелъ это мѣсто въ храмъ Аполлона (я писалъ уже стихи), сложилъ алтарь изъ дерна и сожигалъ на немъ въ честь свѣтлаго бога древности гнилушки, онѣ тлѣли и давали много синеватаго и довольно душистаго дыма. Въ тихую погоду дымъ поднимался тонкими струйками вверхъ; прямые, какъ стрѣлы, лучи солнца проникали сквозь просвѣты древеснаго свода въ сумракъ рощи и озаряли волны своеобразнаго оѳіама. И мнѣ чудилось присутствіе сребролуннаго дальномечущаго олимпійца... Я воздымалъ руки, поклонялся и бормоталъ какія-то молитвы собственнаго сочиненія, я, никогда не молившійся по христіанскому культу ни на сонъ грядущій, ни при утреннемъ пробужденіи и въ девять лѣтъ отлично знавшій, что религію выдумали жрецы, что, кромѣ матеріи и силы, нѣтъ ничего, что религія человѣчества есть общее благо и разумный эгоизмъ, съ нимъ совпадающій, и нѣтъ ни души безсмертной, ни ангеловъ, ни чертоговъ Божества, и самъ

«На крестѣ распятый Богъ.

Былъ сынъ толпы и демогаго...»

Вѣдь я уже зналъ, что геологія доказала вздорность семидневнаго творенія и что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны и подъ кожей стыдливо таить «рудиментъ хвоста». Дѣти съ изумительной быстротой воспринимаютъ убѣжденія ихъ родителей, имѣющихъ для нихъ авторитетъ, и запоминаютъ «последнія слова наукъ» въ видѣ афоризмовъ, какъ будто они поглотили всю мудрость вѣка.

Но таинственныя идолослуженія въ липовой рощѣ меня не удовлетворяли. Мнѣ, видимо, хотѣлось воочию видѣть явленіе въ мірѣ гармоническаго Бога свѣта, и, какъ древній пиеагореецъ, я поднимался на зарѣ и выходилъ въ садъ.

Еще синева лежала кругомъ по горизонту и бѣлѣло, и чуть алѣло на востокѣ. Цвѣты и кусты тихо дышали подъ росой. Я шелъ къ скамейкѣ подъ группой старыхъ березъ. Въ вѣтвяхъ раздавались тройственныя созвучія соловья. По опушкѣ рощи, по кустамъ уже чирикали и пересвистывались проснувшіяся птицы, но подъ сурдину и на фонѣ ихъ стоголосаго гомона ярко, четко, звонко и округло раздавались колѣна соловьиного горла. И слѣдилъ я, затаивъ дыханіе, какъ «появлялась мигающая перстами пурпурными Эось», какъ появлялись на востокѣ пурпурные кони вѣчнаго Бога и какъ, наконецъ, самъ онъ съ пламенѣющимъ ликомъ торжественно возносился надъ долиной, рѣчкой, полями и лѣсами, а птицы поднимали оглушительный восторженный пискъ, свистъ, поканье и стрекотаніе.

Но я молчалъ и благоговѣлъ.

VI.

Вокругъ простирались необозримые поля и луга, лѣса и пустоши.

Подъ древнія обрядовыя пѣсни совершаль свой трудовой годъ сельскій людъ.

Пахарь и косецъ, жница и сѣвецъ терялись въ этихъ пространствахъ, какъ мураши какіе.

Народъ этотъ жилъ такъ, какъ отдаленнѣйшіе предки его, вѣрилъ въ тѣ же примѣты, пѣлъ тѣ же пѣсни, вспоминая южную родину, Дунай, червленую розу, зеленый виноградъ, море, о чемъ и слыхомъ не слыхать въ дорогобужскихъ пустошахъ, и посреди заботъ повседневныхъ былъ беззаботенъ; такъ же былъ въ полномъ подчиненіи у природы и земли, и такъ же былъ независимъ и свободенъ духомъ.

Пастушенокъ, сидя надъ свѣтлыми водами извилистой рѣчки, осѣненной старыми ольхами, глядя на сверкающія воды ея, игралъ на самодѣльной свирѣли, въ то время, какъ овцы ползали по склонамъ холмовъ и красавицы-коровы покойно паслись, покачивая рогами головами.

Пастушенокъ игралъ для себя, и никто его не слушалъ. Онъ игралъ, чтобы издавать звуки посреди пѣвчаго пернатога населенія прибрежныхъ кустарниковъ. А надъ нимъ голубѣло безконечное небо. И солнце лило животворный свѣтъ. И въ эту минуту пастушенокъ былъ царемъ своего маленькаго царства. Свирѣлъ пѣла, и далеко разносились мелодичные звуки. Эти звуки были прекрасны, потому что ихъ создала тысячелѣтняя древность и геній народа. Эта пѣсня родилась еще тогда, когда на городищѣ у рѣки стоялъ высокій тынъ, обвѣшанный лошадиными черепами, а за тыномъ торчали деревянные расписные идолы.

Деревня, эта соха, этотъ сѣвецъ, изъ мощной руки котораго со свистомъ вылетаетъ зерно и впивается въ мягкую землю, этотъ пастушенокъ со свирѣлью—древнѣ поповъ и монаховъ, присланныхъ Византіей.

И покорныя и попамъ, и монахамъ, и боярамъ, и князьямъ дѣти земли оставались все-таки единственными ея господами. Они одни умѣли заставить нѣдра этой земли давать зерно и волокно, питать и поить сосцы вѣчной матери-природы. Укладъ и обрядъ, которымъ они повиновались, были древнѣ византійскаго культа солнцу правды...

Надъ дѣтьми Даждь-бога, Краснаго Солнца, все еще царили древніе боги—Волось, скотій богъ, и Лель, обвитый хмелемъ беззаботный пастухъ, и Ладъ, кующій золотымъ молотомъ свадьбу, принесшій сюда съ Востока въ посохѣ мохнатую пчелу и научившій дѣтей своихъ варить пьяные меды.

Въ глухія языческія дебри христіанство шло по великимъ воднымъ путямъ, по рѣкамъ и далѣе, по главнымъ притокамъ рѣкъ сѣтью раскидывалось по лѣсистой странѣ христіанство и разсадники его—храмы.

Но по мелкимъ рѣчкамъ и до сихъ поръ еще не возникли храмы, несмотря на протекшее тысячелѣтіе.

Хотя бы въ старой Смоленщинѣ, только выбравшись въ долину Днѣпра, видишь со всѣхъ сторонъ на холмахъ сверкающіе золотые кресты.

А странствуя по притокамъ, отъ деревушки къ деревушкѣ, можно цѣлые дни не встрѣтиться съ живымъ символомъ любви—христіанскимъ храмомъ. И невольно думаешь, что католическій обычай ставить кресты въ глухихъ мѣстахъ, при дорогахъ, съ изображеніемъ распятаго Бога имѣетъ высокой смыслъ.

Лѣса, поля, сѣрыя избы, горизонтъ замыкается глухимъ и темнымъ кольцомъ. Весной запоютъ, завизжатъ, загикаютъ веснянки грудастыя дѣвки, бабы, заскачутъ—ну, словно какія-то вакханки.

Сосредоточенно-страстное и въ то же время грозно-безнадежное въ тембрѣ, въ настроеніи, въ мелодіи и пафосѣ этихъ бабьихъ весеннихъ пѣсенъ!

Это, несомнѣнно, обрядовые гимны древняго язычества.

Въ весеннихъ обрядовыхъ пѣсняхъ чувствуется все возжелѣніе пробуждающейся природы, вся томящая нѣга прозябанія и въ то же время та грозная стихійная сила, которая слышится хотя бы въ ропотѣ стараго матерого лѣса.

Манера пѣть у смоленскихъ бабъ и дѣвокъ напоминаетъ отчасти цыганскую—«утробностью» вырывающихся изъ груди женщины низкихъ нотъ, завыванія, уханія и вскрикиваній.

Наши бабы «кричатъ» свои пѣсни. Нота за нотой вылетаетъ какъ-то отдѣльно, точно лай...

Да, лай мистическихъ псовъ античной Гекаты слышится въ этихъ басистыхъ вопляхъ...

VII.

Но вотъ картина, которой я никогда не забуду.

Пасха ранней весной. На пригрѣвахъ обнажилась прошлогодняя трава и появились блѣдные первые цвѣтки. Вѣрба вся въ золотисто-бѣлыхъ пушистыхъ сережкахъ на коралловыхъ вѣткахъ. Бѣгутъ, гремятъ, звенятъ, журчатъ, подтачивая рыхлый осѣдающій снѣгъ, ручьи талой воды. Старыя березы подсѣчены, и сладкій, прозрачный сокъ-березовикъ бѣжитъ; каплетъ и струится по лоточкамъ въ подставленные корытца и кадушки. Раненныя деревья отдають человѣку лучшіе соки своихъ сердцевинъ!

Березы тонкій стволъ, упругій, серебристый,
 Разсѣченъ топоромъ весной, когда была
 Прогалина въ лѣсу угрюма и гола,
 Подснѣжникъ лишь синѣлъ, да вербы цвѣтъ пушистый
 Станицы первыя пичужекъ привлекалъ,
 Въ сыромъ оврагѣ снѣгъ протаявшій сверкалъ,
 Ручей звенѣлъ подъ нимъ попрежнему рѣчистый
 И въ ледяной тюрьмѣ метался и скакалъ.
 На легкомъ кружевѣ нагихъ вѣтвей березки
 Дрожали инея растаявшія слезки,
 И, тайной жизни полнъ, переливался въ ней
 Душистый, сладкій сокъ съ вершины до корней.
 Когда топоръ разсѣкъ коры живыя тѣани,
 Заботливый мужикъ приладилъ желобокъ;
 Изъ раны каплями бѣжитъ прозрачный сокъ
 И собирается въ берестномъ стаканѣ.
 Какъ свѣжъ, крѣпителенъ березовикъ весной—
 Великодушный даръ смиренницы лѣсной!

Раненая березка, отдающая человѣку сладкій жизненный сокъ, не лучшей ли символъ великодушнаго Страдальца, пригвожденнаго къ древу и смертію давашаго новую жизнь человѣчеству?

Я стою на крыльцѣ дома съ нашей ключницей Прохоровной. Мы ждемъ «поповъ» со «святомъ». Въ домѣ все приготовлено къ ихъ угощенію. И вотъ издали доносится стройное пѣніе сопровождающихъ иконы хоромъ. Крестьяне и женщины-крестьянки поютъ попеременно. Ближе и ближе! Громче и громче!

Христось воскресе изъ мертвыхъ,
 Смертію смерть поправъ
 И сущимъ во гробѣхъ
 Животъ даровавъ!

И вотъ на сверкающихъ лужахъ дороги, по проваливающемуся, рыхлому, напитанному водой снѣгу идутъ толпы, несутъ святыя лики на полотенцахъ, шествуетъ священникъ въ золотой ризѣ... Невыразимое чувство сладкаго до боли восторга наполняетъ грудь. Нельзя удержать слезъ. Онѣ сами льются. Плачеть и Прохоровна. И стыдится, и плачеть, и приговариваетъ:

— Вотъ не могу и не могу удержать слезы! Сами льются.

Такъ встрѣчали христіанскую святыню въ домѣ доктора химіи, убѣжденнаго матеріалиста.

Отецъ мой прекрасно зналъ Евангеліе, и оно было у насъ въ русскомъ переводѣ.

Онъ изучилъ эту книгу, когда содержался въ Петропавловской крѣпости, въ Алексѣевскомъ рavelинѣ полтора года, до своей высылки, о чемъ я уже рассказаль выше въ этихъ очеркахъ. Тамъ позволяли читать только Библию, имѣвшуюся на французскомъ языкѣ въ изданіи 1817-го года и, вѣроятно, оставшуюся еще отъ декабристовъ.

Можно думать, что эту Библию читало послѣдовательно нѣсколько поколѣній русскихъ государственныхъ преступниковъ.

По крайней мѣрѣ о ней упоминаетъ Н. Морозовъ въ предисловіи къ своему изслѣдованію объ астрологическихъ символахъ Апокалипсиса, съ которымъ онъ познакомился, именно читая въ равелинѣ Библию 1817-го года на французскомъ языкѣ.

У отца была привычка читать что-либо на сонъ грядущій. Моя кровать стояла въ ногахъ его. Я тоже хотѣлъ читать что-нибудь передъ сномъ. Онъ мнѣ это позволилъ, но съ условіемъ, чтобы я прочитывалъ главу изъ Евангелія.

Я такъ и читалъ, и это стало моею привычкою. Я такъ много разъ прочиталъ всѣхъ евангелистовъ, изъ которыхъ особенно плѣняло меня Іоанново повѣствованіе.

Такъ опальный профессоръ, докторъ матеріалистической химіи шестидесятихъ годовъ, ссыльный, находящійся подъ надзоромъ полиціи въ глухомъ уѣздѣ «мякиной» губерніи, въ занесенной снѣгомъ усадьбѣ, читалъ бывало книжку «Отечественныхъ Записокъ», а сынъ его воспринималъ дѣтскою душою святыя евангельскія слова. Это была лучшая молитва въ моей жизни, лучшее усвоеніе христіанскаго ученія, и я полагаю, что отсутствіе въ русской семьѣ Библии есть главное основаніе ея безрелигіозности. Въ нѣмецкой, въ англійской семьѣ отецъ каждый вечеръ беретъ комментарную Библию и читаетъ изъ нея главу съ объясненіями собраннаго семейству. Это святая минута въ жизни семьи, и отецъ въ ней является не только физическимъ «родителемъ», а наставникомъ духа своихъ дѣтей и всѣхъ домочадцевъ.

Это возвышаетъ отца въ глазахъ его дѣтей, и самое чтеніе очищаетъ нравственную и умственную атмосферу семьи, утишая страсти, заставляя забывать всякія дразги. Каждый вечеръ звучать въ семьѣ святыя слова, и можетъ ли это не оставить слѣда въ сердцахъ, чистыхъ, отзывчивыхъ дѣтскихъ сердцахъ. Англійская и нѣмецкая семья уже сами по себѣ составляютъ маленькую единомышленную церковь, и дѣти, когда вырастутъ и разойдутся въ разныя стороны, никогда не забудутъ тѣхъ мгновений, когда внимали чтенію св. слова въ семьѣ.

Если русская семья и посѣщаетъ богослуженіе, то чтеніе нараспѣвъ славянскаго текста такъ мало понятно, такъ отрывочно, такъ темно и невнятно, что едва ли такое торжественное «благовѣствованіе» оставляетъ глубокій слѣдъ въ сознаніи слушателей, въ особенности дѣтей, которыя ужь, разумѣется, ровно ничего не понимаютъ.

VIII.

Общій результатъ всѣхъ революцій одинъ: достигнувъ цѣли, уничтоживъ то, что они считали причиной зла, страданій и бѣдствій человѣчества, люди съ изумленіемъ видятъ, что причина

истреблена, а бѣдствія не уменьшились, страданія не облегчены, зло осталось. Болѣе тупые и близорукіе умы начинаютъ объяснять это странное явленіе тѣмъ, что революція не была проведена достаточно радикально и до конца. И требуютъ новыхъ жертвъ, новой крови, новыхъ реформъ.

Но люди вдумчивые начинаютъ понимать, что зло міра лежитъ гдѣ-то глубже, въ какихъ-то сокровенныхъ метафизическихъ устояхъ его.

Это начало религіознаго просвѣтлѣнія и пробужденія.

Если бы русскій террористъ оказался въ эпохѣ явленія Спасителя, онъ сказалъ бы политическому пророку:—Ты говоришь: хочу побѣдить князя міра сего, уничтожить власть зла! Ты говоришь: хочу васъ сдѣлать свободными! Ну, такъ возьми кинжалъ, поди въ Римъ и убей Кесаря Тиверія: И ты освободишь міръ и человѣчество отъ основной причины всякаго зла. Повелитель міра Римъ; правитель Рима—кесарь. Не ясно ли, гдѣ зло и какъ отъ него избавиться?

Такъ бы сказалъ русскій террористъ, и такъ разсуждали всѣ «тираноборцы» всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Но Христосъ не пошелъ по этому пути. Онъ самъ умеръ на крестѣ, добровольно отдавъ себя въ жертву за человѣчество!

Послѣ перваго марта 1881 года слишкомъ многимъ открылось безуміе этой борьбы съ мнимой причиною страданій народовъ въ лицѣ ихъ правителей и слишкомъ ясно было, что именно вѣнчанный мученикъ—Царь-Освободитель—явился жертвой за грѣхи своего народа и времени.

И смыслъ, который то историческое мгновеніе придавало знаменитому ученію гр. Льва Николаевича Толстого о «непротивленіи злу», диктовался именно внутреннимъ сознаниемъ близорукаго безумія и кровавой безцѣльности того «противленія», которое проповѣдывалось революціоннымъ подворьемъ семидесятыхъ годовъ. Кесарь убить—а зло жизни осталось, и не дрогнуло, и оковы народныя, какъ молоть,—первое марта заклепало еще глуше.

«Не судите по наружности, а судите судомъ праведнымъ». Мнѣ кажется, что идеи яснополянскаго старца въ моментъ ихъ явленія неперемѣнно нужно разсматривать въ исторической обстановкѣ этого момента, только тогда можно понять, какую отраду примиренія внесли тогда эти идеи въ сердца скорбящія и озлобленныя, открывая двери въ какой-то чистый, свѣтлый міръ, изсохнувшимъ духомъ сообщающа живую воду, раздвигая тѣсный и мрачный горизонтъ, звуча истинной вѣстью освобожденія отъ повинности мрачному, ужасному, изувѣрному подполью.

И потому всякій, кто помнитъ восьмидесятые годы прошлаго столѣтія и послѣдовательнаго явленіе такихъ произведеній великаго писателя земли русской, какъ его «Исповѣдь», «Сводъ

Евангелій», «Народные рассказы», «Крейцера Соната», «Смерть Ивана Ильича», «Въ чемъ моя вѣра», тотъ никогда не примирится съ его отлученіемъ, какъ съ мѣрой, основанной лишь на формальныхъ схоластическихъ поводахъ, а въ сущности глубоко не соответствующей идеалистическому проповѣданію «на землѣ мира и въ челоуѣкахъ благоволенія», съ которымъ выступилъ Левъ Николаевичъ въ тѣ ужасные дни перваго марта.

IX.

«Интеллигентный скитъ» находился, сравнительно, недалеко отъ Батищева.

Итакъ, я шель туда пѣшкомъ, проселочной дорожкой, черезъ смѣющіяся долинки и холмы нашихъ милыхъ, тихихъ и столь въ простотѣ своей природы привлекательныхъ мѣсть.

Июнь былъ въ разгарѣ. Цвѣла млечнымъ бѣлымъ цвѣтомъ по опушкамъ, канавкамъ, склонамъ овраговъ, по загуменникамъ деревенекъ сныть. Медовый аромать шель отъ нея, точно млечными облаками трепетавшей на тонкихъ зонтикахъ высокихъ своихъ «дудокъ», очень опасныхъ, такъ какъ можно смѣшать безвредную «сныть», даже идущую въ зеленія щи, съ похожей «цикутой», сокомъ которой отравился Сократъ.

Вышелъ я послѣ обѣда, и уже солнце стало заходить за холмы и лѣса, когда я пересѣкъ поемную днѣпровскую долину и достигъ песчанаго берега очень узкой въ нашихъ мѣстахъ въ лѣтнее время рѣки. Множество стрижей съ песчаныхъ обрывахъ береговъ подѣлали глубокія норы и тамъ живутъ, выводятъ дѣтей. Они съ звенящими трелями цѣлыми стаями винтообразно носились надъ алыми, при отсвѣтѣ заката, водами Днѣпра, ловя насѣкомыхъ, которыя клубились клубомъ, сыпались дождемъ, носились облаками... То-то поживы было стрижама, вѣроятно, съ одного круга нахватывавшимъ ихъ цѣлый носъ. Поминутно они молніей прыскали внизъ и мгновенно скрывались въ свои норы кормить наловленной добычей птенцовъ.

Черезъ рѣку ходилъ паромъ, которымъ управлялъ сѣдой старикашка съ самой карикатурной носатой физиономіей, къ которой, какъ нельзя болѣе, подходила эпиграмма Ломоносова:

На бѣлыхъ волосахъ у Аппія зима,
А лѣто на глазахъ, горящихъ отъ вина.
Какъ пѣть, такъ по носу фіалки расцвѣтаютъ
И середину тѣмъ весны намъ представляютъ;
Какъ въ осень щеки всѣ полны брусники спѣлой—
Не всякъ ли видить: здѣсь изображенъ гдѣ цѣлый!

Старикъ съ паромомъ находился на другомъ берегу и, видимо, не думаль для меня одного двигать свое плещущее сооруженіе на эту сторону.

Вдругъ звонкая пѣсня разнеслась въ лугахъ. Затянула голо-
систая пѣвунья, подхватили басистыя молодухи, зазвенѣли под-
голоски:

Ай, что жъ ты, роза,
Одна во саду!
Роза! Роза!
Червленая
Одна во саду,
Одна въ зеленомъ!
Роза! Роза!
Червленая!

Ближе и ближе. И вотъ высыпала на склонъ берега толпа дѣ-
вухекъ, бабъ въ яркихъ сарафанахъ, лентахъ, бусахъ, «рогахъ»,
стеклярусныхъ поясахъ, смѣющихся и поющихъ. Пламень заката
залить ихъ цѣлымъ потокомъ лучей и придавъ силу и блескъ не-
обыкновенный и ихъ глазамъ, и лицамъ, и нарядамъ.

Казалось, онѣ были разодѣты въ какія-то сказочныя ткани,
украшены самоцвѣтами.

Спускаясь къ Днѣпру, съ граблями на плечахъ, онѣ притопывали
и приплясывали.

Ай, что жъ ты, Алена,
Одна въ терему!
Роза! Роза!
Червленая!
Одна въ терему,
Одна въ высокомъ!
Роза! Роза!
Червленая!

За ними сталъ спускаться огромный возъ душистаго, пзсиня-
зеленаго сѣна. Сводилъ коня подъ уздцы дюжій парень, а наверху
воза сидѣлъ цѣлый выводокъ бѣловолосыхъ мальчиковъ и дѣво-
чекъ.

Оборвавъ пѣсню, молодухи стали кликать паромщика.

— Ей-ты, дѣдко водяной! Поворачивайся живѣй, носастый
чор-р-ртъ!

Вмѣстѣ съ звенящимъ хохотомъ такъ и раскатывалось надъ
переливающимися и синью, и прозеленью, и золотомъ и смарагдомъ
водами Днѣпра.

Перевозчикъ навалился на канатъ и шестъ и сталъ двигаться къ
бабамъ, но самъ не остался въ долгу и тоже заораль на всю долину,
поминая нечистую силу. Хохоть и задоръ молодухъ усилился, и
принялись онѣ взапуски пересмѣивать старика и переругиваться
съ нимъ. Но паромъ подплываль. Брызги летѣли съ шеста и каната,

горя, словно червонцы. Возъ съ громомъ вѣхалъ на доски парома, погрузилъ ихъ и залилъ водой

— Утонешь съ тобой, старый дья-я-в-о-о-ль!—закричали въ лицо сѣдому старикашкѣ съ подсученными синими портками и не подпоясанной, разстегнутой бѣлой рубахой, вздувавшейся пузырями на горбатыхъ его лопаткахъ.

— Хоша бы и потонули, добро не вели-ко-о-о!—заоралъ имъ въ отвѣтъ перевозчикъ.

Бабы, дѣвушки нагрузили паромъ, съ хохотомъ, визгомъ, толкая другъ друга; нашель и я себѣ мѣстечко, и паромъ, сильно заливаемый водой, тронулся черезъ Днѣпръ.

Выйдя на противоположный берегъ, увидалъ я крыши усадьбы, гдѣ находился «интеллигентный скитъ», и пошелъ къ нему по широкому лугу. Но долго еще въ ухахъ моихъ звенѣли смѣхъ, пѣсни, крики женской ватаги, и мерещились ихъ улыбки, лица, яркія одежды и вся эта смѣсь воды, неба, залитыхъ лучами заката и какихъ-то волшебныхъ, блестящихъ красокъ... Экъ вѣдь жизни-то въ этихъ бабахъ и дѣдкахъ! Ни о чемъ не задумываются, никакихъ философическихъ задачъ себѣ не ставятъ, просто живутъ молодой, кипящей, черезъ край бьющей жизнью...

Межъ тѣмъ подходилъ я къ «скиту»

Х.

Косматый отъ зарослей крапивы и полыни, некошеный, нерозный дворъ обступили постройки, темныя, хмурыя, непривѣтливныя. Всюду въ углахъ между постройками лежалъ всякій хламъ, беспорядочно наваленныя дрова, палки, сучья и просто мусоръ и навозъ. Высшая степень перяшливости и запущенности на все положила отталкивающій отпечатокъ.

Дворъ и постройки кинуты были на взлобкѣ холма подъ березовой рощей, но кругомъ простирался косматый пустырь и не было къ усадьбѣ торной дороги, а лишь чуть намѣченный въ щетиистой травѣ колеями слѣдъ; точно давно уже никто не подѣзжалъ къ хутору и изъ него не выѣзжалъ. Отчасти такъ и было. Хозяйство при хуторѣ было самое ничтожное: пятокъ коровъ, пара лошадей, ни овецъ, ни птицъ, даже не было собакъ; даже кошки не было... Зато въ рощѣ воронье жило, сушило вѣтви черными гнѣздами, нанизывая ихъ одно надъ другимъ, покрывая все своимъ «гуано». Теперь оно хрипло каркало, взлетывало съ шумомъ, садилось опять, приготовляясь къ ночлегу. Едва я вошелъ во дворъ, черезъ поваленную калитку и тынь, успѣвшій уже прорасти, лежа на боку, всякой сорной травой, заросли которой обступали хуторъ, покачивая мохрами при вечернемъ вѣтрѣ, словно на приступъ шли,—такъ едва вошелъ я на дворъ «скита», грянулъ гдѣ-то въ днѣпровскихъ камы-

шахъ гулкѣй выстрѣлъ и тучей взметнулось и взлетѣло надъ рощей усѣвшееся было на покой воронье и такъ оглушительно заорало, что затрещало въ ушахъ. Сколько ихъ было! Кажется, такъ излюбили они мрачный хуторъ и рощу, что слетались сюда на ночлетъ со всей днѣпровской долины.

Стоя посреди двора, оглушаемый криками носящагося надъ головою воронья, былъ я въ недоумѣніи. Постройки и дворъ были какъ-то такъ искусно расположены, что всегда стоятъ спиной къ свѣту. По крайней мѣрѣ теперь я точно въ погребъ вошелъ; такой холодной сыростью здѣсь вѣяло, и, хотя еще внизу, въ долинѣ сіялъ отблескъ заката, тутъ уже залегла синева сумерекъ; точно я вступилъ подъ другое небо. Особенно мрачной показалась мнѣ обстановка «скита» послѣ яркой сцены на перевозѣ, которая еще мелькала въ моихъ глазахъ яркой радугой красокъ, еще звучала въ ушахъ звонкимъ крикомъ, смѣхомъ, пѣньемъ...

Съ недоумѣніемъ оглядѣлся я во все стороны. Никого нѣтъ, ни души живой. Прямо противъ меня огромный сарай изъ сырыхъ осиновыхъ бревенъ, недавней стройки, но покрытый дранью лишь на половину. Нѣсколько боронъ прислонено къ его стѣнѣ. Ворота открыты настежь и зіяютъ мрачной пастью.

Направо стоялъ домишка на манеръ господскаго, съ двумя крыльцами по сторонамъ, съ нахмуренной мшистой крышей-грибомъ, съ темными окошками, видно, очень ветхій и не казавшійся обитаемымъ.

Налѣво, съ краю двора лѣпился крохотный амбарчикъ, какой у бѣднаго мужика бываетъ. Съ четвертой стороны стоялъ флигель поновѣе, съ крыльцомъ посреди, на два жилья. Подъ окнами этого флигеля среди вытопанной травы стояли длинные некрашенные тесовые столы и такія же скамейки.

Ни въ одномъ окошкѣ свѣта, никакого признака живого существа. Ни собаки, ни человѣка. Однако двери распахнуты, окна тоже. Даже дверь амбарчика не затворена. Грачи успокоились. Сдѣлалась тишина жуткая.

А когда я замѣтилъ, что по двору въ травѣ валяются разныя вещи—тамъ хомутъ со шлеей, здѣсь вѣнскій продавленный стулъ вверхъ ножками, еще подальше пила, которая уже и ржавѣть принялась, наконецъ даже раскрытый чемоданъ съ какой-то рухлядью и парой штиблетъ, то мнѣ стало казаться: да не бросили ли «скитники» свой хуторъ на произволъ судьбы, а сами куда-то откочевали? Или не напали ли на хуторъ разбойники, всѣхъ передушили, все ограбили и, удаляясь, разроняли по двору часть своей добычи?

Тоска меня взяла. Но вдругъ дверь флигелька скрипнула, и тихо вышла на крыльцо стройная, худенькая женская фигурка въ

синемъ платьѣ и съ бѣлымъ платкомъ на головѣ, низко надвинутымъ на глаза.

«Евангелистка!» подумалъ я. И обрадованный появленіемъ живого существа, направился къ ней.

ХІ.

«Живое существо» оказалось, однако, крайне неразговорчивымъ, и на всѣ мои разспросы только отвѣчало, что все населеніе общины работаетъ на лугу. Впрочемъ, «евангелистка» предложила мнѣ въ ожиданіи присѣсть на одну изъ стоявшихъ подъ окнами флигеля скамеекъ и вызвалась угостить меня съ дороги молокомъ. И подлинно вынесла она горлачъ и стаканъ...

Громкіе голоса возвѣстили прибытіе «интеллигентныхъ скитниковъ».

Кто босикомъ, кто въ сапогахъ, въ рубахахъ, съ потемнѣвшимъ отъ пота спинами, съ граблями, вилами явились они.

«Толстовки»-барышни шли отдѣльно.

Впереди выступалъ основатель и глава «скита», скажемъ, Василій (они называли другъ друга по именамъ), мнѣ знакомый, кряжистый баринъ, въ очкахъ и съ огромной плѣшью, какъ онъ объяснялъ, отъ пристального изученія нѣмецкой философіи въ Гейдельбергѣ. Улыбка обнажила его бѣлые, крѣпкіе зубы, не сдѣлавъ, однако, его лицо привлекательнѣе.

— Поработать пріѣхали? Или за истиной?—спросилъ онъ меня, здороваясь.

Я промолчалъ.

— Мы всѣ здѣсь—младенцы во Христѣ!—съ блаженнѣйшей улыбкой воскликнулъ одинъ изъ «скитниковъ».

У него былъ большой животъ и черная борода по поясъ.

Василій замѣтилъ, что сегодня суббота, а по субботамъ они пьютъ чай.

По воскресеньямъ и двенадцатымъ праздникамъ они работали...

— Проклятая гангрена цивилизаціи, чай, сахаръ, табакъ, керосинъ...

— И спички,—прибавилъ чей-то угрюмый голосъ.

— ... и спички—выводятся уна съ мало-по-малу. Вдругъ отвыкнуть очень трудно,—объяснилъ Василій съ видомъ великаго постыжника, снисходящаго къ слабостямъ «новоначальнаго»...

Между тѣмъ открылъ онъ себѣ огромнѣйшій ломтище черного хлѣба, густо смазалъ его масломъ (покупали масло на сыроварнѣ! Опять—«гангрена цивилизаціи») и принялся бѣлыми своими зубами отгрызать огромнѣйшіе куски и, смачно чавкая, прожевывать.

Сухояденіе! Святость полная!

Я не совсѣмъ понималъ, чѣмъ собираются замѣнить «скитники» керосинъ и спички—лучиной, что ли, и «кресаломъ съ «огнивомъ», или думаютъ добывать огонь первобытнымъ способомъ, помощью тренія кусковъ дерева, но относительно чая съ сахаромъ мнѣ припомнилась няня Февронья Логинова, безпоповщинскаго толка. Въ самомъ дѣлѣ, «скитники» на первыхъ же шагахъ впадали въ самое узкое законничество съ гоненіемъ на бездушныя и очень полезныя вещи, какъ грѣховныя. Къ сожалѣнію, не проявляли они ревности древнихъ фариसेевъ къ «очищенію внутренности чашъ». Вся посуда у нихъ была очень плохо мыта, не говоря уже о крайней неряшливости ихъ жизни. Соръ-то никому убирать не хотѣлось...

Между тѣмъ «младенецъ» съ черной бородой притащилъ «гангрону цивилизаціи»—давно не чищенный, позеленѣлый, но яростно шумѣвшій самоваръ.

«Скитники» принялись чайничать съ превеликимъ грѣховнымъ наслажденіемъ.

«Чревонеистовство», «гортанобѣсіе» и «чревообъястіе» проявлялось звонкимъ прихлебываніемъ горячей жидкости. Бѣдняжки! Вѣдь имъ чай давали лишь разъ въ недѣлю!

Кромѣ того, обыденное меню обѣдовъ «скита» состояло въ вареномъ горохѣ, побѣленномъ молокомъ и заправленномъ... квасомъ и масломъ. Ей- Богу, не вру! Я двѣ недѣли ѣлъ это привлекательное блюдо изо дня въ день. Это, кажется, подлинно «кушанье покаянія» какихъ-то нѣмецкихъ постниковъ, которые черезъ три мѣсяца такого питанія такъ «очищались» и «утопчались плотію», что начинали съ ангелами разговаривать..

Только у нихъ вмѣсто квасу идетъ уксусъ

Горохъ, молоко, уксусъ и масло!

Въ «скитѣ» русскихъ «толстовцевъ», кромѣ того, прибавлялся и нѣкій скромный ингредиентъ—мухи. Несмѣтное ихъ число обитало во флигелькѣ, гдѣ находились столовая и кухня. Никто ихъ не выводилъ, кажется, объясняя это буддійскимъ принципомъ щадить все живое! Скромный сей ингредиентъ, попадавшійся въ постномъ «кушаніи ангеловъ», напоминалъ мнѣ сцену въ комедіи Проспера Мериме «Le ciel et l'enfer», когда фра Бартоломэ исповѣдуетъ донну Урраку:

— Et puis?

— Et puis... Ah! mon père... une mouche... est-ce maigre?

— Une mouche? Comment?

— Oui je crains d'en avoir, avalé une aujourd'hui dans mon chocolat. Je m'en suis aperçue, mais trop tard.

— Etait ce une petite ou une grosse mouche?

— Une très petite.

— Alors, c'était maigre...

«истор. вѣстн.», июнь, 1911 г., т. сxxiv.

(—А еще?...—Еще.. Ахъ, отецъ мой... муха... это постное?— Муха? какъ?—Да; я опасюсь, что по неосторожности проглотила одну въ шоколадѣ. Я замѣтила это, но уже слишкомъ поздно.— А она была маленькая мушка, или большая?—Очень маленькая.— Ну, тогда это постное...) Въ заключеніе фра Бартоломэ резонно замѣчаетъ, что весьма опасается, какъ бы перечисляя грѣхи, вродѣ проглоченной въ постный день маленькой мушки донна Уррака не упустила самый главный и худшій свой грѣхъ... предлюбодѣйную связь при живомъ, но уѣхавшемъ въ Америку мужѣ, съ дономъ Пабло...

По краткости все же своего пребыванія въ «интеллигентномъ скитѣ» и по недостаточности проницательности въ двадцать лѣтъ, не могу сказать, были ли въ скитѣ донны Пабло и доньи Урраки, но мухъ, и большихъ и маленькихъ, скитники, несомнѣнно, поглощали не мало въ своей похлебкѣ, къ которой въ прибавку шель только дурно выпеченный черный хлѣбъ.

Глава скита, поборникъ какого-то особаго рабочаго аскетизма и опрощенія, находилъ, что питаніе столь однообразнымъ кушаньемъ развиваетъ кротость.

По моимъ наблюденіямъ, оно развило только желудочныя недомоганія и въ силу этого сварливое, меланхолическое расположеніе духа.

XII.

Солнце зашло. Совсѣмъ смерклось.

«Евангелистка» въ синемъ платьѣ и бѣломъ платкѣ принесла зажженную закоптѣлую лампу безъ абажура.

Опять вторженіе «гангрены цивилизаціи».

Въ воздухѣ стояла тишь безмятежная. Но со всѣхъ сторонъ стала налетать на огонекъ моль ночная и виться вокругъ лампы.

Разительное зрѣлище являла эта кучка интеллигентовъ и интеллигентокъ, богискателей и богиискательницъ, еще недавно бывшихъ въ рядахъ революціонной арміи «народниковъ», а можетъ быть и «народовольцевъ», а теперь ищущихъ спасенія въ Евангеліи, самопонимаемомъ и самотолкуемомъ.

Еще споры, шатанія и блужданія были ихъ общимъ удѣломъ. Но какъ эта ночная моль, они уже вились около свѣтящагося зажженнаго огонька... чтобы обжечь крылышки? Нѣтъ, кто разъ увидалъ немеркнущій свѣтъ евангельской правды, хоть и сквозь туманы и чадные пары «интеллигентщины», рано или поздно найдеть все, чего ищеть, и въ полдень истины вступитъ...

Итакъ, барышня, а можетъ быть и дама, кто ее знаетъ, принесла и поставила зажженную керосиновую лампу.

Керосинъ ли опять напомнилъ о цивилизаціи и о путяхъ спасенія отъ ея разлагающаго начала, о святомъ «опрощеніи» и «мозоль-

номъ» самопскуплєніи, или глава «скита» и собственникъ хуторка Василій чувствовалъ необходимость явить собраніе глазамъ новичка въ «высокомъ духѣ», какъ говорилось между «скитниками», но только онъ произнесъ нѣчто въ родѣ «предики новонаначальному».

Всѣ молча внимали ему.

— Да, если хочешь познать истину—руками работай,—закончилъ онъ:—ѣшь въ потѣ лица свой хлѣбъ. Евангеліе требуетъ: мозолей. На чужой шеѣ прежде всего перестань сидѣть. А все остальное—приложится.

Въ сущности то, что говорилъ Василій, было старой народнической доктриной уходящихъ «въ народъ» спастись «народомъ», но не тамъ, однако, гдѣ самъ народъ ищетъ и находитъ спасеніе, доктриной, теперь опиравшейся на евангельскіе тексты, считавшіеся произведеніемъ «плотника сына», «сына толпы и демагога» и сопровождавшихъ его «рыбаковъ».

— Не понимаю, почему евангеліе—«требуетъ мозолей», когда въ немъ говорится «не печитесь объ утріи» и взгляните на лиліи полевья, какъ онѣ живутъ: не трудятся, ни прядутъ... слышишь: не трудятся! Не понимаю и того, почему для познанія истины нужно работать руками, а не мозгами?—раздался вдругъ насмѣшливый голосъ изъ темноты. Василій вспыхнулъ такъ, что плѣшь его зарумянилась.

Всѣ повернулись въ сторону голоса. А тамъ огонекъ теплился и освѣщала кому-то носъ и усы.

«Нѣкто» курить, публично, при «настоятелѣ», съ видимымъ вызовомъ.

— А потому, Анатолій,—скрипучимъ и злымъ голоскомъ проговорилъ Василій:—что тунеядецъ не христіанинъ. Сказано: «трудящійся достоинъ пропитанія». Слѣдовательно, не трудящійся и недостоинъ пропитанія. Теперь: трудятся массы. Хозяева получаютъ прибавочную стоимость и пожираютъ народный потъ и кровь. Это же Карлъ Марксъ. Если мы христіане, не тѣ, которые слушаютъ поповъ и монаховъ, а христіане мозольнаго труда, то мы не можемъ питаться эксплуатаціей массъ. Мы не можемъ пользоваться и такъ называемой цивилизаціей и продуктами капиталистическаго производства, такъ какъ эти продукты—кристаллизованный народный трудъ, то есть потъ, кровь и жизнь народные, у него украденные. Мы не можемъ пользоваться цивилизаціей, потому что это значитъ стать воромъ и людоедомъ, кровопійцей. А воръ, людоедъ и кровопійца не есть христіанинъ. Поэтому, проводя логически принципъ, мы должны отказаться отъ ситцевъ, табаку, водки, сахару (заводы сахарные—адъ для рабочихъ), керосина и спичекъ, особенно спичекъ, ибо при ихъ производствѣ фосфоръ пожираетъ рабочихъ. Это же ясно, какъ свѣчка, и просто, какъ палецъ!—побѣдоносно закончилъ Василій.—Такъ-то, Анатолій. Ты уже третій день не выходишь на ра-

боты, а собираешь гербарій днѣпровской флоры. Но я кончу тѣмъ, чѣмъ началъ: тупеядецъ не христіанинъ.

— Очень хорошо,—поныхивая папироской, еказалъ таинственный Анатолій.—Я все же не понимаю, какъ могу я прійти къ познанию истины, если вдругъ превращусь въ рабочаго вола? Вошь можетъ жевать сѣно, но ботаники знать не можетъ.

— И я тоже не понимаю!—вдругъ произнесъ еще другой, надтреснутый, болѣзненно шепотный голосъ.

XIII.

То былъ юношески стройный человѣкъ, съ тонкимъ, до прозрачности исхудалымъ лицомъ, съ большими задумчивыми глазами. Черные волосы съ серебристыми нитями первой и, можетъ быть, преждевременной сѣдины падали прядями на его выпуклый, мыслящій лобъ. Красивыми тонкими пальцами онъ нервно проводилъ по длиннымъ и легкимъ, какъ крыло духа, усамъ. Его длинная и узкая борода сходила къ одной точкѣ, какъ клинъ.

— И ты съ нимъ, Евгений!—зловѣще проговорилъ Василій.

— Я прямо скажу,—такъ же болѣзненно и шепотно ропталъ голосъ Евгенія:—что такая жизнь, какъ мы живемъ, дѣйствуетъ отупляюще на насъ, подавляетъ всѣ порывы духа, гнететъ къ землѣ. Въ основаніи все дѣло поставлено неправильно...

— Мозольный трудъ—камень краеугольный!

— Неправильно. Работа, трудъ, мозоли—прекрасно. Но вѣдь тогда это просто фаланстеръ, рабочій муравейникъ, а не христіанская община. Что это? Для чего это?

— Ты барствовать опять захотѣлъ, Евгений.

— Мы всѣ—младенцы, младенцы...—воздохнувъ, сказалъ обладатель черной бороды и широко разгладилъ ее на чревѣ.

— Не барствовать, но каждый день горохъ и горохъ...—прямо взвизгнулъ вдругъ блѣдный, истощенный юноша, почти мальчишкѣ.—У меня отъ вашего гороха съ молокомъ и квасомъ постоянное разстройство желудка, постоянное...

— Я уже говорилъ вамъ, Миша, что вы можете отправиться въ Дорогобужъ и помѣститься на время въ городскую больницу для чернорабочихъ, чтобы попитаться и подлечиться,—сварливо и раздраженно на этотъ новый выпадъ отвѣтилъ Василій. Онъ, видимо, все болѣе раздражался и волновался, такъ какъ при свѣжемъ, новомъ гостѣ вдругъ стало выползать таящееся среди «скитниковъ» недовольство.

— Я по паспорту дворянинъ. Меня въ чернорабочую не примутъ,—возразилъ бѣдный «Миша» съ постояннымъ разстройствомъ желудка.

Василій отвернулся. Между тѣмъ Евгений продолжалъ:

— Необходима созерцательная жизнь. Путь къ истинѣ одинъ— аскетическаго самоуглубленія.

— Сидѣть, поджавъ ноги въ высокомъ колпакѣ и смотрѣть на кончикъ носа прикажешь, Евгений?—перешель къ насмѣшкѣ Василиіи. «Толстовки» сочувственно засмѣялись.

— Аскеты, которые это дѣлають, быть можетъ, вовсе не такъ глупы, какъ тебѣ кажется, Василиіи!—отвѣтилъ тихо Евгений.

И неслышно удалился, погрузившись во тьму.

Сдѣлалось неловкое молчаніе.

— Впрочемъ, мы здѣсь добровольно сошлись, и воля каждаго свободна оставаться или уходить!—ворчливо проговорилъ Василиіи и принялся уписывать синее молоко съ непеченнымъ чернымъ хлѣбомъ. У этого человѣка былъ желудокъ акулы и, кажется, онъ могъ питаться дровою и сапожнымъ варомъ.

Хуторъ принадлежалъ Василию и, слѣдовательно, самъ онъ былъ у себя дома и уходить ему было не надо. Но этого никто ему не сказалъ. Чтобы разсѣять внезапно огустѣвшую раздоромъ атмосферу настроенія, нѣкто предложилъ «почитать» евангеліе.

«Толстовка» въ синемъ платьѣ съ видимой живой радостью принесла святую книгу...

... И сейчасъ же заспорили, что именпо читать.

Одинъ предлагалъ читать прямо «съ начала». Но такъ читать оказалось невозможнымъ: «съ начала» шло «родословіе», которое по отрицательной критикѣ тюбингенской школы и они считали «подложнымъ», потомъ рассказъ о чудесномъ рожденіи Спасителя, которое «скитники» называли «непріемлемымъ»... Стали указывать разныя «пріемлемыя» мѣста. Заспорили и о нихъ, такъ какъ всякій и ихъ принималъ или «съ исключеніемъ» или «съ дополненіемъ», а которое принималъ и цѣликомъ, то понималъ не только не такъ, какъ объясняютъ «попы и монахи», но даже и не такъ, какъ понимаетъ «Левъ Николаевичъ», и не такъ, какъ его сосѣдь справа, хотя и не такъ, какъ сосѣдь слѣва...

— Да почему же читать именно Евангелія?—раздался голосъ.— Вѣдь цейлонскій буддизмъ столь же высокое ученіе! И «Трипитаки» нисколько не ниже Евангелій, не говорю уже о Библии.

— Въ «Коранѣ» тоже много мыслей здравыхъ!

— «Веды» исполнены глубокомыслія!

— А «Талмудъ»! О, «Талмудъ»!..

Василій резонно замѣтилъ, что хотя всѣ «библии» человѣчества содержатъ смѣсь истины съ суевѣріемъ, и въ этомъ смыслѣ равны, но такъ какъ подъ руками только Евангелія, а нѣтъ ни Талмуда, ни Корана, ни Веды, ни Трипитаки, то онъ полагалъ бы, что...

— Читайте! Читайте, на чемъ откроется!

Василій взялъ книгу, открылъ: вышло о Страшномъ Судѣ.

Онъ началъ громко, отважно, но лишь дошелъ до словъ: «Тогда скажетъ и стоящимъ по лѣвую сторону:—идите отъ меня, проклятые, въ огонь вѣчный, приготовленный дьяволу...»—забормоталъ себѣ подъ носъ, наконецъ, остановился и сказалъ, что лучше прочесть другое что-нибудь.

— Надо читать вѣчное Евангеліе, въ сердцахъ и въ духѣ написанное, а не печатанное!—заявилъ кто-то. Поднялся споръ. Скоро отъ чтенія въ «духѣ» и въ «буквахъ» перешли къ вопросу объ очищеніи духа отъ навѣянныхъ цивилизаціей слоевъ пыли, грязи и мусора; обойдя мысленный кругъ, вновь уперлись въ то, съ чего начали, то есть въ «опрощеніе», «мозольный» трудъ, замѣну личной собственности—коммуной, «гангрену цивилизаціи», чай, табакъ, спички и т. д.

— Вы объ очищеніи духа говорите, а сами потихоньку въ рощу курить бѣгаете, какъ мальчишки,—вдругъ строго сказала «толстовка» въ синемъ платьѣ.

Но слова ея произвели неожиданный эффектъ, а именно—вызвали внезапно взрывъ гомерическаго хохота, и вдругъ всѣ почувствовали облегченіе; уличенные признались, что подлинно бѣгали за сарай въ рощу потихоньку другъ отъ друга курить, причѣмъ замѣчали огоньки во тьмѣ.

Василій «въ наказаніе» приказалъ имъ, до искорененія вредной привычки, курить открыто. Это «наказаніе» принято было съ величайшимъ удовольствіемъ.

«Сущіе подъ эпитиміей» сейчасъ же и закурили. Евангеліе унесли.

Всѣ почувствовали, что вовсе они не «скитники», а просто російскіе «желторотые» интеллигенты, собравшіеся въ лѣтніе мѣсяцы, когда можно спать въ наполовину покрытомъ сараѣ, къ болѣе состоятельному, балуются работой «мозольнаго» свойства и должны спорить, спорить, спорить...

Поднялись простые разговоры. Кто-то выразилъ даже удивленіе, почему это разговоры о возвышенныхъ вещахъ и въ особенности о братствѣ, милосердіи, непротивленіи, всепрощеніи вызываютъ обычно столько раздраженія и даже озлобленія?...

Скоро грянула и пѣсня:

Есть на Волгѣ утесъ,
Сѣдымъ мохомъ обросъ
Онъ съ вершины до самага края
И стоитъ сотни лѣтъ...

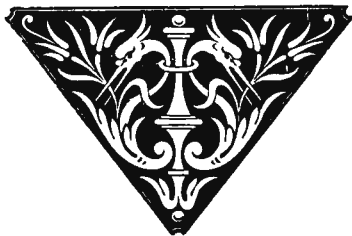
— Что же вы это рассказали?—спросить читатель. Начали о заслугѣ покойнаго яснополянскаго мыслителя, въ сумерки интеллигенціи тридцать лѣтъ назадъ внесшаго Евангеліе, а затѣмъ изо-

бразили какой-то вздорный «скитъ», обычную рознь и безтолковщину интеллигентныхъ кружковъ!

Гдѣ же просвѣщающее-то дѣйствіе яснополянскихъ идей? Въ чемъ же оно тогда выразилось?

Но въ томъ-то и заслуга Толстого тѣхъ, уже давнихъ лѣтъ, что все же онъ заставилъ читать Евангеліе такую мятущуюся, какъ овцы безъ пастыря, толпу недавнихъ «народниковъ» и даже «народовольцевъ». Самое «непротивленіе», тогда провозглашенное въ средѣ, исповѣдывавшей кровавый протестъ террора, было важнымъ принципомъ, въ ту минуту важнымъ, успокоительнымъ, спасительнымъ. Вѣдь въ *какую* среду проникъ Левъ Николаевичъ тогда съ нагорной проповѣдью! Подумайте! И отчего же *никто*, кромѣ него, не хотѣлъ или не сумѣлъ тогда въ эту толпу, искалѣченную ужасами революціоннаго подполья, отравленную мѣзмами кровавыхъ «идеологій», несчастныхъ, скорбящихъ и озлобленныхъ проникнуть со словомъ истины евангельской?

Ник. Энгельгардтъ.

ТРАГЕДІЯ УЧЕНАГО ПОЭТА.

(Воспоминаніе о В. П. Михайловѣ-Мартовѣ).

ВТОРАЯ половина восьмидесятихъ годовъ была не-веселымъ періодомъ въ жизни русскаго общества. Свинцовая туча полицейско-бюрократической власти и опеки его придавила, все какъ-то сжалось, ушло въ себя, и только въ низинахъ общественности шла подспудная работа, не сулившая въ будущемъ ничего добраго и отраднаго. Въ такіе періоды, за отсутствіемъ въ свободной наличности живыхъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ современностью, обыкновенно замѣчается нѣкоторое оживленіе въ кружкахъ литературныхъ и ученыхъ. Вниманіе интеллигенціи приковывается сюда и ищетъ себѣ здѣсь пищи своимъ запросамъ и интересамъ. Въ эти періоды, между прочимъ, начинаютъ обильно посѣщаться и университетскіе диспуты, гдѣ присутствующіе надѣются, хотя бы и по специальнымъ вопросамъ, все же услышать живое слово и свободную рѣчь, въ которыхъ сказался бы независимый умъ, идущій вразрѣзъ рутинѣ и казенному авторитету. На одинъ изъ такихъ специальныхъ диспутовъ въ области естествознанія я и былъ приглашенъ присутствовать однимъ моимъ знакомымъ г. В—скимъ. Въ качествѣ приманки для такого посѣщенія университета В—скій выставилъ то обстоятельство, что на предстоящемъ диспутѣ, который имѣетъ быть въ актовомъ залѣ. оппонентомъ выступить Владимиръ Петровичъ Михайловъ.

— Владимиръ Петровичъ съ неопровержимыми данными докажетъ, что проведеніе факультетомъ въ ученое званіе диссертанта

есть своего рода кумовство. Диссертация плоха, но тѣмъ не менѣе отцы факультета собираются ее одобрить. Рѣчь Михайлова будетъ протестомъ, брошеннымъ въ лицо всему факультету.

Я былъ нѣсколько освѣдомленъ въ силу своей тогдашней близости къ здѣшнему университету съ нѣкоторыми закулисными теченіями тамъ и зналъ, что Михайловъ за свое «направленіе» не пользуется милостями тогдашнихъ вершителей судебъ академической жизни, съ М. И. Владиславлевымъ (ректоромъ) во главѣ. Сѣченовъ, ученикомъ и ассистентомъ котораго Михайловъ состоялъ, признавалъ въ немъ крупное дарованіе и возлагалъ на него большія надежды, какъ на будущее украшеніе университета. О такомъ же значеніи молодого ученаго свидѣтельствовало и правленіе университета, когда дѣлало представленіе министру народнаго просвѣщенія о командировкахъ его съ научными цѣлями на разныя зоологическія и бактериологическія станціи. Обѣ диссертациі Михайлова, магистерская и докторская—«Къ ученію о животныхъ краскахъ» (85 г.) и «Остуденистомъ состояніи бѣлковыхъ веществъ» (88 г.)—разсматривались ученымъ міромъ, какъ работы, внесшія въ науку нѣчто новое, оригинальное и вполне самостоятельное; поэтому, по окончаніи курса въ университетѣ Михайловъ былъ при немъ оставленъ и занялъ мѣсто сначала сверхштатнаго лаборанта, потомъ ассистента при Сѣченовѣ и, наконецъ, приватъ-доцента, читавшаго съ большимъ успѣхомъ и пользою студентамъ курсъ подъ заглавіемъ «Къ ученію о животныхъ краскахъ». Вагнеръ, оцѣнивая защиту Михайловымъ его докторской диссертациі, говорилъ, что такъ говорить по своему предмету, какъ докторантъ, можетъ только настоящій ученый, при чемъ ученый съ большимъ поэтическимъ дарованіемъ. Сѣченовъ, покидая Петербургъ и переходя въ Москву, указывалъ на Михайлова какъ на желательнаго члена здѣшней университетской семьи, но, въ виду той чистки, которая послѣ эпизода 1-го марта 1881 г. въ стѣнахъ университета происходила, Михайловъ остался за флагомъ, и его явно затирали.

Съ нѣкоторыми поэтическими произведеніями Михайлова, появившимися на страницахъ «Слова», «Вѣстника Европы» и др. изданій, я былъ знакомъ и признавалъ въ нихъ безспорное литературное дарованіе, хотя и второразрядное, но, во всякомъ случаѣ, интересное и съ несомнѣннымъ будущимъ. Всѣ эти обстоятельства побудили меня послушаться приглашенія на диспутъ, о которомъ сказано выше, и явиться въ актовъй залъ университета, оказавшійся дѣйствительно довольно переполненнымъ публикою.

Сама по себѣ и тема диссертациі, и самый диспутъ въ сущности для неспеціалиста не представляли особеннаго интереса, и вялая возраженія официальныхъ оппонентовъ навѣвали скуку и сонъ. Сначала шли незначительныя замѣчанія о деталяхъ, а затѣмъ слѣдовали обычные комплименты трудолюбію молодого ученаго

и интересу для науки разработанной имъ темы. Но вотъ на приглашеніе декана, обращенное къ публикѣ, не имѣеть ли кто сдѣлать свое возраженіе, выступилъ Михайловъ, и тутъ-то я впервые увидалъ этого оригинальнаго и несчастнаго человѣка, съ которымъ судьба впоследствии на нѣкоторое время меня связала и въ жизни котораго пришлось даже играть нѣкоторую роль.

Роста выше средняго, костистый, сухой, во фракѣ и съ широкимъ чернымъ галстукомъ бантомъ, онъ какъ-то невольно останавливалъ вниманіе своей фигурой, въ которой сказывалось нѣчто независимое и гордое. Продолговатое лицо, худощавое, съ длинными прямыми черными волосами, зачесанными черезъ голову, высокій и узкій лобъ, небольшіе, но пронзительные, нѣсколько отливающие злостью и насмѣшкою темно-каріе глаза, эспаньолка, подстриженные усы — придавали ему видъ своего рода Мефистофеля. Такая фигура не затеривается въ толпѣ, приковываетъ къ себѣ невольно взоръ и остается надолго въ памяти, оставляя воспоминаніе о человѣкѣ, безспорно умномъ, отмѣченномъ печатью даровитости и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнной неуживчивости и трудности характера.

Глядя какъ бы въ пространство, отъ времени до времени проводя рукою по своимъ длиннымъ волосамъ и лишь изрѣдка съ явнымъ недоброежелательствомъ останавливая свой насмѣшливый взглядъ на магистрантѣ, Михайловъ говорилъ, отчеканивая и подчеркивая каждое свое слово, направляя смыслъ его и на своего противника и по адресу присутствующей коллегіи, для которой появленіе «изъ публики» оппонента, да притомъ компетентнаго въ дебатлируемомъ вопросѣ и насмѣшливо-злого, явно не доставляло большого удовольствія. Окончивъ свою рѣчь и признавъ за диссертацией признаки научной негодности, Михайловъ, не вызвавъ къ себѣ сочувствія публики, состоявшей, повидимому, въ своемъ большинствѣ изъ знакомыхъ ученаго диспутанта, съ нѣсколькими надменно поднятой головой и полуиронической улыбкой на тонкихъ губахъ, медленнымъ шагомъ прошелъ мимо ученаго ареопага и покинулъ залъ, не ожидая рѣшительнаго приговора факультетскаго синклита, точно желая показать, что этимъ приговоромъ онъ не интересуется и знаетъ его цѣну напередъ.

Я ушелъ изъ зала университета, очень заинтересованный личностью Михайлова, но, несмотря на желаніе съ нимъ познакомиться, мнѣ это какъ-то не удавалось, и вскорѣ я упустилъ совершенно изъ виду этого оригинальнаго ученаго поэта, который въ отведенномъ ему природою дарованіи удачно совмѣщалъ начала науки и литературнаго поэтическаго творчества съ преобладаніемъ въ послѣднемъ гражданскихъ мотивовъ наподобіе творчества Алексѣя Жемчужникова и Садовникова.

1890-й годъ былъ хлопотливымъ и полнымъ неожиданностей годомъ въ моей жизни. Ставъ во главѣ небольшого кружка моло-

дежи, всего нѣсколько лѣтъ назадъ покинувшей университетъ, я сдѣлался юридическимъ владѣльцемъ журнала «Сѣверный Вѣстникъ» А. М. Евреиновой, который былъ отъ нея пріобрѣтенъ нашимъ кружкомъ на паяхъ. Запущенный и упавшій журналъ приходилось поднимать, оживлять, въ надеждѣ къ слѣдующему подписанному году пріобрѣсти подписчиковъ и привлечь къ нему вниманіе читателей. Архитектурнымъ образцомъ для нашего дѣтища ставилась тогдашняя «Русская Мысль», съ которой мы и надѣялись вступить въ конкуренцію. Участіе профессорскихъ силъ намъ было обѣщано, и мы, совершенно неопытная въ журнальномъ дѣлѣ молодежь и слабоиспытанная въ дѣлѣ писательства, радужно смотрѣли на будущее, упуская изъ виду незначительность денежныхъ средствъ, которыя были собраны по подпискѣ на пай, но безъ которыхъ большого журнальнаго дѣла вести было невозможно. Когда-нибудь я расскажу болѣе подробно объ исторіи этого предприятия, а пока замѣчу лишь, что вся тяжесть редакціонной и издательской работы выпала на меня, а работы этой было дѣйствительно по горло. Организуя между прочимъ разные отдѣлы, я обратился за совѣтомъ, кому поручить завѣдываніе спеціальнымъ «научнымъ отдѣломъ», къ близко знакомымъ мнѣ профессорамъ, Н. А. Меншуткину, П. П. Фанъ-деръ-Флиту и другимъ, и всѣ точно въ одинъ голосъ мнѣ заявили, что лучшаго редактора проектируемаго отдѣла, какъ В. П. Михайловъ, мнѣ не найти.

— Человѣкъ очень талантливый, съ опытнымъ уже литературнымъ перомъ, съ знакомствами въ ученомъ мірѣ, либеральнаго образа мыслей и съ достаточно свободнымъ для работы на журналъ временемъ—чего же вамъ лучше!—говорилъ Меншуткинъ.—Вотъ жаль только, что его сейчасъ нѣтъ въ Петербургѣ, почему переговоры съ нимъ вамъ уже придется вести пока письменно. Онъ за границей. Ему дана командировка, какъ позолоченная пилюля за тѣ неприятели, которыя пришлось испытать въ послѣднее время по дѣламъ факультета.

Одинаково съ профессорами убѣждалъ меня и г. В., тотъ мой знакомый, который въ свое время водилъ меня на вышеописанный диспутъ, гдѣ я впервые увидалъ В. П. Михайлова. Раздобывъ заграничный адресъ послѣдняго, я написалъ ему длинное письмо, гдѣ изложилъ исторію пріобрѣтенія «Сѣвернаго Вѣстника» и пригласилъ принять ближайшее участіе въ организуемомъ научномъ отдѣлѣ. Благопріятный отвѣтъ не замедлилъ прійти, гдѣ мой корреспондентъ извѣщалъ меня, что его участіе въ отдѣлѣ можетъ обнаружиться лишь осенью, когда онъ вернется изъ командировки, а что пока онъ посылаетъ мнѣ пару своихъ стихотвореній, которыя и предлагаетъ помѣстить въ журналѣ. Одно изъ стихотвореній было озаглавлено «Пламя Альпъ», и я его напечаталъ въ ближайшемъ (августовскомъ) номерѣ журнала. Вотъ оно:

Тонуть въ синей мглѣ долины,
 Въ мглѣ зеленой тонетъ садъ,
 Только гордыхъ Альпъ вершины
 Алымъ полымемъ горятъ.
 И уже подъ душевною мглою
 Старый городъ весь исчезъ;
 Свѣтятъ розовой зарею
 Альпы въ сумракѣ небесъ.
 Но погаснетъ свѣтъ ихъ чудный
 Надъ Аарой изумрудной,
 И тогда, сквозь сумракъ ночи,
 Только звѣздъ безсонныхъ очи
 Будутъ намъ одни свѣтить
 И одни намъ день сулить...
 И не такъ ли, милый другъ,
 Если все уже вокругъ
 Тьмою душевною одѣто,
 Намъ одни средь этой тьмы
 Только гордые умы
 Долго свѣтятъ свѣтомъ прошлымъ
 Въ тьмѣ застоя, въ мѣрѣ пошломъ.
 Но погаситъ свѣтъ ихъ чудный
 Мракъ застоя безразсудный,
 И тогда сквозь сумракъ ночи
 Только звѣздъ безсонныхъ очи,
 Звѣздъ поэзии святой
 Намъ освѣтятъ край родной,
 Край нашъ темный, край больной...
 Пусть же свѣтятъ эти очи
 Намъ во тьмѣ ужасной ночи,
 Пусть сулитъ хотя ихъ свѣтъ
 Намъ надежду на разсвѣтъ.

Коссовичъ, читавшій «Сѣверный Вѣстникъ», съ гримасой неудовольствія пропустилъ къ печатанію это стихотвореніе, замѣтивъ мнѣ, однако, что здѣсь есть тенденціозность, нежелательная для тогдашняго курса «главнаго управленія по дѣламъ печати» и что вообще Мартовъ (такъ Михайловъ подписывалъ свои стихотворныя произведенія) не очень-то удобный сотрудникъ для подцензурнаго изданія.

Второе стихотвореніе было озаглавлено «Nostigno» съ посвященіемъ нѣкой Александрѣ Григорьевнѣ Р—ой.

Голубого юга ночь
 Вся полна тепла и свѣта.
 Хороша, какъ сонъ поэта,
 Голубого юга ночь...

Опьяняетъ запахъ розъ,
 Звонъ фонтановъ все сильнѣе.
 Или въ эту ночь сильнѣе
 Звонъ фонтановъ, запахъ розъ...

Голубого юга ночь...
 Дышитъ пѣнгой, дышитъ страстью...
 Весь объять твоей я властью,
 Голубого юга ночь.

Это стихотвореніе было уже образцомъ чистаго поэтическаго творчества, показывавшаго, что въ лицѣ Михайлова-Мартова журналъ пріобрѣталъ разнородное дарованіе, которое будетъ полезно редакціи на разныхъ поприщахъ проявленія своего труда. Я, конечно, поспѣшилъ, согласно желанію автора стихотвореній, выслать ему гонораръ съ просьбой не забывать насъ и въ дальнѣйшемъ и съ выраженіемъ надеждъ на осеннее личное знакомство и сотрудничество.

Былъ жаркій іюльскій день. Я сидѣлъ въ городѣ, погруженный въ текущую редакціонную работу, спѣша съ выпускомъ запущенныхъ предшествовавшюю издательницею, номеровъ журнала, когда рассыльный конторы мнѣ доложилъ, что меня экстренно желаетъ видѣть какой-то незнакомый господинъ, и вслѣдъ за симъ, на мое приглашеніе пожаловать въ кабинетъ, сюда скорыми шагами вошелъ разстроенный и взволнованный В—скій.

— Случилось несчастье и радъ, что васъ засталъ дома,—прямо началъ В—скій прерывающимся спазматическимъ голосомъ.

— Что такое?..

— Михайловъ-Мартовъ въ Петербургѣ...

— Ну, такъ что же?..

— А то, что онъ, кажется, сошелъ съ ума.

— Какъ такъ?

— Видите ли, иду я утромъ по Невскому на службу и вижу, мнѣ навстрѣчу подвигается фигура. Я не сразу сообразилъ, кто это такой, но одна мысль промелькнула въ головѣ, что встрѣченный человѣкъ—явно душевно-больной; и я еще подумалъ, какъ это въ интересахъ безопасности такихъ выпускаютъ на свободу. Но тутъ же я призналъ, что это именно Михайловъ. Я поздоровался съ нимъ, сталъ его разспрашивать, какъ это онъ очутился вмѣсто Швейцаріи въ Петербургѣ, но онъ понесъ такую околесицу и началъ говорить такія странныя вещи, что во мнѣ не осталось сомнѣнія, что онъ тяжело боленъ. Я отвелъ его домой, и онъ сейчасъ сидитъ въ одной изъ меблированныхъ комнатъ на Владимирской.

— Ужасно! но при чемъ же я тутъ? Тутъ нужна медицинская помощь, а не редакціонная...

— Видите ли,—еще болѣе волнуясь, перебилъ меня В—скій:—я самъ человѣкъ нервный, нерѣшительный и, кромѣ того, у меня сегодня докладъ по службѣ. Возьмите на себя хлопоты съ Михайловымъ...

— Но я съ нимъ незнакомъ, а тутъ случай трудный, и не знаю, сумѣю ли я что-нибудь сдѣлать.

— Вы сумѣете, опъ васъ послушается и сейчасъ даже ожидаетъ васъ. Я предупредилъ, что приведу васъ къ нему. Прошу васъ не отказываться и распорядиться съ больнымъ по своему усмотрѣнію.

Признаюсь, я былъ поставленъ въ довольно-таки трудное положеніе. Съ душевно-больными до сихъ поръ мнѣ не приходилось имѣть дѣла, и я не зналъ въ точности, съ чего надо начать, имѣя особенно въ виду, что больной—человѣкъ мнѣ незнакомый, который можетъ оказать сопротивленіе, не послушаться и отказаться отъ моихъ непрощенныхъ услугъ. Но тѣмъ не менѣе я понималъ ясно, что В—скій въ его тогдашнемъ состояніи не такой человѣкъ, который можетъ справиться съ труднымъ положеніемъ и, пожалуй, сейчасъ самъ нуждается въ врачебной помощи, въ виду своего напряженнаго душевнаго волненія. Кромѣ того, я не считалъ себя въ правѣ отказывать въ помощи своему журнальному сотруднику, носящему вдобавокъ извѣстное научное и литературное имя, на которое всѣми возлагаются большія надежды. Нечего было дѣлать и приходилось взять все событіе въ свои руки и въ свое завѣдываніе.

Черезъ нѣсколько минутъ мы съ В—скимъ были уже въ небольшой комнатѣ Михайлова, гдѣ, благодаря спущенной сторѣ, царилъ полусвѣтъ. Знакомая фигура поднялась мнѣ навстрѣчу, но, Боже! какая въ ней замѣтна была перемѣна. вмѣсто надменнаго вида съ уничтожающимъ взглядомъ и саркастической усмѣшкой на губахъ, передо мной обрисовался слабый больной, съ колеблющейся походкой, съ вздрагивающими пальцами рукъ, съ мутнымъ взоромъ, отливавшимъ желтизною, и съ блѣднымъ помятымъ лицомъ, на которомъ были написаны страхъ и страданіе.

— Владимиръ Петровичъ, какъ пріятно познакомиться, давно ли въ Петербургѣ?—былъ мой привѣтъ.

— Нѣтъ, всего нѣсколько дней.

— Я слышалъ отъ В—скаго, что вы не совсѣмъ здоровы?..

— Да, что-то неможется, — какъ бы нехотя отвѣчалъ на мои вопросы Михайловъ.

— Что съ вами—не стѣсняйтесь, смотрите на меня, какъ на друга, въ участіи котораго можете не сомнѣваться.

Сначала какъ бы нехотя, но потомъ, справившись съ собою, торопливо и вполголоса Михайловъ началъ мнѣ излагать послѣднія событія своей жизни.

— Видите ли, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, меня изъ университета мой «друзья», съ Владиславлевымъ во главѣ, выживаютъ. Я остался безъ кафедры и не у дѣла. Въ моей лабораторіи производятся обыски и за мною шпионятъ на каждомъ шагу. Чтобы окончательно отъ меня избавиться, мнѣ дали заграничную командировку. Въ Базелѣ, гдѣ я занимался въ мѣстномъ университетѣ, сначала

все шло хорошо, но «друзьямъ» моимъ понадобилось и здѣсь нарушить мой покой и досадить мнѣ. Они устроили за мною постоянное наблюденіе черезъ посредство двухъ еврейчиковъ, одного ветеринара и одной фельдшерицы, которые такъ поусердствовали въ своемъ сыскѣ, что скоро вся учащаяся въ Базелѣ молодежь оказалась противъ меня вооруженною и въ одну прекрасную ночь мнѣ устроили передъ окнами отеля, гдѣ я жилъ, кошачій концертъ. Скандалъ вышелъ страшный, я оказался опозоренъ на весь ученый мѣстный міръ и долженъ былъ бѣжать изъ Швейцаріи...

Михайловъ въ сильнѣйшемъ волненіи и съ явнымъ испугомъ во взорѣ поднялся съ мѣста и, какъ-то точно крадучись, подошелъ къ окну, отвернулъ уголъ занавѣски и тотчасъ снова опустил ее.

— Слѣдятъ, мерзавцы,—вполголоса пробормоталъ онъ, снова опускаясь, точно въ изнеможеніи, на прежнее мѣсто.

Становилось жутко.

— Кто слѣдитъ за вами, въ чемъ дѣло?

— А вотъ эти самые еврейчики. Представьте, они нигдѣ не даютъ мнѣ покоя. Я выѣхалъ изъ отеля, сѣлъ въ поѣздъ, и они вслѣдъ за мною очутились въ томъ же вагонѣ и всю дорогу возстановляли противъ меня пассажировъ. Наконецъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, отправился искать себѣ комнату, и они по моимъ пятамъ. Не успѣлъ я здѣсь устроиться, подошелъ къ окну—вижу, противъ меня, на другомъ концѣ двора, у окна, они стоятъ и смотрятъ, выслѣживая меня и здѣсь. Я опустил занавѣску; тогда они стали проникать въ коридоръ и черезъ дверную скважину отъ времени до времени начали за мною подглядывать. Ужасно, ужасно—отъ нихъ некуда скрыться.

Онъ какъ-то безпомощно опустил голову, и взглядъ его выражалъ страшную тоску и отчаяніе, отъ которыхъ невольно сжималось сердце.

— Успокойтесь, Владимиръ Петровичъ, успокойтесь,—сталъ я его утѣшать и готовить къ послѣдующимъ своимъ дѣйствіямъ. Мнѣ было очевидно, что передо мною настоящій больной, страдающій острымъ приступомъ маніи преслѣдованія.—Мы съ ними потомъ справимся, и я похлопочу, чтобы васъ избавить отъ докучливыхъ соглядатаевъ. Теперь вамъ надо нѣсколько возстановить силы, оправиться, подкрѣпиться какимъ-нибудь успокоительнымъ лекарствомъ. Ваши нервы разгулялись. Позвольте къ вамъ призвать врача, и онъ вамъ пропишетъ что-нибудь успокоительное.

— Хорошо, дѣлайте, что хотите, но я боюсь, что въ ваше отсутствіе они примутся опять за свои штуки.

— Ничего не будетъ. Можете быть спокойны—я сдѣлаю соотвѣтствующія распоряженія, а вы закройте дверь на ключъ и лягьте отдохнуть. Черезъ полчаса или часъ я буду у васъ съ докторомъ.

Михайловъ согласился, и я отправился въ клинику профессора Мержеевского въ поискахъ врачебной помощи. Самого профессора въ городѣ не оказалось, и мнѣ удалось лишь повидаться съ однимъ изъ его молодыхъ ассистентовъ, который и согласился мнѣ сопутствовать къ больному.

— Но кто же вашъ больной?—обратился ко мнѣ мой спутникъ, когда мы уже ѣхали по Литейному проспекту.

— Докторъ физиологін Владимиръ Петровичъ Михайловъ.

— Михайловъ? Владимиръ Петровичъ? авторъ труда «О бѣлковидныхъ веществахъ»?—нѣтъ, къ нему я ни за что не поѣду, позвольте васъ покинуть, а вы поищите другого врача.

— Нѣтъ, докторъ, я васъ не отпущу. Мнѣ некогда искать другого врача, и я не понимаю, почему вы отказываетесь.

— А потому, —какъ-то смущенно заявилъ мнѣ мой спутникъ:— что Михайловъ талантъ, въ наукѣ авторитетъ, и я не могу ему импонировать, а въ такихъ случаяхъ воздѣйствіе врача главное. Нѣтъ, я ѣхать отказываюсь.

Но мнѣ удалось убѣдить, упросить своего спутника не покидать меня, навѣстить больного и уговорить его лечь въ больницу, ибо оставлять его на свободѣ я считалъ опаснымъ. Дѣйствительно, послѣ короткой бесѣды наединѣ съ Михайловымъ, пока я прогуливался по коридору меблированныхъ комнатъ, докторъ заявилъ мнѣ, что мой больной согласился на нѣкоторое время помѣститься въ лечебницѣ для нервно-больныхъ, чтобы тамъ отдохнуть отъ постигшихъ его непріятностей и возстановить свои силы.

Сговориться съ докторомъ М. Н. Нижегородцевымъ, завѣдывавшимъ въ то время больницею Штейна на Тверской, было недолго и тѣмъ болѣе, что имя Михайлова было ему знакомо, и черезъ короткое время мой новый знакомый больной былъ мною доставленъ въ коляскѣ по мѣсту назначенія. Въ больницѣ Михайловъ не выразилъ никакого протеста противъ его водворенія здѣсь и послѣ нѣкоторой бесѣды наединѣ съ М. Н. Нижегородцевымъ онъ послушно послѣдовалъ за нимъ, и вскорѣ тяжелая дверь, отдѣляющая больныхъ отъ внѣшняго міра, за нимъ захлопнулась.

— Какъ вы находите, Михаилъ Николаевичъ, больного?

— Пока трудно опредѣлить, дальше видно будетъ. Манія преслѣдованія очевидная, но какъ глубоко она пустила корни, сейчасъ сказать не могу.

Я простился и только черезъ десять дней получилъ возможность повидать больного. За это время онъ нѣсколько окрѣпъ, уже про выслѣживаніе его со стороны враговъ не поднималъ рѣчи, поправился въ лицѣ и началъ интересоваться даже вопросами литературы вообще и «Сѣвернымъ Вѣстникомъ» въ частности, хотя встрѣтилъ онъ меня нѣсколько сухо и сдержанно, что въ то время я объяснилъ нѣкоторою неловкостью, неволью охватывающею человѣка

послѣ причиненныхъ другому безпокойствъ. Долженъ еще замѣтить, что въ эти дни я успѣлъ съ согласія д-ра Нижегородцева запросить наше консульство въ Швейцаріи относительно происшедшаго инцидента съ Михайловымъ и получилъ отвѣтъ, что ничего подобнаго тому, что онъ намъ рассказывалъ, не имѣло мѣста и что о пребываніи его въ Базелѣ ниумѣстной власти, ни у университетской администраціи рѣшительно никакихъ свѣдѣній не имѣется. Очевидно, большое воображеніе нарисовало нашему ученому поэту цѣлую картину, краски которой мнѣ стали понятны лишь много времени спустя, когда я близко узналъ и причину нервнаго недуга Михайлова.

Прошелъ мѣсяць; я внесъ за счетъ будущаго литературнаго заработка больного плату въ лечебницу изъ суммъ журнала и снесся съ университетомъ относительно будущаго его обезпеченія, когда онъ выпишется на волю. Тѣмъ временемъ подошла осень, наступила горячая пора вербовки новыхъ сотрудниковъ, и жизнь въ редакціи начинала закипать бойкимъ ключомъ. Дѣла потребовали моей побывки въ Москвѣ для разныхъ литературныхъ переговоровъ, а когда я вернулся вскорѣ въ Петербургъ, то въ первые дни мнѣ некогда было справиться о моемъ больномъ. А въ эти именно дни Михайловъ потребовалъ своей выписки изъ лечебницы. По правиламъ, когда больного помѣщаютъ въ больницу для душевнобольныхъ, то въ интересахъ гарантіи личности больного отъ возможныхъ злоупотребленій двое его близкихъ и извѣстныхъ администраціи лечебницы являются отвѣтственными лицами за его помѣщеніе. Въ данномъ случаѣ такими отвѣтственными лицами числились я, какъ редакторъ-издатель «Сѣвернаго Вѣстника», и проф. Н. А. Меншуткинъ, какъ деканъ физико-математическаго факультета, при которомъ состоялъ Михайловъ. Въ виду моего отсутствія изъ Петербурга былъ запрошенъ по вопросу о выпискѣ Михайлова одинъ лишь Меншуткинъ, который и далъ на сей предметъ свое согласіе, о которомъ я, однако, не былъ освѣдомленъ.

И вотъ, когда по приѣздѣ изъ Москвы я въ одинъ изъ ближайшихъ дней сидѣлъ вечеромъ у знакомыхъ, меня внезапно вызвалъ разсылный редакціи съ заявленіемъ, что меня просятъ немедленно приѣхать въ Казанскій участокъ по дѣлу Михайлова, покушавшагося въ тотъ вечеръ на самоубійство. Я немедленно помчался въ участокъ и узналъ, что въ тотъ вечеръ Михайловъ близъ Синяго моста перепрыгнулъ черезъ перила и бросился въ Мойку. По счастью, однако, онъ попалъ на отмель, пытался погрузиться далѣе отъ берега, но былъ вытасченъ яличниками, прохожими и рѣчной полиціей. По снятіи съ него дознанія онъ доставленъ по мѣсту жительства въ меблированныя комнаты на Казанской площади помѣщавшіяся за соборомъ на углу площади и Екатерининскаго канала. Бѣду туда и застаю Михайлова опять въ томъ самомъ

нервномъ трансѣ, въ которомъ я его впервые увидалъ по его возвращеніи изъ-за границы. Онъ уже обсохъ, обогрѣлся, но жаловался на головную боль и легкій ознобъ. Разспрашивать больного о причинахъ и обстоятельствахъ его покушенія, конечно, было бы бесполезно въ тотъ моментъ: ясно было, что отъ счастливой и здоровой жизни почью не станешь прыгать въ холодную воду. Оставалось одно: обойтись съ больнымъ какъ можно мягче и посодѣйствовать его успокоенію, а главное—не оставлять одинокимъ съ его мрачными мыслями и черными думами и въ особенности въ непривѣтливой и холодной обстановкѣ захудалыхъ меблированныхъ комнатъ. Я такъ и поступилъ и перевезъ на ночь Михайлова къ себѣ на квартиру, гдѣ заботливой женскою рукой все было въ моемъ кабинетѣ ему приготовлено для сна и покоя.

На слѣдующее утро я поставилъ ему на видъ необходимость снова помѣститься въ лечебницѣ у М. Н. Нижегородцева; сначала онъ какъ будто выражалъ несомнѣнную готовность послѣдовать моему совѣту, но засимъ, когда мы шли пѣшкомъ въ видѣ прогулки по Невскому за его вещами, въ немъ явно сказывалась попытка освободиться отъ меня, отсрочить поѣздку въ лечебницу на нѣкоторое время, и вообще въ его поведеніи проглядывало на этотъ разъ для меня что-то неясное и странное. Только впоследствии я понялъ, что моего бѣднаго больного тянуло не въ лечебное заведеніе, а... въ питейное, но объ этомъ я догадался лишь потомъ, а тогда, недоумѣвая относительно его поведенія, категорически заявилъ, что, если онъ добромъ не послѣдуетъ за мною къ Нижегородцеву, то въ отношеніи его будетъ примѣнена сила и я обращусь къ содѣйствію полиціи и университетскаго начальства. Михайловъ передъ такимъ натискомъ сдался, мы забрали его вещи и снова направились на Тверскую улицу. Здѣсь онъ просидѣлъ два мѣсяца, но по прошествіи перваго снова потребовалъ своей выписки. Тутъ ужъ запросили моего согласія, но я, переговоривъ съ М. Н. Нижегородцевымъ и получивъ отъ него нѣкоторыя странныя указанія, свидѣтельствовавшія, что въ психикѣ больного не все еще обстоитъ благополучно, согласился на требованіе Михайлова подъ однимъ лишь условіемъ: пусть комиссія изъ видныхъ психіатровъ его освидѣтельствуетъ и произнесетъ надъ нимъ свой судъ. Если послѣдній будетъ для него благопріятный, то пусть онъ идетъ на всѣ четыре стороны, въ противномъ случаѣ—пусть побудетъ на испытаніи въ больницѣ еще нѣкоторое время, благо университетъ, принявшій уже теперь на себя высокую плату за его леченіе въ частной психіатрической лечебницѣ, не отказываетъ пока въ помощи талантливому ученому. А неблагопріятныя свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ М. Н. Нижегородцевымъ, заключались въ томъ, что, по его мнѣнію, Михайловымъ подготовлялся побѣгъ изъ лечебницы, своевременно замѣченный и предупрежденный. Оказалось, что въ одинъ прекрасный день

тяжелая чугунная скамейка въ саду больницы была перенесена съ своего постояннаго мѣста къ забору, что сдѣлать могъ только, судя по нѣкоторымъ несомнѣннымъ даннымъ, Михайловъ. Вообще завѣдующій больницей, на этотъ разъ давалъ о больномъ нерадостныя свѣдѣнія: болѣзнь неизлечима, хроническая, и только хорошей и здоровый режимъ, постоянный уходъ и наблюденіе могутъ его поддерживать и не давать окончательно погибнуть, на что, впрочемъ, очень мало надежды. Тутъ докторъ прекращалъ свои повѣствованія о больномъ, точно желая умолчать о чемъ-то не подлежащемъ оглашенію, для него неблагопріятномъ.

Михайловъ моего предложенія о консиліумѣ не принялъ и предпочелъ еще одинъ мѣсяцъ пробыть въ больницѣ, по истеченіи котораго, за отказомъ факультета вносить за него высокую плату, былъ подъ присмотромъ больничнаго сторожа отправленъ въ Смоленскую губернію, въ деревню къ В., гдѣ тотъ къ тому времени получилъ службу по земству. Больше полугода пробылъ Михайловъ у своего друга, а засимъ отправился къ сестрамъ въ Симбирскую губернію, на Волгу, которую онъ, какъ и другъ и землякъ его Садовниковъ, такъ восторженно любилъ. Когда-то, обращаясь къ родинѣ, Михайловъ говорилъ:

Опять она, спокойная картина,
Созрѣвшей нивой залитая даль,
Луговъ цвѣтущихъ влажная равнина
Съ дорогой ровной, какъ литая сталь...

И въ синевѣ безоблачнаго лѣта
Лиловыхъ горъ узорчатая тѣнь,
Надъ залитыми полямемъ разсвѣта
Верхами хать убогихъ деревень...

И здѣсь, среди глуши однообразной
Родныхъ степей убогаго села
Исчезъ и слѣдъ тревоги неотвязной,
Послѣдній слѣдъ съ усталаго чела...

Свѣтлѣ мысль, ровнѣ сердце бьется,
На міръ глядишь и вѣра и любя
И всей душой, всей силою живетъ
Въ надеждѣ гордой на себя...

Капризы мукъ, ребячество сомнѣній
Спугнулъ работы вѣковѣчный шумъ,
И смутный рой болѣзненныхъ видѣній
Смѣнила рать сурово-трезвыхъ думъ...

Среди толпы наивно-простодушной,
Могучей власти матери-земли
Всегда, во всемъ довѣрчиво послушной,
Иду я тамъ, гдѣ многіе прошли,

Чьи имена до времени забыты,
 Чьи силы чистой вѣры и любви,
 Какъ сѣмена, до лучшихъ дней сокрыты
 Подъ грубой почвою поднятой нови. («Слово»).

Такія же чувства, можно предположить, снова овладѣли нашимъ поэтомъ, когда онъ плылъ по родной рѣкѣ въ столь знакомые съ юности края, но, видимо, его больной мозгъ не долго мирился съ деревенскою тишиною, и его снова потянуло на сѣверъ, въ шумный столичный городъ. Свою разлуку съ Приволжьемъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ такъ описывалъ въ одномъ изъ стихотвореній, тоже напечатанныхъ въ «Словѣ»:

Скоро я покину, степи,
 Вашу тишь и вашу гладь
 И пойду по бѣлу свѣту
 Счастья новаго искать.

Мнѣ постыла глушь родная,
 Гдѣ весь день нужда и трудъ
 Не даютъ простора мысли,
 Сердцу воли не даютъ...

Чужды мнѣ простые люди
 Съ ихъ безхитростныхъ умомъ,
 Съ ихъ терпѣньемъ и смиреньемъ
 Подъ позорящимъ ярмомъ...

Можетъ быть, шумящій городъ
 Жажду жизни воскреситъ
 И мою больную душу
 Какъ больница исцѣлитъ...

И опять очнется сердце,
 И опять очнется умъ
 Надъ наплывомъ чувствъ мятежныхъ,
 Подъ напоромъ дерзкихъ думъ...

Я тогда вернусь къ вамъ снова,
 Чтобы сказку рассказать,
 Гдѣ живую воду можно
 На святой Руси сыскать...

Но надежды на городъ не оправдывались, и его больная душа не нашла себѣ здѣсь ожидаемаго исцѣленія. Напротивъ, по прибитіи сюда, болѣзнь его получила совершенно опредѣленную окраску самаго злостнаго алкоголизма, который вскорѣ и свелъ его въ могилу. Опъ не даромъ пророчилъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Ждутъ меня только черные дни,
 Ждутъ однѣ только ночи безсонныя,
 И какъ хоры ихъ мукъ похоронныя
 Безнадежны и скорбны они!

Сѣверная столица середины 90-хъ годовъ щедро разсыпала передъ нимъ и эти «ночи безсонныя», и эти «муки похоронныя». Въ 1892 г. ему снова пришлось нѣкоторое время пробыть въ психіатрической лечебницѣ на Удѣльной, причемъ, однако, званіе приватъ-доцента университета, безъ полученія опредѣленнаго денежнаго вознагражденія, за нимъ сохранилось. Онъ числился только больнымъ или состоящимъ въ отпуску.

Невеселый періодъ и въ моей личной жизни было время, когда Михайловъ снова появился въ Петербургѣ. Въ одинъ нерадостный день въ мою комнату постучался П., одинъ изъ мелкихъ провинціальныхъ литературныхъ тружениковъ. Новость, имъ принесенная, была не изъ веселыхъ.

— Владимиръ Петровичъ Михайловъ-Мартовъ послалъ меня къ вамъ,—сообщилъ пришедшій,—съ просьбой ссудить ему немного денегъ. Онъ находится сейчасъ въ большой нуждѣ и уже два дня ничего не ѣлъ.

Я собралъ послѣднія крохи и отправился на выручку стараго знакомаго. Михайловъ встрѣтилъ меня офиціально-холодно, съ дѣланымъ равнодушіемъ къ моему приходу.

— Да, вотъ, видите ли, завтра я получаю нѣкоторую сумму изъ университета, я съ вами рассчитаюсь, а пока ваши деньги мнѣ нѣсколько пригодятся.

Въ тонѣ, съ которымъ это говорилось, слышалась фальшь, и я, ожидавшій радостной встрѣчи, былъ изумленъ и огорченъ манерою, съ которой меня встрѣтили. Но нечего дѣлать: слава Богу, что талантливый человѣкъ живъ и, повидимому, здоровъ и оставалось только въ душѣ порадоваться, что моя помощь ему пригодилась. Михайловъ обнаружилъ даже нѣкоторое великодушіе: узнавъ отъ П., что я дѣлюсь съ нимъ послѣднимъ, онъ не взялъ всего ему предложеннаго и оставилъ въ мою пользу какую-то мелочь.

Съ этого времени я сталъ часто встрѣчать Владимира Петровича и по большей части въ разныхъ небольшихъ рестораникахъ, куда заходилъ завтракать и обѣдать, лѣпящихся въ районѣ улицъ, прилегающихъ къ Невскому проспекту: въ знаменитомъ литературномъ «Капернаумѣ» на Владимирской, у Соловьева на Николаевской и др. подобныхъ. Тутъ только впервые я узналъ, что Михайловъ пьетъ, пьетъ одиноко, мрачно, медлительно отравляя себя съ утра до ночи, пока огни въ ресторанныхъ заведеніяхъ не потухнутъ и послѣдніе пьяные или запоздавшіе посѣтители не отправляются по домамъ. Передъ своими старыми знакомыми, которыхъ онъ почему-либо считалъ долгомъ стѣсняться, онъ какъ будто подтягивался, борясь съ своею страстью и показывая видъ, что лишь только что и то случайно зашелъ въ этотъ ресторанъ «закусить». Но изъ рассказовъ прислуги, знакомыхъ буфетчиковъ выяснилось, что Михайловъ заби-

рается сюда спозаранку, ничего почти не ѣсть и, сидя цѣлый день за газетами, систематически пьеть пиво кружку за кружкой, перебывая ихъ отъ времени до времени рюмкой водки съ закуской небольшого бутерброда. При этомъ рассказывалось, что съ незнакомой публикой онъ ведетъ себя заносчиво, задираетъ, вызываетъ ее на столкновенія, въ которыхъ по большей части играетъ жалкую и комическую роль, становясь предметомъ общихъ насмѣшекъ и даже, порою, оскорбленій. Онъ подозрѣваетъ всѣхъ въ шпіонствѣ за нимъ, громко называетъ всѣхъ сыщиками, а себя выставляетъ какъ жертву правительственнаго преслѣдованія. Почти при каждой встрѣчѣ со мною онъ съ небрежнымъ тономъ сталъ обращаться за денежными небольшими одолженіями и, получивъ желаемое, немедленно спѣшилъ распротиться, чтобы направиться въ другое заведеніе, гдѣ бы я не могъ быть свидѣтелемъ его поведенія и отношенія къ нему прислуги и администраціи ресторановъ. Такой же политики дѣйствій онъ держался и съ другими представителями писательскаго и ученаго сословія. Потомъ до меня стали доходить и слухи, что его изъ этихъ заведеній иногда просили вѣжливо и о выходѣ, что онъ долженъ лакеямъ, буфетчикамъ, швейцарамъ... И каждый разъ, когда онъ обращается за такого рода одолженіями, онъ ссылается на ближайшее полученіе ссудъ изъ литературнаго фонда, ему уже назначенныхъ. Однако долговъ своихъ онъ не платитъ. Нельзя не отмѣтить, какъ я то впоследствии узналъ, университетъ по возможности помогалъ своему несчастному представителю, временами оказывая ему пособіе и даже ходатайствуя за него передъ академическимъ фондомъ императора Николая II. Точно также сочувственно въ первое время относился къ нему и литературный фондъ. Изъ обоихъ этихъ учрежденій просителю также выдавались пособія, но все имъ получаемое, въ общемъ, конечно, довольно незначительное, шло или на удовлетвореніе самыхъ первыхъ нуждъ жизни, или пропивались. Эти ссудами только и объясняется, что онъ за все время моихъ тогдашнихъ встрѣчъ съ нимъ всегда былъ довольно прилично одѣтъ и имѣлъ на себѣ всегда чистое платье и бѣлье.

Порою мнѣ удавалось залучить этого такъ явно скатывавшагося по наклонной плоскости даровитаго человѣка къ себѣ, приглашать въ такихъ случаяхъ и другихъ гостей изъ числа близкихъ къ литературной средѣ людей, но Михайловъ слабо отзывался на эти приглашенія, являясь съ значительнымъ запаздываніемъ, и торопился скорѣе освободиться отъ стѣсняющаго его общества. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и то большею частію одинъ на одинъ, онъ скидывалъ съ себя надменно-напускной тонъ, становился простымъ, размягченнымъ и отдавался литературнымъ воспоминаніямъ и мечтаніямъ. Не любя въ общемъ поднимать своей завѣсы жизни и давать заглядывать въ свой душевный міръ, онъ тѣмъ не менѣе невольно въ чи-

таемых имъ громко стихахъ изъ рукописныхъ сборниковъ ¹⁾ давалъ нѣкоторое понятіе о своихъ былыхъ привязанностяхъ, своихъ былыхъ надеждахъ и мечтахъ. Перелистывая впослѣдствіи эти сборники, ставшіе нынѣ достояніемъ извѣстнаго издателя и писателя Логгина Федоровича Пантелѣева, которые онъ со временемъ собирается выпустить въ продажу, я припомнилъ нѣкоторыя изъ стихотвореній, на которыхъ съ особенною любовью останавливался ученый поэтъ. Для ознакомленія съ его творчествомъ приведу нѣкоторыя изъ нихъ. Вотъ стихотвореніе, посвященное памяти матери:

Надъ твоей могилой, всѣми позабытой,
Я поникъ, родная, гордой головой...
Сколько дней тяжелыхъ было пережито,
Сколько слезъ горячихъ надо мной пролито
Этой беззавѣтно любящей душой...

И тебя я бросилъ... Юности безумье
Опьяняло сердце, ослѣпяло умъ,
Но настало время горькаго раздумья,
Время сильныхъ мукой, гордыхъ правдой думъ...

Поздно, слишкомъ поздно я пришелъ, родная!
Не вернуть мнѣ ласки и любви твоей...
Вѣрю—ты простила сыну, умирая,
Дерзкое безумье невозвратныхъ дней.

Вотъ стихотвореніе, воскрешающее юность поэта:

Изъ тумана предо мною
Старый городъ возстаетъ
Въ безпредѣльной сини неба,
Въ безпредѣльной сини водъ...
Ярко блещутъ кровли зданій,
Крылья бѣлыя судовъ,
Даже чудится мнѣ говоръ
Расцвѣтающихъ садовъ.
Опершись на бортъ, гляжу я
Въ эту милую мнѣ даль,
Гдѣ со мной прощалась радость
И спозналася печаль,
Гдѣ страдая я учился
Человѣчество любить,
Гдѣ всѣ сны наивной вѣры
Жизнь заставила забыть...
И опять изъ синей дали,
Подъ напѣвъ спокойныхъ водъ
Юность, словно сонъ блаженный,
Предо мною возстаетъ...

¹⁾ Въ эти сборники-тетради онъ записывалъ все появлявшееся отъ его имени въ печати.

Обращаясь къ своей музѣ, онъ писалъ:

Не весь я твой, поэзія... О, нѣтъ!
Ты только сонъ и дивный и прекрасный,
Ты только сердца молодого бредъ,
Не правда ты, не голосъ безпристрастный...

Ты не отвѣтъ на зовъ души моей,
На скорбный зовъ всевластнаго сознанья,
Не заглушишь мелодіей своей
Ты диссонансовъ мрачныхъ мірозданья...

Какъ позабыть толпы голодной стонъ,
Какъ позабыть безумный смѣхъ разврата?
Они страшатъ, какъ погребальный звонъ,
Они зовутъ, какъ вѣщій гулъ набата...

Суровыхъ думъ властительная рѣчь,
Она нашъ вѣкъ немолчно призываетъ
Палящій свѣточъ истины зажечь—
Сіянья грезъ нашъ міръ не согрѣваетъ...

Въ двухъ стихотвореніяхъ «In memoriam—В. И. Л—ой» какъ будто раскрывается нѣкоторая тайна его души, тайна, которой онъ въ личной бесѣдѣ остерегался касаться. Вотъ они оба.

I.

Въ тотъ мигъ, когда, мечтою опьяненный,
Я вдаль спѣшилъ бороться и страдать,
Когда весь міръ, какъ юноша влюбленный,
Я былъ готовъ восторженно обнять,
Когда за свѣтлымъ призракомъ свободы
Я бодро шелъ заглохшею тропой,
Забывъ нужды тоскливыя невзгоды
И смѣхъ толпы бездушной и тупой,—
Тебѣ одной, мой другъ, погибшій рано,
Я былъ обязанъ мужествомъ въ борьбѣ,
И смѣло плылъ наветрѣчу урагана
Среди любви безбрежной океана,
Куда влекла любовь къ тебѣ...
Теперь, когда послѣдней сердца кровью
Я скорбныхъ строфъ не въ силахъ дописать,
Когда весь міръ съ болѣзненной любовью
Въ послѣдній разъ мнѣ хочется обнять,
Твоей любви предсмертныя желанья
Одни они даютъ мнѣ смѣлость жить.
И я спѣшу поэзію страданья,
Твоей души завѣтныя мечтанья
Въ послѣднихъ пѣсняхъ оживить...

II.

Пускай въ мечтахъ туманныхъ воскресить
Не въ силахъ я твой образъ ненаглядный,
Но горько мнѣ твой милый трупъ закрыть,
Закрѣть парчей поэзіи народной...

Въ глазахъ чужихъ не въ силахъ я искать
Потухшихъ глазъ живое обаянье,
Изъ устъ чужихъ мнѣ страшно услышать
Святой любви святое обѣщанье.

Пусть я въ толпѣ отнынѣ одинокъ
И чуждъ ей надеждамъ и сомнѣньямъ,
Но кто же смѣетъ кинуть мнѣ упрекъ,
Кто навязаться смѣетъ съ сожалѣньемъ?

Я людямъ радъ всю жизнь мою отдать,
Но сердце, душу? Гдѣ же ихъ возьму я—
Ты мнѣ назадъ не сможешь ихъ отдать
И словно тѣнь твоя живу я...

Обращаясь къ окружавшей его современности, онъ писалъ:

I.

Опускаются руки невольно,
Съ каждымъ днемъ все дышать тяжелѣй,
Даже жить какъ-то стыдно и больно,
Съ каждымъ днемъ все стыднѣй и больнѣй...

Безсердечная тупость ликуетъ,
Безразсудная злоба царитъ,
Тщетно разумъ на все негодуетъ,
И за все тщетно сердце болить...

Неужель въ этотъ омутъ разврата,
Въ это царство безумья и зла,
Моей юности муза когда-то
Ты меня, торжествуя, звала?

Неужели любовь только мука?
Неужели борьба значить смерть?
Или жизнь только скорбная скука,
И весь смыслъ въ ней одинъ—умереть?..

II.

Тѣнь ли это дней минувшихъ,
Или тѣнь грядущихъ дней,
Что мнѣ душу омрачаетъ
Съ каждымъ часомъ все сильнѣй?

Нѣтъ, то тѣнь не дней минувшихъ,
То не тѣнь грядущихъ дней,
Нѣтъ, съ минуты на минуту
Настоящее мрачнѣй...

Въ связи съ этою современностью онъ характеризовалъ свою родину такъ:

Ни красотой, ни роскошью наряда
Ты не прельстишь, отчизна, никого,
Въ семьѣ чужой пріемишь ты несчастный,
Но все же ты дороже мнѣ всего...

Раба и нищая, ты не была женою
И матерью счастливой никогда;
Твоихъ дѣтей двѣ доли ожидаютъ:
Терпѣніе тупое иль вражда.

Приведенныхъ стихотвореній ¹⁾ Михайлова-Мартова достаточно, чтобы судить о характерѣ его поэтического творчества, обнаруживающаго въ немъ недюжинное дарованіе, обѣщавшее съ годами окрѣпнуть и развернуться. Хороши были также его переводныя произведенія съ нѣмецкаго и французскаго преимущественно, и остается только пожелать, чтобы сборникъ ихъ, уже подготовленный Л. Ф. Пантелѣевымъ къ изданію, скорѣе вышелъ въ свѣтъ. Тогда передъ лицомъ всѣхъ собранныхъ воедино поэтическихъ произведеній Михайлова, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, можно будетъ окончательно и опредѣленно установить мѣсто покойнаго поэта въ ряду представителей нашей стихотворной литературы.

Какъ я уже отмѣтилъ, читать свои стихи Михайловъ соглашался лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, предпочтительнѣе онъ декламировалъ произведенія Садовникова, своего рано умершаго друга, передъ памятью и поэтическимъ творчествомъ котораго онъ преклонялся, считая Садовникова поэтомъ, стоящимъ много выше другихъ, вышедшихъ одновременно съ нимъ на литературную ниву, какъ, напр., Минскаго, Надсона и др. Всего же охотнѣе Михайловъ возстановлялъ въ памяти или тутъ же, во время бесѣды, создавалъ свои шуточные экспромты, пародіи и злыя эпиграммы, на которыя онъ дѣйствительно былъ мастеръ и гдѣ находилъ отдушину своему мятежному чувству, большой мысли и безсильнымъ порывамъ. Но и на этотъ литературный жанръ его все рѣже и рѣже тянуло и видно было, что дарованіе его, подточенное злымъ недугомъ, идетъ на ущербъ и погибаетъ. Еще рѣже находилъ онъ удовольствіе въ бесѣдахъ на научныя темы: онъ точно махнулъ рукою на науку, отчаявшись занять въ ней надлежащее мѣсто, на которое по своимъ серьезнымъ познаніямъ, по своей широкой и всесторонней эрудиціи имѣлъ право. Неудача съ университетомъ сыграла тутъ рѣшающую роль, нанесенная ему обида затмевала всякій интересъ къ продолженію той отрасли труда, для которой онъ такъ долго готовился. Онъ порвалъ даже всякія связи съ представителями научнаго знанія и, насколько я

¹⁾ Всѣ они въ разное время были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы», «Словѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русская Мысль» и «Русскомъ Богатствѣ»,

былъ въ курсѣ дѣла, состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ только къ таинственно и трагически погибшему Михаилу Михайловичу Филиппову, редактору-издателю «Научнаго Слова». Въ журналѣ Филиппова онъ даже помѣстилъ какую-то научную статейку, да и то мнѣ думается лишь потому, что денежная крайность подвигла его взять себя въ руки и ради хоть небольшого гонорара тряхнуть стариною. Помочь же ему изъ личныхъ средствъ Филипповъ не былъ въ состояніи, ибо бился самъ въ тискахъ жизни и маялся съ бездоходнымъ журналомъ, переживая въ душѣ тяжелую драму, послѣдній аккордъ которой для меня лично остается до сихъ поръ далеко невыясненнымъ.

Одинокій, забытый, озлобленный и больной, Михайловъ сторонился людей, пропадая цѣлыми днями въ разныхъ трактирчикахъ и погребяхъ. Тутъ, по крайней мѣрѣ, ничто не напоминало ему о дорогомъ когда-то прошломъ, не вызывало тѣхъ образовъ и картинъ, которымъ онъ еще недавно молился. Онъ сталъ избѣгать и меня, а вскорѣ я узналъ даже, что онъ произноситъ по моему адресу угрозы. Одно когда-то близкое мнѣ лицо черезъ общаго знакомаго писателя передало мнѣ предупрежденіе, чтобъ я остерегался Михайлова, не подвергая риску свою жизнь. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы высказать здѣсь сердечную признательность этому лицу за сдѣланное мнѣ въ свое время предупрежденіе, если только слова моей признательности дойдутъ до адресата. Сознаюсь, что, получивъ указаніе на затаенное ко мнѣ враждебное чувство со стороны Михайлова, я нѣсколько смутился не столько чувствомъ боязливости и страха, сколько тою неблагодарностью и недоброжелательствомъ, которыя ко мнѣ совершенно незаслуженно и открыто питаетъ человекъ, для котораго, какъ-никакъ, я кое-что сдѣлалъ доброе. Лишь впоследствии я узналъ, что почти всѣ душевно-больные питаютъ злое чувство къ тѣмъ, кто ихъ впервые сажалъ въ больницу и, такъ сказать, этимъ дѣйствіемъ формально констатировалъ ихъ отличіе отъ здоровомыслящихъ и здоровочувствующихъ. Такъ было и съ Михайловымъ. Онъ считалъ меня виновникомъ обнаруженія его нервнаго расстройства и въ порывѣ безсильной злобы расточалъ по моему адресу свои угрозы, которыя, конечно, слѣдовало отнести къ категоріи пустой болтовни, вызванной припадками скрытаго или явнаго алкоголизма. Здѣсь уже сказывался явный бредъ и галлюцинація.

Узнавъ объ угрозахъ Михайлова, я, несмотря даже на предостереженіе и несмотря на то, что онъ явно сторонился отъ меня при встрѣчахъ, рѣшилъ поступить обратно совѣтамъ. Я нарочно посѣтилъ его на его квартирѣ и нужно было видѣть тотъ ужасъ, паническій ужасъ, который изобразился на его лицѣ при моемъ появленіи. Онъ точно испугался, что я снова повезу его въ больницу и скую ему свободу, которою онъ продолжалъ дорожить. Изъ надменнаго и задирчиваго онъ обратился въ тотъ моментъ въ пришибленнаго и запуганнаго человека, для котораго оста-

ваться со мною съ глазу на глазъ было нестерпимымъ страданіемъ и мукою. Мнѣ стало жалко этого прежде гордаго чловѣка, и я спокойно посовѣтоваль ему только не болтать по моему адресу всякаго вздора, который доходить до меня, но меня нисколько не пугаетъ. Какъ пойманный школьникъ, выслушалъ меня Михайловъ, поникъ головою и ничего не нашелся мнѣ отвѣтить. Что происходило въ ту минуту въ его больной душѣ, какое чувство шевельнулось тамъ, трудно сказать... Мнѣ стало его нестерпимо жалко, и я его покинулъ. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ даже со мною при встрѣчахъ кланяться. Послѣдній разъ я случайно увидаль его ночью, когда выходилъ изъ гостей отъ М. М. Филиппова. Тяжелая картина представилась мнѣ. Моросилъ мелкій осенній дождикъ. Вѣтеръ дулъ порывами. На Екатерининской улицѣ, гдѣ жилъ Филипповъ, было пусто, а посреди ея мнѣ навстрѣчу, пошатываясь, шелъ Михайловъ. Пальто на немъ не было разстегнуто, фетровая шляпа съѣхала на лобъ: онъ размахиваль палкою и кого-то громко ругаль оскорбительными словами: «негодяи», «подлецы», «шпіоны», «мерзавцы» — неслось въ ночной мглѣ. Явно, онъ былъ пьянъ, галлюцинировалъ и брель на тяжелую бессонную ночь съ ея бѣлогорячечнымъ бредомъ въ свою одинокую убогую меблированную комнату. Я остановился какъ вкопанный, пораженный этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ, а Михайловъ, не замѣчая меня, покачиваясь продолжалъ свой путь посреди улицы, отъ кого-то отмахиваясь палкою, кому-то грозя и кого-то понося...

Это была наша послѣдняя встрѣча. Слухи о Михайловѣ доходили затѣмъ до меня все грустнѣе и грустнѣе. Университетъ сторонился его, литературный фондъ, которому онъ постоянно докучаль своими просьбами о пособіяхъ, имъ тяготился и сократилъ въ отношеніи его свою благотворительность. Да и какъ было поддерживать чловѣка, котораго все равно не спасешь! Талантливый ученый и поэтъ шелъ быстро ко дну, и ничто не могло удержать его окончательнаго паденія. Онъ никому не былъ нуженъ, всѣмъ являлся въ тягость и, озлобленный, больной и окончательно опустившійся, въ концѣ 90-хъ годовъ скрылся съ горизонта Петербурга.

По собраннымъ мною впоследствии свѣдѣніямъ Михайловъ объявился у родныхъ, но съ ними не поладилъ, сталъ имъ въ тягость и вновь ихъ покинулъ. Въ одной изъ сѣверныхъ психиатрическихъ больницъ копчилисъ его тяжелые, мрачные дни. Ангель смерти смежилъ ему очи, потушилъ свѣтильникъ жизни, и среди разбросанныхъ, затерянныхъ по родной землѣ могилъ русскихъ писателей и ученыхъ выросла гдѣ-то еще одна новая, какъ заброшенный памятникъ о безвременно и трагически погибшемъ крупномъ научномъ и литературномъ дарованіи. Посѣщаетъ ли кто эту могилу и гдѣ она? отвѣтите, кто знаетъ и до кого дойдетъ мой вопросъ...

Б. Глинскій.

ИЗЪ ИСТОРИИ КУЛЬДЖИНСКАГО ВОПРОСА.

ЕДАВНО возникшія недоразумѣнія наши съ Китаемъ наводятъ на мысль познакомить читателей съ однимъ историческимъ эпизодомъ давно забытымъ, да врядъ ли даже и въ свое время достаточно замѣченнымъ русскимъ обществомъ, мало интересовавшимся на шей азіатской политикой. Дѣло идетъ о Кульджѣ, справка о которой можетъ быть небезполезной, въ виду будущихъ событій, теперь еще далеко неясныхъ и неопредѣленныхъ, но могущихъ впоследствии придать чрезвычайное значеніе этой странѣ.

Въ 1871 году туркестанской администраціи пришлось обратить особенное вниманіе на границу нашу съ западными провинціями Китая, прилежавшими къ Семирѣченской области.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ здѣсь вспыхнуло возстаніе среди китайскихъ мусульманъ, извѣстныхъ подъ именемъ дунганъ. Вслѣдъ за ними поднялись и другіе мусульманскіе народцы, жившіе по обѣ стороны Тянь-Шанскаго хребта, и возмущеніе охватило весь Восточный Туркестанъ ¹⁾ и Джунгарію. Китайцы и ихъ войска частью бѣжали, частью были истреблены; владычество Китая пало, и вмѣсто него образовалось нѣсколько независимыхъ владѣній, которыя, однако, вскорѣ вступили въ междоусобныя распри. Въ конечномъ результатѣ этого движенія было то, что большая часть бывшихъ китайскихъ подданныхъ дунганъ признала надъ собой власть правителя Кашгаріи Якубъ-бека (кокандца по происхожде-

¹⁾ Этотъ Китайскій Туркестанъ не надо смѣшивать съ средне-азіатскими владѣніями Россіи, поселящими то же названіе.

нію), а въ Илійской долині, или Кульдѣжѣ, стало господствовать довольно воинственное племя таранчей. Побѣды надъ китайцами сопровождались страшными жестокостями, впрочемъ, таранчи оплачивали лишь тѣмъ, что сами отъ нихъ терпѣли; для избѣжанія мученій множество китайцевъ прибѣгло къ самоубійству, а илійскій губернаторъ «цзянь-цзюнь со всѣми вельможами, исполняя свой долгъ преданности» ¹⁾, взорвался на воздухъ въ 1866 году.

Дунганское возстаніе, быстро распространившееся до нашихъ предѣловъ, отозвалось невыгодно на спокойствіи нашихъ пограничныхъ киргизовъ. Для удержанія ихъ отъ всякаго волненія и вмѣшательства въ дѣла инсургентовъ, а также для обезпеченія Семирѣчья отъ вторженія мятежныхъ шаекъ было разрѣшено въ 1865 году выставять отряды на границѣ съ бывшимъ Западнымъ Китаемъ. Пограничные посты приносили, конечно, свою пользу, но не могли вполне оградить нашу область отъ грабительскихъ набѣговъ, которые безпрестанно и происходили, вызывая столкновенія—часто кровавыя. Таранчинскій султанъ Абиль-Огль, хотя и входилъ въ сношенія съ семирѣченскимъ губернаторомъ по этимъ поводамъ, но, очевидно, былъ не въ состояніи навести порядокъ. Между тѣмъ пекинское правительство не принимало никакихъ мѣръ для возстановленія своей власти и не вызывало новыхъ войскъ для возвращенія себѣ отторгнутыхъ владѣній. Политическая же неурядица въ этой странѣ нарушала и наши торговые интересы. Пассивная роль Россіи вредила нашему престижу и не соответствовала положенію сильной державы, занятому ею въ Средней Азіи.

Это особенно стало замѣтно на поведеніи кашгарскаго правителя Якубъ-бека, который не только началъ относиться къ намъ неприязненно, но осмѣлился даже задержать въ Кашгаріи торговый караванъ русскаго купца Хлудова; когда же по этому поводу къ хану былъ отправленъ капитанъ Рейнталь, то Якубъ-бекъ отклонилъ заключеніе торговаго договора и, продержавъ посла двѣ недѣли взаперти, отправилъ его ни съ чѣмъ. Между тѣмъ, въ то же время зазнавшійся ханъ завязывалъ сношенія съ англійской Индіей и оказывалъ широкое гостепріимство англичанамъ, явившимся въ Кашгаръ подъ предлогами то торговыхъ, то научныхъ цѣлей (Шау, Говардъ, Форсайтъ), но съ несомнѣнными намѣреніями вредить Россіи. Было извѣстно, на примѣръ, что вмѣстѣ съ великобританскимъ агентомъ Форсайтомъ пріѣхало въ Кашгаръ 300 англичанъ, которые занимались тамъ приготовленіемъ оружія ²⁾. Были также вѣскія указанія на намѣренія Якубъ-бека овладѣть соседней намъ Кульдѣжой.

¹⁾ Китайская записка. «Р. Вѣстникъ», т. ХСІХ.

²⁾ «Туркестанскій Вѣд.» 1875 г., № 5.

Какъ ни былъ миролюбиво настроенъ туркестанскій генераль-губернаторъ, но совокупность всѣхъ обстоятельствъ подвинула его на рѣшеніе положить конецъ пограничнымъ неурядицамъ, возстановить русскіе торговые интересы внутри страны и научить и восточныхъ сосѣдей должному уваженію къ Россіи, какъ этому недавно были научены Кокандъ и Бухара. Поэтому въ 1871 г., въ маѣ, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ предписалъ пограничному губернатору, генераль-майору Колпаковскому, занять Илійскую провинцію (Кульджу). Такъ какъ военная сторона дѣла не представляла особенныхъ трудностей, то и была возложена исключительно на мѣстныя силы Семирѣченской области.

12 іюня началось наступательное движеніе, а 22 іюня вся Кульджинская область безпрекословно покорила русскою власти. Такой быстрый успѣхъ можетъ быть объясненъ столько же слабостью противника, сколько и ненавистью населенія къ китайцамъ, боязнью ихъ возвращенія и искреннимъ желаніемъ мусульманскихъ племенъ вступить въ подданство Россіи. Веюду, куда приходили войска, ихъ встрѣчали хлѣбомъ-солью, и по водвореніи отрядовъ въ городахъ мирная обывденная жизнь тотчасъ же вступала въ свои права.

Чтобы отклонить всякое подозрѣніе въ самовосхваленіи, мы не будемъ пользоваться реляціями и донесеніями русскихъ военноподчиненныхъ, а приведемъ выдержки о совершившемся событіи изъ любопытнаго китайскаго документа ¹⁾.

Незначительный чиновникъ, нѣкій Лю-Цюнь-Хань, очевидецъ происшедшаго, «съ почтительностью представляетъ проникательному вниманію изложеніе о томъ, какъ войско, посланное небомъ, спасло жизнь людей; какъ въ 4-ой лунѣ 3-го числа великаго русскаго государства семирѣченскій цзянь-цзюнь (генераль) съ нѣсколькими тысячами русскаго войска ²⁾ съ Борохурчжара посланъ на наказаніе Или. Объ этихъ обстоятельствахъ, о томъ, какъ русское войско вступило въ Или и, въ пять дней давъ три сраженія, покорило Илійскую землю, въ которой считается девять городовъ, нѣсколько десятковъ лагерей сабо и монголовъ, 80 ущелій туркестанцевъ—какъ сохранило жизнь нѣсколькимъ тысячамъ Таранчей и китайскихъ мусульманъ, по истинѣ и въ подробности довожу съ почтительностью до воззрѣнія высочайше назначеннаго цзянь-цзюня и главнокомандующаго, прося доложить богдыхану, неслезанно заботящемуся о жизни людей».

Описавъ походное движеніе русскихъ войскъ и занятіе ими нѣкоторыхъ городовъ, китайскій лѣтописецъ говоритъ: «Семирѣченскій цзянь-цзюнь успокоилъ всѣми мѣрами находившихся въ Сайдинъ-чэнъ (гор. Суйдунъ) манчжуровъ-китайцевъ, какъ военныхъ,

¹⁾ Китайская записка. «Р. Вѣстникъ», ХСІХ.

²⁾ Войскъ этихъ было всего 1750 человекъ.

такъ и гражданъ, равно какъ и китайскихъ мусульманъ, не причинивъ вреда никому: даже ни одной травкѣ, ни одному деревцу, ни одной курицѣ, ни одной собакѣ не было нанесено никакого вреда и ущерба ни на волосъ».

Далѣе онъ доносилъ, что «хотя туркестанцы¹⁾ на словахъ покорились, но ихъ ядовитыя мысли еще не исчезли: не мало было случаевъ, что въ захолустьяхъ (очевидно, гдѣ не было русскихъ), поймавъ манчжура или китайца, — убивали ихъ. Къ счастью, небо не допустило прекратиться человѣческому роду и нынѣ великаго русскаго государства семирѣченскій цзянь-цзюнь, съ войскомъ, проникнутымъ человѣколюбіемъ и истиной, успокоилъ вселенную. Иностранное владѣніе спасло народъ отъ огня и воды, утвердило въ 4 страны безъ малѣйшаго вреда, такъ что дѣти не пугаются, а народы не безъ радости и восторга покоряются».

Какъ ни наивны донесенія этого безпристрастнаго свидѣтеля о благополучіи куръ, травъ, собакъ и иныхъ существъ, но трудно краснорѣчивѣе констатировать какъ доблесть русскихъ войскъ и ихъ дисциплину, такъ и ту особенную черту жалостливаго и великодушнаго русскаго характера, которая, очевидно, поразила китайца, привыкшаго къ совершенно инымъ приемамъ со стороны народовъ-побѣдителей...

Вся экспедиція стоила 65 т. руб. и покрылась контрибуціей съ мѣстныхъ жителей. Ближайшей цѣли своей она вполне достигла: всякіе беспорядки на нашей границѣ прекратились, а внутри занятой провинціи наступило спокойствіе,

Рѣшительная и разумная политика сразу повліяла и на сосѣдній Кашгаръ. Якубъ-бекъ понялъ опасность и поспѣшилъ, несмотря на подстрекательство англичанъ, отправить туркестанскому генералъ-губернатору письмо съ изъявленіемъ желанія вступить въ болѣе пріязненныя и близкія сношенія съ Россіей. Послѣдствіемъ этого была отправка въ Кашгаръ подполковника Каульбарса, который и заключилъ съ Якубъ-бекомъ договоръ, совершенно тождественный съ договорами, продиктованными въ 1866 г. Коканду и Бухарѣ.

Дальнѣйшее рѣшеніе вопроса о Кульджѣ зависѣло уже не отъ мѣстной власти: хотя при образованіи туркестанскаго генералъ-губернаторства К. П. Кауфману были даны широкія полномочія объявлять войну, когда, по его мнѣнію, обстоятельства этого требуютъ, а также заключать миръ на условіяхъ, какія онъ самъ признаетъ полезными и отвѣчающими достоинству Россіи, — но полномочія эти распространялись лишь на сосѣднія мусульманскія государства и не могли касаться Китая, столѣтіями сносившагося съ нашимъ центральнымъ правительствомъ. Вынужденное занятіе

¹⁾ Т. е. тарапчи.

Кульджи, этой, нѣкогда, части Небесной имперіи, было лишь случайнымъ эпизодомъ въ исторіи туркестанскихъ завоеваній, а потому, донося объ этомъ въ Петербургъ, генераль Кауфманъ испрашивалъ указаній на дальнѣйшую политику въ настоящемъ дѣлѣ. Только тамъ могли рѣшить: считать ли Кульджу, находившуюся въ теченіе семи лѣтъ во власти таранчей, самостоятельнымъ мусульманскимъ владѣніемъ, подлежащимъ при данныхъ условіяхъ присоединенію къ Россіи, или признавать ее провинціей Китая, но лишь возмутьившейся?

Изъ Петербурга послѣдовало увѣдомленіе, что провинція будетъ возвращена Китаю; что богдыханъ освѣдомленъ о временномъ занятіи ея, ради водворенія тамъ мира и спокойствія, и что съ пекинскимъ правительствомъ начаты переговоры объ условіяхъ передачи ему въ обратное владѣніе умиротворенной страны.

Такой постановкой вопроса о Кульджѣ Россія еще разъ доказывала Китаю свою дружбу, а міру—свое безкорыстіе,—всегда забываемое и никѣмъ не цѣнимое, добавимъ мы...

Какъ ни желательно было туркестанской администраціи, въ виду послѣдовавшаго рѣшенія, наискорѣйше сдать Китаю его провинцію, чтобы не вводить въ заблужденіе населенія, надѣявшагося примкнуть къ Россіи, а не вернуться во власть ненавистнаго ему и жестокаго Китая, но исполнить этого не представлялось пока возможности: некому было передать управленія, такъ какъ китайскія власти частью самонстребились, частью были убиты; некому было собрать и дезорганизованныя и разбѣжавшіяся войска. Съ уходомъ же русскихъ поднялась бы, конечно, презкняя анархія. Волей-неволей приходилось оставаться и ждать новыхъ властей и войскъ. Но китайцы не торопились приходить, увѣренные, вѣроятно, что мы добросовѣстно сдержимъ наше обѣщаніе и будемъ охранять ихъ владѣніе, пока это будетъ имъ удобно... Не торопилось и наше министерство иностранныхъ дѣлъ понукать ихъ, несмотря на многократныя и усиленныя просьбы генераль-губернатора покончить съ этимъ дѣломъ.

Годъ проходилъ за годомъ и, вопреки желаніямъ и намѣреніямъ Россіи, за долгій періодъ проволочки въ разрѣшеніи этого вопроса (ровно десять лѣтъ) намъ пришлось держать въ Кульджѣ не только войско, но и учреждать военные и гражданскія управленія. Справедливое и гуманное отношеніе ко всѣмъ народностямъ, населявшимъ край, привлекло къ русскимъ всеобщее уваженіе и симпатіи; жизнь вполне паладилась и шла мирно и спокойно. Широко развившаяся торговля и промышленныя предпріятія и необыкновенная дешевизна жизни влекли въ богатѣйшую провинцію, съ прекраснымъ климатомъ, массу частныхъ предпринимателей, и въ китайскихъ городахъ обособывались разныя фирмы и факторіи. Въ городѣ Кульджѣ выстроилась русская церковь, строились

русскіе дома, появились даже русскіе извозчики. Устроился здѣсь и русскій литейный заводъ, и замѣчательно, что первой его работой была отливка церковныхъ колоколовъ для приходскихъ храмовъ въ городѣ Вѣрномъ. Всѣ привыкли къ мысли (и не желали съ ней разстаться), что край занять Россіей и «дѣти не пугались, а жители не безъ радости и восторга подчинялись».

Это, конечно, служило къ славлу Россіи, было лестно и туркестанской администраціи; но послѣдняя, хорошо освѣдомленная, предвидѣла, что слишкомъ продолжительная оккупация Кульджи создасть со временемъ, при ея сдачѣ, немалыя затрудненія.

Между тѣмъ, благодаря водворившемуся спокойствію и присутствію русской власти въ странѣ, начали ободряться и китайцы и мало-по-малу поднимать головы. Бѣжавшіе во время дунганскаго возстанія въ наши предѣлы стали теперь возвращаться въ города, благо тамъ было безопасно. Подходили изъ внутренняго Китая и военные отряды, не осмѣливавшіеся на то до занятія Кульджи русскими.

Изъ Джунгаріи стали доходить извѣстія, уже съ 1875 года, что съ появленіемъ тамъ китайцевъ возгорается старая вражда между ними и дунганами. Русскимъ, однако, не приличествовало вступаться въ ихъ счеты, тѣмъ болѣе, что рѣшеніемъ петербургскаго правительства администрація туркестанская обязана была видѣть въ китайцахъ законныхъ властителей страны.

Такимъ образомъ, съ благосклоннаго разрѣшенія русской дипломатіи, китайцы начали вновь завоевывать отнявшія отъ нихъ земли, на что, однако, они не рѣшались въ теченіе одиннадцати лѣтъ. Русскимъ же, занимавшимъ Илійскую провинцію, приходилось только быть зрителями разыгрывавшихся событій. Въ кульджинской районѣ китайскіе военные отряды не осмѣливались, однако, показываться, а лишь распространяли слухи, что Китай уплачиваетъ Россіи десять милліоновъ таэлей за возвращеніе ему Кульджи.

Первымъ объектомъ ихъ завоевательныхъ плановъ, была Джунгарія, куда уже лѣтомъ 1876 года они и вступили, занявъ область Шахо. По донесенію капитана Пѣвцова, конвоировавшаго русскій караванъ съ хлѣбомъ, войскъ китайскихъ прибыло до сорока двухъ тысячъ. Раздѣлившись на три корпуса, они начали осаждать крѣпости Манась, Урумчи и Турфанъ ¹⁾. Несмотря, однако, на численное свое превосходство и на лучшее вооруженіе, китайцы встрѣчали сильнѣйшій отпоръ и въ теченіе почти полугода не могли совладать ни съ одной крѣпостью. Дунгане, ихъ защищавшіе, дрались, какъ львы. Такъ, напримѣръ, Манась отстояло всего семьсотъ человекъ противъ десяти тысячъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Замѣчательно, что нѣтъ болѣе непримиримыхъ и ожесточенныхъ

¹⁾ «Турк. Вѣд.», 12 октября 1876 г. № 40.

враговъ, какъ дунгане и китайцы, хотя они принадлежатъ къ одной расѣ и отличаются только тѣмъ, что дунгане исповѣдуютъ магометанство. Жестокія расправы, при малѣйшемъ успѣхѣ той или другой стороны, не поддаются никакому описанію. Въ концѣ концовъ Китайцы все-таки одолѣли, взяли всѣ три крѣпости, причѣмъ поголовно вырѣзали всѣхъ находившихся тамъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей взяли въ неволю.

Дальнѣйшее движеніе китайцевъ было на Кашгарѣ. Нужно сказать, что судьба имъ благопріятствовала. Въ маѣ 1877 года умеръ властитель Кашгара Якубъ-бекъ, человѣкъ сильной воли, державшій страну въ желѣзныхъ рукахъ. Онъ проболѣлъ всего 18 дней, и о смерти его носились разные слухи, предполагавшіе отраву. Ничего нѣтъ мудренаго, что китайцы сумѣли найти человѣка, который ее и поднесъ опасному имъ врагу. По смерти Якубъ-бека въ царствѣ его начались распри за престолъ; назначенный имъ послѣдникъ былъ убитъ роднымъ своимъ братомъ, который и объявилъ себя ханомъ. Но его признала таковымъ только западная часть Кашгара; восточная же избрала правителемъ Хакимъ-Ханъ-Тюрю. При этихъ междоусобіяхъ китайцамъ было не трудно завоевать Кашгаръ, что и случилось уже въ концѣ 1877 года.

Въ одномъ частномъ письмѣ К. П. Кауфманъ писалъ изъ Ташкента: «15 декабря 1877 года. Здѣсь получено извѣстіе, что Кашгарское ханство, это излюбленное дѣтище англичанъ, это могущественное, по ихъ мнѣнію, мусульманское государство, которое затруднить наше—по ихъ пониманію дѣла—наступательное движеніе въ Индію, пало. Оно занято китайцами. Бекъ-Кулибекъ (ханъ) бѣжалъ въ наши предѣлы, о чемъ и написалъ мнѣ письмо. Какъ, однако, легко создаются въ Средней Азіи царства и какъ легко падаютъ! Кашгарское, напримѣръ, созданное мощною рукою Якубъ-бека, просуществовало двѣнадцать лѣтъ. Можетъ быть, лѣтъ черезъ двадцать — двадцать пять опять вырѣжутъ китайцевъ и опять создастся государство, которое покажется англичанамъ достаточно сильнымъ для того, чтобы помѣшать намъ двинуться, какъ мы, якобы, желаемъ, въ Остъ-Индію...»

Оставимъ китайцевъ управляться по-своему во вновь занятыхъ ими странахъ и обратимся исключительно къ разсмотрѣнію того, какъ отразилось ихъ водвореніе на границѣ двухъ нашихъ областей (Семірѣченской и Ферганской) и чѣмъ отплатили намъ китайцы за песомнѣвную услугу, оказанную имъ нашими дипломатами.

Ближайшимъ послѣдствіемъ появленія китайцевъ въ Джунгаріи и Кашгарѣ явилось бѣгство туземцевъ въ наши предѣлы. Еще китайцы не успѣли вполне овладѣть этими странами, какъ оттуда началась эмиграція, создавшая немало заботъ и затрудненій

туркестанской власти. Вотъ что писалъ по этому поводу К. П. Кауфманъ: «15 ноября 1877 г. Сегодня я получилъ извѣстiе, что въ Караколь (Семирѣченская область) прибыло уже тысяча двѣсти человѣкъ дунганъ и триста человѣкъ кашгарцевъ изъ Аксу и Турфана. Значить, предположенiе мое, что успѣхи китайцевъ еще требуютъ подтвержденiя, нынѣ можетъ считаться доказаннымъ фактомъ. Весь этотъ людъ, уже прибывшiй и ожидаемый, придется кормить. Правитель канцелярiи жметсѣ, и еще не придумали мы съ нимъ средства выйти изъ денежнаго затрудненiя. Ожидаютъ въ ту только сторону, т. е. въ Караколь, до пяти тысячъ эмигрантовъ; если каждому выходцу давать по 5 коп. въ день, что кажется не особенно роскошно, то придется расходовать 250 руб. въ день, или 7500 руб. въ мѣсяцъ. А сколько еще перейдетъ въ Ферганскую область. Вотъ затрудненiе, котораго мы не ожидали. Но одолѣмъ». Черезъ три недѣли онъ пишетъ: «Приготовилъ телеграмму Колпаковскому, чтобы разрѣшить ему давать по 5 коп. на взрослого и по 2½ коп. на ребенка менѣ десяти лѣтъ, всѣмъ выходцамъ изъ кашгарскихъ владѣнiй, по случаю появленiя у нихъ китайцевъ. На этотъ предметъ я испросилъ по телеграфу и получилъ высочайшее повелѣнiе объ употребленiи до пятидесяти тысячъ изъ доходовъ ферганской смѣты. Всего бѣжало къ намъ уже 1.650 человѣкъ, и ожидается еще до четырехъ тысячъ. Если китайцы займутъ Кашгаръ, то масса народу пойдетъ въ Ферганскую область, гдѣ тоже ихъ придется кормить»...

Ровно черезъ мѣсяцъ, когда ханство Кашгарское пало, предположенiя генерала Кауфмана оправдались. Къ 18 декабря 1877 г. «пришло уже въ Ошъ (Ферганская область) 4 тысячи человѣкъ и еще ожидалось 8 тысячъ. Въ Семирѣчье пришло уже 2.800 человѣкъ, ожидалось еще тысячи двѣ. Всего выходцевъ ожидалось до 16 тысячъ, а можетъ быть и болѣе. Всѣхъ ихъ придется кормить и одѣть, — пишетъ К. П., — кромѣ зажиточныхъ, т. е. кромѣ тѣхъ, которые успѣли запастьсѣ одеждою и деньгами. Конечно, они увеличатъ число населенiя и со временемъ повлiяютъ на доходность края, но на первое время это порядочное бремя, которое въ тягость намъ, ибо требуетъ большихъ расходовъ...»

Въ конечномъ подсчетѣ несчастныхъ бѣглецовъ, спасшихся у насъ отъ жестокостей китайцевъ, оказалось 26 тысячъ человѣкъ. Это были все мусульмане, честные, трезвые, трудолюбивые люди. И милосердая Россiя всѣхъ ихъ приняла, какъ братьевъ, по христіанскому завѣту. Нельзя не обратить вниманiя на фактъ, который отмѣчаютъ «Туркестанскiя Вѣдомости»: «Замѣчательно, что въ то время, когда въ Европѣ, подъ ударами русскаго оружiя, готова рушиться Турцiя, сильнѣйшее мусульманское государство, опора ислама, въ Азiи происходитъ обратное явленiе: Россiя является покровительницею мусульманъ, водворяя порядокъ и безопасность

въ мусульманскихъ земляхъ. Въ русскихъ предѣлахъ ищутъ убѣжища всѣ, кому грозитъ опасность. Дунгане и кашгарцы толпами идутъ къ намъ, прося защиты отъ китайцевъ. Десятилѣтнее владѣніе русскихъ Среднею Азіею воспитало во всѣхъ окрестныхъ мусульманскихъ странахъ полное убѣжденіе не только въ непобѣдимости русскихъ, но и въ ихъ гуманности». Это же явленіе поразило шипкинскаго героя Радецкаго. Вотъ что онъ, между прочимъ, пишетъ изъ Адрианополя своему «старому товарищу» Кауфману: «Въ то время, когда во всѣхъ мусульманскихъ странахъ было противъ насъ возстаніе и велась священная война, въ одномъ только краѣ, бывшемъ когда-то гнѣздомъ мюридизма, царило спокойствіе и никакихъ покушеній противъ Россіи не дѣлалось. Я тебѣ не льщу, говоря, что это слѣдуетъ отмѣтить на страницахъ исторіи, и, вѣроятно, это не забудется...»

Совсѣмъ съ иными чувствами относились здѣсь къ намъ «дружественные» китайцы. Едва только успѣли они утвердиться въ Джунгаріи и Кашгарѣ, какъ представитель китайской власти, Цзо-цзунтанъ принялъ неподобающій тонъ по отношенію къ Россіи. Онъ забылъ, а можетъ быть, и ни во что не ставилъ, донесеніе Лю-Цинъ-Ханя о томъ, какъ «къ счастью небо не допустило прекратиться человѣческому роду (т. е. китайцамъ) и нынѣ великаго русскаго государства семирѣченскій Цзянь-Цзюнь, съ войскомъ, прошикнувшимъ человѣколюбіемъ и истиной, успокоилъ вселенную» (т. е. Китай); что, благодаря лишь этому обстоятельству, «человѣческому роду» открылся путь для завладѣнія землями, гдѣ въ свое время его рѣзали, изъ которыхъ его изгнали. Не въ мѣру заносчиваго китайца раздражало присутствіе русскихъ въ Илійской провинціи, лежавшей какъ разъ между Джунгаріей и Китаемъ, и онъ задумалъ, не дожидаясь окончанія переговоровъ, которые велись въ Пекинѣ между нашимъ тамъ посланникомъ и пекинскимъ правительствомъ объ условіяхъ передачи Кульджи, отобрать ее отъ насъ силой. Обстоятельства и время для выполненія такого плана казались ему благопріятными. Хорошо освѣдомленный о тогдашнемъ положеніи Россіи, занятой войной съ Турціей, онъ зналъ также, что и вся сила туркестанскихъ войскъ была собрана въ противоположномъ концѣ края и направлена къ Афганистану, откуда петербургское правительство намѣревалось грозить Англій, выхватывавшей въ это время изъ рукъ его плоды русскихъ побѣдъ въ Турціи. Новый нашъ сосѣдъ въ Средней Азіи не успѣлъ еще, однако, познакомиться съ умѣлой распорядительностью мѣстной власти, не оставлявшей безъ вниманія, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, ни малѣйшихъ затрудненій, откуда бы они ни угрожали спокойствію края, а потому и попробовалъ помѣряться

1) «Турк. Вѣд.», № 1, 1878 г.

силами съ незнакомымъ сосѣдомъ. Предлогомъ для начала своихъ непріязненныхъ отношеній къ Россіи Цзо-цзунтанъ избралъ вопросъ о выходахъ изъ Кашгара. Дѣло это выясняется нѣкоторыми частными письмами ген. Кауфмана, и, не вдаваясь въ лишнія подробности, воспользуемся этимъ достовѣрнымъ источникомъ.

«5 марта 1878 г..... Другое извѣстіе непріятнѣе, серьезнѣе и хуже. Ген. Колпаковскій телеграфируетъ, что онъ получилъ отъ Цзо-цзунтана изъ Кашгара письмо, которымъ этотъ китайскій главнокомандующій требуетъ выдать ему всѣхъ дунганъ съ ихъ предводителями. Требуетъ онъ, какъ телеграфируетъ Колпаковскій, дерзко и даетъ 50 дней срока для исполненія его требованій, послѣ чего угрожаетъ вторженіемъ войскомъ въ наши предѣлы. Очень было бы непріятно имѣть съ ними столкновение: ни славы, ни чести въ побѣдѣ надъ ними никакой; а между тѣмъ отрываютъ отъ дѣла, безпокойство и тревога есть, стоитъ дорого, а по положенію географическому мы можемъ имѣть съ ними дѣло въ трехъ-четыре мѣстахъ и долго, безъ конца. Или намъ надо ограничиваться отраженіемъ ихъ на всѣхъ пунктахъ и тогда, дѣйствительно, нельзя предвидѣть конца; ибо сегодня ихъ отразятъ, побьютъ, изобьютъ, положимъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они опять соберутся, опять сдѣлаютъ нападеніе, и т. д. Людей они не жалѣютъ. Если же намъ вторгнуться въ ихъ предѣлы, то пришлось бы завоевывать и присоединять къ имперіи пустыри, ненужныя намъ земли, охранять ихъ, расходовать на содержаніе войскъ и увеличивать число войскъ, ибо линія границы такимъ образомъ расширяется. Согласиться на возвращеніе китайцамъ дунганъ, не только по формѣ требованій Цзо-цзунтана неисполнимо, но и по существу дѣла; вѣдь китайцы считаютъ дунганъ отступниками отъ вѣры, измѣнниками государству и злѣйшими своими врагами. Дунгане тоже въ свое время не падали китайцевъ. Сколько бы ни просить китайцевъ о помилованіи дунганъ, они бы всѣхъ ихъ нещадно вырѣзали. А вѣдь къ намъ перешло дунганъ нѣсколько тысячъ. Они тоже люди. Слѣдовательно, и разговора не можетъ быть о выдачѣ этихъ несчастныхъ. Не изучилъ я еще вполне характера китайцевъ и ихъ предводителя Цзо (Цзо—это фамилія, а цзунтанъ—чинъ или скорѣе званіе главнокомандующаго, потому его и зовутъ Цзо-цзунтанъ). Выйдетъ ли изъ всего этого война или войнишка, или ничего не выйдетъ—еще не знаю. Во всякомъ случаѣ не хотѣлось бы этимъ дѣломъ рукъ марать. Да дѣлать нечего. Я телеграфировалъ Колпаковскому выслать отрядъ на границу къ Кашгару».

«10-го марта 1878 года. Я получилъ телеграмму отъ Колпаковского, что, по свѣдѣніямъ, имъ собраннымъ, т. е. по сплетнямъ сартовскимъ, китайскія войска намѣрены вторгнуться къ намъ по четыремъ пунктамъ. Очень можетъ быть, что если они рѣшили

открыть намъ войну, то они именно вторгнутся съ 3—4 сторонъ. Я думаю, они всегда будутъ побиты; но въ то же время я пошлю вторгнуться и въ ихъ предѣлы наши войска, хотя бы съ одного только мѣста. Сейчасъ буду писать генералу Абрамову, чтобы онъ приготовилъ отрядъ и при первомъ движеніи китайцевъ въ наши предѣлы вступилъ бы въ Кашгаръ; а между тѣмъ усиливаю Колпаковского, дабы и онъ, въ свою очередь, могъ перейти въ наступленіе, когда случай представится. Обстоятельство это мнѣ очень непріятно; я никогда не занимался китайскими дѣлами, а теперь приходится изучать это новое, а главное—трудное дѣло. Я называю его труднымъ потому, что всѣ извѣстные мнѣ знатоки китайцевъ не знаютъ ихъ, ибо всѣ эти знатоки, при каждомъ случаѣ, другъ другу противорѣчатъ. Нечего дѣлать—начну учиться; можетъ быть, и выучусь, а, можетъ быть, дойду до того, что буду понимать китайцевъ, какъ понимаю среднеазиатцевъ. Какъ бы то ни было, мнѣ претитъ эта война, а между тѣмъ она представляетъ свои трудности. Она разбросана; это во многихъ отношеніяхъ неудобно: надо во всѣхъ мѣстахъ атаки быть достаточно сильнымъ для отраженія; а знать, гдѣ надо быть сильнѣе, гдѣ можно быть слабѣе,—конечно, трудно; почти нѣтъ на это твердыхъ указаній. Такъ какъ она разбросана, то самому нѣтъ возможности идти въ дѣло, а приходится сидѣть на мѣстѣ и распоряжаться отсюда. На каждомъ пунктѣ, а ихъ можетъ быть 5—6, надо имѣть храбраго, твердаго и распорядительнаго начальника. Это едва ли не самая большая трудность¹⁾. Снабженіе отрядовъ, удаленныхъ отъ главныхъ центровъ, тоже представляетъ много затрудненій. Сухари, патроны, снаряды и проч. надо все заранѣе предвидѣть и всѣмъ распорядиться. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ подобную войну трудною и мало славною; а, впрочемъ, послѣдствія покажутъ. Я уже взялся за это дѣло и понемногу втягиваюсь въ него со свойствами бульдога, который, когда вцѣпится, не можетъ самъ раздвинуть челюсти, чтобы освободить зубы».

«Три мѣсяца тому назадъ я опять писалъ въ министерства иностранныхъ дѣлъ и военное о необходимости возвратитъ китайцамъ Кульджу; что если мы не возвратимъ во-время, то наживемъ себѣ войну съ китайцами, войну самую непріятную, самую неблагоприятную, дорогую, бесплодную, которой по упрямству китайцевъ, всѣмъ извѣстному, нельзя предвидѣть конца. Вѣроятно, министерства заняты другими, болѣе важными дѣлами, отложили обсужденіе и рѣшеніе по возбужденному мною вопросу, и вотъ

¹⁾ Трудность эта создавалась лишь тѣмъ, что многіе опытные и доблестные туркестанскіе офицеры отправились послужить родинѣ въ турецкой войнѣ. Оставшіеся въ краѣ назначены были идти къ границѣ Афганистана, въ походъ, такъ неожиданно предписанный изъ Петербурга.

теперь исполнилось то, что я предвидѣлъ. Передача Кульджи китайцамъ давно бы уже приведена была въ исполненіе, если бы она зависѣла только отъ меня; теперь, конечно, не должно быть и рѣчи объ этомъ, разъ что китайцы предпринимаютъ отнять ее у насъ силой, нарушаютъ всякія принятыя международныя отношенія. Не правительство—правительству, а пограничный начальникъ грубо и дерзко объявляетъ пограничному начальнику дружественной державы, что онъ намѣренъ вторгнуться съ своими войсками въ чужіе предѣлы. Съ такими-то людьми приходится вести войну, которую по географическому положенію смежныхъ китайскихъ провинцій ничѣмъ закончить нельзя».

«13-го марта 1878 года. Сегодня я спрашивалъ Колпаковского, не нужно ли ему выслать, для усиленія средствъ обороны противъ вторженія китайскаго, одинъ батальонъ пѣхоты изъ Ташкента, который можетъ прибыть въ Вѣрное въ 22—25 дней на подводахъ. Передъ вечеромъ получилъ его отвѣтъ, что при «современномъ положеніи дѣлъ и настоящемъ составѣ войскъ надобности въ командированіи батальона не предстоить», а просить о командированіи команды саперъ. Относительно высылки на Нарынъ 50 человѣкъ саперъ я уже отдалъ приказаніе; они готовятся къ походу, на дняхъ выступятъ, такъ что въ началѣ апрѣля мѣсяца будутъ уже на мѣстѣ. Эти 50 человѣкъ стоятъ болѣе, чѣмъ 100 человѣкъ другихъ, ибо, кромѣ того, что они дерутся, дерутся храбро, они парабатаютъ разныхъ укрѣпленій, чѣмъ усиливать позицію и тѣмъ увеличатъ силу нашу. Но, независимо отъ саперъ, я дѣлаю распоряженіе о высылкѣ отсюда на подводахъ одного изъ стрѣлковыхъ батальоновъ. Признаюсь, сначала я радовался, что вся наша, т. е. Туркестанскаго края, восточная граница будетъ прилегать къ Китаю. А между тѣмъ выходитъ, что только что появившійся сосѣдь, главнокомандующій, впервые проявляетъ свои сосѣдскія отношенія дерзостью безпримѣрною въ исторіи, требуя выдачи ему спасающихся у насъ нѣсколькихъ тысячъ дунганъ-бѣдняковъ отъ поголовнаго избіенія, и только для того, чтобы имѣть удовольствіе зарѣзать, а предводителей ихъ—имѣть наслажденіе подвергнуть самымъ жестокимъ пыткамъ».

«30-го апрѣля 1878 года: Утро сегодня я все просидѣлъ за разборомъ телеграммы Гирса, шифрованной. Съ трудомъ справился съ чтеніемъ ея, а между тѣмъ говоритъ очень обыкновенныя вещи. Министерство одобряетъ вполнѣ принятую мною мѣру не выдавать китайцамъ Баянъ-Ахуна, спасагося у насъ предводителя дунганъ; и далѣе, что Бюцовъ, нашъ посланникъ въ Пекинѣ, убѣдясь, что китайскіе министры не желаютъ исполнить наши требованія по неоконченнымъ дѣламъ, и находя бесполезнымъ продолжать переговоры о сдачѣ Кульджи, уѣхалъ въ отпускъ изъ Пекина, на каковой имѣлъ уже прежде разрѣшеніе. Изъ этого видно, что

слухи, здѣсь распространенные, что китайцы намѣрены попытаться взять у насъ Кульджу силою,—принимаютъ нѣкоторую вѣроятность и потому надо быть на стражѣ и съ этой стороны. Нельзя думать, чтобы китайцы имѣли хоть какой-либо успѣхъ надъ нами; тѣмъ не менѣе, такъ какъ они много сосредоточиваютъ войскъ по ихъ обычаю, то не только нельзя ослабить семирѣченскихъ войскъ, но необходимо усилить ихъ сколько возможно, что мною и сдѣлано уже прежде».

Всѣ эти своевременныя, разумныя и быстрыя распоряженія не укрылись, конечно, отъ китайцевъ и сразу охладили ихъ пылъ. Упадокъ ихъ воинственнаго настроенія резюмируется послѣднимъ по этому дѣлу письмомъ К. П. Кауфмана отъ 14-го мая 1878 года.

«14-го мая 1878 года. Не помню, писалъ ли я вамъ, что я получилъ письма отъ китайскихъ начальниковъ: два отъ Лю-Шо, изъ Кашгара, и одно отъ Цзо-цзунтана, изъ Люджоу, гдѣ его резиденція. Оба они просятъ о высылкѣ имъ «воровъ» Бекъ-Кули и Баянъ-Ахуна. Бекъ-Кули—это сынъ Якубъ-Бека, законный его преемникъ, который, боясь измѣны своихъ подданныхъ, бѣжалъ изъ Кашгара къ намъ, бросивъ унаслѣдованный имъ престолъ. Китайцы называютъ его воромъ. Баянъ-Ахунъ—это предводитель дунганъ, которые уже много лѣтъ воюютъ съ Китаемъ, и который тоже, укрываясь отъ своихъ враговъ, спасся къ намъ. Слѣдовательно, тоже не воръ и не мошенникъ, а политическій преступникъ, предводитель цѣлаго племени, котораго я не выдамъ, конечно.—Лю-Шо пишетъ мнѣ между прочимъ, что онъ узналъ теперь только, какъ изъ моихъ писемъ и отъ людей, пришедшихъ съ нашей стороны, что войска мои сильны, а потому онъ не высылаетъ китайскихъ войскъ въ наши предѣлы, а надѣется, что я прикажу изловить и выслать къ нему просимыхъ имъ воровъ. Я вѣдь писалъ Лю-Шо, что если онъ вздумаетъ послать войска въ наши предѣлы, то для предупрежденія его я ему объявляю, что я привыкъ отвѣчать, такъ отвѣчалъ и буду отвѣчать—битьемъ тѣхъ, кто нарушаетъ неприкосновенность нашей границы. Вотъ онъ теперь и узналъ, что мои войска сильны... Затѣмъ онъ узналъ еще отъ людей, которые приходятъ съ нашей стороны, что «я всѣми любимъ и имѣю даръ устраивать и поддерживать хорошія отношенія со всѣми»,—такъ онъ надѣется на мою дружбу. Итакъ, тонъ письма его совершенно другой, чѣмъ тонъ первыхъ его писемъ. Это хорошо. Я имъ «воровъ» не вышлю, объяснивъ, что они не подлежатъ высылкѣ; а главное—потому еще, что китайскія власти и войска на границѣ Кульджи говорятъ; что они силою возьмутъ у насъ Кульджу. Пусть попробуютъ; мы имъ покажемъ, какъ удобно съ нами сдѣлаться».

Сдѣлаться съ нами китайцы не рѣшились, конечно, ясно понявъ, что дѣло будетъ не шуточное, и до поры до времени держали себя смиренно.

Слѣдующій фазисъ кульджинскаго вопроса протекаетъ уже въ Петербургѣ.

Безплодные переговоры нашего посла Бюцова въ Пекинѣ побудили министерство иностранныхъ дѣлъ выработать здѣсь проектъ условій передачи Кульджи, согласуясь съ предположеніями уполномоченныхъ отъ пекинскаго правительства лицъ. Но этотъ разъ министерство не взяло на себя единолично рѣшеніе вопроса, а предложило образовать комиссію, куда, кромѣ дипломатовъ, были приглашены министры военный и финансовъ, а также туркестанскій генераль-губернаторъ. Комиссія начала свои засѣданія въ іюнѣ 1879 года.

Генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ являлся, конечно, самымъ компетентнымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ, и ему было предложено высказать свой взглядъ. Изобразивъ въ подробностяхъ вышеизложенный ходъ событій, генераль Кауфманъ сводилъ свое мнѣніе всего лишь къ двумъ пунктамъ: 1) Кульджа должна быть сдана цѣликомъ всей своей территоріей, въ прежнихъ ея съ нами границахъ; и 2) за восьмилѣтнюю нашу оккупацию этой провинціи Китай обязанъ уплатить контрибуцію Россіи. По первому пункту генераль-губернаторъ далъ такое объясненіе: наша политика въ Средней Азіи за послѣднія 11 лѣтъ велась прямо и откровенно и пріучила сосѣдніе народы и ихъ властителей твердо вѣрить непоколебимости слова, разъ даннаго русскимъ правительствомъ.

Во всей Азіи было извѣстно, что Кульджа занята временно и обѣщана въ возвратъ Китаю, а потому данное слово должно быть честно и неукоснительно сдержано. Помимо этого обстоятельства, имѣющаго важное значеніе для престижа русской власти въ Средней Азіи, генераль Кауфманъ предупреждалъ, что китайцы не пойдутъ добровольно на уступку территоріи; если же ихъ будутъ къ этому принуждать, то непременно создадутъ намъ новыя затрудненія при передачѣ Кульджи.

Что касается контрибуціи, то она оправдывается не только значительными матеріальными и нравственными жертвами, понесенными Россіею за 8 лѣтъ оккупаци, но ею же должна оцѣниваться вся огромность прямо государственной услуги, оказанной Китаю Россіей. Всѣ событія, предшествовавшія занятію русскими Кульджи, ясно указывали, что весь Восточный Туркестанъ былъ для Китая потерянь, если не навсегда, то на десятки лѣтъ, и это настолько сознавалось самимъ Китаемъ, что онъ и не пытался возвращать себѣ потерянное. Только послѣ обѣщанія Россіи вернуть ему Кульджу, китайцы осмѣлились двинуться къ этимъ странамъ. Успѣхи ихъ въ Джунгаріи и Кашгарѣ объясняются единственно сдерживающимъ нашимъ присутствіемъ въ Кульджѣ, которую притомъ имъ и не приходилось вновь отвоевывать. Увели мы наши войска оттуда при первомъ вступленіи китайцевъ въ Джунгарію,

нѣтъ никакого сомнѣнія, что кульджинскіе таранчи, соединившись съ дунганями и кашгарцами, одолѣли бы снова ненавистныхъ имъ китайцевъ. Такимъ образомъ, Китай всецѣло обязанъ Россіи не только возвращеніемъ Кульджи, но и приобрѣтеніемъ остальныхъ двухъ провинцій. Въ виду всего этого туркестанскій генераль-губернаторъ считалъ вполне законнымъ и справедливымъ потребовать съ Китая вознагражденія въ размѣрѣ 120 милліоновъ рублей. Изъ этой суммы будутъ уплачены расходы казнѣ по оккупациіи Кульджи и также возмѣщены убытки тѣмъ русскимъ подданнымъ, которые будутъ вынуждены ликвидировать тамъ дѣла, ибо съ водвореніемъ Китая многія условія станутъ неприемлемы. Весь же основной фондъ долженъ быть обращенъ на безотлагательно необходимую постройку желѣзной дороги между Оренбургомъ и Ташкентомъ, настоятельныя просьбы о которой разбивались о неизмѣнный отвѣтъ министра финансовъ, что на это нужное дѣло не находится средствъ.

Предложеніе генераль-губернатора подняло бурю протестовъ. Не было ничего удивительнаго, что наши дипломаты нашли такую постановку вопроса не отвѣчающей величію и достоинству Россіи. Эти изысканные джентльмены умѣли всегда величественно великодушничать за счетъ Россіи. (Къ сожалѣнію, князь Горчаковъ, имѣвшій даръ согласовать достоинство Россіи съ ея выгодами, въ это время уже совсѣмъ устранился отъ вліянія на дѣла). Но было удивительнѣе всего, что съ такимъ же негодующимъ протестомъ выступилъ министръ финансовъ адмиралъ Грейгъ. Онъ говорилъ, что Россіи неприлично уподобляться торгашеству Англии, не пропускающей случая обогащаться за счетъ эксплуатируемыхъ ею націй; очень порицалъ Англию, а вмѣстѣ съ ней и проектъ генераль-губернатора. Удивленный и возмущенный его рѣчами, К. П. Кауфманъ отвѣтилъ ему: «Ваше высокопревосходительство напоминаетъ мнѣ гордаго испанскаго гранда, на плечахъ котораго надѣтъ плащъ, весь украшенный древними гербами и знаками высокаго достоинства; только печально, что подъ плащомъ онъ тщательно скрываетъ пустую и дырявую суму»¹⁾... Большинство членовъ комиссіи утверждало, что Китай не въ состояніи уплатить такой значительной контрибуціи. Предложеніе генераль-губернатора было отвергнуто и убытки наши по оккупациіи за всѣ 8 лѣтъ свелись всего на пять милліоновъ!.. (Замѣчательно, что сами китайцы, распространяя въ Кульджѣ слухъ о выкупѣ ея у Россіи и назначая, конечно, наименьшую сумму, опредѣляли ее все-таки въ 10 милліоновъ таэлей; т. е. въ 20 милліоновъ золотомъ. Такимъ образомъ, за чечевичную

¹⁾ Грейгъ, обиженный, пожаловался государю на Кауфмана. Государь при первомъ представленіи ему А. П-ча, полшутя, полусерьезно сказалъ: «А какъ же ты такъ публично дискредитировалъ моего министра финансовъ».

похлебку мы возстановили владычество Китая въ трехъ провинціяхъ. Очевидно, однако, самой комиссіи такая наша скромность показалась несообразной и, чтобы поправить дѣло, было постановлено, вопреки указанія генерала Кауфмана, отрѣзать въ нашу пользу часть кульджинской территоріи. Помимо того, что такимъ рѣшеніемъ дискредитировалось слово Россіи въ Азій, мы наградили себя полосой земли, вовсе намъ ненужной, съ границей совершенно открытой, такъ какъ горные проходы, удобные для защиты, оставались все въ рукахъ китайцевъ.

«Кульджинское дѣло провалилось, кажется, всецѣмъ,—писалъ К. П. Кауфманъ 16 іюля 1879 года.—Впрочемъ, мое мнѣніе, при которомъ я остался одинъ, т. е. о необходимости оштрафовать китайцевъ крупною контрибуціею, я просилъ внести въ протоколъ, дабы оно осталось въ исторіи дѣла».

Туркестанскому генералъ-губернатору пришлось удовлетвориться лишь этимъ правомъ.

Такова была политика Петербурга.

Въ международныхъ сношеніяхъ политика сантиментальнаго безкорыстія и великодушія, въ ущербъ своему народу и государству, вызываетъ въ трезвыхъ національныхъ правительствахъ лишь улыбку снисходительнаго презрѣнія; а въ тѣхъ, на которыхъ изливается это великодушіе, стремленіе и дальше его эксплуатировать. Последнее не замедлили подтвердить намъ китайцы. Нашими болѣе чѣмъ скромными условіями Пекинъ остался очень недоволенъ, такъ недоволенъ, что уже въ слѣдующемъ 1880 году не пожелалъ мирно размежеваться съ облагодѣтельствовавшей его державой и сталъ въ отношенія настолько враждебныя, что приготовился объявить ей войну. Петербургъ увѣдомилъ объ этомъ туркестанскую власть, предписывая спѣшно двинуть сильный отрядъ къ Кульджѣ. Доблестныя войска быстро собрались и выступили. Когда же китайцы увидали, что войска, проникнутыя человѣколюбіемъ и истинною, стоять противъ нихъ во всеоружіи, и теперь уже, вѣроятно, не на время и не для нихъ займутъ Кульджу, тотчасъ же одумались и взяли назадъ свои угрозы.

Однако расходы по вызову войскъ изъ центра туркестанскаго края (за 950 верстъ) на этотъ разъ должны были оплачиваться изъ русской государственной суммы адмирала Грейга.

Фактическая передача Кульджи завершилась уже послѣ смерти генерала Кауфмана, въ 1882 году.

За протекшія 30 лѣтъ національный характеръ китайцевъ врядъ ли измѣнился. Они и теперь, вѣроятно, бываютъ зазорны, когда обстоятельства имъ благопріятствуютъ, и быстро понижаютъ тонъ, когда имъ противодѣйствуетъ настоящая сила. Это надо помнить. Воз-

можно, что теперь они вооружены и обучены настолько лучше, что ни дунгане, ни таранчи съ ними не справятся. Но надо надѣяться, что традиціонная доблесть туркестанскихъ войскъ осталась прежней. И если въ то отдаленное время составъ 10—12-тысячной арміи успѣвалъ рѣшать всѣ затрудненія, возникавшія, хотя бы и одновременно, въ противоположныхъ концахъ края, то находящіеся теперь два корпуса въ Туркестанѣ сумѣютъ, конечно, съ прежней честью отвѣтить на какія бы то ни было сложныя и трудныя задачи. Надо имѣть въ виду, что если печальная судьба Россіи натолкнетъ ее на войну съ Небесною имперіею, то въ Кульджѣ и во всемъ Западномъ Китаѣ—скрытымъ врагомъ нашимъ, какъ всегда, будетъ Англія; открытой же союзницей будетъ та мусульманская ненависть къ китайцамъ, которая, конечно, не исчезла; и можно думать, что, когда «войска, проникнутыя человѣколюбіемъ и истинной», тамъ появятся, то, конечно, «дѣти не будутъ пугаться, а народы не безъ радости и восторга покорятся»...

В. С. Надниковъ.

ОСВОБОЖДЕНИЕ РУССКАГО ТЕАТРА.

(Къ двадцатипятилѣтію со дня смерти А. Н. Островскаго).

I.

КАКЪ ИЗВѢСТНО, Гоголь, написавъ «Ревизора», сильно сокрушался надъ тѣмъ, что изъ мужского персонала Александринскаго театра не нашлось ни одного актера, который удовлетворительно сыгралъ бы роль Хлестакова. Конечно, было бы болѣе, чѣмъ ошибочно, думать, что тогдашняя русская сцена не располагала талантливыми артистами, такъ какъ, несмотря на свое сравнительно короткое существованіе, русскій театръ въ то время имѣлъ полное и неотъемлемое право гордиться такими именами, какъ Дмитревскій, Каратыгинъ, Мочаловъ, Щепкинъ et cetera. Нѣтъ, причина была другая: талантливые артисты были, но они были воспитаны въ другомъ духѣ, для другого рода пьесъ. Гоголь отлично это понялъ и неоднократно доказывалъ въ своихъ статьяхъ, что недостатокъ гибкости и разнообразія талантовъ среди русскихъ актеровъ всецѣло зависитъ отъ репертуара русскаго театра, заповоленного переводными или подражательными пьесами. «Гдѣ же развиваться талантамъ?—писалъ Гоголь.—На чемъ развиваться? Развѣ попадается имъ хоть одно лицо русское, которое могли бы они живо представить себѣ? Кого играютъ наши актеры?»

Какихъ-то нехристей, людей—не французовъ и не нѣмцевъ, но Богъ знаетъ кого, какихъ-то взбалмошныхъ людей—иначе и трудно назвать героевъ мелодрамы. Русскаго мы просимъ! Своего давайте намъ!...»

Гоголь, какъ нельзя точнѣе и правильнѣе, указалъ на большое мѣсто русскаго театра. Какъ извѣстно, душа театра—репертуаръ, и для того, чтобы театръ имѣлъ успѣхъ среди публики, чтобы онъ сдѣлался чѣмъ-то близкимъ и роднымъ зрительскому сердцу, необходимо, чтобы репертуаръ его откликнулся на тѣ самые вопросы, которые ставить и выдвигаетъ общественная жизнь той страны, жителемъ которой зритель является. Короче говоря, театръ долженъ быть самобытнымъ. Это вполнѣ естественно и понятно. Между тѣмъ русскій театръ въ этомъ отношеніи очень долгое время стоялъ на ложномъ пути. Пересаженный на русскую почву изъ Западной Европы, театръ нашъ, естественно, подпалъ подъ ея вліяніе, и освобожденіе его отъ этого чужеземнаго вліянія совершалось медленно и постепенно. Постараемся въ краткихъ чертахъ возобновить въ памяти читателей исторію этого освобожденія русскаго театра.

Первая попытка создать въ Россіи общественный театръ принадлежитъ Петру Великому. Въ своихъ заботахъ о переустройствѣ русской жизни на западный ладъ онъ не чуждался никакихъ формъ отрицанія и осмѣянія недостатковъ того близкаго прошлаго, которое онъ стремился уничтожить и замѣнить новымъ, лучшимъ настоящимъ, а потому онъ не забылъ и театра, съ которымъ хорошо познакомился еще во время своего перваго путешествія за границу. Въ Данцигѣ былъ заключенъ, по его приказанію, договоръ съ принципаломъ одной изъ странствующихъ труппъ Юганномъ Христіаномъ Кунстомъ, и въ іюль 1702 года этотъ «царскаго величества комедіантскій правитель» пріѣхалъ въ Москву, гдѣ въ одномъ изъ лучшихъ мѣстъ стольнаго древняго города (на Красной площади) былъ выстроенъ бесплатный народный театръ для «всякаго чина людей» и «охотныхъ смотрѣльщиковъ». Репертуаръ Кунстовой труппы былъ довольно разнообразенъ: въ него входили пьесы, ставившіяся на нѣмецкой, французской и итальянской сценахъ. Сохранившіяся до насъ заглавія Кунстова репертуара, въ родѣ: «Актъ комедіальный о Калеандрѣ, цесаревичѣ греческомъ, и о мужественной Неонильдѣ, цесаревнѣ трапезондской», «Драма о Езекин, царѣ израильскомъ», «Исторія о царѣ Давидѣ и царѣ Соломонѣ», «Докторъ принужденный» (*Medecin malgré lui*), «Прельщенный любящій или Донъ Педро, почитанный шляхта» и, наконецъ, знаменитая комедія «Жоделеть, или самый свой тюремный заключенникъ» (*Le géolier de soi même ou Jodelet*)—служать намъ яснымъ доказательствомъ подчиненія русскаго театра съ первыхъ шаговъ его существованія иноземному вліянію.

Однако и въ этотъ отдаленнѣйшій періодъ своего существованія русскій театръ начинаетъ обнаруживать первыя проявленія самобытности. Петръ не довольствовался пьесами Кунстова репертуара, вродѣ только что перечисленныхъ нами, и требовалъ отъ театра живой связи съ современностью. По приказанію царя, дѣяки посольскаго приказа требовали отъ Кунста, чтобы онъ «въ скорости, какъ можно, составилъ новую комедію о побѣдѣ и о врученіи великому государю крѣпости Орѣшка». Этотъ любопытный фактъ служитъ намъ доказательствомъ, что великій преобразователь земли русской вѣрно понималъ основную задачу театра—откликаться на вопросы, выдвинутые общественной жизнью страны. Къ сожалѣнію, отсутствіе литературныхъ силъ въ Россіи заставляло Петра не пренебрегать даже грубой формою площадной сатиры, которая проявилась въ первомъ русскомъ общественномъ театрѣ въ видѣ шутовскихъ интермедій (т. е. междудѣйствій), вставлявшихся между дѣйствіями пьесъ Кунстова репертуара. Въ этихъ интермедіяхъ выводились на сцену, на всеобщее осмѣяніе, типы тѣхъ личностей и тѣ черты современной народной жизни, къ которымъ съ неумолимой строгостью относился законъ, а именно: раскольники, преслѣдуемые правительствомъ за суевѣрія и привязанность къ старинѣ, ставленникъ, добывающійся, путемъ взятокъ «власть имѣющимъ», мѣста священника, дьячокъ, оплакивающій своихъ дѣтей, отбираемыхъ у него для отсылки въ семинарію, подьячіе, ловящіе въ мутной водѣ рыбку, приверженцы старины, оплакивающіе доброе старое время, когда можно было не брить ни бороды, ни усовъ и не носить нѣмецкаго платья и т. д. Изъ оригинальныхъ русскихъ пьесъ петровскаго времени, отзывавшихся на злобы дня, сохранилась до нашего времени «Шутовская комедія», не имѣющая болѣе опредѣленнаго названія. Пьеса эта полна отзвуковъ тогдашнихъ общественныхъ настроеній и блещетъ самымъ неподдѣльнымъ юморомъ. Повидимому, она вышла изъ народной, неофициальной среды, ибо осмѣиваетъ какъ разъ то, къ чему правительство хотѣло внушить самое глубокое уваженіе. Извѣстно, какъ сильно заботился Петръ о поддержаніи престижа иностранцевъ, которыхъ онъ пригласилъ въ учителя русскому народу. А между тѣмъ неизвѣстный авторъ этой пьесы безнапачно издѣвается надъ французомъ и голландцемъ, которые входятъ въ число дѣйствующихъ лицъ пьесы; первому достается за его пронырство и пролазничество, а второго авторъ причисляетъ къ тѣмъ людямъ, «у которыхъ въ голову мысль заходить». Но больше всего достается въ пьесѣ докторамъ, изъ которыхъ одного авторъ заставляетъ, между прочимъ, успокаивать родственниковъ одного «залеченнаго» имъ паціента тѣмъ, что онъ «по предписанному ученію и по правиламъ Галенусовымъ умеръ».

Какъ ни плохи были подобныя произведенія доморощенныхъ драматурговъ въ литературномъ отношеніи, однако они показываютъ, что уже въ первую эпоху своего существованія русскій театръ дѣлалъ попытки къ освобожденію отъ иноземнаго вліянія и, давая мѣсто общественной сатирѣ, становился чѣмъ-то близкимъ сердцу публики, отзываясь на вопросы общественной жизни, между тѣмъ какъ разные «Докторы принужденные», «Прельщенные любящіе» или «Акты комедіальные о Калеандрѣ и Неонильдѣ» были для нея чѣмъ-то далекимъ и черезчуръ отвлеченнымъ. Именно эти безхитростныя сатирическія пьесы, дававшія исходъ общественному мнѣнію, могли особенно пріохотить русское общество къ театру, чего такъ хотѣлъ великій преобразователь земли русской.

II.

Попытка Петра Великаго создать общественный театръ, какъ извѣстно, окончилась неудачей, и до эпохи Елизаветы Петровны театръ опять, какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сдѣлался домашнимъ развлеченіемъ особъ императорской фамиліи и придворныхъ. Въ этотъ періодъ театръ не проявляетъ никакой самостоятельности. Русскихъ актеровъ смѣнили иноземные. Пьесы на русскомъ языкѣ не игрались. При дворѣ императрицы Анны Иоанновны, напримѣръ, содержались труппы нѣмецкая, итальянская и балетная. Нѣмцы играли драмы и комедіи, по большей части, неискренняго сочиненія кого-либо изъ актеровъ своей труппы. Иногда составлялись пьесы на случай. Тредьяковскій переводилъ съ французскаго разныя оперы, интермедіи и дѣлалъ экстракты изъ комедій. Нѣкоторыя изъ нихъ разучивались придворными дамами и кавалерами и разыгрывались на нѣмецкомъ языкѣ въ придворномъ театрѣ вмѣстѣ съ «оригинальными» сценами, содержаніе для которыхъ бралось изъ русскихъ сказокъ, какъ, напр., «Баба-яга», «Илья-богатырь» и др. Конечно, въ этихъ сценахъ, кромѣ самихъ дѣйствующихъ лицъ, не было ничего русскаго. Это были переодѣтые въ русскіе костюмы герои нѣмецкихъ пьесъ.

По кончинѣ императрицы Анны Иоанновны при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ нѣмецкая придворная труппа была распущена. Пріѣзжія же нѣмецкія труппы, появившіяся въ Россіи въ концѣ царствованія Анны Иоанновны, давали свои представленія въ нарочно устроенномъ театрѣ на Большой Морской и на придворную сцену приглашались изрѣдка. Вмѣсто нѣмецкой труппы были вызваны ко двору французскіе комедіанты и открытъ постоянный французскій театръ. О какомъ-либо проявленіи русской самостоятельности въ этотъ періодъ нечего и говорить.

Однако культурная инициатива Петра Великаго въ дѣлѣ насажденія въ русскомъ обществѣ театральныхъ зрѣлищъ, имѣющихъ общественный интересъ, съ 30-хъ и 40-хъ годовъ XVIII столѣтія мало-по-малу начинаетъ пускать корни въ самое общество. Наступаетъ вторичный процессъ развитія общественнаго театра, правда, медленный, но болѣе вѣрный и прочный. Затронутая школьнымъ образованіемъ учащаяся молодежь пишетъ пьесы и устраиваетъ театральныя представленія. Позднѣе движеніе идетъ вширь и вглубь, захватывая постепенно все менѣе и менѣе культурные классы русскаго общества. «Игрищныя пьесы» и «площадныя зрѣлища» устраиваются не только «лекарскими учениками» и студентами духовныхъ академій, какъ это было при Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ Великомъ, но и воспитанниками шляхетскаго корпуса, мелкими канцеляристами, фабричными, солдатами, дворовыми. Въ тьму народной жизни былъ зароненъ свѣтъ театральной рампы и навсегда уже сдѣлался могучимъ источникомъ просвѣщенія и разумнаго развлечения. Окончательное учрежденіе русскаго общественнаго театра состоялось въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Съ 1741 года, т. е. со вступленія на престола Елизаветы Петровны, до 1750 года русскаго драматическаго театра при дворѣ не было. Страстная поклонница французскаго языка и французовъ, императрица Елизавета измѣнила характеръ придворныхъ развлеченій окончательно на французскій ладъ. На всемъ засіяла блестящая французская лакировка. Въ «оперномъ домѣ», — такъ въ то время назывался театръ, — давались постоянно въ присутствіи императрицы французскія «трагедіи» и итальянскія оперы. Доминирующую часть тогдашняго репертуара составляли комедіи Мольера, трагедіи Корнеля, Расина и Вольтера, съ блистательною обстановкою и искусною декламаціей.

Успѣхъ французской трагедіи побудилъ А. П. Сумарокова написать по образцу ея русскую трагедію. Въ 1746 году онъ написалъ «Хорева», который три года находилъ однихъ читателей и слушателей, а не зрителей, и только въ 1749 году былъ сыгранъ кадетами сухопутнаго шляхетскаго корпуса. Такимъ образомъ, въ то время, когда императрицу, ея дворъ и знатнѣйшихъ зрителей развлекала иностранная комедія, восхищала трагедія и опера, когда театръ съ каждымъ днемъ становился необходимою потребностью, — въ это время въ стѣнахъ сухопутнаго шляхетскаго корпуса зарождался русскій національный театръ. Узнавъ о спектакляхъ въ корпусѣ, императрица приказала кадетамъ повторить представленіе во дворцѣ, и вотъ 8 февраля 1750 года въ новыхъ переднихъ покояхъ Зимняго дворца, гдѣ былъ поставленъ складной театръ, высокіе посѣтители впервые увидѣли трагедію «Хоревъ», впервые услышали со сцены русскую рѣчь, русскіе звучные стихи:

О князь! Наслѣдникъ трона!
 Жезлъ старости моеи! Страны сей оборона!
 Примаи оружіе, се долгъ тебя зоветъ,
 И слава на поляхъ тебя съ побѣдой ждетъ,
 Котора много разъ вѣщи тебѣ сплетала,
 Когда твоя рука въ народы смерть метала.
 Вели въ трубы гласить и на враговъ возстань,
 Кинь въ вѣтры знамена и исходи на брань.
 Ступай, и побѣди. и возвратися славно,
 Какъ въ скнескія войны подъ лаврами недавно.

Трагедія произвела сильное впечатлѣніе на зрителей. Императрица была растрогана до слезъ и подарила автору драгоценный перстень. Ободренный успѣхомъ, Сумароковъ написалъ еще нѣсколько пьесъ (трагедіи «Синавъ и Труворъ», «Гамлетъ», «Аристокла», комедіи «Трисотниусъ», «Чудовище», «Пустая ссора»), которыя въ теченіе одного 1750 года были представлены кадетами въ придворномъ театрѣ, причемъ интересъ къ русскимъ спектаклямъ такъ возрасталъ, что 29 сентября послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы профессора академіи наукъ Ломоносовъ и Тредьяковскій сочинили по трагедіи. Оба профессора немедленно исполнили повелѣніе: Ломоносовъ написалъ трагедію о Мамаѣ («Тамара и Селимъ»), которая и была представлена кадетами въ первый разъ 1 декабря того же 1750 года, а Тредьяковскій—трагедію «Дейдамія», которая не была играна, вѣроятно, потому, что «сія трагедія есть наипродолжительнѣйшая изъ всѣхъ русскихъ драматическихъ сочиненій, и въ ней находится двѣ тысячи триста тринадцать стиховъ двоестрочныхъ». Въ это же время разрѣшено было играть русскія комедіи и въ частныхъ домахъ, съ тѣмъ, чтобы только «въ черническое и прочее, касающееся до духовныхъ персонъ, платье не наряжались». Наконецъ 30 августа 1756 года послѣдовалъ Высочайшій указъ правительствующему сенату, которымъ повелѣвалось учредить «русскій для представленія трагедіи и комедіи театръ», причемъ А. П. Сумароковъ былъ назначенъ директоромъ новаго театра, а Ѳ. Г. Волковъ—«первымъ придворнымъ актеромъ». Такъ совершилось возрожденіе русскаго театра.

При оцѣнкѣ драматическихъ произведеній (разумеется, оригинальныхъ) этого періода въ исторіи русскаго театра приходится обратить вниманіе на произведенія Сумарокова. Основаніе славы его среди современниковъ положили девять трагедій его: «Хоревъ», «Синавъ и Труворъ», «Семира», «Гамлетъ», «Аристокла», «Ярополкъ и Дамиза», «Выпеславъ», «Димитрій Самозванецъ» и «Мстиславъ». Названіе «русскаго Расина», данное Сумарокову тотчасъ послѣ представленія «Хорева», показываетъ, что въ творествѣ этого рода драматическихъ произведеній онъ не былъ оригиналенъ. Дѣйствительно, въ своихъ трагедіяхъ Сумароковъ вовсе не заботился о вѣрномъ изображеніи жизни и дѣйствительности, поставивъ для

себя единственной задачей—приблизиться, насколько возможно, къ французскимъ писателямъ—образцамъ изъ такъ называемой классической школы, слѣдовавшей рабски правиламъ, начертаннымъ въ кодексѣ Буало: «L'art poétique». Но, если въ герояхъ сумароковскихъ трагедій нѣтъ почти ничего русскаго, то нельзя того же сказать про героевъ его комедій, которыхъ онъ написалъ свыше десятка («Опекунь», «Лихомецъ», «Три брата совмѣстники», «Ядовитый», «Нарцисъ», «Приданное обманомъ», «Чудовище», «Трисотиниусъ», «Пустая ссора», «Рогоносецъ по воображенію», «Мать совмѣстница дочери» и «Вздорища»). Комедіи Сумарокова иногда довольно забавно рисуютъ современное ему общество, гдѣ французское образованіе уже начало пускать свои корни, но еще далеко не укрѣпилось и не освоилось съ жизнью русскаго общества. Такимъ образомъ, несмотря на вліяніе французскихъ авторовъ, выразившееся въ формѣ и развитіи дѣйствія въ комедіяхъ Сумарокова, послѣднія носятъ на себѣ уже признакъ нѣкоторой самобытности, отзываясь на явленія общественной жизни того времени.

Сотрудникомъ Сумарокова въ дѣлѣ возрожденія русскаго театра былъ, какъ извѣстно, Ѳ. Г. Волковъ. Сохранилось свѣдѣніе, что имъ для ярославскаго театра было написано нѣсколько бытовыхъ комедій изъ ярославскихъ нравовъ. Къ сожалѣнію, комедіи Волкова не сохранились до нашего времени, однако можно не безъ основанія предположить, что онѣ отличались большею жизненностью, чѣмъ другія комедіи того времени. Несомнѣнно, если бы талантъ Волкова не былъ сдавленъ въ самомъ началѣ классическими тисками и вліяніемъ Сумарокова, мы получили бы въ лицѣ вышедшаго изъ народной среды «перваго придворнаго актера» одного изъ первыхъ нашихъ народныхъ писателей—наиболѣе раннихъ представителей литературнаго реализма.

III.

Въ царствованіе Екатерины Великой русскій театръ сдѣлалъ крупный шагъ на пути къ самобытности. Правда, ложно-классическія «трагедіи» были еще въ почетѣ, но имъ уже былъ нанесенъ сильный ударъ бытовой комедіей и мѣщанской драмой. Слава Сумарокова постепенно тускнѣла и гасла. Драматическая литература выдвинула новыя имена, которыя и доселѣ пользуются заслуженнымъ успѣхомъ. Таковы, напр.: императрица Екатерина Великая, Д. И. Фонвизинъ, В. В. Капнистъ, В. И. Лукинъ и А. О. Аблесимовъ.

Первое мѣсто среди драматическихъ писателей этого времени безусловно принадлежитъ Фонвизину. Первая комедія, доставившая ему славу талантливаго юмориста,—«Бригадиръ»—написана въ 1764 году. Несмотря на карикатурность положенія дѣйствующихъ

лицъ, на недостатокъ дѣйствія и мѣстами натянутый комизмъ, она можетъ назваться первою русскою комедіей нравовъ, а авторъ ея достойнымъ образованнымъ представителемъ своего времени. «Бригадиръ» осмѣивалъ тѣ новые типы и явленія общественной жизни, которыми ознаменовался новый укладъ жизни Россіи: щегольство, воспитаніе на полуиностранный, полунижгородскій лады, взяточничество, казнокрадство и т. п. Однако въ этой первой русской комедіи нравовъ много еще и чужого, заимствованнаго, выразившагося какъ въ построеніи, такъ и содержаніи пьесы, а именно: пьеса написана, согласно правиламъ Буало, съ соблюденіемъ «трехъ единствъ»— мѣста, времени и дѣйствія; дѣйствующія лица симметрически, если такъ можно выразиться, раздѣляются на порочныхъ и добродѣтельныхъ; къ концѣ комедіи добродѣтель торжествуетъ, пороки наказываются; наконецъ, самое содержаніе ея отчасти заимствовано изъ пьесы датскаго писателя Гольберга. Тѣ же самыя недостатки, за исключеніемъ заимствованія сюжета, наблюдаются и въ другой, доставившей Фонвизину всероссійскую извѣстность, комедіи «Недоросль». Но зато съ внутренней стороны эта безсмертная комедія является лучшимъ драматическимъ произведеніемъ того времени. Въ ней, попутно съ сатирической картиной воспитанія ребенка по невѣжественной старинѣ, Фонвизинъ первый изъ русскихъ драматическихъ писателей наиболѣе яркими красками изобразилъ, какія уродливыя явленія производитъ въ русской жизни крѣпостное право и какъ оно уничтожаетъ всѣ благія намѣренія правительства. Хотя въ ней косвенно и восхваляются стремленія Екатерины къ защитѣ крѣпостныхъ отъ своеволія помѣщиковъ, хотя въ параллель съ фактами, взятыми изъ дѣйствительной жизни, и выставляются учрежденія и постановленія императрицы, направленные противъ закоренѣлаго зла, но сила крѣпостного права изображена въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что производитъ трагическій ужасъ, несмотря на обиліе комическихъ сценъ. Комизмъ «Недоросля» вытекаетъ изъ случайностей, которыя автору приходится выдумывать, чтобы удержать дѣйствіе въ комической сферѣ, но оно готово каждый мигъ перейти въ сферу трагическую.

Вѣрныя дѣйствительности, комедіи Фонвизина раскрывали смыслъ тогдашней жизни, показывая на живыхъ типахъ, какое направленіе должны получать природныя силы человѣка въ данной обстановкѣ, при данныхъ условіяхъ жизни. Откликаясь на вопросы, выдвигаемые общественной жизнью, онѣ много выигрывали въ успѣхѣ сравнительно съ ложно-классическими трагедіями, слишкомъ чуждыми и отвлеченными для тогдашней жизни русскаго общества. Заслуги Фонвизина въ дѣлѣ созданія русскаго самобытнаго театра несомнѣнны.

Превосходныя комедіи современныхъ русскихъ нравовъ дала и императрица Екатерина въ своихъ комедіяхъ, въ молодые годы

пріѣхавшая въ Россію и обрусѣвшая въ своемъ второмъ отечествѣ. Лучшія ея комедіи—«О, время!» и «Именнины г-жи Ворчалкиной». Въ этихъ бытовыхъ комедіяхъ, проникнутыхъ живымъ юморомъ, остроумно осмѣивались, главнымъ образомъ, подражательность русскихъ людей и дурное отношеніе помѣщиковъ къ крѣпостнымъ. Жестокая помѣщица-ханжа, ласкающая кошекъ и собакъ, ибо «блаженъ иже и скоты милуетъ» и въ то же время «милующая» прислужницъ «иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ»; глупая невѣжественная мать, восхищающаяся, что ея великовозрастный и находящійся на службѣ сынокъ «и азбуку уже доучилъ, да скоро и часословъ начнетъ», щеголиха, часа по четыре посвящающая своему туалету и говорящая оригинальнымъ языкомъ—смѣсю русскаго съ французскимъ; «петиметръ» съ модными «развязанными» манерами, пустой, праздный и легкомысленный,—вотъ главные персонажи этихъ комедій. Они цѣликомъ были вырваны изъ жизни русскаго общества второй половины XVIII вѣка, а потому комедіи императрицы Екатерины слѣдуетъ причислить къ выдающимся произведеніямъ этой эпохи.

Изъ выдающихся писателей бытовыхъ комедій этого періода остается упомянуть еще о В. В. Капнистѣ. Въ то время, какъ императрица Екатерина и Д. И. Фонвизинъ выводили въ своихъ комедіяхъ помѣщиковъ и дворянъ, то есть классы общества привилегированные, Капнистъ чрезвычайно остроумно и съ большою энергіею осмѣялъ неправосудіе и взяточничество и нарисовалъ чиновническій бытъ въ извѣстной комедіи «Ябеда», которая сдѣлала имя автора извѣстнымъ всей Россіи. «Ябеда», посвященная императору Павлу, была напечатана въ 1798 году и тогда же поставлена на сцену. Успѣхъ комедіи былъ необычайный. Она долго держалась на сценѣ и была вытѣснена только комедіями Грибоѣдова и Гоголя. Поощренный успѣхомъ «Ябеды», Капнистъ перевелъ мольеровскаго «Станареля», который не имѣлъ успѣха. Отдалъ дань Капнистъ и ложно-классической трагедіи, написавъ «Антигону», но судьба этой пьесы еще плачевнѣе, чѣмъ судьба «Станареля»: она провалилась на первомъ представленіи. Повидимому, театральную публику того времени началъ уже не удовлетворять ходульный трагизмъ пьесъ, состряпанныхъ по рецепту Буало. Ей болѣе нравились бытовыя комедіи, правда, написанныя еще по образцу иностранныхъ пьесъ, но все-таки такъ или иначе задѣвающія русскую общественную жизнь.

Можетъ быть, на перемѣну вкусовъ театральной публики повлияло и возникновеніе «мѣщанской драмы», проникшей въ Россію еще во времена Сумарокова и завоевавшей себѣ прочное положеніе къ концу царствованія императрицы Екатерины Великой. О мѣщанской драмѣ, имѣвшей значительное вліяніе на репертуаръ русскаго театра, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ.

IV.

Сантиментализм и такъ называемое буржуазное направлѣніе выступили въ европейскихъ литературахъ на смѣну французскаго классицизма съ аристократизмомъ его стили и пріемовъ еще въ началѣ XVIII вѣка. Къ намъ въ Россію новое литературное направлѣніе, благодаря живому общенію съ Западомъ, проникло также рано, и уже Сумарокову пришлось энергично бороться противъ увлеченія московскихъ театровъ новымъ «пакостнымъ» видомъ пьесъ—«мѣщанскихъ». Когда на московской сценѣ появилась въ переводѣ драма Бомарше «Евгенія», написанная противъ всѣхъ правилъ ложно-классической трагедіи, Сумароковъ нашель въ этомъ порчу вкуса и паденіе искусства, написалъ Вольтеру объ этомъ письмо и, получивъ сочувственный отвѣтъ знаменитаго писателя и мыслителя, сталъ печатно бранить вкусы общества, а автора «Евгеніи» назвалъ «подьячимъ». «Неужели,—писаль онъ,—Москва болѣе повѣритъ подьячему, нежели господину Вольтеру и мнѣ?» Однако за первой постановкой мѣщанской драмы послѣдовали другія, и зрители мало-по-малу привыкли къ новымъ драмамъ, въ которыхъ величественные герои съ напыщенными тирадами и возвышенными чувствами смѣнились изображеніемъ жизни и идеаловъ среднихъ классовъ, «мѣщанскихъ» героевъ съ обыденными чувствами и вульгарной даже рѣчью.

Наиболѣе крупными представителями новаго теченія въ нашей литературѣ Екатерининской эпохи были В. И. Лукинъ и А. О. Аблесимовъ. В. И. Лукинъ, сослуживецъ и личный врагъ Фонвизина, не обладалъ большими драматургическими способностями. Онъ больше переводилъ или передѣлывалъ. Оригинальной можетъ быть названа только одна пьеса его—«Мотъ, любовію исправленный»,—правоучительная пьеса изъ жизни картежника, доведеннаго игрою до гибели и спасеннаго любовію. Вообще языкъ произведеній Лукина страдаетъ искусственностью, моральная тенденція проводится слишкомъ настойчиво и иногда даже грубо, построеніе пьесъ—подражательно. Гораздо важнѣе его теоретическіе взгляды, которые онъ проводилъ въ длинныхъ предисловіяхъ къ своимъ пьесамъ. Въ нихъ онъ первый возсталъ противъ грубой подражательности большинства комедій Сумарокова французскимъ пьесамъ, «не наше поведеніе знаменующимъ», и настаивалъ на приданіи театру самобытнаго характера. Въ одномъ изъ своихъ предисловій онъ проводитъ ту мысль, что предыдущая комическая литература западно-европейскихъ писателей исчерпала уже всѣ комическія положенія, но этимъ не слѣдуетъ смущаться русскимъ авторамъ: русскіе драматурги, по его мнѣнію, могутъ занметвовать сюжеты для своихъ произведеній изъ иностранныхъ литературъ, но обязательно

должны облекать ихъ въ краски своего родного быта—«склонять на русскіе нравы». Созданіе Фонвизинимъ «Бригадира» было какъ бы отвѣтомъ на мысль Лужина. Лужинъ съ одушевленіемъ привѣтствовалъ зарожденіе русскаго народнаго театра: «Сія народная потѣха можетъ произвестъ у насъ не только зрителей, но со временемъ и писцовъ (т. е. писателей)... Сіе для народа упражненіе весьма полезно и потому великія похвалы достойно». Стремясь къ сближенію театра съ жизнью Россіи, вообще, и народной жизнью, въ частности, Лужинъ не побоялся въ одну изъ своихъ пьесъ—«Щепетильникъ»—ввести народное нарѣчіе, что для того времени было большою смѣлостью.

Починъ Лужина не остался безъ подражаній. Съ его легкой руки въ большую моду вошли народныя комическія оперы, изъ числа которыхъ можно отмѣтить «Новгородскаго богатыря Боеславича» и «Федула съ дѣтьми» сочиненія Екатерины Великой, «Гостинный дворъ» Матинскаго и «Мельника-колдуна, обманщика и свата» Аблесимова. Конечно, всѣ эти и другія имъ подобныя оперы страдали значительными недостатками, изъ которыхъ наиболѣе существеннымъ являлось отсутствіе въ нихъ бытовой правды: вмѣсто подлинныхъ крестьянъ въ нихъ фигурировали почищенные и приукрашенные «пейзаны», темныя стороны крестьянскаго быта обходились, отношенія помѣщиковъ и крестьянъ идеализировались и т. д. Но важно было то, что крестьянская жизнь, правда, пока искаженная, отвоевала себѣ мѣсто въ сферѣ сценическаго искусства, что началъ расти интересъ и къ народу и къ его творчеству и что наводненная со временъ Петра Великаго варваризмами русская литературная рѣчь стала постепенно опрощаться и сближаться съ народною. Проще говоря, реализмъ и народность пробили брешь въ недоступныхъ раньше твердыняхъ сценическаго классицизма и расчистили почву для Фонвизина, Грибоѣдова, Гоголя и Островскаго—этихъ великановъ въ литературѣ, насадившихъ реализмъ и самобытность въ русскомъ сценическомъ искусствѣ.

Изъ числа комическихъ народныхъ оперъ наибольшую популярностью пользовалась опера А. О. Аблесимова «Мельникъ колдунъ, обманщикъ и свать». Народный духъ ея, простота сюжета и обиліе народныхъ пѣсенъ сдѣлали ея постановку цѣлымъ литературнымъ и театральнымъ событіемъ. Одинъ изъ современниковъ Аблесимова такъ описываетъ успѣхъ постановки его оперы: «Сія пьеса столько возбудила вниманія въ публикѣ, что много разъ сряду была играна, и всегда театръ наполнялся, и потомъ въ Петербургѣ была представлена много разъ у двора и въ случившемся тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя Книппера была играна сряду 27 разъ, не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любопытствовали довольно; коротко ска-

зять, что едва ли не первая русская опера имѣла столько восхитительныхъ зрителей и-плесканія».

Несомнѣнно, потребность въ чисто русскомъ бытовомъ репертуарѣ уже назрѣла, но русскіе авторы были еще подъ сильнымъ вліяніемъ Запада, а потому произведенія съ проблесками самобытности, съ крупными «своего», а не паноснаго были величайшей рѣдкостью. Это были оазисы среди пустыни. Доминирующую же часть репертуара все еще составляли переводы, передѣлки и поддѣлки «своего» на иноземный ладъ — различные «Привидѣнія съ барабанами», «Честные преступники», «Діапны деревья» и длинный рядъ «Антигонъ», «Армидъ», «Беврлеевъ», «Венеціанскихъ монахинь», «Безбожниковъ» и т. п.

V.

Репертуаръ русскаго театра время Павла и Александра I опредѣлялся, прежде всего, вкусомъ выдающихся актеровъ, для успѣха которыхъ охотно ставили и старыя пьесы екатерининской эпохи, а затѣмъ опять-таки подражаніемъ иностранной фавулѣ и даже простой передѣлкой. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что избранное русское общество не посѣщало русскаго театра, и только купцы и разночинцы наслаждались старьемъ, вродѣ трагедій Сумарокова, Княжнина и операми «Мельникъ», «Сбитенщикъ», «Роза и Любимъ», «Добрый солдатъ», «Федуль съ дѣтьми», «Иванъ царевичъ» и т. п. Но когда послѣ кампаніи 1812 года дирекція столичныхъ театровъ включила въ абонементъ французской труппы и русскіе спектакли, то высшее общество, чтобы деньги не пропадали даромъ, стало посѣщать и русскій театр¹⁾. Впрочемъ, послѣднему отчасти содѣйствовало и пробужденіе національнаго самосознанія, которое, возникнувъ во время войны съ французами, нѣкоторое время заставляло русское общество забыть на время французскія пьесы. Въ это время на русской сценѣ воцарился Коцебу, написавшій выше ста пьесъ.

Какъ ни плохи были пьесы Коцебу, однако онѣ имѣли довольно большое значеніе для русскаго театра. Въ нихъ русская театральная публика увидѣла домашній бытъ, радости и печали обывденной жизни, истинное чувство, а русскіе драматурги подъ ихъ вліяніемъ «соскочили съ сумароковскихъ ходулей». Успѣхъ «Гуситовъ» и другихъ пьесъ Коцебу побудилъ русскихъ авторовъ на подражаніе. Федоровъ по Карамзину составилъ «Лизу, или слѣдствіе гордости». Ильинъ поставилъ «Лизу, или торжество благодарности», а также «Великодушіе, или рекрутскій наборъ». Передѣланная для сцены

¹⁾ П. Пегоревъ. «Крѣпостной театръ».

карамзинская «Бѣдная Лиза» очень сантиментальна. Въ ней при-дѣланъ вопреки повѣсти благополучный конецъ: Лизу вытаскиваютъ изъ пруда, и она выходитъ замужъ за Эраста. Чувствительная драма Ильина «Великодушіе, или рекрутскій наборъ» имѣла значительный успѣхъ, потому что заставляла зрителей плакать навзрыдъ. Впрочемъ, критика была противъ пьесы, такъ какъ, по словамъ ея, состояніе выведенныхъ въ драмѣ людей «есть послѣднее въ обществѣ». Кромѣ указаннаго значенія пьесъ Коцебу для русскаго театра, слѣдуетъ отмѣтить и то, что на немъ незамѣтно воспитывалось дарованіе актеровъ для исполненія бытовыхъ пьесъ.

Время передъ Отечественной войной, а особенно послѣ нея, характеризуется пробужденіемъ національнаго самосознанія. При постановкѣ «Всеобщаго ополченія» Висковатого на сцену былъ брошенъ неизвѣстнымъ лицомъ бумажникъ, со словами: «Вотъ возьмите и мои послѣдніе семьдесятъ пять рублей!...» Театръ плакалъ вмѣстѣ въ Сандуновой, которая сказала со сцены славу убитому герою Отечественной войны, генералу Кульневу, въ «Старинныхъ святкахъ». Появились и имѣли успѣхъ историческія пьесы: «Пожарскій» Крюковскаго, «Дмитрій Донской» Озерова, который потомъ пишетъ «Эдипа въ Аѣинахъ», «Фингала» и «Поликсену». Одна изъ первыхъ пьесъ, поставленныхъ въ московскомъ театрѣ при изгнаніи французовъ изъ Россіи, послала названіе «Крестьянинъ-офицеръ или извѣстіе о прогнаніи французовъ изъ Москвы». Она была сыграна болѣе тридцати разъ кряду и имѣла шумный успѣхъ. Помимо названной нами пьесы, имѣли большой успѣхъ тогда драмы: «Храбрые кирилловцы при нашествіи враговъ», сочиненія Вронченка, затѣмъ «Освобожденіе Смоленска», «Всѣобщее ополченіе» и комедія Бориса Федорова «Прасковья Борисовна Правдухина». Даже балеты (не говоримъ уже объ операхъ) были примѣняемы къ обстоятельствамъ того времени и носили чисто патріотическій характеръ; вотъ они: «Любовь къ отечеству», «Русскіе въ Германіи», «Русскіе въ Парижѣ», «Казакъ въ Лондонѣ», «Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій».

Къ этому времени относится послѣдняя вѣпшышка ложно-классицизма, въ видѣ трагедій Озерова. Онъ написалъ пять трагедій («Ярополкъ и Олегъ», «Эдипъ въ Аѣинахъ», «Фингаль», «Дмитрій Донской» и «Поликсена»), которыя всѣ имѣли большой успѣхъ. Особенно «Дмитрій Донской». Причина успѣха этой трагедіи заключалась не въ превосходствѣ ея сравнительно съ другими пьесами Озерова, но въ томъ глубокомъ чувствѣ патріотизма, которымъ проникнута вся пьеса, и въ примѣненіи ея къ обстоятельствамъ того времени. Она была поставлена первый разъ на сценѣ 14 января 1807 года, то есть за нѣсколько дней до Прейсишъ-Эйлаускаго сраженія, а потому публика приняла ее, какъ аллегорію: въ Дмитріи всѣ видѣли Александра, въ Мамаѣ—Наполеона, а въ

«дерзостномъ послѣ надменнѣйшаго хана»—высокомѣрнаго французскаго посла. По всей вѣроятности, и самъ авторъ имѣлъ въ виду современныхъ враговъ Россіи, когда заканчивалъ свою пьесу такимъ молитвеннымъ обращеніемъ Димитрія къ Богу:

Прославь и утверди и возвеличь Россію!
 Какъ прахъ земной, сотри враговъ кичливу выю,
 Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
 Языки вѣдайте—великъ Россіи Богъ!

Главная заслуга Озерова, какъ драматическаго писателя, заключается въ томъ, что онъ первый изъ русскихъ драматурговъ рѣшился ввести въ русскую трагедію новый элементъ—сантиментальность,—послужившій, въ свою очередь, переходнымъ путемъ къ новому и болѣе живому направленію въ литературѣ—романтизму. Кромѣ того, онъ первый изъ русскихъ писателей рѣшился заимствовать трагическіе сюжеты не изъ классическихъ преданій древней Греціи и Рима, не изъ легендарныхъ сказаній темной отечественной старины, а изъ нетронутой еще сокровищницы средневѣковыхъ преданій, сохранившихся въ Западной Европѣ въ поэтическихъ сказаніяхъ бардовъ, а въ Россіи—въ народныхъ пѣсняхъ.

Въ концѣ царствованія Александра I на русскую сцену проникла мелодрама, которая въ послѣдующее царствованіе Николая I совершенно заполонила репертуаръ нашего театра. Появились сотни переводныхъ, передѣланныхъ и подражательныхъ пьесъ этого рода, какъ, на примѣръ: «Убійца и сирота», «Тереза, женевская сирота», «Обрѣва собака», «Параша-Сибирячка», «Уголино» и, наконецъ, знаменитая «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока». Появившись въ Россіи, какъ вѣяніе времени, какъ подражаніе Франціи, гдѣ романтическая драма Дюканжа, Дюма, Виктора Гюго явилась, какъ результатъ протеста противъ стараго строя, мелодрама русскаго рода совершенно обезличилась тѣмъ болѣе, что ей пришлось, въ силу условій времени, превратить яркій французскій протестъ въ цензурную слезоточивость. Одновременно съ мелодрамой воцарились переводные, передѣланные и подражательные комедіи и водевили. Ревностными поставщиками ихъ явились: кн. А. А. Шаховской, И. А. Крыловъ, Н. И. Хмѣльницкій, Писаревъ, Ленскій, Ѳ. А. Кони, П. Каратыгинъ и др.

Изъ ста слишкомъ пьесъ, сочиненныхъ, переведенныхъ и передѣланныхъ кн. Шаховскимъ въ теченіе его пятидесятилѣтней литературной дѣятельности, огромное большинство не имѣетъ большого достоинства, отличаясь недостатками, неразлучными со всякой снѣшной работой; но зато у него есть пять-шесть комедій, какъ, на примѣръ, «Новый Стернь», «Полубарскія затѣи», «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды», «Какаду» и «Пустодомы», на которыхъ лежитъ печать таланта. Но главная заслуга его въ исторіи русскаго

театра—это радикальное преобразование театральной школы, хотя и существовавшей издавна, но въ которой до ея преобразованія Шаховскимъ занимались подготовкой артистовъ и артистокъ только для оперы и балета, а на драматическую часть не обращалось никакого вниманія и даже не было порядочныхъ учителей декламацин.

И. А. Крыловъ точно также отдалъ дань комедіи-водевилю, хотя всѣ его вещи («Кофейница», «Тріумфъ», «Урокъ дочкамъ» и др.), кромѣ «Модной лавки», довольно неудачны.

Н. И. Хмѣльницкій написалъ комедіи: «Говорунъ», «Шалости влюбленныхъ», «Воздушные замки», «Бабушкины попугаи», «Нерѣшительный», «Карантинъ», «Актеры между собою», «Школа женщинъ», «Новый Парисъ», «Греческія бредни», «Свѣтскій случай» и др. Всѣ пьесы Хмѣльницкаго, за исключеніемъ весьма немногихъ, переведены и передѣланы съ французскаго, но, благодаря таланту Николая Ивановича, переводы прекрасны, а передѣлки—всегда удачны и часто далеко превосходятъ самый подлинникъ. Если, не будучи писателемъ оригинальнымъ, Хмѣльницкій не создалъ ни одного истинно народнаго типа, то по благозвучію и юмористической бойкости стиха онъ болѣе всѣхъ остальныхъ русскихъ драматическихъ писателей того времени приближается къ Грибоѣдову.

Что касается остальныхъ отмѣченныхъ нами драматурговъ, то, несмотря на чрезвычайную плодовитость, они не оставили ни одного произведенія, которое можно было бы назвать исполнѣ оригинальнымъ. Въ тѣ почти младенческіе годы русской драматургіи, въ которые работали Писаревъ, Ленскій, Кони, Каратыгинъ, Оедоровъ и др., грань между оригинальнымъ и заимствованнымъ съ иностраннаго не проводилась съ тою точностью, съ какой это дѣлается теперь, а потому они далеко не всегда дѣлали помѣтку «переводъ» около названія водевилей, взятыхъ съ иностраннаго. Впрочемъ, нѣкоторые изъ авторовъ иногда помѣчали, что ихъ произведеніе—«съ французскаго» или «подражаніе французскому», но дѣлали это очень рѣдко, хотя такія помѣтки могутъ иногда стоять и тамъ, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, на Поварской (водевиль Кони «Въ тихомъ омутѣ»), или гдѣ рѣчь идетъ о русскихъ титулярныхъ совѣтникахъ (передѣлка Кони французскаго «Le trou sur l'habit») ¹⁾.

Успѣху комедіи-водевиля послужило отчасти то обстоятельство, что гласность къ этому времени была поработана, и водевиль, какъ это ни странно, сдѣлался единственнымъ органомъ общественной критики, но, конечно, самой невинной. Иногда въ водевильныхъ куплетахъ затрогивались самыя несомнѣнныя язвы чисто русской жизни, бичевались подлинные русскіе грѣхи и нелѣпости, но въ большинствѣ случаевъ это дѣлалось «прикровенно», «обиньякомъ», чтобы обмануть бдительность неутомимой цензуры.

¹⁾ А. Измайловъ. «А. О. Кони и старый водевиль».

Немудрено поэтому, что даже крупные писатели того времени отдали должную дань увлечению комедией-водевилемъ. Такъ, напримеръ, А. С. Грибоѣдовъ перевелъ съ французскаго «Молодыхъ супруговъ», «Студента» и «Притворную невѣрность», М. Н. Загоскинъ написалъ комедіи «Богатовъ или провинціалъ въ столицѣ», «Вечеринка ученыхъ», «Недовольный», «Женатый женихъ» и водевили («интермедіи») — «Макарьевская ярмарка» и «Лебедянская ярмарка». Даже Некрасовъ написалъ водевиль «Шила въ мѣшкѣ не утаишь» и еще двѣ пьесы, въ духѣ тогдашняго времени: мелодраму «Материнское благословеніе» и комедію «Осенняя скука».

Увлеченіе комедіей-водевилемъ отозвалось вредно какъ на репертуарѣ русскаго театра, такъ и на дарованіяхъ русскихъ актеровъ. Правда, событія общественной жизни и недостатки русскаго общества «прикровенно» и «обинякомъ» отражались въ комедійно-водевильныхъ куплетахъ, но сама русская жизнь въ ея подлинномъ неискаженномъ видѣ не вдохновляла русскихъ драматурговъ. («Борисъ Годуновъ», «Горе отъ ума», «Женитьба» и «Ревизоръ» въ счетъ не идутъ, такъ какъ они не имѣли вліянія на общій характеръ репертуара русской сцены). Не менѣе вредно отзывалось увлеченіе комедіей-водевилемъ, какъ мы уже сказали, и на дарованіи артистовъ. Такъ, напримеръ, успѣхъ водевиля побудилъ В. Н. Асенкову, про которую товарищъ по искусству, извѣстный артистъ Ленскій, писалъ:

Какъ свѣтлая струя и въ чистомъ хрусталѣ
Она была чужда презрѣннаго, людскаго,
И какъ же было ей жить долго на землѣ
Когда въ ней не было земного?!—

эту самую Асенкову успѣхъ водевиля побудилъ снискать славу гривуазными куплетами и мужскимъ костюмомъ. Въ концѣ концовъ дошло до того, что русскіе актеры стали копіями французовъ изъ Михайловскаго театра, водевили котораго немедленно переводились.

Вотъ это-то рабское подчиненіе русскаго театра иноземному вліянію, дошедшее до того, что русскіе актеры не могли удовлетворительно изобразить русскіе типы, выведенные въ «Ревизорѣ», и заставило Гоголя, отдававшаго первое мѣсто въ театрѣ актеру и доказывавшаго, что недостатокъ талантовъ въ актерахъ зависитъ отъ репертуара, воскликнуть:

«Русскаго мы просимъ! Своего давайте намъ!..»

VI.

И вотъ—свершилось! Въмѣсто царства мелодрамы, смѣившей классическую трагедію и сантиментальныя пьесы Коцебу, вмѣсто «Обрѣвой собаки», «Уголино», «Параши-Сибирячки», «Руки Все-

вышняго», «Скопина-Шуйскаго» — Кукольника, Полевого и плеяды подражательныхъ водевилловъ, появился на русской сценѣ, произведя окончательное освобожденіе русскаго театра отъ чужеземнаго вліянія, Островскій, пьеса котораго «Не въ свои сани не садись» — была поставлена въ первый разъ въ Москвѣ 19 февраля 1853 года.

Произведенный нами бѣглый обзоръ драматической литературы до Островскаго показываетъ, что русскіе драматурги (подразумѣваемъ, конечно, лучшихъ представителей русскаго драматическаго творчества) съ самаго начала существованія русскаго театра стремились къ самобытности и оригинальности. Мы видѣли, что осуществленіе этого стремленія совершалось медленно, шагъ за шагомъ: сначала, какъ это ни странно, долженъ былъ завоевать себѣ права гражданства на русской сценѣ русский языкъ; затѣмъ появились пьесы русскихъ авторовъ съ сюжетами изъ русской исторіи; далѣе появились бытовыя пьесы, въ которыхъ постепенно выдѣлялся одинъ классъ русскаго общества за другимъ; наконецъ, появились пьесы, которыя до сихъ поръ являются драгоценными перлами въ сокровищницѣ русской драматической литературы, а имена ихъ авторовъ — Фонвизина, Грибоѣдова, Пушкина и Гоголя — вполне заслуженно ставятся рядомъ съ именемъ Островскаго, закончившаго процессъ созданія русской самобытной сцены. «Но, какъ ни высоки творенія этихъ писателей, — говоритъ покойный А. М. Скабичевскій, — какія крупныя дани ни заплатили они русскому театру, они все-таки не могутъ быть названы создателями его въ истинномъ смыслѣ этого слова, потому что пьесы ихъ являются словно оазисами, раздѣлены значительными промежутками времени и не оставили послѣ себя прочныхъ школъ... Нужно было, чтобы появился сильный талантъ, который въ продолженіе сорока лѣтъ успѣлъ бы поставить до пятидесяти пьесъ, то-есть болѣе, чѣмъ по одной пьесѣ въ годъ, для того, чтобы, исполнивъ сцену своими произведеніями, произвести въ ней переворотъ, совершенно преобразовать вкусы публики и создать новыхъ актеровъ, не имѣющихъ ничего общаго съ прежними. Это совершилъ Александръ Николаевичъ Островскій». Постараемся въ краткихъ чертахъ возобновить въ памяти читателей исторію этого переворота.

Къ литературнымъ занятіямъ А. Н. Островскій приступилъ по выходѣ своемъ изъ университета (1843 г.). Въ это время онъ написалъ много отдѣльныхъ пьесъ и набросалъ въ общихъ чертахъ цѣлую комедію. Черезъ четыре года, когда ему было около 25 лѣтъ, въ «Московскомъ Листкѣ», издававшемся Драшусовымъ, появилось первое печатное произведеніе его — картинка изъ купеческой жизни, подъ названіемъ «Картины семейнаго счастья». Ее замѣтили въ литературныхъ кругахъ, а когда вскорѣ въ томъ же «Листкѣ» было напечатано нѣсколько сценъ изъ комедіи «Свои люди — со-

чтемся», молодой драматургъ началъ пользоваться извѣстностью. Наконецъ тамъ же въ первыхъ числахъ іюня было напечатано единственное не въ драматической формѣ произведеніе Островскаго (если не считать его незаконченнаго очерка «Путешествіе по Волгѣ отъ истоковъ до Нижняго Новгорода») — «Записки замоскворѣцкаго жителя». Здѣсь въ самыхъ общихъ чертахъ уже намѣтились типы, потомъ развитые въ комедіяхъ.

Слѣдующее произведеніе Островскаго появляется въ печати только въ 1850 году. Это произведеніе — комедія «Свои люди сочтемся», или «Банкротъ», какъ она раньше называлась (названіе измѣнено по цензурнымъ соображеніямъ. Задумана она была въ 1846 г., и нѣкоторыя сцены изъ нея, какъ мы уже сказали, были напечатаны въ «Московскомъ Листкѣ». Въ 1849 году она была отдѣлана окончательно, и Островскаго нарасхватъ стали приглашать читать ее въ литературныхъ кругахъ и вообще въ кругахъ, интересующихся ею. Устроилъ вечеръ у себя и Погодинъ, редактировавшій тогда «Москвитянинъ». Къ нему были приглашены выдающіеся артисты и писатели, въ томъ числѣ Гоголь. Комедія произвела сильное впечатлѣніе и вызвала бурю восторговъ. Когда Островскій прочелъ пьесу, Шевыревъ, обратясь къ слушателямъ, сказалъ: «Поздравляю васъ, господа, съ новымъ драматическимъ свѣтиломъ въ русской литературѣ». — «Я не помню, какъ я пришелъ домой, — рассказывалъ потомъ авторъ: — я былъ въ какомъ-то туманѣ и, не ложась спать, проходилъ всю ночь по комнатѣ, — такими сказочными словами показался мнѣ отзывъ Шевырева». Пьеса надѣлала много шума въ Москвѣ. Провъ Садовскій почти ежедневно читалъ ее въ обществѣ, и всѣ паперерывъ стремились прослушать ее въ чтеніи знаменитаго артиста. По словамъ Садовскаго, извѣстный генераль А. П. Ермоловъ, прослушавъ чтеніе пьесы, сказалъ про нее: «Она не написана, — она сама родилась». Комедія въ слѣдующемъ же, 1850-мъ, году была напечатана полностью въ «Москвитянинѣ». Напечатаніе комедіи еще болѣе увеличило извѣстность Островскаго. Въ студенческихъ кружкахъ увлеченіе новымъ талантомъ достигло крайней степени. Комедію читали и перечитывали. Во всѣхъ трактирахъ номеръ журнала, въ которомъ была она помѣщена, все время былъ занятъ и его почти невозможно было достать. Однимъ словомъ, Островскій сразу пріобрѣлъ славу и сталъ твердо на литературномъ поприщѣ.

Однако вмѣстѣ со славою комедія принесла Островскому немало и огорченій. Еще передъ печатаніемъ она вызвала толки въ московской цензурѣ и была пропущена не безъ колебаній. Комедія показалась оскорбительной купцамъ, и они пожаловались московскому генераль-губернатору Закревскому. Послѣдній позже былъ горячимъ поклонникомъ Островскаго, но теперь подъ вліяніемъ жалобъ и благодаря вмѣшательству цензурнаго комитета, усмотрѣшаго

въ пьесѣ оскорбленіе цѣлаго сословія, принялъ противъ автора мѣры. Островскій былъ отданъ подъ надзоръ полиціи, слѣдствіемъ чего явилась, во-первыхъ, отставка Островскаго отъ службы въ московскомъ коммерческомъ судѣ, а, во-вторыхъ, запрещеніе журналамъ печатать что-либо о комедіи. Полицейскій надзоръ за Островскимъ продолжался очень долго и, хотя съ его стороны никакихъ проявленій неблагонадежности не было, тѣмъ не менѣе надзоръ съ него снятъ былъ лишь послѣ вступленія на престолъ императора Александра II.

Опала произвела на Островскаго угнетающее впечатлѣніе, что вредно отозвалось на его литературной дѣятельности. Въ 1850 году появилось только одно его произведеніе—«Утро молодого чело-вѣка». Слѣдующая же комедія—«Бѣдная невѣста»—выходитъ въ печати только въ 1852 году. Эта комедія носитъ автобіографическій характеръ и имѣетъ въ основѣ дѣйствительную любовь Островскаго къ дѣвушкѣ, которая оказалась въ положеніи, сходномъ съ положеніемъ героини комедіи.

Наконецъ, въ 1853 году появилась знаменитая комедія Островскаго—«Не въ свои сани не садись». Она была первою пьесою Островскаго, поставленною на сценѣ. Съ постановкою ея въ исторіи русскаго театра начинается новая эра.

День постановки этой пьесы на московской сценѣ—19 февраля 1853 года—справедливо называется лѣтописцами театра «днемъ освобожденія русскаго театра отъ чужеземнаго вліянія».

VII.

Комедія «Не въ свои сани не садись» была поставлена въ первый разъ въ Москвѣ въ бенефисъ извѣстной артистки Косицкой и имѣла грандіозный небывалый успѣхъ. Очевидецъ этого спектакля, извѣстный артистъ И. Ф. Горбуновъ въ своихъ воспоминаніяхъ посвятилъ ему слѣдующія строки:

«Взвился занавѣсъ, и со сцены послышались новыя слова, новый языкъ, до того неслыханный со сцены; появились живые люди изъ замкнутаго купческаго міра, люди, на которыхъ или плевалъ съ высоты своего невѣжества петербургскій драматургъ Григорьевъ «съ товарищи», заставляя ихъ говорить несуществующимъ, сочиненнымъ, дурацкимъ языкомъ,—или изображать ихъ такими приторными патріотами, что тошно было смотрѣть на нихъ.

«Напримѣръ, въ одномъ водевилѣ изъ народнаго быта мужикъ поетъ:

Русскихъ знаетъ цѣлый свѣтъ,
 Не съ руки намъ чванство...
 Правду молвилъ я иль нѣтъ,
 (обращаясь къ публикѣ):
 Пусть рѣшитъ дворянство.

«Посреди глубокой тишины публика прослушала первый акт и восторженно, по нѣскольку разъ, вызвала исполнителей. Въ коридорахъ, въ фойе, въ буфетахъ пошли толки о пьесѣ. Восторгу не было конца! Во второмъ актѣ, когда Бородинъ поетъ пѣсню, а Дунюшка останавливаетъ его:

«— Не пой ты, не терзай мою душу»,—а тотъ отвѣчаетъ ей:

«— Помни, Дуня, какъ любилъ тебя Ваня Бородинъ...»—

«Театръ зашумѣлъ, раздались аплодисменты, въ ложахъ и креслахъ замелькали бѣлые платки.

«Восторженный менторъ нашъ Андрей Андреевичъ («учитель російской словесности», хорошій знакомый Горбунова) оберъ выступившія на глазахъ его слезы и произнесъ:

«— Это—не игра! Это—священнодѣйствіе! Поздравляю васъ, молодые люди, вамъ много предстоитъ въ жизни художественныхъ наслажденій. Талантъ у автора изумительный. Онъ сразу сталь плечо о плечо съ Гоголемъ!

«Подъ бурю аплодисментовъ, безъ апломба, застѣнчивый, какъ дѣвушка, въ директорской ложѣ показался авторъ и низко поклонился пріивѣтствовавшей его публикѣ.

«Таланты Васильева (Бородинъ) и Косицкой (Дуняша) проявились въ этихъ роляхъ во всю мѣру. Совершенноѣ сыграть было невозможно. Это была сама жизнь».

Такъ какъ бенефисныя пьесы, по положенію того времени, поступали въ собственность дирекціи, то Островскій не получилъ за «Не въ свои сани не садись» ни гроша, несмотря на то, что она имѣла грандіозный успѣхъ какъ въ Москвѣ, такъ и Петербургѣ, выдержавши сотни представленій. Не обошлось дѣло и безъ цензурныхъ гоненій. Когда, въ виду небывалаго успѣха комедіи въ Москвѣ, былъ возбужденъ вопросъ о постановкѣ ея въ Петербургѣ, то театральная администрація долго недоумѣвала, можно ли ставить ее на сцену, такъ какъ въ ней «опозоривается дворянство на счетъ купечества», и сильно перетрусила, когда на первое представленіе явился самъ императоръ со своимъ семействомъ. Но императору Николаю Павловичу пьеса такъ понравилась, что онъ выразился о ней:

— Очень мало пьесъ, которыя доставили бы мнѣ такое удовольствіе,—это—не пьеса, а урокъ («ce n'est pas une piece, c'est une leçon»).

Одобрительный отзывъ императора спасъ пьесу отъ запрещенія.

Въ томъ же 1853 году была поставлена комедія «Бѣдная невѣста», а въ слѣдующемъ 1854—«Бѣдность не порокъ», окончательно утвердившая за Островскимъ славу первостепеннаго драматическаго писателя.

Новыя пьесы выдвинули и новыхъ талантовъ изъ среды актерской братіи. Быстро создали себѣ славу исполненіемъ новыхъ ролей Косицкая, Сабурова, сестры Бороздины, Акимова, Васильева, Садовскій, Степановъ, Васильевъ, Живокини и др. Все это были молодые таланты. Что касается тогдашнихъ великановъ сцены, то, воспитавшись на совершенно другомъ репертуарѣ, они относились къ «новому слову», сказанному Островскимъ, неодобрительно. Когда въ московскомъ Маломъ театрѣ начались репетиціи комедіи «Бѣдность не порокъ», то, по словамъ И. Ф. Горбунова, «мнѣнія въ труппѣ относительно новой пьесы раздѣлились. Хитроумный Щепкинъ, которому назначена была роль Коршунова, рѣзко порицалъ пьесу. Онъ говорилъ: «Бѣдность не порокъ, да и пьянство—не добродѣтель». Шумскій слѣдовалъ за нимъ. Онъ говорилъ: «Вывести на сцену актера въ поддевкѣ да въ смазныхъ сапогахъ—не значить сказать новое слово». Самаринъ, принадлежавшій къ партіи Щепкина, хотя и чувствовалъ, что роль (Митя) въ новой пьесѣ ему не по силамъ,—молчалъ. А П. Г. Степановъ говорилъ: Михайлу Семенычу съ Шумскимъ Островскій поддевки-то не по плечу шьеть, да и смазные сапоги узко дѣлаеть,—вотъ они и сердятся». Точно: ни ветерану русской сцены, ни блестящему первому любовнику Самарину, ни прекрасному (водевильному въ то время) актеру Шумскому невѣдомые имъ типы Островскаго не удавались. «Новое слово» великаго писателя застало ихъ врасплохъ. Для этого «слова» выдвинулись свѣжія, молодая силы въ лицѣ С. В. Васильева и Л. П. Косицкой, которые, соединившись съ Садовскимъ и Степановымъ, поставили репертуаръ Островскаго такъ высоко, что онъ на долгое время сдѣлался господствующимъ на московской сценѣ», а вслѣдъ за нею, прибавимъ отъ себя, и вообще на русской сценѣ.

«Бѣдность не порокъ» была сыграна въ московскомъ Маломъ театрѣ 25 января 1854 года и имѣла шумный успѣхъ. «Садовскій въ роли Любима Торцова,—говорить тотъ же И. Ф. Горбуновъ,—превзошелъ самого себя. Театръ былъ полонъ. Въ первомъ ряду кресель сидѣли: гр. Закревскій и А. П. Ермоловъ, большой почитатель Островскаго.

«— Шире дорогу—Любимъ Торцовъ идетъ!—воскликнулъ по окончаніи пьесы сидѣвшій съ нами учитель російской словесности, надѣвая пальто.

«— Что же вы этимъ хотите сказать!—спросилъ студентъ:—я не вижу въ Любимѣ Торцовѣ идеала. Пьянство—не идеаль.

«— Я правду вижу!—отвѣтилъ рѣзко учитель:—да-съ, правду. Шире дорогу: правда по сценѣ идетъ. Любимъ Торцовъ—правда! Это—конецъ сценическимъ пейзамамъ, конецъ Кукольникову: воплощенная правда выступила на сцену!»

Слова «учителя руссiйской словесности» оказались пророческими: благодаря почину Островскаго, реализмъ надолго воцарился на русской сценѣ.

VIII.

О дальнѣйшей дѣятельности Островскаго говорить не приходится: ей посвящены цѣлые томы изслѣдованiй. Каждая новая пьеса вплетала новые лавры въ его вѣнокъ первостепеннаго драматическаго писателя, но главная заслуга его въ исторiи русскаго театра—его освобожденiе отъ чужеземнаго влiянiя—была уже сдѣлана первыми тремя пьесами. «Послѣ трехъ пьесъ А. Н. Островскаго,—говорить И. Ф. Горбуновъ,—на сценѣ сдѣлался крутой поворотъ въ другой репертуаръ. Этотъ поворотъ тотчасъ отразился и на провинци, гдѣ царила и переводная и доморошенная трагедiя и драма. Въ знаменитой «Бѣлой залѣ» (въ гостиницѣ Барсова противъ Малаго театра, въ которую великимъ постомъ съѣзжались актеры со всего лица земли русскаго) антрепренеры стали искать между сценическими дѣятелями уже не Гамлета, а Любима Торцова, отстраняли Симона Сиротинку, а требовали Бородинку». Русскiй театръ повсемѣстно освобождался отъ «старыхъ устоевъ», мѣняя ихъ на новые.

Заканчиваемъ нашу статью словами покойнаго А. М. Скабичевскаго, дающаго превосходную характеристику А. Н. Островскаго, какъ реформатора русскаго драматическаго искусства и русскаго театра: «Про Островскаго говорятъ, что онъ создалъ русскiй театръ; но онъ сдѣлалъ неизмѣримо большее: онъ довелъ сцену до идеальнаго реализма, показавши, чѣмъ должна она быть, чтобы вполне заслуживать названiя реальной. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что тутъ нѣтъ особенной заслуги. Разъ всѣ искусства стали на реальную почву, и на всѣхъ европейскихъ сценахъ преобладаютъ пьесы, изображающiя обыденную современную жизнь,—что же мудренаго, что и Островскiй пошелъ по общему теченiю? Но дѣло въ томъ, что въ самыхъ реальнѣйшихъ пьесахъ, какiя только существуютъ въ Европѣ, при всемъ ихъ реализмѣ, сильны еще старыя традици. Дѣйствующiя лица, реплики, сцены взяты непосредственно изъ жизни,—но въ цѣломъ вы видите болѣе или менѣе хитросплетенныя интриги, построенныя искусственно, въ видахъ проводимыхъ тенденцiй, сценическихъ эффектовъ, занимательности и т. п. Ничего подобнаго нѣтъ у Островскаго. Сюжеты большинства его пьесъ отличаются простою, поистинѣ классическою. Въ иной пьесѣ словно совсѣмъ нѣтъ никакого дѣйствiя. Сцена идетъ за сценою, все такiя обыденныя, будничныя, сѣренькiя, и вдругъ совершенно незамѣтно развертывается передъ вами потрясающая драма. Можно положительно сказать, что не дѣйствiе

пьесы разыгрывается, а сама жизнь течетъ по сценѣ медленною, незамѣтною струею. Точно какъ будто авторъ только всего и сдѣлалъ, что сломалъ стѣну и предоставилъ вамъ смотрѣть, что дѣлается въ чужой квартирѣ».

Другими словами говоря, Островскій до того поднялъ высоко русскую драматическую литературу, что русскій театръ смѣло вступилъ въ семью европейскѣхъ театровъ равнымъ, а не подчиненнымъ (какъ это было раньше) сочленомъ. Въ этомъ великая незабвенная заслуга Островскаго.

Н. Державинъ.

ПАМЯТИ М. Г. САВИЦКОЙ.

АРГАРИТА Георгиевна Савицкая... Многимъ ли извѣстно это имя? Думаю, что нѣтъ. Скромная артистка московскаго Художественнаго театра, недавно скончавшаяся отъ тяжелаго, мучительнаго недуга (ракъ кишекъ), она не блестяла яркою звѣздой и не пользовалась трескучей популярностью, можетъ быть, именно благодаря своей чрезмѣрной скромности, а никакъ не отсутствію достаточнаго природнаго дарованія. Дарованіе ея, какъ мы увидимъ ниже, было далеко не зауряднымъ. Къ тому же она обладала выдающимися для современной женщины и актрисы душевными качествами, которыя позволяютъ говорить о ней, какъ о рѣдкомъ, почти исключительномъ явленіи.

Родившись въ городѣ Казани въ 1869 году, М. Г. Савицкая получила воспитаніе въ мѣстной женской гимназіи, гдѣ по окончаніи курса въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимала должность учительницы русскаго языка. Но педагогическая дѣятельность ее не удовлетворяла, и въ поискахъ за своихъ призваніемъ она инстинктивно рвалась въ Москву, подобно чеховскимъ «Тремъ сестрамъ», одну изъ которыхъ, Ольгу, она воплотила впоследствии въ дивномъ сценическомъ образѣ. Чувствуя непобѣдимое влеченіе къ театру, она рѣшила энергично готовиться къ поступленію на сцену. И вотъ въ 1895 году мечты ее почти осуществляютъ. Она уже въ Москвѣ и пробуетъ держать экзамень въ императорскомъ театральномъ училищѣ, но увы!—ея первый дебютъ оказывается неудачнымъ.

Ей даютъ читать «Антигону». Будущая артистка влагаетъ въ чтеніе всю свою душу, она переживаетъ каждое слово, вся трепещетъ и волнуется, ея нервы напряжены до послѣдней степени... И вдругъ истерическія рыданія оглашаютъ залъ: у нея сильнѣйшій нервный припадокъ. Члены экзаменаціоннаго «ареопага» переглядываются между собой и пожимаютъ плечами. Скажите, какая нервозность! Куда же ей на сцену итти? Лечиться нужно! И ее не приняли. Бѣдная дѣвушка чуть не плакала отъ горя: лучшія, завѣтныя мечты ея разбивались самымъ безжалостнымъ образомъ. Что же ей дѣлать теперь? Куда итти? Кто-то надоумилъ ее обратиться въ филармоническое училище, гдѣ состоялъ въ то время преподавателемъ В. И. Немировичъ-Данченко. Она такъ и сдѣлала, и назначенный ей вскорѣ вступительный экзаменъ выдержала блестяще, обративъ на себя всеобщее вниманіе.

И вотъ она въ «Филармоніи». Эту полосу своей жизни М. Г. вспоминала всегда съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ умиленія. Между прочимъ, она любила передавать слѣдующій эпизодъ, относящійся къ ея ученическимъ годамъ. Однажды пріѣхала въ Москву на гастроли знаменитая Тина-ди-Лоренцо. Успѣхъ итальянской дивы былъ колоссальный. То былъ еще первый ея пріѣздъ въ Россію, когда она буквально сводила съ ума нашихъ записныхъ театраловъ удивительнымъ изяществомъ тонкой, художественной игры и очаровательной наружностью. Ею восхищались всѣ безъ исключенія, въ томъ числѣ, разумѣется, и М. Г. Савицкая, которая не пропускала ни одного спектакля съ участіемъ «божественной Тины» и положительно бредила ея игрой. Случилось, что какъ разъ въ это время ей задано было прочитать на публичномъ ученическомъ вечерѣ отрывокъ изъ очень эффектной драматической пьесы, только что видѣнной ею въ исполненіи Тины-ди-Лоренцо. М. Г. была страшно взволнована. Читать послѣ итальянской знаменитости ея роль казалось ей профанаціей искусства. И когда она приступила къ чтенію неувѣреннымъ, дрожащимъ голосомъ, по временамъ окидывая тревожнымъ взглядомъ сидѣвшаго вблизи отъ нея Вл. И. Немировича-Данченка, котораго она была ученицей, ей вдругъ такъ глубоко и ярко почувствовались и собственное ничтожество, и дерзость, съ какою она отважилась читать монологъ, только что слышанный ею изъ устъ Тины-ди-Лоренцо и еще звучавшій въ ея ушахъ дивной, чарующей мелодіей, что она внезапно прервала чтеніе чуть ли не въ серединѣ фразы и покинула эстраду на глазахъ удивленной, недоумѣвающей публики. Никто не могъ понять, что случилось. Стали искать Савицкую, но ея и слѣдъ простылъ: она успѣла уже уѣхать домой, гдѣ тотчасъ же заперлась въ своей комнатѣ, не сказавъ ни съ кѣмъ ни одного слова. Нѣсколько дней она провела въ заточеніи и не показывалась въ «Филармоніи», будучи вполне увѣрена, что ее уже исключили за «непозволительную

М. Г. Савицкая.

(Въ роли царицы Ирины въ пьесѣ «Царь Федоръ»).

выходку» на ученическомъ вечерѣ. И каково же было ея изумленіе, когда однажды утромъ явился къ ней на квартиру самъ Вл. И. Немировичъ-Данченко для личныхъ объясненій. М. Г. страшно смутилась и стояла передъ своимъ учителемъ, какъ провинившаяся школьница. Но это продолжалось всего нѣсколько секундъ. Ободренная ласковыми разспросами Владимира Ивановича объ ея здоровьѣ

она успѣшила открыть ему свою душу, и когда увидѣла, что тотъ не только не сердится на нее за ея «поступокъ», но даже сочувствуетъ ей, понявъ тонкимъ чутьемъ художника душевное состояніе, заставившее ее бѣжать на ученическомъ вечерѣ съ эстрады,—она не знала, какъ благодарить своего учителя, не находила словъ; она лишь молча пожала ему руку, и слезы умиленія брызнули изъ ея глазъ...

Въ 1898 году Савицкая окончила филармоническое училище и была приглашена въ труппу Художественнаго театра, который только что началъ тогда, какъ разъ въ этомъ же самомъ году, свою дѣятельность. М. Г. чувствовала себя совсѣмъ счастливой: наконецъ-то сбылась ея давнишняя сладкая мечта о театрѣ, объ артистической карьерѣ, и она съ жаромъ принялась за работу. За все тринадцатилѣтнее существованіе Художественнаго театра она переиграла множество ролей, изъ которыхъ лишь очень немногія соотвѣтствовали характеру ея прекраснаго дарованія. Но ни одною изъ нихъ она не пренебрегала, наоборотъ—въ каждую, даже наименѣе подходящую къ ея таланту, она вкладывала всегда столько темперамента и художественной экспрессіи, такъ вдумчиво относилась къ мельчайшимъ деталямъ иногда совершенно несимпатичной ей роли, которую, однако, она обязана была играть подъ давленіемъ властной режиссуры, что товарищи по сценѣ ей искренно удивлялись, а нѣкоторые даже завидовали. Но иначе относиться къ дѣлу она не могла и не умѣла: театръ былъ святыней въ ея глазахъ, а игра въ немъ—священнодѣйствіемъ. Въ сущности, это была трагическая актриса по преимуществу. Недаромъ гордость и краса русской сцены, М. Н. Ермолова, питавшая къ Савицкой горячее дружеское чувство, открыто говорила всѣмъ, что считаетъ ее своей преемницей. Но, по странной ироніи судьбы, сильно драматическія роли, къ которымъ она имѣла исключительное призваніе, рѣдко выпадали на ея долю, вслѣдствіе чего она всегда оставалась немного въ тѣни. Можно ли сомнѣваться, напримѣръ, что она была бы чудесной Агнесой въ ибсеновскомъ «Брандѣ», а между тѣмъ ей почему-то не дали этой роли. Впослѣдствіи она неоднократно читала роль Агнесы въ кругу своихъ знакомыхъ и производила на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе.

— Но вѣдь это же ваша роль, Маргарита Георгіевна, безусловно ваша! Съ какой же стати играетъ ее Германова? Это несправедливо! Это прямо безбожно!—каждый разъ раздавались возмущенные голоса, и по адресу заправиль Художественнаго театра сыпались безчисленные упреки.

А Савицкая лишь тихо вздыхала при этомъ, задумчиво понуривъ голову, и кроткая, печальная улыбка красиво озаряла ея милое, доброе лицо. Она молча переносила въ душѣ всѣ свои обиды и никто не слышалъ отъ нея никогда ни малѣйшаго ропота. Это была

удивительная женщина, необычайно кроткая и смиренная, рожденная скорбью для монастыря, нежели для сцены. Любя всем сердцем театр, она вѣрой и правдой служила искусству, — и только ему одному. Поэтому она бесконечно далека была от закулисных интриг и всей той «театральной грязи», въ которой обыкновенно пачкаются и гении и бездарности съ одинаковымъ успѣхомъ. Она никому не становилась поперекъ дороги, наоборотъ — всемъ готова была уступить мѣсто, и это, можетъ быть, единственная причина, почему ей не удалось занять въ труппѣ положенія, соответствующаго ея таланту.

А талантъ у нея былъ первоклассный. Если мы припомнимъ заграничное турнэ московскаго Художественнаго театра весной 1905 г., то увидимъ, что для М. Г. Савицкой эта поѣздка была настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ. Такъ, въ Берлинѣ каждое ея появленіе на сценѣ вызвало бурю овацій. Особенно выдающийся успѣхъ она имѣла въ роли царицы Ирины. Полная непосредственной искренности и задушевности игра ея вызвала восторгъ самого императора Вильгельма, какъ извѣстно, большого цѣнителя и знатока драматическаго искусства, который подарилъ ей на память драгоценный браслетъ. Въ Прагѣ ее забросали цвѣтами на первомъ же представленіи, а когда она уѣзжала, ей были устроены торжественные проводы на вокзалѣ съ подношеніями, шампанскимъ и прощальными рѣчами. Между прочимъ, пражскія дамы поднесли ей старинный головной уборъ въ знакъ особаго уваженія и почета. Рассказываютъ, что тутъ же на вокзалѣ произошелъ слѣдующій трогательный эпизодъ. Уже почти отходилъ поѣздъ, когда на платформу вдругъ вбѣжалъ какой-то сѣдовласый господинъ и, держа въ рукахъ толстую книжку въ старомъ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками, впопыхахъ устремился къ вагону, гдѣ у открытаго окна стояла Савицкая и, привѣтливо улыбаясь, говорила послѣднія прощальныя слова провожавшей ее публикѣ. Отъ волненія и быстрой ходьбы незнакомецъ едва переводилъ дыханіе и, протянувъ Савицкой книгу, проговорилъ дрожащимъ голосомъ по-чешски:

— Сударыня, ради Бога возьмите на память эту книгу... Это — старое евангеліе, наша фамильная гордость: оно досталось намъ отъ далекихъ предковъ и мы, какъ святыню, бережемъ его... Простите, сударыня, я бѣденъ и ничего больше не могу предложить вамъ...

М. Г. была тронута до слезъ и говорила потомъ, что эта старенькая книжка въ кожаномъ переплетѣ была драгоценнѣйшимъ для нея подаркомъ.

Такимъ образомъ, во время заграничнаго путешествія на долю Савицкой выпалъ совершенно исключительный успѣхъ, и талантъ ея былъ оцѣненъ по достоинству. Иностранныя газеты единодушно отзывались о ней, какъ о выдающейся европейской артисткѣ, въ

честь ея устраивались празднества и банкеты, знаменитые нѣмецкіе драматурги, въ родѣ Шницлера и Зудермана, расточали ей въ письмахъ такъ много любезностей, восторженныхъ привѣтствій и похвалъ, что у другой могла бы совсѣмъ закружиться голова. Но не такова была Маргарита Георгіевна: врожденная скромность не измѣняла ей ни при какихъ обстоятельствахъ. Она какъ будто даже сама не замѣчала своего успѣха, по крайней мѣрѣ, не писала о немъ никому изъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и послѣдніе узнавали о ея заграничныхъ триумфахъ, по большей части, только изъ газетныхъ корреспонденцій.

Вообще по нѣкоторымъ своимъ нравственнымъ качествамъ — удивительной скромности, правдивости и младенческой чистотѣ души—она очень была похожа на А. П. Чехова, который питалъ къ ней горячую симпатію.

Лѣтомъ 1904 года на пути въ Италію, куда М. Г. ѣхала со своимъ мужемъ (по сценѣ Бурджаловымъ) отдыхать, она случайно встрѣтилась съ Чеховымъ, котораго довольно долго передъ тѣмъ не видѣла. Знаменитый писатель доживалъ тогда свои послѣдніе дни. Уже при первомъ взглядѣ на его худое, желтое, изможденное лицо казалось, что надъ нимъ рѣялъ ангель смерти: такъ плохо выглядѣлъ Антонъ Павловичъ. И вдругъ онъ обращается къ ней съ вопросомъ:

— Ну, какъ вы меня находите, Маргарита Георгіевна? Очень я измѣнился?

М. Г. смутилась, покраснѣла и, вмѣсто отвѣта, потупила голову внизъ. А Чеховъ взялъ ее за руку и, улыбнувшись своей милой, грустной улыбкой, сказалъ:

— Эхъ, вы, хрустальная душа, даже солгать не умѣете!

Да, это была дѣйствительно хрустальная душа, которая не умѣла ни лгать, ни завидовать, ни вообще питать какія-либо дурныя чувства къ людямъ. Она полна была благожелательства и любви къ нимъ. Глубоко религіозная, богомольная, усердно посѣщавшая церковныя службы, она даже не понимала, какъ можно питать къ человѣку что-либо иное, кромѣ любви и милосердія. Когда ея близкая знакомая Н. Д. Кистенева сказала ей однажды, что очень не желала бы встрѣчаться ѹ нея въ домѣ съ однимъ несимпатичнымъ ей господиномъ, М. Г. сейчасъ же ей дружески попеняла:

— Ахъ, какъ это нехорошо, какъ это мнѣ горько!—говорила она, волнуясь, и ея доброе лицо приняло страдальческое выраженіе.—Ну, зачѣмъ же это дурное чувство? Постарайтесь отъ него отдѣлаться...

И она тутъ же вспомнила:

— Вотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и у меня шевельнулось въ душѣ нехорошее чувство къ одному человѣку, но я скоро подавила его въ себѣ, вырвала изъ души съ корнемъ... И какъ мнѣ было легко

тогда, какъ было пріятно! Ахъ, какое это счастье: всѣхъ, всѣхъ любить, со всѣми жить въ мирѣ и согласіи...

И любила она не только людей, но и животныхъ. Домъ ея всегда былъ полонъ птицъ, собакъ, кошекъ и замѣчательно, что даже кошки и собаки жили у нея дружно и никогда между собой не ссорились. Въ Казани она какимъ-то образомъ ухитрилась приручить крысу, кормила и поила ее изъ рукъ; въ концѣ концовъ животное стало до такой степени ручнымъ, что даже спало на ея постели.

М. Г. Савицкая заслуженно пользовалась глубокимъ уваженіемъ даже со стороны тѣхъ, кто зналъ о ней лишь по наслышкѣ. «За все мое тринадцатилѣтнее близкое знакомство съ ней,—передавала мнѣ вышеупомянутая Н. Д. Кистенева, —я не помню, чтобы она сказала или сдѣлала что-нибудь не такъ, какъ нужно: слова и поступки ея одинаково были хороши и всегда гармонировали между собой».

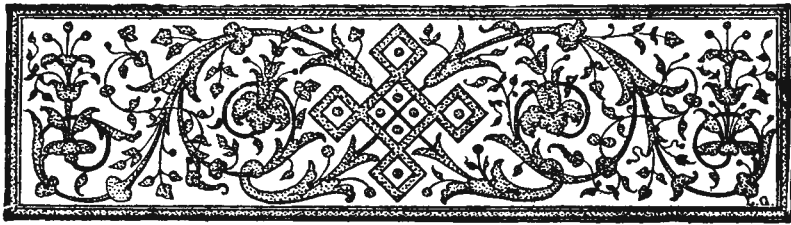
Въ артистической средѣ М. Г. занимала совершенно особое, исключительное положеніе: на нее не смотрѣли, какъ на обыкновенную актрису, а видѣли въ ней прежде всего женщину, отъ которой «вѣяло святостью». И дѣйствительно, во всемъ ея существѣ чувствовалось что-то удивительно чистое и дѣломудренное, что-то не отъ міра сего. Вотъ почему въ ея присутствіи мужчины держали себя «застегнутыми на всѣ пуговицы». Положимъ, собиралась гдѣ-нибудь веселая компанія. Начинались, какъ всегда бываетъ, «фривольные» разговоры, шутки, остроты, пикантныя двусмысленности, не совсѣмъ приличные анекдоты, вызывавшіе дружный смѣхъ у мужчинъ и дамъ. Но вотъ появилась Савицкая—и все сейчасъ же смолкало; мѣнялись темы разговора, который становился болѣе серьезнымъ и содержательнымъ, мужчины «подтягивались», и никто изъ нихъ не рѣшался произнести въ ея присутствіи ни одной двусмысленной фразы, ничего такого, что оскорбляло бы слухъ или вообще эстетическое чувство.

Какъ истинная христіанка, М. Г. творила втайнѣ много добра людямъ, и объ этомъ знали лишь тѣ, кому она благотворила. Ея добрыя дѣла часто становились извѣстными только благодаря какой-нибудь случайности. Между прочимъ, обнаружилось послѣ ея смерти, что крестьяне Волынской губерніи были чѣмъ-то обязаны ей. Какой-то неизвѣстный челоуѣкъ подошелъ къ ея гробу, положилъ земной поклонъ и сказалъ:

— Крестьяне Волынской губерніи послали меня поклониться дорогому праху Маргариты Георгіевны: за что—она знаетъ сама...

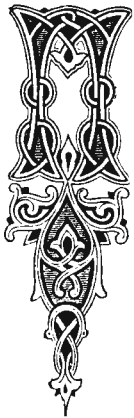
Какое благодѣяніе оказала покойная волынскимъ крестьянамъ, это осталось тайной, которую она унесла съ собой въ могилу.

Няязъ Б. А. Щетининъ.

АРМЯНСКІЙ КАТОЛИКОСЪ МКРТИЧЪ І ХРИМЯНЪ И КНЯЗЬ Г. С. ГОЛИЦЫНЪ.

(Личныя воспоминанія).

ОСЛѢ смерти генераль-адъютанта Шереметева на постъ главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ былъ назначенъ генераль-адъютантъ князь Голицынъ, который прибылъ на Кавказъ 13-го марта 1897 года и былъ встрѣченъ тифлисскимъ населеніемъ восторженно. По отзывамъ многихъ, знавшихъ его еще раньше въ бытность его командиромъ Грузинскаго посла, князь Голицынъ считался человѣкомъ добрымъ и справедливымъ, оставившимъ по себѣ хорошую память на Кавказѣ. Дѣйствительно, на первыхъ порахъ князь Голицынъ показалъ себя человѣкомъ весьма гуманнымъ, держалъ себя одинаково справедливо къ кавказскому населенію безъ различія вѣры и національности и очень интересовался порядками, существовавшими въ дѣлахъ управленія краемъ. Такіе свои взгляды онъ высказывалъ цензорамъ во время представленія ихъ вскорѣ послѣ приѣзда въ Тифлисъ. Онъ просилъ ихъ не стѣсняться разрѣшеніемъ статей и замѣтокъ обо всемъ, что происходитъ въ дѣлѣ административнаго управленія краемъ, говоря, что интересы населенія Кавказа ему одинаково дороги и онъ желалъ бы узнать о всѣхъ упущеніяхъ и не порядкахъ, допускаемыхъ низшими агентами администраціи. Всѣмъ теперь хорошо памятно, какъ князь Голицынъ измѣнилъ этотъ свой взглядъ впоследствии на народонаселеніе Кавказа и, держась извѣстнаго латинскаго

изреченія «*divide et impera*», сталъ преслѣдовать то одну, то другую національность края. Я неоднократно слышалъ изъ устъ его самого это изреченіе во время бесѣды со мною въ его кабинетѣ, въ ожиданіи прибытія къ нему на аудіенцію армянскаго католикоса Мкртича I Хримяна.

Во время пріѣзда князя Голицына въ Тифлисъ католикосъ Мкртичъ I Хримянь былъ въ Эчміадзинѣ. Знакомство князя Голицына съ католикосомъ началось осенью того же года, когда князь Голицынъ предпринялъ обзоръніе края. Изъ Карса черезъ Кагызманъ князь Голицынъ прибылъ 1-го октября въ Игдырь. Здѣсь между прочими лицами ему представилась депутація католикоса— въ составѣ одного архіепископа и архимандрита, которая отъ имени католикоса поздравила князя Голицына съ благополучнымъ пріѣздомъ и просила его посѣтить Эчміадзинъ. Князь Голицынъ заявилъ депутаціи, что онъ съ удовольствіемъ принимаетъ приглашеніе католикоса, тѣмъ болѣе, что онъ самъ намѣренъ былъ осмотрѣть эту древнюю обитель и поклониться ея святынямъ. На слѣдующій день, 2 октября, въ одиннадцать съ половиной часовъ дня, князь Голицынъ въ сопровожденіи эриванскаго губернатора прибылъ въ Эчміадзинъ. За монастырской оградой, на площади, гдѣ толпилась масса народа, пріѣхавшаго изъ окрестныхъ селеній поклониться новому главноначальствующему, депутація католикоса въ составѣ двухъ епископовъ и двухъ архимандритовъ представилась князю Голицыну и сопровождала его черезъ главные ворота, гдѣ также ожидалъ для встрѣчи весь составъ монастырской братіи. У входа въ патриаршіе покои вышелъ князю Голицыну навстрѣчу замѣститель католикоса, который и провелъ его въ залъ. Переводчикомъ при бесѣдѣ католикоса съ княземъ Голицынымъ состоялъ архимандритъ Нахапетянъ, личный секретарь его святѣйшества. Обзоръвъ эчміадзинскій храмъ, осмотръвъ всѣ достопримѣчательности, хранившіяся въ церковномъ музеѣ, и затѣмъ отобѣдавши у католикоса, князь Голицынъ уѣхалъ въ Эривань, поблагодаривъ за оказанный ему пріемъ. Что наговорили князю Голицыну въ бытность его въ Эчміадзинѣ и Эривани о поименованномъ архимандритѣ Нахапетянѣ и о казначеѣ синода архимандритѣ Ваганѣ Теръ-Григорянцѣ— мнѣ неизвѣстно, только по прибытіи въ Тифлисъ князь Голицынъ испросилъ высочайшее соизволеніе на удаленіе этихъ двухъ монаховъ изъ Эчміадзина и поселеніе изъ нихъ: Нахапетяна въ монастырѣ Святаго Креста въ Крыму, а Теръ-Григорянца—въ монастырѣ того же имени близъ Нахичевани на Дону. Монахи эти въ ноябрѣ того же года были высланы по назначенію.

30-го декабря того же года католикосъ Мкртичъ I Хримянь для отдачи визита князю Голицыну прибылъ въ Тифлисъ.

3-го января 1898 года я получилъ записку изъ канцеляріи главноначальствующаго, коей приглашался на слѣдующее утро къ де-

вяти часамъ быть во дворцѣ. Въ назначенный часъ я прибылъ во дворецъ и ждалъ въ пріемной дальнѣйшихъ распоряженій. Вышелъ князь Голицынъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Я васъ вызвалъ для перевода моей бесѣды съ католикомомъ, сумѣете ли переводить?»

Я усмѣхнулся.

— Да, да, я знаю, что вы сумѣете. Приходится беспокоить васъ, продолжалъ онъ,—хотя при мнѣ состоить адъютантомъ армянинъ, но онъ не такъ бойко владѣеть армянскимъ языкомъ.

Затѣмъ онъ повелъ меня въ гостиную и представилъ княгинѣ, отрекомендовавъ братомъ уже ей знакомаго генераль-лейтенанта Кишмишева, товарища его по академіи генеральнаго штаба.

Въ ожиданіи пріѣзда католика, которому была назначена аудіенція въ десять съ половиной часовъ, князь Голицынъ сталъ предупреждать меня, чтобы я при переводѣ его словъ отнюдь не говорилъ, что католикосъ есть глава армянской націи, а что онъ только церковная глава своей паствы—армянъ.

— Я это говорю,—прибавилъ онъ:—потому, что въ Эчміадзинѣ переводчикъ католика архимандритъ Нахапетянъ все время при переводѣ моихъ словъ называлъ его главою націи, чего ни въ какомъ случаѣ не могу допустить,—заклучилъ онъ раздраженно.

Кромѣ лицъ свиты князя Голицына, на эту первую аудіенцію католика были приглашены также высшіе чины администраціи. Въ назначенный часъ доложили князю Голицыну о пріѣздѣ католика. Онъ пригласилъ меня и свою свиту слѣдовать за нимъ. Мы стали на верхней площадкѣ лѣстницы южнаго подъѣзда. Католикосъ пріѣхалъ въ сопровожденіи тифлискаго епархіальнаго начальника, двухъ архимандритовъ и трехъ протоіереевъ. Впереди католика шли два шатира (выѣздные лакеи) въ красныхъ одѣяніяхъ съ булавами въ рукахъ, два священника, несшіе патриаршія регаліи: крестъ и хоругвь. Князь Голицынъ, облобызавшись съ католикомомъ, повелъ его въ гостиную. У дверей гостиной вышла навстрѣчу католику княгиня. Князя Голицына тутъ же представилъ ему находившихся высшихъ чиновъ администраціи. При представленіи члена совѣта главноначальствующаго тайнаго совѣтника Н. И. Прибиля, ѣздившаго въ Эчміадзинъ представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ при похоронахъ усопшаго католика Макарія, а затѣмъ для присутствованія на выборахъ самого Хримяна, католикосъ воскликнулъ:

— Ахъ, Прибиля, Прибиля, я бы желалъ, чтобы вы еще не скоро поѣхали въ Эчміадзинъ.

Католикосъ этимъ хотѣлъ сказать, что онъ еще желаетъ жить.

Княгиня усадила католика возлѣ себя. Подали чай и кофе. Князь Голицынъ предложилъ католику кофе, но онъ отъ него отказался и попросилъ чаю. По этому поводу князь Голицынъ, усмѣхнувшись, просилъ передать католику:

— Видно, ему надоѣлъ турецкій напитокъ, пусть теперь попробуетъ русскій чай.

Католикосъ на эту остроуту князя Голицына также усмѣхнулся и покачалъ головой. Аудіенція эта недолго длилась и такъ какъ она носила официальный характеръ, то и особаго разговора не было. Только католикосъ не удержался, чтобы не сказать свою излюбленную фразу, что онъ, какъ католикосъ, въ правѣ разлучить недружно живущихъ супруговъ, а потому чета Голицыныхъ не нуждается ли въ его услугахъ. Фраза эта размѣшила какъ самихъ супруговъ Голицыныхъ, такъ и всѣхъ присутствовавшихъ.

Послѣ отъѣзда католикоса изъ дворца князь Голицынъ приказалъ казаку отвезти католикосу громадную севрюгу, которую, по его словамъ, прислали ему изъ Оренбурга въ даръ бывшіе его подчиненные, оренбургскіе казаки.

Католикосъ оставался въ Тифлисѣ до 4-го февраля. За это время онъ 25-го января имѣлъ личную аудіенцію у князя Голицына, 7-го января былъ приглашенъ на обѣдъ къ нему, а 18-го января самъ католикосъ пригласилъ князя и княгиню Голицыныхъ къ себѣ на обѣдъ. Обѣды эти имѣли официальный характеръ и на нихъ было приглашено много гостей. Такъ, на обѣдѣ, данномъ католикосу 7-го января, кромѣ католикоса и тифлискаго епархіальнаго начальника, изъ свѣтскихъ лицъ, не считая свиту князя, были: помощникъ по военной части главноначальствующаго, директоръ канцеляріи, члены совѣта, эриванскій губернаторъ и прибывшій изъ Эчмиадзина прокуроръ синода Канчели. За обѣдомъ католикосъ сидѣлъ между княгиней и княземъ. Князь Голицынъ усердно ухаживалъ за католикосомъ, рѣзалъ на куски мясо и проч., говоря, что такъ за нимъ ухаживаютъ монахи въ Эчмиадзинѣ, когда онъ сидитъ за общей трапезой. Послѣ обѣда всѣ перешли въ кабинетъ князя, гдѣ было подано кофе. Князь приказалъ принести шкуру барса, котораго самъ убилъ на охотѣ, и преподнесъ католикосу. Католикосъ шутливо заявилъ, что онъ невинная овечка, на что ему этотъ звѣрь. Тѣмъ не менѣе князь Голицынъ приказалъ вернуть шкуру и отвезти въ патриаршій домъ.

15-го января князь Голицынъ въ сопровожденіи своего адъютанта поѣхалъ къ католикосу съ поздравленіемъ съ днемъ его тезоименитства, пробывъ у него съ четверть часа.

Устроенный 18-го января католикосомъ обѣдъ въ честь супруговъ князей Голицыныхъ былъ очень грандіозенъ. На этомъ обѣдѣ, кромѣ лицъ изъ высшихъ чиновъ администраціи, присутствовали тифлисскіе именитые граждане и купцы. За обѣдомъ пѣлъ хоръ пѣвчихъ армянской нерсесянъ духовной семинаріи народныя пѣсни. Послѣ обѣда, длившагося до девяти часовъ вечера, католикосъ преподнесъ князю Голицыну тортъ, изображавшій гербъ его сіятельства. Князь и княгиня любовались имъ и попросили прислать его

во дворецъ. Карточку же меню обѣда, украшенную художественными, оригинальными орнаментами, княгиня взяла себѣ на память, чтобы показать своимъ роднымъ въ Петербургѣ.

Послѣ отъѣзда изъ Тифлиса католикосъ не долго оставался въ Эчмиадзинѣ. Надо сказать, что въ характерѣ католикоса Мкртчича I Хримяна не было усидчивости на одномъ мѣстѣ. Онъ часто выѣзжалъ изъ Эчмиадзина верхомъ для обозрѣнія окрестностей его на короткое время или на долгое время въ какой-нибудь монастырь или въ городъ. Поэтому онъ часто пріѣзжалъ въ Тифлисъ и оставался здѣсь подолгу. Вторичный его пріѣздъ въ Тифлисъ состоялся 8-го декабря того же 1898 года.

Надо унормануть, что князь Голицынъ былъ большой хлѣбосоль и любилъ угощать. И въ этотъ пріѣздъ католикоса онъ 19-го декабря устроилъ ему большой обѣдъ. Обѣдъ состоялся въ семь часовъ вечера. Столъ на пятьдесятъ кувертовъ былъ накрытъ въ желтой гостиной. Въ назначенный часъ всѣ гости съѣхались и ждали пріѣзда католикоса. Князь Голицынъ, встрѣтивъ католикоса на верхней площадкѣ лѣстницы, повелъ его черезъ коридоры въ гостиную и усадилъ его по срединѣ стола между княгиней и собою. Меня посадили напротивъ католикоса. Въ срединѣ обѣда католикосъ глазами далъ мнѣ знать, что хочетъ говорить. Я сообщилъ объ этомъ рядомъ со мною сидѣвшему тифлисскому губернатору генералу Свѣчину для предупрежденія князя. Князь тотчасъ же всталъ и въ краткихъ словахъ провозгласилъ тостъ за здоровье католикоса. По прошествіи пяти минутъ католикосъ, со своей стороны, всталъ и всѣ присутствовавшіе за нимъ. Католикосъ, какъ это всегда дѣлалъ, произнесъ импровизированную рѣчь, изъ которой въ моей памяти осталось слѣдующее:

«Россійская имперія, — сказалъ католикосъ, — уподобляется величественному дереву, одна вѣтвь котораго высочайше вручена въ могучія и опытыя руки князя Григорія Сергѣевича. Подъ тѣнью этой вѣтви нашла себѣ пріютъ и защиту горсть армянъ, нуждающихся въ просвѣщенномъ вниманіи его сіятельства. Пожелаемъ ему силъ и здоровья для несенія столь отвѣтственного государственнаго дѣла. Но такъ какъ, по словамъ евангелія, человекъ не можетъ разлучить тѣхъ, которыхъ соединяетъ Богъ, то потому тостъ въ честь князя соединяю съ тостомъ княгини, неусыпная дѣятельность которой въ дѣлѣ просвѣщенія подрастающаго поколѣнія женскаго пола всѣмъ намъ хорошо извѣстна. А потому, благословляя ихъ обоихъ, молю Всевышняго даровать имъ долгую и счастливую жизнь на пользу Кавказа и разноплеменнаго его населенія».

Тостъ католикоса всѣмъ очень понравился. Послѣ обѣда католикосъ и князь Голицынъ усѣлись отдѣльно на диванъ и вели между собою бесѣду. Между прочимъ католикосъ просилъ князя Голицына взять на себя ходатайство, чтобы нашъ посланникъ въ Турціи

настоялъ передъ Портою о разрѣшеніи армянамъ, переселившимся изъ Турціи въ Россію, возвратиться на родину, гдѣ ими оставлены и семья и все движимое и недвижимое имущество. На это князь отвѣтилъ католикосу, что теперь не время для такого ходатайства, такъ какъ вся Европа, а также Россія заняты боксерскимъ движеніемъ въ Китаѣ.

Насколько князь Голицынъ въ отношеніи католикоса въ обществѣ былъ изысканно вѣжливъ и предупредителенъ, настолько же въ частной бесѣдѣ съ нимъ былъ невозможно суровъ и неделикатенъ. Въ личности князя Голицына въ этомъ отношеніи двоился европейски образованный русскій баринъ и грозный, неукротимый властелинъ. На первой же аудіенціи 25-го января 1898 года князь Голицынъ въ весьма грубой формѣ выражалъ свое сожалѣніе, что католикосъ не знакомъ съ русскими законами и порядками, а потому слушался совѣтовъ неблагонамѣренныхъ людей, толкавшихъ его на антиправительственный путь. Держа въ рукахъ книжку «Положеніе объ управленіи армянской церковью», онъ предлагалъ католикосу изучить этотъ законъ, чтобы не дѣлать ошибокъ при управленіи армянской церковью. На эту тему князь разсуждалъ горячо, возвышая голосъ, и сыпалъ фразу за фразой безъ остановки, такъ что было очень затруднительно передать католикосу цѣликомъ его рѣчь. Едва успѣвалъ я перевести нѣсколько словъ изъ его рѣчи, какъ снова начиналъ онъ говорить еще горячѣе и горячѣе. То развивалъ мысль о томъ, что онъ сенаторъ и членъ государственнаго совѣта и знаетъ всѣ русскіе законы, то объяснялъ свою генеалогію, указывая на висѣвшіе у него въ кабинетѣ портреты князя М. С. Воронцова и его супруги, говоря, что онъ имъ родня, то жаловался, что на панихидѣ по архіепископѣ Іереміи не присутствовалъ начальникъ тифлисской армянской епархіи, между тѣмъ какъ его помощникъ и высшіе чины администраціи почтили своимъ присутствіемъ въ Ванкскомъ соборѣ, то упрекалъ армянъ Тифлиса, что забрали въ свои руки все городское хозяйство и не допускаютъ представителей другихъ національностей. Послѣ перевода послѣдняго упрека католикосъ смущенно заявилъ, что въ этомъ онъ ни при чемъ и что это дѣло, которое его не касается. Вотъ единственная фраза, которую произнесъ католикосъ въ продолженіе двухчасовой аудіенціи, остальное же время сидѣлъ молча, покуривая одну за другою папиросы и устремивъ на меня свои свѣтлыя очи. Когда аудіенція кончилась и католикосъ сталъ прощаться съ княземъ Голицынымъ, то просилъ простить вину какого-то священника, котораго князь Голицынъ предполагалъ выслать изъ предѣловъ края.

— Я охотно исполнилъ бы вашу просьбу,—сказалъ князь Голицынъ:—если бы многіе изъ вашихъ священниковъ не являлись тайными агентами лондонскихъ и швейцарскихъ армянскихъ агитаторовъ.

— Прошу васъ, князь, — отвѣтилъ на это католикосъ, — прислать мнѣ списокъ этихъ священниковъ; я сумѣю ихъ лучше наказать.

На этомъ кончилась первая аудіенція. Послѣ ухода католикоса княгиня вбѣжала въ кабинетъ съ вопросомъ, что случилось. Оказалось, что она, сидѣвшая за нѣсколько комнатъ отъ кабинета, слышала горячій и громкій разговоръ и полюбопытствовала узнать о происшедшемъ.

— Спроси, спроси его, — отвѣтилъ князь, указывая на меня.

Княгиня вопросительно взглянула на меня и вышла изъ кабинета, пригласивъ меня къ завтраку.

Двухчасовое стояніе на ногахъ въ напряженномъ состояніи до такой степени утомило меня, что я едва добрался до столовой.

Вообще князь Голицынъ не умѣлъ вести бесѣду спокойно. Будучи горячаго темперамента, онъ не давалъ никому слова сказать. При переводѣ его рѣчи мнѣ приходилось испытывать большое затрудненіе. Нельзя было сразу схватить суть его рѣчи, а потому многое оставалось не переведеннымъ. Князь замѣчалъ мое затрудненіе, давалъ слово говорить короткими фразами и отрывисто для передачи цѣликомъ католикосу всего сказаннаго. Но какъ только я передавалъ такихъ нѣсколько фразъ, князь снова по-своему сыпалъ фразу за фразой или обрывалъ меня на полусловѣ и начиналъ говорить совершенно о постороннемъ предметѣ. Послѣ каждой аудіенціи католикосъ призывалъ меня къ себѣ и просилъ сообщить ему суть рѣчи князя. Онъ жалѣлъ, что приходится выслушивать ему длинныя и непрерывныя рѣчи Галиче-ишхана — такъ онъ называлъ князя Голицына. Онъ очень мѣтко замѣтилъ, что князь Голицынъ больше говоритъ о себѣ и о своихъ достоинствахъ, чѣмъ о дѣлѣ, для котораго онъ испрашивалъ у него аудіенцію.

Вторая аудіенція, имѣвшая мѣсто 11-го января 1899 года, кончилась также безъ всякой пользы для католикоса. На этотъ разъ католикосъ просилъ князя Голицына о возвращеніи изъ ссылки въ Эчміадзинъ архимандрита Нахапета Нахапетянца, въ услугахъ котораго, какъ педагога, онъ очень нуждался для эчміадзинской духовной академіи. Князь Голицынъ наотрѣзъ отказался исполнить его просьбу. Получивъ такой рѣшительный отказъ, католикосъ, видимо, опечалился, но по обыкновенію замолчалъ и дальше не настаивалъ на своей просьбѣ. Послѣ этого князь Голицынъ сталъ волноваться, закидалъ католикоса упреками все на ту же тему, что онъ не умѣетъ выбирать совѣтниковъ, что архимандритъ Нахапетянцъ въ бытность свою въ Эчміадзинѣ нанесъ большой вредъ какъ лично ему, такъ и самой обители своими неблагонамѣренными совѣтами. Католикосъ молча слушалъ эти упреки. По его лицу было замѣтно смущеніе, но, какъ истый смиренный христіанинъ и поборникъ непротивленія злу, тайлъ въ душѣ свое огорченіе, за-

глухая его куреніемъ папиросъ. Рѣчь свою князь Голицынъ по обыкновенію велъ въ возвышенномъ тонѣ, ударяя иногда кулакомъ по столу, видимо, желая вызвать католикоса на рѣзкую выходку или на протестъ. Но все это разбивалось о твердую и неприступную скалу, какимъ казался въ это время наружно невозмутимый глава армянской церкви. Многіе возмущались, узнавъ о такомъ поступкѣ князя Голицына, и жалѣли, что католикосъ съ такимъ легкимъ сердцемъ выносилъ столь тяжкіе упреки отъ лица, которое было и моложе его годами и занимало ниже его постъ. Католикоса упрекали, что допускалъ по своему адресу такія выходки князя Голицына и чѣмъ-нибудь не проявилъ достоинства своего сана. Когда объ этомъ говорили католикосу, онъ шутливо заявлялъ, что Галиче-нишханъ самъ не сознаетъ, о чемъ говоритъ, что во время бесѣды съ нимъ онъ совсѣмъ теряется и волнуется. Маститый старецъ былъ правъ. Долголѣтней своею опытностью онъ сразу узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и что можетъ ожидать отъ него. На самомъ же дѣлѣ вся эта горячность князя Голицына, его неумѣстная жестикуляція были напускныя и дѣлаемы съ цѣлью показать смиренному монаху свою власть и значеніе. Очевидно было, что князь Голицынъ не понималъ католикоса и съ виду казавшуюся его индифферентность и спокойствіе онъ приписывалъ его слабохарактерности. Это было ясно, такъ какъ князь Голицынъ не постѣснился и въ моемъ присутствіи назвать его тряпкой, сдѣлавъ при этомъ циничный жестъ.

Немаловажную роль играли въ данномъ случаѣ и его совѣтники, которые, зная горячую натуру князя Голицына, волновали его разными сплетнями и инсинуаціями. Такъ, когда католикосъ просилъ о возвращеніи въ Эчмиадзинъ архимандрита Нахапетянца, князь Голицынъ всталъ съ мѣста, подошелъ къ своему письменному столу и, взявъ оттуда клочокъ бумаги, просилъ меня передать католикосу, читая по бумагѣ, что архимандритъ Нахапетянцъ живетъ въ здоровой мѣстности и пользуется благораствореніемъ воздушей. Было очевидно, что этотъ клочокъ бумаги съ такой надписью князь Голицынъ получилъ отъ своего не въ мѣру услужливаго совѣтника.

Надо сознаться, что князь Голицынъ въ душѣ былъ добрый и сердечный человѣкъ, но совѣтники его, восстанавливая его противъ армянъ, толкали на злое направленіе. Этому направленію онъ былъ обязанъ и тѣми неумѣстными выходками, какія онъ позволялъ себѣ по отношенію маститаго старца католикоса, котораго лишилъ многихъ преимуществъ, искони присущихъ армянскимъ патриархамъ. Онъ закрылъ или ограничилъ дѣятельность культурно-просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществъ армянъ, разрѣшенныхъ еще до него начальниками края. Онъ даже не пощадилъ святое святыхъ армянъ, конфисковалъ ихъ церковныя и мо-

настырскія имущества. Этому злему направленію, наконецъ, князь Голицынъ былъ обязанъ и тѣмъ, что 13-го октября 1903 года покусились на его жизнь. Послѣ этого покушенія, въ которомъ были заподозрѣны армяне, въ день Свѣтлаго Воскресенія Христа, 27-го марта 1904 года, я вмѣстѣ съ другими чинами былъ приглашенъ во дворецъ на разговоръ. Князь Голицынъ, встрѣтивъ меня у входа въ залъ и подавая руку, сказалъ:

— А я не хочу христосоваться съ вами.

Сказавъ это, онъ указалъ рукой на рану на головѣ, которая еще не зажила.

Въ числѣ разжигателей въ князѣ Голицынѣ ненависти къ армянамъ немалую роль игралъ В. Величко, редактировавшій тогда официальную газету «Кавказъ». Вліяніе его газеты на князя Голицына было настолько сильно, что онъ неоднократно цитировалъ съ особою ироніей цѣлыя фразы, взятая изъ замѣтокъ газеты «Кавказъ», касавшіяся армянъ. Такъ, изъ устъ князя Голицына слышалъ я выраженіе: «бѣженцы изъ Турціи армяне, укушенные блохою»,—такъ отзывался Величко о несчастныхъ турецкихъ армянахъ, искавшихъ спасенія въ христіанскомъ государствѣ отъ преслѣдованія курдовъ и турокъ. Цитировалъ также въ присутствіи многихъ лицъ съ особымъ злорадствомъ армянское слово «кнкайрутямъ кагакагихи». Описывая іорданскую процессію армянъ, Величко позволилъ себѣ издѣваться надъ всѣмъ духовенствомъ и городскимъ головой Г. Г. Евангуловымъ, который послѣ водосвятія шелъ въ процессіи во главѣ духовенства, неся крестъ. По церковному обычаю армянъ, Евангуловъ, вынувшій крестъ изъ воды, изображалъ въ тотъ день крестнаго отца—кнкаайръ— и это обстоятельство дало поводъ Величку лишній разъ задѣть самолюбіе армянъ, а князю Голицыну—подхватить злую иронію изъ газеты «Кавказъ». Въ продолженіе трехъ лѣтъ бичуя армянъ, ихъ нравы, обычаи, религиозныя святыни и проч., ни разу никѣмъ не былъ остановленъ Величко на этомъ гнусномъ пути. Но самъ Величко впоследствии не избѣгъ кары князя Голицына, когда онъ задѣлъ самолюбіе этого грознаго властелина. Вотъ что занесено по этому поводу въ веденный мною дневникъ отъ 30-го декабря 1899 года:

«Сегодня, быть можетъ, неожиданно для многихъ было оповѣщено о расторженіи контракта съ Величкомъ и о передачѣ редактированія газеты «Кавказъ» Тебенкову. Многіе не вѣрили, что князь Голицынъ можетъ принять столь суровую мѣру въ отношеніи Величка, такъ какъ ему нравилось его направленіе. Многіе даже увѣряли, что приказаніе это исходитъ свыше и что князь Голицыну поневолѣ пришлось прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. Дѣло въ томъ, что 16-го декабря во дворцѣ былъ раутъ, 19-го декабря Величко въ своихъ «Арабескахъ» осмѣялъ этотъ раутъ. Но многіе не поняли смысла этого фельетона и о немъ могли бы забыть, если бы случайно

не узналъ о немъ одинъ изъ приближенныхъ лицъ князя Голицына, г. С., который и довель до его свѣдѣнiя. Князь Голицынъ былъ сильно взбѣшенъ этимъ и приказалъ немедленно составить докладъ о трехлѣтней дѣятельности Величка по редактированiю газеты «Кавказъ». Многiе боялись, что ближайшiе совѣтники князя Голицына стануть защищать Величка и уговорять его оставить Величка опять во главѣ редакцiи этой газеты. Но самолюбiе князя Голицына было настолько задѣто, что ни о какомъ снисхожденiи не могло быть и рѣчи. Онъ отстранилъ Величка отъ редактированiя газеты «Кавказъ».

Послѣ этого Величко немедленно выѣхалъ совсѣмъ изъ Тифлиса

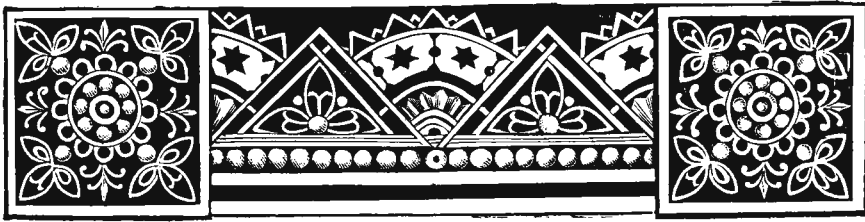
Когда Величко сознательно сѣялъ злобу, клеветалъ на армянскую націю, князь Голицынъ не обращалъ никакого вниманiя, по видимому, даже поощрялъ его, не сознавая великой опасности отъ такого гнуснаго поступка его. Когда же этотъ самый Величко задѣлъ его самолюбiе, тогда только онъ опомнился и нашель его направленiе вреднымъ.

Таковъ былъ князь Голицынъ, правитель обширной окраины съ разноплеменнымъ населенiемъ, стяжавшiй среди него, благодаря тогда переживаемому времени, невыгодную для себя славу. Благодаря этому времени, ни покушенiе на его жизнь, ни даже впослѣдствiи естественная его месть не вызвали въ душѣ кавказцевъ ни малѣйшаго сожалѣнiя о человѣкѣ, который управлялъ краемъ въ продолженiе семи лѣтъ. Даже мѣстныя газеты, кромѣ агентской телеграммы объ его смерти, ничего не сообщили, хотя бы въ видѣ краткаго некролога.

Послѣ смерти князя Голицына армянскій католикосъ Мкртичъ I Хримянъ жилъ еще нѣкоторое время и, въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, послѣ изданiя манифеста 17-го октября 1905 года, дождался разрѣшенiя нѣкоторыхъ своихъ просьбъ, на исполненiе коихъ князь Голицынъ отвѣчалъ всегда отказомъ. Въ это знаменательное время армянамъ были возвращены конфискованныя церковныя и монастырскiя имущества; католикосу было разрѣшено открывать при церквахъ и монастыряхъ приходскiя школы на основанiи правилъ, изданныхъ въ 1875 году; армянамъ - бѣженцамъ изъ Турцiи было предоставлено право на свободное слѣдованiе на родину; и наконецъ возвращены были изъ ссылки всѣ духовныя лица, которыя во время конфискацiи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ явно и открыто заявляли свой протестъ.

Умеръ католикосъ Мкртичъ I Хримянъ въ глубокой старости 30-го октября 1907 года на восемьдесятъ седьмомъ году своей жизни, отчасти удовлетворенный въ своихъ вождедѣнiяхъ.

А. Нишмишевъ.

КЪ ВОПРОСУ О МУЗЫКѢ „РУССКАГО НАРОДНАГО ГИМНА“

ВЪ МОИХЪ очеркахъ «Не жизнь, а декорация» («Ист. Вѣстн.», 1911, № 2) между прочимъ сообщается, что музыка «русскаго народнаго гимна» отнюдь «не сочинена А. Ѳ. Львовымъ, а... списана съ стариннаго голландскаго псалма», который съ незапамятныхъ временъ поется во всѣхъ голландскихъ церквахъ разъ въ году—на первый день Пасхи...» Къ этому я добавилъ: «провѣрить это не трудно».

Вполнѣ довѣряя тому лицу, отъ котораго шло сообщеніе, я не нуждался въ такой провѣркѣ, но она необходима для читателей, которымъ мое сообщеніе могло показаться голословнымъ. Чтобы избѣгнуть подобныхъ упрековъ (см., напр., письмо въ редакцію г. А. Р... въ № 4 «Ист. Вѣст.»), привожу здѣсь ноты «стариннаго голландскаго псалма», полученные мною отъ того же лица, а имъ списанныя съ голландской книги (изданія 1902 г.), представляющей нотный сборникъ церковныхъ пѣснопѣній евангелической церкви въ Голландіи.

На стр. 257 этой книги (голландское заглавіе ея приведено въ концѣ прилагаемыхъ нотъ), въ IV отдѣлѣ пасхальныхъ пѣснопѣній (Paaschliederen), подъ № 158 (Paaschzang) помѣщены приводимыя на слѣдующей страницѣ ноты.

Дайте эти ноты любому пѣвцу—и онъ смѣло споетъ по нимъ «русскій народный гимнъ!..» Достаточно быть хотя немного свѣдущимъ въ музыкѣ, чтобы убѣдиться, какъ оба мотива—стариннаго голландскаго псалма и новаго (1-й половины XIX вѣка) русскаго

IV. Paaschliederen № 158. Paaszang.

The image displays a musical score for a song titled 'Paaszang' (Easter Song). The score is written on eight staves, arranged in two columns of four. The first staff is in treble clef, with a key signature of one sharp (F#) and a common time signature (C). The melody is written on the upper line of the staff, while the accompaniment is on the lower line. The second staff continues the melody and accompaniment. The third staff features a melodic line with a fermata over the first note. The fourth staff continues the melody and accompaniment. The fifth staff features a melodic line with a fermata over the first note. The sixth staff continues the melody and accompaniment. The seventh staff features a melodic line with a fermata over the first note. The eighth staff concludes the piece with a double bar line and a fermata over the final note.

Списано изъ книги: Godsdienstige Liederen, vierde Druk.
De Evangelische Gezangen-Compagnie Haarlem, Iohannes Enshedé
en Zonen 1902.

гимна — буквально совпадаютъ отъ первой ноты до послѣдней, точка въ точку, тактъ за тактомъ (исключая незначительной разницы въ 2—3 нотахъ, каковую можетъ замѣтить черезчуръ придирчивое ухо).

Не будь такого до буквальности полного сходства, можно было бы говорить о случайномъ совпаденіи одной и той же темы въ творчествѣ двухъ композиторовъ. Но исторія музыки не знаетъ такого буквального «совпаденія», когда объ одной вещи приходится говорить, что она списана съ другой... А списана, разумѣется, та, которая явилась позже.

Во всякомъ случаѣ Русскому государству, съ его тысячелѣтней исторіей, не подобаетъ имѣть русскій гимнъ съ голландской музыкой... И совсѣмъ не трудно исправить этотъ грѣхъ: стоитъ объявить конкурсъ среди русскихъ композиторовъ—и появятся талантливые «опусы» новой, но уже чисто русской музыки къ «русскому народному гимну».

Н. Н. Оглоблинъ.

СТОЛѢТІЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ЕСТОГО сего іюня, въ день высочайшаго утвержденія устава, исполняется столѣтіе существованія общества любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ.

Среди цѣлаго ряда русскихъ ученыхъ литературныхъ и историческихъ обществъ названное общество является вторымъ, переживающимъ свою столѣтнюю годовщину; первымъ было московское общество исторіи и древностей россійскихъ, основанное въ 1804 году, также при университетѣ... Столь многолѣтняя, вѣковая, жизнь любого научнаго общества должна привлечь къ себѣ вниманіе не только историка, но и всякаго русскаго человѣка, интересующагося просвѣщеніемъ своей страны. Жизнь и дѣятельность много испытавшаго и создавшаго московскаго общества любителей россійской словесности имѣеть, какъ увидимъ, преимущественное предъ другими россійскими научными кружками право на общественное вниманіе.

Основателями общества любителей россійской словесности явились нѣсколько литераторовъ и ученыхъ, по преимуществу профессоровъ, проживавшихъ въ Москвѣ. Основываясь на § 11 устава московскаго университета, гдѣ, между прочимъ, сказано, что «составленіе ученаго общества упражняющихся въ словесности россійской относится къ особливому достоинству университета», и поль-

зуюсь уставомъ общества исторіи и древностей російскихъ, а также и другихъ, бывшихъ тогда при университетѣ, они составили свой уставъ, представили его попечителю университета П. И. Голенищеву-Кутузову, а послѣдній чрезъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго поднесъ на высочайшее утвержденіе, состоявшееся 6-го іюня 1811 года. Вновь открываемое общество ни по названію, ни по задачамъ своимъ не было совершенною новостью. При казанскомъ университетѣ еще съ 1805 г. существовало общество любителей отечественной словесности, закрытое лишь въ 1853 году. Въ самомъ началѣ 1811 года, по мысли извѣстныхъ писателей Г. Р. Державина и А. С. Шишкова, открыло свои дѣйствія петербургское литературное общество, подъ названіемъ «Бесѣда любителей російской словесности». Своєю главною цѣлью это общество поставило — «развивать и поддерживать вкусъ къ изящному слову посредствомъ публичнаго чтенія образцовыхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ». Довольно близкое къ вышеприведенному читаемъ и въ параграфѣ третьемъ устава общества любителей російской словесности при московскомъ университетѣ; тамъ говорится: «Общество учреждается для того, чтобы распространить свѣдѣнія о правилахъ и образцахъ здоровой словесности, доставить публикѣ обработанныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ на російскомъ языкѣ, разсмотрѣнныя предварительно и прочитанныя въ собраніи». Конечно, здѣсь значительно шире поставлена самая задача общества, да и дѣятельность его пошла по болѣе серьезному пути, чѣмъ въ «Бесѣдѣ», но и послѣдняя за пять лѣтъ существованія успѣла издать девятнадцать книжекъ своихъ «Чтеній», гдѣ впервые печатались басни И. А. Крылова. Строгость въ выборѣ членовъ и, такъ сказать, чопорная свѣтскость во время засѣданій, господствовавшая въ «Бесѣдѣ», оказали нѣкоторое вліяніе и на уставъ общества любителей російской словесности, куда въ дѣйствительные члены «избирались особы, живущія въ Москвѣ, извѣстныя какъ дарованіями своими, такъ и трудами по части російской словесности и желающія ревностно содѣйствовать намѣреніямъ общества», не свыше тридцати пяти (въ «Бесѣдѣ»—двадцать четыре), гдѣ дѣйствительные члены засѣдали по старшинству поступленія (§ 6), а члены-сотрудники въ «особо назначенныхъ мѣстахъ» (§ 13) и всѣ были обязаны соблюдать строгое «благочиніе»—ни въ какомъ случаѣ не заводить «разговоровъ о дѣлахъ постороннихъ, а и того болѣе жаркихъ споровъ, колкихъ словъ и насмѣшекъ» (§ 39).

Въ главѣ восьмой устава находимъ подробныя свѣдѣнія объ «упражненіяхъ общества», которое «занимается разсмотрѣніемъ сочиненій, чтеніемъ ихъ и изданіемъ». «Сочиненія» эти «необходимо должны принадлежать къ собственно такъ называемой изящной словесности и къ словеснымъ наукамъ». Далѣе слѣдуетъ и опредѣ-

леніе видовъ изящной словесности и перечень словесныхъ наукъ. «Виды изящной словесности суть всѣ примѣры стихотворные и прозаическіе, сочиняемые по извѣстнымъ правиламъ, заключающимся въ словесныхъ наукахъ, т. е. въ грамматикѣ, риторикѣ, пѣтикѣ, логикѣ и критикѣ». Не исключались «изъ трудовъ» общества и переводы, главнымъ образомъ въ стихахъ; но къ нимъ примѣнялась «строгая разборчивость». Всѣ эти «сочиненія, послѣ разсмотрѣнія въ «пріуготовительныхъ собраніяхъ, читались въ ежемѣсячныхъ засѣданіяхъ общества, на которыя приглашались «по билетамъ и посѣтители».

Учредителями и первыми членами общества были: профессоръ П. И. Страховъ, профессоръ А. А. Прокоповичъ-Антонскій, профессоръ Н. И. Сандуновъ, профессоръ П. П. Бекетовъ, графъ Г. С. Салтыковъ, Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ, Д. И. Вельяшевъ-Волынецъ, профессоръ А. Ѳ. Мерзляковъ, профессоръ М. Т. Каченовскій, профессоръ Л. А. Цвѣтаевъ, профессоръ Н. А. Двигубскій, профессоръ М. Г. Гавриловъ, П. М. Дружининъ, адъюнктъ и директоръ московской гимназіи Вас. Льв. Пушкинъ, профессоръ Р. Ѳ. Тимковскій, профессоръ П. В. Побѣдоносцевъ, С. В. Смирновъ и Я. І. Бардовскій.

Первымъ предсѣдателемъ былъ избранъ А. А. Прокоповичъ-Антонскій, секретаремъ М. Т. Каченовскій и казначеемъ П. М. Дружининъ. По поводу избранія въ предсѣдателя А. А. Прокоповича М. А. Дмитриевъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ такъ:

«Я помню, что тогда дивились этому избранію, потому что Антонскій былъ совсѣмъ не литераторъ. Во всю свою жизнь онъ написалъ только одну маленькую книжку «О воспитаніи»; правда, написалъ дѣльно, благоразумно, слогомъ яснымъ, точнымъ, правильнымъ, краткимъ и сжатымъ; но, по тогдашнимъ понятіямъ, одна книжка только полезная и умная, но не принадлежащая нисколько къ литературѣ изящной, не давала правъ литературныхъ. Однако послѣдствія доказали, что не могло быть предсѣдателя лучше Антонскаго и что онъ въ этомъ почетномъ званіи былъ именно на своемъ мѣстѣ. Пока онъ былъ предсѣдателемъ, общество собиралось почти всегда разъ въ мѣсяць, кромѣ засѣданій экстраординарныхъ, въ которыхъ присутствовали одни дѣйствительные члены. Антонскій, не будучи самъ литераторомъ, живо чувствовалъ выгоду соединенныхъ силъ для литературы. Онъ умѣлъ соединять, умирать, прекращать несогласія и ставить выше всего общую пользу; онъ умѣлъ внушить членамъ уваженіе къ себѣ и къ своимъ мнѣніямъ, которыя всегда были благоразумны и держались середины, между крайностей, наконецъ онъ умѣлъ изъ малыхъ денежныхъ средствъ извлекать многое»¹⁾.

¹⁾ «Мелочи изъ запаса моей памяти». М. 1868 г.» стр. 170—171.

Тутъ же М. А. Дмитріевъ рассказываетъ и случай столкновения, довольно серьезнаго, А. Θ. Мерзлякова съ В. А. Жуковскимъ, которое съ успѣхомъ уладилъ А. А. Антонскій, пользовавшійся, по словамъ автора, «полной довѣренностью» къ его «благоразумію и осторожности» со стороны всѣхъ членовъ.

Съ первыхъ же дней новое общество энергично принялось за работу; менѣе чѣмъ въ годъ оно издало четыре тома «Трудовъ общества», куда вошли статьи А. Θ. Мерзлякова, А. В. Болдырева, П. Θ. Калайдовича и др., и имѣло двѣнадцать засѣданій, изъ нихъ послѣднее—торжественное— 7-го іюня 1812 года, почти наканунѣ Бородинской битвы и вторженія французовъ въ Москву.

Послѣдовавшія затѣмъ военныя событія прервали дѣятельность общества до 3-го декабря 1815 года, когда предсѣдательствовавшій въ собраніи оповѣстилъ присутствующихъ, между прочимъ, о смерти трехъ сочленовъ: Плавильщикова, Страхова и графа Салтыкова и о гибели библиотеки и всего имущества общества.

Періодъ съ 1816 по 1826 г.—«блистательнѣйшій періодъ существованія общества», по словамъ его перваго историка М. Н. Лонгина (см. его статью: «Общество любителей россійской словесности при императорскомъ московскомъ университетѣ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1858 г., книжка 2-я, стр. 596—612). За это время было издано обществомъ 15 частей (съ 5 по 20) «Трудовъ», 4 части «Сочиненій въ прозѣ и стихахъ», четыре тома «Рѣчей», произнесенныхъ въ собраніяхъ профессорами (съ краткими жизнеописаніями авторовъ), въ количествѣ 59 рѣчей—23 профессоровъ. «Рѣчи» изданы подъ редакціей И. М. Снегирева, въ 1819—1823 гг. Въ первыя два изданія вошли довольно крупныя работы: А. Θ. Мерзлякова (разборъ 8-й оды Ломоносова; о началѣ, ходѣ и успѣхахъ словесности; разсужденіе о драмѣ вообще и Державинѣ; о вѣрнѣйшемъ способѣ разбирать и судить сочиненія; о характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ), П. Θ. Калайдовича (Синонимы, о бѣлорусскомъ нарѣчій, о древне-церковномъ славянскомъ языкѣ, о времени перевода нашей библіи), А. В. Болдырева (Разсужденіе о глаголахъ), М. Т. Каченовскаго (О славянскомъ и въ особенности церковномъ языкѣ, историческій взглядъ на грамматики славянскихъ нарѣчій), И. М. Снегирева (Опытъ разсужденія о русскихъ пословицахъ, О простонародныхъ изображеніяхъ), И. И. Давыдова (Опытъ о порядкѣ словъ) и др., Здѣсь впервые появились стихотворенія: М. А. Дмитріева (1817 г.), А. И. Писарева (1820), А. С. Хомякова (1821 г.), Θ. И. Тютчева (1822 г.), С. П. Шевырева (1823 г.), Н. Ф. Павлова (1821 г.). Здѣсь же, наконецъ, впервые появилось знаменитое разсужденіе А. Х. Востокова—«О славянскомъ языкѣ», произшедшее, по словамъ многихъ изслѣдователей, «переворотъ въ наукѣ и послужившее исходною точкой для новаго направленія славянской лингвистики». Кромѣ того, по словамъ М. Н. Лонги-

нова, общество составило «производный словарь русскаго языка», планъ котораго сдѣланъ А. В. Болдыревымъ и И. И. Давыдовымъ, а обработка—А. А. Антонскимъ, А. Θ. Мерзляковымъ, Макаровымъ, Бекетовымъ, Цвѣтковымъ, Болдыревымъ и Снегиревымъ,—и при помощи директоровъ народныхъ училищъ получило богатое «собрание провинціализмовъ» приволжскихъ губерній, Малороссіи и Восточной Сибири.

Всѣхъ засѣданій общества за періодъ съ 1816 по 1826 г. М. Н. Лонгиновъ насчитываетъ 67. «Особенно памятны современникамъ,—говоритъ онъ,—засѣданія, назначавшіяся для публики. Присутствовали почетные члены: князь Д. В. Голицынъ (членъ государственнаго совѣта и писатель, умершій въ 1844 г.), И. И. Дмитріевъ и князь И. М. Долгорукій; слышались вдохновенныя рѣчи Мерзлякова, мастерская декламація Кокочкина и увлекательное чтеніе С. Т. Аксакова. Въ концѣ обыкновенно Василій Львовичъ Пушкинъ читалъ какую-либо изъ своихъ новыхъ басенъ».

«На засѣданія общества дубличныя, — читаемъ у М. А. Дмитріева,—собиралась тогда высшая и лучшая публика Москвы: и первыя духовныя лица и вельможи, и дамы высшаго круга... Каждое засѣданіе начиналось обыкновенно чтеніемъ оды или псалма и оканчивалось чтеніемъ басни. Промежутки посвященъ были другимъ родамъ литературы, въ стихахъ и прозѣ. Между послѣдними бывали статьи важнаго и полезнаго содержанія. Въ числѣ ихъ читаны были: разсужденіе о глаголахъ профессора Болдырева, статья о русскомъ языкѣ А. Х. Востокова; разсужденіе о литературѣ Мерзлякова... Здѣсь же были прочитаны и напечатаны въ первый разъ отрывокъ изъ «Иліады» Гнѣдича («Распря вождей»), первые переводы Жуковскаго изъ Гебеля и стихи молодого Пушкина: «Гробница Анакреона». Баснею подъ конецъ засѣданія утѣшаль общество обыкновенно Василій Львовичъ Пушкинъ. Самыя блестящія собранія общества были въ 1818 году, когда государь императоръ Александръ Павловичъ и весь дворъ былъ въ Москвѣ. Тогда присутствовали въ собраніяхъ общества и пріѣхавшіе въ Москву петербургскіе литераторы: Жуковскій, Батюшковъ, Θ. Н. Глинка, А. Θ. Воейковъ и др. ¹⁾).

М. П. Погодинъ, описывая въ своемъ «Дневникѣ» засѣданіе общества любителей російской словесности, 24 февраля 1823 г., на которомъ читали: только что окончившій курсъ въ университетскомъ пансіонѣ С. П. Шевыревъ (стихотвореніе «Пѣснь старца»), Θ. Θ. Кокочкинъ, П. А. Новиковъ («Объ идеалѣ изящныхъ искусствъ и о гевіи»), С. В. Смирновъ (стих. А. С. Норова — «Альпы»), И. М. Снегиревъ, С. Д. Нечаевъ и М. Н. Загоскинъ («Посланіе къ Людмилѣ»),—въ концѣ прибавляетъ: «чтенія происходили въ университет-

¹⁾ «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 169—170.

скомъ пансіонѣ и потому всякое чтеніе въ обществѣ дѣлалось предметомъ живыхъ споровъ и сужденій у студентовъ»¹⁾. Несомнѣнно, что эти собранія общества оказали свое вліяніе впоследствии и на образованіе литературныхъ кружковъ среди студенчества московскаго, въ которыхъ съ такимъ успѣхомъ подвизался въ 1830—32 годахъ будущій великій критикъ В. Г. Бѣлинскій.

Въ заключеніе объ этой «блистательной» эпохѣ въ жизни общества, имѣвшаго въ числѣ своихъ дѣйствительныхъ членовъ почти всѣхъ тогдашнихъ наиболѣе выдающихся писателей и ученыхъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ культурномъ его мѣропріятіи: съ 1821 г. постановлено на проценты съ капитала общества въ 2660 рублей содержать одного бѣднаго студента по историко-филологическому отдѣленію, что и продолжалось, насколько можно было усмотрѣть изъ «отчетовъ московскаго университета», до конца 1860-хъ годовъ.

Въ началѣ 1826 г. посѣтилъ московскій университетъ императоръ Николай Павловичъ и при обзорѣннн его выразилъ недовольство состояніемъ благороднаго пансіона, директоромъ котораго былъ А. А. Прокоповичъ-Антонскій, Послѣдній, не видя за собой никакой вины, подалъ въ отставку и вмѣстѣ съ тѣмъ оставилъ постъ предсѣдателя общества любителей россійской словесности. Вслѣдъ за нимъ вышелъ изъ общества и другой его видный дѣятель, И. И. Давыдовъ. Съ этого времени начинается для общества «новая эпоха», свидѣтельствующая о постепенномъ угасаніи его дѣятельности—и наконецъ о полномъ прекращеніи послѣдней, несмотря на то, что общество официально не закрывалось.

Съ 1826 по 1830 г. предсѣдательствовали въ обществѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, при секретаряхъ: М. Н. Загоскинъ и С. Т. Аксаковъ. Про него М. А. Дмитріевъ выражается такъ: «не твердый въ характерѣ и страстный болѣе къ театру, нежели къ литературѣ, онъ не умѣлъ направлять мнѣній членовъ, думалъ болѣе о наружномъ блескѣ собраній и сдѣлалъ изъ нихъ одинъ спектакль для публики»²⁾. При Кокошкинѣ общество издало единственный томъ «Сочиненій въ прозѣ и стихахъ» (М. 1828 г.). Еще рѣзче отзывается М. А. Дмитріевъ о послѣдующемъ предсѣдателѣ М. Н. Загоскинѣ: «онъ началъ,—читаемъ на стр. 171 .,—свое предсѣдательство тѣмъ, что сѣлъ, крикнулъ, потрепалъ себя по брюху и обратился къ членамъ съ слѣдующею рѣчью: «фу, батюшки! обѣдалъ у Акулова. Такъ накормилъ проклятый, что дышать не могу: всего расперло! Ну! что же бы намъ подѣлать».

¹⁾ См. Н. П. Барсуковъ; «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. I, стр. 215.

²⁾ «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 170—171.

М. П. Погодинъ, бывшій въ 1834 г. секретаремъ при М. Н. Загоскинѣ, приводитъ въ своемъ «Дневникѣ» характерную записочку, посланную ему Загоскинымъ: «Грѣшный предсѣдатель многогрѣшнаго общества любителей россійской словесности приглашаетъ благочестиваго секретаря общества пожаловать къ нему завтра не позже 2-хъ часовъ похлебать постныхъ щей и потолковать о томъ, какъ бы затѣять ученую потѣху и не надѣлать смѣху. Просятъ преподобнаго отца Михаила отвѣтить рѣшительно, положительно и опредѣлительно ¹⁾).

Видимо, М. Н. Загоскинъ относился довольно апатично къ своимъ обязанностямъ предсѣдателя, но «благочестивый секретарь» его старался вербовать новыхъ членовъ, призывалъ ихъ къ болѣе оживленной дѣятельности, въ томъ числѣ Н. В. Гоголя, Н. М. Языкова и А. Н. Муравьева, изъ которыхъ только послѣдній предложилъ для чтенія свою статью: «Монастырь на Валаамѣ»,—и даже 30 октября собралъ засѣданіе общества. На немъ было постановлено: «разработка матеріаловъ для исторіи русской письменности по всеѣмъ отраслямъ, посредствомъ критическихъ, философическихъ и эстетическихъ изслѣдованій памятниковъ, съ біографіями писателей— вотъ что должно составлять постоянное занятіе членовъ общества»; второю задачею было рѣшено заняться учено-классическимъ изданіемъ одъ Ломоносова, творца русской поэзіи... ²⁾). Но изъ этихъ рѣшеній ровно ничего не вышло, и слухи о дѣятельности общества съ тѣхъ поръ замираютъ до конца 1858 года.

Что же, спрашивается, повлекло общество къ замиранію? Несмотря на крайне тяжелыя условія тогдашней общественно-политической жизни, достигшія апогея своего развитія къ концу царствованія Николая Павловича, — съ внѣшней стороны общество не испытывало никакихъ невзгодъ; выморочное его имущество, на которое во всякое время могла наложить свою руку полиція, хранилось у секретаря; за нимъ еще со временъ утвержденія устава (1811 г.) оставалось исключительное право печатать свои произведенія, безъ представленія въ цензуру; недостатка въ числѣ членовъ не было и только новые неохотно шли и принимались за работу. Несомнѣнно, стало быть, замираніе общества должно было послѣдовать отъ внутреннихъ причинъ, отъ недостатковъ самаго его устава, требованія котораго оставались далеко позади современной жизни и ея условій. Постепенно жизнь проявляла ко всему новымъ требованія, для удовлетворенія которыхъ нужны были и новыя средства. Не миновала этихъ новыхъ требованій и литература, и для нея понадобилось теперь, прежде всего, содержаніе, гдѣ бы отражались современные жизненные вопросы и условія общественнаго быта.

¹⁾ Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. IV, стр. 241.

²⁾ Ibidem. Стр. 245 и 246.

Занятія по выработкѣ изящнаго стиля и образцовыхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ, поставленныя, согласно уставу, въ главную задачу дѣятельности общества любителей россійской словесности, постепенно стали принимать второстепенный характеръ и вскорѣ даже потеряли къ себѣ всякій интересъ у большинства литераторовъ. Съ воцареніемъ императора Александра Николаевича русская жизнь вступила въ совершенно новое русло, и для болѣе правильнаго ея новаго хода и направленія нужна была помощь со стороны литературы, которая должна была стать выразительницей и проводникомъ въ общественное сознаніе новыхъ жизненныхъ требованій, конечно, при условіи свободнаго слова.

Зоркими наблюдателями нарождавшагося новаго уклада на Руси и сторонниками свободнаго слова были члены кружка С. Т. Аксакова и особенно его старшій сынъ Константинъ Сергѣевичъ. Въ ихъ кружкѣ, подъ вліяніемъ послѣдняго, возникла мысль возродить общество любителей россійской словесности и сдѣлать его «органомъ общественнаго сознанія», при помощи литературныхъ произведеній, какъ выразился Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, участникъ возрожденія общества и ревностный его дѣятель до конца своей жизни (ум. 15 октября 1887 г.¹).

Для осуществленія своей мысли члены кружка обратились, прежде всего, къ ректору московскаго университета А. Н. Бахметеву, который далъ свое согласіе на сборъ оставшихся въ живыхъ членовъ общества въ стѣнахъ университета; а чиновникъ особыхъ порученій при московскомъ генераль-губернаторѣ, графъ А. А. Закревскомъ, М. Н. Лонгиновъ устранилъ всякія послѣдствія отъ полиціи и усерднѣйшимъ образомъ принялся хлопотать по розыску дѣлъ и инвентаря общества и его членовъ. Вскорѣ онъ нашелъ нужныя дѣла у С. П. Шевырева и привлекъ на первое засѣданіе—27 мая 1858 г., шестерыхъ членовъ: С. А. Маслова, М. П. Погодина, А. М. Кубарева, А. С. Хомякова, А. Э. Вельтмана и М. А. Максимовича. «Странное чувство,—пишетъ въ упомянутой уже статьѣ М. Н. Лонгиновъ,—испытывали, вѣроятно, члены общества, сойдясь послѣ 24-лѣтняго прекращенія своихъ собраній. Четверть вѣка съ бурными своими событіями унесла память минувшаго; нравы, люди, интересы измѣнились; прошедшаго не осталось и тѣни... Мы не сомнѣваемся, что и члены встрѣтились въ этотъ день съ невольнымъ душевнымъ волненіемъ...»

Составленный протоколъ перваго собранія, на которомъ выбрали въ предсѣдатели общества А. С. Хомякова, а въ секретари М. Н. Лонгинова, былъ представленъ ректоромъ Бахметевымъ на утвер-

¹) См. его статью: «Возрожденіе общества любителей россійской словесности въ 1858 году», напечатанную въ «Сборникѣ общества л. р. с. на 1891 году».

жденіе министра народнаго просвѣщенія; послѣдній утвердилъ его и этимъ самымъ какъ бы открывалъ дѣятельность общества. Въ теченіе всего 1858 г. члены возрожденнаго общества занимались выборомъ членовъ, что дѣлали «съ большою осторожностью» и набрали до 40 человекъ, въ томъ числѣ: И. И. Срезневскаго, П. И. Бартенева, Ѳ. И. Буслаева, А. И. Кошелева, графа Л. Н. Толстого, графа А. К. Толстого, И. С. Тургенева, М. А. Дмитриева, А. С. Уварова, А. Ѳ. Писемскаго, М. Е. Салтыкова, А. М. Жемчужникова и др. Въ 1859 году состоялись три первыхъ публичныхъ засѣданія, къ которымъ «тщательно готовились на приготовительныхъ собраніяхъ». На первомъ изъ нихъ, по свидѣтельству М. П. Погодина, читали: К. С. Аксаковъ свое стихотвореніе «Совѣтъ» и отрывокъ изъ повѣсти своего отца, подъ заглавіемъ «Наташа», М. А. Максимовичъ—«Воспоминанія о пребываніи въ Москвѣ поэта Мицкевича», М. Н. Лонгиновъ—«Княжнинъ и его трагедія «Вадимъ» и С. А. Масловъ—стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго—«Слово примиренія». На второмъ засѣданіи А. С. Хомяковъ прочиталъ въ началѣ засѣданія «О причинахъ учрежденія общества л. р. сл.» и въ концѣ «Подражаніе пророчеству Іезекииля», С. П. Шевыревъ—стихотвореніе «Въ Италіи», Н. Ф. Павловъ—«О несправедливыхъ нападеніяхъ на литературу» и Н. П. Гиляровъ-Платоновъ—отрывокъ изъ повѣсти графа Л. Н. Толстого «Семейное счастье». Третье засѣданіе послѣ лѣтнихъ вакацій было посвящено памяти Шиллера, по поводу столѣтія годовщины его рожденія.

Присутствовавшій на второмъ засѣданіи 26 апрѣля извѣстный поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ свое впечатлѣніе по поводу его выразилъ въ такихъ словахъ: «Вчера у насъ было засѣданіе литературнаго общества, недавно воскресшаго послѣ перерыва въ тридцать съ лишнимъ лѣтъ... Предсѣдатель общества Хомяковъ открылъ засѣданіе очень умною рѣчью, написанной прекраснымъ языкомъ, на вѣчную тему объ относительномъ значеніи Москвы и Петербурга. Потомъ слѣдовало чтеніе друга—Павлова, трепещущее современностью; ему много аплодировали. Потомъ стихи объ «Италіи». Я сидѣлъ между Шевыревымъ и Погодинымъ; на всемъ лежалъ отпечатокъ спокойной торжественности. Рѣшительно Москва архи-литературный городъ, гдѣ очень серьезно относятся ко всѣмъ тѣмъ произведеніямъ, которыя пишутся и читаются, но, какъ и слѣдовало ожидать, господствуетъ и управляетъ партія, конечно, литературная партія, самая несносная изо всякихъ. Мигъ было бы совершенно невозможно жить здѣсь, въ этой средѣ, которая столь полна сама собой и не желаетъ слышать никакихъ отголосковъ извнѣ. Такъ, напримѣръ, я не убѣжденъ, что такое дѣтское занятіе, какъ вчерашнее засѣданіе, не увлекаетъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ тѣ страшныя событія, которыя приготовляются въ мірѣ».

М. П. Погодинъ въ своемъ «Дневникѣ» по поводу этого засѣданія написалъ только слѣдующее: «Радъ стихотворенію Шевырева объ Италіи, вѣетъ воздухомъ»¹⁾).

Опредѣленіе задачъ возрожденнаго общества пытался дать первый его предсѣдатель, А. С. Хомяковъ, не выполнѣ, какъ мы только что читали, удовлетворившій О. И. Тютчева. Почти то же, но въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ высказалъ замѣститель А. С. Хомякова, умершаго 23 сентября 1860 г., М. П. Погодинъ, предсѣдательствовавшій до 1865 г., при прежнемъ секретарѣ М. Н. Лонгиновѣ. Путемъ публичныхъ засѣданій, по его мнѣнію, общество должно стремиться къ «распространенію грамотности и образованности, возбужденію любознательности, развитію вкуса и уваженія къ наукѣ и обществу». Предметомъ же частныхъ засѣданій должны были служить—«безпристрастная критика, собраніе біографическихъ и бібліографическихъ свѣдѣній о прежнихъ нашихъ писателей и изданіе сочиненій бывшихъ членовъ»...

Хотя М. П. Погодинъ ставилъ задачи общества довольно широко, но, по обстоятельствамъ того времени и вслѣдствіе своей разносторонней дѣятельности, онъ не могъ удѣлять ему много времени ради болѣе продуктивной дѣятельности, чѣмъ собраніе засѣданій и произнесеніе рѣчей по поводу разныхъ чествованій на публичныхъ засѣданіяхъ. Кромѣ того, много тормозила дѣло и всѣми чувствуемая необходимость въ обнародованіи точныхъ и опредѣленныхъ, утвержденныхъ высшею властью, нормъ жизни и дѣятельности общества, другими словами, въ составленіи и обнародованіи новаго устава, каковой и былъ утверждёнъ 15 октября 1866 года.

По новому уставу, цѣль общества опредѣлялась такъ: «содѣйствовать развитію отечественнаго языка и успѣхамъ его литературы» (§ 1). Для редакціи изданій общества и для приготовленія публичныхъ его засѣданій—«полагаются состоящіе изъ дѣйствительныхъ членовъ комитеты: редакціонный и подготовительный», а для обсужденія разныхъ возникающихъ въ обществѣ вопросовъ—«могутъ быть назначаемы каждый разъ изъ дѣйствительныхъ членовъ временныя комиссіи» (§ 24). Наконецъ, по § 28 устава; занятія общества опредѣлялись такъ: «Состоятъ они въ разсмотрѣніи поступающихъ въ общество сочиненій и матеріаловъ, публично ихъ чтеніи и изданіи. Сверхъ того общество изыскиваетъ всѣ средства къ достиженію своей цѣли (§ 1), какъ-то: предлагаетъ на рѣшеніе задачи и даетъ награды за сочиненія, признанныя лучшими; способствуетъ чтенію публичныхъ лекцій и т. п.

Вооруженный новымъ уставомъ, предсѣдатель общества, энергичный Н. В. Калачовъ, сразу оживилъ его дѣятельность; въ пер-

¹⁾ Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XVI, стр. 217—218.

вый же годъ (1867 г.) его предсѣдательствованія, при секретарѣ П. К. Щебальскомъ, общество имѣло 18 засѣданій, изъ которыхъ 7 было публичныхъ, и издало въ свѣтъ «Сочиненія А. О. Мерзлякова», въ двухъ частяхъ, подъ редакціей Полуденскаго, и первый выпускъ новаго періодическаго изданія—«Бесѣды въ обществѣ любителей россійской словесности при императорскомъ московскомъ университетѣ». Въ слѣдующій и послѣдній годъ предсѣдательствованія Н. В. Калачова общество имѣло 11 засѣданій и издало второй выпускъ «Бесѣдъ». Тотъ и другой выпускъ были редактированы Н. В. Калачовымъ. Въ виду большой рѣдкости въ настоящее время этого изданія мы назовемъ здѣсь хотя бы наиболѣе крупныя изъ помѣщенныхъ въ немъ статей. Таковы: 1) «Замѣчательное открытіе въ древне-русскомъ книжномъ мірѣ», А. Е. Викторова (рѣчь идетъ о Псалтири доктора Скорины 1517 г., найденной и пріобрѣтенной А. И. Хлудовымъ въ шжегородскую ярмарку 1867 года); 2) критическіе очерки графа В. А. Соллогуба: «Пушкинъ въ его сочиненіяхъ» и «О значеніи князя П. А. Вяземскаго въ россійской словесности»; 3) «Стихотворенія Карамзина», князя П. А. Вяземскаго; 4) «О значеніи Карамзина въ исторіи русскаго законодательства», Н. В. Калачова; 5) «Стихи и сказанія про Алексія Божія человѣка», Д. Д. Дашкова; 6) «Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ», Д. А. Смирнова, и 7) «Семела. Вольный переводъ драматической поэмы Шиллера», Б. П. Алмазова.

Въ 1871 г., появился третій и послѣдній выпускъ «Бесѣдъ», редактированный А. А. Майковымъ, Н. С. Тихомировымъ и П. К. Щебальскимъ, куда вошли: 1) «Матеріалы для исторіи русской цензуры», П. К. Щебальскаго, 2) «Біографія о. Іокинѣа Вичурина», М. П. Погодина; 3) «О сравнительномъ методѣ автора происхожденія русскихъ былинъ» (В. В. Стасова), В. О. Миллера, 4) «Донъ-Жуанъ», комедія Мольера», переводъ В. И. Родиславскаго, и др.

Въ 1869 году Н. В. Калачова смѣнилъ А. И. Кошелевъ и послѣдпяго въ 1872 г. И. С. Аксаковъ до 1875 года. За все это время и потомъ три года секретарствовалъ П. А. Безсоновъ. Еще при М. П. Погодинѣ онъ началъ свою замѣчательную работу—редактированіе 10 выпусковъ «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ», которые печатались на средства А. И. Кошелева въ теченіе 11 лѣтъ (до 1874), при чемъ нѣкоторые выпуски выходили вторыми изданіями. Его же трудами въ 1871 г. общество любителей россійской словесности издало въ свѣтъ «Бѣлорусскія пѣсни, съ подробными объясненіями ихъ творчества, языка и всего быта».

Въ предсѣдательство О. И. Буслаева (1875—1877 гг.) общество любителей россійской словесности продолжало ити прежнимъ темпомъ, довольно часто собиралось на засѣданія для юбилейныхъ чествованій и для чтенія гг. членами своихъ новыхъ произведеній и переиздало съ дополненіями нѣкоторые выпуски «Пѣсенъ, собран-

ныхъ П. В. Кирѣевскимъ». Затѣмъ дѣятельность общества, хотя уже въ меньшемъ масштабѣ, проявлялась и при послѣдующемъ предсѣдателѣ С. А. Юрьевѣ и въ 1880 г. выразилась при открытіи Пушкинскаго памятника и въ изданіи книги «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», О. Б. (О. И. Буслаева).

Послѣдующее пятилѣтіе было временемъ несомнѣннаго затихья въ дѣятельности общества любителей россійской словесности. Смерть императора Александра II, смуты политическаго характера, введеніе новаго университетскаго устава, вызывавшее волненія молодежи,—все это невольно должно было отразиться и на жизни общества, къ тому же тѣсно связаннаго съ университетомъ. Поэтому и неудивительно выраженіе отчета, что 1885 годъ «засталъ общество безъ предсѣдателя и безъ секретаря». Избранный въ этомъ году въ предсѣдатели общества Н. С. Тихонравовъ долженъ былъ прежде всего принять участіе въ чествованіи памяти итальянскаго философа Джордано Бруно, которое предприняло московское психологическое общество, и затѣмъ заняться подготовительными работами къ предстоящему въ 1886 г. 75-лѣтнему юбилею самого общества любителей россійской словесности. Съ 1886 г. и по настоящее время дѣятельность общества идетъ уже непрерывно и развертывается, можно сказать, все шире и шире. Члены его принимаютъ живое участіе во всѣхъ россійскихъ литературныхъ торжествахъ, въ собраніяхъ общества впервые знакомятъ публику съ своими новыми произведеніями и предпринимаютъ довольно крупныя изданія. Не имѣя возможности въ небольшой замѣткѣ слѣдить за всѣми дѣйствіями общества, мы остановимъ свое главное вниманіе лишь на его изданіяхъ.

Въ 1889 году, по случаю смерти С. А. Юрьева, былъ изданъ «Сборникъ памяти С. А. Юрьева», куда вошли: «Воспоминанія о С. А. Юрьевѣ», А. Н. Веселовскаго, «Литературныя сношенія съ С. А. Юрьевымъ», В. А. Гольцева, «Отношенія С. А. Юрьева къ сценѣ за послѣдніе три года его жизни», А. И. Сумбатова, и др. Черезъ два года появился въ свѣтъ «Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1891 годъ». Среди цѣлаго ряда его новыхъ и цѣнныхъ статей укажемъ хотя бы на болѣе крупныя: 1) «Для любителей книжной старины. Библиографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ и проч., въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка», А. Н. Пышина; 2) «Царь Іоаннъ Четвертый. Хроника въ 5 дѣйствіяхъ», князя А. И. Сумбатова; 3) «Дмитрій Калининъ. Драматическая повѣсть въ пяти картинахъ», В. Г. Бѣлинскаго; 4) «Выдержки изъ дневника О. М. Бодянскаго» (интереснѣйшія по своимъ новымъ и живымъ сообщеніямъ); 5) «Сборникъ словъ простонародныхъ, старинныхъ и малоупотребительныхъ, составленный Н. В. Гоголемъ», и 6) «Коляска», повѣсть Н. В. Гоголя (въ первоначальномъ видѣ).

Послѣ Н. С. Тихонравова предсѣдательствовалъ въ обществѣ Н. И. Стороженко, съ января 1894 по сентябрь 1901 г. По отзывамъ А. Е. Грузинскаго и И. А. Линниченка, Н. И. Стороженко имѣлъ «большое значеніе для общества»; цѣлый рядъ его литературныхъ этюдовъ былъ написанъ для общества и прочитанъ въ средѣ его членовъ; по его мысли общество устраивало вечернія засѣданія съ пѣніемъ и музыкой, посвященныя памяти отдѣльных писателей и ученыхъ». «Москва,—говоритъ А. Е. Грузинскій,—хорошо помнитъ эти вечера: они были тогда интересной новинкой и привлекали многочисленную публику своимъ соединеніемъ публичной лекціи съ художественнымъ исполненіемъ. До 20-ти лучшихъ русскихъ писателей были помянуты такимъ образомъ на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ». Подъ руководствомъ Н. И. Стороженка общество чествовало нѣсколько крупныхъ литературныхъ юбилеевъ и въ числѣ ихъ два грандіозныхъ, принявшихъ характеръ обще-русскихъ праздниковъ. Разумѣемъ здѣсь Пушкинскій юбилей, выразившійся въ устройствѣ обществомъ цѣлаго ряда торжественныхъ засѣданій, художественныхъ вечеровъ и большой выставки и въ изданіи Пушкинскаго альбома. Второй юбилей—чествованіе памяти В. Г. Бѣлинскаго въ 1898 году, когда собранная обществомъ выставка была послѣ Москвы отправлена въ Пензу, когда рѣчи, произнесенныя членами общества въ Москвѣ, тоже пересылались въ разные города и читались тамъ, а послѣ были собраны и вошли въ изданный въ 1899 г. пензенской общественной библіотекѣ имени М. Ю. Лермонтова сборникъ: «Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ. Съ 3 фототипіями». Въ этомъ сборникѣ первый отдѣлъ въ 120 стр. занимаютъ «чтенія въ торжественномъ собраніи общества л. р. с. 8-го апрѣля 1898 г., въ память Бѣлинскаго»,—гг. Н. И. Стороженка, И. И. Иванова, В. Е. Якушкина, А. Н. Веселовскаго, Г. А. Джаншіева, В. П. Острогорскаго, Н. К. Михайловскаго, Д. И. Овсяннико-Куликовскаго и М. М. Филиппова.

Наконецъ, во время предсѣдательства Н. И. Стороженка и при его ближайшемъ участіи были изданы обществомъ: 1) «Памяти Николая Саввича Тихонравова» (сборникъ изданъ совмѣстно съ московскимъ археологическомъ обществомъ, и въ него вошли, между прочимъ, слѣдующія статьи членовъ общества; А. Е. Грузинскаго—«Н. С. Тихонравовъ въ его отношеніи къ средней школѣ»; А. Н. Веселовскаго—«Нѣсколько воспоминаній»; В. И. Шенрока—«Н. С. Тихонравовъ, какъ издатель сочиненій Гоголя»; А. Д. Карнѣева—«Университетскія чтенія Н. С. Тихонравова, въ связи съ его научно-литературными идеалами», и др.), и 2) два тома сборника: «Починъ. Сборникъ общества любителей російской словесности на 1895 г.» (М. 1895) г. и на 1896 годъ (М. 1896 г.).

Выпуская въ свѣтъ первый томъ этого сборника, общество предполагало обратить его въ ежегодное изданіе, «въ которое должны войти прежде всего, какъ живая лѣтопись его дѣятельности, статьи и рѣчи, читаемыя на публичныхъ собраніяхъ и на литературныхъ вечерахъ общества, и рефераты, обсуждавшіеся въ очередныхъ, закрытыхъ засѣданіяхъ; затѣмъ — оригинальныя и переводныя произведенія членовъ, специально написанныя для сборника, историко-литературныя матеріалы, и т. п.» Но вышло, какъ уже сказано выше, всего два тома. Первый томъ открывается лекціей *О. И. Буслаева*: «Язычество и христіанство», и среди 20 статей заключаетъ, между прочимъ, «Три притчи», графа *Л. Н. Толстого*, «Поэтъ-мыслитель» (по поводу 50-лѣтія смерти *Баратынскаго*), *Н. И. Стороженка*, «Поэзія *Некрасова*», *И. И. Иванова*, «Памяти *Ан. Ал. Григорьева*», *В. А. Гольцева* и др. Начало второго тома также связано съ именемъ *О. И. Буслаева* — «Изъ дополненій къ «Мои мнѣнія» *О. И. Буслаева*; слѣдующіе двѣнадцать разныхъ беллетристическихъ очерковъ и научныхъ статей принадлежатъ: *К. М. Станюковичу*, *Ф. Д. Нефедову*, *А. И. Сумбатову*, *Н. С. Тихонравову*, *И. И. Иванову*, *В. О. Миллеру* и др.

Въ послѣднее десятилѣтіе однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей общества любителей россійской словесности является *А. Е. Грузинскій*, бывшій сначала временнымъ предсѣдателемъ, а послѣднее время и предсѣдателемъ общества. Подъ его редакціей изданъ сборникъ въ 1906 г. — «Памяти *А. П. Чехова*», который былъ членомъ общества съ 1889 г. и въ 1893 г. избранъ даже временнымъ предсѣдателемъ. Въ 1909 г., при особомъ участіи *А. Е. Грузинскаго*, появился новый сборникъ: «Памяти *Н. И. Стороженка*», куда вошло до 13 статей о *Стороженкѣ* исключительно членовъ общества: *А. Е. Грузинскаго*, *Георга Брандеса*, *М. Н. Розанова*, *А. Н. Веселовскаго*, *П. Г. Виноградова*, *М. М. Ковалевскаго*, *И. И. Янжула*, *И. А. Линниченка* и др.

Но самымъ серьезнымъ и крупнымъ дѣломъ *А. Е. Грузинскаго* было его участіе въ особой *Гоголевской комиссіи*, можно сказать, устроившей открытіе памятника *Гоголю* въ Москвѣ въ 1909 году. Въ виду близости этого событія къ нашимъ днямъ и его общеизвѣстности, мы здѣсь назовемъ только слѣдующія два изданія комиссіи и общества: 1) «*Гоголевскіе дни въ Москвѣ. Общество любителей россійской словесности. М. 1910*». (Сюда вошли: отчетъ *Гоголевской комиссіи*; общее описаніе торжествъ въ четырехъ ихъ фазисахъ, тексты рѣчей, адресовъ и привѣтствій и списки лицъ и учреждений, приславшихъ телеграммы и возложившихъ вѣнки на памятникъ) и 2) «*Портреты Н. В. Гоголя. Собраны и изданы подъ наблюдениемъ общества л. р. с. при московскомъ университетѣ. М. 1909*».

Второе изданіе представляетъ собою фототипическій альбомъ, составленный *М. Н. Сперанскимъ* и изданный при посредствѣ

московскаго фотографа К. А. Фишера. Въ немъ до 30 портретовъ, изъ которыхъ впервые появилось 7, и въ числѣ ихъ одинъ рисунокъ извѣстнаго художника А. А. Иванова и два «замѣчательныхъ рисунка» В. А. Рачинскаго.

Послѣднее время члены общества любителей россійской словесности, во главѣ съ своимъ предсѣдателемъ, были заняты составленіемъ историческаго очерка общества и словаря дѣятелей общества за 100 лѣтъ, каковыя труды появятся въ свѣтъ, какъ намъ любезно сообщилъ А. Е. Грузинскій, не ранѣе конца сентября или начала октября, когда и состоится въ Москвѣ празднованіе столѣтія общества.

Въ виду, вѣроятно, болѣе осторожнаго выбора, число членовъ общества всегда было не велико; только въ шестидесятыхъ годахъ оно стало переступить цифру 100; съ 1874 года и по настоящее время оно колеблется отъ 150 до 160; по послѣднему печатному подсчету (1909 г.) въ обществѣ любителей россійской словесности— 20 почетныхъ членовъ (Николай I, князь черногорскій, графъ Л. Н. Толстой, Георгъ Брандесъ, Анатоль Леруа-Болье, великій князь Константинъ Константиновичъ, В. О. Ключевскій, А. Ѳ. Кони, А. А. Шахматовъ В. Г. Короленко, Н. Н. Златовратскій, и др.), 135 дѣйствительныхъ и 6 сотрудниковъ, всего 161.

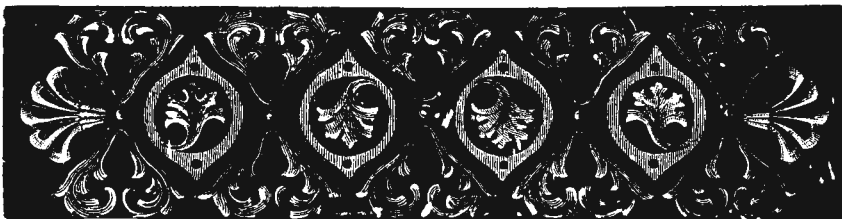
Вотъ въ краткихъ словахъ весь тотъ жизненный путь, который пришлось пройти обществу любителей россійской словесности за сто лѣтъ своего существованія. Основанное, по духу времени, въ цѣляхъ развитія художественнаго языка и выработки образцовыхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ, оно въ первыя пятнадцать лѣтъ пережило блестящую эпоху и сослужило большую службу для общества и для науки, представивъ вполне научныя изслѣдованія по теоріи языка и лучшія по времени стихотворныя произведенія. Затѣмъ болѣе крупныя силы общества, вольно, а иногда и невольно, стали отпадать; въ руководители его попадали лица, не всегда умѣвшія взять во-время въ руки камертонъ и прислушаться къ запросамъ современной жизни. общество постепенно стало замирать и послѣ восьмилѣтней агоніи прекратило свою дѣятельность почти на цѣлую четверть вѣка. Съ воцареніемъ царя-Освободителя началась новая жизнь для Россіи, на обширномъ пространствѣ послѣдней почти всюду стали появляться новыя общественныя силы, шедшія навстрѣчу возродившимся новымъ потребностямъ жизни. Естественно должно было тогда проснуться отъ своей продолжительной спячки и общество любителей россійской словесности, имѣвшее въ своихъ рукахъ такое сильное орудіе для пробужденія общественнаго сознанія, какъ литература. И оно проснулось; постепенно сплотило около себя лучшія литературныя и научныя

силы и, послѣ обнародованія новаго устава, широко открыло свою дѣятельность, теперь уже не только по части развитія отечественнаго языка, но главнымъ образомъ, для успѣшнаго процвѣтанія родной литературы. Всѣ почти выдающіеся писатели Москвы и Петербурга были членами общества, принимали живое участіе въ его дѣятельности и на его засѣданіяхъ впервые знакомили публику съ своими новыми произведениями. Общество внимательно слѣдило за всѣми болѣе или менѣе крупными литературными явленіями своего времени и запечатлѣло ихъ въ своихъ трудахъ, въ дѣлахъ общественнаго культурнаго развитія. «Бесѣды» и «Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ», появившіяся въ свѣтъ въ первые годы возобновленнаго общества, и многочисленные сборники послѣднихъ двухъ десятилѣтій свидѣтельствуютъ о широкихъ успѣхахъ нашей литературы и вызываютъ искреннія симпатіи къ дѣятельности общества, которое, къ сожалѣнію, далеко не всегда могло проявить свои наличные дары, по чисто внѣшнимъ причинамъ неуравновѣшенной русской жизни.

Московское общество любителей россійской словесности многіе годы было единственнымъ на Руси хранителемъ и распространителемъ лучшихъ литературныхъ традицій, но и теперь, по нашему мнѣнію, несмотря на рядъ вновь открывшихся литературныхъ обществъ, — ему же, вступающему нынѣ во второе столѣтіе существованія, изъ своего русскаго центра отчизны, надлежитъ стать и впрѣдъ во главѣ развитія отечественной россійской словесности.

В. Рудаковъ.

ФАМИЛЬНАЯ ХРОНИКА ХОВАНСКИХЪ.

ОХОВАНЩИНА». Не мало шуму возбудила въ текущемъ сезонѣ Москвы эта прекрасная старая новинка музыкальной сцены. И совсѣмъ незамѣтно прошло сообщеніе замѣчательно интересныхъ матеріаловъ къ исторіи рода Хованскихъ.

Впрочемъ, это и неудивительно. Опера «Хованщина»—достояніе шумно грохочущей улицы. Читеніе о Хованскихъ состоялось въ одномъ изъ типичныхъ беззвучныхъ переулковъ Арбата, въ сохранившемся уголкѣ родовитой Москвы, среди романтиковъ красивой художественной старины, овѣянной дымкой легендъ и преданій.

Читаль графъ П. С. Шереметевъ.

Читаль «для немногихъ» свои историко-родословныя изслѣдованія о выдающихся представителяхъ рода Хованскихъ—въ давно минувшемъ. И о Хованскихъ болѣе близкаго къ намъ времени, связанныхъ съ дорогими для насъ именами Пушкина, Грибоѣдова и другихъ представителей золотого вѣка нашей литературы.

Новыя неожиданныя захватывающаго интереса данныя терпѣливо извлечены графомъ изъ малодоступныхъ архивовъ.

Не въ бѣглой статьѣ исчерпать исторію этого трагическаго рода, даващаго много незаурядныхъ людей. Для этого нужны многіе томы и долгіе годы.

Надъ Хованскими тяготѣлъ рокъ. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ ихъ преслѣдовали большія несчастія. Казнь героя «Хованщины» и его сына Андрея въ подмосковномъ селѣ Воздвиженскомъ—

одно изъ кровавыхъ звеньевъ страшной цѣпи папастей и бѣдъ, отяготѣвшей надъ потомками этихъ старѣйшихъ изъ Гедиминовичей.

Это были «безпокойные люди» исторіи государства Россійскаго.

Князь Никита Хованскій, напимѣрь, былъ битъ плетью за дерзкія слова объ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Князь Михаилъ Васильевичъ Хованскій открыто—на всю Москву—поносилъ «на чемъ свѣтъ стоитъ» Екатерину II.

Императрица «вольтерьянка» не вытерпѣла, наконецъ:

— Посовѣтуйте ему осторожность. За такія дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ Бастилію, а у насъ рѣзали языки...

Княжна Дарья Хованская подверглась гоненіямъ за «приверженность старой вѣрѣ». Вѣра эта, кстати сказать, долго держалась въ роду Хованскихъ. Опальная княжна умерла въ заточеніи отъ чахотки въ 1749 году.

Вернемся къ несчастному герою оперы Мусоргскаго и его сыну Андрею.

По изслѣдованіямъ графа П. С. Шереметева, Мусоргскій отступилъ отъ исторической истины.

Въ его «Хованщинѣ» князя И. А. Хованскаго убиваютъ въ его собственномъ домѣ, а сынъ его, князь Андрей, сторааетъ на кострѣ вмѣстѣ съ раскольниками. На самомъ дѣлѣ отцу и сыну отсѣкъ головы стремяннаго полка стрѣлецъ въ селѣ Воздвиженскомъ, куда въ это время укрылась царевна Софія съ приверженцами. Ихъ бездоказательно обвинили въ измѣнѣ и въ «непристойныхъ страшныхъ словахъ», спѣша отъ нихъ отдѣлаться.

Ихъ боялись.

«Они знали планы Софіины», утверждаетъ историкъ Погодинъ. Милославскій тоже имѣлъ основаніе бояться Хованскихъ, посвященныхъ въ его «дерзкіе» замыслы.

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ въ своемъ разсказѣ о стрѣльцкомъ бунтѣ 1682 года, между прочимъ, говоритъ:

«Хованскому и сыну его безвиннымъ головы отсѣчены».

Князь Борисъ, близкое къ Петру I лицо, могъ въ точности знать исторію жертвъ «Софіинныхъ плановъ».

Ихъ казнили, не выслушавъ ихъ оправданій. На основаніи подметнаго письма. Объ этой казни среди подмосковныхъ жителей долго держались легенды и преданія. Тѣла Хованскихъ, лишеныя христіанскаго погребенія, были затоптаны въ грязь на гати сельца Голыгина, на московской дорогѣ, въ двухъ верстахъ отъ Воздвиженскаго.

Въ жуткія глухія ночи мѣстнымъ жителямъ слышались стоны невинно казненныхъ. Окровавленные тѣни ихъ скользили по гати, страшно стонали и обращались къ прохожимъ съ мольбой:

«Свидѣтельствовать передъ судомъ Божиимъ на приспѣшниковъ царевны Софіи».

Герой «Хованщины» старый князь Иванъ въ это время спиналъ передь путникомъ голову, какъ шапку. И низко кланялся...

Хорошо извѣстная въ высшихъ кругахъ Москвы поэтесса Л. А. Кологривова, урожденная княжна Ухтомская, картинно и образно передала эту замогильную встрѣчу князей съ путникомъ:

Стой! Ты въ пору съ нами повстрѣчался.
 Нашъ покой могильный потревоженъ,
 Мира нѣтъ душѣ безъ отпѣванья.
 Слушай! Быть стрѣлецкимъ головою
 На Москвѣ поставленъ я когда-то.
 Безъ измѣны, не кривя душою.
 Но сгубилъ извѣтъ насъ супостата—
 Милославскій оболгаль лукавый.
 Звались мы Хованскими князьми.
 Понесли мы все наказанье.

Кончается «Легенда» пѣвучими стихами, полными земной тоски и загробной надежды:

Помяни молитвою безгласной
 Ты рабовъ Ивана и Андрея,
 Въ день же страшный, въ день суда Господня
 Будь за насъ предстатель безпристрастный,
 Обличи коварнаго злодѣя!
 Смолкнувъ, оба низко поклонились,
 Не простымъ—особеннымъ поклономъ,
 Шапку снявши вмѣстѣ съ головою,
 И, растаявъ, словно тѣни скрылись.
 Лишь туманъ у рѣчки подь уклономъ
 Закачался бѣлой пеленою...

Князь Григорій Александровичъ Хованскій, офицеръ Рязанскаго пѣхотнаго полка, оказывается, авторъ знаменитой въ свое время прелестной пѣсенки:

Я вечеръ въ лугахъ гуляла,
 Грусть хотѣла разогнать...

Извѣстный поэтъ князь Вяземскій былъ въ восторгѣ отъ этихъ милыхъ старинныхъ стиховъ, надъ которыми плакали наши простосердечныя бабушки, быть можетъ, не меньше, чѣмъ надъ «Бѣдной Лизой» Карамзина.

— Какъ много свѣжести и простосердечія въ этой идилліи!—замѣтилъ князь Вяземскій, впервые услышавъ эти стихи Хованскаго.

Пѣсенка эта изъ высшихъ круговъ Москвы перешла въ народъ, гдѣ и теперь еще поется. Въ Ярославской губерніи, на примѣръ.

Тѣ читатели, которымъ по сердцу наша родная теплая старина, думаю, не стануть иронически ворчать, если я, пользуясь копіей графа П. С. Шереметева, воспроизведу здѣсь полностью эту заветную пѣсенку московскихъ дѣвушекъ конца восемнадцатаго вѣка.

Съ холоду лукавой современности, право же, не грѣхъ хоть немножко погрѣться у камелька далекой простодушной старины:

Я вечеръ въ лугахъ гуляла,
Грусть хотѣла разогнать,
И цвѣточковъ тамъ искала,
Чтобы къ милому послать.
Долго-долго я ходила.
Погасаль ужъ солнца свѣтъ.
Всѣ цвѣточки находила,—
Одного лишь нѣтъ, какъ нѣтъ.
И цвѣточка голубого
Я въ долинахъ не нашла,
Безъ цвѣточка дорогого
Я домой было пошла.
Шла домой съ душой унылой.
Недалеко отъ ручья
Вижу я цвѣточекъ милый—
Въ мигъ его я сорвала.
Незабудочку сорвала,
Слезы покатались вдругъ...
Я вздохнула и сказала:
Не забудь меня, мой другъ!

Многимъ ли изъ нынѣшнихъ читателей «Мертвыхъ душъ» Гоголя понятны эти слова:

«Рекомендательныя письма за подписью князя Хованскаго».

А ларчикъ просто открывается.

Потомокъ героя «Хованщины» князь Александръ Николаевичъ Хованскій въ гоголевское время былъ управляющимъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. И на бумажныхъ деньгахъ той эпохи печаталась его подпись.

Кто почитаетъ Пушкина молитвенно и страстно, дорожа малѣйшей черточкой изъ его творческой жизни, тому пріятно будетъ узнать, кого именно воспѣлъ великій поэтъ въ этихъ стихахъ:

.
Есть богъ другой. Земного круга
Ему послушна красота.
Онъ—богъ Парни, Тибулла, Мура,
Имъ мучусь, имъ утѣшенъ я.
Онъ весь въ тебя—ты мать Амура,
Ты богородица моя!

Эта пушкинская «богородица» не кто иная, какъ княжна Наталія Васильевна Хованская.

Ахъ, Боже мой, что станеть говорить
Княгиня Марья Алексѣвна!?

Представьте, эта наша общая знакомая, страшная Марья Алексѣвна—живое лицо:

Марья Алексѣевна Хованская.

Ее знали лично и увѣковѣчили ее Грибоѣдовъ и Герценъ.

Марья Алексѣевна фигурируетъ и въ воспоминаніяхъ знаменитаго редактора «Колокола». Александръ Ивановичъ Герценъ частенько навѣщалъ ее, вѣриже, ея племянницу Наталью Алексѣевну Захарьину, на которой и женился впоследствии.

Жила грибоѣдовская героиня на Бронной. Это видно изъ сохранившагося документа, выданнаго «Марьей Алексѣевной» мужу «князь Ѳодору», у котораго она заняла 9500 рублей подъ принадлежавшей ей домъ на Бронной:

«Заложила я, княгиня Марья, ему, князь Ѳодору, крѣпостной свой дворъ со всякимъ деревяннымъ строеніемъ и въ немъ мебелью съ садомъ и прудомъ, состоящей за Тверскими воротами, въ 8-ой части 5-го квартала, подъ № 408, въ приходѣ церкви Іоанна Божьего, что на Бронной, на моей землѣ» и т. д.

Графъ П. С. Шереметевъ приводитъ любопытное описаніе дома княгини Марьи Алексѣевны на Бронной, сдѣланное Герценомъ:

«Это былъ старинный православный русскій домъ. Домъ; въ которомъ соблюдались посты, ходили къ заутренѣ, ставили кресты наканунѣ Крещенія на дверяхъ, дѣлали удивительные блины на масленицѣ, ѣли буженину съ хрѣномъ, обѣдали ровно въ два и ужинали въ девятомъ часу»...

А вотъ забавный портретъ мужа Марьи Алексѣевны, князя Ѳодора Сергѣевича Хованскаго, нарисованный тѣмъ же Герценомъ:

«Небольшого роста сѣденькій старичокъ, пившій тайкомъ отъ княгини настойки и наливки, ничѣмъ не занимавшійся путнымъ въ домѣ и привыкнувшій къ безусловной покорности женѣ, противъ которой иногда возмущался на словахъ, особенно послѣ наливокъ, но никогда на дѣлѣ.

«Княгиня удивлялась потомъ, какъ сильно дѣйствуетъ на князя Ѳодора Сергѣевича крошечная рюмка водки, которую онъ пилъ официально передъ обѣдомъ, и оставляла его покойно играть цѣлое утро съ дроздами, соловьями и канарейками, кричавшими наперерывъ во все птичье горло.

«Однихъ онъ обучалъ пѣнію органчикомъ, другихъ—собственнымъ свистомъ.

«Раннимъ утромъ онъ обыкновенно ѣздилъ въ Охотный рядъ, гдѣ мѣнялъ, покупалъ и продавалъ птицъ...»

Послѣ смерти знаменитой Марьи Алексѣевны ея портретъ и портретъ ея мужа перешли къ ея племяннику, тогдашнему попечителю московскаго учебнаго округа Д. П. Голохвастову, отцу историка-славянофила П. Д. Голохвастова.

Къ нему же перешло въ 1847 году и костромское имѣніе Марьи Алексѣевны—Филиппово.

Таковы матеріалы, собранные графомъ П. С. Шереметевымъ о героѣ «Хованщины» и его интересномъ потомствѣ.

Обращаясь къ своимъ слушателямъ, наградившимъ его шумными рукоплесканіями, графъ высказалъ пожеланіе:

— Я былъ бы очень счастливъ, если бы мой родословный матеріалъ о Хованскиххъ вызвалъ среди нашихъ родослововъ желаніе написать болѣе обстоятельную исторію рода князей Хованскиххъ.

Много, очень много матеріаловъ еще вовсе не тронуты.

Можно судить по этимъ словамъ, какъ сказочно-богата и увлекательно-интересна фамильная хроника Хованскиххъ.

Какъ много въ ней темъ и сюжетовъ для поэта, композитора, художника!

П. Г.

ПАМЯТИ В. О. КЛЮЧЕВСКАГО.

ВЪНАДЦАТАГО мая, въ три часа пять минутъ дня, скончался почетный членъ и заслуженный профессоръ московскаго университета и московской духовной академіи, ординарный академикъ академіи наукъ и извѣстнѣйшій русскій историкъ, Василій Осиповичъ Ключевскій. Хотя онъ уже около двухъ лѣтъ, послѣ внезапной смерти своей жены, оставилъ профессорскую дѣятельность, а затѣмъ и самъ, страдая каменною болѣзнию, послѣдніе полгода долженъ былъ провести въ больницѣ и подвергнуться дважды хирургической операциі,—все же извѣстіе объ его смерти явилось до нѣкоторой степени внезапнымъ даже для близко знавшихъ покойнаго лицъ, надѣявшихся на выносливость его здоровой природы.

«Еще совсѣмъ недавно,—писалъ А. Кизеветтеръ («Русскія Вѣдомости», 13-го мая 1911 г., № 109),—я видѣлъ дорогаго учителя изнуреннымъ отъ затянувшейся болѣзни, но ничто не предвѣщало трагическаго исхода, и казалось, что еще такъ много силъ таится въ его организмѣ и что эти силы навѣрное справятся съ недугомъ. Его бесѣда, какъ всегда, ярко искрилась всѣми чарами его плѣнительнаго ума, и было видно, что и прикованный къ постели онъ живетъ полною жизнью, интересуясь всѣмъ окружающимъ и не отрываясь отъ научной работы...» «Почившій историкъ,—говорить далѣе тотъ же авторъ,—представлялъ собою высокій образецъ изумительной даровитости русской природы. Мыслитель, ученый

и художникъ слились въ его лицѣ въ одно гармоническое цѣлое. И въ своихъ лекціяхъ, и въ печатныхъ трудахъ онъ подарилъ намъ дивные образцы первокласснаго научно-художественнаго воспроизведенія родной исторіи...»

Потеря столь знаменитаго историка, составлявшаго «красу и славу московскаго университета, красу и славу русской научной мысли, красу и славу русскаго художественнаго слова», естественно должна вызвать печаль въ сердцѣ каждаго образованнаго русскаго чело-вѣка: вѣдь даже ученики средне-учебныхъ заведеній и всѣ стремящіеся къ самообразованію старались ознакомиться съ лекціями и нѣкоторыми учеными трудами покойнаго. Но еще тяжелѣе должна отозваться эта потеря на тѣхъ, кто имѣлъ возможность непосредственно слышать его рѣчь и пользоваться его добрыми совѣтами и наставленіями.

В а с и л і й О с и п о в и ч ъ К л ю ч е в с к і й рѣдился 16-го января 1841 года ¹⁾, въ семьѣ приходскаго священника Пензенской губерніи; обучался въ пензенской духовной семинаріи до философскаго класса и отсюда поступилъ въ московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, который окончилъ въ 1865 году, со степенью кандидата.

«Въ 1861 году студентомъ вступилъ я въ московскій университетъ,—говорилъ, между прочимъ, въ своей отвѣтной рѣчи профессоръ Ключевскій привѣтствовавшимъ его студентамъ, по случаю тридцатилѣтняго юбилея его профессорской дѣятельности,— и съ тѣхъ поръ вотъ уже сорокъ лѣтъ не перестаю жить одною съ нимъ жизнью. Я послѣдній и младшій ученикъ Соловьева, я не засталъ уже его старшаго товарища и друга Грановскаго, но сочиненія Грановскаго были одною изъ первыхъ историческихъ книгъ, изученныхъ мною при выходѣ изъ дѣтства. Моимъ преподавателемъ всеобщей исторіи былъ Ешевскій (Степанъ Васильевичъ, извѣстнѣйшій въ свое время профессоръ, умершій въ 1865 г.), старшій ученикъ ихъ обоихъ. Многообразными нитями я связанъ съ лучшими преданіями нашего университета и до сихъ поръ храню ихъ, какъ свою завѣтную профессорскую святыню. Вотъ откуда падаетъ на меня свѣтъ, который помогаетъ мнѣ ориентироваться, а иногда, можетъ быть, и васъ ориентировать въ темныхъ преданіяхъ нашего тусклаго историческаго прошедшаго. Вотъ этимъ-то свѣтомъ и освѣщается

¹⁾ Я придерживаюсь той даты рожденія, которая указана въ «Спискѣ членовъ императорской академіи наукъ 1725—1907», составленномъ Б. Л. Модзалевскимъ. Въ некрологѣ «Московскихъ Вѣдомостей» 14 мая 1911 г. говорится, что В. О. Ключевскій родился 23 января 1842 г.; а въ некрологѣ «Новаго Времени» сказано только, что «родился въ 1839 году». Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», а также и въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона даты рожденія не приведены вовсе.

Василій Осиповичъ Ключевскій.

коренной завѣтъ, который хранится, воспріемлется и исповѣдуется въ нашемъ университетѣ. Свободная научная мысль—вотъ что написано на скрижали этого завѣта». (См. «Историческій Вѣстникъ», 1901 г., № 12, стр. 1276).

Въ 1867 году В. О. Ключевскій былъ приглашенъ преподавать русскую исторію въ Александровское военное училище въ Москвѣ, гдѣ и оставался въ теченіе шестнадцати лѣтъ. Его пре-
«истор. вѣстн.», июнь, 1911 г., т. сxxiv.

подаваніе здѣсь, по признанію бывшихъ питомцевъ, было съ перваго же года чѣмъ-то совершенно новымъ и необычайнымъ, въ особенности когда онъ сталъ сообщать на своихъ лекціяхъ исторію Россіи XIX вѣка, доходя въ ней до послѣднихъ историческихъ событій, что по тому времени было даже запретнымъ плодомъ для всѣхъ средне-учебныхъ заведеній.

Въ 1871 году онъ началъ чтеніе лекцій по русской исторіи въ московской духовной академіи, сначала въ качествѣ привать-доцента, затѣмъ, съ 1872 года—доцента и наконецъ съ 1883 года—ординарнаго профессора—до 1906 года. Въ 1879 году скончался знаменитый русскій историкъ Сергій Михайловичъ Соловьевъ, и его замѣстителемъ былъ приглашенъ В. О. Ключевскій, сначала въ качествѣ доцента, а съ 1885 года и ординарнаго профессора. За все время своего тридцатилѣтняго профессорства въ старѣйшемъ русскомъ университетѣ онъ только однажды, съ 27 сентября 1887 года по 27-е марта 1889 года, состоялъ деканомъ историко-филологическаго факультета и тоже однажды, съ 28 марта 1889 года по 15-е декабря 1890 года, исполнялъ обязанности помощника ректора. По высочайшему повелѣнію, онъ читалъ лекціи по политической исторіи въ Абась-Туманѣ великому князю Георгію Александровичу, съ 16-го октября 1893 года по 1-е апрѣля 1894 года. Кромѣ того, В. О. Ключевскій читалъ лекціи по русской исторіи на высшихъ женскихъ курсахъ Герье, въ теченіе шестнадцати лѣтъ до времени ихъ закрытія, а послѣ принималъ большое участіе въ организаціи московскими профессорами публичныхъ лекцій. Съ 1893 до 1906 годъ онъ состоялъ предсѣдателемъ московскаго общества исторіи и древностей російскихъ.

Въ мартѣ нынѣшняго года совѣтъ московскаго университета избралъ В. О. Ключевскаго своимъ почетнымъ членомъ. Изъ послѣднимъ сообщеніямъ московскихъ газетъ, отъ почившаго профессора осталась обширная и очень цѣнная по своему подбору библіотека, большинство книгъ которой испещрено помѣтками покойнаго. Сынъ его, Б. В. Ключевскій имѣетъ въ виду пожертвовать ее университету или академіи, но предварительно хочетъ выбрать и привести въ систему всѣ замѣтки покойнаго профессора, какъ весьма любопытныя для опредѣленія творчества автора, и издать отдѣльною книгою.

Учен о-лит е р а т у р н а я д ѣ я т е л ь н о с т ь В. О. Ключевскаго открывается съ 1866 года, когда была напечатана его кандидатская диссертація—«С к а з а н і я и н о с т р а н ц е в ѣ о М о с к о в с к о м ѣ г о с у д а р с т в ѣ» (въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1866—1867 г.г., № 7—9), представляющая собою довольно полный сводъ иностранныхъ извѣстій о тѣхъ сторонахъ древне-русской жизни, изображеніе которыхъ наименѣе могло потерпѣть отъ произвола ложныхъ сужденій ино-

странных писателей. Через двадцать лѣтъ это сочиненіе уже подъ новымъ заголовкомъ: «Московское государство по описаніямъ иностранцевъ XV—XVII вв.», было переиздано обществомъ распространенія полезныхъ книгъ и до сихъ поръ является однимъ изъ лучшихъ пособій по данному вопросу. Вслѣдъ за этимъ трудомъ, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ С. М. Соловьева, В. О. Ключевскій приступилъ къ изученію вопроса о состояніи монастырей и ихъ вліяніи въ колонизаціи сѣверо-восточной Руси, результатомъ чего были слѣдующія его работы: «Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ» (въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» за 1866—67 г., № 7); «Новыя изслѣдованія по исторіи древне-русскихъ монастырей» (это собственно рецензія, печатавшаяся въ двухъ книжкахъ «Православнаго Обозрѣнія» за 1869 г., №№ 10 и 12, о магистерскомъ сочиненіи доцента В. Иконникова—«Изслѣдованія о главныхъ направленіяхъ въ наукѣ русской исторіи въ связи съ ходомъ образованности»); «Церковь по отношенію къ умственному развитію древней Руси» (также рецензія, напечатанная въ томъ же «Православномъ Обозрѣніи» за 1870 г., № 2, о трудѣ А. П. Шапова: «Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа»); «Образцовые писатели русскихъ житій въ XV вѣкѣ» (въ «Православномъ Обозрѣніи», 1870 г., №№ 8, 9 и 10) и «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ» (М. 1871 г., изданіе Солдатенкова).

Послѣднее сочиненіе было представлено авторомъ на соисканіе степени магистра русской исторіи. Изслѣдовавъ въ немъ до ста пятидесяти житій, въ двухстахъ пятидесяти редакціяхъ, разсѣянныхъ по разнымъ древлехранилищамъ частнымъ и публичнымъ, В. О. Ключевскій долженъ былъ отрѣшиться отъ господствовавшего до того времени взгляда на житія, какъ на достовѣрный и богатый историческій матеріалъ. Не найдя историческаго содержанія въ житіяхъ, онъ обратился къ изученію ихъ, какъ историко-литературнаго явленія; установилъ не только основныя редакціи большинства рукописныхъ житій, но разъяснилъ и самыя процессы ихъ творчества; выяснилъ среду, въ которой зародилась литературная форма житій и послѣдующій ея ростъ, какъ по содержанію, такъ и по формѣ, причемъ обратилъ вниманіе и на воздѣйствіе читателей, видоизмѣнившее ихъ характеръ.

Уже въ этомъ изслѣдованіи, говорила современная и послѣдующая критика, обнаружились довольно ярко особенности таланта проф. Ключевского—это замѣчательная чуткость и тонкость наблюденія, мастерское пользованіе незначительными обломками старины для воспроизведенія цѣлаго, умѣніе чувствовать въ старинныхъ памятникахъ біеніе жизни, распознавать въ нихъ общія черты изучаемаго явленія и представить послѣднія въ живомъ образѣ.

Послѣ напечатанія магистерской диссертациі В. О. Ключевскій продолжалъ еще нѣсколько лѣтъ заниматься церковно-исторической литературой и напечаталъ: «Псковскіе споры. I. Русское церковное общество въ XV вѣкѣ. II. Псковское церковное общество въ XV вѣкѣ. III. Споръ съ владыкой (архіеп. Іоной). IV. Споръ съ латинами. V. Богословскій споръ. VI. Литературная полемика» (въ «Православномъ Обзорѣніи», 1872 г., №№ 9, 10 и 12); «Сказаніе о чудесахъ Владимирской иконы Божіей Матери», съ предисловіемъ. (Изданіе общества любителей древней письменности. XXX. Спб. 1878); «Житіе преподобнаго Филиппа Ирапскаго», съ обширнымъ предисловіемъ. (Изданіе общества любителей древней письменности. XLVI. Спб. 1879) и нѣсколько рецензій о сочиненіяхъ по церковному праву, выливавшихся иногда въ цѣлые трактаты, напримѣръ, отзывъ о трудѣ о. М. Горчакова—«О земельныхъ владѣніяхъ російскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода», помѣщенный въ двухъ книжкахъ «Православнаго Обзорѣнія» за 1871 г. и въ «Отчетѣ о пятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова». Въ 1901—1906 гг. Василю Осиповичу еще разъ пришлось принять участіе въ изданіи Четыхъ-Миней Дмитрія Ростовскаго, предпринятомъ московской синодальной типографіей.

Въ теченіе 1880 и 1881 гг. печаталась въ «Русской Мысли» докторская диссертациа В. О. Ключевскаго, подъ заглавіемъ: «Боярская дума древней Руси», переизданная впоследствии четыре раза. Представляя собою по заголовку лишь «Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества», названная диссертациа явилась первой исторіей боярской думы и до сихъ поръ считается самой разработанной и научно-освѣщенной, хотя съ нѣкоторыми выводами автора, правда, очень немногими, и не соглашаются два-три изслѣдователя. Вооруженный необъятною массою матеріала, въ особенности рукописнаго, опытный изслѣдователь затронулъ здѣсь множество самыхъ разнообразныхъ и общихъ темъ изъ древне-русской жизни, придавъ имъ впервые наиболѣе правильное толкованіе. Таковы, напримѣръ, роль колонизаціи въ разложеніи родового быта племенъ славяно-русскихъ; правительственное значеніе древне-русскаго города вообще и стариннаго города въ особенности; борьба правъ: княжескаго и городского въ древнее время; земледѣльческая характеристика населенія въ Московской Руси и соединеніе обычныхъ правъ частнаго собственника съ государственною властью въ лицѣ удѣльнаго князя на сѣверѣ; удѣльное управленіе, въ особенности дворцовое; образованіе московской правительственной аристократіи, какъ политической силы; общественный и политическій кризисъ въ Московскомъ государствѣ во второй половинѣ XVI вѣка; вліяніе соціальнаго состава управленія на его развитіе; положительное

значение московской приказной администраціи сравнительно съ позднѣйшими органами центрального управленія, и проч.

Но эти темы не составляли главнаго содержанія и цѣли труда В. О. Ключевского. Специальною его задачей было изслѣдованіе о боярскомъ совѣтѣ, съ древнѣйшихъ временъ вплоть до превращенія аристократическаго совѣта въ бюрократическое учрежденіе и замѣны его сенатомъ. Въ этомъ изслѣдованіи передъ читателемъ проходитъ боярская дума въ Кіевской Руси XI и XII вѣка, гдѣ она выступаетъ рядомъ съ городovýmъ вѣчемъ и съ совѣщаньемъ князя и его дружины, выступаетъ хотя и съ опредѣленнымъ односословнымъ составомъ, но безъ всякой опредѣленной компетенціи. Съ передвиженіемъ центра тяжести русской исторіи въ Суздальскую землю, боярская дума обращается въ совѣтъ главныхъ дворцовыхъ приказчиковъ: приче́мъ составъ не имѣетъ постояннаго характера: участіе въ совѣтѣ было связано съ служилымъ положеніемъ, а не съ фактомъ землевладѣнія. Московская боярская дума XV вѣка отражаетъ въ себѣ болѣе сложныя административныя задачи: происходитъ извѣстный подборъ функцій, и на долю думы приходится завѣдыванье недворцовыми дѣлами, съ участіемъ не только управителей дворцоваго вѣдомства, но всѣхъ наличныхъ совѣтниковъ. Въ теченіе XVI и XVII вв. боярская дума, послѣ цѣлаго ряда переменъ въ социальномъ и правительственномъ составѣ, постепенно приобрѣтала значеніе центрального органа управленія, замѣняющаго съ конца XVII вѣка государя въ его отсутствіе и при переходѣ въ Петровскую эпоху выдѣлившаго изъ себя такъ называемую «ближнюю канцелярію».

Помимо научныхъ достоинствъ и образнаго, художественно-литературнаго изложенія, «Боярская Дума древней Руси», какъ широко открывающая исторію всѣхъ почти государственныхъ учреждений до-петровской Руси, имѣетъ еще весьма цѣнное значеніе для юриста-государствовѣда въ методологическомъ отношеніи¹⁾. Нечего и говорить о томъ, какіе восторженные отзывы и какое всеобщее послѣ нихъ вниманіе вызвала эта докторская диссертация, доставившая автору не только искомую ученую степень, но и поставившая его имя въ ряды первоклассныхъ ученыхъ.

Послѣ этого В. О. Ключевскій обратился къ болѣе спеціальному изслѣдованію, и именно по социальной и политической исторіи Московскаго государства. Въ 1885 и 1886 гг., на страницахъ «Русской Мысли» онъ напечаталъ двѣ статьи: «Происхожденіе крепостнаго права въ Россіи» и «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи»;

¹⁾ См. по поводу этой статьи проф. С. А. Котляревскаго: «Что даетъ «Боярская дума» В. О. Ключевского для государствовѣдѣнія», напеч. въ «Сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому». М. 1909.

а въ 1890—1892 годахъ въ томъ же журналѣ обнародоваль свое изслѣдованіе: «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси».

Всѣ эти труды кореннымъ образомъ измѣнили господствовавшіе до того времени взгляды на нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ явленій древне-русской жизни. До появленія въ свѣтъ первыхъ двухъ статей наши историки сводили процессъ прикрѣпленія крестьянъ къ исторіи московской правительственной политики, частную зависимость отъ землевладѣльцевъ и ея возрастающее вліяніе на ходъ прикрѣпленія они почти вовсе упустили изъ виду. Пользуясь небывалою до того въ рукахъ прежнихъ изслѣдователей массою архивнаго матеріала, Василій Осиповичъ прослѣдилъ развитіе холопства, состоявшее въ постепенномъ осложненіи его состава цѣлымъ рядомъ разновидностей и въ любопытномъ превращеніи холоповъ, какъ вещей своихъ господъ, въ людей, надѣленныхъ нѣкоторыми личными и имущественными правами; мастерски выяснилъ вліяніе христіанскихъ идей и вообще роль церкви и государства въ процессѣ закрѣпощенія; далъ блестящій анализъ кабальнаго холопства, приведя его въ связь съ крестьянствомъ; выяснилъ постепенное смѣшеніе договоровъ займа и найма въ ихъ юридической послѣдовательности, способствовавшее дальнѣйшему ходу прикрѣпленія; открылъ новый факторъ прикрѣпленія, а именно «старину», при чемъ и въ ней попытался различить старину кабальную отъ старины тяглой и писцовой, и наконецъ выяснилъ образованіе юридическаго характера долгового холопства.

Послѣднее изслѣдованіе профессора Ключевскаго о холопахъ было признано въ свое время научною критикою одной изъ самыхъ блестящихъ научно-историческихъ работъ не только въ русской, но и въ иностранной исторической литературѣ послѣдняго времени.

Въ трудѣ «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси» авторъ, путемъ «чисто микроскопическаго анализа», пришелъ къ совершенно новому выводу: представители на первыхъ земскихъ соборахъ были скорѣе представителями по служебному положенію, чѣмъ по общественному довѣрію; кромѣ того, связавъ исторію земскихъ учреждений XVII вѣка съ исторіей земскихъ соборовъ, онъ выяснилъ происхожденіе и значеніе представительства въ XVI вѣкѣ, какъ «вышей формы поруки въ управленіи».

Одновременно съ упомянутыми работами появилось цѣнное изслѣдованіе профессора Ключевскаго «Русскій рубль XVI — XVIII вѣковъ въ его отношеніи къ нынѣшнему» (въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ», 1884 г., т. I), восполнившее давно чувствуемый пробѣлъ. Цѣнность своихъ метрологическихъ изысканій ав-

торъ увеличилъ тѣмъ, что къ нимъ присоединилъ и изученіе хлѣбныхъ цѣнъ въ XVI—XVIII вѣкахъ.

Большой научный интересъ представляютъ и культурно-историческіе очерки покойнаго профессора, касавшіеся, главнымъ образомъ, состоянія нашего просвѣщенія въ XVII—XVIII вѣкахъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить «историко-психологическій очеркъ: «Западное вліяніе въ Россіи XVII вѣка» (М. 1897 г.); въ немъ авторъ изучилъ тѣ «колебанія и сомнѣнія, съ которыми русское общество сближалось съ Западной Европой, страхъ его передъ иноземной цивилизаціей и образованіе того направленія, представители котораго не сумѣли преодолѣть своей косности, не послѣдовали за общимъ движеніемъ русской церкви и, оторвавшись отъ нея, образовали расколъ старообрядчества». При этомъ онъ представилъ чисто художественную картину нравственно-психологическаго переворота, который долженъ былъ испытывать каждый старообрядецъ, отдѣлившійся отъ церкви. Изъ другихъ очерковъ этого рода назовемъ: «И. Н. Болтинъ» (въ «Русской Мысли», 1892, № 11), «Воспоминанія о Н. И. Новиковѣ и его времени» (въ «Русской Мысли», 1895 г., № 1), и др.

Всѣ вышеуказанные учено-литературные труды, съ ихъ выдающимися научными достоинствами, послужили основаніемъ для академіи наукъ къ избранію В. О. Ключевского въ 1900 г. прямо изъ членовъ-корреспондентовъ въ ординарные академики по исторіи и древностямъ русскимъ.

Какъ и профессоръ-педагогъ, В. О. Ключевскій представлялъ собою неизмѣримую величину; многочисленные его слушатели, несомнѣнно, скоро посвятятъ въ періодической печати ему немало своихъ воспоминаній, и потому мы здѣсь ограничимся очень немногими словами. Какъ великій мастеръ слова, покойный профессоръ едва ли не съ первыхъ своихъ выступленій на публичной кафедрѣ приковывалъ вниманіе всякой аудиторіи и заставлялъ слушателей «переживать» излагаемые имъ историческія явленія и стремиться къ болѣе подробному ознакомленію съ ними. Его университетскія лекціи въ литографированномъ видѣ обходили не только всѣ университетскіе города, но и отдаленные уголки нашей обширной Россіи. Его историческими взглядами была преисполнена съ начала 1880-хъ годовъ не только вся учащаяся молодежь, но и масса образованныхъ лицъ, интересующихся родною исторію; по его лекціямъ учились и учили и будутъ еще учить многіе годы. Но литографированныя лекціи студентовъ, однимъ изъ первыхъ энергичныхъ издателей которыхъ былъ въ свое время самъ студентъ Ключевскій, какъ свидѣтельствуетъ Петръ Погожевъ (см. «Новое Время», № 12635 —

«Первая работа Ключевского»), невольно имѣли и имѣютъ рядъ неточностей, искаженій и разнаго рода промаховъ. Чтобы избавить своихъ слушателей отъ такого рода неточныхъ руководствъ профессоръ Ключевскій еще въ 1899 году разрѣшилъ выпустить въ свѣтъ свое «Краткое пособіе по русской исторіи», выдержавшее до 1909 г. семь изданій. Имѣя въ виду слушателей, а также большую русскую читающую публику, профессоръ Ключевскій съ 1903 года приступилъ къ изданію своего «Курса русской исторіи» и въ теченіе шести лѣтъ напечаталъ четыре его части. Первые двѣ обнимаютъ начальную русскую исторію по XVI вѣку, третья—охватываетъ лишь одинъ XVII вѣкъ, и наконецъ, четвертая, посвященная его супругѣ Анисѣ Михайловнѣ, скончавшейся 21-го марта 1909 года,—XVIII вѣкъ до переворота 1762 года. Широкая постановка вопросовъ, широкія обобщенія, масса научнаго матеріала и красивая образность изложенія отличаютъ и названные «Курсы», нѣкоторыя части которыхъ вышли уже вторыми изданіями, а отдѣльныя лекціи перепечатаны въ различныхъ журналахъ.

Что касается дѣятельности В. О. Ключевского, какъ ученика и публициста, то она сравнительно очень невелика и ограничивается нѣсколькими выступленіями на публичной кафедрѣ по поводу тѣхъ или другихъ юбилейныхъ культурно-историческихъ празднествъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь приходится отмѣтить блестящія по изложенію и богатія по научному освѣщенію рѣчи покойнаго профессора, вызывавшія своевременно широкіе толки и сужденія. Таковыми были: «Евгеній Онѣггинъ и его предки» (въ «Русской Мысли», 1887 г., № 2), «Добрые люди древней Руси» (выдержала четыре изданія), «С. М. Соловьевъ какъ преподаватель» (М. 1895 г.), «Императрица Екатерина II. 1796—1896» (въ «Русской Мысли», 1896 г., № 11) и др. Особенное значеніе придавали изслѣдователи послѣдней статьѣ, и одинъ изъ нихъ—О. В. Благовидовъ рекомендуетъ вниманію читателей изъ всѣхъ юбилейныхъ очерковъ объ Екатеринѣ II, появившихся по случаю столѣтія со дня смерти императрицы, лишь ее одну, какъ «талантливую и оригинальную статью», несмотря на то, что авторъ поставилъ себѣ не очень благодарную задачу—«среди похвальныхъ словъ и обличительныхъ памфлетовъ осторожно пройти къ простымъ итогамъ»¹⁾.

Едва ли не единственный разъ выступилъ В. О. Ключевскій съ учено-публицистическою статьею, какъ толкователь общественныхъ интересовъ, имѣемъ въ виду его брошюру «Чья земля подъ городскими рядами на Красной площади» (М. 1887 г.).

¹⁾ См. О. В. Благовидовъ: «Личность императрицы Екатерины II» (въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1905 г., № 8, стр. 468.).

Въ заключеніе нашей небольшой замѣтки о почившемъ знаменитомъ историкѣ и профессорѣ-педагогѣ всего образованнаго русскаго общества мы обратимся къ тому адресу, который поднесли въ 1909 году, по случаю тридцатилѣтія профессорской дѣятельности въ московскомъ университетѣ, В. О. Ключевскому «участники» «Сборника статей, посвященныхъ Василию Осиповичу Ключевскому». «Участники» эти—ученики, друзья и почитатели, въ количествѣ сорока двухъ лицъ, изъ среды извѣстныхъ ученыхъ и писателей, между прочимъ, говорили въ своемъ адресѣ слѣдующее:

«Чѣмъ бы мы ни занимались,—русской исторіей или исторіей другихъ народовъ и другихъ государствъ, литературой, языковѣдѣніемъ, правомъ или общественнымъ хозяйствомъ,—мы всегда чувствовали крѣпкую духовную связь съ вашей работой и съ вами. Изучая ваши труды, мы восхищались проявленнымъ въ нихъ творчествомъ неутомимой и смѣлой мысли, послушной только скрижалямъ свободнаго научнаго изслѣдованія... Въ вашей аудиторіи мы поднимались надъ заботами и злобами дня, въ ней мы вырастали. Вашимъ «Курсомъ» мы зачитывались еще въ сѣрыхъ литографіяхъ прежнихъ дней. Для многихъ изъ насъ онъ былъ первой книгой, заставившей мысль встрепенуться. Изъ него мы исходили, приступая къ занятіямъ русской исторіей... Мы всѣ вырастали подъ непрерывнымъ воспитывающимъ вліяніемъ мысли о томъ, что результаты нашей работы мы положимъ предъ вашими глазами, будемъ ждать вашего суда, и нельзя передать того волненія, которое мы испытали, когда вы произносили свой приговоръ...»

Одинъ изъ этихъ участниковъ, А. А. Кизеветтеръ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ смерти, въ своемъ опредѣленіи научнаго значенія трудовъ покойнаго, «какъ ученаго историка Россіи», приходитъ къ выводу, что онъ «создалъ самую науку русской исторіи». (См. «Русскія Вѣдомости», 1911 г., № 110).

В. Рудаковъ.

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ, КАКЪ ЛЕКТОРЪ.

(Изъ воспоминаній его слушателя).

ВЕРЯШЛИВЫЕ, извилистые коридоры «новаго» зданія московскаго университета полны гула и движенія. Лекція только что кончилась, и студенты, высыпавъ изъ аудиторіи, толпятся за неимѣніемъ какихъ-либо свободныхъ помѣщеній для рекреаціи, тутъ же въ коридорахъ. Вотъ группа филологовъ о чемъ-то спорить оживленно, вотъ длинной вереницей направляются курильщики въ душную курилку, вотъ нѣсколько математиковъ, выхвативъ карандаши, тутъ же на крашеной извести стѣнѣ выводятъ какую-то сложную формулу. Шумъ стоитъ изрядный.

Вдругъ этотъ гулъ толпы покрывается трескомъ аплодисментовъ. Строжайше запрещавшіяся въ то время рукоплесканія несутся откуда-то сверху и падаютъ внизъ сквозь широкіе пролеты старинной чугунной лѣстницы. Шумъ наверху приближается, и вдругъ на лѣстницу высыпаетъ толпа студентовъ, окружая высокаго черноволосаго человѣка въ форменномъ синеватомъ вицъ-мундирѣ, съ некрасивымъ, но въ высшей степени умнымъ и выразительнымъ лицомъ. Покачивая портфелемъ, который онъ держитъ за верхній уголь, человѣкъ въ вицъ-мундирѣ какъ-то плечомъ, словно робѣя, торопливо пробирается сквозь толпу окружающихъ его студентовъ, едва успѣвая отвѣчать на ихъ вопросы. На порогѣ профессорской комнаты онъ останавливается, широко раскрываетъ свои черные, блестящіе, какъ у лихорадочнаго больного, глаза, прикрытые очками, и, давъ студентамъ просимыя ими указанія, съ какимъ-то озабоченнымъ видомъ скрывается за дверью.

То знаменитый профессоръ русской исторіи Василій Осиповичъ Ключевскій.

Потолкавшись въ коридорахъ и подѣлившись впечатлѣніями, студенты, въ ожиданіи дальнѣйшихъ лекцій, начинаютъ разбредаться по аудиторіямъ. Особенно густой потокъ ихъ направляется по лѣстницѣ къ той аудиторіи, гдѣ Ключевскій долженъ прочесть свою вторую лекцію. У дверей ея уже стоитъ педель, пропускающій въ нее по билетамъ только тѣхъ, кто записался на курсъ русской исторіи. Но студенты напираютъ силой, педель не въ состояніи проконтролировать всѣ билеты, и толпа вваливается въ аудиторію.

Одна изъ обширныхъ аудиторій «новаго» зданія университета набита биткомъ. Тутъ не только историки, но и математики, естествоиспытатели, юристы, не только первокурсники въ новенькихъ съ иголочки мундирахъ, но и кончающіе курсъ студенты—послѣдніе могикане, которымъ разрѣшено было по введеніи устава 1884 года донашивать свое штатское платье.

Вдругъ вся аудиторія поднимается, какъ одинъ человѣкъ: къ кафедрѣ быстрыми шагами, но такъ же, плечомъ впередъ, подходитъ Ключевскій. Онъ не поднимается сразу на кафедру, а начинаетъ лекцію, стоя внизу и держась за нее рукой. Лицо его вдругъ сморщивается, глаза суживаются въ щелку, изъ которыхъ падаетъ на студентовъ острый, какъ бы испытующій взоръ. «Я окончилъ изображеніе порядка, установившагося на Руси въ XII вѣкѣ,—раздается не громкій, но до всѣхъ доходящій басокъ.—Теперь я долженъ обратиться къ болѣе глубокой, болѣе скрытой отъ глазъ наблюдателя сферѣ жизни—къ гражданскому правопорядку».

И, произнося эту вступительную фразу, профессоръ, какъ бы незамѣтно для самого себя, поднимается со ступеньки на ступеньку. Вотъ онъ, наконецъ, достигъ кафедры и, облокотившись на нее лѣвой рукой, стоя начинаетъ дальнѣйшее изложеніе прожитой жизни старой Руси, лишь изрѣдка взглядывая въ лежащій передъ нимъ листокъ.

Четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ счастье слышать лекціи этого замѣчательнаго ученаго. Много съ тѣхъ поръ приходилось мнѣ видѣть лекторовъ, не исключая и такихъ, которые считаются специалистами въ искусствѣ чтенія, но такого, какъ Ключевскій, я никогда уже не слыхивалъ. У Ключевского были не лекціи, а вдохновенныя импровизаціи (такъ, по крайней мѣрѣ, казалось со стороны). Ключевскій былъ настоящимъ художникомъ слова, быть можетъ, бессознательнымъ артистомъ, который глубоко переживалъ все то, о чемъ онъ говорилъ, и отражалъ эти переживанія на своемъ некрасивомъ, дьячковскаго типа лицѣ. Вотъ это лицо приняло строгое, холодное выраженіе. Голосъ звучитъ ровно и покойно. Профессоръ излагаетъ вещь очень сухую—систему поборовъ, которою былъ опутанъ простой человѣкъ въ Московской Русн.

«Русскій человѣкъ,—говорить Ключевскій,—могъ безошлнно только родиться и умереть». Вдругъ въ его глазахъ зажигается веселый огонекъ, рѣдкая бородка, растущая на остріи подбородка, вздрагиваетъ, какъ бы отъ внутренняго смѣха, и съ устъ срывается добродушная насмѣшка. «Это была, конечно, финансовая непослѣдовательность, исправленная, впрочемъ, духовенствомъ». То и дѣло это крайне подвижное лицо принимаетъ ироническое выраженіе, глаза сощуриваются, и по аудиторіи пронесется какой-нибудь мѣткій сарказмъ, вызывая невольный смѣхъ на всѣхъ скамьяхъ.

Въ теченіе одной и той же лекціи лицо и тонъ Ключевского безпрестанно мѣнялись въ зависимости отъ того, что онъ говорилъ. Эта мимика и голосъ до такой степени врѣзывались въ память, что слушатели уносили въ памяти всю лекцію, хотя иногда вопросъ разобрался очень сложный.

Въ зависимости отъ матеріала, иногда у него вся лекція была выдержана въ одномъ, такъ сказать, настроеніи. Что такое, какъ не сплошной сарказмъ, напримѣръ, его лекція о Петрѣ III, гдѣ такъ и слышится голосъ бытового русскаго человѣка, оскорбленнаго появленіемъ этого случайнаго гостя русскаго престола? «Въ лицѣ своемъ онъ (Петръ III),—говорилъ профессоръ,—совмѣщаль двухъ великихъ враговъ XVIII вѣка: онъ былъ внукъ сестры Карла XII и сынъ дочери Петра Великаго. Такое капризное происхожденіе грозило ему опасностью со временемъ сѣсть за разъ на двухъ престолахъ: на шведскомъ и на русскомъ. Сначала его готовили къ первому и для этого заставляли усердно учить латинскую грамматику, шведскій языкъ, лютеранскій катехизисъ. Въ Петербургѣ онъ бросилъ латинскую грамматику и лютеранскій катехизисъ и началъ прилежно учиться русскому языку и православному катехизису. Перемѣна системы воспитанія и внѣшней обстановки разрушительно подѣйствовала на его отъ природы не бойкія способности. Его учили столькимъ разнообразнымъ предметамъ, внушали столько различныхъ понятій, что онъ кончилъ тѣмъ, что не научился ничему и не приобрѣлъ никакихъ твердыхъ понятій»—такъ начинается эта блестящая характеристика.

У Ключевского внѣшняя форма лекціи всегда была въ строгомъ соотвѣтствіи съ ея внутреннимъ содержаніемъ и, напримѣръ, хаосъ и безтолковщина Елизаветинскаго времени внѣшнимъ образомъ воплощены у него въ рядъ самыхъ неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ противоположеній, антитезъ, на которыхъ построена вся лекція. «Елизавета,—говорилъ Ключевскій,—была веселая и набожная царица: отъ вечерни ѣздила на балъ, а съ бала къ заутренѣ. Вѣчно вздыхая по иноческой жизни, она оставила послѣ себя гардеробъ въ нѣсколько тысячъ платьевъ. Она имѣла огромное вліяніе на судьбу Западной Европы и умерла съ убѣжденіемъ, что въ Аме-

рику можно попасть сухимъ путемъ. Даже невѣжественныхъ современниковъ своихъ она поражала недостаточностью своего образования и основала первый въ Россіи университетъ. Она была по щекамъ своихъ фрейлинь и во все царствованіе не отрубила голову ни одному преступнику».

Но о чемъ бы ни говорилъ профессоръ своимъ слушателямъ, въ его словахъ всегда звучалъ одинъ лейтъ-мотивъ, который красной нитью проходитъ по всѣмъ его рукописнымъ и печатнымъ курсамъ—это чувство гражданскаго долга передъ родиной, врожденное и воспитанное въ Ключевскомъ общественнымъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ. Чѣмъ ближе подходилъ онъ въ своемъ изложеніи къ нашему времени, тѣмъ громче звучалъ у него этотъ мотивъ, пока въ концѣ курса не завершался такимъ аккордомъ: «Вы должны,—говорилъ профессоръ, напутствуя своихъ слушателей на практическую работу:—вы должны прежде всего приняться работать своимъ умомъ вмѣсто пассивнаго усвоенія плодовъ чужого ума. Эта работа должна направиться на провѣрку усвоенныхъ вами чужихъ идей и внимательное изученіе русской дѣйствительности. Поколѣніе, которое воспитывалось подъ вліяніемъ реформъ Александра II, до боли чувствовало настоятельность разрѣшенія той и другой задачи, но надо признаться, что это поколѣніе, къ которому принадлежитъ и говорящій, доселѣ плохо разрѣшало свои задачи, и, надо думать, сойдетъ съ поприща, не разрѣшивши ихъ, но оно сойдетъ съ увѣренностью, что вы и тѣ, которыхъ вы будете воспитывать, разрѣшите ихъ за насъ».

Всѣ слышавшіе этотъ завѣтъ учителя, навѣрно, помнятъ тотъ чисто юношескій жаръ, тотъ подъемъ чувствъ, съ которымъ онъ обращалъ къ нимъ свои послѣднія слова.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ утраты Ключевского пытался я охарактеризовать неподражаемаго лектора. Мнѣ было бы весьма прискорбно, если бы кто-нибудь изъ прочитавшихъ эти строки вообразилъ себѣ Ключевского какимъ-то трибуномъ, старавшимся дѣйствовать съ каеэды лишь на молодую воспримчивость. Одно время такое фальшивое представленіе было въ большой модѣ. Нѣтъ, Ключевскій былъ прежде всего настоящій и крупный ученый. Отъ него, такъ сказать, вѣяло строгой наукой. Достаточно было прослушать одну лекцію Ключевского, чтобы устранить въ себѣ всякое сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли исторія наука, а не простое описаніе давно совершившихся событій. Передъ слушателями не только проходили прошлые факты, но обнажался такъ сказать стихійный процессъ роста русскаго народа и его государственныхъ формъ. Слушая Ключевского, трудно было отдѣлаться отъ сама собой возникавшей мысли: да, это было именно такъ и иначе быть не могло.

Кончая свои воспоминанія, я хотѣлъ бы добавить два слова о Ключевскомъ въ университетѣ.

В. О. Ключевскій велъ жизнь весьма уединенную, всецѣло посвященную любимой имъ наукѣ. Студенты къ нему не ходили. Можетъ быть, это происходило отъ того, что у администраціи Ключевскій давно былъ на дурномъ счету, и положеніе его ухудшилось бы еще болѣе, если бы къ нему потянулись толпы паломниковъ. Другой причиной было нежеланіе пускать постороннихъ въ свою ученую лабораторію.

Вернувшись изъ Абасъ-Тумана, куда онъ былъ приглашенъ читать лекціи покойному великому князю Георгію Александровичу, Ключевскій купилъ для себя въ концѣ города, въ Замоскворѣчѣ, небольшой домъ-особнякъ съ большимъ липовымъ садомъ и послѣдніе годы жилъ въ уединеніи, работая надъ своими курсами.

Миръ праху твоему, незабвенный учитель!

А. Бѣловъ.

ПОЭТЪ БОЖІЕЙ МИЛОСТІЮ.

(Памяти К. М. Фофанова).

КОНЧАЛСЯ Константинъ Михайловичъ Фофановъ, самый талантливый и крупный изъ современныхъ поэтовъ, прямой и непосредственный послѣдователь поэтическихъ завѣтовъ Пушкина, равнаго по лирическому творчеству которому не выдвигала русская жизнь за послѣдніе годы. Это былъ настоящій «Божіей милостію поэтъ», пѣвшій свои пѣсни среди шумнаго гомона повседневной жизни, почерпая по большей части содержаніе ихъ изъ громадной книги бытія, гдѣ міръ космическій, таинственный, міръ растительный, міръ духа, грезъ и настроеній, міръ Божьей благодати съ ея теплой и чистой вѣрой находилъ свое яркое и красивое отраженіе. Что-то чудное совершалось на нашихъ глазахъ: невзрачный на видъ, несуразный во всѣхъ своихъ жизненныхъ дѣяніяхъ, вѣчно скользящій по наклонной плоскости паденія человѣкъ, котораго многіе избѣгали именно за эту несуразность и паденіе, былъ одаренъ высшимъ Божественнымъ даромъ пѣснопѣнія, гдѣ чудные звуки и образы, переплетаясь и взаимно дополняя, доставляли всѣмъ, до кого эти звуки доходили и кто обладалъ чуткостью воспріятія, большое наслажденіе, вызывая въ душѣ лучшія чувства, уносящія изъ окружающаго міра пошлости, грязи и злобы въ чудный и свѣтлый міръ высшихъ идеаловъ, въ міръ любви, правды и приближенія къ Богу. Да, этому человѣку съ его невзрачной физической оболочкой, въ вѣчно неприглядной обстановкѣ и при кошмарныхъ условіяхъ жизни, вышедшему изъ сѣрой, простонародной среды, не получившему никакаго систематическаго и мало-мальски прочнаго и разумнаго воспитанія и образованія, былъ данъ див-

ный даръ, который его, какъ поэта и пѣвца, подымалъ изъ бездны и возвышалъ надъ современниками, вызывая въ нихъ подчасъ удивленіе и чувство восторга. Многіе изъ стиховъ Фофанова по совершенству красокъ и формы, по силѣ слова, по глубинѣ и чистотѣ чувства стали у насъ классическими, вошли въ хрестоматіи, сдѣлались общеизвѣстными наравнѣ съ произведеніями лучшихъ представителей отечественнаго Парнаса. Вспомните только его стихотвореніе:

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя.
Лепестки улыгнулись атласныя,
Задрожали листки изумрудныя,
И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя—
И распѣли ихъ вѣтры мятежныя
Надъ землею, надъ волной, надъ утесами.
И земля, подъ весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звѣздными сказками
Мою душу безумно влюбленную.
И теперь, въ эти дни многотрудныя,
Въ эти темныя ночи ненастныя,
Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво чудныя.

ИЛИ

Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ
И подъ звонъ колоколовъ
Къ намъ летитъ весна изъ дальнихъ
Изъ полуденныхъ краевъ.

Въ зеленѣющемъ уборѣ
Млѣютъ темныя лѣса,
Небо блещетъ, точно море,
Море—точно небеса.

Сосны—въ бархатѣ зеленомъ,
И душистая смола
По чешуйчатымъ колоннамъ
Янтарями потекла.

И въ саду у насъ сегодня
Я замѣтилъ, какъ тайкомъ
Похристосовался ландышъ
Съ бѣлокурымъ мотылькомъ.

ИЛИ

Святая душа покидала земныя селенья,
Прощая обиды, прощая людскія гоненья,
И тихо друзьямъ улыбалась улыбкой привѣта,—
То было въ часъ утра, въ сіяніи аломъ разсвѣта.

Печальная тучка неясно, какъ дымъ изъ кадила,
По степи лазоревой неба въ то время бродила,
Душа пронеслася, полетомъ ее задѣвая,—
И тучка зардѣлася пурпуровымъ отблескомъ рая...

Константинъ Михайловичъ Фофановъ.

И только что звѣзды подь вечерь зажглися во мракѣ,
И только что даль опочила въ росистомъ туманѣ,
Въ саду у крыльца, гдѣ покоились смертныя ткани
Души улетѣвшей, раскрылися алые маки...

И было въ тотъ вечерь замѣтно пыльному оку,
Какъ быстро катилась звѣзда золотая къ востоку,
«истор. вѣстн.», июнь, 1911 г.. т. сжхiv.

17

Катилась какъ искра, какъ свѣточъ мгновенный ээира—
 То быстро душа проносилась изъ грознаго міра,
 Забывши юдоль и тоску сокрушающей жизни,
 Къ своей лучезарной, къ своей незабвенной отчизнѣ...

Такихъ образцовъ поэтическаго творчества Фофанова, какъ приведенные выше, можно было бы привести не одно, какъ напоминающіе намъ о тѣхъ часахъ, когда мы впервые съ ними знакомились и когда оригинальный образъ настоящаго поэта мерцалъ передъ нами въ вихрѣ современности съ ея чадомъ и прозой жизни. И что всего оригинальнѣе, поэтъ, окутанный этимъ чадомъ, дерзаль говорить о звѣздахъ, о ландышахъ, о молитвѣ, о любви, о Богѣ въ тѣ самые дни и годы, когда на такую тему его собратья не дерзали говорить изъ страха передъ грозными бичами тогдашней вліятельной гражданской критики, звавшей именно отъ этихъ предметовъ пѣсни поэта къ землѣ съ ея гражданскими запросами дня и требованіями протестующей политики. Но онъ не боялся этихъ бичей, дерзаль поклоняться всенародно своимъ святымъ святымъ, колѣнопреклоненно стоялъ въ умиленіи передъ красотою Божьяго міра и читалъ здѣсь тѣ страницы любви, которыми преисполнена была его безхитростная, кроткая и любвеобильная душа. И на зовъ къ гражданской борьбѣ онъ, точно съ болью и съ грустью за отказъ, говорилъ:

Нѣтъ, не зови меня! Нѣтъ, другъ мой, не зови
 Изъ міра свѣтлыхъ чаръ и царственной любви...
 Въ немъ все знакомо мнѣ, все мило съ колыбели—
 И звучныхъ соловьевъ раскатиетъя трели,
 И розы бѣлыя, и бѣлые стихи...
 Я въ сердцѣ ихъ возрастилъ, я напоилъ ихъ кровью;
 Я ихъ люблю мучительной любовью,
 Какъ любить старость юные грѣхи...
 Доступны только мнѣ тѣ страны неземныя,
 Ихъ звонкіе ручьи, ихъ гроты голубые,
 Ихъ звѣзды блѣдныя, какъ блескъ моихъ очей,
 Ихъ темные лѣса, какъ скорбь души моей,
 Ихъ волны звучныя, какъ стихъ мой перекатный,
 И пышный ихъ цвѣтникъ, какъ греза, ароматный.
 Гдѣ рѣють и жужжать элѣгіи свои
 На утренней зарѣ тяжелые шмели...
 И даже мшистыя руины и могилы
 Изъ сумрачныхъ степей мнѣ дороги и милы,
 Какъ лоскутки знаменъ—для дряхлаго бойца,
 Какъ пѣсня старая для новаго пѣвца.

Отказываясь отъ борьбы за общественность, за гражданственность, онъ, конечно, какъ сынъ своего времени, какъ физическій индивидумъ, не могъ оставаться отъ современности совершенно въ сторонѣ, и у его ближайшихъ пріятелей имѣются тому его стихотвор-

ныя доказательства. Но проникнуться духомъ своего времени онъ не былъ въ состояніи и смотрѣлъ на міръ не подъ угломъ зрѣнія борьбы, а какъ на арену любви. При такой точкѣ зрѣнія, онъ, конечно, не могъ записаться въ сонмъ борцовъ, а оставался, при всѣхъ оказываемыхъ на него давленіяхъ, оригинальнымъ и самобытнымъ проповѣдникомъ любви и прощенія. Эта его точка зрѣнія всего лучше выражена въ «стансахъ сыну», гдѣ онъ говорилъ:

Люби людей, люби природу...
Неволей ближнихъ и родныхъ
Не покупай себѣ свободу...
Учись у добрыхъ и у злыхъ:

Есть въ небѣ мѣсто яснымъ зорькамъ,
Но тамъ и темной ночи мгла,
И сладкій медъ въ растенъи горькомъ
Находитъ мудрая пчела.

Пусть лучше ты обмануть дважды
И проклять ложью не за ложь...
Чѣмъ самъ обманешь хоть однажды
И на проклятья посягнешь!

Мы, проклиная, сердце губимъ,
И свѣтъ любви терлемъ съ нимъ...
Міръ нашъ—пока его мы любимъ,
Разлюбимъ—станетъ онъ чужимъ.

Этотъ этический взглядъ на жизнь, ея обязанности и значеніе, проникавшій многія его лирическія и элегическія произведенія, создавалъ ему въ нашей взбудораженной дѣйствительности послѣднихъ лѣтъ совершенно особое литературное положеніе, не позволявшее «толпѣ» считать его своимъ и побуждавшее ее относиться къ нему скорѣе отрицательно, нежели любовно и сочувственно. И онъ отвѣчалъ этой толпѣ:

Я съ толпою иду—и пою я въ толпѣ
И смѣется надменно толпа мнѣ во слѣдъ:
Ты поэтъ, ты безумецъ осмѣянныхъ лѣтъ,
Не пойду за тобой по невѣрной тропѣ!

Я борьбою сильна, ты тоскою томимъ,
Я, какъ бездна, шумна, ты—всегда одинокъ.
Жизнь проходитъ, какъ ночь, сны исчезнутъ, какъ дымъ.
Духъ—скала, а толпа—мимолетный потокъ.

Пусть бушуетъ потокъ, не подломитъ утесъ.
А подломитъ его—онъ, шумящей волнѣ
Преграждая пути, рухнетъ въ бѣшенствѣ слезъ,
Чтобъ застыть навсегда въ роковой глубинѣ.

Лишь немногіе знатоки поэзіи, лишь немногіе литературные органы сумѣли съ перваго раза познать въ Фофановѣ настоящаго Божіей милостію поэта, пригрѣть его, дать ему возможность вернуть силы и поддерживали по мѣрѣ возможности въ безконечные дни его несчастій, паденій и борьбы съ самимъ собою и съ снѣдающимъ его такъ называемымъ «русскимъ» порокомъ или, правильнѣе, болѣзнию, очевидно доставшеюся ему въ значительной степени по наслѣдству. Здѣсь необходимо въ общихъ чертахъ набросать нѣкоторыя біографическія данныя о поэтѣ, данныя, правда, не отличающіяся разнообразіемъ фактовъ и яркостью красокъ.

Предки Фофанова были крестьянами изъ Сердоболя, и въ ихъ поколѣніяхъ перемѣшивалась финская и русская кровь; отецъ его перечислился изъ крестьянъ въ купцы и торговалъ въ Петербургѣ дровами; мать его была коренная русская и, повидимому, сынъ почерпнулъ отъ нея лучшія стороны своего характера и души. Родился нашъ поэтъ 18 мая 1862 г., дѣтство и юность его прошли безалаберно и при неблагопріятныхъ семейныхъ обстоятельствахъ, благодаря чему онъ, хотя и учился въ какихъ-то частныхъ пансіонахъ, но правильнаго образованія нигдѣ не получилъ. Уже на восьмомъ году жизни его стало тянуть къ писательству, и онъ пробуетъ свои силы на сочиненіяхъ въ прозѣ и въ стихахъ. Его любимыми поэтами были Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, въ особенности первый изъ нихъ, обожанію котораго и преклоненію передъ которымъ онъ остался вѣренъ до конца своихъ дней. Пушкинъ былъ его настоящею школою, слѣды вліянія которой замѣтны на всѣхъ его произведеніяхъ, какъ по формѣ стихосложенія, такъ по настроенію и многимъ проявленіямъ чувства. Обращаясь къ его памяти на извѣстныхъ «Пушкинскихъ торжествахъ» въ Москвѣ въ 1899 г., онъ восклицалъ:

... Благодарю тебя! Ты скрасилъ бытіе
Своимъ волшебнымъ вдохновеніемъ.
Я рабъ твой преданный, такъ любящій тебя,
Безсилень высказать, что ты творилъ великій!

Семнадцати лѣтъ Фофановъ является къ В. П. Буренину, какъ знатоку русской литературы, вкусу, опыту и умѣнію направлять молодыя литературныя силы на правильную дорогу котораго онъ вполне довѣряетъ, и приноситъ ему первые свои стихотворные опыты. Нашъ извѣстный критикъ сразу оцѣнилъ въ пришедшемъ крупное дарованіе, одобрилъ его и въ 1881 г. ¹⁾ даетъ ему мѣсто на страницахъ «Новаго Времени», гдѣ онъ на долгое время становится присяжнымъ поэтомъ, печатаясь первоначально въ «Литературномъ

¹⁾ Первое его стихотвореніе надъ псевдонимомъ «Комофо», было напечатано въ томъ же 1881 г. въ газетѣ «Русскій Еврей».

журналѣ» (приложеніе къ «Новому Времени» въ восьмидесятихъ годахъ), а засимъ почти въ каждомъ воскресномъ номерѣ газеты. Редакція органа А. С. Суворина поспѣшила приблизить къ себѣ начинающаго поэта и уже съ 1888 г. опредѣляетъ ему постоянное жалованье въ пятьдесятъ рублей въ мѣсяць, не взирая на то, будетъ ли имъ печататься въ газетѣ что-нибудь, или нѣтъ, а также высшую построчную плату. Этимъ жалованьемъ К. М. Фофановъ пользовался до послѣдняго своего смертнаго часа, и оно-то и составляло главный фондъ его жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ ему давались редакціей неоднократныя пособія, давалась мелкая помощь въ дни его безумныхъ «заболѣваній» и вообще оказывалось въ предѣлахъ возможнаго всякое содѣйствіе моральное и матеріальное. Такъ, почти всѣ вышедшіе сборники его лучшихъ произведеній, за исключеніемъ небольшого перваго, выпущеннаго въ 1887 г. Гоппе, были изданы на самыхъ льготныхъ условіяхъ для автора именно фирмою А. С. Суворина, и такимъ образомъ какъ бы нѣкоторыя редакціи ни хлопотали, чтобы связать свое имя съ именемъ поэта, одно остается, какъ фактъ несомнѣннымъ: В. П. Буренинъ и А. С. Суворинъ были въ жизни нашего поэтами тѣми представителями литературы, съ именами которыхъ связана самымъ тѣснымъ образомъ вся его дѣятельность на зарѣ ея пробужденія, въ годы ея расцвѣта и даже въ послѣдніе годы ея увяданія. Вслѣдъ за «Новымъ Временемъ» двери редакцій для Фофанова раскрываются въ журналахъ «Вѣкъ» М. А. Филиппова, «Живописное Обозрѣніе», «Всемирная Иллюстрація», «Устои», «Игрушечка», «Родникъ», «Новъ», «Звѣзда», «Восходъ», «Сѣверъ», «Наблюдатель». Позднѣе стихи его стали появляться въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Нивѣ», «Недѣлѣ», «Русской Мысли», «Московской Газетѣ», «Нашемъ Времени», «Русскомъ Богатствѣ», а за послѣдніе годы почти во всѣхъ нашихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Какимъ лирикомъ онъ выступилъ на столбцахъ «Новаго Времени» въ 1881 г., таковымъ же влюбленнымъ въ природу, въ весь міръ, вѣрующимъ въ торжество правды и добра, а также глубоко русскимъ человѣкомъ, онъ остался въ своихъ стихотворныхъ произведеніяхъ и на страницахъ прочихъ журналовъ нашихъ дней. Объективная критика сразу оцѣнила его, но критика, задававшая тонъ нашей литературѣ, относилась къ нему достаточно равнодушно и, напримѣръ, устами вліятельнаго социолога-публициста Н. К. Михайловскаго изрекала ему такой приговоръ (по поводу его прелестнаго стихотворенія «Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя...»): «Сверху небо, снизу земля, и въ серединѣ г. Фофановъ нѣсни поетъ, въ качествѣ передаточной инстанціи между звѣздами и цвѣтами, а больше ничего нѣтъ». Такъ же неодобрительно относился къ нему и А. М. Скабичевскій, П. Ф. Якубовичъ и только К. К. Арсеневъ съ присущимъ ему литературнымъ вкусомъ отмѣтилъ въ его стихахъ «поистинѣ замѣчательныя» страницы.

Иначе отнеслись къ молодому поэту его товарищи по литературной работѣ—Надсонъ, Леонтьевъ-Щегловъ, Е. Гаршинъ, Мережковский и др. Послѣдній, выбирая изъ поэтического богатства Фофанова мрачныя страницы, тѣ произведенія, гдѣ сказывалось его чувство отчаяніе передъ прозою жизни, передъ недостаткомъ хлѣба насущнаго, видѣлся мракъ, подчасъ охватывавшій его умъ, писалъ о немъ въ своей книгѣ «О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ въ современной русской литературѣ»: «За каждымъ его вдохновеніемъ вы чувствуете смутный гулъ никогда не засыпающей столицы, похожій на бредъ въ сумракѣ бѣлыхъ ночей, одиночество бѣдныхъ меблированныхъ комнатъ, которое доводитъ покинутыхъ людей до отчаянія, до самоубійства, декорацію грязныхъ улицъ Петербурга, которыя вдругъ, въ извѣстный часъ вечера, при извѣстномъ отгѣнкѣ туманной зари, смѣшанномъ съ голубоватымъ отблескомъ электричества, дѣлаются похожими на фантастическій и мрачный сонъ. Вы начинаете вѣрить, что это вовсе не шутка, когда поэтъ говоритъ вамъ о странѣ безумія, о своей болѣзни и нищетѣ, о гибели, что въ самомъ дѣлѣ въ рукѣ, писавшей подобныя строки, была лихорадочная дрожь, что поэтъ, говорящій о голодѣ, знаетъ по опыту, что такое голодъ. Между рѣчами вамъ слышатся стоны живого человѣка.

«Вотъ что дороже въ поэзіи, вотъ за что можно все простить. За эти капли тепла человѣческой крови, прямо изъ сердца упавшія на страницы книги, можно простить и дикость образовъ, и неуклюжесть формы, и наивныя описанія тропической природы, составленныя по школьнымъ учебникамъ географіи».

Здѣсь г. Мережковский взялъ мрачную сторону поэзіи Фофанова, гдѣ дѣйствительно попадаются отмѣченные имъ дефекты его творчества, дефекты, проявившіеся съ особенной силой въ дни его болѣзненнаго безумія. Но это лишь одна и не доминирующая сторона его стиховъ; что, однако, безусловно вѣрно въ словахъ критика, это отмѣченное имъ родство Фофанова съ столицей и — прибавимъ мы, — ея пригородами, родство, проходящее красною нитью черезъ всю его дѣятельность, какъ стихотворца, и сближающее его въ этомъ отношеніи съ такимъ представителемъ нашей беллетристической прозы, какъ Достоевскій и Альбовъ. Въ описаніяхъ мрачныхъ сторонъ столичной жизни, въ слезахъ отчаянія, въ крикахъ горя и страданій у этихъ трехъ представителей нашей литературы, несомнѣнно, много общаго, но, несомнѣнно, источникъ этой общности разный и не здѣсь полная характеристика каждаго изъ нихъ. Страданія Фофанова, которыми полна была его жизнь, вытекали и изъ свойствъ его личнаго характера, изъ несчастно сложившихся обстоятельствъ, которыя въ изобиліи посыпали терніи на его житейскій путь. Онъ былъ женатъ, имѣлъ многочисленную семью; для содержанія ея не хватало средствъ, а отдать свои силы какой-нибудь

добавочной работѣ по свойству своей непрактичной натуры, слабо приспособленной къ борьбѣ за существованіе, онъ не былъ въ силахъ. Онъ жилъ стихами и тѣмъ содержаніемъ, которое получалъ изъ «Новаго Времени», а также пособіями изъ литературныхъ учрежденій, то есть такими средствами, на которыя пропитывать семью въ 9 человѣкъ дѣтей, почти было невозможно. И вотъ на сцену выступаетъ то русское зло, которое съ роковою силою сводило и сводитъ въ бездну гибели наши отечественные таланты. Помяловскій, Курочкинъ, братья Успенскіе и множество другихъ, въ рядъ которыхъ не по доброй волѣ сталъ и описанный въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» Михайловъ - Мартовъ и только что почившій К. М. Фофановъ. Надъ свѣжей, только что засыпанной могилой поэта мы не будемъ воскрешать всѣ ужасы его страданій, обстоятельства этихъ страданій и ихъ всесторонній источникъ. Фофановъ хотя былъ несчастенъ, однако никого не проклиналъ за ниспосланныя ему страданія и болѣзни и рано, слишкомъ рано для своихъ лѣтъ, непрестанно обращался къ призраку смерти, съ глубокой грустью вспоминая зарю своей жизни:

Я помню дни весеннихъ думъ,
Дни безпечальнаго разсвѣта,
Когда гордился дѣтскій умъ
Священнымъ именемъ поэта.

Восторгъ кипѣлъ въ моей груди,
Я пѣлъ въ волненіи веселомъ...
И счастье, счастье впереди
Сіяло свѣтлымъ ореоломъ.

Увяли вешніе цвѣты,
Померкли розовыя зори,
Умчалась юность—и мечты
Смѣнило будничное горе.

Печаль свила гнѣздо въ груди,
И пѣснь звучитъ моя тоскою,
И счастье, счастье позади
Мерцаетъ блѣдною звѣздою.

Мало что въ жизни послѣднихъ лѣтъ манило его къ себѣ, немного дружескаго народа оставалось возлѣ, и только любовь къ семьѣ, жившей въ нуждѣ и подчасъ впроголодь въ настоящемъ смыслѣ слова, а также любовь къ своей «музѣ» и искренняя дѣтская вѣра въ Бога удерживали его отъ самоубійства. Онъ точно предчувствовалъ близость своей кончины, когда, ощущая вѣчно, по его словамъ, сосущихъ его «вамшировъ» и вспоминая свои былыя пѣсни, посвященныя цвѣтушей веснѣ, восклицалъ:

Природа та жъ; съ ея порфиры
 Не смѣли годы убранство сдуть,
 Созвѣздья Лиры, созвѣздья Лиры.
 Разбейте лиру, разбейте грудь!

И въ предвидѣнны того, что скоро, скоро и эта лира, и эта грудь
 будутъ дѣйствительно разбиты ударами судьбы и смертью, онъ про-
 силъ пріятелей:

Въ дни, когда меня не будетъ,
 Завѣщаю вамъ, друзья:
 Пусть металлъ меня разбудить,
 Пусть изъ мѣди буду я.
 Пусть вокругъ играютъ дѣти,
 И цвѣтетъ сирени кустъ,
 Пусть услышитъ звуки эти,
 Какъ при жизни, мѣдный бюстъ,
 Хоть безъ чувства, хоть безъ словъ онъ,
 Но попрежнему живой...
 Это—фофанъ, бѣдный фофанъ,
 Это—другъ нашъ дорогой!

Предчувствія поэта не обманули его. Въ любимомъ имъ мѣ-
 сяцѣ маѣ, въ который онъ родился, который онъ воспѣлъ на всѣ
 лады во многихъ своихъ стихотвореніяхъ, за нѣсколько дней до
 дня своего рожденія онъ тяжело заболѣлъ въ Лиговѣ, при самой
 тяжелой окружающей обстановкѣ. Болѣзнь его скоро стала из-
 вѣстной въ Петербургѣ, пресса точно всколыхнулась, ему оказана
 была денежная помощь учрежденіями и лицами, оказано медицин-
 ское содѣйствіе; онъ былъ со всѣми предосторожностями переве-
 зенъ въ Петербургъ, помѣщенъ въ частную лечебницу, но ничто не
 помогло: надломленный организмъ не былъ въ состояніи осилить
 крупозное воспаленіе легкихъ, и 17-го мая вечеромъ его не стало.
 По случайности въ смертный часъ по близости около него никого не
 оказалось изъ близкихъ—точно сбылось его пророчество:

Вѣрная спутница жизни печальной,
 Ты мнѣ одна измѣнить не могла;
 Первая факель зажжешь погребальный,
 Потъ въ часъ кончины омоешь съ чела.
 Станешь, какъ няня, ты съ пѣсней унылой
 Смолкшія струны искать въ мертвецѣ,
 Будешь одна тосковать надъ могилой
 Съ царственной грустью на юномъ лицѣ.
 Станешь душистой весной-невидимкой
 Дерьнъ надмогильный смиренно топтать,
 Будешь въ часъ ночи подъ мѣсячной дымкой
 Чудныя сказки о жизни шептать.
 Съ теплымъ участіемъ въ задумчивомъ взглядѣ
 Въ мой опустѣвшій зайдешь уголокъ,
 Перья одуешь, раскроешь тетради
 И, прослезившись, уйдешь за порогъ.

Если первыя строфы этого стихотворенія по роковой случайности оказались дѣйствительно пророческими, то объ остальныхъ нельзя того же сказать. Смерть Фофанова оказалась горемъ для русскаго общества, и вся печать успѣшила окружить его бездыханное тѣло теплымъ проявленіемъ любви и неподдѣльной скорби. Точно всѣ поняли, что Россія лишилась истиннаго Божіей милости поэта, имя котораго перейдетъ въ память будущихъ поколѣній и не будетъ стерто забвеніемъ со страницъ исторіи русской литературы.

Г. Л. И.

ЭПОХА МИРА И УСПОКОЕНИЯ.

(Историческіе очерки).

II. Первоапрѣльцы. Судъ и казнь надъ ними.

I.

ОВЕРШИВЪ свое кровавое дѣяніе, участники драмы 1-го марта 1881 года, оставшіеся живыми и невредимыми, поспѣшили незамѣтно для полиціи и возбужденной толпы народа, стекшейся сюда, разбрестись по разнымъ концамъ города, чтобы поставить въ извѣстность единомышленниковъ объ успѣшномъ выполненіи своего замысла. У Софьи Перовской, главной руководительницы всѣми террористическими дѣйствіями на Екатерининскомъ каналѣ, въ этотъ день назначено было свиданіе въ литературномъ «Капернаумѣ» на Владимирскомъ проспектѣ, съ Тырковымъ, принимавшимъ участіе въ выслѣживаніи обычныхъ путей слѣдованія императора Александра II. «Свиданіе было назначено въ началѣ четвертаго часа, — повѣствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. В. Тырковъ ¹⁾. — Не помню почему, но въ этотъ день я прислушивался къ улицѣ. Вѣроятно, былъ сдѣланъ намекъ, что именно въ этотъ день нужно ждать развязки. Къ назначенному часу я шелъ на свиданіе издалека, отъ Таврическаго сада. Въ тѣхъ краяхъ еще ничего не было извѣстно о томъ, что творится на Екатерининскомъ каналѣ.

¹⁾ «Былое» 1906 г. № 5. «Къ событію 1 марта 1881 года».

Но на Итальянской, недалеко отъ Литейной, я встрѣтилъ офицера, мчавшагося, чуть не стоя, на извозчикѣ. Онъ громко и возбужденно кричалъ, обращаясь къ проходившей публикѣ. Я не могъ разобрать, что онъ кричалъ, но видно было, что человѣкъ чѣмъ-то сильно потрясенъ. Я, конечно, понялъ, въ чемъ дѣло. Придя въ кофейную, я прошелъ въ маленькую заднюю комнату, въ которой и раньше встрѣчался съ Перовской. Комната эта была обыкновенно пуста. Я засталъ въ ней студента С., члена наблюдательнаго отряда. Онъ тоже ждалъ Перовскую. Вскорѣ дверь отворилась, и она вошла своими тихими, неслышными шагами. По ея лицу нельзя было замѣтить волненія, хотя она пришла прямо съ мѣста катастрофы. Какъ всегда, она была серьезно-сосредоточена, съ отгѣнкомъ грусти. Мы сѣли за одинъ столикъ и хотя были одни въ этой полутемной комнатѣ, но соблюдали осторожность. Первыми ея словами было: «Кажется, удачно: если не убить, то тяжело раненъ». На мой вопросъ: «Какъ, кто это сдѣлалъ?»—она отвѣтила: «Бросили бомбы: сперва Николай, потомъ Котикъ (Гриневицкій). Николай арестованъ; Котикъ, кажется, убить».

«Разговоръ шель короткими фразами, постоянно обрываясь. Минута была очень тяжелая. Въ такіе моменты испытываешь только зародыши чувствъ и глушишь ихъ въ самомъ зачаткѣ. Меня душили подступающія въ горлу слезы, но я сдерживался, такъ какъ во всякую минуту могъ кто-нибудь войти и обратить вниманіе на нашу группу. Студентъ С., очень скрытный и сдержанный человѣкъ, не проронилъ за все время ни слова».

«Послѣ 1-го марта,—повѣствуетъ далѣе г. Тырковъ,—я видѣлся часто съ Перовской. 27-го февраля былъ арестованъ Желябовъ, лично близкій ей человѣкъ. Сама она, какъ говорили, была больна всѣ эти дни и съ трудомъ ходила. Она переживала цѣлый рядъ крупныхъ потрясеній и личныхъ и общественныхъ, но оставалась все такой же тихой, сдержанной и спокойной на видъ, глубоко хороня въ себѣ свои чувства. Кажется, 3-го марта мы шли съ ней по Невскому. Мальчишки-газетчики шныряли и выкрикивали какое-то новое правительственное сообщеніе о событіяхъ дня: «новая телеграмма о злодѣйскомъ покушеніи»... и т. д. Около нихъ собралась толпа и покупала длинные листки. Мы тоже купили себѣ телеграмму. Въ ней сообщалось, что недавно арестованный Андрей Желябовъ заявилъ, что онъ организаторъ дѣла 1-го марта. До сихъ поръ можно было еще надѣяться, что Желябовъ не будетъ привлеченъ къ суду по этому дѣлу. Хотя правительство и знало, что онъ играетъ крупную роль въ дѣлахъ партіи, но для обвиненія по дѣлу 1-го марта у него не могло еще быть уликъ противъ Желябова. Изъ телеграммы было ясно, что участь Желябова рѣшена».

«Даже въ тотъ моментъ, полный страшной для нея неожиданности, Перовская не измѣнила себѣ. Она только задумчиво опустила

голову, замедлила шагъ и замолчала. Она шла, не выпуская изъ нерѣшительно опущенной руки телеграммы, съ которой она какъ будто не хотѣла разстаться. Я тоже молчалъ, боялся заговорить, зная, что она любитъ Желябова. Она первая нарушила молчаніе. На мое замѣчаніе: «Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?»—она отвѣтила: «Вѣрно, такъ нужно было». Не знаю, въ этотъ ли день, или раньше у нея явилась мысль спасти Желябова. Намѣреніе, разумѣется, несбыточное, но въ Перовской говорила страсть, и, какъ человѣкъ, не привыкшій опускать руки, она хотѣла испробовать всѣ средства. Она искала лазейки въ окружный судъ, гдѣ должно было происходить засѣданіе суда. Мы искали свободной квартиры около Третьяго Отдѣленія на Пантелеймоновской. Тутъ она имѣла въ виду устроить наблюдательный пунктъ и, вѣроятно, при выѣздѣ Желябова изъ воротъ зданія Третьяго Отдѣленія, надѣялась организованнымъ нападеніемъ освободить его. Не помню, что она еще придумывала. Нигдѣ ничего не устраивалось. Отговаривать ее было совершенно бесполезно,—она все равно стала бы дѣлать по-своему. Въ этихъ поискахъ и суетѣ она хоть немного забывалась. Поэтому я безпрекословно исполнялъ всѣ ея порученія, ходилъ съ ней всюду, куда она меня вела.

«Тогда говорили: «Соня потеряла голову». Она дѣйствительно потеряла всякое благоразуміе. Ее уговаривали уѣхать изъ Петербурга, скрыться куда-нибудь на время. Она никого не хотѣла слушать. Она вилась, какъ вьется птица надъ головой коршуна, который отнял у нея птенца, пока сама не попала ему въ когти».

Да, арестъ Желябова и его демонстративное заявленіе власти о своей причастности къ катастрофѣ 1-го марта сломили силы Перовской: заговорщикъ, организаторъ террористическихъ выступленій отошелъ въ ней на задній планъ, и на первый выступила женщина, любящая въ первый разъ въ жизни со всею страстью и энтузіазмомъ этой любви, какъ только таковыя свойства могутъ сказываться въ глубокихъ и замкнутыхъ натурахъ. Перовская, которая всегда съ осужденіемъ относилась къ мужчинамъ, которые рядомъ съ политической дѣятельностью отводятъ извѣстное мѣсто и чувству любви къ женщинѣ, презрительно именуя ихъ «бабниками», цѣликомъ подпала подъ чары Желябова и создала изъ него тотъ кумиръ, который сталъ для нея предметомъ поклоненія и подъ угломъ любовнаго чувства и подъ угломъ политическаго зрѣнія. И вотъ сознаніе, что этотъ самый кумиръ добровольно обрекаетъ себя ради идеи на гибель, надламываетъ ея силы. Она принимаетъ участіе вплоть до своего ареста въ конвульсивныхъ дѣйствіяхъ партіи по составленію прокламацій, посвященныхъ событію 1-го марта, состоитъ членомъ бюро, располагавшаго грудой адресовъ, по которымъ оно рассылало эти прокламаціи во всѣ концы Россіи, какъ, напримѣръ, прокламаціи къ крестьянамъ, рабочимъ, обществу, участвуетъ въ совѣщаніяхъ по соста-

вленію извѣстнаго уже читателямъ письма исполнительнаго комитета къ императору Александру III, но во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ мы не видимъ прежней Перовской—въ ней наблюдается явный надломъ, явный надрывъ силъ, постоянно проглядываетъ създающее ея силы глубокое горе.

Вотъ краткое воспоминаніе о Перовской, которое мы находимъ въ одной біографической брошюрѣ, ей посвященной и озаглавленной ея именемъ: «Вѣ хотѣлось узнать что-нибудь о процессѣ царевубійцы,—пишетъ здѣсь одна ея знакомая.—Дѣло шло о томъ, чтобы сходить къ одной высокопоставленной особѣ, «генералу», человѣку, служившему въ высшей полиціи, который, безъ сомнѣнія, могъ дать намъ свѣдѣнія о процессѣ, хотя слѣдствіе по немъ велось въ величайшей тайнѣ. Этотъ человѣкъ не состоялъ въ правильныхъ сношеніяхъ съ революціонерами. Но случайно я была съ нимъ знакома нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вотъ почему Перовская надумала обо мнѣ. Вопросъ касался ея очень близко. Человѣкъ, котораго она любила, находился въ числѣ обвиняемыхъ. Хотя страшно скомпрометированный, онъ случайно не принималъ никакого участія въ дѣлѣ перваго марта. И она надѣялась. Я сказала ей, что пойду охотно не только къ своему «генералу», но, если она находитъ это нужнымъ, даже къ своему «жандарму», съ которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ я вела сношенія по перепискѣ съ заключенными. Но на послѣднее Перовская не согласилась, говоря, что мой жандармъ прервалъ всякія сношенія съ революціонерами и, навѣрное, выдастъ меня полиціи, или же, если побоятся моихъ разоблаченій, выпустить за мной слѣдить цѣлую свору шпионовъ. Во всякомъ случаѣ ничего не скажетъ, да, можетъ быть, и самъ ничего не знаетъ. Съ генераломъ же, напротивъ, бояться было нечего, потому что онъ лично былъ неспособенъ на подлость и въ глубинѣ души сочувствовалъ до извѣстной степени революціонерамъ. Было рѣшено, что завтра въ десять часовъ я пойду къ генералу. Перовская хотѣла имѣть отвѣтъ какъ можно скорѣе. Но, несмотря на всѣ старанія, никакъ не могла назначить свиданіе раньше шести часовъ вечера. Когда же я выразила свое удивленіе, она рассказала мнѣ распредѣленіе своего времени: оказалось, что на завтра у нея семь свиданій и всѣ въ противоположныхъ концахъ города.

«По окончаніи нашихъ переговоровъ Перовская позвала молодого человѣка, члена семейства, гдѣ было наше свиданіе, и послала его въ адресный столъ взять адресъ моего генерала. Дѣвушка, пріятельница хозяйки, была послана Перовскою искать мнѣ ночлега, такъ какъ я сказала ей, что у меня его нѣтъ. Мы опять остались однѣ, и я снова принялась упрашивать ее уѣхать за границу. Предлагала ей, если она находитъ невозможнымъ оставить Россію надолго, уѣхать въ какой-нибудь изъ маленькихъ пограничныхъ

городковъ, гдѣ мы можемъ прожить двѣ-три недѣли. Она ничего не хотѣла слышать и смѣялась надъ моею трусостью, но добродушно. Затѣмъ она перемѣнила разговоръ. Она сказала мнѣ, кто былъ молодой человѣкъ, убитый взрывомъ бомбы, брошенной къ ногамъ царя. Сказала также, что застрѣлившійся на Телѣжной улицѣ былъ Николай Саблинъ, котораго я когда-то знавала. Морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ при этомъ извѣстїи.

«Когда вернулась барышня, посланная искать мнѣ ночлега, мы разстались. Перовская спросила, не нужно ли мнѣ денегъ, чтобы одѣться приличнѣе прежде, чѣмъ итти къ генералу. На этотъ разъ денегъ у нея были полные карманы, но я ей сказала, что мнѣ ничего не нужно, потому что со мной было довольно приличное платье.

«На другой день я отправилась къ генералу, который принялъ меня гораздо лучше, чѣмъ я ожидала, и сообщилъ самыя точныя и подробныя свѣдѣнія о дѣлѣ. Но какъ они были печальны! Участь Желябова, какъ и всѣхъ прочихъ подсудимыхъ, была безповоротно рѣшена. Процессъ долженъ былъ совершаться только pro forma, для публики.

«Съ такими-то свѣдѣніями пришла я къ шести часамъ на свиданїе. Перовская явилась только въ девять. Я вздохнула свободно, завидѣвши ее въ дверяхъ. Лица у насъ обѣихъ были, нельзя сказать, чтобы особенно хорошія: у меня отъ мученія, причиненнаго мнѣ ея поздневъ приходомъ, у нея, какъ она говорила, отъ большой усталости, а, быть можетъ, и отъ чего-нибудь другого. Намъ принесли самоваръ и оставили однѣхъ. Безъ всякихъ предисловія я передала ей, что знала. Я не видѣла ея лица, потому что смотрѣла въ землю. Когда я подняла глаза, я увидѣла, что она дрожитъ всѣмъ тѣломъ. Потомъ она схватила меня за руки, стала нагибаться все ниже и ниже и упала ничкомъ, уткнувшись лицомъ въ мои колѣни. Такъ оставалась она нѣсколько минутъ. Она не плакала, а вся дрожала. Потомъ она поднялась и сѣла, стараясь оправиться, но снова судорожнымъ движеніемъ схватила меня за руки и стала сжимать ихъ до боли...

«Помню, что я предложила съѣздить въ Одессу, чтобы вызвать кого-нибудь изъ родныхъ Желябова для свиданія. Но она отвѣчала, что не знаетъ ихъ точнаго адреса, и къ тому же слишкомъ поздно, чтобы поспѣть къ процессу. Генераль удивлялся, зачѣмъ Желябовъ объявилъ себя организаторомъ покушенія. Когда я передала это Перовской, она отвѣчала мнѣ слѣдующими точными словами:

«— Иначе нельзя было. Процессъ противъ одного Рысакова вышелъ бы слишкомъ блѣднымъ.

«Генераль сообщилъ мнѣ многія подробности относительно гордаго и благороднаго поведенія Желобова. Когда я рассказывала это Перовской, то замѣтила, что глаза ея загорѣлись и краска вернулась на ея щеки. Очевидно, это доставляло ей большое удоволь-

ствіе. Генераль сказалъ мнѣ также, что всѣ обвиняемые знаютъ объ ожидающей ихъ участи и выслушали извѣстіе о близкой смерти съ поразительнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Услыхавъ это, она вздохнула; она мучилась ужасно; ей хотѣлось плакать, но она сдерживалась. Однако была минута, когда глаза ея подернулись слезой. Въ эти дни по городу ходили уже упорные слухи, что Рысаковъ выдаетъ. Но генераль отрицалъ это, не знаю почему. Помню, что я обратила ея вниманіе на это противорѣчіе, чтобы вывести заключеніе, что, быть можетъ, генераль и самъ не знаетъ всего. Мнѣ попросту хотѣлось успокоить ее такъ или иначе, но она отвѣчала мнѣ:

«— Нѣтъ, я увѣренъ, что все это такъ, потому что и тутъ онъ, должно быть, правъ. Я знаю Рысакова и убѣждена, что онъ ничего не скажетъ. Михайловъ тоже...

«Мы остались вдвоемъ почти до полуночи. Она хотѣла уйти раньше, но была такъ утомлена, что едва держалась на ногахъ. На этотъ разъ она говорила мало, кратко и отрывисто.

Перовская ошибалась: Рысаковъ на слѣдствіи, дѣйствительно, указалъ на всѣхъ участниковъ въ драмѣ 1-го марта, кого только зналъ поименно, и роль Перовской скоро стала ясною для правительства. Ее усиленно разыскивали и, наконецъ, на Невскомъ проспектѣ 10-го марта околоточный надзиратель Широковъ ее призналъ и арестовалъ. Перовская пыталась откупиться отъ арестовывающаго, предлагала ему имѣвшіяся у нея деньги, но онѣ не соблазнили Широкова и она предстала передъ лицомъ слѣдствія и правосудія наравнѣ съ горячо любимымъ ею человекомъ.

II.

Пока въ такихъ главнѣйшихъ моментахъ и настроеніяхъ протекали дни главной руководительницы кровавой драмы 1-го марта вплоть до ея ареста, шли аресты и остальныхъ участниковъ исполнительнаго комитета партіи народной воли, роли, имена и мѣстожителства которыхъ стали понемногу раскрываться передъ правительственной властью, частію благодаря откровеннымъ признаніямъ, сдѣланнымъ Гольденбергомъ, а главнѣйше благодаря показаніямъ Рысакова во время его допросовъ прокуроромъ, слѣдователемъ и жандармами. Останавливаясь на мотивахъ, по коимъ Рысаковъ рѣшился на «предательство» своихъ товарищей по кровавому дѣлу, все тотъ же А. В. Тырковъ такъ освѣщаетъ эти мотивы¹⁾: «Рысаковъ оговорилъ всѣхъ, кого зналъ, за исключеніемъ студента С., о которомъ почему-то умолчалъ,—говорить онъ.—Прокуратура обѣщала ему помилованіе и выудила изъ него все, что было можно.

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 5.

Несмотря на оговоръ, у меня не шевельнулось ни разу враждебное чувство къ нему. Его состояніе... исключало возможность предъявлять къ нему какое-либо нравственное требованіе. Нападая на центральное лицо въ государствѣ, онъ сосредоточивалъ на себѣ слишкомъ много вниманія, слишкомъ многіе могли бы спросить его, почему онъ это сдѣлалъ, за что онъ хотѣлъ убить, а у него не нашлось бы на это по совѣсти отвѣта. Революціоннаго прошлаго у него не было, то есть онъ не прошелъ тѣхъ физисовъ психологическаго развитія, которые были пройдены старшими народовольцами. Не было и достаточной идейной подготовки, и въ характерѣ не хватало дерзости.

«Это былъ еще совсѣмъ юный, добродушный и жизнерадостный провинціалъ. Вчера еще просто мальчикъ въ самомъ разгарѣ, если можно такъ выразиться, своей непосредственности, сегодня—цареубійца, и цареубійца непосредственный, самъ бросившій первую бомбу. Онъ видѣлъ кровь постороннихъ людей, пострадавшихъ отъ его снаряда; въ его глазахъ разорвалась вторая бомба, поразившая государя и Гриневицкаго. Онъ видѣлъ толпу, сбѣгавшуюся къ мѣсту катастрофы, у которой былъ въ глазахъ ужасъ передъ совершившимся и негодованіе къ нему, Рысакову. Когда онъ очутился въ рукахъ слѣдственной власти, она впиалась въ него своими умѣлыми когтями, не давая ему времени опомниться, разобраться хоть сколько-нибудь въ той сложной сѣти ошеломляющихъ и противорѣчивыхъ чувствъ, которыя должны были всплыть совершенно неожиданно для него самого. Не только онъ былъ испуганъ собственнымъ поступкомъ и тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ попалъ, но онъ, я думаю, не могъ даже дать себѣ хорошенько отчета, какъ все это съ нимъ произошло. На судѣ, мнѣ помнится, онъ говорилъ, что онъ совсѣмъ не террористъ, а мирный дѣятель. Этимъ заявленіемъ, наивнымъ съ перваго взгляда, онъ не отрицалъ, конечно, факта метанія бомбы, а отгонялъ отъ себя и отъ другихъ мысль, что онъ можетъ вообще убивать людей. Такимъ образомъ, не одинъ только животный инстинктъ самосохраненія, а болѣе сложный комплексъ чувствъ душилъ его съ такой силой, что лишилъ его всякаго самообладанія и бросилъ цѣликомъ во власть чужой воли».

Обѣщаніемъ ли помилованія, обѣщаніемъ ли облегченія участи при чистосердечныхъ признаніяхъ, такъ или иначе, но уже ко 2-му марта слѣдственная власть имѣла черезъ посредство Рысакова чрезвычайно важныя показанія, какъ относительно участниковъ въ убіеніи Александра II, такъ и тѣхъ конспиративныхъ квартиръ, гдѣ происходили собранія первомартовцевъ и гдѣ производилось изготовленіе метательныхъ снарядовъ. Въ силу этихъ показаній вечеромъ 2-го марта въ 1-й участокъ Александрo-Невской части прибыли товарищъ прокурора судебной палаты, судебный слѣдователь и жандармскій майоръ, которые въ сопровожденіи старшаго помощ-

ника пристава Рейнгольда, городских и околоточных надзирателей, отправились произвести обыскъ въ Телѣжную улицу, въ домъ Пирогова, № 5, въ квартиру № 7. Какъ значится въ обвинительномъ актѣ по дѣлу 1 марта, дальнѣйшія событія протекли въ слѣдующемъ порядкѣ. «По приходѣ къ дверямъ означенной квартиры помощникъ пристава Рейнгольдъ на данный звонокъ услышалъ за дверьми суматоху и затѣмъ мужской голосъ спросилъ: «Кто тутъ?»—на этотъ вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ, что «приставъ и прокуроръ»; послѣ этого дверь затворилась, и на неоднократные звонки голоса изъ квартиры не подавалось, вслѣдствіе чего было сдѣлано распоряженіе сломать двери. Лишь только послышались удары топора у дверей, какъ раздались подъ рядъ одинъ за другимъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, изъ которыхъ одинъ попалъ въ дверь; послѣ шестого выстрѣла все стихло, а немного спустя, дверь отворила женщина небольшого роста, лѣтъ двадцати пяти, просившая о помощи. При входѣ въ квартиру всѣхъ присутствующихъ, на полу второй комнаты, отъ входа направо, лежалъ, плавая въ крови, мужчина средняго роста съ темнорусою, окладистою бородою, на видъ лѣтъ тридцати двухъ, одѣтый въ русскую кумачную рубашку, сѣрые триковья нѣмецкаго покроя брюки и ботинки. Повидимому, самоубійца уложилъ себя шестымъ выстрѣломъ, направленнымъ въ лѣвый глазъ, наповаль. Женщина, отворившая дверь, немедленно была схвачена и подвергнута допросу, причемъ отказалась дать какія-либо объясненія.

«Послѣ этого было приступлено къ обыску, которымъ обнаружено присутствіе въ квартирѣ въ двухъ жестяныхъ банкахъ десяти фунтовъ динамита, въ каждой по пяти фунтовъ, нѣсколько экземпляровъ прокламацій, по содержанію начала и формамъ похожихъ на вышедшій 2 марта манифестъ, отпечатанный въ газетахъ, паспортъ убитаго на имя коллежскаго ассесора Навроцкаго, много учебныхъ книгъ, газетъ и проч. По началу обыска было сдѣлано распоряженіе, чтобы дворники и городовые охраняли квартиру и вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ нее явится кто-либо посторонній, то чтобы немедленно задерживали и представляли въ квартиру, гдѣ находились помощникъ пристава, городовые и околоточные.

«Утромъ 3-го марта, въ десять часовъ, къ означенной квартирѣ подошелъ неизвѣстнаго званія чловѣкъ, очень прилично одѣтый, въ черномъ сюртукѣ, такихъ же брюкахъ, еотовой шубѣ съ бобровымъ воротникомъ, въ сукошной синяго цвѣта шапкѣ. На вопросъ, предложенный дворникомъ, кого нужно, неизвѣстный отозвался, что ищетъ квартиру № 12, а въ ней кучера Петрова, но на отвѣтъ дворника, что квартира № 12 пустая, онъ, не отвѣчая ни слова, началъ подниматься по лѣстницѣ вверхъ и потому былъ схваченъ бывшимъ на лѣстницѣ городовымъ полицейскаго резерва Денисовымъ и представленъ къ помощнику пристава Рейнгольду, который, спросивъ

нѣсколько словъ у неизвѣстнаго, приказаль находившимся тутъ околоточнымъ надзирателямъ Зезюкину и Нордману обыскать его. Въ то время, какъ городской Денисовъ началъ снимать съ него шубу, неизвѣстный моментально опустилъ руку въ карманъ и, вынувъ оттуда револьверъ, направилъ его въ упоръ въ г. Рейнгольда. Послѣдній, замѣтивъ направленный на него револьверъ, откинулся въ сторону, пуля вмѣсто него попала въ стоящаго тутъ же помощника пристава г. Слуцкаго и, пробивъ пальто и сюртукъ, контузила его въ правую сторону груди; вторымъ выстрѣломъ опасно раненъ въ пахъ городской Денисовъ. Преступникъ схваченъ сзади, когда направлялъ выстрѣлы въ другихъ окружающихъ, по никого не ранилъ.

«Личность неизвѣстнаго, явившагося въ квартиру Навроцкаго, такова: онъ высокаго роста, коренастый, лѣтъ двадцати пяти или двадцати шести, блондинъ, имѣеть небольшіе усики, чуть пробивающіяся бакенбарды, фигура его прямая, лицо открытое.

«При входѣ въ квартиру Навроцкаго обстановка ея оказалась слѣдующая: въ передней комнатѣ стоялъ комодъ; налѣво отъ дверей, немного далѣе отъ него—кушетка, крытая зеленымъ барканомъ; направо—круглая зеленая печь, около которой стоялъ деревянный, простой табуретъ, а на немъ была масса сожженныхъ печатныхъ листовъ; въ самой печкѣ находились березовыя дрова и также остатки сожженной печатной бумаги.

«Во второй комнатѣ стоялъ диванъ со столомъ; по бокамъ дивана были двѣ этажерки, на которыхъ лежали разныя учебныя книги, а на окошкѣ, позади дивана, съ правой стороны его, стояли двѣ жестяныя банки съ динамитомъ; банки эти были обернуты въ газетную бумагу и обвязаны дешевыми цвѣтными бумажными платками. По изслѣдованіи банокъ съ динамитомъ, найдено, что края ихъ обмазаны нитроглицериномъ и имѣють въ серединѣ куски свернутого сукна, смоченнаго пироксилиномъ. Въ этой же комнатѣ найдены также зарядные гвозди, по формѣ напоминающіе гвозди, подбиваемые подъ простые крестьянскіе сапоги; шляпки ихъ имѣють на себѣ пироксилинъ».

При разслѣдованіи застрѣлившимся оказался членъ партіи народной воли Николай Саблинъ, арестованною женщиною—Геся Гельфманъ, а посѣтителемъ, схваченнымъ 3-го марта, Тимофеей Михайловъ. 17-го марта былъ арестованъ и Кибальчичъ и по предъявленіи его Рысакову онъ призналъ въ немъ того самаго «техника», который наканунѣ царевубійства давалъ ему и другимъ метальщикамъ наставленія объ устройствѣ и дѣйствіи метательныхъ снарядовъ. Арестованный не отрицалъ своей принадлежности къ первоапрельцамъ и не пытался какъ-нибудь затушевать своей роли; всѣ свойства характера Кибальчича какъ человѣка, какъ политическаго дѣятеля и представителя техническихъ знаній, обнаружились при слѣдствіи и

дознаніи съ поразительной ясностью и показали, какого многосторонне образованнаго и талантливаго дѣятеля залучила въ его лицѣ въ свои ряды партія народной воли. А. В. Тырковъ по этому случаю говорить въ тѣхъ же своихъ воспоминаніяхъ, которыя мы выше цитировали: «Прокуратура и жандармы относились съ особенной ненавистью къ Перовской и Желябову. О Кибальчичѣ они отзывались сдержанно, безъ малѣйшаго раздраженія, уклоняясь даже отъ разговоровъ о немъ. Онъ велъ себя, какъ человѣкъ, стоящій внѣ партійныхъ страстей, руководствующійся въ своей программѣ общественной дѣятельности исключительно научнымъ анализомъ современности. Такое безстрастіе, такое подчиненіе себя объективнымъ выводамъ дѣйствовали успокоительно и примиряли съ нимъ его противниковъ. Я слышалъ въ тюрьмѣ, вѣроятно, отъ жандармовъ, что, когда его арестовали, онъ сейчасъ же принялся за свои чертежи и чертилъ, пока ему не принесли бумаги, прямо на стѣнѣ камеры. Чертежи касались его проекта воздушной лодки. Его прямо рѣдкое, бросавшееся въ глаза спокойствіе на судѣ и въ теченіе всѣхъ послѣднихъ дней его жизни было результатомъ не столько подавляющей въ себѣ волненіе силы волн, сколько силы обобщающей мысли, принимающей всѣ причины и слѣдствія, какъ нѣчто неизбѣжное. Онъ какъ будто и себя самого и свою судьбу ставилъ въ рядъ той же неизбѣжной цѣпи явленій. Одинъ изъ самыхъ серьезно-образованныхъ людей партіи, онъ стоялъ въ ней, какъ мнѣ казалось, особнякомъ.

Послѣ того, какъ Кибальчичъ былъ арестованъ, судимъ и приговоренъ къ смертной казни, нѣкоторые специалисты-техники настолько были заинтересованы его изобрѣтеніями въ области воздухоплаванія, что высказывали рѣшительное мнѣніе о необходимости сохраненія Кибальчича въ живыхъ въ интересахъ науки для славы родины. Они предлагали навѣки заключить его въ тюрьму или крѣпость, изолировать его отъ людей и партіи, но дать ему возможность работать надъ своими вычисленіями и чертежами. Однако правительство взглянуло на дѣло иначе, и Кибальчичъ былъ повѣшенъ, а слѣды всѣхъ его научныхъ работъ уничтожены, дабы ничто не напоминало объ этомъ страшномъ въ своей террористической дѣятельности человѣкѣ.

III.

Мы видимъ, что на протяженіи двухъ недѣль, протекшихъ отъ катастрофы на Екатерининскомъ каналѣ, почти всѣ главныя дѣйствующія лица въ день 1-го марта оказались схваченными и вся картина дѣла для правительства выясненною. Организція покушенія на жизнь Александра II въ особенности стала ясною, когда Желябовъ, получившій въ мѣстѣ своего заключенія свѣдѣнія объ

арестъ Рысакова и его готовности дать необходимыя слѣдственной власти показанія, рѣшилъ въ интересахъ показной стороны предстоящаго процесса обнаружить свою роль въ организациі царевубійства. Уже 2-го марта онъ подаетъ прокурору заявленіе, гдѣ, согласно опубликованнымъ тогда протоколамъ засѣданій особаго присутствія правительствующаго сената, онъ, «высказывая свою совершенную солидарность съ Рысаковымъ и требуя» приобщенія его, Желябова, къ дѣлу 1-го марта, «объясняетъ, что онъ многократно покушался на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго государя императора и не принялъ физическаго участія въ преступленіи 1-го марта лишь «по глупой случайности». Далѣе онъ, восхваляя Рысакова, выражаетъ опасеніе, что правительство, «по недостаткамъ формальныхъ уликъ противъ него», ветерана революціи, «предпочтетъ» внѣшнюю законность внутренней справедливости, «во избѣжаніе чего онъ, Желябовъ, и просилъ о привлеченіи его къ настоящему дѣлу».

Заявленіе Желябова, въ связи съ судебнымъ слѣдствіемъ, производимымъ по случаю многочисленныхъ предшествовавшихъ арестовъ (А. Михайлова, Гольденберга, Баранникова, Колоткевича, Клѣточникова и др.) и въ связи съ показаніями Гольденберга и Рысакова позволили правительству близко подойти къ организациі и главарямъ партіи «народной воли» и выяснить, что, за исключеніемъ Емельянова, въ рукахъ правосудія имѣется наличный и достаточный матеріалъ для дѣла о преступленіи 1 марта съ точнымъ установленіемъ роли каждаго изъ арестованныхъ по сему дѣлу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ обиліи рассылаемыя по городу прокламаціи, письмо исполнительнаго комитета къ Александру III, а также нѣкоторые пробѣлы въ разслѣдованіяхъ слѣдственной власти рядомъ съ сдѣланными уже показаніями арестованныхъ непреложно свидѣтельствовали, что далеко не вся еще организациа разгромлена и что на волѣ у партіи остались въ резервѣ дѣятельныя силы, находящіяся въ связи съ разными элементами русской общественности. Объ этихъ силахъ, объ этихъ связяхъ намъ въ своемъ мѣстѣ уже приходилось говорить, а потому, дабы избѣгнуть ненужныхъ повтореній, остановимся лишь на одномъ моментѣ дѣятельности партіи, а именно когда ея исполнительный комитетъ составлялъ свое знаменитое обращеніе къ Александру III, текстъ котораго нами приведенъ въ № 1 «Историческаго Вѣстника» с. г. При какихъ условіяхъ и съ какими наличными силами составлялось это письмо, мы узнаемъ изъ статьи «Событіе 1-го марта и Николай Константиновичъ Михайловскій»¹⁾. Здѣсь сказано, что вечеромъ 1-го марта находившіеся въ Петербургѣ члены исполнительнаго комитета собрались для обсужденія, въ какой литературной формѣ и съ какимъ обращеніемъ къ русскому обществу надлежитъ реагировать на совер-

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 3.

шившееся на Екатерининскомъ каналѣ событіе. Рѣшено было обратиться съ письмомъ къ новому государю, и обязанность составленія такого письма была возложена на Л. А. Тихомирова и Ланганса. Проектъ такого письма былъ дѣйствительно составленъ Тихомировымъ, но прежде, чѣмъ его окончательно санкціонировать, отпечатать и послать по адресу, Тихомировъ, какъ и въ прежнихъ аналогичныхъ случаяхъ, рѣшилъ показать его на пересмотръ Н. К. Михайловскаго, числившагося въ составѣ редакціи органа «народной воли». По настоящему предмету одно лицо, на обязанности котораго лежало поддерживаніе постоянныхъ связей исполнительнаго комитета съ русскимъ обществомъ вообще и литературными кругами въ частности, а также которое принимало нѣкоторое участіе вмѣстѣ съ Михайловскимъ въ установленіи редакціи этого письма,—вотъ что сообщаетъ: «Объ участіи Н. К. Михайловскаго въ составленіи письма къ Александру III могу сообщить слѣдующее: не протестуя противъ террора, какъ одного изъ средствъ политической борьбы, Николай Константиновичъ всегда требовалъ, чтобы революціонеры всегда давали террористическимъ актамъ надлежащее объясненіе, способное вызвать въ обществѣ, если не симпатію, то, во всякомъ случаѣ, истинное пониманіе его широкихъ мотивовъ. Въ особенности онъ требовалъ этого по отношенію къ посягательствамъ на жизнь Александра II. Послѣ неудачной попытки Халтурина общественныя симпатіи къ «народной волѣ» быстро упали. «Либералы» почему-то стали думать, что удайся взрывъ дворца,—и по всей Россіи началась бы жестокая расправа простого народа со всѣми представителями бѣлой кости. Считается съ общественнымъ настроеніемъ стало еще необходимѣе въ періодъ «диктатуры» графа Лориса-Меликова, когда легковѣрные люди ждали отъ него «конституціи». Были даже революціонеры, рекомендовавшіе отказаться на время отъ дальнѣйшихъ террористическихъ актовъ. Но судьба рѣшила иначе. 1-го марта царь былъ убитъ. Естественно, явилась надобность въ яркомъ освѣщеніи этого крупнаго событія, и письмо къ Александру III было признано наиболѣе подходящей формой, исключаящей всякую мысль о революціонерахъ, какъ о простыхъ убійцахъ. Л. А. Тихомировъ очень часто сносился съ Н. К. Михайловскимъ и зналъ, какое значеніе онъ придаетъ извѣстному освѣщенію каждаго террористическаго акта. По предварительному уговору, черновикъ письма къ Александру III, составленный Тихомировымъ и Лангансомъ, былъ доставленъ Н. К. Михайловскому, и въ его квартирѣ на Стремянной улицѣ, домъ 5, состоялось редакціонное совѣщаніе изъ трехъ лицъ для выработки окончательнаго текста письма. Николай Константиновичъ внимательно относился къ каждому пункту, и ему въ значительной мѣрѣ должно быть приписано авторство этого замѣчательнаго историческаго документа. Вырабо-

танный такимъ образомъ проектъ письма исполнительнаго комитета къ Александру III былъ затѣмъ представленъ на окончательное утвержденіе комитета».

Въ комитетѣ не всѣ были согласны ни съ формой, ни съ содержаніемъ, находя его недостаточно сильнымъ и исчерпывающимъ хода историческихъ событій, однако послѣ споровъ письмо было большинствомъ одобрено, отпечатано и распространено не только въ Россіи, но и за границею. Ознакомленные съ его содержаніемъ нѣмецкіе ученые экономисты Марксъ и Энгельсъ дали о немъ слѣдующую аттестацію: «Мы находимъ, что письмо комитета къ Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказываетъ, что въ рядахъ революціонеровъ находятся люди съ государственной складкой ума».

Авторы этого письма остались невѣдомыми полицейской власти и избѣгли кары. Главный составитель его—Тихомировъ—вскорѣ вслѣдъ за симъ покинулъ Россію и скрылся за границею, гдѣ и пребывалъ вплоть до своего раскаянія и данной ему амнистіи, послѣ каковыхъ перешелъ въ консервативный лагерь и вернулся вновь на родину во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. По поводу своего отъѣзда и настроенія, которое имъ овладѣло послѣ событій 81-го года вотъ что онъ писалъ въ своей извѣстной брошюрѣ «Почему я пересталъ быть революціонеромъ»¹⁾. «Когда-то я привѣтствовалъ появленіе партіи («народной воли»), я ей отдалъ всѣ силы. Я тогда еще былъ революціонеромъ, но уже понималъ необходимость созиданія, безъ котораго не бываетъ здороваго движенія. Въ новомъ движеніи мнѣ чудилось нѣчто созидательное, элементы котораго я старался къ нему прививать, по мѣрѣ своего пониманія. Такъ, вѣрой и правдой, по совѣсти и убѣжденію, прослужилъ я почти до конца 1880 года. Тутъ я—и не я одинъ—сталъ чувствовать, что въ этомъ движеніи нѣтъ творящей силы. 1881 годъ я пережилъ весь уже въ чисто-формальной «вѣрности знамени». Я въ это время чувствовалъ себя въ недоумѣніи. Россія здорова: таково было мое впечатлѣніе; страна полна жизненной силы, по почему-то чахнетъ революціонное движеніе—это, какъ мнѣ говорили мои теоріи, высшее проявленіе роста страны. Мнѣ это казалось невѣроятнымъ противорѣчіемъ, которое я не могъ разрѣшить и которое меня приводило къ какому-то холодному отчаянію. Такъ уѣхалъ я за границу, съ единственнымъ желаніемъ написать свои воспоминанія о пережитомъ. Замѣчу мимоходомъ, что я уѣхалъ съ согласія товарищей, но безъ всякихъ порученій, и вообще совершенно свободный, предупредивъ, что ѣду на неопредѣленно долгое время. Во время этого-то «безсрочнаго отпуска» моего тамъ, въ Россіи, рухнули всѣ остатки старой организаціи, погибли всѣ, по отношенію къ кому можно

¹⁾ Левъ Тихомировъ. «Почему я пересталъ быть революціонеромъ». М. 1896 г.

было бы говорить съ какимъ-нибудь правомъ о монахъ обязательствахъ».

Что революціонное движеніе, созданное партіей «народной воли», чахнетъ, было яснымъ еще до событія 1-го марта и это, повидимому, въ душѣ сознавалъ и самъ Желябовъ, когда онъ говорилъ Оловенниковой, при отъѣздѣ ея въ Москву для укрѣпленія сношеній Петербурга съ тамошними революціонными ячейками: «Помни, если твоя Москва не выручитъ, будетъ плохо¹⁾». Аресты конца 80-го и начала 81-го года, аресты, послѣдовавшіе наканунѣ самаго 1-го марта и вслѣдъ за нимъ и, наконецъ, аресты уже послѣ исполненія приговора надъ первоапрѣльцами ослабили партію до послѣдней степени и на смѣну сошедшимъ со сцены уже не суждено было явиться новымъ столь же фанатичнымъ, рѣшительнымъ и испытаннымъ дѣятелямъ. Уцѣлѣвшіе отъ разгрома члены партіи къ концу 81-го года одни должны были эмигрировать за границу, какъ, напримѣръ, Тихомировъ, другіе были заарестованы, третьи вынуждены были скрыться въ провинцію. Уже въ ночь на 13 и 14 марта оказались арестованными Оловенникова, Тырковъ, Тычининъ, а перваго апрѣля—Исаевъ, одинъ изъ техниковъ партіи по динамитной части, на котораго партія взирала съ большими надеждами, а къ концу года во власти правительства оказались также Емельяновъ, Телаловъ и Сухановъ, возлагавшій такія надежды на революціонную пропаганду во флотѣ и при помощи послѣдняго надѣявшійся совершить желанный партіи политическій переворотъ въ Россіи. Всѣ эти представители партіи народной воли и его исполнительнаго комитета предстали передъ судомъ лишь въ началѣ 1882 г. по процессу «20 народовольцевъ» и замкнули собою рядъ большихъ процессовъ, непосредственно связанныхъ съ возникновеніемъ партіи послѣ липецкаго сѣзда.

Изъ наиболѣе крупныхъ дѣятелей партіи временно на свободѣ остались Богдановичъ-Кобозевъ—хозяинъ сырной лавки на Малой Садовой, откуда долженъ былъ послѣдовать взрывъ мины при проѣздѣ Александра II, и В. Н. Фигнеръ, успѣвшая скрыться на югъ Россіи, откуда она и продолжала вести сношенія съ остатками революціонныхъ группъ сѣвера, какъ равно энергично сумѣла вести пропаганду на югѣ. О ней намъ еще придется говорить впоследствии, а пока вернемся къ участникамъ катастрофы на Екатерининскомъ каналѣ.

IV.

Послѣ арестовъ Перовской, Михайлова и Кибальчича слѣдственный матеріалъ былъ настолько полонъ, что для представленія его въ особое судебное присутствіе уже не представлялось затрудненій,

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ». 1910 г., октябрь.

а сознание подсудимыхъ, съ одной стороны, и показанія Гольденберга и Рысакова—съ другой, освѣщали весь ходъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ царевубійству въ достаточной степени для составленія обвинительнаго акта. И вотъ уже начиная съ 26 марта и въ теченіе четырехъ дней все дѣло было разобрано въ особомъ присутствіи сената съ сословными представителями, и 30 марта того же года всѣмъ обвиняемымъ вынесенъ смертный приговоръ. Приводимъ здѣсь только заключительную часть этого приговора, такъ какъ въ повѣствовательныхъ частяхъ его изложены тѣ самыя событія, которые изложены нами въ очеркѣ «Царевубійство 1-го марта».

Обсудивъ изложенныя обстоятельства дѣла и предъявленныя противъ подсудимыхъ обвиненія,—читаемъ мы здѣсь—особое присутствіе останавливается прежде всего на обвиненіи всѣхъ ихъ въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣвшему цѣлью ниспроверженіе, посредствомъ насильственнаго переворота, существующаго въ имперіи государственнаго и общественнаго строя, и предпринявшему съ сею цѣлью рядъ посягательствъ на жизнь священной особы государя императора Александра Николаевича, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій законнымъ властямъ, и въ этомъ отношеніи находитъ, что самими подсудимыми Желябовымъ, Кибальчичемъ и Перовскою дерзостно провозглашаются не только принадлежность ихъ къ тайному сообществу, именуемому ими «соціально-революціонною партіею» или партіею «народной воли» и въ частности «террористическимъ отдѣломъ», но и всѣ злодѣянія, совершенныя ими, выставляются заслугою ихъ предъ этимъ сообществомъ; что подсудимая Гельфманъ также заявляетъ о своей принадлежности къ этому обществу, и что хотя подсудимые Рысаковъ и Тимофеевъ Михайловъ, сознавая въ принадлежности къ особому, организованному Желябовымъ и имъ направляемому, тайному сообществу и дають отличныя отъ прочихъ подсудимыхъ объясненія, какъ о цѣляхъ этого сообщества, такъ и о средствахъ, примѣняемыхъ онымъ для достиженія этихъ цѣлей, но объясненія эти не заслуживаютъ уваженія, и по удостовѣреннымъ даннымъ и близкимъ связямъ Рысакова и Михайлова съ прочими подсудимыми и по прочимъ обстоятельствамъ дѣла, особое присутствіе приходитъ къ убѣжденію о принадлежности и ихъ, Рысакова и Михайлова, къ тому же сообществу, преступными принципами котораго руководились и прочіе подсудимые. Переходя къ обвиненію подсудимыхъ въ страшномъ злодѣяніи 1-го марта, особое присутствіе находитъ, что, независимо отъ признанія самихъ подсудимыхъ, всѣми несомнѣнными даннымъ дѣла всѣ они вмѣстѣ изобличаются въ предварительномъ какъ между собою, такъ и съ другими обнаруженными (застрѣлившейся Саблинъ и умершій 1-го марта человекъ; проживавшій подъ ложнымъ именемъ Ельникова) и не обнаруженными по дѣлу лицами, соглашеніи лишить жизни государя императора Александра Николаевича 1-го сего марта, имѣвшемъ своимъ ужаснымъ послѣдствіемъ причиненіе Его Императорскому Величеству посредствомъ метательнаго снаряда явкихъ ранъ и затѣмъ страдальческую кончину Его Величества. Что же касается до различнаго соучастія подсудимыхъ въ приведеніи этого соглашения въ исполненіе, то оказываются виновными: 1) Желябовъ—въ томъ, что, умысливъ это посягательство на священную жизнь монарха, согласилъ на него Рысакова и другихъ лицъ, руководилъ приготовительными ихъ дѣйствіями до своего ареста (27-го февраля 1881 года), сводя ихъ для совѣщанія объ этомъ между собою на особо предназначенныхъ

для подобныхъ сходовъ квартирахъ, и принялъ непосредственное участіе въ земляныхъ работахъ по устройству подкопа, проведеннаго изъ подвальной лавки подъ Малую Садовую улицу, со снарядами для взрыва полотна улицы, при проѣздѣ государя. 2) Перовская—въ томъ, что руководила дѣйствіями исполнителей и самымъ совершеніемъ злодѣянія, именно: устроила предъ тѣмъ постоянное наблюденіе за выѣздами Его Императорскаго Величества, а 1-го марта принесла въ подготовленную для собранія соучастниковъ квартиру два предназначенныхъ для сего злодѣянія взрывчатыхъ метательныхъ снарядовъ и, зная о вышеупомянутомъ подкопѣ на Малой Садовой, начертила планъ мѣстности и, передавъ принесенные ею два метательныхъ снаряда злоумышленникамъ, указала каждому изъ нихъ пунктъ и затѣмъ на Михайловской улицѣ подала знакъ, по которому злоумышленники должны были идти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ожидать проѣзда государя для приведенія своего умысла въ исполненіе. 3) Кибальчичъ—въ томъ, что техническими указаніями и приготовленіями запала для взрыва принялъ участіе въ устройствѣ подкопа подъ Малой Садовой улицей, а затѣмъ изготовилъ и приспособилъ четыре металлическихъ снаряда, однимъ изъ которыхъ и былъ произведенъ тотъ взрывъ, который повлекъ за собой кончину Его Величества. 4) Рысаковъ—въ томъ, что бросилъ подъ карету государя первый метательный взрывчатый снарядъ, произведшій подъ той каретой взрывъ. 5) Гельфманъ—въ томъ, что завѣдывала въ качествѣ хозяйки квартирами, которыя служили для сбора злоумышленниковъ и въ которыхъ происходили съ вѣдома ея, Гельфманъ, совѣщанія о приготовлявшемся злодѣяніи и въ одну изъ которыхъ, съ ея же вѣдома, были 1-го марта принесены взрывчатые метательные снаряды, предназначенные для злодѣянія, и 6) Михайловъ—въ томъ, что участвовалъ при приготовительныхъ къ злодѣянію 1-го марта дѣйствіяхъ, предварительною, накупунѣ онаго, пробойю предназначавшагося для злодѣянія метательнаго взрывчатого снаряда. Затѣмъ, по предъявленнымъ противъ подсудимыхъ Желябова, Кибальчича и Перовской обвиненіямъ въ другихъ посягательствахъ на священную особу государя императора Александра Николаевича, они, по несомнѣннымъ обстоятельствамъ дѣла, въ связи и съ ихъ собственнымъ признаніемъ, должны быть признаны виновными: Желябовъ—въ устройствѣ, вмѣстѣ съ другими лицами, въ ноябрѣ 1879 г., подъ полотномъ желѣзной дороги, близъ города Александровска, мины для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ изволилъ находиться Его Императорское Величество, причемъ при проходѣ 18-го того же ноября означеннаго поѣзда, онъ, Желябовъ, сомкнулъ проведенные чрезъ мину проводники гальваническаго тока, по взрыва не послѣдовало по обстоятельствамъ, отъ Желябова не зависѣвшимъ; Кибальчичъ—въ принятіи участія въ приготовленіяхъ какъ къ взрыву императорскаго поѣзда на одесской желѣзной дорогѣ, близъ Одессы, въ томъ же ноябрѣ 1879 года, храненіемъ у себя всѣхъ нужныхъ для сего снарядовъ и приобрѣтеніемъ и приспособленіемъ спиралью Румкорфа, такъ и къ означенному выше взрыву 18-го ноября 1879 года, близъ города Александровска, посредствомъ доставленія Желябову необходимой для совершенія этого преступленія спирали Румкорфа, и Перовская—въ принятіи, по соглашенію съ другими лицами, непосредственнаго участія въ приготовленіяхъ къ взрыву полотна Московско-Курской желѣзной дороги, близъ Москвы, при проѣздѣ императорскаго поѣзда, во время какового прохожденія, 19-го ноября 1879 года, наблюдала за прибытіемъ означеннаго поѣзда и подавала лицу, имѣвшему произвести взрывъ, сигналъ, по которому взрывъ дѣйствительно и послѣдовалъ, не причинивъ, однакоже, по обстоятельствамъ, отъ нея, Перовской, не зависѣвшимъ, никакого вреда

лицамъ, въ поѣздѣ находившимся. Наконецъ, Тимоеѣй Михайловъ, по показаніямъ свидѣтелей и другимъ обстоятельствамъ дѣла, долженъ быть признанъ виновнымъ въ томъ, что при задержаніи его, 3-го марта 1881 года, въ квартирѣ № 5-й, домъ № 5-й, по Тетъжской улицѣ, умышленно съ цѣлью лишить жизни кого-либо изъ задержавшихъ его лицъ, сдѣлалъ въ нихъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, чѣмъ причинилъ опасную рану городовому Еоиму Денисову и контузію помощнику пристава Слуцкому. Законныя послѣдствія установленныхъ такимъ образомъ фактовъ виновности подсудимыхъ должны быть слѣдующія: 1) за принадлежность къ означенному выше тайному сообществу и за злоумышленное соучастіе въ посягательствахъ на священную особу государя императора подсудимые, на основаніи 241, 242, 243 и 249 ст. улож. о наказ., должны подлежать лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, видъ которой опредѣляется судомъ (18 ст. улож.); 2) тому же наказанію долженъ подлежать и подсудимый Рысаковъ, несмотря на его несовершеннолѣтіе, по точной силѣ 139 ст. улож., на основаніи которой несовершеннолѣтніе, отъ 14-ти до 21 года, за учиненіе преступленій, влекущихъ за собой лишеніе всѣхъ правъ состоянія, подвергаются тѣмъ же наказаніямъ, какъ и совершеннолѣтніе, съ сокращеніемъ лишь срока каторжныхъ работъ, если они подлежатъ таковымъ, и 3) что вооруженное сопротивленіе, оказанное Тимоеѣемъ Михайловымъ при задержаніи его 3-го марта 1881 года, должно быть подведено подъ дѣйствіе, 1459 ст. улож., по продолженію 1876 г. Посему общее присутствіе правительствующаго сената опредѣляетъ: подсудимыхъ: крестьянина Таврической губерніи, Оеодосійскаго уѣзда, Петровской волости, дер. Николаевки, Андрея Иванова Желябова, 30-ти лѣтъ, дворянку Софію Львову Перовскую, 27-ми лѣтъ, сына священника Николая Ивановича Кибальчица, 27-ми лѣтъ, тихвинскаго мѣщанина Николая Иванова Рысакова, 19-ти лѣтъ, мозырскую, Минской губ., мѣщанку Гесю Мирову Гельфманъ, 26-ти лѣтъ, и крестьянина Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилкова, Тимоеѣя Михайлова, 21-го года, на основ. ст. улож. о нак. 9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 249 и 1,459 (по прод. 1876 года), лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе. Приговоръ сей относительно дворянки Софіи Перовской, по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія къ исполненію, на осн. 945 ст. уст. угол. суд., представить чрезъ министра юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

Самое судопроизводство 26—29 марта представляло для общества громадный интересъ и въ залъ суда на эти дни стремились попасть многочисленныя представители русской общественности, получившіе возможность входа въ судъ по особымъ билетамъ. Здѣсь передъ ними впервые во всѣхъ подробностяхъ развернулась жизнь и дѣятельность таинственной и грозной партіи, которая такъ долго держала въ трепетѣ и государственную власть и русское общество. Отчеты о процессѣ печатались тогда во всѣхъ газетахъ, согласно тексту «Правительственнаго Вѣстника», читались съ напряженнымъ вниманіемъ и занимали въ тѣ дни главное мѣсто на страницахъ повседневной прессы. Кстати будетъ отмѣтить, что судъ надъ первоапрѣльцами былъ послѣднимъ судомъ, который во всѣхъ подробностяхъ былъ официально опубликованъ. Послѣдующіе процессы находили въ газетахъ свое отраженіе лишь

въ своихъ резолютивныхъ частяхъ и въ исполненіяхъ приговоровъ суда. Такая мѣра ограниченія гласности была предпринята въ интересахъ общественнаго успокоенія, дабы читатели, особенно изъ состава юношества, не могли знакомиться съ подчасъ жгучими рѣчами подсудимыхъ и съ изложеніемъ ими своихъ революціонныхъ доктринъ.

Составъ присутствія былъ слѣдующій: первоприсутствующій сенаторъ Е. Я. Фуксъ; присутствовали сенаторы: Н. Н. Биппенъ, Н. С. Писаревъ, И. Н. Орловъ, А. И. Синицынъ и А. В. Бѣлостоцкій; сословные представители: предводители дворянства: с.-петербургскій губернский графъ А. А. Бобринскій и петергофскій уѣздный баронъ М. Н. Корфъ, московскій городской голова Третьяковъ и волостной старшина Московской волости С.-Петербургской губерніи и уѣзда А. Гелькеръ, при оберъ-секретарѣ В. В. Поповѣ. Обвинялъ исполняющій обязанность прокурора при особомъ присутствіи правительствующаго сената, товарищъ прокурора петербургской судебной палаты Н. В. Муравьевъ. Защитники подсудимыхъ, присяжные повѣренные: Унковскій—Рысакова, Хартулари—крестьянина Тимофея Михайлова, Герке 1-й—мѣщанки Геси Гельфманъ, Герардъ—сына священника Николая Кибальчича и Кедринъ—дворянки Софьи Перовской. Желябовъ защитника имѣть не пожелалъ.

V.

Мы уже приводили въ своемъ мѣстѣ цитаты изъ рѣчи Н. В. Муравьева, гдѣ онъ дѣлалъ характеристики нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ. Отмѣтимъ здѣсь лишь резолютивную часть его сильной рѣчи (она вошла полностью въ полное собраніе его рѣчей въ книгѣ «Изъ прошлой дѣятельности»¹⁾). Послѣ того, какъ онъ очертилъ составъ преступленія каждаго изъ подсудимыхъ и далъ полемическій отвѣтъ на всѣ высказанныя ими теоретическія положенія, онъ сказалъ:

«Познакомившись со взглядами стоящихъ передъ нами террористовъ, перейдемъ къ ихъ мыслямъ о формѣ, путяхъ и средствахъ предпринятой ими политической борьбы. Мы уже знаемъ, что форма эта—терроръ, пути—политическія убійства, а средство—динамитъ и цѣлая система взрывовъ и взрывчатыхъ приспособленій. Но мы должны знать еще и то, что это терроръ не простой, а возведенный въ политическую теорію, пути эти не случайные, а строго выработанные и обдуманые, средства не общеупотребительныя, а усовершенствованныя наукой и практическимъ упражненіемъ. Вотъ та изумительная террористическая теорія, какъ она выражена въ брошюрѣ нѣкоего Морозова: «Террористическая борьба», которую,

¹⁾ Н. В. Мироновъ. «Изъ прошлой дѣятельности», т. II.

не обинуясь, можно назвать краткимъ руководствомъ, настольною книжкою террориста. Террористическая борьба, по словамъ брошюры, представляетъ собою совершенно новый пріемъ борьбы; она справедлива потому, что убиваетъ только тѣхъ, которые этого заслуживаютъ и виновны. И потому террористическая революція представляетъ собою самую справедливую изъ всѣхъ формъ революціи. Въ Россіи, говорятъ они, дѣло террора значительно усложняется, оно потребуетъ, можетъ быть, дѣлаго ряда политическихъ убійствъ и царубійствъ. Но не въ одномъ этомъ должна заключаться его цѣль. Оно должно сдѣлать свой способъ борьбы популярнымъ, историческимъ, традиціоннымъ, должно ввести его въ жизнь. Наступитъ время, говорятъ террористы, когда несистематическія попытки террористовъ сольются въ общій потокъ, противъ котораго не устоять тогда никому. Задача русскихъ террористовъ—только обобщить и систематизировать на практикѣ ту форму революціонной борьбы, которая ведется давно, борьбу посредствомъ политическихъ убійствъ. Вотъ перспектива, которую обѣщаютъ террористы. Нельзя пожаловаться на неясность программы, нельзя отказать ей въ своеобразности и новизнѣ. Осуществиться ей не суждено, но авторы ея могутъ все-таки гордиться: ихъ не забудетъ думающій міръ. Онъ слышалъ до сихъ поръ много самыхъ разнообразныхъ, самыхъ несбыточныхъ и странныхъ системъ, теорій и ученій. Но онъ еще не слышалъ системы царубійства, теоріи кровополитія, ученія рѣзни: это могло быть только новымъ словомъ, и это новое слово повѣдали изумленному міру русскіе террористы. Но чего же другого ожидать отъ нихъ, когда, говоря печатно о новыхъ формахъ покушеній на царубійство, они восторгаются въ своихъ подпольныхъ изданіяхъ тщательностью отдѣлки всѣхъ деталей, съ гордостью заявляютъ, что это прогрессивное усовершенствованіе способовъ борьбы составляетъ чрезвычайно утѣшительный фактъ, и останавливаются съ умиленіемъ на томъ, что въ настоящее время возможность совершенія царубійства связывается съ возможностью спасенія для убійць. Злодѣяніе совершается, но его исполнители могутъ остаться живы. Возможность уцѣлѣть—есть. Мы знаемъ, что многіе изъ участниковъ перваго покушенія уцѣлѣли, и еще теперь, передъ глазами каждаго изъ нихъ, на основаніи этой теоріи, стоитъ въ перспективѣ побѣгъ за границу, и это знаменитое право убѣжища, которое гораздо правильнѣе и точнѣе назвать, если можно, правомъ укрывательства и безнаказанности убійць. Итакъ, милостивые государи, въ такомъ видѣ представляется дѣятельность социалистовъ, но то, что я имѣлъ честь изложить передъ вами, еще не все. Кромѣ убійствъ и крови, надъ социальнореволюціонной партіей тяготѣетъ и еще одинъ великій тяжелый грѣхъ. Она признаетъ сама,—а настоящее состояніе и недавнее прошлое русскаго общества горько подтверждаютъ,—что важную и суще-

ственную отрасль ея агитаторской работы составляютъ возможно широкое раскидываніе сѣтей и ловля въ нихъ добычи. И въ этомъ дѣлѣ, нужно отдать имъ справедливость, они достигли значительной степени совершенства, почти такого же, какъ и въ приготовленіи взрывчатыхъ веществъ и рытьѣ подкоповъ. Только славы для нихъ отъ этого немного, потому что добыча попадаетъ имъ слабая и беззащитная, дающая имъ мало пользы и лишь сама себя ни за что, ни про что губящая. Я говорю о той злополучной русской юности, среди которой рыскаютъ тайные агенты и эмиссары партіи, жадно высматривая свою добычу. Оклеветанная партіей, которая, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, выставляетъ ее своей союзницей или, по крайней мѣрѣ, сочувствующею ей силой, русская молодежь страдаетъ отъ нея больше всѣхъ другихъ сферъ общества. Еще не окрѣпшая, къ строгой критикѣ не привыкшая, перѣдко получающая неправильное направленіе, которое отклоняетъ ее отъ ученья, она естественно представляетъ для социальна-революціонныхъ ловцовъ меньше сопротивленія, чѣмъ всѣ другія сферы. Молодость воспримчива, податлива, увлекается, и вотъ зараза ядовитою змѣею цзвивается въ ея средѣ. Одного ужалить, другого затыанеть, а третьяго совѣмъ охватить въ свои кольца, и жертвы падаютъ, гибнуть молодыя силы, нужныя родной землѣ.

«Теперь, отдавая на вашъ судъ, гг. сенаторы, гг. сословные представители, взгляды и стремленія подсудимыхъ и ихъ партіи, я, само собою разумѣется, весьма далеко отъ мысли ихъ опровергать, съ ними полемизировать. Не говоря уже о томъ, что это было бы несогласно съ достоинствомъ государственнаго обвиненія, которое призвано лишь изобразить злодѣяніе въ его настоящемъ видѣ, лжеученія социальна-революціонной партіи такъ очевидны въ мысляхъ и дѣлахъ ея, что изобличеніе ихъ едва ли и нужно для суда, тѣмъ болѣе, что и оружіе у насъ неравное: у нихъ—софизмъ и цинизмъ, у обвиненія—неотразимые, еще дымящіеся кровью факты, простое человѣческое чувство и безхитростный здравый смыслъ. Тѣмъ не мѣнѣе, я не могу оставить безъ вниманія рядъ общихъ выводовъ, который грозно, самую очевидностью и правдой выдвигается изъ всего того, что совершилось, что мы знали прежде и узнали вновь. Несмотря на весь ужасъ и всю боль изслѣдованной язвы, въ данныхъ этого изслѣдованія есть, мнѣ кажется, и нѣкоторыя задатки горькаго утѣшенія, насколько оно для насъ еще возможно. Сомнѣнія нѣтъ и быть не можетъ—язва неорганическая, недугъ паносный, пришлый, преходящій, русскому уму несвойственный, русскому чувству противный. Русской почвѣ чужды и лжеученія социальна-революціонной партіи, и ея злодѣйства, и она сама. Не изъ условій русской дѣйствительности заимствовала она исходныя точки и основанія своей доктрины. Соціализмъ выросъ на Западѣ и составляетъ уже давно его историческую бѣду. У насъ ему неоткуда

было взятыся, у насъ не было и, слава Богу, нѣтъ до сихъ поръ ни антагонизма между сословіями, ни преобладанія буржуазіи, ни традиціонной розни и борьбы общества съ властью. Многомилліонная масса русскаго народа не пойметъ социалистическихъ идей. Пропагандисты 1874 года знаютъ, какимъ непониманіемъ, смѣхомъ или враждою встрѣчали ихъ въ любой избѣ. Сторонниками новаго ученія являются у насъ люди, которымъ безъ социализма некуда было бы преклонить голову, нечѣмъ заниматься, нечего ѣсть, не о чемъ думать. Огромное движеніе, умственное, общественное и экономическое движеніе, вызванное великими реформами Великаго Царя-Мученика, подняло и передвинуло всѣ элементы русской жизни, взволновавъ ее со дна и до поверхности. Но, процѣживаясь и осѣдая, движеніе дало никуда негодные отброски, отъ стараго отставшіе, къ новому не приставшіе и на все готовые. Явились люди безъ нравственнаго устоя и собственнаго внутренняго содержанія, но воспріимчивые къ чужому, постороннему вліянію, только бы оно сулило поприще обширное, заманчивое, лёгкое, льстящее самолюбію, скромнаго неблагороднаго труда не требующее. Явились люди, могущіе, за неимѣніемъ или нежеланіемъ другого дѣла, только «дѣлать» революцію. А западныя лжеученія дали имъ нѣчто готовое, съ виду красивое, звонкими фразами обставленное, страсти будящее... Слабыя головы закружились въ вихрѣ социально-революціонныхъ приманокъ и перспективъ и, не оглядываясь, бросились на скользкій, покатыи путь. А ни на немъ, ни въ собственномъ умѣ и сердцѣ ухватиться было не за что, и вотъ стали блѣднѣть и исчезать, какъ дымъ, остатки здраваго смысла, совѣсти, человѣчности, стыда... все стало у этихъ людей свое, особенное, не русское, даже, какъ будто, не человѣческое, а какое-то—да будетъ позволено мнѣ такъ выразиться—социально-революціонное... У нихъ выработалось одно—закалъ и энергія, но этотъ закалъ и эта энергія способны только на мрачное, для всѣхъ другихъ людей преступное, дурное. На Россію они стали смотрѣть не какъ на отечество, а какъ на объектъ социально-революціонныхъ мѣропріятій, для которыхъ всѣ средства хороши. Но для Россіи, которая смотритъ на нихъ не ихъ, а своими собственными, не отведенными глазами, они не могутъ не представляться отверженцами, достойными безпощаднѣйшаго осужденія.

«Подведемъ послѣдній, окончательный итогъ. Что сдѣлала социально-революціонная партія за нѣсколько лѣтъ ея подпольной дѣятельности для блага того народа, польза и счастье котораго у нея не сходитъ съ языка? Она написала и распространила горы бумаги, наполненной фантазіями и софизмами, отъ которыхъ ни одному бѣдняку жить не стало легче, она совратила и потубила множество подавшихъ ей людей, убила въ нихъ вѣру въ себя и въ будущее, оторвала ихъ отъ близкихъ, отъ родины, отъ честнаго труда.

Что же сдѣлалъ дѣйствующій передовой отрядъ этой социальнореволюціонной партіи, ея боевая дружина, открывшая активную борьбу, ея надежда и единственная дѣятельная сила—террористы? Они убили и изувѣчили нѣсколько десятковъ вѣрныхъ слугъ престола и отечества, вызывая тѣмъ временную панику среди мирныхъ гражданъ; они прорыли нѣсколько подкоповъ, извели нѣсколько пудовъ динамиту и, при его посредствѣ, усовершенствовали способы уничтоженія беззащитныхъ людей; они выработали и написали цѣлую доктрину такого уничтоженія, связавъ ее навѣки съ своею памятью; они заставили Россію и весь цивилизованный міръ говорить о себѣ, какъ о новой общественной формациі организованныхъ, систематическихъ, интеллигентныхъ убійць. Наконецъ, 1-го марта нынѣшняго года они достигли завѣтной цѣли своихъ желаній и апогея своихъ дѣяній: они предательски убили великаго монарха, освободителя и реформатора новой Россіи. Повидимому, социальнореволюціонная партія, въ лицѣ подсудимыхъ, думаетъ, что 1-го марта она одержала огромную кровавую побѣду и достигла своей ближайшей и труднѣйшей цѣли. Она ошибается,—она въ этотъ день своими руками нанесла себѣ смертельный ударъ, она сама произнесла надъ собою свой приговоръ. Отнынѣ глубокое мучительное отвращеніе всего, въ чемъ бьется человѣческое сердце и мыслить умъ, еще способный мыслить,—ея единственный удѣлъ. И стоять ли ея исчадія другого къ себѣ отношенія? Сомнѣвается ли кто-нибудь въ томъ, что ихъ явно заявленная цѣль—разрушить существующій міръ и на мѣсто его возвести міръ социалистическій,—есть химера, недостижимая и безумная? А вѣдь за этою химерою, кичащеюся своимъ идеализмомъ, таятся во тьмѣ, прикрытые ея гостепріимнымъ знаменемъ, тысячи мелкихъ, личныхъ, совѣмъ не идеальныхъ побужденій и интересовъ: зависть бѣднаго къ достаточному, бѣдствующаго тунеядца къ процвѣтающему труженику, порыванія разнузданныхъ инстинктовъ къ дикому разгулу, честолюбіе и властолюбіе вожаковъ партіи.

«Моя задача приходитъ къ концу. Скоро настанетъ торжественный часъ исполненія вашей великой судебной обязанности, и въ совѣщательной комнатѣ передъ вашимъ умственнымъ взоромъ вновь предстанетъ все, что послужитъ основаніемъ вашего приговора, все, что вы видѣли и слышали на судѣ. Не мнѣ говорить, не вамъ слушать о необходимомъ значеніи того рѣшенія вопросовъ виновности, которое изрекутъ вашими устами высшая человѣческая справедливость и законъ, ея совершеннѣйшій выразитель. Вы знаете и безъ моихъ указаній, что совѣсть Россіи ждетъ этого рѣшенія и, возмущенная, успокоится только тогда, когда услышитъ его властный голосъ. Но чрезвычайный, грозный смыслъ вашего согласія съ выводами обвиненія—а въ этомъ согласіи я не хотѣлъ бы сомнѣваться—такъ чутко отзывается въ человѣческомъ сердцѣ, такъ

настоячиво требует примиренія чувствъ съ разсудкомъ, что я прошу позволенія именно объ этомъ конечномъ нравственно-юридическомъ смыслѣ предстоящаго вамъ сужденія сказать нѣсколько заключительныхъ словъ.

«На основаніи всей совокупности данныхъ судебного слѣдствія, на основаніи приведенныхъ мною доказательствъ виновности подсудимыхъ, я имѣю честь предложить вамъ произнести о нихъ безусловно обвинительный приговоръ. Только такой приговоръ вытекаетъ изъ представленныхъ вамъ доказательствъ, только его карательныя послѣдствія соразмѣрны съ злодѣяніемъ 1-го марта и виною всѣхъ шести изобличенныхъ въ этомъ злодѣяніи подсудимыхъ. Безнадежно суровы и тяжки эти послѣдствія, опредѣляющія ту высшую кару, которая отнимаетъ у преступника самое дорогое изъ человѣческихъ благъ—жизнь. Но она законна, необходима, она должна поразить преступниковъ царевубійства. Она законна, а въ неуклонномъ примѣненіи дѣйствующихъ законовъ, въ благоговѣйномъ преклоненіи передъ ними, въ строжайшемъ охраненіи установленнаго ими правильнаго гражданскаго строя—вся наша гражданская сила въ настоящее трудное время, все наше спасеніе. Она необходима потому, что противъ царевубійцъ и крамольниковъ нѣтъ другого средства государственной самозащиты. Человѣческое правосудіе съ ужасомъ останавливается передъ ихъ преступленіями и съ содроганіемъ убѣждается, что тѣмъ, кого оно заклеймило, не можетъ быть мѣста среди Божьяго міра. Отрицатели вѣры, бойцы всемірнаго разрушенія и всеобщаго дикаго безначалія, противники нравственности, беспощадные развратители молодости, всюду несутъ они свою страшную проповѣдь бунта и крови, отмѣчая убійствами свой отвратительный слѣдъ. Дальше имъ идти некуда: 1-го марта они переполнили мѣру злодѣйствъ. Довольно пострадала изъ-за нихъ наша родина, которую они запятнали драгоценною кровью,—и въ вашемъ лицѣ Россія совершитъ надъ ними свой судъ. Да будетъ же убіеніе величайшаго изъ монарховъ послѣднимъ дѣяніемъ ихъ земного преступнаго поприща. Людьями отвергнутые, отечествомъ проклятые, передъ правосудіемъ Всевышняго Бога пусть дадутъ они отвѣтъ въ своихъ злодѣяніяхъ и потрясенной Россіи возвратятъ ей миръ и спокойствіе. Россія раздавитъ крамолу и, смиряясь передъ волею Промысла, пославшаго ей тяжкое испытаніе, въ пережитой борьбѣ почерпнетъ новыя силы, новую горячую вѣру въ свѣтлое будущее. Не того хотѣли мрачные заговорщики 1-го марта. Но всѣ ихъ кровавыя замыслы и злодѣйства разобьются о вѣрную русскую грудь, разлетятся въ прахъ передъ яснымъ разумомъ, волею и любовью русскихъ людей. Крамола могла тайнымъ ударомъ пресѣчь преходящее теченіе хрупкой человѣческой жизни, хотя бы, по Божьей волѣ, то была жизнь великаго государя Россіи, но крамола была и всегда будетъ бессильна поколебать вѣковую

русскую преданность престолу и существующему государственному порядку. Съ корнемъ вырветъ русскій народъ адскіе плевелы русской земли и тѣсно, дружно сомкнувшись несчетными рядами благомыслящихъ гражданъ, бодро послѣдуетъ за своею несокрушимою, единою священной надеждой, за своимъ нынѣ вступившимъ на царство августѣйшимъ вождемъ».

VI.

Рѣчи защитниковъ подсудимыхъ не представляли особаго интереса, и понятно, что они не могли сказать ничего въ пользу своихъ кліентовъ по существу вопроса, гдѣ шло дѣло объ убіеніи русскаго самодержца. Только Унковскій и Хартулари сдѣлали попытку отвести отъ защищаемыхъ предвидѣнныя имъ тяжкія наказанія въ видѣ смертной казни, основываясь на ихъ молодомъ возрастѣ, недостаточномъ развитіи и непричастности къ работѣ «исполнительнаго комитета». Большій интересъ представляли собою нѣкоторыя мѣста изъ рѣчей подсудимыхъ, на коихъ въ особенности сосредоточилась сила обвинительной рѣчи прокурора и которые дѣйствительно представляли собою вполне сознательныхъ главарей партіи, несшихъ на себѣ отвѣтственность не только по преступленію 1-го марта, но и по всѣмъ прочимъ покушеніямъ на жизнь императора Александра II. Въ этихъ рѣчахъ заключалось извѣстное profession de foi партіи, ея взгляды на настоящее и будущее государственнаго устройства Россіи, ея оправданіе установленной революціонной тактики борьбы и своего рода угроза, что борьба между партіей и правительствомъ еще далеко не закончена и что будущее еще чревато событіями. Эти отрывки изъ рѣчей мы помѣстимъ здѣсь такъ, какъ они собраны и напечатаны въ журналѣ «Былое». за 1906 г. (№ 3) въ статьѣ «Изъ рѣчей на судѣ А. И. Желябова, Н. И. Кибальчича и С. Л. Перовской», съ нѣкоторыми сокращеніями въ интересахъ краткости. Желябовъ говорилъ:

«Обвинительная рѣчь, на мой взглядъ, сущность нашихъ цѣлей и средствъ изложила совершенно неточно. Ссылаясь на тѣ же самые документы и вещественныя доказательства, на которыхъ г. прокуроръ основываетъ обвинительную рѣчь, я постараюсь это доказать. Программа рабочихъ послужила основаніемъ для г. прокурора утверждать, что мы не признаемъ государственнаго строя, что мы безбожники и т. д. Ссылаясь на точный текстъ этой программы рабочихъ, говорю, что мы государственники, не анархисты. Анархисты—это старое обвиненіе. Мы признаемъ, что правительство всегда будетъ, что государственность неизбежно должна существовать, поскольку будутъ существовать общіе интересы...

«Мы—не анархисты, мы стоимъ за принципъ федеральнаго устройства государства, а какъ средство для достиженія такого

строю—мы рекомендуемъ очень опредѣленные учрежденія. Можно ли насъ считать анархистами?..

«Я въ своемъ заявленіи говорилъ и отъ прокурора слышалъ, что наше преступленіе—событіе 1-го марта—нужно разсматривать, какъ событіе историческое, что это не фактъ, а исторія. И совершенно вѣрно... Я совершенно согласенъ съ прокуроромъ и думаю, что всякій согласится, что этотъ фактъ нельзя разсматривать особнякомъ, а что его нужно разсматривать въ связи съ другими фактами, въ которыхъ проявилась дѣятельность партіи. Обвинитель дѣлаетъ отвѣтственными за событіе 1-го марта не только наличныхъ подсудимыхъ, но и всю партію, и считаетъ самое событіе логически вытекающимъ изъ цѣлей и средствъ, о какихъ партія заявляла въ своихъ печатныхъ органахъ...

Послѣ замѣчанія первоприсутствующаго, что обвиняемый отклоняется въ сторону, онъ продолжаетъ:

«Чтобы не выйти изъ рамокъ, вами опредѣленныхъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не оставить свое дѣло необороненнымъ, я долженъ остановиться на тѣхъ вещественныхъ доказательствахъ, на которыхъ здѣсь ссылался прокуроръ, а именно на разные брошюры, на примѣръ, на брошюру Морозова и литографированную рукопись, имѣвшуюся у меня. Прокуроръ ссылается на эти вещественныя доказательства. На какомъ основаніи? Во-первыхъ, литографированная программа социалистовъ-федералистовъ найдена у меня. Но вѣдь всѣ эти вещественныя доказательства въ данный моментъ у прокурора. Имѣю ли я основаніе и право сказать, что они суть плоды его убѣжденія, поэтому у него и находятся? Неужели одинъ лишь фактъ нахождения литографированной программы у меня свидѣтельствуетъ о томъ, что это мое собственное убѣжденіе? Во-вторыхъ, Николай Морозовъ написалъ брошюру. Я ея не читалъ; сущность ея я знаю; къ ней, какъ партія, мы относимся отрицательно, и просили эмигрантовъ не пускаться въ сужденія о задачѣ русской социальнo-революціонной партіи, пока они за границей, пока они беспочвенники. Насъ дѣлаютъ отвѣтственными за взгляды Морозова, служащіе отголоскомъ прежняго направленія, когда дѣйствительно нѣкоторые изъ членовъ партіи, узко смотрѣвшіе на вещи, въ родѣ Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоитъ въ расчищеніи пути черезъ частыя политическія убійства. Для насъ, въ настоящее время, отдѣльные террористическіе факты занимаютъ только одно изъ тѣхъ мѣстъ въ ряду другихъ задачъ, намѣчаемыхъ ходомъ русской жизни...

Новое замѣчаніе Желябову.

Ж е л я б о в ѣ. «Я говорилъ о цѣляхъ партіи. Теперь я скажу о средствахъ. Я желалъ бы предпослать прежде маленькій историческій очеркъ, слѣдуя тому пути, которымъ шель прокуроръ. Всякое общественное явленіе должно быть познаваемо по его при-

чинамъ, и чѣмъ сложнѣе и серьезнѣе общественное явленіе, тѣмъ взглядъ на прошлое долженъ быть глубже. Чтобы понять ту форму революціонной борьбы, къ какой прибѣгаетъ партія въ настоящее время, нужно познать это настоящее въ прошедшемъ партіи, а это прошедшее имѣется; немногочисленно оно годами, но очень богато опытомъ. Если вы, гг. судьи, взглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною... Мы, переиспытавъ разные способы дѣйствовать на пользу народа, въ началѣ 70-хъ годовъ избрали одно изъ средствъ, именно положеніе рабочаго человѣка, съ цѣлью мирной пропаганды социалистическихъ идей. Движеніе крайне безобидное по средствамъ своимъ, и чѣмъ оно окончилось? Оно разбилося исключительно о многочисленныя преграды, которыя встрѣтило въ лицѣ тюремъ и ссылокъ. Движеніе совершенно безкровное, отвергавшее насиліе, не революціонное, а мирное— было подавлено. Я принималъ участіе въ этомъ самомъ движеніи, и это участіе поставлено мнѣ прокуроромъ въ вину. Я желаю выяснитъ характеръ движенія, за которое несу въ настоящее время отвѣтъ. Это имѣетъ прямое отношеніе къ моей защитѣ...

«Въ 1873, 1874 и 1875 годахъ я еще не былъ революціонеромъ, какъ опредѣляетъ прокуроръ, такъ какъ моя задача была работать на пользу народа, ведя пропаганду социалистическихъ идей. Я насилія въ то время не признавалъ, политики касался я весьма мало, товарищи—еще меньше. Въ 1874 году въ государственныхъ воззрѣніяхъ мы въ то время были дѣйствительно анархистами. Я хочу подтвердить слова прокурора. Въ рѣчи его есть много вѣрнаго. Но вѣрность такова: въ отдѣльности, взятое частичками— правда, но правда, взятая изъ разныхъ періодовъ времени, и затѣмъ составлена изъ нея комбинація совершенно произвольная, отъ которой остается одинъ только кровавый туманъ... Всѣ мои желанія были дѣйствовать мирнымъ путемъ въ народѣ, тѣмъ не менѣе, я очутился въ тюрьмѣ, гдѣ и революціонизировался. Я перехожу ко второму періоду социалистическаго движенія. Этотъ періодъ начинается... Но; по всей вѣроятности, я долженъ буду отказаться отъ мысли принципиальной защиты и, вѣроятно, закончу рѣчь просьбою къ первоприсутствующему такого содержания: чтобы рѣчь прокурора была отпечатана съ точностью. Такимъ образомъ, она будетъ отдана на судъ общественный и судъ Европы...

Первоприсутствующій снова прерываетъ Желябова.

Ж е л я б о в ъ. «Теперь я сдѣлаю еще попытку. Непродолжительный періодъ нахождения нашего въ народѣ показалъ всю книжность, все доктринерство нашихъ стремленій, а съ другой сто-

роны—убѣдилъ, что въ народномъ сознаниі есть много такого, за что слѣдуетъ держаться, на чемъ до поры до времени слѣдуетъ остановиться. Считаая, что при тѣхъ препятствіяхъ, какія ставило правительство, невозможно провести въ народное сознание социалистическіе идеалы цѣлостью, социалисты перешли къ народникамъ... Мы рѣшили дѣйствовать во имя сознанныхъ народомъ интересовъ уже не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересовъ, присущихъ народной жизни, имъ сознаваемыхъ. Это отличительная черта народничества. Изъ мечтателей-метафизиковъ оно перешло въ позитивизмъ и держалось почвы—это основная черта народничества.

«Дальше. Такимъ образомъ, измѣнился характеръ нашей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства борьбы,—пришлось отъ слова перейти къ дѣлу. Вмѣсто пропаганды социалистическихъ идей выступаетъ на первый планъ агитаціонное возбужденіе народа во имя интересовъ, присущихъ его сознанию. Вмѣсто мирнаго слова мы сочли нужнымъ перейти къ фактической борьбѣ. Эта борьба всегда соотвѣтствуетъ количеству накопленныхъ силъ. Прежде всего ее рѣшили пробовать на мелкихъ фактахъ. Такъ дѣло шло до 1878 года. Въ 1878 году впервые, насколько мнѣ извѣстно, явилась мысль о борьбѣ болѣе радикальной, явились pomysлы разсѣчь Гордіевъ узелъ, такъ что событіе 1-го марта по замыслу нужно отнести къ зимѣ 1877—1878 гг. Въ этомъ отношеніи 1878 г. былъ переходный, что видно изъ документовъ, напимѣръ, брошюры «Смерть за смерть». Партія не уяснила еще себѣ вполне значенія политическаго строя въ судьбахъ русскаго народа, и хотя всѣ условія наталкивали ее на борьбу съ политическою системою... Все толкало меня, въ томъ числѣ, на борьбу съ правительственною системою. Тѣмъ не менѣе, я еще лѣтомъ 1878 года находился въ деревнѣ, дѣйствуя въ народѣ. Въ зиму 1878—79 г. положеніе вещей было совершенно безвыходное, и весна 1879 года была проведена мною на югѣ въ заботахъ, относившихся прямо къ этого рода предпріятіямъ. Я зналъ, что въ другихъ мѣстахъ товарищи озабочены тѣмъ же, въ особенности на сѣверѣ, что на сѣверѣ этотъ вопросъ даже породилъ расколъ въ тайномъ обществѣ, въ организаціи «Земли и Воли», что часть этой организаціи ставитъ себѣ именно тѣ задачи, какъ и я съ нѣкоторыми товарищами на югѣ. Отсюда естественно сближеніе, которое перешло на липецкомъ съѣздѣ въ слияніе. Тогда сѣверяне, а затѣмъ часть южанъ, собравшись въ лицѣ своихъ представителей на съѣздѣ, опредѣлили новое направленіе. Рѣшенія липецкаго съѣзда были вовсе не такъ узки, какъ здѣсь излагалось въ обвинительной рѣчи. Основныя положенія новой программы были таковы: политическій строй...»

Тутъ послѣдовало продолжительное препирательство съ первоприсутствующимъ.

«Я участвовалъ на липецкомъ съѣздѣ—продолжалъ Желябовъ.— Рѣшенія этого съѣзда опредѣлили рядъ событій, въ которыхъ я принималъ участіе и за участіе въ которыхъ я состою въ настоящее время на скамьѣ подсудимыхъ. Поскольку я принималъ участіе въ этихъ рѣшеніяхъ, я имѣю право касаться ихъ. Я говорю, что намѣчена была задача не такая узкая, какъ говорить прокуроръ: повтореніе покушеній, и, въ случаѣ неудачи, совершеніе удачнаго покушенія во что бы то ни стало. Задачи, на липецкомъ съѣздѣ поставленныя, были вовсе не такъ узки. Основное положеніе было такое, что соціально-революціонная партія—и я въ томъ числѣ, это мое убѣжденіе—должна удѣлить часть своихъ силъ на политическую борьбу. Намѣченъ былъ и практической путь: это путь насильственнаго переворота путемъ заговора, и для этого организація революціонныхъ силъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. До тѣхъ поръ я лично не видѣлъ надобности въ крѣпкой организаціи. Въ числѣ прочихъ соціалистовъ я считалъ возможнымъ дѣйствовать, опираясь по преимуществу на личную инициативу, на личную предприимчивость, на личное умѣніе. Оно и понятнo. Задача была такова: уяснить сознаніе возможно большаго числа лицъ, среди которыхъ живешь: организованность была нужна только для полученія такихъ средствъ, какъ книжки, и доставка ихъ изъ-за границы, печатаніе ихъ въ Россіи было также организовано. Все дальнѣйшее не требовало особой организованности. Но разъ была поставлена задача насильственнаго переворота, задача, требующая громадныхъ организованныхъ силъ, мы, и я между прочимъ, озаботились созиданіемъ этой организаціи въ гораздо большей степени, чѣмъ покушенія. Послѣ липецкаго съѣзда, при такомъ взглядѣ на надобность организаціи, я присоединился къ организаціи, въ центрѣ которой сталъ исполнительный комитетъ, и содѣйствовалъ расширенію этой организаціи: въ его духѣ я старался вызвать къ жизни организацію единую, централизованную, состоящую изъ кружковъ автономныхъ, но дѣйствующихъ по одному общему плану, въ интересахъ одной общей цѣли. Я буду ревьюмировать сказанное. Моя личная задача, цѣль моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работалъ для этой цѣли путемъ мирнымъ и только затѣмъ былъ вынужденъ перейти къ насилію. По своимъ убѣжденіямъ, я оставилъ бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своихъ идей, мирной организаціи своихъ сторонниковъ. Въ своемъ послѣднемъ словѣ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я сказалъ бы еще слѣдующее: мирный путь возможенъ; отъ террористической дѣятельности я, на примѣръ, отказался бы, если бы измѣнились внѣшнія условія...»

Когда Желябову предоставили сказать послѣднее слово на судѣ, онъ заявилъ:

— Я имѣю сказать только одно: на дознанія я былъ очень кратко, зная, что показанія, данныя на дознаніи, служатъ лишь цѣлямъ прокуратуры, а теперь я сожалью и о томъ, что говорилъ здѣсь, на судѣ.—Больше ничего!..

Н. И. К и б а л ь ч и ч ь послѣ обстоятельнаго вступленія сказалъ:

Въ 1874 и 1875 годахъ, когда преобладающимъ настроеніемъ въ партіи явилось желаніе итти въ народъ, слиться съ народною массою, отречься отъ той среды, въ которой мы были воспитаны, я тоже сочувствовалъ и раздѣлялъ взгляды этого направленія. Вѣроятно, я бы осуществилъ свою задачу, если бы этому не помѣшала арестъ. Конечно, если бы не тотъ арестъ, если бы не строгія мѣры властей по отношенію къ дѣятелямъ, ходящимъ въ народъ, то я бы ушелъ въ народъ и былъ бы до сихъ поръ тамъ. Цѣли, которыя я ставилъ, были отчасти культурнаго характера, отчасти социалистическаго, а именно—поднять умственный и нравственный уровень массы, развить общинныя инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до социалистическихъ инстинктовъ и привычекъ. Я былъ остановленъ арестомъ. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, такъ сказать, патріархально, что ли, къ дѣятельности партіи, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы всѣ не обвинялись бы теперь въ царубійствѣ, а были бы среди городского и крестьянскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я проявилъ по отношенію къ метательнымъ снарядамъ, я, конечно, употребилъ бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способа обработки земли, на улучшеніе сельско-хозяйственныхъ орудій и т. д...

«Видя обстроеніе борьбы правительства съ партіей и предвидя, что ей придется прибѣгать къ такимъ средствамъ, на которыя она раньше не рѣшалась, я рѣшился заготовить тѣмъ техническими и химическими свѣдѣніями, которыя для этого нужны. Я прочиталъ все, что могъ достать на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскихъ языкахъ, касающееся литературы взрывчатыхъ веществъ, старался итти, такъ сказать, au courant науки по данному вопросу, и все время, когда велась эта борьба, пока являлась необходимость для партіи въ техническихъ свѣдѣніяхъ, я содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи партіи. Такимъ образомъ, я участвовалъ въ покушеніяхъ подъ Москвою, Александровскомъ и Одессою и вмѣстѣ съ другими лицами принималъ участіе въ изготовленіи снарядовъ. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Одессу, я занимался подготовленіемъ веществъ, необходимыхъ для взрыва. О московскомъ покушеніи я только зналъ, что оно должно совершиться. Относительно александровскаго покушенія мое участіе ограничивалось доставленіемъ туда спирали, которая не пошла въ дѣло. Затѣмъ я переѣхалъ въ Петербургъ. Всякій разъ, когда являлась надобность приготовить динамитъ,

я участвовалъ въ этомъ. Но нужно замѣтить, что мое участіе въ террористической дѣятельности ограничивалось исключительно научною техническою сферою. Я говорю это не для того, чтобы снимать съ себя часть обвиненія, а просто по чувству справедливости. Я не принималъ участія въ обсужденіи вопроса о томъ, какимъ образомъ произвести взрывъ, и гдѣ и какіе люди будутъ въ этомъ участвовать. Мое участіе было чисто научное. Я даже не зналъ относительно взрыва 5-го февраля, что такой взрывъ будетъ. Я принималъ участіе въ приготовленіи динамита для этого взрыва, но о самомъ взрывѣ и о формѣ его я узналъ только изъ газетъ. Точно также чувство справедливости побуждаетъ меня заявить, что въ изготовленіи метательныхъ снарядовъ, т. е. изобрѣтеніи идеи, въ приспособленіяхъ участвовалъ не я одинъ. Это была скорѣе коллективная работа».

П е р в о п р и с у т с т в у ю щ і й. Для суда необходимо знать, приготовляя динамитъ и снаряды, знали вы, что они предназначаются для этой цѣли?

К и б а л ь ч и ч ь. Да, конечно, это не могло не быть мнѣ извѣстно. Я зналъ и не могъ не знать. Я долженъ повторить еще то, что сказалъ относительно своего участія въ минѣ на Малой Садовой. Я не принималъ тамъ участія въ подкопѣ, и вся моя задача ограничивалась научными и техническими совѣтами и указаніями и затѣмъ устройствомъ запала. Такъ, я долженъ былъ рѣшить вопросъ, какое количество динамита въ минѣ на Малой Садовой должно быть употреблено для того, чтобы, во-первыхъ, достигнуть предполагаемой цѣли, а во-вторыхъ—не принести никакого вреда частнымъ лицамъ, которыя находились бы на тротуарѣ, а тѣмъ болѣе въ домахъ. Я обсуждалъ этотъ вопросъ и рѣшилъ, что употребленное количество динамита было, такъ сказать, минимальнымъ, которое необходимо для того, чтобы достигнуть цѣли и не принести ущерба частнымъ лицамъ.

«О своемъ фактическомъ отношеніи къ событію 1-го марта я говорилъ уже раньше. Теперь, пользуясь правомъ слова, мнѣ представленнымъ, я скажу о своемъ нравственномъ отношеніи, о томъ логическомъ пути, по которому я пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ. Я, въ числѣ другихъ социалистовъ, признаю право каждаго на жизнь, свободу, благосостояніе и развитіе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ человѣческой природы. Съ этой точки зрѣнія лишеніе жизни человѣка, и не съ этой только, но и вообще съ человѣческой точки зрѣнія—является вещью ужасною. Г. прокуроръ въ своей рѣчи, блестящей и красивой, заявилъ сомнѣніе на мое возраженіе, высказанное раньше, что для меня лично и для партіи вообще желательно прекращеніе террористической дѣятельности и направленіе силы партіи исключительно на дѣятельность другу; онъ выставилъ въ частности меня и вообще партію—

лицами, проповѣдующими терроръ для террора, выставилъ лицами, предпочитающими насильственныя дѣйствія мирнымъ средствамъ только потому, что они насильственныя... Какая это странная, невѣроятная любовь къ насилію и крови! Мое личное желаніе и желаніе другихъ лицъ, какъ мнѣ извѣстно, мирное рѣшеніе вопроса...

«Г. прокуроръ говорилъ, что весьма важно выясненіе нравственной личности подсудимаго. Я полагаю, что то, что я говорю, относится къ характеристикѣ моей нравственной и умственной личности, если я заявляю свое мнѣніе объ извѣстныхъ существенныхъ вопросахъ, которые теперь волнуютъ всю Россію и обращаютъ на себя вниманіе. Я внимательно слѣдилъ за рѣчью г. прокурора, а именно за тѣмъ, какъ онъ предѣляетъ причину революціоннаго движенія, и вотъ что я вынесъ: произошли реформы, всѣ элементы были передвинуты, въ обществѣ образовался негодный осадокъ, этому осадку нечего было дѣлать, и, чтобы изобрѣсти дѣло, тотъ осадокъ изобрѣлъ революцію. Вотъ отношеніе г. прокурора къ этому вопросу. Теперь въ отношеніи къ вопросу о томъ, какимъ же образомъ достигнуть того, чтобы эти печальныя событія, которыя всѣмъ извѣстны, больше не повторялись, какъ вѣрное для этого средство—имъ указывается на то, чтобы не давать никакихъ послабленій, чтобы карать и карать; но, къ сожалѣнію, я не могу согласиться съ г. прокуроромъ въ томъ, чтобы рекомендованное имъ средство привело къ желательному результату».

С. Л. П е р о в с к а я. «Я признаю себя членомъ партіи «народной воли» и агентомъ «исполнительнаго комитета». Относительно взглядовъ, которыхъ придерживается партія «народной воли» и которыхъ придерживаюсь и я, въ дополненіе къ словамъ моего товарища, я замѣчу только одно: партія «народной воли» отнюдь не считаетъ возможнымъ навязывать какія бы то ни было учрежденія или общественныя формы народу и обществу и полагаетъ, что народъ и общество рано или поздно примутъ эти взгляды и осуществлять ихъ въ жизни. Что касается фактической стороны, то я дѣйствительно признаю, что, по порученію «исполнительнаго комитета», какъ его агентъ, принимала участіе въ покушеніи подъ Москвою 19-го ноября 1879 года и въ покушеніи 1-го марта нынѣшняго года...

«Много, очень много обвиненій сыпалось на насъ со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвиненій я не буду ничего говорить,—я всѣ ихъ подтвердила на дознаніи, но относительно обвиненія меня и другихъ въ безнравственности, жестокости и пренебреженіи къ общественному мнѣнію, относительно всѣхъ этихъ обвиненій я позволю себѣ возразить и сошлусь на то, что тотъ, кто знаетъ нашу жизнь и условія, при которыхъ намъ приходится дѣйствовать, не броситъ въ насъ ни обвиненія въ безнравственности, ни обвиненія въ жестокости».

VII.

Въ тяжести приговора надъ первоапрѣльцами не могло быть сомнѣнія съ самаго начала процесса. Предметъ самаго слѣдствія и судопроизводства, какъ это усматривается и изъ резолюціи суда, всѣмъ былъ ясенъ; тѣмъ не менѣе среди нѣкоторыхъ представителей нашего общества родились малообоснованныя надежды, что возможно оказать извѣстное давленіе на верховную власть, дабы она не санкціонировала приговора особаго присутствія и дала осужденнымъ помилованіе жизни. Въ этомъ направленіи сложились убѣжденія у извѣстнаго философа Вл. Серг. Соловьева и гр. Л. Н. Толстого, стоявшихъ къ тому времени на вполне опредѣленной этико-религіозной точкѣ зрѣнія, исходя изъ которой они и строили всѣ свои жизненные постулаты. Соловьевъ, пользовавшійся въ тѣ годы особеннымъ поклоненіемъ столичнаго общества и имѣвшій среди учащейся молодежи массу поклонниковъ, относился отрицательно къ террору, какъ къ ученію, основанному на началѣ насилія, противорѣчащаго ученію Христа, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, исходя изъ тѣхъ же основаній, относился отрицательно и къ карающей десницѣ правительственной власти, въ особенности, когда она обнажаетъ свой мечъ для казни преступниковъ. Въ такомъ духѣ и была имъ 28-го марта прочитана лекція въ залѣ кредитнаго общества, главнѣйшіе моменты которой, какъ равно и послѣдовавшія за ней событія изложены г-жей Бодуэнъ-де-Куртенэ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» такъ. Говоря объ этой лекціи, она пишетъ¹⁾: «Это не былъ митингъ—тогда еще митинговъ въ Петербургѣ не знали, но переполненный залъ кредитнаго общества ждалъ съ нетерпѣніемъ своего оратора.

«Молодежи, какъ всегда, было много; въ первыхъ рядахъ креселъ мелькали рѣдкіе гости на публичныхъ чтеніяхъ—крупные сановники, конечно, изъ категоріи уцѣлѣвшихъ еще либераловъ, и образованныя аристократическія дамы, между прочимъ, остроумная графиня Толстая, вдова Алексѣя Толстого, m-me Хитрово и т. п.

«Никто не зналъ, какъ станетъ развивать свою тему въ этотъ вечеръ Владимиръ Соловьевъ, но никто не сомнѣвался, что все, что онъ скажетъ, будетъ необычайно, и что то будетъ вѣчная красота.

«А вотъ и онъ Высокій, тонкій, еще блѣднѣе обыкновеннаго. Его удивительные глаза свѣтятся глубокимъ, внутреннимъ свѣтомъ и смотрятъ прямо въ даль.

«Странныя рѣчи! Сначала пространная, философски-мистическая глосса къ культу Богоматери; затѣмъ необъятные горизонты тайнъ христіанства, тайнъ невѣдомаго «того берега» бытія...

¹⁾ «Былое», 1906 г., № 3.

«Но мало-по-малу перспектива суживается, ораторъ замѣтно близится къ нашему берегу. Еще одинъ смѣлый шагъ—и онъ уже среди насъ. Чудный языкъ боговъ становится языкомъ земной юдоли. Громко и звучно раздаются вѣщія слова:

«— Завтра приговоръ. Теперь тамъ, за бѣлыми каменными стѣнами, идетъ совѣтъ о томъ, какъ убить безоружныхъ. Вѣдь безоружны же всѣ подсудимые узники... Но если это дѣйствительно свершится, если русскій царь, вождь христіанскаго народа, заповѣди поправъ, предастъ ихъ казни, если онъ вступитъ въ кровавый кругъ, то русскій народъ, народъ христіанскій, не можетъ за нимъ итти. Русскій народъ отъ него отвернется и пойдетъ по своему отдѣльному пути...

«Вдругъ передъ эстрадой вырастаетъ какая-то плотная фигура,—рука, съ поднятымъ указательнымъ пальцемъ, вытягивается по направленію къ оратору.

«— Тебя перваго казнить, измѣнникъ! Тебя перваго вѣшать, злодѣй!—громить грубый голосъ.

«Соловьевъ, слегка наклонившись, старается, повидимому, слышать эти возгласы. Но это почти невозможно. Бурныя человѣческія волны хлынули уже со всѣхъ сторонъ къ эстрадѣ. Могучій крикъ восторга, внезапной радости, умиленія, вырвался разомъ изъ тысячи нѣмыхъ, рабихъ грудей и наполнилъ собою все пространство.

«— Ты нашъ вождь! Ты насъ веди!—несется отовсюду.

«Теперь уже десятки трепетныхъ рукъ протягиваются къ Соловьеву, и, минуто спустя, его одухотворенное лицо показывается высоко надъ окружающимъ его вѣнцомъ старыхъ и молодыхъ лицъ. А затѣмъ тѣ же руки бережно несутъ свою ношу съ эстрады въ залъ.

«— Амнистія! Помилованіе!—на устахъ всѣхъ.

«Выходныя двери въ вестибюль широко раскрыты, но напрасно Владимиръ Сергѣевичъ старается въ нихъ проскользнуть. Всѣ его усилія остаются тщетными. Ликующая толпа не хочетъ съ нимъ разстаться и два или три раза обноситъ его кругомъ.

«Лишь только кончились оваціи по адресу Соловьева, какъ на очередь сталъ вопросъ объ административной карѣ, ожидающей Соловьева. На лекціи присутствовалъ, между прочимъ, и министръ народнаго просвѣщенія. Встрѣтивъ Соловьева въ вестибюлѣ послѣ овацій, министръ посовѣтовалъ ему сейчасъ же ѣхать къ Лорисъ-Меликову и поговорить съ нимъ. Соловьевъ отказался ѣхать, заявивъ, что онъ не знакомъ съ Лорисъ-Меликовымъ.

«— Это не частное дѣло, а общественное,—сказалъ министр:—а то, смотрите, придется вамъ ѣхать въ Колымскъ».

«— Что же, философіей можно заниматься и въ Колымскѣ,—отвѣчалъ Соловьевъ».

На другой день слухи о лекціи и объ административной карѣ, ожидающей Соловьева, облетѣли весь городъ. Дѣло могло окончиться дѣйствительно высылкой, но было улажено благодаря хлопотамъ, въ особенности К. Н. Бестужева-Рюмина и нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Желая, быть можетъ, парализовать дѣйствіе слуховъ, Соловьевъ счелъ нужнымъ обратиться съ письмомъ къ императору Александру III. Соловьевъ писалъ государю:

«Ваше Императорское Величество
Всемиловитый Государь!

«До слуха Вашего, безъ сомнѣнія, дошли свѣдѣнія о рѣчи, сказанной мною 28-го марта, вѣроятно, въ искаженномъ и во всякомъ случаѣ въ преувеличенномъ видѣ. Поэтому считаю своимъ долгомъ передать Вашему Величеству дѣло, какъ оно было.

«Вѣруя, что только духовная сила Христовой истины можетъ побѣдить силу зла и разрушенія, проявленную нынѣ въ такихъ небывалыхъ размѣрахъ, вѣруя тоже, что народъ русскій въ цѣлости своей живетъ и движется духомъ Христовымъ, вѣруя наконецъ, что царь Россіи есть представитель и выразитель народнаго духа, носитель всѣхъ лучшихъ силъ народа, я рѣшилъ съ публичной каѳедры исповѣдать эту свою вѣру.

«Я сказала въ концѣ своей рѣчи, что настоящее тягостное время даетъ русскому царю проявить небывалую силу христіанскаго начала всепрощенія и тѣмъ совершить величайшій нравственный подвигъ, который подниметъ власть его на недостижимую высоту и на незыблемомъ основаніи утвердитъ его державу. Милуя враговъ своей власти, вопреки всѣмъ естественнымъ чувствамъ человѣческаго сердца, всѣмъ расчетамъ и соображеніямъ земной мудрости, царь становится на высоту сверхчеловѣческую и самымъ дѣломъ покажетъ, что въ немъ живетъ высшая духовная сила всего народа русскаго, потому что во всемъ этомъ народѣ не найдется ни одного человѣка, который могъ бы совершить подвигъ больше этого.

«Вотъ въ чемъ заключалась сущность моей рѣчи и что, къ крайнему моему прискорбію, было истолковано не только несогласно съ моими намѣреніями, но въ прямомъ противорѣчій съ ними.

«Имѣю счастье быть Вашего Императорскаго Величества вѣрно-подданный

Владимиръ Соловьевъ».

Конечно, обращеніе Соловьева къ государю положительнаго результата не принесло, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на него не обрушилось никакого наказанія; ему только было запрещено читать и произносить публичныя рѣчи.

Второе обращеніе къ Александру III воспослѣдовало со стороны яснополянскаго философа, который въ самыхъ теплыхъ выраже-

ніяхъ, по показаніямъ А. Хирьякова ¹⁾. убѣждалъ новаго государя простить убійцъ своего предшественника на тронѣ. Онъ убѣждалъ сына помиловать людей, убившихъ его отца. Вѣрующему человѣку онъ напоминалъ объ евангельскомъ завѣтѣ. Правителю онъ говорилъ о томъ огромномъ вліяніи, которое окажетъ на все человѣчество этотъ примѣръ милосердія. «Я самъ,—писалъ онъ,—чувствую, что какъ собака буду преданъ вамъ, если вы явите этотъ примѣръ всепрощенія».

«Дѣло было сдѣлано, письмо было написано, но надо было найти способъ доставить письмо по адресу,—говорить г. Хирьяковъ.— На почту было трудно надѣяться, необходимо было найти лицо, близко стоящее къ Александру III, которое согласилось бы передать это письмо. Выборъ палъ на К. П. Побѣдоносцева.

«Въ настоящее время такой выборъ можетъ показаться по меньшей мѣрѣ страннымъ. Побѣдоносцевъ и доброе дѣло. Призывъ къ милосердію и Побѣдоносцевъ... Въ то время личность Побѣдоносцева не вылилась еще для Толстого въ такія опредѣленныя формы. Побѣдоносцевъ былъ тогда для него лишь человѣкомъ, соприкасавшимся съ религіозными вопросами, ученымъ, переводчикомъ извѣстнаго сочиненія Фомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу» и придворнымъ, близко стоящимъ къ императору, и Толстой обратился именно къ нему.

«Побѣдоносцевъ наотрѣзъ отказался передать письмо Александру III и мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что онъ смотритъ на Христа совершенно не такъ, какъ смотритъ Толстой. Для него Христосъ являлся въ какомъ-то ореолѣ силы и власти, гдѣ не было мѣста всепрощенію и кротости.

«Письмо было все-таки отправлено къ Александру III, хотя и другимъ путемъ. Кажется, оно было передано черезъ Черевина. Во всякомъ случаѣ, оно дошло по назначенію.

«Отвѣта не послѣдовало. Прошло нѣкоторое время, и участники событія 1-го марта были казнены».

Итакъ, всѣ попытки представителей общества стать на защиту жизни людей, которымъ грозила висѣлица, остались, какъ и слѣдовало того ожидать, безъ отклика, а сами они, за исключеніемъ Рысакова и Михайлова, менѣе всего заботились о своемъ помилованіи или облегченіи участи.

Какъ гласитъ офиціальнй отчетъ о засѣданіяхъ особаго присутствія по дѣлу 1-го марта, по объявленіи осужденнымъ приговора, сенаторъ И. А. Синицинъ, объяснивъ имъ порядокъ обжалованія приговора, объявилъ, что особое присутствіе правительствующаго сената опредѣлило для принесенія кассационныхъ жалобъ суточный срокъ, истекающій 31 марта, въ 5 часовъ пополудни. Къ ука-

¹⁾ «Былое», 1906 г., № 3.

заявному времени этотъ срокъ истекъ. Въ теченіе его кассационныхъ жалобъ осужденными принесено не было, но двумя изъ нихъ, Рысаковымъ и Михайловымъ, поданы были всеподданнѣйшія на имя государя императора просьбы о помилованіи, предложенныя на точномъ основаніи ст. 1069-й уст. угол. суд., ч. 2-я, т. XV-го (изд. 1876 г.) особому присутствію правительствующаго сената. Особое присутствіе нашло, «что хотя изъ несомнѣнныхъ данныхъ дѣла усматривается, что Рысаковъ имѣеть отъ роду 19 лѣтъ, что въ прошломъ, весьма близкомъ къ совершенію злодѣянія 1-го марта, онъ былъ безупречнаго поведенія, усердно занимался ученіемъ и не былъ зараженъ преступными мыслями, что въ послѣднее время онъ подпалъ подъ сильное вліяніе одного изъ главныхъ виновныхъ по настоящему дѣлу—Желябова, что Михайловъ, недавно достигшій 21-го года, стоитъ на низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія и не могъ вполнѣ сознавать всѣхъ преступныхъ дѣлей, преслѣдовавшихся тайнымъ обществомъ, къ которому онъ примкнулъ,—тѣмъ не менѣе всѣ изложенныя обстоятельства могли бы имѣть значеніе и быть приняты судомъ въ соображеніе по всякому иному преступленію, но не по злодѣянію, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій императоръ. Законъ (241 ст. улож. о наказ.), карающій одинаково всѣхъ участниковъ злоумышленія и преступнаго дѣйствія противъ жизни государя императора и даже только умыслившихъ оныя, не допускаетъ между ними никакого различія. Злодѣяніе, лишившее отечество его вѣнценоснаго вожда, всю жизнь свою посвящавшаго заботамъ о благѣ государства и благополучіи его вѣроподданныхъ, такъ противоестественно, такъ ужасно, омрачило русскую землю такимъ потрясающимъ горемъ, такъ неслышанно въ лѣтописяхъ русскаго народа, что и самая малая доля участія въ такомъ злодѣяніи должна въ убѣжденіи русскаго суда стоять выше величайшихъ злодѣяній на землѣ. Посему, считая невозможнымъ при исполненіи возложенной на него ст. 1069-й уст. угол. судопр. (изд. 1876 г.) обязанности воспользоваться представляющимися по дѣлу данными, имѣющими въ общемъ смыслѣ значеніе уменьшающихъ вину обстоятельствъ, особое присутствіе правительствующаго сената полагало, что всеподданнѣйшія просьбы Рысакова и Михайлова о помилованіи представляются не заслуживающими уваженія. По всеподданнѣйшему о семъ докладу министра юстиціи, государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: «Поступить сообразно заключенію особаго присутствія».

Затѣмъ особое присутствіе опредѣленіемъ, состоявшимся 1-го апрѣля, признавъ, что приговоръ его относительно всѣхъ осужденныхъ вступилъ въ законную силу, постановило: «обратить оный къ исполненію». Вслѣдъ за симъ исполняющій обязанность прокурора довелъ, на основаніи 955 и 2-го п. 959 ст. уст. уг. суд., т. V, ч. 2-я св. закон. (изд. 1876 г.), до свѣдѣнія правительствующаго сената,

что, вслѣдствіе заявленія осужденной Геси Гельфманъ о ея беременности, она была освидѣтельствована 31 марта, въ присутствіи лицъ прокурорскаго надзора и петербургскаго градоначальника, врачами-экспертами: директоромъ повивальнаго института Баландинымъ, экстраординарнымъ профессоромъ медико-хирургической академіи Славянскимъ, доцентомъ той же академіи Сутугинымъ и докторомъ дома предварительнаго заключенія Гарфинкелемъ и признана находящеюся въ состояніи беременности на четвертомъ лунномъ мѣсяцѣ. Въ разрѣшеніи помянутаго затрудненія, встрѣченнаго прокуроромъ при исполненіи приговора, особое присутствіе постановило, на основаніи 2-й ч. т. XV-го (изд. 1876 г.) уст. угол. суд. ст. 959-й п. 2-го, и въ виду законовъ о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ ст. 518-й, исполненіе надъ Гельфманъ состоявшагося 26-го—29-го минувшаго марта приговора особаго присутствія отложить. Копіи съ указанныхъ опредѣленій переданы въ 8 часовъ вечера того же 1-го апрѣля прокурору судебной палаты, которымъ и препровождены въ 11 часовъ вечера петербургскому градоначальнику для надлежащихъ съ его стороны распоряженій».

Такимъ образомъ, изъ числа всѣхъ осужденныхъ по процессу 1-го марта казнь была отсрочена одной лишь Гельфманъ, носившей подъ сердцемъ ребенка отъ арестованнаго нѣсколько раньше государственнаго преступника Колодкевича, судившагося въ слѣдующемъ 1882 году по процессу «20-ти народовольцевъ». Впослѣдствіи Гесья Гельфманъ была помилована и вотъ что о періодѣ ея жизни, съ момента осужденія и до родовъ и послѣ нихъ повѣствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ О. С. Любатовичъ ¹⁾: «Пять мѣсяцевъ томилась она (Гельфманъ) подъ угрозой казни, и только передъ самыми родами ей объявили помилованіе,—говоритъ онъ.—Они дали ей родить ребенка, но обставили этотъ ужасный актъ такой пыткой, примѣра которой не знала исторія: ее перевели для родовъ въ домъ предварительнаго заключенія, дали ей тамъ довольно большую камеру, но въ камеру поставили несмѣняемыхъ часовыхъ. Не одну женщину, и не бывшую въ такомъ положеніи, свели съ ума безсмѣнной стражей въ тюремной камерѣ; этому приему обязана своимъ умопомѣшательствомъ, на примѣръ, Елизавета Оловенникова... Она (Гельфманъ) съ ума не сошла, организмъ ея былъ слишкомъ крѣпокъ, она родила живого ребенка: она смогла даже дать ему грудь. Ребенокъ былъ ея, никакой законъ, охраняющій материнское право даже въ каторжницѣ, не могъ отнять его, но... черезъ нѣсколько дней у Геси Гельфманъ отняли ночью ребенка и на утро свезли въ воспитательный домъ и бросили тамъ, не взявъ ни номера, ни кви-

¹⁾ «Былое». 1906 г. № 6. ст. «Далекое и недавнее». «Воспоминанія изъ жизни революціонеровъ 1878—1881».

танціи; между тѣмъ многіе предлагали взять на воспитаніе ребенка. Мать не выдержала и очень скоро умерла».

Что касается остальныхъ осужденныхъ, то казнь надъ ними состоялась въ девять часовъ утра 3-го апрѣля на Семеновскомъ плацу и, согласно свѣдѣніямъ изъ тогдашней наиболѣе полной газетной хроники, напечатанной въ «Голосѣ»¹⁾, произведена была при слѣдующей обстановкѣ.

VIII.

Всѣ преступники содержались въ домѣ предварительнаго заключенія и оттуда были отправлены на мѣсто казни, на Семеновскій плацъ. Подполковникъ Дубисса-Крчакъ принялъ преступниковъ изъ дома предварительнаго заключенія и сопровождалъ ихъ подъ конвоемъ до мѣста казни, по улицамъ: Шпалерной, Литейному проспекту, Кирочной, Надеждинской и Николаевской до Семеновскаго плаца. Въ распоряженіи его находились одиннадцать полицейскихъ чиновниковъ, нѣсколько околоточныхъ надзирателей, городскихъ и, сверхъ того, мѣстная полиція перваго, втораго, третьаго и четвертаго участковъ Литейной части и перваго и втораго участковъ Московской части. Конвой, сопровождавшій преступниковъ, состоялъ изъ двухъ эскадроновъ кавалеріи и двухъ ротъ пѣхоты.

Наблюденіе за порядкомъ на Семеновскомъ плацу, на мѣстѣ казни съ прилегающими къ нему улицами, было поручено полковнику Есипову, въ распоряженіи котораго находились шесть полицейскихъ чиновниковъ, много другихъ лицъ, а также мѣстная полиція третьаго и четвертаго участковъ Московской части и третьаго участка Александро-Невской части. У дома предварительнаго заключенія, по пути слѣдованія и на Семеновскомъ плацу были сверхъ того усиленные наряды конныхъ жандармовъ, а также разныхъ частей войска.

Всѣми войсками на Семеновскомъ плацу командовалъ начальникъ второй гвардейской кавалерійской дивизіи, генераль-адъютантъ генераль-лейтенантъ баронъ Дризень.

Въ семь часовъ пятьдесятъ минутъ ворота, выходящія изъ дома предварительнаго заключенія на Шпалерную улицу, открылись и спустя нѣсколько минутъ изъ нихъ выѣхала первая позорная колесница, запряженная парю лошадей. На ней съ привязанными къ сидѣнью руками помѣщались два преступника: Желябовъ и Рысаковъ. Они были въ черныхъ, солдатскаго сукна, арестантскихъ шинеляхъ и такихъ же шапкахъ, безъ козырьковъ. На груди у каждаго висѣла черная доска съ бѣлою надписью: «цареубійца». Юный Рысаковъ, ученикъ Желябова, казался очень взволнован-

¹⁾ «Голосъ» 1881 г.

нымъ и чрезвычайно блѣднымъ. Очутившись на Шпалерной улицѣ, онъ окинулъ взоромъ части сосредоточенныхъ войскъ и массу народа и поникъ головою. Не бодрѣе казался и учитель его Желябовъ. Кто былъ на судѣ и видѣлъ его тамъ бравирующимъ, тотъ, конечно, съ трудомъ узналъ бы этого вожака цареубійцъ—такъ онъ измѣнился. Впрочемъ, этому отчасти способствовала перемѣна костюма, но только отчасти. Желябовъ какъ тутъ, такъ и во всю дорогу не смотрѣлъ на своего сосѣда, Рысакова, и, видимо, избѣгалъ его взглядовъ.

Вслѣдъ за первую, выѣхала изъ воротъ вторая позорная колесница, съ тремя преступниками: Кибальчичемъ, Перовской и Михайловымъ. Они также были одѣты въ черномъ арестантскомъ одѣяніи. Софія Перовская помѣщалась въ срединѣ, между Кибальчичемъ и Михайловымъ. Всѣ они были блѣдны, но особенно Михайловъ. Кибальчичъ и Перовская казались бодрѣ другихъ. На лицѣ Перовской можно было замѣтить легкой румянецъ, [вспыхнувшій мгновенно при выѣздѣ на Шпалерную улицу. Перовская имѣла на головѣ черную повязку, въ родѣ капора. На груди у всѣхъ также висѣли доски, съ надписью «цареубійца». Какъ ни былъ блѣденъ Михайловъ, какъ ни казался онъ потерявшимъ присутствіе духа, но при выѣздѣ на улицу онъ нѣсколько разъ что-то крикнулъ. Что именно—разобрать было довольно трудно, такъ какъ въ это самое время забили барабаны ¹⁾. Михайловъ дѣлалъ подобныя возгласы и по пути слѣдованія, зачастую кланяясь на ту и другую сторону собравшейся по всему пути сплошной массѣ народа.

Слѣдомъ за преступниками ѣхали три кареты съ пятью православными священниками, облаченными въ траурныя ризы, съ крестами въ рукахъ. На козлахъ этихъ каретъ помѣщались церковнослужители. Эти пять православныхъ священниковъ, для напутствованія осужденныхъ, прибыли въ домъ предварительнаго заключенія еще вчера вечеромъ, въ началѣ восьмого часа. Рысаковъ охотно принялъ священника, долго бесѣдовалъ съ нимъ, исповѣдался и приобщился святыхъ таинъ, 2-го апрѣля Рысакова видѣли плачущимъ; прежде онъ зачастую въ заключеніи читалъ святое евангеліе. Михайловъ также принялъ священника, довольно продолжительно говорилъ съ нимъ, исповѣдался, но не причащался святыхъ таинъ. Кибальчичъ два раза диспутировалъ со священникомъ, отъ исповѣди и причастія отказался; въ концѣ концовъ онъ попросилъ священника оставить его. Желябовъ и Софія Перовская категорически отказались принять духовника.

Ночь наканунѣ казни преступники провели разное. Перовская легла въ постель въ исходѣ одиннадцатаго часа вечера; Кибальчичъ

¹⁾ По слухамъ онъ крикнулъ толпѣ: «Насъ пытали». Согласно другой тогдашней версіи крикъ о пыткѣ приписывался Желябову.

нѣсколько позже—онъ былъ занятъ письмомъ къ своему брату. Михайловъ также написалъ письмо къ своимъ родителямъ, въ Смоленскую губернію. Перовская еще нѣсколько дней назадъ отправила письмо къ своей матери. Желябовъ написалъ наканунѣ письмо къ своимъ роднымъ, потомъ раздѣлся и легъ спать въ исходѣ одиннадцатаго часа ночи. По нѣкоторомъ признакамъ, Рысаковъ провелъ ночь тревожно. Спокойнѣе всѣхъ казались Перовская и Кибальчичъ...

Письмо Перовской къ матери чрезвычайно любопытно для ея характеристики. Вотъ оно:

«Дорогая моя неоцѣненная мамуля! Меня все давить и мучаетъ мысль, что съ тобой. Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя изъ-за меня, побереги себя ради всѣхъ окружающихъ тебя и ради меня также. Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встрѣчаю ее, такъ какъ знала и ожидала, что рано или поздно, а такъ будетъ. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила такъ, какъ подсказывали мнѣ мои убѣжденія; поступать же противъ нихъ я была не въ состояніи; поэтому со спокойной совѣстью ожидаю все, предстоящее мнѣ. И единственно, что тяжелымъ гнетомъ лежитъ на мнѣ, это твое горе, моя неоцѣненная; это одно меня терзаетъ, и я не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить его. Голубонька моя, мамочка, вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые, и большіе, для которыхъ для всѣхъ ты нужна, какъ великая своей нравственной силой. Я всегда отъ души сожалѣла, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь; но во всякія минуты колебанія твой образъ меня всегда поддерживалъ. Въ своей глубокой привязанности къ тебѣ я не стану увѣрять, такъ какъ ты знаешь, что съ самаго дѣтства ты была всегда моею самой постоянной и высокою любовью. Безпокойство о тебѣ было для меня всегда самымъ большимъ горемъ. Я надѣюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я тебѣ причиняю, и не станешь меня сильно бранить: твой упрекъ единственно для меня тягостный.

«Мысленно крѣпко и крѣпко цѣлую твои ручки, и на колѣняхъ умоляю не сердиться на меня. Мой горячій привѣтъ всѣмъ роднымъ. Вотъ и просьба къ тебѣ есть, дорогая мамуля: купи мнѣ воротничекъ и рукавички съ пуговками,—потому что запонокъ не позволяють носить, и воротничекъ поуже, а то нужно для суда хоть нѣсколько оправить свой костюмъ: тутъ онъ очень разстроился. До свиданія же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучай себя изъ-за меня; моя участь вовсе не такая плачевная, и тебѣ изъ-за меня горевать не стоитъ.

22 марта 1881 г.

Твоя Соня».

Въ шесть часовъ утра,—свидѣтельствуемъ газетная хроника дальнѣйшихъ событій,—всѣхъ преступниковъ, за исключеніемъ Геси Гельфманъ, разбудили. Имъ предложили чай. Послѣ чая ихъ по одиночкѣ призывали въ управленіе дома предварительнаго заключенія, гдѣ въ особой комнатѣ переодѣвали въ казенную одежду: бѣлые, сѣрые штаны, полушубки, поверхъ которыхъ аре-

стантскій чернѣй армякъ, сапоги и фуражку съ наушниками. На Перовскую надѣли платьѣ тиковое съ мелкими полосками, полушубокъ и также черную арестантскую шинель. Какъ только оканчивалось переодѣванье, ихъ выводили на дворъ. На дворѣ стояли уже двѣ позорныя колесницы. Палачъ Фроловъ съ своимъ помощникомъ изъ тюремнаго замка усаживалъ ихъ на колесницу. Руки, ноги и туловище преступника прикрѣплялись ремнями къ сидѣнью. Палачъ Фроловъ еще вечеромъ, около десяти часовъ прибылъ въ домъ предварительнаго заключенія, гдѣ и провелъ ночь. Покончивъ операцію усаживанія преступниковъ на колесницы, Фроловъ со своимъ помощникомъ отправился въ каретѣ, въ сопровожденіи полицейскихъ, къ мѣсту казни, а влѣдъ за нимъ двѣ позорныя колесницы выѣхали за ворота дома предварительнаго заключенія на Шпалерную улицу. Позорный кортежъ слѣдовалъ до улицамъ, перечисленнымъ выше. Высокія колесницы, тяжело громяхая по мостовымъ, производили тяжелое впечатлѣніе своимъ видомъ. Преступники сидѣли сажени двѣ надъ мостовою, тяжело покачиваясь на каждомъ ухабѣ. Позорныя колесницы были окружены войсками. Улицы, по которымъ везли преступниковъ, были полны народомъ. Этому отчасти способствовали какъ поздній часъ казни, такъ и теплая весенняя погода. Начиная съ восьми часовъ утра, солнце ярко обливало своими лучами громадный Семеновскій плацъ, покрытый еще снѣгомъ съ большими тающими мѣстами и лужами. Несмѣтное число зрителей обоого пола и всѣхъ сословій наполняло мѣсто казни, толпясь тѣсною непроницаемою стѣною за шпалерами войска. На плацу господствовала замѣчательная тишина. Плацъ былъ мѣстами окруженъ цѣпью казаковъ и кавалеріи. Ближе къ эшафоту были расположены въ квадратѣ сперва конные жандармы и казаки, а ближе къ эшафоту, на разстояніи двухъ-трехъ сажень отъ висѣлицы, пѣхота отъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.

Въ началѣ девятаго часа пріѣхалъ на плацъ градоначальникъ генераль-майоръ Барановъ, а скоро послѣ него судебныя власти и лица прокуратуры: прокуроръ судебной палаты Плеве; исполняющій должность прокурора окружнаго суда Плющикъ-Плющевскій и товарищи прокурора Постовскій и Мясоѣдовъ, оберъ-секретарь особаго присутствія сената Поповъ и секретарь Семякинъ.

Вотъ описаніе эшафота: чернѣй, почти квадратный помостъ почти двухъ аршинъ вышины, обнесенъ небольшими выкрашенными черною краскою перилами. Длина помоста двѣнадцать аршинъ, ширина девять съ половиной. На этотъ помостъ вели шесть ступеней. Противъ единственнаго входа, въ углубленіи, возвышались три позорныя столба, съ цѣпями на нихъ и наручниками. У этихъ столбовъ было небольшое возвышеніе, на которое вели двѣ ступени. По срединѣ общей платформы была необходимая въ этихъ случаяхъ подставка для казенныхъ. По бокамъ платформы возвышались два вы-

сокіе столба, на которыхъ положена была перекладина, съ шестью на ней желѣзными кольцами для веревокъ. На боковыхъ столбахъ также были ввинчены по три желѣзныхъ кольца. Два боковые столба и перекладина на нихъ изображали букву П. Это и была общая висѣлица для пяти царубійцъ. Позади эшафота находились пять черныхъ деревянныхъ гробовъ, со стружками въ нихъ и парусинными саванами для преступниковъ, приговоренныхъ къ смерти. Тамъ же лежала деревянная, простая подставная лѣстница. У эшафота еще задолго до прибытія палача находились четыре арестанта въ нагольныхъ тулупахъ—помощники Фролова. За эшафотомъ стояли два арестантскіе фургона, въ которыхъ были привезены изъ тюремнаго замка палачъ и его помощники, а также двѣ ломовыя телѣги, съ пятью черными гробами.

Вскорѣ послѣ прибытія на плацъ градоначальника, палачъ Флоровъ, стоя на новой деревянной неокрашенной лѣстницѣ, сталъ прикрѣплять къ пяти крюкамъ веревки съ петлями. Палачъ былъ одѣтъ въ синюю поддевку, также и два его помощника. Казнь надъ преступниками была совершена Фроловымъ съ помощью четырехъ солдатъ арестантскихъ ротъ, одѣтыхъ въ сѣрые арестантскія фуражки и нагольные тулупы. Небольшая платформа для лицъ судебного и полицейскаго вѣдомствъ была расположена на одну-полторы сажени отъ эшафота. На этой платформѣ находились, во время совершенія казни представители высшаго военнаго и судебного міра, также представители русскихъ и иностранныхъ газетъ, военный агентъ итальянскаго посольства и нѣкоторые младшіе члены посольскихъ миссій. За платформою, по лѣвую сторону эшафота, расположился кружокъ военныхъ разныхъ оружій. Начиная съ того мѣста, гдѣ оканчивается Николаевская улица, на плацу, вплоть до самаго эшафота, были расположены въ двѣ шпалеры казаки, между которыми слѣдовали черезъ плацъ къ эшафоту позорныя колесницы на мѣсто казни. Колесницы съ осужденными прибыли на плацъ въ восемь часовъ пятьдесятъ минутъ. При появленіи на плацъ преступниковъ подъ сильнымъ конвоемъ казаковъ и жандармовъ густая толпа народа замѣтно заколыхалась. Послышался глухой и продолжительный гулъ, который прекратился лишь тогда, когда двѣ позорныя колесницы подѣхали къ самому эшафоту и остановились, одна за другой, между подмостками, гдѣ была сооружена висѣлица и платформа, на которой находились власти. Нѣсколько ранѣе прибытія преступниковъ подѣхали къ эшафоту кареты съ пятью священниками. По прибытіи колесницъ власти и члены прокуратуры заняли свои мѣста на платформѣ. Когда колесницы остановились, палачъ влѣзъ на первую колесницу, гдѣ сидѣли вмѣстѣ рядомъ связанные Желябовъ и Рысаковъ. Отвязавъ сперва Желябова, потомъ Рысакова, помощники палача ввели ихъ подъ руки по ступенькамъ на эшафотъ, гдѣ по-

20*

ставили рядомъ. Тѣмъ же порядкомъ были сняты со второй колесницы Кибальчичъ, Перовская и Михайловъ и введены на эшафотъ. Къ тремъ позорнымъ столбамъ были поставлены: Желябовъ, Перовская и Михайловъ; Рысаковъ и Кибальчичъ остались стоять крайними близъ периль эшафота, рядомъ съ другими царубійцами. Осужденные преступники казались довольно спокойными, особенно Перовская, Кибальчичъ и Желябовъ, менѣе Рысаковъ и Михайловъ: они были смертельно блѣдны. Особенно выдѣлялась апатичная и безжизненная, точно окаменѣлая физіономія Михайлова. Невозмутимое спокойствіе и душевная покорность отражалась на лицѣ Кибальчича. Желябовъ казался нервнымъ, шевелилъ руками и часто поворачивалъ голову въ сторону Перовской, стоя рядомъ съ нею, и раза два къ Рысакову, находясь между первой и вторымъ. На спокойномъ, желтовато-блѣдномъ лицѣ Перовской блуждалъ легкій румянецъ, когда она подѣхала къ эшафоту; глаза ея блуждали, лихорадочно скользя по толпѣ и тогда, когда она, не шевеля ни однимъ мускуломъ лица, пристально глядѣла на платформу, стоя у позорнаго столба. Когда Рысакова подвели ближе къ эшафоту, онъ обернулся лицомъ къ висѣлицѣ и сдѣлалъ неприятную гримасу, которая искривила на мгновеніе его широкій ротъ. Свѣтло-рыжеватыя, длинные волосы преступника развѣвались по его широкому полному лицу, выбиваясь изъ-подъ плоской черной арестантской шапки. Всѣ преступники были одѣты въ длинные черные арестантскіе халаты. Во время восхожденія на эшафотъ преступниковъ толпа безмолвствовала, ожидая съ напряженіемъ совершенія казни.

Вскорѣ послѣ того, какъ преступники были привязаны къ позорнымъ столбамъ, раздалась военная команда «на караулъ», послѣ чего градоначальникъ извѣстилъ прокурора судебной палаты г. Плеве, что все готово для совершенія послѣдняго акта земного правосудія. Палачъ и его два помощника остались на эшафотѣ, стоя у периль, пока оберъ-секретарь Поповъ читалъ приговоръ. Чтеніе краткаго приговора продолжалось нѣсколько минутъ. Всѣ присутствовавшіе обнажили головы. По прочтеніи приговора, забили мелкою дробью барабаны; барабанщики размѣстились въ двѣ линіи передъ эшафотомъ, лицомъ къ присужденнымъ, образовавъ живую стѣну между эшафотомъ и платформою, на которой стояли прокуроръ, градоначальникъ и другія должностныя лица. Во время чтенія приговора взоры всѣхъ преступниковъ были обращены на г. Попова, ясно прочитавшаго приговоръ. Легкая улыбка отразилась на лицѣ Желябова, когда, по окончаніи чтенія приговора, палачъ подошелъ къ Кибальчичу, давая дорогу священникамъ, которые, въ полномъ облаченіи, съ крестами въ рукахъ, вошли на эшафотъ. Осужденные почти одновременно подошли къ священникамъ и поцѣловали крестъ, послѣ чего они были отведены палачами каждый къ своей веревкѣ. Священники, осѣнивъ осужденныхъ

крестнымъ знаменіемъ, сошли съ эшафота. Когда одинъ изъ священниковъ далъ Желябову поцѣловать крестъ и осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ, Желябовъ что-то шепнулъ священнику, поцѣловаль горячо крестъ, тряхнулъ головою и улыбнулся.

Бодрость не покидала Желябова, Перовской, а особенно Кибальчича до минуты надѣванія бѣлаго савана съ башлыкомъ. До этой процедуры Желябовъ и Михайловъ, приблизившись на шагъ къ Перовской, поцѣлуемъ простились съ нею. Рысаковъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на Желябова все время, пока палачъ надѣвалъ на его сотоварищѣй ужаснаго преступленія роковой длинный саванъ висѣльниковъ. Палачъ, снявъ поддевку и оставшись въ красной рубакѣ, «началъ» съ Кибальчича. Надѣвъ на него саванъ и наложивъ вокругъ шеи петлю, онъ притянулъ ее крѣпко веревкою, завязавъ конецъ веревки къ правому столбу висѣлицы. Потомъ онъ приступилъ къ Михайлову, Перовской и Желябову. Желябовъ и Перовская, стоя въ саванѣ, потряхивали неоднократно головами. Послѣдній по очереди былъ Рысаковъ, который, увидавъ другихъ облаченными вполне въ саваны и готовыми къ казни, замѣтно пошатнулся; у него подкосились колѣна, когда палачъ быстрымъ движеніемъ накинулъ на него саванъ и башлыкъ. Во время этой процедуры барабаны не переставая били мелкую, но громкую дробь.

Въ девять часовъ двадцать минутъ палачъ Фроловъ, окончивъ всѣ приготовленія къ казни, подошелъ къ Кибальчичу и подвелъ его на высокую черную скамью, помогая взойти на двѣ ступеньки. Палачъ отдернулъ веревку, и преступникъ повисъ на воздухѣ. Смерть постигла Кибальчича мгновенно; по крайней мѣрѣ его тѣло, сдѣлавъ нѣсколько слабыхъ кружковъ въ воздухѣ, вскорѣ повисло, безъ всякихъ движеній и конвульсій. Преступники, стоя въ одинъ рядъ, въ бѣлыхъ саванахъ, производили тяжелое впечатлѣніе. Выше всѣхъ ростомъ оказался Михайловъ. Послѣ казни Кибальчича вторымъ былъ казненъ Михайловъ, за нимъ послѣдовала Перовская, которая, сильно упавъ на воздухѣ со скамьи¹⁾, вскорѣ повисла безъ движенія, какъ и трупы Михайлова и Кибальчича. Четвертымъ былъ казненъ Желябовъ, послѣднимъ—Рысаковъ, который, будучи сталкиваемъ палачомъ со скамьи, нѣсколько минутъ старался ногами придержаться къ скамѣ. Помощники палача, видя отчаянныя движенія Рысакова, быстро стали отдергивать изъ-подъ его скамью, а палачъ Фроловъ далъ тѣлу преступника сзади сильный толчокъ впередъ. Тѣло Рысакова, сдѣлавъ нѣсколько медленныхъ оборотовъ повисло также спокойно, рядомъ съ трупомъ Желябова и другими казненными.

Въ девять часовъ тридцать минутъ казнь окончилась. Фроловъ и его помощники сошли съ эшафота и стали налѣво, у лѣстницы, ведущей къ эшафоту. Барабаны перестали бить. Начался шумный

¹⁾ Она сама, не ожидая дѣйствій палача, оттолкнулась отъ скамьи. Авт.

говоръ толпы. Къ эшафоту подъѣхали сзади ломовыя телѣги, покрытыя брезентами. Трупы казненныхъ висѣли не болѣе двадцати минутъ. Затѣмъ на эшафотъ были внесены пять черныхъ гробовъ, которые помощники палача подставили подъ каждый трупъ. Гробы были въ изголовьяхъ наполнены стружками. На эшафотъ вошелъ потомъ военный врачъ, который въ присутствіи двухъ членовъ прокуратуры освидѣтельствовалъ снятые и положенные въ гробъ трупы казненныхъ. Первымъ былъ снятъ съ висѣлицы и положенъ въ гробъ Кибальчичъ, а затѣмъ другіе казненные. Всѣ трупы были сняты въ девять часовъ пятьдесятъ минутъ. По освидѣтельствованіи труповъ гробы были немедленно накрыты крышками и заколочены. Гробы были помѣщены на ломовыя телѣги съ ящиками и отвезены подъ сильнымъ конвоемъ на станцію желѣзной дороги, для преданія тѣлъ казненныхъ землѣ на Преображенскомъ кладбищѣ.

Вся процедура окончилась въ девять часовъ пятьдесятъ восемь минутъ. Въ десять часовъ градоначальникъ далъ приказъ къ разбору эшафота, что и было немедленно исполнено тутъ же находившимися плотниками; послѣ того палачъ Фроловъ, или какъ онъ самъ себя называетъ, «заплечныхъ дѣлъ мастеръ», такъ и его помощники были отвезены въ арестантскихъ «хозяйственныхъ фургонахъ тюремнаго вѣдомства» въ Литовскій замокъ. Въ началѣ одиннадцатаго часа войска отправились въ казармы; толпа начала расходиться. Конные жандармы и казаки, образовавъ летучую цѣпь, обвивали мѣстность, гдѣ стоялъ эшафотъ, не допуская къ нему подходить черни и безбилетной публикѣ. Болѣе привилегированные зрители этой казни толпились около эшафота, желая удовлетворить своему суевѣрію—добыть «кусочекъ веревки», на которой были повѣшены преступники.

Такъ кончили свои дни главныя дѣйствовавшія лица катастрофы 1-го марта 1881 года на Екатерининскомъ каналѣ, гдѣ нынѣ возведенъ храмъ въ память мученической кончины царя-Освободителя. Но съ ихъ казнью спокойствіе не сразу наступило въ странѣ, и правительство еще не мало времени стояло въ неизвѣстности, что предпримуть въ ближайшее время разрозненныя силы русской революціи, каковы эти силы, какова будетъ ихъ тактика дѣйствій и чѣмъ надлежитъ на нее отвѣтить. Безопасность новаго монарха стала очередной задачей, и къ осуществленію этой безопасности были приняты мѣры какъ средствами административно-полицейскими, такъ и общественными. Въ русской жизни образовались новыя теченія, главные этапы которыхъ и послужать содержаниемъ послѣдующихъ частей настоящихъ очерковъ.

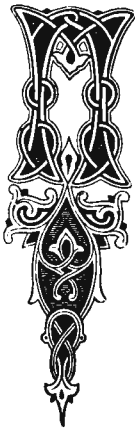
Б. Глинскій.

ГОРОДЪ ЛИПЕЦКЪ И ЕГО КУРОРТЪ.

I.

Станція Грязи.—Видъ на Липецкъ.—Чугунно-литейный заводъ бельгійскаго общества.—Кожинская эпопея.

ВОЪЗДЪ пробѣжалъ по мосту черезъ р. Матыру, притокъ р. Воронежа. Направо отъ полотна видны известковые заводы и обширный паровой маслобойный заводъ на слѣдниковъ М. П. Уланова.

Вокзалъ Грязи—одно изъ лучшихъ пассажирскихъ зданій въ Россіи. Поѣзда подходятъ къ нему съ двухъ сторонъ, причемъ съ каждой стороны его устроены асфальтовые платформы, крытыя желѣзомъ. Благодаря послѣднимъ, красивый огромный залъ 1-го и 2-го классовъ днемъ нѣсколько темень, но зато онъ чрезвычайно эффектенъ вечеромъ и ночью, кагда бываетъ залитъ свѣтомъ сотни газовыхъ рожковъ. Въ залахъ и на платформахъ страшная сутолока: постоянно къ вокзалу подлетаютъ поѣзда и изъ Москвы, и изъ Ростова, и изъ Царицына, и изъ Орла. Станція Грязи, выросшая среди поля на землѣ, принадлежавшей князю Волконскому и крестьянамъ деревни Дмитріевки, вызвала къ жизни цѣлый поселокъ, который по своей величинѣ, торговлѣ, характеру жизни походитъ на любой уѣздный городокъ.

Нашъ поѣздъ на Орель поданъ. Суетня на платформѣ усиливается. Особенно волнуются дамы. Несчастные носильщики, нагруженные съ головы до ногъ картонками, баулами, узлами, обливаясь потомъ, съ трудомъ все это втискиваютъ въ вагоны. Господи! сколько кар-

тонокъ. И большія, и маленькія, и среднія; несчастному пассажиру отъ нихъ въ вагонѣ негдѣ повернуться. Все содержимое ихъ имѣеть уже сегодня-завтра украшать ихъ обладательницъ на Липецкихъ водахъ.

— Третій звонокъ поѣзду на Елецъ, Орель, —протяжно кричить швейцаръ.

Тронулись, потащились... Поѣзда Юго-Восточныхъ ж. д. большую скорость развивать не любятъ...

Направо и налево поля, большія села, сады, а потомъ опять «все поля по сторонамъ, а надъ полями стаи птицъ»... Налѣво станція Сокольская съ селомъ того же наименованія, бывшимъ городомъ. А впереди, налево, виденъ Липецкъ. Переѣзжаемъ по длинному мосту р. Воронежъ. Окрестные виды замѣчательно хороши. Тихо катитъ свои воды красавецъ Воронежъ; его долина покрыта буйной зеленью, а далѣе раскинулись чудные лѣса и сады. Высоко надъ рѣчной долиной стоятъ Липецкъ, весь утопающій въ садахъ; изъ зелени ихъ выглядываютъ церкви и разноцвѣтныя крыши домовъ. Красивая, ласкающая взоръ картина... Налѣво около желѣзнодорожнаго полотна стоитъ огромный, отлично выстроенный чугунолитейный заводъ бельгійскаго общества. Три колоссальныхъ трубы завода видны издалека. Этотъ заводъ—памятникъ знаменитой кожинской эпохи, громко на шумѣвшей лѣтъ десять тому назадъ на всю Россію.

«Въ окрестностяхъ Липецка много залежей желѣзной руды, принадлежитъ она городу и сосѣднимъ крестьянамъ. Всю ее задумалъ прибрать къ своимъ рукамъ бывший липецкій предводитель дворянства Кожинъ—человѣкъ, не получившій никакого образованія, но съ практической смѣткой. Скупалъ онъ руду за безцѣнокъ ($\frac{1}{4}$ коп. за пудъ), не пренебрегалъ при этомъ никакими средствами, пользовался своей властью въ уѣздѣ и водочкой. Мужики подписывали приговоръ, обыкновенно, въ томъ блаженномъ состояніи, когда «по колѣно море». Городу онъ пообѣщалъ выстроить заводъ на его землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, должна была оживиться торговля Липецка, поэтому и городъ попался на удочку предводителя.

«Благопріобрѣтенныя за безцѣнокъ богатства Кожинъ перепродалъ, за вышую, конечно, цѣну, бельгійской акціонерной компаніи. Начали копать руду и строить заводъ. Заводъ начали строить, да только не на городской землѣ, постройкѣ на которой воспротивилась администрація Липецкихъ минеральныхъ водъ, а на землѣ крестьянъ села Сокольскаго, въ 6 верстахъ отъ города. Всѣ ожидаемыя блага отъ города ушли безвозвратно. Горожане взволновались, поднялись и мужики: хмель у нихъ уже прошелъ. Начались судебные процессы; печать громила Кожина, для котораго исходъ борьбы на этотъ разъ не былъ благопріятенъ: крестьяне и горожане одержали верхъ, да къ тому же, только передъ тѣмъ триумфально избрап-

Часть Липецка на Соборной горѣ.

ный предводителемъ на новое трехлѣтіе, Кожинъ за свои дѣянія былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности по Высочайшему повелѣнію. Въ накладѣ остались бельгійцы: они безъ руды и безъ денегъ, отсюда возникъ новый процессъ бельгійцевъ со своимъ бывшимъ директоромъ Кожинымъ ¹⁾. Ярко, блестяще, но не долго сверкавшая звѣзда липецкаго предводителя дворянства закатилась... Кожинъ, имя котораго въ продолженіе нѣкотораго времени съ почтеніемъ произносили дѣльцы не только Россіи, но и Европы, обезславленный, скоропостижно умеръ въ гостиницѣ одного изъ нашихъ городовъ. Заводъ уже нѣсколько лѣтъ бездѣйствуетъ, за отсутствіемъ денежныхъ средствъ; имущество его не раскрадываютъ только лѣндивые. А по внѣшнему виду онъ попрежнему грандіозенъ, великолѣпенъ; стоящія около него на рельсовыхъ путяхъ вагоны вотъ, кажется, сейчасъ повезутъ чугуны на построенную для завода станцію Чугунъ.

Отъ станціи Чугунъ до станціи Липецкъ всего шесть верстъ.

— Липецкъ, поѣздъ стоитъ десять минутъ.

Изъ вагоновъ, какъ изъ рога изобилія, посыпались дамскія картонки...

Липецкій вокзалъ имѣетъ вполне приличные залы, дамскую и мужскую комнаты, буфетъ и отвратительную кухню, изъ которой вы можете, напр., получить цыпленка, изжареннаго на скверномъ салѣ.

II.

По дорогѣ отъ вокзала въ городъ.—Исторія Липецка.—Петръ Великій—создатель нынѣшняго Липецка.—«Путешествіе къ Липецкимъ минеральнымъ водамъ въ 1803 году».—Липецкіе заводы во владѣніи князя Репнина.—Исторія Липецкихъ минеральныхъ водъ.—«Липецкій съездъ».

Хорошая четырехмѣстная карета доставила насъ въ «Казенную гостиницу».

Отъ вокзала до города версты полторы. У вокзала тѣнистый садикъ, за которымъ стоятъ три деревянныхъ домика: мелочная лавка, хлѣбная ссынка, чайная. Городское шоссе, то тамъ, то здѣсь постоянно ремонтируемое. Поле по обѣ стороны, а затѣмъ налѣво обширные городскіе древесные и фруктовые питомники и фруктовый садъ, бывшіе болѣе 25 лѣтъ въ арендѣ у извѣстнаго Быханова. За садомъ большое тѣнистое Евдокіевское кладбище съ хорошимъ каменнымъ храмомъ, обнесенное оградой. Противъ сада отъ шоссе отдѣляется большая дорога на Лебедянь, за которою до самаго города раскинулась Липецкая пригородная слобода. У кладбища подъ прямымъ угломъ мы поворачиваемъ направо и въѣжаемъ

¹⁾ А. С. Толстовъ. Лѣто на Липецкомъ курортѣ. Москва, 1902. Стр. 13—15.

Часть Липецка на Соборной горь.

въ городъ, на Лебедянскую улицу. Небольшіе чистенькіе домики по обѣимъ сторонамъ улицы, обсаженной деревьями; «Елецкое подворье (!) съ номерами», двухъэтажное кирпичное зданіе полицейскаго управления, двѣ-три лавчонки, духовное училище, налѣво— прекрасная Дворянская улица, а направо уже нѣсколько лѣтъ строящееся большое зданіе реального училища, и мы доѣхали до Соборной горы, въ началѣ которой стоитъ соборъ. Гора, не очень крутая, отлично вымощена, по обѣимъ сторонамъ ея идутъ тротуары, обсаженные деревьями. Налѣво, на полугорѣ, высится памятникъ Петру I, а у подножья горы, противъ парка Минеральныхъ водъ стоитъ казенная гостиница.

Несложна и коротка исторія города Липецка; на своихъ плечахъ онъ не несетъ сотни лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ упоминаются князья Липецкіе, жившіе въ XIII вѣкѣ, въ другихъ же источникахъ они называются князьями Ливецкими. А такъ какъ въ родословной таблицѣ рязанскихъ князей есть положительное указаніе, что нѣкоторые изъ этихъ князей въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка по очереди сидѣли «на Ливняхъ и на Воронежѣ», то приходится заключить, что единственные упоминаемые въ лѣтописяхъ князья Святославъ и Александръ были Ливецкими, т. е. Ливенскими князьями. Въ концѣ XVII вѣка на мѣстѣ нынѣшняго города находилось село Липовка, названное такъ по массѣ окружающихъ его липовыхъ лѣсовъ. Начало извѣстности нынѣшнему Липецку, какъ и многимъ другимъ мѣстностямъ Россіи, было положено Великимъ Петромъ. Во время азовскихъ походовъ царь обратилъ вниманіе на залегающую въ этой мѣстности желѣзную руду и основалъ здѣсь въ 1700 году литейный заводъ, который «предопредѣленъ былъ для литья чугунныхъ пушекъ и другихъ военныхъ снарядовъ». Около завода онъ построилъ для себя маленькій дворецъ, къ сожалѣнію, въ 1806 году сгорѣвшій. Анонимный авторъ «Путешествія къ Липецкимъ минеральнымъ водамъ въ 1803 году»¹⁾ такъ описывалъ этотъ дворецъ: «не видно въ немъ никакихъ слѣдовъ богатаго украшенія... Государь, у котораго милліоны были въ повелѣніи, довольствовался тремя комнатами... Онъ (дворецъ) есть деревянный, на каменномъ фундаментѣ; подо всемъ подъ нимъ подѣланы высокіе погреба, такъ что человѣкъ установиться можетъ... крыльцо сложено изъ дикаго камня; первый входъ въ сѣни, налѣво два чулана, а направо родъ залы, или прихожей аршинъ осьми въ квадратѣ, налѣво комната, долженствовавшая быть гостиною: въ ней три шкафа, изъ коихъ два старинной простой работы, а третій украшенъ точенымъ балюстрадомъ и, какъ сказываютъ, собственной работы Петра Великаго... Изъ гостиной налѣво дверь въ спальню; тамъ поднимается доска

¹⁾ Названная книга, представляющая библиографическую рѣдкость, находится въ книгохранилищѣ липецкаго Петровскаго общества и перепечатана въ «Липецкомъ Сезонномъ Листкѣ» за 1910 годъ.

Монастырскій храмъ.

для схода въ погребѣ. Изъ спальни дверь въ другія сѣни, въ коихъ на правой рукѣ два чулана, а прямо дверь въ избу».

Въ 1755 году императрица Елизавета Петровна пожаловала Липецкій заводъ оберъ-шталмейстеру князю Петру Ивановичу Репнину, тому самому, о которомъ императрица Екатерина II, озабочиваясь въ 1765 году приведеніемъ въ порядокъ шталмейстерскаго управленія, писала, что «Репнинъ всякій день принимаетъ (т. е. на службу) снова всякихъ распудренныхъ дворянчиковъ, которые ничего не смыслятъ, кромѣ петиметрства». Конечно, у такого администратора, удостовѣившагося за свою дѣятельность замѣчанія сената, дѣла на заводѣ хорошо итти не могли. Въ 1767 г. на заводѣ произошелъ бунтъ; мастеровые и рабочіе, выражаясь современнымъ языкомъ, забастовали. По дознанію, произведенному по порученію сената, выяснилось, что бунтъ былъ всецѣло вызванъ жестокими притѣсненіями рабочихъ управляющими князя Репнина. Это дѣло разрѣшилось просто: въ 1769 году казна у князя Репнина заводъ купила. Черезъ семь лѣтъ послѣ этого, когда въ Екатеринославской губерніи открылся Луганскій заводъ, Липецкій заводъ былъ закрытъ. Черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ г. Кожинъ вновь извлекъ изъ пѣдръ земли руду липецкую, но, къ сожалѣнію, крайне неудачно. Кто-то теперь будетъ продолжателемъ дѣла великаго Петра?!

Одновременно съ нахожденіемъ руды Петръ открылъ и минеральныя воды, которыми лично усердно пользовался при неоднократномъ посѣщеніи Липецка. Чтобы сдѣлать Липецкія воды извѣстными въ Россіи и убѣдить населеніе въ цѣлебности ихъ, царь повелѣлъ опубликовать особое объявленіе «о марціальныхъ водахъ, сысканныхъ въ Олонцѣ и Липецкѣ, отъ какихъ болѣзней помогаютъ оныя и какъ при томъ употребленіи поступать тому докторское опредѣленіе и указъ Его Царскаго Величества слѣдуетъ», причемъ рекомендовалось воды употреблять «добрымъ порядкомъ», такъ какъ «когда безъ порядку кто будетъ ихъ употреблять съ худой пищей и питіемъ, такъ же и не во время, то не только пользу какую получить, но еще вящее поврежденіе здравію своему и болѣзнь наведетъ. И для того Его Царское Величество Всемиловивѣйшій Императоръ, милосердствуя своимъ подданнымъ, яко отецъ», повелѣлъ докторамъ написать правила, какъ пользоваться водами, «и объявить для вѣдѣнія въ народѣ, чтобы всякъ свѣдомъ былъ, какъ оныя воды употреблять, дабы непорядочнымъ употребленіемъ оныхъ не былъ никто своему здравію вредителемъ».

Въ началѣ XIX столѣтія Липецкія воды уже пользовались большой извѣстностью. По словамъ вышеупомянутаго анонимнаго автора, «при колодезѣ всякій день собирается насъ человекъ 300 и часа три пьемъ воду и прохаживаемся вмѣстѣ. Иные играютъ въ баръ, городки и свайку, иные въ бостонъ въ палаткахъ, разбитыхъ близъ колодезя». Приблизительно въ это же время изъ Петер-

Галерея надъ Монастырскими ключамі.

бурга были командированы въ Липецкъ для изслѣдованія водъ докторъ Альбини и аптекаръ Швенсонъ, которые произведенными анализами доказали высокую цѣлебность водъ.

Въ 1805 году было признано официальное существованіе Липецкихъ минеральныхъ водъ, и завѣдываніе ими было поручено правительственному директору. Но неудачна была дѣятельность перваго казеннаго управленія. Отечественная война и заграничные походы императора Александра I въ достаточной мѣрѣ опустошили казну, и министру финансовъ на всѣ ходатайства директора водъ объ отпускѣ необходимыхъ средствъ на поддержаніе ихъ приходилось отвѣчать только отказомъ. Тогда въ 1823 году правительство передало воды въ вѣдѣніе города, который и сумѣлъ ихъ привести въ полный порядокъ.

Въ 1865 году среди липецкихъ дворянъ возникла мысль поддержать воды путемъ образованія акціонернаго общества. Во главѣ послѣдняго стали князь В. И. Васильчиковъ, С. Д. Башмаковъ и М. И. Кожинъ. Дѣло сразу наладилось, курортъ поднялся, значительно благоустроился... но не надолго... Какъ и причестствуетъ русскимъ людямъ, гг. акціонеры перессорились между собою, а затѣмъ и забросили полезное, общегосударственное дѣло. И опять (въ 1882 году) злосчастныя воды попали въ руки города, Городское самоуправленіе, несмотря на правительственную субсидію, скоро выказало свою полную несостоятельность по завѣдыванію водами и наконецъ въ 1890 году откровенно признало себя виновнымъ въ умерщвленіи курорта и въ неспособности возродить его.

Въ 1891 году правительство окончательно взяло воды въ свое вѣдѣніе. И слава Богу! Курортъ теперь приведенъ въ вполне приличное состояніе, когда на немъ стало возможнымъ хорошо устроиться и лечиться. Въ настоящее время Липецкія воды находятся въ вѣдѣніи горнаго департамента и непосредственно подчинены директору водъ, каковымъ состоитъ докторъ медицины В. С. Борисовскій.

Съ 17 по 20 іюня 1879 года на курортѣ состоялся знаменитый въ исторіи «освободительнаго движенія» «липецкій съѣздъ» социаль-революціонеровъ, членовъ общества «Земли и Воли», дѣятельность котораго затѣмъ «опредѣлилась въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ она стала теперь достояніемъ исторіи: рядъ покушеній на жизнь императора Александра II и ихъ финаль 1 марта 1881 года». Въ Липецкѣ члены общества появились, по словамъ Н. А. Морозова. «въ видѣ больныхъ, пріѣхавшихъ лечиться, засѣданія происходили на пняхъ и стволахъ свалившихся деревьевъ въ окружающіхъ лѣсахъ, куда они брали для виду нѣсколько бутылокъ съ пивомъ и газетныхъ свертковъ съ закусками, для того, чтобы продать собраніямъ видъ простыхъ пикниковъ¹⁾).

¹⁾ Морозовъ, Н. А. Возникновеніе «Народной Воли». — «Былое» 1906. № 12, стр. 10.

Прудъ Петра Великаго и Верхній паркъ.

III.

Липецкъ-городъ.—Его расположеііе.—Соборъ.—Памятникъ Петру I.—Дворянская улица.—Монастырскіи храмъ.— Ключи.

Липецкъ стоитъ главнымъ образомъ на Соборной и Воронежской горахъ, раздѣляемыхъ рѣкой Липовкой. Меньшая, но лучшая часть города расположена на Соборной горѣ, а большая, торговая часть раскинулась по Воронежской горѣ.

На вершинѣ Соборной горы, какъ упоминалось ранѣе, стоитъ соборный храмъ во имя Рождества Христова, построенный въ 1791 году. Его огромный массивъ и особенно его многоярусная колокольня видны издалека. Ни по внѣшнему, ни по внутреннему виду храмъ ничего замѣчательнаго не представляетъ, если, впрочемъ, не считать нѣсколькихъ большихъ подотенъ прекрасной итальянской кисти, помѣщенныхъ на стѣнахъ собора въ богатыхъ золоченыхъ рамахъ. Эти картины духовнаго содержанія, кажется, были пожертвованы въ разное время мѣстными богачами-помѣщиками. Главная святыня собора—чудотворная икона Смоленской Божіей Матери, ежегодно 28 іюля торжественно обносимая вокругъ города съ крестнымъ ходомъ. Весь соборъ имѣетъ паровое отопленіе, такъ что богослуженіе въ немъ происходитъ круглый годъ какъ въ такъ называемомъ лѣтнемъ храмѣ, такъ и въ зимнемъ. Къ собору примыкаетъ отличное зданіе церковно-приходской школы.

Передъ соборомъ раскинулась широкая площадь, вся покрытая травой, на концѣ которой, надъ обрывомъ, стоятъ новый большой кирпичный домъ и надворныя постройки купца Потѣхина.

На половинѣ горы стоитъ памятникъ Петру I. Памятникъ—чугунный и имѣетъ форму высокой трехгранной пирамиды, кончающейся желтой иглой. На лицевой сторонѣ его имѣется надпись:

Незабвенному
вездѣ и во всемъ Великому,
отцу отечества
Императору Петру Первому,
основателю нашего города,
указавшему въ немъ
новые цѣлебные источники
и новыя средства
богатства народнаго.

Сооруженъ усердіемъ купца
Павла Небученова 1839 году.

Отлить въ г. Тамбовѣ на чугунно-литейномъ заводѣ мастеромъ
Иваномъ Федоровымъ.

Каменный логъ.

На другой сторонѣ памятника изображены мифологическіе кузнецы, кующіе на наковальнѣ желѣзо, а на третьей—полулежитъ сама Клеопатра, опершись головою на сосудъ, изъ котораго широкой струей льется цѣлебносная липецкая вода; у груди царица держитъ фіаль съ драгоценнымъ виномъ, которое пьетъ змѣя. Къ памятнику, обнесенному невысокой чугунной рѣшеткой, ведутъ нѣсколько каменныхъ ступеней. По угламъ—каменные изображенія колоколовъ точно такихъ же, которые находятся въ Нижнемъ паркѣ.

Когда вы поднимаетесь на Соборную гору, вы можете любоваться великолѣпнымъ видомъ, открывающимся отъ васъ направо—видомъ, напоминающимъ красивѣйшія мѣста Кіева.

Отъ собора перпендикулярно Лебедянской идетъ лучшая улица города—Дворянская. Эта улица могла бы составить красу любого города: прямая, широкая, хорошо вымощенная, по обѣимъ сторонамъ она обсажена липами и тополями, такъ что представляетъ собою отличную густую аллею. Дома на ней старинные, типичные дворянскіе особняки съ балконами или террасами, съ цвѣтниками, садиками. Среди нихъ на правой сторонѣ гордо высятся большой, вновь выстроенный, стильный домъ Кармаренко, а рядомъ домъ-дворецъ, бывший знаменитаго Кожина, а нынѣ принадлежащій богачу-купцу Русинову. Хорошъ очень домъ-дача купца Ключева (городского головы), находящійся почти противъ названныхъ двухъ домовъ. Въ былые дни въ этихъ особнякахъ кипѣла широкая, ничѣмъ не сдерживаемая жизнь помѣщиковъ. Но послѣ «оскуднѣнія» все рѣзко измѣнилось; исчезли дворяне-помѣщики, «иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече», а ихъ дома перешли въ руки купцовъ, отставныхъ генераловъ, пенсіонеровъ-чиновниковъ.

На углу Лебедянской и Дворянской улицъ (съ лѣвой стороны) находится почтово-телеграфная контора, а черезъ домъ отъ нея—справочное бюро, въ которомъ можно получить справки о всѣхъ имѣющихся въ городѣ свободныхъ квартирахъ; здѣсь же помѣщается небольшая бібліотека, гдѣ можно покупать газеты и журналы. Напротивъ помѣщаются хорошіе магазины—аптекарскаго Вяжлинскаго и колониальный и винный бр. Туровскихъ. Далѣе, на лѣвой сторонѣ улицы находятся зданія уѣзднаго сѣзда и уѣздной земской управы, несомнѣнно, ранѣе принадлежавшія богатымъ помѣщикамъ. Въ концѣ улицы, противъ казеннаго Верхняго парка, помѣщается Институтская станція. Ранѣе здѣсь былъ домъ извѣстнаго желѣзнодорожнаго короля С. С. Полякова, который онъ и пожертвовалъ на это доброе дѣло. Такимъ образомъ было положено основаніе Институтской станціи, на которую измученныя учебными занятіями дѣвочки и дѣвушки пріѣзжаютъ каждое лѣто для отдыха.

У подножья горы, по которой протянулась Дворянская улица и разбитъ Верхній паркъ, стоитъ древній монастырскій храмъ. Къ нему можно спуститься изъ парка, можно и непосредственно пройти или проѣхать отъ казенной гостиницы. Нашъ извозчикъ повернулъ мимо директорскаго дома направо, и мы поѣхали по короткой улицѣ, вдоль Нижняго парка. За послѣднимъ сейчасъ же начинается слобода Монастырка. Пролетка запрыгала по рытвинамъ. Направо и налево деревенскіе домики, крытые по большей части соломою, хотя среди нихъ и попадаются хорошенькіе деревянные домики, въ которыхъ можно имѣть квартиру. Чуть не у каждаго домика имѣется садъ. Среди вѣковыхъ деревьевъ, почти на самомъ берегу пруда Петра I, стоитъ небольшой каменный бѣлый храмъ, древнѣйшій не только въ Липецкѣ, но и во всей округѣ. Здѣсь находился мужской монастырь. Въ 1284 году окрестные жители оказали непослушаніе баскаку Ахмету. Тогда татары разорили сосѣднія селенія, а кстати и монастырь, который, кажется, и не былъ возобновленъ.

Храмъ имѣеть зимній и лѣтній придѣлы. Первый—во имя св. Николая Чудотворца совсѣмъ маленькій и темный. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе помѣщенная въ иконостасѣ икона Божіей Матери съ Младенцемъ, принадлежащая кисти, несомнѣнно, католическаго художника: Богоматерь и Младенецъ удивительной, неземной красоты. Лѣтній главный придѣлъ—во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Четырехъярусный иконостасъ очень древній, краски его иконъ сильно потускнѣли. Ревнители не по разуму хотѣли его замѣнить новымъ, но, къ счастью, епархіальный владыка не допустилъ ихъ до этого. У праваго кдираса помѣщается чудотворная икона св. Параскевы-Пятницы Живоноснаго Источника. Нѣсколько красивыхъ лампадъ теплятся передъ иконою. У лѣвой стѣны находится образъ св. Николая Чудотворца, изсѣченный изъ дерева. Святитель изображенъ во весь ростъ: въ одной рукѣ онъ держитъ мечъ, а въ другой храмъ. Рядомъ съ этимъ изображеніемъ помѣщена икона Спасителя, на которой имѣется надпись: «копія съ древней рѣзной иконы Спасителя, находившейся въ семъ храмѣ». Эта копія замѣнила собою помѣщавшееся здѣсь ранѣе также изсѣченное изъ дерева изображеніе Спасителя, которое духовенство почему-то не сочло возможнымъ долѣе имѣть въ храмѣ.

Надъ храмомъ стоитъ деревянная колоколенка, къ которой можно подняться по отличной лѣстницѣ, идущей на Дворянскую улицу.

Ниже храма, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, стоитъ деревянная часовня, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ явилась чудотворная икона св. Параскевы Пятницы. По срединѣ часовни—хорошо обдѣланный колодезь, обнесенный чугунной рѣшеткой. Что за чудная, кристально-чистая, вкусная вода въ этомъ колодезѣ! Куполь надъ

часовнею внутри окрашенъ голубой краской, по которой разбросаны желтыя звѣзды.

Удивительно тихій, мирный, успокаивающій нервы уголокъ...

Въ двухъ шагахъ отъ часовни изъ-подъ горы бьютъ громадной струей могучіе монастырскіе ключи, надъ которыми устроена галерея. Ключи образуютъ небольшой бассейнъ, черезъ который перекинутъ деревянный мостъ, и затѣмъ устремляютъ свои воды въ прудъ Петра I. Въ прежнее время ключи давали начало рѣкѣ Монастыркѣ, впадавшей въ р. Воронежъ, но Петръ приказалъ раскопать русло Монастырки и устроилъ огромный прудъ, занявшій пространство чуть ли не въ сто десятинъ. Чудная вода этихъ ключей поить весь Липецкъ.

IV.

Торговая часть города.—Часовня въ память Петра I.—Воронежская улица.—Дубовая роща.—Храмъ во имя св. Троицы.—Каменный логъ.

Съ подѣзда казенной гостиницы мы пошли направо: налѣво Нижній паркъ, въ углу котораго стоитъ бюветное зданіе; направо довольно грязный прудъ, на берегу котораго стоитъ рядъ кузницъ; впереди большая площадь, называемая Старымъ базаромъ. На площади стоитъ часовня въ память Петра I. Часовня каменная, новая, высокая. Вошли въ нее. Старичокъ-сторожъ, не то хохоль, не то крещенный еврей, объясняетъ:

— Давно здѣсь были непроходимые лѣса. Пришелъ Петръ, велѣлъ рубить лѣса и строить заводъ, а себѣ дворецъ. Лѣсъ срубили, начали копать землю—то оказалось кладбище: гроба все большіе, на наши непохожіе; открыли ихъ, а тамъ все лежатъ настоящіе богатыри, да непорченные, какъ будто вчера только похороненные. А не пожалуете что-нибудь на маслицо?—сразу оборвалъ свой рассказъ сторожъ, подавая намъ тарелку съ нѣсколькими мѣдными монетами.—Вотъ, сами видите, какъ на такіе гроши и свѣчку Богу возжечь, и лампадочку передъ святой иконой затеплить.

— А куда же тѣ гроба съ богатырями дѣвали?

— Ну, это, сударь, я не знаю. Про то я уже не любопытствовалъ. Знаю, похоронили на иномъ какомъ кладбищѣ.

На правой сторонѣ площади находится нѣсколько мелочныхъ лавокъ, а на лѣвой—въ большомъ двухъэтажномъ домѣ помѣщается отличный магазинъ «панскихъ товаровъ» Русинава.

Отъ площади идетъ въ гору лучшая въ этой части города Воронежская улица. На ней, равно какъ и на идущей отъ нея рлѣво, перпендикулярно къ ней, Усманской улицѣ находятся лучшіе магазины: галантерейный Перелыгина, колониальный и ренсковый погребъ Шелихова, аптекарскій Карстенъ, нѣмецкая колбасная Рейтеръ, фотографія Цаплина и др.

Казенная гостиница.

Поднимаясь по Воронежской улицѣ, мы увидимъ налѣво пріютъ для бѣдныхъ дѣтей имени А. П. Хрѣнникова, а направо—ремесленную школу. Повернувъ отъ послѣдней въ переулочекъ, мы подъѣзжаемъ къ городской дубовой рошѣ: она не велика, но очень хороша; вѣковые, прямые, какъ стрѣлы, дубы даютъ большую тѣнь и крѣпкій, здоровый запахъ. Въ прежнія времена дворяне здѣсь часто устраивали пикники, гремѣла музыка, хлопали пробки отъ бутылокъ вдовы Клико, а теперь... изрѣдка сыграетъ польку на гармоникѣ подвыпившій мѣщанинъ. За Воронежской улицей почти рядомъ находятся два кладбища: съ правой стороны Преображенское, а съ лѣвой—Успенское. Оба они имѣютъ прекрасные храмы, обнесены каменными стѣнами и покрыты густою растительностью.

Параллельно Воронежской улицѣ идетъ Базарная, при пересѣченіи которой съ Усманской находится Новый базаръ. Здѣсь по субботамъ, когда бываетъ торгъ, въ сезонъ продаютъ обиліе ягодъ.

Посреди Новаго базара стоитъ величественный храмъ во имя св. Троицы, построенный купцомъ Хрѣнниковымъ и освященный въ 1848 году. Онъ съ своими колоссальными синими главами, усеянными золотыми звѣздами, доминируетъ надъ всею окружающею мѣстностью. Внутри храмъ очень обширенъ, имѣетъ широкіе хоры; стѣны облицованы мраморомъ; резонансъ въ немъ замѣчательно хорошъ. Но, къ сожалѣнію, живопись въ немъ неважная; нѣкоторыя картины заключены въ широкія багетныя рамы. Налѣво отъ главнаго входа у столба помѣщено изсѣченное изъ дерева изображеніе главы Крестителя Іоанна, довольно грубой работы: у Крестителя блѣдное, словно восковое, молодое лицо и небольшая черная борода. На паперти храма въ стѣнѣ вдѣланы пять чугунныхъ досокъ. На одной изъ нихъ надпись гласитъ: «Строитель Липецкаго Троицкаго храма Алексѣй Петровичъ Хрѣнниковъ—родился въ бывшемъ г-дѣ Романовѣ 4 февраля 1788 г., скончался въ г-дѣ Липецкѣ 24 августа 1865 г. Похороненъ съ западной стороны подъ входомъ сего Троицкаго храма». На остальныхъ доскахъ обозначены имена сродниковъ храмоздателя, погребенныхъ также здѣсь.

Одна изъ интереснѣйшихъ прогулокъ въ Липецкѣ—въ Каменный логъ. Послѣдній начинается почти непосредственно за прудомъ, расположеннымъ близъ казенной гостиницы, и кузнями. Логъ—глубокое каменистое ущелье, которое прихотливо вьется. Надъ нимъ висятъ огромныя скалы, по которымъ до самаго верха лѣпятыя домики и садики. Въ камняхъ высѣчены ступеньки, ребятишки шмыгаютъ по нимъ взадъ и впередъ. Подлинный Кавказъ! Грандіозныя каменоломни, мимо которыхъ мы ѣдемъ, могли бы давать городу огромные доходы, если бы только онъ умѣло ихъ эксплуатировалъ. Направо висятся зданія казеннаго виннаго

Входъ въ Нижній паркъ.

склада; его молодой садъ сбѣгаетъ къ самому ущелью. Дно лога усыпано кусками желѣзной руды.

— Эхъ, баринъ, сколько рабочаго люда копошилось въ этомъ самомъ логу, когда работалъ кожинскій заводъ. И хорошо же рабочимъ платили! А намъ, извозчикамъ, прямо было не житье, масленица: господа анжины платили по десяткѣ за поѣздку сюда съ завода и обратно. А сами знаете, развѣ далеко отсюда до завода.

V.

Липецкъ-курортъ.—Казенная гостиница.—Директорскій домъ и его ледникъ.—Нижній паркъ: его бальнеологическія и курортныя учрежденія; чудная растительность.—Прудъ Петра I и р. Воронежъ.—Верхній паркъ.

Казенная гостиница—большое трехэтажное каменное зданіе—имѣетъ 46 номеровъ цѣною отъ 75 коп. до 4 руб. въ сутки съ постельнымъ бѣльемъ и электрическимъ освѣщеніемъ. Гостиница построена такъ, что второй этажъ ея, по заднему фасаду, совпадаетъ съ уровнемъ земли. Четырехрублевый номеръ—цѣлая изящная квартира. Во всѣхъ номерахъ хорошія обстановки и кровати. Чистота въ гостиницѣ поддерживается образцовая, иногда нарушаемая, къ стыду, самими жильцами. Въ 12 часовъ ночи электричество всюду тухнетъ, и къ этому времени обыкновенно вся гостиница уже засыпаетъ. Во второмъ и третьемъ этажахъ имѣется по одной общей комнатѣ, въ которой нѣкоторые жильцы любятъ располагаться для чаепитія и судаченія насчетъ курортныхъ порядковъ. Огромный дефектъ гостиницы—большая сырость въ нижнемъ этажѣ, которая здѣсь вполнѣ естественна: нижній этажъ, въ сущности подвальный, зимою, за отсутствіемъ достаточныхъ средствъ, администраціей никогда не отапливается.

На дворѣ гостиницы помѣщается «женская лечебница для гинекологическихъ и хирургическихъ больныхъ», а по срединѣ двора устроенъ бассейнъ съ фонтаномъ и разбитъ цвѣтникъ, въ которомъ по угламъ поставлены столбики съ лавочками.

Прямо противъ параднаго подъѣзда казенной гостиницы—главный входъ въ Нижній паркъ. Надъ воротами помѣщена большая вывѣска: «Липецкія Минеральныя Воды», которую вѣнчаетъ золоченый государственный гербъ. Налѣво отъ входа въ паркъ стоитъ красивый двухэтажный, съ башенкой директорскій домъ, въ которомъ живетъ директоръ водъ. Близъ дома на дворѣ, въ углу, скромно пріютилось маленькое кирпичное зданіе подъ желѣзной крышей; съ полукруглымъ фасадомъ съ одной стороны. Это зданіе или скорѣе зданье является высоко-историческимъ памятникомъ: здѣсь помѣщалась заводская канцелярія Петра I. А теперь здѣсь, *horribile dictu*, ледникъ г. директора водъ. Поистинѣ, дика Россія, не чтущая своихъ памятниковъ старины и пе-

Курзалъ въ Нижнемъ паркѣ.

любящая своей исторіи. Въ стѣну этого постылаго ледника, со стороны Соборной горы, вдѣлана чугунная доска съ надписью: «Постройка времянь императора Петра I, бывшая заводская канцелярія».

Передъ воротами Нижняго парка разбиты три цвѣтника; налѣво стоитъ газетный кіоскъ, а направо у воротъ маленькая будка для сторожа.

Въ Нижнемъ паркѣ сосредоточены всѣ бальнеологическія учрежденія курорта, и въ немъ почти всецѣло проводятъ свое время лечащіяся.

Направо отъ входа въ паркъ устроена обширная дѣтская площадка, раздѣленная на три части, изъ коихъ двѣ огорожены и предназначены для игръ въ крокетъ и лаунъ-тенисъ, на третьей же составляются, подъ руководствомъ специально приглашаемаго для этого администраціей водъ лица, подвижныя игры; здѣсь съ утра до ночи стоитъ шумъ и гамъ отъ нѣсколькихъ десятковъ дѣтишекъ, беззаботно веселящихся въ то время, какъ ихъ маменьки кругомъ чинно возсѣдаютъ на лавочкахъ. Въ концѣ площадки находится павильонъ, въ которомъ дѣтишки укрываются отъ дождя.

Прямо отъ входа идетъ широкая аллея, нѣсколько спускающаяся подъ гору. Направо стоитъ хорошенькій павильонъ съ башенкой, окруженный террасой; здѣсь помѣщается аптекарскій магазинъ и производится продажа минеральныхъ и фруктовыхъ водъ.

Идя по аллеѣ далѣе, мы достигаемъ площадки, на которой главнымъ образомъ и находится липецкая «купель». Бѣлое ванное зданіе вы узнаете по вдѣланной въ стѣну чугунной доскѣ съ изображеніемъ руки и топора Петра Великаго. Въ этомъ зданіи устроены 22 кабинета, изъ которыхъ 12 приспособлены для пользованія желѣзистыми ваннами, а 10—грязевыми. Эти послѣднія имѣютъ отдѣльныя раздѣлальни. Здѣсь же отпускаются и углекислыя, прѣсныя, желѣзисто-хвойныя и соляныя ванны.

Въ нижнемъ этажѣ зданія, смежнаго съ ваннымъ зданіемъ, помѣщается водолечебница, въ которой отпускаются души всевозможныхъ системъ. Тутъ же находится свѣтолечебный кабинетъ и производится паро-теплелечение, массажъ и мѣстное грязелечение. Въ верхнемъ этажѣ зданія водолечебницы помѣщаются: электро-терапевтическій кабинетъ съ приборами для гальванизации, фарадизации и франклинизации и кинетотерапевтическій кабинетъ для леченія различныхъ расстройствъ движеній, въ частности для леченія атаксіи по методу д-ра Френкеля. Оба кабинета въ послѣдніе сезоны находятся въ завѣдываніи специально приглашаемаго консультанта, ординатора московской нервной клиники, ассистента проф. Рота, С. А. Чугунова.

Грязевыя ванны приготовляются изъ желѣзисто-илистой грязи. «Грязь добывается около берега пруда Петра I; съ осени и до бу-

Кожиновъ мостъ въ Нижнемъ паркѣ.

душей весны лежитъ на воздухѣ для вывѣтриванія и высушиванія; весной протирается и просѣивается черезъ проволочныя сита и поступаетъ затѣмъ въ баки для запариванія и равномернаго смѣшенія съ водой. Къ бакамъ по рельсамъ подкатываются ванны и тутъ же во дворѣ приготавливаются до назначенной температуры. Совершенно приготовленная грязевая ванна вкатывается черезъ открытый люкъ въ кабину для больного, находящагося въ отдѣльной раздѣвальной. Грязевыя ванны приготавливаются жидкія и густыя.

«...Франценсбадскій курортъ считается всемірной грязелечебницей, между тѣмъ какъ липецкая желѣзисто-илистая грязь почти тождественна съ франценсбадской. Потому съ полнымъ правомъ... Липецкій курортъ можетъ быть названъ русскимъ Франценсбадомъ»¹⁾.

Противъ ваннаго зданія разбитъ великолѣпный цвѣтникъ съ фонтаномъ, а сзади его лежатъ петровскіе пушка съ буквою Р. и разбитый колоколь. За зданіемъ—хорошенькій прудъ, въ воды котораго смотрятся вѣковые пирамидальные тополи, ели и ветлы.

Отъ ваннаго зданія идетъ аллея, упирающаяся въ дѣтскую площадку. Здѣсь стоятъ подъ рядъ четыре павильона, въ которыхъ помѣщаются фотографія Пятиной, гдѣ можно покупать «открытки» съ видами Липецка, продажа мороженого, парикмахеръ и почтовое отдѣленіе, съ приѣмомъ и выдачею заказной и простой корреспонденціи; здѣсь же продаются открытки работы другого фотографа—Цаплина.

Изъ писанной аллеи черезъ мостикъ, перекинутый черезъ рѣчку Липовку, дѣлящую Нижній паркъ на двѣ части, переходимъ въ главную аллею. Направо—музыкантская эстрада съ площадкою, уставленною десятками диванчиковъ. За площадкою роскошная цвѣточная клумба съ фонтаномъ. Нѣсколько небольшихъ аллей отъ эстрады идутъ на площадку, на которой стоитъ курзалъ Минеральныхъ водъ; здѣсь въ тѣни деревьевъ лежатъ пушка и ядро времени Петра.

Лѣвую сторону курзала занимаютъ буфетъ и большая ресторанныя терраса, сзади которой имѣются двѣ комнаты для посѣтителей во время ненастной погоды; тутъ же по винтовой лѣстницѣ можно подняться въ бильярдную. Рядомъ съ рестораномъ—большая театральная зала, въ которой даются балы, концерты, спектакли. Зала украшена бюстами русскихъ императоровъ. Вдоль залы устроена широкая крытая галерея съ эстрадой въ углу ея, гдѣ въ ненастье иногда играетъ оркестръ музыки. По обѣ стороны лѣстницы,

¹⁾ Липецкій курортъ. Составилъ директоръ Липецкихъ минеральныхъ водъ докторъ медицины В. С. Борисовскій.—Изданіе управленія водъ, Липецкъ. Стр. 18—19.

Дубъ-бесѣдка Петра Великаго въ Верхнемъ паркѣ.

ведущей на террасу курзала, помѣщены чугунныя петровскія доски съ надписью «1707».

Галерея крытымъ переходомъ соединена съ бюветнымъ зданіемъ. Последнее снаружи имѣетъ видъ круглой башни съ куполообразной крышей и шпилемъ, такъ что походить на часовню. Внутри зданія находится четырехугольный каменный бассейнъ, окруженный желѣзной бронзированной рѣшеткой. Съ боковыхъ стѣнокъ бассейна выступаютъ трубки для проведенной воды изъ источниковъ Альбины и № 7. Вы можете стаканъ поставить въ особую сѣтку, прирѣзанную къ шестику, и опустить ее къ одной изъ трубокъ, чтобы получить оттуда воду. У правой стѣны зданія помѣщена икона Божіей Матери Живоносный Источникъ, а у задней—статуэтка Петра Великаго, выше которой на стѣнѣ поставленъ бюстъ Эскулапа. Здѣсь вы можете получать газированную липецкую и привозныя минеральныя воды. Въ бюветномъ зданіи ежегодно 20 мая совершается торжественное молебствіе съ водосвятиемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Ихъ Императорскимъ Величествамъ, послѣ чего лечебный сезонъ на водахъ считается официально открытымъ.

Противъ бюветнаго зданія черезъ Липовку перекинуть мостъ, на четырехъ столбикахъ котораго помѣщены надписи: «Кожиновъ мостъ—30 мая 1872». Это въ память М. И. Кожина, одного изъ акціонеровъ, владѣвшихъ ранѣе водами.

Налѣво отъ курзала стоитъ балаганчикъ съ кинематографомъ, а далѣе павильонъ съ терраской: здѣсь помѣщается курортная библіотека, къ слову сказать, очень плохая, и читальня, въ которой получаютъ большинство столичныхъ газетъ.

Главная аллея очень длинна, широка, тѣниста. У деревяннаго мостика она переходитъ въ молодую тополевою аллею Борисовскаго, названную такъ въ честь нынѣшняго директора водъ, насадившаго ее. По ней мы доходимъ до пристани, устроенной на берегу пруда Петра I. Что за чудное мѣстечко. Прудъ занялъ огромное пространство, на его водѣ у береговъ плаваютъ роскошныя водяныя лиліи. Впереди, за прудомъ, зеленая линія лѣсовъ. Направо, высоко на горѣ, стоитъ соборъ, а далѣе по склонамъ горы сползаютъ сады обитателей Дворянской улицы, красиво высятся дома бывшій Кожина и Кармаренко; у подножья горы изъ купы деревьевъ выглядываетъ монастырская церковка, а за нею видна съ развѣвающимся флагомъ пристань Верхняго парка, видъ котораго закачиваетъ красивую картину. Моя дочка, все время тосковавшая въ Липецкѣ о родномъ домѣ, только и успокаивалась на пристани Нижняго парка; сюда она насъ постоянно и тянула. У пристани десятокъ лодокъ для прогулокъ по пруду и для переѣзда въ Верхній паркъ.

Отъ главной аллеи въ томъ мѣстѣ, гдѣ она переходитъ въ аллею Борисовскаго, вправо отдѣляется Быхановская аллея. Послѣднюю образуютъ великолѣпные, прямые душистые тополя. Она не широка, но очень длинна, и нѣсколькими колѣнами идетъ къ р. Воронежу. Направо—обширные питомники наслѣдниковъ Быханова. Кругомъ удивительная тишина—словно глухой, столѣтній лѣсъ. Зато когда поднимается вѣтеръ, заговаряютъ здѣсь вѣковые исполины: «лѣсъ шумить», говорить свою немолчную, непонятную сказку.... Въ концѣ аллеи—сторожка. Мы вышли на широкую долину рѣки Воронежа. Направо—Перловка, чугунно-литейный заводъ Милованова, а прямо—купальни и привязанныя къ мосткамъ лодки.

Удивительно, скажу болѣе, поразительно хорошъ Нижний паркъ. Его сразу исходить неумоготу даже вполнѣ здоровому человѣку—такъ онъ обширенъ. Правда, къ вашимъ услугамъ всюду разставлены скамеечки. Растительность его чрезвычайно богата: здѣсь произрастаютъ колоссальные пирамидальные и душистые тополя, ели, липы, клены, бѣлая акація, ветлы. Такихъ гигантскихъ прямыхъ ветель я не встрѣчалъ нигдѣ въ Россіи. Бродя по парку, вы совершенно забываете, что находитесь въ городѣ: сюда совершенно не проникаетъ городская шумъ. Непрерывно слышится пѣніе, свистъ всевозможныхъ птицъ, кукованіе кукушки. Всюду чудный ароматъ отъ свѣжей листвы деревьевъ, цвѣтниковъ, сѣна, постоянно собираемаго съ многочисленныхъ лужаекъ. Немного только бываетъ тяжело въ паркѣ въ жаркіе дни, когда зной застаивается въ немъ: благодаря своему защищенному положенію и большой густотѣ насаждений, онъ плохо провѣтривается. Несмотря на то, что паркъ расположенъ въ низкой мѣстности, я никогда сырости въ немъ не ощущалъ.

Верхній паркъ также находится въ вѣдѣніи администраціи минеральныхъ водъ. Въ него можно проѣхать или по Дворянской улицѣ, или изъ Нижняго парка на лодкѣ по пруду Петра I. Онъ значительно менѣе Нижняго парка и носить другой характеръ. Преимущественное насажденіе его—чудные вѣковые дубы. Прямо у входа—будка для сторожа, которому вы предъявляете сезонный билетъ. Параллельно Дворянской улицѣ идетъ неширокая аллея, кончающаяся налѣво (отъ входа) площадкой, на которой дѣти играютъ въ крокетъ. Въ противоположномъ концѣ аллеи стоитъ стволъ колоссальнаго дуба, выдолбленный внутри, по преданію, самимъ Петромъ; надъ стволомъ устроена крыша въ формѣ шапки гриба, такъ что получилась оригинальная бесѣдка. Кора ствола испещрена инициалами русскихъ дикарей; отъ нихъ же пришлось закрыть дверкой входъ въ бесѣдку.

Правѣе отъ входа въ паркъ стоитъ музыкантская эстрада, заднюю половину которой занимаетъ бильярдная. Передъ эстрадой—

площадка съ массой диванчиковъ. За эстрадой—небольшой курзалъ съ широкими террасами; здѣсь помѣщается лѣтомъ веселое общественное собраніе. Отъ курзала идетъ главная, широкая, очень тѣнистая аллея, боковыя стороны которой сплошь засажены акаціей. По срединѣ аллея прерывается широкой площадкой, на которой стоитъ кіоскъ для продажи кефира, молока и фруктовыхъ водъ.

Параллельно первой и главной аллеямъ по краю крутого спуска идетъ дорожка, именуемая липовцами Набережной аллеей. Почти по краямъ ея, надъ обрывомъ, висятъ бесѣдки. Отсюда открывается удивительно красивый видъ. У нашихъ ногъ хаты и садики Монастырки. За нею огороды, сады, лугъ, камыши. Вьется серебряная лента р. Воронежа, а за нимъ луга и опять лѣса. Далѣе, за Монастыркой большое пригородное село Студенки съ огромнымъ каменнымъ желтымъ храмомъ, а далѣе—село Сокольское съ тремя огромными трубами бельгійскаго завода. Надъ Воронежемъ повисъ красивый желѣзнодорожный мостъ; черезъ него бѣжитъ поѣздъ, а уже черезъ минуту его бѣлый дымокъ двигается надъ лѣсомъ.

Направо внизу разстилается гладкая поверхность пруда Петра I; на немъ мелькаютъ во всѣхъ направленіяхъ лодки. Далѣе чаща Нижняго парка и его пристань. Вдали мерещится храмъ села Романова, бывшаго города. За Воронежомъ на берегу стоитъ большой Маріинскій винокуренный заводъ, поившій своимъ зельемъ до введенія казенной монополіи не одну тысячу російскихъ обывателей.

Поле зрѣнія огромное—на десятки верстъ и всюду зелень и зелень.

VI

Лечебныя свойства минеральныхъ водъ.—Курортная жизнь.—Заключеніе.

Липецкія минеральныя воды по своему составу принадлежатъ болѣе къ желѣзисто-углекислымъ, чѣмъ къ чисто-желѣзистымъ.

«Липецкіе источники драгоцѣнны особенно потому, говоритъ профессоръ Мушкетовъ, что они даютъ большое количество желѣзистой холодной воды $+9^{\circ}$ Ц., въ которой такъ нуждается наша лучшая бальнеологическая станція Желѣзноводскъ. Что же касается сравнительнаго качества водъ, то въ сущности липецкая вода немногимъ уступаетъ желѣзноводской, особенно холодной; такъ, не говоря о другихъ составныхъ частяхъ, содержаніе углекислой закиси желѣза въ водѣ липецкихъ источниковъ въ 5—6 разъ больше, чѣмъ въ водѣ желѣзноводскихъ источниковъ¹⁾».

Вотъ краткій перечень недуговъ, особенно удачно излечиваемыхъ липецкой «купелью»: малокровіе, общія слабость, какъ ре-

¹⁾ Липецкій курортъ.—Стр. 11—12.

зультатъ перенесенныхъ тяжелыхъ болѣзней, хроническіе катарры желудка и кишекъ, болѣзни печени, почекъ и мочевого пузыря, всевозможныя болѣзни нервной системы, различныя формы женскихъ болѣзней и другія.

За Липецкимъ курортомъ, по справедливости, упрочилось названіе дамскаго и дѣтскаго. Дамъ и дѣтей вы болѣе всего и увидите на курортѣ.

Жизнь въ Липецкѣ въ общемъ не дорога. Можно отлично устроиться въ казенной гостиницѣ, но есть и много отдѣльныхъ комнатъ, отдаваемыхъ домовладѣльцами или квартиронанимателями. Есть и дачи-особняки. Средняя цѣна комнаты въ сезонъ 30—50 рублей, а дачи, имѣющей комнаты четыре съ террасой, рублей 150 въ сезонъ. Прекрасный столъ можно имѣть въ курзалѣ минеральныхъ водъ: обѣдъ стоитъ изъ двухъ блюдовъ 50 к., изъ трехъ—65 к. и изъ четырехъ—85 к.; ужинъ изъ одного блюда—30 к. Порціи какъ въ обѣдѣ и ужинѣ, такъ и отдѣльно требуемыя (такса и на послѣднія такъ же невысока) очень большія. Кромѣ того, столъ можно имѣть и въ курзалѣ Верхняго парка и у частныхъ поварихъ, приблизительно по указанной цѣнѣ.

Въ Верхнемъ паркѣ музыка играетъ по понедѣльникамъ, вторникамъ и пятницамъ отъ 6 до 8 час. вечера. Въ остальные дни въ тѣ же часы (кромѣ субботы) и ежедневно отъ 9 до 11 час. утра она играетъ въ Нижнемъ паркѣ; впрочемъ, въ воскресенья и праздничные дни начало игры съ 9 час. переносится на 11^{1/2}. Въ сезонъ 1910 г. на курортѣ игралъ оркестръ 12-го гренадерскаго Астраханскаго полка изъ Москвы подъ управленіемъ г. Шретера. Въ каждомъ номерѣ «Сезоннаго Листка», выходящаго по воскресеньямъ, печатается программа музыки на всю недѣлю. Но только г. Шретеръ не всегда ея точно придерживается, чѣмъ приводитъ въ немалое смущеніе неопытныхъ слушателей.

— Не правда ли, какая красивая вещица «Погоня за счастьемъ», которую сейчасъ исполняетъ оркестръ,—обращается иной слушатель къ сосѣду, заглядывая въ печатную программу.

— Помилуйте, да что вы—оркестръ играетъ увертюру изъ «Шиковой дамы».

Tableau...

Во время игры оркестра въ паркахъ вы можете наблюдать всю курортную публику, которая или чинно занимаетъ мѣста передъ эстрадой, или дефилируетъ по главнымъ аллеямъ. Вотъ, всегда на опредѣленномъ диванчикѣ сидитъ уже двадцать лѣтъ извѣстный липовцамъ отставной придворный артистъ Ш., высокій, съ бѣлой бородой, раздвоенной на двѣ части, старикъ. Всѣ пальцы на обѣихъ рукахъ у него унизаны кольцами съ драгоценными камнями. На визиткѣ,—а мѣняетъ онъ ихъ каждый день,—бутоньерка съ цвѣткомъ и розетки. Въ правой рукѣ держитъ пару новыхъ лайковыхъ

перчатокъ. Рядомъ съ нимъ лежитъ аккуратно сложенный коричневый пледъ. Онъ прїѣзжаетъ въ Липецкъ ежегодно къ открытію сезона, а уѣзжаетъ по закрытіи его. Говорятъ, онъ имѣетъ здѣсь годовую квартиру, на которой хранятся чуть ли не шесть сундуковъ, заключающихъ его гардеробъ.

Отъ одного къ другому, третьему диванчику подвозятъ въ креслѣ также хорошо извѣстнаго липовцамъ постоянного посетителя курорта врача X: скверный *tabes* за грѣхи молодости отнял у него ноги.

Кое-гдѣ, подъ сѣнью вѣковыхъ гигантовъ, на лавочкахъ разминаютъ свои косточки отставные генералы и полковники.

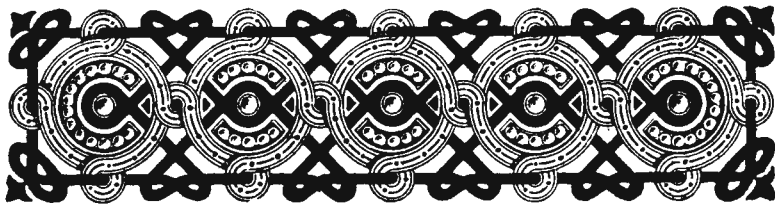
По праздникамъ по главной аллеѣ Нижняго парка густой толпой двигаются липецкіе обыватели, главнымъ образомъ приказчики и мѣщанки. Господи! какъ нехороши портреты у послѣднихъ. Видна помѣсь былыхъ «украинцевъ» съ татарвой.

Липецкъ—самый центральный курортъ въ Россіи: отъ Грязей до него всего 35 вер., а отъ Орла—256 верстъ. Хорошенькій, утопающій въ садикахъ городъ, богатые цѣлебные источники, великолѣпные, рѣдкостные парки, отличный климатъ, почти отсутствіе эпидемическихъ заболѣваній, сравнительная дешевизна и простота жизни—словомъ, налицо всѣ или почти всѣ условія для прекраснаго курортнаго и дачнаго пребыванія. И что же? Въ Липецкъ мало кто ѣдетъ, а если и ѣдутъ, то главнымъ образомъ изъ Тамбова, Воронежа, Орла и немного изъ Москвы. Напримѣръ, въ сезонъ 1909 года на курортѣ прїѣзжихъ было всего 779 человекъ. А бываютъ и такіе случаи: прїѣдутъ сюда, поживутъ день-два, да и соберутъ свои пожитки и отправятся на Кавказъ, благо магистральная желѣзнодорожная линія туда проходитъ близко. Почему? Не единственными же тому причинами являются отсутствіе въ Липецкѣ вегетаріанскаго стола и поливки улицъ, которой вообще російскій обыватель не избалованъ? На этотъ вопросъ отвѣта мнѣ никто дать не могъ.

Жаль. Липецкъ и его курортъ заслуживаютъ болѣе внимательнаго и серьезнаго отношенія со стороны публики.

Считаю своимъ долгомъ выразить большую признательность липецкому фотографу г. Питину, любезно разрѣшившему мнѣ для настоящаго очерка воспользоваться его снимками видовъ Липецка и его курорта.

Андрей Фирсовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ан. А. Титовъ. Ростовъ Великій въ его церковно-археологическихъ памятникахъ. Съ 17-го рисунками. М. 1911. Стр. 153 + II.

ВЪ ПРЕДИСЛОВИИ къ этой книгѣ авторъ, дѣлая общій очеркъ Ростова, останавливается на описаніи церкви, а еще болѣе на стѣнной живописи, старинной утвари и ризницахъ въ нихъ. Древнія церкви Ростова доступны для каждаго любителя старины, особенно въ лѣтнее время, и, кромѣ того, болѣе выдающіяся изъ нихъ уже обследованы. Ничего подобнаго нельзя сказать относительно древнихъ предметовъ, хранящихся въ этихъ церквахъ. Одни изъ нихъ часто остаются незамѣтными для случайнаго посѣтителя; другіе прямо-таки недоступны для обозрѣнія по мѣсту своего храненія, каковымъ обыкновенно являются церковныя ризницы.

Описывая предметы, находящіеся въ пяти кремлевскихъ церквахъ, построенныхъ въ XVII вѣкѣ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола митрополитомъ Іоною, авторъ обращаетъ вниманіе на альфресковую живопись, покрывающую внутренность этихъ храмовъ, и въ особенности на каменные преграды, отдѣляющія алтарь отъ средней части храма. Извѣстный изслѣдователь церковныхъ памятниковъ, директоръ петербургскаго археологическаго института, Н. В. Покровскій, по поводу устройства солеи въ одной изъ кремлевскихъ церквей, высказался, что «это такая особенность, которой мы не встрѣчаемъ въ другихъ русскихъ храмахъ».

Кремль—сердце Ростова. Здѣсь и музей церковныхъ древностей, помѣщающійся въ Бѣлой палатѣ—постройкѣ XVII вѣка. Здѣсь и князьи терема своеобразной постройки XV—XVI вѣка. Здѣсь и Іераршія палаты—архіерей-

скій домъ ростовскаго митрополита Филарета Никитича Романова. Вотъ въ этомъ-то кремлѣ и сосредоточены лучшіе памятники древне-русскаго церковнаго зодчества и древне-русской церковной живописи.

Впрочемъ, старинными церковными предметами кремлевскіе храмы не богаты: авторъ, отмѣчая нѣкоторые изъ нихъ, все свое вниманіе сосредоточилъ на древнихъ драгоценностяхъ Успенскаго собора, который является памятникомъ XIII вѣка. Внутренность этого храма и его ризница много пострадали отъ непріятельскихъ нашествій, отъ пожаровъ и отъ другихъ причинъ, а затѣмъ многое было увезено въ Ярославль съ переводомъ туда архіерейской каеедры. Но древнихъ драгоценностей, при всемъ этомъ, осталось все-таки не мало, очевидно, ихъ было очень много. Кромѣ св. иконъ въ драгоценныхъ ризахъ и мощей ростовскихъ угодниковъ, почивающихъ въ серебряныхъ чеканныхъ съ надписями ракахъ, обращаютъ вниманіе шитыя пелены и плащаница, даръ Строгановыхъ, ризы греческой парчи XII и XVI вѣковъ, паникадила, лампы, евангелія, кресты, сосуды, чаши, дарохранительницы, кадила и т. п., при чемъ съ болѣе замѣчательныхъ предметовъ въ книгѣ приложены рисунки.

Изъ этихъ рисунковъ особенно бросается въ глаза снимокъ съ чудотворной иконы Иоанна Богослова. Эта икона одна изъ самыхъ древнихъ и прежде находилась въ кремлевскомъ давно уже упраздненномъ Иоанновскомъ монастырѣ. Когда въ 1905 г. съ нея сняли серебряную ризу, то изображенія Богослова почти не оказалось; въ это-то время и былъ сдѣланъ снимокъ какъ образецъ, какому невниманію подвергалась эта священная реликвія въ теченіе, быть можетъ, многихъ лѣтъ.

Перечисляя затѣмъ ризницы и святыни 21 ростовской приходской церкви, авторъ особенно останавливается на Вознесенской, построенной, какъ видно изъ надписи на камнѣ, въ 1566 году, по повелѣнію царя Грознаго, его мастеромъ Андреемъ Малымъ. Здѣсь уцѣлѣла знаменитая альфресковая живопись XVII вѣка съ видомъ кремля и Успенскаго собора съ прежнимъ покрытиемъ по закомарамъ. Въ этой церкви сохраняются и извѣстныя царскія врата, описанныя авторомъ исторіи «Русскаго Искусства» Виолле-ле-Дюкомъ въ его знаменитомъ изслѣдованіи, а также литая икона и плащаница, даръ именитыхъ людей Строгановыхъ.

Слѣдующая по древности изъ приходскихъ церквей—Благовѣщенская. Въ этой церкви интересно евангеліе XVIII в. съ подписями подъ каждымъ евангелистомъ, какъ, напримѣръ, подъ изображеніемъ св. Марка:

Послѣ приходскихъ церквей слѣдуетъ описаніе живописи и ризницъ шести ростовскихъ монастырей, хотя древнихъ предметовъ въ нихъ и немного. Болѣе богатыми въ этомъ отношеніи могутъ считаться храмы Богоявленскаго монастыря.

Богоявленскій Аврааміевъ монастырь, основанный въ XI вѣкѣ, былъ особенно облюбованъ царемъ Грознымъ. Онъ построилъ въ немъ соборную каменную церковь, которая уцѣлѣла, хотя и съ поврежденіямъ, до настоящаго времени.

Затѣмъ въ Спасо-Іаковлевскомъ монастырѣ, гдѣ покоятся мощи знаменитаго духовнаго писателя и поэта—святителя Димитрія, сохранилось нѣсколько

предметовъ XVII—XVIII вѣковъ и вещей, принадлежащихъ святителю, котораго изображены на особыхъ рисункахъ.

Не мало отведено мѣста описанію ризницъ Рождественскаго, Петровскаго и Вѣлогостицкаго монастырей. Вѣлогостицкій монастырь построенъ послѣднимъ въ родѣ изъ ростовскихъ князей Рюриковичей кн. Михаиломъ Темкинымъ († 1661 г.)

Мы,—заключаетъ авторъ въ концѣ книги,—обозрѣли «церковно-археологическіе памятники, хранящіеся въ церквахъ древняго города Ростова Великаго, но при этомъ обозрѣніи мы далеки были отъ какой-либо научной цѣли. Наша задача состояла лишь въ томъ, чтобы передать печати эти памятники и тѣмъ оградить ихъ сохранность на будущее время. Примѣровъ безцеремоннаго отношенія къ стариннымъ памятникамъ со стороны ихъ хранителей можно привести не мало. Лѣтъ 5—6 тому назадъ настоятель одной ярославской церкви, и при томъ съ высшимъ образованіемъ, продалъ древніе церковные сосуды, которые потомъ пошли въ сломъ; исчезли и вышитые образа XVII вѣка, о чемъ даже возбуждался вопросъ въ московскомъ археологическомъ обществѣ». Въ этой же книгѣ отмѣчено, что старинныя ризы и облаченія продавались и изъ одной ростовской обители.

Далѣе приводятся выдержки изъ дневныхъ записокъ послѣдняго ростовскаго архіепископа Арсенія, переведеннаго въ Ярославль.

«1790 г. 31 января перевезена изъ Ростова ризница».

«1790 г. 5 февраля. Осматриваль новопривезенную изъ Ростова ризницу»...

«1797 г. 15 марта, по приглашенію, кушалъ я у синодскаго оберъ-прокурора А. И. Мусина-Пушкина, коему благословилъ я св. Евангеліе старинное, въ листъ, у коего доска обложена серебрянымъ позолоченнымъ окладомъ, и три старинныя воздуха, шитые высокимъ стариннымъ швомъ».

Вообще наши владыки съ давнихъ лѣтъ смотрѣли на церковное имущество, какъ на свою собственность, а старинѣ не придавали никакого значенія. При такихъ отношеніяхъ невольно вспоминаются записки Добрынина¹⁾. Описывая совмѣстное обозрѣніе въ 1770 г. епархіи съ владыкой сѣвскимъ Кирилломъ Флоринскимъ и радушный пріемъ, оказанный преосвященному Кириллу игуменомъ Молчанскаго монастыря Мануиломъ Левицкимъ, Добрынинъ пишетъ, что въ одной изъ монастырскихъ церквей владыкѣ показали большой молитвенникъ въ листъ, въ переплетѣ подъ бѣлымъ пергаментомъ, въ позолоченномъ образѣ, очень новый и чистый, такъ какъ монахи хранили его какъ рѣдкость. На первомъ листѣ книги были написаны рукою владыки стихи и сдѣлана подпись: «Иванъ Мазепа, полковой есаулъ». Преосвященный взялъ этотъ молитвенникъ въ свою бібліотеку, которая потомъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ и умерла.

Не лучше поступаетъ и свѣтское начальство.

Газеты «Рѣчь» и «Земщина»²⁾ сообщили, какъ одинъ губернаторъ, оставляя губернію, безцеремонно увезъ съ собой немало различныхъ древнихъ вещей, котораго должны бы были поступить въ мѣстный музей.

¹⁾ «Русская Старина». 1871 г. III, стр. 268.

²⁾ № 596. 1911 г.

Городскія думы поступаютъ еще хуже.

Такъ, ростовская городская дума, несмотря на протесты, за нѣсколько рублей отдала своему гласному дорогу около городского вала подъ сарай, доставля ему негласно вмѣсто этой дороги ѣздить по валу и ставить на немъ лошадей.

Не особенно пріятно положеніе охранителей гражданскихъ и церковныхъ памятниковъ при такихъ цѣнителяхъ древне-русскаго искусства и зодчества...

Sub omni lapide scorpius dormit.

А. К—ово.

К. Валишевскій. Царство женщинъ. Екатерина I, Анна, Елизавета. Переводъ съ французскаго А. Гретманъ. Москва. 1910. Стр. 435+7 портретовъ. Цѣна 3 р.

Имя польскаго историка, посвящающаго свои силы популяризаціи русскаго исторіи, достаточно извѣстно русскаго читающей публикѣ. Не такъ давно въ русскомъ переводѣ появился его большой трудъ по исторіи первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II, носящій заглавіе «Романъ императрицы». Но не успѣло книгоиздательство А. С. Суворина выпустить книгу изъ типографіи, какъ на нее набросились пираты книжнаго рынка и, надергавъ изъ нея отдѣльныя главы наиболѣе пикантнаго содержанія, выпустили подъ тѣмъ же заглавіемъ свои «изданія», назначивъ, конечно, пониженную цѣну. Сбитый съ толку одновременнымъ появленіемъ столькихъ изданій книги русскій небогатый читатель, конечно, предпочелъ въ простотѣ душевной пріобрѣсти изданіе подешевле и получилъ вмѣсто интереснаго историческаго труда—безграмотную макулатуру.

Эта страничка изъ исторіи нашего книгоиздательства лучше всего показываетъ, что сочиненія Валишевскаго пользуются большимъ спросомъ, а, стало быть, привлекаютъ къ себѣ вниманіе читателей. Наши цеховые ученые и строго-научные критики желаютъ объяснить несомнѣнный успѣхъ Валишевскаго только тѣмъ, что онъ беретъ исторію съ ея внѣшней, анекдотической стороны, всегда гораздо болѣе любопытной, чѣмъ исторія глубокихъ народныхъ пластовъ. Это даетъ нѣкоторымъ критикамъ даже поводъ относиться къ автору свысока, какъ къ простому фельетонисту. На это, конечно, они ни малѣйшаго права не имѣютъ. Во-первыхъ, г. Валишевскій живетъ въ Парижѣ, пишетъ по-французски и работаетъ на всемірный рынокъ, для читателя-неспециалиста, котораго едва ли можно заинтересовать хотя и научной, но тяжеловѣсной исторіей нашей страны.

Во-вторыхъ, г. Валишевскій вовсе не брался и не обязанъ дѣлать то, что должны были сдѣлать наши ученые, изъ которыхъ ни одинъ до сего времени не удосужился написать болѣе или менѣе подробный очеркъ царствованія хотя бы Елизаветы Петровны, предпочитая, чтобы эту работу—худо ли, хорошо ли, сдѣлалъ тотъ же Валишевскій или англійскій историкъ Бэнъ. Не тѣмъ нравятся читателю труды Валишевскаго, что авторъ будто бы довольствуется лишь анекдотами. Ихъ сильная сторона—въ умѣнь автора ясно и

живо, на французскій ладъ, излагать даже самые запутанные вопросы прошлаго, представить ихъ въ яркомъ освѣщеніи, согрѣть изложеніе тепломъ своего литературнаго дарованія. И если такая фирма, какъ «Сфинксъ», взялась за издание его сочиненій, то это вѣрный знакъ, что имъ обезпеченъ успѣхъ.

Передъ нами второй томъ изъ серіи предпринятыхъ книгоиздательствомъ «Сфинксъ» переводовъ трудовъ Валишевскаго «Царство женщинъ», соответствующее въ подлинникѣ заглавію «L'héritage de Pierre le Grand». Издатели отнеслись къ дѣлу, очевидно, съ полнымъ стараніемъ. Такъ, всѣ цитаты, взятыя авторомъ изъ русскихъ источниковъ, приведены непосредственно изъ подлинниковъ, а не въ переводѣ, текстъ переведенъ не въ отрывкахъ, а цѣликомъ. Но рядомъ съ этимъ, къ сожалѣнію, руководителямъ изданія не хватило вкуса, и они выпустили его въ довольно лубочномъ видѣ. Къ чему, напримѣръ, эта пестрая, кричащая обложка, къ чему нелѣпный форматъ въ большую, почти квадратную четверку, зачѣмъ эти каймы, эти рамки по бокамъ страницы? Все это довольно аляповато.

Хромаетъ иногда и переводъ, такъ хромаетъ, что мѣстами для пониманія текста надо обращаться къ подлиннику. Въ первыхъ же строкахъ предисловія мы, напримѣръ, читаемъ: «Я откровенно признаюсь, — пишетъ г. Валишевскій, — что мною руководило предполагаемое въ публикѣ любопытство, которому авторъ не можетъ навязывать ни своего таланта, ни предмета, занимающаго его». Нѣчто непонятное. Въ подлинникѣ стоитъ: «... curiosité à laquelle l'auteur ne pouvait prétendre à imposer ni son talent ni son sujet», то есть любопытство, на которое авторъ не могъ рассчитывать ни по своему таланту, ни по выбранному имъ сюжету. Во многихъ случаяхъ текстъ искаженъ вслѣдствіе корректурныхъ погрѣшностей. Такъ, нѣсколькими строками далѣе въ предисловіи находимъ: «Екатерина была крѣпостной двумъ дворянамъ»... вмѣсто: «крѣпостной въ имѣніи, принадлежавшемъ семьѣ двухъ дворянъ», стр. 32. «Внутренняя жизнь страны частью зависѣла отъ поражений этой борьбы» вмѣсто «внутренняя жизнь страны заключалась въ перипетіяхъ этой борьбы» (*tient dans les péripéties de cette lutte*). Такихъ промаховъ довольно много и ихъ не мѣшало бы своевременно устранить. Слѣдовало бы также сохранить и указатель, имѣющійся въ подлинникѣ.

А. В.

Иеромонахъ Серафимъ. Путевыя впечатлѣнія. Поѣздка въ Іерусалимъ и на Аѳонъ въ 1908 году. Нижній-Новгородъ. 1910.

Русская паломническая литература очень обширна. Почти каждый болѣе или менѣе интеллигентный паломникъ, совершивъ поѣздку къ святымъ мѣстамъ православнаго Востока, долгомъ своимъ считаетъ описать потомъ свое странствованіе и въ назиданіе потомству рассказать, большею частью чужими словами и по руководству предшествующей паломнической литературы, о своихъ наблюденіяхъ, впечатлѣніяхъ, приключеніяхъ. Создался довольно обширный родъ литературы, поражающій однообразіемъ содержанія, монотонностью

настроения, а нерѣдко и безграмотностью изложения, односторонностью суждений о святыхъ мѣстахъ Востока и выводовъ о мѣстной церковно-общественной жизни. При этомъ авторы, вкусившіе отъ благъ російскаго освободительнаго движенія, считаютъ своей обязанностью высококомѣрно и пренебрежительно судить о святыхъ, предъ которыми преклоняется весь христіанскій міръ, указывать только пороки восточныхъ дѣятелей и недостатки въ мѣстной общественной жизни, порицать и злословить то, что въ дѣйствительности заслуживаетъ похвалы и одобренія по искренности мотивовъ, по свѣтлому вліянію на окружающую среду, по глубинѣ и силѣ моральныхъ чувствъ. И нелегко стало находить въ огромной паломнической литературѣ отрадныя исключенія, на которыхъ слѣдовало бы остановить свое вниманіе.

Отмѣченная книга «Путевыя впечатлѣнія» не похожа на тотъ родъ литературныхъ «путешествій», который сдѣлался обычнымъ у насъ явленіемъ послѣдняго времени, и должна быть признана исключеніемъ по достаточной научно-литературной подготовкѣ автора, правдивости изложения, искренности настроения, по осторожной и увѣренной оцѣнкѣ общественной жизни на православномъ Востока. Авторъ просто и ясно, иногда поэтически и съ большимъ воодушевленіемъ рассказываетъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ на пути въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, куда обыкновенно стекаются благочестивые русскіе люди,—какъ онъ провелъ время въ святомъ градѣ и на территоріи своеобразной монашеской республики, съ кѣмъ здѣсь встрѣчался и о чемъ велъ свои бесѣды. Книга представляетъ значеніе и для общей характеристики русскаго дѣла на ближнемъ Востока. Для путешественниковъ въ Іерусалимъ и на Аѳонъ она полезна по обилію необходимыхъ свѣдѣній.

І. І.

Извѣстія калужской ученой архивной комиссіи. Выпускъ XXI. Калуга. 1911.

Время отъ времени появляющіяся «Извѣстія» калужской ученой архивной комиссіи представляютъ собою скромную попытку небольшого кружка мѣстныхъ любителей старины освѣтить и выяснить многіе интересные вопросы, связанные съ изученіемъ прошлаго Калужской губерніи. Подобнаго рода изслѣдованія, предпринятая въ настоящее время архивными комиссіями многихъ другихъ губерній, заключаютъ въ себѣ порой массу новыхъ фактическихъ данныхъ, вслѣдствіе чего и являются незамѣнимымъ пособіемъ для археологовъ, историковъ и этнографовъ. Настоящій 21 выпускъ «Извѣстій калужской архивной комиссіи» посвященъ почти исключительно XVIII и XIX вѣку и заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ новыхъ историческихъ свѣдѣній, освѣщающихъ многія событія, имѣвшія мѣсто въ Калужской губерніи. Сборникъ «Извѣстій» начинается статью В. И. Асонова «Къ вопросу объ охранѣ памятниковъ старины». Указывая на недостаточность, а порой и на противорѣчія нашего дѣйствующаго законодательства, относящагося къ охранѣ памятниковъ старины и древности, авторъ рассказываетъ скорбную повѣсть о той тяжелой борьбѣ, которую пришлось вести калужской архивной комиссіи, пожелавшей воспрепятствовать передѣлкѣ, искажавшей основныя черты такого ори-

гинального, единственного въ своемъ родѣ памятника русскаго зодчества, какимъ является калужскій гостинный дворъ, построенный въ царствованіе императрицы Екатерины II, въ 1788 году, при Кречетниковѣ. Интересный по своему содержанію является статья Средина «Пушкинъ и Полотняный Заводъ», рисующая обстановку, въ которой здѣсь жилъ нашъ великій поэтъ, нѣкоторые случаи изъ его жизни, сохранившіеся въ воспоминаніяхъ старожиловъ, и его отношенія къ Гончаровымъ. Въ цѣломъ рядъ любопытныхъ эпизодовъ изъ семейной хроники Гончаровыхъ г. Срединъ рисуетъ передъ глазами читателей бытъ и нравы шумной барской жизни конца XVIII вѣка, гдѣ псовая охота и безконечные балы, длящіяся по цѣлымъ недѣлямъ, наполняютъ почти все существованіе богатыхъ помѣщиковъ. Интереснымъ мѣстомъ статьи является рассказъ автора о хлопотахъ Гончаровыхъ и Пушкина по продажѣ бронзовой статуи императрицы Екатерины II, украшающей въ настоящее время Соборную площадь Екатеринослава. Прадѣдъ жены поэта, Николай Гончаровъ, желая увѣковѣчить посѣщеніе императрицею Екатериною II Полотнянаго Завода, заказалъ въ Берлинѣ ея бронзовое изображеніе съ цѣлью поставить его въ Полотняномъ Заводѣ. Заказанная статуя, прозванная Пушкинымъ «La grand-maman du Zavod» вышла, по мнѣнію Николая Аванасьевича, неудачной, и онъ поставить ея не рѣшился. Когда затѣмъ огромное состояніе Гончаровыхъ было разстроено сыномъ Николая Аванасьевича, Аванасіемъ Николаевичемъ Гончаровымъ, было возбуждено ходатайство о продажѣ этой статуи, какъ представлявшей сравнительно большую цѣнность. Для болѣе успѣшнаго ходатайства Аванасій Николаевичъ Гончаровъ пустилъ въ ходъ связи Пушкина, который, какъ видно изъ его переписки, обращался съ просьбами къ многимъ вліятельнымъ лицамъ и въ академію художествъ, гдѣ имѣется даже цѣлое дѣло по осмотру этой статуи, «предлагаемой къ покупкѣ титулярнымъ совѣтникомъ Пушкинымъ». Послѣ долгихъ хлопотъ эта статуя, наконецъ, Гончаровымъ была продана въ 1846 году въ Екатеринославъ. Интересной страничкой изъ исторіи театра въ Россіи является статья В. И. Асонова «Къ исторіи театра въ Калугѣ». Рассказывая о зарожденіи и постепенномъ развитіи театра въ Калугѣ, авторъ останавливается на пребываніи въ Калугѣ двухъ знаменитостей русскаго театральнаго искусства первой половины XIX вѣка Мочалова и Щепкина и впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ отъ ихъ игры калужанами. Не лишеннымъ интереса, несмотря на свою сухость, является очеркъ того же Асонова «Къ исторіи войны 1812 года», составленный на основаніи архивныхъ дѣлъ бывшаго тарусскаго земскаго суда и канцеляріи городничаго за 1812 и 1813 года и рисующій дѣятельность провинціальной администраціи въ годину великой войны по поставкѣ подводъ, снабженію арміи продовольствіемъ и фуражемъ. Съ внѣшней стороны «Извѣстія» изданы довольно хорошо. Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы теперь съ открытіемъ въ Калугѣ отдѣленія московскаго археологическаго института изслѣдованія въ области старины приняли болѣе интенсивный характеръ и слѣдующій выпускъ «Извѣстій лужской архивной комиссіи» былъ побольше.

Д. Богдановъ.

Труды курской губернской ученой архивной комиссії. Выпускъ первый. Посвящается памяти перваго предсѣдателя комиссії Н. Н. Гордѣва. Курскъ. 1911. Ц. 80 к.

Мы имѣли возможность на страницахъ «Историческаго Вѣстника» говорить о томъ, что въ послѣднія десятилѣтія интересъ курскаго общества къ мѣстной исторіи до крайней степени былъ незначителенъ. Какихъ-либо, хотя бы скромныхъ, изданій, касающихся прошлаго Курскаго края, почти не выходило. Даже курской ученой архивной комиссії, учрежденной въ 1903 году, только черезъ восемь лѣтъ ея существованія удалось выпустить первую книгу своихъ «Трудовъ», которая появилась въ свѣтъ въ мартѣ настоящаго года. Новое мѣстное изданіе представляетъ собою обширный сборникъ статей, заключающій 450 страницъ, изъ которыхъ третья часть занята журналами засѣданій архивной комиссії и отчетами о ея дѣятельности и денежныхъ средствахъ по 1909 годъ включительно. Въ текстѣ находимъ 23 статьи разнообразнаго содержанія. Размѣщены онѣ не по отдѣламъ исторической науки, а случайно. Къ археологіи относятся: «Антиминсы XVII и XVIII вѣка, хранящіеся въ ризницѣ курскаго кафедральнаго собора», ст. А. Н. Кобылина (нынѣшняго предсѣдателя комиссії) и Н. Н. Лоскутова (помощника предсѣдателя), «Археологическіе памятники въ области рѣки Большой-Курицы, впадающей въ Сеймъ», ст. В. П. Каншина, «Матеріалы для археологической карты Курскаго уѣзда», ст. проф. кievскаго университета В. Е. Данилевича, «Голубецъ на Красной Полянѣ», ст. Р. Л. Маркова и др. Изъ статей по генеалогіи, этнографіи и фольклору обращаютъ на себя вниманіе по тѣмъ или другимъ причинамъ: «Къ родословной преподобнаго отца Серафима Саровскаго», «Матеріалы по этнографіи Курской губерніи (игры, игрища, гаданья, суевѣрія, праздники и проч.)», статья неутомимой изслѣдовательницы Е. И. Рѣзановой, «Пѣсни Обоянскаго уѣзда съ нотами А. П. Горяиновой». Есть сообщенія о курганахъ и раскопкахъ ихъ, сдѣланныхъ архивной комиссіей въ послѣдніе годы, и нѣкоторыя другія замѣтки. Часть статей, напечатанныхъ въ первомъ выпускѣ «Трудовъ», была напечатана раньше въ мѣстныхъ изданіяхъ.

Для изученія прошлой исторіи Курской губерніи разбираемая нами книга представляетъ довольно много интереснаго и важнаго матеріала, въ особенности для членовъ ученой архивной комиссії и вообще для лицъ, специально интересующихся минувшими судьбами нашего края. Но для средняго читателя и для распространенія историческихъ свѣдѣній въ обществѣ данный выпускъ «Трудовъ» комиссії даетъ не особенно много, главнымъ образомъ вслѣдствіе перегруженія его либо сырымъ историческимъ матеріаломъ, либо крайне краткими спеціальнаго характера и до извѣстной степени отрывочными замѣтками. Въ этомъ отношеніи выходившія нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданія курскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ названіемъ: «Курскій сборникъ», имѣютъ свое преимущество. Нисколько не ставя такого обстоятельства въ упрекъ архивной комиссії и вполне понимая большую трудность въ провинціи, въ особенности тамъ, гдѣ научные интересы почти совершенно изсякли, составленія книгъ, подобныхъ нами разбираемой, тѣмъ не менѣе мы не можемъ

не выразить сожалѣнія относительно того, что въ «Трудахъ» нѣтъ вполнѣ обработанныхъ статей по исторіи—прямо скажемъ богатаго исторіей—Курскаго края, которыя бы въ соотвѣтственной формѣ знакомили читателей съ родной стариной. Такія статьи, общедоступныя и, по возможности, интересныя мы ставимъ во главу угла провинціальныхъ изданій, потому что только онѣ возбуждаютъ въ обществѣ первые зачатки вниманія къ своему прошлому, а затѣмъ уже по восходящимъ степенямъ могутъ появиться и спеціальныя интересы. То же съ полнымъ правомъ можно сказать и о помѣщеніи въ «Трудахъ» на цѣломъ рядѣ страницъ архивныхъ «столбцовъ», актовъ, дѣлъ, выписокъ и проч.—не разработанныхъ въ живыя, удобочитаемыя статьи и замѣтки.

Сильную и пріятную сторону «Трудовъ» образуютъ: 1) все, что касается этнографіи и фольклора Курской губерніи, прочитываемое съ большимъ интересомъ, 2) сообщенія о курганахъ, городищахъ и раскопкахъ, произведенныхъ въ нихъ. Большой интересъ не для нашей только мѣстности, а для общерусской древней исторіи представляетъ статья А. А. Орлова подъ заглавіемъ: «Истоки Оки, Свапы и Сновы». Здѣсь авторъ описываетъ торфяное болото, въ которомъ не высыхаетъ вода даже въ самое жаркое лѣто, находящееся на границѣ Курской и Орловской губерній, около села Самодуровки и бывшее въ старое время озеромъ, которое тянулось на много верстъ при ширинѣ до 2-хъ верстъ и глубинѣ до 5—10 саж. Изъ этого озера (теперь болота) вытекаютъ рѣки: Свапа, впадающая въ Сеймъ; притокъ Десны, Очка, истокъ Оки, Снова, притокъ Тускари ¹⁾. Г. Орловъ, изслѣдовавшій самодуровское озеро, справедливо считаетъ его тѣмъ воднымъ звеномъ, которое соединяло днѣпровскій и волжскій бассейны и тотъ водяной путь, который непрерывно шелъ изъ Кіевской Руси въ Суздальскую и Владимирскую и вообще съ запада на востокъ въ древнѣйшія времена. На основаніи данныхъ, г. Орловъ указываетъ, что днѣпровско-окскимъ водянымъ путемъ въ 1096 году Изяславъ Владимировичъ Мономаховичъ прибылъ изъ Курска въ Муромъ, а позднѣе Святославъ Сѣверскій явился на свиданіе съ Юріемъ Долгорукимъ, которое состоялось въ Москвѣ, впервые упоминаемой въ лѣтописи по поводу этого свиданія. Рать Святослава Черниговскаго шла здѣсь на ладьяхъ на Всеволода Юрьевича Суздальскаго. С. М. Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи» предполагалъ существованіе волока между западнымъ и восточнымъ магистральными водяными путями изъ юго-западной въ сѣверо-восточную Русь, теперь же точно и опредѣленно найдена та водная нить, которая соединяла оба пути, и, такимъ образомъ, одинъ изъ крупныхъ историко-географическихъ вопросовъ получаетъ новое освѣщеніе. Любопытно, что превратившееся въ болото озеро огибаешь знаменитый Самодуровскій курганъ, пространство котораго составляетъ около 47 десятинъ.

Въ первомъ выпускѣ «Трудовъ» курской архивной комиссіи, кромѣ текста, находимъ рисунки, планы, карты, таблицы и фотографическія снимки, необхо-

¹⁾ Рѣка въ Курской губерніи, въ «лѣтописи курской», называется Турскарью, или Антурскарью, т. е. рѣкою туровъ, вымершихъ животныхъ, скелеты которыхъ во множествѣ находятъ по берегамъ теперешней Тускари.

димые для поясненія и иллюстраціи напечатанныхъ въ книгѣ матеріаловъ. Къ сожалѣнію, къ ней не приложено предметнаго указателя, имѣющаго, какъ извѣстно, большое значеніе при пользованіи изданіями подобнаго рода.

А. Танковъ.

С. Л. Аваліани. Крестьянская реформа въ Закавказьѣ. Спб. 1911.

Настоящая работа г. Аваліани представляетъ извлеченіе изъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» и является результатомъ изученія документовъ архива тифлискаго дворянскаго депутатскаго собранія. Помимо архивныхъ матеріаловъ, г. Аваліани ознакомился со всей литературой,— правда, очень скудной, касающейся крестьянской реформы въ Закавказьѣ. Крѣпостное право въ Закавказьѣ было отмѣнено лишь въ 1868 году. Послѣ обнародованія манифеста 19-го февраля 1861 г. императоръ Александръ II велѣлъ намѣстнику своему князю Бяратинскому приступить къ разработкѣ проекта о распространеніи положенія 19-го февраля 1861 года и на закавказское крѣпостное населеніе. Къ обсужденію предстоящей реформы было привлечено и дворянство, разбившееся на уѣздные комитеты (впослѣдствіи уѣздные дворянскіе съѣзды), а для голосованія и разсмотрѣнія проектовъ дворянъ былъ учрежденъ центральный комитетъ подъ названіемъ «закавказскій комитетъ по устройству помѣщичьихъ крестьянъ». С. Л. Аваліани прослѣживаетъ дѣятельность уѣздныхъ и центрального комитетовъ, знакомитъ насъ съ различными проектами дворянства вплоть до мая 1863 года, когда тифлисское губернское дворянство разсматривало въ окончательномъ видѣ проектъ Д. И. Кипіани объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Дворянство къ своему проекту присоединяло просьбу о выдачѣ вознагражденія за отказъ отъ правъ на личность крестьянъ; эту точку зрѣнія раздѣлялъ и намѣстникъ князь Бяратинскій: тифлисское дворянство получило, какъ возмездіе за потерю правъ на личность крестьянъ, 2 милліона рублей серебромъ.

Лепту, внесенную г. Аваліани въ юбилейную литературу по крестьянской реформѣ, надо считать любопытной и полезной работой.

А. Хахановъ.

Архивъ Раевскихъ. Томъ III. Изданіе П. М. Раевского. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1910. Стр. XVII + 717. Цѣна не обозначена.

Настоящій третій томъ «Архива Раевскихъ» касается почти исключительно одного Николая Николаевича Раевского (младшаго) и содержитъ въ себѣ его переписку—частную и служебнаго характера всего за два года—1839 и 1840 гг. Кромѣ тридцати другихъ документовъ: записокъ Н. Н. Раевского, рапортовъ и проч., здѣсь помѣщено свыше 200 писемъ самого Н. Н. Раевского и разныхъ корреспондентовъ къ нему. Такое обиліе документовъ всего за два года объясняется тѣмъ, что эти годы были временемъ кипучей дѣятельности Н. Н. Раевского по

званію начальника сперва 1-го отдѣленія Черноморской прибрежной линіи, съ 12 августа 1839 г.—всей Черноморской береговой линіи. Въ октябрѣ 1839 г. линія была, по его представленію, раздѣлена на три отдѣленія,—и Н. Н. Раевскому предстала сложная и отвѣтственная работа по замиренію и устройству новаго и своеобразнаго края. Сколько пришлось потратить ему энергии, силъ и труда на эту работу, лучше всего свидѣтельствуетъ онъ самъ въ документѣ отъ 1841 г., написанномъ уже по выходѣ въ отставку.

«Я кавалерійскій офицеръ, — писалъ онъ, — и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ этой части; здѣсь я сдѣлался морякомъ, инженеромъ и артиллеристомъ, — мнѣ пришлось заниматься провіантской и комиссаріатскою частями, торговлею, карантинами и т. д. Бывъ первымъ начальникомъ въ новомъ и неизвѣстномъ краѣ, я не могъ воспользоваться началами и опытностью предмѣстниковъ. Мнѣ пришлось оставить все, что я зналъ, въ сорокъ лѣтъ начать мое воспитаніе и въ одно время немедленно заводить то, чему я начиналъ учиться. Мнѣ пришлось переломить старыя привычки и приобрѣтать новыя; межъ тѣмъ, какъ я учился, управлялъ краемъ, командовалъ отрядами, мнѣ еще нужно было, отъ скудости средствъ, самому цѣлые дни и ночи проводить въ письмѣ. Мнѣ приходилось проводить на морѣ всякій годъ восемь мѣсяцевъ, — чего не дѣлаетъ ни одинъ адмиралъ Черноморскаго или Балтійскаго флотовъ; наконецъ, во вредномъ климатѣ я ежегодно переносилъ тяжкія болѣзни. Послѣ сего, я полагаю, что я принесъ на службу должное самоотверженіе, хотя всякій другой принесъ бы болѣе успѣха и пользы...»

Среди этой кипучей административной дѣятельности Н. Н. Раевскому пришлось вынести не менѣе тяжелую работу по усмиренію горцевъ и устройству укрѣпленій; и вотъ тутъ-то онъ натолкнулся на недоброжелательство другихъ кавказскихъ командировъ и своихъ ближайшихъ сотрудниковъ; постоянныя противодѣйствія съ ихъ стороны довели наконецъ Н. Н. Раевскаго до того, что онъ долженъ былъ подать въ отставку и прервать свою полезнѣйшую дѣятельность, не достигнувъ вполне заслуженныхъ результатовъ.

Главное содержаніе разсматриваемаго тома «Архива Раевскихъ», какъ уже указано выше, составляютъ письма Н. Н. Раевскаго и къ нему разныхъ лицъ.

Въ своихъ примѣчаніяхъ Б. Л. Модзалевскій попрежнему сообщаетъ довольно подробныя біографическія, бібліографическія и историческія свѣдѣнія.

В. Рудаковъ.

Н. Ф. Хованскій. Помѣщики и крестьяне Саратовской губерніи. Саратовъ. 1911. (Выдержки изъ труда Н. Ф. Хованскаго). 196 стр. Изданіе саратовской губернской ученой архивной комиссіи.

Къ юбилею 50-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости саратовская ученой архивная комиссія готовитъ изданіе цѣлаго сборника статей, касающихся вопросовъ, связанныхъ какъ съ эпохою крѣпостного права, такъ и эпохою, послѣдовавшей за великой реформой. Первымъ отдѣльнымъ выпускомъ изданія вышелъ въ свѣтъ трудъ одного изъ дѣятельнѣйшихъ труженниковъ комиссіи правителя дѣлъ комиссіи Н. Ф. Хованскаго. Значительно

сокращенный авторомъ, сравнительно съ имѣющеюся въ распоряженіи комиссіи рукописью, трудъ этотъ, тѣмъ не менѣе, даетъ богатый неизвѣстными еще въ исторической литературѣ и неизданными архивными данными обширный матеріалъ по исторіи прошлаго, какъ мѣстныхъ помѣщиковъ, такъ и принадлежавшихъ имъ крестьянъ, за XVIII—XIX столѣтія. Страницы труда Хованскаго пестрятъ статистическими и географическими данными. Весьма интересны, какъ совершенно новый бытовой матеріалъ: отдѣлы III и IV: «исканіе» свободы крестьянами отъ помѣщиковъ, купцовъ, мѣщанъ и другихъ лицъ. Нельзя не пожелать, чтобы этотъ обильный матеріалъ не остался безъ столь необходимаго для наиболѣе цѣлесообразнаго пользованія имъ подробнаго именного алфавитнаго указателя.

А. Мироповъ.

**Ө. Ростовцевъ. 4-я донская казачья дивизія въ русско-японскую войну. 1910.
Стр. 487+2 картины. Цѣна не обозначена.**

Авторъ, добросовѣстно потрудившійся надъ разборомъ дѣйствій въ послѣднюю несчастную войну 4-ой донской казачьей дивизіи, вполне достоинъ того, чтобы сказать о его трудѣ на столбцахъ невоенной печати. Къ этому побуждаетъ искренность автора, который ни въ одной строчкѣ не можетъ быть заподозрѣнъ въ неправдѣ и который съ болью въ сердцѣ говоритъ о многомъ, что не могло способствовать нашей побѣдѣ. И всякій, кто дорожить русскою государственностью, кто не извѣрился въ возможность будущихъ побѣдъ нашей арміи и желаетъ Россіи военной мощи, долженъ прислушаться къ честному голосу г. Ростовцева.

Характеризуя полковыхъ командировъ, авторъ говоритъ, что это были обычные типы современной арміи. «Вдохновеннаго человѣка тутъ нѣтъ, тутъ нѣтъ фанатика военнаго дѣла», пишетъ Ростовцевъ. Разбирая приказы ген. Телешева, авторъ съ грустью констатируетъ, что онъ писалъ красивые приказы, которые съ удовольствіемъ прочитаетъ Европа, но требовалъ не подготовки къ войнѣ, а церемональнаго марша, и не показывалъ личнаго примѣра. Передъ уходомъ дивизіи на войну ген. Телешевъ ѣдетъ въ Петербургъ для представленія и на девять дней оставляетъ дивизію безъ себя. Подобныя поѣздки «безусловно полезны для ѣздящихъ, но для дѣла едва ли. Вспомнимъ адмирала Скрыдлова: въ результатѣ своей поѣздки въ Петербургъ адмиралъ остался невредимъ, но въ Портъ-Артуръ не попалъ». Въ особенноти несимпатично выставлена личность полковника Баскакова. Цитируя одинъ приказъ, авторъ говоритъ, что Баскаковъ забывалъ, что конный отрядъ—не академическая аудиторія, штабъ отряда—не каеэдра, а офицеры-казаки—не слушатели съ Суворовскаго проспекта. Про полковника генеральнаго штаба Коцебу Ростовцевъ пишетъ, что онъ обидѣлся за неоказаніе ему церемоніи при встрѣчи и за неподачу ему рапорта; отсюда начались и его придирки къ донцамъ. Тутъ же авторъ дѣлаетъ общій выпадъ противъ военной академіи и укоряетъ ее за то, что она любитъ парить въ идеяхъ покойнаго Леера, не спускаясь на землю.

Подробно разбирая извѣстный набѣгъ ген. Мищенка на Инкоу, авторъ считаетъ его не удавшимся. Результаты отъ набѣга оказались ничтожными

по сравненію съ тѣмъ, чего отъ него ждали. Еще герой былъ потерянъ, и только прошлая дѣятельность этого генерала и его популярность въ средѣ кавалерійскихъ и казачьихъ частей спасли Мищенко отъ открытой хулы по его адресу.

Вопросъ о томъ, своевременно ли заключила Россія миръ съ Японіей, авторомъ разрѣшается въ томъ смыслѣ, что миръ былъ заключенъ во-время. Великое сыпингайское сибѣнне, правда, увеличило численность нашей арміи, но, сибѣдаемая неудачами, внутреннимъ разстройвомъ и полнымъ отсутствіемъ надежды на успѣхъ, наша армія падала морально. Линевиичъ не пользовался никакимъ авторитетомъ у командующихъ арміями, а вдохнуть въ войска живой духъ онъ не смогъ.

Обыкновенный читатель неспециалистъ найдетъ въ книгѣ много страницъ, надъ которыми ему придется призадуматься. И если книга г. Ростовцева вскрываетъ откровенно всѣ наши недочеты, даже въ казачествѣ, то это не его вина. Книга его полна критическихъ замѣчаній, съ большинствомъ которыхъ нельзя не согласиться. Нужно только пожелать, чтобы вошь автора не остался гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Мих. Соколовскій.

Юліанъ Кулаковскій, профессоръ университета св. Владимира, членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ и императорской археологической комиссіи. Исторія Византіи. Томъ I (395—518). Съ двумя картами, планомъ Константинополя и разрѣзомъ его стѣнъ. Кіевъ. 1910. Стр. XVI + 536. Цѣна 3 р.

Любопытно отмѣтить, что тотъ старинный русскій городъ, гдѣ впервые началась болѣе интенсивная культурная связь Руси съ Византіей, занимаетъ у насъ одно изъ первыхъ и старѣйшихъ мѣстъ въ отношеніи появленія трудовъ, посвященныхъ исторіи этой связи и вообще изученію Византіи. Такъ, въ Кіевѣ появилось замѣчательное для своего времени сочиненіе проф. В. С. Иконникова «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи» (1869), тамъ же вышелъ трудъ проф. Терновскаго «Изученіе византійской исторіи въ древней Руси» (1876). Кіевскому же ученому обязаны мы и появленіемъ начала первой полной исторіи Византіи на русскомъ языкѣ. Проф. Ю. А. Кулаковскій уже болѣе тридцати лѣтъ трудится на поприщѣ историко-филологическихъ наукъ. Начавъ съ работъ, посвященныхъ главнымъ образомъ исторіи римскихъ учрежденій преимущественно императорскаго періода, почтенный ученый, въ связи съ непосредственно добытымъ имъ самимъ археологическимъ матеріаломъ, расширилъ кругъ своихъ изслѣдованій изученіемъ историческихъ судебъ отдаленнаго прошлаго нашего юга. Эти занятія и съ той и съ другой стороны неизбѣжно должны были привести проф. Кулаковскаго къ непосредственному ознакомленію съ исторіей Византіи. Завершивъ свои работы по изученію исторіи Крыма изящнымъ очеркомъ «Прошлое Тавриды» (1906), о которомъ своевременно была рѣчь въ настоящемъ журналѣ, Ю. А. Кулаковскій постепенно сосредоточился на Византіи. Изслѣдованія его здѣсь были сперва очень разнообразны: уже давно, еще въ періодъ работъ надъ прошлымъ Крыма и въ связи съ своимъ первоначальными научными интересами,

онъ далъ цѣлый рядъ очерковъ, посвященныхъ внутреннему строю Византійской имперіи; на ряду съ этимъ Ю. А. Кулаковскій обогащаетъ серію источниковъ по исторіи Византіи изданіемъ «Стратегіки императора Никифора»; далѣе, желая облегчить другимъ переходъ къ изученію Византійской имперіи, онъ самоотверженно (отчасти въ сотрудничествѣ съ своимъ коллегой А. И. Сонни) приступаетъ къ изданію перваго русскаго перевода исторіи Амміана Марцеллина. Наконецъ, во всеоружіи своего тридцатилѣтняго опыта занятій историческими науками Ю. А. Кулаковскій публикуетъ первый томъ своей «Исторіи Византіи». Ближайшимъ непосредственнымъ толчкомъ къ изданію этой работы послужило двукратное чтеніе почтеннымъ авторомъ лекцій по исторіи Византіи въ университетѣ св. Владимира и замѣченное имъ отсутствіе въ нашей литературѣ общихъ сочиненій въ этой области. Нельзя не привѣтствовать того, что данная книга вытекла изъ университетскаго курса, такъ какъ подобное происхожденіе ея, на ряду съ полной научностью, наложило на нее извѣстный отпечатокъ общедоступности изложенія. Такъ, къ своей непосредственной задачѣ Ю. А. Кулаковскій подходит не сряду, а предпосылаетъ книгѣ совершенно необходимыя для широкаго круга читателей очерки судьбы Римской имперіи, начиная съ Августа, и ея государственнаго устройства въ IV вѣкѣ. Напомнивъ затѣмъ кратко первоначальную исторію христіанства, причемъ напрасно, какъ кажется, слово *religio* соединяется съ глаголомъ *ligare*, и посвятивъ немного болѣе 20 страницъ готамъ и ихъ отношенію къ Римской имперіи, г. Кулаковскій только на 147-й страницѣ переходитъ къ своей основной темѣ. Исторія Византіи, какъ и естественно, начинается имъ со смерти императора Θεодосія (17-го января 395 г.), послѣ котораго верховная власть на Востокѣ перешла къ его старшему сыну, Аркадію, а на Западѣ къ младшему—Гонорію; съ этихъ поръ обѣ половины имперіи не объединялись. Въ дальнѣйшей части книги проф. Кулаковскій разсматриваетъ правленіе императоровъ Аркадія, Θεодосія, Маркіана, Льва, Зинона и Анастасія. Въ концѣ сочиненія приложены двѣ карты (Римской имперіи при Діоклетіанѣ и Θракии и Иллирика) и два плана, обозначенные въ оглавленіи. Слѣдующій томъ авторъ рассчитываетъ начать съ Юстиніана. Въ изложеніи вниманіе г. Кулаковскаго привлекается, главнымъ образомъ, хотя отнюдь не исключительно, событіями политической исторіи; многія страницы читаются съ большимъ интересомъ, какъ, напр., глава о св. Іоаннѣ Златоустѣ, объ императрицѣ Пульхеріи и женитвѣ Θεодосія, о событіяхъ внутренней жизни при Львѣ, о церковныхъ дѣлахъ при Анастасіи и т. д. Нечего и говорить, что изложеніе основано всюду на первоисточникахъ, краткія ссылки на которые встрѣчаются внизу почти каждой страницы. Вообще вся важнѣйшая огромная литература предмета привлечена авторомъ почти съ исчерпывающей полнотой, какъ показываетъ длинный списокъ пособій, изложенный г. Кулаковскимъ на пяти страницахъ. Разумѣется, лица, интересующіяся специально той или другой стороной исторіи Византіи, легко найдутъ у Ю. А. Кулаковскаго пропуски въ занимающей ихъ области. Но это представляется неизбѣжнымъ въ книгѣ, преслѣдующей такія широкія задачи, какъ настоящій трудъ. И прежде, чѣмъ приступить къ своей критикѣ въ этомъ отношеніи, подобныя зоилы должны были бы задать себѣ вопросъ,

могли ли бы они справиться съ этой задачей, которую самоотверженно принялъ на себя проф. Кулаковскій. Русская же публика должна принести ему благодарность за то, что получила отъ него первую и хорошую исторію страны, оказавшей такое разностороннее вліяніе на нашу родину. Искреннюю признательность заслуживаетъ также университетъ св. Владимира, принявшій на себя расходы по этому полезному изданію.

А. М—въ.

Античная бібліотека. Томъ первый. Жанъ Ломбаръ. Агонія. Предисловіе Октава Мирбо. Полный переводъ съ французскаго подъ редакціей А. Воротникова. Книгоиздательство «Сфинксъ». Москва. 1911. Стр. 473. Ц. 3 р.

Интересно прослѣдить, какъ съ теченіемъ времени измѣняется и углубляется пониманіе историческихъ лицъ и событій. Когда, 60—70 лѣтъ тому назадъ, Шлюссеръ составлялъ свою монументальную исторію, то римскій императоръ Геліогабалъ представлялся ему простымъ историческимъ курьезомъ. Пристегнувъ къ его имени нѣсколько общихъ эпитетовъ («сластолюбивый и жестокій») и мелькомъ упомянувъ объ анекдотахъ царствованія («Геліогабалъ почти каждый день надѣвалъ новое платье, ходилъ въ своемъ дворцѣ по золотому и серебряному порошку, назначилъ свою лошадь консуломъ; чтобы возбудить удивленіе къ величинѣ Рима, приказалъ собрать паутину со всего города...»), знаменитый нѣмецкій исторіографъ на протяженіи всего одной страницы (179 т. 2-й, изд. 1869 г.) свелъ съ эпохой Геліогабала всѣ историческіе счеты. Примитивная точка зрѣнія Шлюссера настолько устарѣла, что теперь даже въ нѣкоторыхъ гимназическихъ учебникахъ исторіи Геліогабалъ и его время получаютъ совершенно иное освѣщеніе. Конечно, этотъ императоръ былъ и остается въ глазахъ историковъ несомнѣннымъ нравственнымъ уродомъ, но его царствованіе уже разсматривается, какъ время во многихъ отношеніяхъ типичное и характерное. Такъ, напримѣръ, въ учебникѣ всеобщей исторіи проф. Виноградова особенно подчеркивается, что Геліогабалъ выдвинулся на исторической сценѣ въ моментъ остраго религіознаго кризиса политеизма. Сажая на престолъ цезарей и первосвященника храма солнца въ Эмесѣ, Римъ склонялъ свою гордую голову передъ религіями Востока, въ таинственныхъ культахъ которыхъ надѣялся обновить свои религіозныя силы. Таково современное научно-историческое объясненіе воцаренія и пятилѣтняго правленія Геліогабала. Нашлись, впрочемъ, желающіе еще глубже проникнуть въ сокровенныя тайники этой эпохи. Къ числу такихъ любителей историческаго глубокомыслія принадлежитъ Жанъ Ломбаръ, авторъ «Агоніи». Эта книга даетъ въ беллетристической формѣ исторію эпохи Геліогабала. Ничтожный самъ по себѣ, развращенный до мозга костей юноша, въ пятнадцать лѣтъ ставшій императоромъ, онъ былъ простой и грушкой въ рукахъ предприимчивыхъ и энергичныхъ представителей Востока. При помощи огромной императорской власти, фактически оказавшейся въ ихъ рукахъ, они пытались вывести изъ сектантскихъ тайниковъ на міровую сцену свои омерзительные культы. Всѣ эти системы восточнаго изуверства во время царствованія Геліогабала были объединены въ поклоненіи таинствен-

ному черному камню, привезенному въ Римъ новымъ императоромъ. Эта точная реликвія и является истиннымъ героемъ историко-философскаго романа Ломбара. Разумѣется, вѣрные адепты чернаго камня были на самомъ дѣлѣ заурядными, немного наивными, очень невѣжественными и весьма развращенными людьми. Углубленіе въ ихъ психологію и тщательное распаханіе тогдашней грязи съ цѣлью найти въ ней глубокомысленное философское зерно—трудъ не только совершенно безцѣльный, но положительно смѣшной. И именно эту работу продѣлываетъ Ломбаръ въ своей книгѣ. Только путемъ искаженія исторической правды и явной модернизации ея французскій авторъ нашелъ искомую философію разврата, увидѣлъ «сексуальную революцію» тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ была простая игра низменныхъ человѣческихъ инстинктовъ. Глашатаемъ глубокомысленныхъ выводовъ Ломбара является въ романѣ грекъ Атилій, говорящій и размышляющій подъ явное суфлированіе автора. И вотъ оказывается, что истинной сущностью религіи чернаго камня является созданіе Андрогина—единаго вѣчнаго существа, мужчины-женщины, съ двумя лицами, съ четырьмя ногами и двумя парами рукъ. Въ стремленіи къ такому идеалу черный камень долженъ былъ объединить всѣ существующія религіи. Оставивъ въ сторонѣ фантастику Ломбара, мы видимъ, что попытка подобнаго объединенія дѣйствительно была сдѣлана при Геліогабалѣ на почвѣ господствующаго религіознаго эклектизма. Въ составъ религіозной амальгамы попало и христіанство. Ему, его внутренней жизни авторъ посвящаетъ интереснѣйшія страницы своей книги. Вполнѣ согласно съ исторической правдой Ломбаръ описываетъ христіанство, еще не успѣвшее слиться въ одинъ мощный потокъ и временно текущее двумя параллельными теченіями. Съ одной стороны, мы видимъ христіанство тогдашняго Запада, выдержанное, уравновѣшенное, съ омерзѣніемъ относящееся къ религіозному эксперименту Геліогабала; съ другой, стоитъ экзальтированное христіанство восточной Азіи и Африки, усвоившее многія, чуждыя религіи черты и взирающее на черный камень, какъ на переходную ступень къ культу Христа. Въ романѣ выведены типы обѣихъ группъ, причемъ симпатіи автора замѣтно перенесены на восточныхъ христіанъ, болѣе близкихъ ему по психологіи.

Эпоха Геліогабала и привезенная имъ съ Востока новая религія настолько грязны, что писатель, подходящій къ этой темѣ, все время неминуемо скользитъ по весьма рискованнымъ положеніямъ. Ломбаръ съ честью вышелъ изъ этого труднаго испытанія. Конечно, его книга остается совершенно неподходящимъ чтеніемъ для дѣвушекъ и подростковъ, но читатель нигдѣ не найдетъ въ ней смакованія пикантныхъ положеній. Ломбара нельзя назвать крупнымъ художникомъ. Онъ пишетъ грубыми мазками, лубочно-ярко, беллетристическая психологія его персонажей крайне слаба, обиліе археологическихъ мелочей затрудняетъ чтеніе. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, Ломбару удалось создать въ «Агоніи» нѣсколько замѣчательно сильныхъ бытовыхъ сценъ. Пріемъ провинціаловъ въ императорскомъ дворцѣ, представленіе въ циркѣ и нѣкоторыя другія страницы романа великолѣпно воскрешаютъ античную жизнь и долго не забудутся читателями. Русскимъ издателямъ «Агоніи», повидимому, очень хотѣлось придать книгѣ роскошный видъ, но ихъ попытку слѣдуетъ признать

совершенно неудавшейся. Претензии на роскошь безвкусно выразились в томъ, что къ изданію приложена скверно исполненная картина и каждая страница книги окружена широкимъ бордюромъ quasi-античнаго стиля съ жертвенникомъ, сфинксами и двумя голыми фигурами. Что же касается текста, то онъ является передъ читателями въ ужасномъ видѣ. Если весьма посредственный переводъ можно объяснить «варварскимъ, буйнымъ, безумно многоцвѣтнымъ» (выраженіе О. Мирбо) стилемъ подлинника, то для множества вопіющихъ опечатокъ, насилующихъ какъ этимологию, такъ и синтаксисъ, уже нѣтъ никакого оправданія. Спекулятивный характеръ изданія получаетъ яркое выраженіе на 206 страницъ книги. Произведеніе Ломбара переполнено множествомъ античныхъ названій, совершенно непонятныхъ большинству читателей. Что такое гортаторъ, лацерна, субукула и сотни подобныхъ словъ, разсѣянныхъ въ книгѣ, издатели не потрудились объяснить читателямъ. Только разъ на указанной выше страницѣ, въ примѣчаніи пояснено, что строфіумъ—широкая лента. И это любезное объясненіе сдѣлано потому, что оно должно усилить рискованность описываемой сцены.

Цант.

Академическая Библиотека русскихъ писателей. Выпускъ 5-й. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томъ четвертый. Подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. Д. Н. Абрамовича. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1911. Стр. V+409. Цѣна 1 р. 25 к. (въ переплетѣ).

Въ настоящій четвертый томъ «Полнаго собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова» вошли его прозаическія произведенія и письма. Въ числѣ первыхъ находимъ юношескую повѣсть, оставшуюся не законченной, подъ заглавіемъ «Вадимъ»; затѣмъ тоже не оконченную повѣсть—«Княгиня Лиговская»,—та и другая напечатаны по автографамъ: первая Лермонтовскаго музея, а вторая—императорской Публичной библиотеки; далѣе — «Герой нашего времени», напечатанный по второму изданію 1841 года; наконецъ переводъ восточной сказки, подъ заглавіемъ: «Ашикъ-Керибъ», и два отрывка изъ двухъ начатыхъ лишь повѣстей. Въ примѣчаніяхъ къ этимъ произведеніямъ приведены многочисленные варианты изъ разныхъ автографовъ.

Письма М. Ю. Лермонтова, проведенныя въ разсматриваемомъ томѣ, въ числѣ 29, адресованы слѣдующимъ лицамъ: Марьѣ Акимовнѣ Иванъ-Гирей, (4 письма), урожденной Хастатовой, теткѣ поэта по бабушкѣ; Марьѣ Александровнѣ Лопухиной (9 писемъ); Софьѣ Александровнѣ Бахметевой (3 письма); Святославу Аванасьевичу Раевскому (5 писемъ), сосланному въ Олонецкую губернію за распространенія стихотворенія Лермонтова на смерть Пушкина; Елизаветѣ Алексѣевнѣ Арсеневой (5 писемъ), бабушкѣ поэта; и по одному письму—Н. И. Поливанову, А. М. Верещагиной, Н. О. Плотину, К. Ф. Опочинину, Д. С. Бибикову и А. А. Краевскому. Среди писемъ находится и письмо-прошеніе, отъ апрѣля 1840 г. къ великому князю Михаилу Павловичу, по поводу дуэли поэта съ Барантомъ. Въ примѣчаніяхъ къ письмамъ, кромѣ обширныхъ био-библиографическихъ свѣдѣній, предложены и переводы французскихъ писемъ.

Въ «Приложеніяхъ», помимо «примѣчаній» редактора, еще находимъ произведеніе «юнкера л.-гв. Гусарскаго полка Лермонтова»—«Панорама Москвы» и его довольно многочисленные «замѣтки», сюжеты и наброски».

Въ текстѣ помѣщены слѣдующіе «портреты, рисунки и факсимиле»: 1) М. Ю. Лермонтовъ въ 1839 году (съ современнаго портрета Клингера, принадлежащаго Лермонтовскому музею); 2) Бивуакъ л.-гв. Гусарскаго полка подъ Краснымъ Селомъ (съ акварели М. Ю. Лермонтова, принадлежащей О. А. Новосильцевой); 3) Памятникъ на мѣстѣ дуэли Ломоносова (съ фотографіи, принадлежащей Лермонтовскому музею); 4) Памятникъ Лермонтова на Пятигорскомъ городскомъ кладбищѣ (съ фотографіи, принадлежащей Лермонтовскому музею); 5) Рисунокъ М. Ю. Лермонтова (перомъ) на обложкѣ повѣсти «Вадимъ» (XVI тетрадь автографовъ Лермонтовскаго музея), и 6) 12 факсимиле къ повѣстямъ поэта и къ письмамъ (С. А. Бахметевой—2 и М. А. Лопухиной—1).

О первыхъ томахъ этого академическаго изданія было уже говорено на страницахъ «Историческаго Вѣстника», и здѣсь остается только повторить, что она не имѣетъ себѣ равныхъ какъ по точности и полнотѣ текста, такъ и по изяществу исполненія, особенно если принять во вниманіе крайне низкую рыночную цѣну, которая дѣлаетъ его вполне доступнымъ самому широкому кругу читателей.

В. Р—въ.

Рабство и воля. Крѣпостное право и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ. Сборникъ. Составили И. Розановъ и Н. Сидоровъ. Москва. 1911.

Наобѣщавъ въ заманчивомъ широковыщательномъ заглавіи «съ три короба» — и крѣпостное право, и крестьянскій бытъ въ русской литературѣ, гг. Розановъ и Сидоровъ не сумѣли, однако, справиться съ своей широкой задачей—и дали, въ сущности, совсѣмъ неважную книжонку, въ чемъ легко убѣдиться, не читая даже книжки, а лишь просмотрѣвши ея оглавленіе. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза почти полное отсутствіе какихъ-либо особенно выдающихся, хотя бы въ литературномъ отношеніи, вещей и обиліе либо посредственнаго, либо давно извѣстнаго. На первомъ мѣстѣ—выдержка изъ Новиковскаго «Трутня»—переписка Безразсуда; потомъ выдержка изъ «Живописца» того же Новикова—путешествіе И*** Т***. Первая—вещь давно извѣстная даже большой публикѣ, а вторая—теперь сама по себѣ мало интересна. Да и вообще въ сыромъ видѣ подобная литература для популярныхъ изданій совсѣмъ не годится. Дальше идетъ рядъ стихотвореній и вирши XVIII вѣка: басня Сумарокова «Ось и быкъ», вирши малоизвѣстнаго стихотворца Бахтина и др.; потомъ объемистый и, говоря правду, въ «подлинникѣ» очень скучноватый для современнаго читателя отрывокъ изъ знаменитаго радищевскаго «Путешествія», извѣстный давно по сочиненіямъ А. С. Пушкина; этому послѣднему отрывку совсѣмъ не мѣсто въ разбираемой книжкѣ, тѣмъ болѣе, что помимо сочиненій Пушкина съ нимъ легко въ послѣднее время познакомиться по дешевымъ изданіямъ освобожденнаго отъ запрета «Путешествія». Разбираемая книжка только напрасно загромождена имъ. Лучшимъ номеромъ книжки изъ литературы XVIII вѣка, несомнѣнно, является остроумная «Похвальная рѣчь въ память

моему дѣдушкѣ», написанная И. А. Крыловымъ и напечатанная впервые въ «Зритель» 1792 года, съ восхваленіемъ знатнаго покойника, въ лицѣ котораго «собака всего свѣта лишилась лучшаго своего друга», а мѣръ—«лучшаго дворянина», обладавшаго многими дворянскими достоинствами—и, между прочимъ, «дарованіемъ обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда, казалось, въ нихъ наблюдался величайшій постъ». Но, къ сожалѣнію, и этотъ номеръ для книжки цѣлкомъ великъ и неудобенъ, особенно если принять во вниманіе, что о немъ говорится даже въ школьныхъ хрестоматіяхъ. Ни изъ Хемницера, а у него хорошія басни о крѣпостномъ правѣ, ни изъ Фонвизина, ни изъ Екатерины II въ книжкѣ ничего нѣтъ. Изъ старинныхъ нашихъ стихотворцевъ даны еще нѣсколько стихотвореній Карамзина, Карабанова, Запольскаго, Остолопова, Б. Федорова—большею частью очень посредственныя, но ничего не дано изъ Грибоѣдова; изъ князя Шаховскаго, а у него есть что позаимствовать, тоже нѣтъ ни строчки; у Пушкина же взято только неважное стихотвореніе «Деревня», словно у великаго поэта такъ-таки ничего лучшаго ужъ не нашлось. Данъ еще «Русскій мужикъ» Даля, вещь, безспорно, хорошая, но опять-таки слишкомъ извѣстная по сочиненіямъ И. С. Тургенева, написавшаго на нее обширную рецензію. Изъ «Бродяги» Аксакова—напечатанъ лишь отрывокъ «Побѣгъ», далеко не лучший для характеристики крѣпостнаго права. Въ Аксаковской поэмѣ есть болѣе характерныя и любопытныя мѣста на эту тему, хотя бы, напримѣръ, веселыя воспоминанія бѣглеца о своемъ баринѣ. У Тургенева взять лишь рассказъ «Ермолай и мельничиха», между тѣмъ у того же автора, несомнѣнно, есть болѣе подходящія для книжки рассказы, напримѣръ, «Льговъ» съ его Сучкомъ и Владимиромъ, «Хорь и Калинычъ» и др. Есть еще перепечатки изъ Некрасова, Тютчева, Никитина, Майкова, но выборъ ихъ тоже далеко не можетъ быть названъ удачнымъ. На этомъ содержаніе книжки внезапно обрывается, можно сказать, безъ объясненія причинъ, безъ всякихъ основаній. Корифеи нашей прозы: Щедринъ, Писемскій, Л. Толстой, Гончаровъ, давшіе столько прекрасныхъ описаній крѣпостнаго и крестьянскаго быта, для составителей книжки совсѣмъ какъ бы не существуютъ—изъ этихъ авторовъ въ книжкѣ нѣтъ ни строчки. На ряду съ ними обойдены здѣсь и такіе знатоки народнаго быта, какъ Гл. Успенскій, Н. Успенскій, Златовратскій, Терпигоревъ и др., да вообще вся наша обширная пореформенная народническая литература, весьма богатая матеріаломъ по крѣпостному праву и народному быту. Почему? Книжка не даетъ отвѣта. Въ результатѣ получилась пестрая книжонка, составленная небрежно и неумѣло, безъ всякой системы и плана, наполненная случайными отрывками и статейками, болѣею частью мало интересными, размѣщенными при томъ какъ попало, въ «хаотическомъ беспорядкѣ». Немудрено, послѣ этого, что чтеніе этой книжонки навѣваетъ на читателя только скуку да досаду на легкомысленное отношеніе гг. составителей къ своей задачѣ. На самомъ дѣлѣ, ни о крѣпостномъ, ни вообще о крестьянскомъ бытѣ по разбираемой книжкѣ яснаго, толковаго понятія совсѣмъ составить нельзя, и книжка въ этомъ отношеніи, по меньшей мѣрѣ, совершенно бесполезна. Обиднѣй всего, вдобавокъ, что это не простое, а юбилейное изданіе, выпущенное въ свѣтъ въ память празднованія пятидесятилѣтняго освобожденія

нія крестьянъ. Хорошій юбилейный подарокъ, нечего сказать! Лучшая часть книжки—вступленіе («отъ составителей»), въ которомъ данъ общій коллективный обзоръ нашей литературы о крѣпостномъ правѣ до начала царствованія Александра II. Здѣсь особенно интересенъ очеркъ той антикрѣпостнической словесности, начало которой удачно было положено въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка извѣстнымъ историкомъ М. П. Погодинымъ повѣстью «Нищій» (1826 г.), гдѣ авторъ сдѣлалъ попытку изобразить злоупотребленія крѣпостного права, разбитую мимолетной прихотью господина жизнь молодого крестьянина, доведеннаго до преступленія и нищенской суммы; повѣсть производила сильное впечатлѣніе, и Погодинъ, послѣ декабрьской катастрофы, очень опасался, «чтобъ не увидѣли здѣсь согласія съ образомъ мыслей заговорщиковъ и не притянули бы къ допросамъ». Съ легкой руки Погодина, несмотря на неблагоприятныя цензурныя условія, стала появляться антикрѣпостническая беллетристика и другихъ авторовъ. Таковы были, напримѣръ: повѣсть «Мѣшокъ съ золотомъ» (1829 г.) и «Разказы русскаго солдата» Полевого; повѣсть «Именины» (1835 г.) Н. Ф. Павлова, гдѣ этотъ талантливый сынъ вольноотпущеннаго съ большимъ подъемомъ разказалъ трагическую исторію крѣпостного интеллигента; повѣсть «Киргизъ-Кайсакъ» Ушакова, «Художникъ» Тимошеева, драма Вѣлинскаго «Дмитрій Калининъ»; очеркъ Даля «Русскій мужикъ», прочитанный Тургеневымъ «нѣсколько разъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ»; повѣсти и романы Герцена («Кто виноватъ», «Сорока-воровка»), Григоровича («Деревня», «Антонъ-Горемыка»). Вѣнцомъ же всей этой «школы» были превосходныя «Записки охотника» И. С. Тургенева, охарактеризованныя И. С. Аксаковымъ, какъ «стройный рядъ нападеній, цѣлый батальный огонь противъ помѣщичьяго быта».

Т. А. М.

Д. Мережковскій. Большая Россія. Спб. 1911. Стр. 276. Цѣна 1 р. 25 к.

Мережковскій начинаетъ свою книгу о «Большой Россіи» съ признанія о томъ, что у него у самого «лихорадка» и что надо не удивляться тому, что слова его «будутъ похожи на бредъ». Озадачивъ читателя такой развязностью, онъ продолжаетъ совершенно произвольно утверждать: «Кто нынче не бредитъ? Вы къ этому привыкли. И если все чаще слова здравомыслящихъ напоминаютъ бредъ, то, можетъ быть, въ бреду окажется крупица смысла...» Однако и этого утѣшенія мы не нашли въ «бредовыхъ идеяхъ» г. Мережковскаго о Россіи.

Свое заключеніе о ней онъ вынесъ изъ прогулки въ Петербургѣ по Лѣтнему саду, гдѣ подъ крикъ воронъ ему чудилось, что на всей столицѣ лежитъ маска Гиппократа (маска смерти) и что весь городъ «если и похожъ на городъ иностранный, то развѣ въ томъ смыслѣ, какъ лакей Смердяковъ похожъ на самаго благороднаго иностранца», но что, напротивъ, лицо Москвы воплоти здорово и до сихъ поръ умилительно «напоминаетъ ему лицо пушкинской няни, Арины Родионовны, и что-то есть въ этой дряхлости юное, важное, что даетъ понять, что не отречется она отъ того, что здѣсь было...» Какой, подумаешь, точный диагнозъ болѣзни Петербурга и здоровья Москвы въ этихъ безчисленныхъ «что-то» «отъ того, что было»... Какія дивныя и убѣдительныя сравненія. Чудится

г. Мережковскому, что и Гоголь также мрачно смотрѣлъ на Петербургъ, когда его безумный Акакій Акакіевичъ бѣжалъ безъ шинели съ проклятіями на устахъ навстрѣчу «Мѣдному Всаднику»; что и Тургеневу снились такіе же «призраки» о томъ, «что надъ Петербургомъ несется «Конь Блѣдный» и на немъ всадникъ, которому имя смерть...» Прыгаютъ мысли г. Мережковского, какъ блохи, то къ Гоголю, то къ Тургеневу, то къ Апокалипсису исключительно съ цѣлью доказать, что и великія имена одного съ нимъ мнѣнія о Россіи. Въ душевной болѣзни Г. И. Успенскаго, когда послѣднему казалось, что онъ состоитъ изъ двухъ противоположныхъ личностей— «Глѣба» и «Ивановича»— г. Мережковский видитъ трагедію всей интеллигентной Россіи. Это символъ того, что въ интеллигенціи «съ одинаковой возможностью свинья превращается въ ангела и ангелъ въ свинью»; что «во всѣхъ насъ борется Глѣбъ съ Иванычемъ. Глѣбъ хочетъ превратить Иваныча въ свинью, что дѣлаютъ «Вѣхи», Иванычъ—Глѣба въ сумасшедшаго, что дѣлаютъ противники «Вѣхъ».

Ну, не смѣшны ли всѣ эти выкрутасы съ указаниями на то, что и въ болѣзненномъ бреде Г. И. Успенскаго отражается жизнь Россіи и что самъ больной предчувствовалъ, что «эта его личная трагедія, трагедія русскаго интеллигента по преимуществу, имѣетъ значеніе и всенародное, и всемірное». Вглядываясь въ жизнь и творчество Успенскаго, г. Мережковский видитъ «Глѣба изъ-за Иваныча»; сквозь интеллигенцію и народъ—онъ чувствуетъ христіанское подвижничество, откуда вытекаетъ и Писаревское гоненіе на Пушкина, и нелюбовь Успенскаго къ красотѣ Тургеневскаго слога... Эти смѣшныя слова о «святомъ Глѣбѣ» и «Иванычѣ-свиньѣ», «правдѣ о небѣ съ правдой о землѣ», «Святогорѣ съ Микулой Селяниновичемъ»—рекомендуются г. Мережковскимъ, какъ обобщающая философія о «Больной Россіи». Конечно, во всемъ этомъ, кромѣ фразерства, бьетъ ключомъ желаніе г. Мережковского изобразить и изъ собственной личности скорбнаго пророка и даже изъ собственной жены—такого же генія, когда та рассказала ему о томъ, какъ у больного крестьянскаго ребенка «головка виснетъ»... Съ тѣхъ поръ г. Мережковскому кажется, что и «современная русская общественность похожа на больного Васютку». Всѣ эти аллегоріи о «Конѣ Блѣдномъ», «свиньѣ-матушкѣ», о больномъ Васюткѣ («Головка виснетъ»), «Иванычѣ и Глѣбѣ» исполнены претенціознаго требованія: «или окончательно предаться Египетскимъ Тьмамъ, съ окончательно повиснувшей головою сказать: «исчезни, Россія моя!»—или найти въ бывшемъ, каково бы оно ни было, не только временную, но и вѣчную правду, которая соединитъ бывшее съ будущимъ».

И самое изложеніе мысли—верхъ неряшества, и самая мысль—совершенно гимназическая... Это давно слѣдуетъ сказать о Мережковскомъ, какъ о публицистѣ. Отсутствие опредѣленнаго міросозерцанія, какъ социаль-демократическаго у Плеханова, яacobински-соціалистическаго у Н. К. Михайловскаго, христіанскаго—у Л. Н. Толстого, кадетскаго—у Миллюкова и т. д. г. Мережковский маскируетъ громкими и пустыми фразами. Чувствуется въ нихъ полная безсодержательность подъ грудой заимствованнаго знанія.

Значительная образованность помогла ему написать недурные романы изъ античнаго міра, особенно цѣнные за границей; его стихи были иногда симпа-

тичными, но не больше... Самое же мышление страдает невозможным изложением и ництой духа. Что, на самом деле, спросим мы, представляет собою его характеристика писателя Ропшина, автора «Князя Блѣднаго», когда, желая узнать, художник ли г. Ропшинъ, Мережковскій отвѣчаетъ: «Искусство ревниво къ дѣйствию. Искусство требуетъ совершеннаго созерцанія. А если не метафизически, то эмпирически, совершенное созерцаніе противоположно дѣйствию. Это не должно быть такъ; это будетъ иначе; но сейчасъ такъ, и съ этимъ нельзя не считаться. Нельзя водить по струнамъ Аполлоновой скрипки мечомъ, какъ смычкомъ: или мечъ притупится, или струны оборвутся. Искусство — искусъ, подвигъ всей жизни; а писаніе Ропшина,—это слишкомъ чувствуется въ нихъ самихъ,—только отдыхъ между двумя иными искусствами, остановка между двумя иными дѣйствіями. Пѣсня война:

Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.

«Вотъ опасность Ропшина: отъ одного берега отплыть, къ другому не пристать; полусозерцатель, полудѣятель; земноводное, оборотень».

Хотѣлось бы слышать, чтобы кто-нибудь повторилъ этотъ діалогъ своими словами и вообще, по г. Мережковскому, сдѣлалъ характеристику г. Ропшина.

На вопросъ самого Ропшина о томъ, можно ли убивать ближняго, поклоняясь Христу, г. Мережковскій отвѣчаетъ такъ: «на религіозный вопросъ о насиліи можетъ отвѣтить не разумъ, а большее, чѣмъ разумъ». Это «большее» — есть вѣра въ «историческое чудо». Онъ характеризуетъ это чудо словами: «выходъ изъ порядка естественнаго, разумнаго, необходимаго, государственнаго, прерывъ въ цѣпи причинности и есть чудо».

Здѣсь въ каждомъ словѣ вопросъ: почему г. Мережковскій называетъ государственный порядокъ «естественнымъ порядкомъ» и почему выходъ изъ него (говоря попросту, дальнѣйшее его историческое развитіе)—есть чудо? Онъ продолжаетъ: «Отрицаніе насилія государственнаго, отрицаніе необходимости и есть утвержденіе чуда. Вопросъ о чудѣ—вопросъ о церкви. Церковь—или ничто, «гнусный обманъ жрецовъ», или непрестанное, очевидное, всемірно-историческое чудо, ибо церковь совершается таинствомъ, а таинство чудомъ. Отношеніе насилія къ свободѣ, необходимости къ чуду есть отношеніе государства къ церкви».

Не правда ли, какое художественное и ясное различіе государства и церкви? Какъ легко повторить его своими словами по вопросу о государственномъ насиліи и церковной свободѣ; какъ легко разрѣшаются всѣ вѣковыя затрудненія жизни перевоплощеніемъ государства въ церковь? Но почему, спросимъ мы, человѣчество будетъ жить свободно и чудотворно, если оно перевоплотится въ идеальную церковь, а не обратно? Почему неидеальная церковь не можетъ развиться въ идеальное государство, если въ послѣднемъ уже воспитываются и гуманные нравы, неспособные къ войнамъ, и организуются народныя массы на почвѣ коллективнаго производства богатствъ съ требованіемъ такого же его распредѣленія? Почему? Развивается и тутъ и тамъ одно и то же человѣ-

чество, а вопрос о названіи никакой роли не имѣть. А находясь на исторической почвѣ, гораздо виднѣе фразерство г. Мережковского.

Прочтите, на самомъ дѣлѣ, его предисловіе къ трилогіи «Христосъ и Антихристъ» и не поразитъ ли васъ его увѣреніе о томъ, что его личныя, никому неинтересныя «переживанія» вполне отвѣчаютъ вопросу: «что такое христіанство для современнаго человѣчества?»

Всякія нелѣпости въ своихъ «переживаніяхъ» г. Мережковскій истолковываетъ въ свою пользу, замѣчая: «Противорѣчія разрушаютъ систему, ослабляютъ проповѣдь, но утверждаютъ подлинность переживаній. Какъ ни соблазнительно совершенство кристалловъ, слѣдуетъ предпочесть несовершенный, неправильный, противорѣчивый извнѣ и противорѣчія изнутри побѣждающій—ростъ растенія».

Право, можно весь характеръ себѣ испортить, читая этотъ наборъ словъ о какомъ-то «ростѣ растеній» въ г. Мережковскомъ! Онъ, кажется, воображаетъ, что имѣть дѣло не со взрослой и политически-зрѣлой публикой, а со школьниками, передъ которыми развязно признается: «Когда я начиналъ трилогію «Христосъ и Антихристъ», мнѣ казалось, что существуютъ двѣ правды: христіанство—правда о небѣ, и язычество—правда о землѣ, и въ будущемъ соединеніи этихъ двухъ правдъ—полнота религіозной истины. Но, кончая, я уже зналъ, что соединеніе Христа съ Антихристомъ—кошунственная ложь; я зналъ, что обѣ правды—о небѣ и о землѣ—уже соединены во Христѣ Иисусѣ, Единородномъ Сынѣ Божіемъ, Томъ Самомъ, Котораго исповѣдуетъ вселенское христіанство, что въ Немъ Единомъ—не только совершенная, но и безконечная растушая истина, и не будетъ иной, кромѣ Него. Но я теперь также знаю, что надо было мнѣ пройти эту ложь до конца, чтобы увидѣть истину. Отъ раздвоенія къ соединенію—таковъ мой путь».

Эта шумиха словъ «отъ раздвоенія къ соединенію» язычника съ христіаниномъ ничего не рѣшаетъ собою въ античномъ и христіанскомъ мірѣ сколько-нибудь заново и, разумѣется, очень слабо символизируетъ прогрессъ, болѣе сложный и осмысленный, чѣмъ подъ перомъ Мережковского (Юліанъ Отступникъ, Леонардо да-Винчи, Петръ I и Алексѣй). Удивительно, какъ проповѣдническое настроеніе Д. С. Мережковского напоминаетъ у Гончарова Райскаго, когда тотъ рисовался передъ женщинами возрожденіемъ человѣчества въ красотѣ и страсти къ ней. Такимъ Райскимъ рисуется и г. Мережковскій передъ своими читателями съ вопросами о язычествѣ, христіанствѣ и государственности, излагая ихъ при томъ совершенно не русскимъ, свободнымъ и яснымъ, языкомъ...

А. Фаресовъ.

Р. Н. Сементковскій. Современная Россія въ дни революціи. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Авторъ одинъ изъ образованнѣйшихъ представителей современной журналистики, поработавшій для нея на разныхъ поприщахъ—въ области беллетристики, публицистики, редактированія разныхъ изданій—въ теченіе многихъ лѣтъ. Читатели «Историческаго Вѣстника» знакомы съ его произведеніями,

изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, на примѣръ, «Записки японца» составили въ нашей литературѣ нѣкоторое событіе, привлечшее къ себѣ вниманіе многочисленныхъ аудиторій. Умно, изящно и съ громаднымъ запасомъ остроумія онъ вскрылъ въ этихъ запискахъ, вышедшихъ и отдѣльнымъ изданіемъ, многія язвы современной Россіи не съ цѣлю, какъ большинство современныхъ цирковыхъ наѣздниковъ нашей повседневной прессы, поглумиться надъ несчастіями отечества или ради зубоскальства für sich und an sich, а въ интересахъ указанія не только діагноза нынѣшнихъ нашихъ недуговъ но и способовъ ихъ врачеванія. Авторъ, какъ философъ и лѣтописецъ современности, не спѣшитъ преподнести читателямъ усовершенствованныя въ тиши кабинета формы жизни съ доктринерскими послылками и выводами, а, стоя на практической культурно-этической точкѣ зрѣнія, рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ начать съ исправленія самихъ себя, своего я, какъ соціологическаго и политическаго типа. Онъ врагъ доктринерства, беспочвеннаго космополитизма, врагъ всякой ломки и построеній по рецептамъ современныхъ разрушителей и созидателей, почерпающихъ свои теории изъ наскоро прочитанныхъ популярныхъ брошюръ новѣйшихъ «учителей жизни», безъ сопоставленія этихъ теорій съ насущными и реальными запросами родной земли. Нѣтъ, за г. Сементковскимъ чужоповтореній нѣтъ—онъ самъ по себѣ, идетъ своей дорогой настоящаго учителя жизни, съ громаднымъ опытомъ, съ большими знаніями и съ глубоко продуманными мыслями объ историческихъ судьбахъ своего народа. Въ современной неразберихѣ голосовъ его рѣчи могутъ показаться нѣсколько холодными, слишкомъ спокойными, гдѣ нѣтъ треска и вѣшняго блеска, но гдѣ содержатся такіе призывы, выполненіе которыхъ куда труднѣй столь моднаго приглашенія рабочему народу «встать и подняться». Такихъ воззваній онъ не дѣлаетъ, но зато онъ постоянно твердитъ: оглянитесь на себя, познайте самого себя, найдите себѣ разумное мѣсто въ жизни, соразмѣрьте свой размахъ съ данными вамъ Богомъ силами, не спѣшите съ ломкой вѣками и годами созданныхъ условій окружающей жизни, не отчуждайтесь отъ родины и не ставьте себя въ сторонѣ отъ нея, ея запросовъ, повседневныхъ нуждъ и требованій. Это проповѣдь образованнаго современника наиболѣе наглядно слышна въ его повѣсти «Безъ родины», которою открывается вышеназванная книга, сюжетъ которой авторомъ почерпнуть изъ жизни современной интеллигенціи, каковая и представлена имъ въ разныхъ красиво очерченныхъ типахъ, поставленныхъ въ повѣсти въ интересныя и разнообразныя позиціи, какъ за предѣлами Россіи, такъ и въ нѣдрахъ ея. Оторванный отъ Россіи князь Шацкій-Родэ, слоняющійся по Европѣ и счастливо избѣгшій разставленныхъ ему сѣтей красавицы-авантюристки, въ концѣ концовъ возвращается домой и становится женихомъ одной дѣвушки, благородный типъ которой достоинъ помѣщенія въ галерею лучшихъ русскихъ женщинъ. Рисуя ихъ семейное будущее, женихъ затрагиваетъ и соціальныя вопросы, общая ей: «Я буду лелѣять ваше гнѣздо, какъ самое дорогое, что у меня есть послѣ васъ на свѣтѣ. Я вмѣстѣ съ вами буду стараться сдѣлать его такимъ, чтобъ оно было образцовымъ, чтобъ оно соответствовало вашей любви къ нему, чтобъ всякъ, кто его увидитъ, сказалъ: если бы Россія состояла изъ такихъ клочковъ земли, то благословеннѣе не было бы въ мірѣ страны. Я буду вашимъ вѣрнымъ помощникомъ;

тогда у васъ хватить времени на все. Я буду защищать интересы нашего родного гнѣзда и всѣхъ, чья судьба съ нимъ связана, всюду и всегда, здѣсь, въ губерніи, въ Петербургѣ, противъ правительства или противъ общества, противъ бюрократіи или думы, противъ всякаго, кто не понимаетъ, что процвѣтаніе такихъ хозяйствъ, крестьянскихъ, дворянскихъ и другихъ, служить залогомъ благоденствія страны». Другое дѣйствующее лицо повѣсти говоритъ: «... я часто задумывался, сравнивая Россію съ Германією, Франціей, Бельгіей. Если посмотришь, сколько предприимчивости, энергіи, трудолюбія, вдумчивости, практической сметки, выдержки у этихъ народовъ, и какъ мало этихъ качествъ у насъ, то многое для меня становится яснымъ: и печальное положеніе нашихъ помѣщиковъ и крестьянъ, и военныя наши неудачи, и теперешній политическій кавардакъ. Нѣтъ, мы не бельгійцы, не нѣмцы, даже не французы. Вы правы, князь, мы—испанцы, мы—бразильцы». Дѣловая практическая и патриотическая этика автора сквозитъ во всѣхъ остальныхъ очеркахъ, вошедшихъ въ настоящую книгу. Вдумчивый читатель найдетъ ее и въ фантастическомъ повѣствованіи «Въ птичьемъ царствѣ», въ рассказѣ «Курсистка и офицеръ» и даже въ размышленіи о жизни и ученіи графа Толстого, въ связи съ его смертію. Любопытны строки, которыя г. Сементковскій посвящаетъ графу Л. Толстому по поводу его разрыва съ церковью. Онъ говоритъ: «Не одно религіозное чувство связываетъ насъ съ вѣрою нашихъ отцовъ и нашего народа: связываетъ насъ съ нею любовь къ народу, для котораго переходъ отъ вѣры къ невѣрію по большей части сопряженъ съ страшными душевными муками и которому мы пока еще не можемъ дать то, чѣмъ многіе изъ насъ сами замѣняютъ религію. Вѣра учитъ его любить Христа, вѣра поддерживаетъ его въ тяжелые дни страданій, которыхъ у него такъ много, вѣра возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ, вѣра даетъ ему утѣшеніе, а иногда и высокую радость, въ церковь онъ уже идетъ вѣка нести, что есть лучшаго въ его душѣ. Поэтому даже религіозный скептикъ, но человекъ, любящій народъ, не можетъ у него отнять ни вѣры, ни церкви. Это глубоко сознавали наши писатели, и поэтому ни одинъ изъ нихъ не рѣшался отречься отъ церкви. Ими, конечно, руководило и сознаніе, что, каково бы ни было духовенство, церковь представляетъ тысячелѣтнюю организацію, служившую и служащую просвѣтительнымъ и этическимъ цѣлямъ, и что разрушить ее (какъ это ни трудно) все-таки несравненно легче, чѣмъ замѣнить ее новою, равноцѣнною. Въ этомъ отношеніи она походитъ на государство, которое всѣ наши писатели старались также не разрушать, а совершенствовать, какъ совершенствуется всякое дѣло рукъ человеческихъ». Читатель согласится, что такъ спокойно и вдумчиво говорить о предметѣ, около котораго созданъ такой политическій шумъ съ момента смерти писателя, можетъ публицистъ, имѣющій въ большомъ запасѣ мужество и силу оригинальной рѣчи. Г. Сементковскаго никто не заподозритъ въ исканіи сочувствія въ тѣхъ сферахъ и кругахъ, откуда несетъ затхлымъ духомъ. Его литературная многолѣтняя дѣятельность была всегда на виду и читатели знаютъ, что, встрѣтаясь съ его именемъ въ журналѣ, они имѣютъ передъ собой публициста не изъ числа сотрудниковъ «Колокола» и «Земщины», и потому къ его рѣчи слѣдуетъ прислушиваться дѣйствительно со вниманіемъ и надъ его мыслями надлежитъ

серьезно подумать. При такихъ условіяхъ жизнь и нужды современной Росіи намъ обрисуются въ оригинальномъ и истинномъ освѣщеніи и мы будемъ въ состояніи поблагодарить автора за то, что онъ, плывя противъ модныхъ теченій, сохранилъ благородную независимость сужденій и насъ заставилъ подумать надъ тѣмъ, мимо чего мы прежде проходили или безъ должнаго вниманія, или о чемъ судили подъ гомонъ и въ унисонъ современному политическому и общественному кавардаку.

В. Г.

А. Ксюнинъ. Уходъ Толстого. Спб. 1911. Стр. 97. Цѣна 75 коп.

Знаменательные астаповскіе дни возбудили въ печати, какъ русской, такъ и иностранной, множество самыхъ разнорѣчивыхъ толковъ, сужденій, пересудовъ и сплетенъ. Заговорили о разладѣ Толстого съ женою и семействомъ, о тяжелыхъ условіяхъ его жизни въ Ясной Полянѣ, о томъ, какъ тяготитъ Толстого несогласіе между его проповѣдью и личной жизнью среди барскаго комфорта и роскоши. На графиню Софью Андреевну, ужасно потрясенную семейной драмой и подъ впечатлѣніемъ обрушившагося горя покушавшуюся даже на самоубійство, выливались цѣлые ушаты всякихъ грязныхъ и оскорбительныхъ упрековъ, распространялись ложныя сообщенія, пускались всякіе слухи, въ лучшемъ случаѣ основанные на пристрастныхъ отзывахъ враждебно расположеннаго къ ней Черткова. Семейная жизнь Толстыхъ, такимъ образомъ, громко и развязно, безъ малѣйшаго чувства деликатности, обсуждалась на всѣ лады извѣстной частью печати, падкой вообще до всякой сенсаціи.

Въ такое время, желая, насколько возможно, выяснитъ дѣйствительныя причины ухода Л. Н. Толстого и правдиво описать обстановку послѣднихъ его дней, г. Ксюнинъ, въ качествѣ журналиста, посѣтилъ Ясную Поляну, бесѣдовалъ съ графиней Софьей Андреевной и ея дочерьми, яснополянскими крестьянами, знавшими Толстого, побывалъ въ Оптиной пустыни и Шамардинскомъ монастырѣ. И результатомъ этого путешествія явились корреспонденціи г. Ксюнина въ «Новомъ Времени», вышедшія теперь въ свѣтъ отдѣльной брошюрой.

Книга начинается статьёй «Почему ушелъ Толстой». Несоответствіе между проповѣдью и личной жизнью уже давно мучило его. Еще въ 1897 году Толстой собирался уходить и въ письмѣ къ графинѣ Софьѣ Андреевнѣ писалъ: «Я рѣшилъ теперь сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать: уйти, во-первыхъ, потому, что мнѣ съ моими увеличивающимися годами все тяжелѣе и тяжелѣе становится эта жизнь и все больше и больше хочется уединенія, и, во-вторыхъ, потому, что дѣти выросли, вліяніе мое уже не нужно и у всѣхъ васъ есть болѣе живые для васъ интересы, которые сдѣлаютъ вамъ мало замѣтнымъ мое отсутствіе. Главное же то, что, какъ индусы подъ 60 лѣтъ уходятъ въ лѣса, какъ всякому старому религіозному человѣку хочется послѣдніе годы своей жизни посвятить Богу, а не шуткамъ, каламбурамъ, сплетнямъ, теннису, такъ и мнѣ, вступая въ свой 70 годъ, всѣми силами души хочется этого спокойствія, уединенія и хоть не полнаго согласія, но не кричащаго разногласія своей жизни съ своими вѣрованіями, съ своей совѣстью».

Вотъ какъ объясняетъ самъ Толстой свое желаніе ухода, которое онъ осуществилъ лишь въ 1910 году.

То же писалъ Толстой своей женѣ передъ самымъ уходомъ въ прошломъ году:

«... Отъѣздъ мой огорчить тебя, сожалѣю объ этомъ, но пойми и повѣрь, что я не могу поступить иначе. Положеніе мое въ домѣ становится невыносимымъ... Я не могу болѣе жить въ тѣхъ условіяхъ роскоши, въ которыхъ жилъ, и дѣлаю то, что обыкновенно дѣлаютъ старики моего возраста. Уходятъ изъ мірской жизни, чтобы жить въ уединеніи и тиши послѣдніе дни своей жизни».

Очень характерно воспоминаніе о Толстомъ одного яснополянскаго крестьянина Рѣзунова: «все бывало сумлѣвалось. Мужичекъ какъ помираетъ—въ тѣснотѣ, а за мной ходятъ, простору у меня сколько».

Далѣе, въ главахъ «На могилѣ» и «Крестьяне о своемъ Львѣ Николаевичѣ» г. Ксюнинъ приводитъ много интересныхъ воспоминаній и отзывы о Толстомъ знавшихъ его крестьянъ, «въ простыхъ рѣчахъ которыхъ чувствуется сознаніе невозвратимой утраты». Особенно интересны воспоминанія Семена Рѣзунова, который помнитъ Толстого еще мировымъ посредникомъ и былъ однимъ изъ первыхъ его учениковъ.

Заканчивается книга описаніемъ послѣднихъ посѣщеній Львомъ Николаевичемъ Оптиной пустыни и Шамардинскаго монастыря.

Книга г. Ксюнина, написанная талантливо и живо, имѣетъ несомнѣнное значеніе, какъ одно изъ первыхъ правдивыхъ описаній «ухода Толстого» среди разнорѣчивыхъ толковъ печати, и съ интересомъ прочтется всѣми интересующимися трагедіей Толстого. Книжка издана очень изящно и снабжена многими фотографіями.

М—о.

Н. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства. 1832—1835 гг. Москва. 1911. Стр 42. Ц. 60 коп.

Въ исторіи русскаго общества имѣется одна эпоха, окрашенная мягкимъ свѣтомъ поэзіи, къ которой съ особенной любовью обращаются наши взоры и которая такъ много говоритъ намъ о чудныхъ дняхъ и годахъ, когда въ Москвѣ начали слагаться научно-литературные кружки, откуда вышли будущіе общественно-политическія группы съ Бѣлинскимъ, Станкевичемъ, Герценомъ, Аксаковымъ во главѣ; группы эти въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ и съ нѣсколько иной окраской существующія и нынѣ. Всѣ эти онѣ сложились на зарѣ своего возникновенія въ стѣнахъ московскаго университета въ тридцатыхъ годахъ и этой-то эпохѣ и посвящены настоящія «воспоминанія». Эти воспоминанія не являются новинкой въ нашей литературѣ, но они суть тотъ историко-литературный матеріалъ, нынѣ основательно забытый, который полезно воскресить въ своей памяти и который можно рекомендовать въ особенности нашей учащейся молодежи, такъ безразсудно рвущей на нашихъ глазахъ всякую связь съ своими высшими учебными заведеніями, гдѣ для нихъ нѣтъ ничего такого, что бы они ставили выше преходящихъ условій политическаго момента сегодняшняго дня. Воспоминанія Н. Аксакова, при прочтеніи ихъ,

быть можетъ, зажгутъ въ читателяхъ тѣ добрыя чувства, безъ которыхъ немислимо пройти свою молодость, если только ее разсматривать какъ необходимый и прочный фундаментъ будущей жизни, посвященной служенію своей родинѣ, служенію человечеству, служенію правдѣ и добру. Эпоха, въ которую Аксаковъ и его друзья, единомышленники и противники выходили на жизненный путь, была куда жестче, непригляднѣе нынѣшней, условія ихъ ученія были, съ нашей точки зрѣнія, во многихъ отношеніяхъ прямо-таки уродливыми и тѣмъ не менѣе мы видимъ, что всѣ они не оказались подавленными этой внѣшней, формальной стороной отечественной дѣйствительности, а сумѣли вынести отсюда тотъ идеализмъ, который проникъ насквозь всю ихъ научно-литературную, общественную и политическую дѣятельность и который позволилъ записать ихъ имена на скрижали исторіи русскаго общества, какъ имена лучшихъ его сыновъ, которыми всегда будетъ гордиться Россія. Г.

Военная энциклопедія. Изданіе товарищества И. Д. Сытина. 2-й полутомъ. Петербургъ. 1911. Стр. 160.

Недавно вышелъ 2-й полутомъ «Военной энциклопедіи», заключающій въ себѣ, какъ и предыдущій полутомъ, 160 страницъ, и также обильно снабженный картинами, рисунками, планами и картами. О выходѣ 1-го полутома, а равно объ условіяхъ подписки на изданіе, мы имѣли случай сказать нѣсколько словъ въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», причемъ указали на тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ изданія; между прочимъ, была отмѣчена необходимость для изданія единоличнаго главнаго руководства, на обязанности котораго лежало бы наблюденіе за соразмѣрностью и однообразіемъ оцѣнки помѣщаемыхъ въ «Энциклопедіи» свѣдѣній. Такого главнаго редактора въ изданіи нѣтъ, и дѣло ведется коллективно, порученное четыремъ редакторамъ, причемъ естественно можетъ возникнуть несоразмѣрность въ объемѣ и разница въ оцѣнкѣ значенія статей, лишающія изданіе надлежащей перспективы. Такая несоразмѣрность замѣчается, до нѣкоторой степени, въ отдѣлѣ біографій, гдѣ, напримѣръ, біографіи адмирала Алексѣева (бывшаго намѣстника на Дальнемъ Востокѣ) отведено, сравнительно, гораздо болѣе мѣста, чѣмъ другимъ историческимъ дѣятелямъ, несравненно болѣе его значительнымъ (императоры Александръ I, II и III). Точно также не видно руководящей идеи въ выборѣ лицъ, біографіи которыхъ помѣщаются въ «Энциклопедіи»; въ этомъ случаѣ необходимо, какой-нибудь критеріумъ въ оцѣнкѣ военныхъ дѣятелей, имена которыхъ заносятся на страницы «Энциклопедіи», критеріумъ боевыхъ заслугъ, знанія, таланта, литературныхъ работъ, словомъ, данныхъ, имѣющихъ какую-либо непреходящую цѣнность; иначе придется заносить на столбцы изданія послужные списки всѣхъ корпусныхъ и дивизионныхъ командировъ, составъ которыхъ къ тому же ежегодно измѣняется, и свести, такимъ образомъ, біографическія свѣдѣнія изданія на гоголевскую «исторію о генералахъ». Нельзя также признать цѣлесообразнымъ обиліе приложеній къ нѣкоторымъ мало значительнымъ словамъ; такъ, къ слову «аксель-

бантъ» приложены три рисунка, отпечатанные на отдѣльныхъ листахъ и изображающіе исторію развитія этого украшенія и способъ пошенія его въ нашей и заграничныхъ арміяхъ; казалось бы, что издержки на эти рисунки, весьма хорошо исполненные, могли бы быть использованы на приложение къ другой, болѣе значительной, по важности, статьѣ.

Въ числѣ болѣе обработанныхъ статей можно указать: «Азовскіе походы Петра I», «Аладжа», «Алабама», «Албанія», «Активная оборона» и др.

Л. Н.

С. и Ш. Азартъ, романъ людского безумія. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Кажется, никогда биржевой азартъ не достигалъ такой страстности и такого напряженія, какъ въ наши дни. Жажда быстрой наживы, возможность въ короткое время и безъ усидчиваго труда сдѣлаться богачомъ, внѣдрилась въ кровь и плоть многихъ и многихъ представителей современности. Быстрый подъемъ бумажныхъ цѣнностей, вчера стоявшихъ значительно ниже, раздражаетъ обывателя большихъ городовъ, дразнитъ его низменные чувства, заставляетъ идти на рискъ и поставить ребромъ зачастую послѣднія деньги, скопленные нелегкимъ трудомъ многихъ лѣтъ; отсюда превращеніе его въ страстнаго игрока, ставящаго на карту не только свое матеріальное благополучіе, но и спокойствіе и обезпеченіе семьи, свое доброе имя, свою честь... За мгновеньями радости и головокружительнаго успѣха тутъ сплошь да рядомъ наступаютъ черные дни отчаянія, оканчивающіеся кровавыми трагедіями. Романъ, исчерпывающій въ своемъ заглавіи тему о современномъ азартѣ, написанъ двумя авторами, знатоками биржевой игры и всѣхъ ея закулисныхъ махинацій, свѣдущими во всѣхъ тонкостяхъ этого торнаго пути жизни и знающихъ большинство героевъ современнаго биржевого азарта, которые и выведены здѣсь подъ прозрачными псевдонимами. Благодаря такому знакомству авторовъ со всѣми сторонами биржевой жизни, ихъ романъ является своего рода современной хроникой, написанной живо и увлекательно и могущей быть рекомендованной какъ доброе поученіе и назиданіе тѣмъ, кто еще не успѣлъ стать на путь поклоненія золотому тельцу. Книжка издана изящно и облечена въ обложку, на которой изображено фантастическое чудовище—азартъ.

—скій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ НОВИНКИ.—Въ парижской Académie des inscriptions недавно было сдѣлано сообщеніе докторомъ Капитаномъ объ одной находкѣ, очень важной для выясненія вопроса о происхожденіи человѣка. Исслѣдователь Боннель де-Мезьеръ нашелъ обильный матеріалъ для доказательства существованія человѣка въ четвертичную эпоху въ центральной Африкѣ. Существованіе человѣка въ эту эпоху въ южной, сѣверной и западной Африкѣ было установлено ранѣе, но въ центральной не было доказано. Теперь Мезьеромъ найдены скелеты совершенно тождественные съ тѣми, которые были открыты въ другихъ частяхъ Африки, и съ европейскимъ типомъ. Докторомъ Капитанъ демонстрировалъ найденные скелеты, источенные вѣтромъ съ пескомъ и временемъ.

Какъ извѣстно, древніе египетскіе храмы и усыпальницы украшались колоннами съ клинообразными текстами. Эти тексты иногда заключали въ себя цѣлыя легенды. Особенно были богаты такими матеріалами раскопки въ Куянджикѣ противъ Моссула среди развалинъ древней Ниневіи въ Кхорсѣ, Абаадѣ и Немродѣ. Къ сожалѣнію, отъ этихъ колоннъ большею частью уцѣлѣли только обломки и въ текстахъ, такимъ образомъ, попадаются пробѣлы, часто очень значительные. Эти тексты дешифровались археологами, пробѣлы дополнялись приблизительно, наугадъ и появлялись въ нѣмецкихъ, англійскихъ, менѣе всего во французскихъ переводахъ, какъ переводы Смита, Гаупта, Иереміаса Иенсена, Дорма и друг. Съ тѣхъ временъ успѣхи ассириологіи возросли, и теперь смыслъ этихъ текстовъ все болѣе разясняется археологами. Такимъ образомъ, въ новыхъ переводахъ, какъ, напримѣръ, въ послѣднемъ Грессмана эти легенды являются полнѣе, сравнительно съ прежними. Между прочими легендами, найденными при упомянутыхъ раскопкахъ, находится одна самая

древняя, какая пока извѣстна,—по крайней мѣрѣ 2500 лѣтъ до Рождества Христова, а по мнѣнію другихъ ученыхъ—свыше 3000 лѣтъ. Она составляетъ часть ассирійскаго міва объ Эа и Атрахизисѣ—именно гнѣвъ бога Элдила и посѣщеніе богиней любви Истарь преисподней.

— Воспоминанія Рустама, мамелюка Наполеона ¹⁾. За Франціей остается навсегда привилегія фабриковать историческіе мемуары и воспоминанія, поэтому и эти, только что появившіяся воспоминанія могли бы возбудить сомнѣнія, если бы достовѣрность ихъ не была обезпечена предисловіемъ Фредерика Массона. Напечатавшій ихъ Поль Коттенъ досталъ подлинную рукопись, написанную едва разборчивымъ почеркомъ, полную орфографическихъ и грамматическихъ ошибокъ, настолько любопытныхъ, что онъ привелъ ихъ въ прибавленіи. Воспоминанія Рустама не блещутъ литературными достоинствами и стилемъ, но вѣрно передаютъ все то, что онъ видѣлъ и слышалъ во время службы у Наполеона. Въ нихъ не прибавлено Коттенемъ ни одной фразы, ни одной прикрасы, однимъ словомъ, они не побывали въ рукахъ профессиональных «фабрикантовъ» мемуаровъ и сохранили свою дѣвственную правдоподобность. Этотъ «безграмотный скотина», по выраженію Массона, существо наименѣе способное на благодарность и преданность, умѣлъ такъ же хорошо видѣть, какъ умѣлъ хорошо считать получаемыя деньги. Конечно, въ этихъ воспоминаніяхъ есть нѣкоторыя отступленія отъ истины, и на нихъ указываетъ Массонъ; напримѣръ, Рустамъ скрываетъ свою поѣздку въ Рамбулье при отъѣздѣ изъ Фонтенбло и допросъ, которому его подвергли, такъ же, какъ камердинера Констана и г-жу де-Бриньоль, съ цѣлью отдалить Марію-Луизу отъ мужа, добившись отъ нихъ розказней о мнимыхъ супружескихъ измѣнахъ Наполеона. Рустамъ также ошибается въ датахъ, когда говоритъ о допросѣ со стороны посланнаго графомъ Артуа относительно коронныхъ брильянтовъ, врученныхъ Лабудьери Рустаму для передачи Наполеону. Но по мѣрѣ того, говоритъ Массонъ, какъ я углубляюсь въ подробности, я убѣждаюсь, что Рустамъ не отступаетъ отъ правды». Такимъ образомъ, почти на трехстахъ страницахъ Массонъ нашелъ мало лжи.

По происхожденію Рустамъ грузинъ, уроженецъ Тифлиса, сынъ купца Рустама Хонама, уроженца Аперкана. Его мать, въ дѣвичество Будчи-Вари, также родилась въ Тифлисѣ. Семья Рустама состояла изъ двухъ дочерей и четырехъ сыновей, изъ которыхъ будущій мамелюкъ былъ младшій. Исторія его дѣтства полна приключеній. Первое испытаніе въ его жизни онъ перенесъ, когда одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, прогуливаясь съ товарищами въ одномъ изъ принадлежавшихъ отцу имѣній, подвергся нападенію татаръ, которые хотѣли похитить ихъ и продать. Многіе изъ товарищей попались въ руки разбойниковъ, но ему удалось отъ нихъ ускользнуть. Шесть часовъ скитался онъ въ лѣсу, не находя дороги къ дому. Вскорѣ послѣ этого его отецъ отправился съ двумя сыновьями по торговымъ дѣламъ въ Ганджу, провинцію Малекъ Мажелуна, крѣпость персовъ, теперешній русскій Елисаветполь, а черезъ нѣ-

¹⁾ Souvenirs de Roustam Mamelouek de Napoleon I. Introduction et notes de Paul Cottin. Préface de Frédéric Masson. Paris. 1911.

сколько мѣсяцевъ персидскій шахъ объявилъ войну Ибрагиму-хану, правителю провинці Арменіи. Съ этихъ поръ для Рустама начинается печальная эпоха, полная приключеній, когда онъ растерялъ всю свою семью. Его отецъ, собравъ въ путь съ его двумя братьями Авакомъ и Сейрамомъ, хотѣлъ взять съ собою и Рустама, но мальчикъ любилъ мать и отказался разстаться съ нею. И отецъ оставилъ его въ Ганджѣ одного и безъ денегъ.

Черезъ три мѣсяца началась война, и жители укрылись въ крѣпости; Рустамъ же оставался въ городѣ послѣднимъ, не имѣя возможности удалиться въ крѣпость, такъ какъ, по правиламъ военнаго времени, входить въ городъ разрѣшалось, а выходить запрещалось. Въ концѣ концовъ онъ ухитрился уйти изъ города вмѣстѣ съ мулами; когда тѣ выходили добывать себѣ пищу, онъ пробрался у нихъ между ногами. Очувтившись за городскими воротами, Рустамъ встрѣтилъ земляковъ и спросилъ ихъ, какъ ему добраться до Аперкана къ матери и двумъ сестрамъ, Маріанѣ и первой красавицѣ Грузіи, Бегзадѣ. Ему указали на одинъ домъ, гдѣ собирались путешественники. Тамъ его приняли радушно и объявили, что время отправления назначено въ два часа ночи. Мальчикъ былъ голоденъ и пошелъ въ садъ добывать себѣ овощей. Увидя вдали стадо овецъ, онъ попросилъ у пастуха немного молока и сыру. Когда они разговорились, то оказалось, что пастухъ приходится ему дядей. Онъ спросилъ, не хочетъ ли мальчикъ остаться у него. Рустамъ отвѣтилъ, что ради матери онъ разстался даже съ отцомъ и вернется къ ней. Пастухъ далъ ему провизию, обнялъ его, и они распростились. Послѣ десятидневнаго пути Рустамъ достигъ Аперкана. Но дома онъ уже никого не нашелъ: всѣ были въ крѣпости Шушѣ. Ему ничего не оставалось дѣлать, какъ переночевать въ своемъ пустомъ домѣ, разграбленномъ солдатами. На утро онъ пустился въ путь. Ему предстояло перейти рѣку, черезъ которую онъ уже не разъ перебирался. Но въ этотъ день шелъ большой дождь, и вода стояла высоко. Ему было жутко входить въ воду, но желаніе увидѣть поскорѣе мать и сестеръ придало ему рѣшимости. Едва онъ вступилъ въ воду, какъ его подхватило теченіе и понесло прямо на большой камень, за который онъ крѣпко ухватился и держался около часа, не теряя сознанія. И на этотъ разъ счастье улыбнулось ему: на берегу показался какой-то всадникъ и Рустамъ упробилъ перевезти его на другой берегъ. Вечеромъ онъ достигнулъ Шуши и увидѣлся съ матерью, которая отъ радости потеряла сознаніе. Онъ остался съ нею и жилъ въ семьѣ, окруженный заботами и ласками. Вскорѣ объявили миръ, и Рустамъ предложилъ матери вернуться въ Аперканъ, гдѣ они, какъ могли, устроили свой разоренный домъ. Но черезъ нѣсколько дней ихъ постигло большое горе: его сестра, красавица Бегзада, умерла. Отъ отца не приходили вѣсти цѣлый годъ; наконецъ онъ увѣдомилъ ихъ, что открылъ большую лавку въ Ксаркѣ. Мать обрадовалась и хотѣла ѣхать къ нему, но благоразумный Рустамъ привелъ ей доводъ, что если бы отецъ хотѣлъ сдѣлать ее счастливою, то не покинулъ бы на такой долгій срокъ, не посылая извѣстій, и поѣздка къ нему будетъ ихъ послѣднимъ несчастіемъ: дороги переполнены татарами-разбойниками и уже нѣсколько разъ путешественниковъ останавливали въ пути. Но мать не соглашалась съ нимъ, говоря, что ѣдетъ не для отца, а ради ея дѣтей.

Продавъ вещи, они пустились въ путь и через два дня достигли Ганджи, но мать такъ утомилась, что пришлось сдѣлать приваль. Отведя мать и сестру на городскую площадь, Рустамъ пошелъ покупать провизіи на обѣдъ. Съ этого момента онъ навсегда потерялъ родныхъ. «У меня было,— говоритъ онъ,— дурное предчувствіе, когда мы уѣзжали изъ нашего несчастнаго города, который мы такъ любили и гдѣ были спокойны». Возвращаясь съ рынка, онъ услышалъ мужской голосъ: «А вотъ и вы, Рустамъ. Уже съ часъ я васъ ищу. Ваша мать у меня. Она васъ ждетъ». Это была ловушка, и Рустамъ попалъ къ торговцу невольниками. Когда онъ сидѣлъ на дворѣ дома, куда его привелъ незнакомецъ и ожидалъ мать, которая, по увѣренію хозяевъ дома, вышла съ его сестрой и скоро возвратится, пришелъ какой-то молодой человѣкъ. Онъ долго всматривался въ мальчика и спросилъ его, говоритъ ли онъ по-армянски. Когда онъ узналъ, что Рустамъ говоритъ на этомъ языкѣ, то сказалъ: «Постарайся отсюда уйти: тебя привели сюда, чтобы продать и навсегда погубить. Быть можетъ, ты никогда болѣе не увидишь своей матери». Эти слова точно молоткомъ ударили его по головѣ. Молодой человѣкъ ушелъ, а Рустамъ остался съ двумя противными женщинами и все думалъ, какъ бы ему спастись бѣгствомъ изъ этого дома. Спасеніе подоспѣло къ нему, благодаря женскимъ дрязгамъ. Къ хозяйкѣ пришла сосѣдка, и онъ принялся браниться съ такимъ увлеченіемъ, что не замѣтили въ разгарѣ ссоры, какъ онъ ушелъ.

Бѣглець направился къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ мать, но ея тамъ не было. Никто не обращалъ вниманія на его несчастіе. Разыскивая ее, онъ встрѣтилъ стариннаго знакомаго отца и рассказалъ ему о своемъ несчастіи. Тотъ пообѣщаль ему отыскать его мать и наказать человѣка, обманомъ завлекшаго его на продажу, и увелъ мальчика къ себѣ. Накормивъ Рустама, онъ пошелъ съ нимъ на базаръ, но матери тамъ они не нашли. Тогда онъ отвелъ мальчика въ какой-то большой домъ. Опять Рустамъ попалъ въ ловушку и былъ проданъ. Ему показалось, что мать съ сестрой нѣсколько разъ приходила къ двери дома, но имъ отказывали и увѣряли, что въ домѣ нѣтъ дѣтей, и онъ въ слезахъ удалялся. Хозяйка дома объявила ему, что она бездѣтна и хочетъ его усыновить. Рустамъ, не видя другого исхода, согласился на это, но съ тѣмъ условіемъ, что она отыщетъ его мать. Конечно, хозяйка ему это обѣщала.

Вскорѣ произошла церемонія усыновленія, состоявшаяся въ томъ, что хозяйка надѣла на него рубашку и, обнимая, произнесла: «Вотъ, теперь ты мой сынъ: я сдѣлаю тебя счастливымъ». Здѣсь онъ оставался два мѣсяца. Ему дали красивую одежду, хорошую постель и прекрасную пищу, но никуда не выпускали. Когда въ дверь кто-нибудь стучалъ, то его пріемная мать пряталась вмѣстѣ съ нимъ и на вопросъ: отчего они прячутся, словно злоумышленники?— неизмѣнно отвѣчала: «Нѣтъ, это не потому, но я не хочу никого принимать, я хочу оставаться съ моимъ сыномъ».

Прошло нѣкоторое время, и однажды къ нему вошелъ слуга и сказалъ, чтобы онъ одѣвался и собирался въ путь. Когда онъ прощался со своей пріемной матерью, она произнесла «Не бойся: черезъ двѣ недѣли ты вернешься съ моимъ мужемъ». Рустамъ же разчитывалъ, что дорогою ему удастся убѣжать. Когда предъ нимъ отворили дверь на маленькій дворъ, то первое, что ему бросилось

въ глаза,—тридцать осѣдланыхъ лошадей. Другая дверь вела въ широкое зданіе вродѣ манежа и когда ее отворили, то тамъ оказалось около шестидесяти маленькихъ дѣтей, прекрасно одѣтыхъ. Увидя ихъ, Рустамъ сказалъ себѣ: «Ну, вотъ и въ четвертый разъ я проданъ». Ихъ посадили по двое на одну лошадь и подъ конвоемъ нѣсколькихъ вооруженныхъ людей отправили въ путь. Два дня они ѣхали спокойно, но потомъ на нихъ напало множество татаръ. Произошла получасовая схватка; отряду Рустама пришлось итти на капитуляцію, по которой всѣ армяне переходили во владѣніе татаръ, а грузины оставались у прежняго хозяина. «Я,—говоритъ Рустамъ,—какъ грузинъ, остался у моего противнаго разбойника, пріемнаго отца». Черезъ три дня они достигли большого города, и Рустамъ потерялъ изъ виду «эту свинью». Рустамъ былъ проданъ въ пятый разъ.

Новый владѣлецъ оказался челоуѣкомъ порядочнымъ. Это былъ богатый торговецъ шелковыми тканями. Онъ предоставилъ Рустаму свободно совершать ежедневныя прогулки. Мальчику очень хотѣлось убѣжать на родину, но для этого предстояло вплавь перебираться черезъ Куру, за неимѣніемъ денегъ на переѣздъ. Такъ прошло три длинныхъ зимнихъ мѣсяца. Рустамъ проливалъ горькія слезы въ разлукѣ съ нѣжно любимой матерью, составлявшей все его счастье. «Я зналъ, что не останусь, гдѣ былъ,—говоритъ онъ.—И, дѣйствительно, однажды хозяинъ далъ мнѣ мѣховыя сапоги, теплую шубу, и мы отправились на Кавказъ». Съ большимъ трудомъ карабкались они по Кавказскимъ горамъ; было необычайно холодно. Хозяинъ взялъ съ собой два одѣяла, но не для защиты отъ холода, а чтобы подстилать ихъ на снѣгъ, гдѣ они проходили. «Когда мы проходили,—пишетъ мамелюкъ,—по одному одѣялу, то намъ уже подкладывали другое, чтобы мы не затонули въ снѣгу и легче взбирались на горы».

Послѣ труднаго перехода черезъ Кавказскія горы, они достигли Лезгистана—большого торговаго города, управляемаго княземъ Геракліемъ; здѣсь съ Рустамомъ произошло несчастье: ему обожгли ноги, и онъ прохворалъ два мѣсяца. Оправившись, Рустамъ двинулся съ хозяиномъ въ Александрію. Здѣсь онъ встрѣтилъ одну свою землячку, тринадцатилѣтнюю дѣвочку, также проданную въ неволю, которая сообщила ему, что его сестра жила въ Александріи. Рустамъ несказанно обрадовался и устроилъ съ ней свиданіе. Онъ узналъ отъ сестры, что ихъ мать продана одному богатому купцу, который отпустилъ ее на свободу и предложилъ ей убѣжать на родину, если она хочетъ. Но пока она еще жила у него въ Кизлярѣ, въ 20 верстахъ отъ Александріи, въ ожиданіи свободнаго сообщенія съ родиной. Какъ ни упрашивалъ Рустамъ хозяина отпустить его на свиданіе съ матерью, тотъ не согласился.

Рустамъ просилъ многихъ купцовъ-земляковъ купить его и Марію и держать ихъ у себя, пока онъ не напишетъ отцу и тотъ не пришлетъ за ними. Но всѣ они отвѣчали, что за нихъ назначена слишкомъ высокая цѣна. Черезъ нѣсколько дней Рустамъ отправился въ Константинополь съ торговцемъ маленькими дѣтьми, который его купилъ. Онъ упрашивалъ новаго хозяина купить также и сестру, но тотъ отказался. Прощаніе было трогательное. «Вѣдная сестра, она меня нѣжно ласкала и говорила: «Дай мнѣ немного твоихъ волосъ, я передамъ

ихъ матушкѣ, чтобы убѣдить ее, что ты живъ». И она отрѣзала толстую прядь его волосъ.

Въ Константинополѣ Рустамъ оставался шесть мѣсяцевъ и здѣсь былъ проданъ уже въ седьмой разъ. Его купилъ богатый торговецъ для Сала-бея, одного изъ двадцати четырехъ беевъ, управлявшихъ Египтомъ. Черезъ нѣсколько дней они отплыли на корабль въ Александрію, гдѣ оставались два дня для отдыха, а затѣмъ его вмѣстѣ съ другими пятнадцатью мальчиками отвезли въ каикъ въ Рашидъ, гдѣ ихъ ожидали осѣдланные арабскіе кони для отъѣзда въ Каиръ. Черезъ шесть дней послѣ его пріѣзда, къ нему въ комнату вошелъ брадобрей и Кашефъ, полковникъ бея, и по приказанію Сала-бея они приступили къ мѣстному обряду крещенія. Оно состояло въ обрѣзаніи и производилось противъ желанія Рустама, который былъ христіанинъ. Черезъ десять дней онъ получилъ въ подарокъ коня, обѣщаннаго ему по пріѣздѣ въ Каиръ.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ Рустамъ ничего другого не дѣлалъ, какъ только учился ѣздить верхомъ и пускать стрѣлы. Послѣ этого срока онъ объѣзжалъ египетскія провинціи съ отрядомъ мамелюковъ, которыхъ выбирали преимущественно изъ грузинъ и мингрельцевъ; армяне же менѣе цѣнились.

Въ Египтѣ существовалъ религіозный обычай среди беевъ поочередно отправляться на поклоненіе въ Мекку. Когда дошла очередь до Сала-бея, то онъ взялъ съ собою Рустама. На возвратномъ пути, въ тридцати верстахъ отъ Каира, они узнали, что французы вступили въ этотъ городъ. Главный бей, Мурадъ, вступилъ въ сраженіе, но проигралъ его, и большая часть мамелюковъ утонула. Узнавъ о пораженіи и не имѣя достаточно военныхъ силъ, Сала-бей рѣшился возвратиться въ Сень-Жанъ-д'Акръ къ Джезару-пашѣ. Недовольный тѣмъ, что прежде, чѣмъ покинуть страну, Сала-бей не далъ сраженія Бонапарту, Джезаръ-паша приказалъ подать ему чашку отравленнаго кофе. Черезъ полчаса Сала-бей умеръ.

Джезаръ-паша хотѣлъ оставить мамелюковъ у себя, но никто изъ нихъ не согласился: часть изъ нихъ бѣжала на родину, нѣкоторые въ Мекку, а Рустамъ, взявъ своего слугу, отправился въ Каиръ, гдѣ у него было много знакомыхъ и онъ не боялся оставаться тамъ. Онъ снялъ свою одежду мамелюка и надѣлъ одинаковую со слугой. Затѣмъ, продавъ лошадь и оружіе, онъ далъ ему денегъ за молчаніе, и тотъ обѣщался не выдавать его. Они достали себѣ по ослу и отправились въ Каиръ. Городъ былъ наводненъ французскими солдатами. Изъ боязни быть узнаннымъ и заключеннымъ въ тюрьму, они не поселились въ домъ, а все время жили на улицахъ. Но вскорѣ кошелекъ Рустама истощился, и онъ рѣшился обратиться къ шейху Эль-Бекри (шпіонъ Бонапарта), узнавъ, что у него было мѣсто въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Но каждый разъ, какъ онъ приходилъ въ одежду слуги, привратникъ ему отказывалъ. Тогда онъ вынужденъ былъ назвать свое имя и сказать, у кого онъ прежде служилъ, такъ какъ шейхъ часто бывалъ у Сала-бея. На другой день шейхъ его принялъ, оставилъ у себя на службѣ и обѣщалъ брать его съ собою верхомъ, но для этого требовалось разрѣшеніе Бонапарта.

Съ этого момента начинается для Рустама новый періодъ жизни. Не зная ни обычаевъ, ни религіи французовъ, онъ питалъ къ нимъ страхъ, между тѣмъ какъ его слуга, бѣгая по городу, уже присмотрѣлся къ нимъ и растолковалъ ему, что религія ихъ христіанская и они самые добрые люди. Рустама приняли въ домъ шейха радушно и наперерывъ угощали сластями и шербетомъ, но у него было тяжело на сердцѣ и онъ отъ всего отказывался. Наконецъ шейхъ попросилъ разрѣшенія у Бонапарта принять къ себѣ на службу Рустама. Тотчасъ же явился портной, снялъ мѣрку съ Рустама и сдѣлалъ ему одежду мамелюка. Жены шейха обрадовались, что онъ у нихъ остается, и подарили ему множество золотыхъ вышитыхъ платковъ и кошельковъ для денегъ. Тѣмъ временемъ шейхъ собралъ мамелюковъ, скрывавшихся въ домахъ, и сдѣлалъ Рустама надъ ними начальникомъ. Въ матеріальномъ отношеніи жизнь Рустама у шейха была лучше: онъ наживалъ у него не мало денегъ. По обычаю начальники деревень ежегодно приносили шейху контрибуцію, и шейхъ дарилъ каждому изъ нихъ плащи и кашемиру, которые имъ раздавалъ Рустамъ въ качествѣ начальника мамелюковъ. Рустамъ ѣздилъ ежедневно верхомъ съ шейхомъ, который часто обѣдалъ у Бонапарта, у него они держали совѣтъ военный и гражданскій.

Описывая, какъ Бонапартъ производилъ осаду Сень-Жанъ д'Акра, Рустамъ говоритъ, что по прибытіи въ Египетъ Наполеонъ иногда одѣвался по-турецки и говорилъ, что не вернется во Францію, а произведетъ по-турецкому обычаю обрѣзаніе и сдѣлается королемъ Египта. Всѣ были этимъ довольны: въ него вѣрили, но все это онъ дѣлалъ, чтобы лучше обмануть турокъ. Послѣ битвы при Абукирѣ, гдѣ турки проиграли сраженіе, Наполеонъ, возвратясь въ Каиръ, повторялъ, что онъ тамъ совсѣмъ останется и провозгласитъ себя королемъ Египта. По прибытіи, онъ часто давалъ обѣды для крупныхъ каирскихъ сановниковъ и пріучилъ шейха Эль-Бекри къ пьянству, который для его удовольствія пилъ. Публично онъ пилъ изъ серебрянаго кубка, чтобы никто не видалъ; но вечеромъ напивался. Онъ требовалъ ежедневно двѣ бутылки, одну водки, а другую винограднаго вина, и дѣлалъ смѣсь, которой напивался. Однажды Евгенийъ, сынъ Жозефины, силою угостилъ Рустама двумя стаканами шампанскаго, и онъ совершенно опьянѣлъ. Возвращаясь домой съ шейхомъ, онъ былъ чрезмѣрно веселъ, и Эль-Бекри догадался, что онъ пьянъ. Въ наказаніе онъ грозилъ ему дать палочныхъ ударовъ по пяткамъ, если онъ будетъ пить. На это Рустамъ возразилъ, что если это случится, то онъ всѣмъ расскажетъ, что шейхъ самъ пьянствуетъ. Угроза подѣйствовала, и Рустамъ избѣжалъ наказанія.

Немного времени спустя Рустамъ попалъ на службу къ Бонапарту. Вступленіе въ новую должность онъ описываетъ подробно на своемъ своеобразномъ языкѣ. Когда онъ вошелъ въ салонъ, гдѣ его принялъ Бонапартъ, то прежде всего тотъ его выдралъ за уши, а потомъ подарилъ ему дамасскую саблю съ брильянтами и двѣ пары пистолетовъ въ золотой оправѣ. «Смотри, вотъ что для тебя, — произнесъ онъ. — Я тебѣ это даю и буду заботиться о тебѣ». Съ этого дня онъ служилъ ему во время обѣда, сопровождалъ его на прогулки верхомъ и спалъ у дверей его спальни. Въ тотъ же вечеръ Бонапартъ ему сказалъ: «Вотъ моя спальня, я хочу, чтобы ты спалъ у моей двери и никого не

впускалъ ко мнѣ. Я разсчитываю на тебя». Рустамъ отвѣтилъ чрезъ поручика Элли-Масса: «Я счастливъ, что вы мнѣ довѣряете, и скорѣе умру, чѣмъ покину дверь и позволю войти въ комнату. Вы можете на меня положиться».

Вскорѣ Бонапартъ спѣшно собрался во Францію. Предъ отъѣздомъ Рустама напугали, что ему отрубятъ тамъ голову, потому что, когда къ мамелюкамъ попадаются французскіе солдаты, они отрубаютъ имъ головы. Три дня спустя послѣ отплытія, Рустамъ попросилъ разрѣшенія поговорить съ Бонапартомъ при посредничествѣ Жюбера, знавшаго арабскій языкъ. Увидя его, Бонапартъ произнесъ: «А, вотъ и ты, Рустамъ. Какъ твое здоровье?».—«Очень хорошо, но я очень беспокоюсь о моей участи», отвѣтилъ Рустамъ.—«Но отчего?» спросилъ Бонапартъ.—«Всѣ говорятъ, что, когда я пріѣду во Францію, мнѣ отрубятъ голову. Если это правда, какъ говорятъ, то я хотѣлъ бы, чтобы это сдѣлали теперь, а не заставляли бы меня страдать до самой Франціи. Онъ мнѣ отвѣтилъ съ обычной добротой, какъ всегда, трепля мои уши: «Кто тебѣ это сказалъ, тотъ дуракъ. Не бойся, мы скоро пріѣдемъ въ Парижъ и найдемъ тамъ много красивыхъ женщинъ и много денегъ. Видишь, мы будемъ очень счастливы, гораздо счастливѣе, чѣмъ въ Египтѣ». «Послѣ этого я его поблагодарилъ за ласковый пріемъ и за то, что онъ меня успокоилъ, такъ какъ я былъ очень встревоженъ», прибавляетъ Рустамъ.

На новой службѣ въ карманъ Рустама посыпались деньги. Выигрывая въ карты, Наполеонъ, Вертье, Дюрокъ, Бессьеръ, Лавалетъ и другіе давали ему небольшія суммы. Когда приближались къ Корсикѣ, Бонапартъ послалъ капитана фрегата въ шлюпкѣ увѣдомить власти, что онъ пріѣхалъ. Тотчасъ же они всѣ выѣхали въ лодкахъ, а вмѣстѣ съ ними и множество красивыхъ женщинъ. Бонапартъ остановился въ домѣ, гдѣ онъ родился. Въ это время былъ сборъ винограда, и Рустамъ пришелъ отъ этого въ восторгъ, одинаково какъ и отъ множества красивыхъ женщинъ, которыя за нимъ ухаживали. «Но меня больше всего огорчила болтовня г. Фишера: онъ сказалъ генералу и генералу Вертье, что я за многими изъ нихъ ухаживалъ и далъ имъ двадцать пять піастровъ». Когда Бонапартъ и Вертье увидѣли Рустама, то стали надъ нимъ подсмѣиваться: «Какъ ты уловчился: у тебя были уже женщины во Франціи, а у насъ еще не было».

По прибытіи въ Парижъ онъ представилъ Рустама Жозефинѣ, у которой мамелюкъ поцѣловалъ руку. Она его встрѣтила радушно и въ тотъ же вечеръ повела въ итальянскій театръ, дала хорошую комнату и постель. Черезъ нѣсколько дней Рустамъ захворалъ и четверо сутокъ оставался въ постели. Жозефина ежедневно навѣщала его и дала ему красивое теплое одѣяло.

Нѣсколько дней спустя Рустамъ видѣлъ, какъ въ домѣ Бонапарта всѣ бѣгали и плакали, а «добрая г-жа Бонапартъ лежала безъ чувствъ на диванѣ, окруженная людьми». Рустамъ спросилъ, что это означаетъ, и узналъ, что Бонапартъ гулялъ съ Дюрокомъ въ окрестностяхъ Парижа и ихъ обоихъ убили. «Я находился въ ужасномъ состояніи и плакалъ, какъ несчастный,—говоритъ онъ.—Но черезъ нѣсколько часовъ я увидѣлъ галопомъ возвращавшагося генерала. Всѣ были довольны благополучнымъ возвращеніемъ; я былъ самымъ счастливымъ человѣкомъ. Онъ былъ въ Сень-Клу и разогналъ директоровъ, которые

держали совѣтъ въ оранжереѣ Сень-Клу. Онъ взявъ гренадеровъ, вошелъ въ залъ и всѣхъ выгналъ. Тамъ былъ одинъ, который хотѣлъ его заколотъ; два гренадера отразили ударъ. Г-жа Бонапартъ подарила каждому изъ нихъ брильянтовый перстень и пожаловала офицерскій чинъ. Черезъ мѣсяць мы заняли Люксембургскій дворець, такъ какъ домъ въ улицѣ Шантрэнъ былъ слишкомъ малъ и Бонапартъ провозгласилъ себя консуломъ. Въ это время генералъ Мюратъ ухаживалъ за его сестрою, на которой женился нѣсколько дней спустя».

Рустамъ повсюду сопровождалъ Бонапарта, даже на прогулкѣ въ Парижѣ. Черезъ мѣсяць съ большой церемоніей они перебрались въ Тюльери, и послѣ этого Бонапартъ провозгласилъ себя пожизненнымъ консуломъ. Въ Италію Рустамъ не могъ сопровождать Бонапарта по болѣзни, но послѣ Маренго онъ вернулся въ Парижъ и сейчасъ же потребовалъ къ себѣ Рустама. Дюрокъ не хотѣлъ, чтобы во время парадовъ онъ былъ возлѣ Бонапарта верхомъ, но мамлюкъ пожаловался Бонапарту, и тотъ сказалъ, чтобы онъ никого не слушалъ; съ тѣхъ поръ онъ всегда бывалъ на всѣхъ парадахъ и всегда спалъ у дверей спальни Бонапарта. «Нѣкоторое время спустя,—говоритъ Рустамъ,—консулъ сдѣлалъ своей резиденціей Сень-Клу и провозгласилъ себя императоромъ французовъ; для всѣхъ это былъ важный фактъ».

Цѣлѣхъ три года Рустамъ служилъ безъ жалованья, тогда какъ всѣ думали, что онъ получаетъ много денегъ отъ Бонапарта. Не имѣя на расходы, Рустамъ принужденъ былъ продать привезенную изъ Египта шаль. Мѣсяць спустя Бонапартъ потребовалъ ночью ужинъ, который всегда былъ подъ рукою у Рустама». «Я подалъ его императору въ постель, гдѣ онъ лежалъ съ императрицей. Императоръ спросилъ меня: «Рустамъ, не богатъ ли ты? Есть у тебя деньги?»— «Да, государь, пока я имѣю счастье служить вашему величеству, это для меня большое состояніе», отвѣтилъ хитрый слуга. И въ разговорѣ онъ передалъ, что служить даромъ. Бонапартъ страшно разгнѣвался, послалъ за Фишеромъ и принялся его бранить. «Я окруженъ французами, которые служатъ мнѣ изъ интереса, — будто бы сказалъ онъ. — Вотъ человѣкъ, искренно привязанный ко мнѣ, и онъ ничего не получаетъ». Послѣ этого Рустану заплатили тысячу двѣсти ливровъ, какъ всѣмъ, но за два года все-таки не уплатили.

Рустамъ пытался жениться на дѣвицѣ старше его лѣтъ на пятнадцать, но Бонапартъ воспротивился этому и впоследствии онъ женился на дочери камердинера Жозефины, Дувилля. Когда онъ отправился съ Бонапартомъ въ походъ прусско-польскій, длившійся одиннадцать мѣсяцевъ, то его жена осталась въ Парижѣ беременной. О битвѣ подъ Іеной онъ рассказываетъ, что въ нѣсколько дней вся нѣмецкая армія была уничтожена. Предъ сраженіемъ Наполеонъ, осматривая аванпосты съ принцемъ Боргезе и Дюрокомъ, подвергся обстрѣливанію. Ихъ приняли за непріятелей. «Всѣ мы окружили императора,—говоритъ Рустамъ:—чтобы пули не коснулись его и кричали: «Прекратите огонь! Мы французы». Наконецъ огонь прекратился. Императоръ спалъ ночью на одной равнинѣ. Рустамъ далъ ему на голову платокъ, плащъ и устроилъ постель изъ соломы. Сраженіе началось въ семь часовъ утра. Въ этотъ день Наполеонъ спалъ въ Іенѣ. На другой день онъ отослалъ всѣхъ

плѣнныхъ по домамъ, сказавъ имъ: «Я воюю не противъ Саксоніи». Нѣмцевъ же отослалъ во Францію. Черезъ нѣсколько дней онъ вошелъ въ Берлинъ во главѣ гвардіи и остановился во дворцѣ короля. Затѣмъ они отправились черезъ Познань въ Варшаву. Нѣсколько времени Бонапартъ оставался въ Варшавѣ, а затѣмъ отправился въ Пултускъ. «Здѣсь произошло сраженіе съ русскими, которое,—говоритъ Рустамъ,—мы выиграли и взяли много пушекъ и плѣнныхъ». Погода стояла ужасная; всѣ солдаты жаловались на стужу, но не такъ, какъ въ Россіи». Здѣсь Рустамъ получилъ извѣстіе, что у него родился сынъ. Они отправились въ Эйлау, гдѣ выиграли сраженіе, взяли двадцать пять пушекъ, немного плѣнныхъ, но убитыхъ было много. Раненые были всѣ покрыты снѣгомъ, и только видны были ихъ головы.

Рустамъ едва не замерзъ во время сраженія при Эйлау. Нѣсколько ночей подъ рядъ онъ не спалъ и вотъ однажды, держа свою лошадь подъ уздцы, на половину погруженный въ снѣгъ, онъ задремалъ подъ звуки пушечныхъ раскатовъ. Адъютантъ принца Невшатель это замѣтилъ и разбудилъ его. Во время того же сраженія ординарецъ императора, Турнонь, находясь позади него, отдѣленный только Рустамомъ, такъ струсился пулѣ, градомъ сыпавшихся вокругъ нихъ, что сталъ нарочно раздражать свою лошадь, чтобы она сбросила его съ сѣдла, и упалъ на снѣгъ, по выраженію мамелюка, какъ на матрацъ. «Рустамъ, я не могу держаться на лошади,—сказалъ онъ:—я вернусь въ главный штабъ. Пожалуйста, передайте императору, что меня сбросила лошадь и я не могу слѣдовать за нимъ». Всѣ расхохотались отъ чистаго сердца. «Императоръ ничего меня не спросилъ,—говоритъ Рустамъ,—и я тоже ничего ему не сказалъ».

Черезъ нѣсколько дней они отправились въ главную квартиру, находившуюся въ Финкельштейнѣ, гдѣ оставались до весны, совершая поѣздки съ императоромъ въ Данцигъ, Маріенвердеръ и Маріенбургъ.

Къ удовольствію Рустама, вскорѣ распространились слухи о мирѣ. Но однажды пріѣхалъ адъютантъ маршала Нея и предупредилъ императора, что русскіе съ сорока тысячами солдатъ атаквали его отрядъ и маршалъ отступилъ на пятнадцать верстъ, не потерявъ ни одной пушки, ни одного солдата. Въ два дня Наполеонъ собралъ свою армію и самъ отправился во главѣ ея, какъ дѣлалъ это всегда. Прибывъ въ главную квартиру Нея, онъ со смѣхомъ спросилъ его: «Какъ это, г-нъ маршалъ Нея, вы допустили русскихъ васъ побить?»—«Государь, клянусь вамъ своимъ честнымъ словомъ, что это не моя вина,—отвѣтилъ онъ.—Они атаквали меня, чего я никакъ не ожидалъ, и съ большой силой, а у меня въ этотъ моментъ было мало людей». И Рустамъ говоритъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ слезы покатались изъ глазъ Нея. «Онъ не очень былъ доволенъ, что отступилъ,—замѣчаетъ мамелюкъ.—За ужиномъ Наполеонъ ему сказалъ: «Это ничего, мы исправимъ ошибку!»

На другой день французы начали по всѣмъ пунктамъ атаковать русскихъ и преслѣдовать ихъ до Фридланда черезъ Эйлау. Всей кавалеріей командовалъ принцъ Мюратъ. Прибывъ во Фридландъ, они застали на берегу рѣчки всю русскую армію, готовую къ сраженію. На другой день для опредѣленія силы врага Наполеонъ далъ приказъ открыть огонь, длившійся съ семи часовъ утра до

трехъ часовъ дня. Видя, что непріятель держится крѣпко, Наполеонъ далъ приказъ къ наступленію. Въ то же время онъ приказалъ маршалу Нею взять дивизію и наступательнымъ маршемъ отправиться къ мосту позади города, а двумъ другимъ дивизіямъ поддерживать справа. Нею исполнилъ его приказаніе, а затѣмъ поджегъ мостъ. Русская армія оказалась раздвоенной, ея правая часть была совершенно уничтожена Неемъ. Когда онъ былъ съ своей дивизіей на мосту, другія двѣ дивизіи находились отъ него съ правой стороны. Онъ далъ приказъ начать наступательный маршъ противъ самой рѣки. Непріятель думалъ перейти мостъ, но онъ уже былъ отрѣзанъ; тогда русскіе хотѣли достигъ другого берега вплавь. Болѣе трехъ четвертей войска погибло, оставивъ большую часть пушекъ и багажъ. «Побѣда была въ нашихъ рукахъ,—говоритъ Рустамъ.— Наполеонъ позвалъ къ себѣ Нея, заключилъ его въ свои объятія. «Хорошо, г-нъ маршалъ,—сказалъ онъ,—я очень доволенъ; вы намъ выиграли сраженіе». На это маршалъ отвѣтилъ: «Государь, мы, французы, всегда выигрываемъ».

Вечеромъ императоръ устроилъ себѣ главную квартиру во Фридландѣ. На другой день онъ посѣтилъ поле сраженія и въ тотъ же день уѣхалъ, чтобы соединиться съ принцемъ Мюратомъ, находившимся въ двухъ верстахъ отъ Тильзита на аванпостахъ. Императоръ ночевалъ тамъ на одной фермѣ. На другой день принцъ Мюратъ увѣдомилъ Наполеона, что непріятель близко съ пятью-шестью тысячами калмыковъ и башкиръ, вооруженныхъ стрѣлами. Императоръ сказалъ: «Это ничего!» Онъ приказалъ дивизіи накинуть плащи, чтобы скрыть кирасы, и итти на непріятеля подъ командой принца Мюрата. Принцъ сдѣлалъ наступленіе, разсѣялъ непріятеля и преслѣдовалъ его до Тильзита. Но здѣсь мостъ былъ сожженъ непріятелемъ, и французы принялись его возстанавливать.

«Къ Наполеону пріѣхалъ какой-то русскій князь просить мира,—говоритъ Рустамъ.—Императоръ его хорошо принялъ, но не хотѣлъ съ нимъ уговариваться. «Я хочу уговориться съ императоромъ Россіи,—сказилъ онъ:—а не съ кѣмъ инымъ». Этотъ князь уѣхалъ въ тотъ же день къ императору Россіи, а мы ночевали въ предмѣстьѣ Тильзита. На другой день для императора приготовили домъ въ самомъ городѣ: Французская и русская армія были отдѣлены Нѣманомъ. Все было очень спокойно. Императоръ приказалъ устроить на Нѣманѣ большой плотъ, который украсилъ гирляндами цвѣтовъ для приѣма императора Россіи. Они оба вступили на плотъ. Въ то время, какъ оба императора сѣли въ лодки, чтобы ѣхать на свиданье, раздались пушечные выстрѣлы и возгласы: «Да здравствуетъ Наполеонъ!»

На другой день въ городъ прибылъ императоръ Россіи. Для него былъ приготовленъ домъ. Наполеонъ выслалъ ему на берегъ Нѣмана хорошаго арабскаго коня, и французы встрѣчали Александра также верхомъ. Вся пѣхота и кавалерія находились въ полномъ вооруженіи. На главной улицѣ, гдѣ расположились на квартирѣ оба императора, были разставлены войска. Императоръ Россіи ѣхалъ верхомъ по берегу Нѣмана вмѣстѣ съ императоромъ французовъ, и императоръ Россіи нашелъ всю французскую гвардію великолѣпной. «Императоръ французовъ,—говоритъ Рустамъ,—показывая ее императору Россіи, вос-

клицаль: «Вот мои конно-гренадеры! Вот мои егеря! Вот мои драгуны!» «Когда мы были против дома, предназначеннаго императору Россіи, императоръ французовъ сказалъ ему: «Вотъ домъ вашего величества!» Но императоръ Россіи сказалъ ему: «Государь, позвольте мнѣ проѣхать до конца улицы и посмотреть гвардію, которую я нахожу всю превосходной». И они были въ концѣ большой улицы и вернулись въ домъ, приготовленный для императора французовъ, и обѣдали вмѣстѣ».

«Два дня спустя король и королева Пруссіи также пріѣхали въ Тильзитъ; они помѣстились въ домъ одного мельника и каждый день оба приходили къ императору французовъ и императору Россіи, чтобы обѣдать съ императоромъ Наполеономъ». Вотъ какъ передаетъ ихъ бесѣду на своемъ своеобразномъ языкѣ Рустамъ.

Однажды за обѣдомъ императоръ Наполеонъ сказалъ королю Пруссіи: «Не правда ли, господинъ король Пруссіи, ваше величество не любите войны, ибо ваше величество былъ несчастливъ въ только что совершенныхъ походахъ?» Король Пруссіи, поникнувъ головою, отвѣтилъ: «Да, государь, ваше величество это знаете лучше меня».

Королева Пруссіи часто приходила съ визитомъ къ императору Наполеону. Однажды она была причесана по-гречески, и императоръ сказалъ ей: «Ваше величество причесаны по-турецки». «Прошу прощенія, государь, я причесана а la Рустамъ», сказала она, смотря на меня, стоявшаго возлѣ императора».

Далѣе Рустамъ опять возвращается къ первымъ днямъ пребыванія въ Тильзитѣ и говоритъ: «Когда императоръ былъ въ Тильзитѣ, императору представили королеву Пруссіи, которую онъ принялъ въ маленькомъ салонѣ. Она оставалась тамъ около часа. Выходя отъ императора, она много плакала, ибо ея лицо было все смочено слезами и глаза распухли. Тотчасъ же я доложилъ императору, что обѣдъ поданъ. Тогда императоръ вышелъ изъ своего кабинета и, найдя въ столовой адъютанта, сказалъ: «Ну, Бертъе, красавица королева порядочно поплакала; она думаетъ, что я пріѣхалъ сюда ради ея прекрасныхъ глазъ».

На другой день императоръ Александръ, король и королева Пруссіи и великій князь Константинъ обѣдали у Наполеона, и Рустамъ находился возлѣ него. «Королева Пруссіи и императоръ Александръ много смотрѣли на меня, — говорилъ онъ. — Наполеонъ сказалъ Александру: «Государь, Рустамъ былъ вашимъ подданнымъ». Онъ ему отвѣтилъ: «Какъ, государь?» «Да, потому что онъ изъ Грузіи, а Грузія принадлежитъ вашему величеству, — такъ, значить, онъ одинъ изъ вашихъ подданныхъ». Послѣ этого Александръ смотрѣлъ на меня, улыбаясь».

«Пока мы оставались въ Тильзитѣ, у насъ все время были празднества. Императоръ Наполеонъ и русскій императоръ ежедневно дѣлали смотръ армейскимъ корпусамъ и всей гвардіи, которая была многочисленна. Она доходила до ста сорока тысячъ человекъ—все старыхъ воиновъ. Оба императора каждый вечеръ подъ руку, совѣмъ одни, прогуливались по улицамъ».

Нѣсколько дней спустя, императорская гвардія давала большой обѣдъ-пикникъ гвардіи императора Россіи. Всю необходимую провизію выписали

изъ Варшавы, Данцига и Эльбинга и особенно много вина. Столы были накрыты въ городѣ на всѣхъ мѣстахъ для прогулокъ. Во время обѣда первый тостъ былъ провозглашенъ за здоровье императора Россіи. Во время обѣда были произведены по крайней мѣрѣ шестьсотъ пушечныхъ выстрѣловъ. Послѣ обѣда всѣ русскія и французскія войска были очень навеселѣ, а три четверти совсѣмъ пьяны. Французы одѣлись въ русскіе мундиры, русскіе во французскіе или у нихъ на головахъ были французскія фуражки. Все послѣобѣденное время они танцовали въ окрестностяхъ города и, смѣшавшись въ общей массой народа, проходили подъ окномъ императора французовъ съ криками: «Да здравствуютъ императоры!»

Одинъ русскій гренадеръ слишкомъ много выпилъ: онъ не могъ итти прямо и падалъ на ходу. Французскій гренадеръ поддерживалъ его подъ руку, приговаривая: «Пойдешь ли ты, какъ мы?» и давалъ ему ударъ колѣномъ. Всѣ смѣялись, какъ блаженные, слыша разговоръ обоихъ солдатъ.

Однажды, одѣваясь утромъ, Наполеонъ слегка пришилели къ одеждѣ орденъ Почетнаго Легіона. Рустамъ хотѣлъ его прикрѣпить, но онъ ему сказалъ: «Оставь, я нарочно такъ сдѣлалъ». «Потомъ мы сѣли на лошадей,—говорить Рустамъ,—и поѣхали съ визитомъ къ императору Россіи. Выходя отъ императора, онъ увидѣлъ у двери гренадеръ. Императоръ французовъ сказалъ императору Россіи: «Государь, прошу разрѣшенія у вашего величества подарить мой крестъ одному изъ вашихъ гренадеръ». Александръ сказалъ ему: «Да, государь, онъ будетъ слишкомъ счастливъ». Онъ приказалъ подойти самому старому солдату. Императоръ снялъ свой крестъ, который былъ плохо пришилелъ, и далъ его гренадеру, который былъ очень этимъ доволенъ. Онъ поцѣловалъ руку императора и полу одежды, а затѣмъ возгласилъ: «Да здравствуетъ великій Наполеонъ!» Мы вернулись домой».

На другой день они отправились въ Дрезденъ черезъ Познань. Саксонскій король выѣхалъ навстрѣчу императору. Наполеонъ оставался тамъ пять дней среди всевозможныхъ празднествъ, а затѣмъ поѣхалъ въ Парижъ.

Докторъ Корвизаръ каждыя два-три дня присутствовалъ при туалетѣ Наполеона. Однажды докладываетъ о докторѣ, и Наполеонъ говоритъ: «Пусть войдетъ!—А! вотъ и вы, великій шарлатанъ! Много ли вы сегодня убили людей?» спросилъ Наполеонъ. «Не очень много, государь». «Корвизаръ, я не долго буду жить, я чувствую себя гораздо слабѣе, чѣмъ пять-шесть лѣтъ тому назадъ». Онъ сказалъ это со смѣхомъ. «Государь,—отвѣтилъ Корвизаръ:—развѣ я здѣсь не для того чтобы вамъ въ этомъ помѣшать». Наполеонъ выдралъ его за уши, за смѣялся и сказалъ: «Вы думаете, Корвизаръ, я васъ похороню?»—«Еще бы, государь, меня и многихъ другихъ».—«Молчите, шарлатанъ,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Что это у васъ въ рукѣ?»—«Это моя палка, государь».—«Она прескверная. Она некрасива. Можетъ ли такой человекъ, какъ вы, носить такую скверную палку?»—«Государь, эта палка мнѣ очень дорога, а стоила она мнѣ дешево». «Ну, сколько же она вамъ стоила?»—«Полтораста франковъ, государь».—«Это недорого. Ахъ, Богъ мой! Полтораста франковъ! Покажите-ка мнѣ эту скверную палку». Онъ подробно осмотрѣлъ палку и, замѣтивъ портретъ въ золотой оправѣ Жанъ-Жака Руссо, сказалъ: «Скажите, Корвизаръ, это палка Жанъ-Жака».

Гдѣ вы ее нашли? Безъ сомнѣнія, вамъ ее подарилъ одинъ изъ кліентовъ? Право, у васъ хорошенькій сувениръ». — «Простите, государь, она мнѣ стояла полтора ста франковъ». — «По правдѣ, Корвизарь, ей не такая цѣна, ибо то былъ великій человѣкъ, т. е. великій шарлатанъ, какъ Корвизарь». Корвизарь расхохотался, а Наполеонъ продолжалъ: «По правдѣ, это былъ великій человѣкъ въ своемъ родѣ. Онъ создалъ прекрасныя вещи». Затѣмъ онъ взялъ за ухо Корвизара и прибавилъ: «Корвизарь, вы хотите обезьяничать Жанъ-Жака».

Однажды въ разговорѣ съ докторомъ онъ сказалъ о своемъ секретарѣ Бурьеннѣ: «Пари держу, Корвизарь, что если бы я приказалъ запретить Бурьенна одного въ саду Тюльери, онъ нашель бы тамъ деньги».

У Наполеона руки и ноги были очень маленькія и прекрасно сложенныя. «Я увѣренъ,—говоритъ Рустамъ,—что у самой красивой женщины Парижа были не такія красивыя руки, какъ у императора. Весь онъ былъ сложенъ, какъ картина. Онъ почти ежедневно купался, мѣнялъ часто по два раза въ день рубашки и носилъ каждый день мундиръ гвардейскихъ стрѣлковъ, а иногда гренадеръ, но это въ дни церемоніи или когда онъ дѣлалъ смотръ. Его ежедневный туалетъ состоялъ, какъ въ Парижѣ, такъ и въ путешествіи изъ пары носковъ, шелковыхъ ботинокъ, полотняныхъ кальсонъ, фланелеваго жилета, рубашки изъ голландскаго полотна, изъ бѣлыхъ поварскихъ штановъ, галстука изъ свѣтлой кисеи и чернаго шелковаго воротника. Въ путешествіи онъ рѣдко носилъ башмаки. Когда же онъ жилъ во дворцѣ, то часто носилъ башмаки съ золотыми пряжками. Во время опасности при сраженіи онъ еще носилъ между жилетомъ и рубашкой черный шнурокъ, на концѣ котораго находилось маленькое черное шелковое сердце».

Когда онъ жилъ въ Шенбруннѣ, его навѣщалъ извѣстный вѣнскій докторъ Ланефранкъ. Иногда онъ цѣлый часъ оставался у Наполеона, когда тотъ бралъ ванну или одѣвался. Наполеонъ его очень цѣнилъ за его репутацію и достоинства. Онъ вызвалъ въ Шенбруннѣ также Корвизара. Зимомъ и лѣтомъ всегда Наполеонъ немного кашлялъ, и здѣсь Корвизарь всегда присутствовалъ при его туалетѣ и отходѣ ко сну. Онъ оставался три дня, но затѣмъ сталъ проситься въ Парижъ. «Какъ? вы хотите уже уѣхать?»—спросилъ Наполеонъ. «Нѣтъ, государь, но я предпочитаю лучше быть въ Парижѣ, чѣмъ въ Шенбруннѣ». — «Останьтесь со мною, я дамъ большое сраженіе и вы увидите, что такое сраженіе». — «Нѣтъ, нѣтъ, государь, благодарю васъ, я не любопытенъ». — «Ахъ, вы, зѣвака! Вы хотите ѣхать въ Парижъ убивать вашихъ большихъ по частямъ?»

На другой день Корвизарь уѣхалъ.

Когда Наполеономъ овладѣвалъ гнѣвъ, онъ прибѣгалъ къ хлысту. Однажды въ Берлинѣ онъ разсердился на Рустама и, поднявъ хлыстъ, направился галопомъ къ мамелюку. Спасаясь тотъ пустился отъ него бѣжать, Наполеонъ погнался за нимъ; тогда Рустамъ, видя, что онъ не намѣренъ прекратить погоню, остановился. Наполеонъ набросился на него съ упреками и затѣмъ удалился. Вообще Наполеонъ былъ довольно вспыльчивъ, и только Жозефина, по его словамъ, очень нѣжно его любившая, смягчала его гнѣвъ и исправляла его несправедливости.

Рустамъ всегда спалъ возлѣ спальни императора въ ближайшей комнатѣ, гдѣ каждый вечеръ ему приготовляли складную кровать. Въ эпоху заговоръ онъ становилъ ее поперекъ двери. Однажды ночью Наполеонъ не позвонилъ, а самъ вошелъ въ комнату и наткнулся на препятствіе. Онъ много смѣялся надъ предусмотрительностью Рустама и, рассказывая объ этомъ, прибавилъ: «Если до меня доберутся, то это не ошибка Рустама, ибо онъ придумалъ заставить дверь своей кроватью». Въ обыкновенное время онъ спалъ посрединѣ комнаты, но маршалъ нашелъ приличіе сдѣлать шкалъ, въ которомъ находилась постель, выдвигавшаяся, когда открывали обѣ половинки двери. Однажды ночью Наполеонъ вошелъ въ комнату, обошелъ ее и, не найдя кровати, подошелъ къ шкалу. Виѣ себя отъ гнѣва онъ слишкомъ рѣзко разбудилъ Рустама. Спросонокъ мамелюкъ не разобралъ, что передъ нимъ стоитъ Наполеонъ, и бросился, чтобы схватить его, принявъ за злоумышленника. «Ты такъ-то меня стережешь!—воскликнулъ Наполеонъ—Меня всѣ бросаютъ!» Рустамъ пошелъ слѣдомъ за нимъ, стараясь объяснить ему, что онъ хотѣлъ схватить его съ цѣлью защитить; но тщетно, онъ не хотѣлъ его выслушать. Только Жозефина поправила дѣло.

Появленіе на свѣтъ сына у Маріи-Луизы было не изъ легкихъ. Наполеонъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ этого момента, но акушеръ-хирургъ, баронъ Дюбуа, просилъ его не присутствовать при рожденіи: «Ваше величество стѣсните меня», сказалъ Дюбуа.—«Но совсѣмъ нѣтъ»,—возразилъ Наполеонъ.—«Надо, чтобы вы принимали у императрицы, какъ у простой крестьянки, и не обращали на меня вниманія.»—«Но, государь, я предупреждаю ваше величество, что роды будутъ трудные.»—«Что же вы будете дѣлать?»—«Государь, необходимо прибѣгнуть къ клещамъ.»—«Ахъ, Боже мой,—съ ужасомъ произнесъ Наполеонъ:—это будетъ опасно?»—«Но, государь, надо спасать или мать, или ребенка.»—«Ну, такъ, Дюбуа, спасите мать. И сейчасъ же идите, я слѣдую за вами».

Онъ разговаривалъ, беря ванну, но тотчасъ же вышелъ. Рустамъ съ другимъ слугою наскоро его одѣли, и онъ побѣжалъ на половину императрицы. Рустамъ послѣдовалъ за нимъ. Когда онъ увидѣлъ, что родился сынъ, то вышелъ и объявилъ: «Господа, скажите, чтобы сдѣлали двѣсти пушечныхъ выстрѣловъ».

Передъ отъѣздомъ на Эльбу Рустамъ колебался, сопровождать ли ему Наполеона. Онъ ссылается на то, что тамъ ему пришлось бы подчиняться и унижаться передъ господствовавшими лицами, но сказать Наполеону, что онъ не поѣдетъ, Рустамъ не рѣшался,—такъ былъ печаленъ Наполеонъ. Въ замкѣ прошелъ слухъ, что Наполеонъ покушался на свою жизнь посредствомъ угара, и это такъ поразило Рустама, что, когда императоръ потребовалъ свои pistols, тотъ испугался и не зналъ, давать ли ему. Онъ бросился къ ординарцу Наполеона и сообщилъ ему свой страхъ, прося его разрѣшенія не давать ихъ. Но тотъ отвѣтилъ: «Это меня не касается!» Еще болѣе его напугалъ одинъ знакомый. «Знаете ли вы, мой милый Рустамъ,—сказалъ онъ:—что съ вами можетъ случиться самое непріятное. Особенно если несчастное событіе произойдетъ ночью, изъ головы публики никакъ не выбьютъ, что васъ подкупили иностранныя державы совершить это убіиство». По словамъ Рустама, онъ совершенно потерялъ голову и рѣшился бѣжать. Онъ написалъ императору, что принужденъ удалиться и когда онъ понадобится ему, то онъ придетъ. Вѣрнѣе, Рустамъ бѣжалъ, какъ

крыса съ тонущаго корабля. Это письмо не попало въ руки Наполеона. Рустамъ уѣхалъ изъ Фонтенбло и ожидалъ результата въ Парижѣ. Въ это время графъ Артуа прислалъ къ нему спросить о коронныхъ брильянтахъ, за которыми посылалъ его Наполеонъ къ главному коронному казначею. Рустамъ твердилъ одно, что онъ принесъ ихъ Наполеону, а что съ ними приключилось—онъ не знаетъ. Черезъ нѣсколько дней онъ узналъ, что Наполеонъ уѣхалъ изъ Фонтенбло. Собравъ свѣдѣнія, что Наполеона сопровождаютъ лица, доброжелательно относящіяся къ нему, Рустаму, онъ рѣшилъ присоединиться къ императору при его отплытіи, но ему сказалъ одинъ знакомый, что всѣ почтовые лошади заняты. Такой же отвѣтъ дали его женѣ на почтовой станціи. Полиція потребовала, чтобы Рустамъ покинулъ Парижъ до пріѣзда короля, и онъ удалился въ Дре, гдѣ оставался четыре мѣсяца, пока его семья хлопотала у министра полиціи разрѣшенія возвратиться въ Парижъ.

Въ заключеніи воспоминаній Рустамъ опять возвращается назадъ къ Ульму, къ походу въ Россію и ни слова не говоритъ о своей попыткѣ въ 1815 г. опять попасть къ Наполеону и объ отвѣтѣ послѣдняго Маршану: «Это подлець; брось его въ огонь и не говори мнѣ больше о немъ».

Особенно онъ не сознавалъ своего хамства,—говоритъ Массонъ:—онъ тянулъ деньги, откуда могъ; онъ еще ихъ вытянулъ, отправляясь въ Англію показывать себя въ своихъ лохмотьяхъ мамелюка. Онъ еще вытянулъ бы ихъ, продавъ свои воспоминанія, но этого ему не удалось, и это счастье, ибо издатели не коснулись ихъ, и рассказъ Рустама сохранилъ, такимъ образомъ, весь свой смакъ и интересъ.

— Бенедекъ и Бисмаркъ. Судьба австрійскаго генерала Бенедека, окончившаго такъ печально свою военную карьеру, вызвала появленіе на страницахъ «Rundschau» статьи, гдѣ подробно разсматриваются причины пораженія австрійцевъ въ 1866 г. По словамъ автора, побѣда пруссаковъ зависѣла не отъ лучшаго вооруженія прусской арміи, не отъ неспособности австрійскаго главнокомандующаго, но отъ недостатка единства въ командованіи, инсубординаціи начальниковъ корпусовъ, постояннаго и несвоевременнаго вмѣшательства вѣнскаго кабинета въ военныя операціи.

Въ моментъ неизбежнаго разрыва между обоими кабинетами Австрія располагала двумя арміями: сѣверной, находившейся подъ командою эрцгерцога Альберта, и южной—прежде подъ командою Радецкаго, съ которымъ Бенедекъ въ теченіе двадцати лѣтъ продѣлывалъ кампаніи и изъ поручика поднялся до чина главнокомандующаго. Въ сѣверной арміи царилъ аристократическій духъ; большинство офицеровъ принадлежало къ высшей аристократіи. Бенедекъ же былъ буржуазнаго происхожденія; онъ былъ протестантъ, къ тому же на службѣ выдвигалъ офицеровъ по своему выбору, которые доказали на дѣлѣ свои военныя способности. Общественное мнѣніе считало Бенедека, безспорно, лучшимъ австрійскимъ генераломъ.

«Какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ мірѣ,—говоритъ авторъ,—принято, чтобы каждый изъ двухъ генераловъ сохранялъ свое командованіе и совершалъ операціи на почвѣ хорошо и продолжительно имъ изученной и съ преданными ему солдатами. Но вотъ приближенные Франца-Иосифа стали учитывать

шансы будущей войны. Со стороны Италии не опасались никаких неудач: там Бенедекъ легко будетъ имѣть успѣхъ; его репутація, уже возбуждавшая зависть, особенно среди аристократическихъ коллегъ, еще болѣе вырастетъ. «Не онъ ли спасъ честь австрійской арміи при Сольферино? Что же будетъ, если онъ вернется побѣдоносно изъ новаго похода? а вдругъ да придется эрцгерцогу Альберту отступать передъ прусской арміей? Не будетъ ли это позоромъ для императорской семьи?» Эти опасенія выразилъ Францъ-Иосифу министръ, графъ Эстергази, органъ аристократической партіи, — и порядокъ командованія былъ измѣненъ. Бенедекъ попробовалъ возражать, даже отказываться. Зачѣмъ его разлучаютъ съ арміей, которую онъ хорошо знаетъ, которую сформировалъ и увѣренъ, что съ нею побѣдить? — спрашивалъ онъ. — И что же онъ найдетъ въ другой арміи? Начальниковъ корпусовъ, которыми онъ никогда не командовалъ, и они ему будутъ повиноваться, быть можетъ, съ сожалѣніемъ, ибо хотя они ниже чинами, но считаютъ себя выше его по социальному рангу. Императоръ, однако, настаиваетъ на этомъ, даже приказываетъ — и Бенедекъ сдается. Онъ только требуетъ, чтобы его назначеніе сопровождалось официальнымъ обязательствомъ вѣнскаго двора никакимъ образомъ не вмѣшиваться въ ходъ военныхъ операцій. «Я жертвую для императора моею честию, какъ солдатъ, и всѣмъ прошлымъ, какъ генералъ. Желалъ бы я, чтобы онъ не раскаялся въ принятомъ имъ рѣшеніи», сказалъ Бенедекъ въ послѣдней конференціи съ эрцгерцогомъ Альбертомъ.

Но гарантія, обезпечивавшая ему полную свободу, была нарушена почти тотчасъ же. Прусскія силы двинулись двумя массами, которыя должны были выйти одна черезъ Саксонію, другая черезъ Силезію и сойтись въ Богеміи — операція, которая могла быть рѣшающей, если бы двумъ арміямъ дѣйствительно удалось соединиться, но опасной, если бы противникъ взялъ быстротой, захватилъ ихъ во время движенія и атаковалъ ихъ въ отдѣльности. Бенедекъ, освѣдомленный о планѣ пруссаковъ, хотѣлъ немедленно произвести наступленіе и двинуться навстрѣчу силезской арміи. Въ этомъ случаѣ онъ могъ выставить сто восемьдесятъ тысячъ человекъ противъ ста двадцати тысячъ солдатъ королевскаго принца; слѣдовательно, у него было много шансовъ для побѣды. Онъ думалъ потомъ вернуться къ другой арміи, которая послѣ того, какъ наводнила Саксонію, вошла бы въ Богемію черезъ плоскогорье Эльбы — и онъ далъ приказъ небольшому контингенту саксонскихъ отрядовъ отступить передъ силой, превосходящей ихъ численностью, въ ожиданіи, что ихъ могутъ поддержать. Это былъ энергичный планъ атаки, соответствующій темпераменту генерала. Но въ Вѣнѣ изъ политическихъ видовъ рѣшили оставаться въ оборонительномъ положеніи; тамъ хотѣли показать цѣлой Европѣ, «что Австрія только поддерживаетъ свое право и права маленькихъ нѣмецкихъ государствъ»: для этого во что бы то ни стало надо было предоставить Пруссіи роль зачинщика, Бенедеку предписали временно не соединяться съ маленькимъ саксонскимъ отрядомъ. Болѣе того, ему дали двухъ начальниковъ штаба Крисманика и Генигштейна, сторонниковъ оборонительной системы, которые знали, что у нихъ есть поддержка при дворѣ въ случаѣ недоразумѣній съ Бенедеккомъ.

Вслѣдствіе дурно исполненныхъ приказовъ, или которые просто оставались подъ сукномъ, три армейскіе корпуса были разобщены и уничтожены по частямъ. Однимъ изъ нихъ командовалъ эрцгерцогъ Леопольдъ, который, руководствуясь

своим собственным авторитетом, начал сражение против превосходящих численностью сил. Бенедек должен был лишить его команды, вызвав неудовольствие двора. Пять других корпусов утомились бесполезным передвижением прежде, чем увидели неприятеля.

Бенедек решил сконцентрироваться у Кениггреца не для решительного сражения, но чтобы дать несколько дней отдыха своему войску под защитой крепости и затем занять позицию позади, привлекая к себе пять батальонов, оставшиеся в запасе. Он сообщил обо всем императору в депешу, ничего не скрывая. Но депешу перехватил главный штаб. Крисманник подбдил ее известной телеграммой от 30 июня, где говорилось: «Поражение первого корпуса и саксонского корпуса заставляет меня отступить к Кениггрецу; завтра главная квартира в окрестностях этого города». Эта телеграмма, к которой в Вѣнѣ совѣмъ не были подготовлены предшествовавшими депешами, составленная главным штабом, сильно всѣх изумила. Император отвѣтил: «Хотя результаты послѣднихъ дѣйствій мнѣ неизвѣстны, я вѣрю, что ваше энергичное руководство доставитъ намъ скоро успѣхи». Бенедек понял из нея, что отступление безъ сраженія было противно намѣреніямъ императора. Посланный отъ императора поручикъ фонъ-Бекъ еще болѣе утвердил его въ этой идеѣ. Однако прежде, чемъ отказаться отъ своего плана отступления, онъ послалъ слѣдующую телеграмму: «Настойчиво прошу ваше величество во что бы то ни стало заключить миръ: катастрофа арміи неизбѣжна». Еще разъ вмѣшалась политика. Вѣнскій кабинетъ сообщил Меттерниху, посланнику въ Парижѣ, что Австрія готова покинуть Венецію, если Италия согласна сложить оружіе; но прежде желательно было рискнуть сраженіемъ на сѣверѣ. Бенедек колебался. Ночью съ перваго на второе іюля послѣ смотра отрядовъ онъ еще написалъ: «Если неприятель попытается энергично атаковать прежде, чемъ армія отдохнетъ,—катастрофа неизбѣжна. Завтрашній день я даю на отдыхъ. Затемъ я продолжаю отступать къ Паргубитцѣ. Если меня не опередятъ и если я могу произвести наступленіе, я сдѣлаю. Если не могу, то постараюсь какъ можно лучше отвести армію въ Ольмюцъ».

Отступление къ Ольмюцу было дѣло рѣшенное, развѣ только, что мало вѣроятно, вернулось бы австрійцамъ счастье. Это было продиктовано Бенедеку стратегическими причинами и онъ далъ въ ту же ночь различнымъ начальникамъ корпусовъ надлежащія приказанія. Уничтожилъ ли главный штабъ эти распоряженія, или изъ Вѣны пришли новыя инструкціи—это покрыто мракомъ. Только армія 2 іюля не двигалась, а на другой день подверглась энергичной атакѣ и была разбита.

Остальное извѣстно. Надъ Бенедekomъ произвели военный судъ. Онъ объявилъ, что долженъ дать отчетъ только императору, отказался отъ чина, вышелъ въ отставку и повелъ жизнь частнаго человѣка. Онъ даже обязался никогда не оправдываться въ своемъ поведеніи, которое могло быть обвиненіемъ для другихъ. Онъ умеръ въ Грацѣ въ 1881 г. и былъ похороненъ, по его желанію, безъ военныхъ почестей.

Такимъ образомъ, какъ ни гордился Бисмаркъ своей арміей, способностью своихъ генераловъ, усовершенствованіемъ вооруженія, но главная пружина

прусскаго успѣха были интриги и ссоры австрійскихъ военначальниковъ. Но это не помѣшало Бисмарку считать побѣду, какъ бы она ни досталась, полнымъ торжествомъ нѣмцевъ. Вотъ какъ редакторъ и корреспондентъ «New York Tribune» «Джорджъ Смоллей, свидѣтель событій войны за наслѣдство, передаетъ свои впечатлѣнія объ этомъ историческомъ моментѣ въ только что вышедшихъ въ Лондонѣ «Англо-американскихъ воспоминаніяхъ». На другой день послѣ битвы при Садовой онъ велъ съ Бисмаркомъ продолжительную бесѣду, а четыре года спустя въ Лондонѣ, гдѣ онъ пребывалъ, имъ былъ организованъ за счетъ журнала отдѣлъ корреспонденцій о франко-германской войнѣ. Въ теченіе всей его долгой, блестящей карьеры его поражали двѣ вещи: нѣмецкая армія на другой день Садовой и Бисмаркъ. Какъ только въ Соединенныхъ Штатахъ появилось извѣстіе о войнѣ между Пруссіей и Австріей, Смоллей, по предложенію редакціи, «New York Tribune», отплылъ въ Бостонъ. Но Молтке такъ быстро велъ свою кампанію, что американскій журналистъ по своемъ прибытіи въ Кингстаунъ узналъ о побѣдѣ прусскихъ войскъ при Садовой. Тогда онъ отправился прямо въ Берлинъ, и это посѣщеніе оставило въ его памяти глубокой слѣдъ; онъ увидѣлъ тамъ, по его выраженію, двѣ самыя крупныя силы Пруссіи—прусскую армію и графа Бисмарка.

Съ балкона своей гостиницы «Подъ Липами» онъ смотрѣлъ на массы народа, спѣшившаго навстрѣчу войскамъ, и присутствовалъ при торжественномъ дефилированіи войскъ по улицамъ столицы, длившемся два дня. Но нѣмецкій народъ проявлялъ свои чувства къ побѣдителямъ не такъ бурно, а глубокимъ чувствомъ, и его энтузіазмъ носилъ отпечатокъ нѣмецкой серьезности. Первый показался король, сопровождаемый полутораста офицерами главнаго штаба. По мнѣнію Смоллея, ихъ мундиры «были слишкомъ великолѣпны», и онъ предпочиталъ видѣть героевъ въ походной формѣ, въ которой они сражались и побѣждали. Но въ тѣ времена германская душа питала культъ къ военному этикету.

Когда продефилировалъ король и его главный штабъ, произошла неожиданность. Съ минуту казалось, что грандіозная процессія окончилась, но эта пустота была лишь мгновенная, и вскорѣ на томъ же фронтѣ появились три всадника: Роонъ, Молтке и Бисмаркъ, такъ сказать, «Карно Пруссіи, лучший изъ ея полководцевъ послѣ Фридриха Великаго, мозгъ и воля, которые руководили ихъ судьбою». При ихъ появленіи крики толпы сдѣлались громче. Берлинъ и Пруссія понимали, что безъ этихъ трехъ человекъ отечеству не знать бы этого побѣдоноснаго дня.

Нѣмецкіе солдаты произвели на американца впечатлѣніе удивительной осанкой, напоминавшей ему слова Гейне, что нѣмецкій солдатъ будто проглотилъ ружейный прикладъ, которымъ его били. Но эта осанка облегчала его дресировку. Въ общемъ прусское войско представляло, впрочемъ, съ виду, превосходно дѣйствующій механизмъ и въ то же время оно производило непреодолимое впечатлѣніе, что это—армія гражданъ».

Нѣсколько дней спустя послѣ этого историческаго дефилированія, которое было декларацией независимости и даже нѣчто болѣе, Смоллею удалось вести продолжительную бесѣду съ Бисмаркомъ. Послѣдній говорилъ съ такою от-

кровенностью, какую у другого охотно отнесли бы къ искренности. Зная, что среди нѣмецкихъ эмигрантовъ въ Америкѣ «New York Tribune» имѣеть вліяніе, Бисмаркъ воспользовался случаемъ, чтобы повѣдать своимъ соотечественникамъ, эмигрировавшимъ въ Америку, свое мнѣніе о тогдашнемъ международномъ положеніи. Прежде всего, хотя это относилось до прусскаго короля, онъ удивительно свободно говорилъ. «Вы республиканецъ, — сказалъ онъ: — и, слѣдовательно, не можете понять, съ какимъ чистосердечіемъ я дорожу государемъ, предкамъ котораго мои собственные предки выказывали вѣковую преданность». Затѣмъ онъ начерталъ исторію борьбы, какую онъ велъ съ Вильгельмомъ I, чтобы довести его до окончательнаго разрыва съ Австріей. «Король рѣшился на войну только, когда я убѣдилъ его, что въ этомъ замѣшана его военная честь, — сказалъ онъ. — Дѣйствительно, никакой политической доводъ не производилъ впечатлѣнія на государя; его совсѣмъ не ослѣпляла перспектива объединенія Германіи лично имъ самимъ во главѣ германской конфедераціи. «Война съ Австріей, — отвѣчалъ онъ на укоризненные замѣчанія Бисмарка, — будетъ братоубійствомъ. Францъ-Иосифъ и я связаны многими узами, многими общими интересами, сверхъ того обоюднымъ расположеніемъ. Я почелъ бы предательствомъ нападеніе на государя, который засвидѣтельствовалъ мнѣ свое расположеніе многими доказательствами. И ничто меня къ этому не принудить».

Тогда Бисмаркъ старался доказать своему собесѣднику, что, несмотря на такое положительное заявленіе, король все-таки разрѣшилъ ему вести себя относительно Австріи по опредѣленному плану, который шагъ за шагомъ неизбежно велъ къ войнѣ. «Военныя приготовленія, — говорилъ Бисмаркъ, — оплачивались изъ королевской казны, которую копили цѣлыя поколѣнія монарховъ. Въ извѣстной степени этотъ источникъ оплачивалъ расходы на военныя дѣйствія противъ Даніи. Поэтому во все время борьбы съ парламентомъ я подготавливалъ войну съ Австріей. Послѣ конфликта по поводу герцогствъ эта держава подала единственный мотивъ для подготовленія арміи. Однако король предоставилъ мнѣ дѣйствовать. Впрочемъ, я и не могъ взять себѣ въ повѣренныя парламентъ: это было невозможно. Необходимо было нанести внезапный ударъ прежде, чѣмъ Австрія могла соединить свои резервы».

Бисмаркъ съ горечью жаловался на вмѣшательство принца, который непрерывно и чаще всего производилъ давленіе на короля, чтобы помѣшать ему, канцлеру, реализовать собственную политику. Въ концѣ концовъ, однако, счастье ему благоприятствовало, и сама Австрія сдѣлалась самой драгоценной его помощницей. Въ апрѣлѣ 1886 г. она потребовала, чтобы Пруссія прекратила свою мобилизацію, начатую въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ этотъ день канцлеръ понялъ, что «Господь Богъ вручаетъ Австрію въ руки Пруссіи». Онъ сообщилъ королю требованія Австріи и закинулъ слѣдующую фразу: «Не знаю, готово ли ваше величество уступить командованіе арміей своему австрійскому брату». Этимъ онъ достигъ цѣли и возбудилъ въ королѣ гнѣвъ: тотъ почувствовалъ уязвленнымъ свое военное самолюбіе, и съ этого момента даже приходилось умѣрять нетерпѣніе монарха изъ-за недостаточной подготовки. Объявить войну въ этотъ часъ, по словамъ Бисмарка, было опасно. Но черезъ два мѣсяца дѣло было сдѣлано.

Послѣ битвы при Садовой новыя затрудненія представились Бисмарку. Король не могъ понять, какъ было важно прервать теченіе его успѣховъ. По его мнѣнію, онъ былъ главнокомандующимъ прусскими военными силами. Онъ одержалъ большую побѣду: австрійская держава разбита, Вѣна находится во власти побѣдителя. Германія въ ожиданіи узнать: кто теперь будетъ ея настоящій глава? Какой можетъ быть данъ отвѣтъ краснорѣчивѣе, какъ не вступленіе побѣдоносной прусской арміи въ побѣжденную Вѣну.

Такъ разсуждалъ Вильгельмъ. Но Бисмаркъ, имѣвшій виды на будущее, думалъ помѣшать исполненію того, что онъ считалъ капитальной политической ошибкой. И онъ, прежде подстрекавшій короля къ войнѣ, теперь проповѣдывалъ ему умѣренность; тѣмъ же оружіемъ, которымъ король защищался отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Австріи, теперь Бисмаркъ умѣрялъ его порывъ къ нимъ, а именно расположеніемъ къ Францу-Іосифу. Онъ напомнилъ королю, съ какимъ отвращеніемъ онъ началъ враждебныя дѣйствія противъ австрійскаго короля, и спрашивалъ его, неужели послѣ пораженія Франца-Іосифа онъ захочетъ его унижить. Повидимому, этотъ доводъ подѣйствовалъ на короля, а Бисмаркъ, видя, что онъ колеблется, продолжалъ его уговаривать. «Наконецъ,— сказалъ американцу Бисмаркъ,— король согласился раздѣлить мой взглядъ на это дѣло, взглядъ, который былъ его собственный до войны».

«Придетъ день,—сказалъ канцлеръ,—когда будетъ одна единая Германія, а не двѣ, двадцать и пятьдесятъ, какъ было въ прошломъ и какъ существуетъ теперь, ибо намъ остается пожать плоды нашихъ успѣховъ».

Какова была эта жатва—всѣмъ извѣстно.

— Предѣльный возрастъ человѣческой дѣятельности.— «Strand» поднимаетъ интересный вопросъ о предѣльномъ возрастѣ среди ученыхъ, литераторовъ и общественныхъ дѣятелей. XX вѣкъ можно считать въ полномъ смыслѣ слова пересмотромъ и передѣлкой традиціонныхъ мнѣній. Въ этомъ направленіи дѣло дошло до перестановки границъ человѣческой жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширенія правъ и способности къ продолжительной умственной дѣятельности. За разсмотрѣніе этого вопроса принялись ученые и врачи, и все чаще и чаще поднимаются голоса за и противъ способностей стариковъ къ дѣятельности. Мы уже говорили въ этомъ отдѣлѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ о статьѣ француза Фино, теперь приведемъ мнѣніе англичанъ. Препрежее ходячее мнѣніе, котораго придерживались многіе врачи и между прочимъ профессоръ Ослеръ, что люди за шестьдесятъ лѣтъ не способны болѣе къ творческой и другой дѣятельности и что этотъ возрастъ для нихъ конечный путь, оспаривается на страницахъ «Strand». Въ доказательство, насколько это мнѣніе неосновательно, тамъ приводится тотъ фактъ, что послѣдніе годы XIX вѣка Европа находилась подъ режимомъ старѣйшихъ правителей: Вильгельма, королевы Викторіи, папы Льва XIII, Бисмарка, Мольтке, Гладстона. Однимъ словомъ, большая часть личностей, игравшихъ главныя роли въ исторіи того времени, дошла до крайнихъ границъ человѣческой долговѣчности, вполне сохранивъ умственныя способности. Цѣлая плеяда прославившихся восьмидесятилѣтниковъ ежедневно даетъ опроверженіе поговоркѣ, что «Фортуна не благоприятствуетъ старикамъ».

Въ серединѣ XIX вѣка человѣкъ въ тридцать пять лѣтъ уже считался зрѣлымъ, а въ сорокъ—старымъ. Но какъ измѣнились времена: теперь въ англійскомъ парламентѣ единогласно называютъ сорокавосемилѣтняго Ллойда Джорджа молодымъ человѣкомъ. Со времени Питта Англія не имѣла такого «юноши», какъ теперешній первый министръ. Она оставалась вѣрна традиціямъ Веллингтона, который былъ министромъ семидесяти семи лѣтъ. Изъ тринадцати политическихъ дѣятелей, преемниковъ побѣдителя при Ватерлоо, таланты которыхъ, какъ государственныхъ людей, далеко не равнялись военнымъ талантамъ, только три были министрами, не достигнувъ шестидесяти лѣтъ, пять немного менѣе семидесяти и два восьмидесяти. Гладстонъ обыкновенно говорилъ: «Если бы я умеръ въ семьдесятъ лѣтъ, я не исполнилъ бы и половины моей задачи».

Въ настоящее время Францъ-Иосифъ старѣйшій изъ правителей и, по признанію многихъ, его послѣдній выборъ министра иностранныхъ дѣлъ нельзя назвать неудачнымъ. Однако авторъ статьи въ «Strand» не могъ привести другихъ именъ такихъ долговѣчныхъ въ наше время государей или президентовъ и потому ограничился именами второстепенныхъ лицъ. Вильямъ Морганъ написалъ свою первую книгу въ шестьдесятъ пять лѣтъ. Въ этомъ же возрастѣ Пьерпонтъ Морганъ поставилъ на ноги свое первое колоссальное финансовое дѣло, а Чемберленъ сдѣлался апостоломъ пересмотра тарифа. Лорду Робертсу было почти семьдесятъ лѣтъ, когда онъ поправилъ неудачи англійской арміи въ Южной Африкѣ.

Говорятъ: «привычка вторая натура»; быть можетъ, новые люди усвоятъ новую привычку долго жить и долго плодотворно работать. Куда не занесетъ сильный полетъ человѣческой мысли, которая выработаетъ особую гигиену для сохраненія или пополненія гармоніи между тѣломъ, духомъ и умомъ. Женщины, конечно, пойдутъ первыя по этому пути, какъ болѣе живучія существа. Для примѣра въ «Strand» приведены слова королевы Александры, до сихъ поръ прекрасно сохранившейся. «Мы двѣ самыя молодыя женщины въ Англіи», сказала она: Аделинъ Патти. Несмотря на всѣ пережитыя невзгоды, хорошо сохранилась и бывшая императрица Евгенія, которой на дняхъ исполнилось 85 л., и она, вѣроятно, съ грустью вспомнила въ этотъ день объ одномъ вечерѣ въ 1852 году, когда на приемѣ въ Тюльери Наполеонъ I, вынувъ изъ корзины корону изъ живыхъ цвѣтовъ, приложилъ ей на голову. «Государь,—замѣтила молодая дѣвушка:—она слишкомъ велика для меня». «Слишкомъ великой для васъ нѣтъ», удовольствовался отвѣтить Наполеонъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Евгенія Монтихо была императрицей. Въ утѣшеніе восьмидесятилѣтникамъ можно только сказать, что въ несчастіяхъ этой неудачной императрицы годы не играли роли, она была молода, когда навлекла на Наполеона и на себя бѣду.

Венгерскій писатель Арнадъ Начторъ рассказываетъ въ «Nouvelle Presse Libré», что Эдиссонъ, которому теперь 64 года, поразилъ его одинаково, какъ наружностью, такъ духовной и интеллектуальной энергіей. вмѣсто старца, совершенно разбитаго непосильными трудами, передъ нимъ предсталъ, хотя совсемъ сѣдой, но совершенно еще бодрый, свѣжій человѣкъ. Никогда ему не дали бы этихъ лѣтъ. Встрѣтилъ его Эдиссонъ привѣтливо въ высокоомъ, въ два

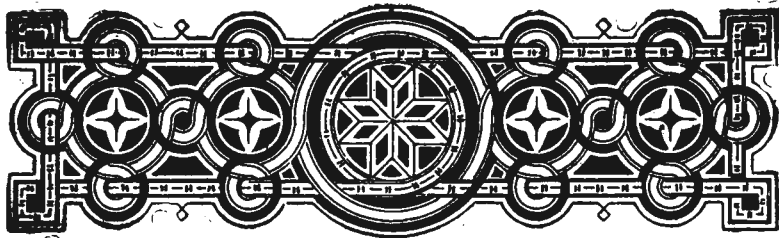
свѣта, залъ, окруженномъ въ два этажа маленькими кабинетами, сообщающимися безъ всякихъ дверей съ заломъ. Каждый кабинетъ предназначенъ для извѣстнаго изобрѣтенія, и въ немъ стоитъ письменный столъ. Въ одномъ фотографія, въ другомъ—фонографъ, здѣсь динамо, въ другомъ—аккумуляторъ, тамъ конторскія книги, въ другомъ модель его дома изъ цемента для рабочихъ, который складывается и можетъ быть обитаемъ уже черезъ шесть часовъ. Единственный физическій недостатокъ Эдиссона—глухота, но это бываетъ и у молодыхъ, къ тому же ея причина—научныя изслѣдованія. Онъ показалъ Патчору свое послѣднее изобрѣтеніе, которому еще не далъ названія. Войдя въ одинъ кабинетикъ, Эдиссонъ положилъ руку на рукоятку, и машина начала работать. На бѣлой стѣнѣ показалась фигура человѣка, который ходилъ и звуки его шаговъ отчетливо были слышны; онъ уронилъ бутылку, она разбилась и совершенно ясно раздался звукъ битаго стекла. Эдиссонъ звонко разсмѣялся, остановилъ машину и, вполне удовлетворенный, произнесъ: «Въ началѣ года я пустилъ ее въ свѣтъ. Еще не знаю, какое дамъ ей названіе... Она исполнитъ всѣ театральныя представленія, но безъ монотонности... У каждого артиста свой голосъ... Черезъ пять-шесть лѣтъ мой кинемаграфъ-фонографъ будетъ исполнять цѣлыя оперы. Зачѣмъ однимъ только богатымъ слушать Карузо. Его увидитъ и услышитъ каждый, у кого въ карманѣ найдется одинъ пенни... какъ и милліардеры. Я работаю только для бѣднаго класса. Для него я придумалъ мой домъ изъ цемента; когда жизнь у нихъ будетъ лучше, никого изъ нихъ не будетъ больше въ кабакахъ. Объ этомъ должны были подумать Карнеги и Рокфеллеръ». На вопросъ, доволенъ ли онъ своими открытіями, Эдиссонъ отвѣтилъ: «Еще бы! Впрочемъ, у меня нѣтъ времени быть недовольнымъ. Я работаю въ день восемнадцать-девятнадцать часовъ. Когда человѣкъ много работаетъ, онъ работаетъ съ успѣхомъ, ему невозможно чувствовать себя недовольнымъ».— «Сколько же времени вы спите?» спросилъ его Арнадъ Патчоръ.— «О, мнѣ довольно пяти часовъ. Я ложусь и тотчасъ же засыпаю. Я никогда не вижу сновъ. Прежде моя жена бредила и всегда меня будила. Я ее приучилъ спать пять часовъ, и у нея болѣе нѣтъ сновидѣній... Я спокоенъ ночью».

Въ это время подали завтракъ, состоявшій изъ двухъ ломтиковъ поджареннаго хлѣба и куска ветчины. Авторъ хотѣлъ уйти, но онъ остановилъ его и предложилъ половину своего завтрака. «Вамъ говорили, надъ чѣмъ я теперь работаю?—спросилъ Эдиссонъ:—надъ электрической батареей для автомобилей, съ которою экипажи будутъ совершать сразу двѣсти миль. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она будетъ готова». У Эдиссона еще хватаетъ времени для чтенія любимыхъ авторовъ. Викторъ Гюго, Лонгфелло, Эдгаръ Поэ, но только его проза, Шекспиръ, Мопассанъ. На вопросъ Патчора, кто самый великій человѣкъ, онъ отвѣтилъ: «Рузевельтъ. О, это честный мальчикъ. У него только одинъ недостатокъ: онъ хочетъ передѣлать свѣтъ однимъ мановеніемъ руки. Онъ хочетъ сдѣлать въ четыре года то, что требуетъ сорока лѣтъ. Это грубая ошибка». Объ авіаціи Эдиссонъ говоритъ, что убѣжденъ въ успѣшномъ завоёваніи воздуха, но только когда машина сдѣлаетъ 90% прогресса, а человѣческая ловкость 10%».

Быть можетъ, знаменитый изобрѣтатель имѣетъ свои причины не такъ спѣшить въ иной міръ. Онъ совсѣмъ не вѣритъ въ безсмертіе души и утѣшается

увѣренностью, что человѣческая машина построена для работы на 150 лѣтъ. Одинъ крупный негодіантъ въ Чикаго, Штубъ, вышелъ изъ своего предпріятія, считая 65 лѣтъ своимъ предѣльнымъ возрастомъ. «Такъ лучше для моего здоровья,—говорилъ онъ:—я не хочу умереть ранѣе своихъ лѣтъ, какъ мой компаньонъ Гарриманъ, который работалъ не только весь день, но даже половину ночи. На это Эдиссонъ замѣтилъ: «Я могу работать и думать болѣе, чѣмъ Штубъ и Гарриманъ могли сдѣлать это вмѣстѣ. Этой способностью я обязанъ, во-первыхъ, моей пищѣ, во-вторыхъ, моему сну и, въ-третьихъ, моему костюму. Почему Гарриманъ много думалъ въ постели? Потому, что онъ много ѣлъ. Дѣловые люди физически не упражняются, а ѣдятъ какъ носильщики. Ихъ машина перегораетъ отъ излишка топлива. Я ѣмъ столько, сколько мнѣ необходимо, и это представляетъ полгорсточку основательной пищи. Поэтому я едва положу голову на подушку, какъ засыпаю. Гарриманъ же терялъ въ расчетахъ и сновидѣніяхъ половину своихъ восьми часовъ для сна, которые онъ проводилъ въ постели. Я остаюсь въ постели 5 часовъ и тотчасъ же засыпаю и во всю жизнь не видалъ сновидѣній. Мнѣ теперь 64 года и никогда лучше не думалъ и не работалъ. Эта исторія съ отставкой—вздоръ. Я работаю съ 12 лѣтъ и думаю продолжать до 150. Мой рай на землѣ. Мое здоровье прекрасно и я обязанъ этимъ отчасти моей одеждѣ». Онъ выдвинулъ ногу и показалъ сапоги въ два раза шире его ноги и со смѣхомъ сообщилъ, что вся его одежда такая же широкая. «Поэтому всѣ мои артеріи, всѣ мои вены работаютъ превосходно. Ни одна изъ нихъ никогда не была стянута. Микробы тотчасъ же тамъ умираютъ, отказываясь снабжать меня диабетомъ, брайтовой болѣзнью и др. Впрочемъ, у меня нѣтъ пороковъ, или, скорѣе, одинъ—я жую табакъ».

С М Ъ С Ъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ фондѣ. Подъ предѣдательствомъ $\Theta.$ Д. Батюшкова въ помѣщеніи гимназіи Гуревича 6-го мая состоялось очередное общее собраніе членовъ литературнаго фонда. По открытіи засѣданія предѣдатель произнесъ рѣчь, посвященную памяти недавно скончавшагося члена фонда П. Ф. Якубовича-Мельшина. Общее собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ. Затѣмъ Н. $\Theta.$ Анненскій (за отсутствіемъ секретаря Я. Я. Гуревича) доложилъ отчетъ по секретарской части за первую треть текущаго года. За отчетный періодъ комитетъ разсмотрѣлъ 399 дѣлъ по разнымъ ходатайствамъ о помощи, о сношеніяхъ съ разными учрежденіями и лицами и т. д. Поступило просьбъ о денежныхъ пособіяхъ 206, изъ нихъ по разнымъ мотивамъ отклонено 56, удовлетворено—150. Единовременныхъ пособій выдано 76 лицамъ на 2,213 р., долгосрочныхъ пособій выдано на 1,636 р., безсрочныхъ ссудъ разрѣшено пятнадцати литераторамъ на 1,455 р., одному заслуженному писателю назначена пенсія имени Н. Г. Чернышевскаго по девяносто рублей въ годъ, на воспитаніе и обученіе дѣтей несостоятельныхъ литераторовъ назначено 31 лицу 1,471 р. Всего израсходовано за отчетное время 9,145 р. Въ комитетъ фонда поступили въ капиталъ имени Н. Г. Чернышевскаго 4,000 р. процентными бумагами по духовному завѣщанію П. Ф. Николаева. Отъ редакціи «Русскаго Слова» получено 2,360 р. 92 к., пожертвованныхъ въ пользу вдовы Н. А. Некрасова. Кромѣ того, въ ея пользу повгородская уѣздная земская управа постановила вносить ежемѣсячно въ кассу фонда по тридцати рублей. Отъ О. А. Вильбасовой поступило сто рублей въ капиталъ, предназначенный для образованія и воспитанія дѣтей недостаточныхъ писателей, Е. И. Набокова выразила желаніе ежегодно вно-

силь по сто рублей членскаго взноса. Устроенные комиссіей при литературномъ фондѣ литературные вечера—одинъ въ память Ѳ. М. Достоевскаго—далъ чистаго дохода 826 р., а другой—въ память Т. Г. Шевченка, за вычетомъ 1,200 р. въ пользу двухъ украинскихъ обществъ, участвовавшихъ въ организациіи вечера—604 р. 57 к. Комитетъ приступилъ къ двадцать пятому изданію принадлежащихъ ему сочиненій С. Я. Надсона. Для редактированія этого изданія, въ которое войдутъ прозаическія произведенія поэта, избрана комиссія въ составѣ Ѳ. Д. Батюшкова, Н. А. Котляревскаго, С. А. Венгерова и М. А. Ватсонъ. По ходатайству комитета, нѣкоторымъ писателямъ разрѣшено бесплатное или льготное леченіе на кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Изъ денежнаго отчета, доложеннаго В. А. Пѣшехоновымъ, видно, что за январь—апрѣль въ кассу фонда поступило изъ кабинета Его Императорскаго Величества и отъ особъ высочайшей фамиліи—1,150 р., дохода отъ комитетскихъ изданій—13,409 р. 14 к., проценты отъ капитала фонда—14,469 р. 62 к., членскихъ взносов—850 р., возвращенныхъ срочныхъ ссудъ—1,163 р. и т. д. Всего поступило 35,369 р. 10 к. Капиталы литературнаго фонда достигли 800,025 р. Оба заслушанные отчета собраніемъ единогласно утверждены. Затѣмъ были произведены выборы новыхъ членовъ. Избраны: М. И. Туганъ-Барановскій, М. П. Федоровъ, Д. Е. Жуковскій, И. Я. Гинзбургъ, Ф. К. Волковъ, А. С. Грушевскій и М. П. Надѣинъ.

Въ Толстовскомъ обществѣ. Годовое общее собраніе членовъ Толстовскаго общества 1-го мая, впервые происходившее въ собственномъ помѣщеніи—музеѣ имени великаго писателя—носило исключительно торжественный характеръ, благодаря присутствію Софьи Андреевны Толстой, пріѣхавшей въ Петербургъ. При появленіи С. А. всѣ присутствовавшіе на засѣданіи поднялись со своихъ мѣстъ и привѣтствовали ее долго не смолкавшими аплодисментами. Въмѣстѣ съ С. А. прибылъ и старшій сынъ ея С. Л. Толстой, который былъ единогласно избранъ предсѣдателемъ собранія. С. А. Толстая заняла мѣсто рядомъ съ президентомъ общества М. М. Ковалевскимъ и вице-президентомъ М. А. Стаховичемъ. Секретарь общества В. Я. Муриновъ доложилъ отчетъ о дѣятельности общества за прошлый годъ. Въ отчетѣ перечислены многочисленныя пожертвованія рукописями, изданіями, портретами, автографами, картинами и пр. Въ числѣ пожертвованій имѣется богатая коллекція недавно скончавшагося В. М. Воинова. Его память почтена вставаніемъ. Отмѣтимъ еще пожертвованія въ музей: графини С. А. Толстой—двѣ маски, снятыя съ Л. Н. Толстого, И. Е. Рѣпина—письма, М. А. Стаховича—сшитые Л. Н. сапоги, блуза и другія вещи. Въ настоящее время въ обществѣ числится 163 члена. На нынѣшнемъ общемъ собраніи было избрано двадцать пять новыхъ членовъ среди нихъ: графъ Д. А. Олсуфьевъ, графъ И. И. Толстой, князь А. Д. Оболенскій, графиня И. И. Шереметева, М. Н. Чернышевскій (сынъ знаменитаго писателя) и др. С. А. Венгеровъ, казначей общества, доложилъ денежную часть отчета, изъ которой видно, что за отчетное время поступило доходовъ (пожертвованій и членскихъ взносов) 4,142 р. 23 к., а съ остаткомъ отъ прошлаго года 8,710 р. 44 к. Расходы за прошлый годъ составляютъ 3,729 р. 45 к. Смѣта расходовъ на будущій годъ разсчитана на 5,700 рублей. Отчетъ единогласно утверждень. М. А. Стаховичъ до-

ложилъ затѣмъ о тѣхъ неожиданныхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣтило московское отдѣленіе музея со стороны мѣстной администраціи, которая находить, что отдѣленіе не имѣетъ право самостоятельно приобрѣтать недвижимость и распоряжаться своими капиталами. Совѣтъ предлагаетъ временно примириться съ этимъ ограниченіемъ. Собраніе приняло это предложеніе. Затѣмъ М. А. Стаховичъ сообщилъ, что вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ сборникъ Толстовскаго музея, въ который вошла переписка Л. Н. съ своей женой графиней Толстой. С. А. Венгеровъ сообщилъ, что во второй сборникъ войдетъ весьма цѣнная переписка Л. Н. съ Н. Н. Страховымъ. Въ концѣ засѣданія были произведены выборы въ совѣтъ за истеченіемъ срока полномочій: М. А. Стаховича, В. Я. Муринова, В. Я. Богучарскаго и Л. П. Купріяновой. Избраны: М. А. Стаховичъ, академикъ А. А. Шахматовъ, П. В. Модзалевскій и П. И. Бирюковъ. (В. Я. Муриновъ просилъ его не избирать, въ виду его выѣзда изъ Петербурга). Въ кандидаты къ членамъ совѣта избраны: В. Д. Набоковъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, К. И. Арабажинъ, В. Н. Бенесевичъ и докторъ А. Д. Нюренбергъ. По закрытіи засѣданія многочисленное собраніе окружило С. А. Толстую и благодарило за честь, оказанную ей обществу своимъ посѣщеніемъ. Также выражена благодарность предсѣдателю собранія графу С. Л. Толстому.

200-лѣтіе первой типографіи въ Петербургѣ. 11-го мая петербургская синодальная типографія, бывшая сперва государевой, справляла 200-лѣтіе выпуска перваго печатнаго изданія въ Петербургѣ. Торжество началось съ торжественной литургіи въ церкви Митрофаньевскаго подворья, которую совершали высокопреосвященный Владимиръ, митрополитъ московскій, и преосвященный Евлогій, епископъ холмскій, въ сослуженіи митрофорныхъ протоіереевъ, предсѣдателей—училищнаго совѣта при св. синодѣ Соколова и учебнаго комитета при св. синодѣ Вѣликова и пр. духовенства, при пѣніи двухъ хоровъ пѣвчихъ александровскаго митрополичьяго и смѣшаннаго мужскаго и женскаго хора подворья. Послѣ литургіи всѣ перешли въ зданіе синодальной типографіи. Здѣсь въ обширной свѣтлой наборной было предъ мѣстной иконою приготовлено мѣсто для молебствія, а передъ среднимъ окномъ среди растений и цвѣтовъ бѣлѣлъ громадный бюстъ Петра Великаго, основателя типографіи. Послѣ молебна управляющій типографіей А. В. Гавриловъ благодарилъ почтившихъ торжество типографіи, первой въ Петербургѣ, основанной геніемъ Великаго Петра «не для какой прибыли, но токмо для повелительныхъ государевыхъ нужнѣйшихъ дѣлъ и для обученія русскихъ людей». Краткій очеркъ жизни типографіи представилъ г. Соколовъ. Эту рѣчь его, какъ образецъ типографскаго искусства, съ фототипіями портрета Петра Великаго и зданія типографіи, роздали присутствовавшимъ. Съ перенесеніемъ Петромъ Великимъ столицы въ Петербургъ оказалась необходимость въ типографіи, и изъ Москвы по приказу царя былъ доставленъ одинъ станокъ съ «литерами и людьми». 11-го мая 1711 г. типографія выпустила первое печатное произведеніе, сообщавшее жителямъ радостную вѣсть о побѣдѣ русскаго оружія—ген.-майора Шидловскій взялъ Новогоріевскую крѣпость, что въ Самарѣ («которую воръ Пляка отдалъ хану Крымскому»), штурмомъ. Петербургская типографія по планамъ державнаго основателя должна была въ дальнѣйшемъ

получить устройство по образцу лучшихъ иностранныхъ типографій. Для этого въ нее потомъ привозились мастера изъ-за границы, и она дѣйствительно прогрессировала въ петровское царствованіе, потомъ заглохла, но вновь возродилась при Екатеринѣ II. Изъ участія Петра Великаго въ типографскомъ дѣлѣ видно, что этотъ гениальный царь стоялъ въ центрѣ литературы своего времени, заправляя ею, самъ поправлялъ вѣдомости, выбиралъ книги для перевода, писалъ программы для руководства, указывалъ идеи, которыя нужно было распространять путемъ печатнаго слова. Черезъ 10 лѣтъ по учрежденіи Петръ передаетъ типографію въ вѣдѣніе св. синода. 190 лѣтъ она и состоитъ при немъ. Въ ближайшее время типографія впервые напечатала и издала полностью руссій переводъ Библии и выпустила Новый Завѣтъ на четырехъ языкахъ. Въ 1888 г. типографія перешла въ собственный домъ, при ней имѣется и своя бібліотека съ 7,000 названій. Теперешнюю дѣятельность ея лучше всего характеризуетъ отчетъ за прошлый 1910 годъ, изъ котораго видно, что напечатано за годъ брошюръ и книгъ 8.796,390 экземпляровъ, переплетено и сброшюровано почти 6.000,000 изданій, а печатное отдѣленіе дало оттисковъ 40.187,666. Оберъ-прокуроръ св. синода В. К. Саблеръ въ рѣчи своей пожелалъ типографіи процвѣтанія для распространенія церковно-священныхъ книгъ и печатанія полезныхъ для народа брошюръ и листовъ, не гоняясь за прибылью, лишь бы не въ убытокъ. Но больше нужно въ народѣ распространять изданія познанія истинной вѣры и свѣдѣній о вѣчныхъ законахъ спасенія. Враги одождѣваютъ и имъ надо противопоставить ту истинную вѣру и тотъ путь истины, которымъ дорожили наши предки больше своей жизни. Отсюда должны широко расходиться лучи свѣта и познанія вѣры и давать мощь и величіе духу русскаго народа. Рѣчь свою оберъ-прокуроръ закончилъ здравицей Государю. А пѣвчіе и тысячный хоръ присутствовавшихъ спѣли «Воже, Царя храни». Гостямъ была предложена трапеза.

Пятидесятилѣтіе общества русскихъ врачей въ Москвѣ. 15 апрѣля общество русскихъ врачей въ Москвѣ праздновало пятидесятилѣтіе своего существованія въ помѣщеніи лечебницы общества, убранной гирляндами и живыми цвѣтами. Благодарственное молебствіе совершалъ высокопреосвященный Алексій соборнѣ; мѣстный священникъ Н. А. Добролюбовъ произнесъ рѣчь, посвященную дѣятельности общества. На молебствіи и слѣдовавшемъ затѣмъ торжественномъ засѣданіи присутствовали: московскій губернаторъ свиты Его Величества генераль-майоръ В. Ѳ. Джунковскій, нѣкоторые профессора московскаго университета съ деканомъ медицинскаго факультета Д. Н. Зерновымъ во главѣ и многочисленный составъ врачей. Собраніе открылось рѣчью председателя общества І. Д. Сарычева, который въ общихъ чертахъ охарактеризовалъ дѣятельность общества за полувѣковое существованіе. Когда возникло общество русскихъ врачей въ Москвѣ, дѣйствовало одно физико-медицинское общество, учрежденное въ 1804 году. Теперь въ Москвѣ насчитывается 23 медицинскихъ общества. За пятьдесятъ лѣтъ на засѣданіяхъ общества было сдѣлано 2.400 докладовъ; ко дню юбилея напечатанъ перечень этихъ докладовъ въ особой книжкѣ «Трудовъ». Въ лечебницѣ общества перебывало болѣе полутора миліона больныхъ; по 40.000 рецептовъ были бесплатно отпущены лекарства. Об-

щество обладаетъ богатѣйшею въ Москвѣ медицинскою библиотеконъ, насчитывающею до 30.000 томовъ. По открытіи своей дѣятельности общество издавало въ теченіе 18 лѣтъ «Московскую Медицинскую Газету»; нынѣ органомъ общества является «Медицинское Обозрѣніе», приобретенное у доктора Спримона. На средства общества получили образованіе 30 медиковъ. Въ настоящее время общество располагаетъ шестью стипендіями. Затѣмъ В. И. Шапинымъ былъ прочитанъ болѣе подробный историческій очеркъ, характеризующій дѣятельность общества съ разныхъ сторонъ. Далѣе начались привѣтствія. Первымъ привѣтствовалъ общество губернаторъ В. Ѳ. Джунковскій, пожелавшій плодотворной дѣятельности обществу и на будущіе годы. Отъ медицинскаго факультета и физико-медицинскаго общества привѣтствие было сказано заслуженнымъ профессоромъ Д. Н. Зерновымъ. Потомъ слѣдовали привѣтствія и адреса: отъ московскаго врачебнаго управленія, отъ врачебно-санитарнаго отдѣла городского управленія, отъ университетскихъ клиникъ: госпитальной, хирургической, пропедевтической, факультетскихъ — терапевтической и хирургической, отъ Базановской клиники, отъ патолого-анатомическаго и бактериологическаго институтовъ университета, отъ медицинскаго факультета высшихъ женскихъ курсовъ, отъ Пироговскаго общества, общества невропатологовъ и психіатровъ, венерологическаго и дерматологическаго общества, терапевтическаго общества, общества борьбы съ дѣтскою смертносью, общества военныхъ врачей, общества оториноларингологовъ, акушерско-гинекологическаго общества, физико-терапевтическаго общества, общества ветеринарныхъ врачей, отъ російскаго зубо-врачебнаго союза и одонтологическаго общества, общества костромскихъ врачей, серпуховскаго медицинскаго общества, хирургическаго общества, общества русскихъ хирурговъ, отъ 2-го всеросійскаго съѣзда фабричныхъ врачей, отъ больницъ: Нюзской, Солдатенковской, Басманной, Старо-Екатерининской, Маріинской, Бахрушинской, Софійской и Пироговской, отъ московскаго военнаго госпиталя, отъ Лепехинскаго родильнаго дома и лечебницы имени Тимистера. На привѣтствія отвѣчалъ Г. Д. Сарычевъ, всѣхъ горячо благодарившій. Обществомъ получено, кромѣ того, множество привѣтственныхъ телеграммъ отъ медицинскихъ учреждений, обществъ, профессоровъ и врачей.

Открытіе выставки печати. 9-го мая, въ два часа дня, въ бывшемъ помѣщеніи государственной типографіи (Инженерная ул., 2) состоялось торжественное открытіе выставки произведеній печати, вышедшихъ въ Россіи въ 1910 году. По своимъ размѣрамъ выставка текущаго года значительно превосходитъ выставки двухъ предыдущихъ лѣтъ. Въ первомъ залѣ выставлены книги религіознаго содержанія. По официальнымъ даннымъ, въ 1910 году напечатано по религіи на русскомъ языкѣ 1,103 сочиненія противъ 1,276 въ 1909 году и 836 въ 1908 году. Въ слѣдующемъ большомъ залѣ помѣщены книги по философіи, психологіи, технологіи, математикѣ, праву, медицинѣ и т. д. Въ концѣ этого зала, за красивой аркой, выставлены беллетристика, поэзія, драма и т. д. Большой интересъ представляетъ залъ, на стѣнахъ котораго развѣшаны выходящія въ Россіи на разныхъ языкахъ повременныя изданія. Изданія эти распределены по районамъ. На отдѣльныхъ щитахъ висятъ газеты, выходящія въ Петербургѣ, Москвѣ, Сѣверо-Западномъ краѣ, Сибири и т. д. По даннымъ главнаго управле-

нія по дѣламъ печати, число повременныхъ изданій въ Россіи постепенно возрастаетъ. Въ 1908 году выходило 2,028 газетъ и журналовъ, въ 1909 году—2,173 и въ 1910 году—2,391. Газетъ печаталось: въ 1908 году—794, въ 1909 году—854 и въ 1910 году—897. Повременныя изданія, выходившія въ Россіи въ 1910 году, появлялись: шесть изданій два раза въ день, 633—одинъ разъ въ недѣлю, 202 изданія два-четыре раза въ недѣлю, 506 изданій шесть-семь разъ въ недѣлю, 515 изданій одинъ разъ въ мѣсяць, 282 изданія два-три раза въ мѣсяць и т. д. На русскомъ языкѣ въ минувшемъ году печаталось 680 газетъ и 1,109 журналовъ, на польскомъ языкѣ—59 газетъ и 199 журналовъ, на нѣмецкомъ языкѣ—36 газетъ и 41 журналъ, на латышскомъ языкѣ—23 газеты и 25 журналовъ, на грузинскомъ языкѣ 11 газетъ и 16 журналовъ, на эстонскомъ языкѣ—24 газеты и 20 журналовъ, на армянскомъ языкѣ—9 газетъ и 20 журналовъ, на татарскомъ языкѣ—16 газетъ и 13 журналовъ, на литовскомъ языкѣ четыре газеты и 13 журналовъ, на еврейскомъ языкѣ—16 газетъ и 15 журналовъ (въ томъ числѣ 14 газетъ и 11 журналовъ на разговорно-еврейскомъ языкѣ) и т. д. Повременныя изданія далѣе выходили на трехъ языкахъ—бѣлорусскомъ, молдавскомъ, осетинскомъ и др. Въ Петербургѣ въ прошломъ году выходило 474 журнала и 81 газета, въ Москвѣ—236 журналовъ и 61 газета, въ Варшавѣ—170 журналовъ и 42 газеты, въ Кіевѣ—62 журнала и 43 газеты, въ Одессѣ—33 журнала и 42 газеты, въ Вильнѣ—32 журнала и 20 газетъ, въ Ригѣ—44 журнала и 28 газетъ, въ Тифлисѣ—43 журнала и 31 газета, въ Баку—16 журналовъ и 15 газетъ и т. д. Въ общемъ, газеты и журналы выходили въ 227 городахъ. Большой залъ отведенъ для книгъ, выходившихъ на инородческихъ языкахъ. Здѣсь выставлены книги на польскомъ, латышскомъ, эстонскомъ, грузинскомъ, литовскомъ, татарскомъ, еврейскомъ, армянскомъ и т. д. Рядомъ съ первымъ заломъ имѣется комната съ учебниками и наглядными пособиями. Отдѣлъ этотъ представляетъ крупный интересъ для всѣхъ, интересующихся педагогическими вопросами. Въ 1910 году учебныхъ пособій напечатано 1,673 противъ 1,396 въ 1900 году и 1,105 въ 1908 году. На выставкѣ имѣются два юбилейныхъ отдѣла: въ одной комнатѣ выставлены изданія и статьи, посвященные пятидесятилѣтнему юбилею освобожденія крестьянъ, а въ другой—изданія и статьи въ память М. Н. Толстого. Юбилейный отдѣлъ освобожденія крестьянъ сравнительно невеликъ. Число книгъ, посвященныхъ этому великому событію, ограничивается нѣсколькими десятками. Помѣщеніе выставки красиво убрано. Стѣны орнаментами. Вестибюль и лѣстница, ведущіе въ залы выставки, убраны плакатами, афишами.

Юбилейное чествованіе инж.-ген. Н. П. Петрова. 16 февраля въ залѣ Николаевской инженерной академіи состоялось торжественное и вмѣстѣ съ тѣмъ задушевное чествованіе 40-лѣтней учено-литературной дѣятельности члена государственнаго совѣта, почетнаго члена Николаевской инженерной академіи, заслуженнаго профессора, инженеръ-генерала Н. П. Петрова. Чествовать юбиляра собрались многочисленныя видныя представители техники, вѣдомствъ, науки, товарищи-профессора и ученики, бывшіе и настоящіе, Н. П. Петрова. Присутствовала in cogroge конференція Николаевской инженерной академіи во главѣ съ начальникомъ ея ген.-лейт. Крюковымъ. Привѣтственнымъ словомъ

послѣдняго, обращеннымъ къ юбиляру, было открыто собраніе. Ген. Крюковъ преподнесъ первый адресъ Н. П. Петрову и охарактеризовалъ ученую дѣятельность юбиляра, написавшаго болѣе 80 сочиненій, весьма замѣчательныхъ по содержанию своему. Ученые труды юбиляра обратили на себя вниманіе всего ученаго міра. Далекю за предѣлами Россіи извѣстно имя Н. П. Петрова. Всюду признанъ онъ выдающимся представителемъ науки и техники. Академія должна гордиться и гордится, имѣя въ своихъ рядахъ Н. П. Академія считаетъ себя счастливой, что въ день 40-лѣтія ученой дѣятельности своего члена она можетъ пожелать ему въ будущемъ многолѣтней плодотворной работы. Затѣмъ собраніе заслушало нѣсколько докладовъ, содержащихъ въ себѣ оцѣнку научныхъ трудовъ маститаго юбиляра. Первымъ говорилъ профессоръ Кирпичевъ о значеніи для науки гидродинамической теоріи, разработанной Н. П. Профессоръ Кривошеинъ очертилъ роль работъ генерала Петрова въ вопросѣ о напряженіяхъ въ рельсахъ. Теплыми и задушевными тонами звучала рѣчь преп. Яковлева, говорившаго о заслугахъ юбиляра въ области желѣзнодорожнаго хозяйства. Н. П. Петровъ, кромѣ практическихъ заслугъ въ этомъ дѣлѣ, которыя онъ имѣетъ за собой въ качествѣ предсѣдателя анкетной желѣзнодорожной комиссіи, бывшаго товарища министра путей сообщенія и предсѣдателя департамента Г. Совѣта, развѣщающаго вопросы о новыхъ въ Россіи желѣзныхъ дорогахъ, извѣстенъ какъ видный теоретикъ. Со всей выпуклостью присущаго юбиляру анализа онъ доказалъ фактъ кажущейся убыточности русскихъ желѣзныхъ дорогъ и громадную роль ихъ, какъ экономическихъ факторовъ, и выяснилъ общіе экономическіе результаты желѣзнодорожныхъ путей. Всѣмъ этимъ Россія и, въ частности, русскіе инженеры должны особенно гордиться, потому что это сдѣлано было русскимъ инженеромъ, всю жизнь искавшимъ новыхъ путей. Привѣтствія и своихъ представителей прислали слѣдующія вѣдомства, ученые учрежденія и лица: министерство императорскаго двора, министерство путей сообщенія, министерство народнаго просвѣщенія, министерство финансовъ, морское министерство, главное артиллерійское управленіе, главное военно-санитарное управленіе, инженерный совѣтъ министерства путей сообщенія, высочайше учрежденная особая высшая комиссія для всесторонняго изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, императорская академія наукъ, императорская Николаевская военная академія, интендантскій курсъ, императорскій с.-петербургскій университетъ, императорскій московскій университетъ, императорскій казанскій университетъ, императорскій харьковскій университетъ, институтъ инженеровъ путей сообщенія императора Александра I, технологическій институтъ императора Николая I, харьковскій технологическій институтъ императора Александра III, томскій технологическій институтъ императора Николая II, петербургскій политехнический институтъ императора Петра Великаго, варшавскій политехнический институтъ императора Николая II, кievскій политехнический институтъ, рижскій политехнический институтъ, институтъ гражданскихъ инженеровъ императора Николая I, императорскій лѣсной институтъ, электротехнический институтъ императора Александра III, императорское московское техническое училище, императорское московское инженерное училище вѣдомства путей сообщенія,

московскій сельско-хозяйственный институтъ, с.-петербургскіе высшіе женскіе политехническіе курсы, морское инженерное училище императора Николая I, императорское с.-петербургское коммерческое училище, императорское русское техническое общество, бакинское отдѣленіе императорскаго русскаго техническаго общества, николаевское отдѣленіе императорскаго русскаго техническаго общества, екатеринославское отдѣленіе императорскаго русскаго техническаго общества, саратовское отдѣленіе императорскаго русскаго технического общества, русское физико-химическое общество, московское математическое общество, состоящее подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ общество военной, морской и сельской техники, императорское московское общество испытателей природы, общество естествоиспытателей при императорскомъ варшавскомъ университетѣ, общество испытателей природы при императорскомъ харьковскомъ университетѣ, уральское общество любителей естествознанія, общество содѣйствія успѣхамъ опытныхъ наукъ и ихъ практическихъ примѣненій, имени Х. С. Леденцова, состоящаго при императорскомъ московскомъ университетѣ и императорскомъ московскомъ техническомъ училищѣ, комитетъ съѣздовъ русскихъ дѣятелей по водянымъ путямъ, постоянный комитетъ всероссійскихъ электротехническихъ съѣздовъ, общество русскихъ паровозо- и вагостроительныхъ и металлургическихъ заводовъ, собраніе инженеровъ путей сообщенія, правленіе общества технологовъ и редація «Вѣстника» общества, редація «Инженернаго Журнала», редація «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», редація журнала «Желѣзнодорожное Дѣло», юрьевскій университетъ, гр. С. Ю. Витте и мн. др. Въ рѣчахъ и привѣтствіяхъ единодушно подчеркивалась свѣтлая личность юбиляра, его проникновенный умъ, тонкость анализа, наблюдательность и трогательная скромность. Растроганный Н. П. благодарилъ собравшихся за привѣтствія и пожеланія. Чествованіе затянулось до самаго вечера.

НЕКРОЛОГИ.

АНТОНІЙ, епископъ. 20-го апрѣля скончался епископъ черниговскій и нѣжинскій Антоній. Почившій, въ мѣрѣ Яковъ Григорьевичъ Соколовъ, сынъ священника, родился въ 1851 году въ селѣ Свинчусъ (Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи) и воспитывался въ мѣстной семинаріи; по окончаніи семинарскаго курса (1871 г.) занималъ должность преподавателя въ касимовскомъ духовномъ училищѣ (1871—1875 гг.), а затѣмъ продолжалъ свое богословское образование въ московской духовной академіи (1875—1879 гг.). Выпущенный изъ послѣдней со степенью кандидата богословія (1879 г.), онъ состоялъ преподавателемъ кievской семинаріи (1879—1883 гг.), по постриженіи въ монашество — инспекторомъ виванской семинаріи (1883—1884 гг.), а по возведеніи въ санъ архимандрита — ректоромъ подольской семинаріи. Хиротонисанный въ архіереи (24 сентября 1889 г.), покойный сначала былъ викаріемъ въ черниговской (1889—1891 гг.) и новгородской епархіяхъ (1891—1893 гг.), пока не занялъ самостоятельной кафедрой въ Черниговѣ (съ 3-го сентября 1893 года), на которой и оставался до кончины. Изъ трудовъ епископа Антонія извѣстны: «Слово при нареченіи въ архіереи» («Церковныя Вѣдомости» 1889 г., № 39) и «Проповѣди», печатавшіяся въ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1911 г., № 91).

† **Баязитовъ, Атаулла, мулла, петербургскій ахундъ и мударрисъ.** 23 апрѣля состоялось погребеніе на магометанскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ скончавшагося наканунѣ весьма популярнаго мусульманскаго общественнаго дѣятеля, старшаго муллы второго магометанскаго петербургскаго прихода, Атауллы Баязитова. Послѣднія пять-шесть лѣтъ А. Баязитовъ стоялъ во главѣ татарской газеты «Нуръ» (Свѣтъ), въ которой проповѣдывалъ своимъ темнымъ единовѣрцамъ здравые принципы культуры и миролюбивое

отношеніе къ окружающей ихъ русской средѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ редакторъ старался выяснитъ русскому обществу и власти правильный и гуманный взглядъ на мусульманъ русскихъ подданныхъ вообще и Поволжья въ особенности, на нарѣччі которыхъ и издавался «Нуръ». Въ тяжелыя времена недавно пережитой нашимъ отечествомъ, въ 1905—1906 г.г., внутренней смуты, среди русскихъ мусульманъ нашихъ, какъ волжскихъ, такъ и кавказскихъ окраинъ, стало замѣчаться, благодаря революціоннымъ «ходакамъ» изъ Турціи и Персіи, нѣкоторое нежелательное броженіе. Успокаивая это наносное волненіе, А. Баязитовъ въ своей газетѣ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы быть полезнымъ посредникомъ между правительственной властью и темной доселѣ массой своихъ единовѣрцевъ, сбиваемыхъ съ благоразумнаго пути по невѣжеству и отсутствію руководителей, въ лицѣ непросвѣщенныхъ муллъ, а не по злой волѣ. Въ этомъ отношеніи органъ ахунда Баязитова сослужилъ извѣстную службу въ мусульманскомъ Поволжьи и приобрѣлъ тамъ значеніе и довѣріе. Ахундъ Баязитовъ родился въ гор. Касимовѣ, Рязанской губерніи, въ 1844 году. Сравнительно нестарымъ человѣкомъ онъ, какъ отличный мусульманскій богословъ, занялъ должность муллы второго магометанскаго прихода въ Петербургѣ и сохранялъ этотъ трудный и отвѣтственный постъ почти въ теченіе сорока лѣтъ, до послѣднихъ дней жизни. Независимо отъ этого ахундъ Баязитовъ (название «ахундъ» соотвѣтствуетъ степени нашего протоіерея, а «мударисъ» означаетъ официально признаннаго ученаго начетчика мусульманъ) состоялъ все это время въ драгоманатѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (гдѣ былъ на государственной службѣ, въ должности коллежскаго совѣтника, имѣя всѣ знаки отличія до ордена св. Анны 2 ст.) и преподавателемъ турецкаго и татарскаго языка въ учебныхъ классахъ восточныхъ языковъ, состоящихъ при названномъ министерствѣ. Равнымъ образомъ А. Баязитовъ много лѣтъ сряду былъ причисленъ, въ качествѣ совѣтника-спеціалиста, къ департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. При покойныхъ его директорахъ, князѣ М. Р. Кантакузинѣ и А. Н. Мосоловѣ, ахундъ пользовался заслуженнымъ авторитетомъ. Въ самое послѣднее время А. Баязитовъ настоятельно высказывался за необходимость коренной реформы въ управленіи дѣлами русскихъ мусульманъ (Св. Зак. т. XI ч. 2), указывая на крайнюю нужду преобразовать на рациональныхъ началахъ, соотвѣтствующихъ основамъ ислама, какъ оренбургское духовное собраніе (для суннитовъ), такъ и таврическое духовное правленіе (для шитовъ), съ обязательнымъ поднятіемъ умственнаго и нравственнаго уровня муллъ и того и другого магометанскаго толка, которые до сихъ поръ, въ сущности, являлись главнѣйшей причиной застоя и невѣжества въ татарской средѣ. Однако департаментъ (при г. Харузинѣ), пройдя мимо этихъ простыхъ и здравыхъ взглядовъ, занялся несбыточнымъ проектомъ соединить всѣ духовныя дѣла русскихъ мусульманъ въ одно управленіе, равнозначашее и для суннитовъ и для шитовъ, что, по ученію ислама, совершенно невозможно и даже незаконно. По сооруженію мечети въ Петербургѣ (чему мѣстные татары всецѣло обязаны бухарскому эмиру) А. Баязитовъ, какъ членъ комитета по постройкѣ, оказалъ не мало пользы своей личной инициативой и энергіей по сбору пожертвованій. Въ литературѣ извѣстны популярныя

брошюры А. Баязитова, въ которыхъ онъ пытался, по возможности, защитить свою вѣру противъ нареканій въ ея враждебномъ отношеніи къ наукѣ и прогрессу («Исламъ и прогрессъ», «Возраженіе на рѣчь Эрнеста Ренана» и др.), но выводы автора врядъ ли можно считать безспорными. При погребеніи говорили сочувственныя почившему рѣчи предсѣдатель комитета по постройкѣ мечети Д. Девлетшинъ и мусульманскіе депутаты государственной думы — Максудовъ и Тукаевъ. Скончался А. Баязитовъ совсѣмъ еще нестарымъ человѣкомъ—ему было только 67 лѣтъ—отъ собственной неосторожности, такъ какъ недостаточно обращалъ вниманія на мучившую его за послѣдніе годы болѣзнь кишекъ, отъ которой не помогла и произведенная больному операція. Какъ человѣкъ, А. Баязитовъ отличался рѣдкой добротой и корректностью въ отношеніяхъ со всѣми, а какъ мыслитель это былъ большой, безъ малѣйшаго фанатизма, либераль и горячій поклонникъ персидской мистической поэзіи суфіевъ и знатокъ Хафиза.

† **Георгіевскій, А. И.** 17 апрѣля на Казанскомъ кладбищѣ Царскаго Села похоронили дѣйствительнаго тайнаго совѣтника сенатора Александра Ивановича Георгіевскаго. А. И. родился въ Москвѣ 31 іюля 1830 года и съ девятилѣтняго возраста воспитывался въ московскомъ дворянскомъ институтѣ, изъ котораго поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета (1846—1850 г.). По окончаніи курса первымъ кандидатомъ, онъ съ 10 сентября 1851 г. началъ свою педагогическую службу въ Москвѣ преподавателемъ исторіи при Александровскомъ сиротскомъ кадетскомъ корпусѣ, а также открылъ свою учено-литературную дѣятельность въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ извѣстномъ сборникѣ Леонтьева «ПроPILEИ», гдѣ, между прочимъ, появился его важный трудъ «Біографія Винкельмана». Научныя печатныя работы скоро доставили А. И. катедру всеобщей исторіи и статистики въ одесскомъ Ришельевскомъ лицѣ (съ 7 ноября 1854 г.). Здѣсь въ теченіе восьми лѣтъ, на ряду съ научными занятіями, ему удалось широко развить свою журнальную и публицистическую дѣятельность: онъ состоялъ редакторомъ «Одесскаго Вѣстника», издалъ «Новороссійскій Литературный Сборникъ» (1859 г.), печаталъ историческія статьи въ журналахъ «Русское Слово» и «Русскій Вѣстникъ». При такихъ усиленныхъ занятіяхъ на журнальномъ и газетномъ поприщѣхъ энергичный дѣятель, однако, не терялъ изъ виду своей ученой дороги: онъ успѣлъ написать магистерскую диссертацию «Галлы въ эпоху Каія Юлія Цезаря» (М. 1865 г.), защитить ее (въ декабрѣ 1865 г.) и уже былъ назначенъ доцентомъ всеобщей исторіи при московскомъ университетѣ (въ мартѣ 1866 г.), но, не вступая на эту катедру, съ 22 сентября 1866 г. принялъ назначеніе на должность редактора «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» и члена ученаго комитета того же министерства. Съ той поры открылась особенно важная дѣятельность покойнаго для исторіи русскаго просвѣщенія; со времени же опредѣленія членомъ совѣта министра (8 іюля 1871 г.) и, главнымъ образомъ, предсѣдателемъ ученаго комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія (съ 30 апрѣля 1873 г.) непосредственное участіе А. И. проявилось во всѣхъ главныхъ законодательныхъ работахъ, касавшихся русскаго учебнаго дѣла, до назначенія его сенаторомъ (съ 16 мая 1901 г.). Изъ послѣднихъ печатныхъ тру-

довъ почившаго дѣятеля слѣдуетъ назвать: «Къ исторіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1900 г., кн. 10—12; 1902 г., кн. 4 и 5), «Предположенная реформа нашей средней школы» (Спб. 1901 г., на правахъ рукописи) и замѣчательное обширное «Письмо къ издателю» («Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 126), имѣющее автобіографическій интересъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1911 г., № 88).

† **Добротворскій, М. С.** 24-го апрѣля скончался отъ гангренознаго воспаления легкихъ и септицеміи старшій врачъ клиники нервныхъ и душевныхъ болѣзней при военно-медицинской академіи Митрофанъ Степановичъ Добротворскій. Онъ родился въ 1858 году въ Нижнемъ-Новгородѣ и по окончаніи нижегородской гимназіи поступилъ въ военно-медицинскую академію. Покойный одно время состоялъ полковымъ врачомъ. Послѣ причисленія къ петербургскому военному округу докторъ Добротворскій вскорѣ получилъ степень доктора медицины и сначала былъ завѣдующимъ отдѣленіемъ, а съ 1901 года старшимъ врачомъ клиники нервныхъ и душевныхъ болѣзней при военно-медицинской академіи. Въ послѣдней должности М. С. оставался до своей смерти. Покойный М. С. также много работалъ въ общинѣ св. Евгеніи и въ Красномъ Крестѣ, гдѣ очень цѣнились его указанія въ области организаціи медицинской части госпиталей. М. С. является авторомъ ряда плановъ образцовыхъ земскихъ психіатрическихъ больницъ, разработка которыхъ поручалась ему, какъ весьма освѣдомленному въ этой области лицу. Въ научномъ мірѣ покойный былъ извѣстенъ многими цѣнными трудами, преимущественно по анатоміи, гистологіи и физиологіи нервной системы и по электроterapiи, считавшейся его спеціальностью. М. С. состоялъ профессоромъ психо-неврологическаго института и принималъ очень дѣятельное участіе въ разработкѣ плановъ и надзорѣ за постройками клиники института. На постройкахъ онъ и простудился, заболѣвъ сначала инфлуэнцей, перешедшей затѣмъ въ гангренозное воспаление легкихъ. Крѣпкая натура покойнаго въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ упорно боролась съ серьезной болѣзью. Смерть М. С., являвшагося однимъ изъ организаторовъ закрывшагося петербургскаго «собранія» врачей, которое имѣло цѣлью объединеніе врачей, и принимавшаго активное участіе въ общественной жизни врачебнаго сословія, встрѣчена товарищами съ глубокой грустью. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 112).

† **Козляниновъ, Л. Л.** Не стало сотрудника газеты «Новое Время», отставнаго капитана 2 ранга Леонида Лавровича Козлянинова, скончавшагося неожиданно отъ мозговаго кровоизліянія 1-го мая. Покойный работалъ въ «Новомъ Времени» съ 1897 года, сперва въ качествѣ случайнаго корреспондента и въ послѣдніе годы въ качествѣ рецензента, преимущественно балетныхъ спектаклей. Въ оцѣнкѣ хореографическаго искусства онъ считался однимъ изъ знающихъ и справедливыхъ критиковъ. Л. Л. родился 7-го апрѣля 1867 года. По окончаніи курса въ морскомъ училищѣ онъ началъ службу гардемариномъ и вскорѣ на фрегатѣ «Генералъ-Адмиралъ» отправился въ заграничное плаваніе. Его первое плаваніе совпало съ плаваніемъ на томъ же фрегатѣ великаго князя Георгія Александровича. Затѣмъ онъ плавалъ за границей на фрегатѣ

«Мининъ», броненосецъ «Наваринъ» и мореходной канонерской лодкѣ «Гремящій». Во время оккупации острова Крита онъ находился среди русскихъ моряковъ, входившихъ въ составъ международнаго оккупационнаго отряда. Въ это время Л. Л. прислалъ рядъ интересныхъ корреспонденцій съ Крита, напечатанныхъ въ «Новомъ Времени». Въ 1900 году покойный былъ на Дальнемъ Востоку, въ водахъ Печилійскаго залива, участвовалъ въ занятіи Инкоу и занялся подробнымъ изслѣдованіемъ рѣки Пейхо, явившись первымъ ея изслѣдователемъ. Вернувшись въ Петербургъ, Л. Л. отправился въ сѣверную экспедицію для изслѣдованія Ледовитаго океана и морского пути въ Азію. Затѣмъ служилъ въ Балтійскомъ флотѣ и вмѣстѣ съ нимъ пережилъ морскія смуты такъ называемаго освободительнаго движенія. Ему пришлось, между прочимъ, быть судебнымъ защитникомъ по назначенію 52 нижнихъ чиновъ флота, принявшихъ участіе въ кронштадтскихъ беспорядкахъ. Гдѣ бы ни плавалъ покойный и гдѣ бы ни служилъ, онъ всегда строго относился къ исполненію своихъ обязанностей, былъ сердечнымъ товарищемъ и внимательнымъ начальникомъ подчиненной ему команды. Его цѣнили и любили и, когда ему по нездоровью пришлось покинуть флотъ, товарищескія симпатіи вылились въ рядъ теплыхъ соболѣзнованій и сочувствій. Послѣдніе годы по выходѣ въ отставку онъ страдалъ разстройствомъ кровообращенія и нервовъ, и не могъ хорошо ходить, не опираясь на палку. Съ мѣсяць назадъ онъ несчастливо упалъ и, разбивъ себѣ надколѣбную чашку, долго мучился въ госпиталѣ. Неожиданная смерть прекратила его страданія. Среди своихъ сотоварищей по газетѣ Л. Л. оставилъ по себѣ прекрасную память. Всегда привѣтливый, во всѣхъ отношеніяхъ корректный, онъ былъ въ то же время скромнымъ и сердечнымъ, готовымъ оказать помощь и содѣйствіе всякому хорошему дѣлу. (Некрологъ: «Новое Время», 1911 г., № 12621).

† **Красовскій, М. В.** 27 апрѣля не стало виднаго общественнаго дѣятеля, члена госуд. совѣта по выборамъ Михаила Васильевича Красовскаго, скончавшагося въ своемъ имѣніи Черниговской губ., куда онъ поѣхалъ на пасхальные праздники. Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу дѣятель, богатый инициативой, стойкій въ своихъ политическихъ и общественныхъ взглядахъ и горячо вѣровавшій въ будущую мощь обновленной Россіи. На всѣхъ общественныхъ поприщахъ, на которыхъ ему пришлось трудиться, и на государственной службѣ онъ проявилъ свою значительную трудоспособность, прекрасно разбираясь въ деталяхъ каждаго дѣла и всегда руководствуясь государственной и общественной пользой. Онъ умѣлъ не только самъ работать, но и вдохновлять къ полезной дѣятельности другихъ, являясь душой и руководителемъ своихъ единомышленниковъ. Прекрасный ораторъ, онъ избѣгалъ многословія; его рѣчи всегда отличались дѣловитостью, правильностью и силой анализа и вѣрностью заключеній. Петербургъ узналъ покойнаго впервые въ 1905 г., когда онъ былъ избранъ предсѣдателемъ петербургской городской думы, раньше же онъ приобрѣлъ себѣ крупную популярность своей дѣятельностью и обширными хозяйственными начинаніями въ Черниговской губерніи. Онъ недолго руководилъ общими собраніями петербургской думы, увлекаясь политической дѣятельностью, и черезъ годъ сложилъ съ себя званіе предсѣдателя думы. Участникъ московскаго съѣзда

земских и городских дѣятелей во время такъ называемаго освободительнаго движенія, онъ отнесся отрицательно къ тогдашнимъ забастовкамъ, революціонному террору и кадетскимъ политическимъ тезисамъ и высказался, какъ сторонникъ мирнаго обновленія. Послѣ манифеста 1905 г. покойный принялъ дѣятельное участіе въ разработкѣ программы «союза 17 октября» и въ его первоначальной организаціи. Избранный членомъ с.-петербургскаго центральнаго комитета «союза», онъ принималъ дѣятельное участіе въ агитаціонныхъ предвыборныхъ общихъ собраніяхъ и горячо ратовалъ за возстановленіе нарушенныхъ порядка и законности, за скорѣйшее прекращеніе революціоннаго броженія и возстановленіе мирной жизни путемъ осуществленія свободъ манифеста 17 октября. Съ дѣлюю болѣе обстоятельной пропаганды своихъ убѣжденій и взглядовъ единомышленниковъ онъ явился инициаторомъ учрежденія въ Петербургѣ клуба общественныхъ дѣятелей, былъ избранъ первымъ предсѣдателемъ совѣта старшинъ этого клуба и оставался имъ беззмѣнно до конца своей жизни. Въ первое время своего существованія клубъ общественныхъ дѣятелей былъ сильнымъ политическимъ противникомъ кадетской агитаціи, антинациональныхъ взглядовъ и своею силою былъ во многомъ обязанъ энергіи и неустаннымъ трудамъ своего предсѣдателя. Кромѣ того, онъ въ это же время становится во главѣ небольшой газеты «Новый путь», издававшейся на средства, собранныя по инициативѣ М. П. Триполитова въ торгово-промышленной группѣ. Въ этой газетѣ имъ помѣщено немало собственныхъ передовыхъ статей по текущимъ вопросамъ и съ разъясненіями новаго курса политики. Какъ редакторъ, М. В. не проявилъ особенныхъ талантовъ, и газета скоро погибла, при чемъ любопытно отмѣтить, что М. В. не пожелалъ ее передать въ чужія руки, не увѣренный, что новая фирма сумѣетъ продолжать начатое имъ дѣло. М. В. родился въ Черниговской губерніи въ 1851 г. По окончаніи курса въ кievскомъ университетѣ онъ началъ службу въ сенатѣ, быстро выдѣлился своими юридическими познаніями и работоспособностью и на пятомъ году службы былъ уже оберъ-секретаремъ общихъ собраній сената. Во время ревизіи сенаторомъ М. Е. Ковалевскимъ учрежденій Казанской, Оренбургской и Уфимской губерній покойный былъ приглашенъ къ участію въ ревизіонныхъ работахъ въ качествѣ старшаго чиновника. На его долю выпало составленіе большей части отчета о ревизіи. Въ 80-хъ годахъ онъ служилъ въ государственной канцеляріи, сперва помощникомъ статсъ-секретаря, затѣмъ статсъ-секретаремъ и въ 1890 году былъ назначенъ директоромъ перваго департамента министерства юстиціи. Пробывъ во главѣ департамента въ теченіе трехъ лѣтъ, М. В. перешелъ въ Харьковъ на должность старшаго предсѣдателя мѣстной судебной палаты и вернулся въ Петербургъ въ 1897 г., будучи назначенъ оберъ-прокуроромъ общихъ собраній сената. Въ 1903 г. покойный вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя общественной дѣятельности. Въ это время въ Петербургѣ было введено новое городское положеніе, и М. В. былъ избранъ въ гласные думы по квартиронаимательскому цензу. Въ думѣ своею дѣловитостью и правильными взглядами на веденіе городского хозяйства онъ завоевалъ себѣ общія симпатіи и въ 1905 г. былъ избранъ предсѣдателемъ городской думы. Въ московскомъ земскомъ сѣздѣ онъ участвовалъ въ

качествѣ представителя Петербурга и черниговскаго земства. Въ 1901 г. М. В. былъ избранъ черниговскимъ земствомъ въ члены госуд. совѣта. Помимо участія въ госуд. совѣтѣ онъ состоялъ въ послѣдніе годы членомъ особой высшей комиссіи для всесторонняго изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, образованной при министерствѣ путей сообщенія. Кромѣ того, онъ былъ членомъ совѣта Волжско-Камскаго коммерческаго банка. Принадлежа къ крупнымъ землевладѣльцамъ Черниговской губерніи, онъ внесъ много цѣннаго въ мѣстную сельско-хозяйственную жизнь. Ввелъ въ своемъ имѣніи многопольную систему, широко примѣнялъ минеральныя удобрения и усовершенствованныя земледѣльческія орудія и этимъ много способствовалъ къ поднятію земледѣлія среди мѣстныхъ крестьянъ. По его почину кружокъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ устроилъ сахарный заводъ на товарищескихъ началахъ и въ мѣстечкѣ Бобровецъ Козелецкаго уѣзда союзомъ землевладѣльцевъ учреждено бобровское общество взаимнаго сельско-хозяйственнаго кредита. Въ обоихъ предпріятіяхъ М. В. былъ до конца своей жизни предсѣдателемъ. Въ качествѣ сперва уѣзднаго, затѣмъ губернскаго гласнаго, онъ не пропустилъ почти ни одного земскаго собранія Козелецкаго уѣзда и Черниговской губерніи. Какъ человекъ, покойный отличался сердечностью, доброжелательностью и замѣчательной общительностью. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 11.617).

† **Крупскій, А. К., проф.** 20-го апрѣля утромъ скончался заслуженный профессоръ петербургскаго технологическаго института А. К. Крупскій. Онъ родился въ 1845 году, окончилъ физико-математическій факультетъ петербургскаго университета. Еще будучи студентомъ, онъ своими способностями обратилъ на себя вниманіе профессоровъ, и въ 1867 году, по окончаніи университета, былъ командированъ за границу на 3 года, гдѣ слушалъ лекціи въ цюрихскомъ политехникумѣ и лейпцигскомъ университетѣ, работалъ въ лабораторіяхъ Кольбе, Штреккера и др. ученыхъ. Въ 1871 году, по возвращеніи изъ-за границы, онъ былъ избранъ преподавателемъ химической технологіи въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ. Съ этимъ институтомъ А. К. не разставался до послѣдняго дня своей жизни. Главнѣйшая заслуга покойнаго заключалась въ улучшеніи и развитіи методовъ преподаванія технологіи. Онъ пользовался огромнымъ уваженіемъ и симпатіями профессуры и студенчества. Когда въ 1910 году А. К. вслѣдствіе утомленія заявилъ о своемъ намѣреніи оставить институтъ, учебный комитетъ единогласно просилъ его остаться. Покойный отличался прогрессивнымъ образомъ мыслей, хотя и не выступалъ какъ общественный дѣятель. До послѣднихъ дней онъ сохранилъ живой интересъ къ наукѣ. Недавно имъ былъ написанъ трудъ о холодильникахъ и составленъ проектъ холодильнаго вагона, удостоенный преміи. Перу его принадлежатъ рядъ ученыхъ трудовъ: «Русская химическая промышленность», «Альбуминъ изъ крови», «Пивоваренное производство за границей», «О русскихъ стеклянныхъ заводахъ» и мн. др. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 107).

† **Марковъ, Н. Ѳ.** Въ ночь на 10 мая скончался помощникъ управляющаго канцеляріей святѣйшаго синода Николай Ѳедоровичъ Марковъ. Покойный сынъ священника московской епархіи. Образование получилъ въ петербургскомъ университетѣ, который окончилъ съ золотой медалью. Въ 1885 году поступилъ

на службу въ святѣйшій синодъ, гдѣ и оставался до самой смерти, пройдя послѣдовательно должности сначала младшаго, а затѣмъ и старшаго секретаря, помощника юрисконсульта при синодальномъ оберъ-прокурорѣ и, наконецъ, помощника управляющаго канцелярїей святѣйшаго синода. Какъ выдающійся юристъ, покойный выполнилъ немало весьма отвѣтственныхъ порученій: такъ, онъ производилъ ревизіи знаменитаго Александро-Свирскаго монастыря, новгородскаго епархіальнаго управленія, екатеринославской и полтавской консисторій, состоялъ членомъ комиссіи по разбору и описанію синодальнаго архива и принималъ дѣятельное участіе въ составленіи инструкціи секретарямъ духовныхъ консисторій. Помимо этихъ сложныхъ занятій, покойный удѣлялъ время и литературѣ. Его перу принадлежить рядъ статей въ «Церковномъ Вѣстникѣ», гдѣ онъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ завѣдывалъ даже особымъ отдѣломъ. За составленный имъ IX томъ «Полнаго собранія постановленій и распоряженій правительства по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1735—37 гг.» покойный удостоился высочайшей благодарности. Смерть постигла Н. Θ. на сорокъ девятомъ году отъ рожденія. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12629).

† **Матвеевичъ-Мацѣвичъ, Б. В.** 18 апрѣля погибъ авіаторъ Брониславъ Витольдовичъ Матвеевичъ-Мацѣвичъ. Б. В. родился 2 октября 1882 г. Въ офицеры произведенъ 31 августа 1901 г. Окончилъ курсъ въ третьемъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ и три класса Николаевскаго инженернаго училища по первому разряду. Онъ служилъ въ брестъ-литовскомъ крѣпостномъ воздухоплавательномъ отдѣленіи и кончилъ курсъ въ учебномъ воздухоплавательномъ паркѣ у генерала Кованько по первому разряду. Затѣмъ онъ числился переведеннымъ въ постоянный составъ офицерской воздухоплавательной школы. Какъ выдающійся по своимъ способностямъ воздухоплаватель, покойный былъ командированъ во Францію, въ Парижъ, для изученія авіаціи и въ По. Матвеевичъ-Мацѣвичъ сдѣлался инструкторомъ въ школѣ авіаціи особаго комитета, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ его императорскаго высочества великаго князя Александра Михайловича, по созданію русскаго военнаго флота въ Севастополѣ; тамъ погибшій авіаторъ занимался обученіемъ офицеровъ. Штабсъ-капитанъ Матвеевичъ-Мацѣвичъ долженъ былъ вернуться 1 мая въ офицерскую воздухоплавательную школу въ Гатчину, гдѣ долженъ былъ заняться обученіемъ офицеровъ, назначенныхъ военнымъ министромъ. Покойный завѣдывалъ въ Севастополѣ мастерской отдѣла воздушнаго флота, которой до него не существовало и которая была имъ создана. Въ этомъ его большая заслуга для русскаго воздушнаго флота. Матвеевичъ-Мацѣвичъ былъ выдающимся офицеромъ и отважнымъ летчикомъ. Его полеты изъ Севастополя въ Замрукъ и Джанкой (около 150 верстъ отъ Севастополя) памятны всѣмъ, кто былъ ихъ свидѣтелемъ. Лица, знавшія покойнаго Матвеевича-Мацѣвича, отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ замѣчательнаго самообладанія и большихъ знаній. Какъ авіаторъ, онъ отличался рѣдкимъ хладнокровіемъ и огромной опытностью и при спускахъ поражалъ даже авіаторовъ чистотою своихъ атериссажей. Въ день открытія школы, въ присутствіи великаго князя Александра Михайловича, несмотря на порчу мотора, Матвеевичъ-Мацѣвичъ

спустился съ высоты 150 метровъ вполне благополучно. За границей съ нимъ было также нѣсколько опасныхъ случаевъ, которые все не имѣли печальнаго исхода, благодаря исключительному самообладанію покойнаго. Какъ человекъ, Матвѣвичъ-Мацѣвичъ оставилъ у всѣхъ знавшихъ его самое лучшее воспоминаніе. Выдающийся офицеръ, онъ и въ частной жизни сумѣлъ заслужить общее уваженіе и любовь. Русское военное дѣло и русская авіація понесли тяжелую утрату. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12607).

† **Навроцкій, В. В.** Въ Одессѣ скончался В. В. Навроцкій, редакторъ-издатель «Одесскаго Листка», самой старой и самой распространенной мѣстной газеты, выросшей за время своего 38-лѣтняго существованія изъ маленькаго «Листка объявленій», расклеивавшагося на углахъ одесскихъ улицъ, въ большой прогрессивный органъ печати, по образцу столичныхъ. Своимъ успѣхомъ и ростомъ «Одесскій Листокъ» обязанъ, главнымъ образомъ, покойному В. В., руководившему этимъ изданіемъ со дня его основанія. Человѣкъ кипучей энергіи и большой практической сметки, В. В. все силы свои отдалъ своему дѣтищу-газетѣ, которую нужно было обезпечивать въ первые годы ея существованія и средствами, и литературными силами, и оберегать отъ нагисковъ цензуры. Пришлось пережить нѣсколько острыхъ періодовъ прежде, чѣмъ газета стала прочно на ноги. В. В. употреблялъ все усилія, чтобы расширить и упрочить свое изданіе, которое въ 90-хъ годахъ, когда въ немъ работали видные столичные журналисты (Д. Минаевъ, Г. Градовскій, Е. Оболенскій, Діонео, Буква, В. Дорошевичъ и др.), пользовалось большою популярностью далеко за предѣлами Одессы. В. В. въ то же время умѣлъ ладить съ начальствомъ и тѣмъ оберегалъ свое изданіе отъ административныхъ каръ. Между прочимъ В. В. устроилъ для своихъ подписчиковъ бесплатную читальню (впоследствии, впрочемъ, имъ закрытую). В. В. создано было и Пушкинское убѣжище для инвалидовъ печати, судьба котораго сложилась не особенно удачно. Газета росла, и росло ея вліяніе на мѣстныя дѣла, въ которыхъ В. В. принималъ участіе и въ качествѣ гласнаго городской думы и члена разныхъ комиссій. Когда же одесская дума сдѣлалась ярко-черносотенной, В. В. порвалъ съ ней сношенія. Покойный издатель «Одесскаго Листка» представлялъ собою типъ рѣдкаго русскаго самородка, который даже безъ достаточнаго образованія, только благодаря своей энергіи, практическому уму и пониманію требованій жизни, создалъ большой и вліятельный органъ печати. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 126).

† **Обручева, Е. Н.** 19-го апрѣля скончалась Екатерина Николаевна Обручева, бывшая инспектрисса императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, прослужившая 33 года въ этомъ заведеніи и не разъ во время болѣзни и отпусковъ бывшихъ при ней начальницъ несшая на себѣ трудъ управленія всемъ заведеніемъ. Какъ бывшая воспитанница этого же института, знавшая его во всѣхъ деталяхъ, искренно его любившая, Е. Н. съ отличившимъ ее умомъ, энергіей и добросовѣстностью была рѣдкой, выдающейся дѣятельницей въ Смольномъ институтѣ; объ этомъ свидѣлствуютъ какъ глубокое къ ней уваженіе и любовь ея бывшихъ сослуживицъ и сослуживцевъ, такъ и горячая признательность и преданность ей ея воспитанницъ. Въ началѣ своей

службы Е. Н. была классной дамой, позже инспектриссой пепиньерокъ и затѣмъ инспектриссой младшихъ и старшихъ классовъ и всегда неустанно и ревностно трудилась надъ воспитаніемъ вѣрннхъ ей дѣтей. Не одно поколѣніе русскихъ женщинъ прошло черезъ ея руки и вышло изъ Смольнаго, унося въ своихъ сердцахъ высоконравственный обликъ дорогой, глубокоуважаемой Е. Н. Она была для нихъ мѣриломъ ихъ собственной душевной жизни, живымъ примѣромъ исполненія долга. Онѣ, особенно тѣ, которыя были пепиньерками и потому еще ближе къ ней стояли, всецѣло отдавались ея вліянію и до гробовой доски вспоминали, а живущія и будутъ еще вспоминать ея неусыпныя заботы о развитіи ихъ ума и сердца. Будучи сама всесторонне образованной, прекрасно владѣя иностранными языками, Е. Н. не упускала случая дѣлиться своими знаніями. Съ какою сердечностью и теплотой она откликнулась на горе, на печаль! Сколькія изъ смолянокъ и донинѣ помнятъ ея чисто материнскую заботливость, съ которою она устраивала по выходѣ изъ института одинокихъ сиротъ на мѣста въ казенныя заведенія и частныя дома. Ея сердце и двери были всегда для всѣхъ открыты, съ какой бы нуждой къ ней ни приходили. Всю свою жизнь, уже и внѣ стѣнъ Смольнаго, личность Е. Н. привлекала и собирала вокругъ себя бывшихъ ея воспитаницъ. Чувствовалась какая-то потребность побывать въ ея радушномъ домѣ, гдѣ вѣяло любовью, лаской, снисходительностью къ людямъ, и откуда всегда уходили нравственно удовлетворенными. Понятно послѣ всего вышесказаннаго, что не только тѣ изъ нихъ, что жили и живутъ въ Петербургѣ, но и смолянки, разбросанныя по всѣмъ городамъ и угламъ Россіи, всегда стремились поддержать и сохранить эту связь со своей дорогой воспитательницей. День 22-го апрѣля, когда многочисленная толпа ея бывшихъ воспитаницъ собралась у гроба Е. Н., чтобы проводить ее до ея послѣдняго земнаго пристанища, ясно показалъ, чѣмъ она всегда была для нихъ, и какъ неразрывно связано ея имя съ Смольнымъ институтомъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12615).

† **Плюшкинъ, Ѡ. М.** Во Псковѣ скончался 24-го апрѣля Ѡедоръ Михайловичъ Плюшкинъ, извѣстный археологъ и владѣлецъ музея древностей. По профессіи торговецъ, онъ въ теченіе сорока двухъ лѣтъ съ рѣдкою любовью къ родинѣ собиралъ старинныя картины, миниатюры, гравюры, рукописи, старопечатныя книги, предметы стариннаго быта и культуры, этнографіи и разныхъ религіозныхъ культовъ, масонскія вещи, старинное оружіе, монеты, историческіе портреты, автографы и пр. Въ результатъ имъ собрана коллекція древностей, превышающая сто тысячъ экземпляровъ и составившая «музей Плюшкина», которымъ гордится Псковъ. До самаго послѣдняго времени, пока позволяло здоровье покойнаго, онъ никому не отказывалъ показывать свое богатое собраніе и давалъ каждому личныя объясненія. Особенно замѣчательно по разнообразію, цѣнности и рѣдкости въ его коллекціи собраніе предметовъ русской церковной археологіи и предметовъ по исторіи Пскова. Музей Плюшкина привлекъ во Псковъ многихъ профессоровъ, журналистовъ, художниковъ, и специалистовъ по археологіи. Отзывы о немъ обошли почти всѣ столичныя газеты (въ «Новомъ Времени» писали о музеѣ А. С. Суворинъ, М. О. Меньшиковъ и др.). Изъ-за границы поступали предложенія о продажѣ музея, но по-

койный отнесся къ нимъ отрицательно. Во Псковѣ **Θ. М.** былъ извѣстенъ также своей благотворительностью и общественной дѣятельностью. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ казначеемъ и членомъ мѣстнаго попечительства о дѣтскихъ пріютахъ. Въ городскомъ общественномъ управленіи Пскова **Θ. М.** былъ сперва городскимъ ратманомъ, потомъ гласнымъ и членомъ городской управы. Умеръ онъ 75 лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ память самородка-археолога, рѣдкаго по энергіи и страсти къ русской старинѣ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12614).

† **Полякъ, А. П.** 7-го мая скончалась въ Саратовѣ послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни хорошо извѣстная мѣстному обществу по своей культурной и плодотворной работѣ общественная дѣятельница Александра Петровна Полякъ. Будучи слабого здоровья и имѣя собственную семью, **А. П.** всегда горячо отзывалась на всѣ общественныя явленія, принимала участіе во многихъ культурныхъ начинаніяхъ города Саратова, сотрудничала въ мѣстной прессѣ и была горячей и убѣжденной сторонницей женскаго движенія, видя въ равноправіи женщинъ залогъ общественнаго прогресса. Въ лицѣ **А. П.** молодое русское женское движеніе потеряло одну изъ самыхъ преданныхъ сторонницъ, одну изъ образованнѣйшихъ и убѣжденнѣйшихъ представительницъ своихъ, а семья и близко знавшіе ее дорогого и незамѣнимаго друга. (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1911 г., № 126).

† **Поповъ, Н. Д.** Въ Кіевѣ скончался заслуженный профессоръ кіевской духовной академіи дѣйствительный статскій совѣтникъ Константинъ Дмитревичъ Поповъ. Покойный — уроженецъ Воронежской губерніи, родился въ 1849 году. По окончаніи павловскаго духовнаго училища поступилъ въ воронежскую духовную семинарію; высшее образованіе получилъ въ кіевской духовной академіи, которую окончилъ въ 1875 году. Въ 1878 году онъ занялъ въ кіевской академіи кафедру патристики, которая оставалась за нимъ до послѣднихъ дней. Покойный профессоръ былъ виднымъ церковно-общественнымъ дѣятелемъ. Въ 1906 году онъ принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ извѣстнаго предсоборнаго присутствія. Въ 1909 году состоялъ въ числѣ членовъ синодальной комиссіи по составленію новаго академическаго устава. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12628).

† **Чемезовъ, В. И.** 7-го мая скончался докторъ медицины тайный совѣтникъ Владимиръ Ивановичъ Чемезовъ, бывшій главный врачъ клиническаго военнаго госпиталя. Покойный былъ специалистомъ по внутреннимъ болѣзнямъ и въ своей практической дѣятельности пользовался репутаціей опытнаго и знающаго врача, всегда внимательнаго и доброжелательнаго къ своимъ многочисленнымъ паціентамъ. Онъ родился въ 1845 году. По окончаніи курса въ 1868 году въ медико-хирургической академіи съ серебряной медалью былъ прикомандированъ сперва къ второму военно-сухопутному, затѣмъ къ Николаевскому военному госпиталю и работалъ въ терапевтической клиникѣ у профессора Экка. Въ 1873 году былъ назначенъ врачомъ Вильманstrandскаго полка, черезъ годъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи казачій полкъ. Въ это время онъ защитилъ диссертацию «О дѣйствиі озона на животный организмъ» и получилъ степень доктора медицины. Вмѣстѣ съ полкомъ покойный находился въ составѣ дѣйствующей

арміи на балканскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій 1877—78 годовъ и оказывалъ помощь раненымъ иногда подъ градомъ непріятельскихъ пуль. Его заслуги во время войны отмѣчены орденомъ святого Владимира четвертой степени съ мечами. Послѣ войны В. И. былъ ассистентомъ профессора терапевтической клиники военно-медицинской академіи Эйхвальда, затѣмъ врачомъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка и въ 1903 году былъ назначенъ главнымъ врачомъ клиническаго военнаго госпиталя, каковымъ состоялъ до 1910 года. Кромѣ того, покойный принималъ въ теченіе многихъ лѣтъ дѣятельное участіе въ качествѣ врача въ жизни Максимилиановской лечебницы для проходящихъ и состоялъ въ послѣдніе годы почетнымъ консультантомъ и членомъ попечительнаго совѣта этой лечебницы. Онъ принималъ также живѣйшее участіе въ обществѣ попеченія о бѣдныхъ больныхъ клиническаго госпиталя, будучи до послѣдняго времени товарищемъ предсѣдателя совѣта. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12629).

† **Янчакъ, В. И.** Въ Ялтѣ скончался Василій Ивановичъ Янчакъ, служившій около трехъ лѣтъ корректоромъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Покойный—по происхожденію галичанинъ, изъ крестьянской семьи, окончилъ курсъ львовской гимназіи. Въ ранней молодости ему пришлось на самомъ себѣ испытать гнѣть поляковъ, тѣснящихъ повсюду въ Галиціи русскихъ. Это было для него политическимъ крещеніемъ, которое выработало изъ него стойкаго русскаго человека. Понимая всю важность печатнаго слова, покойный всей душой отдался ему, состоялъ одно время редакторомъ львовской народной газеты «Русское Слово», работалъ, кромѣ того, въ «Галичанинѣ» и др. русскихъ газетахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ принужденъ былъ переселиться въ Петербургъ, гдѣ былъ корректоромъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и работалъ въ «Русскомъ Знамени». Такъ какъ климатъ Петербурга былъ ему вреденъ, то онъ воспользовался предложеніемъ А. С. Будиловича, получившаго въ 1908 году аренду «Московскихъ Вѣдомостей», и переѣхалъ въ Москву. Занимая въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» должность корректора, В. И. работалъ и въ иностранномъ отдѣлѣ газеты, освѣщая положеніе своей многострадальной родины. Въ серединѣ послѣдняго Великаго поста покойный имѣлъ утѣшеніе перейти изъ униатства въ православіе. Вскорѣ послѣ того, отправивъ жену съ тремя малолѣтними дѣтьми на родину, онъ уѣхалъ для поправленія здоровья въ Ялту, гдѣ и скончался отъ туберкулеза. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1911 г., № 94).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «Памятные дни».

Пятая глава напечатанной въ мартовской книжкѣ «И. В.» статьи г. Авіе «Памятные дни» посвящена владикавказской печати и въ частности мнѣ, какъ редактору «Искры» и общественному дѣятелю. «Особенно отличился у насъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля,—говоритъ авторъ,—учитель реальнаго училища, нѣкто Д., осетинъ, больной, чахоточный молодой человекъ, хитрый и легко воспламеняющійся, но недалекій, какъ большинство его земляковъ». Интересно было бы спросить автора: къ чему разговоры о чахоткѣ, которой я никогда не болѣлъ, и другихъ качествахъ, которыми никогда не обладалъ?! Въ чемъ проявилась моя хитрость и когда кто видѣлъ меня «воспламеняющимся»?.. Въдѣ я на митингахъ не выступалъ и ни въ чемъ публично своего темперамента не проявлялъ. На литературное поприще я выступилъ не «вскорѣ послѣ манифеста», какъ говоритъ г. Авіе, а раньше, еще въ 1903 году. Писалъ я статьи въ «Казбекѣ»: о родномъ языкѣ, о женскомъ образованіи въ Осетіи, о переводахъ на инородческіе языки, о грабежахъ и разбояхъ, о калымѣ, о необходимости земства для Кавказа и прочее. Послѣ манифеста писалъ о школьныхъ забастовкахъ, высказываясь противъ нихъ; писалъ о вредности телячьяго восторга, въ который приходила толпа, расхаживающая по улицамъ съ флагами и криками. Г. Авіе именуетъ меня еще «фанатикомъ» чистой воды, который причислялъ себя къ первымъ изъ передовыхъ борцовъ за свободу». Если бы авторъ былъ хоть немного знакомъ со мной, то, конечно, не сказалъ бы подобной неправды. Мнѣ всякій фанатизмъ былъ всегда противенъ, какъ признакъ ограниченности человека. Поэтому я никогда ни къ какой партіи не принадлежалъ и не способенъ принадлежать. Я ненавижу всякій шаблонъ и не признаю никакой партійной дисциплины для себя, какъ сознательной личности. Дисциплина нужна толпѣ бессознательной, а членомъ толпы я никогда не былъ и не бываю и ни въ чемъ себя первымъ не признавалъ. Г. Авіе утверждаетъ далѣе, что, когда началось народное движеніе въ Осетіи, то меня, якобы, считали «главнымъ вдохновителемъ и руководителемъ осетинской революціи», хотя, добавляетъ авторъ, «онъ лично не успѣлъ принять въ ней участіе». Не слишкомъ ли большая честь для меня въ этихъ словахъ автора!? Я никакой «осетинской революціи» не знаю, хотя исторіей Осетіи занимался и занимаюсь. Самъ г. Авіе въ началѣ своей статьи говоритъ вполне ясно, что «конецъ 1905 года и начало 1906 г. протекли вездѣ одинаково бурно и ознаменовались всюду многими изъ ряда выходящими событіями»... «Тяжело колыхавшіяся волны общественнаго движенія, имѣя общую окраску и одинаковое направленіе, приобрѣтали, однако, неизбѣжно разныя отклики и своеобразныя формы въ зависимости отъ мѣста ихъ рожденія».

О какой же специально «осетинской революціи» можетъ быть рѣчь?! Я прожилъ во Владикавказѣ всего четыре мѣсяца и за это время не могъ ничѣмъ заслужить вниманія Осетіи, занимая скромное мѣсто учителя и заваленный ученическими тетрадами.

Статьи же мои въ «Казбекѣ» всегда подписывались моею фамиліей или именемъ. Къ псевдонимамъ я рѣдко прибѣгалъ, помѣщая серьезные статьи, и газета «Казбекъ» не получала изъ-за моихъ писаній ни одного замѣчанія. На осетинскомъ языкѣ я ничего не писалъ; какъ уроженецъ Кубанской области, я въ Осетіи не жилъ, и меня тамъ мало кто знаетъ, мои же статьи въ «Казбекѣ» не могли быть понимаемы осетинами, не знающими въ массѣ русскаго языка. Откуда же г. Авіе произвелъ меня въ «вдохновителя революціи», разъ я лично въ ней участія не принималъ, а писанія мои признавались безобидными?! А ваша газета «Искра»? какъ бы отвѣчаетъ г. Авіе, приводя рядъ цитатъ изъ пробнаго (онъ же и послѣдній) нумера газеты «Искры»... Авторъ утверждаетъ, что всѣ почти статьи этого нумера написаны мною. По поводу этого я повторяю то, что уже раньше говорилъ, именно: г. Авіе говоритъ неправду. Въ вышедшемъ номерѣ «Искры» нѣтъ ни одной моей строчки... Мало того, я ознакомился съ полнымъ текстомъ этого нумера лишь тогда, когда вышелъ онъ уже изъ печати... Это, можетъ быть, нѣсколько странно, но это было именно такъ.

Статья М. Е., изъ которой беретъ выдержки г. Авіе, была мною просмотрѣна и мною были вычеркнуты въ числѣ другихъ именно и тѣ строки, которыя приводитъ авторъ. Но г. Е. самъ корректировалъ свою статью и возстановилъ зачеркнутыя мною строки.

Вся хроника была напечатана безъ моего вѣдома, и я былъ очень недоволенъ, такъ какъ она задѣвала отдѣльныхъ личностей, что я находилъ неумѣстнымъ. Я хотѣлъ создать во Владикавказѣ солидный органъ печати, который бы безпристрастно могъ освѣщать вопросы о нуждахъ края. Въ сотрудники предполагалъ пригласить лицъ съ солидными знаніями края. Отвлеченный хлопотами домашними и служебными, я составленіе перваго номера поручилъ другимъ лицамъ. Но, недовольный содержаніемъ его, я отдалъ распоряженіе въ типографію, чтобы впредь безъ моего разрѣшенія ничего не печаталось въ моей газетѣ. Ни къ какимъ тайнымъ прокламаціямъ я не былъ причастенъ, и, утверждая это, г. Авіе говоритъ неправду. Ни о какомъ временномъ правительствѣ разговора я не слышалъ во Владикавказѣ, и не моя вина, если губернаторъ Кол. разговоры какихъ-то невѣдомыхъ личностей объ его арестѣ и провозглашеніи меня президентомъ осетинской республики—принялъ за чистую монету...

Разговоры объ автономіи Осетіи я всегда считалъ вздоромъ, недомыслиемъ осетинскихъ Пуришкевичей, которыхъ не наберется и и десятка. Свои сужденія по національному вопросу я печатно не разъ высказывалъ за полной своей подписью.

Административная кара меня постигла не за преступленіе, а на основаніи бездоказательныхъ доносовъ. Напуганный этими вздорными донесеніями, г. Колуб. и проявилъ надо мной всю полноту своей власти. Официально же мнѣ вмигъ вѣнялось въ вину то, что будто въ составѣ редакціи моей газеты были лица неблагонадежны... Но у меня еще никакихъ постоянныхъ сотрудниковъ не

было, кромѣ одного г. Ц., намѣченнаго въ секретари. При снятіи съ меня административной кары мнѣ было еще объявлено, что я былъ виновенъ и въ храненіи у себя корреспонденціи, присланной разными лицами для напечатанія, такъ какъ среди присланныхъ рукописей были якобы нѣкоторыя «возмутительнаго содержанія»... Не знаю, законы какого правового государства могутъ карать редактора за содержаніе рукописей ненапечатанныхъ!... Вѣдь рукописи были не анонимныя, а были подписаны фамиліями и адресами ихъ авторовъ. Прислались же онѣ потому, что авторы не знали о временномъ прекращеніи изданія газеты за отсутствіемъ бумаги, вслѣдствіе желѣзнодорожной забастовки и другихъ причинъ. Ко мнѣ, за періодъ административнаго гоненія, ни разу не предъявляли никакого обвиненія, и я лишень былъ возможности защитить себя. Былъ бы я очень обязанъ г. Авіе, если бы онъ указалъ мнѣ свой адресъ и далъ мнѣ возможность привлечь его къ суду. Я бы наконецъ получилъ возможность гыяснить передъ закономъ, на основаніи какихъ призрачныхъ данныхъ я подвергся въ свое время наказанію, которое налагается лишь на тяжелыхъ преступниковъ. Свое отношеніе и къ погромамъ въ Осетіи, въ которыхъ г. Авіе винитъ какихъ-то революціонеровъ, я выразилъ на осетинскомъ съѣздѣ въ Алагирѣ, удостоившись высокой чести предсѣдателя этого съѣзда. Я былъ въ числѣ тѣхъ осетинскихъ интеллигентовъ, о которыхъ говоритъ г. Авіе въ 9-ой главѣ своей статьи словами: «эти выходки туземныхъ хулигановъ возмутили интеллигентную часть осетинъ Владикавказа». Г. Авіе ссылается именно на мою статью въ «Терекѣ», говоря, что «они стали печатно увѣрять публику, что въ дѣянїяхъ грабителей нѣтъ и слѣда революціонной окраски» и т. д.

Г. Дзасоховъ.

II.

О Снятной горѣ.

Въ январской книгѣ журнала въ отзывѣ о книгѣ «Псковская старина» сказано: «Въ основу музея положены были предметы и книги, находившіеся въ складѣ устарѣвшаго церковнаго имущества при монастырѣ на Святой горѣ (на архіерейской дачѣ)»... Псковская архіерейская дача находится на Снятной, а не Святой, горѣ. Называется гора Снятной отъ большого количества рыбы—снятковъ, изобильно ловившейся (не знаю, какъ теперь) въ семидесятыхъ годахъ и раньше около горы въ р. Великой въ весеннее половодье.

Пишу, какъ долго жившій на Снятной горѣ и тамъ не разъ слышавшій поправку при смѣшеніи названій Святой и Снятной горы.

П. Жасминовъ.

Сквозь рѣшетку Фьямма успѣла разглядѣть неподвижную бѣлую фигуру съ блѣднымъ лицомъ, выцвѣтшими губами и потерявшими свой блескъ глазами. Раздался тихій голось, звучащій такъ, какъ будто онъ шелъ издалека.

— Добро пожаловать, мадонна. Моя сестра пишетъ, что вы обратились къ намъ, находясь въ большой бѣдѣ. Я не хочу разспрашивать объ этомъ. Нашъ долгъ подражать божественной любви Того, Кто принималъ всѣхъ приходившихъ къ нему. Вы можете оставаться здѣсь, сколько заблагоразсудите. Сестра Тереза, отведите эту даму въ монастырскую гостиницу и велите приготовить ей комнату. Для услугъ нужно назначить къ этой дамѣ послушницу.

Фьямма стала было благодарить ее, но аббатисса прервала ее тихимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Здѣсь нужно благодарить только Господа Бога.

— Аминь, — набожно промолвила Фьямма.

Онѣ простились. Бѣлая фигура вдругъ отдѣлилась отъ окошка и исчезла во мракѣ комнаты, какъ будто вдругъ погрузилась въ глубину водъ. Мадонна Канцельери послушно двинулась за привратницей въ назначенную ей комнату.

Эта комната была небольшая и имѣла видъ кельи. На полу были разостланы цыновки. На выбѣленной известкой стѣнѣ изображеніе смерти св. Клары, сдѣланное въ манерѣ первыхъ мастеровъ.

— Это изображеніе работы нашей сестры Пиккордіи, — сказала монахиня. — Это ея послѣдняя работа передъ тѣмъ, какъ ей почить въ Бозѣ. Она поступила въ монастырь, когда ей было всего двѣнадцать лѣтъ, и умерла здѣсь на склонѣ дней... Съ вашего позволенія, я теперь удалюсь и пришлю къ вамъ послушницу, которая принесетъ вамъ обѣдъ.

— Благодарю васъ, сестра.

Оставшись одна, Фьямма опустилась на единственный деревянный стулъ, стоявшій около кровати. Усталость отъ поѣздки овладѣла ею. Къ тому же на ней начинало уже сказываться и вліяніе монастыря. Ей казалось, что вотъ-вотъ стѣны ея кельи сдвинутся и раздавятъ ее.

Противъ нея лицо умиравшей св. Клары, радостно улыбалось въ предвкушеніи вѣчнаго блаженства. Созерцая его, Фьямма чувствовала, какъ мало-по-малу ею овладѣваетъ мистическое спокойствіе. Но вдругъ она сорвалась съ мѣста и выпрямилась.

— Марко! — произнесла она, словно сомнамбула, — Марко!

То былъ какъ разъ часъ, въ который Нера просила Канцельери прибыть въ Сиенну. День догоралъ, и вся равнина была залита краснымъ свѣтомъ, словно кровью.

Можетъ быть, они уже встрѣтились, и она ничего не можетъ узнать объ этомъ раньше завтрашняго дня!

Ночь уже давно спустилась надъ долиной Эльзы. Звѣзды стали болѣе яркими на безлунномъ небѣ.

По дорогѣ къ Санъ-Джиминьяно быстро неся всадникъ, безпрестанно прищипоривавшій свою лошадь. Не останавливаясь и не сворачивая, неся онъ въ ночной тиши среди заснувшихъ картинъ, безпрестанно измѣнявшихся. За отлогими откосами холмовъ, на которыхъ раскинулись бѣлыя мызы, пошли отвѣсныя скалы, увѣчанныя, словно воинъ шлемомъ, могучими крѣпостями, вздымавшими свои башни къ лазурному небу.

Всадникъ несетъ мимо, не замѣчая ихъ. Онъ смотритъ только на горизонтъ, гдѣ виднѣется его цѣль. И этотъ горизонтъ вдругъ наполняется какимъ-то сверхъестественнымъ феерическимъ зрѣлищемъ: на первомъ планѣ горъ показались чудесныя башни изъ пламени, окаймленныя горящими рубинами. На небѣ стоитъ зарево, какъ отъ пожара, и отражается на коричневыхъ скалахъ.

Всадникъ все сильнѣе прищипориваетъ лошадь. Для него этотъ городъ не фантазмагорія, а райская обитель. То причудливо раскрашенныя башни Санъ-Джиминьяно, который будетъ завтра праздновать память своей покровительницы, св. Фины.

Этотъ нетерпѣливый всадникъ, летящій съ такой поспѣшностью, не кто иной, какъ Марко Альдобранди; онъ несетъ Фьяммѣ радостную вѣсть о побѣдѣ. Бартоломею Канцельеръ раненъ, его рука, пронзенная шпагой, теперь такъ же безсильна и безвредна, какъ рука ребенка. Альдобранди вернется во Флоренцію и будетъ просить тамъ у Медичи ихъ заступничества въ пользу Фьяммы. Но сначала онъ долженъ успокоить ее, утѣшить и обнять въ послѣдній разъ.

Наконецъ-то онъ достигаетъ монастыря, и какъ разъ въ то время, когда гаснули звѣзды и таинственная игра цвѣтовъ башенъ, и городъ начинаетъ просыпаться въ золотой ряби утренней зари.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Кровь.

Мессеръ Франческо де-Пацци, прозванный за свой малый ростъ уменьшительнымъ именемъ Франческино, нервно ходилъ по своей террасѣ. Онъ казался еще очень моложавымъ. Его голова, преждевременно посѣдѣвшая отъ болѣзни или разгульной жизни, была причесана съ особой тщательностью. По манерѣ, съ какой онъ держался, по его взгляду, въ немъ видна была наслѣдственная гор-

дость. Его рѣзкія движенія обличали въ немъ бурную натуру, свойственную семейству Пацци.

Въ немъ роились самыя свирѣпыя мысли. А вокругъ него разстилался тихій спокойный садъ, украшенный бѣлыми статуями. Между деревьями виднѣлась чудная вилла Монтуги, въ саду журчалъ фонтанъ, словно серебряная игла, поднимавшійся къ небу.

А въ это время Франческино, продолжая ходить въ тѣни, обдумывалъ смертоносный планъ.

Въ эту эпоху Флоренція шумѣла непрерывными празднествами, но въ воздухѣ носилась гроза, и вокругъ Медичи кишѣли заговоры. Наслѣдственный врагъ Медичи, король неаполитанскій, поднималъ уже голову, вчерашній другъ Сикстъ IV превратился въ непримиримаго врага. Папа считалъ, что Лаврентій Медичи нанесъ ему смертельное оскорбленіе. Сикстъ отказался назначить Джуліано Медичи кардиналомъ. Великолѣпный въ отместку за это сталъ поддерживать враждебные папѣ города. Затѣмъ, когда святой отецъ вздумалъ купить Имолу, чтобы подарить ее своему племяннику Ріаріо, онъ запретилъ Пацци ссудить Римъ деньгами на эту покупку. Франческо не обратилъ вниманія на запрещеніе. Тогда Медичи принялся за его двоюроднаго брата Джованни и при помощи нарочно для этого изданнаго закона лишилъ его крупнаго наслѣдства. Отъ этого старинная вражда Пацци къ Медичи вновь вспыхнула яркимъ пламенемъ. Въ ихъ вражду вступились папа и неаполитанскій король.

Противъ Медичи образовалась сильная партія. Его стали обвинять въ томъ, что онъ покушается на свободу Флоренціи. Не имѣя какого-либо титула и даже не занимая опредѣленной должности, онъ издавалъ и передѣлывалъ законы по своему произволу. Послѣдніе республиканцы Флоренціи, подстрекаемые примѣрами древнихъ, которые не боялись пролить кровь во имя общаго блага, открыто говорили, что его нужно убить.

Найти для этого средства и было задачей Франческино.

Вдругъ онъ прервалъ свое лихорадочное хожденіе. За рѣшеткой сада появился человѣкъ, лицо котораго было покрыто капюшономъ, какъ это дѣлали монахи и легисты. Франческино самъ открылъ ему калитку.

Они пожали другъ другу руки и пошли рядомъ къ виллѣ, сохраняя полное молчаніе. Войдя въ переднюю, они сейчасъ же прошли въ потайную комнату. Тамъ только гость сбросилъ съ себя капюшонъ, подъ которымъ оказалось длинное и жесткое лицо Бартоломео Канцельери.

— Вы пришли сюда съ опасностью для вашей жизни, мессеръ, — сказалъ Франческино, вновь подавая ему руку. — Благодарю васъ за это отъ имени нашихъ друзей.

— Это правда,—отвѣчалъ Канцельери съ улыбкою.—Если Медичи узнаютъ, что я уѣхалъ изъ Пистойи, я убитъ. Ихъ рабы, этотъ Совѣтъ Восьми, предупредили меня. Они такъ боятся, чтобы я не напалъ на монастырь Санъ-Джиминьяно, гдѣ скрывается моя добродѣтельная супруга, и не поджегъ бы дворца ея любовника Альдобранди. Страхъ, конечно, небезосновательный... Ахъ, если бы эти Медичи знали, какъ я ихъ ненавижу!..

— Ну, не больше, чѣмъ я,—перебилъ его Франческино, взгляды котораго такъ и загорѣлся.—Если они помѣшали вамъ отомстить за вашу честь, то они смертельно ранили мою гордость. Когда возникло дѣло объ этой Имолѣ, я былъ въ Римѣ, у святаго отца, котораго я состою банкиромъ. Не они ли вызвали меня въ Совѣтъ Восьми и обошлись со мною, какъ съ послѣднимъ гражданиномъ. Но они поплатятся за это... А пока я дѣлаю для нихъ привѣтливое лицо...

И онъ засмѣялся.

— Они и не догадываются о томъ, что имъ готовится. Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись съ вами въ послѣдній разъ, дѣло сильно подвинулось впередъ. Сальвиати теперь на нашей сторонѣ, во главѣ насъ стоитъ теперь ихъ родственникъ, архіепископъ пизскій. Мнѣ удалось склонить къ нашему дѣлу моего дядю, который вначалѣ и слышать не хотѣлъ объ этомъ.

— Я, съ своей стороны,—сказалъ Канцельери,—повидался съ графомъ Ріаріо, племянникомъ святѣйшаго отца, и съ изгнанниками Романьи, которые пойдутъ за нимъ. Фалько Джинори также обѣщаль мнѣ помочь, чѣмъ только онъ можетъ. Кромѣ того, я такъ хорошо подготовилъ умы въ Пистойѣ и въ пригородахъ, что по моему сигналу они возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ. Во время изгнанія я, какъ видите, не терялъ времени даромъ.

Долго еще говорили они о политикѣ и о задуманномъ убійствѣ, сидя въ потайной комнатѣ, куда проникалъ уже ароматъ приближающейся весны.

Между тѣмъ Лоренцо и Джуліано, окруженные своими риторами, философами и художниками, среди празднествъ и досуга, посвященнаго музамъ, казались какими-то полубогами, продолжавшими собою олимпійскую миѳологію. Конечно, для нихъ было безызвѣстно, что имъ завидуютъ и ненавидятъ ихъ, а судьба, стерегущая сильныхъ міра сего на перекресткахъ, подготавливаетъ засаду и имъ. Джуліано подъ своимъ камзоломъ носилъ кольчугу. Но они не думали, что ихъ часъ уже насталь, что опасность, при блескѣ кинжаловъ, готова уже прыгнуть на нихъ изъ темноты и схватить ихъ за горло. Они не замѣчали, что почва подъ ихъ ногами уже изрыта интригами, и не слышали, что въ стѣнахъ ихъ дворца, расписанныхъ фресками Гоццоли, уже ходятъ Пацци.

Ученые друзья, геніальные собесѣдники заставляли ихъ забывать дѣйствительность и витать въ какомъ-то мистическомъ снѣ.

Таковъ былъ Анджело Полиціано—изумительный умъ, обитавшій въ некрасивомъ тѣлѣ. Когда онъ говорилъ, никто не замѣчалъ его толстыхъ губъ и некрасиваго профиля его лица. Онъ считался пріоромъ монастыря Санъ-Джовани, но душа его была языческая. Онъ относился съ презрѣніемъ къ Библии и въ своихъ проповѣдяхъ, вмѣсто молитвъ, указывалъ вѣрнымъ мѣста изъ Платоновскаго Горгія, рекомендуя заучивать ихъ наизусть.

Марциліо Фичино, въ своемъ монастырѣ во Фьезоле, гдѣ Анджелико на колѣняхъ рисовалъ свои райскія сцены, теплил лампаду передъ бюстомъ Платона, словно передъ алтаремъ.

Леоне Альберти былъ учителемъ и духовнымъ отцомъ обоихъ сыновей Медичи, когда они посѣщали Камальдульскій монастырь съ его тихимъ лѣсомъ, столь благопріятствовавшимъ ихъ бесѣдамъ. Геній его былъ универсаленъ. Какъ архитекторъ, онъ воздвигъ входныя двери въ церкви Santa Maria Nova и составилъ нѣсколько трактатовъ. Какъ естествоиспытатель, онъ изобрѣлъ аппаратъ для измѣренія океанскихъ глубинъ и извлекалъ оттуда корабли, лежавшіе на днѣ морскомъ сотни лѣтъ. Какъ гуманистъ, онъ указывалъ Боттичелли красивыя аллегоріи, которыя могли пригодиться для его мифологическихъ картинъ. Онъ сочинялъ также комедіи и писалъ стихи.

Еще болѣе замѣчательнъ былъ молодой художникъ, ученикъ Вероккіо, къ которому Джуліано чувствовалъ особенное расположеніе. Леонардо былъ очень красивъ; всегда любезный, онъ одѣвался весьма изысканно. Пріятная наружность почти заставляла забывать, что этотъ человѣкъ одаренъ божественными талантами. Его первыя работы вызвали въ его учителѣ чувство удивленія, смѣшаннаго со страхомъ. Но и помимо живописи ему достаточно было заняться какимъ-либо искусствомъ или наукой, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ уже выше всѣхъ въ этой области.

Его влекла къ себѣ тайна философскаго комня. Его другъ Джуліано, такой же мечтатель, раздѣлялъ съ нимъ эту страсть. Во дворцѣ Медичи былъ устроенъ алхимическій кабинетъ. За цвѣтными стеклами, скрывавшими ихъ отъ взоровъ профановъ, оба они, Джуліано и Леонардо да Винчи, окруженные книгами формуль, ретортами и колбами, блѣдые отъ напряженія и надеждъ, со страхомъ сидѣли за своимъ великимъ дѣломъ.

Великолѣпный старался возродить во Флоренціи религію Платона.

Даже въ тотъ самый день, когда Пацци и Канцельери обдумывали, какъ бы его убить, онъ созвалъ на своей виллѣ Карреджи основанную имъ академію. Засѣданіе было устроено въ честь Платона. Члены академіи—ихъ было девять по числу музъ—комментировали творенія своего учителя. Кавальканти, про-

званный за свою красоту Героемъ, объяснялъ діалогъ «Федонъ». Они трепетали отъ его словъ, какъ будто чувствуя, что черезъ нихъ проходитъ всеоживляющая античная религія.

А въ то же самое время въ Монтуги, на виллѣ стараго Джакопо де-Пацци, старѣйшаго члена рода, заговорщики впервые собрались на совѣтъ.

Предѣдателемъ былъ Джакопо. Это былъ странный, беспокойный и бурный человѣкъ. Даже наружность его свидѣтельствовала о его раздражительномъ и непостоянномъ нравѣ. Его руки были постоянно въ движеніи, а голова судорожно тряслась. Еще не такъ давно онъ цѣлые дни проводилъ въ азартной игрѣ, раздражаясь богохульствомъ при каждомъ проигрышѣ и бросая въ лицо противнику мѣшокъ съ костями. Слишкомъ расточительный, онъ никогда не платилъ не только своимъ кредиторамъ, но и простымъ рабочимъ, которые ремонтировали его дворецъ.

Когда племянникъ предложилъ ему свергнуть Медичи, онъ объявилъ это предпріятіе безуміемъ. На всѣ доводы онъ отвѣчалъ упорнымъ сопротивленіемъ, но въ концѣ концовъ сдался. Народъ съ удивленіемъ сталъ замѣчать, что мессеръ Джакопо пересталъ предаваться игрѣ, началъ посѣщать церковь и платить долги.

Послѣ Бога онъ открылъ свой умыселъ папскому кондотьеру Джамбаттистѣ де-Монтессеко, чѣловѣку рѣшительному и бывалому, который охотно согласился предоставить свою шпагу въ пользу ихъ плана.

Наконецъ заговорщики были всѣ въ сборѣ. Всѣ Пацци тѣснились около Джакопо. Во главѣ другихъ сталъ архіепископъ пизанскій Сальвиати, увлекшій за собою и нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ.

Одинъ только колебался среди нихъ: это былъ папскій кондотьеръ, для котораго убійство было ремесломъ. Джамбаттиста не такъ давно имѣлъ случай видѣть Лоренцо и, вступивъ съ нимъ въ бесѣду, не могъ устоять противъ его обаянія.

Франческино, наиболѣе нетерпѣливый, заговорилъ первымъ:

— Такъ какъ мы уже рѣшили казнить этихъ двухъ негодяевъ, то лучше будетъ дѣйствовать быстро и покончить съ обоими разомъ.

— Мнѣ кажется, что это едва ли возможно,—живо возразилъ Монтессеко.

— Почему же, мессеръ Джамбаттиста?—спросилъ, нахмурившись, Франческино, котораго разсердило это неожиданное возраженіе.

— Да потому, что вы не можете поразить ихъ одновременно въ ихъ дворцѣ. Подумали ли вы о томъ, сколько слугъ ихъ всегда окружаетъ?

— Отъ военнаго человѣка я не ожидалъ такого осторожнаго замѣчанія,—проговорилъ сквозь зубы Франческино.

Кондотьерь пожалъ широкими плечами въ знакъ презрѣнія къ своему худосочному противнику. Старый Джакопо поспѣшили въѣшаться.

— Синьоръ Джамбаттиста правъ,—объявилъ опъ.—Истинное мужество состоитъ въ томъ, чтобы не браться за невозможное. Убьемъ Медичи, но cadaго порознь

— Какимъ же образомъ?—воскликнулъ архіепископъ Пизы.

— Вотъ что я вамъ предложу. Джуліано, какъ вы знаете, помолвленъ съ дочерью синьора Пьомбино.

— Ну?

— И предполагаетъ скоро ѣхать къ ней. Пусть нѣкоторые изъ насъ догонятъ его и устроятъ ему кровавое обрученіе.

— А Лоренцо?

— Мы отправимъ его въ Римъ. Онъ горитъ желаніемъ примириться съ папою. Мы скажемъ ему, что его святѣйшество ждетъ его въ Римѣ, чтобы дать ему отеческое благословеніе. Когда онъ явится въ Римъ, тамъ встрѣтятъ его нашъ другъ графъ Ріаріо съ нѣсколькими лихими малыми, которые и дадутъ ему отпущеніе грѣховъ при помощи хорошаго удара кинжаломъ.

Предложеніе Джакопо рѣшено было поставить на голоса, но тутъ вмѣшался архіепископъ Пизы.

— Я нахожу въ планѣ, предложенномъ нашимъ почтеннымъ другомъ, одно большое неудобство. Наше дѣло неминуемо должно будетъ затянуться на неопредѣленное время, а между тѣмъ заговоръ нашъ можетъ открыться. Въ промежутокъ между убійствомъ Джуліано у Пьомбино и убійствомъ Лоренцо наши враги успѣютъ собраться съ силами, и мы слишкомъ скоро выдадимъ себя

— Это вѣрно,—сказалъ Джакопо Браччолини.

— Что же вы предлагаете?—спросилъ Франческино.

— А вотъ что. Святѣйшій отецъ помѣстилъ своего племянника Рафаэлло Сансони для окончанія образованія въ нашъ университетъ въ Пизѣ. Онъ только что назначилъ его кардиналомъ и легатомъ въ Перузу. Такимъ образомъ молодой человекъ, чтобы добраться до Перузы, долженъ будетъ проѣхать черезъ Флоренцію. Тамъ я его задержу, а мессеръ Джакопо сдѣлаетъ мнѣ удовольствіе и пригласитъ его къ обѣду на свою виллу.

— Съ удовольствіемъ,—перебилъ его Джакопо:—но я не вижу...

— Подождите. Одновременно съ нимъ вы пригласите Джуліано и Лоренцо. Хотя между вами были недоразумѣнія, тѣмъ не менѣе вы все-таки съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ?—прибавилъ архіепископъ иронически.

— Въ превосходныхъ,—тѣмъ же тономъ отвѣтилъ Джакопо.

— На десертъ мы поднесемъ Медичи блюдо, которое имъ придется съѣсть и которое называется «мщеніе».

Всѣ улыгнулись и молча переглянулись между собою. Каждому было за что отомстить Медичи.

— Кардиналь Сансони прѣзжаетъ завтра,—закончилъ свою рѣчь архіепископъ Сальвіати.

— Послѣзавтра я пришлю ему приглашеніе,—вставилъ мессеръ Джакопо.

На этомъ и было покончено.

Юноша, одѣтый въ пурпуръ, которому, невѣдомо для него, предстояло стать пособникомъ убійства, остановился въ Монтуги. Глава рода Пацци уже послалъ ему приглашеніе и разсчитываетъ, что оба брата, стараясь смягчить своихъ враговъ, явятся къ нему несомнѣнно. Но ему не везетъ. У Джуліано, страдавшаго, какъ и его отецъ, подагрой, сильно разболѣлась нога, и онъ прислалъ извиненіе, что не можетъ быть.

Замысль на этотъ разъ не удался. Можетъ быть, дѣло пойдетъ удачѣе въ Фьезоле, куда Лоренцо и Джуліано должны ѣхать, чтобы, въ свою очередь, устроить празднество въ честь кардинала. Нога Джуліано не проходила, и Лоренцо является на праздникъ одинъ.

Франческино пускается на хитрости. Онъ велитъ передать обоимъ братьямъ, что кардиналь, наслышавшись о великолѣпнн ихъ дворца во Флоренціи, желалъ бы, чтобы его пригласили туда. Братья соглашаются на это. Все уже готово къ приему: серебро, восточныя ткани, брильянты, кольца, статуи, картины—все это выносятся изъ шкафовъ и витринъ. Но въ самый день банкета Джуліано объявляетъ, что онъ еще не въ состоянн выходить, и, полусидя, остается въ своей комнатѣ.

Что происходитъ въ глубинѣ этой души, тайну которой такъ строго хранятъ глаза, никогда не открывающіеся вполне? Конечно, Джуліано дѣйствительно боленъ, но развѣ не могъ онъ, изъ уваженія къ такому гостю, преодолѣть на нѣсколько минутъ свои страданія? Обыкновенно онъ, этотъ неутомимый охотникъ, цѣлыми днями рыщущій верхомъ, гораздо болѣе выносливъ. Неужели его томитъ предчувствіе?

Время было мрачное. Герцогъ миланскій только что палъ, проколотый кинжаломъ на ступеняхъ церкви Ольжіати. Да и Пацци не совсѣмъ надежны. Не догадывался ли Джуліано о заговорѣ? Въ такомъ случаѣ, почему бы ему не подѣлиться своими страхами съ братомъ? Вѣроятно, тутъ было темное предчувствіе судьбы, и, конечно, не большая нога, а нервы отталкивали его отъ неминуемой гибели. Въ немъ что-то испытывало страхъ. Что-то такое, что не есть ни разумъ, ни сердце, ни воля. Но это что-то сильнѣе и повелительнѣе всего этого.

Тѣмъ не менѣе во дворцѣ Медичи царитъ полная гармонія; она заполняетъ звучныя галереи и даже отдаленную комнату, гдѣ

сидитъ Джуліано, опустивъ глаза и погружившись въ мысли. Противъ него сидитъ за органомъ Альберти и импровизируетъ.

Между тѣмъ заговорщики волнуются и начинаютъ терять терпѣніе. Дѣло черезчуръ затягивается. Объ немъ знаютъ слишкомъ многіе, и, если такъ будетъ тянуться, возможно, что заговоръ будетъ открытъ. Необходимо покончить. Надо дѣйствовать завтра же. Завтра воскресенье—оба брата будутъ за обѣдной вмѣстѣ съ кардиналомъ въ Санта Марія дель Фиоре. Тамъ-то они должны погибнуть.

На новомъ собраніи въ Монтуги снова устанавливаются подробности предполагаемаго убійства.

Во-первыхъ, кто долженъ нанести первый ударъ? Для этого нужна чрезвычайная ловкость. Поразить Джуліано вызывается подвижной и нервный Франческино и буйный забіяка Бандини. Предложеніе ихъ принимается: за нихъ нечего бояться! Ихъ кинжалы будутъ дѣйствовать, какъ жало осы.

Относительно Лоренцо думать нечего. Всѣ взоры обратились на Джамбаттиста де-Монтессеко. Убить чудовище долженъ не кто другой, какъ кондотьеръ съ его солдатскимъ хладнокровіемъ и мускулами здороваго крестьянина.

Но Джамбаттиста отказывается. Минуту заговорщики остаются въ полномъ оцѣпенѣніи отъ изумленія, затѣмъ всѣ разомъ поднимаются и окружаютъ кондотьера. Его капризъ непонятенъ. Неужели онъ хочетъ сорвать весь планъ? А вѣдь онъ держится именно на немъ. Если Лоренцо ускользнетъ, то народъ можетъ обратиться противъ заговорщиковъ. Если же тиранъ будетъ убитъ, можно поручиться, что Флоренція будетъ ихъ привѣтствовать.

Но на всѣ доводы кондотьеръ упорно отвѣчаетъ:

— Не могу. У меня не хватаетъ дерзости поразить этого чело-вѣка въ церкви, во время мессы. Не мало народу убилъ я на своемъ вѣку, но въ битвѣ или на улицѣ во время дуэли. Это было обычное убійство. Но вы хотите, чтобы я зарѣзалъ Лоренцо во время церковной службы. Я не желаю. Не желаю быть святотатцемъ.

Всѣ стали его упрашивать, стараясь устыдить его и заклиная его именемъ поработенной Флоренціи. Неужели онъ покинетъ на произволъ судьбы своихъ друзей и доведетъ ихъ до казни и позора? Стали даже высказывать сомнѣнія въ его храбрости. Но все было напрасно. Джамбаттиста оставался непоколебимъ.

Тогда смѣло поднимаютъ голову Антоніо изъ Волтерры и Стефано изъ Боньоны.

— Такъ какъ мессеръ Джамбаттиста колеблется, то мы займемъ его мѣсто. Мы оба—священники, къ церкви и къ алтарю намъ не привыкать стать, и мы не поддадимся страху.

Одни стали аплодировать, другіе возмущались. Священники—и берутся за такое дѣло! Но время не терпитъ. Предложеніе обоихъ

добровольцевъ принято. Переходятъ къ обсужденію другихъ подробностей задуманнаго плана. Рѣшено, что убійство должно совершиться послѣ причащенія и что архіепископъ пизанскій и Джакомо тотчасъ же вернутся во дворецъ и объявятъ совѣту старѣйшинъ, что волею или неволею онъ долженъ повиноваться членамъ рода Папци. Монтесекко будетъ поддерживать ихъ съ помощью всадниковъ, которыхъ онъ ввелъ въ городъ подъ видомъ почетнаго эскорта кардинала.

Санта-Репарата полна народу. Высокіе своды работы Брунелески, голыя стѣны, на которыхъ мѣстами чуть-чуть вырисовываются статуи, падаетъ холодный утренній свѣтъ. Толпа, кишачая подъ огромными сводами, все-таки не въ состояніи заполнить эту торжественную пустоту: храмъ такъ великъ, что его строила какъ будто совершенно не та раса, которая колѣнопреклоненно молится тамъ внизу на каменныхъ плитахъ пола, двигаясь словно колонія какихъ-то насѣкомыхъ.

Вдругъ раздаются величавые звуки, словно громъ раскатывающіеся подъ сводами. То звучала душа органа, какъ будто запѣли хоромъ рѣзные ангелы, украшавшіе верхъ трибунъ. Началась обѣдня.

Съ хоръ, еще болѣе темныхъ, чѣмъ вся остальная часть собора, надъ которыми высился громадный куполъ, не имѣющій равнаго во всемъ мірѣ, соборъ кажется какимъ-то колодцемъ, откуда поднимаются, какъ туманъ, волны кадилазнаго дыма. Въ этомъ сумракѣ, столь подходящемъ къ таинственности вѣры, костюмы кавалеровъ сверкаютъ золотомъ и камнями, Кардиналь, стоя одинъ подъ балдахиномъ, кажется высокимъ привидѣніемъ въ красной мантіи. Служащій обѣдню священникъ медленно движется съ чашей, словно какой-то золотой жукъ.

Лоренцо Медичи уже въ церкви. Его сопровождаютъ его сынъ Пьеро съ своимъ наставникомъ Полиціано и нѣсколько друзей. Заговорщики тоже тамъ, готовые на все. Они стараются погасить невольный блескъ своихъ глазъ и скрыть подергиваніе сухихъ отъ волненія губъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ стоило только протянуть руку, чтобы достать до Лоренцо, который появлялся всюду безъ тѣлохранителей и не требовалъ, чтобы вокругъ него была пустота, требуемая не только этикетомъ, но и благоразуміемъ. Лоренцо не хотѣлъ, чтобы съ нимъ обходились, какъ съ принцемъ.

— А гдѣ же Джуліано? Онъ обѣщалъ также пріѣхать. Неужели дѣло опять сорвется?

Сбившись въ тѣсную кучу, заговорщики совѣтовались между собою взглядами, не смѣя двинуть головой. Не шевеля губами, одинъ изъ нихъ сказалъ два-три слова, которыя обошли всѣхъ, заглушенные звуками латинскихъ пѣснопѣній. Планъ дѣйствій былъ составленъ.

Два человѣка тихонько пробираются сквозь тѣсную толпу молящихся, которые даже не замѣчаютъ ихъ движенія, объятые великолѣпнѣемъ богослуженія. Франческино и Бандини выходятъ изъ церкви.

Они идутъ за Джуліано...

Молодой человѣкъ еще лежитъ на диванѣ въ своей комнатѣ. Ему докладываютъ о двухъ посѣтителяхъ. Усталымъ жестомъ онъ велитъ ихъ пустить къ нему. Входятъ Пацци и его вѣрный спутникъ. Нервная дрожь пробѣгаетъ по нему. Вотъ уже три дня, какъ невольно онъ неотступно думаетъ о нихъ. Что-то странное происходитъ съ нимъ въ эту минуту. Въмѣсто того, чтобы слушаться инстинкта, который велитъ ему бѣжать отъ нихъ, онъ чувствуетъ, что, вопреки всякой осторожности, его тянетъ къ тому изъ нихъ, который къ нему пришелъ. Рокъ судьбы лишаетъ его воли, отнимаетъ у него благоразуміе.

Съ смѣющимся лицомъ и открытыми объятіями приближается къ нему Франческино. Онъ приподнимается на половину и также протягиваетъ ему руку. Франческино долго и крѣпко прижимаетъ ее къ груди. Въ то же время его рука быстро скользитъ вдоль Джуліано, ощупываетъ его.

Все идетъ отлично. Сегодня Джуліано, не рассчитывавшій выходить, не надѣлъ своей кольчуги. Клинкаль справится съ нимъ очень легко.

— Вы все еще страдаете, дорогой Джуліано? — дружескимъ тономъ спрашиваетъ Франческино.

— Да, и очень.

— Какъ мнѣ васъ жаль. Но вамъ нужно сдѣлать нѣкоторое усиліе. Знаете ли вы, что мы пришли нарочно за вами?

Джуліано ждалъ этихъ словъ. Онъ чувствуетъ, что теперь участь его рѣшена, что судьба велитъ ему слѣдовать за этими людьми. И онъ машинально бормочетъ извиненія.

— Я едва ли въ состояніи двигаться.

— Идемъ. Попробуйте. Кардиналь начинаетъ удивляться, что ему никакъ не удастся видѣть васъ. Онъ будетъ въ правѣ думать, что вы нарочно избѣгаете. Вы, пожалуй, сдѣлаетесь къ вашей свадьбѣ хромоногимъ. Этого еще недоставало. Движеніе ускоритъ ваше выздоровленіе. Идемъ же, дорогой другъ.

— Мы оба дадимъ вамъ руку, — любезно предлагаетъ Бандини.

И, переходя отъ словъ къ дѣлу, оба встаютъ и весело тащатъ его, разсыпаясь въ шуткахъ. Вотъ они уже вышли изъ комнаты, спускаются съ лѣстницы. Вотъ они наконецъ на улицѣ. Ошеломленный Джуліано уже не отдаетъ себѣ ни въ чемъ отчета. Его спутники овладѣли имъ совершенно и не даютъ ему опомниться. Ихъ болтовня, шутки и остроты лишаютъ его возможности сосредоточиться. У него только мелькаетъ одна мысль: эти веселые малые не могутъ быть предателями.

Вотъ они наконецъ и у церкви Santa Maria и входятъ въ боковыя двери. Вотъ они идутъ за рѣшетки подъ палящими взорами заговорщиковъ. Пацци и Сальвиати бросаютъ другъ другу свирѣпыя взгляды.

Вторая жертва приведена. Только чудо могло бы помѣшать теперь заговорщикамъ. Но Богъ не сдѣлаетъ его: чувственные и гордые, Лоренцо и Джуліано слишкомъ грѣшны передъ Нимъ.

Обѣдня продолжается. Тѣ, кто стоитъ поближе къ алтарю, слышатъ, какъ священникъ тихо произноситъ священныя слова: «Принимите, ядите, сіе есть тѣло Мое». Чаша съ св. дарами блеститъ въ рукахъ священника.. Водворяется тишина.

Начинается причащеніе.

Франческино даетъ знакъ.

Заговорщики быстро окружаютъ Джуліано. Шпага Бандини пронзаетъ ему грудь. Молодой человѣкъ хочетъ бѣжать, дѣлаетъ шагъ нѣсколько шаговъ и падаетъ. Въ эту минуту Франческино бросается на него и наноситъ ему кинжаломъ ударъ за ударомъ. Короткое трехугольное лезвіе то исчезаетъ въ тѣлѣ, то снова поднимается, красное отъ льющейся крови. Франческо наноситъ удары съ такой яростью, что ранитъ въ ногу самого себя. Онъ поражаетъ напрасно, ибо Джуліано уже мертвъ. Его слуга бѣжалъ отъ него, какъ трусъ.

Въ то же время оба священника бросаются на Лоренцо. Антонио впереди. Онъ наноситъ ему легкій ударъ въ шею и хочетъ схватить его за плечо. Но Лоренцо сбрасываетъ свой плащъ и вырывается отъ него. Неопытные убійцы такъ неловки, что ихъ удары не достигаютъ намѣченной жертвы, и друзья Медичи обращаютъ ихъ въ бѣгство.

Окруженный небольшимъ героическимъ отрядомъ своихъ друзей, Лоренцо бросается въ ризницу. Друзья вбѣгаютъ туда же, таща за собой трупъ Франческо Нори, который былъ убитъ, защищая Джуліано. Тяжелыя бронзовыя двери съ шумомъ закрываются, уступая усиліямъ Полиціано и другихъ. Среди нихъ не мало раненыхъ. У Андрея Кавальканти, брата Героя, ударомъ шпаги пробита рука.

Народъ въ смятеніи волновался въ церкви, словно море. Женщины кричали, дѣти метались изъ стороны въ сторону. Испуганные монахи были свидѣтелями убійства и не знаютъ, въ чемъ дѣло. Другіе думаютъ, что рушится храмъ, и устремляются на улицу, сокрушая все, что попадаетъ на ихъ пути. Прижатый къ алтарю, окруженный священниками, кардиналъ шелкаетъ отъ страха зубами, позеленѣвъ подъ своей красной мантией. Вскорѣ у него посеѣдѣютъ волосы, и на всю жизнь онъ останется блѣднымъ.

Между тѣмъ друзья Лоренцо, столпившіеся вокругъ него въ ризницѣ, обезпокоены его раной, изъ которой идетъ кровь. Антонио Ридольфи приближается къ нему.

— Мессеръ, какъ знать, не былъ ли кинжалъ отравленъ. Позвольте, я, можетъ быть, еще успѣю спасти васъ...

И съ этими словами онъ припадаетъ губами къ ранѣ. Напрасно Лоренцо старается его оттолкнуть. Ридольфи высасываетъ рану до послѣдней капли.

Раздаются сильные удары въ дверь. Слышны крики.

— Отворите, отворите. Мы ваши друзья. Пустите насъ.

Но, можетъ быть, это новая ловушка со стороны Пацци? Сисмондо делла Стуфа влѣзаетъ, карабкаясь, на лѣстницу, которая ведетъ изъ ризницы на хоры, и черезъ отверстіе выглядываетъ внутрь церкви и отшатывается въ ужасѣ. Трупъ Джуліано лежитъ въ морѣ крови на каменномъ полу. Онъ весь усѣянъ зіяющими ранами. Глаза его открыты и обращены къ небу.

Сисмондо дѣлаетъ усиліе и снова выглядываетъ. Онъ узнаетъ молодыхъ людей, которые толпятся у двери со шпагами въ рукахъ. Это дѣйствительно друзья. Бояться нечего.

— Пустите ихъ!—кричитъ онъ внизъ.

Двери отворяются, и вооруженные люди наполняютъ ризницу.

— Джуліано спасенъ?—спрашиваютъ ихъ.

Они избѣгаютъ отвѣчать, окружаютъ Лоренцо, умоляютъ его выйти и слѣдовать за ними во дворецъ. Онъ соглашается. Они ведутъ его изъ церкви по разнымъ закоулкамъ, чтобы скрыть отъ него трупъ Джуліано.

Наконецъ они выбираются изъ церкви и идутъ по площади. Дѣти, старики, монахи,—все бѣгутъ съ оружіемъ въ рукахъ. Людской потокъ съ ревомъ направляется къ одной цѣли: все бѣгутъ защищать дворецъ Медичи, какъ будто онъ былъ цитаделью республики. Толпа узнала Лоренцо. Потокъ разступается и даетъ ему дорогу. Онъ идетъ между двумя живыми, шумящими стѣнами. Раздаются привѣтствія для него и угрозы для враговъ. Одинъ и тотъ же крикъ несется по этому человѣческому морю, какъ волна по океану:

— Palle! Palle!

Это народъ привѣтствуетъ Лоренцо, намекая на его гербъ.

Между тѣмъ архіепископъ Сальвіати, оставшійся внѣ церкви во главѣ отряда перуджинскихъ изгнанниковъ, бросается на дворецъ Сеньоріи, въ надеждѣ овладѣть имъ и убить представителя этого совѣта старѣйшинъ. Онъ оставляетъ вблизи нѣсколько человекъ, а самъ поднимается во второй этажъ и отъ имени святого отца проситъ предсѣдателя, или гонфалоньера, Цезаря Петруччи принять его.

Время уже позднее, совѣтъ старѣйшинъ за столомъ. Петруччи принимаетъ архіепископа стоя. Онъ высокъ ростомъ, силенъ и имѣетъ рѣшительный видъ. Сальвіати уже раскаивается въ томъ, что онъ явился сюда, и начинаетъ сбивчивую рѣчь, не смѣя взглянуть на своего собесѣдника.

— Синьоръ, его святѣйшество, страдая отъ безпорядковъ, раздирающихъ Флоренцію...

— Какіе безпорядки?—сухо перебиваетъ его Петруччи.

— Честолюбіе обоихъ Медичи... враждебныя выходки противъ святаго отца! Его святѣйшество желалъ бы... Онъ поручилъ мнѣ...

Онъ все болѣе и болѣе запутывается и начинаетъ заикаться. Его глаза бѣгаютъ по сторонамъ, и онъ старается поскорѣе улизнуть отсюда.

Петруччи догадывается, что тутъ измѣна. Онъ отворяетъ дверь и изо всей силы кричить:

— На помощь! Помогите!

Вбѣгаетъ стража, и архіепископъ схваченъ.

Гдѣ же его спутники, изгнанники Перуджіи? Они заперты въ канцеляріи, гдѣ думали было спрятаться. Они закрыли за собою двери, не подозрѣвая, что замокъ можно открыть только съ помощью особаго ключа. Такимъ образомъ, они сами собой попали въ клѣтку.

На шумъ сбѣжались всѣ члены сеньоріи. Они замѣтили опасность, но они безоружны.

— Бѣжимъ на кухню!—кричитъ Петруччи.

Всѣ бросаются туда и вооружаются ножами, гонфалоньеръ хватаетъ вертель; въ его могучихъ рукахъ это кулинарное орудіе становится страшнымъ.

Заговорщики видятъ, что счастье ихъ покинуло. Старый Пацци въ отчаяніи бьетъ себя по лицу обѣими руками. Онъ бросается къ себѣ во дворецъ, гдѣ спрятано около сотни солдатъ, чтобы дать ему возможность бѣжать, а если это не удастся, то выдержать осаду. Туда же является и его племянникъ Франческино, весь въ крови отъ раны, которую онъ нанесъ самъ себѣ, добывая Джуліано.

— Мессеръ Джакопо, вы глава нашего рода, не покидайте насъ! Умоляю васъ, сдѣлайте послѣднюю попытку, поѣзжайте верхомъ во главѣ вашихъ людей! Я буду съ вами. Мы будемъ кричать: «Свобода! Да здравствуетъ свобода!» Можетъ быть, народъ услышитъ насъ!

Мессеръ Джакопо лишь качаетъ головой. Онъ знаетъ, что теперь отъ народа ждать нечего: свобода не нужна ему. Но пусть будетъ такъ: онъ соберетъ своихъ людей, сядетъ на лошадь, но поѣдетъ одинъ, ибо Франческино отъ потери крови не можетъ держаться въ сѣдлѣ.

Джакопо бросается къ старому дворцу и выходитъ на площадь.

— Свобода! Да здравствуетъ свобода!—кричитъ онъ.

Но никто не слушаетъ его. Угрозы и ругательства заглушаютъ его ослабѣвшій отъ страха голосъ. Съ вершины башни члены сеньоріи пускаютъ въ него и его спутниковъ градъ камней. Нѣкоторые изъ его солдатъ падаютъ, остальные разбѣгаются. Въ сопровожденіи наиболѣе храбрыхъ и вѣрныхъ, онъ удаляется и доходитъ

до Санта-Кроче, а оттуда через Porta Crucis выходит за городъ, на равнину, сплошь покрытую весенними цвѣтами и одинаково гостеприимную, какъ для другихъ людей, такъ и для преступника.

Трупы его приверженцевъ валяются на площади Сеньоріи. Народъ ругается надъ ними, наноситъ имъ увѣчья и терзаетъ ихъ въ дикой ярости. Группа молодыхъ людей потрясаетъ копьями, на которыхъ торчатъ головы съ закрывшимися глазами и сплещенными отъ крови волосами. Съ криками «Palle! Palle!» они несутъ эти трофеи ко дворцу Медичи.

Въ покинутый солдатами дворецъ Джакомо врывается яростная толпа. Она проникаетъ въ комнаты, гдѣ въ лихорадкѣ отъ полученной раны лежитъ Франческино.

Увидѣвъ палачей, которые готовы его схватить, молодой человекъ смѣло смотритъ имъ въ глаза, и его пристальный взглядъ раздражаетъ эту стаю тигровъ. Полуодѣтаго его волокутъ на улицу и заставляютъ идти впередъ, подталкивая въ спину лезвіями ножей и пикъ. Его лицо въ крови и плевкахъ. Онъ идетъ, едва таща за собой почти парализованную ногу, онъ не кричитъ и не жалуется, а только тяжело вздыхаетъ по временамъ. Проходя по площади, онъ видитъ трупъ Джакомо Браччолини, который виситъ у какого-то окна. При помощи ударовъ его заставляютъ взобраться на позорный эшафотъ. Онъ поднимается почти мертвый.

Черезъ нѣсколько минутъ у другого окна качается на веревкѣ новый трупъ. Франческино кончилъ свое существованіе.

Между тѣмъ, солдаты тащутъ за веревку человека съ фіолетовомъ одѣяніи, который упирается, словно быкъ. То архіепископъ Пизы, Франческо Сальвиати. Они подталкиваютъ его къ окну, за которымъ качается трупъ Пацци съ почернѣвшимъ, искаженнымъ лицомъ.

— Посмотри,—кричатъ они ему:—черезъ минуту ты самъ сдѣлаешь такую же гримасу.

Архіепископъ упирается, его ноги какъ будто врастаютъ въ почву, но солдаты тащатъ его еще сильнѣе. Приладивъ веревку, они вздергиваютъ его на воздухъ. Тутъ происходитъ нѣчто такое, что потомъ долго будетъ душить ихъ кошмаромъ и чего они не забудутъ всю жизнь.

Взлетѣвъ на воздухъ, архіепископъ сталкивается съ трупомъ своего соучастника и въ порывѣ демоническаго бѣшенства, широко раскрывъ глаза, онъ впивается зубами въ грудь Франческино. Онъ не выпускаетъ ее даже въ предсмертной агоніи, и его зубы такъ и остаются въ тѣлѣ соучастника, скованномъ холодомъ смерти, Этотъ трупъ и корчащійся въ агоніи человекъ, пожирающій его, возбуждаютъ необыкновенный ужасъ, напоминая осужденныхъ Дантовскаго ада, которые терзаютъ другъ друга.

Со стороны площади несутся рукоплесканія.

— *Palle, palle,*—неумолимо кричитъ народъ, который любитъ Медичи, но любитъ также иногда и взглянуть, какъ на веревкѣ качается трупъ.

Полиціано, смѣшавшись съ толпой, смотритъ на это ужасное зрѣлище. Но скоро онъ отворачивается: трагедія становится слишкомъ низменна для него. Онъ не желаетъ больше смотрѣть на конвульси повѣшенныхъ и на терзаемые народомъ трупы. Онъ съ грустной нѣжностью вспомнилъ о своемъ принцѣ-ученикѣ, этомъ «цвѣткѣ флорентійской молодежи», которому пришлось умереть въ двадцать пять лѣтъ. Несмотря на свое горе, онъ, какъ истый гуманистъ, сейчасъ же привелъ на память стихи Вергилія, гдѣ оплакивались герои, скошенные смертью въ веснѣ своей жизни.

Въ этотъ и два слѣдующіе дни вооруженная толпа заливала площадь и наводняла собою улицы. Народъ прибывалъ со всѣхъ пригородовъ и даже изъ сосѣднихъ городовъ.

Вдругъ народъ завылъ отъ радости: по городу прошла воспламеняющая вѣсть, что поймали стараго Джакопо.

Онъ бѣжалъ въ Альпы, къ горѣ Фальтеронѣ. Но тамъ его настигли эмиссары, посланные за нимъ въ погоню и мчавшіеся за нимъ по пятамъ.

Его привезли съ солдатами. Совѣтъ Восьми выслалъ изъ Флоренці навстрѣчу ему конвой, чтобы не дать народу разорвать его на клочки. Вездѣ, гдѣ его везли, сверкали ножи, держались наготовѣ камни. Однако его удалось привезти во дворецъ Сеньоріи невредимымъ. Тамъ онъ рассказалъ все о своемъ преступленіи и былъ приговоренъ къ смерти.

Въ послѣдній моментъ въ немъ вспыхиваетъ сатанинская дерзость его расы.

— Отдаю свою душу дьяволу,—кричитъ онъ, когда ему на шею надѣваютъ роковую петлю.

Едва успѣлъ онъ крикнуть эти нечестивыя слова, какъ тѣло его уже качалось въ воздухѣ. Онъ умеръ съ тою же дерзкой отвагой, какой отличался всю жизнь.

Одинъ за другимъ попадаютъ Пацци въ тенета, разставленные имъ по всей Тосканѣ. Оба священника, покушавшіеся убить Лоренцо, укрыли съ въ Бадіи. Народъ является туда за ними, оскорбляетъ монаховъ, которые указываютъ на неприкосновенность права убѣжища. Дѣло едва не доходитъ до того, чтобы обагрить кровью ихъ бѣлыя одѣянія. Обоихъ священниковъ бьютъ, лица ихъ распухаютъ. Затѣмъ имъ отрѣзываютъ носы и уши и въ такомъ видѣ отправляютъ на висѣлицу.

Монтессеко послѣ долгаго допроса отрубаютъ голову. Но убійцѣ Джуліано Бандини удалось бѣжать: обѣщано цѣлое состояніе тому, кто доставитъ его живымъ или мертвымъ. Но онъ бѣжитъ все дальше и дальше и останавливается наконецъ въ Константино-

полѣ. Въ полной увѣренности, что мстительная рука Лоренцо не достанетъ его здѣсь, онъ принимаетъ смерть отъ руки султана.

Однажды утромъ, когда члены Сенъоріи собрались на совѣтъ, передъ ними предсталъ какой-то человѣкъ и потребовалъ свиданія со старѣйшиною совѣта. То былъ простой горецъ изъ окрестностей Пистойи. На плечѣ онъ держалъ мѣшокъ изъ козьей шкуры.

— Что тебѣ нужно?—спросили его.

— Я принесъ нѣчто для Сенъоріи въ доказательство вѣрности жителей Пистойи вашей Флоренціи.

Съ этими словами онъ открылъ мѣшокъ. Члены Сенъоріи заглянули туда и увидали тамъ отрубленную голову. Борода и волосы слиплись отъ крови, лицо было бѣло, какъ мраморъ, а въ раскрытыхъ глазахъ застыло выраженіе нечеловѣческаго ужаса.

То была голова Бартоломео Канцельери. Узнавъ о неудачѣ заговора, его сограждане убили его.

Теперь Фьямма была свободна. Этотъ ужасъ уже не грозилъ ей.

Когда улеглось волненіе, старшій изъ Медичи начинаетъ думать о пышномъ церемоніалѣ, которымъ должна быть почтена память его брата. Базилика св. Лаврентія, покровителя семьи Медичи, затянута чернымъ. Подъ чернымъ покрываломъ эта красивая церковь, отличающаяся простотой линій, напоминаетъ вдову, плачущую и молящуюся. Въ теченіе многихъ поколѣній она принимаетъ Медичи при ихъ появленіи на свѣтъ и послѣ ихъ смерти. Въ низкихъ коридорахъ ея крипты виднѣется саркофагъ Пьеро Медичи, украшенный бронзовыми цвѣтами работы Вероккіо. Далѣе, на простой надгробной плитѣ на полу высѣчена простая надпись, увѣковѣчивающая память основателя славы Медичи, Отца Отечества, Косьмы Медичи. Каждый можетъ попирать ногами его имя: такова была послѣдняя воля усопшаго, въ которой сказалось и христіанское смиреніе, и княжеское честолюбіе. У ногъ его покоится скульпторъ Донателло, котораго онъ такъ любилъ. Они почіютъ вмѣстѣ, художникъ съ божественнымъ талантомъ и великій купецъ съ душою принца.

Сегодня тѣло Джуліано, пронзенное кинжаломъ двадцать разъ, будетъ возложено на лоно его предковъ. Среди молитвы въ церкви слышатся воспоминанія, сожалѣнія. Флорентійская молодежь облачилась въ трауръ: она оплакиваетъ того, кто, не давая чувствовать своего положенія, былъ для нихъ добрымъ товарищемъ. Но еще болѣе трогаетъ толпу неожиданная новость: послѣ Джуліано остался сынъ, тайно прижитый имъ съ нѣкоей Горини, котораго Лоренцо выразилъ желаніе принять въ лоно своей семьи.

Всѣ глаза обращены на главу рода Медичи.

Вотъ онъ стоитъ весь въ траурѣ, отчего кажется еще выше. Желтый свѣтъ свѣчей озаряетъ его измученное лицо. Онъ погруженъ въ думы.

Угнетаемый тоскою и тяжелымъ воздухомъ, наполненнымъ запахомъ расплавленнаго воска, Лоренцо наконецъ не выдерживаетъ и начинаетъ рыдать при звукахъ отпѣванія, которые медленно несутся подъ церковными сводами. Его голова опускается на грудь.

Вдругъ одна мысль заставляетъ его выпрямиться.

Вотъ онъ теперь владыка Флоренціи. Теперь онъ царствуетъ въ траурномъ городѣ. Взгляды всѣхъ ясно говорятъ ему объ этомъ. Въ немъ видятъ избранника Божія, котораго Богъ спасъ чудомъ, дабы дать ему возможность исполнить судьбы Флоренціи.

Кто теперь посмѣетъ коснуться его?

Настало настоящее его царствованіе. Черезъ нѣсколько дней начался сильный дождь, который такъ упорно портилъ иногда тосканскую весну. Рѣка Арно въ Пизѣ вышла изъ береговъ, рѣка Омброне около Поджіо опустошила насажденія и снесла нѣсколько хижинъ. Въ самой Флоренціи мирный ручей Миньоны, три четверти года сухой, также затопляетъ пригородные сады. Земледѣльцы въ большомъ количествѣ стекаются въ городъ и, расплываясь въ жалобахъ, бьютъ себя кулаками по бедрамъ, какъ это дѣлаютъ крестьяне, когда ихъ постигаетъ непріятность.

— Нашъ урожай пропалъ,—говорятъ они флорентинцамъ:—и въ этомъ виноваты вы. Вы позволили взять ночью тѣло повѣшеннаго мессера Джакомо. Его похоронили въ семейной усыпальницѣ, въ священномъ мѣстѣ, его, который умеръ съ богохульствомъ на устахъ и поручилъ свою душу дьяволу! Богъ прогнѣвался на это и теперь наказываетъ насъ всѣхъ.

Такія рѣчи и слезы не могли не подѣйствовать на народъ. Толпа устремила къ усыпальницѣ Пацци, отрыла тѣло Джакомо и похоронила его внѣ города въ ямѣ, выкопанной подъ городскимъ валомъ.

Наконецъ дождь перестаетъ, появляется солнце и разгоняетъ облака. Подъ прояснившимся, синимъ, словно море, небомъ зданія города, омытыя стекающей водой, блестятъ ярче, чѣмъ когда-либо. Господь Богъ простилъ людямъ ихъ вину и возвратилъ лазурь наводненной равнинѣ.

Но черезъ три дня свѣтъ былъ оскверненъ такимъ ужаснымъ дѣломъ, что мудрецы увидѣли въ этомъ знакъ не менѣе важный, чѣмъ тотъ, который возвѣщалъ смерть Юлія Цезаря или Рождество Христова.

Неожиданно всѣ адскія силы вошли въ дѣтей Флоренціи. Словно подгоняемые невидимыми факелами, они толпою бросились въ одну и ту же сторону. Въ какомъ-то вихрѣ замелькали тысячи дѣтскихъ босыхъ ногъ, въ какой-то злобѣ вытягивались ихъ хрупкія руки. Ангельскія личики стали демоническими, круглые рты раскрылись для брани и богохульства. Этотъ вихрь промчался по городу, который пропустилъ ихъ съ ужасомъ и трепетомъ. Нако-

нець толпа остановилась у самыхъ укрѣпленій, у того мѣста, гдѣ земля была недавно разрыта. Тутъ была печальная могила мессера Джакопо, на которой не было даже креста. Ее охранялъ какой-то человекъ въ траурномъ платьѣ, очевидно, родственникъ или преданный слуга, жалость котораго не знала страха.

— Убирайся!—кричить ему толпа дѣтей.

Тотъ не отвѣчаетъ и не двигается съ мѣста. Онъ дико смотритъ на нихъ, какъ бы предвидя бѣду, готовую случиться.

— Убирайся отсюда!

Тотъ продолжаетъ молчать. Тогда въ воздухѣ проносится рѣзкій крикъ:

— Камнями его!

Камни сыплются градомъ. Борьба длится недолго. Подъ свистъ камней, которыхъ у всѣхъ полныя руки, раненый и окровавленный, незнакомецъ медленно удаляется, отступая, словно призракъ, шагъ за шагомъ.

Съ громкими криками дѣти кидаются ко рву. У нихъ есть палки и кирки. Смѣясь и крича, они начинаютъ копать землю.

Вдругъ изъ нея появляется нѣчто такое, что заставило ихъ отпрянуть. То былъ трупъ, уже переставшій быть трупомъ: мясо висѣло лохмотьями, черепъ и челюсти обнажились совершенно. Всѣмъ кажется, что онъ молча смѣется, какъ бы отвѣчая на ихъ смѣхъ.

Схвативъ за веревку, болтавшуюся у него на шеѣ, толпа вытащила изъ рва эту безформенную массу. И вотъ отвратительный трупъ лежитъ во всю длину на яркой зелени равнины.

Самые сильные впрягаются, чтобы тащить его, и вся толпа направляется обратно въ городъ. Съ пѣніемъ и криками несется она по пригороду. Ея авангардъ передразниваетъ герольдовъ, которые расчищаютъ путь важнымъ особамъ.

— Дорогу, дайте дорогу!—режутъ они.—Сзади насъ ѣдетъ знаменитый рыцарь.

Другіе, вооружившись остроконечными палками, тычутъ ими въ мертвое тѣло.

— Ну, идемъ же, мессеръ, торопитесь! Вы загораживаете дорогу гражданамъ, которымъ нужно пройти на площадь.

Никто не рѣшается остановить это шествіе. Флоренція въ кошмарѣ. Все это представляется ей какимъ-то адскимъ видѣніемъ. Толпа останавливается передъ обломками, которые еще недавно были дворцомъ Папци.

— Эй!—кричитъ она въ ворота.—Нѣтъ ли тамъ кого-нибудь. Отворяйте ворота именитому сеньору, который возвращается къ себѣ съ большой свитой. Отворяйте.

Отвѣта нѣтъ. Дворецъ пустъ. Тогда двое наиболѣе сильныхъ поднимаютъ трупъ и трижды стучаютъ его лбомъ о ворота.

*

Наконецъ подросткамъ надоѣдаетъ волочить несчастный трупъ. Они схватываютъ его безъ отвращенія и страха и бросаютъ черезъ перила въ рѣку Арно. Но дьяволъ, которому мертвецъ поручилъ свою душу, хранить его и помогаетъ ему выплыть. Онъ тихо спускается внизъ по рѣкѣ къ морю. Дѣти съ пѣніемъ провожаютъ его по берегу.

Вотъ они прошли черезъ пригородъ и все дальше и дальше углубляются въ безпредѣльный просторъ равнины. Только облако пыли указываетъ на ихъ шествіе.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Воскресеніе.

Медленно оправлялась Флоренція отъ своего оцѣпенѣнія. У многихъ душа еще трепетала отъ страшнаго потрясенія. Боязливо нащупывали почву граждане и удивлялись, что она крѣпка, какъ и прежде. Мало-по-малу народная душа успокаивалась, но сохраняла въ себѣ ту меланхолію, которую можно видѣть у выздоравливающихъ, когда бредовые образы улетѣли и смерть уходитъ медленными шагами.

Постепенно Флоренція воскресала къ жизни.

Настала часъ, когда затворница монастыря Санъ-Джиминьяно могла также воскреснуть и вернуться къ жизни, къ любви. Сколько ужасовъ предшествовало триумфу ея нѣжной преданности. Джуліано Медичи былъ убитъ, Канцельери казненъ...

Но Фьямма еще ничего не знала.

Уже семь мѣсяцевъ изнывала она въ монастырской полуневольѣ, и извѣстія о внѣшнемъ мірѣ доходили до нея лишь съ большимъ опозданіемъ. Отецъ писалъ ей всего разъ и въ такихъ суровыхъ выраженіяхъ, что холодъ охватывалъ ея сердце. Онъ предупреддалъ ее, что онъ не приметъ къ себѣ недостойную дочь, если она рѣшится вернуться во Флоренцію.

Одновременно съ этимъ письмомъ гонецъ передалъ Фьяммѣ записку отъ ея матери, которая также осыпала ее упреками, хотя сквозь нѣхъ и проглядывала нѣжная любовь. Фьямма горько плакала при мысли о страданіяхъ, которыя она причинила матери, но не считала нужнымъ въ чемъ-либо раскаиваться.

Всякій разъ, какъ только было возможно, Марко посылалъ ей черезъ мадонну Толомеи пламенные посланія, отъ которыхъ у нея

дѣлалась лихорадка и ея мистическое убѣжище населялось вокруг нея жгучими призраками.

Во время чудныхъ октябрьскихъ дней она выходила съ послушницей на солнце, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Суровая ограда изъ сѣрыхъ камней, опоясывавшая монастырь, оживлялась тамъ и сямъ золотистымъ на солнцѣ мхомъ и ползучими лианами. Фьямма садилась на траву и съ грустью смотрѣла на горы, высившіяся на далекомъ горизонтѣ, думая о равнинахъ, которыя оставались для нея запретными. Красота природы угнетала ее и вызывала въ ней желаніе плакать. Она безучастно слушала послушницу, звонкій говоръ которой напоминалъ щебетаніе птицы среди необъятныхъ луговъ.

Послушница съ гордостью повѣствовала ей о былой славѣ ея родного города, который когда-то былъ такъ могуществененъ, что Сиенна и Флоренція обращались къ нему за разрѣшеніемъ ихъ распрей. Съ ужасомъ рассказывала она о кровавой легендѣ и о соперничествѣ между гвельфами Селькуччи и гиббеллинами Ардингелли. Воинственный городъ, державшійся насиліемъ и убійствомъ, каждый домъ котораго былъ крѣпостью, отъ войны и погибѣ. Когда-то столица, теперь онъ спустился на ступень маленькаго города.

— И все это, синьора, по причинѣ злобы людей, которые не перестаютъ терзать другъ друга, вмѣсто того, чтобы жить въ мирѣ, какъ братья во Христѣ. Мой отецъ, когда былъ живъ, часто рассказывалъ мнѣ объ этихъ ужасахъ, о которыхъ ему передавалъ мой дѣдъ. На ступеняхъ Народнаго дворца въ одинъ и тотъ же день отрубилъ голову тремъ Ардингелли, и при томъ несправедливо. Башня, которою вы любуетесь сейчасъ, принадлежала нѣкогда одному барону по имени Монтеагутоло. У этого сеньора былъ замокъ въ Компаньѣ, и онъ жилъ тамъ съ женою и сыномъ. Однажды мать за что-то побранила сына. Тотъ, въ порывѣ ярости, внушенной, конечно, дьяволомъ, выбросился изъ окна въ ровъ замка. Вернувшись съ охоты и узнавъ о случившемся, сеньоръ схватилъ жену и выбросилъ ее въ тотъ самый ровъ, куда упалъ его сынъ. Его за это судили и приговорили къ смертной казни, а его имущество, дворецъ и высокая башня въ Санъ-Джиминьяно достались въ наслѣдство общинѣ. Да люди того времени—нелзя не сознаться—потеряли страхъ Божій, и жестоки были сердца ихъ.

А Фьямма думала о томъ, что съ того времени прошли вѣка, а сердца и не думали смягчаться: гордость и жестокость попрежнему владѣли душою человѣка.

— Съ другой стороны,—съ отгѣнкомъ гордости продолжала послушница,—Санъ-Джиминьяно былъ городомъ святыхъ. У насъ былъ святой Вивальдъ, который провелъ всю жизнь, стоя на камняхъ въ дуплѣ каштановаго дерева, и графъ Бартоло, этотъ тосканскій Ювъ, котораго Небу угодно было испытать проказою. Тѣло его,

столь жалкое при его жизни, послѣ его смерти испускало лучи. У насъ была еще и святая Фина, которая умерла четырнадцати лѣтъ отъ роду и которая для умерщвленія плоти спала на голой доскѣ. А теперь больные выздоравливаютъ, приложившись къ ея мощамъ.

Долго еще продолжала говорить послушница, но Фьямма уже не слушала ея. Она смотрѣла на дивную панораму, на бѣлыя верхушки холмовъ и волнистую равнину, всю залитую солнцемъ, и на двухъ быковъ съ огромными рогами, которые медленно шли въ городъ. И ей было неприятно отъ этой мирной тишины.

Она вспомнила о своей тюрьмѣ и сдѣлала знакъ послушницѣ: обѣ вернулись въ монастырь: Фьямма съ облегченіемъ, послушница съ сожалѣніемъ.

Наступала уже весна, согрѣвая своей золотистой мягкостью старыя стѣны и юныя сердца. То было время обрученій и свадебъ, и не проходило дня, чтобы къ церкви не тянулся свадебный кортежъ. Входъ въ церковь былъ огражденъ розовой лентой, и женихъ долженъ былъ откупаться золотой монетой. Улицы гудѣли отъ томнаго стрекотанія стрекозъ. Серенады раздавались неумолчно.

Фьямма обыкновенно выходила въ сопровожденіи послушницы въ тѣнь отъ укрѣпленій и здѣсь садилась у водоема, въ которомъ женщины полоскали бѣлье. Глядя на прозрачный горизонтъ, она чувствовала себя одинокой, лишенной того сладкаго чувства, которымъ были полны всѣ. И на ея соколиныхъ глазахъ, которые такъ любили Альдобранди, навертывались слезы.

Вернувшись однажды съ прогулки, она услышала легкій стукъ въ дверь. Вошла послушница.

— Мадонна, васъ ждуть въ пріемной какой-то синьоръ съ дамой, которые желаютъ съ вами переговорить.

Сердце у Фьяммы забилося сильнѣе. Быть можетъ, это Марко и мадонна Толомеи! Но ей сейчасъ же пришло на мысль, что Альдобранди далъ слово не смущать своимъ посѣщеніемъ это святое мѣсто.

— Они говорятъ, что пріѣхали за вами,—продолжала послушница, заливаясь слезами, какъ ребенокъ, плачущій при мысли, что наступилъ конецъ ихъ прогулкамъ и разговорамъ.

Вдругъ Фьямма вздрогнула. А что если это Канцельери, явившійся съ какой-нибудь родственницей или даже просто со служанкой, чтобы увести ее отсюда. Но нѣтъ, не можетъ быть. Ей было извѣстно, что послѣ дуэли съ Альдобранди онъ находился въ изгнаніи въ Пистойѣ. Да и настоятельница не позволила бы ему оскорбить заступничество монастыря.

— Я сейчасъ приду,—отвѣчала она.

Стояя отъ любопытства, она спѣшила по коридорамъ, опережая свою послушницу. Едва переступивъ порогъ, она громко вскрикнула.

Передъ ней стояли ея отецъ и мать.

Фалько Джинори двинулся къ ней навстрѣчу. Его лицо, обыкновенно жесткое и безстрашное, на этотъ разъ выражало сильное волненіе.

— Дитя мое,—началь онъ,—ты теперь вдова. Бартоломео Канцельери, котораго мы избрали тебѣ въ супруги, убитъ.

Фьямма не знала о происшествіяхъ, разыгравшихся во Флоренціи, и отецъ вкратцѣ разсказаль ей о всемъ, что тамъ произошло. Она слушала, и сердце у нея то сжималось отъ ужаса, то прыгало отъ радости: для нея это было избавленіемъ.

— Синьоръ Лоренцо, — съ отгѣнкомъ горечи продолжалъ Фалько,—заблагоразсудиль забыть, что его врагъ былъ моимъ зятемъ и что я самъ хотѣлъ его гибели, ибо я считаль это необходимымъ для блага родины. Его великодушіе падить меня ради тебя или, вѣрнѣе, ради синьора Альдобранди. Послѣ того, какъ кончится срокъ траура, ты должна выйти за него замужъ, таково требованіе Лоренцо.

— Отецъ!

Фьямма бросилась на грудь, которую уже не защищала обычная гордость и честолюбіе. Потомъ она обняла мать, которая рыдала, не говоря ни слова.

Фалько Джинори смотрѣлъ на нихъ, а сердце его размягчалось отъ какой-то незнакомой ему прежде нѣжности. Потомъ онъ тихоенько тронулъ жену за плечо.

— Ёдемъ, Белла,—сказаль онъ.

Маленькая послушница открыла имъ дверь, и только тутъ Фьямма замѣтила, что глаза ея были красны отъ слезъ. Нарушая монастырскія правила, она поцѣловала ея лобъ, на половину скрытый уже подъ монашескимъ покровомъ. Среди радости ее вдругъ охватило чувство сильной грусти. Она наклонилась къ послушницѣ и тихо сказала ей:

— Молись за меня.

И съ этими словами Фьямма быстро перешагнула порогъ.

Передъ ней была равнина, залитая солнцемъ. Мягкій весенній вѣтерокъ пахнулъ ей въ лицо и сталь ея ласкать, какъ воскресшую къ новой жизни.

КНИГА ПЯТАЯ.

Примавера.

Въ кварталѣ Онъиссанти, обычномъ прибѣжищѣ всѣхъ художниковъ и скульпторовъ, живетъ и Сандро Боттичелли съ своимъ отцомъ, который уже не сердится на своего знаменитаго сына.

Въ его распоряженіе предоставлена часть стараго дома, которая служить ему мастерской. Тамъ онъ проводитъ лучшую часть своей жизни, предаваясь труду, размышленію и грезамъ.

Сколько событій пронеслось надъ нимъ. Дрожь охватываетъ его при одномъ воспоминаніи.

Онъ былъ въ церкви Санта Марія ди Фьоре въ тотъ день, когда былъ убитъ Джуліано. Онъ видѣлъ, какъ его кровь лилась изъ двадцати ранъ на каменный полъ церкви, и написалъ портретъ убитаго съ закрытыми глазами и мирнымъ выраженіемъ лица. На картинѣ «Поклоненіе волхвовъ» въ церкви Святой Маріи Новой онъ изобразилъ всѣхъ членовъ семьи Медичи на колѣняхъ вокругъ Божественнаго Младенца.

Въ то же время онъ написалъ Мадонну «Magnificat». Въ величавой печали, съ опущенными глазами, Божественная Дѣва протягиваетъ медленнымъ жестомъ перо, которымъ она сейчасъ будетъ писать торжественный гимнь, а душа ея въ это же время полна горестныхъ предчувствій. Иисусъ въ лѣвой рукѣ держитъ гранатовое яблоко, а правой раскрываетъ для матери чистую книгу. Но красота окружающихъ ихъ ангеловъ затмеваетъ все. Ни одинъ ликъ не выражалъ никогда такой нѣжности, какъ лики этихъ ангеловъ. Глядя на нихъ, онъ невольно вспоминалъ ротъ и глаза Лизы, его исчезнувшей подруги.

Что-то случилось съ ней? Сандро нерѣдко вспоминалъ о ней съ чувствомъ, среднимъ между угрызениями совѣсти и сожалѣніемъ. Онъ былъ злымъ прохожимъ для этого цвѣтка, сорвалъ его, перекинулъ черезъ плечо и пошелъ дальше своей дорогой.

Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось въ его жизни. Вызванный паломъ въ Римъ, чтобы расписать стѣны Сикстинской капеллы, онъ разстался и съ Флоренціей, съ друзьями и любовницами. Теперь онъ сталъ въ своихъ картинахъ капризенъ и нѣженъ, великъ и вмѣстѣ съ тѣмъ простъ.

Во Флоренцію онъ явился безъ денегъ и немедленно долженъ былъ приняться за работу. Субсидіи святѣйшаго отца пошли на веселыя пирушки, на игру въ кости и на всякіе вертепы въ Римѣ. Къ счастью, заказы плывутъ къ нему со всѣхъ сторонъ. Въ послѣднее время онъ получилъ два заказа изъ Прато—на Венеру для богатаго купца и запрестольный образъ для одной церкви.

Чтобы договориться съ своими заказчиками, ему пришлось сдѣлать путешествіе въ Прато, гдѣ онъ не былъ со времени послѣдней своей любовной исторіи. Тамъ онъ проходилъ мимо стѣны монастыря и той рѣшетки, около которой онъ когда-то останавливался. Никто не смотрѣлъ на него, и онъ съ волненіемъ поцѣловалъ тѣ прутья рѣшетки, черезъ которые когда-то просовывалась ручка его подруги. Онъ осмотрѣлъ садъ, лужайки, начинавшія темнѣть,

и тѣ самыя кипарисы, за которыми, полумертвая отъ страха, прижималась, бывало, она.

Онъ не рѣшился наводить о ней справки въ этой мѣстности. Но вечеромъ, наканунѣ своего отъѣзда, онъ рѣшилъ сдѣлать длинную прогулку по равнинѣ, пересѣкаемой рѣкою Омбронне,—такую прогулку, которую они нерѣдко предпринимали здѣсь вдвоемъ.

Какъ и тогда, слышенъ былъ переливчатый звонъ колоколенъ, похожій на низкіе звуки флейты, покрывавшіе шопоть полей.

Затѣмъ онъ вернулся во Флоренцію и въ теченіе двухъ дней сидѣлъ передъ начатыми картинами, погруженный въ думы. Работать ему не хотѣлось, и ученики дивились его необычайной лѣности.

Съ нѣкотораго времени безпечность покинула его. Его душа волнуется и возвышается въ какомъ-то мистическомъ ожиданіи. Ему кажется, что кто-то или что-то должно прійти изъ глубины неизвѣстности и вторгнуться въ его жизнь. На него словно падаетъ какая-то тѣнь отъ грядущихъ событій. Или, можетъ быть, это душевная подавленность художника, который, вынашивая въ себѣ великое твореніе, чувствуетъ муки этого творчества?

Сегодня праздникъ весны, а Боттичелли одинъ.

Не привлекая къ себѣ его вниманія, къ нему входитъ неизвѣстная женщина.

— Маэстро Сандро!—говоритъ она.

Онъ оборачивается. Передъ нимъ высокая блондинка. Онъ смотритъ на нее, но не знаетъ ея. Онъ нигдѣ не видалъ ту, которая только что назвала его по имени.

Она попрежнему стояла передъ нимъ. Ея бѣлыя одежды дѣлаютъ ее еще величавѣе и выше. Она не похожа ни на одну изъ тѣхъ, которыхъ онъ любилъ до сего времени. И ему становится ясно, что съ этого момента начинается новая жизнь. Въ одно мгновеніе идеаль артиста измѣнился, и все, что было, исчезло передъ этимъ видѣніемъ.

Незнакомка чрезвычайно, но какъ-то странно красива, не какъ обыкновенная женщина, а какъ сказочная принцесса, какъ нимфа. Ея бѣлокурые волосы не подколоты, какъ у флорентинокъ, а падаютъ легкими складками вдоль прямыхъ висковъ, овалъ лица очарователенъ. Подъ отчетливой линіей бровей блестятъ сѣро-зеленые, прозрачные глаза неизмѣримой глубины. Но особенно поражаетъ въ ней очертаніе рта, въ немъ такъ и сказывается презрѣніе и сладострастіе, усталость и ненасытная жажда любви.

Откуда явилась она? Изъ глубины вѣковъ, изъ сказочной страны, изъ-за морей и пустынь? Въ ней нельзя признать ни современницу, ни уроженку Италіи. Можетъ быть, она происходитъ изъ Индіи или изъ лѣсовъ Арморики, листья которыхъ шепчуть пророчества, можетъ быть, какъ жемчугъ, она родилась въ лагунахъ, а можетъ быть—расцвѣла, какъ лилія, на берегахъ Греціи.

Сандро не отвѣчалъ ей. Онъ смотритъ на нее, затаивъ дыханіе. Она, зная свою красоту и свою власть надъ мужчинами, молча выносить это безмолвное поклоненіе. Затѣмъ ея безсмертныя уста раскрываются, и изъ нихъ слышится музыка:

— Маэстро Сандро, вотъ зачѣмъ я пришла къ вамъ.

Онъ вздрагиваетъ при звукѣ ея словъ, похожемъ на звуки Эоловой арфы, и слушаетъ ее словно сквозь сонъ. Онъ смутно понимаетъ, что незнакомка проситъ его сдѣлать ея портретъ и что работа эта спѣшная.

— Мадонна,—растерянно бормочетъ онъ,—я принимаю вашу заѣздъ, я къ вашимъ услугамъ.

— Я не могу долго оставаться во Флоренціи,—продолжаетъ она.—Не позволите ли начать завтра же?

— Да, конечно,—отвѣчаетъ онъ, трепеща отъ радости.

— Маэстро Сандро,—говоритъ она послѣ минутнаго молчанія,—я не хотѣла бы имѣть обыкновенный портретъ. Я избрала васъ, а не кого-либо другого, потому что ваши портреты говорятъ душѣ и сами имѣютъ свою душу. Попробуйте угадать мою. Въ какомъ видѣ вы изобразите меня?

Боттичелли размышляетъ нѣсколько минутъ. Его взглядъ падаетъ на цвѣты, которые свѣшиваются изъ вазъ и падаютъ на диванъ. Онъ проситъ незнакомку сѣсть, быстро осыпаетъ ея платье цвѣтами, надѣваетъ на голову корону изъ розъ, а къ поясу прикрѣпляетъ бѣлый плющъ.

— Вотъ какъ я изображу васъ, мадонна. Примаверой—Весною любви.

Величаво встаетъ она съ кресла, разсыпая вокругъ себя дождь цвѣтовъ. Бѣлой рукой она снимаетъ съ себя свою цвѣточную корону. Бѣлоснѣжное платье движется къ выходу, оставляя за собой въ мастерской свѣтящійся слѣдъ.

Вдругъ комната погружается во мракъ: Примавера покинула ее.

Боттичелли остается одинъ. Онъ продолжаетъ стоять, напряженно прислушиваясь къ тишинѣ и какъ бы удивляясь, что не слышитъ уже божественной музыки. Его сердце наполнено какимъ-то особеннымъ волненіемъ. Можно ли передать словами встрѣчу артиста съ давно искомымъ, давно предчувствуемымъ идеаломъ?

Однако Примавера все-таки женщина, какъ и всѣ другія. Изрѣдка, вѣтъ минуты, когда она отдыхаетъ отъ позировки, она роняетъ нѣсколько словъ—скудная милостыня любопытству Сандро. Она рассказываетъ, что ея мать родомъ изъ Флоренціи, а отецъ владѣтель далекой сѣверной страны, омываемой германскою рѣкою. Она никогда не видала Флоренціи, гдѣ, по волѣ случая, родилась. Она не можетъ здѣсь оставаться и должна возвратиться въ тотъ таинственный міръ, откуда она пришла.

Сандро угадывает, что она свободна, богата, ничѣмъ не связана, что она не способна на чемъ-нибудь остановиться и по волѣ каприза должна странствовать въ поискахъ за наслажденіемъ жизнью, обманывая мужчинъ и сама обманываясь въ сладострастіи. Онъ понялъ, что это блуждающій образъ любовнаго безпокойства, что это Ева, Психея и Венера въ одно и то же время.

Работа была закончена съ лихорадочной поспѣшностью, и образъ Примаверы распустился на полотнѣ, какъ цвѣтокъ. Божественная модель не будетъ больше озарять мастерскую, да и самого портрета уже не будетъ здѣсь черезъ часъ.

Въ послѣдній разъ присутствуетъ Примавера въ мастерской. Медленнымъ взглядомъ она даетъ понять, что одобряетъ работу, и переводитъ его затѣмъ на художника.

— Маэстро Сандро, благодарю васъ.

Онъ едва осмѣливается поднять глаза, его безумно тянетъ къ этой красотѣ, которая вотъ-вотъ скроется у него изъ глазъ. Быть можетъ, тайная молитва въ глазахъ заставитъ остановиться это видѣніе, готовое разсѣяться?

И вдругъ совершается чудо. Ея лицо наклоняется къ нему, благоуханіе ея волосъ обвиваетъ его, ея уста, для которыхъ нѣтъ тайнъ любви, касаются его устъ и даютъ ему долгій-долгій поцѣлуй.

Глаза Сандро смыкаются, вся его жизнь сосредоточивается въ этомъ поцѣлѣ. и сердце перестаетъ биться.

Когда онъ открылъ глаза, Примаверы уже не было, и весь міръ сталъ для него тусклымъ.

.

Сандро Боттичелли неумоимо работаетъ въ своей мастерской въ кварталѣ Оньиссанти. Онъ заканчиваетъ стоящую передъ нимъ на станкѣ картину «Тріумфъ весны». Въ ней на первомъ планѣ сама богиня весны—Примавера.

Она изображена съ короной изъ незабудокъ на головѣ, изъ тѣхъ же цвѣтовъ сдѣлано ожерелье. Изъ складокъ платья она вынимаетъ розы и королевскимъ жестомъ сыплетъ ихъ всюду. Ея сѣро-зеленые глаза смотрятъ спокойно и деспотически. Узкой и хрупкой обнаженной ножкой она ступаетъ на землю, усыпанную цвѣтами, и эта ножка кажется владычицей земли.

Особенно замѣчательны ротъ этой царицы весны. Чувственный и въ то же время печальный, онъ какъ будто сулитъ глубокое, какъ смерть, успокоеніе. Сандро запечатлѣлъ въ немъ воспоминаніе о томъ поцѣлѣ, который на прощанье дала ему Примавера.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Глава.

Вечерній столъ только что кончился во дворцѣ Альдобранди. Слуги убрали со стола, и гости подвинулись съ своими креслами къ окнамъ, привлекаемые прелестью потухавшаго дня.

Фьямма сидѣла рядомъ съ мужемъ. Ея расцвѣтшая красота потеряла прежній холодный и воинственный оттѣнокъ и приобрѣла новую прелесть—прелесть материнства: уже десять лѣтъ, какъ у нея родился сынъ Джани. Аверардо Альдобранди и его жена наслаждались счастьемъ ихъ дѣтей, глядя на потомство, которому суждено ихъ пережить. Не нарушая гармоніи, здѣсь же присутствовали и старый другъ семьи—мадонна Торриджіани, ставшая теперь мадонной Руччелани. Марко и Фьямма не могли забыть, что они встрѣтились у нея на свадьбѣ: она была причиной того, что сердца ихъ нашли другъ друга. Теперь она стала для нихъ какъ бы сестрой. Она привела съ собой и свою дочку Бичи, которая играла съ Джани.

Разговоръ зашелъ о счастливомъ исходѣ переговоровъ Лоренцо, которому удалось помирить папу съ республикой.

— Я сознаюсь,—сказалъ Аверардо, обращаясь къ сыну:—что твой Медичи—очень ловкій политикъ. Какую зависть возбуждаетъ его власть! Теперь въ его рукахъ всѣ власти! Если такъ будетъ продолжаться, то что останется намъ отъ флорентійскихъ вольностей? Одно названіе!

— Неужели вы думаете, что при Пацци вольностей осталось бы больше? Власть Лоренцо, по крайней мѣрѣ, всѣмъ доброжелательна! Да и сама Флоренція не разъ доказывала, что слишкомъ много вольностей для нея и не нужно.

Разговаривая съ отцомъ, Марко бросалъ нѣжные взгляды на Фьямму. Его прежняя страсть превратилась съ тѣхъ поръ, какъ она стала матерью, въ глубокое уваженіе.

Мужъ и жена оба молча взглянули на игравшихъ дѣтей.

Джани и Бичи играли безъ шума. Дѣвочка приложила къ виску лепестокъ мака, а Джани долженъ былъ задать ей вопросъ. Если листокъ хлопнетъ подъ рукой дѣвочки—это должно значить «да», если же звука не будетъ—это должно значить «нѣтъ».

— Знаешь, что я хочу спросить у цвѣтка? —спросилъ Джани свою подругу.

— Какъ же я могу это знать?

— Я хочу спросить, любишь ли ты меня?

Въ глазахъ дѣвочки блеснулъ лукавый огонекъ, и ея нѣжная ручка осторожно ударила по цвѣтку такимъ образомъ, чтобы онъ не хлопнулъ. Отвѣтомъ на вопросъ Джани былъ только взрывъ смѣха.

Онъ замѣтилъ, что она нарочно задержала руку, и слезы навернулись у него на глазахъ. Тогда дѣвочка бросилась на шею къ своему другу и быстро заговорила:

— Цвѣтокъ все лжетъ, Джани, а я, правда, тебя люблю.

Въ этотъ моментъ на улицѣ раздались крики и пѣніе. Всѣ бросились къ окнамъ. Шло триумфальное шествіе: шесть колесницъ, разукрашенныхъ, по приказу Великолѣпнаго, молодымъ художникомъ Пунтормо, который приобрѣлъ уже славу въ декорационномъ искусствѣ. Первая колесница, влекомая быками, изображала золотой вѣкъ при царѣ Сатурнѣ. Затѣмъ слѣдовалъ двуликій Янусъ, сидѣвшій передъ запертымъ храмомъ войны. За нимъ ѣхали полуобнаженные пастухи, сидѣвшіе на тиграхъ и львахъ въ знакъ всеобщаго умиротворенія. Затѣмъ показался первый законодатель Рима—Нума, котораго охраняла Эгерія. Онъ держалъ священныя книги, вокругъ которыхъ группировались жрецы и гаруспексы. На колесницѣ, запряженной восьмью лошадьми, ѣхалъ Титъ Манлій Торкватъ. Колесницу Юлія Цезаря везли слоны, за которыми шествовали покоренные Цезаремъ народы. Императоръ Августъ въ своемъ апоѳеозѣ былъ окруженъ поэтами: они ѣхали на крылатыхъ лошадяхъ со свитками своихъ произведеній.

Вся Флоренція столпилась у оконъ и на порогахъ домовъ. Молодые дѣвушки, которыя не желали показываться, смотрѣли сквозь опущенныя рѣшетчатыя шторы или просто сквозь пропитанную масломъ бумагу. Аплудисменты трещали, словно градъ по крышамъ.

Показалась, наконецъ, послѣдняя колесница, замыкавшая шествіе. На верхушкѣ земного шара стоялъ мальчикъ, служившій символомъ возрождающагося золотого вѣка. Ребенокъ былъ совершенно голъ и только покрытъ слоемъ золота, такъ что вечерняя свѣжесть заставляла его дрожать. То былъ сынъ одного булочника, котораго отецъ отдалъ для участія въ процессіи за десять экю.

Флоренція того времени была городомъ, на половину языческимъ. Никто не беспокоился о ребенкѣ, котораго приносили въ жертву своимъ удовольствіямъ. Обращали вниманіе только на то, что онъ хорошо сложенъ и красиво поставленъ на вершинѣ шара. Одна Фьямма, очень встревоженная за ребенка, отвернулась.

Народная фантазія флорентинцевъ любила рѣзкіе контрасты, и за зрѣлищемъ великолѣпія послѣдовало зрѣлище ужаса. Появилась большая черная колесница, запряженная быками. На ней всюду были изображенія костей и бѣлыхъ крестовъ. Наверху стояла колоссальная фигура смерти съ косою въ рукѣ. Кругомъ нея нахо-

дилось нѣсколько гробовъ, которые раскрывались всякій разъ, какъ шествіе останавливалось на перекресткахъ. Изъ нихъ вылъзали существа, облеченныя въ черныя одежды, на которыхъ были изображены части скелета—кости рукъ и ногъ, ребра, позвонки, черепъ. Эти черныя одежды сливались съ наступавшей темнотой, и видѣлись только бѣлыя кости, казавшіяся настоящими. Раздавались глухіе звуки трубы, мертвецы выходили на половину изъ своихъ гробовъ и принимались пѣть мрачный покаянный стихъ.

Вокругъ этой колесницы ѣхало множество мертвецовъ на топкихъ лошадяхъ въ черныхъ чапкахъ съ бѣлыми крестами. Около каждаго всадника шло четыре слуги, одѣтыхъ мертвецами, съ огромными черными факелами и чернымъ знаменемъ, на которомъ изображены были кости и черепа.

Джани и Бичи въ ужасѣ бросились къ матерямъ, которыя закрывали имъ глаза руками. Къ счастью, мрачная процессія удалялась довольно быстро, и унылое пѣніе скоро замерло въ сосѣднихъ улицахъ.

Наступилъ уже вечеръ. Мадонна Торриджіани скоро стала собираться домой, простилась съ подругой и вмѣстѣ съ Бичи отправилась къ себѣ. А маленькій Джани неотступно слѣдилъ глазами за своей подругой, и сердце у него сжималось отъ горя. И такъ повторялось всякій разъ, какъ ему приходилось разставаться съ подругой своихъ игръ.

Прежде чѣмъ идти къ себѣ въ комнату, Марко и Фьямма остановились на минуту въ галереѣ, которая окружала весь внутренній дворъ. Луна ярко свѣтила, вырисовывая гербы, которыми были украшены стѣны дворца. Освѣщенный его фонтанъ казался снопомъ серебрястыхъ искръ.

Какъ далеко были супруги отъ пережитыхъ испытаній! Ни образъ мучимой ревностью Неры, ни призракъ обезглавленнаго Канцельери не тревожили ихъ больше. Ихъ жизнь проходила теперь мирно въ однообразномъ семейномъ счастьѣ.

Впрочемъ, однажды на охотѣ Марко вздумалось вдругъ посѣтить замокъ Винчильяту. До него дошли слухи, что Нера уже не жила тамъ.

Его глазамъ представился угрюмый, какъ ликъ мертвеца, фасадъ, изсохшій фонтанъ, бассейны, превратившіеся въ грязныя лужи, лужайки, когда-то зеленныя, а теперь покрытыя бурой травой. Аллеи заросли бурьяномъ. Въ замкѣ, гдѣ прежде толпились слуги, теперь не было ни одной живой души. На конюшняхъ не было уже слышно стука подковъ.

У Марко невольно навернулась мысль, что и сердце Неры должно быть похоже на этотъ полуразрушенный и заброшенный замокъ.

Но онъ скоро освободился отъ этого впечатлѣнія. Кругомъ него все было полно спокойствія и радости. Флоренція пережила расцвѣтъ величія Медичи.

Одна фигура рѣзко выдавалась на лучезарномъ фонѣ этой эпохи. Отъ нея падала тѣнь на весь этотъ апогеозъ. То была жена Лоренцо Клариса Орсини.

Принцесса Флоренціи не любила Флоренціи и въ глубинѣ души оставалась римлянкой, преданной традиціямъ надменной аристократіи. Для жителей Флоренціи она какъ будто не существовала. Ея не видно было на празднествахъ, и все знали, что Лоренцо старался держать ее возможно дальше отъ своихъ гостей. Когда она умерла, онъ даже не былъ въ ея комнатѣ.

Пренебрегаемая всѣми и, въ свою очередь, равнодушная ко всѣмъ, она удовольствовалась однимъ близкимъ другомъ—Фьяммой Альдобранди. Она поручила ей дѣла благотворительности, на которыя она была очень щедра. Среди основанныхъ ею учрежденій дороже всего ей былъ монастырь, воздвигнутый на берегахъ рѣки Арно, недалеко отъ Пизы. Этотъ монастырь долженъ былъ служить убѣжищемъ для патриціанокъ, которымъ надоѣла свѣтская жизнь.

Фьямма нѣсколько разъ въ годъ ѣздила къ настоятельницамъ этого монастыря, чтобы узнать о его нуждахъ, и обыкновенно брала съ собою Джани, которому эта прогулка доставляла большее удовольствіе.

Такъ было и на этотъ разъ.

Пока его мать бесѣдовала съ настоятельницей, мальчикъ игралъ среди монахинь, забавляясь ихъ широкими одѣянными, отъ которыхъ, несмотря на распутившіяся розы, отдавало ладаномъ.

Покончивъ разговоръ съ настоятельницей, Фьямма вышла въ садъ. Увидѣвъ ее, мальчикъ вырвался изъ круга столпившихся около него монахинь и побѣжалъ къ матери.

Они собирались уже покинуть монастырь, какъ вдругъ Фьямма принуждена была остановиться.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ неподвижно стояла какая-то монахиня, устремивъ на нихъ пристальный взглядъ. Несмотря на густой вуаль и похудѣвшее лицо, Фьямма тотчасъ узнала Неру Франджипани.

Оправившись отъ изумленія, мадонна Альдобранди двинулась снова впередъ, стараясь идти скорѣе.

Но та загородила ей дорогу.

— О, не смущайтесь, пожалуйста, мадонна,—сказала она.—Теперь вамъ нечего бояться меня. Я уже считаюсь мертвой. Я больше не Нера Франджипани, а недостойная раба Божія сестра Уреула.

Тонъ, которымъ были произнесены эти слова, отзывался скорѣе в рестью, чѣмъ христіанскимъ смиреніемъ. Въ ея обращеніи съ

бывшей соперницей проскальзывало презрѣніе, несмотря на мочашескія выраженія, который она употребляла.

Фьямма подняла голову.

— Мадонна,—отвѣчала она,—я бы хотѣла видѣть въ васъ то, о чемъ вы говорите сами. Но я не была подготовлена къ этой встрѣчѣ. Она тяжела для меня. Позвольте мнѣ пройти.

— Какъ? Неужели вы отказываетесь удѣлить мнѣ минуту вашего времени? Неужели вы такъ скупы, сестра?

Въ ея тонѣ явно сквозила иронія.

— Я вѣдь столько плакала изъ-за васъ, столько разъ проклинала васъ. Цѣлыя десять лѣтъ я блуждала по свѣту, какъ сумасшедшая. Потомъ я вернулась во Флоренцію, которая, несмотря на все, продолжала меня притягивать. Тутъ я была счастлива. Понимаете ли вы—счастлива! Вѣдь не можете же вы лишить меня воспоминаній!

Она говорила довольно громко, а Джани, не понимавшій, почему она сердится, плакалъ и прятался въ платье матери.

— Но вдругъ я почувствовала желаніе покончить съ отчаяніемъ,—продолжала она.—Я узнала о существованіи этого монастыря, гдѣ находятъ пріютъ усталыя, какъ моя, души, и я поступила въ него. Я начинала забываться, какъ и моя товарка, тѣмъ сномъ безъ сновидѣній, который переходитъ въ сонъ вѣчный. Наконецъ-то я могла отдохнуть душой!

Ея голосъ сталъ тихимъ и походилъ на скорбный шопотъ. Фьямма невольно почувствовала жалость.

— Зачѣмъ вы пришли сюда?—вдругъ съ гнѣвомъ воскликнула ея собесѣдница.—Зачѣмъ вы преслѣдуете меня даже въ этомъ убѣжищѣ? Неужели вамъ мало своихъ радостей и вамъ нужно еще смущать несчастную, о которой забыли уже всѣ? Неужели вы хотите совратить ее съ пути спасенія и снова заставить ее ненавидѣть, любить и страдать? Неужели вы являетесь лишь для того, чтобы я была осуждена въ этой жизни?

Испуганный этой сценой Джани принялся кричать. Мать быстро повела его къ выходу.

— Зачѣмъ вы приводите съ собой этого ребенка?—продолжала кричать ея бывшая соперница.—Для того, чтобы показать мнѣ, что вы счастливая мать? Но помните: вы согрѣшили, какъ и я, но вы не принесли, подобно мнѣ, покаянія и, можетъ быть, вы еще будете наказаны за это... Смотрите, Фьямма Альдобранди. Богъ вамъ далъ этого ребенка, но Богъ можетъ его у васъ и взять.

Испуганная этими словами, Фьямма бросилась бѣжать, крѣпко держа сына за руку.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шефовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАѢ 1911 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

Богословіе.

ГИЛЯРЕВСКІЙ, А., прот. Путь жизни православнаго христіанина. Кругъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни года. Спб. 1911. Ц. 2 р.

КАЛЬНЕВЪ, М. Сборникъ 12 главнѣйшихъ противосектантскихъ бесѣдъ. Одесса. 1911. Ц. 60 к.

МЕЛЮРАНСКІЙ, БОРИСЪ, профес. Изъ посмертныхъ бумагъ и записной тетради. Съ портретомъ автора. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ШАХАРНАЕВЪ, А. О времени второго пришествія Христова. Изслѣдованіе на основаніи Апокалипсиса и ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Спб. 1911. Ц. 12 к.

Философія, психологія, логика.

АБРАМОВЪ, Н. Даръ слова. Вып. 12-й. Искусство разсуждать. (Логика). Спб. 1911. Ц. 25 к.

АНТОШЕВСКІЙ, П. Библиографія о-культуризма. 1911. Ц. 40 к.

БОБРОВЪ, Е., проф. Дѣла и люди. Сборникъ статей. Изд. 2-е. Юрьевъ. 1910. Ц. 75 к.

БУА, ЖЮЛЬ. Невидимый міръ. Перев. съ франц. Москва. 1911. Ц. 1 р.

ГРИФЦОВЪ, В. Три мыслителя. В. Розановъ. Д. Мережковскій. Л. Шестовъ. Изд. В. М. Саблина. Москва. 1911. Ц. 1 р.

ДЮБУА, П., проф. О вліяніи духа на тѣло. Перев. Л. Б. Хавкиной-Гамбургеръ. Спб. 1911 г. Ц. 25 к.

ЗАДАЧИ ТЕОСОФИИ. Альба. Спб. 1911. Ц. 25 к.

КИБАРДИНЪ, Н. П. Система педагогики по твореніямъ блаженнаго Августина. Казань. 1911. Ц. 1 р.

ЛОССКАЯ, Е. Философія спиритизма и формація медіумовъ. Спб. 1911. Ц. 25 коп.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА, ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое въ современ. культурной жизни. Перев. съ нѣм., съ дополн., подъ ред. проф. А. С. Догеля, Д. А. Клеменца и А. Н. Шабановой. Вып. 6—7. Книгоизд. т-во «Просвѣщеніе». Спб. 1911. Ц. 1 р.

НЕБЕСНАЯ ДИНАМИКА. Курсъ астральной метафизики. Вязьма. 1911. Ц. 1 р.

НЕМО. Какъ вызывать явленія потусторонняго міра. (Практич. руков. къ изученію спиритизма и развитія въ себѣ медіумич. способностей). Спб. 1911. Ц. 50 коп.

ОРШАНСКІЙ, И. Изученіе наслѣдственности таланта. М. 1911. Ц. 50 к.

ПАПЮСЪ. Практическая магія (черная и бѣлая). Ч. I. Спб. Ц. 2 р.

СКОСАРЕВСКІЙ. Изъ боевой жизни офицера-развѣдчика въ русско-японскую войну. (Психологическій этюдъ). Спб. 1911. Ц. 60 к.

СОЛОВЬЕВЪ, ВЛАДИМИРЪ. Россія и вселенская церковь. Перев. съ французск.

Г. А. Рачинскаго. Книгоиздат. «Путь». Москва. 1911. Ц. 2 р. 25 к.

— Русская идея. Перев. съ французск. Г. А. Рачинскаго. Москва. 1911. Ц. 75 к.

СНЕКТОРСКИЙ, Е. Понятіе общества въ античномъ мірѣ. Этюдъ по семантикѣ общественнаго бытія. Варшава. 1911. Ц. 20 к.

УИЛЬЯМСЪ, Х. Этика пищи или нравственныя основы безубойнаго питанія для человека. Ц. 75 к.

ХВОСТОВЪ, В. М., проф. Нравственная личность и общество. Очерки по этикѣ

и социологій. Изд. Н. Н. Ключкова. Москва. 1911. Ц. 1 р. 35 к.

ЦЕРТЕЛЕВЪ, Д. Метафизическія сказки. Ц. 60 к.

ЩЕТИНИНЪ, А. Ключъ тайнъ завѣта. Ц. 50 коп.

ЭБВИНГГАУСЪ, Г., проф. Основы психологій. Томъ I, вып. 1-й. Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра, подъ ред. проф. В. С. Серебrenикова и Э. П. Радлова. Спб. 1911. Ц. 3 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія

АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, Ю. Исторія новейшей русской литературы. 1880—1910. Ч. I. Чеховъ и его время. Москва. 1911. Ц. 1 р.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ, А. С., проф. Русская литература XVIII вѣка. I. Литература петровскаго времени и ближайшихъ десятилѣтій.—до Ломоносова. Казань. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ДАДОНОВЪ, В. А. Вербичная и ея романы: «Яблоко счастья» и «Духъ времени». М. 1911. Ц. 35 к.

ЗАПИСКИ Неофилологическаго общества при Им. Спб. унив. Вып. V. Подъ ред. проф. Д. К. Петрова и прив.-доц. К. Э. Таандера. Спб. 1911. Ц. 2 р.

КОГАНЪ, П. Бѣлинскій. Москва. 1911. Ц. 30 к.

— Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Т. II. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ЛЕОНТЬЕВЪ, К. О романахъ гр. Л. Н. Толстого. Анализъ, стиль и вѣнше. (Критическій этюдъ). Москва. 1911. Ц. 1 р.

ЛОВОДА, А. Лекціи по исторіи новой русской литературы. Ч. I. (XVIII вѣкъ). Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 40 к.

— Лекціи по народной словесности. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р.

МОЧУЛЬСКИЙ, В. Н., проф. Отзывъ о сочиненіи, представленномъ на золотую медаль, подъ заглавіемъ «Ф. М. Достоевскій въ западной литературѣ». Одесса. 1911. Ц. 25 к.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ, Д. Н. Собр. сочин. Т. VIII. Исторія русской интеллигенціи. Часть II. Отъ 50-хъ до 80-хъ годовъ. Спб. 1911. Ц. 1 руб. 50 коп.

СБОРНИКЪ Монголо-бурятской народной поэзіи. Вып. I. Спб. 1910. Ц. 35 к. Тоже. Вып. II. Ц. 50 коп.

Беллетристика, поэзія, драматическія произведенія.

АБРАМОВА, АН. Царь Саулъ. Поэма въ 5-ти картинахъ. Спб. 1911. Ц. 75 к.

АКЪ-МЕЧЕТЪ, О. Небѣля авіаціи. Пьеса въ 3-хъ д. и 2-хъ картинахъ. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

АЛЬМАНАХЪ «Сатира и юморъ». Казань 1911. Ц. 10 к.

АМОФИТЕАТРОВЪ, А. Десятилетіи. Романъ. Ч. I. Изд. 2-е. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

АНУЧИНЪ, В. Сказанія и рассказы. Кн. I. Спб. 1911. Ц. 50 к.

БАЛТРУШАЙТИСЪ, Ю. Земныя ступени.

БАЛЬМОНТЪ, К. Д. Полное собраніе стиховъ. Т. V. Литургия красоты. Изд. 2-е, книгоизд. «Скорпионъ». Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

БАНЪ, Г. Поли. собр. сочин. Т. VI. Романъ сестры милосердія. Переводъ М. Лавровой. Книгоизд. «Современныя Проблемы». Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ФОНЪ-БЛЕХЪ, Ф. Ф. «Крестъ». Драма въ 3-хъ д. Майернгофъ. 1910. Ц. 1 р.

БОБРОВСКИЙ, М. Спасенный. Рассказъ. 1911. Ц. 25 к.

БУРАНИ, ПОЛЬ. Царина красоты. Античный романъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

БУРЖЕ, П. Любовное преступленіе. Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ВЕРЛЕНЪ, П. Записки вдовца. М. 1911. Ц. 1 р.

ВЕРЛЕНЪ, ПОЛЬ. Собраніе стиховъ въ переводѣ Валерія Брюсова. Съ критико-биографич. очеркомъ, библиографіей и 6 портретами. Книгоизд. «Скорпионъ». Москва. 1911. Ц. 2 р.

ВЕЧЕРЪЕВЪ, Разбойникъ Мотыга-Цыганъ и его адъютантъ. Изъ сибирскихъ воспоминаній и впечатлѣній. Спб. Ц. 75 к.

ВИЛЬЕ ДЕ-ЛИЛЬ-АДАНЪ. Ева будущаго. Ч. II. Москва. 1911. Ц. 1 р.

ВСЕВОЛОДОВЪ, Д. Сочиненія влюбленнаго. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ВСЕРОССИЙСКИЙ студенческій сборникъ. Харьковъ. 1911. Ц. 75 к.

ВЪНСКИЙ, Е. «Мое копыто». Книга великаго пастыря. 1911. Ц. 97 к.

ВЪ МІРѢ новыхъ ощущеній. Рассказы. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ГАМЗЕ, Л. З. Исторія одного семейства. Записки человѣка не совсѣмъ нормальнаго. Автобиографическій очеркъ. Спб. Ц. 1 р. 10 к.

ГАУПТМАНЪ, Г. Крысы. Траги-комедія. Перев. Ю. Спасскаго. Книгоизд. «Сфинксъ». Москва. Ц. 70 к.

ГЕЙЕРМАНСЪ, Г. Глаза или необычайныя переживанія Гоба. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ГЕССЕНЪ, В. Желтые листья. Стихотворенія. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ГРЕКОВА, ЕЛЕНА. Рассказы. Спб. 1911. Ц. 1 р.

*ГРИБОВЦОВЪ, А. С. «ГОРЕ ОТЪ УМА», КОМЕДИЯ ВЪ 4 Д. Изд. А. С. Суворина. (ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА, № 1). Спб. Ц. 10 к.

ГУРЗУФСКИЙ, МИХАИЛЬ. «Пѣвецъ на курортѣ». Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

— Кара поклонниковъ (или возмездіе любви). Драма въ 5 д. Спб. 1910. Ц. 75 к.

ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. Собраніе сочин. Хозяина и другіе рассказы. Изд. 8-е т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ДАНРИ. Авиаторъ Тихаго океана. Борьба бѣлой и желтой расы. Перев. съ франц. Л. Я. Круковской. Съ 40 иллюстр. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

- ДАРВИНЪ, ЭРАЗМЪ. Храмъ природы. Поэма. Перев. Н. Холодовскаго. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- ЖАТВА. Первый литературный альбомъ. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- ЗАПОЛЬСКАЯ, Г. Сезонная любовь. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р.
- ИБАНЬЕСЪ, ВИСЕНТЕ БЛАСКО. Полн. собр. сочин. Т. IX. Дѣтубійцы. (Иль и тростникъ). Романъ. Перев. съ испанскаго В. М. Фриче. Книгоизд. «Современныя Проблемы». Москва. 1911. Ц. 1 р.
- ИВАНОВЪ, ВЯЧЕСЛАВЪ. Cor ardens. Speculum speculorum. Эросъ. Золотые завиты. Т. I. Книгоизд. «Скорпионъ». Москва. 1911. Ц. 2 р. 40 к.
- ИВАНОВЪ, И. Въ интимныхъ уголкахъ и въ общественныхъ мѣстахъ у Японцевъ. М. 1911. Ц. 1 руб.
- КАДИТСКАЯ, Е. Миражъ. Изъ жизни бѣлокожихъ. Романъ. 2 части. Ц. 2 р.
- *КАРАМЗИНЪ, Н. М. ПОВѢСТИ. ИЗД. 10-е А. С. СУВОРИНА. (ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА—№ 3). Спб. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ перепл. 35 к.
- КАРАТЫГИНЪ, С. Новый театр-декламаторъ. Литературно-художественный сборникъ. Киевъ. 1911. Ц. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 75 к.
- КАРЕНИНЪ, В. Муся. Романъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- КАШИНЦЕВЪ, Ѳ. Боли сердца. Стихи. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- КИСНЕМСКИЙ, С. П. Въ чемъ наша сила. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- КОНДРАТЬЕВЪ, А. Улыбка ашеры. Вторая книга рассказовъ. Спб. 1911. Ц. 85 к.
- КОРЧЕМНЫЙ, В. Казнь. Очеркъ одной жизни. М. 1911. Ц. 1 р.
- КОХАНОВСКИЙ, В. Л. Рассказы. Томъ I. Изд. «Освобожденіе». Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- *КУЗМИНСКАЯ, Т. ИЗЪ ЖИЗНИ КРѢПОСТНОЙ ДѢВЧОЧКИ. (БЫЛЬ) СЪ РИСУНКАМИ. ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- КУПЧИНСКИЙ, Ф. Докторъ Катцель. Повѣсть. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- ЛАЗАРЕВСКИЙ, Б. Собр. сочин. Т. I. Повѣсти и рассказы. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р.
- ЛЕЙКИНЪ, Н. А. Въ гостяхъ у турокъ. Изд. 10-е. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛОМАКИНЪ, Н. Рассказы юмористическіе. Кн. 2. М. 1911. Ц. 1 р.
- МАГАРОВА-МИРСКАЯ, А. На служеніи Алтаю. Биографическая повѣсть, съ 87 портретами, видами и виньетками. Х. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- МАЛЕНЬКІЕ АЛЬМАНАХИ. Книга 2. 1911. Ц. 20 к.
- МЕНДЕЛЕВИЧЪ, А. М. Гримасы жизни. Книга рассказовъ. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- МИКУЛИЧЪ, В. РАЗСКАЗЫ. ИЗД. А. С. СУВОРИНА. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- МУРЪ, К. Сборникъ рассказовъ. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- ОСАДЧИЙ, Т. На грані XX столѣтія. Романъ-бувальщина. Кіевъ. 1911. Ц. 60 к.
- ПАВЕЛЪ, К. Аккорды грусти и печали. Батумъ. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- ПАПЕРЪ, МАРІЯ. Безъ выхода. Трагедія одинокой души. Москва. 1911. Ц. 50 к.
- ПЕРЕЦЪ, ЛЕОНЪ. Полное собр. сочин. Т. I. Изъ устъ народа. Перев. съ еврейск. Книгоизд. «Современ. Проблемы». Москва. 1911. Ц. 1 р.
- ПОТЪХИНЪ П. Б. Собраніе стихотвореній. (Съ портретомъ и биографическимъ очеркомъ). Посмертное изданіе. Спб. 1911. Ц. 2 р.
- РЕЙМОНТЪ, В. Броженіе. Кн. I. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р.
- РОНИ, Ж. Въ сѣтяхъ жизни. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- РОНИ-СТАРШИЙ. Борьба за огонь. Доисторическій романъ. Изд. М. П. Семёнова. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- СБОРНИКЪ молодыхъ писателей. Рассказы и стихотворенія. Киевъ. 1911. Ц. 60 к.
- СЕЛИТРЕННИКОВЪ, А. Стихотворенія и замѣтки. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- СКАЗАНІЯ о бѣднякѣ Христовѣ. Книга о Францискѣ Ассизскомъ. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- СНО, Е. Юмористическіе рассказы. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- СПЛОХОИ, сборникъ. Книга 7-я. М. 1911. Пѣна 1 р.
- СТРАЖЕВЪ, В. Рассказы. Т. II. М. 1911. Ц. 80 к.
- С. и Ш. Азаръ. Романъ людскаго безумія. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- ТОЛСТОЙ, Л. Н. Собраніе сочиненій. I-я серия. Томъ IV. Изд. В. М. Саблина. Москва. 1911. Ц. 1 р.
- ТРЕЩЕКЪ, Л. О. Все изъ-за хлѣба. Повѣсть. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ТЭФФИ, Н. Юмористическіе рассказы. Книга 2-я. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- УАЙЛЬДЪ, ОСКАРЪ. Сказки. Перев. О. Корчевской. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ФОГАЦЦАРО, А. Отжившій мірокъ. Романъ. Ч. I-я. М. 1911. Ц. 1 р.
- ШАМСОРЪ, С. Навяная. Романъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ШАУ, Б. Разоблаченіе Бланко Познетъ. Сцена въ аду. М. 1911. Ц. 80 к.
- ШЕВЧЕНКО, Т. Твори. Т. П. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- *ШИЛЛЕРЪ, [ФРИДРИХЪ. ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА. РОМАНТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДІЯ. ПЕРЕВОДЪ В. А. ЖУКОВСКАГО. СЪ ХАРАКТЕРИСТИКОЙ ДРАМЫ, ВЯ ГЕРОИНИ ІОАННЫ Д'АРКЪ, ОБЪЯСНЕНІЯМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ. ИЗД. А. С. СУВОРИНА. (ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА—№ 370). Спб. Ц. 25 к., въ пап. 33 к., въ перепл. 40 к.
- ЭКОУТЪ, Ж. Защитникъ бездомныхъ. Романъ Ц. 1 р. 25 к.
- ЮШКЕВИЧЪ, С. Очерки дѣтства. М. 1911. Ц. 1 р. 75 к.
- Улица. Повѣсть. М. 1911. Ц. 75 к.
- ЮЕДОРОВЪ, А. М. Сонеты. Съ рис. Спб. 1911. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- БАГАЛЪИ, Д. Очерки изъ русской исторіи Т. I. Статьи по исторіи просвѣщенія. Х. 1911. Ц. 3 р.
- Русская исторія. Часть 2-я Вып. 1-й. Харьковъ. 1911. Ц. 3 р. 80 к.
- БУЛЫЧОВЪ, Н. Архивная свѣдѣнія, касающіяся Отечественной войны 1812 г. по Калужской губерніи. Калуга. 1910. Ц. 5 руб.
- ВОЕНСКИЙ, К. Акты, документы и матеріалы для исторіи 1812 года. Томъ II. Спб. 1911. Ц. 5 р.

ГРАЦАНСКІЙ, НИКОЛАЙ. Нарисованные ремесленные цехи въ XIII—XIV ст. Казань. 1911. Ц. 2 р.

ГРУШЕВСКІЙ, М., проф. Илюстрированная исторія Украины. Кіевъ. 1911. Ц. 2 р.

ДИЛЬ, ШАРЛЬ, проф. Византийскіе портреты. Часть II. Перев. Е. Киричинскій. Харьковъ. 1911. Ц. 75 к.

ЦЛЪНИЦЪ, А. Исторія г. Ростова на Дону. Ростовъ на Дону. 1911. Ц. 1 р.

КІЕВЪ въ 80-хъ годахъ. Воспоминанія старожилъ. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

КОВАЛЕВСКІЙ, А. Освободительная реформа имп. Александра II и осуществленіе ея въ предѣлахъ Черниговской губ. (1858—1861 гг.). Съ 12 портр. и рис. Кіевъ. 1911. Ц. 75 к. (весь доходъ поступаетъ въ пользу Черниговск. дѣтск. пріюта).

КРЕЧЕТОВИЧЪ, І. П., прот. Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ (по архивнымъ даннымъ). Томъ I. Подготовка реформы. Изд. Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Москва. 1911. Ц. 3 р.

ЛИНДЕМАНЪ, І. К. Маринкина башня въ Коломиѣ и вопросъ о смерти Марини Мишкецъ. Москва. 1910. Ц. 75 к.

ЛУКОМСКІЙ, В. и ТРОФИМЦКІЙ, С. Списки лицамъ, Высочайше пожалованнымъ дипломами съ гербами на дворянское достоинство Всероссийской Имперіи и Царства Польскаго. Сиб. 1911. Ц. 85 к.

МАСОНСТВО или великое царственное искусство братства вольныхъ каменщиковъ, какъ культурно-исповѣданіе. (Историко-философскій очеркъ). Сиб. 1911. Ц. 1 р. 1 руб.

НИКОЛЬСКІЙ, Н. Древній Израиль. Популярныя очерки по исторіи евреевъ въ научномъ освѣщеніи. Съ 62 рис., географич. картою и планомъ древняго Иерусалима. Москва. Ц. 1 р. 50 к.

ПОСОШКОВЪ, ИВАНЪ. «Книга о скудости и о богатствѣ» и нѣкоторыя болѣе мелкія сочиненія. Съ предислов. А. А. Кизеветтера. (Памятники русской исторіи). Изд. Н. Н. Ключкова. Москва. 1911. Ц. 1 р.

СБОРНИКЪ Новгородскаго общества любителей древности. Вып. 4-й. Ц. 1 р.

ДЕ-СЕГЮРЪ. Походъ въ Москву въ 1812 году. Мемуары участника. М. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

СОЛОВЬЕВЪ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга 3-я. Томъ XI—XV. Ц. по подпискѣ 25 р.

СТЕЛЪЦКІЙ, И. Цынная битва 636 года въ Палестинѣ. М. 1911. Ц. 20 к.

Сюзоръ, Г. Ко дню 75-лѣтн. юбилея Императорскаго Училища Правовѣднн. 1835—1910 гг. Историческій очеркъ. Сиб. 1910. Ц. 5 р.

ХИРЬЯКОВЪ, А. М. Жизнь Л. Н. Толстого. Сиб. 1911. Ц. 30 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

АСТРОВЪ, П. П. Неотложное дѣло. Снабженіе нуждающихся обувью и одеждою. Москва. 1911. Ц. 10 к.

БОГРОВЪ, В. Критико-историческій очеркъ теоріи цѣнности. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 40 к.

БЛЮМЕНТАЛЬ, Ф. М. Общественная борьба съ туберкулезомъ въ Западной Европѣ и Америкѣ. (Историческій очеркъ развитія и современное состояніе вопроса). Ч. I. (Германія, Англія, Франція и Бельгія). Изд. 2-е, значит. дополн. и измѣнен. Москва. 1911. Ц. 1 р. 75 к. Москва. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

БОГДАНОВЪ, А. Культурныя задачи нашего времени. М. 1911. Ц. 60 коп.

ГАРРИСЪ, Р. Школа адвокатуры. Руковод. къ веденію гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Перев. съ англ. П. Сергѣича. Сиб. 1911. Ц. 2 р.

ГАРТЪ. Почему зашаталась Россія. Бывшая русская правда и будущая. Сиб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

ГРОМОВЪ, Н. Законы уголовныя. Изд. 2-е. Сиб. 1911. Ц. въ перепл. 2 руб.

ДЕРНБУРГЪ, Г. Панденты. Вып. III. Обязательственное право. М. 1911. Ц. 2 р.

ДОГОВОРЪ Россіи съ Китаемъ, подписанный 2 (14) февраля 1881. Варшава. 1911. Ц. 20 к.

ЗАЛЪССКІЙ, В. К. Нѣмцы и наши парохныя предпріятія. Сиб. 1911. Ц. 30 к.

КАЗАКОВЪ, М. Присяжный засѣдатель и участіе его въ русскомъ уголовномъ судѣ. Необходимыя свѣдѣнія о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ засѣдателей. М. 1911. Ц. 50 к.

КАНТОРОВИЧЪ, Я. А. Авторское право на литерат., музык., худож. и фотографич. произведенія. Новый законъ 15 марта 1911 г. Изд. книжн. склада «Право». Сиб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

КУЛЫЖНЫЙ, А. Деревенская кооперация. М. 1911. Ц. 50 к.

КЭТЛЭ. Соціальная физика или опытъ изслѣдованій о развитіи человѣческихъ способностей. Томъ I-й. Кіевъ. 1911. Ц. 2 р.

МИНИНЪ, М. и ПСИЩЕВЪ, С. Дополненіе къ сборнику: Законы о вознагражденіи желѣзнодорожными предпріятіями за смерть и утрату работоспособности. М. 1911. Ц. 65 к.

МУРОМЦЕВЪ, СЕРГѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ. Сборникъ статей К. Арсеньева, Н. Астрова, С. Вондарева, М. Вишавера, В. Гредескула и др. М. 1911. Ц. 1911. Ц. 2 р.

ПЕТРАЖИЦКІЙ, Л. Акціи, биржевая игра и теорія экономическихъ кризисовъ. Т. I. Сиб. 1911. Ц. 2 р. 25 к.

ПЕТРОВЪ, Г. С. У пустаго колодца. Сборникъ статей.

ПИЛЕНКО, А. Л. Группа обновленіи въ Сиб. Городской Думѣ. Сиб. 1911. Ц. 20 к.

— Новый законъ объ авторскомъ правѣ. (Текстъ закона, сопоставленіе съ прежде дѣйствовавшимъ правомъ, подготовительныя матеріалы). Изданіе А. С. Суворина. Сиб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ПИСЬМА КРЕСТЬЯНЪ. Изд. общ. «Русское зерно». Сиб. 1911. Ц. 1 р.

ПОВЪДИНСКІЙ, Г. Гражданское судопроизводство въ окружномъ судѣ по уставу имп. Александра II. въ принятыхъ судебномъ практикою формулахъ. Изданіе 2-е. Сиб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ПОДАТНАЯ инспекція въ Россіи. 1885—1910 гг. Очеркъ дѣятельности податной инспекціи за 25 лѣтъ ея существованія въ связи съ развитіемъ прямого обложенія. Сиб. 1910. Ц. 1 р.

ПОРОХОВЩИКОВЪ, А. Слушайте все! Чѣмъ можетъ русский человѣкъ бороться съ евреемъ на всѣхъ путяхъ. Чѣмъ могутъ евреи предупредить кровавыя погромы на Святой Руси и проч. Ц. 30 к.

РОГОВИНЪ, Л. М. Таможенные тарифы по европейской торговлѣ (общій и

конвенціонный). По офиц. изд. 1906 г., прод. 1908 и 1909 гг., дополн. узаконеніями, распублик. по 1 марта 1911 г. Спб. 1911. Ц. 3 р.

РУССКІЙ РУССКИМЪ. Вып. 4. П. А. Кулаковскій. Славянскій съѣздъ въ Софіи. Спб. 1911. Ц. 50 к.

СОДОВСКІЙ, В. Городской опѣчный сборъ въ Россіи. Т. I. Спб. Ц. 1 р. Т. II. Ц. 1 р. 50 к.

— Государственные налоги на недвижимыя имущества въ Россіи. Спб. 1911. Ц. 2 руб.

— Къ вопросу: реальное обложеніе, или личное? Спб. 1910. Ц. 50 к. т. II. ц. 1 р. 50 к.

— Сборы съ недвижимыхъ имуществъ на земскія потребности въ Россіи. Спб. 1911. Ц. 1 р.

СТРУВЕ, ПЕТРЪ. Patriotica. Политика, культура, религія, социализмъ. Сборникъ статей за пять лѣтъ. (1905—1910 гг.). Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб. 1911. Ц. 3 р.

УГОЛОВНОЕ УЛОЖЕНІЕ съ изложениемъ разсужденій, на коихъ оно основано. Глава первая. О преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

УЛЯНИЦКІЙ, В. Международное право. Томскъ. 1911. Ц. 2 р. 75 к.

УСОВЪ, М. Евреи въ арміи. Спб. 1911. Ц. 3 р.

ФЕДОРОВЪ, А. Торговое право. Одесса. 1911. Ц. 6 р.

ЦЕХАНОВСКІЙ, В. Свобода, равенство и братство. Спб. 1911. Ц. 20 к.

Искусство.

АСТРОВЪ, П. И. «Христосъ» художника И. А. Астафьева. Москва. 1911. Ц. 20 к.

ВЕРЕЩАГИНЪ, В. Русская карикатура. В. Ф. Тиммъ. Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.

ГРАВАРЬ, И. Русскіе художники. Собрание иллюстрированныхъ монографій. Вып. I. Михаилъ Александровичъ Врубель. Жизнь и творчество. М. 1911. Ц. въ пер. 3 р. 50 к.

СОВРЕМЕННОЕ искусство. Серия иллю-

стрированныхъ монографій. Вып. 2. Врубель. Очеркъ А. Иванова. Ц. 1 р. 75 к.

СУСЛОВЪ, В. Русское зодчество по преданіямъ народной старины. Ц. 5 р.

ТИДЕБЕЛЬ, О. Школа скрипичной игры и ея значеніе для скрипача-исполнителя, композитора и педагога. Спб. 1911. Ц. 60 к.

ШЕВЧЕНКО, Т. Малюшки. В. I. Ц. 4 р.

Естествознаніе и математика.

АНШЕЛЬ, ПАВЕЛЪ. Руководство теоретической (раціональной) механики. Томъ I. Статика. Динамика точки. Перев. съ фран. А. Безруковъ. Москва. 1911. Ц. 6 р.

БАНОВЪ, Н. Гербаризація и изготвленіе ботаническихъ коллекцій. Одесса. 1911. Ц. 10 к.

БЕЕРЪ, Т. Міровоззрѣніе Эрнста Маха. Спб. 1911. Ц. 60 к.

БЕРЛОВЪ, М. Механическая теорія тепла. Вып. 3. Свойства паровъ воды. Рига. 1911. Ц. 2 р.

БОТТОНЪ, Р. Самодѣльные приборы для опытовъ со статическимъ электричествомъ и съ электрическимъ токомъ. Съ 55 рис. Спб. 1911. Ц. 60 к.

ГАРГЦЪ, В. Новые ряды въ математическомъ анализѣ. Спб. 1910. Ц. 80 к.

ГЛѢБОВЪ, Н. Координаты. Математическое отвлеченіе. Спб. 1911. Ц. 2 р.

*ДЖОНСЪ, ГАРРИ. ОСНОВЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ХИМИИ. ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА. СПБ. 1911. Ц. ВЪ ПЕРЕПЛ. 5 р. 75 к.

КАУФМАНЪ, Г. Радій и явленія радиоактивности. Спб. 1911. Ц. 65 к.

ЛЕЖНИНЪ, В. Земля во вселенной. Саратовъ. 1910. Ц. 15 к.

НЬЮКОМЪ, С. Астрономія для всѣхъ. Одесса. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ОСТВАЛЬДЪ, В. Основы физической химіи. Спб. 1911. Ц. 5 р.

РЮМИНЪ, В. В. инж.-техн. Практическая минералогія. Описаніе главнѣйшихъ полезныхъ ископаемыхъ, ихъ мѣстонахожденіе, добыча и примѣненіе. Съ 86 рис. Изд. 2-е, книгоизд. «Сотрудникъ». Спб. 1911. Ц. 70 к.

САВЕНКОВЪ, Е. Объ изученіи кривыхъ высшихъ порядковъ методомъ синтетической проводящей Евклидовой геометріи. Вып. 3. Спб. 1911. Ц. 60 к.

САПОЖНИКОВЪ, А. Азотная кислота и селитра изъ воздуха. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

SOUSLOW, G. Основы аналитической механики. Т. I. Ч. 2. Динамика точки. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

ФАРАДЕЙ, М. Химическая исторія свѣчи. Перев. съ англ. М. П. Дундельскаго. Съ биограф. автора. Книгоизд. «Образованіе». Спб. 1911. Ц. 60 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

АЛБАНСКІЙ, В. Экскурсія по Военно-Осетинской дорогѣ на Кавказѣ. М. 1910. Ц. 80 к.

ДОРОВАТОВСКІЙ, С. Сочи и Красная Поляна съ окрестностями. Спб. 1911. Ц. 1 р.

КЛИНГЕРЪ, В. Животное въ античномъ и современномъ суевѣрїи. Кіевъ. 1911. Ц. 2 р.

КЪ ЮЖНОМУ ПОЛЮСУ. Англійская экспедиція къ южному полюсу подъ начальствомъ лейт. Шекльтона. 1907—1909 гг.

Перев. съ франц. Н. С. Александрова, подъ ред. прив.-доц. А. И. Колмогорова. Москва. 1911. Ц. 1 р.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЯ ЭКСКУРСІИ по Россіи. Сборникъ-отчетъ за 1910 г. Изд. Комиссіи образоват. экскурсій по Россіи при Москов. отдѣл. Россійск. общ. туристствъ. Москва. 1910. Ц. 85 к.

РАДЧЕНКО, З. Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ Могилевской губ. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ФОЛЬБАУМЪ, Н. Китай и китайцы. Очерки. Съ рис. Москва. 1911. Ц. 20 к.

Языковѣдѣніе.

БОГОРОДИЦКІЙ, В. А., проф. Общій курсъ русской грамматики. (Изъ университетскихъ чтеній). Изд. 3-е, значит. дополн. Казань. 1911. Ц. 2 р.

КАРСКИЙ, Е. О. Бѣлоруссы. Т. II. Языкъ Бѣлорусскаго племени. 2. Историч. очеркъ словообразованія и словоизмѣненія въ Бѣлорусскомъ нарѣчїи. Варшава. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

КОЛОСОВЪ, В. Международный языкъ эсперанто, его возникновеніе, составъ, строй, значеніе и распространеніе. Симбирскъ. 1911. Ц. 15 к.

ПОСТНИКОВЪ, А. А. О международномъ языкѣ эсперанто. Докладъ министру торговли и промышленности. Сиб. 1911. Ц. 25 к.

РАМСТЕДТЪ, Г. I. Сравнительная фонетика монгольскаго письменнаго языка и халхаско-уринскаго говора. Перев. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. А. Д. Руднева. Спб. 1908. Ц. 2 р.

РУДНЕВЪ, А. Д. Матеріалы по говорамъ восточной Монголіи. (Съ рис. и нотами въ текстѣ). Спб. 1911. Ц. 2 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

АЛЕКСѢЕВЪ, Ф. Кроликъ и его значеніе. Спб. 1911. Ц. 5 коп.

БРЕЗЕ, М. Руководство къ разведенію канареекъ. Съ 18 рис. Изд. 2-е. Спб. Ц. 40 коп.

ВѢСТНИКЪ кролиководства подъ редакціей С. Е. Голубицкаго. Вып. 2-й. Мартъ. 1911. Ц. 30 к.

ГОЛУБИЦКІЙ, С. Кроликъ нашъ кормилецъ. М. 1911. Ц. 10 к.

ГОРБУНОВЪ-ПОСАДОВЪ, И. Всѣ для наждаго и каждый для всѣхъ. Какъ французскіе земледѣльцы общими силами улучшаютъ крестьянское хозяйство. М. 1911. Ц. 20 к.

ДЕВУ, К. Запарники. Подготовка кормовъ варкой и запариваніемъ. Спб. 1911. Ц. 15 к.

— Запряжка лошадей и воловъ. Ц. 15 к.
ЖИЛИНЫ, Е. и И. Какъ сдѣлаться хорошимъ садовникомъ. М. 1911. Ц. 20 к.

ИЗМАЙЛОВЪ, А. Какъ выбрать хороший молочный скотъ и какъ лучше ухаживать за нимъ. М. 1911. Ц. 8 к.

КОТЕЛЬНИКОВЪ, В. Бесѣды по земле-

дѣлю. Вып. 3. О сѣнокосныхъ угодьяхъ и травосѣянїи. Спб. 1911. Ц. 30 к.

МОДЕСТОВЪ, А. Наставленіе для земледѣльца Южной Россїи. Какъ получить хорошіе урожаи хлѣббовъ. М. 1911. Ц. 17 к.

ПОЛОСУХИНЪ, А. Старый плодovый садъ. Съ 117 рис. Спб. 1911. Ц. 30 к.

СВИРЕНКО, А. Примѣненіе холода въ домашнемъ хозяйствѣ. Холодное храненіе мяса, масла, молока, яицъ, плодовъ и овощей. Спб. 1911. Ц. 30 к.

СТЕПАНОВЪ, В. и СПИЧЕНКО, Н. Культура дынной групи. Ц. 20 коп.

— Культура левкой и лакфіоля. Ц. 20 к.

ФЕДОРОВЪ, Д. Обработка и удобрение почвы. Ц. 75 к.

ШПЕХТЪ, Н. Промышленное разведеніе лучшихъ огурцовъ въ парникахъ и грунтѣ. Съ 16 рис. Спб. 1911. Ц. 15 к.

ШТЕЙНБЕРГЪ, П. Грунтовая культура ровы. Ц. 60 к.

ЮРМАШАТЪ, А. П. Датскій способъ кормленія молочнаго скота. Съ 9 рис. Изд. 2-е, значит. дополн., А. Ф. Девриена. Спб. 1911. Ц. 25 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

АЛЬБОМЪ южно-русской областной сельско-хозяйственной, промышленной и кустарной выставки въ Екатеринославѣ 1910 года. Изд. уполномоченнаго учебн. отдѣла министерства торг. и пром. на выставкѣ В. Н. Клебанова. Спб. Ц. 15 р.

ЕЗЕРСКІЙ, Ф. Счетоводство, какъ самый опасный врагъ и какъ самое точное зеркало. Спб. 1911. Ц. 60 к.

МОШКИНЪ, А. А. Счетоводство сельско-хозяйств. промышленности. М. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ПЕРЕВОЗНИКОВЪ, И. Положеніе книжнаго дѣла въ Россїи. I. Можетъ ли существовать Всероссийское Общество книгопродавцевъ и издателей при тѣхъ условїяхъ, какимъ оно сформировалось 12 ноября 1910 г. по новому уставу? Спб. 1911. Ц. 20 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АЛЬБОМЪ рисунковъ для выпиливанія по дереву и металлу. Вып. 4-й. Изд. А. Ф. Сухова. Спб. 1911. Ц. 40 к.

АНДРИАНОВЪ, Н. Самоучитель фотографа. Руководство современной фотографїи. Ч. 1-я. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к. Ч. 2-я. Ц. 1 р. 50 к.

БАУЕРЪ, Г., д-ръ, и ЛАШЕ, О. Судовыя турбины. Справочн. книга для конструкторовъ, судовыхъ механиковъ и студентовъ. Перев. инж. В. П. Вологодина, подъ ред. проф. Г. Н. Пю-Ульскаго. Съ 104 фигур. Изд. К. Л. Рикера. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

БОДРИ-де-СОНЬЕ, Л. Искусство хорошо управлять автомобилемъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

— Какъ устроены моторъ и какъ обращаться съ нимъ. Спб. 1911. Ц. 60 к.

БРУДИНСКІЙ, Н. Работа пара въ паровозахъ и о пароперегравателѣ. Спб. 1911. Ц. 50 к.

БЪЛИЦКІЙ, М. Легкая модель аэроплана-моноплана. М. 1911. Ц. 25 к.

БЪЛЯВСКІЙ, М. Ю., инж.-техн. Канализація городовъ. Симферополь. 1909. Ц. 2 руб.

ГЛИНЕКЪ, А. Часовщикъ-практикъ. Руков. къ изуч. часовъ дѣла. Перев. съ нѣм. Съ 43 рис. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ГРАВИНЪ, В. Справочная книжка для межевыхъ инженеровъ, техниковъ, топографовъ и студентовъ. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р. 25 коп.

- ДАНИЛОВЪ, Ф. Альбомъ простѣйшихъ архитектурныхъ деталей деревянныхъ и кирпичныхъ зданій. М. 1911. Ц. 3 р.
- ЕСЬМАНЪ, Г. Г. Гидравлика. Часть I. Спб. Ц. въ перепл. 2 р.
- ГРАФИНЪИ, А. Гальванопластика. Спб. 1911. Ц. 20 к.
- ГРЮФЪ, М. Мотивы мебели въ новомъ стилѣ. Вып. IV. Съ 40 рис. Спб. 1911. Ц. 40 к.
- КАРТА Майкопскаго нефтеноснаго района съ показаніемъ нефтеноснаго слоя по даннымъ геологическаго комитета и др. источникамъ. На 2 листахъ. Ц. 5 р.
- КОЛОСОВЪ, И. Подошвенныя кожи. Выдѣлка кожъ. Спб. 1911. Ц. 30 к.
- ЛАМТЕВЪ, Н. Н., инж. Сухіе гальваническіе элементы. Домашнее изготовленіе сух. элементовъ различн. системъ. Съ 45 рис. Книгоизд. А. Ф. Сухова. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- ЛЕВИЦКІЙ, М. Коммутациі электрическихъ станцій. Спб. 1911. Цѣна за два тома въ перепл. 9 руб.
- ЛЕОНАРДЪ, Тисненіе и выжиганіе по бархату и живописъ на тканяхъ. Съ 10 рис. Спб. 1911. Ц. 30 к.
- МАРКОВИЧЪ, Л. З., инж. Воздухоплаваніе, его прошлое и настоящее. Подъ ред. проф. В. Ф. Найденова. Вып. 4—5. Спб. Ц. 1 р.
- МАРКОВИЧЪ, П. З., инж. Воздухоплаваніе, его прошлое и настоящее. Подъ ред. проф. В. Ф. Найденова. Вып. 6—7. Спб. Ц. 1 р.
- НОВГОРОДСКІЙ, М. Гончаръ. Выдѣлка разной глиняной посуды: чашекъ, горшковъ, мисокъ, кувшиновъ и проч. Спб. 1911. Ц. 40 к.
- НОВГОРОДСКІЙ, М. Кровельщикъ. Руководство къ устройству разнообразныхъ крышъ: желѣзныхъ, толсовыхъ, соломенныхъ, камышевыхъ, земляныхъ и проч. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- НОВГОРОДСКІЙ, М. Штукатуръ по кирпичу, дереву, саману и пр. Съ рис. Изд. В. И. Губинскаго. Спб. Ц. 25 к.
- НОВГОРОДСКІЙ, Д. Холодильныя машины. Спб. 1911. Ц. 2 р.
- ОРЛОВЪ, Н. Н., инж.-техн. Основные начала крашенія и печатанія. Подъ ред. проф. К. Г. Дементьева. Изд. И. И. Самоненко и К. К. Черкурь-Куша. Киевъ. 1911. Ц. 1 р. 75 к.
- ПАВСТЪ, Картонажныя и папчныя работы. Перев. съ нѣм. Спб. 1911. Ц. 80 к.
- ПЕРЕСВѢТЪ-СОЛТАНЪ, В. Проектированіе комнатныхъ печей. Съ 26 чертеж. Спб. 1911. Ц. 1 р. 30 к.
- РАВЧИНСКІЙ, И. В. Электромонтеръ. Руководство для монтеровъ по установкѣ электрическаго освѣщенія и передачи силъ. Изд. Г. В. Гольстена. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- РЕДДЕРЪ, О. Электрическія желѣзныя дороги дальняго слѣдованія съ экономической и технической точки зрѣнія. Перев.
- и дополн. инж. Л. Бернацкій. Москва. 1911. Ц. 4 р.
- СЫРОМЯТНИКОВЪ, М. Н., инж.-техн. Справочная книга по техникѣ сахарнаго производства. Богуславъ. 1911. Ц. 2 р. 15 к.
- РОДНЫХЪ, А. Краткій очеркъ по исторіи русскаго воздухоплаванія. Спб. 1911. Ц. 10 к.
- РИВОШЪ, О. Упрощенный способъ расчета круглыхъ дымовыхъ трубъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- СОКОЛЬСКІЙ, В., воен. инж. Принципы экономичности и ихъ выраженіе въ современномъ строительствѣ. Спб. 1910. Ц. 5 р. 50 к.
- ТРУДЫ XII-го съѣзда русскихъ цементныхъ техникумовъ и заводчиковъ 14, 15 и 16 ноября 1908 г. въ Москвѣ. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- УНПЕЛЕВЪ, А. Таблицы площадей откосовъ, насыпей, выемокъ, русель, дамбъ, канавъ, бермъ и проч. Екатеринбургъ. Ц. 1 р. 50 к.
- ФАНЪ-ДЕРЪ-ФЛИТЪ, А. П., проф. Аэромеханика. Спб. 1909. Ц. въ перепл. Ц. 2 р. 80 к.
- О нормахъ метацентрической высоты для пароходовъ Волжскаго бассейна. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ФОНЪ-УРБАНИЦКІЙ, А. Домашній электротехникъ. Съ 259 рис. Съ нѣм. обраб. и дополн. техн. П. А. Федоровъ. Подъ ред. инж. Ф. М. Гольберга. Изд. 4-е, исправл. и дополн., В. И. Губинскаго. Спб. 1911. Ц. 1 р. 35 к.
- ФЕДОРОВЪ, П. А. Домашній переплетчикъ. Практич. руковод. къ переплетн. мастерству. 3-е изд., исправл. и дополн. Спб. Ц. 1 р.
- ФОГЕЛЬ, Э., д-ръ. Карманный справочникъ по фотографіи. Руководство для любителей. Обработано П. Гапнеке. Перев. съ нѣм., подъ ред. и съ дополн. Ю. К. Зауберта. Съ иллюстр. Москва. 1911. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.
- ЧИЖЕВСКІЙ, В. П., инж. Спутникъ строителя. Справочная книга и руководство по постройкѣ и ремонту зданій. Часть I. Съ 58 рис. Изд. Г. В. Гольстена. Спб. 1911. Ц. 80 к.
- ШАВСКІЙ, А. Управляемые аэростаты. Теорія, конструкція и историческое развитіе управляемыхъ аэростатовъ. Вып. IX. Спб. 1911. Спб. Ц. 1 р.
- ШОВО, М., инж. Нефтяные, керосиновые и бензиновые двигатели. Перев. съ франц. Съ рис. Спб. 1911. Ц. 60 к.
- ЩУРОВЪ, П. И. Къ вопросу о проектированіи желѣзныхъ дорогъ въ Майкопскомъ нефтяномъ районѣ. Съ картой. Екатеринбургъ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- ЭЛЛЕРДИНГЪ, В. и ФЕЛЛЕРЪ, I. Мотивы кузнечно-слесарныхъ работъ. Новый стиль. Практич. руковод. для кузнецовъ и слесарей. Съ рис. Вып. I и II. Спб. 1911. Ц. кажд. вып 40 к.

Медицина, гигиена, анатомія, фізіологія и хирургія. Ветеринарія.

- БАДМАЕВЪ, П. А. Отвѣтъ на неосновательныя нападки членовъ медицинскаго совѣта на врачебную науку Тибета. Спб. 1911. Ц. 25 к.
- БЛОХЪ, И., д-ръ мед. Половая жизнь нашего времени и ея отношеніе къ современной культурѣ. Перев. съ нѣм. Е. Гордонъ и Г. Вулиха. Подъ ред. М. Бройдо. Изд. 2-е. Спб. 1911. Цѣна 2 р. 50 к.
- БУРЖЕ, д-ръ. Нѣкоторые заблужденія и обманъ въ модной медицинскій наукѣ. Съ франц. перед. д-ръ мед. В. П. Колодезниковъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- БЫКЪ, I. Спутникъ на холеру и чуму. Съ добавленіемъ отдѣла о дезинфекціи. Киевъ. 1911. Ц. 40 к.
- ДУГОВСКАЯ, вр. Лечебныя мѣста и санаторіи русскія и заграничныя для болѣзней пищеваарительн. органовъ и обмѣна веществъ. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- DUBFIS, PROF. О психотерапіи. ниго-Книгоизд. «Наука». Москва. 1911. Ц. 80 к.

ЗАПИСКИ по описательной анатоміи человѣка. Общая анатомія. 1 и 2 семестры. Варшава. 1911. Ц. 1 р. 45 к.

БЕДРОВЪ, П. И., д-ръ. Врачебная экспертиза и таблицы для опредѣленія утраты трудоспособности по закону 2-го июня 1903 г. и при страхованіи рабочихъ. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

КЛИНГЕ, А. Г. Словарь фармацевтических названій и синонимовъ на латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. 2-е исправл. и дополн. изд. К. Л. Риккера. Спб. 1911. Ц. 4 р.

КРАМАРЕНКО, В. и АНОХИНЪ, А. Руководство по массажу и врачебной гимнастикѣ. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

МЕРЦЪ, А., д-ръ мед. Краткій курсъ офтальмоскопій для врачей и студентовъ. Съ 60 рис. и 1 табл. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 1911. Ц. 80 к.

ОКУНЕВЪ, Б. Наставленіе къ борьбѣ съ чумой. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ПОТИРАЛОВСКІЙ, П. Краткій курсъ санитарной тактики. Часть пропедевтической. М. 1911. Ц. 2 р. 25 к.

РОБЕРТЪ, В. Здоровье и санитарная услова. Спб. 1911. Ц. 40 к.

РОЗЕНБАУМЪ, А. Рокковые вопросы пола. Медико-соціологическіе этюды. Спб. Спб. 1911. Цѣна 2 рубля.

РОЗЕНБЕРГЪ, Н. Диагностика притворныхъ и преувеличенныхъ болѣзней и недостатковъ глаза. Тирасполь. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

РОЗОВСКІЙ, Ю. Зубы и ротъ, какъ очаги заразы. Гигіена рта и зубовъ. Х. 1911. Ц. 35 к.

СОВѢТЪ окулиста, какъ предохранить себя отъ чумы. Спб. 1911. Ц. 40 к.

ТИЛЬМАНСЪ, Г., проф. Современная хирургія, изложенная для не врачей. Перев. съ нѣмецк., подъ ред. проф. Ф. А. Рейна.

Изд. А. А. Карцева. Москва. 1911. Ц. 80 к.

ТОМАШЕВСКІЙ, Э., проф. Техника леченія салварсаномъ (606). Съ предислов. проф. Э. Лессера. Съ 8 рис. Перев. съ примѣч. и дополн. д-ра Д. Гурари. Спб. 1911. Ц. 50 к.

ФЕЙНЪ, Г., д-ръ. Замѣтки по горловымъ и носовымъ болѣзнямъ для практическихъ врачей. Съ 40 рис. и 2 табл. Перев. д-ра А. Гешелина, съ предислов. д-ра А. О. Бѣляева. Изд. В. М. Саблина. Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ФЕРВОРНЪ, М., д-ръ мед. Общая физиологія. Основы ученія о жизни. Перев. съ нѣм. Г. Я. Ляховскаго и М. Я. Гольденвейзера. Съ пред. автора къ русск. изд. Подъ ред., съ предислов. и примѣч. проф. Г. А. Коженникова. Вып. II. Книгоизд. «Современная Проблемы». Москва. 1911. Ц. 3 р.

ШАНТЫРЪ И. Болѣзни копытъ лошади. Изд. 2-е. дополн. Юрьевъ. 1911. Ц. 2 р.

ШАПОВАЛЕНКО, Н. О чумѣ. Лекція. Спб. 1911. Ц. 20 к.

ШЕНГЕЛИДЗЕ, В. Море и его лечебныя свойства. Наставленіе для посетителей морскихъ курортовъ и санаторій. Изд. 2-е. Спб. 1911. Ц. 40 к.

ШЕПИЛЕВСКІЙ, Е. «Therapia sterilisans tanga». Лекціи о лечебномъ дѣйствіи препарата «606» Эрлиха, съ указаніемъ способовъ его примѣненія въ терапіи инфекціонныхъ болѣзней. Юрьевъ. 1911. Ц. 95 к.

ШРЕТТЕРЪ, Г. Гигіена воздухоплавания. Спб. 1911. Ц. 40 к.

ЭЙГОРНЪ, С. Я., д-ръ. Краткое руководство и программы дополнительнаго курса по врачебной косметикѣ. Спб. 1911. Ц. 60 к.

Военное и морское дѣло.

ГЕЙНЦЕ, Н. Въ дѣйствующей арміи. Письма военного корреспондента. Русско-Японская война. Изд. 3-е. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ПОТОЦКІЙ, С. Австро-Венгерская армія. Справочникъ современ. устройствъ вооружен. силъ Австро-Венгріи. (Съ рис. и чертеж.). Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АЛЕКСАНДРОВЪ, А. Наглядное изученіе русскаго правописанія. Спб. 1911. Ц. 30 к.

АНДЕРСОНЪ, О. Нѣмецкая грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Для средн. и высш. клас. среднихъ учебн. завед. Со многими упражненіями. Спб. 1911. Ц. въ папкѣ 90 к.

АНДЕРСОНЪ, О. Систематическій сборникъ разсказовъ для разсказа и перевода съ русскаго языка на нѣмецкій. Часть I. Изд. 9. Спб. 1911. Ц. въ папкѣ 60 коп.

АРЕЛЬЕВЪ, Н. Географія Россіи. Спб. 1911. Ц. 80 к.

БАВЕНКО, И. Курсъ коммерческой корреспонденціи съ конспектомъ исторіи и теоріи письма и съ приложеніемъ коммерческой терминологіи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

БАХТИНЪ, Н. Н., ДЕДЮЛИНА, Е. С., НОВОРУССКІЙ, М. В., ОРШАНСКІЙ, Л. Г. и РАХМАНОВЪ, В. В. Въ помощь семьѣ и школѣ. Дѣтскіе сады. Игрушки. Дѣтскій театръ. Педагогія. музей. Волшебный фонарь. Съ 101 рис. Москва. 1911. Ц. 1 р. 60 к.

***ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА. (ТОМЪ I, ИЗД. 2-Е, ПЕРЕРАБОТАН. И ЗНАЧИТ. ДОПОЛН.). (ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ВЫСШИХЪ И СРЕДНИХЪ УЧЕБН. ЗАВОД.). СТАТЬИ ГГ. АНИЧКОВА, А. ГОРНФЕЛЬДА, Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО, Т. РАЙНОВА, К. ТАНДЕРА, В. ХАРЦЕВА И Б. ЛЕЗИНА. РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ Б. А. ЛЕЗИНЪ. ХАРЬКОВЪ. 1911. Ц. 1 р. 75 коп.**

ГЕРЛАХЪ, А. Какъ преподавать дѣтямъ ариметику въ духѣ творческаго воспитанія. В. I. М. 1911. Ц. 35 к.

ГЕРШТЕНЦВЕЙГЪ, В. Воспитывайте чтеніемъ! Какъ организованы германскія школьныя бібліотеки. Спб. 1911. Ц. 25 к.

ГОПКИНСЪ, ЭЛЛИСЪ. Зарожденіе организма у человѣка, животныхъ и растений. Бесѣда матери съ дѣтми. Перев. съ англ. Спб. Ц. 10 к.

ЕРМОЛИНЪ, Н. Проекціонное черченіе. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

Типографія А. С. Суворина. Спб., Эртелевъ 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

